ГАНС ДЕЛЬБРЮК

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ГАНС ДЕЛЬБРЮК

Биография

Портрет

Дельбрюк Г. История военного искусства
в рамках политической истории –
Санкт-Петербург.: "Наука", 2001.

Античный мир
Германцы
Средневековье
Новое время

Дельбрюк *Ганс*

(*11 ноября 1848*, Берген, о. Рюген –
14 июля 1929, Берлин)

Известный немецкий историк. Получил образование в Гейдельберге, Грайфсвальде и Бонне, был наставником принца Вальдемара Прусского, профессором новой истории Берлинского университета. Избирался депутатом прусского ландтага и германского рейхстага от партии свободных консерваторов. В *1883 – 1919* Дельбрюк издавал "Прусский ежегодник" ("Preussische Jahrbucher") и предлагал в качестве альтернативы германской экспансии в Европе образование Африканской империи. Написав биографию прусского фельдмаршала Августа Нейтхардта фон Гнейзенау, Дельбрюк создал несколько значительных трудов по истории военной стратегии; наиболее важной работой этого цикла является "История военного искусства в рамках политической истории" (Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte, 7 Bd., *1900 – 1936*). Во время I Мировой войны и сразу после нее Дельбрюк опубликовал три тома своих трудов "Война и политика" (Krieg und

Politik, *1914 – 1919, 1918 – 1919*); на Парижской мирной конференции был экспертом по вопросу об ответственности Германии за развязывание войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени появления 2-го издания этого тома в 1908 году получили разрешение две крупные проблемы древней военной истории – сражения при Саламине и при Тапсе, – которые и вошли в новое издание в новом освещении. Сражения при Платее и при Иссе остались, в основных чертах, в прежнем изложении, но подверглись переработке в отдельных деталях на основании новейших топографических исследований. Старый спорный вопрос о том, произошло ли сражение под Каннами на правом или левом берегу р. Ауфида, решен окончательно, но зато достоверность источников по вопросу о Второй Пунической войне была сильно поколеблена новой, очень солидно обоснованной гипотезой. Вот отдельные пункты, в которых, не говоря о многочисленных исправлениях, новое издание отличается от предыдущего.

Одновременно я, наконец, довел до конца IV том и, таким образом, закончил весь свой труд.

Ганс Дельбрюк

21 июля 1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВЫХ ДВУХ ТОМОВ

Вот уже несколько лет, как первые два тома "Истории военного искусства" распроданы, но я, занятый работой над III томом, не находил до сих пор времени заняться подготовкой их к переизданию. За это время появилось немало прекрасных новых монографий; пришлось проверить их и включить в старый текст, а также внести те или другие исправления и совершенно переработать важный отдел – древнейшую римскую военную организацию. Но эти исправления потребовали в сущности наименьшей работы и не могли бы настолько задержать выход нового издания; больше всего труда и времени потребовало при переиздании нечто другое. В рецензии на I том автор "Тактических и стратегических принципов современности" ген. от инф. Ф. Шлихтинг выразил надежду, что рассматриваемый труд "положит конец военному дилетантству, которое до сих пор царило в историографии". В этих словах очень точно выражено то, к чему я сам стремился в своей работе и чего я надеялся добиться. Но эта надежда не только не оправдалась, но даже случилось как

раз обратное. Вряд ли когда-либо в прошлом в области истории военного дела и военного искусства появилось в свет, в результате лишенной методичности дилетантской учености, столько искажений и вводящих в заблуждение сведений, как именно за последнее десятилетие. И в этом повинны не только историки и археологи, но и военные, которые слишком поспешно и слишком самоуверенно считают, что могут подвергать критическому анализу военную обстановку минувших эпох, основываясь на представлениях, полученных ими на практике, зачастую только на службе в мирное время. Таким образом, сложились и появились в свет не только неправильные толкования источников, относительно которых можно держаться и всегда будут держаться разных мнений, но даже фактически и физически невозможные построения, которые зачастую затемняют совершенно ясные исторические процессы; большая часть моей работы над подготовкой первых двух томов к переизданию и состояла в том, чтобы на основании источников и по существу разоблачить и опровергнуть эти невозможные построения. Как будет видно из дальнейшего отнюдь не легкая и не простая работа, так как при нашем удалении от

исторических событий даже полной бессмыслице легко можно придать известный налет правдоподобности; нужны длинные и подробные рассуждения, чтобы разрушать эти обманчивые картины и, – ввиду невозможности прибегнуть к эксперименту, – объяснить словами, что возможно и что невозможно. Иногда такая дискуссия приносит пользу, внося в вопрос большую ясность, и чувствуешь себя вознагражденным за свой труд. Но в большинстве случаев не удается получить эту награду, а испытываешь только досаду на бесполезную трату времени и сил, которые можно было бы употребить на лучшее.

Насколько охотнее я приступил бы к работе над IV томом!

Несмотря на то что I том встретил в свое время со стороны научной критики в общем благожелательное отношение, все же зачастую высказывались опасения, не злоупотребил ли я правом критики по существу (Sachkritik) и не допустил ли я ничем не оправдываемых отклонений от традиционного толкования источников. Новая проработка материала нигде не показала мне обоснованности этого опасения. Напротив, я беру на себя смелость утверждать, что все изменения по существу я внес, придя к убеждению, что в 1-м издании я еще недостаточно

далеко отошел от традиционных воззрений. Ведь фактически было так, что не персы, а греки обладали численным превосходством, что Александр двинулся завоевывать Персидское царство не с маленьким отрядом, а с армией, вдвое большей, чем когда-то имел Ксеркс, что в Риме вербовка никогда не производилась на основании принадлежности к тому или иному имущественному классу, что армии варваров, угрожавшие цивилизованному миру, всегда были очень небольшими, что римляне одерживали свои победы над галлами и германцами главным образом благодаря своему численному превосходству, что приемы ведения войны существовали еще до возникновения феодализма, а вовсе не вытекали из него.

Вера в противоположную традицию по всем этим вопросам почти так же прочна, как и стара, и, чтобы преодолеть ее и заменить более правильным пониманием, нужны не только обоснования, но и время. Наилучшей поддержкой этой борьбе будет продолжение настоящего труда.

Я вполне понимаю осторожность и сомнения историка древнего мира, который прочтет только один I-й том; историка права, который будет сравнивать со своими традиционными воззрениями только изложение возникновения

феодализма; историка крестовых походов, который вычитает только то, каким ничтожным было число рыцарей и как мало оригинального будто бы дала эта великая военная эпоха. Но я твердо уверен в том, что сомнения рассеются и забудутся, если историк Древних веков ознакомится со II и III томами настоящего труда; если историк права уяснит себе противоречие между одиночным воином и тактическим соединением, прочтя весь труд; если историк крестовых походов наглядно представит себе различие между рыцарством и кавалерией и противоположность понятий рыцарства и тактики, сравнив этот период с предыдущим и последующим.

Как у меня этот труд возник из рассмотрения развития военного искусства в целом, так и полную научную пользу сможет извлечь из него лишь тот, кто использует его не только с точки зрения историка Древних, Средних или Новых веков, а примет его в целом, как вклад в исследование всемирной истории.

Ганс Дельбрюк

Берлин-Груневальд, 12 июля 1908 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

> "Я же утверждаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самых фактов".
>
> *(Полибий, III, 9)*

Непрестанная специализация в области исторической науки происходит по двум направлениям – по периодам и по явлениям. Одни обрабатывают по всем направлениям какой-нибудь один определенный период, другие стараются проследить через различные, а если возможно, то через все периоды какое-нибудь одно частное явление. Мы имеем специальные истории искусств и литературы, истории религий, историю конституций и права, экономической жизни, финансов, а также отдельных институтов, как например брака. Все эти частные истории сливаются во всемирной истории и взаимно оплодотворяются. Ни без одной из них нельзя обойтись, чтобы от этого не пострадало понимание всего целого. Поэтому всеобщая

история нуждается и в истории военного искусства. При том большом месте, какое занимают во всеобщей истории войны, создающие и разрушающие государства, нельзя обойти требования – не просто передавать предания об этих войнах, а критически подходить к ним и давать технически правильное описание их. В силу закона о разделении труда наилучшим средством для этого является работа над специальной историей войны.

Однако трудность всякой такой специальной истории заключается для историка в приобретении достаточных технических знаний. Если можно еще поверить, что историк литературы способен совершенно погрузиться в процесс поэтического творчества, то гораздо труднее требовать, чтобы историк искусства овладел техникой живописи и архитектуры, историк-экономист – техникой сельского хозяйства, ремесл и торговли. Ведь от них нельзя требовать, чтобы они сами писали мадонн, строили соборы, шли за плугом или основывали колонии; но даже не требуя от них всего этого, практик, понимающий в этих делах, а тем более занимающийся ими, всегда будет иметь некоторое преимущество перед историком и смотреть на него с некоторым недоверием. Ахиллес обязан

Гомеру своей славой, но разве при чтении того или иного стиха он не мог бы воскликнуть: "Видно, что ты поэт и что ты сам не метал копья во главе мирмидонов!"

Ученому, который пишет историю стратегии и тактики, приходится еще труднее. Он еще может считать себя счастливым, если ему когда-нибудь удалось, будучи в самых младших чинах, узнать, что такое настоящая война. Но все высшие знания он должен приобретать чисто теоретически и не позволять себе в этой области поэтических вольностей. Условием успеха является техническая точность. Как художник или военный, который хочет писать историю своей специальности, должен систематически изучить источники, так и ученый, который собирается описывать войны, а тем более писать историю военного искусства, должен до тех пор изучать реальную обстановку и технические возможности того времени, пока он полностью не овладеет ими.

В этом требовании нет принципиально ничего нового, а потому следует сразу же отвергнуть предположение, будто в труде, подобном предлагаемому, применим какой-либо иной метод, чем при любом историческом исследовании. Правда, говорят о критике по существу, противополагая ее филологической критике, но

это – не две противоположности, а просто два различных средства той же самой единой научной критики. Никакой филолог, даже сознающий свое мастерство в деле строго филологического толкования, не будет из-за этого принципиально отвергать критики своего предмета по существу; ни один специалист, хотя и умеющий с точностью эксперимента показывать фактическую связь между событиями, не станет из-за этого отрицать, что основой всякого исторического знания является основанное на источниках предание. Разница лишь в том, что по характеру своей научной работы и по своей личной склонности один видит свою силу в первом методе, другой – во втором. Один подвергается опасности принять на веру ложное предание, так как он не в состоянии постичь его фактическую невозможность; другой рискует перенести на прошлое явления из современной практики, недостаточно учитывая различие обстановки. Поэтому, чтобы вести исследование до самых основ, филологическая критика и критика по существу должны на каждом шагу и при рассмотрении каждого факта идти рука об руку, непрерывно обогащая и контролируя друг друга. Не может быть истинной критики по существу без точной филологической основы, доставляемой

источниками, как не может быть и истинной филологической критики без критики по существу. Только таким путем можно добиться полной строгости метода, сущность которого заключается в исключении возможности всякого произвола как в случае признания, так и в случае непризнания данных, почерпнутых из преданий. Эта мысль прекрасно выражена еще Полибием в словах, выбранных нами в качестве эпиграфа.

Если предлагаемый труд является шагом вперед в области познания прошлого, потребность в котором так глубоко заложена в человеческом уме, то это объясняется не применением какого-нибудь нового метода, а только практическим и систематическим применением давно известных и признанных теорией принципов. Поэтому я прошу разрешения сказать несколько слов о том, что относится к сущности этого труда, а именно о причинах, заставивших меня признать, что мы имеем еще не разрешенную наукой задачу, и о том сочетании благоприятных обстоятельств, которое облегчило мне изучение именно военного дела.

Вскоре после окончания университета я, не помню по каким побуждениям, занялся некоторыми вопросами истории военного искусства. Весной 1874 г. мне пришлось

проходить учебный сбор в Виттенберге; в полковой библиотеке я достал "Историю пехоты" Рюстова и с тех пор уже не переставал заниматься этим вопросом.

В 1877 г. по поручению графини Гедвиги Брюль мне предложили закончить биографию деда графини – Гнейзенау, оставленную в недописанном виде покойным Георгом Гейнрихом Перц. Когда я погрузился в историю освободительных войн, я почувствовал острую потребность составить себе действительно правильное представление о событиях, и моя научная работа в этом направлении приобрела тем более широкий размах, что в то время приходилось исторически оценивать достоинства двух противоположных стратегических концепций – одной, представленной эрцгерцогом Карлом, Шварценбергом и Веллингтоном, и другой, представленной Наполеоном и Гнейзенау.

Гете говорил однажды об импульсе, который можно получить от одного умного слова; другой раз он сказал, что учиться лучше всего не по книгам, а благодаря живому обмену мыслей, благодаря сношениям с умными людьми. В то время я на себе испытал справедливость этих слов.

В те годы я был воспитателем младшего сына императора Вильгельма, принца Вольдемара,

скончавшегося в 1879 г. На этом посту я не только имел случай из рассказов тогдашнего кронпринца и фельдмаршала графа Блюменталя составить себе до известной степени непосредственное представление о том, как психологически возникают решения командующего армией, но также мог во всякое время облегчать и пополнять вопросами мою научную работу, начатую с изучения Клаузевица, сочинения которого подарил мне кронпринц. Я до сих пор помню случаи, когда я, так сказать, застревал на каком-нибудь вопросе, а живое объяснение или меткое слово позволяли мне уразуметь его; я и теперь, спустя почти 25 лет, не могу не вспомнить с благодарностью о тех лицах, которые не оставляли меня своими советами. Назову в числе их ген. ф. Готберга, умершего в должности командира 1-го корпуса, ген. ф. Винтерфельда, командовавшего гвардейским корпусом, ген. ф. Мишке, полковника ф. Дрески, бывшего командира полка императора Александра, ныне покойного ген. ф. Унру, а прежде всего бывшего в то время подполковником военного воспитателя принца Фридриха-Леопольда ф. Гейслера, умершего в чине генерал-лейтенанта. Фон Гейслер был по природе педагогом, – и в то время как наши молодые питомцы играли под нашим

наблюдением на спортивной площадке нового дворца или на горе Бетхер близ Глейнике, он с удовольствием отвечал на мои пытливые вопросы целыми лекциями по военному делу, которые, отличаясь удивительной ясностью, принесли мне огромную пользу. Мне хотелось бы упомянуть по этому же поводу еще о двух высокопоставленных военных – ген. ф. Франзецком, который в 1870 г. командовал 2-м корпусом, затем 11-м, а под конец был берлинским военным губернатором, и о тогдашнем майоре генерального штаба Бойе, умершем военным губернатором Торна. Первый, будучи молодым офицером генерального штаба, начал однажды писать биографию Гнейзенау; это и было причиной нашего знакомства; я часто бывал у него и беседовал с ним на эту тему; по истории кампании 1814 г. он предоставил в мое распоряжение свои записки, которые он составил на основании документов для лекции в Военной академии, и мы обсуждали с ним некоторые вопросы, связанные с этой кампанией.

Когда я, закончив биографию Гнейзенау, в январе 1881 г. был приглашен в Берлинский университет, моя первая лекция была посвящена войне 1866 г. Затем (летом 1881 г.) я читал "Историю военной организации и военного искусства времен возникновения феодализма".

Вводить в цикл моих лекций Древние века я еще не решался, так как недостаточно проработал эту эпоху по источникам; хотя я уже тогда чувствовал, что господствующее представление о римской тактике (ромбовидное построение – Quincux-Stellung) не может быть правильным; однако еще не мог предложить вместо него что-нибудь другое. Только спустя два года, летом 1883 г., я решился объявить цикл лекций "Общая история военной организации и военного искусства от Персидских войн до нашего времени". Этот цикл я прочел несколько раз. Кроме того, я читал лекции "О войне 1870 года", "Избранные главы из стратегии и тактики для историков", "Главные сражения Фридриха и Наполеона" и, наконец (зимой 1897/98 г.), "О связи между экономическим процветанием народов и их военной организацией и военными подвигами". Я напечатал историческое исследование по Персидским войнам, стратегии Перикла, о Фукидиде и Клеоне, о римской манипулярной тактике, о древнегерманском государстве и округе (Gau), о первом крестовом походе, о сражениях швейцарцев и бургундцев, об основах стратегии Фридриха и Наполеона; по моему совету ряд молодых ученых написал работы по самым различным периодам военной истории

от Ганнибала до Наполеона.

Из этих лекций и специальных работ и создался труд, I том которого я ныне выпускаю, обращаясь к читателям с настоятельной просьбой помнить во время чтения, что это только первый том и что лично для автора отправная точка находится не в этой эпохе, а в новейшей эпохе всемирной истории.

Необходимой предпосылкой возможности моей работы была тщательная проработка и классификация доставляемого источниками материала с точки зрения филологической, антикварной и государственно-правовой, насколько это допускает современное состояние науки. Я здесь должен был бы назвать бесчисленных своих предшественников, если бы хотел перечислить всех, которые имеют право на мою благодарность в связи с выходом в свет моего труда, а что первым среди них стоит Моммзен – это настолько само собой разумеется, что мое уважение к нему скорее запрещает мне, чем заставляет меня упоминать о нем особо. Поэтому я ограничусь общим указанием на эту связь. Я хотел бы особо упомянуть только об одной книге, которая представляет, так сказать, умственную параллель к моему труду. Это – "Население греко-римского мира" Юлиуса Белоха (1886 г.),

который так же, как я военное искусство, изучает на всем протяжении Древних веков статистику населения на основе не только филологического метода, но прежде всего – метода критики по существу, испытанного и заостренного в новейшее время. Чем больше я работал над этой книгой, тем больше я научился ценить ее. Если читатель найдет, что я сам стараюсь обосновать не только отдельные поправки к выводам Белоха, но и некоторые довольно значительные расхождения с ними, то я хочу здесь же отметить, что сам Белох считал такие расхождения и поправки вполне возможными. Но критическое расхождение по частному вопросу означает здесь для всего труда в основных его положениях согласие и подтверждение.

Без предварительной работы Белоха многие разделы предлагаемого труда вряд ли могли бы быть написаны, так как вопрос о численности войск будет играть у меня такую роль, что можно было бы подумать, будто во всех моих исследованиях я исходил именно из нее. Но это совсем не так: наоборот, я могу сказать, что при исследовании каждого частного вопроса я, к своему удивлению, всегда приходил к вопросу о численности. Вероятно, важнейшим достижением всей книги явится – для следующих томов и для

истории вообще – исправление прежнего представления о численном соотношении сил в войне Цезаря с галлами и все, вытекающее из этого; и я должен признаться, что этот вопрос я уяснил себе только при последней проработке. Исторический труд значит здесь так же мало, как логическое развитие идеи, обретенной в счастливый момент интуиции; но он основывается на развивающемся шаг за шагом эмпирическом исследовании; лишь медленно мысли освобождаются от глубоко вкоренившихся традиционных представлений.

Я полагаю, что цель и пределы моего труда достаточно точно очерчены избранным заглавием. Я не претендую на то, что написал совершенно исчерпывающую "Историю военного искусства": для этого надо было бы включить в нее древности (Antiquitdten), подробности строевого учения с командами, технику вооружения, выездки лошадей и ухода за ними, фортификацию, осадную войну и, наконец, все морское дело – предметы, о которых я либо не сумел бы сказать ничего нового, либо не имею достаточных познаний. Такая "История военного искусства" еще не написана, как и нет такой, которая могла бы служить практическим руководством. А что военная история представляет ценность и с этой

точки зрения, этому приходится верить, так как это часто утверждали великие полководцы; в частности, Наполеон всегда требовал, чтобы тот, кто желает стать стратегом, изучал великие дела прошлого, а Клаузевиц считал идеалом – учить войне на одних исторических примерах. Но предлагаемый труд не задается столь высокими целями. Писать историю, которая могла бы дать что-нибудь для практических целей, – дело военных; мне самому такое направление ума не дано. Я только историк и хотел написать труд для любителей истории, пособие для историков в духе Леопольда Ранке.

Ганс Дельбрюк

4 июня 1900 г.

Том 1
АНТИЧНЫЙ МИР

ИСХОДНЫЙ МОМЕНТ

История военного искусства есть одна из нитей в ткани всеобщей истории и начинается вместе с последней. Но изучению она лучше всего поддается не с момента появления из доисторического полумрака первых мало-мальски ясных очертаний; лучше всего начать исследование с момента появления исторических источников, дающих полное и ясное представление о событиях.

Такой момент наступает для нас впервые лишь с эпохой Персидских войн. Зато, начиная с этого момента, мы можем с помощью непрерывного ряда свидетельств проследить эволюцию вплоть до наших дней, причем каждый последующий период способствует освещению всех предыдущих.

Конечно, и для времени до Персидских войн нет недостатка в очень красноречивых источниках. В частности, для греков особенно богатый материал дает Гомер, для восточных же

народов, равно как и для египтян, мы имеем исторические источники, которые на много веков и даже тысячелетий старше Гомера. Но все же эти свидетельства слишком скудны и не дают нам непосредственно полной и достоверной картины.

Только опытный глаз историка, изощренный в исследовании явлений военного дела на основе объективной критики, сумеет по отдельным указаниям воссоздать цельную картину. Но в данном случае полнота опыта дается только самим изучением военной истории, т.е. более поздних ее периодов. Для первых шагов мы должны искать более твердой почвы, какую доставляют нам лишь показания современников. На их основе и с их помощью может выработаться объективный критический подход, необходимый для создания ясных представлений.

Эти полученные таким путем представления впоследствии, может быть, прольют некоторый свет на предыдущие времена и рассеют окружающий их полумрак.

Традиция Персидских войн в сущности тоже далеко еще не достоверна, переплетается с легендой, записана не подлинным современником, а лишь с изустных рассказов следующего поколения, так что Нибур оставил надежду извлечь из нее указания о подлинном ходе

событий, – и если, несмотря на его предостережение, историки снова и снова преподносят нам под видом исторических фактов все подробности геродотова рассказа, то это лишь напрасное самообольщение.

Но как бы скептически ни относиться к красочным рассказам отца историографии, они все же содержат в себе зерно истины, достаточное для задач истории военного искусства. Мы узнаем о тактических методах обоих войск, можем определить местность, где происходило то или иное сражение, и можем уяснить себе стратегическую обстановку. Таким образом, нам даны основные черты военного события, и эти основные черты дают в свою очередь вполне надежный критерий для суждения о легендарных подробностях предания.

Ни об одном из более ранних военных событий мы не имеем столь ясного представления. Поэтому Персидские войны и являются естественной исходной точкой для истории военного искусства.

Основой для научного ознакомления с постановкой военного дела в Греции служит и по сей день "Geschichte des griechischen Kriegswesens von der дltensten Zeit bis auf Pyrrhos". Nach den Quellen bearbeitet von W. Rьstow, ehemaligem

preussischen Genieoffizier, und Dr. H.Kцchly, ord. Proffessor der griechischen und rцmischen Literatur und Sprache an der Universitдt Zьrich. Mil 134 in den Text eingedruckten Holzschnitten und 6 lithographierten Tafeln ("И с т о р и я в о е н н о г о и с к у с с т в а с д р е в н е й ш и х в р е м е н д о П и р р а", обработанная по источникам В. Рюстовым, бывшим прусским офицером инженерных войск, и д-ром Г. Кёхли, орд. профессором греческой и римской литератур и языков в Цюрихском университете. Со 134 гравюрами в тексте и 6 литографированными таблицами. Aarau Verlags-Comptoir, 1852 г.). Наряду с этим "Griechische Kriegsschriftsteller", греческий и немецкий тексты с критическими и пояснительными примечаниями Г. Кёхли и В. Рюстова. Лейпциг, 1853–1855 гг.

Более новые труды.

"H e e r w e s e n u n d K r i e g f ь h r u n g d e r G r i e c h e n" ("Военное дело и ведение войны греками") д-ра Х. Дройзена (von Dr. H. Droysen), с одной таблицей и семью иллюстрациями в тексте (включено в книгу K. F. Hermann "Die griechischen Antiquitдten"), Фрейбург, 1888–1889 гг. (ср. мой отзыв в "Lit. Centr.-Blatt", 1888 г., No 16).

"D i e g r i e c h i s c h e n K r i e g s a l - t e r t ь m e r" ("Греческие военные древности")

д-ра Адольфа Бауэра, профессора древней истории при Грацком университете (в "Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft"), изд. C. H. Beck в Нордлингене (ныне в Мюнхене) 1886 г., 2-е изд. 1892 г. Превосходное произведение, группирующее в ясном обзоре показания исторических источников. Весьма полно и внимательно у Бауэра освещена библиография, на которую здесь раз навсегда делается ссылка.

"Das Kriegswesen der Alten mit besonderer Berьcksichtigung der Strategie" ("Военное дело древних, особенно с точки зрения стратегии") д-ра философии Гуго Лирс (Hugo Liers), старшего преподавателя гимназии в Вальденбурге. Бреславль, 1895 г. Книга написана интересно и с большой эрудицией. Лирс много и самостоятельно читал древних авторов. Эта книга обратила мое внимание на многие значительные факты. Но в целом книга, к сожалению, неудачна; местами отдельные факты подобраны в стройную систему, но далеко не достаточно проконтролирована их достоверность: недостаточно четко проводится грань между отдельными периодами эволюции.

В "Hist. Zeitschr", Bd. 98 (1907), Бен. Низе (Niese) напечатал статью "Ueber Wehrverfassung, Dienstpflicht und

Heerwesen Griechenlands" ("О способах обороны, воинской повинности и организации военного дела в Греции"), не содержащую, однако, ничего нового.

Я лично посвятил проблеме Персидских войн монографию "Die Perserkriege und die Burgunderkriege" ("Персидские и Бургундские войны"), два параллельных исследования двух военно-исторических проблем с приложением очерка римской манипулярной тактики. Берлин, изд. Вальтер и Аполант (ныне Вальтер), 1887 г.

Из всех трудов по греческой истории наиболее значительными для нас являются труды Бузольта (Busolt) (2-е изд.), Белоха (Beloch) и Дункера (Dunker); в некоторых моментах еще сохраняет свое значение труд Грота (Grote).

Руководством для всех томов данного труда вплоть до новейших времен служит гениально составленная, несмотря на некоторое количество ошибок и небрежность изложения, "Geschichte der Infanterie" von W. Rьstow. Zwei Bдnde, Gotha, 1857 und 58 (und spдtere Neudrucke) ("История пехоты" В. Рюстова в двух томах, Гота, 1857 и 1858 гг. и позднейшие переиздания), а также особенно ценный для дальнейших томов труд Макса Иенса (Max Jдhns)

"Geschichte der Kriegswissen-schaften vornehmlich in Deutschland", изданный в 1889–1891 гг. Исторической комиссией при Баварской академии наук.

Часть первая

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Глава I

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Военно-историческое исследование – в тех случаях, когда это позволяют источники, – лучше всего начать с подсчета численности войск. Числа играют решающую роль не только для выяснения соотношения сил (хотя и это очень важно, ибо побеждает всегда большая масса, если разница в численности не выравнивается храбростью и лучшим командованием у более слабого численно противника), но и безотносительно, сами по себе. Передвижения, легко совершаемые отрядом в 1 000 чел., являются уже весьма затруднительными для 10 000 чел., чудом искусства для 50 000 и невозможными для 100 000.

По мере увеличения численности войск задача снабжения армии занимает все более видное место в стратегии. Поэтому без определенного

представления о величине войска невозможен критический анализ исторического предания или самого события.

Поскольку именно в этой области еще господствуют во многих отношениях ошибочные представления, а дошедшие до нас по преданиям цифры воспроизводятся вне сознания всей важности выводов, которые отсюда могут быть сделаны, нам кажется необходимым, так сказать, заострить критический взгляд, показав здесь же на нескольких примерах, в какой мере могут быть неправильны цифры и как легко они укореняются в исторических преданиях.

В более старых немецких трудах об освободительных войнах, – у Плото, который состоял флигель-адъютантом при Фридрихе Вильгельме III и лично в главной квартире собирал свои сведения, в биографии Радецкого, принадлежащей перу одного австрийского ветерана, а также в ранних изданиях распространенного и почтенного труда Бейцке "Германские освободительные войны", – число французских войск к началу осеннего похода 1813 г. определяется в 300 000 или максимально в 353 000 чел. Союзники располагали в то время армией свыше 492 000 чел. и, следовательно, должны были обладать подавляющим численным

перевесом. В действительности же армия Наполеона насчитывала 440 000 чел., не считая крепостных гарнизонов на театре войны, т.е. численно почти равнялась армии союзников[1].

Е. М. Арндт определил общее количество потерь во всех наполеоновских войнах, включая 1814 г., в 10 080 000 чел., а более тщательное исследование дает значительно меньше 2 000 000, из коих приблизительно четверть приходится на долю французов[2], точная же статистика, несомненно, привела бы нас к еще более скромным цифрам.

В новейших научных работах по освободительным войнам мы находим, что в сражении при Гагельсберге прусские ополченцы пробили прикладами головы 4 000 французов. В действительности же их было около 30.

В вышедшей в 1897 г. книге полковника австрийского генерального штаба Берндта "Die Zahl im Kriege" силы французов, участвовавших в сражении под Орлеаном (3 и 4 декабря 1870 г.), определяются в 60 700 чел. Другие же исследователи исчисляли их в 174 500 и выше.

В этой же книге приводятся следующие данные о сражении при Асперне: 75 000 австрийцев сражались против 90 000 французов, причем последние потеряли 44 380 чел. В

действительности же в первый день около 105 000 австрийцев сражались против 35 000 французов, а на второй день те же австрийцы (за вычетом потерь) сражались против 70 000 французов, причем последние потеряли примерно от 16 000 до 20 000 чел.

Численность армии Карла Смелого при Грансоне определяется швейцарскими современниками в 100 000–120 000 чел., а при Муртене он будто бы выставил в три раза более многочисленные силы. В действительности же у него в первом сражении было около 14 000 человек, а во втором несколькими тысячами больше. Швейцарцы, сражавшиеся будто бы против несоизмеримо более сильной армии, на самом деле имели в обоих боях значительный численный перевес. Уже при Грансоне они убили якобы до 7 000 бургундцев; на самом же деле было убито всего 7 рыцарей и несколько рядовых бойцов[3].

Гусситские войска, которые наводили страх на всю Германию и описываются как несметные полчища, насчитывали около 5 000 чел.

Здесь мы имеем дело не только с обычным пристрастием к гиперболе, отсутствием "чувства числа", хвастовством, страхом, стремлением оправдаться и тому подобными человеческими

слабостями, создающими чудовищные преувеличения; необходимо также принять во внимание, как трудно даже для привычного глаза правильно определить численность более крупных масс, хотя бы и собственных, которые вполне свободно можно окидывать взглядом. По отношению же к войскам противника эта задача становится почти неразрешимой. Прекрасную иллюстрацию этому дают недавно опубликованные записки[4] Фридриха Вильгельма III о поражении, понесенном его войсками под его личным командованием при Ауэрштедте. Король говорит, что во время боя уже не оставалось места для сомнений в значительном численном перевесе противника: французы, будто бы имея более многочисленную пехоту, могли постоянно сменять сражавшиеся батальоны. Так как силы пруссаков состояли из 50 000 чел., то силы французов должны были оцениваться безусловно в 70 000–80 000 чел., в действительности их было 27 000[5], и то, что Фридрих Вильгельм фактически только заблуждался, а не хотел оправдать поражение, вытекает из одной приписки, которую король добавил вскоре же после этого и в которой он говорит: "Из французских бюллетеней и из других сведений я убедился, что – к стыду нашему будет сказано – силы неприятеля, действовавшие

против нас, не превышали 30 000 чел.".

Следует заметить, что не всегда дело сводится к одним переоценкам и преувеличениям; встречается и обратное, почему я преднамеренно включил выше в свое изложение несколько примеров этого.

* * *

Войско, которое Ксеркс вел в Грецию, исчисляется Геродотом совершенно точно в 4 200 000 чел., включая обозы. Армейский корпус, состоящий из 30 000 чел., растягивается, по германскому уставу походного движения, приблизительно на 3 мили (около 21 км без повозочного парка). Следовательно, походная колонна персов должна была бы быть длиной в 420 миль (около 3 000 км), и когда передние подходили к Фермопилам, последние могли бы как раз только еще выступить из Сузы по ту сторону Тигра. Германский армейский корпус возит с собой артиллерию и повозки с боеприпасами, которые занимают много места; с этой точки зрения античное войско могло поместиться на меньшем пространстве. С другой стороны, совершенно очевидно, что персидское войско обладало лишь очень слабой дисциплиной марша, которая вообще может быть достигнута

только при очень дробном расчленении армейского организма, при непрерывном внимании и напряжении. При отсутствии дисциплины марша колонны очень скоро растягиваются вдвое и втрое против установленной для них глубины. Поэтому персидские войска, хотя и не имевшие артиллерии, можно сопоставлять с современными войсками в отношении протяжения походных колонн.

После ухода Ксеркса из Греции с большим войском Мардоний остался якобы с 300 000 чел.; но и это число отнюдь не может претендовать на правдоподобие.

По Геродоту, Мардоний, разгромив вторично Афины, прошел из Аттики через Декелею обратно к Танагре и на следующий день отправился дальше. Так не может следовать походным порядком войско в 300 000 чел. Даже если часть персидского войска оставалась в Беотии и если были использованы не только декелейский, но и все другие горные проходы, то и тогда численность войска не могла превышать 75 000 чел. (включая греческих союзников).

Но весь этот метод постепенного уменьшения числовых данных имеет лишь подготовительное значение и сам по себе еще не приводит к цели.

Мы должны уяснить себе и установить как общее правило, что придавать какое бы то ни было значение числам, подобным геродотовым, значит обманывать самих себя. Если бы и удалось каким-либо образом извлечь из его цифр какие-либо показательные данные, то мы от этого ничего не выиграли бы. Настоящий, единственно надежный исторический метод заключается не в том, чтобы за неимением достоверных сведений довольствоваться недостоверными и обращаться с ними как с полноценным материалом, а в том, чтобы резко и определенно отличать, где можно доверять преданию, а где нет. Может быть мы где-нибудь найдем точку опоры для выяснения хотя бы приблизительной численности персидских войск; но прежде всего необходимо твердо установить недостоверность цифровых данных, полученных нами от греков: они ни в какой мере не заслуживают большего доверия, чем показания швейцарцев о войсках Карла Смелого, и не дают нам даже возможности определить, был ли численный перевес на стороне греков или персов.

Что касается греческого войска, то здесь мы стоим на более твердой почве. В описании сражения при Платее Геродот дает точно разработанный список по контингентам; 8 000

афинян, 5 000 спартиатов, 5 000 периойков и т. д. – всего 38 700 гоплитов. Грекам, несомненно, была известна численность их войск; поэтому указанным цифрам, казалось бы, можно доверять, и действительно большинство исследователей попросту принимало их на веру. Однако это – крупный методологический промах. У нас нет никакой гарантии, что кто-либо из лиц, доставлявших сведения Геродоту, не составлял списков по совершенно произвольным данным. Во всяком случае в одном пункте отношение автора к числовым данным выявляется в весьма неблагоприятном свете. Каждого греческого гоплита обычно сопровождал слуга; поэтому для подсчета полной численности войск Геродот удваивает первоначальное число. Но каждый спартиат, как говорит он, имел при себе 7 илотов; следовательно, надо прибавить еще 35 000 чел. 35 000 небойцов на 5 000 бойцов – это, конечно, нелепость, если принять во внимание снабжение войск и маневрирование. По-видимому, эта нелепость возникла благодаря представлению греков о спартиате как о знатном человеке, отправлявшемся в поход с большим количеством слуг: 7 слуг казалось вполне подходящим числом, – и вот предполагаемое число спартиатов было безоговорочно помножено на семь. Подобное же

явление наблюдается и у современных историков. В "Истории Прусского государства" Филиппсона (т. 2, стр. 176) мы читаем, что прусское войско при Фридрихе Великом (1776 г.) шло в поход в сопровождении 32 705 – точно сосчитано! – прачек. Автор указывает даже свой источник – "Достоверные данные из истории правления короля Фридриха II Прусского" Бюшинга, – источник, содержащий большей частью вполне достоверный материал. Ввиду того, что армию Фридриха действительно сопровождало известное число маркитанток и солдатских жен, 32 705 прачек на двухсоттысячное войско является, конечно, более правдоподобным числом, чем 35 000 илотов на 5 000 спартиатов, тем более что современный историк, пользующийся научно разработанными методами, заслуживает большего доверия, чем наивный Геродот. Но в конце концов нам придется отбросить оба показания, как первое, так и второе. Краткое ознакомление с общим характером короля Фридриха и его армии убеждает нас в ложности сообщенного факта: никакие прачки не могли сопровождать армию в походе и, следовательно, Бюшинг стал жертвой недоразумения и пришел к этому числу, считая по одной прачке на каждую солдатскую палатку; а Филиппсон без всякой критической проверки

попросту переписал это любопытное сообщение. Аналогичным же образом, по-видимому, появились и у Геродота его 35 000 чел. В общем вычисления Геродота приводят к определению сил греческих войск примерно в 110 000 чел. Историки, переписывая эту цифру, не составили себе достаточно ясного представления о всех трудностях снабжения продовольствием 110 000 чел. на одном и том же месте в течение продолжительного времени. Нам придется еще много говорить об этом впоследствии, когда мы будем располагать точными, вполне достоверными числами[6]. Дошедшее до нас, по преданию, число попросту неправдоподобно. Мы должны решительно признать, что мы не располагаем никакими данными о численности греческого войска при Платее, на которых можно было бы строить какие-либо выводы[7].

Совершенно не заслуживают доверия сообщения позднейших греческих источников, исчисляющих силы афинян при Марафоне в 10 000 чел. Эта цифра уже потому представляется произвольной, что силы союзных платеян, включенные в это число или поставленные рядом с ним, определяются в 1 000 чел. Платея была крохотным местечком и никак не могла поставить десятой или даже девятой части афинских войск.

Если историки до сих пор по большей части принимали эту цифру – 10 000, то только оттого, что по существу она казалась вполне подходящей, но ее отнюдь нельзя считать достоверно доказанной.

Если мы, несмотря на отсутствие прямых надежных источников, все же хотим составить себе представление о силах греческого войска в Персидских войнах, то должны обратиться прежде всего к изучению самого хода событий; затем мы располагаем выводами из дальнейшей истории Греции и из данных о народонаселении, численность которого в свою очередь зависит до известной степени от величины страны и ее продовольственных возможностей.

В отношении богатейшего государства – Афин – мы располагаем указаниями, что полуостров Аттика в 490 г. насчитывал около 100 000 душ свободных; так как количество рабов тогда еще было незначительно, то численность населения определялась самое большее в 120 000–140 000 чел., т.е. 2 500–3 000 на 1 кв. милю (около 50 на 1 км^2), или почти столько же, как и в наше время.

Какое количество из этих афинян фактически принимало участие в сражениях с персами, мы еще не знаем и должны выждать, не даст ли нам

изучение самого хода событий данных для более или менее точного подсчета.

НАСЕЛЕНИЕ АТТИКИ И ДРУГИХ ГРЕЧЕСКИХ СТРАН

В Греции был целый ряд областей, о которых мы с уверенностью можем сказать, что они не требовали никакого или почти никакого ввоза продовольствия: Беотия, Аркадия Лакедемон, Мессения.

В нашем распоряжении нет точного критерия для определения производительности сельского хозяйства в этих местностях в эпоху Персидских войн. Но все же мы имеем возможность по аналогии с известными нам условиями установить некоторый максимум продовольственных возможностей для этих областей; установив его, мы сможем далее допустить вывод, что этот максимум был в большей или меньшей степени достигнут. Фивы едва ли были незначительным городком, да и кроме Фив Беотия насчитывала еще целый ряд городов. С другой стороны, и лакедемон не мог значительно уступать плотностью населения другим греческим странам; противном случае он не мог бы так долго занимать столь выдающееся положение.

Исходя из этих основных положений и при помощи дошедших до нас по преданию чисел, Белох в своем труде "Bevqlkerung der griechisch-rqmischen Welt"[8] высчитал, что население Лакедемона и Мессении вместе составило 230 000 чел. (или 27 чел. на 1 км²), а Пелопоннеса – 800 000 или 900 000 душ, т.е. 36–40 чел. на 1 км², так как торговые города Коринф, Сикион, Трезен, Эпидавр были относительно

плотнее населены; но и их население не могло быть очень плотным, так как во время Пелопоннесской войны эти города годами оставались почти совершенно отрезанными от подвоза хлеба морским путем. Следовательно, им приходилось кормиться тем скудным количеством хлеба, которое можно было подвозить сушей.

Относительно Беотии вычисления Белоха таковы: в первой половине IV в. – 60 чел. на 1 км², причем третья часть приходится на несвободное население. Такой процент несвободных кажется мне слишком высоким для страны без крупных приморских городов; каким путем Беотия могла приобретать такое огромное количество рабов и чем она их оплачивала?

Несвободное население лишь в очень незначительной мере пополняется путем естественного размножения; чтобы поддерживать его на данном уровне, требуется постоянный подвоз рабов извне. Применительно к V в. также и Белох считает Беотию страной свободного труда, с плотностью населения примерно в 40 душ на 1 км². Это находится в правильной пропорции к населению Пелопоннеса: Беотия, правда, была много плодороднее, но зато в пелопоннесских торговых городах – Коринфе, Сикионе и т. д. – было много рабов, что взаимно компенсируется[9].

Белох в своих вычислениях исходил из того, что количество взрослых мужчин составляло около одной трети всего населения. По его мнению, греческое народонаселение уже в V в. более или менее стабилизировалось[10] примерно как в современной Франции. Я с этим не могу согласиться.

Население Афин, Мегары, Коринфа и многих других городов в V в. сильно росло благодаря иммиграции метойков, а потому, если в Лаконии, Мессении, Аркадии количество жителей не увеличивалось, то это происходило лишь вследствие внутренних переселений. Поэтому я определил бы количество детей большим числом, чем Белох, и, следовательно, считал бы на взрослых мужчин меньше одной трети всего населения. В Германии в настоящее время (1898 г.) мужчины старше 18 лет составляют 28–29% всего населения. Но разница не настолько значительная, чтобы существенно отразиться на конечных выводах Белоха.

В современной Германии (1898 г.) на 1 км² приходится 97 жителей, но Германия не в состоянии их прокормить и вынуждена путем импорта покрывать недостаток хлеба больше чем на одну четверть, а всех сельскохозяйственных и лесных продуктов в среднем примерно на одну четверть. Следовательно, она при помощи картофеля и пользуясь всеми техническими достижениями современной аграрной культуры может прокормить около 74 чел. на 1 км², или около 4 000 чел. на 1 кв. милю[11].

О населении Аттики нельзя судить по условиям почвы, так как еще задолго до Персидских войн Афины ввозили много хлеба из-за моря. Но зато для второй половины столетия мы имеем ряд достоверных дошедших до нас по преданию цифр, позволяющих нам делать ретроспективные выводы также и о численности населения в период Персидских войн. Ввиду того, что в данном случае у меня с Белохом

весьма существенное разногласие, нам придется более тщательно рассмотреть этот вопрос.

В начале Пелопоннесской войны, в 431 г., Фукидид (II, 3) устами Перикла в одной из его речей говорит, что Афины располагали 13 000 гоплитов и сверх того, 16 000 чел. гарнизонных войск из стариков, молодежи и метойков, несших гоплитскую службу; далее, у Афин было 1 200 чел. конницы, 1 600 стрелков из лука и 300 триер[12].

Это показание, как бы точно оно ни звучало, к сожалению, не представляет для нас непосредственной ценности. Молодежь и старики вместе с гоплитами из метойков не могли составить 16 000 чел., если действующая армия насчитывала только 15 000 чел. У афинян призывались на службу в военное время мужчины от 20 до 45 или даже до 50 лет, следовательно, число способных к военной службе мужчин ниже 20 и выше 45 или 50 лет должно было значительно уступать числу военнообязанных. Кроме того, не приводится никаких данных относительно экипажей на 300 триерах. При полном снаряжении этот флот требовал не менее 60 000 чел. Если кроме полевых войск в Афинах было еще такое множество людей, то почему же армия была количественно так слаба? Состояла ли она только из высших слоев граждан? Где проходили границы для их определения? Почему не призывались низшие слои?

Самыми различными гипотезами пытались пролить свет на эти вопросы. Белох, не находят иного выхода, превратил 16 000 гарнизонных гоплитов в 6 000 и добавил 12 000 граждан в качестве матросов

на кораблях – средство отчаянное, но чрезвычайно показательное для состояния наших исторических преданий: единственное место во всей греческой литературе, дающее нам более или менее полные и систематические указания о численности военных ополчений, мы должны таким образом извратить для того, чтобы сделать его понятным. Дело затрудняется еще тем обстоятельство, что уже Эфор толковал это место так, как оно и сейчас толкуется в древних рукописях; Диодор, который только списал у Эфора, определяет численность армии в 12 000, а гарнизонные войска в 17 000 чел. Это подтверждение, являясь в то же время отступлением (12 000 вместо 13 000), лишний раз подчеркивает ненадежность наших источников.

В сравнительно недавнее время (Klio, т. V, 1905, стр. 341) Белох высказал предположение, что число 16 000 не следует заменять числом 6 000, а надо попросту вычеркнуть как произвольное добавление издателя.

При такой ненадежности их содержания сведения Фукидида мы можем использовать лишь в случае установления каких-либо других данных, которые доставили бы ключ к правильному их толкованию и в то же время явились бы надежным критерием для их проверки.

Действительно, я нахожу у Фукидида сообщение, которое никем – в том числе и Белохом – до сих пор не было использовано и которое, как я полагаю, может оказаться для нас очень ценным.

Фукидид два раза описывает нам чрезвычайный набор у афинян, причем каждый в своем роде является максимальным и характеризуется им как

исчерпывавший все возможности города. Осенью первого года войны (431 г.) афиняне вторглись в Мегару с 13 000 гоплитов, в то время как 3 000 стояли под Потидеей. В то же время у них был на море флот в 100 судов (и, вероятно, еще несколько судов под Потидеей). Сто кораблей требовали экипажа примерно в 20 000 чел.; вместе с гоплитами это составляет 36 000 чел. Но так как Фукидид добавляет, что было еще не меньшее количество *ψιλοί* (невооруженных), то из этого сообщения нельзя сделать вывод относительно общего количества афинян.

Иначе обстоит дело со вторым местом (III, 17), где Фукидид изображает вооружение афинян в связи с лесбосским восстанием 428 г. У них было 70 кораблей на море (40 под Лесбосом, 30 у Пелопоннеса) и 1 000 гоплитов под Митиленой; тогда спартанцы, полагая, что противник уже исчерпал все свои возможности, составили план одновременного нападения на Афины с моря и с суши. В доказательство их ошибки афиняне снарядили еще 100 судов, набрав для этого матросов из двух низших податных сословий.

Это достижение Фукидид сравнивает с набором первого года войны, считая его, пожалуй, даже еще большим, ибо тогда, в 431 г., 100 триер охраняли Аттику и Эвбею, 100 судов блокировали Пелопоннес, а 50 стояли, сверх того, у Потидеи и в других местах, итого 250 кораблей. 100 судов, охранявших родину, разумеется, не находились беспрерывно на море, – к этому не было никаких оснований; это были просто снаряженные резервные триеры с заранее назначенным и готовым экипажем, которые в любой час могли быть спущены в море. Некоторые из них и

выходили время от времени в море для проверки и учебных маневров. Поэтому в известном смысле достижение 428 г., когда 170 судов одновременно фактически находились в действии, превосходит достижения 431 г., когда номинально общее число кораблей равнялось 250, но из них единовременно находились в деле только 150. Согласно речи Перикла, афиняне имели 300 триер; отныне мы будем понимать это в том смысле, что к началу войны афиняне могли снабдить экипажем 250 из них, а 50 оставались в резерве. В 428 г., как вполне ясно и определенно сообщает Фукидид, они смогли снарядить 170 триер, причем пришлось привлечь в качестве матросов также и граждан третьего податного сословия, которые обычно несли службу в качестве гоплитов.

Здесь мы имеем предпосылки для подсчета афинских граждан в 428 г. 170 судов требовали 34 000 матросов; сверх того, под оружием стояли 1 000 гоплитов и при них столько же слуг. Кроме вышеуказанных 36 000 чел., в Афинах оставался еще гарнизон для защиты города и некоторых фортов, численность которого мы определим в 4 000–6 000 чел.

Следует, однако, принять в расчет, что экипаж наспех набранных судов был, вероятно, неполным; во всяком случае эпибаты помогали грести или же их не было вовсе; следовательно, весь экипаж составлял около 18 000 вместо обычных 20 000 чел. К тому же во флоте, стоявшем под Лесбосом и в боевом флоте было, несомненно, очень значительное количество наемников[13]; наконец, остается невыясненным число рабов среди гребцов. Несмотря на целый ряд

недостоверных моментов в этом расчете, он все же дает нам известный минимальный и максимальный предел. Безусловно верно, что во флоте было значительное число наемников и рабов, но верно также и то, что в целом этот набор носил преобладающий характер афинского гражданского ополчения[14].

Если комплектование было полным, то всего вооружено было 42 000 чел.; но, по всей вероятности, общая численность составляла 38 000, причем по крайней мере 10 000 приходилось на наемников и рабов; но их могло быть и 18 000. Итак, общее количество боеспособных афинских граждан и метойков в 427 г., по нашему расчету, могло составить от 20 000 до 32 000 чел.

Более широкого простора сообщение Фукидида нам не дает. По общему характеру афинской политики 20 000 является во всяком случае числом слишком низким; мы безусловно должны принять за минимум по крайней мере 24 000. Но, с другой стороны, если бы еще в 428 г. Афины имели свыше 32 000 способных к военной службе граждан и метойков, то было бы непонятным, почему прочие эллины считали силы города почти исчерпанными, когда он выслал против Лесбоса корабли, потребовавшие всего 10 000 чел., половину которых, несомненно, составили наемники; наконец, дополнительное снаряжение 100 судов должно было действительно исчерпать наличный остаток годных к военной службе граждан[15]. Основным числам Фукидида (30 + 40 + 100 = 170 триер и 1 000 гоплитов) можно доверять. Возможность ошибки с его стороны можно

считать исключенной, а верность рукописной передачи доказывается сопоставлением с другими числами, относящимися к 431 г.

В 424 г. афиняне провели полный набор (πανδημεί, в сражении при Делии) и выставили 300 всадников, 7 000 гоплитов и "значительно больше 10 000 невооруженных *(ψιλοί)*". Следовательно, всего было мобилизовано 20 000–25 000 чел. Кроме того, у них было на море 70–80 судов и на них 14 000–16 000 матросов. Итого 35 000–40 000 чел., т.е. примерно столько же, как и в 428 г.; в чисто военном отношении, однако, это ополчение слабее, поскольку почти половину составляют в нем невооруженные, отправленные с войском не для участия в сражениях, а для быстрейшей постройки укреплений.[16]

Следовательно, мы можем считать всесторонне доказанным, что в 428 г. в Афинах было от 24 000 до 32 000 военнообязанных граждан и метойков. Отсюда же можно вывести и число афинских граждан в начале войны. Военные потери афинян были до тех пор еще незначительные, но очень много афинян погибло от чумы из рядов войска (ἐκ τῶν τἀξεων): 4 400 гоплитов и 300 всадников. Цифра "4 400 гоплитов" не дает нам надежного критерия для вычисления, так как мы не знаем, из какого расчета мы должны исходить: относится ли этот урон только к полевым войскам или также к метойкам и гарнизонным гоплитам. Но 300 всадников, несомненно, следует сопоставить с теми 1 200 всадниками, о которых упоминается в речи Перикла. Возможно, что в низших классах среди городских жителей смертность была выше, но многие из них

зато в качестве крестьян-клерухов находились вне города и меньше подвергались, таким образом, опасности заражения чумой. А потому мы и для них определим среднюю смертность в 25%. Таким образом, если в Афинах в 428 г. было еще 24 000–32 000 военнообязанных граждан и метойков, то в 431 г. их было 30 000–40 000. Если прибавить еще 25% на стариков и инвалидов, то в Афинах того времени было всего 37 500–50 000 граждан и метойков, причем число граждан мы определяем в 30 000–40 000, из них 22 500–30 000 годных к военной службе. Возможная ошибка в низшем из этих предельных чисел не имеет значения; если же мы к верхнему из них прибавим 1 000 или 2 000, то лишь для удовлетворения наиболее упорных скептиков и предупреждения каких бы то ни было возражений.

Установленное нами число дает нам возможность толковать вышеприведенное место из речи Перикла (Фукидид, II, 13). Перикл высчитывает: 13 000 гоплитов в полевых войсках, 16 000 гарнизонных гоплитов, 1200 всадников, 1 600 лучников, – итого 31 800 чел. под оружием. Сюда же включены (II, 31) 3 000 метойков-гоплитов; следовательно, отбросив их, получаем 28 800 граждан.

Это число до сих пор было окутано туманом; не было известно, обнимает ли оно всех военнообязанных афинских граждан, или же сюда надо было прибавить еще и все экипажи кораблей, так как при дословном толковании речь идет здесь как будто лишь о строевых войсках. Наряду с метойками, наемниками и рабами во флоте служили еще 15 000 – если не 25 000 – афинских граждан.

Следовательно, мы получили бы совершенно иные

цифры для военнообязанных афинских граждан, а их силы предстали бы совершенно в ином свете, и критика их походов и всей политики пришла бы к совершенно иным выводам, если бы только мы получили возможность заменить наше предельное число 30 000 числом 50 00 или даже большим. Но сейчас вся путаница отпадает. Цифры 428 г., давшие нам возможность определить максимальную численность всего ополчения в 30 000 с небольшим, позволяют нам с полной уверенностью утверждать, что Перикл, говоря о 28 000 способных носить оружие, не упустил из виду столь значительной статьи, как все феты или же весь экипаж кораблей, т.е. около 20 000 чел.; ясно, что он имел в виду всех граждан.

Это толкование, точно взвешенное, является единственно возможным. Мы вправе ожидать от Фукидида, что он сообщит нам, какими денежными средствами, каким количеством военных кораблей и каким общим числом способных к военной службе граждан располагало афинское государство; эти сведения, с добавлением к ним на последнем месте количества обязанных нести гоплитскую службу метойков, он и сообщает нам в речи Перикла.

Вопрос о том, скольким гражданам – за исключением тех, которые вооружались на собственный счет – предполагалось выдать гоплитские доспехи, является вопросом исключительно денежным, который при рациональном обзоре наличных боевых сил отнюдь не следует смешивать с вопросом о личных силах данного народа. Именно поэтому Перикл, несомненно, исключил из своих расчетов всех

наемников-чужеземцев.

В правильном соотношении с этим призывом стоит и осенний призыв 431 г. Выше мы вычисляли, что он дал 36 000 бойцов и к тому же еще немалое количество невооруженных. Всего было, таким образом, мобилизовано 45 000 или максимально 50 000 чел. Это было Афинам вполне по силам, так как к 28 000 военнообязанных граждан и 3 000 метойков-гоплитов добавлялось еще около 5 000 метойков-негоплитов, а остаток падал на долю наемников и рабов.

Итак, определив общее число афинских граждан, мы теперь имеем под ногами твердую почву, которая, может быть, позволит нам рассеять некоторые неясности в связи с цифрами, приведенными в речи Перикла.

Мы уже убедились в том, что сообщения Фукидида неизбежно содержат в себе ошибку, так как он исчисляет полевую армию в 15 800 чел., гарнизонные войска в 16 000 чел., причем о последних он совершенно определенно говорит, что они состояли из молодежи, стариков и метойков-гоплитов. Такое соотношение невозможно. Но так как мы узнаем дальше, что метойков-гоплитов было 3 000 чел., то на стариков и допризывников, т.е. на мужчин от 50 или 45 до 60 лет и на 18–19-летних молодых людей, приходится 13 000 чел. Но совершенно невозможно, чтобы в 17 возрастных контингентах было такое же количество людей, как и в 25 или даже 30 контингентах, призванных в армию.

Поражает не только это. Эти 16 000 чел., не входивших в действующую армию должны были, по словам Фукидида, в случае неприятельского

вторжения защитить длинные стены и все укрепения. Но именно в это время большая часть воинов полевой армии находилась дома (гоплиты полевой армии вообще призывались редко и на короткое время; в длительные же экспедиции они отправлялись лишь в незначительном числе). Мыслимо ли, чтобы именно эта лучшая часть войска при вторжении неприятеля не несла никакой службы? Разве возможно, чтобы стариков от 50 до 60 лет посылали на крепостные стены, в то время как мужчины от 20 до 50 лет сидели дома? Удивительно далее и то, что, по словам Фукидида, выходит, будто афинские стены защищались лишь одними гоплитами. Для защиты городских стен тяжелые доспехи и щит являются излишними и даже прямой помехой; прикрытие дают зубцы стен; из-за них же лучше всего стрелять в неприятеля из луков и пращей и осыпать его дождем дротиков и камней. Гоплиты должны были стоять в резерве на случай рукопашной схватки с вторгающимся врагом.

Следовательно, тот факт, что в сообщения Фукидида вкралась ошибка, является несомненным. Возможность считать виновником ее не самого Фукидида, а позднейших переписчиков, как мы уже установили, исключена. Эти числа достаточно точно проверены другими числами у Фукидида. Позднейшее предположение Белоха, что ошибку сделал не Фукидид, а издатель его труда, запутавший все данные прибавлением цифры 16 000, нельзя, разумеется, ни доказать, ни опровергнуть. Как общее правило, при явных ошибках в источниках ученые всегда, когда это возможно, предпочитают исправлять текст наиболее безболезненным способом; в этом

случае, мне кажется, моя гипотеза об ошибке со стороны самого Фукидида значительно меньше посягает на его авторитет, чем предположение, что издатель, не считаясь с именем автора, мог позволить себе исправлять текст без достаточной осторожности и уважения. Мы сейчас увидим, как в сущности ничтожна приписываемая нами Фукидиду оплошность; и как ни охотно я сам всегда причисляю себя к почитателям Фукидида, я все же не могу утверждать, что возможность подобной ошибки с его стороны совершенно исключена. В доказательство того, что даже самые осторожные, критически настроенные умы иной раз могут совершить именно при определении цифр почти непонятные впоследствии для них самих ошибки, я приведу один очень яркий пример из новейшего времени. Не кто иной, как сам Мольтке в своей истории войны 1870 г. определяет численность немцев в сражении при Гравелоте – Сен-Прива тысяч на 50 ниже, чем она была в действительности, забыв весь командный состав, кавалерию и артиллерию, но сосчитав их у неприятеля. Происхождение этой ошибки становится сейчас же понятным, если сравнить соответствующую страницу в отчетах генерального штаба (II, 234), послуживших материалом для его труда, с 63-й страницей его книги. Вопрос идет в данном случае не о каком-нибудь второстепенном, случайно упомянутом числе, – нет, на этом числе основано построение дальнейших весьма важных выводов. Если такая вещь могла случиться с Мольтке, – правда, в очень преклонном возрасте, – то мы не слишком оскорбим Фукидида, приписав ему, ввиду несообразности его чисел, аналогичную ошибку.

Ошибка заключается в определении гарнизонных войск, как состоящих из "молодежи, стариков и метойков-гоплитов"; не хватает здесь еще одной, по общему смыслу совершенно необходимой категории: военнообязанных граждан, предназначенных для несения негоплитской службы.

Если мы из 16 000 гарнизонного войска отсчитаем 3 000 метойков, то останется 13 000 граждан, т.е. ровно столько, сколько насчитывалось граждан-гоплитов в строю. Это совпадение едва ли можно приписать случайности. Скорее мы должны признать, что для гоплитской службы была вооружена и обучена половина военнообязанных граждан. Оба возраста рекрут *(περίπολοι)* применялись в качестве гарнизонов фортов, проходя в то же время военное обучение. Поэтому в Афинах было принято говорить – и так мог выразиться и Перикл в своей речи, – что даже, когда армия с 13 000 гоплитов находилась в походе, такое же количество людей оставалось для оборонных длинных стен и в фортах; да еще кроме них было 3 000 метойков-гоплитов. Приводя эти цифры, Фукидид назвал только молодежь, стариков и метойков, об остальных же он забыл упомянуть.

Следовательно, современный читатель, для того чтобы правильно понять это место у Фукидида и пополнить его пробел, должен уяснить себе следующее.

13 000 гоплитов в полевых войсках состояли не только из граждан высших классов, приобретавших вооружение на свой счет (это дало бы нам слишком большое число всех афинских граждан), но кроме них также и из фетов, получавших гоплитские доспехи от государства.

16 000 чел. гарнизонных войск – это не те войска, которые фактически занимали городские стены при вторжении неприятеля в страну, а те, которые даже в этом случае стояли наготове для защиты стен, в то время как все строевые гоплиты были бы заняты в другом месте.

В число этих 16 000 чел. входит 3 000 метойков, несших гоплитскую службу, новобранцы, граждане в возрасте от 45 или 50 до 60 лет, полуинвалиды и, наконец, те из фетов, которые несли негоплитскую службу.

Фукудид не присчитал метойков-негоплитов. Этот пробел, чрезвычайно чувствительный для нас, является, как мы убедимся (II, 3), вполне естественным для Фукидида.

В подсчитанное нами число (36 000 афинских граждан) включены также и клерухи. Эти колонисты были и оставались афинскими гражданами, но жили большей частью в отдалении, – например, на островах Лемносе, Имбросе, Скиросе, – образуя там собственные общины; и в дальнейшем Фукидид всегда считает их контингенты в походах отдельно от афинян; дальше Фукидид определяет афинские силы при походе 431 г. в 16 000 гоплитов, т.е. называет то же число, что и Перикл. Но следует думать, что жившие в отдалении клерухи не были привлечены к этому походу.

Из этого можно было бы вывести заключение, как это и делает Белох (стр. 82), что они не вошли в счет Перикла. Но против этого есть веские соображения. Мы видели, что Перикл хотел дать общее число всех способных к военной службе афинян. Было бы совершенно непонятно, если бы он при этом

пропустил из счета такую значительную статью, как все общины клерухов, силы которых Белох определяет (слишком высоко) в 10 000 граждан, находившихся частью далеко, частью же совсем близко, как например на Саламине или в Ореосе на Эвбее. Рассказ Фукидида, относящийся к 428 г., отнюдь не оставляет нам столь широких рамок для оценки афинских боевых сил. Сообщение, что в 431 г. 13 000 гоплитов вторглись в Мегару, в то время как еще 3 000 стояли под Потидеей, разъясняется без труда. Во всяком случае клерухи из более отдаленных общин не были, конечно, привлечены к этому походу, но некоторый контингент их, несомненно, находился во флоте; Фукидид же вообще не приводит ни одного числа, установленного специально для данного случая, а попросту повторяет цифру, названную Периклом в его речи, не рассматривая специально, сколько человек из общего числа могло отсутствовать по тем или иным причинам. По всей вероятности, часто не хватало не только клерухов из отдаленных мест, но и значительного числа афинян, отсутствовавших по торговым делам; но Фукидид не вычитает их из общего числа.

В заключение я хотел бы объяснить, в каких пунктах и по каким причинам я изменил сейчас выводы, сделанные мной в моих "Персидских и Бургундских войнах". В том своем труде я пытался разрешить противоречие у Фукидида (II, 13), руководствуясь идеей Дункера, что всех способных к строевой службе фетов зачисляли в гоплиты, а наиболее отдаленных клерухов – в гарнизонные войска. Формально такое решение вопроса лучше всего согласуется с дословным смыслом

фукидидовского текста, где строго проводится различие между полевыми войсками и гарнизонными.

Но сейчас для меня ясно, что в определении этих 16 000 слова "гарнизонное войско" нельзя понимать буквально; при таком понимании не остается места для клерухов, так как считать их общины "гарнизонами" совершенно невозможно. Между тем было бы неестественно, чтобы Перикл, на основании лишь одной теоретической возможности превратить всех военноспособных фетов в гоплитов, причислил их к таковым, пропустив при этом клерухов, которые действительно несли гоплитскую службу.

Итак, я произвел, так сказать, обмен между фетами и клерухами, благодаря чему общий итог повысился на 2 000 граждан. Это произошло вследствие того, что раньше мне пришлось в целях последовательности выделить из приведенного Фукидидом числа еще некоторое число метойков – гарнизонных гоплитов, считая на эту категорию 1 500 чел. Но теперь это стало ненужным, так как само это понятие отпало. Число военнообязанных граждан возросло вследствие этого на 1 500, а с надбавкой 25% на долю граждан, к военной службе негодных, общее число граждан увеличилось на 2 000 чел.

В то время как я с 34 000 дошел до 36 000, Белох в своей "Истории Греции", вышедшей в 1893 г., снизил число афинских граждан с 45 000 до 40 000 (30 000 живущих в Аттике, 10 000 клерухов). Следовательно, мы настолько приблизились друг к другу, что разница между нашими числами свелась всего лишь к 4 000 чел.

По моим подсчетам:

1 200 всадников
1 600 стрелков из лука (лучников)
13 000 гоплитов (включая клерухов)
13 000 военнообязанных афинских граждан (включая клерухов), не несших гоплитской службы в строю
7 200 неспособных к военной службе

Итого 36 000 афинских граждан

Сюда следует причислить еще 6 000–8 000 метойков.

Из этих вычислений нельзя еще делать выводы относительно общего населения Аттики в 431 г., так как мы не располагаем никакими данными, по которым можно было бы высчитать число рабов. Мы можем лишь сказать, что оно во всяком случае было очень велико.

Для такого почти исключительно земледельческого государства, как Спарта, Белох совершенно правильно предполагает, что население его было более или менее стабильно: прирост населения эмигрировал. Это предположение не годится, однако, для Афин. Если не считать клерухов, то эмиграция была, конечно, очень незначительна; напротив, в период расцвета Афин, в течение V в., число метойков сильно росло, так что еще в 490 г. их численность была значительно ниже, чем в 431 г. Для определения естественного прироста населения, мы, к сожалению, не имеем никаких данных. Вопрос идет об отрезке времени в 60 лет, в течение которого при

благоприятных условиях народонаселение может удвоиться. Но этого нельзя предполагать относительно Афин, понесших за этот промежуток времени крупные военные потери (например, при походе в Египет). Надо считать, что прирост давали главным образом переселявшиеся в Афины метойки и рабы. Но все же и число граждан не оставалось стабильным, так что, если для 431 г. мы имеем 28 000 военнообязанных граждан, то для 490 г. мы должны свести это число примерно к 18 000–26 000 чел.; сюда следует, может быть, прибавить еще тысячи 2 метойков.

* * *

Я переношу на эти страницы из 1-го издания II тома (стр. 1 и сл.) мой спор по данному вопросу с Эд. Мейером (Ed. Meyer).

Незадолго до напечатания I тома этого труда вышел II том "Forschungen zur alten Geschichte" Эд. Мейера, но вышел слишком поздно для того, чтобы мне удалось им воспользоваться. По основным вопросам греческой истории V в. наши мнения в общем совпадают; лишь в двух пунктах мы с ним пришли к противоположным выводам.

Первый пункт – подсчет по данным Фукидида (II, 13) народонаселения Аттики к началу Пелопоннесской войны. Здесь Мейер (II, 149e) предлагает такое разрешение вопроса, которое приводит его к числам, вдвое большим, нежели мои. Если вспомнить о значении, придаваемом числам в моем исследовании, о постоянной проверке мною одного числа другим, о выводе одного числа из другого, то можно понять всю значительность этого

расхождения. Мне хотелось бы думать, что предложенное мною новое разрешение этого вопроса обладает столь большой убедительностью, что особенно оспаривать попытку Мейера не придется; но когда столь крупный знаток греческих древностей, как Ад. Бауэр, неожиданно признал правильным выводы Мейера ("Histor. Zeitschr.", т. 86, стр. 286), то я не могу уклониться от обстоятельной дискуссии. По моему мнению, от этого статистического вопроса зависит оценка Фукидида как историка, а Перикла как государственного деятеля, ибо я не только намекнул, как полагает Бауэр, но ясно, в совершенно определенных выражениях сказал и продолжаю на этом настаивать: "Авторитет величайшего из всех историков будет безнадежно подорван, а один из столпов греческой литературы будет опрокинут, если кому-либо удастся доказать, что в 431 г. в Афинах было 60 000 граждан, ибо если Фукидид неправильно судил о Перикле и его политике, то мы вообще не должны больше доверять его суждениям". Тот факт, что столь признанный исследователь, как Мейер, вполне согласный со мной по основным вопросам как методологии, так и толкования, все же берется это доказать, показывает всю важность этого пункта и необходимость новой проверки.

Мейер также исходит из того, что приведенные Фукидидом данные – 13 000 гоплитов в действующей армии и 13 000 граждан-гоплитов в гарнизонных войсках, пополняемых из лиц самых старших и самых младших возрастов, – по существу неприемлемы, ибо немногие возрасты граждан, неспособных к полевой, но способных к гарнизонной службе, не могли количественно равняться 30 возрастным

контингентам граждан, неспособных к службе в поле.

В то время как я (отбросив более раннюю гипотезу) предполагаю, что Фукидид упустил из виду ясно упомянуть наряду с самыми старшими и самыми младшими возрастами о непризванных к гоплитской службе фетах, Мейер считает, что значительное количество (5 400) из числа подлежавших полевой службе наименее сильных людей было зачислено в гарнизоны и не упомянуто Фукидидом. Следовательно, Фукидид совершенно упустил из виду дать нам число фетов-гоплитов, и нам приходится пополнить этот пробел, руководствуясь другими данными. Здесь Мейер приходит к числу 20 000, а для метойков – по меньшей мере к 14 000, так что по его расчету Афины располагали 70 000 взрослых свободных мужчин, не считая клерухов, в то время как я пришел к числу 40 000 (из них 36 000 граждан) со включением клерухов, т.е. примерно к половине высчитанного Мейером числа.

Против мейеровского расчета говорят следующие соображения.

1. Он считает 33 000 зевгитов против 20 000 фетов. Это совершенно невозможное соотношение. Мейер не принял во внимание того, что к фетам – поскольку гоплитская служба требовала личных средств – принадлежали не только низшие слои населения, но неизбежно и очень многие сыновья среднезажиточных людей. Было бы, конечно, невозможно в тех случаях, когда отец, имевший нескольких взрослых сыновей, причислялся к зевгитам, обременять и сыновей гоплитское повинностью; притом в большинстве случаев в каждой семье было только одно гоплитское

вооружение. Если бы в Афинах было 33 000 граждан, имевших возможность приобрести доспехи, и к тому же еще 2 500 всадников, то фетов было бы по меньшей мере тысяч 40 или 50.

Неверно также представление Мейера (стр. 158), что фетам их профессия мешала получить "полное военное и гимнастическое обучение гоплита". Это дает совершенно неверное представление о гоплите, который в действительности так же мало нуждался в гимнастическом обучении, как римский легионер. Огромная масса гоплитов, состоявшая из среднезажиточных крестьян и ремесленников, скорее всего, не получала никакого гимнастического обучения, а военное их обучение, несомненно, требовало меньше упражнений, чем обучение франита.

2. Фукидид (II, 17) рассказывает нам, что спартанцы считали уже Афины исчерпавшими все силы, когда в 428 г. выслали 1 000 гоплитов и 70 триер, однако Афины напрягли усилия и спустили в море еще 100 кораблей.

Этот рассказ был лишен всякого смысла, если бы вычисление Мейера было верно, ибо в экипажах 70 триер, составлявших около 14 000 чел., было максимально (за вычетом клерухов) 5 000–7 000 афинских граждан, что составит вместе с гоплитами 8 000. Даже если предположить, что чума стоила афинянам 15 000 боеспособных мужчин (Фукидид говорит "4 400 гоплитов, ἐχ υῶν τἀξεων и 300 всадников"), то и тогда оставалось бы около 40 000 чел. Как же спартанцы могли думать, что Афины были истощены отправкой на войну 8 000 граждан? И разве при таком количестве граждан снаряжение еще

сотни кораблей должно было требовать такого большого напряжения сил: 18 000 чел. было достаточно для обслуживания этих кораблей, причем большая половина из них могла состоять из рабов или чужеземных матросов, находившихся в тот момент в Афинах.

И наоборот, рассказ Фукидида очень хорошо согласуется с предположением, что в Афинах в 431 г. было не свыше 40 000 взрослых граждан и метойков. Тогда можно было бы составить следующий расчет.

а) Граждан и метойков в 431 г. . . . . .около 44 000
б) Потери от чумы. . . . . .около 12 000

остаток 32 000
в) Неспособных к военной службе 8 000
и отсутствующих

остаток 24 000
г) Выслано на 70 кораблях 7 000

остаток 17 000
д) Меньшая половина экипажей 8 000
сотни триер

остаток 9 000

С привлечением наиболее сильных из категории в) этого остатка было достаточно для занятия и защиты городских стен и фортов, хотя следовало бы сделать еще известный вычет на дальних клерухов. Отдельные параграфы этого расчета можно было бы увеличить или уменьшить на 1 000 или 2 000 чел., но мешают находящиеся в рассказе Фукидида два предельных

определения: с одной стороны, силы Афин считались исчерпанными отправкой 70 кораблей и 1 000 гоплитов, с другой же стороны, Афинам удалось снарядить еще 100 кораблей и оставить в городе достаточное для его обороны количество людей; эти два определения не должны быть нарушены, а потому вычисление Мейера никак не может быть согласовано с Фукидидом.

Для защиты самого города Афин и длинных стен было довольно нескольких тысяч человек, Мейер же (стр. 154) считает недостаточным для этой цели даже 6 000 чел., ибо стена имела 26 000 м в окружности; следовательно, если бы всегда на постах была занята 1/6, т.е. 1 000 чел., то на каждые 52 м пришлось бы только 2 часовых. Однако сама предпосылка этого вычисления неверна. Здесь недостаточно проведено различие между наблюдением и обороной. Только многочисленное неприятельское войско могло бы осмелиться напасть на такой город, как Афины, а многочисленное вражеское войско не может приблизиться незамеченным. Следовательно, поскольку не было донесений о приближении неприятельских войск, достаточно было небольшого числа башенных часовых. Если же неприятель действительно надвигался на город, то и тогда не расставлялись по стенам равномерно двойные посты, но опять же организовывалось тщательное наблюдение и присылалось на угрожаемый участок стоявшее наготове войско. Занятие стен равномерно кругом двойными постами, несомненно, никогда не имело места; что же касается условий 428 г., то, конечно, флот в 100 триер уже давно успел бы вернуться в гавань, прежде чем пелопоннесское

войско могло бы появиться перед длинными стенами. В городе должен был оставаться небольшой гарнизон только на случай неожиданного нападения какого-либо летучего отряда. В условиях же 431 г., когда афинская армия двигалась на Мегариду, и это являлось излишним, ибо такой своей позицией она прикрывала свой город от всякого нападения с суши. Да и беотийцы, будучи отрезаны, ничего не осмелились бы предпринять против Афин.

3. Мейер признает вместе со мной, что военный план Перикла был верен. Но если бы Афины в то время насчитывали 80 000 свободных мужчин, включая клерухов, то военный план Перикла оказался бы неверным. Ввиду того, что городу его положение во главе морского союза давало большую финансовую мощь и широкое поле для вербовки наемников, в борьбе с Пелопоннесом он мог держаться стратегии сокрушения, а не измора. Для вторжения в Аттику Пелопоннесский союз едва ли мог выставить армию свыше 30 000 чел. Следовательно, афиняне могли бы сразиться с противником в открытом поле, а Истмийский перешеек давал им возможность разделить неприятельские силы и разбить беотийцев и пелопоннесцев порознь. Возможность более быстрого по сравнению с Афинами прироста населения для других греческих государств исключается, так как они многие годы находились в блокаде и жили почти без подвоза. Даже Коринф вследствие этого может быть причислен лишь к средним городам.

Фраза Ад. Бауэра ("Histor. Zeitschr.", 86, 288): "Имея полевую армию в 13 000 гоплитов, Афины не могли принять решительного сражения с далеко превосходившими их количественно боевыми силами

Пелопоннесского союза, прочие же их силы было возможно использовать лишь весьма условно" бьет мимо цели. Почему же в распоряжении Афин было не больше 13 000 чел., если Афины насчитывали свыше 80 000 граждан, клерухов и метойков, да к тому же еще имели достаточно денег для вербовки наемников? Рим и не в такой еще мере напрягал свои силы во время Второй Пунической войны, не взимая притом дани с союзников. Было бы крайней ошибкой на случай возможного неподчинения со стороны союзников постоянно держать наготове, как полагает Бауэр, войска и корабли, ослабляя тем свои боевые силы на главном театре военных действий. Прочтите, что пишет Клаузевиц об ошибках стратегического резерва в стратегии сокрушения. Победа над Спартой, Коринфом и Фивами была бы лучшим средством для Афин в их стремлении сохранить свой авторитет первого города. Поскольку существует достаточно доказательств тому, что Афины действительно напрягли все свои силы (вспомним хотя бы, что и метойки облачились в гоплитское вооружение и что Сократ на 47-м году жизни должен был идти гоплитом в армию); поскольку у нас есть совершенно ясное показание о том, что в 424 г., когда произведено было всеобщее ополчение *πανδημεί*, армия насчитывала лишь 7 000 гоплитов, мы смело выводим заключение, что в 431 г. в Аттике никак не могло быть 70 000 свободных мужчин.

4. В начале Пелопоннесской войны Афины имели 300 триер. Если же вместе с Мейером (руководствуясь не вполне понятными мне соображениями) повысить это число до 400, то все же Афины никогда не имели в деле одновременно свыше 170 или максимально 250

триер (см. выше, стр. 43), Коринф же выслал в 433 г. 90 триер (Фукидид, I, 46). Коринф по вычислениям Белоха насчитывал не больше 10 000 свободных взрослых мужчин, причем исключается всякая возможность существенного повышения этого числа, иначе было бы совершенно непонятно, как мог бы город прокормить еще большее количество людей при длительной блокаде во время Пелопоннесской войны. Если бы Афины в семь раз превосходили численностью населения Коринф, то не только флот их был бы сравнительно слишком мал, но стало бы совершенно непостижимым, как мог Коринф выдерживать столь долгое и серьезное соперничество со своим соседом при таком чудовищном неравенстве сил.

Все это становится еще очевиднее, если мы вернемся к эпохе Персидских войн. Мейер полагает, что Аттика уже в то время имела примерно такое же число жителей, как и в 431 г. Собственно говоря, доказать этого нельзя; но если мы хотя бы приблизимся к этому предположению, то перед нами тут же возникает ряд невозможных следствий. При Артемизии и Саламине у Коринфа было 40, а у Афин 123 и соответственно 180 кораблей. Последнее число, вероятно, слишком высоко. Но даже если бы оно было верно, то все же ясно, что Афины не были примерно в семь раз больше Коринфа, так как согласно преданию и общему положению вещей они дали флот относительно не меньший, а больший, чем их сосед. Ведь еще за несколько лет до того Афины вынуждены были взять у Коринфа взаймы 20 триер; следовательно, тогда они еще совершенно не были развитым торговым городом, каковой был бы

немыслим без военного флота. Если же они не были еще развитым торговым городом, т.е. не имели еще существенного подвоза извне, то они никак не могли иметь такого большого населения. Сведения о том, что Афины еще со времени Солона нуждались в подвозе хлеба, конечно, не опровергают наших выводов: от величины подвоза зависит, сколько народа могло кормиться чужим хлебом – десятая ли, двадцатая ли часть всего населения или же треть, а то и половина. Последнее мы не можем предположить для Афин в период их первых попыток приобрести силу на море.

Придется сделать еще следующий вывод: если бы Афины уже в то время были густо населенным торговым городом, то Коринф испытывал бы чувство все растущего коммерческого соперничества и не оказывал бы помощи соседу, одалживая ему корабли. Но если Афины были в то время еще столь мало развитым в торговом отношении городом, что никакого существенного соперничества Коринфу не приходилось опасаться, то и через 50 лет они никак не могли насчитывать в семь раз больше жителей, чем Коринф.

Итак, величина Коринфа косвенным образом является мерилом для определения величины Афин, а величина Коринфа в свою очередь проверяется величиной Спарты (ср. ниже, гл. III, § 3).

5. Если я отвергаю результаты исследования Мейера, то все же косвенным образом оно, как и всякая серьезная научная работа, имеет существенную заслугу. Ядром нашего спора относительно толкования Фукидида (II, 13) является собственно следующее: были ли включены в счет феты или же

нет? До сих пор представители того мнения, что феты не включены в это число, ни разу не попробовали точно и последовательно вычислить, какова должна была быть в таком случае численность народонаселения Афин, и, соблюдая несколько неясную среднюю позицию, они представляли это толкование по существу в некоторой мере возможным. Только Мейер, неоспоримо доказав, что такое толкование приводит к наличию в Аттике 70 000 чел. свободных взрослых мужчин (следовательно, без клерухов, да и то по самому скромному подсчету), дал тем самым весьма убедительное доказательство от противного тому, что его предпосылка в корне ошибочна. Следовательно, мы должны искать для Фукидида (II, 13) другое толкование, – и в этом случае толкование, предложенное мною, имеет то преимущество, что оно не стоит в противоречии ни с какими-либо из дошедших до нас чисел, ни с действительными достижениями Афин. Ввиду того, что афиняне значительную часть своих войн вели посредством наемников, они, конечно, вполне могли – даже насчитывая лишь 36 000 граждан и 6 000–8 000 метойков – одновременно давать бои на суше и на Эгейском море, на Кипре и в Египте.

Путь к правильному толкованию фукидидовых чисел можно найти, лишь учитывая классовое деление афинян, хотя Фукидид здесь о нем не упоминает и строит свои расчеты помимо него. Установка правильного понимания этой ложно толкуемой связи важна и в других отношениях. Все толкование истории римской конституции было направлено по ложному руслу вследствие неправильного представления о том, какой в сущности смысл имело

деление народа на классы. Вникнув, какие классы имел в виду Фукидид (II, 13), и правильно истолковав его числа, мы приходим одновременно к правильному пониманию афинского, а косвенно и римского государственного строя.

Глава II

ГРЕЧЕСКИЕ ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА

Основная масса греческого войска в период Персидских войн состояла из снабженной панцирем пехоты, вооруженной копьями длиной примерно в 2 м[17], словом, из гоплитов. Предохранительное вооружение гоплита состояло из шлема, панциря[18], поножей и щита; короткий меч служил вспомогательным оружием.

Гоплиты составляют тесно сомкнутое тактическое построение – фалангу, фалангой называется непрерывное линейное построение во много шеренг[19].

Глубина фаланги меняется; очень часто нам приходится слышать о глубине в 8 чел., являющейся, по-видимому, своего рода нормой построения; но приходится слышать также о глубине в 12 и даже в 25 чел.[20].

Непосредственно в бою в подобной фаланге могут принимать участие максимально две шеренги, причем вторая шеренга в момент столкновения заполняет прорывы, образовавшиеся в первой шеренге. Дальнейшие шеренги служат для немедленной замены убитых и раненых, но главное их назначение оказывать

физическое и моральное давление на передовых бойцов. Более глубокая фаланга победит более мелкую, хотя бы даже непосредственно в рукопашной схватке принимало участие одинаковое число воинов.

Если бы не преимущества этого давления, то было бы много выгоднее удлинить боевой порядок так, чтобы сделать свой фронт длиннее неприятельского и в момент столкновения совершить охват с обоих флангов. Но при равных силах такой охват возможен лишь за счет глубины построения, и хотя от момента столкновения фронтов до полного окружения должно пройти лишь несколько минут, этого времени, по всей вероятности, окажется достаточно для того, чтобы более глубокая неприятельская фаланга противника опрокинула мелкий центр своего противника и этим разрушила все его построение.

Следовательно, тут основанием служат два диаметрально противоположных принципа: глубина, придающая мощь удару, и длина, облегчающая возможность охвата. Дело военачальника – определить длину и глубину фаланги в зависимости от обстоятельств, относительной численности, качества обоих войск и условий местности. Очень большое войско усиливается больше в глубину, чем в длину, так

как очень длинную шеренгу чрезвычайно трудно передвигать в каком бы то ни было порядке и хоть сколько-нибудь организованно, в глубокой же колонне, наоборот, порядок нарушается не так легко.

Ввиду того, что задние шеренги фаланги почти никогда не доходят до применения оружия, могло бы показаться излишним снабжать полным вооружением бойцов примерно дальше четвертой шеренги. Однако относительно греков не дошло никаких сведений о том, чтобы такое различие проводилось в жизнь. Человек без панциря не может сражаться с человеком в панцире. Следовательно, установка нескольких шеренг бойцов без панцирей за бойцами в панцирях явилась бы лишь своего рода маскировкой. Сознание же у воинов в передних шеренгах, что сзади стоящие не могут оказать им действительной поддержки, несомненно, в сильной мере ослабило бы давление задних шеренг на передние, тогда как в этом давлении, в подталкивании вперед, и заключается вся ценность задних шеренг. А если бы действительно на каком-либо участке, вследствие случайного прорыва фаланги, вооруженный неприятель добрался до невооруженных задних шеренг, то последние были бы немедленно отброшены, и

бегство одних легко повлекло бы за собой бегство всего остального войска.

Поэтому меньше всего следовало бы ставить в задние шеренги фаланги не совсем надежных людей, рабов. Они не приносили бы там никакой пользы, но легко могли бы преждевременным или даже злонамеренным бегством вызвать панику среди гоплитов.

Все это, конечно, не исключает обратного положения: если есть менее хорошо вооруженные бойцы, то их надо ставить в задние шеренги. Такие легко или неполно вооруженные люди могут быть полезными, оказывая помощь своим раненым и добивая или забирая в плен раненых врагов. Но это лишь второстепенные услуги, а фаланга, как таковая, требует возможно полнее вооруженных воинов для всех своих рядов.

При подобном способе сражения чрезвычайно важно качество бойцов, поставленных в первой шеренге. Как часто Тиртей в своих военных песнях восхваляет воинов, сражающихся в первых рядах "ἐν προμά χοισι"[21]. Позднейшие теоретики советуют полководцу ставить в первую и последнюю шеренги наиболее надежных людей, чтобы удержать целостность всей фаланги. Один привлеченный к суду афинский гражданин ссылался перед судьями на то, что в опасном бою

он добровольно стал в первую шеренгу[22].

Если в Лакедемоне спартиаты и периойки одинаково шли в армию гоплитами, – между тем как спартиаты, будучи профессиональными бойцами, имели несравненно большую ценность, нежели периойки, занимавшиеся в обычное время своими хозяйственными делами, – то это лучше всего объясняется тем, что первые шеренги фаланги составлялись преимущественно из спартиатов[23].

Дальнобойное оружие лишь в очень незначительной мере связывается с гоплитской фалангой. Лук издавна пользовался у греков почетом. Национальный герой Геракл был лучником. Во время платейского похода у афинян упоминается особый отряд лучников. Но с тех пор как копьеносцы образовали фалангу, лучники оказались оттесненными на задний план, ибо эти два рода оружия если и не совершенно исключают друг друга, то все же плохо сочетаются один с другим. Лучников, пращников, метателей дротиков можно себе представить лишь впереди, сбоку или позади фаланги. Если же они высыпают перед строем, то затем до столкновения обеих фаланг они должны скрыться, т.е. обойти фланги своей фаланги. Если бы они захотели пройти сквозь саму фалангу, то вызванные этим

беспорядок и промедление принесли бы слишком большой вред, не компенсируемый тем ущербом, который их стрельба причинила бы врагу. Чтобы спокойно обойти оба фланга, стрелки должны были бы начинать отступление в то время, когда фаланги находятся еще на расстоянии в несколько сот шагов друг от друга. Если неприятель совсем не имеет стрелков и ему навстречу посылают легковооруженных, беспрерывно обстреливающих его при его приближении, то это, конечно, может нанести ему существенный ущерб. Если же стрелки имеются у обеих сторон, то они будут главным образом обстреливать друг друга, а это не окажет никакого влияния на бой между фалангами, которому принадлежит решающая роль. Большое количество стрелков, обстреливая надвигающегося неприятеля наискось с обоих флангов гоплитской фаланги, могло бы еще оказать известное влияние на ход сражения. Но нигде, даже в последних греческих сражениях, мы не находим никаких следов подобной тактики.

Если, наконец, поставить лучников позади фаланги, то они могли бы стрелять оттуда незадолго до столкновения; но такая стрельба, без настоящего прицеливания, при крутой траектории выпущенных стрел, не могла бы принести больших результатов, в особенности если, как это

обычно бывало, собственная фаланга скорым шагом шла навстречу неприятелю. Действительно, с подобным применением стрелков мы чаще встречаемся в теории[24]. Практически же оно проводилось в жизнь очень редко, например в сражении, которое Фрасибул дал 30 тиранам на улицах Перея (Ксенофонт, II, 4). Но здесь воины Фрасибула стояли лишь в 10 шеренг на возвышении и ждали неприятеля, подвигавшегося в гору фалангою в 50 щитов глубиною. Следовательно, выстрелы, направленные сверху в плотную массу противника, могли при этих особых обстоятельствах сослужить немалую службу.

Но, как правило, стрелки являлись лишь вспомогательным родом оружия. Настоящие же боевые войска греков в Персидских войнах состояли исключительно из гоплитов.

Несмотря на это, Геродот, говоря о Персидских войнах, считает на каждого гоплита по одному невооруженному (ψιλός) и причисляет их к войскам при подсчете боевых сил. Позднейшие греческие историки тоже часто упоминают о больших массах невооруженных, но не причисляют их к настоящим бойцам, – вполне основательно, как мы уже имели случай убедиться, так как с этим родом оружия почти

совсем не приходилось считаться: роль его в бою была ничтожна. Здесь мы сталкиваемся с затруднением, с которым нам неоднократно придется встречаться и дальше, особенно в рыцарских войсках Средневековья. Строгое различие между бойцами и небойцами, которое кажется нам теперь чем-то само собой разумеющимся, в действительности бывает довольно трудно провести. Греческому гоплиту было очень тяжело нести свое вооружение, да еще за то короткое время, какое длился обычно поход, он сам должен был заботиться о своем пропитании. Большинство гоплитов были люди состоятельные и не совсем молодые. Поэтому им трудно было обходиться без помощника, служившего им оруженосцем, фуражиром, поваром, а в случае ранения – братом милосердия.

Каждый гоплит должен был иметь при себе какого-нибудь другого человека – будь то сын, брат, сосед или хотя бы надежный раб. Этот спутник не был совсем безоружен: он имел по меньшей мере кинжал на поясе или топорик, а, может быть, также и легкое копье. Если вставал вопрос о том, чтобы опустошить неприятельские земли, когда противник уклоняется от боя, то невооруженным было легче это сделать, чем тяжеловесным гоплитам. В бою часть из них

могла зайти во фланг неприятельской фаланги, чтобы киданием камней и метанием копий затруднить врагу продвижение; другая часть могла идти за фалангой для того, чтобы немедленно подбирать раненых и подавать им первую помощь, а попавшихся в руки раненых врагов брать в плен или добивать. Итак, эти невооруженные не являлись просто обозными – на них лежали также известные боевые функции. Но все же получится искаженная картина, если их считать вместе с гоплитами при определении боевых сил. Гораздо вернее (как это большей частью делали сами греки) считать только гоплитов, а также всадников и стрелков, которых обозначить особо. Но в то же время не надо упускать из виду, что было примерно такое же количество обозных, несших известные второстепенные боевые функции.

Кавалерии греки совсем не применяли против персов.

Слабость фаланги гоплитов – в ее флангах. Если противнику удалось охватить фалангу хотя бы с одного фланга, в то время как фронт занят, то она погибла. Незначительное количество бойцов из крайних рядов едва ли смогло бы выдержать натиск неприятеля. В то время, когда они вынуждены остановиться и поворачиваться к

неприятелю, они или заставляют этим остановиться всю фалангу, отнимая у всех задних рядов возможность выполнять свою основную задачу – напирать на передние ряды, – или же происходит разрыв фаланги, и враг захлестывает ее с фланга.

Очень наглядно это показано в описании одного сражения под Керкирой в 373 г.[25]. Спартанцы, осаждавшие город, отбили вылазку. Тогда из ворот города им во фланг ударил другой отряд керкирян, "выстроенных в фаланги по 8 чел. в глубину"; лакедемоняне, – рассказывает дальше Ксенофонт, – "решили, что фланг (*τὸ ἄκρον*, т.е. дословно "острие") слишком слаб, и попытались повернуть кругом". Последние ряды пробовали еще построиться покоем и образовать новый фронт. Неприятель, усмотрев в этом маневре начало бегства, надавил на них сильнее, перестроения провести не удалось, и одна часть за другой в самом деле бросились в бегство.

Особенно опасна для фаланги кавалерия, когда она, хотя бы даже очень слабо, атакует во фланг. Тогда сила фаланги может быть немедленно сломлена, так как она не сможет наступать, сохраняя порядок.

Вопрос о происхождении фаланги как тактического построения или, другими словами, о

том, как развивался из умноженного единоборства бой единым тактическим целым, мы исключили из рамок этой книги и повели наше изложение от того времени, когда в греческих городах-государствах тактическое целое фаланги гоплитов уже несомненно существовало и успело доказать свою жизнеспособность. Но некоторые указания относительно предыдущего периода я все же хотел бы дать.

Многое указывает на то, что доряне, покорившие себе часть пелопоннесских земель, были первыми, которые не только признали важность крепкого единения бойцов, но стали также практически и с успехом проводить его в жизнь. В легендарных рассказах о Мессенских войнах в том виде, как они сохранились до нас у Павсания (VI, 8, 11), говорится, что лакедемоняне не преследовали неприятеля, потому что им важнее было сохранить свой порядок, чем убить того или другого из беглецов[26]. Почти совершенно одинаково звучат (Арнет, Мария Терезия – Arneth, Maria Theresia, V, 171) заметки императора Франциска I о военном деле пруссаков, написанные им для его брата Карла Лотарингского в 1757 г. "Они (пруссаки) лишь редко умели извлекать значительные выгоды из выигранных сражений. Причина заключалась в

том, что они ничего так не боялись, как внести беспорядок в свои ряды, и потому большей частью избегали стремительного натиска".

Старейшее воспоминание о происхождении фаланги дает легенда, которую мы находим у Полиэна (I, 10).

Когда Гераклиды воевали со Спартой, неприятель напал на них однажды во время жертвоприношения. Но они не поддались панике и приказали выступить вперед своим флейтистам. Флейтисты дули в флейты и шли вперед, гоплиты же, подвигаясь в такт мелодии, образовали и сохранили в целости боевой порядок и победили.

Этот опыт научил лакедемонян, чтобы в бой их всегда вели флейтисты, и бог возвестил им, что они всегда будут победителями, пока будут сражаться с флейтистами, но не против них. При этом флейтисты означают не что иное, как тактический порядок; толпа отдельно дерущихся героев не марширует в такт, но своим беспорядочным шумом она заглушила бы даже флейты.

1. Плутарх (Ликург, гл. 22) и Фукидид (V, 70) также рассказывают, что лакедемоняне медленно шли в бой под ритм и мелодию многочисленных флейт.

Но из этого неправильно выведено заключение (Liers, S. 177), что спартанцы придерживались этого

шага до самого момента столкновения, не делая подобно афинянам разбега. Приближение под музыку размеренным шагом безусловно сочетается с конечной атакой форсированным маршем, как того требует природа, или, если можно так сказать, психология вещей.

Также и Полибий (IV, 20, 6) сообщает, что в древности критяне и лакедемоняне вместо трубы ввели на войне αὐλὸν καίρυδμόν (флейту и ритм), т.е. ровную, ритмическую игру флейты.

2. Если внимательно отнестись к песням Тиртея, то в некоторых отрывках, как уже вполне правильно отметил Ад. Бауэр (a. a. O. p. 242, 2-е изд., 304), можно найти указания на то, что перед певцом проносились сомкнутые ряды, именно (примеч. 10, 15 у Bergk): "Сражайтесь, оставаясь друг возле друга". Другие места, конечно, указывают скорее на единоборство, как в Илиаде – например, обращение к гимнетам в конце No 11, но существование тактического целого отнюдь не исключает единоборства и даже частого единоборства.

3. В гражданской присяге афинян было особо подчеркнуто: "И не покину товарища, с которым буду идти рядом в строю".

К этим цитатам Ольсен (Olsen) в своей "Schlacht bei Platдд" ("Progr., Greifswald", 1903 г., S. 15) прибавил еще следующие две прекрасные ссылки: Софокл "Антигона", стих 670: "Он не покинет своего поста во время сражения – доблестный и справедливый боевой товарищ" и Фукидид, II, 119, речь Архидама: "Следуйте повсюду, куда бы вас ни повели. Прежде всего соблюдайте порядок и сохраняйте бдительность. Дело идет лучше всего и

безопасность повышается тогда, когда многие готовы подчиняться одному порядку".

4. На основе чрезвычайно тщательно проведенного сопоставления и сравнения литературных источников с дошедшими до нас изображениями на вазах, Гельбиг[27] пытался недавно доказать, что в Греции (за исключением Фессалии) до Персидских войн вообще не было кавалерии, а тех ἱππεῖς, о которых так часто упоминается и чьи изображения мы встречаем не раз, следует рассматривать как конных гоплитов.

Вопрос идет о времени, значительно предшествующем исходному моменту моего исследования, однако я должен заметить, что доказательства Гельбига не кажутся мне убедительными и что против них имеется много веских возражений. Прежде всего самое представление о пехоте и кавалерии слишком современно, т.е. если брать его так подчеркнуто; кто прочтет III том этого исследования, тот увидит, что бывали воины пешие и конные, к которым нельзя было применить ни слово "пехота", ни слово "кавалерия". Поэтому и гельбиговское понятие "конной пехоты" безусловно подлежит оспариванию, – и это не только простой спор о словах, но на это понятие опирается все его исследование; дело в том, что при толковании различных сцен вазовой живописи, где изображены кони и вооруженные люди, целиком предоставляется нашему выбору видеть в них кавалеристов и пехотинцев. Кто достаточно вник в самую сущность средневековых рыцарских сражений, тот поймет, что изображения на греческих вазах часто допускают другое толкование, чем то, которое дает им Гельбиг, когда он, например,

так излагает сцену сражения (рис. 37, стр. 255): два конных гоплита подверглись нападению, прежде чем успели перед боем соскочить с лошадей; я готов скорее предположить, что они подверглись нападению и не успели вскочить на седло для того, чтобы ринуться в бой верхом или же ускакать. Также и толкование на стр. 188 кажется мне недопустимым, равно как и многие другие.

Гельбигу представляется, что граждан с лошадью, даже с двумя лошадьми, вербовали на войну для того, чтобы в случае сражения они вступили в фалангу в качестве гоплитов, а после сражения опять садились на лошадь и преследовали врага. Мне это представляется неприемлемым. Что состоятельный человек, назначенный участвовать в походе, садился на лошадь для того, чтобы не утруждать себя бегом, а потом сражался в качестве гоплита, – это, конечно, могло случиться; что обладатели лошадей сейчас же после исхода фалангового сражения стремительно вскакивали на своих коней и преследовали побежденного врага, это также могло происходить, хотя для более древнего периода греческой истории у нас нет никаких указаний на существование самого понятия о подобном преследовании, и едва ли оно вязалось бы с ним. Но с уверенностью можно утверждать, что в подобных целях институт конных гоплитов не мог бы быть организован государством. С другой стороны, многие случаи показывают нам, что конные воины значительно больше могут повлиять на исход сражения, если остаются в седле и атакуют неприятельскую фалангу во фланг.

Применяя современное понятие "кавалерия", Гельбиг считает необходимым (стр. 169), чтобы

всадники собирались для совместных упражнений, причем он вполне основательно сомневается в исполнимости этого требования. Но те два всадника, которых должен был поставить каждый округ (навкрария) Аттики не составляли эскадрона численностью в 96 чел., а были попросту 96-ю отдельными всадниками или, если угодно, рыцарями, так же мало думавшими о совместных упражнениях, как и средневековые рыцари.

Что эти рыцари при известных обстоятельствах вступали гоплитами в фалангу, вполне естественно; ведь и средневековые рыцари зачастую сражались пешими, и не только тогда, когда обстоятельства не благоприятствовали бою на конях, но также и для оказания моральной поддержки прочим пешим бойцам; и подобно тому, как это ставилось в большую заслугу афинским всадникам[28], так же точно прославлялось это и рыцарями XV в. (Г. Дельбрюк, т. III, стр. 468 и 549 нем. текста). Во время Персидских войн, когда горсточка греческих всадников оказалась бы совершенно бессильной против многочисленной персидской конницы, знатные афиняне, само собою разумеется, сражались в рядах гоплитов, а потому заключение Гельбига (стр. 160), что отсутствие кавалерии у греков при Марафоне и Платее доказывает, будто у них ее и вовсе не было, никак не убедительно.

Для нас излишне входить в детали сделанного Гельбигом исследования; поскольку они касаются интересующего нас периода, они относятся больше к области "древностей". Здесь последнее слово должно быть сказано новым исследованием. Ибо, если я и не могу согласиться с основной мыслью и выводом

Гельбига, все же он безусловно прав в том, что в наших преданиях таятся противоречия, остававшиеся до сих пор незамеченными. Сама постановка вопроса, собрание воедино разбросанного материала, остроумный его подбор – все это само по себе составляет большую заслугу. Вопрос же о конечном выводе остается открытым, а загадки так и остались загадками.

Особенно удивительным для нашего восприятия является сообщение Павсания (I, 18; указано Гельбигом на стр. 180), что в одном из афинских храмов находились статуи диоскуров, изображавшие господ пешими, а их слуг на конях. В наше время это можно было бы рассматривать как опрокинутый мир (die verkehrte Welt).

Глава III

ЧИСЛЕННОСТЬ ГРЕЧЕСКИХ ВОЙСК. ИТОГИ

Установление тактической природы греческого войска дает нам новую отправную точку для определения его величины. Полное гоплитское вооружение обходится очень дорого; далеко не каждый военнообязанный гражданин в состоянии им обзавестись.

Кроме того, каждый гоплит имеет при себе еще одного легковооруженного. Следовательно, фаланга была значительно меньше числа граждан.

В Афинах издавна существовало четыре имущественных класса, из которых высшие два служили всадниками, третий же – зевгиты (т.е."упряжники"), имевшие доход от 200 до 300 четвериков (медимнов) пшеницы, вина или масла, служили гоплитами. Следовательно, до момента появления у афинян флота самое низшее сословие граждан – феты – были совершенно освобождены от воинской повинности. Но все же можно с уверенностью сказать, что легковооруженный, сопровождавший гоплита в поход, также являлся большей частью гражданином; у большинства зевгитов не было рабов. Когда же афиняне

обзавелись флотом и одновременно увеличилось количество рабов, то феты стали нести морскую службу, а гоплитов сопровождали в поход преданные рабы.

Спарта (вместе с Мессенией) имела почти вдвое большее население, но ввиду того, что военную службу несла лишь господствующая каста воинов, с привлечением к ней в крайних случаях граждан (периойков), но отнюдь не крепостных крестьян (илотов), она поставляла гоплитов не больше, чем Афины, – около 2 000 спартиатов и 3 000 периойков. Коринф и Фивы могли выставить 1 500–2 000 бойцов. Эти числа значительно ниже, чем те, которые принимались раньше в науке, но тщательная выверка традиции и учет всех обстоятельств и соотношений дают нам право считать эти числа весьма близкими к действительности.

1. В числах, которые мы привели в первой главе, поражает колоссальный численный перевес людей, требовавшихся для службы во флоте над бойцами сухопутной армии. В наши дни соотношение обратное. Афиняне однажды выставили флот в 170 кораблей, требовавший по норме 34 000 чел. команды. Между тем самый большой их сухопутный набор (в 431 г.) дал лишь 16 000 гоплитов и даже, вероятно, еще значительно меньше, так как Фукидид дает число, взятое из регистра военнообязанных без вычета

выбывших или хотя бы клерухов из дальних поселений. Но мы установили, что набор 16 000 гоплитов в действительности означает мобилизацию примерно 32 000 чел. Следовательно, морская и сухопутная милиции были по численности приблизительно равны.

В 431 г. из 28 000 годных к военной службе афинских граждан 1 200 служили всадниками, 1 600 – лучниками, 13 000 – гоплитами в строю; оставались еще 13 000 чел., в том числе два призывных контингента новобранцев.

Следовательно, когда вспыхнула Пелопоннесская война, действующую армию составляли около половины всех взрослых военнообязанных граждан. В то время Афины находились в расцвете своего могущества и благосостояния. Нельзя предположить, чтобы ко времени сражения при Марафоне их оборонительные силы стояли бы уже на такой высоте. Гоплитские доспехи были настолько ценным предметом, что и в 431 г. даже половина граждан не могла обзаводиться ими на собственные средства, – так что часть гоплитов, как мы увидим впоследствии, получала вооружение от государства. Нам не представляется вероятным, чтобы подобное явление могло иметь место уже во времена Персидских войн. Следовательно, мы должны принять, что в рассматриваемое время гоплитами служили лишь те из граждан, которые были в состоянии на свой счет приобрести доспехи. Здесь мы имели точку опоры в классовом подразделении афинян на пентакосиомедимнов (т.е.лиц с годовым доходом в 500 четвериков) – всадников, запряжчиков – зевгитов и поденщиков – фетов. Самые названия указывают,

что, когда создавались эти классы, жители Аттики жили еще преимущественно земледелием. Для V в. мы должны принять просто существование четырех имущественных классов, на которые делилось также и городское население в зависимости от доходов. Политического значения эти классы больше не имели, если даже они и имели его когда-либо раньше; для обложения налогом эти подразделения едва ли были применимыми, но в организации военного дела они, несомненно, должны были играть большую роль. Для высшего класса, как такового, в источниках нет указаний на какие-либо определенные обязательства, но были известные повинности, в частности снаряжение триер (самый остов поставляло государство), лежавшее специально на богатейших гражданах. Так как лицо, не достигшее ценза высшего класса, конечно, не могло брать на себя подобных "литургий", то нам придется видеть в них характерный признак принадлежности к этому классу. Кроме "литургий", на лицах, относившихся к 1-му классу, лежала наряду с гражданами 2-го класса обязанность служить всадниками. Зевгиты же обязаны были служить гоплитами и иметь для этого собственное вооружение.

Мое предположение, что в более ранние времена феты шли на войну в качестве легковооруженных, основано на том, что Афины еще до появления у них флота были демократией, а всеобщее избирательное право немыслимо без всеобщей воинской повинности. Гоплиту, не приведшему самому спутника – сына, брата, соседа или раба, – его община сама назначала в спутники какого-либо гражданина. Принадлежность к классу зевгитов мы будем понимать в том смысле, что

семья обязана была дать одного вооруженного бойца. Совершенно невозможно[29], чтобы при наличии в крестьянском доме нескольких взрослых сыновей отец был обязан приобретать для каждого гоплитское вооружение. Повинность дать одного вооруженного человека фактически означала повинность дать не одного, а двух.

Если это толкование правильно, то афинское гоплитское войско в 490 г. не могло охватить не только половину, как в 431 г., но едва ли даже и треть всех способных к военной службе афинских граждан. Вероятно, гоплиты составляли четверть или даже одну пятую часть их. Следовательно, у афинян в сражении при Марафоне было, включая метойков, максимально 8 000, а вернее всего только около 5 000 гоплитов, сопровождаемых таким же числом легковооруженных.

Нам с точностью неизвестно, как далеко простирались военные обязанности метойков. Однако для наших целей это большой роли не играет, так как независимо от этого их все равно призывали в особенно важных случаях и при необходимости оборонять страну, а ведь наши вычисления сделаны лишь исключительно по максимальным наборам.

Шенкль (Schenkl, De Metoecis Atticis, Wiener Studien, I, S. 196, 1879 г., "О метойках в Аттике") категорически опровергает мнение Германа, что граждане и метойки несли воинскую повинность на равных началах. Также и Тумзер (Thumser, Wiener Studien, VII, 62, 1885) полагает, что метойки-гоплиты в додемосфеновские времена, за исключением особенно выдающихся случаев, применялись для обороны лишь Аттики. Того же взгляда придерживается и Бузольт (III, 53).

2. Народонаселение Лаконики и Мессении, по вычислениям Белоха, насчитывало 230 000 душ, в том числе 9 000 спартиатов, 45 000 периойков и 176 000 илотов.

Общую численность населения я несколько повысил, так как считаю процент взрослых мужчин несколько меньшим, чем это полагает Белох. Кроме того, всегда имеется в наличии больше людей призывного возраста, чем тех, которые действительно отправляются или имеют возможность отправиться в поход. Во всем остальном я вполне согласен с вычислениями Белоха и за подробностями отсылаю читателя к нему. Итак, по Белоху, Спарта имела возможность направить на фронт гоплитское войско примерно в 2 000 спартиатов и 3 000 периойков[30]; легковооруженными служили илоты.

Таким образом, становится опять на почетное место переданное нам первоисточниками число, которое до сих пор вызывало лишь очень небрежное отношение к себе. По Геродоту (VI, 120), спартанцы послали афинянам на помощь в 490 г. 2 000 чел. Это было бы поразительно мало, если бы у них действительно, сверх занятых во флоте матросов, было при Платее еще 5 000 спартиатов и 5 000 периойков в качестве гоплитов. Теперь мы узнаем, что на помощь афинянам явилось спартиатское ополчение, и, следовательно, Лакедемон чрезвычайно серьезно отнесся к войне. Конечно, ввиду общей ненадежности числовых данных Геродота, вполне возможно, что здесь перед нами простая случайность, но возможно также, что именно это число, официально сообщенное афинянам, сохранилось в предании, в то время как число афинян и платеян,

шедших "всенародным ополчением" (πανδημεί), не получило места в предании и впоследствии – быть может, в ответ на вопрос Геродота – было каким-либо несведущим лицом настолько несообразно подсчитано, что на крохотное местечко Платею падает, относительно гораздо более высокая повинность, чем на самые Афины.

3. Наш вывод относительно Спарты также поддерживается нашими вычислениями для Афин. Спарта считалась в то время у греков безусловно наиболее сильным в военном отношении государством[31]. Спартиаты были профессиональными воинами, а потому в качественном отношении, несомненно, превосходили гражданские ополчения всех других областей. Но если бы Афины уже в период Персидских войн имели возможность послать на фронт 10 000 гоплитов, т.е. войско, вдвое большее спартанского, то Спарта не могла бы притязать на столь неоспоримое первенство. Предположение, что численно их силы были приблизительно равны и что преимущество Спарты состояло в качественном превосходстве господствующей касты воинов, устраняет все затруднения.

Если Афины и Спарта могли дать не больше 5 000 или максимально 6 000 гоплитов, то Коринф или Фивы, владевшие лишь очень незначительными округами, конечно, не могли выставить больше 1 500 или максимально 2 000 чел.

Глава IV

ПЕРСИДСКОЕ ВОЙСКО

Персидское войско по своему характеру было противоположно греческому: оно состояло из всадников и лучников. Единственный современник, повествующий нам о Персидских войнах, Эсхил в своей драме "Персы" воспевает борьбу копья с луком, неоднократно возвращаясь к этому мотиву[32]. Персидские всадники также пользовались луком. Упоминаемые мечи и короткие копья служили лишь в качестве второстепенного оружия.

Ввиду того, что основным оружием был лук, предохранительное вооружение было легким: у пехоты только плетеный щит, который стрелок выставлял перед собой при стрельбе. "Они идут в бой в шапках и штанах", – описывает Аристагор персидских воинов спартанцам. В другом месте [33] упоминаются чешуйчатые панцири, но ими, по всей вероятности, пользовалась только часть всадников.

Различие между персами и греками заключается не только в неодинаковом вооружении. Сила фаланги покоится, кроме мужества и вооружения отдельных воинов, также

на стойкости целого, на сплоченности тактической единицы. Мы уже видели, что даже при значительном численном перевесе победный исход сражения достигается не силой оружия, а физическим и моральным давлением, оказываемым задними шеренгами фаланги. Такого тактического целого у персов не было: стрелки мало для этого приспособлены; они естественно стремятся не сплотиться, а рассыпаться. Только исключительно высокое искусство может все же привести их к внутреннему единству. Но на первом месте остается ловкость, рвение и мужество отдельных воинов. Стрелков нельзя применять в больших массах против гоплитов; если выстроить их очень глубоким строем, то выстрелы из задних шеренг не получат должной силы. Если же раздвинуть строй в ширину, то очень скоро стрелы совсем не будут долетать до врага.

Персидское государство состояло из национального персидского ядра и многочисленных подчиненных народностей. Из этих последних персидские цари не набирали бойцов. Месопотамцы, сирийцы, египтяне, малоазиатские народности составляли невоинственную, платившую дань массу; исключением являлись финикийские и греческие

моряки, из которых, разумеется, комплектовались матросы для военного флота. Когда Геродот насчитывает чудовищное количество народностей, входивших в состав персидского войска, го мы должны рассматривать это как чистый вымысел. Сама Персия, охватывавшая нынешний Иран, Афганистан, Белуджистан и значительную часть Туркестана, была и остается до сих пор в большей своей части страной степей и пустынь, с разбросанными среди них бесчисленными мелкими, реже более крупными и несколькими очень крупными оазисами. Персы, мидийцы и парфяне представляли собой разветвление одного и того же народа, совершенно как в средневековой Германии саксонцы, франки, швабы, баварцы. Связывало их не только племенное единство, но и общая религия, откровение Заратустры. Воинственным элементом являлись собственно больше кочевые, чем оседлые части племени. Кочевники же были, видимо, и основателями государства. По мере того, как персы становились властителями все более обширных и богатых культурных стран, они превращались из воинствующих пастухов в воинственных правителей, рыцарей. Надо представлять себе, что все сатрапы от Черного моря до Красного, вступая в должность, приводили с собою большую

национально-персидскую дружину, из которой они набирали своих телохранителей и придворных, а также гарнизоны для наиболее важных укрепленных пунктов. Налоги и взимаемая сатрапом дань натурой давали ему возможность не только содержать эти дружины, но также пополнять их в случае нужды наемниками из воинственных племен, многие из которых оставались в этом огромном государстве в полунезависимом, а иногда и вовсе независимом положении. Некоторые пополнения и подкрепления приводились и из самой Персии, где их вербовали больше среди кочевников, чем среди крестьян.

Персидское государство как по своему основанию, так и по своей структуре аналогично создавшейся 1 200 лет спустя из другой страны оазисов мировой державе аравийских бедуинов, которых – как некогда персы – спаивала новая религия. Как позднее арабы, так некогда и персы не создавали массового войска: большие массы не могут передвигаться на чудовищные расстояния в странах, имеющих такое огромное протяжение. Как арабы, так и персы создавали свое войско на основе не количественного, но качественного принципа. Для того, чтобы ясно представить себе, какова была сущность персидского войска,

следует пополнить показания греческих источников сопоставлением с германским рыцарским войсковым устройством: вспомним, как франки под предводительством Меровингов заняли с небольшими отрядами богатые романизованные области Галлии, в то время как основная народная масса не покидала унаследованных земель; также и с немецкими рыцарями саксонские и салические короли и Штауфены заняли и держали в повиновении Италию. Мы здесь не будем останавливаться на отличиях между устройствами восточного и западных государств, нас интересует лишь вопрос, что представляло в своей сущности военное сословие, сумевшее при небольшой численности создать большие державы[34].

Очень меткую оценку и определение разницы между войсками обеих сторон дает греческое предание о беседе между Ксерксом и изгнанным спартанским царем Демаратом. Великий царь похваляется, что среди его телохранителей найдется не один человек, готовый потягаться силами с тремя эллинами одновременно. Демарат же возражает на это, что отдельные спартанцы не менее храбры, чем другие люди, но их подлинная сила заключается в их единении, и закон повелевает им, не выходя из строя, вместе

победить или вместе умереть. Мы, понятно, толкуем это таким образом: греческие гоплиты составляют сплоченное тактическое целое, персидские же воины – нет.

Греческое предание, поскольку оно касается персов, содержит в себе внутреннее противоречие. То они представляются в виде огромных, но очень невоинственных толпищ, погоняемых в бой плетьми, го их изображают в высшей степени доблестными и очень искусными воинами[35]. Если бы верны были оба сообщения как относительно численности, так и относительно воинской доблести персов, то постоянно повторяющиеся победы греков были бы необъяснимы. Только одно из двух может быть верным, – и совершенно ясно, что превосходство персов следует искать не в количественном перевесе, а в качественном.

Греческая легенда – единственно дошедшая до нас – превратила победу гражданского ополчения над профессиональным войском в победу незначительного меньшинства над огромным большинством. Это – обычный сдвиг в народной психологии, с которым постоянно приходится встречаться. Качественное отличие является слишком тонким для понимания массы, и она переносит его в категорию количества. Это – легенда, но не ложь. Для каждого, кто понимает

разницу между профессиональным войском и гражданским ополчением, победа греческих горожан над персидскими рыцарями является не менее славной, чем отмечаемая преданием победа немногих над многими. Но для военно-исторического понимания в данном случае важнее всего установить, где кончается легенда и где начинается история. Представление об огромных персидских полчищах нужно совершенно отбросить. Ничто не заставляет нас предполагать у персов какое бы то ни было численное превосходство при Марафоне и Платее; наоборот, вполне возможно и вероятно, а на мой взгляд даже несомненно, что греки имели численный перевес.

Персы были профессиональными воинами. Даже пополнения, набранные для собственного рыцарского войска из числа персидских пастухов и крестьян, ввиду такой большой войны, как война с греками, не являлись гражданским ополчением, так как из всей народной массы вербовались наиболее воинственные. Греки же, за исключением спартиатов, могли выставить лишь гражданские ополчения, не имевшие даже сколько-нибудь твердых военных традиций. Героический век уже лежал далеко позади, а последнее поколение хотя и видало неоднократно

пограничные ссоры, но в общем воспитывалось для мирных занятий – земледелия, торговли, мореходства, ремесла.

Когда я в своих "Персидских и Бургундских войнах" впервые высказал это мнение, оно было отвергнуто многими учеными без дальнейшего обоснования, просто словом "невозможно". Конечно, вполне естественно, что столь твердо укоренившееся представление, как представление о величине приведенных Ксерксом войск, не может быть отброшено с легкостью. Я это предвидел и потому соединил свое исследование Персидских войн с исследованием войн между Карлом Смелым и швейцарцами – так называемых Бургундских войн. Здесь перед нами совершенно аналогичный случай. Гражданско-крестьянское войско в ряде сражений неизменно побеждает профессиональных воинов (рыцарей и наемников), предание же превращает это в победу ничтожного меньшинства над огромным большинством. Но до нас дошло несколько списков войск, участвовавших с обеих сторон в сражениях при Грансоне и Муртене; благодаря им мы можем документально доказать, что мнимые стотысячные армии Карла Смелого на деле значительно уступали численностью швейцарским войскам. Поэтому голым словом "невозможно"

никак нельзя отвергать возможность подобной замены в предании. Трудно понять, почему Геродоту и грекам следует оказывать больше доверия, чем суровым швейцарским летописцам, которым также верили в продолжение ряда веков. Я прошу всякого, кому мои доводы покажутся сомнительными, не произносить окончательного приговора, не ознакомившись со швейцарскими преданиями. У нас есть швейцарское предание о Буллингере, записанное приблизительно через такой же промежуток времени после рассказанных в нем событий, какой отделяет геродотовы рассказы от Персидских войн, и потому оставшееся ненапечатанным. Я привел соответствующий отрывок из этой рукописи в моих "Персидских и Бургундских войнах", чтобы дать возможность судить по нему о характере и достоверности подобных записей. Путем такой методологической подготовительной работы я сам научился обращаться с греческими источниками, а потому и советую каждому ученому, желающему дальше трудиться на этом поле, освоиться с этим орудием, прежде чем доверить каменистой почве свои семена.

К сожалению, – добавляю я в этом новом издании, – я еще не заметил, что кто-либо из ученых последовал этому совету.

Глава V

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАРАФОНЕ

Вышеизложенные условия дают нам основание принять для персидского войска в 490 г. приблизительно такую же численность, как и для афинского, – пожалуй, даже несколько меньшую, а именно от 4 000 до 6 000 воинов, в том числе от 500 до 800 всадников. Наряду с этим у персов так же, как и у греков, было большое число невооруженных. Это определение может показаться произвольным; но нужно уяснить себе, что размеры одного войска всегда дают возможность делать известные выводы о размерах другого войска, если имеется представление о качестве воинов обеих сторон; ход событий доставит нам в дальнейшем еще больше данных для суждения. Персидское войско переплыло на большом флоте через Эгейское море, захватило и разрушило городок Эретрию на Эвбее и направилось затем к Аттике. У афинян еще не было флота, равного персидскому, следовательно, они могли встретить нападение лишь на суше.

Задачей персидских полководцев, Датиса и Артаферна, было прежде всего высадить войска на каком-либо участке афинского побережья и

затем, напав на город Афины, захватить его; если же афинское войско покажется в открытом поле, то необходимо было сперва разбить его и прогнать.

По указаниям Гиппия, прежнего афинского тирана, изгнанного за двадцать лет до того, персы избрали для высадки Марафонскую равнину. Она находилась на расстоянии примерно 4 миль от Афин и совершенно не охранялась, так как афиняне не могли знать, что персы произведут высадку. Если афинское войско и было уже собрано, то оно во всяком случае стояло в самих Афинах. Даже в том случае, если бы у афинян была очень тщательно организована дозорная служба и о высадке неприятеля было дано знать в город немедленно, как она только началась, то и тогда должно было бы пройти не меньше 8 часов, пока их войско добралось до Марафона и приготовилось к нападению. За это время и персидское войско вполне могло прийти в боевую готовность. Кроме того, Марафонская равнина была со всех сторон окружена горами и малодоступна: персы легко могли занять все проходы, послав туда первых же высаженных на берег стрелков, и этим еще больше задержать вступление афинян в равнину.

В Афинах колебались, дать ли неприятелю

открытое сражение или же допустить до осады города. Мнение большинства, что можно отважиться на сражение, одержало верх. Послали в Спарту просьбу о присылке вспомогательного отряда.

Верховное командование было доверено Мильтиаду, человеку из богатого рода эвпатридов, который, подобно венецианским нобилям XIV и XV вв., будучи афинским гражданином, владел княжеством вне своей родины, в стране варваров, во фракийском Херсонесе, и там близко познакомился с персами. Он был даже подданным персидского царя и должен был бежать от него в Афины.

Мы знаем, в чем заключалось превосходство персов. Дойди дело до сражения в открытом поле, персидские всадники, будучи поставлены на флангах, несомненно, атаковали бы афинскую фалангу с обоих флангов, в то время как лучники осыпали бы ее фронт стрелами. Лишенная возможности из-за удара во фланги повести организованную атаку на стрелков, фаланга почти без боя стала бы жертвой комбинированных действий персов. Задача афинских полководцев заключалась именно в том, чтобы выровнять эту тактическую слабость односторонней афинской военной силы. Если изучить топографию

Марафона и сравнить результаты изучения с дошедшими до нас сообщениями, то можно с уверенностью сказать, каким образом Мильтиаду удалось разрешить эту задачу.

Корнелий Непот, черпавший свои сведения из Эфора, сообщает нам в жизнеописании Мильтиада, что афиняне расположились у подножия горы, на тесном пространстве, где они свалили деревья, чтобы стволы, так же как и скалы, служили им прикрытием против неприятельской конницы[36].

Это описание настолько соответствует обстановке, что нам следовало бы предположить нечто подобное, если бы даже до нас и не дошло определенного предания. Даже место на небольшой Марафонской равнине, ближе всего отвечающее сообщению Непота-Эфора, легко найти на специальной карте наметанному глазу военного историка: это вход в небольшую боковую долину, ныне называемую Франа. Эта долина в 150 м от входа имеет около 1 000 м ширины. Пространство это слишком широко для гоплитской фаланги в 6 000 бойцов, но оно было сужено засекой. Доступная для пехоты тропинка ведет из Афин через горы прямо в эту долину.

На главной дороге – единственной, ведущей в Марафонскую равнину, – Франская долина дает

хорошую позицию для флангов, так что неприятельское войско не может двинуться на Афины, не выбив предварительно афинское войско из Франской долины.

Геродот рассказывает нам, что афиняне бросились на врага с разбега в 8 стадий (4 800 футов, что составляет 1 500 м). Подобный бег физически невозможен: большой отряд бойцов в тяжелом вооружении может пробежать скорым шагом максимально 400–500 футов (120–150 м), не выбившись окончательно из сил и не нарушив своего порядка. Отдельные искусные бегуны, а также дикари могут пробежать очень большое расстояние даже при тяжелой нагрузке; но афиняне, сражавшиеся при Марафоне, не были уже первобытным народом, а представляли собой попросту гражданско-крестьянское ополчение. По прусскому воинскому уставу бег с полной укладкой не должен продолжаться больше 2 минут, что соответствует расстоянию от 330 до 350 м. А ведь афинское войско состояло не из кадров, прошедших военную муштру, и даже не из юношей, занимавшихся гимнастикой, а из набранных в массовом порядке горожан, крестьян, рыбаков, угольщиков, в возрасте до 45 или 50 лет; притом сомкнутая масса значительно тяжеловеснее в беге, нежели отдельные бегуны.

Когда какой-либо новейший историк говорит, что афиняне пробежали "по преданию" 8 стадий, то это звучит совершенно так же, как если бы он повторил вслед за древним рассказчиком, что они "по преданию" сделали в один день 60 миль (420 км). Если же кто-либо думает, что огромный воинственный подъем делает возможным совершенно иное напряжение нервов и мускулов, чем ежедневные упражнения на плацпараде, то это, конечно, верно, но все же это не может сделать возможным бег фаланги на протяжении полутора километров.

Одно сражение из новейшей военной истории дает нам очень показательный пример. Во время датской войны 1864 г. высланный далеко вперед прусский отряд, под командованием полковника фон Шлюттербаха, подвергся при Люндби в Ютландии нападению более многочисленной датской пехоты (3 июля). Пруссаки заняли оборонительную позицию. Когда их отделяло от противника 400 шагов, датчане с громкими криками "ура" пошли скорым шагом, "но, – говорит дальше рассказчик[37] – пройти 400 шагов скорым шагом, непроизвольно переходившим в полный бег, для войсковой части совершенно невозможно, если ей предстоит рукопашный бой с неприятелем. Не хватает дыхания, а потому,

пробежав 100 шагов, рота должна остановиться. Пока же она снова будет в состоянии двинуться, ей придется пережить несколько очень тяжелых минут".

"Баснословный бег, – заявляет один филолог, – не мог быть никому в тягость: Артемида дала им силу для бега с криком (*βοηδρδμια*) и в благодарность получила жертвенную козу"; так этот филолог предостерегает тех, кто в неразумии или по маловерию стал бы отрицать, что, вопреки суетному людскому суждению, простая вера в бога и собственная доблесть дали афинянам победу. И это миросозерцание имеет свои права: в Средневековье, в описаниях жизни святых и крестовых походов, весь мир, а равно и войны были полны чудес, люди же вообще неохотно отказываются от романтики исторического предания. Но тот, кто хочет критически исследовать историю военного искусства, тот может лично для себя молить о помощи святого Георгия или, если ему угодно, Артемиду и Аполлона, но из своего исторического исследования он должен решительно их изгнать. Пресловутый бег является решающим моментом для исторического понимания сражения, положившего основу греческой свободе, а с ней и всей современной культуре. Эти 8 стадий должны

с неизбежной последовательностью определить сперва место сражения, а затем ее тактическое развитие и причины победы и поражения. Поэтому мы должны считать за счастье, что здесь мы имеем такой исходный момент, простое и объективное исследование которого может дать нам полную уверенность, не зависящую ни от каких сомнительных свидетельств и недостоверных рассказов. Объективное исследование прежде всего показывает, что ни греческая фаланга, ни другой какой-либо построенный шеренгами боевой порядок никогда не пробегали, да и не могли бы пробежать полутора километров[38].

Показание Геродота покоится на каком-либо недоразумении, но это недоразумение не остается даже загадкой для нас, мы очень скоро получим его разъяснение.

Посреди Марафонской равнины возвышается искусственный холм, который, как подтвердили новейшие раскопки, является могилой павших при Марафоне афинян. Фукидид (II, 34) ясно говорит, что афиняне обычно хоронили своих павших бойцов дома, но павшие при Марафоне, в виде особой чести, были погребены на поле сражения. Нет никакого сомнения в том, что сам Геродот стоял на этом кургане, вышиной примерно в 12 м,

или у его подножия и оттуда обозревал поле, где произошло сражение.

На расстоянии ровно 8 стадии от кургана, в кольце окружающих Марафонскую равнину гор, видна Франская долина.

Трудно приписать простой случайности тот факт, что упоминаемые в рассказе Геродота 8 стадий в действительности имеются в данной местности. Афиняне стояли во Франской долине, а в 8 стадиях от нее стоит курган над прахом их павших бойцов, и как раз 8 стадий они, по словам Геродота, пробежали навстречу врагу, т.е. на такое расстояние протянулся бой. Афиняне не понесли своих убитых назад – на то место, где произошло первое столкновение с врагом, а отнесли их вперед – туда, где лежал последний из павших воинов, туда, докуда дошло преследование и где была завершена победа. Здесь, посреди равнины, на видном со всех сторон месте, они воздвигли высокий могильный холм. Отсюда же и Геродот обозревал местность и слушал описание сражения: до этого места, на расстоянии 8 стадий от долины, афиняне мчались, как он понимал, на врага в атаку, но в действительности сражаясь с врагом, преследуя врага.

Геродот рассказывает нам дальше, что

афиняне и персы стояли друг против друга трое суток, прежде чем дело дошло до боя. Афиняне, сообщившие ему об этом, не могли указать ему причину этого промедления, не зная ее или, вернее, слишком хорошо ее зная. Мильтиаду фактически не принадлежало верховное командование; во главе войска стояли 10 стратегов совместно, и по закону командование переходило поочередно от одного к другому на один день. Они же договорились между собой добровольно передать командование Мильтиаду. Тем не менее последний, желая возможно полнее связать честь победы со своим именем, откладывал сражение до того дня, когда верховное командование принадлежало ему также и по закону. Здесь мы опять узнаем психологическую черту, с которой нам все чаще придется встречаться по мере дальнейшего развития этого военно-исторического исследования. Объективные мотивы слишком тонки для легенды, слишком мало понятны, слишком будничны, и вот она заменяет их личными. Нам же нетрудно разгадать объективную конъюнктуру. Из легенды мы должны принять на веру то, что не было смысла измышлять, а именно, что оба войска несколько дней стояли друг против друга, не завязывая

сражения. Афиняне ничего при этом не теряли; в родной стране они не испытывали, конечно, продовольственных затруднений, но повышали боевой дух своих бойцов, указывая, что персы не смеют на них напасть; наконец, они ждали подкрепления от спартанцев. Совершенно невозможно, чтобы Мильтиад, не дожидаясь прихода спартанцев, без всякого повода приказал бы начать сражение. Следовательно, нападение вообще могло исходить не от афинян, а от персов.

Теперь, мне кажется, картина сражения вполне ясна. Как только пришло известие о том, что персы высадились на Марафонской равнине, Мильтиад выступил в поход и привел афинское войско во Франскую долину, имевшую непосредственное сообщение с городом через горы. Здесь, во Франской долине, недалеко от ее выхода, где горы еще давали обоим флангам прикрытие, которое было еще усилено порубкой деревьев, он выстроил свое войско так или велел ему стать лагерем таким образом, чтобы при первом известии о приближении врага оно могло выстроиться в боевой порядок. Ввиду того, что долина, несмотря на искусственную преграду, все еще оставалась слишком широкой[39], Мильтиад не имел возможности дать своей фаланге желательную глубину, и вот он ослабил центр и

укрепил оба фланга, чтобы они могли даже, выйдя из-за закрытия, оказать должное сопротивление персидской коннице в случае фланговой атаки. Наиболее ловких и храбрых из легковооруженных послали, вероятно, в горы налево и направо, чтобы они затрудняли подступ, осыпая неприятеля сверху стрелами, камнями и дротиками. Возвышенности, служившие прикрытием левому флангу, имеют пологие скаты, в чем я убедился, посетив эту местность в 1911 г., но они так густо усеяны обломками скал, что безусловно неприступны для конницы. Обычная дорога из Марафонской равнины в Афины проходит южнее, довольно близко от берега, вдоль болота, на незначительном расстоянии от линии фронта афинских войск. Персы не могли выбраться из Марафонской равнины, не выбив предварительно афинян из их позиции. По главной дороге они пойти не могли, так как афиняне врезались бы с фланга в их походные колонны. Не могли они также использовать какую-нибудь из тропинок, ведших на север, равно как и боковую долину – Марафонскую; все это было связано с риском, что, пока одна часть войска застряла бы в горах, другая еще во время марша подверглась бы нападению со стороны афинян[40].

Марафонская долина к тому же была, вероятно, в каком-либо узком своем месте прегражден афинянами для того, чтобы персы не зашли к ним оттуда во Франскую долину с тыла. У персов, следовательно, был только очень ограниченный выбор: или дать неприятелю сражение на этом избранном ими самими месте, или же снова сесть на корабли и попытаться сделать высадку в другом месте. Но и это последнее было весьма опасно. Афиняне находились так близко, что могли напасть на персов во время посадки на корабли, а если бы даже и удалось благополучно высадиться в другом месте, то где была гарантия, что афиняне в этой столь пересеченной местности не нашли бы такой же выгодной позиции, какую давала им Франская долина? Персидские полководцы должны были находиться в большом сомнении (ибо, по-видимому, верно, что они раздумывали несколько дней); между ними даже могли возникнуть крупные раздоры в вопросе о том, как поступить.

В конце концов взяло верх решение атаковать афинян в их крепкой позиции, не дожидаясь, по крайней мере, прихода спартанцев.

Их решение было бы диаметрально противоположным, если бы персы, как обычно

принято считать, значительно превосходили греков численностью. Будь это так, они разделили бы свое войско, причем одной половиной удерживали бы греческое войско во Франской долине, а другой под прикрытием первой обошли бы афинян сухим путем или морем и при помощи того или другого маневра заставили бы их оставить позицию. При слишком выгодном расположении неприятельских войск эта мера напрашивается сама собой, и если персы ее не применили, то из самого этого отрицательного факта можно сделать обратное заключение, что для этой меры у них не хватило сил. Наше прежнее мнение об отсутствии значительного численного перевеса у персов, обоснованное общими условиями, подтверждается теперь самим ходом событий. Против превосходных неприятельских сил позиция афинян во Франской долине оказалась бы недействительной; численность войска и его расположение находятся всегда в известном соответствии. Персы схватили быка за рога, потому что у них не было другого выхода. До тех пор еще не бывало, чтобы греки выдержали натиск персидских воинов. Поэтому можно было идти на риск. Мильтиад подпустил неприятеля к своей оборонительной позиции, и в то мгновение, когда дождь стрел стал ощутителен,

т.е. на расстоянии 100–150 шагов[41] вся гоплитская фаланга снялась с места и скорым шагом ринулась на врага. Бег имел двоякую цель: увеличить морально и физически силу натиска и уйти из-под стрел. Естественно, что слабый центр при отсутствии достаточного давления из задних рядов заколебался под дождем персидских стрел и подался назад, но обе более глубокие фланговые колонны продолжали бег и очутились перед неприятелем, прежде чем персидской коннице удалось их остановить фланговой атакой. Вероятно, служившие афинянам обеспечением естественные препятствия с правой и левой сторон простирались настолько далеко вперед, что по открытой равнине афинянам пришлось пройти лишь совсем небольшое пространство. Быстрота атаки и глубина построения дополнили то, что могло недоставать в отношении естественного прикрытия флангов, и как только афинские гоплиты вплотную подошли к персидским стрелкам, последние с их гораздо менее значительным предохранительным вооружением могли считать себя погибшими. Конечно, они как храбрые воины могли еще некоторое время защищаться, но долго они не могли противостоять яростной силе этого натиска. Точно так же и победившие сначала в центре стрелки, стиснутые

теперь с обеих сторон, оказались бессильны что-либо предпринять, а когда они повернули вспять, когда поток общего бегства хлынул в равнину, тогда и конница даже здесь, на открытой местности, уже не могла ввязаться в бой. Будь то сомкнутые, хорошо дисциплинированные эскадроны с твердым командованием, пожалуй, можно было бы представить себе, что даже и в тот момент еще не поздно было энергичным вмешательством остановить бегство, но продолжение этой книги покажет, – в частности описание боев Карла Смелого против швейцарцев, – что всадники рыцарского типа, какими были персы, не в состоянии сделать это. Кто слишком долго задержался, того ждала верная гибель.

Все спешили к кораблям. Так как северная часть бухты, где, несомненно, стояли персидские суда, лежала не больше как в полумиле (3 S км) от места сражения, то всей массе персов действительно удалось снова погрузиться на суда. Преследование, как мы должны понимать Геродота, зашло на 8 стадий от Франской долины, т.е. на 1/5 мили (около 1 400 м) до Сороса. Затем Мильтиад снова собрал свое войско и повел его на персидские корабли. Дальше мы слышим о бое у кораблей. Между двумя актами сражения должен был быть некоторый перерыв, во время которого

персы взошли на свои суда и отчалили, так как грекам удалось захватить в добычу лишь 7 триер. Нам не сообщается о многочисленных пленниках или лошадях, попавших в руки победителям. Если бы афиняне без всякой задержки преследовали персов до их кораблей, то добыча была бы значительно больше. Но вновь собрать войска и увлечь их в такое непосредственное преследование после победы вообще исключительно трудно. Блестящим свидетельством личной силы и влияния Мильтиада является тот факт, что он вообще довел дело до второго сражения у кораблей. Афиняне потеряли 192 чел. убитыми, к которым надо соответственно прибавить еще много сот раненых, так как персидские стрелы редко сражали насмерть хорошо защищенных доспехами афинских гоплитов. Потери афинян убитыми и ранеными, как принято считать ныне, могли составить около 1 000 чел. – верное доказательство того, что сражение при Марафоне было не простой стычкой, а весьма энергично проведенным боем.

О персидских потерях нам ничего достоверно не известно.

На заре мировой военной истории фигура полководца Мильтиада представляется поистине величественной. Совершеннейшая и редчайшая

форма ведения боя, какая только создана военным искусством вплоть до наших дней, – оборонительно-наступательная тактика, – встает здесь перед нами в четких линиях классического произведения искусства при первом же крупном военном событии, с которым нам пришлось столкнуться.

Какая нужна была проницательность при выборе поля сражения, какая выдержка при ожидании неприятельской атаки, какая власть над массами, над самонадеянным демократическим гражданским ополчением, чтобы удержать его на выбранной позиции и затем в решительный момент повести бурным натиском в бой. Не слишком смело будет с нашей стороны представить себе, как Мильтиад держал речь к своим согражданам, указывая, что окружающие горы будут им служить обеспечением от неприятельской конницы, и призывая их выдерживать персидские стрелы до тех пор, пока он не подаст им знак. Как он затем на коне стоял посреди фаланги под устремленными на него со всех сторон взглядами, выбирая мгновение, когда он должен поднять копье и произнести слово команды, которое зычный трубный сигнал распространяет далеко по рядам. Все построено на точном выборе этого мгновения, ни на одну

минуту раньше, – иначе афиняне запыхавшись и в беспорядке подойдут к врагу; ни на одну минуту позже, – иначе слишком многие из них будут сражены неприятельскими стрелами, а многочисленные падающие и отступающие затормозят и сломят силу натиска, который должен лавиной обрушиться на врага, чтобы дать победу. Нам еще предстоит рассказать о многом, что может с этим сравниться, но не о более великом.

1. Подробное обоснование моего взгляда на Марафонское сражение дано в моих "Персидских и Бургундских войнах". Однако со времени выхода этой книги наша информация подверглась в двух важных пунктах исправлениям или углублениям.

Только теперь[42] твердо установлено, что Сорос – действительно могила павших афинян, в то время это было еще настолько сомнительным, что я не осмелился на это сослаться. Далее новейшая топографическая съемка[43] показала, что бывшие в моем распоряжении карты не точны. Именно: выход из Франской долины на этих картах изображен настолько широким, что он, казалось, не мог дать небольшому войску необходимого обеспечения флангов, поэтому я и был вынужден перенести расположение афинян дальше в долину, там, где от нее ответвляется другая боковая долина (Авлона). Но так как теперь точно установлено, что франская долина в 150 м от выхода имеет лишь 1 000 м ширины, то она представляется весьма подходящим

местом для расположения афинских войск; наша уверенность получает при этом новую опору в источниках еще и в силу того, что выход из долины находится как раз в 8 стадиях от Сороса. Я привел эту поправку в "Histor. Zeitschr." (65, 1890 г.). С тех пор передо мной еще точнее вырисовывалась картина сражения во многих подробностях. Но основные черты остались те же.

2. Геродот ясно говорит, что персы для экспедиции выстроили особые корабли для лошадей и высадились на Марафонской равнине как раз в расчете, что здесь сумеют дать своей коннице надлежащее применение. Едва ли это является чистым вымыслом, а следовательно, у персов действительно были всадники. С другой стороны, Геродот не упоминает о всадниках в самом сражении, и мы не слышим ни от него, ни от позднейших летописцев чего бы то ни было о захваченных лошадях, которые, конечно, в качестве ценного имущества были бы достойны упоминания и благодаря своему приплоду надолго должны были бы остаться в памяти афинского народа.

Но так как посадка лошадей на корабли требует очень много времени, то кажется маловероятным, чтобы персы успели справиться с этой задачей до того, как афиняне добрались до флота. Поэтому может явиться такая мысль: персы, сознавая, что при выбранной афинянами позиции они не смогут применить свою конницу, оставили ее при кораблях или даже, на случай неблагоприятного исхода сражения, заранее водворили лошадей на суда. Но этому противоречит тот факт, что персидским полководцам все же не казалась безнадежной попытка выбить афинское войско из его позиции; они,

несомненно, рассчитывали на то, что их грозные всадники, даже оставаясь на равнине позади лучников, все же окажут известное моральное впечатление на неприятеля, а своим будут служить опорой. Ошеломляющая, сокрушительная сила афинского натиска опрокинула этот расчет и повернула дело таким образом, что всадники фактически не сыграли в сражении никакой роли. Тот факт, что афиняне не захватили в добычу лошадей, все же поддается объяснению. Пока им снова удалось установить порядок, чтобы напасть на флот, могло пройти несколько часов, и персы могли попросту сбросить в воду тех лошадей, которых не имели возможности захватить с собою.

3. Павсаний (I, XXXII, 3) сообщает, что при Марафоне находятся также могильные холмы платеян и рабов. "Тогда впервые сражались и рабы".

Этому сообщению не следует особенно доверять. Тем не менее возможно, что гоплиты в некоторых случаях брали с собою спутниками в поход не сограждан, а верных и ловких рабов; возможно, что многие из этих рабов вместе с другими легковооруженными занимали посты в горах и здесь погибли от персидских стрел.

4. Очень существенным для восстановления картины сражения является длительный промежуток времени, протекший между сражением во Франской долине и боем у кораблей, ибо только этой передышкой можно объяснить спасение бегством остатка персов и большей части их флота. Мне, пожалуй, возразят, что собрать фалангу, установить в ней порядок и сделать с нею переход в 3 км можно в самое короткое время. Можно, не спорю, но не так-то

легко это осуществить. Когда решился исход сражения, когда персы в панике бежали к берегу и наступила первая передышка после боя, общее настроение афинян было примерно такое, каким описывает Фридрих настроение своих солдат, когда он после победы при Сооре попытался впервые организовать непосредственное преследование. "Моя кавалерия, – рассказывал он впоследствии ландграфу Карлу Гессенскому, – остановилась неподалеку от неприятельского арьергарда; я поспешил туда и скомандовал: "Марш, вперед на врага!". Меня встретило громовое "виват, виктория" и несмолкаемое "ура". Я продолжал кричать: "Марш!", но никто не двигался с места. Я злился, дрался, ругался, – а я, смею вас уверить, здорово умею ругаться, когда разозлюсь, – но я не мог ни на шаг сдвинуть с места эту кавалерию. Восторг победы опьянил их, и они меня не слышали".

Также и Мильтиаду пришлось основательно помучиться, прежде чем он заставил афинских граждан, увлеченных отчасти заботой о своих убитых и раненых, отчасти о захвате добычи после павших персов или просто предававшихся ликованию, снова стать в шеренги; не будь у них надежды захватить еще добычу у кораблей, дело, пожалуй, вовсе не дошло бы до второго боя; во всяком случае, вполне естественно, что между обоими боями протекло довольно много времени.

5. Новую гипотезу Марафонского сражения опубликовал недавно В. Шиллинг (W. Schilling, Philologus, Bd. 54, S. 253, 1895). Шиллинг исходит из традиционного представления об огромном численном превосходстве персов. Тем не менее персы

не осмелились напасть на афинян, но все же превосходство сил дало им возможность вновь погрузиться на корабли, причем целый отряд, все еще вдвое превосходивший численностью греков (а именно 20 000 чел., но без всадников), был оставлен посреди равнины, чтобы прикрыть их посадку; на этот-то заслон и напали афиняне в том месте, где был впоследствии сооружен Сорос; они победили, и 6 400 персов легли на поле сражения.

Если это толкование верно, то совершенно непостижимо, почему персы оставили свое прикрытие на равнине без конницы. Если есть налицо конница, то ее ставят там, где она может быть применена, и нигде она не могла бы оказать персам больше пользы, чем именно там.

Единственным объективно допустимым выводом является обратное положение: так как источники ясно сообщают нам, что персы избрали для высадки Марафонскую равнину именно ради конницы, – и это сведение представляется вполне правдоподобным с точки зрения обычной персидской тактики, – то наличие конной части должно быть одной из основных предпосылок для восстановления картины сражения. Но коль скоро у персов были всадники, сражение никак не могло произойти на равнине, ибо тогда афинская фаланга едва ли могла его выиграть, и затем хоть где-нибудь было бы упомянуто о конном бое. Следовательно, сражение разыгралось на недоступном для конницы месте.

Не в меньшей мере подрывает гипотезу Шиллинга еще и другая несообразность: совершенно непонятно, зачем персы снова погрузили на корабли часть своего войска. Если они у Сороса поставили прикрытие, то

ничего не было проще, как двинуть войско (то, которое, по Шиллингу, уплывало на кораблях) по большой дороге через Месогею на Афины. Тогда афиняне вынуждены были бы немедленно оставить свою фланговую позицию во Франской долине.

6. Известное сходство с гипотезой Шиллинга имеет другая, одновременно высказанная Н. В. Маканом (Macan) в его "Геродоте" (Лондон, 1895 г.) и получившая одобрение от Э. Б. Бьюри (Bury) в Classical Review (1896 г., X). Макан присоединяется к мнениям Дункера и Бузольта (впрочем, последний в появившемся в 1895 г. 2-м издании своей "Греческой истории" изменил свое толкование и присоединился к моему), но видоизменяет их в одном существенном пункте.

Он считает, что персы, поняв неприступность афинской позиции в Авлонской долине, хотели пройти к Афинам южным ущельем и во время перехода подверглись на равнине нападению афинян. Сорос был воздвигнут приблизительно на том самом месте, где отступил афинский центр. При этом персы атакованы были не с фланга, и на них, собственно, вообще не нападали; они подготовились к возможности нападения и имели достаточно времени, чтобы выстроить боевой порядок. Но эта южная часть равнины была будто бы неблагоприятна для конницы, и возможно, что персы вновь погрузили на суда большинство своих всадников, так как они не могли им пригодиться в сухопутном марше. Вот почему конница не играла никакой роли в сражении.

Против этого можно возразить следующее.

а) Если персы были подготовлены к возможности сражения, то зачем они погрузили часть своих бойцов

на суда? Если же они считали их излишними для победы, то зачем было возить их с собой?

б) Вдвойне непонятно, почему персы погрузили на суда именно конницу. В коннице была их сила; ведь им предстояло пройти по открытой равнине, подставляя фланг неприятелю. Если где-нибудь необходимы были всадники, то, конечно, именно здесь.

в) Совершенно непонятно и автором никак не обосновано, почему местность здесь неблагоприятна для конницы. То, что с правого фланга протекает ручей, а с левого лежит болото, не может идти в соображение, так как между обоими препятствиями все же есть еще пространство свыше 3 км.

г) Осмелься персы пройти фланговым маршем мимо афинского лагеря, афиняне, несомненно, атаковали бы их и, вероятно, победили бы их даже в том случае, если бы неприятель позаботился создать себе прикрытие из своей конницы. Афиняне, конечно, дали бы сперва главной части персов пройти в ущелье и только тогда напали бы на остальных; когда же эта последняя треть вместе с конницей была бы уничтожена, то и прошедшие вперед, в ущелье, стали бы их верной добычей. Именно поэтому мысль о том, что персы могли совершить подобный маневр, да и к тому еще удалить предварительно свою конницу, является абсолютно неудачной. Они не могли без риска даже погрузиться на корабли, поскольку афиняне находились на столь близком расстоянии, и уж ни в коем случае не могли выйти из равнины сушей, не выбив предварительно афинян из их позиции. Поэтому персы и решились после некоторого колебания на прямую атаку.

7. Дополнительно я ознакомился с книгой "Hйrodote, Historien des guerres mйdiques par Amйdйe Hauvette" (Париж, 1894 г.), которая требует нового исследования вопроса о 8 стадиях. Я основывался на утверждении, что подобный бег физически невозможен, и при этом сослался на предписание прусского воинского устава. Оветт приводит такое возражение (стр. 261):

"Эти предписания, – несомненно, весьма полезные, когда вопрос идет об упражнениях для молодых солдат, – существуют и у нас; но они далеко не соответствуют требованиям, предъявляемым к таким сильным, хорошо тренированным людям, какими были афиняне. Доказательством этому служит то, что артиллерийский капитан Рауль, применяя, правда, новый способ маршировки и гимнастического шага, добился недавно исключительных результатов; взвод, которым он командовал на больших маневрах XI армейского корпуса в 1890 г., в конце концов пробегал до 15 км скорым шагом с оружием и полной укладкой (см. статью д-ра Felix Regnault в журнале "La Nature", No 1052 от 29 июля 1893 г.)".

Если сопоставить эти два утверждения, то противоречие между ними кажется неустранимым. Я утверждаю: "Такая большая сомкнутая масса гоплитов, какая сражалась при Марафоне, не может пробежать больше 100–150 шагов (скорым шагом, что равно 150–200 обычных шагов), не исчерпав своих сил и не нарушив порядка в своих рядах". Оветт возражает: "Капитан Рауль со своим взводом осилил 15 км скорым шагом, т.е. 24 000 обычных шагов при оружии и полной укладке". Но это единственное наше расхождение. Оветт совершенно отбрасывает метод

объективного анализа, с помощью которого я взялся пересмотреть всю традиционную концепцию Персидских войн. Значительная часть его книги направлена против моих "Персидских и Бургундских войн". Он признает недоказательным выведенное мною из аналогии со швейцарскими народными преданиями (рассказ Буллингера о Грансоне и Муртене) заключение, что рассказы, подобные геродотовым, заслуживают лишь очень мало доверия. Наоборот, он считает, что Геродот, как субъективно, так и объективно, в общем заслуживает полного доверия, и видит задачу науки лишь в устранении случайно проскользнувших ошибок, недоразумений и противоречий. Он проводит эти свои положения с полной эрудицией и с большой проницательностью, и хотя он не отказывается совершенно от объективного анализа, но все же доверяет ему меньше, чем букве записанного предания.

Верно, что объективный анализ легко вводит в заблуждение. Он является очень затруднительным при выяснении самых простых вещей, ибо даже специалист редко когда может учесть все обстоятельства, какие влияли или могли влиять у других народов и в другие времена на то или иное явление; да и независимо от этого специалисты часто питают пристрастие к какой-нибудь предвзятой теории и дают различные, часто даже противоречивые, сведения. Основой всякого исторического знания остаются неизменно свидетельства современников или же наиболее близких к современникам источников. Но чем дальше развивается исторический анализ, тем больше приходится убеждаться в том, что показания

современников часто бывают затуманены и затемнены всякого рода фантазиями, и там, где материал не дает возможности проверить один источник другим, – там последним прибежищем остается объективный анализ. Необходимо только проводить этот анализ с полным знанием дела, которое могло бы дать уверенность, что какая-нибудь чисто внешняя обманчивая аналогия не увлечет нас на ложный путь. Оветт тоже пользуется объективным анализом, выдвигая Рауля Реньо в противовес прусскому воинскому уставу, но тем самым он впадает во внутреннее противоречие. Он отбрасывает всякий принципиально проводимый объективный анализ, но сам пользуется им, оперируя сведениями, которые приобрел случайно, мимоходом. Подобный половинчатый объективный анализ, конечно, ничего не дает, а только вводит в заблуждение. Уж лучше попросту, самым наивным образом, пересказать все, что сообщают источники. Оветт – превосходный тому пример, поэтому ниже я неоднократно буду разбирать некоторые его утверждения. Здесь стоит на очереди вопрос о пробеге в 8 стадий.

Оветт ссылается на статью Реньо в популярном журнале "La Nature" от 29 июля 1893 г. С тех пор вышла в свет книга в 188 страниц "Comment on marche" Феликса Реньо и Де Рауля с предисловием М. Марэя (Paris, Henri Charles-Lavauzelle, p. 188), где подробно разбирается этот вопрос. В этой книге майор Рауль утверждает, что зимой 1889/90 г. ему удалось в течение 3 месяцев натренировать взвод 16-го пехотного полка так, что он пробегал 20 S км в 1 час 46 минут и после 2-часового отдыха совершал тот же путь обратно за 2 часа 05 минут. Каждый

солдат нес на себе винтовку, саблю, 100 патронов и свой паек.

Дорога была неровной. Ген. Фэй осматривал после этого взвод: солдаты не проявляли никаких признаков усталости.

Два дня спустя тот же взвод на глазах у ген. Колонье прошел 11 км целиной без дорог, с походной укладкой, в 80 минут. Сейчас же по прибытии солдаты стреляли в цель и превзошли в этом всех состязавшихся.

В других полках стали подражать этому усовершенствованному обучению; некий капитан Фэй написал Раулю, что уже на девятый день он со своей ротой прошел 7 км в 45 минут.

Рауль считает, что армия, принявшая его способ бега "en flexion" (сгибаясь), может при хорошей дороге достичь скорости 1 км в 5 минут, начиная с третьего километра, и сохранять эту скорость в течение многих часов.

Прусский скорый шаг, из которого я исходил, дает от 165 до 175 м в 1 минуту, т.е., переводя на километры, около 1 км в 6 минут. Следовательно, скорый шаг Рауля на 1/6 быстрее и равен скорости бегущей рысью лошади.

Если современные солдаты могут бежать с такой скоростью несколько часов, то почему же афиняне не могли пробежать так 9 минут?

А почему в таком случае, спрошу я, прусский устав гимнастики не разрешает бега с полной укладкой дольше 2 минут?

Прежде всего к результатам, достигнутым капитаном Раулем, следует отнестись с некоторым скептицизмом.

Он и сам распространяется о том, как неизмеримо важно было бы для ведения войны в будущем, если бы войска обладали способностью ходить и бегать с достигнутой им скоростью. "Войны выигрываются ногами", – часто говорят теоретики и не без основания. Изобретение современного оружия не внесло бы такого изменения в военное искусство, какое должны были бы внести солдаты, пробегающие милю (7 км) в s часа и могущие работать таким темпом в течение многих часов и дней. Все господствующие ныне представления о стратегических операциях должны были бы быть изменены до основания, если бы мысль Рауля была правильна. Почему же французская армия не вводит эту новую систему маршировки? Она явилась бы полной гарантией победы над любым противником. Ведь испытания делались еще в 1890 г. на глазах у генералов и будто бы успешно. Является подозрение, что у майора Рауля не последнюю роль играет самообман, столь часто наблюдаемый у изобретателей. О его достижениях мы узнаем не от какого-либо незаинтересованного третьего лица, а всегда лишь от него самого или от его сотрудников.

Отряд Рауля не был ни полком, ни хотя бы ротой, а лишь отдельным взводом из 34 чел, набранных, по-видимому из всего полка. Тренировка продолжалась 3 месяца.

Рекорды подобного отряда виртуозов ни в коей мере не могут служить критерием для суждения о способности большой человеческой массы. Затем, вопрос идет не только о беге, но и о том, чтобы фаланга подошла к неприятелю в полном порядке, чтобы люди не утратили паже частично своей боевой

силы, чтобы им не изменяло дыхание. Для измерения возможностей целого равняются не по лучшим, а по худшим бегунам. Если бег приводит к потере сил хотя бы только у отдельных солдат и к их отставанию, то это должно не только внести беспорядок, но и в моральном отношении представляет большую опасность.

Аристофан в своем "Празднике мира" (v. 1, 78 n. 1171 ff.) очень реалистически рассказывает о воине, отправившемся в бой и найденном затем без оружия в ближайших кустах, или о полководце, выдававшем за узорную сардскую ткань свою пурпуровую одежду, которую он сам обмочил, когда бросил щит и пустился наутек. Каждое войско состоит не из одних лишь храбрецов, и если потеря дыхания дает сперва повод к отставанию, а с этого некоторые воины и начинают, то пример их действует всегда заразительно. Афиняне в этом отношении ничем не отличались от прочих людей, и если Оветт полагает, что они были лучше натренированы, чем современные солдаты, то нетрудно доказать, что в действительности было как раз наоборот. Афинское войско при Марафоне состояло из ополченцев в возрасте от 20 до 45 лет, и, конечно, из них лишь очень незначительная часть когда бы то ни было занималась гимнастикой. По большей части они жили не в самом городе Афинах, но на расстоянии 1–2 дней ходьбы, а вне города едва ли много времени посвящалось гимнастике. Людям, которые весь день должны работать за кусок хлеба, как афинские крестьяне, рыбаки, угольщики, гончары, ваятели и т. д., не хватает ни времени, ни сил для упражнения в беге. Знатные юноши, получавшие в гимназиях

спортивное образование, и те едва ли могут сравниться энергией и выдержкой с современными солдатами, принужденными строгой дисциплиной несколько лет жить исключительно для военного физического развития и сообразно с этим регулировать весь свой образ жизни – не отлучаться по ночам, не позволять себе никаких послаблений. Если даже представить себе, что физическое развитие в эллинских гимназиях стояло на большой высоте, то все же в массовых ополчениях это не могло играть роли; чтобы судить об их возможностях, не приходится предполагать особенной тренировки.

Итак, истинный объективный анализ марафонского бега не может привести к иным выводам, чем те, что я сделал еще в своих "Персидских и Бургундских войнах" (стр. 56). Прусский "Устав гимнастических упражнений для пехоты" гласит (стр. 21).

При упражнениях в передвижении скорым шагом должна соблюдаться следующая нормировка времени бега.

Без укладки:	4 минуты бегом
	5 минут шагом
	4 минуты бегом
С походной укладкой:	2 минуты бегом
	5 минут шагом
	2 минуты бегом

Скорость движения бегом – 165–175 шагов[44] в минуту; отсюда максимум расстояния, которое можно пройти бегом с нагрузкой, – 350 шагов, а директор Центрального военно-гимнастического института

оказал мне лично любезность, засвидетельствовав, что он считает 2 минуты (300–350 шагов) за наибольший предел того, сколько может пробежать снаряженная по-походному колонна, чтобы с неутраченными силами добежать до неприятеля. К тому же нагрузка греческого гоплита была значительно тяжелее, чем у прусского пехотинца (у этого 58 фунтов, у того 72 фунта[45]), и притом бежать сплошной массой в 10 000 чел., конечно, труднее, чем небольшим отрядом.

Доказательством тому, что даже самые натренированные солдаты в древности не в состоянии были совершить большего, можно привести рассказ Цезаря о Фарсале (bell, civ., III, 92–93). Помпей приказал своим людям встретить атаку цезарианцев, не двигаясь с места, для того чтобы последним, вследствие удвоенного разбега (что составляло согласно bell, civ., I, 82, 600–700 футов), пришлось добежать до неприятеля усталыми и запыхавшимися. Но закаленные в войнах солдаты Цезаря поняли уловку, сделали на полпути небольшую передышку и только тогда снова пустились в атаку (ср.: Hist. de Jules Cйsar, guerre civile, par le Colonel Stoffel, II, 339).

8. Если Мильтиад (по Геродоту) распорядился о более глубоком построении обоих флангов и о более мелком центре, то в этом надо, конечно, видеть не искусную военную уловку, а крайнее средство, к которому афинян вынудила слишком большая ширина Франской долины.

Несомненно, что было бы лучше сделать центр столь же сильным, как и фланги. Может быть, следует еще особо обратить внимание на то, что и более глубокое построение флангов все равно было бы

недостаточно для отражения персидской конницы в бою на открытой равнине. Хотя более глубокую колонну нельзя просто захлестнуть фланговой атакой, как мелкую фалангу, но ее можно остановить, и этого достаточно для ее гибели в тех случаях, когда ей, как при Марафоне, противостоят с фронта стрелки: против них она беззащитна, если не может подойти к ним вплотную. Более глубокое построение флангов можно, следовательно, рассматривать только как дополнительную меру укрепления флангов, главное обеспечение которым давали естественные условия местности. Но как бы хорошо ни была задумана эта мера, неизвестно, чего больше принесла она афинянам при Марафоне – пользы или вреда; ведь мы не знаем, способствовала ли она фактически отражению персидских всадников, но зато с уверенностью можем сказать, что последствиями ее были в высшей степени опасное ослабление и прорыв центра.

9. Эд. Мейер в III томе своей "Древней истории" (Ed. Meyer, Geschichte des Altertums), законченном, когда 1-е издание этой моей книги едва успело выйти в свет, так что автор мог о ней упомянуть лишь в предисловии, стал в отношении Персидских войн в общем на точку зрения, выраженную мной в моих "Персидских и Бургундских войнах", вышедших в 1887 г. В отдельных пунктах все же у нас есть существенные расхождения, которые следует подробно рассмотреть каждое на своем месте.

К мейеровскому рассказу о Марафоне я замечу следующее (переношу сюда из II тома 1-го издания).

Мейер говорит: "Национальной армии, которая могла бы помешать персам высадиться в Аттике, у афинян не было". Никакая армия вообще не может

помешать высадке, – это может сделать лишь флот. Береговая линия Аттики настолько длинна, что неприятельский флот всегда имел возможность появиться в том или ином месте и высадить свои войска до того, как подоспеет оборона, особенно если мы примем во внимание примитивное устройство античного корабля. Поэтому Мильтиад вполне резонно даже и не подумал о подобной операции, а позаботился лишь о возможно более благоприятных условиях для сражения с уже высадившимся неприятелем.

Мейеру кажется совершенно "невероятным", что афиняне заняли позицию, закрывавшую им возможность видеть неприятеля. В этом нет ничего невероятного. Нет никакой необходимости, чтобы все расположенное в лагере войско видело неприятеля; нужно лишь, чтобы он был виден надежным наблюдателям, поддерживающим быструю и верную связь с военачальниками.

Главное расхождение между Мейером и мной относительно самого боя касается местности. Я считаю, что афиняне расположились у выхода долины, – там, где горы служили обеспечением их обоим флангам. Мейер заставляет их расположиться на склоне южной горы (Агриелики), откуда они затем для отражения персидской атаки спускаются в открытую равнину. Почему персы при этом не атаковали со своей кавалерией афинскую фалангу с одного или с обоих флангов, остается невыясненным: сказано лишь, что персы, вызвавшие сражение и двинувшиеся на афинян, сражались храбро, применив пехоту, конница же, "застигнутая врасплох и ненадежная, не могла принять участия в сражении".

Чем она была "застигнута врасплох", почему она была "ненадежна" и почему не могла принять участия в сражении, – об этом автор умалчивает.

Мы оставили в стороне вопрос о том, соответствует ли это изложение истине, ибо оно страдает более значительным пороком: оно создает видимость логической связи там, где таковой нет. Когда фаланга с холодным оружием сражается на равнине против стрелков и всадников, то исход зависит от того, зайдут ли всадники фаланге во фланг. Вопрос о том, произошло ли это, – или если не произошло, то почему, – должен безусловно лежать в основе каждого изображения этого сражения, правильно задуманного с исторической и военной точек зрения. Возможно, что вопрос останется без ответа, что наши источники окажутся слишком скудными или что автору существующие объяснения покажутся несостоятельными. Поэтому если бы Мейер прибавил к своему рассказу о Марафоне фразу: "О тактическом ходе и общей конъюнктуре сражения предание нам ничего не сообщает, и наши догадки здесь бессильны", то это было бы вполне законной точкой зрения. Но Мейер этого отнюдь не делает; он попросту проходит мимо вопроса, почему персидские всадники оказались бессильны, и даже говорит (стр. 333), что сражение не представляет для понимания его никаких трудностей и что оно вполне объяснимо с точки зрения персидских боевых приемов; другими словами, что проблема, связанная со сражением, не только – правильно или нет – разрешена, но она даже не признается автором.

Еще хуже – настоящей насмешкой над законами стратегии – является повторение Мейером пустой

афинской сплетни, будто персы уже после своего поражения, обогнув на кораблях Суний, хотели взять столицу.

10. Мунро (J. A. Munro, Some observations on the Persian wars. Journ. of Hell. Studies, 1899, стр. 185) выдвигает новую, родственную шиллинговской (см. выше, стр. 74, п. 5), гипотезу о Марафоне, основанную, во-первых, на том же численном превосходстве персов и, во-вторых, на наличии сильной персофильской партии в самих Афинах. Обе эти предпосылки, хотя мы и находим их в рассказе Геродота, все же не могут на этом основании притязать на правдоподобие, да и следствия, которые выводит из них Мунро, настолько искусственны и натянуты, что я считаю излишним задерживаться на их детальном разборе.

Глава VI

ФЕРМОПИЛЫ

Марафон послужил персам уроком, что победа над эллинами требует более внушительных сил.

Поэтому для нового похода было снаряжено значительно большее войско, – настолько большее, что на одном только флоте его едва ли можно было перевезти; а так как поход был к тому же еще рассчитан на покорение всей Греции, то пришлось избрать сухопутный способ передвижения с тем, чтобы одновременно, по мере передвижения вперед, покорять все лежащие на пути страны и таким образом принудить еще независимые народности к признанию персидского владычества. Сухопутную армию сопровождал большой флот, на котором лежала тройная задача: снабжать армию продовольствием, победить греков на море и обеспечить армии возможность совершения водным путем обходов в тех случаях, когда на суше они окажутся неосуществимыми.

О том, как протекала эта война, мы можем составить себе еще значительно менее ясное представление, чем о первом походе. События при Марафоне настолько просты, что если только

отбросить легендарные преувеличения вроде чудовищных размеров персидской армии и полуторакилометрового бега афинской фаланги, то одних намеков и преданий достаточно для того, чтобы понять логическую связь целого. Вторая война сложнее. Политические соображения не только Афин и Спарты, но также и второстепенных государств сталкиваются с соображениями стратегическими; сухопутная армия и флот оспаривают друг у друга верховное руководство. Эти различные силы и противоречивые интересы непрерывно скрещиваются.

При таких обстоятельствах совершенно невозможно из одного лишь легендарного предания извлекать по нитям историческую основу. Однако то, что существенно для нас, а именно выяснение, на каком уровне стояло военное искусство в этот решающий момент мировой истории, оказывается все-таки возможным, даже если мотивы отдельных стратегических операций приходится лишь угадывать.

Естественным стремлением греков было немедленно запереть перед наступающей неприятельской сухопутной армией те немногочисленные горные проходы, которые

ведут с севера в Элладу. От обороны первого самого северного прохода – Темпейского ущелья – им пришлось, однако, отказаться, так как выяснилось, что дальше в глубь страны существовали другие проходы и что некоторые племена, жившие по эту сторону Темпейского ущелья, примкнули к персам. Второй горный проход – Фермопильская теснина между горой Этой и морем – был своевременно занят войском под предводительством Леонида.

Здесь возникает вопрос общего порядка: таков ли действительно наилучший способ использования гор при обороне страны и были ли уже известны грекам основные законы стратегического использования гор, возникающие из самой природы войны.

Современная глубоко продуманная стратегия применяет горы не для прикрытия страны, а по способу Леонида. Через любой горный кряж, в том числе и через Эту, всегда найдется, ближе или дальше, поудобнее или потруднее, несколько дорог. Занять все эти пути чрезвычайно затруднительно, а защитить их все никогда не удается[46].

Неприятель всегда найдет место, где он сумеет прорваться или благодаря своему численному превосходству, или благодаря недостаточной

бдительности противника, или же зайдя в тыл одному из оборонительных заслонов и используя для этого хотя бы простую горную тропинку; когда же линия прорвана где-нибудь в одном месте, то отряды, занимающие все другие проходы, подвергаются величайшей опасности. Если они не будут в кратчайший срок предупреждены и не снимутся тотчас с места, то могут потерять возможность отступления; и даже если им удастся уйти без потерь, они все же остаются отрезанными друг от друга или с большим трудом смогут добиться возобновления взаимной связи.

Следовательно, совершенно не требовалось обманувшее всякую бдительность позорное предательство изменника Эфиальта для того, чтобы персам открылось Фермопильское ущелье.

В неприятельской стране, как и всюду, нужен проводник, и его всегда приобретают добром или силой, подкупом или побоями; идея же обхода отнюдь не является результатом новейшей теории военного искусства, а свойственна полководцам с самых древних времен. Уже в сказании о борьбе Астиага с Киром персы завладевают мужественно защищаемым ущельем благодаря умелому обходу. В непосредственной близости от Фермопил проходит та самая тропа, по которой, по Геродоту,

персы в 480 г., галлы в 278 г. и римляне в 191 г. обошли защитников ущелья.

От самой Трахиды, где начинается эта тропа, проходит еще и другая дорога, ведущая прямо через горы в Дориду. Эта дорога была использована частью персидских войск. Несколькими милями дальше, у горы Коракс, в 191 г. перевалил свое войско консул М. Ацилий Глабрион. Переход был очень труден и стоил больших потерь, но все же он удался[47]. Ксеркс был достаточно силен, чтобы использовать одновременно все эти проходы; его войско и без того было разделено на три части и шло по параллельным дорогам. Следовательно, рано или поздно, он все равно зашел бы защитникам ущелья в тыл, если бы ему не удалось справиться с ними с фронта.

Оборона горных проходов имеет смысл лишь тогда, когда она ставит себе целью не окончательное задержание неприятеля, а лишь принуждение его к известной потере времени и к принятию кровопролитных боев. Если же хотят использовать горы для того, чтобы действительно отразить вторжение превосходящих по численности войск, то по теории тактики следует собрать все силы против того прохода или одного из тех проходов, которым должен воспользоваться

неприятель; затем, в тот момент, когда из теснины вышла лишь часть его войск, на него нападают врасплох. Если удастся разбить эту – еще относительно слабую и не развернувшуюся в боевой порядок – часть, то неприятель понесет большие потери. Ему придется вернуться в ущелье, а отдельные отряды могут оказаться совершенно отрезанными и будут поголовно истреблены.

В том же случае, когда неприятель предпринял переход через горы в нескольких местах одновременно, можно бросить все свои силы на какую-либо часть его войск и таким порядком порознь разделаться со всеми частями противника, действуя все время объединенными силами. Эта уловка настолько проста, что мы встречаем ее применение уже в древнейших военных преданиях. Первым великим народом-завоевателем по легендарным историческим преданиям были ассирийцы при царе Нине. И вот, когда царь Нин, как рассказывает предание, пошел на бактрийцев, бактрийский царь дал одной части ассирийцев спуститься по горным ущельям в свою страну, а затем напал на нее и разбил. Но Нин оказался настолько силен, что проникших через другие ущелья отрядов было достаточно для того, чтобы

в конечном счете все-таки победить бактрийцев[48].

Итак, мы должны признать, что принципы стратегического использования гор были известны уже в древнейшие времена, но греки в 480 г. не имели возможности следовать им. Пришлось бы собрать все силы у горы Эты и здесь дать наступательный бой. Но это было невозможно уже по чисто политическим соображениям. Нельзя ждать от конгломерата мелких республик, чтобы они выслали так далеко от дома все свои силы и подвергли их всем опасностям наступательного боя еще до того, как над их собственной страной нависнет непосредственная угроза; при этом значительная часть их, а именно афиняне, была занята во флоте. Но прежде всего греки не имели тактической возможности дать наступательный бой ввиду наличия у персов конницы. Только искусно выбранная оборонительная позиция с обеспечением флангов дала победу при Марафоне. Если бы грекам снова удалось занять подобную же позицию, то, конечно, персы на этот раз на них не напали бы, а, обойдя ее – в данном случае при помощи флота, – искали бы сражения в открытом поле.

Позднейшее предание[49] рассказывает, что

Фемистокл, избранный афинянами в полководцы, с самого начала отказался от всякой обороны на суше и хотел как можно дальше выйти с флотом навстречу персам. В сущности это было бы в то время наилучшим решением. Все равно морское сражение было неизбежно; а в случае удачи победа над персидским флотом создала бы более благоприятные условия для победы на суше: большая часть экипажа могла выйти на сушу, надеть гоплитские доспехи и составить подкрепление сухопутной армии. Персы же для своих стратегических маневров лишились бы дополнительного средства – обхода морским путем.

Но при подобном плане действий могли бы возникнуть разного рода препятствия. Отдельные контингенты греческого флота едва ли смогли бы так скоро приготовиться и собраться в далекую экспедицию, к самому Геллеспонту; риск был очень велик, тем более что персидские суда держались с большой осторожностью у берегов, пока сухопутное войско не подошло к границам Эллады.

Таким образом, становится понятным, почему греки, наконец, избрали средний путь; они попытались закрыть проход при Фермопилах, тогда как флот поджидал неприятельские корабли

у северной оконечности Эвбеи близ мыса Артемизия. Афиняне, еще принимавшие большое участие при занятии Темпейского ущелья, теперь изменили свой взгляд, сосредоточили все силы исключительно на флоте и не доставили контингента в войско Леонида. Занятие Фермопил является, очевидно, лишь дополнительным штрихом к основному стратегическому плану: дать сражение в открытом море, к северу от Эвбеи. Дальше к северу невозможно было бы собрать все разрозненные контингенты флота, даже у Артемизия их не удалось собрать полностью; отойти же дальше на юг значило бы оставить Среднюю Грецию без обороны на разгром сухопутному персидскому войску, так как Фермопилы были единственной позицией, где была еще надежда его задержать, покуда флот прикрывает с моря фланг фермопильского отряда.

Часто высказывалось удивление, почему греки не усилили войско Леонида; хотя и нельзя полагаться на дошедшие до нас цифры, но все же достоверно известно, что при общей численности воинов-спартиатов около 2 000 чел. Леонид имел в своем распоряжении лишь 300 из них. Из этого следует, что и другие государства выслали лишь небольшие отряды ил же вовсе ничего, однако это легко поддается объяснению. Грекам была

знакома опасность обороны в горах. Когда закрытие прохода не удается, то это означает не только потерю позиции, но и гибель большей части всего войска, и чем последнее сильнее, тем большая часть его обречена, так как более многочисленному войску труднее отступать. Для отступающего войска персидские всадники и лучники были особенно опасными преследователями. Между тем, чтобы закрыть ущелье, было достаточно и не большого войска; в самом деле греки проиграли в конечном итоге сражение не потому, что их отряд был численно слаб, а лишь из-за недостаточной бдительности.

Фермопилы же – хотя я и впервые высказываю это здесь – являются, в общем стратегическом замысле греческой обороны лишь второстепенным вспомогательным действием. Ведь расчет при занятии этой позиции был основан на надежде, что греческому флоту удастся победить персидский у Артемизия, и тогда неприятельскому сухопутному войску придется отказаться от своих намерений и отступить. Сама по себе оборона Фермопил не имела почти никаких шансов на успех; она являлась, если рассматривать ее изолированно, лишь героической попыткой, при которой отнюдь не было поставлено на карту сразу все. С

формальной и с материалистически-военной точки зрения это было, можно сказать, ошибкой, но в то же время этого требовала необходимость иного порядка. Не отдавать варварам без боя доступ в исконно эллинские земли было неизмеримо важно с моральной точки зрения.

И Леонид понял и выполнил сущность своей задачи. Как только стало известно, что персы совершили обход, он приказал главной части своего войска начать отступление; сам же со своими спартиатами остался для того, чтобы прикрыть это отступление и вместе с тем достойным образом осуществить идею возложенной на него борьбы. Гибель спартиатов является не только одной искупительной жертвой и не только одной геройской смертью в бою, прикрывавшем отступление, она – и то и другое одновременно.

Критики утверждают, что Леонид должен был отступить; несомненно, сами критики на его месте отступили бы. Эти слова Генриха Лео можно привести и в нашем военно-историческом обзоре как наилучшую характеристику сражения при Фермопилах.

Как Мильтиад своей оборонительно-наступательной тактикой при Марафоне доказал, что Эллада уже усвоила основные законы

военного искусства, так Леонид воплощает моральное начало в войне, его значение, его ценность; не только рыцарскую личную храбрость и геройскую смерть, но и геройство как органический элемент войны, как сознательное военное действие.

Доказательство тому, что греки сознавали эту идею, дает нам поэт, который в словах, классических, как само событие, запечатлел его смысл на все времена:

"Путник, когда ты прибудешь в Спарту, сообщи там, что ты видел нас здесь павшими, как повелевал нам закон".

* * *

1. Чем больше себе уясняешь, что греки не могли принять сражение с персами на суше до победы над персидским флотом, тем поразительнее кажется то, что афиняне выслали сначала к Темпейскому ущелью большое сухопутное войско, да еще под предводительством Фемистокла, который из всех греков наиболее правильно сумел оценить стратегическое положение.

Возможным кажется следующее объяснение. Когда греки шли к Темпейскому ущелью, то не только беотяне, но и фессалийцы были на их стороне, причем те и другие, в особенности же фессалийцы, располагали прекрасной конницей. Следовательно, Фемистокл, может быть, имел в виду не запирать

Темпейский проход, – что являлось совершенно безнадежным, так как персы имели возможность обойти его не только по суше, но и с моря, – а с фессалийской конницей дать сражение выходящим из ущелья персам. Этот замысел оказался невыполненным главным образом потому, что на фессалийцев трудно было положиться, а остальные греки явились с недостаточными силами; только тогда Фемистокл повел афинян по другой линии – померяться сперва с персидским флотом – и к Фермопилам уже вовсе не послал войска.

Таким образом, Фермопилы представляли заранее потерянную позицию (надежда могла быть только одна, а именно, что персы сперва проиграют сражение на море и вынуждены будут отступить), и на Леонида была возложена задача с честью умереть в пример всем эллинам.

2. У Диодора (XI, 4) приводится (по Эфору) не получивший до сей поры никакого доверия рассказ, который, однако, исходя из всего вышеизложенного, очень похож на истину. По этому рассказу Леонид хотел взять из Лакедемона лишь 1 000 чел.; когда же эфоры предложили ему больше, он ответил, что для закрытия ущелья не хватит и тех, но что в действительности ему предстоит не запереть ущелье, а вести спартиатов на смерть. Если он пойдет туда со всем народом, то Лакедемон погибнет. Возможно, что число 1000 является в рассказе произвольным, так же как и предложение эфоров дать царю большее войско. Они, вероятно, понимали положение не хуже Леонида. Но для нас существенно то, что здесь в популярной форме сохранилась фактически правильная стратегическая идея. Также и

относительно Марафона мы нашли у Эфора предание, правильно оценивавшее военную обстановку.

3. По Геродоту, Леонид удержал при себе также и 700 предложивших себя для этой цели феспийцев, а также фиванцев. Фиванцы передались персам, феспийцы же пали вместе со спартиатами.

Если самопожертвование спартиатов, составлявших военное сословие, кажется незабываемым героическим подвигом, то добровольное участие в нем гражданского ополчения небольшого городка как будто превосходит все человеческие возможности. Факт, что целый город был населен подобными героями, – Феспии не могли иметь больше 700 гоплитов, – совершенно неправдоподобен, и мы не можем принять его на веру по свидетельству одного лишь легендарного предания. Логически рассуждая, это можно объяснить так: персы нагнали феспийцев при их отступлении и, ввиду их сопротивления, перебили их; фиванцы же предпочли сдаться.

4. Против моего взгляда на подвиг Леонида Бузольт (стр. 686, примеч.) возражает, что Леонид, если он хотел прикрыть отступление остального войска, мог во всяком случае и сам отступать до тех пор, пока персидская обходная колонна не очутилась бы снова перед его фронтом; ведь и дальше нашлись бы узкие места, где удобно было бы обороняться. Это возражение совершенно не выдерживает критики. У персов была, конечно, хорошо поставлена дозорная служба, и они немедленно начали бы натиск, как только заметили бы отход неприятеля из ущелья. В результате греки сперва понесли бы большие потери от стрел преследователя, а затем в ближайшем месте

были бы снова обойдены. Может быть, незначительной горсточке спартиатов и удалось бы в конце концов спастись, но вся моральная ценность борьбы была бы утрачена. Две стоявшие перед спартанцами задачи связаны между собой безраздельно: самопожертвование ради его моральной ценности и чисто военная цель.

5. (2-е изд.). Я не внес существенных изменений в мое изложение фермопильских событий, как оно дано в 1-м издании, хотя в своем превосходном топографическом исследовании (The great Persian war and its preliminaries; a study of the evidence, literary and topographical, London 1901) Грэнди (Grundy) оспаривает возможность пройти через горы поблизости от Фермопил и, в частности, отрицает существование в древности дороги из Трахиды на Дориду. Но если и не было дороги, то была тропинка, как говорит Мунро (Munro, The journal of Hellenic studies, т. 22, стр. 314, 1902 г.), настолько вообще исправивший и ограничивший выводы Грэнди, что в принципе мое толкование остается в силе.

Какой тропинкой фактически воспользовались персы для обхода, является чисто топографической проблемой, которую нам нет необходимости рассматривать.

Глава VII

СРАЖЕНИЕ У АРТЕМИЗИЯ

Одновременно с боями при Фермопилах оба флота сражались три дня подряд у мыса Артемизия[50]. Позднейшее предание рассматривает дело при Артемизии как победу. По Геродоту, силы были приблизительно равны, но греки, вследствие повреждения большого числа кораблей, решили отступить и уже начали отход, когда вдобавок пришло известие о постигшей Леонида катастрофе.

На первый взгляд этот рассказ следует как будто рассматривать как признание в поражении; ведь отступление флота от северной оконечности Эвбеи означало сдачу Фермопил, а сдать Фермопилы означало очистить всю Среднюю Грецию и Аттику. Народ мог думать, как рассказывает Геродот, что отступление дойдет лишь до Эврипа и что сухопутное греческое войско где-нибудь дальше к югу еще раз выйдет против Ксеркса. Но военачальники, конечно, знали, что если уж не удалось удержаться у Фермопил, то дальше к югу не было такой позиции, которую персы не могли бы обойти, а, следовательно, спартанцы могли снова

приступить к обороне страны лишь у Истма. Грекам, а в особенности афинянам, нелегко далось решение отступить от Артемизия; их страна и город тем самым предавались гибели. Только безусловная необходимость, т.е. поражение, могла, казалось, привести к такому решению.

С другой стороны, представляется странным, почему персы дали греческому флоту отступить, не преследуя его.

Персидские адмиралы знали, что сухопутное войско Ксеркса сражается за горный проход; они знали, какую они стяжали бы великую славу, если бы прогнали греческие корабли и тем самым создали бы возможность обойти Фермопилы морским путем. Тем не менее после трехдневного боя они на четвертый уже не вышли в бой и лишь при известии об отходе греков снялись со своей якорной стоянки у входа в Пагасейский залив. После полной победы персы, конечно, не были бы так сдержанны.

Итак, очевидно, что греки в этом трехдневном бою держались совсем не плохо. Не ошибочно ли сообщение, что они решили отступить еще до получения известия из Фермопил. Во всяком случае связь между событиями становится много понятнее, если принять, что только это известие дало перевес тем голосам, которые, может быть, и

раньше высказывались за отступление (так понимал еще Плутарх), и окончательно решило вопрос.

Как бы то ни было, можно сказать с уверенностью, что греческий флот в открытом море показал себя вполне достойным соперником персидского, который не смог его одолеть в трехдневном бою.

Отсюда мы должны заключить, что оба флота были приблизительно равны. Когда греки утверждают, что персы втрое превосходили их численностью и все же не смогли победить, а объясняют это внутреннее противоречие беспорядком, внесенным в персидский флот чрезмерной величиной и количеством их кораблей, то это явный вымысел. Основу персидских морских сил составляли финикияне и ионийские греки; те и другие – превосходные моряки, умевшие управлять ими же построенными кораблями. Весь экипаж состоял, по-видимому, сплошь из профессиональных моряков, тогда как греческие корабли обслуживались отчасти, правда, также превосходными моряками, отчасти же неопытными в морском деле гражданами. Сам Геродот неоднократно упоминает о техническом превосходстве противника (VII, 179; VIII, 10) и заставляет Фемистокла совершенно ясно сказать

(VIII, 60), что греческие корабли более неповоротливы *(βαρυτέραζ)*. Факты позднейшей военно-морской истории, как например превосходство афинян над спартанцами в Пелопоннесской войне, учат тому, как важна для флота профессиональная опытность экипажа. Однако в 480 г. экипаж афинского флота состоял главным образом из аттических крестьян, угольщиков и ремесленников, получивших лишь самое необходимое обучение[51] во флоте, созданном всего лишь за два года перед тем.

Значит, греки никак не могли бы выдержать трехдневного боя, если бы более опытный в морском деле противник имел к тому же еще и численный перевес. Греки сами сообщают, что в первый день имели 271 триеру, так что у персов было, конечно, не больше 200–300 триер.

По преданию, они за несколько дней до того потеряли много кораблей во время сильной бури. Даже если сообщение об этой потере сильно преувеличено и они с самого начала не имели больше 200–300 триер, то все же вполне вероятно, что Ксеркс рассчитывал с таким флотом убрать с моря всех греков. Из всех греческих кораблей 127 принадлежали афинянам. За несколько лет до этого афиняне заняли 20 кораблей у коринфян для войны с Эгиной. Лишь после этого, по настоянию

Фемистокла, был выстроен большой флот в 483/82 г., и при персидском дворе, конечно, не имели представления о том, какое колоссальное напряжение было сделано этим маленьким государством уже в последний момент. Поэтому у нас нет не только никаких оснований предполагать, что персидский флот был сильнее греческого, но весь ход сражения у Артемизия совершенно исключает эту возможность, по крайней мере после потерь, понесенных персами вследствие бури.[52]

Предположение, что персы совершили нападение до того, как весь их флот был в сборе, конечно, равным образом исключено.

Если все это правильно, то и отступление греков становится вполне понятным. По Геродоту, афиняне еще у Артемизия получили подкрепление из 53 дополнительных афинских триер; это известие вполне основательно оспаривает Белох. Для 200 триер у Афин не хватило бы людей. Но не подлежит никакому сомнению, что значительная часть мелких контингентов появилась лишь при Саламине. Геродот старается обстоятельно доказать, что не только греки, но и персы со своей стороны тоже получали подкрепление. Правда, для персов подкрепления состояли лишь из немногих судов от греков-островитян, для греков

Геродот дает 55 триер (сверх 53 афинских). Следовательно, отступая от Артемизия, греки отступали за подкреплением; к тому же они имели возможность в своих гаванях очень быстро починить попорченные суда, что для персов было значительно труднее. Если грекам с честью удалось удержаться у Артемизия, то можно было с твердой надеждой на победу ждать второго сражения в Сароническом заливе. Правда, платить приходилось чрезвычайно дорогой ценой: афиняне должны были оставить на разгром неприятелю свою страну и город; но коль скоро не удалось победить неприятельский флот у Артемизия, другого выхода не оставалось.

1. Геродот рассказывает, что греки уже до сражения один раз отступили от Артемизия до самого Эврипа и вернулись на старую позицию лишь после известия о крупных потерях, понесенных персами вследствие бури. Этот рассказ не заслуживает никакого доверия, ибо в таком случае и Леонид должен был бы очистить Фермопилы. Назначение этого рассказа – сгустить краски и показать нам, в каком великом страхе жили греки до прихода персов и как помогли боги, наслав непогоду и ветер. Чем больше были потери персов при кораблекрушении, тем больше, значит, был их флот первоначально.

2. Вместе с точным установлением соотношения сил на море окончательно отпадает басня, будто персы отправили 200 кораблей за Эвбею, чтобы отрезать

грекам отступление, и что все эти корабли были разбиты бурей. Для того чтобы отрезать отступление греческому флоту в том случае, если бы персы могли обойтись в бою без этих 200 кораблей, их вовсе не надо было посылать за Эвбею, а попросту надо было в тот момент, когда главный флот пошел бы в бой, направить их прямо в море, против левого фланга греков. Этот рассказ также принадлежит к вспомогательным штрихам легенды, стремящейся сгладить противоречия между действительно огромной величиной персидского флота и фактическим участием его в сражении.

3. Противоречие между многократным превосходством персидского флота над греческим и тем обстоятельством, что этот последний все-таки оставался господином положения в трехдневном сражении в открытом море, я пытался ранее разрешить таким образом, что при Артемизии вообще не произошло настоящего сражения. Однако такое решение несостоятельно и, конечно, не потому, что имеется рассказ греков об этом сражении (легенда ведь часто выдумывала целые сражения), но потому, что происходили бои при Фермопилах. Невероятно, чтобы персидский флот стоял в бездействии, пока царь сражался здесь; и флот должен был внести в дело все свои силы, чтобы отбросить греческий флот и зайти в тыл позиции Леонида. Так как решение при Фермопилах последовало только на седьмой день после подхода царя к ущелью, то совершенно ясно, что сухопутное войско именно и ожидало выступления флота. Это выступление задержалось будто бы на три дня из-за непогоды. Эти показания Геродота можно было бы считать достоверными, хотя

подробности в хронологических сообщениях при описаниях событий спустя столь долгое время всегда подлежат серьезной критической оценке, а Геродот противоречит и самому себе.

Глава VIII

СРАЖЕНИЕ ПРИ САЛАМИНЕ

Когда в Афины пришла весть, что граждане должны покинуть город и отдать его неприятелю, они в тупом отчаянии отказывались последовать этому совету, а толкование божественного изречения относительно деревянных стен еще не было разгадано. Наконец, выяснилось, что священная городская змея не поглотила своего ежемесячного жертвенного пирога; следовательно, надо было признать, что она тоже покинула город. Последовать такому божественному примеру не постыдились теперь и афинские граждане.

Население было перевезено частично на пелопоннесский берег, частично же лишь на Саламин. Для перевозки больших человеческих масс с их движимым имуществом, всех вместе, на пелопоннесский берег не хватило бы средств. Крестьянское население бежало в горы. В то время как остров Саламин предоставлял убежище афинским гражданам, к этому месту стягивался флот. Тем не менее – так гласит предание – произошел якобы большой спор между военачальниками, следовало ли теперь же у Саламина принять бой с персидским флотом. Мы

не в состоянии с достоверностью распознать природу этого спора, а потому методологически было бы совершенно неправильно выдавать за подлинную историю рассказ, подобный данному рассказу Геродота, даже если бы удалось очистить его от очевидных нелепостей и противоречий. Может быть, весь этот спор военачальников является басней, в которой заключено только зернышко истины, а именно, что соображения, следовало ли давать сражение при Саламине или в другом месте, были всесторонне взвешены на военном совете. Именно такое искажение действительности, кажущееся столь убедительным, встречается довольно часто в истории войн, в том числе и в новейшей; сошлюсь здесь только на сообщение буллингерской хроники сражения при Муртене и на аналогичный мнимый спор между Фридрихом и Шверином перед сражением под Прагой. Отдельные куски геродотовского рассказа все же настолько соответствуют природе событий, что мы безусловно можем их принять; но мы не знаем, не играли ли роль в этих событиях также и другие неизвестные нам и, может быть, значительно более важные причины.

Прежде всего чадо установить, что речь шла только о том, где должно произойти сражение, а

не о том, должно ли было оно произойти. Если бы у греков не было мужества отважиться на морское сражение, то Греция должна была бы подчиниться персам; при отсутствии противодействия со стороны флота персы обошли бы прегражденный стеною Истм, а то, что сухопутное войско не рассчитывало дать бой персам в открытом поле, это мы уже знаем. Если бы сражение произошло теперь между Саламином и материком и было бы проиграно, то побежденные были как бы отрезаны, – и только немногие корабли могли бы спастись через Мегарский пролив, если бы персы не преградили и его. Сражение в открытом море имело, следовательно, то преимущество, что опасность при этом не достигала высшего предела. Но для исхода войны это не имело значения; поражение флота, даже несколько менее полное, во всех случаях решало войну, так как без флота и сухопутное войско не было способно оказать сопротивление. Кроме того, отступление к Истму передало бы в руки неприятеля не только Саламин со спасшимися туда афинянами, но также Эгину и Мегару. Это представляется нам безусловно решающим обстоятельством, и мы прежде всего беспомощны отыскать хоть какой-нибудь рациональный мотив, который должны были бы

все же выставлять сторонники дальнейшего отступления. Ведь легенда удовлетворяется тем, что объясняет это просто глупостью и трусостью; в действительности события присходили не так, и совершенно очевидно, что спартанский царь Эврипид и вождь коринфян Адеймант, которого соотечественники его превозносили как героя и считали настоящим победителем при Саламине, приводили в защиту своего плана еще и другие доводы, помимо сохраненных до нас Геродотом. В самом деле мы и в рассказе Геродота находим еще один факт, который до сих пор оставался совершенно, незамеченным, но мог бы дать нам искомый ключ к решению вопроса, если только вообще в основе этого рассказа лежит что-либо реальное.

Мы узнаем, что флот в составе 60 керкирских триер уже достиг южной оконечности Пелопоннеса. Греки позднее высказывали подозрение, что керкирцы, которые якобы были задержаны противными ветрами, запоздали нарочно, чтобы выждать решения и присоединиться к победителю. Нельзя, однако, считать невероятным, что в совете греческих военачальников каждый момент ждали их прибытия, а потому, идя на самые тяжелые жертвы, предпочитали отступить еще на шаг и

сделать победу при помощи керкирцев еще более надежной.

Решающую роль со всей смелостью его натуры сыграл будто бы Фемистокл, который, притворяясь изменником, сам оповестил царя Ксеркса о раздоре между греками и тем вызвал его на немедленное наступление. Относительно содержания того, что Фемистокл приказал сообщить царю, греки были не совсем единодушны во мнениях. У Эсхила ("Персы", стих 336) говорится, что один человек сообщил Ксерксу, будто греки ночью обратятся в бегство и рассеются, чтобы спасти свою жизнь. Геродот добавляет к этому еще слова, что, когда персы подплывут, греки начнут борьбу между собою. Диодор (конечно, по Эфору) заставляет посланного сказать, что греки хотят плыть к Истму, чтобы соединиться там с сухопутными войсками. Близок к этому и, конечно, почерпнут из этого источника рассказ Плутарха. Причина таких изменений в рассказе ясна: были люди, для которых не являлось очевидным, что царь был заинтересован в том, чтобы помешать грекам рассеяться. Ибо, когда дело дошло бы до этого, персидский флот не только с легкостью разбил бы любой отряд греческого флота, если бы только тот вообще отважился держаться в открытом море, но

и добился бы также решающей победы на суше, высадив часть персидского войска где-нибудь на Пелопоннесском материке и тем самым вынудив греков уйти со своей последней, недоступной для обхода позиции за стеной Истма. Отсюда и добавление Геродота, что греки вступят в борьбу друг с другом, т.е. часть их перейдет на сторону персов; это по крайней мере делает нападение персов до известной степени понятным. Эфор сознавал, однако, что и этого недостаточно, а так как не было никакого другого достоверного предания, он ввел в рассказ вместо роспуска флота только отступление к Истму и соединение с сухопутным войском. Позднейшие писатели, такие как Непот, Юстин, Фронтин, вернулись к первоначальной легенде и заставляют передавать царю такой совет: греки намереваются рассеяться, а потому он должен быстро напасть на них, чтобы захватить их всех вместе. Ни в какой сказке не удается так великолепно одурачить задорного короля. Но настоящий солдат, каким был Фемистокл, вероятно, сказал бы себе, что Ксеркс ответил бы ему так: "Это очень радостное известие; теперь я без риска могу разбить их поодиночке одного вслед за другим". Наиболее вероятным было бы, конечно, сообщение, которое гласило бы примерно так: в пути находятся еще

шестьдесят керкирских триер, а потому персы должны начать сражение до их прибытия.

До этого момента я мог сохранить изложение в том виде, как оно было в первых двух изданиях. Дальнейшее является новым. Достойно удивления, что путем тщательных филологических исследований удалось открыть абсолютно новый факт, который ставит совершившееся при Саламине как в тактическом, так и в стратегическом отношениях на совершенно иную основу, чем это было принято до сих пор. Все изыскания относительно Саламина исходили из предпосылки, что остров Пситталея, занятый во время сражения персами, которые после победы греков были отрезаны и уничтожены, идентичен нынешнему острову Лейпсокутали, который расположен еще перед входом в пролив. Бесконечные старания были потрачены на то, чтобы сообщения о сражении, имеющиеся у Эсхила и Геродота, привести в согласие друг с другом и с такой топографической предпосылкой. Но теперь Юлиус Белох установил, что исследователи были введены в заблуждение внешним созвучием названий "Пситталея" и "Лейпсокутали", что оба названия не имеют между собой ничего общего и что остров Пситталея, вблизи которого произошло сражение, с гораздо

большим основанием можно считать островом Хагиос Георгиос, находящимся значительно дальше к северу в самом проливе. Этот случай напоминает случай со сражением при Муртене, где топография, а вследствие этого также и тактико-стратегическая концепция сражения были запутаны необоснованным преданием, которое принимало часовню, отстоявшую довольно далеко от поля сражения, за часовню, находившуюся на самом поле. С работой Белоха в руках я прошел в 1911 г. по берегу вдоль пролива, и тогда с моих глаз как бы спала пелена: я пришел к выводу, что сражение вообще произошло не в этом проливе, так как в нем слишком мало места. Сражение могло произойти только по ту сторону пролива, в Элевсинской бухте.

С учетом этого основного положения первоисточники этого предания были еще раз проработаны одним из моих учеников Готфридом Цинном, в результате чего получилась картина сражения, бесспорная и тактически и стратегически[53]. Все сообщения источников, которые казались настолько запутанными, что объяснить их считали возможным только искажениями текстов то в том, то в другом месте, находятся теперь в прекраснейшей гармонии.

После занятия Афин персы прождали добрых

две недели, прежде чем они предприняли решительные действия (занятие города – приблизительно 10 сентября; сражение – 28 сентября). Несмотря на все предшествующие успехи, обстановка была для них трудной, и нелегко было решить, какой способ действия был бы наилучшим. Греческий флот стоял у северного берега острова Саламина, где имеется достаточно прибрежных песков (почти весь восточный берег обрывистый). Так как на острове слишком мало воды, чтобы обеспечить ею весь флот (приблизительно 300 кораблей с 50 000–60 000 экипажа), то часть кораблей стояла, видимо, у побережья Мегары[54]. Можно было бы себе представить, что Ксеркс предварительно обсудил, должен ли он одновременно с нападением на море предпринять также нападение и на суше, по дороге из Афин в Мегару. Но так как об этом ничего не сообщается, то мы можем лишь установить, что во всяком случае персы до Мегары не доходили, а следовательно, не чувствовали себя достаточно сильными для этого и ограничились только наступлением флота, которое предполагало тщательную и длительную предварительную разведку. Чтобы подойти к грекам, персидский флот должен был пройти или через Саламинский пролив, довольно извилистый,

заполненный островами и подводными камнями, или через еще более узкий проход с другой, мегарской стороны острова – через бухту Трупика. Решили, наконец, атаковать греков одновременно с обеих сторон; в случае победы греческий флот был бы разбит и полностью уничтожен. Обе части флота выступили еще ночью, чтобы на утро проникнуть в Элевсинскую бухту одновременно обоими путями.

Как только было сообщено о приближении неприятеля, греки тоже приготовились к бою, также разделились на части и поплыли навстречу противнику. Перед этим Фемистокл нашел еще время произнести зажигательную речь. В его намерение не входило преградить путь неприятелю при входе последнего в открытую бухту, – он стремился напасть на противника еще во время развертывания его в узком проходе. Передовые корабли греков, несомненно, те из них, которые несли наблюдательную и сторожевую службу при входе в пролив, сначала отплыли на некоторое расстояние назад. После этого началось наступление, во время которого пытались охватить правый фланг персов, т.е. фланг, который двигался в направлении на Элевсин, как совершенно правильно замечает Геродот. Персы защищались самым храбрым образом, но узкий

пролив лишь медленно выпускал их корабли, в то время как греки немедленно могли ввести в дело свои и без того превосходившие персов силы.

В таких условиях финикийско-ионические корабли, несмотря на превосходство их маневроспособности, вынуждены были терпеть урон и были вновь загнаны в пролив. А так как отходившие назад корабли встречались с кораблями, еще стремившимися вперед, то они попадали в величайший беспорядок и несли тяжелые потери.

Относительно боя в противоположном морском проходе у Мегары нам ничего не известно. Но мы можем с достоверностью принять, что этот бой разыгрался точно таким же образом, ибо афиняне рассказывали Геродоту, что коринфские корабли отошли к этой стороне (по мнению афинян для того, чтобы спастись бегством), а коринфяне чествовали своего полководца Адеймanта как героя.

Все искажения, которые делали традиционную версию столь непонятной, теперь исчезли.

Если до настоящего времени не могли понять, почему узость фарватера должна была оказаться губительной именно для персов (что как раз подчеркивает Эсхил), хотя финикяне и ионийцы были, несомненно, лучшими мореплавателями,

чем афинское ополчение, то теперь ясно, каким образом стратегический гений Фемистокла действительно сумел так организовать сражение, что узость прохода помогла грекам, а противник при всем своем мореходном искусстве не мог выровнять положение, ибо узость прохода имеет отношение не к самому бою, а к моменту подхода к месту боя.

Противоречие, заключавшееся в том, что греки при Артемизии успешно сражались в открытом море, а теперь при увеличившейся численности кораблей якобы нарочно выбрали для боя узкое пространство, устранено, так как узкий пролив представлял собой не место боя, а только подход к месту боя.

Наряду с преданием, что Ксеркс наблюдал за сражением с одной из высот у Саламинского пролива, сохранилось и другое (у Плутарха), что Ксеркс поставил свой трон на высоте у границы Мегары. Каким образом могло бы возникнуть такое предание, если бы сражение произошло у южного входа в Саламинский пролив, в 10–12 км от того пункта? Теперь можно признать это предание, хотя, по-видимому, и недостоверным, но построенным вполне рационально.

Наконец, найдено и необходимое для сражения пространство; указание Геродота о

направлении правого фланга персов на Элевсин и поведение коринфян объяснены.

Наоборот, во всех источниках, сохранивших эти предания, нет ни одного момента, который говорил бы против той реконструкции сражения, которую произвел Цинн.

Греки победили, но победа не была настолько велика, чтобы они могли преследовать персов далеко в море. Они ожидали даже повторения нападения персов. Но Ксеркс убедился, что он не в состоянии, особенно если бы прибыли еще керкирцы, одолеть греков на море. Поэтому он отослал флот домой, – тот флот, который ни для чего уже не был нужен, если он не мог победить греков.

Война тем самым еще ни в какой мере не была проиграна. Правда, против позиции греков на Истмийском перешейке теперь уже ничего нельзя было предпринять, но персы удерживали все же в своих руках Среднюю Грецию и Аттику, а греки не рисковали подставить им свой лоб на суше. Поэтому, если сухопутное войско оставалось в Греции и заставляло покоренные области кормить себя, то надо полагать, что греки, точнее афиняне, не были в состоянии защищать свою страну от повторных вторжений и со временем оказались бы покоренными. Не могли же они ежегодно

покидать город и бежать за море.

Война должна была принять теперь затяжной характер. При этом самому царю в Элладе уже нечего было делать, его присутствие требовало бы больших и блестящих дел, которых пока не предвиделось. Наоборот, и с военно-политической точки зрения было правильным, что лично Ксеркс вернулся в Азию. Слабым пунктом в позиции персов была малая надежность ионийских греков. Если бы последние отпали, то находившемуся в Элладе персидскому войску грозила бы опасность оказаться совершенно отрезанным от родины. А так как Ксеркс не мог располагать еще новыми крупными частями войск, то личный авторитет царя был лучшим средством для того, чтобы держать в повиновении ионийских греков. Поэтому Ксеркс передал верховное командование Мардонию и возвратился в Сарды, где он сначала и остался[55]. Мардоний отступил в Северную Грецию, где он не рисковал подвергнуться неожиданному нападению и мог заставить покоренные области кормить его войско. Отсюда он мог в любой подходящий момент вновь предпринять наступление.

Глава IX

СРАЖЕНИЕ У ПЛАТЕИ

Вожди греков не знали, где и как они должны нанести свой контрудар персам, которые отступили только на один шаг и все время угрожали новым наступлением. Будто бы сейчас же после сражения при Саламине Фемистокл предложил послать флот к Геллеспонту, чтобы разрушить там персидские мосты; это – доступный сознанию масс мотив для похода во Фракию и Малую Азию, чтобы побудить тамошних греков отложиться от варваров. Только для того, чтобы разрушить мост через Геллеспонт, Фемистоклу не стоило стараться; об этом и без греков позаботились ветер и непогода.

План Фемистокла не встретил среди его соотечественников никакого сочувствия. Зачем они должны были отправиться в дальний поход, в то время как большое персидское войско опустошает их страну? Следующей весной Фемистокл снова так мало имел успеха со своей идеей, что афиняне вместо него, победителя при Саламине, избрали своими стратегами его политических противников – Аристида и Ксантиппа.

Больше понимания нашел Фемистокл среди спартанцев, и это вполне понятно: если бы план удался, Мардоний должен был бы покинуть землю эллинов, – и сухопутное сражение, которого так боялись спартанцы, стало бы излишним.

Во время этого разлада между двумя ведущими греческими государствами сначала ничего не было предпринято. Афиняне требовали, чтобы пелопоннесцы выступили всеми своими силами и помогли прикрыть Аттику от вторжения персов. Спартанцы настаивали на морской экспедиции. Каждый пытался вынудить другого к признанию своего плана. Спартанцы не выступили, и афиняне должны были, когда Мардоний приблизился, во второй раз отдать неприятелю свой город и свою страну и бежать через море. Теперь они угрожали спартанцам, что если они не получат помощи от пелопоннесцев, то снесутся с персами и заключат с ними мир или даже союз.

В конце концов нашли компромисс. От ионийцев поступали одно за другим известия, что они готовы отложиться от персов; следовательно, чтобы отважиться на экспедицию, требовался теперь уже не весь флот, а только часть его. Тем самым главные силы афинских гоплитов освобождались для войны на суше. Если при

Саламине по самым минимальным предположениям сражались 310 греческих триер, которые требовали 50 000–60 000 чел. экипажа, то теперь на море находились только 110 триер приблизительно с 20 000 чел., под командованием спартанского царя Леотихида и афинянина Ксантиппа. Войско же пелопоннесских гоплитов под командованием Павсания сосредоточилось на Истмийском перешейке, а когда Мардоний покинул Аттику, чтобы не вступать в борьбу повернутым фронтом, заняло на горах Киферона, близ Платеи, позицию, прикрывавшую Аттику. Здесь, однако, это войско остановилось, а персы расположились против греков на равнине. Ни одна сторона не нападала на другую.

До этого момента мы могли вести изложение, не вдаваясь в особые исследования относительно величины обеих армий. Одно ясно, что персы чувствовали свое тактическое превосходство над греками, а эти последние не решались принять бой в открытом поле. По сравнению с предыдущим годом обстоятельства складывались для греков благоприятнее, поскольку часть экипажа кораблей, сражавшихся при Саламине, а именно части афинян, мегарцев, эгинян и коринфян, несли теперь службу на суше. Поэтому теперь можно было занять позицию у Платеи,

прикрывавшую Аттику, на что год тому назад еще не надеялись. Учитывая, что для кораблей все еще требовалась часть людей, но в то же время на суше греки напрягали все свои усилия, мы можем принять, что спартанцы и афиняне имели там приблизительно по 5 000 гоплитов, все остальные вместе – примерно столько же, сколько спартанцы и афиняне, т.е. войско насчитывало примерно 20 000 гоплитов, а вместе с таким же числом невооруженных составляло массу в 40 000 чел. Силы персов с подвластными им греками были приблизительно такими же. Если бы Мардоний располагал значительным или тем более двойным превосходством в силах, он не стоял бы неподвижно на реке Азопе, а с половиной своей армии обошел бы греков через одно из восточных ущелий Киферона и отрезал бы им пути подвоза или ударил бы им в тыл, в то время как другой частью армии он сковал бы их с фронта.

Даже при незначительном численном превосходстве Мардоний, конечно, мог бы осуществить обходный маневр и совершил бы его, не опасаясь, что отдельно действующие части армии подверглись бы нападению и были разбиты поодиночке. Стоя по своим военным качествам по меньшей мере на одном уровне с греческими ополчениями, персидская армия, состоявшая из

различных родов войск, настолько превосходила противника в маневроспособности, что и изолированный отряд не так-то легко мог бы быть вынужден к бою против его воли. В результате присоединения греческих общин персы располагали теперь, помимо своих всадников и лучников, также и гоплитами. Поэтому отсиживание у реки Азопа находит свое объяснение только в том случае, если мы примем, что по своей численности войска Мардония равнялись греческим, а вернее – были слабее их на несколько тысяч или, может быть, даже на довольно большое число тысяч человек.

Определив силы Мардония, мы можем теперь задним числом вывести заключение, что Ксеркс за год до этого располагал приблизительно таким же числом бойцов. Потери в людях и войсках, которые сопровождали царя на его обратном пути и остались при нем, могли быть вполне уравновешены контингентами покоренных греков, а также некоторым количеством высаженных с кораблей солдат-моряков[56]. Можно предполагать, что обоз персидского войска, в составе которого было много знатных лиц, был относительно больше, чем у греков, и легко мог достигать численности примерно 40 000–50 000 чел., так что все войско в целом представляло собой

людскую массу в 50 000–70 000 чел., – количество, которое казалось грекам неизмеримым, отчего они и выдумывали по этому поводу любые фантастические цифры.

Предание относительно сражения при Платее, как оно изложено у Геродота, отличается обстоятельностью и богато подробностями, но также полно противоречий, которых до сих пор не удавалось распутать. Того, кто хочет получить настоящее представление, как далеко отходит легенда от реальной действительности уже через одно человеческое поколение, я еще раз отсылаю к "Истории Бургундских войн" Буллингера. И с точки зрения народной психологии в высшей степени интересно видеть, насколько одинаково работала народная фантазия у таких различных наций, как древние греки и швейцарцы, как они создали почти идентичные картины и типы, причем нельзя и думать о подражании.

Но даже если подвергать сильному сомнению каждый отдельный штрих, каждый отдельный рассказ и считать их неправдоподобными, то попытка реконструкции все-таки не совсем безнадежна. Как ни мало достоверным может быть предание во всех своих подробностях, в нем отражаются все же некоторые факты, которые не могли быть выдуманы и дают нам возможность

с уверенностью установить в развязке сражения действительно важное, типичное, принципиальное. Но еще дальше может привести нас топография. Грэнди (Grundy) в уже цитированном нами труде дал исключительно тщательное исследование и описание местности в окрестностях Платеи, которое еще не было мне известно при подготовке 1-го издания настоящего труда, но одному из моих учеников, Людвигу Винтеру[57], дало основу для реконструкции, как мне кажется, безусловно удавшейся.

Путем комбинирования нескольких и притом очень немногих твердых данных удалось фиксировать на местности все названия горных проходов, бухт, высот и храмов, которые Геродот приводит в большом числе, и рассмотреть, могут ли уложиться в этом пространстве передвижения обеих армий. Дело обстоит совершенно так же, как с Марафоном и Саламином. Местность, на которой дается сражение, – это настолько важный элемент, что как только он расшифрован, так раскрывается и вся картина данного военно-исторического события.

Как только греки вышли из ущелья Киферона на северные склоны гор, они сейчас же подверглись нападению персидских конных лучников. Мегарцы, которые находились впереди,

попали в тяжелое положение, пока им не пришли на подмогу афиняне со своими лучниками. Постепенно из ущелья появлялось все больше и больше греков, и так как они не спускались ниже, а держались на склонах гор, то персы прекратили бой, не вводя в дело своих пеших бойцов.

Павсаний своими действиями показывает, что он понял уроки Марафона и хочет им следовать. Но это было не так просто. Его войско состояло из гражданского ополчения, выставленного примерно 20 независимыми общинами из людей, которые хотели поскорее вернуться домой, чтобы озаботиться устройством своих домашних дел, и не понимали причины медлительной стратегии их полководца. Он велел позвать прорицателя, у которого оказалось так много тактического разумения, что из жертвоприношений он вывел заключение о победе греков, если они будут придерживаться оборонительной тактики и не перейдут Азопа – речонки, протекавшей перед их фронтом. Несмотря на то что греки в конце концов стали ощущать большую нужду в жизненных припасах, они все еще продолжали стоять на своей позиции.

Через несколько дней Павсаний перенес свою позицию дальше вперед на последний холм у края глубокой равнины, – на тот холм, у самого

подножия которого течет река Азоп. Смысл этого маневра был очевиден: хотели вызвать противника на нападение и выдвинулись, насколько было возможно, вперед, не отказываясь все же полностью от выгод прилегавших справа и слева оборонительных позиций.

Однако Мардоний не менее, чем Павсаний, знал, чего требовала от него тактика и какова цена хорошему прорицателю. Он тоже призвал одного такого ясновидящего, который из жертвоприношений узнал, что персы не должны переходить через Азоп.

Вместо того, чтобы атаковать греков на их холме, Мардоний использовал своих лучников для того, чтобы мешать грекам черпать воду из Азопа; а его всадники даже объехали кругом холма, закрыли источник (Гаргафия) на задней стороне холма и отрезали подвоз.

Такими мерами Мардоний поставил греков в столь тяжелое положение, что Павсанию в конце концов не оставалось ничего другого, как отступить. Он хотел занять позицию несколько дальше позади, у самого города Платеи, где войско не могло быть отрезано ни от воды, ни от подвоза. Отход был не так прост, ибо на марше в непосредственной близости от персидского войска легко можно было подвергнуться нападению.

Поэтому решили отступить ночью и разделить войско на три колонны. Спартанцы оставались на месте до последнего момента. Геродот рассказывает о начальнике одного лоха, Амамфарете, который отказывался отступать, поспорил по этому поводу с царем и, наконец, обеими руками положил к его ногам камень. Так как Амамфарет в конце концов все же последовал за другими, то рассказ этот может быть истолкован таким образом, что начальник лоха отнюдь не противоречил царю, но, наоборот, поклялся ему терпеливо выжидать, оставаясь на холме, как тот камень, и прикрыть отход.

Когда на утро персы обнаружили, что греки отошли, они тотчас же выступили и последовали за греками. Они настигли их раньше, чем греки успели вновь соединиться; по-видимому, именно это разделение греческих сил и побудило Мардония пренебречь указаниями оракула и отдать приказ об атаке.

В одном месте, у мегарцев и флиазийцев, персы оказались победителями, – оттого ли, что эти греки, когда исход сражения был уже решен, устремились на равнину без мер предосторожности и в беспорядке, как об этом рассказывает Геродот, или оттого, что иные благоприятные обстоятельства, – поскольку на

рассказ, как таковой, мы, конечно, не можем полагаться, – содействовали успеху нападения всадников. Афиняне, со своей стороны, добились успеха против греческих союзников персов и разбили их в регулярной, но мало упорной схватке гоплитов. Настоящий же и характерный бой дали спартанцы и примыкавшие к ним тегейцы.

Геродот рассказывает, что, когда персы перешли в наступление против спартанцев, они засыпали их стрелами. Многие из спартанцев были убиты или ранены, но они выдержали эти потери и продолжали стоять на месте, потому что результаты жертвоприношений еще не были благоприятны. Наконец, когда Павсаний обратился к помощи платейской Геры, храм которой был виден с позиции спартанцев, жертвы были приняты богами: спартанцы обрушились на противника, и персы, не имевшие достаточного защитного вооружения, не могли противостоять натиску закованных в железо воинов, наступавших сомкнутым порядком.

Павсаний умел использовать прорицателей и жрецов. До тех пор, пока одни передовые части персов издали обстреливали фалангу, – безусловно для того, чтобы спровоцировать греков на преждевременное наступление, – Павсаний сдерживал своих людей. И только когда вся масса

персов подошла ближе к тому месту, которое он для себя избрал, Павсаний молитвенно поднял руки, обращаясь к богине; тотчас же догадливый жрец узрел и объявил, что жертва принята благосклонно, и Павсаний подал сигнал к атаке.

Хотя непосредственно перед этим непрерывно шла речь о персидских всадниках, которые теснили греков, мы ничего не слышим о том, что во время этого наступления они зашли грекам во фланг; они только прикрывали отступление. Следовательно, Павсанию удалось дать сражение на такой местности, где персидская конница не могла зайти во фланг греческой фаланге; Винтер смог теперь правильно установить и это место. Аналогия с Марафоном полная. Всякие подробности можно подвергать сомнению; однако можно с достоверностью принять по меньшей мере тот факт, что персы, наконец, решились перейти в наступление и что сражение – такое, как оно с самого начала было завязано Павсанием, – протекало аналогично сражению при Марафоне. Не зная Марафона, нельзя было бы извлечь из предания какого-либо исторического ядра; но Марафон дает ключ к пониманию, и, исходя из этого, я могу, не колеблясь, сделать еще один шаг вперед и признать рассказ о выдержке спартанцев под градом персидских стрел, о неблагоприятном

жертвоприношении и молитве Павсания достоверными историческими фактами. В истории найдется мало примеров, в которых мы могли бы с такой отчетливостью распознать зерно исторического события в чудесном обличье народной легенды.

Мне кажется вероятным, что в решении Мардония вынудить противника к решительному сражению сыграло роль стратегическое соображение, о котором в предании нет никакого следа, но которое подсказывается природой вещей.

Если рассматривать беотийский театр войны изолированно, то может казаться, что как раз греки должны были бы стремиться к решению. Ведь Мардоний начал теперь войну на измор; он заставил покоренных им греков снабжать его продовольствием и все время угрожал Аттике новым опустошением. Но Беотия составляла лишь часть театра войны. Мардоний не мог не знать (сами греки позаботились бы о том, чтобы он это узнал), что греческий флот отплыл к берегам Ионии и что они надеялись зажечь там восстание. Не будет слишком рискованным предположение, что Ксеркс в Сардах сам узнал об опасности и послал Мардонию сообщение, что тот должен поспешить добиться решения в Элладе и часть

своих войск отослать обратно, чтобы прикрыть Ионию и держать ее в повиновении. Следовательно, у Мардония был теперь более сильный мотив для того, чтобы искать решения; таким образом и может быть объяснено, почему он, – вопреки своему правильному мнению, что тактически для него выгоднее было оставаться в оборонительном положении и на равнине ожидать наступления греков, – в конце концов все же сам перешел в наступление.

Остается необъясненным, почему часть персидского войска под командой Артабаза, как рассказывает Геродот, не принимала участия в сражении; возможно, что она просто пришла слишком поздно.

То обстоятельство, что греки разделили свои силы и, двинувшись против Мардония, одновременно снарядили в поход большой флот, представляется, если рассуждать формально, крупной ошибкой. Почему они не разбили сначала соединенные силы Мардония, чтобы потом двинуться через море? Стратегия оказывается здесь, как мы часто будем видеть и в дальнейшем, в зависимости от тактики. Даже превосходство в 10 000 гоплитов не сделало греков способными спуститься в беотийскую равнину и в открытом поле в любом месте напасть на персов. Им не

оставалось ничего другого, как предложить Мардонию оборонительное сражение на местности, обеспеченной от нападений его конницы, и попытаться вызвать его на наступление. Это было выполнено при помощи морской экспедиции, а может быть также при помощи предпринятой Павсанием перемены позиции. Можно ли во всех этих мероприятиях видеть только случайное совпадение во всех изречениях прорицателей, а в божественных знаках – только влияние слепого суеверия? Такую точку зрения нельзя было бы опровергнуть, но я верю, что Фемистокл и Павсаний были такими, как их изображают нам греки, и знали, что они делают. Кто еще, кроме них, наряду с Мильтиадом и Леонидом умел соединять стратегический взгляд и геройство с хитростью и тонкостью превосходного ума, издалека обозревать вещи и прибегать к крайним мерам – к притворному предательству, к использованию суеверий толпы – ради достижения своей высокой цели!

1. Одновременно со сражением при Платее греки одержали победу также в Малой Азии при Микале. В рассказе об этом сражении о персидской коннице не упоминается, а атакующей стороной являлись якобы греки. На их сторону во время сражения перешли

ионийцы. Так как количество гоплитов в экипаже греческого флота безусловно было очень небольшим, то и персидское войско, во всяком случае после ухода ионийцев, было, видимо, очень малым, – новое доказательство того, что Ксеркс не располагал крупными массами воинов, иначе в почти годичный промежуток после Саламина ему было бы нетрудно выставить новое войско. Военное могущество персов еще не было сломлено; приблизительно 25 годами позднее они нанесли поражение значительной афинской армии в Египте и полностью ее уничтожили.

2. Тот же самый умный прорицатель, который так хорошо руководил спартанцами при Платее, был при них и тогда, когда они – примерно в 467 г. – победили аркадцев в тяжелом сражении при Дипее. В ночь перед этим сражением в лагере спартанцев сам собой возник алтарь, украшенный блестящим оружием, и вокруг него видны были следы двух коней. Заключив на основании этого, что им на помощь пришли божественные диоскуры, бойцы были охвачены таким мужеством и воодушевлением, что победили значительно превосходившего их численностью противника. Однако осведомленный грек, который передает нам эту историю, рассказывает, что это царь Архидам велел поставить алтари и провести вокруг них лошадей, чтобы поднять мужество своих воинов (Геродот, IX, 35; Полиэн, Стратег. I, 41).

3. Возвращаюсь еще раз к книге Оветта (Hauvette).

Оветт верит, что сухопутное войско персов насчитывало 2 100 000 бойцов; он допускает, что число это на несколько сот тысяч человек преувеличено, но как раз 80 000 всадников

представляются ему вполне вероятным числом (стр. 311, 312). Мое возражение, что персидская армия при современных условиях растянулась бы от Берлина до Дамаска и что даже если протяжение ее сократить на одну треть по сравнению с протяжением, необходимым для такой же по численности современной армии, то все же, когда передовые части подошли к Фермопилам, последние как раз только бы еще выступали из Сард, – это возражение не производит на Оветта никакого впечатления, ибо, по его мнению, положение античных армий было иным, чем армий современных. Современные войска совершают марш в колонне по четыре для того, чтобы половина дороги оставалась свободной, а, кроме того, между ротами, батальонами, полками, дивизиями всегда остается значительная дистанция. По мнению Оветта, персы этого не знали. Ксенофонт в "Киропедии" заставляет однажды 10 000 всадников построить каре в 100 чел. по фронту и 100 чел. в глубину; подобно этому могли двигаться и персы Ксеркса.

Ширина колонны, в которой совершает марш войсковое подразделение, зависит от ширины дороги. Если дорога хотя бы в некоторых немногих местах слишком узка для походной колонны, это создает затор, который прогрессивно возрастает к хвосту колонны и в конце концов становится совершенно непереносимым. Идущие далеко позади должны часами ожидать и тратят при этом свои силы или, если они не очень хорошо дисциплинированы, разбегаются. Передние уходят на столько же вперед, и колонна совершенно разрывается. Поэтому всякое хорошее военное руководство придает величайшее

значение тому, чтобы предотвратить заторы при движении или, поскольку в крупных массах войск этого почти невозможно достигнуть, сократить заторы до минимума. Поэтому и введены дистанции между различными войсковыми подразделениями, чтобы небольшие заторы могли быть тотчас же ликвидированы, а высшие начальники непрерывно заняты тем, чтобы соблюдать эти дистанции. Если персы, как думает Оветт и как действительно могло быть, не применяли этого правила, то фактически их походные колонны растянулись бы на еще большее расстояние, чем современные. Современные войска с правильной предусмотрительностью следят за тем, чтобы половина дороги оставалась свободной. Для каждой двигающейся походным порядком части, и особенно на походе в неприятельскую страну, безусловно необходимо, чтобы была возможность сообщения вдоль двигающейся колонны для высших начальников, для посыльных, доставляющих приказы и донесения, а при некоторых обстоятельствах и для быстрого продвижения вперед какого-либо определенного подразделения, например конницы. И у персов это не могло быть иначе. На длинном пути от Сард до Геллеспонта и от Геллеспонта до Аттики приходится форсировать многочисленные реки, пересекать гористые местности, преодолевать горные ущелья. Во многих местах ширина мостов, бродов и горных дорог была, вероятно, не шире, а уже, чем те, которые приходится принимать в расчет современным армиям. Персы двигались, видимо, колоннами не по 100, зачастую даже и не по 4, а только по 2 чел., причем они естественно использовали возможно большее число параллельных дорог.

В собственноручных записях от 18 августа 1870 г. одного генерала из прусского гвардейского корпуса, который в этот день по специальному приказу продвигался в колоннах с более широким фронтом, я нашел пространное рассуждение о том, что по опыту автора этих строк такой марш широким фронтом по шоссейным дорогам своей цели не достиг, а "наоборот, вследствие частых заторов и остановок, после которых вновь начинали движение, сильно утомил войска, и совершенно естественно, что при таком длительном марше образовались промежутки, которые казались беспорядком".

Разница между предположениями Оветта (около 1 700 000 бойцов) и моим (максимум 25 000, вернее, конечно, 15 000–20 000 бойцов) велика, но это вполне подходящее выражение для различия методов наших исследований. Оно настолько велико, что какое-либо согласование кажется невозможным. Каждый отдельный факт из Персидских войн, каждая попытка причинного объяснения тех или иных связей должна быть различной в зависимости от того, примем ли мы ту или иную численность войск или хотя бы приблизимся к ней. Я полагаю поэтому, что не следует вдаваться в дальнейшие подробности, и отказываюсь от других ложных положений в этой книге, причем я еще раз отмечаю, что Оветт отнюдь не лишен эрудиции и проницательности, но что наши методы различны, – конечно, только практически различны: принципиально Оветт не отрицает объективной критики. Например, в вопросе о марафонском беге он также привлек объективные соображения, ссылаясь на дистанции в походной колонне и т.д. Однако он не применяет их

последовательно и поддается самообману, будто там, где филологически опытный глаз не видит ничего невероятного, его нет и в действительности.

4. Какую массу представляло собой войско Ксеркса по моим цифровым расчетам, можно лучше уяснить себе, если представить его на походе. Армию силою в 20 000 бойцов или вместе с большим обозом в общей сложности около 70 000 чел., с большим числом лошадей, со слабой дисциплиной марша, зачастую также на узких неровных дорогах с подъемами, речными ущельями и другими естественными препятствиями мы должны представить себе (там, где эта армия не может использовать параллельных дорог) в виде колонны глубиной по меньшей мере в 10 миль (около 70 км). Если ничего особого не предстоит, то авангард должен выступить не раньше 5 часов утра, а хвост – прийти в лагерь не позже 6 часов вечера. Тогда, чтобы пройти 2 мили (4 часа), последний человек должен выступить в 2 часа пополудни; таким образом в первый день достигнет цели марша меньше половины войска, или, другими словами, в течение 2 с лишком дней жители будут наблюдать прибытие все новых и новых войск, и некоторые части прибудут еще на третий день, а в последующие дни еще многие из отставших. Неудивительно, что здесь прекращается всякий счет.

Примечания

1 Beitzke, Geschichte der deutschen Freiheitskriege, Bd. I, Anhang. – Bernhardi, Denkwьrdigkeiten aus dem Leben Tolls. Bd. III, Anhang.

2 Pertz-Delbrьck, Leben Gneisenaus, Grosse Ausg. Bd. IV, Exkurs. Kleine Ausg., 2 Aufl., Bd. 2. S. 19.

3 Delbrьck, Perser und Burgunderkriege. S. 157.

4 P. Bailleu, в журн. "Deutsche Rundschau", декабрьский номер 1899 г.

5 v. Lettow, Der Krieg von 1806 u. 1807.

6 Ср. "Geist und Masse in der Geschichte". "Preuss. Jahrb.", Bd. 147 (1912), S. 193 ff.

7 R. Adam в своей диссертации "De Herodoti ratione historica quaestiones selectae sive de pugna Salaminia atque Plataeensi" (Исследование отдельных исторических данных, встречающихся у Геродота или о сражениях при Саламине и при Платее, Берлин. 1890 г.) доказывает, что

приводимые Геродотом числа войск и кораблей покоятся на расчетной схеме которая лишает их последних остатков правдоподобия.

8 В "Wochenschift fьr klassische Philologie", Bd. 12, S. 877 (1895 г.) Белох, в связи с одной рецензией, удачно защитил свою точку зрения против некоторых необоснованных нападок

9 Кромайер в своей статье "Очерки о военных силах и военном устройстве Греции преимущественно в IV в." (Kromayer, Studien ьber Wehrkarft und Wehrverfassung der griechischen Staaten vornehmlich in 4 Jahrh., Klio, Bd. III, 1903) приводит значительно более высокие цифры для народонаселения и ополчений, которые, однако, Белох удачно опровергает в своей статье "Греческие ополчения" ("Griechische Aufgebote") (там же, т. V и VI, 1905, 1906 гг.).

10 В "Истории Греции" (т. I, стр. 320, русск. перевод) Белох отказывается от этого мнения, считая, что еще и в V в. народонаселение сильно росло.

11 P. Voigt, Deutschland und der Weltmarkt, "Preuss. Jahrbuch", Bd. 91, S. 260.

По новейшему исследованию Макса Дельбрюка "Немецкое сельское хозяйство на пороге нового века" ("Preuss. Jahrb.", Febr.-Heft, 1900 г.) следует принять в расчет значительное потребление мяса у германского населения, требующее больших затрат. При растительном питании страна имела бы возможность прокормить большее количество людей.

Для сравнения я привожу следующие числа жителей на 1 км²: в 1890 г. Пруссия – 86, Мекл.-Штрелиц – 33; в 1888 г. Швейцария – 71, Граубинден – 13, Швиц – 55, Ури – 16, Валлис (Уэльс) – 19; в 1889 г. Греция – 34, Лакония – 30, Мессения – 55, Эвбея – 24, Аттика и Беотия – 41.

12 "Тринадцать тысяч гоплитов, не считая гарнизонов сторожевых пунктов, а также 16 000 бойцов, расставленных вдоль стен. Такое количество войск охраняло город вначале во время вторжения неприятеля; оно состояло из военнообязанных самого старшего и самого младшего возрастов, а также из метойков, служивших в гоплитах.... Он указал, что имеется 1 200 чел. конницы вместе с конными стрелками, 1 600 стрелков и 300 годных к плаванию триер" (Фукидид, II, 13).

13 Еще говоря о периоде подготовки к Пелопоннесской войне, Фукидид упоминает и даже решительно подчеркивает, что афиняне вели свои войны отчасти при посредстве наемников (I, 123, 143); после же чумы отвлечение переживших эпидемию граждан от мирных занятий становилось для общего хозяйства страны еще чувствительнее, чем раньше; число тех, кого можно было безболезненно мобилизовать, сильно сократилось, а следовательно, и число наемников должно было сильно возрасти.

14 Что афинский флот и войско, при известном проценте рабов и наемников, по существу обслуживались самими афинскими гражданами, явствует из всего афинского политического строя. На этом сходятся все древние авторы. В частности, старшая Αθηναίων πολιτεία, восходящая, по моему убеждению, не к кому иному, как к самому Фукидиду, дает нам веское свидетельство того, что основой демократии была служба во флоте; если бы кадры матросов заполнялись исключительно или преимущественно наемниками и рабами, то тогда флот, как это имело место в других крупных торговых городах (Карфаген, Венеция, Амстердам), явился бы орудием в руках богатых

купцов, имевших возможность оплачивать наемников и покупать рабов. Также и Аристотель в своей "Политии" (V, 3, 5) говорит: "Опять-таки "корабельная чернь", сыгравшая главную роль в Саламинской победе, а благодаря ей в установлении гегемонии Афин на море, способствовала укреплению демократии". Экипаж керкирского флота при Сиботе состоял главным образом из рабов (Фукидид, I, ср. ниже, ч. II, гл. 2, прим.).

15 В подтверждение того, что греческий кантон действительно сплошь да рядом мобилизовал для кратковременной экспедиции всех своих мужчин, способных носить оружие, я сошлюсь на рассказ Фукидида (I, 105), где Миронид с "мальчиками и стариками" двинулся на коринфян, в то время как настоящая боевая армия занята была на другом, более отдаленном театре (V, 56), где аргивяне (в 418 г.) рассчитывали разгромить Эпидавр, пользуясь тем, что мужское население города ушло на войну.

16 Для похода на Делий было собрано полное ополчение (πανδημεί). Может показаться странным, что афиняне выставили в этом случае только 7 000 гоплитов, тогда как речь Перикла

дает нам 13 000 граждан + 3 000 метойков, т.е. всего 16 000 чел. Но если отнять отсюда потери от чумы, если учесть, что во флоте служили не только эпибаты, но также и значительное число граждан, состоявших в то же время и в гоплитских списках; наконец, если принять в соображение, что цифра 16 000 дает полное число состоявших на учете, – тогда как в действительности очень многие оказались, конечно, больными, в отъезде или уклонялись под тем или иным предлогом, то оба этих числа прекрасно согласуются между собой.

17 Ад. Бауэр (§ 40) считает, что копье было длиной 3 м (ср. ниже, исследование о сариссах).

18 Дройзен (H. Droysen, a, a. O, S. 24) приводит некоторые места, где панцирь не упомянут в вооружении спартанцев, и считает возможным, что они в отличие от прочих греков его не носили. Такое различие имело бы огромное значение. Но это мнение безусловно неверно. Дройзен сам приводит цитату из Тиртея, где ясно упоминается панцирь. А если бы из одного места у Ксенофонта (Анабазис, 1, 2, 16) можно было заключить, что наемники Кира не носили панцирей, то это

должно было бы относиться ко всем представленным там грекам.

19 Дройзен (H. Droysen, Heerwesen und Kriegfьhrung der Griechen, S. 171, Anm.) советует применять слово "фаланга" только к вооруженной сариссами пехоте, чей своеобразный боевой порядок заключался в "сомкнутом расположении задних и передних рядов" *(πυκνοτης κατ'ε'πιστα' την καί καραστάτην)*. Я, один, считаю нужным придерживаться укоренившегося словоупотребления, которое, по моему мнению, вполне соответствует приведенному выше определению. Из дальнейшего хода нашего исследования выяснится обоснованность этого взгляда.

Дройзен сам указывает на неопределенность и переменчивость греческого словоупотребления.

20 Рассказ Исократа (Архидам, 99), что спартанцы при Дипее победили аркадцев одной шеренгой, – рассказ, которому Дункер (VIII, 134) поверил, был вполне правильно отброшен Дройзеном (стр. 45) и Ад. Бауэром (стр. 243; 2-е изд., стр. 305), как риторическое преувеличение. Столь же обоснованно отбрасывает Дройзен и указание о

двух шеренгах, которые мы находим у Полиэна (2, 1, 24).

21 "Находящихся среди передовых бойцов".

22 Взявший слово Мантифей похваляется: "Когда начался поход в Коринфскую область, все знали заранее, что дело будет жаркое. Многие старались уклониться, я же просил, чтобы меня поставили сражаться в первом ряду. Хотя наша фила пострадала больше всех и многих потеряла убитыми, я все-таки отступил уже после великого стирийца, упрекавшего всех в трусости" (Лисий, 16, 15). Этой прекрасной цитатой я обязан книге Hugo Liers, Das Kriegswesen des Altertums, стр. 46.

23 Относительно объединения спартиатов и периойков в одной войсковой организации см. Bauer, § 18, 19 и 23, а также и оживленный спор между Кромайером (Klio, Bd. III, 1903 г., S. 177 ff.) и Белохом (Klio, Bd. VI, S. 63). По этому случаю выдвинуто было новое превосходное доказательство важности первой шеренги. Исократ (Panathen., 180 (271) пишет: "В походах, которыми командует царь, по одному человеку (из периойков) ставить вместе с ними (спартиатами),

а некоторых даже в первый ряд" (Исократ, Панафинейская речь, 180 (271)).

24 Ксенофонт, Киропедия, VI, 3, 25. Об этом будет речь ниже, ч. II, гл. *5*.

25 Ксенофонт, Hellenika, VI, 2, 21.

26 Что именно у лакедемонян было в обычае далеко преследовать неприятеля, сообщает и Фукидид (V, 73). Хельбиг в труде "О времени введения сомкнутой фаланги" (Helbig, Ьber Einfьhrungszeit d. geschlossenen Phalanx, Sitz.-Ber. der Bayr. Akademie 1911 г.) считает недостаточными указания о том, что первыми стали строить фаланги халкидяне.

27 Les ίππετζ, Athйniens par M. W. Helbig. Mйmoires de l'Acadйmie des Inscript. et Belles-Lettres, p. 37, 1902 г.

Ср. также: "Berittene Infanterie im Altertum" von Georg Friederici. "Neue Militдrische Blдtter", Bd. 67, Nr. 11/12, 1905 г.

28 Lysias, Mantitheos, XVI, 13; Helbig, S. 239.

29 Это, по-видимому, подтверждается Платоном в его "Менексене", где указано, что семья выбирала, кому из мужчин идти на войну.

30 Ад. Бауэр не делает общего вычисления, но, считая числа Геродота сильно преувеличенными, он все же дает для одних только спартиатов при Мантинее в 418 г. численность в 3584, а всего круглым счетом 4 300 способных к полевой службе (§ 23, 2-е изд., стр. 312). Я не могу с этим согласиться. Во всяком случае данные Фукидида представляются мне спорными, в частности – пентекостия в 128 чел.; если же принять их, то на мой взгляд не подлежит никакому сомнению, что Фукидид имеет в виду общую численность лакедемонских войск, а не одних лишь спартиатов. Мы нигде не находим у него никаких указаний на подобное ограничение, да и нет никаких оснований, почему эфоры при столь большой опасности оставили бы дома всех периойков, за исключением скиритов.

31 "Лакедемоняне, превосходя в силе воевавших с ними в союзе эллинов, играли среди них руководящую роль" (Фукидид, I, 18).

32 Стих 25: "Стрелки или всадники". Стих 82: "Он ведет стрелка Арея на лихих копьеносцев". Стих 133: "Кто-то верх одержал: победила ль стрела или сила копья одержала победу над ней". Стих 226: "Что ж у них в руках, стрела ли, напрягающая лук? Нет, они для ближнего боя носят копья и щиты". Стих 864: "Стрелки" (буквально "Укрощающие луком").

То же самое говорит Геродот (IX, 18 и 49). То же говорится в посвящении Симонида: "Эти луки, которые в огне оглашаемой стонами битвы не раз омывались кровью персидских всадников, теперь, после того как прекратилась война, несущая слезы, сложены на корабле Афины" (Симонид, фрагм. 143, Bergk). Близкое место – в фрагм. 97 (Bergk, стр. 454). Полковник Биллербек в своем исследовании "Суза" обращает внимание на то, что на рельефах главным оружием иранцев изображается не лук, но копье. Однако не только ясные высказывания греков, но также, как мы увидим далее, и ход событий указывают бесспорно на лук. Следует предоставить разъяснение рельефов знатокам-специалистам.

33 Геродот, VII, 61 и IX, 22.

34 Исследование о сущности персидской державы как ленного государства дал недавно Георг Хюзинг (Hьsing) в статье "Porusatis und das achamanidische Lehenswesen". Berichte d. Forschungs-Instituts f. Osten und Orient in Wien, т. II, 1918 г.

35 "В храбрости и силе персы не уступают эллинам, но они безоружны и неопытны и не могут с нами равняться в боевом искусстве" (Геродот, говоря о сражении при Платее, IX, 62).

36 Это место гласит: "Они начали сражение в защищенной местности у подножия горы, так как во многих пунктах здесь росли редкие деревья; и они думали, что горы и деревья смогут их защитить от окружения неприятельской конницы". Бюхнер ("Жизнеописания" Корнелия Непота с комментарием Августа Бюхнера, Франкфурт и Лейпциг, 1721), вместо чтения "во многих пунктах росли редкие деревья" предлагает вариант "во многих пунктах были срублены деревья", что больше подходит к контексту, но без чего можно обойтись если принять вместо "начали сражение с величайшей энергией и используя новые методы" чтение "начали сражение в защищенной местности".

37 Ген.-лейт. фон Квисторп (v. Quistorp, Beihefte z. Milit.-Wochenblatt, 1897 г., стр. 186).

38 Даже фаланга профессиональных бойцов-наемников Кира не может, сохраняя порядок, пробежать сколько-нибудь значительное расстояние. "Кричали друг другу не бежать, а продвигаться строем", – рассказывает нам Ксенофонт (Анаб., I, 8, 19).

Цезарь (bell. Gall, II, 18 и сл.) рассказывает, что нервии, атакуя его солдат, промчались 200 passus под гору, затем через речку Самбр в 3 фута (около 1 м) глубины и снова взбежали вверх по склону второго холма. Это очень большое достижение, но оно отнюдь не придает правдоподобия марафонскому бегу: галлы ни в коем случае не были так тяжело вооружены, как афинские гоплиты, к тому же бег их был прерван переправой через реку, а вся длина пробега вообще не указана; наконец, галлам, поскольку римляне сидели в укрепленном лагере, незачем было при штурме сохранять свой тактический порядок.

По bell. Gall. (III, 19) галлы напали на римский лагерь и сделали 1000 passus (что равно 8 стадиям) magno cursu ("скорым шагом"). Этот

пробег настолько их утомил, что, когда неприятель сделал вылазку, они ничего не могли против него предпринять и тотчас же обратились в бегство. Однако этот случай мало показателен, так как галлы бежали в гору и притом еще несли фашины. Кроме того, подлежит большому сомнению, действительно ли все эти 1 000 passus были пройдены непрерывным бегом: здесь мы имеем дело не с фалангой, не с боевым порядком, где все должны двигаться одним темпом и где нарушение строя недопустимо, а с беспорядочной толпой, где человек, когда у него не хватает дыхания, может пройти некоторое расстояние медленнее.

39 Русло ручья разделяет Франскую долину надвое. Правда, оно и в наши дни не очень глубоко, но все же должно было сильно мешать продвижению фаланги правильным и сомкнутым строем. Может быть, Мильтиад не с обеих сторон урезал ширину долины нагромождением срубленных деревьев, а совершенно завалил одну половину от подножия горы до ручья.

40 В "Киропедии" (V, 4, 44) Кир говорит: "Идти на врага и идти мимо врага – не одно и то же. Наступающий находится в таком положении, из

которого ему, как он считает, будет наиболее удобно вступить в бой; напротив, проходящий мимо должен тащиться с длинным рядом телег и далеко протянувшимся обозом. Все это должно быть прикрыто спереди вооруженными отрядами, и в то же время обоз нигде не должен быть обнажен для неприятеля. Следовательно, при таком движении боеспособные силы неизбежно должны принять очень тонкое и слабое расположение".

41 Полиэн (II, 2, 3) изображает, как Клеарх при Кунаксе вел греков в атаку: "Он сначала вел фалангу шагом, устрашая противника стройным порядком своих рядов, в пределах же досягаемости стрел приказал перейти на бег для того, чтобы ни одна стрела не поразила бойцов". Аналогично и у Диодора. Что это описание отнюдь не противоречит ксенофонтовскому, по которому фаланга сама ринулась в бег, удачно доказывает Г. Фридрих (Friedrich, N. Jahrb. f. Philol., Bd. 151, S. 26). Пауль Рейхард (Reichard) в "Deutsch. Rundschau", Sept. 1890 г., Heft 12, S. 426 приводит справку из дневника Стэнли, где тот утверждает, будто он стрелял из африканского лука дальше чем на 200 м. Это по меньшей мере преувеличение. Он будто бы сам

состязался в стрельбе с Ватузи, лучшим восточноафриканским стрелком из лука, причем лучший стрелок выстрелил на 120 м (160 шагов), а Рейхард еще на 7 шагов дальше. Точно так же лейтенант Морген сообщил как-то в докладе о Камеруне, что пущенная из лука стрела бьет на 150–180 шагов. Однако азиатские луки по изысканиям Лушана (Luschan, Ueber den antiken Bogen, Festschrift fьr Benndorf, 1898 г. и в Verhandlungen d. Berliner anthropol. Gesellschaft, Sitz. v. 18 Febr. 1899 г.) были значительно лучше африканских, а самые лучшие из них, на изготовление которых требовалось несколько лет, стреляли на невероятно далекое расстояние. Страбон (XIV, I, 23) сообщает: Митридат выстрелил с крыши Эфесского храма и постановил, чтобы храмовой участок, простиравшийся до тех пор на одну стадию, занимал впредь пространство до того места, где упала стрела, что составляло, как добавляет Страбон, несколько больше. Митридат, несомненно, имел самый лучший лук и был хорошим стрелком; если он, стреляя на расстояние, т.е. по высокой дуге, выстрелил лишь немного дальше чем на стадию, то при прямой стрельбе он должен был попадать в цель по крайней мере шагов с 200–240. Недавно

опубликованная эпиграмма из Ольбина прославляет стрелка Анаксагора, который будто бы стрелял на 280 клафтеров – 521,6 м ("Lit. Centr. Bl.", 1901, Sp. 887). Для большого войска следует, конечно, принимать в расчет меньшую цифру. Вегеций дает 600 футов, Иене (Jdhns, Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen, S. 281) до 250 шагов при прицельной (настильной) стрельбе, 400 – при навесной стрельбе (по дуге). Более новые исследования принадлежат Паулю Раймеру (Reimer, Der Pfeilbogen. Prometheus, Nr. 994. 20/XI 1907 г.).

42 Сообщения Археологического института в Афинах, 1890 г.

43 Карты Аттики. Издание офицеров и служащих Королевского прусского большого генерального штаба. Текст Е. Курциуса (Curfius) и Кауперта (1889 г.).

44 Имеется в виду шаг во время бега, равный 1 м; французский шаг для бега считается 80 см.

45 Droysen (Heerwesen, стр. 3, прим.) правильно отвергает теперь принятые мной вычисления Рюстова-Кёхли, считая их произвольными; однако

самый факт более тяжелой нагрузки в общем не может подлежать сомнению.

46 Увеличение в новейшее время численности войск вносит поправку в это положение. Чудовищные массы наших нынешних армий позволяют так плотно занять даже длинную горную цепь, что прорваться через нее нелегко. Так, в течение зимы 1914/15 г. австрийцам удалось долго отстаивать Карпаты против русских.

47 Ливий. XXXVI, 30

48 Диодор, II, 6, из Ктесия.

49 Плутарх, Фемистокл, гл. 7.

50 Платон, Менексен, XI; Аристофан, Лисистрата, стих 1250 (в русском переводе А.Пиотровского ст. 1255–1260). Впоследствии на мысу был воздвигнут на скале памятник победы, надпись на котором передает нам Плутарх.

51 Относительно постройки триер см. Hauk (бывший директор судостроительного общества "Vulkan") в журнале "Zeitschrift des Vereins

deutscher Ingeniere", 1895 г.; A. Tenne (инженер), Kriegsschiffe zu den Zeiten der alien Griechen und Rцmer, 1916 г., отзыв дал Chr. Voigt в "Die Liter. Zeit." за 1917 г., No 29, стр. 932.

52 Следует вспомнить, что не только крупные сухопутные силы, но и большие флоты мало поворотливы. Полный состав флота, с которым афиняне в 415 г. выступили против Сицилии, насчитывал 134 триеры, 2 пентеконтеры; к ним надо добавить 131 грузовое судно и некоторое число добровольных торговых судов. Весь этот флот не был собран в одну эскадру, но был разделен на 3 дивизии, "чтобы они при совместном плавании во время остановок у берегов не терпели нужды в воде и в гаванях, а также в съестных припасах и, кроме того, чтобы воины, находясь в каждой эскадре под начальством отдельного стратега, лучше подчинялись и соблюдали дисциплину" (Фукидид, VI, 42).

53 "Berliner Dissertation", 1914 г., изд. Р. Тренкель (R. Trenkel)

54 Если учесть природу геродотовского рассказа, то нет естественно ничего невозможного в том,

что в контексте утерян большой кусок, от которого не осталось и следа. Все же очень странно, что мы ничего не слышим о том, почему большое персидское войско за те 2 недели, в продолжение которых оно находилось на лагерной стоянке в Аттике, не заняло также и Мегару, которая лежит ведь еще перед истмом и его стеной. Естественным было объяснение, что спартанцы с сухопутной армией пелопоннесцев не окопались у Истма, но заняли узкие проходы, которые вели из Аттики в Мегару, а Ксеркс, как при Фермопилах и тем более после опыта Фермопил, не напал на них, так как он сперва хотел покончить с флотом. Тем более вероятно в этом случае, что часть греческого флота могла находиться у берегов Мегары. Совершенно очевидно, что такая концепция находится в прямом противоречии с преданием.

55 Из того факта, что Ксеркс избрал сообщение сухим путем, в то время как своих детей он отправил с флотом, пытались сделать всяческие заключения. Однако для таких частностей мыслимы столь многочисленные и разнообразные мотивы, что углубляться в них имеет мало смысла.

56 Геродот, IX, 32.

57 "Berliner Dissertation", 1907 г.

Часть вторая

ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА

Глава I

ГРЕЧЕСКАЯ ТАКТИКА ДО ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

В течение всего V в. фаланга гоплитов, одержавшая победу над персами, оставалась основною формой греческой тактики.

Фаланга гоплитов представляет собою естественную тактическую форму для гражданского ополчения. Все, что требуется от каждого бойца в отдельности, очень просто и может быть достигнуто путем незначительного упражнения. Человек обучается движениям в тяжелых доспехах, управлять копьем, идти в затылок и держать направление. Здесь не нужно никакого сложного строевого учения. Все это образует единое, крепко спаянное целое, которое движется прямо вперед и незадолго перед встречей с врагом принимает разбег для атаки; по Геродоту, этот разбег был впервые сделан при Марафоне.

В нормальном бою гоплитов обычно получалось, что обе противные стороны подавались несколько вправо, а оба левых фланга несколько отклонялись назад, так как каждому отдельному бойцу правая, не прикрытая щитом сторона казалась менее защищенной; поэтому он и старался напасть на противника именно справа. Таким образом, каждая сторона легко обходила неприятеля справа, приводила в смятение его левый фланг и на этом участке одерживала верх. Затем оба победоносных правых фланга должны были схватиться вторично, уже между собой, имея часто фронт обращенным в противоположную сторону, и только этот второй акт решал исход сражения.

Из этой особенности нельзя, однако, сделать никаких тактических выводов; основным характером боя остается фронтальная атака, без какого-либо расчленения фронта.

Этой тактики не меняли, хотя еще задолго до Персидских войн грекам стали известны ее слабые стороны. Уже в 511 г. на равнине неподалеку от Афин спартанцам было нанесено поражение фессалийскими всадниками (Геродот, V, 63), а все течение Персидских войн определялось страхом греков перед неприятельской кавалерией. Даже в сражении при Платее некоторые греческие

контингенты понесли очень тяжелые потери из-за того, что были настигнуты фиванской конницей.

Однако мы не слышим ни о каких попытках принципиального разрешения вопроса об обороне против конницы путем введения новых тактических форм и приемов борьбы. Всадники, лучники и прочие легковооруженные по-прежнему остаются по отношению к гоплитам лишь вспомогательными родами оружия; в зависимости от обстоятельств, они иногда оказывают сильное влияние на исход сражения, но все еще не могут вырасти в существенную, органическую, составную часть войска. Так оно было в сущности уже и во время Персидских войн. Если здесь вовсе не было речи о коннице на стороне эллинов, то это объясняется отнюдь не тем, что у них вообще не было никакой кавалерии, а тем лишь, что их малочисленные всадники не решались выступать против персов; вероятно, поэтому большинство всадников оставляли дома своих коней и облачались в гоплитские доспехи.

Как в Спарте, так и в Афинах еще не созрели условия для образования действительно сильной конницы[1], хотя, например, в походе афинян на Сицилию всадники играют очень важную роль[2].

Как всадники, так, я думаю, и лучники

должны были рассматриваться в Афинах как отборные отряды[3].

Хотя материальное снаряжение лучника обходилось дешевле, чем снаряжение гоплита, зато стрелок из лука нуждался в значительно более интенсивном обучении, чтобы быть пригодным для боя. Гоплит очень быстро бывал настолько подготовлен, что можно было поставить его в фалангу, а там уже сама масса вовлекала и вела его. Лучник должен был быть не только искусным стрелком, но еще, кроме того, отличаться быстротой и ловкостью, чтобы суметь близко подойти к неприятелю, а затем, в случае нападения на него самого, вновь отойти назад. Следовательно, от него требовались самостоятельность, зоркость, находчивость и большое присутствие духа. Такие качества передаются в народе вместе с военными традициями путем воспитания молодежи с самых юных лет; в культурных государствах, как Афины того времени, эти качества воспитывались в высших сословиях, имевших достаточно средств и досуга для упражнений. Исходя из этого, я ищу лучников в том слое афинского гражданства, где сыновья были недостаточно богаты, чтобы обзавестись конем, но все-таки могли уделять своему военному образованию несколько больше

времени и сил, чем широкие неимущие массы. Кроме того, действительно хороший лук представляет собою дорого стоящее оружие.

Кроме лучников, среди стрелков были еще пращники и копейщики. Праща требует большой ловкости, которая достигается только там, где молодежь по местной традиции с ранних лет упражняется в метании камней. Такая традиция существовала, например, на Родосе, а потому родосских пращников вербовали в качестве наемников.

Копейщика нельзя ставить на одну доску ни с лучниками, ни с пращниками, хотя и он, как и те, не носил брони. Однако его вооружение отнюдь не исключает легких доспехов. Так сперва у северных полугреческих племен, где ограниченность средств не позволяла обзаводиться полным вооружением, из копейщиков выработался особый род воинов – пельтасты. Они носили легкий круглый щит, шлем, несколько дротиков, меч, а большей частью также и плотный панцирь из кожи или стеганого холста. Современные негры – суданские и банту – кидают копье на расстояние до 40 шагов.

На прямое столкновение с гоплитами при равной численности пельтасты, конечно, не отваживались; но их легко можно было выставить

в большем числе[4], а на трудно проходимой местности они легче могли двигаться и очень успешно оперировать против флангов и тыла гоплитской фаланги. При таких обстоятельствах лучник и пращник еще опаснее для гоплита, но пельтаст имеет то преимущество, что в крайнем случае все-таки может вступить и в рукопашный бой. Гоплит и лучник предоставляют лишь очень односторонние возможности их использования; пельтаст годен для всего, он бросает издалека копье, легко передвигается вперед и назад и имеет в своем щите достаточное прикрытие на случай рукопашной борьбы.

Люди, не носившие доспехов, сопровождавшие войска в качестве слуг и обозных работников, равным образом сохраняли тот же характер, какой они имели еще во время Персидских войн. А Эсхил изобразил нам в "Персах" (стих 441), как афиняне, перешедшие после сражения при Саламине на остров Пситталею, сперва обстреливали камнями отрезанных от остальных войск персов, а затем бросились на них с мечами наголо. Совершенно так же, по свидетельству Фукидида (I, 106), афинские гоплиты преградили дорогу отрезанному отряду коринфян, а легковооруженные расправились с ним,

забрасывая его камнями. В этих случаях изменение могло иметь место лишь потому, что граждане-ополченцы – если не везде, то по крайней мере в Афинах – брали с собой на войну в качестве прислужников все большее и большее число рабов. То, что при этом терялось в военном отношении, возмещалось дальнейшим расширением категории специально обученных легковооруженных.

В боевом порядке всадники и не носившие доспехов, а также пельтасты ставились на флангах гоплитов.

При благоприятных обстоятельствах иной раз удавалось использовать всадников и легкую пехоту таким образом, что в бою они оказывали гоплитам весьма действительную поддержку и приводили бой к успешному исходу или даже совершенно самостоятельно побеждали неприятельских гоплитов.

Как ни примитивны были по нашим представлениям тактические формы боя в Пелопоннесскую войну, еще примитивнее оказываются формы крепостной и осадной войн. Воздвигались самые простые стены, но при условии достаточной бдительной сторожевой охраны они являлись для противника непреодолимым препятствием. Даже при

неизмеримом превосходстве сил греки не умели и не решались штурмовать стены, предпочитая брать крепость измором.

1. Словом *ψιλοί* обозначаются вообще все те, которые не имели никакого предохранительного снаряжения; следовательно, сюда относятся как обозные солдаты, которые лишь случайно выполняли иногда воинские функции, так и настоящие воины-лучники, пращники, копейщики. Я передаю этот термин словом "Unbewappnete" – "невооруженные", "не имевшие доспехов" или "легковооруженные".

По Фукидиду (I, 60), коринфяне послали в Потидею 1600 гоплитов и 400 *ψιλοί*. Очевидно, под этими 400 подразумеваются не обозные солдаты, а только настоящие воины – легковооруженные.

Фукидид (II, 79), очевидно, причисляет к *φιλοί* – легковооруженным – также и пельтастов.

Там, где речь идет о сражении при Делии, Фукидид (IV, 93) снова делает различие между этими категориями и упоминает сперва 10 000 *ψιλοί* и затем отдельно 500 пельтастов.

У Фукидида же (IV, 94) мы читаем: "Легкого войска *(ψιλοί)*, регулярно вооруженного, тогда не было, да его и вообще не было в Афинах".

Эту фразу не совсем легко понять. Фукидид различает *ψιλοί* в смысле вооруженных обозных солдат, в огромном числе сопровождавших это войско, но при отступлении уже говорится о "легких войсках, регулярно вооруженных"; следовательно, здесь имеются в виду воины, как таковые, соответственным

образом вооруженные, но без доспехов, т.е. лучники, пращники и, может быть, пельтасты. Если же он говорит, что подобной легкой пехоты город не имел, то это стоит в прямом противоречии с речью Перикла (II, 13), где ясно сказано, что город имел 1 600 лучников. Можно предложить такое объяснение: Фукидид не имеет здесь в виду лучников как специальную категорию воинов, а подразумевает под "легкими войсками, регулярно вооруженными", легкую пехоту типа пельтастов. Во всяком случае это место показывает, что *ψιλοί* не означают здесь у Фукидида настоящих воинов, так как они не были вооружены с предусмотренным заранее намерением, планомерно, специально.

ХАРАКТЕРНЫЕ СРАЖЕНИЯ ИЗ ЭТОГО ПЕРИОДА

2. Под Потидеей в 432 г. (Фукидид, I, 1, 2 и сл.) обе стороны – афиняне и соединившиеся против них халкидяне и коринфяне – имели наряду с гоплитами по нескольку сот всадников. Однако на этих всадников было возложено особое задание, и они с обеих сторон держались вдалеке от поля сражения, так что дрались только одни гоплиты между собою. Каждая сторона одержала верх на одном из флангов; затем союзники прекратили бой и тесно сомкнутым строем поспешно прошли мимо победоносных афинян обратно в город Потидею.

3. В бою при Спартоле в 429 г. (Фукидид, II, 79) халкидские гоплиты были побеждены 2 000 афинских гоплитов. Зато халкидская конница и легкая пехота, в том числе пельтасты, одержали верх над афинской

конницей и легкой пехотой. Воодушевленные этим успехом халкидские всадники, пельтасты и прочие легковооруженные (имевшие, по-видимому, большой численный перевес) нападали на афинских гоплитов, каждый раз уклоняясь от боя, когда те шли в атаку, затем снова наступая, как только те останавливались или отступали, и обстреливая их издалека. Таким порядком они в конце концов обратили противника в бегство, пустились в преследование и убили из 2 000 гоплитов 430, в том числе всех военачальников.

4. Совершенно аналогичное поражение, как при Спартоле, потерпели афиняне в 426 г. в Этолии, под предводительством одного их своих лучших полководцев – Демосфена. Пока у их лучников хватало стрел, они держали неприятельских копейщиков на расстоянии; когда же все стрелы были истрачены, тогда неприятельская легкая пехота, то устремляясь вперед, то вновь отступая, стала со всех сторон теснить гоплитов, истощила их силы и в конце концов значительную часть их истребила. Здесь, в лесистой и холмистой местности, всадники не принимали участия.

5. Подобным же образом и афиняне в 424 г. победили запертый на острове Сфактерии отряд спартанцев в 420 чел. (Фукидид, IV, 27–29). Как ни мал был этот отряд лакедемонских гоплитов, афиняне не хотели предпринять против них прямое нападение, чтобы самим не понести потерь, какие были бы неизбежны в упорном рукопашном бою с доблестными и доведенными до отчаяния воинами. Они оставили своих гоплитов в резерве и выпустили на спартанцев огромную массу легкой пехоты, от лучников до гребцов, оставивших триеры и

вооружившихся просто камнями. Будучи окружены со всех сторон, спартанцы в конце концов не устояли перед этим численным превосходством, причем афиняне не понесли значительных потерь. Следует особенно подчеркнуть, что производимый неприятельскими толпищами шум мешал спартанцам понимать команды своих военачальников.

* * *

Во II томе 1-го издания этого труда я сделал к последнему абзацу некоторое добавление, которое теперь переношу сюда.

Осаде спартанцев на острове Сфактерии в 425 г. я не уделил места в своем труде потому, что – как бы ни было интересно само по себе это событие – оно, однако, не имеет отношения к истории военного искусства. История военного искусства не является общей историей войн. Об этом я, кстати, напомню Ад. Бауэру, который удивляется ("Histor. Zeitschr.", 86, 285), что я так кратко обработал историю Диадохов. Я смогу признать это недочетом только в том случае, если кто-либо докажет, что в военном искусстве эпохи диадохов произошли какие-либо изменения, оставшиеся вне моего поля зрения.

Делая оговорку, что это собственно сюда не относится, я все-таки добавлю несколько слов о Сфактерии, так как Эд. Мейер (a. a. O. II, 333) заявил о своем несогласии с ранее опубликованным мною на этот счет исследованием ("Стратегия Перикла в свете стратегии Фридриха Великого", приложения); между тем его полемика покоится на чистом недоразумении, и я хотел бы предостеречь других читателей от того

же заблуждения. Впрочем, я считаю нужным предупредить, что этот вопрос – толкование Фукидида и высказанное в связи с этим делом осуждение Клеону – я считаю труднейшей темой и самой тонкой психологической проблемой во всей военной истории. Фукидид совершенно прав, прав абсолютно и безусловно; но кто не хочет и не может удовлетвориться тем, что просто разделит чувства Фукидида, а захочет в самостоятельном анализе составить свое собственное суждение, тому следует прежде всего основательно изучить Клаузевица и усвоить его психологию стратегии, чтобы затем суметь применять ее уверенно и самостоятельно.

Здесь я только укажу недоразумения и ошибки, допущенные Мейером в его исследовании.

Я высказал положение, что если афинянам удалось благополучно высадиться на острове, то этим они в значительной степени обязаны были оплошности самих спартанцев, которые не держали бдительной стражи. Остров не имеет и полумили в длину; если бы спартанцы установили вокруг сторожевые посты и завели систему сигнализации, то через полчаса после того, как замечено было бы приближение афинян, т.е. прежде чем десант успел бы действительна высадиться и построиться в боевом порядке, главные силы спартанцев были бы уже на месте и сбросили бы высадившихся обратно в море. Мейер считает "понятным", что осажденные не проявили такой осторожности. За два месяца с конца перемирия афиняне не сделали ни одной попытки предпринять наступление. "Неудивительно, что спартанцы не ожидали нападения и не считали нужным истощать свои силы в утомительной сторожевой службе". Это

извинение спартанцев тем менее может быть признано удовлетворительным, что здесь не может быть и речи об "утомительной сторожевой службе". Что же еще делать осажденному гарнизону, как не вести наблюдение за противником?

Благодаря превосходному топографическому обследованию, произведенному англичанином Грэнди (Grundy, "Journal of Hellenic studies", v. 16, 1896), мы теперь в состоянии еще конкретнее разобрать тактическую сторону вопроса, причем мои прежние аргументы, основанные больше на принципиальных соображениях, получат, таким образом, существенную опору.

Остров Сфактерия поднимается над морем сплошной стеной утесов в несколько сот футов высоты. Он очень узок (500–750 м), а в длину имеет половину немецкой мили (около 3,5 км). Высадка возможна только в семи местах, причем из этих семи мест одно лежит на северной оконечности острова, а все остальные сосредоточены посредине или на юге. Однако у северной отмели берег тотчас круто поднимается вверх, так что там нельзя было бы высадить и развернуть большой десант; более удобные для производства десанта места представляли афинянам средний и южный берега, где непосредственно у моря не встают крутые высоты, а образуется между утесами широкий и пологий склон. Спартанскому коменданту Эпитиду было бы достаточно установить наблюдение только за этими пунктами.

Семь ежедневно сменяемых постов – по два спартиата и дюжине илотов, – едва ли такую стражу можно было бы назвать чересчур обременительной.

Но если бы даже спартанцы это и сделали, то, думает Мейер, от этого почти ничто не изменилось бы.

Афиняне легко расправились бы с небольшим сторожевым отрядом и утвердились бы на острове, прежде чем подоспела бы помощь. Такое понимание военной обстановки во всех отношениях ошибочно. О "расправе" со сторожевым отрядом не может быть и речи, так как он, само собой понятно, вовсе не вступил бы в бой: его единственная задача – своевременно дать сигнал и выслать гонца. Нужно было только правильное несение службы этим сторожевым аппаратом. Высадка десанта в несколько тысяч человек (гоплитов и легковооруженных) на тесном пространстве совершается не так-то быстро. Ни один пункт берега не был удален от спартанского лагеря (в центре острова) больше, чем на четверть мили (1,75 км). Между тем мы видели, что те участки берега, где действительно была возможна высадка, лежали все в одном направлении; следовательно, если бы спартанцы расположились лагерем не совсем посредине острова, а несколько ближе к югу, то они могли бы прибыть еще быстрее. Если бы афиняне высадились на северном конце, то спартанцам потребовалось бы несколько больше времени, чтобы туда подойти, но все же они пришли бы раньше, чем афиняне успели бы взобраться на утесы. То место, где, по мнению Грэнди, фактически высадились афиняне (у источника, посредине острова), отстояло от лагеря спартанцев не более как на 1 200 м. Таким образом, следует признать по меньшей мере весьма спорным вопрос, кто быстрее успел бы обернуться – афиняне ли выстроиться в боевой порядок или же спартанцы (если бы они были вовремя предупреждены) начать

атаку; а при той грозной славе, которой все еще пользовалась спартанская фаланга, едва ли бы даже удалось двинуть на противника большой десант, уже высадившийся, но еще не выстроившийся. Грэнди совершенно прав, говоря, что рассказ Фукидида об этом сражении афинян с небольшой спартанской фалангой, которую они превосходили численностью в несколько раз, производит такое впечатление, точно свора собак окружила умирающего льва, воет и лязгает зубами, но не смеет к нему подступить.

Если бы Мейер был прав в своем утверждении, что "такую протяженную позицию, как сфактерийская, невозможно защищать от внезапного нападения", или, иными словами, если бы возможность неудачи для афинян при их огромном численном превосходстве была совсем исключена, то тогда совершенно ясно, что всех афинских полководцев, противившихся этому предприятию, следовало безжалостно клеймить позором. Но Мейер и сам не преминул добавить, что "нападение на остров все-таки было смелым предприятием", так как противник мог случайно получить предостережение или случайно оказаться очень бдительным. Если заменить эту "случайную бдительность" постоянной и обязательной, то все расхождение между мною и Мейером будет устранено. Но было бы совершенно ошибочно из ясного сознания опасности предприятия делать заключение об его несвоевременности.

Если Мейер, меняя смысл моих слов, говорит, что я, подобно Никию, "склонен считать высадку чистым дилетантизмом, преступавшим все законы правильного, методического ведения войны", то это лишь доказывает, как плохо он понял меня. То же

непонимание породило и другой упрек, будто я упустил из вида, что афиняне не смогли бы сохранить свою позицию, если бы блокада затянулась до зимы. Я не привел этого соображения, так как оно слишком очевидно; само собою разумеется, что афинянам было в высшей степени важно принудить к сдаче гарнизон Сфактерии до наступления зимы.

Объявив высадку на Сфактерии довольно легко выполнимым делом, Мейер вполне последовательно отводит и мою ссылку на невыполненную при аналогичных обстоятельствах высадку на Альзене, – ссылку, которую я привел для освещения обстановки; в деле при Альзене датчане господствовали над морем, и пруссакам пришлось бы высаживаться под датским картечным огнем. Значит, здесь предприятие было действительно чрезвычайно трудным и опасным. Различие совершенно очевидно, но оно сглаживается другими обстоятельствами. Остров Альзен имеет 2 мили (15 км) в длину, и берега его изрезаны глубокими бухтами, так что здесь могло бы пройти много часов, пока главные датские силы проявились бы на том участке берега, который подвергся бы внезапному нападению. Сфактерия же – совсем небольшой островок, где гарнизон, если бы только провел правильную подготовку и нес бдительную стражу, всегда мог бы почти мгновенно явиться на место. Следовательно, tertium comparetionis заключается в том, что и здесь, и там успех зависел исключительно от неожиданности нападения. В заключение замечу еще, что Мейер перепутал попытки переправы в альзенском деле. Попытка, о которой я говорю, предполагалась совсем не на том месте, где потом фактически под артиллерийским

огнем была осуществлена другая, о которой говорит Мейер. У Баллегаарда, где предполагалась первая такая попытка, фиорд настолько широк, что от прибытия одного транспорта до прибытия другого должно было пройти 2 часа; зато это место лежит очень далеко от Зондербурга. А Затруп, где три месяца спустя действительно была совершена переправа, лежит довольно близко от Зондербурга, но зато и фиорд здесь очень узок.

Выставляя дело при Сфактерии так, как будто бы оно почти не было сопряжено с возможностью неудачи, Мейер приписывает главную заслугу техническому исполнителю предприятия, полководцу Демосфену.

"Участие Клеона ограничивалось только тем, что он дал ему (Демосфену) возможность осуществить предприятие и взял на себя нравственную ответственность за исход дела". Это ли не пример самого полного непонимания сущности стратегии! Как ни велика заслуга Демосфена при осуществлении предприятия, все же самое предприятие остается делом того человека, который принял великое решение, взял на себя ответственность за исход и к тому же еще обладал достаточным умом и знанием людей, чтобы выбрать превосходнейшего военного техника и возложить на него практическую задачу. Только уяснив себе во всей полноте значение клеонова подвига, можно понять всю трудность вставшей перед историками проблемы: каким же образом этот самый Клеон был все-таки лишь грубым, беззастенчивым демагогом? От Грота до Ланге историки искали разрешения в том, что возвышали личность Клеона, объявляя приговор Фукидида

несправедливым. Мейер, который согласен со мною, что дело при Амфиполе показало полное ничтожество Клеона, пошел по другой дороге и пытается восстановить единство личности этого человека, сводя на нет его заслугу при Сфактерии. Оба пути одинаково ложны. Клеон действительно сделал большое дело, и я отнюдь не держусь мнения, как меня толкует Мейер (стр. 333), что оно ему удалось только по милости обстоятельств.

Если вопрос стоял так просто, почему же Фукидид не изложил его нам именно в этом смысле? Почему он не приписывает попросту всю заслугу Демосфену, как это сделал Аристофан? Почему он вводит нас в смущение, объявив сперва требование Клеона "безрассудным", а непосредственно затем рассказывает о его блистательном осуществлении? Прежде чем критиковать Фукидида, надо научиться его понимать, и я рад, что Мейер тоже решительно отводит все заблуждения ложной новейшей учености, которая хочет судить о военном плане Перикла или о событиях под Амфиполем умнее, чем сам великий учитель. Мы должны принять также и этот момент – роль Клеона в сфактерийском деле. Фукидид знал, что делал, когда ничуть не умалил объективную заслугу демагога и в то же время изобразил нам самого человека ничтожным трусом.

Именно это противоречие и делает из Клеона тот политический тип, каким он сохранился в памяти истории – и сохранился заслуженно. Фукидид едва ли взял бы на себя труд так тщательно обрисовать нам этого отталкивающего человека, если бы роль его была так незначительна и сфактерийские лавры так легко было сорвать. Мало того, надо сделать еще .

один шаг и сказать, что не только Клеон, но и современные ему Афины сильно проиграют, если мы признаем вместе с Мейером, что город в тот промежуток времени – со смерти Перикла до выступления Алкивиада – так оскудел политическими талантами. Но дело обстояло иначе. Перед Афинами стояла такая великая и трудная задача, что всесторонне разрешить ее мог бы только очень крупный человек. Такого человека не оказывалось, а потому Клеон и смог не только занять видное положение, но и свершить однажды действительно великое дело. Именно так следует здесь понимать Фукидида, и тем, кто еще не оставил сомнений и не чувствует себя удовлетворенным моими комментариями в моей вышеназванной брошюре, я могу преподать только один совет: изучать Клаузевица и еще раз Клаузевица, пока через него не станет понятен Фукидид (ср. следующую главу, прим. 6).

6. При Ольпе в 426 г. Демосфен победил амбракийско-пелопоннесское войско, хотя противник имел численный перевес. Афинский полководец посадил в засаду резерв, который, когда завязалось сражение, напал на неприятеля с тыла. Такой маневр мы встречаем очень редко.

7. Предтечей позднейших времен является данное Фукидидом[5] (IV, 93–96) изображение сражения при Делие (424 г.). Обе стороны, афиняне и беотяне, имели равные силы в гоплитах (по 7 000 чел.); беотяне сверх того имели 10 000 не носивших доспехов. У афинян же их было лишь немного, так как основная масса легкой пехоты, которую они также имели при себе, уже ушла вперед. Далее, у беотян было 1 000

всадников; число афинских всадников не указано, но во всяком случае оно было значительно меньше, чем у беотян; Афины и вообще-то вряд ли имели в то время более 900 всадников, причем, конечно, многие из них не принимали участия в походе, а 300 всадников были оставлены в резерве при Делии, чтобы оттуда действовать неприятелю в тыл; однако беотийская конница не допустила этого.

Вся масса беотийской легкой пехоты не оказала никакого влияния в этом сражении, так как лесные ручьи мешали ей подобраться к неприятелю, – верный показатель ее чрезвычайно низкой боеспособности. Бой, как обычно, разыгран был гоплитами. Афинские гоплиты были построены равномерно по 8 чел. в глубину и, следовательно, образовали фронт в 880 чел. Беотяне стояли по различным контингентам различно, а главный фиванский корпус в глубину чуть ли не в 25 человек. Таким образом, беотийская боевая линия должна была быть значительно короче афинской. Но это выравнивалось численным превосходством беотийской конницы.

О настоящем конном бое мы ничего не слышим. Афиняне победили на своем правом крыле и стали обходить стоявшие ближе к середине беотийские части, которые понесли тяжелые потери. Но тем временем глубокая фиванская фаланга, имевшая со своего фланга прикрытие в коннице, а, может быть, также и в естественных условиях местности, оттеснила стоявшее против нее левое афинское крыло; когда же сражение приняло здесь благоприятный для беотян оборот, фиванский полководец Пагонд послал два отряда всадников на помощь другому крылу; внезапное появление этих всадников вызвало панику

среди афинян и также на этом участке решило сражение в пользу беотян. В преследовании и избиении бежавших афинских гоплитов приобрела значение наряду с конницей также и многочисленная легкая пехота беотян.

8. На сражении под Амфиполем (422 г.) я подробно остановился в приложениях к моей книге "Стратегия Перикла". Афиняне проиграли бой вследствие неспособности Клеона, который в самонадеянном безрассудстве подставил войско под удар, когда оно едва только перешло из боевого порядка в походный. Лакедемонских гоплитов Брасида поддерживали конница и легкая пехота.

9. В сражении при Мантинее (418 г.) спартанское войско насчитывало в общем 7 000–8 000 чел.[6], а соединившиеся против него мантинейцы, аргивяне и афиняне были несколько сильнее. В связи с этим сражением Фукидид специально говорит о свойственном греческой тактике выдвижении правого фланга. Спартанский царь Агис боялся, что противник обойдет его с левой стороны; во избежание этого он приказал своему левому крылу отделиться от центра и податься влево; в образовавшийся промежуток должны были вклиниться два лоха с той части правого фланга, которая выдавалась за боевую линию противника. Однако начальники обоих лохов не хотели оставить своего выгодного места и отказали царю в повиновении. Таким образом, левое крыло осталось оторванным от главных сил, было охвачено с двух сторон и разбито. Однако правое крыло тем же порядком победило на своем участке, а так как эта победа была одержана над более значительной частью неприятельского войска, то она и решила исход;

правое крыло мантинейцев и аргивян, когда Агис обратился против него, не осмелилось возобновить борьбу и оставило поле сражения[7].

Фукидид подчеркивает, что потери разбитого в первую очередь аргиво-афинского крыла были бы гораздо значительнее, если бы его не поддержала афинская конница. У спартанцев тоже были всадники, однако, мы ничего не слышим о конном бое. О легковооруженных также нет речи.

10. По Фукидиду (VI, 64), Никий не хотел идти сухим путем из Катаны к Сиракузам, так как афинские легковооруженные и обоз могли бы потерпеть большой урон, если бы на них напали по дороге сиракузские всадники. У афинян конницы не было вовсе.

Под Сиракузами афиняне заняли позицию, при которой неприятельская конница не могла их сильно беспокоить. "Стены, дома, деревья, болота и скалы, – говорит Фукидид, – служили им прикрытием".

11. Очень темно сообщение Фукидида (VI, 67) о первом сражении под Сиракузами. Афиняне, читаем мы, выставили собственно в боевую линию только половину своего войска, а из другой половины подальше в тылу образовали каре, внутри которого поместили весь обоз; эта вторая половина в то же время получила приказ идти в случае нужды на помощь первой. Обе фаланги имели по 8 чел. в глубину. Как же мы должны представить себе это каре с обозом в середине? Почему охрану обоза не поручили многочисленной массе легковооруженных, каковой афиняне располагали в лице своих матросов? Ведь войско и без того было слабо гоплитами по

сравнению со всем сиракузским ополчением.

Сиракузяне имели фалангу вдвое глубже афинской, в 16 рядов, и сверх того еще 1 200 всадников. Тем не менее афиняне победили; роль неприятельской конницы свелась лишь к тому, что она воспрепятствовала преследованию.

Историки Грот и Гольм (Holm, Geschichte Siciliens im Altertum, II, 26), насколько я могу судить, до сих пор просто повторяют фукидидовский рассказ, не вдаваясь в рассмотрение вопросов, которые встают перед читателем.

Несмотря на свою победу, Никий вернулся обратно в Катану, так как ничего не мог сделать без конницы.

Если сиракузская конница, не принеся пользы в самом сражении, все-таки хоть остановила преследование, то это как будто ставит ее выше персидской, которая при Марафоне не сумела исполнить и этой задачи. Однако причина заключается в том, что сиракузяне были уверены в безусловно обеспеченной возможности отступления, тогда как персидские всадники при Марафоне не имели этой уверенности и, когда пехота обратилась в бегство, ими овладело чувство, что теперь одно спасение – скорее на корабли, а кто вовремя не поспеет, тот пропал. При Платее, если часть персидского войска была выделена, надо принять в расчет большой численный перевес греков; впрочем, мы не знаем, может быть, персидская конница до некоторой степени задержала преследование.

12. Когда явился Гилипп, он сейчас же нашел, как сиракузянам использовать свое превосходство в коннице. Он направил всадников вместе с

копейщиками (Фукидид, VII, 6) афинянам во фланг, а сам той порой повел фронтальную атаку, и афиняне были разбиты.

13. Рассказ Диодора (XIII, 72) о походе царя Агиса на Афины в 408 г. содержит так много непонятного и невероятного, что вряд ли может быть использован историками. Войска Агиса насчитывали будто бы 14 000 гоплитов, 14 000 легковооруженных и 1200 всадников. Фаланга имела 4 чел. в глубину и 8 стадий, т.е. 1 500 м, в длину. В таком случае на человека приходилось по фронту всего 43 см. В то же время, читаем мы, эти войска оцепили третью часть афинской стены; тогда они в полную противоположность такому чрезвычайно тесному строю фаланги должны были растянуться на добрых 30 стадий (свыше 5 000 м) по всей равнине к северу от города до Ликабетского хребта. Афиняне, читаем мы далее, выслали в бой конницу, которая не уступала по численности неприятельской коннице и одержала над ней победу. Мыслимо ли, чтобы Афины еще в 408 г. вдруг смогли выставить 1 200 боеспособных всадников? На другой день афинское войско, по рассказу Диодора, выстроилось для боя так близко к стене, что было покрыто пущенными сверху стрелами и дротиками. Много ли гоплитов могли выставить тогда Афины, если в то же самое время был выслан с Алкивиадом большой флот? Неужели спартанцы, при их большом численном превосходстве, действительно боялись пробежать неширокую полосу под дождем афинских стрел и дротиков, посылаемых со стены, чтобы затем одержать верную победу, сулившую полное истребление прижатых к стене афинских гоплитов? Как только завязалась бы рукопашная

схватка, камни, стрелы и дротики со стен причиняли бы спартанцам не больше вреда, чем самим афинянам, а всего вернее – городской гарнизон должен был бы прекратить этот обстрел со стен, чтобы не убивать своих же.

14. Обстоятельный рассказ Фукидида об осаде и взятии измором Платеи во время Пелопоннесской войны оспаривался Мюллер-Стрюбингом ("Jahrb. f. Philol.", Bd. 131) на основании данных топографии; однако Герман Вагнер (Progr. d. Gymn. v. Dobberan 1892 и 1893 гг.) вполне восстановил версию Фукидида.

Глава II

СТРАТЕГИЯ. ПЕРИКЛ

Тактические положения, как мы видели, мало изменились за время между Персидскими и Пелопоннесской войнами. Однако Пелопоннесская война имеет совсем иной характер, чем те войны. В Персидских войнах основное – это неравенство обоих противников в вооружении и тактике. В Пелопоннесской войне греки сражаются против греков; их вооружение и тактика однородны, но своеобразно то, что одна сторона имеет на море такой же перевес, как другая на суше. Этим ставятся совершенно новые задачи стратегического характера. Персидские войны велись до решающего исхода; они не могли кончиться иначе, чем победой персидского царя и полным порабощением им греков или же чудовищным поражением персов. Пелопоннесская война тянется 27 лет, проявляется в нескольких сухопутных сражениях, но без решительного исхода и кончается только тогда, когда особые обстоятельства позволяют спартанцам создать такие же мощные силы на море, какие были у афинян.

Когда разразилась война, нельзя было ожидать

ни от одной из сторон такого развития. Жили исключительно представлением, что перевес одной стороны на море и другой на суше так велик, что более слабая сторона не может сделать решительного тактического шага и довести дело до такого сражения, как при Саламине и Платее. Перед стратегией тем самым была поставлена новая своеобразная задача – война без решающего столкновения, только измором.

Тут мы наталкиваемся на одно из сложнейших, но часто встречающихся явлений мировой истории. В самой природе войны лежит намерение захватить и сокрушить врага, чтобы покорить его своей воле. Все силы собираются для одного большого удара, для сражения, которое должно привести к исходу или за которым последуют другие сражения, пока не наступит решительный исход. Задача стратегии – подготовить этот исход и привести к нему при наиболее благоприятных условиях. Теперь же мы встретились (и будем постоянно встречаться и в дальнейшем) с такой войной, где по различным причинам такие решающие столкновения исключаются. Но все же находятся средства сломить волю противника и достигнуть политической цели войны.

Совершенно так же, как при Марафоне, при

Фермопилах, при Саламине и при Платее, мы видим, что из эллинского народа выдвинулся человек, который понял всю глубину новой задачи и с классической уверенностью разрешил ее.

Афинянин Перикл понял, что его город не может соперничать с пелопоннесско-беотийским союзом на суше; отсюда с неумолимой логикой он вывел заключение, что вся Аттика должна быть очищена и предоставлена неприятельским войскам. "Если бы я думал, что вас можно убедить, я заставил бы вас самих опустошить вашу родину", – сказал он афинянам. Население всей страны должно было укрыться в городе и между длинными стенами, связывавшими город с его портами – Пиреем и Фалерном. Но за опустошения, нанесенные врагами, афиняне отомстили тем, что афинский флот блокировал неприятельские гавани, разрушил торговлю всех городов противника и, высаживаясь внезапно в разных местах, нанес неприятельским странам такой же, если не больший вред, какой был нанесен Аттике. Что могло выйти при таком ведении (или, скорее, "неведении") войны? Конечно, исходом не мог явиться сокрушающий удар; речь шла лишь о том, кто раньше сдаст, кто не в состоянии будет выдержать страданий и изнеможет под тяжестью лишений.

Можно было создать план войны без кровопролития; но, конечно, было совершенно невозможно исключить резкие удары, которые способствовали тому, чтобы склонить противника к уступкам. С большой обдуманностью и мудрым предвидением Перикл, излагая свои военные планы афинянам, прибавил, что надо воспользоваться случаем, "который не ждет". Стратегия измора, которая принципиально отказывается от абсолютного решения, несет с собой ту опасность, что полководцы могут сделаться слишком осторожными. В каждой войне бывают случайности, которые должны быть использованы решительно и храбро. Но удастся ли их использовать, – это почти всегда дело судьбы. Полководец никогда не знает точно, насколько силен противник и не будут ли играть роль какие-либо обстоятельства, учесть которые он не сможет. Пока он медлит, взвешивает, вновь и вновь исследует, случай упущен; полководцу всегда бывает вдвое, в десять раз труднее найти в себе решимость для дальнейших действий, если основным принципом ведения войны для него является положение, что окончательный исход зависит не от решительного сражения с присущим ему риском, а от постепенного изнурения противника. Но по ходу нашего изложения,

особенно когда речь идет о позднейших временах, мы увидим, как часто полководцы терпели поражение, если они держались принципов стратегии измора и избегали решительных сражений. Тогда мы поймем, как значительны слова Перикла о том, что, даже принимая за основание принципы стратегии измора, никогда не следует упускать случая, "который не ждет".

Афиняне считали, что Перикл как полководец одержал девять побед. Мы слишком мало знаем об этих победах, чтобы сделать какие-либо заключения о стратегических способностях Перикла, но ведение Пелопоннесской войны, связанное с известием о многих боевых победах, заставляет нас отвести Периклу место не только среди государственных мужей, но и среди великих полководцев всемирной истории. Не план войны как таковой дает ему на это право (ибо не советы, но поступки создают славу полководца), а колоссальная решительность, которая нужна была для того, чтобы, не останавливаясь на полпути, заранее учесть, чем нужно было пожертвовать, – уступить всю Аттику врагу, суметь силой своего личного авторитета разъяснить это решение демократическому народному собранию и заставить принять его. Проведение этого решения есть стратегическое действие, которое можно

поставить в уровень с любой победой. В 480 и 479 гг. афиняне очистили перед персами не только страну, но и самый город; это был еще более величественный шаг, но совсем другого рода. Это был поступок, вызванный отчаянием, когда другого выхода не оставалось, если не хотеть покориться врагу. Сражение, посредством которого хотели вновь завоевать родину, должно было разыграться немедленно. В Пелопоннесской войне речь также шла о неизбежной необходимости, но не о такой, которая была явно перед глазами, а такой, какую мог предугадать только вдумчивый стратег; речь шла об оставлении города не только в данный момент, но о действии, которое предполагалось повторять из года в год. Еще теперь иногда выскакивают ученые умники, которые оспаривают необходимость этого поступка и тем самым лишний раз подтверждают мудрость Перикла, который сумел заставить суверенный афинский народ принять такую трудно понимаемую стратагему.

Военный план Перикла выполнялся афинянами продолжительное время, причем в первые полтора года, пока Перикл стоял во главе города, проводилась умная и энергичная последовательность в действиях, так что

различные мероприятия вполне соответствовали друг другу; с не меньшей силой велись действия и после падения и смерти Перикла, но без согласования отдельных действий, толчками, под влиянием момента, часто под действием речей того или иного оратора. Несмотря на это, Афины сохраняли превосходство над противником. Даже страшные опустошения, которые произвела чума, похитившая четверть афинского населения, не сломили силы этого города, а непрестанная малая война предоставила в конце концов "случай" к решительному удару. 420 лакедемонян были заперты на острове Сфактерии, другая часть была убита, а остальные 292 чел. – из них 120 спартиатов – были взяты в плен.

Этой победой через 5 лет после смерти Перикла был выполнен его военный план. Ясно, что конечной целью войны нельзя считать порабощение Афинами всей Греции, как впоследствии Рим поработил Италию. Об этом не думал ни Перикл, ни другой какой-нибудь афинский государственный деятель; для этого Афины были слишком слабы; для этого надо было бы не только выиграть крупные сражения на суше, но также осадить и занять неприятельские города – Фивы, Мегару, Коринф. В этой войне для Афин, как и в современных европейских войнах,

речь шла только о самоутверждении, о сохранении равновесия и о распространении сферы влияния.

Из-за отсутствия опытного руководителя, государственного мужа, Афины после смерти Перикла упустили момент и благоприятное для них положение для заключения выгодного мира. Но даже после того, как афиняне были разбиты гениальным спартанским полководцем Брасидом при Амфиполе, они все же могли еще заключить мир, при котором полностью сохранили свое положение, а в сущности больше ничего и не было нужно.

Через 8 лет война снова разразилась, и афиняне ее проиграли, потому что пренебрегли одним из существеннейших советов Перикла, который предупреждал "не делать во время войны новых завоеваний".

Уже в 424 г., возгордившись успехом при Сфактерии, афиняне провели большую операцию на суше и потерпели очень-тяжелое поражение (при Делии), где они потеряли не менее 1 000 гоплитов. При заключении мира, который в сущности был только перемирием, они предприняли покорение Сицилии, потеряв при этом около 6 000 граждан[8], большой флот и снаряжение. Это привело к поворотному пункту. Теперь ионийцы осмелились отделиться от Афин,

пелопоннесцы появились на море и вступили в союз с персидским царем. Этой комбинации сил Афины выдержать не могли, были, наконец, побеждены на море и вынуждены покориться.

1. Основным вопросом при обсуждении Пелопоннесской войны является, конечно, вопрос, правилен ли был план Перикла. Ответ на него зависит в большой степени от статистики. Если правда, что в Афинах тогда было 60 000 граждан, тогда как установлено, что в Лакедемоне было не больше 2 000–3 000 спартиатов и 9000 периойков, то Афины, конечно, могли проводить такую политику и такой способ ведения войны, как Рим. Надо понять всю важность установления этих сухих цифр. От них зависит суждение о Перикле, а отсюда и суждение о Фукидиде. Авторитет величайшего из историков был бы непоправимо подорван, а один из столпов греческой литературы был бы опрокинут, если бы только кто-нибудь доказал, что в Афинах в 431 г. было 60 000 граждан. Ибо если Фукидид неправильно судит о Перикле и его политике, то мы вообще не можем ему доверять.

К счастью, обо всем этом не может быть и речи. То, что афиняне при Делии выступили "всенародно" и имели только 7 000 гоплитов, непреложно доказывает при сопоставлении с другими цифрами, что в Афинах никогда не было 60 000 граждан.

Можно допустить, что Афины, кроме упомянутых в речи Перикла 15 800 фетов и метойков, выставили еще 8 000 чел. и снабдили их гоплитским вооружением. Кроме того, могли быть призваны

некоторые союзники и выставлено большое количество наемных гоплитов. Если отнять те войска, которые непременно должны были остаться на местах, и принять во внимание, что значительная часть триер тоже должна была быть в готовности, то Афины с величайшим напряжением могли бы выставить войско в 25 000 гоплитов. Войско, с которым пелопоннесцы напали на Аттику, Белох исчислил сначала в 30 000, затем[9] в 27 000 гоплитов. Следовательно, победа в открытом бою представляется не совсем исключенной для афинян. Но какую пользу это могло принести? "Если мы даже победим, – сказал Перикл афинянам (Фукидид, I, 143), – то вскоре нам придется бороться со столь же многочисленным врагом". Огромное афинское войско могло лишь на несколько дней? – в крайнем случае на несколько недель – остаться в строю, так как граждане должны были вернуться к своим занятиям. О преследовании противника до пределов его страны, об осаде Фив или Коринфа не могло быть и речи. Даже последующие народные вожди, после славной победы при Сфактерии, все же не допускали этой мысли. Следовательно, победа не дала бы Афинам ничего, кроме кратковременного облегчения; поражение же могло бы стоить им половины граждан, и во всяком случае такой поход настолько подорвал бы их финансы, что другие походы были бы для них совершенно немыслимы. Нам придется еще не раз возвращаться к закону экономии сил, который проявляется в таких случаях. В появившемся в 1920 г. IV томе настоящего труда этот основной принцип стратегии разработан очень подробно.

2. Во всех подробностях я исследовал проблему

перикловой стратегии в моей книге "Стратегия Перикла в свете стратегии Фридриха Великого" (1890 г.). Почти одновременно с этой книгой появилось исследование Ниссена "Начало Пелопоннесской войны" (Nissen, Der Ausbruch des Peloponnesischen Krieges в 63 томе "Hist. Zeitschrift"). Его возражения Фукидиду я считаю не совсем справедливыми, но в одном существенном пункте мы пришли к одинаковому выводу, а именно: если Афины имели захватные намерения в этой войне, то их целью могло быть только включение в свои пределы Мегары.

3. С тех пор появились еще "Хронологические данные к предыстории Пелопоннесской войны", соч. В. Кольбе (W. Kolbe, Ein chronologischer Beitrag zur Vorgeschichte des Peloponnesischen Krieges, "Hermes", т. 34, 1889 г.).

Кольбе считает, что сражение при Сиботе произошло осенью 433 г. (я считал, что в мае 432 г.). Но отсюда не вытекают никакие выводы для иного понимания политики Перикла, чем понимаю ее я.

4. Бузольт в своем исследовании "военного плана Перикла" (сборник к юбилею Людвига Фридлендера, составленный его учениками в 1884 г.) примыкает к тем, кто считает, что военный план принципиально правилен, "но при его проведении недоставало решимости и предприимчивости". Дело в том, что он упустил из вида занятие в первые годы войны неприятельских гаваней, как, например, Пилоса и острова Киферы. "Энергичное вступление боевых сил в рамках военного плана могло бы, несомненно, сократить длительность войны и скорее утомить противника". Это утверждение совсем не так

"несомненно". Сам Бузольт в этом очерке справедливо подчеркивает больше, чем это делалось раньше, всю важность блокады Пелопоннеса. Если эта блокада не могла герметически запереть Пелопоннес, то все же она чувствительнейшим образом подорвала торговлю больших приморских городов и столь необходимый для них подвоз зерна, причем этот гнет должен был чувствоваться чем дольше, тем сильнее. Нигде не сказано, что если бы афиняне в первый же год сразу нанесли неприятелю весь тот вред, какой они смогли нанести в течение всей войны, они этим приблизили бы мир. Длительность боли, психологическое воздействие времени должны были прийти на помощь. Тут перед нами проблема, которая постоянно выплывает в военной истории. Когда государственный деятель и полководец, как Перикл, намечает военный план, который должен не опрокинуть противника, а взять его измором, то нет правил для того, сколько надо сделать в каждом году и в какой степени надо щадить свои силы. В стратегии сокрушения существуют какие-то исходные данные, например, боевая мощь противника. Там надо или пустить в ход все силы, какие только возможно, или по крайней мере столько, чтобы с уверенностью рассчитывать на победу. Если победы не будет, значит, была сделана какая-то ошибка. При стратегии измора масштаб гораздо субъективнее. Напрячь все силы сразу было бы неправильно и противоречило бы собственному плану. Что бы ни случилось, всегда может явиться критик и сказать, что должно было еще случиться то или другой событие. Причины, по которым в первые полтора года, пока господствовал Перикл, не случилось еще чего-либо, я изложил в указанной выше

книге (стр. 116). На второй год он вместо оккупации Киферы, как этого требует Бузольт, предпринял более грандиозное дело, а именно – завоевание Эпидавра, что, правда, ему не удалось. То, что за этим ошибочным выступлением не был предпринят поход на Киферу, нельзя вменить в вину Периклу, так как он был уже отставлен от дел. Но это вполне понятно по причинам, приведенным мною в том же труде (стр. 130).

5. Слова Перикла о "случаях на войне, которые не ждут" (Фукидид I, 142) главным образом относятся к противнику, который из-за недостатка средств и из-за непрочной связи с союзниками не мог использовать все случайности обстановки. Но отсюда как вывод вытекает обратное, а именно – что афиняне были в состоянии сделать это и должны были воспользоваться предоставлявшимся им случаем.

6. В приложении к упомянутой мною выше книге я обсуждал вопрос о значении Клеона. Постоянно появляются ученые, которые не могут понять, что человек мог одержать такую блестящую победу, как Клеон при Сфактерии, и быть во всех отношениях ничтожеством. Нигде нет большего, чем в военной области, соблазна поддаться искушению и объявить того, кто одержал победу, великим полководцем; а именно в этой области особенно важно не поддаваться обаянию славы и спокойно исследовать, заслужена ли эта слава и кому она должна достаться. Пример Клеона особенно удобен в этом отношении для выработки правильного суждения и критического подхода. Очень интересной, а иногда просто потрясающей аналогией к подвигам Клеона является победа демагога-генерала Л'Эшелль над вандейцами, о

чем я советую прочесть в превосходной книге ген. Богуславского "Война вандейцев против французской республики" (1894 г.).

7. После того как мы убедились, что в оценке Перикла и его боевого плана, а также в оценке Клеона точка зрения Фукидида является в основном единственной вполне правильной, мы вправе и даже обязаны верить этому автору и в остальных пунктах, где точное исследование, при нашем скудном знании фактов, невозможно. Именно на этом основании я и строил изображение той эпохи.

Обвинения, которые пытались выдвинуть против Фукидида как полководца, исходя из его собственных рассказов, не имеют никаких оснований и вытекают из неправильных тактических представлений критиков.

8. У Геродота (VII, 9) Мардоний говорит Ксерксу: "Как я слышал, эллины по невежеству и по глупости ведут войну бессмысленнейшим способом. Объявив друг другу войну, они выбирают прекрасную и совершенно ровную местность, сходятся там и ведут бой; вследствие этого даже победители уходят с поля сражения с большими потерями; о побежденных я и не говорю: они все гибнут поголовно.

Им следовало бы как людям одного языка мирно улаживать споры. Если же воевать друг с другом абсолютно необходимо, то каждая сторона должна была бы отыскать для боя такое место, где ее труднее всего победить, и там уже состязаться с неприятелем".

Старик Геродот, наверно, не сумел выразить то, что он думал или что ему было сказано: смысл этих слов, конечно, заключался в том, что каждый должен стараться использовать положение в своих интересах.

Ясно, что такие взгляды высказывались в Афинах времен Перикла.

* * *

9. При исчислении народонаселения Аттики я считал, что афиняне брали на службу во флот также и рабов. Низе (Niese) объявил этот взгляд "совершенно неосновательным" и подробно изложил свои возражения в приложении к своему докладу в "Histor. Zeitschr.", т. 98. Для наших статистических вычислений этот вопрос не играет роли, так как установлено, что, с одной стороны, личный состав флота в главной массе был из афинских граждан, а с другой стороны, известно, что неграждане большей частью были наемниками, так что во всяком случае для рабов не остается места. Никакого значения не имеет, назвать ли небольшой контингент неграждан "наемниками" или "наемниками и рабами". Когда Бек (Bцckh, Staatshaush. I, 329, 3-е изд.) говорит, что "большая часть гребцов состояла из рабов", то он заходит слишком далеко; я выражался осторожнее (стр. 133): "Когда в Афинах объявлялся призыв для похода, то мы должны предположить, что для службы во флоте всегда являлось много добровольцев, афинян или чужеземцев, или же брались рабы. Таким образом, надо считать, что в Афинах, не принимая во внимание походов "всенародных", служба во флоте вскоре после Персидских войн стала чисто наемной". По-моему, из этих слов совершенно ясно, что я не считаю рабов в афинском флоте чем-то существенным, а скорее считаю их подсобным составом, когда не хватало граждан и наемников, а

следовательно, также и при тех экстраординарных случаях, которые легли в основу моих статистических вычислений. Низе слишком заостряет мои положения, когда он пишет: "Дельбрюк в своей "Истории военного искусства" (стр. 110) сказал, что афиняне р е г у л я р н о привлекали рабов в экипажи военных судов".

Низе подкрепляет свое мнение несколькими argflmenta ex silentio, которые, конечно, имеют значение, поскольку они возражают против мнения Бека, что "большую часть гребцов составляли рабы", но не против меня, так как рабы у меня играют настолько незначительную роль, что можно при вычислениях не обращать на них внимания.

То, что в других греческих государствах рабов применяли в качестве гребцов, доказывалось много раз. Когда Низе уверяет (стр. 496, 501, 505), будто "есть неоспоримые доказательства того, что рабы в Афинах... допускались на корабли только как слуги находящихся во флоте граждан", то он, к сожалению, не приводит этих доказательств, несмотря на то что его работа до отказа набита учеными цитатами. Даже возникает подозрение, что он сам был мало осведомлен о состоянии античной тиеры: нам и так трудно понять, как на таком судне вообще помещалось 200 чел., а тут еще и их рабы для обслуживания! Быть может, только у капитана и у штурмана были рабы. И вообще как это могло быть, что господа гребли, а рабы смотрели? Положительные доказательства того, что в афинском флоте рабы тоже были в составе судовых экипажей, мы имеем в следующих источниках: Фукидид (VII, 13, 2) пишет Никию из Сицилии домой, что есть люди, которые

подкупают капитанов и сажают на свое место гиккарийских рабов, нарушая тем самым судовой распорядок ("есть и такие, которые, сами занимаясь торговлей, ставят вместо себя гиккарийских рабов, подкупив триерархов (или начальников триер), вследствие чего падает дисциплина во флоте").

Гиккары – город в Сицилии, который был занят афинянами сейчас же по их приходе, а жители его были обращены в рабство. Никий, следовательно, считает ошибкой не то, что рабы вообще были включены в состав гребцов, а то, что это были рабы такого происхождения, враждебно настроенные, без опыта и умения. Если бы он хотел просто указать как на неслыханную вещь – на присутствие рабов среди гребцов, он не подчеркнул бы, что это были "гиккарийские" рабы.

Фукидид (VIII, 73, 5) говорит о том, что на государственном корабле "Паралос" весь экипаж был из свободных людей; значит, на других кораблях этого не было. Низе (стр. 501, примеч.) считает это общепринятое положение недоразумением: он хочет слово *"ἐλευδεροι"* – свободные – перевести как "свободомыслящие", к чему я не вижу никаких оснований.

Ксенофонт (Hellenika, I, 6, 24) сообщает, что в 406 г. афиняне, чтобы укомплектовать свой флот, навербовали свободных и рабов. О том же упоминается у Аристофана и в "Схолиях" (цитирована Беком I, 329).

Исократ в своей речи о мире (8, 48) упоминает, что афиняне пускали на корабли чужеземцев и рабов в качестве матросов, а граждан – в качестве гоплитов (см. Низе, стр. 501, примеч. 3).

Все эти свидетельства не оставляют у меня сомнений, что мое представление вполне справедливо и в сущности, повторяю, не настолько отличается от представления Низе, как заставляет думать его энергичная полемика. Ведь и сам Низе – по крайней мере в виде исключения, в примере 406 г. – признает введение рабов в личный состав флота; а у меня рабы играют настолько второстепенную роль, что я тоже мог бы употребить слова "в виде исключения", и это абсолютно не изменило бы ничего в моих вычислениях.

Глава III

НАЕМНИКИ

Во время Персидской войны греческие войска состояли из гражданского ополчения; но к концу Пелопоннесской войны мы видим уже другую картину.

Всеобщее гражданское ополчение *πανδημεὶ* ("поголовное", "всенародное") встречалось все еще редко. Обыкновенно высылалось войско или флот известной силы, а набор для этой цели в Афинах происходил приблизительно следующим образом. Граждане делились на 10 фил, а каждая из них на 3 триттии – одна городская, одна береговая и одна для охраны внутри страны, – которые охватывали большее или меньшее число дем. По ним распределялись имеющиеся отряды, которые поочередно выставлялись военнообязанными.

Такая регулярная смена приводила к большой неравномерности. Экспедиции были различной продолжительности и трудности; на службу в гоплиты более богатые шли много реже, чем на службу во флоте. Короткие походы прежнего времени оплачивались гражданами из собственных средств, причем эти походы не особенно нарушали их рабочую и торговую

жизнь. Долгие, часто заморские войны создали совершенно другую обстановку. Чтобы сделать возможными более долгие походы, начали платить большое жалованье[10]. Необходимые для этого средства предоставляли союзники афинян, которые за это полностью или частично освобождались от военной службы[11]. Афинские граждане несли за них военную службу и именно этим достигли такой большой боеспособности. Хотя они и оставались гражданами, но все же до известной степени брали на себя обязанности профессиональных солдат и помнили об этом. Перед первым сражением при Сиракузах предводитель Никий напоминает им, что они совсем иные воины, чем гражданское ополчение их противника[12]. Когда в Афинах объявлялся призыв для похода, то мы должны предположить, что для службы во флоте всегда являлось много добровольцев, афинян или чужеземцев, или же брались рабы. Особого списка обязанных для морской службы, по-видимому, не велось. В крайних случаях призывались все, даже уже отслужившие[13]. Со службой гоплитов было несколько иначе; она была ведь не только личной повинностью, но и податью, так как гоплит должен был сам позаботиться о своем дорогом вооружении. Поэтому гоплитов облагали налогом

и несущих эту повинность включали в особый показательный список, "каталог", который вели наряду с общим списком граждан. Несмотря на это, остается вероятным, что, если кто-нибудь не хотел выступать, то нетрудно было найти заместителя[14], и государство не могло возражать против подходящего заместительства. Этим оно оберегало обычную производственную деятельность граждан, причем боевые требования от замены не страдали, а могли даже выиграть. Кроме того, служба гоплитов сама по себе не была строго личной, но каждый дом лишь должен был выставить мужчину и раба. Считалось частным делом семьи, шел ли на службу в гоплиты отец или сын, один брат или другой, или вместо них дальний родственник, или даже сосед. Для того чтобы еще усилить отрады гоплитов, государство при начале Пелопоннесской войны заготовило гоплитские доспехи и снабжало ими множество фетов. Когда для сицилийской экспедиции были погружены 1 500 гоплитов по каталогу и 700 фетов-гоплитов, то из высших классов пошли в поход или не более 1 500 чел., или, что более вероятно, государство, не желая отсылать далеко так много состоятельных граждан, взяло не более 150 из каждой филы, а кроме них вооружило на казенный счет еще 700 фетов, которые тоже

пошли добровольно.

Таким образом, надо считать, что в Афинах, не принимая во внимание походов "всенародных", служба во флоте вскоре после Персидских войн стала чисто наемной; также и служба гоплитов постепенно во время Пелопоннесской войны все более и более превращалась в наемную же.

Аналогичное развитие произошло и в других государствах. В первые годы Пелопоннесской войны союзниками не было сделано ничего, кроме вторжения в Аттику с двумя третями своих граждан-гоплитов, причем они в продолжение нескольких недель грабили и опустошали эту страну и потом ушли обратно. Скоро стало ясно, что таким образом Афины не будут сломлены; наконец, спартанский предводитель Брасид пошел со своим войском во Фракию, чтобы сломить Афины через колонии и союзные города. Это войско больше уже не могло состоять из граждан, которые лишь на некоторое время удалились от своего дела и сами себя содержали. Оно не состояло целиком и из спартиатов, которые были горды тем, что у них не было гражданских занятий, а что они были исключительно воинами. Такой поход в далекую страну с половиной или даже только с четвертью спартиатов, способных носить оружие (а их было не более 500–600 чел.),

противоречил характеру государства и образу мыслей спартанцев. Привлекли много сильных крепостных крестьянских сыновей, илотов, и обучали их как гоплитов. Конечно, им должны были давать продовольствие и жалованье, чтобы удержать их под знаменами. Таким образом, Спарта подошла к ведению войны поневоле тем же путем, что и Афины.

1. Фукидид (V, 67) рассказывает об аргивянах, что они, кроме ополчения, имели отборный отряд в 1 000 чел., который был особо образован на казенный счет[15]. Вероятно, он был не просто так образован, а для того, чтобы быть готовым предпринимать далекие экспедиции, которые бывали от времени до времени и которые слишком отрывали граждан от их обычных занятий и могли быть вредными в хозяйственном смысле. За это платили регулярное жалованье.

2. Когда Агезилай в Азии употребил в 391 г. конницу, то он привлек к этому богатых малоазиатских греков и позволил им находить себе заместителей (Xen., Hell., III, 4, 15).

3. Переход к наемничеству уничтожил в Афинах старое деление на классы. Уже Перикл в своей речи в 431 г. не обращает больше внимания на это деление, так как государство вооружало фетов, которые не имели средств на вооружение. В народе держалось выражение, что граждане низшего класса "*οὐκ εστρατεὸοντο*" не служили в войсках. Узенер (Usener "Jahrb. f. klass. Philol.", 1873, S. 162) предполагает, что в 412 г. граница между классами окончательно

стерлась; речь Лисия о восстановлении демократии показывает, что тогда была обычной служба фетов в качестве гоплитов, в то время как при представлении "Пира" Аристофана в 427 г. об этом говорится не так.

4. В части I, главе 2 мы установили, что Фукидид в речи Перикла сообщает число афинских граждан и метойков-гоплитов, а не число метойков-негоплитов. Мы теперь видим, что у Фукидида для этого не было причин. Метойки-негоплиты для афинской войны имели значение только как гребные команды, которые могли быть пополнены рабами. Хотя велся список не всех метойков, но самые бедные между ними были все же слишком переменной величиной, чтобы считаться существенной частью государства. Те, которые были достаточно состоятельными для того, чтобы быть годными для службы гоплитами, были тоже связаны с Афинами и потому входили в счет.

Глава IV

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ТАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В IV СТОЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Хотя Пелопонесская война носила изменчивый и затяжной характер, все же она не выработала новых форм военного искусства. Новое, что принесла она Элладе, – это появление профессиональных солдат. Еще и раньше Греция знала профессиональных бойцов в лице наемников; тираны, как Поликрат Самосский или Пизистрат Афинский[16], держали при себе телохранителей, на которых опиралась их власть; Поликрат имел даже, по преданию, небольшое войско из 1 000 лучников[17]. Цари Египта и Лидии содержали сильные армии из греческих наемников. Но это не было еще общим явлением; настоящее наемничество, ставшее существенным моментом греческой национальной жизни и греческой истории, порождено было лишь Пелопоннесской войной. И отныне мы должны считаться не только с массой рядовых солдат, – на сцену выступают также как особое новое сословие вожди этих наемников, профессиональные

офицеры.

Переход образуют такие военачальники, как афиняне Демосфен и Ламах или спартанцы Брасид, Гилипп, Лисандр. Когда вскоре после окончания Пелопоннесской войны персидский царевич Кир, наместник Малой Азии, восстал против своего брата, царя Артаксеркса, он имел возможность нанять не более и не менее, как 1 3000 греческих солдат под начальством опытного командного состава как высшего, так и низшего.

Постепенный переход от гражданского ополчения к наемным войскам имел, конечно, последствием усовершенствование военных упражнений и более интенсивное их применение; или, пожалуй, это можно выразить иначе: военное обучение спартанцев распространилось и на прочие греческие армии. "Спартанское войско, – говорит Фукидид (VI, 66),–почти сплошь состояло из командиров" *(ἁρχοντες ἀρχὸντων* – начальников над начальниками), и, согласно автору "Государства лакедемонян", спартанское военное обучение основывалось на том, что каждый солдат следовал за своим "взводным командиром" (эномотархом); благодаря этому легко можно было производить самые сложные эволюции.

Отдельные стадии развития этих упражнений

мы не можем теперь указать, но самое это развитие лежит в природе вещей, и некоторые эпизоды похода "десяти тысяч" ясно показывают нам, что здесь был достигнут значительный прогресс. Организационные подразделения войсковых частей оказываются в состоянии двигаться, если необходимо, как самостоятельные тактические единицы, а общая спайка, которая достигается только путем интенсивного военного обучения, настолько сильна, что гоплиты решились однажды, в сражении с Фарнабазом, пойти в атаку на персидскую конницу, хотя сами они имели лишь горсточку всадников для прикрытия своих флангов (Анаб., VI, 330). Взамен конницы на расстоянии 30 м за фалангой было расположено уступами несколько эшелонов по 200 чел. гоплитов в каждом. Таким образом, недостаток в коннице уравновешивался повышением воинских качеств пехоты.

Мы там находим также применение совсем нового боевого приема. Колхидяне заперли "десяти тысячам" дорогу, заняв перед ними широкую горную позицию. Натиск обычной сомкнутой фалангой был неосуществим, так как в этой сильно пересеченной местности фаланга во время продвижения неминуемо должна была разорваться. И вот по совету Ксенофонта было

образовано 80 мелких колонн, по 100 чел. в каждой, которые построены были очень глубоко, – вероятно, по 20 человек в глубину и по 5 в ширину, – и на довольно значительных интервалах. Таким образом, каждая колонна могла самостоятельно выбирать удобную дорогу, а крайние из них охватывали неприятельские фланги. Пельтасты наступали тремя группами (два крыла и центр) вместе с гоплитами. Против греческой фаланги нельзя было бы так идти; уже не говоря о перемежающемся расположении гоплитов и пельтастов, сами по себе разрозненные гоплитские колонны не могли бы выдержать натиска сомкнутой фаланги тяжеловооруженных воинов: голова каждой отдельной колонны при столкновении фронтов оказалась бы с обеих сторон зажатой и раздавленной, и, таким образом, все колонны центра были бы разбиты, прежде чем направленные в обход колонны успели бы нанести удар неприятельским флангам. Массивный сомкнутый фронт, конечно, сильнее прерывчатого. Однако против варваров, которые полагались больше на выгодность своей горной позиции, чем на свое оружие, и не имели к тому же достаточно твердого руководства, чтобы в должное мгновение сомкнутым строем пойти в атаку, – против такого противника и в таких

условиях местности маленькие глубокие колонны на довольно больших интервалах представляли правильную тактическую форму. Колхидяне не отважились вклиниться в интервалы, опасаясь, что соседние колонны нападут на них с тыла и отрежут от остального войска. Гениальная импровизация Ксенофонта достигла цели, но она не явилась и не сделалась, как думают обычно, новой фазой в развитии принципов греческой тактики.

Особенно большие преимущества открыло наемничество оружию пельтастов. Хороший пельтаст стоил больше гоплита. Фаланга имеет у себя наряду с хорошим и плохого бойца, слабо обученного и не очень храброго, она держит его в своих прочных рамках и использует как некоторую единицу. Пельтаст же, если он не подлинно доблестный воин, не представляет собой вообще никакой ценности. Пельтаст, если ему пришлось уступить перед превосходным оружием гоплита, должен вовремя (в этом все дело – вовремя!) снова двинуться на врага. Для этого от каждого отдельного воина требуется большая стойкость, а командир должен пользоваться величайшим доверием своих людей и очень твердо держать их в руках. Офицер, который этого достиг, может сделать с ними

очень многое. Именно такие офицеры, прошедшие школу войны и умеющие муштровать своих людей, и выступают теперь на сцену.

Особенно прославился афинский начальник наемных войск Ификрат своими огромными успехами благодаря использованию пельтастов. Этот род оружия, который до тех пор считали полуварварским, он перенес на собственно греческую почву и снабдил им наемников-эллинов, усовершенствовав при этом как вооружение, так и снаряжение. Длинный меч вместо короткого клинка и наряду с дротиками длинное копье – оба эти оружия, давшие пельтасту возможность вступать в рукопашный бой с гоплитами, были, весьма вероятно, введены Ификратом. Но главным были не эти изобретения (которые, строго говоря, вовсе и не были изобретениями); все дело – в той замечательной дисциплине, которую, по сообщению Непота, Ификрат ввел в своих войсках. Она-то и дала ему возможность так успешно применять в деле легкую пехоту, которой до тех пор не придавали почти никакой цены. Из страха перед пельтастами Ификрата, рассказывает нам Ксенофонт (Hell., IV, 4, 16), аркадские гоплиты не посмели бы выйти за городскую стену. Но перед лакедемонскими гоплитами, которые высылали вперед свои

младшие по возрасту разряды, пельтасты сами трепетали и не смели приблизиться на полет копья. Следовательно, молодые лакедемонские гоплиты были так хорошо натренированы в беге, что могли догнать пельтастов, несмотря на свои тяжелые доспехи.

Но когда одна лакедемонская мора, слишком положившись на свои силы, попробовала раз пройти близ Коринфа, Ификрат напал на нее при Лехеоне со значительно большими силами и совершенно истребил ее; при этом его пельтасты все время ее обстреливали, а когда она сама переходила в атаку, отступали к своим гоплитам, которые подходили сзади.

Конный отряд, пришедший лакедемонянам на помощь, был слишком слаб и ничего не мог сделать. Ксенофонт упрекает его в вялом образе действий (Hell., IV, 5).

Победу, аналогичную лехеонской, Ификрат одержал со своими пельтастами при Абидосе; он напал врасплох на лакедемонских гоплитов, когда те, растянувшись длинной линией, спускались по горному склону (Ксенофонт, Hell., IV, 8, 37).

Когда вскоре после этого подобному же нападению подвергся в Акарнании Агезилай, ему удалось при поддержке конницы провести атаку, нанести большие потери неприятельским

пельтастам, обратить в бегство служивших им опорою гоплитов и таким образом расчистить себе путь для дальнейшего марша (Hell., V, 6).

Фракийские и северогреческие пельтасты, выступавшие наемниками в более раннюю эпоху, были, вероятно, вооружены не совсем однообразно; каждому отдельному бойцу предоставлялось обзаводиться по его личному усмотрению длинным или коротким мечом, поножами или сапогами, а то и просто сандалиями. Только регулярная служба в наемных войсках под командой греческих полководцев, вроде Ификрата, выработала единообразный в военном смысле тип вооружения.

Относительно конницы нам не известно, сделала ли и она за это время какой-либо прогресс. Она культивировалась главным образом беотянами, которые выработали также и смешанный тип борьбы, прибавив к всадникам быстроногих легковооруженных пехотинцев, так называемых гамиппов[18].

Агезилай в своей азиатской войне, читаем мы у Ксенофонта, признал, что в открытом поле ему без всадников ничего не достичь, и сформировал конницу[19]. Сам Ксенофонт посвятил ей два сочинения, но об этом нам удобнее будет говорить в следующей книге, в связи с военным делом у

македонян.

Существенных успехов достигли греки за этот период в осадном искусстве. Уже в древнейшей египетской и ассирийской стенной живописи и рельефах мы можем распознать осадные машины; но греки даже во время Пелопоннесской войны были совсем неискусны в этом деле. Правда, еще Перикл при осаде Самоса велел построить военные машины, и пелопоннесцы при осаде Платеи сделали несколько попыток взять городок посредством искусственного наводнения, таранов и поджога; но в конце концов, не достигнув цели со всеми этими средствами, они прибегли к старому способу окружения осажденного города валом и голодом принудили осажденных к сдаче. Настоящему осадному искусству греки, по-видимому, впервые научились в Сицилии, у карфагенян, которые осаждали и взяли Селинунт, Гимеру, Гелу и Акрагант при посредстве подкопов, башен и таранов (409 – 405 гг. до н. э.)[20]. Сиракузский тиран Дионисий Старший был великим машиностроителем, а из Сицилии это искусство проникло и в древнюю Грецию.

Около того же времени в Сиракузах изобретены были также и метательные машины – катапульта и петробола, а триера заменена пентерой. По рассказу Диодора[21],

Дионисий собрал в Сиракузах искуснейших техников со всего света, лично заботился о рабочих, поощрял их, награждал усердных и способных и приглашал их к своему столу. И они действительно прилагали к делу все свои силы и изобретали новые образцы стенобитных и метательных машин[22].

1. У спартанцев мы находим очень развитую систему подразделения войска, которая, однако, часто преобразовывалась, а потому нам трудно теперь восстановить ее с уверенностью во всех частностях. Лохи распадались на пентакостии, пентакостии на энномотии, насчитывавшие от 32 до 36 человек[23]. Несомненно, и в этих мельчайших частях проводилось военное обучение.

2. Непот рассказывает, что Ификрат преобразовал гоплитов в пельтастов и вообще первым создал этот вид оружия. Это могло быть верно только в отношении Афин, где до тех пор не было пельтастов, которых считали пережитком варварства. Однако благодаря систематическому развитию этот род оружия настолько усовершенствовался, что получил признание даже среди афинских граждан. Впрочем, набросанное Непотом изображение ификратовых пельтастов очень недостаточно. Он совсем не упоминает дротиков, а только длинное копье и длинный меч. Судя по этим признакам, можно было бы подумать, что пельтасты приспособлены были исключительно для рукопашного боя; Рюстов и Кёхли, действительно, понимали реформу Ификрата в

том смысле, что он создал новый промежуточный род пехоты. Но это воззрение справедливо отвергал еще Берг, а затем также H. Droysen (S. 26) и Ad. Bauer (§ 42). Никогда в практике военных событий не выступает на сцену подобная средняя пехота; решающим оружием остаются, как и были, гоплиты. Вопрос лишь в том, действительно ли удлиненное копье и удлиненный меч, в соединении с легким предохранительным вооружением (холщевый панцирь, сапоги вместо поножей – "ификратиды"), были изобретены Ификратом или еще и до него являлись обычной экипировкой пельтаста.

НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫЕ СРАЖЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА

3. В отношении сражения при Кунаксе, – как и везде, где на арену выступают персы, – мы прежде всего должны произвести ампутацию над числами. Греки настолько сжились с представлением, будто персидское войско в соответствии с величиной государства должно было иметь колоссальную численность, что даже Ксенофонт, этот практик военного дела, обладавший трезвым и ясным умом, как под гипнозом, повторяет нелепые басни. У Артаксеркса под Кунаксой было будто бы 4 армии по 300 000 чел. и из них 3 были на месте[24]. Даже 100 000 чел., приведенные будто бы Киром сверх его 13 000 греков, подлежат весьма основательному сомнению, как доказал еще Hollaender (Beilage z. Jahresber. d. Domgymnasiums zu Naumburg, 1793 г.). Вероятно, это была армия незначительной численности.

В бою персидские всадники, под предводительством Тиссаферна, ринулись на греческих пельтастов, стоявших рядом с гоплитской фалангой. Пельтасты уклонились от удара, пропустили персидских всадников сквозь свой боевой порядок и обстреляли их при этом с двух сторон. Ударить на самую фалангу всадники не решились, хотя теперь они могли произвести на нее нападение с тыла, а когда персы Кира обратились в бегство, то – также и с того фланга, где те стояли прежде. Греки не упустили из виду возможность такого нападения и хотели поэтому выполнить маневр, который должен был прикрыть их тыл и фланг, а именно – выстроиться тылом к Евфрату, который до тех пор находился у них с правого фланге. Следовательно, им пришлось бы произвести полный поворот на четверть круга, что чрезвычайно трудно осуществить длинной растянутой линией. Каким способом должен был быть выполнен этот маневр, мы теперь не можем сказать[25]. Но так или иначе к нему, по-видимому, не пришлось прибегнуть.

Персы стянулись к своей прежней позиции, и греки – неизвестно, угрожали ли им персы новым нападением или нет[26], – еще раз пошли на них в атаку и опрокинули их. Вероятно, персы не проводили серьезно этого второго боя, так как их пехота уже отступила. Иначе невозможно объяснить, почему их конница не ударила грекам во фланг.

Читатель видит, как сильно изменились условия по сравнению с Марафоном и Платеей. Греческая фаланга, состоящая из наемных солдат и профессиональных офицеров, обладает гораздо большей стойкостью, чем афинское гражданское

ополчение; сообразно этому новому сознанию и той нравственной силе, которую придали эллинам события этого века, грек теперь отправляется в бой с повышенной верой в свои силы, а перс, напротив, с пониженной; и, наконец, фаланга получила поддержку в превосходных вспомогательных войсках, снабженных метательным оружием. Отныне греческая пехота может сражаться с персами в открытом поле.

Все это объясняется также и возможностью отступления. Персы вполне могли бы одолеть греков, но они предпочитали щадить свои силы в надежде, что греки и без их вмешательства найдут свою гибель в Кардухских горах. Отсюда еще нельзя сделать заключение о положительном превосходстве греческой пехоты над персидской конницей. Да и те 50 всадников, которых выставили греки, не могли, конечно, испугать персов. Как уже приведено выше, Ксенофонт (в Hell., III, 4, 15) сам рассказывает, что Агезилай в войне с Тиссаферном признал необходимым иметь конницу для того, чтобы противостоять персам в открытом поле.

Доктор Marie Pancritius (Studien ьber die Schlacht bei Kunaxa, Berlin, Alex. Dunker, 1906 r.) удачно опровергает многие ложные положения, высказанные за последнее время учеными о Ксенофонте и "десяти тысячах"; однако и она не сумела дать правильную оценку стратегических и тактических моментов, так как исходит из ложных предпосылок.

4. Ксенофонт (Hell., III, 4, 23) рассказывает об одном сражении Агезилая против персидской конницы. Так как его собственная конница была, очевидно, слабее персидской, Агезилай хотел поддержать ее пехотой. С этой целью он выслал

вперед сперва 10 младших возрастных разрядов из гоплитов, потом пельтастов, а затем и все главные силы фаланги. Смысл этого деления заключался в том, что не только пельтасты, но равным образом и гоплиты должны были ринуться на неприятельских всадников, а так как главные силы фаланги, включавшей в своем составе много пожилых людей, были для этого слишком тяжелы, то вперед были отправлены более молодые бойцы, которые дольше могли выдержать бег.

5. О сражении при Коринфе в 394 г. до нас хотя и дошли рассказ Ксенофонта (Hell., IV, 2) и некоторые другие сообщения, однако, их недостаточно для подлинного понимания этого события. На обеих сторонах победило правое крыло, совершив охват левого неприятельского крыла путем сдвига вправо и ударив ему во фланг. Затем лакедемоняне со своими победившими частями повернули налево и поочередно, одну за другою, разбили неприятельские части, возвращавшиеся после преследования.

По этой версии можно принять, что превосходная дисциплина спартанцев, сохранившаяся даже после победы и обусловившая возможность трудного маневра перемены фронта на 90° (с 6 000 бойцами), дала им перевес над противником и решила исход сражения. Тем не менее остается много неясностей.

По Ксенофонту, коринфяне с беотянами и афинянами имели 1 550 всадников, а лакедемоняне только 600, причем союзники имели перевес также и в легкой пехоте. Каким же образом лакедемонские гоплиты получили возможность охватить афинский фланг, если этот фланг был обеспечен более сильной конницей и легкой пехотой? По одному замечанию в

платоновском "Менексене" (цитируется у Грота) афиняне приписывали свое поражение неблагоприятным условиям местности. Может быть, это объясняет нам бездействие их всадников, – но почему же сражение дано было в такой местности, где нельзя было использовать конницу?

Далее, по Ксенофонту, союзники имели 24 000 гоплитов, а спартанцы только 13 500. Свою первую частную победу спартанцы одержали с 6 000 чел. против 3 600 (6 фил) афинян, тогда как остальное спартанское войско, за исключением небольшой части, было разбито. Следовательно, во втором акте боя 6 000 победоносных лакедемонян противостояли победоносному неприятельскому войску в 20 400 чел., – и оно было побеждено часть за частью. Это звучит крайне неправдоподобно, в особенности если мы вспомним про конницу, поведение и местонахождение которой нам неизвестны. А если теперь мы примем в расчет сообщение Диодора (XIV, 82, 83), что другое предание дает обеим сторонам одинаково по 500 всадников, а пехоты дает спартанцам 23 000 против 15 000, то не лучше ли скромно сознаться, что мы имеем слишком мало достоверных сведений о ходе этого сражения, и воздержаться от анализа его частностей.

6. Через несколько недель после сражения под Коринфом разбитое там войско должно было снова принять сражение, чтобы при Коронее преградить путь возвращавшемуся из Азии Агезилаю. На этот раз, также и по Ксенофонту, силы были более или менее равны; о поведении конницы и легкой пехоты мы по-прежнему ничего не знаем, и по-прежнему каждая из сторон побеждает на правом крыле. Но, в отличие

от предшествовавшего сражения, на этот раз оба победоносные крыла, обратившись друг против друга, вступают в правильный бой и сражаются с большим упорством. В конце концов фиванцам удалось оттеснить бойцов Агезилая в сторону и, таким образом, проложить себе дорогу к отступлению, что, однако, стоило им больших потерь. Ксенофонт говорит: "Сражение выделялось из других сражений, которые у нас были". Это следует отнести к необычайно энергичному проведению второго боя, так как обыкновенно при первом столкновении фаланг одна часть тотчас уступала. В "Агезилае" изображено, как на другой день можно было увидеть напоенную кровью землю, мертвецов, лежавших рядом, тело к телу, – не разберешь, где друг, где враг, расколотые щиты, поломанные копья и обнаженные мечи на земле, в телах и в руках.

7. Hellenica, IV, 2, 5. Агезилай выдает награду тем, "которые будут участвовать в походе с лучше всего вооруженными лохами гоплитов, стрелков и пельтастов". K. Harmann, Ьber die Taktik des Arrian (Progr. Bamberg, 1895 г., стр. 16) толкует это как полк (лох), скомбинированный из трех родов оружия. Это едва ли правильно. Речь идет скорее об отдельных лохах, различного рода оружия каждый.

Глава V

ТЕОРИЯ. КСЕНОФОНТ

Успехи техники военного дела вызвали к жизни также и его теорию. Она развивалась при обсуждении преимуществ различного рода вооружения. Своеобразный след того, как живо дебатировался этот вопрос среди афинян, мы находим в трагедии Эврипида "Геракл", где поэт заставляет Лика, который презрительно отзывается о Геракле как о простом стрелке из лука, спорить с Амфитрионом; сюжет совершенно не требовал этого спора, и Эврипид, очевидно, просто хотел порадовать общественность поэтическим отголоском ее собственных речей.

Лик говорит :

Да что такое ваш Геракл, скажите?
Чем славу заслужил он? Убивая
Зверей... На это, точно, у него
Хватало мужества! Но разве взял он щит
Или копье когда, готовясь к бою?
Его оружие – трусливая стрела,
Его военное искусство – в быстрых пятках.
Да может ли, скажите мне, стрелок
Из лука храбрым быть? Нет, чтобы мужем
Быть истинным, спокойным оком надо,
Не выходя из воинских рядов,

Следить за копьями врагов, и мускул
В твоем лице пусть ни один не дрогнет.

Амфитрион ему на это отвечает:

. . . . . .
Затем, тиран, ты не хотел признать
От лука пользы: слушай и учися.
Гоплит – он в вечном рабстве у своих
Доспехов: сломится ль копье в сраженьи,
Он беззащитен, а случись с ним рядом трусы,
Храбрейший из гоплитов пропадает.
Ну, а владелец лука может смело
Разить врагов: всегда довольно стрел
В его распоряженьи для защиты.
А выстрел издали, когда врагу
Тебя не видно и, прикрытый, можешь
Ты целиться. О, Лик, вредить врагам,
От случая при этом не завися,
Вот – высшее искусство на войне.

В это же время, т.е. во время Пелопоннесской войны, некоторые софисты начали читать лекции по военному искусству. Однако первым, кто взял на себя труд систематически проанализировать сущность военного дела и подробно развить связанные с ним вопросы, был Ксенофонт. Он признал – и постоянно, вновь и вновь подчеркивал это, – что военное дело – не наука, но искусство, которое требует всего человека, со всеми его способностями. "Тактика – только очень

небольшая часть военного искусства", – говорит у него Сократ (Воспом., III, гл. 1). Полководец должен разбираться во всем, что относится к вооружению солдат и к обеспечению их продовольствием. "Он должен быть изобретателен, энергичен, заботлив, выносли в, обладать присутствием духа; должен быть обходителен и суров, справедлив и хитер; он должен быть бдителен сам и уметь обмануть чужую бдительность; он должен ставить все на карту и стремиться выиграть все; он должен быть щедрым и алчным; уметь идти на риск и быть всегда настороже". Хороший полководец соединяет в себе прирожденные качества с высоким образованием. Полководцу идет впрок, если он честолюбив, читаем мы в другом месте (III, гл. IV, 3). "Киропедия" представляет собою учебник политики и военного искусства, облеченный в форму исторического романа. Но как бы мы ни ценили эту книгу как литературное явление, сколько бы ни читали ее практики военного дела, все же для наших целей – для изучения истории военного искусства – из нее немного извлечешь. Вечные и неизменные элементы ведения войны – психологические и моральные – Ксенофонт разработал превосходно; но подверженные изменению исторические

формы у него даны лишь в беглом и часто фантастическом освещении, так что здесь следует с большой осмотрительностью подходить к роману и не отождествлять его с действительностью. Формы, в которых во времена Ксенофонта развивалось военное искусство, были настолько несложны, что о них почти нечего было говорить; а Ксенофонт не обладал тем творческим даром, который умеет из наличного материала вывести и разрешить новые проблемы. Подобные попытки, когда он все-таки их делает, ему явно не удаются, и мы видим, как он, солдат-практик, впадает даже в оторванное от реальности теоретизирование.

К проблемам, которые, несомненно, должны были занимать каждого греческого полководца, принадлежит проблема соотношения между шириной и глубиной фаланги. Как лучше поставить, скажем, 10 000 гоплитов – по 1 000 ли чел. по фронту и по 10 шеренг в глубину или же по 500 чел. по фронту и по 20 в глубину? В первом случае можно было легче совершить охват противника, во втором – получалась большая мощь удара[27]. Удивительно, что во всей античной литературе мы, собственно, не находим никаких попыток рассмотреть специально этот вопрос. Мы даже не имеем в преданиях определенных

указаний о том, на какую глубину в действительности выстраивалась обычно фаланга. Восемь шеренг в глубину упоминаются так часто, что исследователи хотели видеть в этом словосочетании известную норму боевого порядка, и это очень правдоподобно. Но в отдельных случаях полководец отступает от этой нормы, – и не только тогда, когда это вызывается надобностью, но часто и по произволу. Нам трудно понять сообщение Фукидида, будто в сражении при Мантинее отдельные военачальники выстраивали свои части по собственному усмотрению на различную глубину. В сражении при Делии фиванцы были построены по 25 человек в глубину, а другие контингента по-другому, но во всяком случае гораздо мельче. Ксенофонт приходит к этому вопросу в рассказе о вымышленном сражении Кира с Крезом. Киру сообщили, что египтяне выстроились в 100 шеренг в глубину, тогда как его собственное войско построено всего лишь в 12 шеренг. Один из его военачальников усомнился, достаточно ли будет их сил против такой глубокой фаланги. Кир на это возражает, что если фаланга занимает по глубине больше, чем дальность действия оружия, то ее оружие тем самым становится безопасным для противника, – довод, который во всех

отношениях следует признать несостоятельным: даже при 12 или при 8 рядах большая часть оружия уже не может получить непосредственное применение. Однако такому человеку, как Ксенофонт, никак не могло быть неизвестно, что преимуществом глубокого построения является сила натиска: но он еще сам узнает на опыте и сам расскажет нам, какие плоды приносит эта сила.

Другая проблема, которая должна была занимать в Греции военных специалистов, – это вопрос о сочетании метательного оружия с тяжеловооруженной пехотой. До тех пор каждое оружие действовало в бою самостоятельно; тактика взаимодействия разных видов оружия еще не существовала. Только в редких случаях удавалось успешно применять метательное оружие против гоплитов и устанавливать взаимную поддержку одного вида оружия другим. Ксенофонт заставляет Кира выставить копейщиков за гоплитами и лучников за копейщиками, чтобы они соответственно пускали свои стрелы и метали свои дротики через головы стоящих впереди (кн. IV, гл. 2), – ибо стрелки и метальщики, сообщается нам, не могли бы устоять в рукопашном бою, тогда как под прикрытием гоплитов они могли стрелять и метать через головы последних.

Будь такое разделение оружия практически осуществимо, оно, конечно, имело бы чрезвычайно сильное действие, и мы хоть где-нибудь да встретились бы с ним на деле. Но это лишь простая выдумка теоретика. Копья и стрелы, пущенные вдаль по крутой траектории через головы гоплитов, могут оказать лишь самое минимальное действие[28]. Но прием этот совершенно неприменим, когда гоплитская фаланга находится в быстром движении последнего разбега. Для того чтобы метательное оружие могло причинить чувствительный ущерб неприятельской фаланге до столкновения врукопашную, стрелы и копья должны быть пущены залпом издалека, или же гоплиты в самой фаланге должны быть вооружены каким-либо метательным оружием. Было бы трудно понять, каким образом Ксенофонт, с его ясным практическим умом, мог изобразить такую фантасмагорию, как помещение стрелков в задних рядах фаланги, если бы другие примеры в истории не показывали нам, насколько легко теория теряет из-под ног твердую почву реальности. Превосходный практик Наполеон I в своих заметках о "Семилетней войне" (примеч. 2 к гл. 11 и 12) предлагает снабдить пехотных солдат, стоящих в третьем ряду, пробковыми подошвами

от 3 до 5 дюймов толщиною, чтобы они могли стрелять через головы других. Неясно, предлагалось ли им надевать пробковые сандалии непосредственно перед открытием огня, или же они должны были проделать весь марш на пробковых подошвах. Это мало чем отличается от предложения Ксенофонта. Не только добрый старый Гомер, но и величайшие полководцы любят иногда помечтать...

Более реалистическая мысль проводится, по-видимому, в предисловии, в котором предлагается ставить позади боевого порядка жандармские заградительные отряды, которые следили бы, чтобы никто не смел бежать с поля сражения, и в крайнем случае убивали бы беглеца на месте. Однако при ближайшем рассмотрении этот совет также оказывается чисто идеологическим, и еще никогда такая мера не применялась на деле ни одним полководцем: кто, в самом деле, поручится за храбрость этих жандармов? А если и найдутся в войске люди, на чью отвагу можно положиться с безусловной уверенностью, то лучше применять их на фронте, а не позади него.

Третья проблема, затронутая у Ксенофонта, – построение резерва. Греческая фаланга гоплитов атакует единым, крепко спаянным массивом. Если

часть ее оставить позади, то в известных случаях это может принести большую пользу, но зато ослабляется сила первого натиска. При своей гениальной прозорливости в отношении практических потребностей Ксенофонт в описанном выше сражении с Фарнабазом выделил из фаланги гоплитов небольшой резерв, чтобы в случае нужды отбить возможную атаку персидской конницы против флангов. Эта мысль открыла широкие горизонты, но в "Киропедии" мы не находим ее развития; а ей вполне можно было бы уделить место при рассказе о построении кавалерии в большом фантастическом сражении (кн. 7, гл. I). Здесь Кир придерживает конницу и пользуется ею против охватившей его крылья неприятельской конницы для того, чтобы в свою очередь атаковать ее с фланга.

Гораздо внимательнее оказывается автор при оценке боевых колесниц с прилаженными к осям серпами и предлагает (VI, 1, 30), чтобы за фалангой следовала деревянная башня с 20 стрелками; башню должны были везти в бой 16 быков при 8 дышлах. Ксенофонт уверяет, что произведенный опыт показал полную осуществимость этого плана: башня поедет великолепно; запряженная в телегу пара волов должна тащить 25 талантов груза, причем

прекрасно справляется с задачей, – а при этих башнях на каждую пару волов придется только по 15 талантов, следовательно, дело должно пойти на лад.

Всю эту пустую игру воображения, допущенную в качестве прикрасы романа, вполне искупает один эпизод (II, 3, 17), который должен продемонстрировать нам несомненное превосходство холодного оружия над метательным. Некий таксиарх разделил своих бойцов на две части и дал одной из них палки, а другой предложил вооружиться земляными комьями. Затем он заставил их подраться, и на следующий день повторил состязание, переменив между ними оружие. Затем Кир пригласил весь отряд к столу и за трапезой стал расспрашивать людей, где получили они синяки и как это произошло. Все в один голос заявили, что от земляных комьев пришлось действительно потерпеть, но тем приятнее было потом, догнав, неприятеля, отыграться палкой на его спине. Поэтому, говорит Ксенофонт, Кир стал отдавать предпочтение в боях холодному оружию, с которым боец идет на врага грудь на грудь (II, 1, 7–9; II, 121; II, 3, 17). Но в свое время, говорится в заключении романа, персы усвоили другие навыки; они опять перешли к метательному

оружию и стали избегать рукопашной схватки, хотя и были вооружены мечами.

Ксенофонт решительно подчеркивает превосходство холодного оружия, с которым боец в рукопашном бою непосредственно, грудь на грудь, идет на врага. И это мы должны поставить Ксенофонту в большую заслугу, тем более что как раз в это время в Греции делало большие успехи именно легкое оружие, в особенности пельтастов, и даже не раз бывало, что легкая пехота наносила поражение гоплитам. Можно с большим вероятием принять, что среди эллинов, склонных к рассудочности и умствованию, неоднократно выдвигалась обратная идея – о возможности совершенно победить посредством этих новых приемов тяжеловесную фалангу и вовсе вытеснить ее.

Но греческие предания не забывали, что в Персидских войнах копье одержало победу над луком, и Ксенофонт так же, как и греческая практика, не дал ввести себя в заблуждение. Фаланга и впредь сохраняла значение остова для греческого войска, а все прочие роды оружия, как бы успешно ни шло их развитие, играли лишь вспомогательную роль.

Кроме "Киропедии", Ксенофонт оставил нам еще военные монографии в своем сочинении о

государстве лакедемонян и в двух трудах о кавалерии – об искусстве верховой езды и о командовании конницей. В этих сочинениях мы находим немало любопытных подробностей.

Первое большое военно-теоретическое произведение, не прибегающее ни к каким поэтическим маскировкам и предназначенное непосредственно для практических потребностей, вышло из-под пера одного аркадянина, Энея из Стимфалии. В своем труде, написанном около 357 г., он широко использовал Ксенофонта. Этот труд состоял из нескольких книг, но до нас дошла только одна, посвященная обороне городов; однако и она не дает нам большого материала. Больше всего места в ней уделено мероприятиям против измены, военных хитростей, тайной переписки, телеграфии, а также общим соображениям. Между тем об осадных машинах и средствах обороны против них мы находим в книге лишь очень немногое, да и это немногое, по всей вероятности, является позднейшей интерполяцией.

1. Бальдес (Baldes) в труде "Xenophons Cyropddie als Lehrbuch der Taktik" (Progr. von Birkenfeld 1887) утверждает, что Ксенофонт уже открыл в теории то, что македоняне ввели затем на деле: тактику комбинированных родов войск, боевую кавалерию,

преследование. Картину, данную в III, 2, 5, Бальдес толкует как изображение боевого построения. Я не могу с этим согласиться. Помещение армян впереди персов представляется мне просто прикрасой при описании боя, а не воплощением собственной тактической идеи. С первыми же указанными выше вопросами дело обстоит иначе: Ксенофонт действительно дает описание тактики комбинированных родов оружия, как доказывает Бальдес, но отсюда нельзя выводить никаких особенных следствий, так как дойти до этой идеи настолько же легко, насколько трудно осуществить ее в действительности. Только последнее составляет заслугу.

2. Эней был издан Рюстовом и Кёхли и затем снова Гугом (Hug). Далее Гуг говорит о нем в "Gratulationsschrift der Universitдt Zьrich an die Universitдt Tьbingen, 1897 г.". Ср. Jдhns, Geschichte der Kriegwissenschaft, Bd. I, § 8 и Ad. Bauer, Kriegsalter, § 2 и 47.

Глава VI

ЭПАМИНОНД

Все развитие и усовершенствование военного дела в Греции со времени Персидских войн, как мы его знаем, не заключало в себе принципиальных реформ или изменений. Действительно, принципиальное новшество было делом фиванца Эпаминонда.

Оно исходило из чисто внешнего, случайного явления старой фалланговой тактики – своеобразной тяги вправо, которая отнюдь не имела какого-либо более глубокого значения, а являлась только следствием того обстоятельства, что щит носили на левой руке; но дальнейшим следствием было то, что победу обычно одерживало правое крыло и нередко – с обеих сторон одновременно.

И вот Эпаминонд усилил свое левое крыло так, что оно образовало глубокую колонну – под Левктрами в 50 человек глубиною, – а правое крыло, обычно выдававшееся вперед, осадил назад. Таким образом, неприятельское правое крыло, т.е. то, которое привыкло побеждать, натолкнулось теперь на искусственно усиленное сопротивление; левое крыло равным образом

ничего не достигло: оно и без того привыкло идти на врага несколько замедленным темпом, а теперь, когда неприятельское правое крыло оказалось отодвинутым назад, здесь вообще дело не доходило до настоящего боя или же он завязывался слишком поздно.

Увеличение глубины сопровождается укорочением фронта; при равных силах неприятельское правое крыло могло охватить фиванское левое, зажать его и атаковать одновременно с фронта и с фланга. Поскольку сражение протекает таким порядком, для нас еще большой вопрос, выгодно ли в действительности глубокое построение фаланги: если фронт противника в состоянии выдержать натиск, пока его избыточная часть совершит охват и более глубокая колонна окажется атакованной с двух сторон, то едва ли она устоит. Следовательно, необходимым дополнительным условием при более глубоком построении одного крыла является прикрытие укороченного фланга кавалерией.

Беотия издревле славилась своей конницей. Но Эпаминонд сумел поставить оба оружия – кавалерию и пехоту – в плодотворную, органическую связь. Теперь, когда его левое крыло, несмотря на свое укороченное построение, не подвергалось опасности охвата, оно могло всею

тяжестью своей глубины не только оказать сопротивление правому крылу неприятеля, но и само напасть на него. Как триера врезается в своего противника, – говорит Ксенофонт о сражении при Мантинее, – так глубокая колонна фиванцев своим могучим натиском проломила спартанскую фалангу.

Заведенный Эпаминондом боевой порядок получил название косого строя; раньше того, как мы видели, фаланги шли друг на друга скошенным фронтом, но тактической идеей косой строй становится лишь с того момента, когда Эпаминонд вывернул его наизнанку, искусственно уклонив правое, обычно зарывавшееся вперед крыло, а левое выдвинув и одновременно усилив его. Раньше обе противостоящие фаланги одинаково выдвигали вперед правое крыло, так что бой, несмотря на скошенность фронтовой линии, оставался обычным фронтальным столкновением. Но через новшество Эпаминонда фаланги сходились теперь косо, под острым углом, вследствие чего фронтальное столкновение превратилось в схватку на одном крыле: только одно крыло ведет наступление, другое же устраняется от дела и старается как можно больше избегать непосредственного участия в свалке, связывая и сдерживая часть неприятельских сил

одним лишь своим присутствием, одним показом. Для такого заслона требуется меньше сил, чем для боя, а потому избыток можно перекинуть на подкрепление другого наступающего крыла, так что здесь создается искусственный перевес. Теперь стоит лишь опрокинуть натиском мощной массы правое неприятельское крыло, как левое, которое и без того чувствует себя слабее, отступит само собой.

Отдельные элементы этой тактики мы уже наблюдали и раньше, а именно – глубокую колонну и участие кавалерии на обоих фиванских флангах в сражении при Делии (гл. I, § 7). Присутствие новой идеи в эпаминондовском боевом порядке выражается в том, что крылья меняются ролями. Если бы фиванский полководец укоротил и углубил не левое, а правое крыло, то этим он не достиг бы ничего существенного: одновременная победа обоих правых крыльев в первом акте сражения не раз происходила и раньше, и для этого не требовалось никакого искусственного переустройства. Все это приобретает ценность лишь постольку, поскольку собственно левому крылу обеспечивается победа над правым крылом противника. Здоровая новая идея обычно тотчас дает знать о себе в многостороннем своем развитии. При Левктрах

беотийское войско упиралось, вероятно, левым флангом в какое-либо препятствие, что было сделано, несомненно, с намерением, имея в виду затруднить неприятелю охват; а при Мантинее прикрывавшая фланг кавалерия получила подкрепление в специально для этой цели натренированных легковооруженных гамиппах.

Глубокая прозорливость Ксенофонта в военном деле сказалась в его оценке Эпаминонда. Ксенофонт видит заслугу фиванца отнюдь не в одной лишь созданной им новой тактике, но особенно подчеркивает его другую заслугу – то, "что он приучил войско не бояться никаких лишений и трудов, ни днем ни ночью, не гнуться ни перед какой опасностью и сохранять дисциплину даже тогда, когда не хватало продовольствия".

1. Основные черты эпаминондовской реформы правильно поняты и изложены Рюстовом и Кёхли, но в подробности следует внести некоторые – довольно существенные – поправки. В особенности важно указать, что тактика комбинированных родов войск была впервые выработана не македонянами, а еще Эпаминондом.

2. В частности, неправильно сочетать сообщение Диодора, что Эпаминонд имел под Левктрами 6 000 чел., с указаниями Плутарха, который дает спартанцам 10 000 гоплитов и 1 000 всадников, а

отсюда делать вывод, что беотяне одержали победу над вдвое превосходившими их силами противника. Правда, и Диодор утверждает, что беотяне победили вчетверо более сильного врага, но так как тот же автор уверяет нас, будто спартанцы потеряли 4 000 чел., а беотяие только 300, то мы не можем придавать цену его цифровым данным. По всем ходу сражения нельзя принять, чтобы одна сторона была значительно сильнее другой. Еще Ад. Бауэр справедливо отметил ненадежность этих цифр; также и Грот отвергает их, но тем не менее принимает, что лакедемоняне имели численный перевес. Я не вижу к этому никакого основания. 6 000 беотян, вероятно, тождественны той "двенадцатой части 70 000", о которой упоминает Плутарх в 24-й главе "Пелопида".

Далее Рюстов и Кёхли обеспечивают угрожаемый левый фланг беотян не столько кавалерией, сколько сложным меневром пехоты: пока крайнее правое спартанское крыло разворачивается, чтобы зайти фиванцам во фланг, из хвоста фиванской колонны выступает Пелопид со священной дружиной в 300 чел. и со своей стороны угрожает флангу и тылу лакедемонян. Эта версия основана на комбинации рассказа Плутарха (Пелопид, гл. 19 и 23) с рассказом Ксенофонта (Hell., VI, 4). Ад. Бауэр и Дройзен (Droysen) тоже приняли эту версию, но только Дройзен делает при этом оговорку, что нам не известно, где стоял Пелопид перед своим неожиданным вмешательством.

На это можно возразить, что у Плутарха вовсе не говорится о выступлении Пелопида из колонны, а еще того менее о выступлении в сторону или о нападении на спартанцев с фланга. Там только сказано, что

фиванская атака произведена была в тот момент, когда лакедемоняне собирались сделать поворот и потому нарушили свой порядок. Да и немыслимо, чтобы маленький отряд в 300 чел., оторвавшийся от большого массива, мог оказать такое действие. Свидетельство наших источников также и в этом сражении не отказывает спартанцам в их обычной доблести: "Все павшие поражены были в грудь". Триста человек не могли воспрепятствовать такому противнику, при его большом численном перевесе, выполнить охват. Кроме того, действия Пелопида нельзя объяснить ни как импровизацию, – потому что Эпаминонд при коротком фронте своей колонны должен был принять какую-либо меру в предотвращение охвата, – ни как заранее подготовленный маневр, потому что в этом случае дружина Пелопида стояла бы не в хвосте колонны, а уступом сбоку, прикрывавшим фланг. В этом последнем случае нам было бы непременно сообщено о таком построении. Мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что Пелопид со "священной дружиной" сражался во главе большой колонны, и если Плутарх отводит своему герою с его отрядом особое место, то это лишь вполне понятная риторическая прикраса. Но Рюстов и Кёхли нашли нужным усмотреть в этом бою прикрытие флангов большой колонны, исходя из совершенно правильной предпосылки, что здесь оно должно было быть, а прямое указание на это они пропустили.

Я, однако, думаю, что о прикрытии флангов без труда можно вычитать у Ксенофонта, который и вообще-то представляет для нас гораздо более высокий авторитет, чем Плутарх; ведь Плутарх

получил свои сведения не из первых и даже, может быть, не из вторых и не из третьих рук, – и нельзя упускать из виду, что в своем повествовании он нарочно сводил все нити к Пелопиду. Ксенофонт переносит центр тяжести на конный бой, предшествовавший столкновению фаланг, и придает решающее значение тому обстоятельству, что в этом бою лакедемоняне были разбиты. Оскорбленный в своей любви к спартанцам, он старается подробно обосновать, как и почему оплошала их кавалерия. Он не нашел нужным подробно объяснять, что теперь, когда лакедемонская конница была разбита, фаланга гоплитов не могла зайти противнику во фланг: невозможность этого маневра ввиду победоносной конницы врага представлялась Ксенофонту слишком очевидной, чтобы стоило специально об этом говорить. Но мы можем без колебания добавить эту черту, необходимую нам для уяснения картины, вместо того чтобы строить по многословному и туманному плутарховскому изложению искусный, но ничего не достигающий маневр Пелопида.

По Ксенофонту, лакедемонская конница выстроилась не на крыле, а впереди фаланги пехотинцев. Поэтому Рюстов и Кёхли заявляют, что ответ Ксенофонта на этот вопрос – "ибо местность между двумя войсками была ровная" – вовсе нельзя назвать ответом и предлагают со своей стороны такое объяснение: в процессе марша лакедемонская конница непреднамеренно очутилась впереди пехоты. H. Droysen (a. a. O. p. 99) совершенно справедливо возражает на это, что вполне определенное выражение Ксенофонта "προετάξαντο" не допускает такого толкования, и спрашивает: "Уж не хотел ли Клеомброт

за спиной своей конницы оттянуть пехоту вправо, чтобы атаковать беотийский боевой порядок с фланга и с тыла? Может быть, конница должна была подождать, пока развернется пехота, и затем примкнуть к ней слева (справа), вместо того чтобы ринуться на врага, прежде чем подоспеет остальное войско?"

Из одного лишь замечания, что местность между войсками была ровная, действительно ничего не выведешь; оно кажется излишним, так как греческий гоплитский бой почти всегда разыгрывался на ровной местности. Однако, если вчитаться внимательнее, Ксенофонт вовсе не дает нам здесь абсолютного установления причин этого явления. Это место гласит: "Так как, кроме того, между ними было ровное место, лакедемоняне выстроили перед фалангой свою конницу, а фиванцы выставили против них свою".

Сочетание "так как" с последующим "кроме того" показывает нам, что "ровное место между войсками" было лишь дополнительным, а не единственным мотивом к такому построению конницы. Если же местность между фалангами представляла соблазн для конницы, то следует принять, что на фланге местность была менее удобна или даже вовсе неудобна.

Следовательно, Эпаминонд построил свое войско таким образом, что его левый фланг был прикрыт естественным препятствием. Спартанская боевая линия была длиннее беотийской, но не могла охватить ее из-за трудной местности. Тогда спартанская конница попыталась сперва отвлечь беотийскую и с этой целью построилась перед своими гоплитами, чтобы очистить им путь к левому флангу беотян. Если бы местность позволяла произвести конную атаку с

избыточной части длинного крыла и одновременно двинуть вперед гоплитов, то ошибка лакедемонян была бы совершенно необъяснима. Если же на левом фланге беотян сама местность представляла препятствие, то тогда все понятно. Случайное и недостаточное обоснование к построению спартанской конницы перед фронтом гоплитов, "потому что местность между той и другой пехотой была ровная", является психологическим осадком прошедшего в уме писателя, но не высказанного им соображения, что с левого фланга фиванцев лежала неудобная местность. Впрочем, этот пробел настолько бросается в глаза, что здесь представляется вполне возможным искажение текста вследствие пропуска нескольких слов между "так как" и "кроме того".

Сообщение Плутарха (Пелопид, гл. 23), что Эпаминонд со своей стороны пытался сперва обойти спартанцев и ударить им во фланг, следует отбросить как ни с чем несообразную нелепость. Подобным маневром Эпаминонд совершенно разорвал бы свой и без того укороченный фронт. Глубокая колонна, как он ее построил, могла иметь своим предназначением только прорыв фронта, а никак не охват неприятельского фланга. Этот пример лучше всего показывает нам, как мало заслуживает внимания все плутарховское описание данного сражения.

Бузольт (Hermes, Bd. 40, стр. 455) оценивает войско Эпаминонда в 6 500 гоплитов, 600–800 всадников и неопределенное количество легкой пехоты; лакедемоняне же имели, по его расчету, 9 260 гоплитов, не менее 600 всадников и несколько сот пельтастов. Однако на обеих сторонах союзники были ненадежны и шли в бой очень неохотно; поэтому

сражение заключалось собственно в борьбе между приблизительно равными силами фиванцев и лакедемонян, причем перевес был как раз на стороне фиванцев, так как их конница качественно превосходила спартанскую.

Не думаю, чтобы этим правильно были охарактеризованы решающие элементы в сражении под Левктрами. Огромное численное превосходство спартанцев уравновешивалось, говорят нам, слабой волей к победе у многих из их контингентов. Но опыт военной истории учит нас, что даже совершенно ненадежные в политическом отношении контингенты, внедренные в большой военный организм, очень часто (войска Рейнского союза) самым добросовестным образом исполняют свой воинский долг. Если и возможно что-либо, так это прямое отложение еще перед боем; вообще же сами по себе военные действия, пыл и опасности боя, понятие о чести – все это достаточно сильные психологические факторы для того, чтобы одолеть известные политические антипатии и позволить даже вынужденным соучастникам сражаться очень храбро. Поэтому даже великие полководцы так часто решались брать с собой на войну своих подневольных союзников и тем подкреплять свои силы. Объяснение победы меньшинства над большинством под Левктрами нельзя поэтому искать в приведенных обстоятельствах, – да и нет к тому нужды, так как основания расчета недостаточно тверды, чтобы можно было положительно утверждать наличие численного перевеса у спартанцев.

Также и прочие военные соображения Бузольта в этой статье не всегда можно назвать удачными; зато

превосходно обосновано опровержение статистических выкладок Кромайера, которые Бузольт подвергает столь же острой критике, как это одновременно сделал Белох (см. выше, стр. 42, прим. 1).

3. Описание сражения при Мантинее у Рюстова и Кёхли тоже построено на комбинировании рассказов Ксенофонта и Диодора. У Диодора заимствовано сообщение, что войско Эпаминонда насчитывало 30 000 пехотинцев и 3 000 всадников, а спартанское – 20 000 пехотинцев и 2 000 всадников. Будь это верно, для победы беотян не требовалось бы особенного искусства; но у нас нет никакого основания верить в данном случае показанию такого ненадежного свидетеля, как Диодор; весь ход сражения отнюдь не указывает на значительное превосходство беотян в силах, а если Ксенофонт не упоминает о численном перевесе противника в оправдание поражения спартанцев, то это служит прямым свидетельством против Диодора.

О самом ходе сражения Рюстов и Кёхли говорят следующее: "Ксенофонт, собственно говоря, останавливается только на событиях, происходивших на левом крыле Эпаминонда, об остальном же при всей пространности своего изложения рассказывает довольно неточно. Диодор же останавливается преимущественно на фланговых боях, на коннице и на легкой пехоте. Таким образом, оба вместе дают вполне удовлетворительную и ясную картину сражения". Уже с точки зрения метода это обоснование кажется мне неправильным. Если исход сражения, как мы безусловно можем верить Ксенофонту, был решен на левом беотийском фланге с

его конницей и большой, "как триера", колонной, то как мы можем после этого считаться с Диодором, который не сообщает об этом ни слова, но зато заставляет Эпаминонда сражаться и пасть в бою наподобие троянского героя (как справедливо отметил еще Грот). Картина сражения сильно испорчена тем, что Диодор описывает на правом крыле беотян большое конное сражение, протекавшее с переменным успехом. Вследствие этого "косой строй" теряет свое оправдание. По моему мнению, у Диодора нельзя заимствовать ни одной черты; возможно (по Гроту), что как раз это изображение сражения при Мантинее послужило основанием к уничтожающему приговору Полибия над Эфором. Сражение при Мантинее можно излагать только по Ксенофонту; хотя он и не скрывает своего пристрастия к спартанцам и как в своем описании сражения при Левктрах, так и здесь откровенно подчеркивает оправдательные моменты (нападение врасплох), – но его писательская добросовестность и зоркий глаз солдата не позволили ему исказить картину по существу. По Ксенофонту решающим фактором при Мантинее, как и при Левктрах, явилась комбинация глубокой пехотной колонны с более сильной, чем у противника, кавалерией. В качестве новых моментов выступают подкрепление беотийской конницы особым видом легковооруженной пехоты (гамиппами) и поддержка правого, уклоненного назад крыла особыми резервными отрядами, которые грозили левому крылу противника фланговыми и тыловыми атаками и путем этих демонстраций удерживали его от нападения до тех пор, пока не решился исход боя на другом крыле.

4. Усиливая именно левое крыло и делая его

нападающим, Эпаминонд (как признал еще Рюстов и как я у него перенимаю) основывался на том случайном, внешнем обстоятельстве, что в старом фланговом бою – хотя он и был по своей идее фронтальным столкновением – правое крыло обычно выдвигалось вперед. Кромайер (Antike Schlachtfelder in Griechenland, I, 79) полагает, что тут допущено смешение двух понятий – "сдвига вправо" и "выдвижения правого крыла". Из наших источников, считает он, можно усмотреть лишь первое. Это мнимое смешение происходит только от недостаточно внимательного изучения Кромайером как элементарной тактики, так и источников. Когда фаланга тянет вправо, то даже при простом марше левое крыло неизбежно будет "заваливать", т.е. отставать, тем более, что при этом левые крылья обеих сторон вследствие "сдвига вправо" будут чувствовать себя под угрозой охвата, правые же крылья, ободренные перспективой окружить противника, будут рваться вперед. Кроме того, у греков по большей части на правом крыле сосредоточивались лучшие войска. Да и в источниках можно найти доказательство отставания левого крыла, как, например, в отчете о сражении при Коронее ("Hell.", IV, 315 ff), когда орхоменцы на крайнем левом крыле Агезилая ожидали нападения фиванцев, между тем как им навстречу вышли другие контингенты.

Вместе с ложной предпосылкой Кромайера рушатся и все его выводы, так что не стоит труда останавливаться на них, тем более что у него мы совершенно не находим ясного представления, каким собственно образом Эпаминонд защищал свое более слабое крыло. По рюстовскому толкованию, этот

вопрос освещается просто и ясно: так как неприятельское левое крыло и без того обычно продвигалось медленно и осторожно, то Эпаминонду достаточно было приказать своему правому крылу тоже придерживаться позади, и у него таким образом получалось нужное ему выдвижение вперед левого крыла. Вместо этой ясной картины Кромайер предлагает туманные общие соображения о местности и псевдонаучные, ошибочные сравнения с тактикой Фридриха Великого. К этому вопросу я еще вернусь, когда доведу свой труд до Фридриха. Сравн. Roloff, Probleme a. d. Griechischen Kriegsgeschichte, стр. 42, и сл., где в обстоятельном разборе опровергаются положения Кромайера.

Там же (стр. 12 и сл.) дается уничтожающая критика рассуждений Кромайера об Эпаминонде как о "стратеге-сокрушителе": Кромайер, как показывает Ролоф, недостаточно ясно понимает, в чем по существу заключается разница между "стратегией сокрушения" и "стратегией измора", и недостаточно глубоко изучил источники E. v. Stern ("Lit. Zentr. Bl.", 1903, No 24, Sp. 777), в большинстве случаев соглашаясь с Ролофом, по этому пункту считает нужным взять сторону Кромайера. Однако его доводы не выдерживают критики.

Он не принимает ясного свидетельства, что Эпаминонд вынужден был ожидать, пока соберутся все его пелопоннесские союзники, и считает недопустимой мысль, чтобы столь близкие общины, как Мегалополь, Аргос и др., могли еще не быть на месте.

Между тем приведенная Ролофом цитата из Ксенофонта (Hell., VII, 5, 9) вряд ли может быть

истолкована в каком-нибудь ином смысле; но и независимо от показаний Ксенофонта мы должны спросить: если не в ожидании союзников, то чего же ради Эпаминонд так долго оттягивал решительную встречу? Или, если его войска или хотя бы их большая часть были налицо, разве он располагал таким подавляющим превосходством сил, при котором можно было обойти любую, даже столь сильную позицию?

Далее, Штерн считает очень неправдоподобным, чтобы все недостающие контингенты "как по уговору" должны были прибыть в течение нескольких дней. Но почему же нет? И почему не "по уговору"?

Наконец, Штерн полагает, что Эпаминонд, уклонившись от боя и предприняв поход против Спарты, вполне мог рассчитывать принудить Спарту к миру, если бы только ему удалось взять город внезапным нападением и увести в плен женщин, детей и оставшихся дома мужчин.

На это можно возразить, что Эпаминонд был бы очень слабым полководцем, если бы держался такого расчета: большие войны не разрешаются путем захвата неожиданным нападением неукрепленных городов. Еще стоит под большим сомнением, удалось ли бы в самом деле Эпаминонду взять так много пленных; ведь спартанские женщины, дети и т.д. спаслись бы вовремя бегством. И даже если бы фиванцам удалось взять такую большую добычу, почему же спартанцы и их союзники стали бы после этого избегать сражения, которое одно могло решить, за кем останется взятая без боя добыча?

Штерн впадает в грубую ошибку, припоминая здесь, как спартанцы после взятия в плен их гарнизона

на Сфактерии запросили у афинян мира. Тогда обстоятельства были совсем иные: спартанцы не видели никакой возможности освободить пленных или вообще нанести афинянам сколько-нибудь чувствительный удар. Но войско Эпаминонда, обремененное и связанное своей добычей, не могло бы избежать сражения с жаждавшими мести спартанцами. Следовательно, Ролоф совершенно прав, когда не ищет в этом походе серьезных захватных намерений, а видит в нем лишь демонстрацию с единственной целью: выиграть время, пока не стянутся подкрепления.

Обстоятельное описание сражения при Мантинее у Кромайера не имеет никакой цены, изобилует существенными искажениями и стоит в противоречии с источниками. Здесь и Штерну пришлось согласиться с критическими указаниями Ролофа. Равным образом не удалось Кромайеру твердо определить топографию посещенного им поля сражения, так как ему только по возвращении из этой поездки пришло на ум, что, собственно, подлежало определению.

Кромайер делает открытие, что Эпаминонд в особенной мере считался с условиями местности и искусно пользовался ими. Но это "открытие" мы должны отвести. Пользоваться местностью умели уже и Мильтиад, и Павсаний, а утверждение, что Эпаминонд тоже умел использовать местность, вовсе не составляет открытия: это само собою разумеется и, надо признать, оговаривалось выше в нашем изложении.

Часть третья

МАКЕДОНЯНЕ

Глава I

МАКЕДОНСКОЕ ВОЙСКО

Тактические идеи Эпаминонда были переняты и развиты царем Македонии Филиппом II. Македония была преимущественно земледельческой равнинной страной, с весьма незначительным городским населением. Скотоводы и земледельцы были недостаточно богаты, чтобы иметь тяжеловооруженных гоплитов, и не могли легко стягивать в одно место большие силы: для того чтобы из отдаленных пограничных местностей дойти до главного города Пеллы, расположенного внутри страны, требовалось от 4 до 5 дневных переходов. Поэтому образовалась особая военная каста, – аристократы, сражавшиеся на конях, – тогда как народ выставлял только пельтастов, которые сражались без определенного тактического распорядка, рассматривались как вспомогательный род войск и не могли

противостоять греческим гоплитам.

Фукидид (IV, 126) в обращении к воинам полководца Брасида превосходно разъясняет разницу между греческим и варварским способами сражаться. Спартанскому полководцу пришлось отступить перед превосходившими его силами воинственных иллирийцев; его солдаты объяты страхом, но он говорит им: только вид варваров страшен, страшна их численность, их воинственные боевые крики и бряцание их оружия. Но в рукопашном бою они никуда не годятся, ибо не сохраняют стройных рядов и не видят ничего постыдного в том, чтобы отступить со своих мест. А раз каждому из них предоставляется на усмотрение – драться или отступать, мотивы к уклонению от боя всегда найдутся. Вот почему варвары предпочитают грозить издали, не вступая в рукопашную схватку[29].

Но так как собственно военная группа, группа знати, не могла быть многочисленной, то и вся Македония в древнейшие времена представляла собой очень слабое в военном отношении государство. Только прочный монархический строй, установленный царем Филиппом II, создал из этих элементов военную силу, которая вскоре превзошла всех соседей. Царь собрал средства,

чтобы кроме греческих наемников, принятых им на службу, содержать также постоянное войско из своих подданных, дал им военное воспитание, нашел для этого войска новые и своеобразные формы ведения боя и развил тактическое искусство так, что оно стало новой отраслью военного искусства, превзошедшей греческое влияние. Мы начнем с описания кавалерии.

КАВАЛЕРИЯ

Греческая конница представляется нам в виде довольно беспорядочных отрядов, которые, будучи снабжены доспехами, хотя и стремились в бою к удару холодным оружием, но употребляли копье больше для метания, чем для ударов.

Ксенофонт, у которого есть два труда о коннице, а именно: "О конном искусстве" и "О вождях конницы", говорит, что он предпочитает для вооружения два коротких копья одному длинному[30]. Последнее неудобно и ломко; из двух коротких копий, более крепких и удобных, одно можно бросить, а другим колоть во все стороны[31].

Кроме копий, всадники были вооружены также мечом или кривой саблей; последняя, говорит Ксенофонт, удобнее, так как всадник

рубит сверху. Ксенофонт советует одевать броню не только на всадника, но и на коня; он не снабжает всадника щитом. Стремена тогда еще не были изобретены: всадник сидел на плотно пригнанных попонах или подушках. Поэтому удар пикой должен был передаваться главным образом силой всей руки, тогда как сейчас всадник может дать толчок всей силой тяжести своего корпуса и силой разбега лошади. В многочисленных дошедших до нас изображениях на вазах, где представлены сцены сражения, я никогда не видел, чтобы всадник держал пику так, как это предписано в нашей кавалерии (зажатой между корпусом и верхней частью руки). На мозаике, изображающей, по всей вероятности, сражение при Иссе, Александр держит очень длинное копье свободно в руке.

Македонская кавалерия по снаряжению и вооружению походила на греческую. Образовавшийся из македонской знати конный корпус назывался "свитой", "гетэрами" царя. Они дрались копьем (употреблявшимся как для метания, так и для ударов) и мечом. Броня на коне, о которой говорит Ксенофонт, очевидно, не вошла в употребление. Гетэры, однако, были снабжены щитами[32].

Преимущество македонской конницы перед

греческой состояло главным образом в том, что она была гораздо дисциплинированнее. Ее "илы" мы можем считать настолько сплоченными, что можно их обозначать как "тактические единицы". Понятия "конница" и "кавалерия" надо различать так, что в первом случае речь идет о массе отдельных всадников, тогда как во втором случае всадники сведены в дисциплинированные эскадроны.

В таком случае можно сказать, что первая кавалерия была создана македонянами. Образовать тактические единицы из всадников по многим причинам, о которых речь будет впереди, гораздо труднее, чем создавать пехотные единицы. Поэтому понятно, что греческие кантонные республики не пошли дальше фаланг гоплитов; однако самодержавный авторитет македонских царей втиснул даже стремившихся вразброд всадников в крепкие рамки покорных единой воле эскадронов.

Смешанных войск "гаммитов" у македонцев мы не находим, из чего также можно заключить, что у них были более крепко сплоченные тактические единицы, чем у беотийцев.

Кроме кавалерии гетэрийской, у македонян были также сариссофоры, вооруженные копьями, которые обычно рассматривались как отряды

легкой кавалерии. Однако я не мог ни в каких источниках найти основания для подтверждения этого взгляда. Вооружение длинной сариссой, пожалуй, скорее говорит о тяжелой кавалерии. Хотя гетэры и вели бой главным образом врукопашную, но при некоторых обстоятельствах они пользовались своим копьем по старому способу, т.е. для метания. Сарисса, однако, была слишком длинной, чтобы ее можно было бросить; поэтому ее носители были еще больше, чем гетэры, вынуждены к рукопашному бою; следовательно, тут приходится подумать о броневых доспехах, а это говорит о существовании тяжеловооруженной кавалерии. В бою сариссофоры находят то же применение, что и гетэры, а эти в свою очередь используются для разведки и преследования. Выходит как будто, что между обоими родами войск в снаряжении и в вооружении была только незначительная разница. Может быть, она заключалась только в разном происхождении воинов.

Во время войны с Дарием Александр образовал из азиатов корпус конных стрелков-лучников.

ФАЛАНГА

Македонские всадники издавна назывались "гетэрами" царя; вновь созданной пехоте Филипп дал почетное название "пецетеров", т.е. "пешей свиты". Их обучали сражаться в фалангах, в тесно сомкнутом тактическом порядке, подобно грекам.

Все же наблюдалась некоторая разница: македонская фаланга была построена теснее, чем у греков, и вооружена длинными копьями, сариссами, которые позволяли одновременно пустить в ход копья нескольких шеренг. Таким же образом Фридрих Великий теснее построил свою пехоту, чем было принято раньше, – по 4 чел. на протяжении 3 шагов вместо 4 шагов, – для того чтобы иметь одновременно больше ружей на линии огня[33].

Как именно была построена фаланга сариссофоров в классическую эпоху македонской истории, мы подробно не знаем, в частности не знаем, какой длины была самая сарисса. Я предполагаю, что первая или две первые шеренги фаланги и прежде, и потом имели ручное копье, как у гоплитов, и только у задних шеренг было длинное копье, однако оно, вероятно, не было настолько длинным, чтобы им нельзя было управлять одной рукой[34].

Причины такого отступления от старого дорического порядка не дошли до нас, но их можно вывести из природы самого явления.

Мы можем установить, что опыт многих столетий научил греков сделать свое главное оружие – пику – наиболее пригодным для боя, т.е. соответственно соразмерить ее длину, толщину и вес: сделать ее по возможности длинной, чтобы достать до врага, но не настолько длинной, чтобы нельзя было уверенно направлять ее рукой и чтобы противник мог легко парировать удар. Судя по изображениям на вазах, пика была немного выше человеческого роста, т.е. около 2 м[35].

Возможно, что происходили всякие изменения. Какая длина является лучшей, об этом до сих пор в военной среде не пришли к общему заключению. В немецкой кавалерии длина пики 3,52 м, в русской – 3,16, во французской – 3,29, в австрийской – 2,63[36]. Если македоняне превзошли самый длинный размер, позаимствованный путем опыта у греков, то это было недостатком в рукопашном бою, причем тесное построение еще больше увеличило эти неудобства, так как мешало свободным движениям каждого воина. Но фаланга сариссофоров, очевидно, больше действовала напором всей массы, а не рукопашным боем. Если такая масса занимает

оборонительную позицию, то в колючую толщу копьеносцев проникнуть абсолютно невозможно.

Филипп, очевидно, выбрал этот способ ведения боя, так как сознавал, что его заново созданные войска не устоят при равных условиях против греческих гоплитов, опытных старых воинов, полных веры в свои силы. Возможно также, что вначале у него не было средств приобрести для всех своих солдат дорогостоящее полное вооружение гоплитов. В тесно сомкнутом строю, который почти не допускал рукопашного боя, задние ряды фаланг могли обойтись без полного защитного вооружения. Но это лишь предположение, которое может быть отставлено. Существенно то, что македонскую фалангу надо рассматривать не как введение новых, высших военных форм, а как упадок предшествовавших ей достижений пехоты. Новая фаланга тяжеловеснее старой, легко приходит в беспорядок, еще чувствительнее на флангах; для рукопашного боя, который воин должен суметь выдержать, несмотря на многочисленные задачи, поставленные ему вне боя, носители сарисс были слишком неуклюжи. Старая дорическая фаланга гоплитов, которая соединяла в себе сплоченность тактического целого с боеспособностью каждого входящего в нее воина, может быть

рассматриваема как высшая тактическая форма. Впрочем, во времена Филиппа и Александра разница не была столь существенной. Во всех боях той эпохи, о которых сохранились рассказы, фаланги двигаются с такой легкостью, а разница между ними и старой гоплитской фалангой столь незаметна, что можно было бы ею совсем пренебречь, если бы не было некоторых указаний на то, что перемены, ставшие впоследствии очень значительными, а именно более длинное копье и более тесный строй, уже были введены при Филиппе.

Избранная часть, гипасписты, была вооружена совершенно так же, как старые гоплиты, может быть, немного легче, так как они были уверены, что смогут при рукопашной схватке возместить легкое оружие большей ловкостью. Гипасписты в бою являлись связующим звеном между нападавшим крылом кавалерии и огромной массой вооруженных сариссами фаланг, которая медленно передвигалась.

Македонское войско было сильно также легкой пехотой, пельтастами, лучниками и метателями копий[37].

ТАКТИКА СОЕДИНЕННЫХ РОДОВ ВОЙСК

Успехи македонян были достигнуты благодаря органическому соединению всех родов войск в одно действующее целое. Эпаминонд положил этому начало, но все же пехота оставалась главным родом войск, а кавалерия только поддерживала ее.

Филипп с самого начала, – а особенно с тех пор, как он подчинил Фессалию своему господству, – стал в отношении кавалерии сильнее, чем когда-либо была Беотия. Он мог поэтому не только разбивать своей кавалерией вражескую кавалерию, но также нападать с фланга на вражескую пехоту. Мы знаем еще по Марафонскому бою, как чувствительны были фаланги греческих гоплитов в этом пункте.

С этих пор кавалерия не сопутствует пехоте, а имеет одинаковое с ней значение и даже ведет главное нападение; может случиться, что фаланга только тогда подойдет к противнику, когда одно крыло его уже будет разбито, и македонская кавалерия нападающего крыла уже атакует главные силы. Может также случиться, что вражеская армия обратится в бегство, так что фалангам даже не придется идти в бой.

Рюстов и Кёхли зашли даже так далеко, что

полагают, будто кавалерия стала отныне главным родом войск, а фаланги – уже не свет, а тень, не ядро, а масса всего войска. Задача фаланг состоит в том, чтобы вести затяжной бой, организовать несокрушимую оборону, пока кавалерия не добьется решения. Но тщательный анализ сражений эпохи Александра показывает, что это слишком сильно сказано. И тяжелая пехота, гипасписты, и фаланги принимают активное, положительное участие в победе. Кавалерия со своей стороны поддерживается подвижной, легко вооруженной пехотой, которая пробивается и помогает копьями, стрелами и метанием пращи. В спаянности отдельных частей была органическая сила македонского войска. Всем руководит единая мысль полководца, который одновременно является создателем войска и командующим. Македонское военное искусство – плод царской деятельности.

Своеобразие греческой фаланги привело к тому, что Эпаминонд при создании косого боевого порядка, поставленного им на место параллельного, должен был предоставить нападение левому крылу и задерживать правое. Филиппу не пришлось придерживаться этой схемы. Он мог поставить кавалерию на то крыло, где было удобнее по условиям данной местности;

то, что по дошедшим до нас описаниям боя решительный удар врагу почти всегда наносит кавалерия правого крыла, не основывается ни на чем и должно рассматриваться как отголосок греческой традиции или просто как случайность. Как результат сосредоточения всего военного дела в руках и голове одного лица надо рассматривать также то, что македоняне перенимают и развивают далее очень продвинувшееся к тому времени искусство осады. В середине столетия еще очень мало знали об изобретениях Дионисия Сиракузского из Греции; Филипп провел две больших осады – Коринфа и Византии – с применением всех средств техники.

В подробности технического характера мы вдаваться не будем. Однако самый факт имеет величайшее значение в общем ходе военной истории. Стратегическая задача Александра была бы невыполнима, если бы он мог одолеть Тир, Галикарнасс и Газу не при помощи мощного нападения, где искусство одних столкнулось с искусством других, а только медленным измором.

1. О военных реформах царя Филиппа можно судить по методам ведения боя и войны Александром; при этом суждении выводы совпадают с тем немногим, что мы знаем о самом Филиппе. О первом сражении Филиппа в 359 г. против иллирийцев

рассказывает Диодор (XVI, 4) так: на правом крыле Филиппа были его всадники; он пустил их на варваров с фланга, и под двойным напором спереди, с фланга и, наконец, с тыла враги сдались после храброго сопротивления. "Филипп, имея на правом фланге отборнейших македонских бойцов, приказал коннице, обойдя кругом, атаковать неприятеля с фланга, сам же напал на него с фронта, нанося ему, таким образом, мощный двойной удар... Конница начала теснить противника с фланга и тыла" (Диодор, XVI, 4).

Также и о сражении в Фессалии в 353 г. Диодор определенно говорит (XII, 35), что Филипп выиграл его благодаря кавалерии.

2. О сражении при Херонее мы имеем весьма недостаточные сведения. Но из описаний Диодора (XVI, 86) и Полиэна (VI, 2, 2 и 7) можно сделать вывод, что и оно было фланговым нападением. Царь командовал крылом, противостоявшим афинянам и отступившим перед ними, а его сын Александр командовал нападавшим крылом против беотийцев и решил победный исход сражения. И если у Диодора царь начинает наступление, когда видит победу сына и не желает ему одному предоставить славу победителя, или если у Полиэна автор, не думая о совместных действиях обоих флангов македонян, вдруг заставляет Филиппа после отступления самостоятельно победить слишком горячих афинян, то все эти рассказы надо рассматривать просто как народные предания, которые не вникают в самую суть причин, обусловивших победу.

Когда предыдущий отрывок был уже написан, Кромайер произвел топографические исследования поля битвы и соответственно этому попытался точнее

восстановить течение сражения. Но попытка такой реконструкции, как указывал Ролоф и как признал Э. фон Штерн, ему абсолютно не удалась, потому что была принята не только на основании совершенно недостаточных и недостоверных источников, но также на невероятнейшем представлении, будто фаланга Филиппа отступала на 600 м, не повернувшись кругом (прим. на стр. 167). Пройти 600 м, пятясь назад и не спотыкаясь, пожалуй, не сможет даже один человек на прекрасной дороге, а бойцы фаланги, которая попробовала бы это сделать в открытом поле, неминуемо в самом непродолжительном времени лежали бы на земле, друг на друге. Если войсковая часть во время обучения на плацу отходит назад, не поворачиваясь, то она может сделать только несколько шагов, не нарушая строя. И самое характерное то, что у Кромайера представление об отходе назад, не поворачиваясь, сплоченной массой в 15 000 чел., не случайный ляпсус, так как автор в "Histor. Zeitschr." (т. 95, стр. 20) пытается свое нелепое предположение подробно обосновать. Отсылаем тех, кто не сможет найти его изложение, к "Preuss. Jahrt", т. 121, стр. 164.

Ролоф и Штерн еще пытались признать заслуги Кромайера по установлению места сражения. Но и эта заслуга не выдержала дальнейших испытаний. Г. Сотириадес (G. Sotiriades) в "Mitteil. d. K. deutschen Arch. Insl. in Athen", т. XXVIII, стр. 301 (1903 г.) и т. XXX, стр. 113 (1905 г.) опубликовал тщательные исследования о поле сражения, в которых устанавливается ряд ошибок в наблюдениях Кромайера и разрушаются его обоснования. В решающем вопросе – о положении

македонского могильного кургана – Кромайер уступил. ("Histor. Zeitschr.", т. 95, стр. 27). Что касается других упреков, то он оправдался только в одном: он действительно не выдавал остатки стены турецкого хана за античные, как его в том упрекает Сотириадес на стр. 326 и как я прореферировал в "Preuss. Jahrb." (т. 116, стр. 211). Он только поднял вопрос и оставил его неразрешенным: не были ли это остатки античной перестройки? Но остальные его ошибки остаются, – особенно умолчание о Брагамском ущелье, по которому, как указывает Сотириадес на стр. 328, ведет тропа не хуже тропы через Кератский проход, что очень существенно для отступления в этом направлении.

3. Господствующим воззрением является мнение, что фаланги сариссофоров, какими их встречаем в сражениях македонян с римлянами и как их описывает Полибий, совершенно сходны с теми, какие имелись уже во времена Филиппа и Александра. Но уже Дройзен ("Untersuchung", стр. 64) обратил внимание, с какой легкостью двигались фалангиты Александра; и я тоже постепенно пришел к убеждению, что произошли какие-то более поздние усовершенствования. Более подробное подтверждение этого взгляда, основанное на источниках, см. далее, ч. VI, гл. I.

4. Рюстов и Кёхли ("Griech. Kriege", стр. 240) представляют себе гипаспистов снабженными маленьким щитом пецетеров, латами, легкой обувью, македонской шапкой, копьем и, может быть, длинным мечом. Мне кажется, что для воина в принципе, а не только в силу случайной необходимости, предназначенного для ближнего боя и не имеющего

дальнобойного оружия, такое вооружение является слишком легким; названные авторы (стр. 241) тоже вводят ограничение, говоря, что вооружение гипаспистов, может быть, было немногим легче вооружения гоплитов.

Дройзен, напротив, лишает их даже лат ("Heerwesen", стр. 110). Он ссылается на монеты царя пэонов, Патраоса, жившего во времена Александра. На них изображен пэонский всадник, который собирается пронзить копьем поверженного на землю воина. Последний одет в хитон и каузию и вооружен щитом и копьем. Щит по своим своеобразным украшениям похож на известные македонские щиты, как их изображают на монетах более поздних царей Македонии; следовательно, изображенный воин – македонянин, но не пецетер, так как у него не хватает прежде всего сариссы, а гипаспист ("Untersuchung", стр. 41–42).

С этими взглядами Дройзена соглашается и Ад. Бауэр, который тоже приводит изображение монеты; но я полагаю, что эти взгляды вызывают значительные сомнения. Пэонийцы были принуждены Филиппом Македонским в 359 г. признать его господство и после попыток освободиться были в 358 г. снова покорены Филиппом, а в 335 г. – Александром. Патраос был их князем с 340 по 315 г. Неужели вассал посмел бы поместить на своих монете изображение, на котором явственно можно было видеть, как пэониец побеждает воина на личной стражи своего господина? А если действительно знаки на щите не позволяют иного толкования, то кто может поручиться, что изображен воин именно из новообразованных войск

гипаспистов? Ведь это, может быть, выдуманное изображение, а, может быть, это – пельтаст. Поэтому по данной монете ничего заключить нельзя, а применение гипаспистов в бою не оставляет сомнений, что они были не легкой, а тяжелой пехотой с полным вооружением.

Глава II

АЛЕКСАНДР И ПЕРСИЯ. БОЙ НА ГРАНИКЕ

Численность войска, с которым Александр выступил на покорение Азии современниками обозначается различно; мы, однако, можем считать достоверным, что у него было 32 000 пеших и 5 100 конных воинов[38]. На Гранике и под Иссой дралось около 30 000 воинов; при Гавгамеле Арриан указывает 40 000 пеших воинов и 7 000 всадников, а между тем очень значительные гарнизонные и этапные войска оставлялись в покоренных местностях. Во всяком случае войско Александра было значительно больше, – пожалуй вдвое больше, – войска, с которым Ксеркс когда-то выступил на покорение Греции.

О силах, выставленных Дарием против македонян, греческие писатели фантазировали так же, как когда-то о полчищах Ксеркса. Цифры, приводимые этими источниками, сильно преувеличены: персы при Гранике выдвигают будто бы 100 000, при Иссе – 600 000, при Гавгамеле – 1 000 000 пеших и 40 000 конных воинов.

Эти цифры совершенно не приходится рассматривать; мы не знаем ничего о численности персидских войск, побежденных Александром, и в 1-м издании этой книги я оставил открытым вопрос, на чьей стороне было численное превосходство.

Однако события, описанные мною в III томе (средневековые войны), заставили меня сделать выводы из истории персов, которые совершенно разрушили обычные представления о многочисленности персидских войск. Протяжение персидского царства от Гиндукуша до Босфора и от Кавказа до Сахары колоссально! Отсюда и заключали о колоссальных силах, которые это царство могло выставить. Но если бы число воинов всегда соответствовало численности подвластного населения, то какое же огромное войско должно было иметь германское царство при Оттонах, Штауфенах и салических королях и какими ничтожными были в действительности войска этих государей. Не от численности населения, а от военной системы зависит величина войск, и рыцарские полки, как учит нас история средних веков, чрезвычайно малы. Персидское войско уже при Ксерксе, как мы это видели, было рыцарским войском. Огромная масса подданных ахеменидского царя была отнюдь не воинственна.

Войны велись и власть поддерживалась национальной персидской военной кастой, храбрость которой греки признали еще во время Дария Кодомана, но численность ее была совсем ничтожна, – настолько ничтожна, что персидский царь пытался увеличить ее чужеземными наемниками, в первую очередь греками. Относительно маленькие государства, как Македония и Эллада, выставляли гораздо больше воинов, чем вся Персия до Индии.

Яснее всего это можно себе представить, изучая ход войн в Европе в конце XV в. При обстоятельствах, представляющих некоторую аналогию с греческими условиями, обитатели немецких Альп создали военную силу, которая опиралась на обороноспособность всего народа. Отсюда выходило так, что обитатели этих немногих долин могли посылать войска, перед которыми дрожали окружавшие их большие страны. Представим себе, что тогда какой-нибудь один король, сам владевший хорошим рыцарским войском и ландскнехтами, прикрепил бы к себе швейцарцев так, как Александр прикрепил греков; тогда он мог бы покорить Европу, как македоняне покорили Азию. Александр стоит во главе государства и союза, насквозь проникнутого военным духом; персидский царь хотя и властвует

над гораздо большим географическим пространством, но с очень немногочисленным господствующим военным сословием. Уже походы младшего Кира с его 43 000 греков и походы спартанца Агезилая в Малую Азию показали, как ничтожна была сила сопротивления этого колосса. Последнее сражение Александра с Дарием показывает, что настоящее массовое войско нельзя было собрать из оседлого персидского населения даже на границах центральной области страны.

Благодаря вовлечению греческих наемников персидские войска, как и македонские, состояли из гоплитов, лучников и всадников. Арриан говорит о всадниках на Гранике, что они были в худшем положении, чем македоняне, потому что боролись дротиками против пик. Но он же рассказывает случай, когда македоняне бросали копье, а персы рубили мечом. Очевидно, существенной разницы в снаряжении и способе борьбы не было. Соединение рыцарской персидской кавалерии и персидских лучников с греческими гоплитами создало войско, совершенно похожее на войско македонских противников, – разве только участие разных родов войск в обеих армиях было неодинаково.

Существенной предпосылкой военного похода

было то, что отец Александра подчинил греков македонской гегемонии. Коринфский союз в торжественной форме объявил эту войну национальной эллинской войной, и греки вместе с другими контингентами составляли в войсках Александра половину или даже больше[39].

Это активное соучастие – еще не самое важное; главное – в безопасности тыла, обеспеченной замирением Греции. Возбудив однажды войну в самой Греции, персы заставили спартанца Агезилая оставить их в покое. Но за Александром была не только Греция: он был настолько силен, что смог оставить в Македонии войско в 12 000 пеших и 1 500 конных воинов под командой Антипатра, дабы быть вполне спокойным за свое отечество.

СРАЖЕНИЕ НА ГРАНИКЕ

Доказательством полного произвола в оценке греками числа персидских воинов могут служить противоречивые описания сражения на Гранике. Источники, которыми пользовался Диодор, указывают на 100 000 пехоты и 10 000 кавалерии. Арриан, напротив, определенно говорит, что македоняне далеко превосходили персов численностью пехоты и вообще не называет

общей численности персидских войск, а только упоминает, что у них было 20 000 греческих наемников и 20 000 всадников. По обычному критическому методу надо было бы принять, что наиболее достоверными являются самые малые из цифр, называемых противником. Но данные Арриана страдают внутренним противоречием: кроме греческих наемников и персидских всадников должна была быть еще и персидская пехота; значит, если пехота в целом была значительно слабее македонской (а последняя едва ли превышала 25 000), то персы не могли иметь 20 000 одних греческих наемников в строю. С уверенностью можно только сказать, что персидская пехота была действительно слабее македонской; кто был сильнее в кавалерии, мы не знаем, – вероятно, тоже македоняне, так как в поведении персов не чувствуется их превосходства, особенно в отношении кавалерии. Они не искали для сражения свободного широкого поля, а заняли позицию с трудно одолимым препятствием впереди фронта – р. Граником, чтобы здесь выждать нападения македонян. Хотя самую р. Граник и можно было почти везде перейти вброд, но правый берег, на котором стояли персы, был высок и крут.

Можно было предполагать, что персы здесь

вообще не хотели дать бой, а просто заняли эту позицию в предположении, что Александр не решится напасть на них при такой неудобной местности и будет вынужден потерять время на маневрирование. Тем временем персы могли бы произвести диверсию в Европу. Но все поведение персов, согласно положительному свидетельству всех первоисточников, не оставляет сомнений в том, что только тактические соображения обусловили выбор поля сражения. Тут мы имеем новое явление военной истории: персы, сознавая свою слабость, выбирают препятствие перед фронтом, чтобы затруднить неприятелю нападение.

Македонское войско было построено так, что тяжелая пехота образовала центр, а кавалерия и стрелки – оба крыла. Сам Александр с кавалерией гетэров стоял на левом крыле, а рядом с ним по направлению к середине – гипасписты. Это крыло – всадники и стрелки, возможно, подкрепленные одним отделением гипаспистов, – первым перешло реку и без особого труда обратило персидских всадников в бегство. Хотя описание боя при подъеме на крутой берег и очень подробно, но мы все же не можем ясно представить себе тактическую картину сражения, так как у нас, с одной стороны, нет правильных

цифровых данных о соотношении сил, а с другой – ни в одном из первоисточников ничего не говорится о действиях персидских лучников. Едва ли можно предположить, что таковых вообще не было; и совершенно ясно, что при создавшихся обстоятельствах именно этот род оружия мог иметь наибольшее значение.

Но по греческим источникам сражение целиком вел самый неподходящий для защиты крутых склонов род войск – персидская конница. И вполне понятно, что она была побеждена соединенными силами македонских стрелков и всадников, даже если на их стороне не было численного перевеса. Таким образом, существенные моменты, необходимые для понимания этого сражения, для нас потеряны. Мы только узнаем, что препятствие перед фронтом оказалось бесполезным для персов, – явление, к которому еще придется вернуться, – и что исход боя был решен всадниками и стрелками правого крыла. Как только персидская конница оставила поле сражения, на фалангу греческих наемников, которые до тех пор стояли без действия, напали с флангов кавалерия и стрелки, которые без существенного сопротивления изрубили воинов, а часть взяли в плен.

Потери македонян, согласно лучшему

источнику, Арриану, составляют 85 всадников и 30 пехотинцев убитыми. Эти цифры маловероятны, если действительно верить источникам, что греческие наемники были почти целиком зарублены: наемники были не из тех, кто дешево отдает свою жизнь. Но, вероятно, их число не было так велико, а сражение не было столь кровопролитно: должно быть, большинство было пощажено и взято в плен; если в действительности так и было, то цифры потерь македонян кажутся вполне вероятными. Большая часть пехотинцев совсем не принимала участия в сражении; поэтому и вышло, что три четверти потерь падают на кавалерию, и это соотношение в цифрах подтверждает рассказы о ходе сражения. На 115 убитых должно приходиться от 500 до 1 000 раненых. Такие потери, правда, не велики и доказывают, что сопротивление персов было не так сильно, но если, как вероятно и случилось, в сражении принимало участие не более 6 000 чел., то цифра потерь совпадает вполне с рассказом о проявленной персидскими рыцарями в бою храбрости, угрожавшей жизни самого Александра. Правда, тут можно только делать предположения, и не нужно себя в этом обманывать. Если кто-либо хочет придерживаться данных об уничтожении греческих наемников и даже того,

что их было 20 000, пусть он за этим обращается к тем источникам, по которым потери македонской пехоты равны 30 чел. Нельзя положительно заявить, что первое утверждение нужно отбросить, а второе принять. Но с уверенностью можно сказать, что эти положения стоят в противоречии друг с другом, и одно из них непременно надо отвести.

Примечание ко 2-му и 3-му изданиям. Я особенно не входил в исследование подробностей сражения на Гранике, потому что мне казалось, что при состоянии первоисточников результаты будут незначительны и не будут иметь значения для целей данного труда. Существенные черты военного искусства той эпохи достаточно выступят в более поздних сражениях. В настоящее время материал о сражении на Гранике очень обогатился благодаря новым топографическим съемкам и описанию местности в труде: "По стопам Александра Великого" ("Auf Alexanders des Grossen Pfaden"; Eine Reise durch Kleinasien von A. Janke, Oberst. z. D. Berlin, Weidmann, 1904). Благодаря этой работе, которая открывает в предыдущих исследованиях местности при Гранике существенные ошибки и устраняет их, становится возможным критическое военно-историческое исследование этого сражения. Так как я лично не могу подтвердить исследований Янке, то мне кажется, что тут еще остается материал для специальных исследований. При этом непременно встанет вопрос о разногласиях

первоисточников (Плутарх и Диодор против Арриана), своеобразная проблема отсутствия персидской пехоты и т.д. Но центральным пунктом исследования будет вопрос, действительно ли персы хотели наступать, а препятствие на фронте использовалось чисто тактически, или же они хотели маневрировать, чтобы выиграть время.

Те же соображения, что и в 1-м издании, с их весьма скептическим отношением к данному вопросу, я перепечатал во 2-м и 3-м изданиях.

Глава III

СРАЖЕНИЕ ПРИ ИССЕ[40]

Сражение при Иссе стратегически замечательно в том отношении, что оба враждебных войска, пользуясь различными проходами в одной и той же горной цепи, проходят друг мимо друга, а потом дают сражение с перевернутым фронтом. Александр обогнул самый внутренний угол Средиземного моря – Александрийский залив (Искандерун) – там, где поворачивают из Малой Азии на Сирию, и, повернув, стал фронтом к северу. Дарий, идя с востока за ним, перешел Аманские горы и остановился в долине Иссы, фронтом к югу. Войско Александра было приблизительно столь же велико, как на Гранике, так как значительные пополнения возместили потери, а равно и те многочисленные гарнизоны, которые пришлось оставить в Малой Азии. Персидское войско было не так велико, так как оно, сопровождаемое большим обозом персидского двора, совершило горные переходы совершенно аналогично македонянам в смысле времени и пространства. Когда источники указывают, что на стороне персидского царя было 30 000 наемников, то это

число не только не обоснованно, но и просто невероятно. На Гранике из наемников спаслись лишь немногие, – и если даже персидский флот был в Эгейском море, пытаясь восстановить греков против Александра, а наместники посылали Дарию своих греческих наемников[41], то все же нельзя представить себе, откуда их могло набраться 30 000. То, что все греческие государства, кроме Спарты, были в союзе с Александром и в торжественной форме объявили войну против персов национальной, а всякого эллина, который поднимает оружие против союза с царем македонским, предателем, – все это, конечно, очень затрудняло набор даже в тех государствах, которые снова вступили в сношения с греками, а, кроме того, наготове должны были стоять целые флотилии, чтобы доставлять невербованных в Сирию; об этом же нигде не упоминается, и вообще это маловероятно.

Следовательно, греческая пехота Дария не могла быть особенно многочисленной. Однако можно предполагать, что здесь, ближе к родине, было больше персов – как всадников, так и пеших лучников – и контингент азиатских народностей был гораздо больше, чем на Гранике. Возможно, что конница персов была сильнее македонской;

пехота, конечно, была слабее, тем более что роды оружия были распределены иначе: гоплитов было меньше, хотя называют рядом с греческими гоплитами и кардакийских; зато лучников было больше на стороне персов[42].

Соответственно своим силам персы заняли позиции, когда услышали, что Александр повернул и наступает на них. Александр не мог вести все свои войска в бой: он должен был оставить полки для прикрытия тыла и своего лагеря у Мириандa или у выхода из гор Бейланской тропы, так как он не знал, вывел ли Дарий все свое войско в долину Иссы или же еще один корпус подходит к Бейланской тропе. Для этой цели он предназначил своих греческих союзников, которые стояли дальше всех, когда войскам пришлось внезапно повернуть и перейти в наступление[43].

Персы пошли македонянам навстречу на расстояние еще одного небольшого перехода. Они не остались посреди равнины, где ширина ее около мили (7 км), – у Иссы, близ р. Дели-Чай, а заняли позицию ближе к р. Пинару (ныне Пайя). В равнине за Дели-Чаем персидская конница могла свободно передвигаться, а так как македонские войска, численностью несколько меньше 30 000 чел., никак не могли растянуться

на милю ширины, то они при нападении неизбежно подвергали свое левое или правое крыло нападению или обходу персидских всадников. Но Дели-Чай во многих местах может быть перейден без особых затруднений, – даже там, где берега круто спускаются, – так как грунт их мягок. Таким образом, персидская пехота не нашла бы никакой защиты против нападения более сильных македонских фаланг. Если бы персидские всадники численно значительно превосходили македонян и на их победу можно было наверняка рассчитывать, то это не играло бы роли: фланговое нападение этих всадников остановило бы македонскую фалангу, прежде чем она стала бы опасной персидской пехоте. Но так как численное превосходство персидских всадников (если таковое вообще существовало) было незначительным, то персидский царь, которому мы, по традиции его народа и учитывая наличие у него греческих советников, приписываем высшую осмотрительность, выбрал позицию у Пайя, больше соответствовавшую потребностям его войск, чем позиция посреди долины. Поскольку описание местности, данное у Янке, оставляет некоторые сомнения, я постарался собрать дополнительные данные, которые мне доставил инженер Хассбах, строящий там

железную дорогу. Я привожу их ниже.

Факты говорят, что верхнее течение реки идет в крутых скалистых стенах и потому почти непереходимо. Среднее течение также совершенно недоступно для кавалерии и трудно проходимо для пехоты. И только последние 1 600 м проходимы для пехоты, а последние 500 м, хотя и затруднительны, но все же проходимы также для кавалерии.

Так как всюду определенно указано, что левое крыло македонян доходило до моря, то нам придется рассматривать эти 1 600 м как действительное поле сражения. Персы в соответствии с условиями местности сосредоточили главные силы кавалерии на правом крыле от моря; к ним примыкали греческие гоплиты, слева от них – кардаки, национальность коих не установлена (возможно, что это были тоже персы или курды), но которые тоже были гоплитами. Построение персидских лучников в источниках прямо не указано; очевидно, что по условиям данного боя они были распределены вдоль всего берега реки, чтобы открыть стрельбу по наступающему при переходе его через реку[44].

И дальше, вверх от берега к горам, те места, где еще можно было перейти, были защищены

персидскими лучниками, так что ширина персидского фронта – понятие относительное: фронт сплошной сомкнутой линии пехоты или кавалерии был немногим шире 1 600 м; примыкавшая к нему стрелковая линия тянулась, быть может, еще на 3 км[45].

Часть персов была выдвинута на горный выступ, врезавшийся в небольшую долину, так что они угрожали надвигающимся на главную позицию македонянам с правого фланга и даже с тыла.

Таким образом, позиция персов казалась непреодолимо крепкой: пехота как более слабая часть была прикрыта пропастью перед фронтом, кавалерия же была готова встретить противника, если бы он захотел прорваться с моря, и сама тоже была готова к наступлению.

На такой позиции, искусственно усиленной в нескольких местах, Дарий ждал нападения. Каждый пункт его позиции казался столь надежно защищенным, что македоняне как будто нигде не могли прорваться при нападении. А если бы наступление македонян было отбито, то Александр был бы отрезан от родины и погиб бы вместе со своим войском. Финикийские корабли поддерживали господство персов на море. Александр все свои силы обратил на сухопутные

войска, а так как его флот был слишком слаб по сравнению с персидским, то он его в конце концов совсем распустил. Македоняне вряд ли решились бы повторить раз отбитую атаку. Следовательно, персам вовсе не нужно было разбить македонян и обратить их в бегство: им надо было только заставить противника отказаться от атаки и самим удержать свои позиции; тогда успех был бы им обеспечен.

Наши источники полны рассуждений о том, как невероятна была ошибка Дария, выбравшего для своих действий настолько узкое поле, что он не мог использовать свое огромное численное превосходство; он, по их мнению, должен был выждать атаку Александра где-либо в Сирийской равнине и там окружить его своей конницей. Мог ли этот совет помочь Дарию, мы увидим из сражения при Гавгамеле. Без сомнения, весь македонский лагерь, инспирированный своим штабом, рассматривал положение дел именно с этой точки зрения; ведь не могло быть лучше аргумента, чтобы исполнить воинов верой в победу.

На самом деле все обстояло совсем иначе: если бы у персов действительно было значительное численное превосходство, то они были бы в состоянии, как мы это видели, и сейчас выбрать

для сражения подходящее поле. Долина Иссы расширяется на целую милю, – значит, места имелось достаточно для войска, в 3 и 5 раз больше македонского. Но все эти соображения для нас исключаются: если даже персидский царь и имел ту власть над полчищами, какую ему приписывают греческие легенды, то все же войска ни в коем случае не могли так скоро перейти Аманские горы и занять позиции в долине Иссы. Мы даже не знаем, насколько сам Александр верил в огромные персидские силы. Во всяком случае, когда ему в Мирианде (под Александреттой) сообщили о внезапном появлении персов в тылу, он мог обрадоваться тому, что их прибыло немного, а не тому, что для многочисленного войска не было места сражения. Как бы то ни было, но македонский царь не мог ни в коем случае не заметить невероятно невыгодного стратегического положения, в которое он попал. Македоняне были отрезаны от своей базы, а персы – нет. Персы могли в случае поражения вернуться по горным проходам через Аман, а македоняне в случае поражения или даже в случае неопределенного исхода боя погибли бы.

Историки рассказывают нам, как Александр, созвав своих командиров, ободрял их и как перед самым началом сражения он объезжал отдельные

воинские части, разжигая их обещаниями господства над всей Азией после победы над великим персидским царем.

Не планомерно, а совершенно случайно, – как правильно освещают историки, – персы получили стратегическое преимущество. Они думали, что Александр, который из-за болезни и по другим причинам задержался – и довольно надолго – в Киликии, не пойдет сразу на Сирию, а так как персидский царь совершенно не мог со всем своим войском оставаться стоять в Сирии и смотреть, как македоняне хозяйничают в завоеванной ими Малой Азии, то он решился продвинуть войска через горы. Но случайно в тот же день и Александр двинул свои части, причем оба войска, пройдя по различным горным проходам, разминулись, что, конечно, по положению вещей должно было пойти на пользу персам.

Иногда ставится вопрос, почему персы просто не заняли все проходы и не отрезали Александра от родины. Ответ найти не трудно. Мы знаем еще со времени Фермопильского сражения, что преграждение прохода обычно является ненадежным предприятием, – особенно же в данном случае, когда главную силу нападающей стороны составляла пехота, а главную силу обороняющейся стороны – кавалерия. В худшем

случае Александр мог бы оставить персов на месте и продвинуться дальше вглубь Сирии. Если же у него действительно имелись опасения, что персы запрут за ним "ворота Сирии", то не потому, что это его погубило бы, а потому, что решающий бой, которого он жаждал, был бы отодвинут на неопределенное время. Следовательно, персы предоставили македонянам свободный проход и заняли выгодные позиции для организованного боя не по небрежности, а совершенно сознательно: раньше или позже должно было состояться решительное сражение, причем для персов едва ли нашлись бы более выгодные условия, чем под Пайя, где Александр принял бой.

Но именно механическое преимущество, которое выпало на долю персов и которое они хотели использовать наиболее хитро, привело их морально к гибели.

Александр осторожно развертывал свое войско при выходе из Сирийского прохода и постепенно, по мере расширения поля, перестраивал его из походных колонн в линейный боевой порядок, направляя вправо и влево всадников и стрелков, а в центр – гоплитов. Медленно, с перерывами, чтобы не нарушить строя, передвигался фронт шириной от 1 до 1,5 км[46]. Главные силы кавалерии, под личным предводительством

Александра, были сосредоточены на правом фланге; но когда царь заметил, что масса персидской конницы стояла у моря на правом фланге противника, он двинул фессалийских всадников, которых до тех пор удерживал при себе, позади своей фаланги, в подкрепление своего левого фланга, так что теперь этот фланг стал наиболее сильным в отношении кавалерии.

Против персидского отряда, расположенного в горах для угрозы правому флангу македонян, был выделен специальный отряд, который отогнал персов выше в горы. После этого Александр оставил здесь в качестве прикрытия только 300 всадников и некоторое число лучников, а остальных притянул к главной боевой линии, которая уже охватывала персов. Но так как река в этом месте была совершенно непроходима, то персам это повредить не могло.

Выше (по Янке – в 2,5; по Хассбаху – в 3,5 км от устья) можно было найти переправу вброд. Здесь Александр, очевидно, и перешел реку со своими всадниками, – но то, что он опрокинул противника конной атакой, как это сообщают македонские источники, совершенно опровергается узостью подступов, крутым склоном и каменистым дном реки, а потому утверждение это, как выражение преувеличенной

придворной угодливости, приходится отбросить.

Однако возможно, и потому должно быть принято в общей связи со всем описанием, что македонские стрелки и легкая пехота сломили персидскую оборону у переправы, а затем всадники, быстро переправившись через реку, смяли немногочисленную персидскую конницу на этом крыле и перешли в преследование ее. А между тем главным силам фаланги приходилось тяжело. Фалангисты, спускавшиеся в ущелье Пайя, осыпались стрелами персов, а когда они, встретив при своем продвижении вперед массу непроходимых мест, появились на противоположном берегу в разрозненных рядах, то на них напали находившиеся на службе у персов греческие наемники – гоплиты и снова сбросили их вниз. Историки постоянно подчеркивают беспорядок в боевом строю македонян, причем до сих пор это объясняли исключительно естественной расстроенностью рядов фаланги вследствие продвижения ее через скалы, неравномерно окружавшие реку. Но после того как мы себе уяснили, что кавалерия правого крыла вообще не могла перейти среднее течение Пайя, а должна была для этой цели отделиться от центра и сделать обход, – мы можем отнести это обнажение левого крыла фаланги к той же

расстроенности рядов, которую подчеркивали историки. Нетрудно себе представить, как фалангиты взбирались на противоположный берег, где их встретил сильный отпор, после чего фланговой атакой греков они были оттеснены назад в реку.

На левом же фланге, где была сосредоточена персидская конница, атака македонян (если только вообще дело дошло до атаки) не только была отбита, но персы со своей стороны перешли в наступление на левый берег реки и поставили фессалийцев в трудное положение.

Исход сражения определился тем, что правый фланг македонян, охватывавший неприятельские ряды, пришел на помощь своему с трудом державшемуся центру. Вслед за частями, с которыми царь сам совершил переход, он пустил через ту же брешь еще два отделения фаланги, и в то время как он преследовал со своими всадниками и гипаспистами неприятельские части, – как защищавшие переправу, так и те, которые стояли с ним рядом и тоже пустились в бегство (кардаки), – оба подоспевшие отделения фаланги обратились против левого крыла греческой фаланги. Царь Дарий, который со своей свитой стоял, очевидно, за греками или в месте стыка греков с кардаками, увидев, что его левый

фланг разбит, счел битву проигранной и обратился в бегство. Под впечатлением этого бегства и фланговой атаки фалангитов греки бросили берег реки и отступили.

До этой минуты чаши весов стояли в сущности наравне, так как персидская кавалерия правого крыла была настолько же сильна, а может быть, даже и сильнее находившейся против нее части противника, насколько правое крыло македонян было сильнее левого крыла персов.

Можно было ожидать, что персидская конница нападет с фланга со стороны моря на македонскую фалангу точно так же, как со стороны гор македоняне напали с фланга на греков. Но этого не произошло.

Причину приходится искать не столько в личном и тактическом превосходстве македонян, в более крепком воинственном духе бойцов Александра, сколько в направлении военных замыслов обеих сторон. Македоняне вели наступательный, персы – оборонительный бой. Мы уже знаем, как греки под предводительством Мильтиада при Марафоне были вынуждены особыми обстоятельствами вести оборонительный бой, но в известный момент Мильтиад перешел из обороны в наступление, и это наступление было его победой. Персы при Иссе рассчитывали вести

исключительно оборонительный бой. Они имели перед собой настолько трудноодолимое препятствие, что всякая мысль о наступлении заранее исключалась. В первоисточниках нигде точно не сказано, почему персидская конница правого фланга, которая билась особенно храбро, численно значительно превосходила врага и преодолела реку, все же не одержала победы. Из совокупности всей обстановки нам придется, несомненно, заключить, что этого не случилось потому, что это не входило в намерения высшего командования. Прежде всего источники сообщают, что сражение на этом фланге началось значительно позже, чем на другом. Александр хорошо рассчитал удар своим правым флангом там, где сейчас же после перехода реки он был уверен в своем превосходстве, и задержал левый фланг. Кроме того, как мы теперь узнали, дно реки настолько каменисто, что сильно задерживало продвижение кавалерии как вперед, так и назад. Когда начался бой на этом фланге, он уже был; вероятно, решен на другом. Если бы персы пошли навстречу македонянам с тем же духом боевой готовности к наступлению, как македоняне шли на них, то совершенно нельзя сказать, почему, имея перевес на правом фланге, они не могли бы победить совершенно так же, как

Александр победил на своем.

В одном из источников (у Курция) рассказано о притворном бегстве, при помощи которого фессалийские всадники удержали своего противника: это была трактовка самих всадников, приписывавших успех собственной заслуге; но "притворное" бегство легко могло очень скоро обратиться в настоящее, если бы противник со своей стороны не замешкался в преследовании, а продолжал рубить. Но персы расположились за рекой и за ее прибрежными скалами и еще укрепили высокие берега: бой велся так, чтобы использовать это преимущество. Неудивительно поэтому, что кавалерия, даже если она побеждала, не выходила далеко за эту линию: совместных действий с другими частями по ту сторону реки ей нечего было ждать. Она в лучшем случае удовольствовалась бы тем, чтобы после удавшейся атаки вернуться на прежние свои позиции.

Совершенно по тем же причинам фланговое расположение персидского отряда на горах оказалось недействительным. Под натиском македонских войск этот отряд сразу отступил к вершинам гор и ничего другого сделать не мог. Если бы он принял бой в то время, когда главные силы персов неподвижно держались на своих позициях, он, несомненно, был бы разбит. Снова

перейти в наступление и ударить в тыл македонскому войску раз в тот момент, когда оно завязало бой с главными силами перемешали войска, которые Александр выставил в виде заслона. Очевидно, персидские фланговые отряды ожидали, что македоняне, разбитые и преследуемые персами, снова пройдут мимо них, – или, по крайней мере, что по ходу главного сражения они будут вызваны на наступление; но так как этого не случилось, то они вообще не вступили в бой, и все их расположение оказалось ненужной демонстрацией и даже не запугало Александра. Заставить изолированную часть вступить в сражение – предприятие, которое удается очень редко, хотя тут не приходится говорить о трусости.

Когда греческая фаланга начала отступать, персидская кавалерия правового фланга поняла, что сражение проиграно, и поспешила прочь. Греки очутились в безвыходном положении. Покинутые персидскими всадниками, они должны были под преследованием конницы и пехоты отступать крайней мере 1,5 мили (ок. 10 км) по равнине, не только не дававшей ни одного опорного пункта, но даже представлявшей благодаря глубоким рвам с водой массу препятствий. Если бы македонская конница их

остановила, а фаланга напала на них, они все погибли бы. И действительно, они потерпели тяжелое поражение, но значительная часть их достигла одного из горных проходов и успела спастись. Это были старые испытанные воины, которые знали, что им делать; они не рассыпались врозь, а, крепко сплотившись, отбивали атаки[47]. Вероятно, довольно много времени прошло, пока главные силы македонский фаланги одолели крутые скалы Пинара, – так что греки выиграли время, чтобы уйти. Сам Александр, увидев, что бой решен, пустился преследовать персидского царя. Вместе с греками отступила часть персидских стрелков, оборонявших берег впереди них, причем во время отступления они отбивались от фессалийских и других всадников, преследовавших походную колонну метательными копьями и стрелами. Еще при Гавгамеле греки находились в войсках персидского царя; но главное ядро [по одним источникам (Курций) – 8 000, по другим (Арриан) – 4 000 чел.] прекратило свою службу, прошло в Финикию и в Триполи нашло корабли, на которых и отплыло на родину.

Греческие сообщения, по которым македоняне потеряли в этом сражен 150 всадников и 300 пехотинцев убитыми, конечно, не могут считаться

абсолютно достоверными, но и не противоречат природе вещей и ходу сражения. Опять-таки характерно, что потери кавалерии относительно гораздо больше потерь пехоты. 450 убитых позволяют заключить о 2 000 или даже 4 000 раненых.

Малые потери македонян еще раз возвращают нас к важному вопросу о численности персидских войск. Мы видели, что, по источникам, полем сражения можно считать только Пайя, а это опять же возможно только в том случае, если предположить, что македоняне были сильнее в отношении пехоты. Цепь доказательств того, что персы, которым даже противники отказывают в признании храбрости, не были численно сильнее в этом бою, замыкается последним звеном – числом потерь у неприятеля, доказывающим, что победа досталась ему совсем не так трудно.

Пока мы не знали местности так подробно, как сейчас, мы должны были и могли причислить сражение при Иссе, как и другие македонские сражения, к простому типу сражения, когда войско построено в косом боевом порядке с выдвинутым вперед правым крылом. Мы видели, что эта схема была сильно изменена тем, что правое крыло македонян должно было сделать довольно широкий обход. Этот обход и отделение

правого крыла от центра, по нашим источникам, представляется не очень ясно выраженным. Но это вполне объяснимо. Мы пользуемся источниками уже из вторых рук, а авторы, – особенно Арриан, – вряд ли лично видели местность. Первоисточники затуманивают истинное положение вещей своими восторженными рассказами о том, как царь во главе своих всадников налетел сквозь град стрел на левое крыло неприятеля и обратил его в бегство. Для современного исследования все это имело те последствия, что, узнав о трудностях местности, современные историки объявили, будто бой там вообще был невозможен, и пытались перенести его в другое место – к р. Дели-Чай. Но тем самым, как неоспоримо доказал Диттбернер, историки запутались в неразрешимых противоречиях с указаниями источников относительно местности, с точными их указаниями на передвижения обеих сторон и, наконец, со стратегическим положением. Надо, очевидно, решить что Пинар и Пайя – одно и то же, и если нам даже придется не считать блестящую конную атаку под предводительством царя решающим моментом боя, то все же остается поступок полководца, который, увидев непреодолимость скалистой местности перед

фронтом, смело оторвал правое крыло от центра, чтобы обходом достигнуть цели; так же, как раньше он передвинул часть своей кавалерии с правого фланга на левый, потому что она там была нужнее, так же точно он перетянул часть тяжелой пехоты на обходящее крыло, чтобы атакой с фланга опрокинуть греческую фалангу, недоступную с фронта.

Александр, можно сказать, видоизменял методы фланговой атаки, применяя их к данным обстоятельствам и не изменяя духа самого боя. Он побеждает как числом и храбростью своих воинов, так и сплоченностью войска, отдельные части которого настолько подчинялись воле полководца, что он мог в любую минуту свободно распоряжаться ими, направляя их по своему желанию и усмотрению; наконец, он побеждает гениальным руководством, осторожно ведя наступление, самоуверенно пренебрегая фланговым расположением персов и кажущимися непреодолимыми трудностями местности; мудро отступая от обычной схемы, он укрепляет ведущее крыло и возбуждает во всем войске дух смелого наступления.

1. Диодор, Курций и Юстин единогласно указывают потери в числе всадников в 150, но Диодор называет 300, Курций – 32, а Юстин – 130

пехотинцев. Возникает вопрос, нет ли тут искажения первоначально одинакового числа (может быть, 332?)? При разнице в полтысячелетия между этими авторами и их первоисточниками это вполне возможно, – особенно при одинаковой у них цифре потерь кавалерии. Наибольшая цифра, очевидно, больше всего соответствует действительности, так как Арриан потери фаланги в бою с греческими гоплитами определяет в 120 чел.

У Курция указано 504 раненых, но эта цифра или неправильна, или он считает только тяжелораненых. При современных расчетах принимают во внимание даже малейшую царапину или контузию.

2. Более подробное исследование первоисточников, которое я в первом издании прибавил к описанию боя, я опускаю, так как оно теперь устарело, благодаря подробным топографическим обследованиям в книге Янке и исчерпывающей монографии Диттбернера. Чтобы разрешить некоторые топографические сомнения, я обратился к консулу В. Весслеру в Алеппо. Он мне достал доклад старшего инженера Хассбаха, который я привожу ниже. За всеми подробностями я отсылаю к Диттбернеру и привожу здесь только следующее.

Сообщения Каллисфена дошли до нас благодаря тому, что Полибий на них показывает, как мало тот понимал в военном деле. Но удивительнейшим образом новейшие ученые стали на сторону Каллисфена и пытались вычитать из труда Полибия, что он был неправ по отношению к Каллисфену, неверно понял его и сам наделал массу серьезных ошибок. Я тоже полагаю, что авторитету Полибия, – как бы высоко я лично его ни ценил, – нельзя

безусловно доверять, как это делают довольно часто; вычисления его часто поверхностны, а он сам больше зависит от своих первоисточников, чем кажется; но тем не менее из того, что он говорит о сражении при Иссе и о Каллисфене, можно отрицать только те пункты, из которых можно заключить что-либо о самом бое.

Согласно Полибию, Каллисфен говорит, что Александр, выведя свое войско к узкому проходу, заставил его постепенно идти вперед и, в конце концов, построил его по 8 чел. в глубину; в таком построении оно продвинулось на 40 стадий (1 германская миля, т.е. ок. 7 км).

Полибий, считая численность войска в 42 000 чел. пеших и 5 000 всадников, указывает на то, что такая большая фаланга в вышеупомянутом построении должна была бы занимать по фронту 40 стадий, в то время как Каллисфен утверждает, что ширина долины составляет только 14 стадий, причем три из них были заняты конницей, и еще оставалось свободное место.

Как Полибий высчитал эти 40 стадий ширины – неясно[48].

Три фута на человека при 42 000 чел., по 8 чел. в глубину, составляет около 16 000 футов, т.е. 27 стадий. Можно, конечно, это оставить так, но можно отметить, что Полибий, желая доказать неправоту Каллисфена, сам слишком преувеличивает силу пехоты; впрочем, в основном – именно в том, что такая фаланга не могла быть глубиною только в 8 чел., он, конечно, прав.

Бауэр исправлял в обратном направлении, желая доказать, что фаланга в 8 чел. глубины очень

подходит к данной местности, а Каллисфен сделал только ту ошибку, что указал слишком малую ширину долины – всего 14 стадий (2,5 км). В этом Бауэр прав, но его утверждения немыслимы, так как фаланга глубиной в 8 чел. и шириной почти в милю – бессмыслица. Она не могла бы сделать и 10 шагов не разорвавшись, а через 100 шагов она была бы в абсолютном беспорядке. Было бы просто немыслимо заставить ее хотя бы приблизительно ровно наступать или останавливаться.

Правильное предположение высказывает К. Нейман (K. Neumann, Zur Landeskunde und Geschichte Kilikiens, "Jahrb. f. klass. Philol.", Bd. 127 (1883), S. 544), который указывает, что, по Курцию, фаланга при Иссе имела глубину в 32 чел. Если предположить, что пецетеры и гипасписты вместе составляли около 20 000 чел., то фаланга (с интервалами) была шириной меньше 1 км (4–5 стадий). Прибавим еще конницу и легкую пехоту[49]. Каллисфен, прибывший в свите Александра к месту сражения за несколько дней до него, хотя и не совсем прав, но в отношении топографических указаний до некоторой степени заслуживает доверия, в описании же боя, как правильно говорит Полибий, он неправ. Он не участвовал в самом сражении, а, вероятно, с гражданскими частями главной квартиры остался в Мириандe.

На другой день ему рассказали, как войска постепенно вышли из опасной теснины, построились фалангой и двинулись на противника. Так как он знал, что нормальное построение гоплитов – 8 чел. в ряду, то он в красноречивом описании заставил всю мощную фалангу маршировать этим строем, а так как

он вспомнил, что проход от реки отстоит на 40 стадий, он и заставил фалангу продвинуться так далеко. Его военные знания не были настолько обширны, чтобы понять невозможность подобного продвижения, – понять, что фаланга целого войска располагается глубже, чем фаланги отдельных отрядов, и что при указанной им самим ширине долины всего в 14 стадий развернутая фаланга не могла бы даже разместиться там.

3. Кромайер в своем обсуждении книги Диттбернера ("Histor. Zeitschr.", 112, стр. 348) соглашается с нами, поскольку он тоже устанавливает, что в источниках речь шла именно о Пайя как о реке, у которой велся бой. Но он, несмотря на это, считает такое утверждение невозможным, так как верхнее и среднее течения Пайя непроходимы для сомкнутых воинских частей, а проход у верхнего берега, который Диттбернер считает шириной в 300 м, на самом деле состоит из двух небольших щелей в 50 и 30 м ширины. Однако я возражаю, что обе эти щели совершенно достаточны для той операции, какую Диттбернер и я предоставляем себе. Разница тут опять-таки только в числах. Если бы персидское войско было так велико, что образовало бы до самых этих проходов сомкнутый боевой строй, то Александр, разумеется, не мог бы никак проникнуть. Для сомкнутой атаки тяжелой кавалерии эти щели слишком малы и малопроходимы. Так как путешественники, осматривавшие поле сражения, всегда приступали к исследованию с готовым представлением о персидском войске как о сплошной массе, занявшей весь берег реки до самых гор, то они заранее отрицали возможность прохода в этом месте и

даже не вникали серьезно в рассмотрение этой возможности. Какое значение, – говорит Кромайер, – имел бы проход даже в 300 м для конницы Александра, если одновременно с ней не могли пройти фаланги. Ответ один: проход был так слабо защищен, что конница с легковооруженной пехотой, – да еще при таком решительном полководце, как Александр, – могла форсировать проход без помощи фаланги. Недостаточная оборона прохода была простым следствием слабости персидского войска, сосредоточенного у среднего и нижнего течений реки.

4. Здесь же надо возразить против необоснованной мысли Белоха, будто не сам Александр, а начальник его штаба, Парменон, был настоящим великим полководцем македонян. Это не только ничем нельзя доказать, но все сражение при Иссе этому непосредственно противоречит. Все решительные действия этого сражения: усиление кавалерии на левом фланге еще во время развертывания боевого порядка, уклонение правого крыла вправо, усиление этого крыла сначала расположением сил уступом, а затем двумя подразделениями (Taxen) фаланги – все это могло быть сделано только по личному приказу Александра.

5. Белох в своей "Истории Греции" (т. 2, стр. 634) высказывает мнение, что Дарий обошел македонское войско не случайно, а планомерно и дал бой повернутым фронтом. И действительно, в данном случае мы не должны слишком доверять нашим источникам, несмотря на их единогласие в данном вопросе. С их изображением и характеристикой персов совершенно не вязалась бы такая, не только смелая, а просто великолепная стратагема, и принять

ее они не могли, даже если в македонском лагере о ней имелись верные сведения.

Но я полагаю, что самая обстановка и связь отдельных фактов исключают допущение Белоха. Дарий мог бы принять решение – обойти македонян – только тогда, когда они действительно прибыли в Мириандр. Если бы персы начали движение тогда, когда македоняне были еще в пути между Малоссом и Иссой, они рисковали бы непосредственно при выходе из горных проходов натолкнуться на неприятельское войско и попали бы, таким образом, в очень скверное стратегическое положение. За 2–3 дня вперед они никак не могли знать, как долго македоняне будут идти.

Необходимым дополнением к гипотезе Белоха должно быть предположение, что Александр задержался на несколько дней в Мириандре, а в это время персы совершили переход через горные тропы Амана. И действительно, Арриан не вполне ясно и точно говорит о том, как долго македоняне уже находились в Мириандре, когда получили известие о прибытии персов в Иссу. Однако, судя по тону рассказа, можно думать, что это случилось на следующий же день, а утверждение Курция, что в одну ночь оба войска прошли друг мимо друга, несмотря на риторическое преувеличение, также говорит о том, что эти события следовали непосредственно одно за другим. Все соображения греков о непонятном безрассудстве персов, направивших огромные полчища в узкие горные переходы, мы совершенно вычеркиваем, так как, с одной стороны, полки персов не были так огромны, а с другой – равнина Дели-Чая не была настолько

узка, чтобы препятствовать необходимому маневрированию. Но понять действия персов было трудно по другим причинам, если предположить, что им было известно прибытие македонян в Мириандр. Мы считаем, что Дарий выступил через Аман, не допуская возможности наступления войск Александра дальше Киликии. Но если он уже был в Мириандре, то, несомненно, должен был пойти дальше, и притом не вдоль сирийского берега, так как тогда он добровольно сдал бы свою операционную линию и лазарет в Иссе персам, а внутрь страны через Бейланскую тропу, чтобы встретить персидское войско. Дарий стоял у Сохоя, положение которого нам неизвестно. Во всяком случае это было недалеко от выхода Бейланской тропы. Единственным естественным решением Дария в ту минуту, когда пришло известие, что Александр в Мириандре, было бы занять позиции у выхода Бейланской тропы и напасть соединенными силами на македонян, как только они выступят из ущелья. Идея обхода македонян привела бы к потере этого существенного тактического преимущества, но было бы выиграно в стратегическом отношении то, что македонянам можно было отрезать отступление. Однако этот выигрыш был несущественен, так как, если бы македоняне потерпели поражение вдали от родины, они все равно погибли бы, независимо от того, были ли у них заранее отрезаны пути к отступлению или не были.

Наш ход мыслей таков: когда Александр прибыл в Мириандр, персы, конечно, не могли решиться пойти в обход, а потому нет причин отрицать утверждения источников, что оба войска прошли одновременно

друг мимо друга.

Очевидно, персы решили выступить, когда македоняне еще были в Малоссе; но в то время они вообще рассчитывали, что македоняне дальше совсем не пойдут, потому что иначе они рисковали бы натолкнуться на македонян при выходе из Аманских проходов, в долине Дели-Чая. Значит, их марш был не обходным, а простым продвижением вперед, и лишь по чистой случайности это продвижение превратилось в обход, так как именно в тот же самый день и македоняне выступили в поход, – в точности, как это сообщают наши источники.

6. Рассказ о том, что спасшиеся греческие наемники сели на корабли в Триполи, наводит Диттбернера (стр. 156) на мысль, что они, может быть, прорвали македонскую фалангу и бежали в прямом направлении на юг. Но это заключение не только натянуто, но просто идет вразрез со всеми остальными обстоятельствами. Действительно, путь из долины Иссы ведет через Аманские горы в Финикию полукружием, в обход македонян, но такое бегство за спиной неприятеля часто встречается в истории войн; таким образом, например, спаслась часть бургундских войск у Муртена в 1476 г. и часть французов в сражении при Новаре в 1513 г.

Разумеется, македоняне, как видно из рассказа Арриана, выступили не тотчас же на следующий день после сражения. Если бы греки прорвались сквозь македонские войска, они отступали бы по тому пути, по какому пришел Александр, прошли бы через его обоз и уж, конечно, не оставили бы его нетронутым. Кроме того, под Мириандом или у входа в Бейланский проход стояли греческие союзники Александра.

Совершенно нельзя предположить, что о таком огромном событии, как прорыв, о переходе Пайя и обо всем том, что могло случиться на пути отступления, не сохранилось ни малейшего следа в наших источниках.

7. Кепп (Koepp, Alexander der Grosse, стр. 31) полагает, что персидский обход выставляет в плохом свете разведывательную службу македонян. Тут недооценена трудность ведения разведки на протяжении двухдневного перехода по горным дорогам в неприятельской стране. Даже, если бы Александр выслал по этому направлению дозоры, которые натолкнулись бы на неприятельские части, шедшие навстречу, он все же не мог бы распознать, является ли это летучим отрядом персов или приближается все персидское войско. Даже тогда, когда Дарий был уже в Иссе, Александр все еще сомневался и, прежде чем повернуть обратно, послал корабль, чтобы получше рассмотреть. Такая неизвестность и всякие неожиданности в войне неизбежны, очень часты и не всегда заслуживают упрека.

8. Описание местности, присланное главным инженером Хассбахом в письме на имя консула Весслера от 21 ноября 1913 г., гласит:

"После того как я дважды обследовал Пайя-Чай от его устья до выхода из гор, я хочу вам подробно сообщить результаты.

а) От устья вверх по течению, метров на 500, русло реки только в некоторых местах ограничено крутыми берегами высотой в 1–2 м. Переход конницы через реку здесь хотя и возможен, но затруднен крутым берегом и очень каменистым дном реки.

б) Следующие 500 м и далее до западного (нового)

моста (километрах в 1 600 от устья) русло реки имеет ширину от 5 до 15 м и сильно извилисто. На этом участке переход конницы в большом числе совершенно исключается, а переход пехоты возможен.

в) От пункта, расположенного в 1,6 км от устья, и до восточного (старого) моста (в 3,5 км от устья) русло реки то шире, то уже. Берега сильно изменены позднейшими постройками гор. Байи, но они очень круты и с трудом доступны даже для пехоты. На протяжении около 300 м стены состоят из отвесных, достигающих 2–4 м в высоту конгломератных скал, делающих переход почти невозможным даже для пехоты.

г) Далее в 3,5 км от устья (т.е. непосредственно за вторым мостом) есть участок длиной около 30 (а не 300) метров, по которому идет узкая дорожка через русло реки, служившая, очевидно, переходом вброд раньше, еще до постройки мостов (а кроме нынешних имеются остатки еще двух, очевидно, очень старых мостов). Дорога ведет с южного крутого берега сразу вниз, к руслу реки и поднимается на северной стороне немного удобнее, по более пологому берегу вверх. Прилагаемая фотография No 1 изображает эту северную сторону с ясно различимой пешеходной тропой, кроме того, внизу слева виден край моста, с которого производился снимок, а далее от середины (за белой фигурой) вправо начинаются уходящие в даль крутые стены скал (ср. ниже, п. "д"), и ясно видно также очень каменистое ложе реки.

д) Далее 3,53 км вверх русло реки достигает в ширину от 15 до 40 м, но с двух сторон, до самого основания горной цепи (т.е. более 1,5 км в длину), оно сжато отвесными скалистыми стенами, вышина

которых от 3 до 20 м и которые абсолютно непроходимы даже для пехоты, если только она не снабжена лестницами и всякого рода другими штурмовыми приспособлениями, употребляющимися при современных крепостных маневрах. На фотографии No 2 показана эта часть берегов в самом начале, т.е. в 100 м от моста, где скалы начинаются с высоты в 3 м. Вода образует здесь небольшое озеро, отсюда – отражение кустов.

Я надеюсь, что изложенное выше описание даст проф. Дельбрюку материал для решения вопроса о сражении при Иссе. В моем исследовании участвовало еще два инженера, – оба прекрасные наездники, и мы все единогласно решили, что переход конницы в боевом порядке в месте, обозначенном в п. "г", абсолютно исключается".

Глава IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАВГАМЕЛЕ

После победы при Иссе Александр покорил Финикию и Сирию и провел две очень тяжелые осады Тира и Газы. Потом он двинулся дальше, чтобы завоевать господство над Египтом. Этот последний поход часто порицают и даже хотят доказать, будто он объясним только в том случае, если принять во внимание, что древним не было вполне ясно взаимное расположение разных стран, а потому Александр не мог предвидеть, как он сильно подрывал свои прежние связи с Вавилоном из-за этого похода[50].

Но я думаю, что Александр отлично разбирался в том, что он делал. То, что персы в следующем (332) году не могли появиться в Сирии с большим войском, можно было предполагать с достоверностью, а если бы они и появились, то стали бы верной добычей Александра. Чтобы прочно обосновать предстоящий поход в глубь Персии, Александру нужно было господствовать не только в Сирии, но и в Египте. Конечно, было бы вполне достаточно послать туда военачальника с небольшим отрядом, но ничто не указывает, что только

завоевание Египта удержало Александра и дало его врагу время собраться и вооружиться. Конечно, чем скорее македоняне появились бы в Персии, тем меньше осталось бы у Дария времени собрать новое войско. Но Александр тем временем тоже сильно укрепился. Правда, при Иссе у него было более 30 000 чел., из них отпадают потери в бою и при осадах, а также необходимые для Сирии гарнизоны. Если бы он еще отделил часть для Египта, то с 20 000 или, считая с подкреплениями, с 25 000–30 000 чел. вряд ли перешел бы Тигр. Но у него при Гавгамеле было 47 000 чел., и это не слишком много. Мы должны, как и прежде,похвалить молодого царя за соединение смелости и осмотрительности, которые не дали ему слепо броситься за разбитым противником, а заставили собрать для выполнения огромного своего предприятия нужные силы, в промежутке же между боями заняться водворением македонского господства в Египте и тем самым обеспечить себе помощь египетских богов.

Дарий не мешал своему страшному противнику перейти через Евфрат и Тигр и ожидал его в большой долине по ту сторону Двуречья, вблизи развалин Ниневии. И здесь будто бы у него имелись греческие наемники, но

их было так мало, что в сражении они уже не играли роли. Сообщают (Диодор, XVII, 55), что персидский царь заказал для своих воинов более длинные копья и мечи, потому что у македонян было такое оружие. Так персы раньше сражались главным образом при помощи лука и метания коротких копий (ведь и Геродот упоминает о более длинных копьях греков), то эту реформу можно объяснить так: очевидно, Дарий хотел образовать из своих азиатов с помощью своих греческих приближенных фалангу, так как длинное копье служит не для метания, но исключительно как оружие ближнего боя; для персов же не было тайной, что в строгом строю фаланги ручное оружие действует лучше всего. Правильно ли это утверждение или нет, но одно ясно: такая тактическая единица, как фаланга, не создается импровизированным путем, – она требует упражнения и военного воспитания.

Вышло так, как Мельхиор Рус из Люцерна, посол при короле Франции Людовике XI, в 1480 г. сообщил на родину: король приступает к реформам армии и велит изготовить массу длинных копий и алебард по германскому образцу; если бы он смог изготовить также и людей, которые действовали бы этим оружием, то ничья помощь ему не была бы нужна[51]. В военном

искусстве необходимо оружие, но суть этого искусства не в оружии, и в сражении при Гавгамеле мы ничего не слышим о действиях персидской фаланги.

Дарий, поняв невыгодность естественного препятствия перед фронтом, как было при Иссе, старается новым оружием сломить страшный штурм фаланги: он применяет боевые колесницы с ножами и вводит в действие несколько слонов.

В остальном истинная сила персидского войска, – как это должно быть и как было при Иссе, – сосредоточилась в коннице; конечно, по этой причине Дарий дал Александру свободно перейти обе реки, чтобы встретить его на им самим выбранном поле, а именно на широкой равнине, где персидская конница могла беспрепятственно развернуться и проявить свое преимущество. Если, по сведениям Арриана, у Александра при Гавгамале было 7 000 всадников, то надо считать, что Дарий собрал их, вероятно, тысяч 12, но вряд ли больше: ведь 12 000 всадников в одном месте –это такая огромная масса, что нужно довести до виртуозности искусство организовать и снабжать ее и управлять ею[52].

О пехоте Дария трудно составить себе представление. Лучников (старое оружие персов)

можно ставить только в несколько рядов, чтобы достигнуть известных результатов. Выставлять против фаланги гоплитов неорганизованные полчища невоенных людей было бесполезно, а персы достаточно знали военное искусство, чтобы понять это, и предпочитали тратить силы на укрепление конницы, вместо того чтобы бесполезным стягиванием пеших масс создавать непреодолимые трудности в снабжении. Если даже и были попытки образовать фалангу гоплитов, то по ходу боя результатов этого не видно. Поэтому возможно, что у персов, кроме всадников, слонов и боевых колесниц, было относительно ничтожное количество пехоты и, конечно, не больше, а скорее меньше, чем у македонян. Коренная персидская конница подкреплялась еще скифскими и, вероятно, также индийскими наемниками.

Наши источники – и главный из них Арриан – представляют собой смесь очень точных, почти протокольных отчетов, главным образом о построениях и рассказов во время несения караульной службы, которые, однако, можно довольно точно рассортировать при критическом их разборе.

Одна из невероятных легенд о расположении персов говорит о том, что они при Гавгамеле,

совершенно как при Иссе и на Гранике, искали естественных препятствий, а за неимением таковых сооружали искусственные – из волчьих ям и ловушек. Но уже Арриан отвергает эти басни; он говорит об этом, как о предположении македонян, и утверждает обратное, т.е. что персы искусственно выравнивали поле перед своим фронтом, чтобы дать свободно двигаться своим колесницам.

Так как мы не слышали, чтобы в бою какой-либо македонский солдат попал в волчью яму или запутался в ловушке, то эти приспособления мы вычеркнем из истории; также придется отстранить и искусственное выравнивание поля для боевых колесниц, если принять во внимание, что персы не знали заранее, где будут наступать македоняне, а такие планировки за 1–2 дня произвести нельзя. Достаточно, что персы выбрали совершенно открытую равнину с незначительными возвышенностями, где их главные роды войск – конница и боевые колесницы – могли действовать свободно. Если бы колесницам, снабженным ножами, удалось внести беспорядок в ряды македонской фаланги и воспрепятствовать ее движению, в то время как более сильная персидская конница напала бы на македонскую,

окружила и разогнала бы ее, то победа персов была бы обеспечена. Так однажды (Ксенофонт, Hell., IV, 1, 19) сатрап Фарнабаз разогнал отряд в 700 греков двумя колесницами и, напав на них затем со своими всадниками, изрубал их совершенно[53].

Фаланга, лишенная поддержки конницы, не смогла бы сопротивляться общему натиску персидских всадников и стрелков из лука; медленно изойдя кровью, она должна была бы погибнуть.

По рассказам греков, позднее, при взятии добычи, был найден план сражения персов; он точно передается нам, но ничего существенного внести не может. Надо только отметить, что, по-видимому, не только оба фланга состояли из всадников, но и в центре пехота и конница были перемешаны; это говорит о том, что пехота была не так многочисленна.

Александр сумел предусмотрительно изменить обычный план своего построения войск применительно к обстоятельствам. Огромной массой своей пехоты он воспользовался не для того, чтобы удлинить боевую линию, что сильно затрудняло бы движение вперед в боевом порядке, но удвоил ее глубину и дал сзади стоящим отрядам приказ повернуть кругом в случае

нападения с тыла. Главным же образом он защитил себя от опасности охвата более сильной неприятельской конницей в открытом поле; на него могли напасть отряды легковооруженных и всадников, которые были расположены уступом с обоих флангов, т.е. глубокой колонной следовали за наступающей линией, откуда они могли развернуться так, чтобы удлинить боевую линию (а колонна за правым крылом отошла, следовательно, влево); или же, переменив фронт в сторону фланга, образовать уступ, чтобы встретить нападение с фланга, а равно и для того, чтобы прикрыть сзади те бреши во фланге, которые могли бы образоваться во время наступления.

Таким строем македонское войско двинулось против персов. Если считать, что из 47 000 чел., которые, по словам историков, составляли это войско, отпадают несколько тысяч человек, выделенных для охраны лагеря и больных, то остается еще огромная масса, которая тяжело и медленно продвигалась вперед, чтобы не прийти в беспорядок.

Персидский план сражения не оправдал ожиданий в отношении колесниц. О слонах мы в описании боя вообще ничего не находим. Против колесниц Александр выслал стрелков, которые,

рассыпавшись в цепь, уничтожили водителей колесниц выстрелами или, обегая колесницы, стаскивали их водителей с мест. Лошадей без возниц легко можно было отпугнуть, а там, где они наезжали на фалангу, воины, расступаясь, давали им дорогу, так что только немногие были схвачены и изранены острыми серпами[54].

Между тем конница обеих сторон вела бой с переменными результатами. После того как персы обошли фланг македонян, а последние противопоставили им свой уступ, обе конницы пытались взаимно выиграть фланг. Исход был еще сомнителен, когда фаланга, разделавшись с колесницами, вновь начала наступление; левое крыло, оторвавшись от правого, пошло вперед, а когда при его поддержке кавалерия произвела натиск на персов, те обратились в бегство.

Правда, при наступлении фаланга разорвалась, причем персидские и индийские всадники прорвались в эту брешь; но эти недисциплинированные толпы ринулись на македонский лагерь, вместо того чтобы ударить в тыл македонянам, так что и этот эпизод не имел значения для исхода боя. Одно время левое крыло македонян под командой Парменона попало в затруднительное положение, но было выручено победоносным правым крылом.

Сражение при Гавгамеле, – совершенно так же, как и оба предыдущие сражения, – было решено действиями против фланга победоносно наступавшим правым крылом. Почему при Гавгамеле победило правое крыло, из описаний неясно. Из распределения войск нельзя усмотреть, что на правом крыле было больше кавалерии, чем на левом (Рюстов и Кёхли даже высчитали обратное), и ничто не указывает на то, что противостоявшее ему левое крыло персов было слабейшим.

Сообщение Диодора о том, что македоняне потеряли около 500 убитыми и очень много ранеными, вполне правдоподобно[55].

1. Рюстов и Кёхли, а с ними большинство повествователей совершенно иначе понимают боевую обстановку, чем она описана выше. Они видят в поставленных "полукругом" войсках второй эшелон, который следовал за обоими флангами. В сущности это вполне вероятно; но я соглашаюсь в данном случае с Дройзеном ("Heerwesen", стр. 119), что "полукругом" означает уступом; в дальнейшем это толкование является единственно возможным. Арриан говорит затем, как с внешней стороны левого крыла, примыкая к лейб-эскадрону (телохранителям), "полукругом" стояли части Аталла (агрианы, пелътасты), за ними ("вместе с ними") части Брисона (лучники), а к ним примыкали ("смыкаясь со стрелками") части Клеандра (род войск неизвестен). Это с натяжкой можно было

назвать расположением во время второго сражения. Но далее Арриан говорит:

"Впереди агриан и стрелков были построены передовые отряды конницы и пэонийцев, во главе которых стояли Арет и Аристон. Впереди же всех выстроились наемные войска, которыми командовал Менид".

Не может быть, чтобы все эти войска помещались между первой и второй линиями. Поэтому Рюстов и Кёхли правильно определяют их место подле отрядов Аттала и лучников и рассматривают их как выступающую часть второй линии.

Если бы Арриан хотел это сказать, то он по крайней мере выразился бы гораздо точнее. Но все становится совершенно ясным, если мы представим себе войска Аттала, Брисона и Клеандра в виде глубокой (походной) колонны на крайнем правом фланге главного фронта, начинавшейся у эскадрона телохранителей-гетэров; рядом с нею вправо, на некотором расстоянии, – обе другие колонны, сначала Арета и Аристона, а затем – Менида. Это "рядом" Арриан и его источники выражают словом *"πρὸ"* ("впереди"), так как эти части поставлены уступом таким образом, что их фронт, собственно говоря, повернут к флангу (ср. Dlttberner, Schlacht bei losses, S. 10). Следовательно, разница между моим толкованием и толкованием Рюстова–Кёхли та, что я себе представляю расположение этих отрядов в виде трех параллельных глубоких (походных) колонн, а Рюстов и Кёхли – в виде уже развернувшихся рядом друг с другом.

Три параллельные колонны правого крыла получили приказ: "Если будет необходимо, развернуть

(загнуть?) и сомкнуть фалангу". Выражение "άναπτύσσειν" переводилось различно, как словами р а з в е р н у т ь с я, р а с п р о с т р а н и т ь с я, п о с т р о и т ь с я, так и словом о б о г н у т ь. По смыслу возможны оба значения. Если Арриан подразумевает последнее, тогда приказ значил следующее: войска должны были в случае надобности обогнуть фалангу, т.е. образовать уступ. Правда, они уже находятся в положении "полукругом" по отношению к главному фронту, но еще не подошли к нему; если последует нападение противника с фланга, то они с этой стороны должны образовать фронт тем, что они зайдут. Поэтому они, вероятно, отошли влево. В другом толковании они находятся здесь для того, чтобы "замыкать" *(ξνγκλετσαι)* фалангу, т.е. если на походе будут образовываться разрывы, то вдвигаться в них, а может быть (хотя это и не выражено в данном слове), им надо было удлинить фронт вправо.

Но если признать, что "άναπύσσειν" значит "развернуться", то этот приказ надо понимать так: отряды должны подойти к фаланге, т.е. удлинить фронт, или же замкнуть фалангу, т.е. прикрыть ее с фланга. Значение обоих выражений *"άναπτύσσειν"* и *"ξνγκλετσαι"*, таким образом, противоположно, но общий смысл остается тот же.

2. Места, где в греческой литературе слово "άναπτύσσειν" употребляется в военном смысле, могут иметь иногда одно, а иногда оба эти толкования. В собственном описании Арриана, где он говорит о сражении при Иссе (II, 8, 2), Александр заставляет армию выйти из гор, причем со вступлением в долину "он развернул походные колонны в фалангу и

приказал одному звену идти за другим". Но греческий текст можно также перевести иначе: "Он заставил походную колонну обогнуть фалангу, пропуская одно звено за другим".

У Кунаксы греческой фаланге гоплитов с левого фланга (первоначальный фронт) угрожает персидская конница, в то время как правый фланг прикрыт рекой. Тогда греки решают "развернуть колонну и построиться, имея реку в тылу". Это может означать: сначала фаланга сделала поворот к угрожаемому флангу и двигается в эту сторону, или, вернее, разворачивается в эту сторону, так как такая глубокая колонна при обычном марше пришла бы в полный беспорядок; для того чтобы такие маневры произвести в полном порядке, нужно применить искусное развертывание. Против этого толкования говорит то, что греки таким образом заняли бы позиции на расстоянии 1,5–2 км от реки, т.е. река, собственно, не могла служить им прикрытием. Именно поэтому и собирались произвести передвижение к другому крылу так, чтобы греки во время движения повернулись к противнику тылом. Впрочем, Ксенофонт, может быть, хотел сказать, что греки загнули свое угрожаемое крыло, т.е. образовали уступ. Но и этот маневр был трудно выполним, а к тому же новая позиция была тактически очень невыгодна, так как при первом же ударе со стороны какого-либо из фронтов фаланга была бы разорвана.

В третий и четвертый раз мы встречаем выражение *"ἀναπτύσσειν"* у Ксенофонта в "Киропедии" (VII, 5, 3 и VII, 5,5). Кир хочет сократить наполовину длинную по фронту, но неглубокую фалангу и таким образом удвоить ее глубину. Для этого он приказывает

стоящим на флангах гоплитам перейти за остающийся на месте центр. Это выражено следующими словами: "Он приказал гоплитам с обоих флангов идти за стоявшую на месте центральную часть войска, до тех пор, пока оба фланга не сойдутся в центре".

"Если эта фраза относится к уже стоящей фаланге, то слово "обогнуть" дает правильный, ясный смысл. Было бы иначе, если бы фаланга, о которой идет речь, была не та, в которой стоят гоплиты, а та, к которой они должны были подойти. Тогда надо перевести так: "Он приказал гоплитам обоих крыльев построиться фалангой и идти позади оставшегося на месте центра, пока оба конца не сойдутся". Такое выражение все же звучит как-то нехорошо. Далее идет так: "При построившейся (или загнутой) таким образом фаланге необходимо было иметь самых отборных бойцов в первых и последних рядах". Первая половина может означать: "При таком развертывании фаланги" или "При таким образом обойденной фаланге".

Плутарх (Пелопид, гл. 23) описывает, как в сражении при Левктрах спартанцы хотят обойти фиванцев. Это место можно перевести только так: "Они завернули свое правое крыло и повели его (или – они повернули свою правую сторону кругом), чтобы окружить противника".

Наоборот (Dio Cassius, L, гл. 29), римляне под предводительством Антония в сражении с парфянами "развернули всю фалангу и внезапно вырвались оттуда".

Здесь, пожалуй, можно перевести так: "Дали всей фаланге развернуться".

В "Тактике" Арриана, VIII, 3 (Кёхли и Рюстов, Греческие военные авторы, II, 1, 286), объясняется,

что в войске, в котором каждую из частей всегда легко можно разбить на две части, все передвижения выполняются очень легко. Тут тоже употребляется выражение "развертывая, вытянуть". И здесь ни в коем случае нельзя перевести как "обойти, обогнуть"; сочетание со словом "выпячивать, вытягивать", требует толкования "развернуться, построиться".

Ср.: Кёхли и Рюстов. Греческие военные авторы, II, 2, 267 и примечания к "Анабазису" Ксенофонта, I, 10, 9 в изд. Шнейдера, Фольбрехта и Крюгера, а также примечания Диндорфа к "Киропедии" Ксенофонта (VII, 5, 3); далее – Рейсс, "N. Jahrb. f. Philol.", т. 127, стр. 817; Бюнгер, там же, т. 131, стр. 262.

3. Там, где построение войск позади обоих крыльев толкуется как вторая линия, там и двойную фалангу в центре тоже толковали как построение в две линии. Уже Дройзен ("Heerwesen", стр. 120) выражает – и с полным основанием – сомнение в этом толковании. Прежде всего спрашивается, какие части тут стояли; было бы в высшей степени удивительно, если бы о них совершенно не было упомянуто, тогда как приводятся названия каждого маленького отряда, и тем удивительнее, что эти части производят самостоятельные действия, а именно – прогоняют проникшего в лагерь противника. Низе высказал предположение, что здесь стояли не упомянутые раньше греческие союзники, которые, вероятно (Kohler, Sitz.-Ber. d. Berliner Akademie, 1898 г.), даже не принимали участия в этом бою, а потому все предположения о второй линии нужно отбросить. О значении и характере построения в несколько линий мы еще будем говорить; при Гавгамеле это построение не только не доказано, но просто отрицается

рассказом о разрыве фаланги и о прорыве сквозь эту брешь неприятельской конницы. Расстояние между линиями не превосходит 100 шагов, и обе линии двигаются самостоятельно. Если первая линия разорвется, что очень легко может случиться, то вторая, которая едва ли может случайно разорваться в том же месте, конечно, послужит для закрытия этого прорыва или для задержания прорвавшегося неприятеля. Резервные части за флангами должны были выполнять те же функции, а они отличались от второй линии только тем, что не были построены. В центре же, за фалангой, еще меньше могла находиться вторая линия, так как тогда конница противника не прошла бы так свободно. Следовательно, двойную фалангу надо рассматривать только как удвоенную в глубину, причем задним отделениям было приказано сделать в случае надобности поворот.

4. По рассказам Арриана, когда оба войска подошли друг к другу настолько близко, что македоняне могли ясно видеть царя Дария и его свиту, Александр велел своей армии произвести перемещение вправо. Рюстов и Кёхли передают это так: "Александр поэшелонно передвинулся в полоборота вправо"... "это перемещение было рассчитано на то, чтобы бросить всю македонскую армию на левый фланг персов". Произвести подобного рода фланговый марш большой армией – значит проявить такое искусство маневрирования, каким вряд ли обладали македоняне. Кроме того, это передвижение было настолько опасно, что его смело можно назвать невероятным: ведь противнику надо было только подойти и он мог бы напасть на македонскую армию в таком состоянии, что она едва

ли смогла бы обороняться. Фланговый марш на таком близком расстоянии от неприятельского фронта применим только тогда, когда можно быть уверенным, что противник останется в оборонительной позиции. Но персы, главная сила которых заключалась в коннице и колесницах, ждали только момента наступления. Быть может, кто-нибудь вспомнит фланговый марш Фридриха Великого при Лейтене; но этот марш производится за закрытием в виде горной цепи, так что противник его вовремя не заметил и даже подмеченное им, наконец, движение принял за отступление. Но у персов предполагаемое движение македонского войска происходило якобы перед самыми глазами, причем они будто бы тоже сделали параллельное фланговое перемещение, чтобы встретиться с врагом. Не говоря о том, что такое искусство можно меньше предположить у персов, чем у македонян, само это движение совершенно непонятно: если македоняне передвинулись вправо, то они подставили персам правый фланг; значит, последним достаточно было идти вперед (по выровненному будто бы полю), чтобы еще во время движения ударить на македонян с фланга и тыла.

Только после того, как обоюдное фланговое движение продолжалось уже некоторое время, Дарий будто бы решил, что лучше всего перейти в наступление, но не потому, что македонское войско находилось в невыгодном положении, а для того, чтобы армии не сошли с искусственно выровненного поля на неровную почву, где колесницы оказались бы непригодными.

Ясно, что события, как их описывает Арриан и как их разбирают с военной точки зрения Рюстов и Кёхли,

абсолютно не могли иметь места. Может быть, маневры при начале наступления, когда армии еще не были так близко одна от другой, перепутали с передвижениями собственно по полю сражения. Осмотрительная критика должна принять только то, что описано ранее, а именно, что всадники и легковооруженные правого крыла старались выиграть фланг друг у друга.

То, что фаланга разорвалась при наступлении, было, по Арриану, связано с фланговым маршем. Но разрыв совершенно естественно мог произойти и тогда, когда вовсе не было нарочитого движения вправо, так как широко построенную линию чрезвычайно трудно двигать совершенно ровно вперед; следовательно, при более или менее длительном наступлении разрыв почти неизбежен. Если македонская армия двинулась вправо, то это, конечно, не входило в намерения Александра, так как каждое отклонение от прямой линии увеличивает опасность беспорядка, а было случайной ошибкой, которую лагерная легенда превратила затем в тактический маневр.

5. Швейгер-Лерхенфельд (v. Schweiger-Lerchenfeld) в своей обработке научной экспедиции инженера Черника (Дополнение No 45 к "Petermanns Geogr. Mitteil.", 1876 г., стр.3) пытается найти место сражения ближе и находит его в плодоносной долине у м. Кермелиса. В военном отношении из этого ничего не вытекает.

6. Сражение при Гавгамеле является, по-видимому, единственным большим сражением в мировой истории, в котором боевые колесницы с ножами играли действительную, хотя и неудачную роль.

Ксенофонт в "Киропедии" VI, 1, 30; VI, 2, 17; VII, 1; VII, 8, 24) неоднократно и подробно возвращается к ним, вероятно, не только потому, что они дополняли картину персидского боевого могущества, но и потому, что легендарный ужас, наводимый этим оружием, возбуждал его фантазию. Это и после него случалось со многими. Леонардо да Винчи занимался конструированием таких колесниц и рисовал, как они врезаются в массы противника, причем руки и ноги неприятельских бойцов летят в разные стороны. Хотя Ксенофонт подробно описывает боевые колесницы, но он же указывает и на их слабость. Кони у него в броне, а водители колесниц терпят в бою (VII, 1) большие потери; в заключительной главе он говорит, что ныне персы не умеют править колесницами; они выезжают на них, но вскоре возницы соскакивают или вылетают, и тогда никем не управляемые кони приносят больше вреда своим, чем неприятелю.

7. Фридрих Гакманн (Friedr. Hackmann, Die Schlacht bei Gaugamela, Dissert. Halle, 1902) пытался реконструировать сражение совершенно иначе. Я мог почерпнуть оттуда только некоторые отдельные поправки, в целом же диссертация неудачна, так как у автора не хватает необходимых знаний по элементарной тактике и вытекающих отсюда возможностей (ср. мою рецензию в "Deutsch. Liter. Zeit", 1902, No 51, Sp. 3229).

Глава V

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГИДАСПЕ

Обычно считают, что Александр начал поход на Индию во главе войска в 100 000–120 000 чел., т.е. втрое большего, чем войско, с которым он шел против Дария. Но эти данные переданы не вполне достоверно и сами по себе неправдоподобны, даже невозможны[56].

Решительный бой при Гидаспе с Пором, по определенным и не подлежащим сомнению данным Арриана, шел при участии 11 000 чел. (из них 5 000 всадников)[57]. Не приходится думать, что против столь малоспособного к сопротивлению противника Александр выставил войско во много раз большее чем то, с которым он покорил гигантское царство Дария. Кроме того, за войском шел очень длинный обоз, женщины и дети[58], что при 120 000 бойцов составило бы много сотен тысяч человек. Такая масса не так легко и быстро двигается, как двигался Александр; да, наконец, переход через Гиндукуш по тропе на высоте 4 000 м одной колонной для такой массы просто исключается.

Исходя, с одной стороны, из того, что при Гидаспе вступили в бой 11 000 чел. и что на

другом берегу осталась значительная часть войска, но, с друг стороны, учитывая, что Александр никогда не принял бы решающего сражения без того, чтобы в нем участвовала по крайней мере треть войска, мы можем принять общую численность войска от 20 000 до 30 000 чел.

О численности войска Пора греческие источники дают нам самые разнообразные, – очевидно, взятые вполне произвольно, – цифры. Диодор (XVII, 87) приписывает ему 50 000 чел. пехоты при 3 000 всадников, более 1 000 колесниц и 130 слонов. По Арриану, у него было 4 000 всадников, 300 колесниц и 200 слонов; по Плутарху – 20 000 пехоты и 2 000 всадников; по Курцию – всего 85 слонов. Существенно, что все источники единогласно дают македонянам перевес в численности кавалерии: 5 000 против 4 000 (по Арриану), 3 000 (по Диодору) и 2 000 (по Плутарху). Сила индийцев заключалась в слонах, число которых соответственно наименьшей цифр было 85.

Пор не решался дать генеральное сражение и думал, что сможет обороняться, препятствуя переходу македонян через многоводный Гидасп. Это никак не могло удаться, так как мало-мальски опытный тактически противник раньше или

позже нашел бы средства неожиданно перебросить свой отряд выше или ниже. Так как нам сообщают, что еще один индийский князь собирался идти на помощь Пору, то весьма возможно, что Пор, ошибочно считая реку абсолютно непреодолимым препятствием, не растерялся, а просто старался выиграть несколько дней, чтобы дать подойти подкреплению[59].

Решительный момент наступил, когда Александр неожиданно переправил 11 000 чел. в 4 милях вверх по течению от того места, где оба войска стояли друг против друга, и Пор, после того, как был разбит отдельный отряд, пошел к нему навстречу. Пор, как и македоняне, разместил свою кавалерию на обоих крыльях; ее подкрепляли боевые колесницы, которые мы должны себе представлять не как колесницы с ножами, а как легкие колесницы, везущие стрелков из лука.

Но конница, как мы знаем, была немногочисленна. Сила индийского войска была в слонах. Последние были построены в центре боевой линии, вместе с пехотой, в совершенно особом строю. Животные, на которых, кроме вожака, помещалась еще небольшая башенка с несколькими стрелками, стояли на некотором расстоянии друг от друга; пехота находилась

непосредственно за ними, но так, что она заполняла промежутки между слонами. Так как Арриан определенно говорит, что пехота образовала второй фронт, то нельзя сказать ни того, что она была разбита на небольшие группы, ни того, что она стояла на некотором расстоянии позади слонов; скорее фаланга стояла за слонами более тонко, а между слонами более глубоко. Все вместе, по свидетельству греков, походило на городскую стену с башнями. Пор ожидал, что греки не решатся двинуться в промежутки между слонами: лошади, наверно, испугаются слонов, а пехота не решится на это потому, что, если она двинется вперед для нападения на слонов сбоку, ей придется опасаться индийской пехоты, если же она обратится против последней, то придется опасаться, что слоны обратятся против нее и растопчут ее.

Как была вооружена индийская пехота, мы точно не знаем. Греки называют их гоплитами; но нельзя предположить, что мы тут имеем дело со сплоченным построением для рукопашного боя, каким являлась греко-македонская фаланга. Построение слонов впереди этой пехоты указывает на то, что именно от слонов ожидали решающего исхода; пехота в этом войске еще более, чем в персидском, была просто

вспомогательным средством. Она должна была, по сообщению греков, служить своего рода прикрытием для слонов[60]. По численности индийская пехота, вероятно, значительно превосходила 6 000 чел., выставленных Александром. Македоняне применили свое обычное построение – фаланга в центре, кавалерия на крыльях[61]; правое крыло, шедшее вдоль реки, которым обычно командовал сам царь, теперь вел Койнос; левое, не имевшее опоры и потому особо угрожаемое, но могущее со своей стороны легко обойти и ударить с фланга, – вел сам Александр. Он велел, однако, фаланге держаться сзади, пока с кавалерией не внесет смятения в ряды противника, для чего он приказал кавалерии ударить на врага не только с фронта, но сейчас же, применяя охват, и с фланга.

Так как мы можем с уверенностью сказать, что македоняне были гораздо сильнее индийской конницы не только своей численностью, главным образом тактической подготовкой, то маневр удался на обоих флангах. Индийские колесницы еще менее, чем всадники, смогли противостоять натиску сомкнутых македонских эскадронов; разбитые искали укрытия позади слонов, а македоняне преследовали их. Но около слонов, – которые, вероятно, повернули и пошли сквозь

пехоту навстречу македонянам, – атака последних остановилась: лошади шарахались, и их никак не удавалось подвести ближе к чудовищам. Так как Александр уже больше года стоял у границы Индии, а несколько месяцев назад вошел в самую Индию и был связан с индийскими князьями, приводившими ему слонов, то для македонян это сражение не было неожиданностью. Именно ожидая, что лошади будут бояться слонов, Александр не решился на переправу через Гидасп перед лицом противника, а сделал обход. Можно только удивляться, что нигде не сообщается о том, пробовали ли македоняне приучить своих лошадей к виду и крику этих огромных зверей. Во всяком случае сейчас им пришлось сразу отступить, и Пор перешел в наступление против македонской кавалерии, а фаланга – против него, так что сражение стало всеобщим.

Греческие источники стараются изобразить весь ужас этого сражения: слоны проникают в ряды противника, как бы тесно они ни стояли, растаптывают бойцов или хватают их хоботами и швыряют в воздух, или вонзают клыки в их тела; а стрелки на их спинах, под предводительством могучего царя Пора, мечут свои стрелы.

Но все же, наконец, побеждают македоняне. Стрелами и дротиками они снимают вожаков со

слонов и лишают последних управления, а кроме того, наносят самим слонам столько страшных ран, что те или не хотят идти, или просто поворачивают назад.

Как только слоны ослабевают, индийцы попадают в катастрофическое положение. Их пехота, хотя и была, вероятно, многочисленнее македонской, не сумела использовать внесенное слонами смятение, для того чтобы в рукопашном бою окончательно сломить македонскую фалангу. Кроме того, все индийское нападение, вероятно, было с самого начала парализовано тем, что македонская кавалерия, во время преследования после начальной своей победы, проникла в тыл неприятельской боевой линии, так что, даже отступив перед слонами, она все же осталась не только на поле сражения, но и в тылу слонов и пехоты противника.

Благодаря своему большому превосходству она погнала двинувшихся было вперед индийских всадников снова назад, на слонов. Весьма предусмотрительно Александр приказал своей фаланге, как бы она тонка была, сначала держаться позади: атаки слонов совместно с индийской пехотой без всякой задержки она, пожалуй, не выдержала бы. Продолжавшийся кавалерийский бой в тылу, очевидно, с самого

начала подавлял уверенность и энергию наступательного движения индийцев, а как только они остановились, они оказались просто зажатыми в тисках и постепенно сдавливались все больше и больше. Их собственные слоны, повернувшие обратно, топтали их; им некуда было отойти, а македонская пехота отступала перед внешним кольцом слонов, которые еще шли вперед, чтобы потом погнать их назад стрелами и, идя за ними сомкнутыми рядами, гнать войско противника навстречу македонской кавалерии.

Большая часть индийского войска таким образом погибла, а большинство слонов и сам Пор были взяты в плен.

По Арриану, македоняне потеряли в этом сражении 310 убитыми, из них 230 всадников. Эта ничтожная цифра заставляет нас подумать, действительно ли сражение было так страшно и упорно, как его изображают наши источники. Но если принять во внимание, что в позднейшие времена македонские военачальники, принимавшие участие в этом сражении, а потом, в качестве преемников Александра, разделившие его царство и боровшиеся за него, вводили в свои войска слонов в еще большем количестве, то из этого можно вывести заключение о ходе сражения. Очевидно, на македонян произвела

очень сильное впечатление боеспособность и пригодность слонов в военном деле, и победа им далась не так легко. Когда мы читаем у Диодора, что македоняне потеряли 280 всадников и более 700 пехотинцев, то мы верим этим данным больше, чем арриановым. Почти тысяча убитых и, конечно, несколько тысяч раненых на войско в 11 000 чел. указывают на чрезвычайно жестокое сражение. Известное влияние, должно быть, имели македоняне, переправлявшиеся через Гидасп в тылу у индийцев, даже пока они еще не вмешались в бой; может быть, цифра потерь относится и к этим частям, так как они принимали участие в преследовании противника, и должна быть вычтена из потерь главных сил.

1. Описание боя у Плутарха опирается на письмо самого Александра, которое его биограф передает косвенной речью. Но подлинность этого письма оспаривалась, и Ад. Бауэр в своем весьма тонком исследовании ("Festgaben fьr Bьdinger", Innsbruck 1898) указал, что в некоторых местах письмо это расходится с сообщениями Арриана (который в свою очередь передает не отличающиеся по существу описания Птолемея и Аристобула), а именно в том смысле, что будто бы Александр предвидел все. Особенно это касается перехода через Гидасп со всеми промежуточными событиями, которые нами опущены. Но, говорит Бауэр, талант полководца заключается совсем не в том, чтобы предвидеть все

случайности, а в том, – и Александр блестяще доказал это, – чтобы при неожиданных событиях быстро принимать нужное решение. Письмо, которое хочет польстить Александру, написано безграмотным в военном отношении человеком. Оно, конечно, написано не самим Александром, а составлено каким-нибудь придворным, которому сообщения Аристобула и Птолемея были известны, но казались недостаточными. Если речь идет действительно о личном письме Александра, то его надо признать или фальшивым, или оно сильно говорит не в пользу своего автора. Но подделка, по-моему, не очень вероятна, так как, с одной стороны, неоспорима связь с сообщениями, которые мы находим у Арриана, взятыми из Птолемея, а с другой стороны, в письме есть несколько своеобразных оборотов, говорящих об истинном знатоке. Когда, кем и с какой целью была совершена эта подделка? Опубликовал ли Птолемей при жизни Александра повествование, которое он потом перенес в свою историю, или спустя целый век кто-то захотел польстить умершему царю, подделав письмо?

Мы преодолеем все эти затруднения, если будем считать это письмо подлинным, но не личным письмом самого Александра, а своего рода бюллетенем, написанным кем-либо из приближенных секретарей царя. То, что Бауэр проницательно отметил как характерную черту письма, – именно, необычайное предвидение Александра, – как раз и есть стиль официальных военно-исторических сообщений. Если только рассмотреть с этой точки зрения современные труды генеральных штабов, хотя бы и написанные офицерами, – и даже мемуары с

о. св. Елены о 1796 г., а особенно официальные французские отчеты о походе 1800 г., то и в них можно найти много похожего.

Военное искусство трудно именно потому, что оно вынуждено действовать во тьме неизвестности или полуизвестности и что даже проницательный взор величайшего полководца не может вполне проникнуть в эту тьму. Но этим положением никогда не надо хвастать перед общественным мнением, – им можно только извинять ошибки. Самый удобный способ внушить публике мнение о гениальности полководца – это показать ей, как последний все предвидел и рассчитал наперед. Мы не преступим известных границ, если будем считать, что Александр действительно выпустил этот бюллетень под своим именем, хотя и придал сообщениям окраску, о которой мы говорили.

2. По Арриану, слоны Пора стояли на дистанции 1 плетрона (100 футов), и поэтому Рюстов и Кёхли рассчитывают длину боевой линии в 1,25 мили (ок. 9 км). У Александра, напротив, фронт был совсем короткий – только до двадцатого слона; его боевой план заключался в том, чтобы сначала разбить только одно – именно левое – крыло индийцев. В наших источниках указаний на такой фланговый бой не имеется; непонятно, почему остальные 180 слонов не ударили македонянам во фланг, да и в изложении Рюстова и Кёхли ничего не говорится о фланговом бое. Но каким образом македонское войско численностью в 11 000 чел. растянулось на 1,25 мили? Решение этого вопроса можно найти только в том, что у Арриана сильно преувеличено как число слонов, так и промежутки между ними. Даже с Птолемеем

(который присутствовал при сражении) могло случиться, что он по первому впечатлению оценил расстояние между слонами в 1 плетрон, не уяснив себе, какого протяжения достигнет тогда вся боевая линия. Полиэн (IV, 3, 22) в описании боя, который может служить примером и предупреждением против ненадежных источников, дает расстояние между слонами в 50 футов (15 м).

3. Изображение хода боя, данное мною здесь, существенно отличается от обычных изображений несколько иным толкованием кавалерийского боя на обоих флангах и связанного с этим тылового нападения. Речь идет о разрешении неясности в изложении Арриана.

Александр, говорит он, обратил главные силы своей кавалерии против левого крыла противника. Одновременно он послал Койноса с двумя гиппархиями против правого крыла с тем, что, если варвары пойдут против Александра, он должен ударить им в тыл. Спрашивается, как Койнос мог бы это сделать, если бы он стоял на другом крыле? Не мог же он объехать кругом всю боевую линию неприятеля? Поэтому Рюстов и Кёхли считают, что он был послан не против правого крыла неприятеля, а на внешнее правое крыло македонян, и Бауэр пытался объяснить фразу Арриана тем, что отнес слово *"δεξιόν"* к индийцам, но истолковал все это как ложный маневр: Койнос будто бы двинулся в том направлении, но затем повернул и поддержал Александра.

Мне это толкование как в языковом, так и в смысловом отношениях кажется непонятным. Фраза ясно гласит[62]: как Александр пошел против левого,

так Койнос – против правого крыла врага. Но если Койнос должен был напасть с тыла на индийских всадников, шедших навстречу Александру, то он должен был торопиться и не мог произвести демонстративного маневра, который не имел никакого смысла, а Арриан не пропустил бы, что от ложного маневра против правого крыла противника Койнос перешел в истинное наступление на левое крыло. Кроме того, македонская фаланга безусловно имела на своем левом крыле кавалерию.

Остается только признать, что повествование Арриана заключает в себе неразрешимое противоречие. Наполовину замазывать это противоречие искусственно притянутым толкованием – это ни к чему не приведет: ошибку надо установить и постараться ее устранить. И это не так трудно, даже без помощи других источников.

Несомненно, Александр на обоих крыльях своего войска имел кавалерию. Кавалерией одного крыла командовал сам Александр, кавалерией другого – Койнос. На обоих крыльях конница македонян численно превосходила противника. Арриан рассказывает далее о правом крыле так: Александр послал против неприятеля своих конных лучников. Значит, Александр напал на индийских всадников со своей гвардией с фланга, в то время как с фронта они были атакованы конными лучниками.

До сих пор все ясно. "Затем, – продолжает Арриан, – Койнос появляется в тылу у индийцев, и они вынуждены образовать двойной фронт против него и против Александра". Вот здесь и кроется путаница. Ведь Койнос находится на другом крыле, а индийцам и без того пришлось образовать двойной фронт –

против гетэров и против конных лучников; если бы с тыла еще подоспел Койнос, то им пришлось бы биться тройным фронтом.

Тут не может быть ничего иного, кроме того, что Арриан был невнимателен и плохо понял свои источники. Койнос не имел никакого отношения к бою на этом крыле. В источниках, очевидно, было написано, что как на крыле Александра, так и на крыле Койноса был произведен обход неприятеля и нападение одновременно с фронта и с фланга, что означает также нападение с тыла, если противник не произвел одновременно встречного движения. Обход, который Койнос произвел на своем крыле, Арриан перенес на крыло Александра.

Если мы в этом смысле исправим текст Арриана, то он не только станет ясным, но и будет совпадать с бюллетенем, в котором определенно говорится, что Александр на одном, а Койнос на другом крыле напали на противника, который был разбит на обоих крыльях и отступил к слонам.

Это свидетельство является решающим, если только не считать бюллетень подделкой, для чего нет решительно никаких оснований.

Путаницу, которую произвел Арриан смешением правого и левого крыльев, можно не только констатировать, но думаю, что, идя далее, можно установить, откуда она произошла. Бюллетень (в косвенной речи у Плутарха) передает приказ Александра следующими словами: "Сам он атакует один фланг, а Койносу приказывает напасть на правый". Если бы эти слова стояли отдельно, то в их значении сомневаться бы не пришлось, и их перевели бы так: "Царь сам атаковал одно крыло, приказав

Койносу напасть на другое". Согласно этому, значит, Александр сам вел правое, а Койнос – левое крыло. Но вся фраза звучит так: "Опасаясь зверей (слонов), а также многочисленности врага, он сам нападает на один фланг, а Койносу приказывает атаковать другой". Значит, построение крыльев особо мотивируется, т.е. оно не походит на обычное: "Из опасения слонов и большого числа врагов" царь сам берет на себя одно, а Койнос другое крыло; это не имело бы смысла, если бы в построении крыльев не случилось нечто необычайное. Но в представлении всех греков Александр командует правым крылом и атакует левое крыло неприятеля.

Если же вместо этого он атаковал бы правое крыло противника, то слово "другое" и все слова, относящиеся к Койносу, можно прекрасно толковать так, что он должен не "атаковал правое крыло" (противника), а "атаковать правым крылом" (своим). Большинство толкователей ради буквального смысла этой фразы и ради согласования с Аррианом переводило это место в первом смысле, но некоторые также и во втором, причем для последнего можно найти очень существенное обоснование. Индийцы опирались левым крылом на реку, и если бы они были здесь разбиты, они могли бы отступить в поле. Если бы их обошли и разбили на правой крыле, то главные силы войска оказались бы прижатыми к реке и отрезанными. Каждая победа в этом месте должна была немедленно сильнейшим образом повлиять на моральное состояние всего индийского войска. Александр, взяв на себя командование левым крылом, выбрал тем самым для себя позицию, которая одновременно была наиболее опасной и на которой он

мог оказать наибольшее влияние, причем с самого начала он повел сражение, имея в виду полное уничтожение врага, что ему и удалось, вплоть до взятия в плен самого Пора и наиболее ценной части его войск – слонов. Пор, вероятно, ожидая, что царь македонский по обыкновению поведет правое крыло, сам стоял на левом.

О том, что Александр в этом сражении действительно командовал левым крылом, у нас имеются еще указания.

По Курцию, Александр отдает приказ: "Пока я в сопровождении Птолемея, Пердиккки и Гефестиона буду наносить удар левому флангу противника... ты направляйся к правому флангу и, приведя неприятеля в замешательство, атакуй его". Но дальше говорится: "На левом фланге получилась невообразимая каша".

Таким образом, Курций сам себе противоречит. Очевидно, правилен не первый, а второй отрывок. Ведь ясно сказано, что к полкам, которые хотел вести Александр, принадлежал также полк Пердикки. Но в бою, который Александр перед настоящим сражением дал отдельному отряду Пора, Александр послал Пердикку с его всадниками против правого крыла неприятеля (VIII, 47, "Perdiccam cum equitibus in dextrum cornu hostium emisit"). Маловероятно, что именно те всадники, которые уже вели бой на левом крыле, потом участвовали в обходе крайнего правого крыла.

Против нашей трактовки говорит то, что бюллетень совершенно не указывает на выдвинутые нами причины как основание для перемены приказа, а только в общих чертах говорит о слонах и численности противника. Это совершенно не может

нам помочь: разве может против слонов и многочисленности противника принести помощь то, что один военачальник командует одним крылом, а другой – другим? Можно было подозревать, что Плутарх неточно излагает и что необычайность в приказании Александра заключалась в том, что, как сообщает Арриан, оба кавалерийские крыла поспешили вперед, в то время как фаланга сначала держалась позади. Но если мы будем считаться с представлениями греков, которые были и у автора бюллетеня, то не исключается возможность, что Плутарх передает содержание вполне правильно. Истинное стратегическое основание того, почему Александр на этот раз командует левым крылом, для бюллетеня слишком тонко и сложно. Автору кажется наиболее важно дать впечатление колоссальной опасности и необычайных достижений. В обычном сражении царь командует правым крылом, которое состоит из лучших частей, и, как правило, побеждает. Но при такой численности противника и при той опасности, какую представляло участие в сражении слонов, могло случиться, что неприятель тоже победит на своем правом крыле, а потому царь должен взять на себя лично встречу с противником на этом опасном участке.

Быть может (хотя определенно тут ничего сказать нельзя), в этом и был первоначальный смысл. Но вследствие того, что слова бюллетеня были так неопределенны и двусмысленны авторы уже давно находились в нерешительности, и как Курций, так и Арриан совсем запутались. Курций прямо противоречит себе: у него в одном месте на правом крыле ведет атаку Александр, а в другом – Койнос;

Арриан комбинирует атаки обоих крыльев в одну, а потому совершенно упускает из виду левое крыло.

Глава VI

АЛЕКСАНДР КАК ПОЛКОВОДЕЦ

Между греческими государствами происходило бесконечное число сражений как на воде, так и на суше. Эти государства имели друг на друга, так сказать, только отрицательное, разрушительное, препятствующее прогрессу влияние. Крупная держава образоваться этим путем не могла. Поражение афинян в Сицилии и морское сражение при Эгоспотамосе ликвидировали господство Афин, но Спарте дали только руководящую, не господствующую роль. Внутренние силы самой Спарты были для этого еще менее достаточны, чем внутренние силы Афин. Даже такие победы, как победа Агезилая при Коронее, не имели существенных положительных последствий, – совершенно так же, как и победа Эпаминонда при Левктрах и Мантинее, – потому что как войскам, так и государствам не хватало сил закрепить одержанные на поле сражения победы новым, прочным строем. Приходится преклониться перед мудростью Перикла, который, несмотря на избыток сил своих Афин, не дал увлечь себя сокрушительной и завоевательной стратегией и не

хотел одерживать бесполезные победы. Невероятные успехи обоих македонских царей стали возможны только тогда, когда для этого были готовы все средства. Не только фаланга гоплитов, говорит Демосфен афинянам ("Филиппики", III, 123, § 49), но и легкая пехота, лучники и всадники – все участвовали в войнах Филиппа. Прошли те времена, когда, как при отцах, спартанцы летом 4 или 5 месяцев находились на полях сражений, нападая на соседей, а зимой снова расходились по домам. Если царь Филипп не встречал противника в открытом поле, он шел на осаду со своими машинами. Зимы и лета для него не существовало, – он шел, куда хотел. Словом, подводя итог, можно сказать, что профессиональное войско заменило ополчение. В течение всей своей жизни, упорно работая и продвигаясь шаг за шагом, царь Филипп завоевал и оставил своему сыну власть, которая могла позволить развернуть самые широкие планы, а с развитием средств, с экстенсивным и интенсивным увеличением военной мощи, и военное искусство, изменив свой облик, приняло другие формы. Александр не только побеждал на поле сражения, но умел также и использовать эту победу. Непосредственное преследование разрушало боевую мощь

противника; политико-стратегическая комбинация подчиняла победителю страны, служившие базой для новых походов. Рейды македонской кавалерии с целью преследования противника, а также марши сквозь горы и пустыни были не меньшими военными достижениями, чем самые сражения и разрушение крепостных стен[63]. При преследовании противника к Гавгамеле много лошадей пало от истощения.

Александр был не только великим полководцем, но и полководцем большого стиля. К тому же он был велик не только этим.

Он занимает совершенно обособленное место тем, что соединяет в своем лице покорившего мир стратега с непревзойденно храбрым рыцарем-бойцом. Он искусно подводит войско к противнику, преодолевая препятствия местности и проводя его сквозь теснины; по-разному, в зависимости от обстоятельств, комбинирует различные роды войск для наиболее сильного совместного действия; обеспечивает стратегически свою базу и коммуникации, заботится о снабжении, выжидает, пока подготовка и снаряжение заканчиваются, бросается вперед и преследует после победы до полного изнеможения; и этот же самый человек во всех боях действует во главе своих всадников

мечом и копьем, врывается во главе штурмовой колонны в брешь или первый взбирается на стену неприятельской крепости. Это единственный момент в развитии военного дела, когда элементы ведения войны еще настолько близко соприкасаются друг с другом, что полководец по своей сущности является одновременно и бойцом; стратегические и тактические действия так просты, что от Мильтиада и Леонида до Эпаминонда это единство даже не приходится особенно подчеркивать. При Филиппе и окончательно при Александре руководство военными силами выросло в органическую функцию такой сложности и многогранности, что она отделяется от личных боевых качеств. И величайшее восхищение вызывает Александр тем, что он неисчерпаемой силой и уверенностью своей личности еще поддерживает это единство. Гениальным оком провидца он видит и учитывает все новые потребности и возможности, которые требуют и дают новые условия – состав и численность войск, протяженность и природа покоренных стран. Справедливо подчеркивают всегда, как он учел и использовал преимуществу преследования после победы, которые совершенно бы недоступны греческим гражданским полководцам[64]. Спартанцы в Пелопоннесскую

войну не могли и думать об осаде Афин; Александр же дополняет победу при Иссе 7-месячной искусной осадой и штурмом Тира. В Индии перед ним встает задача: победить новый род оружия – слонов – и перед лицом этом угрозы перейти водную преграду. Он сумел ее разрешить и всегда во всем участвует лично, не думая о том, что если в пылу сражения его постигнет участь рядового воина, то все его дело может погибну вместе с ним.

Здесь же я хочу указать, в каком пункте единство руководства и действия, которое еще поддерживает Александр, необходимо должно нарушиться. Это произойдет тогда, когда выступит принцип тактических резервов. Александр может еще лично броситься в самый бой, потому что с сигналом к наступлению прекращается деятельность полководца; на войска, которые уже вступили в бой, полководец имеет мало влияния. Но и у Александра мы находим некоторое руководство во время боя; победоносное крыло не должно слепо преследовать разбитого противника, но должно сначала устроиться и помочь отставшему крылу, если оно еще сражается. Но это уже не является действием главнокомандующего, а лежит в области управления отдельными войсковыми

частями и может быть связано с личным участием в бою. Только принцип оставления резервных частей, для которых время и место вступления в бой определяет сам полководец, исключает, как правило, личное участие его в бою.

1. Незадолго до своей смерти Александр, согласно изложению Арриана (VII, 23), предпринял полную реорганизацию своего войска. Он создал новую фалангу глубиной в 16 чел., в которой три первые и последняя шеренги состояли из македонян в их национальном вооружении, а 12 средних – из персов с луками и дротиками. Удивительное доказательство власти буквы сказывается в том, что современные ученые все время повторяют этот абсурд и пытаются строить остроумные гипотезы на тему о том, что Александр хотел достигнуть этим построением и как надо представить себе реальное его выполнение. В качестве извинения можно привести "Киропедию", в которой Ксенофонт, как мы видели выше, тоже приводит такую схему сочетания оружия ближнего и дальнего боя. У какого бы писателя Арриан ни позаимствовал свои сведения, ясно видно: речь идет опять об одном из тех доктринере построений, которые мы так часто встречаем в военной истории даже у практиков, несмотря на то, что при применении на деле оно сразу оказывается негодным, и ни в одном историческом сражении мы не видим даже попытки проведения такого плана в жизнь.

В "Тактике" Арриана–Элиана (III, 4, 3)[65] также имеется утверждение, что легковооруженная пехота

может стрелять из лука, метать камни и дротики через фалангу в 16 чел. глубиной.

Глава VII

ДИАДОХИ

Из мирового государства Александра выросло несколько небольших государств, основанных его военачальниками. Эти государства представляют собой то, что мы могли бы назвать военной монархией, – термин, еще не применимый к власти Александра. Наибольшее из этих государств – Сирия – лишено каких-либо естественных, национальных или географических основ; Египет хотя и не имеет национального единства, зато обладает географической базой; наконец, Македония сохраняет отчасти характер национального государства.

Войска этих государств по большей части состоят из наемников; большой приток варваров в большей или меньшей степени ассимилируется греко-македонской основой. Качество войск значительно падает, ибо отблески героической романтики, падавшие на воинов от личности и мировых завоеваний Александра, теперь потухли, а ведение войны свелось к лишенным всякой идеи междоусобным сражениям мелких царьков и было поставлено на деловую ногу. Но наемные войска как войска профессиональные обладают все-таки

настоящей добросовестностью и выучкой, и мы не можем не признать этой тщательной выучки за эллинистическими войсками в течение полутора веков после Александра. Источники определенно свидетельствуют о наличии инструкторов строевого дела и тщательном обучении[66].

Первоначальный размах в военном деле, принесенный македонянами еще из полуварварских времен или данный им двумя великими их царями, теперь возмещается искусной военной выучкой. Часть наемников образует постоянное войско[67].

Эта эпоха ставит вопросы военного искусства в трех плоскостях. Первый из них – вопрос о слонах.

Этот новый род войск является центральной проблемой эпохи. Как он был введен в уже готовый военный организм? Как его комбинировали с пехотой и кавалерией? Как далеко простиралось влияние нового элемента на функции прежних? Как протекало сражение, когда с обеих сторон имелись слоны?

Второй проблемой является внутреннее развитие фаланги, постепенное удлинение сариссы.

Третий вопрос – это развитие взаимоотношений различных родов войск. Кёхли

и Рюстов выдвинули положение, по которому кавалерия постепенно становится единственным решающим родом войск; она постепенно развивается все больше, и фаланга, собственно говоря, не участвует в сражении, а только выжидает исхода кавалерийского боя и подчиняется ему.

Непосредственно из военной истории тех времен можно мало что вывести. У нас, правда, имеется достаточно рассказов (Диодор и Плутарх), но они в высшей степени недостоверны. Хотя многое в них может быть правильно, но правильное в них нельзя с уверенностью отличить от ложного. Многие факты кажутся достаточно достоверными, чтобы просто пересказать их, но они недостаточно достоверны, чтобы сделать из них выводы, нужные нам для нашей цели.

Вопрос о слонах мы разберем после того, как просмотрим все дальнейшие сражения, в которых участвовали эти животные, вплоть до последнего сражения – сражения при Тапсе.

Вопрос о сариссах мы тоже будем обсуждать там, где столкнемся с ним практически, особенно при последних сражениях македонян с римлянами. Эпирского царя Пирра, который принадлежит в военном деле к последователям Александра Македонского, тоже лучше всего

касаться в связи с историей военного искусства у римлян.

Третий вопрос, о взаимоотношении пехоты и кавалерии, мы можем разрешить, просто оставив его в стороне. Дело в том, что при ближайшем исследовании первоисточников предположение Кёхли и Рюстова оказывается несостоятельным; численное взаимоотношение со времени Александра существенно не изменилось.

Значит, исключая слонов и удлинение сарисс, македонское военное дело не изменилось в основном со времен Александра, и мы из этого можем вывести заключение, что греческие государства, самостоятельность которых была довольно непрочной, подражали усовершенствованному военному искусству македонян и переняли у них даже сариссу.

Удивительно то, что когда галлы напали на страну, преемникам Александра оказалось не под силу с ними бороться. Дело было не в личностях; скорее можно сказать, что искусство и выучка в военном деле просто не выдержали естественного натиска храбрых и решительных варваров. Только огромная мощь сирийского царя Антиоха I с его слонами удержала напор галлов. Предание передает его слова: "Мне стыдно, что мы обязаны своим спасением этим 16 животным". Но о

подробностях этих событий мы недостаточно осведомлены.

1. Мнение Рюстова и Кёхли, что конница росла в то время и по значению, и по числу, уже Бауэром не принималось во внимание. Дошедшие до нас цифры (Дройзен, стр. 134) устанавливают соотношение пехоты и кавалерии, как и в войсках Александра, в пропорции 5–7 к 1. Отклонения в ту или другую сторону могли быть обусловлены особыми обстоятельствами, о которых мы можем высказывать более или менее вероятные предположения. При этом совершенно отпадает вопрос, который ставит Дройзен на стр. 154, не найдя на него ответа, именно: почему в более поздние эллинистические времена фаланга снова приобретает такое большое значение, тогда как конница свое значение теряет.

Для лучшего обзора я свожу дошедшие до нас цифры в общую таблицу, хотя и не хочу этим сказать, что все они абсолютно верны.

2. В сражении при Кранноне (Диодор, XVIII, 17) греческая кавалерия победила македонскую, хотя она состояла из 3 500 всадников против 5 000 македонян. Но греческая пехота, численностью в 25 000 чел., была опрокинута македонской, насчитывавшей 43 000. Греки, надеясь на боеспособность своих всадников, поставили их впереди фаланги ("перед фалангой пеших"). Греческая фаланга отступила на более высоко расположенную местность и этим отразила натиск враждебной фаланги. Победоносная греческая конница повернула назад, когда увидела отступление своей фаланги, но не вмешалась в сражение. Все это чрезвычайно неясно.

Табл. 1

3. Диодор и Плутарх рассказывают об Эвмене. Он в мудром предвидении обеспечил себя многочисленной, хорошо обученной конницей; с ней он победил сначала Неоптолема, причем разбил также его фалангу, после того как та, победив его пехоту, расстроила свой боевой порядок. Во втором сражении дело не доходит до столкновения с пехотой, так как Эвмен, разбив кавалерию противника благодаря своему численному перевесу (5 000 против 2 000), завязывает переговоры с неприятельской фалангой, чтобы склонить ее к переходу на свою сторону.

4. Бой при Оркинии не может дать ничего для истории военного искусства, так как успех был достигнут в результате предательства.

5. У Кретополиса Антигон имел такой большой перевес, а описание Диодора так мало наглядно, что для истории военного искусства и тут материалов не найти.

6. Диодор дает очень подробное описание (XIX, 27–31) сражения при Паретакене между Антигоном и Эвменом (317 г.); однако я сомневаюсь, насколько все эта описание можно считать исторически верным. Не останавливаясь на подробностях, я укажу сейчас те пункты, которые заставляют меня подозрительно относиться ко всему повествованию, не говоря уже об общей ненадежности этого источника. Диодор указывает силы довольно точно, но, как уже заметили Рюстов и Кёхли, цифры не совпадают между собой (примеч. к стр. 371).

Эвмен будто бы построил перед своим левым

крылом уступом 45 слонов с лучниками и пращниками в интервалах[68].

Рюстов и Кёхли считают этот уступ за уступ, вынесенный вперед. Это возможно, но едва ли целесообразно. Выдвинутый вперед уступ, если только он не упирается флангом в непроходимую местность, всегда может быть обойден.

В центре стояла пехота, на правом крыле – опять кавалерия и перед ней 80 слонов с легковооруженными. Спрашивается: почему слоны стояли на одном крыле уступом, а в центре и на другом крыле – впереди остальных войск? Как могла действовать фаланга позади тех 40 слонов, которые были ей приданы? Должна ли она была, двигаясь за ними, атаковать неприятельскую фалангу, когда она будет расстроена слонами? Антигон будто бы тоже ставил слонов впереди своей фаланги. Но в описании боя мы ни слова не находим о слонах обеих сторон: фаланги наступают друг на друга, как всегда. Антигон обращает внимание на то, что правое крыло противника было особенно сильно благодаря слонам и лучшим всадникам. Но из собственного рассказа Диодора видно, что большая часть слонов и значительный перевес всадников были именно на другом месте.

Антигон тоже построил, подобно своему противнику, всадников всего левого крыла уступом[69]. Рюстов и Кёхли рассматривают этот уступ как осаженный назад. Антигон шел в наступление косым строем, с выдвинутым правым крылом. Несмотря на это, наступление было начато не этим, а отставшим левым крылом. Оно состояло главным образом из

легкой кавалерии, которая, боясь прямо идти на слонов, попыталась напасть на неприятеля с фланга. Так как Эвмен со своей тяжелой кавалерией не мог равняться с ними, то он взял в подкрепление легкую кавалерию с другого крыла. Спрашивается, почему он не направил своих слонов, которые были у него под рукой, против неприятельских всадников, а в особенности, – как он решился так ослабить свое левое крыло, которое было под наибольшей угрозой наступающего крыла противника.

С помощью этого подкрепления, в котором действуют и слоны, но только "следуя" *(ἑπακολουϑούντων)* за войском, Эвмен побеждает левое крыло противника; точно так же его фаланга, имея численный перевес (35 000 против 28 000), побеждает фалангу противника.

Во время этого сражения нападающее – якобы продвинутое вперед – крыло Антигона держалось совершенно пассивно. Надо было бы полагать, что победоносное войско Эвмена под превосходным его руководством выделит несколько отрядов в тыл и во фланг еще стоящего на месте неприятельского крыла, дабы закончить победу. Вместо этого Диодор повествует нам о том, как победоносные войска Эвмена занимаются исключительно преследованием разбитого противника; левое крыло остается на месте, так что боевой порядок нарушается и получается разрыв. В эту брешь врывается Антигон со своими всадниками и разбивает до тех пор пассивное, ослабленное отделением от прочих войск крыло противника; получив это известие, его разбитое войско останавливается, а Эвмен возвращает своих солдат из наступления. Каким образом вышло, что

частичная победа одной девятой всего войска, при восьми девятых, обращенных в полное бегство, решила победоносный исход сражения, – совершенно неясно. При превосходной дисциплине своих войск Эвмен мог бы еще из преследования отозвать несколько отрядов и противопоставить их Антигону.

И, наконец, уже совершенно непонятен и фантастичен последующий рассказ Диодора о том, как оба войска ночью идут на расстоянии 400 футов друг от друга.

7. В сражении под Габиеной (в 316 г.) Эвмен снова поставил 60 лучших своих слонов уступом перед своим левым крылом, а остальных, как и Антигон, поставил перед фронтом (Диодор, XIX, 40–43).

В кавалерийском бою левого крыла Эвмен, – и без того более слабый в отношении кавалерии, а к тому же предательски покинутый одним из корпусов, – был разбит наголову. Мы не находим сообщения о том, чтобы ему принес какую-либо пользу большой перевес в числе слонов. Мы слышим только, что слоны дрались друг с другом и что слон-вожак этой стороны пал в битве с противником.

В пехотном сражении решительно побеждает превосходящая своей численностью и качествами фаланга Эвмена: она без единой потери в своих рядах убивает 5 000 чел. в войсках противника. О слонах и легковооруженных, которые должны были стоять перед фронтом, вообще ничего не сказано.

О боях на другом фланге, на котором находилась конница и который удерживали оба противника, тоже ничего не сказано.

Собственно, теперь должна была развернуться весьма своеобразная картина боя, так как на одной

стороне была очень сильная и хорошо обученная пехота (36 700 чел.) и много слонов, а с другой стороны – кавалерия (9 000) и половинное число слонов. Перевес, несомненно, находился на одной стороне – именно у Эвмена, тем более что он имел в своем распоряжении еще часть кавалерии. Фаланга отбивает атаку кавалерии Антигона, образуя каре, но тут ход сражения внезапно нарушается, так как войска Эвмена предают своего полководца и выдают его противнику; Антигон во время сражения занял своей более сильной кавалерией лагерь Эвмена, где находились жены и дети солдат, и это будто бы изменило настроение воинов; однако непонятно, почему их не двинули сразу на лагерь, чтобы очистить последний от вторжения, – тем более, что лагерь был расположен всего в 1 500 шагах за полем сражения.

8. Бой при Газе (312 г.) был бы весьма интересен в военно-историческом отношении, если бы до нас дошли сколько-нибудь достоверные описания. По единственному имеющемуся источнику (Диодор, XIX, 80–84), Деметрий имел перевес в кавалерии (5 000[70] против 4 000) и в слонах (40 голов), которых у его противника, Птолемея, совсем не было. Зато последний был гораздо сильнее в пехоте (18 000 против 11 000 тяжеловооруженных и "огромное количество" легкой пехоты против 18 000). Мы должны были бы ожидать сражения, подобного габиенскому. Сражение разыгрывается исключительно между левым крылом Деметрия, состоящим из всадников, 30 слонов и стрелков, и правым крылом Птолемея, состоящим из тех же родов войск, за исключением слонов. В них-то и был перевес Деметрия. Но Птолемей изобрел против слонов

своеобразный способ обороны. Он выставляет перед своим правым крылом загородки, соединенные между собой цепями и окованные железом. Каким образом эти загородки должны были удержать слонов, ясно не сказано. Нельзя наспех сделать такой частокол, который смог бы удержать слонов. Дальше, при описании сражения, говорится о мягких ногах слонов и о том, что они натыкались на острия этого частокола. Тогда надо предположить, что речь идет о каких-то силках или, как предполагает Г. Дройзен, о перевернутых боронах, связанных цепями, чтобы нельзя было их убрать. Но *χὰραξ* (кол) вовсе не имеет этого значения, а, кроме того, нам это толкование мало чем поможет. Расстановка и сковывание "борон" цепями производились ведь на глазах у неприятеля. Очевидно, всадники тоже видели это, а, следовательно, благодаря препятствию, какое представляет такая преграда не только для противника, но и для своих войск, конное сражение разыгрывается на внешнем крыле, причем обход войск Птолемея развивает его еще дальше в ту же сторону, с уклонением, таким образом, от "частокола". Только те, для кого он предназначен, т.е. слоны, – вместо того, чтобы оказывать свое всегдашнее действие на всадников, – идут прямо туда, где их ожидают. Тут их встречают легковооруженные с метательными снарядами, частокол или бороны задерживают их и ранят. Они попадают в плен; храбрых, побеждающих вначале всадников Деметрия охватывает страх, они обращаются в бегство, и сражение проиграно.

Все это описание – пустые россказни; из них нельзя ни слова взять для исторического изображения

события.

Читая об искусственных препятствиях для слонов, можно еще представить себе то, о чем рассказывает Диодор (XVIII, 71). Но тут речь идет совсем о другом. Дамис, для того чтобы произведенную противником при осаде Мегалополя брешь в стене сделать недоступный для слонов, велит разложить доски, в которые вбиты крепкие гвозди, и слегка прикрывает землей. Через них слоны, конечно, не могут пройти, но ведь тут речь идет об определенном участке при обороне, времени на эту работу было достаточно, и она могла вполне быть скрыта от противника.

9. О сражении при Ипсе (301 г.), кроме нескольких отрывков у Диодора (XXI, 1), имеется краткое сообщение у Плутарха ("Деметрий", гл. 29). Союзники имели, при приблизительно одинаковой силе пехоты и кавалерии, большой перевес в слонах (400 или 480 против 75). Деметрий сначала разбил враждебную кавалерию и стал ее преследовать; когда же он повернул обратно, ему на пути стали слоны противника так, что он не мог напасть на фалангу противника, ни защитить фланг свой фаланги. Угрожаемая остатком кавалерии противника, фаланга Антиоха частью перешла к неприятелю.

Если верить этому описанию, то сражение при Ипсе было первым, которое было решено слонами. У Гидаспа, при Паретакене, при Габиене и Газе всегда терпит поражение та сторона, где больше слонов, да собственно и при Ипсе они не приводят к настоящему тактическому решению.

10. Победа Антиоха над галлами рассказана у Лукиана в "Зевксис или Антиох" (изд. Якобица, 1, стр. 398). Рассказ довольно подробен, но

маловероятен. У галлов будто бы имелись боевые колесницы; сирийское войско состояло большей частью из легковооруженных. Победу решают исключительно 16 слонов, вид которых совершенно незнаком галлам. Лошади сразу поворачивают и врезаются с колесницами в ряды своих войск; общая паника охватывает варваров, и все войско погибает или попадает в плен.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕЛЛАЗИИ (221 г.)

11. О сражении между спартанским царем Клеоменом и македонским царем Антигоном у нас есть подробное обстоятельное описание у Полибия (II, 65) и, кроме того, некоторые сведения в "Клеомене" и "Филопомене" Плутарха. Это сражение могло бы быть интересным с военно-исторической точки зрения, так как в нем участвовали различные роды войск – тяжелая и легкая пехота и кавалерия, причем все настолько искусно сочеталось с очень разнообразной местностью на поле сражения и с различными укреплениями, как ни в одном из предшествовавших античных сражений. Несмотря на это, я в 1-м издании настоящей книги только мимоходом коснулся этого сражения, так как при анализе описаний его у меня не получилось достаточно достоверной и ясной картины происходившего. У Полибия в причинной связи событий имеются пробелы, которые можно было заполнить только посредство сомнительных гипотез; многие отдельные места в его описании даже противоречат друг другу.

Положение с тех пор значительно улучшилось, так

как Кремайер дал точное топографическое описание поля сражения, причем обнаружилась очень существенная ошибка в описаниях, на которые мне тогда приходилось опираться. Кроме того, многочисленны специальные исследования привели к совершенно другому толкованию многих мест из Полибия.

Собственные исследования Кромайера (Archdolog. Anzeig., 1900 г., стр. 204 и Antik Schlachtfelder, I, 199), к сожалению, перемешаны с такой массой совершенно неправильны военных представлений и суждений, что они больше затемняют и путают, чем разъясняют, и имеют ценность только в некоторых подробностях; также я не могу согласиться с остроумноной реконструкцией сражения, произведенной Ламмертом ("Jahrb. f. d. klass. Altertum", 1904 г. отд. 1, т. XIII, вып. 2–4); напротив, у Ролофа (Roloff, Problemen aus d. griechischen Kriegsgeschichte) верно исследовано все, что касается данного сражения, – особенно если его дополнить в одном весьма важном пункте, а кроме того, у него критически разобраны и отвергнуты все путаные места Кромайера[71]. Впрочем, в основных выводах ничего в конце концов не изменилось: сражение в военно-историческом отношении особой роли не играет, а описание Полибия слишком неполно, чтобы с достоверностью представить себе связь событий. Все же достигнут существенный успех. На подробностях и противоречиях останавливаться не стоит, – я могу отослать интересующихся к труду Ролофа. Здесь я даю только общий обзор и включаю в него некоторые подробности, которыми я подтверждаю то, о чем я писал в 1-м издании (т. I, стр. 208 и т. II, стр. 11), или добавляю кое-какие

данные к труду Ролофа.

Как рассказывает нам Полибий (II, 65), Клеомен защищал другие подступы в глубь страны небольшими заслонами, рвами и засеками; сам же он расположился со своим войском у Селлазии, где ожидал нападения противника. Это звучит так, как будто все другие подступы к Лакедемону были действительно заперты, а Антигон был ограничен только дорогой в Селлазию. На самом же деле такая страна, как Лакедемон, не может быть ограничена таким образом.

Очевидно, это место надо понимать так, что Клеомен на различных подступах, которые могли быть использованы противником, – особенно в долине Эврота, – имел укрепленные посты и подготовленные к обороне пункты, а сам двинулся на позиции у Селлазии, в 12 км севернее Спарты, когда ему донесли о приближении Антигона по этой дороге.

Дорога на Спарту ведет здесь с севера через узкую долину; холмы, возвышающиеся с двух сторон, нелегко обойти; на холм справа (восточнее) – на Олимп – можно легко подняться. Его и занял Клеомен своей фалангой. Холм слева (Эва), у которого спереди и слева очень крутые скаты, он передал легковооруженным частям под командой своего брата Эвклида. В долине он расположил свою малочисленную кавалерию вместе с остальными легковооруженными. Через оба холма были проведены полевые укрепления со рвами, насыпями и палисадами. У Клеомена было около 20 000 чел., у Антигона же – 29 800, из которых 1 200 всадников, т.е. почти наполовину больше.

Для меня темным местом в этом расположении

была долина. Укрепления как будто находились только на обоих холмах; так понимал это и Ролоф. Долина же, судя по описаниям путешественников и имеющимся картам, как бы они ни различались друг от друга, представлялась довольно широкой. Что же в таком случае могло помешать царю Антигону опрокинуть немногочисленных всадников и легковооруженных в долине, т.е. прорвать центр расположения противника, а затем развернуть оба крыла? Первые данные, опубликованные Кромайером, казалось, разъясняли вопрос: судя по ним, долина была очень узкой, почти ущельем, так как справа и слева над ней высились холмы. Но, как потом выяснилось, я сам сделал ошибку; хотя вся долина не шире 100 м, но холмы справа и слева настолько постепенно повышаются, что не может быть и речи о том, что они наверху командовали над окружающей местностью. Поэтому я не могу согласиться с Ролофом, когда он говорит, что прорыв в данном месте невозможен. Истинное решение заключается в том, что долина тоже была заперта укреплениями; буквальный смысл слов Полибия не противоречит этому; Кромайер также считал это толкование вполне возможным, но он только не сделал из него соответствующие выводов.

При такой предпосылке мы можем рассматривать расположение войск Клеомена как исключительно сильную оборонительную позицию. Когда Полибий, хваля это расположение, говорит, что роды войск были распределены очень правильно и что опытный полководец не упустил из виду ничего, могущего способствовать и обороне, и наступлению, то нужно понимать это так: легкие части были расположены по

крутым склонам холма Эва, а пологие склоны Олимпа были заняты фалангами. Остается только выяснить, насколько такое расположение давало возможность для контратаки.

По Полибию, сражение проходит так: Антигон, увидев, что прямым непосредственным натиском ему не удастся осилить противника, располагается за несколько дней до сражения непосредственно перед спартанскими позициями и производит точную рекогносцировку. Затем он решает напасть на левое крыло, расположенное на Эве, в то время, когда он сам продвигается фалангой с левого крыла вплотную к Клеомену, тем самым удерживая его без нападения. Центр его войск, расположенный в долине, – где, кроме некоторого количества тяжелой пехоты, стояла вся его кавалерия, – тоже должен был держаться до сигнала к нападению, т.е. до того момента, когда будет взят холм Эва. Таким образом, была фланкирована позиция спартанцев в долине, которая нам представляется тоже укрепленной.

Но не так легко было взять холм Эва с его крутыми уступами и укреплением на вершине. Причиной того, что он пал после совсем короткого боя, Полибий считает поведение Эвклида, который не пошел навстречу наступлению, что было бы тактически правильным, а стал его пережидать. Это объяснение нас не может удовлетворить, так как в нем ни словом не упомянуто об укреплении. Укрепление, состоящее из насыпи, рва и палисадов (по крайней мере на другом холме упоминаются и они), нельзя взять просто штурмом, даже если нам и неизвестно, какой высоты, глубины и прочности оно было[72]. И, конечно, совершенно неправильно вести осажденное

войско навстречу неприятелю по склону, потому что, – если его оттеснят назад, – оно встретит самое трудное препятствие в своих собственных укреплениях. Речь может идти в крайнем случае только о том, чтобы большее или меньшее число стрелков, или особо ловких и легковооруженных воинов послать сражаться впереди. Когда читаешь описание Полибия, то трудно отогнать подозрение, что слегка склонный к поучениям автор, имея в мыслях только тактические правила контратаки (годные лишь в тех случаях, когда нет настоящих укреплений), в данном случае забывает об укреплениях. Поэтому его объяснение поражения Эвклида недостаточно. И если у Плутарха есть упоминание о том, что холм Эва был взят обходом, то мы можем принять его как дополнение, которое нельзя отклонить, даже если считать этот источник не вполне достоверным[73].

Кромайер (на стр. 259) для подтверждения своих взглядов приводит "очень неохотно", как он выражается, длинные рассуждения из современных военных сочинений, которые являются хорошим примером того, как опасны исторические аналогии в руках незнающего человека. Кромайер недосмотрел того, что для войск, вооруженных орудиями и другим огнестрельным оружием и обладающих полевыми укреплениями XIX в., создаются совершенно другие условия, чем для древних войск, не имевших дальнобойных орудий. Для них современные короткие полевые окопы были бы не только бесполезны, но и вредны, так как подобное укрепление при слабом действии дальнобойных орудий было бы немедленно

обойдено и взято с тыла. Поэтому древние войска могли применять только или очень длинные линии, или замкнутые кругом лагеря с немногими узкими проходами. Это создает при выступлении из укреплений тоже совсем другие условия.

В современные убежища или окопы бегущие части могут входить с передовых позиций через выходы из этих убежищ или окопов в то время, когда заградительный огонь бьет по противнику, задерживая его. Но в вытянутое или замкнутое укрепление древних войска, прогнанные с передовых позиций, не могут войти обратно, даже если это пытаются сделать отдельные воины, так как противник слишком быстро следует за ними по пятам. Итак, когда Кромайер к приобретенным им плодам просвещения, извлеченным из современных военных сочинений, присоединяет совет перенести эти правила в древние условия, то его "нелюбовь" ко всем таким исследованиям приводит к тому, что сам он не применяет своих советов; таким образом, несмотря на все его исследования, задача по-прежнему остается неразрешенной, т.е. в рассказе Полибия и в критике его рассказа о событиях на Эве остается много темных мест, которые мы не можем разъяснить.

Неверные современные аналогии, которыми Кромайер оперирует в области тактики, – ничто по сравнению с его стратегическими выводами, в которых он сравнивает положение Клеомена с положением Бенедека в Богемии в 1866 г. Тут не только нет ни малейшего сходства, а наоборот – во всем совершенно прямая противоположность.

Когда войска Антигона начали подъем на Эву, спартанские части в центре сами перешли, в

наступление и зашли войскам Антигона в тыл и во фланг. Македонский центр, выжидая приказа царя, держался пассивно, так что части, штурмовавшие Эву, легко могли быть разбиты. Но решительная инициатива молодого мегалополита Филопомена двинула македонскую кавалерию; ее контратакой спартанский центр, который прикрывали его собственные всадники[74], был отброшен назад, и это дало возможность штурмом взять Эву.

Изображение Полибием этого эпизода совершенно не встречает возражений. Довольно странно, что Кромайер (стр. 238) именно тут резко заявляет: "Не может быть и речи, как утверждает Полибий, что заслуга удачного штурма Эвы принадлежит Филопомену". Совершенно так же Ролоф (стр. 72 и сл.) указывает, что и в предыдущих походах обоих царей Кромайер отвергает как раз те мнения Полибия, правильность которых даже не вызывает сомнений.

В своем первом описании сражения Кромайер утверждал, что 4 000 чел., которых Антигон послал вслед штурмующим в качестве резерва, должны были "замаскировать" этот штурм. Я уже отмечал (II, 14), что я не могу себе это представить: в каком отношении 4 000 чел. могли прикрыть то, что предпринимали другие отряды огромного войска? Кромайер затем говорит (стр. 261), что он мог бы даже обо всем выступлении македонского войска сказать, что это была только маскировка главного удара на Эву. Против этого я ничего не могу возразить, как не мог бы возразить, если бы Кромайер теперь заявил, что вместо военного абсурда он мог бы даже сказать что-либо правильное. У него для этого неоднократно была возможность.

В то время как македоняне занимали Эву и позиции в долине, причем с обеих сторон, кроме всадников, сражались главным образом легковооруженные части, в это время обе фаланги стояли на Олимпе, выстроившись друг против друга, и только приданные им легкие части, – правда, довольно многочисленные, – имели стычки перед фронтом. Антигон хорошо знал, как опасно было бы для него штурмовать спартанские укрепления, за которыми стояла фаланга. Только когда его другое крыло победило и стало угрожать из долины флангу, а с тыла – фаланге Клеомена, для него наступил момент действий. Но Клеомен, увидя поражение этой половины своего войска, не стал выжидать наступления Антигона, а велел сорвать палисады и двинулся через свои собственные укрепления в наступление на македонян. Однако, несмотря на первоначальный успех, он тут потерпел поражение, так как его фаланга насчитывала всего 6 000 чел., между тем как в фаланге противника их было 10 000.

В этом, собственно, и заключается проблема всего сражения. Полибий говорит, что Клеомен был вынужден пойти в наступление, но не указывает, чем и в какой мере он был вынужден. Тут можно ведь предполагать самые разнообразные вещи. Может быть, у него не было пути к отступлению через горы? Это утверждает Кромайер со своим знанием местности. Но ведь это было бы такой серьезной ошибкой в построении, о которой Полибий едва ли умолчал бы. Кто из его читателей мог бы знать об этом? Далее, разве было невозможно передать оборону палисадов легкой пехоте, а тем временем спешно перевести фалангу в долину и здесь

постараться хотя бы обеспечить себе отступление, если нельзя было повернуть сражение в свою пользу? Чего Клеомен хотел добиться своим наступлением? Дальнейшей победы? Или почетного поражения? Сам он в конце концов спасся, а его фалангиты большей частью погибли.

На все эти вопросы Полибий не дает ответа. Ролоф из всего вышеизложенного считает вероятным следующий вывод. Клеомен, увидев, что путь через долину, т.е. его путь отступления, для него потерян, ищет во внезапном натиске на неприятельскую фалангу единственный, хотя и слабый, шанс на победу или во всяком случае на почетное поражение. Если бы он дольше ждал за своим укреплением, он был бы заперт со всех сторон. Если бы он сразу направился вниз, в долину, то не вышло бы ничего, кроме беспорядочного бегства или – в лучшем случае – отступления без всякой дальнейшей надежды на успех.

Довольно вероятно, что все именно так и случилось, но все же, – как Ролоф сам резко подчеркивает, – это только гипотеза.

Так как Полибий не открывает нам никаких мотивов, то от нас ускользает ответ на принципиальный вопрос: как держится греко-македонская фаланга при обороне полевых укреплений? При обороне Эвы Полибий требовал, чтобы защитники встречали наступающих впереди своих укреплений. Здесь речь идет о легковооруженных, которые могут относительно быстро скрыться в убежище. Несмотря на это, у нас возникают сомнения, так как при большом количестве солдат такое отступление всегда затруднительно и

может принести большие потери. Полибий сам знает об этих трудностях, но, не разъясняя ничего, просто не упоминает больше об укреплении, так что возникает подозрение, не применил ли он правил, относящихся к ведению боевых действий без укреплений, в том месте, где эти правила совершенно не подходили ввиду наличия укрепления. Только про Олимп, где тяжелые фаланги стояли за укреплениями, Полибий говорит, что укрепления были ликвидированы для того, чтобы дать выход войскам. Но и без дальнейшего ясно, что никакой другой возможности для наступления не было. Уже то, что не менее 5 000 легковооруженных сражались перед палисадами, понять трудно; а в то же время, чтобы выпустить фалангитов, палисады должны были пасть. Но если бы, как того требует самая природа укрепления, их захотели оборонять, а не разрушать? Было бы очень интересно иметь об этом достоверные сведения. Только тогда мы могли бы полностью оценить и понять боевой план Клеомена. К сожалению, Полибий и тут оставляет нас в неизвестности. Я думал бы так: если фалангиты не обороняли просто вал и палисады, как легионеры Цезаря обороняли вал при Алезии, то, очевидно, легкая пехота должна была оборонять укрепление, а фаланга – стоять в нескольких десятках шагов позади него в резерве. Тогда, если неприятель прогонит легкую пехоту, возьмет штурмом укрепление и при занятии его потеряет свой тактический порядок, то фаланга двинется вперед и быстрым натиском отбросит противника. На самом же деле при Селлазии легковооруженные части высыпают из-за укреплений, а фаланга, желая перейти в наступление, срывает свои собственные палисады, чтобы иметь выход. Таким

образом, укрепления тактически вообще не имеют значения.

При этих обстоятельствах остается также неясным следующее: когда Полибий хвалил Клеомена за то, что его расположение годилось и для нападения, имел ли он в виду только возможность выступления в долине или также движение фаланги через разрушенные собственные укрепления? Едва ли можно себе представить, что Клеомен имел это в виду с самого начала. Во всяком случае, раз такая возможность имелась, то о ней могла идти речь у Полибия. Наконец, Полибий мог думать о наступательном ударе фаланги позади укреплений, когда неприятель, взяв их, будет еще находиться в беспорядке. Но и здесь мы не идем дальше предположений и возможностей.

Как Полибий, так и Плутарх говорят, что македонская фаланга своими тактическими особенностями сломила храбрость лакедемонян. Полибий, – который сначала сообщил, что вследствие узости местности глубина фаланги была удвоена, – говорит о "весе" (массе) македонского боевого порядка; Плутарх говорит не только о массе, но и о способе вооружения, о "характере вооружения и массивности фаланги гоплитов", давших македонянам перевес. Это замечание было бы очень интересным, если бы не вызывало сомнений в его источниках. В другом месте (гл. 11, ср. также гл. 23) Плутарх рассказывал, что Клеомен вооружил спартанских гоплитов сариссой и обучил их, т.е. ввел македонский способ сражения. Если лакедемоняне сами его приняли, то как они могли пасть именно под натиском своеобразного военного искусства македонян? В источниках отнюдь не сказано, что спартанцы

понимали его недостаточно хорошо и что они недостаточно владели им, а просто указывается на различный подход к делу как на причину поражения.

В историю военного искусства это сражение тоже не внесло ничего значительного. Только в общих чертах мы можем из него заключить, насколько улучшилось искусство управления, сочетания родов войск и использования местности. С обеих сторон численность легкой пехоты, легко приспособляющейся к местности, очень велика. Но не в этом направлении пойдет дальнейшее развитие. Это выяснится при более позднем столкновении македонян с римлянами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РАФИИ (217 г.)

12. У Рафии Птолемей IV Египетский сражался с Антиохом Сирийским. Пехота Птолемея была немного сильнее (70 000 против 62 000), но у Антиоха был перевес в кавалерии (6 000 против 5 000) и в слонах (102 против 73). Рассказ Полибия (V, 86) очень прост, но вызывает некоторые возражения.

Сначала Антиох на правом крыле побеждает при помощи своей кавалерии и слонов; стоящие поблизости пельтасты Птолемея тоже попадают под этот удар. Причиной поражения египетских слонов Полибий считает то, что африканские слоны уступают индийским и не могут с ними тягаться; они пугаются их роста и силы, шарахаются от их голоса и даже от запаха. Современные естествоиспытатели совершенно отрицают такое различие[75]. Африканский слон не только не меньше, а, пожалуй, больше индийского, и обе породы совершенно не боятся друг друга, а

прекрасно уживаются. Пожалуй, справедливым будет предположение[76], что индийские слоны победили отнюдь не благодаря своим лучшим качествам, а благодаря искусству индийских корнаков, у которых оно передавалось по традиции, тогда как египтяне только переняли все у них и не имели опыта в дрессировке.

В то время как Антиох побеждал на том крыле, которым он сам командовал, на противоположном крыле, несмотря на слонов, приданных кавалерийским флангам обеих сторон, победила египетская кавалерия.

Тут Полибий делает упрек Антиоху в том, что он, желая укрепить свою победу, продолжал наступление. Ту же ошибку будто бы сделал Деметрий у Ипса, и нам она еще будет встречаться, например, у Нараггары (Замы) в 202 г. и у Молльвица в 1741 г. Мы могли бы без дальнейшего объяснить этим решительный исход боя при Рафии, если бы мы услышали, что, с другой стороны, одерживавшее верх крыло египетской кавалерии, вместо того чтобы впасть в подобную же ошибку, атаковало неприятельскую фалангу с фланга. Но об этом мы ничего не слышим; напротив, обе фаланги будто бы совершенно изолированно вели бой друг с другом, причем египетская победила сирийскую.

Самое существование, что мы узнаем из этого сражения, это то, что слоны применяются в связи с кавалерией, а не с фалангой, но что их влияние все же не является решающим.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАНТИНЕЕ (207 г.)

13. Точное топографическое описание поля сражения, сделанное Кромайером, ничего не изменило в дошедших до нас описаниях. Его военно-историческое исследование, сделанное на основании топографических данных, было очень удачным в двух местах, разъяснив некоторые пункты, которые я упустил из виду в 1-м издании этого труда. Но вместе с тем Кромайер дает совершенно неправильное освещение не только неправильными военными рассуждениями, но и повторными ошибками в переводе. Все это с превосходной ясностью и точностью отмечено в "Проблемах греческой военной истории" Ролофа. Я могу не вдаваться в перечисление противоречий, а повторю только то, что писал в 1-м издании, выпуская или исправляя то, что выяснено или исправлено двумя вышеупомянутыми авторами.

Перед нами опять повествование Полибия, не дошедшее до нас полностью, и, кроме того, Плутарх, который почерпнул многое из затерянного другого труда Полибия о Филопомене.

По Полибию, Филопомен поставил ахейцев за рвом, причем оба фланга упирались в холмы. Несмотря на это, спартанцы под предводительством тирана Маханида двинулись против них. В этом сражении в открытом поле они впервые применили новое средство: Маханид выставил перед своей фалангой несколько катапульт для обстреливания неприятельской фаланги. Чтобы воспрепятствовать этому, Филопомен начал сражение высылкой вперед легкой кавалерии (тарантинцев) и других

легковооруженных наемников.

Весь ход событий не совсем ясен. Филопомен занял оборонительную позицию с препятствием перед фронтом, и вдруг сам заставляет одно свое крыло идти через это препятствие[77]. Что же должно было из этого выйти? Если бы победили ахейские легкие части, спрашивается, последовала ли бы фаланга за ними или нет? Если бы она последовала, значит, ей пришлось бы на виду у противника форсировать выбранное ею самою препятствие перед фронтом; если же она не последовала бы, то победа легких частей была бы бесполезной; им пришлось бы опять отступить перед неприятельской фалангой. Не совсем ясно также, каким образом выступление легких частей на одном из флангов могло помешать работе катапульт в центре, – тем более, что в этом сражении победили спартанские легковооруженные и обратили ахейцев в бегство через ров[78].

Теперь победа принадлежала бы Маханиду, если бы он своим победоносным правым крылом ударил во фланг ахейской фаланге, в то время как его собственная фаланга одновременно ударила бы на нее с фронта. Тогда ров не спас бы ахейцев, как не спасли Граник или Пинар при Иссе персов и греческих гоплитов. Однако Маханид, – вместо того, чтобы проделать эту совершенно непонятную операцию, – очевидно, не держал своих людей достаточно в руках или был, как говорит Полибий, слишком пылок и ребячлив, слепо ринувшись вслед бегущим. Филопомен, напротив, собрал позади своей фаланги сколько мог бойцов из числа потерпевших поражение и продвинул одну часть их влево – на то место,

которое бежавшие оставили незащищенным; а когда лакедемонская фаланга победоносно стала наступать на его фалангу, Филопомен повел своих фалангитов навстречу противнику и разбил его в самый момент перехода его через ров.

Это описание вызывает много вопросов и сомнений.

Откуда Филопомен взял фалангитов, которые удлинили фронт? Буквально, это были стоявшие поблизости отделения фаланги, которая была и без того построена Филопоменом с меньшими интервалами, чем обычно. Таким образом, в построении ахейцев была большая брешь. При равных силах это считалось бы безусловной ошибкой. Почему Филопомен мог решиться на такой маневр, у Полибия не указано, как и вообще не указана истинная причина этого маневра – добровольного разрыва собственной боевой линии. Далее, нам не хватает сообщения, что сделал бы или хотел сделать Филопомен, если бы лакедемонская фаланга перешла в наступление только тогда, когда Маханид вернулся с преследования, и атаковала бы его с тыла.

Самым разумным объяснением было бы то, что мы представляем себе ахейцев гораздо сильнее лакедомонян. К сожалению, и в этом решающем пункте Полибий не дает нам указаний. Но он ясно говорит, что Маханид был не только качественно, но и количественно сильнее на том фланге, где он вначале победил. Так как эти части в данное время находились вдали от поля сражения, то возможно, что Филопомен в этот короткий промежуток времени был значительно сильнее и что это позволило ему не только разделить свою фалангу на две части, но и подумать о переходе в

наступление. Это ему показалось подходящим маневром.

Мы должны были бы ожидать, что Филопомен теперь переходит в наступление своей – правда, разделенной, но зато удлиненной – боевой линией, причем выступающим флангом ударяет в обнаженный фланг лакедемонян. Это представляется тем более необходимым, что каждую минуту можно было ждать возвращения победоносного Маханида; ведь только в 2 000 шагов лежит город Мантинея; дальше преследование не могло бы продолжаться – да, кроме того, Маханиду еще и раньше могло бы прийти в голову, что ему еще найдется дело на поле сражения. Тогда он ударил бы в тыл фаланге, собранные беглецы вряд ли бы долго удерживали его.

Но, по рассказу Полибия, в наступление переходит не Филопомен, а лакедемоняне, причем исход сражения решает не искусственно удлиненное крыло, а все сводится исключительно к препятствию перед фронтом, т.е. ко рву.

Наше сомнение в полной достоверности дошедшего до нас изложения Полибия усиливается еще больше, когда мы читаем совершенно несхожее описание в "Филопомене" Плутарха. Здесь мы находим как раз то, чего не хватало у Полибия, – что именно ахейская фаланга начала наступление и что она ударила во фланг неприятельской фаланге, не ожидавшей нападения.

"Видя, что фаланга лакедемонян оставлена без прикрытия, он повел свой отряд и с фланга напал на неприятеля, который настолько не был готов к бою, что там даже отсутствовал архонт. Они увидели, что начинают побеждать и теснить Маханида, который их

перед этим преследовал".

Это сражение пытались реконструировать самым различным образом. Дройзен предполагает, что Маханид не знал о существовании рва и не мог видеть его при наступлении. Это устраняет только часть затруднений и притом маловероятно, благодаря близости Мантинеи и Лакедемона. Гишар (C. Guischardt, Mйmoires militaires, гл. X, стр. 159), наоборот, предполагает, что Маханид знал заранее, что ахейцы будут построены за рвом, а потому привез и пустил в ход свои катапульты.

Далее он предполагает, что повествование Полибия не дошло до нас полностью, и пытается восполнить эти пробелы частью просто собственной фантазией, частью – сведениями из Плутарха; например, противоречие между удлинением ахейского крыла с целью охвата и пребыванием в оборонительном положении он разрешает тем, что будто бы Филопомен, – в момент, когда он хотел перейти в наступление, – увидел, что лакедемоняне пришли в движение; тут он, конечно, захотел использовать преимущество своей оборонительной позиции и (по Плутарху), развернув левое крыло, заставил его перейти ров в тот момент, когда спартанцы тоже пытались перейти этот ров. Пожалуй, в основном это правильно, но, как уже сказано, предполагает большой перевес ахейцев, потому что без этого полководец не мог бы вести наступление двумя отдельными массами, из которых по крайней мере одна одолевала трудный переход через ров.

И о втором крыле ахейцев Полибий нас недостаточно информирует. На этом крыле стояла вся их собственная, т. е. тяжелая, конница. Разве она

совсем не действовала против неприятельской фаланги? А если нет, то что ей мешало? Это замалчивание тем более бросается в глаза, что Полибий раньше (X, 22–24) подробно описывает, какие заслуги были у Филопомена именно по реорганизации ахейской конницы. Г. Дройзен (стр. 182) высказал предположение, что конница, которая не могла быть использована за рвом, очевидно, приберегалась для преследования. Но, с одной стороны, мы слышим, что ров можно было преодолеть без особой трудности, а с другой стороны, было бы грубой ошибкой построить конницу без пользы в этом месте и оставить ее там, тогда как она могла бы предотвратить поражение на другом крыле. Для нашей цели не столь важно устранить противоречия и пробелы, сколь их установить и тем самым сделать заключение, что все это повествование нельзя использовать для истории военного искусства.

Изложение Кромайера страдает тем недостатком, что в нем или не отмечаются пробелы в изложении Полибия, или эти пробелы восстанавливаются лишь частично; кроме того, Кромайер не замечает ошибочности разделения фаланги на две части при равных силах; наконец, он пытается совершенно неверно исправить Полибия. Мы видели, что Полибий ясно считает правое победоносное крыло Маханида численно превосходящим. Кромайер видит в этом сознательное искажение истины. Полибий будто бы просто как приверженец ахейцев хочет замаскировать их малопочетное поражение[79]. Но для такого подозрения по отношению к Полибию, во-первых, нет никаких оснований, а, кроме того, такая неверная поправка отрезает доступ к наиболее рациональному

(правда, тоже гипотетическому) объяснению сражения, ибо если здесь действительно большая часть ахейцев была побеждена меньшинством, то им по крайней мере для решающего сражения остается численный перевес, без которого маневр Филопомена совершенно непонятен.

Пусть не считают преувеличенной ту осторожность, с которой я отказываюсь использовать для истории военного искусства такие неточно переданные описания военных действий. Для простого исторического описания такие события, которые можно реконструировать с большей или меньшей вероятностью, быть может, и годятся, но для истории военного искусства можно взять за основу только совершенно достоверные события, подтвержденные источниками. Правда, мы еще меньше знаем о сражениях во время Персидских войн, чем о Селлазии и Мантинее, и все же приняли те сражения в качестве исходных пунктов целого ряда этапов в развитии военного искусства. Но из этих сражений мы извлекли только принципиальные положения, что легко было сделать при простоте тогдашней структуры; отдельные же факты мы тоже часто оставляли неразобранными. Но во времена Полибия события настолько усложнились, что только очень точные отчеты могут удовлетворить тем требованиям, какие мы ставим.

Примечания

1 Только во время Пелопоннесской войны спартанцы завели у себя всадников и лучников для защиты своей земли от афинян, совершавших то здесь, то там набеги с моря (Фукидид, IV, 55).

2 Ср. Bauer, § 52.

3 Wernicke в Гермесе (Hermes, XXVI, стр. 51, 1891 г.) высказывает мнение, что афинские граждане, служившие в качестве стрелков (лучников), происходили из беднейших слоев населения.

4 По Ксенофонту (Hellenica, I, 2, 1), Фрасил выслан был с флотом и вооружил 5 000 своих моряков как пельтастов.

5 Отступающий от него рассказ Диодора наряду со свидетельством Фукидида не должен идти в расчет, как это правильно было указано еще Гротом.

6 Белох в Bevqlkerung (стр. 140) исчисляет, что лакедемонян могло быть 4 234 чел. К этому надо прибавить неодамодов, брасидейцев и союзников. Едва ли можно заключить из Фукидида (IV, 55), что здесь было также ровно 400 всадников. Ср. выше стр. 5051, прим.

7 В рассказе Фукидида (V, 37 и сл.) можно усмотреть некоторое противоречие: там сперва говорится, что лакедемоняне выстроили свои лохи в затылок (ἑξής – один за другим) в центре, на крайнем же правом крыле стояли вместе с тегейцами еще немногие лакедемоняне, а потом оказывается, что с этого крыла приказано было отозвать целых два лоха, несомненно, лакедемонских. Бузольт (Hermes, Bd. 40, 1895 г., стр. 399) пытается разрешить противоречие в том смысле, что эти два лоха составляли не крайнее правое крыло, а должны были быть взяты с правой части центра; образовавшиеся при этом промежутки можно было снова закрыть путем сдвига вправо других лакедемонских лохов. В этом нет ничего невозможного, но все-таки я не рискнул бы утверждать это положительно. Слово *ὀλιγον* у Фукидида всегда может охватывать довольно широкий круг; например, незадолго перед тем (66, 4) он говорит, что у лакедемонян

все войско, за исключением небольшой части, состояло из начальников. Следовательно, если у Фукидида сказано сперва, что лакедемоняне выстроили свои лохи один за другим, а затем мы слышим, что немногие, помещавшиеся на правом крыле и отделенные от прочих чужими контингентами, составляли на деле целых два лоха (из семи), то это может объясняться просто некоторой небрежностью выражения. Во всяком случае под немногими никак не могут разуметься единичные воины; это непременно должны были быть какие-то тактические единицы, т.е. по меньшей мере один лох, а может быть, и два.

Также и другое предположение Бузольта (стр. 418), что непокорными полемархами в этом сражении были не начальники лохов, а офицеры из царского штаба, мне ничего не разъясняет. Для передачи приказа нужен был только один человек, и строптивость такого царского адъютанта, с одной стороны, едва ли понятна, а с другой стороны, дело слишком легко могло быть исправлено посылкою другого адъютанта. Вся эта история становится понятной лишь при том предположении, что упоминаемые здесь полемархи были командирами лохов.

8 4 450 гоплитов и конных граждан; кроме того, на каждой триере было по меньшей мере несколько афинских граждан в качестве командиров. Вся экспедиция насчитывала примерно 60 000 чел.

9 Klio, т.VI, 1906 г., стр. 77

10 Bцckh, Staatshaushalt (Содержание государства), I, 152 и 340 (3-е изд.). Жалованье колеблется между 4 оболами и 1 драхмой (6 оболов) на человека; для гоплита 2 драхмы одна для воина, другая для его слуги, включая и деньги на продовольствие. Когда комик Феопомп говорит: Двумя оболами человек пропитает жену, а с четырьмя он вполне счастлив, то он, вероятно, говорит о жалованье в два обола без продовольствия, которое также обходилось еще в 2 обола. Во времена Аристотеля афинские эфебы получали в день по 4 обола, а их инструктора по 1 драхме (Staat d. Ath. cap 42).

11 См. Nцthe, Bundesrat, Bundessteuer und Kriegsdinst der delischen Bьndner, Progr. v. Magdeburg 1880 r. Gьide, Kriegsverf. d. ersten athen. Bundes. Progr. Neuhaldensleben 1888 г.

12 Речь Никия (Фукидид, V, 68): Против людей, которые вышли сражаться с нами всей массой, без разбора, не так, как мы, и к тому же против сицилийцев, которые нас презирают, но не устоят против нас, так как они более дерзки, чем искусны.

13 Ксенофонт, Hellenika, I, 6, 24: афиняне решили выступить со 110 судами и посадить на них всех рабов и свободных призывного возраста... посадить на них также многих всадников.

14 По Полиэну (III, 3), однажды к Толмиду, который должен был выступить с 1 000 гоплитов, присоединилось 3 000 добровольцев. Аристофан говорит в двух своих пьесах совершенно противоположное. Во Всадниках народ выражает желание, чтобы не освобождать людей от гоплитской службы, а в Мире один из действующих персонажей чувствует себя глубоко несчастным, так как он призывается вновь, и жалуется на то, что эта повинность главным образом тяжело ложится на крестьян, предоставляя преимущества горожанам.

15 "Тысяча отборных аргивян, которых государство с самого раннего их возраста обучало военным упражнениям на общественный счет" (Фукидид, V, 67).

16 Геродот (I, 61). Впрочем, наемники Пизистрата.были, по-видимому, не греки, а скифы. Helbig, Sitz.-Ber. d. Mьnch. Akad. 1897, 2. Bd., стр. 259. Смотр войск у Пизистрата или Гиппия, изображенный на чаше с черными фигурами.

17 Геродот (III, 39).

18 Фукидид, V, 57, 2; Ксенофонт, Hell., III, 5, 24.

19 "Он понимал, что, не имея достаточной конницы, он не может вести войну на ровной местности, – и он решил организовать конницу для того, чтобы быть в состоянии воевать а не быть вынужденным обращаться в бегство" (Ксенофонт, Hell., III 4, 15)

20 Ad. Bauer, § 47.

21 Диодор, кн. 10.

22 О конструкциях и названиях см. Bauer, § 58.

23 Многие частности спорны и излагаются по-разному. Ср. Bauer, § 23; Droysen, стр. 68 Белох, Bevqlkerung, стр. 131. Бузольт. "Hermes", Bd. 40 (1905 г.), стр. 387, пытается разрешить противоречия в предании удачным, как мне кажется, доказательством имевших здесь место многократных изменений.

24 Reuss "N. Jahrb. f. Philol, Bd. 145, стр. 550 дает основание с большой вероятностью предполагать, что Ксенофонт неповинен в этих цифрах; по-видимому, § 10–13 главы 7, книги 1-й следует признать позднейшей вставкой. Это, может быть, предостережет филологов от попытки оспаривать мои исследования следующими доводами: Ксенофонт-де – очевидец, правдивый историк и сам солдат – заставляет Артаксеркса двинуть в поход войско в 900 000 чел.; правда, мы не можем представить себе теперь, как это могло быть осуществлено, но мы должны доверять такому вескому свидетельству; а что было возможно при Кунаксе, то возможно было и везде, следовательно, и войско Ксеркса могло насчитывать несколько миллионов; поэтому так называемый метод вещественной критики к

древности неприменим; нам не остается ничего другого, как выбирать наилучшие из преданий и пересказывать их.

25 Точному толкованию слов Ксенофонта посвящено было много исследований. Из новейших работ укажем следующие: F. Reuss в "N. Jahrb. f. Philol, 1883, стр. 817; Bunger, там же, Bd. 131, стр. 262 и G. Frledrich, там же, Bd. 151, стр. 19. Ученые всегда слишком легко представляют себе маневры с большими войсковыми массами. Даже если сократить сообщаемую преданиями численность персидского войска на 95–97%, то и тогда остается все-таки слишком тяжелая масса, которою трудно управлять тактически, не говоря о сложных эволюциях. Уже обратное выстраивание греческой фаланги на заднюю шеренгу, даже если мы представим себе это перестроение в виде простого поворота кругом всей фаланги, – который к тому же, по мнению Рейсса, выполнялся захождением всей фаланги плечом вокруг одного из флангов, – представляет собою чрезвычайно трудный маневр. Ср. ниже специальное исследование этого вопроса в связи со сражением при Гавгамеле.

26 Диодор, рассказ которого основан на свидетельстве врача Артаксеркса Ктесия, сообщает еще об одной персидской атаке; Ксенофонт, которому мы должны доверять больше, об этом не упоминает.

27 Ксенофонт (Hell., IV, 2, 13) говорит, что выступившие в 395 г. против Спарты союзники обсуждали вопрос, "как построить войска с тем, чтобы вследствие излишней глубины строя не дать неприятелю возможности обхода". По этим строкам, кажется, можно заметить, что отдельные контингенты имели склонность выстраиваться как можно глубже, чтобы сконцентрировать на своем участке как можно больше силы, не заботясь о том, что боевая линия в целом может оказаться слишком короткой, или надеясь, что другие будут настолько любезны, что примут более мелкое построение.

28 Об одном исключительном случае такого рода см. выше, стр. 55.

29 Фукидид не упоминает о более совершенных доспехах греков; быть может, иллирийцы были лучше снабжены ими, чем македоняне, которые стояли ближе к культурной хозяйственной

воинственны, хотя Арриан (I, 1, 12) называет именно иллирийских и фракийских варваров как "людей полунагих и плохо вооруженных".

Вообще же Брасид настойчиво сопоставляет иллирийцев с македонянами, ввиду чего мы можем отнести это описание и к ним.

30 "Вместо пики с длинным древком" (Ксенофонт, О коннице, XII, 12).

31 Замечание Ксенофонта можно связать с конным боем ("Hell.", III, 4, 13). Но из описания видно, что эллинские всадники были вооружены именно не короткими, а длинными копьями. Не совсем ясно в этом рассказе, почему персы имели такое глубокое построение. Из задних рядов они не могли метать копья. Может быть, это объясняется тем, что персы рассчитывали прорвать линии греков своей колонной и бросать копья при этом направо и налево.

32 Ад. Бауэр (стр. 313, во 2-м изд. – стр. 433) заключает из Арриана (I, 6, 5), что у гетэров обычно щита не было. Я не нахожу, что данный отрывок вынуждает к такому заключению, – пожалуй, даже он его и не допускает. Щиты конников были, конечно, гораздо меньше, чем

щиты пеших войск. Так как у Плутарха (Алекс., 16) ясно говорится о щите, который царь имел в бою, а судя по Полибию (VI, 25, 7), македонские всадники имели, без сомнения, щиты, то мне кажется неоспоримым, что и в более древние времена было так же.

33 См. т. IV нашего труда, стр. 307.

34 О неудобстве носки и трудностях фехтования копьем ср. т. IV, стр. 14, 61.

35 Ад. Бауэр(стр. 272) дает длину в 3 м, но во всех изображениях на вазах, которые я просматривал, я нигде, – даже там, где места много, – не нашел таких длинных гоплитских пик.

36 R Wille (Р. Вилле), Waffenlehre, стр. 79.

37 A. Krause (А. Краузе), Hermes, 1890 г., стр. 66, довольно убедительно доказал, что Александр имел в своем войске также метателей копий и что Арриан под словом *"τοξόται"* понимает этих метателей.

38 По тщательному исследованию источников,

произведенному Диттбернером (W Dittberner, Issos, Berlin 1908).

39 Бауэр (стр. 314; 2-е изд., стр. 343) считает даже, что македоняне доставляли не более шестой части всего войска. Это, конечно, слишком мало. A. Krause (1. c., Hermes 1890) различает: 1) полевые войска, 2) осадные войска, 3) сатрапские войска, т.е. те, которые формировались сатрапами завоеванных стран.

Это в сущности правильно, но разница проведена слишком резко. Само собою разумеется, что были войска более пригодные для операции и боев, другие были более приспособлены для гарнизонной службы и, наконец, вновь назначенные губернаторы создавали новые формирования. Однако вполне естественно, что эти различные формирования, в зависимости от обстоятельств, применялись то для боя, то в качестве гарнизонных войск.

40 После того, как я был вынужден во 2-м издании переработать это сражение, я должен сейчас вновь сделать в нем несколько несущественных изменений. Основания для этого в обоих случаях одни и те же, а именно – более

правильное и более точное представление о структуре местности. Что касается основного вопроса, а именно – что сражение произошло не на Дели-Чай, а на Пайя-Чай, то я остаюсь при прежнем мнении. Поэтому я и теперь, как прежде, считаю диссертацию В. Диттбернера (Берлин, 1908) основной в этом вопросе и не нахожу, что она противоречит труду Янке, которому мы признательны за топографию местности (Klio, X, 137).

41 Курций, III, 8, 1; Арриан, II, 2, 1.

42 Организация походного движения не является абсолютным доказательством слабости персидских полков, потому что, по Янке, через Аманские горы имеется много более или менее проходимых путей в долину Иссы. Все же искусственное подразделение сил по разным путям движения вряд ли можно принять, а так как в сражении играла роль главным образом греческая пехота, то остальная пехота вряд ли была особенно сильна.

Кромайер полагает, что персидское войско составляло 50 000–60 000 чел., так как Селевкиды выставили такие же силы. Но диадохи отличались от ахеменидов совершенно другой организацией

военных сил, и тут не приходится возражать против тех положительных моментов, которые исключают участие более чем 25 000 чел.

43 Арриан (II, 5, 1) сообщает, что Парменон с греками и другими войсками был послан от Тарса, чтобы наблюдать за киликийско-сирийскими проходами. Так как греки не принимают участия в боевом построении при Иссе, дважды подробно описанном, то мы с уверенностью можем принять данное соотношение. Келер (Kцhler, Eroberung Asiens Abhandl. d. Berl. Akad 1898 г., стр. 130) считает, что Александру не пришлось выставить войска для прикрытия тыла, так как персидское войско находилось впереди него. Неосновательность этого утверждения совершенно ясна.

44 Описание Арриана, по которому за боевой линией персов находились еще в бесполезном отдалении полчища варваров, новейшими исследователями рассматривалось как свидетельство о построении боевого порядка в несколько линий. Не говоря уже о том, что этот прием, представляя собою, как мы увидим, дальнейшее развитие и усовершенствование тактики, принадлежит более поздней эпохе, мы

можем считать заявление Арриана только дополнением к его оценке персидского войска в 600 000. Греки видели перед собой только небольшое войско, но варвары для них были раз навсегда "полчищами", – значит, эти полчища стояли где-то в "бесполезном отдалении".

45 Полибий (XII, 17, 7). По Каллисфену, "линия пельтастов доходила до гор". Эти легковооруженные, которые тянулись до самых гор, были, очевидно, персидскими лучниками. Арриан (II, 10, 6) ясно подчеркивает, что македоняне продвигались сначала медленно, чтобы боевая линия не искривилась, а затем наступали бегом, чтобы не слишком страдать от неприятельских лучников. Что фронт персов не шел по течению реки, ясно видно у Арриана (II, 9, 4), где говорится, что македоняне, после того как Александр стянул войска из тупика к себе, продвинулись за позицию, которую занимали персы. Фразу Арриана (II, 8, 6) "по условиям местности могло расположиться большое количество бойцов, выстроившихся в фалангу по прямой линии" можно понимать так, что ширина долины не вмещала большего количества войск, чем сколько было развернуто, т. е. фаланга

тянулась от моря до гор. Но это положение исключается вышеприведенным местом.

46 Каллисфен, в изложении Полибия, сообщает, что ширина долины Пайя была менее 14 стадий (2 I км) и что македонская фаланга была на значительное расстояние удалена от гор, так, что ее левый фланг касался моря. Между тем оказывается, что ширина долины была не 2 I, а по Янке – 4 км, по Хассбаху же – 5 км. Эта ошибка впрочем не представляет собою чего-либо неестественного (ср. Диттбернер, стр. 122). Тем не менее мы должны верить Каллисфену, что протяжение македонского фронта было значительно менее 2 I км.

47 "Греки... оставленные прочими, бессмысленно разбежавшимися в разные стороны, отступили в полном порядке" (Курций, III, 11, 18).

48 По всей вероятности, он сначала, опираясь на вычисления Каллисфена, посчитал только 32 000 фалангитов, а на человека считал не то пространство, которое он занимает в бою, а дистанцию между рядами на марше, равную 6 футам.

49 Полибий (XII, 18) считает на 800 всадников при самом глубоком обычном построении 8 лошадей на 1 стадию, т.е. по 6 футов на коня с интервалом. Но вполне возможно, что они иногда стояли глубже, а может быть, и гораздо теснее. 5 000 всадников по 8 лошадей в ряд и по 6 футов на каждую лошадь без перерыва образовали бы уже целый километр.

50 Graf Jork, Kurze Uebersicht d. Feldzьge Alexand. d. Grossen. S. 32.

51 Сообщено Мандротом (Mandrot, "Jarb. f Schweiz. Geschichte", Bd. VI, 1881, S. 263).

52 Ген. Верди говорит: "24 эскадрона (3 600 лошадей) должно считать максимальным числом для конной дивизии, ибо вести сражение большими единицами удается только выдающимся полководцам и то лишь при основательной подготовке командиров и бойцов"

53 Ср. Киропедия VII, гл. I, а также VI, 2 и VIII конец.

54 Диодор рисует ужасные раны, наносимые этими серпами, но указывает, что число раненых

или убитых было очень незначительно, что также подчеркивает и Арриан.

55 Арриан говорит, что Александр потерял не более 700 чел. Это весьма неопределенно. Если считать, что это – общее число потерь всего войска, то оно противоречит описаниям боя, принадлежащим самому Арриану. Низе (Niese) относит это число к коренным македонянам. Можно высказать и другие предположения, но не имеет смысла их нагромождать.

56 Данные Курция ничего не стоят. Арриан в "Анабазисе" не дает никаких общих чисел и только упоминает в "Индика" (гл. 19), что за царем на обратном пути из Индии следовало 120 000 бойцов, среди них много варваров. Может быть, он принимал в расчет и массовые призывы индийских князей, из которых многие были фиктивными. Но и помимо этого, мы все равно не знаем, откуда взялось это число и достоверно ли оно. Цифрам, относящимся к македонскому войску, которые Арриан приводит в "Анабазисе", можно доверять, так и он в основном опирается на Птоломея, но то, что мы находим в "Индика", возможно, взято из сомнительного источника. Плутарх (гл. 66) называет даже для войска,

идущего через Гедрозию, цифры в 120 000 пехоты и 150 000 всадников. Расчеты Рюстова и Кёхли (стр. 298) недостаточно обоснованы. Они считают сконцентрированную у Гидаспа армию в 69 000 чел. и 10 000 лошадей. Авторы сами характеризуют авангардный корпус как "ведущий сущности бой". Это действительно так, но тогда я ставлю вопрос: зачем такой полководец, как Александр, затруднял себе ведение войны тем, что тащил за собой огромные массы войск, которые в течение сражений не находили себе никогда применения?

57 Остальное войско, – по сказанию Арриана, которое мы не имеем основания отвергать, – перешло Гидасп, когда исход сражения был уже решен, т.е. не может быть принято внимание для самого боя.

58 Crdmer. Beitr. z. Gesch. Alexanders d. Grossen, Marburger Dissert. 1893.

59 Во всяком случае совсем неверно предположение Рюстова и Кёхли, что этот индийский князь Абизар подошел к Пору на правый берег Гидаспа. Ведь он тогда прямо попал бы в руки македонян и был бы захвачен в плен, а

следовательно, ни Пор ему, ни он Пору не смогли бы никак помочь. Курций (VIII, 47) также ясно указывает, что Пор ждал подкреплений на левом берегу.

60 Майор Олендорф (Ohlendorf) в статье "Применение слонов для военных целей в древности" ("Jahrb. f. d. Armee und Marine", Bd. 49, дек. 1883) считает, что задачей пехоты было "не допустить слонов повернуть назад". Неясно, каким образом пехота может это сделать. Очевидно, этот вывод сделан на основании неправильного перевода.

61 Александр взял на переправу два таксиса пецетеров. В боевом строю, однако, они не появились; речь идет только о гипаспистах и легкой пехоте. И общее число пехоты – 6 000 чел. – исключает эту возможность. Рюстов и Кёхли (стр. 229) считают, что они были оставлены у переправы, чтобы, если понадобится, пойти навстречу Абизару. Это было бы ошибкой, даже если бы Абизара ожидали здесь: в первую очередь надо было все силы бросить на то, чтобы разбить Пора и избегнуть боя с Абизаром. Изолированный корпус легкой пехоты без труда мог бы быть разбит им. Причина, по которой пецетеры не

были в бою, просто, должно быть, та, что они не успели закончить переправу. Переправа через широкую реку на надутых пузырях и немногих судах отнимает весьма много времени.

62 С этим согласен и Керст (Kaerst, Philologus, т. 56, стр. 412).

63 Дройзен (Droysen, Untensuchungen, стр. 66) восстановил огромные переходы Александра. Но отдельные его данные о времени и пространстве я бы не хотел повторять. Оценка расстояний весьма произвольна, а также сомнительно, всегда ли правильно указано время. Шварц в своем весьма ценном, основанном на личном знании страны и населения очерке "Походы Александра в Туркестан" (1893 г.) установил не без основания, что поход, который, по Арриану (IV, 6), Александр сделал в 3 дня, был сделан от Ходжента до Самарканда. Арриан считает расстояние в 1 500 стадиев, т.е. 275 км, что составляет 37,5 миль, а современные измерения дают действительно 278 км. Но сделать такой переход в 3 дня не в силах даже самое отборное войско.

Арриан (III, 15) рассказывает, что Александр в вечер боя. при Гавгамеле дошел до Ликоса, а на

следующий день до Арбелы, которая лежит в 600 стадиях, т.е. в 15 милях, от поля сражения. С достаточной уверенностью можно сказать, что расстояние было приблизительно вдвое меньше, но и это все же является огромным достижением.

64 Конечно, то, что преследование увеличивает и дополняет победу, – идея не совсем новая. После Платеи мантинейцы собираются преследовать персов до самой Фессалии (Геродот, IX, 77). После победы у Делия беотийские всадники и легкая пехота преследовали афинян, пока тех не укрыла ночь (Фукидид, IV, 96). Также Алкивиад с всадниками и гоплитами преследует разбитых персов ("Hell.", I, 2, 16). Дердас преследует побежденных олинфян 90 стадиев ("Hell.", V. 3, 2). Кроме того, см. у Лирса, стр. 184. Но все это – исключения, которые не могут идти в сравнение с преследованиями Александра. Теоретически Ксенофонт в "Киропедии" (V, 3) советует преследовать врага, добавляя, что не все войско надо употреблять на это дело, но некоторую часть всегда держать наготове в боевом порядке.

65 Kцchly und Rьstow, Griechische Kriegsschriftsteller, II Tiel, 1 Abt., S. 270.

66 Дройзен (стр. 155) делает на основании этого тщательного обучения неправильный вывод об ухудшении солдатского состава. Скорее, это указывает на энергию, с какой проводилось военное воспитание, на крепкий военный дух. Мысль, высказанная им на стр. 132, что по мере того как росло войско, ухудшался его состав, тоже неосновательна. В огромных владениях диадохов пригодный для военной службы материал едва исчерпывался 100 000 человек, и "пираты" могли быть прекрасными солдатами.

67 Афиней (V, 35, 202 и сл.) говорит о наборе, произведенном в Александрии около 275/4 г., когда в состав войска вошло 57 600 пехотинцев и 23 210 всадников.

Аппиан (в "Prooemium", гл. 10) сообщает, что Птолемей II имел к концу своего царствования войско в 200 000 чел. пехоты, 40 000 всадников, 300 слонов, 2 000 боевых колесниц, 1 500 военных и 2 000 грузовых кораблей.

Пауль М. Мейер (Paul M. Meyer, Das Heerwesen der Ptolemder und Rqmer in Aegypten, стр. 8) принимает эти цифры. Но нетрудно установить, насколько они преувеличены. Надо только представить себе 57 600 пехоты и 23 210 всадников проходящими по улицам города. Если в

Египте тогда было 3–4 млн. населения (Beloch, Bevqlkeruhg, стр. 258) или 7 млн., как указывают источники, с мнением которых согласен У. Вилькен (U. Wilcken, Griech. Ostraka aus Aegypten und Nubieh, стр. 490), то постоянное войско в 240 000 составляло от 3,5 до 7% всего населения. Даже пятая часть приведенных цифр была бы достаточно велика.

68 "Перед ними он на загнутом фланге расставил 45 слонов, а в промежутках между слонами поставил достаточное число стрелков (лучников) и пращников".

69 "У левого крыла... он загнул фланг".

70 Согласно гл. 69, у Деметрия было 5 000 всадников; но если сложить перечисленные в описании боя отдельные части, то выходит только 4400 всадников.

71 В разборе книги Ролофа ("Berl. Philol. Wochenschrift" от 6 авг. 1904 г., стр. 992) Кромайер полагает, что разница между ним и Ролофом не так существенна. Но это тальке самообман, что и доказывает сам Ролоф в своем

возражении на рецензию, помещенном в том же журнале.

72 Кромайер (стр. 237, примеч. 3) считает, что вполне понятно неупоминание Полибием укреплений на вершине, ибо они не играли никакой роли. Совершенно правильно, – но почему они не играли роли? Вот это-то именно мы и должны знать для того, чтобы понять ход сражения.

73 Мнение Кромайера (стр. 234, примеч.), что между повествованием Полибия и Плутарха нет разницы, не соответствует фактам. По Плутарху, мы должны считать, что иллирийцы действительно обошли Эву и взобрались на гору там, где не было никаких укреплений. Современный читатель с картой в руках может так истолковать Полибия, но из его те нельзя вычитать ничего, кроме фронтальной атаки. Эта разница между обоими источниками весьма существенна и ни в коем случае не сводится просто к другому техническому термину; который по желанию можно бы и опустить, как полагает Кромайер.

74 Так как мы непременно должны принять, что долина также была прегражден укреплением, то ход событий не может быть воспринят иначе, чем представлено выше. Полибий заставляет спартанскую легкую пехоту пойти во фланговую атаку на штурмующего Эву противника и снова вернуться назад, когда на спартанскую конницу нападает конница противника. Очевидно, и всадники продвинулись вперед: должно быть, укрепление в долине имело своего рода ворота. Как указывает Ролоф (стр. 108 и сл.), Кромайер переводит неверно несколько мест, а потому неправильно оценивает поступок Филопомена и несправедливо отвергает указания Полибия.

75 Bolau, Der Elephant im Krieg und Frieden, 1887, стр. 8 и 13.

76 Scharff, De natura et usu elephantorum Africanorum apud veleres (О природе и использовании у древних африканских слонов). Weimar, Progr., 1855.

77 Кромайер думает, что ров не шел через всю равнину, а кончался перед левым крылом ахейцев. Но текст Полибия, как выяснил Ролоф, говорит против этого. Правда, можно себе представить,

что этот ров было легче перейти у его восточного конца, чем в середине или у западного конца. Но мое возражение этим ни в коем случае не отводится: даже если ров не шел до левого крыла ахейцев, все-таки непонятно, какую цель преследовало частное наступление.

78 Fougires (Bulletin de Correspondance helfenique, т. 14, стр. 82) пытается заполнить пробел насильно притянутой поправкой, согласно которой катапульты обстреливали не фалангу, как пишет Полибий, а левый фланг ахеян.

79 В своем разборе статьи Ролофа "Probleme" в "Berl. Philol. Wochenschr." (v. 6 August 1914, Sp. 995, Anum. 4) Кромайер отказался от этого упрека, но не сделал отсюда надлежащих выводов.

Часть четвертая
ДРЕВНИЙ РИМ

Глава I
СОСЛОВИЕ ВСАДНИКОВ И ФАЛАНГА

Если мы хотим излагать историю римского военного искусства на основе тех же принципов, какие мы применяли для изложения греческого, то нам придется начать со Второй Пунической войны, так как только с этого периода мы имеем сведения, дающие нам действительно достоверную и наглядную картину хода сражений и своеобразного характера римской тактики. Но римская историография, как и римская история, носит совсем иной характер, чем греческая; развитие римского государственного строя мы можем с достоверностью проследить вглубь значительно далее, чем греческого; таким образом, и для наших целей создается возможность иного подхода. Раздробленные греческие государства либо сохраняли в своем государственном строе нечто косное, застойное (как Спарта), и до нас не дошло о них никаких

достоверных известий; или же их кидало от одного коренного переворота к другому, так что, например, для Афин Аристотель насчитывает 11 сменявших друг друга различных образов правления. Рим во всех пережитых им потрясениях все-таки следовал неуклонной линии развития[1].

Даже при переходе от монархии к республике, совершившемся, несомненно, революционным путем, сохранилась в значительных чертах основная сущность прежнего государственного строя. Равным образом и в отдельных институтах еще в позднейшие времена можно узнать формы, отвечающие более ранним стадиям развития и восходящие к таким отдаленным периодам, о которых до нас уже не дошло непосредственной исторической традиции. Так, в системе голосования позднейшего времени сохранились элементы самых ранних форм войсковой организации. Весь рассказ о древнейшем периоде римской истории сплошь легендарен. С достоверностью можно принять лишь чисто внешние данные о войнах и сражениях да, пожалуй, еще имена полководцев. Но относительно развития римского государственного права и военного дела среди римских любителей старины жила традиция,

которая контролировалась самой современностью, а потому никогда не тонула в вымыслах и, так сказать, исторически дисциплинировала даже легенду.

Историческое исследование еще легче могло бы получить достоверные данные, если бы не то обстоятельство, что своеобразная государственно-правовая традиция была сильно окрашена политической тенденцией и совершенно искажена в некоторых очень важных пунктах.

Однако с течением времени историки нашли пути и методы для распознавания и устранения этих искажений. Если раньше даже критически мыслившие историки, не задумываясь, повторяли за своими предшественниками, что произведенная царем Сервием Туллием перепись дала 80 000 граждан, то теперь мы знаем, что такого рода цифры можно проверять по данным о величине города и страны, а потому мы их отвергаем вместе со всеми вытекающими из них для конституции последствиями.

С такими или сходными оговорками мы в общем можем до некоторой степени доверять дошедшим до нас известиям. Общее положение в ту эпоху, которую мы видим отчетливо и верно в ярком свете истории, дает нам средство очистить истину от всего легендарного, ложного, неверно

истолкованного. Те сведения, которые, не противореча друг другу, образуют ступени, предшествующие исторически ясному периоду, следует признать правильными; а то, что никоим образом нельзя истолковать хотя бы как исключение, опыт, временное отклонение и т.п., должно быть отвергнуто. Некоторые следы указывают нам на то, что в Италии в древние времена конница играла большую роль, чем в Греции. В 1-м издании настоящего труда я ограничился здесь этим замечанием, указав, что еще вернусь к этому вопросу в дальнейшем изложении. Чтобы вполне осветить и сделать понятным социальное значение конницы в экономических условиях Лациума, я должен был бы развернуть перед читателем во всей широте картину средневекового рыцарства, показав его происхождение и развитие. Несколько абстрактных фраз еще не дадут нам возможности произвести должную оценку этих военно-социальных форм. Поскольку имеется уже III том настоящего труда[2], я позволю себе сослаться на него и применить к древнему Риму те выводы, которые мы можем извлечь из явлений средневековья. Дело идет о привлечении того факта, что в Италии конница играла видную роль на поле сражения, к вопросу о возникновении

сословия патрициев в Риме.

Что на равнинах Средней Италии тактика конного боя была в древности более развита, чем в Средней Греции и на Пелопоннесе, явствует из самой природы вещей, а также из исторических преданий. Правда, описание отдельных сражений и боев в первых книгах Ливия следует рассматривать как простую легенду, однако, в ней настолько ясно выступает общий перевес конницы, что в этом факте мы можем видеть отражение действительности. Но если даже оставить легенду в стороне, расценив ее как сплошной поэтический вымысел во славу знатных римских домов, мы все же располагаем, – правда, косвенными, но очень вескими, – показаниями из истории Капуи. Об этом городе, самом значительном после Рима во всей этой области, Ливии сообщает нам, что еще в начале Второй Пунической войны его пехота была невоинственна, но зато конница вполне боеспособна[3]. Он описывает нам поединок на копьях между двумя всадниками – в точности такой, о каких мы читаем в рассказах о средневековых рыцарях. Разница в развитии обоих государств заключалась, таким образом, в том, что Капуа осталась на той же ступени, т.е. имела сильную конницу и небоеспособную пехоту,

Рим же, – путем организации, путем сурового военного обучения и дисциплины, – сумел воспитать из гражданской массы боеспособное и сильное войско. Однако преимущественное, почти исключительное значение конницы длилось еще достаточно долго, чтобы резко отграничить от массы малоимущих горожан и крестьян то сословие, которое располагало этим родом оружия. Высказывалось мнение, будто патриции составляли коренную общину, а плебеи были пришельцами, т.е. различие сословий создалось благодаря прибытию в Рим новых элементов. Эта гипотеза нашла поборника в таком крупном ученом, как Моммзен; однако она противоречила всем источникам (как с этим соглашается и сам Моммзен) и допущена была только ввиду крайности – пока не представлялось другого объяснения. Ключом к правильному разрешению загадки служит нам теперь выводимый из средневековой истории факт, что всадники всегда имели решительное преобладание над городской и крестьянской пехотой, пока та не научилась объединяться в тактические единицы. Был и в истории Рима период, когда фаланга легионеров еще не существовала. Представление, что уже Ромул имел легион, следует отбросить как басню, не имеющую никакой исторической ценности. В

то время римский всадник имел решающую силу. Ядром всадничества мы можем считать старинные семьи военачальников, которые мало-помалу все – или почти все – перенесли свое местожительство в город, – быть может, путем своеобразного синойкизма, какой мы наблюдали в Греции. Из города эти богатые и в то же время воинственные роды властвовали над страной. А в городе, который являлся торговым центром и передаточным пунктом для морских путей и крупной области, охватываемой бассейном р. Тибра, благосостояние этих семей развивалось капиталистически. Они держали в своих руках всю область и все мелкое крестьянство равнины не только силой оружия, но и тенетами ссуд. Древнейшая римская история рисует картину сплошного ростовщичества, которым патриции закабаляли плебеев.

Как ни была впоследствии резка и непереходима граница между патрициями и плебеями в Риме, все же предание позволяет нам признать, что патрицианство не представлялось сплошь однородным по своему происхождению. Различались более древние и более молодые семьи. Наряду с более древними родами стояли преуспевавшие купцы, которым их богатство позволяло взять на себя несение воинской

повинности совершенно так же, как мы наблюдаем это в средневековых городах, где исконное дворянство сливалось в одно сословие с шедшими в гору ремесленниками. Однако в Риме элемент старинной военной аристократии оказался сильнее, а купеческий элемент слабее, чем в средневековых городах; во всяком случай военный элемент был необходим при образовании патрицианства; оно не могло создаться через одно только экономическое развитие. Разве могла бы вся масса латинского народа подпасть под владычество какой-то горсти удачливых соплеменников, если бы это владычество построено было на чисто экономической основе[4].

Но в соединении с военным превосходством беззастенчивая в своих средствах сила капитала выдвинула из однородной массы аристократию, которая в конце концов стала гнушаться браков со своими соплеменниками-плебеями и, как особо покровительствуемая богами каста, притязала на власть и осуществляла ее.

Численность этой военно-экономической аристократии, образовавшей в древнем Риме сословие патрициев, представляется нам очень незначительной. Следовательно, военная сила, нужная для отражения внешних врагов, была

здесь, как и в средневековых городах, лишь очень ничтожна. Поэтому и случилось, что Рим, согласно одному преданию, которому мы можем доверять, подпал под власть соседних этрусских князей.

Тем не менее латинский город освободился от чужеземного владычества, причем очень вероятно, что эта успешная борьба в своих перипетиях дала повод к расширению и преобразованию чисто аристократической до тех пор военной организации. Наряду с всадниками выступило компактной массой, фалангой, объединенное крестьянско-городское ополчение. Организация была проведена царем, облеченным абсолютной властью. Римские цари не представляли собой наследственной династии, но они не были и тиранами в греческом смысле этого слова: они являлись высшими чиновниками, назначаемыми пожизненно. По-гречески их лучше всего было бы назвать а р х о н т а м и; наиболее правильное понятие даст нам термин д о ж. Как при первых венецианских дожах, так и при римских царях мы находим совет – с е н а т, который, однако, почти не ограничивает их власти; но стремление царей сделать свое звание наследственным, по-видимому, вызывало в этот период римской истории такие же внутренние конфликты, как и в

старой Венеции. Все же должностной принцип удержался, и из него развилась чрезвычайно твердая и суровая власть, совершенно исключавшая патриархальную мягкость, так часто связываемую с представлением о наследственной монархии. Опасное положение государства позволяло доверять эту должность только очень сильным личностям. Один из таких правителей и организовал народное ополчение – фалангу пехотинцев.

Он разделил римскую область на 20 триб, из которых 4 приходились на город и 16 – на остальную территорию; каждая триба делилась в свою очередь на 4 центурии, из которых на 3 центурии возлагалась обязанность являться в доспехах. Под этими доспехами мы для более древнего периода едва ли должны подразумевать полное гоплитское вооружение: в большинстве случаев эти доспехи представляли собой лишь самое необходимое – какой ни на есть щит да шлем. Четвертая центурия поставляла легковооруженных, соответствовавших греческим φιλοί которые в то же время употреблялись как прислужники, как обозные солдаты и для побочных военных нужд. Коль скоро ополченцы вооружались на собственный счет, то для того, чтобы попасть в гоплиты, требовалась известная

состоятельность. Если бы в их число принимались пролетарии, то государству пришлось бы самому снабжать их оружием[5].

В то время как в Афинах на каждого гоплита приходился один легковооруженный, в Риме служба была еще настолько сурова, что 3 гоплита должны были довольствоваться услугами одного легковооруженного; и если в Афинах сопровождающим бывал по большей части просто раб, то в Риме и эту роль исполнял гражданин, подлежавший воинской повинности.

До низложения царей территория государства несколько увеличилась, причем была учреждена новая, 21-я триба – клустуминская, в которой, однако, все 4 центурии были привлечены к службе в легкой пехоте, так что на 5 гоплитов приходилось уже 2 легковооруженных. Рим располагал тогда в общем счете 84 центуриями пехоты. К этому надо прибавить, кроме 6 конных центурий, еще 2 центурии кузнецов и плотников, 2 – трубачей и горнистов и 1 центурию писарей (accensi) и служащих по интендантству.

Площадь римской государственной территории ко времени изгнания царей охватывала не более 18 квадратных миль (983 км²), что составляло значительно меньше, чем половина Аттики. Когда же фаланга только

учреждалась, эта площадь была еще того меньше. В период, когда вся область была еще так мала, самый город был, конечно, тоже невелик, иначе он раньше и быстрее покорил бы окружающие мелкие области. Город Вейн, всего на 2 мили (ок. 14 км) отстоявший от ворот Рима, был покорен и слит с городом-завоевателем лишь более 100 лет спустя. Территория, подвластная городу, и его размеры всегда стоят в известном соотношении друг к другу. Максимальная плотность населения, какую мы можем принять для тогдашнего Рима, составит 3 000 душ на 1 кв. милю, – в общем, следовательно, около 60 000 чел., из числа которых надо еще скинуть; несколько тысяч на рабов[6].

При населении менее 60 000 чел. свободных жителей число способных носить оружие мужчин в возрасте от 17 до 46 лет могло предположительно составить от 9 000 до 10 000, число стариков и инвалидов – 5 000–6 000, общее же число взрослых граждан мужского пола – 16 000.

Эти цифры показывают, что трибы и центурии были, собственно, не призывными округами, а подразделениями самого ополчения; они охватывали все боеспособное мужское население и соответствовали своему названию сотен

(центурий) только тогда, когда собирались действительно все, ибо 9 000–10 000 способных носить оружие разделялись, как мы видели, на 95 центурий (84 центурии пехотинцев, 5 добавочных центурий и 6 конных).

Когда последний царь (которого предание именует Тарквинием Гордым) был низложен и удален в изгнание, государственное устройство изменилось в том смысле, что место одного пожизненного верховного правителя должны были заступить двое ежегодно переизбираемых должностных лиц, называвшихся первоначально преторами, а позднее консулами. Эти выборы производились организованным в войско народом – центуриями. Отныне, таким образом, центурии являются уже не только организационными единицами ополчения, но и политическими избирательными единицами. Как таковые, они удержались при всех преобразованиях римского государственного строя, и благодаря им нам известна первоначальная военная организация римского народа.

Чтобы использовать организацию ополчения для политической цели – для выбора консулов (или преторов), надо было организовать также и стариков, неспособных более к военной службе; наряду с 84 центуриями "младших" (juniores) были

созданы еще 84 центурии "старших" (seniores), и, таким образом, – намеренно ли или же по случайно оказавшимся в списках личного состава данным – пожилым гражданам было предоставлено при выборах относительно больше голосов, чем молодым. Всадники и дополнительные центурии не подразделялись на "старших" и "младших", из чего мы заключаем, что они по самой своей природе представляли нечто иное, нежели центурии пехотинцев. Последние являлись только организационными частями ополчения, а потому, пока эта организация служила только военным целям, она не охватывала стариков. Но конные центурии мы должны мыслить как общества всадников, искони включавшие также и старых мужчин, которые, по своему всадническому положению, в случае войны еще несли службу. То же относится и к плотникам, кузнецам, писарям, музыкантам, профессиональные объединения которых – цехи, если угодно, – по самой своей природе охватывали также и стариков.

Такой взгляд на зависимость между позднейшей римской системой выборов и первоначальной организацией войска издавна принят историками, и порукой его правильности служит для нас не только самое это деление по

явно военному принципу, но также и чрезвычайно показательное соотношение цифровых данных. В первый период республики римское государство делилось на 21 трибу, а нормальной численностью легиона (т.е. половины всего ополчения под командой каждого консула) еще во II в. считалось 4 200 пехотинцев. Оба эти числа, сохраненные преданием, несомненно, достоверны, и их совпадение нельзя относить за счет случайности. Оно вполне объясняется тем, что при основании республики половина пешего ополчения фактически составляла 4 200 чел. при 300 всадниках, и это само по себе случайное число было удержано впредь как норма. С этим не вполне согласуется третье сохраненное преданием число, а именно – 85 центурий "младших" вместо 84, как следовало бы ожидать. Однако, этому небольшому отклонению найдено теперь очень простое объяснение (ср. ниже добавление 1), так что и это число, несмотря на закравшуюся в него ошибку, очевидно, подтверждает оба первые, а с ними и все наши построение.

Что центурии "старших" были прибавлены лишь впоследствии, когда войсковые части стали служить избирательными единицами, не подлежит никакому сомнению. Действительный призыв мужчин старше 46 лет производился так редко,

что для него не могла существовать постоянная организация с кропотливым учетом[7]. Если писатели, жившие на два или три века позднее, упоминают при описании войн Камилла про ополчение стариков, то эти подробности никак не имеют для нас исторической ценности.

Итак, основным принципом римской военной организации, как она сложилась еще при царях и удержалась при республике, мы должны признать всеобщую воинскую повинность в самой суровой и напряженной форме.

Римская воинская повинность была гораздо тяжелее афинской, – даже если учесть морскую службу, которая для Рима отпадает; в самом деле, ведь в Афинах службу во флоте, за исключением редких отдельных моментов, несли большею частью наемники или даже рабы.

В Риме военизация глубже проникала в общество, чем даже в Спарте. Там крестьяне в огромной массе были несвободны, что делало их невоеннообязанными и небоеспособными, пока Пелопоннесская война не вынудила нарушить этот принцип.

Военное напряжение Рима было тем суровее, что неизбежные издержки на выплату жалованья полевым войскам покрывались не из податей, взимаемых с каких-либо подчиненных городов,

как это было в Афинах, а попросту налогами. Предание приурочивает введение жалованья войскам к осаде гор. Вейна; Моммзен с полным основанием полагает, что эту дату следует отодвинуть к более раннему периоду. Даже в те времена, когда Рим был уже властителем всей Италии, руководящие семьи хвалились патриархальной простотой своего образа жизни. В старом торговом городе, лежавшем на Тибре среди плодородных земель, с древних пор не могло ощущаться недостатка в средствах для создания богатства; однако достаток должен был служить не привольной жизни частных лиц, а государственным нуждам, – и такое воззрение еще продолжало жить в римском обществе, когда условия жизни давно уже изменились. Так и у греков историческая легенда рассказывает о враждебном всякой роскоши законодательстве Ликурга в Спарте и о бедном, но неподкупном афинянине Аристиде; однако эти образы являются лишь чисто эпизодическими для Эллады. Между тем Цинциннат, Курий Дентат и Фабриций представляют действительно национальный тип древнего Рима.

Две цели, которым с 510 г. служили центурии, являясь одновременно войсковыми и избирательными единицами, в силу естественного

хода вещей все больше отдалялись одна от другой. Бывали войны, когда к оружию призывалось не все мужское население, а делался отбор, – и чем обширнее становилось государство, чем длиннее бывали марши и длительнее походы, тем затруднительнее становилось отрывать от очагов всех мужчин. Таким образом, ополчение сменилось набором, а наборы производились, разумеется, не по мелким корпорациям, какими были центурии, а по более крупным областным единицам – по трибам. Смысл слова "центурия" разбился, таким образом, на два понятия, которые теперь не имели ничего общего как между собою, так и исконным значением слова – сотней; с одной стороны, центурия обозначала теперь политическую избирательную единицу, с другой – подразделение легиона. По мере расширения территории римского государства учреждались новые трибы (их число достигло впоследствии 35), а с ними и новые центурии как избирательные округа. Число конных центурий, первоначально – 6, к неизвестному нам моменту (может быть, в 304 г.) повысилось до 18.

Боевые приемы старого римского ополчения представляются нам в точности такими же, как у древнегреческой фаланги гоплитов. Поэтому мы позволяем себе перенести на римлян эти греческие

названия. Правда, на этот счет не сохранилось никакого положительного предания; но так как и внутренние причины и последующее развитие исключают возможность того, что римляне в древние времена имели отряды, вооруженные только мечом и сражавшиеся гурьбой, то единственно допустимым остается предположить для них линейный строй копейщиков в тяжелых доспехах, т.е. фалангу.

Легион есть военно-административная единица, а отнюдь не тактическая. Своим существованием он обязан той случайности, что при введении института двух консулов, каждый из которых должен был командовать половиной ополчения, эта половина как раз составляла 4 200 чел. пехотинцев и 300 всадников[8].

Числа эти сохранены были как норма на позднейшие времена, когда и масштабы, и самое устройство войска в корне изменились. Впрочем, эта норма соблюдалась не строго; часто состав легиона падал значительно ниже нее; иногда, наоборот, пехота усиливалась до 5 000, а при Марие даже до 6 000; но основное понятие сохранялось, так что по мере роста численности войск увеличивались не самые легионы, а их число.

Точно так же и подразделение старинного

легиона – центурия – представляет никак не тактическое, а только административное понятие.

Когда Рим сделался главным городом разросшегося союза и обязал своих союзников выставлять войска, то эти союзные контингенты не включались в легионы; это не имело бы смысла, так как легионы являлись только административными частями, а каждый союзный контингент сохранял до известной степени самостоятельное управление. В то время существовал принцип, по которому одна половина войска всегда состояла из римских отрядов, а другая – из союзнических. Следовательно, для определения римских сил надо удваивать число легионов, хотя, конечно, на практике тут часто происходили очень значительные уклонения от этого общего принципа[9].

В кавалерию союзникам полагалось присылать вдвое больше против того, что выставляли сами римляне.

Щедрое предоставление прав римского гражданства целым общинам облегчало возможность поддерживать такой порядок; но это приводит нас в значительно позднейший период, чем тот, который мы рассматриваем сейчас.

1. Новые воззрения на военное устройство древнего Рима привели к полному перевороту в наших

представлениях о древнеримском государственном устройстве в его целом. До сих пор все построения историков брали в основу сервианское деление народа на классы. Уже 1-е издание настоящего труда лишило почвы этот классовый принцип, так как из подсчета населения стало ясно, что центурии различных классов не могли сколько-нибудь резко различаться по своей численности, а, следовательно, представление, будто в Риме вместо строгой и всеобщей воинской повинности была лишь ограниченная, построенная по степеням повинность и соответственно с нею такое же неравное, пропорциональное богатству право голоса, оказывается совершенно превратным. Но если это так, то к чему же вообще деление на классы? "Наличию классового принципа при всеобщем равном избирательном праве, – писал я тогда, – остается только одно объяснение – косность римского сословного самосознания". Нельзя не признать, что такое объяснение являлось в сущности лишь последним отчаянным средством избежать окончательного отказа от традиционных представлений. С тех пор один из моих учеников нанес традиции последний удар: сервианский классовый строй следует вовсе вычеркнуть из древнейшей истории Рима. Френсис Смит[10] в своей книге "Римская тимократия" (Francis Smith, Die romische Timokratie) неопровержимо доказал, что так называемый сервианский строй возник не в VI, а во II в. Он представляет собою неудачную попытку произвести конституционную реформу в духе катоновской политики, с ориентацией на среднее сословие, чтобы отодвинуть от государства возрастающую опасность со стороны аристократии в

услужении которой была теперь продажная чернь, – опасность о х л о к р а т и и. Вероятнее всего, эти попытки произвели в 179 г. цензоры Марк Эмилий Лепид и Марк Фульвий Нобилиор. ("Они изменили порядок подачи голосов и распределили трибы по районам и разрядам граждан, на основании их имущественного положения и доходов". Т. Ливий. 41, гл. 51).

Очень возможно, что тогда же и трибы были разделены каждая на 10 центурий вместо прежних 8. Что первоначально в трибе было именно 8 центурий, следует из соотношения чисел: 21 триба, по 4 центурии "младших" в каждой, как раз и составит 8 400 чел., или 2 легиона пехоты.

Чтобы народ легче принял в 179 г. разделение по новому принципу, оно представлено было как восстановление исконного древнеримского государственного права; в то время были найдены как писания царя Нумы Помпилия, так и комментарии царя Сервия Туллия, и по этим довольно скудным и отрывочным данным тогдашне римские историки построили полную противоречий картину сервианского строя. Аналогию этому явлению представляют Второзаконие, Жреческий кодекс и конституции Дракона и Ликурга. Фальсификаторам было еще известно, что ко времени изгнания царей Рим имел 21 трибу и сообразно этому 168 центурий пехоты. При разделении народа на классы они округлили это число (так по крайней мере мы можем допустить) до 170 (80; 20; 20; 20; 30) и таким образом внесли ошибку, создавшую головоломную задачу для ученых: каким образом войско из 8 400 чел. (2 легиона) могло насчитывать 85 центурий, т.е. одну

лишнюю центурию?

Другая несообразность – та, что при 21 трибе, в которых каждая выставляла 3 центурии гоплитов и 1 центурию легковооруженных, легион почему-то насчитывал не 3 000 гоплитов и 1 200 легковооруженных, а 3 150 гоплитов и 1 050 легковооруженных, – получилась, по-видимому, не по вине историков. Причина этой несообразности лежит в самом ходе исторического развития, и ей тоже найдено довольно правдоподобное разъяснение. Можно с достоверностью принять, что в Риме было первоначально только 20 триб. Следовательно, несообразность возникла благодаря прибавлению 21-й – клустуминской – трибы. Членам новой трибы сперва не вполне доверяли, – видели в них не совсем полноценных ополченцев, – а так как численное соотношение между легковооруженными и гоплитами (1:3) было слишком скупо, то клустуминцев назначили всех на подсобную службу; впоследствии же, когда характер ополчения в корне изменился, различие между клустуминцами и членами других триб само собою исчезло. Такое объяснение хотя и не имеет прямых доказательств, все же представляется вполне приемлемым. В добавлении к книге Смита я подробно развил этот взгляд в специальной статье, напечатанной в "Preuss. Jahrb:" (т. 131, стр. 87, 1908), к которой я и отсылаю читателя. С появлением этой статьи многие страницы в 1-м издании устарели. Здесь же я добавлю только нижеследующее.

2. Старая римская фаланга имела будто бы ту особенность, что члены ее были вооружены неравномерно; только самые передние были облечены в полные гоплитские доспехи; за передними шла

шеренга без панцырей, затем – шеренга также и без поножей; задние же вооружены были только копьями, а самые последние – одной лишь пращой. Эти сведения, конечно, недостоверны, однако, очень вероятно, что в них заключается доля истины. Выше мы установили (ч. 1, гл. 3), что фаланге не приносило никакой пользы, если задние ее ряды следовали без вооружения, но в римском войске этих "невооруженных" не следует рассматривать как членов фаланги; они соответствуют греческим легковооруженным, т.е. обозным солдатам, прислужникам, которые несли также второстепенную строевую службу. У римлян они несколько воинственнее, чем у греков, так как набирались из полноправных граждан, тогда как граждане богатых греческих городов, – как, например, афиняне, – брали с собою в поход рабов, а спартанцы – илотов. Ополченец же без панциря и поножей мог рассматриваться как тяжеловооруженный и сражаться в фаланге. Естественно, что в древнейшие времена очень многие граждане не были в состоянии обзаводиться панцирем и поножами. Таких приходилось ставить в задние ряды; но как для государства, так и для каждого из ополченцев снабжение всех солдат полным вооружением было бы гораздо выгодней, чем такое ступенчатое построение фаланги. Коль скоро в каком-нибудь общественном арсенале или частном доме были в наличии панцири, они должны были выдаваться недостаточно вооруженным гоплитам. Выставлялось предположение, не лишенное некоторых оснований, что вообще различие заключалось не в самом вооружении, а только в том, являлся ли ополченец в

полных собственным доспехах или получал вооружение от государства[11].

В подробностях предания, – что первый класс имел круглые медные щиты (clipei), второй (ввиду отсутствия панциря) – длинные четырехугольные (scuta), а третий класс не имел поножей, – нетрудно узнать позднейшее построение римских историков: в те времена, когда государство еще не было в состоянии снабдить полным вооружением всех своих фалангитов, невозможно было бы проводить или хотя бы предписывать такие тонкие различия. Консулы не считались с тем, какой был у воина щит – круглый медный или же четырехугольный деревянный, обтянутый кожей, с железной обивкой; а поножи составляли настолько маловажную часть вооружения (позднейшие римские легионеры не носили их вовсе), что здесь они явно притянуты для построения классовой лестницы. Древко копья, острота его наконечника и закал клинка составляли гораздо более существенное различие для боеспособности отдельных солдат, чем замена металлических поножей какими-нибудь крепкими кожаными голенищами.

3. Всаднические центурии, несомненно, имели свою собственную историю, не сходную с историей пехоты; да и назывались они первоначально не центуриями, а трибами. Они не подразделялись на "младших" и "старших", и численность их для древнейшего периода республики относительно велика. В те времена, когда в Риме общее число способных к действительной службе граждан не превышало 9 000–10 000, среди них никак не могло быть 1 800 всадников. Нормально на 8 000–9 000 чел.

пехоты (2 легиона) полагалось 600 чел. конницы; эту норму позднейших времен я и принимаю за наличное число всадников в древнейший период.

Если теперь принять во внимание, что 3 древнейших и знатнейших конных центурии носили собственные имена – Рамнов, Тициев и Луцеров, а далее к ним примыкали Рамны, Тиции и Луцеры secundi (т.е. вторые) и еще 12 безымянных центурий, то само собой напрашивается предположение, что эти 3 центурии, названные здесь в первую голову, были аристократическими обществами, существовавшими еще до того, как народная масса организовалась в центурии. Эти аристократические общества являлись в войска в качестве всадников, сопровождаемых большей или меньшей пешей свитой; но так как они представляли собой нечто большее, чем просто ополчение, а именно – братства, клубы, – то к ним принадлежали также старики и инвалиды. Когда же по изгнании царей войсковые части стали нести политическую функцию избирательных единиц и ради этого созданы были центурии "старших", то для конных центурий в этом не было ни надобности, ни возможности, так как они уже включали в себя стариков, хотя те и не принимали больше постоянного участия в войсках. Во всяком случае римская знать никогда не пыталась основать свою власть на избирательном праве стариков в центуриях: она оказывала давление на народные выборы через должностных лиц и жречество.

4. Главным доказательством того, что в основе деления на центурии лежало войско, являются центурии музыкантов и ремесленников. Кузнецов надо рассматривать главным образом как оружейных

мастеров, которых брали с собою, чтобы можно было тут же в строю производить необходимые починки.

Кроме них была еще центурия accensi velati[12]. Римские историки сами были не уверены, как надо понимать этот термин (ср. цитаты у Марквардта "Rqm. Staatsverw", II, 329, примеч. 2). Эти центурии отожествлялись то с застрельщиками, то с запасными, которые должны были вступать в ряды на места убитых и раненых в их вооружении. Последний взгляд в настоящее время получил преобладание. Но я не могу представить себе в войске подобных людей. Выходит, что пока в рядах не образуется бреши, они не несут никакой функции и не имеют никакого оружия? Но это означало бы напрасную трату сил: ведь кормить их надо было так же, как и всех прочих. Конечно, когда гоплит выбывал из строя, то было очень важно спасти его ценные доспехи. Самым лучшим решением было немедленно вооружить ими другого. Но 100 чел. accensorum на войско в 8400 чел. не хватило бы для этой цели после первого же боя. С другой стороны, если проявлялась забота, чтобы численность гоплитов по возможности не убывала, то на это имелись легковооруженные, которые и должны были пополнять урон. А раз так, то наличность горсточки специальных "запасных" теряет всякий смысл. Тогда они представляли бы собою такую же центурию легковооруженных, как и все другие. Коль скоро же они упоминаются особо, их назначение должно было быть иным.

Я полагаю, что собранные Моммзеном ("Staatsverw", III, 1, 289) надписи и цитаты наводят на правильный след. Здесь центурия "невооруженных резервистов" выступает как привилегированная, а

каждый отдельный резервист – как уважаемый человек, который гордится своим званием. Мне кажется, что этого никак нельзя примирить с традицией, которая видит в резервистах граждан последнего класса, совершенно неимущих. Разве могло бы из такой пролетарской центурии образоваться общество, принадлежность к которому являлась желанной честью и в котором мы действительно находим представителей знати? Моммзен приходит к совершенно правильному заключению, что эти люди "по всей очевидности, исполняли раньше какие-то общественные обязанности". Какие же это могли быть обязанности? Несомненно, связанные с армией, и призывались они для службы в армии. Следовательно, эти люди составляли управление армии, штат писцов, счетоводов, служащих интендантства и ординарцев, в которых нуждались как высшие, так и низшие командиры. Варрон (цитата у Марквардта, указ. соч.) ясно говорит об этом во многих местах. Когда устраивался смотр войскам, то и они должны были выступать невооруженными (velati), а когда войско разделено было на центурии избирателей, они рассматривались как особая центурия, – совершенно так же, как трубачи, горнисты, кузнецы и плотники. Представление, будто accensi velati были пролетариями, сложилось только тогда, когда установлено было разделение народа на классы по имущественному признаку, с целью создания демократической системы выборов. Тут этих accensi никак не удавалось пристроить, а потому их поставили попросту внизу. Если верно, что они назывались также ферентариями (по Фесту и Варрону) и что это

слово производилось от. глагола "нести" (и означало, следовательно, "но с и л ь щ и к а"), то они, очевидно, были первоначально не более как слугами, из которых со временем развился штат более высоких должностных лиц.

5. Такие сообщения, как фраза Афинея (VI, 106): "они напали вместе с тирренцами, начавшими рукопашный бой фалангой", не следует более повторять. Хорошо еще, если Катон действительно з н а л из живого предания, что римляне первоначально сражались фалангой, а не пришел к этому заключению сам, сообразно естественному ходу вещей. И, конечно, никакая живая историческая традиция не могла сохранить сведения о том, что римляне переняли эту тактику у того или другого народа.

Также бессмысленно повторять, что scutum являлось, по Афинею, самнитским или, по Плутарху ("Ромул"), сабинским оружием и что его, по Плутарху ("Камилл"), стали обивать железом со времен Камилла. Все это – совершенно произвольные фантазии и предположения позднейших историков, противоречащих друг другу; так, например, по Ливию (VII, 8), римляне сперва носили clipei, а после того как войскам была установлена плата, т.е. со времен Камилла, введены были scuta.

6. W. Helbig в своих работах "Die Castores als Schutzgцtter des Rцmishen Equitatus" (Hermes, т. 40, 1905) и "Zur Geschichte des Rцmischen Equitatus" (Abhandlungen d. Kgl. Bayr Акад. d. W. I кл., XXIII, 2. Abt., 1905) пытается доказать как для римлян, так и для греков, что в более древнем периоде equites следует рассматривать не как кавалерию, а как конных

гоплитов. Однако относительно Рима исследование принесло более богатые плоды, чем относительно Греции, так как опирается не столько на толкование изображений, сколько на прямые источники и показания. Приводя множество цитат из всех первоисточников, Гельбиг констатирует сперва, как сильна была традиция, утверждавшая, что в древнейшие времена римляне вели конные бои и отправлялись на войну в седле. Этой традиции противоречит один рассказ в ineditum Vaticanum (Hermes, XXVII, 1892, стр. 118), восходящий, вероятно, к Фабию Пиктору, по которому римляне только в период Самнитской войны создали сильную конницу. Гельбиг, желая примирить противоречивые данные, толкует это в том смысле, что в то время под эллинистическим влиянием конные гоплиты были преобразованы в настоящую кавалерию, и ставит это в связь с конным парадом через весь город, который, согласна преданию, произвел в 304 г. цензор Фабий Максим (Mommsen, Staatsrecht, III, 1, 493, примеч. 1).

Ошибка этого исследования, как и соответственных изысканий того же автора в отношении Греции, лежит в слишком резком разграничении между пехотой и кавалерией. Гельбиг приводит в пример драгун XVII в., представлявших собою ездящую пехоту. Эти драгуны действительно являлись ездящей пехотой, которой давались не слишком ценные лошади, чтобы не так тяжело ощущалась потеря. Это, конечно, нисколько не соответствует античным *ιππεῖς* и equites. Настоящей аналогией римских equites следует считать средневековых рыцарей, которые сражались и в седле, и на земле и которым конь служил, конечно, не

исключительно лишь средством передвижения. Гельбиг в доказательство того, что equites не могли сражаться на конях, приводит то обстоятельство, что у них, судя по изображениям, были слишком большие щиты. Такую аргументацию нельзя признать убедительной: они могли, когда хотели сражаться в седле, отдавать свои щиты и обходиться без этого оборонительного оружия. Когда левая рука нужна для управления поводьями, то и меньший щит подчас представил бы вместо помощи опасную обузу. Только внимательное сравнение с боевыми приемами средневековых рыцарей показывает нам, какие выводы позволяют сделать размер и форма щита относительно способов ведения боя. Римские всадники древнейших времен нередко могли сражаться спешившись еще и тогда, когда уже была учреждена фаланга легионеров, но отнюдь не в резерве, как полагает Гельбиг (стр. 312), а, наоборот, в первых рядах фаланги, как это часто делали рыцари в XIV и XV вв. Вообще понятие "резерв" неприменимо к фалланговой тактике более раннего периода.

Противоречию между неизданной Ватиканской рукописью и несомненно верным преданием, сообщающим, что древний Рим располагал всадниками, следует, по-видимому, искать другое объяснение. Это место гласит: "Мы не можем воевать в конном строю, наоборот, почти вся сила римлян заключается в пеших... заставили их сесть на коней". У нас нет никакой необходимости вносить в этот отрывок нечто большее, чем то, что он дословно означает, а именно, что во время Самнитских войн римляне значительно усилили свою конницу и учредили 12 новых центурий, так что теперь их стало

18. Что это случилось не раньше и не позже, как в 304 г., нельзя считать доказанным; впрочем, не исключена возможность, что торжественный конный парад по городу был приурочен к этой реформе.

Очень интересна упоминаемая и воспроизведенная у Гельбига каменная плита VI в., изображающая римских всадников, один из которых вооружен мечом, другой секирой, у третьего оружия нельзя разобрать. Такая смесь в вооружении совершенно не соответствует нашему понятию о кавалерии, но зато очень характерна для рыцарства.

Действительно ли из почитания диоскуров как покровителей всадников вытекают такие важные следствия, какие выводит отсюда Гельбиг, я не берусь судить.

7. Все первоисточники и литература о римском военном искусстве указаны у Иоахима Марквардта во II томе его "Rцmische Staatsverwaltung"; 2-е издание этого труда под редакцией A. V. Domaszewski вышло в 1884 г. (Fьnfter Band des Handbuches der Rцmischen Altertьmer von Joachim Marquardt und Teodor Mommsen). Это 2-е издание представляет в сущности лишь перепечатку 1-го с некоторыми дополнениями, а именно, к нему добавлен указатель более новой литературы. Таким образом, здесь все еще проводится в настоящее время почти всеми оставленный взгляд, будто манипулы строились в бою шахматным порядком.

Я сам разрабатывал проблему римской манипулярной фаланги сперва в "Hislor. Zeitschrift", т. 51 (1883), затем в Hermes, т. 21 (1886) и "Hislor. Zeitschrift", т. 56, стр. 504 (1886) и т. 60, стр. 239 (1888). Первые 2 статьи объединены в приложении к

моей книге: "Perser- und Burgundenkriegen". Другие воззрения развивали: Frцhlich, Beitr. z. Kriegfьhrung in Kriegskunst d. Rцmer z. Zeit d. Republik, 1886; Soltau, Hermes, т. 20; Bruncke, Neue philologische Rundschau, Jahrg. 1888, стр. 40; Kuthe в одной из юбилейных статей, посвященных директору Нельтингу в 1888 г.; Steinwender, Programm d. Marienburger Gymnas., 1877, "Zeitschrift f. Gymnas.-Wesen", 1878; Giesing, Programm. d. Vitzthumschen Gymnas., 1891.

Все эти работы характеризует одна и та же ошибка: их авторы слишком сложно представляют себе тактические действия, тогда как первый закон тактики – простота.

Из более новой литературы укажем на Lammert, Die Entwicklung d. Rцmischen Taktik ("Neue Jahrb. f. d. kl. Altertum", 1902), где на стр. 102 очень хорошо обрисовано римское всадничество на основании отрывочных данных и аналогий. В остальном построения автора чересчур искусственны и в настоящее время, после книги Смита, устарели.

Очень ценна статья Либенама (Libenam) "Exercitus" ("Войско") в Paulys Real-Encyklopцdie"; она содержит тщательно проработанный обзор как всех первоисточников, так и новейшей литературы и вызванных ею споров.

В 1913 г. появилась статья Штейнвендера "Die rцmische Taktik z. Zeit d. Manipuiarstellung", Danzig, K. Bruning. Ценную критику на нее дал в своем исследовании, ошибочном в большинстве частностей, Роберт Гроссе, "D. Liter. Zeit.", Nr. II, стр. 685.

8. О смысле выражений classis, infra classem, classes Зольтау напечатал в журнале "Philologus", 72, 358 (1914) исследование, идущее по правильному пути, но

не доведенное автором до конца. Я смотрю на это так: classis означает первоначально "ополчение": ополчение сопровождалось сперва некоторым количеством слуг, легковооруженных и пр., т.е. *ψιλοι*, которых римляне называли infra classem, или вне (ниже) разряда, класса; когда эти легковооруженные были организованы и разделены по 1 200 на легион, то из них составилась вторая classis. Таким образом, слово стало означать "часть", и с этого момента можно уже говорить о classes, во множественном числе.

9. Решающую роль в истории римской пехоты сыграло, конечно, жалованье солдатам, введенное если не с самого начала, то во всяком случае очень рано. В связи с этим интересен установленный Шлоссманом факт ("Archiv f. latein. Lexikographie", т. 14, 1905), что слово stipedium, – впоследствии означавшее как "жалованье", так и "налог", – означало первоначально "солдатский налог", т.е. налог, собираемый специально на оплату жалованья солдатам.

Глава II

МАНИПУЛЯРНАЯ ФАЛАНГА

Исконная простая фаланга в период Самнитских войн подверглась преобразованию, конечным результатом которого явилась так называемая манипулярная фаланга.

Установить отдельные стадии, пройденные, как надо полагать, этим развитием, в настоящее время невозможно, но заключительная фаза, – тот порядок, в котором римляне выступали в бой еще против Ганнибала, – ясно встает у нас перед глазами.

Гоплиты были разделены теперь по возрасту на три разряда: гастатов, принципов и триариев. Самые молодые – гастаты – составляли 1 200 чел., средние – принципы – тоже 1 200, а старшие – триарии – 600 чел. Этим упразднялись прежние центурии, т.е. организация ополчения по сотням. Но слово продолжало жить как обозначение самого мелкого подразделения легиона, численность которого для гастатов и принципов была установлена в 60 чел. Две таких центурии вместе составляли 1 манипулу; каждый разряд имел 10 манипул, а, следовательно, весь легион – 30 манипул; но манипулы триариев были вдвое

слабее, чем манипулы обоих более молодых разрядов.

К каждой манипуле причислялось равномерно по 40 не имевших доспехов. Таким образом, старое соотношение – 3 000 гоплитов и 1 200 не имевших доспехов на легион – осталось в силе. Если же на 60 тяжеловооруженных триариев полагалось столько же легковооруженных, как на 120 гастатов и принципов, то это стоит в определенной связи со служебным характером этих легковооруженных: людям постарше из разряда триариев предоставляли больший штат для обслуживания их, чем молодым гастатам и принципам.

Новое деление преследовало чисто тактические цели.

Как ни просто построение фаланги, все же ее порядок легко нарушается. Даже просто передвигаться более или менее широким фронтом очень трудно; но стоит этому фронту разорваться где-нибудь в одном месте, как тотчас в другом возникает давка. Это случается даже на совершенно ровном учебном плацу, а уж если поле представляет какие-либо неровности или препятствия или если надо двинуть войско вперед, забирая несколько наискось вправо и влево, то правильное движение становится вообще

неосуществимым. Между тем при наступлении на противника чрезвычайно важно сохранить хоть какой ни на есть порядок[13]: в давке бойцы не могут толком пользоваться своим оружием, а в разрывы может легко проникнуть неприятель; одно лишь опасение такой возможности порождает растерянность, как это некогда изобразил Ксенофонт (Анабазис, IV, 8, 10). Этот недочет должен был быть изжит при манипулярном построении.

Уже относительно греческой и македонской фаланг мы можем с уверенность принять, что они не образовывали совершенно непрерывных фронтов, а оставляли между частями небольшие интервалы, благодаря которым облегчалось правильное наступление, а при столкновении с противником само собой происходило просачивание задних шеренг фаланги в передние. Эти интервалы римляне ввели теперь в систему.

10 манипул гастатов, – при нормальной расстановке каждой манипулы по 20 чел. по фронту и по 6 чел. в глубину, – стоят одна подле другой на небольших интервалах. Так как манипулы невелики, то интервалы получаются очень частые. За ними вторым эшелоном стоит разряд принципов, но так, что каждая их манипула приходится против интервала в

манипулах гастатов. За принципами выстраиваются манипулы триариев.

Две центурии, на которые разделяется каждая манипула, стоят друг подле друга и занимают, следовательно, по фронту половинное расстояние.

Каждая манипула держится плотной, цельной массой. Если где-либо образуется сдвиг, то замешательство не охватывает всей фаланги, а прекращается у ближайшего интервала или самое большее у следующего, причем эти интервалы соответственно сокращаются. Если же при этом интервал на другой стороне слишком расширится, то его тотчас закрывают по команде центуриона центурией или целой манипулой принципов, вклиняя их в линию гастатов. В крайнем случае этот прием можно повторить еще раз, вдвинув во фронт манипул остающихся еще в запасе триариев.

Небольшие же разрывы при столкновении с противником смыкаются сами собой.

В фаланге разрывы и скопления находятся в естественной взаимной связи. Если бойцы столпятся где-нибудь в одном месте, то в другом неизбежно возникнет разрыв. Поэтому нужно было найти средство против обоих зол одновременно. Если разделить старую фалангу и оставить промежутки между частями во

избежание скоплений и вызываемого ими замешательства, то очень легко возникали бы разрывы. Интервалы неизбежно приводят к этому. Приходилось пользоваться ими с большим ограничением. Введение более частых интервалов можно было осуществить только в том случае, если одновременно принять меры к немедленному закрытию возникающих отсюда брешей, что и достигалось путем деления легиона на 3 линии – гастатов, принципов и триариев – и расстановки манипул задних линий против интервалов передних. Расчленять фалангу можно было не иначе, как одновременно и вдоль, и поперек.

Прием, казалось бы, очень простой, но вместе с тем он требует большого искусства. Греки не могли проводить его в жизнь. Им для этого недоставало предпосылки римской дисциплины. Казалось бы, что обучить каждого солдата очень просто: его часть – центурия или манипула – передвигается вперед по направлению к фронту, как только перед ней открывается брешь. Но эта простая вещь в серьезный момент очень трудна. В шуме и сутолоке сражения перед лицом смертельной опасности подобное правило не всегда может быть выполнено. С другой стороны, и человек, находящийся в линии фронта, увидев, что рядом с ним открылась брешь, теряется и не

знает, куда ему податься. Идти вперед, пока прорыв не закроется, означает для него верную гибель: противник ворвется прямо сюда и ударит на него сбоку.

Гоплит в фаланге, как мы это узнали от Эврипида (см. выше, кн. 2, гл. 5), не предоставлен самому себе и собственной храбрости, – нет, он зависит также от стоящего рядом и позади. Следовательно, мало закрыть разрыв, – надо еще, чтобы бойцы передних шеренг фаланги имели твердую уверенность в том, что это действительно будет своевременно сделано, иначе им изменит мужество.

Однако продвижение манипул второй и третьей линий не должно совершаться по усмотрению и произволу отдельных бойцов. Нельзя слишком рано выступать вперед; если интервал невелик, он должен остаться; увеличение его может оказаться лишь мгновенным и ликвидироваться само по себе. Если же разрыв достаточно велик, то выдвижение задней манипулы должно произойти неукоснительно; в противном случае оплошность грозит привести к тому, что сражение будет проиграно. Следовательно, манипулярный строй требует в высшей степени твердого и верного командования. Гастаты должны вполне

полагаться на то, что центурион, стоящий позади манипулы принципов, в нужный момент даст приказ и поведет свою манипулу на угрожаемый участок. Моральная стойкость легиона покоится на твердой уверенности гастатов в своевременном выступлении принципов.

Организация манипулы и ее целевое назначение натолкнули римлян на применение для обозначения манипул особых значков, что было совершенно неизвестно грекам. Бойцы ни под каким видом не должны были удаляться от своих манипул; поэтому каждая манипула получила видимый символический пункт сосредоточения бойцов – флажок. В самом бою эти флажки, правда, не имели прямого и существенного значения. Только при выдвижении частей к линии фронта они могли служить ориентирами; непосредственно же во время наступления не может быть и речи о равнении на значок, так как все внимание по необходимости направлено вперед; наконец, в опасном рукопашном бою солдат смотрит исключительно на противника, а если и кинет взгляд в сторону, то не далее как на соседей, чтобы не отбиться от своих.

Существенную роль манипулярных значков надо искать в условиях мирного обучения, когда они содействовали воспитанию у каждого

отдельного бойца привычки крепко держаться своей манипулы. При выработке этой сплоченности, т.е. при упражнениях, значки имели не только символическое значение, но приносили и практическую пользу, облегчая равнение.

Манипулярный строй не только дает фаланге возможность постоянно сохранять свою сущность, но еще и облегчает ей передвижение при неблагоприятных условиях местности. Что бы ни происходило по пути, фаланга никогда не теряет своего порядка, всегда встречает противника сомкнутым, непрерывным фронтом. На место почти монолитного в своей целостности единства выступает единство расчлененное. Фаланга получила звенья.

Расчленение фаланги помимо подвижности и порядка при наступлении создавало еще и другое преимущество. Мы видели, что в старой фаланге легковооруженные могли найти применение лишь в очень слабой степени. Теперь же интервалы позволяли высылать вперед летучие отряды стрелков: ведь даже когда гоплиты стояли довольно тесными рядами, стрелки имели возможность вернуться в тыл через интервалы между звеньями[14], не вызывая замешательства. Однако не следует думать, что все 1 200

легковооруженных в легионе применялись подобным образом. Ведь, если бы гоплиты стояли по 15 чел. в глубину и по 200 в ширину, это должно было бы образовать стену застрельщиков в 6 чел. глубиною, тогда как в действительности пользоваться метательным оружием могут не более 2 чел., стоящих один за другим[15].

По одному свидетельству, сохранившемуся у Ливия, для этой цели применялось только 20 чел. от каждой манипулы гастатов, т.е. в общей сложности 200 чел. из легиона; вероятно, сверх того еще некоторое число высылалось с флангов; часть следовала за гоплитами для оказания первой помощи раненым; остальные оставались в тылу и окапывались в лагере, составляя его гарнизон.

В несомненной связи с разделением фаланги на манипулы стоит также изменение в римском оружии и в боевых приемах. Раньше римские гоплиты сражались, как и греческие, копьем, а в качестве подсобного оружия имели короткий меч, кинжал или нож. Отныне римский воин мечет сперва копье и затем скорым шагом устремляется вперед, чтобы завершить борьбу мечом. Хотя копье и имеет преимущество большей длины, но в борьбе с противником в хороших доспехах оно представляет собою неудобное оружие[16]. По терминологии современной германской армии,

"нижняя хватка"[17], как мы ее обычно представляем, давала неверный и не очень сильный удар, так как при ней предплечье и кисть должны принимать неестественное, почти отвесное положение; полную силу такой удар получает лишь в том случае, если он направлен сверху вниз. Колоть же копьем так, как это практикуется в современной кавалерии, – "верхней хваткой", зажимая древко между торсом и верхней частью руки, – для гоплитов невозможно. Это – прием атакующих всадников, который имеет целью ударить противника безразлично как и достигает этой цели даже в том случае, если удар придется по щиту или панцирю и выбьет всадника из седла, не причинив ему ранения. Гоплит же должен высмотреть у закованного в латы противника уязвимое место и соответственно вонзить свое оружие.

Для этой цели заостренный меч[18] или короткий кинжал гораздо лучше приспособлен, чем копье, вдвойне действительным является, конечно, последовательное применение обоих этих видов оружия, как это, вероятно, и практиковали римляне, сперва кидая копье (которое и было сконструировано соответственным образом в виде дротика "pi l u m"[19]) и затем врезаясь с обнаженным мечом

в расстроенные обстрелом неприятельские ряды. Можно допустить, что тот самый военный авторитет, который расчленил фалангу на манипулы, повысил также и ее боевую мощь, предписав и осуществив на деле комбинацию обстрела копьями с рукопашным боем.

Само собою разумеется, что обычно метать копья приходилось только двум первым шеренгам фаланги; остальные сохраняли свои копья в руке. Триарии, которым почти никогда не доводилось метать копий, вообще не имели пилума; у них удержалось старое гоплитское копье – "hasta"[20].

Примечательна также в манипулярном строе организация фаланги по возрасту. В прежней римской классовой фаланге вперед выставлялись наиболее надежные и лучше других вооруженные. Теперь передние ряды пополняются младшими, а задние – старшими. Это служит показателем, что теперь в войске учитывались и сочетались два принципа – военный и гражданский. В глубокой фаланге задние шеренги почти никогда не принимают участия в непосредственном рукопашном бою, так что за исключением случаев общего бегства им не угрожает почти никакой опасности, – разве что залетит шальная стрела. В чисто гражданском войске нельзя распределять

опасность просто по возрастам, так как один гражданин равен всякому другому; в чисто наемном войске – еще того менее, так как каждый продал свою жизнь за одну и ту же плату. Но в организованном по-военному гражданском ополчении вполне естественно, что послужившие уже отцы семейств становятся в задние ряды и говорят молодым бойцам: "Теперь ваша очередь". Равным образом и у немцев ландвер применялся больше для гарнизонной и тыловой службы, чем для боевой. "Res ad triarios venit" вовсе не означает, что теперь должны выступить избранные отменные бойцы; нет – это звучит так же, как немецкое "дело дошло до ландвера" и означает не что иное, как недостаток в людях. Ведь и солдат германского ландвера отличается большой военной гордостью и как старый солдат кичится перед новобранцами, но это отнюдь не придает ландверу ценности отборных войск.

Из среды гастатов, на которых падала вся тяжесть подлинного боя, выделялись, как и у греков, избранные воины, составлявшие передние шеренги фаланги.

1. За нормальную глубину манипулы я взял 6 чел.; это составит глубину всей фаланги 15 чел. (манипула триариев имела лишь половинный состав). Мы можем это вывести из соотношения различных чисел. К

каждой манипуле принадлежало еще 40 чел., не имевших доспехов, составлявших при маневрировании задние шеренги фаланги. Числа подобраны были так, чтобы при полном наборе не получалось неделимых остатков. Но манипулы триариев имели, несомненно, ту же глубину, что и другие подразделения, а следовательно, были по фронту вдвое уже остальных и стояли на очень больших интервалах. Только при таком условии они могли исполнять свое назначение. Если бы они строились только по 3 чел. в глубину, то их выдвижение на линию фронта приносило бы мало пользы, так как тонкая стенка не могла бы оказать в рукопашном бою достаточного сопротивления. Между тем большие интервалы в третьем ряду не представляли опасности: ведь полководец мог во время наступления стягивать их туда, где возникали широкие бреши и предвиделось – или уже происходило – внедрение принципов в ряды гастатов.

Итак, нормальная ширина фронта манипулы должны была выражаться числом, которое входит множителем в 120, 60 и 40, глубина же – таким, на которое делятся без остатка 120 и 60. Отсюда выводим, что гоплиты строились по 20 чел. по фронту (триарии – по 10) и по 6 чел. в глубину; вся фаланга имела, таким образом, в глубину иногда 18, а иногда и 12 чел., в среднем же – 15. Не имевшие доспехов стояли во время смотров по 2 чел. в глубину за двумя младшими разрядами и по 4 – за триариями, если только они не выключались вовсе из фаланги гоплитов и не выстраивались в тылу за триариями. Другая мыслимая по соотношению чисел комбинация – та, что манипулы гоплитов имели каждая всего по 3

шеренги, – недопустима по существу, так как в этом случае вся фаланга в целом оказалась бы очень неглубокой, а манипулы –слишком широкими для своей главной цели, т, е. для заполнения разрывов.

У греков за норму глубины было принято 8 чел. Нас сразу поражает, что римляне строили фалангу почти вдвое глубже. Но не следует упускать из виду, что эти цифры говорят лишь о норме, которая в пределах надобности допускала изменения; так и о греках мы зачастую слышим, что они стояли в 12, а то и в 25 рядов. Далее, надо принять в расчет, что в построении римлян были интервалы. Глубокая расстановка имеет минусом короткий фронт, легко допускающий опасность обхода и фланговой атаки. Римское же построение удлиняло фронт за счет интервалов; а в тех местах, где во фронт выдвигались принципы, глубина понижалась и составляла, – если дело доходило до триариев, – всего 6 чел. Таким образом, для фаланги легиона средняя глубина в 15 чел. соответствовала 10–12 шеренгам греческой фаланги.

2. В старом легионе легковооруженные назывались, видимо, р о р а р и я м и, а позднее в е л и т а м и. Остается невыясненным, означала ли эта перемена названия какое-либо существенное нововведение. Применительно к 211 г. у Ливия (XXVI, 4) сказано: "Было решено иметь в легионах легковооруженных". Фраза звучит так, точно автор исходит из какого-то старого обозначения. Но рассказ, в который она вплетена, заставляет велитов появляться в роли г а м и п п о в, т.е. легковооруженных, перемежающихся со всадниками, – в силу чего они должны быть исключены из состава

легиона. Да и многие другие штрихи рассказа наводят на раздумье, например, когда Ливий вооружает велитов копьем с наконечником. Кроме того, Ливий и в более ранних книгах не раз упоминает велитов (ср. Марквардт, II, 349, примеч. 4). Возможно, что все это согласуется таким образом: в 211 г. из рорариев впервые было выделено 200 чел., которых с тех пор высылали вперед застрельщиками; их, конечно, специально обучали и вооружали особыми метательными копьями. Эти застрельщики и названы были велитами, а со временем от них название распространилось и на всех рорариев.

О ЗНАЧКАХ (ЗНАМЕНАХ)

3. Вопрос о значках (знаменах) в римском войске представляет большие трудности, и я не беру на себя смелость сказать об этом последнее слово. Во всяком случае Домашевский в своей очень ценной статье ("Abhandlungen des Archdol. Epigraph. Seminars der Universitdt", Wien 1885)[21] сильно переоценивает практическую ценность значков в строю. По его мнению (стр. 2), "они в длительном рукопашном бою служили для войсковой единицы опорным пунктом, на который ориентировались бойцы и при помощи которого полководец управлял их движениями в бою, поскольку вообще ему удавалось руководить массой по единому плану". Далее он высказывает мысль (стр. 6), что полководец через трубачей управлял движением значков, а бойцы следовали затем за значками.

Все это представление неправильно потому, что боец, захваченный рукопашной схваткой, уже не

поддается руководству; а если и говорить тут о руководстве, то все-таки оно скорее осуществимо посредством сигнала, действующего на ухо бойца, независимо от того, слушает он или нет, а не посредством значка, на который надо обязательно взглянуть.

Сообразно этим своим воззрениям Домашевский определяет место для значков в первом ряду манипулы, где они будут видны каждому солдату. Стоффель в своей истории Юлия Цезаря ("Histoire de Jules Cйsar", II, 329 и сл.) полагает, что они находились во втором ряду, и я склонен с ним согласиться, оговаривая, однако, что и этот автор, обладающий не только теоретическими, но и практическими познаниями в военном деле, все же несколько преувеличивает, на мой взгляд, значение значков в бою.

Стоффель очень убедительно доказывает, что под "антесигнанами" следует разуметь две первые шеренги манипулы. Я только ставлю под сомнение, можно ли выводы, относящиеся к когортной тактике эпохи Юлия Цезаря, переносить на более ранние времена. Например, очень возможно, что в манипулярной фаланге словом антесигнаны обозначались все гастаты, а потом, с изменением тактики, менялось и значение слова. Приводимые Домашевским места из Ливия (8, 11, 7; 9, 39, 7; 22, 5, 7) вообще совершенно не допускают предположения, что signa стояли в первой или во второй шеренге, а наводят скорее на мысль, что все signa легиона во время сражения помещались рядом, между принципами и триариями. Но так как уже и в то время signa sequi ("следовать за значками")

приводилось как особая примета римских солдат и так как характерное словоупотребление, выражающее военные передвижения через передвижения значков: поднимать, передвигать, нести, выносить, продвигать вперед, останавливать, вносить, соединять, повертывать, нести назад, переносить, выставлять, убирать назад и пр., – во всяком случае восходит, по правильному замечанию Домашевского, к довольно давнему времени, то здесь, очевидно, перед нами открывается противоречие в источниках. Домашевский (стр. 12), не находя другого объяснения, предполагает, что тут речь идет о различных signa. Сообщаемое Плинием (nat. hist. 10, 16) воспоминание о том, что в древности боевыми эмблемами римлян были не только орлы, но также волки, минотавры, вепри и лошади, он считает возможным отнести еще ко времени Пунических войн; эти-то эмблемы, по мнению Домашевского, и помещались между принципами и триариями, тогда как боевые значки, служившие тактическим целям, находились при каждой манипуле.

Я считаю приемлемой еще и другую догадку, а именно, что практическое применение манипулярных значков не только возникло на учебном плацу, но им и ограничивалось. В военной обстановке значками пользовались только при развертывании боевого порядка для его выравнивания, а затем они стягивались в середину легиона, где находились под надежной защитой, не мешая никому из находящихся в первом ряду пользоваться оружием. Практического значения для порядка и равнения в бою они отнюдь не имели, а моральный импульс, какой могло бы дать бойцу развевающееся перед ним священное боевое

знамя, еще не принимался в расчет, пока фаланга двигалась мощной сомкнутой массой.

Введение когортной тактики внесло перемену. Для этих действующих вразбивку небольших тактических единиц значки играли значительно большую роль и как раз морального порядка. Поэтому теперь им отвели место в самом бою, – если не в первых, то во вторых рядах.

4. По сообщению Аппиана ("Celtica", гл. I), диктатор К. Сульпиций в одном сражении с бойями приказал, чтобы дротики метались каждой шеренгой поочередно: выпустив копья в неприятеля, вся шеренга должна была пригнуть колено, чтобы следующая могла свободно бросать свои копья. Так как, по рассказу, это проделано было 4 шеренгами, после чего, наконец, когда "все" выпустили свои дротики, фаланга должна была двинуться в атаку, то отсюда было сделано заключение (Frqhlich, Kriegswesen, Cdsars, стр. 146), что гастаты стояли в 4 шеренги. Этот вывод я не могу допустить как по существу дела, так и с методологической точки зрения.

Все описания сражений IV в. представляют чистый вымысел, и подробности их не имеют никакой исторической ценности. Коленопреклоненное положение трех передних шеренг на таком близком расстоянии от наступающей или даже атакующей неприятельской колонны просто немыслимо. Даже на мирных учениях оно не совсем безопасно; ведь случись кому-либо в первых шеренгах слишком поздно опуститься на колени или слишком рано выпрямиться, или же кому-либо из задних слишком рано пустить копье, – и непременно будут раненые; а

если с этой стороны и пройдет все благополучно, то все же возможность такого исхода и необходимость считаться с нею должны вызвать в передних шеренгах беспокойство и нервное напряжение, вред от которого с лихвой перевесит пользу, ожидаемую от многократного метания дротиков.

5. Полибий (IV, 22 и сл.) дает нам подробное описание римского вооружения, но его манера изложения при всей ее широте часто носит поверхностный характер; так, он забыл описать конструкцию панциря. В VI, 23, 14 мы читаем: "Большинство солдат носит медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется к груди и называется нагрудником. Эти бляхи завершают вооружение. Те же граждане, имущество которых определяется цензором больше чем в 10 000 драхм, вместо нагрудника к остальным доспехам добавляют кольчугу". По дословному смыслу этих строк мы должны принять, что большинство римских легионеров" вообще не носило панцирей, а лишь вешало на шею в качестве "насердника" железный щиток в одну пядь длиной и шириной. Однако не подлежит сомнению, что этот щиток служил лишь дополнением к кожаному или холщевому панцирю, устроенному неизвестно как. Наряду с вооруженными таким образом легионерами граждане первого класса, как говорилось раньше, или – как скажем теперь вслед за Полибием – граждане, имевшие состояние свыше 10 000 динариев, носили более совершенный чешуйчатый панцирь (ср. у Марквардта, II, 337, прим. 4 и Frqhlich, Kriegswesen Cdsars, стр. 68). У нас принято попросту повторять это за Полибием, но что следует под этим разуметь? Неужели среди гастатов,

принципов и триариев здесь и там стояли люди в совершенно ином вооружении только потому, что случайно они располагали средствами? Но не могло быть в интересах государства, чтобы отдельные бойцы в шеренге были вооружены лучше других.

Я предложил бы такое объяснение: "насердники" представляли собою простейшего вида панцири, которые государство заказывало для массового производства и выдавало бойцам. При этом каждому предоставлялась свобода носить иной панцирь – добротнее или же красивее; наиболее состоятельные обзаводились "чешуйчатыми" доспехами. Таким образом, "люди, имевшие состояние свыше 10 000 драхм", вовсе не означает, что здесь мы имеем дело с пережитком старого классового порядка, а означает просто "самые богатые", хоть Полибий и передает это не совсем ясно; он ложно истолковал свой источник и сам в свою очередь был плохо истолкован. Несомненно, с таким же недоразумением мы имеем дело и в том случае, когда Полибий (IV, 23) дает каждому легионеру два копья – одно легкое и одно тяжелое. Не каждый легионер был вооружен двумя копьями, а были копья двух родов: кроме легкого копья, применявшегося легионерами в бою, имелось еще и тяжелое, употреблявшееся при защите укреплений.

Глава III

РИМСКОЕ ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ, ЛАГЕРНОЕ ИСКУССТВО И ДИСЦИПЛИНА

Нельзя строить фалангу и управлять ее движениями, не обучив соответственно бойцов. Мы должны представить себе, что уже с первого дня возникновения понятия фаланги имела место некоторая военная учеба. В Спарте и у греческих наемников она проводилась систематически. Воспитанные на дисциплине римляне не могли пройти мимо этого превосходного средства, а манипулярный строй, несомненно, требовал большего, чем то, чего достигли в этом отношении греки и македоняне. До нас дошло одно описание строевых упражнений манипулярного легиона, – правда, настолько искаженное, что долгое время оно наводило исследования на ложный путь; однако, очищенное от искажений и прикрас, оно может служить прекрасной иллюстрацией.

Главной задачей манипулярного региона было держать крепкую связь между отдельными манипулами при наступлении и, как только в передних рядах образовывались разрывы, тотчас в

должном порядке заполнять их, выдвигая центурию или манипулу из второй или третьей линии. При упражнениях это делалось таким образом, что передовые манипулы ставились на интервалах, равных фронту 1 манипулы. Затем вся фаланга двигалась вперед, причем центурионы строго следила за соблюдением раз установленных дистанций.

В бою интервалы между манипулами, конечно, нельзя было делать такими широкими, так как каждый промежуток представлял бы для врага удобное место для прорыва.

Но на учебном плацу таким способом приучали солдат идти вперед, не нарушая строя, а это очень трудно. Значок в первой шеренге каждой манипулы помогал соблюдать направление и дистанции.

Наконец, производилось пробное вдвигание принципов в интервалы между манипулами гастатов: принципы выступали на передовую линию, а гастаты оставались позади, чтобы затем таким же порядком заполнить по команде интервалы. Триарии также втягивались в это упражнение, хотя мы теперь не можем установить, каким, собственно, образом это происходило: ведь перед ними всегда находилась манипула либо гастатов, либо принципов, пока в бою

замешательство или урон не создавали разрыва.

Едва ли не столь же значительную разницу, как и расчленение на манипулы, создавал между греческим и римским войсками характер лагеря.

О лагерях греков мы имеем лишь очень скудные сведения. Ксенофонт в своем изображении государства лакедемонян (гл. 12) рассказывает нам[22], что они соблюдали в лагере хороший порядок и устраивали лагерь круглым, когда местность не предоставляла ничего другого; но он не говорит, чтобы они его постоянно укрепляли. Правда, из общей связи мы, пожалуй, можем вывести такое заключение, а кое-где даже прямо рассказывается об укрепленных лагерях; но о постоянном обычае укреплять лагерь у македонян, а тем более у других греков, очевидно, не может быть и речи. У Александра Великого и его преемников укрепление лагеря упоминается не иначе как только при особенных обстоятельствах. Полибий ясно говорит (VI, 42), что греки, во избежание лишних трудов, не окапывались, а выискивали для расположения лагерем защищенные природными условиями места[23].

Римляне же с очень ранних пор держались твердого принципа проводить вокруг лагеря ров и вал с частоколом. Это стоило, конечно, каждый раз немалого труда, зато предоставляло большие

преимущества. Обычай греков искать защиты в условиях местности естественно проводил к тому, что они нередко довольствовались лишь очень незначительным прикрытием, подвергаясь опасности нападения. Полководец неохотно предлагает своим войскам делать то, к чему они не привыкли. На успешное проведение тех или иных военных действий оказывает большое влияние их привычность. Римский полководец, который всегда и всюду нес с собой уверенность в закалке и выучке своих солдат, мог проводить гораздо более широкие и длительные операции, чем греческий. Постепенное систематическое покорение Италии, которое легло в основу государственного могущества Рима, было бы невозможно без римского укрепленного лагеря. Даже после проигранного сражения лагерь представлял собою заранее подготовленное убежище.

Но едва ли не столь же важным является другое – косвенное – последствие, на которое указывает Полибий (там же). Греки, располагавшие свой лагерь в зависимости от обстоятельств, не имели для него твердо выработанных форм; у римлян же была совершенно определенная схема[24], в которой каждая часть, каждый человек имел свое определенное место. Лагерь был

четырехугольный, имел четыре входа, в середине стояла палатка полководца, по определенному плану шли "улицы" лагеря, а определенные знаки указывали направления. Вследствие этого выступление из лагеря и возвращение в него совершались в естественном порядке, без всякого замешательства, и даже при внезапной тревоге каждый солдат тотчас находил свое место.

У Ливия (XLIV, 39) Эмилий Павел перед сражением при Пидне держит речь к своим солдатам, в которой он так говорит о лагере: "Ваши предки считали укрепленный лагерь всегда открытой гаванью войска, откуда они выходили на противника и где, разбитые бурей сражения, они могли найти себе надежное пристанище. Лагерь есть место отдыха для победителя и оплот для побежденного. Это – военное жилище, вторая родина: вал – это стены, а палатка для каждого бойца – его дом и очаг".

Закон укрепления лагеря налагал на римского воина чрезвычайно большие тяготы. Так как не всегда представлялись возможность и время найти на месте необходимый для частокола материал, то бойцам приходилось таскать на себе помимо тяжелого гоплитского вооружения, провианта и инструмента – топоров, лопат и пил – еще нередко и самые колья[25]. Каждый греческий гоплит, как

мы знаем, требовал себе слугу или помощника; римские легионеры имели 2 легковооруженных на 5 гоплитов. Греки, говорит Полибий (XVIII, 18), считали едва возможным нести свое вооружение на походе; для римлян незатруднительно было взваливать на себя еще и колья для ограды. Цезарь (bell, civ., I, 78) рассказывает мимоходом, что инородческие вспомогательные отряды не брали с собой обычной легионерской ноши.

С полным правом одна римская легенда вкладывает в уста Камилла слова (Ливий, V, 27, 8), что средства, которыми римлянин побеждает врагов, суть его "virtus, opus, arma" (доблесть, работа, оружие). "Opus", – тяжелый и безвестный подвиг земляных работ, – играет отнюдь не меньшую роль в покорении мира римлянами, чем храбрость и оружие.

Все различия между греческим и римским военным искусством восходят к различию в дисциплине.

Хотя афинские полководцы и были облечены правом налагать наказания, однако, по свидетельству Аристотеля[26], они его не применяли на деле. Даже в случаях специфически военных преступлений, – неявка в войска, трусость, бегство перед неприятелем и т.п. – не применялось непосредственного наказания, а

только по окончании похода полководцы возбуждали обвинение перед народом в Афинах[27].

Когда в Пелопоннесскую войну афинский стратег Демосфен задумал укрепить Пилос, что привело затем к большой победе на Сфактерии, то сначала, как запросто рассказывает нам Фукидид (VI, 4), он не мог склонить к этому ни своих сотоварищей стратегов, ни воинов. И только когда им пришлось из-за волнения на море надолго остаться в гавани на якорях, воины решили со скуки выполнить замысел своего полководца.

В своих воспоминаниях о Сократе Ксенофонт заставляет Перикла жаловаться, что афиняне всегда проявляют послушание по отношению к учителям гимнастики и руководителям хоров, но всадники и гоплиты строптиво относятся к своим начальникам (III, 5, 19). Афиняне стараются, где только можно, действовать наперекор властям и кичатся этим (III, 5, 16). Сократ видел причину этого в том, что полководцы сами ничего не смыслят в военном искусстве; следовало бы выбирать в стратеги людей, которые превосходством знания и умения завоевали бы добросовестное послушание масс, как завоевали его учителя гимнастики и хорового пения.

Однажды у Фокиона спросили (Плутарх,

Фокион, гл. 23), когда же он посоветует афинянам начать войну с Македонией? Он ответил: "Когда я увижу, что молодые люди готовы нести службу, богатые – платить налоги, а риторы – отказаться от утайки общественных денег".

Зато спартанцы славились послушанием начальству, и не подлежит сомнению, что их военная община удерживала власть над своими многочисленными подданными только благодаря этой твердой спайке. Но если всмотреться ближе, то спартанская выдержка оказывается скорее результатом общего воспитания, а не тем, что мы, собственно, называем военной дисциплиной. Понятие дисциплины подразумевает, что она исходит от власти военачальника. А между тем власть военачальника в Спарте была как раз очень ограничена. В этом сложном государственном строе верховное командование войсками лежало в руках наследственных царей, но эти цари не правили, а только занимали нечто вроде председательского места среди аристократии; и вот, чтобы царская власть не возросла в силу командования войсками, пришлось сильно ограничить полномочия военачальника. Да и царствование было не единоличное, а дублированное: первоначально и на войне оба царя командовали сообща, а когда этот порядок

из-за больших неудобств был отменен (ок. 510 г.), то позаботились другим путем стеснить свободу царей в области военных действий, иначе эта царская власть получила бы совсем иной вес[28].

Павсанию при Платее пришлось стерпеть, что один из командиров спартиатов, Амамфарет, не понимавший его операций, отказался выполнить его приказ и вступил с царем в открытое пререкание. Позднее к царю приставлен был советник из эфоров, сопровождавший его на войне. Когда царь Агис в 418 г. хотел дать сражение неприятелю на неблагоприятном месте и уже выступил вперед на расстояние выстрела из пращи, один из старейших командиров крикнул ему вслед, что он хочет исправить одно зло посредством другого, в ответ на что царь повел войско обратно. В последовавшем вскоре затем сражении при Мантинее два полемарха вышли из повиновения и не исполнили предписанного им маневра; за это ослушание они не были тотчас наказаны царем, а только по возвращении домой отданы под суд и приговорены к изгнанию.

С выступлением на сцену греческих наемных войск возникает, конечно, иная дисциплина, чем в гражданских ополчениях. Еще в упомянутом выше разговоре между Периклом и Сократом Ксенофонт заставляет философа в

противоположность сухопутному войску восхвалять отличный порядок во флоте. Когда спартанец Брасид образовал из илотов отряд гоплитов, которых повел во Фракию, он их основательно обучил и дисциплинировал. По рассказу Ксенофонта (II, 6, 10), Клеарх – самый знаменитый кондотьер "десяти тысяч" – установил принцип, что воин должен бояться своего начальника больше, чем неприятеля, и собственноручно пускал в ход палку, когда уличал кого-либо из своих людей в распущенности. Однако когда сам Ксенофонт в обратном походе высек однажды одного солдата за то, что тот отказался помочь больному товарищу, то наказанный возбудил против него жалобу на войсковом собрании, и Ксенофонт, чтобы доказать свою правоту, должен был объяснить причину своего поступка.

У македонян под твердой властью царя-полководца господствовал строгий порядок; в тяжелых случаях царь налагал кару на виновника с одобрения своего войска[29]. Равным образом у преемников Александра, когда армия состояла из постоянных наемнических отрядов, должна была господствовать свойственная этому типу войска дисциплина, так как без нее наемников невозможно ни пускать в дело, ни

просто держать в повиновении. Полибий (I, 66) высказывает мудрую мысль, что для наемников покой не годится, а является источником смуты. Это, несомненно, служило одной из причин, почему при диадохах усердно производились строевые учения. Еще Ификрат, как нам сообщают (Полиэн, III, 9, 35), постоянно давал занятия своим солдатам, чтобы они не взбунтовались; однако среди этих занятий не упоминаются военные упражнения, а только земляные работы, рубка деревьев, погрузка провианта и сопровождение обоза.

Если и нельзя на основании всего изложенного совершенно отказать грекам в знакомстве с принципами военной дисциплины, то все же самое это понятие, собственно, впервые возникает вместе с наемничеством, а, по свидетельству Полибия, греки вообще никогда не могли научиться истинному повиновению. Совсем другая атмосфера охватывает нас, как только мы вступаем в римский лагерь. Только римляне вполне постигли принцип дисциплины, всю его силу и сумели провести его в жизнь.

Понятие о твердой верховной власти (imperium) не было уничтожено вместе с изгнанием царей, а лишь перенесено на двух чередовавшихся в правлении консулов. Шесть

ликторов с прутьями и топором выступали перед каждым из них, как непосредственные исполнители их приказов. Даже в стенах города личная неприкосновенность гражданина едва ли имела защиту перед железной властью этих чиновников, в строю же они неограниченно распоряжались жизнью и смертью человека, и воля их была непреклонна. От консулов такая же власть распространялась и на других командиров. Каждый центурион имел палку; позднейшая эпоха видела в ней особую эмблему и, как таковую, изваяла ее в камне[30]. Вегеций подробно изображает нам (II, 19), как тщательно в римских войсках велись книги и записи жалованья, службы, командировок и отпусков. Поэтому при наборе рекрутов старались получить известное число грамотных людей, умевших писать и считать. Этот точный административный учет мы должны отнести далеко назад, к очень давнему времени, так как без него не может быть никакого порядка, а следовательно, и никакой дисциплины. К каждой центурии издревле причислялось, таким образом, еще и несколько невооруженных (accensi velati), т.е. писцов[31]. По твердой схеме, рассказывает нам Полибий (VI, 36 и сл.), совершался у римлян обход сторожевых постов. Если дозорные не находили часового на посту или

заставали его спящим, то на следующий день над ним совершался военный суд. Обвиненного трибунал касался своим жезлом, и по этому знаку все солдаты кидались его бить или же забрасывали его камнями. Если несчастному удавалось избежать смерти от камней и уйти из лагеря, то он все же ни под каким видом не смел вернуться на родину. Та же неумолимая кара постигала и центурионов (Полибий говорит: "начальника арьергарда и начальника конного отряда"), если они неправильно совершали обход. Неповиновение, дезертирство и трусость карались смертью. Когда виновным оказывался целый отряд, то казнили по жребию каждого десятого.

Даже высшие командиры самого знатного происхождения иногда подвергались телесному наказанию[32].

Из римских легенд едва ли не самым характерным можно признать рассказ о консуле Манлие, который велел казнить собственного сына за то, что тот нарушил приказ и принял поединок по вызову из неприятельского лагеря. Окаменев от ужаса, – так живописует нам эту сцену Ливий, – взирали воины на страшные приготовления и только тогда пришли в себя, когда голова отделилась от туловища и потоком хлынула кровь. Но зато послушание было теперь

обеспечено.

Несколько лет спустя, рассказывают далее римские исторические сочинения, случилось, что magister equitum Кв. Фабий Руллиан наперекор приказу диктатора Л. Папирия Курсора дал в его отсутствие сражение и выиграл его. Диктатор напомнил пример Манлия и вызвал ослушника на свой суд. Фабий бежал из лагеря в Рим; с ходатайством за обвиняемого выступил сенат; отец виновного, который раньше сам был диктатором и трижды консулом, апеллировал к народу и народным трибунам. Но те не решились вмешаться, считая, что на первом плане должно стоять соблюдение основных законов дисциплины.

И только когда все – сами Фабий, отец и сын, сенат, трибуны и народ – прибегли к мольбам, признав тем самым право верховной власти полководца и закон субординации, диктатор позволил себе смягчиться и уступил преступника римскому народу, во власть трибунов, потому что они не требовали, а просили.

На греческой почве немыслим был бы рассказ о Манлие или о Папирие. Даже в Спарте никогда не существовало такого представления о силе административной власти. Эта власть сдерживала и уравновешивала в Риме аристократический и

демократический элементы. Ни один не мог вытеснить и подавить другой. В этом государстве всеобщего и равного избирательного права, где формально признан был суверенитет народа, сохранилась в то же время на деле властвующая аристократия, занимавшая в войске командные должности. Как отражение этих сил, сложился римский народный характер; твердая административная власть явилась корнем дисциплины, а на древе дисциплины возросли плоды – манипулярная тактика и постоянное, планомерное укрепление лагеря.

1. Описание, из которого я счел возможным заимствовать картину древнеримского строевого учения, вплетено Ливием в рассказ о Латинской войне (340 г.) и связано с обзором общего развития римской тактики. Ввиду важности этого свидетельства мы должны обработать его в общей связи и, проанализировав строку за строкой, постараться оправдать то применение, которое мы из него сделали здесь. Ливий (VIII, 8) говорит: "Раньше римские войска имели круглые щиты, но затем, после того как войско стало получать жалованье, оно заменило круглые щиты продолговатыми".

Это замечание является, очевидно, гипотезой римского историка, который представлял себе, что римляне в древние времена должны были иметь щиты гомеровских героев, и связывал переход к легионерскому щиту с введением платы в войсках.

Следующая фраза показывает, что мы имеем дело с подлинным знатоком; перевести ее следует так: "Первоначальная фаланга, похожая на македонскую, была сперва расчленена на манипулы, а затем поделена на несколько частей".

Введение эшелонного строя, как мы увидим, имело место на исходе III в., во Вторую Пуническую войну. Следующая ступень, когортная тактика, достигнутая на пороге I в. до нашего летосчисления, здесь не упоминается. Отсюда можно заключить, что описание принадлежит автору, жившему во II в., или еще точнее – в первой половине II в. Рассказчик сравнивает древнеримский строй с македонским; этим он отнюдь не хочет сказать, что римляне в древнейшие времена вооружены были сариссой. Имей он это в виду, он назвал бы римскую фалангу не просто "похожей на македонскую", а совершенно ей подобной. Общим могло здесь быть только сомкнутое линейное построение и вооружение копьем, иначе говоря-то, что мы видим в древней греческой фаланге гоплитов. Но автор – возможно, Катон – приводит в пример, вместо последней, македонскую фалангу, потому что в ту пору как раз велась или только что закончилась война с македонянами, представление об их фаланге было очень хорошо знакомо римлянам.

"Каждое отделение ("ordo") состояло из 60 бойцов, 2 центурионов и 1 знаменосца".

Это отделение в 60 чел. есть позднейшая центурия, т.е. половина манипулы. Но оно должно иметь не двух, а только одного центуриона и сверх 60 гоплитов еще 40 легковооруженных. Далее, оно едва ли могло иметь собственного знаменосца, так как значок был не у центурии, а у всей манипулы. Следовательно, либо

Ливиий допустил здесь оплошность, – слово "ordo", означавшее в его источнике "отделение", истолковал как центурию и затем, желая дать разъяснение, вставил в текст свой неудачный и неясный намек, – либо же позднейший интерполятор исказил таким образом текст. Фразу следует вычеркнуть.

"Первый ряд боевого строя составляли гастаты (т.е. бойцы, вооруженные копьями), делившиеся на 15 манипул..."

Нам, вообще говоря, известно только одно деление легиона – на 3 части: гастатов, принципов и триариев, по 10 манипул в каждом. Однако, сообщение Ливия о 15 манипулах может заключать в себе историческую истину. Вполне допустима мысль, что старую фалангу разделили первоначально только на 2 части по 15 манипул, о чем сохранилось воспоминание. Если это так, то Ливий, конечно, делает только ту ошибку, что он приписывает 15 манипул всем 3 частям. Во всяком случае легиона в 45 манипул никогда не существовало. Порядок голосования центуриатных комиссий неопровержимо доказывает, что легион искони состоял из 42 центурий, а связь этого легиона с тем, который описан у Полибия и в котором на 3 000 гоплитов приходилось 1 200 легковооруженных (что равняется 42 центуриям), совершенно несомненна. Это развитие не могло однажды быть нарушено другой цифровой схемой, от которой затем случайно или преднамеренно вернулись к прежним числам. Тождественность этих чисел в различные века скорее доказывает нам консервативность мышления, сказавшуюся в этом постоянном сохранении раз введенной цифровой нормы.

"Они выстраивались на небольшом расстоянии

друг от друга. Манипула включала 20 легковооруженных бойцов, остальные же носили продолговатые щиты. Легковооруженными назывались бойцы, вооруженные только метательным копьем и пикой. Это был передовой отряд, состоявший из цветущей молодежи призывного возраста. За ними шел отряд, состоявший из более зрелых людей, разделенный на столько же манипул; они назывались принципы, все имели продолговатые щиты и были прекрасно вооружены".

В этом абзаце ценно замечание, что к манипуле гастатов прибавлялось 20 легковооруженных, тогда как манипула принципов их не имела. Нельзя усмотреть, ради чего кто-либо стал бы сам изобретать такое утверждение; оно, очевидно, соответствует истине и подкрепляет наше мнение, что только незначительную часть легковооруженных можно рассматривать действительно как бойцов.

"Этот отряд из 30 манипул назывался "антепиланы", так как остальные 15 рядов размещались уже позади знамен..."

Текст отнюдь не позволяет нам признать за этими "антепиланами" и отрядами "позади знамен" особое тактическое значение; да и слово "антепиланы" понятно лишь постольку, поскольку триарии некогда назывались "pilani"; отсюда и первый их центурион даже в более поздние времена назывался "primus pilus". Но что, собственно, означали слова "pilus" и "pilani", нам неизвестно; как правильно выводит Зольтау, они не стоят ни в какой связи с pilunt (дротиком). Однако из этого места также можно заключить, что в бою signa ставились между принципами и триариями.

"Из них каждый в свою очередь подразделялся на 3 части, из которых каждая первая часть называлась pilus. Ряд состоял из 3 знамен, а при знамени было 186 чел. За первым знаменем шли триарии – старые бойцы, испытанные по своей храбрости. За вторым – следовали рорарии, менее надежные как по возрасту, так и по нравственным качествам. Наконец, шли "причисленные" (accensi) – наименее надежный отряд, почему он и был поставлен в последнем ряду".

Это место доставило ученым много хлопот. Если трудно было справиться с 3 X 15 манипулами, то 3 значка на каждые 186 чел. и вовсе нельзя было осилить. Пытались превратить "vexillum" в "vexilla III", но и это не разрешило вопроса. Наконец, вся фраза от слов "из которых" до слов "186 чел." была разжалована в интерполяции. Но каким образом интерполятор пришел именно к этому числу – 186?

Что тут мы имеем дело с рядом грубых ошибок, на этом сходятся теперь все исследователи. Я предложил бы внести поправку следующим образом. Прежде всего надо исключить 45 манипул. Они появились на сцену потому, что в источнике Ливия речь шла о более раннем периоде, когда в легионе было только 2 части по 15 манипул в каждой. Ливий ошибочно отнес это число и к триариям. С тех пор как появились триарии, каждая часть имела только по 10 манипул.

Далее ошибочным является различение триариев, рорариев и accensi по их воинской доблести. Различие между триариями и рорариями лежало в возрасте, в вооружении и в функциях. Accensi же вообще не были бойцами.

Следовательно, построение войск, описанное у Ливия, применялось не в сражениях, а на смотрах, и

это объясняет нам также цифру 186. На смотре "небойцы" и "полубойцы" стояли за бойцами, т.е. за триариями. Манипулы гастатов, принципов и триариев держались вместе. За каждой манипулой триариев, которая сама имела 60 чел., стояли 3 x 40 рорариев всех 3 манипул и 6 accensi (денщиков, военных писарей) от 6 центурий – 186 чел.!

Ошибка, сделанная Ливием, состоит только в том, что он дает рорариям и акценсам собственные значки и что он, как показывает дальнейшее, принимает все в целом за боевой порядок. В этом смысле он и описывает картину, внося свои интерполяции; но его источник был безупречен, что как раз доказывается числом 186, вызвавшим столько споров. Ниже (часть VI, гл. I), в описании сражения при Киноскефалах, мы встретимся с аналогичным приемом со стороны нашего автора: пользуясь Полибием, он делает ошибку в переводе и затем на основании этого ошибочного перевода описывает всю обстановку по-своему, измышляя для нее причины. Так как в этом случае мы еще располагаем подлинником, с которого Ливий переводил, то здесь весь этот процесс совершенно прозрачен.

У консулов и трибунов тоже, конечно, были свои accensi, но они не принимали участия в параде легиона, так как принадлежали к штабу.

"Когда войско было построено в таком порядке, гастаты прежде всех начинали сражение. Но если они не могли устоять против неприятеля, они медленным шагом отступали назад, и принципы их тотчас же принимали в промежутки между своими рядами. Тогда уже сражались принципы, а за ними следовали гастаты. Триарии выстраивались позади своих знамен,

вытянув левую ногу, плечом они опирались на щиты а копья с поднятым вверх острием держали воткнутыми в землю, представляя собой боевую линию, как бы защищенную укреплением. Если принципы терпели неудачу в битве, то они из первого ряда отступали постепенно к триариям. Отсюда для обозначения крайней опасности вошло в поговорку выражение "дело дошло до триариев". Тогда триарии поднимались с места, приняв принципов и гастатов в промежутки между своими рядами, образовав, таким образом, сплошную фалангу, как бы загораживающую все выходы, быстро нападали на неприятеля, не имея уже больше позади себя никакой поддержки. Для неприятеля этот момент был самый ужасный: преследуя уже как бы побежденного противника, он вдруг видел, что на него наступает новый и еще более многочисленный боевой отряд" (Ливий, VIII, 8).

Пришлось бы отказаться от всякой возможности понять развитие римской тактики, если вместе с Ливием рассматривать это описание как описание боя римской эпохи. Для того чтобы манипулы принципов могли пройти сквозь манипулы гастатов, эти последние должны были быть расставлены на интервалах, равных ширине фронта 1 манипулы. Это до некоторой степени осуществимо на совершенно ровном учебном плацу, где продвигаются на незначительное расстояние и в любую минуту делают остановку для исправления ошибок и выравнивания. Но это совершенно немыслимо в бою, когда интервалы по мере продвижения неизбежно нарушаются, то слишком увеличиваясь, то уменьшаясь. А если бы даже гастатам и удалось подойти к противнику, сохранив правильные

интервалы, то это представляло бы самый неразумный боевой порядок, какой только можно себе вообразить. Каждая манипула тотчас оказалась бы окруженной и теснимой с обоих флангов. Еще нелепее представление, будто бы гастаты пускались в наступление, соблюдая интервалы, но затем, перед столкновением с неприятелем, разрежали свои ряды с целью сомкнуть таким образом фронт. Ведь создался бы неисправимый беспорядок, если бы бойцы в то самое мгновение, когда им следовало ринуться на неприятеля, должны были бы сперва сосредоточить свое внимание на соблюдении интервалов. Даже просто для того, чтобы пропустить вперед принципов, гастатам пришлось бы под давлением неуклонно теснящего их противника вновь смыкать свои ряды до такой тесноты, при которой они едва ли могли бы пользоваться своим оружием; и прежде чем принципы успели бы вступить в интервалы, лишь постепенно доводимые до должной широты, неприятель, конечно, не преминул бы воспользоваться добровольно предоставленными ему разрывами фронта, врезался бы во фронт и окончательно раздавил бы гастатов в их беспомощном, стесненном положении. Таким образом, все представление о расстановке манипул в бою в шахматном порядке следует отмести. Но такое построение вполне понятно и уместно, если мы сочтем его только за учебный маневр, как это и сделано нами выше. К этой цели оно приспособлено наилучшим образом. Если же это так, то единственной погрешностью Ливия, объясняемой опять-таки просто интерполяцией, будет то, что автор заставляет гастатов отступать, когда нужно пропустить вперед принципов. Провести в полном порядке такое

попятное движение целой строевой единицы в 120 чел. вряд ли возможно, да к тому же и бесцельно; маневр, по всей вероятности, совершался следующим образом: гастаты оставались на месте, а принципы выступали вперед за линию фронта. Ливию пришлось это извратить потому, что он представлял себе всю картину не на учебном плацу, а на поле сражения и соответственным образом описывал ее.

Интервалы между отдельными римскими легионерами, как и между греческими гоплитами, были гораздо шире, чем теперь у нас, так как иначе они не могли бы свободно пользоваться своим оружием. Эти интервалы исчислялись в 3 фута (ок. 1,5 м), тогда как человек имеет в плечах всего 1,5 фута (ок. 0,75 м). Отсутствие тесного соприкасания, конечно, сильно затрудняло маневр. Возможно, что второй ряд выстраивался не в затылок, а против интервалов или при столкновении с неприятелем по меньшей мере закрывал промежутки. Поэтому Вегеций (III, 14) предполагает интервалы между рядами не в 3, а в 6 футов, считая от первого до третьего, от второго до четвертого и т.д. Ср. Руд. Шнейдер "Philolog. Wochenschr" от 15 мая 1886 г., No 20, и ниже, ч. IV , гл. 1 "Ьber die Sarisse und den Rottenabstand" (О сариссе и интервалах между рядами).

2. Большие заслуги надо признать за Штейнвендером[33] в его попытке установить по первоисточникам порядок выступления римского войска из лагеря. Однако, учитывая состояние наших источников, я не решаюсь высказаться с уверенностью о таких деталях. Исследование Штейнвендера страдает тем недочетом, что оно

упускает из виду постепенное развитие римской тактики от простой фаланги через расчленение на манипулы к делению на линии (эшелоны). Автор рассматривает манипулярный строй так, как будто бы он искони заключал в себе деление на 3 части. В своем отзыве на статью Штейнвендера, появившемся в "Militdr-Literaturzeitung" (No 9, 1907 г., стр. 336), майор Балк делает нижеследующее добавлению "Судя по известным мне многочисленным римским лагерям, porta pretoria (ворота, ведущие в лагерь, где находится командир) всегда делались шире, чем боковые ворота. При выступление из лагеря, по моему мнению, пользовались всеми выходами (см. цитату Полибия: "И весь лагерь должен прийти в движение"), чтобы по возможности сократить срок пребывания в тесноте; оба легиона выступали одновременно двумя шедшими рядом походными колоннами через porta pretoria, а союзники тем временем выходили из обоих боковых ворот. Путем развертывания можно было в ожидании сражения построить "agmen quadratum" "боевую колонну" (в противоположность нашему автору я понимаю под этим термином укороченную походную колонну), или же, регулируя моменты и сроки выступлений, построить обычную походную колонну "agmen pilatum", шириной по фронту в 4 чел.".

Глава IV

ПИРР

Выводы относительно древнеримской тактики мы сделали на основании преданий, вплетенных в историю римской конституции; но до нас не дошло известий о ходе какого-либо определенного сражения. Древнейшие римские сражения, о которых мы, по характеру наших источников, можем еще кое-что знать, относятся к войне с Пирром.

Хотя в Риме еще и тогда не записывалось никаких исторических рассказов, но другие участники войны – греки – не обошли своим, вниманием этого замечательного события: сам Пирр оставил о нем мемуары, использованные затем в доступном для нас источнике, а именно – у Плутарха.

Тем не менее для истории военного искусства из этих рассказов ничего нельзя извлечь. Возможно, что многие подробности предания правильны, и историк может повторять рассказ без особенных опасений. Но для нашей цели мы должны прилагать более строгое мерило. Наша задача – установить неуклонное развитие техники военного дела, а для этого можно пользоваться

только безусловно достоверными данными. Рассказ же о пирровой войне хотя и восходит к надежному первоисточнику, однако получен нами лишь из третьих рук; мы уже не имеем возможности проверить его слагаемые и отделить в общей фабуле легенду от исторических фактов, так что ни одну деталь нельзя признать вполне достоверной.

Пирр был племянником и подражателем Александра Великого; полагаясь на выработанную его предшественниками, славными македонянами, военную систему и военное искусство, он задумал покорить запад, как те покорили восток. Прибавив к войску слонов, он сделал свою вооруженную силу еще грознее, чем она была некогда при Александре. Но ему не под силу оказалось одолеть упорное сопротивление властвовавшего над Италией города-государства с его своеобразной организацией военного дела. Одержав не одну победу на поле сражения, Пирр все же должен был отказаться от войны. Мы не знаем, понес ли он в конце концов действительное тактическое поражение или же в тактическом отношении борьба осталась нерешенной и только невозможность создать надежную политическую базу побудила царя-кондотьера признать войну бессмысленной и прекратить ее. Во всяком случае

римляне, несмотря на ряд поражений, одержали победу, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать Пирру в создании большой державы, откуда он черпал бы средства для продолжения борьбы. Не создав такой базы в самой Италии, а опираясь только на незначительный Эпир, он не мог продолжать войну.

1. Наряду с общим изложением римской истории у Моммзена и Инэ (Ihne), а также соответствующими страницами Низе в его "Истории греческих и македонских государств со времени сражения при Херонее" (Niese, Gesch. d. griech. und macedon. Staaten seit d. Schlacht bei Chdronea), Пирру посвящены две монографии: R. v. Scala, Der Pyrrhische Krieg, и R. v. Schubert, Geschichte d. Pyrrhus, 1894.[34]

Отсутствие исторической ценности в передаче событий этой эпохи римским преданием прекрасно доказано Шубертом, стр. 182.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕРАКЛЕЕ

2. Силы римлян исчисляются Моммзеном в 50 000 чел., Скалой – в 36 000. Силы Пирра известны нам столь же мало.

Пирр расположился за р. Сирисом; как принято думать, он избегал сражения и поджидал подкреплений от союзников. Это во всех отношениях невероятно. Во-первых, Пирр как хороший полководец знал, конечно, что маленькая речка вроде

Сириса не являлась для противника действительной преградой. Во-вторых, если он со своей стороны ждал союзников, то ведь равным образом и римляне легко могли стянуть к себе подкрепления; они собрали на месте далеко не все свои силы, а по некоторым предположениям – даже только четвертую часть своих сил.

Возможно, правда, что для римлян скорейшее разрешение сражения имело большее значение, чем для Пирра. Уже самый факт его пребывания на италийской земле ослаблял авторитет римлян в подчиненных им областях, а кто отпадал от римлян, тот присоединялся к Пирру. Но раз уже дошло до встречи, то Пирр должен был принять сражение, идти на тактическое разрешение борьбы, чтобы доказать напряженно ожидавшим народам Италии превосходство своего военного искусства. Медлительность ослабила бы доверие к нему италийцев. Следовательно, Пирр занял позицию за рекой не ради уклонения от сражения, а ради получения тактического преимущества в предстоявшем бою. Он разбил свой лагерь не непосредственно у реки, а в некотором отдалении, и охранял переправы только кавалерией. Если источники сообщают, что известие о переходе римлян через реку привело его сперва в смущение, то это, по-моему, совершенно не заслуживает доверия, так как Пирр не мог желать для себя ничего лучшего.

Также не заслуживает доверия и то, что он, уже сознавая свое преимущество и желая ударить на римлян в сумятице переправы, выступил с одной лишь кавалерией, а фалангу оставил стоять на месте. К чему такое дробление сил?

Когда конница стала сдавать, – рассказывает дальше предание, – Пирр выслал вперед фалангу, а когда та долго сражалась с переменным успехом, вызвал, наконец, слонов и тем решил исход сражения в свою пользу. Совершенно необъяснимо, зачем Пирр, наперекор здравому смыслу, дробил свои силы, выдвигая их по частям. Так как переправа большого войска через реку, которую, как нам определенно сообщают (Плутарх), пехота могла перейти вброд только в одном месте, требовала очень большого срока и так как Пирр был своевременно оповещен всадниками о наступлении римлян, то не подлежит сомнению, что он имел возможность построить свои войска в боевой порядок и двинуть их сомкнутым строем. Нельзя подыскать никакого основания к оставлению слонов в тылу. Ведь в этом случае Пирр добровольно обрекал бы свою пехоту на тяжелые потери; вместо того, чтобы с самого начала смести римскую конницу своими слонами и затем ударить с флангов на римскую пехоту, он предоставил сперва фаланге 7 раз чередоваться с римскими легионерами в бегстве и преследовании, – как сочиняет источник Плутарха. Царь имел в своих руках полную возможность выбора. Он отлично мог уклониться от боя, отступив, пока римляне еще не переправились через реку; и мог принять сражение – непосредственно ли у реки или же позже в некотором отдалении от берегов. Для выдающегося полководца, каким все признают Пирра, невероятно, чтобы он, спеша в безрассудном пылу напасть на римлян во время их переправы, повел свои войска на противника по частям; и, наконец, совершенно невозможно, чтобы слоны двинуты были лишь после пехоты,

развертывание которой в боевой порядок всегда требует гораздо больше времени.

Даже если мы примем, что царь сперва не хотел дать сражение, а только думал при помощи кавалерии оттеснить обратно за реку уже переправившиеся римские части, то все же остается непонятным, почему он не двинул тотчас вслед пехоту, а главное, почему оставил слонов позади?

Сохранившееся у Зонара предание также сообщает, что бой завязался, когда римляне еще только переходили реку, и также выпускает на сцену слонов лишь под конец; в остальном оно сильно расходится с обычной версией и, в частности, ничего не сообщает о долгой нерешительной борьбе между обеими фалангами.

Данные о потерях колеблются между 7 000 и 15 000. Но так как численность войск нам неизвестна, то эти числа не представляют большого интереса. Примечательно, что в источниках ничего не говорится о трудностях, которые должна была доставить потерпевшим поражение римлянам обратная переправа через Сирис; только Зонар упоминает, что они эту переправу совершили. Пирр будто бы прекратил преследование из-за одного своего слона, который пришел в ярость от полученной раны и испугал остальных.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АСКУЛУМЕ

3. Сведения о сражении при Аскулуме более шатки и противоречивы, чем наши известия о сражении при Гераклее.

У Дионисия сохранились точные данные о

расстановке обоих войск; у Фронтина (II, 3, 21) – приведены другие. Шуберт (стр. 194) выясняет, что мы имеем перед собою позднейшие римские вымыслы, – вероятно, Клавдия Квадригалия и Валерия Антийского.

По источнику Плутарха (скорее всего – Иерониму), сражение длилось два дня, по Дионисию – только один.

В первый день сражение разыгралось будто бы на неровной болотистой местности, стесненной рекою, так что Пирр не мог в полной мере использовать своих всадников и слонов. По рассказам о сражении при Гераклее, он в конце концов победил как раз благодаря этим родам войск, – так почему же такой искусный полководец вынужден был принять сражение в столь неблагоприятной для него местности? В маневрах он, несомненно, был искуснее ежегодно сменявшихся чиновников, командовавших римским войском. На второй день сражение продолжалось уже на открытой равнине; если так, то почему же римляне, столь удачно начав дело накануне, допустили этот новый невыгодный для них оборот? В этом нет, конечно, ничего невозможного, но для правильного понимания событий мы должны знать те обстоятельства, при которых это случилось и которые к этому привели; между тем нам о них ничего не известно.

Как при Гераклее, так и здесь, – и по Плутарху, и по Дионисию, – Пирр двинул в бой слонов лишь под конец и благодаря им одержал победу.

Оба войска имели будто бы по 70 000 чел. пехоты и по 8 000 всадников, а Пирр, сверх того, имел еще 19 слонов. Хотя относительно этих чисел случайно нет

разногласий, однако они заслуживают доверия не более, чем все другие, относящиеся к этому периоду. Но указание, что эпироты потеряли 3 505 убитыми, а римляне около 6 000, можно, пожалуй, признать правильным, так как оно восходит к мемуарам Пирра.

По Дионисию, Пирр вообще не одержал здесь никакой победы, а сражение окончилось вничью, причем сам Пирр был ранен. По Зонару, римляне одержали даже полную победу.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕНЕВЕНТЕ

4. Сообщения о сражении при Беневенте не имеют для нас никакой ценности; мы даже не можем сказать, действительно ли Пирр потерпел здесь поражение или же только не смог провести атаку, и бой остался нерешенным. Я приведу здесь то, что по этому поводу говорит Низе (цит. соч., т. II, 52). По обычному рассказу исход сражения зависел от того, что римляне теперь уже научились защищаться против слонов, а именно обстреливать их горящими стрелами, вследствие чего животные в испуге кидались вспять и сметали своих же. Эта версия восходит к Евтропию и Орозию. Однако она стоит в противоречии с другим, сравнительно лучшим описанием сражения – с рассказом Плутарха, по которому слоны оттеснили одно римское крыло до самого лагеря, и только здесь свежие силы гарнизона отогнали их своими выстрелами. Горящие стрелы едва ли применимы в открытом бою, так как на близком расстоянии от противника воин не имеет никакой возможности запалить стрелу; потому-то мы ничего и не слышим о применении этого изобретения против слонов в более

поздние времена. Между тем из укрепленного места такой способ борьбы вполне возможен.

Зонар говорит о применении огня против слонов еще в сражении при Аскулуме. Для борьбы со слонами были будто бы построены особые колесницы, откуда животных предполагалось обстреливать огнем. Но колесницы не помогли, так как Пирр, как на зло, почему-то не пустил слонов туда, где выставлены были колесницы. При Беневенте же, по этому автору, Пирр был обязан поражением раненому слоненку, который кинулся искать свою мать-слониху и вызвал смятение в войске царя.

Глава V

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Совершенно иначе обстоит дело с нашими сведениями, когда мы обратимся от войны с Пирром к Первой Пунической войне. Здесь выступает на сцену первоклассный историк – человек, который питал особенный интерес к военному делу и сам оставил о нем немало поучительных страниц, – на сцену выступает здесь Полибий. Таких, как он, самостоятельных источников, можно сказать, не существует; факты у него обычно бывают глубоко продуманы, и за ними стоит его вполне заслуженный авторитет. Поэтому его всегда просто пересказывают. Однако не исключена возможность того, что при этом вкрались и некоторые ошибки. Полибий сам уже не застал Первой Пунической войны и не мог лично опросить ее современников и свидетелей. Для своей книги он пользуется главным образом двумя источниками: один из них – римский, а именно Фабий Пиктор, другой же написан был греком Филином, сочувствовавшем Карфагену. Полибий как искусный и сведущий критик подверг оба этих источника взаимному контролю, и таким путем сам заново создал картину,

несходную ни с тем, ни с другим источником. Но, отбрасывая со своей стороны все спорное, он тем самым лишил нас возможности судить о подлинных качествах этих источников. Большой ценности, однако, они не могли иметь. Фабий Пиктор родился ок. 253 г. до н. э. и написал свой труд, вероятно, уже после окончания Второй Пунической войны; а мы знаем, как сильно искажаются события в устном предании уже на протяжении одного поколения. Остов внешних данных давал городской календарь, но для нас сейчас важно не это. Если принять, что Фабий использовал в своем повествовании о Первой Пунической войне стихотворную хронику Невия, то это едва ли послужит порукой за достоверность его описаний, хотя поэт сам принимал участие в этих боях. Что касается Филина, то он, правда, принимал участие в войне на стороне карфагенян[35] и, таким образом, ближе стоял к событиям, чем Фабий, но, судя по отзывам самого Полибия, ему не слишком можно доверять. По таким источникам даже величайший мастер вряд ли может создать достоверное в своих подробностях историческое полотно. Об Александре у нас также в сущности нет первоисточников; но хотя Арриан подобно Полибию сообщает нам сведения из вторых рук и

хотя из над двоих Полибий обладал более острым критическим умом, все же там мы находимся в лучшем положении, потому что первоисточники Арриана гораздо ценнее. Птолемей и Аристобул, которыми он главным образом пользовался, были непосредственными участниками и даже очевидцами событий в наиболее выдающиеся моменты. Фабий и, вероятно, Филин вряд ли стояли ближе к событиям Первой Пунической войны, чем Геродот ж Персидской; но у Геродота мы сами смотрим и проверяем, что можно принять и чего нельзя, а в отношении Первой Пунической войны мы вынуждены целиком положиться на суд Полибия. Но как бы высоко мы ни расценивали дарование Полибия-критика и Полибия-историка с учетом также всей важности того, что он пользовался источниками из обоих лагерей, все же приходится признать, что наши сведения о сицилийских и африканских боях покоятся на менее верной основе, чем сведения о Марафоне и Платее.

На основании этих соображений мы отказываемся от более подробного исследования рассказов о Первой Пунической войне. Самое для нас существенное, самое главное и решающее – римская манипулярная тактика – нам уже знакомо, и этим мы обязаны отчасти тому же

Полибию; тем не менее мы не можем в достаточной мере доверять ему в подробностях. Сколько бы мы ни расписывали нашу картину предположениями и гипотезами, наши знания от этого не приумножатся. Вот почему мы и в отношении этой войны довольствуемся лишь кратким обзором.

Давно доказано, что неправильно было видеть в ней борьбу исключительно сухопутной силы с могущественной морской державой. Рим сам издревле был торговым городом, портом Лациума, и в его гербе красовалась галера; союз же, возглавляемый им, включал города исконных мореходов – города Великой Греции, от Кум и Неаполя до Тарента. Если до тех пор Рим обращал все свои силы на сухопутную войну, то происходило это от того, что его противники были сильны на суше; в противных же случаях, как при покорении в древнейший период других латинских городов или, наконец, Тарента, римляне вели свои войны как раз в союзе с Карфагеном[36], что избавляло их от необходимости укреплять свою морскую мощь. Только борьба с самим Карфагеном принудила Рим подтянуться также и в этом отношении. Рим построил себе флот из пентэр, которых он раньше не имел, но мог легко создать, так как в изобилии

располагал всем материалом для постройки и снаряжения кораблей.

Полезно будет заметить, что знаменитый рассказ, будто римляне ничего не понимали в морском деле, построили свои корабли по образцу случайно выброшенной на берег карфагенской пентэры и обучали своих гребцов на остовах кораблей на суше, восходит к Полибию, который здесь явно становится жертвой чудовищного риторического преувеличения.

В противоположность этому мы читаем что карфагенянам пришлось учиться сухопутному военному искусству у спартанца Ксантиппа. Моммзен и этот рассказ считает отголоском греческих басен. Нич (Nitzsch) спорит с ним, так как в мировой истории мы часто встречаем нелепости, вроде той, что проявили здесь карфагеняне. Это совершенно справедливо, – так мог думать и Полибий, заимствуя свою версию, по-видимому, у Филина; но хотя это и не представляется нам такой откровенной басней, как предание о постройке римского флота, все же свидетельство Полибия не дает нам, конечно, никакой поруки в том, что эта версия верна.

Война закончилась победой Рима над Карфагеном как на суше, так и на море. Однако, обусловившее победу превосходство сил было не

очень велико: 23 года длилась борьба, пока не выявились ее результаты, причем на суше карфагеняне до самого конца удержались в Сицилии. Разрешилась борьба не на суше, а на море. Предание утверждает, что решающую роль сыграло при этом изобретение абордажных мостов, доставившее римлянам перевес в морском бою. Нам, однако, такое объяснение кажется сомнительным. В позднейших боях об этом нет и речи, и римляне, несмотря на свое изобретение, проиграли еще одно большое сражение, а их превосходство на суше не смогло ни предотвратить поражения Регула в Африке, ни окончательно вытеснить карфагенян из Сицилии. Если в конце концов римляне все-таки одержали верх, то этим они были обязаны не столько искусству и доблести своих легионеров, сколько жизнеспособности объединенного под властью Рима большого Италийского союза, что давало возможность на место уничтоженного или разбитого флота без замедления спускать на воду новые корабли.

В Карфагене финансовые средства были далеко не исчерпаны, как это показала впоследствии война с восставшими наемниками, а затем выплаченная Риму военная контрибуция; однако продолжение борьбы не обещало

карфагенянам никаких выгод. Они, конечно, долго еще сопротивлялись бы и могли бы даже одержать не одну победу, но победы эти были бы бесплодны. Мощь карфагенян на суше была во всяком случае недостаточна, чтобы вырвать у римлян города и крепости Сицилии, а поражения только на море, как показывал опыт, не могли сломить Рим. Кроме того (если наши источники сообщают здесь полную правду), своими большими потерями на море римляне были обязаны не столько неприятелю, сколько буре и непогоде.

Итак карфагеняне не были окончательно побеждены, но, сознавая, что полная решающая победа для них невозможна, склонились принять мир на сносных условиях. Римляне тоже не чувствовали в себе достаточно силы, чтобы добиться большего, чем давал им этот мир. Для этого они должны были бы перенести театр военных действий в Африку, а таков предприятие не обещало успеха, раз они не сумели до тех пор вытеснить Гамилькара Барку из Сицилии.

1. В сражении под осажденным Акрагантом (Полибий, I, гл. 19) карфагеняне будто, бы выставили позади наемников 50 слонов. Под этими наемниками во всяком случае следует разуметь легковооруженных, так как среди (или позади) слонов поставлены были

другие τάξεις. Наемники были отброшены римлянами и в бегстве увлекли за собою слонов, а также и все остальное войско.

ПОРАЖЕНИЕ РЕГУЛА В АФРИКЕ

2. После того как карфагеняне в одном из предшествовавших столкновений (2 л. 30) были разбиты, приняв сражение в такой местности, которая была непроходима для их конницы и слонов, спартанец Ксантипп научил их будто бы как им победить римлян. Он избрал полем сражения открытую равнину и поставил 100 своих слонов перед фронтом пехоты, а всадников и легковооруженных – на обоих флангах. Поскольку мы знакомы со слонами по сражению при Гидаспе, подобный строй представлял ту опасность, что если бы слоны были обращены в бегство неприятельским обстрелом, они должны были бы смять стоявшую позади них собственную фалангу. Римляне, имевшие дело со слонами уже по меньшей мере в четырех сражениях и еще совсем недавно, под Акрагантом, захватившие их в большом числе, знали, конечно, как обороняться против них. Они выставили вперед метальщиков, а за ними пехоту необычайно глубоким строем, чтобы слоны не могли прорваться сквозь нее. Полибий хвалит такую расстановку, как вполне правильную в борьбе против слонов. Все же римляне проиграли сражение из-за большого численного превосходства неприятельской кавалерии (4 000 против 500), которая прогнала римскую и затем напала с тыла на фалангу.

3. Хотя Полибий совершенно недвусмысленно приписывает поражение Регула в Африке не слонам, а

коннице, однако, по его собственному дальнейшему рассказу (гл. 39), именно страх перед слонами в течение двух лет удерживал римлян от сухопутных боев в Сицилии. Наконец, карфагеняне со своей стороны решились (гл. 40) напасть на римлян непосредственно под Палермо, на укрепления которого опирался неприятель. Стрелами, дротиками и копьями, метаемыми частью со стен, римляне наносили карфагенским слонам такой чувствительный ущерб, что те в конце концов обратились вспять на собственные войска и этим привели их в расстройство; тогда римляне со свежими силами предприняли вылазку из города и довершили поражение.

4. Картина боя, в котором Гамилькар победил мятежных наемников (гл. 76), очень неясна. В общем, однако, описания упорно подчеркивают, что в конце концов карфагеняне одержали верх в этой опасной войне благодаря слонам.

5. Что цифровые данные, относящиеся к Первой Пунической войне, – в особенности громадные флоты, спущенные якобы обеими сторонами, – также подлежат сильному сомнению, выяснил еще Белох в своей "Bevцlkerung" (стр. 379 и 467). Фабий Пиктор принимает сохраненное преданием число кораблей, включающее также и множество мелких суденышек, за число одних только пентэр и по нему подсчитывает численность экипажа.

ПОКОРЕНИЕ ЦИЗАЛЬПИНСКОЙ ГАЛЛИИ

6. Переходом от Первой ко Второй Пунической войне служит покорение римлянами галльской

Верхней Италии. Сообщения Полибия об этих событиях довольно ясны, и ученые, разрабатывавшие историю римского военного дела, всегда широко пользовались его рассказом. Но как раз здесь мы ни на минуту не должны упускать из виду, что Полибий – не первоисточник; те же источники, которыми сам он пользовался, имели самую различную – в большинстве случаев ничтожную – ценность, а он сам нередко, – по небрежности ли или будучи ослеплен красочностъю легенды и остротою вымысла, – забывает критику и передает вещи, которым мы, вопреки его авторитету, не должны доверять. Все, что он сообщает нам во второй книге о боях между римлянами и цизальпинскими галлами за время от 238 до 222 г., несомненно, взято у Фабия Пиктора, который мог рассказывать о событиях как современник и – в большинстве случаев – как очевидец. Тем не менее этот рассказ внушает мне очень мало доверия.

7. В сражении при Теламоне, читаем мы у Полибия, галльские гезаты (трансальпийские наемники, примкнувшие к своим верхнеиталийским родичам) сняли с себя одежду и нагими вступили в строй – отчасти из бахвальства, а отчасти из опасения, что одежда будет цепляться за колючий кустарник и стеснять их в пользовании оружием.

Когда же завязался бой и римляне стали метать свои дротики, то те из галлов, которые сохранили на себе одежду, плащи и штаны, имели в ней хорошую защиту, а нагие гезаты, которым при их статном росте галльский щит не доставлял никакого прикрытия, сильно страдали от ранений. Если сразу же бросается в глаза странность, что плащи и штаны лучше

предохраняли от римских дротиков, чем щит, то совершенно непонятно, почему обстрел дротиками явился для гезатов "неожиданным": ведь автор непосредственно перед тем говорит, что римляне начали метать дротики "по с в о е м у о б ы к н о в е н и ю".

По дословному смыслу рассказа (II, 30), можно было бы даже принять, что гезаты были побеждены просто римскими застрельщиками – легковооруженными копейщиками, которых высылали вперед врассыпную перед фалангой.

"В это время метальщики копий, как обычно, выступили вперед из римских легионов и начали бой энергичным и частым метанием дротиков. Римляне сменили своих метальщиков копий и двинули на неприятеля свои манипулы" (Полибий, II, 30).

8. В следующем сражении против инсубров (Полибий, II, 33) римские трибуны предписали будто бы своим бойцам особый способ борьбы. Они убедились, что галлы страшны главным образом при первом их натиске и что галльские мечи пригодны только для удара, но никак не для укола, а вдобавок настолько плохо выкованы, что после первого же удара искривляются как по длине, так и по ширине; чтобы нанести второй удар, воин должен сперва наступить на клинок ногою и снова выпрямить его.

И вот, учтя это обстоятельство, трибуны дали гастатам пики триариев. Галлы искривили об эти пики свои мечи и не успели их еще выпрямить, как римляне снова ринулись на них со своими остроконечными клинками и опрокинули врага.

Очевидно, победить бойцов, снабженных такими мечами, как эти галлы, нетрудно для каждого хорошо

вооруженного воина, и тут не требовалось бы никаких особенных хитростей. Но какое отношение имеет приведенная здесь военная хитрость к опасности первого натиска галлов, и почему они должны были искривлять свои клинки о римские копья, вместо того чтобы ловить острия на щиты и затем рубить врага мечом? Как случилось, что римляне, уже в течение полутораста лет постоянно сражавшиеся с галлами, только теперь изобрели наилучший способ борьбы с ними? И почему такой закаленный в войнах народ, как галлы, идет в бой с никуда негодными мечами? Но если галлы еще не научились искусно ковать мечи, то почему же они не могли заменить плохие мечи копьями, которые так просто сделать при наличии куска железа и которые так хороши и удобны в бою?

Это ли не образец самой неприкрытой выдумки, вплетенной в самое серьезное историческое повествование? И если такое заключение недостаточно явствует само собой из нашего изложения, то мы в состоянии привести в противовес прямое свидетельство из археологии.

Раньше в науке считалось даже, что уже германцы владели высокой техникой в области металлургии. Однако это воззрение следует отвергнуть, как утверждает Линденшмит в своей диссертации "Доисторический железный меч к северу Альп", напечатанной в "Древностях нашего языческого прошлого" (т. IV, вып. 6).[37]

"Яркий свет, – говорит он, – которым озарится наше отдаленное прошлое, если мы признаем наличие у германцев самостоятельной высокой техники металлургии, гаснет перед фактом внезапного

исчезновения этой техники вместе с концом эпохи римского владычества". Но чего не было еще у германцев, то уже было у кельтов. В Крэне была древняя плавильня, о которой свидетельствуют не только показания классических авторов[38], но и много вещественных памятников. Качество металла было подвергнуто испытанию, причем сталь признана была превосходной. Правда, примитивная обработка давала не совсем равномерную сварку, однако, что похуже шло на топоры, где главную роль играет масса, а лучшее – на мечи. Если Мюльнер-Лейбах, которому мы обязаны этим исследованием, добавляет[39], что, может быть, более бедным воинам приходилось довольствоваться мечами из худшего металла, и таким образом пытается объяснить рассказ Полибия, то мне кажется совершенно излишним и даже недопустимым делать такую уступку авторитету писаного слова. В науке твердо установлено, что у кельтов ковальное искусство стояло на высоте; а интересы всего общества? в целом и каждого члена в отдельности требовали, чтобы воины в строю – все до одного – были во что бы то ни стало снабжены приличным оружием. Могло недоставать мечей, на уж никак не копий. Далее в другом месте мы слышим от самого Полибия (фрагм. 137 Диндорф, 100 Беккер, – поскольку этот фрагмент имеет источником Полибия), что у кельтиберов были превосходные мечи, и римляне даже заимствовали их, Диодор (V, 33) также прославляет кельтиберов как отменных кузнецов. Таким образом, все показания согласно требуют признать рассказ Полибия басней.

Наконец, та же глава сообщает нам, что консул Фламиний лишил себя возможности использовать

своеобразную римскую боевую тактику, построив свое войско тылом к реке, так что манипулам некуда было отступать. Этот упрек не имеет, конечно, ничего общего с пропуском манипул одной части сквозь другую и заменою одних частей другими, как это происходило на учебном плацу, а по прежним представлениям также и в бою: для этих маневров не приходится отступать далее того места, где стоят триарии. Если действительно в этом сражении римляне упирались тылом непосредственно в реку, то подобная позиция представляется по меньшей мере очень странной: тогда, скорее всего, пришлось бы предположить, что консул рассчитывал поднять доблесть своих войск ввиду невозможности отступления, но это было бы правильно в применении ко всякому войску и не имеет никакого отношения к особенностям именно римской тактики.

Часть пятая
ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ВВЕДЕНИЕ

Вторая Пуническая война сделала эпоху в истории военного искусства. До нее мы могли лишь принципиально установить тот факт, что из общей формы фаланги гоплитов выделилась первая могучая ветвь римской, иначе говоря, специфически римской, манипулярной тактики. Но конкретно мы не могли ни наблюдать этой тактики в происходивших боях, ни установить ее хронологию. В крупных сражениях Второй Пунической войны эта тактика появилась в последний раз в наибольшем масштабе, оказалась несостоятельной и недолговечной; и тогда произошел переход к новым формам тактики, стяжавшей Риму, благодаря ее высокому техническому совершенству, на протяжении двух поколений владычество над всем миром.

К счастью до нас дошли весьма подробные и наглядные сведения об этих событиях. Рассказами о них Полибий заслужил славу и авторитет великого историка. Начиная с этой эпохи, он

получил, так сказать, возможность работать с полноценным материалом. Фабий Пиктор, игравший роль главного источника Полибия в отношении Рима, ведет рассказ как современник и участник развертывавшихся событий; во время войны он занимал пост сенатора. Со стороны Карфагена ведет свое повествование грек, приближенный Ганнибала, который описывает его подвиги. Но сражение при Каннах описано так, что автором мог быть только великий человек: для меня нет сомнения, что мы имеем здесь дело с рассказом самого Ганнибала, может быть записанным под его диктовку. Ниже мы изложим и разовьем те основания, которые привели нас к такому предположению. Конечно, в данном случае мы не идем дальше предположения, но даже некоторая возможность такого факта заставляет нас с чувством почтения глядеть на эти страницы: город Карфаген разрушен до основания, от него не осталось камня на камне; весь народ истреблен и не осталось ни единого памятника его существования; нет письмен, вряд ли сохранился из его языка хотя бы единый звук, который мог занять место в памяти человечества. Лишь история рассказывает о львином потомстве Гамилькара и разворачивает перед нами жизнь Ганнибала, начиная с клятвы

девятилетнего мальчика и кончая смертью измученного старца, собственной рукой покончившего счеты с жизнью, полной скитаний и мытарств. Разве это не вклад в сокровищницу человечества? А ведь подумать только, что в изображении величайшей победы нашел свое непосредственное выражение гений героя и что мы держим в руках единственный из развеянных листов, сохранившийся со времен существования некогда столь могучего Карфагена, боровшегося за свое мировое первенство.

О последних годах войны мы ничего не можем почерпнуть из вышеупомянутого источника, но Полибий, находившийся в кругу Сципиона Младшего, собрал рассказы, сохранившиеся в устной передаче, и записал их. По своей ценности они не стоят на той же высоте, как первая часть. Вскоре становится ясным[40], что Полибий не так овладел материалом, как это кажется вначале, но, несмотря на некоторые недочеты, рассказ его после осторожного критического подхода дает возможность заглянуть в корень вещей.

В первой великой войне Карфаген потерпел поражение не столько на суше, сколько на море. Карфагенские патриоты во главе с Гамилькаром Баркой пытались на случай новой войны с Римом выработать стратегический план. Здесь уместно

заметить, что для Карфагена – древнего торгового города – казалось бы, наиболее естественным стремиться к безусловному перевесу на море. Но только что окончившаяся война учила иному.

Объединенные Римом многочисленные приморские города Италии заранее исключали всякую возможность превосходства Карфагена на море, особенно после того, как присоединилась Сицилия с ее многочисленными торговыми городами и гаванями. Если же Карфаген временами и добивался своей цели, как мы видим во время Первой Пунической войны, то результаты были весьма незначительны, так как он не мог использовать создавшееся благоприятное положение и победить Рим в сухопутной войне.

Для того чтобы не только сохранить свое существование, но и добиться когда-либо победы над Римом, Карфаген должен был раньше всего создать превосходное сухопутное войско и направить удар на главный центр римского могущества.

С целью создания такого войска и вознаграждения Карфагена за потерю его господства в Сицилии, Гамилькар двинулся на завоевание Испании. Его сын Ганнибал явился наследником его идей, подобно тому как

Александр Македонский преемственно продолжил дело своего отца Филиппа. В нескольких больших сражениях Ганнибал одержал над римлянами победу и едва не привел Рим к гибели. Но на море римская империя оставалась более сильной стороной, и мы увидим, какое важное значение этот факт имел для конечного исхода борьбы.

Задачей истории военного искусства не может быть подробное изложение всех событий – это превратило бы ее во всеобщую военную историю со все растущим охватом предмета. Наша задача заключается в том, чтобы исследовать и установить, какие новые формы и явления характерны для военного искусства данной эпохи и каким образом стратегический гений Карфагена сумел использовать и дальше развить унаследованные им формы этого искусства. Если мы до сих пор включали в круг наших наблюдений каждое более или менее значительное военное действие, то мы могли и должны были это делать, ибо переданного нам материала еле хватало для понимания и уяснения хода развития. Отныне источники обогащаются настолько, что вполне достаточно выделить наиболее характерные события, тем более что ведение войны чрезвычайно усложнилось благодаря значительным силам противников, качественно и

количественно не уступавшим друг другу. Исследование отдельных действий завело нас слишком далеко.

В первую очередь займемся вопросами тактики: на чем основано превосходство ганнибалова войска, выявленное в сражениях с римлянами? Стратегией Ганнибала руководил тактический момент – уверенность в победе над римлянами в открытом поле. Выше мы попытались на основании тактики Мильтиада, Фемистокла, Павсания и Перикла объяснить их стратегические решения. В этом же мы должны искать ключ к поведению Ганнибала, разгадку его первоначальных побед и конечных неудач. Поэтому, нарушая хронологическую последовательность, мы прежде всего обратимся к военному событию, в котором особенно выпукло и ярко сказалось тактическое превосходство карфагенского войска над римлянами, – к сражению при Каннах. О других сражениях и боях мы будем говорить постольку, поскольку нам нужно будет установить, согласуются ли они с тем, что мы считаем типичным для сражения при Каннах. Лишь после того, как мы путем сравнения определенно выявим наиболее характерные черты в тактике обеих сторон, мы сможем перейти к рассмотрению их стратегии.

* * *

В 1912 г. вышел III том труда Кромайера "Antiken Schlachtfeldern". Первая половина – "Италия" – обработана самим Кромайером, вторая часть – "Африка" – Г. Фейтом. Вторая Пуническая война занимает в ней, естественно, наиболее видное место. О предыдущих томах этого произведения я дал не совсем благоприятный отзыв; и теперь должен сказать, что, несмотря на приложенные старания и труды, потраченные на топографические изыскания на местах, положительные результаты этого труда весьма ничтожны. Тем не менее нужно признать, что в изучении стратегии теперь сделан значительный шаг вперед. Особенно нужно отметить популярную книжку Кромайера "Roms Kampf urn die Weltherrschaft" ("Борьба Рима за мировое владычество" изд. Б. Г. Тейбнер), содержавшую много превосходных мест. Но та часть книги, где трактуется о тактике, совершенно неудовлетворительна. Очевидно, автор еще не сумел овладеть темой. Ряд моих выводов, принятых им, также не помог ему в выработке ясного понимания. Придерживаясь наряду с ними устарелых концепций филологов, он запутался во внутренних противоречиях. Тем не менее некоторые из его выводов я принял с большой

благодарностью.

"История Карфагена 218 – 146 гг." Ульриха Карстедта ("Geschichte der Karthager von 218 bis 146 von Ulrich Kahrstedt", III том сочинений Мельцера) почти целиком посвящена Второй Пунической войне. Книга эта расплывчата и напыщена, а выводы никуда не годны. Цифровые данные о Карфагене и о военной мощи, как убедительно доказал Кромайер ("Gutt. Gel. Anz.", 1917, No 8, стр. 479 и сл.), не только неправильны, но и свидетельствуют о полном отсутствии понимания; например, римляне посылают против Ганнибала в Испанию войско всего из одного легиона. После Канн двум римским легионам удается победить карфагенян. Не скрою, что Эд. Мейер отзывался о книге с большой похвалой: "Она значительно способствовала пониманию ганнибаловых войн", – говорит он. Совершенно противоположен отзыв Кромайера (стр. 467): "Понимания италийских войн после Канн – автору не дано".

Эд. Мейер издал три "Изыскания к истории Второй Пунической войны" (Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. 1913 г., стр. 688; 1916 г., стр. 937, 1068). В конце (стр. 1069) он совершенно правильно замечает: "Суждения Моммзена о военных вопросах и о военной истории сплошь и рядом

неприемлемы. Очевидно, это область для него чуждая". Но слова эти применимы ко многим историкам. Об изысканиях Дессау см. ниже (Сражение при Каннах, примеч. 3).

Глава I

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАННАХ

Войско римлян при Каннах вдвое превышало их силы при Треббии, где они впервые пытались сомкнутым боевым строем выступить против Ганнибала. Войско это насчитывало не меньше 8 легионов римских и соответственно столько же легионов союзных, короче говоря, в общей сложности 16 легионов. Кроме гарнизона лагеря и рорариев, не выступавших непосредственно в сражении, войско насчитывало 55 000 гоплитов, 8 000–9 000 легковооруженных и 6 000 кавалерии. Большое количество гоплитов было использовано не для удлинения фронта, а лишь для придания ему большей глубины. Легионы не ставились друг за другом, так как они были построены по возрастам, причем молодые воины не могли стоять позади отцов семейств. Большая углубленность, по словам Полибия, достигалась тем, что каждая манипула развертывалась гораздо больше в глубину, чем в ширину, причем в соответствии с суженным фронтом сокращались интервалы между манипулами.

Я полагаю, что ширина фронта пехоты не превышала 800–900 м, так как в глубину

строилось человек 70[41].

Консул Теренций Варрон, установивший этот боевой порядок, доказывал в своей речи римлянам, что их силы при таком порядке увеличились вдвое. Он считал очевидным, что чем длиннее фронт, тем затрудненнее и замедленнее становится продвижение войска, и что при наличии превосходства карфагенской кавалерии, на которое неоднократно с тревогой указывал его товарищ Эмилий Павел, об обходе и охвате неприятельских флангов нечего и думать. Очевидно, нужно было лишь стремиться произвести неотразимый натиск глубоко эшелонированной массой войска.

Кавалерия была распределена между обоими крыльями; правое крыло примыкало к реке Ауфиду.

Поле сражения представляло широкую равнину без всяких препятствий. Пехота Ганнибала была почти вдвое слабее пехоты противника: 32 000 тяжеловооруженных против 55 000. Количество стрелков у обоих противников было почти одинаково, но кавалерия Ганнибала была значительно сильнее (10 000 всадников против 6 000). Ганнибал разделил свою кавалерию также на две части, расположив их на флангах, и образовал фалангу из иберийцев и

кельтов общей численностью свыше 20 000 чел. Африканцев он также разделил на две части по 6 000 чел. и разместил их глубокой колонной позади каждого фланга у стыка пехоты с кавалерией. Так поступил и Александр Македонский при Гавгамеле. Из этой позиции африканцы могли в случае необходимости выступить либо в одном направлении – для подкрепления и поддержки центра, либо в другом – для удлинения фронта пехоты и охвата неприятельских флангов.

Полибий в очень яркой картине изобразил боевой порядок войска: сначала оно было развернуто в прямую линию – конница, африканцы, иберийцы, кельты, снова африканцы и в конце снова конница. Затем центр выдвинулся вперед, сделался тоньше, и линия расположения получила фигуру полумесяца.

Не следует, однако, увлекаться заманчивой картиной, как это сделал Полибий, и рисовать себе линию изогнутой или думать, что центр, выдвигаясь, сам по себе редел. Правда, при продвижении вперед очень легко образуются изогнутые линии, но они не являются формами, облегчающими тактические действия. Это скорее неправильности, которых совершенно избежать нельзя и к которым нужно уметь приспособляться,

но им все же необходимо по возможности противодействовать, дабы сохранить прямую линию.

Если принять безоговорочно изображение Полибия, то африканцы очутились между центром и кавалерией, отодвинутой к крайнему рогу полумесяца, другими словами, дальше всего от неприятеля; между тем мы узнаем дальше, что кавалерия приняла бой первой, т.е. была к неприятелю ближе всех. Африканцы как раз занимали ту часть боевой линии, которая выступала за линию римской фаланги. Такое положение допустимо лишь в том случае, если африканцы во время схватки находились позади кавалерии. Лучше всего представить себе происшедшее следующим образом. До выступления все части стояли рядом на одной линии, но развернуты еще не были. Таким образом, линию фронта составляли головы примерно 6 колонн, интервалы между которыми делали возможным вклинение в них других частей. Такой боевой порядок в тактике XVIII в. назывался выдвижением фланга. Но вместо того, чтобы двинуть равномерно все колонны, Ганнибал двинул лишь кавалерию да иберов и кельтов из центра, развернув их таким образом, что они в количестве 22 000 заполнили такое же

пространство, какое занимали стоявшие напротив 55 000 римских легионеров. За этим фронтом, там, где кавалерия примыкала к центру, стояли на обоих крыльях колонны африканцев. В наше время мы называем такое расположение (не принимая во внимание кавалерии) подковообразным, но при том же условии, как и при построении полумесяцем, а именно, что стороны не закруглены, а прямоугольны. Так как при продвижении широко развернутого фронта середина легко выпячивается и выгибается вперед, то для глаза наблюдателя из центра – иначе говоря, из перспективы главнокомандующего – эта фигура полумесяца гораздо нагляднее, чем при нашем тактическом анализе, рассматривающем фалангу как прямую линий фронта. Правда, на практике направление очень часто терялось.

Когда многочисленные стрелки, находившиеся впереди фронта обеих сторон, вступили в бой, кавалерия левого карфагенского крыла под предводительством Гасдрубала первая перешла на берегу реки в решительной наступление. В этой части своего войска Ганнибал вообще значительно превосходил противника; к тому же он сосредоточил на этом крыле вей, тяжелую конницу[42].

Римская конница была настигнута, опрокинута, загнана в реку и должна была очистить поле сражения.

Тем временем на другом крыле легкая нумидийская конница ограничивалась небольшими стычками с противником. Гасдрубал, обойдя римскую пехоту, послал ей подкрепление, а когда римская конница и здесь обратилась в бегство, то карфагенский полководец двинул всю массу своей конницы в наступление в тыл римской фаланге.

Во время конного боя эта фаланга настигла неприятельскую пехоту и огромным перевесом сил – 55 000 гоплитов против 20 000 – оттеснил ее назад. Но конница остановила с тыла наступавшую массу противника. Хотя иберийские, кельтские и нумидийские всадники и не могли ворваться в легионы и опрокинуть их огромную массу, но они ринулись на нее с метательными копьями и вместе с пуническими стрелками осыпали их с тыла таким градом дротиков, стрел и камней, что заставили обратиться в бегство последние шеренги и тем задержали дальнейшее наступление фаланги. Теперь центр карфагенян смог удержаться. Обе задержанные позади колонны карфагенской пехоты – африканцы – двинулись вперед, обошли крыло римской

фаланги и, окружив ее справа и слева, закончили охват неприятеля так, что он был атакован одновременно со всех сторон.

Несмотря на то что римская конница очистила поле сражения, римляне все еще численно превышали неприятеля. "Концентрические действия против неприятеля не подобают более слабой стороне", – говорит Клаузевиц в своем сочинении "О войне". В таком духе выразился и Наполеон: "Более слабый не должен одновременно обходить с обоих флангов". Здесь же более слабый противник сделал обход с обеих сторон, пока не сомкнул кольца. Если по распоряжению консулов манипулы держались оборонительной тактики с трех сторон, то с четвертой они могли мощным натиском прорваться сквозь посредственно сильное кольцо фронта и, расширяя прорыв, заставить свернуться неприятельское войско. Но для такого маневра требовалось гораздо больше тактических данных, чем имело гражданское войско Рима. Манипулы не являются самостоятельными тактическими единицами, а лишь отдельными членами однородного тактического целого, называемого фалангой. Легионы также не были тактическими единицами, способными и привычными к самостоятельным действиям. Они являются лишь

единицами административными.

Если бы легионеры стояли один позади другого, то еще можно себе представить, что в случае крайней необходимости задние фланговые легионы, сделав поворот, отбили бы неприятельскую кавалерию и африканцев, а остальные 6 легионов, уже теснившие впереди себя неприятельские части иберийцев и галлов, окончательно опрокинули бы их. Но римляне ни в коем случае так расположены, не были: их легионы стояли в ряд, и ни один из них не мог сделать самостоятельного движения, не расстроив всей фаланги. Большая глубина достигалась глубоким построением каждой отдельной манипулы (наиболее характерная особенность римской тактики), причем три эшелона манипул – гастаты, принципы и триарии – были нераздельны. Нам кажется очень простым, что манипула триариев могла, повернувшись, обороняться от конницы Гасдрубала копьями, а гастаты и принципы при их огромном численном превосходстве могли бы продолжить начатый натиск. Но такой тактический поворот, хотя и кажется очень простым, не мог быть импровизирован, а триарии тем менее могли принять бой с тыла, что в манипулах имелись большие интервалы (ср. выше, стр. 209), которые

они не были в состоянии сразу заполнить и, таким образом, упорядочить фронт. Вся римская пехота привыкла производить натиск сомкнутой фалангой до тех пор, пока неприятель не сдавался и не бежал. Когда раздался клич: "Натиск с тыла" – и задние шеренги сделали поворот, тогда поступательный натиск масс прекратился, и вся фаланга принуждена была остановиться. В этот момент она была безвозвратно потеряна.

Преимущество численного превосходства было парализовано. Ведь все его значение заключалось только в огромном физическом и моральном нажиме, который производили задние шеренги. Оружие пускалось в ход лишь ничтожной частью фаланги. В тот момент, когда атака с тыла прекратила фронтальный натиск, вступили в бой лишь крайние ряды фаланги, ограничиваясь простой обороной.

Карфагенские наемники, чуя близкую добычу и будучи уверены в победе, стали напирать со всех сторон. Ни один удар, направленный в массу римлян, не пропал даром. Охваченные ужасом, римляне пришли в замешательство и расстроили ряды. Чем меньше они могли пускать в ход оружие, тем яростнее и увереннее косил неприятельский меч.

Много часов подряд было избиение. Римское

войско было почти все уничтожено; лишь немногие были взяты живыми в плен. Едва ли четвертой части удалось бежать.

Итак, решающее значение имела тыловая атака карфагенской кавалерии. Но в изложении Полибия есть удивительное противоречие: с одной стороны, Ганнибал в своей речи к воинам накануне сражения говорит о победе, которую, несомненно, должен одержать Карфаген благодаря превосходству кавалерии, – и сам автор в заключительном выводе говорит об этом превосходстве кавалерии как об основной причине победы; с другой стороны, Полибий усиленно подчеркивает значение фланговой атаки африканцев. Маневр кавалерии приписывается даже не Ганнибалу, а самостоятельному приказу Гасдрубала. Римляне, – говорит он, – столкнувшись с выдвинутым вперед центром карфагенян и отогнав его, сбились к середине и постепенно стали втягиваться в африканские части, на что и рассчитывал Ганнибал.

Что римляне действительно сбились к середине, весьма понятно. Их фланговые манипулы, правда, несколько опередили карфагенский центр и не могли повернуться к его крылу, так как имели перед собой расположившихся уступами африканцев, которые

могли ударить им самим во фланг. Они продолжали свое движение вперед, но усердие стоявших позади частей, еще надеявшихся на непосредственную схватку с кельтами и иберийцами, устремляло их к середине. Кроме того, крайние фланговые манипулы несколько медленнее продвигались вперед, так как неудачно протекавший рядом с ними конный бой сильно отвлекал их внимание. Но не нужно, конечно, понимать так, что лишь из-за этого перемещения африканцам удался охват фланга. Также мало могло приостановить натиск римского центра фланговое продвижение африканцев. Если бы для победы над храбрым войском, превосходившим противника также и численностью достаточно было лишь удлинить или сделать менее глубокой собственную линию и направить удар против неприятельского фланга, то этот искусный, прием применялся очень часто. Опасность его заключается в том, что при охвате фланга собственный центр, который необходимо для этой цели ослабить, легко может быть прорван. То, что при Каннах такого прорыва не было, является отличительной чертой этого сражения. Это может быть объяснимо лишь тыловой атакой массы пунической конницы; поэтому, правилен конечный вывод Полибия, что решающим

моментом явилось превосходство карфагенской кавалерии. И вовсе не по собственному почину, а выполняя боевой замысел своего полководца, Гасдрубал привел в исполнение данный маневр.

Как ни правильно то положение, что более слабой стороне не следует обходить неприятеля одновременно с двух сторон, ибо этим чрезмерно ослабляется центр, Ганнибал решился наперекор этому правилу окружить с 50 000 чел. неприятельское войско в 70 000 и почти целиком уничтожил его в этом железном кольце.

В течение нескольких часов должно было длиться жестокое, страшное избиение. Одних карфагенян погибло не меньше 5 700. Из римлян полегло на поле брани 48 000, бежало 16 000, остальные попали в плен.

Самое существенное в этом сражении то, что пунический центр мог держаться, пока кавалерия гнала римскую конницу и закончила обход ее; но почему Ганнибал не поставил в середину свои самые надежные войска – африканцев – и почему он при этом еще выдвинул центр? Ведь чем дальше он удерживал бы его, чем позже начался бы в этом месте бой, тем больше было бы вероятия, что кавалерия своевременно исполнит свою задачу, и тем меньше было опасности, что центр преждевременно уступит напору

противника. Почему же Ганнибал не поступил наоборот? Почему он не выдвинул кавалерию и не поставил ее перед обоими флангами пехоты в таком порядке, чтобы полумесяц, говоря словами Полибия, получил обратную форму?

При внимательном рассмотрении оказывается, что оно так и было. Выдвижение центра не меняет его отношения к кавалерии; напротив, кавалерия была уже продвинута, когда стычки пехотинцев только начались. Но она не должна была преждевременно наступать, иначе не дошло бы, пожалуй, до полного развития сражения. Пунический полководец должен был быть готов к тому, что консулы, видя, как разметало их кавалерию, в спешном порядке могли повернуть пехоту назад к укрепленному лагерю. Лишь когда все римское войско приблизилось настолько, что не могло никоим образом уклониться от сражения, конница могла броситься в атаку; поэтому кавалерия стояла с пехотой на одной линии, а африканцы, которые должны были сделать поворот, были оттянуты в тыл кавалерии.

Таким образом, нельзя было избежать того опасного момента, когда слабый пунический центр оказался без всякого подкрепления и подвергся натиску огромных масс римских легионов. Тем разительнее факт, что в этих местах

были расставлены наименее надежные союзники – галлы.

Но центр и в этом сражении понес наибольшие потери: галлы оставили на месте не меньше 4 000 трупов, иберийцы же и африканцы – только 1 500. Ганнибал должен был щадить кровь наиболее преданных ему людей, составлявших прочное ядро войск, сражавшихся в Италии с римлянами. Само собой напрашивается вывод: место гвардии там, где должно быть проявлено наиболее упорное сопротивление. Неисчислимы были бы последствия в случае прорыва римлянами фронта тогда, когда дорога была каждая минута, если бы Гасдрубал не оттянул их с тыла. Тогда полководец должен был сказать сам себе: "Африканцы удержались бы вдвое дольше. Какая ошибка, что я не поставил их на это место!"

В военном искусстве невозможно все рассчитать, взвесить и вымерить. Но в том, что не поддается учету, решает вера в свою звезду. Не желая жертвовать настоящим ради будущего, Ганнибал отважился доверить опасные позиции галлам, перемешав их для большей уверенности с иберийцами. В своем обращении к ним он разъясняет действие победоносной кавалерии и подчеркивает свое доверие тем, что сам становится в их ряды. Александр во главе своей

конницы вступал в бой первый. Ганнибал передает командование кавалерией одному из надежных командиров, а сам со своим штабом и младшим братом Магоном становится в центре, чтобы отсюда руководить сражением и силой своей личности закалить слабую сталь сопротивления. Один вид полководца, звук его голоса придают галлам непоколебимую веру в победу, и они выдерживают труднейшее из всех испытаний: отступать под напором превосходных сил неприятеля, но не давать ему взять верх, и с тяжелыми потерями протянуть сражение до тех пор, пока с другой стороны не явится обещанное подкрепление.

Ни в одном описании сражения не должно быть упущено указание позиции, занятой в сражении Ганнибалом. Не только его дух, но и его личность занимают в сражении центральное место. Не потому, что он первый бросается в бой, подобно Александру, и не потому, что сражение распадается на различные эпизоды, которыми должен руководить сам полководец (выступлением и приказом к наступлению идея сражения уже вполне предначертана), а потому, что его личность, как таковая, одним своим присутствием в том или ином месте может пассивно или активно оказывать решающее

воздействие.

Единственным приказом, отданным Ганнибалом после боевого сигнала, был приказ о выступлении африканцев на обоих крыльях. Так как они вначале еще стояли в колоннах, у Ганнибала была мысль в случае нужды послать их не для охвата неприятельской фаланги, а на подкрепление центра, если тот не сможет в достаточной степени противостоять натиску римлян до успеха обходных действий Гасдрубала. Мы узнаем тот же боевой порядок, что и при Гавгамеле. В ставке у Ганнибала находились греческие поэты, описывавшие его подвиги так же, как и подвиги Александра. Не будет чрезмерной смелостью предположить, что тот, кто окружил себя подобными людьми, сам приобщился к науке и усвоил то, чему учила его Греция. В Первой Пунической войне спартанец Ксантипп обучал карфагенян искусству побеждать Регула. Ганнибал, вне сомнения, также изучал греко-македонское военное искусство, и мы легко можем представить себе, как по вечерам на зимней стоянке грек Силен читал ему книгу царя Птолемея о подвигах Александра Великого, причем планы карфагенян слагались под влиянием блистательного прообраза зевсова сына.

С помощью варваров-наемников карфагеняне

одержали при Каннах победу благодаря превосходству своей кавалерии, командному составу и военачальникам, сумевшим держать свое войско в руках и тактически управлять им, а также благодаря полководцу, сумевшему с непреклонностью и уверенностью гения объединить имевшиеся у него силы к органически целостному действию.

И я полагаю, что этому полководцу мы обязаны также описанием сражения у Полибия и, в основных чертах, также и у Ливия. Здесь показательно не содержание. Как ни великолепно описание сражения, автором его все же мог быть и другой высоко талантливый человек. Здесь характерны места умолчания, разбросанные словно теневые пятна на свету.

Самый решающий момент – тыловая атака кавалерии – особенно не подчеркивается. Мы как будто имеем здесь дело не с приказом Ганнибала, а с действиями кавалерийского начальника. Весь упор рассказа – в распределении африканцев на двух крыльях, находившихся на отлете. О причине, заставившей так щадить эти войска, не упомянуто. Полководцу всегда немного тяжело, когда он одну часть войска, особенно союзников, намеренно подвергает большей опасности, чем другие. Он, пожалуй, сам себе не захочет

признаться, когда и как он на это рассчитывает. Но нам его побуждения ясны. Каждый посторонний человек не считал бы себе вправе обойти молчанием эти побуждения, которые сами по себе очевидны. Однако в вышеупомянутом повествовании о них ничего не говорится, а все внимание сосредоточено на тактическом маневре охвата, как на основном замысле данного боевого построения. Решающий же момент – атака кавалерии – остается в тени, ибо для полководца в ней нет ничего необычайного; это его привычная техника. Этот момент мог быть и на этот раз исчерпывающим: если бы Ганнибал не расставил африканцев в определенном боевом порядке, а укрепил бы ими фалангу, победа в сражении была бы все равно обеспечена. Но Ганнибал хотел не только победы, он хотел полного уничтожения неприятельского войска. И он дерзает ослабить центр, а на обоих флангах поставить в боевой готовности африканцев для охвата, чтобы римское войско не могло никуда бежать, а было взято в тиски. В повествовании о сражении все наше сочувствие на стороне африканцев, которым дано было выполнить такую трудную задачу, и мы забываем о заслугах кавалерии.

Из рассказа о боевом порядке, принявшем форму полумесяца, о смятении сгрудившихся в

середине римлян, о потрясениях ослабленного центра, обращении полководца читателю ясно, под каким углом зрения наблюдалась картина сражения. И в самом повествовании первое место занимают факты не наиболее значительные, а те, которыми больше всего полна душа полководца.

1. Чрезвычайно разноречивы мнения в науке о том, на каком берегу Ауфида – на правом или левом – было дано сражение. Так как установлено, что правое римское крыло и левое карфагенское были расположены у самой реки, то с переменой речного берега пришлось бы перевернуть все боевое расположение. Я не счел нужным повторять здесь то, что мною было сказано в предыдущих изданиях, так как меня опередил в этом вопросе Конрад Леман (Klio, т. 15, стр. 162, 1917 г.). Согласно прежним исследованиям, все источники ясно называют правый берег, но никто не был в состоянии стратегически объяснить, как могли римляне при таком расположении очутиться спиной к морю и как их воины, бежавшие с поля сражения, могли спастись в Канузий и Венузий. Я подробно изложил это в "Histor. Zeilschr.", т. 109, стр. 502. Конраду Леману удалось рассеять заблуждение, будто согласно историческим данным сражение непременно должно было происходить на правом берегу. Сопоставив слова Полибия (что Ганнибал выступил из Геруния перед сбором урожая) с датой сражения при Каннах (2 августа), он установил, что сражение не следовало непосредственно за выступлением из Геруния, а что

между ними имелся промежуток в два месяца, В этот промежуток времени Ганнибал запасался фуражом в Апулии, к югу от Ауфида. Брод, находившийся якобы на севере, через который переходило войско накануне сражения, нужно отнести на юг, – и тогда станет очевидным, что по всем источникам сражение происходило на северном берегу.

Теперь может быть установлена стратегическая последовательность действий. Из Геруния Ганнибал выступил в Апулийскую равнину. Римляне следовали за ним, занимая на крайних холмах горной стороны неприступные позиции. Так как они устроили себе базу в Каннах и перенесли туда из окрестнсстей Канузия запасы, то очевидно, что последнее их местопребывание было хотя и ближе к Каннам, чем к Канузию, но не у самых Канн, так как Ганнибалу удалось отнять у них Канны вместе со складами. Я полагаю, что лагерь находился первоначально в окрестностях Монте-Альтино, приблизительно на 6 км юго-восточнее Канн, и был сильно развернут для того, чтобы занять возможно большее пространство и тем. оградить себя от карфагенян. Но Ганнибал, обезопасив себя сильной конницей, перешел с юга на север по равнине мимо римского лагеря, смелой атакой взял Канны вместе со складами и принудил римлян отступить в глубь страны по направлению к Канузию.

Леман высказывает также предположение, что римляне, имея в виду превосходство пунической кавалерии, выбрали поле сражения, чтобы оба крыла имели опору. Леман находит такое место шириною в 3 км, ограниченное справа рекою, а слева гористым кустарником. Поле и поныне носит название "pezzo

del sangue". Достоверным такое расположение нельзя назвать. Я на всякий случай оттянул бы поле сражения выше, где равнина суживается, так как ширина в 3 км кажется мне чрезмерной.

ИСЧИСЛЕНИЕ СИЛ И ПОТЕРЬ

2. Силы римского войска при Каннах обычно исчисляются цифрою в 86 000 чел., включая 6 000 конницы. Из этого числа в лагере осталось 10 000, так что 70 000 римлян были побеждены 50 000 карфагенских наемников, при коннице в 10 000 чел. Полибий, Ливий и Аппиан в общем сходятся на этих цифрах. 80 000 чел. пехоты были разбиты на 8 легионов римских по 5 000 чел. в каждом и столько же легионов союзных.

Лишь недавно выступил против этих исчислений П. Канталупи (P. Kantalupi) в труде "Le Legioni Romane nella Guerra d'Annibale", изданном Белохом в "Studi di Storia Antica", т. I.

Канталупи обращает наше внимание на то, что у Ливия цифры иные, а именно римляне мобилизовали в 216 г. не 4 новых легиона, а лишь 10 000 запасных. При вычислениях меньшие числа всегда являются наиболее правдоподобными. По мнению Канталупи, римское войско числом не превышало 44 000, и в то время как Полибий доводит число павших римлян до 70 000, Канталупи после тщательной проверки считает, что их было от 10 500 до 16 000. Если принять эти цифры, то поле сражения значительно изменит свой вид.

Но доводы, которыми пользуется Канталупи для его исчислений, далеко не убедительны. Он полагает,

что лишь в сражении при Каннах Ганнибал стал тем грозным призраком для римлян, каким он изображен в истории. До этого-де римляне, готовясь к сражению, не имели никаких оснований прибегать к исключительным мерам. При Тичино имела место лишь схватка конницы; при Треббии римляне отступили без существенных потерь; при Тразимене было лишь произведено нападение на консула. Диктатор Фабий имел не больше 4 легионов, и общественное мнение Рима требовало, чтобы он с этими боевыми силами дал сражение. Очевидно, придерживались того мнения, что при хорошем полководце такое войско с успехом может померяться силами с Ганнибалом. Новые консулы, прибыв с подкреплением, разбили, кроме старого лагеря, еще один для 2 000 союзников. Подкрепления, очевидно, были не очень велики, если они все, кроме вышеупомянутого отряда, разместились в старом лагере.

По сравнению с убедительными данными Полибия эти аргументы не особенно полноценны. Что Ганнибала еще до сражения при Каннах считали в Риме грозным противником, доказывает способ ведения войны диктатором Фабием. Если противная партия требовала от него сражения, то этим еще не сказано, что она требовала выступления лишь с 4 легионами. Партия войны могла, конечно, при этом присовокупить, что диктатор должен прежде всего поднять мощь армии на нужную высоту и тогда сражаться. Что подкрепление большей частью разместилось в имевшемся лагере, ни в коем случае не доказано. Лагерь мог быть расширен, о чем Ливий или его источники, быть может, не сочли нужным

упомянуть. Удивительно все-таки, что у Ливия содержатся вообще противоречивые показания и что, как указывает также Канталупи, из спасшихся упомянуты лишь имена военных трибунов 4 легионов. Но объективные соображения неминуемо приводят к заключению, что римское войско насчитывало значительно больше 44 000 чел.

Стремясь сделать свои положения как можно более правдоподобными, Канталупи пытается уменьшить численность карфагенского войска, о котором говорит Полибий, ибо нам ясно с самого начала, что римляне, у которых не было недостатка в людях, не пошли бы на решающие сражение против Ганнибала, не имея значительного численного перевеса. В противном случае каннское поражение не имело бы такого рокового значения. По словам Полибия, консул в своем обращении к командирам накануне сражения определенно говорит, что римское войско числом вдвое превосходит противника.

Исчисляя карфагенское войско при Каннах в 40 000 пехоты и 10 000 конницы, Полибий опирается на общепризнанный правдивый карфагенский источник Силена, которому мы обязаны всей картиной сражения. Какие причины могли побудить Силена преувеличить карфагенские силы? Если предположить, что от него исходят также цифровые данные о 86 000 римского войска, то при сильно развитой подозрительности можно предположить, что под необычайно сильным впечатлением событий он равномерно преувеличил силы обоих противников. Но данные о 86 000 римлян, как доказывает Аппиан, почерпнуты из римских источников, и нет никакого реального основания усомниться в численности

пунического войска. Мы докажем это при ближайшем рассмотрении его состава.

Если войско Ганнибала насчитывало не больше 50 000 чел., то римское войско ни в коем случае не могло состоять только из 4 легионов. Основные данные о том, что оно состояло из 8 легионов римских и 8 союзнических, несомненно, правильны. Легион же включал тогда 5 000 чел., следовательно, насчитывалось всего 80 000 пехоты. Но это число мы не можем безоговорочно противопоставить 50 000 карфагенских наемников. 1 400 чел. в каждом легионе – легковооруженные, имеющие для военных действий лишь второстепенную ценность, а 8 000 – балеарских стрелков и пельтастов Ганнибала были, несомненно, технически обучены и являлись полноценными воинами. 22 400 римских легковооруженных, не говоря об их технической неприспособленности, были вообще для сражения непригодны. При описании сражения при Треббии определенно говорится (Полибий, III, 72, 2), что 6 000 легковооруженных были из фаланги выделены. Так как у Семпрония на месте имелось 4 легиона, то вместе с союзниками он насчитывал, за исключением выбывших, 10 000 легковооруженных. Часть их осталась в лагере. При Треббии фаланга гоплитов имела по фронту около 1 000 чел. Если на каждом из обоих флангов стояло по 2 000 легковооруженных, то для фронта оставались 2 000, т.е. две шеренги. Глубже легковооруженные не могли быть поставлены. Фронт фаланги при Каннах был, вероятно, также не шире, т.е. насчитывалось самое большее 2 000 чел. Очевидно, на фронте могли поместиться лишь от 2 000 до 4 000 легковооруженных. Если мы на каждое крыло

положим от 2 000 до 3 000 чел., то мы сможем с известной вероятностью сказать, что в сражении принимали участие в качестве соратников приблизительно от 8 000 до 10 000 (максимум) римских легковооруженных. Другая часть, следовавшая за фалангой, несла обязанности санитаров и тому подобную обозную службу. Остальные оставались в лагере.

Численность гарнизона равнялась приблизительно 10 000, из них во всяком случае было несколько тысяч гоплитов, общее число которых равнялось 16 х 3 600 = 57 600 чел. Следовательно, считая 55 000 гоплитов, 8 000–9 000 сражавшихся легковооруженных и 6 000 конницы, мы определяем общую численность войска в 70 000 чел.

Не совсем ясно, имел ли также и Ганнибал кроме 50 000 сражавшихся еще запасные части для гарнизона лагеря или он был принужден забирать для этого воинов из действующих войск.

При исчислении потерь принимаются, конечно, во внимание также убитые римляне, не входившие в действующее войско. Мы же олжны исходить из следующего состава: 80 000 пехоты и 6 000 конницы. По Полибию, пало 70 000, спаслось 3 000 пехоты и 370 кавалерии, взято в плен 10 000. В плен были взяты воины, оставленные в лагере и сделавшие вылазку для нападения на карфагенский лагерь. Они были взяты в тиски и сдались.

Впрочем, Полибий так неясно выражается, что порождает разногласия. Он хотел, возможно, сказать, что кроме римлян, взятых в лагере, 10 000 чел. живыми отдались в руки карфагенянам, и это нам кажется вполне естественным. Вряд ли можно

предположить, что, усеяв поле огромным числом неприятельских трупов, уставшие от избиения наемники не захотели пощадить оставшихся, пригодных для продажи или получения за них выкупа.

Это противоречит, конечно, вычислениям Полибия, который получил цифру павших в 70 000 простым арифметическим действием: он вычел из первоначальной цифры (86 000) 10 000 пленных и несколько тысяч спасенных и без вести пропавших. Но мы ни и коем случае не можем признать, что пало 70 000, ибо установлено, что римляне образовали из спасшихся воинов два полных римских легиона. Но кроме них должно было спастись примерно такое же число союзников. Поэтому указанная цифра 70 000 основана не на достоверных данных, а на беглом и ошибочном подсчете, почему и лишена ценности.

По сообщению Ливия, римляне потеряли 45 000 чел. пехоты и 2 700 чел. конницы; хотя в общем авторитет Ливия неизмеримо ниже авторитета Полибия, все говорит за то, что мы имеем здесь дело с достоверными официальными данными. В высшей степени невероятно и даже невозможно утверждение Полибия, будто вся конница полегла на поле сражения. Ведь она не была окружена, а только обращена в бегство и даже не подвергалась особенно энергичному и дальнему преследованию, так как главные силы пунической кавалерии сейчас же бросились на легионы. Потеря в размере 2 700 убитых и 1 500 пленных, о которой говорит Ливий, кажется нам уже достаточно значительной, и его данные о состоянии пехоты внушают полное доверие.

По Ливию, спаслось около 14 000 пехоты и взяты

пунийцами в плен: на поле сражения – 3 000, в деревне Каннах – 2 000, в лагере – 13 000 и, кроме того, 1 500 чел. конницы.

Сложив эти цифры и приняв во внимание, что состав легиона не всегда достигал своей предельной цифры в 5 000 чел., мы получим следующий расчет:

Убито пехоты. 45 500
конницы. 2 700

Взято в плен пехоты. 18 000
конницы 1 500

Спаслось пехоты. 14 000
конницы. 1 800

Пропало. 2 500

Всего. . .86 000

С и л ы и с ч и с л я л и с ь
Гоплиты на фронте. 55 000
Гоплиты в лагере 2 600
Рорарии на поле сражения 8 000
Рорарии, несшие обозную службу 7 000
Рорарии в лагере 7 400
Конница 6 000

Всего. . .86 000

Из них нужно отсчитать 2 500 чел. пропавших без вести.

О войске Ганнибала – см. ниже, гл. 3.

3. В отношении Канн мы поставлены в исключительно благоприятные и редкие условия

благодаря исчерпывающей и наглядной картине сражения, оставленной нам обоими противниками. Это дает нам возможность еще раз убедиться на примере, как непригодны описания сражений, лишенные вышеупомянутых качеств. Наши историки всегда поддаются искушению за отсутствием годного материала пускать в ход негодный. То, что имеется в предании (если нет других противоречащих этому сообщений), они продолжают повторять, отбрасывая лишь наиболее явные небылицы. Но это неправильно. Очень возможно, что в таком повествовании все достоверное будет выброшено, и останется лишь одна неправда. Доказательством служит подробное описание сражения при Каннах, сохранившееся у Аппиана. Если бы случайно у нас не было других источников, то наши сведения о войне, почерпнутые у Аппиана, не имели бы даже отдаленного сходства с истиной. Так как очень существенно, чтобы читатели нашей книги прониклись вышеизложенным методологическим положением, я здесь подробно излагаю Аппиана, пересказывающего, очевидно, какую-то римскую басню.

Консулами были избраны Луций Эмилий, прославившийся в войне с иллирийцами, и любимец народа честолюбивый Теренций Варрон, по своему обыкновению суливший римлянам всякие блага. Когда оба мужа выступали, провожавшие их граждане просили дать скорее решительное сражение, а не ждать, пока город будет окончательно истощен бесконечной воинской службой, поборами, голодом и запустением заброшенных пашен. Тогда консулы объединили свое войско с войском япигиев и получили в общем 70 000 пехоты и 6 000 конницы,

разбили свой лагерь при деревне, называвшейся Канны, а Ганнибал расположился напротив. Ганнибал, как боевая натура, враг всякого бездействия, в этот момент был принужден из-за острого недостатка в припасах ежедневно выступать в боевом порядке и вызывать, таким образом, противника на военные действия. Положение его осложнялось еще тем, что из-за задержки жалованья его наемники могли перейти к неприятелю или разбрестись для добывания пищи.

Мнения консулов разделились. Эмилий считал, что Ганнибал ввиду недостатка продовольствия не сможет оказывать длительное сопротивление, а потому его нужно брать измором не вступая в сражение с искушенными в боях и привыкшими к победам полководцем и его войском. Теренций же, всегда добивавшийся популярности, находил, что нужно считаться С наказом, данным им народом при их выступлении, и как можно скорее дать решительное сражение. С Эмилием согласился Сервилий, бывший годом раньше консулом и еще находившийся в то время при войске. К мнению Теренция присоединились все сенаторы и лица из сословия всадников, занимавшие в войсках командные должности.

Пока обе партии пререкались, Ганнибал произвел нападение на отряд, высланный за дровами или фуражом, причем сделал вид, будто потерпел поражение, и во время последнего ночного караула стал выводить все войско, как бы снимаясь с позиции. Заметив это, Теренций также вывел войско и собрался пуститься за Ганнибалом в погоню. Напрасно Эмилий старался в последний момент отговорить Теренция от

безрассудного шага. Видя, что Теренций не идет на уступки, Эмилий, по римскому обычаю, приказал проверить ауспиции и послал ему вдогонку весть, что день этот несет дурные предзнаменования. Из уважения к ауспициям Теренций отступил, но на глазах всего войска стал рвать на себе волосы и горько жаловаться на зависть товарища, вырывавшего из его рук победу. Толпа разделяла злобу Теренция.

Увидев, что попытка врага окончилась неудачей, Ганнибал немедленно вернулся в лагерь, чем явно показал притворство своего маневра. Но и этот факт не убедил Теренция, что поведению Ганнибала нельзя доверять. Вернувшись, он в полном вооружении бросился в шатер главнокомандующего, где сидели сенаторы, военачальники и полководцы, и стал перед ними обвинять Эмилия в том, что ауспиции были для него лишь предлогом, что он не то из-за трусливой нерешительности, не то из зависти к его, Теренция, славе лишил Рим победы. Эти упреки, гневно выкрикиваемые консулом, долетали до войска, окружавшего лагерь, и оно также стало поносить Эмилия. Тот напрасно приводил собравшимся в шатре весьма разумные доводы. Все, исключая Сервилия, приняли сторону Теренция, так что Эмилий в конце концов принужден был сдаться и на следующий день, переняв от Теренция командование, вывел войско из лагеря. Ганнибал, правда, заметил этот маневр, но в этот день не выступил, так как еще не вполне был подготовлен к сражению. Лишь на третий день обе стороны расположились внизу на равнине.

Римляне были выстроены в три линии, причем одна отстояла от другой на небольшом расстоянии. В каждой из них пехота находилась посредине, а

легковооруженные и конница – на обоих крыльях. Командовали: центром Эмилий, левым крылом – Сервилий, правым – Теренций. Каждого из них окружала тысяча отборнейших всадников, предназначенных оказывать немедленно помощь всюду, где она оказалась бы необходимой. Таков был боевой порядок римлян.

Ганнибал, зная, что в этой местности к полудню поднимается юго-восточный ветер, нагоняющий на небо тучи, занял все места, где ветер дул в спину. Конницу и легковооруженных он поместил в засаде на горе, окруженной лесом и прорезанной ущельями. Затем он отдал приказ броситься на неприятеля с тыла, как только пехота начнет действовать. Пятьсот кельтиберов должны были, помимо своих длинных мечей, спрятать под платья короткие, с тем чтобы по определенному знаку пустить их в ход. Все свое войско Ганнибал разделил на три линии. Конница была расставлена в широких интервалах на крыльях с целью охвата неприятеля. Командование правым крылом Ганнибал передал своему брату Магону, левым – своему племяннику Ганнону. Сам он принял на себя командование центром против Эмилия, о военном искусстве которого он был очень высокого мнения. Его окружали 2 000 избранных всадников и тысяча других воинов, во главе с Магарбалом. Им было поставлено задачей – в нужный момент броситься на помощь туда, где это будет необходимо. В таком боевом порядке Ганнибал ждал до второго часа дня, чтобы наступление начать незадолго до того момента, когда должен был подняться ветер.

Приведя оба войска в полную боевую готовность, полководцы стали объезжать их и поднимать их дух.

Римляне призывали именем родителей, детей и жен не забывать о прошлых поражениях и помнить, что сегодняшнее сражение – решающее для их положения. Ганнибал напоминал своим воинам о предыдущих победах над неприятелем и рисовал им позорность поражения от противника, однажды уже побежденного. Зазвучали барабаны, и фаланги пехоты подняли крик. Первыми бросились в середину стрелки, пращники и метальщики. Завязался бой. За ними двинулись фаланги. Обе стороны дрались с таким мужеством, что кровь лилась рекою. В это время Ганнибал даль знак своей коннице двинуться в охват флангов. Но римская конница, хотя и уступавшая количественно неприятельской, бросилась вперед и дралась с большим мужеством, невзирая на то, что ей пришлось вытянуться в тонкую линию. Особенно отличалось левое крыло у моря. Ганнибал и Магарбал вместе с окружавшими их всадниками также ринулись в сражение, исторгая для устрашения неприятеля дикие варварские крики. Но и этот натиск римляне выдержали с непоколебимым мужеством.

Ввиду того что первая попытка Ганнибала окончилась неудачей, он подал 500 кельтиберам условленный знак. Неожиданно они оставили свои ряды, перешли на сторону римлян и как перебежчики предложили им свои щиты, копья и те мечи, которые они носили открыто. Сервилий высказал им хвалу, сейчас же забрал у них оружие и как обезоруженных поставил их в тыл своих шеренг. Он считал неправильным вязать перебежчиков на глазах у неприятеля, а видя их обезоруженными, не имел основания подозревать какой-либо подвох. Да кроме того, в разгар сражения он не имел и времени

что-либо предпринять. Между тем некоторые части ливийцев, сделав вид, что отступают, с криком бросились к горе. Крик этот был сигналом для частей, засевших в горных ущельях. Они должны были броситься на противника, преследовавшего бегущих. Внезапно появились из засады легковооруженные и конница. Одновременно небо потемнело, поднялся сильный вихрь, окутавший стоявших к нему лицом римлян таким столбом пыли, что они не могли видеть стоявшего впереди неприятеля. Сила римских стрел была ослаблена сопротивлением дувшего напротив ветра, между тем как стрелы неприятеля, усиленные этим же ветром, попадали очень метко. Римляне не могли видеть неприятельское оружие, почему им и не удавалось избежать его действия. Сами же они целились неудачно и даже попадали друг в друга, что вызывало среди них большое смятение.

То был момент, которого ждали 500 мнимых перебежчиков. Они вынули спрятанные на груди короткие мечи и стали наносить удары в спину тем неприятельским воинам, позади которых они стояли. Потом, отняв у них большие мечи, щиты и копья, они бросились на уцелевших и беспощадно стали с ними расправляться. Кровавая баня, устроенная перебежчиками, не знает себе равной, ибо карфагенские воины стояли в тылу всего неприятельского войска. Велико и многообразно было бедствие римлян: стоявший напротив неприятель беспощадно теснил их, засада окружала, а неприятельские части вторгались в их ряды и избивали их направо и налево. Римляне не могли обернуться к ним лицом, ибо тогда начали бы их теснить спереди другие части. Да и нелегко было

узнать неприятеля, защищенного римским щитом. А тут еще из-за столбов пыли терялось всякое представление о том, что творилось вокруг. Как обычно бывает в момент смятения и замешательства, все казалось гораздо страшнее, чем было в действительности. Они не знали, что неприятельская засада была невелика и что перебежчиков было всего 500. Им казалось, что все войско окружено всадниками и перебежчиками. Повернув, они бросились в беспорядочное бегство, очистив сперва правое крыло, во главе которого стоял Теренций, ушедший оттуда, а затем и левое. Командовавший этим крылом Сервилий спешно двинулся к Эмилию. Вокруг этих двух мужей собралась толпа храбрецов из конницы и пехоты числом около 10 000.

Тогда полководцы и вся конница спешились и вступили в рукопашный бой с окружавшей их конницей Ганнибала. Как опытные воины бешено дрались и врывались в ряды неприятеля, – частью вследствие подлинной храбрости, частью – от отчаяния. Но гибель ждала их повсюду, ибо Ганнибал объезжал свои части и то ободрял их, умоляя сделать последнее небольшое усилие и одержать победу, то бранил и грозил позором, если они не сумеют справиться с ничтожной кучкой неприятеля. Пока Эмилий и Сервилий находились среди своих войск, римляне держались стойко и дорого продавали свою жизнь. Но когда их предводители пали, они с огромной силой прорвались сквозь неприятельские ряды и врассыпную бросились бежать: одна часть бежала в лагерь, где уже укрывались бежавшие до них части, – число их доходило до 15 000 чел., и они были окружены войсками Ганнибала, – а остальные 2 000

чел. бросились было в Канны, но принуждены были затем сдаться Ганнибалу. Лишь незначительной части удалось скрыться в Канузие. Небольшая кучка одиночками рассеялась по лесу.

Так окончилось сражение римлян с Ганнибалом, длившееся с 2 час. дня до 2 час. ночи. Оно известно у римлян своим великим поражением, ибо в течение немногих часов 50 000 римлян пали, а большее число их было взято вечером в плен. Погибло также много сенаторов, принимавших участие в походе, а равно и все военачальники, командный состав и оба храбрейших полководца. Лишь трусливый виновник поражения бежал вначале боя. В течение двух лет борьбы с Ганнибалом в Италии римляне потеряли 100 000 воинов – своих и союзных.

Таким образом, Ганнибал в один день пустил в ход 4 хитроумных приема: использование благоприятного для него ветра, ложную перебежку кельтиберов, подстроенное бегство одних частей и засаду других в глубоких горных ущельях. После одержанной им исключительно блестящей победы Ганнибал немедленно по окончании боя объехал поле сражения и осматривал павших. Среди них он увидел также трупы отважнейших своих друзей. В горести он воскликнул со слезами: "Другой такой победы мне не нужно!" Те же слова произнес ранее Пирр, царь эпирский, одержавший с огромными потерями победу над римлянами в Италии.

Часть римских воинов, бежавших с поля сражения, собралась в большом лагере и, выбрав поздней ночью Публия Семпрония предводителем, прорвалась сквозь строй уставших и сонных сторожевых постов Ганнибала и в числе 10 000 бежала в Канузий.

Оставшиеся в малом лагере 5 000 чел. на следующий день попали в плен к Ганнибалу. Теренций собрал остаток рассеянного войска и, приложив все усилия, чтобы ободрить его, дал им в предводители одного из трибунов – Сципиона, а сам поспешил в Рим.

Так повествует Аппиан.

Примечание к 3-му изданию. Я оставил эту главу без изменений, хотя в одном пункте мой взгляд поколеблен. По общепринятому до сих пор мнению, Полибий в основных вопросах своего повествования непосредственно черпал сведения из карфагенского первоисточника. Этим источником почитали грека Силена, который, как мы полагали, находился в свите Ганнибала. Но Дессау в своем труде "Источники наших познаний о Второй Пунической войне" (H. Dessau, Ьber die Quellen unseres Wissens vom Zweiten punischen Kriege, Hermes, т. 51, вып. 3, 1916 г.) доказывает, что это утверждение очень шатко. Но оба приводимых доказательства не выдерживают критики. Во-первых, всякий источник, берущий свое начало из карфагенского лагеря, он считает источником тенденциозным, что совершенно необязательно; во-вторых, он вообще не верит, что Ганнибал первоначально окружил себя греческими литераторами. Он-де приблизил их к себе лишь после того, как завладел большим числом греческих городов в Нижней Италии. Но это безусловно неверно. Греческий язык был международным и литературным языком тогдашнего культурного мира. Даже римский сенатор Фабий писал свой исторический труд на греческом языке. Думать, что Ганнибал не владел в совершенстве греческим языком и не окружил себя в лагере образованными греками, значит составить себе

о нем представление, как о совершенно необразованном человеке. Трудно себе представить, чтобы он не изучал историю подвигов Александра, а для этого ему необходимы были греческие учителя и чтецы. Греки ему были необходимы также для дипломатических переговоров и разведки. Поэтому он, подобно Александру, должен был с самого начала иметь в своем кругу литераторов, которые воспевали бы его подвиги. Но я не хочу повторять ошибку Дессау и считать доказанным то, о чем мы при наличии имеющегося материала можем только строить известные предположения. Поэтому считаю – хотя не достоверным, но вероятным, – что Дессау прав и что наиболее ценные данные у Полибия, приписываемые нами до сих пор Силену, исходят от Фабия Пиктора. В этом случае мы не черпаем непосредственно из карфагенского источника. Сам Фабий почерпнул их от карфагенских пленных и перебежчиков. Так, Дессау уверяет, что в 210 г. командир одной нумидийской части Муттин перешел к римлянам, занял в Риме очень видное положение и в 190 г., при Сципионе, принимал участие в походе против Антиоха. Этот пунический военачальник и был, очевидно, тем выдающимся военным источником из карфагенского лагеря, который приковывает наше внимание и вызывает чувство восхищения при чтении Полибия.

Если это предположение правильно, то оно наипростейшим образом разрешает некоторые трудные вопросы относительно сражения при Каннах. Полибий называет подковообразную форму боевого порядка пунической пехоты серпообразной, представляя себе этот полумесяц в виде изгиба

(κύρτωμα), что тактически невозможно. Тут мнения всех исследователей сходятся. Совершенно исключается, чтобы подобное дилетантское определение исходило от самого Полибия. Оно взято из какого-то источника. Очевидно, между военным первоисточником и Полибием имелось еще третье лицо, способное дать такое несуразное определение. Вполне возможно, что перед нами рассказ крупного нумидийского военачальника в передаче сенатора Фабия, малознакомого с военным делом. Не исключена, конечно, возможность, что и Силен, находившийся в штабе Ганнибала, мог допустить такое недоразумение, но это предположение гораздо менее вероятно.

В описании войны у Полибия бросается в глаза то обстоятельство, что значение тыловой атаки кавалерии очень затушевано по сравнению с охватом фланга пехотой, и в связи с этим особенно сильно подчеркивается скопление римской пехоты к середине. Эту трактовку я уже пытался объяснить психологически, с точки зрения штаб-квартиры. Но не менее, если не более, правдоподобно предположение, что рассказ исходит от Фабия, слышавшего его в свою очередь от начальника африканской пехоты, того же Муттина. Муттин был достаточно просвещен в военном искусстве, чтобы по достоинству оценить значение кавалерийской атаки, но желание подчеркнуть подвиги собственных частей так велико, что невольно приводит его к некоторым противоречиям.

Дессау нашел поддержку своему взгляду у Белоха, доказывавшего еще до Дессау в труде о сражении при Треббии ("Histor. Zeitschr.", т. 114, 1915 г.), что свои

сведения Полибий почерпнул не от Силена, а от Фабия. Все неясности, встречающиеся в описаниях перехода через Альпы, сражения при Треббии, перехода через Апеннины, сражения при Тразимене, над которым так ломают головы современные исследователи, можно объяснить тем, что данные Полибия исходят не непосредственно от человека из штаба Ганнибала, а от Фабия, своеобразно преломившего рассказ какого-то пунического военачальника.

Что зависимость Полибия от его источников была гораздо большей, чем обычно думают, Дессау устанавливает с большой достоверностью. Кромайер в оценке авторитета Полибия переходит от одной крайности к другой. Вначале он выступает в качестве защитника, во II же томе "Полей сражения" ("Schlachtfelder") не хочет признавать ни его военных выводов, ни фактических данных (ср. "О военных действиях в сражении при Магнезии" – "Kriegerisches zur Schlacht bei Magnesia"). Говоря же о сражении при Каннах, он старается разбить меня при помощи авторитета Полибия и заявляет Карстедту: "Не понимаю, как кто-либо может не признавать или исправлять ясные слова древнего военного писателя, величайшего из всех, живших до Цезаря" (стр. 434). Допустим, что это так. Но что касается несогласий между мною и Кромайером в вопросе о Каннах, то тут дело не в признании или отрицания Полибия, а в том, какие поправки наиболее рационально внести в кривизну карфагенского фронта, о котором говорит Полибий. Ведь ее не приняли ни я, ни Кромайер. Я истолковал понятие "полумесяц" как современную подковообразную форму. Кромайер понимает форму

полумесяца как уступообразное построение, которое тактически так же невозможно, как кривая лини". Второе разногласие -сосредоточения римлян в центре. Хотя, на мой взгляд, мы имеем здесь, дело с действительным происшествием, но и оно вследствие вышеизложенных причин очень преувеличено. По моему мнению, римляне с самого начала рассчитывали на глубокий массовый натиск. При численно превосходящей, но тактически неподготовленной пехоте они иначе действовать не могли.

По Кромайеру, римский фронт вначале был развернут очень свободно, и только во время наступления – в силу какого-то массового безумия – римляне, вопреки привычному им военному образу действия, сгрудились к середине. Заметьте при этом, что они, по Кромайеру, не были взяты в тиски пуническими обходными колоннами, а при наступлении добровольно так укоротили фронт, что карфагеняне могли зайти с флангов. Помимо несуразности такою. предположения, оно само собою отпадает еще потому, что при данном положении римские, фланговые части должны были бы отодвинуться на 700 м в сторону. Так как одновременное продвижение вперед может быть лишь очень коротким, то, очевидно, дело идет только о боковом продвижении. Легко представить себе, что означает боковое передвижение больших масс на 700 м в течение нескольких минут.

Опровержение этой танцевальной тактики, – которая если и не опирается на достоверные показания источников, то во всяком случае на них ссылается, – имеется в моем труде "Сражение при

Каннах" ("Histor. Zeitschr.", т. 109, стр. 481). В изданной в 1912 г. книге Кромайера "Борьба Рима за мировое господство" ("Roms Kampf um die Weltherrshaft") автор очень приблизился к моей реконструкции сражения, усиленно подчеркивая то обстоятельство, что римляне с самого начала стояли "возможно более тесно" сомкнутыми рядами. Дальнейшее укорачивание фронта он, как и я, считает явлением второстепенным. При ближайшем рассмотрении нет даже никаких разногласий, так как "возможно более тесное построение; войск явно исключает возможность квинкункс-интервала и делает излишним уступообразный порядок карфагенян

ТИЧИНО. ТРЕББИЯ. ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

4. Нет необходимости исследовать все бои и сражения этой войны, имевшие место до и после Канн. Нам достаточно установить, что выводы, сделанные из исследования сражения при Каннах, могут быть отнесены ко всей римской и пунической тактике данной эпохи.

При Тичино карфагенская конница одержала верх над римской. Римская легкая пехота, сопровождавшая конницу, не успела даже приступить к метанию, а сразу обратилась в бегство из страха быть растоптанной наступавшей неприятельской конницей.

5. При Треббии, так же как и при Каннах, пуническая кавалерия и легкая пехота обошли римлян с флангов и атаковали их с тыла. Части, бывшие у Ганнибала в засаде, якобы еще больше увеличили силу тылового удара. Но такого рода засада

тактически невозможна. Если она находилась приблизительно на пути продвижения римлян, то все 2 000 чел., будучи обнаружены противником, что весьма вероятно, должны были бы погибнуть. Если же засада находилась на значительном расстоянии в стороне, то она была бесполезна, так как карфагеняне, произведя охват римских крыльев, несомненно, опередили бы ее. Для меня совершенно ясно, что Полибий стал жертвой какой-нибудь римской басни. После Канн римская гордость старалась найти утешение в такого рода побасенках, которые, впрочем, и сейчас пересказывают некоторые историки. Но самое существенное в том, что римлянам, хотя они были взяты в тиски так же, как и при Каннах, удалось прорваться во все стороны и спасти большую часть войска.

О причинах, по которым это сражение окончилось для них гораздо благоприятнее, чем сражение при Каннах, не говорит ни один источник. Общие условия были для римлян не более, а значительно менее благоприятны, чем при Каннах. При Каннах карфагеняне численно намного превосходили их, при Треббии – лишь незначительно или даже вовсе не превосходили. Их конница при Каннах равнялась 6 000 всадников против 10 000 пунийцев, при Треббии же лишь 4 000. Кроме того, карфагеняне имели в своем распоряжении некоторое число слонов, служивших для всадников подкреплением в атаке. При этом, если верить рассказам, нужно учесть еще части пунийцев, бывшие в засаде, и, наконец, физическую усталость римлян, измученных, по словам Полибия, переходом через ледяные воды разлившейся Треббии; вода доходила римлянам до

груди, и вдобавок они перед этим ничего не ели.

И если, несмотря на все эти обстоятельства, римляне в сражении при Треббии оказались в более благоприятных условиях, то причина, очевидно, та, что Ганнибалом для охвата были назначены лишь конница и легкая пехота. Несмотря на то,что собственная его фаланга была, таким образом, еще сильнее, в ней был произведен прорыв в том месте, где находились кельты и африканцы.

Отдельные, очень трудные вопросы этого сражения разработаны в прекрасном труде И. Фукса "Вторая Пуническая война и ее источники Полибий и Ливий" (Jos. Fuchs, Der zweite punische Krieg und seine Quellen Polybius und Livius), о них я буду говорить ниже. Но против Фукса снова выступил Белох ("Histor. Zeitschr.", т. 114, 1915 г.). Он, впрочем, снова доказывает, что Кромайер слишком решительно исправляет Полибия, противореча своим же собственным взглядам, изложенным в других трудах.

6. Сражение при Тразименском озере является нападением, произведенным на походе. Оно показывает, с какой уверенностью начальники карфагенской конницы умели самостоятельно действовать и как беспомощны в этом отношении были римляне. 10 000 чел. при Треббии и 6 000 чел. при Тразимене прорвались сквозь пуническое кольцо, но не нашли способа оказать помощь державшимся еще римским частям; между тем пунические полководцы всегда действовали совершенно самостоятельно.

Вопрос, каким образом Ганнибал из Верхней Италии пробрался к Тразименскому озеру, был до сих пор очень не ясен; теперь же, по моему убеждению,

вопрос этот окончательно решен благодаря исследованиям И. Фукса "Ганнибал в Средней Италии" (Jos. Fuchs, Hannibal in Mittelitalien, Wiener Studien, т. 26, вып. 1, 1904 г.). Не согласен я только с его изображением самого сражения. Оно изображено не как внезапное нападение, а как заранее подготовленное Фламинием сражение в открытом поле.

Примечание к 3-му изданию. – Из более новой литературы, относящейся к этому сражению, могу еще указать; Gdrtner, Berl. Dissert. 1911. – Grцbe, Zeitschr. f. цsterr. Gymnas. 1911, 7. Heft, S. 590. – Caspari, Engl. Historical Rev. 1910 Juli. – Reusz, Rhein. Museum 1910. – Fuchs, Zeitschr. f. цsterr Gymnas. 1911. – Sadй, Klio 1909. – Konr. Zehmann, Jahresber. Philologischen Vereins, Bd. 41. 1915.

Останавливаться здесь на противоречиях нет оснований. Отмечу только, что, как это доказал Леман, Кромайер и в данном случае сильно расходится с Полибием. Это, конечно, не является упреком, но лишь вновь подтверждает, что Кромайера не следует считать защитником авторитета Полибия.

Глава II

ОСНОВНАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Лишь установив тактические взаимоотношения обоих противников, мы с полным основанием можем перейти к рассмотрению их стратегии. Тактически карфагеняне были, несомненно, более сильной стороной. Они имели постоянного главнокомандующего, римляне же каждый год избирали двух консулов, которым одновременно вручалось и командование. Они имели такое слабое представление о предпосылках ведения крупных военных действий, что считали возможным то делить легионы между консулами поровну, то поручать командование по очереди – день одному, день другому. В войне против Ганнибала хотели этот чудовищный порядок несколько смягчить, подняв вопрос лишь о смене председательствующего в военном совете. Но в действительности этот шаг только обострил бы положение, ибо тогда вообще командование было бы в руках не отдельного лица, а коллегии. Правильнее будет выражение: сменяющееся

командование, хотя, конечно, заседал и военный совет. То же и в отношении командного состава. У карфагенян командиры были профессионалами, получившими специальную выучку в школе Гамилькара; у римлян – лишь воинственными гражданами, более или менее одаренными от природы. Карфагенские военачальники по мере необходимости маневрировали различными частями пехоты и кавалерии. Римские легионы умели передвигаться рядом поставленными частями только вперед. Наконец, карфагенская кавалерия численностью значительно превосходила римскую.

Этим преимуществам противника римляне могли противопоставить лишь одно – неисчерпаемое число прекрасных и надежных воинов.

Перевес сил то на одной, то на другой стороне создал положение, напоминающее соотношение сил между афинянами и спартанцами в Пелопоннесской войне. Долго, долго шла война с переменным успехом, ибо афиняне были сильнее на воде, а спартанцы на суше, причем каждый в пределах своей стихии был недосягаем. Во Второй Пунической войне контраст не был так силен и был осознан римлянами лишь постепенно. Вначале они кичливо вызывают противника на

борьбу и, лишь будучи научены рядом страшных поражений, ищут иных путей; Ганнибал же заранее знает свои как сильные, так и слабые стороны.

Тот, кто, ведя войну, ставит своей основной задачей сокрушение неприятеля, должен быть в состоянии, – после того как он настиг и поразил главные силы противника на поле сражения, неуклонно стремиться к дальнейшим победам, вначале осадив и заняв неприятельскую столицу, а если и это не приведет к миру, то преследовать врага до debellalio. Но для таких действий Ганнибал был слишком слаб; с самого начала войны он сознавал, что, несмотря на величайшие победы, он не будет в состоянии осадить и занять Рим.

При Каннах он разбил и уничтожил меньшую часть римских легионов – 8 из 18; римляне очень скоро восполнили свои потери новыми наборами Они даже не отозвали легионов, стоявших в Сицилии, Сардинии и Испании Наступать непосредственно после сражения на Рим, рассчитывая лишь на внушенный им ужас, Ганнибал считал для себя бесполезным. Этот поход мог только превратиться в ничтожную демонстрацию, парализующую моральное действие победы при Каннах. Если знаменитое

изречение, – что Ганнибал умеет побеждать, но не умеет использовать победу, – действительно принадлежит Магарбалу, начальнику конницы, то это доказывает лишь что храбрый военачальник был хорошим рубакою, но не полководцем После нескольких часов избиения взятых в тиски легионеров пуническое войско также потеряло 5 700 воинов убитыми и не менее 20 000 ранеными которые могли стать боеспособными лишь спустя много дней и недель. В случае похода на Рим сейчас же после данного им сражения, Ганнибал мог бы подвести к городу едва 25 000 воинов, и как ни велик был ужас римлян перед Ганнибалом, такому незначительному отряду не одержать бы над ними победы.

Позже – после оздоровления и пополнения войска – Ганнибал имел, пожалуй, столько людей, что мог бы повести на Рим от 50 000 до 60 000. Но Рим был большим прекрасно укрепленным городом. Построенная во времена Самнитских войн так называемая Сервианская стена имела милю (около 7 км) в окружности; большие незастроенные места внутри могли вместить спасавшееся население. Как большой торговый город и столица Рим был в изобилии снабжен всякого рода припасами. Если бы Ганнибал овладел морем, взял вначале Остию и мог бы

затем обеспечить подвоз продовольствия морем, то осада Рима с 50 000–60 000 чел. не была бы невыполнимой задачей. Но здесь нужно принять во внимание, что на море римляне были более сильным противником. Чтобы не раздробиться, Ганнибал бросил все свои силы на сухопутный фронт. При ведении осады войско должно было бы получать продовольствие с суши. Пришлось бы, заготовив огромные транспорты, возить их сквозь сплошь неприятельские земли, мимо бесчисленных заграждавших путь неприятельских городов и укрепленных пунктов. Эту службу должна была бы нести большая часть пунического войска, причем каждая отдельная часть подвергалась бы опасности нападения со стороны остававшихся еще в стране и вновь сформированных легионов и когорт, как римских, так и союзных. Войско, оставленное для осады города, было бы разделено Тибром на две части и не могло бы противостоять вылазкам гарнизона, численно гораздо более сильного. Главная же сила карфагенского войска – кавалерия – обречена была бы на бездействие.

Отказавшись от похода на Рим, – как после победы при Тразименском озере, так и после Канн, – Ганнибал хорошо знал, что делал. С самого начала он лелеял иной замысел

сокрушения врага.

Не будучи в силах совершенно разбить римлян и сразу уничтожить их могущество, он повел войну так, чтобы взять их измором, расслабить их до того, что они добровольно примут предложенные условия мира. Стратегия становится политикой, а политика – стратегией. После сражения при Каннах, имевшего, как казалось, решающее значение, Ганнибал велел передать римлянам, что он не ведет с ними войну за право на существование ("не для их истребления" – Ливий, XXII, 58), и предложил перейти к мирным переговорам. Римляне это предложение отклонили. Но добиться от противника согласия на мир можно было и не прибегая к решительным действиям, от которых римляне теперь упорно уклонялись. Да и Ганнибал с самого начала на них не рассчитывал. Вступив в Италию, он заявил, что явился не для покорения народов полуострова, а для освобождения их от римского ига. После каждого сражения он отпускал пленных союзников без выкупа, дабы они возвестили своей родине о целях и великодушии карфагенского полководца. Римские граждане едва ли составляли третью часть населения Италии. Остальные две трети состояли из более или менее самостоятельных

общин и округов, которые могли бы согласиться свергнуть римское иго. В общую союзную армию они поставляли самостоятельные контингенты. Даже общины, основанные в качестве римских колоний, могли найти для себя выгодным отделиться от своей метрополии.

После Канн началось массовое отпадение союзников от Рима. К Ганнибалу перешел самый большой после Рима город Италии, имевший даже у себя римское гражданское право "sine suffraggio", – Капуа, затем большое число округов и небольших городов и, наконец, третий город Италии – Тарент. На севере оказали карфагенянам поддержку галлы, а в Сицилии перешел на их сторону город Сиракузы. Если бы Ганнибал мог неуклонно под натиском и угрозой поддерживать это движение и дальше, то в конце концов наступил бы момент, когда обессиленные римляне принуждены были бы заключить мир, – или же база Ганнибала в Италии настолько бы расширилась и укрепилась, что он мог бы приступить к осаде Рима. Изложив вышеупомянутые события вплоть до сражения при Каннах; Полибий прерывает свое повествование фактами из греческой жизни и, раньше чем перейти к Пунической войне, говорит о римской конституции. В этой

последовательности изложения сказался истинно великий историк. Абстрактные формы какого-либо законодательства и порядок управления сами по себе малоинтересны. Но у Полибия они являются ответом на вопрос: как может государство удержаться после такого поражения, какое понесли римляне при Каннах, особенно, когда ему предшествовали тяжкие удары при Тичино, Требии и Тразименском озере?

Читателю передается огромная напряженность, вызванная всеми событиями. Этот вопрос и ответ на него являются шедевром искусства Полибия, ибо эта напряженность вызывается не внешним художественным приемом, а самой природой вещей, получившей здесь свое художественное отображение.

Мы попытаемся, в подражание Полибию, при помощи того же рефлекса вдохнуть жизнь в мертвые статистические данные. Какие усилия приложил Рим, чтобы противостоять гению Ганнибала и, несмотря на все понесенные им потери, удержать свое несокрушимое господство? Подробные выкладки мы приведем ниже, но вот основные цифры, перешедшие к нам из сохранившихся источников, если не вполне, то достаточно достоверных.

По тогдашней официальной статистике,

римское государство насчитывало в начале Второй Пунической войны миллион свободных душ, не считая союзников. В начале войны имелось в строю 34 000 сухопутного войска. Кроме того, какое-то количество было во флоте. Мы не можем точно определить его, так как большая часть экипажа состояла из рабов и союзников.

Несмотря на потери при Треббии и Тразимене, Рим в 216 г. насчитывал не 7–8 легионов, как на первом году сражения, а 18. Состав главных частей был увеличен на 5000 чел. пехоты. 8 легионов главного войска были противопоставлены Ганнибалу, 2 – находились в Испании, 2 – в Сицилии, 1 – в Сардинии, 2 легиона были высланы против цизальпинских галлов, 2 – оставлены в Риме в качестве гарнизона и запасных войск и 1 – во флоте. Последние 8 легионов представляются нам полностью не укомплектованными. Считая каждый легион при Каннах в 4 800 чел., оба в Испании – по 4 000, остальные 8 – по 2 500, мы получим круглым счетом 66 000 чел., или, иными словами, 6,5% свободного населения. Причислив павших в 218 и 217 гг., получим около 7,5%[43].

Так как из остатка войска, бывшего при Каннах, римляне образовали 2 новых легиона, то

мы должны считать 6 легионов погибшими. Два легиона были позже уничтожены галлами. Пополнить эти потери было не по силам, тем более что целые большие общины с jus cives sine suffraggio (Капуа) отошли к неприятелю. Выпустив узников из тюрем и призвав юношей, еще не достигших 17-летнего возраста, римляне образовали из них 2 легиона. Еще 2 легиона были сформированы из рабов, которым обещали свободу. Таким образом, Рим выставил 14 легионов. Это число в последующие годы возросло до 22, ибо в дальнейшем легионы формировались из возмужавших боеспособных юношей. Больше всего легионов Рим имел в 212 – 211 г., около 22, но войска в них было меньше, чем в 216 г., так как численность каждого легиона значительно понизилась. До 216 г. все пленные по договору, заключенному еще в Первую Пуническую войну, были выкуплены. На выкуп пленных при Каннах сенат, несмотря на предложение Ганнибала, не согласился, – дабы это впредь служило уроком, – и предпочел сформировать легионы рабов. Пленных карфагеняне продавали, и много лет спустя римляне нашли в Греции столько своих соотечественников в качестве рабов, что, когда в 194 г. консул Фламиний добился у греков права

выкупа, одни ахеяне должны были вернуть 1 200 чел.[44]. Шесть лет спустя на Крите также было освобождено и препровождено на родину большое число римлян[45].

Хотя государство во время войны не рассчитывало на граждан, попавших в руки неприятеля и оставленных им на произвол судьбы, мы все же должны учесть, что много пленных было выкуплено не государством, а родными. Работорговцы, взявшие на себя продажу карфагенских пленных, конечно, должны были ради собственной выгоды продавать их как можно дороже. В 210 г. римляне, жалуясь на непосильные поборы, говорят: "даже для выкупов ничего не остается" (Ливий, XXVI, 35); следовательно, с явлением частного выкупа военнопленных нельзя не считаться. Но если даже благодаря этому явлению потери римлян при Тразимене и Каннах были на несколько тысяч меньше, чем принято думать, все же военное напряжение римлян не знает себе равного. Даже Пруссия могла дать в 1813 г. лишь 5,5% своего населения, хотя такое напряжение и не требовалось непрерывно в течение целого года. Афиняне, правда, вооружали порою больший процент населения, чем римляне, но лишь на короткое время. В Риме же условия были таковы,

что из года в год на самых отдаленных театрах военных действий находились под оружием почти все боеспособные мужчины. Из рабов также большая часть посылалась в легионы или на морскую службу. Буквально непостижимо, как в таких условиях могли идти своим чередом хозяйственная жизнь страны и ее финансовое управление. Кроме налогов должны были быть предоставлены, в особенности поставщикам, кредиты до конца войны. Сицилия была выжата до отказа, падение курса облегчало должников, денежные ресурсы таяли. Лишь во время мировой войны 1914 – 1918 гг. германский народ напряжением всех своих сил для войны превзошел римлян.

И в то время, когда римская конституция таким образом предоставляла в распоряжение государства силы собственного народа, вырастала хорошо продуманная система союзного государственного устройства, которое увенчивал город на Тибре. Правда, большая часть союзников отпала, перейдя во вражеский стан или, по крайней мере, ослабив свою дееспособность. Но все римские колонии, все латинские и большая часть греческих городов крепко держались Рима[46], а успехи Ганнибала лишь меняли условия ведения войны. Уже перед сражением при Каннах

диктатор Квинт Фабий Максим, используя опыт при Треббии и Тразимене, решил в войне с Ганнибалом избегать решительных тактических действий. Но его идей почти никто не разделял. В конечном счете нельзя винить противную партию за сделанную однажды попытку поразить страшного врага, бросив на него силы, вдвое превосходившие неприятельские. Поражение не только привело назад к стратегии Кунктатора, но и дало этой стратегии нечто, чего ей не хватало до Канн и что делало ее в то время нежизненной, а именно – определенную цель. В силу самой сущности войны, каждый успех, не закончившийся полным поражением неприятеля или же миром, непременно должен вызвать возвратный удар и противодействие. Ганнибал, – говорит Клаузевиц, – достиг кульминационного пункта победы. Римляне в дальнейшем избегали больших сражений[47].

Для большой осады Ганнибал был слишком слаб, ибо на путях стояли многочисленные римские легионы, всегда грозившие отрезать ему подвоз припасов. Он же со своей стороны был не в состоянии помешать римлянам осаждать отложившиеся города, снова покорять их и предавать каре. С тех пор на этих осадах сосредоточилось все ведение войны. Взять

укрепленный римский лагерь, где при осаде укрывались консулы, Ганнибал не мог из-за недостаточного численного превосходства карфагенской армии. Здесь конные атаки и тактическое взаимодействие различных отрядов родов войск уже не имели значения, и господствующим на поле сражения становится отныне упорное мужество легионеров[48]. Осадой и занятием римлянами города Капуа начинается решительный кризис Второй Пунической войны. Факт – в своем роде единственный во всей военной истории. Несмотря на то, что одна сторона имеет несомненный численный перевес на поле сражения, другая успешно проводит длительную осаду и берет неприятеля измором. Объясняется это своеобразным распределением сил и неодинаковым составом войск. Один из противников имеет перевес в кавалерии, другой силен массой своей пехоты.

В то время как капуанцы делали вылазку, Ганнибал якобы сделал попытку взять приступом римскую укрепленную линию осады. Эти сведения почерпнуты из сокровищницы римских победных бюллетеней. Но большой не удавшийся приступ должен был иметь значительные последствия, а между тем Полибий ничего о них не говорит. Ганнибал заранее понял невозможность

успешного исхода, так как римляне имели в окопах от 40 000 до 50 000 чел., и он после неудачной попытки выманить противника на бой прибег к моральному воздействию. Он прямо двинулся на Рим и подошел вплотную к городским воротам. Но римляне не дали себя запугать, и Ганнибал должен был снова покинуть Лациум. В результате Ганнибал ограничился опустошительным походом и демонстрацией, а Капуа пала. С этого времени победа над Римом стала для Ганнибала невозможной.

Еще до Капуи римляне завоевали Сиракузы. Вскоре они вернули себе обратно Тарент. Вместо все возраставшего отпадения италийцев, которое, как мечтал Ганнибал, должно было его привести к окончательной победе, стало вновь распространяться и укрепляться римское могущество. Боевые же силы Ганнибала, не получавшие с родины достаточного подкрепления, таяли все больше. Даже некоторые из его нумидийских и испанских частей перешли к неприятелю. На второстепенных театрах войны, в Сицилии, Сардинии и Испании, где не было страха перед гением Ганнибала и где главная сила карфагенян – кавалерия – была, с одной стороны, не так многочисленна, а с другой – и не могла себя проявить, военное счастье колебалось. После

занятия римлянами большой части Испании, они в год возвращения Капуи (211 г.) потерпели сильнейшее поражение, от которого, впрочем, вскоре оправились и со свежими подкреплениями снова перешли в наступление. Еще трудно было предсказать, каков будет окончательный исход, но превосходство карфагенского войска, завоеванное им в первые годы войны в больших сражениях, уже было подорвано, и силы обоих противников пришли в равновесие. Ни одна из сторон не была в состоянии заставить другую перейти к решающим действиям. Римляне не дерзают вступить в открытое сражение, а Ганнибал не в состоянии осадить Рим.

После того как мы уяснили себе политико-стратегическое соотношение сил, нам кажется уместным сопоставить, как отображено это соотношение в народных преданиях. Совершенно правильно связывают решительный поворот в войне с именем Капуи, но какова его мотивировка? В богатом и развращенном городе Капуа, – говорит предание, – суровые воины Ганнибала изнежились, потеряли силу и мужество (Ливий, кн. 23, гл. 18). Почему римляне в течение 12 лет терпели в Италии это развращенное, потерявшее боеспособность войско, – легенда не говорит. Она равнодушна к фактическим

соотношениям. Она знает только личность и личные мотивы, а фактические взаимоотношения всегда может поставить наголову. "Капуа" – как определение для изнеженного войска – перешло в сокровищницу метафор всех образованных народов, так же как слово "Ксеркс" обозначает массовое войско и останется таким навсегда.

Благодаря Полибию, служащему нам источником в изучении Второй Пунической войны, мы прекрасно знаем, что в действительности увековечило слово "Капуа". Сказанное нами в этой главе в основных чертах давно стало общим достоянием истории. Естественно, что для Персидских войн, относительно которых мы имеем лишь легендарные сообщения Геродота, отделить правду от вымысла было гораздо труднее.

1. О походе Ганнибала на Рим существуют самые разноречивые сведения. Все они очень малодостоверны. Полибий и Ливий навязывают Ганнибалу веру в возможность внезапного нападения на Рим. Что Ганнибал заранее не говорил о невозможности занять Рим, само собой разумеется. Не сумей он создать впечатление серьезной попытки, он вообще лишился бы своего авторитета, а игра случайностей порой поистине поразительна. Но тешить себя мыслью взять врасплох такой город, как Рим, Ганнибал не собирался и, даже приблизившись к

городу, не сделал такой попытки. Известие о его выступлении пришло в Рим, конечно, за много дней до него, ибо большая армия продвигалась медленно вперед, и времени организовать оборону стен было вполне достаточно. Даже если бы в городе не было полевых войск, временно для этой цели было бы достаточно одних воинов старших возрастов.

Итак, если Полибий повествует о том, что Ганнибал совершенно неожиданно появился у ворот Рима и что городу удалось спастись лишь благодаря случайному наличию в нем двух вновь сформированных легионов, то это есть совершенно естественное преувеличение, в котором нашло свое отображение и закрепление чувство бесконечного ужаса римлян перед Ганнибалом. Канталупи[49] доказывает с большой вероятностью, что оба старые легиона – legiones urbanae – также еще находились в городе, так что в общем в распоряжении города были 4 легиона, из коих 2 необученных. Упрек, сделанный римскому сенату Стрейтом в его, вообще говоря, превосходном труде, что тот оставил столицу без гарнизона, зная о приближении Ганнибала, не имеет основания.[50]

По словам Ливия, римляне, своевременно осведомленные о продвижении Ганнибала, выделили из армии, осаждавшей Капую, особый отряд, который под предводительством Фульвия прибыл одновременно с пунийцами. Я не вижу основания сомневаться в правдивости этого сообщения.

По словам обоих авторов, римские войска не только заняли стены, но и вышли за ворота, вызывая пунийцев на открытое сражение. Это, очевидно,

римский вымысел. В открытом сражении, в котором Ганнибал всегда оставался победителем, и в непосредственной близости к римским воротам карфагенский полководец не только стяжал бы себе военные лавры, но получил бы действительно возможность проникнуть вместе с побежденными римлянами внутрь города и вопреки всем расчетам занять Рим. Неужели Ганнибал не принял бы вызова к такому сражению? Дважды, – говорит Ливий, – стояли оба войска друг против друга, и оба раза страшный ливень разъединял жаждавших боя. Тогда Ганнибал понял, что боги против сражения. Но, по словам Полибия, Ганнибал просто испугался неожиданно большого количества римских воинов и отказался от намеченной им атаки. Полибия не интересуют чудодейственные явления, но, критикуя римские легенды, он должен был бы сделать еще один шаг и просто-напросто вычеркнуть весь рассказ о построении войск перед стенами. Правда, Полибий не говорит с уверенностью, что войско выстроилось в боевом порядке для сражения. Можно представить себе просто крепкую передовую позицию.

Отозвание отряда Флавия из армии, осаждавшей Капую, не настолько ослабило римские силы, чтобы увеличить шансы на их поражение. Ганнибал должен был отступить, оставив Капую на произвол судьбы.

ВОЕННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ РИМА

2. Представление о силах, которыми Рим вел Вторую Пуническую войну, дает нам Ливий, сохранивший данные о римских легионах за целый ряд лет. Данные эти подтверждаются официальной

римской переписью. Но как сильны были эти легионы, насколько состав их численно приближался к норме, сколько в нем было союзников и наемников, чему равнялись морские части, – об этом мы очень мало осведомлены. К тому же указанное общее число легионов часто не совпадает с числом, получаемым в результате сложения отдельно поименованных легионов; очевидно, что при вычислении были допущены ошибки. Но при тщательном сопоставлении и оценке всех отдельных чисел мы все же получаем приблизительно верный результат. Наилучшее обоснование этих данных дает Белох не только в своей книге, но и в послесловии к трактату Канталупи ("Studi di Sloria antica", 1, стр. 42), которые значительно ценнее предыдущих изысканий Шемана ("De legionum per alterum bellum Punicum historia", "Bonner Dissertation", 1875).

К 6 легионам, с которыми Рим, по словам Ливия, приступил к войне, нужно присовокупить части, занимавшие гарнизонами Сицилию, Сардинию и Иллирию и составлявшие в общем 1–2 легиона, так что в общей сложности Рим имел вооруженного сухопутного войска 34 000 чел.

Что касается комплектования войска после Канн, то здесь сведения у разных источнике различны. Но ошибки нетрудно распознать и выделить.

Ливий (XXII, 57) повествует вначале, что были набраны 4 легиона, большей частью из praetextatis; кроме того, был произведен набор 8 000 рабов. Он говорит также (XXII, 14) о мобилизации 6 000 преступников и несостоятельных должников. Весь набор равнялся бы тогда 7 S легионам, кроме 10 уже имевшихся. Но Ливий (XXVI, 11) говорит, что в

следующем году римляне сформировали 6 новых легионов, чтобы довести число всех легионов до 18; спрашивается: откуда же могли они набрать столько мужчин, если в предыдущем году они принуждены были прибегнуть к набору рабов, преступников и несовершеннолетних?

Но если бы эти легионы были действительно сформированы, то римляне имели бы в общем не 18, а 23–24 легиона. Очевидно, эти легионы частично или целиком являются дублетами и заключают в себе те же самые воинские части, которые были сформированы после Канн в 216 и 215 гг.

Порядок, очевидно, был такой: сначала сформировали из заключенных, из оставшихся от предыдущего набора и из претекстатов 2 легиона, потом – еще 2 легиона из рабов. Наконец, последние 2 легиона были набраны лишь в последующем году (в 215 г.) из младшего поколения. Эти легионы молодежи назывались urbanae. В первый год они оставались в городе для обучения и одновременно несли службу столичного гарнизона. Из всех этих легионов Белох считает необходимым вычеркнуть следующие: 1) с 215 г. 1 легион в Сардинии, ибо остров в то время уже не был угрожаем, а 2 легионов там было слишком много; 2) 2 легиона с галльской границы как дублеты (подобные предполагаемые войска считались также при Капуе); 3) legiones urbanae.

Я согласен с ним в первых двух пунктах, особенно во втором, но считаю, что в вопросе о legiones urbanae он не прав. Белох ссылается на Полибия, по словам которого факт угрозы Ганнибала Риму в 211 г. исключает возможность существования в городе

постоянного гарнизона. Это верно, но само повествование (IX, 6, 6) носит легендарный характер и, если принять во внимание неоднократные показания Ливия, не может быть обосновано. Штейнвендер (Steinwender, Philologus, т. 39, стр. 527) удачно освещает вопрос о трояком значении legiones urbanae, которые могли быть запасными, гарнизонными или рекрутскими легионами.

После взятия Сиракуз и Капуи – (211 г.) численность армии несколько пала. Старшие призывы были распущены по домам, а некоторые легионы были расформированы. Когда из Испании стал подходить Гасдрубал (207 г.), в легионы снова призвали рабов, но после победы при Метавре численность войска снова понизилась.

Что касается численности римских граждан, то мы имеем, во-первых, оставшуюся перепись, а во-вторых, данные о боеспособных гражданах в 225 г., сохраненные нами Полибием. Исходя из различных выкладок, сделанных на основании этих чисел, я в 1-м издании присоединился к Белоху и в результате пришел к выводу, что военное ополчение составляло не меньше 9,5% всего населения. К этому же выводу пришел Эд. Мейер (Ed. Meyer) в "Conrads Jahrbuchern", т. 70, стр. 59, 1897 г. и в своей статье "Народонаселение в древности" в сборнике "Handwцrterbuch der Staatswissenschaften". В войне с Ганнибалом, – говорит он, – в течение ряда лет оставались в строю больше 20 легионов, т.е., не считая союзников, по меньшей мере 70 000, или приблизительно 30% всех взрослых мужчин и почти 10% всего свободного населения.

После Мейера впервые приступили к новым

изысканиям Ниссен (Nissen, Italienische Landeskunde, т. II, Введение, § 9), где он присоединяется к мнению Моммзена, что оставшаяся нам перепись касается не всего населения, а лишь tabulae juniorum. Это соображение, равно как и другие поправки, приводит Ниссена к убеждению, что во времена Ганнибала население равнялось приблизительно 7 000 – цифра, вдвое большая той, какую приводил Белох. В своей статье, появившейся в Клио (т. III, стр. 471, 1903 г.), Белох возражает Ниссену и приводит в защиту своего мнения очень веские доказательства. Он допускает, что население полуострова могло составлять самое большее 5 000 000 душ.

Слабое место Ниссена в том, что он не сумел объяснить разницу между последней республиканской переписью 70/69 г. в 910 000 civium capita и переписью при Августе в 28 г., насчитывавшей 4 063 000.

По Ниссену (стр. 118), в эти 4 000 000 входят все мужчины, достигшие совершеннолетия, затем самостоятельные женщины и состоятельные сироты. Ясно, что данная модификация подсчета не могла удвоить число juniores. Еще меньше можно было покрыть эту разницу естественным приростом и увеличением числа полноправных граждан. Не может быть иного объяснения, кроме объяснения Белоха, по которому со времен Августа перепись охватывала не только мужчин, но и все население[51]. А если оно так и было, то цифровые данные переписи относятся не только к juniores, но и ко всем мужчинам.

При дальнейшем исследовании получившихся противоречий я в одном из пунктов, в котором усомнился уже в 1-м издании и в котором пошел на

уступки и Белох, сделал существенные поправки. Дело идет о численной силе римского воинского ополчения, которое я по числу легионов полного состава исчислил для 216 г. в 83 000 сухопутного войска.

Несколько лет спустя после сражения при Каннах такая же приблизительно численность была снова достигнута беспрерывным набором молодежи. В 216 г. Рим имел 18, а в году 212/11 – 21, если не 23 легиона.

Вначале в своем сочинении "Народонаселение" (стр. 383) Белох считает неоспоримым фактом, что в промежутке 214–203 гг. в строю насчитывалось около 20 легионов. Теперь же, ссылаясь на Полибия (VIII, 3), он утверждает, что эти 20 (или даже 22–23) легионов являются чванливым вымыслом римских летописцев и что Рим имел для военных действий в поле не больше 8 легионов, из которых лишь 4 находились в Италии. Тут Белох, очевидно, сошел с правильного пути. Из слов Полибия ни в коем случае не следует, что Рим имел для военных действий в поле 8 легионов. Он говорит только, что в Италии имелось два войска под предводительством консулов, конечно, при этом он имеет в виду не войско из двух легионов; это совершенно явно из того, что он слово *στρατόπεδον* относит также к морскому а командованию Публия Сципиона в Испании. Да и как возможно было римлянам взять с 4 легионами Капую, когда Ганнибал, несомненно, после Канн располагал войском в 40 000–50 000 чел. У Ливия числовые данные о легионах основаны на государственных записях, и его сообщение о призыве 212 г., о котором мы ниже будем говорить подробно, имеет

несомненную печать достоверности. Но Белох неоспоримо обладает правильным чутьем; с а небольшими поправками его положения вполне приемлемы и могут быть подкреплены другими, весьма полновесными доказательствами.

Если данные о 22 легионах соответствуют действительности, то почему же, спрашивает Белох, Полибий (VIII, 3), говоря о римских вооружениях того времени, не упоминает о числе легионов? Он не делает этого, очевидно, потому, что большая часть этих так называемых легионов представляла собой небольшие части гарнизона, которые только римская любовь к преувеличению могла украсить гордым именем легиона. Для меня нет сомнения в том, что в этой фразе находится ключ к познанию, разрешающему целый ряд трудностей. Прямое доказательство этого дают нам legiones urbanae.

Начиная от 215 до 212 г., Рим ежегодно формировал по 2 легиона из римского же населения. Одновременно они служили гарнизоном столицы; таким образом, число легионов с 14, которые Рим насчитывал в 215 г., дошло до 22. Пополнение войск после сражения при Каннах так истощило резервы, что пришлось призвать и арестованных за долги и рабов. Если же действительно в течение последующих четырех лет римляне ежегодно формировали по 2 легиона, то делалось это, очевидно, за счет последнего призыва молодежи, достигшей 18 лет. Следовательно, римляне призвали юношей того возраста, который по нашим понятиям считается недостаточно окрепшим даже для военной службы, не говоря о боях. Но на практике это было не так. У римлян не было регистрационных книг для рождений, а потому

случалось довольно часто, что уклонившиеся от службы уменьшали свой возраст, чтобы еще год или два не подлежать призыву. Власти нашли выход, объявив призывниками даже 17-летних, другими словами, набор производился по наружному виду, и ссылка на свое несовершеннолетие, приводившаяся нередко юношами в возрасте 18–20 лет, не принималась во внимание.

Взрослое мужское население равнялось тогда приблизительно 217 000 чел. Из этого числа нужно исключить 25 000 отложившихся капуанцев. Один возрастной класс 17-летних составляет в Германии 3,13%, во Франции – 2,45% всего мужского населения, перешедшего за 17-летний возраст[52]. Соотношение возрастов в Риме, очевидно, более сходно с соотношением их во Франции, чем в Германии. Если мы контингент 17-летних примем в 2,75%, то он равнялся 6 740 чел. Возьмем для большей уверенности цифры 7 000–7 500. Отсюда исключаются негодные к военной службе. В Германии при нынешнем рекрутском наборе процент годных к военной службе колеблется между 52,7% (1898 г.) и 59,9% (1896 г.). Сюда относится также большое число забракованных вследствие незначительных недостатков. Находясь в запасе, они в случае войны призываются в действующую армию. Число совершенно негодных в последнее десятилетие колебалось между 8,5% (1903 г.) и 6,99% (1904 г.). Перенося данное соотношение на Рим, мы можем считать в призывном году годных рекрут 6 500, вероятно, даже меньше. Отсюда нужно отнять уклонившихся. Ливии говорит (XXIV, 18), будто бы в 214 г. ревизия списков показала, что в течение 4 лет

(quadriennio) уклонилось от службы 2 000 чел., причем они не могли сослаться ни на законное освобождение, ни на болезнь. Отсюда видно, что в те времена законное освобождение от службы допускалось не только по болезни; слово quadriennio в связи с позднейшим указанием, обязывающим каждого воина принять участие по крайней мере в 16, а в случае необходимости и в 20 походах, доказывает, что в те времена существовала некая сменяемость. Ниссен был прав, говоря, что семейные льготы имели при рекрутском наборе большое значение, – гораздо большее, чем указывал раньше я.

Увести на войну приблизительно всех мужчин в возрасте от 17 до 46 лет возможно лишь на несколько дней. На каждый из небольших крестьянских дворов, население которых составляло большую часть римских граждан, непременно должен был быть оставлен трудоспособный мужчина или хотя бы на соседнем дворе какой-нибудь родственник, обязанный помогать в хозяйстве. В противном случае наступили бы голод и полный хозяйственный развал. Само собою разумеется, что существовавший порядок был особенно на руку 17-летним. Ведь не было смысла отпускать домой со службы отца, прошедшего воинское обучение, в обмен на 17-летнего сына, помогавшего матери в крестьянском хозяйстве. Иначе взамен опытного воина получили бы обыкновенного рекрута. С точки зрения интересов хозяйства и семьи такой обмен, может быть, и был бы желателен, но он не был в интересах ведения войны. Такого взгляда придерживался и Ливий, говоря (XXV, 3), что в 212 г., кроме двух вновь сформированных городских легионов, было решено произвести дополнительный

набор для старших легионов, стоявших в Италии. К такого рода решению могли прийти только в том случае, если бы в предыдущие годы осталась от набранных рекрут значительная часть. Правда, Ливий сообщает нам, что для проведения в жизнь этого проекта прежних рекрут не хватило. Принуждены были призвать не 17-летних, т.е. юношей, хотя не достигших, как они сами уверяли, этого возраста, но вполне годных по наружному виду. Так как пополнение старых легионов, стоявших в течение нескольких лет в боевой готовности, должно было по крайней мере равняться 5 000–8 000 (иначе оно не имело бы никакого значения), то потребность в новых силах была настолько велика, что тут, несомненно, были пущены в ход излишки от предыдущих призывных годов. Таким образом, чтобы получить действительную цифру призывников, нужно от 6 500 имевшихся налицо рекрут сделать еще некоторые отчисления. А так как в двух легионах вместе с конницей нормально считалось 9 000 чел., то отсюда следует, что с самого начала состав легионов был значительно ниже нормального. Кроме того, ввиду молодости рекрут, было очень развито дезертирство. Принимая во внимание все эти данные, мы должны нормальное количество выступивших в поход воинов уменьшить по крайней мере наполовину.

Это положение относится также и к другим легионам. Поскольку Рим привык считать легионом каждую войсковую единицу, хотя бы она при выступлении насчитывала не больше 2 000 чел., то и мы уже не обязаны предполагать в каждом боевом легионе одну и ту же численность. Напротив, мы имеем полное основание значительно преуменьшить

число старых боевых частей. Полибий знал, что делал, когда для определения римской боеспособности не брал масштабом число легионов.

Войско, с которым Гасдрубал в 207 г. перешел через Альпы на помощь брату, было не очень велико. Боевая сила Ганнибала также уже значительно ослабла. Почему бы эти два войска так сильно тревожили римлян, если бы последние располагали 20 полноценными легионами? Почему Нерон должен был предпринять свой знаменитый тайный поход на подкрепление Северного войска, если римляне располагали двумя настоящими легионами в Этрурии, двумя – в Риме, одним – в Капуе и кроме действующей армии имелось 2 легиона в Нижней Италии?

Если я раньше полагал, что в 22 легионах насчитывалось около 80 000 чел., то теперь думаю, что это число можно и должно сократить до 50 000–60 000.

Спрашивается только: не следовало ли бы сократить еще больше и те 18 легионов 216 г., о которых определенно сказано, что при главном войске их состав был увеличен на 5 000 чел.?

Конечно, эти легионы гораздо больше приближались к норме, чем легионы последующих лет. В частности 8 легионов при Каннах и оба в Испании имели почти полный состав. Предположить то же самое об остальных 8 легионах нет основания, ибо для поставленных им задач требовались лишь небольшие гарнизоны. Если мы исчисляем основные 10 легионов в 45 000–47 000 чел., то весь боевой состав не превысит 66 000.

Наши исчисления привели нас к следующему

результату: боевое напряжение исчисляется в 6,5% численности всего населения, а включая потери – в 7,5%. Раньше мы считали 9,5%, Должен сознаться, что в глубине души я всегда сомневался в этой цифре и привел ее лишь потому, что явных противопоказаний не было. Даже ежегодные 5% после огромных боевых потерь являются таким колоссальным напряжением сил, что могут нас вполне удовлетворить. Становятся понятными жалобы римских граждан, столь часто служащие темой их литературных повествований.

Численное боевое напряжение римских граждан известно нам, как мы показали, довольно хорошо. Но римские граждане составляли лишь третью часть всех свободных граждан союза. Воинская повинность налагалась в таком порядке: в сухопутные войска союзники должны были поставлять несколько большее число, чем римляне, а во флоте составлять значительное большинство флотских экипажей (socii navales). Здесь наши сведения кончаются, и мы не можем сказать, что из этой повинности фактически было выполнено. Часть союзников после Канн перешла прямо к пунийцам. Но и от тех, кто остался верен римлянам, вряд ли можно было ждать такого же напряжения сил, какое мы наблюдаем у римлян; во всяком случае при отпадении стольких союзников вряд ли можно предположить, чтобы ими поставлялась половина каждого войска. Какова фактическая численность римского войска после Канн, мы не знаем, ибо в источниках ничего не сказано о силах не отложившихся союзников. При изучении последующих походов, особенно похода 207 г., – в этом большой пробел.

Примечание к 3-му изданию. Со времени опубликования вышеприведенных выводов рассматриваемая проблема неоднократно подвергалась исследованию, особенно у Беверсдорфа ("Die Streitkrдfte der Karthager und Rцmei im 2 pun.". Kriege, Berl. Dissert 1910), Кромайера ("Antike Schlachtfelder", III, 476) и у Эд. Мейера (Sitz.-Ber. der Berl. Akad. 1915, 948). По Кромайеру, численность римских граждан значительно возрастает, если принят", что в перепись не вошли мужчины старше 60 лет, и внести некоторые поправки в дошедшие до нас предания. Тем не менее он вполне согласен со мной, что хотя многие из упомянутых Ливием легионы действительно существовали, но состав их был значительно ниже нормального. Его утверждение, что я слишком подчеркиваю разницу между консульскими и гарнизонными легионами, основано на недоразумении; в этом пункте я вполне присоединяюсь к его мнению. Но его предпосылка, что мужчины старше 60 лет не вошли в перепись, мне кажется неверной. Я остаюсь при том же мнении, а именно – что в 216 г. наличность боеспособных граждан была почти совершенно истощена; если и было налицо еще некоторое число годных к войне граждан от 17 до 46 лет, то большинство из них скрывалось, так что даже в случае крайней нужды их невозможно было призвать, и гораздо проще было создать легионы из рабов. Поэтому я остаюсь при прежнем мнении, но делаю уступку: я принимаю во внимание указания Кромайера о зимних отпусках, дававшихся в большом числе даже целым легионам.

Эд. Мейер внес в 1915 г. некоторые поправки в свои положения: он несколько сократил сухопутное

войско, но довел силы флота до 18 000, что составляет третью часть римских граждан. Считая цифровые данные слишком высокими и принимая во внимание, что во флоте в те времена национально римским был лишь командный состав, я остаюсь при прежнем расчете: общая численность боевой силы римлян в 216 г. равнялась 66 000, а в последующем не превышала 50 000–60 000.

Английская "United Service Gazette" опубликовала в 1905 г. (No 3787) статистику английского ополчения при Наполеоне. Она насчитывает в 1805 г. круглым счетом 300 000 при населении приблизительно в 1 700 0000. О боевом напряжении народов во время мировой войны официальных данных еще не имеется. Боевые силы немецкого народа приблизительно вдвое превосходят силы Пруссии в 1813 г.

Глава III

ВЗГЛЯД НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ ВОЙНЫ

Теперь на основании установленной нами научной точки зрения мы снова возвращаемся к началу боевых действий с обеих сторон.

Иосиф Фукс недавно опубликовал свои превосходные труды[53], к которым я всецело присоединяюсь.

Ганнибал двинулся по суше, ибо этот путь вел его к галлам – народу, готовому немедленно объединиться с ним против римлян. Если бы он из Африки перебросился в Сицилию, то в течение долгого времени принужден был бы рассчитывать только на собственные силы. Кроме того, каждой морской экспедиции угрожало нападение численно превосходных морских сил римлян, а создать транспортный флот, способный перевезти 10 000 лошадей для армии, было невозможно. Это – последняя и решающая точка зрения, ибо сразу противопоставить неприятелю кавалерию, значительно превосходящую в силах, и этим выиграть первое сражение – вот план, из которого вытекали все дальнейшие действия.

Ганнибал, будучи уверен, что сумеет создать

себе в самой Италии новую базу, отказался от длительной связи с родиной и снабдил флот лишь самым необходимым. Все силы и средства он бросил на сухопутье, обеспечив себя также финансовыми средствами. Не имея на море численного превосходства над противником, Ганнибал скорее предпочитал иметь наличные деньги, чем флот средней мощности, ибо тогда он мог регулярно рассчитываться с наемниками и не быть сразу в тягость предполагаемым союзникам. Поэтому указания Полибия (III, 17, 10) на то, что Ганнибал взял в экспедицию с собою и деньги, совершенно естественны.

Замысел римлян для нас менее понятен, чем план Ганнибала. До Фукса их поведение определяли как совершенно не свойственную римлянам нерешительность и ничем не оправданную медлительность.

Почему римляне не перешли сразу в наступление и, воспользовавшись отвлечением ганнибаловых сил к осажденному Сагунту, не перенесли театра войны в Испанию?

При тактическом превосходстве карфагенян, которое впоследствии обнаружилось при Каннах, каждое войско, даже вдвое более сильное, будучи послано римлянами в Испанию против Ганнибала, легко стало бы его добычей. Ведь здесь

карфагеняне были еще сильнее, чем в Италии.

Если бы римляне предприняли большое наступление на Карфаген, то Ганнибал, перебросив из Испании все войско или даже часть его, уготовил бы и в этот раз римлянам судьбу Регула в первой войне.

Еще хуже было бы, если бы римляне, разделив свои силы, одновременно повели наступление в Испании и Африке, подвергнув обе экспедиции по очереди ударам всей мощи пунических сил. О взятии Карфагена в период борьбы Ганнибала с римскими войсками в Испании, конечно, нечего было и думать. Карфаген был мощной крепостью, осада которой потребовала бы нескольких лет, а Ганнибал не особенно церемонился бы с высланными против него римскими войсками.

Итак, мы вместе с Фуксом должны отдать полную справедливость той партии в сенате, которая, по словам Ливия (XXI, 6) полагала "non temere movendam rem tantam". Наступление против карфагенских войск, сформированных Баркидами в Испании, римлянам было не под силу. Их медлительность, долгая нерешительность, отказ от защиты Сагунта – все это вполне понятно, хотя, как ниже нами будет установлено, численность карфагенских войск в Испании была не 130 000, как обычно полагали вместе с Полибием, а всего

82 000 чел.

Но данной установке противоречат фактическое поведение римлян и их замысел, начиная с момента их вступления в войну. Так, они считали 6 легионов вполне достаточными, а до восстания цизальпинских бойцов, отвлекшего часть войска, думали даже ограничиться обычной армией в 4 легиона. Из них 2 легиона они собирались послать под начальством Семпрония в Сицилию, чтобы потом перебросить их в Африку, а 2 других должен был вести второй консул, Сципион, в Испанию. Если они полагали, что могут с 2 легионами – всего 22 400 чел. пехоты и 2 000 конницы (Ливий, XXI, 17) – выступить в Испании против Ганнибала, то совершенно непростительно, что они не пошли на помощь Сагунту.

Своими выкладками, сделанными на основании первоисточников, Фукс внес во все эти вопросы ясность. Римляне с самого начала подозревали о военных планах Ганнибала – вернее, знали. Естественные трудности небывалого до тех пор похода от Эбро и через Пиренеи к Альпам, мимо враждебных земель, казались им еще непреодолимее, чем Ганнибалу. Они рассчитывали на то, что боевые силы Ганнибала значительно убавятся еще до того, как

он достигнет подножия Альп. Замысел римлян был таков: выступив против Ганнибала близ реки Роны, втянуть в борьбу также и туземцев. Экспедиция Сципиона с самого, начала направлялась к этому театру войны, и лишь потом – в Испанию. Войско Семпрония в Сицилии было приведено в боевую готовность, но двинуться в Африку должно было лишь после ухода Ганнибала со своим войском в Галлию, когда нечего было бояться его внезапного появления у стен Карфагена.

Поражает слабость обоих консульских войск. Если бы для каждого из двух предприятий было двинуто двойное число легионов, т.е. по 4 легиона, было бы вполне ясно, что римский сенат, осознав карфагенскую мощь, остановился на отступательном стратегическом маневре, уступил Ганнибалу инициативу, пожертвовал Сагунтом и приступил к военным действиям с осторожной медлительностью.

Но обоим консулам дали лишь по 2 легиона. Это обстоятельство объясняется, очевидно, тем, что дело идет о морской экспедиции. Переброска больших войск морем требует огромных средств, а кроме того, большой флот с трудом поддается управлению: не хватает гаваней, чтобы принять его; ветер гонит корабли в разные стороны и

отдает отставших в руки неприятеля. О бешеной силе натиска Ганнибала римляне не имели даже отдаленного представления. Зная, что в Африке или в Испании они не могут развить военные действия, они все же обольщались надеждой, что пополненное консульское войско может вступить в победоносный бой, опираясь на дружественный ему город Массилию и в союзе с галльскими племенами, не желавшими пропускать Ганнибала через свои земли. Поведение римлян, рассматриваемое под таким углом зрения, уже теряет характер слабости и нерешительной противоречивой половинчатости. Оно вполне соответствует тем взглядам, которыми сенат руководствовался как до войны, так и после нее, при ведении государственных дел римской империи.

Но Ганнибал раньше всего нанес удар их расчетам, преодолев встречавшиеся ему на пути препятствия с такой быстротой, какой римляне совершенно не ожидали от него. Когда Сципион во главе 24-тысячного войска прибыл в Марсель в полной уверенности, что Ганнибал еще не успел выбраться из Пиренеев, тот уже давно находился на Роне, совершив переход раньше, чем Сципион успел помешать ему.

Здесь уместен вопрос, почему Ганнибал,

вместо того чтобы приветствовать приход Сципиона, как радостную весть, как бы боязливо стал уклоняться от встречи с ним? Со своими военными силами, качественно и количественно значительно превосходившими неприятеля, он мог бы, так сказать, одним железным объятием положить его на обе лопатки. Прекраснейшая, вернейшая победа была бы ему обеспечена над ничего не подозревавшими римлянами. Но молодой карфагенский полководец не погнался опрометчиво за дешевыми лаврами, – это доказывает всю его гениальность, соединение высшего мужества со спокойной рассудительностью. Мнение Наполеона "une victoire est toujours bonne a quelque chose" ("победа всегда годится на что-нибудь"), несмотря на всю его непреложность, также знает исключения. Если бы победа над Сципионом задержала Ганнибала хотя бы на несколько дней, он не смог бы перейти в том году Альпы. Как ни обеспечена была Ганнибалу победа, римляне обычно недешево продавали свою жизнь. Потери убитыми сами по себе были Ганнибалу не так страшны, как масса раненых, которых нельзя было ни бросить на произвол судьбы в неприятельской стране, ни тащить за собою через Альпы. Наступала поздняя осень; через несколько недель перевалы через

горы (горные проходы) стали бы непроходимыми из-за снега. Если бы карфагенское войско осталось зимовать в Галлии, с тем чтобы весною спуститься в Италию, то весьма возможно, что римляне, предупрежденные и напуганные поражением первого войска, встретили бы карфагенян с превосходными силами непосредственно у выхода из альпийских теснин. Это было наиболее уязвимое место в военном плане Ганнибала. Если бы римляне перенесли оборону к Альпам и грудью встретили неприятеля у самого выхода из теснин, то трудно сказать, удалось ли бы Ганнибалу вторгнуться в неприятельскую страну. Лишения в пути и трудности передвижения наполовину вывели его конницу из строя. Но, как мастерски показал Фукс, Ганнибал, благодаря своему проникновенному психологическому чутью, заранее предвидел, что исконный боевой дух мужественных римлян не допустит их ожидать неприятеля внутри своей страны. И если они не дошли до Испании, как Ганнибал первоначально надеялся, то во всяком случае достигли Галлии. Очевидно, что в Риме, где стекались различные народности, связь была налажена хорошо, и Ганнибал сумел прекрасно организовать разведку. При всех римских добродетелях такая обширная коллегия, как сенат,

с трудом могла хранить в полнейшей тайне все принятые решения, а тем более подготавливаемые практические мероприятия. В 216 г. римляне, открыв в своем городе карфагенского шпиона, выслали его для устрашающего примера из города с отрубленными руками (Ливий, XXII, 33).

Очевидно, Ганнибал с полным основанием ожидал римлян где-либо на своем пути. Когда он – не то избегая сражения, не то после него – перешел Альпы, то при выходе из теснин не нашел никакой подготовленной обороны, да и вряд ли нашел бы ее даже в том случае, если бы дал сражение в Испании, ибо слава об огромной победе значительно облегчила бы ему поход сквозь страны кельтских народов. Путь ганнибалова похода от Эбро до долины По составляет по выпрямленной линии приблизительно 120 миль (около 850 км) и мог бы быть тогда пройден вместо 5 месяцев в 3. Но незачем перебирать все возможные комбинации: достаточно сказать, что расчеты Ганнибала на беспрепятственный переход через Альпы были вполне обоснованны. Он был совершенно прав, уклоняясь от сражения при Роне, с тем чтобы уверенно, не рискуя ослабить себя потерей нескольких тысяч раненых, вступить в область По и там, соединившись с цизальпинскими галлами,

создать себе новую базу.

Все расчеты Ганнибала оправдались, чего нельзя сказать о римлянах. Но не следует их за это слишком строго осуждать: ведь они имели дело не с кем иным, как с Ганнибалом, а это была нелегкая задача. В решениях сената не может быть гениальной интуиции; он решает и действует по примеру отцов, и мы должны признать, что римляне действовали все время мужественно и руководствуясь здравым смыслом. Но в некоторые исторические моменты этого мало.

ИСЧИСЛЕНИЕ БОЕВЫХ СИЛ

Покидая в 203 г. итальянскую землю, Ганнибал приказал воздвигнуть в издревле священном храме Геры Лацинии около Кротона железную плиту, на которой были вырезаны все его подвиги и победы на полуострове. Полибий, по его словам, сам видел эту плиту и оттуда почерпнул все данные о воинских частях, оставленных Ганнибалом в Испании и Африке, а также о численности войска, прибывшего в Италию (III, 33, 56).

Хотя великим полководцам обычно свойственно преуменьшать численность своих сил после одержанных побед (Цезарь, Фридрих и Наполеон особенно отличались в этом отношении), все же мы можем отнестись к сообщениям Ганнибала с полным доверием. Спрашивается только: правильно ли Полибий сделал выдержки и действительно ли все цифры взяты им из данного источника?

На основании лацинийской плиты Полибий сообщает, что Ганнибал в Африке оставил 19 920 чел. гарнизона (недостающая цифра о балеарах дополнена по Ливию), а в Испании – 15 200 чел. (III, 33). Несколько дальше он говорит о том, что Ганнибал выступил с войском численностью в 102 000 чел. Отсюда общая сумма войск – 137 000 чел.

Из выступивших с ним 102 000 чел. Ганнибал оставил севернее Эбро 11 000 чел. и 11 000 испанцев распустил по домам, а сам с войском в 59 000 чел, двинулся через Пиренеи. Следовательно, покорение испанцев к северу от Эбро стоило ему 21 000. Для коротко похода против нескольких варварских племен это воистину невероятная цифра.

К Роне он подошел с войском в 46 000 чел. – 38 000 пехоты и 8 000 конницы. Там образом, переход стоил ему якобы 13 000 чел.

По этим данным после альпийского перехода в пуническом войске едва осталось 20 000 чел. пехоты и 6 000 конницы. Тут Полибий ссылается на лицинийскую плиту. Следовательно поход через Альпы якобы вновь обошелся карфагенянам в 20 000 чел.

Эти чудовищные потери не кажутся невероятными, ибо известно, насколько поход через неприятельские страны истощает войска даже без больших сражений. Примером служат потери армии Наполеона в начале похода на Москву. Но аналогии здесь нет. Войска Наполеона особенно французские полки, состояли большей частью из молодняка и рекрут принудительного набора, которых лишь с трудом удерживали в строю. Войска Ганнибала состояли из воинов, закаленных во всяких невзгодах.

Правда, сопротивление, оказанное кельтскими народами,. задерживало продвижение Ганнибала, поскольку оно требовало известных предосторожностей, но большого кровопролития вызвать не могло.

Принимая во внимание подавляющую численность и качественное превосходство карфагенян, а также мощь их конницы, варвары вряд ли могли бы решиться вступить с ними в открытый бой. О каком-либо большом сражении или столкновении объединенных племен нам ничего не известно. Лишь в особо благоприятных местных условиях, как например в Альпах, жители могли нанести проходившему войску существенный урон. Если искушенное в боях войско на протяжении двухмесячного похода могло[54] естественным путем потерять половину своего войска, то поход Цезаря по тому же пути из Италии в Испанию и из Испании в Италию, а тем более походы Александра в Азию были бы совершенно немыслимы. Непонятно тогда также, почему состав пунического войска так мало потерпел при следующих походах в Италию.

Отсюда совершенно ясно, что, ввиду отсутствия в лацинийской плите цифровых данных о силах выступившего пунического войска, Полибий сопоставил данные из других источников с имевшимися цифрами лацинийской плиты и полученную разность определил как потери во время похода. Потери получились огромные. Тем же путем пришел он к преувеличенным цифрам о римских потерях при Каннах, исчисленных им в 70 000 чел. Как велико было в действительности войско Ганнибала при переходе через Эбро, мы фактически

не знаем. Нет оснований сомневаться в том, что потери не превышали 10 000, а скорее, и весьма вероятно были гораздо ниже, ибо ни в одном источнике нет данных, заставляющих нас предположить потери, превышающие несколько сот человек. Отсюда явствует, что на лицинийской плите Ганнибал дал лишь сведения о частях, оставленных в Испании и Африке, а также тех, с которыми он вступил в Италию.

Моя резкая критика цифровых данных Полибия о военных силах Ганнибала и его потерях во время похода, – данных, считавшихся до настоящего времени незыблемыми, встретила отпор со стороны Гиршфельда (Hirschfeld, Festschrift fьr Th. Gomperz, Вена, Альфр. Гельдер, 1902, стр. 159). Из этой полемики я принял некоторые одиночные поправки, в остальном же продолжаю защищать точку зрения, изложенную мною в этом труде и опубликованную раньше во II томе 1-го издания (стр. 242).

Мои сомнения в правильности выводов Полибия Гиршфельд рассматривает с точки зрения морали: я-де бросаю тяжкие обвинения, порочу имя величайшего мужа древности. In abstacto трудно спорить о такого рода оценке. Но я думаю, что мы легко можем прийти к соглашению, как только Гиршфельд решится выявить свое отношение к аналогиям, приведенным мною из сочинений Мольтке, Зибеля, Дройзена и Трейчке (т. 1, стр. 44 и 284; т. II, стр. 67 и 224). Как только мы с помощью аналогий подойдем ближе к вопросу, нам станет ясно, что объективно усомниться еще далеко не значит бросить моральное обвинение, и мы увидим, как опасно считать всякое мнение, хотя бы и высокочтимых авторов, абсолютно

непогрешимым.

В данном случае Гиршфельд тем более не должен был прибегнуть к такого рода доводам, что я в своей критике не ограничиваюсь лишь одним определенным фактом, а опираюсь также на данные Полибия о Каннах. Из них явствует, что автор оперирует не только цифрами, взятыми из источников, но и теми, которые найдены им путем вычислений, – вычисления же эти очень беглы и неправильны. Этот факт мне кажется бесспорным и очень важным для проверки остальных цифровых данных этого автора. Но ни одним словом Гиршфельд не упоминает о столь важном для меня аргументе. Я считал излишним приводить еще больше доказательств тому, что в своих вычислениях Полибий не отличается большой тщательностью и очень часто допускает погрешности. Но так как это положение теперь оспаривается, я укажу также на его рассказ о сражении при Иссе. Так как здесь дело идет о ссылке на другого автора – Калисфена, то нужно думать, что Полибий должен был быть вдвое осторожнее; тем не менее всем известно, что в его исчислениях допущены ошибки. Я считаю себя вправе говорить об этом еще потому, что сам неоднократно не без успеха отражал направленные против него резкие выпады. Но цифры, приводимые им здесь, считаю частью ложными, частью противоречивыми.

Наконец, общепризнано, что приведенные Полибием цифры о римском флоте в Первой Пунической войне чрезвычайно преувеличены и также вытекают из неправильных вычислений: так все – даже небольшие – корабли он причисляет к "пентэрам" (ср. Beloch, Bevolkerung, стр. 379).

Гиршфельд старается подкрепить показания Полибия ссылкой на цитату из Ливия (XXI, 38), будто Ганнибал сам сказал попавшему к нему в плен Цинцию Алименту, что он после перехода через Рону потерял 30 000 чел. Как и все предыдущие исследователи этой эпохи, я оставил это место без внимания, считая его малоценным. Гиршфельд же толкует его по-новому. Текст гласит:

"По словам самого Ганнибала он со времени своего перехода через Родан (Рону) потерял 36 000 чел. и колоссальное количество лошадей и других вьючных животных".

До сих пор слова эти понимались так, что со времени перехода через Рону, т.е. главным образом при переходе через Альпы, Ганнибал потерял 36 000 чел. Гиршфельд допускает, что таково толкование Ливия, но считает себя вправе вернуть этим словам их первоначальный смысл: здесь-де имеется в виду поход не от Роны, а до Роны. Так как Полибий исчисляет потери первого периода походов в 35 000 чел., то оба указания, видимо, подкрепляют и подтверждают друг друга.

Я ни в какой мере не могу одобрить такого способа доказательств. Во-первых, разница в 1 000 чел., которой легко пренебречь, фактически для критика очень существенна, ибо, если выкладки обоих взяты из одного первоисточника, они должны точно совпасть. Во всяком случае здесь речь идет не о первом периоде походов, иначе не было бы указаний на потери и в скоте и лошадях, да и весь ход событий был бы иной. У Ливия вышеупомянутая заметка помещена вслед за описанием прибытия Ганнибала в Италию после чреватого ужасами и потерями

альпийского перехода. Разве естественно было бы ему говорить здесь о потерях до Роны, а не о потерях альпийского перехода? Естественно ли, что Ганнибал, удостоив Алимента разговором о своих потерях, говорил не о всем походе или о переходе через Альпы, а лишь о потерях, понесенных близ Роны, да еще, главным образом, об уроне в скоте и лошадях?

Что касается меня, то я вообще не придаю особого значения использованию таких цифр; но если уже хотеть мудрить над ними и стараться путем догадок вскрыть кроющуюся в них очевидную ошибку, то мне кажется единственно рациональным отнести вышеупомянутые данные о потерях ко всему периоду, начиная от перехода через Рону и кончая моментом разговора. Цинций был около 209 г. претором, а попал в плен и был почтен разговором с Ганнибалом значительно позже.

Но чем теряться в такого рода догадках, лучше укажем на имеющееся там же сообщение Ливия, что якобы, по словам Цинция Алимента, Ганнибал перевел через Альпы 90 000 чел., включая галлов и лигуров. Очевидно, цифрам, приведенным автором, нельзя придавать никакой цены.

Совершенно неправильно также, что для объяснения огромных потерь Ганнибала во время похода Гиршфельд прибегает к таким предположениям, как "массовое дезертирство" испанских частей. Ни в источниках, ни в самой природе вещей нет ни малейшего повода к такого рода догадкам. Они абсолютно произвольны. Куда могли двинуться такого рода дезертиры? Пробираться домой через чужие, подчас враждебные земли, бродяжничая и побираясь? Во-первых, по всем данным, Ганнибал

мог найти среди народа полуострова достаточно воинственных элементов, которые последовали бы за его знаменем так же, как и африканцы, по собственной склонности, ради наживы, славы и приключений, и ничто не принуждало его неволить уклонившихся; во-вторых, совершенно ясно, что воину, перешедшему Эбро, возможность возвращения была отрезана. В этом отношении Ганнибал имел то же преимущество, что и русское войско в XVIII в., а именно – отсутствие дезертирства, ибо, перейдя границу, простой человек чувствует себя в чужой стране беспомощным.

Также неправильно утверждение Гиршфельда, что о ганнибаловых боях во время похода мы ничего не знаем не потому, что этих боев вообще не было, а вследствие отсутствия записей. Но разве мыслимо, чтобы на протяжении пути от Пиренеев до Роны войско в 59 000 чел. потеряло 13 000, что составило бы 22%? Вспомним всю древнюю военную историю, особенно по Цезарю, и мы увидим, как ничтожны в борьбе с варварами потери организованных войск, имевших хороших полководцев, пока они одерживали победу. Теперь представим себе, как ужасны были бы бои, потребовавшие таких огромных потерь, а между тем нам об этих боях ничего не сообщается. При этом протяженность всего похода от Пиренеев до Роны не превышала 35 миль (около 250 км). Если бы Ганнибал действительно потерял во время этого небольшого перехода 13 000 чел., то это относительно было бы гораздо больше, чем во всех его великих победоносных сражениях – при Треббии, Тразимене и Каннах, вместе взятых. Возможно ли, что в вопросе о такого рода боях историки отделывались краткими

заметками, вроде того, что Ганнибал-де очистил себе путь частью силой, частью деньгами.

И все это произвольное построение сделано из боязни допустить возможность неосторожного использования Полибием какого-либо ненадежного источника, – тем самым Полибием, относительно которого трижды в различных местах выяснено, что он в вопросах цифр и выкладок так же способен ошибаться, как и все люди, тем более что историки вообще редко относятся с особым вниманием к значению и роли цифр.

Полибий сообщает нам, какие войска Ганнибал оставил в Испании и Африке (III, 33), а через две главы (III, 35) мы узнаем о количестве выступившего войска и о численности армии, с которой Ганнибал перешел Пиренеи. Гораздо дальше (III, 56) Полибий указывает, с какими силами Ганнибал прибыл в Италию, а еще через четыре главы (III, 60) – сколько у него осталось воинов при переходе через Рону. В первом и втором случаях Полибий ссылается как на источник на лацинийскую плиту. Отсюда Гиршфельд умозаключает, что эта плита служила источником и для других глав, иначе автор вряд ли мог бы избежать упрека в том, что он двукратным указанием на лацинийский первоисточник внушил своим читателям ничем не обоснованное доверие к остальным цифровым данным, взятым, по мнению Дельбрюка, из совершенно не внушающих доверия источников. Но это умозаключение методически совершенно ложно. Сам Полибий считает свой источник вполне надежным, иначе он бы им не воспользовался. Что современная критика с ее особо зорким взглядом усомнилась в этой надежности, не может быть

истолковано, как спор о моральной личности Полибия. Мы можем сказать наоборот: если бы Полибий все свои данные черпал из одного источника, то было бы непонятно их расхождение. Все они, естественно, относятся к двум событиям – выступлению и прибытию в Италию. Но в рассказе Полибия о выступлении цифровые данные о выступивших и оставшихся разделены целой главой, и если здесь это обстоятельство может быть объяснено ходом повествования, то все же знаменательно, что в рассказе о прибытии раньше всего упоминается о цифре войск, достигших Италии, и лишь через четыре главы – о силах, сосредоточенных у Роны. Вместо того чтобы строить такое умозаключение: так как Полибий оба раза берет первую цифру из лацинийской плиты (о чем говорит вполне определенно), то, значит, он берет оттуда же и вторую цифру (о чем он совершенно не говорит), – нужно рассуждать наоборот: мы можем быть вполне уверены, что вторая цифра не взята из лацинийской плиты.

В заключение Гиршфельд бросает мне упрек, что в показания достоверных источников я совершенно произвольно вношу свои поправки. Надеюсь, что по мере развития моего труда и этот уважаемый противник мало-помалу принужден будет признать, что моя критика основана не на произволе, а на знании дела.

Впоследствии выступил в защиту моих аргументов Конрад Леман (Konr. Lehmann, Die Angriffe der drei Barkiden auf Italien, стр. 131). Если я считаю необходимым значительно сократить приводимые Полибием цифры военных сил Ганнибала при

выступлении, то, по моему разумению, имеется достаточно оснований значительно повысить цифры этих сил, вступивших в Италию. Ганнибал вступил в Верхнюю Италию с 12 000 африканцев, 8 000 иберийцев, 6 000 конницы – это по сведениям Полибия, почерпнувшего свои данные из лацинийской плиты.

Но в его передаче, несомненно, есть брешь.

В сражении при Треббии (Полибий, III, 72) говорится о 8 000 балеаров и копьеносцев (пельтасты)[55]. А по Ливию (XXII, 379), в речи посланников тирана Гиерона упоминаются мавританские и другие стрелки, имеющиеся у Ганнибала (ср. XXIII, 26 и XXVII, 18). О них, по словам Полибия, ничего не сказано в лацинийской плите. Совершенно исключается, что Ганнибал, готовясь к предстоящим большим боям, во время великого похода, особенно в горах, не придал бы своему войску значительного отряда легковооруженных.

Но также совершенно невероятно, чтобы 8 000 легковооруженных могли войти как составная часть в 20 000 чел. (по Неману) пехоты. В таком случае Ганнибал прибыл бы в Италию всего с 12 000 гоплитами, из которых при Каннах могло оказаться всего 9 000–10 000 чел. В этом сражении он в отдельных частях центра перемешал иберийцев с кельтами, а с африканцами совершил слева и справа обход; но нам неясно, ни каким образом 3 000–4 000 иберийцев были смешаны с 22 000 кельтских гоплитов, ни как распределенные на обоих крыльях 5 000–6 000 африканцев выполнили поставленное им задание. Свое настоящее лицо сражение получает

лишь при предположении, что из 32 000 гоплитов было 11 000 африканцев, 7 000 иберийцев и 14 000 кельтов; лишь при такой предпосылке становится понятным, почему для усмирения взбунтовавшихся кельтов взяли из африканско-иберийского ядра такую значительную часть. Противоречат такому положению исчисления Полибия (III, 72), по которым силы карфагенской конницы, включая и усмиренных тогда кельтов, исчислялись лишь в 21 000 гоплитов и 8 000 легковооруженных. Конрад Леман (стр. 134) доказывает, что в этом сражении конница Ганнибала увеличилась по крайней мере на 7 000 кельтских всадников. Отсюда-де следует, что и пехота получила в подкрепление не меньшее, а большее число кельтов.

Этот аргумент недоказателен. Ганнибалу была нужна не какая-нибудь пехота, а пехота дисциплинированная: тактический маневр, которым он собирался победить римлян (и действительно их победил), мог быть выполнен лишь сплоченными тактическими частями, управляемыми твердой рукой полководца. Как доказывают успехи Ганнибала, он такую пехоту и создал себе зимой 218/17 г. из перебежавших к нему кельтских наемников. В сражении при Треббии он имел их не больше, если не меньше 2 000. Во всяком случае не только возможно, но и в большой степени вероятно, что карфагенский полководец по прибытии объявил своим кельтским друзьям, что он в массовом наплыве пехоты не нуждается, – пусть лучше защищают свою родину от римлян. Объединившись же с его войском, она лишь значительно затруднила бы снабжение. Ганнибал просил кельтов лишь об их храброй коннице и фураже. Только после сражения при Треббии

Ганнибал для наступления в глубь Апеннинского полуострова организовал большое количество кельтской пехоты. Таким положением разрешается и вопрос Канталупи, как могло ганнибалово войско при Каннах равняться 50 000 или 60 000, если оно тогда большей частью состояло из галлов? Такое положение совершенно невероятно, ибо, зная ненадежность союзников-галлов, Ганнибал никогда не сделал бы подобной ошибки.

Если Ганнибал перешел Альпы с войском приблизительно в 34 000 чел., то выступил он приблизительно с 36 000. Около 20 000 он оставил в Африке, около 26 000 в Испании. Таким образом, в общей сложности он располагал войском не в 137 000, а лишь в 82 000 чел., но и это число вполне достаточно для обоснования вышеизложенных стратегических предпосылок.

Если даже считать недопустимым, что Полибию было неясно, нужно или не нужно причислить легковооруженных, и что он при списывании с лацинийской плиты просто не заметил цифры, обозначающей 8 000 чел., то остается лишь предположить, что упущение сделано самим Ганнибалом, Ведь Цезарь, Фридрих и Наполеон в своих бюллетенях и мемуарах тоже часто преуменьшали численность своих боевых сил.

Примечание к 3-му изданию. Хотя возражения, вызванные вышеизложенными вычислениями, и показали, что в имеющихся у нас источниках много противоречивых моментов, но они не побудили меня изменить свою точку зрения. Решающим было и будет то положение, что тяжеловооруженных испанцев и африканцев у

Ганнибала было значительно больше чем 12 000 чел. Исчерпывающим доказательством этого служат Канны. Противоположные доводы лишены всякой ценности для тех, кто принял гипотезу Дессау о пунических источниках Полибия.

СТРАТЕГИЯ СОКРУШЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ ИЗМОРА ВО ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Кромайер в своем сочинении "Борьба Рима за мировое господство" поставил интересный вопрос: в какой мере ведение Второй Пунической войны поддается подразделению на стратегию сокрушения и стратегию измора? Но подобно многим историкам он не разобрался в происхождении тех понятий, которым посвящен IV том настоящего труда. Он считает, что до Канн Ганнибал придерживался стратегии сокрушения, а после перешел к стратегии измора. Так как Ганнибал постоянно вызывал неприятеля на открытый бой, то вышеизложенное разделение как будто близко к истине. Но в действительности это не так. Если стремиться к бою в открытом поле значит быть стратегом сокрушения, то таким стратегом может быть назван даже и Фридрих Великий, Ганнибал же не только до 216 г., но и значительно позже. Несомненно, что Ганнибал и после Канн открыто стремился к бою, и если ему это не удавалось, то это зависело только от римлян. Ганнибал не менял своей стратегии; он с самого начала был стратегом измора и остался им до конца. Если бы он сначала был стратегом сокрушения, то он стремился бы к поражению римского войска, т.е. считал себя достаточно сильным для осады и взятия Рима. Но

совершенно ясно, что Ганнибал никогда на это не рассчитывал, да и рассчитывать не мог. Очень ценно указание Кромайера, – благодаря ему я сам обратил внимание на значение нижеизложенного факта, за что ему весьма признателен, – что Ганнибал после Канн искал соглашательского мира с римлянами, а его договор с Филиппом Македонским (Полибий, VII, 9), несомненно, имеет предпосылкой дальнейшее существование Рима как державы и – даже больше – как великой державы.

Согласно вышесказанному, стратегия Ганнибала была направлена к тому, чтобы путем тягчайших ударов, отложения союзников и опустошения земель принудить Рим к известным уступкам Карфагену и к самоограничению. Подобно стратегии Фридриха стратегия Ганнибала была хотя и двухполюсной, но никогда не имела своей целью полное военное сокрушение неприятеля, как мы это видим у Наполеона и у Александра.

Но как ни заманчиво противопоставление Ганнибала Фабию Кунктатору кик представителю противоположной стратегии, оно неправильно. Если бы Ганнибал мог быть стратегом сокрушения, то маневр Кунктатора все равно ни к чему бы не привел. Ганнибал так или иначе осадил бы и взял Рим, чем положил бы конец войне. Противоположность Ганнибала Фабию не принципиальная, а чисто практическая, вытекающая из неоднородности их вооруженных сил. Главное преимущество Ганнибала заключалось в мощной кавалерии и тактической способности к маневрированию. Использовать его Ганнибал мог лишь в открытом бою. Фабий же, признавая в этом пункте превосходство Ганнибала над

римлянами, пытается побороть противника вспомогательными военными способами. Но ни та ни другая из воюющих сторон не стремилась лишить противника боеспособности, а хотела лишь ослабить его и после этого вызвать согласие на мир или на уход из страны.

Глава IV

РИМ ПОЛУЧАЕТ ПЕРЕВЕС

Вторая Пуническая война пришла в некоторое равновесие, ибо хотя Ганнибал и брал верх в открытом бою, но не смог дальше расширять сферу своего могущества. Этому препятствовали римляне с помощью укрепленных городов, остававшихся верными своей метрополии или вновь ею завоеванных. Затем чаша весов все больше и больше перетягивает на сторону римлян, и они на всех второстепенных театрах войны получают несомненное превосходство. В Италии же они вырывают у карфагенян значительное число городов. Ганнибал делает последнюю блестящую попытку снова стать господином положения: отказавшись от Испании, он отзывает оттуда войско и посылает его под предводительством своего брата Гасдрубала по старой дороге через Пиренеи и Альпы в Италию. Но раньше чем Ганнибал успел с ним соединиться, оно при Метавре (207 г.) подверглось нападению римлян, было разбито и уничтожено[56], и нужно признать, что если бы даже поле сражения осталось за Гасдрубалом, то и эта победа также не решила бы поражения

римлян. Даже соединившись с братом, Ганннибал не мог бы предпринять осаду Рима, ибо всегда существовала возможность, что римский флот мог возвратить на родину из Испании, Сардинии и Сицилии своя победоносные легионы, причем, кто знает, можно ли было бы тогда побудить Рим заключить мир на желательных условиях.

Но как ни благоприятно складывались теперь военные обстоятельства для римлян, они могли прийти к окончательной развязке, лишь став на новый путь борьбы. Необходимо было разбить главную карфагенскую армию в открытом бою и сломить ее мощь. Пока римляне не могли отважиться на бой с самим Ганнибалом, о покорении Ганнибала нечего было и думать. Римляне все еще были под угрозой неблагоприятного поворота в войне: восстания испанских народностей против римского ига, вмешательства Филиппа Македонского, государственного финансового краха. Если бы такое положение Рима сохранилось, то он мог бы, правда, навязать Карфагену невыгодные для него условия мира, но не мог бы окончательно подорвать его мощь и самостоятельность.

Если бы Карфаген утвердился как самостоятельная держава, Риму никогда не удалось бы объединить под своим владычеством

весь древний мир. Уже следующему поколению римлян удалось победить Сирию и Македонию, и эта победа, как совершенно правильно говорит Полибий, восстановила окончательно их мировое господство. Если бы Карфаген мог стать на сторону этих двух государств, то образовалось бы своего рода равновесие держав, напоминающее современное нам соотношение сил в 1914 г., сохранившееся благодаря тому, что в критический момент все наиболее слабые государства объединились против сильнейшего. Решающий момент древней истории – в новом способе ведения войны, выработанном римлянами в течение Второй Пунической войны. Этот новый способ помог им одержать верх над Ганнибалом в открытом бою и тем окончательно сломить мощь Карфагена. И в мировой истории нет более важного объекта для исследования, чем вопрос, какое изменение произошло в римском военном искусстве на протяжении 14-летнего промежутка между Каннами и Замой.

Поэтому будем поступать, как и раньше: вместо того чтобы пытаться подбирать в хронологическом порядке разрозненные и неясные следы, оставленные нам разными источниками, сразу подойдем с анализом к тому событию, где с наибольшей ясностью и зрелостью

выявилась новая военная система римлян – к сражению при Заме, закончившемуся решительным поражение Ганнибала Сципионом. Что касается одиночных промежуточных ступеней, то они или совсем не поддаются исследованию, ввиду отсутствия ясных источников, или понятны сами по себе. Резкое отличие римлян при Каннах от римлян при Заме есть отличие государственно-правовое, если можно так выразиться. Командование римским войском при Каннах было вручено двум высшим чиновникам республики, при Заме – одному полководцу. Наученные горьким опытом римляне поняли, что старая система ежегодного чередования в командовании и других должностях, распределяемых между виднейшими сенаторами, оказалась совершенно несостоятельной, когда дело дошло до такого противника, как Ганнибал. Назначение диктатора, казавшееся спасительным исходом после нового поражения при Тразименском озере, не повторилось. Эта должность по закону и по природе вещей могла быть лишь кратковременной, не более шести месяцев. Вручить одному человеку диктатуру, как периодически возобновляемую, так и постоянную, значило бы прямым путем прийти к монархии.

Чтобы помочь беде, стали назначать консулами не в очередь, вопреки всем законам и обычаю, испытаннейших полководцев, как например Фабия Максима, Клавдия Марцелла, Кв. Фульвия Флака. По истечении служебного срока им снова вручали командование, как проконсулам.

Но и этот компромисс был недостаточен. Мужей, способных вести армию, немного, а если такой муж имеется, то его следует использовать не для разового выступления и не на годичный срок, а для длительного командования. Когда в 211 г. пришла весть из Испании о страшном поражении римского войска, то для этого театра войны полководцем, облеченным консульской властью, народ избрал Публия Корнелия Сципиона, оставив его у власти вплоть до окончательной победы и изгнания карфагенян из Испании. И это избрание тем более шло вразрез с законодательством, что Сципион был перед этим эдилом и даже не достиг возраста, установленного для такой должности. Прелюдией к такому компромиссу был факт облечения консульской властью претора Марцелла после каннского поражения[57].

Такого рода нарушение было, правда, неизбежной предпосылкой победы над Карфагеном, но оно знаменовало собой конец

республиканского законодательства. Тот, чье присутствие духа становится для всех абсолютно необходимым, возвышается над массой. Полководец Сципион был предшественником полководца и самодержца Цезаря. Словно пророчество звучит обвинение, брошенное ему в сенате престарелым Кунктатором, что он-де в вопросах дисциплины держит себя монархом[58]. Но для такого развития потребовалось полтора века. Рамки римского законодательства были достаточно прочны, чтобы выдержать длительное напряжение их и дать выдающимся личностям свободу действий в пределах существующей законности. Когда Сципион вернулся из Испании, он был избран консулом и в качестве проконсула вел командование в Африке. Но в старых формах чувствуется новый дух: это уже не прежний консул или проконсул, так как сенат определенно постановил в 203 г., что его imperium в Африке не будет ограничиваться временем, а будет длительным[59].

Длительная война способствовала как выдвижению полководца, так и образованию офицерского сословия, да и сама армия стала иной.

Солдаты, погибшие при Каннах, были просто

гражданами, призванными в действующую армию. До того республика редко поставляла на поле сражения больше 4 легионов, т.е. 18 000 чел. (исключая союзников). Нередко таких легионов было всего 2.

Ополченцы, призванные в 217 и 216 гг., шли на поле брани с уверенностью, что скоро удастся вернуться к родным очагам. Между тем даже 14 лет спустя основным ядром войска Сципиона были оба легиона, сформированные из осколков каннского войска и дважды значительно пополненные в 214 и 209 гг.[60] рекрутами и остатками других легионов. Наряду с ними имелись также воинские части, сформированные из добровольцев.

Существует, правда, подозрение, что общины, поставлявшие добровольцев, делали это не столько по доброй воле, сколько из стремления вернуть себе обратно благосклонность Рима, утерянную ими во время войны, вследствие их нерадивости и скрытой неприязни. Этим не исключается тот факт, что существенная часть ополчения состояла главным образом из наемников, поступавших в войска ради заработка и добычи. Став воинами, они обычно окончательно отвыкали от гражданского образа жизни.

Итак войско Сципиона приобретает характерные черты профессионального войска не только с его достоинствами, но также и с его пороками: последние сказались главным образом в высокомерном и дурном обращении с собственным гражданским населением[61].

Если бы римское войско было в 204 г. таким же, как и в 216 г., т.е. состояло бы из граждан-солдат, граждан-командиров и граждан-полководцев, то Рим никогда не отважился бы послать войско в Африку и там начать военные действия против Ганнибала. Был бы заключен мир, по которому Рим сделал бы некоторые уступки Ганнибалу, за что тот очистил бы Италию.

Последствия Второй Пунической войны имели всемирное значение. Рим пережил внутреннюю ломку, безмерно повысившую его боевую потенцию. Рассказ о сражении при Заме наглядно выявит этот новый этап.

Глава V

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗАМЕ-НАРАГГАРЕ И ЭШЕЛОННАЯ ТАКТИКА

Сципион переправился в Африку лишь с незначительным войском, но как в свое время Ганнибал в Италии, так и он рассчитывал найти подкрепление на месте, и этот расчет оправдался. Первые два года, пока Ганнибал оставался еще в Италии, Сципион действовал в Африке очень осторожно, причем главным его достижением было то, что часть нумидийцев отложилась от Карфагена и перешла на сторону римлян. Могущественнейший вождь дружественных Карфагену нумидийцев, Сифакс, был взят римлянами в плен, и власть перешла к его политическому противнику Масиниссе. Только когда Масинисса привел ему 6 000 чел. пехоты и 4 000 нумидийских всадников, Сципион принял решительное сражение с Ганнибалом. Благодаря нумидийским подкреплениям в сражении при Заме-Нараггаре римская конница в отношении численности значительно превзошла пуническую. Даже по римским источникам (другие до нас не дошли), Ганнибал имел только 2 000–3 000 всадников.

В пехоте карфагеняне имели, вероятно, перевес; кроме того, они располагали некоторым количеством слонов, которых у римлян не было, – но и в этом сражении слоны не играют большой роли. В основных чертах боевые силы противника представляют ту же картину, что и при Каннах, но только распределены они обратным порядком. Однако внутренняя структура оказывается совершенно новой.

Как и при Каннах, оба войска с обоих флангов своей пехоты поставили кавалерию. Она-то и открывает сражение, причем более сильная – в данном случае римская – вытесняет с поля более слабую, т.е. карфагенскую.

Однако для достижения победы при Каннах потребовалось не только то, чтобы 10 000 пунических всадников опрокинули 6 000 римских, – нет, надо было еще, чтобы непосредственно после победы конница Ганнибала вновь собралась воедино и атаковала тыл римской фаланги. Такая задача чрезвычайно трудна. Мы уже познакомились с целым рядом сражений, в которых кавалерийское крыло, даже под личным управлением полководца, одерживало победу, но затем победоносная конница, вместо того чтобы ударить на неприятельскую пехоту, увлекалась погоней за разбитой конницей неприятеля и тем

самым уничтожала ценность своего успеха для исхода сражения. Так случилось при Ипсе с Деметрием, при Рафии с Антиохом, при Мантинее с Маханидом; случалось это и в позднейшие времена, хотя бы, например, с австрийской конницей при Молльвице. Быстро собрать удалых всадников не так легко; для этого нужна хорошая военная выучка, которой не достигнешь в один день. Поэтому для победы при Каннах потребовался не только численный перевес в коннице, но и тот созданный Гамилькаром Баркой командный состав, который умел держать в руках своих бойцов даже во время сражения. Нумидийцы же, приведенные к Сципиону Масиниссой, только что явились со склонов Атласа и из ливийских оазисов. По римским сообщениям, Ганнибал кроме своих всадников имел еще 80 слонов, а так как нам известно, что слонов с наибольшим успехом можно применять как раз против конницы, то само собою напрашивается предположение, что Ганнибал мог обороняться против римских превосходных сил, комбинируя свою конницу со слонами. Однако он этого не сделал; может быть, число его слонов было значительно скромнее, чем указывают римские источники; во всяком случае число это было настолько скромно, что Ганнибал не мог

возложить на слонов свои надежды. Он предоставил конному бою завязаться обычным порядком на обоих флангах, не подкрепив своей конницы слонами (как это сделано было при Треббии), и римляне легко одержали победу. Даже слишком легко. Мы можем принять, что карфагенянин сам ни на что другое и не рассчитывал: Ганнибал отдал своим всадникам приказ не сражаться, а путем бегства отвлечь за собою противника с поля сражения. Так и случилось. На обоих крыльях конница, как нумидийская, так и римско-италийская, в хмелю победы погналась за своими противниками и все больше удалялась от того места сражения, где решалось сражение.

В центре сперва началась схватка между легковооруженными, причем борьба оказалась серьезнее, чем обычно, так как Ганнибал на этот раз выставил здесь слонов. Нам известно, что против стойкой, сомкнутой фаланги слоны бессильны, а будучи ранены, они приходят в ярость и легко обращаются вспять, представляя собой угрозу для собственной пехоты. Естественно возникает вопрос: что привело Ганнибала к такому построению боевого порядка? Я думаю, он хотел таким образом выиграть время и несколько отсрочить начало борьбы между фалангами. Тот

маневр, который, по его расчетам, должен был доставить ему победу, можно было осуществить только по удалении конницы. Пока неприятельская кавалерия оставалась вблизи, пунийцы никоим образом не могли выиграть сражение. Лагерь Ганнибала, как мы можем вполне допустить, был укреплен и расположен таким образом, что его нельзя было сразу запереть. Следовательно, пока слоны буйствовали перед фронтом, Ганнибал мог бы в случае нужды прекратить сражение и вернуться обратно в лагерь. При Каннах карфагенянин выдвинул свой центр, чтобы как можно скорее завязался рукопашный бой, из которого уже невозможно правильное отступление. При Нараггаре; двинув в дело слонов, он искусственно затягивает схватку передовых отрядов, чтобы как можно дольше оставлять за собою возможность выбора, вступать ли в настоящий бой или нет. Опасность, что разъяренные ранами слоны обратятся против собственной пехоты, можно было предотвратить: у каждого корнака была острая стальная палка, которую он, если слои отбивался от рук, втыкал ему в затылок, и слон падал мертвым[62].

Начало сражения соответствовало замыслу полководца. Обе конницы сошлись и удалились с поля сражения, пока еще разыгрывался бой между

застрельщиками при участии карфагенских слонов. Затем двинулись вперед фаланги, а в обход их флангов или же через их интервалы передовые отряды отошли в тыл.

Теперь перед нами начинается обыкновенный старый фаланговый бой, где исход решает уже не полководец, а сами массы, их мужество я стойкость. Но тут произошло нечто новое, неслыханное.

Ганнибал выстроил свою тяжелую пехоту в две линии: в первой стояли карфагенские граждане, лично защищавшие свое существование против грозного соперника; во втором – приведенные Ганнибалом из Италии войска – старая гвардия, которая совершила с ним переход через Пиренеи и через Альпы и поседела вместе со своим вождем в двадцатилетней войне.

Нараггара – это первое сражение в мировой истории, в котором эшелонная тактика выступает перед нами как великий, вновь открытый принцип, направляющий ведение боя и решающий его исход.

При эшелонном построении тактические единицы стоят одна за другой на таком расстоянии, что каждая может двигаться самостоятельно, но в то же время и настолько близко, что они могут оказать друг другу

непосредственную поддержку.

Сущность фаланги покоилась, как мы видели, на том, что сражаются собственно только первые шеренги или даже только одна первая шеренга, т.е. самое большее четверть, а то и пятнадцатая или даже тридцатая часть всей вооруженной массы. Ценность всех остальных бойцов состоит исключительно в том, что они замещают павших, сохраняют цельность фронта и производят сзади физическое и моральное давление. Если теперь отделить заднюю половину и поставить ее в некотором отдалении от передней, то очень многое изо всех этих преимуществ будет потеряно; в частности, физическое давление совершенно прекратится. Но зато вторая линия окажется в состоянии предпринимать самостоятельные движения, отбивать фланговые и тыловые атаки, даже самостоятельно развить наступление и ударить на неприятеля сбоку.

Ганнибал построил свою вторую линию за первой на дистанции более одного стадиона, т.е. на 300 с лишним шагов, и лично принял над нею командование. Если бы римская конница, отказавшись от преследования бежавших пунических всадников, тотчас обратилась против пехоты, то вторая линия повернулась бы к первой спиною. Неприятельская конница вряд ли

отважилась бы вклиниться между обеими линиями. Тогда, как я полагаю, карфагенское войско, без труда построив фронт во все стороны, совершило бы отступление в лагерь, пока слоны удерживали бы натиск римской фаланги.

Но когда неприятельские всадники скрылись за горизонтом, Ганнибал тотчас же пустил в дело вторую линию: пока первая сражалась с римскими гастатами, вторая, разделившись пополам, двинулась вправо и влево в обход, чтобы напасть на римлян с флангов. Это – то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь. А римская пехота на этот раз не только не имела перевеса над пунической, но, напротив, была слабее, даже, может быть, значительно слабее противника. Таким образом, первый натиск карфагенских граждан шел успешно, и если бы за ним последовала двойная фланговая атака, произведенная "старой гвардией", то римляне были бы побеждены. Тогда Ганнибал, несмотря на превосходство неприятельской конницы, выиграл бы сражение.

Но и Рим выдвинул на этот раз человека, который понял знамение времени и, как 2 000 лет спустя Гнейзенау Наполеону, сумел

противопоставить гениальному противнику свое собственное искусство.

Мы знакомы со старым делением римского легиона по возрасту на три разряда – гастатов, принципов и триариев, стоявших эшелонами друг за другом. Выстраивая свои войска перед сражением при Нараггаре, Сципион, по сообщению Полибия, поставил манипулы принципов и триариев "на некотором расстоянии" (ἐν ἀποστάσει). Значит, и римская фаланга была построена в две линии. При Каннах принципы и триарии еще примыкали вплотную к гастатам; теперь же Сципион, как только заметил движение, предпринятое второй карфагенской линией, тотчас же двинул навстречу ей свою тем же самым порядком. Гражданское войско и гражданские командиры не сумели бы осуществить такой маневр, но война сама выковала у римлян не только полководца, но также командиров и солдат, способных не хуже их противника маневрировать на поле сражения. Вместо флангов римской пехоты старая гвардия Ганнибала встретила удлиненный фронт, а бой остался тем, чем он был – фронтальным столкновением двух параллельных линий.

Тем не менее римским легионам нелегко было устоять перед отчаянным мужеством

карфагенских граждан, перед боевым закалам гордых победами ветеранов, а может быть, и перед численным их перевесом; по-видимому, дело уже клонилось к поражению, когда вернулась из безрассудной погони римская конница и напала на пунийцев с тыла. Поистине в эту минуту решалась судьба мира.

Карфагенское войско было разбито и во время бегства истреблено. Самому Ганнибалу едва удалось спастись в Гадрумет[63].

ПРЕДТЕЧИ ЭШЕЛОННОЙ ТАКТИКИ

Изобретение эшелонной тактики имеет такое колоссальное значение в истории военного искусства, что было бы желательно установить каждый отдельный момент ее развития. Однако наши источники слишком для этого скудны. Мы встречаем это нововведение совершенно неожиданно и притом на обеих сторонах. Его предтечами можно считать подковообразное построение ганнибаловых африканцев при Каннах и расположение уступами за обоими крыльями Александра в сражении при Гавгамеле. Если заглянуть дальше в глубь времен, то можно еще указать на резервы, которые Ксенофонт оставил у себя в тылу, когда дал сражение Фарнабазу (ч. II,

гл. 5, стр. 132). С другой стороны, хотя эшелонирование римской фаланги по глубине в три линии – гастатов, принципов и триариев – и не было ступенью, ведущей непосредственно к эшелонной тактике, но все же наличие такого деления оказало Сципиону большую подмогу и облегчило ему введение новшества.

Однако от всех этих аналогий до организационного принципа требовался резкий скачок. Римские гастаты, если бы за ними в первый раз не выстроились непосредственно манипулы второго эшелона, должны были чувствовать себя так, как будто их предали, выставив вперед на убой; следовательно, только полководец, пользовавшийся высоким личным авторитетом и располагавший безусловным доверием своих бойцов, мог отважиться на такую реформу. Как ни очевидны преимущества второго эшелона, однако мы ни на миг не должны упускать из виду, как много ради него оказывается потерянным. Зачем, в самом деле, выставляли в поле эти огромные сплошные массы? Мы видели, что их применяли больше для углубления фаланги, нежели для удлинения линии фронта. Победу должен был доставлять натиск массы. Значит, если отделить заднюю половину, то это сразу явится противоречием основному принципу

фаланги. Заполнение возникающих при передвижениях разрывов, ради чего в свое время и был создан манипулярный строй, теперь оказалось затрудненным вследствие расстояний между тремя эшелонами, а решающий натиск из глубины ослаблен больше, чем вдвое.

Это противоречие сглаживалось благодаря военной выучке. Как некогда римский манипулярный строй стал осуществим благодаря тому, что каждый отдельный солдат вполне полагался на соседнюю и на заднюю манипулы, зная, что они неукоснительно исполнят свой долг, – так теперь воинский дух настолько окреп, что можно было лишить первую линию физической близости со второй половиной и физического давления на нее из задних рядов; она теперь довольствовалась одним лишь сознанием, что в случае нужды не останется без поддержки. У бойцов гражданского войска не может быть такой большой моральной стойкости: для этого потребовались воины, сделавшиеся профессиональными солдатами, и командиры с многолетним стажем. Казалось бы, разница невелика. Деление на гастатов, принципов и триариев существовало и раньше, а теперь только установили между эшелонами дистанцию в сотню, другую шагов. Однако эта дистанция была

обусловлена совсем иною сущностью войска: она требовала иного воинского духа, иного полководца, иных командиров, иных бойцов. Начальник гражданского войска не пришел бы к эшелонной тактике; даже величайший полководец не сумел бы ее осуществить с гражданскими солдатами.

Понятие второй линии и резерва переходит одно в другое. Резерв остается в безусловном распоряжении полководца; вторая линия следует за первой на столь недалеком расстоянии, что может целиком или частично – без особого приказа – быть захвачена самым ходом сражения или быть втянута в бой. Термин "резерв" употребляется в том случае, когда дело идет о стоящих в большем отдалении и потому более мелких отрядах; в остальном же они по своему расположению могут вполне соответствовать второй или третьей линии.

Нараггара была отнюдь не первым сражением, в котором Сципион испробовал свой новый тактический прием. О предшествовавшем сражении на "Великих равнинах", где римский полководец одержал победу над Гасдрубалом и Сифаксом (203 г.), Полибий сообщает нам (XIV, 8, 11), что принципы и триарии обошли с обоих флангов пехоту неприятельского центра и

окружили ее. Следовательно, они произвели маневр, совершенно аналогичный предпринятому в сражении при Нараггаре. По всей вероятности, Сципион выработал эту новую тактику в Испании, где он, по дошедшим до нас сообщениям, энергично обучал своих солдат. Когда сенат перед отбытием Сципиона в Африку послал в Сицилию комиссию проинспектировать его армию, на которую поступали всевозможные жалобы, Сципион проделал со своими войсками морской и сухопутный маневры под Сиракузами[64], чтобы продемонстрировать искусство и выучку своих солдат. Более подробных сведений мы, к сожалению, не имеем, а потому не можем судить, в какой мере эти маневры служили образцом военных операций, совершаемых в действительности на поле сражения.

Очень возможно, что к этому же времени римляне усовершенствовали по найденному у иберов образцу метательное копье, которым были вооружены первые ряды манипул. Иными словами, мы с большой вероятностью можем предположить, что введение pilum', а также относится к сципионовским военным преобразованиям[65].

1. Ход сражения при Нараггаре я изложил, может быть, более уверенно, чем позволяет состояние наших

источников. Но мне не хотелось прерывать нить рассказа критическим разбором источников, так как я стремился возможно более четко выявить те линии характерного в целом события, которые главным образом интересуют нас сейчас. Но и здесь я прошу уволить меня от повторения критических обоснований во всех подробностях; я просто сошлюсь на превосходное исследование Конрада Лемана[66], в котором так же, как и в указанном выше труде Иосифа Фукса, автор сочетал обширную эрудицию филолога с авторитетом военного специалиста и сумел всесторонне осветить вопрос и выяснить ход сражения.

О нараггарском сражении мы осведомлены несравненно хуже, чем о каннском, так как Полибий уже не располагает здесь своим превосходным источником из карфагенского лагеря и вынужден ограничиться исключительно римскими сообщениями; а мы уже видели, как сильно при всем своем критическом чутье Полибий зависит от источников. Правда, он отбрасывает все слишком баснословное; например, он не включает в свое повествование поединка между Ганнибалом и Сципионом, которым по другим римским версиям было решено сражение; но все же он оставляет очень много ложных и запутывающих моментов, и мы должны решительно вырезать их острым ланцетом, если не хотим ограничиться простым пересказом, а действительно стремимся дать картину, понятную с точки зрения военной истории. Конечно, исследователь не так-то легко отваживается выступать против Полибия и объявлять какое-либо описанное им действие по существу невероятным и невозможным.

Но я напомню, как мало удовлетворительны у Полибия описания сражений эллинской эпохи, какие сведения сообщает он нам о постройке римского флота или о галло-римских боях; напомню, что его данные о численности карфагенского войска в Испании оказались очень спорными; что он рассказывает нам нелепую римскую басню, будто Ганнибал постоянно менял парики, чтобы его не узнавали – до такой степени он боялся своих кельтских союзников; что он наполовину повторяет римские патриотические россказни, будто в 211 г. легионы выстроились под Римом для открытого отпора пунийцам на поле сражения.

Несмотря на все это, Полибий, конечно, остается первоклассным авторитетом, но было бы нелепо всецело отдаться в его власть. Перед лицом той безоговорочной определенности, с которой выступает римская легенда, и при том глубоком уважении к римской государственности, которое воодушевляло самого Полибия в его работе, он не смог придать своей критике всепроницающей силы, какая требуется в науке для достижения полной ясности. Исследование Лемана позволяет с большою вероятностью предполагать, что очень многое в сообщениях Полибия ведет свое происхождение от эпоса Энния. Конечно, Полибий не был настолько наивен, чтобы принимать картины героического эпоса за историческую действительность. Но в кругу Сципионов, где он жил и собирал свои сведения, образы поэтической фантазии Энния постепенно сливались с подлинно историческим преданием, так что сами рассказчики зачастую не могли с уверенностью различать эти два элемента, и через

этот промежуточный слой (за счет которого, несомненно, надо отнести, между прочим, аппиановский рассказ о поединке между двумя полководцами) фантастический элемент проник также и в изложение рационалиста-аналитика Полибия.

2. Основными моментами в рассказе Полибия о Нараггаре, к которому нужно отнестись критически, являются следующие.

Полибий не приводит никакого обоснования дистанции между гастатами и принципами; вместо этого он упоминает о другом новшестве, которое ввел Сципион вразрез с установленным римским обычаем: манипулы поставлены были не против интервалов, как обычно, а в затылок одна за другой. Сделано это было, по словам Полибия, вследствие значительного числа слонов у неприятеля. Против этого можно привести ряд возражений: во-первых, римляне не могли знать заранее, что Ганнибал на этот раз выставит слонов не с кавалерией, а перед пехотой; во-вторых, коль скоро эшелоны были разделены дистанцией, ставить манипулы одну за другой было совершенно нецелесообразно: если даже допустить, что слоны в угоду римлянам побегут прямо по коридорам интервалов, то все же нельзя было бы ожидать, что они неуклонно будут держаться прямой; ведь стоило бы им уклониться хотя бы на два-три шага вправо или влево, и они уже не попали бы в интервалы второго эшелона. Для нас ясно, что в это очень важное и совершенно правильное историческое воспоминание о вновь введенной дистанции между эшелонами, мало интересовавшее Энния, вмешались картины атаки слонами, которые он изобразил так, как они рисовались ему по свободным законам

опоэтизированной им тактики.

Интервалы между манипулами гастатов Сципион заполнил в е л и т а м и, которые должны были высыпать отсюда вперед. Трудно усмотреть какое-либо основание, почему как раз в этом сражении велиты должны были стоять сначала в интервалах. Ведь таким образом было бы утрачено преимущество, представляемое интервалами при походе. Леман выдвинул предположение, что дело идет здесь только о расстановке при первом сборе, еще до выступления, когда Сципион держит речь перед войском, а потому требуется возможно более тесное построение.

Леман с несомненностью доказал, что п е р в а я л и н и я Г а н н и б а л а (лигуры, кельты, балеары, мавры) состояла из застрельщиков. Следовательно, мы не можем назвать ее линией в том смысле слова, какой мы принимаем по нашей терминологии.

Римляне тоже, как с большою вероятностью выводит Леман, стояли в две линии, причем принципы и гастаты примыкали друг к другу. При нормальной численности манипул создается в таком случае некоторая нецелесообразность; вторая линия оказывается значительно сильнее первой, тогда как по самой природе вещей скорее допустимо обратное. Застрельщики, которых можно причислить к первой линии, не меняют положения. Первая линия должна быть всегда настолько сильна, чтобы во всяком случае выдержать фронтальную атаку неприятеля. Сципион, несомненно, уравновесил это тем или иным способом.

Искусственная задержка начала борьбы между фалангами нашла такое отражение в римской легенде: карфагенская линия, состоявшая из гражданского

ополчения, – вместо того чтобы двинуться вслед за передовыми отрядами, – из-за трусости задержалась, и застрельщики истолковали это, как предательство.

Тот факт, что римские гастаты едва выдерживали натиск карфагенских гражданских отрядов, передан у Полибия по римской патриотической поэме следующим образом: сперва на карфагенян напали их собственные наемники, повернувшиеся тылом к неприятелю, чтобы наказать их предательскую трусость. Тут карфагеняне поневоле стали храбрыми и, вступив в бой, даже привели было в смятение римских гастатов, которые весьма примечательным образом не использовали междоусобной борьбы в рядах противника. Все же в конце концов карфагенские граждане были разбиты, но Сципион велел трубными сигналами вернуть победоносных гастатов из преследования, потому что поле было так завалены трупами, ранеными и оружием, а почва до того размякла от обилия пролитой крови, что отряды не могли продвигаться вперед в должном порядке. Если гастаты одержали победу, они должны были уже иметь за спиною это скользкое залитое кровью поле, и только отступление должно было вынудить их пересечь его снова. Такая несообразность, конечно, нисколько не смущала поэта; но этот пример очень ясно показывает нам, как был неосторожен Полибий в доверии к своим источникам.

Маневр Ганнибала со второй линией, имевший решающее значение, у Полибия не упомянут вовсе: явное доказательство, что мы имеем перед собой показания, данные только римскими свидетелями, без подлинно исторической или тактической точки зрения. Мы узнаем этот факт только косвенным

образом – из маневра Сципиона, который со своей стороны двинул свою вторую линию влево и вправо, причем, столкнулся с ветеранами Ганнибала: значит, и они должны были аналогичным образом покинуть свое первоначальное место. Однако мотивом к маневру Сципиона приводится не тот же маневр со стороны неприятеля – это было бы слишком прозаично, – а опять-таки горы трупов и море крови в центре, вынудившие римлян взять новое направление.

3. Относительно сил обеих сторон до нас не дошло никаких надежных сообщений, кроме одного, – что римляне имели большой перевес в кавалерии. Общую численность римских войск Леман (стр. 532 и 574) с известной степенью вероятности принимает в 35 000 чел., включая 10 000 нумидийцев. Превосходство Ганнибала в пехоте вытекает не столько из утверждений римских источников, сколько из самого факта, что он сумел сильно потеснить римлян. Показание относительно 80 слонов следует отбросить как явное преувеличение.

4. Оба сражения при Бекуле (второе связывается иногда с названиями Элинга, Сильпия или Илипа)[67] указывают на очень искусное маневрирование. Сципион в обоих случаях обходит неприятеля с обоих флангов, хотя во втором сражении он имел только 45 000 пехотинцев и 3 000 всадников против 70 000 пехотинцев, 4 000 всадников и 32 слонов. Несомненно, и здесь Полибий не сумел подвергнуть свой источник достаточно острой критике и только повторяет римские басни, стараясь придать им возможно больше правдоподобия. Ihne ("Rqm. Geschichte", т. II, стр. 350 и 369) придерживается мнения, что, вероятно, оба сражения – или во всяком

случае первое – представляют собою чистейшую выдумку. Оба раза бой не приводит ни к каким непосредственным результатам. В первом случае Гасдрубал своевременно прекращает сражение и с разбитым войском предпринимает поход в Италию; во втором случае римлянам помешала вполне использовать победу внезапно разразившаяся буря – того же порядка, что и та, которая в 211 г. дважды воспрепятствовала римским патриотам дать Ганнибалу сражение под Римом. Так или иначе, но для военной истории из этих сражений ничего не извлечешь. Так же мало дают нам "линии", упоминаемые у Ливия (XXVIII, 33) и у Фронтина (II, 3, 1).

Сохраненные у Ливия[68] рассказы о многократных боях в Италии после Канн часто рисуют картину линейного расположения легионов друг за другом. Однако все эти сообщения не заслуживают ни малейшего доверия.

Глава VI

ГАННИБАЛ И СЦИПИОН

Когда Сципион переправился из Сицилии в Африку, Ганнибал еще не был побежден и стоял с небольшим войском в Нижней Италии. Можно было бы спросить, почему Сципион не напал сперва на Ганнибала здесь же, где он легко мог получить большой перевес над противником и положить конец войне? Ответ на вопрос будет такой: в этом случае Ганнибал сумел бы избежать решительного сражения с превосходными силами неприятеля и в конце концов увел бы свое войско в Африку. А если бы он прибыл туда раньше Сципиона, то последнему было бы очень трудно укрепиться в Африке и вступить в союз с нумидийцами[69].

Правильнее будет, пожалуй, поставить обратный вопрос: почему Ганнибал раньше не очистил добровольно Италию, где он не мог больше надеяться на какие-либо положительные достижения? Ответ будет такой: Ганнибал стремился не к победе над Римом, а только к завоеванию мира на приемлемых условиях, и считал, что римляне за очищение Италии как-никак заплатят приличную цену. Даже когда

Сципион высадился в Африке, Ганнибал не сразу последовал за ним. Он знал, что римляне не смогут достичь особенно крупных успехов и во всяком случае не нанесут удара самому городу Карфагену, укрепления которого имели втрое больший периметр, нежели тогдашний Рим (26 905 м), а если его землякам удастся и без него справиться со Сципионом, в то время как римляне со своей стороны не сумеют вытеснить пунийцев из Италии, то силы окажутся до некоторой степени в равновесии, и на такой основе можно будет заключить мир.

Только когда Сципион уже два года пробыл в Африке и благодаря своей предприимчивости и удаче достиг неожиданно крупных успехов, а именно – взял в плен Сифакса и нашел сильного союзника в Масиниссе, Ганнибал оставил, наконец Италию и с остатками своего войска явился в Африку для последней борьбы. Его прибытие дало карфагенянам мужество отвергнуть уже заключенный мир и даже нарушить перемирие, так что теперь все зависело от того, на чьей стороне окажется перевес военных сил. Кроме ветеранов Ганнибала, в Африку прибыли еще отряды его брата Магона, балеарские, лигурийские и кельтские; приступили к вербовке среди африканских племен, и даже

карфагенские граждане сами взялись за оружие. Не удавалось только перетянуть на свою сторону большинство нумидийских племен – и как раз тех, чьи кочевья лежали ближе к Карфагену: Масинисса призвал их к оружию на помощь римлянам.

Обе стороны напряженно готовились к борьбе. С мудрым расчетом Ганнибал обосновал свой штаб не в самом Карфагене, а в небольшом приморском городке, Гадрумете, в 5–6 переходах к югу от Карфагена. Здесь он лучше оберегал своих ветеранов от развращающего соприкосновения со столицей; здесь он крепче мог держать в руках формируемые новые отряды; отсюда он мог напасть на Сципиона с тыла, если бы тот двинулся на самый Карфаген, а сам был прикрыт Карфагеном с фланга в случае, если бы римляне хотели напасть на него до окончания его приготовлений. Прошло, кажется, три четверти года[70], прежде чем Ганнибал двинулся на римлян, располагая все еще лишь очень слабой конницей. У него были к тому серьезные основания. Сципион еще не соединился с Масиниссой; значит, если бы удалось настичь его до этого соединения или же встать между союзниками и держать их врозь, то пунийцам была бы обеспечена победа. Сципион до сих пор не держал

в своих руках никакой гавани и только имел опорным пунктом укрепленный лагерь (castra Corneliana), расположенный на полуострове близ Утики, которую он безуспешно пытался взять приступом. Отсюда он двинулся в глубь страны и сделал несколько переходов плодородной долиной Баграда (Меджерды), разоряя и опустошая страну.

Тут до него дошло известие, что Ганнибал выступил против него из своего сборного пункта, Гадрумета, и стал лагерем у Замы – более западного из двух городов, носивших это имя. Положение Сципиона было критическое. Если он останется, выжидая в долине Баграда, и Ганнибал нападет на него здесь до прибытия нумидийских подкреплений, то поражение будет неминуемо.

Если он вернется в свой приморский лагерь, то будет заперт там Ганнибалом, решительно отрезан от Масиниссы и окажется в полной зависимости от противника безо всякой надежды повернуть судьбу иначе. Его экспедиция потерпит крушение, – и хорошо еще, если удастся без больших потерь переправить войско обратно в Сицилию.

К этому-то моменту предание приурочило пресловутые личные переговоры между Ганнибалом и Сципионом, в которых карфагенянин выступает как просящая мира

сторона. Не подлежит сомнению, что эта встреча двух полководцев, как устанавливает Конрад Леман, порождена фантазией Энния. В то мгновение Ганнибал меньше всего думал о том, чтобы запрашивать у римлян мира, а Сципион был очень далек от безусловной уверенности в победе.

По преданию, в его лагере были схвачены три шпиона, но он не наказал их, а в гордом сознании превосходства своих сил велел показать им все и отпустить к Ганнибалу. Этот рассказ почти дословно заимствован Эннием у Геродота из его "Истории Персидских войн"[71], от Энния он перешел в римское предание, а затем через Полибия был принят на текущий счет историографии. Мы видим, как осторожно следует нам относиться к сообщениям наших источников. Свои суждения мы стараемся выводить больше из общего положения вещей, чем из этих свободных сплетений фантазии. Ни Сципион, ни Ганнибал нисколько не проигрывают от такого критического подхода к ним. Здесь повторяется то же самое, что мы уже наблюдали при изучении Персидских войн: при правильном освещении героизм греков, нисколько не убавился, когда мы так сильно снизили численность персидского войска. Картину,

написанную легендой и поэзией, отнюдь не следует признавать фальшивой из-за того, что она написана не теми красками, какими пишется история. Они говорят только на другом языке, и весь вопрос лишь в том, чтобы правильно перевести этот язык на язык истории.

Сципион сумел принять великое решение, которое ставит его в ряды величайших полководцев мировой истории и сообщает внутреннюю правдивость всем поэтическим образам, изобретенным Эннием в его хвалу: это решение заключалось в том, что он возложил все надежды на отвагу, сам отрезал себе возможность отступления, отказался от сообщения с морем, от последней возможности спасения в случае неудачи, и, поняв, что ждать Масиниссу опасно, пошел ему навстречу в глубь страны. Он взял в сторону и ушел от Ганнибала.

Близ города Нараггары, на границе нынешнего Туниса и Алжира, он соединился с войсками Масиниссы и стал ожидать здесь прибытия Ганнибала, которому не оставалось ничего другого, как принять решительное сражение.

Мы видели, как до последнего мгновения колебалась в этом сражение стрелка весов. Но если мы хотим постичь во всей полноте, сколько

нужна было душевной силы для того, чтобы дать приказ к выступлению на Нараггару, а также и для проведения самого сражения с невозмутимым спокойствием, то мы должны взвесить оба этих момента в их взаимной связи: сражение рассматривать в связи со всей стратегической обстановкой, а смелость стратегического шага мерить по той остроте, с какой разыгрывалось сражение.

Отчаянная смелость решения Сципиона весьма примечательным образом отразилась в том неверном названии, с которым традиция связывает сражение вплоть до наших дней, – З а м а. Даже после победы Сципион не отважился в своем сообщении в Рим дать свою стратегическую конъюнктуру, показать во всей полноте, как совершен был этот марш в глубь страны, прочь от морских берегов; он не указывает самого места сражения, упомянув лишь название главной ставки Ганнибала при его последнем переходе; этим названием стало обозначаться самое сражение, и это настолько затемнило всю стратегическую картину, что историки могли колебаться в выборе между Западной и Восточной Замой. Марш Сципиона можно сравнить с движением Силезской армии от Мульды через Заалу в октябре 1813 г. или с

отступлением от Линьи на Вавр в 1815 г.; обе эти операции были стратегической победой над Наполеоном. А если Сципион, вместо того чтобы хвалиться неслыханной смелостью своего решения, предпочитает скрыть и замаскировать опасность, которой он подвергался на пути к победе, то это нам напоминает случай с Мольтке, когда тот, опасаясь коршунов критики, обозначил свой гениальнейший и смелейший стратегический шаг – вступление в Богемию раздвоенной армией – как "применение к неблагоприятным условиям обстановки".

Даже после нараггарской победы Сципион со своими незначительными силами не мог думать об осаде и взятии Карфагена. И морально, и экономически Рим был настолько истощен длительной войной, что не мог и не хотел отпускать на нее новые средства; а между тем группировки греко-македонских государств складывались в такие отношения, что перед Римом вставал насущный вопрос о вмешательстве и о новой войне. Как перед отъездом Сципиона в Африку римские политики не одобряли экспедиции и предсказывали неудачу, так и после победы они снова подняли голоса; но только теперь они тянули в обратную сторону и требовали продолжения борьбы до полной победы

над противником, вплоть до разрушения Карфагена. Однако, победитель при Нараггаре показал, что умел правильно учесть не только свою силу, но и ее ограниченность. Как часто ставили ему в вину, что он поторопился заключить мир, не желая уступать преемнику славу окончательной победы. Этот упрек, притязая на убийственную остроту, показывал только зависть критиков, и в наши дни его не следовало бы повторять. Много протекло бы времени, пока преемник Сципиона в борьбе с Ганнибалом и неприступными стенами Карфагена унаследовал бы эту славу. Сципион лучше понимал выгоды своего родного города и принял мир, предложенный теперь по настоянию Ганнибала. Условия этого мира по существу не очень расходились с теми, которые сам Сципион год тому назад, до прибытия Ганнибала, ставил пунийцам и которые римский народ находил в то время: вполне приемлемыми. Таким образом, значение сражения при Нараггаре заключалось не столько в его положительной стороне – в самой победе, одержанной здесь Римом; оно было скорее отрицательного порядка; Карфаген был сломлен в своем последнем взлете, и граждане его утратили надежду на будущее. Самым главным из новых условий, прибавленных к мирному договору, было

то, что Карфаген не имел права вести какую бы то ни было войну без согласия Рима, а, следовательно, признал его полный суверенитет.

Конечно, при заключении мира трудно было бы сказать с уверенностью, останется ли это условие мертвой буквой или оно действительно положит конец самостоятельной карфагенской политике. Покорность побежденного города зависела в будущем от международных отношений, от македонской и сирийской политики, от внутреннего развития Карфагена и Рима. Дальнейшее показало, что поражение при Нараггаре окончательно сломило силу Карфагена. Шесть лет спустя, в 195 г., когда римляне в короткий срок без участия Карфагена покорили также и Македонию, карфагеняне по требованию римлян изгнали Ганнибала из родного города, и только это событие сообщило мирному договору истинное значение.

Двух великих полководцев знает мировая история – Ганнибала и Наполеона, чью славу нисколько не умалило их конечное поражение. Перед их величием история всегда испытывала искушение судить их победителей строже, чем их самих, – чтобы отнюдь не создалось впечатления, будто победитель выше побежденного. Сколько бы ни превозносили Сципиона римляне или

Веллингтона – англичане, однако, во всех случаях, когда не была замешана национальная гордость, о них высказываются очень сдержанно, а о Веллингтоне даже с некоторым пренебрежением; меньше же всех получил признание тот, кто больше всех имеет право называться победителем Наполеона в стратегии, – генерал Гнейзенау. Здесь вообще трудно было говорить о сравнении с Наполеоном, так как прусским полководцем был не Гнейзенау, а Блюхер, – а уж Блюхера ставить как стратега наряду с Наполеоном и вовсе никто не помышлял.

Пусть история даст это удовлетворение побежденным, поскольку их противники получили щедрую награду в самой победе. Мы, однако, в нашем специальном исследовании должны судить более осторожно. О полководцах нового времени речь будет позже, о Сципионе же прямо следует сказать, что он, как показало уже все наше изложение, с полным правом может притязать на место хотя, конечно, и не выше Ганнибала, но все, же рядом с ним. Трезвый Рим, с его строгими, авторитарными формами государственности, не позволяет личности так самостоятельно выдвигаться, как мы это видели в Греции. Общая черта – дисциплина – настолько преобладает над всем личным, что мы почти

боимся говорить о гении, который всегда должен обладать чрезвычайно сильной индивидуальностью. Но, может быть, все же не следует скупиться на это слово, когда речь идет о человеке, который дал римскому войску новые формы тактики, отважился на экспедицию в Африку и на выступление из Баградской долины к Нараггаре, – который твердо и уверенно, через опаснейший кризис, провел сражение с Ганнибалом и, наконец, сумел не превысить мер в своих требованиях и заключить правильный мир. Однако мы знаем о Сципионе не только эти общие абстрактные черты величия, как вырисовываются они из самых событий. Мы имеем возможность заглянуть полководцу прямо в лицо на том портрете, который творческая сила Моммзена сумела воссоздать по различным показаниям источников и которым я хочу завершить свое описание Второй Пунической войны. Настоящим исследованием мне удалось, надеюсь, доказать великое значение Сципиона как полководца и государственного человека; остается дополнить эти доказательства последней решающей чертой: Моммзен дает характеристику Сципиона в тот момент, когда он выступает перед римским народом в качестве кандидата на пост

главнокомандующего в Испании, где римские войска были наголову разбиты.

"Сын шел, чтобы отомстить за смерть отца, которому девять лет тому назад он спас жизнь на берегах Тичино; это был мужественно красивый длиннокудрый юноша, скромно красневший от стыда, когда за неимением другого, более достойного кандидата вызвался занять высокий, но опасный пост; простой военный трибун, разом возведенный теперь по выбору центурий на самую высшую должность, – все это произвело на римских горожан и крестьян необычайное и неизгладимое впечатление. Действительно, образ этого героя отмечен какою-то чудесной силой обаяния. То бодрое и уверенное, наполовину искреннее и наполовину напускное воодушевление, которое он излучал вокруг, создавало ему ослепительный ореол. В нем было достаточно пылкой фантазии для того, чтобы зажигать сердца, и достаточно расчетливости, чтобы во всем подчиняться требованиям благоразумия и не упускать из виду мелких подробностей; он не был настолько наивен, чтобы разделять слепую веру толпы в свое божественное вдохновение, и не был достаточно прямодушен, чтобы самому разрушать эту веру; однако в глубине души он был убежден, что его осеняет особая милость богов, короче – это была настоящая натура пророка; будучи поставлен выше народа, он в то же время стоял и вне народа; он был непоколебимо верен данному однажды слову и отличался царственным складом ума; однако он считал для себя унижением принять обыкновенный

царский титул и вместе с тем не мог даже представить себе, чтобы государственные установления республики связывали его, как всякого другого гражданина; он был так уверен в своем величии, что вовсе не знал ни зависти, ни злобы, снисходительно признавая чужие заслуги и прощая чужие ошибки; он был превосходный командир и тонкий дипломат без того отталкивающего отпечатка, который свойствен обоим этим званиям; настоящий римский патриот с эллинским образованием, красноречивый и обходительный, Публий Сципион легко покорял сердца женщин и воинов, своих земляков и испанцев, сердца своих соперников в сенате и сердце своего более великого (по Моммзену, – я сказал бы иначе) карфагенского противника. Вскоре имя его было у всех на устах, и он сделался звездою, которой, казалось, назначено было доставить своей родине победу и мир".

Примечание к 3-му изданию. 1. В двух первых изданиях я полностью приводил в этом месте рассказ Аппиана о сражении при Заме, чтобы читатель мог сравнить эту версию с моей и непосредственно убедиться, какие неверные описания сражений мы встречаем у древних авторов, – описания, которые не имеют ничего общего с действительными событиями и должны быть попросту отброшены in toto. Относительно названного аппиановского рассказа этого никто не отрицает, так как здесь мы имеем счастливую возможность черпать правдивые сведения из другого источника. Но этого недостаточно. Надо иметь мужество отвергать явно легендарные рассказы даже в тех случаях, когда мы не имеем возможности заменить их чем-либо лучшим.

Решиться на это нелегко, и лишь очень постепенно научный мир привыкает к правильным мерилам. Ввиду этого я настойчиво рекомендую читателю ознакомиться с аппиановским рассказом, но сам я, к сожалению, ради экономии места должен отказаться от перепечатки его на этих страницах.

2. Фейт в переработанном им томе своего труда "Die Antiken Schlachtfelder" (III, 2) в основных чертах, как тактических, так и стратегических, примыкает к тому пониманию похода 202 г., которое было разработано Конрадом Леманом и мною; мало того, чрезвычайно тщательным географическим и топографическим исследованием он со всей возможной точностью устанавливает самое место сражения. В частности, он так же, как и мы, помещает сражение не под Замой, а под Нараггарой и считает, что спасительным моментом для римлян явилась, во-первых, выработанная Сципионом в Испании эшелонная тактика, а во-вторых, – возвращение конницы, отвлеченной сперва пунийцами. Но я не могу согласиться со всем тем, что Фейт нашел возможным позаимствовать из Полибия и вплести в свое построение.

Фейт считает, что Леман и я слишком скептически отнеслись к рассказу Полибия; сам он видит в этом рассказе только один бесспорно ошибочный момент – ту несообразность, что карфагенские граждане изображены сперва трусами, а потом храбрецами. Но ошибка эта состоит лишь в неверном толковании поведения карфагенян, самих же фактов отнюдь не искажает; подобные ошибки вполне извинительны. Я держусь как раз обратного мнения: по-моему, скорее можно было бы простить отдельный факт, чем такое

объяснение, которое притязает на убедительность и вместе с тем представляет настолько явную нелепость, что отпадает само собой. Как бы там ни было, остаются еще такие несообразности, как то, что Ганнибал едва не выиграл сражение, хотя его две первые линии передрались между собою; остается отступление римских гастатов вследствие чрезмерного количества крови и трупов на поле. Все эти басни, очевидно, попали сюда из того же арсенала, что и ганнибаловы парики, гребля на суше, полуденные отливы под Новым Карфагеном и многое другое, что Полибий, при всем своем критическом чутье, так необдуманно заимствует из своих источников. Что же касается тактических эволюции, построенных на подобном материале Фейтом, то они представляют собою совершенно фантастические картины. Это тем более неизбежно, что в них очень видную роль играет оборона при посредстве 80 мифических слонов Ганнибала, а между тем Фейт при подсчете сил (стр. 681) сам приходит к заключению, что у карфагенян было не более как 15–20 слонов. Получается, что Сципион из-за этих нескольких слонов в корне изменил обычный римский боевой порядок. Это тем менее вероятно, что слоны обычно применялись не против пехоты, а против кавалерии. О намерении Ганнибала двинуть в этом сражении своих слонов против пехоты Сципион, по мнению Фейта (стр. 691), мог узнать из того обстоятельства, что слоны стояли впереди, а, следовательно, должны были двинуться первыми. Я не допускаю мысли, что Ганнибал проявил так мало предусмотрительности. Коль скоро он задумал нечто необыкновенное, то ему, конечно, было ясно, что его прием окажется сугубо

действительным, если будет применен неожиданно. Следовательно, Ганнибал должен был приказать, чтобы слоны выстроились сперва, как обычно, вместе с конницей и лишь в последнюю минуту вышли вперед для прикрытия пехоты; это можно было исполнить под самый конец пути – на протяжении в несколько сотен шагов. Если мало всего изложенного выше, то одно это соображение ясно показывает, какую детскую сказку представляет собой вся эта история со слонами и с проходами, заранее оставленными для них в римском строю, чтобы слоны послушно использовали эти любезно предоставленные им коридоры. Как именно Ганнибал, по всей видимости, использовал фактически своих слонов, было изложено выше.

Тому, что все предание об африканском походе переплелось с сознательным вымыслом какого-либо поэта, Конрад Леман привел дополнительно прямое доказательство, открыв в качестве источника истории со шпионами аналогичный рассказ у Геродота ("Jahrb. f. klass., Philologie", 1896 г., Bd. 153, No 68). У Полибия достало критического чутья, чтобы исключить рассказ о поединке между Сципионом и Ганнибалом, возникший, понятно, из того же источника; однако критик проглядел, что и анекдот со шпионами, и личное свидание обоих полководцев, и бой пунийцев между собою, и непроходимое из-за трупов и крови поле сражения – все это столь же мало заслуживает веры. Сам старый Лелий, путая подлинные воспоминания с образами энниевой поэмы, мог рассказать Полибию эти подробности, но голос критики смолчал. Ведь даже Фукидид был подобным же образом введен в заблуждение своим

гостеприимным спартанским другом и принял за истину его рассказ о государственной измене Павсания.

Очень существенно еще и другое отклонение Фейта от моей концепции: он не согласен, что Сципион покинул область Замы и дошел до Нараггары, чтобы получить подкрепления от Масиниссы; по мнению Фейта, римское войско находилось в Нараггаре еще до приближения Ганнибала. Если так, то мы самым неожиданным образом должны сильно понизить наше мнение о стратегических способностях не одного лишь Сципиона, но и его великого противника. Неслыханно смелое решение Сципиона – сняться с места и уйти в таком направлении, откуда ему был отрезан обратный путь, – отпадает, а на Ганнибала падает упрек, что он безо всякой настоятельной необходимости до срока выступил из Гадрумета и дал решительный бой, не закончив сборов. Между тем, если в момент выступления карфагенян из Гадрумета Сципион стоял в окрестностях Замы, Ганнибал, по-видимому, имел в виду напасть на него с превосходными силами, – и тогда его преждевременная вылазка получает оправдание; если же Сципион находился уже в Нараггаре, то его соединение с Масиниссой следовало считать уже совершившимся фактом, и у Ганнибала не было никаких оснований прерывать свои подготовительные работы и, не собрав всех сил, двинуться в поход.

Такое, если можно так выразиться, снижение ценности двух крупных исторических величин, конечно, не могло бы служить доводом против фактов, если бы сами эти факты были доказуемы. В

данном случае, однако, мы видим обратное. Соображения, приведенные Фейтом (стр. 639), очень неясны и совершенно неубедительны. Подобный случай мы имеем в сражении на Лехфельде, где точно так же историческое значение личности императора Оттона сильно зависит от того, происходило ли сражение на левом берегу реки или на правом.

Мое положение, что Сципион сам впоследствии не вполне признавался в неслыханной смелости своего ухода в Нараггару, Фейт отводит (стр. 641), как психологически неправдоподобное; успех, полагает он, в глазах современников еще более, чем в глазах потомков, служит оправданием риска. Этот довод насчет психологического неправдоподобия я могу опровергнуть историческими аналогиями. Когда Наполеон в 1800 г. зашел в тыл австрийской армии с целью отрезать ей отступление, он, чтобы вернее захватить противника, имел смелость разделить свою собственную армию на несколько частей и послать ее по различным дорогам, которые могли использовать австрийцы. В результате он подвергался чрезвычайному риску, что будет разбит при Маренго, если откомандированный Десэ не подоспеет вовремя с подкреплением. Однако Наполеону никогда не приходило на ум хвалиться после победы своею смелостью (в которой он безусловно был бы оправдан); напротив того, он дает попросту ложный отчет о сражении, превращая смелость в мудрую предусмотрительность. Приведу другой пример: величайшим стратегическим делом Мольтке, несомненно, следует признать его вступление в Богемию двумя разделенными армиями при опасности, что на одну из них могут обрушиться

главные силы австрийцев, прежде чем придет на место вторая. Хотя вступление блестяще удалось, самомнение военных критиков отнюдь не преклонилось перед успехом; они постоянно старались доказать, что только небывалая удача или небывалая оплошность противника доставила Мольтке победу, и фельдмаршал сам, наконец, взялся за перо (1867 г.), чтоб защититься от этих нападок.

Sann в своих "Untersuchungen zu Scipios Ferdzug in Afrika", стр. 24[72] вполне справедливо отводит те основания, по которым Фейт заставляет Сципиона отправиться в Нараггару. Но столь же мало убедительны и его собственные доводы, которыми он оправдывает позицию Сципиона под Замой; Занн полагает, что Сципион рассчитывал таким образом прикрыть наступление Масиниссы. Это было бы грубейшей ошибкой. Откуда шел Масинисса? Конечно, с запада. Зачем же было Сципиону, прикрывая союзников, подвергать свое собственное войско опасности нападения со стороны превосходных сил Ганнибала, когда он попросту мог бы указать нумидийцам, чтобы они шли на соединение с римлянами по одной из упомянутых в источниках более северных дорог.

Подвожу итог прениям. Если сражение имело место при Нараггаре, то приход Сципиона в эту местность имеет только одно объяснение: под давлением необходимости римлянин делает героический выбор и, видя в отваге единственный путь к спасению и победе, уходит от Ганнибала в глубь страны, до самой Нараггары, чтобы здесь соединиться с Масиниссой. Объяснение Фейта, что Сципион отправился сюда по доброй воле, нельзя

признать удовлетворительным. Если сражение произошло при Заме, то непонятно, зачем Ганнибал его принял. Он ждал от Вермины еще один сильный отряд конницы, который действительно присоединился к нему через несколько недель после сражения. То, что он все-таки принял сражение при Нараггаре, зная уже о соединении Сципиона с Масиниссой, представится вполне естественным, если мы учтем, как далеко он зашел, преследуя противника, и в какое неблагоприятное стратегическое положение поставил Сципиона; если бы оба войска сошлись в окрестностях Замы, то Ганнибал очень мало потерял бы и очень много выиграл бы, оттянув решительное сражение еще на несколько недель и получив тем временем столь нужные ему конные подкрепления от Вермины. Итак Фейт прав, когда отводит Заму как место, где произошло сражение; но он не прав, принимая для Нараггары неудовлетворительное объяснение (поход в глубь страны с целью опустошения местности).

Фейт заблуждается, полагая (стр. 658), что маневр, которым Сципион удлинил свой фронт за счет второй (или третьей) линии, явился, по моему мнению, неожиданностью для карфагенян. Я ведь сам говорю, что Сципион выработал эшелонную тактику еще в Испании и применил ее в сражениях на "Великих равнинах". Ганнибал, разумеется, это знал и, следовательно, был подготовлен к подобным приемам со стороны Сципиона. Тем не менее Ганнибал рассчитывал на победу и был до некоторой степени прав, так как имел перевес в пехоте; и даже по свидетельству самих римлян, Ганнибал благодаря этому перевесу неминуемо одержал бы победу, если

бы не вернулась вовремя римско-нумидийская кавалерия и не напала бы на карфагенян с тыла.

Одним из самых существенных результатов моих изысканий в области военного дела у древних явилось утверждение, что римляне выработали эшелонную тактику только во время Второй Пунической войны под командованием Сципиона. Первый, кто согласился со мною в то время, когда Моммзен упорно отвергал это, был Фрелих. На мой труд он откликнулся статьей: "Die Bedeutung des zweiten punischen Krieges fьr die Entwicklung des rцmischen Heerwesens", 1884 г. Кромайер и Фейт также стали теперь на мою точку зрения. "Сципионово эшелонирование римского боевого порядка в глубину на три самостоятельные линии и его блестящие фланговые эволюции, ставшие возможными только благодаря этому нововведению, – вот что вырвало победу из рук его великого противника", – пишет Кромайер[73]. Это совершенно справедливо, но стоит в противоречии с кромайеровским представлением, будто римляне искони владели искусством маневрирования самыми малыми тактическими единицами – манипулами.

Для всех, кто владел таким искусством, фланговые движения, как их провел Сципион при Нараггаре, не только не представляли ничего особенного, но были проще простого; мало того, можно даже сказать, что для них сципионовский строй явился бы не прогрессом, а шагом назад, не усовершенствованием тактики, а напротив – переходом к более грубым формам. Даже Кромайер и Фейт не могли не увидеть, что между беспомощной неподвижностью римской тактики при Каннах и нараггарским маневрированием

должно было иметь место какое-то существенное преобразование, и что здесь надо искать одно из великих дел Сципиона. Но желая в то же время сохранить представление о необычайной тонкости воображаемой древнеримской Quincunx-Taktik (тактики шахматного порядка), они впадают в неразрешимое внутреннее противоречие.

Когда я впервые (в "Histor. Zeitschr.", Bd. 51, 1883) опубликовал свое открытие (как я позволю себе это назвать), то главное возражение, которое я и сам себе ставил, заключалось в том, что Полибий не только ничего не сообщает о каких-либо реформах в римской пехотной тактике во время Второй Пунической войны, но даже явно ничего о них не знает.

В настоящее время вопрос настолько выяснен, что это возражение уже никем не выдвигается; даже Кромайер в этом решающем моменте примыкает теперь к моей теории. Но я хочу обратить внимание еще на одну вещь: такой человек, как Полибий, пребывает в темноте относительно такого важного события, как военная реформа Сципиона! Кто правильно взвесит этот факт, тот не преминет сделать отсюда дальнейшее методологическое следствие, – что мы должны чрезвычайно скептически относиться ко всем деталям, ко всем оборотам речи у древних писателей, когда они касаются вопросов тактики. Как мало могут знать порою современники о самых фундаментальных реформах тактики, – даже писатели-специалисты по военному делу, – читатель может судить, если прочтет IV том настоящего труда (стр. 466), где приведены рассуждения очень компетентного человека – Гойера (Ноует) – о постановке дела во французских революционных

войсках. Здесь можно также указать и на то, что через 100 лет после Фридриха Великого в прусском генеральном штабе уже ничего не знали о его стратегии (ср. т. IV, стр. 438).

Примечания

1 Несмотря на возражения, выдвинутые Эдуардом Мейером в его Истории древнего мира (II, § 499), я считаю, что можно и должно сохранить это представление о постоянстве государственного развития Рима. Ведь совершенно ясно, что основной принцип римского конституционного права административные полномочия судебных властей коренился в очень ранних временах и постепенно ослабевал, вытесняемый более молодым принципом разделения властей. Совершенно исключена возможность, чтобы такое твердое представление о могуществе чиновника сложилось только тогда, когда общее народное собрание уже формально получило в свои руки верховную власть; и то странно, как этот строгий принцип так долго еще уживался с представлением о суверенитете народа.

Далее совершенно ясно, что система голосования, существовавшая в историческую эпоху, сложилась на чисто военной, а не на политической основе; следовательно, и этот институт восходит к времени очень сильной монархии.

Итак действительно, говоря "о постоянстве развития римского государства", мы, по-видимому, не преувеличиваем роли этих исторических смен одежды; впрочем один лишь Мейер выдвигал против этого серьезные возражения.

Все сомнения о достоверности хронологии и традиции в ее частностях я оставляю тут в стороне. Они не затрагивают тех данных, которые мне придется использовать в этой книге.

2 Ср., в частности, т. III, часть 3, гл. 1 и 2, особенно же стр. 251.

3 Ливий, 23, 46 (а 215 а. С) о капуанцах: Они имели 6 000 вооруженных бойцов, причем пехота в боевом отношении была слаба; качество конницы было выше, и она главным образом в кавалерийских боях побеждала противника.

4 Против теории, что коренные жители благодаря земельной ренте сделались патрициями, возражает также и Шмоллер (Grundriss, т. 1, 2-е изд., стр. 497): Если кто воображает, что капитал сам собою, в силу неравномерного распределения, породил крупную промышленность; если думают, что наследники счастливых предпринимателей во

втором и третьем поколениях явились уже настоящими капиталистами, что капитал создавал затем новые предприятия, то такое представление совершенно ошибочно. Их и в дальнейшем создают и поддерживают только личные качества.

5 У Геллия, 16, 10, 1, содержится стих Энния proletarius publicitus scutisque feroque ornatus ferro (лица из беднейших классов снабжались щитами и оружием на государственный счет). Моммзен (Staatsr., III, 1, стр. 29) цит. из Полибия (VI, 21, 7): Самых молодых самых бедных из нас зачисляли в легковооруженные"

6 Для Аттики 490 г. мы считали 25 003 000 жителей на 1 кв. милю, для Беотии V столетия 2 200, для Лаконики и Мессении 1 500, для Пелопоннеса 2 0002 200. При первобытных способах земледелия, страдавшего к тому же от нескончаемых раздоров между соседями (2 S тыс. лет тому назад Италия, несомненно, представляла именно такую картину), даже в самых плодородных полосах 1 кв. миля вряд ли могла прокормить более 2 500 ил 3 000 чел. Рим как старый торговый город, может быть, уже в 510 г. имел некоторый хлеба из-за моря, но, конечно, незначительный; ведь, если бы город

был по тому велик, он уже и тогда занимал бы более видное политическое положение. Незначительная величина города по отношению к его области доказывается также и тем, что из 20 триб было только 4 городских. Так называемая Сервианская стена, обнимавшая очень большую площадь была воздвигнута не ранее, как в период Самнитских войн.

7 Регулярный правительственный учет населения представляется на первый взгляд очень простой задачей: на деле же, когда он должен вестись непогрешимо, он требует самого тщательного и неусыпного контроля. Ошибка в ту или иную сторону может иметь очень серьезные последствия, а между тем работа в силу вещей неизбежно находится в руках писцов, которые, помимо нерадивости, могут оказаться доступными подкупу. В 214 г., когда каждый мужчина призывного возраста, не ушедший в поход, должен был бросаться в глаза на улице, ревизия обнаружила 2 000 младших, уклонившихся от воинской повинности (Ливий, XXIV, 18, 7).

8 Если правильна наша выкладка, что при учреждении консулата в Риме была 21 триба и круглым счетом 8 400 пехотинцев, способных к

действительной службе, то возникновение для легиона нормы в 4 200 чел. нельзя объяснить иначе, как тем, что каждому консулу определена была половина ополчения. Когда войско бывало в полном сборе и оба консула налицо, то верховное командование переходило через день от одного к другому.

9 Об этом очень ценные указания дает Штейнвендер (Steinwender, Program d. Gymn. zu Marienburg, 1879).

10 Berlin, Georg Nauck, 1906. Ср. Preuss. Jahrb., т. 131 (Januar-Heft, 1908).

Примечание к 3-му изд. А. Розенберг (A. Rosenberg, Untersuchungen zur rцmischen Zenturienverfassung, 1911) признает несостоятельность моммзеновского построения и пытается найти средний путь между Моммзеном и мною. Подробный разбор этих контргипотез завел бы нас слишком далеко. Основная ошибка Розенберга заключается в том, что он недостаточно Учитывает статистику народонаселения Рима и его области.

11 Brunke. Philologus, 1881, стр. 368.

12 Assensi приписанные, резервные, заменяющие выбывающих из строя; velati невооруженные.

13 Фукидид (VI, 98) рассказывает нам, как сиракузцы хотели дать сражение афинянам и уже выстроились в боевом порядке, когда полководцы заметили вдруг, что войско рассеяно, и его нелегко привести в порядок; они из-за этого увели войско обратно в город.

14 Полибий, XI, 22, 110.

15 Также и Вегеций (I, 20) ясно свидетельствует, что число высылаемых вперед за линию фронта легковооруженных было незначительно и что они высылались преимущественно с флангов.

16 Каждое оружие имеет свои преимущества и недостатки, и оценка их остается субъективной. Так, например, Групп (Grupp) в своей Kulturgesch. d. Mittelalters (I, 109) говорит: Норвежское Королевское Зерцало предостерегает от слишком раннего выпуска копья: в сухопутном бою одно копье стоит двух мечей.

17 "Vorschrift f. die Waffenubungen d. Kavalerie", Berlin 1891.

18 Какова была конструкция первоначального римского меча, неизвестно. Вероятно, он представлял собою не более как длинный и крепкий кинжал, что-нибудь вроде охотничьего ножа или просто обыкновенный нож, какой употребляется, чтобы резать мясо или тесать дерево. Во время Второй Пунической войны был введен "испанский меч" – прямой обоюдоострый меч, заостренный на конце, приспособленный скорее для укола, чем для удара, короткий и очень широкий сверху.

A. Mьller, Philologus, т. 47, стр. 541. Из Villenoisy "Du mode d'emploi desйpees antiques", "Revue archйol.", 1894, стр. 230, нельзя извлечь ничего существенного.

19 Дротик (пилум), представлявший собою, – по крайней мере первоначально, – простое метательное копье с очень длинным и тонким наконечником, имеет свою собственную историю. Об этом из современных авторов лучше всего трактует Дам (Dahm, "Jahrb. d. Ver. v. Aitertumsfreunden in Rheinland", 1896/97, стр. 226). До странности ошибочная конструкция, предложенная Рюстовом, служит лишним доказательством тому, как в сущности трудна

критика античного литературного предания даже для наилучших практиков и как легко она попадает на ложный след. Заслуга правильной реконструкции пилума принадлежит Линденшмиту (Lindenschmit); очень ценными также и для этого вопроса оказались раскопки, предпринятые по почину Наполеона III.

Примечание к 3-му изданию. A. Schulten (Rhein. Museum, N. F., т. 66, стр. 573, 1911) считает вероятным, что пилум, как таковой, был только во Вторую Пуническую войну заимствован у иберов. Это, конечно, отнюдь не исключает возможности того, что римляне задолго до того усвоили прием – бросать издали копье и вести рукопашный бой ножом, кинжалом или мечом, иберам же они были обязаны только последним техническим усовершенствованием в конструкции метательного копья. Положительных указаний, когда именно римляне ввели описанную выше комбинацию боя копьем и мечом, мы не имеем да и не можем иметь в силу самой природы вещей.

20 По Полибию. В эпоху цезарей мы находим, что в арсеналах оружие делилось на "оружие для войск, стоящих впереди знамени", и "оружие для войск, стоящих позади знамени", что вряд ли

могло означать что-либо иное, чем то, что передним шеренгам полагался "pilum", а задним "hasta". Ср. Domaszewski, Sitz.-Bericht. d. Heidelb. Akad., 1910, стр. 9.

21 К ней добавления в "Mitteilungen d. Ostr. Archdol. Epigraph. Instituts", т. 15, 1892. Ср. также обстоятельную рецензию Моммзена, там же, т. 10 (1886), стр. 1 и сл.

22 Ксенофонт, Hellenica, III, 2, 2; IV, 4, 9; VI, 2, 23. Плутарх, Фокион, гл. 13.

23 Полиэн (III, 9, 11) заставляет Ификрата занять крепкую позицию перед лагерем для прикрытия последнего. Непосредственно за этим рассказывается, правда (§ 17), что Ификрат даже и здесь, на неприятельской территории, приказал провести рвы, чтобы ему, как полководцу, не пришлось, чего доброго, сказать: "Я упустил это из виду" ("Я не думал, что это лежит на обязанности полководца"). Таким образом, по-видимому, гораздо чаще случалось, – как это можно заключить и по первоисточникам, – что для защиты лагеря по меньшей мере рыли ров.

24 Полибий называет римский лагерь квадратным; более позднее описание лагеря у Хигина дает форму прямоугольника. В еще более поздний период углы стали закругляться; так оно, вероятно, и осталось. До известной степени устройство лагеря, конечно, приспособлялось к местности, но основная форма сохранялась постоянной. Из лагерей Цезаря в Галлии некоторые настолько сохранились до наших дней, что раскопки Наполеона III совершенно точно установили их форму и размеры. Здесь, однако, не место для обсуждения подробностей устройства римского лагеря. Наряду с Марквардтом укажу на Фрелиха ("Kriegswesen Cdsars", стр. 74, а также 220 и сл.).

25 Обыкновенно считается (Марквардт, стр. 426), на основании одного цицероновского описания в "Тускуланах" (II, 16, 37), что легионеры постоянно брали с собою колья. Против этого Liers (стр. 155) вполне основательно приводит три места из Ливия (VIII, 38, 7; X, 25, 6; XXV, 36, 5), где рассказывается, как нечто совершенно естественное, что воины натесали колья на месте, и также четвертое (XXXIII, 6, 1), где таскание кольев с собою явно выставляется, как нечто исключительное.

Примеч. к 3-му изд. Штолле (Stolle, Der rqm. Legionar und sein Gepdck, 1914), однако, высказывается положительно за предание, по которому к постоянной нагрузке легионера принадлежит также и кол; но кол этот будто бы представлял собой довольно тонкую палку, вес которой он устанавливает в 1310 граммов. Ср. ниже, примеч. к ч. VI, гл. 2.

26 Ср. Bauer, Griech. Kriegsaltert, § 39.

27 Gilbert, Handb. d. griech. Siaatsaltertьmer, I, стр. 356, 2-е изд. В примечании автор говорит, что "стратег мог чинить полевой суд", и в доказательство цитирует Лисия (13, 67). Это место гласит: "Так как он изменнически подавал сигналы врагу, он был забит до смерти палками по приказанию Ламаха". Таким образом, в войсках Ламаха под Сиракузами 1 чел. за измену был засечен до смерти. По какой служебной форме это было произведено, мы не знаем. Отсюда мы можем принять, что такое преступление, как измена, могло караться смертной казнью непосредственно в армии, но какую роль играла при этом дисциплинарная власть полководца, мы из этого места не усматриваем.

28 Аристотель говорит ("Politica", III, 14 (9) 2), что во время сражения спартанские цари были хозяевами над жизнью и смертью своих подчиненных; следовательно, в другое время они таковыми не были. Такая база слишком узка для создания подлинной военной дисциплины.

29 Правильно указано Белохом в "Griech. Gesch.", II, 479.

30 Для более древнего периода мы не имеем прямых доказательств власти центуриона. Кто видит в римском гражданском войске ополчение собственников, тот скорее примет предположение, что такого рода дисциплина была введена только с переходом к вербовке из масс. Но при моем взгляде на историю римской войсковой организации не подлежит сомнению, что дисциплина исстари покоилась на одних и тех же основах. Где на высшей ступени власть с таким неограниченным произволом применяет смертную казнь, там она по самой природе вещей и в низших инстанциях облечена широкими полномочиями. С другой стороны, точно так же лежит в природе вещей, что центурион, чувствуя себя гражданином среди сограждан, допускал

известную неровность в обращении, и какой-нибудь почтенный отец семейства в условиях обычной службы не подвергался опасности побоев. Против моего взгляда может быть приведена ссылка на Полибия (VI, 37, 8), где право наказывать, сажать под арест и сечь приписывается трибунам, без упоминания о центурионах. Но Полибий говорит здесь о формальном наказании, наряду с которым вполне могло стоять не утвержденное никакими законами рукоприкладство со стороны командиров в целях поддержания порядка.

31 Ср. выше, стр. 224.

32 Ливий, XXIX, 9, 4; Valerius Maximus, II, 7, 4; Frontin, Stratagem., IV, 1, 30, 31. "Консул Котта, оставивший вместо себя при осаде Липар своего родственника Публия Аврелия, так как сам он должен был отправиться в Мессену для повторения гаданий, после взятия и сожжения неприятелем укрепления приказал бить розгами и разжаловать Публия Аврелия в простые пехотинцы и одновременно помиловать его".

33 Th. Steinwender, Professor am Kцniglichen Gymnasium zu Danzig. "Die Marschordnung des

rцmischen Heeres zur Zeit der Manipularstellung, Danzig, A. W. Kafemann, 1907.

34 Шуберт, стр. 174

35 Unger, Rhein. Museum, т. 34, стр. 102, и ф: Скала, Rцische Studien ("Приветственное слово из Инсбрука к XLII съезду германских филологов", 1893), заставили сильно считаться с возможностью, что и Невий, писавший свою поэму лишь на склоне лет, уже пользовался Филином.

36 Этот вопрос прекрасно освещен у В. Зольтау в "N. Jarhb. f. Philologie", т. 154, стр. 164 (1896).

37 "Die Altertьmer unserer heidnischen Vorzeit", Bd. 4, Heft 6.

38 "Geschichte d. Eisens", стр. 510, составл. L. Beck; оттуда Jdhns, Gesch. d. Trutzwaffen, стр. 72.

39 Мьllner-Leubach, Korrespondenz-Blatt d. deutsch. Gesellschaft f. Anthropologie, 1889, стр. 206.

40 Впрочем, этот взгляд уже был высказан и другими. См. ст. Унгера (Unger) в "Rhein. Mus Bd." 34, S. 27

41 Средняя глубина была значительно меньше; при наступлении интервалы становились неравномерными и во время наступления заменялись частями, внедрявшимися в них с тыла В предыдущих изданиях я допускал возможность двойной длины при соответственно малой глубине. Но теперь я пришел к убеждению, что фронт, развернутый на 2 км, не мог бы продвигаться вперед, сохраняя хороший порядок.

42 Полибий говорит, что иберийская и галльская конницы находились на левом, нумидийская – на правом крыле, и характеризует их первоначальные действия, как стычки. В сражении при Треббии он отличает тяжелую кавалерию ("всю тяжелую и регулярную конницу") от нумидийцев. Отсюда следует?, что тяжелой кавалерией были иберийцы, а это не исключает того положения, что Ганнибал имел также африканских кирасиров; лишь a potiori легкая конница могла быть названа нумидийской...

43 Для флота я этого начисления не делал, так как в то время римские граждане оставались на кораблях в очень небольшом числе; ввиду того что настоящей морской войны не было, можно было (исключая морской легион) вполне ограничиться союзниками и рабами

44 Ливий, XXXIV, 50.

45 Там же, XXXVII, 60.

46 Я не разделяю взгляда, будто Италия держалась Рима из страха перед дикими галлами, составлявшими большую часть пунического войска. Отпадение союзников в 211 – 210 гг. все возрастало, хотя страх, поскольку он вообще имел место, должен был все усиливаться.

47 Многочисленные победы, которые, по словам Ливия, римляне якобы одержали над Ганнибалом в период с 216 по 203 г., являются, как метко доказал В. Стрейт (W. Streit) в своем сочинении "К истории Второй Пунической войны в Италии после сражения при Каннах" (Берлин 1887), патриотическим римским вымыслом или, попросту говоря, хвастливыми выдумками. Итог, очень удачно подмеченный Стрейтом, говорит

сам за себя: во всех боях, начиная с Канн, Ганнибал должен был бы потерять 120 000 чел. В еще бóльших боях при Гердонее и Нумистро победа осталась за пунийцами. Якобы большие победы Марцелла при Ноле сводятся к совершенно незначительным стычкам.

48 Именно так рисует положение уже Полибий (IX, гл. 3 и 4).

49 "Studi di Sloria antica" pubblicati di Giullo Beloch, т. 1, 34.

50 "К истории Второй Пунической войны", стр. 35.

51 В 1-м издании были даны мои возражения Корнеману, пытавшемуся опровергнуть Белоха ("Conrads Jahrbuchern", N. F., т. 14, стр. 291, 1897 г.). Я ссылался на непреложные основания (здесь я их не привожу).

52 По народной переписи 1 декабря 1900 г. число мужчин от 17 до 18-летнего возраста в Германии равнялось 525 582, а число всех мужчин, перешагнувших этот возраст, – 16 806 581 (ср. статистику Германии, т. 150, стр. 118). По

народной переписи во Франции в начале 1901 г. число мужчин, перешагнувших за 17 лет и не достигших еще 18 лет 1 января 1901 г., – 330 318, а число всех достигших 17 лет – 13 456 430 (ср. "Resultats statistiques du recensement", 1901, т. IV, стр. 58).

53 Вторая Пуническая война и источники ее изучения – Полибий и Ливий – с точки зрения стратегии и тактики. 219 и 218 гг., за исключением альпийского перехода. Опыт Иосифа Фукса, профессора в Винер-Нейштадте 1814 г. Винер-Нейштадт, Вена и Лейпциг. – Переход Ганнибала через Альпы – результат исследований и путешествий Иосифа Фукса, профессора в Винер-Нейштадте. С двумя картами и снимком. Вена. Изд. Карла Конегена. 1897 г. Вопрос о путях перехода Ганнибала через Альпы в эту книгу не вошел, ибо для стратегических и тактических выводов пути продвижения значения не имеют. Фукс останавливается на "Mont Genevre". – Конрад Леман в "Наступлении трех Баркидов на Италию" 1905 г. весьма обоснованно стоит за малый Сен-Бернар. Позже выступил также французский капитан инженерных частей Колен с сочинением "Annibal en Gaule" 1904 г. Но

безоговорочного признания не нашла ни одна из этих гипотез.

54 Уже в начале мая Ганнибал, очевидно, двинулся из Нового Карфагена, но Пиренеи перешел лишь в начале или в середине августа. В долину По он спустился, самое позднее в середине октября, а возможно даже, что и в середине сентября.

55 Беверсдорф (стр. 16) ставит мне в вину, что я под метальщиками копий понимаю и пельтастов. Я же считаю нужным оставаться при своем мнении. Так как человек не может метать копья в таком же количестве, как стрелы или метательные камки, имеющиеся в распоряжении настоящих стрелков, то очевидно, что метальщики копий должны были быть снаряжены и для близкого боя, т.е. быть пельтастами.

56 Раймонд Элер ("Последний поход Баркида Гасдрубала и сражение при Метавре. Историко-топографические изыскания", 1897 г.) в своих основных выводах значительно отклоняется от Конрада Лемана ("Deutsche Liter.-Zeit.", 1897 г., No 23, стлб. 902).

В своей книге "Die Angriffe der drei Barkiden"

(1905 г.) Леман, говоря очень подробно о сражении при Метавре, пытается его реконструировать, но результаты этой попытки довольно сомнительны. По моему мнению, вряд ли при данном состоянии источников можно из них извлечь что-либо положительное. Цифры, характеризующие воинские части, крайне неубедительны. По исчислению Лемана, у Ганнибала осталось 15 000, а у Гасдрубала 12 000, римляне имели в Италии в строю 150 000. При таком численном соотношении поведение римлян становилось совершенно непонятным. Ср. критику Кромайера "Gqtt. Gel. Anz.", т. 169, No 2, июнь 1907 г., стр. 458.

По Беверсдорфу у Ганнибала при Метавре было 15 000, а по Кромайеру – около 30 000.

57 Моммзен, Государственное право, II, 1, 652.

58 Ливий, XXIX, 19.

59 Там же, XXX, 1, 10.

60 Там XXIV, 18 и XXVII, 7.

61 Там XXIX, 8–22. Со стороны местных

жителей раздавались такие жалобы, что сенат постановил произвести расследование.

62 Ливий, XXVII, 49.

63 Почему Ганнибал не отправился прямо в Карфаген, предание умалчивает. Может быть, он не хотел являться в столицу лишь с небольшими остатками армии, уцелевшими после сражения, тогда как в Гадрумете у него, конечно, были еще резервные отряды и запасы вооружения; приведя их с собою, он как-никак сохранял в городе известное положение и получал возможность обороны.

64 Ливий, XXIX, 22.

65 Ср. выше, стр. 207–208.

66 "Der letzte Feldzug des hannibalischen Krieges", von Konrad Lehmann. Перепечатано отдельной книгой из 21-го приложения к "Jahrbucher fьr klassische Philologie". С картой. Лейпциг, 1894 г., изд. B. G. Teubner.

67 Полибий, X, 38, 39; XI, 20–24; Ливий, XXVII, 18, 19; XXVII, 12–35.

68 XXVII, 1, второй бой при Гердонее; XXVII; 2, бой при Нумистро; XXVII, 12–14, победа Марцелла в Апулии; XXX, 18, победа над Магоном в стране инсубров.

69 В речах перед сенатом о предполагавшейся экспедиции, которые Ливий вкладывает в уста старого Кв. Фабия Максима и самого Сципиона, этот мотив не дан под правильным углом зрения. Если бы Сципион говорил прямо, ему пришлось бы слишком ярко подчеркнуть трудности всего предприятия, между тем как речь его, естественно, была направлена к тому, чтобы выставить замысел наступления как нечто совершенно безопасное.

70 Можно принять, что Ганнибал вернулся в Африку осенью 203 г. и что сражение при Нараггаре приходится на август 202 г. (Леман, стр. 555).

71 Доказано Конрадом Неманом.

72 "Berliner Dissert." 1914 г.

73 "Rome Kampf urn die Weltherrschaft", стр. 61

Часть шестая

РИМЛЯНЕ – ЗАВОЕВАТЕЛИ МИРА

Глава I

РИМЛЯНЕ И МАКЕДОНЯНЕ

Ко второй Пунической войне примыкает и победа римлян над теми войсками, которые следует рассматривать как наследие Александра Македонского. Относительно организации, способов ведения боя и тактики войска, направленного Ганнибалом против римлян, нам почти ничего не сообщается. Так как мы знаем[1], что он снабдил их римским оружием, то надо полагать, что в общем, т.е. в том, что касается вооружения, можно поставить знак равенства между обоими стоявшими друг против друга войсками.

Ганнибал в своем войске, состоявшем из наемников-варваров различных племен и немногих карфагенских высших командиров, не имел своеобразного деления фаланги на манипулы, но он, вероятно, располагал незначительными подкреплениями для второй

линии или применял кое-какие методы, дававшие возможность его фаланге стать не менее, а может быть, и более подвижной, чем римская.

В сражениях римлян против македонян особенно подчеркивается различие вооружения и тактики. Римляне благодаря манипулам расчленили старинную фалангу гоплитов, а затем благодаря образованию трех эшелонов сделали ее менее густой; копье заменили метательным оружием – дротиком (pilum) и ввели при атаке короткий острый меч. Македоняне же, наоборот, увеличили еще больше густоту фаланги и заменили короткое копье длинным – сариссой.

Мир напряженно ожидал, какой способ ведения войны окажется более правильным.

Так как нам казалось сомнительным, действительно ли сарисса и македонская фаланга (как мы ее видим при внуках Александра) существовали в том же виде в его эпоху, то исследование этого вопроса мы отложили до данного момента.

Изучим прежде всего македонский способ борьбы, как нам его описывает Полибий, современник и классический свидетель сражений при Киноскефалах и Пидне (кн. 18, гл. 28–32); попутно мы имеем сходные описания и в нескольких учебниках тактики. Исследование

этого вопроса представляло много трудностей и часто вводило в заблуждение, так как в источниках оказались несовместимые противоречия; например, в проблеме о длине сариссы, о дистанции и о расположении по шеренгам, – то и другое как у македонян, так и у римлян. Рюстов и Кёхли отрицают вообще существование у македонян этого длинного копья (24 или 21 фут.) и принимают длину сариссы не больше 14 футов, заменяя слово πήχεις – локти, о которых пишет Полибий, словом πόδες – футы. Сознаюсь, что и я долго придерживался этого мнения, но специальное исследование Эдмунда Ламмерта, сравнение с швейцарскими копьями и копьями ландскнехтов и, наконец, сеанс, который по моей просьбе осуществил военно-гимнастический кружок при Берлинской академии, убедил меня в том, что правильным является большее число, и я создал себе следующую картину.

По регламенту длина сариссы могла доходить до 24 футов, в действительности же копье достигало 21 фута; воин держал его обеими руками так, что конец его выдавался на большое расстояние вперед. Когда фаланги смыкались, сариссы 5 шеренг выступали за фронт и приводились в действие одновременно; в

передних 3 шеренгах они были равномерно укорочены[2].

О том, что передние ряды было вооружены укороченными копьями, не упоминается ни у Полибия, ни в других произведениях, но явствует из одной заметки, где упоминается, что сариссы, взятые наперевес, образовывали дугу; это вытекает из того обстоятельства, что слишком длинное копье являлось бы бесцельным и для передней шеренги; наконец, потому (как нам сообщается), что воины носили щиты. Сарисса длиною в 21 фут или даже в 18 футов не может быть управляема одной рукой, а требует обязательно работы обеих рук. Воин, направляющий копье обеими руками, не может рассчитывать на защиту себя при помощи щита. Он мог бы только укрепить вокруг руки круглый маленький щит, чтобы пользоваться им при близкой борьбе на кинжалах или мечах, если сарисса уже вышла из боя. Но, пользуясь в бою сариссой, воин, надо полагать, не мог носить щит, так как последний занял бы перпендикулярное положение по отношению ко всему корпусу и явился бы помехой воину. Если же предположить, что первая или первые шеренги были вооружены укороченными копьями, управляемыми одной только рукой, то все сообщения становятся

ясными. Следовательно, если пятая шеренга носила копья длиной в 21 фут, четвертая – 18, третья – 15, вторая – 12 и первая – 9 футов, то в строю копья могли находиться в том же перпендикулярном положении или образуя незначительную дугу; получался, таким образом, непроницаемый колючий вал.

Эта фаланга сарисс рассчитана на массовое действие, а не на борьбу каждого воина в отдельности. Расстояния между стоящими рядом и находящимися впереди воинами могут быть поэтому меньше, чем у римлян, вооруженных метательным оружием (дротиком) и мечом. Полибий говорит, что на каждого римлянина, занимавшего площадь в 3 кв. фута, приходилось 2 фалангита, а так как было 5 шеренг фалангитов, направлявших сразу свои копья на неприятеля, то и получалось 10 фалангитов на 1 римлянина.

Невероятная сила удара фаланги сарисс увеличивалась еще и потому, что она составлялась вдвое теснее, чем старинная фаланга гоплитов, имевшая по уставу фронт в 16 чел. Задние 11 шеренг держали сариссы ввысь, и тем самым получалась защита от стрел и дротиков.

Когда вся эта торчащая масса копий подвигалась вперед, создавалось ужасающее зрелище; даже римский полководец Эмилий Павел

содрогнулся, увидев их приближение.

Относительно сравнительной ценности македонской и римской тактики Полибий говорит: ничто не могло устоять против нападения фаланги сарисс; римлянин не мог своим мечом ни раздробить, ни пробить 10 копий, обращенных на него одновременно. Но римский легионер мог быть использован для боя во всякое время и на каждом месте, тогда как копьеносец мог сражаться только в массе, даже не в маленькой группе, а еще менее – сражаться самостоятельно. Поэтому фаланги и могли действовать только на равнине. Каждый ров, каждый холм, каждая впадина или лесная поросль приводили ее в беспорядок. Когда же нарушался порядок в каком-либо одном месте фаланги сарисс или ударяли с фаланга римские манипулы, – что при их подвижности было легко сделать, – то фаланга сарисс терпела поражение.

Это изложение[3] настолько убедительно, что возникает вопрос, возможно ли предположить, чтобы цари Македонии не постигали этого сами; возникает также и другой вопрос (так как уже очевидно, что фаланги Александра не могли быть так плохо сконструированы), когда и каким образом реформировалось войско?

Даже при ближайших потомках Александра

вряд ли могла существовать фаланга сарисс, как ее описывает Полибий. В описаниях различных сражений о ней не упоминается, а в историях пирровых войн говорится противоположное. Не подлежит сомнению, что Пирр, имевший такую тесную связь с Македонией, лелеял план завоевать Запад посредством той же военной тактики, какую применял Александр при захвате Востока. Но нам точно указывается, что в Италии Пирр заполнял свои войска италийцами, вооруженными италийским оружием; при этом войско свое он строил, ставя попеременно один отряд из италийцев, другой – из эпиротов[4]. Это возможно, конечно, лишь при равноценном по боеспособности, хотя и различном, вооружении. Так, например, в бою не имело бы значения, если бы одна часть войска была вооружена мечами, а другая – копьями, даже если бы копья были различной длины, но при условии, что все одновременно вступают в единоборство с обнаженным оружием.

Опыт подсказал мне, что небольшой отряд, вооруженный длинными копьями, может произвести атаку на полном бегу, но тут получается разница в натиске между отрядом, вооруженным длинными копьями, и отрядом с короткими копьями. Копьеносцы сариссы теряют

при этом то, что им необходимо, – обеспеченные фланги. Фаланга, вооруженная сариссами, сметает все со своего пути, пока порядок в ней не нарушен. Перед одним отрядом, вооруженным сариссами, противник может отступить, чтобы затем ринуться со всей силой на находящиеся тут же отряды, вооруженные коротким мечом; а стоит ему сбить хотя бы один из таких отрядов, как копьеносцы, вооруженные сариссами, уже будут им побеждены, ввиду того что он может атаковать их с фланга. Чувство опасения, что в непосредственном соседстве благодаря мужеству противника будет создана угроза флангу, должно действовать разлагающим образом на порядок во время сражения. Сарисса может иметь значение только в массовом масштабе и должна быть прикрыта другими войсками. Поэтому сообщение о смешанных отрядах приводит нас к заключению, что фалангиты Пирра не были вооружены этим длинным копьем.

Итак, если Пирр еще не имел фаланги сарисс, как ее описывает Полибий, то следует предположить или то, что сарисса, которая равнялась при Александре 12 футам, удлинялась постепенно или же, что предстоявшая война с римлянами заставила царя Филиппа V ввести в своих фалангах длинное копье, которое держали

обеими руками. Царь Филипп V был человеком большого размаха и ума; при его дворе в военных сферах римские победы над Ганнибалом производили, вероятно, большое впечатление, причем, несомненно, взвешивались и сравнивались способы ведения войны как той, так и другой стороной. Короче, римская тактика была для македонян неприемлема. Нельзя отбросить сразу в большом налаженном войске все старые привычки, взгляды и военные традиции, заменив их без всякой постепенности новыми. Македоняне привыкли сражаться густой линией, имея оружием очень длинное копье, но не умели метать копье и биться мечом. Убедившись в том, каких больших успехов достиг этот способ борьбы, они могли бы прийти к мысли еще больше усилить свое военное искусство – довести его до высшей точки, удлинив копье до 21 фута, сократив расстояние между воинами до 1,5 фута, причем в результате этой односторонности упустили из виду все вытекавшие отсюда последствия. Если это предположение верно, то по аналогии с глубокой позицией римских манипул при Каннах мы придем к заключению, что при таком противнике нельзя было маневрированием сохранить позиции для отступавших войск, а потому надо было приложить все старания смять его.

Следует отметить, что вполне свободного от посторонних влияний испытания боевой ценности обоих способов борьбы никогда не было. Оба сражения – при Киноскефалах и Пидне, – где македоняне потерпели поражение от римлян, настолько зависели от случайностей, что общее значение их результатов может быть оспорено. К этим двум можно еще присоединить третье сражение при Магнезии, в котором македонско-сирийское войско потерпело поражение и в котором, по несомненно фантастическим боевым описаниям, будто бы вовсе не было флангового строя.

КИНОСКЕФАЛЫ

Это сражение в общих чертах вполне соответствует данному Полибием описанию встречи македонской фаланги с римским легионом. Исход этой встречи не был предрешен, но выявился благодаря стычке при рекогносцировке.

Филипп, думая воспользоваться счастливым моментом, принял сражение, хотя холмистая местность и была неблагоприятна для фаланги сарисс. Поэтому фаланга двигалась неравномерно, – и в то время, когда правое крыло победоносно

продвигалось вперед, левое, продолжавшее еще выстраиваться, было пробито слонами и отброшено легионерами.

Так как нигде больше в истории не упоминается о подобной победе слонов, то важно еще раз подчеркнуть, что и здесь слоны опрокинули не развернувшийся уже боевой порядок, а, как Полибий точно повествует, фалангитов, шедших в бой, но не смогших произвести развертывание вследствие неподходящей местности.

После того, как левое крыло македонского войска было разбито, один из римских трибунов, вместо того, чтобы продолжать преследование левого крыла, бросил 20 манипул в тыл правого фланга македонского войска и этим решил исход сражения.

В большом недоумении оказалась бы история тактики, если бы случай пожелал предоставить нам не повествование самого Полибия о сражении при Киноскефалах, а лишь переработку его Ливием.

Ливий (XXXIII, 8) перевел приводимый у Полибия приказ Филиппа атаковать "с сариссами наперевес" так: "Македонской фаланге он приказал положить копья, которые мешали своей длиной, и сражаться мечами". Пример очень

ценен для того, чтобы на нем изощрялась критика, так как часто традиционная передача слов требует размышления. Многие ученые находили бы возможным считать это показание недоразумением, если бы мы не могли случайно присовокупить к нему первоначальный текст[5].

ПИДНА

О сражении при Пидне сам Полибий ничего не сообщает, имеются только не внушающие особого доверия и недостаточно обработанные заметки Ливия и Плутарха. И это сражение произошло случайно, без заранее точно намеченного плана.

МАГНЕЗИЯ

Ливий и Аппиан описывают нам сражение при Магнезии в совершенно фантастических тонах. Колесницы, вооруженные серпами, всадники на верблюдах, мобилизация 16 народностей, слоны из Индии, превосходящие качеством африканских, – всем этим было снабжено сирийское войско. Оно превосходило численностью римское почти вдвое (по Флору – в 20 раз), а по числу всадников – вчетверо; хотя оно и было глубоко построено, но фронт его был так

растянут, что из середины не видно было фланга; тем не менее об охвате его не могло быть и речи. У римлян и их союзников погибло менее 400 воинов, сирийцы потеряли 53 000. Это сражение отличалось от предыдущих тем, что здесь было введено деление фаланги сарисс на 10 частей, причем в интервалы между последними было вставлено по 2 слона. Вероятно, и это относится к измышлению автора, которому мы обязаны повествованием обо всем данном сражении. Всякая нелепость имеет свой предел, даже недомыслие сирийского царя, который не сумел использовать гений Ганнибала, находившегося у него на службе. Слоны, как мы знаем, сильнее всего действовали на конницу. В пеший сомкнутый строй они не могли проникнуть; наоборот, случалось часто, что дротики и стрелы отбрасывали их или же воины отскакивали в сторону, пропуская слонов через образовавшийся проход. В таком случае фаланга попадала в одно из самых опасных положений: в боевом порядке образовывался большой прорыв, куда легко могли проникать римские манипулы и атаковать с фланга. Это соображение имеет тем больше оснований, что слоны не шли вровень с фалангой, а при попадании в них неприятельских дротиков и стрел стремительно бросались на противника или

обращались вспять.

Того, кто считает методологически возможным и правильным на основании подобных описаний сражений при помощи критического анализа составить правдивый исторический рассказ, прошу попытаться сделать это на основании рассказа Аппиана о сражении при Каннах и Нараггаре.

КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ СРАЖЕНИЯ ПРИ МАГНЕЗИИ

Кромайер пытался дать точный анализ сражения при Магнезии во II томе своего труда "Античные поля сражений". Он насчитывает у сирийцев 60 000 чел. пехоты и 12 000 конницы, у римлян – 27 600 пехоты и 2 800 всадников. Спрашивается, почему сирийцы, имея такой численный перевес, не обошли римлян? Ответ гласит, что предполагался обход обоих флангов и что на одном из флангов это и было приведено в исполнение, но другой фланг был благодаря смелому наступлению римлян прорван и расстроен; поэтому победителями оказались римляне. Это сообщение в корне неправильно: если бы можно было победить таким простым способом войско, вчетверо более многочисленное и не менее опытное, то ведение войны было бы не искусством, а игрой.

Внедрение слонов в фаланги Кромайер объясняет тем, что фаланги должны были занимать оборонительное расположение, слоны же и расположенные в интервалах легковооруженные

держались на значительном расстоянии от неприятельских стрелков. Это тактически неверно. Оборонительное расположение одной части войска не мешает наступлению другой, фаланга же со слонами совершенно утратила бы свой смысл и оказалась бы совершенно беспомощной перед натиском легионеров. Противнику нужно было выбить слонов только из одного интервала, и тогда легко было бы сбить с позиции всю фалангу. Без сомнения, римляне вклинились бы во многие интервалы.

Кромайер ссылается на то, что сообщения Ливия и Аппиана принимаются и Полибием, но они не тождественны с повествованием самого Полибия; мы только что видели, какие ошибки допускал Ливий, а, кроме того, могли быть взяты сведения и из других источников. Если бы все это приписывалось исключительно Полибию, то пришлось бы сказать, что ученый допустил в своей критике невнимательность, каковая нередко проявляется и в других местах (ср. выше, стр. 276 и 286). Далее сам Кромайер в своем описании сражения при Магнезии приводит некоторые вымыслы Ливия и Аппиана. Предположение, что Полибий ссылается на источники, не заслуживающие доверия, не является недопустимым. Совершенно иначе обстоит дело с военно-политическими размышлениями историка; здесь сила его ума так велика, что надо иметь необычайно веские аргументы, чтобы позволить себе противопоставить их ему. Это, по-моему, является методологической основой, необходимой при изучении Полибия. Какого мнения Кромайер о Полибий, определить трудно. Часто он следует указаниям Полибия, как верующий – изречениям из

Библии, и старается оправдать неправильности всевозможными хитросплетениями, сомневающихся же укоряет, как фанатик безбожников (мы вскоре рассмотрим один из таких случаев). Иногда же он отвергает самые положительные ссылки, а на политические и военные суждения не обращает никакого внимания. У нас имеются подобные примеры (см. стр. 206) во II томе "Античных полей сражений", в описаниях войн против Антиоха и Персея. Многое основано на этом его свойстве. В стратегическом разборе этих войн мы находим некоторые соображения, ярко освещающие события, – хотя обзор этот и сообщает много туманного о стратегии измора. Мне же лично трудно примириться с тем, что мнение Полибия не только отбрасывается, но в большинстве случаев даже опровергается. Если Полибий в своих рассуждениях об этих войнах, которые он так хорошо знает, односторонен в такой степени, в какой его рисует Кромайер, то авторитет его, признаваемый за ним, несмотря на некоторые ошибки, расшатан до основания. Даже точный пример не может служить доказательством одного или другого положения, например, правильно ли предпринял Персей (в 169 г.) отступление при известии об обходе его позиции, или же неправильно, из-за недостатка самообладания? Тот, кто разделяет соображения Кромайера, должен отказаться признать авторитет Полибия.

Во всяком случае абсолютно неправильна мысль Кромайера, которую он выразил в своем очерке "Ганнибал и Антиох Великий" (прочтенном в Дрездене на "Историческом дне" "N. Jahrb. f. d. kl. Altert", т. 19, 1907, стр. 681), что стратегический план

войны, который предложил Ганнибал, и тот, которому следовал Антиох, были так же противоположны, как и их политика. И если бы Антиох согласился с планом Ганнибала, то тем самым он содействовал бы чужим интересам. Та же картина наблюдалась в Европе с 1805 до зимы 1813/14 г., когда в главном штабе союзников была, как известно, партия, считавшая излишним раздавить Наполеона. Они рассуждали так же, как Кромайер о царе Антиохе, а именно – что достаточно отнять у противника территорию. Теперь никто не станет оспаривать, что император Александр, настаивавший вместе со Штейном и Гнейзенау на переходе через Рейн и на походе на Париж, защищал не одни только русские, но и общие интересы освобождения от Наполеона. Так же и Ганнибал, предлагавший всеобщую коалицию против Рима, не следовал исключительно карфагенской политике, а защащал независимость народов, т.е. стремился сохранить равновесие на Средиземном море и таким образом обеспечить будущность сирийского царства и династии. Поражения карфагенян в 202 г. и македонян в 192 г. еще не обеспечивали римлянам владычества над миром, так же как Иена и Баграм – всемирного господства французов. Древний Рим победил только потому, что слабые народы не соединялись вместе, чтобы дать отпор сильному. Не надо очень строго судить Антиоха, что он сразу, при первом же столкновении с римлянами, не нашел правильного решения задачи. И русский царь постиг истину только на дымящихся развалинах Москвы. Думать, что Ганнибал, служа при сирийском дворе, заботился только о Карфагене, так же неправильно, как считать, что Штейн, Шарнгорст и Гнейзенау

служили сепаратным интересам, за что и подвергались преследованиям в 1812 г. со стороны не веровавших в успех людей, находившихся при всех европейских дворах.

Ввиду того что труд Кромайера основан на общих рассуждениях, вполне возможно подставить вместо слова Рим – Наполеон, вместо Антиоха – Александр, вместо Ганнибала – Штейн, вместо Македонии и Карфагена – Пруссия и Австрия, а потому уровень подобного образа мыслей не вызывает сомнений. Каждый историк знает, с какой глубокой иронией Теодор фон Бернгарди изображает политико-стратегическую мудрость фельдм.-лейтенанта Дука – может быть, Кромайер возьмет под свою защиту храброго Дука на следующем "Историческом дне" от нападения злого Бернгарди, так же как царя Антиоха от гнева Моммзена? Но я должен к этой критике присовокупить, что Кромайер в своем произведении "Борьба Рима за мировое владычество" прекрасно обрисовал политический горизонт той эпохи.

О САРИССЕ И ПРОТЯЖЕНИИ РЯДОВ ПО ФРОНТУ

Мы встречаем длинное копье не только у македонян, но часто и у варваров. Ксенофонт (Анабазис, IV, 7, 16) пишет, что иберы имели копья длиной в 15 футов, а моссинеки (V, 4, 25) – такой длины и толщины, что один человек с трудом поднимал свое копье. И у этолян (Ливий, 38, 7), так же как у германцев, была сарисса; наконец, мы ее снова встречаем у швейцарцев и ландскнехтов; у этих последних мы еще рассмотрим ее применение более

подробно.

Связывалось ли со словом "сарисса" представление только о длинном копье или оно первоначально, наряду со многими другими словами *(δοσυ, λόγηα, αἰχμη, χοντός, ξνστου...)*, обозначало лишь вообще копье, – как например у нас (копье, пика и т. д.), – неизвестно. Страбон, т. X, 1, 12 (XC, 448), говорит: "Копья *(δορατα)* имеют двойное применение – для рукопашного и для дальнего боя; также двойное назначение, т.е. для ближнего боя и для метания, имеет и другой вид копья (κοντός), равно как и сарисса и "исс" *(νοσός)"*. Если предположить по этому указанию, что сарисса употреблялась и как дротик, то она не могла быть очень длинной.

О том, что царь Филипп ввел фалангу в македонском войске, рассказывает Диодор (XVI, 3). Он упоминает лишь о плотности построения фаланги, но не о длинном копье, однако, эта сомкнутость масс фаланги дает повод сделать заключение, что удлинение копья было необходимо. Если бы Филипп сгустил только фаланги, сохранив при этом греческое вооружение, то он не извлек бы из этого никакой пользы. Греки, опытные в сражениях, тоже, вероятно, построили бы гуще свои фаланги гоплитов, если бы находили это удобным. Если же македоняне уплотнили или построение своего войска настолько, что для единоборства было тесно, то, значит, они рассчитывали на сомкнутый удар или на пассивный отпор (сопротивление), а для этого им необходимо было иметь копье длиннее, чем у противника. Надо установить, что копье длиною в 12–14 футов может еще быть управляемо одной рукой; возможно, что и греки употребляли иногда такие длинные копья. Если,

– как рассказывает Корнелий Непот, – афинской полководец в своей фаланге "учил, чтобы бойцы, упершись коленом и выставив щит, принимали копьем удар противника" (Корнелий Непот, Жизнь Хабрия, гл. I), то надо полагать, что копье было длиннее, чем обыкновенное копье гоплитов, едва достигавшее 8 футов.

Какой длины они действительно достигали, особенно в эпоху Филиппа и Александра, мы с уверенностью не можем сказать. Арриан не упоминает нигде о сариссе как о длинном копье, а в рассказе о смерти Клития сарисса фигурирует так, что понятие о длинном копье исключается. По его словам, Александр выхватил копье из рук адъютанта, а по другой версии – сариссу из рук воина, стоявшего на посту, и пронзил ею Клития. Затем, как повествуют некоторые историки, он вонзил сариссу в стену, чтобы самому броситься на нее. Оба действия нельзя было выполнить в зале, где было собрано многочисленное общество, так как оружие в 15–21 фут длины требует большого пространства, чтобы им размахивать, и много времени, чтобы его правильно взять и держать в равновесии.

Когда Александр незадолго до смерти допустил варваров в свои войска, он дал им, как говорит Арриан (III, 6, 5), "македонские копья взамен пик, применявшихся варварами". В источнике, которым пользуется Арриан, нет слова "сарисса", а есть "македонское копье", и это наводит меня на мысль, что разница между различного рода копьями была велика.

Единственное место, где Арриан указывает, что сарисса была действительно длинным копьем,

встречается в описании наступления фаланги в сражении при Гавгамеле: "Македонская фаланга напала на врага в тесно сомкнутом строю, ощетинившись сариссами" (Арриан, III, 14), но когда мы ясно читаем в описании сражения при Гидаспе, что пехота состояла из гипаспистов и читаем (в т. V, 17, 7): "Он дал сигнал пешим, сомкнув теснее ряды, ударить на фалангу", то отпадает сила вышеприведенной греческой цитаты. Полибий говорит о пельтастах (в т. V, 64, 6): "Смыкаться, смыкать щиты". При царе Персее, как говорит Кромайер в своей книге "Античные поля сражений" во II томе, пельтасты были вооружены сариссами.

Часто упоминает Арриан (I, 27, 8; III, 23, 3; IV, 28, 8) о "легковооруженных гоплитах" или, наоборот (II, 4, 3), о тяжеловооруженных. Так как различие в вооружении фаланг было незначительно, то, может быть, здесь идет речь о более коротком и удобном копье передних шеренг, в отличие от длинного, неудобного в обращении копья последующих шеренг.

Из трудов Диодора мы ничего не можем привести характерного для определения фаланги сарисс. В описании сражения при Гидаспе он рассказывает, как македоняне перебили находившуюся среди слонов пехоту из Индии. Так как мы знаем из описаний Арриана (ср. выше разбор сражения при Гидаспе), что там участвовали только гипасписты, а не пецетеры, то и копье названо сариссой.

В кн. XVII, гл. 100 Диодор описывает борьбу между афинянином Диоксиппом и македонянином Коррагосом. Первый был вооружен наподобие Геракла палицей. Коррагос бросил в него копьем, но оно не попало в него. "Затем, выставив копье, он

начал наступать, тот же, когда он приблизился, ударил по копью дубиной и сломал его". Здесь, несомненно, сарисса упоминается как длинное копье.

В ботанике философа Феофраста, ученика Аристотеля, находим следующую заметку (III, 32, 2): "Кизиловое дерево мужского вида бывает максимум 12 локтей высоты, как длинная сарисса". Феофраст умер в 287 г.; он упоминает об исторических событиях, происходивших в 302 и 306 гг. Следовательно, его труд написан при Диадохах между 306 и 287 гг. Если тогда самая длинная сарисса равнялась 18 футам, то, вероятно, она не была длиннее и в эпоху Филиппа и Александра. Но это еще не доказывает, что только во времена Феофраста фалангиты употребляли 18-футовую сариссу. Быть может, философ под словом "самая длинная сарисса" подразумевал оружие, употреблявшееся не на поле стражения, а при осадной войне, при защите стен или на кораблях. Наши ботаники подтверждают, что кизиловое дерево (из которого делают так называемые цигенгайнские трости действительно достигает 18 футов высоты. Следовательно, Феофраст свидетельствует, что даже ближайшие потомки Александра не имели фаланги, вооруженной (по Полибию) сариссой в 21 фут длины.

Свидетельство Плутарха в его "Филопемене" (гл. 9) относительно сариссы в Ахайе нельзя считать основательным: создается впечатление, что до Филопемена в Ахайе вообще не было настоящих гоплитов.

У лакедемонян ввел сариссу (по Плутарху, гл. 11 и 23) Клеомен; в чем они видели ее преимущество, об этом не упоминается; вряд ли лакедемоняне

организовали фалангу, как ее описывал Полибий. В сражении при Селлазии Клеомен как раз и был побежден македонской фалангой, вооруженной сариссой (гл. 28).

Подробнейшее описание Полибием (XVIII, 28–32) македонской фаланги вызвало много сомнений, так как он определил длину сариссы по уставу в 16 локтей, а в действительности в 14. Это оказалось невозможным, во-первых, практически, а во-вторых, потому, что он установил протяжение одного ряда по фронту в 3 фута как у римлян, так и у македонян, утверждая в то же время, что легионер занимал двойную площадь по сравнению с фалангитом. Настоящее решение задачи найдено в труде Руд. Шнейдера в "Philolog. Wochenschr." от 15 мая 1886 г. (No 20) и в очерке д-ра Эдм. Ламмерта "Полибий и римская тактика "Programm, des Kцnigl. Gymnasiums zu Leipzig", 1889.

Что касается протяжения по фронту каждого ряда, то одно из двух указаний Полибия должно отпасть. Раньше склонялись к тому мнению, что фалангит должен был занимать по фронту 3 фута, тогда как легионеру, вооруженному мечом, требовалось для борьбы протяжение по фронту в 6 футов. Стоффель в своей "Истории Цезаря" также присоединяется к этому взгляду. Но Шнейдер и Ламмерт доказали путем объективных критических размышлений, что это неправильно, и когда я сам раньше возражал, что при протяжении в 1,5 фута человеку не остается места для держания копья, так как каждый человек сам по себе занимает протяжение в 1,5 фута, то я был не прав. Берлинский Академический спортивный клуб любезно устроил для меня турнир с сариссой. Мы

составили фалангу сначала только с шестами длиною в 20 с чем-то футов и пробовали, при какой плотности построения люди могли продвигаться вперед. Выяснилось, что если каждый воин занимал неполных 2 фута, то движение совершалось легко, если держать сариссу наперевес. Шесты сами по себе были очень тяжелы, так как были сделаны из сырой сосны. Не надо строго математически придерживаться расстояния между фалангитами в 1,5 фута, но можно легко представить себе, что построение и движение людей опытных, вооруженных копьями из сухого дерева, мыслимо при таких интервалах.

Особенно успешен был опыт, проделанный по предложению Ламмерта, когда мы передние шеренги вооружили более короткими, в порядке постепенности, шестами. Даже концы копий шестой шеренги высились над фронтом; вся масса подвигалась легко даже при быстром марше.

Этим опытом мы разбиваем возражения Зольтау, которые он делает Ламмерту в "Hermes", No 37, 1890 г. Зольтау объясняет указания Полибия следующим образом: "Римляне занимали каждым рядом по фронту 3 фута, причем к моменту наступления образовывались пустые широкие интервалы между манипулами. Незадолго до атаки римляне уплотняли их, отступая на 5–6 футов. Говоря о 3 футах, Полибий не принимал в расчет самого воина *(χάλαδμα και διάστασιξ)*. Это объяснение можно было бы еще принять, если опираться только на указание Полибия; но, видя воочию построение войска и измерив его, мы пришли к убеждению, что объяснение несостоятельно. Протяжение ряда по фронту в 3 фута для каждого воина настолько

свободно, что излишне оспаривать это. Интервал же в 6 футов совершенно неприемлем, и маневр с отступлением при атаке невыполним. В труде Дирса "Kriegswesen d. Alten." (стр. 45) тоже указывается, что Фукидид (V, 71) свидетельствовал о тесном построении фаланги гоплитов.

Ламмерт полагает, что противоречия, встречающиеся в трудах Полибия, появились не по вине этого историка, а что произведения его подвергались переделке. За подробностями я отсылаю читателя к этому превосходному труду.

Чтобы опровергнуть возражение Рюстова и Кёхли, которые уверяют, что сариссу, как ее описывает Полибий, нельзя было бы удержать в равновесии, так как центр тяжести слишком близок к ее основанию, Ламмерт утверждает, что задний конец сариссы был окован тяжелым металлическим обручем, и мне это сначала казалось правильным. Но я отказался от этого мнения при сравнении сариссы с наиболее ей близким по сравнению оружием – с копьем ландскнехтов. Деммин в своей книге (Demmin, Die Krigswaffen in ihrer geschichtlichen Entwicklung, 3-е изд., стр. 779) говорит, что копья эти были 7–8 м длины, а, следовательно, на 2–3 м длиннее македонской сариссы. Это указание определенно неправильно. Сарисса достигала, как мы знаем, 24 футов длины, т.е. свыше 7 м, немецких же копий такой длины как будто бы и не существовало. Венделин Бехейм в своем труде (Wendelin Bцheim, Handbuch d. Waffenkunde) определяет длину немецких копий в 4,5 м (15 футов) или в 5 м (17 футов), но и этот размер, как мы сейчас увидим, недостаточен.

Эти старинные немецкие копья являются большой

редкостью, и даже Берлинский музей не имел ни одного в наличии. Но мне любезно предоставил одно копье директор фон Убиш, кроме того, я собрал сведения в музеях Зальцбурга (Karolino-Augusteum) и швейцарском национальном в Цюрихе, где имеются этой длины копья.

Берлинское копье равнялось 17 футам (больше 5 м); среди зальцбургских копий (31 копье) самое длинное превышало 17 футов (515 см); среди 8 штук цюрихских копий самые большие копья достигают длины более 18 футов (540–544 см). Таким образом, сарисса, по Полибию, все-таки оказывается на 3 фута длиннее.

Ламмерт делает нам следующий расчет: сарисса из сухого ясеневого дерева 6,5 м длины (14 греч. локтей, или 21 фут), имеющая в диаметре внизу 5 см, а наверху 3 см, весит 5,6 кг, если брать только дерево, но к этому присоединяются еще 270 г. веса железных наконечников. При таком копье он считает возможным, что тяжесть его в нижнем конце достигает 2,4 кг.

Я поручил составить расчет для ясеневого, соснового и кизилового дерева, и он совпадает с вышеприведенным. Удельный вес ясеня равен 0,59, лучшего соснового дерева – 0,63, кизилового – 0,81. Последнее дерево является самым тяжелым, и для самых длинных копий оно непригодно. Вес сосны находится в зависимости от почвы, на которой она растет; имеются виды сосны, которые легче ясеня. Вероятно, греки, так же как и швейцарцы, брали нужное для копий дерево, произраставшее на сухой почве. Такой высоты ясень не всегда растет прямо. Употребляли ли македоняне для копий ясень или

сосну, это не имеет большого значения.[6] Что касается размеров, то берлинское копье равно в диаметре почти 3,5 см, зальцбургские и цюрихские копья в общем самые толстые: их окружность имеет посредине 13 см, у нижнего конца – 8,5 см, в начале обруча – 7,5 см; следовательно, в середине диаметр больше 4 см. Цюрихское копье имеет в середине 4 см, на верхнем остром конце – 3,1 см, у нижнего конца – 3,2 см. Бехейм (стр. 312) предполагает толщину в 4,5 см. Это совпадает с вычислениями Ламмерта. Немецкие копья не имеют противовеса в виде наконечника, ни даже гильзы на конце. Только короткие копья XVII в., находящиеся в Цюрихском музее, имеют гильзы.

Если немцы могли бороться длинными копьями, не имевшими противовеса, то, вероятно, и на македонских копьях их не существовало; в этом мнении меня еще более укрепляет описанный выше опыт, произведенный мной при берлинском спортивном кружке.

В особенности бросилось мне тогда в глаза, несколько неудобно было носить эти длинные копья в походе; при атаке они доставляли меньше затруднений.

Примечание ко 2-му изданию. С тех пор я лично исследовал длинное копье в Цюрихе и Вене и нашел все изложение выше вполне правильным. Подтвердились также и результаты опытов, проведенных на Шенхольцском спортивном плацу в виде небольших учебных упражнений с длинным колющим оружием Берлинскою военного музея, проделанных мною с участниками всего военно-исторического семинара.

Мое мнение о построении римских и македонских

фаланг Кромайер неоднократно оспаривал и полемизировал со мной по этому поводу. Он объясняет вышеприведенную цитату из Полибия так, что фалангит во время боя занимал по фронту 3 фута, римский легионер вначале, до боя, то же протяжение, но при столкновениях и при передвижениях взад и вперед во время боя расширял площадь до 6 футов. По его мнению, сражаться мечом, занимая площадь в 3 фута, невозможно. Следовательно, после первого удара первая шеренга выстраивалась узкой длинной цепью, состоявшей из опытных бойцов, ведших бой, в то время как люди задних шеренг выжидали благоприятной минуты, чтобы занять место в образовавшемся пустом пространстве среди передних бойцов и оттуда направить копье или метательный снаряд в противника, отразить удар, опрокинуть проникшего в глубь неприятеля, поднять убитых или раненых и, наконец, в случае надобности заменить убитых ("Histor. Zeitschr.", 95, 17). Время от времени это единоборство первой шеренги, где приходится 6 футов на человека, сменяется более тесной группировкой.

Если бы это предположение было правильным, мы имели бы в нем великое научное открытие. Здесь идет речь о самом существенном в древней тактике построения пехоты. Способ употребления оружия и массовый натиск являются самым кардинальным пунктом при обсуждении построения этой фаланги; развертывание ее происходит при постепенном расчленении на шеренги. Эта теория развертывания должна отпасть, если придерживаться мнения Кромайера относительно протяжения по фронту рядов и искусной борьбы первой шеренги.

Автор непоследователен, так как вполне присоединяется к моему разбору сражения при Каннах, где все базируется на массовом натиске фаланг.

Соображения Кромайера неправильны и невыполнимы по следующим причинам.

а) Он считает, что римский воин должен занимать площадь в 6 футов, так как в противном случае он не сможет бороться мечом. Следовательно, в те минуты, когда римляне сближаются между собою, – а сам Кромайер тоже утверждает, что каждый из воинов занимает тогда всего 3 фута, – они теряют возможность употреблять оружие. Странный способ воевать, в особенности если принять во внимание, что противник постарается составить свое войско так, чтобы его воины могли пользоваться оружием.

б) Расстояние между воинами в 6 футов, которое образуется во время боя, взято, видимо, в среднем, ибо при такой сумятице невозможно точно измерить интервал. Здесь нельзя брать "в среднем"; при этом некоторые воины отойдут дальше, некоторые ближе, получатся большие, широкие интервалы между воинами, куда может продвинуться противник; в узких же римлянин не может повернуться со своим мечом. Не мог Полибий, описывая войны, брать цифры "в среднем".

в) Воины первой шеренги увеличивали якобы занимаемую ими площадь тем, что отчасти продвигались небольшими группами в ряды противника, отчасти – раздвигали своих товарищей. Спрашивается, как можно, вклиниваясь в неприятельские ряды, сохранять нужные для каждого воина 6 футов, а при меньшем интервале не помешает

ли борьбе соседство противника так же, как и находящиеся рядом свои товарищи.

г) Меньше всего можно себе представить это внедрение отдельных воинов в неприятельские ряды во время боя римлян против фаланги, вооруженной длинными копьями, о чем повествует Полибий. Легионер, очутившийся среди таких копьеносцев, подошел бы настолько вплотную к ним, что копьеносцу нельзя было бы защищаться. Полибий же как раз утверждает, что фаланга сарисс была непроницаема, – каким же образом мог он предполагать, что через каждые 6 футов в фалангу вклинивался римлянин и как мог он исчислить по этим признаком протяжение по фронту рядов у обоих противников.

д) Кромайер воображает, что римский воин наносит удар рукой, протянутой горизонтально в сторону. Такой удар не достигал бы цели; настоящий удар наносится согнутой рукой, протягиваемой вперед. Этому удару обучают не только в наше время, но и, по Вегецию (I, 12), определенно рекомендуется легионерам не наносить ударов, а колоть, так как это причиняет противнику больший вред; "кроме того, в то время как наносится удар, рука и правая сторона тела остаются неприкрытыми, при уколе же корпус прикрыт". При таком уколе, когда рука тесно прилегает к корпусу, площадь в 3 фута совершенно достаточна для воина. А для укола с протянутой даже горизонтально рукой нужно расстояние в 4 фута.

е) Всякий полководец старается дать своему войску настолько плотное построение, насколько оно позволяет воинам владеть оружием, так как чем больше людей, тем больше и оружия. Если

предположить, что римлянину с мечом нужно было протяжение по фронту в 6 футов, а греческому гоплиту с копьем – в 3 фута, то меч оказался бы оружием, непригодным для боя. На каждого меченосца пришлось бы 2 копьеносца, и ни один – даже самый искусный – способ борьбы не спас был первого от гибели. Следовательно, и для меча и для копья надо предполагать одинаковое пространство при бое.

ж) Если бы сила фаланги базировалась не на массовом натиске, а на искусной борьбе первой шеренги при помощи второй и третьей, то при глубоком построении, как это было при Каннах, 9/10 или 19/20 войска бездействовали бы.

з) Некоторую часть работы Кромайер отводит в римском войске на долю масс; он считает, что работа первой шеренги чередуется с массовым натиском. Искусная борьба первой шеренги начинается после того, как вся масса бросается вперед, причем после удара естественно отскакивает обратно, и тут-то происходит расширение интервалов между воинами. Затем, при переходе противника к массовому наступлению, снова надо противопоставить ему живую человеческую стену ("Histor. Zeitschr.", 95, 17). Таким образом, должна происходить беспрерывная смена тесного и свободного построений в войске. Если предположить, что такие маневры возможны, то только при условии, что оба противника будут производить их одновременно; та сторона, которая не признает искусной борьбы в свободном пространстве или хотя бы на одну минуту больше будет теснить противника, одержит победу. Тонкая цепь борцов при интервалах в 6 футов не в силах противостоять, – это

понимает и Кромайер, – яростному натиску неприятельского боевого порядка, построенного глубиной в 10, 20, 30, а может быть, и в 60 чел. Задние же шеренги не могут прийти на помощь первой, так как, отскочив назад, для того чтобы освободить место борцом первой шеренги, они не в состоянии будут снова продвигаться вперед. При происходящем шуме не может быть слышно ни команды, ни сигнала, но если даже предположить, что применимо и то и другое, то во всяком случае масса, которая отступила хоть на минуту перед наступавшим противником, не сможет пойти снова в наступление.

Первый шаг отступления при борьбе двух фаланг является роковым, он способствует громадному подъему у наступающей фаланги и ведет ее к победе. Представление Кромайера об естественном скачке назад относится к стороне, на которую нападают; это обстоятельство еще более подчеркивает невозможность постоянной смены построения в войске.

и) Кромайер ссылается ("Histor. Zeitschr.", 17) на описание сражения при Мутине (Аппиан, Междоусобные войны, III, 68). Это описание не может служить подтверждением его гипотезы. Здесь речь идет не об организованном сражении, а о трех отдельных частях легиона, сражающихся бок о бок в трех боях. Эти части не были достаточно сильны для настоящего флангового натиска, а потому, ввиду храбрости ветеранов, натиск этот превращался в массовое единоборство. О постоянном чередовании общего натиска с индивидуальным поединком здесь не говорится, и продолжительное единоборство кажется рассказчику неподходящим способом

сражаться; он даже проводит аналогию с цирковыми борцами, которые во время борьбы расходятся на минуту в разные стороны, чтобы отдышаться и затем снова броситься друг на друга.

к) Кромайер, определяя для фалангита площадь в 3 фута (для римлянина поэтому 6 футов), ссылается на военные навыки швейцарцев и ландскнехтов ("Античные поля сражений", I, 323 и "Histor. Zeitschr.", 95, 18). В IV том настоящего труда я включил специальное исследование (I, ч. 2, гл. 3, стр. 191), из которого ясно видно, что вышеприведенные цитаты недоказательны. Построение фаланги, которую описывает Полибий, в отличие от римской, не следует определять, как древнегреческую или македонскую, но как фалангу, густота которой была в то время искусственно доведена до крайних пределов. Она не оправдала себя.

Неудивительно поэтому, что швейцарцы и ландскнехты строили боевой порядок шире, но случалось, что и они прибегали иногда к тесному построению.

л) Кромайер считает, что если бы когда-либо две такие густые фаланги сошлись в бою, то они, имея возможность лишь наступать, а не сражаться и не отбивать удары, оказались бы пронзенными друг другом. Я сомневаюсь в том, сражались ли когда-либо две такие фаланги, но если это и происходило, то, конечно, различные шеренги, не имея возможности долго бороться, с двух сторон напоролись бы на копья или были бы вдавлены на них наступающими сзади шеренгами. Незначительная возможность парировать удар была только у первых шеренг, вооруженных более короткими копьями; но из этого еще не следует,

что надо отбросить все предыдущие доказательства. Даже и в таком случае мог и должен был победить более решительный противник. Кроме того, тактики (Асклепиодот, гл. IV) определенно высказываются, что построение в 1,5 фута на человека пригодно для обороны, но оно не дает возможности вести действительный бой. Короче, это построение возможно только при длинном копье, которое, будучи протянуто вперед в массе, является само по себе защитой, в то время как при коротком копье без свободного пространства для борьбы, не говоря уже о мече, такое построение бесцельно.

м) Если я допущу, что Вегеций (III, 14) свидетельствует о том, что римляне сражались на интервале в 3 фута друг от друга, так как при таком построении боевая линия не имеет пробелов и возможно употребление оружия ("Интервал между отдельными бойцами обыкновенно составлял по прямой линии 3 фута, так что на протяжении мили (5 000 футов) выстраивалось 1 660 пехотинцев; при таком расположении боевой фронт не имел свободных промежутков, а вместе с тем оставалось достаточно места для свободного применения оружия"), то я должен буду считать взгляды Кромайера окончательно опровергнутыми.

Соображение Кромайера о том, что линия фронта римского легиона превращается в цель искусных фехтовальщиков, тем более необоснованно, что он сам в своем труде ("Античные поля сражений", II, 83) примыкает к теории Фейта, по которой римляне сохраняли интервалы между манипулами (также и когортами) не только при наступлении, но и во время боя. В таком случае и без того тонкая цепь

легионеров, соответствующая цепи застрельщиков, будет еще менее заполненной, так как на расстояниях, равных приблизительно длине фронта, не находится вовсе бойцов.

О натиске, который масса должна производить на такие разрозненные группы, не может быть и речи даже в те минуты, которые сам Кромайер допускает во время удара.

Отдает ли себе Кромайер отчет в том, что его теория о ширине ряда и теория Фейта об интервалах между воинами во время боя уничтожают одна другую? Сомневаюсь в этом. Также небезынтересно знать, сознательно ли или невольно отбрасывает Кромайер свою теорию, изложенную во II томе его труда "Античные поля сражений", и противопоставляет ей другую. Он говорит (стр. 83) о "привычке" римлян в начале сражения делать уступку врагу, затем разочаровать его, упоенного победой, упорством сопротивления, потом утомить и, наконец, победить. Итак, вместо "естественного скачка назад" (по первой теории), который совершают одновременно оба противника, чтобы освободить место для сражающихся в одиночку, принята теория "привычки" у римлян.

Вторая теория так же неприемлема, как и первая. Если бы римляне после первого, столкновения отскакивали добровольно назад, предоставляя цепи одиночных бойцов сражаться с противником, то, конечно, эта цепь не могла бы ни на минуту устоять перед массовым натиском неприятеля. Этого мнения Кромайер и сам раньше придерживался, говоря что "как только одна сторона заметила, что противник собирается перейти к массовому натиску, она должна

сейчас же противопоставить ему живую человеческую стену, чтобы отпарировать удар" ("Histor. Zeitschr.", 95, 17).

Руд. Шнейдер (в "Gott. Gel.-Anz.", 169, 445) сообщает, что вопрос об интервале является для него еще нерешенной задачей, так как фалангит не может удовлетвориться протяжением по фронту в 1,5 фута; если же дать ему 3 фута или 6 футов, т.е. вдвое большее протяжение, то такая ширина фронта будет для легионера слишком большой. Почему же он не образовал фаланги из 100 студентов, вооружив их жердями? Кто хоть раз видел и измерял подобную фалангу, тот может отбросить все муки сомнений относительно протяжения рядов по фронту. Странные люди эти ученые: им вполне доступно в этом вопросе решить историческую задачу посредством скромного опыта, но почему-то они его не производят.

Кромайер, отбросив теорию "обратного скачка" и заменив ее "привычкой" у римлян, руководствовался, вероятно, описанием сражения между римлянами и галлами в 223 г., так как этой новой теории предшествует следующая заметка: "В одном из своих описаний Полибий (II, 33, 7) рассказывает об очень существенном для тактики римлян способе вести бой. Фламиний, – говорит он, – дал войску в одном из сражений такое построение, которое не допускало возможности пятиться назад и мешало римлянам применять их обычный способ борьбы". ("Сделал невозможным для римлян вести сражение обычным для них способом, так как в тылу не оставалось места для отступления их манипул шагом".) И дальше: "если бы их начали хотя бы немного теснить, то в случае несообразительности их начальника они были бы

вынуждены бросаться в руке" (Полибий, II, 33, 7). Следовательно, по смыслу цитаты римляне, проигрывая сражение, не обращались в бегство, а отступали шаг за шагом и потому в данном случае могли легко попасть в реку, что вызвало бы замешательство в войске и повело бы к полному поражению. Ничего общего с особой тактикой римлян эта цитата не имеет.

Глава II

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ И КОГОРТНАЯ ТАКТИКА

Военные силы римлян, организованные во время Второй Пунической войны, оказались достаточными для преодоления сопротивления восточных держав; две из них – Македония и Сирия – были побеждены; Египет и большинство маленьких царств присоединились к Риму и подчинились ему. Не оставалось никого, кто мог бы выступить против Рима. Но постепенное осуществление прямого господства Рима над миром требовало постоянного ведения более или менее значительных войн, во время которых военные традиции не только сохранялись, но и нарождались. Надо было бороться с галлами в Верхней Италии, в Испании, доконать Македонию, усмирить Грецию, разрушить Карфаген, сражаться с нумидийским царем. Часто победа доставалась римлянам после поражений и продолжительного перехода счастья то на одну, то на другую сторону. Созданная Сципионом новая организация могла бы после победы над Ганнибалом легко подчинить себе весь древний мир, если бы она сделалась органической частью

законодательства Римской республики. Но она была во внутреннем противоречии с духом республики, и это внутреннее противоречие проходит с тех пор красной нитью как через всю военную историю, так и через всю историю Рима вообще. Старое положение, по которому войском управляли два избираемых ежегодно консула, имевших право пополнять легионы по мере надобности гражданами и затем распускать их, осталось в силе, но оно не в состоянии было разрешать задачи римской политики. Всеобщая воинская повинность не могла быть применяема во время продолжительных войн, как это было в Риме, и солдаты, сражавшиеся в Испании, Азии, Африке и в Альпах, не могли одновременно оставаться и гражданами. Можно высчитать, что при всеобщей воинской повинности призывалась только десятая часть римской молодежи, способной носить оружие; из нее-то и образовалось настоящее солдатское сословие[7]. Эта профессиональная организация воинства была совершившимся фактом, но не стала конституционным установлением, а потому в управлении государственной машины были большие неточности.

И все-таки Рим побеждал, обладая громадными преимуществами в сравнении с

другими государствами. Временные поражения не могли причинить ему большого ущерба, а состав хорошо обученных воинов, полководцев и командиров был так велик, что Рим мог в конце концов, как только выступал на сцену способный человек и организовывал подходящее войско, – нанести решительный удар.

В III в. во время Пунических войн, надо полагать, третья часть свободного населения Италии владела правами гражданства. Если для сухопутных войск из римлян набиралось меньше половины, из союзников – больше половины мужчин и из морских союзников – почти весь флот, то воинская повинность была распределена приблизительно равномерно. Во время Второй Пунической войны вся тяжесть призыва пала на римлян, так как часть союзников отпала, часть вяло мобилизовалась. После победы римляне сильнее привлекли к себе союзников; теперь значительно меньшая часть войска состояла из римских граждан, и вербовались по провинциям на службу в войсках всякого рода наемники – нумидийцы, балеарские пращники, иберы, галлы, критские стрелки; греков же заставляли выставлять вспомогательные отряды. Собственно римское войско состояло из 4 легионов, насчитывавших 18 000–20 000 чел.; если

присоединить сюда контингент запасных, то республика имела 50 000 воинов, бывших почти всегда в строю. В случае надобности, – как например, когда вспыхнуло восстание в Испании или для войны с Карфагеном и одновременно для борьбы с Македонией и Грецией, – войско пополнялось.

В более трудном положении очутилась республика, когда на границе появился новый враг среди варваров и угрожал Италии нашествием; это были германцы. Римляне потерпели целый ряд поражений: в 113 г. при Папирии Карбоне в Норике; в 109 г. при М. Юние Силане у Аллоброгов; в 107 г. при Л. Кассии у Верхней Гаронны; в 105 г. при Маллии Максиме, при Цепионе и при Аврелии Скавре у Аравзиона. Наконец, Кай Марий сорганизовал новое войско, разбил и уничтожил тевтонов и амбронов (в 102 г.) около Секстиевых вод (Aqua Sextia) и кимвров и тигоринов при Верцеллах (101 г.). Как велика была паника у римлян, видно из того триумфа, которого удостоился Марий. Шесть раз подряд этот выдвинувшийся фельдфебель был избираем консулом, а после победы провозглашен третьим основателем Рима. Но все описываемые детали войны оказались при более тщательном расследовании болтовней адъютантов, так что они

не могут иметь места в военной истории. Война же эта имеет значение для нас потому, что благодаря ей произошло окончательное преобразование римского войска из гражданского в кадровое. Хотя мы имели только частичные указания, но по всем признакам видно, что творцом этой реформы был Марий[8].

Деление легионов на три призываемых год за годом группы – гастатов, принципов и триариев – обратилось ко Второй Пунической войне в чистую формальность. Оба столичных легиона, которые формировались ежегодно, состояли, вероятно, из подраставших военнообязанных юношей, а триарии были так же неопытны в военном искусстве, как в 1814 г. воины в гвардии Наполеона, состоявшей из рекрут[9]. В прежних же римских легионах замечалось обратное явление: даже гастаты не были очень молоды, а в легионах, сражавшихся при Каннах и при Нараггаре, самые молодые легионеры были значительно старше знаменитой "старой гвардии" Наполеона.

Исчезли группировка по возрастам и бережливое отношение к старшим возрастным контингентам. В то время как раньше триариев щадили, теперь их часто выдвигали из задних рядов на фланги или же применяли при поворотах в сторону противника и для откомандирований, и

тут-то они попадали на наиболее угрожаемые места, где больше всего было потерь.

Если же в военном деле и держалась еще 100 лет схема деления войска на три части, то это объясняется естественной устойчивостью всякой застывшей организации[10].

Двойная роль велитов, – с одной стороны, как легковооруженных, а с другой – как обозных и денщиков, – была видоизменена, по-видимому, во время Второй Пунической войны.

Марий уничтожил все эти различия. Денщики и обозные не считались вообще воинами и были выделены из легиона[11]. Из легковооруженных составили корпуса стрелков и пращников. Легион состоял из одинаково вооруженных и обученных гоплитов; число манипул осталось прежнее, причем каждая манипула заключала в себе 200 чел., а каждые 3 манипулы составляли когорту.

Когорта из 600 чел., соответствующая нашему батальону, является с этих пор тактической единицей. Легион состоит из 10 когорт, или 6 000 чел.[12]. Новая организация примыкает к старой, поскольку когорта состоит из 3 манипул. Контингент войск у союзников, не имевших возможности выставлять целые легионы, но обязанных сохранять тот же военный строй, что и

римляне, назывался исстари когортой и делился на гастатов, принципов и триариев[13]. Эти когорты не имели тактического значения. В лагере они, конечно, вливались в легионы, а при построении боевого порядка приблизительно распределялись так, что гастаты приноравливались к первому, принципы и триарии ко второму и третьему эшелонам. Когорты Мария были всегда вместе и составляли ядро армии.

Прежние манипулы не являлись тактическими единицами: они были слишком малы; они не были самостоятельны по-настоящему, – а если даже и бывали случаи, когда одна манипула или несколько вместе совершали маневр или отдельное нападение, то принципиально все-таки действовал весь эшелон или определенная часть эшелона. Старая манипула состояла из 60, 120 или самое большее из 150 чел.; новая когорта – из 600 чел. Подобный отряд исключительно обученных воинов мог с этих пор легко повиноваться всякому приказу – принимать любой строй и совершать любое движение. Полководец мог приказать войску выстроиться в одну, две, три или четыре линии; он мог одну линию усилить, другую ослабить; он мог выстроить из них ломаную линию и ставить когорты спиной друг к другу, чтобы образовать

двойной фронт. Он мог, наконец, перемещать каждую когорту с одного места на другое.

Легион являлся всегда только административной единицей, первоначальной же тактической единицей была фаланга, состоявшая из одного или нескольких легионов. У греков и македонян она такой единицей и осталась. Римляне же расчленили фалангу, поделили ее на эшелоны (линии) и разбили на многочисленные небольшие тактические подразделения, которые могли то соединяться в прочное целое, то с необычайной гибкостью менять форму строя: делиться, поворачиваться в одну или другую сторону. Как жутко и трудно было, вероятно, старинной греческой фаланге гоплитов охранять фланги от натиска кавалерии! Римский же полководец со времени Мария мог приказать нескольким когортам образовать прикрытие для флангов и быть вполне спокойным за них. Каким простым и удобным кажется такое устройство войска! Но для того чтобы организовать это удобное подразделение на мелкие группы, спаянные так тесно, что в любую минуту можно было образовать тактическую единицу, надо было преодолеть много трудностей. Для этого потребовались целые столетия и римская дисциплина. Одно лишь это государство из

древнего мира действительно добилось этого и благодаря этому достигло господства над всеми остальными.

Раньше находили, что производить впечатление на войне могут только воины, объединенные в сомкнутые массы. Но массы эти оказались на деле неуклюжими, беспомощными и очень чувствительными со стороны тыла и на флангах. При этом большая часть оружия бездействовала.

Но для того чтобы вместо одной большой группы составить много маленьких, взаимно помогающих друг другу исправлять недочеты, понадобилась огромная сила военной дисциплины, которая спаяла воедино сумму одиночных воинов; при этом единая воля настолько твердо властвует, что даже душевное волнение и угроза смерти в сражениях не могут их разъединить. Когорта находится в руках начальника, а начальники следуют приказу полководца[14].

Когортная тактика является высшей точкой, которой достигла древняя пехота в развитии искусства боя. С тех пор все зависит от искусства полководца, которому уже не требуется изобретать новые формы строя, а нужно только применять и развивать установившиеся.

Основой когортной тактики явилось профессиональное войско, заменившее гражданское.

Вплоть до Мария комплектование производилось еще по старым правилам, хотя сущность последних и изменилась. Всеобщая воинская повинность проводилась очень мягко лишь задолго до Второй Пунической войны. Во время же этой войны она действовала со всею строгостью и с тех пор стала самодержавной. Войска, выставлявшиеся римлянами на поле сражения, по отношению к количеству граждан были так немногочисленны, что требовалось всего лишь несколько возрастных классов, чтобы их пополнить. Вместо того, чтобы призывать и обучать новых рекрут (в целях справедливого распределения повинности среди населения), предпочитали брать воинов, уже отбывших срок службы, хотя бы они и не проявляли особой склонности к этому. Но жалованье, добыча и подарки во время триумфа были так ценны, что многие добровольно шли на службу. Когда разразилась война против Персея Македонского, – рассказывает Ливий (XLII, 32), – в войско добровольно вступило много старых солдат, знавших, как разбогатели те, кто участвовал в войнах против Филиппа и Антиоха. Теоретически

старый способ набора остался и применялся иногда так, что военнообязанные тянули жребий между собой или начальство само призывало иногда некоторых из них. Надо полагать, что гражданин, вытянувший жребий, мог беспрепятственно заменить себя другим подходящим рекрутом, причем богатые люди, нужные дома для ведения хозяйства, умели при благосклонном покровительстве чиновников уклоняться от службы. Насколько понизился интерес к военной службе, видно из многочисленных сообщений, где указывается, как трудно было набрать рекрут, когда предстояли либо опасные, либо не обещающие большой добычи походы. Призываемые выставляли всевозможные предлоги, чтобы уклониться от службы. Ничего другого не оставалось, как действовать в принудительном порядке[15].

Делались попытки упорядочить эту систему административного произвола. В то время как Полибий утверждает, что римский гражданин обязан был проделать 16 походов, а в случае надобности и 20, Аппиан в одной из заметок говорит, что гражданин, проделавший 6 походов, мог просить об отставке. По-видимому, Кай Гракх сократил еще больше срок действительной службы, но этот срок снова пришлось увеличить,

когда нашествие кимвров повергло Рим в ужас, и отечество не могло отказаться[16] от помощи опытных, уже испытанных в сражениях солдат. Ввести систему и порядок при наборе, когда должен царить неограниченный закон, но нужно собрать ограниченное число граждан, невозможно; это мы увидим на примере Пруссии при Фридрихе Вильгельме I. Положение, в силу которого для войны требуются испытанные воины, идет вразрез с гуманностью и справедливым распределением тягот среди населения, а склонность старых солдат, отвыкших за время продолжительной военной службы от гражданского состояния, идет этому принципу навстречу. Таким образом, возникает противоречие между формой и содержанием, получается карикатура набора, где с добровольной явкой сочетается административный произвол, – "нажим", как это называется в истории английского флота. Если и случалось консулам применять со всею строгостью законы, то граждане считали такой образ действия тиранией и жаловались народным трибунам. Ливий дважды сообщает (Epitome, 48 и 55), что при подобном конфликте в 150 и 138 гг. народные трибуны заключили консулов в тюрьму. Марий сразу положил конец всем этим древним формам набора

и утвердил систему вербовки солдат. Чем больше капитализм, с одной стороны, и рабство – с другой превращали средний класс и крестьянство в деклассированный элемент, тем более удобную почву представляла собой Италия для офицера-вербовщика, и Марий не страшился принимать в войско даже рабов[17]. И теперь всеобщая воинская повинность не только не была отменена законом, но даже впоследствии давала основание для производства набора; что же касается института наемников, то он существовал в армии уже давно и теперь только усилился.

Ввиду того что через несколько лет все италийцы получили права гражданства, исчезло различие между чисто римскими легионами и набранными из союзников. Это различие было не военного, но лишь политического свойства; совершенно так же войска Рейнского союза (итальянцев, швейцарцев) входили в армию Наполеона. Организация и тактика союзных войск почти не отличались от римской. Вспомогательное войско (auxilia), появившееся в конце Второй Пунической войны, в римской армии является совершенно другой организацией; здесь составлены особые группы войска, – как, например, стрелки из лука, пращники или группы

варваров, применявших свой способ борьбы. Конница вся сплошь состояла из таких элементов.

1. Мой взгляд на историю римской воинской повинности не совпадает с принятыми до сего времени толкованиями. Тогда как я исхожу из того, что в первоначальном старинном маленьком кантоне эта повинность была всеобщей, современные историки полагают, что она создавалась постепенно и только ко времени Пунических войн стала всеобщей. От военной службы освобождались все имевшие меньше 12 800 асс (или 11 000); со временем эта сумма уменьшилась до 4 000 асс или еще ниже для пехотинцев, а из самого неимущего слоя набрались воины для несения морской службы. По моему мнению (ввиду того что повинность была всеобщей), призыв бедных во флот не является какой-то новой прерогативой бедных, а, наоборот, предназначается для охраны богатых: кто имел больше 4 000 асс, мог служить только в пехоте, а не предназначался для гребной службы. Но это ни в коем случае не значит, что неимущие слои освобождались от службы в пехоте. Это ясно видно из того обстоятельства, что после Канн были составлены два легиона из одних рабов. К этому крайнему средству, конечно, не прибегли бы, если бы был еще слой граждан, которых можно было бы мобилизовать: имело бы больше смысла предоставить вооружение гражданам, а рабов посадить на весла. Слова Полибия (IV, 17, 1–3) совпадают с этим мнением: он говорит, что все граждане считаются военнообязанными до 46 лет, "кроме тех, имущественный ценз которых ниже 400

драхм: эти последние все оставляются для службы во флоте".

Во II в., когда Полибий писал эти слова, Риму требовалась только небольшая часть военнообязанных. Для пополнения пехоты в большинстве случаев достаточно было добровольцев. Имущие классы щадились или они сами щадили себя. Для несения непопулярной матросской или гребной службы набор производился еще строже[18]; для нее просто отделялись пролетарии. Сумма в 400 драхм (4 000 асс), которую определяет Полибий, основана, вероятно, не на существовавшем законе, а на административном мероприятии или на каком-нибудь сенатском решении, которое видоизменялось в зависимости от обстоятельств. Поэтому и получается, что Полибий определяет точную сумму в 400 драхм, Геллий – в 1 500 и 375. То, что aerarius считался военнообязанным ко времени Второй Пунической войны, видно из труда Моммзена ("Государственное право", III, 252) и из многочисленных рассказов у Ливия (XXIV, 18; XXVII, 11; XXIX, 37). Эти рассказы уничтожают последние сомнения. Было бы невозможно, как нам сообщают, превращать людей в эрариев и одновременно посылать их на поле брани; какой-то цензор грозил даже превратить всех граждан в эрариев, если они связывают с этим званием освобождение от воинской повинности.

Общепринятое мнение совпадает с моим только в том смысле, что в исключительных случаях прибегали к призыву всех классов населения, невзирая на имущественный ценз. Реформа Мария, по определению Моммзена, выразилась в том, что при нем случаи, из ряда вон выходящие, стали обычными

правилами. Вывод, по-моему, неприемлем, во-первых, потому, что я считаю мною доказанным, что в древние времена не существовало классовых ограничений для несения воинской повинности, во-вторых, потому, что после Второй Пунической войны всеобщая повинность проводилась на практике и так внедрилась в правосознание граждан, что казалось уже немыслимым переложить это право, – или, скажем, обязанность, – снова только на высший класс. Одно только приемлемо, что пехота заняла высшую социальную ступень. Кроме того, возможно, что и покупка вооружения играла здесь роль, а потому неимущий не мог стать гоплитом[19].

А если в Риме существовала всеобщая воинская повинность, то, конечно, во II в. она проводилась очень вяло. Цифра цензов во II в. равнялась 243 704 и доходила до 337 452 чел.[20] (в 164/63 г.); ежегодное количество рекрут надо определить поэтому в 10 000–15 000 чел. Войско, призываемое регулярно, состояло из 4 легионов, т.е. из 18 000–20 000 чел. Так как мы с уверенностью могли сказать, что многие солдаты оставались ими в течение 16, 20, а может быть, и более лет, то, следовательно, нужно было набирать ежегодно не более 1 000–2 000 рекрут, что составляет только десятую часть годных для несения воинской повинности. Правило, по которому общественную должность мог занимать только гражданин, проделавший 10 походов, вероятно, не строго соблюдалось; но во всяком случае в таком воинственном государстве нужно было находиться в военном сословии, чтобы играть роль в общественной жизни; поэтому наряду с людьми, которых привлекала

военная профессия, охотно шла на военную службу из политических соображений и часть молодежи. Таким образом, объединялись воедино наиболее пригодные и охотно служившие элементы. Конечно, трудно было набрать и командиров, и воинов для неблагодарного похода в Испанию против Нуманции. Еще одно доказательство того, что о правильном ежегодном наборе не могло быть и речи.

Полибий описывает, как. стекались ежегодно в Рим для набора военнообязанные, которые выбирались и распределялись по легионам трибами или трибутными комиссиями: "Когда лица, избранные в консулы, пожелают произвести призыв в войска, они в народном собрании заранее объявляют день, в который должны явиться все римляне, достигшие определенного возраста" (Полибий, VI, 19).

Если судить по этому описанию, то такое отношение к повинности является идеальным, но в действительности, вероятно, все происходило несколько иначе. Всех военнообязанных насчитывалось 150 000–200 000 чел.; не могли же они ежегодно со всей Италии стекаться к Капитолию. Легко представить себе поэтому, что окружные комиссии заботились о том, чтобы выставить достаточное, покрывавшее спрос число солдат. Об отсутствовавших не спрашивали, а наличное число явившихся считалось явкой всех военнообязанных. Если же требовалось большее количество солдат и не находилось добровольцев, то производились фактические коонскрипции и жеребьевка[21]. Каким образом это происходило, мы точно не знаем. Во всяком случае не так, что приходили сначала все военнообязанные в Рим, где отбирались годные и

негодные и где происходила среди них жеребьевка, и не так, что призывался только случайно последний год рекрут. Вероятно, был предварительный осмотр и внесение в списки рекрут в каждой комиссии отдельно, которая уже и доставляла к призыву в Рим всех осмотренных ею.

Такой способ производства набора мог бы еще объяснить общий взгляд историков. Но существенная разница заключается в следующем: пополнялась ли римская армия во II в. только сыновьями среднего сословия, или это была профессиональная армия, которая по существу (поскольку и пролетариат поступал во флот, если для него производился набор) носила гражданско-крестьянский характер. В первом случае Марий произвел бы свои реформы на других основаниях и создал бы нечто новое; во втором – он влил бы уже существующее положение в соответствующую форму, так как остаток этого гражданско-крестьянского характера не был им уничтожен. Последний сам по себе постепенно исчез.

Этот мой взгляд, подкрепленный дошедшими до нас цифрами о количестве народонаселения и войска, не совпадает с источником, считающимся, по общему мнению, краеугольным камнем в истории организации военного дела в Риме. Это рассказ Саллюстия (bell. Jug., гл. 86), где он говорит о реформе Мария: "Он произвел набор, не придерживаясь обычного порядка, не по классам, а зачисляя каждого желающего и, главным образом, из среды неимущих" (Саллюстий, Югуртинская война, 86). По естественному и дословному смыслу надо полагать, что набор производился по классам, т.е. по Сервиевой конституции, в основу которой был положен

имущественный ценз, пролетарии же (capite censi) были освобождены от службы. Что это не так, уже давно известно. Полибий, который, конечно, был в курсе дела, ничего о классовом наборе не сообщает; он только говорит, что имевшие меньше 4 000 ассов попадали во флот. Это объясняли историки так, что сервиев состоящий из 5 классов ценз снизили с 12 500 до 4 000 ассов и что Саллюстий не говорит о наборе среди всех 5 классов, а "классы" в целом противопоставляет всему пролетариату вообще.

Я считаю это объяснение искажением смысла слов: Саллюстий действительно верил тому, о чем писал, что до Мария набор производился отчасти по Сервиевой конституции, но в незначительной мере, – настолько же, насколько и по классам, созданным в 179 г. Саллюстий же, как и Цицерон, находился благодаря "Комментариям царя Сервия" в заблуждении относительно старой римской конституции; задавшись вопросом, когда и при каких обстоятельствах конституция реорганизовалась, он, зная, что Марий произвел большие реформы, отнес и изменение конституции к его эпохе. Такие ошибки возможны и у великих историков, чему я приведу яркие примеры.

Всякий понимает, что Генрих фон Зибель или Генрих Трейчке были знакомы с историей прусской военной конституции, и если оба высказали однородное мнение по какому-либо вопросу, то последующие поколения сочтут дерзостью оспаривать это. Оба ученых относят введение всеобщей воинской повинности к царствованию Фридриха Вильгельма I, между тем известно, что она была введена при Фридрихе Вильгельме III, во время освободительных

войн. Зибель (Sybel, Begrьnd. d. D. Reiches, I, 32) в своем труде называет регламент о кантонах 1733 г. "первым шагом ко всеобщей воинской повинности", а Трейчке (Treitschke, Deutsche Geschichte, 1. 75, ср. стр. 153) устанавливает ее при Фридрихе Великом. "Одна из колонн, подпиравшая это государственное здание, зашаталась". Можно даже определить источник, который ввел их в заблуждение. Макс Леман в своем юношеском труде ("Knesebek und Schцn", S. 284) вставил фразу, что Фридрих Вильгельм I "видел идею о всеобщей воинской повинности если не в полном блеске, то во всяком случае в преломлении". Это наделало много шума в свое время. Зибель и Трейчке хотели повторить эту цитату и усилили содержащуюся в ней неточность. Сам Макс Леман помог выяснению этой ошибки. Основной мыслью в его труде "Шарнгорст" является то, что всеобщая воинская повинность не вытекала из старопрусской воинской конституции и всего старопрусского государственного строя, а диаметрально противоположна ему. Фридрих Вильгельм I требовал самого строгого разграничения между солдатским и гражданским сословиями. Всеобщая воинская повинность была в его глазах тем же, чем и в других государствах его времени, как во Франции, Австрии, России, т.е. что монарх имел право своею полномочной властью призывать своих подданных. Теперь во всеобщей воинской повинности видят не принцип, а только удобную систему, которая была в Пруссии – и только в одной Пруссии – введена с 1813 г.

В том же виде, о котором мы говорили раньше, всеобщая воинская повинность существовала до

1870 г. во Франции и Австрии; получается игра слов, и только. Эта возможность двоякого толкования и ввела двух крупных ученых в заблуждение, в котором они, конечно, признаются сами, после того как обратили на него их внимание.

Прошу извинения за приведенную столь обширную аналогию, но она имеет очень серьезное методологическое значение. Мне все больше и чаще приходится во время этого исследования отбрасывать определенные заключения древних писателей об устройстве и достижениях их государств, – как например у Геродота в его описании бега при Марафоне (8 стадий); у Ливия – в описании манипулярного сражения; у Фукидида – в определении численности гражданского населения в Афинах и теперь у Саллюстия – относительно римского рекрутского набора. Как ни прочно обоснованными кажутся мне мои выводы, но я не могу отделаться от заботы, выдержит ли мое многоэтажное здание все возражения, а потому ищу для его стен подпорок из прочных камней новых неоспоримых фактов.

Из представлений позднейших поколений об исконно древних классах возник рассказ Ливия (X, 21) о том, что когда обрушился ужас галльского нашествия в 295 г., то перед сражением при Сентине было приказано: "беречь, ценить людей всех классов", а также рассказ[22] Орозия (IV, 1, 3). По Ливию, в 280 г. при приближении Пирра велено было заполнить легионы пролетариями, которые собственно должны были оставаться в городе, чтобы позаботиться о потомстве.

2. Переходу из гражданского сословия в

солдатское положили начало, по-видимому, evocati (сверхсрочные), сущность которых очень трудно определить; думаю, что решить этот вопрос надо так, что это прозвище в разные времена обозначало разных людей. Они существовали уже в 455 г. (Дионисий, X, 43). В истории они нам встречаются, как и следовало ожидать, с конца Второй Пунической войны; это – старые солдаты, поступившие добровольно снова на службу. Когда же в таком случае старый солдат считался evocafus?

Гражданин считался по закону военнообязанным до 46 лет и числился на службе по пехоте в течение 16 лет, в случае надобности и до 20 лет. Даже при непрерывной службе evocati должны были иметь не менее 33 лет от роду, большей же частью не менее 40 лет. Следовательно, они были очень немногочисленны.

Представим себе во II в. такого evocatus, который, хотя по закону и считался еще военнообязанным, не должен был бы по справедливости попадать в пополнение; но он все-таки записывался добровольцем. Когда римляне в 200 г. решили вести войну с Филиппом Македонским, было постановлено набрать войско из старых солдат, участвовавших во Второй Пунической войне, только из добровольцев (по Ливию, XXXI, 8). Такие добровольцы "rengagĭs" ("сверхсрочные") были основой нового войска. Но в следующем году они взбунтовались, объясняя, что их против воли завезли в Македонию, и требовали увольнения. Спустя некоторое время было постановление, что шестилетняя служба дает право на увольнение. И вот таких граждан, прослуживших свыше 6 лет, можно причислить к evocati.

Когда же наемники добились постепенно того, чтобы никаких ограничений в сроках службы не существовало, таким evocati в первоначальном смысле этого слова места не оказалось. Если же встречается упоминание о них, то это надо отнести или к призывным[23], или это что-либо другое. Они составляют особое войско[24], имеют собственного командира[25], своих лошадей[26], своего примипила (primus pilus), который впоследствии называется evocatus[27].

Я считаю, что тут идет речь о какой-то охраняющей штаб страже, куда назначались старые опытные воины[28].

Когда Цезарь сообщает, что Помпей в сражении при Фарсале имел в своем войске 2 000 evocati, которых он распределил по всей боевой линии, то это число надо считать преувеличенным; но здесь слово evocati очень близко подходит к моему вышеприведенному определению. Evocati не были теми старыми солдатами, которые во II в. являлись основой каждой манипулы; это была избранная кучка, не несшая обязанностей обычной службы, но в период сражений становившаяся в строй. В сражении при Тапсе мы видим около Цезаря не только легатов, но и evocati, требующих, чтобы он начинал сражение. Октавиан, создав для себя из 10 000 старых солдат личную стражу (лейб-гвардию)[29], прибег, очевидно, к этому маневру для того, чтобы побудить ветеранов поступить снова на службу, но при условии призвать их к оружию не на обычную легионерскую службу, если на то дадут согласие имевшие привилегии.

Все те места, где упоминается в старых источниках

об evocati, собраны у Марквардта (II, 387) и у Фрелиха (в труде "Kriegswesen Cdsars", стр. 42), где evocati определяются также как "штабная охрана".

3. В трактате Г. Фейта "Die Taktik d. Kohortenlegion" (Klio, т. 7, 1907, стр. 303) и в труде "Antike Schlachtfelder" (III, 701) полемика, предпринятая против меня, построена в своих положительных заключениях на недоразумениях и противоречиях. Автор объясняет (стр. 312), что связный длинный фронт очень неудобен и является, по-видимому, противоположностью эластичной тактической единицы. Излишне это доказывать, так как я был того же мнения, указывая, как ценны и важны промежутки между манипулами и когортами. Вся разница состоит в следующем: я считаю, что в момент столкновения в начале боя маленькие интервалы заполняются людьми из тех же манипул, стоящими позади, а в большие интервалы вдвигаются целые подразделения (центурии, манипулы, когорты) из второго эшелона. Фейт же предполагает, что для удобства маневрирования большие интервалы между когортами оставались незаполненными и во время боя. В то же время Фейт сам (стр. 328) утверждает, что большие интервалы опасно оставлять незаполненными, что распоряжаться войсками, находящимися в схватке, невозможно (стр. 324) и что (стр. 328, примеч.) чем ближе окончание боя, тем больше интервалы заполняются (благодаря тому, что выдвигаются воины из задних рядов), и фронт делается все более сплошным.

Не требуется особых размышлений, чтобы понять, что Фейт считает нужным для решительного боя то, что вообще нужно в бою: сплошной фронт. Если же

при сражении фронт имеет пробелы, то противник, у которого фронт сомкнут, имеет возможность атаковать сразу и с фронта и с флангов. Не надо воображать, что противник остается в бездействии, очутившись перед интервалом. Находящийся во второй линии эшелон не может помешать вторжению противника, так как раньше, чем помощь подоспеет, уже произойдет физическое и моральное воздействие; а запоздалая помощь не принесет пользу, так как ворвавшийся неприятель сможет оказать сопротивление. Крайние же ряды могут обойти с фланга части противника, производящие фронтальный удар, и атаковать их сбоку, т.е. с правой незащищенной стороны, остающейся при таком нападении неприкрытой. Фейт считает, что и проникшие в интервалы войска тоже подвержены нападению с трех сторон. Каким образом? Разве атакующие с фронта не могут сразу, игнорируя противника, повернуться в сторону? Имеется большая разница между тем, когда противник вторгается в боевой порядок и попадает между неприятельскими частями, и тем, когда отряд обойден с обеих сторон. В первом случае противник стремится вперед и подталкивается частями, находящимися позади; во втором – отряд сдавливается противником и в самый короткий срок побеждается. Прав Фейт, когда утверждает, что внедрение противника в добровольно оставленный интервал менее опасно, чем когда неприятель создает этот интервал, обращая отряд в бегство. Это само собой разумеется, так как это уже является частичной победой. Тем более правильно мнение, что при столкновении двух неприятельских боевых линий с обнаженным оружием интервалы

представляют большую опасность и могут стать роковыми. Если же помощь, которую оказывает второй эшелон, приходит вовремя, то интервал заполняется, т.е. фронт приходит снова в то состояние, о котором Фейт говорит, что оно невыгодно! При этом автор всегда ссылается на то, что он опытный военный!

Чтобы защитить свою теорию, Фейт утверждает (стр. 313), что когда отряды при наступлении занимают территорию, то они не в состоянии в момент столкновения выровнять фронт и заполнить промежутки. Не понимаю, почему нельзя, – надо только представить себе, что на незначительной дистанции за первым эшелоном следует второй, за вторым – третий. Понятно, что самой важной задачей легата, для которого Фейт не находит дела во время сражения, является заполнять при наступлении интервалы в первом эшелоне людьми того же эшелона, а в случае освобождения какого-либо отряда из второго и даже из третьего эшелона заполнять ими промежутки.

В подтверждение своей теории Фейт, конечно, не ссылается на какие-либо источники. Все, по-видимому, основано на постоянном смешении им интервалов при подходе к противнику с интервалами во время боя. Когда автор для решения нашей задачи приводит бои, описываемые Цезарем (V, 15, 34), то он упускает из виду, что в рассказах Цезаря идет речь о неорганизованных сражениях.

Я повторяю: я присоединяюсь к мнению Фейта, что между манипулами и соответственно когортами интервалы были и должны были быть, чтобы дать возможность командирам управлять тактическими

единицами армий. И Фейт того мнения, что во время рукопашной схватки невозможно распоряжаться войсками. В том случае, когда Фейт благодаря трудам Полибия (XV, 15, 7) приходит к заключению, что интервалы вообще были, – он прав; но когда Фейт уверяет, что интервалы были и во время рукопашных схваток, то его заключение неправильно.

Примечания к 3-му изданию. 4. По общему мнению, римская гражданская конница со Второй Пунической войны распалась и была пополнена наемниками-варварами. Зольтау в своем труде ("Zeltschr. f. цster. Gymnasien", т. 22, 1911, стр. 385, 481, 577) доказывает, что здесь надо различать следующее: гражданская конница как самостоятельный род войск состояла из чужих наемников; но продолжали существовать в небольшом масштабе кавалерийские части, заполняемые сыновьями римских сенаторов и состоятельных граждан и служившие для охраны штаба, выделявшие ординарцев и т.п. (ср. ниже, часть VII, гл. I, 3).

5. Труд Элера (Oehler Neue Forschungen zur Schlacht bei Muthul, "Jahresh. d. цster. archdol. Institute", т. XII, стр. 327, 1909 и т. XIII, 257) дает описание боя, из которого я заключаю, что источники не сообщают ничего, имеющего историческую ценность.

6. В вопросе о нагрузке римского воина я присоединяюсь к Стоффелю. Подробнее я остановился на нем во II томе моего труда (часть IV, гл. 4), где я говорю о ленной системе. Стоффель не считает возможным, чтобы легионер носил на себе запас провианта на 16 или даже на 30 дней. После того появилось в печати исследование Штолле "Римский легионер и его нагрузка" (Stoll, Der rцmische

Legiondr und sein Gepdck, Страсбург 1914), где он снова доказывает, что 30-дневный запас надо считать неправильным, а 16-дневный, судя по источникам, можно допустить, но не в виде исключения и не так, чтобы тяжесть ежедневно уменьшалась, а как явление обыденное. Он снижает вес потому, что среди мучных запасов находятся сухари.

Штолле составил следующую таблицу.

Хлеб, сухари пшеница	11,369	кг
Мясо	1,910	»
Сыр	0,436	»
Соль	.0,327	»
Вино или лимонад	.0,327	»
Итого съестных припасов	14,369	кг
Утварь	5,278	»
Инструменты	7,149	»
Итого снаряжения и продовольствия	26,796	кг
Наименьший вес для оружия	.14,463	»
Общая нагрузка	41,259	кг

Штолле не отрицает, что подобная нагрузка является слишком большой тяжестью для солдата, но он говорит, что римляне совершали короткие однодневные переходы (ср. ниже – часть VII, гл. 3, конец).

Допустим, что бывали случаи, когда воина нагружали тяжестью в 41,25 кг или даже больше, но мы рассматриваем обычную норму. В моем

исследовании во II томе, с которым, к сожалению, незнаком Штолле, разъяснено, как мешает нагрузка в 31 кг передвижениям. Неужели римляне лишали свое войско возможности совершать более длинные переходы, – скажем в 15 км, – для того, чтобы сэкономить 300 вьючных животных для каждого легиона? Приводимые цитаты Цицерона и Аммиана недостаточны для того, чтобы уверовать в эти цифры, потому что первый находится под подозрением как писатель, прибегавший к преувеличениям, и второй потому, что в его время уже давно не существовало дисциплинированного войска; всадники же варвары меньше всего любили отягощать себя багажом. Свидетельства того времени после падения Севера недостаточно ценны. Уже ко времени Римской республики дисциплина так упала, что легионеры позволяли себе иметь частным образом слугу или вьючное животное для багажа (Саллюстий, bell. Jugurth., 45, 2; Плутарх, Марий, гл. 13). Свидетельство Цицерона и Аммиана тем меньше имеет успеха, что находится в противоречии с заявлением Иосифа Флавия (B. У., III, 5, 5), по которому солдат имел при себе всего на 3 дня провианта. Этого свидетельства Штолле не должен игнорировать, если он даже и опровергает это толкование. Но и 3-дневный запас провианта можно считать порядочной нагрузкой для легионера.

Глава III

ЦЕНТУРИОНЫ

Представителем нового римского солдатского сословия надо считать центурионов. По существу все изменилось в строении римского войска, начиная от полководца и кончая самым обыкновенным солдатом или обозным, причем все члены войска одинаково важны, но центурионы являются в этом новом строении чем-то специфически римским. И полководцы, и старшие командиры Рима походили на полководцев и старших командиров других народов, их солдаты существенно не отличались от других наемников; центурионы же представляют собой особое явление.

До сих пор не удалось составить точную картину социальной структуры римского народа в последнем столетии существования республики. Мы ясно различаем аристократию, усвоившую греческую образованность, владевшую громадными богатствами и имевшую всю власть в государстве благодаря занимаемым в сенате постам. Она не имела характера замкнутой касты; крупному таланту, вышедшему из народа, нетрудно было проникнуть в правящие сферы,

быть там принятым и занять большое положение. Но приток таких людей был невелик; дух правящего сословия оптиматов был духом наследственной аристократии. Так же отчетливо знаем мы о существовании богатого торгового сословия, не допускаемого к высоким сенатским должностям и питающего политическую ревность к оптиматам (аристократическая партия). Со времени деления на имущественные классы эти торговые люди называются всадниками, – наименование, относящееся к сословию и переводимое обыкновенно словом "рыцарь". Употребляя этот термин, необходимо всегда иметь в виду и указывать, что он не должен никого вводить в заблуждение.

Наконец, на противоположном конце общественной лестницы стоят городской и сельский пролетариат, мелкие граждане и мелкие крестьяне.

Самым туманным для нас является положение социальных слоев, находящихся посредине между обоими концами этой общественной лестницы. Насколько многочисленны, как образовались, какое экономическое положение занимали и какой степенью культуры обладали те социальные слои, которые мы теперь именуем средним сословием? Эта средняя часть свободного народонаселения

вследствие существования института рабства была еще более пестра, чем категории граждан, стоявших на высшей и низшей ступенях социальной лестницы, а потому в наше время этот слой населения трудно сравнивать с каким-либо сословием. Но как бы то ни было и что бы нам ни показали будущие исследования, теперь мы должны установить, что рассматриваемый слой населения был социально слаб и в армии, о которой мы говорили, не занимал никакого места.

Наемная армия всегда до некоторой степени способствует такому явлению: либо она вообще не имеет определенного социального типа, либо верхние и низшие слои общества объединяются в ней, средний же слой, больший или меньший по численности, выпадает. Строгое разграничение между офицерскими и солдатскими слоями, которое наблюдается в современных армиях (до 1914 г.) и которого еще не существовало в Элладе, появляется сначала у римлян, но, конечно, в другом наслоении, чем в настоящее время в Германии. Корпус офицеров, в современном смысле, состоял в Риме только из генералов (legati) и штабных офицеров (tribuni militum). Эти последние были молодыми людьми, посвятившими себя военной карьере, они принадлежали к аристократическим семьям

оптиматов или всадников, посвятивших себя военной службе. В общем их военные качества не были высоки, но их воспитание и образование вносили все-таки много ценного в их профессию, и если среди них попадался человек со специфически военными способностями, то он со временем мог достигнуть командных высот и стать способным военачальником. Правильное соотношение между высшим командным составом и частями войск вырабатывалось постепенно; легаты получали командование легионом на основании особого приказа так же, как и трибуны когортами. Трибуны наблюдали в определенном доставшемся по жребию округе за устройством и чистотой лагеря, за караульной службой, несли судейские обязанности и применяли наивысшее наказание[30].

Людьми совершенно другого типа (в противоположность этим аристократам) были центурионы, соответствующие нашим младшим командиром. Они были простого происхождения и набирались из низших, необразованных слоев населения. Жалованье их равнялось двойному солдатскому; Цезарь увеличил его и вместо 120 денариев (90 марок = 44 зол. руб.) они стали получать 225 денариев (165 марок = 77 зол. руб.) в год. Итак, центурионы соответствовали нашему

рангу унтер-офицеров, но по возложенным на них обязанностям – нашим капитанам (ротным командирам). Они насаждают дисциплину, в их руках власть над манипулами, над низшими чинами.

Полибий ясно говорит (VI, 24), что при выборе центуриона играла роль не только его храбрость, но в особенности умение командовать и твердо действовать ("стойкость и душевная твердость").

Их облик станет нам яснее всего при сравнении с нашими фельдфебелями. Самую близкую аналогию можно провести между ними и французскими капитанами, произведенными из унтер-офицеров, с той только разницей, что последние после своего производства попадают в высший слой офицерства, воспринимая от них многие свойства этой среды; центурион же оставался социально тем, чем был и раньше, ввиду чего его сословие вырабатывает и сохраняет своеобразный колорит. Он горд сознанием своей деловитости, но сам не претендует на принадлежность к правящим классам. Центурион – римский патриот, он храбр и строг, но его кругозор узок; он нуждается в высшем руководстве и сознает это. Согласно традиции, он может конституционно избирать и быть

избранным на пост магистра или в сенат, авторитету которого он подчиняется. Но чем меньше он чувствует себя гражданином, считая себя только солдатом, тем больше исчезает из его сознания авторитет конституции; он заменяет ее авторитетом полководца, который в такой же мере был создан из старых конституционных норм.

Близкое сходство с завоевавшим мир римским войском представляет собой английская армия XVIII в. В ней высшее офицерство принадлежало к аристократии и начинало свою карьеру после короткого обучения с должности штабного офицера. Веллингтон был в 24 года подполковником. Все войско – навербованное, и в нем поддерживается строжайшая дисциплина; но в основе оно состоит из англичан. Чужие народности, взятые для пополнения армии, образуют особые отряды. Разница между английской и римской армиями заключается в составе низшей корпорации офицеров: в Англии она состоит из обедневшего дворянства и высшей буржуазии, причем строго отделяется от унтер-офицерства; римский же центурион исполнял функции обоих этих классов вместе.

Мы удивительно мало осведомлены об унтер-офицерах, которые так же, как и ефрейторы, именовались principales (важнейшие).

Самым важным унтер-офицером был optio (выборный), который, собственно, не нес строевой службы, но управлял и заведовал письменными сношениями[31]. Начальники отделений называются decani, а впоследствии caput contubernii[32], но о них не упоминается нигде в военных рассказах. Управление ротой принадлежит центуриону, и хотя его центурия меньше немецкой роты, однако, все же состоит из 100 чел. Но надо принять во внимание, что солдаты, если не идет речь о новых легионах, все – опытные старые служаки, а потому ни обучать, ни формировать их не требовалось, а нужно было лишь поддерживать дисциплину.

Наряду с optio упоминаются еще tesserarius, державший пароль, и signifer, носивший знамя. Какого рода службу несли они как представители солдат, мы не знаем[33].

Вторая Пуническая война дала Риму кадровую армию, которая официально оставалась еще гражданским ополчением, причем этот переход из ополчения в кадровую армию продолжался довольно долго.

Промежуточная стадия между гражданским и профессиональным войском отличается тем, что в II в. во вновь образованных легионах, каждому командиру в отдельности было определено его

место; понятие о постепенном чинопроизводстве еще отсутствовало. Правда, у центурионов имелись еще ранги: второй центурион десятой манипулы часто был низшим, первый центурион первой манипулы триариев был старшим и назывался primuspilus (примипил), но эти чины не имели длительного характера. Консулы и трибуны, которые постоянно чередовались, занимали при новых формированиях свои посты только по новым приказам полномочной власти. Пока легионы имели еще гражданский характер, такой порядок назначений не являлся особой помехой, и консул подчинялся ежегодно другому лицу; у афинян гражданин мог быть полководцем, а в следующем году простым солдатом. Но римские центурионы относились к этим понижениям, которые часто зависели от каприза, по-солдатски. Как-то раз они подняли даже возмущение. Рассказ Ливия (XLII, 33 и сл.) по этому поводу настолько ярко обрисовывает римское государство, а также образ жизни и образ мыслей центурионов, что я привожу его здесь дословно.

Когда была решена (в 171 г.) война против Персея Македонского, сенат приказал призвать как можно больше старых центурионов, многие же из них явились добровольно. 23 примипила

обратились к народным трибунам с требованием назначить их на старые посты, раз их уже мобилизовали. Ввиду того что каждому легиону нужен был только один примипил, а имелось в виду сформировать вначале и впоследствии еще 4 резервных легиона, то удовлетворить требование примипилов было невозможно. По-видимому, таким путем рассчитывали сократить набор. Но самое интересное для нас в этом инциденте представляет рассказ сам по себе. Он гласит следующее.

Набор производился консулами тщательнее, чем обыкновенно. Лициний призвал много старых солдат и центурионов, но многие явились и добровольно, так как знали, насколько разбогатели те, кто участвовал в войнах против Македонии и в Азии против Антиоха. Ввиду того что военные трибуны, которые были когда-то сами центурионами, призывали по своему усмотрению, 23 примипила апеллировали к народным трибунам. Двое из них – Марк Фульвий Нобилиор и Марк Клавдий Марцелл – отослали их к консулам, которые имели право решать, так как им был поручен набор и на них было возложено ведение войны. Остальные народные трибуны обещали центурионам расследовать, на каком основании их призвали, и если тут

произошла несправедливость, оказать своим согражданам помощь.

Дело это разбиралось перед народными трибунами, куда явились старый консул Марк Попилий, призванный в качестве защитника, консул и центурионы. Как только консул потребовал, чтобы дело разбиралось в народном собрании, сейчас же был собран народ. Вместо центурионов говорил Марк Попилий, бывший 2 года назад консулом: "Воины, выслужившие свое время, здоровье которых ослабело от возраста и понесенных трудов, не отказались все-таки послужить на общую пользу, но они не могут позволить, чтобы их назначили на должность ниже той, какую они занимали в период их службы".

Консул Публий Лициний приказал прочитать сенатские решения, – сначала первое, где сенат объявляет войну Персею, а затем второе, где сенат приказывает призвать как можно больше центурионов, причем не разрешает освобождать от службы ни одного моложе 50 лет. Затем сенат обращается с просьбой, ввиду предстоящей близкой войны, не мешать военным трибунам при производстве набора и не противодействовать консулам при назначении каждому воину той должности, на которой он сможет принести

республике наибольшую пользу.

После того как консул кончил говорить, Спурий Лигустин, один из призванных народными трибунами, просит у консула разрешения обратиться с речью к народу. С общего разрешения начал он говорить: "Граждане, я, Спурий Лигустин, родом из страны Сабинов, из округа, находящегося в долине Сабинских гор; отец оставил мне в наследство участок земли и маленькую хижину, где я родился, где меня воспитали и где я живу и поныне. Когда я вырос, отец дал мне в жены дочь его брата, не принесшую с собою ничего, кроме свободы, целомудрия и такой плодовитости, которой было бы достаточно и для богатого дома. У нас 6 сыновей и 2 дочери; обе уже замужем. Четыре сына уже облачены в мужские тоги, двое носят еще детские одеяния. Я стал солдатом при консулах Публии Сульпиции и Кае Аврелии. Я сражался против царя Филиппа в том войске, которое переправили в Македонию и где я был 2 года простым солдатом; на третий год Тит Фламиний дал мне за храбрость командование над десятой манипулой гастатов. Так как нас после покорения Македонии и Филиппа переправили в Италию и распустили по домам, я тотчас явился добровольцем к консулу Марку Порцию Катону.

Не было более зоркого наблюдателя в ценителя храбрости среди живущих поныне полководцев, чем он; об этом знают все, кто наблюдал его и других начальников во время военной службы. Этот полководец нашел меня достойным командовать первой центурией гастатов. В третий раз я пошел добровольцем в войско, посланное против царя Антиоха. Маний Ацилий передал мне первое место центуриона у принципов. После победы над Антиохом и этолянами нас переправили в Италию, и затем я еще 2 раза служил в легионах, где служба продолжалась один год. Служил я еще 2 раза в Испании, – 1 раз при Квинте Фульвии Флакке и затем при Тиберии Семпронии Гракхе. Флакк взял на свой триумф меня и еще одного взятого им за храбрость из наместничества; Тиберии Семпронии Гракх просил меня идти с ним в наместничество. 4 раза я был примипилом, 34 раза был я за храбрость награжден полководцами; я получил 6 гражданских венков.

Я провел 22 года на военной службе, а мне больше 50 лет. Если бы я не окончил всего срока службы и возраст не освобождал бы меня, то и в таком случае меня освободили бы, так как я могу вместо себя дать 4 солдат. Но это я говорю о себе; и теперь бы я сам никогда не отказался быть

солдатом, пока хоть один формирующий войско нашел бы меня годным. Военные трибуны знают, какого места я достоин; я старался, чтобы никто в войске не превзошел меня храбростью, и я всегда исполнял то, что и другие, находившиеся вместе со мной на войне. Об этом могут свидетельствовать мои военачальники. Так и вы, товарищи, если вы уже благодаря призыву воспользовались своими правами, должны добровольна подчиниться. Вы, которые, будучи юношами, никогда не оспаривали авторитета сената и начальства, и теперь должны правомочному сенату и консулам подчиниться и считать почетными все должности, на которых вы принесете пользу общественному делу".

После такой речи консул Публий Лициний осыпал его похвалами и повел из собрания в сенат. И здесь он удостоился благодарности, а военные трибуны дали ему, с согласия сената, за храбрость командование над первой манипулой первого легиона. Остальные центурионы отвели свою апелляцию и покорно приняли назначенные им должности.

Необъяснимо в этом рассказе, почему Лигустин, ратовавший вначале так горячо за центурионов, восстал против их требований потом. Это совпадение заставляет подозревать

Лигустина в неискренности. Произошло ли это событие так или несколько иначе, но речь Лигустина, мнимая или действительная, выражает отношение римской правящей знати к институту центурионов.

Глава IV

МИТРИДАТ

Борьба партий, отпадение союзников и гражданская, потрясшая всю Италию война, казалось, грозили распадом Римской мировой державе, не успевшей еще окончательно сформироваться. Это дало смелость каппадокийскому царю восстать против Рима, чтобы отвоевать у него греческий восток и подчинить последний своей власти.

Митридат был по происхождению перс, – возможно, что он состоял в родстве с ахеменидским царским родом; по образованию и поступкам он был грек, – настоящий продукт слияния народов, произошедшего благодаря Александру Великому. Умной и твердой политикой ему удалось расширить границы своего царства до берега Черного моря, и греки, доведенные до отчаяния управлением и поборами римских чиновников, примкнули к нему в большой своей части, в том числе и афиняне.

Римское государство казалось совершенно потрясенным. Митридат собрал силы своих территорий под свою единую власть. В хозяйственном и финансовом отношениях Восток,

без сомнения, превосходил Запад; эллинство, как и римская эмиграция, в изобилии предоставляло в распоряжение понтийского царя военные и политические таланты и умственные силы своей интеллигенции. Казалось поэтому, что Митридат, будучи и сам бесспорно значительною личностью, мог устоять против Рима.

И все-таки он был побежден. Греки только частично перешли на его сторону; некоторые государства, – как, например, Родос и Македония, – остались верны Риму, а база, на которую опиралась римская власть, была шире и более военизирована, чем у Митридата. Хотя греки и доставляли ему полководцев и наемников, он мог еще производить вербовку не только среди своих подданных, но и среди воинственных варваров, насколько позволяли ему это его средства. Но ему недоставало того, что теперь являлось силой Рима: сословия солдат с пониманием дисциплины на национально-политической основе, с сознанием своего римско-гражданского достоинства – римского центуриона. Римское государство, невзирая на все внутренние волнения, сохранило еще достаточно устойчивости, чтобы не распасться. Сулла – гениальная личность – стал во главе армии, и римское оружие победило. Как эта победа досталась, мы подробностей не знаем, так

как описания ее не имеют большей цены, чем аппиановские рассказы о сражениях с Ганнибалом или рассказы о войне с кимврами и тевтонами. Мемуары самого Суллы, которые приводят Плутарх и другие историки, вероятно, страдают хвастовством и не очень достоверны. В сражении при Херонее Сулла, имея 15 000 чел. пехоты и 1 500 конницы, одержал победу над войском азиатов в 120 000 или, по более скромным подсчетам, в 60 000 чел., предав из них смерти 100 000 или 50 000 и потеряв при этом сам всего 14 воинов, из которых двое впоследствии нашлись. Вероятно, все это сражение – плод фантазии и относится к нападению, которое Сулла почти там же на месте, при Орхомене, через некоторое время отразил, имея перед собой противника – тоже азиата – с 70 000 или 80 000 войском, которое Митридат вместе с 10 000 конницы послал на кораблях при известии о первом поражении. (Один из источников повествует приблизительно то же самое)[34].

Впоследствии войско Митридата достигло 500 000 чел. Возможно, что римляне не только качественно, но и количественно имели перевес. Само собой разумеется, что Митридат был настолько умен, чтобы не выводить на поле сражения массы, которые требовали питания и не

могли ничего дать взамен. Содержать же способных наемников много лет на военном положении слишком дорого, – тем более что Митридат имел не только сухопутное войско, но и флот. Сулла явился с войском в 30 000 чел. и начал прежде всего осаждать Афины. Кажется невероятным, что большое царское войско, стоявшее в Македонии, не сделало попыток выручить город, защищавшийся очень упорно. Объясняется это тем, что громадная армия существовала лишь в фантазии наших источников, в действительности же она представляла собою небольшое войско, не решавшееся до прибытия подкрепления напасть на Рим. Говорить о подробностях войны на основании подобных источников не имеет смысла для нас[35].

Отметим только, как похожи один на другой рассказы о войне Мария против кимвров и тевтонов и о войне Суллы против Митридата. В большей своей части они тождественны. И в первом, и во втором случаях солдаты впадают в панику при виде такой массы неприятеля; в обоих случаях изображается, каким гамом и криком наполняют они воздух и издеваются над римлянами. Марий приказывает войскам рыть канал, чтобы закалить их; Сулла заставляет отвести воды Кефиса для того, чтобы войско

предпочитало сражаться. Солдаты Мария требуют сражения после того, как они освоились с внешностью варваров; солдаты Суллы требуют сражения после того, как они устали от рытья. Почему Архелай, полководец Митридата, не напал на римлян во время рытья канала, так же необъяснимо, как и бездеятельность Мария, разрешавшего тевтонам проходить в течение 6 дней мимо его лагеря и не воспользовавшегося случаем разбивать ежедневно шестую часть их войск.

Когда кимвры были разбиты и бежали в свой лагерь, жены встречали их с топорами и многих убивали; когда азиаты бежали, Архелай приказал закрыть ворота лагеря, чтобы принудить их снова вступить в бой, – и тут эту беспомощно стиснутую массу римляне искромсали. Чтобы усилить впечатление, кимврским женам дается время облачиться в траурные одежды. Солдаты Митридата были так увешаны серебром и золотом, что ужас римских солдат еще более увеличивался при этом зрелище. Римлянами был побежден противник, превосходивший их не только численностью, но и храбростью. Кимвры сковали цепью всю первую шеренгу, а стрелки Митридата защищаются в последний миг стрелами, употребляя их вместо мечей.

Однотипность рассказов основана не на подражании, а на психологии. Чтобы усилить впечатление от славных подвигов, рассказчики затемняют основные исторические моменты и при разных полководцах в разных войнах выдвигают общие типы и картины, решительно похожие одни на другие; иногда только различаешь, что тут идет речь о грубом солдате Марии, там – об изнеженном аристократе Сулле; тут – о грубых сынах Севера, там – об азиатском царе Митридате.

Та же психология отражается и в швейцарских рассказах о Бургундских войнах, – с теми же сценами и отличительными чертами, как в греческих рассказах о Персидских войнах. Вся разница состоит в том, что здесь мы имеем дело с народной фантазией, которая, несмотря на то, что свободно прикрашивает и преобразовывает обстановку, сама достаточно заинтересована в том, чтобы все же не совсем затемнить подлинные события. Римские же рассказы о победах Мария и Суллы являются продуктами скудной фантазии чванливых ораторов, относившихся совершенно равнодушно к событиям.

Передача событий о походах, где Лукулл и Помпей после возобновления войны побеждают сначала Митридата, а потом Тиграна, царя

Армении, носит тот же характер и не представляет для нас никакой ценности[36]. Царь Армении, произнесший при виде римского войска знаменитую фразу: "Для посольства – много, для войска – мало", владел сам очень незначительным государством, – гористым, с небольшим народонаселением, выставлявшим небольшое войско, – да и вообще армянам редко приписывались воинственные наклонности.

Глава V

РИМЛЯНЕ И ПАРФЯНЕ[37]

Продолжением войны с Митридатом и Тиграном можно считать поход наместника Сирии Красса против парфян.

Парфяне являются народом, родственным персам, и их способ сражаться совершенно однороден с персидским. Их войско состояло из конницы и стрелков из лука; но наряду со стрелками конница была вооружена и холодным оружием, т.е. копьями.

Римское войско состояло из 7 легионов, 4 000 конницы и 4 000 чел. легкой пехоты; это составляет значительную массу, но так как легионы были не вполне укомплектованы, то надо считать, что в общем они состояли только из 36 000 чел. В войске Александра насчитывалось 47 000 чел., и, кроме того, оно было лучше приспособлено для предстоящего боя, чем римское: оно насчитывало 7 000 всадников, а римское – только 4 000; сколько среди македонской пехоты было легких отрядов, точно установить нельзя.

Подробные описания этого римского похода, хотя и носящие анекдотический характер,

имеются у Плутарха о Крассе и один рассказ у Диона Кассия. С некоторой долей правдоподобности можно извлечь из них кое-что существенное.

Куда Красс намеревался совершить свой последний поход, точно не указано; возможно в Селевкию. Парфяне не ожидали римлян за Тигром, а пошли им навстречу, к Месопотамской равнине, где и столкнулись с ними после нескольких переходов. Парфянам удалось завлечь в засаду и уничтожить часть римской конницы, бывшей под начальством молодого Красса, сына полководца, отличившегося в Галлии у Цезаря и прибывшего на помощь отцу с тысячью галльских всадников. Римское войско не в состоянии было продолжать наступление и повернуло обратно; если мы сравним его положение с положением 10 000 греков после сражения при Кунаксе, то оно покажется нам еще не очень угрожающим. Конные стрелки из лука не могли особенно сильно противостоять сомкнутой и хорошо вооруженной для стрельбы пехоте. Жуткие описания наших источников об ужасных нападениях парфян, имевших в резерве целые караваны стрел, не должны нас вводить в заблуждение относительно того, что эти конные лучники не те, которых мы встречали в древней истории Греко-персидских

войн. У римлян было еще много легких отрядов, которые в пешем строю стреляли более метко, чем парфяне с лошадей, причем оставалась еще конница, которая могла делать вылазки, если неприятель находился на близком расстоянии.

Кроме того, о парфянах, так же как и о персах, сообщается, что они с вечера отходили далеко от неприятеля, чтобы не подвергнуться ночному нападению, и, таким образом, давали возможность римлянам совершать беспрепятственно ночные переходы. Отступление, совершенное римлянами, продолжалось недолго; оно несравненно короче, чем отступление 10 000 греков. Столкновение римлян с парфянами произошло южнее Карр, на юго-восток от Эдессы, на расстоянии 10 миль от Евфрата[38].

Если все-таки греки сумели уйти от противника, а римляне при отступлении были почти уничтожены, то причину надо искать не в особой храбрости парфян, так как и персы отличались храбростью. Да и численностью парфяне не превосходили тех персов. Источники придают большое значение предательству одного из правивших в этой местности князей. Какой вред причинил он римлянам, кроме подачи сознательно фальшивого совета и бегства со своим войском с поля сражения, они не указывают. Как

раз при гибели римской конницы о нем не упоминается, так что нельзя приписывать поражение римлян этому предательству. Я скорее приписываю его тому, что они так же, как и персы однажды при Тиссаферне, не считали нужным проливать свою кровь для уничтожения греческого войска; они находили, что греки, вторгшиеся в долину Кардухских гор, все равно погибнут, и если при этом кардухи пожертвуют собой, тем лучше для персов. Парфяне должны были приложить все старания для того, чтобы не только отбросить римлян, но и воспрепятствовать их возвращению, я если им это удалось, то причину надо искать в слишком большой численности римлян. Греков, по Ксенофонту, было 13 000 чел., а со всеми наемниками – не больше 20 000, причем они не имели большого конного парка и обоза; римляне даже после поражения конницы насчитывали 30 000 воинов, очень большой обоз и конные колонны, в общем, вероятно, 50 000–70 000 чел. Эта масса не могла оторваться от противника быстрыми, особенно ночными, переходами, которые помогали грекам.

Добравшись до Карр, римляне разделили войска и выступили снова в поход; один корпус с полководцем во главе двинулся не к Евфрату на запад, а на север, чтобы укрыться в горах

Армении; но положение ухудшилось вследствие начавшейся деморализации войска. Конечная катастрофа наступила не во время общего боя, а в результате того, что Красе по слабости вступил в личные переговоры, вызвавшие недоразумения и подозрения, а может быть, и потому, что парфяне умышленно совершили предательство, которое погубило его.

Два легиона, образованные из остатков армии Красса, приняли участие под начальством Помпея в сражении при Фарсале против Цезаря.

АНТОНИЙ

К описанию поражения Красса присоединим обзор похода Антония, который он предпринял 17 лет спустя (в 36 г.), чтобы отомстить за позор при Каррах. Он, по-видимому, очень тщательно подготовился к походу. Его войско было вдвое больше, чем у Красса[39]; оно насчитывало 10 000 всадников и было обеспечено пращниками, которые наносили поражение своими камнями на большем расстоянии, чем парфяне своими стрелами, и даже пробивали панцири[40]. Антоний перешел Евфрат у того же места, где и Красс (у Зевгмы), и направился по той же дороге (там когда-то и Александр проходил) с запада на

восток, где Армяно-Кардухские горы переходят в равнину, в том направлении, где расположены или были расположены города Эдесса – Нисибис и Тиграноцерта. Парфяне не посмели атаковать это войско; Антоний перешел Тигр и ворвался, сохраняя направление на восток, в Мидию (Атропатену), бывшую вассальным государством Парфии под управлением царя Артавасда. Здесь должен был к нему присоединиться со вспомогательным войском находившийся в союзе с Римом армянский царь, носивший тоже имя Артавасда. Очевидно, им был составлен такой план, чтобы, базируясь на Армению, перетянуть Мидию с парфянской на римскую сторону. Мы задаемся вопросом, отчего он не перешел по Евфрату вниз в плодородную Среднюю Месопотамию, где большой греческий город Селевкия ожидал римлян как освободителей. Ктезифон (предместье Селевкии) была резиденцией парфянских царей; ведь если бы удалось изгнать их оттуда, это можно было бы считать большой победой. Ответ заключается в том, что для большого войска продолжать наступление через горы в Парфию было нелегко. А если бы удалось привлечь к союзу Мидию, то парфяне должны были бы все равно отдать Месопотамию, и тогда римляне были бы

обеспечены базой для ведения дальнейшей войны. Антоний направился по дороге к главному городу Мидии Фрааспе, – вероятно, теперь именующемуся Тахти-Сулейман, – в 42 милях восточнее Гавгамелы, куда царь Артавасд укрыл свою семью и сокровища. Римляне рассчитывали, что, если бы они захватили этот город, Артавасд, которому Антоний предложил бы выгодные условия, присоединился бы к Риму так же, как и его армянский тезка. Чтобы закончить осаду в самый короткий срок, римляне привезли с собой таран, так как в данной местности не было толстых деревьев. Эти машины, которые можно было продвигать очень медленно, были привезены под прикрытием 2 легионов. Антоний шел во главе всей массы войска, чтобы прибыть скорее к неприятельской твердыне и организовать осаду.

Но на следовавший за ним обоз, находившийся под начальством Оппия Статия, было произведено парфянами нападение, причем осадные машины были разрушены. При каких обстоятельствах это произошло, мы не знаем, но, вероятно, этого не случилось бы, если бы римский полководец не совершил каких-либо тактических ошибок. Длинный обоз не мог быть защищен 2 легионами против парфянской конницы, и этот

натиск парфян с юга надо было предвидеть ввиду того, что римляне совершили фланговый марш. Нельзя себе представить, чтобы Антоний не обеспечил обоза конницей, которая должна была бы вовремя заметить приближение парфян и донести об этом. В таком случае римляне успели бы устроить укрепленный лагерь, где могли бы защищаться от неприятельской конницы до прибытия Антония. Но чья бы ни была вина в недосмотре, в результате этого поражения планы похода Антония были сорваны в своем основании, – тем более, что армянский царь Артавасд, испугавшись, вернулся обратно в свое государство, чтобы защищать его и спасти себя.

Антоний нашел в себе еще достаточно упорства, чтобы продолжать осаждать Фрааспу импровизированными машинами; он прошел еще дальше в глубь страны в надежде вызвать парфян на бой. Почему Антоний не подразделил на части свое все еще мощное войско, которому парфяне не смели противиться? Окружность города Тахти-Сулейман равна 1 330 шагам; достаточно было бы незначительного корпуса, чтобы блокировать эту крепость и продолжать осаду. Устройством циркумвалационной линии он мог защитить себя от парфянских стрелков, главные же силы направить в Экбатану или в Гирканию.

Но все же этими мероприятиями, вероятно, ничего не было бы достигнуто. Все зависело от того, удалось ли бы отнять Атропатену у парфян или нет. Имея подходящую базу, можно было бы продолжать войну, а без нее продвигаться в неприятельскую страну было бы опасно. После блестящей победы парфян над Оппием Статием, занятие Фрааспы могло бы еще побудить царя Атропатены перейти на сторону Антония. Но Антонию пришлось пережить следующее: во время одного из его выступлений осажденные сделали удачную вылазку и сожгли плотину, подводившую к крепости; полководец в гневе присудил 2 когорты к самому тяжкому наказанию – к децимированию (казнь каждого десятого солдата) за то, что они недостаточно хорошо сражались. Когда он увидел, что в окрестностях нельзя добывать съестные припасы, а на сдачу крепости надежды нет, ему пришлось назначить отступление.

Антоний свернул на другую дорогу не потому, что его войско стало менее боеспособным, а потому, что на прежнем пути он не мог рассчитывать на получение съестных припасов. Вместо того, чтобы итти Месопотамской равниной, он направил путь на север, в горы, через всю Армению, где союзный царь должен

был прокормить войско[41]. При отступлении парфяне причиняли ему существенный вред: хотя римляне и побеждали их в настоящем бою и прогоняли их, но войско все же морально разлагалось, так что Антоний считал удобнее выступать из лагеря не утром[42], а в полдень, чтобы иметь возможно больше времени вечером для совершения безопасного перехода.

Походы Красса и Антония заставляют нас оглянуться назад. Мы еще вернемся к ним, когда будем в следующем томе разбирать, почему Месопотамия осталась на границе римского государства и ни один полководец Рима не повторил похода Александра.

Еще раз зададим здесь вопрос, как это было возможно, что царь маленькой Македонии завоевал Азию до Инда, а римское войско, гораздо белее многочисленное, погибло? Одной гениальности Александра недостаточно для объяснения этого факта. Военное искусство Запада настолько развилось благодаря римской когортной тактике, а военное дело у римлян было настолько основательнее поставлено, чем у македонян, что одна только личность сама по себе не могла всего этого возместить.

Стратегическая основа похода Антония имеет еще больше сходства с походом Александра на

Гавгамелу, чем это кажется с первого взгляда. Разбив Красса, парфяне через некоторое время снова перешли к агрессивным действиям, но были, наконец, разбиты в Северной Сирии легатом Антония. Это поражение можно сравнить с поражением при Иссе: провинции, которыми Дарий еще повелевал после Иссы, образовали Парфянское государство царя Фраата IV, против которого выступил Антоний. Римляне, как мы видели, продвигались по Верхней Месопотамии почти тем же путем, как и Александр, и перешли Тигр в той же местности, как и последний, не имея до этого времени сражений так же, как и Александр. Что произошло бы, если бы Дарий – вместо того, чтобы принять сражение, – уклонился от него, как Фраат, и ограничился бы защитой своих укрепленных мест, лишив македонян возможности добывать съестные припасы?

Чтобы провести этот стратегический план, народ и государство должны обладать большой силой сопротивления. Даже после поражения при Гавгамеле персы, как и парфяне, могли еще защищаться; но все большие города, – как Вавилон, Персеполь, Экбатана, – открыли македонянам ворота без сопротивления; властители даже приглашали их к себе, и вскоре

царь-беглец был одним из своих сатрапов лишен трона и убит. Дарий Кодоман сам происходил из семьи Ахеменидов по побочной линии и сел на трон благодаря дворцовому перевороту, которому предшествовали многие другие волнения. Эта внутренняя слабость Персидского царства не должна быть упущена из виду при оценке несравнимых ни с чем успехов Александра. Азия в лице Парфянского царства протестовала против эллинско-македонского владычества; но это не было чистым варварством, – наоборот, оно известным образом принимало эллинскую культуру: в день победы при Каррах при дворе парфянского царя ставили греческую трагедию Эврипида.

Когда Антиох III расширил свое царство от Сирии до Индии (209 г.), ему не удалось подчинить себе парфян и бактров; он должен был оставить их полусвободными в вассальной от себя зависимости. Когда Антиох VII задумал восстановить великое Сирийское царство и победоносно проник в Мидию, солдаты его были размещены на зимние квартиры среди населения, которое обязано было их кормить, но которое напало на них и уничтожило всех (129 г. до н. э.). Александр Великий нигде не испытал такого сопротивления. Персидское царство, которое он

разрушил, было велико, но внутренне бессильно. Этим замечанием мы так же не хотим уменьшить величие Александра, как не хотят снять лаврового венка с главы Наполеона, когда говорят, что монархия Фридриха Великого была бессильна в 1806 г. Персия внутренне разлагалась ко времени македонского нападения. Эта бесспорная истина заставляет относиться к греческим рассказам о высокомерии и самоуверенности персидского двора с недоверием; принимая во внимание эту точку зрения, кажется невероятным, что Дарий смог создать два сильных войска одно за другим.

Для того, чтобы создать запас продовольствия, нужна не только сильная государственная организация и твердое управление, но и добрая воля народа. Этого всего не было как раз в Персидском царстве; ко всему этому мы можем присовокупить только еще один аргумент, что войско Дария было не только не больше, но даже численно меньше македонского.

О походе Антония я составил себе другое мнение, чем Гутшмидт (Gutschmidt, Geschichte Irans, 1888) и Гартхаузен (Gardthausen, Augustus und seine Zeit, 1891).

Надо принять во внимание, что все сообщения об этом походе мы черпаем из одного только источника, – из записок сопровождавшего Антония Деллия. Один историк извлекал из этих записок один материал,

другой – иной и придавал этому походу субъективную окраску. Плутарх отнесся благосклонно к Антонию; Дион и следующие за Ливием мелкие латинские авторы – враждебно (Гутшмидт, стр. 97, примеч. 3). Но суть в том, что Деллий, хотя и хорошо осведомленный о всех внешних событиях, не понимал внутреннего соотношения их или не знал. Его занимали сплетни о полководце, который забывал военные обязанности из-за любви к Клеопатре, или рассказы о том, что лошади парфян испугались бряцанья оружия в римских легионах и потому парфяне предались бегству. Когда Антоний собирался начать отступление, как раз в это время появляется мудрый человек, служивший в войске Красса, пробывший 17 лет в плену у парфян, и поучает римского полководца, указывая, что парфянская конница менее опасна в горах, чем на равнине. Чтобы укрыться от парфянских стрел, римляне сооружали крыши из щитов; парфяне считали это признаком поражения римлян, но последние набрасывались снова на них. Все эти истории, – так же как и все цифры о парфянском войске, – можно вычеркнуть.

О походе Антония Гартхаузен (II, 11, 153) говорит: "Мы не представляем себе дороги, по которой он шел, но и не можем в ней сомневаться, раз источники указывают, что Антоний шел через Армению". Но ведь Армения, как и Аравия, слишком неопределенный географический термин, чтобы на основании этих нескольких слов в рассказе приписать такому полководцу, как Антоний, такие неразумные действия, – тем более, если принять к сведению, что, по Плутарху (Антоний, гл. 37), Антоний из Зевгмы шел через "Аравию и Армению". Почему он избегал

равнины? Ведь он был настолько во всеоружии, что мог дать парфянам сражение и стремиться к нему.

Гартхаузен сам (I, 1, 295) выводит заключение, что Антоний, перейдя у Зевгмы Евфрат, шел через Осроэну и Мигдонию к Тигру и дальше южнее озера Урмия.

Это – прямая линия, ведущая в дальнейшем к Фрааспе. Армению сюда нельзя включить; либо она отпадает, либо под Арменией надо подразумевать обширную территорию, которая включает в себя Верхнюю Месопотамию.

Но с этим не совпадает то обстоятельство, что Антоний хотел с севера проникнуть в Парфию; это вообще находится в противоречии с указанием (по Гартхаузену, I, 1, 295), что он шел к югу от озера Урмия.

Надо также отбросить утверждение, что Антоний удивил парфян направлением, которое он взял для своего похода; это был самый обыкновенный путь, и приближение такого громадного войска нельзя было не заметить, а потому Царю Фраату не требовалось прилагать старания, чтобы вовремя узнать о нем. Отступление сопровождалось трудностями и потерями, но так как римляне располагали еще прекрасными пращниками и конницей, то парфяне не могли причинить им особого ущерба.

Описание страданий и опасностей, которым он подвергался, – так же как и отчаяние полководца, – являются лишь риторическими преувеличениями.

Примечание ко 2-му изданию. Исследование Кромайера об этом походе ("Hermes", т. 31, 1896) при составлении предыдущего текста было мне незнакомо. Но я и теперь не могу к нему

присоединиться и считаю его в самом важном пункте неправильным. Кромайер думает, что Антоний считал свое войско, собранное им при Зевгме, недостаточно сильным, чтобы сразиться с парфянами на Месопотамской равнине, а потому сделал громадный круг, взяв направление на север, через Армению. Он полагает, что Антоний имел намерение укрыться в горах и по пути найти подкрепление у Красса, который сражался на Кавказе во главе римского войска за год до этого похода, и, кроме того, привлечь к себе армянское войско царя Артавасда. Ссылка на источник, который он берет для этого похода, неудачна. Да и по существу невероятно, чтобы Антоний (даже если несколько войсковых частей не примкнуло к нему), имевший в своем распоряжении громадное войско, избегал сражения с парфянами. Его легат Вентилий уже не раз побеждал парфян в больших сражениях в предыдущие годы, а Антоний имел не меньше 10 000 чел. кавалерии. Те 16 000 тяжеловооруженных всадников, которых должен был доставить римлянам Артавасд, конечно, являются выдумкой. Подкрепление, которое Антоний в своем северном направлении получил бы от Армении и, может быть, от Красса, было бы поглощено не в малой мере теми потерями в людях и материале, которые должны были бы произойти при походе через горную страну на протяжении 100 миль (ок. 700 км). Когда Кромайер утверждает, что и Цезарь хотел идти через Малую Армению, то он не принимает во внимание, что Цезарь шел из Рима, а войско Антония из Сирии, и что для Цезаря являлось прямым путем, то для Антония – большим крюком.

Часть седьмая

ЦЕЗАРЬ

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Мы руководствовались до сих пор таким методом, что, оставляя в стороне хронологию, исследовали систематически в каждом сражении отдельно тактику данной эпохи, чтобы выработать определенное о ней мнение и, исходя из этого, перейти к разбору стратегии. По отношению к Цезарю такой прием не нужен. Все те элементы, из которых состоит его искусство предводительствовать войском, нам знакомы; нам надо только показать, как, применяя его, он довел военное искусство древности до высшей точки его развития, вследствие чего его самого следует считать величайшим в этом смысле мастером древней эпохи.

Невзирая на то, что мы, благодаря личным произведениям Цезаря, очень обстоятельно осведомлены об его походах, мы все-таки имеем только односторонний отчет о событиях. Даже

передача событий гражданской войны людьми из лагеря Помпея и сторонниками сената расплывчата и ничтожна по сравнению с широко освещающими события рассказами Цезаря и его приверженцев, а о германо-галльской войне у нас имеются только свидетельства победоносных римлян. Этого не надо забывать.

Нельзя сказать, чтобы критика этого не помнила, но она не могла ничего сделать: она была беспомощна; несмотря на то, что имеется обилие освещающих походы Цезаря произведений, критика еще недостаточно разобралась в них. Она не обладала средствами хорошо уразуметь великого полководца и не менее великого "собственного историка" и на основе его описаний проникнуть в суть вещей. Для этого нужно было иметь оружие, которое создавалось постепенно в длительной совместной работе; нужны были познания относительно организации и тактики войска, понимание технических выражений, географические и топографические исследования, статистические определения численности войск. Все эти предварительные условия теперь уже настолько выполнены благодаря работе многих поколений филологов, археологов, историков и военных, благодаря путешествиям, раскопкам и методологическим

сопоставлениям, что критика может отважиться вступить в бой с титаном, прямо посмотреть ему в глаза и заставить его раскрыть свою объективную сущность.

1. Из старых произведений о военных делах Цезаря можно считать самыми важными и поныне труды: В. Рюстова, "Военное дело и ведение войны Юлием Цезарем" (2-е изд. 1862 г.) и Авг. фон Гелера, генерал-майора баденской службы, "Галльская война Цезаря и отдельные части его междоусобной войны" (2-е изд. фон Гелера 1880 г.). Переработку всего материала, – руководствуясь тем, что есть по этому вопросу в новой литературе, – дает в своем труде "Военное дело Цезаря" Франц Фрелих (1889 и 1890 гг.). Некоторые выписки из этой книги, – правда, не очень существенные, – дает Фр. Кауер в "Histor. Zeitschr.", т. 64, стр. 123 и т. 66, стр. 288). Очень подробно полемизировал по поводу некоторых пунктов полк. Стоффель в "Revue de Philologie", т. XV (1891 г.).

Труд Наполеона III в двух томах о жизни Цезаря вместил только описание галльских войн и кончается переходом через Рубикон. Если он в литературном отношении и невысоко стоит, то научно можно им пользоваться; особенную ценность представляют собой вызванные этим трудом географические исследования, раскопки и опыты. Но гораздо выше стоит продолжение этого труда, составленное полк. Стоффелем "История Юлия Цезаря, гражданская война" ("Histoire de Jules Cesar, guerre civil" par le colonel Stoffel), два тома большого формата, 1887 г.

Полк. Стоффель, занимавший должность флигель-адъютанта императора, принимал участие в подготовительных работах к этому труду и продолжал над ним работать с 1866 до 1870 гг. во время своего пребывания в Берлине. Когда же военные события прервали его работу и ему, как и его императору, пришлось уйти от политической жизни, он снова возобновил свой труд в 1879 г. и закончил его; при этом он лично объезжал все театры военных действий и поля сражений, где участвовали в боях войска Цезаря. Стоффель – истинный ученый, которому несвойственна и тень дилетантизма; к тому же он и опытный военный. Если я, невзирая на это, расхожусь иногда с ним в мнениях, то эти разногласия основаны на том, что я отношусь скептически к рассказам Цезаря, подвергаю их критике и надеюсь доказать мою правоту, основываясь на статистике, которая Стоффелем игнорируется.

Кроме труда о гражданской войне Стоффелем еще выпущена в свет как дополнение к труду Наполеона III монография – и очень ценная – о двух первых походах в галльской войне ("Guerre de Cйsar et d'Arioviste et premieres operations de Cйsar en I'an 72" par le colonel Stoffel, Париж, 1890, 164 стр.).

Раньше чем приступить к окончательной обработке настоящей главы, мне удалось заполучить, в свои руки следующий труд: "Caesars conquest of Gaule, by T. Rice Holmes" ("Победа Цезаря в Галлии", Лондон 1899, 845 стр.). Это настолько же научная, насколько и остроумная книга, в которой полемика сопровождается очаровательным юмором и которая соединяет в себе все, что с какой-либо точки зрения относится к галльским войнам. Я присоединяюсь к

нему в вопросах оценки работ и взглядов Стоффеля. О моих с ним разногласиях, так же как в отношении Стоффеля, я поговорю отдельно.

Помимо указанных выше трудов, я могу указать как на подходящую литературу, наряду с "Историей военного искусства" Иенса (Jdhns), и на другой труд того же автора – очень обстоятельное исследование – "Cdsars Kommentarien und ihre literarische und kriegswissenschaftliche Folgewirkungen, VII прил. к "Milit. Wochenbl." 1883, – книга, которой я обязан многими наблюдениями и цитатами.

В 1906 г. к литературе о Цезаре прибавилось и произведение лейтенанта Г. Фейта (G. Veil, Geschichte d. Feldzьge C. Julius Cdsars, Wien, L. W. Seidel und Sohn), Насколько это произведение широко задумано, настолько же оно малоинтересно в научном отношении. Автор представляет еще себе, что между римскими когортами оставляли интервалы, равные протяжению фронта когорты, и приводит для этого "доказательство" (стр. 48 и 486) из военного источника "Terminus technicus quincunx" – принадлежавшего, однако, не Ливию, а Липсию (ср. критику Руд. Шнейдера в "Gцtting. Gel. Anz." Jahrg. 169, стр. 419, июньская книга 1907 г.). Указание автора (стр. 483), что он "во всех существенных вопросах опирается на источники", основывается поэтому на самообмане не меньше, чем его мнение, что его профессия лейтенанта дает ему возможность подходить к военной истории в качестве специалиста.

2. При обсуждении некоторых отдельных вопросов и присущих древней эпохе особенностей военного искусства Цезаря немецкие читатели придерживаются

взглядов книги Фрелиха (Frohlich, 276 стр.). Так как я указываю на его труды, то и хочу некоторые пункты, где я присоединялся к Стоффелю и расхожусь с ним, разобрать здесь. Кроме упомянутой критики Стоффеля возьмем еще его труд "Remarques gйnerates", который он присоединил к книге "Жизнь Цезаря".

Фрелих (стр. 9) сомневается, чтобы 13-й легион, с которым Цезарь перешел Рубикон, насчитывал, как сообщает Плутарх, 5 000 чел., ввиду того что он вел войну много лет и не получал никакого подкрепления. Стоффель же ("Revue de Philologie", стр. 140) выводит справедливое заключение, что Цезарь, несомненно, пополнял свои легионы. Если нам и сообщается кое-где о добавлении (supplementum), которое не было обычно, а организовано (в. G. VII, 57) специально, то это надо отнести к переходным моментам. Если, невзирая на эту систему постепенного пополнения, старые и новые легионы были все-таки различны, то это объясняется тем, что, во-первых, из старых легионов не отпускали старых солдат, а сами легионы совершенно расформировывались, и затем, что во время сражений в древности число убитых было, как правило, ничтожно, разве только в случае сильного поражения, когда легко можно было уничтожить целые войсковые части. Следовательно, число ветеранов настолько превышало число молодых людей или, вернее, число молодых людей в старых легионах было так мало, что легко было отличить старые легионы от новых.

Стоффель все-таки считает, что каждый легион Цезаря был численно невелик, и отклоняет понятие о "нормальной численности легиона", которое надо

считать в такой же мере правильным, как и понятие о "нормальной численности дивизии". Конечно, дивизия – это не то, что легион во времена Цезаря. Старый римский легион, имевший придаток из всадников и легковооруженных, можно еще, – поскольку в нем соединялись все роды войск, – сравнить с современной дивизией. Но при Цезаре этого давно уже не существовало: его легионы можно скорее сравнить с современной кавалерийской бригадой, так как по силе легион был равен ей, или же с пехотным полком, так как он имел самостоятельное хозяйство. Но все эти сравнения ни к чему не ведут. Самое существенное – это то, что по самой точной схеме легион состоял из 20 когорт, из которых в каждой было по 3 манипулы, а в каждой манипуле было по 2 центурии. Это небольшие тактические единицы должны были иметь определенный численный состав. Обучение, продовольствие, устройство лагеря и рассылка приказов были бы немыслимы, если бы эти низшие тактические единицы не были приблизительно однородны. А если центурии и манипулы имели определенную численность, то ее имел и легион, – а цитаты, приведенные у Фрелиха, не оставляют сомнений в том, что легион насчитывал нормально 6 000 чел., когорта – 600 чел., манипула – 200 чел. и центурия – 100 чел.

Главное возражение, которое можно себе позволить против принятия этих цифр, отброшено при вычислении войсковых сил при Фарсальском сражении:

На стр. 17 Фрелих говорит, что центурионов можно сравнивать с современными фельдфебелями, а

не с командирами рот. Это правильно, если принять во внимание их социальное происхождение; по функциям же они равны нашим командирам рот, причем для истории Цезаря очень существенно, что в римском войске самые основные функции исполнялись "капитанами и командирами рот", принадлежавшими социально к группе унтер-офицерства.

На стр. 19 Фрелих дает очень низкую оценку воинским качествам военных трибунов Цезаря. В основе это правильно, но краски явно сгущены: по утверждению Rice Holmes (стр. 570) эти трибуны выполняли, как доказано, много важных обязанностей.

Стоффель говорит в своем труде "Guerre de Cйesar et d'Arioviste" (стр. 127), что легаты, бывшие раньше высшими офицерами и несшие обязанности при главнокомандующем, вошли в течение Галльской войны в более тесные отношения с легионами и в конце концов получили командование над ними; Хольмс (Holmes) возражает – и справедливо – против этого (стр. 568). Отношение легатов к отдельным частям войск осталось при Цезаре таким же, каким было и раньше в римском войске. Следовательно, и круг деятельности трибунов не был сужен Цезарем.

Относительно "antesignani", по Фрелиху (стр. 29), мы сделали указания выше, на стр. 206–207.

На стр. 38 Фрелих присоединяется к мнению Шамбаха (Schambach), что Цезарь так же, как и в древние времена, присоединял к каждому легиону определенную норму кавалерии. На мой взгляд, выводы Шамбаха не очень доказательны. Но это не играет особенно важной роли. И Хольмс (стр. 583)

отвергает взгляд Фрелиха.

На стр. 42 главу об evocati, согласно вышеприведенным на стр. 303–304 выводам, надо пополнить следующим пояснением: между evocati II в., – составлявшими многочисленную группу, бывшими просто солдатами сверхсрочной службы, – и rengages I в., – служившими в почетном отряде, который являлся охраной штаба полководца, – имеется разница, и их надо отличать друг от друга. Отсюда вытекает простое и ясное толкование главы, вызвавшей так много споров ("bell, civil.", III, 91, no R. Menge, "Berl. Phiol. Wochenschr.", 1890, стр. 273). Глава гласит: "Крастий был сверхсрочным в войске Цезаря; он раньше командовал у него первой ротой триариев в X легионе. Человек необычно храбрый, он, подав знак, сказал: "Идите со мною, мои бывшие товарищи по роте; постарайтесь для вашего полководца, которого вы сами выбрали. Остается только одно это сражение; после него он восстановит свою честь, а мы вернем себе свободу". Посмотрев при этом на Цезаря, он сказал: "Я сделаю так, что ты меня сегодня будешь благодарить, живого или мертвого". После этих слов он первый бросился на врага с правого фланга, а за ним устремилось около 120 отборных бойцов – добровольцев из той же центурии".

Центурия, к которой Крастин обратился с речью, состояла из evocati и была штабной, стоявшей на правом фланге. Во время гражданской войны Цезарь, как мы предполагаем, произвел всех давно служивших, главным образом из X легиона, в primipilus. Ввиду того, что Крастин был примипилом в этом легионе, они (evocati) почти все находились в его

манипуле, и он мог к ним обратиться с речью как к своим бывшим сотоварищам по манипуле. Как evocati это были воины, выслужившие свой срок, но поступившие добровольцами в армию только на время данной войны и признавшие Цезаря своим полководцем. По окончании же войны они освобождались от службы и становились свободными людьми.

На стр. 72 Фрелих считает, что легионеры носили панцирь и при окопных работах. Стоффель это справедливо опровергает ("Revue de Philol.", p. 142), так же как и указание Фрелиха (стр. 75 и 127), что каждый солдат носил на себе запас муки на 16 дней.

Относительно передвижения римлян, по Фрелиху (стр. 104 и 200), ср. ниже, гл. 3.

Нельзя также присоединиться к взгляду Фрелиха (стр. 105), что легионеры были вооружены и луком; приводимые им цитаты не служат доказательством этого.

Стоффель (стр. 121) говорит, что имеется упоминание о метательном копье, снабженном amentum (метательным ремнем). Метательное копье никогда не бросалось посредством amentum. Последний употребляется только для легких снарядов.

Расстояния (дистанции) между башнями на контрвалационной линии вокруг Алезии равнялись 80 футам. Фрелих (стр. 145) применяет эти дистанции к протяжению фронта манипулы. Стоффель же берет для протяжения линии фронта расстояние, равное дальности полета римских метательных снарядов.

На стр. 169 Фрелих приводит заимствованные у Вегеция неправильные сведения о cuneus, о чем я буду говорить в следующем томе.

На стр. 183 Фрелих толкует маневр, который Цезарь применил к седьмому и двенадцатому легионам в сражении с нервиями, таким образом, как будто легионы сражались, будучи поставлены спиной друг к другу. Правильнее понял этот маневр Гизинг: последние шеренги обоих легионов были повернуты кругом ("N. Jahrb. f. Phiol.", т. 45, 1892, стр. 493).

3. Конница Цезаря следовало бы посвятить отдельную главу, – или, правильнее, наряду с описанием развития тактики в пехоте надо было бы параллельно привести и историю развития кавалерии. Уже начиная с Персидских войн при Филиппе и Александре, так же как и в эпоху Ганнибала, конница в римском войске имела большое значение и часто играла решающую роль. В пехоте мы наблюдали органическое развитие тактических форм; разве нельзя установить что-либо подобное и в кавалерии?

Здесь идет главным образом речь о разрешении двух вопросов: в какой мере древние применяли шок, т.е. удар (атаку) сомкнутым строем на быстром аллюре? И как мы должны представлять себе смешанный бой конницы совместно с легковооруженными?

Несмотря на имеющуюся тщательно разработанную монографию Шамбаха ("Die Reiterei bei Cdsar", "Progr. Mьhlhausen", 1881) и труд Фрелиха (кн. III, гл. 5), в этом вопросе еще много неясного. Мы не приступим сейчас к его исследованию, а отложим его до тех пор, пока последующие эпохи не дадут нам достаточно материала для сравнения.

Глава II

ПОХОД ПРОТИВ ГЕЛЬВЕТОВ

Мы предполагаем, что рассказ Цезаря о его походе против гельветов всем известен, а потому подвергнем критике лишь все несообразности; пробелы и противоречия, которые мы в нем находим.

Гельветы решили, по Цезарю, переселиться с женами, детьми и всей имуществом, чтобы овладеть Галлией (I, 30, 3). Их собственная страна казалась им мала.

Оставим в стороне ошибочные указания Цезаря относительно величины территории гельветов, но спросим, каким образом можно согласовать мотив, который Цезарь приписывает переселенцам, со способом его выполнения. Если гельветы желали подчинить себе галлов, то для этого не требовалось выступать с женами, детьми, очагами и домашним скарбом; наоборот, это только стеснило бы их во время военных действий.

Страна, которую гельветы облюбовали, находилась между Ля-Рошель и устьем Жиронды у Атлантического океана. Эта страна непригодна для того, чтобы отсюда завоевать Галлию, и еще

менее – для того, чтобы, если уже искать во время переселения новые места, – бросить из-за нее целому народу прекрасную местность, в которой он до тех пор обитал. Допустим, что гельветы действительно задались целью, вместо того чтобы расширить свою территорию по соседству, переселиться к океану и прогнать или уничтожить жившие там народы. Такой план и сам по себе трудно было бы привести в исполнение, а осуществить его одновременно с подчинением всех остальных народов Галлии было невозможно. Комбинация тем менее допустимая, что Галлия, – как мы, правда, узнаем это не в связи с этим переселением, но от самого Цезаря, – имела над собой владыку, а именно – германского князя Ариовиста, который покорил галлов, и заставил их давать ему заложников и платить дань. Мы не можем точно определить, как далеко простиралось владычество Ариовиста. Иногда получается впечатление, что он подчинил себе только секванов и эдуев и подчиненные им племена. Однако далее мы узнаем, что послы почти всей Галлии (гл. 30) просят Цезаря о помощи против Ариовиста. Во всяком случае, если бы гельветы и задумали подчинить себе Галлию, они должны были бы первым долгом считаться и столкнуться с Ариовистом. Между тем

об этом Цезарь ни одним словом не упоминает. В продолжение всего рассказа о гельветской войне нет упоминания об Ариовисте, – как будто бы его и не существовало.

К тем приготовлениям, какие делались гельветами для своей великой завоевательной войны, относится также заключение мирных и дружественных союзов с соседними государствами. Спрашивается, с какими? Находившиеся на западе государства принадлежали к тем, которые надо было подчинить; на севере находился Ариовист; восток вообще отпадает; юг принадлежал Риму. Оставалось только два пути, говорит Цезарь, по которым гельветы могли уйти из своей страны: либо по северному берегу Роны через страны секванов, либо по южному берегу, перейдя у Женевы через римскую Провинцию. Надо к этому добавить, что все эти пути надо брать в том случае, "если они хотели итти по направлению к владениям сантонов", так как в общем у гельветов, если бы они пожелали завоевать Галлию, были еще дороги через Юру или севернее Юры.

Хотя, по Цезарю, гельветы уже в течение двух лет делали приготовления к этому походу и о нем, вероятно, всюду было известно, но римляне не только не были осведомлены относительно

предполагавшегося перехода через их Провинцию, но и не проявляли никакой озабоченности. В этой угрожаемой пограничной области имелись до прибытия Цезаря только два легиона. Цезарь хитростью выиграл время и быстро соорудил оборонительную линию укреплений длиною в 4 мили (ок. 28 км) от Женевы до форта Эклюз, где Рону можно было в нескольких местах перейти вброд, и разместил там солдат своего легиона и призванных поголовного ополчения. Гельветы будто бы тщетно пытались прорвать эту линию.

Это утверждение мы возьмем под сомнение. Гельветы были народом воинственным; если войско их не состояло из 92 000 чел., то, как мы увидим далее, было все же значительным. Ополчение, набранное Цезарем, не имело большой ценности в военном отношении. Как можно было силами одного легиона защитить линию в 4 мили? Это немыслимо с военной точки зрения. Если такую временно укрепленную линию длиною в 4 мили атаковать с трех сторон сразу, то она при всех обстоятельствах (тогда еще не было новейших современных орудий) будет прорвана, если только противник достаточно энергичен.

Цезарь утверждает, что после победы над гельветами были найдены в их лагере таблички,

на которых было записано число душ каждого племени, что составило 368 000 чел. Так как мы можем приблизительно высчитать величину площади, которую гельветские племена занимали (18 000 км²), то получается невероятная плотность населения: 20 чел. на 1 км². Белох вполне справедливо считает это невозможным[43]. Цезарь упоминает еще одну цифру: когда он отослал гельветов обратно в их страну, он велел устроить перепись населения, показавшую 110 000 чел. По рассказам Цезаря, потери в людях у гельветов во время их переселения и в сражениях не были очень велики; поэтому Белох, исходя из указанной цифры, прибавил к потерям 40 000 душ и вычислил плотность населения в 7,5 чел. на 1 км².

Против этого заключения нельзя было ничего возразить, если бы можно было быть уверенным, что Цезарь действительно устроил эту перепись в что гельветы все поголовно ушли из страны. В таком случае (так как цифра в 40 000 чел. для потерь кажется преувеличенной) можно было бы назвать цифру, еще меньшую, чем у Белоха. Но, не будучи в основном уверенными в этом вопросе, к которому мы еще вернемся, мы пока опускаем этот вопрос. Однако надо еще тверже установить, что в основной массе гельветов не было 368 000 душ; для этого у нас имеются некоторые

возможности.

Цезарь рассказывает, что в походе гельветов участвовало 368 000 чел. и что они взяли с собой продовольствия на 3 месяца. По приказанию Наполеона III было вычислено, что для перевозки одной только муки требовалось 6 000 повозок, запряженных четверкой; если считать на голову 15 кг груза, то надо прибавить еще 2 500 повозок. Растянутые по одной дороге 8 500 повозок, при условии, что каждая повозка занимает в глубину 15 м, займут 17 немецких миль (ок. 120 км)[44]. Здесь рассчитана тяжесть в 10 центнеров на каждое животное. Я убедился и представил доказательства (т. II, стр. 455 и 465), что для условий античного (древнего) времени эта цифра вдвое или втрое выше, чем она должна быть. Линия повозок заняла бы не 17, а приблизительно 40 немецких миль (ок. 280 км). На очень немногих дорогах Галлии того времени, как мы ее себе представляем, могли поместиться несколько повозок в ряд. Дисциплина, поддерживаемая в такой колонне, вероятно, была невелика; остановок и препятствий на пути тоже было немало; повозки были запряжены преимущественно быками. Такая колонна требует не менее 3–4 час. времени, чтобы пройти 1 милю (ок. 7 км). Даже в самый разгар лета, когда можно

выступать в 3 часа утра и прибыть в лагерь в 9 часов вечера, – при условии, если весь дневной марш будет равен 1 миле, – его выполнить смогут только 2 500 повозок. В распоряжении колонны имеются всего 15 часов (с 3 часов утра до 6 часов вечера, когда последние повозки должны быть двинуты), так как каждые последующие 500 повозок могут быть двинуты только через 3 часа после отправления предыдущих. Если мы примем, что для прохождения 1 мили нужно 2 часа, то и тогда только 250 повозок смогут отходить каждый час, считая 16 часов в сутки для марша (с 3 часов утра до 7 часов вечера); и тогда можно было бы продвинуть на 1 милю вперед только 4 000 повозок[45]. Но ведь колонна состоит (о чем Наполеон не упоминает) не только из повозок, но и из массы мужчин, женщин и детей, а кроме того, в ней имеются рабочий скот, молодняк и птица.

По рассказу Цезаря, гельветы, сократившиеся численно[46], вследствие того, что тигурины покинули их около р. Соны, прошли в течение 15 дней расстояние от места их переправы (в 2–4 милях севернее Лиона, около Трэву или Монмерля) до окрестности Бибракта (у Autun). Это составляет 14–16 миль (ок. 100 км) по воздушной линии, так что ежедневно они проделывали 1,25–1,5 мили. Дорога шла сначала

по широкой долине р. Соны, затем по горным дорогам Мон-дю-Маконэ и Мон-дю-Шароле, где повозки могли, вероятно, двигаться только по одной в ряд. Если часть повозок с провиантом была уже свободна от поклажи, то они, вероятно, их утилизировали; повозки представляют ценность, их всегда можно заполнить добычей и новым провиантом. Ввиду того, что вся эта обозная колонна продвигалась по неприятельской стране, нельзя было высылать детей и жен вперед на расстояние однодневного перехода и неудобно было расчленять колонну. По описаниям Цезаря, несомненно, вся эта масса продвигалась сразу, держась вместе; из этого следует, что не может быть и речи о том, что первоначальная группа состояла из 368 000 чел. Даже если сократить эту колонну, состоявшую из повозок, людей и скота, на половину, на четверть, на восьмую, то и тогда она казалась бы слишком длинной, чтобы иметь возможность продвигаться по о д н о й д о р о г е о д н и м э ш е л о н о м. Следовательно, подсчеты Цезаря, – так же как и Геродота относительно Ксеркса, – надо не сократить, а просто отвергнуть.

Пока Цезарь стягивал из Верхней Италии еще 6 легионов, из которых два нового набора, гельветы перевалили через Юру и переправились через р. Сону выше г. Лиона. После того как

Цезарь атаковал и рассеял при переправе их арьергард, остальная часть пошла вверх по реке к северу.

Цезарь не объясняет причины, почему они выбрали именно это направление. Они шли, как он говорит, к сантонам, т.е. на запад. Эту недомолвку различным образом объясняли Моммзен, Гелер и Наполеон III; они думали, что Цезарь оттеснил гельветов с их пути, а Наполеон III прибавляет еще и то соображение, что по Роне лежат неприступные горы; даже в XIX в. почта из Лиона в Ля-Рошель шла через Отэн (Autun) и Нэвер (Nevers).

Но этого объяснения недостаточно. По общему мнению, Цезарь находился в стране сегузиавов у Лиона, в углу между рр. Роной и Соной, где он с 3 легионами атаковал гельветов при переправе через Сону около Трэву – Вильфранш. Три остальных легиона он оставил позади. Если допустить, что последние остались на правом берегу Соны, то все же они не в состоянии были отрезать гельветам путь на юг в Провинцию или на запад в горы. Два легиона из трех были только что сформированы из вновь призванных рекрут; никогда римляне не двинули бы их в бой против гельветов. Последние, вероятно, не нашли бы ничего лучшего для себя, как атаковать часть войска так же, как Цезарь это

сделал накануне с их войском.

Вероятно, на другом берегу войска вообще не было, а если и было, то оно находилось за укреплениями, из-за которых и не выдвигалось[47]. Легионы же, бывшие под командованием самого Цезаря, гельветы, вероятно, опередили на день, пока Цезарь сооружал мост через Сону. Горы на западе, вероятно, очень отвесны, но не непроходимы, как уверял Наполеон III.

Биаль (Bial, Chemins de la Gaule, стр. 289 и сл.) думает, что имелись дороги, по которым можно было перейти через Севенны; а Мессиа (Maissiat, Jules Cesar en Gaule, I, 349) доказывает, что по берегу р. Изары, устье которой находится у Трэву – Вильфранш, можно легко перейти Севенны, а для спуска в долину Луары имеются не одна, но три побочных долины (через Шофайль, Тарар, Сент-Фуа). Этот путь имел двойное преимущество; гельветы могли у истоков перейти рр. Луару и Аллье, причем получали возможность уклониться от римского нападения. А дойдя до горы, им легко было уже задержать небольшим арьергардом натиск римлян. Вместо этого они предпочли пойти по широкой долине р. Соны, где Цезарь мог легко опередить их тяжеловесный отряд. Укрылись они только позже в горах, а,

кроме того, должны были еще переправляться через широкие потоки.

Даже если мы допустим, что гельветы, задержавшись с переходом к отступлению, дали Цезарю время отойти вниз по Соне и закрыть, таким образом, вход в долину р. Азерги, все-таки остается невыясненным, почему они не спустились прямо с Мон-дю-Шароле в долину р. Луары и не перешли у Бриенона или Дигуэна. Наконец, мы точно можем установить, что Цезарь сам не ожидал ничего другого, как того, что гельветы пойдут вдоль по реке, а потому он, как мы узнаем после, приказал продовольствие подвезти на кораблях; о повозках он не позаботился.

Итак, мы справедливо сомневаемся в серьезном намерении гельветов перейти в страну сантонов.

Когда Цезарь отказался дать разрешение гельветам на переход через Провинцию, эдуйский князь Думнорикс дружественно позволил им пройти через страну секванов. Отсюда гельветы попали в страну эдуев, – вероятно, судя по предыдущему, им дружественную. Но они сами оказались врагами эдуям: они опустошили страну, а потому эдуи принуждены были призвать римлян на помощь. Здесь, вероятно, произошли события, о которых Цезарь умалчивает.

После частичного поражения на Соне, рассказывает Цезарь, гельветы предложили мир и дали согласие переселиться в ту страну, которую им укажет Цезарь. Переговоры были прерваны потому, что гельветы не желали оставлять заложников, которых требовал Цезарь. Неужели Цезарь не дал ответа на их главный вопрос? Вероятно, он сказал: "Ввиду того, что вы обещаете переселиться в ту страну, которую я вам укажу, я и избираю вашу старую страну, куда и требую вашего возвращения". Так как этого ответа не имеется, то все переговоры и все, что находится в связи с ними, кажутся очень сомнительными.

В каком направлении ушли гельветы, об этом Цезарь точно не говорит, мы можем только сами вывести заключение из того, что, по словам Цезаря, на р. Соне провиантом запастись он не мог, так как гельветы, за которыми он следовал, свернули с берега реки, и что, наконец, сражение произошло вблизи Бибракта (Мон-Беврей), в 20 км к западу от Отэна. Цезарь пытался обойти гельветов, чтобы атаковать их с двух сторон, но попытка эта случайно не удалась, и он повернул по направлению к Бибракту. Он принужден был так поступить, говорит он, ради продовольствия, обещанного ему эдуями, когда они обратились к

нему за помощью против гельветов, но которого они ему все-таки не доставили. Его уклонение в сторону вызвало сражение: гельветы увидели в этом со стороны римлян страх перед ними или желание отрезать их от продовольствия, а потому перешли в наступление.

Можем ли мы действительно поверить тому, что гельветы в повороте римлян в сторону усмотрели страх перед сражением и что они, незадолго перед тем хотевшие принять из рук Цезаря новую родину и проведшие в походе 15 дней подряд, чтобы уйти от него, вдруг так воспрянули духом, что повернули за ним и напали на него? Что касается другого мотива, вызвавшего нападение – отрезать римлян от продовольствия, – то как его понять? Хотели ли гельветы отрезать Цезаря от его операционной линии и базы? Но для этого не требовалось ни наступления, ни сражения. Или, может быть, они хотели отрезать его от Бибракта? Отрезать от продовольствия и дать сражение – два понятия, несовместимые здесь: если бы гельветы победили, то римлянам не потребовалось бы продовольствия; если же они были бы побеждены римлянами, то последних невозможно было бы отрезать от продовольственной базы. Почему гельветы все время находились в походе? Если они

пробирались в страну сантонов, то надо предположить, что они шли в северо-западном направлении и были так близко к Луаре, что могли, – ввиду того что римляне повернули на восток, – беспрепятственно продвигаться дальше. Если же они хотели отомстить за поражение на Соне, то почему только теперь? Почему они не заняли удобной оборонительной позиции и не ждали нападения римлян?

Незначительные сообщения и отдельные заметки, которые мы имеем об этом походе у римских писателей, ничего не объясняют. Мы находились бы в безнадежном положении, если бы должны были черпать наши сведения только из одного рассказа, где истина, – очевидно, умышленно, – скрывается от нас сплошь и рядом, но по которому мы все-таки хотим нарисовать правдивую картину событий. Однако нельзя же и отбросить рассказ Цезаря, не поставив на его место какой-либо другой. Просто же повторять его рассказ не следует, – это общеизвестно. Наполеон I выразился однажды[48], что поход гельветов просто необъясним; даже те историки, которые вполне доверяют Цезарю, находят нужным добавлять и исправлять его произведения во многих местах. Моммзен присоединяет еще один повод для переселения гельветов, а именно –

страх перед Ариовистом, что не вяжется с желанием приобрести гегемонию над Галлией. Цезарь уверяет совершенно противоположное (как будто Ариовиста и не существовало), что гельветы, окруженные горами и водными потоками, очень страдали от того, что не могли идти войной на соседей. Моммзен вообще не останавливается на переговорах о мире на р. Соне. Наполеон III рассматривает переселение и желание подчинить галлов как два самостоятельных плана и совершенно упускает из виду то, что гельветы во время мирных переговоров просили Цезаря указать им для переселения страну. Хольмс, наконец, – так же, как Моммзен, – считает, что гельветы были очень стеснены германцами и решили искать новую родину; что касается плана подчинения Галлии, то он усматривает в этом интригу князя Оргеторикса. Это как раз обратное тому, что нам рассказывает Цезарь. Но все эти поправки все-таки ни к чему не ведут. Не хватает объяснения: в какие отношения гельветы думали стать с Ариовистом, подчинив себе Галлию? Невозможно защищать временно укрепленную позицию длиною в 4 мили (ок. 28 км), имея в своем распоряжении один только легион и ополчение. Не хватает еще объяснения причины отхода от берега Соны к

северу и внезапного перехода к сражению. Надо осветить и пополнить все эти недочеты, чтобы нарисовать картину, если и не совсем точно объясняющую, то по меньшей мере имеющую преимущество быть приемлемой.

Попробуем набросать следующий очерк.

Средняя Галлия находилась под властью германского князя Ариовиста[49]. Трудно было галлам нести это иго и платить ежегодную дань. Князь эдуев Дивитиак обратился тайно к римлянам за помощью, как нам рассказывает Цезарь не в первой, но в одной из последующих книг (VI, 12). Рим не склонен был оказывать помощь эдуям, а хотел, наоборот, сохранить хорошие отношения с Ариовистом – дать ему во время консульства самого Цезаря титул царя и почетное звание друга и союзника римского народа. Но эдуи не хотели отказаться от мысли об освобождении от ига. Другая партия эдуев под предводительством Думнорикса, брата Дивитиака, желала освободить Галлию силами самих же галлов[50]. Еще один мощный и воинственный народ в этой стране не был подчинен Ариовисту, и с ним-то они вступили в союз. Поднять восстание в надежде на подкрепление гельветов было невозможно, так как почти все знатные семьи эдуев, секванов и других народов были

заложниками в руках Ариовиста. Спастись можно было только хитростью. Предводитель гельветов Оргеторикс предложил своему народу переселиться; может быть, он говорил при этом о перенаселенности или о том, что и они в скором времени должны будут, – так же как и другие галльские народы, – подчиниться германцам. Под предлогом переселения к океану, к сантонам[51], все военнообязанные гельветы очутились в стране эдуев, не вызвав подозрения у Ариовиста, и тут-то национальная партия эдуев решила с их помощью поднять всеобщее восстание против, германцев. Конечно, жены и дети сопровождали гельветов в походе так же, как позднее войска ландскнехтов, а, может быть, еще и для того, чтобы замаскировать обман. Внезапная смерть Оргеторикса не задержала выполнения этого плана.

Обо всем этом Цезарь был осведомлен Дивитиаком и римской партией эдуев. Цезарь ни в коем случае не мог позволить осуществить этот план, так как он хотел, чтобы галлы не своими силами, а с помощью римлян освободились от германского ига и в благодарность за это взвалили на свои плечи римское. Запрос гельветов о разрешении пересечь римскую Провинцию был ему очень кстати, так как способствовал тому,

чтобы усилить и двинуть войско к границе. Гельветы запросили Цезаря только для того, чтобы версия о их переселении к сантонам держалась как можно дольше. По этой же причине, получив отказ от Цезаря, они пошли по направлению к югу, чтобы после переправы через р. Сону выйти на дорогу к их настоящей цели, – к стране эдуев. Цезарь, пользуясь тем предлогом, что они нарушили границу, атаковал их арьергард при переходе через р. Сону. Тем временем римская партия среди эдуев, подкрепленная, вероятно, римским золотом, взяла верх в своей стране и добилась того, что эдуйское государство пригласило на роль освободителя от ига не гельветов, а Цезаря. Гельветы пришли в замешательство, пошли к Цезарю с просьбой указать им страну, т.е. вернее, дать разрешение вернуться домой. Соглашение не состоялось из-за вопроса о заложниках, – так рассказывает Цезарь. Но он настаивал на выполнении этого условия не потому, что не доверял гельветам, а потому, что это обстоятельство должно было положить начало подчинения Риму всей Галлии. Гельветы не хотели брать на себя этого позора и направились к северу, чтобы, описав круг, добраться по Верхней Соне до своей страны. Но они не шли по долине, где римляне могли легко обогнать их и, окружив,

напасть на них, но постарались возможно скорее пробраться в горы, где сильный арьергард смог бы задерживать римлян в каждом ущелье. Цезарь следовал за ними, взяв себе в подкрепление конницу эдуев. Но в первом бою, еще в равнине, конница эта изменила и предалась бегству. Цезарь подозревал, что здесь играли роль не неблагоприятные местные условия, а злонамеренные действия, так как командование находилось в руках Думнорикса.

Хотя Цезарь и мог ежедневно напасть и вызвать на бой арьергард гельветов, но он этого не делал, а следовал в некотором отдалении с величайшей осторожностью, подкарауливая подходящий момент для большого нападения.

Наконец, случай представился; гельветы были обойдены двумя легионами под начальством Лабиена, но неправильное и не вовремя сделанное донесение спасло противника. Тотчас же Цезарь отошел от гельветов и повернул к столице эдуев, Бибракту, вблизи которого и расположился. Как он сам рассказывает, затруднения с продовольствием принудили его к этому; но можно допустить, что здесь было и недоверие к эдуям. Римский полководец не должен был проникать в глубь неприятельской страны, не обеспечив себя опорным пунктом. Но этот

поворот вызвал развязку.

Гельветы могли бы беспрепятственно продолжать свой путь и возвратиться через дружественную им территорию секванов в свою страну. Но если бы они так поступили, то этим предоставили бы Бибракт, эдуев и всю Среднюю Галлию римлянам. Национальная партия эдуев, приглашавшая гельветов в свое время на помощь и находившаяся, вероятно, и дальше в тайных с ними сношениях, старалась использовать это и молила о помощи, предвидя, вероятно, сражение. Так как Цезарь, несмотря на ежедневную близость, до сих пор не напал на них, то гельветские предводители стали питать надежду, что он в конце концов оставит их в покое. Вскоре и продовольствие, как они узнали от своих эдуйских друзей, должно было иссякнуть у него, а эдуи не доставляли ему ничего. Но поворот его к Бибракту разбил все эти надежды. Возможно, что часть гельветов и без того считала позорным вернуться домой, не отомстив за подвергшихся коварному нападению и за убитых на р. Соне братьев. Теперь эта партия победила; решили повернуть и атаковать римлян во время похода.

Во всей этой истории Цезарь хочет затемнить один момент: борьбу с Ариовистом – цель, во имя которой гельветы начали свое предприятие.

Поэтому он во всем описании похода и не упоминает ни разу об Ариовисте. Гельветам приписывается, что они хотят стать владыками Галлии, – как будто Галлия не имела владыки в лице страшного германского воинственного князя; поэтому идея подчинения Галлии находится в полном противоречии с безобидным переселением с женами и детьми к сантонам. Цезарь должен выдумать нарушение границы, должен подавить измену союзных эдуев, должен описать мирные переговоры в полутонах, должен отход гельветов к северу оставить необъясненным; он тщетно ищет причини для их внезапного решения сражаться, – и все это только потому, что он не хочет указать истинных побуждений гельветов, предпринявших этот воинственный поход. А если указать их, то все остальное делается понятным само по себе.

Повторяю еще раз: я не уверяю, что события происходили точно так, как я их только что рассказал; я только говорю, что рассказ Цезаря не выдерживает критики, и я дал ему другое более приемлемое и возможное толкование, которое в существенных пунктах меньше расходится с указаниями Цезаря, чем объяснения Моммзена, Наполеона III и Хольмса. Нам пришлось глубже заглянуть в политику, чем этого требовала наша задача, так как здесь военное дело находится в

неразрывной связи с политикой, и еще потому, что мы хотели показать, как осторожно должна пользоваться историческая наука комментариями Цезаря.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БИБРАКТЕ

После общих обсуждений мы пришли к заключению, что количество душ, которое Цезарь насчитывает в гельветском походе, т.е. 368 000, невероятно преувеличено[52]. Политический характер, который имел этот поход, снова заставляет нас сомневаться в том, что выступил действительно весь гельветский народ со своими союзниками. Известная часть жен и детей, конечно, сопровождала их, – это нужно было для выполнения намеченного плана, – но верится с трудом, чтобы все гельветы, нагрузив на себя семьи и домашнюю утварь, сожгли за собой все деревушки и села. Дневные марши, которые они делали, не очень коротки, но и не особенно длинны и заставляют предполагать, что их сопровождал некоторый обоз; рассказ о сражении показывает, что обоз этот был не очень велик. Цезарь, устроивший свой лагерь в полумиле за гельветами, перестал их преследовать и повернул по направлению к Бибракту. Некоторые

перебежчики принесли гельветам эту новость, и в седьмой час, – т.е. между 12 и 13 часами, – начался бой. Гельветы следовали со всеми повозками и соорудили из них укрепление. Таким образом, гельветы выступили со всеми повозками в одном направлении, а затем повернули и последовали за Цезарем в другом направлении. Эта колонна повозок сделала, вероятно, за утро от 1,5 до 2 миль (10–15 км). Мы знаем, что это значит, если даже слова Цезаря и не определяют, что все повозки были на месте к началу сражения. Нельзя точно указать количество, но то, что масса, совершающая подобные передвижения, не очень значительна, это ясно.

Цезарь имел 6 легионов и вспомогательные отряды союзных народов[53], среди которых было 4 000 всадников (гл. 15). 6 легионов насчитывают в нормальное время 36 000 чел., из них 30 000 чел. Цезарь имел, вероятно, тут же на месте, в том числе 2 легиона, сформированных из рекрут, которых он поставил в тыл и не допустил до участия в сражении. Цезарь имел, таким образом, вместе с союзными войсками 36 000–40 000 чел., – следовательно, значительное численное превосходство.

Как только Цезарь заметил, что гельветы приближаются, он послал им навстречу свою

конницу, чтобы возможно дольше задержать их, а своим 4 легионам ветеранов приказал тремя эшелонами подняться по склону холма. Два новых рекрутских легиона и часть союзных войск он направил для сооружения позади линии боя укрепленного лагеря, где они должны были засесть и куда ввезен был весь обоз[54].

Гельветы атаковали очень удачно выбранную позицию римлян, но были ими отброшены. Когда римляне стали их преследовать, то бойи и тулинги ударили римлянам во фланг; произошло ли это оттого, что народы эти только что перед тем подошли к полю сражения, или оттого, что римляне при первоначальном занятии позиции имели прикрытие фланга в самой местности, откуда гельветы хотели выманить их хитростью, – нанесенный римлянам удар во фланг ободрил гельветов, и они возобновили атаку; при том исключительном мужестве, с которым боролись галлы, положение римлян стало бы угрожающим, если бы не римская эшелонная тактика, приспособленная для борьбы на два фронта. Цезарь приказал третьему эшелону сделать поворот против бойев и сражаться на два фронта ("римляне начали наступать с двух сторон"). Медленно отступали галлы, и только к ночи удалось римлянам захватить их обоз.

Преследовать их Цезарь не стал, но еще 3 дня оставался на поле сражения для ухода за ранеными, как он говорит, и для того, чтобы предать земле мертвых. Гельветы направились к востоку (северо-востоку) – в страну лингонов, но через несколько дней вернулись и сдались.

Странно, что Цезарь совершенно не использовал оба новых легиона, а отразил фланговую атаку бойцов третьим эшелоном. Он рассказывает, подчеркивая, как трудно далась римлянам победа над гельветами и что последние были только оттеснены, но никто из них не бежал. Почему же тогда он не использовал для боя своих резервов?

Объяснить это можно следующим образом: когда Цезарь заметил наступление гельветов, у него мелькнуло подозрение об измене эдуев, которые могли бы напасть на него внезапно с тыла в то время, когда он будет сражаться с гельветами. Он не хотел об этом упоминать не только потому, что этого не случилось, но еще и вследствие того, что он хотел внести неясность в отношения эдуев и гельветов. Он все время рассказывает о Думнориксе, который сбивает свой народ с правильного пути. По нашим соображениям, эта партия была очень сильна; они подтверждаются еще и тем, что иначе нечем было

бы объяснить непонятное отсутствие всех стрелков и трети гоплитов.

1. По тому, как мы понимаем сущность всего похода, гельветы должны были пройти на восток от Бибракта, ученые же, которые признают конечной целью гельветов страну сантонов, считают, что поле сражения находилось к западу от столицы эдуев. То обстоятельство, что гельветы, возвращаясь домой, прошли так близко от Бибракта, т.е. повернули далеко на запад, не противоречит нашим взглядам, так как они все рассчитывали на политический переворот у эдуев. Но очень сильным аргументом за правильность нашей поправки является указание Цезаря, что они пошли на обратном пути к лингонам, т.е. на восток. Как бы они могли туда добраться, если предположить, – как думают другие ученые, – что они дали сражение фронтом на восток? Разбитое войско отходит в том направлении, на котором оно было поражено, а не в обратную сторону. Если же гельветы, как я полагаю, дали сражение фронтом на запад, то они не могли направиться к Луаре и дальше к сантонам.

Наполеон III и Стоффель (последний в своем труде "Война Цезаря и Ариовиста", стр. 78) объясняют весь этот инцидент так: после того как сражение при Люзи, юго-западнее Отэна, было дано фронтом на юг, гельветы совершили обратный путь через Мулен-Энжильбер, Лорм и Аваллон на Тоннерру, т.е. к северу. Но в таком случае надо предположить, что у Тоннерры уже находилось владение лингонов, простиравшееся на юг до р. Соны[55], где был их главный город Лангр. Все это кажется

маловероятным, и это предположение находится в явном противоречии с указанием Цезаря, что гельветы пришли к лингонам на четвертый день. От Люзи до Тоннерры 120 км по воздушной линии; этого расстояния гельветы не могли ни при каких обстоятельствах, – даже если бы они шли дни и ночи подряд, – пройти в 4 дня[56].

Из того, что Цезарь после капитуляции гельветов проделал значительный переход до Безансона (bell. gall. I, 38), не следует заключать, что он не мог в промежутке выполнить еще какое-либо передвижение, о котором он не сообщает.

Стоффель полагает, что можно установить следы поля сражения благодаря раскопкам между Монмор и Тулон-сюр-Арру в 2 милях юго-восточнее Люзи, прямо на юг от Мон-Беврей. Но по найденным предметам нельзя точно указать эпоху и отношение к какому-либо сражению, так что они не могут служить доказательством. По Хольмсу (стр. 619), там были еще найдены обломки мечей, копий и шлемов, но и это не является серьезным доказательством.

Прямым опровержением является следующее место в тексте Цезаря. Он говорит, что бойи и тулинги обошли римлян "a latere aperto" – при открытом фланге. Обыкновенно считается latus apertum правая, не прикрытая щитом сторона. Но ведь ясно, что если поход гельветов, по мнению Стоффеля, направлялся к западу, а их фронт потом был обращен на юг, то арьергард их мог ударить на римлян только с левого фланга. Стоффель доказывает, что latus apertum называется не обязательно правый, но вообще неприкрытый фланг. Но Хольмс опровергнул

доказательства Стоффеля, указав на текст в bell. gall. (V, 35, 2 и VII, 4), где latus apertum является техническим термином для "правого фланга". Хольмс, соглашающийся обыкновенно с выводами Стоффеля, не хочет об этом говорить более определенно. Я бы, наоборот, сказал, что это является самым ярким доказательством того, что сражение было дано на востоке от Бибракта. Если бы гельветы отошли к западу, а отступление повели бы на север, то они пошли бы левым флангом, и во время боя фронт их был бы повернут на юг. Бойи и тулинги, двигавшиеся с запада, могли ударить только в левый фланг римлян. Но если сражение произошло восточнее Бибракта и если гельветы бежали к северо-востоку, то их фронт был бы повернут к юго-западу или к югу, и тогда бойи и тулинги могли ударить в правый фланг римлян. Доказательства были бы исчерпывающими, если бы Хольмс не указал, что в рукописях Цезаря написано только "latere aperto", а не "a latere aperte", что можно перевести: "в то время как их фланг не был прикрыт". Все-таки это выражение "latere aperto" можно с большим вероятием расшифровать как удар в правый фланг римлян и этим установить, что поле сражения было восточнее Бибракты и что гельветы не направлялись во владения сантонов.

2. Некоторые ценные возражения против Цезаря можно найти в неудачной книжонке "Борьба гельветов, свевов и бельгов с Цезарем"; древняя история и новом освещении Макса Эйххейма (Max Eichheim, Neuburg a D. Selbstverlag, 1886), но они отвергаются ученым миром вследствие явно дилетантского характера, который они имеют. Х. Раухенштейн в одной из своих диссертаций

("Поход Цезаря против гельветов", 1882) пытался сделать критику Эйххейма, так сказать, приемлемой, а его возражениям придать научный и методологический характер. Но он не имел успеха, так как проделывал ужасные операции над фактами. Последовательное развитие его мысли заставляет его признать, что будто не Цезарь победил при Бибракте, а гельветы оттеснили Цезаря в его лагерь; что обоз, из-за которого шла борьба, принадлежал не гельветам, а римлянам, и что гельветы, которые не были настолько сильны, чтобы подчинить себе римлян, вступили с ними в сделку.

В своих исследованиях Раухенштейн сходит с прямого пути, начиная с обсуждения цели, к которой стремились гельветы. Все без исключения комментаторы галльской войны сходятся на том, что нельзя ставить рядом обе цели, на которые указывает Цезарь, – т.е. переселение и владычество над галльскими народами. Раухенштейн, как и другие, тоже признает это, но направление, в котором он исправляет эту ошибку, ложно: он опускает подчинение Галлии и оставляет только переселение. Точно так же поступает и Цезарь; хотя он ясно указывает, что гельветы и после смерти Оргеторикса остались при том же решении (переселение и завоевание), но дальше он говорит все время только о переселении. Он не в состоянии заполнить этот пробел, так как не хочет сознаться, что настоящей причиной похода гельветов была предполагаемая борьба с Ариовистом, который считал вмешательство римлян в галльские дела излишним и неподходящим. Если же мы в его рассказ вставим эту истинную цель, т.е. вычеркнем оба мотива, которые он приводит, или

по крайней мере один из них, а именно: переселение, которое мы сведем к военно-политической маскировке, – тогда все станет совершенно ясно.

Раухенштейн считает показательным, что Цезарь, несмотря на победу, не преследовал гельветов и не пошел к Бибракту, а между тем он сообщил нам раньше, что солдаты иначе остались бы без продовольствия. Это доказывает, что Цезарю победа дала все, что ему было нужно. Он не преследовал гельветов потому, что ему не нужно было их уничтожить, а наоборот – победив их, пощадить ввиду того, что он собирался стать защитником всех галлов против Ариовиста. Это подтверждается и тем, что римский полководец, – о чем он сам не рассказывает, но что доказывает Моммзен ("Hermes", т. 16, стр. 447), – предоставил очень выгодный договор гельветам. Снова отступить к Бибракту, т.е. в противоположную сторону, было бы неразумно, – и это могло вызвать сомнение в окончательной победе Цезаря. Продовольствие же от эдуев римляне после победы стали бы получать, где бы они ни стояли.

3. Исследование этого вопроса в труде Х. Клевекорна "Бои Цезаря с гельветами в 68 г." (H. Klцvekorn. Die Kдmpfe Casars gegen die Helvetier i. J. 68, Leipzig 1889) я знаю по отзывам Акермана в "Wochenschr. f. klass. Philologie" (1889, стр. 1392). По этому же предмету исследование Бирхера я нашел очень приемлемым, но не мог его достать.

4. Как трудно освободиться от авторитета печатного слова, видно по отношению Наполеона III и Стоффеля к цифрам, данным нам Цезарем. Наполеон высчитывает, на какое протяжение должна была растянуться обозная колонна гельветов, если цифры,

данные Цезарем, верны. Но ни Наполеон, ни Стоффель не отбросили цифр Цезаря, а на этом основании Хольмс (стр. 224) добавляет, что так как Стоффель знает, что пишет, то цифры Цезаря не подлежат оспариванию. Но здесь является решающим не авторитет, а весь ход вещей, причем единственное средство, которое Хольмс нашел для спасения, неприменимо. Он основывается на том, что гельветы не должны были пускать все свои повозки в один ряд, но могли составить из них несколько рядов. Это, конечно, возможно, но до тех пор, пока они следовали по открытой местности. Как только дорога суживается или как только на пути встречается мост, брод или ущелье, – это становится невозможным. Владея хорошим материалом и поддерживая очень строгую дисциплину, можно узкие места проехать удвоенной скоростью и, таким образом, свести на нет потерю времени из-за препятствий. Но к такой обозной колонне, где повозки запряжены быками и наполнены детьми и женщинами, это средство неприменимо. Его нельзя применить и при рыхлой или размокшей от дождя почве, а также в гористой местности, препятствующей движению рысью. Поэтому надо установить, что и переселение народов, если оно действительно происходило, совершалось в повозках, вытянутых в один ряд.

5. Разумные головы еще в древнем Риме понимали, что Цезарь преувеличивает. Мы можем об этом судить по тому, что Орозий (VI, 7, 6) определяет численность гельветов в 157 000 чел., из которых 47 000 погибло в пути. Это известие доходит до нас, видимо, через одного из военачальников Цезаря, участвовавших в междоусобной войне, Азиния Поллиони. Но хотя и он

считает, что гельветы по возвращении домой насчитывали 110 000 чел., все-таки это очень велико. Вероятно, счет этот основан на сопоставлениях и указаниях старшин (представителей сотен), которые не вели точного подсчета, как это делается при переписи. Когда я вспоминаю все те передвижения, которые были выполнены гельветами за время похода, то не могу себе представить, чтобы в них участвовало 110 000 чел., и предполагаю поэтому, что в это число входили все оставшиеся на родине.

У Страбона (IV, 3, 3) мы находим сообщение, что число оставшихся было 8 000. Неужели эта заметка взята из воздуха? Отнесем ее только на счет воинов и предположим, что первоначально это число было вдвое больше, а уменьшилось наполовину ввиду больших потерь и отхода бойев, оставшихся у эдуев; тогда его можно с уверенностью принять. 12 000 храбрых варваров могут считать себя боеспособными и вступить в сражение с 4 римскими легионами; в таком случае передвижение войска, насчитывающего вместе си всем обозом 20 000 чел., не вызывает сомнений.

Исследование Ваксмута (Wachsmuth, Klio, т. III, 1903, стр. 281) основывается на доверии к древним авторам, повествующим о передвижении сотен тысяч людей.

6. Фейт приводит в своем произведении текст рассказа Цезаря, дополняя его моими объяснениями, но с оговоркой, что Цезарь искажал события неумышленно, действительно видя их в таком соотношении.

7. В противоположность моим взглядам многие новые исследования стараются взять под защиту

достоверность сообщений Цезаря, – как, например, план переселения гельветов, – и сообразно этому предполагают сражение не восточнее, а юго-западнее или южнее Бибракта. Назову: Ziehen, Der neueste Angriff auf Cдsars Glaubwьrdigkeit (Ber. d. fr. deutschen Hochstifts zu Frankfurt a. M. 1901); Fr. Frцhlich, Die Glaubwurdigkeit Casars in seinem Bericht ьber d. Feldzug gegen d. Helvetier, Aarau (1903); H. Bircher, Bibracte, Aarau, 1904.

Самым важным вопросом является здесь, действительно ли гельветы хотели переселиться к устью Гаронны или же этот план служил только предлогом для того, чтобы прийти на помощь национальной партии эдуев, выступавшей против Ариовиста?

Приняв второе предположение, мы легко объясняем как отклонение похода к северу после переправы через р. Сону, так равно поворот и принятие сражения. Если же мы примем первое предположение, то все останется для нас непонятным.

Циен (Ziehen) говорит: "Я должен сказать, что в 1900 г. на основании прекрасных карт легко давать указания, какие дороги могли выбрать для себя злосчастные гельветы, но 2 000 лет тому назад нелегко было иметь эти сведения, – да еще зная, что римляне следуют по пятам". Дальше: "Откуда Дельбрюк знает, что открытые французскими учеными дороги были тогда проходимы? Но допустим, что они были проходимы и что гельветы об этом знали; ведь возможно, что они были для них закрыты местными горцами. Переговоры, которые велись с секванами в начале похода, ясно говорят о том, как важно было для гельветов избегать трудных

ущелий, и сам Дельбрюк говорит, что гельветам легко было на этих горных дорогах задерживать римлян небольшими арьергардами. Но то, что удобно гельветам, то применимо и против них: они могли держаться этой дороги только в том случае, если местное население не чинило им препятствий, – а что это было, ни один человек не станет оспаривать".

Возражаю на это: совершенно ясно, что горная, хорошо населенная и не бедная городами и сообщениями страна имела дороги. Также ясно, что гельветы знали их. Они подготовляли свой поход давно и не были так глупы, чтобы идти, не произведя предварительно рекогносцировки. Не подлежит сомнению, что они направлялись прямым путем к сантонам. Для чего бы иначе они переправлялись через р. Сону так далеко на юге, а не повернули бы раньше – от Женевы или после того, как вышли на равнину к северо-западу? Какой смысл имело для них делать обход в правом углу? Конечно, допустимо предположить, что население могло помешать их переходу через горы, но этот мотив недостаточно силен, чтобы служить доказательством изменения маршрута. Занятие горных проходов в такой стране могло бы вызвать задержки в движении, но эти проходы можно было бы обойти, причем нельзя сравнивать те трудности, которые явились бы при этом, с той опасностью, которой подверглось бы продвижение гельветов на равнине, имея римлян за спиной. Прежде всего враждебность горцев является пустым предположением; Цезарь не упоминает об этом; он не только не приводит причин для странного изменения маршрута неприятельского похода, но мы ясно видим, что он и сам не ожидал другого

направления марша, как к северу, вдоль по р. Соне. Продовольствие, подготовленное им для своего войска, следует за ним по реке, а когда он отошел от р. Соны, ему не хватало обоза, который мог бы везти провиант. Если бы Цезарь предполагал поход через горы в долину р. Луары, он позаботился бы о нужном ему обозе. Цезарь не приводит причин, по которым гельветы отошли к северу, потому что он сам не верит в их поход к сантонам, и поворот гельветов к северу кажется ему естественным.

Так же надо объяснять и переход гельветов к сражению. Если они шли к сантонам, то для чего им нужно было сражаться с римлянами и притом тогда, когда последние перестали их преследовать, изменив направление? Никто до сих пор не ответил на этот вопрос.

Фрелих сам уничтожает сомнение, возникшее по поводу свидетельства Цезаря. Я говорил выше, что натиск бойев и тулингов "latere aperto" должен быть понят (даже если нет предлога "a") как удар в правый фланг. Фрелих приводит (стр. 29) два места из "bellum Alexandrinum" ("Александрийская война", 20, 3 и 40, 2), которые дают возможность заключить, что присоединение предлога "a" не имеет никакого значения. Если бы бойи и тулинги ударили в правый фланг римлян, то, принимая во внимание естественную позицию армий, гельветы могли бы отступить только к востоку или к северо-востоку, т.е. вправо от Бибракта, – и тогда соображения Стоффеля оказались бы неприемлемыми, так как он предполагает натиск слева. Против этого аргумента выступает Бирхер, заставляя оба войска сделать при построении настолько крутой поворот (в то время как

фронт римлян был направлен к юго-западу), что удар все еще был возможен с правого фланга. Я с этим не согласен потому, что в таком случае обоз гельветов не смог бы отступить к лингонам. Бирхер еще добавляет: "Самым необъяснимым местом являются последствия сражения; странной кажется эта бешеная скачка по 30 км в день". Но все неясное становится ясным, если предположить сражение восточнее Бибракта, т.е. недалеко от границы лингонов.

8. Альфр. Клотц в своем труде (Alfr. Klotz, Der Helvetierzug, "N. Jahrb. f. d. klass. Altert.", 1915, тт. 35 и 36, вып. 10) хочет спасти сообщение Цезаря, причем не принимает во внимание встречающиеся трудности.

9. Конр. Леман (Konr. Lehman, Sokrates, т. 69, вып. 10/11, 1915, стр. 488) в существенном защищает Цезаря и присоединяется к моим взглядам, отвергая нападки Феррера.

Глава III

АРИОВИСТ

После победы над гельветами Цезарь согласился принять депутацию галльских князей, явившихся к нему с просьбой освободить их от владычества Ариовиста. Цезарь пустился в путь и столкнулся с германцами около Бельфора или в Верхнем Эльзасе. Точно определить место столкновения невозможно. Ариовист не вступил в решительное сражение, но обошел римский лагерь и установил в полумиле от него заграждение из повозок своего обоза (построил вагенбург) таким образом, чтобы ему удобно было оттуда посылать своих всадников для перерыва сообщений по дороге, по которой римлянам подвозилось продовольствие. Так как Ариовист не мог предполагать, что обойдется без сражения, и не хотел сделать еще несколько миль до Цезаря, то, вероятно, цель его маневра заключалась в том, чтобы заставить Цезаря вернуться обратно ради продовольствия и тогда уже напасть на него во время похода. Сила его войска заключалась в том, что он соединял конницу с легковооруженными, которые были прекрасно обучены и наводили страх. Против этих войск галльская конница,

бывшая у Цезаря, не решалась выступать.

Это соотношение между родами войск и тот перевес, который германцы имели в боевых действиях смешанных отрядов, объясняют успех маневра Ариовиста. Иначе трудно было бы представить себе все это или же надо считать Цезаря полководцем, стоящим гораздо ниже Ариовиста, раз этому последнему удалось расположить свой обоз (вагенбург) в такой непосредственной близости от римского лагеря. Допустим, что сообщения Цезаря преувеличены и что в путь пускались не целые германские народности, со всеми женами и детьми, а только легко подвижные воины в сопровождении небольшого обоза и немногих женщин; но даже несколько сот повозок являются уже большим грузом и не должны подвергаться организованному нападению неприятеля. Ход событий станет понятным, если принять, что Ариовист был в состоянии скрыть свое обходное движение путем искусного использования местности.

После того как обходное движение удалось Ариовисту, он стал господствовать над равниной и перехватывал подвоз. Римскому войску, предпринимавшему движение в каком-либо направлении, было трудно обороняться и

защищать обоз от целого роя нападений этих презиравших смерть варваров. Ариовист действовал с исключительной ловкостью, но Цезарь превзошел его. Вначале он неоднократно вызывал его на бой и перевел свое войско в равнину. Ариовист опасался выйти из своего лагеря, и это подняло дух римских солдат, так как в этом уклонении от боя они усмотрели трусость германцев. Но прежде всего требовалось освободить дорогу для подвоза. С войском, построенным в боевой порядок, Цезарь продвинулся к месту, запиравшему германцам вход в равнину в направлении дороги, по которой производился подвоз; затем, оставив там два первых эшелона в боевой готовности, он приказал третьему эшелону соорудить за ними укрепление, достаточное для размещения 2 легионов, и поместил их туда. Тщетно пытался Ариовист по возвращении римских главных сил в основной лагерь взять налетом небольшой лагерь. Цезарь настолько полагался на свое сооружение и на гарнизон, что даже не вывел главных сил своего войска на выручку. На следующий день он снова подготовил свое войско к сражению и приблизился к германскому вагенбургу. Ариовист решился принять бой. Цезарь имел теперь перевес над ним; продовольствие свое он обезопасил, и

германцы ничего уже не могли выиграть от проволочек. Ариовист подготовлялся к войне уже много недель или месяцев и, вероятно, сосредоточил все имевшиеся в его распоряжении силы до того, как идти навстречу римлянам. Он мог без труда и особых жертв еще долго отступать, увлекая за собой Цезаря. Но этого ему не нужно было. А привлечь римлян к штурму германского вагенбурга не удалось бы; дальнейшее же ожидание бодрило бы римлян, так как они были стороной, вызывавшей на бой, и понизило бы настроение германцев. Поэтому Ариовист принял вызов и для сражения расположил своих воинов по народностям.

Снова эшелонная тактика оправдала себя. Когда германцы стали теснить левый фланг римлян, то молодой Красе, командовавший конницей, подоспел с третьим эшелоном к этому флангу и опрокинул противника так же, как и сам Цезарь сделал то же на другом фланге.

В рассказе Цезаря не хватает указания места расположения конницы. Где находилось смешанное, внушавшее страх войско? Почему, после того как отогнали галльских всадников, оно не ударило римлянам во фланг и в тыл, как это сделала конница Ганнибала при Каннах? Нельзя предположить, что оно не прибыло на

надлежащее место, так как Ариовист не выступал в этот день из своего вагенбурга.

Ответы на эти вопросы являются решающими. Цезарь об этом молчит. Ответ, по-моему, можно найти у лучшего профессионального комментатора его, Наполеона I, который в своих записках на острове св. Елены о войнах Цезаря высказывает мнение, вопреки общему взгляду того времени, что германцы не могли быть сильнее Цезаря. Пойдем дальше: отсутствие германской конницы в сражении можно объяснить только тем, что Ариовист имел так мало пехоты, что должен был включить в пехоту и людей, сопровождавших конницу. Это помогло галльской коннице держаться против германской и помешало германской действовать с флангов. Цезарь умолчал об этом потому, что не хотел говорить ни о численном перевесе своих войск над германскими, ни об участии и заслугах союзной галльской конницы.

Прекрасным подтверждением нашего взгляда, что войско Ариовиста было невелико, служит сообщение Цезаря (I, 40) о том, как германский правитель добился владычества над галлами; несколько месяцев подряд, говорит Цезарь, он прятался в лагере под прикрытием болот. Даже если это были не месяцы, а недели, то и тут мы

можем с уверенностью сказать, что войско не насчитывало десятков тысяч человек, тем более что оно сопровождалось женщинами и должно было кормить не только лошадей, но и скот. Представим себе, как это ни кажется невероятным, что германцы везли в своих повозках еще больше зерна, чем гельветы, так как гельветы на походе брали фураж у населения, германцы же в лагере должны были кормить лошадей из своих запасов. Конечно, войско, которое Ариовист повел против римлян, было сильнее того, с которым он основывал свое владычество, но ядро осталось то же; можно говорить о том, что оно удвоилось, но не удесятерилось.

Установив факт очень значительного, вероятно, перевеса римского войска, мы еще больше понимаем теперь маневрирование Ариовиста; это обстоятельство подтверждается также и знаменитым инцидентом, имевшим место в этой войне.

Когда Цезарь в своем выступлении дошел до Безансона, в его войсках вспыхнуло возмущение, и они не захотели следовать за ним, боясь страшных германцев. Цезарь старался поднять дух войска, рассказывая им о прежних войнах Ариовиста, и закончил свою речь так, что если за ним не

последует никто, то он выступит с одним только десятым легионом.

Если бы германцы действительно превосходили численностью войско из 6 легионов, то заявление полководца выступить с одним легионом произвело бы на солдат неблагоприятное впечатление; Цезарь, вероятно, прибавил еще одну фразу, не введенную им в Комментарий, а именно, что германцы так малочисленны, что он питает уверенность разбить их с одним десятым легионом; галлы подтвердили это римским солдатам. После этой речи римляне позволили своему полководцу вести себя в далекую незнакомую глушь на борьбу с неуклюжим германским великаном.

Мы гораздо больше и с большей уверенностью говорили бы об этом походе, если бы могли точно определить место передвижения войска и поле сражения. Это было бы желательно не только во имя Цезаря и римской стратегии, но и во имя его противника. Ариовист был, вероятно, не только крупным, но и гениальным стратегом. Он столкнулся с более талантливым полководцем и потому погиб. Играя роль связующего звена между кимврами и Арминием, он является важным свидетельством природных воинственных наклонностей германского народа. О кимврах мы

почти ничего не знаем, за исключением того, что сначала они победили римское войско, а потом сами им побеждены. Когда мы видим, как смело и искусно ведет войну Ариовист, и когда впоследствии перед нами предстанет Арминий[57], то мы сможем думать, что германцам была свойственна не одна только грубая сила, но и высшее интеллектуальное понимание войны; поэтому мы сожалеем, что не можем набросать еще более яркую, более конкретную картину ведения войны Ариовистом.

1. У Диона Кассия мы находим выражения, согласующиеся с вышеприведенными воззрениями относительно гельветского и германского походов. Ими теперь уже нельзя пользоваться как достаточно ценным источником с тех пор, как И. Мельбер (I. Melber) в одной из мюнхенских брошюр (изд. в 1891 г. – "Der Bericht d. Dio Cassius ьber die gallischen Kriege Cdsars") ярко показал, что рассказ этот является только риторически обработанным резюме Комментариев Цезаря. Но и от этого комментатора не вполне ускользнули противоречия и пробелы, имеющиеся в изложениях Цезаря, причем иногда он по своему благоусмотрение исправлял их.

2. Еще Наполеон I жаловался в труде "Prйecis", что сражения Цезаря в Галлии "без указания их названий" не могут быть восстановлены топографически и потому о них трудно судить. Были сделаны определенные попытки установить место сражения с

германцами, но ни одна из них не была признана удовлетворительной. Возможность различных комбинаций по этому поводу усиливается еще тем, что один из самых важных вариантов страдает неточностью. Из рукописей Цезаря явствует, что римляне преследовали германцев до Рейна на протяжении 5000 шагов, т.е. германской мили, Плутарх же, который руководствуется Цезарем, говорит, что на протяжении 400 стадиев, что равняется 50 000 шагов, и это же число мы читаем у Орозия, черпающего свои сведения у того же Цезаря. Возможно, что в рукописях Цезаря число это стерто, и германцы бежали до Рейна не 1, а 10 миль. Это было тем более вероятно, что иначе никак невозможно объяснить, почему маневры Цезаря и Ариовиста происходили в 1 миле от Рейна, т.е. посреди Эльзасской равнины; между тем для них нужна была суженная и ограниченная горами территория.

Решение задачи было бы найдено, если бы при водных работах ни Рейне инженеры-строители не установили, что в древности один из рукавов Рейна протекал по местности, где ныне находится Илисс. На основании этого открытия Гелер (Guler) придерживается версии о 5 000 шагов и определяет поле сражения на южной границе Вогез, около Сенгейма (Cennay) на северо-восток от Бельфора. В той же местности устанавливает это сражение и Наполеон III, но маневры – в противоположном направлении.

В 40 км к северу, у подножья Вогез, между Кольмаром и Шлетштадтом, близ Раппольтсвейлера, ищет поле сражения также полковник Стоффель. По описанию этого дальновидного воина и прекрасного

знатока Цезаря, у деревни Целленберг имеется местность, где могли действительно происходить описываемые Цезарем маневры. Обоз германцев мог быть перевезен на расстояние 3 км от римского лагеря, через предгорье Вогез, где римским легионам трудно было совершить нападение, а маленький римский лагерь мог быть расположен южнее, где он и закрывал германцем доступ в долину.

Против этой гипотезы[58] восстал Виганд, указывая, что германцы не могли бы отступить к Рейну после сражения, при котором фронт был расположен на восток. Возражение правильное, но его можно устранить. Возможно, что германцы приняли бой не около их вагенбурга, у Целленберга, а произвели перед сражением какой-нибудь маневр, и их фронт оказался расположенным на юг. Цезарь не указывает ясно на такой маневр, но то, что он был, можно заключить из одной заметки, где он пишет, что германцы окружили их боевое построение своими повозками и телегами, т.е., вероятно, перед сражением они произвели маневр совместно со своим обозом. Мотив, который Цезарь приводит, – "чтобы не оставалось надежды на бегство", – принадлежит к числу такого рода мотивов, когда говорится о том, что кимвры во время сражения были прикованы цепями друг к другу в шеренгах; но германцы, как мы узнаем потом, все-таки бежали.

Не так легко отвергнуть другое возражение, сделанное Коломбом и Штолле[59]. Цезарь говорит, что он на седьмой день после отхода от Везонциона получил донесение о приближении Ариовиста и тут же разбил лагерь, вблизи которого и произошло сражение. Он не шел прямой дорогой, а окольным

путем (circuitus) и сделал переход в 50 000 passus (шагов), т.е. 10 немецких миль (ок. 70 км). Стоффель, как и многие ученые, полагает, что circuitus относится к части всего пути и что римское войско в 7 дней дошло до Раппольтсвейлера, что равняется в среднем ежедневному переходу в 27 км. Это не является невозможным, но для такой большой натяжки нужен подходящий стимул, а мы его не находим. Не мог Цезарь утомлять свои войска для того, чтобы выиграть 2–3 дня и застать Ариовиста неподготовленным к нападению. Ариовисту следовало только, если он находился в ожидании подкрепления, не идти навстречу Цезарю, а оставаться на месте или отодвинуться однодневным переходом назад, чтобы избежать Цезаря. Непонятным является и то обстоятельство, почему Цезарь, если у него и был такой план, разбивает лагерь, когда ему доносят, что Ариовист находится на расстоянии 38 км от него, а не бросается за ним? Следовательно, Коломб и Штолле правы в том отношении, что при указанных обстоятельствах Цезарь не мог в течение 7 дней добраться от Безансона до Раппольтсвейлера.

Несмотря на это, я все-таки не могу оставить гипотезы Стоффеля. Поверим указаниям Цезаря, что он шел в течение 7 дней. Но разве это непреложно? Рассказ составлен через 8 лет после совершившихся событий. Возможно, что эта заметка относится к какому-нибудь другому, одновременно совершившемуся событию или что в ней не было указания относительно времени. Когда нам придется разбирать мемуары Фридриха и Наполеона об их походах, которые мы сможем документально проверить, то мы увидим, как много вкралось туда

серьезных ошибок, без всякого с их стороны умысла. Возможно, что Цезарь ошибся и что поход продолжался не 7, а 9–10 дней. Этим я и закончу мои возражения Стоффелю.

Еще меньше значения придаю я тому утверждению, что преследование германцев не продолжалось от Раппольтсвейлера до Рейна на протяжении 10 миль. Прямой путь до Рейна равен 2,5 мили, но если фронт был обращен на юг, то германцы могли при бегстве попасть только на очень узкую полосу земли у Рейна, причем снова не исключена возможность, что указания Цезаря преувеличены.

Видя, с каким глубоким скептицизмом разбираются эти события, кто-либо может, пожалуй, спросить, как мы вообще решались что-либо высказать относительно Персидских войн. Здесь перед нами запись, может быть, одностороннего и пристрастного, но компетентного и принимавшего личное участие в этом деле свидетеля, показания которого имеют первостепенное значение; там же – запись совершенно несведущего рассказчика, передающего события полвека спустя, основываясь на народной молве. Конечно, Цезарь является более точным источником, чем Геродот, и более точным, чем те, кто пользуется Геродотом; какими ненадежными кажутся его рассказы, если к Цезарю надо применять такую осторожность. Однако мы не должны сомневаться в правильности нашего исторического познания Персидских войн, так как у нас имеются вспомогательные средства для критического разбора – то, чего нам так не хватает у Цезаря: Персидские войны топографически обозначены, а знание местности играет важную роль

при разборе каждого сражения и дает возможность осветить многие неясности описываемых событий.

Все прежние гипотезы относительно места сражения с Ариовистом страдают одним и тем же недостатком – невозможностью реально преодолеть все трудности. Гипотеза Гелера, требуя включения еще одного передвижения легионов, о котором Цезарь не сообщает, определяет для маленького римского лагеря неподходящее место. Наполеон III заставляет германцев делать обход по Эльзасской равнине, где территория не дает никакой защиты во время марша от римского флангового удара. Гипотеза Стоффеля увеличивает все реальные трудности. Вполне понятно, что Ариовист, сознавая свою силу в объединении двух родов войск, предоставил римлянам войти в равнину раньше, чем сам пошел навстречу. Но нельзя отрицать, что определение местности не совпадает с текстом Комментариев.

Новейшая гипотеза Коломба и Штолле, по которой сражение было при Арсей, в 10 км восточнее Мемпельгара, имеет то преимущество, что совпадает с обоими определенными указаниями Цезаря о месте и времени [больше 50 000 шагов (passus), обход (circuitus) около Безансона и 50 000 от Рейна]. Если идти окольным путем через Ворэ, Пеннезьер, Виллерсексель, то Арсей как раз и будет в 10 милях приблизительно от Безансона и на таком же расстоянии от Рейна. Что касается возражения, что для 7-дневного марша 10 с лишним миль являются незначительным расстоянием, его надо отбросить. Римляне должны были продвигаться с величайшей осторожностью и укреплять каждый вечер лагерь; никаких причин для особой спешки у них тоже не

было. Возможно, что была дождливая погода, размывшая дороги и мешавшая быстрому передвижению.

Кроме того, можно привести против этой гипотезы еще следующие возражения.

Во-первых, нам неясно, почему Цезарь, получив при Арсей донесение о том, что Ариовист находится в 36 км от него, сделал остановку? Если он был уже в глубине Эльзаса, то эта остановка логична: римский полководец не хотел удлинять операционную линию и тем затруднять подвоз продовольствия. Остановка у Арсей, в стране секванов, вдали от противника, должна была произвести впечатление трусости; если же он остановился у Раппольтсвейлера, то об этом не могло быть и речи, так как в этом случае он сам шел навстречу неприятелю.

Во-вторых, мы не понимаем ни цели, ни способа выполнения германского маневра при Арсей. Штолле недостаточно углубил свои исследования, выводы же Коломба нереальны, необоснованны и не выдерживают критики. Он предполагает, что лагерь Цезаря был расположен между Сесмондан и Дезандан и что Ариовист, приближаясь от Мемпельгара, закрыл Цезарю у Арсей путь подвоза. Но подвоз провианта римлянам не был прекращен этим маневром, так как они могли получать его от лингонов или от леуков; пройти же германцам по равнине мимо римского лагеря было невозможно, так как они были бы атакованы не только галльской конницей, но и легионами.

Уже Фрелих в своем труде "Военное дело Цезаря" (стр. 206) опровергает мнение Рюстова, который ссылается на Вегеция и определяет обыкновенный

дневной переход римлян в 30 км. Коломб и Штолле в тщательном научном обзоре определяют, что в неприятельской стране больше 12–14 км в день войско сделать не может. Стоффель придерживается 25 км, что все-таки еще больше, чем считается нормальным а наше время, а римский солдат должен был еще каждый вечер устраивать лагерь. В одном из своих новых исследований ("Лагерь и войско римлян", Страсбург 1912) Штолле очень успешно защитил свою теорию.

3. Винклер (Der Cdsar-Ariovistsche Kampfplatz, Kolmar, 1907) считает, что территория, устанавливаемая Стоффелем, не совпадает в некоторых пунктах с указаниями Цезаря, и ищет поле сражения на 23 км дальше к северу. Фабрициус (в "Zeitschr. f. d. Gesch. d. Oberrheins") проверил топографические исследования, причем некоторые гипотезы подтвердил, а некоторые отверг.

4. Эр. Эберт (Ehr. Ebert. Uber die Entstehung des Bellum gallicum, 1909) доказывает, что Цезарь писал каждую книгу отдельно и немедленно публиковал ее. Он не убедил меня в этом; но если он даже и прав, то, насколько мне позволяет говорить мое знание военно-исторических мемуаров, этим не исключается возможность ошибки, на которую мы указывали выше (стр. 348), т.е. , что марш мог длиться не 7, а 9 дней.

Глава IV

ПОКОРЕНИЕ БЕЛЬГОВ

Под видом освобождения галлов от германского владычества Цезарь во главе галльских же войск победил Ариовиста и вместо него утвердил свою власть в стране. На следующий год он продвигается дальше, чтобы покорить и северные народности, которые он определяет общим названием бельгов.

Бельги, предвидя грядущую им опасность, объединились и выступили навстречу Цезарю, как только он перешагнул их границу.

Цивилизация обладает способами ведения войны, каких век варваров не знал. Бельги были в состоянии сосредоточить войско, но удержать и питать его они не умели. Как кимвры и тевтоны в своем походе на Италию должны были разделиться и затем были разбиты Марием поодиночке, так и здесь: вместо того, чтобы вступить в решительную борьбу с таким же сильным, а может быть, и значительно превосходившим его по численности войском, Цезарь решил разъединить союзную армию, чтобы потом бороться с каждой народностью отдельно. Он призвал два новых легиона, так что

имел всего в своем распоряжении 8 легионов. Вместе с вспомогательным войском нумидийцев, критян, балеар и галльских всадников у него было около 50 000 бойцов, а всего 80 000–100 000 чел. Для того чтобы содержать продолжительное время на одном и том же месте такую массу, нужны были твердая организация, транспорт, поставщики и средства. Всем этим римляне обладали, у бельгов же все это отсутствовало.

Но у Цезаря были еще другие возможности. Он разбил лагерь на северном берегу р. Аксоны (Эн), причем войско было так богато инструментом, солдаты так дисциплинированны и техника настолько совершенна, что в самый короткий срок была воздвигнута неприступная крепость. Наполеон III приказал на одном месте, обозначенном Гелером, произвести раскопки; при этом близ деревни Берри-о-Бак – в месте перехода войск, сыгравшем роль и в 1814 г., были найдены значительные остатки военных укреплений. Рвы были в 18 футов ширины и в 9–10 футов глубины; вал с бруствером и палисадами имел высоту в 12 футов, т.е. на 21–22 фута превышал дно рва. Перед фронтом лагеря, который был расположен на длинном холме, находился топкий ручей Мьетт.

До сих пор все совпадает. Но указание,

которое Цезарь делает относительно направления рвов и соотношения между лагерем и построением войск, не совпадает с результатами раскопок. Многие исследователи поэтому решили, что сам Цезарь, когда писал рассказ, не помнил ясно расположения лагеря[60]; другие же определяют лагерь и место сражения[61] у деревни Шодар, на 1 милю ниже (западнее); но раскопок здесь еще не производилось, а потому это убеждение нельзя ни опровергнуть, ни поддержать. Принципиально этот вопрос не имеет значения. Сущность остается: Цезарь занял позицию на северном берегу реки, имея позади себя, – несколько сбоку, – переправу, у которой возвел предмостное укрепление и, кроме того, построил еще укрепление на южном берегу реки, в котором разместил 6 когорт для прикрытия пути подвоза.

Цезарь занял позицию на той стороне реки, которая была обращена к противнику; таким образом, в случае сражения река находилась бы у него в тылу; но укрепленный лагерь давал ему такую уверенность в своих силах, что он мог себе это позволить; сам же он мог с этой позиции перейти в любой момент в наступление.

Римский лагерь находился в стране ремов – бельгийской народности, присоединившейся уже к римлянам. Бельгийское союзное войско окружило

пограничный город ремов – Бибракс (Вье-Лаон или Бьевр), надеясь этим заставить Цезаря выступить из лагеря, так как завоевание этого городка само по себе не имело значения и не могло служить заданием для такого большого войска. Но Цезарю удалось укрепить гарнизон стрелками и пращниками из своего войска, так что городок держался, и бельгам пришлось снять осаду. Тогда они двинулись против римского лагеря, и Цезарь построил свое войско в боевой порядок. Дальше демонстрации это не пошло, так как никто не хотел наступать первым в болотистой долине.

Бельги пытались несколько дальше вниз по течению перейти р. Аксону (Эн) с несколькими легковооруженными отрядами, чтобы отрезать подвоз римлянам, но Цезарь приказал зорко оберегать берег, чтобы при первом же донесении двинуть через мост своих стрелков и всадников и помешать переправе. Если бы бельги с главными силами своего войска успели перейти, то римское легковооруженное войско не смогло бы им противостоять, но это была непосильная стратегическая задача для бельгов. Они действительно прервали бы тогда операционную линию и отрезали бы римлянам подвоз, но в такой же мере они и сами были бы отрезаны от своей

страны и предоставлены нападениям римлян. В чем был выход для них? Так как римляне не выходили на бой в открытое поле, то бельги должны были бы обложить их лагерь со всех сторон и взять их голодом; но, чтобы обойти р. Эн и болото, им пришлось бы сделать для этого очень большой круг. По данным Цезаря (который насчитывал у бельгов 306 000 чел.[62]), их численное превосходство позволяло им выполнить это. Возможно, что бельги не превосходили численно римлян, но если это даже и имело место, то трудности, сопряженные с продовольствием такого громадного войска, превосходили их силы. Их военное искусство выдохлось, а когда они еще получили известие, что эдуи, по приказу Цезаря, напали на их страну с другого конца и разоряют ее, то они решили повернуть домой. Они ничего другого сделать не могли. Обещание прийти друг другу на помощь при вторжении римлян в их страну было в данном случае лишь маскировкой полного поражения. Стратегия Цезаря сумела направить превосходство римской военной организации на подавление численного превосходства человеческих масс варваров. Цезарь разделил эти массы почти без кровопролития на отдельные части и по частям – почти без труда – одолел их. Успех настолько

превзошел ожидания Цезаря, что вначале он был ошеломлен им и принял отступление неприятельских полчищ за военную хитрость. Ночью бельги начали отступать, и только на следующее утро римско-галльская конница начала преследовать их, чем еще более усилила их поражение.

Укрепления бельгов также стали сдаваться римлянам, как только последние подвозили осадные машины.

Только группа из трех народностей – нервиев, веромандуев и атребатов – сделала попытку спасти свободу своей храбростью в сочетании с военной хитростью. Они напали на римлян, патрули которых были недостаточно бдительны, в тот момент, когда римляне собирались разбить лагерь в лесистой местности на Самбре. Галльская вспомогательная конница, легковооруженные и обоз обратились в бегство, но римские легионеры были достаточно дисциплинированны, чтобы не растеряться и построить боевой порядок. Как только бой начался, он был уже выигран, так как римляне боролись теперь только с тремя племенами и имели, не считая обратившихся в бегство вспомогательных войск, двойное численное превосходство над ними. Два легиона, находившиеся долгое время в угрожаемом

положении[63], были выручены другими, одержавшими победу войсками, а также двумя легионами, находившимися в пути, но вовремя подоспевшими.

Как в сражении с гельветами, так равно с германцами и теперь – в третий раз – с нервиями, мы видим, что римляне численно превосходили своих противников. Относительно гельветов мы пришли к этому заключению, приняв во внимание маневрирование перед сражением; относительно германцев мы судили по их прежним походам в Галлию и по ходу самого сражения; относительно нервиев нам это показывают статистические данные о населении. Кто все эти доказательства считает только кажущимися, тот должен будет все же признать, что они не только увеличивают правдоподобность предположений, но, не являясь простым перечнем повторяющихся возможностей, каждый раз в другом сочетании приводят к одинаковым результатам. В то же время Цезарь дает нам цифры, давно уже никем не оспариваемые, но которые, благодаря его же собственным указаниям, кажутся сильно преувеличенными. Когда нервии подчинились, они якобы доложили, что из числа 600 старейших остались в живых только 3, а из 60 000 способных носить оружие – только 500. Несмотря на это,

Цезарь приписывает им через 3 года уже значительное войско (V, 39), а через 2 года после этого они посылают в Алезию 5 000 чел., что будто бы составляет только часть их призыва. Было бы методологически неправильно доверять автору, который приводит нам явно неправильные цифры потерь, в том случае, когда он указывает численность войска. Кроме того, мы в состоянии противопоставить его указаниям точное исчисление народонаселения.

Римская перепись может послужить нам прекрасным основанием для определения численности народонаселения Италии при Цезаре. Сам полуостров, кроме островов, имел тогда от 3,5 до 4 миллионов жителей, т.е. 25–28 чел. на 1 км²; Верхняя Италия (Галлия Цизальпинская) имела 1,5–2 миллиона жителей, т.е. 14–18 чел. на 1 км². Немного менее жителей, чем в Цизальпинской Галлии, было в римской Провинции, которая еще не обладала культурным хозяйством, а еще меньше народонаселения было в свободной Галлии, где народности постоянно сражались между собою. Самым большим числом, которое следует принимать для плотности населения Галлии, будет 9–12 душ на 1 км².

Наименьшее число можно вывести из сравнения с населенностью Германии. Крупные

военные походы германцев требовали немалых человеческих масс. Из наших более точных доказательств в следующем томе будет видно, что меньше 5 душ на 1 км² (250 чел. на 1 кв. милю) считать нельзя. Бельгия была гуще населена, чем Германия; средняя Галлия гуще, чем Бельгия. Наименьшим средним числом для плотности населения Галлии должно быть 7–8 душ на 1 км². Область расселения трех народностей, сражавшихся на Самбре, занимала площадь приблизительно в 18 000–22 000 км² (400 кв. миль), из которых 11 000 км² занимали нервии; поэтому можно думать, что их было 150 000 душ, или 40 000 взрослых мужчин, из которых, если отнять больных, стариков и рабов, останется максимально 30 000 воинов; возможно и меньше, так как могли быть не все на месте. Римское же войско насчитывало одних только легионеров 40 000 чел.

1. Может казаться странным, что к концу нашего летосчисления на Апеннинском полуострове насчитывают 25–28 жителей на 1 км², в то время как мы берем для римской общины в 510 г. цифру выше 60. Но если в этих цифрах и есть ошибка, то следует скорее считать вторую цифру слишком высокой, чем первую слишком низкой, так как эта последняя должна казаться достоверной по имеющимся правильным записям римской переписи; а если мы

добавим, что Рим в 510 г. не мог иметь больше 60 000 жителей, то этим мы еще более подчеркнем, что так оно и было. Надо принять во внимание, что, во-первых, за 500 лет – от Тарквиния до Цезаря – народонаселение Италии увеличилось незначительно; во-вторых, что почти все рабы, а с ними четверть или треть всего населения общины жили в 510 г. в городе, получая подвоз извне; в-третьих, что окрестности были очень заселены не потому, что были плодородны, но потому, что находились под мощной защитой большого города, дававшего большую охрану по сравнению с другими местностями.

2. Основные положения для нашего расчета взяты снова у Белоха, который недавно освежил свои сопоставления и защитил их в своей статье (в "Rhein. Museum N. F.", т. 54, стр. 414, 1899 г.); ср. также выше стр. 256. Его взгляд на числа, данные Цезарем для войска, пришедшего на выручку к Алезии, я разделяю только отчасти. Он считает силу каждого контингента отдельно по племенам, так как Цезарь брал свои цифры отчасти в соотношении с количеством населения у различных народностей, плотность населения которых уменьшалась по мере удаления от римской Провинции к северу. Это очень ценное статистическое подтверждение факта, о котором мы выводим заключение из общих положений. Больше мы ничего не можем извлечь из этих цифр, так как не знаем, какое соотношение было между призванным контингентом и общим числом имевшихся мужчин, а также производил ли Цезарь набор тщательно или небрежно. Но так как мы добились другим путем сведений о количестве народонаселения Галлии, то считаем, что можно с правдоподобностью сказать, что

наборы для Алезии охватили около трети способных носить оружие, т.е. двенадцатую часть населения.

В конечном результате, на основании сравнения с германцами, я беру для общего народонаселения Галлии более высокую цифру; чем Белох, т.е. 7–12 чел. вместо 6,3 чел. на 1 км², что составит в общем для свободной Галин (имеющей 523 000 км2) от 4 до 6 миллионов человек.

3. Белох ("Rhein. Mus.", loc. cit.) определяет владения нервиев (южную часть Северного департамента, Антверпен, Хенегау, половину Брабанта) в 11 000 км², владения атребатов и моринов вместе (департамент Па-де-Кале) в 7 000 км². О вермандуях (графство Вермандуа департамента Эн) ни Цезарь, ни Белох не упоминают. Мы не имеем оснований предполагать, что в странах этих трех народностей была в среднем наибольшая плотность населения, хотя владения их были плодородны и очень живописны. Нервии считались самыми дикими ("maxime feri") среди бельгов и не имели даже своего города. Узнав о приближении римлян, они спрятали свои семьи в места, окруженные болотами; это служит явным доказательством хозяйственной отсталости; следовательно, и производство продуктов питания, и плотность населения были незначительны.

4. На основании этих цифр вернемся еще раз к гельветам, при переселении которых Цезарь насчитывал у них будто бы 368 000 чел.

Страна гельветов и их союзников занимает площадь, как мы видели на стр. 330, от 18 000 до 25 000 км²; плотность населения должна была быть больше, чем у бельгов, так как страна менее гориста; следовательно, у гельветов могло насчитываться

180 000–250 000 душ.

Таких размеров воинская колонна быть не могла, следовательно, в ней участвовал не весь народ, а только часть его. Если же в походе принимала участие только часть народа, то это подтверждает наше предположение, что тут было не переселение, а чисто военный поход, сопровождаемый из политических соображений некоторым числом семей.

Глава V

ВЕРЦИНГЕТОРИКС

Цезарь подчинил Галлию смелым, быстрым наступлением, которое, однако, было соединено с предусмотрительностью и осторожностью. Стратегия и политика шли рука об руку. Сначала он вступил в союз с одной частью галлов, а других разъединил до борьбы с ними. В этих сражениях, сделавших его обладателем громадной территории, он располагал каждый раз армией, численность которой, несомненно, превосходила войско как гельветов, так равно Ариовиста и нервиев.

После первых побед он не сократил своих боевых сил, а значительно увеличил их. Против гельветов он повел 6 легионов; в завоеванной Галлии он имел к концу войны 10 легионов[64], а, кроме того, для защиты Провинции – 2 легиона и 2 когорты[65]; вероятно, и в Цизальпинской Галлии было еще 8 когорт, так что в общем он располагал тринадцатью легионами.

Мы не будем разбирать ни отдельные бои, ни отважные переходы в Британию и через Рейн, но перейдем прямо к самому решительному моменту, когда на седьмом году наместничества Цезаря все

галльские племена соединились и восстали против него под предводительством арвернца Верцингеторикса.

Надо думать, что Верцингеториксу не представляло затруднений собрать войско, так как в Галлии, наверное, имелся миллион военноспособных мужчин, – войско, превосходившее римское и в решительном сражении способное победить римлян. Верцингеторикс советовал своим соплеменникам использовать свой перевес в коннице, чтобы прервать римлянам подвоз и, кроме того, опустошить кругом свою собственную страну, чтобы таким образом заставить римлян отступить. Если бы это распоряжение было плодом стратегической мудрости Верцингеторикса, то мы считали бы его ум весьма ограниченным, так как какую пользу мог бы принести Галлии уход римлян в Провинцию за продовольствием? Они очень скоро вернулись бы обратно. Освобождения Галлии нельзя было добиться только одними маневрами; чтобы действительно избавиться от римлян, нужно было так разбить их войско, чтобы они потеряли желание вернуться скоро вновь, и так уничтожить их, как это сделали позднее херуски в Тевтобургском лесу. В действительности и у Верцингеторикса мысли были так же

направлены. Цезарь вначале не говорит об этом, но упоминает только потом, при разборе галльского плана (VII, 66); кроме того, он сам рисует нам Верцингеторикса как крупную личность, так что мы обязаны считать, что галльский национальный герой наметил с самого начала правильный стратегический план – не удалить, а победить римлян. Приказ отрезать доставку продовольствия надо рассматривать только как мероприятие, способствующее созданию благоприятных условий для сражения.

Этими благоприятными условиями, к которым стремился Верцингеторикс, были два: во-первых, перетянуть на защиту национального дела те племена, – а именно эдуев, – которые еще стояли за римлян, и, во-вторых, найти возможность напасть на римское войско во время похода.

Первое удалось, и так как галлы отказались идти в бой, то Цезарю пришлось прибегнуть к осаде главного города битуригов Аварика (Bourges), который он и взял; а затем он разделил свое войско, чтобы подчинить себе каждую народность в отдельности и завоевать их города. Он послал Лабиена с 4 легионами на Париж, а сам пошел с 6 легионами осаждать главный город арвернов – Герговию. Но эти части войск были слабы для решения предстоявших им задач.

Цезарь сам при одной попытке нападения у Герговии потерпел поражение, а Лабиен с трудом пробился через галлов, загородивших ему дорогу, чтобы снова соединиться с шедшим ему навстречу Цезарем (в области р. Сены). Ободренные успехом галлы почти все примкнули к арвернам.

Несмотря на то, что Цезарь, после соединения с Лабиеном, усилил еще свое войско присоединением германской конницы, он все-таки не осмеливался оставаться в Средней Галлии, а устроил свою продовольственную базу в римской Провинции. Он направился через страну лингонов (у Лангра), которые еще были с ним в союзе, в страну секванов, Гелер, как и Наполеон III, считает, что он должен был идти на Безансон, чтобы сделать этот город своим опорным пунктом.

Оттуда, считает Гелер, он мог бы скорее оказать помощь римской Провинции, чем с севера, из страны сенонов, а, кроме того, он не оставил бы совсем и Галлию. Наполеон еще добавляет, что он не мог даже думать о том, чтобы идти прямым путем через страну эдуев, бывшую очагом восстания. Если бы это было так, то мы присутствовали бы на странном спектакле, где оба противника одновременно избегали бы сражения.

Неужели дело зашло так далеко, что Цезарь, не будучи разбит в открытом поле, должен был не только очистить Галлию, но и избегать противника? Если же он должен был отойти к границам Провинции, то это было по другим причинам: он шел прямым путем через неприятельские владения, причем противник избегал вызова; в последнем случае у него был моральный перевес над противником, а если бы он поступил, как утверждают Наполеон и Гелер, он убежал бы крадучись.

Предположения Наполеона и Гелера вообще неправильны. Секваны были так же враждебны по отношению к римлянам, как и эдуи, да и вообще мы не знаем, намеревался ли Цезарь идти на Безансон. Город был укреплен самой природой, и неизвестно, находился ли в нем римский гарнизон. Следовательно, если бы Цезарь решил сделать его своим опорным пунктом, то надо было бы раньше осадить и взять его, но для этой цели он не представлял особенно выгодных условий, а был скорее неудобен.

Поход Цезаря к секванам должен быть объяснен иначе. Он сам говорит, что направился по этому пути, чтобы легче было оказать помощь Провинции, ввиду того что Верцингеторикс не довольствовался только действиями против

войска Цезаря, но делал еще набеги на Провинцию, чтобы этими диверсиями вынудить Цезаря совершить маневр из Галлии. Еще важнее помощи, которую он мог оказать Провинции, было для Цезаря продовольствие, которым Провинция могла его регулярно снабжать, так как немногие оставшиеся еще верными племена в состоянии были продолжительное время кормить такое громадное войско. Цезарю нужна была теперь позиция, с которой он мог бы добывать продовольствие, прикрывать Провинцию и с которой он мог бы одновременно давить и на Галлию. Поэтому он направился не на Безансон, а на р. Сону, в открытую местность восточнее Кот-Дор, через плоскогорье у Лангра, где не так легко было устроить ему засаду. На р. Соне он снова мог повторить тот маневр, которым он покорил бельгов. Если бы он на этой реке или дальше вниз, где р. Дубс вливается в р. Сону, разбил укрепленный лагерь, то галлы не в состоянии были бы вытеснить его оттуда. Стоя на правом берегу, он все время держал бы соседние народности, а именно эдуев, в страхе перед внезапным нападением, в то время как особо выделенные легионы успели бы снова на левом берегу подчинить секванов и гельветов. Верцингеторикс не мог бы прийти на помощь, так

как не хотел бы оставить страну эдуев на произвол судьбы, и не мог бы решиться переправиться через р. Сону, опасаясь нападения всего римского войска по ту сторону реки. Если же Цезарю удалось бы усмирить население левого берега реки, то он был бы обеспечен свободным сообщением с Провинцией; он мог бы даже, принимая известные меры предосторожности, получать продовольствие из Провинции самым удобным путем: водой по р. Соне, которая до Грея была судоходна.

Я уверен, что таков был стратегический план Цезаря и что Верцингеторикс догадывался об этом; он понимал, что настал момент, когда нужно приблизить развязку, а для этого надо совершить нападение на Цезаря во время похода, до того, как он достигнет р. Соны. Он рассчитывал посредством конных атак расстроить походные колонны Цезаря[66]. Но эти нападения не удались, так как Цезарь к своей коннице, в которую влил вновь навербованных из германцев воинов, присоединил подкрепление в виде сомкнутых частей пехоты; Верцингеторикс же не пустил своей пехоты в бой. Галлы были совершенно разбиты. Вместо того чтобы продолжать продвижение к р. Соне, римское войско занялось преследованием неприятеля. Верцингеторикс

удержал бегство только тем, что бросился в город Алезию (Alise S-te Reine на Mont-Auxois, между Нюи и Дижоном); там Цезарь его и запер, чтобы начать осаду. Так как галлы очистили поле, то у Цезаря явились место и время для прокормления, хотя и с трудностями, своего запертого осадой [67] войска.

Но вот на выручку запертого в Алезии войска подошло общее ополчение всех галльских племен. Должно было произойти большое сражение, без которого не могло быть решения вопроса. Но если Верцингеторикс не решался отправить свою пехоту раньше в открытое поле на борьбу с легионами, то тем менее могли галлы рассчитывать теперь на победу.

Цезарь употребил те 5–6 недель, которые прошли с начала осады до прибытия освободительного войска, на постройку укрепления с обеих сторон. Наполеон III велел произвести раскопки, которые восстановили почти полностью картину укреплений, совпадающую с указаниями в "Галльских войнах" (bellium gallicum). Контрвалационная линия имела 16 км длины, циркумвалационная линия равнялась 20 км, а открытую местность он усилил всякими искусственными препятствиями, мешавшими приближению, как-то: капканами, волчьими ямами с острыми кольями,

расположенными в 8 рядов в шахматном порядке.

Для анализа решительного сражения нам не хватает еще больше, чем раньше, определения численности войска. Цезарь имел 11 легионов, нумидийских и критских стрелков из лука, германских всадников и вдвойне вооруженных, – в общем не менее 70 000 чел. Галлов он исчисляет в 80 000 чел., а освободительное войско в 250 000 чел. пехотинцев и 8 000 всадников. Так как мы знаем, насколько он преувеличивает силы неприятельского войска, то и тут мы усомнимся в правдивости его указаний. Не раз уже мы сомневались в том, что осажденных было 80 000. Вполне достаточно было 20 000 чел. для защиты города и было бы неразумно со стороны Верцингеторикса оставлять в городе много людей, имея мало продовольствия. Так как Цезарь сообщает нам, что, надеясь на конницу, Верцингеторикс не призывал всеобщего ополчения пехоты и что до окончания постройки римских укреплений он нашел возможным отослать конницу из Алезии, то мы можем с уверенностью сказать, что он и пехоты оставил у себя только в необходимом количестве, т.е. не больше 20 000.

В освободительном войске 250 000 пехоты и 8 000 всадников не кажутся с первого взгляда

цифрой преувеличенной. Почти вся Галлия, имевшая 4–8 миллионов душ (из которых 1–2 миллиона мужчин) встала на борьбу; она смело могла выставить для решительного сражения за народную свободу 250 000 чел.

Но если мы подумаем, что представляло собой 250-тысячное войско, то увидим, что оно втрое превышало самое большое войско, о котором до тех пор слышала мировая история, т.е. римское войско в сражении при Каннах. Разве галльский главнокомандующий был в состоянии оперировать с 250-тысячным войском? В таком случае было непростительным и непонятным упущением со стороны Верцингеторикса не взять всеобщего ополчения и не выступить с ним на поле сражения.

Сделав еще шаг вперед, мы должны будем сказать, что не только галльский полководец не был в состоянии оперировать с ополчением в 250 000 чел., но даже самое представление о том, что можно было легко собрать в таком большом народе, как галлы, 250 000 воинов, неправильно. Мы знаем, что число воинов, которое население может дать, зависит, – как это мы видели в Персидских войнах, – не столько от числа мужчин, сколько от социальных условий и военной организации. В достаточно нам

известных средневековых государствах мы не можем установить соотношения между численностью войска и способными носить оружие мужчинами. Численность войска определяется не общей численностью народной массы, а наличием особого военного сословия. Но это как раз и сообщает Цезарь о галлах. Простой народ живет почти в состоянии рабства, – говорит он нам (VI, 13), – а воинами являются рыцари со своими дружинниками. Допустим, что такой порядок имеется не у всех галльских народностей. Гельветы и союзные бельги не утратили даже в массе воинской доблести. Не будем долго проводить аналогии между средневековым и галльским военным положением, но признаем, что и у последних были какие-то нам не вполне известные различия. Но что народная масса, находившаяся в рабстве и не привыкшая к оружию, имела особое военное сословие, не подлежит сомнению.

Чтобы образовать гигантское галльское войско, о котором сообщает Цезарь, нужно было, как мы себе это представляем, призвать всеобщее ополчение. Но всеобщее ополчение из неприспособленных к войне людей не представляет ценности, в боях они бесполезны, а в смысле расхода продовольствия на них являются

даже вредными. Поэтому средневековые войска и в самых решительных сражениях были незначительны.

При осаде Алезии, когда настал решительный момент, дело стало обстоять иначе: трудности снабжения продовольствием отошли на второй план на неопределенное время для непредвиденных операций – так же как и трудности тактических маневров в бою. Возможным представляется и призыв известной части ополчения. Но течение борьбы не позволяет предполагать численное превосходство галлов. Это уже признал острый и практический ум Наполеона I: он также считает, что Верцингеторикс имел в Алезии не больше 20 000 чел., и говорит, что освободительное войско не вело боевых действий и не маневрировало, как войско, превосходившее противника, но как равное ему. Следовательно, из хода самого боя мы должны составить себе представление о вероятной численности галлов.

В день прибытия освободительного войска, которое расположилось лагерем юго-восточнее Алезии, произошло сражение между галльской и римской конницами, где, по словам Цезаря, снова победили германские всадники при помощи римских когорт. Вероятно, галлы хотели этим

боем обеспечить приближение пехоты.

Затем, употребив день на вооружение, они совершили ночное нападение на окопы, расположенные на равнине Лом, шириною около 3 км. После того как их нападение было отбито, они направили в следующую ночь колонну к северу, к горе Реа, где по склону горы должен был идти вал, и потому его удобно было атаковать с вершины. В полдень начался штурм одновременно с обеих сторон; что касается Верцингеторикса, то он так же, как и в предыдущие дни, атаковал изнутри контрвалационную линию. На горе Реа галлы столь яростно набросились на неприятеля, что римляне дрогнули; тогда Лабиен по приказу Цезаря двинулся из окопов с некоторым числом когорт[68] и с кавалерией; сделав с ними обход выше, у ручья Рабутена, он ударил во фланг и в тыл галльских штурмовых колонн. Этот удар с переходом в наступление решил исход сражения. Галлы предались бегству как здесь, так и на равнине Лом; Верцингеторикс вернулся со своими войсками обратно в город и сдался.

Окружность вала и насыпи, как мы видели, равнялась примерно 36 км. Если войско Цезаря состояло из 70 000 чел., то на каждые полметра бруствера приходился 1 чел., так что вся армия до

последнего человека была поглощена защитой укреплений.

Галлы в первый раз произвели нападение на равнине шириной в 3 км. Если бы их войско действительно состояло из 250 000 человек, то оно могло бы атаковать, имея по фронту 2 000 чел. и в глубину 120 чел. и будучи прикрыто справа и слева конницей. Если мы представим себе, что такая масса подвижна, то она смогла бы взять любое укрепление, так как задние шеренги, которых поражение почти не коснулось бы, если бы в состоянии давить на передние, заполнять вместе с ними все рвы, покрыть все препятствия и по грудам трупов ворваться в крепость. Но эта фантазия неосуществима: сомкнутая масса в 250 000 чел. не может быть подвижной. Самым разумным и естественным применением такой массы было бы использование ее для многократных частичных атак и, главным образом ночных, так как при таком маневре противнику труднее отличить сильный натиск от демонстративной атаки.

Только на следующий день галлы решили разделить войско, причем укрепились только в двух пунктах, вместо того чтобы одновременно произвести штурм со всех сторон, откуда только был возможен подступ.

В этом еще одно бесспорное доказательство того, что они не имели перевеса, а, может быть, даже были значительно слабее; если бы у них было хотя бы на 10 000 больше войска, чтобы появиться в долине Рабутена, то они обеспечили бы этим фланг при нападении на горе Реа, и Лабиен не мог бы произвести решительную вылазку. Опоздание не было следствием недомыслия; Цезарь сам сообщает нам, что галлы прекратили первое нападение с восходом солнца, так как боялись, что римляне атакуют их во фланг.

Замечание Наполеона I, что оба противника имели равные силы, правильно, если только его оценка не является слишком высокой для галлов. Не надо упускать из виду, что Цезарь не мог оставить ни одного пункта своего тянувшегося на многие мили укрепления без охраны или без резерва в ближайшем соседстве. Он не мог не расчленить своего войска: неприятель мог выбрать любой пункт для массового нападения, причем одновременно можно было ожидать и вылазки со стороны осажденных, так что римские солдаты находились под угрозой тыловой атаки. Поэтому оборона осаждавшей армии от нападений армии, снимавшей блокаду, принадлежит к одной из самых трудных стратегических задач даже при

равных силах; ввиду этого многие полководцы считали принятие боя при такой обстановке неправильным. В следующих томах этого произведения мы еще много будем говорить об этом.

Если считать правильным, что при Алезии силы противника были равны, т.е. если у Цезаря было 70 000 воинов, то около 20 000 галлов было заперто в городе, а 50 000 явились на выручку. Для галльского войска такая цифра является слишком высокой; боевое напряжение даже такой большой страны не могло ее дать. Надо предположить, что рыцарство, так же как и саксы в борьбе с Генрихом IV, усиливало свои ряды в таких крайних случаях смелыми выходцами из народа и крепостным крестьянством. Многие рыцари оставляли коней и становились в ряды пехоты; то же мы можем заключить из рассказа Цезаря, где он исчисляет всадников Верцингеторикса в 15 000, а в освободительном войске – только в 8 000. Средневековая история знает много примеров, когда рыцари оставляли коней и сражались во главе пехоты, составленной из слуг или из народа.

Если это может служить характеристикой для состава и силы галльского войска, явившегося для снятия блокады, то нам станет понятным образ

действия Верцингеторикса во время данного похода. Этим же будет объяснено и противоречие, почему галльская пехота при Алезии, с которой Верцингеторикс не решался выступить в открытом поле против римлян, шла с таким громадным мужеством на штурм римских земляных укреплений.

Войско при Алезии надо рассматривать как самое мощное, которое галлы могли стянуть к одному пункту. Оно могло быть только равно римскому. Но римляне превосходили плохо организованные толпы галлов способностью маневрировать и совершать любое передвижение на поле сражения[69]. Их культивированный воинский дух и строгая дисциплина давали им возможность прокормиться при условиях, при которых галльские военные толпы пожирали вмиг свои запасы. Поэтому Верцингеторикс и должен был избегать организованных сражений. Численного перевеса, который являлся бы порукой успеха, у него не было, а Цезарь, – если бы Верцингеторикс и сумел ненадолго добиться перевеса, – не принял бы сражения, но как на втором году войны с бельгами, постарался бы задержками постепенно рассеять большое галльское войско. Поэтому Верцингеторикс не объявил всеобщего галльского призыва, а

удовольствовался пехотой из 20 000–30 000 чел., рассчитывая исключительно на призванное многочисленное и доблестное галльское рыцарство. Даже когда представился случай к предполагавшемуся нападению, пехота не была введена в бой, чтобы не подвергать ее нападению имевшего перевес римского войска. Все это было правильно задумано, но организация римского войска, умевшая охранять обоз в походных колоннах и дававшая коннице активную поддержку в лице пехоты, разрушила план Верцингеторикса. Не оставалось никакого выхода, кроме как подвергнуться осаде и стянуть войска для снятия блокады; здесь было то преимущество, что галлы могли выступать большими массами, что Цезарь не мог производить маневры, что у галлов была возможность выбора пунктов нападения и что Цезарь попадал между двух атак; однако он противопоставил им такие грозные укрепления, что смелый набег галлов разбился о них.

Глава VI

РИМСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В БОРЬБЕ С ВАРВАРАМИ

Стратегия Цезаря в Галлии была основана на том, что он избегал галлов там, где они были сильны, а то, в чем римляне были сильны, он умел противопоставить слабым сторонам галлов. Сила галлов заключалась в численности более или менее воинственных народностей. Если бы Цезарь разделил свои легионы для того, чтобы все эти народности одновременно победить, а потом уже снабдить своими гарнизонами все их крепости и города, с целью держать их в узде, то римляне были бы побеждены. Однажды в 4-м году, когда Цезарь ввиду плохого урожая разместил войско, в целях снабжения его продовольствием, по различным зимним квартирам, 1 S легиона подверглось нападению эбуронов, а так как начальники этих легионов не проявили единодушия, то римляне были полностью уничтожены. Эти 1 S легиона со вспомогательными отрядами и всадниками были численностью около 9 000 бойцов.

В войне с Верцингеториксом Цезарь, когда увидел, что галлы избегают сражения в открытом

поле, снова применил метод дробления неприятельского войска, в результате чего оно потерпело поражение. Сам Цезарь не был настолько силен, чтобы запереть галлов в Герговии, а одно его отважное нападение не удалось и повлекло большие потери. Только потому, что римское войско действовало согласованно, блокада Алезии удалась.

Когда же Аллезия сдалась, то уже было нетрудно в течение следующего года победить еще кое-какие сопротивлявшиеся народности.

Но самым искусным шагом в стратегии Цезаря было подчинение бельгов на 2-м году. Если бы еще нервии не совершили своего нападения, то все эти воинственные народы подпали бы почти без борьбы под тяжелую пяту римлян: Цезарь не только избегал сражения как такового, но раньше, чем он его принимал, он создавал благодаря дроблению неприятельских боевых сил настолько благоприятные условия для римлян, – а именно такой значительный перевес в каждом данном месте, – что бельгийские народности не отваживались вступать в бой.

Когда современные народы сталкиваются с варварами, то заранее можно предвидеть исход ввиду высокой техники у первых, но в древние времена соотношение сил не было таким простым.

Спрашивается: в каком отношении римская военная мощь стояла выше варварской? Варвары имеют то преимущество перед цивилизованными народами, что обладают животными инстинктами и суровостью. Цивилизация облагораживает человека, делает его более чувствительным и понижает этим боеспособность не только в смысле телесной силы, но и в смысле психологического подъема. Этот недочет должен быть восполнен искусственным образом. Шарнгорст был первым, выразившим мысль, что уменье культурных народов благодаря дисциплине противостоять некультурным является заслугой всякого войска. Любая часть римлян, живших дома жизнью горожан или крестьян, не могла бы противостоять такому же количеству варваров и, вероятно, убежала бы от них без борьбы. Только создание тесно спаянных тактических единиц – когорт – сделало их равными по силам.

По Цезарю нам трудно с уверенностью представить себе, в какой стадии развития находились галлы в его время[70]. Исключительно воинственным варварским народом они не были уже в течение нескольких поколений. Они имели города, промышленность, торговлю. Национальное жречество друидов превратилось в иерархию. С народом, – говорит Цезарь (VI, 13), –

обращались, как с рабами: повинностями, налогами и всякими притеснениями власть имущие доводили простых смертных до того, что они начинали считать себя в крепостной зависимости. Эти власть имущие и составляли военное сословие – рыцарей и их свиту; а выделенный из масс особый военный класс не может дать массового войска. То, что мы сократили в смысле количества, мы должны прибавить к качеству. Цезарь делает различие между народами; так, например, гельветов, нервиев и беловаков он считает особенно храбрыми. Вероятно, и существовала такая разница; но и у арвернов, битуригов и карнутов тоже, вероятно, не заглох воинский дух, причем те элементы, которые сражались на поле брани с римлянами, должны быть рассматриваемы как исключительно храбрые воины, – как военщина, в которой сочеталось вытекавшее из принадлежности к военному сословию чувство чести с воинственными инстинктами варваров.

Но и римское войско не состояло из одних только утонченных культурой граждан. Легионы Цезаря, составленные из воинов, навербованных или призванных в Цизальпинской Галлии или в Нарбоннской провинции, были укомплектованы по большей части романизированными кельтами.

Если до этого римские граждане образовывали войско, то теперь это на практике почти стало набором: вступление в войско стало путем к получению римского гражданства, причем римское войско не отказывалось вступать в соприкосновение с первобытной нетронутой силой.

Но то было лишь соприкосновение, а не заполнение варварскими элементами, – как, например, тогда, когда германская конница была присоединена к римскому войску. В сравнении с легионерами галлы являются варварами, но римский легионер в отдельности не стоит выше этих воинов. Не надо думать поэтому, что при равных условиях римская когорта из 600 чел. должна победить такое же количество галлов. Мы видели уже, как избегал Цезарь сражений, если противник превосходил его численностью; наоборот, он стремился сам обладать численным превосходством. Тонкости построения когорты и эшелонной тактики недостаточны все-таки для того, чтобы победить кипучую храбрость варварских полчищ, если они к тому же еще численно превосходят противника. Это обстоятельство имеет первостепенное значение для последующего времени, и мы при разборе других эпох мировой истории еще вернемся к

нему.

Превосходство римской военной организации было основано на том, что можно было сосредоточить в одном месте большие массы войска и правильно их питать, передвигать и поддерживать дисциплину. Этого всего галлы не умели. Не римская храбрость, которой у них было не меньше, но римская масса подавила их, – и опять не потому, что эта масса количественно была больше, но потому, что масса галлов была неподвижна, мертва. Римская культура победила варварство, так как привить большим массам подвижность – это большое искусство, основанное на высокой культуре; этого варварство не имело. Римское войско было не просто массой, а организованной массой, и ввиду этого являлось многообразным живым организмом. Для этого нужны были не только солдаты и оружие, всадники и пехотинцы, не только легаты, трибуны, центурионы, легионы, когорты, манипулы, центурии, дисциплина снизу, командование сверху, авангард, арьергард, патрули, донесения, лагерное расположение, но нужен был и квестор (казначей) со своим аппаратом служащих и контролеров; нужны были инженеры с их инструментами и уменьем наводить мосты, строить тараны, сооружать валы,

блокгаузы, орудия и корабли; интенданты – с их повозками; нужна была армия поставщиков с их агентами; врачи и лазареты, магазины, цейхгаузы, арсеналы, кузнецы и, наконец, глава всего – вождь, в котором природная сила должна была сочетаться с эластичностью и тонкостью духа и рассудка, развитого в сфере высокой культуры, чтобы быть в состоянии все постигать и своей единой волей все и всех направлять.

Все указанные обстоятельства затемняются представлением, будто галльское войско, побежденное Цезарем, превосходило его значительно численностью. Если Цезарь рисует нам свою победу в таких тонах, то мы не должны быть на него за это в претензии, так как победа меньшего числа людей над большим является в глазах толпы геройским подвигом и создает представление о стратегической гениальности. Проникнуть сквозь эту оболочку к ядру является делом научного исследования, причем познание сути не следует понимать как умаление талантливости исторически великого римского полководца, – наоборот, только таким путем мы доходим до истинного познания. Когда мы узнаем о том, что 70 000 чел. победило 300 000, у нас создается представление о храбрости и о силе, но это еще не настоящее познание. Лишь после того,

как мы узнаем, что один галл равен одному римлянину, а 10 000 галлов равны 10 000 римлян, в нашем представлении вырастает данная Цезарю стратегическая задача, – и тут-то мы приходим к заключению, что не только Цезарь победил Ариовиста и Верцингеторикса, но и что Рим победил германцев и галлов, а культура – варварство.

Для того чтобы дойти до такого признания, надо было снизить авторитет Цезаря как бытописателя; многие ученые не примкнут к этой критике, которая требует таких же признаний в отношении Цезаря, как и в отношении Геродота, и выразят ей принципиальное недоверие. Поэтому надо рассматривать как большую удачу, что у самого Цезаря имеется цитата, где он дает точное соотношение сил и тем помогает критике фактов. Описывая самое тяжелое поражение, которое его войско пережило в Галлии, когда эбуроны уничтожили 1 S римских легиона, он прибавляет, что по численности и по храбрости противники были равны, но римляне были покинуты и начальниками, и счастьем (V, 34). Исследователи уже давно обратили внимание на то, что эта фраза находится в противоречии со всеми описаниями. Гелер ("Philologus", т. 31, 1872 г., стр. 512) называет эту цитату "бессмысленной". "Как, –

говорит он, – римляне были по численности воинов равны галлам? Неужели эбуроны, не имея численного перевеса, вышли бы в поле и осмелились бы напасть на один из самых укрепленных лагерей; неужели, невзирая на тяжелый пятилетний опыт войны, они посмели бы атаковать римское войско, равное им по численности? Ни один военный не поверит этому; только школьников можно в этом убедить!.."

Вместо "они не уступали нам ни в храбрости, ни в числе сражавшихся, но были покинуты начальниками и счастьем" он читает "они сражались храбро и упорно", а Мейзель в своем издании предлагает вариант: "они сражались храбро и были многочисленны". Мы со своей стороны признаем, что именно в этой фразе кроется истина, – что эбуроны могли собрать среди рыцарства и ополченцев 9 000 чел., т.е. столько же, сколько имел римский корпус: мы не отбрасываем исчислений Цезаря, но только отбираем необходимые данные среди его же разноречивых указаний. Но примем аргументацию Гелера и подойдем к решению задачи с другого конца: так как Цезарь сам говорит, что равная по числу группа галлов победила римлян только потому, что начальство бросило последних, то не может же быть, чтобы в других сражениях

римляне побеждали противника вдвое и даже чуть не вчетверо многочисленнее их. Цезарь сам сообщает все это нам и своим согражданам. Римляне привыкли получать гиперболические вести о победах, – как, например, от Суллы, который при Херонее победил 120 000 чел., имея сам 16 500 чел. и потеряв при этом всего 12 чел.; или от Лукулла, который при Тиграноцерте победил 250 000 чел., в том числе 55 000 чел. конницы, имея всего 14 000 воинов, причем 5 чел. было убито и 100 ранено. Все эти цифры кажутся скромными в сравнении с 13 000 греков, которые, по Ксенофонту или согласно его интерполятору, победили 900 000 персов при Кунаксе. Все это доказывает, что римляне так же, как и греки, находились в отношении войск варваров под каким-то численным гипнозом, который затуманивал даже самые светлые умы. Возможно, что Цезарь находился под обаянием таких представлений. Мы во всяком случае можем принять из всех его указаний о численности галльских и германских войск только сведения об эбуронах и обсуждать римские и варварские методы ведения войн, положив в основу то обстоятельство, что каждый солдат в отдельности равен по качеству своему противнику.

Осознать все это так важно, что я хочу еще раз

сформулировать свою мысль.

Общепринято считать, что варварское войско было массовым. Мы, наоборот, доказали, что варвары не могли дать массового войска. Даже там, где масса боеспособных мужчин имелась в наличии, как в Галлии, составить массовое войско было нельзя: не умели ни передвигать, ни оперировать им. Способность передвигать человеческие массы есть продукт культуры. Человеческие массы – не мертвый материал, который при помощи грубой силы можно по желанию громоздить один на другой. Чтобы создавать массы, нужно уметь расчленять их и организовывать. Победа посредством масс кажется с первого взгляда победой благодаря физической силе, что при некоторых обстоятельствах и бывает; но если масса слишком велика, то надо приписать победу организующему и руководящему началу.

* * *

Все эти мысли я изложил, добавив некоторыми новыми выводами и примерами в своей речи "Дух и масса в истории" ("Geist und Masse in der Geschichte", "Preus Jahrb.", т. 147, стр. 193, 1912 г.), а затем – в одной из целой серии лекций, которые я читал в 1913 г. на английском языке в Лондонском университете. Они появились под названием "Numbers in history" у Hodder Stoughton в Лондоне.

Глава VII

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ

Как мы видели на примере Цезаря в Галлии, стратегия должна уметь уклониться от сил противника и противопоставить свою силу его слабости. Точно так и поступал Цезарь в гражданской войне; но эти же методы надо было применять здесь иначе, так как и условия войны были иные. Устраивать укрепленные лагери, правильно довольствоваться, занимать выгодные позиции и производить маневры римские противники Цезаря умели так же хорошо, как и его войско. Что касается материальных преимуществ, то тут они настолько были больше, чем у автономного военачальника, что власть имущие в Риме не верили даже в возможность этой войны. Цезарь отдал из своих 13 легионов два Помпею и оставил себе 11[71]. Помпей имел в Испании 7 старых опытных легионов, а в Италии, кроме двух легионов Цезаря, еще и третий в периоде формирования; за этими силами, почти равными силам Цезаря, стояла вся масса римского государства со всеми вспомогательными средствами, так что легионы можно было

формировать по желанию в любом количестве. Единственным преимуществом Цезаря (кроме симпатий широких народных кругов, выразителем демократических принципов которых он являлся) было то, что силы противника еще не были сосредоточены. Разъединить их, как бельгов, если бы они соединились, уже не было возможности; еще меньше можно было рассчитывать на то, что Помпей не сумеет свои многочисленные массы сосредоточить в одном пункте, если дать ему на то время. Следовательно, Цезарь мог надеяться победить при том условии, если он нападет на противника раньше, чем имеющиеся силы соединятся, а вновь образующиеся – присоединятся к ним. Цезарь, находясь во главе только одного легиона в Верхней Италии, повел переговоры с Помпеем, так что последний еще не считал пока нужным спешно снаряжаться. Но Цезарь успел стянуть еще два легиона и напал на противника. Эти три легиона со вспомогательным войском составляли около 20 000 чел. и могли дать в данный момент Цезарю в Италии перевес над противником. Правда, Помпей имел тоже 3 легиона на полуострове, но два из них были старые легионы Цезаря, и Помпей не настолько доверял им, чтобы направить их против их старого полководца; третий же легион являлся

небоеспособным, новообразованным. Почти без сопротивления прошел Цезарь всю Италию. Вновь составленные Помпеем когорты распылились, перешли к Цезарю или, попав к нему в плен, перешли на его службу. Сенаторы-оптиматы, во главе с Помпеем, бежали в Грецию.

Помпея упрекают в том, что он явился на выручку сенатского отряда, находившегося в Корфиниуме под начальством Домиция Агенобарба и запертого Цезарем. Очень метко сказал по этому поводу Стоффель, что здесь была бы совершена та же ошибка, которую сделал Мак-Магон, когда он хотел с недостаточными силами выручить Базена при Меце. Он только погубил этим и себя. Помпеи обладал стратегическим чутьем и достаточной выдержкой, чтобы предоставить Домиция Агенобарба своей судьбе и спас благодаря этому ядро армии для последнего решительного боя.

Цезарь повернул в Испанию. Он мог бы следовать непосредственно за Помпеем, а свои легионы из Галлии вызвать через Иллирию к себе. Тогда он овладел бы почти без сопротивления всем востоком, где вооружение только начиналось. Но тем временем он предоставил бы запад республиканским легионам в Испании.

Помпей, наверное, сам убежал бы туда, стал бы во главе этих легионов и перешел бы в наступление. А пока Цезарь дошел бы до Антиохии, Помпей был бы уже, вероятно, снова в Риме. Цезарь следовал основному своему методу и считал самым верным и важным находить и раздроблять неприятельские силы.

Многие вновь набранные в Италии легионы были двинуты в Сардинию, Сицилию и Африку, некоторые же охраняли самую Италию; из 9 старых победоносных галльских легионов 3 были предназначены для осады Марселя, который перешел на сторону республики, и 6 были направлены в Испанию.

У Помпея было в Испании 7 легионов, но они находились под командованием трех различных легатов. Два из них – Афраний и Петрей – соединились в Северной Испании, чтобы отразить предполагаемое с севера нападение; третий – Теренций Варрон, знаменитый антиковед и филолог, остался со своими двумя легионами на юге Испании. Гишар высказал подозрение, что Варрон, помирившийся впоследствии с Цезарем, ценившим его очень высоко, намеренно уклонялся от решительного боя; во всяком случае трудно разгадать причину, из-за которой он не присоединил свои боевые силы к войску двух

легатов. Южная Испания была бы лучше защищена, если бы удалось в Пиренеях противопоставить цезарианцам непреодолимую силу.

Афраний и Петрей со своими 5 легионами считали себя с самого начала слабее атакующих их войск. Хотя сначала двинулись только 3 легиона Цезаря, помпеянцы все-таки сохраняли лишь оборонительную позицию. Вероятно, эти 5 легионов, воевавших очень мало в Испании, были не вполне укомплектованы. Цезарь упоминает о 80 когортах испанцев, которыми помпеянцы также располагали. Эту цифру, как и указания относительно сил галлов, мы считаем преувеличенной. Вероятно, войско Цезаря, имевшее в своем составе галльскую и германскую конницы, а также вспомогательные войска других галльских народностей; было многочисленнее. Стратегия помпеянцев могла быть направлена не на решение вопроса, а только на то, чтобы задержать Цезаря, выиграть время и дать возможность Помпею закончить вооружение на востоке, а тогда уже либо появиться самому на испанском театре военных действий, либо натиском на Италию заставить Цезаря повернуть.

В пиренейских горных проходах цезарианцы не встретили сопротивления. Вероятно,

помпеянцы не имели времени занять их. Мы знаем по инциденту при Фермопилах, как опасно занимать горные проходы. Римляне следовали на войне другому методу: когда кимвры спустились с Бреннера, как повествует Плутарх (Марий, гл. 23), римский полководец Катулл отказался занять горные проходы, чтобы не дробить войска, а предпочел встретить противника в равнине. Афраний и Петрей доказали, что и они понимали военное искусство.

В 20 милях (150 км) южнее пиренейских проходов, в 5–6 милях к северу от Эбро, на правом берегу бурной реки Сикориса (Сегре) расположен на холме город Илерда, в котором имеется каменный мост через реку. У самого города, к югу от реки, возвышается второй холм, вполне пригодный для римского лагеря; на нем-то и укрепили свои позиции Петрей и Афраний. Этот холм был по природе так трудно доступен, что никакой штурм не мог бы его одолеть. Не атаковать эту позицию было невозможно для Цезаря; это значило бы очистить неприятельскому войску дорогу в Массилию и Италию. Запереть же эту позицию было невероятно трудно, так как коварная река Сикорис вздувалась и бурным течением сносила мосты; таким образом, блокирующее войско разделялось на две части, а

блокируемые имели в городе каменный мост, по которому могли переходить с одного берега на другой. В город были привезены большие запасы, чтобы обеспечить себя продовольствием на долгое время.

Возможно, что подобная позиция имелась и на самом Эбро, на северном берегу, откуда можно было всегда начать наступление, а имея позади себя каменный мост, можно было господствовать над окрестностью подобно Цезарю на р. Эн. Но Афраний и Петрей не считали нужным так далеко отходить назад. Занимая Илерду, они прикрывали и большую часть их провинции; если бы они решились отойти, то надо полагать, что они пробили бы себе дорогу на какой-либо из берегов Сикориса. Они владели южным берегом Эбро и могли всегда навести понтонный мост. Они выигрывали еще отрезок территории и прикрытие, дававшее возможность свободно передвигаться.

Так как Афраний и Петрей заняли Илерду после того, как к ним прибыл посол от Помпея, Вибуллий Руф, знавший хорошо Испанию, то возможно, что он создал этот план и наметил место для лагеря.

Позиция в Илерде дала помпеянцам все, чего можно ожидать от позиции. За 4 недели до этого

сюда прибыли 3 легиона под начальством Фабия и ничего не предприняли (приблизительно с 17 мая по 24 июня 49 г. до нашего летоисчисления[72]).

Фабий разбил свой лагерь на том же берегу в полумиле севернее Илерды и перекинул через реку два моста, отстоявших один от другого на расстоянии 6 км. Один раз поток снес нижний мост в то время, как 2 легиона Цезаря производили по ту сторону реки фуражировку. Афраний и Петрей сейчас же двинули туда 3 легиона и чуть не захватили их, но Фабий подоспел на помощь еще с 2 легионами через второй мост и выручил своих.

Во второй раз, когда Цезарь уже сам принял командование над войском, течением снесены были оба моста, и помпеянцы тотчас заняли левый берег, чтобы помешать наведению нового моста. Цезарь ожидал в это время большой транспорт провианта из Галлии, который, не успев переправиться через реку, был отрезан помпеянцами и снова увезен в горы. Окрестности вокруг лагеря ничего не могли дать в смысле продовольствия, а выше к западу сообщение через реку было прервано высоко стоявшей из-за половодья водой; таким образом, Цезарь очутился как бы запертым на острове. Его войска

нуждались, в то время как помпеянцы прекрасно питались благодаря заранее заготовленному продовольствию.

Однако, ввиду того что помпеянские легаты не осмелились удалиться от лагеря и не уничтожили продовольственного обоза Цезаря, последнему удалось все-таки в конце концов доставить его к себе. Он перекинул мост через реку в 4 милях (28 км) выше лагеря, где неприятельских сторожевых постов уже не было, и таким образом снова наладил сообщение со своей операционной базой в Галлии.

Сообщение это отстояло слишком далеко для того, чтобы запереть помпеянский лагерь с обоих берегов. Произведенная Цезарем после его прибытия смелая попытка вклиниться между лагерем помпеянцев на холме и собственно городом Илердой с его мостом не удалась. Хотя настоящей опасности помпеянцам еще не угрожало, но они все-таки решили отойти; так как у противника появился новый мост, то при желании он мог послать превосходящую по численности конницу на левый берег Сикориса и лишить помпеянцев фуража. Многие испанские народности, среди них жившие по обоим берегам Нижнего Эбро, примкнули к Цезарю. Наконец, можно было предвидеть, что, как только вода

спадет, явится возможность перейти вброд Сикорис выше Илерды, и войска Цезаря смогут тогда переправляться через реку и блокировать неприятеля. Цезарь даже пытался, посредством отвода части вод в глубокие рвы, которые он велел проложить, устроить брод для переправы.

Совершенно спокойно, не принимая особых мер предосторожности, в третью ночную смену (между 12 и 3 часами ночи) помпеянцы со всем обозом совершили отход к Эбро, через который они навели понтонный мост у Октогезы при слиянии с Сикорисом. Неприятельская конница настигла этот отряд и мешала его продвижению; но когда он оставил позади себя более открытую волнистую местность и достиг гористых отрогов Эбро, в 5 милях южнее Илерды, то этим мукам настал конец, и ничто не препятствовало более переходу через Эбро. Однако едва лишь они успели пройти 4 мили, как заметили вдруг приближение неприятельских легионов.

Вода настолько убыла в Сикорисе, что около Илерды приходилась людям по плечи; хотя собственно для пехоты этот переход вброд и был неудобен, но Цезарь, как он рассказывает, осмелился совершить его по просьбе солдат. Он поставил ниже брода по течению всадников, которые перехватывали относимых течением

легионеров, и, таким образом, никто из них не погиб. Перейдя на другую сторону, они форсированным маршем двинулись без обоза в путь и к вечеру настигли неприятеля. Петрей и Афраний принуждены были остановить войско и занять позицию, поскольку не желали принести в жертву большую часть своего войска в арьергадных боях. И без того дневной переход был очень продолжительным.

Положение помпеянцев все-таки еще не было отчаянным; оставалась всего одна миля до спасительных гор и еще одна миля до моста через реку. Продолжать путь ночью не решались, боясь переутомиться. Возможность пройти это короткое расстояние даже на глазах у врага казалась невероятной.

Однако благодаря необычайному усердию войск (им удалось кружным путем, пользуясь едва проходимыми тропинками, обойти помпеянцев, которых все время задерживала стычками конница) Цезарь занял ущелье и все возвышенные пункты, отрезав этим дорогу к Эбро.

Энергия и быстрота Цезаря, а также усердие и выносливость его войска достигли в данном случае того, что по нормальным военным соображениям казалось немыслимым. Помпеянское войско, желавшее из одной

неприступной позиции перейти на другую, принуждено было остановиться, будучи отрезано от своей цели. Оно должно было или сражаться, или немедленно сдаться. Решительное нападение получило перевес над хорошо рассчитанной обороной. Более (но не намного более) слабое помпеянское войско в течение нескольких месяцев связывало противника, но расплатилось за это своей гибелью. Относительно отдельных маневров остаются некоторые сомнения; что касается разногласий между Афранием и Петреем, то возможно, что они-то и облегчили победу Цезаря. Во время кризиса, когда все зависит от быстроты решений, согласованность действий двух полководцев особенно важна. Странно, что помпеянцы, будучи настигнуты Цезарем, оставались в покое целый день и производили разведку. Если они считали возможным производить передвижения на глазах противника, то почему они не попытались пройти вперед по дороге к Октогезе? Они не могли рассчитывать[73] на то, что Цезарь их оставит, хотя его войско и было без обозов и продовольствия, но обозные колонны, конечно, уже двигались, чтобы доставить войскам все необходимое. Этот день проволочки был гибельным для помпеянцев, и это нельзя объяснить ни чем иным, как

нерешительностью и разногласиями в штабе. Но это не уменьшает заслуги Цезаря и его войска. Ошибка, совершенная помпеянцами, является следствием морального превосходства противника, оказавшего на них влияние, а при таком положении полководец, чтобы не совершить никакой оплошности, должен быть великим.

После того как противник снова вернулся в Илерду, Цезарь не считал. более нужным вступать в бой, так как был вполне убежден в своем окончательном успехе. Солдаты его рвались в бой, будучи уверены в победе, но он ограничился тем, что встал на позицию в открытом поле и предоставил возможность совершить нападение противнику, если это ему удобно. Даже храбрый Петрей, решивший не сдаваться до последней возможности, убедился, что это сражение превратится для него в бесцельную бойню, а потому не оставалось ничего другого, как сдаться на капитуляцию.

Эта победа Цезаря является единственной в мировой истории в том смысле, что полный успех, при полном уничтожении неприятельского войска, был достигнут без сражения, одними маневрами и несколькими небольшими столкновениями. Римское войско при

Тразименском озере и при Каннах, прусская армия в 1806 г. и три французских армии в 1870 – 1871 гг. также были окончательно уничтожены, но лишь после упорных сражений. Нельзя сравнивать стратегию Цезаря и Перикла: последний, сознавая малочисленность сухопутного войска, избегал большого решительного боя, а так как противник в свою очередь уклонялся от решительного морского сражения, то Перикл хотел утомить его и довести войну до конца. Цезарь же, наоборот, стремился к тому, чтобы помпеянские легаты вступили с ним в бой, а затем, покончив с ними, идти скорее самому против Помпея. Но ввиду того что легаты со своей стороны тоже избегали развязки, война превратилась в маневры, а когда сражение стало излишним, то Цезарь отказался от него, но не от самой цели сражения – уничтожения неприятельских боевых сил.

Вероятно, многие сражения вовсе не состоялись бы, если бы полководцы правильно учитывали моральное и физическое состояние неприятельских войск. Кто уверен в своем поражении, тот старается (если только не находится в таком положении, как Леонид) уклониться от боя. Пример похода на Илерду нам ясно показывает, что можно достичь результата и

без боя, но при условии, что обе враждебные стороны правильно оценивают положение и не нуждаются в тактической проверке его.

Оба легата, сознавая недостаточность своего войска, избегали сражения и избрали позицию, на которой атаковать их было невозможно, а запереть – только с трудом. Цезарь, понимая, что они недоступны для нападения, готовился к блокаде. Легаты избегли ее; они уже в походе, но Цезарь захватывает позицию, с которой можно блокировать неприятеля, и тут опять обе стороны приходят к заключению: одна – что ей сражение не нужно, другая – что она не выиграет сражения, а потому слабейшая сторона ликвидируется без дальнейшего кровопролития.

1. Поход на Илерду разобран очень обстоятельно Гишаром (Guischardt, Mйmoires critiques et historiques sur plusieurs points d'antiquites militaires), затем Гелером и в специальном исследовании Руд. Шнейдером (Ilerda, Berlin, 1886). Но труды полковника Стоффеля превзошли все эти работы. Он составил географическую карту, отличающуюся от всех имевшихся до тех пор. Он сам лично изучал местность. Стоффель (ч. I, 256) указывает, что Наполеон III обратился с просьбой в 1863 г. к властям Испании составить для него штабные карты Илерды и Мунды, которые в 1865 г. и были ему переданы в превосходном исполнении. Карты, принадлежавшие лично Стоффелю, являются репродукциями с тех

испанских. Эти карты, вероятно, в Германии неизвестны, так как карта, которую Шнейдер приложил к своей книге и которая издана Г. Кипертом, не согласована с картами Стоффеля.

Считаю излишним разбирать отдельно отклонения Стоффеля от Гелера и Шнейдера и доверяюсь вполне руководству этого большого знатока. Но не могу умолчать о некоторых мыслях, которые так же, как и относительно похода против Ариовиста, касаются общих фактов.

Что Октогеза и Меквиненца – одно и то же, не подлежит сомнению. Я бы хотел прибавить еще одно соображение. Если бы легаты навели понтонный мост у Альматрета (по Гелеру) или у Фликса (по Шнейдеру), то они рисковали бы тем, что Цезарь со всем войском мог тотчас перейти на левый берег Сикориса и закрыть путь. Если же они имели намерение отойти по правому берегу, то они навели бы мост выше по течению – выше Сикориса. Поэтому расположение моста мы определяем вблизи устья Сикориса – ниже по течению; поэтому у легатов и сохранилась до последней минуты, в зависимости от позиции Цезаря, свобода передвижения по правому или по левому берегу.

Но если Октогеза находилась у устья Сикориса, то недостаточно обосновано, почему помпеянцы не отошли вдоль левого берега. Стоффель полагает, что они опасались ровной прибрежной местности, так как предвидели, что их будет беспокоить неприятельская конница. Дорога все равно шла через Сарроку по возвышенной местности, но, судя по результату, достаточно еще удобной для нападений конницы. Если бы они шли по реке, то хотя бы один фланг был

защищен, а, кроме того, дорога была бы короче, что при тех обстоятельствах было очень важно. Могли ли помпеянцы, идя непосредственно по берегу, опасаться стрел и свинца пращей, которые бросали бы в них с противоположного берега неприятельские стрелки?

Затем недостаточно ясно, почему легаты, когда их догнал Цезарь, решили, по Стоффелю, пойти в ущелье Риваройа. Можно предположить, что они послали приказ перевести к Риваройе понтонный мост. Причины для перемены маршрута не видно, – тем менее, что в последнюю минуту решили снова идти на Октогезу. Даже путь на Мон-Манэ должен был иметь несколько ущелий, где можно было бы укрыться от войска Цезаря.

Особенно поражает нас то обстоятельство, что легаты предприняли марш через Мон-Манэ на Октогезу после мнимого отступления Цезаря к Илерде и после того, как они увидели, что движение это пойдет по дороге к Риваройе.

Все эти сомнения будут устранены, если мы предположим, что Цезарь своими словами "ubi paullatim retorqueri agmen ad dextram conspexerunt" (гл. 69) ("они постепенно повернули фронт, который стал смотреть вправо") определял собственно фронт, а не занимаемую позицию, т.е. что войско Цезаря повернуло налево к западу. При повторных исследованиях я пришел к убеждению, что так оно и было, т.е. что сведения о повороте помпеянцев на Риваройю не верны. У них не было другой цели, кроме движения на Октогезу (Меквиненца), и этот путь преградил им Цезарь, продвинувшись между их походным лагерем и Сикорисом в направлении к Мон-Манэ.

2. Своеобразен рассказ Цезаря о трудностях, которые ему пришлось преодолеть при устройстве брода на реке Сикорисе. Спрашивается, отчего он не перекинул моста? Если даже бурные воды и сносили его мосты, то и брод мог оказаться непроходимым; работа же при устройстве брода, по описанию самого Цезаря, была сложнее, чем постройка даже нескольких мостов. Так как кавалерия охраняла левый берег, то противник не мог помешать постройке.

Для объяснения всего этого не находишь другой причины, кроме недостатка дерева, но и тут является вопрос, неужели нельзя было доставить дерево с Пиренейских гор по реке Сикорис?

Но самым важным вопросом будет: возможно ли вообще устроить брод так, как это Цезарь предполагал? Мнения относительно того, как понимать прокладку рвов, расходятся. Шнейдер, ссылаясь на Гишара, предполагает полный отвод реки. Дело это настолько трудно, что мне кажется невыполнимым, так как затратить на него можно было только 10 дней. Стоффель рисует более простую картину. Он исходит из того, что в 2 км выше Илерды река разделяется и образует острова; вот через эти-то острова Цезарь и приказал проложить рвы шириною в 30 фут.; таким образом он расширил русло реки и понизил высоту воды. Насколько это технически правильно и возможно, не смею судить.

Глава VIII

ПОХОД В ГРЕЦИЮ

Победа в Испании дала Цезарю превосходство на суше над своим противником. Наряду с 11 легионами, с которыми он начал войну, он образовал постепенно еще 17 новых легионов[74], большей частью из солдат Помпея, поступивших после сражения к нему на службу. Из новых легионов два были разбиты в Африке под начальством Куриона; полтора – в Адриатическом море, у Иллирийской бухты, под начальством Кая Антония. Из других ему удалось собрать около половины; всего же он имел у Брундизия 12 легионов и 10 000 конницы, чтобы переправиться в Эпир и вести войну против Помпея. Остальные войска были размещены в Италии, Сицилии, Галлии и Испании.

Войску, направлявшемуся в Эпир, Помпей мог противопоставить 9 легионов, которые шли на помощь из Сирии, и еще 2 под начальством Сципиона. Не только по численности, но и по качеству они не соответствовали легионам Цезаря. В числе этих легионов было 2 старых легиона Цезаря, доверять которым было опасно; остальные были вновь сформированы и состояли

отчасти из старых призывов, пополненных новыми наборами в Греции и Азии. Помпей должен был бы потерять всякую надежду на успех после уничтожения главных сил его войска в Испании, если бы он, подобно Цезарю на суше, не имел необходимого перевеса на море. К имевшимся у него римским кораблям он присоединил еще суда восточных подвластных государств. Цезарь же хотя и начал сооружать корабли, но у него не было того фундамента, который был у Помпея: старого флота. Самый значительный морской город в его первоначальных владениях – Массилия – перешел на сторону его противников и был вновь присоединен лишь после жестокой осады. Флот в Адриатическом море был разбит и уничтожен помпеянцами. Преимущества, которых достиг после этих событий Помпей, были так велики, что Цезарь не мог стать с ним на один уровень. Когда он достиг Брундизия, у него не было даже достаточного числа кораблей для одновременной перевозки всего войска, предназначенного для наступления.

При современных условиях считается стратегически невыполнимым переправлять войско по морю, на котором господство не обеспечено хотя бы временно или отчасти. Цезарь

решился на это, хотя не имел для перевозки достаточно транспортных средств. Если бы он ждал прибытия такого количества кораблей, которого хватило бы для перевозки всего войска, то, во-первых, такая масса осложнила бы самую перевозку, а главное – обратила бы на себя внимание неприятельского флота, стоявшего пока еще спокойно в портах. Помпей сам еще не прибыл со своим войском в Эпир; портовые города, в которых находились большие склады запасов, не имели пехотной охраны. Успех можно было завоевать только быстротой. Благодаря сокращению обоза можно было разместить на корабли половину войска – 7 легионов и корпус конницы, – которые благополучно и переправились, так как противник не предполагал, что в такоевремя – в середине зимы – можно предпринять подобную экспедицию[75]. Было сделано наблюдение, что в это время года периодическая перемена направления ветра, с юга на север, за которой обычно следовало несколько дней хорошей погоды, благоприятствовала выполнению плана Цезаря. Северный ветер примчал его флот за 12–15 часов к бухте, хорошо защищенной от этого ветра и имеющей удобный берег для быстрой разгрузки[76].

Только теперь начались трудности. Правда,

два эпирских приморских города – Орик и Аполлония – были тотчас же взяты, но главный – Диррахий – Помпей успел занять своим войском до Цезаря. Помпеянские корабли настигли и сожгли часть возвращавшейся транспортной флотилии и с тех пор зорко следили, чтобы помешать второму транспорту. Отрезанный от своей базы Цезарь казался в Эпире парализованным с половиной войска. Тем не менее непосредственной опасности еще не ощущалось. Помпей, – невзирая на то, что имел на 2 легиона больше пехоты и более сильную кавалерию, – не решался напасть со своими неопытными войсками на ветеранов Цезаря или запереть их в укрепленном лагере.

Так стояли друг против друга два полководца, не сражаясь. Помпей ожидал легионов Сципиона, чтобы иметь еще больший перевес в пехоте, и летнего времени, чтобы начать действовать флотом. Цезарь надеялся на прибытие его генералов со второй половиной войска из Брундизия.

Можно поставить вопрос, почему он не стянул нужные подкрепления сухим путем, через Иллирию, а также почему он с самого начала не направил легионы, возвращавшиеся из Испании и Галлии, этим вторым путем, на котором можно

было избегнуть опасного морского переезда и который был даже короче? Ответ будет гласить, что переход большого войска зимой через гористую и враждебную Иллирию представлял непреодолимые затруднения в отношении продовольствия. Во всяком случае этот переход требовал больших приготовлений; в то же время переход по Италии до Брундизия не представлял опасности и мог быть сделан безостановочно. И здесь, как видим, эта переправа была отважной, но не бессмысленной. Вызывает удивление только то, что Цезарь отдал приказ о переброске оставшейся части войска и что она удалась. При этом надо помнить, что в древности военные корабли с тесно сплоченной массой экипажа не могли долго держаться на море. Они не могли, следовательно, блокировать Брундизий. хотя помпеянский адмирал Либон пытался это сделать и занял с этой целью лежащий у гавани небольшой остров. Но на этом острове было мало воды, и Марк Антоний, командовавший в Брундизий, мешал экипажу добывать воду с материка, расставив на большое расстояние сторожевые посты из конницы. Таким образом, помпеянцы вынуждены были снять блокаду и ограничиться только наблюдением из эпирских гаваней за прибывающим транспортом Цезаря,

чтобы вовремя на него напасть. Но когда дул благоприятный для цезарианцев ветер, то шедшие на веслах корабли не могли причинить большого ущерба парусному транспорту. Конечно, этот переезд был сопряжен с большим риском, так как зависел всецело от произвола ветра. Только спустя два месяца решились Антоний и другие генералы выполнить этот повторный приказ Цезаря и предпринять этот смелый переезд; и счастье настолько сопутствовало им, что не только весь их флот переправился невредимым, но и неприятельский флот, желавший их настичь, был разбит об утесы.

По-видимому, Цезарь, не будучи уверенным в безопасности морского транспорта, направил также подкрепление через Иллирию, но оно было задержано враждебными горцами и не успело прийти к решительному моменту[77].

Антоний привел Цезарю 4 легиона и кавалерию, так что Цезарь имел теперь безусловно численный перевес. Но что он должен был с ним предпринять? Благодаря его внезапным и исключительным по смелости переходам ему удалось вклиниться между Помпеем и Диррахием, но он достиг этим немногого. Помпей укрепился непосредственно на берегу и, имея в своем распоряжении корабли, сохранил связь с хорошо

защищенными в Диррахий складами, – так же как и со всем миром. Он мог без труда доставить продовольствие по своему водному пути, тогда как Цезарю подвозился провиант долгим сухим путем из местности, наполовину опустошенной всякими фуражировками. И Цезарь, невзирая на имевшийся у него перевес, не мог вынудить развязку.

Он решился разделить свое войско. Почти все прибывшие к нему в конце подкрепления – 3 S легиона – он отослал в глубь страны. Два легиона пошли навстречу Сципиону, чтобы его найти и разбить. Полтора направились в Элладу, чтобы подчинить возможно больше городов и местностей или в крайнем случае привлечь их на сторону Цезаря. С главной массой своего войска Цезарь решил запереть войско Помпея. Местность благоприятствовала этому начинанию, нужно было только местами отсечь естественные скаты холмов и построить редуты. Но работа была чудовищно трудна, а ожидаемая удача незначительна. Цезарь сам говорит, что он имел в виду получить выгоду в трех отношениях, если бы удалось запереть неприятеля: прикрыть от помпеянской конницы подвоз продовольствия к своим войскам, эту конницу ослабить, отрезав ее от фуража, и, наконец, нанести моральный удар

враждебной партии, так как везде стало бы известно, что Помпей заперт и не решается вступить с ним в бой. Добиться этой блокадой капитуляции Помпея или хотя бы начала мирных переговоров Цезарь и сам не думал; да это было и невозможно. Ничто не могло препятствовать Помпею разместить войско на корабли и перевезти его в другое место.

Почему Помпей не отплыл в Италию, как советовали ему друзья? У него было веское основание не делать этого. Цезарь тогда повел бы свое войско тоже в Италию через Иллирию, что ему и удалось бы рано или поздно, хотя бы с частью войска, а затем, если бы даже Помпей и успел за это время захватить Италию в свои руки, ему пришлось бы дать решительное сражение, которое не сулило успеха Помпею, так как он имел 9 легионов, а Цезарь 11 и еще столько же в Италии, Галлии, Испании и на островах.

Наилучшим планом для Помпея было бы не прямо направиться в Италию и Рим, но отнять сначала у цезарианцев с помощью нумидийского царя Юбы Сицилию, Сардинию и Испанию, а затем, увеличив свои боевые силы рекрутами этих провинций, принять решительный бой. При помощи флота все эти действия могли быть приведены в исполнение или сразу, или

непосредственно одно за другим. Четыре легиона, которые были у Цезаря в Испании, состояли большей частью из старых солдат Помпея; возможно, что они перешли бы снова на сторону последнего. Нам неизвестно, были ли такого рода планы у Помпея. У нас нет источника, дающего нам возможность заглянуть глубже в происходившие в главном штабе интимные совещания[78]. Но так как мы имеем сведения, что Помпей желал избегнуть сражения, и не можем себе представить, чтобы вся его стратегия свелась только к стремлению уклониться от боя, то мы вправе подозревать подобного рода мысли.

Наступление Цезаря вызвало в нем представление, что здесь имеются большие возможности успеха. Войско, с которым Цезарь повел блокаду, было меньше войска Помпея; последний мог при помощи своих кораблей ударить в тыл осаждающим. Мы должны предположить, что такой опытный полководец, как Помпей, понимал, какие выгоды ему сулила слишком большая отвага Цезаря, а потому решил, вместо всяких дальнейших планов, извлекать пользу пока из этого, имея флот и войско под рукой. Вся энергия ветеранов Цезаря не могла все-таки воспрепятствовать широко задуманному наступлению, которое предприняли помпеянцы

при поддержке своих кораблей. Цезарианцы были атакованы сразу с трех сторон: из помпеянского лагеря, с берега и с тыла; они потерпели жесткое поражение, сопряженное с большими потерями, а линия их укреплений, достигавшая на юге берега, была прорвана.

Этот результат является настолько естественным, что некоторые склонны видеть в попытке Цезаря запереть с суши большое непобежденное войско, владевшее морем, крупную ошибку с его стороны. Он мог в лучшем случае мало выиграть и много проиграть. Но на войне случай и счастье играют роль, а, кроме того, Цезарь испытывал судьбу не вследствие высокомерия, но потому, что ничего другого нельзя было предпринять. Кроме того, он не терял надежды захватить Диррахий благодаря имевшимся у него в городе связям. Если бы он, вместо того чтобы проводить осаду, ушел со своим войском в глубь страны, он тоже не достиг бы больших результатов, чем направленные им туда отряды. Приморские города не сдались бы ему и он не победил бы Сципиона, который естественно держался в отдаления от главной массы неприятельского войска. Помпей же мог бы тем временем отправить в различные экспедиции свой флот и легионы, которые имели бы больше

успеха, чем Цезарь со своим войском. Превосходство противника на море, позволявшее ему избегать развязки, дало бы ему еще больше преимуществ.

Осада помпеянского войска повела все-таки к худшему – к поражению. Но именно этот удар вызвал долгожданный ответный удар.

Упоенные успехом помпеянцы готовы были тут же выйти на решительный бой, но Цезарь уклонился от сражения, считая, что надо дать войску время оправиться от морального потрясения. Ловким маневром он выиграл расстояние и направился по дороге в Фессалию, чтобы вновь соединиться с выделенными им отрядами, которые завоевали для него большую часть местностей внутри страны. Главный корпус под предводительством Домиция маневрировал без успеха вокруг Сципиона, избегавшего решительного сражения[79].

Для Помпея и сейчас было бы самым правильным не спешить с развязкой, но, опираясь на моральный подъем после сражения при Диррахие, склонить раньше на свою сторону западные провинции, а затем с удвоенной силой напасть самому на Цезаря. Но если сам Помпей и лелеял подобные мысли, – а как сообщает Цезарь, он все еще уклонялся от решительного сражения,

– то он все-таки не имел такой силы в своей партии, чтобы настоять на выполнении подобного длительного плана. Цезарь рассказывает, что он сам находил для Помпея три возможности: уход Помпея в Италию, осада эпирских городов, имевших гарнизоны и склады Цезаря, и, наконец, – следование за самим Цезарем. Цезарь говорит, что в последнем случае он начал бы сам осаду против Сципиона и заставил бы этим Помпея прийти на выручку. Но Сципион имел возможность вернуться в какой-либо приморский город, например Фессалоники или даже Византию, где Цезарь, не имея флота, ничего не мог бы сделать, в то время как Помпей мог подвергнуть нападению укрепления Цезаря и с суши, и с моря. Шансы в отношении оружия были неравны. Но помпеянцы были теперь так уверены в себе, что не хотели добиваться победы окольными путями. Сначала они сделали попытку отрезать корпус Домиция, который маневрировал в Македонии против Сципиона, а когда это не удалось и Домиций со своими двумя легионами ушел к Цезарю, то они последовали за ним на Фессалийскую равнину и предложили решительный бой. Оба полководца имели в своем распоряжении на театре военных действий больше 11 легионов; Цезарь оставил в эпирских городах 8

когорт, Помпей в Диррахий – 15. Но выделенные в Элладу 1 S легиона еще не вернулись к Цезарю, так что помпеянское войско было значительно сильнее и морально, благодаря победе, и по численности.

Сам Цезарь говорит, что он имел только 22 000 чел. пехоты и 1 000 чел. кавалерии, Помпей же – 45 000 чел. пехоты и 7 000 чел. кавалерии. Прибавим к этому, что он добыл победу, потеряв якобы только 200 чел., в то время как 15 000 помпеянцев пало на поле сражения. Таким цифрам можно было оказывать доверие до тех пор, пока все они принимались на веру, но меня удивляет, что они и сейчас еще находят себе горячих защитников. Они неприемлемы и сами по себе, а еще больше потому, что находятся в явном противоречии с утверждением Цезаря, что Помпей сам не хотел сражения и был принужден принять его только благодаря настояниям и уверенности в победе окружавших его. Что же представлял собой Помпей, если он, имея вдвое больше пехоты и всемеро больше кавалерии, хотел уйти от боя? По тем маневрам, которые Помпей производил, мы судим, что он имел численный перевес, но этот перевес был не так значителен, чтобы затмить качественное превосходство ветеранов Цезаря и вселить в него

уверенность в победе в открытом поле. Только после того, как удалось нападение на неприятельский лагерь при Диррахий, что подняло дух его войска и, как он полагал, понизило настроение противника, он осмелился решиться на сражение и при этом старался подыскать благоприятные условия на местности, что еще отсрочило сражение. Если мы прибегнем к другим известиям, которые, может быть, исходят от одного из военачальников Цезаря, Азиния Поллиона, написавшего труд о междоусобной войне, то надо исчислить (при условии, что точно мы ничего не можем сказать) войско Помпея в 40 000 легионеров и около 3 000 всадников, а войско Цезаря в 30 000 легионеров и, может быть, 2 000 всадников; в отношении легковооруженных, имевшихся у обоих противников, перевес был на стороне Помпея.

Нельзя доверять известиям, что и теперь Помпей был против сражения. После того как началось следование за Цезарем в глубь страны, откладывать события не имело смысла. Нельзя было помешать прохождению Цезаря по плодородным местностям от Черного моря до г. Истма и дать ему возможность получать с них продовольствие. Преимущество, бывшее у помпеянского войска и состоявшее в том, что оно

могло благодаря связи с приморскими городами получать издалека транспорты, все же не было настолько велико, чтобы поддержать надолго дух войска, а к тому же все моральное значение похода было утрачено благодаря излишним проволочкам. Кроме того, Цезарь находился в ожидании легиона из Эллады и, вероятно, еще двух, следовавших из Италии через Иллирию[80]. Помпей не решался сразиться с Цезарем; он мог колебаться при Диррахии раньше, чем решил преследовать Цезаря, или во всяком случае раньше, чем удар против корпуса Домиция потерпел неудачу, но не теперь, встретясь в Фессалии лицом к лицу с ним. И все-таки сражение не состоялось тотчас же после того, как войска оказались на виду друг у друга: каждый из противников думал, что другой, ожидая развязки, выбирает благоприятную для себя позицию и надеется заманить его туда[81].

Наконец, Помпей продвинулся на равнину так далеко от своего лагеря, что не имел больше преимущества в местности, и Цезарь, хотевший уже отойти, решил не ожидать своих подкреплений и пошел навстречу Помпею.

Попробуем набросать картину этого чрезвычайно тяжелого последствиями дня. Она будет отличаться от общепринятых

представлений, так как я полагаю, что описания Цезаря, которым обыкновенно доверяют, подлежат исправлению на основе других источников.

Глава IX

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФАРСАЛЕ

Правый фланг Помпея примыкал к протекавшему в глубокой долине ручью. Опираясь на него, полководец решил отступить в одном существенном пункте от общепринятой схемы сражения. Рассчитывая, что этот ручей будет служить достаточным прикрытием фланга с этой стороны, он стянул почти всю кавалерию с легкой пехотой на левый фланг под командой лучшего своего военачальника Лабиена, перешедшего от Цезаря в партию оптиматов. Если бы кавалерия получила здесь перевес и сбила с позиции стоявшие против нее войска Цезаря, то она ударила бы тотчас же во фланг и тыл неприятельских легионов и тем задержала бы бой пехоты, по крайней мере до этой минуты; при этом помпеянские легионы не должны были, как это обычно делалось, бежать на противника, а, наоборот, должны были ожидать его набега. Помпей рассчитывал извлечь из этого расположения ту выгоду, что цезарианцы, не встретив неприятеля на полпути, добегут до рукопашного боя в полном беспорядке и задыхаясь.

Цезарь не сообщает точно, поставил ли он всю или почти всю кавалерию на фланг, выходивший на равнину, но это можно предположить, так как он видел издали расположение войска на неприятельской стороне.

Ввиду того что неприятельская кавалерия превосходила численностью его, он примешал к своей кавалерии легкую пехоту, набранную из молодых воинов его легионов, а также самых опытных antesignani, которые должны были сражаться вместе с конницей, вроде того как это было принято у германцев.

За несколько дней до этого сражения ему удалось с таким составом войска одержать победу в одной стычке. Затем, когда оба войска уже собирались выступить, он извлек из третьего эшелона 6 когорт (3 000 чел.) и пристроил их под прямым углом к правому флангу для поддержки кавалерии, а из остатков третьего эшелона образовал резерв, не пустив его вместе с первыми двумя в наступление; каждый эшелон Помпея имел 10 чел. в глубину, так что все три эшелона образовали глубину в 30 чел.[82]; на них набросились цезарианцы без своего третьего эшелона, т.е. почти наполовину меньшей глубиной; но Цезарь имел основание доверять своим легионам и знал, что они и в таком составе

смогут оказать сопротивление неприятелю, а потому распоряжение Помпея задержать вступление пехоты в бой пошло ему на пользу.

Когда помпеянские всадники со стрелками впереди фаланги бросились в атаку, германская и галльская конницы не приняли ее и, согласно данной им инструкции, отступили. Но когда помпеянцы продолжали давить на них, 6 когорт Цезаря из-за правого фланга главной линии атаковали их во фланг, а цезарианские всадники сделали поворот кругом и вместе с легкой пехотой пошли снова на них. Помпеянцы были опрокинуты, и цезарианцы пустились в преследование за ними.

Хотя ни один источник не упоминает об этом, но надо полагать, что такие военачальники, как Помпей и Лабиен, знали, что следовало предпринять против угрожавшего им со стороны неприятельской кавалерии удара во фланг. Они вызвали подкрепления из третьего эшелона пехоты и, чтобы отразить фланговую атаку, хотели построить их тоже под прямым углом к правому флангу. Но события развивались слишком быстро и, кроме того, нельзя сравнить случай, когда помощь из третьего эшелона предусмотрена, как у Цезаря, с тем, когда ее подают во время бегства всей массы войска от

преследующего ее противника и нужно при этом произвести сложную перемену фронта. К тому же обе фаланги столкнулись, и началась схватка первых линий.

При создавшихся обстоятельствах для ответного удара против нападавших на фланги всадников и когорт у помпеянцев не было сил. Хотя всадники и стрелки Помпея предались бегству, численно они все-таки были равны противнику или имели даже перевес; но форма боя, охват с фланга и комбинация родов войск оказались сильнее. Цезарь укрепил свою фалангу с тыла резервами из третьего эшелона; под давлением двойного натиска с фронта и с фланга, без помощи своих бежавших всадников и стрелков, левый фланг помпеянцев постепенно растаял, а с ним и все войско.

Сражение было спланировано по обычной схеме, но комбинация в расположении эшелонов, а также в наступлении и в обороне придала ему многогранность. Оба полководца предназначили соответствующие фланги для наступательных действий. Вполне правильно поступил Помпей, сосредоточив на своем фланге всю кавалерию и легкую пехоту и укрепив его, насколько возможно; он должен был сообразно обычному ходу вещей быть сильнее неприятеля. Но Цезарь, предвидя

события, дал своему кавалерийскому фронту необычное подкрепление и направил его в дело только в благоприятную минуту. Если бы он эти 3 000 легионеров бросил вместе с кавалерией в бой, они не принесли бы ей пользы, а, может быть, при намеченной заранее отходе тоже были бы захвачены. Поэтому Цезарь поставил их под прямым углом к правому флангу в засаду, как гласит один из источников; тут они пропустили раньше свою конницу, а затем ударили во фланг неприятеля в то время, когда своя кавалерия повернулась и приняла бой.

Эта поддержка кавалерии посредством тяжелой пехоты, наступавшей на неприятельскую конницу, является высшим достижением когортной тактики. Только с очень хорошо обученными тактическими единицами, – не с фалангами, а с когортами, эластичными благодаря такому количеству воинов, – можно было производить с уверенностью подобные операции.

Комбинацией родов войск Цезарь уже достиг победы над всадниками Верцингеторикса, не имевшими около себя пехоты; при Фарсале такая частичная победа вылилась тотчас же в полную победу также и над неприятельской пехотой. Несмотря на то, что военный организм стал гораздо сложнее, слова Полибия (35, 1) вполне

применимы и здесь: "Судьбу сражений решает один момент".

Как у Ганнибала при Каннах центр, так у Цезаря фаланга страдала от натиска значительно превосходившей ее численностью неприятельской фаланги до тех пор, пока ее не выручил удар по флангу; но вытекавшие отсюда последствия были еще важнее, чем при Каннах, так как события на флангах произошли не сразу, а начались с обороны и вылились в наступление.

Как легионы, так и конница Цезаря с присоединенной к ней легкой пехотой были, очевидно, прекрасно обучены и вполне уверены в своих полководцах и командирах, если оказалось возможным после отступления при первой атаке вернуть их снова в наступление, несмотря на то, что вступление в бой когорт изменило направление линии фронта. Всадниками были германцы и галлы.

Так одерживает победы войско меньшей численности над значительным численным превосходством в силах однородного войска, если оно качественно выше и если высшее командование умеет гениально использовать это обстоятельство.

Приказ Помпея задержать вступление пехоты в бой был правильно задуман, но он принес

пользу неприятельскому полководцу ввиду принятых им заранее мер и облегчил ему образование четвертого эшелона, который способствовал победе в столкновении с конницей.

Такое сражение, как при Фарсале, всегда является решающим. Чем помогли бы помпеянцам отступление и оборона их лагеря? Они были бы заперты в нем, как Верцингеторикс в Алезии или Афраний и Петрей при Илерде, а так как выручить их было невозможно, то рано или поздно они были бы принуждены капитулировать. Так сложились обстоятельства для войска, но иначе – для его вождей. Дело партии оптиматов не было еще совершенно проиграно этим сражением: оставалось еще достаточно сопротивлявшихся сил, и Цезарь должен был дать еще два сражения, чтобы установить окончательно свое господство. Источники единогласно бросают упрек Помпею за то, что он под влиянием поражения совершенно упал духом, убежал преждевременно с поля битвы в лагерь и там ничего не предпринял для его обороны. Цезарь рассказывает, что Помпей удалился в палатку полководца, выждал исхода сражения и, когда противник ворвался в лагерь, оставил последний, сняв с себя знаки отличия полководца. Плутарх и Аппиан описывают, как он сидел в

оцепенении в своей палатке, пока приближение бежавшего через вал неприятеля не устрашило его. Возможно, что так оно и было, но следует указать, что, после того как исход сражения был решен, Помпею больше нечего было там делать. Войско нельзя было спасти, но командующие, спасая себя, могли еще продолжать борьбу в другом месте. Поведение Помпея, как его описал Плутарх, с чисто военной стороны представляется таким, как будто он позабыл, что он Помпей Великий, и Зевс помутил ему рассудок, как когда-то Аяксу. Политически мы объясняем это тем, что интересы войска и командовавших им более не совпадали. Аппиан сообщает, будто Цезарь посылал к сражавшимся герольдов, которые выкрикивали, что солдаты Цезаря щадят земляков и обрушиваются только на союзников. Точным этот рассказ не может быть, так как в грохоте сражения подобные приказы не были бы слышны, а среди помпеянских солдат (о них только и была речь) трудно было отличить римлян от чужих. Но если этот факт и не был выполним реально, то он выясняет обстановку событий. Около трети помпеянских легионов состояли из солдат, чтивших еще недавно своего полководца Цезаря, а остальные две трети не были связаны с партией, за которую они

боролись, никакими внутренними узами. Они свято чтили клятву своему знамени и под страхом воинской дисциплины храбро сражались, оказывать же дальнейшее безнадежное сопротивление они по ходу вещей не считали себя обязанными.

Так закончилось сражение. Помпей бежал, лагерь после незначительного сопротивления сдался, а разбитое войско спаслось в горы, где – преследуемое и окруженное цезарианцами – в ту же ночь без боя капитулировало.

1. Относительно численности войска в походе 48 г. у нас имеются очень сбивчивые сведения, исходящие от двух различных групп лиц: от самого Цезаря и от группы, состоявшей из Плутарха, Аппиана, Евтропия и Орозия, ссылающихся на Азиния Поллиона. До сего времени предпочтение отдавали цифрам Цезаря и опирались на них, но дальше так не должно продолжаться.

Если в описаниях Галльской войны Цезарь невероятно преувеличивал численность побежденных врагов, то из этого, конечно, не следует, что и при описаниях гражданской войны он поступал так же. Читатели, для которых он описывал Галльскую войну, не поняли бы его, если бы он приводил точные цифры; он побеждал варварское войско, а по греческим и римским понятиям варварское войско должно быть массовым. Мы должны поэтому исследовать, имеются ли в рассказах о гражданской

войне цифры, по которым можно подвергнуть контролю достоверность автора.

Цезарь утверждает, что в Испанской войне Афраний и Петрей имели, кроме легионов, еще 80 когорт союзников ("Bellum civile", I, 39). Уже Стоффель предполагает, что это было неверной цифрой, и советует читать вместо "LXXX" только "XXX".

В "Bellum civille" (III, 37, 7) мы читаем о сражении, в котором у помпеянцев было убито 80 чел., а у цезарианцев всего двое.

Там же, кн. III, 45 и 46, упоминается об упорном и многочисленном бое IX легиона у Диррахия, в котором у Цезаря погибло всего 5 чел., противник же потерял "complures", т.е. многих.

В кн. III, 54 нам рассказывают, что в один и тот же день произошло около Диррахия 6 различных боев. Часть рассказа об этих боях потеряна; в рукописи "Bellurn civille" имеется пробел, который в некоторой степени можно восполнить по другим источникам. Во всяком случае это был кровавый день, причем общая сумма потерь у помпеянцев равнялась, по Цезарю, 2 000, в его же собственных войсках она не превышала 20.

При Фарсале, по собственному рассказу Цезаря, всадники были сначала отброшены, а легионы продолжали упорно бороться, и только вступление третьей линии в соединении с фланговой атакой заставило помпеянцев отступить. Лагерь также храбро оборонялся некоторое время, – не столько, правда, помпеянскими легионерами, сколько фракийцами и другими союзниками-варварами, – пока не был взят. Несмотря на все это, Цезарь желает приписать после

сражения своим войскам 200 убитых, а помпеянцам якобы 15 000 чел.

Нельзя все эти цифры объяснить, – как Стоффель пытается это сделать с испанскими когортами, – только испорченным текстом; но также нельзя и принять их в таком виде. Я сам многократно указывал на то, как мало теряли людей победители в древних сражениях (стр. 264, 265, 328), но то, что здесь нам дается, выходит из пределов достоверности. Войска, сражавшиеся с той и с другой стороны, не были равноценны, но – как одни и те же римские легионы – настолько похожи, что мы должны просто отвергнуть такую разницу в потерях.

Мы не первые поступаем таким образом. Как мы уже заметили выше, разбирая исчисления о галлах, современники Цезаря в Риме также знали, что его цифровым данным нельзя доверять. Главным источником, из которого черпались все сведения, за исключением дошедших до нас указаний самого Цезаря, был, несомненно, не раз упоминаемый труд Азиния Поллиона. Я не вынес впечатления, что Поллион действительно был беспристрастным историком, как принято думать о нем, когда при чтении его произведений видят, что он противоречит Цезарю и отвергает его преувеличения, хотя и сам был цезарианским военачальником. Мне кажется, что эти противоречия основаны не столько на базе беспристрастия, сколько на определенном желании стать в оппозицию к крупной личности, как это нередко случается у лиц, окружающих таких героев. Мы встречаем подобное явление в мемуарах генералов Наполеона и Фридриха.

Нельзя поэтому делать вывод, что если Поллион

как цезарианский военачальник дает неблагоприятный отзыв о Цезаре, то он достоин доверия, также и в том случае, когда его указания совпадают с указаниями Цезаря, достоверность его слов от этого не усиливается. Но когда мы видим, что Поллион отказывает в доверии цифровым данным Цезаря, то наша основанная на разборке фактов критика встречает значительное подтверждение в этом даже тогда, когда мы находим, что Поллион преувеличивает. Такой случай имеется. Цезарь говорит, что при поражении у Диррахия он потерял 960 солдат и 32 командира; у Орозия, т.е., без сомнения, у Поллиона, мы читаем, что было убито 4 000 солдат и 22 (по ошибке, вместо 32) командира. Иметь 4 000 убитых на войско в 30 000 чел., а к ним надо еще прибавить от 12 000 до 20 000 раненых, – это значит лишиться боеспособности на продолжительное время. По указанию же Цезаря было около 1 000 убитых. Против этой цифры я не имею серьезного возражения. Очевидно, мы имеем здесь дело с генеральской амбицией Поллиона, который, желая доказать, что цифрам Цезаря нельзя доверять, повторяет в опровержение последнему непроверенный преувеличенный рассказ.

Перейдем к исчислению боевых сил.

Цезарь имел по его указаниям при Фарсале 80 когорт на фронте; 2 охраняли лагерь. Так как он отрядил 23 когорты (15 – в Грецию, 4 – в Аполлонию, 3 – в Орик и 1 – в Лиссу), то до 110 когорт, составлявших 11 легионов, не хватает 5 когорт. Стоффель (а до него Гелер) изменяет текст; он находит, что 2 когорты составляют недостаточную охрану для лагеря, и добавляет 5, т.е. читает вместо 2 в

тексте 7.

80 когорт на фронте насчитывали, по Цезарю, 22 000 чел., т.е. каждая когорта – в среднем 270 чел. Кроме того, Цезарь прибавил к коннице известную часть anlesignani. Таким образом, по его указаниям, во всей пехоте легионов насчитывалось около 24 000 чел., в когорте же – в среднем около 300 чел.

Но Орозий (VI, 15) и Евтропий (VI, 20) исчисляют пехоту Цезаря менее чем в 30 000 чел., а Аппиан (II, 76) и Плутарх (Помпей, 71) говорят, что у Цезаря в 4-й линии, которая, по его указанию, имела 6 когорт, было 3 000 чел. Это значит, что в каждой когорте было не 300 чел., а 500. Если вывести из этого численность всего войска и легионов (помножив 500 на 80), то получится 40 000 чел., что недопустимо, так как возможно, что Цезарь 6 самых сильных когорт, которые могли иметь очень различный состав, взял из 3-го эшелона. Но если нельзя вычислить просто, то все-таки ясно, что если в 3-й линии было всего 6 когорт по 500 чел., то в остальных не могло быть меньше, чем по 300 чел. Кроме того, мы читаем у Плутарха (Антоний, гл. III), что 4 легиона и 800 всадников, которые Антоний привел Цезарю, составляли 20 000 чел. (гоплитов). Если мы исчислим потери у Диррахия не только убитыми, но и ранеными, оставшимися в Аполлонии, и предположим, что подходившие легионы были численно больше, то придем к заключению, что не могло быть, чтобы в 80 когортах при Фарсале было только 24 000 чел., когда за 4 мес. до этого в 40 когортах было 20 000 чел.

Так как мы уже и в других случаях установили ненадежность цифр, указываемых Цезарем, причем

мы здесь считаемся не с указаниями его противника, а с его собственным участвовавшим в сражениях военачальником, то отдадим предпочтение последнему. Брал ли Цезарь цифры произвольно или давал одну из самых маленьких, оставшихся в его памяти, и этим сводил когорту на нет, – мы во всяком случае должны ее увеличить, и я не сомневаюсь, что данное Поллионом число "меньше 30 000" тоже недостаточно и что во всяком случае надо еще причислить к нему взятые из когорт и присоединенные к кавалерии autesignani.

Цезарь указывает, что 8-й и 9-й легионы были так малочисленны, что, собственно, составляли только один легион. Примем это сообщение буквально и будем считать, что вместе они составили примерно 6 000 чел., т.е. что каждая когорта имела около 300 чел.

Это является для нас указанием как для самой многочисленной, так и для самой маленькой цезарианской когорты: 500 и 300 чел. Если мы круглым счетом будем исчислять когорту в 400 чел. для всего войска, то все 80 когорт на фронте будут равны 32 000 чел., из которых 2 000 надо отчислить для antesignani, прикомандированных к кавалерии. Это исчисление более достоверно, так как совпадает с числом 30 000, данным Поллионом.

Мы приходим к еще более высокой цифре, когда следуем за М. Бангом (Германцы на службе у римлян, 1906 г., стр. 27), который устанавливает, что Цезарь при Фарсале имел в своем распоряжении на фронте контингент германской пехоты. Он ссылается при этом на "Bellum civile", I, 83 и III, 52. Не считаю его аргументы очень доказательными. В первом случае о

германцах сказано "levis armaturae", под чем, вероятно, подразумеваются бойцы, прикомандированные к кавалерии (ср. выше, часть VII, гл. 3). О них же, вероятно, говорится и во втором случае, так как в рукописи не все ясно.

Помпеянскую пехоту Цезарь исчисляет в 110 когорт, а всего в 45 000 чел.; 2 000 evocati упоминаются отдельно, сверх того 7 когорт охраняли лагерь.

Орозий – Поллион говорят только о 88 когортах на фронте; не подлежит сомнению, что это число является самым верным.

Сам Цезарь сообщает (III, 4), что Помпей имел сначала 9 легионов, к которым присоединились еще 2 под командой Сципиона. Сообразно этому он считает у Помпея 110 когорт; но он забыл, что Помпей оставил в Диррахии гарнизон из 15 когорт под командой Катона, а затем он сам говорит, что еще 7 когорт остались в лагере. Это объясняют различно: Стоффель (I, 343) полагает, что и когорты, которые остались в Диррахии, не состояли из римских граждан; Гелер решает (II, 163), что эти 15 когорт состояли из цезарианцев, взятых на Адриатическом море в плен и присоединенных к 11 легионам. Оба считают, что 7 лишних когорт составлены из войска, распущенного в Испании и перекочевавшего к Помпею. Но все эти сведения неприемлемы. 15 когорт, составленные из пленных, не были сформированы, по собственному утверждению Цезаря (III, 4, 2), как отдельное войско, но присоединены к другим частям, а что эти 7 полных когорт, блуждая, самостоятельно прибыли через Италию к Помпею – это совершенно отпадает. Если бы несколько сот

человек предприняли такой марш, то это было бы подвигом.

Если бы у нас не было свидетельства Поллиона, мы могли бы все-таки поверить, что одна или две когорты образовались из ветеранов, раз Цезарь так положительно утверждает это, и что остальные были каким-либо иным образом присоединены к войску; может быть, Цезарь упоминает об этом в какой-нибудь не дошедшей до нас части текста. Так как Поллион знал цифровые данные Цезаря и противопоставил им свои, а с другой стороны – так как его числа вполне совпадают, мы из общей суммы войска вместе со 110 когортами вычтем 22 когорты, о выделении которых мы знаем; поэтому не подлежит никакому сомнению, что Помпей никогда не имел больше этих 110 когорт, из которых 88 были на фронте при Фарсале.

Мы определенно предпочтем цифру, данную Поллионом (по Евтропию и Орозию, которые черпают у него сведения) как относительно числа когорт, так и численности всего войска. Следовательно, когорта Помпея была более укомплектована, чем когорта Цезаря (приблизительно по 455 чел. в каждой). Это объясняется тем, что Помпей, как говорит Цезарь (b. c., III, 4), – и мы должны этому верить, – пополнял свои легионы в Фессалии, Беотии, Ахайе и Эпире, а все захваченные 15 когорт тоже разместил среди них.

Показание Аппиана (II, 70), – что Помпей имел, по самому низкому исчислению, в 1 S раза больше пехоты, чем его противник, и что по данным одних – 70 000, других – менее 60 000 италийцев с той и с другой стороны сражались в этой битве, – может быть

оставлено.

Взвесив все данные, мы остановимся на соотношении 40 000 к 30 000; следовательно, если не 47 000 против 22 000, как говорил Цезарь, то все же численный перевес был значителен.

Самым трудным вопросом является исчисление конницы. Сам Цезарь уверяет, что у него было 1 000 лошадей, у Помпея же 7 000.

Помпеянскую конницу Цезарь исчисляет по отдельным контингентам (III, 4):

600 галлов,
500 каппадокийцев,
500 фракийцев,
200 македонян,
500 галлов и германцев из Египта,
800 пастухов-рабов,
300 галатов,
200 сирийцев

---

3 600

Кроме этих 3 600 – еще фессалийцы, македоняне, дарданцы, бессии и другие народности. Кто же были эти другие народности, поставившие добрую половину всей кавалерии и которых нельзя было назвать?

Собрать 7 000 кавалеристов по тем временам было трудным делом. Александр Великий перешел Геллеспонт, имея всего 5 100 всадников и оставив дома 1 500. Три года спустя у него уже было 7 000. Во времена Диадохов и позже – ко времени распадения самостоятельных государств на Востоке – мы еще встречаем значительные массы конницы. Но с тех пор

прошло больше 100 лет, а народы, вышедшие из состояния непрерывных войн, теряют очень быстро способность выставлять кавалерию. Вспомним, какое значение имела для римлян при Каннах малочисленность кавалерии; они снаряжались с невероятными усилиями, выставили неслыханное количество пехоты и все-таки не могли противопоставить 10 000 всадников Ганнибала больше 6 000 своих всадников. Во втором столетии римская гражданская конница постепенно растаяла, тогда как легионы совершенствовались в технике и боеспособности. Чтобы иметь кавалерию, надо было вербовать ее среди варваров, у которых тоже нелегко и не всегда можно было ее найти в нужном количестве. Примером может служить парфянский поход Красса, который потерпел поражение из-за слабой кавалерии. Хотя Цезарь и послал ему 1 000 галльских всадников под командой его сына Публия, в распоряжении Красса было всего лишь 4 000 кавалеристов. Невозможно допустить, что по простой небрежности был оставлен столь слабым этот род войск; прекрасно было известно, что идут войной против народа, богатого конницей, и что переход будет совершен по широким равнинам; кроме того, Красс имел достаточно времени для формирования войска; только на второй год его командования был перейден Евфрат. И если тем не менее в войске, состоявшем из 45 000 чел., было всего 4 000 всадников, то это объясняется только тем, что подходящую конницу было очень трудно найти. Цезарь имел своих галлов и германцев; Помпей не имел в своем распоряжении таких источников для набора. Характерно, что он, имевший в своей армии остатки войск Красса, послал к

парфянскому царю за подкреплением, т.е. за всадниками[83].

Сам Цезарь имел только 1 000 всадников; чтобы их противопоставить 7 000 Помпея, рассказывает он (III, 84), ему пришлось присоединить к ним избранных молодых воинов и antesignani пеших в легком вооружении, и они так удачно совместно действовали, что одержали верх над противником в бою незадолго до большого сражения.

В самом сражении цезарианские всадники отступили перед многочисленным противником, но зато 6 когорт, т.е. (по Цезарю) едва 1 800 пехотинцев, не только отразили всадников Помпея, но и атаковали их, обратили в бегство и выбили с поля сражения. Если это верно, то всякий критический ум станет в тупик перед этим, даже если бы в этих 6 когортах было не 1 800, а 3 000 чел. Да и невероятно, чтобы такой военачальник, как Лабиен, командовал кавалерией, лишенной всякого военного чутья, или чтобы сносная кавалерия, – а ведь она состояла из галлов, германцев и фракийцев, – бежала в горы (altissimos montes) от маленькой кучки пехоты, причем Цезарь даже не посылает на помощь ей своих покинутых пехотой всадников.

После всего этого мы склонны думать, что 7 000 лошадей у Помпея являются числом сильно преувеличенным. Но совершенно другая картина рисуется нам, когда мы читаем у Евтропия (VI, 20) и у Орозия (VI, 15), что Помпей имел на правом фланге 500 и на левом 600 всадников.

Если Азиний Поллион действительно сообщал так, то всякое представление о тактическом течении

данного события является нарушенным, так как оно опиралось на сосредоточении обоими противниками всей кавалерии на одном крыле. Указанная проблема, данная нам приведенными выше источниками, долго занимала и волновала меня. Сообщения так расходятся, что объединить их невозможно, но нужно отбросить одно из них. Игнорировать данные Евтропием сведения, как это до сих пор делалось, нельзя; возможно, что зерно истины имеется и в них.

Цезарь и Плутарх (в своей биографии Цезаря) совершенно определенно размещают всю кавалерию обоих противников у каждого на одном только фланге. По Аппиану же, помпеянская кавалерия стоит на обоих флангах (гл. 75), причем он добавляет (гл. 76), что лучшая часть – не вся, следовательно, – перешла на левый фланг, также и Плутарх сообщает ("Помпей", гл. 69), что "почти все" всадники Помпея были размещены на левом крыле. Следовательно, Помпей имел на правом крыле тоже часть конницы, о которой Цезарь не считал нужным упомянуть, но зато Поллион подчеркивает это обстоятельство.

Я считаю возможным тут два решения: первое – предположить, что текст испорчен. Правда, цифры указаны два раза, но Евтропий и Орозий не пользовались оба непосредственно Ливием (черпавшим в свою очередь у Поллиона), а собрали сведения из одной и той же пропавшей Epitome[84]. Возможно, что в ней стерлась единица, бывшая перед "600", ставших на левом крыле, или что вообще все число стерлось и оба автора совершили одну и ту же ошибку. Может быть, Поллион писал так: Помпей имел на правом фланге только 500, а на левом у Брундизия х тысяч 600 всадников. Это дало повод

Аппиану и Плутарху в биографии Помпея сообщить, что почти вся кавалерия была на левом крыле, не называя чисел. Пользовавшийся Epitome Ливия взял из нее цифры, но при этом исказил их.

Второе решение заключается в том, что Поллион действительно приписал Помпею только 1 100 всадников, т.е. минимальный перевес, и что всадники были сначала размещены на обеих флангах по 500 и 600 чел., а затем, по Аппиану, вся масса была перемещена на левый фланг. Но все сведения о том, как именно произошла эта последующая перемена, для нас потеряны.

Это второе решение будет неохотно принято, так как преувеличение, в котором повинен Цезарь (7 000 против 1 000 вместо 1 100 против 1 000) было бы ужасно; фактически оно все-таки возможно. Мы должны, несомненно, признать, что помпеянцы были численно сильнее; но перевес в 10 000 чел. в тяжелой пехоте, перевес в стрелках и порядочный перевес в кавалерии объяснили бы нам решение Помпея вступить в сражение, тем белее что после победы у Диррахия настроение войска было приподнятое.

Главное возражение, которое я приведу, будет состоять в следующем: 1 000 всадников, которые Цезарь якобы имел, является сомнительной цифрой, хотя ее указывают все источники, в том числе и те, которые ссылаются на Поллиона.

Цезарь рассказывает нам, что он собрал всю конницу в гавани Брундизия, и Аппиан исчисляет ее в 10 000 чел. Из нее он перевез только 600 в первом транспорте и 800 во втором. Так как он потерял немногих из этих 1 400, – одних откомандировал, другие перешли на сторону противника, – то и цифра

1 000 кажется вероятной. Но почему Цезарь, имея в таком изобилии конницу у Брундизия, не приказал стянуть к нему хотя бы часть ее? Для этого было время в течение многих месяцев; а если выступление у Брундизия было сопряжено с опасностью, то отдельные отряды могли пересечь море из какой-нибудь гавани, лежащей южнее или севернее, в то время, когда помпеянское войско было заперто Цезарем, пристать к иллирийскому или эпирскому берегу и добраться до полководца. Если предположить, что транспорт был разрушен, то можно было из Тарента, Сиракуз или из гаваней Адриатического моря достать новый; в Мессине и у Фибо в Бруттийской области у Цезаря стояли две мощных эскадры[85]. Ведь Антонию удалось переправиться благополучно с большим транспортом, несмотря на неприятельские корабли; тем более могли отважиться на это отдельные отряды всадников. Даже отдельные корабли могли добраться до восточной бухты, так как войско Помпея было заперто. Хотя конный транспорт и затруднителен, но о невыполнимости его не могло быть и речи.

Неясен вопрос о легковооруженных. Цезарь не упоминает о них. По Аппиану (II, 70), он имел долопов, акарнанян и этолийцев. Отсюда вывели заключение, что он не перевозил легкой пехоты, но недостаток ее восполнил вербовкой в ближайших местностях. Однако при разгроме после сражения помпеянского лагеря, который энергично оборонялся фракийцами и другими союзниками-варварами, защитники были принуждены, по Цезарю, бежать с вала из-за урагана снарядов. Под этими снарядами (tela) надо подразумевать (так как в большом лагере

идет речь о массах) метательные копья легионеров. Но дальность полета этих копий незначительна, а варварские защитники лагеря были, вероятно, стрелки; были ли то стрелки из лука или пращники, но нанести большой удар нападавшим легионерам они могли бы еще до того, как те пустили в ход свои метательные копья. Из этого мы заключаем, что и среди нападавших были стрелки, сдерживавшие издали и умерявшие действия оборонявшихся. Поэтому Цезарь употребил выражение "tela", а не "pila". Если события у Диррахия и показывают, что помпеянцы имели значительно больше стрелков, то все же трудно предположить, что у Цезаря были только навербованные греки и что никаких других ему не доставили морем; говоря о первом транспорте, он не упоминает и о всадниках; мы знаем их число (600) только по Плутарху и Аппиану.

Наконец, мы начинаем постигать, почему Помпей так медлил принять сражение. Он жертвует в конце концов несколькими днями в надежде приобрести преимущество хотя бы в местности, но из речи, которую Цезарь приписывает ему, не видно, чтобы его перевес был так подавляюще велик. Если бы у Помпея было действительно 45 000 пехоты против 22 000 и 7 000 коней против 1 000, да еще перевес в стрелках, то его поведение было бы непостижимо. Даже титула вахмистра, чьи качества ему приписывает Моммзен, не был бы достоин этот человек, которого Рим все-таки за его военные подвиги именовал Великим Помпеем.

Можно против этого возразить, что если цифры Цезаря так далеки от истины, особенно в отношении решающего рода войск – кавалерии, то со стороны

помпеянцев должен был бы подняться протест, и мы где-нибудь прочли бы о нем, как, например, в письмах Цицерона или у Лукана. Даже если бы до нас и не дошла упомянутая выше запись, посвященная Помпею, то такой серьезный факт переходил бы долго по преданию из уст в уста. Но здесь перед нами такой исключительный случай, когда интересы, заставляющие обе стороны скрывать истину, хотя и вызываются различными побуждениями, но в конечном итоге совпадают, во всяком случае – не оказываются в противоречии друг с другом. Если бы помпеянцы объяснили свое поражение незначительными боевыми силами, то на них посыпались бы с удвоенной яростью упреки, – и не только на одного Помпея, но и на всех руководивших войной, – за то, что приняли бой тогда, когда его не нужно было принимать. Качественное преимущество ветеранов Цезаря было неоспоримо. И помпеянцам для своего оправдания было удобнее утверждать, что они численно превосходили противника, и объяснять свое поражение, как это делается обычно, только неправильным командованием или изменой.

При такой ненадежности источников следует или совсем отказаться от чисел, или же вставлять их сообразно течению событий по субъективной оценке, т.е. произвольно, – для того, чтобы создать более наглядное представление о ходе сражения. На основании таких соображений я выше определил 2 000 всадников у Цезаря и 3 000 всадников у Помпея. Можно против этого возразить, что у Цезаря и по Поллиону было 1 000 всадников. Но, во-первых, это еще неизвестно, подтвердил ли Поллион без оговорки указания Цезаря и не было ли какого-нибудь

отклонения от текста у тех, кто им пользовался; а во-вторых, свидетельство самого Поллиона тоже не очень надежно. При указании цифровых данных часто играют роль, как нам подтверждает и новейшая история, случайные ошибки и недоразумения. Что же касается 1 000 всадников Цезаря, то против этого числа серьезно говорит то обстоятельство, что они сыграли слишком большую роль в сражении, а также установленная нами привычка Цезаря уменьшать свои боевые силы.

2. Вопрос о численности кавалерии у обоих противников является настолько кардинальным, что я считаю необходимым исправить рассказ Цезаря о ходе сражения. По его описанию, всадники Помпея были разбиты 6 когортами 4-й линии. Эти когорты устроили бойню легкой пехоте, сопровождавшей всадников, и, ударив, наконец, во фланг и тыл пехоты, решили участь сражения. Согласно моему описанию, основанному на Аппиане (II, 78), всадники совместно с легкой пехотой и когортами одержали победу и совершили фланговое нападение на неприятельские легионы.

Новейшие историки настолько слепо верят Цезарю, что издатели Аппиана поставили в скобки слово "ἱππεῖς" (конница), приняв во внимание, что и Плутарх об этом не упоминает. Но ход вещей настолько подтверждает участие всадников в деле, что это надо было бы принять, даже если бы Аппиан и не засвидетельствовал ясно это.

Сам Цезарь рассказывает, что присоединение antesignani к всадникам сделало их способными бороться с неприятелем. Рассказ был бы неясным, если бы всадники участвовали в сражении только как

бежавшие с поля битвы.

Цезарь сам говорит, что потерпевшие поражение стрелки, сопровождавшие помпеянских всадников, были искромсаны. Почему они тоже не бежали? Тяжелая пехота не могла ведь их догнать. Рассказ не теряет смысла только при том условии, если цезарианские всадники и легковооруженные были повернуты кругом и снова ринулись на врага. Наконец, разгром помпеянских легионов требует участия этих войск. Фланговая атака одних только 6 когорт не могла бы произвести такое действие на превосходившую численностью помпеянскую пехоту. Даже время, нужное для такого поворота 6 когортам, было бы слишком продолжительным: неприятельские военачальники успели бы принять за это время свои меры против них. Совсем другая картина получается, когда всадники со стрелками быстрым аллюром производят этот поворот, а сомкнутые когорты следуют потом за ними.

У Цезаря было серьезное основание приписать честь развязки не коннице, а когортам. Уже в сражении против Ариовиста мы не слыхали об участии галльских всадников в победе; теперь общественное мнение Рима бросило ему упрек, что он ведет варваров против республики[86]. Разве он может приписать им решительную победу? Какой народности были эти варвары, мы совершенно определенно узнаем из небольшого штриха, который сохранил для нас Аппиан. При вступлении в Фессалию войско разрушило и ограбило небольшой городок Гомфи, и солдаты воспользовались, конечно, запасами вина. "Самыми комичными казались в опьянении германцы", – прибавляет Аппиан (II, 65).

Германские всадники уже при Верцингеториксе способствовали победе римлян. Еще одно свидетельство – правда, наполовину стертое, но которое все-таки можно прочесть, – сохранилось до нашего времени. Флор (II, 13, 48) говорит: "Когорты германцев с такой силой устремились на дрогнувшую конницу (Помпея), что казалось, будто она состоит из пехотинцев, а они наступают на конях". Разве у Цезаря были когда-либо германские когорты? Разве он комплектовал германцами свои легионы? Сомневаюсь. Вероятно, в этом месте рассказ Цезаря о победе 6 когорт над неприятельской конницей стерся и слился с другим рассказом, в котором германцы одерживают победу. Отбросим это ложное слияние и будем считать, что произошел совместный натиск когорт с галльскими всадниками, выигравшими бой.

Насколько рассказ Цезаря основан на политических соображениях, видно еще из следующего: Цезарь в своих Комментариях венчает лавровым венком победы только эти 6 когорт. Но у Аппиана мы читаем (II, 79), будто бы Цезарь в своих письмах сообщал, что 10-й легион, стоявший на его крайнем правом крыле, обошел незащищенное крыло неприятельской конницы и атаковал его с фланга. ("Десятый легион окружил левый фланг противника, оставшийся без конницы, и начал упорно теснить его на этом фланге со всех сторон до тех пор, пока не привел его в замешательство и не заставил его отступить, положив таким образом начало победе"). Это во всяком случае странное уклонение, причину которого разгадал Швейгхаузер. Когда Цезарь писал и издавал Комментарии о междоусобной войне (осенью 47 г. до похода из Рима в Африку), его 10-й легион

взбунтовался и этим ужасно оскорбил своего полководца. И поэтому победу при Фарсале теперь уже решил не этот легион, а 4-й эшелон, составленный из когорт различных 6 легионов. Мы же заключаем из этого, что полководец только позднее сообразил, что такие части не могли одержать решительную победу и что им искусственно приписана эта победа; признаться же в том, кому он главным образом обязан успехом – а именно храбрым варварским всадникам, – он не хотел.

Чем больше я изучаю Цезаря, тем определеннее у меня создается впечатление, что Комментарии Цезаря надо расценивать с исторической точки зрения не иначе, чем Мемуары с острова св. Елены. Они дают удивительное сочетание реалистической, проникновенной истины с совершенно сознательным и преднамеренным обманом. Кто знаком с наполеоновскими писаниями, тот знает, что великому корсиканцу было свойственно приписывать честь победы во имя политических мотивов данного момента той или другой части войска или какому-либо генералу, не претендовавшим даже на это.

3. В связи с приписыванием успеха не тем войскам, которые действительно его имели, в Комментариях встречается также очень важное изменение во времени происшедших событий. Цезарь рассказывает, что прежде столкнулись обе фаланги пехоты, а затем уже благодаря повороту "eodem tempore" произошел бой всадников.

Аппиан же (II, 78) говорит определенно, что всадники наступали впереди пехоты, и это соответствует плану сражения, намеченному Помпеем, который ведь искусственно задержал пехоту; так оно и

было. Но Цезарь не мог так рассказывать потому, что тогда не произвел бы впечатления геройский подвиг evocatus Крастия, который так способствовал победе и дал столь наглядную картину отношений этих старых солдат к своему начальнику. Плутарх в жизнеописании Цезаря опирается на рассказ последнего, в жизнеописании Помпея он черпает, из Поллиона и устраивается таким образом, что из каждого автора берет половину рассказа: по Цезарю – он начинает сражение с пехоты, а по Поллиону – Помпей удерживает пехоту на правом фланге.

4. Если Помпей хотел задержать столкновение фаланг до победы своей кавалерии, то и о Цезаре надо сказать то же, так как он надеялся победить атакой с фланга; для Цезаря это было даже удобнее, ввиду того что он рассчитывал победить на фланге, где стояла кавалерия, контрударом. Несмотря на это, мы не слышим о том, что Цезарь задерживал свои легионы, и он поступал правильно. Для Цезаря было важно, чтобы Помпей после поражения кавалерии не двинул войска из 3-го эшелона и не произвел такого же маневра, который выручил бы его фланг и свел бы на нет охват его. Это могло легко случиться, так как бой всадников происходил довольно далеко от помпеянской пехоты. Но это было бы сопряжено с трудностями, если бы по всей линии разгорелся бой, который требовал внимания и грохот которого доходил и до 3-й линии. Цезарь, как мы знаем, задержал из предосторожности остаток 3-го эшелона, чтобы иметь его на всякий случай в своем распоряжении. Помпей, веря в победу своих всадников, не сделал этого. Поэтому масса помпеянской пехоты, и без того более

многочисленная, была сначала вдвое больше, чем оба передовых эшелона Цезаря, открывшие бой. Но Цезарь верил, что его ветераны сумеют держаться при всяких обстоятельствах даже против натиска вдвое сильнейшего, чем они, противника, а тем временем он производил обходный маневр.

* * *

После меня Фейт и Кромайер подвергли разбору сражение при Фарсале; оба полемизировали со мной и восставали против моих положений, но не приводили аргументов, которые могли бы заставить меня изменить убеждения (за исключением соображений о численности кавалерии). Большинство возражений носит такой характер, что для внимательного читателя разбора их не требуется.

Кромайер не считает, что цифры, отклоняющиеся от данных Цезаря, принадлежат Азинию Поллиону, так как не доказано, что Ливий, являющийся соединительным звеном между Орозием, Евтропием, Луканом и Дионом, пользовался трудами Поллиона. Они и не могли быть взяты у Поллиона, так как источники, которые определенно пользовались трудами Поллиона, – Аппиан и Плутарх, – приводят цифры Цезаря. Предположим, что Плутарх и Аппиан не пользовались сами трудами Цезаря, а брали у Поллиона (который, следовательно, располагал цифрами Цезаря) цифры, совпадающие с Цезарем, а несовпадающие цифры, со ссылкой на Ливия, были взяты из другого источника, которому Ливий доверял; что бы в таком случае изменилось? Я не ссылался на Поллиона как на авторитет, заслуживающий особого

доверия (в чем меня упрекает Кромайер); наоборот, я дал ему среднюю оценку. Существенно только то, что фактически имеется второй источник, где цифры не совпадают с данными Цезаря. Так как мы знаем (Аппиан, II, 82), что Поллион приводил другие цифровые данные о сражении, чем Цезарь, то мы считаем, что во всех спорных вариантах можно с известной достоверностью ссылаться на первого. И это тем более, что, как я уже говорил, все те отдельные сведения, которые мы имеем наравне с Цезарем, так ничтожны и так мало информируют нас относительно событий в помпеянском лагере, что другого подобного источника не существовало во времена Ливия и Лукана. Даже Ливий, который в этом отношении имел некоторые возможности, не смог уже собрать и зафиксировать какие-либо существенные устные предания.

Оба оппонента не считают Цезаря способным дать ложные указания, в которых я его упрекаю. Чтобы прийти к убеждению, что я был прав, возражая против Цезаря, надо прибегнуть к следующему верному средству. Только критически разбирая Историю Бургундских войн Буллингера, начинаешь понимать, как правильнее всего следует подходить к Геродоту; так же и в отношении Цезаря; наилучшим мерилом будет служить исследование мемуаров его великих коллег – Наполеона и Фридриха, а также критической литературы о них. Тогда только можно будет видеть, что я подверг критике у Цезаря лишь мелочи. Даже у Фридриха, которому справедливо приписывается высокая достоверность, была слабость изменять ради славы Пруссии цифровые данные[87], и это доказано; кроме того, у него немало тенденциозных и

невольных ошибок и противоречий. Шарнгорст в своем труде "Отчет о сражении при Ауэрштедте и Иене" исчисляет прусское войско в 96 840 чел., Гепфнер по актам определяет численность того же войска в 141 911 чел. О Мольтке я уже привел пример (стр. 46). Насколько Наполеон был индифферентен к исторической правде, знает всякий уже давно. Для специального изучения я рекомендую историю официального исследования сражения при Маренго, которую Хюффер поместил в своем введении к труду "Источники для истории войны 1800 г.". На этом можно будет убедиться, как мало значит довод, будто бы опубликованные современниками факты должны быть правдивы, потому что они могут быть разоблачены знающими людьми, находившимися еще в живых. Авторитет Наполеона в вопросах оперативного искусства и достижения победы в сражениях не превзойден, а потому я считаю, что вправе ссылаться на него при обсуждении событий у Алезии. Но когда авторитет Наполеона доводит Кромайера до признания цифровых данных Цезаря о потерях при Фарсале, то я думаю, что здесь Наполеон как составитель бюллетеней вмешался в чужое дело военного историка и повлиял на правдивую в остальном передачу фактов о древних сражениях. Но и знания в области военной истории не позволяют мне на основании одностороннего свидетельства победоносного полководца признать достоверными ни победу с 1 000 всадников и 6 когортами над 7 000 всадников и легковооруженными, ни победу 22 000 римской пехоты над 47 000 римской же пехоты, причем эта победа сопровождалась потерей убитыми всего лишь 200 чел.

Упрек, который мы можем сделать Цезарю за неправильные цифры, не должен приниматься как тяжелое обвинение, так как здесь все основано на общечеловеческой слабости, а тем более у римлян, привыкших к еще более сильным контрастам. Цезарианский командир, описавший впоследствии Африканскую войну, не постеснялся сообщить, что в сражении при Тапсе цезарианцы изрубили 50 000 чел. неприятеля[88], потеряв при этом всего 50 чел. Когда Ганнибал при Каннах приказал изрубить 50 000 римлян, он сам потерял при этом по меньшей мере 5 700 чел. Не следует прибегать к искусственным толкованиям, с помощью которых Кромайер выискивает указания у Ливия, Аппиана, Плутарха. 85 когорт (вместо 110), которые Помпей, по Ливию, имел на фронте, являются, по мнению Кромайера, гражданскими римскими когортами; кроме них там находились еще 22 когорты. Эти последние, – считает он, – были специально организованы для пополнения, так как Цезарь тоже указал (III, 4), что Помпей "пополнял свои легионы наборами в Фессалии, Беотии, Ахайе и Эпире". Затем: "он ввел в состав легионов в качестве пополнения большое число бойцов из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира и к ним добавил солдат Антония" (Ю. Цезарь, Записки о гражданской войне, III, 6). То, что пополнения до включения их в войска сводились в особые части, вполне естественно, и об этом иногда сообщается; однако то, что легионам придавались на все время резервные когорты, вместо того чтобы по возможности доводить до нормального состояния когорты самого легиона, по существу невероятно, да и не соответствует тексту. Это не противоречит

сообщению Цезаря, что солдаты испанского войска образовали свои когорты и перешли на службу к своему старому полководцу Помпею, после того как Цезарь расформировал их. Преданность этих старых вояк ценили и, вместо того чтобы вливать их как новичков в другие части войска, их оставляли воевать вместе. Но вновь навербованных и пленных нужно было распределить по старым войсковым частям, чтобы сделать их пригодными для войны, – всовывать их, как выражались в XVIII столетии; образовать из них особые батальоны было бы слишком опасно.

Что касается вопроса о топографии местности, то Кромайер пытался найти новое решение, которому Руд. Шнейдер противопоставил свои соображения в "Gott. Gel.-Anz.", 169, стр. 438 (июнь 1907 г.). Виктор Дусманис, майор греческого генерального штаба (в прибавлении к "Militdr-Wochenblatt", 1909 г., вып. 7 "Заметки по поводу определения местоположения Фессалийской битвы между Цезарем и Помпеем"), определяет, – ссылаясь на книгу "История и география Фессалии в военном отношении", – место сражения не около гор. Фарсал (вовсе не упоминаемого Цезарем), а в 40 км западнее, около Кардиссы.

С первого взгляда так же трудно отличить истинную критику от произвольного толкования источников, как и настоящее знание фактов от жонглирования военными понятиями. Кромайер и Фейт ссылаются друг на друга; ученый применяет на поле сражения авторитет военного, а военный пользуется авторитетом ученого. Казалось бы, такая комбинация должна была быть полезна, но, как мы видели, ничего кроме путаницы из этого не вышло. Почему нечто подобное произошло, мы увидим из

двух последних строк у обоих авторов по поводу сражения при Фарсале. Сопоставление это может служить в школах примером, как легко извлечь из одного и того же исторического источника противоположные выводы, если обладать известною ловкостью без привычки к строгой объективности.

У Кромайера (II, 431) мы читаем: "Долго ли продолжался ближний бой между легионами, мы не знаем, не имея указаний по этому поводу. В полдень уже все было окончено ("Bellum civile", III, 95); утром Цезарь сделал все приготовления, чтобы направиться в Скотуссу ("Bellum civile", III, 85), как вдруг обстоятельства сложились благоприятно для боя; тогда только он выступил к полю сражения; дорога отняла почти час времени (стр. 405), построение войска тоже требует нескольких часов, – так что времени вообще не остается. Но исход сражения на самом фланге был, вероятно, очень быстро решен".

"Поворот конницы Цезаря, удар 6 когорт во фланг – все это события, которые исчисляются минутами, самое большое – четвертью часа. Если же присоединиться к Дельбрюку, что натиск помпеянской конницы произошел раньше, чем нападение цезарианских легионов, то на ближний бой между легионами останется еще меньше времени".

Для того, чтобы доказать, что указания Цезаря о потерях в сражении всего в 200 чел. правдоподобны, Кромайер полагает, что сражение продолжалось недолго.

Фейт же пишет (Klio, VII, 332): "Сражение при Фарсале продолжалось, если исключить бой у лагеря и преследование, с утра до полудня... Продолжительность сражения станет понятной, если

мы примем, что оно состояло из ряда отдельных боев, происходивших разновременно в нескольких местах... В таком случае, конечно, бой главных сил при Фарсале мог продолжаться много часов подряд".

Фейт полагает, что сражение потребовало продолжительного времени, а, кроме того, он хочет доказать, что римский боевой порядок и в сражении не являлся простой сплошной линией, а соответствовал более сложной тактике.

Примем во внимание, что Фейт не допускает участия antesignani, которых Цезарь направил в сражение вместе со всадниками; Кромайер возражает ему на это. Фейт объясняет, что даже победа кавалерии не дала бы Помпею возможности выиграть сражение; Кромайер говорит противоположное. Таким образом, пропасть между их мнениями все расширяется, причем является подозрение, что здесь идет речь не об единичных разногласиях, какие встречаются часто у двух объективно мыслящих исследователей, а о глубоком, органическом пороке. Это подозрение переходит в уверенность, когда мы убеждаемся, что не только один другому, но и каждый сам себе противоречит, не замечая этого. Фейт прав, когда представляет себе, что римское сражение, где участвуют небольшие пехотные подразделения, продолжается много времени, – тогда немыслима потеря Цезарем при Фарсале всего 200 чел. и неправдоподобны цифровые указания Цезаря, за которые Фейт так определенно ратует. Поэтому прав Кромайер, который, чтобы доказать незначительность потерь, говорит, что сражение было непродолжительно; но вследствие этого и рушится теория Фейта о ложной когортной тактике, которую,

как мы видели, Кромайер принял (см. выше, стр. 299, 300 и 309).

Это противоречие с самим собой является решающим и происходит вследствие основной методологической ошибки: разбирают каждый вопрос отдельно, а не в связи со всей военной историей, обдумывая и разбирая его последовательно со всех сторон. Только тот, кто проделал такую работу, способен к объективной критике. Кромайер, несмотря на широкую осведомленность в новейшей военной литературе, не сделал этого, а потому оказался непригодным для объективной военной критики, как и Фейт для филологической. Для каждого из этих исследователей источники являются воском, из которого, смотря по требованию момента, можно лепить все, что угодно. Профессор, который заставляет фалангу, состоящую из 15 000 чел., отступить на 600 м назад, и обер-лейтенант, который свое представление о римской тактике доказывает ссылкой на "первоисточник" – "Terminus technicus quincunx" – относящийся к XVI столетию, находятся не в храме науки, а только в преддверии его.

Примечание к 3-му изданию. Печатая эти полемические разъяснения, я в то же время указываю выше, на стр. 232, 246 и 286, что оба автора сделали значительные успехи в познании античного военного дела, а еще больше указываю на те их труды, которые касаются помещаемого далее описания африканского похода Цезаря.

Глава X

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Поход в Грецию и сражение при Фарсале, борьба между собою римлян под руководством двух величайших полководцев являются высшей точкой античного военного искусства. Хотя дальнейшие походы Цезаря и богаты еще индивидуальными выступлениями, но чего-либо принципиально нового, каких-либо дальнейших достижений они не дают. Если до сих пор они и казались переданными слишком неточно для военно-исторической оценки, то в данном случае этот недостаток устранен. Фейту удалось, применив соединенный метод топографического исследования со строгим анализом источников, создать вполне наглядную и ясную картину африканского похода. Единственно, в чем я могу упрекнуть его прекрасное описание, это – в содержавшейся в нем ни на чем не основанной полемике со мной, так как я с ним в данном случае вполне схожусь во мнениях; возможно, что какой-либо мой взгляд он воспринял слишком остро.

Сам Цезарь не дает нам после фарсальского

сражения ни одного описания походов, но о них сообщают некоторые его командиры, значительно менее одаренные и в гораздо более грубой форме пристрастные, чем сам Цезарь, Африканская война описывается командиром узкого кругозора, но произведение это мы можем пополнить имеющимися у Диона и Плутарха описаниями, заимствованными у сведущего в стратегических вопросах Азиния Поллиона.

Цезарь назначил осаду города Тапса, лежащего на перешейке между морем и внутренним озером. Сципион пытается запереть перешеек с обеих сторон. Правда, Цезарь владеет морем, но так как кампания эта разыгрывается в начале февраля, то эта база является ненадежной: если бы сообщение с материком было прервано, он пережил бы много испытаний. Но разведка Цезаря так поставлена, что он замечает приближение противника с севера, атакует его и опрокидывает раньше, чем противник успевает укрепиться. Непосредственно за этим нападением на половину неприятельского войска Цезарь наступает на другую половину в 10 км дальше к югу, у входа на перешеек, настигает его раньше, чем разбитое на севере войско успевает соединиться с этим, и разгоняет их, не вступая в дальнейшем ни в какие сражения.

Необычайно интересно утверждение Фейта, дышащее большой правдоподобностью, что Сципион, над неспособностью которого Цезарь сам издевался, был только номинально главнокомандующим, а что настоящее руководство армией сосредоточивалось в руках Лабиена. Если фарсальский поход является дуэлью между двумя выдающимися полководцами своего времени, то африканский поход приобретает еще больший интерес тем, что в нем Цезарь и его собственный соратник по Галльской войне вышли на поединок друг с другом. Фейт доказал, – по всем признакам вполне правильно, – что Лабиен оказался достойным учеником своего великого учителя; все его операции обдуманны, решительны и действенны. Если же он и был, несмотря на это, побежден, то он выступал, собственно, не против Цезаря, а против его войска, с которым вновь организованные африканские легионы не могли меряться силами. Поражение при Тапсе было лишь тактической неудачей и превратилось затем в катастрофу только потому, что не разбитое еще войско поддалось панике, бросило лагерь и разбежалось. Когда разбитое на севере войско добралось до лагеря, где надеялось найти приют, в нем не оказалось никого; они хотели тут же сдаться, но

разгоряченные боем легионеры Цезаря изрубили их всех. И с той и с другой стороны вели войну римские легионы, но они состояли из наемников, а наемники, как мы увидим в последующих томах настоящего труда, не щадят друг друга. При Илерде Цезарь еще мог воспрепятствовать бойне, здесь же он был бессилен.

1. Бой при Руспине требует особого исследования, так как он с первого взгляда кажется, – а новейшие источники так и воспринимают его, – как новое в тактическом отношении достижение Цезаря, а именно, что Цезарь нашел средство спастись при такой обстановке, при которой за год перед тем погибли со всем войском вместе Красе в Месопотамии и цезарианский военачальник Курион в Африке. Но связь между этими событиями должна восприниматься иначе.

Цезарь выступил из своего лагеря около приморского города Руспина в Восточном Тунисе в глубь страны с 3 легионами и незначительным отрядом всадников и стрелков, чтобы раздобыть съестные припасы. Здесь на открытой равнине он был атакован нумидийскими всадниками и стрелками, находившимися под командой Лабиена. Он построил свою пехоту в неглубокий боевой порядок, имея фронт на все стороны, и отразил нападение, причем когорты при поддержке наемных всадников время от времени производили атаки и бросанием метательных копий отгоняли рой неприятеля. По рассказам Псевдо-Гирция, – как мы называем автора

"Африканской войны", – бой закончился победой, причем когорты, напрягая последние силы, сумели отбросить противника за близлежащие холмы. Но, по Аппиану, Цезарь был разбит (II, 95), а противник не довел до конца своей победы только по небрежности. Так как в отношении таких людей, как Лабиен и Петрей, подобные эпитеты неприемлемы, то находишься в недоумении и ищешь объяснения. Его легко найти у самого Псевдо-Гирция, стоит лишь вспомнить сообщение Ксенофонта в Анабазисе об аналогичном положении 10 000. Только ночь укрывает теснимую пехоту от стрел конных стрелков; и Антоний, будучи тесним при своем отступлении парфянами, тоже призвал ночь на помощь. В "Африканской войне" рассказ о том, что когорты своим наступлением, в конце концов, прогнали неприятеля, неприемлем, ибо если когорты имели возможность прогнать противника, то отчего они не сделали этого в начале боя? Они достигли только того, что в течение целого дня, с утра и до ночи, держались на месте, вероятно, с значительными потерями, так что, по Аппиану, этот бой может быть принят как поражение Цезаря. Ночью неприятельские всадники отошли далеко назад, чтобы не подвергать себя ночному нападению, а так как Цезарь находился всего на расстоянии 3 000 passus (4,5 км) от своего лагеря, то он и достиг его без труда. Его военная заслуга заключается в том, что при таких трудных обстоятельствах он сумел сохранить дисциплину и порядок в войске, а благодаря построению длинными тонкими линиями в каре и применению нужного здесь оружия – метательных копий – не дал противнику с его стрелами и метательными копьями шансов на

успех. Так как неглубокое построение не очень надежно, то мы можем из этого заключить, насколько Цезарь доверял своим войскам и как образцово они держались под его командой. Но самую важную роль сыграли здесь близость лагеря и короткий день (это происходило зимой), который не дал затянуться кризису. Курион, погибший при таких же обстоятельствах за год перед тем, выступил из лагеря (во время 4-й смены ночной стражи – "Гражданская война", II, 29) и совершил переход в 16 000 passus (24 км), сопровождавшийся многими стычками, а затем уже столкнулся с главными неприятельскими силами. Его конница совершила даже ночной марш и была обессилена. Даже если бы они держались до вечера (бой происходил в разгаре лета), то вернуться в лагерь уже не было бы возможности. Поэтому отчаяние овладело солдатами, они не сопротивлялись больше и были изрублены.

Тактические эволюции, которые Цезарь приказал совершить, чтобы обороняться от наседавшего противника, объясняются очень различно. Трое самых крупных военных, исследовавших этот рассказ, – Гелер, Рюстов и Стоффель, – дали различные пояснения, а филологи сумели помочь себе только тем, что изменили текст.

Самым нормальным мне кажется следующее объяснение. Когда Цезарь получил внезапное донесение о том, что неприятель надвигается массой и видны были уже вздымавшиеся столбы пыли, он бросил навстречу противнику 3 легиона со слабой кавалерией на обоих флангах. Необыкновенное для боя построение пришлось сделать для того, чтобы обезопасить себя от охвата с фланга и в то же время

самому угрожать неприятелю окружением. Обычно этого не делалось, так как не было уверенности, что пехоту удастся опрокинуть 1-м эшелоном, – позади были 2-й и 3-й эшелоны, чтобы в случае надобности употребить их для усиления фронта или для флангового маневра. Здесь же имели дело не с тяжелой пехотой, а с густыми построениями легковооруженных, причем можно было считать, что подкреплений с тыла не понадобиться, поэтому фронт можно было растянуть. Но противники не дошли до регулярного боя, они ограничились лишь стрелковым боем, причем всадники обошли весь длинный римский фронт, прогнав немногих всадников противника, и стали угрожать с тыла. Теперь нужно было иметь фронт на две стороны, а это могло бы нарушить все тактические связи, так как пришлось бы делать выпады то в одну, то в другую сторону. Чтобы предотвратить это, Цезарь приказал, чтобы каждая вторая когорта повернулась в полоборота, стала сзади соседней когорты и вела бой совместно с ней спиной к спине. Промежутки заполнились, ввиду того что каждая когорта вздвоилась и стала двойной ширины. Следовательно, если когорты были расположены примерно в 8 шеренг глубиной, то теперь их глубина равнялась 4 шеренгам; посреди, между двумя фронтами, конечно, осталось свободное пространство, куда можно было вставить имевшиеся фургоны, где находили приют разбитые всадники и где могли свободно передвигаться высшие командиры. Отдельным солдатам было запрещено выдвигаться из шеренги, чтобы до них не добрался какой-нибудь неприятельский стрелок, слишком смело приблизившийся. Но целые когорты, а особенно

фланговые когорты совместно с конницей, производили выпады, которые прорывали иногда цепь окружавших их воинов, – и вот эти-то минуты успеха и были Псевдо-Гирцием возведены в полную победу. Но так как эти когорты боялись западни, то они и старались по возможности скорее вернуться снова к главным силам войска; надо полагать, что и убегавший неприятель вновь возвращался, так как сам автор сообщает, что бой длился до заката солнца.

Самая существенная часть текста гласит (гл. XVII): "Цезарь, узнав план врагов (окружить его), приказал, насколько возможно, растянуть линию боя и чтобы каждая вторая когорта сделала полуоборот, став позади ближайшей, и с этой позиции он прорывает неприятельское кольцо с правого и левого флангов". Изменение в тексте, которое было предложено, гласит в конце одинаково, но в нем выпадает перестановка когорт, и это затемняет, а не освещает эпизод. Поэтому я отвергаю эту переделку текста вместе со Стоффелем, к которому примыкаю в главном вопросе с той разницей, что не признаю интервалов между когортами, но, как и Гелер это понимает, считаю, что растяжение фронта способствовало уменьшению числа шеренг. В журнале "Revue de Philologie" (I, 184) Стоффель сам уже признался, что он не согласен с такими большими интервалами, какие нарисованы на его схеме, но признает небольшие интервалы, которые должны были быть порядка ради между тактическими единицами. Он несправедливо бросает упрек Фрелиху по поводу этого недоразумения, так как сам не указывает в своей книге, каким образом он считает возможным заполнить пробелы, возникшие от того, что были взяты 15 когорт.

Сравни: Рюстов, Организация войска и ведение войны Цезарем, 2-е изд., стр.133; Гелер, Галльская война Цезаря, 2-е изд., т. II, стр. 272; Стоффель, Гражданская война, т. II, стр. 284; Домашевский, Знамена в римском войске; стр. 3; Фрелих, Военное дело Цезаря, стр. 194.

Примечание к 3-му изданию. Фейт (в труде "Древние поля сражений", III, 1, 784) придерживается таких же взглядов, что и я; если же он все-таки "резки возражает против моей противной источникам реконструкции", как он говорит, то это основывается на поверхностном чтении, так как тех отклонений, против которых он полемизирует, нет; вероятно, успех наступательных войн Цезаря Фейт оценивает выше, чем я. Во 2-м издании не изменено ни одного слова.

2. О сражении при Мунде не удалось до сих пор извлечь из сообщений ничего достоверного. Некоторые авторы приписывают решительную победу в этом сражении лично Цезарю. Следует только отметить, что здесь, как и при Фарсале, конница (в которой у Цезаря был перевес[89]) решила победу на одном из флангов, причем источники стараются ей приписать только побочную заслугу, а лавры победы отдают легионам. Автор "Испанской войны" рассказывает нам, что X легион так теснил противника, что на помощь ему хотели притянуть легион с другого фланга. Этим случаем воспользовалась конница Цезаря, бросилась в атаку и помешала этому маневру. Дион (43, 38) рассказывает, что развязка была ускорена следующим: когда ни одна фаланга не отступала перед противником, нумидийский царь Богуас напал вне боевой линии на

помпеянский лагерь, вследствие чего Лабиен принужден был взять с фронта 5 когорт и послать их на помощь лагерю; выход этих когорт из строя солдаты приняли как начало бегства и пали духом. Разве мы можем допустить, чтобы лучший военачальник цезарианской школы в критический момент вывел из боя войска для защиты обоза? Я считаю, что не будет слишком смелым предположить, что на исход сражения оказала определенное влияние нумидийская конница, чьи заслуги скрываются сотоварищами из зависти к другому роду войск, а римлянами – к союзникам-варварам.

Глава XI

СЛОНЫ

Последним сражением древности, где принимали участие слоны, было сражение при Тапсе. Поэтому уместно будет дать здесь краткий обзор того, что мы узнали о применении этих животных в древних войнах, рассмотрев главным образом сражения, где они принимали участие.

Сражение при Гидаспе доказало нам, что победа над слонами досталась македонянам нелегко, и мы видим, как они сами потом старались приобрести это боевое средство. Но когда мы рассматриваем результаты, то выводим обратное заключение: ни в одном достоверном описании сражения мы не находим существенного, совершенного слонами; наоборот, сторона, имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение. К несчастью, предания о всех самых знаменитых сражениях при участии слонов сохранились лишь в виде легенд или в виде анекдотов. Единственное сражение, о котором мы можем составить приемлемую историческую картину, это – сражение при Гидаспе. Сражения Диадохов, Пирра и Первой Пунической войны не

дают надежных сведений. Мы узнаем, что в сражениях при Заме–Нараггаре и Тапсе слоны участвовали в большом числе, но ничего не говорится об их достижениях, да к тому же и полководцы их были разбиты. Баланс побед и поражений, если мы все сведения о них примем без критики, говорит против них. Они участвуют в победах при Ипсе, Антиоха I над галлами, при Гераклее, Гамилькара над наемниками, при Тахо (Ганнибала над испанцами[90]), при Треббии, при Киноскефалах и Пидне. Они все-таки не могли предотвратить поражений при Гидаспе, при Паретакенах, при Габиене, при Газе, при Бене-венте, Агригенте, Панорме, Рафии, Гимере[91], Бекуле, Метавре, Заме, Магнезии, Мутуле[92], Тапсе. Не указано ни одного примера, где бы слоны прорвали фронт сомкнутой пехоты. Единственный случай, где можно было бы еще предположить их победу, был при Киноскефалах но в источниках ясно указано, что македоняне еще не были построены в боевой порядок, когда римляне их атаковали, а потому слоны и рассеяли их.

При Заме римляне оставили промежутки между манипулами, чтобы слоны могли двигаться по этим проходам. При Туне, наоборот, они были глубоко поставлены, и Полибий (I, 33, 10)

одобряет такое построение как подходящее против натиска слонов. Оба сообщения, как мы знаем, основаны на недостаточно точных источниках; самым существенным является отзыв Полибия, который одобряет глубокое построение; следовательно, он считает, что слоны не в состоянии пробить глубокое построение. По его рассказам, слоны всегда производили опустошения в передних шеренгах римской фаланги, но, очевидно, это преувеличено, так как мы читали бы об этом в описаниях последующих сражений.

Действительно достоверно, что слоны сильно действовали только на всадников, лошади которых пугались их, а также на легковооруженных.

Но очевидно, что они приносили пользу при сражениях, так как великие полководцы пользовались ими, как, например, Ганнибал и даже Цезарь, о котором Цицерон как-то в одной из своих филиппик сказал, что он приготовил слонов для Парфянской войны (V, 17, 46). Но он их не применил. Римляне применяли их в течение всего II столетия после Второй Пунической войны, когда у них были завязаны дружеские отношения с нумидийскими царями, доставлявшими им этих животных; но пользовались они ими только тогда,

когда воевали совместно с союзными народностями, и в ограниченном количестве[93]. Они их употребили не только против македонян, но и против испанцев[94] и галлов. Хотя слоны и оказали услуги в сражениях против северных варваров[95], но о них больше не упоминается в войнах с кимврами и в Галльских войнах Цезаря. Когда нумидийский царь Юба выступил в Африке со слонами против Цезаря, последний приказал привезти этих животных из Сицилии, чтобы приучить своих солдат и лошадей сражаться с ними и не пугаться их.

Сводя воедино весь опыт древней военной истории, мы приходим к заключению, что пригодность слонов и польза от них в сражениях не должна быть высоко расцениваемы. Они имели успехи в сражениях против народов, которые их никогда не видали, и против всадников и стрелков; но успехи эти были сильно преувеличены побежденными[96], чтобы оправдать себя, как, например, в сражениях с Пирром. Войска, знакомые с ними и не боявшиеся их, умели и избегать их, и нападать на них, даже, подобно Александру при Гидаспе, они умели справляться с ними не посредством фокусов в виде огненных стрел и запугивания их, а благодаря правильному употреблению оружия.

Как надо правильно употреблять это оружие, можно узнать из естественнонаучных трудов, в которых описываются слоны.

Поэтому нельзя считать слонов неуязвимыми, – кожа их даже довольно чувствительна, – а если копья и стрелы не умерщвляют их непосредственно, то все же проникают так глубоко, что причиняют им сильные страдания[97], во время которых они не позволяют управлять собой. Часто сообщается, что в таком состоянии они внедряются в ряды своего войска, производят там беспорядок и способствуют поражению, как, например, у римлян при Нуманции[98]. В таких крайних случаях, как уже упомянуто выше, вожатые прибегают к стальному клину, который вбивают молотком в затылок животного, чтобы, умертвив, обезвредить его.

Распространенное у древних мнение, что индийский слон лучше африканского (даже Ливий это утверждал при Магнезии, XXXVII, 39), мы отвергли уже выше (стр. 185) как сказку.

Тактики Асклепиодот, Элиан и Арриан ничего о них не упоминают.

Большинство сведений из древних времен о слонах собрано у Шлегеля в его труде "Индийская библиотека" (т. I, стр. 129) и в очень полезном сочинении "Военная история слонов от самых отдаленных времен до введения огнестрельного

оружия" П. Арманди – старого артиллерийского полковника (Париж 1843 г.).

Ср. выше стр. 166 и 185 примеч.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Цезаре сосредоточиваются наивысшие достижения античного военного искусства. Не потому, что его лично ставят выше Александра, Ганнибала или Сципиона, – это было бы одновременно неверным и неплодотворным методом при сравнении и исследовании, – но он среди великих мастеров был тем, в чьем распоряжении находились самые совершенные и самые большие средства. Когорта является несравненно более тонким инструментом, чем обычная старая и даже более совершенная новая фаланга из трех эшелонов.

Когорты в органическом слиянии с обученными стрелками, сильной кавалерией, полевыми укреплениями и регулярным продовольственным снабжением – такова та армия, которой руководил Цезарь, владевший одинаково личной храбростью солдата и стратегическим искусством полководца. В самой армии нет ничего нового; мы видели до него все элементы, из которых она состоит, и их соединение, так что можно было бы сказать, что Цезарь не играл решающей роли в истории стратегии. Мильтиад, Перикл, Эпаминонд,

Александр, манипулярная фаланга, Ганнибал, Сципион, Марий представляют собою новые явления и вносят оригинальные идеи и способы управления войском. Цезарь все это получает уже готовым, – как средства, так и идеи, – но он приводит их в действие в самом богатом разнообразии, в самом большом масштабе и в самой совершенной форме.

Ему приписывается изречение, что он побеждает охотнее голодом, чем железом[99], и это толкуется так, что он имел склонность побеждать неприятеля не силой, а одним лишь истощением. Каждый шаг на его командном поприще показывает, что это изречение надо толковать иначе. Стратегию измора можно применять только тогда, когда, по выражению Клаузевица[100], воля и сила недостаточны для решительного столкновения. Обстоятельства, при которых находился Цезарь, были почти всегда таковы, что свойственная ему сила и воля предписывали сокрушить противника, а самым естественным средством для этого являлся натиск на главные силы армии и решительное сражение. Цезарь постоянно думает о нем, но и то изречение имеет достоверность. Подготовка к решительному сражению состоит не в слепом наступлении, а в искусном создании благоприятных для него

обстоятельств; а тут во все времена играет главную роль голод, продовольствие, – у Цезаря в особенности, ибо его заботы о продовольствии основывались не на мысли об ослаблении врага, а на возможности уничтожения его, и только такой образ мыслей следует приписать ему, характеризуя его как стратега. В Галлии перевес в продовольствии дал возможность Цезарю избегнуть сражения с большими галльскими массами и вынудить их на решительное сражение, причем он со своей массой выступал против их отдельных частей. В таком смысле он мог сказать, что он побеждает больше голодом, чем железом.

Иначе обстоит вопрос в гражданской войне. Здесь полевые укрепления накладывают отпечаток на стратегию. Цезарь имел, вероятно, призвание к технике – он был прирожденным инженером. Это видно из того, с какой любовью он описывает свои сооружения: укрепление берега Роны против гельветов, лагерь на р. Эн, изобретение длинных серпов в морской войне против венетов, мосты через Рейн, осадные машины при Адуатуке, Аварике и Массилии, западню вокруг Алезии, водоотводный канал при Укселлодуне, искусственный брод через Сикорис, гигантские сооружения при Диррахии, для того чтобы запереть Помпея. Все это делалось не только

вследствие природных дарований и склонностей этого полководца, обеспечивающих такое большое место технике при ведении войн, но и ввиду того, что этого требовал естественный ход событий. Старое римское искусство разбивать лагерь, как и всякая техника, имело тенденцию совершенствоваться и пополняться новыми изобретениями. Это искусство дало такие преимущества при обороне, что даже меньшее войско получило возможность прекрасно держаться на поле брани. Если не было сделано никакой ошибки, то сражение могло произойти лишь при согласии на то обоих противников. Если слабейший уклонялся от развязки и старался затянуть войну, то у сильнейшего оставался один исход, а именно запереть неприятельский лагерь, т.е. воевать снова при помощи голода: в одном случае голод способствует победе благодаря перевесу в культуре и организации у римлян над варварами, в другом – он является вспомогательным средством при наступлении против технического совершенства обороны. Но в обоих случаях это средство не противопоставляется сокрушению; оно применяется для более верного, энергичного и быстрого проведения его в жизнь. Распад войска бельгов из-за недостатков в лагере на реке Эн и

взятие помпеянцев измором при Илерде – это два крупных стратегических успеха, имеющих внешне много общего, но вызванные различными причинами. На р. Эн Цезарь не решался принять сражение в открытом поле, имея перед собой соединенную массу бельгов, и сумел, благодаря преимуществам римского лагеря и правильной системе продовольствия, распылить боевые силы врага. При Илерде у него был перевес, и противники избегали сражения, – поэтому он угрожал им блокадой, поборол их в продовольственном вопросе и довел их до такого состояния, что когда представилась возможность сразиться с ними, он отклонил эту возможность, как ненужную в данный момент.

Если бы Ганнибал совершал подобные операции, – если бы он мог римские войска, уклонявшиеся от его атаки, запереть и подчинить при помощи голода, – древний мир не стал бы латинизированным. Но военные методы Ганнибала не были годны для этого; он достигал кульминационного пункта победы, с которого медленно скатывался обратно. Наступление Цезаря одолевало самую сильную оборону и сметало ее; он нагромождает одну победу на другую; для его войн как бы не существовало проблемы времени; его стратегия – молниеносна.

Комбинируя голод и меч, он доводит до конца каждую войну на том театре военных действий, где он действует, в течение одного похода. В этом невероятном напряжении и состоит его самобытность. Можно провести здесь параллель с новейшей эпохой. Улучшение огнестрельного оружия, казалось, должно было пойти на пользу обороне; при современном пехотном и артиллерийском огне нельзя наступать по открытой равнине, так же как и римские легионы не в состоянии были совершить атаки на римские полевые укрепления. Но возрастающая действенность оружия позволяет теперь наступающему растянуть по желанию свою линию и даже идти в наступление разрозненными колоннами с различных фронтов, чтобы, охватив неприятеля, завоевать для себя огневое превосходство. Таким образом, преимущества обороны оказались на стороне наступления. И римские укрепления сначала охраняли войско, не желавшее драться, но зато потом давали возможность противнику запереть его, принудить к сражению и получить преимущества в свою пользу. (Написано в 1908 г.)

Мировая война доказала, что не существует непревзойденных возможностей. Совершилось то, чего ни один теоретик не мог предвидеть: линия

боя растягивалась до тех пор, пока не встретила задержки в абсолютных границах, не допускающих никакой охватывающей операции – от Ла-Манша до швейцарской границы и от Балтийского моря до Румынии. И тактика должна была снова вернуться от обхода флангов к фронтальной атаке, к прорыву, а от преимуществ наступления – к выгодам обороны. (Написано в 1920 г.)

У Цезаря был необычайно развитый ум; он учился в Родосе и работал иногда над вопросами грамматики. Он старался, несомненно, теоретически усвоить сущность военного искусства; имеются случайные сообщения о том, что он читал "Киропедию" Ксенофонта[101] и рукописи об Александре Великом[102]; но в его трудах мы почти не находим теоретических размышлений, так что Фридрих Великий имел право сказать[103], что солдату нечему в них научиться, а Наполеон, хотя и рекомендовавший его изучать, жаловался на отсутствие воззрений в них, указывая, что описания его сражений не имеют никаких географических названий, – а стратегически изучать поход, конечно, нельзя до тех пор, пока он географически не обозначен. К этому надо еще присоединить неправильные цифровые данные. Но эти недостатки можно

объяснить политическими целями, которые Цезарь преследовал в своих книгах; они не причинили существенного ущерба, и преуспевающая наука может многое дополнить и исправить, что она и успела уже сделать. Если Фридрих и дал более резкий отзыв, чем Наполеон, по поводу этих недостатков, то на это имеются причины, о которых мы в свое время и упомянем при исследовании деятельности названного автора. Цезарь не имеет намерения обучать по своим произведениям военному делу, а потому он проходит мимо связанных с ним деталей, мотивировок и размышлений. Поучают его действия, а не слова. Но иногда сквозь легкое течение рассказа просачивается такой глубокий ум мыслителя и приводит к таким теоретическим познаниям, которых мы не встречали у размышлявших военных писателей древности, как Ксенофонт и Полибий. Когда он в своем рассказе о фарсальском сражении сообщает, что Помпей приказал своим воинам ожидать нападения стоя, он порицает это распоряжение и, как мы теперь говорим, моральное значение наступления. Его слова выразительно звучат в дословном переводе с античного языка: "Тут, нам кажется, Помпей поступил неумно, потому что у каждого от природы имеется страстность и

раздражительность духа, которую надо разжечь усердием в бою. Эти свойства полководцы не должны подавлять, и не напрасно имеется исстари обычай, чтобы в начале боя звучали трубы и несся боевой крик со всех сторон, так как думают напугать этим неприятеля и ободрить своих".

Другим теоретически важным размышлением его следует признать подчеркивание им той роли, какую играет случайность на войне. Часто употреблявшееся ранее сравнение стратегии с шахматной игрой неверно, так как эта игра основана на всеобъемлющем тончайшем расчете, а стратегия зависит также от непредвиденного. Поэтому искусство управления войсками требует не только умственного развития, но и полного напряжения всех способностей человека, который вступает в борьбу даже со случаем, встречает его всегда с новыми достижениями, производит этим давление на капризное счастье и приковывает последнее к своей колеснице. Первым, кто осветил военное дело в таком направлении, будем считать Фукидида. Слова, которые он вложил в уста Перикла, мы привели выше: "Случай на войне не ждет". И коринфян он заставляет произнести те же речи (I, 122): "Война только в очень маленькой доле течет по определенным законам; она сама главным образом создает их в зависимости от

появляющихся обстоятельств". И еще раз спартанский царь Архидам повторяет их (II, 11, 3): "Скрыто течение войны; многое происходит из малого, и страсть управляет событиями"[104]. Эти мысли являются основными в военной философии Клаузевица; они способствуют познанию в войне иррационального элемента, которому полководец должен иметь мужество довериться. Даже у Цицерона мы находим фразы, в которых он наравне со "знанием дела, храбростью, авторитетом требует от крупного полководца и "счастья"[105], а Цезарь пишет (b. c., III, 68): "Но судьба, от которой зависит почти все как в остальных делах, так главным образом и на войне, за короткое время производит большие перемены".

О Цезаре часто говорят, что он слишком слепо доверял своему счастью, что он подобно игроку испытывал его: и это правда, что он верил, как Наполеон, в свою звезду.

Рассказ о том, как он во время бури утешал лодочника тем, что он везет Цезаря и его счастье, звучит правдоподобно, хотя он лично об этом не сообщает. Но не следует признавать за ним, так же как и за Наполеоном, только отвагу и порицать ее или превозносить. Мы убеждались на каждом шагу, что она сочеталась с размышлениями и

расчетом. В этом и древние были уверены. Светоний ставит ему это в заслугу (гл. 58): "Трудно сказать, был ли он, предпринимая походы, скорее осторожным или смелым".

И так же, как у новейших полководцев, его стратегия сводилась прежде всего к тому, чтобы в решающем пункте, на поле сражения иметь численное превосходство. Мы установили, что оно у него было и в Галлии, и в Испании, и при Илерде. При Тапсе сражение не было организовано. О сражении при Мунде мы не имеем надежных цифр, но не подлежит сомнению, что Цезарь, бывший тогда властителем почти всего государства, сосредоточил больше войска, чем его противники, имевшие в своем распоряжении лишь одну страну. Расследовав все, начиная со странного в смысле взаимоотношений похода в Египет и не имеющего значения 5-дневного похода против Фарнака, мы видим, что сражение при Фарсале было единственным, где Цезарь с меньшими силами одержал победу. Он мог избежать этого сражения, подтянув к себе раньше подкрепления: 1 S легиона из Эллады и 2 из Иллирии, но если бы он так поступил, то Помпей, наверное, не принял бы сражения, а перенес бы войну и войско с помощью кораблей в другую местность.

Преимущества, которые противник имел на море, помешали Цезарю пустить в начале похода в действие пехоту, в которой он имел перевес. Он был принужден отправить большую часть своего войска, конечно, менее ценную, – вновь образованные легионы, – для охраны Италии, Галлии, Испании, Сицилии и уже при Диррахии у него было так много выделенных легионов, что рассчитывать на достижение какого-либо положительного результата он не мог, так как оказался по численности войска ниже Помпея. Очень важно во всех отношениях разъяснить, почему и как Цезарь, не имея численного перевеса, выиграл именно решительное сражение. Морская сила помпеянцев своим косвенным воздействием наложила такие оковы на его командование, что он не мог свободно располагать им. Тем выше заслуга Цезаря как крупной личности, что, несмотря на большое значение, которое он придавал численности, он все-таки принял сражение, сообразовавшись с ходом событий и доверяя только качеству своего войска. Римское военное искусство, которое в руках Цезаря представляется нам как уже развившийся и созревший в течение столетий плод, не умерло вместе с ним, но продолжало жить как его школа. Еще много стран было

завоевано после него для Рима, как-то: Альпы, местности южнее Дуная и Англия. Два народа поставили, наконец, предел римским мировым завоеваниям об одном мы уже говорили раньше, а именно о парфянах; второй народ это германцы. Обзором военного искусства германцев мы начнем второй том нашего труда. Какого же рода была сила, сумевшая поставить преграду римскому искусству?

Примечания

1 Полибий, XVIII, 28.

2 Так понимал это Иоганн фон Нассау и Монтекуколи. Иенс, I, 573. Монтекуколи, Schriften, II, 225.

3 Ср. также у Ливия, XXXIII, 18.

4 Полибий, 18, 28.

5 Во II томе своего труда "Antiken Schlachtfeldern" Кромайер располагает сражения несколько иначе, чем это делалось раньше. Это не меняет, впрочем, течения событий. Я не проверял детально, насколько правильно его описание стратегического плана всей войны, разработанного на основании специального топографического обследования.

6 Блюмнер в своей "Технологии и терминологии ремесла и искусства у греков и римлян", ч. II, стр. 252, 263, 285, 289, указывает, что имелись

копья из бука, дуба, пихты. О сосне не упоминается, но говорится о ели (стр. 289).

7 Мюллер в "Филологии", т. 34, стр. 125 (1876), обратил внимание на то, что 4 регулярных легиона не могли вместить всех военнообязанных; но полагает, что, вероятно, по мере надобности привлекали самые молодые возрасты, т.е. примерно 10 возрастных контингентов. Но и этого было бы слишком много.

8 Фрелих (Frqlich, Kriegswesen Cdsars, стр. 13, 14) высказывает сомнение, действительно ли введение когортной тактики принадлежит Марию. Мадвиг хотел ее отнести ко временам Союзнической войны. Я думаю, что, по всей вероятности, реформатором армии был все-таки Марий. Когорты, о которых упоминает в Югуртинской войне Саллюстий (51, 3; 100, 4), должны быть рассматриваемы не как тактическое ядро армии, но как части легиона. И если даже упоминается в одном из отрывков Сисенны о том, что в Союзнической войне сражались манипулы, то из этого нельзя заключить, что манипула существовала, как встарь.

9 Нич (Nitzsch, Geschichte d, rцmisch. Republik, herausg. v. Thouret, I, 181) говорит, что после Канн легионы формировались один за другим, т.е. что при формировании новых легионов возраст не играл такой роли, как раньше.

10 Если, по Ливию (VII, 34), в 340 г. и были выделены в легионы гастаты и принципы или только гастаты, это не имеет исторического значения, но подчеркивает возможность такой меры во II в.

11 В своем труде Ливий (гл. LXVII) говорит, что в сражении при Аравзионе 80 000 солдат, 40 000 погонщиков и маркитантов (calones et lixae) были убиты. Цифры, вероятно, преувеличены, но важно то, что на количество сражавшихся приходилось 50% погонщиков. Из этого можно заключить, что даже до Мария легковооруженные (велиты) большею частью (или совершенно) исчезли из легионов и что институт денщиков и погонщиков фактически возник как-то иначе.

12 Штолле (Stolle, D. Lager und Heer d. Rцmer, 1912) думает, что нельзя считать правильным число 6 000 для легиона, для когорты – 600; надо отдать ему справедливость, что достаточных

оснований для этого счета нет, как до сего времени думали, но я считаю его приемлемым, с уклонениями же, – для нашей цели по крайней мере – можно и не считаться.

13 Это, конечно, не доказано, но, как Марквардт (II, 339) заметил, – вполне возможно. Ср. у Полибия (XI, 23), где сказано, что 3 манипулы, составленные вместе, называются когортой.

14 Полибий в своем труде указывает на свойство римского боевого порядка, при котором он одновременно может и становиться непроницаемым (тесно сомкнутым) и рассыпаться всеми своими мелкими группами в различных направлениях (XV, 15, 7). Это мести не совсем ясно по расположению слов, но очень ценно по смыслу. Оба свойства – непроницаемость и подвижность – возможны при условии, если расстояние между когортами невелико. Мысль о больших расстояниях (по Фейту, III, 2, 701) должна быть отброшена при чтении этого места, так как фронт, у которого большие интервалы, не может быть непроницаемым. Маленькие интервалы, как я их понимаю, при смыкании пополняются сзади стоящими воинами.

15 По Ливию, XLIII, 14; по Полибию, XXXV, 4.

16 По Моммзену ("Rцm. Gesch.", II, 107 и 175); Марквардт, II, 381.

17 Плутарх, Марий, гл. 9.

18 Здесь идет речь не о морской солдатской службе, что видно из труда Марквардта "Римское государственное управление", II, 380, примеч. 10.

19 По Полибию (VI, 39, 15), государство снабжало воинов платьем и оружием, но в случае надобности высчитывалась потом стоимость этих предметов из жалованья. Тиберий Гракх отменил этот обычай (Моммзен, История Рима 107); по Тациту (Аппиан, I, 17), это происходило и во времена царей и ложилось большой тяжестью на солдат.

20 Цифры 394 736 и 394 336 для 125 и 115 гг. оспариваются и с большим основанием – Белохом.

21 По Аппиану, de reb. Hisp., гл. 49–149 г.

22 По Ливию.

23 По Цезарю, bell, gall., III, 20, 2.

24 По Цицерону, ad famil., XV, 4, 3.

25 Там же. III, 6, 5.

26 По Цезарю, bell, gall., VII, 65.

27 Bell, civ., III, 91.

28 Все-таки я не верю, что под добровольцами, присоединившимися к консулу, и по Полибию (VI, 31, 2) занимавшими в лагере особое место, подразумеваются evocati; вероятно, это говорится о людях высшего класса. Evocati того времени еще не были особой группой, как это думает Марквардт, II, 338, примеч. 1.

29 Аппиан, bell, civ., III, 40.

30 По Полибию (VI, 34). Можно было полагать, что соответственно 10 когортам в легионе было и 10 трибунов; но даже в императорскую эпоху было только 6 трибунов; по Вегецию (II, 12): "когортами командовали трибуны или начальники". Противоречие между тем, что когорта являлась тактической единицей, а

действительным командиром ее был центурион, объясняется тем, что армия возникла из гражданского ополчения. Трибуны еще долго сохраняют тип начальников, тогда как центурионы сделались простыми солдатами.

31 Ср. Марквардт, II, 545; Фест (стр. 198) говорит: он занял место старинного accensus (причисленного, прикомандированного); на стр. 184: центурион выбрал его для себя "личным секретарем" (rerum privatarum ministrum).

32 Вегеций, II, 7.

33 Во времена царей приводится еще много наименований уполномоченных, которые у нас известны под именем ефрейторов или унтер-офицеров, несущих административные обязанности. I. H. Drake, The principales of the early empire, 1905 г. и теперь Домашевский, Порядок рангов в римском войске, 1908.

34 По Мемнону, который тоже не упоминает о втором сражении. "Fragm. Hist. Graec. ed. Carolus Mьller", III, 542.

Кромайер ("Античные поля сражений", т. II) пытается придать сражению при Херонее

организованный характер, что, судя по источникам, так же невероятно, как и утверждение того же автора о сражении при Магнезии.

35 То, что большая часть войска рассеялась для производства грабежей, не служит доказательством, так как если остаток войска был слабее римского, почему, спрашивается, Сулла не воспользовался случаем и не предпринял нападения?

36 K. Eckhardt, Die armenischen Feldzьge des Lucullus. Berliner Dissert. 1909 (Klio, IX и X). Военно-критические суждения недостаточно обоснованы, с чем соглашается и Гребе ("Нем. лит. газ." 1910, No 47).

37 Все изменения в этой главе основаны на тщательной работе Френсиса Смитса ("Hist. Zeitschrift", 115, 1916).

38 Regling, Crassus Partherkrieg, Klio, т. VII, 1907.

39 По Гартхаузену, II, 1, 150, прим. 6, указания относительно численности римского войска колебались между 13 и 18 легионами. К этому

должны быть добавлены армянские вспомогательные войска.

40 По Диону, 49, 26.

41 По Плутарху, Антоний, гл. 49, конец; Дион, 49. 31.

42 Так надо понимать Фронтина: "Stratag.", II, 13, 7.

43 Так считает Белох; Hubo ("N. Jahrb. f. Philol.", т. 147, 1893, стр. 707) дает цифру 25 000 и старается оправдать указания Цезаря, зачеркнув в его расчете одну сотню (одно С).

44 Так вычисляет и Клаузевиц (X, 66). Подходящее сравнение можно найти в книге о войнах Альбрехта фон Бранденбурга у Иенса (Jdhns, Gesch. d. Kriegsw., I, 521).

45 Транспорт, предоставленный прусской армии при Ольмюце в 1758 г., насчитывал почти 4 000 повозок, запряженных преимущественно четверкой, и равнялся по глубине колонны двухдневному переходу ("Gen.-St.-Werk.", т. VII, стр. 93).

46 Здесь идет речь не о целой четверти, как это часто указывается; та четверть, о которой говорит Цезарь, относится только к гельветам в более узком смысле: союзники уже переправились, и Цезарь не говорит, что и эта четвертая часть еще находилась здесь, когда он атаковал их, – это было тогда, когда их наблюдали его лазутчики. Ср. Стоффель, Война Цезаря и Ариовиста, стр. 75.

47 Если бы Мессиа был прав, говоря, что сегузиавы и себузианы – два разных народа и что последние жили на юге от Юры, севернее Роны, то Цезарь сообразно этому не имел бы лагеря у Лиона, а пошел бы из форта Эклюз через Бург-ан-Бресс; Лабиену с 3 легионами во время сражения на Соне он велел бы подождать его одним переходом дальше в восточном направлении, вверх по реке. Тогда гельветы могли бы от М о н м е р л я, где они были атакованы, отойти свободно к западу или юго-западу.

48 Las Cases, Mem, de St. Hélène (Мемуары, написанные на о. св. Елены), II, 445.

49 Бендер в своем труде "Достоверность рассказа Цезаря о войне с Ариовистом"

("N. Korresp.-Bl. f. d. Gelehrtenschulen Wьrlembergs", 1894) доказывает, насколько преувеличены указания Цезаря о владычестве Ариовиста в Галлии; но что Ариовист властвовал над частью Средней Галлии, в этом не следует сомневаться.

50 Эту мысль Цезарь высказывает устами Лиска (I, 17) так: лучше повиноваться другим галлам, чем римлянам, из чего можно заключить, что другие галлы уже свергли власть германцев.

51 Очень остроумно объясняет нам О. Гиршфельд в своем труде "Аквитания во времена римлян" ("Sitz.-Ber. d. Berl. Akad.", 1896, стр. 453), почему гельветы своею конечной целью избрали эту страну: весьма вероятно, что как гельветы, так и шедшие с ними бойи в родстве с племенами, населявшими нижнюю часть Гаронны. Гиршфельд точно утверждает, что причину такого похода нелегко себе представить, но если мы пойдем дальше по этому пути догадок, то согласимся с вышеприведенной гипотезой.

52 Продолжительное время, которое они употребили для переправы через р. Сону, не служит доказательством противного, так как

возможно, что Цезарь и в этом случае преувеличивал.

53 Я не допускаю, чтобы Цезарь, как это принято считать, кроме конницы имел еще в войске вспомогательные отряды от других союзных народов из Провинции, от эдуев или от каких-нибудь других племен. Его 6 легионов могли противостоять гельветам в сражении, а помощь не вполне надежных народов приносит мало пользы, а скорее даже вред, увеличивая расход продовольствия. Вспомогательные войска (auxilia), о которых говорит Цезарь, состояли из нумидийцев, балеар и критян, находившихся у него (II, 7).

54 Та часть рукописи Цезаря, где рассказывается о построении лагеря, неясна, а потому исправляется и читается толкователями Цезаря неодинаково.

55 По Страбону (IV, 1, 11). На севере владения лингонов простирались дальше владений медиоматрицев.

56 Идет спор о том, как понимать выражение Цезаря: "nullam partem noctis itmere intermisso" (ни на миг не прерывая похода, даже ночью). Мейзель

ставит его в скобки, и действительно все здесь зависит от толкования. Но по смыслу они не совершали переходов только по ночам и не шли в течение 4 дней и ночей подряд, а здесь, вероятно, применена гипербола, т.е. что страх заставлял их идти и ночью.

57 Арминий – германский герой из племени херусков.

58 Mitt. d. Gesellsch. f. Erhaltung d. geschichtl. Denkmdler im Elsasz, т. 16, 1893.

59 G. Colomb, Campagne de Cйsar contre Arioviste в "Revue archeцlogique", III серия, т. 33 (1898). Franz Stolle, Wo schlug Cдsar den Ariovist? Страсбург, 1889. – Коломб произвел топографические съемки, приведшие его к Арсей. Штолле дополнил их филологическими исследованиями. Его труд очень тщательно составлен и ценен во многих отношениях, но, к сожалению, неудобочитаем из-за системы формул и сокращений. В конце он приводит наглядную таблицу для сравнения различных мнений и полный перечень литературы, на который и ссылается. Работы Винклера были мне недоступны. Можно сравнить

со Штолле еще разбор Конрада Лемана в "D. Lit. Zeitschr.", 1899 г., No 44, стлб. 1682.

60 Диттенбергер, в новом издании текста Цезаря, изданного Кранером.

61 Конрад Леман, "N. Jahrb. f. klass. Altert.", 1901, т. 7, вып. 6, стр. 506 и Kio, т. 6, вып. 2, стр. 237 (1906).

62 Конрад Леман подчеркивает, что Цезарь не указывает точно, что на месте было 306 000 чел., но он говорит, что римляне знали точно, сколько каждая народность обещала на союзном собрании выставить войска.

63 Относительно маневра, который они совершили, см. выше, стр. 331.

64 Цезарь сам указывает 10 легионов (VII, 34), начиная с седьмого до пятнадцатого и первый. К ним присоединяется шестой после осады Алезии. Ср. примечание у Наполеона III (в нем. переводе, II, стр. 282). Гелер (стр. 333) отбрасывает "шестой легион" и ставит на его место "третий". Мейзель и Кюблер указывают "VIII"; 4 считают "VI" и правильно поступают. Ср. Домашевский,

"N. Heidelberger Jahrb.", Jahrg. IV (1894), стр. 158, ср. ниже гл. 7, начало.

65 Bell, gall., VII, 65.

66 Хольмс после тщательной проверки всех предположений относительно места этого сражения указывает на то (стр. 780), что полной достоверности достигнуть в этом вопросе нельзя, но что наиболее правдоподобна гипотеза Гужэ (Gouget), которая предполагает поле сражения около Дижона. Во всяком случае Наполеон III неправильно указывает место на 6 миль дальше на северо-восток, между Финжан и Баденом, южнее Лангра.

67 Ср. "Bell, civile", III, 47. Трудно себе представить, как могло войско, насчитывавшее 100 000, а может быть, и более человек, пропитаться вместе со всеми лошадьми, находясь в течение 6 недель на одном месте в неприятельской стране (ср. Илерда). Нужны были колоссальные подвозы издалека. Как могли они пробираться через враждебные страны? Я думаю, что в Виенне были скоплены большие (запасы), доставлявшиеся по р. Сене до места, от которого до Алезии оставалось всего 6 миль сухого пути.

Позже мы видим, что шестой легион соединился с основным войском: возможно, что, сопровождая транспорт, он столкнулся с ним во время осады. Возможно, что он только выступил в поход, когда Цезарь с севера подошел к нему. В первое время после победы, пока галлы вооружались и собирались соединиться, легион этот мог беспрепятственно Охранять транспорт на левом берегу р. Соны и доставлять его, а для приема транспорта Цезарь мог посылать отряд с фургонами. Странным все-таки кажется, что, если даже река и охранялась от натиска большей части галльского войска, то как гельветы и секваны не пытались перехватить транспорт? Ведь до тех пор весь стратегический план сводился к тому, чтобы отрезать подвоз продовольствия. Возможно ли, чтобы секваны, невзирая на утверждение Цезаря, не принимали участия в этом восстании? Как бы то ни было, но на такое большое войско не могло хватить продовольствия в окрестностях Алезии, а потому нужно было регулярно подвозить и фураж, и продовольствие, без чего осада Алезии была бы немыслима, а для транспорта требовались войска, которые охраняли бы его. Сравните, какими трудностями была обставлена доставка продовольствия в 1870 г. немецкому войску, осаждавшему Мец., несмотря на близость

немецкой границы и железнодорожного сообщения. Все это приведено в моей речи "Дух и масса в истории" ("Geist und Masse in der Geschichte", "Preus. Jahrb.", т. 174, стр. 193, 1912).

68 По рукописям, Лабиен совершил нападение с 39 или 40 когортами. Число это преувеличено, как уже давно доказано; больше трети пехоты нельзя взять с одного места для вылазки. Поэтому вместо XL предположили цифру XI, а Мейзель и Кюблер внесли последнюю цифру в текст. Если бы это число было сообщено, то из него можно было бы заключить, что штурмовые колонны галлов не были так сильны, как их описывал Цезарь, но так как число это основано на догадках, то и принимать его в расчет нельзя.

69 Фейт на стр. 177 говорит, что Верцингеторикс не жалел ни времени, ни трудов для переобучения армии по римскому образцу. Об этом Цезарь не упоминает, а основано это утверждение на ложном понимании существа обучения. Для обучения требуется дисциплина, которая даже посредством величайшей строгости не создается вдруг, не внедряется постепенно и становится привычкой, традицией. Цезарь же говорит (VII, 4) о том, что Верцингеторикс собрал и обращался с войском с

величайшей строгостью и жестокостью (VII, 29, 30), заставляя его вопреки привычкам укреплять лагерь по римскому образцу.

70 Свидетельство Диодора (кн. V, гл. 28 и сл.) очень красочно, но для нас непригодно.

71 Ср. выше стр. 353 и 356. Если эти цифры и не совсем точно переданы, то все же их можно принять. Домашевский в своем ценном сочинении "Войска в междоусобной войне с 49 до 42 гг. до Р. Х." ("N. Heidelb. Jahrb.", IV, 1894 г.) доказал, что Цезарь к началу войны имел 11 легионов. Так как в походе против Верцингеторикса упоминается только 10 легионов, а потом на зимних квартирах – 11, то ввиду того, что Цезарь два легиона отдал, осталось, собственно говоря, всего 9. Домашевский объясняет это следующим образом: Цезарь, как только почувствовал приближение конфликта, образовал еще два новых легиона взамен двух отданных им. Но мне кажется, что можно это лучше объяснить: Цезарь имел в 52 г., кроме указанных выше 10 легионов, еще 22 когорты, защищавшие Провинцию (VII, 65) и набранные в ней, следовательно, имевшие в своем составе не только римских граждан. V легион Алауда был именно таким

негражданским легионом. По Светонию, Цезарь сорганизовал этот легион уже во время Галльской войны, а не потом, как думал Домашевский, не в 50 г. Скорее всего, V легион относился к тем 22 когортам 52 г., а также и VI. Однако Светоний, вероятно, говорит только о легионе из варваров. Но если мы присоединимся к мнению, что VI легион только впервые упоминается в Комментариях; что он, по словам Наполеона III, был уже в главных войсках при Алезии; что Цезарь ни в каком случае не мог тогда иметь в Цизальпине еще один легион из ветеранов, то нам станет ясным, что Цезарь после поражения Верцингеторикса, когда Провинция уже не нуждалась в прикрытии, использовал часть гарнизона для решительного сражения. Отсюда мы выведем заключение, что этот легион был частью набранных в самой Провинции для ее защиты 22 когорт, "praesidia ex ipsa coacta provincia"

Против этого можно возразить, что в bell. Alex. 69 о VI легионе сказано, что он уменьшился на 1 000 чел. из-за лишений и потерь ("crebritate bellorum" – вследствие частых сражений) и что он был распущен вместе с другими ветеранами в 45 г. Если же он был составлен только зимой 53/52 г. (может быть, и раньше), то должен был

участвовать в сражениях, имевших целью защитить Провинцию, – в освободительном сражении при Алезии, – и проделать всю междоусобную войну, т.е. провести 6 лет в интенсивных военных походах до того, как Цезарь повел его из Египта против Фарнака. Домашевский (стр. 171), даже признавая, что V легион был образован в 50 г., считает, что в 48 г. он был легионом ветеранов.

Примечание ко 2-му изданию. Гребе (изд. Отто Гиршфельд, 1903 г., отпечатанное во 2-м издании Друмансом "Rцmische Gesch.", т.III, стр... 702) в исследовании о легионах Цезаря приходит к выводу, что V легион образовался из когорт, составленных в 52 г. в Провинции. Но он относит их к 51 г., VI легион гражданской войны образован в 50 г., после того как старый VI отошел к Помпею и был у него обозначен номером 1.

Восемь когорт, о которых я думал, что они находятся в Цизальпинской Галлии, у него совершенно отбрасываются. Таким образом, по его мнению, Цезарь имел в 52 г. только 10 легионов. Разница незначительная, так как весь вопрос сводится к тому, были ли легионы раньше или позже образованы из 22 когорт и были ли эти 8 когорт в Цизальпинской Галлии в 52 г. О том,

что новообразования были в 50 г., говорит письмо Цицерона к Аттику (в декабре 50 г.), цитируемое Гребе: "Следовало сопротивляться, и это было легко; теперь имеется 11 легионов, а конницы столько, сколько он захочет, – все транспаданцы" (Цицерон, Письмо к Аттику, VII, 7, 6). Но из этой цитаты ничего нельзя заключить, так как во всяком случае Цезарь в 52 г. имел, кроме своих 10 легионов, еще и 22 когорты.

72 Даты приведены по Стоффелю, который опирается на исследования, сделанные астрономом Леверье по приказу Наполеона III. По Иделеру, Моммзену, Мацату, Зольтау и Унгеру, события эти произошли примерно на 3 недели раньше.

73 Когда Цезарь выступил на другой день и снова пошел по направлению к Илерде, то помпеянские солдаты решили, что недостаток в съестных припасах принудил его к отступлению. Это не противоречит тому, что было сказано выше.

74 Возможно, что даже больше. Гребе, цит. соч., стр. 710.

75 28 ноября 49 г. – по Стоффелю; 5 ноября – по Моммзену.

76 Эти наблюдения были произведены комиссией, посланной Наполеоном III в 1861 г., и опубликованы Л. Хезэ: "Военные операции Цезаря, исследованные на месте комиссией из Македонии", Париж, 1886 г.; это подтверждено Стоффелем в его труде "Жизнь Цезаря", I, 138.

77 Домашевский, цит. соч., стр. 171 и 172, считает невозможным переход легионов из Италии в Иллирию, так как морем владели помпеянцы. Аргумент неправильный, ввиду того, что на суше дорога была свободна.

78 Этот вопрос не был до сих пор достаточно расследован. Ранке в своей книге "Всемирная история" говорит, что у нас имеются описания сражения при Фарсале, принадлежащие приверженцам сената и Помпея. Это возможно лишь в том смысле, что Ливий тоже писал в помпеянском духе, а Лукан воспевал междоусобную войну, придерживаясь той же тенденции. Но они оба пользовались рукописными источниками, а так как сами они кроме тенденции ничего не вносили, что не

исходило бы от Цезаря или Помпея, то и ясно, что подлинного помпеянского источника, основанного на собственной информации, не существовало или же к тому времени он исчез. Лукан, наверное, считался бы с ним. Удивительно, как мало положительного он дает, что не было бы и без того известно. Платнер (Plathner) в труде "Zur Glaubwьrdigkeit d. Gesch. des Bьrgerkrieges" (Progr. Bernburg, 1882 г.) очень хорошо показал, что Лукан черпал все из Ливия. Но оба могли обнаружить свои симпатии к делу Помпея, черпая свои сведения лишь из враждебных источников.

79 Аппиан и Дион рассказывают о больших поражениях, которые попеременно терпели эти выделенные корпуса. Сведения эти идут от Азиния Поллиона. Если бы это было верно, то мы видели бы какие-нибудь серьезные последствия. Поэтому мы предпочитаем пользоваться рассказом Цезаря. Поллион, вероятно, сделался жертвой преувеличений, содержавшихся в рассказах каких-либо участников событий.

80 По Плутарху, Цезарь, гл. 43.

81 Таков смысл соответствующих мест "Bell. civile", гл. 84, 2 и 85, 1.

82 По Фронтину, II, 3.

83 По Диону, 41, 55: "Bell, civ.", III, 82.

84 Цангемейстер в предисловии к своему изданию Орозия, стр. 25.

85 "Bell, civ.", III, 101.

86 Дион, XLI, 54, 2.

87 А. Риттер. О достоверности указаний географических пунктов, цифр и данных о времени в военно-исторических трудах Фридриха Великого, Berl. Dissert. 1911 г.

88 По Плутарху. В рукописях "Bellum Africanum" стоит X вместо L, что неправильно сохранено и новейшими издателями.

89 "Bellum Hisp." (гл. XXX) не может быть иначе истолкована: было бы странно, если бы ни в одном из трех больших сражений гражданской войны перевес, который был у Цезаря в этом роде войск, не возымел своего действия. Кроме

галльских и германских, Цезарь имел при Мунде и нумидийских всадников.

90 Полибий, III, 14.

91 Ливий, XXV, 41.

92 Саллюстрий, Югурта, 53.

93 По наблюдениям Фрелиха, "Значение Второй Пунической войны", стр. 20.

94 Валерий Максим, IX, 3; Аппиан, Iber., гл. 46.

95 Орозий, V, 13; Флор, I, 37.

96 Шуберт (Пирр, стр. 222) обратил внимание, что в рассказе о походе Пирра в Сицилию (Тимей) слоны почти не упоминаются...

97 Д. Шребер в труде "Млекопитающие" (т. 1, стр. 245, 1775 г.), имеющем значение и поныне в качестве капитального труда в области описательной зоологии, говорит, что слон даже укусы мух ощущает очень болезненно. В том же произведении в VI томе рассказано Вагнером (1835 г.) на стр. 265, что копья охотников

оставались в теле слонов и постепенно умерщвляли их. Бакер в труде "Альберт Нианца" (стр. 284) говорит, что опытный охотник может ударом копья снизу умертвить слона.

98 Аппиан. Iber... гл. 46.

99 Фронтин, IV, 7, 1. В том же роде в "Bellum Africanum", 31.

100 "О войне", кн. VII, гл. 16.

101 Светоний, гл. 88.

102 Плутарх, гл. 11.

103 В предисловии к своей обработке изданных Фоларом комментариев к Полибию.

104 Сопоставление трех цитат в труде А. Бауэра "Взгляды Фукидида на ведение войны", "Philologus", т. 50, стр. 416.

105 В речи "pro lege Manilla" в 66 г.

Том 2

ГЕРМАНЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Это третье издание отличается от второго издания, появившегося в 1909 г., лишь рядом небольших добавлений и исправлений, как, например, в отделе об организации военного дела у вестготов. Моя концепция в общем осталась прежней, и хотя отдельные ее пункты подверглись критике, я все же не нашел достаточных оснований для того, чтобы их видоизменить; напротив, я смог их усилить новыми аргументами. В частности, я здесь имею в виду мое понимание сущности и значения германского клинообразного боевого порядка и мое указание на то, что крепость Ализо находилась на той возвышенности, где ныне стоит собор в Падерборне.

Между тем появился в свет IV и последний том этого моего труда (1920), изложение которого доходит до Наполеона и Клаузевица. И так как один австрийский критик в связи с этим указал на

то, что двумя важнейшими фундаментальными положениями этого труда являются сокращение высоких цифр численного состава армий и вскрытие различия между стратегией сокрушения и стратегией измора, то можно было бы, исходя из этого, прийти к тому выводу, что наиболее важными являются I и IV томы. Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирноисторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов. В то же время в нем имеется и положительное построение, в частности – обоснование того тезиса, что союз между Константином и христианской церковью повлек за собой изменение военной организации, а кроме того, – установление сущности ленной системы и рыцарства. В основе этого лежит та полярная противоположность между отдельным бойцом и тактической единицей, которая имеет столь большое значение в военном деле. Разработка этого вопроса является основной частью III тома.

Ганс Дельбрюк

Грюневальд, 29 июля 1921 г.

Часть первая

БОРЬБА РИМЛЯН С ГЕРМАНЦАМИ

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНЦЕВ

Чтобы понять организацию военного дела германцев, необходимо сперва изучить социально-политические условия жизни этого народа.

Германцы, подобно галлам, не знали политического единства. Они распадались на племена, из которых каждое занимало в среднем область с площадью, равной приблизительно 100 кв. милям. Пограничные части области не были населены из опасения неприятельского нашествия. Поэтому можно было даже из самых отдаленных поселков достигнуть расположенного в центре области места народного собрания в течение однодневного перехода.

Так как очень большая часть страны была покрыта лесами и болотами и поэтому жители ее лишь в очень незначительной степени занимались

земледелием, питаясь главным образом молоком, сыром и мясом, то средняя плотность населения не могла превышать 250 человек на 1 кв. милю. Таким образом, племя насчитывало приблизительно 25 000 человек, причем более значительные племена могли достигать 35 000 или даже 40 000 человек. Это дает 6 000–10 000 мужчин, т.е. столько, сколько в самом крайнем случае, учитывая 1 000–2 000 отсутствующих, может охватить человеческий голос и сколько может образовать целостное и способное обсуждать вопросы народное собрание. Это всеобщее народное собрание обладало высшей суверенной (верховной государственной) властью.

Племена распадались на роды, или сотни. Эти объединения называются родами, так как они были образованы не произвольно, а объединяли людей по естественному признаку кровной связи и единства происхождения. Городов, в которые могла бы отливать часть прироста населения, образовывая там новые связи, еще не было. Каждый оставался в том союзе, внутри которого он родился. Роды назывались также сотнями, ибо в каждом из них насчитывалось около 100 семей или воинов[1]. Впрочем эта цифра на практике часто бывала больше, так как германцы употребляли слово "сто, сотня" в смысле вообще

большого округленного числа. Цифровое, количественное наименование сохранялось наряду с патриархальным, так как фактическое родство между членами рода было очень далеким. Роды не могли возникнуть в результате того, что первоначально жившие по соседству семьи в течение столетий образовали крупные роды. Скорее следует считать, что слишком разросшиеся роды должны были разделиться на несколько частей для того, чтобы прокормиться на том месте, где они жили. Таким образом, определенный размер, определенная величина, определенное количество, равное приблизительно 100, являлись образующим элементом объединения наряду с происхождением. И то и другое давало свое название этому союзу. Род и сотня тождественны.

Род (или сотня), в состав которого входили, как мы можем предположить, от 400 до 1 000, а иногда, может быть, и до 2 000 человек, владел округом площадью, равной одной или нескольким кв. милям, и населял деревню. Германцы строили свои хижины не стена к стене, не фасадом к фасаду, а так, как они это находили удобным, в зависимости от места расположения леса или ручья. Но в то же время это не были и отдельные хутора, подобно тем, которые теперь преобладают

во многих частях. Вестфалии. Это были скорее общие поселки с отдельно стоящими и широко разбросанными постройками. Земледелие, которым главным образом занимались женщины и те из мужчин, которые не годились для охоты и для войны, имело очень незначительное распространение. Чтобы иметь возможность обрабатывать нетронутую и плодородную почву, германцы часто переносили свои поселки с одного места на другое внутри своего округа. Даже в более поздние времена германское право относило дом не к недвижимости, а к движимому имуществу. Хотя, как мы это уже видели выше, на 250 человек населения приходилось в среднем 1 кв. миля площади, а на одну деревню с населением в 750 человек[2] приблизительно 3 кв. мили, тем не менее не было никакой возможности использовать очень много пахотной земли иначе, как посредством этих переносов. Германцы не были уже кочевниками, но все же они были очень слабо связаны с землей и с почвой.

Члены рода, являвшиеся в то же время соседями по деревне, образовывали во время войны одну общую группу, одну орду. Поэтому еще теперь на севере называют военный корпус "thorp", а в Швейцарии говорят "деревня" – вместо

"отряд", "dorfen" – вместо "созывать собрание", да и теперешнее немецкое слово "войско", "отряд" (Truppe) происходит от этого же самого корня. Перенесенное франками к романским народам, а от них вернувшееся в Германию, оно до сих пор хранит воспоминание об общественном строе наших предков, уходящем в такие древние времена, о которых не свидетельствует ни один письменный источник. Орда, которая шла вместе на войну и которая вместе селилась, была одной и той же ордой. Поэтому из одного и того же слова образовались названия поселения, деревни и солдат, войсковой части[3].

Таким образом, древнегерманская община является: деревней – по типу поселения, округом – по месту расселения, сотней – по своим размерам и родом – по своим внутренним связям. Земля и недра не составляют частной собственности, а принадлежат совокупности этой строго замкнутой общины. Согласно более позднему выражению, она образует областное товарищество (Markgenossenschaft).

Римляне не имели в своем языке соответствующих слов, которые могли бы целиком выразить все эти понятия, поэтому они были принуждены прибегать к описательным оборотам. Латинское слово "род" (gens), которое

ближе всего подошло бы для этой цели, уже превратилось в почти лишенную всякого содержания форму и потому не могло вызвать в римлянах никакого представления. Поэтому германские роды Цезарь называет "роды и родственные союзы людей, совместно обрабатывающих землю", для того чтобы выразить мысль, что в этих поселениях имеется налицо подлинная кровная связь. Тацит говорит, что "семьи и близкие родственники" стояли в поле всегда рядом и что "совокупности" (universi) совместно владели пахотной землей. Равным образом и Павел Диакон еще ясно чувствовал, что это явление германской жизни не может быть точно передано никаким латинским словом. Поэтому он сохранил германское слово "fara" (род, того же корня, что латинский глагол "pario", "peperi" – рождаю) в своей книге, написанной по-латински, причем он прибавил к нему три латинских перевода: "роды", "линии родства", "фамилии" (generationes, lineas, prosapias)[4]. Также трудно было перевести и германское слово "деревня". Римская деревня была маленькой и замкнутой, построенной наподобие города. Поэтому, для того чтобы дать представление о более разбросанных и более обширных германских поселениях, занимающих большую

территорию, Тацит называл их "деревни и сельские округа".

Во главе каждой общины стоял избираемый чиновник, который носил название "альдерман" (старейшина), или "хунно", подобно тому как община называлась либо "родом", либо "сотней". Ульфила называет евангельского сотника (центуриона) "хундафат". У англо-саксов мы встречаем аналогичный термин "эльдермен", а в Норвегии – "Herredsqnige", "Hersen". В Германии слово "хунно" сохранялось в течение всех Средних веков в названиях "хунне", "хун", "хундт", обозначающих сельского старосту. Это слово существует еще и поныне в Семиградье в своей современной форме "хон".

Альдерманы, или хунни, являются начальниками и руководителями общин во время мира и предводителями мужчин во время войны. Но они живут с народом и в народе. В социальном отношении они такие же свободные члены общины, как и все другие. Их авторитет не настолько высок, чтобы сохранить мир при крупных распрях или тяжелых преступлениях. Их положение не настолько высоко, а их кругозор не настолько широк, чтобы руководить политикой. В каждом племени были один или несколько благородных родов, стоявших высоко над

свободными членами общины, которые, возвышаясь над массой населения, образовывали особое сословие и вели свое происхождение от богов. Из их среды общее народное собрание выбирало нескольких "князей", "первейших", "principes", которые должны были ездить по округам ("по деревням и селам"), чтобы творить суд, вести переговоры с иноземными государствами, совместно обсуждать общественные дела, привлекая к этому обсуждению также и хунни, для того чтобы затем вносить свои предложения на народных собраниях. Во время войны один из этих князей в качестве герцога облекался верховным командованием.

В княжеских родах, – благодаря их участию в военной добыче, дани, подаркам, военнопленным, которые им отбывали барщину, и выгодным бракам с богатыми семьями, – сосредоточились крупные, с точки зрения германцев, богатства[5]. Эти богатства дали возможность князьям окружить себя свитой, состоящей из свободных людей, храбрейших воинов, которые поклялись в верности своему господину на жизнь и на смерть и которые жили вместе с ним в качестве его сотрапезников, обеспечивая ему "во время мира пышность, а во

время войны защиту". И там, где выступал князь, там его свита усиливала авторитетность и значение его слов.

Конечно, не было такого закона, который категорически и положительно требовал бы, чтобы в князья выбирался лишь отпрыск одного из благородных семейств. Но фактически эти семьи настолько отдалились от массы населения, что не так-то легко было человеку из народа перешагнуть эту черту и вступить в круг благородных семейств. И с какой стати община выбрала бы в князья человека из толпы, который ничем не возвышался бы над всяким другим? Все же нередко случалось, что те хунни, в семьях которых в течение нескольких поколений эта должность сохранялась и которые благодаря этому достигли особого почета, а также и благосостояния, вступали в круг князей. Именно так шел процесс образования княжеских семейств. И то естественное преимущество, которое имели при выборах чиновников сыновья отличившихся отцов, постепенно создало привычку выбирать на место умершего – при условии соответствующей квалификации – его сына. А преимущества, связанные с положением, настолько возвышали такую семью над общим уровнем массы, что остальным становилось все труднее и труднее с

нею конкурировать. Если мы теперь в общественной жизни ощущаем более слабое действие этого социально-психологического процесса, то это объясняется тем, что другие силы оказывают значительное противодействие такому естественному образованию сословий. Но нет никакого сомнения в том, что в древней Германии из первоначально выбираемого чиновничества постепенно образовалось наследственное сословие. В покоренной Британии из древних князей появились короли, а из эльдерменов – эрли (графы). Но в ту эпоху, о которой мы сейчас говорим, этот процесс еще не закончился. Хотя княжеское сословие уже отделилось от массы населения, образовав класс, хунни все еще принадлежат к массе населения и вообще на континенте не обособились еще в качестве отдельного сословия.

Собрание германских князей и хунни называлось римлянами сенатом германских племен. Сыновья самых благородных семей облекались уже в ранней молодости княжеским достоинством и привлекались к совещаниям сената. В остальных случаях свита была школой для тех из юношей, которые пытались вырваться из круга свободных членов общины, стремясь к более высокому положению.

Правление князей переходит в королевскую власть, когда имеется налицо лишь один князь или когда один из них отстраняет или покоряет других. Основа и сущность государственного строя от этого еще не изменяются, так как высшей и решающей инстанцией все еще, как прежде, остается общее собрание воинов. Княжеская и королевская власть еще принципиально так мало друг от друга отличаются, что римляне иногда применяют титул короля даже там, где имеются налицо даже не один, а два князя[6]. И королевская власть, так же как и княжеская, не передается по одному лишь наследству от одного ее носителя к другому, но народ облекает этим достоинством имеющего наибольшие на это права посредством выборов или называя его имя криками (par acclamation, durch Zuruf). Физически или умственно неспособный для этого дела наследник мог быть и был бы при этом обойденным. Но хотя, таким образом, королевская и княжеская власть прежде всего отличались друг от друга лишь в количественном отношении, все же, конечно, имело громадное значение то обстоятельство, находилось ли начальство и руководство в руках одного или нескольких. И в этом, несомненно, скрывалось очень большое различие. При наличии королевской власти была

совершенно устранена возможность противоречия, возможность предлагать народному собранию различные планы и делать различные предложения. Суверенная власть народного собрания все больше и больше превращается в одни лишь восклицания. Но это одобрение восклицанием остается необходимым и для короля. Германец сохранил и при короле гордость и дух независимости свободного человека. "Они были королями, – говорит Тацит (13, 54), – насколько вообще германцы позволяли собою править".

Связь между округом-общиной и государством была довольно свободной. Могло случиться, что округ, меняя место своего поселения и перемещаясь все дальше и дальше, мог постепенно отделиться от того государства, к которому он ранее принадлежал. Посещение общих народных собраний становилось все более и более затруднительным и редким. Интересы уже изменились. Округ находился лишь в своего рода союзных отношениях с государством и образовал со временем, когда род количественно возрастал, свое особое государство. Прежняя семья хунно превращалась в княжескую семью. Или же случалось так, что при распределении между различными князьями судебных округов князья

организовывали свои округа в качестве отдельных единиц, которые они крепко держали в своих руках, постепенно образуя королевство, и затем отделялись от государства. На это нет прямых указаний в источниках, но это отражается в неопределенности сохранившейся терминологии. Херуски и хатты, которые являются племенами в смысле государства (civitates), владеют настолько широкими территориями, что мы скорее должны видеть в них союз государств. Относительно многих племенных названий можно сомневаться, не являются ли они простыми названиями округов. И опять слово "округ" (pagus) может применяться часто не к сотне, но к княжескому округу, который охватывал несколько сотен. Наиболее крепкие внутренние связи находим мы в сотне, в роде, который вел внутри себя полукоммунистический образ жизни и который не так легко распадался под влиянием внутренних или внешних причин.

Моя концепция социально-политического строя германцев, которая существенно отличается от господствующих взглядов, мною впервые изложена и подробно обоснована в 81-м томе "Прусского ежегодника" (3-й вып., 1895 г.). Я приведу здесь еще раз наиболее существенные моменты моей аргументации.

Решающим пунктом является тождество между

родом и сотней.

То, что сотня является округом, по моему мнению, уже достаточно хорошо доказано Вайцем. Новейшие исследователи – Зибель, Зикель, Эрхардт, Брукнер, Шредер – приняли вместо этого за округ область, в состав которой входило не менее 2 000 воинов. Однако, такое положение нельзя доказать. Слово "округ" (pagus), о котором прежде всего здесь идет речь, является в римском смысле вообще территориальным округом, подразделением какой-либо страны или местности неопределенных размеров. Цезарь делит гельвециев на четыре "округа". Ясно, что эти округа не только не могли быть сотнями, но даже должны были быть значительно больше тысячи. Поэтому мы должны признать число гельвециев настолько возросшим, что они уже не могли управляться одним общим народным собранием и распались на четыре обособленные единицы, которые объединялись вместе посредством союзных установлений. Так как эти четыре единицы во внешних сношениях всегда выступали в качестве единого целого, то римлянин и назвал государства гельвециев простыми округами. Для разрешения нашего вопроса эти виды округов совершенно исключаются, так же как и "округа" Средних веков, которые приблизительно соответствовали древним племенам.

Максимальной величиной, которую можно принять для древнегерманских округов, является тысяча. О ней можно было говорить до тех пор, пока не было точных представлений о численности и плотности населения германского племени. Если же правильно то, что при тех культурных и

экономических условиях, в которых находилась древняя Германия, на одной кв. миле не могло жить в среднем больше, чем приблизительно 250 человек, то тем самым отпадает и тысяча. Конечно, мы можем себе представить, что племя, имевшее трех или четырех князей определяло каждому из них в качестве судебного округ, насчитывавший приблизительно 1 200–2 000 воинов, причем вполне возможно, что даже такой округ порой назывался "pagus"[7]. Но если мы уясним себе существо сотни и характер ее поселения, то уже не сможем сомневаться в том, что римляне, когда они говорили о германских округах, преимущественно имели в виду сотни. И так как саксы даже в позднее Средневековье употребляли для этой же цели слово "го", то мы с полным правом можем приманить это же слово в техническом его смысле для обозначения сотен уже в глубокой древности, не отрицая в то же время возможности того, что германцы могли его употреблять в таком же общем смысле, в каком мы теперь употребляем слово "округ".

Мы подходим, таким образом, к сотне. Новейшая гипотеза Брукнера, к которой присоединился и Рихард Шредер, гласит, что сотня являлась персональным союзом, войсковой частью, находившейся под начальством вождя, которая хотя и не всегда точно соответствовала цифре 100, потому что роды должны были всегда, сохраняя свое единство, находиться вместе, однако же время от времени из военных соображений подвергалась регулированию своего численного состава.

Эта гипотеза вызывает против себя следующие возражения. Твердо установлено, что германцы шли на войну, сгруппированные по родам. Но нет

никаких оснований предполагать, что эти роды были искусственно сформированы в сотни. Город-государство, подобно Риму, должен был искусственно разделить своих воинов на центурии (сотни) ради поддержания порядка, так как уже не существовало подходящих естественных союзов. Роды же ни при каких обстоятельствах не могли быть столь малочисленны. И если бы роды все же были слишком малы, то деревни во всяком случае дали бы германцам прекрасное основание для подразделения их войска; поэтому совершенно непонятно, почему в течение долгого времени и повсеместно среди всех германцев на протяжении многих столетий должен был укрепляться и окончательно утвердиться искусственный способ персонального деления на сотни.

И это тем более невероятно, что, как мы уже видели, предводителем такого отряда являлся хунно, бывший чиновником, который всегда выступал в этой роли и который, очевидно, был искони существовавшим и собственно предназначенным для этой цели предводителем этой маленькой части. Как могло бы это быть, если бы он стоял во главе менявшегося обычно персонального объединения, если бы сотня не была как раз чрезвычайно прочным и длительным союзом и если бы в этом союзе собственно корпоративная жизнь не пульсировала в нем самом, а пульсировала бы лишь в его подразделениях, в родах?

Наконец – самое решающее соображение: невозможно себе представить, что несколько родов образовывали вместе одну сотню, так как род был для этого слишком велик. Дион Кассий (кн. 71, гл. II)

сообщает нам, что германцы заключили мир с Марком Аврелием частично в качестве родов, а частью в качестве племен. Эти роды никак не могли быть маленькими корпорациями, состоявшими из 10–20 семей. Об этом же самом говорит цитированный нами выше рассказ, приведенный Павлом Диаконом (II, 9). Но если мы будем принуждены представить себе, что роды являлись союзами, состоявшими из 100, а часто и из нескольких сотен воинов, то отсюда само собой будет проистекать, что опять-таки и сотня не могла быть подразделением рода, а что род и сотня были тождественны. Именно этим и только этим объясняется постоянное и длительно существовавшее положение хунно у всех германских народов в качестве начальника рода, или альдермана.

К тому же самому выводу мы приходим, исходя из хозяйственных отношений. Твердо установлено, что именно роды совместно владели землями и раздавали пахотные участки отдельным лицам, причем отсюда не проистекала частная собственность. Помимо приведенных выше свидетельств Диона Кассия и Павла Диакона, совершенно ясно, что в одной деревне не могло жить одновременно несколько родов, ибо это привело бы к установлению не только излишней, но и совершенно невыносимой посредствующей инстанции между отдельной семьей и деревней. Даже еще в более поздние времена[8] деревни в источниках называются "родословиями"; "триба" в древнем верхненемецком переводится через "хунни", а "принадлежащие к одной трибе члены трибы" – словом "хунилунга"[9], что означает "родственники", "члены рода", "родичи". У англо-саксов слово "мегд"

(род) имеет значение территории, провинции, родины. Таким образом, род и деревня были тождественны, причем не исключается возможность того, что подчас многие из них состояли из довольно далеко отстоящих друг от друга поселений. Но и это на практике случалось редко, так как в интересах взаимной помощи поселки не должны были быть слишком маленькими, причем политически во всяком случае существовал лишь один союз, а именно тот, который смотрел на себя как на господина всей земельной территории и который ее распределял между отдельными лицами.

Этот союз или эта деревня должны были иметь для своего хозяйственного управления начальника, который был значительной и авторитетной личностью, так как общинная пашня, луга, лес, выгон и охрана стад, посев и жатва, пожарная опасность и взаимная помощь, будучи объектами его деятельности, непрерывно требовали ее проявления. Не только ничем и нигде не доказано, что существовал чиновник, подчиненный хунно, но и без того совершенно ясно, что начальник деревни, которая одновременно являлась и родом, был слишком значительной личностью, чтобы иметь близко над собой власть хунно, который к тому же не так уже высоко стоял на социальной лестнице. Старейшина рода и начальник деревни неизбежно вытеснили бы должность хунно. Оба стояли бы слишком близко друг к другу, чтобы терпеть один другого близ себя. К тому же совершенно ясно, что хунно был бы слабейшим. Таким образом, это деление является невозможным. Военачальник, иногда

имевший под своим начальством несколько деревень или родов, мог существовать, но власть хунно, которая в качестве общегерманского установления утвердила себя на протяжении многих столетий и которая постоянно снова появлялась, была далеко не временным явлением и должна была стоять в тесной зависимости от очень прочной корпорации. Поэтому хунно ни в коем случае не мог стоять наряду с начальником деревни или старейшиной рода, имевшим в своих руках хозяйственное руководство союзом, а как раз им-то и являлся. Тождество должностных лиц указывает на тождество корпораций: род совпадает с деревней, а деревня с сотней.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Теперь уже всеми признано, что указания римлян относительно численности населения Германии, которые еще совсем недавно доверчиво повторялись, не имеют никакой цены. Насколько трудно определять количество населения, совершенно освободившись от какого-либо тенденциозного преувеличения, ясно показывают нам описания тех стран, которые только теперь вступили в круг зрения культурного мира.

В области Урунди Стэнли определил плотность населения в 75 человек на 1 км², позднее Бауманн определил ее лишь в 7 человек. Реклю считал возможным принять для Уганды плотность населения в 5 000 человек на 1 кв. милю (что гораздо больше, чем во Франции), Ратцель снизил эти 5 000 до 670, а Яннаш однажды сказал, что ему, несмотря на все его

старания, никак не удалось установить более или менее надежную цифру количества населения какой-либо африканской области. И если Фиркандт, несмотря на это, исчисляет плотность населения различных областей восточной части Центральной Африки от 0,85 до 6,5 человек на 1 км², а в среднем для области с площадью в 5 010 000 км² устанавливает плотность населения 4,74 человека на 1 км² (приблизительно 250 на 1 кв. милю), то ему удается сделать это лишь при помощи многочисленных взаимно контролирующих данных и действительно надежных подсчетов[10]. Каким же образом можем мы, хотя бы с некоторой степенью точности, вычислить количество населения древней Германии, если у нас нет ни одной действительно надежной цифры, на которую мы могли бы с уверенностью положиться? И все же это возможно, так как теперь мы можем пользоваться такими масштабами, о которых несколько десятков лет тому назад мы не имели даже приблизительного представления. Я имею в виду способ определения плотности населения, исходя из продовольственной продукции в различных странах при различных культурных условиях. Этот способ дает, – правда, не всегда, но все же во многих случаях, – очень твердые опорные, точки. Он дает нам возможность утверждать, что в древней Германии было очень редкое население, так как германцы в те времена еще не имели городов, мало занимались земледелием, питались главным образом молоком, сыром и мясом, продуктами охоты и рыболовства и жили в стране, которая в своей большей части была покрыта лесами и болотами.

Арндт некогда определил плотность населения древней Германии в 800–1 000 жителей на 1 км², исходя, однако, из того, что рассказы римлян о незначительном земледелии германцев были неправильны. Теперь же все ученые признали, что описания германского земледелия у Цезаря и Тацита правильны. Поэтому мы должны отдать долг справедливости прекрасной наблюдательности знаменитого писателя древности, отвергая, однако, его вывод о значительной плотности населения и о наличии больших народных масс, о которых так любят рассказывать римляне. Основываясь на сравнении с вычислениями Белоха относительно Галлии, я определил в уже цитированной мною статье в "Прусском ежегоднике" плотность населения в 4–5 человек на 1 км², (250 на 1 кв. милю). Принцип определения с того времени несколько изменился, так как я теперь потерял веру в те указания Цезаря относительно гельвециев, из которых исходил Белох. Однако, само определение плотности населения следует сохранить неизмененным.

Сравнительные цифры, из которых следует исходить для того, чтобы прежде всего установить приблизительную опорную точку, теперь уже прекрасно сопоставлены у Шмоллера в его "Основах всеобщего учения о народном хозяйстве" (Политическая экономия, т. I, стр. 158 и след.). Шмоллер устанавливает здесь для Германии к началу нашей эры 5–6 человек на 1 км²; в другом месте (стр. 169) он пишет, что мое определение в 25 000 человек на племя (4–5 на 1 км²) кажется ему скорее преувеличенным, нежели преуменьшенным. Однако, это не является коренным противоречием, так как

здесь может идти речь лишь о весьма приблизительных определениях. Жило ли 4 или 6 человек на 1 км², общее число германцев, живших в древности между Рейном и Эльбой, не могло превысить приблизительно одного миллиона. Эту цифру мы может определить точнее, принимая во внимание площадь расселения и организацию отдельных племен.

Мы достаточно хорошо знаем географию древней Германии для того, чтобы довольно точно установить, что на пространстве между Рейном, Северным морем, Эльбой и линией, проведенной от Майна у Ханау до впадения Зааля в Эльбу, жили приблизительно 23 племени, а именно: два племени фризов, канинефаты, батавы, хамавы, амсивары, ангривары, тубанты, два племени хавков, усипеты, тенхтеры, два племени бруктеров, марсы, хасуарии, дульгибины, лангобарды, хероски, хатты, хаттуарии, иннерионы, интверги, калуконы[11]. Вся эта область занимает около 2 300 км², так что в среднем на каждое племя приходилось приблизительно около 100 км². Верховная власть у каждого из этих племен принадлежала общему народному собранию или собранию воинов. Так было и в Афинах, и в Риме, однако, промышленное население этих культурных государств лишь в очень незначительной своей части посещало народные собрания. Что же касается германцев, то мы действительно можем признать, что очень часто почти все воины бывали на собрании. Именно поэтому государства были сравнительно небольшими, так как при более чем однодневном расстоянии самых дальних деревень от центрального пункта подлинные всеобщие собрания стали бы уже

невозможными. Этому требованию соответствует площадь, равная приблизительно 100 кв. милям. Равным образом вести более или менее в порядке собрание можно лишь при максимальном количестве в 6 000–8 000 человек. Если эта цифра была максимальной, то средней цифрой была цифра немного более 5 000, что дает 25 000 человек на племя, или 250 на 1 кв. милю (4–5 на 1 км²). Следует отметить, что это является прежде всего максимальной цифрой, верхней границей. Но сильно понижать эту цифру нельзя из других соображений – из соображений военного характера. Военная деятельность древних германцев против мировой римской державы и ее испытанных в боях легионов была настолько значительной, что она заставляет предполагать определенное количество населения. А цифра в 5 000 воинов на каждое племя кажется по сравнению с этой деятельностью настолько незначительной, что, пожалуй, никто не будет склонен эту цифру еще уменьшить.

Таким образом, – несмотря на полное отсутствие положительных сведений, которые мы могли бы использовать, – мы все же находимся в состоянии с достаточной уверенностью установить положительные цифры. Условия настолько просты, а хозяйственные, военные, географические и политические факторы настолько тесно между собой переплетены, что мы теперь, пользуясь твердо установленными методами научного исследования, можем восполнить пробелы в дошедших до нас сведениях и лучше определить численность германцев, чем римляне, которые их имели перед своими глазами и ежедневно с ними общались.

Зеринг указывает, что в сельских округах к востоку от Эльбы плотность населения доходила до 4 человек на 1 км².

КНЯЗЬЯ И ХУННИ

То, что германские должностные лица распадались на две различные группы, вытекает как из природы вещей, политической организации и расчленения племени, так и непосредственно из прямых указаний источников.

Цезарь (b.G.IV, 13) рассказывает, что к нему пришли "князья и старейшие" усипетов и тенхтеров. Говоря об убиях (VI, 11), он упоминает не только об их князьях, но и об их сенате и рассказывает о том, что сенат нервиев, которые хотя и не были германцами, однако, по своему общественному и государственному строю были к ним очень близки, состоял из 600 членов. Хотя мы здесь и имеем несколько преувеличенную цифру, все же ясно, что римляне могли применить название "сенат" лишь к довольно большому совещательному собранию. Это не могло быть собранием одних лишь князей, это было более широким собранием. Следовательно, у германцев был помимо князей еще другой вид органов общественной власти.

Говоря о землепользовании германцев, Цезарь не только упоминает (VI, 22) о князьях, но указывает также на то, что "должностные лица и князья" распределяли пашни. Прибавку "должностью лица" нельзя считать простым плеоназмом: такому пониманию противоречил бы сжатый стиль Цезаря. Было бы очень странно, если бы Цезарь ради одного лишь многословия прибавлял дополнительные слова

именно к совсем простому по своему смыслу понятию "князья".

Эти две категории должностных лиц выступают у Тацита не так ясно, как у Цезаря. Как раз в отношении понятия "сотни" Тацит допустил роковую ошибку, которая доставила ученым впоследствии много хлопот. Но и из Тацита мы все же можем извлечь с уверенностью тот же факт. Если бы у германцев была лишь одна категория должностных лиц, то эта категория должна была бы во всяком случае быть весьма многочисленной. Но мы постоянно читаем о том, что в каждом племени отдельные семьи настолько возвышались над массой населения, что другие не могли с ними сравниться, и что эти отдельные семьи определенно называются "королевским родом" (Тацит, "Анналы", II, 16; "История", 4, 13). Современные ученые единогласно установили, что у древних германцев не было мелкого дворянства. Дворянство (nobilitas), о котором постоянно идет речь, было княжеским дворянством. Эти семьи возводили свой род к богам[12], а "царей из дворянства брали" ("Германия", гл. 7). Херуски выпрашивают себе у императора Клавдия племянника Арминия как единственного члена царского рода, оставшегося в живых ("Анналы", II, 16). В северных государствах не было никакого другого дворянства, помимо царских родов.

Такая резкая дифференциация между дворянскими родами и народом была бы невозможной, если бы на каждую сотню приходился дворянский род. Для объяснения этого факта, однако, недостаточно признать, что среди этих многочисленных семей вождей некоторые достигли особого почета. Если бы

все дело сводилось лишь к такому различию в ранге, то на место вымерших семей, несомненно, выдвинулись бы другие семьи. И тогда название "королевский род" присваивалось бы не только немногим родам, а, наоборот, число их было бы уже не столь малым. Конечно, различие не было абсолютным, и здесь не было непроходимой пропасти. Старая хунно-семья могла порой проникнуть в среду князей. Но все же это различие было не только ранговое, но и чисто специфическое: княжеские семьи образовывали дворянство, в котором значение должности сильно отступало на задний план, а хунни принадлежали к свободным членам общины, причем их звание в значительной степени зависело от должности, которая все же могла приобретать в некоторой степени наследственный характер. Итак, то, что Тацит рассказывает о германских княжеских семьях, указывает, что их число было весьма ограничено, а ограниченность этого числа в свою очередь указывает на то, что ниже князей находился еще разряд низших должностных лиц.

И с военной точки зрения было необходимо, чтобы крупная воинская часть распадалась на более мелкие подразделения, с числом людей не свыше 200–300 человек, которые должны были находиться под начальством особых командиров. Германский контингент, состоявший из 5 000 воинов, должен был иметь по крайней мере 20, а, может быть, даже и 50 низших командиров. Совершенно невозможно, чтобы число князей (principes) было столь велико.

К тому же заключению приводит изучение хозяйственной жизни. В каждой деревне обязательно должен был быть свой собственный староста. Это

вызывалось потребностями аграрного коммунизма и теми многообразными мероприятиями, которые были необходимы для выгона и охраны стад. Общественная жизнь деревни каждое мгновение требовала наличия распорядителя и не могла ждать прибытия и приказов князя, жившего на расстоянии нескольких миль. Хотя мы должны признать, что деревни были довольно обширными, все же деревенские старосты были очень незначительными должностными лицами. Семьи, происхождение которых считалось королевским, должны были обладать более значительным авторитетом, причем число этих семей гораздо меньше. Таким образом, князья и деревенские старосты являются существенно различными должностными лицами.

СМЕНА ПОСЕЛЕНИЙ И ПАШЕН

Цезарь указывает на то, что германцы ежегодно меняли как пашни, так и места поселений. Однако, этот факт, переданный в такой общей форме, я считаю спорным, так как ежегодная смена места поселения не находит себе никаких оснований. Если даже можно было легко переносить избу с домашним скарбом, с припасами и скотом, все же восстановление всего хозяйства на новом месте было связано с определенными трудностями. А особенно трудно было выкапывать погреба при помощи тех немногих и несовершенных лопат, которыми могли располагать в те времена германцы. Поэтому я не сомневаюсь в том, что "ежегодная" смена мест поселений, о которой рассказывали Цезарю галлы и германцы, является либо сильным преувеличением, либо недоразумением.

Что касается Тацита, то он нигде прямо не говорит о перемене мест поселения, а лишь указывает ("Германия", 26) на смену пашен. Это различие пытались объяснять более высокой степенью хозяйственного развития. Но я с этим в корне не согласен. Правда, весьма возможным и вероятным является то, что уже во времена Тацита и даже Цезаря германцы жили прочно и оседло во многих деревнях, а именно там, где имелись плодородные и сплошные земельные угодья. В таких местах достаточно было каждый год менять пахотные земли и земли, лежащие под паром, расположенные вокруг деревни. Но жители тех деревень, которые находились в областях, покрытых по большей части лесами и болотами, где почва была менее плодородной, уже этим не могли довольствоваться. Они были принуждены полностью и подряд использовать все отдельные пригодные для обработки поля, все соответствующие части обширной территории, а потому должны были для этой цели время от времени менять место поселения. Как уже правильно заметил Тудихум (Thudichum), слова Тацита абсолютно не исключают факта подобных перемен мест поселения, и если они на это прямо и не указывают, то все же я почти убежден в том, что именно об этом думал Тацит в данном случае. Его слова гласят: "Целые деревни занимают попеременно такое количество полей, которое соответствовало бы числу работников, а затем эти поля распределяются между жителями в зависимости от их общественного положения и достатка. Обширные размеры полей облегчают раздел. Пашни ежегодно меняются, причем остается излишек полей". Особенный интерес в этих словах представляет

указание на двойную смену. Сперва говорится о том, что поля (agri) занимаются или захватываются попеременно, а потом, что пашни (arvi) ежегодно меняются. Если бы речь шла лишь о том, что деревня попеременно определяла под пашню более или менее значительную часть территории и что внутри этой пахотной земли опять ежегодно менялись пашня и пар, то это описание было бы слишком подробным и не соответствовало бы обычной сжатости стиля Тацита. Данный факт был бы, так сказать, слишком скуден для столь большого количества слов. Совсем иначе обстояло бы дело в том случае, если бы римский писатель вложил в эти слова одновременно и мысль о том, что община, которая попеременно занимала целые территории и вслед за тем делила эти земли между своими членами, вместе с переменой полей меняла и места поселений. Тацит нам об этом прямо и точно не говорит. Но как раз это обстоятельство легко объясняется чрезвычайной сжатостью его стиля, причем, конечно, ни в коем случае нельзя считать, что это явление наблюдается во всех деревнях. Жители деревень, обладавших небольшими, но плодородными землями, не нуждались в переменах мест своих поселений.

Поэтому я не сомневаюсь в том, что Тацит ("Германия", 26), делая некоторое различие между тем, что "деревни занимают поля", и тем, что "пашни ежегодна меняются", вовсе не имеет в виду изобразить новую ступень в развитии германской хозяйственной жизни, а скорее делает молчаливую поправку к описанию Цезаря. Если мы примем во внимание, что германская деревня с населением в 750 человек обладала территориальным округом, равным

3 кв. милям, то это указание Тацита получает для нас тотчас же совершенно ясный смысл. При существовавшем тогда первобытном способе обработки земли было совершенно необходимо ежегодно обрабатывать плугом (или мотыгой) новую пашню. А если исчерпывался запас пахотных земель в окрестностях деревни, то было проще перенести всю деревню в другую часть округа, чем обрабатывать и охранять поля, лежащие вдали от старой деревни. После ряда лет, а, может быть, и после многочисленных кочевок, жители снова возвращались на свое, старое место и снова имели возможность пользоваться своими прежними погребами.

ВЕЛИЧИНА ДЕРЕВЕНЬ

Существенным пунктом моей концепции является признание, что германские деревни обладали довольно значительными размерами. На первый взгляд легко себе представить, что сотня (округ) состояла из ряда совсем маленьких деревень, и это является до настоящего времени даже общепризнанным положением. Однако, источники и факты дают возможность легко опровергнуть это представление.

1. Григорий Турский, согласно Сульпицию Александру, рассказывает в 9-й главе II книги о том, что римское войско в 388 г., во время своего похода в страну франков, обнаружило у них "огромные селения" (ingentes vicos).

2. Тождество деревни и рода не подлежит никакому сомнению, причем положительным образом доказано, что роды были довольно крупными

(см. выше, стр. 15).

3. В соответствии с этим Кикебуш (см. выше, стр. 10), пользуясь данными доистории, установил количество населения германского поселения в первые два века н. э. по крайней мере в 800 человек. Дарцауское кладбище, содержавшее около 4 000 погребальных урн, существовало в течение 200 лет. Это дает в среднем приблизительно 20 смертных случаев в год и указывает на количество населения по меньшей мере в 800 человек.

4. Рассказы о смене пашен и мест поселений, дошедшие до нас, может быть, с некоторыми преувеличениями, все же содержат в себе зерно истины. Эта смена всей пахотной земли и даже перемена мест поселения приобретают смысл лишь в больших деревнях, обладавших большим территориальным округом. Маленькие деревни с небольшими земельными угодьями имеют возможность менять лишь пашню на пар. Большие деревни не имеют для этой цели в своих окрестностях достаточного количества пахотной земли и потому принуждены искать землю в отдаленных частях своего округа, а это в свою очередь влечет за собой перенос всей деревни в другие места. Хеттнер в "Европейской России" ("Geogr. Zeitschr.", Bd. 10, H. 11, S. 671) пишет, что в русских степях деревни обладают очень большим количеством полей и что потому жители их во время полевых работ покидают деревню и живут среди полей в наскоро построенных избах.

5. Каждая деревня должна была обязательно иметь старосту. Общее владение пахотной землей, общие выгон и охрана стад, частая угроза неприятельских

нашествий и опасность со стороны диких зверей – все это непременно требовало наличия носителя местной власти. Нельзя ждать прибытия вождя из другого места, когда требуется немедленно организовать защиту от стаи волков или охоту на волков, когда бывает нужно отразить неприятельское нападение и укрыть от врага семьи и скот или же оградить плотиной разлившуюся речку, или потушить пожар, разобрать споры и мелкие тяжбы, объявить о начале пахоты и жатвы, что при общинном землевладении происходило одновременно. Если все это происходит так, как следует, и если, следовательно, деревня имела своего старосту, то этот староста, – так как деревня была в то же время и родом, – являлся родовладыкой, старейшиной рода. А этот в свою очередь, как мы уже видели выше, совпадал с хунно. Следовательно, деревня являлась сотней, т.е. насчитывала 100 или больше воинов, а потому была не такой уже маленькой.

6. Деревни меньшего размера обладали тем преимуществом, что в них легче было добыть пропитание. Однако, большие деревни, хотя и вызывали необходимость более частой перемены места поселения, были все же наиболее удобны для германцев при тех постоянных опасностях, среди которых они жили. Они давали возможность противопоставить угрозе со стороны диких зверей или еще более диких людей сильный отряд воинов, всегда готовых встретить опасность лицом к лицу. Если мы у других варварских народов, – например, позднее у славян, – находим небольшие деревни, то это обстоятельство не может ослабить значения приведенных нами выше свидетельств и аргументов.

Славяне не принадлежат к германцам, и некоторые аналогии еще не указывают на полное тождество остальных условий; к тому же свидетельства, касающиеся славян, относятся к настолько более позднему времени, что могут обрисовывать уже иную стадию развития. Впрочем и германская большая деревня позднее, – в связи с ростом населения и большей интенсивностью обработки почвы, когда германцы уже перестали менять места своих поселений, – распалась на группы маленьких деревень.

ТУНГИН

Мое представление о сущности должности хунно подтверждается данными, относящимися к франкской эпохе. Мы должны будем вернуться к этому вопросу позднее, когда коснемся распада древнегерманского общественного строя после переселения народов. Однако, я хочу уже сейчас сделать несколько специальных замечаний по вопросу о должности хунно в более позднее время, так как установление непрерывной связи явится существенным подкреплением нашей точки зрения, в то время как все еще необъясненное разногласие в характеристике и различии франкских должностей неминуемо окажет неблагоприятное обратное влияние на достоверность нашей реконструкции условий древнейшего времени.

Если мое представление о должности хунно правильно, то из него само собой вытекает, что часто упоминаемый в варварских правдах "сотник" (centenarius), как указывает само это название, есть не кто иной, как хунно, и что в том случае, когда применяется формула "тунгин или сотник (tunginus aut

centenarius)", оба названия обозначают одно и то же лицо, так что одно название лишь разъясняет другое. Граф являлся королевским должностным лицом, сотник же, или тунгин, являлся народным должностным лицом. Он не пользовался преимуществом тройной денежной виры, он не назначался и не отстранялся графом. Лишь в эпоху Каролингов он превратился в низшего графского чиновника. Граф обладает основными функциями древнего князя (princeps). Разница лишь в том, что он выполнял эти функции, не исходя из правовых представлений древнего времени, но в качестве чиновника, действовавшего во имя и по поручению недавно появившегося великого короля. Этот великий король впитал в себя древний принципат. Он один лишь остался из среды прежних князей (principes). Постепенно все большее и большее количество племен подчинилось его власти. И эти племена управлялись им посредством назначенных им графов. Но хунни, эти древние старейшины общин, сохранялись и существовали в течение многих поколений, так же повинуясь графам, как до того они повиновались князьям, являясь народными должностными лицами. В романских областях, где не существовало замкнутых германских племенных общин, сотник (centenarius) с самого начала, под именем "наместника", "викария" (vicarius), являлся должностным лицом, подчиненным графу, т.е. тем, чем сотник на германской почве стал лишь позднее.

Бруннер и Рихард Шредер считают, что существовал такой переходный период, когда граф был исключительно управленческим должностным лицом, а высшие судебные функции выполнялись

тунгином, который стоял выше хунно. Таким образом, тунгин в эту эпоху по своим судебным обязанностям выполнял должность древнего князя (princeps), который, будучи избираем народом, управлял более крупным округом. Лишь позднее должность графа впитала в себя эту функцию тунгина.

Бруннер пытается доказать эту точку зрения некоторыми местами из Салического закона. Амира высказался против ("Gutt. Gel. Anz." 1896, S. 200), а Рихард Шредер присоединился к Брукнеру ("Hist. Zeitschr.". Bd. 78, S. 196–198).

Я не имею возможности вникнуть в исследование собственно историко-правовых вопросов, но все же мне кажется ясным, что положения, выдвинутые Амира, не поколеблены соображениями Шредера. Сам Шредер не идет дальше предположения вероятности того, "что поставленное наряду с королевским судом общенародное законное судебное собрание тунгина не совпадало с тем общенародным судебным собранием, которое должен был созывать тунгин или сотник". Таким образом, подлинного доказательства, опровергающего положение Амира, здесь не приведено.

Остается еще аргумент Брукнера, что если бы тунгин не являлся судьей в более крупном округе, то, кроме короля, существовали бы лишь сотенные судьи. Но этот аргумент исчезает, если мы внимательнее отнесемся к хронологии.

Шредер сам пишет ("Hist. Zeitschr.". Bd. 78, S. 200), что "первый салический капитулярий, который с большой долей вероятности приписывается еще Хлодвигу, знает в качестве обычного судьи округа уже не тунгина, а графа". Так как Хлодвиг первый сам

организовал великую королевскую власть, которая уже больше не давала возможности королю лично выполнять функции странствующего судьи, то нет никаких оснований предполагать, что до этого времени между королем (как наследником власти древних князей) и хунно должен был стоять еще один судья. Нам даже кажется совершенно невозможным, чтобы именно в эту эпоху подымающаяся королевская власть требовала от народа или лишь ему позволяла выбирать себе высшее должностное лицо, которое неминуемо должно было бы стать естественным и необходимым соперником графа, назначенного королем на графство. Ведь известно, каким образом преследовал и устранял со своего пути Хлодвиг соперников своей власти. Мне кажется совершенно ясным, что графы превратились в обычных судей округов как раз в тот момент, когда Хлодвиг организовал собственно франкскую великую королевскую власть, которая делала невозможным выполнение королем функций высшего странствующего судьи. Но если отпадает потребность, равно как и необходимость существования высшего судьи округа, избираемого населением, то тунгин Салического закона должен был быть не кем иным, как сотником, т.е. древним хунно. Поэтому ошибка этих двух ученых заключается в том, что они недостаточно высоко оценивали положение этого должностного лица в древнейшие времена и что, сосредоточив все свое внимание на тысячном округе, они недооценили значение и сущность сотни.

Насколько мне известно, еще не дано исчерпывающего этимологического объяснения слова "тунгин". Ср. недавнюю работу ван-Хельтена (van

Helten, "Beitrдge zur Gesch. der deutsch. Sprache und Liter.", herausg. von Sievers, Bd. 15, S. 456, § 145). Ван-Хельтен дает для этого слова, наряду со значением "превосходный", "почтенный", также и значение "заведующий", "управляющий" (rector), но выдвигает против этого последнего значения существенные возражения, вытекающие из существующих историко-правовых представлений. Если же изложенная мною точка зрения правильна, то эти возражения отпадают сами собой.

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 1906 г. вышло второе издание "Истории немецкого права" ("Deutsche Rechtsgeschichte", Bd. I) Бруннера. Различия между его и моим пониманием общественного строя древних германцев затронуты им в этой книге лишь применительно к некоторым второстепенным пунктам, так что вся резкость этих различий в этой книге не выявлена.

Так как эти различия имеют основное значение для понимания всей европейской истории в различных отношениях, то я должен здесь коснуться наиболее существенных пунктов.

Бруннер делит германское племя на тысячные округа (стр. 158); округа состоят из ряда деревень; наряду с этим существует чисто личный союз сотен, предназначенный для военных и судебных целей (стр. 159); наконец, группы из нескольких семей образуют очень важный союз родичей или рода, который по мужской линии восходит к одному общему родоначальнику (стр. 111). Во главе округов стоят князья, правители округов, а во главе сотен –

начальники, которые, может быть, уже в древности носили название хунни (стр. 163). О деревенских старостах, которые также должны были существовать, так как деревни являлись аграрными хозяйственными единицами, здесь ничего не сказано. Так же мало сказано и о старейшинах рода, хотя и их нельзя было пропустить, так как на них, при еще большом значении рода, возлагались многочисленные обязанности. Впрочем сам Бруннер принужден о них упомянуть (стр. 119, заключение первого абзаца).

Этому сложному сооружению, отдельные части которого несколько раз перекрещиваются как в территориальном, так и в персональном отношении, я противопоставляю простое разделение на округа-сотни; каждый такой округ обладает большим поселением; жители его возводят свой род к одному родоначальнику и поэтому называются родом. Начальником этого рода, который в то же время может быть деревней, округом или сотней, является хунно или альтерман (эльдермен).

Доказательством моей точки зрения я считаю то, что, без всякого сомнения, сперва деревня и род были тождественны. Сам Бруннер твердо устанавливает (стр. 90, 117), что существовало такое время, когда род был владельцем пахотной земли, но что в то же время и деревня владела пахотной землей. Кто же был в таком случае владельцем? Род или деревня? Свидетельства источников как в первом, так и во втором случае дают одинаково ясные и многочисленные утвердительные ответы. Бруннер не делает никакой попытки разрешить это противоречие. Но нет никакой другой возможности объяснить это противоречие, как предположить тождество рода и

деревни.

Теперь ясно доказано, что деревни были очень большими (см. выше); это явствует также и из того, что обычай перенесения деревни в другое место имеет смысл лишь при наличии больших деревень, о чем, впрочем, нами уже сказано выше. Этот обычай теряет свой смысл при маленьких деревнях с небольшими землями.

Если же деревня очень велика, то она насчитывает по меньшей мере 100 семей и, следовательно, должна быть тождественна с сотней. Таким образом, отпадает необходимость предположить существование искусственно построенного личного союза, не совпадающего с поселением.

Теперь встает вопрос, могла ли над этими сотнями существовать охватывающая их организация тысячных округов. Она могла существовать в отдельных случаях, – именно тогда, когда князья, противостоявшие в своей совокупности всему народу, таким образом делили между собой управление, в особенности же суд, что каждый из князей получал группу сотен, причем подобная группа, таким образом, превращалась в некоторую определенную единицу. Однако, это не является, как признает и Бруннер, собственным и первоначальным делением племени; притом даже само название "тысяча" едва ли употреблялось в древности.

Разбирая вопрос об отношении сотни и рода к военному устройству, Бруннер запутывается в том же самом противоречии, в котором он запутался при разборе вопроса, кто является владельцем земли – деревня или сотня. Сотня, по его мнению являлась личным союзом, группой из 100 (или 120) воинов,

находившихся под начальством начальника сотни (стр. 162). Но в другом месте (стр. 118) рядом весьма ценных цитат доказывается военное значение рода, причем отсюда делается тот вывод "что были такие времена и такие условия, когда роды, составляя часть войска, совместно дрались, находясь под общим командованием". Это не будет противоречием сказанному выше и даже будет с ним хорошо согласовываться, если предположить, что роды были подразделениями сотни. Но Бруннер это совсем не так воспринимает. Он пишет лишь (стр. 118), "что при группировке войска принимались во внимание родовые объединения" или (стр. 163) "что сотни не точно отсчитывались, так как нельзя было разделять родовые объединения". Автор принужден был здесь прибегнуть к неопределенным выражениям, так как если бы он высказал то положение, что роды были подразделениями сотни, то это придало бы совсем другое, чем он предполагал, содержание изображенной им картине сотни. Здесь уже не могла бы идти речь о "точном отсчитывании". Либо нужно совсем исключить числовое значение из понятия "сотни", либо следует сделать тот вывод, что сотни всегда образовывались из таких родов, которые насчитывали приблизительно 100 воинов. И здесь видна невозможность, впрочем показанная и нами выше, предположить, что роды составляли часть сотни.

В защиту своей теории Бруннер пишет (стр. 195): "Кто для того, чтобы спасти сотенный округ, объявляет его тождественным с римским pagus (округ), тот принужден признать недостоверными указания Цезаря на большие размеры германских

округов (pagi), признать недоразумениями свидетельства Тацита о сотне и отказаться учесть те выводы, которые вытекают из факта кельтского округа (pagus)".

На это я могу лишь ответить; почему же нет? Для того чтобы спасти те 2 000 воинов, которые, по Цезарю, мог выставить каждый округ свевов, Бруннер должен был сперва опровергнуть мою теорию плотности населения древних германцев. Но он даже не сделал ни одной попытки для того, чтобы ее опровергнуть. Всем хорошо известно, что здесь у Цезаря имеется преувеличение, и к тому же еще не самое грубое. Цезарь преувеличивает здесь, может быть, в 10 раз; а как часто в его труде были доказаны преувеличения даже в 100 раз!

Далее, тот факт, что свидетельства Тацита о сотнях основываются на недоразумениях, доказан таким крупным авторитетом, как Вайц, и принят столь многими исследователями, что он не может уже больше считаться лишь априорно абсурдным.

Наконец, аналогия с кельтским округом (pagus) ничего не доказывает, так как римляне пользовались своим термином "pagus" в таком же широком и растяжимом смысле, как и мы нашим "округ".

Возражая против моего отождествления сотни, округа, рода и деревни, Бруннер указывает (стр. 160, примечание) на то, что "в таком случае все эти названия и понятия, за исключением одного, были бы излишни, их наличие уже само по себе указывает на некоторую дифференциацию". Но этого вывода я не могу принять. Ведь если о ком-нибудь было одни раз сказано, что у него есть сын, в другой раз – что у него есть парень, в третий раз – что у него есть мальчик, а в

четвертый раз – что у него есть мальчишка, то разве это указывает, что данный человек имеет четырех сыновей?

Основная ошибка Брунера заключается в том, что он пытается восстанавливать формы государственного, общественного и хозяйственного строя, совершенно не учитывая количественных соотношений. Ведь если только уяснить себе, сколько максимально людей, сколько мужчин и сколько кв. миль падает на одно германское племя, то этим самым тотчас же разрешается спор между наличием тысячного или сотенного округа.

Следующая ошибка Брунера заключается в том, что он не делает различия между родом той эпохи, когда он еще представлял собой некоторую хозяйственную единицу (общинное землевладение), и родом, уже превратившимся в одно лишь правовое установление. Этот последний мог отграничиваться от случая к случаю в зависимости от степени родства, так что исчезала граница между отцом и сыном. Если следовало уплатить или получить штраф, то для того чтобы установить, кто в нем должен участвовать, а кто нет, высчитывали степень родства. Но такое текучее отграничение невозможно при существовании рода, имеющего общинное земельное владение. Если мы, например, скажем, что род доходит лишь до седьмого поколения, что же будет в том случае, если члены рода будут между собой стоять в родстве лишь в восьмом поколении? Будут ли дети какого-нибудь определенного поколения еще принадлежать к роду? Будут ли они иметь право, когда подрастут и захотят основать свое хозяйство, на часть общинной земли? Нужно только поставить эти вопросы, чтобы тотчас

же на них ответить в том смысле, что род, владеющий общинной землей, никогда не может быть ограничен каким-либо определенным числом поколений.

Род, владеющий общинной землей, может быть ограничен лишь таким образом, что семьи сыновья и отцы остаются в нем вместе. Поэтому род, который высчитывается лишь до шестого или седьмого колена, уже есть не что иное, как тот древнейший род, который существовал во времена Цезаря и Тацита. Бруннер не заметил того, что между этими двумя видами рода находится целая эпоха развития, и не учел того обстоятельства, что при определении понятия рода следует различать отдельные этапы его развития.

При изучении этого развития следует иметь в виду, что граница древнейшего рода не была генеалогической границей, но что она определялась фактом действительного совместного жительства; другими словами, род древнейшего времени был деревней.

Рахфаль (Schmoller's "Jahrbuch fьr Gesetzgebung", Bd. 31, S. 1739) разобрал теорию Бруннера и на стр. 1751, исходя из тех же оснований, что и я, защитил теорию существования сотенного округа.

Те аргументы, которые привел Краммер в защиту "тысячи" (Krammer, "Neues Archiv der dlteren Gesch.-Kunde", Bd. 32, S. 538, 1907), не имеют никакой действительной доказательной силы.

Рихард Шредер в пятом издании своего "Учебника истории немецкого права" (R. Schroeder, "Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte", 1907) признает существование тройного подразделения: тысяча, сотня, род-деревня. Хотя он и отождествляет род с

деревней, однако, по его мнению, сотня является с точки зрения публичного права низшим видом общины. В качестве таковой она не могла образовывать округа, но являлась чисто персональным союзом, во главе которого стоял хунно. Этот союз образовывал отдельную воинскую часть, имея в то же время свой собственный суд, который находился в твердо установленном месте. Лишь позднее эти персональные сотни превращаются в местные округа. Каждую тысячу возглавляет князь.

Эта концепция ближе к моей, чем это может показаться на первый взгляд, так как: а) род отождествляется с деревней; б) проводится различие между двумя категориями должностных лиц: хунни и князьями (principes)[13]; в) признается, что князь стоял над группой сотен, на что я, впрочем, не смотрю как на принципиальное и существенное явление; эту группу сотен я не называю тысячей, однако, признаю, что она на практике часто совпадала с тысячей (ср. стр. 14). Для того чтобы прийти от шредеровской концепции к моей, следует только себе представить, что деревни состояли не из 10–30 дворов, а из 100–200. Тогда непонятный и неясный "персональный союз" сотни станет совершенно излишним. Деревня есть сотня. Это есть естественное первоначальное поселение. От тысячи остается лишь соответствующий должностям отдельных князей округ, меняющийся в зависимости от обстоятельств.

Зигфрид Ритшль (Siegfr. Rietschl, "Savigny-Zeitschr.", 27, 234 und 28, 342) еще раз исследовал вопрос о сотне и тысяче, основываясь на широком использовании источников, и равным образом пришел к тому выводу, что тысяча не есть

древнегерманское установление, а что необходимо признать древнейшим общегерманским установлением сотню. Также и англо-саксонскую сотню (hundred) относит он ко времени переселения.

Неясной остается у Ритшля сущность рода, хотя он имеет перед другими исследователями то преимущество, что подошел вплотную к постановке этого вопроса. Он признал, что при обычном понимании рода, как некоторой суммы потомков одного общего родоначальника, нельзя установить какого-либо общего состава рода и что род будет большим или меньшим союзом в зависимости от того родоначальника, который взят в качестве исходной точки (стр. 423, 430). Эта возможность совершенно различным образом ограничить род служит ему вспомогательным средством для того, чтобы вдвинуть роды в строго количественную схему регулярной сотни, состоящей из 100 земельных участков. Но при этом он не принял во внимание того, что этим он упраздняет значение рода как правового института. Союз, который в одном случае охватывает братьев, в другом – двоюродных братьев, в третьем – троюродных братьев, далее родственников в четвертой, пятой и шестой степенях, ни в коем случае не может признаваться одним и тем же союзом в каждом из этих случаев.

Если мы вслед за Ритшлем будем ограничивать поселение определенным числом, то мы тем самым исключим из него всякое понятие рода. Тогда останется лишь то, что при распределении земель агнатические родственники должны были бы оставляться вместе – практика, в которой уже не может больше быть никакого правового содержания.

С точки зрения рода правовое содержание заключается лишь в таком поселении (сотне), которое в своей совокупности может рассматриваться в качестве рода. Так, без всякого сомнения, и было на самом деле.

Одновременно с Ритшлем выступил, основываясь на источниках, в защиту сотни Клавдий фон Шверин в своей работе "Древнегерманская сотня" (Claudius Freih. v. Schwerin, "Die altgermanische Hundertschaft. Untersuchungen. Herausgegeben von Giercke. 90 Heft, 1907). Шверин придает особенное значение тому, что сотня не имеет ничего общего с числом 100, но обозначает вообще лишь множество. Его этимологическое обоснование, как на то указывает Ритшль (стр. 420), ошибочно, но на самом деле он мог бы оказаться правым, – впрочем лишь в том случае, если бы он не оставлял совершенно неопределенной величину группы, так что она с равным успехом могла бы равняться и 20 и 10 000. Мы же со своей стороны можем и должны указать, что на самом деле эти группы могут быть прекрасно связаны с числом 100, если мы примем, что они состояли из 100 семей или из 100 воинов, что и в том и в другом случае, как мы это уже показали выше, дает приблизительно один и тот же результат.

Ошибка исследования Шверина (не считая того, что и у него также недостает ясного представления о роде) заключается в том, что он не уяснил себе количественных соотношений. Он отклоняет мою попытку установить соответствующие цифры для германского племени и для сотни, не подвергая ее даже какой-либо проверке. Я же, наоборот, осмеливаюсь утверждать, что самым твердым и самым

надежным способом определения численности населения древней Германии является способ использования всех тех камней, из которых построено здание древнегерманского государственного и общественного строя. Каждое отдельное свидетельство, взятое либо из одного лишь античного писателя, либо из одного раннего средневекового сборника законов, будет недостоверным или же может быть различно истолковано. Один вместе с Цезарем верит в то, что округ у свевов насчитывал 2 000 воинов, другой же это отрицает; один считает свидетельство Тацита о сотнях за недоразумение, другой же с этим не согласен и так далее. Но совершенно бесспорно то, что область между Рейном и Эльбой охватывает пространство в 2300 км², что здесь жило около 20 племен и что плотность населения здесь была очень незначительной.

Если бы Шверин уяснил себе все эти факты со всеми вытекающими из них последствиями, то он ни в коем случае не мог бы отождествить хунно или альтермана с князем (princeps) (стр. 109), тем более что он, так же как и я, пришел к тому заключению (стр. 128), что хунно, франкский сотник (centenarius) и тунгин тождественны.

Шверин резко возражает против того, чтобы сотню называли округом; это, по его мнению, может только запутать (стр. 109, прим. 4). Но так как он сам доказывает, что саксонское "го" является сотней и в то же время округом (pagus), ибо мы только этим словом можем перевести латинское слово "pagus", то после этого уже невозможно возражать против применения слова "округ" по отношению к сотне. Правда, вполне справедливо, что в более позднее время слово "округ"

обозначает такую же большую область, как и древнее "государство" (civitas), и что применение того же самого слова для обозначения столь различных величин может внести путаницу и действительно вносит таковую. Но то же самое применимо и к слову "pagus" (округ, см. выше стр. 22), и мы должны примириться с тем, что в источниках не сохранилось более точного различия в терминологии. Тацит даже однажды ("Анналы", IV, 45) употребляет слово "pagus" в таком смысле, что его по контексту можно перевести лишь словом "деревня" (ср. Gerber, "Lexicon Taciteum", S. 1049).

Первым исследователем, принявшим в основе установленные мною цифры населения древней Германии, был Людвиг Шмидт в своей "Истории немецких племен до конца переселения народов", вышедшей в серии "Источники и исследования по древней истории и географии", издававшейся В. Зиглином (Ludwig Schmidt, "Geschichte der deutschen Stdmme bis zum Ausgange der Vцlkerwanderung. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Herausgegeben von W. Sieglin). Ср. с этим также и рецензию на "Историю военного искусства" ("Historische Vierteljahrsschrift", 1904, S. 66). Впрочем Шмидт возражает против моего отождествления рода с сотней и признает тысячу исконным германским установлением. Мне кажется совершенно ясным, что в данном случае он непоследователен. Если правильно то, что германское племя насчитывало в среднем не более 5 000–6 000 воинов, а меньшие и самые маленькие племена лишь 3 000 и даже того менее, то тем самым является несомненным, что племя делилось не на отряды в 1 000 человек, которые сами

по себе были бы слишком неповоротливыми и слишком близко подходили бы по своей численности к общей совокупности воинов в племени. К тому же главный аргумент в пользу существования тысячи, – а именно – указания Цезаря на то, что у свевов было 100 округов по 2 000 воинов в каждом, – следует считать уже отпавшим.

Шмитд признает также и то положение, что деревня и род тождественны, однако стоит за небольшие размеры родов (деревень), состоявших из 10–20 семей. Он совершенно не касается вопроса о том, какой смысл могло иметь перенесение местоположения деревни при небольших размерах деревень и поэтому небольших размерах находящихся при них земель, которые он устанавливает. С другой же стороны, он пытается истолковать в свою пользу положительные указания источников на то, что германские деревни достигали довольно значительных размеров, но эта его попытка оказывается совершенно неудачной. Он полагает ("Hist. Vierteljahrsschrift", S. 68), что при разбросанности построек германские деревни со своими 10–20 избами могли показаться римлянам "необычайно обширными", а те роды (γένη) германцев, которые, по Диону Кассию, заключили мир с Марком Аврелием, были чем-то иным, чем то, что обычно называется родом. Эти были слишком малы для того, чтобы с ними одними можно было заключить мир. Следовательно, мы должны представить себе здесь самостоятельные ответвления больших племенных групп или благородные роды, окруженные многочисленной свитой и челядью. Как велика могла бы быть свита такого благородного

рода? Конечно, не больше нескольких сотен воинов в максимальном случае. Это и будет приблизительно той цифрой, которая, по моему мнению, может характеризовать германский род. Следовательно, факт небольших размеров деревни даже в изложении самого Шмидта не дает никаких оснований для того, чтобы возражать против буквального истолкования этого места, а так как во всех источниках нигде и ничего не говорится о маленьких деревнях или маленьких родах, то было бы совершенно неправильным и произвольным отвергнуть столь положительное указание Диона, к тому же подкрепленное Сульпицием Александром[14].

Я заканчиваю эти полемические анализы тем, что к ним еще добавляю (забегая несколько вперед в содержание следующей главы и указывая на значение этой главы), почему я придаю такое значение установлению, – вернее сказать, отстаиванию, – правильного исторического построения общественного и государственного строя в настоящем труде, посвященном истории военного искусства. Дело в том, что, по моему мнению, без такого изложения государственно-правовых основ военные достижения германцев останутся просто-напросто непонятными. Дикая храбрость отдельных воинов не сможет нам объяснить этих успехов, тем более что мы уже твердо установили, что их число было весьма незначительно. Поэтому внутри массы германцев должно было необходимым образом существовать очень удобное и твердо функционирующее деление на воинские части, дающее возможность осуществлять командование. Для этой цели совершенно не годятся

текучие "персональные союзы", так как в них совершенно отсутствует дисциплинарная спайка. Из отдельных песчинок нельзя скатать шара. Тождество же деревни и рода, рода и сотни во главе с ее альтерманом (хунно) дает ей естественную связь и прочность, что делает ее способной отвечать самым высоким требованиям. К этим положениям следует прибавить также и то, что содержится в 5-й главе 2-й части "Народные войска во время своих переселений" и в особенности "Сотня во время переселения народов".

Глава II

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Военные успехи зависят, как мы в этом уже смогли убедиться в I томе настоящего труда, не от одной, а от двух совершенно различных причин. Первая причина, которая раньше всего бросается в глаза, заключается в храбрости и физической пригодности отдельного воина. Другая причина заключается в прочности внутренней спайки между отдельными воинами в тактической единице. Как ни различны по своей природе обе эти силы – пригодность каждого отдельного бойца и внутренняя спайка между ними в воинской части, – все же нельзя вторую силу целиком отделить от первой. Как бы хорошо ни была обучена и тесно сплочена воинская часть, но если она будет состоять из одних лишь трусов, то она окажется ни на что не способной. Но если воинская масса обладает хотя бы умеренной дозой мужества и если к этому присоединяется второй элемент – корпоративность, то это создает такую воинскую силу, перед которой принуждены отступить все проявления личной храбрости. О фалангу греческих граждан разбилась рыцарская

храбрость персов, причем дальнейшее развитие этой тактической части – фаланги, давшее новые, более утонченные формы, вплоть до тактики боевых линий и когорт, является существенным содержанием истории античного военного искусства. Римляне всегда побеждали не потому, что они были храбрее своих противников, но потому, что благодаря своей дисциплине они обладали более крепкими тактическими частями. Это говорит о том, как важно, но в то же время и как трудно было образовать из первоначально неповоротливой фаланги множество маленьких оперативно подвижных тактических частей.

Нам нужно только вспомнить об этой цепи развития, чтобы после того, как мы изучили государственный и общественный строй древних германцев, одним взглядом сразу увидеть, какая громадная воинственная сила таилась в этом народе. Каждый отдельный германец в своей грубой, варварской, близкой к природе жизни, в постоянной борьбе с дикими зверями и с соседними племенами воспитывал в себе наивысшую личную храбрость. А тесная спайка, существовавшая внутри каждого отряда, который включал соседей и род, хозяйственную общину и воинское товарищество и находился под начальством предводителя, авторитет которого во

всей будничной повседневности распространялся на всю жизнь человека как во время мира, так и во время войны, – эта тесная спайка германской сотни, находившейся под начальством своего хунно, обладала такой прочностью, которую не могла превзойти даже самая строгая дисциплина римского легиона. Психологические элементы, составлявшие германскую сотню и римскую центурию, абсолютно различны, но результат их действия совершенно одинаков. Германцы не упражнялись в военном деле, а хунно едва ли обладал определенной – во всяком случае едва ли значительной – дисциплинарной властью; даже самое понятие собственно воинского повиновения было чуждо германцам. Но еще не расколотое единство всей той жизни, в которой пребывала сотня и которое приводило к тому, что в исторических рассказах сотня называлась также общиной, деревней, товариществом и родом, – это естественное единство было сильнее, чем то искусственное единство, которого культурные народы принуждены достигать посредством дисциплины. Римские центурии превосходили германские сотни по внешней сомкнутости своего выступления, подступа к неприятелю и атаки, по своему равнению и движению строго в затылок, но внутренняя спайка, взаимная уверенность друг

в друге, которая образует нравственную силу, была у германцев настолько сильна, что даже при внешнем беспорядке, при полной дезорганизованности и даже временном отступлении она оставалась непоколебленной. Каждый призыв хунно – слово "приказ" мы даже оставляем совершенно в стороне – выполнялся, так как каждый знал, что этот призыв будет каждым выполнен. Паника является слабой стороной, присущей каждой недисциплинированной воинской части. Но даже во время отступления слово предводителя не только останавливало германские сотни, но и побуждало их к новому наступлению[15].

Поэтому мы не напрасно установили в предыдущей главе сперва тождество между хунно и альтерманом, а затем тождество между округом, родом, сотней и деревней. Здесь идет дело не о спорном вопросе формального государственно-правового значения, но о раскрытии крупного и существенного элемента в мировой истории. Здесь следует обратить внимание на то, что хунно являлся неизбираемым от случая к случаю предводителем менявшегося и случайно составленного отряда, но прирожденным вождем природного единства. Он носил такое же название и выполнял во время

войны такие же функции, как и римский центурион, но отличался от него так, как природа отличается от искусства.

Хунно, который командовал бы не в качестве родового старейшины, имел бы во время войны так же мало значения, как и центурион при отсутствии дисциплины. Но так как он является родовым старейшиной, то и достигает без помощи воинской присяги, строгой дисциплины и военных законов такой же спайки и такого же подчинения, как и его римский тезка, применявший для этой цели строжайшую дисциплину.

Когда римляне порой говорят[16] о беспорядке у германцев, или когда Германик, для того чтобы усилить мужество у легионеров, рассказывает им про германцев, что они, "не стыдясь позора и ничуть не беспокоясь, уходят от вождя", то это с римской точки зрения вполне справедливо. Но если посмотреть с другой стороны, то это как раз и будет доказательством того, насколько прочной была внутренняя спайка среди германцев, ибо даже, несмотря на весьма незначительный внешний порядок, временное отступление и отсутствие настоящего командования, они все же не разбегались и даже не ослабляли энергии своего боевого натиска.

Тактическая форма строя, в котором сражалась германская пехота, получила у древних писателей название "cuneus", которое новейшими писателями переводится словом "клин" (клинообразный боевой порядок). Однако, это слово может так же ввести в заблуждение, как и наше выражение "колонна", которым, пожалуй, технически всего правильнее можно было бы перевести вышеприведенный латинский термин. Если мы будем термины "линия" и "колонна" противопоставлять друг другу, то под словом "линия" мы будем подразумевать такое построение, которое больше простирается в ширину, нежели в глубину, а под словом "колонна" – такое построение, которое более тянется в глубину, чем в ширину. Но если эти термины на самом деле постепенно переходят друг в друга, то их употребление в языке далеко отходит от вышеуказанного противопоставления. Такой боевой строй, который насчитывает 12–40 человек по фронту и 6 человек в глубину, мы уже называем "ротной колонной". Равным образом римляне иногда называли клином такие боевые построения, которые мы должны были бы обозначить как "фаланга" или "линия". Так, например, Ливий называет пунический центр в сражении при Каннах "очень тонким клином",

хотя здесь, без сомнения, мы имеем дело не только с линейным построением, но даже, по собственному выражению Ливия, с довольно плоским построением. Слово "cuneus" часто обозначает просто-напросто слово "отряд"[17].

Хотя из одного слова "cuneus" (клин) еще ничего нельзя извлечь, однако, нет никакого сомнения в том, что наряду с общим значением оно имело также и специфически техническое значение, в котором оно иногда и употреблялось.

О техническом значении этого термина нас, кажется, довольно точно информируют некоторые писатели эпохи переселения народов. Вегеций (III, 19) определяет клин (cuneus) как "множество пехотинцев, которые подвигаются вперед сомкнутыми рядами – впереди более узкими, а сзади более широкими – и прорывают ряды противников". Аммиан пишет (17, 13), что римляне, т.е. варваризованные римские военные отряды, напали, "выражаясь грубо, по-солдатски, строем, похожим по своей внешней форме на голову кабана", т.е. "строем, который кончался узким рядом". А Агаций сообщает, что клин, ἔμβολον, франков в сражении против Нарсеса имел форму треугольника. Следовательно, клин представляли себе таким образом: впереди стоял один воин, а именно самый лучший; во втором

ряду стояло трое, в третьем – пятеро и т.д. Но если вдуматься в это построение, то оно окажется невозможным. Ведь как бы сильно и хорошо ни был вооружен воин, стоящий во главе клина, в то время как он будет поражать своего противника, стоящего в неприятельском ряду, левый или правый сосед этого противника улучит минуту, когда он сможет напасть на него сбоку. Для того, чтобы защитить переднего воина от этого двойного флангового нападения, существует только одно средство: двум крайним воинам второго ряда необходимо быстро прыгнуть вперед. Но окружение продолжается и по отношению к ним. Три воина, образующие теперь вершину клина, подвергаются нападению со стороны пяти противников. И опять крайние воины третьего ряда должны выпрыгнуть вперед. Одним словом, клин, вместо того чтобы ворваться внутрь неприятельского фронта, сплющивается в тот момент, когда он с ним соприкасается, и в кратчайшее время поворачивается в обратную сторону. Все крайние воины, которые вследствие клинообразной формы строя искусственно удерживались позади, устремляются теперь вперед; таким образом, широкая часть треугольника перемещается вперед, а узкая – назад, причем люди, стоявшие на флангах и

бывшие раньше впереди, теперь оказываются позади. Следовательно, клинообразная форма не только не достигнет своей цели, но в то время, когда крайние воины задних рядов устремятся вперед, эта форма строя, очевидно, приведет к тому, что вершина клина, зажатая в тиски, понесет самые тяжелые потери. Поэтому нельзя себе представить более бессмысленной формы тактического построения. Ведь как бы тесно ни держались люди друг к другу, отряд всегда останется суммой отдельных людей, которые всегда будут устремляться вперед и никогда не смогут, подобно заостренному куску железа, сконцентрировать все боковое давление на одном острие или на лезвии.

Правильное описание клина сохранилось в античной литературе в двух местах: у Тацита и в конце эпохи переселения народов в "Стратегиконе" императора Маврикия, если он только является автором этого труда (приблизительно 579 г.). "Белокурые народы" – франки, лангобарды и подобные им, – читаем мы в "Стратегиконе", – нападают отрядами, которые столь же широки, как и глубоки[18], а Тацит говорит "о клиньях" (cuneis) батавов следующее: "повсюду тесно сомкнутые, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытые". "Тесно сомкнутым"

отрядом, который со всех сторон – не только спереди и сзади, но и с флангов – одинаково силен, является каре, следовательно, при 400 человек такое построение, когда 20 стоят в ширину и 20 в глубину, а при 10 000–100 в ширину и 100 в глубину. Такой отряд образует не квадрат, а прямоугольник, фронтом которого является его узкая сторона, так как во время перехода дистанция между шеренгами приблизительно вдвое больше дистанций между рядами. Если же теперь перед строем такой глубокой колонны выступит вождь или князь, окруженный своей свитой, находящейся позади него или рядом с ним, то может показаться, что такая колонна увенчана вершиной. Эта вершина является командующей, руководящей частью. Пользуясь современными условиями, мы можем сравнить такое построение с атакой кавалерийской бригады. Впереди находится командир бригады, позади него – три человека: его адъютант и два трубача, затем – два полковых командира со своими адъютантами и трубачами, далее – восемь эскадронных командиров со своими трубачами, затем 32 взводных командира и, наконец, вся масса всадников. Такое построение можно изобразить в виде треугольника, однако, оно применяется лишь во время церемониального

марша. Ведь это построение требует не постепенного внедрения в неприятельский строй, а того, чтобы во время войны, несмотря на то, что командиры находятся впереди строя, вся масса, вобрав в себя командиров, одновременно устремилась бы на неприятельский строй. Такова же была, следует думать, и вершина или острие древнегерманской "кабаньей головы". Когда князь или северный богатырь становился со своей свитой во главе каре, состоявшего из свободных членов общины, то он, бурно устремляясь вперед, увлекал своим натиском вслед за собой всю остальную массу войска. Атака должна была происходить одновременно. Голова колонны вовсе не имела своей задачей пробить вражеский фронт, но во время атаки вся масса войска вслед за своим герцогом должна была нанести удар, подобный удару тараном. Даже при отсутствии головы колонны глубокая колонна могла по своей форме приближаться к форме треугольника. Если такой клин, – скажем, шириной в 40 человек, т.е. насчитывавший 1 600 человек, – сталкивался с более широким неприятельским строем, то в этом случае наибольшей опасности подвергались оба фланговых первой шеренги, так как в момент столкновения им приходилось сражаться не с одним лишь противником, стоявшим прямо

против них, но и с его соседом, который угрожал им со стороны. Потому могло свободно случиться, что крылья продвигались вперед с некоторой осторожностью, вследствие чего середина несколько выдавалась вперед. Напротив, внешние части задних рядов в своем натиске легко растекались. Поэтому и без того казавшийся узким фронт колонны должен был на самом деле казаться заостренным, однако, это не было его преимуществом. Это было скорее его деформацией, нежели правильной формой. Чем равномернее наступал весь отряд на противника и теснил его вперед, тем было лучше. Чем храбрее были фланговые, тем меньше следовало подозревать их в том, что они нарочно отставали. Чем ровнее держали ряды задние шеренги, тем острее был удар и сильнее натиск. А предводители должны были принимать все меры к тому, чтобы отряд, подходя к противнику, по возможности точно держал равнение как по фронту, так и в глубину. С началом наступления на противника германская колонна начинала петь "баррит" ("крик слона") – свою боевую песню. При этом воины держали щит перед ртом для того, чтобы звук, отражаясь от щита, этим усиливался. "Она начинается глухим грохотом, – рассказывает нам римлянин, – и усиливается по мере того, как

разгорается бой, достигая силы грохота прибоя морских волн, ударяющихся о скалы"[19]. Подобно тому как применение тех флейт, звуком которых спартанцы сопровождали движение своей фаланги, послужило нам указанием упорядоченного и равномерного движения (том I, ч. I, гл. II), так и "баррит" указывает нам на тот же самый факт применительно к клину древних германцев.

Если германский клин производил атаку на такой же неприятельский клин и если оба клина выдерживали обоюдный натиск, то с двух сторон надвигались друг на друга задние ряды, пытаясь окружить противника. Если клин производил атаку на фалангу, то он ее либо прорывал, – причем в таком случае противник отступал не только в месте прорыва, но, что весьма вероятно, и по всему фронту, – либо же фаланга выдерживала натиск, и тогда войска, составлявшие клин, продолжали бой, причем им не оставалось ничего другого, как возможно скорее выдвинуть вперед свои задние ряды и, раздавшись в ширину, перестроиться в фалангу. Римский центурион стоял и передвигался в строю фаланги, занимая место правофлангового своей роты. Лишь здесь мог он выполнить все свои функции: сохранение интервалов, командование,

метание залпом дротиков и вслед за тем короткую атаку. Германский хунно шел во главе своего клина; когда же несколько родов образовывали большой клин, то они стояли рядом, причем каждый род состоял (по фронту) из двух или трех рядов; перед каждым родом стоял хунно, а перед всем клином князь, окруженный своей свитой. Здесь никогда не командовали метания дротиков залпом; здесь не надо было соблюдать равномерное, установленное правилами расстояние, и атака здесь начиналась штурмовым бегом на значительно большем расстоянии. Предводитель не должен был здесь равняться по соседним отрядам и держать определенное направление. Он устремлялся вперед по тому пути или по тому направлению, которые ему казались наиболее благоприятными, а его отряд следовал за ним.

Глубокая колонна – каре – является первоначальной формой тактического построения древних германцев, подобно тому как фаланга – линия – является такой же первоначальной формой у греков и римлян. Обе формы, повторяю, не являются обязательно противоположными друг другу. Каре не должно непременно иметь столько же шеренг, сколько оно имеет рядов. Оно будет отвечать своему назначению и в том случае, если

будет иметь вдвое больше рядов, чем шеренг. Такой отряд мы все еще сможем и даже должны будем назвать каре, так как 70 человек с каждого фланга дают ему возможность самостоятельной защиты. Этот отряд будет, по выражению Тацита, еще "повсюду тесно сомкнутым, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытым". С другой же стороны, нам пришлось слышать и о таких фалангах, которые были очень глубоко построены. Таким образом, эти формы переходят одна в другую, не имея определенных границ. Но это обстоятельство не уничтожает их теоретической противоположности, и нетрудно вскрыть причину того, почему народы классической древности исходили из одной формы, а древние германцы – из другой, первоначальной формы.

Преимуществом фаланги перед клином являлось непосредственное вовлечение большего количества оружия в сражение. Десятишеренговая фаланга, насчитывавшая всего 10 000 человек, имела 1 000 человек в первой шеренге. Клин же глубиной в 100 человек имел по фронту только 100 человек. Если клин сразу не прорвет фалангу, то он очень скоро будет окружен со всех сторон. Фаланга в состоянии его обойти своими флангами. С другой стороны, слабой частью

фаланги являлись ее фланги. Небольшая фланговая атака могла ее опрокинуть. Такая фланговая атака могла быть особенно легко произведена конницей. Германцы обладали сильной конницей, а греки и римляне такой сильной конницей не обладали. Поэтому германцы предпочитали строиться вглубь, чтобы иметь сильные и хорошо защищенные фланги. Греки же и римляне гораздо слабее чувствовали эту потребность. Они могли смело рисковать, принимая более тонкие построения, чтобы иметь на передовой линии как можно больше оружия.

Второй причиной, усиливавшей тяготение каждой стороны к свойственной ей форме построения, является то обстоятельство, что германцы обладали гораздо меньшим и худшим защитным вооружением, нежели греки и римляне с их развитой промышленностью. Поэтому германцы стремились к тому, чтобы выставить в первой шеренге лишь немногих, лучше других вооруженных воинов и пытались усилить атаку натиском из глубины, причем этому не очень вредило недостаточное вооружение воинов, стоявших внутри клина.

Наконец, клин имел еще и то преимущество, что он мог легко и быстро передвигаться по пересеченной местности, не нарушая в то же

время своего внутреннего порядка. Фаланга же могла двигаться вперед ускоренным маршем лишь на очень небольшом расстоянии.

Теперь же следует поставить вопрос о том, как велико было каре древних германцев. Образовывали ли они одно, несколько или много каре и как они строились по отношению друг к другу?

Описывая сражение против Ариовиста, Цезарь пишет (1, 51), что германцы построились по родам (generatim), причем на одинаковом расстоянии друг от друга стояли гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седузии и свевы. К сожалению, мы на знаем численного состава этого войска (ср. том I). Так как Цезарь располагал в этом сражении 25 000–30 000 легионеров, а германцы во всяком случае были значительно слабее римлян, то их, очевидно, было не более 15 000. Таким образом, они, за исключением всадников и рассыпавшейся легковооруженной пехоты, образовывали 7 клиньев по 2 000 человек в каждом, причем некоторые из этих клиньев имели по 40 человек в ширину и в глубину. Германцы с такой стремительностью ринулись на римлян, что центурионы не успели даже скомандовать легионерам метнуть дротики залпом, так что

легионерам пришлось, бросив дротики, взяться за мечи. Германцы, продолжает Цезарь, по своему обыкновению, быстро образовав фалангу, встретили натиск мечей. Я это понимаю так, что когда четырехугольным отрядам германцев не удалось прорвать боевую линию римлян (Цезарь вполне естественно описывает вторую схватку как непосредственно следовавшую за первой), и римляне проникли в промежутки между клиньями с целью охватить их фланги, то германцы из задних рядов устремились вперед, чтобы заполнить интервалы и, таким образом, образовать фалангу. Конечно, это не могло произойти в полном порядке; поэтому в следующей фразе Цезарь уже говорит о "фалангах" во множественном числе; это мы должны понять в том смысле, что германцам не удалось установить одну общую боевую линию. Все это выступление вперед германских воинов из задних рядов является блестящим свидетельством их личной храбрости, так как вследствие неудачной попытки германских клиньев прорвать римскую фалангу была сломлена их главная сила, что оказалось для них в тактическом отношении весьма неблагоприятным. Но вся храбрость германцев разбилась о твердую сплоченность и численный перевес римских когорт, которые к

тому же обладали преимуществом большей организованности[20].

С этой картиной, которую мы находим в описании Цезаря, вполне согласуются описания сражений у Тацита. Так он пишет ("История", 4, 16), что Цивилий построил своих канинефатов, фризов и батавов обособленными отдельными клиньями, а в описании другого сражения (5, 16) у него ясно сказано, что германцы стояли не одним общим строем, но клиньями.

Благодаря своей форме германские клинья легко сжимались и не нуждались ни в каких особых упражнениях для передвижения. Когда Плутарх рассказывает о том ("Марий", 19), что амброны шли в бой одинаковым шагом, отбивая такт ударами в щит, то, конечно, нельзя считать, что эта маршировка была абсолютно точной, как на параде, но вместе с тем необходимо признать, что это явление было следствием вполне естественного порыва. С другой же стороны, германцы могли с большой легкостью, не соблюдая внешнего порядка, беспорядочными толпами или совершенно врассыпную быстро наступать или отступать по лесам и скалам. Единство тактической части сохранялось у них благодаря внутренней сплоченности, взаимному доверию и одновременным остановкам, которые

производились либо инстинктивно, либо по призыву вождей. От этого, как мы это уже видели, зависело все. Это гораздо важнее, чем внешний порядок, и гораздо труднее достигается в воинских частях, объединенных одной лишь чисто воинской дисциплиной, чем в естественной корпорации германского рода, находившегося под начальством своего прирожденного вождя – хунно или альтермана. Итак, германцы не только были хорошо приспособлены к правильному сражению, но особенно отличались в боях врассыпную, в нападениях в лесу, в засадах, в ложных отступлениях, – короче, во всех видах партизанской войны.

Вооружение германцев определялось недостатком у них металла. Хотя они уже давно перешли из бронзового века в железный, но все еще не умели, подобно культурным народам Средиземноморья или даже кельтам, увеличивать в зависимости от потребностей запас металла и в соответствии с ним свободно располагать металлом при его обработке[21]. Следует отметить, что в некотором отношении мы лучше знаем оружие германцев, нежели оружие римлян в классическую эпоху республики, так как германцы, так же как и кельты погребали в могиле рядом с телом покойного его оружие, чего

римляне не делали. Это дает нам возможность извлечь из земли оружие древних германцев. Древний германец и его оружие как бы составляют одно целое. Оружие германца является частью его личности. Для римлянина же оружие являлось ремесленным товаром, так же как и он сам в качестве воина являлся звеном, частицей, можно почти сказать, номером той манипулы, в которую он был назначен на военную службу управлением своего воинского округа. Поэтому германцы погребали вместе с воином и его оружие. Эту цепь мыслей можно продолжить еще дальше. Оружие в местах погребения по большей части находят в согнутом виде, т.е. оно было приведено в состояние негодности. Почему? Сперва предположили, что это делалось для того, чтобы удержать грабителей от воровства. Но это вряд ли вероятно, так как согнутое оружие легко снова выпрямить, а с другой стороны, в места погребения часто клали наряду с оружием и украшения. Причина этого скорее в том, что если человек уже больше ни на что не способен, то и его оружие делают бессильным. Тщательным исследованием и сравнительным изучением оружия, найденного в местах погребения, свидетельства римлян о вооружении германцев, правда, кое в чем были исправлены, но в

основном эти свидетельства подтвердились. Римляне указывают на то, что лишь немногие воины имели панцирь и шлем; главным предохранительным вооружением был большой щит, сделанный из дерева или плетенки и обитый кожей, голова же была защищена кожей или мехом. В речи, которую Тацит ("Анналы", II, 14) вкладывает в уста Германику перед одним из сражений, этот римский полководец говорит, что лишь первый ряд (acies) германцев вооружен копьями, остальные же имеют лишь "обожженные на конце или короткие дротики". Конечно, это было преувеличением, которое допустил оратор для того, чтобы поднять дух в своих войсках. Ведь если бы вся масса германцев действительно была вооружена одними лишь острыми палками, то, несмотря на всю свою храбрость, германцы никогда ничего не смогли бы сделать с римлянами, прекрасно вооруженными с ног до головы. Лучше осведомляет нас относительно германского вооружения Тацит в "Германии" (гл. 6), где он сперва также говорит, что германцы имели мало длинных копий и мало мечей, а затем – что их главное оружие называется "фрамой", которое он и в других местах нередко упоминает ("Германия", 6, 11, 13, 14, 18, 24). Судя по описанию Тацита, это оружие было похоже на

древнее копье греческих гоплитов (тяжеловооруженных воинов). Лишь позднее мы находим у германцев в качестве боевого оружия боевой топор[22].

Неясно, каким образом сочетались в клинообразном строе длинные копья с коротким оружием. Германик в своей приведенной выше речи утешает своих солдат, указывая на то, что в лесу такими копьями не так удобно пользоваться, как дротиками и мечами. Поэтому можно предположить, что длина германских копий равнялась длине сарисс и копий ландскнехтов, что нам не кажется невозможным.

Так как длинное копье носилось двумя руками, то воин, несший такое копье, уже не мог держать в руках щита. Поэтому мы должны предположить, что длинными копьями были вооружены латники. Стоя в первом ряду и, возможно, чередуясь с воинами, державшими щит, для того чтобы быть слегка прикрытыми их щитом, воины, вооруженные длинными копьями, образовывали голову наступавшего клина. Как только эти воины могучими ударами прорывали неприятельский строй и приводили его в смятение, тотчас же вслед за ними наступали воины, вооруженные фрамами, и устремлялись в произведенный ими прорыв. Если бы не существовало такой тесной

связи между длинным копьем и коротким оружием, то длинным копьем нельзя было бы пользоваться в схватке врукопашную. Даже сам копейщик должен был для продолжения и успешного окончания боя иметь при себе в качестве запасного оружия меч или кинжал.

Дело представится гораздо проще, если мы примем, что необычайная длина германских длинных копий есть не что иное, как преувеличение, допущенное в рассказах римлян и явившееся в результате сравнения этих длинных копий с коротким дротиком римлян. Если длина копья не превышала 12–14 футов (3,65–4,25 м) и его можно было держать в одной руке, что давало возможность воину в другой руке держать щит, то такое длинное копье немногим отличалось от фрамы. Поэтому в четырехугольном отряде можно было свободно по желанию размещать воинов, не обращая особенного внимания на вид оружия.

Существенным вопросом является следующий: раз греки и римляне, равно как, позднее, средневековые рыцари защищали свое тело хорошим предохранительным вооружением, необходимым для рукопашных схваток, то каким же образом могли германцы обходиться без такого предохранительного вооружения? Я долго придерживался той мысли, что германцы

надевали на себя шкуры зверей, которые истлели в могилах. Но на многочисленных сохранившихся изображениях германских воинов мы этого нигде не видим[23]. Напротив, источники говорят нам о том, что германцы не имели никакого другого предохранительного вооружения, кроме щитов. Это объясняется тем, что фаланга и легион были в большей степени приспособлены для одиночных боев, чем германский четырехугольный отряд. Этот последний предназначался для того, чтобы смять противника своей глубокой массой. Если это ему удавалось, то оставалось лишь преследовать неприятеля. Следовательно, в предохранительном вооружении нуждались, как мы это увидим позднее у швейцарцев, только внешние ряды. К тому же в бою врассыпную, который для германцев имел, пожалуй, больше значения, чем бой в клинообразном строю, легкость в движениях была настолько важна, что ради нее германцы отказывались от всякого иного предохранительного вооружения, кроме щита.

Германцы очень широко пользовались дротиком. Замечательно то, что германцы перестали пользоваться луком и стрелами, которые им были известны еще в бронзовую эпоху и которые снова вошли в употребление лишь в III в. н. э. Источники и археологические находки в

полном соответствии друг с другом ясно говорят нам об этом[24].

КЛИН

Уже в "Настольной библиотеке для офицеров" ("История военного искусства", т. I, 97, 1828) описано треугольное построение и полый клин, служивший для охвата, но тут же добавлено:

"Эти клинообразные построения были скорее тактическими изобретениями и забавами, предназначавшимися для учебного плаца, нежели практическими построениями, применявшимися во время войны, для чего у нас нет соответствующих примеров".

"Вообще греки понимали под словом "клин" всякую наступательную группу, построенную больше вглубь, чем в ширину. К этому типу построения относится поэтому и наступательная колонна Эпаминонда".

Пейкер, напротив, верит в существование треугольной формы германского клина и хвалит ее за то ("Немецкое военное искусство в древние времена" – "Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten", II, 237), что "она давала возможность легче менять фронт". Авторитет греческих тактических писателей, на которых он в данном случае ссылается, мы спокойно можем оставить в стороне, так как они пишут только о коннице, – равным образом и пример полета журавлей. Мнимая большая легкость поворотов, как впрочем, и все построение, является не чем иным, как чисто доктринерской теорией.

В другом месте (II, 245) Пейкер указывает как раз

наоборот, что "клинообразная наступательная колонна могла передвигаться, не нарушая своей внутренней сплоченности, лишь по твердой, открытой и ровной местности".

Вопрос о свидетельствах северных писателей подробно разобран в двух исследованиях Г. Некеля (C. Neckel, "Hamalt Fylkin. Braunes Beitrdge z. Gesch. d. deutschen Sprache", Bd. 40, S. 473, 1915) u. "Hamalt Fylkin Svinfylkin. Archiv foer Nordisk Filologie", Bd, 34, N. F. 30).

Некель под словом "хамальт" понимает такой четырехугольный отряд, отличительной чертой которого является сплошной ряд щитов. "Хамальт" превращается в "свинфилькинг", если перед его строем выстраивается треугольник, направленный своим острием против неприятеля. Так как мы уже убедились в том, что это острие не имело тактического значения, то я не могу себе представить, чтобы в поэтических источниках могли быть подмечены тонкие теоретические различия: стоят ли в целях более легкого и удобного руководства в первой шеренге при наступательном движении один или немногие воины, а воины следующих шеренг выскакивают из своих шеренг лишь в момент атаки и становятся рядом с ними, или же во всех шеренгах с самого начала имеется одинаковое число воинов. Даже в том случае, когда предводитель предполагал подступить к неприятелю и атаковать его треугольной головой колонны, то это все же на практике было почти неосуществимо, так как воины, выступавшие из-за второй, третьей и четвертой шеренг, едва ли смогли бы искусственно держаться на установленной дистанции от воинов первой шеренги. Дистанции

между шеренгами настолько малы, что их нелегко сохранять даже при мирных упражнениях на ровном учебном плацу; при дикой же боевой атаке, когда каждый воин делает все, что может, для того чтобы по меньшей мере не отстать от своего соседа, а, может быть, даже его и обогнать, сохранять дистанции совершенно невозможно. Гораздо ниже Некеля я оцениваю в качестве источников как Агация, так и северные поэмы вплоть до Саксона Грамматика, который из них черпает. Я остерегался даже, как это можно было видеть, устанавливать какие-нибудь тактические формы по Гомеру. Свидетельство же Агация ни в коей мере не может поколебать те указания, которые мы находим в "Тактике" Маврикия. Их даже сравнивать нельзя.

В некоторой степени противоречит моему описанию рассказ Тацита о сражении Арминия с Марбодом ("Анналы", II, 45): "Войска построились, охваченные одинаковой надеждой, и не так, как это было раньше в обычае у германцев, т.е. беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами, так как продолжительная война с нами приучила их следовать за знаменами, прикрываться резервами и обращать внимание на слова полководцев". Эти слова Тацита можно понять таким образом, что германцы раньше вообще не знали никакого тактического строя, научились ему от римлян и подражали им в том, что подобно им, выстраивали войско для сражения и прикрывали его резервами, т.е. готовились ко второму или даже нескольким сражениям.

Но, разбирая это описание, мы должны здесь учесть риторический акцент. Поэтому "древний

обычай" германцев строиться "беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами" есть не что иное, как наступление четырехугольными отрядами клиньями, за которыми следуют стрелки и которые очень легко совершенно рассыпаются. А "войско, прикрытое резервами", мы на самом деле можем принять как подражание римским формам. Со времен Цезаря бесчисленное количество германцев – как князей, так и свободных членов общины – перебывало на римской службе, что дало им возможность основательно изучить римское военное искусство. Весьма возможно, что как Арминий, так и Марбод сочли для себя выгодным построить войско по римскому образцу. Для этой цели им достаточно было приказать, чтобы отдельные роды строились не отдельными большими четырехугольными отрядами, а двигались все в один ряд. Род или сотня были приблизительно тем же самым, что римские центурия или манипула. Таким образом, можно было образовать несколько боевых линий или один резерв. Совершенно не является противоречащим то обстоятельство, что средиземноморским народам потребовалось несколько столетий для того, чтобы достигнуть такого тонкого расчленения войска, и что германские варвары смогли сразу его перенять. Сами по себе германцы этого не смогли бы сделать, так как слишком сильна была еще сила традиционной привычки и вера в традиционную форму. Никакой личный авторитет не был бы достаточно высок, чтобы преодолеть недоверие толпы к такому новшеству, как образование боевых линий или резерва. Но так как каждый либо по личному наблюдению, либо по рассказу своих товарищей знал, каких успехов

достигали римляне благодаря этим построениям, то полководец, который сделал бы такое предложение в военном совете хунни, мог легко получить всеобщее одобрение. А механически провести в жизнь эти приказы было, конечно, совсем не трудно тем хунни, которые держали в строгом повиновении свои отряды.

Таким образом, можно объяснить ведение боя германцами по римскому образцу. Но мне хочется к этому прибавить, что мне кажутся очень спорными те основания, которые мы для этого извлекаем из соответствующих источников. Очень сомнительно то, что римляне располагали достоверными сведениями относительно веденного германцами сражения, и очень возможно, что мы здесь имеем перед собой лишь римскую фантазию. Во всяком случае мы здесь имеем дело лишь с эпизодическим рассказом о сражениях с батавами. Даже те германцы, которые до этого находились на римской службе, выступали в своем обычном боевом строю, а в описаниях эпохи переселения народов мы опять и опять встречаем германский четырехугольный отряд, или клин. Агаций сообщает нам, – правда, в искаженной форме, – о клинообразном построении франко-алеманнского войска, находившегося под начальством Буцелина или Лейтара в сражении при Казилине (ср. ниже, часть III, гл. 4), а у Маврикия мы уже читали, что он считал четырехугольный отряд специфически германским типом построения войск.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНЫ

Тацит ("Германия", 30, 31) восхваляет хаттов за их совершенно исключительные военные таланты и рассказывает, что среди них имеется много воинов, которые в течение всей своей жизни не имели ни дома, ни пашни, но живут одной лишь войной. Это описание нам кажется сомнительным, поскольку оно слишком выдвигает хаттов из среды прочих германцев. Ведь ни один исторический факт не говорит нам о том, что одно германское племя смогло когда-либо достигнуть значительно большего, чем остальные племена. Правда, они часто побеждали друг друга, так что некогда столь сильные херуски, как нам об этом сообщает Тацит, к его времени сильно ослабели. Но все же из этого мы не должны делать вывод о специфическом различии в военном искусстве, существовавшем среди германских племен, – о таком различии, которое было, например, в V в. между спартанцами и прочими эллинами. Каждый германец в каждом германском племени был прежде всего воином. Это является основным фактом, который перевешивает все остальные. Но, конечно, мы спокойно можем поверить тому, что среди всех германских племен на основе этого всеобщего воинства отдельные воины становились особенно прославленными храбрецами, бродяжничали по округам в качестве искателей приключений, разбойников и паразитов, не обзаводились семьями, не обрабатывали полей и лишь на время возвращались в свой род, а когда дело доходило до драки или сражения всегда охотно становились в первую шеренгу клина и даже иногда поступали на военную

службу к римлянам. Но все же, называя таких дикарей профессиональными воинами, не следует всех остальных германцев тем самым превращать в мирных крестьян. Здесь имеется лишь различие в степени, так как все германцы были воинами.

ФРАМА

Оружие германцев описана в речи Германика (Тацит, "Анналы", II, 14) и в 6-й главе "Германии" Тацита. Но оба эти описания взаимно противоречат друг другу и потому требуют пояснений. Слова Германика "обожженные с одного конца или короткие дротики" дают очень неясное представление, и если мы даже действительно примем, что часть германцев на самом деле была вооружена деревянными "дротиками" с обожженными в огне остриями, то все же слова "или" и "короткие" не дадут ни пояснения, ни противопоставления.

В 6-й главе "Германии" говорится: "Там не имеется в избытке даже железа, что ясно видно из формы их оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями. Копья, или, по их собственному выражению, фрамы, они снабжают железными остриями, узкими и короткими, но настолько острыми и столь удобными для употребления, что они сражаются тем же самым оружием и вблизи и издали, в зависимости от обстоятельств".

"Копье с узким и коротким железным острием" есть не что иное, как древнее копье гоплитов, о котором также можно сказать, что им можно сражаться вблизи и с равным успехом его можно метать издали. Но очень неудачно в этом описании

противопоставление "длинных копий" недостатку железа. Ведь большая или меньшая длина или толщина древка копья не имеет никакого отношения к его наконечнику. Очень короткие метательные копья могут быть снабжены очень длинными железными наконечниками, – как, например, римские дротики, – а очень длинные копья могут иметь очень короткие наконечники. По этой причине Фукс (Jos. Fuchs, "Hist. Vierteljahrschr.", 1902, 4, H., S. 529) пытается перевести "lanceis" – "наконечниками копий". Правда, такой перевод исправляет нелогичность данного текста, но все же способ выражения здесь остается странным; к тому же в таком случае выпадают из текста длинные копья, существование которых вообще хорошо засвидетельствовано. Далее, поразительным является тот хвалебный тон, с которым Тацит описывает такое простое оружие, как копье гоплита, которое было для римлян самой обычной вещью, и описывает его как нечто совершенно необычайное, причем не только здесь, но и во многих других местах называет германскую фраму со священным трепетом "кровавой и победоносной фрамой"[25]. Поэтому пришли к совсем другому толкованию этого места. Раскопки обнаружили относящийся к глубокой древности своеобразный инструмент, которому археологи дали искусственно придуманное название "кельт"[26]. Кельты, сделанные из камня, бронзы и железа, имеют форму узкого топора, который приделывался к ручке не поперек, а вдоль. Таким образом, можно было кельт так насадить на ручку или на палку, что получалось копье, которое вместо острия имело лезвие. В этом оружии хотели видеть германскую фраму, и еще Иенс в своей "Истории

развития древнего наступательного оружия" (Jaehns, "Entwickelungsgeschichte der alten Trutzwaffen") высказал такое предположение и его подробно обосновал. Его главным доказательством является то, что такое толкование соответствующим образом поясняет применение кельта, столь часто встречающегося и столь непонятного; далее, то, что оно согласовывает находки и историческое свидетельство, и, наконец то, что оно оправдывает ударение, с которым Тацит говорит о фраме, как о совсем своеобразном оружии. Фрама – копье – кельт было, таким образом, оружием народа, бедного железом, который придает своему оружию такую форму, чтобы оно по возможности могло служить всяким целям и чтобы им можно было пользоваться не только как оружием, но и как инструментом. Его преимуществом являлось то, что им можно было не только толкать или ударять, но в случае нужды и метать его.

Вполне естественно, что при метании и толчке копье гораздо эффективнее, так как широкое лезвие не так легко и не так глубоко проникает, как заостренное острие, но тот человек, который в своем распоряжении, помимо копья, не имеет меча, – а его как раз и недоставало большинству германцев, – тот человек, конечно будет пытаться приспособить копье для удара, а острый край кельта как раз и дает возможность это сделать. Иене подкрепляет свою точку зрения указанием на то, что в других местах были найдены копья с широким лезвием, а также указанием, что это дает возможность установить связь с каменным веком. Острое боевое оружие невозможно было изготовить из камня, так как камень раздробился

бы при ударе о предохранительное вооружение неприятеля. Заостренное каменное оружие годилось лишь для охоты. Следовательно, древнейшей формой каменного боевого копья было копье с широким лезвием, и это испытанная форма еще долго сохранялась не только в течение бронзового, но и в течение железного века. Наконец, мы находим, что в одной глоссе IX в. фрама (framea) объясняется, как "плуг" ("Ploh" – Pflug), что указывает на инструмент с широким лезвием, а не с острием.

В этой аргументации есть что-то подкупающее, но она все же, без всякого сомнения, неправильна. Найденные действительно в очень большом количестве кельты, вовсе не относятся к римско-германской эпохе, а являются значительно более древними. Поэтому вовсе не требуется устанавливать какое-либо соответствие между этими находками и свидетельствами римских писателей. Хотя, действительно, было найдено несколько кельтов, насаженных на копьевидные древка, чему Иенс придает особенно существенное значение, все же кельты могли насаживаться и на кривые бруски, что давало возможность пользоваться ими как мотыгами или топорами. Оружие с широким лезвием настолько менее приспособлено для толчка, чем оружие с острием, что совершенно невозможно, чтобы оно было предназначено для этой цели. К тому же край кельта слишком туп для того, чтобы им можно было пользоваться для нанесения ударов. Если бы кельт предназначался для ударов, то в таком случае, по крайней мере, на одной его стороне сделали бы соответствующее для этого лезвие. Наконец, что касается Тацита, то он в своих словах "копья с

коротким и узким железным острием" пропустил бы важнейшую особенность культа – лезвие вместо острия. Если, действительно, в других местах встречаются, как то утверждает Иенс, копья и стрелы, снабженные вместо острия широким лезвием, то они ведь могли служить другим целям и никак не могут опровергнуть явную непригодность кельта для производства толчка. А "сакс шириной в руку" (Jaens, "Die Klinge von Siegfrieds Pfeil", S. 174) может быть и иначе объяснен. Толкование слова "плуг" ("Ploh") ничего не доказывает, так как древнейшее орудие, служившее для вспахивания, было во всяком случае острым, а не широким. Ср. для остальных свидетельств источников и параллельных мест рецензию Мюлленхофа на V. Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Altertumskunde: Anzeig. f. d. Altertum", Bd. 7, neugedr. i. d. Deutsch. Altertumskunde, Bd. 4 (Die Germania), S. 621. "Zeitschrift fьr Ethnologie", Bd. 2, 1870, S. 347.

Таким образом, остается непоколебленным, что фрама в основном была не чем иным, как древнегреческим копьем гоплита длиною в 6–8 футов. Тацит подчеркивает как раз "короткий" железный наконечник, сравнивая его с римским дротиком. Существенной ошибкой в его описании является упоминание длинного копья. Если его выпустить, то цепь мыслей – "германцы имеют мало железа, потому они сражаются не мечами и дротиками, но копьями, которыми можно одинаково пользоваться как в бою на близком расстоянии, так и на далеком" – будет вполне естественной для римского писателя. Далее, в этой фразе Тацита очень неудачна также и логическая связь: "Это оружие столь остро и удобно, что им

можно пользоваться как в бою на близком, так и на далеком расстоянии". Обе половины этой фразы должны были бы быть соединены не союзом "что", а простым союзом "и". Наконец вводит в заблуждение тон всего описания, который изображает фраму как нечто совсем особенное, в то время как она была самым простым, повседневным и широко распространенным оружием. Но все это нас не так будет поражать, если мы здесь учтем вообще хорошо известную особенность исторического стиля Тацита, которая заключается в том, что он обращает внимание не столько на самый предмет изложения, сколько на то впечатление, которое он может или должен произвести на читателя. Поэтому он стремится придать своим антитезам особенную прелесть тем, что не совсем точно заостряет друг против друга их острия.

К третьему изданию. Шуберт-Золдерн ("Zeitschr. fьr histor. Waffenkunde", Bd. 3. S. 338, 1905) снова выступил в защиту теории Иенса, основываясь на аргументах, заслуживающих внимания. В особенности он подчеркивает то обстоятельство, что острие – каменное, бронзовое или железное – легко обламывалось; при недостатке железа, который испытывали германцы, это должно было вести к тому, что они острию предпочитали лезвие. Слово "celtis" он считает позднелатинским и переводит словом "резец".

Глава III

ПОКОРЕНИЕ ГЕРМАНИИ РИМЛЯНАМИ

Когда римляне победили галлов и сделали Рейн своей границей, то они поставили перед собой задачу защищать своих новых подданных от германцев. Галлы бросились на шею Цезарю (Cdsar an den Hals geworfen), чтобы только не подпасть под иго этих варваров, а римское правление в Галлии началось с изгнания Ариовиста соединенными силами римлян и галлов. Но начатая здесь таким образом борьба продолжалась. Дикие германские орды все снова и снова переправлялись через Рейн. Чем пышнее расцветала новая провинция под мирной сенью мировой римской державы, тем больше она манила к себе жадных до добычи и сознававших свою силу сыновей первобытного леса. Поэтому римляне принуждены были прибегнуть к самой решительной мере для того, чтобы раз навсегда пресечь эту постоянно им грозившую опасность, и, – как ни мало влекла их к себе эта суровая и туманная страна, – римляне были вынуждены вступить в собственные владения германцев и положить конец их свободе, как это они сделали

раньше по отношению к галлам.

После того как Август привел в порядок внутренние дела империи, покорил альпийские страны и отодвинул границы Римской империи вплоть до Дуная, он поручил своему пасынку Друзу, а после его смерти Тиберию, дело укрощения племен, живших от Рейна до Эльбы. И тогда римляне принялись систематически выполнять эту задачу.

Хотя отдельные германские племена были слишком незначительны по своей численности и хотя даже многие племена, собравшись вместе, могли выставлять войска лишь средней численности, а когда им удавалось собрать более крупные войска, то они не умели ими оперировать (ср. в предыдущем томе "Римское военное дело, направленное против варваров", – все же, несмотря на это, всюду, куда только ни являлись римляне, каждый мужчина был воином. Поэтому вторгаться в страну этих варваров, которые презирали не только раны, но даже смерть, римляне могли отваживаться лишь с крупными и крепко сплоченными войсками.

Но снабжать продовольствием во внутренней Германии большие армии было весьма трудным делом. При незначительном количестве своих пашен страна сама по себе давала очень мало. А

для того чтобы отправлять по проселочным дорогам на большие расстояния продовольственные обозы, необходимы были большие приспособления; при этом следует иметь в виду, что за исключением мостов через топи, которые были возведены германцами с удивительной затратой труда и с необычайным искусством, в Германии не было никаких мощеных дорог. Поэтому Друз, вынужденный из-за недостатка продовольствия вернуться после своего первого похода вглубь страны, создал для своего дальнейшего продвижения вперед двойную базу. Главным складом оружия римлян на Нижнем Рейне был лагерь Ветера (Биртен) у Ксанта, расположенный против места впадения Липпы в Рейн. Липпа судоходна для небольших судов почти вплоть до своих истоков не только весною, но также и в течение некоторой части года. Поэтому Друз, продвигаясь по Липпе, основал на том месте, где ныне стоит собор в Падерборне, форт Ализо, который должен был служить складочным пунктом (11 г. н. э.).

Было бы неправильно видеть в основании форта или крепости независимо от его размеров средство для укрощения строптивых и для установления господства над соседними племенами.

Существуют такие условия и такие народы, среди которых можно устанавливать свою власть путем размещения гарнизонов и основания этапных пунктов. Это возможно именно в тех случаях, когда нет основания ожидать открытия военных действий или когда покорение страны достигло такой степени, что остается преодолеть лишь самое незначительное сопротивление. Здесь уже дело не в стратегии, а только в полиции.

В Германии такая политика римлян привела бы к печальным для них результатам. Германцев можно было покорить, лишь ведя войну в крупном масштабе. И пока германцы не были окончательно покорены, единственной задачей гарнизона крепости могло быть лишь обеспечение себя и обнесенного стенами крепости клочка земли от местного населения. И от Цезаря мы также не слышим, чтобы он в Галлии строил крепости, за исключением одного форта, который должен был обеспечивать мост через Рейн, так как крепости требуют гарнизонов, а постоянным стремлением Цезаря было никогда не разбивать своих войск, но всегда их держать вместе, для того чтобы, пользуясь безусловным численным перевесом в открытом поле, победить галлов и обратить их в бегство.

Существовало также и такое мнение, что Друз

основал форт на Липпе, чтобы всегда иметь в своем распоряжении открытую и защищенную переправу через реку и что именно по этой причине он искал место для этого форта, идя вниз по реке. Но это не является решающим соображением, так как Липпа – сравнительно небольшая река, по обеим сторонам которой идут дороги, хотя и не всегда пролегающие в непосредственной близости от берега. Несмотря на то, что вследствие болотистых берегов Липпу бывает часто трудно перейти даже на большом протяжении, все же германцы не могли и думать о том, чтобы закрыть переправу через эту реку римлянам, обладавшим многочисленными вспомогательными средствами и всегда имевшим возможность обойти неприятеля. Поэтому форт на Липпе также не мог иметь значения предмостного укрепления.

Совсем иначе будет обстоять дело, если мы на него посмотрим с точки зрения продовольственного снабжения армии. Это снабжение нуждалось в водном пути сообщения, а водный путь требовал конечного пункта, складочного места, где суда могли бы оставлять свой груз, а продовольственные обозы их принимать для дальнейшей отправки вглубь страны. Ведение войны в центральной Германии

принимало совершенно иной характер в том случае, когда уже не нужно было везти с собой зерно или муку от самого Рейна, а можно было нагружать их на расстоянии 150 км по прямой линии от Рейна в верховьях Липпы и здесь снова пополнять их запасы. Цезарю не нужно было в Галлии основывать складочные пункты и отделять от легионов гарнизонные части для их защиты. О снабжении армии должны были заботиться покоренные и союзные племена, пользуясь для этой цели помощью римских поставщиков. В Германии же под влиянием необходимости римляне были принуждены отказаться от этого основного принципа снабжения. Друз основал Ализо не для того, чтобы посредством него держать окружные племена в повиновении, так как это было бы для такой цели слишком недостаточным средством, а для того, чтобы создать твердую базу для римских военных операций в Центральной Германии (см. ниже специальное исследование об Ализо).

Когда же форт был построен, то, естественно, он стал служить и другим целям, как, например, для приемки больных, для наблюдения за страной и за людьми, для полицейского надзора в той области, на которую распространялась его власть, в качестве убежища, но все же главной и основной

его целью, характеризовавшей его значение и определивший его деятельность, было служить в качестве складочного пункта, расположенного на водном пути, где должна была происходить перегрузка на сухопутный транспорт.

Помимо Ализо, Друз, как говорят, основал еще 50 фортов на Рейне[27]. Это на первый взгляд кажется противоречащим плану покорения Германии, так как снабжение этих 50 фортов гарнизонами потребовало бы значительной части наличных войск; а если бы удалось покорить германцев, то эти форты оказались бы уже излишними. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что когда армия отправлялась в поход, то ополчение (ландштурм) должно было занимать эти форты и охранять их в качестве убежищ для местного населения в тех случаях, когда германцы, не имея возможности защитить свою страну от римлян, пытались бы облегчить свое положение, делая диверсии в сторону этих римских фортов. Кроме того, в больших лагерных стоянках, очевидно, оставлялись части войск, участвовавших в походе, для того чтобы они могли приходить на помощь туда, где в этом встречалась необходимость. Помимо пути от Рейна по Липпе, был еще и другой путь, идя по которому войско могло достигнуть внутренних

областей Нижней Германии. Этим путем было море и впадающие в него реки. Первым делом, за которое взялся Друз, после того как он принял командование над римскими войсками в Германии, было прорытие канала, соединяющего Рейн с Исселем, который должен был дать возможность прямо достигнуть через Зюдерзее германских берегов Северного моря. Еще и теперь существует "ров Друза" (fossa Drusiana), который Светоний называет ("Клавдий", гл. 1) "новым и громадным предприятием"[28]. Римская торговля в Северном море не была настолько велика, чтобы оправдать столь большие расходы, связанные с этой работой, но с точки зрения стратегии это предприятие становится понятным. Когда Тиберий совершал свой поход к Эльбе (4 г. н. э.), то у устья Эльбы сухопутное войско встретилось с флотом, который вез "громадное количество всяких вещей"[29]. Римские корабли достигали Ютландии, а на реках они много раз вступали в бой с германскими кораблями[30]. Когда бруктеры несколько позднее, во время войны римлян с Цивилием, захватили в качестве военной добычи преторскую галеру с тремя рядами весел – адмиральский корабль римлян, то они повезли его по Липпе, чтобы принести его в дар своей жрице и пророчице Веледе[31].

Уже Друз построил форты близ устья Везера и даже Эльбы, а для несколько более позднего времени у нас есть более надежные свидетельства о существовании римского гарнизона близ устья Везера[32]. Эти форты должны были служить опорным пунктом для военного и грузового флотов римлян[33].

Таким образом, это тщательно подготовленное предприятие римлян увенчалось полным успехом. Уже Друз принудил прибрежные племена – фризов и хавков – признать верховную власть римлян, а Тиберий принял присягу на верность от всех племен, живших вплоть до самой Эльбы, причем дело даже не дошло до более или менее крупных боев. Эта изумительная податливость германцев, как правильно предположил Ранке, объясняется тем же, чем в свое время объяснялся тот факт, что галлы пошли навстречу Цезарю. Именно в эти годы князь маркоманов Марбод основал большое германское королевство. Простираясь из пределов Богемии, оно охватывало ряд племен вплоть до Нижней Эльбы. Для того чтобы избегнуть его власти, племена, жившие около Везера, присоединились к римлянам (в годы 11 – 7 до н. э.).

Сперва взаимоотношения римлян с германцами носили характер лишь свободного

союза, так что римляне каждую зиму снова отводили свои войска к Рейну или к близлежащим местам. Конечно, совершенно ясно, насколько было убыточно для римлян постоянно менять место для лагеря. Германцы не могли сами на себя смотреть как на окончательных подданных Римской империи, да и римляне им настолько еще не доверяли, что остерегались оставаться на зиму среди них. Этот факт опять-таки объясняется необходимостью продовольственного снабжения.

Путешествие по Северному морю и вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе было даже летом рискованным предприятием, зимой же навигация вовсе прекращалась. Поэтому мы узнаем, что важно было снова покорять то одно, то другое племя; лишь в 4 г. н. э. Тиберий, вторично посланный на север, по-видимому, окончательно покорил эти оседлые племена. Он отважился оставить на зимовку свое войско около истоков Липпы, т.е. вблизи от Ализо.

Римляне основывали города и рынки, и германцы, казалось, привыкали к новому образу жизни, посещали рынки и вступали в сношения с новыми поселенцами (Дион, 56, 18). Уже римляне готовились покорить и германское королевство Марбода в Богемии; подвластные римлянам племена по Майну должны были служить базой

для этого похода. Начать эту войну помешало римлянам большое восстание, вспыхнувшее среди также недавно покоренных племен, живших к югу от Дуная, и отвлекшее к себе римские силы на три года. Но и в это время германцы, населявшие Северную Германию, оставались совершенно спокойными.

Однако, наконец, когда римляне при наместнике Варе стали вполне серьезно относиться к своему господству в Германии, среди народов, живших между Эльбой и Рейном, вспыхнуло большое, всеобщее восстание.

ИСТОЧНИКИ

В то время как мы можем нарисовать ясную и достоверную картину характера, условий жизни и занятий германцев, мы с гораздо меньшей достоверностью можем говорить об отдельных исторических событиях нашей древнейшей истории. Это зависит от характера наших источников. Они многочисленны и подробны, но подобны блуждающим огням. Если мы были принуждены с большой осторожностью пользоваться рассказом Цезаря о покорении Галлии, ибо этот рассказ не только дает одностороннее римское освещение, но даже не может быть проконтролирован при помощи других римских источников, то гораздо хуже обстоит дело с эпохой боев римлян с германцами. Хотя мы здесь имеем не один, а несколько источников, но почти все они черпают из вторых, третьих и

четвертых рук. Главный рассказ о сражении в Тевтобургском лесу, которым мы располагаем, – рассказ Диона Кассия – написан лишь через два столетия после этого события, и даже Тацит жил на столетие позже тех походов Германика, которые он описывает. Но этот недостаток наших источников является одним из самых незначительных их недостатков, ибо наши рассказчики пользовались хорошими свидетельствами современников, а, кроме того, в лице Веллея Патеркула мы имеем хорошо осведомленного современника, которым мы можем пользоваться в качестве свидетеля. Гораздо худшим обстоятельством является то, что литература этой эпохи насквозь проникнута риторикой. Эти писатели вовсе не стремятся рассказывать о том, что было на самом деле или что данные события развертывались именно так, как это они хотят изобразить, заставив читателя верить их рассказу, но они прежде всего стремятся к тому, чтобы своим ораторским искусством произвести на читателя определенное впечатление. Мне кажется, что в тех многочисленных исследованиях, которые посвящены вопросу о сражениях Арминия и Германика, эта характерная особенность наших источников хотя и часто подчеркивалась, однако, далеко недостаточно критически учитывалась.

Объективно недостоверно не только то, о чем эти источники говорят самым определенным образом, но еще более недостоверны те выводы, которые извлекаются из их описаний, так как сами авторы, создавшие эти описания и эти ассоциации мыслей, не смотрели на них как на объективные картины реальной действительности. Сейчас мы это поясним

на некоторых примерах.

Судя по рассказу Диона, который подтверждается Тацитом, нападение на войско Вара было совершено во время перехода. По Флору же, германцы внезапно вторглись в лагерь Вара, когда он в нем творил суд. Противоречие между этими двумя рассказами настолько резко, что Ранке даже думал, что здесь описаны два различных события: знаменитое описание Диона гибели легиона во время его перехода через леса и болота в дождь и грозу, очевидно, касается лишь одной отдельной части легиона, отделившейся от последнего, в то время как сам Вар на самом деле подвергся нападению в своем лагере в то время, когда он в нем творил суд. Уже Моммзен отверг предположение о таком разделении событий, ибо рассказ Флора о нападении во время судебного разбирательства есть не что иное, как риторическое преувеличение той неразумной самоуверенности, которой себя усыпил Вар и которая привела к несчастью. В этом отношении следует не только согласиться с Моммзеном, но и подвергнуть такому же критическому анализу и измерить таким же масштабом достоверность всего содержания соответствующих описаний, включая и те, которые мы находим у Тацита.

Флор пишет: "Разграбили лагерь, три легиона разбили". Но было бы неверно из этой последовательности фраз в изложении автора сделать вывод о том, что германцы сперва захватили лагерь, а потом напали на легионы.

Тацит сообщает ("Анналы", I, 61), что Германик в 15 г. достиг окрестностей того места, где разыгралось сражение Вара с германцами, и что он направился

туда для того, чтобы похоронить павших там воинов. Германик выслал вперед Цецину, чтобы тот произвел рекогносцировку местности в лесистых горах и построил мосты и гати через топкие болота и зыбкие поля. Обычно это место понимают в том смысле, что путь римлян лежал через мало известную для них горную, лесистую и болотистую страну. Но все же нельзя считать невозможным, что Германик в данном случае воспользовался изъезженной дорогой, может быть, даже старой римской военной дорогой. За те шесть лет, которые протекли с того времени, когда в этой местности исчезла римская власть, вполне естественно, что эта военная дорога, насколько она вообще была замощена, пришла в запустение, а, может быть, даже нарочно была разрушена германцами. Поэтому Германик должен был восстановить некоторые мосты и гати, а так как германцы находились в ближайших окрестностях, то и тщательно обследовать лесистые горы, расположенные вдоль дороги. Но ничего больше, кроме этого, вывести из описания Тацита нельзя.

Тацит описывает дальше, как спутники Германика смогли еще установить ход событий: в первом лагере – по месту, соответствующему трем легионам, а в следующем месте – по меньшему числу оставшихся, по упавшей насыпи и плоскому рву. Отсюда пытались сделать вывод, что Германик шел в том же направлении, как и Вар, так как он сперва наткнулся на больший, а затем уже на меньший лагерь. Но весьма возможно, как, впрочем, было уже замечено другими, что Германик пришел с противоположной стороны, и что Тацит постепенно развертывает свой рассказ лишь для того, чтобы усилить производимое

им впечатление.

Дион пишет (56, 18), что германцы заманили Вара от Рейна к Везеру. Отсюда пытались сделать тот вывод, что заговор германцев был давно подготовлен и что германцы хитростью уговорили Вара разбить лагерь в глубине их страны. Но ничто не мешает нам объяснить это как гиперболическое изображение притворства и лукавства германцев, которые усыпили бдительность римлянина. Если бы он не доверился германцам, то он не отодвинул бы лагерную стоянку до Везера.

Каждый из этих отдельных, из разных мест выхваченных примеров сам по себе довольно ясен, но все же эти примеры не дают правильной картины положения вещей. Все еще остается склонность считать достоверным каждый отдельный факт, описанный в сохранившихся рассказах, до тех пор пока против него не будет сделано основательных возражений, – в особенности по отношению к такому историку, как Тацит, которого никак нельзя лишить крупного авторитета. Но чтобы правильно понять источник, необходимо прежде всего с крайним недоверием относиться к каждому факту, – даже в том случае, когда он на первый взгляд совсем не кажется подозрительным.

Если мы сомневаемся в достоверности отдельных частностей, то это еще не означает, что мы отвергаем всего историка. Нужно ясно понять, что все имеющее для нас одно значение имеет совершенно иное значение для римлянина. Римлянин стремится лишь к тому, чтобы произвести своей характеристикой как можно более сильное впечатление, отдельные же факты играют для него значительно меньшую роль.

Мы же обращаем особенное внимание именно на эти отдельные частности, потому что при помощи их мы хотим установить новую и своеобразную связь, о которой Тацит даже и не думал.

Чрезвычайно полезно уяснить практическое значение этого противопоставления на одном примере, заимствованном из новейшей историографии. Хотя аналогия и не является доказательством, она все же дает некоторое мерило. Тот, кто работает в области древней истории, где так трудно себя контролировать, должен, если он только хочет быть осторожным, постоянно проверять правильность своих мерил и своих масштабов на примерах из новой истории.

Одним из самых блестящих образцов современной историографии является описание сражения при Belle Alliance, принадлежащее перу Трейчке ("История Германии").

Но если бы не сохранилось никакого другого источника, то было бы чрезвычайна трудно, даже почти невозможно, пользуясь лишь этим описанием, извлечь из него или реконструировать всю реальную цепь событий. Все внимание Трейчке обращено на то, чтобы охарактеризовать личности, народы и воинов, которые здесь сражались, и вызвать в представлении читателей отклик, достойный этих грандиозных событий, произвести на них как можно более сильное впечатление. При этом отдельные события и их связь становятся для него чем-то второстепенным, на что он обращает уже меньше внимания. И ради психологических взаимоотношений отодвигается хронологическая связь, этот важнейший остов фактической связи событий.

Оборонительная позиция Веллингтона характеризуется именем прилагательным "крепкий", "укрепленный" (fest), но следует остерегаться понимать это слово в его техническом значении, ибо оно здесь применено лишь в смысле степени.

"Вдоль фронта шла глубоко врезанная, окаймленная изгородями поперечная дорога". Но это касается лишь небольшого участка фронта.

Когда пруссаки начали свою атаку (в половине пятого), Веллингтон ввел в сражение все свои резервы "вплоть до последнего человека". Если это понимать буквально, то это абсолютно неправильно. Веллингтон еще в 8 часов вечера располагал совершенно нетронутой дивизией (Шассэ) и одной очень мало использованной (Клинтон). Такая фраза вполне допустима, если признать, что ее целью является изобразить, какого колоссального напряжения стоило Веллингтону удержать свои позиции, – одним словом, если эту фразу понять символически. В этих словах содержится явное преувеличение, так же как и в словах "укрепленная" позиция или "глубоко врезанная, окаймленная изгородями поперечная дорога, шедшая вдоль фронта". Но если эти слова понять буквально, то будет совершенно непонятно, каким образом английская боевая линия могла вечером выдерживать натиск старой гвардии Наполеона.

В 1 час пополудни главная масса прусской армии должна была находиться на высотах Сен-Ламбер. Сен-Ламбер находится лишь на расстоянии 0,75 мили от окраины поля сражения. Если главная масса прусской армии находилась уже в 1 час дня на этом месте, то было бы также непростительно и непонятно,

что Блюхер так поздно вступил в бой.

Описав неудавшуюся атаку императорской гвардии на английские позиции, автор продолжает свое повествование следующими словами: "В это время Блюхер уже нанес тот удар, который решил участь наполеоновской армии и привел ее к гибели, а именно – взял приступом Плансенуа".

Тот, кто будет филологически истолковывать фразу "в это время Блюхер уже", должен будет прийти к тому выводу, что Плансенуа было взято в то время, когда англичане и французы еще сражались между собой. К такому выводу надо будет тем более прийти на основании раньше сказанного, что еще до атаки, произведенной французской гвардией, батареи прусского корпуса Цитена "на далеком расстоянии обстреляли настильным огнем правый фланг противника" и что "вплоть до центра расположения французских войск распространилась страшная весть, что на правом фланге все проиграно".

Если бы мы случайно узнали из другого источника, что Плансенуа было взято пруссаками в 6S часов, тогда как атака императорской гвардии была произведена лишь в 8 часов, то всякие сомнения в истинности этого факта, казалось, должны были бы исчезнуть. На самом же деле Плансенуа после первого занятия его пруссаками было у них снова отнято французской гвардией (все эти перипетии пропущены у Трейчке), и этот второй захват Плансенуа произошел лишь после неудачной атаки французской гвардии против англичан. Так как Плансенуа находилось целиком позади французской боевой линии, то, если бы рассказ Трейчке был правильным, оставалось бы совершенно непонятным, каким образом французская

армия могла избежать того, чтобы быть отрезанной и взятой в плен.

Эта историографическая ошибка, по-видимому, произошла от того, что единственной целью автора было изобразить как можно ярче момент решительного поворота в ходе сражения, причем достойным образом осветить участие в этом событии Пруссии. Реальная связь тактических моментов его гораздо меньше интересует, поэтому он пользуется словами "в это время..., уже" лишь как обстоятельствами времени или простыми союзами, совершенно не давая себе отчета в том, какую цепь событий он этим конструирует в своем описании.

Трейчке ни в коем случае нельзя считать неточным историографом. Напротив, он тщательно и критически изучил все источники и обратил должное внимание также и на отдельные факты. Но к тактической стороне дела он проявляет мало интереса. Его взгляд не затрагивает этой стороны, и именно поэтому столь поучителен приведенный пример его описания сражения. Ни один из источников, повествующих о германо-римских войнах, нельзя сравнить с Трейчке по точности передачи фактов. Напротив, риторический момент проявляется в них гораздо сильнее и необузданнее, причем под словом "риторика" мы здесь вовсе не должны понимать один лишь "словесный треск". Хотя риторика в действительности очень часто снижалась до чисто внешних украшений речи, все же мы полагаем, что здесь она была тем, чем она должна была бы быть на самом деле, т.е.: подлинным искусством речи, выражающей сильное внутреннее чувство, пафос рассказчика.

Но ни в коем случае не следует обобщать этого наблюдения и говорить о недостоверности всех исторических свидетельств. Существует много разных видов историографии, которые необходимо отличать друг от друга. Рассказы Геродота, Ксенофонта, Полибия и Цезаря также имеют свои ошибки, но это совершенно иного рода ошибки, происходящие от иных причин, нежели ошибки Трейчке или Тацита. Но один из этих историков не сделал бы тех ошибок, которые мы вскрыли в описании Трейчке сражения при Бель-Альянс, но для нашего способа восприятия эти ошибки являются основными. Для Трейчке же, для которого все сводилось к характеристикам и к силе впечатления, эти ошибки, – как, впрочем, и для его читателей, – являются чем-то второстепенным. С тех пор как описывается это сражение, я являюсь, может быть, первым критиком, который натолкнулся на такого рода ошибки и их отметил, так как мы, к счастью, все еще привыкли смотреть на эту книгу, как на произведение искусства, а не как на "источник". Мы ничуть не уменьшим всей своеобразной ценности Трейчке и Тацита, если будем скептически подходить к каждому отдельному обороту в их рассказах и устанавливать возможность того, что из них выпали не только отдельные связующие звенья, но и целые крупные соотношения событий.

До настоящего времени исследователи, подвергавшие Тацита в качестве исторического источника критическому анализу, исходили из того основного положения, что описание Тацита является правильной и надежной картиной событий, которая нуждается лишь в правильном и точном истолковании, в крайнем случае лишь в некоторых

добавлениях и исправлениях. Я же утверждаю, что совершенно неправильно извлекать из его риторических образов и сочетаний фраз, подвергая их истолкованию, подлинные события и факты и что, напротив, можно с самого начала быть вполне уверенным в том, что он в гораздо большей степени, чем Трейчке (в его описании сражения при Бель-Альянс), нуждается в дополнениях и исправлениях для того, чтобы ясно выступила причинная связь событий.

РИМСКИЙ ПОСТ У УСТЬЯ ВЕЗЕРА

Друз, по свидетельству Флора (IV, 12), построил укрепления также на Везере и на Эльбе. Тацит ("Анналы", I, 28) рассказывает нам, что во время большого восстания римских солдат в 14 г. бунтовал также и гарнизон крепости Вексиллары в стране хавков. Здесь, очевидно, идет речь о крепости, построенной Друзом на Везере, а именно – у устья этой реки.

Хавки, как это принято считать, жили по обоим берегам Везера вплоть до Эмса. Мух же в своей работе "Родина германских племен" ("German. Stammsitze", S. 54) вполне обоснованно предположил, что ампсиварии жили на Нижнем Эмсе. Если это даже неправильно и если область хавков начиналась от правого берега Эмса, то все же римская крепость находилась, наверное, не здесь, а близ устья Везера. Если мы примем, что римская крепость была расположена близ устья Эмса, то она должна была находиться на левом берегу и, следовательно, не в области хавков, а в области фризов. Правый берег был

бы чрезвычайно опасным местом для крепости и постоянно требовал бы принятия мер предосторожности, причем из такого расположения нельзя было бы извлечь никакой пользы, так как здесь, наверное, не было никакого прочного моста. Крепость "у хавков" имела смысл лишь при устье Везера, может быть, на дюнном острове. Именно здесь, если только римляне серьезно относились к установлению своего господства в области Везера, необходимо было создать укрепленный пункт.

Глава IV

СРАЖЕНИЕ В ТЕВТОБУРГСКОМ ЛЕСУ

История военного искусства, как таковая, непосредственно не заинтересована в точном установлении места сражения в Тевтобургском лесу. Если мы и касаемся этого вопроса, который столь часто подвергался изучению, то все же центр тяжести нашего исследования лежит не в топографической проблеме, а, наоборот, в установлении общих стратегических условий римско-германской войны, которые в свою очередь должны послужить компасом при поисках этого места сражения.

Сперва мы должны установить местонахождение летнего лагеря Вара.

Мы уже установили, что базой римлян было с одной стороны море, а с другой – водный путь р. Липпы с укрепленным пунктом Ализо. По ту сторону Ализо они должны были пересечь горный кряж Оснинг, который отделяет бассейн Рейна от бассейна Везера.

Следующим ближайшим этапом был Везер, который находится в 50 км по прямой линии от Ализо. Совершенно не имело бы никакого смысла

делать еще одну остановку в гористой местности, находящейся между Ализо и Везером. Но, разбив лагерь на берегу большой реки, можно было господствовать над областями, лежащими по верхнему и нижнему течениям этой реки, и в то же время получать по воде хотя бы часть столь необходимого здесь фуража, дров и дополнительного провианта, доставлявшегося германцами (дичь, сыр, молоко, рыба). Таким образом, опорный пункт римлян должен был находиться на берегу Везера в таком месте, которое было бы возможно ближе к Падерборну (Ализо). Вполне естественно, что эти два пункта должны были быть расположены так, чтобы между ними можно было поддерживать постоянную связь.

Вследствие того, что Везер в своем среднем течении описывает как бы полукруг, все пункты между Беверунген и Реме находятся приблизительно на одинаковом расстоянии от долины Липпы. Таким образом, Липпа еще не дает нам возможности определить местоположение римской стоянки на Везере. Римлянам, находившимся на Везере, было так же важно поддерживать связь с Северным морем, как и с Липпой. Близ устья Везера, в области хавков, находился римский гарнизон, который

продержался там даже после поражения Вара, вплоть до 14 г. Учитывая эту необходимость установления связи с Северным морем, мы обязательно должны прийти к тому выводу, что из всех пунктов на Везере, находящихся на одинаковом расстоянии от Ализо, лишь самый северный мог быть местом расположения лагеря, ибо лишь он давал возможность установить самую быструю связь как с Ализо, так и с устьем Везера.

Этим пунктом являются Вестфальские ворота (Porta Westfalica), у южной части которых лежит деревня Реме, а близ северной находится город Минден. Расстояние от Ализо до Реме равняется по прямой линии приблизительно 7 милям (около 50 км); дорога проходит через горную цепь Оснинга по глубокой, издалека видной долине, получившей название Дэре (Тюре), или Дэрского ущелья. Именно по этому ущелью с древнейших времен проходила дорога. Направление этого пути показывают многочисленные курганы, которые отчасти сохранились до нашего времени, а несколько десятков лет тому назад были еще в гораздо большем количестве. Они тянутся от долины Верры через Дэрское ущелье вплоть до Ализо, обходя вдоль по горам глубоко лежащие долины родниковых ручьев Сенны. Обычай воздвигать курганы вдоль военного пути восходит

к глубокой древности. Римляне могли воспользоваться лишь этой дорогой, чтобы проникнуть из долины Липпы в северогерманскую низменность.

У Вестфальских ворот скрещиваются два стратегических направления, открывавших римлянам доступ во внутреннюю Германию. Здесь находилось самое удобное место для лагерной стоянки, опираясь на которую можно было господствовать над областью Везера. Здесь можно было поддерживать двойную надежную связь с основной базой, причем римляне находились в центре тех народов, которых они должны были держать в повиновении. Отсюда они могли оперировать вверх и вниз по Везеру, пользоваться рекой для наиболее легкой доставки продовольственного снабжения и, построив крепкий мост через реку, по мере необходимости продвигаться по правому или левому берегу. Уже давно было высказано предположение, что лагерь Вара находился в этом месте, и, конечно, нет никаких сомнений в том, что он именно здесь и находился. Но точное место его, несмотря на неоднократные обследования, до сих пор не найдено. Лагерь мог лежать и выше и ниже Вестфальских ворот, на правом или на левом берегу реки. Но в те времена на правом берегу

реки не было дороги: здесь скалы вплотную подходили к воде, и только в XVII и в XVIII вв. пробили дорогу, взорвав эти скалы. Но на левом берегу выше ворот, близ Реме, находится такое место, которое кажется специально созданным для того, чтобы быть местом римского лагеря.

Сама Реме лежит в ложбине и поэтому не представляет никаких выгод для устройства здесь укрепленного пункта. Но на противоположном северном берегу Верры, в том углу, который она образует с Везером, впадая в него, возвышается широкий холм, – небольшое плато, получившее название "Ханенкамп" ("Петушиный питомник"), соединяющее в себе все необходимые условия для разбивки здесь большого лагеря римских легионов. Две стороны – южная и восточная – защищены этими двумя реками; к северу, по направлению к Воротам, этот холм понижается, и лишь с западной стороны его соединяет с остальной местностью седловина. Собственно говоря, лишь эта сторона открыта для нападения. Холм находится на таком близком расстоянии от берегов обеих рек, что является по отношению к ним командующей высотой и в то же время оставляет достаточно места кораблям для того, чтобы приставать к берегу, и даже дает возможность устроить здесь пристань. Однако,

раскопки, произведенные на Ханенкампе, показали, что здесь, – если не произошло крупных перемен в конфигурации местности, – не могло быть римского лагеря. Здесь не только не было найдено никаких прямых следов, вроде глиняных черепков или тому подобного, но и исследование поперечных рвов, которые так проходят, что они непременно должны были пересечь римские лагерные рвы, показало, что земля здесь никогда глубоко не разрывалась. Впрочем вместо этого раскопки обнаружили здесь также нечто интересное: первую древнегерманскую деревню, маленькие отдельно расположенные землянки, как их описывает Тацит, в которых еще сохранились остатки обуглившихся угловых бревен, торчащих в отверстиях косяка.

Если лагерь Вара не находился на Ханенкампе, то его следует искать лишь ниже Ворот. Конечно, это место, имея позади себя дефиле Ворот, было менее защищено, но зато более удобно и более внушительно с точки зрения быстрой обороны, а дефиле можно было защитить фортом, расположенным на горе Виттекинд, – там, где теперь стоит памятник. Но и здесь не удалось обнаружить какой-либо след, а потому вполне вероятно и, пожалуй, даже несомненно, что эти следы навеки стерты; очевидно, на месте

древнего лагеря теперь находится город Минден, так же как и на месте Ализо – современный город Падерборн. Ведь вполне естественно, что те места, которые казались римлянам удобными для поселения, были использованы для этой же цели и в позднейшие времена и что над римскими поселками здесь были построены деревни или города. Поэтому так трудно обнаружить теперь древние поселения. Римляне построили в Германии по крайней мере полсотни крепостей и лагерей, но очень немногие были теперь найдены.

Несмотря на то, что римлянам удалось установить твердую двойную связь со своим лагерем у Ворот, они все же не решались оставаться здесь, на Везере, на зиму и поэтому либо возвращались к Рейну, либо к Хальтерну на Липпе, где были обнаружены остатки большого лагеря. Таким образом, лагерь Вара был лишь летним лагерем. Даже если предположить, что римляне тотчас же принялись за улучшение дороги, то все же эта дорога проходила через девственный лес, горы и ущелья. Большое же войско, нуждавшееся в постоянном подвозе, безусловно должно было зимой иметь надежную связь со своей основной базой.

Вар находился в своем летнем лагере, когда ему сообщили, что восстали племена, жившие на

довольно далеком расстоянии. Для того чтобы их усмирить, он двинулся со всем своим войском, за которым следовал большой обоз, состоявший из женщин, детей, рабов и вьючного скота. Этот обоз, сопутствовавший войску, совершенно определенно указывает нам тот путь, по которому шло войско. Совершенно невероятно, чтобы Вар, хотя он и был посредственным полководцем, мог вести за собой такой обоз, углубляясь на далекое расстояние в германские леса. Было довольно трудно передвигать и снабжать войска во внутренних областях Германии. Поэтому необходимо признать, что всякий римский полководец должен был ограничить свой обоз лишь самым необходимым. Можно себя, пожалуй, спросить, не впадает ли в риторику или в преувеличение наш источник, описывающий те трудности, которые испытывало во время этого похода войско, обремененное громоздким обозом. Но вся цепь фактов с несомненностью подтверждает реальность этого похода. Твердо установлено, что сражение произошло осенью. Вар, без сомнения, не предполагал возвратиться на зиму к лагерю близ Ворот. Поэтому он был принужден покинуть лагерь, забрать с собой весь обоз, и этот обоз занимает такое крупное место в описании сражения, что здесь исключена

возможность какой-либо фикции. То же обстоятельство указывает, что Вар должен был пойти именно по большой дороге, ведущей к Липпе, к Ализо. Весьма возможно, что то племя, против которого была предпринята эта карательная экспедиция, жило как раз в этом направлении, к югу или к западу от Ализо. В противном случае, – полагая, что он находится в дружеской стране, – он, конечно, отправил бы обоз с небольшим прикрытием в Ализо, а сам со своими легионами тотчас же выступил бы в поход, ибо для небольшой экспедиции его войско было достаточно снабжено продовольственными и боевыми припасами. Совершенно безразлично, против кого выступило войско – против бруктеров, марсов, хаттов или какого-нибудь иного племени. Тот путь, по которому войско шло со своим обозом, для нас совершенно ясен. Но именно этот путь ускользнул от внимания многих исследователей, так как Дион пишет, что римляне должны были пройти через горы, покрытие лесами, через ущелья и по неровной пересеченной местности, где они еще до неприятельского нападения принуждены были тратить много времени на прокладку пути, рубку леса и постройку мостов. Но было бы неправильно из этого описания сделать тот вывод, что этот путь

лежал через абсолютно дикую местность. Нельзя одновременно прокладывать дорогу и сейчас же вести по ней войско. Нужны часы для того, чтобы срубить большое дерево и построить мост. Если необходимо отправить войско через девственный лес, то следует выслать вперед отряд, чтобы освободить или построить дорогу, в то время как все остальное войско принуждено расположится на отдых или на стоянку. В зависимости от того, как продвигается работа по постройке дороги, войско может передвигаться небольшими переходами, по нескольку километров. Поэтому описание Диона во всяком случае является сильным преувеличением, и из него совершенно неправильно делали тот вывод, что римское войско шло без дорог, тем более что войско – это необходимо помнить – сопровождалось необычайно крупным обозом.

Но если мы, учитывая в этом описании элемент риторического преувеличения, будем стараться не развивать его дальше, а, наоборот, сократить его в нашем рассказе до минимума, то мы скоро убедимся, что здесь описан именно путь на Ализо. Местность к югу от Реме – Липпская страна, "Глиняный округ" ("Lehmgau", Lemgo) – со своей тяжелой глиняной почвой была в то время, без сомнения, покрыта первобытным лесом, и

даже теперь еще здесь отчасти сохранились дремучие леса. Дорога шла не по долине Верры, в которой слишком много болот, но прямо на юг через холмистую местность, пересеченную ущельями. Сильная непогода, дождь и ураган настигли войско в пути, размягчили почву и сделали ее топкой. Не следует думать, что это была хорошая, содержавшаяся в порядке римская военная дорога; это была простая лесная дорога, которую римляне слегка подправили, построив кое-где мосты, укрепив ее насыпями и местами отведя воду. Прочной постоянной дороги за время своего краткого господства им не удалось провести даже в долине Липпы, а здесь тем более[34]. Дожди сделали в некоторых местах дорогу трудно проходимой, так что приходилось ее то здесь, то там огибать и для этой цели местами срубать деревья. Буря разламывала мосты, сбрасывала на проходившее войско обломанные ветки и даже обрушивала на них целые деревья. Кроме того и германцы поломали много мостов, стремясь по возможности задержать войско.

Хотя Вар и был предупрежден Сегестом, однако, особенных мер предосторожности он не принял: солдаты не были готовы к бою, обоз же был довольно беспорядочно разбросан между

отдельными войсковыми частями. Германцы внезапно выступили из леса и всей своей массой обрушились на длинную колонну римских войск.

Судя по римскому рассказу, восстание, которое должен был усмирить Вар, было планомерно организовано германскими заговорщиками. План будто бы состоял в том, чтобы отвлечь Вара в сторону от хорошей военной дороги и заманить его в местность, особенно удобную для внезапного нападения.

Но это похоже на страничку из романа. В Германии всюду были местности, удобные для нападения, и, конечно, совершенно невыполнимой стратагемой было бы завлечь неприятельское войско в определенное отдаленное место и к моменту прохождения этим войском данного места сосредоточить там тайно свои силы. Помимо всего этого не могло быть лучшего места для проведения в жизнь плана Арминия, чем обычная дорога, ведшая от Вестфальских ворот к Ализо.

Если заговорщики действительно имели какое-либо отношение к данному восстанию и действовали согласованно с восставшими, то, конечно, для наилучшего достижения своей цели они должны были бы не заманивать римлян в определенную местность, а скорее пытаться

открыто собрать и привести к римлянам свои войска под тем видом, что они собираются сопутствовать римлянам, чтобы оказать им помощь.

Римское войско состояло из трех легионов, шести когорт вспомогательных войск и трех эскадронов (Alen) конницы. При этом источники определенно указывают, что войско было значительно ослаблено выделением из него частей для занятия отдельных фортов, прикрытия транспортов, карательных экспедиций и экзекуций и преследования разбойников. Однако, не совсем ясно, было ли произведено это ослабление за счет легионов или же им следует объяснять незначительное количество оставшихся при войске вспомогательных войск. Поэтому единственное, что мы можем сказать, это то, что войско насчитывало во время сражения от 12 000 до 18 000 бойцов и что Вар пытался его усилить, произведя набор вспомогательных германских войск в соседних областях специально для предстоявшего похода. Именно эти мнимые союзники и обратили внезапно свое оружие против своих господ, напав на римское войско, бывшее в пути и шедшее в большом беспорядке.

Войско насчитывало со всем своим обозом от 18 000 до 30 000 человек. Учитывая ту низкую

дисциплину, которая в нем царила во время похода, мы считаем, что оно должно было растянуться приблизительно на две мили. Римляне подверглись нападению, когда голова колонны после перехода в 2–2S мили находилась у "черной топи" близ Херфорда, в районе Зальцуфельн-Шеттмар.

Лишь только раздался крик, возвещавший нападение германцев, голова колонны, вполне естественно, тотчас же остановилась. Римляне выбрали подходящее открытое место и разбили здесь окруженный рвом и валом лагерь, в который постепенно собрались подходившие части и колонны. Весьма возможно, что создавшееся положение должно было заставить Вара обсудить план возвращения в покинутый летний лагерь, который, понятно, давал возможность лучше организовать оборону. Может быть, в этом лагере был даже построен род крепости и в ней оставлен на зиму гарнизон. Но так как не было возможности снабдить этот гарнизон достаточным продовольствием для долгой осады, то германцы могли завладеть летним лагерем, а обратный путь был не менее опасен, чем путь вперед. Поэтому Вар приказал сжечь весь лишний обоз и, приведя свое войско в порядок, двинулся вперед к своей цели – к Ализо – более

дисциплинированным маршем, чем в первый день. Приведение войска в надлежащий порядок, отбор и уничтожение лишнего обоза должны были потребовать некоторого времени, так что войску удалось выступить лишь довольно поздно. Теперь пришлось идти по открытому полю, но все же не обошлось без некоторых потерь. Однако, из факта, что римляне вообще могли еще продвигаться вперед, мы можем сделать тот вывод, что натиск германцев был еще довольно слаб и что они располагали незначительной конницей. Источники вообще ничего не говорят о всадниках, тем не менее всадники должны были здесь быть. Ведь германцы были как раз сильны своей конницей, а римляне, со своей стороны, располагали тремя эскадронами кавалерии. Если бы среди германцев не было всадников, то они не могли бы подойти к римскому войску, так как римские всадники могли бы их всегда отогнать. Если же, с другой стороны, германцы обладали бы значительной конницей, то римляне не смогли бы продвигаться вперед, так как войско не может одновременно идти вперед и сражаться. Это нам ясно показало сражение при Каррах (т. I, ч. VI, гл. V) и сражение при Руспине (т. I, ч. VII, гл. X). По этой же причине атака германцев в первый день была еще очень слабой; германцы лишь

нащупывали своего противника, в противном случае длинная и беспорядочная колонна не смогла бы выйти из леса.

Двигаясь на второй день очень осторожно, тесно сомкнутыми рядами, римляне могли лишь медленно продвигаться вперед, а напоследок они снова вошли в лес, где войска были затруднены в своем свободном движении.

Даже теперь в этой местности часто перемежаются леса и открытые места. У Зальцуфельна кончается глина и начинаются пески и болота, на которых уже не может расти преобладающий в этих местностях буковый лес. Лишь кое-где на этой почве держатся дубы. Сосновые леса, растущие теперь здесь на большом протяжении на песчаной почве, все позднейшего происхождения. Таким образом, у Зальцуфельна начиналось открытое поле, через которое должны были пройти римляне. Перед самым Оснингом возвышаются небольшие холмы из раковинного известняка, окруженные песками и идущие параллельно горной цепи. Нет никакого сомнения в том, что в те времена они были, так же как и вершины гор, покрыты лесом. Мы вполне можем предположить, что римская армия после хорошего двухмильного перехода приблизительно к вечеру подошла к этому лесу и к Дэрскому ущелью и

здесь узнала, что проход закрыт германцами и ими занят. Римляне должны были бы бросить все свои силы на штурм ущелья, чтобы пробить заставу, так как число германцев непрерывно возрастало, а ночь дала бы им возможность соорудить искусственные преграды на пути римлян. Но для того, чтобы штурмовать ущелье, необходимо было произвести обход с фланга, который требовал некоторой затраты времени. Помимо того, нельзя было начать сражение, не обезопасив вооруженную часть войска каким-либо укреплением.

Нельзя себе представить, чтобы можно было тесно сомкнутыми рядами, защищаясь, насколько это было возможно, и не обращая внимания на потери, взять штурмом горное ущелье. Если римляне уже понесли большие потери в течение этого дня во время своего перехода через открытое поле, то нельзя было даже думать пройти через горный проход, так как холмы с обеих сторон были заняты германцами. Пройти можно было, лишь начав правильное сражение, которому не мешали бы невооруженные спутники войска. Ведь нужно было выбить врага из прохода, чтобы тотчас же быстро через него пройти, раньше чем противник успеет зайти в тыл. Поэтому Вар решил снова разбить лагерь,

чтобы на следующий день пробить себе путь через ущелье.

Лишь очень краткий рассказ сохранился о том сражении, которое здесь разыгралось на третий день. Но уже по опыту изучения Марафонского сражения мы знаем, что если известно, как были вооружены и как сражались войска, то местность является настолько важным и красноречивым свидетельством, характеризующим сражение, что можно сделать попытку восстановить общий ход сражения, хотя результат его нам известен и не подлежит никакому сомнению.

Дэрское ущелье в своем самом узком месте образует узкий глубокий проход в горах Оснинга шириной около 300 шагов. Горы состоят из кремнистого известняка, окаймленного с двух сторон песчаными дюнами. Само Дэрское ущелье внизу покрыто глубоким слоем песка, на котором в то время не было деревьев. Дорога проходила не по середине ущелья, не по этому песчаному грунту, а по двум сторонам, по склонам гор. Дюнные холмы перед ущельем и внутри него по большей части покрыты вереском; кое-где встречается глина. В ущелье, которое образует водораздел, течет в северном направлении маленький ручей. Здесь также попадаются болота и топи.

Как ни широко ущелье, но вследствие такого строения почвы в него все же довольно трудно проникнуть. Приходится идти либо по глубокому песку, либо по грудам его. Весьма возможно, что уже в первый день Арминий поставил людей на работу, заставив их рубить деревья и в узких местах ставить засеки.

Мы можем поверить римлянам в том, что они направили свой удар на ущелье не только с фронта, но пытаясь также пройти через горы и обойти ущелье, что вполне возможно, так как горы повсюду открыты доступу. Им удалось, как то повествует сохранившийся рассказ, взять штурмом первые дюнные холмы у входа в ущелье и сбросить вниз германцев. Но за этими холмами возвышались все новые и новые холмы. От края холмов до узкого места ущелья приблизительно 1S км. И чем больше продвигались вперед римляне, тем больше они открывали свои фланги атакам германцев, спускавшихся с высокого гребня гор. В том-то и заключалась военная мощь германцев, что они могли вступать в бой с тяжеловооруженными римскими гоплитами то сомкнутым отрядом, несмотря на свое незначительное предохранительное вооружение, то по отражении их могли рассыпаться, не только не впадая в панику, а наоборот, учитывая

преимущество более легкого вооружения, быстро переходить с одной хорошей позиции на другую, не менее для них удобную.

Но тем временем погода снова испортилась; пошел дождь, который затруднил римлянам штурм гладкого холма и движение по мокрой почве в лесу. Арминий с самого начала приказал коннице, которую нельзя было использовать внутри ущелья, теснить противника с тыла и задерживать обходные колонны. Вместо того чтобы пробить себе дорогу через ущелье, римляне, продвигаясь вперед, стали все больше и больше чувствовать, что они в нем заперты.

Так, наконец, ослабела сила их натиска. Проливной дождь не только затруднял их движение, но и угнетающе действовал на их настроение, на их психику. И лишь только когорты отступили на один шаг, как тотчас же германские сотни ринулись вниз отовсюду, со всех высот, и окончательно отогнали римское войско к его лагерю. Всякая надежда на спасение была потеряна. Конница ускакала, надеясь в каком-либо ином месте пересечь горы. Вар и некоторые из старших командиров покончили самоубийством. Знаменосец бросился вместе со своим орлом в болото, чтобы не дать врагам захватить в свои руки святыню легиона, если уже не было

возможности ее спасти.

Наконец, остальная часть войска, во главе с лагерным префектом Цейонием, сдалась на милость победителя. В то время как велись переговоры относительно капитуляции, верные слуги Вара сделали попытку сжечь его тело, чтобы этим оберечь его от поругания, и все-таки успели его полусожженное тело предать погребению. Но Арминий приказал вырыть тело Вара и, отрубив его голову, послал ее Марбоду, королю маркоманов.

Однажды Арминий, – как рассказывает один более поздний писатель[35], – для того чтобы устрашить гарнизон одной осажденной римской крепости, велел насадить головы убитых врагов на копья и обнести их вокруг рва. Конечно, этот рассказ не может относиться к лагерю близ Дэрского ущелья, так как осажденные там были прекрасно осведомлены относительно случившегося, но весьма возможно, что этот рассказ все же относится как раз к этому походу, а именно – к гарнизону, оставленному в лагере близ Вестфальских ворот, или, может быть, к Ализо.

Это вполне вероятно, так как те римляне, которые прорвали кольцо германцев и спаслись через Дэрское ущелье или через горы, укрылись в Ализо и подверглись здесь длительной осаде.

Когда же у них кончились все съестные припасы, то они, под предводительством отважного старого солдата, лагерного префекта и командира первой роты Цедиция, сделали попытку в бурную темную ночь обмануть бдительность германцев. Они вышли из лагеря, и им, действительно, удалось спастись при помощи военной хитрости: они приказали горнистам трубить, чем вызвали тревогу среди германцев, решивших, что к римлянам спешат на помощь войска с целью снять осаду с крепости. Благодаря этому римлянам удалось спастись от преследования[36]. Совершенно таким же образом спаслись больше чем тысяча лет спустя гарнизоны рыцарских замков, осажденных пруссами. Гарнизону Бартенштейна удалось пройти 15 миль по неприятельской территории и, наконец, благополучно достичь Кенигсберга (см. т. III, ч. 3, гл. 7). Все же остальные римские гарнизоны и войсковые части, рассеянные по внутренней Германии, попали в руки повстанцев, так что почти все три легиона Вара были целиком уничтожены.

Мы знаем о сражении в Тевтобургском лесу лишь по описаниям побежденной стороны, и даже само название поля сражения, хотя оно и находится в средней части Германии, по всей вероятности, не немецкого, а римского

происхождения. Ни в одной хронике, ни в одном источнике средних веков не сохранилось названия Тевтобургского леса. Это название засвидетельствовано лишь одним местом у Тацита ("saltus Teutoburgiensis" – "Анналы", I, 60). Отсюда оно проникло в географию благодаря ученым исследованиям XVII в. Но уже в настоящее время мы в состоянии понять это название и объяснить его происхождение.

На расстоянии неполной мили от Дэрского ущелья находятся два кольцевых вала: один – очень большой – наверху на горе, а другой – "большой – в нескольких стах шагах ниже; эти валы производят впечатление поселков древнегерманской эпохи[37]. Малый круг мог служить местопребыванием князя, а большой – местом убежища для народа – крепостью, где он оборонялся во время войны. Такие оборонительные крепости, которые обычно были необитаемы, но где в случае нужды могло укрыться население округи, сохранились во многих местах. Самой большой из них является крепость на Одилиенберге в Вогезах.

"Тевтобург", по всей вероятности, означает "народная крепость". Корень первой части этого слова тождественен с первым слогом названия находившегося поблизости города Детмольд

(Тиетмаллус). Очень часто из таких нарицательных имен постепенно появлялись собственные имена. В таком случае это название, очевидно, появилось не у германцев, а у римлян, которые от местных жителей слышали название "тевтобург" в ответ на вопрос о том, что это за большой каменный вал находится на горе, по ту сторону княжеской крепости. Этим названием они поэтому и назвали покрытые лесом горы, через которые проходила их военная дорога.

Теперь "Тевтобургом" называется Гротенбург. Посреди большого кольцевого вала стоит памятник Германна.

Он стоит на правильном месте; и это тем более представится правильным, если принять, что это была крепость Сегеста, из которой он бежал к римлянам, захватив с собой Туснельду.

Еще два других воспоминания об этом сражении сохранились до наших дней. В 1868 г. близ Гильдесгейма, на глубине 9 футов под землей, был найден тот изумительно прекрасный серебряный клад, о котором мы почти без сомнения можем сказать, что он принадлежал к столовой утвари Вара и стал добычей одного из князей херусков. А музей в Бонне хранит могильный памятник, который был поставлен центуриону 18-го легиона М. Целию, погибшему в

"Варовой войне", его благочестивым братом. Этот памятник украшен изображением покойного и его двух верных слуг и снабжен надписью, в которой говорится, что тело покойного похоронить не удалось.

МЕСТО ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ

Мы твердо установили при помощи чисто объективных доказательств, что лагерь Вара находился на Везере. Это также дважды засвидетельствовано в источниках, однако, не так определенно, чтобы здесь исключалась всякая возможность какого-либо иного истолкования. Дион говорит, что германцы "заманили его от Рейна в страну херусков к Везеру", но это может быть истолковано "по направлению к Везеру", а не "к Везеру". А у Веллея (II, 105) мы читаем: "Тотчас же вступили в Германию, покорили канинифатов, аттуариев, бруктеров, снова завоевали область родов херусков и вскоре, к нашему несчастью, перешли известную реку Везер. Однако, это чтение основывается лишь на конъектуре . Первое издание и Амербах ставят вместо слова "amnis" (река) слово "inamninus". Кол. Бурера ставит слово "inamminus"; поэтому недавно вместо слов "роды и река" (gentes et amnis) пытались читать: "рода его Арминий" (gentis ejus Arminius).

Раньше предполагали, что Детмольд был местом расположения лагеря, так как здесь, судя по названию ("tietmallus" – титмаллус), находилась судебная палата. Но мне кажется, что это обстоятельство не могло быть

причиной того, что римляне именно здесь должны были разбить свой постоянный лагерь. Римское владычество не могло ставить большие, вооруженные германские народные собрания под наблюдение, так сказать, под контроль полиции. Надо было либо запретить эти собрания, либо, – если римляне этого не хотели или не могли сделать, – надо было вступить с германцами в такие политические отношения, которые давали бы возможность допускать такие собрания. Но в таком случае надо было удерживать всех римлян на некотором расстоянии от этих страстных и легко возбудимых толп. Было бы чрезвычайно абсурдно и даже опасно устраивать такие собрания в непосредственной близости от римского лагеря. И в то же время со стороны римлян было бы излишней провокацией разбивать свой на лагерь на священном судейском месте германцев или близ него, что мешало бы германцам собираться там по обычаю своих предков.

Но все эти соображения вообще никчемны, так как единственным мотивом, который был должен и мог обусловить выбор места для лагеря, был стратегический мотив, а он требовал наличия реки.

30 марта 1901 г. я совместно с директором музея г. Шуххардтом обследовал район Реме и установил, что в этом районе подходящим местом для римского лагеря был Ханенкамп. Санитарный советник д-р Хухцермайер из Ойенхаузена рассказал нам, что 15 лет тому назад там была найдена римская золотая монета с изображением императора, причем нашедший эту монету продал ее какому-то нумизмату. Других подробностей г. Хухцермайер, к сожалению, не смог вспомнить, но он обещал нам сообщить

дополнительные сведения. О каких-либо иных находках на этом месте не имеется никаких сведений.

Все колодцы, находящиеся на этом холме, содержат воду на незначительной глубине.

Г. Шуххардт в особенности подчеркнул, что если бы на этом месте действительно находился лагерь, то он не только по своей величине, но и по внутренним условиям соответствовал бы обычаям римлян, а именно – он должен был бы лежать на той стороне холма, которая обращена к югу, т.е. к солнцу.

Далее он указал на одно очень важное соображение в пользу того, что римский лагерь не мог находиться выше по течению Везера. Дело в том, что выше Реме река отличаете" очень быстрым, почти бурным течением и что эти стремнины должны были бы затруднять сообщение римлян с Северным морем.

Однако, мое предположение, что постоянный лагерь Вара находился на Ханенкампе, не подтвердилось теми раскопками, которые я там произвел той же осенью совместно с д-ром Шуххардтом. На этой возвышенности не только не было найдено ни малейших следов древних погребений, но можно сказать как раз наоборот: раскопки ясно показали, что на этом месте не было римского лагеря. Так как, судя по рельефу местности, можно было довольно точно сказать, где должны были находиться римские могилы, и так как поперечные траншеи ясно показали, что почва на этом месте никогда глубоко не разрывалась, то следует признать, что здесь не могло быть никакого лагеря[38].

Но вместо этого мы нашли нечто другое и, может быть, не менее ценное, а именно – остатки германских

жилищ, разбросанные по всей возвышенности. Эта первая раскопанная древнегерманская деревня подтверждает описание Тацита: "Они строятся поодаль друг от друга, поодиночке, – там, где им приглянулся источник, поле или роща. Деревни располагаются не по нашему обычаю, – так, чтобы дома соединялись и соприкасались между собой, либо стремясь этим обезопасить себя от пожара, либо потому, что они не умеют иначе строить". Наше открытие подтвердило существовавшее мнение, что в этом описании имелись в виду "не вестфальские хутора, но обширные деревни с широко разбросанными постройками".

Такие же остатки жилищ были обнаружены на другой возвышенности, лежащей немного выше по течению Везера, на Мооскампе близ Бабенхаузена.

Если, таким образом, на этих двух местах, удобных для расположения римского лагеря в непосредственной близости от Вестфальских ворот, находились германские деревни, то, может быть, это и было причиной того, почему римляне именно здесь не разбили своего лагеря.

Я сперва производил поиски также и на противоположном, т.е. на правом берегу Везера, но и здесь до сих пор не было найдено никаких следов.

Теперь уже задачей местного краеведения является продолжить эти исследования и обратить внимание также на местность, лежащую ниже Вестфальских ворот. Как раз против этого я раньше резко возражал, так как мне казалось невероятным, чтобы римляне устроили свой лагерь перед дефиле, вместо того чтобы разбить его позади него. Но все же можно привести некоторые аргументы в пользу такого предположения,

тем более, что выше по течению подходящие места были уже раньше заняты германскими деревнями. Если бы римляне расположили свой лагерь ниже Ворот, то они могли бы там устроить хорошую переправу через Везер и держать ее в своих руках, что давало им возможность властвовать над всей прилегающей низменностью, в то время как мост близ Реме открывал бы путь в котловину (что, впрочем, опять-таки связано с вопросом о том, насколько пригодна была дорога по правому берегу Везера). Стратегически наиболее целесообразно было бы расположить лагерь на правом берегу. Мост, весьма возможно, был защищен предмостным укреплением, а опасность от дефиле близ Ворот была ослаблена наличием крепости на Виттекиндсберге (горе Виттекинда). Однако, как я мог лично убедиться благодаря собственному обследованию местности, первое легкое возвышение почвы на правом берегу около деревни Неезен, лежащее под Якобсбергом (горой Якова), настолько незначительно, что с ним почти не приходится считаться при поисках места римского лагеря. На левом берегу следует сперва обратить внимание на Белхорст и Минден. Но здесь все следы лагеря навеки исчезли: в первом случае благодаря Белхорстскому руднику и кирпичному заводу, а во втором – благодаря самому городу Миндену. Со строго стратегической точки зрения, конечно, было ошибкой расположить лагерь перед дефиле, но римляне, очевидно, считали свою власть настолько прочной, что пожертвовали этим моментом ради других выгод.

Более подробное сообщение о раскопках на Ханенкампе помещено мною в "Прусском

ежегоднике" ("Preussische Jahrbьcher"), в сентябрьском выпуске за 1901 г. (т. 105, стр. 555), а г. Шуххардтом во "Временнике отечественной истории и древностей Вестфалии", в т. 61, стр. 163 ("Zeitschrift fьr vaterlдndische Geschichte und Altertumskunde Westphalens", Bd. 61, S. 163). Все находки переданы в Ректорскую школу в Ойенхаузен.

Позднее я произвел пробные раскопки у выхода из Дэрского ущелья близ Пивитсхейде, но и здесь также до сих пор раскопки не дали результатов. Собственно говоря, не подлежит никакому сомнению, что приблизительно около этого места римляне однажды, в какую-то эпоху, разбили свой лагерь. Когда римлянам надо было из области Липпы попасть в северогерманскую низменность, что им часто приходилось делать в течение двадцати лет их владычества и их войн с германцами в этой области, то они бывали принуждены пересекать Тевтобургский лес и горную цепь Виен, причем через обе эти горные цепи ведут лишь очень немногие отчетливо различимые горные проходы. Горы Виен можно пересечь, пройдя через Ворота, а через Тевтобургский лес ведут Дэрское и Билефельдское ущелья. Многочисленные курганы прямо указывают на то, что Дэрское ущелье служило путем со времен глубокой древности. Если мы здесь когда-либо и найдем следы римских лагерей, то все же это не явится доказательством того, что они имеют какое-либо отношение к походу Вара. Именно в этой области римляне совершали много походов и, находясь среди опасных союзников, принуждены были сооружать походные лагеря, окруженные валом и рвом. Весьма удивительно, что еще нигде не удалось найти хотя

какие-либо следы, но весьма вероятно, что такие следы будут обнаружены. Пусть только не ослабнет рвение местных краеведов!

ДЭРСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Вслед за Реме мы с г. Шуххардтом обследовали и Дэрское ущелье. Здесь нам оказал очень ценную помощь проф. О. Верт из Детмольда, который оказался прекрасным проводником благодаря своим знаниям местности, древностей и главным образом естественных условий. Он обратил мое внимание на то, что у Зальцуфельна меняется геологический характер местности, и указал на то, что лишь с XVIII в. стали засаживать соснами бывшие до сего времени пустынными песчаные и степные поверхности южнее Зальцуфельна, что он мне также впоследствии подтвердил данными, извлеченными из актов Липпского управления удельного ведомства. Если здесь еще в XVIII в. не было леса и его лишь искусственно начинали насаживать, то не будет слишком смелым сделать из этого вывод, что и в древности этот район был безлесным, а отсюда следует, что рассказ Диона вполне соответствует условиям местности (главным образом леса) между Воротами и Дэрским ущельем.

Равным образом я обязан Верту и тем, что он мне указал на курганы и на то, какое значение они имеют для определения древности военного пути. Карту еще сохранившихся в ту эпоху могильников можно найти в исследовании Вильгельма Таппе, вышедшем в 1820 г. под заглавием "Истинная местность и боевая линия трехдневного сражения Германна" ("Die wahre

Cegend und Linie der dreitaegigen Hermannsschlacht").

Описания Дэрского ущелья в существующей литературе противоречат друг другу или же дают картину, не соответствующую действительности, так что мне хотелось бы со своей стороны сказать несколько слов по этому поводу.

Помимо этого ущелья есть еще второй путь, который ведет от Верхней Липпы через Оснинг к Вестфальским воротам. Этот путь – Билефельдское ущелье, по которому теперь проходит железная дорога. Однако, этот путь не имеет для нас сейчас никакого значения, так как путь, идущий из Ализо через Дэре, значительно короче.

"Оба ущелья, – описывает их майор Дам в "Сражении Германна", стр. 26 (Major Dahm, "Die Hermannsschlacht", S. 26), – одинаково легко проходимы. Они образуют горные проходы шириной в 500–600 шагов, по которым можно почти без всяких подъемов пройти через цепь крутых гор". Подполк. фон Стамфорд в своей работе "Поле сражения в Тевтобургском лесу" (Oberstleutenant von Stamford, "Das Schlachtfeld im Teutoburger Walde", S. 86, 111) пишет уже несколько иначе, а именно, что путь через Дэре довольно круто поднимается и затем спускается вниз, и что там имеется "скверное место", где для тяжело нагруженных возов подъем слишком крут.

Дам вполне прав постольку, поскольку теперяшняя шоссированная дорога, проходящая по восточному склону ущелья, имеет лишь весьма незначительный подъем; даже глубокие песчаные места немногим выше, чем равнины к югу и к северу от горной цепи. Однако, лишь описание Стамфорда рисует правильную картину, так как сравнительная ровность

этой дороги при незначительных подъемах отчасти была достигнута искусственным путем, в то время как середина ущелья, вследствие песчаных холмов и рытвин, весьма неровна и к тому же обильно покрыта песком, что ее делает трудно проходимой.

Кноке (стр. 96) пишет: "О болотах как внутри Липпского леса, так и к северу от него не может быть и речи". И Дам говорит приблизительно то же самое, хотя осторожно добавляет: "Болота, которые могли бы оказаться губительными для армии..." Источники нам ничего не говорят о том, что болота оказали непосредственно губительное влияние на армию (ср. Эдм. Мейер, "Исследования к вопросу о сражении в Тевтобургском лесу" – Edm. Meyer, "Untersuchungen zur Schlacht im Teutoburger Walde", S. 216). Однако Стамфорд твердо устанавливает – и, действительно, не может быть никакого сомнения в том, что во всем Тевтобургском (Липпском) лесу встречаются болотистые леса. Как раз перед Дэрским ущельем, к северу от него, находится Херстское болото с глубокими топями; также и в Дэрском ущелье имеются болотистые места (Стамфорд, стр. 85 и 86).

Земляные валы, которые тянутся поперек всего горного прохода немного севернее его самого узкого места, – там, где справа и слева начинается лиственный лес, покрывающий высоты, – относятся, очевидно, к более позднему времени, к Средним векам.

На "Карте Тевтобургского леса и сражения Германна", которую в 1820 г. издал принц Фридрих Липпе, у самого северного края Дэрского ущелья нанесен лагерь. Приблизительно в этих местах должен был действительно находиться последний лагерь

Вара. Но те остатки вала, которые здесь имеются в виду, лежат слишком близко от входа в ущелье и не имеют никакого отношения к римским укреплениям. Как установил Шуххардт, это – остатки средневековой крепостной линии. Они находятся на Хаммер-Хайде, справа от дороги, ведущей из Пивитсхейде в Херсте, сейчас же позади того места, где расходятся дороги. Эти остатки вала уже начинают исчезать, так как они сносятся крестьянами. Я упоминаю об этом для того, чтобы предостеречь от ошибок тех будущих исследователей, которые, исходя из карты принца Липпе, будут здесь искать римский лагерь.

Подобно тому как, исходя из монетных находок, искали место сражения при Баренау к северу от Оснабрюка, так и в данном случае читатель может почувствовать искушение воспользоваться для определения места последнего сражения указанием очень серьезного писателя, подполк. Ф. В. Шмидта во "Временнике отечественной истории и древностей (Вестфалии)", 1859 г., стр. 299. Это указание гласит: "В районе Стапелаге, в 1S часах к северо-западу от Дэрского ущелья, в особенности на полях больших дворов Хунекен и Кравинкель, часто выпахивают римские монеты, которые, насколько с ними мог ознакомиться автор, относятся к эпохе не позже эпохи Августа.

Я извлекаю эту цитату из исследования Х. Нейбурга "Место сражения Вара" (H. Neuburg, "Die Oertlichkeit der Varusschlacht", S. 50). Так как этих монет теперь налицо не имеется, то нет никакой возможности проверить решающий в данном случае момент, а именно – то, что они не позже эпохи Августа. Даже если это и соответствует

действительности, то мы из этого можем сделать лишь тот вывод, что здесь мы имеем дело лишь с частью добычи жившего здесь херусского рода, захваченной им после сражения в Тевтобургском лесу. Вышеуказанные места находятся слишком далеко в горах, для того чтобы можно было предположить нахождение римского лагеря именно здесь.

Ген.-майор Вольф высказал однажды предположение, что в районе деревни Эльзен близ Падерборна нельзя теперь найти никаких следов Ализо, так как соответствующее место теперь покрыто песчаной дюной, которая поглотила в себе все следы. Такое же явление могло произойти и в местности, лежащей перед Дэрским ущельем, там, где тысячелетия могли произвести более крупные перемены в конфигурации дюнного ландшафта, чем то можно предположить, судя по его современному виду.

КЛОСТЕРМЕЙЕР И ВИТЕРСХЕЙМ

По существу самое правильное относительно похода Вара было уже сказано Клостер-мейером в его работе "Где Германн разбил Вара" (Clostermeyer, "Wo Hermann den Varus schlug". Lemgo, 1822). Он только не совсем правильно восстановил конец этого похода. Он предполагает, что лагерь Вара находился у Миндена или немного дальше вниз по течению, у Петерсхагена, и что заключительная катастрофа произошла не перед Дэрским ущельем, но в долине Берлебеке, у подножия Гротенбурга. Вар хотел пройти через Дэрское ущелье, однако, германцы преградили ему этот путь; поэтому, пытаясь уйти от них, он

совершил обходное движение через Детмольд. Это невозможно. Если Вар себя чувствовал слишком слабым для того, чтобы пробиться через Дэрское ущелье, то тем менее он мог надеяться на то, чтобы спастись, идя вдоль гор через Лопсхорнский проход или же пустившись напрямик через горы. Захватив в свои руки неповоротливую и далеко растянувшуюся громаду римского войска, германцы ни за что не выпустили бы своей добычи. Римлянам оставалось либо пробиться через Дэрское ущелье, либо умереть. Другого выбора не было.

Эти вполне правильные возражения против концепции Клостермейера были уже сделаны фон Витерсхеймом в его "Истории переселения народов". Исходя из этого, он вполне справедливо полагает, что заключительная катастрофа произошла в самом Дэрском ущелье. Однако, он искал летний лагерь Вара гораздо дальше вверх по течению Везера, а это указывает на то, что он еще не смог правильно установить путь римлян, определить тактический характер заключительного сражения и, следовательно, еще не имел полного представления об основных стратегических элементах ведения войны в Германии. В противном случае его решение вопроса, столь близкое к истине, обратило бы на себя значительно больше внимания.

ДНИ ПЕРЕХОДОВ И СРАЖЕНИЙ

Исследователи спорят о том, произошло ли сражение в Тевтобургском лесу в самый день выхода римлян из летнего лагеря или же позднее, а также о том, продолжалось ли сражение два или три дня.

Хотя рассказ Диона и не говорит об этом прямо, но все же создает впечатление, что в течение нескольких дней Вар продвигался вперед вполне спокойно, – вплоть до того момента, когда германцы произвели свое первое нападение. На это обстоятельство вполне справедливо сослался Кноке. Но если Тацит в таких словах ("Анналы", I, 58) заставляет Сегеста говорить о своем напрасном предостережении Вара: "Свидетельницей этого – ночь; пусть лучше она для меня была бы последней", то это указывает, что катастрофа последовала тотчас же на другой день. Еще большее значение имеет указание Веллея, что ожидать наступления второй ночи было, по словам Сегеста, уже невозможна (II, 118). На это обратил внимание Вильмс. Хотя свидетельство Веллея как современника является весьма веским, однако, исходя из установленных уже нами основных положений критики источников, мы не должны придавать особенное значение всем этим косвенным указаниям. Во всяком случае указания источников не противоречат предположению, что римляне подверглись нападению германцев в день своего выступления из летнего лагеря.

В таком же положении находится вопрос о том, длилось ли сражение два или три дня. Источники можно истолковать в случае нужды и в том и в другом смысле. Но гораздо вероятнее, как мы уже установили выше, что сражение длилось три дня.

У Диона соответствующее место, имеющее решающее значение, испорчено. В рукописи это место непосредственно после описания второго дня сражения гласит: "Ибо тогда настал день после того, как они выступили в путь". Но эта фраза

бессмысленна. Самым простым и естественным исправлением этой фразы было бы: "Итак, настал третий день..."

Однако, несмотря на это, нельзя препятствовать строить иные конъектуры тем исследователям, которые, исходя из объективных причин, высказываются? за два дня, но все же следует отклонить те конъектуры, которые приписывают римлянам ночной переход. Такое большое войско, как войско Вара, не могло, так сказать, прокрадываться тайком. Германцы ничуть не были похожи на персов Тиссаферна, которые с наступлением ночи отходили от греков, чтобы по возможности дальше от них устроить безопасный привал на ночлег. Если же неприятель оставался поблизости, то продвижение становилось уже невозможным, и рано или поздно должно было завязаться сражение. Но нельзя себе представить ничего более неблагоприятного для римлян, чем ночной бой, который происходил бы при данных обстоятельствах и при уже подавленном настроении войск. Это неминуемо привело бы к панике и к немедленному полному разгрому.

Тацит пишет, что Германик прошел через Тевтобургский лес, ища следы и остатки войска Вара. "Первый лагерь Вара, судя по его большому протяжению и по размерам главной квартиры, совершенно несомненно заключал в себе три легиона. Далее, по разрушенному валу и по плоскому рву видно было, что здесь укрепились уже сильно пострадавшие остатки его войска". В словах "первый лагерь" хотели видеть летний лагерь, и это не является невозможным, – однако, лишь при том условии, если мы примем, что Тацит в погоне за антитезой ввел в заблуждение своих

читателей. Ведь каждый римлянин должен был прекрасно знать, что между постоянным лагерем и походным лагерем, рассчитанным на одну лишь ночь, существует большая разница[39]. Следовательно, этим противопоставлением Тацит не смог бы произвести никакого впечатления на своих читателей. Если бы на самом деле существовал лишь один походный лагерь и если бы Тацит захотел противопоставить его постоянному лагерю, дав контрастное изображение, то он при всей своей риторике все же был бы настолько правдивым, чтобы соответствующим образом построить антитезу, что, конечно, совсем не так трудно. Отсюда можно вывести заключение, что в словах "первый лагерь" (prima castra) автор, по всей вероятности, имел в виду первый походный лагерь, для разбивки которого, как это правильно заметил Кноке, вполне естественно, согласно походным правилам, было намечено место, достаточное для размещения трех легионов, несмотря на то, что в течение первого дня римляне уже понесли значительные потери. Но если мы внимательно ознакомимся с местностью, то ясно увидим, что решающее значение в данном случае приобретут расстояния. От Реме до Дэрского ущелья 5 миль, а от Миндена до того же ущелья 6 миль. Войско, находившееся в таких тяжелых условиях, как римское накануне Тевтобургского сражения, никогда не смогло бы сделать такой переход в течение дня. Для однодневного перехода вполне достаточна была бы половина этого расстояния. Больше того, я даже считаю вполне возможным, что ввиду большого количества повозок, очень трудного пути через лес, холмы и ущелья, а также дождя, который размыл

глинистую почву, римляне сделали еще один переход, так что сражение происходило на второй, третий и четвертый день после выступления римлян из лагеря. Этому, конечно, не противоречит то, что Тацит говорит лишь о двух лагерях.

Подполк. фон Стамфорд в своей работе "Поле сражения в Тевтобургском лесу" (стр. 105 и 107) пишет, что ему в нескольких местах удалось найти остатки вала близ Шеттмара около Зальцуфельна.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Описывая самое сражение при Дэрском ущелье и заключительную катастрофу, я не брал за основу один из тех дошедших до нас рассказов, которые теперь находятся в нашем распоряжении, а исходил из сопоставления отдельных свидетельств, сохранившихся у Веллея, Тацита и Флора, а также из основных моментов, переданных Дионом. Оставшиеся пропуски я заполнил теми конкретными фактами, которые я смог извлечь из анализа расстояний и характера местности и которые, будучи связаны между собой, образовали единую причинную цепь событий. Такой метод работы требует особого пояснения и обоснования.

Следует исходить из того, что единственный подробный рассказ о Тевтобургском сражении, которым мы располагаем, а именно рассказ Диона Кассия, хотя и восходит к очень надежному свидетельству, все же сохранился в новой обработке, дошедшей из третьих или четвертых рук. При этом вполне естественно, что не только были сгущены краски, но и могли выпасть отдельные моменты,

которые менее интересовали Диона или его предшественников и которые были лишь слабо намечены в первоначальной версии.

Вместе с тем мы не должны принимать в соображение вопрос о том, погибли ли легаты во время самого сражения или они покончили самоубийством по примеру полководца. Об этом в Риме никто не имел точных сведений, так что один говорил одно, а другой совершенно иное.

Дион, описывая сражение, говорит о том, что оно кончилось так же, как и началось: римляне погибали под непрерывным натиском германцев, в то время как их вожди кончали жизнь самоубийством. Этому противоречит сообщение Веллея, который пишет, что из двух лагерных префектов один, по имени Эггий, дал войскам хороший пример, а другой, Цейоний, поступил позорно ("После того как он погубил значительно большую часть войска и будучи виновником сдачи, он не захотел умереть в бою, а предпочел такой смерти казнь"). Далее он сообщает о том, что германцы отрубили голову от полусожженного трупа Вара. Флор дает возможность дополнить этот рассказ тем фактом, что тело Вара было погребено и затем вырыто. Эта попытка погребения, точнее – сожжения, возможна лишь при наличии укрепленного лагеря. Да и помимо этого, если мы учтем способ ведения войны германцами, мы должны будем признать, что войска, находившиеся на поле сражения, никак не смогли бы капитулировать. Но обо всем этом Дион ничего не говорит. Однако, это не может для нас послужить основанием для того, чтобы отвергнуть, признав за басню, такой определенный и точный рассказ, как рассказ Веллея,

который вообще во всех остальных случаях является прекрасно осведомленным современником. В конце рассказа Диона, очевидно, имеется пропуск в сохранившемся тексте (может быть, здесь утерян один листок рукописи). Впрочем, если такого пропуска и не было, то весьма возможно, что мы здесь имеем дело с простым сокращением, произведенным автором, так как его описание этого события и без того достаточно подробно. В последней части своего изложения автор особенно стремился быть кратким. Это видно из того, что он описывает, как абсолютно все было уничтожено – и люди и кони, и сейчас же вслед за этим говорит о тех пленниках, которые позднее были выкуплены своими родственниками.

Если теперь мы примем рассказ Веллея о произведенной римлянами попытке похоронить тело Вара и об окончательной капитуляции, то отсюда мы должны будем сделать тот вывод, что данное сражение, очевидно, не было рядом последовательных стычек, а было регулярным сражением. Если бы римляне все время продвигались вперед с боем, то они не могли бы иметь лагеря, где они могли попытаться предать сожжению тело Вара и где войско окончательно капитулировало.

С чисто военно-теоретической точки зрения, если так можно выразиться, это различие чрезвычайно существенно. Но психологически вполне понятно, что именно этот момент отсутствует в рассказе Диона. Ведь от автора этого повествования могло ускользнуть различие между заключительным сражением и боями предшествовавших дней, так как с внешней стороны все эти бои в глазах автора ничем не отличались друг от друга. К тому же мы не должны забывать, что

имеем в нашем распоряжении лишь римские источники. Ведь их, конечно, ничто не побуждало к особенному подчеркиванию того обстоятельства, что римляне не только подверглись нападению на походе, но и потерпели окончательное поражение в регулярном сражении, оказавшись не в состоянии пробиться через ряды неприятеля. Их стремление объяснить это поражение лишь изменой и внезапным нападением ясно звучит в той речи, с которой, по словам Тацита ("Анналы", II, 46), Марбод обратился к своим войскам: "Арминий победил три освобожденных от службы праздных легиона (tres vacuas legiones); поэтому такой успех не делает ему особенной чести". Это возражение в обычном рассказе может показаться довольно обоснованным, а потому с точки зрения военной истории для нас вдвойне важно обстоятельство, что мы считаем вполне возможным восстановить затушеванный, так сказать, римлянами факт заключительного регулярного сражения.

С этим вполне согласуется и тот довольно странный способ, к которому прибегает Тацит, для того чтобы противопоставить один другому те два лагеря, которые были обнаружены Германиком и его солдатами. "Первый лагерь, судя по его большому протяжению... затем по полуразрушенному валу и плоскому рву...". Слова "полуразрушенный вал", конечно, не указывают на такой вал, который никогда не был высоким, а на такой, который обвалился. Следуя строгим правилам логики, в этой фразе можно установить противопоставление первого большого лагеря, построенного по правилам, маленькому, неоконченному, плохо укрепленному лагерю. Давая в данном случае, – как он впрочем это часто делает, –

косвенную антитезу, Тацит принуждает читателя восполнить это противопоставление, вкладывая в слово "полуразрушенный" представление о том, что германцы, ворвавшись в лагерь, разрушили и растоптали вал. Очевидец, к которому в конечном счете восходит рассказ Тацита, должен был получить настолько сильное впечатление от состояния вала и рва, что его глазам должна была представиться последняя страшная сцена. Поэтому мы можем предположить, что характерное слово "полуразрушенный" было вставлено не Тацитом, а происходит от первоначальной версии рассказа.

Будем ли мы считать нашу локализацию сражения действительно доказанной или же лишь установленной с определенной степенью достоверности, во всяком случае реконструкция последнего сражения основывается не только на внешнем сопоставлении и согласовании фактов. Мы можем с уверенностью сказать, что объективные основания и критика источников позволяют нам без всякого труда дополнить рассказ Диона фактом существования лагеря и его конечной капитуляции.

Правильная реконструкция, раз установленная, подтверждается тем, что и другие трудно понимаемые части рассказа находят благодаря этому простое и ясное объяснение.

Веллей рассказывает, что во время этого поражения те солдаты, которые, по обычаю римлян, хотели мужественно использовать свое оружие, были наказаны. Мы можем теперь отнести этот факт ко времени ведения переговоров относительно капитуляции.

Согласно Диону, последнее сражение произошло в

узком месте ущелья. По Тациту же, Германик увидел белевшие кости павших римлян "посреди поля" (medio campi). Это противоречие теперь легко объяснимо. Дион говорит о последнем настоящем сражении, которое разыгралось в Дэрском ущелье, но, конечно, после того как римляне отступили из Дэре, многие из них были еще убиты в открытом поле перед ущельем.

Эдм. Мейер в своей работе "Исследования относительно сражения в Тевтобургском лесу" (Edm. Meyer, "Untersuch. ьber die Schlacht im Teutoburger Walde") уже доказал, что описание Диона само по себе хорошо согласуется с отдельными свидетельствами других источников. Если его концепция, основанная на критике источников, не получила быстрого и всеобщего признания, то это объясняется лишь тем, что он в отдельных случаях дает неправильные решения вопроса и неверно устанавливает топографию, так как стратегические основы ведения войны в Германии не были в то время еще известны.

ГИПОТЕЗЫ МОММЗЕНА И КНОКЕ

Для нас нет никакой необходимости вникать в отдельные подробности сильно оспаривавшейся гипотезы о том, что Тевтобургское сражение произошло к северу от Оснабрюка, близ Баренау, или же к югу от него, близ Ибурга, так как с нашей точки зрения поле сражения, без всякого сомнения, следует искать лишь на пути, ведущем от Вестфальских ворот к Ализо. Если бы сражение произошло поблизости от Оснабрюка, то это означало бы, что большая дорога римлян шла не вверх по долине Липпы, но от

Хальтерна по направлению к Мюнстеру и Оснабрюку, севернее или южнее горной цепи Виен, на Минден или Реме. Конечно, и здесь проходила дорога. Мы даже можем согласиться с Кноке в том, что между двумя горными хребтами – горной цепью Виен и Оснингом вдоль гор у подножия холмов проходила германская дорога. Можно даже себе представить, что те большие запасы, которые были необходимы для летнего лагеря Вара и которые очень трудно было доставить по этому сухопутному пути, были доставлены в Минден на кораблях через Северное море. Все же не может быть никакого сомнения в том, что римляне имели в своем распоряжении военную дорогу, шедшую вдоль Липпы через Оснинг (через Дэрское ущелье) к Вестфальским воротам, что они имели на этой дороге, на Верхней Липпе, укрепленный складочный пункт и что именно поэтому данный путь был их главной военной дорогой. Нужно себе только представить, насколько такой складочный пункт облегчал путь войскам, передвигавшимся взад и вперед по этой дороге. Ведь тогда в Германии без крупных приготовлений и значительных расходов нельзя было сойти с дороги, шедшей вдоль водного пути. Следовательно, если у Вара были бы какие-нибудь основания идти от Вестфальских ворот прямо в район Оснабрюка, то он, наверное, идя по этому пути, не взял бы с собою своего обоза, но, без всякого сомнения, отправил бы его на Липпскую дорогу, так как он считал соседних германцев за верных союзников.

К этому надо прибавить, что с оснабрюкской гипотезой с большим трудом согласуются или даже, собственно говоря, совсем не согласуются

положительные указания Тацита на то, что Германик, поднявшись на кораблях вверх по Эмсу, опустошил всю страну между Эмсом и Липпой, подошел к пределам бруктеров, находясь недалеко от Тевтобургского леса, и, сняв осаду с крепости, расположенной на Липпе, отказался от мысли восстановить разрушенный курган. См. относительно этого специальное исследование о местоположении Ализо.

Насколько в корне изменились основы исследования этой проблемы благодаря новым данным относительно плотности населения в Германии, видно из того, что Моммзен в своем исследовании о "месте сражения Вара" ("Die Oertlichkeit der Varusschlacht") еще находил возможным писать, что германские вожди "могли созывать в любом, – даже отдаленном – пункте свои войска, в два или в три раза превосходившие по своей численности войско римлян".

Гипотезу Моммзена защищает Эд. Бартельс в своей работе "Сражение Вара и место этого сражения" ("Die Varusschlacht und ihre Oertlichkeit", 1904), в которой автор особенно подчеркивает то обстоятельство, что путь войска Вара должен был лежать не через лесные горы, а вдоль северного края горной цепи Виен. Окрестности Баренау хорошо соответствуют описанию сражения в том отношении, что здесь находятся большие болота, которых нет близ Дэрского ущелья. Но против этого можно возразить, что болота играют большую роль лишь в рассказах Флора и Веллея, у которых их упоминание могло быть вызвано стремлением этих писателей украсить свой рассказ риторикой, тем более, что

германские болота являются чем-то вроде обычного стаффажа во всех описаниях Германии. У Диона же, рассказ которого является нашим главным источником, нет упоминания о болотах. Да и помимо этого нельзя сказать, что близ Дэрского ущелья нет никаких болот.

Бартельс вполне обоснованно предполагает, что римское войско шло не через лесистые горы, а вдоль северного края горной цепи Виен, следовательно, по равнине, так как он считает, что римское войско со своим обозом никак не могло направить свой путь через девственный лес. Однако, он вместе с тем упускает из виду то обстоятельство, что здесь местность не давала бы возможности германцам производить непрерывные внезапные нападения на римское войско и, наконец, окончательно отрезать ему путь.

Бартельсу кажется, что существенным основанием для предположения, что римское войско шло не по направлению к Липпе, является тот факт, что при сообщении о восстании германцев не было упомянуто название восставшего племени. Племена, жившие по Липпе и Руру, были настолько хорошо известны римлянам, что название племени должно было быть упомянуто. Но против этого следует возразить, что римляне достаточно давно правили этой страной, чтобы одинаково хорошо знать названия всех племен, живших между Рейном и Везером.

Равным образом бьет мимо цели и тот аргумент, что путь к Верхней Липпе был бы вполне безопасным. Шло бы римское войско по долине Верры или, идя наперерез излучине реки, направлялось бы прямо к югу – во всяком случае эта местность была более

опасна, чем местность, прилегавшая к северному подножию горной цепи Виен, в особенности Дэрское ущелье, которое как бы самой природой было создано для выполнения военного плана и для проведения военной тактики германцев.

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ ИСТОЧНИКОВ

При том особенном значении, которое имеет для Германии сражение в Тевтобургском лесу, многим читателям, не имеющим под рукой античных авторов, будет интересно прочитать в точном переводе те первоначальные источники, на которых строится наше изложение, чтобы, таким образом, установить, что ими было передано непосредственно и что является реконструкцией.

Дион Кассий

Римляне владели некоторыми областями в Германии, причем эти области были расположены не одна подле другой, а в том порядке, как их завоевывали римляне, почему они и не упоминаются в истории. Их солдаты зимовали в этих областях и основывали там города, а варвары подчинялись римским обычаям, приходили на рынки и поддерживали с римлянами мирные

отношения. Однако, они не могли забыть обычаи своих предков и своей страны, свой свободный образ жизни и мощь своего оружия. До последнего времени их отучали от этого лишь постепенно, применяя большую осторожность, так что они незаметно осваивались со своим новым образом жизни и сами даже не чувствовали происходивших с ними перемен. Когда же Квинтилий Вар, бывший до тех пор проконсулом Сирии, получил Германию в качестве провинции, он резко изменил политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани, как от подданных. Это им не понравилось. Вожди народа стремились к своему прежнему господству, а народ находил, что прежний государственный строй был лучше, чем принудительное господство иноземцев. Но так как они полагали, что боевые силы римлян на Рейне и в их собственной стране были слишком значительны, то они сперва не восстали открыто, а встретили Вара так, как будто они готовы были исполнить все его требования, и заманили его от Везера в страну херусков. Здесь они жили рядом с ним, находясь с ним в самых мирных и дружеских отношениях, и тем заставили его поверить, что они сами смиренно подчиняются его приказам, даже не вынуждая его

применить силу оружия.

Таким образом случилось, что Вар перестал держать свои войска сосредоточенными в одном месте, как он должен был бы делать, находясь в неприятельской стране, но разослал своих людей в разные стороны, уступая просьбам более слабых либо для того, чтобы защитить определенные места, либо для того, чтобы переловить разбойников или же прикрыть доставку продовольствия. Вождями заговора и вероломной войны, которая уже начиналась, были наряду с прочими Арминий и Сегимер, которые находились постоянно при нем и часто пировали за его столом. Когда же он стал вполне доверчивым и уже не подозревал ничего дурного, – даже больше, не только не верил тем, кто подозревал худое в том, что происходило и советовал ему быть осторожным, но даже обвинял их в необоснованной трусости и привлекал к ответственности за клевету, – тогда по предварительному сговору восстали сперва некоторые отдаленные племена. Они считали, что таким образом они скорее заманят Вара в ловушку, когда он выступит против восставших и пойдет по стране, которую он считал дружеской, чем если они все сразу начнут войну против него, дав ему тем возможность принять необходимые

меры предосторожности. Все так и случилось. Они дали ему выйти вперед и некоторое время его сопровождали, но затем остались позади под тем предлогом, что хотят стянуть свои войска и затем быстро прийти к нему на помощь. После этого они напали с заранее приготовленными, выпрошенными ими у Вара раньше войсками на римские отряды и разбили их наголову, после чего настигли самого Вара, который к тому времени углубился в непроходимые леса. Теперь предполагаемые подданные внезапно оказались врагами и произвели жестокое нападение на римское войско. Горы здесь были полны ущелий, а неровная местность была покрыта высоким и густым лесом, так что римляне еще до нападения противника должны были порядком поработать над рубкой леса, прокладыванием дорог и постройкой мостов. Римляне вели за собой, совсем как в мирное время, множество повозок и вьючных животных; за ними следовало также большое количество детей, женщин и прочей прислуги, так что войско вынуждено было растянуться на большое расстояние. Отдельные части войска еще более отделились одна от другой вследствие того, что полил сильный дождь и разразился ураган. Поэтому почва вокруг корней и стволов деревьев стала скользкой, и шаги воинов

стали неуверенными. Верхушки деревьев обламывались и своим падением увеличивали смятение, царившее среди войска. В этот тяжелый для римлян момент варвары напали на них со всех сторон, выступив из лесной чащи. Прекрасно зная дороги, они окружили их и сначала обстреливали издали. А затем, когда уже больше никто не сопротивлялся и многие были ранены, они атаковали их вплотную. Так как римские войска шли без всякого порядка, смешавшись с повозками и с невооруженными, то им было трудно сомкнуть свои ряды, а потому они понесли большие потери, тем более, что они не могли со своей стороны причинить никакого вреда противнику, превосходившему их своей численностью.

Как только они нашли более или менее подходящее место, – насколько это было возможно в условиях лесистых гор, – они тотчас же разбили лагерь, сожгли большинство повозок и всякую ненужную утварь или оставили ее за собой, а затем, выступив на другой день, двинулись вперед в уже большем порядке и достигли открытого места; но и здесь им пришлось понести некоторые потери. Выступив отсюда, они вновь попали в лесистую местность; хотя они и оборонялись от наступавших на них

германцев, но именно поэтому они испытали новое несчастье. Собираясь вместе в узких местах, для того чтобы сомкнутыми рядами нападать на противника одновременно и конницей и пехотой, они были затруднены в своих движениях деревьями и сами друг другу мешали. Они шли таким образом уже третий (четвертый?) день. Снова разразился сильный дождь, сопровождавшийся резким ветром, что не дало им возможности ни продвигаться вперед, ни укрепиться прочно на каком-либо месте и даже лишило их возможности пользоваться своим оружием, так как стрелы, дротики и щиты промокли насквозь и уже больше не годились к употреблению. Неприятель же, по большей части легко вооруженный, меньше от этого страдал, так как мог беспрепятственно продвигаться вперед или отступать. Помимо этого, неприятель превосходил римлян численностью (так как и ранее колебавшиеся теперь очутились здесь, по крайней мере для того, чтобы поживиться добычей) и окружил более слабых римлян, которые уже в предшествующих боях потеряли много людей, что помогло ему разбить их наголову. Поэтому Вар и наиболее видные римские полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение

заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов (тем более, что они уже были ранены).

Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни последовали примеру своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве. Теперь германцы могли без всякой опасности для себя поражать и людей и коней.

Веллей Патеркул

Лишь только Тиберий окончил Паннонскую и Далматинскую войны, как через пять дней после этого пришла печальная весть из Германии о смерти Вара и о гибели трех легионов, такого же числа эскадронов и шести когорт. Судьба оказалась для нас, так сказать, милостивой лишь в том отношении, что вернула нам полководца, который мог отомстить за такое поражение, а именно Тиберия. Я должен несколько остановиться на причине этого несчастья и на личности Вара. Квинктилий Вар, происходивший из почтенной, хотя и не очень древней, родовитой семьи, был мягким человеком, обладавшим

спокойным характером. Тяжелый на подъем как по своему характеру, так и по своему телосложению, он предпочитал лагерный досуг военной службе. Как мало он презирал деньги, показывает его поведение в Сирии, которая до этого времени находилась в его управлении. Он вступил в эту богатую провинцию, будучи бедняком, а покинул ее богачом, оставив эту провинцию бедной. Получив верховное командование над войском, стоявшим в Германии, он решил, что жители этой страны не имеют в себе ничего человеческого, кроме голоса и тела. И он думал укротить при помощи римского права тех людей, которых не смогли усмирить мечи. С таким намерением вступил он в Германию, как будто он пришел к людям, которые радовались благословенному миру, и проводил все свое время в летнем лагере, торжественно разбирая дела с высоты своего судебного кресла.

Но эти люди, – чему, конечно, не поверит тот, кто этого сам на себе не испытал, – при всей своей дикости чрезвычайно хитры и как бы рождены для лжи. Они вели и тянули длительные, изобретенные ими самими процессы и то жаловались друг на друга, то благодарили Вара за то, что он решал дела с римской справедливостью и таким новым и неведомым для них способом

укрощал и смягчал их дикость и ставил право на место насилия. Таким образом, они усыпили бдительность Вара, который впал в такую беспечность, что ему уже стало казаться, что он не командует войском в Германии, а в качестве городского претора судит на форуме. Среди германцев находился в то время молодой человек, происходивший из благородного рода, обладавший храбростью, сообразительностью и таким умом, которого нельзя было бы предполагать в варваре. Его звали Арминием; он был сыном Сигимера, одного из князей этого народа. Его пламенная душа горела в его взоре (Blick) и в его глазах (Augen). Он служил у нас на военной службе и был облечен званием римского гражданина и всадника. Он решил использовать вялость полководца для того, чтобы совершить злодеяние, правильно учитывая, что легче всего погубить того, кто ничего не боится, и что уверенность часто является началом несчастья. Сперва он сообщил свой план лишь немногим, но вскоре и большему количеству лиц. Он их настойчиво убеждал в том, что германцы имеют полную возможность одержать верх над римлянами. Вслед за решением должно было вскоре последовать и выполнение этого плана. Германцы установили время для нанесения удара.

Об этом сообщил Вару Сегест, преданный человек, принадлежавший этому племени и происходивший из благородного рода. Но судьба настолько ослепила Вара, что он уже не мог внять благоразумному совету. Так случается, что божество затемняет по большей части рассудок тех, чье счастье оно хочет погубить, и делает так, что нам кажется, будто то печальное, что случается, происходит по заслугам, и что несчастье становится виной. Вар также отказывается верить этому и уверяет, что он сумеет оценить по заслугам это доказательство дружбы. Но после первого доносчика уже не остается времени для появления второго.

В особой книге я расскажу подробнее об этом ужасном несчастье, – тягчайшем, которое испытали римляне среди чужих племен после поражения Красса. На этот же раз достаточно будет сказать об этом плачевном походе следующее. Одно из самых храбрых римских войск, состоявшее из воинов, выделявшихся среди прочих римских воинов своей дисциплиной, своим мужеством и своим военным опытом, оказалось окруженным вследствие неспособности предводителя, вероломства врага и немилостивой судьбы. Не только не было никакой возможности сражаться или прорваться, но даже те, кто, будучи

одушевлен римским мужеством, хотел воспользоваться своим римским оружием, были наказаны и заперты в лесах, болотах и вражеской засаде. И все это войско было разбито и окончательно уничтожено тем врагом, которого до этого времени римляне убивали, как скот, так что теперь их жизнь и их смерть зависели от ненависти или от милости этого врага. Полководец оказался более мужественным перед лицом смерти, чем в борьбе; он последовал примеру своего отца и своего деда и сам себя заколол. Один из двух лагерных префектов, Люций Эггий, дал войскам прекрасный пример, а другой, Цейоний, поступил позорно. После того как значительно большая часть войска погибла в сражении, он не захотел умереть в бою, а такой смерти предпочел казнь и сдался. Вала Нумоний, один из легатов Вара, бывший всегда рассудительным и честным человеком, дал внушающий ужас пример войскам тем, что бросил пехоту на произвол судьбы и вместе с конницей обратился в бегство, пытаясь достигнуть Рейна. Но судьба отомстила ему за этот поступок, так как он не пережил покинутых им, но умер смертью дезертира. Дикий враг растерзал полусожженное тело Вара; он отрубил его голову и послал ее Марбоду, который в свою очередь отослал ее

императору, так что ее смогли со всеми почестями похоронить в фамильном склепе.

Ф л о р

Труднее удерживать в своих руках провинции, чем их основывать. Провинции создаются силой, а удерживаются правом. Итак, радость была непродолжительной. Ведь германцы были побеждены, но не укрощены, и под владычеством Друза обращали больше внимания на наши обычаи, чем на наше оружие. После смерти Друза они стали ненавидеть характер и высокомерие Квинктилия Вара так же, как они ненавидели его гнев. Вар отважился созвать собрание и довольно неосторожно похвалялся тем, что он в состоянии укротить дикость варваров прутьями ликторов и голосом глашатая. Но лишь только германцы, которые давно с грустью смотрели, как ржавеют их мечи и застаиваются их кони, убедились в том, что тога и суд более зловредны, нежели оружие, как они тотчас же взялись за оружие под предводительством Арминия. А миролюбие Вара в то время было настолько велико, что он даже не шелохнулся, когда один из князей – Сегест – предательски сообщил ему о заговоре. Так внезапно напали они на него, ничего не видевшего и ничего не боявшегося, в то время как он, – о,

самоуверенность! – взывал к суду, и бросились на него со всех сторон. Лагерь был захвачен, и три легиона были разбиты. Вар, потеряв свой лагерь, последовал примеру Павла в день сражения при Каннах, будучи охвачен той же мыслью и преследуем такой же судьбой. Не было ничего отвратительнее этой бойни в болотах и лесах. Нельзя себе представить ничего более невыносимого, чем издевательство этих варваров, в особенности над судьями. Некоторым они выкалывали глаза, другим отрубали руки. Одному они отрезали язык и зашили рот, а варвар, который держал язык в своей руке, крикнул римлянину: "Теперь, змея, ты уже больше не сможешь шипеть!" Даже тело консула, преданное земле верными солдатами, было вырыто. Военными знаменами и орлами варвары владеют до сего времени, а третьего орла, дабы он не попал во вражеские руки, знаменосец обломал, спрятал его под своим поясом и вместе с ним исчез в напоенном кровью болоте. В результате этого поражения произошло то, что империя, которая не остановилась даже на берегу океана, принуждена была остановиться на берегах реки Рейна.

Тацит

Тацит не оставил нам непосредственного описания сражения в Тевтобургском лесу, ибо его рассказ начинается лишь со смерти Августа. Лишь кое-что мы узнаем в связи с описанием походов Германика, а именно – в связи с его рассказом о посещении Германиком поля сражения и погребении останков. Помимо этого, можно найти в римской литературе те или иные отдельные замечания, как, например, в одном письме Сенеки ("Ер.", 47) его указание на то, что знатнейшие римляне попали в рабство к германцам, и что мужи, которые со временем надеялись вступить в сенат, влачили там свое жалкое существование, один – в качестве пастуха, а другой – в качестве привратника.

Глава V

ГЕРМАНИК И АРМИНИЙ

Римляне не были в состоянии тотчас же отомстить германцам за поражение в Тевтобургском лесу. Хотя Тиберий, – единственный полководец, которому Рим мог доверить такое дело, – поспешил к Рейну, однако, и он не смог ринуться в многолетнюю войну. Он был назначен наследником престола лишь в качестве приемного сына в ущерб правам обойденного родного внука Августа; поэтому он должен был быть на своем месте в Риме в момент смерти старого императора. Ввиду этого Тиберий ограничился тем, что обезопасил рейнскую границу, пополнил армию и снова восстановил доверие. Лишь пять лет спустя, получив известие о смерти Августа и о восшествии на престол Тиберия, Германик, сын Друза, племянник и приемный сын Тиберия, начал карательную экспедицию против германцев, имея своей конечной целью снова покорить германские племена вплоть до Эльбы.

О походах Германика узнаем мы исключительно лишь из одного описания Тацита. Но как ни подробно это описание, оно нас все же

не может удовлетворить, так как автор, помимо своей риторики, которая игнорирует и даже замазывает причинную связь событий, обладает еще другим, мешающим делу свойством. Как детально ни изучал Тацит германцев, все же он имел, несомненно, очень неясные представления о географическом расположении страны. В своей "Германии" он говорит, что хавки, которые на самом деле жили близ устья Везера, на берегу Северного моря, граничили с хаттами в пределах Гессена, хотя помимо других менее известных племен между ними жило такое крупное племя, как херуски[40].

Во время похода 15 г. римские войска, шедшие от Эмса вдоль морского берега по направлению к Рейну, достигли, по Тациту, Везера.

В 16 г. Германик высадил свое войско на берег близ Эмса. И тотчас же после этой фразы Тацит пишет: "В то время, как он намечал место для своего лагеря, ему сообщили, что от него отпали ангривари, находившиеся в тылу у него". Но ангривари на самом деле жили на двух берегах Везера. Пытались исправить эту явную ошибку посредством изменения текста: в первом примере название Везера заменяли названием маленькой реки в Голландии Унсингис (Хунзе), а во втором

примере вместо ангривариев читали ампсивариев. Но остальной контекст не допускает этих исправлений и ставит перед комментатором другие непреодолимые трудности. Необходимо признать, что Тацит действительно совершил эти ошибки, и что психологически они уже совсем не так невероятны. Ведь они стоят в связи со всем его образом мыслей. Объективная, предметная связь фактов его совсем не интересует, и он не придает значения тому, что порой путает названия двух германских рек или племен. Нас же это, действительно, чрезвычайно поражает. Поэтому в первом случае предполагали, что Тацит забыл упомянуть о предпринятой римлянами в 15 г., перед своим возвращением к Рейну, еще одной рекогносцировке близ устья Везера, а в другом случае – что Тацит забыл подробно рассказать о совершенном римлянами походе от Эмса к Везеру и обратно, так как этот поход не ознаменовался никакими событиями. Вполне вероятно, что это так и было на самом деле, но при установлении того, насколько мы можем пользоваться Тацитом в качестве источника для военной истории, это указывает, что здесь мы имеем дело с путаницей в названиях. Пусть будет так, но это еще хуже, так как здесь налицо не случайная невнимательность, а принципиальная небрежность. Ведь поход от

Эмса к Везеру и обратно, даже если он не сопровождался ни одной стычкой, все же для большого войска является крупным событием, о котором не может не упомянуть писатель, обращающий внимание на стратегическую связь между событиями. Но как бы то ни было, приступая к изучению этих походов, мы с самого начала должны отдать себе ясный отчет в том, что, несмотря на наличие подробного описания этих походов первоклассным историком, мы все же не имеем надежного и объективного рассказа об этих событиях и не сможем без сильнейших исправлений, если это только вообще возможно, достичь их генетического понимания.

Цезарь подавил восстание галлов, сперва не совсем мирно среди них поселившись, победив их в открытом поле превосходством своего крепко сплоченного большого войска и завоевав их города. Эта страна со своими хорошо обрабатываемыми землями, в которой всегда некоторые племена держали сторону римлян, была в состоянии снабжать продовольствием войска римлян во время их походов.

В Германии положение было другое, а потому перед римлянами вставала совершенно иная задача. Германцы не имели никаких городов, занятием и разрушением которых можно было бы

их сделать более уступчивыми. Если Цезарь не смог прямо вызвать даже Верцингеторикса на сражение, то германцам было еще легче скрыться в своих девственных лесах и болотах от натиска римлян, и уже совершенно невозможно было римлянам, – мы это должны еще раз самым резким образом подчеркнуть, – снабжать большое войско продуктами, добытыми в этой же стране. Население здесь было очень редкое, занималось главным образом скотоводством и лишь в незначительной степени земледелием. Поэтому в Германии не могло быть больших запасов зерна, которые можно было либо реквизировать, либо закупать. Если германцы не шли в бой, то не оставалось ничего другого, как разыскивать их деревни и сжигать их. Но это не причиняло большого ущерба германцам, которые и без того часто меняли местоположение своих деревень, если они только успевали уносить с собой свою домашнюю утварь. Самым тяжелым ударом для округа был захват врагами его стад. Но это было не так легко сделать. Римляне не имели возможности разбиваться на мелкие отряды для того, чтобы обыскивать леса и находить потайные места, в которых скрывались германцы и где пряталось их имущество. Каждый мелкий отдельный отряд римлян должен был бы

неминуемо попасть в германскую засаду. Даже отряды в несколько тысяч человек могли наткнуться на превосходные силы врага и в таком случае были бы осуждены на гибель в неизвестной для них местности. Таким образом, здесь перед римлянами вставала совершенно особая стратегическая задача, с которой мы до сих пор еще не сталкивались при нашем изучении истории войн.

Еще осенью 14 г. Германик совершил опустошительный поход через страну, лежащую к югу от Липпы, в которой жили марсы. Так как марсы оказались совершенно неподготовленными к нападению, то Германик отважился разделить свое войско на четыре части и смог вследствие этого захватить во время своего похода и разграбить пространство шириной в 10 миль (так, пожалуй, следует понять указание источника). На обратном пути римское войско подверглось нападению со стороны бруктеров, тубантов и усипетов, которые пришли на помощь марсам. Однако, это нападение было успешно отбито римским войском, находившимся в образцовом порядке и ко всему готовым, хотя все четыре легиона насчитывали в общей сложности лишь 12 000 человек, к которым еще следует присоединить 26 когорт союзников и 8

эскадронов конницы. Если мы предположим, что союзников было от 8 000 до 10 000 человек, а всадников от 1 000 до 1 5000, то все войско должно было насчитывать немногим более 20 000 человек.

ВЕСЕННИЙ ПОХОД 15 г.

Весною следующего года Германик вторгся в страну хаттов и дошел до Эдера (15 г. н. э.). От Майнца, постоянного лагеря верхнерейнского войска, откуда должен был начаться этот поход, до Среднего Эдера 150 км, или 20 миль, по прямой линии. Армия, проходившая через германские леса с величайшими мерами предосторожности и в то же время производившая опустошения, не могла делать в среднем в день более одной мили по прямой линии. Следовательно, экспедиция должна была занять от пяти до шести недель времени. Войско состояло из 4 легионов и 10 000 вспомогательных войск, а потому, если мы примем, что легионы были не совсем полными, то все войско должно было насчитывать около 30 000 бойцов, а вместе с обозом должно было состоять приблизительно из 50 000 человек. Тащить с собой продовольствие для 50 000 человек в расчете на 5–6 недель

совершенно невозможно. Для одного зерна потребовалось бы около 3 000 четырехконных подвод, которые должны были бы растянуться на 6 миль[41]. Но мы имеем указание на то, что Германик сумел и для этого похода использовать водный путь. Тацит сообщает, что Германик в самом начале этой экспедиции восстановил крепость на Таунусе, построенную еще его отцом, но после этого разрушенную германцами. Обычно считают, что эта крепость есть Заальбург, и это не совсем возможно.

Тогдашняя дорога шла из долины Майна – Нидды в долину Лана через горный проход Таунуса, защищенный этой крепостью. Германик выступил вперед по прямому направлению от Майнца, вероятно, лишь с одной частью своего войска, в то время как другая часть его войска сопровождала продовольственный транспорт из Кобленца вверх по Лану. Этот отряд был обеспечен от нападения более крупных войск германцев благодаря близости главных сил римского войска, шедших через Таунус, и, вероятно, уже у Вейльбурга обе части римского войска соединились друг с другом. Следовательно, римляне могли доставить свои запасы до Марбурга по Лану, который весьма пригоден для этой цели. А от излучины Лана к северу от

Марбурга до Эдера по прямой линии лишь 20 км. Таким образом, крепость Заальбург, расположенная на Таунусе на расстоянии 70 км по прямой линии от Майнца, была предназначена для того, чтобы держать открытым горный проход, необходимый для возвращения римлян, чтобы принять часть запасов и чтобы на будущее время по возможности затруднять сношения между германцами, жившими к северу и к югу от горной цепи.

Хотя такая цепь фактов и не совсем невозможна, но все же она и не вполне вероятна. Существует другое место, где устройство крепости "в горах Таунуса" гораздо лучше согласуется с походом от Майнца к Эдеру. Этим местом является город Фридберг, расположенный на возвышенности, которую еще можно отнести к Таунусу и вверх по которой шла позднее большая главная римская дорога, ведшая от Майнца через Веттерау по направлению к Эдеру. Фридберг лежит на небольшой речке, обладающей легким уклоном и судоходной весною для небольших судов. Название этой речки – Уза. Здесь, на возвышенном холме, который круто обрывается к северу, в Средние века находилась крепость. Эта крепость должна была быть копией Ализо, т.е. выдвинутым вперед складочным пунктом,

которого еще можно было достигнуть по водному пути. Отсюда до Эдера лишь 12 миль, что может показаться небольшим расстоянием. Но для большого войска в германских условиях это было целой экспедицией, которую можно было совершить лишь при совершенно особенных затратах и при особом напряжении.

В то время как Германик шел с юго-запада через страну хаттов, одновременно с ним Цецина во главе нижнерейнских легионов двигался от Ветеры вверх по Липпе, не давая, таким образом, возможности херускам прийти на помощь к хаттам. Но они не отважились даже подойти к нему. Цецина дал сражение марсам, которые уже в прошедшие годы подвергались нападению со стороны римлян.

Возвратившись после этой экспедиции, Германик принял посланных к нему Сегестом делегатов, которые сообщили ему, что их князь снова поссорился с Арминием и, будучи осажден им, просит помощи у римлян. Римский полководец тотчас же двинулся в путь, снова поднялся по Липпской дороге, прогнал германцев, осаждавших Сегеста и доставил его вместе с его свитой к Рейну. Так как Тацит ничего не сообщает собственно о сражении с херусками, то крепость, в которой был осажден Сегест, должна была

находиться у самой границы страны херусков. Если бы Германик углубился дальше в лесистые горы херусков, то едва ли Арминий выпустил бы его оттуда, не напав на него. Притом, конечно, такое предприятие потребовало бы очень больших приготовлений и снаряжений. Так как мы дальше узнаем, что на следующий год германцы осадили Ализо, то мы должны предположить, что эта крепость в течение 15 г., – очевидно, в то время, когда здесь стоял Цецина и своими войсками прикрывал стройку, – была римлянами восстановлена и оборудована в качестве складочного пункта. Ведь такую импровизированную экспедицию нельзя было предпринять, не использовав хорошо снабженного складочного пункта на Верхней Липпе. Крепость Сегеста была не чем иным, как Тевтобургом (Гротенбургом), находившимся всего лишь в трех милях от Ализо. Следовательно, это не было крупным предприятием. Все же для него не хватило гарнизона Ализо, а потому пришлось послать настоящее войско, чтобы отогнать херусков, главная область расселения которых простиралась по ту сторону Везера вплоть до самого Гарца (Гильдесгейм, Брауншвейг).

ГЛАВНЫЙ ПОХОД 15 г.

Весенний поход не только нанес тяжелый удар германским племенам, жившим между Липпой и Майном, но одновременно послужил и к тому, чтобы подготовить второй, более крупный поход, причем в это же самое время был снова восстановлен Ализо. Во время весеннего похода обе половины римского войска лишь косвенным образом действовали вместе, теперь же все объединенное римское войско должно было сперва нанести сокрушительный удар одному из германских племен, бруктерам, а потом обратить свое оружие против херусков.

Германик посадил меньшую часть своего войска – четыре легиона – на корабли и поплыл с нею через канал Друза в Северное море, а затем вверх по Эмсу, чтобы напасть с севера на бруктеров, живших по обеим сторонам Верхнего Эмса. А в это время Цецина с другой половиной легионов продвигался с юга, от Ветера, от Липпской дороги. Конница же шла по особой дороге через область фризов. К сожалению, источники нам не сообщают, почему конница не сопровождала легионы Цецины. Во всяком случае это разделение указывает на то, что римляне еще не ждали нападения к западу от Эмса.

С точки зрения пространства и времени было бы гораздо выгоднее двинуть все войско несколькими параллельными колоннами из Ветера. Так как германцы не принимали сражения в открытом поле и не давали себя зажать в тиски, то было, в сущности говоря, довольно безразлично, шли ли все римляне с одной стороны или же надвигались с различных сторон. Но разделение экспедиции имело то большое преимущество, что оно давало возможность Германику везти с собой продовольствие на кораблях. Мы можем предположить, что Германик, еще находясь на некотором расстоянии от бруктеров, – приблизительно около Меппена, у впадения Хазы в Эмс, – оставил в укрепленном лагере большую часть своего флота с запасами продовольствия, необходимыми для возвращения, а сам для своего продвижения вверх по Эмсу взял с собою лишь некоторое количество особенно плоскодонных лодок, которые везли провиант для его войска. По Тациту, оба римских войска соединились у Эмса. Но мы под этим словом "соединение" должны понимать не действительное объединение, а лишь установление связи. Действительное соединение противоречило бы целям данной войны. До тех пор, пока у римлян еще не было надежды вызвать германцев на бой,

для них было не так важно соединить войска, как, наоборот, расширить их фронт, чтобы обыскать по возможности более широкую зону, предав ее опустошению и разграблению. Чем шире была захватываемая войском зона, тем больше было шансов на захват скрытого противником имущества. Расширение зоны не только распространяло, но и повышало степень действия. При этом надо было принимать во внимание лишь то обстоятельство, что каждая колонна должна была оставаться настолько сильной, чтобы иметь возможность дать самостоятельный отпор возможному нападению германцев. Тацит сообщает далее, что вся страна между Липпой и Эмсом была опустошена. И эту фразу мы не должны понимать в том смысле, что римляне строго ограничились областью, лежащей между этими двумя реками, так как у их истоков расстояние между ними едва достигает двух миль. Источник Тацита, очевидно, с особенным ударением указывал на местность, лежавшую между Липпой и Эмсом, так как здесь главным образом находились поселения бруктеров. Но область их расселения захватывала также примыкающие на севере лесистые горы и находящуюся между ними долину, в которой расположен Оснабрюк. Очевидно, римляне

обыскали, насколько это им было возможно, и эти области.

В то время как римские войска шли, таким образом, по местности, лежавшей вдоль Оснинга, и достигли истоков Эмса и границ области бруктеров, они оказались недалеко от поля сражения Вара. Когда Германик за несколько месяцев до этого освободил Сегеста, то он уже находился очень недалеко от этого места, но не пошел туда. Поэтому очень многих удивляло, что именно тогда он не совершил акта благочестия. Но этот факт очень легко объяснить. От Ализо до Дэрского ущелья, действительно, всего лишь три мили, а от Тевтобурга, от которого, по-видимому, римляне были очень недалеко, когда они снимали осаду с Сегеста, всего только одна миля. Но для того чтобы полностью совершить погребение, Германик должен был дойти до летнего лагеря Вара, находившегося у Вестфальских ворот. Между тем от Ализо до Ворот, – принимая во внимание ту большую осторожность, с которой надо было продвигаться вперед, – было все же от трех до четырех переходов. Сбор останков и торжественное погребение должны были занять несколько дней. Следовательно, вся экспедиция должна была отнять около 10–12 дней. Для большого войска это требовало и больших

приготовлений. Но прежде всего Германик сам не хотел мимолетно посетить место этого несчастья, похоронить мертвых и тотчас же вернуться обратно. Он хотел вплести акт благочестия в поход, который и сам по себе своим положительным результатом должен был восстановить авторитет римлян и смыть позор поражения Вара. Теперь же, строго покарав одно из племен, участвовавших в этом сражении, и даже, может быть, совсем прогнав его из его страны, он появился в качестве победителя, от которого германцы уже не осмеливались защищать свою родную землю, в обители смерти, похоронил останки павших и воздвиг над ними курган.

Тацит сообщает, что, когда римское войско достигло границ страны бруктеров, Цецина был послан вперед, чтобы обследовать лесистые горы и навести плотины и мосты через болота и топи. Но это сообщение вовсе не исключает того, что часть римского войска шла просто по старой дороге, ведшей из Ализо через Дэрское ущелье, так как Сенна – область, непосредственно лежавшая перед Тевтобургским лесом, – состояла из лугов и болот, которые в те времена были, вероятно, гораздо более топкими, чем теперь, и так как германцы, наверное, разрушили все

старые римские пути. Лишь одна часть римского войска должна была во всяком случае пойти по этому пути, а именно – северная колонна, продвигавшаяся через Билефельдский проход, где нужно было проложить новый путь ввиду отсутствия старого. Даже в более позднее время здесь пытались обнаружить следы путей и построек, сооруженных Цециной.

До сих пор мы ничего не слышали о деятельности Арминия, и если нам Тацит далее сообщает, что Германик именно теперь углубился вслед за Арминием в непроходимые дебри и дал ему сражение, которое не привело к решительным результатам, то и это нам мало что говорит, так как Тацит не указывает направления, в котором отступал Арминий и по которому его преследовали римляне. Единственный точный факт, которым мы располагаем и который нам может служить опорным пунктом, это то, что Германик привел, наконец, свое войско обратно к Эмсу. Если бы римляне последовали за херусками через Везер, то Германик на своем обратном пути не направился бы на Эмс, но выбрал бы более близкий путь на Ализо, где находился его складочный пункт, что дало бы ему возможность спокойно отвести войска по Липпской дороге к Рейну. Поэтому мы должны принять, – что

впрочем, учитывая германские обычаи, гораздо правдоподобнее, – что германцы собрались не впереди римлян, а позади них, когда они шли через Тевтобургский лес по направлению к Вестфальским воротам. Поэтому Германик, выйдя из Ворот и направившись к западу, очевидно, пытался захватить Арминия в горах Виена и Оснинга. По-видимому, одна часть римлян продвигалась между горными цепями по направлению от Реме на Оснабрюк, другая же часть шла севернее гор от Миндена на Брамше. Придя в Ализо и запасшись провиантом, римляне смогли углубиться довольно далеко в неприятельскую страну. Но Арминию удалось скрыться от римлян. Поэтому Германику, когда иссякли его запасы продовольствия, уже, наконец, не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. С одной половиной своего войска он вернулся к Эмсу и на кораблях возвратился домой. Очевидно, продовольственные запасы были уже высланы войску вперед из лагеря в Меппене и получены им либо на Эмсе, либо на Хазе. Конница же, которая туда шла через страну фризионов, – приблизительно по дороге Эммерих – Рейне или Арнхейм – Линген, – должна была теперь, вследствие близости главных германских сил, сопровождать войско Германика вплоть до

того лагеря, где находились корабли. А затем, так как не было возможности погрузить всадников на корабли и так как Буртангово болото закрывало прямой путь на родину, конница, обойдя это препятствие с севера, возвратилась к Рейну, следуя вдоль морского берега[42].

После того как римское войско разделилось на две части, другая его часть под начальством Цецины двинулась прямым сухим путем на Ветера. Теперь для Арминия настал момент для решительных действий. Корпус Цецины должен был пройти по очень опасному пути через плотину, проложенную по топи и укрепленную брусьями, ведшую через покрытые лесами холмы. Эта плотина была построена за несколько лет перед тем римским полководцем Л. Домицием Агенобарбом. Было затрачено много трудов для того, чтобы найти эти длинные мосты, как римляне называли эти дороги, но эти труды до сих пор не увенчались решительным успехом. Таких брусчатых дорог имеется очень много; даже в Западной Пруссии, до которой римляне никогда не доходили, недавно были обнаружены такие сооружения. Исходя из прямого смысла слов Тацита, следует признать, что римское войско шло соединенным вплоть до Эмса и лишь здесь разделилось. Поэтому длинные мосты должны

находиться слева от Эмса, приблизительно около Кесфельда. Но, как мы уже видели выше, Тацит не дает твердых оснований для таких точных и определенных интерпретаций. Поэтому нельзя считать исключенной возможность того, что Цецина отделился от Германика гораздо раньше, и что длинные мосты находятся около Ибурга[43] южнее Оснабрюка.

Для понимания этих событий с точки зрения военной истории этот топографический вопрос не является очень существенным. Существенное значение имеет лишь тот факт, что Германику с его громадным войском, состоявшим из восьми легионов и вспомогательных войск и насчитывавшим в общей сложности, пожалуй, 50 000 человек, не удалось вынудить германцев к большому решительному сражению и что, как раз наоборот, когда римляне были вынуждены недостатком в продовольствии разделиться и повернуть обратно, Арминий учел правильный момент и нашел подходящее место для того, чтобы напасть на одну часть римского войска – на корпус Цецины. По словам самих римлян, Арминий их очень сильно потеснил, поставил их в очень тяжелое положение и, пожалуй, уготовил бы им участь Вара, если бы выполнению его плана не помешала недисциплинированность, жадность и

погоня за добычей германцев. Последовав совету другого князя херусков Ингвиомера, дяди Арминия, они штурмовали римский лагерь, но при этом были разбиты Цециной, который как старый опытный воин знал, что ему надо было делать, и, выбрав правильный момент, как Цезарь при Алезии, сделал вылазку и нанес поражение германцам. Также и остальная часть римского войска, находившаяся на кораблях под начальством Германика, понесла значительные потери вследствие бури и непогоды, но все же в конце концов, так же как и корпус Цецины, вернулась благополучно домой.

1. "Крепость в горах Таунуса (in monte Tauno), по Тациту ("Анналы", I, 56), построенная Германиком до того, как он двинулся в поход против хаттов, была лишь возобновлением прежней постройки, возведенной Друзом. Дион (54, 33) в той же самой фразе, в которой он рассказывает о постройке Ализо, сообщает также и о том, что Друз построил другую крепость в стране хаттов на Рейне. Поэтому легко предположить, – и весьма вероятно, – что это именно и есть та крепость, которую восстановил Германик. Но тогда, если только Дион не ошибается, она должна была бы находиться на Рейне. В связи с этим недавно было сделано предположение, что эта крепость находилась у Хорхейма в двух милях от Майнца по направлению к Хехсту, немного севернее Майна, где были обнаружены следы древнеримского поселения.

Если это правильно, то это поселение, расположенное столь близко от главной крепости, не могло бы иметь никакого особенного значения и потому не было упомянуто в источниках. Да к тому же нельзя и сказать, что Хорхейм лежит на Рейне. А по своему буквальному смыслу указание Диона относится к предмостному укреплению.

Но я предпочел бы иное объяснение. Ведь не следует забывать, что Тацит черпал свой материал не из первых рук. Весьма возможно, что он из своего источника извлек сведения о том, что Друз, возвратившись из своего липпского похода к Рейну и построив Ализо, построил также и у хаттов крепость. Отсюда Дион мог просто сам сделать тот вывод, что Друз построил эту крепость на Рейне. К тому же и тождество этой крепости с той, которую восстановил Германик, является лишь простым предположением.

То, что данное поселение находилось на самом деле на Фридберге, доказывается результатами раскопок, так как именно здесь были найдены древности, восходящие к эпохе Августа: монеты эпохи Августа, черепки с печатью гончара Атея, работавшего в эту эпоху, ножны, происходившие из мастерской, находившейся в Бадене (в Швейцарии), и также относившиеся к первой половине этого столетия (см. доклад Эд. Антеса в "Протоколах общих собраний всеобщего союза германских исторических обществ". Ed. Anthes, "Prolocollen Gen. Versamml. d. Gesamt-Verb. d. deutsch. Gesch.-Vereine", 1900, S. 65, ff.).

Но если это поселение действительно находилось на месте Фридберга, то встает вопрос, почему римляне не продвинулись по Ветере дальше, насколько это

было возможно, вглубь страны, как они это сделали на Липпе. Это могло быть вызвано различными причинами, в особенности же тем, что эта дорога служила и должна была служить лишь для экспедиций, в то время как главной военной дорогой, служившей для дальнейшего продвижения вперед и для настоящей большой войны, была Липпская дорога. Отсюда уже можно было попасть в область Везера, где, ведя совместные действия с флотом и опираясь на него, можно было продвинуться до Эльбы. Здесь, следовательно, надо было продвинуться как можно дальше вглубь страны, учитывая в то же время трудности военных операций по снятию осад. В области же Ветера эта задача облегчалась тем, что передовой пост сооружался ближе к базе.

2. Во время своего похода 15 г. против хаттов Германик, согласно Тациту ("Анналы", I, 56), дошел до Адраны (Эдер), где команда молодых германцев, переплыв реку, сделала неудачную попытку помешать римлянам навести мост через нее. Хотя обычно считали, что это событие произошло в области Фрицлара, Кноке[44] отнес его к району Касселя на Фульде, так как Эдер недостаточно полноводен для проведения такого маневра, и так как римляне, может быть, считали Эдер главной рекой и потому обозначали Нижнюю Фульду тем же названием. Против этого можно возразить, что Эдер обладает очень быстрым течением, и, что поэтому уровень воды в нем иногда бывает очень высок. Тацит пишет, что весна в том году была необычайно сухой, но, судя по его рассказу, можно предположить, что дождь, которого ждали, действительно, прошел именно перед сражением на Эдере.

Все же в конце концов это просто не что иное, как римское преувеличение. Смысл здесь в том, что "старики, дети и женщины" попали в руки римлян и лишь "молодежь" спаслась вплавь. Мы же можем спокойно принять, что река в данном случае не помешала и многим из "слабых" хаттов спастись.

3. Из рассказа Тацита ("Анналы", I, 57) о том, как Сегест был освобожден от осады, можно сделать тот вывод, что это произошло по пути из Майнца к Эдеру. Вскоре после возвращения римлян к Рейну, как нам сообщает Тацит, прибыли послы Сегеста, и Германик счел для себя выгодным вернуться. "Германик счел выгодным повернуть войско". Если мы себе уясним, как трудно пройти с таким войском от Майнца к Эдеру, то нам уже не придется доказывать, что Германик не смог сразу снова проделать этот путь. Даже в том случае, если бы крепость Сегеста находилась на Димеле, римляне не смогли бы освободить Сегеста от осады посредством импровизированного похода от Майнца к Эдеру. Ведь Германику пришлось повернуть обратно не только ту часть войска, которой он лично до сих пор командовал, но и отряд Цецины, который оперировал вдоль Липпы. Запасы, находившиеся в восстановленном Ализо, дали возможность римскому полководцу без особенного труда организовать эту операцию.

Кепп ("Римляне в Германии". Koepp. "Die Romer in Deutschland", 1905, S. 34) считает, что Германик снял осаду с Сегеста, идя по дороге из Майнца, и пытается доказать свою гипотезу предположением, что римское войско еще не вернулось к Рейну, но находилось где-нибудь около Эдера, в то время как крепость

Сегеста была расположена на Димеле. Таким образом, тот путь, который должен был сделать Германик, чтобы снять осаду е крепости Сегеста, был, может быть, вдвое короче, чем обратный путь к Майнцу. Следовательно, нельзя уже говорить о невозможности этой экспедиции, а буквальный смысл рассказа Тацита указывает на то, что осада была снята войском Германика, а не отрядом Цецины. Но римское войско должно было иметь провиант не только на дорогу туда, но и на обратный путь, а потому движение на Димель должно было потребовать на 50% больше продовольственных запасов, чем то рассчитывалось при организации первоначального похода. Да к тому же в высшей степени невероятно, чтобы область херусков простиралась до Димеля. Тот, кто иначе учитывает момент снабжения римского войска во время германских походов, тот может проверить, что Германик перешел Эдер для снятия осады с крепости Сегеста. Но так как Кепп принципиально признает решающее значение снабжения, то он и в данном случае не должен придерживаться буквального смысла рассказа Тацита.

Дав блестящий анализ источника, Кесслер в своей работе "Традиция о Германике" (Keszler, "Die Tradition ьber Germanicus", ср. гл. 6, экс. 5) прекрасно объяснил, каким образом произошла неясность текста Тацита.

Глава VI

КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА И ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Мы уже видели, какое значение имела для римлян крепость Ализо во время их войны с германцами. Арминий открыл кампанию 16 г. попыткой захватить Ализо, но когда к нему подоспел Германик с шестью легионами, то Арминий, не доводя дела до сражения, снял осаду, отступил и снова передал инициативу в руки римлян.

Рассказ Тацита о походе этого года еще более недостоверен, чем тот, который мы только что изложили. Он содержит в себе настолько глубокое внутреннее противоречие, что без серьезных исправлений остается по меньшей мере непонятным. Сперва Тацит нам вполне правдоподобно рассказывает, как Германик оценил стратегическое положение. В регулярном сражении и в открытом поле он может победить германцев. Но тех будут защищать их леса и болота, короткое лето и ранняя зима. Римских солдат меньше будут губить раны, чем переходы и истощение запасов. Галлия уже с трудом поставляет лошадей. Бесчисленные колонны

обозов дадут неприятелю возможность устраивать засады, причем римлянам трудно защищать этот громоздкий обоз. А пользование водным путем даст возможность появляться внезапно и неожиданно, раньше начинать войну, одновременно отправлять легионы и продовольствие, так что и всадники и кони, пользуясь этим путем, могут со свежими силами появляться внутри Германии. Взвесив все это, Германик приказал построить флот из 1 000 кораблей[45] и, согласно Тациту, пошел, так же как и в прошлый раз, вверх по Эмсу, а затем двинулся длинным сухим путем от Эмса к Везеру. Таким образом, этот поход отличался от предыдущего только тем, что не половина войска, а все войско целиком было посажено на корабли. Но эта перемена не могла дать никаких выгод римскому войску, так как объединение войска делало его передвижения еще более беспомощными, чем в прошлом году, когда половина войска, находившаяся под начальством Цецины, базировалась на Липпу. Да и поведение Германика станет совершенно непонятным, если мы вспомним, что он уже раньше стоял с шестью легионами у Ализо. Ведь отсюда до Везера было не более четырех переходов, а он вдруг вернулся, погрузился на корабли, чтобы пойти по Эмсу,

причем ему от пункта, расположенного севернее гор, до Везера надо было сделать по крайней мере 8–10 переходов. Действительно, это был странный способ сберечь лошадей и доставить войска свежими в центральную Германию.

Ко всему этому надо добавить, что Тацит нам вообще ничего не рассказывает о переходе от Эмса к Везеру, так что у него войско, высадившееся, очевидно, на берегу Эмса, сразу после этого появляется у Везера.

Исправить текст Тацита и внести порядок в эту путаницу можно только в том единственном случае, если мы примем, что Тацит перепутал названия Эмса и Везера. Мы знаем, что уже Друз и Тиберий входили в Везер и в Эльбу. Мы знаем, что хавки, жившие у устья Везера, держали сторону римлян, и что в их стране даже после поражения Вара вплоть до 14 г. оставался римский гарнизон (ср. выше, стр. 50). В одной из своих речей, обращенных к своим соотечественникам, Арминий, по словам Тацита, говорит, что римляне выбрали кружной путь через океан для того, чтобы никто не смог тотчас же по их прибытии вовлечь их в сражение, разбить и затем преследовать. Эта речь осталась бы непонятной, если бы римляне проделали большой сухопутный путь от Эмса. Выше (стр. 73), мы уже

привели другое место из Тацита, из которого видно, что Тацит не имел никакого представления о географическом расположении германских рек, так как, по его словам, римское войско, шедшее от Эмса к Рейну, достигает Везера. Нет никакого сомнения в том, что и здесь Тацит перепутал названия рек и что Германик вошел не в Эмс, а в Везер и высадился здесь около самых границ страны херусков. Вероятно, и не все римское войско, а только его часть – четыре или два легиона – совершили эту экспедицию на кораблях. Два легиона может, конечно, показаться несколько мало, но было почти необходимо так сделать. Ведь если бы римляне хотя бы часть тех шести легионов, которые стояли у Ализо, отправили обратно к Рейну, а оттуда дальше по Рейну и морским путем, а затем по Везеру к Вестфальским воротам, то это г их стороны было бы трудно объяснимым дроблением сил[46]. Вполне понятно, что Тацит, обращавший особенное внимание на личность Германика, не упомянул о той значительно большей части войска, которая не находилась под его командованием и с которой к тому же не произошло ничего такого, что стоило бы рассказать.

Германик сам взял на себя командование флотом как наиболее трудную и важную часть

этой кампании, несмотря на то, что флот составлял лишь меньшую часть войска; это характеризует Германика как полководца и, конечно, делает ему честь.

Единственной целью морской экспедиции была доставка плавучего продовольственного склада по Везеру. Войска при этом были нужны лишь в качестве прикрытия. Если они, действительно, состояли лишь из двух легионов, то весьма возможно, что как раз эти два легиона имели полный состав, а из шести остальных были выделены гарнизонные части для обороны крепостей и охраны рейнской границы и что к тому же при этих двух легионах были особенно крупные вспомогательные войска, к которым следовало присоединить и хавков, живших на Везере. Описывая обратный путь, Тацит далее ясно говорит о том (II, 23), что Германик отправил часть своего войска на зимние квартиры.

Итак, я полагаю, что в то время как Германик с некоторой частью своего войска шел вверх по Везеру, другая часть этого войска двигалась ему навстречу по дороге Ализо – Дэрское ущелье и что обе части войска установили между собой связь где-то на Среднем Везере около Миндена.

Главные силы армии, находившиеся близ Ализо, ждали, пока флот появится на Везере,

причем этот довольно продолжительный промежуток времени был использован для того, чтобы соединить эту область с Рейном посредством хорошей сквозной дороги и тем сделать эту область вполне безопасной[47].

Хотя наше исправление Тацита дает возможность найти ясную и прозрачную основную стратегическую идею этого похода, но оно все еще ни в какой мере не раскрывает дальнейшего хода этой войны. Тацит сообщает, что Германик разбил германцев в двух сражениях: на поле Идизиавизо на Везере и около того вала, который отделял ангривариев от херусков. Здесь как будто и даны хорошие опорные топографические точки, но все же внутреннее соотношение действий настолько неясно, что исследователи все еще не знают, произошли ли эти сражения на правом или левом берегу Везера и произошло ли второе сражение при движении римлян вперед или же на их обратном пути. Большие успехи, одержанные при этом римлянами, кажутся нам крайне сомнительными, так как они не принесли никаких плодов и так как в дальнейшем изложении того же Тацита Арминий в своей борьбе с Марбодом выступает не в качестве человека, побежденного римлянами, а как их победитель. Отдельные подробности в

описании сражения не только неясны и полны противоречий, но и тактически совершенно невозможны. Ниже я разберу этот вопрос во всех деталях. Но эти сражения теряют свой общий интерес, так как я с самого начала считал необходимым подвергнуть сомнению даже их существование.

В самом деле, как Арминий мог решиться выступить в регулярном сражении против объединенных римских сил? Мы уже видели раньше, как этот князь херусков умел очень правильно оценивать сильные и слабые стороны римлян. Он избегал сражения в открытом поле и подстерегал возможность нападения. Все это необходимо учесть даже в том случае, если мы примем, что Арминий очень увеличил число своих союзников благодаря дипломатическим средствам и поэтому имел в своем распоряжении значительно большее войско, чем в прошлом году. Римляне в этом году не вели за собой того чрезмерно большого продовольственного обоза, который облегчил германцам нападение. Если херуски отступали от римлян, то этим последним не оставалось ничего другого, как идти через их страну, ее грабить и опустошать. А для того чтобы проделать это с некоторой долей успеха, надо было разделиться. При всех обстоятельствах это

создавало для германцев более благоприятные условия для победы, чем оборона против всех объединенных римских сил, которые, вероятно, значительно превосходя германцев своей численностью, могли в любом месте их окружить и затем, может быть, даже и уничтожить.

Возможность действительно крупных и решительных побед римлян исключается дальнейшим течением событий, совершенно не указывающих на такого рода победы, а также самим дальнейшим рассказом Тацита, в котором Арминий постоянно выступает в качестве непобежденного[48]. Равным образом и римляне не были разбиты германцами, ибо в таком случае лишь немногие из них вернулись бы к Рейну. Также исключена возможность и того, что произошли два больших сражения, во время которых ни та, ни другая сторона не одержала решительной победы. Ведь подобные сражения должны были бы быть сопряжены с такими крупными потерями, что это непременно должно было бы найти свое отражение даже в одностороннем изложении Тацита. С другой же стороны, большое, действительно большое сражение, не давшее римлянам победы, было бы для них равнозначаще полному стратегическому поражению. Римляне располагали здесь всей

своей военной мощью, и их безусловная уверенность в полной победе в регулярном сражении непременно должна была быть фундаментом не только их военных действий, но и всего их политического положения как в Германии, так, пожалуй, можно сказать, и во всем мире.

Поэтому я отношу оба большие сражения – при Идизиавизо и близ вала ангривариев – к области вымысла. Римская версия рассказа недостаточна для того, чтобы доказать правдоподобность этих сражений, так как дальнейшие события их не подтверждают, а все объективные факты говорят против них. Это были, очевидно, небольшие стычки. Было высказано предположение, что прямым или косвенным источником Тацита при описании этих походов Германика было поэтическое произведение, и я должен признаться, что такое предположение мне кажется весьма вероятным[49]. Рассказ изобилует приключениями и расцвеченными сценами, что вполне соответствует стилю военного эпоса. Таковы: разговор через реку Арминия и его брата Флава, ночная прогулка Германика по лагерю, во время которой он подслушивает солдат и слышит из их уст себе похвалу, наконец, приключения Одиссея,

произошедшие при возвращении по океану. А стратегическая и географическая связь событий настолько небрежно изложена, что нам кажется почти невозможным, чтобы автором этого рассказа был прозаический историк.

Итак, я не обращаю внимания на отдельные частности, но думаю, что, несмотря на все, можно отгадать стратегическую связь событий и восстановить ее, исходя из общего положения вещей.

Ведь мы здесь имеем дело не с импровизированным ударом, произведенным необдуманно и на основании ложных донесений, а с военным планом, глубоко продуманным и установленным во всех своих подробностях самыми компетентными и испытанными людьми. Ведь если Германик и был молодым человеком, личный талант которого наши источники, может быть и преувеличивают, то все же нет сомнений в том, что Август и Тиберий, которые оба хорошо умели разбираться в людях, окружили Германика генеральным штабом, состоявшим из самых испытанных офицеров. Равным образом не может быть сомнения и в том, что план военных действий был не только одобрен этим штабом, но и представлен на утверждение Тиберия. Тиберий же был таким выдающимся полководцем и

настолько хорошо знал Германика, что мы должны признать этот план умно и рационально составленным и глубоко продуманным. Если на основании твердо установленных фактов можно предположить возможность существования нескольких таких вариантов, то, конечно, мы не сможем прийти ни к какому решению и не сможем реконструировать этот план. Но, как я думаю и как уже установлено существующей литературой вопроса, имеется лишь одна возможность объяснить связь событий, исходя из наличия продуманной стратегии. Поэтому мы и должны придерживаться лишь этой точки зрения, к изложению которой я и приступаю.

Когда Сегест перешел на сторону римлян, то, судя по описанию Тацита, он им обещал быть посредником между ними и его соотечественниками ("Анналы", I, 58). Даже если бы мы и не располагали этим прямым и положительным указанием, то все же должны были бы признать, что Сегест именно об этом говорил римлянам. Этой иллюзией всегда живут эмигранты, в какую бы историческую эпоху мы с ними ни сталкивались. Начиная с Гиппия, тирана Афин, и вплоть до французских дворян эпохи Революции и немецких республиканцев 1848 г., все эмигранты, находившиеся в изгнании, всегда

жили той мыслью, что на родине большое число их приверженцев ждет их возвращения, для того чтобы к ним вновь примкнуть. Вслед за Сегестом на сторону римлян в конце 15 г. перешел и его брат, Сегимер. И мы вполне можем поверить князьям херусков, которые ручались Германику, что если он появится с внушительным войском на Везере, то херуски покинут Арминия и присоединяться к ним, перейдя на сторону римлян. Больше того, мы не только можем предположить, и должны признать, что такого рода соображение должно было сыграть некоторую роль при выработке плана военного похода Германика. Если бы это не было так, то перенесение театра военных действий в страну херусков было бы со стороны римлян явной ошибкой. В 14 и 15 гг. римляне жестоко обрушились на марсов, бруктеров и хаттов, а также, возможно и на те небольшие племена, которые жили между ними. Трудно себе представить, каким образом бруктеры смогли выдержать такую опустошительную экзекуцию своей страны, как та, которая была произведена в 15 г. римлянами. Если бы римляне в течение нескольких лет подряд повторяли такие походы, то пораженные этим бедствием племена должны были бы либо вымереть от голода, либо

переселиться, либо подчиниться римлянам. Таким образом, римляне могли бы по этапам продвигаться от Рейна к Везеру. Дав этим племенам возможность снова слегка передохнуть и начав военную разведку в стране херусков, римляне тем самым застряли бы на полдороге в выполнении этих двух задач, если только не предположить, что они рассчитывали в течение одного похода покорить херусков. Нельзя согласиться с тем, что этого можно было достигнуть посредством крупных сражений. Германик, так же как и в 15 г., не был в состоянии принудить к этому Арминия, и, конечно, больших сражений в течение этого похода не было. Но в свите Германика находились Флав, брат Арминия, и, как то мы вполне можем допустить, хотя Тацит этого и не сообщает, Сегест, тесть Арминия, и брат Сегеста Сегимер. Если бы этим трем князьям херусков удалось внести разделение в среду своего народа и переманить хотя бы одну его часть на сторону римлян, то Арминий, конечно, не смог бы удержаться: либо в конце концов его выдали бы римлянам, либо он был бы принужден бежать на другой берег Эльбы. Херуски, находившиеся под властью других предводителей и отдавшиеся под покровительство римлян, были бы ими помилованы. А этот успех, несомненно, решил бы

участь всех племен, живших между Везером и Рейном. Таким образом, одним ударом было бы восстановлено римское господство вплоть до самой Эльбы.

Нам кажется, что мнимый разговор Арминия со своим братом Флавом через Везер указывает на неудачу этой политики. Нас не должен смущать тот факт, что Арминий якобы взял инициативу в свои руки. Ведь это психологически совершенно невозможно. Если весь этот разговор и не является чистой фикцией, то это не что иное, как тенденциозно-поэтическое изложение того факта, что в данном случае не только велась война, но также велись и переговоры. Мы не знаем, как далеко зашли эти переговоры, но все же должны считать невозможным, чтобы Сегест вообще не сделал никакой попытки привести в исполнение свое обещание оказать посредничество в том деле, которое ему должно было вернуть его родное княжество. В противном случае этот эпизод, наверное, не вошел бы в римский рассказ.

Может показаться смелым вложить в данный поход ту мысль, о которой в нашем источнике как раз ни одного слова прямо не говорится. Тот, кто пожелает, может счесть это за гипотезу. Но все же надо принять за факт то обстоятельство, что, лишь вводя в данную цепь событий такой именно

момент, мы исключаем возможность совершения Германиком столь явной ошибки, как нападение на херусков, не справившись еще с марсами и бруктерами. И обратно – мы можем сказать, что лишь при таких условиях замышлявший и приводивший в исполнение крупные операции римский полководец мог поступить так, как поступил в данном случае Германик. Но поскольку не оправдались те политические предпосылки, на которых базировался его поход, постольку все это крупное предприятие должно было окончиться неудачей. Херуски должны были испытывать большую нужду, и их страна была сильно опустошена, но личность Арминия была достаточно сильна, чтобы удержать их крепко сплоченными вокруг себя и поддерживать их мужество, несмотря на отпадение столь многих князей. Эти события живо напоминают нам поход Антония против парфян. Римские войска благополучно соединились на Везере у Вестфальских ворот и, весьма возможно, продвинулись еще глубже в страну херусков, может быть, перейдя через Леину или даже дойдя до Аллера, тем более что их плавучий склад провианта мог снова на этих реках соединиться с войском. Но так как римская партия среди херусков себя не обнаружила и ничем не

проявляла, а к тому же снова восстали ангриварии, жившие между хавками и херусками, то римляне были принуждены снова отступить. Тацит считает причиной отступления римлян лишь то обстоятельство, что лето кончилось. Эта причина была подвергнута сомнению, так как Германик, как указывает далее Тацит, той же осенью предпринял большую двойную экспедицию против хаттов и марсов. Если бы он действительно вернулся обратно по Эмсу, то это сомнение было бы обоснованным, но если мы всю экспедицию перенесем на Везер, то все эти факты найдут свое объяснение. Ведь римский полководец никогда не решился бы выйти в Северное море со своим огромным транспортным флотом осенью, когда на море свирепствуют бури. Но так как все же ему пришлось выдержать такую бурю, то мы можем предположить, что для столь далекого предстоявшего ему еще пути он все-таки слишком долго, приблизительно до сентября, задержался в стране херусков, все еще надеясь принудить германцев к большей уступчивости. Если же он еще в конце сентября успел вернуться к Рейну, то свободно мог совершить в октябре две экспедиции, направленные против пограничных племен.

То обстоятельство, что Тацит ничего не

говорит о политическом моменте, лежащем в основе стратегической идеи этого похода, станет вполне понятным, если мы предположим, что источником Тацита является военный эпос, которому в корне противоречит такого рода прозаическая установка. Но если эта гипотеза покажется необоснованной, то указанный пропуск можно вполне объяснить стремлением Тацита прославить Германика. Указывая на этот план, надо было отметить и его неудачу. Но войну следовало изобразить победоносной, и автору в данном случае удалось вызвать у читателя такое впечатление: херусков римляне разбивают в двух больших сражениях вплоть до полного уничтожения, а после этого римляне возвращаются обратно к Рейну. Их побуждает к этому возвращению лишь позднее время года, которое, как известно, не давало возможности римскому войску оставаться дольше во внутренней Германии.

И это в свою очередь еще раз указывает нам на то, как трудно было римскому войску занять прочные позиции и укрепиться во внутренней Германии. Даже теперь, после двух в военном отношении победоносных походов, Германик все еще не мог отважиться на то, чтобы перезимовать хотя бы в Ализо, не говоря уже про область

Везера, но был принужден вернуться к Рейну. Ведь до тех пор, пока бруктеры и марсы, жившие к северу и к югу от Липпы, не были покорены, признав господство римлян, устройство зимнего лагеря у истоков Липпы должно было неизбежно повлечь за собой столько опасностей, неудобств и мелких потерь, что успех этого предприятия ни в коей степени не возместил бы понесенного ущерба.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Если мы со своей стороны учтем результаты всех походов Германика, то нам станет ясно, что этот последний и наиболее крупный поход в своей основе окончился неудачей, хотя военный перевес и был на стороне римлян. Тем не менее нельзя сказать, что этот поход не повлек за собой никаких результатов. Тацит сообщает, что ангривarии в конце концов подчинились римлянам и даже, для того чтобы им угодить, выкупали у других племен римских пленников, отпускали их на свободу и отправляли на родину. Так как фризы и хавки уже и раньше держали сторону римлян, то эти последние заняли теперь прочные позиции на Везере, откуда они могли оказывать сильное давление на херусков. Можно сомневаться в факте подчинения ангривариев

римлянам. Как-то неясно, у каких племен выкупали ангриварии римлян, потерпевших кораблекрушение, тем более что хавки, жившие вплоть до устья Эльбы, были друзьями римлян. Но как бы то ни было, римляне вступили в область, лежащую между Везером и Эльбой, с громадными военными силами, и если они на обратном пути домой понесли потери вследствие кораблекрушения, то они все же, несомненно, произвели крупные опустошения в стране херусков. И ничто не могло помешать им снова вернуться туда в следующем году.

Попав в Галлию, Цезарь уже не выходил из нее даже тогда, когда ему приходилось терпеть поражения. А из Германии римляне должны были постоянно возвращаться к Рейну, так как никак не могли снабжать всем необходимым свое войско в этой стране лесов и лугов. Если бы они еще дольше продолжили эту войну, то, вероятно, уже не отправились бы снова против херусков, но сперва окончательно покорили бы бруктеров и марсов. Правда,- это требовало очень большого напряжения, так как на вступление вглубь германской территории можно было отважиться лишь с отрядом из нескольких легионов. Цезарь в последние годы располагал в Галлии по крайней мере 11 или даже 12 легионами, в то время как

Германик имел лишь 8 легионов. На первый взгляд непонятно, почему Римская империя не смогла в течение нескольких лет подряд посылать через Рейн такое же или еще большее число легионов или каким образом германские пограничные племена могли бы им противостоять. Каждая экспедиция была в равной мере дорогостоящим и опасным, но все же вполне возможным предприятием. Поэтому должна была потерпеть поражение та военная партия, которая была недостаточно сильна для того, чтобы довести дело до тактического решения, т.е. до генерального сражения с объединенными силами противника. К этому следует прибавить, что в Германии, как раньше в Галлии, мы всюду видим предпосылки для образования римской партии. Еще в 16 г. осенью один из князей марсов, Маловенд, перешел на сторону врагов своей родины и указал римлянам то место, где марсы спрятали римского орла, захваченного ими в качестве добычи во время Тевтобургского сражения. По сообщению Тацита, римский солдат в это время не сомневался, что враг уже поколеблен и, пожалуй, даже склонен к решению просить мира, а потому следующим летом война могла бы быть уже закончена; это сообщение таит в себе зерно истины, несмотря на то, что мы

совершенно отрицаем факт одержания римлянами двух крупных побед над херусками.

Объяснение этому следует искать не только на театре военных действий, но, как на это уже указал Ранке, во внутренних взаимоотношениях римского принципата. Тиберий стал императором лишь благодаря усыновлению, но не был кровным родственником Августа. Германик находился в таком же родственном отношении к Августу, как этот последний находился некогда к Цезарю. Он был внуком его сестры и был обручен с родной внучкой Августа, Агриппиной. Его и ее сыновья были кровными родственниками и наследниками Августа. Хотя по римскому праву приемный сын обладал такими же правами, как и родной, и Тиберий со своей стороны усыновил Германика, все же между императором и этой семьей существовали такие напряженные отношения, которые таили в себе бесконечные опасности. В интересах собственной безопасности Тиберий не мог допустить, чтобы между Германиком и германскими легионами благодаря многолетней войне установились такие же отношения, как некогда между Цезарем и легионами Римской республики в Галлии. Сражение в Тевтобургском лесу и три похода Германика показали, каким ужасно трудным делом было покорение этих

германских "сынов природы". Эту войну мог бы довести до конца лишь полководец, обладавший наивысшим авторитетом и свободно располагавший самыми крупными средствами в течение многих лет. Такого полководца Тиберий не мог отослать в Германию, – больше того, не должен был отсылать. В течение двух лет Тиберий следил за ним, а затем он его отозвал, и, таким образом, германцы остались свободными.

Нет события, которое было бы более важным для всей последующей эпохи, чем то, что германцы остались вне сферы господства римлян и не были романизованы, подобно кельтам. Причинность этого события может быть правильно понята лишь в том случае, если вскрыть обе ее стороны, как это уже правильно увидел Тацит, умевший своим острым взглядом видеть, все великое. Его рассказ во многих своих отдельных деталях нас не удовлетворяет, а настроение, которым он проникнут, во всех своих оттенках чрезвычайно субъективно. Но о чем бы Тацит ни думал, его взор проникает до самой глубины событий, и он был вполне прав, говоря, что римляне победили бы, если бы подозрительность Тиберия не заставила его отозвать Германика, а в другом месте указывая на то, что Арминий, без сомнения, был бы

освободителем Германии.

После Тевтобургской победы Арминий послал голову Вара королю маркоманов, Марбоду. Это может быть понято лишь как обращенный к соотечественнику призыв начать всегерманскую национальную войну против римлян. Марбод отказался от этого предложения и отослал голову Вара Августу, чтобы предать ее погребению. Именно таким путем мы узнали об этом событии, которое твердо засвидетельствовано. Вскоре после этого разгорелась война между германцами, между Арминием и Марбодом. Хотя князь херусков и победил, заключив союз с лангобардами, однако, он сам погиб в гражданской войне вследствие предательства своих собственных родственников. Он был их освободителем, и варвары до сих пор восхваляют его в своих песнях, прибавляет римлянин, описавший эти события приблизительно через сто лет. Неужели же он мог совершенно исчезнуть из памяти своего народа и проснуться к новой жизни лишь через полторы тысячи лет благодаря ученым изысканиям? Филологическое чутье стремится обнаружить хотя бы отблеск его посмертного существования, которое никогда нельзя будет действительно доказать, но которое обладает такой мощной поэтической силой, что мимо него

нельзя пройти, не обратив на него внимания.

Мы не знаем германского имени князя херусков. Конечно, оно не имеет никакого отношения к имени "Герман". Арминий – это то римское имя, которое ему было дано, когда он посетил Рим и был облечен званием всадника. Германцы часто давали сыновьям имена, близкие по созвучию к имени отца, отца же Арминия звали Сигимером. Звали ли Арминия Зигфридом? "Песнь Нибелунгов" называет отца Зигфрида Сигемундом, но Сигемундом звали, Тациту, другого князя херусков. Нет никакого сомнения в том, что эта труппа имен имеет какое-то отношение к роду Арминия. Легенда о Зигфриде доходит в своих корнях до германского мифа. И в этой легенде сохранилось воспоминание о римской эпохе, так как в ней говорится, что отец Зигфрида жил, в Ксантах, которые имели значение лишь в эту эпоху, когда здесь находился большой постоянный лагерь римлян Ветера. Зигфрид, подобно Арминию, умирает в расцвете сил, в зрелом возрасте мужа, вследствие зависти и предательства своих родственников. Его жена поддерживает его, а не своих родственников. Убийца Зигфрида Гаген изображен, – правда, не в "Песне Нибелунгов", а в другом рассказе, – одноглазым. И то же самое нам сообщается про

Флава, брата Арминия, который сражался на стороне римлян. Весь княжеский род херусков, за исключением одного сына Флава, жившего римлян, погиб в сражениях, последовавших за смертью Арминия подобно тому, как погибли все князья Нибелунгов.

Самым возвышенным памятником, когда-либо воздвигнутым каким-либо народом своему герою, была бы эта легенда, если бы Арминий и действительно был Зигфридом. Воспоминание об его личности продолжало бы жить в памяти народа в образе этого самого безупречного из всех людей. Да, этот образ слишком высок для исторического человека, созданного из плоти и крови, а поэтому хорошо, что он нам является окутанным сказочной дымкой предположений.

К ПОХОДУ 16 г.

1. Для того чтобы глубже обосновать нашу точку зрения относительно характерных особенностей и ценности "Анналов" Тацита, как исторического источника, мы подвергаем исследованию еще некоторые отдельные детали его рассказа о походе 16 г.

Тотчас же вслед за описанием высадки римлян говорится о том, что ангриварии, находившиеся в тылу римлян, отпали от них и что Стертиний был отправлен с отрядом воинов для того, чтобы их наказать. Однако, Стертиний присутствовал при

разыгравшихся вслед за тем и последовавших одно за другим сражениях на Везере и при Идизиавизо, а перед окончанием этой войны был снова послан против ангривариев для того, чтобы принять от них изъявление их покорности. Внешне эта цепь событий вполне правдоподобна, однако, весьма поразительно то, что Стертиний вернулся к главным силам римлян до того, как он подавил восстание, вспыхнувшее в тылу армии. Во всяком случае наш историк в описании этих событий если оно только вообще правильно, оставил большой пробел.

За этим следует разговор Арминия с Флавом через Везер. Раньше предполагали, что этот разговор происходил через другую реку, так как для такого разговора Везер слишком широк. На самом же деле этот диалог херуских братьев, очевидно, является поэтической фикцией, которая, кстати сказать, привела к тому, что автор перенес экспедицию на Эмс. Возможно, что Тацит не нашел в своем источнике названия той реки, в которую вошел Германик. Но так как дальше было ясно сказано, что римляне переправились через реку, следовательно, перешли на тот берег, на котором находился противник, и так как тотчас вслед за тем последовал разговор князей херусков через Везер, то автор отсюда заключил, что река, к которой пристали римляне и близ которой они высадились на берег, должна была быть Эмсом. В действительности же мы здесь имеем дело лишь с невнимательностью автора поэтического описания, который сперва переправляет римлян через реку, а потом заставляет братьев говорить с одного берега на другой, забыв, очевидно, о том, что они в данный момент уже оба находились на том же самом берегу.

Могут показаться странными упреки Тацита по адресу Германика за то, что он вместо немедленной высадки на неприятельском берегу сначала высадил свои войска на другом берегу, а затем потерял несколько дней на постройку моста. Вряд ли этот упрек мог находиться в тексте эпической поэмы, имевшей своей целью восхвалить Германика. Но этот факт опять-таки прекрасно объясняется переменой названий рек. Если Германик поднялся по Везеру, то было вполне естественно, что он сперва высадился на левом берегу, чтобы установить связь близ Реме или Миндена с тем корпусом, который подходил к Везеру от Ализо. Но эпос ничего не сообщал об этом корпусе, и потому Тацит решил, что войско высадилось на Эмсе. Таким образом, трудно было подыскать причину для факта высадки римского войска на левом берегу. Тацит же чувствовал себя настолько независимым по отношению к своему источнику и к своему герою, что вплел в свой рассказ упрек, обращенный к Германику за совершенную им столь грубую ошибку.

Находясь перед боевым расположением германских войск, стоявших на том берегу Везера, Германик, согласно Тациту, не решился перевести свои войска через реку, не построив предварительно мостов и плотин, и послал вперед лишь одну конницу через брод. Совершенно непонятный поступок. Что же должна была предпринять одна конница против германского войска? Для того чтобы сделать эти факты понятными, мы должны допустить, что на том берегу реки находилось не все германское войско, а только сильный наблюдательный пост и что коннице было приказано отогнать этот пост, дабы он не

препятствовал постройке моста. Напыщенная фраза Тацита: "Цезарь счел недостойным императора подвергнуть легионы опасности, не возведя мостов и укреплений", есть не что иное, как риторическая фраза. Упоминание Тацита о том, что два раза строились мосты – через Эмс и через Везер, – ни о какой мере не указывает, что на самом деле, мосты воздвигались дважды. Скорее всего мы здесь имеем дело с двумя моментами того же самого события, которые были разделены вследствие какой-либо неясности текста первоисточника.

Германику докладывают, что германцы выбрали место для сражения и что они попытаются произвести ночное нападение на римский лагерь. Ночное нападение, конечно, является фантазией. Войско Германика насчитывало не менее 50 000 человек, а войско Арминия хотя и было значительно слабее, но все же было слишком велико для того, чтобы его можно было подвести ночью, как какой-нибудь разведывательный отряд, к неприятельскому валу и снова отвести обратно.

К этому же разряду поэтических фикций относится и тот германский всадник, который подскакал ночью к лагерю противника и, обратившись к римским солдатам с латинской речью, попытался склонить их к дезертирству. Он обещал им женщин, земли и 100 сестерций в день. Однако, фантазия римского поэта оказалась весьма скудной. Удивительно, что Тацит заимствовал у него такую болтовню.

Поле сражения при Идизиавизо описывается в таких словах: "Находясь между Везером и холмами, оно было в различных местах различной ширины, в

зависимости от того, насколько далеко отходили от холмов берега реки или насколько близко к ним подступали выступы холмов. В тылу находился лес, в котором деревья высоко вздымали свои ветви, причем между стволами этих деревьев была "голая земля". Такое описание хорошо характеризует ландшафт, но плохо подходит к полю сражения. Это описание можно понять лишь в том смысле, что один фланг германцев упирался в реку, а другой в покрытый лесом холм, причем в тылу находился высокий лес. Но ведь фланг боевого расположения не может упираться в несколько изгибов реки или в несколько холмов, которые то более, то менее далеко вдаются в свободное пространство поля, так как фланги основного расположения войска должны всегда занимать определенные места, упираясь в одно определенное место реки и в один определенный холм.

Боевое расположение римского войска описано таким образом: по фронту – сперва галльские и германские вспомогательные войска, затем пешие стрелки из лука, далее четыре легиона и сам полководец с двумя когортами преторианцев и избранной конницей, за ними опять четыре легиона и легковооруженные с конными стрелками из лука и, наконец, остальная часть союзников. С первого же взгляда бросается в глаза, что здесь перед нами не боевое расположение, но лишь плохо понятый походный порядок.

Херуски стояли на холмах, для того чтобы оттуда напасть на римлян, следовательно, на их фланг. В то время как они с холмов ринулись вниз, Германик приказал коннице атаковать их с двух сторон "с тем

расчетом, чтобы самому поддержать их, когда для этого наступит подходящий момент". С военной точки зрения этот факт является совершенно непонятным. Действительно, каким образом можно было охватить херусков с двух сторон? Прошло ли уже римское войско мимо германского расположения, так что оно было уже в состоянии напасть на германцев с фланга? Или же германцы были с одного фланга так плохо заслонены, что их без особенного труда смогла обойти римская конница, пройдя, кстати сказать, через покрытые лесом холмы?

Одновременно с этим римская пехота нападает на германцев, а высланная вперед конница атакует германцев сбоку и сзади. Эта высланная вперед конница, конечно, не могла окружить противника на самом поле сражения, которое, с одной стороны было ограничено рекой, а с другой – лесистыми горами. Если же предположить, что Германик задолго до сражения выслал вперед часть своей кавалерии, с тем чтобы она зашла ему в тыл, то Тацит должен был бы резко подчеркнуть этот столь же необычайный, как и действительный маневр. Но, конечно, совершенно неправильным было бы находить в словах Тацита указания на столь искусные операции. Ведь здесь мы имеем дело лишь с фантазией поэта.

Неприятельские воины бегут под двойным натиском и во время своего бегства встречаются друг с другом. Стоявшие в лесу бегут в поле, а стоявшие в поле бегут в лес. В крайнем случае эту картину можно себе представить, если предположить, что в лесу стоял германский резерв, на который с тыла напали римляне и погнали его на римский фронт именно в тот момент, когда римское войско после первой схватки гнало

перед собой германцев. Но, конечно, напрасным и потерянным трудом является попытка вложить какой-либо военный смысл в эти меняющиеся картины, так как мы тотчас же вслед за этим узнаем, что римляне сгоняют с холмов вниз херусков в эту же толпу беглецов. А перед тем мы там же читали, что херуски со своей стороны ринулись вниз с холмов и что Германик выслал вперед против них свою конницу. Это могло произойти лишь на одном фланге, а теперь вдруг оказывается, что херуски находятся в середине и что они бросились на стрелков из лука и опрокинули бы их, если бы им не преградили путь кельтские вспомогательные войска. Но где же, спросим мы, стояли а таком случае легионы? Этот вопрос мы тем более можем задать, что тут же мы узнаем, будто сам Арминий, может быть, спасся лишь благодаря тому, что хавки его узнали и пропустили. Римские легионы стояли, как то уже было указано выше, позади стрелков из лука, галльских и германских вспомогательных войск. Почему же в таком случае они не захватили неприятельского полководца?

Почти все германское войско погибло, покрыв своими телами поле сражения. После боя в германском лагере были найдены цепи, в которые варвары предполагали заковать пленных римлян. Такие цепи часто встречаются во всемирной военной истории, как, например, во время сражения при Черезоле, произошедшем в 1544 г. Германцы были настолько бедны железом, что они себе даже не могли выковывать достаточно хорошее оружие; поэтому в данном указании на цепи мы можем видеть либо яркое свидетельство их уверенности в своей победе,

либо столь же яркое и твердое доказательство того, что вся эта история вымышлена.

Памятник победы, воздвигнутый Германиком, вызвал такой гнев среди германцев, что они еще раз схватились за оружие. И опять они выбрали поле сражения, ограниченное рекой и лесами, окаймленными глубокими болотами. Так как мы не можем допустить того, что германцы встали спиной к болоту, то, очевидно, это болото было расположено перед лесом так, что один фланг германцев в него упирался. Между рекой и болотом оставалась узкая равнина, замкнутая защитным валом ангривариев. Это описание вполне наглядно рисует нам поле сражения, но рассказ о самом сражении ни в какой мере не согласуется с этим описанием и с этим полем сражения. Мы слышим о равнине, на которую римляне легко прорвались, но где была эта равнина? Мы слышим о коннице, которая была выслана против леса; следовательно, болото было позади леса, а не перед ним, и германцы выбрали такое место, которое лишало их возможности отступить. Римляне, которые должны были взять штурмом вал, не смогли прорваться через ряды неприятеля, и вместо того чтобы обойти этот вал со стороны равнины, полководец отводит свои легионы назад и приказывает обстреливать вал орудиями и дротиками, причем этот обстрел производится до тех пор, пока германцы не начинают отступать. После этого сражение продолжается в лесу, и теперь мы действительно узнаем, что в тылу германцев находилось болото. Но это для них вовсе не так плохо, так как если у них в тылу болото, то позади римлян река. Автор при этом вовсе не хочет сказать того, что

оба полководца были плохими тактиками, а просто создает себе трамплин для своей риторики: "для тех и других, стесненных местностью, вся надежда была в храбрости и все спасение в победе".

В заключение это сражение оказывается без конца. Вечером полководец отводит один легион для того, чтобы соорудить лагерь (каким странным человеком был этот римлянин, который начал сражение, не построив перед тем лагеря!), а остальные легионы упиваются кровью врага до глубокой ночи. И, несмотря на это, все же говорится, что конное сражение не дало окончательной победы ни той ни другой стороне. Если мы сравним это описание сражения с подлинным рассказом о каком-либо бое, как, например, о сражении Цезаря при Фарсале, то нам станет ясным не только то, что конный бой не может окончиться вничью, когда пехота одерживает такую решительную победу, но также и то, что во всем этом рассказе о сражении у вала ангривариев нет ни одного слова правды.

2. В качестве аналогии к сражениям Германика можно привести рассказ Тацита о больших победах Агриколы над британцами и о двух сражениях при Бедриаке.

Рассказ о победе над британцами в своих общих чертах прост и понятен, но именно поэтому нам совершенно ясно, что здесь не очень крупное сражение патетически окружается ореолом большой победы. Восьми тысяч вспомогательных войск, которыми располагал Агрикола, вместе с конницей было достаточно для того, чтобы победить британцев. Легионы, стоявшие во второй боевой линии или в резерве, не приняли участия в бою. Тацит объясняет

это тем, "что легионы стояли перед валом для вящего прославления победы в том случае, если бы обошлось без пролития римской крови, и для оказания помощи, если бы римляне были отражены". Если бы мы признали, что это действительно было так, то должны были бы счесть Агриколу за весьма плохого полководца, так как, судя по дальнейшему рассказу, британцы располагали большим численным перевесом и в течение некоторого времени теснили римлян. Полководец мог бы этого избежать, если бы он не оставил чрезмерно больших резервов, но тотчас же ввел бы часть легионов в бой. На самом же деле то обстоятельство, что британцы некоторое время теснили римлян, далее – причины задержки легионов и, наконец, большое число бриттов – все это не что иное, как простые прикрасы. Бритты были так слабы и оказали такое незначительное сопротивление, что уже достаточно было атаки первой боевой линии римлян, чтобы их опрокинуть, даже не доведя дела до настоящего сражения.

Еще меньше фактов можно извлечь из описания обоих сражений при Бедриаке. Весь риторически грандиозный рассказ Тацита о гражданской войне не имеет никакой ценности с точки зрения военной истории.

В том сражении, в котором римляне победили Будикку, римляне, согласно Тациту ("Анналы", XIV, 34), располагали войском в 10 000 человек и потеряли лишь 400 человек убитыми, в то время как британцы потеряли 80 000 человек. Согласно Диону, британское войско насчитывало 320 000 человек. Пусть будет так. Ведь до сих пор имеются такие ученые, методически строгие критики, которые никак не могут вырвать из

своего сердца огромные цифры персидских армий. И если им уже ничего другого больше не остается, то они соглашаются зачеркнуть, может быть, один нуль, но ни в коем случае не два...

3. Подполк. Дам в своей работе "Походы Германика в Германию" сделал попытку реабилитировать и объяснить с военной точки зрения рассказ Тацита о походе 16 г.[50] Свое мнение об этой книге я высказал в "Германской литературной газете" ("Deutsche Literatenzeitung", 1908, No 3, январь, 17). Оно заключается в следующем.

Реконструируя главный поход Германика в 16 г., автор считает, что римское войско, согласно указанию Тацита ("Анналы", II, 8), вошло в Эмс, причем большой склад был сооружен в Меппене[51]. От Меппена войско пошло по равнине в направлении к Везеру и южнее Вестфальских ворот, у Идизиавизо, дало сражение германцам. Для снабжения армии из склада непрерывно высылались продовольственные обозы. Ежедневная потребность в провианте всей этой армии, насчитывавшей 100 000 голов лошадей и людей, можно считать приблизительно равной 200 000 кило. Следовательно, в армию каждые шесть дней должен был прибывать обоз из 12 000 вьючных животных, причем если такой обоз шел, имея по два вьючных животных в ряд, то должен был занимать в глубину 17 км.

Этот расчет слишком мал. Во-первых, путь от Меппена до того места, где, как думает Дам, разыгралось сражение при Идизиавизо, равняется приблизительно 200 км и, следовательно, составляет не шесть, а девять дневных переходов, а с необходимыми днями отдыха – даже двенадцать.

Во-вторых, суточная дача каждой лошади была исчислена в 5 кг, при том предположении, что потребное сено и солома могут быть получены на месте. Но это совершенно невозможно, так как колоссальная громада армии, компактно движущаяся и постоянно занимающая тесное пространство, непременно должна была немедленно исчерпывать все запасы местных средств. В-третьих, автор забыл принять в расчет снабжение самих транспортных колонн (24 000 вьючных животных с погонщиками). Если мы учтем эти три факта, то придется увеличить, может быть, даже в шесть раз количество тех припасов, которые необходимо было доставлять в армию. Поэтому способ снабжения, указанный автором, окажется технически совершенно невозможным. И так же невозможно себе представить, что можно было на кораблях по Северному морю переправить все это огромное количество животных. Наконец, со стратегической точки зрения невозможно принять, что римское войско, оперировавшее на Везере, могло базироваться на склад, находившийся на Эмсе. Ведь в таком случае Арминию было бы чрезвычайно легко, выделяя для этой цели из своего войска сильные отряды, производить нападения на эти длиннейшие колонны продовольственного обоза и их уничтожать. Тогда Германик со всем своим войском был бы осужден на голодную смерть.

Автор решительно отвергает (стр. 97) предположение, что флот с римской армией вошел не в Эмс, а в Везер, так как рассказ Тацита "настолько блестящ, что стоит вне всяких сомнений". В странном противоречии с этим автор на стр. 93 объявляет

другое указание Тацита "не чем иным, как фразой, которая явилась в результате неосведомленности Тацита в области географии и военных наук".

В полном соответствии с этим методом – произвольно признавать источник безусловно надежным либо же просто его отвергать – находится объяснение, которое автор дает (стр. 95) тому обстоятельству, что Тацит совершенно ничего не сообщает о предполагавшемся переходе от Эмса к Везеру. Автор считает, что это движение было предпринято для того, чтобы наказать хазуариев и ангривариев, живших в этой местности. Тацит об этом ничего не рассказывает – "даже ему самому становилось невмоготу непрерывно повествовать об убийствах и поджогах своего героя, которые среди этих союзников херусков, наверное, носили характер дикого зверства". Нельзя себе представить большего непонимания римской культуры и римского способа представлять себе те или иные факты.

Поэтому реконструкция похода 16 г., предложенная Дамом, является неудовлетворительной как с военно-технической точки зрения, так и с точки зрения критики источника. Хотя Дам вполне правильно признал, – и это является его серьезной заслугой, – что основным моментом римских походов в Германию является вопрос снабжения, однако, его научный метод недостаточен для правильного решения всех связанных с этим вопросов. Такие же ошибки делает этот автор и при описании других походов (ср. главу "Снабжение и обоз" в конце этого тома).

4. Кепп в своей работе "Римляне в Германии" (Koepp, "Die Rцmer in Deutschland") обнаруживает

себя настолько проницательным, что признает недостоверность рассказа Тацита о походе 16 г. Но вместе с тем он противопоставляет свой холодный скептицизм попытке раскрыть и исправить ошибки Тацита, исходя из стратегических соображений и точных сведений о географических отношениях, и предпочитает оставаться при своем "не знаю". С такой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы только она последовательно проводилась. Но во многих других местах своей работы Кепп сам не может удержаться от того, чтобы не прийти на помощь своему источнику посредством стратегических рассуждений. Поэтому его собственное предостережение, что не следует стремиться к тому, чтобы быть умнее Тацита (стр. 34), которым он как будто бы пытается руководствоваться в своей работе, должно быть обращено по его собственному адресу. В ответ на это предостережение я хотел бы спросить моего коллегу по исследовательской работе, последовал ли он моему совету (см. выше, стр. 45) и испытал ли он свой критерий оценки Тацита в качестве военно-исторического источника, применив его к описанию сражения при Бель-Альянс, принадлежащему перу Трейчке. Я боюсь, что он так же мало этим занимался, как и наши старые историки, которые не проверили Геродота на Буллингере, а Цезаря на Наполеоне и Фридрихе. Если бы он это сделал, то я убежден, что его прекрасная и делающая ему честь книга все же в некоторых своих частях приобрела бы иной вид.

5. Гергард Кесслер в своей работе "Традиция о Германике" (Gerhard Keszler, "Die Tradition ьber

Germanicus", Leipziger Dissertation, 1905), подвергая анализу источники, сделал попытку также осветить и германские походы. Он считает, что основным источником Тацита была биография Германика, которая лежала в основе также и рассказа Диона. Почти все фактические события совершенно правильно излагаются в этой книге. Особенно следует отметить вполне правильное мнение автора, что римский флот в 16 г. вошел не в Эмс, а в Везер. Кесслер очень удачно доказывает, что рассказ о переходе Германика через Эмс, а потом через Везер является дублированием того же самого факта. Но, говоря о том, что все восемь легионов были доставлены этим флотом (стр. 51), Кесслер не уяснил себе того, каких громадных трудов должно было стоить переправить по морю на такое большое расстояние войско, состоявшее из 50 000 бойцов. И, конечно, при этом нельзя ссылаться на то, что Германик уже в предыдущем году отправил на кораблях четыре легиона, а на этот раз, как об этом подробно рассказывает Тацит, построил много новых кораблей и, следовательно, погрузил на этот флот значительно большее войско. Доставка двух легионов со вспомогательными войсками, с полным запасом продовольствия и прочими припасами, необходимыми для всего войска на все время летнего похода, кораблей, которые могли идти по Северному морю, вспомогательных кораблей, которые могли идти по рекам, по возможности далеко, – все это требовало таких громадных снаряжений, что это нам кажется вполне соответствующим описанию Тацита. В предшествовавшем году четыре легиона были отправлены без вспомогательных войск, а о коннице

ясно сказано, что она шла сухим путем через страну фризов. К тому же эта экспедиция шла по Эмсу, а не по Везеру, как следующая за нею, на что, впрочем, указывает и сам Кесслер. Таким образом, несмотря на то, что войска, отправленные на кораблях, по своей численности были меньше, чем в прошлый раз, все же эта новая экспедиция была значительно крупнее и потому требовала очень больших приготовлений.

Переправить на кораблях от Батавских островов вплоть до Везера восемь легионов со вспомогательными войсками, конницей и запасами было не только невыполнимо, но и совершенно излишне, так как римское войско, идя сухим путем от Липпы, могло гораздо скорее и удобнее, по более короткой дороге вторгнуться в страну херусков. Этот большой флот был снаряжен не для перевозки армии, а для доставки снабжения, для организации пловучего склада, без которого римское войско не могло оперировать в стране херусков. Два легиона и вспомогательные войска, находившиеся на кораблях, были нужны лишь для прикрытия транспорта. Кесслер недостаточно оценил значение момента снабжения; это явилось причиной того, что он со своей стратегической критикой не только здесь, но и в других местах своей работы встал на ложный путь. В результате всего этого он пришел к крайне неоправданному и необоснованному суждению о стратегических способностях и характерных чертах стратегического таланта Германика. Нельзя развенчивать Германика, так как ему нельзя отказать в том, что он проявил самую решительную энергию при выполнении своей задачи. Необходимо признать, что способы, примененные им, были правильно задуманы,

что он шел правильными путями и что все это вполне соответствовало наличным условиям и обстоятельствам. Лишь в таком случае может быть установлена всемирно-историческая роль Арминия. Если бы Германик был таким безрассудным человеком, каким его изображает Кесслер, и если бы Сегест и весь его род были столь незначительны, то и дело Арминия нельзя было бы назвать великим подвигом. Но решающим обстоятельством в данном случае является то, что Германик совершенно правильно учел обстановку, а именно – если он со своим громадным войском появится на Везере, то находящиеся в его свите херусские князья, при наличии флота с продовольственными запасами, смогут выдержать войну в течение всего лета, а херуски сочтут свое дело проигранным и покорятся римлянам. Но то, что этого не произошло и что херуски, несмотря на все, продолжали борьбу, крепко держась своего вождя, показывает нам гораздо яснее, чем сражение в Тевтобургском лесу, что Арминий был действительно великим человеком.

LIMITES (ГРАНИЦЫ)

6. Тацит в "Анналах" (II, 7) пишет: "На всем протяжении между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути" (cuncta inter castellum Alisonem ac Rhenum novis limitibus aggeribusque permunita). До сих пор слово "limitibus" переводили "пограничными валами", но это является очевидной несообразностью. В таком случае возникает вопрос: в каком направлении шли эти валы? Что они ограничивали и что они защищали? Откуда бы

взялись войска для занятия этих линий? Об этом мы еще будем говорить ниже, при рассмотрении вопроса о позднейшем большом limes. Limes обозначает рубеж, или, вернее, одновременно дорогу и границу. Но это слово очень часто употребляется и таким образом, что в нем сохраняется лишь одно значение, а другое совершенно исчезает. Так, например, у Веллея (II, 121) "aperire limites", очевидно, просто означает "установить границу"; в таком же смысле употребляет это выражение и Сенека (de benef., I, 14), даже в более узком смысле: "устанавливать менее просторную границу (minus laxum limitem aperire). А Ливий (XXXI, 39) говорит, что царь Филипп "поперечными путями" (transversis limitibus) двинулся против врага. Цицерон ("Сон Сципиона", 8 – "Somn. Scip." 8, "de re publ", 6, 24) пишет, что "перед теми, кто хорошо послужил родине, как бы открывается путь к святилищу неба", и также Овидий ("Metam.", 8, 558) – "обычный путь (limes) реки". Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, слово "limes" означает "путь". Представление о том, что limes связано с каким-либо укреплением или вообще означает "пограничное укрепление", относится к значительно более позднему времени, являясь, может быть, даже современным представлением, которое к тому же постепенно исчезает благодаря обследованию смысла limes'a. Тацит употребляет это выражение семь раз: в "Германии" (гл. 29) и в "Агриколе" (гл. 41) – в смысле "граница"; в "Историях" (21, 25) – в описании сражения при Кремоне, – насколько можно понять это описание, – очевидно, в смысле "путь"; а в "Анналах" (I, 50) он пишет, что Германик пошел против марсов, "пересек Цезийский лес и дорогу (limes), которую

начал строить Тиберий, расположил лагерь на дороге" (in limite). Германик шел севернее Липпы, затем повернул на юг, перешел через Липпу и после этого пересек Цезийский лес и дорогу Тиберия. Здесь даже нельзя и думать об укреплениях. Наоборот, здесь было бы очень кстати предположить наличие дороги, которую Тиберий начал строить южнее, приблизительно параллельно Липпе, и которую теперь Германик пересек, разбив на ней лагерь.

Седьмым местом у Тацита является как раз то место, которое мы здесь разбираем. Слово "limes" здесь, конечно, не может иметь никакого отношения к границе. "Aggeres", с которыми здесь сопоставляются "limites", обозначают мощеные дороги. Уже в упомянутом выше описании сражения при Кремоне (Hist. III, 21, 23) говорилось о "насыпи дороги" (agger viae), и в непосредственной связи с этим стояло и слово "limes", которое было здесь употреблено также в смысле дороги. Такой же смысл имеет это слово и в данном месте. Слово "permunire" у Тацита обычно означает "укреплять", причем приставка "per" лишь усиливает основное значение корня, не меняя его смысла. Однако, в слово "укреплять" здесь, очевидно, не вложено смысла "укреплять окопами". Может быть, это выражение можно просто перевести "защитить, сделать безопасным", так как слово "munire" часто употреблялось в таком смысле; так, например, у Плиния (h. nat. XX, 51) или у Лукреция (IV, 1256): "старость детьми обеспечить". Но так как "munire viam" очень часто обозначает "построить дорогу", то, может быть, эту фразу лучше всего было бы перевести таким образом: "он на всем пространстве между Ализо и Рейном построил новые дороги и

пути", или, применяя более простые выражения, "он построил крепкую и прямую дорогу от Ализо до Рейна".

Раньше, чем я пришел к этому переводу, мне приходило в голову другое объяснение, также вполне правдоподобное. Под словом "limites" я тогда понимал сваленный вдоль дороги лес, для того чтобы затруднить германцам нападение на дорогу. Так как первым значением limes является "межевая полоса, рубеж" и так как вдоль межи или границы, проходящей через лес, часто лежат сваленные деревья, то такое истолкование является вполне возможным. Но так как limes часто просто обозначает "путь" и даже встречается наряду со словом "мощеная дорога" (agger), то этот смысл в данном случае является наиболее правильным. Во всяком случае смысл данного места заключается в том, что Германик, – пока легионы стояли в Ализо и ждали появления полководца со своим флотом на Везере, – использовал это время для того, чтобы улучшить пути сообщения между Ализо и Рейном.

* * *

Добавление ко 2-му изданию. Только что изложенная точка зрения нашла свое подтверждение в работе Оксе ("Bonner Jahrbьcher", Bd. 114, 115. – "Боннские ежегодники", т. 114–115. – широко и научно обоснованной в строго филологическом отношении. Автор, так же как и я, считает, что limes Тиберия был военной дорогой, которая, по мнению автора, была абсолютно прямой и очень широкой. Работы, произведенные Германиком в

16 г., по мнению автора, являются лишь окончанием тех работ по сооружению этой дороги, которые были начаты Тиберием. Такое объяснение, по мысли автора, вполне соответствует всему контексту и самому слову "permunire", которое может обозначать "изготовлять, сооружать". Если это правильно, то Тацит, очевидно, заимствовал это слово из своего источника, так как едва ли он сам настолько хорошо знал топографию местности и настолько внимательно продумал в данном случае всю цепь событий, чтобы, описывая труды Германика, вспомнить о limes Тиберия (ср. ниже относительно limiles Домициана).

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АЛИЗО

Ализо стало теперь почти краеугольным камнем при реконструкции всех римско-германских походов. Поэтому мы должны подвергнуть специальному исследованию этот много раз дискутировавшийся вопрос относительно местонахождения Ализо. Мы решили, что это будет лучше сделать в конце настоящей главы, так как после проработки отдельных походов читатель увидит яснее и отчетливее, чем после одного лишь вводного теоретического изложения, те общие стратегические моменты и условия данного театра военных действий, которые при этом необходимо принять во внимание.

Начиная наше исследование, мы должны прежде всего поставить и разделить два вопроса. Первый вопрос заключается в том, устроили ли римляне на Верхней Липпе складочный пункт, который служил базой для их операций в собственно внутренней

Германии. Второй же вопрос заключается в том, назывался ли этот пункт Ализо.

Но раньше чем подвергать исследованию и сравнению наши источники, было бы правильнее всего поставить технический вопрос о том, насколько судоходной была Липпа.

По этому вопросу я имею здесь возможность изложить те сведения, которые мне любезно были сообщены техническими специалистами по речному делу, – тайным строительным советником Редером и тайным строительным советником Келлером II из министерства общественных работ, а также строительным советником Редером из Дица, который раньше жил в Хамме на Липпе.

В древние времена, когда еще не было прочных дорог, было так трудно доставлять товары сухим путем, что люди пользовались в качестве путей сообщения даже очень мелкими водными путями. Херфорд пытался использовать в XV в. Верру, а Брауншвейг–Окер в качестве водных путей[52]. Доставить лодку с грузом вверх по течению, если еще не построен бечевник, конечно, тоже не легко, но все же легче, чем доставить соответствующее количество тележек по мягкой проселочной дороге. Лодки тянулись людьми, которые по большей части шли по воде близ берега. Когда же подходили к стремнине, которую нельзя было преодолеть, то товары выгружались и переносились на руках, пока это было необходимо, а пустые лодки тянулись дальше. Так до сих пор делают в Африке и такой – даже полный препятствий – водный путь все же выгоднее и удобнее сухопутной дороги. На Липпе нет таких препятствий. Она в настоящее время по своим естественным

условиям судоходна до Липпштадта. За Липпштадтом посредством плотин река сделана несудоходной в интересах сельского хозяйства. Но если устранить эти препятствия, то судоходность Липпы могла бы быть восстановлена вплоть до Нейхауза, где Падер и Альма соединяются с Липпой[53]. Падение дна реки от Нейхауза до Липпштадта выражается в среднем 1 на 2 000. Поперечный профиль очень глубоко врезан и, следовательно, очень благоприятен, так что при устранении всех препятствий здесь без труда могут проходить грузовые баржи длиною в 20 м, шириной в 4 м, с осадкой в 0,75 м и с грузоподъемностью в 45 т (т.е. 900 ц). Такие баржи могут ходить с хорошей скоростью в среднем в течение 98 дней в году с ограниченной скоростью – в течение 101 дня и совсем не могут ходить: вследствие недостатка воды – в течение 156 дней и вследствие избытка воды – в течение 10 дней в году. Нельзя утверждать, что германские реки в древности были полноводнее, чем теперь. Но даже несмотря на это, из всего вышесказанного должно быть ясно, что во времена Арминия Липпа была до Нейхауза достаточно судоходна для военных целей римлян, которые ведь могли пользоваться меньшими судами, чем описанные нами выше. Весною можно было по ней доставлять почти вплоть до ее истоков все припасы, необходимые для летнего похода.

Но тут против моей точки зрения как будто высказался директор архива Ильген в своей работе "Имела ли Липпа в Средние века крупное значение в качестве водного пути?" Эту работу автор чрезвычайно любезно, по моей просьбе, предоставил в мое распоряжение до ее опубликования[54]. В своем

этюде, представляющем большой культурно-исторический интерес, Ильген устанавливает тот факт, что Липпа в Средние века и до XVIII в. имела очень небольшое значение в качестве водного пути, так как здесь судоходству мешал целый ряд естественных препятствий. Однако, его точка зрения оставляет достаточно свободного места и для моих взглядов, так как понятие "крупный" очень растяжимо. Ведь указанная нами цель может быть свободно достигнута и при умеренной судоходности реки. Наконец, я хотел бы немного изменить не самое существо положений Ильгена, которые, конечно, правильны, но некоторые детали и, так сказать, некоторый оттенок его изложения, который, как может показаться, несколько преуменьшает относительную судоходность этой реки.

Как указывает Ильген, техническое обследование, произведенное в 1735 и 1738 гг., установило, что от Везеля до Хамма в реке имеется 51 песчаная мель и три подводных камия. Но эти препятствия не могли быть очень серьезными, так как даже в сухое время года они покрыты больше чем на 1,5 фута водою. Большими препятствиями были шесть мельничных плотин, расположенных между Хаус-Даль и Хаммом. Эти мельничные плотины наносили с конца Средних веков большой ущерб судоходству и до нашего времени постоянно вызывали борьбу между собой интересов судоходства и сельского хозяйства. В работе "Река Одер", составленной Бюро речной комиссии, мы читаем (I, 233): "В эпоху политического упадка Силезии мелкие князья давали разрешения на постройку мельничных плотин, которые в значительной степени затрудняли судоходство. Новый

подъем судоходства на Одере начался лишь с того времени, как были уничтожены эти препятствия". То же самое было и на Липпе. В 1597 г., согласно Ильгену, кирпичи для постройки церкви иезуитов в Мюнстере были доставлены на кораблях лишь до Хальтерна, а оттуда их уже везли сухим путем. Однако, из этого факта нельзя сделать вывода относительно судоходства выше Хальтерна, так как сухопутная дорога от Берне до Мюнстера не намного ближе, чем от Хальтерна.

Равным образом нельзя сделать какого-либо вывода из того, что монастыри Херфорд, Корвей и Лисборн доставляли себе рейнское вино сухим путем из Дуисбурга. В сентябре вода в Липпе стоит на самом низком уровне, а в октябре уровень лишь очень немногим выше. Между тем в сентябре надо было отправлять пустые бочки к Рейну, а в октябре доставлять их обратно полными. Но как раз в это время года либо совсем нельзя было пользоваться водным путем, либо же можно было пользоваться только с риском.

Поэтому я хотел бы подчеркнуть больше положительные, чем отрицательные свидетельства о судоходности Липпы, которые приводит в своей работе Ильген. Если город Зест в 1486 г. хотел посредством использования речек Зест и Азе соединиться водным путем с Липпой и даже собрал деньги, необходимые для соответствующих строительных работ, то это, конечно, является доказательством того, что Липпа вовсе не была совершенно негодным водным путем. Это подтверждается также и тем, что у Дорстена, Хальтерна и Остендорфа находились таможни, и если

в 1526 г. мимо Дорстенской таможни прошли 225 плотов, то это, конечно, является довольно крупной цифрой.

Слова Вернера Ролевинкса (около 1475 г.), что в Вестфалии нет судоходных рек, надо, следовательно, понимать в том смысле, что хотя там и нет постоянных водных путей, каковыми являются не только Рейн, но и Шпре, но там все же имеются реки, которые в определенные времена года пригодны для судоходства.

Против этого возразил Шуххардт[55], указав на то, что вверх по Липпе нельзя было тянуть лодки, так как дно реки очень илисто. За разъяснениями по этому вопросу я обратился к строительному советнику Редеру из Дица, жившему раньше в Хамме на Липпе, который был хорошо осведомлен относительно естественных условий этой реки благодаря своей многолетней практике по речным постройкам в этих местах. От него я получил следующий ответ:

"Топкая почва, т.е. болотистые и торфяные места, на Липпе нигде не встречаются. Там по обе стороны реки от Везеля вверх до Нейхауза идут песчаные поверхности. Во многих местах там встречается низкий берег, затапливаемый водой. Такие места в римскую эпоху, наверное, тянулись на большее расстояние и, конечно, не могли служить препятствием для таких крупных людских масс, как римские легионы, которые имели большой опыт в постройке дорог и имели поэтому возможность, идя по дорогам вдоль реки, тянуть лямками суда. Труднее было переходить через притоки, так как здесь надо было строить мосты, чтобы не переправлять слишком часто на другой берег упряжных лошадей".

"Но и это не могло представлять трудностей для систематически продвигавшегося войска римлян, которое привыкло строить образцовые дороги и искусственные мосты".

"Низкие сырые берега покрывались бревенчатой настилкой, следы которой иногда находят даже и теперь".

Следовательно, представление Шуххардта о непреодолимости "илистого" дна неправильно. Я даже думаю, что мягкая почва преодолевалась легче, чем это описано в письме Редера, в тех случаях, когда лодки тянулись не лошадьми, а людьми. В тех странах, где до сих пор еще нет бечевников, люди идут прямо по воде вдоль берега. Если попадаются непроходимые места, то положить вдоль берега бревенчатый настил еще легче для людей, чем для лошадей; равным образом и переход через притоки люди совершают легче, чем лошади, и часто им не приходится строить ни одного моста.

Если, таким образом, уже не подлежит никакому сомнению, что Липпа была в достаточной степени судоходной вплоть до Нейхауза, то мы тем самым можем с достоверностью установить и тот факт, что римляне должны были в этой местности соорудить складочный пункт. Конечно, требует объяснения то обстоятельство, почему никто из многочисленных военных исследователей римских походов до настоящего времени не высказал этого положения, но это нетрудно объяснить. В научной литературе до недавнего времени никто не высказывал сомнений в достоверности колоссальных цифр германских войск. Сотни тысяч перебрасывались туда и сюда, и, согласно рассказам Тацита и Светония, Тиберий из

одного лишь племени сугамбров переселил 40 000 человек на левый берег Рейна[56]. Ген. фон Пейкер в своей много раз использованной книге "Военное дело в древней Германии" (Von Peucker, "Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten" Berlin, I860) говорит о том, как многочисленность германских войск затрудняла положение их предводителей, и без всяких колебаний сопоставляет следующие цифры: "Войско тевтонов, по Орозию и Ливию, достигало 300 000 человек; Ливии, Веллей, Патеркул, Евтроп и Орозий исчисляют войско кимвров в 200 000 человек; Ариовист, по указанию Цезаря, командовал войском, насчитывавшим более 100 000 человек; из готских войск, вторгшихся в III в. с берегов Черного моря, то войско, которое в 269 г. было разбито императором Клавдием, согласно Требеллию Поллиону, насчитывало 320 000 человек; Радагайс в начале V столетия привел в Италию армию, превышавшую, согласно Орозию, 200 000 человек, так как среди них было одних лишь готов 200 000 человек, а по словам Зосимы, 400 000 человек; войско же Аттилы, которое дралось на Каталаунских полях и по большей части состояло из германских племен, согласно Иорнанду, достигало 500 000 человек, а по словам Павла Диакона, даже 700 000 человек".

Совсем нетрудно было снабжать эти народные массы в тех местах, где они жили и где они могли передвигаться. Поэтому вопрос об их снабжении даже и не поднимался. Только благодаря постановке проблемы о численности населения мы подошли вплотную к вопросу о снабжении, а разрешение этого вопроса в свою очередь должно было решить вопрос о Липпской крепости.

Недалеко от Падерборна и места соединения Липпы с Альмой, на левом берегу Альмы находится деревня Эльзен. Вполне естественно, что созвучие названий Эльзен и Ализо поблизости от того места, на которое и без того имеется столько указаний, уже давно привело к простому отождествлению обоих названий. И я сам в первом издании этой работы считал, что название Эльзен является аргументом в пользу того, что Ализо действительно находилось в этой местности. Однако, после этого было твердо установлено (ср. Фр. Крамер, "Западно-германский журнал" – Fr. Cramer, "Westdeutsche Zeitschrift", Bd. 21, 1902), что топографические названия, родственные этому корню, настолько часто встречаются, что мы отсюда не можем извлечь никаких указаний относительно местонахождения Ализо.

Перейдем теперь к сравнению показаний источников.

* * *

Дион (53, 33) рассказывает нам о том, что Друз во время своего похода 11 г. до н. э. вторгся в страну херусков, дошел до Везера и переправился бы через него, если бы не был принужден возвратиться из-за недостатка в продовольствии. На обратном пути германцы напали на него в узком ущельи, но все же в конце концов были разбиты римлянами. Под влиянием этого события Друз решил для защиты от германцев построить крепость при соединении Липпы и Элизона.

"Повсюду, – таковы буквально слова Диона, – враги устраивали засады и причиняли Друзу много

вреда. Однажды они его заперли в такой местности, которая со всех сторон окружена горами и в которую можно было проникнуть только через узкие горные ущелья, и едва его там не уничтожили. И все римское войско тоже погибло бы, если бы враги, слишком уверенные в своей победе, не бросились на них беспорядочной толпой, очевидно думая, что римляне уже находятся в их руках и что для окончательной победы достаточно одного удара мечом. Однако, германцы были разбиты и после этого уже не отважились так дерзко нападать на римлян, но все же досаждали им издали, впрочем не подходя к ним близко. Поэтому Друз на зло им со своей стороны построил одну крепость в том месте, где соединяются Липпа и Элизон, а другую – на Рейне, в стране хаттов".

Судя по всему контексту, те германцы, с которыми на своем обратном пути сразился Друз в узком ущельи, возвращаясь с Везера, очевидно, могли быть только херусками. Описание местности не соответствует ландшафту прилиппских равнин и более похоже на гористые места, лежащие к востоку (к северо-востоку, к юго-востоку) от Падерборна. Возвышенности, встречающиеся вдоль Липпской долины, слишком незначительны для того, чтобы представить опасность для римского войска. Если Друз построил крепость, которая должна была служить угрозой народам, теснившим его в тех местах, то, конечно, он построил эту крепость не на расстоянии нескольких переходов от этой области, но либо на неприятельской территории, либо же непосредственно перед воротами, ведущими в эту область, т.е. в районе Падерборна. И так как трудность

в снабжении была причиной того, что этот поход не дал результатов, то целью постройки этой крепости была организация складочного пункта, необходимого в будущем при повторении этой войны, причем подобный пункт можно было создать лишь в этом месте, так как до этого места доходил соединительный путь с Рейном.

Устройство такого пункта должно было даже с самого начала быть главной целью этого похода. Когда Друз появился в стране сугамбров, южнее Липпы, рассказывает нам Дион, то сугамбры как раз находились на поле сражения против хаттов. Если бы римский полководец задался целью сразу достигнуть непосредственного крупного успеха, то, конечно, он не смог бы сделать ничего лучшего, как со всеми своими силами обрушиться на сугамбров. Сугамбры, зажатые между римлянами и хаттами, легко могли бы быть уничтожены. На первый взгляд кажется совершенно непонятным, каким образом Друз мог упустить такой случай одержать крупный успех. Вместо этого он только воспользовался возможностью беспрепятственно подняться по Липпе и дойти до Везера. Не опираясь на какую-либо базу и имея в своем тылу сугамбров, он, конечно, здесь ничего не мог сделать. Но это пренебрежительное отношение Друза к тому успеху, который он мог легко одержать на своем пути через страну сугамбров, покажется нам уже не ошибкой, а поступком вдумчивого стратега, если мы предположим, что с самого начала целью этого похода было исследование дорог и постройка складочного пункта. Устройство этого пункта было для него важнее, чем победа над одним лишь германским племенем, даже над сугамбрами, которые

внушали такой ужас, так как его мысль была обращена на покорение всех германцев, вплоть до самой Эльбы. Возражая против этого, можно было бы задать вопрос: почему же в таком случае Друз не построил эту крепость на пути туда? Ведь когда он достиг того места, где прекращалось судоходство по Липпе, он мог здесь построить эту крепость. Весьма возможно, что это так и было на самом деле. Во всяком случае римляне (ср. стр. 75) большую часть своего продовольствия отправили вслед за своим войском по воде, и, конечно, совершенно невозможно предположить, чтобы они около истоков Липпы перегрузили его на вьючных животных или на повозки и тащили их за собой до Везера, а также и весь обратный путь. Полководец с самого начала хорошо знал, что он и для обратного пути нуждается в крупных запасах. Поэтому вполне естественно, – а с римской точки зрения вполне понятно, что наши источники ничего об этом не упоминают, – что Друз устроил складочный пункт в конце водного пути, оставив там все необходимое для возвращения, построив там временное укрепление, и оставив для защиты последнего гарнизон. Пока войско двигалось дальше, оставшийся при этом гарнизоне инженер подыскивал место, наиболее удобное для устройства постоянной крепости; когда же войско вернулось, эта крепость была построена. Была ли построена новая крепость или же была укреплена построенная первоначально, значения не имеет, но для Диона вполне естественно, что он рассказывает об этом событии в таких словах: "Когда Друз вернулся и разбил своих врагов, то почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы построить в этой области

крепость на страх своим врагам".

Для той же цели, для которой он построил эту крепость, Друз уже в предшествовавшем году приказал вырыть большой канал, соединявший Рейн с Исселем и, таким образом, ведший из Зюдерзее в Северное море. Человек, который выполняет такие крупные предприятия, уже не довольствуется случайным покорением маленького пограничного племени, вроде сугамбров, но замышляет большие походы, т.е. в данном случае покорение всей страны вплоть до Эльбы. Стратегическим средством для достижения этой цели является устройство складочного пункта, выдвинутого как можно дальше вглубь страны.

Шуххардт и Кепп в докладе "Ализо и Хальтерн" (Korresp. Bl. des Gesбmtver der deutschen Gesch.- und Altertumsv., 1906) считали исключенной возможность того, что эта крепость была построена на Верхней Липпе, так как в таком случае в тылу ее находились бы враждебные римлянам сугамбры и бруктеры. Но этот аргумент надо перевернуть: именно потому Ализо стало кандалами для упрямых германцев, что оно находилось в их стране, будучи в то же время для них неприступным. Вполне естественно бьет мимо цели и то возражение, что германцы могли бы в конце концов взять эту крепость голодом. Это возражение было бы правильным, если бы мы имели здесь дело с одной крепостью, без римского войска. Но это возражение отпадает, если мы примем во внимание, что крепость была не изолированной, а находилась в стратегической связи с тем, для чего она была создана. Крепость являлась опорным пунктом для войска, которое оперировало в этом районе, а войско, в свою

очередь, защищало крепость. Даже в том случае, когда войско возвращалось к Рейну, оно находилось достаточно близко от нее и всегда могло прийти к ней на помощь, тем более что сама крепость могла долго сопротивляться неприятелю. Если бы германцы сделали попытку захватить крепость, как, например, Арминий в 16 г., то она всегда смогла бы продержаться до тех пор, пока не подоспеет на помощь посланное для снятия осады войско. Только после того как в 9 г. было уничтожено римское войско, пало Ализо – и то не сразу, а по истечении значительного времени.

* * *

Было высказано предположение, что вдоль Липпы вплоть до Рейна был построен ряд промежуточных крепостей, так как в противном случае Ализо, находясь по прямой линии на расстоянии 20 миль от Ветера, было бы совершенно изолированным. Но следы этих крепостей, которые уже считались найденными, за исключением одной, о которой я еще буду говорить дальше, оказались ложными, и потому факт существования этих крепостей я считаю сомнительным. Конечно, римские войска, передвигаясь по Германии, всегда на ночь разбивали укрепленный лагерь, стараясь при этом по возможности использовать прежние лагери, которые германцы далеко не всегда сравнивали с землей. Но оставление повсюду постоянных гарнизонов потребовало бы слишком большого расхода живой силы и принесло бы вместе с тем слишком мало пользы. Войска на походе сами себя защищают,

транспорты передвигаются под военным прикрытием, купцы должны сами о себе заботиться, а для того чтобы предоставить безопасный ночлег курьерам, которые могут подвергнуться нападению в пути, никогда не строят крепостей. Если бы германцы напали на изолированную крепость, то она должна была бы сама защищаться до тех пор, пока с Рейна не подоспело бы на помощь войско, посланное для снятия осады. А гарнизоны промежуточных крепостей не могли бы оказать никакой помощи. Решающим моментом в таком случае была бы возможность того, чтобы сообщение об осаде достигло Ветера. Ведь это рано или поздно должно было случиться. Весьма возможно, что комендант крепости имел в своем распоряжении и на своей службе нескольких германцев, которые в случае необходимости брали на себя обязательство прокрасться сквозь ряды своих соотечественников и доставить весть об осаде в главную квартиру. Таким образом, вполне возможно, что римская крепость, находившаяся близ Падерборна, была совершенно изолированной. Нужно себе только представить, до какой степени германцы были неспособны провести правильную осаду. У них даже не было достаточно металла для изготовления оружия, не говоря уже о простых инструментах. Даже после Тевтобургского сражения, несмотря на свой моральный подъем и на подавленное состояние римлян, германцы не в состоянии были взять Ализо силой? Поэтому уже Друз мог отважиться на то, чтобы построить крепость среди вражеской страны, по ту сторону враждебно настроенных сугамбров, марсов и бруктеров. Да и помимо того Друз не рассчитывал на то, что положение останется неопределенным, так как

римляне надеялись в течение нескольких лет овладеть всей страной, по крайней мере вплоть до Везера.

* * *

Когда в Рим пришла весть о том, что Друз находится при смерти, как рассказывает нам Валерий Максим (V, 5, 3), его брат Тиберий поспешил к нему и для этой цели направился вглубь Германии. Это сообщение следует сопоставить с рассказом Тацита о том ("Анналы", II, 7), что германцы, осадив в 15 г. крепость на Липпе, разрушили старый алтарь, посвященный Друзу, который затем был вновь восстановлен Германиком, после того как он со своими шестью легионами снял осаду с этой крепости. Невероятно, чтобы римляне, воздвигнув алтарь Друзу во внутренней Германии, сделали это не на том месте, где умер Друз, а в каком-либо другом месте. Ведь если бы римляне вздумали свободно выбирать место для постройки этого алтаря, то они построили бы его, конечно, хотя бы вблизи одного из больших постоянных лагерей на Рейне. Таким образом, если мы из одного источника узнаем, что алтарь Друза находился недалеко от Липпской крепости, а из другого – что Друз умер в глубине внутренней Германии, то отсюда следует, что эту крепость нужно искать не на Нижней, а на Верхней Липпе.

* * *

В 5 г. римляне, по Веллею (II, 105), в первый раз разбили зимний лагерь в Германии "у истоков Юлии", как нам сообщает источник. Так как мы не знаем реки, которая бы носила название "Юлия", то уже Липсиус

вполне справедливо исправил это название, заменив его названием "Лупия" (Julia–Lupia). Совсем недавно было указано на место, носящее название "Иелленбек" и лежащее на ручье, который несколько выше Реме впадает в Верру. Здесь имеется налицо созвучие в названиях, но это название довольно часто, и, кроме того, эта комбинация невозможна по объективным причинам. Нельзя допустить того, чтобы Тиберий расположил свой зимний лагерь по ту сторону гор, на что не решился даже Вар, несмотря на всю свою доверчивость. Но если предположить, что Тиберий все же это сделал, то нельзя допустить, что он свой лагерь разбил не на Везере. Поэтому следует сохранить конъектуру Липсиуса "у истоков Лупии". Если бы была судоходной только Нижняя Липпа, то из этого сообщения мы ничего больше не могли бы извлечь и должны были бы предположить, что Тиберий не побоялся доставлять продовольствие сухим путем вплоть до истоков Липпы. Так как мы во всяком случае можем предположить, что Липпа была судоходной довольно далеко вверх по своему течению, то не можем согласиться с тем, что Тиберий возложил на администрацию своего обоза трудную обязанность доставлять продовольствие сухим путем от места выгрузки до лагеря только для того, чтобы разбить этот лагерь на один или два перехода дальше вглубь страны. Единственным рациональным исходом было бы расположить лагерь именно у этого естественного пункта выгрузки.

Если бы толкование нашего текста было бы более достоверным, мы имели бы здесь решающее доказательство нашего утверждения, что неподалеку от истоков Липпы находился важный для римлян

стратегический пункт. Падерборн находится на расстоянии не более двух миль от истоков Липпы.

Лагерь, расположенный в таком месте, можно было свободно назвать лагерем "у истоков Липпы", а если так далеко в верховьях Липпы можно было найти благоприятное место для разбивки постоянного лагеря, то это место должно было быть наиболее удобным для устройства здесь складочного пункта, как можно дальше выдвинутого вглубь страны. То, что Тиберий осмелился разбить зимний лагерь там, где до этого была лишь стоянка, было существенным достижением в деле укрепления римского господства в Германии; это вполне справедливо подчеркивается Веллеем.

* * *

Когда Германик в 16 г. освободил осажденную германцами Липпскую крепость, то он восстановил разрушенный алтарь Друза. Могильный холм, воздвигнутый в предшествовавшем году над павшими воинами Вара и также впоследствии разрушенный германцами, не был восстановлен, так как, продолжает Тацит, "могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать". Если бы этот курган находился в совершенно другой местности, то это замечание было бы непонятным. Мы теперь достаточно хорошо знаем, что германцы не могли импровизировать походы на любое расстояние вглубь Германии. Фраза "могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать" имеет смысл лишь в том случае, если предположить, что об этом действительно мог быть поставлен вопрос.

Следовательно, холм находился недалеко от крепости. До тех пор, пока место Тевтобургского сражения будут искать хотя бы приблизительно в той местности, которую мы фиксировали, следует считать, что крепость находилась не на Нижней или на Средней, но именно на Верхней Липпе.

* * *

Во всех вышеприведенных местах из наших источников античные авторы не дают названия Ализо. Мы слышим лишь о крепости, находившейся при соединении Липпы и Элизона и о крепости на Липпе, которая в 16 г. была осаждена германцами и освобождена Германиком. Мы уже установили, что эта крепость должна была находиться на Верхней Липпе. Название Ализо сохранилось в трех других местах, и теперь встает вопрос, имеется ли здесь ввиду именно эта крепость или какая-либо иная.

Географ Птолемей (II, 11) помещает Алейсон на S градуса восточнее и на j градуса южнее Ветера. Это не соответствует местонахождению нашей крепости, но в то же время ничего и не доказывает, так как указание на то, что она находилась так далеко к югу от Ветера, во всяком случае неправильно; да и помимо того, указания этого географа относительно Германии признаны очень ненадежными. Эти его указания, так же как и его указания о "памятниках победы Друза", лучше совсем оставить в стороне.

Затем следует та глава из "Анналов" Тацита (II, 7), в которой сперва рассказывается об осаде и об освобождении от осады крепости на Липпе, о возобновленном алтаре Друза и невозобновленном

могильном холме и, наконец, говорится, что "все пространство между крепостью Ализо и Рейном было снабжено новыми путями и дорогами".

Теперь возникает вопрос: является ли той же самой крепость, находившаяся на Липпе и упомянутая в начале этой главы, и та крепость, которая во всяком случае находилась на Верхней Липпе и названа в конце главы Ализо? Без сомнения, Тацит, следуя обычному способу изложения мыслей, должен был бы в данном случае при первом упоминании об этой крепости дать ее название. Но мы знаем равнодушное отношение Тацита к географии. Как раз в его изложении ни в какой мере не исключена возможность того, что обе эти крепости тождественны, хотя весьма вероятно, что он не дал себе труда разъяснить это обстоятельство даже самому себе. В то время как он комбинировал лежавшие перед ним источники и давал им литературную обработку, в первом случае от него могло более или менее случайно ускользнуть название крепости, а во втором – это название могло ему показаться удобным для построения данной фразы. Это предположение станет весьма вероятным, если мы себе уясним, что этот рассказ ни в коем случае не может иметь отношения к крепости, находившейся на Нижней Липпе. Ведь фраза "cuncta inter castellum Alisonem et Rhenum novis limitibus aggeribusque permunita" означает: "между Ализо и Рейном была построена сквозная прочная дорога". Это была довольно крупная работа. Дорога вдоль Липпы должна была тянуться на целых двадцать миль. А постройка прочной укрепленной насыпями дороги на столь большом протяжении является такой значительной работой, которую

римский писатель был в праве в своем рассказе подчеркнуть.

Третье место находится у Веллея (II, 120), который прибавляет к рассказу о поражении Вара следующую фразу: "Следует воздать хвалу доблести Люция Цедиция, префекта лагеря, и тех, которые вместе с ним были осаждены в Ализо, окруженные бесчисленными войсками германцев", так как они спаслись из этого тяжелого положения и от большой опасности благодаря своей предусмотрительности и своей решимости. Это место следует сопоставить с одним местом из Диона-Зонараса ("К Диону", 56, 22), согласно которому лишь одна римская крепость продержалась, и с другим местом из Фронтина (III, 15, 4), в котором говорится, что "были осаждены оставшиеся после поражения Вара". Четвертое место из Фронтина (IV, 7, 8) также говорит о том, что после поражения Вара была осада, причем командиром назван Цедиций. Так как, согласно Диону, продержалась лишь одна крепость, то все эти четыре рассказа относятся к тому же самому событию. Здесь идет речь не только об осаде, последовавшей за поражением Вара, но и том, что осажденные были "оставшиеся после поражения Вара" (согласно третьему месту), причем осажденное место называлось Ализо (по первому месту). Это является основанным на свидетельствах источников и прямым доказательством того, что крепость, находившаяся на Верхней Липпе, носила название Ализо. Ведь вполне естественно, что избежавшие бойни в Дэрском ущельи спаслись в ближайшую крепость, где они могли найти убежище и защиту, а такой крепостью была крепость на Верхней Липпе. Если бы они опасались того, что

их запрут здесь, и тотчас же поспешили бы дальше, то они вообще не искали бы убежища в какой-либо крепости, находившейся на территории Германии, но бежали бы дальше, вплоть до самого Рейна. Но при всех обстоятельствах мы должны предположить, что на Верхней Липпе во времена Вара находилась римская крепость, даже если бы мы не имели никаких сведений об этом или если бы все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, относились к другой крепости. Учитывая хозяйственное состояние древней Германии, необходимо признать, что римляне ни в каком случае не могли бы совершать свои непрерывные походы к Везеру и обратно, не опираясь на большой складочный пункт, который должен был находиться в том месте, где Липла перестает быть судоходной даже для самых маленьких судов. Этот складочный пункт, само собой разумеется, должен был быть укрепленным, следовательно, был крепостью и потому был для беглецов, спасшихся после Тевтобургского сражения, самой близкой крепостью, в которой они могли найти спасение, а эта крепость, согласно Веллею (II, 120), называлась Ализо.

* * *

Германцы не были в состоянии взять крепость силой. Поэтому они старались взять ее измором и принудить к сдаче голодом; осада затянулась на очень долгое время, так как крепость была обильно снабжена пищевыми припасами. О продолжительности осады можно судить по тому, что осажденные, наконец, услышали о том, что к ним

приближается Тиберий с большим войском. Но Тиберий во время Тевтобургского сражения находился в Паннонии, а после этого сначала вернулся в Рим и лишь затем направился к Рейну. В течение этого долгого времени германцы, осаждавшие крепость, ослабили бдительность своей охраны, так что осажденным удалось прокрасться через их ряды и беспрепятственно пройти весь длинный 20-мильный путь до Рейна. Может, пожалуй, показаться удивительным то обстоятельство, что германцы на таком длинном пути не настигли беглецов. Но возможность того, что так именно было на самом деле, доказывается прекрасными аналогиями, известными из военной истории. Так, например, крепости немецких рыцарей в Пруссии во время большого восстания подверглись длительным осадам и долго не могли быть от них освобождены; в частности одна из этих крепостей – Бартенштейн – была осаждена в течение четырех лет. Наконец, гарнизоны этих крепостей поступили точно так же, как некогда римляне, осажденные в Ализо: они прокрались через ряды осаждавших. Бартенштейнцы спаслись, а гарнизон Крейцбурга был обнаружен и погиб. Путь, который бартенштейнцы проделали до Эльбинга, равнялся 15 милям.

* * *

Раскопки, к которым теперь очень энергично приступили, должны оказать существенную помощь при изучении походов римлян в Германии. Благодаря археологической работе уже обнаружены чрезвычайно ценные вещественные памятники и добыты важные

сведения. Но нужно признать, что до сего времени все это больше вносило путаницу в дело непосредственного изучения этих войн, чем приносило пользу этой работе. Первоначально вообще не умели отличать римские поселения от доисторических стоянок или каролингских селений, или даже просто от "игры природы" (bloszen Naturspielen). Кап. Хельцерманн и ген. фон Фейт верили в то, что им удалось на Нижнем Рейне и вверх по Липпе установить наличие римских укреплений, которые впоследствии оказались простыми песчаными дюнами. Теперь самыми компетентными исследователями обнаружены подлинные римские поселения самых крупных размеров, но когда их пробовали включать в историческую цепь событий, то при этом было допущено много ошибок. Римляне в течение 20 лет своего господства над территорией между Рейном и Эльбой должны были соорудить сотни походных лагерей, дюжины постоянных лагерей и крепостей, причем от всех них м о г л и, а от многих из них даже д о л ж н ы б ы л и остаться следы. Обнаружены в настоящее время лишь некоторые, очень немногие постоянные лагери и крепости. После каждого открытия счастливцы, сделавшие это открытие, восклицали: "Это – Ализо!". И так говорили не только сделавшие открытие археологи и вместе с ними общественное мнение в лице любителей и друзей старины. С большими или меньшими оговорками к ним присоединялись также и наиболее компетентные ученые исследователи-специалисты, увлеченные энтузиазмом и радостью археологов, сделавших данное открытие. Это обстоятельство не только помешало пониманию

стратегической связи событий римских военных походов и задержало это понимание, но даже теперь еще делает необходимой детальную проверку всех претензий на отождествление всех мест находок с Ализо, проверить их по источникам и, так сказать, негативно еще раз повторить весь приведенный нами выше ход наших доказательств.

Я считаю возможным оставить в стороне предположение Дюнцельмана, что ему удалось найти Ализо на Хунте, так же как и отнесение Ализо на Везель. Мы должны здесь подвергнуть исследованию две большие, богатые результатами раскопки близ Хальтерна и Оберадена[57].

Давно уже было известно, что близ городка Хальтерна на Липпе, приблизительно в 6 милях от места впадения Липпы в Рейн, на горе св. Анны, на северном берегу реки, находилась римская крепость. А совсем недавно весь план крепости был совершенно твердо установлен. На расстоянии 1,5 км от этой крепости вверх по течению Липпы, в некотором отдалении от этой реки, на возвышенности, на поверхности которой не было видно никаких следов, был обнаружен благодаря раскопкам, произведенным в 1900, 1901 и следующих годах, большой римский лагерь. Наконец, непосредственно на берегу старого русла Липпы были открыты сооружения, имеющие отношение к гавани, складочные постройки, а также и укрепления.

Вообще значение и цель этих построек почти не требуют объяснений, хотя многие детали здесь еще весьма сомнительны. Как мы уже видели, Липпа была судоходной для больших судов вплоть до Ализо

меньше семи месяцев в году. Если в древности даже очень маленькие суда были выгоднее сухопутного транспорта, – и мы поэтому можем допустить, что водным путем до Ализо пользовались в течение, может быть, восьми месяцев или даже несколько дольше, – то все же в конце концов наступало время, когда пользоваться рекой уже было нельзя. Но до Хальтерна, – мы это вполне можем допустить, – Липпа была судоходной в течение всего года. Поэтому римляне здесь уже давно соорудили складочный пункт, окружили валом пристань для судов и построили для ее дальнейшей защиты крепость на горе св. Анны.

Поблизости от гавани римские легионы часто разбивали походный и постоянный лагеря, а постоянный лагерь, в свою очередь, требовал сооружения крупной пристани на Липпе, которая, как нам кажется, была надежно соединена с лагерем при помощи поперечных валов. Здесь установили наличие не менее трех лагерей, которые были сооружены один за другим. А бесчисленные вещественные памятники, извлеченные из земли: оружие, монеты, черепки, украшения и разные орудия, – доказывают, что войска находились в этих лагерях в течение долгого времени. Возможно, что здесь стоял Домиций Агенобарб, когда он сооружал "длинные мосты". Здесь могли один или несколько раз перезимовать римские легионы в промежуток между 5 и 8 гг. Вопрос о том, возобновил ли Германик эти укрепления, когда он снова возобновил войну, должен остаться нерешенным. Может быть, он использовал их в качестве походного лагеря.

Приблизительно в четырех милях отсюда, дальше

вверх по течению реки, на расстоянии 1,5 км от Липпы, на южном берегу близ Оберадена, находится такой же постоянный лагерь римских легионов, своими размерами превосходящий самый большой лагерь близ Хальтерна.

При отождествлении этих построек с Ализо приходится принимать в расчет лишь крепость на горе св. Анны близ Хальтерна. Лагеря слишком велики для того, чтобы быть крепостью. Слово "castellum" (крепость) является уменьшительным от слова "castrum" (лагерь). Но не только вследствие смысла этих слов, но также и вследствие ненарушимых законов стратегии размеры крепости не могут превышать определенную величину. Стратегия требует, чтобы при тех военных условиях, которые были тогда налицо в Германии, прежде всего полевая армия была бы как можно более сильной. Войска следовало держать вместе, отделяя от них лишь по возможности небольшое количество гарнизонов. Размеры этих гарнизонов должны были строго соответствовать их назначению, ни в коем случае не превышая необходимой потребности. Этому обстоятельству должны были соответствовать и размеры крепости. Если укрепление будет слишком велико для данного гарнизона, то это место будет подвергнуто большой опасности, так как здесь тогда нельзя будет организовать правильную защиту. Поэтому-то Ализо, которое мы ищем, должно было иметь сравнительно небольшие размеры, достаточные для того, чтобы, помимо гарнизона, вместить несколько больших складов и, может быть, еще лазарет и несколько мастерских. Но лагерь при Оберадене занимает пространство, превышающее

35 га. Большой лагерь при Хальтерне занимает приблизительно 35, средний – около 20, а самый маленький – 18 га.

Сравним теперь с ними некоторые другие известные нам римские сооружения

	Величина в га	Было занято
Лагерь Цезаря на Эн	41	8 легионами
Лагерь Цезаря перед Герговией	35	6
Лагерь Цезаря у Мон С. Пьер	24	4
Лагерь у Бонна	25	1 с всп. войс.
Лагерь у Нейса	24	1
Ламбезис в Африке	21	1
Лагерь перед Карнунтом	14	1
Кессельштадт	14	–
Гора св. Анны (С. Аннаберг)	7j	–
Нидер-Бибер	5	1 ког. и 2 отр.
Пферинг	4	500 человек
Фридберг	3s	1 000
Заальбург	3j	–
Вейсенбург	3	500 человек

Большая часть пограничных крепостей, за исключением самых маленьких, обладала площадью, величина которой колебалась от 1S до 3S га. Обыкновенно их гарнизон состоял из одной когорты или из одной алы в 500 человек. Этот гарнизон в военное время усиливался до 1 000 человек в тех крепостях, которые были больше и которые подвергались большей опасности[58].

Если мы сравним эти цифры, то они обнаружат значительные различия. В лагерях Цезаря на один

легион приходится приблизительно 6 га, следовательно, по одному гектару на 1 000 человек. А в крепостях эта цифра увеличивается в три-четыре и даже восемь раз. И это вполне естественно. В лагере во время полевой войны приходится по возможности тесниться друг к другу. А в постоянной крепости уже есть возможность несколько более широкого размещения, но всегда лишь до такой степени, чтобы хватало гарнизонных войск для защиты крепости, причем, конечно, необходимо было учитывать не только величину крепости, но и многие другие обстоятельства[59].

Итак, если мы возьмем в качестве примеров Бонн, Нейс и Ламбезис, то увидим, что для защиты постоянного лагеря размерами в 20–25 га требовалось приблизительно около одного легиона. Что же касается Ализо, то, принимая во внимание условия, в которых находилась эта крепость, где земляная постройка была в самом угрожаемом положении, мы должны признать, что такого гарнизона было слишком мало. Даже самый маленький лагерь размером в 18 га должен был здесь иметь постоянный гарнизон не менее 1S легионов.

Когда мы говорили о самом маленьком из лагерей, то, пожалуй, допускаем слишком много, так как совершенно ясно, – как, впрочем, признал и сам Шуххардт, – что здесь повторяется одно и то же расположение с очень небольшими изменениями. Именно это повторение является для Шуххардта аргументом в пользу того, чтобы назвать это место Ализо, так как нам известно, что именно с Ализо дело обстояло таким образом. Если мы к тому же примем,

что пристань со своими постройками и крепость на горе св. Анны должны были быть заняты войсками, то необходимо было все войско Вара, состоявшее из трех легионов, для защиты этих сооружений, так что тем самым уже не оставалось свободных войск для образования полевой армии.

Упустив из виду уяснить себе значение этого вывода, вытекающего из его гипотезы, Шуххардт сам оказался виновным в том, что наряду с Хальтерном появился другой конкурент в лице лагеря в Оберадене, окружность которого равняется почти 2S км.

Судя по приведенным нами выше размерам лагерей Цезаря, даже в самом небольшом из лагерей нашлось бы достаточно места для размещения трех легионов. Но так как мы должны признать, что этот лагерь был постоянным и, по всей вероятности, зимним лагерем, где обычно предоставляют войскам больше места и бóльшие удобства, то, очевидно, в этом меньшем лагере были расположены лишь два легиона, а может быть, всего лишь один легион. Но большой лагерь при Хальтерне и лагерь при Оберадене могли укрыть три легиона, и эти лагеря пылкий исследователь смог объявить крепостью с постоянным гарнизоном. Нужно ли еще добавлять, что, не говоря даже о том, какие громадные гарнизоны должны были поглощать эти лагеря, занимаемое ими огромное пространство было совершенно бесцельным? Для чего они могли служить? Если подходила полевая армия, то она сама себе воздвигала лагерь. А при сооружении крепости важнейшим законом было сжать как можно теснее кольцо укреплений, чтобы легче было их защищать. Между крепостью и лагерем существует не количественное,

но принципиальное различие: в крепости размеры гарнизона зависят от протяжения укрепленной линии, а в лагере протяжение укрепленной линии зависит от размеров войска.

То, что было открыто в Хальтерне и Оберадене, это не крепости, а лагеря, зимние лагеря.

Когда римляне покидали такой зимний лагерь, то не представлялось необходимым ни оставлять в нем гарнизон, ни его разрушать. Ведь германцы не могли им воспользоваться. Если бы германцы захотели укрепиться в таком лагере, то при высоком искусстве римлян вести осаду они скорее попали бы в их руки, нежели Верцингеторикс в Ализо. А если бы римляне сами захотели снова занять своими войсками то же самое место и германцы со своей стороны разрушили бы его, то все же можно было бы довольно быстро восстановить земляные укрепления.

Теперь остается разрешить вопрос о том, носила ли название Ализо та большая крепость на горе св. Анны, которая занимает пространство в 7S га. Собственно говоря, нет никакой необходимости снова подвергать исследованию этот вопрос, так как это утверждение уже больше никем не выдвигается. Защитники Хальтерна, обосновывая свое мнение, всегда исходят из больших лагерей, рисуя яркими красками живую картину римской военной жизни так, как она представляется во всей своей полноте и во всей своей сочности взору исследователя, возбуждая и вместе с тем покоряя его воображение. Но при наличии таких контраверз необходимо, – и мы не должны бояться делать этого, – проверить все те свидетельства источников, в которых говорится о крепости на Липпе и о которых мы уже высказывались выше, с тем чтобы

установить, могут ли относиться эти свидетельства к данному месту.

Когда Друз выступил против сугамбров, пишет Дион Кассий, то он их не обнаружил в их стране, так как они в это время шли походом на хаттов. После этого Друз дошел вплоть до самого Везера.

Шуххардт истолковывает это таким образом: "Двинувшись в поход против хаттов, они тем самым избегли первого натиска еще свежих римских войск". Следовательно, когда какой-либо народ в своей собственной стране подвергается нападению неприятеля, располагающего превосходными силами, то "избежать" его можно, быстро начав какую-либо другую войну, причем первый нападающий окажется настолько любезным, что отнесется с полным уважением к этой стратагеме и со своей стороны, вместо того чтобы хорошенько ударить на врага, двинется в какую-либо иную сторону. К тому же вся страна сугамбров тянется в длину не более, чем на десять миль.

Ведь могло быть одно из двух: либо Друз хотел покорить лишь пограничные германские племена, и тогда остается непонятным, почему он не использовал той возможности, которая ему представлялась в стране сугамбров, либо же он планировал большую войну против германцев, взятых во всей их совокупности, и тогда, конечно, он не удовольствовался бы основанием крепости в шести милях от границы, что не могло быть результатом такого крупного похода. И как подчас ни бывают хвастливы римские писатели, все же тот источник, которым пользовался Дион, не мог бы основание такой крепости изобразить в качестве великого подвига, совершенного "на страх"

вражеским племенам.

Не менее неправильно и представление о том, что римляне хотели себе здесь построить укрепленную и безопасную переправу через Липпу. Для чего им была нужна такая переправа? Разве германцы могли им помешать в любом месте перейти такую маленькую речку, как Липпа? И разве римляне не могли с самого начала продвигаться либо по правому, либо по левому берегу этой реки так, как они это считали для себя в данном случае удобным? Ведь совершенно дилетантским является представление о том, что армия, значительно превосходящая противника своей численностью в открытом поле, должна, для того чтобы перейти через такую речку, как Липпа, прикрыть переправу посредством крепости.

Друз, который в течение одного года строит большой канал для того, чтобы иметь возможность напасть на германские племена со стороны моря, и который, оказавшись победителем, в следующем году не находит ничего лучшего, как построить крепость в шести милях от римской границы, конечно, окажется в наших глазах с военной точки зрения настоящим кретином.

Подполк. Дам сделал своеобразную попытку объяснить значение крепости в Хальтерне ("Археологический указатель", 1900, стр. 101 – Archdol. Anz."). Он по-старому в прежнем смысле истолковывает слова Тацита ("Анналы", II, 7): "novis limitibus aggeribusque permunita", считая, что limites означает "укрепление", и думает, что Друз и Германик хотели обеспечить себе плацдарм для развертывания своих военных сил на правом берегу Рейна напротив постоянных лагерей в Ветера и в Майнце. Крепости

Ализо, Хальтерн и Хорхейм (на горе Таунусе) были не изолированными, а являлись лишь "опорными пунктами, которые были окружены укреплениями (limites), сторожевыми постами и прочими фортификационными сооружениями". Если Хальтерн находится от большого постоянного лагеря на расстоянии двух переходов, а Хорхейм – всего лишь на расстоянии одного перехода, то это объясняется тем, что на Липпе местность сильно пересечена и поэтому особенно благоприятна для врага. К тому же все главные военные операции начинались именно отсюда, следовательно, здесь нужно было иметь бóльшую территорию для размещения войска, чем около Майнца.

Я должен категорически высказаться против такого истолкования. Предназначенный для выступления войска плацдарм, глубиной в один или два дневных перехода и расположенный перед большим укрепленным плацдармом, является таким понятием, которого не существует в военной истории. Германцы, согласно общепризнанному стратегическому закону, никогда не могли помешать переправиться через Рейн римлянам, владевшим всем левым берегом этой реки и имевшим возможность в любом месте собрать средства, необходимые для переправы, и организовать таковую. Если римляне хотели обставить удобствами переправу, то лучшим средством для этого были бы крепкие мосты с предмостными укреплениями, но ни в коем случае не кордонная линия, снабженная укреплениями на расстоянии одного или двух дневных переходов от Рейна. Для того чтобы защитить такую позицию, нужно было бы располагать армией, в десять раз

большей, чем та, которую римляне вообще имели на Рейне. Объективно совершенно невозможное и даже бессмысленное представление о такой укрепленной исходной позиции объясняется, очевидно, дошедшим до нас традиционным и неправильным пониманием слова "limes" как определенного пограничного укрепления, предназначавшегося для обороны, в связи с кажущейся необходимостью найти стратегическое обоснование для крепости Хальтерн.

Мы уже выше отметили, что указание Валерия Максима (V, 5, 3), поставленное в связь со свидетельством Тацита ("Анналы", II, 7) относительно той местности, где умер Друз и где ему был воздвигнут алтарь, не может относиться к месту, столь близко расположенному от Рейна, как Хальтерн.

Так же мало подходит к Хальтерну и указание Тацита ("Анналы", II, 7) на то, что германцы осадили крепость на Липпе и что Германик подошел к ней с шестью легионами, чтобы снять с нее осаду. Во всей мировой военной истории не было такого случая, – и кажется невозможным, чтобы какое-нибудь место было осаждено в то время, когда в шести милях от него находилось бы неприятельское войско, значительно превосходящее своей численностью осаждающих. Даже при наличии одинаково сильного войска это стало бы возможным лишь в том случае, если бы осаждающие располагали искусством и возможностью в кратчайшее время соорудить вокруг своего войска мощные укрепления. Но германцы не были в состоянии сделать это. Римлянам достаточно было одного быстрого перехода, чтобы внезапно подвести свое войско к германцам, причем германцы, которые уже никак не могли похвастаться тщательной

наблюдательностью и бдительностью, что было их слабым местом, каждую ночь могли подвергнуться внезапному нападению, в результате которого войско осаждавших могло бы быть совершенно уничтожено.

Последний из германских воинов, который был бы призван для выполнения этого предприятия, признал бы его бесполезным и опасным и потерял бы веру в предводительские способности того герцога, который столь бессмысленно подвергал бы подчиненных опасности и расточал бы свои силы.

Так же мало согласуется с этим предположением относительно Хальтерна дальнейшее указание Тацита, как мы это уже видели выше, на то, что римляне построили между Ализо и Рейном прочную дорогу. Совсем не похоже на римлян подчеркивание факта постройки дороги длиною всего лишь в шесть миль. К тому же здесь дорога уже была построена Тиберием (см. выше, стр. 96–98).

Римляне, бежавшие с поля Тевтобургского сражения, спаслись в Ализо. Отсюда вытекает, что крепость находилась не слишком далеко от места сражения. Шуххардт считает как раз наоборот: "Только приняв, что это расстояние было довольно значительным, можно объяснить, почему катастрофа стала такой ужасной и почему столь немногие спаслись". Поэтому рассказ якобы соответствует Хальтерну. Против этого можно возразить, что Арминий, заняв позиции в горном проходе, этим самым отрезал римлянам путь к отступлению. Поэтому совершенно безразлично, находилось ли близко или далеко от поля сражения то место, где римляне могли найти себе спасение. Да и, кроме того, ясно, что германцы, с целью отпраздновать свою

победу, остались при своей добыче, а вовсе не преследовали римлян на протяжении целых пяти или шести дневных переходов и затем столько же дней шли обратно. Но если германцы не преследовали римлян, а дали беглецам спокойно бежать, то, конечно, эти беглецы не остались бы в Хальтерне, а тотчас же поспешили бы дальше к Рейну. Однако, мы знаем, что они заперлись в Ализо. Можно, пожалуй, искать Ализо близ Хальтерна в том случае, если мы предположим, что Тевтобургское сражение произошло в каком-либо другом месте. Но если мы вместе с Шуххардтом признаем, что это сражение произошло у Дэрского ущелья или где-либо поблизости от Гротенбурга (Тевтобурга), то мы должны будем признать, что Ализо не могло находиться около Хальтерна на расстоянии 20 миль от Тевтобурга и лишь одного хорошего дневного перехода от Рейна.

То же самое подтверждается ходом и продолжительностью осады. Здесь, так близко от Рейна, прославленный своей энергией римский легат Аспренас, подойдя сюда с двумя легионами, наверное, сделал бы попытку освободить осажденных.

Шуххардт придает особенное значение рассказу Тацита о том, что Германик в 16 г. посадил свое войско на корабли, вошел со своим флотом в Эмс, а затем направился к Везеру, хотя он уже с шестью легионами стоял у Ализо. Это становится понятным лишь в том случае, если предположить, что Ализо находилось на Нижней Липпе, следовательно, около Хальтерна. Мое исправление, заключающееся в том, что Германик вошел не в Эмс, а в Везер, кажется Шуххардту лишь искусственным ухищрением,

имеющим своей целью спасти мое предположение, что Ализо находилось близ Падерборна. Отсюда можно заключить, что Шуххардт считал бы логичным рассказ Тацита об этом походе лишь в случае признания, что Ализо находилось близ Хальтерна. Но это исправление такое же, как если бы кто-нибудь, возражая против того, что трижды три – одиннадцать, настаивал, что правильнее было бы сказать трижды три – десять. Тот факт, что римляне, которым предстояло вести войну на Везере, ввели свой флот в Эмс, становится несколько менее бессмысленным в том случае, если мы предположим, что войско перед тем стояло у Хальтерна, а не близ Паденборна. Но даже и при таком допущении этот факт все же остается довольно бессмысленным. Это понимал и Кепп[60], а так как ему мое исправление (смешение Эмса с Везером и разделение войска) казалось слишком насильственным, то он вообще отказался от того, чтобы понять этот поход. Если же, тем не менее, Кепп в этом рассказе видит важнейшее свидетельство в пользу того, что Ализо находилось близ Хальтерна, то это с его стороны очень нелогично. Ведь если поход вообще описан так, что в нем нельзя найти логического смысла, то тем самым нельзя использовать в качестве доказательства какое-либо одно звено из этой цепи, а тем более – то, в котором как раз и скрывается ошибка.

Единственной причиной того, что Ализо искали близ Хальтерна или близ Оберадена, является то обстоятельство, что в этих местах были случайно открыты остатки римских сооружений. С психологической точки зрения вполне понятно, что этот случай явился причиной ошибки, а отсутствие

вещественных остатков в местности близ Падерборна мешает широким кругам стать в данном вопросе на правильную точку зрения. На самом же деле отсутствие находок здесь имеет так же мало значения для решения этого вопроса, как и изобилие находок там. Вопрос о местонахождении Ализо решается не археологическими находками, – разве только будет найдена надпись, – а стратегическим истолкованием источников. Что касается раскопок близ Хальтерна и Оберадена, то они ни в какой мере не потеряют своего значения даже в том случае, если эти места перестанут называть Ализо. Если бы даже при Падерборне нашлись остатки римского укрепления, то это все же ничего не прибавило бы к цепи доказательств в пользу того, что здесь находилось Ализо. Почти все современные исследователи (Моммзен, Кноке, Дам, Бартельс, Шуххардт, Кепп) единогласно признают, что лагерь Вара находился поблизости от Вестфальских ворот, однако же и здесь до сего времени не было найдено никаких следов римского лагеря. И как отсутствие археологических находок в этом месте не вводит в заблуждение исследователей, так и аналогичное отсутствие археологических находок близ Падерборна не должно вводить в заблуждение соответствующих исследователей. Ведь до настоящего времени не найден и лагерь Тиберия, который был расположен у истоков Липпы. Не только возможно, но и вполне вероятно, что то или иное сооружение будет рано или поздно найдено. Всего лишь двадцать лет тому назад был найден лагерь легионов близ Нейса – каменное сооружение, а не простая земляная постройка, как лагеря и крепости в Германии. К тому же войска пользовались этим

лагерем не только в течение ряда лет, но ряда поколений, и даже больше того – в течение столетий. Большие лагеря близ Хальтерна были открыты благодаря случайности всего лишь девять лет тому назад. На поверхности земли нельзя было заметить даже малейших следов этих лагерей. Пастор Прейн четыре года тому назад нашел лагерь близ Оберадена, а другой лагерь незадолго до этого был найден старшим учителем Хартманном в 20 км к юго-востоку от Липпштадта близ Кнеблингхаузена около Рютена. Но какие бы археологические открытия ни были сделаны в будущем, все же при определении их исторического значения решающие выводы даст не реконструкция отдельного лагеря или отдельной крепости, а восстановление всей стратегической цепи событий, всей стратегической картины похода. А кто отваживается вступить в эту область изучения военной истории, тот не должен делать такие ошибки, как, например, утверждение, что нельзя строить крепости в тылу противника, или смешивать крепости с лагерными укреплениями, или не учитывать соотношения между численностью гарнизонов и численностью полевой армии, или же говорить об осаде крепости, когда непобежденная полевая армия находится от нее на расстоянии двух небольших дневных переходов. А такого рода дилетантские представления находим мы у защитников гипотезы Хальтерн-Ализо.

К третьему изданию. Раскопки лагеря близ Оберадена показали, что этот лагерь древнее, чем лагерь при Хальтерне. Очевидно, здесь находился лагерь Тиберия в ту эпоху, когда он здесь укреплялся для того, чтобы поднять часть сугамбров и переселить

их на другой берег Рейна. Все эти лагеря не имеют никакого значения при восстановлении связи между теми походами, которые мы в данный момент изучаем. Археологи, пытавшиеся восстановить такого рода соотношения и причинные связи, потерпели неудачу в этом деле, так как они не уяснили себе разницы между лагерем и крепостью. Я подробно разобрал этот вопрос совместно с Г. Кропачек в "Прусских ежегодниках" (т. 143, стр. 135, 1911). Конечно, решающим моментом в данном случае является то обстоятельство, имеем ли мы здесь дело с лагерем или с крепостью. Эта разница подобна разнице между пистолетом и пушкой: являясь сперва количественной, она становится затем на практике принципиальной. Цель крепости заключена в ней самой, причем эту цель следует найти и установить. Гарнизон крепости в первую очередь предназначается для занятия и обороны крепости. Вне крепости функции гарнизона носят скорее полицейский, чем военный характер. Укрепленный же лагерь сооружается не сам для себя, а ради войска, которое находит в нем защиту. Тот, кто смешает эти две функции, не сможет, вполне естественно, сделать правильные стратегические выводы.

Людвиг Шмидт ("Rqmisch.-German. Korresp.-Bl.", 1911, S. 94) еще раз привел все аргументы в пользу того, что Ализо необходимо искать на Верхней Липпе.

Глава VII

РИМЛЯНЕ И ГЕРМАНЦЫ В СОСТОЯНИИ РАВНОВЕСИЯ

Результатом Тевтобургского сражения и походов Германика явилось некоторое состояние равновесия между римлянами и германцами. Римляне не имели возможности покорить эти храбрые свободолюбивые племена, жившие в своей обширной стране, покрытой горами, лесами и многочисленными болотами и расположенной за пределами мировой Римской империи. Германцы же, в свою очередь, не могли дать римлянам сражение в открытом поле и, со своей стороны, перейти против них в наступление.

Экспансия Римской империи еще не закончилась. Она положительным образом развивалась еще в течение больше чем столетия, а затем в течение следующего века были намечены линии дальнейшего развития, за осуществление которого римляне вели ожесточенную борьбу. Если германцы оказались для покорения слишком храбрыми, а их страна слишком недоступной, то все же римлянам удалось покорить Британию, населенную кельтами, и основать новую провинцию Дакию в равнинах к северу от

Нижнего Дуная, в областях нынешних Венгрии и Румынии. Наконец, в начале II в. римляне снова начали в широком масштабе войну против парфян и завоевали Месопотамию.

Римляне должны были прождать целых полтораста лет для того, чтобы, наконец, отомстить за поражение Красса и за неудачу Антония, – по той же самой причине, по которой они в конце концов отказались от покорения германцев. Нельзя согласиться с тем, что парфяне были достаточно сильны, чтобы противостоять широко организованному наступлению всей объединенной Римской империи. Но для того чтобы снова повторить поход Александра, нужно было иметь нового Александра. Марк Антоний хотел таковым стать, но не стал, – не столько потому, что он не обладал необходимыми для этого дела способностями, или потому, что это предприятие было само по себе невыполнимым, но потому, что его наступление, предпринятое им по особому плану, окончилось неудачей, наткнувшись на ряд препятствий, а также и потому, что он отказался повторить свою попытку. Можно было попытаться постепенно продвигаться вперед, ограничившись сперва завоеванием Месопотамии. Ведь и это предприятие было настолько крупным, что один

лишь император был в состоянии его выполнить. Но выполнить это предприятие мог лишь такой император, который, будучи сам по себе крупным и предприимчивым полководцем, был бы настолько уверен в своей монархической силе, а к тому же настолько привел бы государство в порядок и настолько укрепил бы государственный строй, что мог бы спокойно покинуть на годы столицу и целиком отдаться делу ведения войны на этой отдаленнейшей из границ империи. Ни императоры из дома Юлиев-Клавдиев, ни императоры из дома Флавиев не были способны на это и не находились в таком положении, которое давало бы им возможность выполнить это дело. Лишь в лице Траяна (98 – 117) Римская империя получила такого вождя, который соединил в себе все необходимые для этого условия. Траян командовал римскими легионами на Верхнем Рейне, причем его главная квартира находилась в Майнце в тот момент, когда он был вызван для занятия по праву усыновления престола Цезаря. Казалось бы, что если он хотел вести войну, возвышать славу и честь римского имени и оберечь государство от грядущих опасностей, то должен был бы в первую очередь завершить дело окончательного покорения Германии. Но он не отважился на это. Аппиан

сообщает нам, что римляне не завоевали самой северной части Британии, так как эта страна не принесла бы никакой пользы Римской империи. То же самое соображение могло оказать свое влияние на римских полководцев и в момент, когда в римской главной квартире обсуждался вопрос о целесообразности и необходимости присоединения Германии к Римской империи. В результате этого Траян охотнее обратил свое внимание на Дакию и в конце концов двинулся против парфян. Он действительно присоединил к римскому государственному организму Армению и Месопотамию, но умер еще весь захваченный этой войной, а после его смерти тотчас же проявились та взаимная связь и то взаимодействие, которые существовали между внутренним строем римского государства и делом ведения войны. Преемник Траяна Адриан, не имевший твердых законных оснований для обладания верховной властью, не был в состоянии ни сам продолжать войну против парфян, ни доверить ее ведение какому-либо полководцу. Он заключил мир и отказался от завоеваний Траяна. В дальнейшем римляне еще много раз доходили до Тигра и даже переправлялись через него, но всегда лишь на короткое время устанавливали там свое господство.

Но план доведения государственной границы до Эльбы вообще никогда не возобновлялся римлянами, и, таким образом, отзыв Германика Тиберием явился решающим поворотным пунктом в мировой истории. С этого дня римляне отказались от широкого наступления против германцев и в сущности ограничились охраной и обороной своих границ. Но эта оборона границ была в своем роде совершенно новой задачей, поставленной перед военным искусством.

Когда Тиберий прекратил поход Германика, то легионы не были тотчас же полностью переведены на левый берег Рейна, но продолжали занимать и на правом берегу некоторые зоны и пункты[61]. Более того, римляне даже продвинулись несколько вперед. Удобный угол между Рейном и Майном, а также серебряные рудники, которые были открыты на Лане, так манили к себе римлян, что они, наконец, заняли эту местность и даже населили ее, хотя тем самым перешагнули через большую защитную линию Рейна и должны были поэтому создать себе здесь для обороны искусственную границу. Затем в этом исходящем углу была еще присоединена к этой области Веттерау и наконец, угол между Рейном и Дунаем, с Оденвальдом и Шварцвальдом.

И эту границу надо было защищать.

Хотя германцы и не были в состоянии нападать на Римскую империю, всегда прикрытую готовыми к бою легионами, но все же они ни в коем случае не были совершенно миролюбивыми соседями. Римляне нуждались в постоянном войске не только для того, чтобы иметь возможность разбивать германцев в больших сражениях и отбрасывать их назад, но и для того, чтобы изо дня в день оборонять границу от разбойничьих нападений, так как варварские государства в этом отношении не могли давать международные гарантии безопасности, даже если бы они этого хотели, ввиду того что сами они не могли держать свои войска в достаточном для этого повиновении.

Чрезвычайно трудно на протяжении сотен миль охранять границу от противника, всегда готового к бою. Всюду и всегда можно ждать неприятельского вторжения. Если пограничные войска равномерно распределены вдоль всей границы, то они всюду одинаково слабы и потому легко могут быть опрокинуты сосредоточенной мощной армией противника. Если же войска размещены лишь в нескольких пунктах, то большие промежутки между ними остаются обнаженными и лишенными охраны.

На Нижнем Рейне римляне обезопасили себя

тем, что заключили длительный союз с германскими племенами, жившими на другом берегу реки, – с батавами, канинефатами и фризами. Молодежь из среды этих племен в большом количестве поступала на римскую службу, получая за это от римлян жалованье. Это обстоятельство служило залогом того, что родственники этих германцев, оставшиеся у себя на родине, сохраняли хорошие отношения с римлянами. Хотя эти отношения и нарушались иногда крупными волнениями, однако, римлянам каждый раз удавалось преодолевать подобные затруднения.

Дальше вверх по течению, приблизительно вдоль теперешней прусской Рейнской провинции, границей оставалась река. Но римляне при этом позаботились, чтобы на правом берегу реки широкая полоса земли осталась незаселенной. Поскольку германцы, прежде чем вторгнуться в римскую область, должны были сделать сперва дневной переход, для того чтобы пересечь эту пустынную область, и лишь после этого могли переправиться через Рейн, поскольку, конечно, такое предприятие, при некоторой бдительности римских патрулей и сторожевых постов, становилось трудно выполнимым. Вполне естественно, что особенно внимательно следовало

охранять берег Рейна, расположенный против устья рек, впадавших в Рейн с восточной стороны, так как проплыв по этим рекам, германцы могли внезапно появиться на Рейне.

Между Кобленцом и Бонном, немного ниже Нейвида, граница переходила на правый берег и отсюда начинался пограничный вал, который в трех милях выше Франкфурта пересекал Майн и тянулся вплоть до Дуная, у Кельлейма, близ устья Альтмюля, расположенного выше Регенсбурга, срезывая, закрывая и защищая, таким образом, угол, находящийся между Рейном и Дунаем.

Отдельные части этого пограничного вала построены в различное время и различным образом. На Неккаре еще и теперь можно различить довольно большую часть более древней пограничной линии, перед которой была несколько позднее построена другая линия, более выдвинутая вперед. Там, где границу образовывало быстрое течение реки либо излучина Майна или Неккара, являясь естественной защитой, – там прекращался пограничный вал.

Благодаря исследовательской работе последних лет мы можем теперь не только проследить линию, но и историю этого до сих пор еще частично сохранившегося пограничного

дозорного вала – Чертовой стены, как его теперь называет народная молва. Проследить его историю мы можем теперь довольно точно, так что, по выражению одного зоркого исследователя, постепенно исчезает монументальная застылость этого колоссального сооружения и пробуждается к нему интерес, всегда связанный с идеей развития.

При Тиберии и его ближайших преемниках еще не была воздвигнута непрерывная линия укреплений, направленная против германцев. Веспасиан на Верхнем Рейне продвинулся через Шварцвальд вплоть до Неккара, чтобы установить, таким образом, кратчайшую линию связи. Овладение этими областями не представило никаких трудностей, так как они были почти необитаемы. Но на линии Неккара римляне уже подошли близко к германцам, так что сыну Веспасиана Домициану пришлось после войны с хаттами оккупировать Веттерау. Таким образом, теперь появилась потребность в обороне длинной сухопутной границы, особенно затрудненной тем, что пограничная линия в области Веттерау имела форму исходящего угла.

Домициан, завоевавший и занявший эту область, основал ряд крепостей, расположенных в строгой системе и предназначенных для обороны этой области. Может быть уже при нем, а, может

быть, и несколько позднее, появилось то, что мы в более узком смысле этого слова называем пограничным валом, т.е. непрерывная линия укреплений, соединявшая между собой крепости. Первый пограничный вал состоял из сплетенных оборонительных щитов (vineae).

При Адриане вместо них появились палисадные ограждения, а через несколько поколений палисады были дополнены и заменены валом и рвом. Приблизительно в начале III столетия к этим укреплениям прибавилась последняя часть, а именно высокая каменная стена, расположённая на участке к северу от Дуная, на ретской границе. При этом пограничная линия, которая раньше устанавливалась ближе к местности, ограниченной горами и реками, проводилась теперь в интересах лучшего наблюдения и лучшей сигнализации по возможности напрямик. Ретская стена, как это еще теперь можно установить, в некоторых местах достигала высоты не менее 2,5 м.

Поэтому различают верхнерейнский пограничный вал, идущий от Нейвида на Рейне, огибающий Веттерау и достигающий Лорха в Вюртемберге, к северу от Штутгарта, и ретский пограничный вал, идущий от этого места в направлении с запада на восток и доходящий до

Дуная поблизости от Регенсбурга.

Как это можно видеть еще и теперь, верхнегерманский пограничный вал состоял из земляного вала и рва, а ретский пограничный вал – из стены, построенной из неотесанного выломанного камня. У первого вала на расстоянии приблизительно пяти минут хода расположены небольшие сторожевые башни, а на расстоянии не свыше двух миль друг от друга – постоянные укрепления (крепости) различной величины, рассчитанные в среднем на помещение гарнизона приблизительно около когорты. Эти укрепления (крепости) были первоначально построены из земляных стен, а сторожевые башни – из дерева. Затем уже стали строить эти сооружения из камня.

Укрепления (крепости), находившиеся у ретской стены, были расположены не непосредственно за нею, а на расстоянии 4–5 км. Как ни значительны различия между верхнегерманским и ретским пограничными валами, все же мы не имеем никакого права и никаких оснований сделать отсюда вывод, что эти сооружения предназначались для различных целей. Различия объясняются отчасти грунтом, который, будучи в первом случае мягким, наталкивал мысль на создание земляного вала и рва, а в другом случае – скалистым, наводил на

постройку каменной стены, отчасти же объясняется и представлениями различных полководцев относительно целесообразности того или иного вида сооружений. Но и на верхнегерманской пограничной линии мы иногда встречаем вместо вала и рва остатки стены.

Теперь можно уже совершенно отказаться от прежнего представления, будто бы этот пограничный вал предназначался для непосредственной обороны, так как совершенно ясно, что нельзя занимать войсками линию длиной свыше 70 миль. Да к тому же установлено, что в некоторых местах вместо вала срезан холм, но по направлению не к германской, а к римской стороне[62] или что вал насыпан вдоль внешней, а не вдоль внутренней стороны болота. Но если под влиянием этих наблюдений и этих фактов дошли до того, что стали начисто отрицать военное значение такого сооружения и видеть в нем лишь таможенный кордон, то это, конечно, является неправильным преувеличением. Совершенно невозможно допустить, чтобы торговля с бедной Германией достигла таких размеров, что оправдала создание столь грандиозного сооружения, как пограничный вал. Однако, в действительности он все же являлся военным сооружением.

Во-первых, пограничный вал был весьма существенным препятствием для тех всадников, которые пытались бы пересечь границу и вторгнуться в римскую область. А затем, как на это указал ген. Густав Шредер[63], пограничный вал являлся серьезным препятствием при отступлении противника. Гарнизоны сторожевых башен, состоявшие в большинстве случаев из трех человек, не были в состоянии помешать вторжению разбойничьих германских банд в римскую культурную область. Но со сторожевых башен можно было наблюдать за окрестной местностью и сигнализировать об опасности. Все сторожевые башни были расположены таким образом, что, находясь на них, можно было окидывать взором местность, лежавшую перед стеной на расстоянии нескольких сот метров, и в то же время устанавливать и поддерживать связь с укреплениями, находившимися позади стены. На колонне Траяна изображены башни, на вершине которых помещен факел, служивший, очевидно, в качестве сигнала. При первом сигнале из укреплений тотчас же выходил отряд, чтобы захватить перешедших границу. И тут-то пограничный вал оказывался для римлян чрезвычайно полезным, так как он служил для преследуемых серьезным препятствием.

Преследуемые римлянами германцы не могли быстро перейти через вал и во всяком случае не могли быстро перетащить через него свою добычу – скот, пленных или повозки[64]. А преследователи, если они одновременно надвигались с разных сторон, с самого начала стремились к тому, чтобы настигнуть врага близ вала. То же самое было и при крупных военных вторжениях, когда недостаточно было гарнизона одной или даже нескольких крепостей и когда нужно было двинуть легионы из далеко расположенных постоянных лагерей. Победа легионов могла привести к уничтожению врага, если только удавалось прижать врага к пограничному валу.

Пограничный вал имел значение также и для охраны границы, так как он давал хорошее прикрытие римским патрулям и войскам во время их обходов и осмотров пограничной полосы. Германцы, приближавшиеся к валу, всегда могли ожидать, что как раз около того места, где они хотят перейти через вал, находится римский наблюдательный пост.

На всем протяжении от Рейна до Дуная находилось около 50 крепостей, занятых римскими гарнизонами. Таким образом, если считать сторожей на небольших сторожевых башнях, то можно предположить, что

пограничный вал охранялся 15 000 и во всяком случае не более 25 000 человек[65]. Все эти войска состояли не из римских легионов, а из вспомогательных частей, следовательно, отчасти из самих германцев, состоявших на римской службе. Легионы находились дальше позади крепостей, на Рейне. Большая – основная – часть армии была расположена в главной квартире в Майнце; другая часть – в Страсбурге и сперва (до 105 г.) в Виндише у Цюриха, а отдельные отряды, может быть, находились также в некоторых крепостях, расположенных между этими пунктами. Нижнегерманские легионы стояли в лагерях, расположенных в Бонне, Нейсе, Нимвегене и главным образом в Ветера-Ксантах, где в течение долгого времени находилась главная квартира этой провинции. В Верхней и Нижней Германии было расквартировано по 4 легиона, а в Ретии совсем не было легионов. Если мы сосчитаем все эти войска, состоявшие из восьми легионов и вспомогательных частей, то увидим, что римляне имели на всей линии от Северного моря вдоль Рейна, пограничного вала и Дуная приблизительно 70 000 человек.

Система охраны границ, установленная римлянами, основывалась не на безусловной и непосредственной обороне пограничной линии, а

на ряде других мероприятий. Римляне старались по возможности затруднить германцам переход через границу, либо доводя пограничную линию до какого-либо естественного препятствия, как, например, до реки, либо же создавая естественное препятствие – пограничный вал – и перед ним для его защиты пустынную полосу земли. Германцы, конечно, могли, преодолев эти препятствия, проникнуть через границу, но хорошо организованная система наблюдения и связи всегда давала римлянам возможность принять меры к тому, чтобы тотчас же наказать перешедших границу германцев. Эти меры воздействия должны были приучить германцев к мысли о том, что даже если бы они и могли захватить какую-либо добычу по ту сторону границы, то все же с большим трудом могли бы доставить эту добычу к себе домой.

Во время действительной войны пограничный вал не мог представить собой какую-либо преграду для наступления большого войска и даже не мог бы оказаться опасным, так как для его обороны надо было разбивать войска на части и распылять их вдоль пограничной линии. Но это было неизбежно, так как граница требовала охраны. Именно учитывая эту возможность войны, римляне не распределяли своих легионов

вдоль кордонной линии, но держали их позади, на Рейне, в качестве главного резерва.

Мы уже теперь знаем, что германцы не могли быстро собрать большое войско и что римляне имели в Германии достаточно связей, что давало им возможность своевременно узнавать о крупных передвижениях германцев. Поэтому римляне всегда были в состоянии во время большого вторжения германцев выступить против них, объединив свои легионы с ближайшими вспомогательными войсками.

Под прикрытием охранявших границы легионов римская культура, несмотря на непосредственную близость девственного леса и грубую дикость мощного и близкого к природе народа, смогла распуститься здесь всеми своими утонченными цветами. Даже теперь мы изумляемся развалинам римских сооружений, особенно в Трире.

С течением времени римляне стали чувствовать себя в Германии настолько спокойно и уверенно, что в середине второго столетия уменьшили количество легионов с четырех до двух, по два в нижне- и в верхнерейнском военных округах.

ОПИСАНИЕ РИМСКОЙ ГРАНИЦЫ

Описание римской границы, данное Моммзеном в V томе его "Римской истории" (1885, стр. 140 и сл.), отчасти подтверждается, отчасти изменено, а главным образом распределено в хронологическом отношении благодаря систематической исследовательской работе, проводившейся Государственной комиссией по изучению римской границы, организованной правительством Германской империи. Результаты раскопок и исследований этой комиссии публикуются в "Листке по изучению римской границы" ("Limesblatt"), а также в прекрасных отчетах, которые по большей части принадлежат перу директора Хеттнера и проф. Фабрициуса и с 1895 г. ежегодно печатаются в "Археологическом указателе" ("Archaelogischer Anzeiger").

В докладе, который Хеттнер в 1895 г. прочел на собрании филологов в Кельне и затем опубликовал (в Трире, в издании Фр. Линца), ясно изложены все результаты, которые достигнуты в этом отношении вплоть до 1895 г.

Из более поздних работ следует указать на исследования проф. К. Херцога "Критические замечания к хронологии римской границы", опубликованные в "Боннских еженедельниках" ("Bonner Jahrbьcher", Heft 105, 1905), и на "Римские дороги в пограничной полосе" ген.-лейт. фон Сарвея, напечатанные в "Западногерманском журнале истории и искусства" ("Westd. Zeitschr. f. Gesch. u. Kunst", Jahrg. 18, 1899).

Затем следует указать также и на прекрасную сводную работу Фабрициуса "Происхождение римских пограничных сооружений в Германии" (Fabricius, "Die Entstehung der Rцmische Limesanlagen

in Deutschland". Trier. Lintz. 1912, a. d. "Westd.Zeitschr.") и на его же исследование "Римское войско в Верхней Германии и в Ретии" ("Das rqmische Heer in Obergermanien und Raetien", "Histor. Zeitschr.", Bd.98, 1906).

Мое описание основывается на краткой сводке и военно-историческом освещении этих исследований, причем я опускаю отдельные подробности и промежуточные ступени.

ПАЛИСАДНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В свое время полк. Кохаузен в большой работе "О римском пограничном вале" указал, что с технической стороны является совершенно невозможным покрыть пограничный вал палисадом и что поэтому такое мнение следует отклонить. Ген. Шредер в "Прусском ежегоднике" ("Preuss. Jahrb.", 69, 508) согласился с точкой зрения Кохаузена, так как непрочность дерева должна была требовать от гарнизонов крепостей постоянной работы по исправлению и восполнению палисадов. Однако, были найдены несомненные остатки палисадов, а факт постоянной работы солдат над сохранением в порядке палисадов не может служить основанием для отрицания факта существования палисадов. Можно даже, пожалуй, сказать, что эта работа была полезной в смысле поддержания дисциплины среди солдат гарнизонов, которые, вообще говоря, были мало заняты работой. Таким образом, перед нами здесь пример того, что не только филологи, но даже и техники могут заблуждаться. Согласное мнение двух признанных и авторитетных специалистов было опровергнуто

указаниями археологов, основанными на фактах.

ПОГРАНИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДОМИЦИАНА

Они засвидетельствованы, как это обычно принято думать, словами Фронтина (1, 3, 10): "Соорудив дороги (limitibus) на протяжении 120 миль, он не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ". Ген. Вольф в "Военном еженедельнике" ("Mititdr-Wochenblatt", 1900, No 102, sp. 2533) высказался против использования этого свидетельства. Он обратил внимание на то, в тексте сохранившейся рукописи стоит не "limitibus", а "militibus", что чтение "limitibus" основывается на одной лишь конъектуре и что, объективно говоря, такие крупные сооружения по укреплению границы совершенно невозможно было бы выполнить в течение кратковременного перехода.

Прежде чем приступить к сооружению таких укреплений, нужно победить и покорить врагов. Если бы римляне разделили свои войска, то такие смелые и предприимчивые противники, как хатты, непременно напали бы на отдельные части римских войск, занятых работами и постройкой. Здесь мы имеем перед собой пример того, – прибавляет автор этой работы, – как недостаточное понимание военного факта может ввести в заблуждение лучшего знатока латинского языка".

Вопрос здесь заключается не в этом противоречии. Уже ген.-лейт. фон Сарвей признал правильным чтение "limitibus", и это чтение, без сомнения,

является правильным. Вся глава Фронтина трактует о нахождении в каждом данном случае правильной стратегической системы и поэтому называется "Об установлении характера (или типа) войны". Автор доказывает, что Александр и Цезарь имели достаточные основания для того, чтобы стремиться к решению войны сражениями, а Фабий Кунктатор со своей стороны был прав, поступая как раз наоборот. Перикл освобождал страну и вел войну на море. Сципион освободил Италию от Ганнибала, двинувшись со своими войсками на Африку. И в этой связи говорится о Домициане: "Так как германцы, по своему обыкновению появляясь друг за другом из своих лесов и тайных убежищ, нападали на наших и имели к тому же возможность спокойно возвращаться обратно в глубину своих лесов, то император Цезарь Домициан Август, построив дороги на протяжении 120 миль, не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ". Если мы примем чтение "воинами" (militibus), то перед нами окажется картина самого обычного похода, и тогда не может быть и речи об организации особого типа войны. Если мы примем чтение "limitibus", то эта трудность в объяснении нашего текста исчезнет; но если мы будем придерживаться обычного истолкования слова "limes", как пограничного укрепления, то слова "лишил убежищ" будет все же трудно объяснить. Поэтому я хотел бы предложить понимать здесь слово "limites", как и у Тацита ("Анналы", II, 7), не в смысле "границы", а в смысле "дороги". Такая интерпретация дает всему параграфу точный смысл и твердую связь. И тогда этот отрывок получает такое значение: хаттов

невозможно было настигнуть в их тайных убежищах, поэтому Домициан проложил через их страну дороги протяжением в 120 миль (180 км) и тем самым не только изменил характер войны, но и покорил врагов, подчинив их своей власти благодаря тому, что сделал доступными их тайные убежища.

Если такое истолкование и уничтожает свидетельство относительно сооружения пограничного вала Домицианом, то по существу все же при этом ничто не изменяется, так как все равно ясно, что нужно было охранять завоеванную область, а находки вместе с тем доказывают факт сооружения крепостей в эпоху Домициана.

Вполне естественно, что сооружение дорог, крепостей и заборов не влекло за собой раздробление армии, но что такие постройки производились частями под защитой войск, собранных для этой цели в достаточном количестве.

К о 2 - м у и з д а н и ю. Оксе в своем исследовании, посвященном "limes'y" ("Боннский ежегодник" – "Bonner Jahrb.", 114, S.109), предлагает изменить цифру 12 000 на 120 футов, предлагая вместо "limitibus per centum viginti milia actis" чтение "limitibus per CXX actis", относя эту цифру не к длине, а к ширине дорог. Это действительно является классическим примером того, к каким ошибкам может привести филологическая ученость при отсутствии специально военных знаний. Против этого можно возразить, что, во-первых, трудно понять, каким образом римляне, успех дела которых зависел от быстроты его выполнения, могли бы взять на себя невероятно трудную работу по постройке в дикой чаще дороги шириной в 120 футов, в то время как

совершенно достаточной была бы дорога шириной в 30 или даже в 20 футов. Но если мы даже эту цифру 120 футов отнесем не к самой дороге, а ко всему тому пространству в лесу, которое было вырублено для того, чтобы затруднить нападение врагов, то все же ширина просеки будет иметь очень мало отношения к длине дорог. Император во время своего похода построил во вражеской стране 180 км дорог. Это было большим делом и средством для того, чтобы подчинить римлянам область, заселенную германскими племенами. Только человеку, ничего не смыслящему в военном деле, могла бы прийти в голову мысль сохранить потомству цифру, указывающую вместо длины ширину дорог. Поэтому нет совершенно никаких оснований к тому, чтобы так неудачно исправлять это совершенно бесспорное в данном отношении чтение рукописного текста.

Фице в своей работе "Война Домициана с хаттами" (программа 8 городского реального училища в Берлине, 1902 г.) еще придерживается перевода "limites" – пограничные укрепления.

4. Макс Вебер ("Handwцrterbuch der Staatwissenschaften", I, 180) нашел очень своеобразное обоснование для того факта, что римляне вернулись к политике обороны границ от германцев. Вебер полагает, что крупные провинциальные земельные собственники-посессоры "требовали от войска прежде всего защиты и охраны своих владений и, следовательно, ставили перед ним оборонительные задачи". Относительно этого следует отметить, что нельзя крупных земельных собственников защищать от варваров иначе, чем всех прочих людей, и что также для них лучшей защитой против германцев

было бы покорение германцев, – конечно, в том случае, если бы это вообще было возможно.

Глава VIII

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Нашей задачей не является сводка всего материала и сравнительное изучение всех известных нам древностей, которые имеют отношение к римскому военному искусству, но все же мы должны попытаться представить себе хотя бы в самых общих чертах внутреннюю жизнь этого крупного организма.

Римская армия получила свое окончательное устройство благодаря всеобъемлющему и систематическому регламенту, изданному Августом, – так называемым "постановлениям Августа" (constitutiones Augusti). Хотя эти постановления до нас и не дошли, все же мы можем восстановить их общий характер по отдельным цитатам, разбросанным у различных авторов.

За время гражданских войн число легионов постепенно увеличивалось. Цезарь оставил после себя 40 легионов, триумвиры располагали несколько большим числом, а их противники – республиканцы – двадцатью тремя. Октавиан и Антоний в 36 г. имели вместе в своем

распоряжение приблизительно несколько более 75 легионов. В более древнюю республиканскую эпоху в легионы принимались только римские граждане. Но с течением времени этот принцип был не только оставлен, но, если так можно выразиться, даже перевернут вверх ногами: прием в легионы стал давать право римского гражданства. Несомненно, что уже легионы Цезаря лишь в незначительной части состояли из прирожденных римских граждан, и этот факт в еще большей степени можно наблюдать в легионах триумвиров. Многие из этих легионов имели лишь с самой внешней стороны легкую: римскую окраску. Виргилий в одном месте[66] категорически называет ветеранов, поселенных в Италии, варварами. Когда Август окончательно и неоспоримо утвердил свое единодержавие, то он снова вернулся к древним основам и действительно гениальным образом сумел их сочетать с условиями мировой империи, надстроенной над городом Римом и латинским племенем. Он не пошел настолько далеко, чтобы с безусловной четкостью отделить одни от других войсковые части, состоявшие из граждан и неграждан, но все же армия соответственно политической структуре государства была организована по различным национальным

ступеням. Если бы в те же самые воинские части на долгий срок и без всякого разбора включались и римляне и неримляне, то латинский элемент в каждой воинской части стал бы настолько слабым, что он не смог бы ни ассимилировать другие элементы, ни господствовать над ними. При такой неопределенной расплывчатости пострадало бы и военное значение этих войсковых частей.

Таким образом, Август сперва сократил число легионов, – как кажется, до 18, – а затем опять увеличил его, доведя к моменту смерти до 25, к царствованию же Септимия Севера это число достигло 33. Но в то время как в эпоху гражданских войн наряду с легионами существовали вспомогательные войска, состоявшие главным образом из легковооруженных войск и всадников, в императорскую эпоху стали уже различать тяжеловооруженную пехоту, подразделенную на легионы подчеркнутого римского типа, и вспомогательные войска, состоявшие из организованных по территориальному принципу когорт. Вместе с тем был сохранен принцип, по которому служба в легионе давала право на римское гражданство. Таким образом, они ни в коем случае не набирались из одних лишь

прирожденных римских граждан, но все же мы должны принять, что неграждане, зачисляемые в легионы, были до некоторой степени романизованы, а именно знали латинский язык, так что не нарушали общего римского характера войсковой части.

При императорах из дома Юлиев западные легионы в своей основе состояли еще главным образом из италиков. Но со времени Веспасиана это явление стало постепенно исчезать[67]; италики сохранили преобладающее положение лишь в преторианской гвардии в Риме. Легионы стали пополняться в тех провинциях, в которых они стояли. Как указывают надписи, даже германцы стали вступать в легионы во все большем и большем числе[68]. В одной сохранившейся надписи преторианец говорит, совсем как некогда Виргилий, о "варварских легионах". Но это были варвары лишь по крови. А по своему духу, по своим обычаям и по своему языку это были представители, конечно, первоначальна варварских, но теперь подвергавшихся романизации племен, входивших в состав империи, которые окончательно романизировались на римской службе и из среды которых вербовались римские легионы.

Римский характер этих легионов в

дальнейшем обеспечивался тем, что центурионы лишь в очень незначительной части выходили из состава самих легионов, а в значительно преобладавшей части брались из состава императорской гвардии – преторианцев, которые состояли из италиков[69]. Единый и целостный характер офицерского корпуса (командного состава) всей армии сохранялся и поддерживался посредством частого перемещения центурионов из одного легиона в другой, о чем мы узнаем из надписей главным образом надгробных.

Во вспомогательных войсках также, возможно, служили отдельные римские граждане, но в своей массе эти войска состояли из еще не романизованных римских подданных. Вооружение, способ ведения войны и дисциплина в этих войсках были такие же, как и в римских легионах. Старшие и младшие командиры были римляне, служебным языком был римский, а обиходным языком был, очевидно, родной язык[70]. Таким образом, различие между вспомогательными войсками и легионами было лишь весьма относительным, причем это различие с течением времени все больше и больше стиралось.

Эти вспомогательные когорты являлись переходной ступенью как к вспомогательным

легковооруженным войскам и коннице, организованным по национальному принципу, так и к чистым варварам, которые были скорее союзниками, чем подданными римлян, и которые следовали за римским войском, имея собственное оружие, собственную организацию и находясь под командой своих собственных предводителей. Но и здесь были еще различные переходные ступени.

Тацит рассказывает ("Агрикола", гл. 28), что в Британии одна когорта усипетов подняла восстание, убила своего центуриона и римских солдат, "которые были введены в состав манипул для поддержания дисциплины в которые должны были служить примером для солдат, являясь их руководителями", и пыталась на трех кораблях бежать к себе на родину. Таким образом, в данном случае римляне сделали попытку принудительно в окончательно сковать упрямых германцев формами римской военной организации.

Батавы же, которые взбунтовались при Цивилии, хотя также входили в состав когорт, не были, очевидно, организованы по чисто национальному принципу. Однако, именно после этого восстания римляне стали осторожнее. Они уже перестали организовывать германцев по округам, но распределял их по разным частям, пользовались ими вдали от их родины и заменяли

командиров, происходивших из их собственных княжеских родов, римскими офицерами. Аналогией к этим римским вспомогательным войскам является современная английская армия в Индии.

Очень существенным моментом, характеризующим римское войско, является способ составления более крупных войсковых соединений.

К каждому легиону присоединялось большее или меньшее количество вспомогательных когорт, но они никогда не превосходили своей численностью легион, в большинстве же случаев были значительно слабее его. Хотя эта система и не проводилась с абсолютной строгостью, – так что, например, в Реции мы находим вспомогательные войска без всяких легионов, – все же этот момент присоединения является самым основным моментом. Следует себе только ясно представить, насколько все изменилось бы, если бы иноземные когорты были объединены в крупные части или если бы все войска рассматривались как некое единство. В первом случае римский и неримский элементы противостояли бы друг другу как две равноправные силы, а во втором случае римский элемент был бы подавлен численным

превосходством варваров. Римскому элементу обеспечивали господствующее положение во всем римском войске тем, что ставили в центр легионы, допуская в них, однако, романизированных варваров и группируя вокруг них почти варварские или вполне варварские вспомогательные войска. Отдельные и обособленные когорты не имели иной точки соприкосновения, кроме легиона. Поэтому процесс романизации должен был необходимым образом исходить из самого внутреннего римского ядра легиона, постепенно распространяясь на внешние круги и продвигаясь все дальше и дальше.

Численный состав легиона в том случае, если он был полным, оставался в пределах прежней цифры, т.е. приблизительно около 6 000 человек. Мы можем предположить, что общая численность легиона вместе с конницей, которая к нему присоединялась, а также со вспомогательными войсками достигала в среднем 9 000–10 000 человек.

По закону и принципиально продолжала существовать, как и раньше, всеобщая воинская повинность, но на практике пополнение армии основывалось на добровольном поступлении на службу и на вербовке. Раз вступивший в армию

брал на себя обязательство служить 20 лет, а в преторианской гвардии – 16 лет, но на самом деле срок этого обязательства значительно удлинялся. Так, мы знаем, что некоторые солдаты, в физическом отношении уже изношенные, все же задерживались под знаменами в рядах армии даже в том случае, когда они получали формальное увольнение. Тогда их ставили в привилегированное положение, освобождали от служебных работ, даже выводили их из состава легиона и образовывали из них отдельные небольшие части (вексилляция – маленькие знамена). Причиной этого являлась не трудность вербовки или обучения рекрутов, но стремление сэкономить на пенсиях, которыми нужно было обеспечить ветеранов.

Иногда случалось и так, что добровольная вербовка не давала достаточного для пополнения армий числа солдат, и поэтому приходилось прибегать к набору. Однако, назначенный к военной службе мог вместо себя выставить своего заместителя, что в свою очередь указывает на наличие в действительности людей, которые были бы готовы последовать за вербовщиком. Различие заключалось лишь в том, что такие люди, становясь на этом обходном пути "заместителями", зарабатывали деньги, которые

государство взыскивало в их пользу с того или иного зажиточного молодого человека по благоусмотрению должностных лиц.

Рабы под страхом смертной казни не имели права вступать в солдатское сословие.

Эти отношения очень наглядно выступают перед нашим взором в переписке между Плинием и императором Траяном. Плиний в качестве наместника Вифинии спрашивает императора, должен ли он наказать двух рабов, которых он обнаружил среди рекрутов, которые уже приняли присягу, но еще не были приняты в ряды войск. Император ему ответил, что следует различать три случая: вступили ли они добровольно, были ли они взяты во время набора или же были выставлены в качестве заместителей. Если они были взяты во время набора, то вина падает на соответствующих должностных лиц; если они были выставлены заместителями, то виновны те, кто их выставил; если же они добровольно вступили на службу, то их следует наказать. При этом не имеет никакого значения то обстоятельство, что они еще фактически не вступили в ряды войска.

Понятие "военной мерки", сыгравшее такую крупную роль в новейшее время, было также известно и римлянам. Эта мерка в императорскую

эпоху носит название "incomma" (военной мерки). Любопытно отметить, что наши ученые высказали различные мнения относительно ее величины. Один ученый, основываясь на шуточной загадке, считает, "что пять римских футов (1,48 м) считалось очень почтенной высотой даже для солдата"[71], что должно было бы превратить римлян в карликовый народ, так как эта мерка на 6 см меньше, чем рост самого маленького немецкого или французского солдата. Другой же ученый[72] полагает, что эта мерка имела в среднем 5 футов и 10 дюймов (1,725 м), превышая, таким образом, даже прусскую гвардейскую меру. На самом же деле (Вегеций, I, 15) в соответствующем месте указано лишь то, что такая высота требовалась только для первой когорты. И это, конечно, вполне соответствует тому указанию, которое мы находим в другом месте[73], а именно, что мерка равняется 5 футам и 7 дюймам (1,651 м). В тех местах, где число подлежащих набору было незначительно, там, вполне естественно, дело кончалось тем, что в солдаты брались самые рослые; поэтому поиски "дюжих парней" становились для полководца чем-то вроде спорта. Мы узнаем от Светония, что Нерон приказал набрать целый легион, состоящий из солдат ростом в 6 футов (1,774 м), назвать его

фалангой Александра Великого и хотел с ним двинуться к Каспийским воротам[74].

Лишь очень немногие войсковые части находились в городах или даже в местечках. Более или менее крупный гарнизон был лишь в одном Риме, но все же весь гвардейский корпус преторианцев с городскими когортами не превышал 12 000 человек и к тому же был расположен не только в Риме, но и в нескольких других местах вне его. Во всей Галлии только в одном главном городе Лионе был расположен гарнизон, состоявший из 1 200 человек. Вообще же во внутренних провинциях империи не было никаких гарнизонов. Легионы были расположены в больших укрепленных лагерях поблизости от границы. Неподалеку от этих укрепленных лагерей, – но все же на некотором расстоянии от них, так что вокруг вала оставалось некоторое свободное пространство, – стали скоро образовываться гражданские поселения (canabae), которые с течением времени стали превращаться в города[75].

Вспомогательные когорты были по большей части расположены в малых и в больших крепостях, находившихся в непосредственной близости от границы.

Солдатам было запрещено жениться, несмотря

на то, что они на службе достигали 40- и 50-летнего возраста. Если солдаты все же женились и обзаводились семьями, то они не имели права держать при себе в лагере свои семьи, и начальство при распределении войск совсем не считалось с этим, так как не усматривало в этом факта "законного брака" (justum matrimonium).

Запрещение жениться распространялось также на центурионов, и даже высшие командиры, покидая Рим для вступления в командование войсками, должны были оставлять дома своих жен.

Высшие командиры, трибуны и легаты, происходившие из аристократических семей Рима и римских провинциальных городов, даже в эту эпоху не были военными в исключительном и специфическом смысле этого слова, но, как и во времена республики, были должностными лицами – магистратами, выполнявшими всякого рода начальственные функции судебного, административного и военного характера. Единственной квалификацией, которая требовалась от такого должностного лица, было знатное происхождение, аристократизм, который все может, потому что сам себе во всем доверяет, считая себя способным для всякого дела. Когда в

свое время Лукулл отбыл в Азию, для того чтобы принять командование над войсками, отправленными против Митридата, то, будучи до того времени совершенным невеждой в военном деле, он стал по дороге готовиться, беря уроки и читая книги по военным вопросам[76], благодаря чему блестяще выполнил свою задачу. Правда, Марий отзывался с большим презрением о такого рода полководцах[77], и даже Цезарь в своих писаниях не слишком часто хвалил своих трибунов. Август и в этом случае сумел найти компромисс между римским общественным строем и военными потребностями, создав новую должность лагерного префекта. Первоначально они были, как показывает их название, комендантами больших постоянных лагерей, но в скором времени число их было увеличено и их функции были расширены. На них была возложена обязанность наблюдения и контроля над выполнением службы, с чем уже больше не могли справляться трибуны, бывшие в большей или меньшей степени дилетантами. А лагерные префекты были профессиональными воинами: они выходили из среды центурионов и всегда стояли на страже дисциплины, внушая страх солдатам. Позднее, в III столетии, они окончательно заняли место легатов и стали командирами легионов.

Нервом армии оставалась по-прежнему, как и в республиканскую эпоху, группа центурионов, которых мы характеризовали выше (т. I) как фельдфебелей, занимавших должность ротных командиров. В то время как в республиканскую эпоху центурионы выходили исключительно из среды простого люда, в императорскую эпоху в армию стали проникать этим путем также и молодые образованные люди, которые просили у императора, чтобы он им предоставил должность центуриона, и затем дослуживались до чина штаб-офицера. Первый разряд центурионов носил название "с военной службы" а второй – "из римских всадников".

Таким образом, командный состав не был так строго разделен на два разряда, как то было раньше. Простой человек, вступавший в ряды войск, мог дослужиться до должности центуриона или даже лагерного префекта, а тот, кто вступал в армию в качестве центуриона, мог дослужиться до должности трибуна. Самые благородные молодые люди, а именно сыновья сенаторов, вступали в армию в качестве трибунов и дослуживались до чина легата, который соответствовал чину генерала. Во главе каждого легиона находился в качестве постоянного командира легат, а затем – может быть, уже со времен Цезаря (I, 493) или с

течением времени, может быть, при Августе или только при Адриане, – также и трибуны превратились в постоянных командиров когорт; собственно говоря, это уже со времен Мария диктовалось военной необходимостью. Но так как в течение долгого времени в состав одного легиона входило только шесть трибунов, в то время как легион состоял из десяти когорт, и Вегеций ясно говорит о том, что когортами командовали частью трибуны, а частью особые начальники, называвшиеся "препозиты" (praepositi), то следует предположить, что, таким образом, и в данном случае преодолевалось сословное различие, а именно тем, что должности четырех командиров когорт закреплялись за теми центурионами, которые получали продвижение по службе. Таким образом, "препозиты" были еще одной промежуточной ступенью между разрядом центурионов и группой лагерных префектов[78].

Группа солдат, которых мы назвали бы унтер-офицерами и ефрейторами, носила в императорской армии название "принципалов" (principales). Из среды простых солдат выбирали самых способных, самых образованных и самых храбрых и продвигали их по строго определенной схеме. Важнейшими должностями здесь, как и в республиканскую эпоху, были должности

знаменосца (signifer), помощника центуриона (optio) и передающего пароль (tesserarius), которые заменяли центуриона в командовании или же стояли во главе более мелких подразделений. Из среды принципалов выходили не только правительственные армейские чиновники, но также высшие штабные командиры и, наконец, даже императорские гражданские должностные лица[79].

Жалованье легионеров, которое в республиканскую эпоху без кормового довольствия (равного приблизительно 45 денариям) выражалось в сумме 75 денариев в год, было удвоено Цезарем, Август же к концу своего правления его значительно повысил, доведя до тройных размеров, т.е. до 225 денариев, что равняется 195 маркам. Насколько крупным было это жалованье, можно судить по тому, что вспомогательные войска, жившие в точно таких же условиях, получали не более трети этой суммы, т.е. всего лишь 75 денариев. Преторианцы же, которые жили не в лагерях, но в Риме и в других местах, где жизнь была роскошной и дорогой, получали жалованье, превышавшее больше, чем в три раза жалованье легионеров, т.е. 750 денариев, или 650 марок, помимо кормового довольствия.

К регулярному жалованью добавлялись

подарки, выдававшиеся при вступлении императора на престол и при иных подобных торжественных событиях, а также премия, выдававшаяся при увольнении от службы, которая у легионеров была не менее 3 000 денариев, а у преторианцев не менее 5 000 денариев (2 600 и 4 300 марок). Наличные деньги иногда заменялись правом получения земельного надела, но, конечно, очень сомнительно, чтобы человек, пробывший воином от 18 до 40 или 45 лет, мог горячо взяться за крестьянскую работу и удовлетвориться положением мелкого крестьянина. Но и это пожалование получали лишь преторианцы и легионеры, а не солдаты вспомогательных войск.

Домициан повысил годовое жалованье легионеров до 300, Коммод – до 375, а Септимий Север – до 500 денариев. Трудно установить реальное значение этих повышений. Так как вес серебра в одном денарии был при Септимий Севере вдвое меньше, чем в эпоху Августа, то значительное повышение солдатского жалованья должно было бы быть лишь кажущимся. Однако, весьма вероятно, что покупательная сила денег повысилась, так что реальная заработная плата солдат и на самом деле повысилась, что вполне естественно, так как императоры находились в

зависимости от своих солдат[80].

Центурионы, которые во времена республики получали лишь двойное солдатское жалованье, стали при императорах получать в пять раз больше, чем солдаты, и, таким образом, значительно выдвинулись из общей солдатской массы.

Солдатское честолюбие как в республиканскую, так и в императорскую эпохи подхлестывалось и разжигалось целой системой внешних знаков отличия. Солдатам жаловались почетные копья, маленькие знамена, щиты, таблички с украшениями, которые надевались на конскую сбрую или носились на груди, браслеты, ожерелья, короны и венцы[81]. При помощи таких же знаков отличий или почетных наименований выделялись и целые войсковые части.

При легионах и когортах имелись прикрепленные к ним врачи и лазареты (valetudinaria) с собственными служащими и санитарами (которые находились при больных – qui aegris praesto sunt)[82]. Упоминаются также и ветеринары.

При каждой когорте была сберегательная касса, и, кроме того, небольшие кассы взаимного страхования, – в особенности же кассы страхования от смерти, находившиеся под

наблюдением знаменосца. Солдаты должны были часть своего жалованья и особенно наградных класть в сберегательную кассу, по крайней мере до определенной суммы. Песценний Нигер однажды приказал, чтобы солдаты, идя на войну, вообще не брали с собой ни золотых, ни серебряных денег, но отдавали бы их в кассу и получали бы лишь по окончании похода.

Управление наемными войсками обязательно требует ведения точного делопроизводства. Среди египетских папирусов наряду со многими другими документами сохранились и военные документы – листки, относящиеся к 81 – 87 гг., на которых писец одной центурии чрезвычайно тщательно записал на латинском языке расчеты с отдельными солдатами и целыми командами, отпуска и т. п.[83].

Каждый вечер все трубачи и горнисты собирались в лагере около палатки полководца и трубили, пользуясь нашим выражением, "зорю". После этого выставлялись ночные караулы[84].

Дисциплина по древнеримскому обычаю всегда оставалась строгой, а если она иногда и ослабевала, то довольно скоро находились такие полководцы, которые ее снова сильно подтягивали. Тацит рассказывает про Корбулона ("Анналы", II, 18), что он, восстанавливая при

императоре Клавдии древние обычаи среди недисциплинированных легионов, предал смертной казни одного солдата за то, что тот работал на валу, не опоясавшись мечом, как то было приказано, а другого солдата – за то, что он имел при себе один лишь кинжал.

Центурионы всегда ходили, как офицеры в XVIII в., держа в руке палку из виноградной лозы и безжалостно применяя ее. Во время большого восстания легионов, бывшего после смерти Августа, солдаты наряду со многими другими офицерами убили также одного центуриона, которому они дали насмешливую кличку "подай другую" (cedo alteram), так как он привык, сломав палку о спину солдата, требовать себе другую. Если в армии Фридриха Великого право произвольного административного взыскания, предоставленное командному составу, вводилось до некоторой степени в рамки тем, что ротные командиры, происходя из дворянства, сохраняли своего рода патриархальное отношение к своей команде и были ответственны за ее содержание, а отчасти даже и за ее пополнение, то римского центуриона эти смягчающие моменты не сдерживали, так как он был только командиром и к тому же сам строго выполнял служебные обязанности, так как являлся выходцем из

простого люда.

Но римская армия, а вместе с нею и римское государство держались не только благодаря исправительным мерам и мерам дисциплинарного воздействия, но также благодаря отвлеченному понятию воинской чести. Государственная мудрость этого державного народа сделала Рим не только политическим, но и религиозным центром мировой империи. Хотя у покоренных народов не отнимали их богов и оставляли им их религию, но все же наряду с туземными богами стали возвышаться храмы и алтари, на которых приносили жертвы богине города Рима и в то же время божеству императора. Подобным же образом, хотя и несколько иначе, обстояло дело в римских лагерях. Там не было алтарей, посвященных богине города Рима. В легионах поклонялись старым капитолийским богам – Юпитеру, Юноне и Минерве, а среди вспомогательных войск – туземным богам, но во всей армии одинаково почитали гений императора. Вспомогательные войска, постепенно теряя свой первоначальный национальный облик, воспринимая различные влияния и романизируясь, вводили у себя также и римских богов. Особенно много почитателей приобрел здесь себе Марс, но наряду с ним также и

многочисленные боги и божественные олицетворения: Победа (Victoria), Счастье (Fortuna), Честь (Honos), Доблесть (Virtus), Благочестие (Pietas), Дисциплина (Disciplina), гений местности, гений учебного плаца и гений лагеря получили свои алтари[85]. Очень редко, лишь в III столетии, находим мы иногда алтари, посвященные городу Риму. Это различие между гражданской и военной религиями является выражением политического положения армии в государственном организме. Армия принадлежит не столько государству, сколько императору, как, впрочем, и сама армия фактически возводила на престол императора.

Понятие божества, или гения императора не получило богословского оформления, и не было установлено, в каком отношении находилось это божество к человеку, созданному из плоти и крови. Бывали такие императоры, которые относили это божество к самим себе, к своей собственной особе. Лучшие и более умные императоры – Август, Тиберий и императоры II столетия – отодвигали свою особу на второй план, но все же наряду со священными и почитаемыми полевыми знаменами в кругу богов знаменного святилища стояло также и изображение императора. Полководцу

воздавались почести подобно божеству, так что солдатская религия как бы восполняла солдатскую дисциплину и солдатскую честь[86].

Римское императорское войско, обеспечивавшее в течение веков тогдашнему цивилизованному миру редко прерываемый мир, было очень небольшим по сравнению с теми наборами, которые нам известны из истории древней Греции и Римской республики, а также по сравнению с современными постоянными армиями. Те 25 легионов, которыми располагал Август, вместе с вспомогательными войсками, находившимися постоянно – даже в мирное время – на римской службе, насчитывали, очевидно, не более 225 000 человек. Население же всей империи равнялось 60–65 млн[87]. Таким образом, численность армии по отношению к населению составляла немного более 1/3% в то время как Рим с самые напряженные годы Второй Пунической войны держал под оружием около 7S% своего населения, а Германия и Франция, даже в мирное время до 1914 г., держали под ружьем свыше 1%.

Благодаря организации и дисциплине, как римляне с гордостью себе сами говорили[88], этой незначительной доли боеспособных мужчин было достаточно для того, чтобы обеспечивать мир государству, в то время как главная масса

населения могла отдаваться ремеслам и культурной работе и должна была лишь платить налоги, чтобы оберечь себя от всякой военной опасности.

Весьма сомнительно, чтобы позднейшее увеличение числа легионов с 25 до 33 было действительным увеличением армии, соответствовавшим росту населения, так как при непрерывном расширении римского гражданского права могло иметь превращение вспомогательных войск в легионы. Домициан даже однажды предполагал сократить численность армии, чтобы сэкономить средства, но должен был отказаться от этого, так как это слишком ослабило бы его положение по отношению к варварам[89].

Некоторые места из писем Плиния к Траяну показывают, как скупы были в то время на войска. Наместник торговался со своими должностными лицами, и тот же самый наместник торговался с самим императором, так сказать, из-за каждого солдата, причем об этом шла переписка между Вифинией и Римом.

Организация и тактика легионов оставались по существу прежними. Некоторое изменение в составе когорт и создание двойных когорт (миллиарии) не оказало никакого влияния на военную тактику. Также и реформы,

предпринимавшиеся тем или иным императором, в частности Адрианом, имели лишь регламентарный характер, ничего не меняя по существу в самой тактике.

Полевая артиллерия, если так можно выразиться, получила, как кажется, некоторое дальнейшее развитие. Катапульты и баллисты, которыми первоначально пользовались лишь при осадах, были приспособлены также и для сражений в открытом поле (ср. т. I, ч. III, гл. VII, сражение при Мантинее в 207 г.). Весьма возможно, что Цезарь уже регулярно снабжал свои войска такими орудиями. В некоторых сражениях этими орудиями пользовались как Цезарь, так и его враги, как ясно видно из соответствующих описаний[90]. Тацит упоминает о них, рассказывая о сражении у вала ангривариев. Более поздний источник[91] указывает на то, что к каждому легиону, согласно регламенту, присоединялось 55 карробалист и 10 онагров. Первый тип машин служил для метания больших стрел; эти машины передвигались при помощи мулов и требовали для своего обслуживания 11 человек. Второй тип машин передвигался быками и выбрасывал большие камни. При осадах эти орудия имели большое значение. Но во время сражения они вряд ли могли оказывать сильное

действие, так как их снаряды хотя и обладали большой пробивной силой, все же имели сферу действия, немногим превышавшую сферу действия холодного оружия. Поэтому можно было легко обезопасить себя от выстрелов из этих машин, либо отступая назад, либо устремляясь вперед в рукопашный бой.

Мы не располагаем никакими специальными указаниями относительно военного обучения, существовавшего у римлян. Однако, греческие тактики эпохи так много говорят о расчленении и о командах, что мы можем себе составить вполне ясную картину строевого обучения. И эту картину мы тем спокойнее можем применить к римлянам, что она в высшей степени напоминает соответствующие современные формы. Это объясняется тем, что здесь мы имеем дело с настолько простыми – отчасти математическими, отчасти психологическими – законами и основными принципами, что они естественно должны вызывать на практике в каждую эпоху и у каждого народа сходные явления.

Отделения подразделялись на ряды и шеренги; их выстраивали так, что солдаты становились в затылок; различались повороты и захождения, движения фронтом и в полуоборот. Некоторые команды мы можем привести буквально:

К оружию! (В ружье!)
Обозные, выходи из строя!
Смирно, слушай команду!
Копья вверх! (На караул!)
Копья опустить! (К ноге!)
К копью повернись! (Направо!)
К щиту повернись! (Налево!)
Шагом марш!
Стой!
Равняйсь!
Стать в затылок!

Точность всякого строевого обучения основывается на подразделении команды на две части: на предварительную команду и на исполнительную команду. И этот способ был известен древним; у специалистов по тактике Асклепиодота и Элиана мы находим указания не только на то, что приказы должны быть короткими и ясными, но и на то, что частное должно предшествовать общему, так что следует говорить "к копью – повернись!", а не "повернись – к копью", так как в противном случае в спешке одни бы повернулись направо, а другие налево.

По воинскому уставу, римские солдаты должны были не только обучаться военному строю, но также драться на мечах, стрелять, делать гимнастику, плавать и маневрировать.

Маневры называются "decursio" и объясняются так: "Разделив войско на две части, сталкивать оба строя, изображая подобие боя". Таким образом, под словом "маневры" понималось то же самое, что и мы понимаем под этим словом. Трижды в месяц должен был совершаться учебный поход (ambulatio) с походной укладкой на две мили туда и на две мили обратно[92].

Дисциплина основывалась, так же как и в современных постоянных армиях, на строевом обучении. Число новобранцев, подлежавших строевому обучению, было, однако, очень незначительно, так как главная масса легионов состояла из более старых солдат. В армиях VIII в., где состав войск был приблизительно таким же, большинство старых солдат обычно увольнялось в отпуск и призывалось вновь в ряды войск лишь раз в году на краткий срок для прохождения строевого обучения, причем постоянный наличный состав войск служил для несения караульной службы. Но эта система увольнений была неприменима по отношению к римским солдатам, которые должны были постоянно нести охрану границ. Поэтому солдат, – как это уже, впрочем, и было в республиканскую эпоху, – принуждали выполнять строительные работы. Самими солдатами были построены и

поддерживались в порядке не только пограничный вал, его башни и укрепления (крепости), но и большие дороги в пограничных провинциях, где мы даже еще теперь часто из надписей узнаем, какая именно войсковая часть выполнила ту или иную работу. Август категорически запретил пользоваться солдатами для частных предприятий, но их привлекали для сооружения храмов и других общественных зданий.

Разительным примером того, как в своей основе люди всегда остаются одинаковыми и как одинаковые установления всегда вызывают одинаковые явления, является картина войскового смотра, изображенная в одном случайно сохранившемся документе римской военной истории.

Когда французы завоевали Алжир, то в одной довольно пустынной местности, в Ламбезис, где в течение долгого времени находился лагерь легионов, они нашли большую надпись, содержавшую, как это было установлено, обращение императора Адриана к войскам (1 июля 128 г.) после произведенного им инспекторского смотра. Командовавший римскими войсками легат Катуллин приказал высечь эту надпись на камне для того, чтобы

навеки сохранить память, как отличились он и его легион во время императорского парада. Французский полковник почтил память своего древнего соратника тем, что приказал своему полку пройти церемониальным маршем мимо этого каменного исторического источника. После этого много потрудились над тем, чтобы восстановить в тексте отсутствующие места и слова и, таким образом, составить хотя бы не абсолютно полный, но все же такой текст, который можно было бы прочесть в его основных частях. В 1882 г. я совместно со своим школьным товарищем Вильгельмом Мюллером издал в "Военном еженедельнике" ("Militdr-Wochenblatt") этот текст по "Сборнику латинских надписей" ("Corpus inscriptionum latinarum"), снабдив его переводом, в котором была сделана попытка по возможности наглядно подчеркнуть все то, что в этой надписи созвучно современности. Я думаю, что человек, имеющий отношение к внутренней жизни нашей армии, должен будет почувствовать нечто такое, что можно было бы назвать юмором всемирной истории, читая эту надпись и видя, как смесь признания и критики, похвалы с рядом оговорок, авторитетности и благожелательности, устава, высшей мудрости начальника и поучения – являлась основными элементами маневренной

критики. Надпись эта гласит[93].

"ТО, ЧТО ВООБЩЕ ОТНОСИТСЯ К ЛЕГИОНУ В ЦЕЛОМ"

"Мой легат в своем отчете разъяснил то особое положение, в котором находился полк (дивизия)[94]: отсутствовал один батальон; в распоряжение правительства предоставляется штаб, состав которого ежегодно меняется; три года тому назад один батальон и четвертая часть рот были выделены на сформирование нового полка, под тем же No 3[95]; полк разделен на много гарнизонов, расположенных в разных местах; на нашей памяти полку пришлось не только дважды переменить постоянный лагерь, но также построить и укрепить новый. Все эти причины явились бы смягчающими обстоятельствами, если бы было установлено, что в течение долгого времени не происходило строевого обучения в широком масштабе. Но результат инспекторского смотра показал, что эти извинения являются излишними, и я могу выразить полку свое полное удовлетворение...

...Штаб-офицеры (или легат?) внимательно[96] отнеслись к делу обучения войск. Ротные командиры, младшие офицеры и унтер-офицеры проявили рвение при выполнении своих служебных обязанностей"[97].

"КАВАЛЕРИЯ"

"Военное обучение подчиняется в некотором роде собственным законам; если к нему что-либо прибавить или от него что-либо отнять, то это учение окажется либо недостаточным, либо слишком

трудным. Если увеличить трудности, то выполнение будет не столь изящным. Однако, полк не удовлетворился этими трудностями, но выполнил самое трудное, а именно, выдвинув кирасиров (буквально "панцирников") в качестве стрелков. Я не считаю нужным непременно порицать это, – наоборот, я хвалю рвение, бывшее причиной этого, между тем как..."

"ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА"

"Его превосходительство, мой генерал Катуллин, обнаружил одинаковую заботливость по отношению ко всем подчиненным ему войсковым частям... полковник внимательно отнесся к делу обучения вверенных ему войск. Поэтому я разрешаю выдать вам для вашего обратного возвращения в Коммагену экстраординарную дополнительную порцию провиантского снабжения..."

"КАВАЛЕРИЯ 6-го КОММАГЕНСКОГО ПОЛКА"

"Трудно, чтобы батальонная кавалерия[98] сама по себе понравилась бы, и еще труднее, чтобы она после военных упражнений кавалерийских частей не произвела неприятного впечатления.

Иное здесь пространство, иное число стрелков, искусные повороты[99], сомкнутый строй, прекрасные ремонты, соответствующее более высокому вознаграждению блестящее вооружение – все здесь иное. Тем более следует признать, что эскадрон своей напряженной работой преодолел эти трудности и обнаружил свои отличные качества при выполнении

предписанных упражнений, проведя еще вдобавок к ним бой с пращами и с дротиками и проявив особенную ловкость в вольтижировке. Заботливость его превосходительства, моего генерала Катуллина, свидетельствует о том, что он вас..."

"МАНЕВРЫ"

"...Полк в течение одного дня выполнил то, что в других случаях распределяют на несколько дней. Он возвел на большом пространстве полевые укрепления, применяющиеся при сооружении зимнего постоянного лагеря, в течение времени, не намного превышающего время, требуемое при применении подготовленных кусков дерна, которые по самой своей природе могут быть равномерно разрезаны на равные части, легко доставлены и которыми легко пользоваться, в то время как здесь применялись большие и тяжелые камни и глыбы скал, которые нельзя ни перевозить, ни поднимать и которыми нельзя пользоваться при постройках, не заполнив существующих между ними неровностей. Ров, который полк должен был вырыть в твердой, скалистой почве, был правильно врезан в грунт, а стены его были выравнены посредством обивки. После того как эта работа была проверена, войска вошли в лагерь и быстро приняли пищу и оружие. Когда после этого высланная вперед кавалерия, отброшенная назад, возвращалась, то она интервалами принималась и с громкими криками...

...враг не осмеливается больше приближаться к лагерю... слишком поздно соединились... сделали вылазку...

Его превосходительство, мой генерал Катуллин, таким образом организовал маневры (главный замысел), что картина боя вполне соответствовала войне. И это я должен похвалить. Равным образом я должен похвалить войска за выполнение этих маневров. Полковник Корнелиан вполне соответствует своему назначению. Его атаки врассыпную не нравятся мне. Устав императора Августа предписывает, чтобы кавалерия не выходила легкомысленно из своего прикрытия, а преследовала осторожно. Если всадник не видит, куда он несется, или если он не может остановить лошадь по своему желанию, то он упадет в волчью яму... Наступать нужно сомкнутым строем".

К этому приказу по армии Адриана я хотел бы еще добавить рассказ Тацита о большом восстании солдат, произошедшем во время вступления на престол Тиберия ("Анналы", кн. I).

Рассказ об этом внутреннем движении в римской армии, принадлежащий мастерскому перу Тацита, как нельзя лучше и ярче рисует римское войско с его поразительной смесью дурных и хороших качеств. Отношение солдат к династии, римлян к провинциалам, римского военного государства, возглавляемого императором, к римскому гражданскому государству, которое все еще имело свое представительство в сенате, – все это в приведенных здесь речах так же оживает, как

некогда оживало войско Римской республики в речах центуриона Лигустина. Этот рассказ Тацита мы хотим повторить во всем его объеме не только ради одного римского войска, но также и потому, что в течение всего настоящего труда мы будем, таким образом, иметь возможность на это указывать, когда мы будем встречаться с подобными, даже почти такими же явлениями в войсках в другие времена и у других народов.

Тацит рассказывает:

"Таково было положение вещей в Риме, когда в паннонских легионах произошло восстание, – не под влиянием каких-либо особенных причин, но лишь потому, что перемена правителя давала надежду на безнаказанность восстания и что гражданская война скрывала в себе некоторые шансы на успех. В летнем лагере находились вместе три легиона под начальством Юния Блэза. При известии о смерти Августа и восшествии на престол Тиберия Юний Блэз приостановил военные упражнения вследствие траурных и праздничных торжеств. Это было первой причиной того, что солдаты стали распущенными, приняли враждебный тон, стали прислушиваться к советам наихудших; наконец, они почувствовали стремление к беспутной и праздной жизни, так как им надоели воинская дисциплина и работа. В лагере находился некто Перценний, бывший раньше главой театральной клаки, а теперь находившийся здесь в качестве простого солдата, дерзкий болтун, ловко умевший искусными театральными приемами

подстрекать народ. На ночных сходках он постепенно возбуждал умы тех простодушных людей, которые были озабочены вопросом, какова будет участь воинов после смерти цезаря. Или же, когда склонялся день и когда удалялись наиболее благоразумные, он собирал вокруг себя самых испорченных людей. Под конец, когда уже были готовы и другие участники этого мятежа, помогавшие ему в этом деле, он в качестве оратора стал задавать солдатам такие вопросы:

"Почему они, подобно рабам, подчиняются немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Смогут ли они когда-нибудь еще просить об облегчении своей участи, если они теперь же не подступят с просьбами или с оружием к новому, еще колеблющемуся правителю? Достаточно они страдали из-за трусости в течение стольких лет, стали стариками, в большинстве изувеченные ранами и имея за своими плечами от тридцати до сорока походов! Даже для уволенных служба не кончается, так как они оставляются при знамени и должны под другим названием выносить те же самые тяготы. И если кому-либо из них удается пережить столь многие мучения, то его еще тащат в отдаленные страны, где он получает под названием пашен топкие болота или необработанные гористые участки. Служба сама по себе воистину тягостна и невыгодна. Тело и жизнь оцениваются в 10 ассов ежедневной платы. Из этой суммы они должны обеспечить себя одеждой, оружием и палатками и откупаться от жестокого и дурного обращения центурионов, а также и от военных работ. Но, клянусь небом, побои, раны, жестокие зимы, тягостные лета, ужасная война или тощий мир, – все это продолжается и продолжается.

Единственное средство, которое может помочь, это поступать на службу на известных условиях, а именно, чтобы каждый получал денарий жалованья; чтобы служба кончалась по истечении шестнадцати лет; чтобы они не удерживались дольше под знаменами в рядах войск, но чтобы им выплачивалось вознаграждение в самом лагере наличными деньгами. Разве преторианские когорты, которые получают два денария жалованья и в которых после шестнадцати лет службы солдаты отпускаются на родину, подвергаются большим опасностям? Я не хочу принизить значение сторожевой службы в городе, но я хочу сказать, что они должны, находясь среди диких народов, смотреть из своих палаток в лицо врагу".

Толпа, неоднократно возбуждаемая, выражала криками свое одобрение. Одни с горечью показывали на рубцы от ударов, другие – на свои седые волосы, а большинство – на изношенную одежду и на свое обнаженное тело. Наконец, они дошли до такой ярости, что задумали три легиона смешать в один. Отказавшись от этого вследствие соперничества, так как каждый стремился к тому, чтобы этот почет был отдан его легиону, они обращаются к другой мысли и ставят рядом три орла и знамена когорт. В то же самое время они наносят дерн и воздвигают возвышенное место, чтобы последнее было более заметно. В то время как они торопливо делали это, подошел Блэз, стал бранить и некоторых удерживать, громко крича при этом: "Лучше омочите в моей крови ваши руки. Менее позорно преступление убить легата, чем отпасть от императора. Либо, оставшись невредимым, я сохраню верность легионов, либо, убитый, я ускорю ваше раскаяние".

Тем не менее дерн накладывался и уже достиг высоты груди, когда, наконец, побежденные твердостью Блэза, они прекратили работу. Блэз с большим красноречием говорил им: "Не посредством возмущения и смятения следует доводить желания солдат до кесаря. Таких нововведений не требовали ни их предшественники от прежних императоров, ни они сами от божественного Августа. И очень несвоевременно отягчать этим заботы начинающего свое правление государя. Если все же в мирное время вы хотите добиться того, чего даже в гражданские войны не требовали победители, то почему же вы прибегаете к насилию, противясь обычному повиновению и правилам военной дисциплины? Они должны были бы выбрать депутатов и в моем присутствии им дать поручения". Они же стали кричать, чтобы сын Блэза взял на себя обязанности депутата и требовал бы для солдат права увольнения после шестнадцати лет службы. Остальные поручения они дадут тогда, когда первое увенчается успехом. Когда молодой человек уехал, наступило некоторое успокоение. Однако, воины стали хвастаться тем, что отправление сына легата оратором и ходатаем за общее дело достаточно доказывает, что ими насильственными мерами исторгнуто то, чего они не могли бы достигнуть покорностью.

Еще до начала восстания некоторые манипулы были отосланы в Навпорт для (постройки) мостов, дорог и других надобностей; как только они узнали о волнениях в лагере, тотчас же схватили свои знамена и поднялись с места. Разграбив соседние деревни и вместе с ними самый Навпорт, который походил на муниципию, они стали преследовать удерживавших

их центурионов, осыпая их насмешками, бранью и, наконец, даже ударами. В особенности же они ненавидели лагерного префекта Ауфидиена Руфа, которого они сбросили с повозки, нагрузили багажом и погнали в первом ряду, насмешливо спрашивая, нравится ли ему нести такую громадную тяжесть и совершать такой длинный переход. Дело в том, что Руф долгое время был простым солдатом и затем центурионом; став, наконец, лагерным префектом и поседев в трудах и тяготах, он хотел восстановить древние и строгие правила службы и был тем суровее, что сам их вынес.

Благодаря их прибытию снова вспыхнуло восстание. Солдаты рассыпались и стали грабить окрестности. Блэз приказал для устрашения других высечь прутьями и заключить в тюрьму некоторых солдат, особенно перегруженных добычей, так как тогда еще повиновались легату центурионы и наиболее благонадежные из солдат. Но когда их схватывали, они сопротивлялись, обнимали колена окружавших, называли по имени то отдельных лиц, то центурию, к которой они принадлежали, когорту и легион, крича, что то же самое ожидает и всех. Одновременно они осыпали легата ругательствами, призывали в свидетели небо и богов и делали все возможное, чтобы возбудить ненависть, сожаление, страх и гнев. Солдаты сбежались со всех сторон. Они взломали тюрьму, сняли оковы и приняли в свою среду дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

Вследствие этого возмущение стало еще сильнее, и у него стало больше предводителей. Некто Вибулен – простой солдат, поднятый перед трибуналом Блэза на

плечи стоявших кругом людей, обратился к бунтовавшей и напряженно ожидавшей его речи толпе со следующими словами: "Хотя вы вернули этим невинным и достойным сожаления людям свет и дыхание, но кто вернет жизнь моему брату, кто возвратит мне снова моего брата? Его, посланного к вам от германской армии для общего блага, он умертвил этой ночью, подослав своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на гибель солдатам. Отвечай, Блэз, куда ты бросил его труп? Даже враг не отказывает в погребении. Когда я поцелуями и слезами утолю свое горе, тогда прикажи убить и меня. Пусть только нас похоронят здесь убитыми не за какое-либо преступление, а лишь за то, что мы заботились о благе легионов".

Эти слова он подкрепил рыданиями, ударяя себя руками в грудь и в лицо. А затем, растолкав тех. которые его таким образом держали на своих плечах, он спрыгнул вниз и, бросаясь к ногам отдельных людей, вызвал среди них такое замешательство и такое негодование, что одна часть солдат стала вязать гладиаторов, находившихся на службе у Блэза, а другая – остальных его рабов, причем сбежались другие для того, чтобы искать труп. И если бы не стало скоро известно, что никакого трупа не было найдено, что рабы, спрошенные под пытками, отрицали убийство и что у того солдата никогда не было брата, то возмутившиеся солдаты были бы недалеки от того, чтобы убить легата. Но все же трибунов и лагерного префекта они вытолкнули вон; багаж бежавших был разграблен, причем был убит центурион Люциллий, которому они раньше по солдатской остроте дали кличку "Подай другую", так

как, когда на спине солдата ломалась лоза, он громким голосом требовал другую и вновь другую. Остальные сумели спрятаться, только Клемент Юлий был оставлен, так как он, благодаря своему быстрому уму, казался годным для того, чтобы выполнить поручения солдат. Восьмой и пятнадцатый легионы были даже готовы обнажить оружие, выступив друг против друга, так как восьмой легион требовал предать смерти одного центуриона, по имени Сирпика, а пятнадцатый его защищал; однако, девятый легион вмешался в это дело просьбами и даже угрозами, направленными против тех, кто еще упорствовал.

Это известие заставило Тиберия, – несмотря на то, что он вообще был человеком скрытным и утаивавшим печальные события, – послать своего сына Друза вместе с наиболее видными государственными людьми и с двумя преторианскими когортами, но без определенных поручений, приказав ему лишь действовать согласно с обстоятельствами. Когорты были усилены отборными солдатами, сверх обыкновенного. К ним была прибавлена большая часть преторианской конницы и лучшая часть тех германцев, которые в то время составляли лейб-гвардию (личную охрану) императора. Вместе с тем преторианский префект Элий Сеян, пользовавшийся большим уважением и значением у Тиберия, был присоединен в качестве товарища по службе к своему отцу Страбону для того, чтобы руководить молодым Друзом и указывать другим, чего они должны опасаться и на что они должны надеяться. При приближении Друза легионы вышли ему навстречу, как бы по обязанности, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блестя

воинскими украшениями, но покрытые грязью, с лицами, которые хотели выразить печаль, но которые скорее выдавали упрямство.

Лишь только он вошел в лагерь и оказался внутри вала, как они тотчас же заняли ворота стражами и расположили в определенных местах лагеря вооруженные отряды, а остальные окружили трибунал огромной толпой. Друз стоял, требуя молчания движением руки. Они каждый раз, как обращали свои взоры на толпу, поднимали дикий, угрожающий крик, а глядя на цезаря, начинали дрожать. Раздавался глухой ропот, затем отвратительное рычание, и наступала внезапная тишина. Под влиянием различных душевных движений они то сами испытывали страх, то других заставляли бояться. Наконец, когда прервался шум, Друз прочел послание своего отца, в котором было написано, что он особенно заботится о храбрых легионах, с которыми он перенес столь многие войны; что лишь только его душа успокоится от печали, он тотчас же доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним своего сына, чтобы он без промедления тотчас же предоставил им то, что им сейчас же может быть предоставлено; что остальное должно быть поставлено на разрешение сената, который имеет право участвовать как в раздаче милостей, так и в присуждении наказаний.

Собрание ответило, что центурион Клемент сообщит об их требовании. Клемент начал свою речь с требования об увольнении после шестнадцати лет службы, говорил о вознаграждении после окончания службы, о том, что они должны ежедневно получать один денарий жалованья и что ветеранов не следует

дольше удерживать под знаменами. Когда же Друз стал ссылаться на то, что это зависит от решения сената и его отца, то он был прерван криком: "Для чего же он прибыл сюда, если он не имеет полномочий ни повысить жалованье, ни облегчить тягости службы, ни совершить, наконец, какие-либо иные добрые дела? А вот на то, чтобы бить и убивать, клянемся Геркулесом, каждый может быть уполномочен. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать желания солдат, ссылаясь на имя Августа. И те же самые хитрости принес с собою Друз. Неужели к нам всегда будут являться лишь сыновья правителей? Совершенно новым является то, что император предоставлял решению сената лишь один вопрос об одних выгодах, предоставляемых солдатам. В таком случае следовало бы спрашивать мнение сената каждый раз, как предполагались какая-либо казнь или сражение. Или разве только награды зависят от воли высших господ, а наказания – от произвола?"

Наконец, они покинули трибунал. Встречая на своем пути преторианских солдат и друзей Друза, они угрожали им кулаками, чтобы вызвать раздор и открытую борьбу. Больше всего они были ожесточены против Энея Лентула, так как думали, что этот человек, выделяющийся среди других своим преклонным возрастом и своей военной славой, поддерживает Друза и чувствует особенное отвращение к этим постыдным требованиям солдат. Вскоре после этого, когда он пошел с кесарем и, предвидя опасность, направился обратно в зимний лагерь, они его окружили и спросили, куда он идет, к императору или к сенаторам, чтобы и там выступить

против льгот легионам? И они тотчас же напали на него и стали бросать камни. Уже окровавленный брошенным в него камнем и уверенный в своей гибели, он был спасен подоспевшими людьми, прибывшими в свите Друза.

Случай успокоил грозную и чреватую злодеяниями ночь. Солдаты увидели, что луна на ясном небе стала внезапно меркнуть. Не зная причины этого явления, солдаты приняли его за предзнаменование, связанное с настоящими событиями, уподобляя ущерб светила своим страданиями и думая, что их дела хорошо кончится, если лунная богиня снова обретет свой блеск и свою ясность. Поэтому они стали оглашать воздух бряцанием меди и звуками труб и рогов. И они радовались или горевали в зависимости от того, становилась ли луна ярче или тусклее. Когда поднимавшиеся облака скрывали луну от взоров толпы и когда думали, что она погребена во мраке, то они (так как напуганные души всегда склоняются к суевериям) начинали жаловаться на то, что им предрекается вечная мука и что боги чувствуют отвращение к их преступлениям. Решив воспользоваться этим настроением и считая, что он должен разумно использовать то, что ему послал случай, кесарь приказал обойти палатки. Были призваны центурион Клемент и другие люди, заслужившие расположение солдатской массы хорошим отношением. Они смешались с ночной стражей, со сторожевыми пикетами и с караулами у ворот, давая им надежду, усиливая в них страх. "До каких же пор будем мы держать в осаде сына императора? Когда окончится эта распря? Неужели мы станем приносить присягу Перценнию и

Вибулену? Неужели Перценний и Вибулен будут раздавать жалованье солдатам и пашни тем, которые выслужили срок? Наконец, разве они должны захватить власть над римским народом вместо Неронов и Друзов? Не лучше ли нам, которые были последними в провинности, быть первыми в раскаянии? Поздно получается то, что требуется для всех вообще, а частную милость можно тотчас же заслужить и тотчас же получить". Так как это взволновало умы и поселило недоверие между солдатами, то молодые солдаты отделились от ветеранов, а один легион отделился от другого. И постепенно стало возвращаться стремление к повиновению. Они стали освобождать ворота и разносить по своим местам знамена, которые в начале мятежа они снесли в одно место.

С наступлением дня Друз созвал солдат на сходку. Хотя он и не был искушен в ораторском искусстве, но все же с прирожденным великодушием упрекнул солдат за прошлое и похвалил за настоящее. Он говорил, что его нельзя победить ни устрашением, ни угрозами. Но если он увидит, что они обратились к смирению и если он услышит их мольбы, то напишет своему отцу, чтобы он, смилостивившись, внял бы просьбам легионов. "По их просьбе снова посылаются к Тиберию тот же самый Блэз с Люцием Апронием, римским всадником из когорты Друза и Юстом Катонием центурионом первой манипулы. После этого мнения разделились. Одни считали, что нужно дождаться возвращения послов и тем временем успокоить и задобрить солдат мягким обращением, другие же полагали, что надо действовать при помощи более сильных средств, так как чернь не знает

умеренности: она устрашает, если она сама не боится, а если она почувствует страх, то с ней можно безнаказанно поступить с презрением. Теперь, пока она еще находится под страхом суеверия, полководец должен усилить этот страх, уничтожив защитников восстания". У Друза был темперамент, склонный скорее к суровым мерам. Он приказал призвать Вибулена и Перценния и умертвить их. Многие передают, что они были закопаны в палатке полководца, другие же говорят, что трупы их были выброшены за вал, для того чтобы послужить устрашением другим.

После этого были разысканы главные зачинщики восстания. Часть их, бродившая вне лагеря, была перебита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторые были выданы их манипулами в доказательство их верности. Много забот доставляла солдатам преждевременная зима непрерывными и столь сильными ливнями, что солдаты не могли выходить их палаток, не могли собираться и лишь с трудом могли оберегать знамена от уносившего их урагана и воды. К тому же они все еще продолжали бояться небесного гнева. "Не напрасно, – говорили они, – меркнут светила и разражаются бури против нечестивцев. Нет другого средства избавиться от этих несчастий, как покинуть этот злополучный и осквернённый лагерь и, очистившись от вины умилостивительной жертвой, каждому вернуться в свой зимний лагерь". Сперва отправился восьмой, а затем и пятнадцатый легионы. Девятый легион кричал, что нужно ждать ответа от Тиберия, но вскоре после этого, оставшись в одиночестве, вследствие ухода других легионов, он добровольно предупредил

грозно вставшую перед ним необходимость. И Друз, не дожидаясь возвращения посольства, так как все в достаточной мере пришло в порядок, вернулся в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же причинам восстали германские легионы. Это восстание было сильнее, так как легионы были многочисленнее. При этом они надеялись на то, что Германик цезарь, не желая подчиниться власти другого человека, доверится и отдаст себя легионам, которые своей силой все увлекут за собой. Два войска стояли на берегу Рейна: одно, называвшееся верхним, находилось под властью легата Кая Силия, другим же командовал Авл Цецина. Общее командование принадлежало Германик у, который в то время был занят производством ценза в Галлии. Войско, находившееся под начальством Силия, оставалось в нерешительном настроении и выжидало, чем окончится восстание других. Солдаты же нижней армии дошли до неистовства. Восстание началось в двадцать первом и в пятом, а затем охватило первый и двадцатый легионы, так как они находились в том же самом летнем лагере у границы убиев, проводя время в праздности или будучи заняты легкой работой. При известии о смерти Августа простая чернь, недавно призванная в Рим в войска, привыкшая к распущенности и неспособная выносить работу, стала влиять на грубое сознание остальных солдат, нашептывая им: "Наступило время, когда ветераны могут требовать скорого увольнения, более молодые – увеличения жалованья, а все вместе – облегчения их несчастного положения и отомщения центурионам за их жестокость". Так говорил не один лишь солдат, как Перценний в паннонских легионах, и не перед

боязливыми ушами солдат, с опаской озиравшихся на более сильные войска, но здесь раздался многоголосый мятежный крик: "Ведь в их руках находится могущество Рима; благодаря их победам увеличиваются пределы республики; их названия принимают императоры".

Легат не оказывал этому никакого противодействия. Численное превосходство восставших лишило его мужества. И вдруг эти бешеные с обнаженными мечами бросились на центурионов, которые издавна были предметом ненависти солдат и пали первыми жертвами их возмущения. Опрокинув их, они стали бить их прутьями, по шестидесяти человек против одного, соответственно числу центурионов. Истерзанных, изуродованных, некоторых уже убитых они бросили перед лагерем или в Рейн. Септимия, который прибежал к трибуналу и бросился к ногам Цецины, они требовали до тех пор, пока он не был им выдан на смерть. Кассий Херея, впоследствии оставивший по себе память в потомстве убийством Кая цезаря (Калигулы), бывши тогда молодым и неустрашимым, пробил себе мечом дорогу через вооруженную толпу, стоявшую на его пути. Ни один трибун, ни один лагерный префект не могли больше отдавать приказаний. Они сами стали распределять ночные караулы, пикеты и все то, что требовалось службой в настоящий момент. Для людей, глубже понимающих настроение солдат, особенным указанием на силу и ожесточенность движения было то обстоятельство, что солдаты не поодиночке, не по подстрекательству немногих, а все вместе взволнованно и возбужденно выступали, все вместе умолкали, действуя с таким

единодушием и с такой настойчивостью, как будто бы ими руководил предводитель.

Между тем Германик, производивший, как было сказано, ценз в Галлии, получил известие о смерти Августа. Германик был женат на его внучке Агриппине и имел от нее много детей. Сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, но его тревожили скрытая ненависть дяди и бабки, которая была несправедливой и оттого еще более ожесточенной. Дело в том, что римский народ питал большое уважение к памяти Друза, и люди верили в то, что, если бы он достиг власти, он восстановил бы свободу. Этим объясняется и расположение к Германику и такая надежда на него. Действительно, юноша обладал чувством гражданственности, удивительной мягкости в обращении, а речь и лицо его были совершенно иные, чем у надменного и скрытного Тиберия. К этому присоединялись и вражда, бывшая между женщинами и объяснявшаяся ненавистью мачехи Ливии к Агриппине. Впрочем, и сама Агриппина была слишком раздражительна, но ее целомудрие и ее любовь к мужу направляли ее неукротимый характер в хорошую сторону.

Однако, чем ближе был Германик к осуществлению высшей надежды, тем ревностнее стоял он за Тиберия. Он привел к присяге ему соседних секванов и бельгийские общины. После этого, узнав о восстании легионов, он быстро направился к ним и встретил их вне лагеря. Глаза солдат были опущены в землю, как бы в раскаянии. Когда он вошел в лагерь, зайдя за вал, то раздались нестройные жалобные крики. Одни, схватывая его руку, как бы для поцелуя, всовывали его пальцы в

свой рот, чтобы он почувствовал их беззубые десны, другие же показывали ему свои скрюченные от старости члены. Он приказал толпе, беспорядочно стоявшей вокруг него, построиться по манипулам. Ему ответили, что им так лучше будет слышно. Тогда он велел принести знамена, чтобы по крайней мере мог различить когорты. Солдаты немедленно повиновались. Тогда он начал свою речь с того, что с благоговением отнесся к памяти Августа, и затем перешел к победам и триумфам Тиберия, особенно восхваляя его за те прекрасные подвиги, которые он совершил при помощи этих легионов в Германии. Затем он похвалил согласие Италии и верность Галлии и указал на то, что нигде нет ни смут, ни раздоров.

Они выслушали это молча или с легким ропотом. Но когда он коснулся восстания, спрашивая: "Где же воинское подчинение? Где же слава древней дисциплины? Куда они прогнали трибунов и центурионов?" – то все обнажили свое тело и стали с упреками показывать ему рубцы от ран и следы ударов. Затем смущенными голосами они стали жаловаться на плату за отпуска, на скудность жалованья, на трудные работы, указывая в частности на рытье окопов и рвов, на доставку провианта, строевого леса, дров и на все то, что требовалось необходимостью или производилось для того, чтобы занять солдат работой и не допустить безделия в лагерях. Самый дикий вой подняли ветераны, которые насчитывали тридцать лет службы и даже больше; они молили, чтобы он помог им, утомленным, не дал бы им умереть в тех же самых трудах, но положил бы конец их тягостной службе и даровал бы им безбедный покой. Некоторые даже требовали денег,

завещанных божественным Августом, сопровождая эти требования благоприятными пожеланиями, направленными по адресу Германика, говоря, что если он хочет власти, то он может рассчитывать на их готовность. Но при этих словах он быстро спрыгнул с трибунала как будто бы эта преступная измена его запятнала. Когда он хотел уйти, они преградили ему путь и угрожали применить оружие, если он не возвратится. "Лучше умереть, чем нарушить верность!" – воскликнул он и выхватил меч, чтобы пронзить им свою грудь. Однако, стоявшие около него, схватив его за руку, силой его удержали. Задние тесно сплотившиеся ряды собравшихся и, что почти невероятно, отдельные солдаты, подходившие ближе, кричали: "Ударь!", а один солдат, по имени Калузидий, подал ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Даже бунтовщики признали это отвратительным и бессовестным. Произошла пауза, во время которой кесарь был уведен своими друзьями в палатку.

Здесь произошло совещание относительно тех мер, которые следовало принять, ибо были получены сведения о том, что солдаты готовятся отправить послов к верхнегерманскому войску для того, чтобы привлечь его на свою сторону, что город убиев (Кельн) предположено разрушить и что осквернённые награбленной добычей руки бросятся затем на опустошение Галлии. Страх возрастал и под влиянием того обстоятельства, что неприятель, осведомленный о восстании римлян, мог бы вторгнуться, лишь только римские войска покинут берег Рейна. Если же вооружить вспомогательные войска и союзников, направив их против уходивших легионов, то следует

опасаться гражданской войны. Строгость опасна, а уступчивость и щедрость постыдны. Все ли разрешать солдатам или ничего – все равно государство будет находиться в одинаковой опасности. Взвесив все эти соображения, решили написать письмо от имени главы государства следующего содержания: "Увольнение будет предоставляться прослужившим двадцать лет, однако, прослужившие 16 лет будут оставляться под знаменами, освобождаясь от всех работ, кроме обязанности борьбы с противником. Завещанные им деньги, которых они требовали, будут им выплачены в двойном размере".

Солдаты поняли, что это придумано лишь для настоящего момента, и поэтому потребовали немедленного исполнения. Увольнение в отставку быстро произвели при помощи трибунов, а выдачу денег всем солдатам отложили до возвращения в зимние лагеря. Но пятый и двадцать первый легионы не двинулись до тех пор, пока не были немедленно выплачены в летнем лагере деньги, собранные Германиком и его друзьями из собственных путевых средств. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел обратно в город убиев. Это был позорный поход, так как солдаты везли деньги, похищенные у императора, между знаменами и орлами. Германик же отправился к верхней армии, где второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы без промедления приняли присягу. Четырнадцатый легион некоторое время колебался. Тогда ему были даны деньги и разрешено увольнение, хотя он этого и не требовал.

Вексилларии мятежных легионов, находившиеся в гарнизонах в стране хавков, подняли восстание, которое в некоторой степени было подавлено

немедленной казнью двух солдат. Это приказал сделать лагерный префект Мений скорее для того, чтобы этим подать хороший пример солдатам, чем потому, что он на то имел право. Затем, когда движение стало усиливаться, он бежал. Когда его обнаружили, и когда его убежище уже больше не могло его скрыть, то он стал искать защиты в смелости. "Вы оскорбляете, – сказал он, – не префекта, но полководца Германика, даже императора Тиберия". Сопротивлявшиеся ему испугались. Тогда он схватил знамя и, повернув его к реке, закричал: "Кто выйдет из строя, будет считаться дезертиром!" Так отвел он обратно в зимний лагерь мятежные, но все же ни на что не решавшиеся войска.

Между тем, послы сената встретили Германика, уже вернувшегося к алтарю убиев. Там зимовали два легиона, первый и двадцатый, вместе с ветеранами, уволенными со службы, но все еще остававшимися под знаменами. Страх овладел испуганными и терзаемыми совестью солдатами. Они боялись, что послы пришли по приказу сената для того, чтобы отменить то, что было вырвано восстанием. И как это обычно делает толпа, взваливая на кого-либо вину даже по ложным указаниям, они обвиняют Мунация Планка, бывшего консула, возглавлявшего это посольство, в том, что он – автор сенатского постановления. В полночь они начали требовать знамя, хранившееся в доме Германика. Сбежавшись к его воротам, они взломали двери и, вытащив кесаря из постели, принудили его, под страхом смерти, выдать знамя. Затем, бегая по улицам, они натолкнулись на послов, которые, услышав о волнении, спешили к Германику. Послам они нанесли оскорбления и

готовились их убить, в особенности же Планка, которому его достоинство не позволяло бежать. Находясь в такой опасности, он мог искать убежища лишь в лагере первого легиона. Там он обнял знамя и орла, чтобы защитить себя неприкосновенностью религиозной святыни. И если бы орлоносец Кальпурний не отразил последнего насилия, то – редкое дело даже среди врагов – посол римского народа в римском лагере запятнал бы своей кровью алтарь богов. Лишь на рассвете, когда можно было распознать полководца, солдат и все, что случилось, Германик вошел в лагерь, приказал привести Планка и взял его к себе на трибунал. Затем, выразив сожаление о гибельном безумии, которое снова проявилось не из-за гнева солдат, а вследствие гнева богов, он разъяснил, почему пришли послы. Облекая свое сожаление в красноречивые формы, он говорил о правах посольства, о тяжелой и незаслуженной участи Планка и о том, каким бесчестием себя покрыл легион. И в то время как собрание было скорее поражено, чем успокоено, он удалил послов под прикрытием всадников, взятых из вспомогательных войск.

Во время этого переполоха все порицали Германика за то, что "он не отправился к верхнегерманскому войску, где он мог бы найти повиновение и помощь против бунтовщиков. Слишком много уже наделали ошибок увольнениями, денежными раздачами и мягкими мерами. И если он слишком мало ценит свою жизнь, то почему он оставляет своего маленького сына и свою беременную жену среди людей безумных и нарушающих все человеческие права? Пусть он их по крайней мере

возвратит деду и республике". Германик долго колебался, да и супруга его не хотела с ним расставаться, заявляя, "что она, происходя от Августа, не настолько выродилась, чтобы бояться опасности". Наконец, обняв со многими слезами ее, беременную, и их общего сына, он побудил ее отправиться в путь. Печально двинулись в. путь женщины и среди них спасавшаяся бегством супруга полководца, неся на руках маленького сына. Кругом них плакали жены друзей, которые должны были уйти вместе с ними. И не менее печальны были те, которые остались.

Печальный вид кесаря, находившегося не в блеске своего могущества, не в собственном лагере, но как бы в побежденном городе, стоны и плач привлекли к себе слух и взоры солдат. Они вышли из палаток, говоря: "Что это за жалобные звуки? Что это такое, столь печальное? Это знатные женщины, и нет ни одного центуриона, ни одного солдата для их защиты, – нет ничего, что подобает супруге императора, нет даже обычной свиты! Они идут в страну треверов, находясь под чужой защитой". Тогда пробудились в них стыд и сожаление, воспоминание об ее отце Агриппе, об ее деде Августе, о свекре Друзе и о ней самой, замечательно плодовитой матери и славившейся своей скромностью жене, наконец, о ребенке, родившемся в лагере и выросшем на глазах у легионов, которого они назвали солдатским прозвищем "сапожок" (Калигула), так как ему обычно надевали такую обувь для того, чтобы привлечь к нему расположение толпы. Но на них ничто так не подействовало, как ненависть к треверам. Они не пускали ее, просили вернуться, остаться. Часть их побежала навстречу Агриппине, большинство же возвратилось обратно к Германику.

Но он, еще чувствуя всю свежесть горя и гнева, так начал свою речь к подступившей к нему толпе:

"Ни жена, ни сын мне не дороже моего отца и моей родины. Но первого оградит его величие, а Римскую империю защитят остальные войска. Мою жену и моих детей, которых я охотно принес бы в жертву и послал бы на гибель ради вашей славы, я теперь удаляю от безумных людей, чтобы какое-либо злодеяние, которое здесь грозит произойти, было искуплено лишь моей кровью и чтобы убитый правнук Августа и умерщвленная невестка Тиберия не сделали бы вас еще более виновными. Какие только дерзкие и позорные поступки вы не осмелились совершить в течение этих дней? Как мне назвать это сборище? Назвать ли вас солдатами – вас, окруживших валом и оружием и осадивших сына своего императора? Или назвать вас гражданами – вас, с таким презрением отнесшихся к авторитету сената? Вы нарушили даже священную неприкосновенность посольства и международное право, признаваемое даже врагами! Божественный Юлий одним только словом укротил восставшее войско, назвав квиритами (гражданами) солдат, не хотевших ему присягать. Божественный Август своим лицом и взором устрашил легионы при Акциуме. Хотя я еще и не равен им, но я от них происхожу. И если бы воин Испании или Сирии отнесся ко мне с презрением, то это уже было бы странным и недостойным его делом. А теперь, ты, первый, и ты, двадцатый легионы, ты, награжденный Тиберием знаменами, ты, соратник его в стольких битвах, осыпанный столькими благодеяниями, как замечательно вы благодарите своего вождя! Что же, об одном этом я должен буду

сообщить своему отцу, который из всех провинций получает лишь радостные вести? Что его молодые воины, его ветераны не насытились ни увольнениями, ни деньгами; что здесь только убивают центурионов, прогоняют трибунов, подвергают заключению послов; что лагеря и реки запятнаны кровью и что я сам влачу жизнь из милости среди озлобленных и враждебных людей.

"Зачем вы, непредусмотрительные друзья, вырвали тогда, в день первого собрания из моих рук тот меч, которым я был готов пронзить свою грудь? Лучше и с большей любовью поступил бы тот, кто предложил бы мне свой меч. По крайней мере я пал бы тогда, не будучи свидетелем стольких преступлений, совершенных моим войском. Вы выбрали бы тогда себе вождя, который хотя и оставил бы мою смерть безнаказанной, но все же отомстил бы за Вара и за три легиона. Ведь не допустят же боги, чтобы бельгам, предлагающим свою помощь, досталась честь и слава за то, что они пришли на помощь римскому имени и укротили народы Германии! Пусть твоя душа, божественный Август, принятая на небо; пусть, отец Друз, твой образ и память о тебе помогут этим воинам, охваченным стыдом и стремлением раскаяться, смыть это позорное пятно и обратить междоусобную брань на гибель врагу! А вы, у которых я теперь вижу другие лица и другие сердца, если вы хотите снова вернуть сенату послов, повиновение полководцу, а мне супругу и сына, то отойдите от заразы, отделите бунтовщиков. Это будет прочным залогом вашего раскаяния и это свяжет вашу верность".

Смиренно сознавая, что эти упреки справедливы,

они стали его умолять, чтобы он наказал виновных, простил заблуждавшихся и повел их против врага; чтобы он призвал обратно свою супругу, вернул бы питомца легионов и не отдал бы их галлам в качестве заложников. Он отказался от возвращения Агриппины вследствие предстоящих родов и зимнего времени, но обещал вернуть сына, остальное же они должны были сделать сами. Изменившись, солдаты стали бегать повсюду и тащить самых ярых бунтовщиков, связав их, к легату первого легиона Каю Петронию, который над каждым в отдельности творил суд и расправу следующим образом: легионы, как бы собранные на сходку, стояли с обнаженными мечами, а обвиняемый показывался на возвышенном месте трибуном; если солдаты кричали, что он виновен, то его сбрасывали и убивали. И солдат радовался убийствам, как будто бы он этим сам себя очищал. А кесарь не противился этому, так как это совершалось без всякого с его стороны приказания, и поэтому жестокость этого поступка и ненависть за него падали на самих солдат. Этому примеру последовали ветераны, которые вскоре после этого были посланы в Рецию под предлогом обороны этой провинции от угрожавших ей свевов, а на самом деле для того, чтобы их удалить из лагеря, возбуждавшего ужас как суровостью исправительных мер, так и воспоминанием о преступлении. Затем он произвел смотр центурионам. По вызову полководца каждый указывал свое имя, свой разряд, свою родину, количество годов службы, а также свои подвиги, совершенные в боях, и какие он получил военные награды. Если трибуны и легион подтверждали его рвение по службе и его невиновность, то он сохранял свою должность. Тех же, кого единогласно обвиняли в

корыстолюбии или в жестокости, увольняли со службы.

Здесь, таким образом, дела были улажены, но все еще оставались не меньшие трудности вследствие упорного неповиновения пятого и двадцать девятого легионов, которые зимовали в 60 милях отсюда, – в месте, которое называлось Ветера. Они первые начали восстание. Самые ужасные насилия были совершены их руками. Не устрашенные наказанием своих товарищей и не раскаявшись, они все еще находились в состоянии озлобленности. Поэтому кесарь снаряжает легионы, флот и союзников для того, чтобы отправить их вниз по Рейну, решившись вступить с ними в борьбу в том случае, если они откажутся ему повиноваться.

Однако, Германик, – хотя он уже и собрал войско и был готов отомстить бунтовщикам, – все еще считал, что нужно подождать, не позаботятся ли они сами о себе под влиянием недавнего примера. Предварительно он послал письмо Цецине, в котором писал, "что он идет с большими военными силами, и если они сами до его прихода не накажут злодеев, то он прикажет рубить без разбора". Это письмо Цецина тайно прочел орлоносцам и знаменосцам, а также тем, кто в лагере сохранял верность, убеждая их избавить всех от позора, а самих себя от смерти, ибо в мирное время обращают внимание на суть дела и на заслуги, но когда начинается война, то невинные гибнут вместе с виновными. Потолковав с теми, кого они считали подходящими для этого дела, и видя, что большая часть солдат в легионах остается верной долгу, они, с согласия легата, назначили время, чтобы напасть с мечом в руках на самых дерзких и наиболее

готовых к восстанию солдат. И тогда, по условленному знаку, бросившись в палатки, они убили ничего не подозревавших солдат. Никто, кроме соучастников этого дела не знал, каким образом началась эта бойня и когда она кончится.

Внешний характер этой гражданской войны отличался от всех таких когда-либо бывших войн. Тут не было сражения, тут люди не из противоположных лагерей, но из тех же самых палаток, где они днем вместе ели, а ночью вместе спали, делятся на партии и сражаются оружием. Слышен крик, видны раны и кровь, но причина всего этого скрыта. Всем остальным управляет случай. Были убиты и некоторые из благонамеренных, так как бунтовщики, узнав, против кого направлена резня, также взялись за оружие. Ни один легат, ни один трибун не явились, чтобы умерить кровопролитие; толпе была предоставлена свобода насытиться местью. Вскоре после этого Германик вошел в лагерь. Со слезами на глазах он заявил, что это не исцеление, а кровавая баня, и приказал сжечь трупы. Еще бунтовавших солдат охватило желание идти против врага, чтобы искупить свое ожесточение. Ведь они могли успокоить души своих товарищей, лишь покрыв свою грешную грудь честными ранами. Германик, следуя пылу солдат, приказал построить мост и перевел по нему 12 000 легионеров, 26 союзных когорт и 8 эскадронов кавалерии, хорошее поведение которых во время этого восстания осталось незапятнанным".

Так пишет Тацит. Последние слова уже являются переходом к описанию большой

германской войны, которая непосредственно следует за этим рассказом. В предыдущих главах нами уже была описана эта война и подвергнуты исследованию вопросы, с нею связанные.

НАБОР

Дион рассказывает (56, 25), что когда в Рим пришло известие о гибели легионов Вара и Август приказал сформировать новые войска, то силы римского народа уже были почти исчерпаны. Добровольцев не оказалось. Поэтому Август приказал бросить жребий и наказал конфискацией имущества и бесчестием каждого десятого из тех, кто был старше 35 лет, и каждого пятого из более молодых; наконец, некоторых даже подверг смертной казни. Это место часто цитировалось, но, собственно говоря, из него можно извлечь лишь весьма немногое. Надо было набрать около 18 000 человек. Однако, при пятимиллионном населении это все же является столь большим числом, что его не так скоро соберешь при помощи одного лишь барабана вербовщиков, но с точки зрения народного хозяйства это было очень незначительной повинностью, в особенности потому, что в данном случае не совсем пренебрегали даже вольноотпущенниками и иностранцами. Один лишь годовой контингент молодых римских граждан давал приблизительно 40 000 человек. Поэтому кажется совершенно невероятным, чтобы нужно было брать в войска граждан старше 35 лет, у которых можно было конфисковать имущество и которые, следовательно, были оседлыми жителями, по крайней мере в том

случае, если дело действительно шло о формировании запасных легионов, а не об образовании временного ополчения для отражения вторгшихся в Италию германцев. Легче всего из этого рассказа принять факт жеребьевки, так как здесь вообще царил произвол чиновников. Но буквальный текст этого рассказа не говорит об этом; к тому же жеребьевка при такой небольшой потребности в рекрутах и при таком большом количестве боеспособных людей не является таким способом, который можно легко провести в жизнь. Очевидно, на практике этот набор сводился к заключению договоров между вербовщиками и общинными советами, которые, как это было принято обычно делать у нас в XVII и XVIII вв., указывали на тех молодых людей, которые им казались "ненужными". Но эти команды, состоявшие из людей, которые по Субъективным признакам признавались годными и ненужными, часто не обнаруживали никаких склонностей к военному делу, а потому многие из них, как это пишет Светоний ("Тиберий", гл. 5), пытались искать убежища в тех домах, в которых крупные помещики держали своих рабов и в которых Тиберий однажды приказал произвести обследование.

Светоний рассказывает ("Август", гл. 24): "Римского всадника и его имущество продали с публичных торгов за то, что он отрезал большие пальцы у двух своих молодых сыновей, для того чтобы избавить их от военной присяги". Рассказ этот в такой форме непонятен, так как римский всадник, как состоятельный человек, – если он вообще имел возможность освободить своих сыновей от военной службы, – во всяком случае мог бы найти иные

способы, чем отрезывание им больших пальцев. Может быть в данном случае этот рассказ можно объяснить так, что сыновья хотели поступить в армию против воли отца (в качестве центурионов с разрешения императора) и что отец, в страстном порыве после бурной семейной сцены, решился их изуродовать, чтобы таким образом настоять на своем требовании. Но как бы то ни было, такой рассказ во всяком случае не может быть использован в качестве примера, иллюстрирующего римскую систему набора.

В своем сообщении сенату Тиберий сказал (Тацит, "Анналы", IV, 4): "Нужно пополнить войска наборами, ибо добровольных охотников в войска не находится, а если такие и находятся, то они не обладают ни нужной храбростью, ни нужной дисциплиной, так как по большей части по доброй воле идут на военную службу нищие и бродяги".

Разрешение ставить вместо себя заместителя засвидетельствовано Плинием ("Посл.", 10, 39), но все же сомнительно, чтобы это разрешение существовало уже в эпоху Августа. К тому же, вероятна, было трудно найти себе заместителей в тот момент, когда формировались новые легионы, которые должны были заменить легионы Вара.

То, что набором часто пользовались для вымогательства, видно из Тацита ("Анналы", XIV, 18; "Истории", IV, 4; "Агрикола", гл. 7).

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Тацит ("Анналы", IV, 5) в связи с одним сообщением Тиберия сенату в 9-й год его правления указывает, что вспомогательные войска по своей численности приблизительно равнялись легионам: "в удобных местах провинций находились союзнические триремы, эскадроны конницы и когорты вспомогательных войск, в которых было не меньше сил (чем в легионах); но пускаться в дальнейшие подробности было бы неосторожно, так как, смотря по обстоятельствам времени, эти войска переходили туда и сюда, причем их численность увеличивалась, а иногда и уменьшалась". Это следует понимать в том смысле, что вспомогательные войска достигали такой же численности, как и легионы, в те моменты, когда эти вспомогательные войска были особенно многочисленны и когда, следовательно, ввиду угрожавшей войны, численность их могла увеличиваться. Во времена полного мира они были слабее, и это вполне согласуется с теми отдельными вычислениями, которые можно было произвести. Вегеций (II, 1) говорит, что "во вспомогательных войсках обычно записывали меньшее количество, а в легионах значительно большее количество солдат". Но на этом не следует особенно основываться, так как мы не знаем, какому автору принадлежит это замечание и к какой эпохе оно, таким образом, относится.

Глава IX

ТЕОРИЯ

Греческая философия пыталась своей мыслью проникнуть во все области духовной жизни и жизни природы, в том числе и в военное дело, подвергая все эти вопросы разработке. В I томе мы разобрали лишь первого из этих военных теоретиков, которого мы можем считать основоположником, – Ксенофонта, отложив дальнейшее рассмотрение этого вопроса до настоящей главы ввиду того, что соответствующие источники сохранились лишь от римской императорской эпохи.

Нельзя сказать, чтобы философы были низкого мнения о ценности своих теорий. До нас дошло небольшое сочинение[100], в котором в качестве введения категорически указывается на то, что Александр смог завоевать весь мир только благодаря урокам Аристотеля. Тут же перечисляются все отдельные формы тактики, которым Александр научился от своего учителя и которые привели его к победам. Когда Ганнибал покинул Карфаген и бежал ко двору царя Антиоха, то там перипатетик Формион стал ему указывать, каким образом он должен был

поступить, чтобы победить римлян.

То, что фактически сохранилось от греческих тактиков, едва ли находится на высоте этих требований, – хотя, впрочем, можно сказать и наоборот – действительно стоит на высоте этой мудрости. Удивительно, как скудна эта литература, и тем более удивительно, что два крупнейших человека – Полибий и Посидоний – составили руководства по тактике. Если последние до нас и не дошли, то все же сохранившиеся до нашего времени более поздние труды Асклепиодота, Оносандра, Элиана и Арриана восходят к ним. Но в этих трудах не проявлено ни капельки разума, а самым удивительным является то, что, – хотя Полибий и пережил победу римской тактики боевых линий над фалангой и даже сам ее описал, а Посидоний жил во времена Цезаря и все остальные вышеупомянутые писатели жили в императорскую эпоху, – но все же ни в одной из этих тактик мы не сможем найти ни слова о легионе и о его своеобразных формах борьбы. Мы находим в них все ту же самую седую теорию, переходящую в течение столетий из одной книги в другую и все еще оперирующую с длиннокопийной фалангой. Мы видим все тот же самый скудный схематизм, который основывает свои вычисления на численности нормальной

армии, состоящей из 16 384 человек, так как это число можно постоянно делить пополам и так как оно дает возможность образовывать изящные равномерные подразделения, из которых можно конструировать тактические формы. Нет никакой необходимости дольше останавливаться на этом вопросе и перечислять все те ошибки и даже абсурды, которые были допущены в отдельных деталях[101].

Из числа римских писателей такой крупный человек, как Марк Порций Катон Старший, написал труд "О военном деле" ("De re militare"). Если нам кажется вполне естественным, что именно первый латинский писатель прозаик, взявший в руку заостренную палочку для письма, стал писать как раз о военном деле, то тем удивительнее факт, что у него нашлось столь мало последователей и что в римскую императорскую эпоху свое преобладающее положение сохранили упомянутые нами греческие теоретики, которые имели возможность посвящать свои писания римским императором. Единственными достойными упоминания военно-теоретическими произведениями римской литературы этой эпохи являются одна утерянная работа Цельза и один труд Фронтина, бывшего очень видным полководцем, жившего в начале I в. н.э. и

оставившего собрание военно-исторических примеров. Правда, весьма возможно, что самое лучшее погибло, а именно – те "Положения", которые Август издал для армии и которые были возобновлены и дополнены Траяном и Адрианом. Эти "Положения" являлись тем, что мы называем "уставом" в широком смысле этого слова. Они содержали предписания относительно набора, вербовки, организации, служебного распорядка, строевого учения, снабжения и управления. Может быть, практические указания и предписания были снабжены также теоретическими объяснениями и общими обоснованиями, так что устав был в то же время и руководством по всей военной науке, да к тому же таким исчерпывающим и таким всеобъемлющим, что именно поэтому в данной области уже дальше нечего было делать и не появлялось никакой новой литературы, тем более, что в военном искусстве в эту эпоху мы не видим какого-либо более или менее значительного и существенного прогресса.

Таким образом, в этой области могли появляться разве только технические указания и исследования, как, например, учение архитектора Витрувия о сооружении орудий. В связи с этим следует упомянуть также и описание римского

лагерного расположения, приписываемое некоему Гигину.

Труд Катона и "Положения" императоров погибли, не сохранились до нашего времени. Но из них косвенно довольно много сохранилось в работе, составленной Флавием Вегецием Ренатом, – вероятно, при Феодосии Великом, а, может быть, даже при его внуке, Валентиниане III, в V в. Вегеций не был воином, практически знавшим военное дело, и не имел никакого представления о тех вещах, о которых он писал. Да он и не мог иметь эти знания и это представление, так как давно уже не существовало того римского войска, которое мы выше имели возможность изучить. Вегеций оплакивает гибель древней Римской империи и древней римской военной мощи и, делая выдержки из древних писателей, пишет свою книгу для того, чтобы показать, как это было во времена предков и что нужно сделать, чтобы возобновить древнюю славу. Но он не имеет никакого представления о том, что во времена предков также существовали различные эпохи, которые существенно отличались одна от другой, и компилирует свои выдержки, основываясь на более или менее ясных точках зрения, но при этом совершенно не учитывая хронологического момента[102]. Это обстоятельство

приносит существенный ущерб исторической ценности его книги, но так как мы только теперь научились распознавать подобного рода ошибки, то это ни в какой мере не смогло ослабить последующее влияние этой книги и нанести ей какой-либо вред в смысле ее дальнейшего использования. Эту книгу читали в течение всех Средних веков. В эпоху Карла Великого этот труд был обработан применительно к потребностям франкского войска. В "Завещании" графа Эверарда де Фрея, жившего в эпоху Людовика Благочестивого (837), цитируется какой-то Вегеций. Готфрид Плантагенет при осаде замка Гайяр приказал внимательно просмотреть Вегеция, чтобы ознакомиться с наилучшими способами атаки. Начиная с X и до XV вв. существовало не менее 150 списков этой работы. В эпоху Возрождения эта книга неоднократно печаталась, а австрийский фельдмаршал принц де Линь объявил ее "золотой книгой" и писал по поводу нее: "Вегеций говорит, что некий бог вдохновил на создание легиона, я же нахожу, что некий бог вдохновил Вегеция".

Наиболее ценные части этой книги восходят главным образом к Катону и к "Постановлениям" Августа и Адриана, которые в ней цитируются. Но эта работа не имеет особенного философского

значения и потому не оказала действительного влияния на военное искусство и на его развитие. Поэтому на эту книгу теперь смотрят и ее читают только под антикварно-историческим углом зрения. Но все же вполне понятно, почему в течение столь долгого времени ее столь высоко ценили и постоянно изучали. Практические военные деятели испытывают большую потребность в том, чтобы отдавать себе ясный отчет в своих действиях, а Вегеций хотя и не проникает в самую глубину, все же позволяет найти целый ряд положений, выраженных в отчетливой и понятной для всех форме, которые чрезвычайно полезны для размышлений и дискуссий на военные темы. Очень сомнительно, является ли правильным, что необходимо строить прекрасные мосты для противника и что более рекомендуется причинять неприятелю вред понемногу при помощи хитрости, чем полагаться на превратности открытого сражения. Во всяком случае этими положениями очень много оперировали. Что нельзя вести в бой солдат, которые недостаточно обучены; что нелегко разбить того, кто правильно умеет оценивать свои силы и силы своего противника, что всякая неожиданность повергает неприятеля в ужас; что тот, кто не заботится о снабжении своих войск,

будет побежден, не подвергшись даже ударам меча, – все это такие истины, которые для своего признания не требуют классического авторитета. Но ведь и общие места должны же быть когда-нибудь формулированы, а будучи удачно облечены в форму теоретических рассуждений общего характера и перемешаны с блестками некоторой учености, общие места очень способствуют тому, чтобы сделать данную книгу популярной.

Даже те доктринерски-фантастические и забавные построения, которые мы иногда находим у Вегеция, как, например, его семь боевых порядков, из которых один имеет форму вертела, не смогли причинить вред его книге. Это звучало по-ученому, и ученые даже с большим удовольствием ломали себе голову над этой удивительной семеркой, подвергая ее изучению; на практике же на этот "вертел" обращалось так же мало внимания, как на "пустой клин" или на "щипцы".

Рассматривая вопрос относительно того, какие страны и какие племена поставляют наилучших рекрут, Вегеций разрешает его в пользу умеренной полосы и указывает, как он сам говорит (I, 2), причину этого явления, опираясь на авторитет самых крупных ученых. Он полагает, что народы,

живущие под палящими лучами солнца, засушиваются чрезмерной жарой, и хотя их умственные способности более развиты, они в то же время обладают меньшим количеством крови и в силу этого менее устойчивы в бою холодным оружием: будучи малокровными, они меньше доверяют своим силам и сильнее боятся ран. Северные же народы, не будучи столь умственно развитыми, полнокровны и потому любят войну. Поэтому рекрут следует набирать в умеренной климатической полосе, где люди достаточно полнокровны для того, чтобы презирать раны и смерть, и в то же время обладают некоторым умственным развитием, что способствует поддержанию дисциплины в лагере и весьма полезно во время сражения.

Несмотря на такого рода заблуждения, римская военная литература ясно показывает трезвый склад мышления этого народа, обращенный на разрешение практических задач. Греческая же военная литература – как в "Киропедии", в которой Ксенофонт изложил свое учение, облекши его в поэтическую форму, так и в системах позднейших писателей, – целиком отразила умозрительный характер мышления греческого народа. Но чем меньше мы будем хвалить выводы греческой философии, имеющие

отношение к военному делу, тем меньше мы сможем удержаться от того, чтобы воздать хвалу тому способу, при помощи которого эллины сумели сочетать изучение техники с идеями общего характера. Александриец Герон, написавший книгу о производстве орудий в эпоху Птолемеев, начинает свой труд со следующих вступительных слов[103]:

"Важнейшей и необходимейшей частью философского исследования является та ее часть, которая имеет своим предметом душевный покой, о чем трактовалось в большинстве исследований практических философов и о чем трактуется до настоящего времени, и я думаю, что теоретическое изучение этой темы никогда не кончится. Но механика стоит выше теоретического учения о душевном покое, так как она учит всех людей той науке, которая при помощи одной, и притом ограниченной, своей части дает возможность людям жить в состоянии душевного спокойствия. Я как раз имею в виду ту ее часть, которая трактует о сооружении орудий. Благодаря ей мы будем в состоянии никогда не испытывать страха, как в мирное время, не боясь нападения врага, так и при возникновении военных действий. Залогом этого является та мировая мудрость, которая скрывается в этих

машинах. Поэтому нужно, чтобы эта часть (механики) всегда находилась в полном порядке, и на эту сторону дела нужно обращать самое серьезное внимание, ибо даже во времена самого глубокого мира можно только в том случае надеяться, что этот мир будет все более и более укрепляться, если должным образом будут относиться к делу сооружения орудий и обеспечивать свой душевный покой сознанием того, что это дело выполняется. А если замышляющие дурное заметят, что их противник обращает тщательное внимание на эту сторону дела, то они никогда не отважатся на нападение. Но если этим пренебречь, то всякое нападение, как бы незначительно оно само по себе ни было, будет иметь успех в том случае, если в городах против них не будет принято соответствующих мер".

Современный артиллерист, а вместе с ним и военный министр, так же как и каждый поборник военных вооружений, должны взвесить все значение этих слов древнего философа.

Глава X

УПАДОК И РАЗЛОЖЕНИЕ РИМСКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Обычно принято смотреть на войну римлян с маркоманами при Марке Аврелии, как на прелюдию к торжеству германцев над Римом. Племя маркоманов, постоянно жившее в Богемии, усиленное присоединившимися к нему германскими и негерманскими племенами, перешло через Дунай, опрокинуло римскую пограничную охрану, взяло штурмом города, дошло до Аквилеи и стало угрожать Италии. Император Марк Аврелий заложил коронные драгоценности, чтобы достать денег. Однажды он сам со своим войском попал в очень тяжелое положение и спасся лишь благодаря внезапной грозе, которая стала темой многочисленных легенд. Шестнадцать лет продолжалась эта борьба, пока римляне, наконец, не одолели теснивших их врагов.

Но как ни взволновала эта война римский мир, все же она не была предвестником грядущих событий. Она была, безусловно, одной из пограничных войн, подобной тем, которые велись еще при Августе. Своим первоначальным успехом

германцы были обязаны тому обстоятельству, что римляне, вовлеченные в войну с парфянами, бросили все свои силы на восток. Если и нельзя установить того факта, что именно для этой цели были сняты войска с Дуная, то все же возникшие затруднения явились причиной того, что не было возможности отправить туда достаточные подкрепления.

Чума, свирепствовавшая в течение нескольких лет, усилила нужду и затруднения римлян. Когда же германские племена, учтя благоприятный момент, одновременно во многих местах перешли через границу, то римляне сочли это следствием заключения большого союза между варварами, а позднейшие историки – предвестником переселения народов[104]. Однако, на самом деле эта война скорее относится к эпохе предшествующих, чем последующих событий. Если римское войско однажды и подверглось большой опасности со стороны германцев, то ведь это пришлось испытать еще Друзу и Германику. Продолжительность войны с маркоманами объясняется не "тем, что римлянам было слишком трудно прогнать вторгшиеся племена обратно за Дунай, но тем, что германцы захватили громадную добычу, главным образом пленными, которую римляне хотели у них отнять. Эта война

явилась прелюдией к будущему лишь в том отношении, что в это время враждебная правительству партия выдвинула другого императора, что парализовало силы Марка Аврелия на Дунае. Несмотря на это, ему, наконец, удалось одержать окончательную победу над дерзко наступавшим неприятелем, – и если мы можем верить нашим источникам, то еще немного оставалось сделать для того, чтобы продвинуть римскую государственную границу за пределы Богемии. Но в это время (180 г.) умер Марк Аврелий, а его юный сын и наследник Коммод не был тем человеком, который мог бы довести до конца это дело. Поэтому границей здесь остался Дунай.

Даже крупные волнения и тяжелые гражданские войны, охватившие всю Римскую империю после падения Коммода, еще не внесли разложения в военную организацию римского государства. Северы–Септимий, Каракалла, Александр – еще могли стремиться к выполнению широких военных планов и завоевательных замыслов на Востоке. Месопотамия опять попала в их руки. Но падение этой династии (235 г.) вызвало кризис.

До этого времени, несмотря на порой крупные потрясения, всегда удавалось в конце концов

устанавливать прочное правительство на некоторое – иногда на очень продолжительное – время. Теперь же этого сделать не удалось. Северы, правда, образовали преемственно существовавшую династию, однако, она погибла, будучи насильственно уничтожена. Теперь мы вступаем в такую эпоху, когда мирная преемственность власти становится уже невозможной. Императоры, только что провозглашенные, вскоре после этого низвергаются и умерщвляются. То в одной, то в другой провинции появляются соперничающие императоры, которые ведут междоусобную борьбу. Большие части государства в течение ряда лет остаются самостоятельными, находясь под властью провозглашенных там императоров.

Здесь не место раскрывать во всей широте последние причины этих крупных перемен. Следует только резко подчеркнуть, что здесь ни в коем случае мы не имеем дела с прогрессирующим процессом загнивания. Наоборот, здесь существенным моментом, несомненно, является растущая национальная унификация, которая постепенно уничтожала древнее преобладание города Рима, сжимавшее все в тиски. Пока провинции оставались варварскими, они не имели никакой возможности самоопределиться. Да и

чего бы они достигли, если бы оторвались от империи? Такое движение, охватившее Галлию по смерти Нерона, окончилось неудачей вследствие собственной бесцельности. Таким образом, город Рим наложил свой отпечаток на мировую империю и в течение ряда поколений решал участь правительства. Но теперь не только Италия, но и Африка, Испания, Галлия и Британия были латинизированы и пропитаны римской культурой. Равным образом и Восток был проникнут греческим культурным влиянием. Командный состав, гражданские должностные лица, сословие всадников, даже сенат все более и более пополнялись латинизированными провинциалами[105]. Но именно благодаря этому процессу становилось особенно трудным удерживать вместе насильственно спаянные страны от Каледонских гор до Тигра и от Карпат до Атласа. Покоренные страны и города почувствовали теперь, что они подобны Италии и Риму и равноценны им. Предоставив всем подданным в равной мере римское гражданское право, Каракалла дал государственно-правовое оформление этому явлению.

И в хозяйственном отношении Римская империя до этого времени, конечно, еще не клонилась к упадку, как об этом часто до сих пор

еще пишут и говорят. Все страны, расположенные вокруг Средиземного моря, образовывали единый хозяйственный район с трудолюбивым, деятельным населением. В течение целых двухсот лет внутренний мир лишь изредка нарушался, и корабли бороздили из конца в конец не только все Средиземное море, но даже Черное море и океан, не тревожимые злыми врагами торговли – пиратами. Рабство постепенно уменьшалось, так как внешние войны лишь изредка доставляли новых рабов. Уступая необходимости, крупные земельные собственники вновь разделили свои латифундии на мелкие участки, распределив их между арендаторами или колонами. Вместо бессемейных орд рабов на землю все больше и больше садились семьи, которые взращивали детей и тем увеличивали численность населения. Даже знатные семьи начинали переселяться из города в деревню, образуя здесь небольшие хозяйственные и культурные центры. В то время как раньше более или менее крупное значение имели лишь приморские города, теперь выросло много городов, лежавших на реках внутри страны. Поколение за поколением люди строились на сети дорог, которая становилась все гуще и гуще. Громадный административный аппарат, объединявший все государство, функционировал в

строгом порядке. Гнет военных повинностей, как мы это уже видели, был не только невысоким, но даже незначительным.

Если мы зададим вопрос о духовно-нравственном состоянии римского населения, то, конечно, нельзя будет даже и говорить о каком-либо вырождении. К последним крупным фигурам собственно древнего мира – Сенеке, Плинию, Тациту – и к великим юристам непосредственно примыкают отцы христианской церкви в эпоху ее образования.

Даже сама гражданская война не обнаруживает в людях ничего старчески дряхлого. Ряд в высшей степени значительных и способных людей – Декий, Клавдий, Аврелиан, Проб, Диоклетиан – один за другим поднимаются на императорский престол. Рим далеко еще не обеднел крупными личностями, государственными людьми и полководцами. Эти императоры были не хуже своих предшественников.

Таким образом, во всех этих явлениях мы не должны искать причин падения империи. Цветущая и прогрессивно развивавшаяся хозяйственная жизнь не могла вдруг и на длительное время резко изменить свой облик, дав внезапно совершенно противоположную картину,

да и сам характер римского народа не мог сам по себе настолько измениться, чтобы государство распалось. Здесь скорее происходит крупное политическое изменение, которое находит свое яркое выражение в самом мощном орудии политики – в армии.

Римская мировая держава в эпоху своего наивысшего расцвета не смогла создать твердую самодовлеющую верховную власть. Римская императорская власть была похожа на современные наследственные династии. С самого начала в ней принцип наследственности находился в противоречии с первоначальным моментом – с притязанием полководца, каковым был Цезарь, основавший эту власть. Довольно долго оставалось даже неясным, будет ли его преемником один из его полководцев – Антоний – или его кровный наследник – Октавиан. И это внутреннее противоречие никогда не было преодолено и не могло быть преодолено. Право наследования вкладывало скипетр власти в руки неспособных и несносных людей, а провозглашение императором во время народных волнений в столице сенатом или преторианцами, или же легионами всегда носило характер произвола и узурпации. Против одной узурпации поднималась другая. Довольно удивительным,

свидетельствующим о политическом таланте римского народа, является то, что в течение целых полутораста лет после того, как вымерла династия Юлиев, удавалось, – благодаря соглашениям и компромиссам главным образом между армией и сенатом, – постоянно все снова и снова устанавливать власть общепризнанного императора, создавая, таким образом, твердый порядок. Когда же этого, наконец, не удалось больше сделать, то в результате наступил кризис, который и привел к окончательному крушению. Основным моментом здесь является перемена, произошедшая в армии.

Как мы уже видели, залогом единства армии было то обстоятельство, что первоначально ядро войск – легионы – составлялось из римских граждан, к которым присоединялись различные иноземные войсковые части. Затем пополнение легионов постепенно стало уделом провинций, а италики сохранили за собой лишь преторианскую гвардию, но, пройдя здесь свой учебный стаж, они поставляли из своей среды большую часть центурионов для легионов. И легионы мирились с этим, так же как и провинции мирились вообще с господством Рима, ибо на этом господстве основывалась империя. Если уже при Тиберии во время одного восстания в Галлии однажды

указывалось на то, что в своей основе римский плебс стал уже невоинственным и что сила римского войска покоилась на негражданах[106], то все же государственная мысль основывалась на Риме, а политическая мысль – сильнее, чем одна только военная. Теперь же это римское господство, существовавшее в течение ряда поколений, романизовало самые провинции. И внутренняя причина господства Рима перестала существовать, сама себя упразднив. Возвышение императора Септимия Севера указывает на восстание провинций против господства италиков. Император приказал казнить италийских центурионов, упразднил италийский преторианский корпус и заменил его избранными из легионов.

Если бы действительно была полностью проведена романизация провинций, то эта перемена означала бы не ослабление, но усиление армии. Однако, наряду с этим процессом и при романизации провинций здесь все еще сохранялась некоторая доля варварства и национальной обособленности, что влекло за собой ослабление единства армии, а также и то, что при переворотах иллирийцы или африканцы, восточные или западные народы, обнаруживали себя в качестве таковых, заставляя считаться с

собою, стремясь к власти, и тем самым не давали возможности установить длительный и прочный порядок.

Тот факт, что многие императоры, быстро следуя один за другим, часто менялись на троне, стал с этого времени указывать на болезненное состояние армии, на лихорадку с высокой температурой, которая в короткий срок подкашивает силы человека, бывшего совсем недавно здоровым. Легионы сознавали свое право избирать императора, ставя при этом свои условия. Главной задачей римских государственных деятелей было после каждого потрясения – и несмотря на него – поддерживать дисциплину и снова ее восстанавливать. Это было возможно лишь в том случае, если между отдельными восстаниями были более или менее длительные промежутки, во время которых сильная рука твердой власти заставляла признавать свой авторитет и с собой считаться. Этого постоянно удавалось достигать в течение первых двух столетий. Но теперь наступило такое время, когда толчок следовал за толчком. Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат. Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская

война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твердое здание римской армии – дисциплину, которая составляла боевую ценность этих легионов. Императоры, пытавшиеся удержать и вновь восстановить дисциплину, – Пертинако, Постумий, Аврелиан, Проб, – были именно вследствие этого убиты.

Но гражданская война, в связи с внезапно развившимся естественным процессом, влекла за собой и хозяйственную катастрофу, которая вовлекла в свой водоворот римское военное дело и в конце концов поглотила его. Существенным элементом всякой высокой культурной жизни является благородный металл, который, будучи отчеканен в форме монеты, приводит в движение хозяйственные силы социального организма. Античная культура и римское государство были бы так же немыслимы при отсутствии большого количества золота и серебра, как и при отсутствии большого количества железа. В частности, содержать большое постоянное войско можно было лишь на базе денежного хозяйства. Налоги, собиравшиеся с населения внутренних провинций, давали возможность держать на границах легионы, которые со всех сторон охраняли государство от варваров. Но в III столетии стал

ощущаться недостаток в благородных металлах. Источники нам прямо не указывают на то, каким образом это произошло. Во все эпохи замечается довольно значительная убыль в драгоценном металле вследствие стирания и полировки, а также вследствие того, что металл теряется, прячется и погибает во время пожаров и кораблекрушений. Плиний же сообщает нам, что очень много золота и серебра ушло в Индию и в Китай, с которыми поддерживалась значительная, но почти совершенно пассивная торговля, что подтверждается и монетами, которые даже в наши дни были найдены в этих странах. Уже Тиберии жаловался на то[107], что римляне отдавали свои деньги чужим народам за драгоценные камни, а при Веспасиане ввоз с Востока равнялся не менее чем 100 млн. сестерций (22 млн. марок) в год. Таким образом, за два столетия, протекших от Августа до Септимия Севера, около 4 млрд. марок благородного металла могло утечь из Римской империи в Индию и в Восточную Азию[108]. В китайских хрониках написано, что в Небесную империю прибыл посол от императора Ан-Туна. Может быть, это был римский купец, живший при Антонине Пии.

Много благородного металла ушло, не вернувшись обратно, в варварские страны, в

особенности в Германию, в качестве жалованья, а вскоре затем и в качестве дани. И мы имеем много указаний на то, что все эти убытки не были возмещены, так как известные до того времени и разрабатывавшиеся горные рудники, находившиеся на берегах Средиземного моря оказались уже исчерпанными для тогдашней техники. Да и в наше время нельзя было бы обслужить всю торговлю при помощи наличного запаса металла, если бы не научились увеличивать металлические запасы посредством различных форм кредитных средств, бумажных денег, банкнот, векселей и чеков. И все же, несмотря на это, мы оказались бы в затруднении, если бы не обнаружились совершенно неожиданно новые большие золотые разработки в Южной Африке (я говорю о времени до 1914 г.).

Все еще нерешенным остается вопрос о том, могли ли римляне с чисто технической точки зрения изобрести современные средства обращения, которые заменяют наличные деньги? Действительно, карфагеняне пользовались некоторое время кожаными деньгами, а у римлян существовали некоторые начатки банковского дела с платежными учреждениями и переводными и чековыми операциями, которые при Адриане были поставлены под государственный

контроль[109].

Но для того чтобы применить в широком масштабе такие средства и такую организацию, – чтобы обеспечить оплату кредитных знаков и предупредить их подделку, – нужны были такие технические предпосылки, которые еще не существовали в древности и которые потребовали столетии для своего создания. Но, не говоря уже о технических предпосылках, в эту эпоху отсутствовала еще более важная и необходимая политическая предпосылка возможности существования годных для употребления кредитных денег; эта предпосылка заключалась в наличии прочных, внушающих доверие политических условий. Между тем, римляне утеряли их как раз в тот момент, когда они более всего в них нуждались. Борьба императоров за власть, которая в то же время была борьбой за жизнь, поглотила все силы и потребовала максимальною напряжения внимания. И в эту эпоху не знали иного средства, кроме постоянной порчи монеты. При Августе серебряный денарий чеканился из чистого серебра, при Нероне лигатура в нем составляла от 5 до 10%, при Траяне – 15%, при Марке Аврелии – 25%, при Севере, около 200 г.,– 50%, при Галлиене, 60 лет спустя, антониан, заменивший денарий, содержал

всего лишь 5% серебра[110]. Денарий, стоивший на немецкие деньги при Августе 87 пфеннигов, при Диоклетиане упал до 1 4/5 пфеннига. Чеканка золотой монеты уже при Марке Аврелии стала испытывать затруднения, при Каракалле монеты были уменьшены, а затем выплавка стала настолько неравномерной, что золото совершенно потеряло характер монеты и стало приниматься лишь по весу[111]. Все владельческие и правовые отношения, которые основывались на деньгах, были опрокинуты и, сами собой упразднившись, рассеялись и исчезли. Нужда в деньгах сменявших друг друга императоров, раз вступивших на наклонную плоскость, стала все сильнее и сильнее давить на население[112]. Налоги, взимавшиеся по древним установлениям и распоряжениям, уже не приносили больше дохода. Гелиогабал однажды потребовал, чтобы налоги платились золотом, но золота не было в достаточном количестве[113]. Его преемник Александр Север понизил налоги на 1/3 их прежнего размера, для того чтобы получить возможность хотя бы что-нибудь взыскать с населения[114]. Максимин Тракс конфисковал все доходы и фонды, пожертвованные в пользу общественных игр, украшения общественных мест и дары, посвященные храмам, сделанные не только из золота и серебра, но даже из бронзы,

чтобы все это перечеканить на монету[115]. Аврелиан сделал попытку упорядочить денежную систему и предпринял для этой цели ряд таких насильственных мероприятий, которые вызвали в Риме настоящее крупное восстание. Но ни он, ни его преемники не были в состоянии разрешить эту задачу.

О состоянии римской монетной системы можно было даже в наши дни получать ясное представление всякий раз, когда случай давал возможность обнаружить некогда скрытый клад. В таких кладах находили часто целыми тысячами биллоновые и разменные монеты, которые почти совсем не имеют никакой цены. В шкатулках римских граждан уже совсем отсутствует серебро и золото, которые можно было бы припрятывать. Но клады, найденные на германской почве, состоят из хороших старых монет. Варвары умели отличать настоящие деньги от иллюзорных и требовали в качестве жалованья или дани нечто реальное.

Валютная катастрофа привела цветущую хозяйственную жизнь Римской мировой империи в состояние застоя. В артериях этого гигантского тела иссякла кровь, и они высохли. В течение III столетия денежное хозяйство почти совсем отмерло, и культурный мир снова соскользнул в

сферу натурального хозяйства. Но мы неправильно поняли бы эти явления, если бы сочли, что натуральное и денежное хозяйства абсолютно противоположны. Этого на самом деле нет. Даже в высшей степени развитом денежном хозяйстве сохраняются некоторые остатки и элементы натурального хозяйства, но то натуральное хозяйство, к которому соскользнула хозяйственная жизнь культурного мира в III столетии, застряв в этом состоянии, как это обычно признается, на целых 11–12 веков, никогда не знало полного отсутствия наличных денег и их употребления. Дело идет лишь о настолько резком проявлении одного и ослаблении другого элементов, что мы имеем право просто a potion (по преимуществу) употреблять термины "денежное и натуральное хозяйство".

Мы легче поймем произошедшее в III столетии возвращение культурного мира из сферы денежного хозяйства в область натурального хозяйства, если уясним себе, каких колоссальных запасов благородного металла требовал хозяйственный организм Римской империи для того, чтобы нормально функционировать. Почти вся армия была расположена вдоль границ. Лишь очень незначительная доля тех налогов, которые

собирались в провинциях, тратилась внутри этих провинций. Часть этих денег отправлялась в Рим и иногда на довольно долгое время превращалась в сокровища, большая же часть этих денег отправлялась в полевые лагери и распределялась в качестве жалованья между солдатами. Эти деньги могли лишь постепенно возвращаться в провинции в виде уплаты за товары и поставки. При торговых операциях платежи производились наличным серебром и золотом. Солдаты также требовали, чтобы им платили жалованье наличным серебром или золотом, а императоры собирали эти благородные металлы в своей казне в Риме или раздавали его плебсу, чтобы он сохранял спокойствие. Ежегодное жалованье, выплачиваемое армии (за исключением снабжения и вещественных затрат), достигало при Августе приблизительно 50 млн. денариев. А в Анкирской надписи (Monumentum Ancyranum) Август хвалится тем, что роздал гражданам в общей сложности 919 800 000 сестерций (254 950 000 денариев – приблизительно 25 млн. марок). Государственные денежные транспорты, шедшие из таких провинций, в которых не было гарнизонов, как, например, из Аквитании, Сицилии, Греции, должны были непрерывно идти на Рейн, на Дунай, в Рим, а торговцы,

удовлетворявшие потребности солдат, двора и римских граждан, снова переправляли эти деньги обратно. Но при медленности этого транспорта и денежных оборотов даже самый маленький городок и даже самая последняя деревня, которые должны были платить свои налоги, принуждены были иметь значительные запасы наличных денег, для того чтобы вся эта система могла бесперебойно функционировать.

В III столетии этот запас стал настолько малым, что вся система рухнула. И то самое средство, при помощи которого было несколько улучшено положение, – кажущееся увеличение денежного оборота, достигнутое благодаря ухудшению качества монеты, – должно было повлечь за собой окончательный кризис, так как непрочность и неопределенность мерила ценности нарушили правильное функционирование административного аппарата и парализовали торговлю. Еще до того, как начались настоящие вторжения варваров, римские подданные во второй половине II столетия, – как это ясно показывают клады, найденные уже в наши дни, – стали зарывать свои наличные деньги в землю, пряча их от сборщиков налогов.

После того как Диоклетиан (284 – 305 гг.), благодаря своему крупному государственному

таланту, сумел на некоторое время снова установить прочной порядок, он, напрягая все силы, стал пытаться упорядочить также валютную и хозяйственную системы. Он попытался на основании закона фиксировать совершенно исчезнувшее равновесие между деньгами и товарами, издав необычайный закон, регулирующий цены; этот закон, высеченный на камне, должен был быть выставлен во всех городах государства, благодаря чему текст этого закона в многочисленных обломках в своей большей части сохранился до нашего времени. Но смертная казнь, грозившая за нарушение этого закона, не смогла преодолеть естественный закон экономики. Специальные исследования должны здесь разъяснить еще много отдельных деталей, нашей же задачей в данном случае является лишь установить факт перехода к натуральному хозяйству.

Государство, видя невозможность взимать налоги наличными деньгами, все больше и больше расширяло систему поставок натурой, которая с давних времен существовала наряду с налогами. Группы ремесленников были превращены в твердые, наследственные и замкнутые корпорации, которые должны были выполнять общественные работы. Пекаря пекли

хлеб, корабельщики перевозили зерно, горнорабочие шурфовали, крестьяне поставляли подводы, городские советы организовывали общественные игры и топили бани. Чиновники получали в качестве содержания из общественных магазинов определенными рационами и порциями зерно, скот, соль, масло, одежды, а наличными лишь карманные деньги.

Какое влияние оказала эта перемена на организацию армии?

Первый след этого пути, ведущего к упадку, я нахожу уже в эпоху царствования того императора, который вступил на престол в качестве вождя провинций, восставших против господства италиков, – императора Септимия Севера (193 – 211 гг.). О нем сообщают, что он увеличил порцию выдаваемого солдатам зерна и разрешил им жить с их женами. Правда, это было понято как доказательство благосклонности и послабления, но все же этот император был настолько опытным и способным солдатом и государственным деятелем, что, конечно, не сделал бы такой чреватой последствиями и роковой уступки, если бы не был вынужден к этому очень серьезными и вескими причинами. Но эти причины нам станут ясными, если мы рассмотрим указанные два постановления не

изолированно, а в их внутренней связи. Император, при котором лигатура серебряного денария достигла 50%, правда, повысил жалованье солдатам при своем вступлении на престол, но он вряд ли был в состоянии регулярно уплачивать солдатам жалованье деньгами. Поэтому он увеличил выдачи натурой и дал возможность использовать эти более крупные порции, разрешив пользоваться ими вместе с семьями.

С этим вполне согласуется недавно найденная надпись, относящаяся ко времени царствования названного императора, в которой один солдат называет себя арендатором легионной пашни[116]. А наряду с этим мы уже знаем[117] о постановлении Александра Севера, что пашни, предоставленные пограничным солдатам, должны передаваться их наследникам лишь в том случае, если они снова становятся солдатами. Вследствие этого легионеры, которые прежде строго держались все вместе в лагерях и крепостях, которые жили здесь, подчиняясь строгой дисциплине, и даже по закону не могли иметь жену, стали теперь жить,– как это, впрочем, уже задолго перед тем стало совершившимся фактом в египетских легионах[118], – вне лагеря, в разбросанных повсюду собственных хижинах, со

своими женами и детьми, могли возделывать свои поля и принуждены были лишь на некоторое время собираться вместе для прохождения военной службы. И хотя этот процесс задерживался в своем развитии при Северах, все же при следующем поколении он окончательно оформился.

Так разрушилось самое существо римского легиона.

Человек, который являлся наиболее характерным для римского военного дела типом, – центурион – исчезает из надписей в конце III столетия. В более поздних сводах законов он уже является нам в качестве должностного лица, служащего в конторе. К тому же самому времени исчезают таможенные и налоговые чиновники и, как мы уже видели выше, оба эти факта самым тесным образом связаны между собой[119].

Название легиона сохраняется еще в течение долгого времени. В государственном справочнике, относящемся к началу V столетия, в "Расписании должностей" ("Notitia dignitatum") насчитывается около 175 легионов, в то время как при Септимии Севере их было 33, но уже, как показывает это число (175), легионы стали теперь небольшими войсковыми частями совсем другого рода. Все еще, как и при прежних императорах, солдаты для

легионов по закону набирались, а на самом деле вербовались, причем часто даже в насильственном порядке. Народные массы, находившиеся в распоряжении правительства, были гораздо многочисленнее, чем во времена Августа, но зато уже исчезла та военная организация, которая из рекрут формировала солдат, создавая высокую ценность древних легионов.

Но древнеримская армия, как мы знаем, состояла из двух существенно отличавшихся друг от друга составных частей: наряду с более или менее романизованными легионами и постепенно подвергавшимися романизации провинциальными вспомогательными войсками[120], ценность которых основывалась на их воинской дисциплине, стояли самые настоящие варвары, боевая ценность которых покоилась на их ненадломленной дикости. Эта боевая ценность не пострадали ни от падения авторитета верховного полководца, ни от новых хозяйственных условий.

В предыдущих разделах настоящего труда (том I) мы уже ставили вопрос о том, в каком отношении стояла боевая ценность римского легиона к равному по своей численности отряду храбрых варваров, и пришли к выводу, что римская дисциплина не могла достигнуть такой ценности, которая намного превышала бы

ценность отряда варваров. Перевес римского войска объяснялся скорее стратегическими, нежели тактическими причинами, заключаясь в том, что римские полководцы могли в решительный момент ввести в бой силы, превосходившие силы противника. Если так обстояло дело с лучше всего дисциплинированными римскими легионами, то совершенно ясно, что недостаточно дисциплинированные римские войска не могли устоять против варваров. Из рассказов Цезаря известно, – и он сам постоянно на это указывает, – каково было различие между старыми и новыми войсками. Хотя римские легионеры, ведшие со времен Северов крестьянскую жизнь и созывавшиеся лишь для несения военной службы, еще дрались, но это уже не были легионы Германика или Траяна. Также и до Цезаря римские легионы созывались лишь во время военных действий и для ведения войны, но и они очень часто не стояли на достаточной высоте и закалились лишь во время войны. При первом столкновении с кимврами и тевтонами им пришлось довольно плохо, и мы знаем, с каким страхом они выступили против Ариовиста. Лишь став в полном смысле этого слова профессиональными солдатами, они полностью

смогли развить свою боеспособность. И теперь, когда легионы потеряли это свойство и снова приобрели характер скорее милиции, боевой перевес перешел не только на сторону неприятеля, но даже внутри самой императорской армии перешел на сторону варварских вспомогательных войск; и это выражалось тем сильнее, чем больше усиливали свою исконную боевую ценность варвары благодаря прохождению римской службы и снабжению римским предохранительным и боевым вооружением. Лучшую часть армии составляли теперь не легионы, но варвары, а, следовательно, германцы, и этот поток со все возраставшей быстротой затоплял римское военное дело. В тех гражданских междоусобных войнах, которые теперь вели между собой римские императоры, тот из них имел наибольшие шансы на победу, на захват престола и на спасение собственной жизни, кто имел возможность повести в бой наибольшее количество варваров. Соперничая между собой, императоры принимали к себе на службу не только отдельных волонтеров, вступавших в римскую армию, но и целые племена, вооружали их и вели к самому сердцу Римской империи, чтобы с их помощью завоевать или защитить престол.

В IV столетии римское войско представляло

уже совсем иную картину, чем та, которая нами была изображена выше. Кажется, что Диоклетиан ввел в систему ту перемену, которая явилась в результате естественного влияния изменившихся условий, Константин же закончил оформление нового порядка. Войска стали теперь делиться на четыре отдельные группы: императорскую, свитскую, ложносвитскую и пограничную. Прежняя преторианская лейб-гвардия, вербовавшаяся из италиков, была упразднена уже Септимием Севером и заменена новым гвардейским корпусом, который составлялся посредством выделения солдат из легионов, так что назначение в эту гвардию было для выслужившегося солдата из провинциального легиона своего рода наградой. Эта реформа не имела собственно военного значения; она важна для нас лишь как симптом исчезновения древнего господствующего положения Рима и Италии над провинциями[121]. И если все же мы находим войска, которые носят название "императорских", то это, в сущности, не что иное, как прежняя гвардия. Но наряду с этими войсками теперь имеются и особые войска, называемые "свитскими" (comitatenses), так как они обычно сопровождают императора. Это является некоторой новостью постольку, поскольку в

прежние времена, как мы это знаем, почти вся армия стояла на границах. Но императоры теперь уже не могли обойтись без более или менее крупных войсковых частей, которые должны были постоянно находиться в их непосредственном распоряжении, несмотря даже на то, что вследствие этого им приходилось обнажать границы и открывать их вторжениям варваров, в чем их и упрекают писатели той эпохи.

Правда, на границах еще находились войска, которые носили название "пограничных" (limitanei) или "береговых" (riparienses). Но защита, предоставляемая этими войсками, была весьма незначительна, так как это были не дисциплинированные корпуса, а пограничники в том смысле, как мы понимаем это слово теперь, т.е. крестьяне, на которых была возложена в качестве военной службы охрана границ. Мы уже видели, что от такой милиции можно было ожидать лишь весьма малого сопротивления германским воинам, настолько слабого, что именно этот факт объясняет нам существование четвертого вида войск – "ложносвитских" (pseudocomitatenses). Так как одни пограничные войска могли оказать некоторую помощь лишь против простых разбойничьих шаек, то все же наряду с ними на границах располагались и

некоторые организованные войсковые части, которым и было дано это причудливое название, так как их организация походила на организацию свитских войск, хотя они, собственно говоря, и не сопровождали императора.

Распадение армии на эти разнообразные войсковые части объясняет нам факт необычайного увеличения числа легионов. Прежние легионы были упразднены. Часть их личного состава была поселена в области прежнего гарнизона в качестве пограничников, другая часть еще представляла некоторое единство в качестве "ложносвитских" войск, и, наконец, остальные перешли в состав свитских, или императорских, войск. Все составные части и новые образования продолжали носить название легионов. Но все же для обозначения войсковой части, в особенности же части действующей армии или полевых войск, преобладающим теперь является просто некоторое "число" (numerus), которое теперь чаще всего употребляется.

Если бы мы могли себе представить, что в частях императорских (palatini), свитских (comitatenses) и ложносвитских (pseudocomitatenses) войск или хотя бы лишь в двух первых названных группах продолжала еще существовать древняя римская дисциплина, и если

бы, кроме того, было правильно, что общая численность римского войска сильно возросла, то эта новая форма, в которую облеклось римское войско, ни в каком случае не показалась бы нам ухудшением прежней. И мы могли бы тогда сказать, что прежние преторианцы продолжали существовать в императорских войсках, а легионы – в свитских, и что эта профессиональная армия и эти полевые войска были дополнены и усилены пограничной милицией – пограничниками.

Но это было не так. Общая численность римской армии, – в особенности если мы. примем во внимание лишь половинную боевую ценность пограничных войск, – скорее уменьшилась, нежели увеличилась. А в тех войсковых частях, которые все еще по-прежнему назывались "легионами", мы уже должны теперь видеть не хорошо обученных и строго дисциплинированных легионеров классической эпохи, но более или менее обученные и пригодные отряды наемников. И чем больше имеется варваров в этих отрядах, тем они лучше. Рассказывают, что император Проб распределил между легионами 16 000 германских рекрут, для того чтобы можно было воспользоваться варварской силой, но чтобы в то же время не было слишком заметно, с чьей помощью одерживались победы. Природная сила

должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

Одновременно с римской дисциплиной исчез и тот своеобразный римский тип сражения, который состоял в искусном соединении метания дротика с применением в бою меча и который возможен лишь при наличии очень хорошо обученных войск[122].

Теперь также и римляне стали применять в качестве боевого порядка германское каре и построение в форме "кабаньей головы".

Варварские вспомогательные войска, которые до этого времени в римской военной системе являлись лишь вспомогательными частями, образуют теперь самый костяк и основную силу римской армии. И в иерархическом порядке мы можем констатировать влияние того же самого принципа: чем большим варваром является тот или иной воин, тем он знатнее, и чем больше он римлянин, тем менее значительное положение он занимает. Посвятительные надписи показывают нам, как, начиная с III столетия выдвигается на первый план культ Марса и Геркулеса и как перед ними отступают назад капитолийские божества. А Геркулес – это германский бог Донар[123].

Римские полководцы до этого времени были сенаторами. Еще в течение всего I столетия

существования Римской империи мы можем наблюдать своеобразное явление, что, в то время как армия в самом строгом смысле этого слова состояла из профессиональных солдат, именно высшие командиры и полководцы носили характер чиновников. А теперь уже исчезает легат, облеченный званием сенатора, командиром же легиона становится простой солдат, и очень скоро это уже не римлянин, но германец[124]. В результате этого теперь уже резко отделяются друг от друга, – чего совершенно не было раньше, – гражданское чиновничество от командного состава, вплоть до самых высших должностей. До настоящего времени этот факт обычно понимался как преднамеренный шахматный ход, предпринятый императором Галлиеном против сената. Но это истолкование должно быть перевернуто. Здесь дело идет не столько о сужении функций сената, сколько о сохранении гражданской государственной власти в руках римлян, так как командование войсками начинает соскальзывать в руки варваров.

Войско римского государства становится германским. Римские легионы в конце концов не были побеждены и преодолены варварами, но были заменены сыновьями Севера. Этот факт в его правильном понимании открывает нам врата,

через которые мы вступаем в ту эпоху мировой истории, которую принято называть "эпохой переселения народов".

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Господствующая теория не дает единого и ясного ответа на вопрос относительно социально-экономического состояния Римской империи. С одной стороны, нельзя не признать того, что перед нами имеется налицо факт высокого расцвета, о чем до сих пор красноречиво свидетельствуют развалины грандиозных сооружений той эпохи. С другой же стороны, в древних источниках мы находим такое большое количество жалоб на упадок, что не имеем никакой возможности пройти мимо этого факта, а потому принуждены говорить о все прогрессирующем упадке, и именно – о постоянном уменьшении численности населения. Впервые некоторый порядок в этот путаный вопрос внесли И. Юнг в своем труде "Венские исследования", I, 185 (1879 г.) и Макс Вебер в своей "Римской аграрной истории" (1891 г.). Однако, мне кажется, что ни эти исследователи, ни Эд. Мейер в своей чрезвычайно ценной статье "Экономическое развитие древнего мира" ("Conrads Jahrbьcher fьr Nationalцkonomie", 1985) все же не внесли достаточных коррективов в существующую традицию.

Если мы внимательнее всмотримся в те отдельные места источников, которые якобы свидетельствуют об уменьшении численности населения, то увидим, что

речь идет либо о местных, либо о временных явлениях, которые ничего не доказывают ни по отношению ко всей империи, ни по отношению к целым столетиям.

Если Плиний сообщает (Hist. nat. VII, 45), что Август ввиду недостатка молодежи призывного возраста однажды был принужден приступить к набору рабов, или если в "Жизнеописании Марка Аврелия" (Scr. hist. Aug., cap. 11) однажды встречается фраза "истощенная Испания", то из этого все же нельзя сделать никакого вывода. Здесь дело идет лишь о случайных, мгновенных затруднениях; так, например, Испания при Марке Аврелии была очень сильно изнурена чумой[125].

Если Домициан в 92 г. запретил превращать пашни в виноградники и даже приказал уничтожить в провинциях половину всех виноградников (Светоний, 7), то это ни в коем случае не указывает на неблагоприятное положение, а скорее на пышное развитие народного, в частности сельского, хозяйства. Поводом к этому послужило повышение в этот момент цен на зерно. Причиной этого явления, очевидно, считали возраставшее потребление вина, затем – то предпочтение, которое сельские хозяева отдавали виноделию, и, наконец, привычку полагаться на внешний ввоз зерна. Этим и объясняется появление закона о роскоши, который должен был вернуть народ обратно к более простым и древним способам обработки почвы и обычаям, связанным с потреблением.

Уже Страбон (VI, гл. 1) пишет про Сицилию, что она находилась в состоянии упадка и была бедна

людьми. Подобные слова слышим мы и о Греции, в особенности об Эвбее, а также о ближайших окрестностях самого Рима, о некогда столь плодородном древнем Лациуме. Но все это лишь очень небольшие кусочки всей громадной Римской империи, причем все эти явления объясняются особыми причинами. И в некоторых других местах можно было наблюдать, что земледелие в непосредственной близости большого города приходило в упадок и заменялось пастбищным хозяйством. Так, например, Эд. Мейер приводит в качестве аналогии этому факту современный Дублин. Сицилия очень сильно пострадала вследствие тех войн, которые там велись с рабами. Однако, ее вывоз в Рим был все еще весьма значительным. Также и Италия в последнем столетии существования республики вступила в полосу упадка вследствие развития крупного пастбищного хозяйства и применения рабского труда в сельском хозяйстве, но она снова наполнилась семьями колонов в I столетии н. э.[126]. Если мы примем во внимание, что за 300–400 лет громадная область расселения кельтов – Верхняя Италия, Франция, Британия, прирейнские и придунайские страны, далее, Испания и Северная Африка, наконец, даже Дакия – подверглась процессу латинизации, исходившему из Средней Италии, то необходимо будет признать, что это стало возможным лишь благодаря очень сильной эмиграции. На границах латинизация проводилась легионами, но во внутренних областях было либо очень мало войск, либо их не было совсем. Немногие чиновники, посылавшиеся из Рима в провинции, конечно, не могут идти в счет. Сельская колонизация имела место

лишь в некоторых местах. Латинизация проводилась главным образом благодаря процессу расселения в городах торговцев и ремесленников. В течение длительного промежутка времени решающим моментом, определявшим язык страны, являлись не сельские местности, а города. Города меняют свой языковый характер сравнительно легко и скоро. Процесс изменения продвигается сверху вниз. Даже не очень большого количества иммигрантов, занимавших господствующее положение благодаря своим капиталам и уровню своей техники, было достаточно для того, чтобы, опираясь на политическое господство, лишить данную область ее национального облика. Этим объясняется стремительно быстрый охват всего Запада латинским племенем. В то время как низовой поток непрерывно нес пролетарские элементы из Италии и со всего мира в Рим, верхний поток шел из Рима в провинции. Из этого стечения человеческих масс в Риме постоянно поднималось и возвышалось столько деятельных и энергичных личностей, что они были в состоянии продвигаться в провинции в качестве носителей высшей столичной культуры. Там они укреплялись и процветали, создавая новые формы хозяйственной и общественной жизни и проводя одновременно с этим процесс романизации. Случайно сохранились сведения о том, что в Кадиксе и в Падуе в I столетии жило не менее 500 римских всадников (крупных торговцев)[127]. Ближайшими предками тех людей, которые представляли и распространяли римскую культуру в Галлии, в Испании и в Африке, были, возможно, те люди, которые пришли в Рим именно из этих провинций и были в Риме латинизированы. Факт

этого двойного потока в движении населения не может быть подвергнут какому-либо сомнению, так как, с одной стороны, необходимо признать наличие сильной эмиграции в провинцию, ибо без этого нельзя объяснить быструю латинизацию, а с другой, – эта убыль в населении постоянно пополнялась. Рим оставался очень большим городом и даже продолжал расти.

Таким образом, хотя и происходила непрерывная и очень сильная миграция, хотя и происходили непрерывные сдвиги в народонаселении, тем не менее вполне естественно, что при этом могли иметь место и некоторые болезненные трения, так что некоторые области вследствие более или менее случайных причин могли хиреть, в то время как все государство в целом возрастало.

В особенности же из часто повторявшихся жалоб на недостаток в сельскохозяйственных рабочих и на покинутые пашни (agri deserti) ни в коем случае нельзя делать вывод относительно уменьшения общего количества населения. Даже из современной Англии, находящейся в полном расцвете своих хозяйственных сил, раздаются жалобы на то, что большие пространства земли остаются необработанными вследствие недостатка в рабочей силе, да и в германской Остэльбии подчас целая половина округа лежала бы под паром, если бы мы не доставляли с востока ежегодно по нескольку сотен тысяч иноземных рабочих. И при этом общее количество населения Германии ежегодно увеличивалось (до 1914 г.) не менее, чем на 900 000 человек. Таким образом, хотя уже Плиний жаловался на недостаток в сельскохозяйственной рабочей силе; хотя уже со

времен Адриана делались попытки насильственно удержать колонов в поместьях; хотя Пертинакс (193 г.) разрешил занимать необработанные земли и даже покровительствовал этому[128]; хотя мы уже со времен Аврелиана (270 – 275 гг.) находим законодательные предписания относительно невозделанных пашен[129], – но все это ни в коем случае не доказывает факта уменьшения народонаселения.

Не сохранилось ни одной цифры, которая могла бы послужить отправной точкой для установления изменения количества народонаселения в императорскую эпоху. Однако, следующие соображения и свидетельства указывают на то, что на самом деле в эту эпоху мы имеем дело не с убылью, а ее значительным приростом населения.

Аппиан (в середине II в.) указывает на высокий хозяйственный расцвет (Введение, гл. 7). Это свидетельство подтверждается крупными сооружениями, в частности постройкой дорог, которые местами сохранились до нашего времени, а местами засвидетельствованы многочисленными надписями[130]. Постройка дорог на протяжении целых столетий является надежнейшим масштабом для измерения возрастающего народного благосостояния. Никакие причуды монархов, никакие военные соображения не могут постоянно объяснять столь значительные затраты труда, если только за ними не скрываются мощные хозяйственные силы и крупные цели[131].

С другой стороны, растущее благосостояние плохо вяжется с фактом продолжительного

уменьшения количества народонаселения. Правда, современная Франция дает нам теперь пример возрастающего благосостояния при наличии почти застойного народонаселения. Но если бы население Римской империи за 265 лет, протекших от Августа до Александра Севера, увеличивалось так же медленно, как население Франции в XIX в., то все же оно почти утроилось бы, так как Франция все-таки имела средний прирост населения в 0,04%, а это удваивает количество населения за 174 года. Изменение численности населения в древности и в Средние века отличается от аналогичного факта, имеющего место в современных условиях, более резкими колебаниями. Даже в мирные времена римской императорской эпохи мы очень часто слышим жалобы на чуму и голод, которые уже почти не играют никакой роли в истории народонаселения современного культурного мира. Поэтому прирост населения в древности, несмотря на хозяйственное благосостояние, был, конечно, в общем не очень значительным; но ведь достаточно даже почти незаметного, ежегодного минимума для того, чтобы удвоить население в течение двух с половиной столетий, так что, не впадая в преувеличение, мы можем свободно допустить рост населения с 60 до 90 млн.[132]

Я не считаю невозможным то, что прирост населения был даже значительно выше. Но если бы этот прирост был вдвое больше, то все же он был бы крайне незначительным по сравнению со способностью народов к размножению. В этом мы находим объяснение законов Августа и позднейших императоров, поощрявших браки и рождение детей.

Мы могли бы совершенно не касаться этого законодательства, так как оно распространялось лишь на определенный весьма незначительный слой населения, в особенности же на население города Рима[133]. Но даже несмотря на это мы признали факт столь незначительного прироста населения, что даже современники подчас почти не могли установить, имелся ли вообще налицо какой-либо прирост, а императорское законодательство относительно браков совершенно не заставляет нас делать гот вывод, что в эту эпоху мы имеем дело с абсолютной неизменностью в численности населения или даже с некоторым его уменьшением. Это законодательство указывает лишь, что в среде римского гражданства или даже в некоторых его слоях фактический прирост населения значительно отставал от возможного естественного прироста. Иногда могло быть налицо даже фактическое уменьшение населения. Но ни жалобы писателей, ни это законодательство не мешают нам принять факт наличия общего, хотя и несколько медленного, прироста населения.

Значительная населенность Африки положительным образом засвидетельствована Геродианом (III, 4). Что касается ряда больших городов, в особенности Карфагена, то этот факт и сам по себе ясен, но Геродиан к этому добавляет (к 237 г.) и ясно указывает, что здесь и помимо того было много земледельцев. Хейстерберг ("Возникновение колоната", 1876, стр. 113 и след.) многочисленными примерами еще более подкрепил достоверность этого свидетельства.

Указание относительно Испании я нахожу у Юнга ("Романские области Римской империи", т. I, стр. 43).

Автор здесь цитирует одного географа начала IV столетия, который пишет об Испании: "Обширная и богатая страна с многочисленным населением, искусным во всякого рода делах. Она вывозит масло и сало, окорока и рабочий скот во все страны света, обладает всякого рода благами и во всем выделяется".

Собственно говоря, никто не сомневался в том, что Галлия и Верхняя Италия в императорскую эпоху находились в состоянии расцвета и обладали многочисленным населением. Литература указывает на наличие здесь такой развитой городской культуры, которая совершенно немыслима при отсутствии общего экономического расцвета.

Диодор (I, 31) исчисляет население Египта в 7 млн., а Иосиф (II, 385) в 7 S, причем в эту цифру не входит Александрия; вместе же с этим городом численность населения Египта была не менее 8 млн. Если это исчисление и может быть подвергнуто некоторым сомнениям и если, – в чем я охотно соглашаюсь с Зееком ("История упадка древнего мира", I, 505), – такие цифры, которые лишь в редких случаях могут быть сопоставлены, никогда не дадут возможности сделать твердые выводы, то и здесь мы имеем свидетельство, подтверждающее – по крайней мере с некоторой долей вероятности – не уменьшение, а как раз наоборот – очень значительный рост населения. Недавно найденные папирусы подтверждают тот факт, что Египет в императорскую эпоху был очень густо населен. Эрман и Кребс ("Из папирусов королевских музеев", 1899, стр. 232) устанавливают, исходя из текста одной налоговой декларации, что при Марке Аврелии в одной десятой части одного дома в Фаюме жило не менее 27 человек.

Такая уплотненность населения указывает на его многочисленность.

Все сказанное в основном касается лишь той эпохи, которая предшествовала крупному хозяйственному перевороту, произошедшему в середине III столетия. Вопрос о том, как отразилось возвращение к натуральному хозяйству на изменении численности населения, должен остаться пока еще нерешенным. Во всяком случае этот факт не мог ни особенно быстро, ни особенно сильно отразиться на количестве населения, изменив его в ту или иную сторону.

ЗАПАС БЛАГОРОДНОГО МЕТАЛЛА

Было бы весьма ценно, если бы какое-нибудь специальное исследование более близко затронуло вопрос об исчезновении благородного металла в III столетии. В имеющейся у нас основоположной работе, в монументальной "Истории римского монетного дела" Моммзена, эта сторона вопроса несколько отодвинута на задний план перед вопросом о порче монеты[134]. Я хотел бы здесь по крайней мере сопоставить те факты, которые меня привели к тому убеждению, что на самом деле – и может быть даже в первую очередь – мы имеем здесь дело со слишком незначительным наличием благородного металла, так как горные рудники уже больше ничего не давали или по крайней мере добыча в них очень сильно уменьшилась.

Не подлежит никакому сомнению, что добыча в древних рудниках в некоторые эпохи была очень значительной. В Греции в V в. находилось в

обращении очень много металлической монеты. Античные писатели постоянно указывают на то, как богата была Испания серебром. Поэт Стаций в I столетии среди доходов фиска указывает в первую очередь на то, "что Иберия извлекает из золотоносных рудников и что блестит в далматских горах". Но нельзя с одинаковой легкостью добывать металл в одном и том же месте в течение нескольких столетий подряд. Относительно аттических серебряных рудников в Лаврионе мы имеем прямые указания, что уже в течение последних столетий до н. э. добыча в них сильно упала и что, наконец, они были совершенно истощены[135]. Мы не имеем ни одного прямого свидетельства относительно Испании. Мне кажется, что указание Марквардта ("Римский государственный строй", II, 260) на то, что добыча в испанских серебряных рудниках уже в начале I столетия стала незначительной, основывается на ошибке, по крайней мере мне не удалось найти этому подтверждений в источниках, а к тому же все говорит в пользу того, что Испания еще в первых двух столетиях н. э. обладала очень богатыми рудниками. Кроме того, римлянам удалось, как, например, в Дакии, открыть еще совершенно новые залежи железа, которые стали энергично разрабатываться. Но после этого наступил такой упадок, что Хиршфельд в своих "Исследованиях в области истории римского государственного строя" (стр. 91, 2-е издание, под заглавием "Императорские правительственные чиновники вплоть до эпохи Диоклетиана", стр. 180) смог сказать, что ни в какой другой области он не был столь стремительным и столь резко бросающимся в глаза. В "Расписании должностей" ("Notitia

dignitatum") находится лишь один единственный императорский горный чиновник, компетенция которого, кстати сказать, распространялась на Иллирию. В "Кодексе Феодосия" ("Codex Theodosianus") имеется лишь несколько редких постановлений относительно горного дела и поступлений из горных рудников (кн. 10, разд. 19). В Испании при вестготах мы уже больше ничего не слышим о добыче серебра, разве только на Тахо мы находим следы промывания золота[136]. Только мавры снова возобновили эти промыслы в Испании[137], но, может быть, уже в других местах.

Такие факты, как тот, что при Макрине (217 г.) существовали золотые и серебряные статуи (Дион, 78, 12); что при смерти Галлиена в 268 г. в государственной кассе было столько денег, что каждому солдату можно было тотчас же выдать 20 золотых монет (Scr. Hist. Aug. Gallieni, 15), и тому подобные указания, конечно, не являются доказательством соответствия денежного запаса хозяйственным потребностям огромной империи.

Хотя при Константине вновь установился некоторый порядок в монетном деле, но это, с одной стороны, объясняется тем, что хозяйственная жизнь приняла тогда несколько иные формы, которые уже не требовали такого количества наличных средств, с другой же стороны, тем, что конфискация храмовых сокровищ фактически увеличила запас средств денежного обращения.

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ПРИ СЕПТИМИИ СЕВЕРЕ

Геродиан сообщает про Севера (III, 8, 4): "Он прибавил солдатам величайшие деньги и, кроме того, многое другое им разрешил, чего они раньше не имели, ибо он им первый увеличил продовольственное снабжение, позволил им носить золотые кольца и жить вместе со своими женами, – словно он считал, что от всего этого зависят воинская дисциплина и готовность солдат идти на врага и что следует хорошо обеспечить чужие интересы".

Слово *"σιτηρέσιον"* (содержание, продовольствие) может вообще обозначать "жалованье", а все это место можно было бы понять таким образом, что под "величайшими деньгами" *(χρήματα πλεστα)* подразумевались наградные и под *σιτηρέσιον* жалованье, которое было повышено с 375 до 500 денариев[138]. Это повышение жалованья, которое затем при Каракалле было доведено до 750 денариев (чему при Августе равнялось жалованье преторианцев), мне кажется вообще противоречит моему представлению о все возраставшем недостатке в деньгах и о все расширявшемся вследствие этого натуральном снабжении. Но что касается данного места, то буквальный смысл этих слов Геродиана, а именно – что Север "первый" увеличил "жалованье" *(σιτηρέσιον)*, исключает возможность понимать это слово как жалованье, которое со времен Августа неоднократно повышалось и даже незадолго до этого было увеличено Коммодом. Поэтому я считаю возможным утверждать, что в слово "деньги" *(χρήματα)* включен момент повышения жалованья.

Кроме того, факт, что Северы раздали солдатам очень большие наличные деньги, совершенно не исключает того, что в хозяйственном организме уже ощущался в них острый недостаток, так как Северу удалось собрать необходимые средства лишь при помощи самых крайних насильственных мер – при помощи массовых осуждений и конфискаций – и даже, помимо этого, прибегая к дальнейшей порче монеты, которая, – чего ни на одну минуту нельзя забывать, – при этом императоре достигла 50%.

Домашевский, конечно, вполне справедливо отмечает[139], что бесчисленные клады, относящиеся ко второй половине II столетия, являются не результатом варварских нашествий, но, скорее, следствием варварского управления внутри страны. "Люди скрывали от налоговых взысканий свои наличные деньги в недрах земли".

Мое понимание подтверждается Дионом (78, 34), который пишет, что Макрин не только дает солдатам деньги, но и снова обещает им вернуть то полное "продовольствие" *(τροφή)*, которое он от них отнял. Макрин, конечно, не мог лишить солдат того продовольствия, которое было необходимо для каждое отдельного воина. Очевидно, здесь идет речь о несколько большем семейном пайке. Так как этот император вообще выступил с реформами, направленными против постановлений Северов, то, комбинируя, мы можем предположить, что он сделал попытку снова упразднить всю эту систему, связанную с усиленным продовольственным снабжением и с разрешением семейной жизни, – систему, которая оказалась гибельной.

Об Александре Севере в другом месте ясно

говорится, что "он внимательно следил за продовольственным снабжением солдат" ("Vita", cap. 15).

Ученые держатся различных взглядов относительно значения слов "жить со своими женами", как и вообще по вопросу об истории римского солдатского брака. Я присоединился к тому взгляду, который мне показался наиболее вероятным. Особенно странным все же остается для меня то обстоятельство, что вплоть до Адриана неграждане по негражданскому праву имели право вступать в законный брак, следовательно, были поставлены в лучшие условия, чем "граждане" (cives). В Египте легионы пользовались особыми привилегиями. Ср. Г. Вилльманс, " Римский лагерный город в Африке" (G. Willmans, "Die rцmische Lagerstadt Africas, in den Comm. in hon. Th. Mommsens", 1877, S. 200 ff.) и П. Мейер, "Римский конкубинат" (P. Meyer, "Das rцm. Konkubinat", 1895. P. Meyer, "Zeitschr. d. Savigny-Stift", Bd. 18, S. 44 ff).

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСКА И НАБОРЫ СОЛДАТ В IV СТОЛЕТИИ

Предание гласит, что Диоклетиан очень сильно – в четыре раза – увеличил римские военные силы. Лактанций больше всего упрекает императора за усиление военных повинностей, а Моммзен на основе "Расписания должностей" ("Notitia dignitatum") и всех других свидетельств счел возможным приблизительно определить общую численность римских военных сил в IV столетии в 500 000–600 000 человек, принимая в то же время для начала III столетия, когда Север

увеличил число легионов до 33, численность римской армии равной приблизительно 300 000 воинов[140].

Однако, те основания, на которых покоится это исчисление, как указал уже сам Моммзен весьма недостоверны. Ведь неизвестно, какие войсковые части из числа поименованных в "Расписании" существовали на самом деле и какова была численность отдельных частей, а также в какой мере вообще можно считать солдатами "пограничников" (limitanei). Собственно говоря, мне нигде не удалось найти безусловно надежную цифру, из которой можно было бы исходить и при помощи которой можно было бы проверять другие цифры. Те цифры, при помощи которых историки определяют численность войск, участвовавших в сражениях при Константине, не имеют никакой цены. Само собой разумеется, что следует считать совершенно невозможной задачу прокормить большие армии при наличии и при помощи натурального хозяйства. Об этом в нашем дальнейшем изложении нам придется еще часто говорить. А ход военных действий и та единственная цифра численности войска, которою мы располагаем и которую мы можем считать более или менее надежным свидетельством, говорят за то, что армии этого времени были не только не больше, но даже значительно меньше, чем в эпоху Августа и Тиберия.

Сохранился документ, текст которого гласит о передаче императором Валерианом крупного командования позднейшему императору Аврелиану[141]. В этом послании перечисляются все войсковые части, входящие в состав данной армии. Это – 1 легион, 4 германских князя, 300 итирейских

лучников, 600 армян, 150 арабов, 200 сарацин, 400 воинов из Месопотамии, 800 тяжеловооруженных всадников. То обстоятельство, что здесь отдельно перечисляются столь незначительные войсковые единицы, ясно указывает, что вся эта армия в целом была очень небольшой.

Но важнее всего то, что Юлиан в 357 г. при Страсбурге якобы с войском, не превышавшим 13 000 человек, победил алеманнов, которые со своей стороны, как гласит источник[142], насчитывали 35 000 человек. Эти цифры, очевидно, восходят к собственным записям Юлиана. В следующей части мы будем говорить об этом сражении, здесь же мы лишь коснемся вопроса о численности этих армий. 35 000 алеманнов мы попросту вычеркнем, – это ведь не что иное, как обычное преувеличение. Вообще ни в одну эпоху 13 000 римлян не могли победить в открытом бою 35 000 германцев, а в IV в. это, конечно, было совершенно невозможно. Вопрос лишь в том, можем ли мы по отношению к римскому войску признать правильной цифру 13 000. Ведь полководцы слишком часто бывают склонны преуменьшать свои силы, для того чтобы окружить большим блеском славу собственной победы. Поэтому нам кажется, что 13 000 солдат – слишком мало для полководца, который располагал не только всеми силами Галлии, но, вероятно, также Британии и Испании, причем это сражение было не случайной стычкой, но задолго предусмотренным и подготовленным решительным сражением, для которого Юлиан имел возможность без всяких помех мобилизовать все бывшие в его распоряжении силы.

Но если мы даже примем, что Юлиан на самом

деле излишне преуменьшил численность своей армии, то все же, исходя из этой цифры, мы должны прийти к тому выводу, что в больших решающих сражениях уже больше не участвовали в эту эпоху армии в 60 000 или в 80 000 человек. Ведь даже при искажениях и увеличениях все же приходится считаться с господствующими представлениями, и Юлиан не мог указать такие цифры, абсурдность которых была бы тотчас же замечена его современниками. Если бы он захотел похвастаться, то мог бы еще более повысить численность армии алеманнов. Не считая эту цифру в 13 000 человек безусловно достоверной, я все же полагаю, что это указание дает нам возможность говорить, что армии в этом сражении и тем самым в течение всей этой эпохи были менее многочисленны, чем во время войн Цезаря и Германика.

Против этого можно было бы возразить, что здесь мы имеем дело с исключительным случаем, так как Юлиан самым серьезным образом жаловался, что его двоюродный брат император Констанций побуждаемый завистью и недоверием сознательно препятствовал ему и потому оказал лишь слабую поддержку. Но мы можем сомневаться[143] в справедливости и основательности этих жалоб, да, кроме того, если бы они даже были справедливы, то все же Юлиан сам имел в своем собственном распоряжении богатейшие и прекраснейшие провинции; наконец, Аммиан указывает (16, 11), что соперник Юлиана в Реции Барбацион имел не более 25 000 человек.

Малочисленность войск в эту эпоху подтверждается также и тем соображением, что в противном случае германцы никак не смогли бы

получить в римской армии такого преобладающего значения. Хотя у нас и нет никакого масштаба для измерения общей численности германских племен в эту эпоху, все же сотни тысяч не могли находиться тогда на римской службе. Если же, несмотря на это, они все более и более задавали тон римскому войску, то общий состав этого войска не мог быть очень многочисленным.

Я не решаюсь указывать определенные цифры, но мне кажется я могу с уверенностью утверждать, что не может быть и речи об увеличении Диоклетианом состава армии по сравнению с ее численностью в эпоху Северов, причем, конечно даже цифра в 300 000 человек для начала III столетия является слишком высокой. Очень сомнительно, чтобы увеличение числа легионов Септимием Севером вообще указывало на усиление войска, и во всяком случае нельзя согласиться с тем, что было увеличено также и число вспомогательных войск. Мне кажется вполне возможным, что армия Северов, состоявшая в общей сложности из 33 легионов, все же насчитывала не более 250 000 человек.

Снижая принятую цифру численности войска, мы должны вместе с тем изменить и наше представление о характере рекрутских наборов в IV столетии. Вегеций и юридические источники сообщают нам, что поссессоры (землевладельцы) были обязаны поставлять рекрут. Это является совершенно новым порядком, происхождение которого, как говорит Моммзен (стр. 246), покрыто мраком неизвестности и который был поставлен в связь с недавно возникшим установлением колоната, с крепостной зависимостью крестьян. Эта поставка рекрут была охарактеризована

как реальная повинность, связанная с крупным землевладением.

Если я не ошибаюсь, новая форма рекрутских наборов явилась непосредственным выражением новых общественно-политических условий, будучи в то же время простым продолжением более древнего установления. Более древнее римское местное управление основывалось на городах, которым были подчинены сельские поселения. Крупные помещики жили в городе и управляли оттуда своими поместьями, наезжая в свои имения лишь для того, чтобы там иногда наблюдать за порядком или проводить там свой летний отдых. Но постепенно эти крупные землевладельцы переселились из городов в свои поместья, политически выделив их из сферы ведения городских общин и развив их в самостоятельные административные округа. Управление этими округами оказалось в руках помещиков[144]. Натуральное хозяйство ускорило этот процесс: хозяин, которому его имение уже не давало достаточного количества арендной платы, сам отправлялся в свое поместье, чтобы непосредственно на месте потреблять доходы своих угодий.

Более древний способ производства рекрутских наборов состоял, по нашему мнению, в том, что производившие их чиновники с местными властями (общинными властями – Kommunalobrigkeiten) выбирали из большого наличного контингента людей лишь некоторых. Местными властями являлись тогда поссессоры. Города почти совсем теряют свое значение в отношении рекрутских наборов, так как государственная власть принуждала горожан начиная от декурионов, нести уже иные и сверх того

наследственные принудительные повинности. Число поставлявшихся рекрут было минимально. Мы не можем его по-настоящему исчислить, так как не имеем исходных точек ни для определения количества населения, ни для установления численности войска. Только ради наглядности мы могли бы примерно предположить, что население всей империи равнялось 90 млн. и что оно должно было поставить армию, численность которой, не считая вспомогательных войск варваров, должна была достигать 150 000 человек. При 20-летнем сроке службы для пополнения этой армии было достаточно 1/15 ее части, или 10 000 человек, в качестве ежегодного контингента. Но если даже мы примем цифру в 20 000 или 30 000 человек и сопоставим с тем, что в 1900 г. германская империя при 54-млн. населении имела возможность ежегодно выставлять и призывать 250 000 годных к военной службе молодых людей, то мы придем к выводу, что поставка рекрут как таковая не могла быть слишком обременительной повинностью для римского населения даже в том случае, если мы значительно изменим количество населения и величину армии, понизив первое число и повысив второе.

Рекрутский набор, при котором из 30 или 40 пригодных к службе молодых людей всегда берется лишь один, разумеется, гораздо ближе к вербовке, чем к призыву. Поэтому нужно целиком присоединиться к словам Моммзена: "Если уже в додиоклитиановскую эпоху пополнение войска регулярно обеспечивалось путем добровольного вступления в его ряды, то это же явление в более поздние эпохи сказывалось в более сильной степени"[145].

Императорские указы, сохранившиеся в Кодексе Феодосия (кн. 7, разд. 13 о рекрутах; разд. 20 о ветеранах; разд. 22 о сыновьях военнослужащих и ветеранов), хотя все еще до некоторой степени нуждаются в полном и надежном истолковании, не оставляют, однако, никакого сомнения в том, что поставка рекрут землевладельцами на практике скорее приобретала характер вербовки. Сыновья ветеранов считались потомственно военнообязанными, других же старались привлечь на военную службу, предоставляя налоговые льготы им самим, а также их родителям и женам. Если бы вербовка производилась регулярно каждый год, то она могла бы проходить без всяких затруднений, однако, она, что, впрочем, вполне понятно, производилась очень неравномерно, порывисто, после больших потерь или при больших опасностях. В таких случаях, несмотря на достаточное количество годных для военной службы людей, все же ощущался недостаток в добровольцах, так что вербовка производилась, как в XVIII столетии, в. порядке применения большего или меньшего насилия, в результате чего завербованные старались уклониться от военной службы, прибегая к членовредительству.

В общем необходимо признать, что преобладала вербовка, причем с военной точки зрения чрезвычайно важно установить этот факт, потому что в противном случае было бы непонятно, каким образом римские войска вообще могли что-либо совершать. Призванных или принудительно завербованных солдат можно использовать лишь в очень хорошо дисциплинированных войсковых частях с постоянными кадрами. Но римские легионы этой эпохи уже, конечно, не обладали этими свойствами.

Этих людей можно было использовать в качестве более или менее пригодных солдат лишь в том случае, если они шли на военную службу добровольно, избрав эту профессию и побуждаемые к этому естественным инстинктом и стремлением к военной жизни. Таким образом, фактически солдат вербовали, хотя формально сохраняли порядок поставки рекрут поссессорами, как для того, чтобы облегчить процесс вербовки и сделать его более деловым для государства, так особенно для того (и это случалось очень часто), чтобы обязанность поставки рекрут превратить в денежную повинность, которая иногда разрешалась, но часто прямо-таки предписывалась. В 406 г. государство, находясь в очень тяжелом положении, непосредственно вербовало солдат и предлагало сперва 3, а затем 10 солидов (золотых) в качестве задатка. Даже рабам, согласившимся поступить на военную службу, была обещана свобода и помимо того им были пожалованы 2 солида на дорогу (прогонные, дорожные, "пыльные" деньги – pulveraticum)[146]. Для поссессоров выкуп за рекрута оценивался в 30, а иногда в 25 солидов, причем эту повинность иногда делили между собой несколько землевладельцев[147].

ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕГЕЦИЯ

Касаясь истории римского военного дела в IV столетии, я совершенно обошел те факты, которые описаны Вегецием в 20-й главе его книги. Рюстов в своей "Истории пехоты" (т. I, стр. 52) использовал их, так же как и ряд других. Но если внимательнее вдуматься в его описание, то придется сделать из него

тот вывод, что все эти якобы существовавшие явления совершенно невозможны. Вегеций утверждает, что римская пехота вплоть до эпохи Грациана была снабжена панцирями и шлемами, но что впоследствии воины перестали носить это предохранительное вооружение, так как оно стало казаться слишком тяжелым для недисциплинированных солдат. Какой же вид должна была приобрести римская пехота без этого предохранительного вооружения? Разве римлянами стали пользоваться лишь как легковооруженными войсками? Это невозможно, так как труднее хорошо обучить стрелка из лука, копьеметателя или пельтаста, нежели гоплита. Но не было таких гоплитов, которые не имели бы предохранительного вооружения. Я считаю, что все это описание является лишним доказательством того, что Вегеций был литератором, оторванным от жизни, писавшим свой труд на основании научных источников и черпавшим свои сведения понаслышке. Единственный вывод, который можно было бы сделать из его описания, это тот, что в ту эпоху уже совершенно не было настоящих римских солдат, и что государство держало у себя на военной службе одних лишь варваров. То, что сообщает Вегеций, – лишь пустая услышанная им болтовня. Это подтверждается отдельными чертами его описания. С гневом и печалью пишет он о том, как ничем не защищенные римляне попадали под удары готов. И при натиске готов римляне гибли не от копий, мечей или топоров, но под градом их стрел. И опять-таки, говоря о недостатке в вооружении, он имеет в виду не римских гоплитов, но стрелков из лука, которые непременно должны иметь шлем и панцирь, так как они не могут

держать щит. Здесь, как видно, перепутываются между собой все эти понятия и факты. Поэтому все это описание следует отвергнуть, как не имеющее никакой цены.

К о в т о р о м у и з д а н и ю. В этом издании обе главы об императорском римском войске и об его окончательном разложении были существенным образом дополнены на основании неоднократно цитированных исследований Домашевского. Однако, я должен высказаться против мнения этого заслуженного автора относительно факта упадка. Домашевский считает причинами гибели Римской империи не крупные объективные причины и перемены, но личные ошибки некоторых императоров, а именно Септимия Севера и его династии. Он пишет[148], что Август разоружил гражданское население ради безопасности принцепса и что последствия этой военной системы привели, наконец, государство к гибели. Против этого следует возразить, что не принцепс разоружил граждан, но что, наоборот, постепенно происходившее после Второй Пунической войны разоружение граждан вызвало необходимость создания профессионального войска и создало то войско, которое наконец, в свою очередь вызвало к жизни власть принцепса. Август сохранил постоянную профессиональную армию не ради своей личной безопасности, как думает Макс Вебер[149], и не ради поссессоров и арендаторов доменов, но ради государственных нужд. Иначе как же можно было бы при помощи одного лишь гражданского ополчения удержать в своей власти и в своем повиновении насильственно покоренные провинции и защищать границы культурного мира от

натиска диких германцев?

Домашевский считает, что постоянный рост военных повинностей, высосавших весь сок из государства, явился гибельным следствием системы Августа. Выше мы видели, что рост военных повинностей был уже не так велик, как это могло бы показаться, судя по размеру денежных сумм. Но если мы даже и будем считать повышение солдатского жалованья абсолютным и вполне реальным, то все же оно явилось не в результате военной системы, но было следствием политической структуры государства, которая ставила назначение и существование главы государства в зависимость от армии, что представляло армии случай и давало возможность к вымогательствам, которые шли все дальше и дальше. Это видно из аналогии между английской и римской армиями, которую проводит Домашевский. В Англии нельзя найти этих гибельных следствий военной системы, потому что политическая структура английского государства совершенно иная. Домашевский называет повышение жалованья солдатам, произведенное Септимием Севером и вслед за ним его сыном Каракаллой (с 500 до 750 денариев годового оклада), "преступным" и "безбожным". Вследствие этого безгранично распоясалась жадность и хищность солдат, среди которых уже без того главенствовал варварский элемент, так что некогда гордое войско, совершенно утерявшее всякую дисциплину, стало внушать ужас собственной стране, вызывая лишь насмешки со стороны врагов[150]. Сам Септимий Север был плохим полководцем, который обеспечил себе верность своих солдат лишь при помощи постоянных подкупов армии, безграничных

денежных раздач и не менее безграничных повышений солдатского жалованья. Каракалла, следуя примеру своего отца, закрепил на целое столетие состояние финансового банкротства государства[151]. Принципат рухнул, так как вредоносное правление восточной династии подрыло его основы[152].

Против этого следует возразить, что Септимий Север, как это устанавливает сам Домашевский[153], снова сумел утвердить свою власть над своими наемниками и поставить границы их жадности. Если это удалось Северу, так же как удалось и Августу, то историческая проблема здесь заключается именно в том, почему это не удалось впоследствии. Весьма возможно, что повышение жалованья, произведенное Каракаллой для того, чтобы привязать к себе войска после убийства брата и искупить это преступление, превысило хозяйственные силы государства. Но если, исходя из этого, Домашевский считает, что государство погибло "без надежды на спасение", то позволительно спросить: почему же "без надежды на спасение"? И прежние императоры во время политических кризисов раздавали чудовищные суммы солдатам, чтобы привлечь их на свою сторону. Так например поступил Тиберий после казни Сеяна. Подобная отдельная ошибка, заключающаяся в том, что император однажды подарил или обещал солдатам больше того, что могла предоставить государственная казна, еще не приводит к гибели мировую империю. А дисциплину в войсках, состоявших из наемников, всегда можно было заново восстановить даже после самых тяжелых потрясений, если бы только во главе войска стоял полководец с бесспорным и

непоколебленным авторитетом, а военное казначейство имело бы возможность регулярно выплачивать необходимые средства. Поэтому причину падения римской военной дисциплины следует искать не в отдельных поступках и ошибках императоров из династии Северов, а в отсутствии соответствующих полководцев и недостаточности средств, что, впрочем, вытекает из сказанного нами выше.

Макс Вебер в своей "Римской аграрной истории", а также в статье, напечатанной в "Истине" (т. 6, No 3, Штутгарт 1896) под заглавием "Социальные причины гибели античной культуры" и являющейся дополнением к названному труду, выступил с собственно теорией гибели Римской империи. Вебер придает особенное значение тому факту, что римский мир необычайно расширился, вобрав в себя большие материковые страны – Испанию, Галлию, Иллирию и придунайские области. Благодаря этому центр тяжести главной массы населения передвинулся в глубину материка, а античная культура сделала попытку изменить арену своего действия и из береговой культуры превратиться в материковую. "Она распространилась на столь чудовищную по размерам хозяйственную область, которая даже в течение столетий не могла быть охвачена товарным движением и денежным обращением в такой степени, в какой это было на побережье Средиземного моря". Движение товаров во внутренних областях было настолько трудным и незначительным, что экономика застряла и должна была застрять на стадии почти неподвижного натурального хозяйства.

Совершенно ясно, что есть некоторая доля истины

в противопоставлении береговой торговли материковой, ко также ясно и то, что эта антитеза излишне преувеличена и уже искажает истинное положение вещей. Действительно, античная культура главным образом, но все же не целиком, основывалась на морской торговле. Город, игравший такую крупную роль в преданиях и в истории Греции, как Фивы, и второй город в Италии после Рима Капуя были материковыми городами. Наоборот, втянутые в сферу Римской империи, – как это следует отметить, не в эпоху поздней империи, но уже с III в. н. э., – так называемые материковые области все же обладали настолько развитой материковой культурой, что не может быть и речи о перенесении центра тяжести главной массы населения вглубь материка, в особенности если мы присоединим к ним Британию с ее береговым развитием, которую Вебер совершенно обошел. И, пожалуй, мы придадим этому меньше всего значения, если примем во внимание, что через эти страны протекают судоходные реки, которые со всеми своими разветвлениями были использованы древними вплоть до малейших притоков. Поэтому морские торговые пути вряд ли имели перед ними какие-либо особые преимущества. Да и помимо этого, для перевозки товаров пользовались прекрасными римскими военными дорогами. Выше (на стр. 153), полемизируя с Вебером, я привел свидетельство, подтверждающее этот факт.

Далее Вебер считает, что переселение в провинцию крупных землевладельцев, которые раньше жили в городах, не вызывало расширения и усиления хозяйственной жизни, как я это установил выше, но являлось причиной ее ослабления, так как

вследствие этого города понесли большой ущерб, а появление новых господских усадеб, где доходы имений потреблялись на месте, указывало на переход от денежного хозяйства к натуральному. "Этот упадок городов усиливался государственной финансовой политикой: и она также становилась все более и более натурально-хозяйственной, а фиск – "ойкосом", потребности которого удовлетворялись по возможности минимально на рынке и по возможности максимально из собственных ресурсов, что, однако, задерживало процесс образования капиталов (денежных состояний – Geldvermugen)".

Но тогда позволительно поставить вопрос: почему же фиск перешел к натуральному хозяйству? Именно для фиска и бюрократии денежное хозяйство обладает неоценимыми преимуществами по сравнению с натуральным. В течение всей всемирной истории бюрократия всегда и всюду стремилась к тому, чтобы освободиться от натурального хозяйства и перейти к денежному. Бюрократия и денежное хозяйство связаны между собой так же крепко, как связан феодализм с натуральным хозяйством. Каждое исключение из этого правила, конечно, объясняется лишь крайней необходимостью. Чем же объяснить, что римская бюрократия стала вдруг обнаруживать такое пристрастие к натуральному хозяйству? Совершенно ясно, что в данном случае Вебер недостаточно проанализировал взаимодействие причины и следствия, и что не бюрократия задержала развитие денежного хозяйства при помощи создания и поощрения натурального хозяйства, но что, наоборот, денежное хозяйство, стесненное по каким-либо причинам в своем развитии, принудило бюрократию

перейти к натуральному хозяйству. Все эти наблюдения настолько ясны и очевидны, что я в первом издании своего труда не считал нужным касаться этого вопроса и опровергать точку зрения Вебера, прибегая к бесспорным аргументам. Но я должен вернуться к этому вопросу, так как Вебер снова выдвинул свою теорию в несколько измененной форме в статье "Аграрная история" в 3-м издании "Справочника социально-политических наук" ("Handbuch fьr Staatswissenschaften") Конрада и, таким образом, отклонил и стал опровергать мои выводы, которые были мною здесь приведены выше.

Вебер твердо стоит за антитезу между береговыми странами, обладающими развитой торговлей, и внутренними областями с незначительной торговлей.

Он полагает (стр. 180), что за время, протекшее от Гракхов до Каракаллы, торговля в абсолютном отношении, разумеется, сильно возросла, но что этот рост по отношению к расширению культурного мира был все же не слишком большим. "В прибрежных странах, – пишет он, – продукты и одежда, необходимые для рабов в больших ойкосах, приобретались на рынке. Рабы или колоны поссессора внутри страны жили, разумеется, в условиях натурального хозяйства. Лишь тонкий правящий слой обладал здесь потребностями, которые давали повод к покупкам и удовлетворялись посредством продажи избытков от доходов с имения. Эта торговля – лишь тонкая сетка, покрывавшая прочную базу натурального хозяйства. С другой же стороны, массы населения больших городов снабжались продуктами не посредством частной торговли, а при помощи аппарата государственного снабжения". Этот взгляд

доказывается Вебером посредством ряда цитат, взятых из римских писателей, писавших по вопросам сельского хозяйства, – из Катона, Варрона и Колумеллы.

Прежде всего следует указать на то, что все эти цитаты неправильно применены. Согласно Веберу, они должны доказать, что путям не придавалось никакого особенного значения. На самом же деле они доказывают обратное. Катон требует ("De re rust.", cap. 1), чтобы имение находилось по возможности у подножия горы, чтобы оно было обращено к югу, находилось бы в здоровой местности, где можно было бы достать рабочих и хорошую воду, и где поблизости находились бы значительный город, или море, или судоходная река, или же хорошая оживленная дорога. Таким образом, здесь имеется прямое указание на значение путей сообщения. И если Вебер хочет ослабить значение этого свидетельства, указывая, что Катон ставит это требование в связи с возможностью достать рабочих во время сбора урожая, то на это следует возразить, что в тексте нет даже малейшего указания на такого рода связь. Это добавление сделано Вебером совершенно произвольно.

Вебер говорит, что Варрон исчислял ренту имения, находившегося у моря, по отношению к имению, лежавшему внутри страны, устанавливая между ними пропорцию 5:1. На самом же деле Варрон говорит (III, гл. 2) об определенном имении, находившемся в Албанском округе, в котором успешно разводились птица, рыба и пр. для экспорта в Рим, а именно – что оно давало бы в пять раз большую ренту, если бы его можно было расположить где-нибудь возле моря. Так как албанское поле находилось ровно в трех милях от

ворот Рима по Аппиевой дороге, то совершенно ясно, что море упомянуто здесь в этой связи не вследствие своих лучших транспортных условий, но в связи с разведением рыбы.

Наконец, относительно Колумеллы Вебер утверждает, что хотя он и считает море и большие реки выгодными для торгового обмена, но признает нежелательной близость больших дорог, так как на них обычно водятся бродяги и сопутствующие им паразиты. Совершенно правильно, что Колумелла в приведенной Вебером цитате (I, гл. 5) упоминает об этих хорошо известных неудобствах, связанных с непосредственной близостью к большим военным дорогам. Но в другом месте он говорит, что большое значение имеют для имения, наряду с плодородием почвы и здоровой местностью, дорога, вода и сосед, а затем подробно описывает преимущество хорошего пути "в отношении необходимого ввоза и вывоза хозяйственного инвентаря; хороший путь увеличивает цену заготовленных продуктов и уменьшает издержки по доставке предметов, которые привозятся по тем более низкой цене, чем меньше усилий требуется затрачивать для их доставки. И ничего не стоит даже маленькому (человеку) везти, если путь совершаешь при помощи вьючного скота, что более выгодно, чем держать у себя".

Говоря о теории Вебера, следует к тому же отметить, что "государственное снабжение" имелось лишь в Риме. Хотя торговля зерном в муниципальных городах и не была целиком предоставлена частной спекуляции, а находилась под наблюдением и под опекой городских общественных должностных лиц, но все же, без всякого сомнения, это были по существу

частные предприятия, и даже для Рима эта возможность не была совершенно исключенной"[154].

Далее, неправильно, что колоны внутри страны жили в условиях чистого натурального хозяйства. Они в некоторой, конечно, небольшой степени нуждались в изделиях ремесла и имели некоторые небольшие культурные потребности, так же как и крепостные крестьяне эпохи Средневековья. Даже в самых бедных хижинах не могло не быть нескольких сосудов и орудий, сделанных из глины и железа, и нескольких пестрых платков и украшений, которые в значительном большинстве случаев не изготовлялись на господском дворе, но доставлялись из города. Это вытекает из факта существования многочисленных мелких и средних городов, которые нуждались в розничном снабжении сельскохозяйственными продуктами и оплачивали эти продукты ремесленными изделиями. Эти хозяйственные отношения, как мы это видим в эпоху Средних веков, могли существовать даже в эпоху преобладания натурального хозяйства. Однако, следует помнить, что здесь дело идет не об абсолютных противоположностях, но лишь об относительных, и что в эпоху позднего Средневековья и расцвета городов денежно-хозяйственный элемент непрерывно возрастал, усиливался и уже играл довольно значительную роль. Изучая римскую налоговую систему, мы можем с уверенностью сделать вывод, что в Римской империи этот денежно-хозяйственный момент был столь же значителен, как и в позднее Средневековье, а может быть, даже играл еще более крупную роль. Налоги на торговлю, подушная и

поземельная подати немыслимы, если колон не продает торговцу или на городском рынке часть своих продуктов. При этом следует принять во внимание, что колоны ни в каком случае не должны были выполнять своим господам одни лишь натуральные повинности и нести одну лишь барщину, но должны были также выплачивать денежную аренду. Еще в I столетии н. э. они платили свою аренду исключительно деньгами, и если во II в. наряду с этим появляется также и частичная аренда, то это, может быть, уже стоит в связи со все возраставшим недостатком в наличных деньгах. И опять-таки в Африке, которая как и Италия, относится к типу береговых культур, с самого начала господствовала частичная аренда. Как бы то ни было, но тот налог, который надо было выплачивать государству, уже вызывал необходимость оживленной торговли. Нет никакого сомнения в том, что из года в год большое количество денег текло из всех провинций в Рим и в лагеря легионов и, постепенно обмениваясь на товары, текло оттуда обратно в провинции. Это было бы невозможно, если бы не было весьма оживленного торгового обмена как внутри страны, так и на побережье.

Означало ли частичное переселение аристократических семей из городов в провинцию увеличение или уменьшение торговли в целом, зависит не только от одного этого факта, но также и от всей природы хозяйственной жизни в целом. Каждая помещичья усадьба в провинции являлась новым маленьким культурным центром. Благодаря этому во многих отношениях сберегались средства, пробуждались новые продуктивные силы и

создавались новые торговые потребности, так что город ни в каком случае не терял того, что приобретала деревня. Надо по крайней мере доказать, что именно так происходило в Римской империи.

Наконец, как кажется, теперь даже сам Вебер отказался от своего взгляда, что бюрократия как таковая тяготела к натуральному хозяйству и потому задерживала развитие денежного обращения. Прямое влияние он теперь заменил косвенным. Бюрократия, говорит Вебер, задушила капитализм. Античный капитализм был построен на политической базе: это – массы рабов, которые поставлялись из военнопленных, торговые операции с государством, откупа и поставки. Империя, во-первых, принесла с собой мир и тем самым остановила доставку рабов, а во-вторых, создала чиновничью иерархию, которая взяла у капиталистов их предприятия и стала ими самостоятельно управлять. Таким образом, крупных негоциантов, несмотря на рост денежного хозяйства вплоть до эпохи Марка Аврелия, стали заменять мелкие торговцы и ремесленники, подобно тому как в сельском хозяйстве вместо рабовладельческих плантаций стали появляться мелкие арендаторы – колоны.

Но это все еще, очевидно, не симптомы хозяйственного упадка; напротив, здесь можно видеть во многих отношениях факт крупного прогресса и роста. Вебер, однако, приходит к противоположному выводу, говоря (стр. 182): "Бюрократический строй убивал каждую – как политическую, так и экономическую – инициативу подданных, которая не имела соответствующих шансов для своего развития".

Совсем не так легко следовать за этим ходом

мыслей, так как одно сальто-мортале следует за другим: бюрократия, убивая политическую инициативу граждан, убивала также и экономическую их инициативу; бюрократия, ограничивая капитализм вообще, убивала экономическую инициативу; уничтожение экономической инициативы граждан разрушило хозяйство, превратив денежное хозяйство в натуральное. Но последним звеном в этой цепи является гибель античной культуры.

Правда ли, что бюрократия убила политическую инициативу римских граждан? Разве только италиков, так как громадное большинство жителей империи, порабощенных уже в эпоху республики, было тогда лишено возможности участвовать в политической жизни.

Правда ли, что сужение рамок капитализма, у которого посредством откупов и скупки хлеба были отняты или ограничены наиболее выгодные для него области его действия, задушило вообще всю экономику? Вебер сам говорит о мелких торговцах, которые появились в эту эпоху, а многочисленные цветущие города, выросшие в течение этих столетий, достаточно красноречиво говорят против его теории. И, конечно, неправильно, что бюрократия так целиком и вытеснила крупный капитал из сферы его применения. Если бюрократия и отняла у него поставки для столицы и для армии, что, впрочем, происходило весьма постепенно, то все же он еще имел достаточно простора для своего действия. Мы уже видели каким мощным должно было быть то денежное обращение, которое непрерывным потоком шло, с одной стороны, из провинции, а с другой стороны – из столицы и лагерей легионов. Одни лишь

мелкие торговцы не могли обеспечить такого крупного денежного обращения. Рим был средоточием мощных грандиозных кредитных операций, причем никогда банковское дело не было столь выгодно, как в эту эпоху. Товары, которые провинции должны были произвести и отправить в крупные города и в лагерные стоянки, для того чтобы снова получить те наличные деньги, которые из них из года в год выкачивались в качестве налогов?, конечно, не могли быть изготовлены, собраны, зафрахтованы, проданы, обменены и оплачены без посредства крупных предпринимателей. Равным образом и часть рудников постоянно оставалась в частном владении, а еще больше – в частном пользовании[155]. Сказать, что все такого рода предприятия, как постройка больших городов с их храмами, амфитеатрами и водопроводами; торговля солью, вином, маслом и фруктами; изготовление и сбыт товаров массового потребления и предметов роскоши из тканей, металла, кожи, камня и дерева; постройка и сдача в наем крупных доходных жилых домов – не приносили уже больше никаких выгод, или что у римского населения не хватало уже больше для всего этого необходимой экономической инициативы и деятельности, – сказать это было бы чисто доктринерским и догматическим построением, которое не только ни на чем не основывается, но прямо опровергается фактами. Это звучит как последний отголосок той аргументации сторонников абсолютно свободной торговли, которые отвергали какое бы то ни было вмешательство государства в народное хозяйство, в функционирование государственных железных дорог и в социально-

политическую жизнь, так как это притупляло экономическое чувство индивидуумов. Многие богатые семьи, имена которых мы встречаем в латинской литературе, конечно, обязаны своим богатством не одному лишь крупному землевладению. Мне кажется, будет не слишком смелым перевернуть тезис Вебера и сказать, что в то время как императорская власть лишила граждан, а римские магнаты лишили провинциалов возможности участвовать в политической жизни, они тем самым все сильнее и сильнее толкали их в сторону хозяйственной жизни, а экономическая деятельность, характерная для этой эпохи, содействовала развитию того стремления к маммонизму (приверженности к земным благам), которое вызвало протест и предостережения Иисуса, а также его учеников и последователей.

Попытка Вебера объяснить гибель Римского государства и античной культуры оказалась такой же неудачной, как и все прежние попытки, в том числе недавние попытки Зеека и Домашевского.

Теперь перед нами встает вопрос, выставил ли Вебер какие-либо основательные доводы против моей теории.

Во-первых, он очень неточно изложил мою точку зрения в следующих словах (стр. 60): "появление натурального хозяйства в позднеримскую эпоху было следствием начинавшегося падения производительности горных рудников". Это неточно, так как, согласно моей теории, падение производительности горных рудников является лишь одним из различных, совместно действующих моментов, причем в качестве собственно решающего я

выдвигаю не этот момент, а другой – именно политические отношения. Однако, действительно в моей теории падение производительности рудников является очень существенным моментом, и потому необходимо разобрать возражения Вебера.

Сперва Вебер даже, по-видимому, подвергает сомнению факт уменьшения количества благородного металла, однако, не входит в рассмотрение приведенных мною свидетельств. Далее он объясняет сокращение производительности рудников не тем, что они оказались исчерпанными для тогдашней техники, а тем, что изменились хозяйственные условия: вместо господствовавшего в классическую эпоху рабского труда наступил период мелкоарендного хозяйства, которое не давало возможности эксплуатировать рудники.

Собственно говоря, этого признания было бы достаточно для моих целей. Ведь для меня важно лишь установить факт, что организм Римской империи нуждался в громадном? количестве благородного металла для нормального функционирования и что запасы этого металла иссякли, причем вопрос о причинах этого явления можно было бы оставить нерешенным. Этот факт имеет" столь большое всемирно-историческое значение, что я хотел бы еще кое-что об этом сказать, тем более что Вебер его, очевидно, очень недооценивает. На стр. 181 он говорит "о крушении античного денежного хозяйства, длившегося в течение нескольких поколений". На самом же деле натуральное хозяйство господствовало в культурном мире не в течение лишь нескольких поколений, а в течение периода времени, значительно превышавшего

целое тысячелетие. В Западной Европе натуральное хозяйство господствовало почти в течение целого тысячелетия, а в Восточно-римской империи иногда снова на некоторое время приближалось к системе денежного хозяйства, которое, однако, никогда не достигало степени античного денежного хозяйства[156]. Это такой факт, от которого нельзя просто отмахнуться.

Каким же образом объясняется уменьшение производительности рудников, допущенное также и Вебером – по крайней мере в качестве возможности? Вебер сам подчеркивает большое значение, которое имеют в хозяйственной жизни запасы благородного металла. Он вполне справедливо предостерегает от переоценки этого факта, основанной на том предположении, что благородный металл сам по себе оказывает творческое действие. Однако, этот металл все же имеет громадное значение. Хотя он этого прямо и не говорит, но все же готов был бы признать, что этот металл имел первостепенное и основное значение в хозяйственной жизни Римской империи с ее легионами, получавшими жалованье наличными деньгами. И действительно, можно ли поверить в то, что римляне отказались от добычи столь важного для их существования элемента хозяйственной жизни только потому, что вследствие уменьшения количества рабов перестала функционировать прежняя организация работы?

Но этот факт совершенно неправилен. Нейбург в своем исследовании по истории римского горного дела ("Zeitschrift fьr die gesamte Staatswissenchaft", Bd. 56) установил, что в позднюю императорскую эпоху применялся в широком масштабе в рудниках

труд свободных наемных работников[157], даже таких, которые одновременно являлись в некоторой доле совладельцами данного предприятия. А наряду с этим применялся труд рабов и арестантов, и если первые постепенно исчезали, то для второй категории христиане поставляли все новые и новые контингенты. Нейбург сам не может объяснить факт уменьшения иначе, как уменьшением численности населения, но эта точка зрения теперь почти никем не поддерживается. Конечно, горное дело никогда полностью не прекращалось. В особенности в северной части Балканского полуострова оно как будто бы относительно хорошо сохранилось. Нельзя отрицать факта очень значительного уменьшения производительности; но для того чтобы признать, что это не находилось в зависимости от внутренней организации работы, почти не требовалось доказательств этого факта Нейбургом. Для этого достаточно лишь бросить взгляд на Средние века, когда столь же мало располагали большими массами рабов, кам и в III столетии. Начиная с X столетия, вновь открытые рудники разрабатывались со все возраставшим успехом, а именно немцами в Гарце, Эрцгебирге, Фихтельгебирге и в Богемии. Неужели римляне не могли достигнуть таких же результатов?

В дополнение к этому я считаю необходимым здесь отметить, что уже Монтескье в 17-й главе своего труда "Рассуждение о причинах величия римлян и их гибели" (Montesquieu, "Considerations sur les causes de la grandeur des Remains et de leur dicadence") установил факт исчезновения благородного металла, истощения рудников и влияние этого факта на разложение армии и тем самым на упадок и гибель империи.

Идея Вебера постольку обнаруживает правильное историческое чутье автора, поскольку по крайней мере одна из тех причин, к которым он восходит, является причиной политического, а не хозяйственного характера: это – существо власти. Но он ищет действия этого фактора в неправильном месте – в процессе образования бюрократии и в ограничении ею капитализма, которое он затем доводит до степени полного уничтожения экономического интереса. На самом же деле оба эти процесса – образование бюрократии и ограничение ею капитализма – протекали столь умеренно и в таких границах, что их действие можно было бы считать только благодетельным. Ошибка лежит, скорее, во внутренней невозможности примирить власть императора с понятием свободы и окружить ее такими установлениями, которые обеспечивали бы мужское достоинство сперва римским гражданам, а затем и всей массе жителей империи. Все зависело от личности императора. Попросту довериться одному лишь праву наследования оказалось невозможным, да к тому же это противоречило бы самой природе и происхождению этого высокого положения. Поэтому уже Август должен был пожертвовать своим родным внуком, так как он оказался неспособным к властвованию, и заменить его другим человеком, которого он усыновил. В результате этого в самом центре государства стала вечно царить неуверенность в правовом положении по отношению к правящему монарху или к какому-либо сопернику его преемника, так что почти ни одна перемена правителя не протекала без кровопролития или даже без открытой гражданской войны. И эта неуверенность в правовом

положении являлась органической ошибкой в природе власти императора, которая сделала невозможным преодоление возникавших хозяйственных трудностей (валютный кризис), а также и политических (появление сепаратизма), разложила дисциплину в легионах, вызвала необходимость приема на военную службу варваров и тем самым привела, наконец, империю к гибели.

Мартин Банг в своем труде "Германцы на римской службе" (Martin Bang, "Die Germanen im rqmischen Dienst", Berlin, Weidmann, 1906) сделал большой и ценный вклад в науку, тщательно собрав надписи, относящиеся к германцам, находившимся на римской службе, систематизировав их и показав, какие выводы можно сделать из этого материала. Хотя он в своей работе очень удачно привел свидетельства римлян о пригодности и способности германцев (стр. 16), все же он их еще настолько недооценил, что продолжал придерживаться старых и легендарных грандиозных цифр (стр. 6, прим. 36, стр. 93). Лишь в том случае мы сможем абсолютно правильно оценить значение германцев, если сопоставим их подвиги с их численностью, подчеркнув в то же время, как мало их было. Неправильно также, что Банг определяет продвижение германцев на высшие должности в римском государстве словами "разрыв с предрассудками". Конечно, здесь было нечто иное.

На стр. 60 Банг пишет, что лишь со времени Марка Аврелия началась та эпоха, когда "свободных германцев систематически и в широком масштабе стали применять для целей служения империи". Но это делали уже Цезарь, Август, Тиберий и Германик. Перемена, произошедшая, может быть, уже при Марке

Аврелии, но с полной силой развернувшаяся лишь в III столетии, не есть новая система, но лишь практическое перенесение центра тяжести. Германцы, которые до этого в римской армии являлись вспомогательными войсками, но в то же время всегда, с самого начала бывшие свободными наряду с римскими гражданами, выдвинулись на первые места, так как легионы утеряли свою дисциплину и тем самым свою силу.

Примечания

1 Согласно Цезарю (VI, 21), германцы не вступали в брак ранее 20 лет. Но они не могли обзаводиться семьями и значительно позднее этого возраста, так как в таком случае невозможно было бы полностью соблюдать существовавший у них строгий обычай целомудрия. В общине, состоявшей из 100 семей, из ста мужчин, стоявших во главе семей, выпадали, таким образом, в качестве воинов старики, инвалиды, больные и те, которые случайно не могли выступить в поход. Но это количество приблизительно уравновешивалось совсем молодыми людьми в возрасте от 14 до 20 лет, которые вступали в ряды воинов.

2 Предположение, что германская деревня насчитывала приблизительно 750 душ населения, было недавно поразительным образом подтверждено результатами археологического исследования. Кикебуш в своей диссертации "Влияние римской культуры на германскую в свете изучения курганных погребений Нижнего Рейна" (Alb. Kiekebusch, "Der Einfluss der

rцmischen Kultur auf die germanische im Spiegel der Hьgelgrдber des Niederrheins", Berlin 1908) полагает численность населения деревни Дарцау по крайней мере в 800 человек, исходя из размеров погребального поля, на котором местные жители хоронили свои погребальные урны. Однако, против этого возражал Кауфман (Kaufmann, "Zeitschrift fьr deutsche Philologie", 1908, S. 456).

3 Ср. Braune, "Zeitschrift fьr romanische Philologie", XXII, S. 212.

4 "Он не согласится (принять власть), если ему не позволят выбрать себе фары лангобардов, т.е. роды или линии родства. И это было сделано; король согласился и разрешил, чтобы он получил важнейшие роды лангобардов и чтобы они при нем находились". Павел Диакон, II, 9.

5 Утверждение Цезаря (b. Gall, VI, 22), что у германцев самый могущественный человек имеет имущества не более всякого другого, не следует понимать в буквальном смысле. Эти слова являются лишь риторическим преувеличением того впечатления, которое должен был произвести на римского слушателя рассказ об аграрном

коммунизме. Князья, которые держали при себе дружину, кормили ее и снабжали дорогостоящим оружием, должны были владеть крупным имуществом. Поэтому такие люди, как Ариовист или Арминий и его брат Флавий, которые выступали в Риме в качестве знатных людей, должны были, конечно, обладать некоторым богатством. Но в глазах знатных римлян они все же были не кем иными, как простыми рядовыми германцами; к тому же аграрный коммунизм давал германцам такую сильную хозяйственную опору, что Цезарь свободно смог вставить в свое описание эту риторическую фразу, которая не дает нам никаких оснований для того, чтобы истолковать ее в буквальном и прямом смысле и сделать из нее какие-либо дальнейшие выводы.

6 Тацит, "Анналы", 13, 54.

7 В этом отношении Рахфаль прав, говоря ("Jahrbuch fьr National-Цkonomie", Bd. 74, S. 170, Anm.), что я, высказываясь в пользу сотенного округа, все же снова ввожу окольным путем в историю германского права тысячный округ. Ничто не мешает нам принять, что римляне употребляли слово "pagus" (округ) не всегда совершенно точно в одном и том же техническом

смысле, – совершенно так же, как это делаем мы по отношению к слову "округ" (Bezirk).

8 Еще при Людвиге Немецком. См. Рюбель, "Франки и их поселения", стр. 228 (Rьbel, "Die Franken und ihre Ansiedelungen").

9 См. Мьllenhoff, "Germania", S. 202.

10 Все это по Vierkandt, "Die Volksdichte im westlichen Zentral-Afrika".

11 См. подробности по этому вопросу, а также о фозах, сугамбрах, дандутах, тексуандриях, марсаках и стуриях в "Preuss. Jahrb.", Bd. 81, S. 478, а также у Much, "Deutsche Stammsitze". Против этого перечня можно было бы возразить, что хотя эти названия и засвидетельствованы в источниках и в общем могут быть довольно точно размещены в территориальном отношении, все же некоторые их этих названий могли обозначать не отдельные племена, а простые округа или роды. Конечно, часто и легко могло случаться, что отдельные роды, сильно разросшись, отделялись от своего прежнего племени и образовывали свое собственное новое племя. Но если признать на этом основании некоторые названия

недостоверными и, вычеркнув их из этого списка, принять поэтому среднюю величину области расселения одного племени в 120 км², то это еще не изменит нашего вывода, – в особенности потому, что можно таким же образом произвести и противоположный расчет, приняв некоторые из перечисленных племен за союзные государства.

12 Мьllenhoff, "Die Germania", S. 183.

13 Шредер весьма справедливо указывает, что факт повсеместного и одинакового появления хунно в более позднее время у различнейших племен заставляет делать обратный вывод о его существовании в германскую эпоху. Поэтому я не понимаю, почему Бруннер (стр.75) в своей цитате вслед за словом "хунно" ставит вопросительный знак. Это для меня тем более непонятно, что я пишу вслед за тем "или иной предводитель".

14 Для меня осталось непонятным, каким образом Шмидт выводит из Acta S. Sabae, что деревни у готов являлись частями округа, ему подчиненными. В этом рассказе ("Acta Sanctorum. Aprilis" II p. 89; греческий текст помещен в приложении к тому же тому, стр. 2) не сказано, как это утверждает Шмидт (Schmidt, "Geschichte

der deutschen Stdmme", S. 93), что "родичи" (Sippengenossen) пытались защитить Сабу, но лишь что "некоторые" из язычников пытались это сделать. Из этого указания нельзя сделать никакого вывода об отношении рода к деревне или деревни к округу.

15 Тацит, "Германия", 6.

16 Тацит "Анналы", 2, 45. Маврикий, С. А., 167. Агаций, В. А., р. 81, цит. у Мьllenhoff, S. 180 und 181.

17 Мьllenhoff, "Germania", S. 179.

18 Это место гласит: "Во время сражения они строят свое войско таким образом, что боевая линия фронта равняется глубине построения, которое как в коннице, так и в пехоте они делают сильным и мощным, так что лишь это удерживает людей от проявления трусости" (изд. Шеффера, стр. 269). Мюлленгоф ("Germania", S. 179) объясняет эти слова как раз наоборот, видя в них описание фалангового строя. В 1-м издании своего труда и еще в III томе я следовал за ним, однако, теперь мне кажется, что я нашел более правильное объяснение. Ср. место из "Тактики"

Льва, т. III, стр. 305. В эпоху Льва (каков бы он ни был) германского четырехугольного отряда уже не существовало (ср. т. III). Это описание заимствовано у Маврикия.

19 Тацит, "Германия", гл. 3. "Ист.", II, 22; IV, 18; Аммиан, XVI, 12; XXXI, 7. Эд. Норден (Ed. Norden, "Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania", 1920, S. 125), мне кажется, видит слишком много таинственного в "боевой песне". Плутарх ("Марий", гл. 25) говорит о боевом строе кимвров, что он был столь же глубок, как и широк. Весьма возможно, что в основе этого рассказа лежит представление о германском квадратном отряде (каре). Но так как относительно этого каре говорится, что его длина и ширина равнялись 30 стадиям (s мили) и так как вообще весь рассказ пропитан сказочными мотивами, то это указание не представляется нам надежным.

20 Рассказ Диона (38, 49, 50) является простой риторической картиной и не имеет поэтому никакого исторического значения.

21 Согласно Кикебушу (ср. выше стр. 10), это относится лишь к рейнским германцам. Как

показывают находки, эльбские германцы были гораздо богаче железом, чем рейнские, и вообще стояли в культурном отношении выше рейнских.

22 Прекрасной, широко построенной работой является исследование Мартина Яна (Martin Jahn, "Die Bewaffnung der Germanen in der дlteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Kossinas Mannus-Bibliothek, Wьrzburg Curt Kabitzsch, 1916). Для того чтобы установить характер внешних влияний на германское вооружение, автор затрагивает в своем исследовании вопросы, связанные с кельтским, а также и с римским вооружением. Щиты, найденные в погребениях, настолько легки и тонки, что они вряд ли могли выдержать сильный удар копьем или мечом. Но зато они были снабжены металлическим украшением, которое в некоторых случаях оканчивалось штифтом длиною более 12 см. Это обстоятельство, очевидно, можно объяснить лишь тем, что германцы пользовались щитом не только для пассивного парирования ударов, как римляне, но действовали им также и активно, пытаясь неприятельские удары и толчки не столько отражать, сколько отклонять, и, следовательно, сражались одновременно двумя руками. Ср. ниже

в 3-й части, гл. 2-й экскурс о герулах. Ян сообщает в одном письме, что боевой топор вплоть до 200 г. н. э., как на то указывают данные погребений, не играл особенной роли. Начиная с III и IV столетий, топор встречается чаще, особенно в Лаузицких погребениях, где в то время жили бургунды.

23 Они собраны в "Verzeichnisz der Abgьsse mit Germanen-Darstellungen" von K. Schumacher. 2 Aufl., Mainz, 1910.

24 M. Jahn., S. 87, 216.

25 Тацит, "Германия", 14.

26 Изобретателем этого слова, кажется, является гуманист Конрад Кельтис, который таким образом перевел свою фамилию "Пикель" ("стержень"). См. Olshausen. "Verh. d. anthrop Gesellsch.", 1894, S. 353.

27 Флор, IV, 12.

28 Риттерлинг ("Bonner Jahrbьcher", 1096) считает, что этот канал соединял Рейн не с Исселем, а с

Фехтом, впадающим в Рейн несколько ниже. Но для нас это различие не имеет никакого значения.

29 Веллей, II, 106.

30 Страбон, VII, 1, 3. Веллей II, 121.

31 Тацит, "Истории", V, 22.

32 "Кроме того, для защиты провинций он повсюду поставил форты и посты – по реке Мозе, вдоль Эльбы и Везера. А вдоль берега Рейна он построил более 50 крепостей". Асбах (Asbach, "Bonner Jahrbьcher", Heft 85, 1888, S. 28) вполне правильно вместо "Mosam" читает "Amisiam". Ср. Тацит, "Анналы", I, 38.

33 Поэтому следует считать неправильным утверждение Кеппа (Koepp, "Die Rцmer in Deutschland", S. 22), что продвижение Друза вплоть до Эльбы является лишь единичным и мимолетным ударом".

34 Нас теперь поражает то обстоятельство, что дорога проходила по горам, а не по долине. Но древние дороги, как правило, почти всегда проводились именно таким образом. Римские

помильные камни, сохранившиеся до наших дней, появляются лишь со времени Траяна.

35 Frontin, "Strategem", II, 9, 4.

36 Вполне правильно были сопоставлены указания Фронтина ("Strategem", III, 15, 4; там же, IV, 7, 8), Веллея (II, 120) и Диона на то, что продержалась лишь одна римская крепость. Подробности по этому вопросу см. ниже в специальном исследовании о местоположении Ализо.

37 Schuchhardt "Rцm. Germ. Forschung in Nordwestdeutschland. Abdr. a. d. N. Jahrb. f. d. klass. Altert", S. 29. 1900.

38 Я считаю необходимым отметить, что несмотря на это Дам (Dahm, "Ravensberger Blдtter", IV, N. 6, 1904) считает возможным утверждать, что здесь находился лагерь. Против этого утверждения см. Шуххардт, там же, N. 7 – 8.

39 Вегеций (III, 8) подробно описывает различия между походным и постоянным лагерями.

40 Мюлленгоф ("Germania", S. 436, 545) пытался привести различные объяснения для этой ошибки, которая может показаться нам необъяснимой, но в конце концов также пришел к выводу, что географические представления Тацита были неправильными. Попытка Бремера (Bremer, "Ethnographic der Gennanischen Stdmme Pauls Grundriss") внести некоторый порядок в эту путаницу при помощи факта перемещения племен также не дала удовлетворительных результатов.

41 См. в последней главе этого тома "Снабжение и обоз".

42 Так уже Кноке вполне правильно объяснял эти факты.

43 Ген. Ф. Вольф (F. Wolf, "Die That des Arminius") установил, что местность близ Ибурга во всех отношениях соответствует описанию Тацита. В таком случае Цецина отделился от Германика при Остеркаппельне или при Брамше.

44 "Die Kriegszьge des Germanicus", S. 39.

45 Тацит рассказывает (II, 16), что были построены также и очень плоскодонные корабли,

и что будто бы при этом принимался во внимание морской отлив. Пожалуй, правильнее будет предположить вместе с Кноке, что это относилось к кораблям, которые должны быть приспособлены к возможно далеким плаваниям вверх по рекам.

46 Я не считал бы совершенно невозможным объяснить отступление одной части войска тем, что она должна была служить прикрытием для Германика, который со своими легионами прибыл в Ализо, где он вновь восстановил древний алтарь, некогда сооруженный в честь его отца, и освятил его торжественными играми. Однако, отряд конницы, который дает возможность более быстрого передвижения, является в таком случае лучшим прикрытием, нежели медленно передвигающиеся легионы. Поэтому вероятнее, что шесть легионов были оставлены в Ализо, а два погружены на корабли.

47 Таков смысл слов: "на всем пространстве между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути".

48 Это убедительно доказано Хефером (Paul Hцfer, "Der Feldzug des Germanicus i. J. I6". 1885).

49 Paul Hцfer, "Der Feldzug des Germanicus i. j. 16".

50 Otto Dahm, "Oberstleutnant a D. Die Feldzьge des Germanicus in Deutschland", "Westdeutsche Zeitschrift fьr Geschichte und Kunst". Ergdnzungsband XI.

51 Сам Дам не смог окончательно отделаться от того представления, что, в сущности говоря, было совершенно невозможно базироваться на склад, расположенный близ Меппена. В дополнение к этому он указывает, что вопрос относительно возможности использования Везера как пути для подвоза продовольствия следует по крайней мере считать открытым; однако, он из этого не делает никаких дальнейших выводов (стр. 100).

52 Stein, "Beitrdge zur Geschichte der Hanse", S. 24–25.

53 Примечание ко 2-му изданию. Это место было неправильно понято Прейном (Prein, "Aliso bei Oberaden", S.65), который его объяснил таким образом, как будто "естественная судоходность" достигала лишь Липпштадта.

54 "Mitteilungen d. Altertums-Komm. f. Westfalen", Heft II, 1901.

55 "Mitteilungen der Altertums-Kommission f. Westfalen, Heft. II, S. 212. Anmerkung, 1901.

56 Насколько крепко до сих пор коренится это представление, видно из того, что В. Банг в своей прекрасной монографии (W. Bang, "Die Germanen im rцmischen Dienst", S. 6) приходит на основании этого представления к тому выводу, что это число является слишком незначительным для германского племени.

57 Шуххардт защищает ту точку зрения, что Ализо находилось близ Хальтерна, в Heft II, der "Westf. Altert.-Komm.", 1901, а затем в своей статье "Zur Alisofrage" ("Westdeutsche Zeitschrift", Bd.24. 1905. Ср. "Aliso. Fьhrer durch die rцmishen Ausgrabungen bei Haltern", 3 Aufl., 1907).

Пастор О. Прейн выставил ту точку зрения, что Ализо было расположено близ Оберадена (Pfarrer O. Prein, "Aliso bei Oberaden", 1906).

58 Hettner, "Bericht ьber die Erforschung des Obergermanischen-rдtischen Zimes", 1895, S. 25. "Bonner Jahrbuch", 11, S. 18.

Драгендорф (Dragendorf "Archdolog. Forsch i. Deutschland", "Deutsche Monatschrift", Mдrzheft, 1906) указывает на то, что много раз были засвидетельствованы крепости размерами в 23 000–20 000 м² (следовательно, 2 гектара) на одну когорту.

59 Те лагеря, которые А. Шультен нашел близ Нуманции, по отношению к количеству войск гораздо крупнее лагерей Цезаря. Это может быть объяснено тем, что те лагеря Цезаря, которые нам известны, всегда рассчитывались лишь на короткое время, в то время как при Нуманции располагали лагерь с расчетом вести более продолжительные действия.

60 "Korrespondenz-Bl. d. Gesaml-Ver. d. d. Gesch. Vereine", 1906, Sp. 405; см. Koepp, "Die Rцmer in Deutschland", S. 37.

61 Некоторые следы указывают на то, что даже Веттерау в 16 г. не было уступлено германцам; хотя оно и не было заселено римлянами, но все же оставалось римской оккупационной областью. Но этому, по моему мнению, противоречит указание Тацита ("Анналы", II, 19). Если здесь говориться про Клавдия, что он "так строго запретил новый

поход против Германии, что даже приказал перевести гарнизоны на эту сторону Рейна", то попытка объяснить эти слова тем, что они относятся к Нижней Германии, едва ли допустима, – тем более, что этому противоречит одно указание Тацита в "Германии" (гл. 29), где он говорит: "Величие римского народа распространило уважение к своей власти за Рейн, за прежние границы империи". Наконец, и Сенека говорит: "Пусть Рейн служит границей Германии". Германик сражался не только в Нижней Германии, но воевал с хаттами именно здесь, в Веттерау. Ср. Herzog, "Bonn. Jahrb." 1901, H. 105, S. 67. Я не берусь решить вопрос, каким образом можно объяснить это противоречие.

62 Это по крайней мере утверждает ген. Шредер ("Preuss. Jahrb.", Bd. 69, S. 511). Но я нигде не нашел этому подтверждений.

63 "Preuss. Jahrb.", Bd. 69, S. 514.

64 Совершенно такую же систему расположения сторожевых башен на границах и огневой сигнализации находим мы в Швейцарии вплоть до XVIII в. Чрезвычайно интересные сведения сообщает по этому поводу на основании актов и

топографических исследований E. Lьthi, "Die bernischen Chuzen oder Hochwachten im 17 Jahrh.", 3 Auflage, Bern, 1905. Когда фрейбуржцы в 1448 г. совершили грабительский набег в Бернский кантон, то об их выступлении было сообщено со сторожевой башни, расположенной на Гуггерсхорне, в главный город кантона. И тотчас же после этого собрался бернский ландштурм, который, однако, не выступил прямо против фрейбуржцев, но отрезал им путь к отступлению, нанес им поражение и отнял у них добычу.

Также между Хиршбергом и Ризенгебирге близ Арнсдорфа находятся остатки такой каменной сторожевой башни, расположенной на холме, с которого можно было наблюдать за различными горными переходами. Эта башня, может быть, относится к эпохе гусситов.

65 Моммзен исчисляет ("Rцmische Geschichte", V, 108, Anm.) вспомогательные войска верхнегерманской армии в эпоху Домициана – Траяна приблизительно в 10 000 человек. Пограничный вал в Реции был значительно короче и слабее защищен гарнизонами, чем в Верхней Германии. Войска, расположенные в Реции и насчитывавшие, согласно Моммзену (V, 143), в общей сложности не более 10 000

человек, должны были сверх того защищать дунайскую линию от Регенсбурга до Пассау. Поэтому Моммзен полагает, что в крепостях в мирное время стояли очень слабые гарнизоны. Но все же они должны были быть достаточно сильными для того, чтобы иметь возможность сопротивляться внезапным нападениям и, кроме того, высылать отряды для преследования значительных разбойничьих банд. Нижнегерманские вспомогательные войска были, по мнению Моммзена, может быть, еще менее многочисленными, чем верхнегерманские.

66 "Eclog." I, 71.

67 W. Bдhr, "De centurionibus legionariis". Diss. Berol. 1900, S. 45, ff.

68 Bang, "Die Germanen in rцm Dienst", S. 78.

69 Этот чрезвычайно существенный и новый факт установлен благодаря тщательному исследованию надписей, произведенному Домашевским (Domaszewski, "Die Rangordnung des rцmischen Heeres", 1908).

70 Этого требовала сама природа вещей, и это явствует из одного замечания Гигина (de mun., cap. 42), приведенного Домашевским (Domaszewski, "Rangordnung", S. 60). Порядок был такой же, как и в австрийской армии (до 1918 г.), в которой полки наряду с общеармейским немецким языком пользовались своим собственным национальным полковым языком. Благодаря все усиливавшейся романизации провинций постепенно стирался национальный характер когорт. И вообще могло случаться, что когорты, расположенные очень далеко от своей родины, принимали в свою среду чуждые элементы и благодаря этому меняли свой характер. В этом отношении нужно согласиться с Моммзеном, который подчеркивает ("Hermes", 19, 211), что заключать о национальном характере когорт, исходя из их названия, можно лишь применительно к эпохе их возникновения.

71 Seeck, "Geschichte d. Unterg. der antiken Welt", I, 390, 534.

72 Marquardt, "Rцm. Staatsverw.", II, 542, 2 Aufl.

73 В 367 г. Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus). Цитировано у Марквардта. В

Германии лишь в 1893 г. норма роста была снижена до 1,54. В 1870 г. еще имело силу следующее постановление: "Самый меньший рост, установленный для приема новобранцев, – 1,57 м. Но новобранцы ростам ниже 1,62 м должны браться лишь в том случае, если они обладают особенно сильным телосложением и если без них годовой контингент пополнения не достигает нужной цифры.". Минимальный рост для гвардии равняется 1,70 м.

Во Франции Наполеон установил норму роста для новобранцев в 1801 г. в 1,59 м, но уже в 1804 г. снизил ее до 1,54 м. В 1818 г. она была снова повышена до 1,57 м, и затем после некоторых колебаний снова понижена до 1,54 м. Римский фут равняется 0,296 м и, следовательно, был меньше старопрусского, который равнялся 0,314, м.

74 Светоний, "Нерон", 19.

75 Schulten, "Das Territorium legionis", "Hermes", Bd. 29, 481.

76 Цицерон, "Acad.", II 1 и 2

77 Саллюстий, "Bell. Jug,", 85, 12.

78 Этот вопрос, может быть, еще более сложен. Сообщения источников относительно продвижения центурионов не так легко понять. Было предложено несколько теорий для разрешения этой проблемы, но все еще не найдено полного разрешения этого темного вопроса. Хотя исследование Вегелебена (Theod. Wegeleben, "Die Rangordnung der rцmischen Centurionen", Berl. Dissert. 1913) опередило исследование Домашевского и, благодаря исчерпывающей обработке надписей, пролило свет на этот вопрос, все же здесь кое-что осталось спорным и неясным. Вегелебен пришел к тому выводу, что центурионы имели одинаковый ранг, за исключением шести центурионов первой когорты, из которых опять-таки три старших (primus pilus, princeps, hastatus) стояли настолько высоко, что их уже, собственно говоря, нельзя называть центурионами. Это высокое положение первой когорты не является одним лишь почетным положением, но в то же время нарушает схематизм тактического расчленения, так как эта когорта насчитывала 1 000 человек, что опять-таки снижает численность остальных когорт приблизительно до 480 человек (Вегелебен, стр. 37). В источниках ничего не

говорится о том, каким образом выравнивалось это различие при расположении легиона. Либо 6 центурионов первой когорты, либо три старших обозначались в качестве "первых чинов" (primi ordines). Все еще неясно название "praepositus" (материалы о нем см. у Grosse, "Rцmische Militdrgeshichte", S. I43). Неправильно замечание Вегелебена относительно принятия приказа (стр.60), так как этому противоречит Полибий (II, 34).

79 Вопрос о взаимоотношениях между principales совсем недавно прекрасно трактован в тщательной и ценной работе Домашевского (A. V. Domaszewski, "Die Rangordnung des rцmischen Heeres", 1908).

Вегеций в своем перечне должностей (II, 7) говорит: "Кампигены, т.е. стоящие перед знаменем, получившие такое название, так как благодаря их трудам и их старанию увеличивается опытность войска в деле строевого полевого обучения". Я не нашел объяснения этого места у Домашевского.

80 История римского жалованья была впервые вскрыта в статье Домашевского (Domaszewski, "Der Truppensold der Kaiserzeit", "Neue Heidelberger

Jahrbьcher", Bd. 10, 1900). Однако, Домашевский при определении степени повышения жалованья в императорскую эпоху не принял во внимание одновременной порчи монетной пробы и поэтому переоценил значение номинального повышения жалованья. Я считаю совершенно невозможным согласиться с мнением Домашевского (S. 231, Anm. 2), что при дарстисниых пожалованиях исключались центурионы, а наградные выдавались одним лишь солдатам. В таком случае рядовые солдаты часто находились бы в лучшем положении, чем командиры, так как дарственные пожалования бывали очень высокими (при Марке Аврелии они достигли однажды для преторианцев размеров, превышающих в пять раз годовое жалованье, т.е. 5 000 денариев).

81 P. Steiner, "Die dona militaria", "Bonner Jahrbьcher", Bd. 114, S. 1 ff.

82 У Полибия в его описании лагеря, конечно, госпиталь не упомянут, но такое упоминание мы находим у Гигина (см. W. Haberling, "Die altrцmischen Militдrдrzte", Berlin, 1910).

83 Premerstein, "Die Buchfьhrung einer дgyptischen Legionsabteilung", "Klio", Bd. III.

84 Об этом сообщает Полибий (XIV, 3, 6). Мы вполне можем допустить, что римляне сохранили этот обычай также и в позднейшие времена.

85 "Религия римлян вся целиком лагерная, – говорит Тертуллиан, – они почитают знамена, знаменами клянутся и всем богам знамена посвящают". Цит. у Harnack, "Militia Christi", p. V.

86 Alfr. v. Domaszewski, "Die Religion des rцmischen Heeres", "Sonderabdruck a. d. Westdeutschen Zeitschrift fьr Geschichte und Kunst", Bd. 14, Trier, 1895. В этом труде не нашел своего отражения чрезвычайно существенный пункт о различии между солдатской и гражданской религиями. Hirsschfeld, "Zur Geschichte des rцmischen Kaisercultus", "Sitzungsberichte der Berliner Akademie". Bd. 35, 1888.

87 Белох исчислял население греко-римского мира приблизительно в 54 млн. В одной более поздней статье ("Rhein. Mus., Bd. 54, 1899) он, однако, дает для Галлии несколько более высокую цифру, чем в своей книге. Я же в свою очередь дал еще более высокую цифру. Ср. т. I, стр. 534. Высокая

цифра населения Галлии в свою очередь несколько снижает цифру населения других стран.

88 "Римская империя достигала великой славы и прочности благодаря спасительной стойкости в сохранении до настоящего времени искренних и неповрежденных оков строжайшей военной дисциплины, под защитой и охраной которой процветает ясный, спокойный и блаженный мир". Валерий Максим, II, 7.

89 Светоний, "Домициан", гл. 12.

90 "B. Gall", II, 8; VII, 41, 81. "B. civ.", П, 45, 51, 56. Afr. 31. Schambach, "Einige Bemerkungen ьber die Geschutzverwendung bei den Rцmern besonders zur Zeit Cдsars", 1883, Progr. Mьlhausen i. Thьr. Frцhlich, "Kriegswesen Cдsars", I, 77. Недавно были сделаны попытки реконструировать эти орудия. При раскопках на Липпе был обнаружен любопытный деревянный инструмент, в котором хотели видеть "осадный дротик" (pilum murale). См. по этому вопросу интересное исследование Кропачека (G. Kropatschek, "Jahrb. d. Archдolog. Institute", Bd. 23, S. 79, 1908).

91 Вегеций, II, 25.

92 Цит. у Marquardt, II, 567.

93 Помимо VIII тома C. 1. L., эта надпись подвергнута изучению С. Денером (Seb. Dehner, "Hadrianae Reliquiae", 1883) и Альбертом Мюллером (Albert Mьller, "Manцverkritik Kaiser Hadrians", Leipzig, 1900). Я принял многие из тех конъектур, которые были предложены этими двумя авторами, но все же не нашел возможным принять их все целиком. Перевод, напечатанный в "Militdr-Wochenblatt" за 1882 г. в No 34, мною в некоторых местах существенно изменен, а в других дополнен.

К о 2 - м у и з д а н и ю. Недавно было найдено много мелких обломков, которые, однако, дали возможность восстановить текст заголовка и даты. Надпись обращена "к ротам" (ad pilos). См. Heron de Villefosse, "Festschrift zu Otto Hirschfeld, 60 Geburtstag", Berlin, 1903.

94 Слово "легион" следует здесь передавать словом "дивизия", поскольку легион включал в свой состав все виды оружия.

95 "Равные", "одинаковые" (compares), собственно говоря, в смысле "товарищи". Легион,

расположенный в Ламбезисе, носил название "3-го августовского". Кроме того, было еще два "третьих" легиона: третий галльский и третий киренаикский. Следовательно, отряды воинов были отправлены в один из этих двух легионов.

96 Согласно другому чтению: "agiles et fortes more suo", что приблизительно означает: "ловкие и энергичные, как это им подобает".

97 Я выбрал эти термины, так как все эти три чина образуют одну группу.

98 Я выбрал этот термин по аналогии с нашей дивизионной кавалерией. К каждой когорте вспомогательных войск всегда присоединялся маленький отряд конницы.

99 "Искусные повороты" (frequens dextrator) – эти слова объяснялись различнейшим образом, и я не берусь утверждать, что мой перевод является безусловно правильным. Он лишь постольку соответствует общему смыслу и общей связи фактов, поскольку до этого говорилось о количестве рассыпавшихся стрелков, а затем о сомкнутой атаке. "Dextratio" означает обход справа налево. Поэтому не встречающееся в

других местах в литературных источниках слово "dextrator" могло быть употреблено для обозначения определенного маневра обхода или поворота во время смотра.

100 Kцchly und Rьstow, "Griechische Kriegsschriftsteller", Zweiter Teil, Zweite Abteilung, S. 213.

101 Нам нет никакой надобности вникать в рассмотрение чисто теоретических суждений, даже если они повлекли за собой вполне реальные эксперименты, как это делает Рюстов (Rьctow, "Geschichte der Inf.", I, 54), ввиду того, что они не оказали никакого положительного влияния.

102 Ферстер (J. C. Fцrster, "De fide Fl. Vehetii Renati" "Bonner Dissertation", 1879) обнаруживает во многих местах у Вегеция безнадежную путаницу.

103 См. Kцchly und Rьstow, "Griechische Kriegsschriftstellern", I, 201.

104 Таково вполне справедливое мнение Л. Шмидта относительно войны с маркоманами (L. Schmidt, "Hermes", Bd. 34, S. 135).

105 Dessau, "Die Herkunft der Offiziere und Beamten des Rцmischen Kaiserreiches, wдhrend der ersten zwei Jahrhunderte seines Bestehens", "Hermes", Bd. 45, 1910.

106 Тацит, "Анналы", III, 40

107 Тацит, "Анналы", III, 53

108 Nissen, "Der Verkehr zwischen China und dem Rцmischen Reich", "Bonner Jahrbьcher", Bd. 95.

109 Mitteis в своем исследовании об античном банковском деле, основанном на изучении папирусов ("Zeitschrift fьr Rechtsgeschichte. Rom. Abt.", Bd. 19) устанавливает, что как раз следы жиро-операций, которые в данном случае были бы особенно показательны, чрезвычайно слабы.

110 Согласно B. Pick, " Handwцrterbuch der Staatswissenschaften", Bd. 5, 918, 2 Auflage.

111 Mommsen, "Rцmisches Mьnzwesen", S. 755, 777.

112 Как показывает одна надпись, найденная в Африке, была сделана попытка сократить количество войск и выплачиваемого им жалованья. См. Domaszewski, "Rheinisches Museum", 58, 383. Мамеа сократил как число, так и жалованье принципалов, но само собой разумеется, что это не могло дать какие-либо результаты. Ведь слишком сильна была потребность в солдатах и в их доброй воле, как на границах, так и внутри государства.

113 Хотя вес золотых монет и был сокращен, однако, их лигатура не подверглась таким изменениям, как лигатура серебряных монет. Отсюда можно также сделать вывод, что золото в качестве монеты уже почти не обращалось; в противном случае, конечно, не преминули бы обратиться к изменению лигатуры, как к очень удобному средству. Источники указывают нам на недостаток золота. См. "Vita Aureliani", 46, cit. Mommsen, "Geschichte des rцmischtn Mьnzewesens", S. 832.

114 Согласно буквальному смыслу гл. 39 "Script. Hist. Aug. Vita Alexandri", налог был уменьшен до 1/30. Но предложенные Родбертусом исправление и истолкование этого места, согласно которым

здесь идет речь об 1/30 оценочной стоимости, в то время как раньше требовалась 1/10, обладают по меньшей мере тем преимуществом, что создают нечто объективно возможное и вероятное.

115 Seeck, "Preuss. Jahrb.", 56, 279.

116 1 октября 205 г. солдат 14-го легиона Г. Юлий Катуллин посвятил Юпитеру алтарь и назвал себя на нем "арендатором Фурианской пашни на пятилетие Нерт. Келерина, первой роты". Надпись эта найдена на Шифлерхофе, южнее Петронелла, близ Вены, и была издана в Ber. d. Ver. Carnuntum in Wien f. d. Jahr." 1899, S. 141. Таким образом, солдатам регулярно сдавались в аренду легионные пашни (pratum). В различных надписях этой же эпохи равным образом упоминаются и "пятилетия" (lustra). Уже издатель этой надписи Берманн вполне справедливо сопоставил ее с разрешением, которое дал Септимии Север солдатам жить со своими женами.

В военном дипломе No 90 C. 1. L. III. Suppl. S. 2001, очевидно, говорится о сыновьях "крепостных воинов" (milites castellani, – сохранились лишь буквы... lani). Так как здесь идет речь лишь о сыновьях центурионов и

декурионов, то Зеек ("Paulys Realenzyklopedie, s. v castellum") решил, что вопрос касается особого разряда солдат, стоящих над нижними чинами. Я же думаю, что эту надпись следует скорее связать с вышеприведенными фактами. Моммзен относит эту надпись к периоду от 216 до 247 гг.

117 "Vita", cap. 58.

118 Premerstein, "Klio", III, 28.

119 Бидерманн, в частности, устанавливает, что уже в середине III столетия исчезла древнеегипетская административная система, ("Studien z. Aeg. Verwaltungsgesch." 1913).

120 Принято думать, что уже во II в. было увеличено количество вспомогательных войск, так как они в то время были гораздо менее требовательны, чем легионы. Ведь они при Августе получали лишь третью часть жалованья легионов и не претендовали на получение крупных пожалований. В то же время легионы постоянно повышали свои требования, а их боеспособность падала. См. Domaszewski, "Heidelberger Jahrb." 10, 226. Это предположение противоречит высказанному мною мнению, что

вспомогательные войска могли быть превращены в легионы. И то и другое предположения являются лишь возможными предположениями; весьма вероятно, что оба эти явления существовали одно наряду с другим.

121 Я думаю, что не следует придавать какое-либо значение военным забавам Каракаллы, о которых пишут Дион (77, 7) и Геродиан (IV, 8, 2, 3).

122 Петерсен (Petersen, "Die Markus-Sdule. Textband", S. 44) пишет о легионерах, изображенных на рельефе: "Их щит редко воспроизводит форму правильного scutum, а их копье никогда не изображено в виде pilum". И далее, на стр. 45: "Иногда на них надеты штаны". Я не знаю, каким образом следует объяснить эти поразительные явления. Также и в рассказе Тацита о войнах с германцами мне бросилось в глаза то обстоятельство, что здесь очень слабо отмечены своеобразные черты римского боя при помощи дротиков.

123 V. Domaszewskj, "Die Religion des rцmischen Heeres", S. 49. Ср. также стр. 113.

124 Банг (Bang, "Die Germanen im rцmischen Dienst", S. 91) считает возможным допустить, что высшим военным постом, который был достигнут германцем в доконстантиновскую эпоху, была должность dux'a в Pannonia Secunda Savia, которую занимал один батавец. Остальные указания Банг отвергает. Но уже Риттерлинг выступил против этой точки зрения Банга и указал, что Банг зашел в этом отношении слишком далеко ("D. Lit. Zeit", 1908, 17).

125 Никаких выводов нельзя делать также и из надписи C. I. L. X., 1401, которая не запрещает уходить в провинцию, но запрещает лишь продавать здания на слом с целью наживы.

126 Hartmann, "Archdolog. epigraph. Mitteil. a. Oestr.", 1894, Heft 2. S. 126.

127 Страбон, III, 5, 3; IV, 5, 7.

128 Геродиан, II, 4, 6.

129 Hartmann, "Archdol, epigr. Mitteil. a. Oestr.", 1894. H. 2, S. 131.

Последняя сохранившаяся до нашего времени цифра ценза явилась результатом переписи,

бывшей при Клавдии в 48 г. н. э. (Тацит, "Анналы", XI, 25). Переписи подверглись римские граждане, которых оказалось 5 984 072 (число душ). Ценз 16 г. н. э. дал 4 937 000. Однако, из роста этой цифры нельзя сделать никаких выводов, так как неизвестно, в какой мере он явился результатом увеличения населения и в какой мере результатом расширения права гражданства. Ср. Ed. Meyer, "Handwцrterbuch der Staatswissenschaften", Artikel "Bevцlkerungswesen".

130 В труде Шиллера, посвященном истории римской императорской эпохи, собраны строительные надписи, расположенные в порядке царствования императоров. См. II, 378 (Север); II, 753, 772, 798, 871, III, 151.

131 Макс Вебер в своей прекрасной "Римской аграрной истории" указал, что римские мощеные дороги имели лишь военное, но не хозяйственное значение. Однако, это правильно лишь по сравнению с современным массовым транспортом. Конечно, со времени установления безопасности внутри страны не построили бы для одних лишь военных целей столько дорог. А в "Panegyr.", VIII, мы читаем: "Даже военная дорога плоха и неровна и затрудняет доставку фруктов, так же как и

пересылку государственных посылок". Цит. у Jak. Burckhardt, "Constantin", Dritt. Abschn., S. 85. Так же и В. Вебер (Wilh. Weber, "Untersuchungen zur Geschichte d. Kaisers Hadrian", 1907, S. 204) пишет относительно проведения дорог императором Адрианом в Африке, что представляется очень мало вероятным; назначение этих дорог – служить военным целям; скорее их целью было "распределить трансконтинентальную торговлю на возможно большее количество дорог, охватить ими всю страну и, таким образом, помочь развитию не одного лишь города".

132 Белох исчисляет на основании аналогии с населением XVI столетия эту цифру приблизительно в 100 млн. ("Zeitschrift f. Sozial. Wissenschaft", Bd. II, 1899, S. 619.)

133 Речь Августа у Диона Кассия, кн. 56, гл. 7.

134 Kurt Fitzler, "Steinbrьche und Bergwerke in Dgypten", 1910.

135 Эти указания собраны в "Paulys Real-Enzyklopedie" под словами "Melalla" и "Montes".

136 Lembke, "Geschichte von Spanien", I. 235.

137 Schdfer, "Geschichte von Spanien", II, 241.

138 Domaszewski, S. 230 ff.

139 "Rhein. Mus.", 58, 230, Anm.

140 "Das rцmische Heerwesen seit Diokletian", "Hermes", Bd. 24, S. 257.

141 "Vita Aureliani", cap. 11. Правда, историческое значение этого свидетельства незначительно, так как это произведение является подложным.

142 Аммиан, XVI, 19.

143 Шиллер (H. Schiller, "Geschichte der Rцmischen Kaiserzeit, Bd. Ill, S. 303 ff.) очень правильно высказался по этому вопросу. Но, идя по этому пути скепсиса, можно было бы сделать еще один шаг вперед.

144 Хейстерберг (Heisterberg, "Entstehung des Kolonats", S. 116) приводит интересную цитату из Фронтина (Frontin de controv. agr.), которая

характеризует развертывавшуюся при этом борьбу между городом и деревней.

145 "Hermes", Bd. 24, S. 245.

146 Cod. Theodosianus, VII, tit. XIII, 16, 17.

147 Соответствующие постановления находятся в цитированных статьях Кодекса Феодосия. Здесь нет надобности входить в отдельные подробности. Я считаю своим долгом выразить здесь свою благодарность моим коллегам О. Хиршфельду, Э. Зекелю за ту помощь, которую они мне оказали при исследовании мною этих вопросов, которое я произвел в целях самообразования, что, впрочем, мне вообще пришлось делать неоднократно для получения выводов, изложенных в этой главе.

148 "Neue Heidelberger Jahrbьcher", X, 240.

149 "Handwцrterbuch der Staatswissenschaften", I, S. 180.

150 "Die Rangordnung des rцmishen Heeres", S. 196.

151 "Rheinisches Museum", S3, 639.

152 "Rheinisches Museum", 58, 218. Слегка противоречит этому то обстоятельство, что Домашевский (Domaszewski, "N. Heidelberg. Jahrb.", X. 235) называет Септимия Севера "великим государственным человеком".

153 "Neue Heidelberger Jahrbьcher", X, 233, 235.

154 Hirschfeld. "Philologus", Bd. 29, S. 23 ff.

155 Hirschfeld, "Die Kaiserlichen Beamten", 2 Aufl., S. 158, Neuburg. См. ниже.

156 См. ниже главы о военном деле и стратегии при Юстиниане, в которых показано, как мощное государство не было в состоянии собрать необходимые средства для уплаты жалованья более крупным армиям. Ср. III том, ч. 2, гл. 7, "Византия".

157 Этот факт был недавно подтвержден применительно к Египту в труде К. Ф. Фитцлера (Kurt Fritz Fitzler, "Steinbrьche und Bergwerke im Ptolemaischen und Rцmischen Aegypten", Leipzig, 1910).

Часть вторая

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Глава I

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ С ГЕРМАНСКИМИ СОЛДАТАМИ

Первую часть II тома нашего труда мы озаглавили "Борьба римлян с германцами", второй же части даем название "Переселение народов". Согласно дошедшим до нас и господствующим теперь взглядам, такого рода сопоставление и соподчинение понятий следовало бы признать неправильным, так как второе заглавие должно было бы быть скорее подчинено первому. Ведь разве переселение народов не явилось как раз высшей точкой развития и решительным моментом "борьбы римлян с германцами"? Однако, на самом деле это было не так. Борьба римлян с германцами – в смысле настоящей борьбы, в смысле военной истории – окончилась уже в III столетии. Хотя в конце этого столетия еще было живо римское военное дело, римское войско, но оно давало возможность лишь вести

борьбу с германцами – не более того. Правда, еще существовало римское государство, римская мировая империя, которая продержалась во всем своем объеме еще целое столетие, а своей восточной половиной, после потери западных провинций, еще целое тысячелетие. Но те военные силы, на которые опирался этот государственный организм, уже не были римскими. Уже в IV столетии государство охраняется не легионами; оно существует лишь благодаря тому, что отражает грозящих ему и теснящих его варваров при помощи других варваров, которых оно берет к себе на службу. Хотя борьба, которая теперь ведется, все еще остается борьбой между Римом и германцами, но это уже больше не борьба римлян с германцами. Воины, которые ведут борьбу, – это германцы и другие варвары, гунны или славяне, которые ведут борьбу с себе подобными.

Эта система варварского наемничества, применявшаяся в Римской империи после того как погибло и исчезло его собственное древнеримское военное дело, – такое, какое было описано нами в предыдущей части, – привело к переселению народов.

Против термина "переселение народов" в последнее время часто возражали, в особенности потому, что этот тип переселений ни в какой мере

не характерен для одних только V и VI веков; такого рода переселения наполняют собой всю мировую историю. Крестовые походы и заселение Америки европейцами должны были бы быть в такой же мере подведены под это понятие, как и народные движения эпохи перехода от античности к Средним векам. Это совершенно правильно, но все же следует сохранить однажды установившийся термин в его специфическом значении. И хотя существует постоянное, никогда полностью не прекращающееся переселение народов, тем не менее каждая эпоха обладает присущими ей своеобразными явлениями и формами, а потому правильнее иметь для каждой из этих эпох по возможности особый термин. Поэтому мы сохраняем старое название. Оно обозначает, наряду с наступлением гуннов и натиском славян главным образом поселение германских племен на территории Римской империи.

Раньше царило такое представление, что это поселение являло собой большой и постоянно развивавшийся акт завоевания и покорения. Одряхлевший Рим был, наконец, опрокинут и побежден сильными своей молодостью германцами. Анализ этой проблемы, данной нами в предыдущей части, показал, что дело

происходило иначе. Германцы не столько победили римские легионы, сколько их заменили. Вместо факта длительной борьбы между римлянами и германцами мы должны признать факт наличия переходной стадии, которая служила мостом от Римской мировой империи к множеству германских государств на римской почве. Эта переходная стадия показывает нам такую Римскую империю, в которой солдатами являются уже не римляне, но германцы[1].

Уже со времен Цезаря и даже со Второй Пунической войны иноземные наемники – сперва стрелки и всадники – образуют некую составную часть римского войска. Варварский элемент стал очень сильно проникать даже в среду легионов. Государственная мудрость Августа нашла способы и пути к тому, чтобы снова восстановить и сохранить римский характер легионов. Так дело оставалось вплоть до III столетия, хотя количество и процент варварских вспомогательных войск временами, а может быть даже и постоянно, возрастал. Нам рассказывают про Марка Аврелия, что он купил помощь одних германцев против других германцев. Каракаллу же его преемник обвиняет[2] в том, что он сделал варварам такие подарки, которые равнялись содержанию всего войска.

Но в течение гражданских войн III столетия варварский элемент стал получать все больший и больший перевес. Галлиен победил готов при помощи герула Навлобата, которому он пожаловал консульские знаки отличия.

Римские легионы еще существуют по названию, но меняют свой характер. Они спускаются до степени милиции, ценность которой незначительна. Наряду с такими выродившимися легионами существовали и некоторые другие, которые сохранили свою боевую ценность благодаря тому, что приблизились к типу варварских наемных отрядов. Такими следует считать "юпитерцев" и "геркулесцев" Диоклетиана. Основной характер древних и настоящих римских легионов основывался на дисциплине. Их ряды наполняли не только завербованные, которых толкал на военную службу их природный воинственный инстинкт, но и набранные рекруты, которые в первую очередь обладали лишь необходимыми физическими свойствами. Военное воспитание и обучение, и строгость центурионов превращали их в годных солдат. Эта сила была разрушена, и оставался лишь первый указанный нами элемент, т.е. природная воинственность. Даже среди культурного народа всегда имеется некоторое

количество мужчин, которые, как Тацит говорит о германцах, охотнее предпочитают приобретать кровью, нежели трудом, и одушевлены высоким понятием воинской чести, либо просто наделены чисто физической храбростью. Но число таких людей всегда очень невелико. Из них нельзя составить таких больших войск, как те, которыми командовал Август или даже Северы. Этого числа было достаточно для того, чтобы в течение долгого времени сохранять некоторые войсковые части, которые имели преобладающе римский характер, но все же характерные черты хорошо обученных легионов были утеряны. Атака и способ ведения войны стали похожи на варварские приемы, воинская сила которых основывалась на личной природной храбрости и на корпоративном духе.

Переход от древней римской военной системы к новым формам происходил сперва постепенно, но под конец совершился довольно быстро. Он начинается в середине III столетия, а в конце этого столетия, при Диоклетиане, уже заканчивается. То римское, что еще сохраняется, уже более не является римским в прежнем, древнем, смысле этого слова. То войско, с которым Константин выступил на завоевание Италии, при помощи которого он победил императора Максенция у

Мильвийского моста и захватил Рим, состояло главным образом из варваров. Он собрал войска из подчиненных ему варварских народов, пишет Зосима[3], – из германцев, кельтов и британских племен. Тот факт, что эти войска шли под знаком креста, указывает не столько на то, что Костантин хотел иметь в своем распоряжении такие войска, которые не боялись бы капитолийских богов, так как о таком страхе не могло быть и речи среди германцев и кельтов, сколько на то, что в данном случае Константин ориентировался на римских граждан: среди последних существовала сильная христианская партия, которую Максенций угнетал и подавлял, а Константин пытался привлечь на свою сторону. Подобно германскому королю-полководцу, Константин окружил себя свитой (comites), которая образовала новую аристократию, оттеснившую в сторону древние сословия сенаторов и всадников.

В течение всего IV столетия мы часто находим элементы римского и германского в непосредственной близости одни от других. В речи, с которой император Юлиан перед сражением у Страсбурга обратился к своим войскам, ободряя их к бою, он побуждает их "вернуть римскому величию его честь" и называет врагов варварами (Аммиан, 16, 12, 31). Войско, к

которому с такими словами обратился император, состояло, как видно из описания сражения, в некоторой своей части из германских формирований. Больше того, очевидно, что главную его силу и основное его ядро составляли именно германские части. Здесь упоминаются корнуты, бракхиаты и батавы; перед атакой войска оглашают воздух военной песнью, барритом, и именно это войско вскоре провозглашает Юлиана императором, подняв его, по германскому обычаю, на щит[4]. Когда вестготы перешли через Дунай и начался натиск настоящего переселения народов, то, как пишет римский историк, в первом большом сражении "варвары" начали петь песни, посвященные восхвалению своих героических предков, а "римляне" подняли боевой клич, так называемый "баррит", который стал раздаваться все громче и громче[5].

Археологические раскопки совсем недавно обнаружили своеобразное доказательство того, как сильно было германизовано римское войско уже в IV столетии. Угол, образуемый Дунаем в Добрудже, замыкается тремя укрепленными линиями, воздвигнутыми в различные эпохи. Теперь уже установлено, что древнейшей из этих линий является низкий земляной вал, обращенный

фасом к югу. Весьма возможно, что он был построен варварами для защиты против римлян. Вторая линия, которая состоит из более высокого вала, по своим характерным чертам чрезвычайно похожа на германскую пограничную линию (limes) и, очевидно, была построена римлянами в ту же самую эпоху. Третьей линией является каменная стена, которую можно с уверенностью отнести к IV столетию. Но те укрепления, которые к ней относятся и с нею связаны, имеют совершенно такой же характер, как и ранне-средневековые, находящиеся на германской территории. Едва ли их построили сами германцы: их склонность к барщине в ту эпоху была еще слишком незначительна. Но те предводители, которые распоряжались строительными работами и определяли характер отдельных частей, были уже германцами. Они больше не жили военными традициями Рима, но уже проводили – как во всем военном деле, так и в формах укреплений – те идеи, которые они принесли с собой со всей родины и которые теперь они развивали дальше при помощи тех образцов, которые они нашли и видели перед собой, на римской почве[6].

"Варвар" в эту эпоху является техническим названием, обозначением солдата; военный фиск

(казна) обычно носит название "варварского фиска" (fiscus barbaricus)[7].

Нас не должно вводить в заблуждение, что наряду с этим в источниках постоянно говорится о римской славе и римской доблести, так как даже Прокопий в VI столетии хотя и рассказывает сам при всяком удобном случае, что варвары при римских победах особенно отличались, все же постоянно говорит о победах "римской храбрости" над варварами, так как эти победы были одержаны под императорскими знаменами[8].

Итак, с конца III столетия римские войска состояли из отрядов наемников различного рода, сформированных в значительной, а, может быть, даже и в большей своей части из чистых варваров – германцев, которые храбро держали себя в сражениях, но которыми вне сражения, особенно в мирное время, было очень трудно управлять. Если даже дисциплинированные легионы часто бунтовали, то теперь и император, и империя были целиком отданы в полную власть этим бандам. Германцы, находившиеся на службе у императоров в течение первых двух столетий, всегда ясно чувствовали, что они являются лишь простыми вспомогательными войсками. У них никогда не появлялось мысли о восстании, так как

около них всегда находились каравшие и мстившие легионы. Национально-римские отряды, которые еще назывались легионами, очень слабые по своей численности и перемешанные в своем составе с варварами, были очень близки по своим настроениям к бандам иноземных наемников. Ничто не мешало германским воинам, получившим свое жалованье от императора, на другой же день обратить свое оружие против своих прежних полководцев, найдя, что какой-либо пункт их договора не выполнен или что их требования не удовлетворены.

Совершенно ясно, что такого рода военная сила по своей мощи, боеспособности и пригодности далеко не достигала боевых качеств древнего войска легионов. Даже в тех случаях, когда какому-либо императору, как например, Константину, удавалось, по-видимому, полностью восстановить единство и авторитет императорской власти, все же это было лишь кажущимся достижением, так как в армии уже не было прежнего фундамента – дисциплины.

Между прочим, необходимо отметить бесконечную важность для нашей духовной жизни факта ослабления римской императорской власти. Чтобы возместить то, чего теперь не хватало в

боевой мощи оружия, Константин заключил союз с большой федерацией епископов – с христианской церковью. Вряд ли – или лучше сказать никогда – римский император не допустил бы существования наряду с собой этой верховной суверенной власти, если бы он мог по-прежнему почувствовать в легионах древнюю опору своей власти и если бы легионы могли ему оказать мощную поддержку для подавления этой столь же самоуверенной, как и самостоятельной новой силы – силы церкви. Церковь сумела победоносно выдержать гонения от времен Декия до эпохи Диоклетиана; этим она обязана своим мученикам, но не в меньшей степени она обязана этим и слабости государства, которое уже не располагало всей древней боевой силой своего оружия.

Перед церковью открылось широкое поле для действий, а старая культура погибла. Уже не могло быть и речи о тех деятельных пограничных военных силах, которые в течение столь долгого времени охраняли пограничную укрепленную линию (limes). Германцы ринулись и через Рейн, и через Дунай; они доплывали на своих кораблях от Черного моря через все Средиземное до самого океана, и нигде никто не мог защитить себя от их разбойничьих вторжений. Они безжалостно умерщвляли всех, кого не уводили в рабство. Даже

теперь можно видеть на 60 или даже еще большем числе французских городов следы того, что они были в те времена сожжены, – "под язвительный хохот", как рассказывали римляне, короля алеманнов Хнодомара[9], – разрушены и вновь построены, будучи на этот раз теснее сжаты и окружены стенами. В течение предшествовавших мирных столетий города строились просторными, свободными, открыто и широко разбросанными; теперь же улицы делались узкими, а окружность города как можно меньшей, в целях возможно лучшей обороны. В тех толстых башнях и стенах, которые теперь были построены и которые противостояли натиску тысячелетий, пока острая кирка современной культуры или археологии их не разрушила, были найдены обломки колонн, статуй, фризов и карнизов, часто покрытые надписями, которые дали возможность установить время их сооружения, и явственно носившие следы пожаров, которым некогда были преданы эти города варварами. Но далеко за пределами этих укрепленных городов, перед их воротами, находятся следы разрушенных храмов и амфитеатров, по местоположению которых можно восстановить размеры территории прежних открытых городов[10]. Обладая бóльшим населением и большим количеством

всевозможных достижений культуры, чем во времена Августа, Римская империя стала, однако, слишком слабой для того, чтобы защищать свою цивилизацию, с тех пор как она потеряла свои прекрасно дисциплинированные легионны, свое собственное постоянное войско. И напрасно горюет и жалуется во времена Аркадия такой патриотически настроенный ритор, как Синезий, в словах: "Вместо того чтобы терпеть пребывание в нашей стране вооруженных скифов (готов), следовало бы призвать к оружию весь народ и вооружить его мечами и копьями. Позор для нас, что наше государство, обладающее столь многочисленным населением, передает честь ведения войны иноземцам, победы которых позорят нас даже в том случае, когда они нам приносят пользу. Если эти вооруженные люди захотят стать нашими господами, то нам, несведущим в военном деле, придется вести борьбу с людьми опытными в этом отношении. Мы должны снова пробудить в себе наше древнее римское чувство; мы должны сами участвовать в наших сражениях, не иметь ничего общего с варварами, изгнать их отовсюду, прогнать со всех должностей и особенно из сената, так как внутренне они все же стыдятся этих должностей и этого сана, которые мы, римляне, с древнейших

времен считаем высшими. Фемида и Арей должны были бы закрыть свои лица при виде того, как эти закутанные в звериные шкуры варвары командуют людьми, облеченными в римские боевые доспехи, или как они, сбросив свою одежду, быстро накидывают на себя тогу и в таком виде вместе с римскими чиновниками обсуждают и решают дела Римского государства! Как они занимают почетные места в непосредственной близости от консула, впереди благородных римлян! Как они, только что покинув курию, вновь надевают на себя свои шубы (вильчуры), издеваясь вместе со своими товарищами над тогой, которая, как они, насмехаясь, говорят, не дает возможности пользоваться мечом! И эти варвары – эти люди, которыми мы до сих пор пользовались как слугами в нашем доме, – хотят теперь править нашим государством! Горе, горе, если их войска и их полководцы возмутятся и если к ним потекут их многочисленные соплеменники, которые в качестве рабов в большом количестве населяют всю империю"[11].

Проникнутый именно таким настроением, приступил к своей работе далекий от жизни и от мира литератор и любитель старины Флавий Вегеций Ренат. Он старался найти у древних писателей, какая же собственно военная система

существовала прежде у древних римлян, на чем основывались их сила и их величие, каким военным правилам они следовали и что можно, таким образом, восстановить и взять себе в качестве образца, чтобы спасти государство и восстановить древнюю мощь. Компилируя весь этот найденный им материал, он создал свою книгу, которая в течение веков и тысячелетий находилась в руках воинов. Но гибнущие государства нельзя спасти ни речами, ни книгами.

Тем не менее, находившиеся на римской военной службе банды германских наемников еще не были той силой, которая на Западе готовила конец и гибель Римской империи. Будучи оторваны от своей родины, такие наемники ассимилировались с тем государственным строем и с той народностью, которым они служили. А там, где они оставались чуждыми, они все же еще были слишком непостоянным и лишенным корней элементом, для того чтобы самим иметь возможность на долгое время укрепить свое господство. Как ни опасны были Карфагену после Первой Пунической войны находившиеся у него на службе и возмутившиеся против него наемники, все же, наконец, они были покорены, и Ганнибал повел Вторую Пуническую войну при помощи точно таких же банд. То, что мы

называем переселением народов, со всеми своими неизмеримыми последствиями вытекает из того, что, наконец, не только крупные отряды отдельных воинов, но даже целые племена стали поступать на римскую военную службу. Появляясь на римской территории со своими женами, детьми и со всем своим имуществом и продолжая оставаться германским народом, они становились римским войском.

Военная служба отдельных, хотя и весьма многочисленных, людей и служба целого народа, который при этом сохраняет свою социальную структуру и свою политическую организацию, являются фактами совершенно различного порядка. Возможность перехода одного явления в другое вытекала из характера германского народа. Этот народ был настолько воинственен и настолько пропитан боевыми инстинктами – стремлением и страстью к войне, что не только являлся неисчерпаемым источником для вербовки, но и готов был, – подобно тому как он раньше выступал в поход против своих соседей, – драться теперь под любыми чужими знаменами и ради любых целей. Германцы вступили в эпоху переселения народов не потому, что прежние области были уже недостаточны, как это думали раньше, для все возрастающего народонаселения,

но потому, что они были бандами воинов, жадно стремившихся к деньгам, добыче, приключениям и к должностям. Действительно, в отдельных случаях недостаток в земле мог их принудить к эмиграции или же толчком к такому переселению мог быть натиск каких-либо иных врагов. Но и то и другое явление могло бы дать повод лишь для отдельных стычек или пограничных войн. Решающим моментом во всемирно-историческом масштабе было то обстоятельство, что германские племена были содружествами воинов, которые шли на войну, стремясь к наемной плате, к добыче и к господству. Они пришли в Римскую империю не для того, чтобы найти здесь землю, стать крестьянами и жить здесь в качестве крестьян, – ведь часто они оставляли свою родину пустынной позади себя, – а ради ратных подвигов, которые они хотели совершить.

В постоянной смене службы и вражды, вражды и службы, которая характеризует взаимоотношения римлян и германцев в III, IV и V столетиях, германцами были завоеваны в полном смысле этого слова некоторые пограничные области на Рейне и на Дунае, а также Британия. Хотя оседлое население и не было целиком изгнано, однако, оно было настолько сокращено и подавлено, что новое

господствующее племя постепенно впитало в себя его остатки. В Италии же, в главных частях Галлии, Испании и Африки дело происходило таким образом, что германские короли-полководцы, обладая фактической властью, взяли в свои руки также и юридическую власть, в то же время не отрывая целиком своих провинций от имперского организма. Даже сам Одоакр, устранив в Риме западно-римского императора, правил над Италией не в качестве суверенного императора, но в качестве германского князя, которого восточно-римский император поставил своим наместником в этой части своей империи, и даже остгот Теодорих Великий во всей полноте своей мощи не воспринимал и не понимал иначе своего положения[12].

Лишь постепенно распалась и растаяла также и эта форма, эта фикция, и появились независимые германские королевства на римской почве – в Галлии, в Испании, в Африке и в Италии, – королевства вестготов и остготов, бургундов, франков и вандалов.

Хотя в IV столетии было много различных боев и сражений, но у нас есть сведения лишь о двух сражениях – при Страсбурге и при Адрианополе, которые можно использовать для военной истории. О сражениях и походах

Константина Великого, а также о сражениях при Мильвийском мосте[13] и на Каталаунских полях в V столетии я ничего не могу рассказать ввиду отсутствия источников. Лишь в VI столетии – о Велизарии и Нарсесе – у нас вновь имеются некоторые более подробные и более надежные сведения.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГРАЦИАНА

Ранке считает, что имевшее место в 383 г. восстание против Грациана, которое, впрочем, прекрасно и всесторонне засвидетельствовано, было движением легионов, направленным против преобладания германцев и против того предпочтения, которое им оказывалось. Ничто не может показаться более естественным, чем то, что нам придется рано или поздно встретиться с этим конфликтом в каком-либо месте истории Римской, империи. Чувство собственного достоинства легионов, которые, как говорит Ранке, всегда располагали императорским троном, должно было воспротивиться тому, чтобы над ними были поставлены иноземные, варварские наемники. Но различие между легионами и вспомогательными войсками варваров все же не воспринималось столь резко, так как в источниках нигде ничего не говорится о каком-либо конфликте, возникшем в результате такого рода корпоративной зависти. В таком смысле, пожалуй, скорее всего можно было бы истолковать рассказ Геродиана (8, 8) о гибели двух императоров – Бульбина и Пупиена – в 238 г. Здесь совершенно ясно противопоставляются

преторианцы, которые относились враждебно к императорам, и германцы, которые их охраняли, но все же это является лишь второстепенным моментом в этом запутанном узле событий. Конфликт возник из-за того, что в результате решения сената явилась двойная императорская власть, тогда как на право распоряжения верховной властью претендовали преторианцы; при этом германцы защищали императора, признанного сенатом, так как этот спор им был безразличен и так как они уже однажды признали этого императора своим полководцем.

Этот факт приобретает еще большее значение при изучении вопроса о падении Грациана. Если правильно, что причину восстания против Грациана следует искать в том обстоятельстве, что римские войска завидовали германским, которым в ту эпоху отдавалось предпочтение, то, значит, еще в конце IV столетия должны были существовать наряду с варварами древние легионы или по крайней мере войска с резко выраженным римским национальным чувством. Но наши источники, повествующие о событиях 383 г., об этом абсолютно ничего не говорят. Схематизм "Расписания должностей" ("Notitia dignitatum"), Вегеций и фразеология писателей постоянно вводили в заблуждение историков, заставляя их думать, что древнеримская военная система продолжала еще существовать даже в течении V столетия. Если бы так было на самом деле, то трудно было бы понять, почему легионы допустили военное преобладание и даже главенство германцев, даже ни одного раза не оказав этому сильного противодействия.

Но если мы обратимся к свидетельствам

источников, то увидим, что в них абсолютно ничего не говорится о восстании легионов против германцев. Все это противопоставление является гипотезой, которая восходит к прекрасной во многих отношениях работе Генриха Рихтера "Западноримская империя, в особенности в эпоху императоров Грациана, Валентиниана II и Максима" (Heinrich Richter, "Das westrqmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus"). Основываясь на некоторых свидетельствах источников, в частности Зосимы и Синезия, Рихтер весьма наглядно и красноречиво рисует картину недовольства римлян тем, что варвары, одетые в шкуры и носящие длинные волосы и бороды, занимают самые почетные должности и самые передние места в курии. Но он сам к этому добавляет, что эти жалобы исходят лишь из уст языческих философских писателей, которые в те времена являлись представителями очень ограниченных кругов. Их жалобы, возникая к тому же на Востоке, не дают нам какой-либо возможности сделать вывод относительно войск, находившихся на Западе. Поэтому в данном случае мы не имеем права оперировать выводом, сделанным на основании одной лишь аналогии.

Свидетельство, которое здесь имеется в виду, находится у автора, продолжавшего Аврелия Виктора, а именно – в 47-й главе, в которой говорится про Грациана: "Он имел бы в изобилии всякого рода блага, если бы направил свой ум к изучению науки о том, как следует управлять государством; этой науке он был почти совершенно чужд не только вследствие своего нежелания, но и по своим занятиям. Не обращая внимания на войско и отдавая предпочтение

перед древними римскими воинами немногим из аланов, которых он переманил на свою сторону громадным количеством золота, он до такой степени был окружен свитой варваров и даже, можно сказать, находился с ними в дружбе, что иногда совершал путь в варварской одежде, чем вызвал против себя ненависть воинов. В это самое время Максим, быстро вырвав у Британии ее самодержавную власть и переправившись в Галлию, при поддержке враждебных Грациану легионов принудил Грациана к бегству и без промедления его уничтожил".

Эти слова можно было бы очень хорошо истолковать в том смысле, который им придают Рихтер и Ранке, если бы существование легионов в прежнем смысле этого слова и их противопоставление германцам было засвидетельствовано еще в каком-нибудь другом месте. Но эти слова можно истолковать и иначе.

Те войска, которым Грациан отдает предпочтение, состоят не из германцев, а из особого племени – аланов. Те "древние римские воины", которые им противопоставляются, вовсе не должны были обязательно быть римскими легионерами, но в такой же степени могли быть и другими варварами, которые до этого времени находились на императорской службе. Так обобщающе понимал эти слова и Гиббон. Даже слова в последней фразе "враждебных Грациану легионов" еще ничего не доказывают. Не подлежит никакому сомнению, что название "легион" еще применялось в эту эпоху для обозначения войсковых частей. Вопрос заключается лишь в том, какие люди наполняли эти так называемые легионы, носили ли они специфически римский национальный характер и

подразумевалось ли под этим термином некоторое противопоставление вспомогательным войскам варваров. Но это совершенно не вытекает из слов нашего автора.

Если бы действительно дело шло о таком противопоставлении: "здесь римляне, а там германцы", то было бы совершенно непонятно, почему германцы в конце концов не стали сражаться за Грациана. Уже Рихтер поэтому вносит некоторое ограничение, говоря (стр. 567): "Даже другие германцы могли чувствовать некоторую зависть", а именно по отношению к аланам. Каковы бы ни были причины недовольства Грацианом, здесь ни в каком случае не могло иметь места принципиальное движение римского элемента против германского элемента, которому отдавалось предпочтение при дворе и в армии. Ведь так легко германцы не проиграли бы своей партии и так просто они не уступили бы. Первыми войсками, раньше всего перешедшими от Грациана к Максиму, когда оба императора стояли друг против друга при Париже, были нумидийские всадники.

Для того чтобы понять восстание против Грациана, которое кажется столь слабо обоснованным, нужно прежде всего уяснить себе то обстоятельство, что в мирное время вообще очень трудно удерживать в повиновении наемные войска, которые не очень строго дисциплинированы. Достаточно малейшего толчка, для того чтобы поселить среди них беспокойство. Наконец, они бунтуют, движимые просто жаждой деятельности.

К тому же, как кажется, Грациан не поддерживал особенно хорошего порядка в своих финансах, так что

он либо очень уменьшил число своих солдат, либо неаккуратно выплачивал им жалованье.

Если предположить, что Максим, будучи в 383 г. представителем легионов, победил Грациана, который был представителем германцев, то победитель, без всякого сомнения, энергично проводил бы в жизнь этот принцип своей политики в течение пяти лет своего правления. Но мы об этом не имеем ни малейших сведений. Если бы вообще была какая-либо возможность снова вызвать к жизни собственно римскую военную систему, то едва ли мог бы кто-нибудь скорее сделать эту попытку, нежели Грациан, который однажды одержал прославленную победу над алеманнами (лентиензами) и на своей собственной семье испытал опасность нападения со стороны объединившихся в федерацию германцев. С громадным напряжением всех своих сил он устремился из Галлии на помощь к своему дяде Валенту, чтобы при помощи войск, собранных со всей империи, от океана вплоть до самого Тигра, снова прогнать страшных вестготов из Римской страны. Но плоды этой победы были сведены на нет победой варваров при Адрианополе.

Поэтому в рассказе о гибели Грациана я не вижу никаких оснований для отказа от своего представления относительно того, что уже за 100 лет перед тем римская военная система была окончательно изжита. Константин Великий был именно тот император, который подвел новый фундамент под Римскую империю, не только тем, что заключил союз с церковью, но также и тем, что окончательно признал факт варваризации военного дела. Христианство и германский элемент теснее

связываются между собой, чем до тех пор. Упрек, который бросил Константину его племянник Юлиан (Аммиан, 21, 10), что он предоставил варварам высокие должности ("что он первый из всех стал возвышать варваров вплоть до консульских фасций и трабей"), не заключает в себе ничего случайного, но попадает в самый центральный пункт его политики.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В IV столетии сын ветерана считался военнообязанным и пользовался за это привилегиями. Первое постановление по этому вопросу относится к 319 г. (Ср. Моммзен, "Гермес", т. 24, стр. 248). Однако, практическое значение этого постановления, за исключением, может быть, пограничников (limitanei), конечно, весьма незначительно. На это постановление следует смотреть как на последнюю, фактически безнадежную, отчаянную попытку избегнуть сплошной варварской армии. Фамильная военная традиция должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФРИГИДЕ

Мы ничего не знаем относительно сражения при Фригиде (394 г.), в котором Феодосии победил Арбогаста и Евгения. Гюльденпеннинг в изданной им совместно с Ифландом книге под заглавием "Император Феодосий Великий" (Gьldenpenning und Ifland, "Kaiser Theodosius der Grosse") выбрал и сопоставил на стр. 221–227 наиболее достоверные факты, сохранившиеся в дошедших до нас

источниках. Но все это лишь не что иное, как бесконечная болтовня. Все, что говорится о войсках, дает возможность предположить, что на обеих сторонах находились варвары.

Глава II

СРАЖЕНИЕ ПРИ СТРАСБУРГЕ (357 г.)

После того как алеманны уже во второй половине III столетия прорвали пограничную укрепленную линию (limes) и овладели землями, расположенными на правом берегу Рейна, они в 350 г. захватили также область, лежащую между Рейном и Вогезами, т.е. Эльзас, воспользовавшись разгоревшейся в Римской империи междоусобной гражданской войной между императорами Констанцием и Магненцием. Юлиан, которого Констанций назначил цезарем и которому он поручил управление Галлией, решил не только снова прогнать алеманнов за Рейн, но в то же время, нанеся им сильный удар, отбить у них всякую охоту к возвращению. Вместо того чтобы внезапно на них напасть и прогнать тех из них, которые находились по эту сторону реки, он только подстрекал их к бою, производя на них нападения, но оставался со своим главным войском стоять на границе и разбил при Цаберне, близ выхода из вогезского ущелья, укрепленный лагерь. Тотчас же с той стороны Рейна алеманны пришли на помощь к своим соплеменникам,

находившимся в Эльзасе. И это было именно то, чего хотел Юлиан. Лишь только он узнал, что довольно большое количество алеманнов переправилось через Рейн и собралось близ Страсбурга, как он тотчас же двинулся против них. Мы имеем два источника, в которых подробно говорится о сражении при Страсбурге: Аммиана, который сам служил в качестве командира под начальством Юлиана, и Либания, ритора, который находился в близких личных отношениях с императором и написал ему надгробную речь, сохранившуюся до нашего времени. Весьма возможно, что оба эти рассказа – как Аммиана, так и Либания – восходят к одному и тому же первоисточнику, а именно к собственным мемуарам Юлиана.

Либаний резко подчеркивает, как хорошо цезарь заранее обдумал план сражения. Он мог бы помешать варварам переправиться через реку, но он не хотел этого делать, так как он не собирался дать бой лишь одному небольшому отряду противника. В то же время он остерегся и того, чтобы дать возможность переправиться всему войску варваров, так как среди них были призваны все способные носить оружие, как это стало известно впоследствии. Сражаться с немногими ему казалось слишком нестоящим

делом, сражаться же со всеми казалось слишком опасным и неразумным.

Из этого ясного рассуждения мы можем сделать вывод о соотношении сил противников. Собственное войско Юлиана, согласно Аммиану, исчислялось в 13 000 человек. Выше, в другой связи (стр. 178), мы уже показали, что эта цифра, может быть, несколько мала, но во всяком случае она не очень далека от истины. Если мы скажем, что в этом войске было от 13 000 до 15 000 солдат, то в достаточной степени гарантируем себя от ошибки.

Силы алеманнов римляне исчисляют, как обычно, с таким преувеличением, что этих цифр не стоит повторять. Из стратегического плана Юлиана мы с уверенностью можем сделать тот вывод, что он рассчитывал напасть на врагов в тот момент, когда они будут несколько, но не намного слабее его собственных сил. Успех, одержанный Юлианом, показал, что он правильно рассчитал. Поэтому мы можем принять, что войско алеманнов насчитывало от 6 000 до 10 000 человек.

Рассказ Аммиана в некоторой степени противоречит стратегической мысли Юлиана, изложенной Либанием. Аммиан рассказывает, что римский полководец, выйдя из Цаберна, сделал

остановку в полдень и хотел было отложить сражение на другой день, но боевое воодушевление и крики солдат побудили его немедленно выступить вперед. Промедление даже одной половины дня дало бы возможность противнику значительно увеличить свои силы. Расстояние от Цаберна до Страсбурга равняется четырем хорошим милям. Таким образом, мы можем установить, что смысл и связь этих событий были следующие: император, конечно, хотел и готовился дать бой немедленно, но, для того чтобы после напряженного перехода под лучами августовского солнца несколько приподнять и оживить настроение солдат, он прикинулся, что должен здесь разбить лагерь, и сделал так, что решение тотчас же начать сражение было вынесено как бы самими солдатами.

Нельзя с уверенностью установить место сражения. Ясно лишь, что на стороне римлян был не только численный перевес, но и то стратегическое преимущество, что на крайний случай укрепленный лагерь при Цаберне находился позади них, в то время как позади алеманнов находились воды Рейна. Возможно, что германцы в своем воинственном пылу делали из того же самого обстоятельства как раз обратный

вывод, считая, что невозможность отступления доведет их собственные силы до высшего предела.

Во главе германцев стояло семь королей (князей, principes – в древнем смысле этого слова). Самым знатным среди них был Хнодомар, который командовал конницей на левом фланге. В предыдущие годы, не встречая на своем пути сопротивления и оставаясь непобедимым, он совершал походы в Галлию и издевался над римскими городами, которые он, разграбив, предавал огню. Римляне рисуют его скачущим во главе своих всадников на взмыленном коне, в блистающих доспехах, уверенным в огромной силе своих рук (в одной из которых он держит копье необыкновенной длины), с повязанными красной лентой волосами. Он был всегда храбрым воином, теперь же он стал превосходным полководцем.

Правый фланг алеманнов, состоявший из пехоты, опирался на некоторые местные препятствия, которые Аммиан один раз называет "скрытыми и тайными засадами", а другой раз "рвами", которые были наполнены вооруженными людьми. Либаний говорит об акведуке, о густых зарослях камыша и о болотистом месте, где алеманны устроили засаду. Левый фланг римлян дрогнул, когда там заметили эти препятствия.

Юлиан якобы сам снова двинул его вперед либо при помощи простого призыва, либо же приведя к нему на помощь небольшой отряд конницы, состоявший из 200 всадников. По-видимому, вначале, ввиду строения почвы, этому флангу совершенно не была придана кавалерия, и все же здесь понадобилось некоторое прикрытие фланга, прежде чем удалось достигнуть позиции противника. Но затем неприятель был тотчас же опрокинут и обращен в бегство.

На другом фланге, где местность была открытой, обе стороны расположили главные силы своей конницы. Германцы под предводительством Хнодомара бешено помчались вперед. Они размахивали оружием в правых руках и скрежетали зубами от дикости; их длинные волосы развевались, и ярость горела в их глазах. Наряду со всадниками шли легковооруженные пехотинцы. Римские всадники не смогли выдержать вида наступавших на них врагов и повернули обратно.

Наши источники сообщают, что цезарь лично бросился навстречу бегущим и своими призывами и обращениями вернул их к выполнению своего долга. Источники приводят, – правда, отступая друг от друга, – что именно он им говорил, причем Либаний сравнивает Юлиана с Теламоном

Аяксом, а Аммиан – с Суллой, который в одном из сражений против Митридата подобным образом собрал со всех сторон своих людей вокруг себя. Этот подвиг полководца часто встречается в военной истории, но чем крупнее те армии, о которых идет речь, тем с большей уверенностью можно сказать, что он придуман. Этот подвиг мог быть совершен на самом деле лишь при наличии, в крайнем случае, очень небольшого отряда. Никакими словами нельзя остановить войска, в особенности всадников, которые уже бегут и за которыми по пятам следует противник. Если группа всадников, охваченная страхом, уже обратилась в бегство, то она сможет остановиться лишь в том случае, если на ее пути встретится естественное препятствие или если ее принудит к остановке усталость. В "Военных письмах" принца Крафта Гогенлоэ (1 ,78) можно найти яркое описание того, каким беспомощным является командир, когда он хочет остановить группу всадников, охваченных паникой, даже в том случае, если позади них нет неприятеля. Бойцы не слушаются командиров, и вся масса всадников на протяжении нескольких миль неудержимо несется обратно. Если удается остановить или снова двинуть вперед в атаку бегущие войска, то это всегда происходит лишь

при помощи свежих, вновь вступающих в сражение частей. Новейшая история, более богатая источниками, дает нам возможность в одном из таких рассказов сопоставить вымысел с истиной, и, проведя здесь параллель, можно в данном случае извлечь из нее некоторую пользу. Габсбургские писатели рассказывают нам, как эрцгерцог Карл в сражении при Асперне восстановил и выправил поколебавшуюся боевую линию тем, что сам схватил знамя одного из батальонов. Благодаря этому все изменилось, "как бы по удару молнии", пишет один; "как бы электрическим разрядом", пишет другой; как бы "по мановению волшебного жезла", пишет третий. Точное сопоставление моментов сражения показало, что как раз в ту минуту в боевую линию одновременно вступили все австрийские резервы, состоявшие из 17 батальонов гренадер, о чем слегка овеянные придворным настроением писатели не сочли нужным упомянуть наряду с описанием геройского подвига светлейшего полководца.

Если мы внимательнее вглядимся в наши римские источники, то увидим в них, что нечто подобное произошло и во время сражения с алеманнами. Аммиан лишь в очень общих словах пишет о возвращении всадников на поле

сражения, а у более позднего писателя Зосимы (кн. III, гл. 4) мы находим даже положительное указание, что их не удалось заставить возобновить бой. То, что произошло именно так, следует и из дальнейшего рассказа Аммиана о том, что алеманнские всадники после своей победы над римскими всадниками бросились на неприятельскую пехоту. Они не могли бы этого сделать, если бы были вынуждены продолжать сражение с римскими всадниками.

Из многочисленных описаний древних сражений мы знаем, как опасна для пехоты кавалерийская атака во фланг. Сражение при Страсбурге, таким образом, показывает нам, как Хнодомар держал в руках свое войско и как он умел им командовать. Но вместе с тем мы можем убедиться и в том, что римская тактика еще существовала, и что Юлиан был достаточно хорошим полководцем, чтобы отразить грозившую ему опасность. В самом деле, если до этого Аммиан нам рассказывал, что Юлиан большую часть своего войска выставил против боевой линии варваров, то теперь мы слышим от него, что, когда алеманнские всадники обратились против римской пехоты, то корнуты и браккаты испустили боевой клич – баррит; это, конечно, означает, что названные войсковые части только

теперь и вступили в бой и, следовательно, до этого стояли во второй или в третьей боевой линии или даже находились в резерве, а теперь были поведены в бой навстречу неприятельской фланговой атаке. Здесь мы видим ту же картину, что и на правом фланге Цезаря во время сражения при Фарсале: заранее выставленная пехота отражает фланговую атаку неприятельской кавалерии. Воспоминание об этом тактическом приеме должно было сохраниться в римской традиции. И если в данном случае даже этого не было, все же Юлиан был образованным человеком, который знал "Комментарии" Цезаря.

У Цезаря именно этот фланг, благодаря своему встречному контрудару, решает исход сражения. Страсбургское сражение протекает иначе лишь в том отношении, что подкреплениям удается на этом участке сражения восстановить равновесие, между тем как на другом фланге римляне уже одержали победу. Несмотря на бегство всадников, численное превосходство правого фланга римлян над противником все еще было довольно значительным, так что римлянам удалось, наконец, и здесь опрокинуть алеманнов, причем победивший левый фланг пришел на помощь правому.

Согласно Аммиану, римляне потеряли в этом

сражении 243 человека убитыми и среди них 4 высших командира. Эта цифра может показаться противоречащей тому описанию, которое рисует сражение крайне упорным и кровавым. Но весьма возможно, что эта цифра потерь (около 1 500 убитыми и ранеными) и была правильной. Римская конница, которая не выдержала неприятельского натиска, могла выйти из сражения почти без всяких потерь. Когда же пехота выдержала фланговую атаку противника, то сражение было уже проиграно для алеманнов и могло довольно быстро прийти к своему концу.

Король Хнодомар со всей своей свитой попал в плен к римлянам, а большая часть германского войска во время своего бегства погибла в водах Рейна.

1. В. Виганд сделал попытку подвергнуть военному анализу сражение с алеманнами в своей работе "Beitrdgen zur Landes und Volkskunde von Elsass-Lothringen", 3. Heft, 1887. Эта работа полезна, так как автор тщательно собрал и обработал материал, извлеченный из источников, но по существу затронутых вопросов она является дилетантской и неудачной. Не стоит тратить ни времени, ни труда для того, чтобы шаг за шагом разоблачать ложные и неправильные суждения и сопоставления. Автор главным образом стремиться доказать, что сражение происходило между Хюртигхеймом и

Оберхаусбергеном, почти в двух милях к западу от того места, где Рейн протекает мимо Страсбурга. Но это никак не вяжется ни с источниками, ни со стратегическим положением. Почему Юлиан после перехода, который не превышал 16 км, сделал остановку и хотел было отложить сражение на другой день? Но после перехода в 4 мили мог уже вскоре возникнуть вопрос о том, не слишком ли утомлены войска, чтобы вступить в бой. Виганд далее сам себе возражает (стр. 36), приводя указание Аммиана, что река находилась тотчас же позади германцев. Но он тут же пытается объяснить это противоречие признанием того, что в рассматриваемую эпоху Илл являлся рукавом Рейна, который находился лишь на расстоянии 8 км позади линии расположения войск алеманнов. Это возможно, но расстояние все же слишком велико, так как Аммиан (16, 12, 54) пишет об обратившихся в бегство германцах, что "они искали спасения в протекавшей в тылу у них реке, представлявшей единственное средство спасения". Почему алеманны должны были выйти дальше навстречу римлянам, что должно было стеснить свободу их передвижения? Если бы они оставались ближе к Рейну, то либо выиграли бы еще один день, во время которого к ним могли бы подойти новые войсковые части, либо же римляне принуждены были бы начать сражение, будучи утомлены очень тяжелым дневным переходом. Если же сражение происходило более чем в 12 км от Рейна, то отряды германцев, переправившиеся в течение этого дня через реку, едва ли смогли бы достигнуть поля сражения и принять участие в бою. Неправильно, что в самой равнине Рейна, как полагает Виганд (стр. 27), римлянам была

предоставлена возможность начать наступление, спускаясь с высот. Равнина здесь достаточно широка. Алеманны также могли бы найти ближе к реке опору для своего фланга, если бы они стали ее искать. Единственным недостатком этого расположения было то, что в случае поражения в тылу алеманнов оставалось лишь незначительное свободное пространство, которое не давало им возможности отступить ни вправо, ни влево, открывало лишь единственный путь – в реку. Именно так и рисуют нам расположение войск источники. Если бы сражение происходило в добрых 1 S милях или хотя бы в 8 км от берега реки, то на этом протяжении преследование, конечно, уже ослабело бы, – по крайней мере со стороны пехоты, – римские же всадники большею частью уже бежали с поля сражения и едва ли смогли бы вернуться туда к этому моменту.

2. Расположение римлян Аммиан описывает в таких словах: "Они прочно стали на месте и выстроили как бы несокрушимую стену из людей первых двух шеренг, из копьеносцев и старших в рядах" (16, 12, 20). Трудно сказать, как следует понимать отдельные выражения в этой фразе. "Старшие в рядах" – это знатнейшие из центурионов, может быть, командиры когорт, но в эту ли эпоху? О копьеносцах же и о воинах первых двух шеренг трудно говорить в IV столетии. Во всяком случае неправильной является точка зрения Марквардта, утверждающего, что здесь дело идет о расположении в три боевые линии: копьеносцы составляют первую линию, воины первых двух шеренг – вторую, а "старшие в рядах" (т.е. "пиланы", или "триарии") – третью ("Rqm. Staatsverw.", II, 372. Anmerck.l).

Заднюю линию образовывали, как это видно из хода самого сражения, корнуты и браккаты; "старшие в рядах" не являлись триариями, а "воины первых двух шеренг", как названные вначале, не могли образовывать второй боевой линии. Вероятно, Аммиан хочет как можно торжественнее описать прочность расположения римских войск и потому наряду со "старшими в рядах", т.е. с наиболее заслуженными командирами, упоминает в начале своего описания о "воинах первых двух шеренг и копьеносцах", применяя в данном случае чисто риторически эти выражения в качестве исторических реминисценций.

3. Описанные в рассказе Аммиана стратегические передвижения, предшествующие самому сражению, мало достоверны и едва понятны. Но в данном случае нам нет никакой необходимости подробнее касаться этого вопроса.

4. Аммиан очень ярко описывает, как в начале сражения германцы потребовали, чтобы их князья сошли с коней и сражались в пешем строю, чтобы в случае поражения они не смогли бы бросить на произвол судьбы простых воинов и не могли бы сами спастись. Как только Хнодомар услышал от этом требовании, он тотчас же спрыгнул с коня, а его примеру последовали остальные князья.

Но я все же не могу поверить этому рассказу. После поражения Хнодомар спасается бегством верхом на коне. Если бы он сражался в пешем строю, то он должен был бы находиться во главе клина. Трудно понять, каким образом он и 200 человек его свиты могли бы, обратившись отсюда в бегство, снова сесть на своих коней. Но если, на худой конец, это и

не является невозможным, то все же конница во всяком случае должна была бы иметь своего предводителя. И если это не был Хнодомар, то это должен был бы быть какой-нибудь другой князь. Наконец, совершенно невозможно, чтобы Хнодомар, которого этот источник уже назвал раньше полным и тучным человеком, мог бы сражаться в качестве пехотинца среди всадников. Следовательно, приведенный в такой форме рассказ, повествующий о том, что все князья сражались в пешем строю, совершенно неправдоподобен. И мы должны оставить нерешенным вопрос о том, что именно в этом рассказе является истинным.

5. Кепп в своей работе "Римляне в Германии" (Koepp, "Die Rцmer in Deutschland", S. 96) объявляет совершенно бесполезным делом выяснение вопроса о том, какова могла быть численность войска алеманнов, так как не сохранилось ни одной надежной цифры и так как имеющиеся в нашем распоряжении опорные пункты совершенно недостаточны для того, чтобы мы могли сами произвести расчет. Конечно, можно с некоторым правом сказать это, но все же, как мне кажется, Кепп недалека отходит от моей собственной точки зрения. Он также высказывает предположение, что самая низкая из дошедших до нас цифр в 30 000–35 000 алеманнов слишком высока и преувеличена, может быть, даже на десятки тысяч. Он признает, что цифра римского войска в 13 000 воинов более или менее надежна. И едва ли можно оспаривать то ограничение, которое я в данном случае сюда ввожу, а именно, что, может быть, эта цифра на несколько тысяч преуменьшена, так как она восходит к самому Юлиану, а полководцы всех эпох, как то нам

показывает опыт, в этом отношении обнаруживают некоторую слабость.

Едва ли также Кепп поверит тому, что алеманнов было менее 6 000 человек. Следовательно, вся разница заключается в том, чти их, может быть, было на несколько тысяч меньше, чем я предполагаю. Я ни в коем случае не утверждаю, что это является абсолютно невозможным, но я уверен, что это является в высшей степени невероятным. Невероятно, чтобы римляне вообще смогли победить значительно превосходившие их по своей численности войско этих диких алеманнов; это тем более невероятно, что римская конница была уже разбита; и, наконец, это невероятно потому, что, как уже было ясно сказано, Юлиан напал на противника, еще не успевшего собрать все свои силы, когда он еще думал, что сможет наверняка побить его. Конечно, можно было бы ограничиться указанием на эти факты, не выставив, наконец, как я это сделал, хотя и предположительно, какой-либо определенной цифры. Можно держаться различного мнения по этому вопросу, но всегда лучше положительным образом указывать, такую, хотя и приблизительно правильную цифру, чем наоборот – давать наверняка неправильные дошедшие до нас цифры и тут же выражать сомнение в их правильности. Иначе, несмотря на выраженное автором сомнение, у читателя все же останется неопределенный, полуосознанный образ огромной массы и, следовательно, в корне неправильное представление. Именно такое представление с того времени и до наших дней колоссально искажает самое существо факта переселения народов. Я достаточно ясно указал,

что, в сущности говоря, у меня нет никаких положительных доказательств того, что алеманны в сражении при Страсбурге насчитывали всего лишь 6 000–10 000 человек, и что здесь мною высказывается лишь предположение, обладающее некоторой степенью вероятности. Вместе с тем я вполне определенно указал, не оставляя никакого места для сомнений, на тот мотив, который заставил меня, не удовлетворяясь общими местами, дать положительные цифры. Дело здесь заключается не в том, как я это показал при проверке численности войск, участвовавших в сражении при Фарсале (т. I, ч. VII, гл. IX и след.), чтобы утверждать что-либо положительное о фактах, относительно которых мы по крайней мере ничего определенного не знаем. Но это делается ради наглядности, которая лишь тогда создается перед взором читателя, когда ему в руки дается, хотя и предположительная, но все же определенная цифра, – в особенности в данном случае, когда бороться приходится с целыми картинами мировой истории, построенными на дошедших до нас неправильных цифрах, и вытеснять их из круга представлений исторической науки. Насколько необходимо постоянно работать в этом направлении, ясно видно из того, что еще в 1906 г. в журнале "Филолог" ("Philologus") на стр. 356 такой исследователь, как Домашевский, совершенно спокойно заставляет императора Галлиена уничтожить 300 000 алеманнов, вторгшихся в Италию.

Глава III

СРАЖЕНИЕ ПРИ АДРИАНОПОЛЕ (9 августа 378 г.)

Вестготы, теснимые вышедшим из глубин Азии племенем гуннов, появились на Нижнем Дунае и предложили Римской империи заключить с ними союз. Римляне охотно приняли это предложение варваров и разрешили им переправиться через реку в надежде на то, что при помощи их сильных рук можно будет лучше защищать эту границу империи. Но вскоре между новыми союзниками начались раздоры из-за того снабжения, которое римляне должны были поставлять варварам, и готы ринулись, грабя и убивая все на своем пути, "подобно диким зверям", на римских провинциалов, живших на Балканском полуострове. К ним примкнули еще и другие орды: большая часть остготов, пришедших с той стороны Дуная, готы, которые уже в течение продолжительного времени находились на римской службе, и, наконец, беглые рабы, в частности фракийские горнорабочие.

В это время восточный император Валент был занят войной, которую он вел с персами. Первые присланные им войска с помощью тех сил,

которые прислал император Грациан, оттеснили готов вплоть до Добруджи, но не были в состоянии их окончательно одолеть. Когда же готы получили еще новые подкрепления от аланов и даже от гуннов, пришедших из-за Дуная, то римские генералы уже не осмелились удержать за собою поле сражения. Одни из них отступили к Константинополю, другие в Иллирию[14]. Лишь избранное войско, составленное из 300 воинов, набранных из каждого полка, и насчитывавшее в общей сложности 2 000 человек, осталось под командой энергичного полководца Себастиана во Фракии и пыталось захватить отдельные банды готов, грабивших страну[15].

При этом известии Валент заключил мир с персами и отправился обратно со всеми освободившимися теперь войсками, которые находились в его распоряжении. В это время западноримский император Грациан, его племянник, шел к нему из Галлии со своим войском.

Готы собрались южнее Балканского хребта у Бероа (Стара Загора), – там, где кончается дорога, выходящая из Шипкинского перевала.

Задачей обоих римских императоров было сперва соединиться, чтобы затем при помощи своих объединенных сил дать готам сражение.

Задачей же готов было помешать объединению обоих римских войск и разбить в одиночку либо одно, либо другое войско.

Грациан шел по большой дороге, направлявшейся вдоль Дуная, а затем через теперешнюю Сербию, мимо Филиппополя, вдоль Марицы к Адрианополю и далее к Константинополю. Поэтому готам было бы очень легко встать на их пути где-нибудь в окрестностях Филиппополя, чтобы разделить своих противников. Но этот маневр едва ли бы им удался. Римляне еще не разучились искусству укреплять лагеря. К тому же оба римские войска, идя вокруг готского войска, осторожно прикрываясь и опираясь на укрепленные города страны, без сомнения, нашли бы способ соединиться друг с другом, не дав в то же время противнику возможности перейти в наступление. А если бы готы так плотно залегли в каком-либо горном проходе, что они его совершенно заперли бы, то все же римлянам какими-либо окольными путями всегда удалось бы пройти мимо них, не говоря уже о возможности того, что им, может быть, кроме того удалось бы со своей стороны напасть на готов одновременно с двух сторон. Поэтому попытка готов таким образом разделить римлян оказалась бы для римлян только

благоприятной, – тем более, что готы в это время не смогли бы расширить сферу действия своих войск и принуждены были бы, таким образом, избавить страну от своих разбойничьих набегов.

И мы должны будем признать в предводителе готов Фритхигерне стратегический талант, если только вдумаемся в то, каким образом он при этих условиях приступил к выполнению своей задачи и повел свой народ к победе.

Он расположил свое войско не между двумя римскими армиями, а оставил большую дорогу, шедшую вдоль Марицы, совершенно свободной и даже отступил еще дальше к востоку от Берса, на Кабилэ (Ямболи)[16].

Когда же Валент начал продвигаться дальше по долине Марицы, от Адрианополя по направлению к Филиппополю, то до него вдруг дошла неожиданная весть, что готы появились в его тылу близ Адрианополя и угрожают дороге, ведущей на Константинополь. Кажется даже, что готские всадники внезапно появились в самом тылу римского войска на марицкой дороге, так что могло показаться, что готы хотели отрезать императора от Адрианополя.

При этом известии Валент повернул обратно. Готы, появившиеся на марицкой дороге, оказались лишь рекогносцировочными патрулями.

Римляне без боя снова достигли Адрианополя.

Теперь Валент мог бы здесь спокойно остановиться и дожидаться прибытия второго римского войска. Хотя в этом случае готы своим коротким наступлением ничего не выиграли бы, но ничего и не потеряли бы. Они никогда не смогли бы непосредственно помешать соединению римских армий, а если бы они не захотели решиться на сражение с соединенными силами обоих императоров, то смогли бы из Фракийской равнины так же хорошо отступить к Нижнему Дунаю, как и со своих позиций при Бероа. Но удар в тыл противника дал им также и другие преимущества; они разорвали теперь ту линию связи, по которой к войску Валента подвозилось снабжение, и смогли разграбить богатую область Фракии вплоть до самого Константинополя, – ту область, которая меньше всего была затронута военными бедствиями и нуждой. Нельзя себе представить другого более резко действующего средства, которое должно было побудить императора дать преждевременное сражение еще до прибытия Грациана, чем эта операция готов в его тылу. И даже нельзя считать невозможным тот факт, что это сражение стало неизбежным, так как готы, благодаря занятой ими позиции, отрезали римлян от подвоза снабжения.

Наши источники утверждают, что Валент позволил уговорить себя дать сражение вследствие зависти к своему племяннику Грациану, который только что одержал победу над одним алеманнским племенем – лентиензами. Льстецы побудили императора совершить этот необдуманный шаг. Вполне естественно, что после поражения люди могли с отчаянием и с негодованием спрашивать друг друга, каким образом император мог вызвать противника на бой, не дождавшись второго войска, которое уже к тому времени находилось в Верхней Мезии (Сербии). И кто может знать, играла ли на самом деле зависть какую-нибудь роль при принятии этого решения? И если бы даже мы признали, что имеем у Аммиака свидетельство, исходящее из самого интимного окружения императора, то все равно – кто смог бы распознать мотивы этого поступка вплоть до его самых индивидуальнейших оттенков? Ясно лишь то, что Валент, призвав на помощь своего племянника в тот момент, когда тот находился уже поблизости от него, не начал бы решительного сражения, если бы он не был убежден в том, что к этому вынужден, или если бы он не был твердо уверен в своей победе. Я считаю, что рассказ о том, что зависть явилась причиной этого поступка,

является простой адъютантской сплетней.

Мы узнаем, что численность готов, как это было сообщено императору, не превышала 10 000 человек. Скорее в этом сообщении, нежели в мнимой зависти ко второму императору и в лести придворных и следует искать побудительную причину, заставившую императора принять решение дать бой. Неужели император, располагая превосходными силами, мог спокойно и не принимая никаких мер смотреть на то, как варвары обращали в пепел цветущую провинцию перед воротами его столицы?

Фритхигерн применил затем еще и другой способ для того, чтобы, заманив императора, вызвать его на бой. Он отправил христианского священника (можно спросить, не был ли это, может быть, даже сам Вульфила) в римский лагерь и предложил императору мир на том условии, чтобы готам была предоставлена и уступлена провинция Фракия со всем скотом и всем хлебом. Наряду с официальным посланием это духовное лицо везло с собой также и секретное письмо герцога, в котором тот советовал императору двинуться вперед со всем своим войском, чтобы этим внушить к себе уважение со стороны готов и настроить их в пользу мира.

Если бы Валент не был на самом деле убежден

в том, что численность его войска значительно превосходит силы противника, то военная хитрость готов, конечно, была бы слишком неуклюжей для того, чтобы, заманив его, побудить к преждевременному сражению еще до прибытия Грациана. Но при тех взглядах на положение вещей, которые царили в римской главной квартире, послание Фритхигерна уже совсем не показалось таким неестественным. Мы даже можем задать вопрос: не было ли это послание по крайней мере наполовину честно задумано? Ведь тщеславие готов еще не шло дальше того, чтобы быть на положении хорошо оплачиваемых и снабжаемых наемников римлян, а впоследствии, действительно, пришли к соглашению, основанному на условиях, совершенно подобных тем, которые в данном случае предлагал Фритхигерн. Однако, нуждается в разъяснении вопрос, каким же образом император мог склониться к тому, чтобы заключить подобный мир. Римский авторитет и личный престиж самого императора были бы непоправимым образом подорваны, если бы варварам, вместо наказания и мести за те страдания, которые они причинили, была бы еще помимо того отдана провинция. Если бы Валент чувствовал себя слишком слабым для выполнения

этого дела, то он мог бы дождаться помощи Грациана.

И, действительно, мы видим, что Валент отклонил предложение начать мирные переговоры, а вместо этого выступил вперед против готов. Все указывает на то, что Валент был уверен в своей победе, независимо от того, хотел ли он во всяком случае разбить готов или же, выступив со своими превосходными силами, заставить их заключить мирный договор.

После того как на следующее утро Валент выступил против готов, во время его марша еще два раза появлялись послы от Фритхигерна, которым, впрочем, не очень поверили, так как они были не знатного происхождения, а заурядные готы. В конце концов им, однако, уступили, после того как Фритхигерн предложил произвести обмен заложниками. В то время как обе армии уже находились лицом к лицу, полководец Рихомер объявил, что он готов принять на себя выполнение этого опасного поручения, тогда как другой отклонил от себя это предложение. И он уже, говорят, находился по пути к готам, когда римские войска в одном месте без приказания начали бой, и, таким образом, началось и стало постепенно развертываться общее сражение.

Этот рассказ не обладает большим внутренним

правдоподобием. Хотя является вполне понятным, что Фритхигерн еще раз выслал послов, – или затем, чтобы, выказав свой мнимый страх, еще больше побудить римлян к нападению, или для того, чтобы этими переговорами выиграть еще некоторое время, так как еще не прибыли на место отряды всадников, посланные под командой Алатея и Сафракса для доставки фуража и вернувшиеся обратно как раз перед самым началом сражения. Но вместе с тем встает вопрос относительно Валента, почему он согласился на обмен заложниками.

Возможно, что хотя он и не стремился к заключению мира на условиях отдачи провинции, но все же хотел вести переговоры, с целью привлечь и удержать готов до тех пор, пока прибудет Грациан. Но это же самое можно было бы сделать с большей безопасностью, находясь в укрепленном лагере. Ведь если император боялся, что готы от него ускользнут, и лишь теперь, когда они уже не могли от него уйти, согласился на обмен заложниками, совсем не предполагая отдать варварам Фракию в виде награды за их злодеяния, но делая это лишь для того, чтобы их успокоить, привлечь к себе и выждать между тем прибытия Грациана, – то все же остается открытым вопрос, почему Валент не приказал сделать остановку

раньше.

Можно еще предположить, что, будучи до этого времени уверенным в победе, он в последнюю минуту убедился в том, что недооценил сил готов и что они гораздо сильнее, чем он это предполагал раньше. Но такая перемена в настроении Валента, конечно, не могла бы быть совершенно обойдена молчанием в наших источниках и раньше всего тотчас же вызвала бы приказ о приостановлении дальнейшего продвижения войск. Ведь при незначительной дальности действия оружия того времени войска должны были действительно стоять на расстоянии всего лишь нескольких сотен шагов одни от других, раз они смогли, не получив приказания, начать бой. Но в таком случае римский оперативный штаб должен был бы уже давно быть осведомленным относительно действительной численности противника. Развертываясь в боевой порядок, войска продвигаются медленно. И хотя полководец во время развертывания армии не может сам видеть противника, но он все же приказывает наблюдать за ним, посылая для этого вперед своих командиров. Совершенно исключена возможность того, чтобы Валент уже за несколько часов до начала сражения не имел настолько правильного

представления относительно численности готов, насколько такое представление можно себе составить на основании оценок опытных командиров. Разве только всадники Алатея и Сафракса могли в это мгновение озадачить римлян, но в наших источниках мы нигде не находим даже малейших указаний на то, что существовала какая-либо связь между появлением этих всадников и решением Валента начать переговоры. Поэтому мы не можем сомневаться в том, что вплоть до самого последнего мгновения римский оперативный штаб был твердо убежден в своей победе. В противном случае, без всякого сомнения, войска были бы остановлены несколько ранее и были бы использованы переговоры для того, чтобы отвести войска обратно в лагерь и дождаться прибытия западно-римской армии. И если Валент все же в самое последнее мгновение – или, вернее, тогда, когда было уже слишком поздно, – принял предложение противника произвести обмен заложниками, то это можно объяснить лишь тем, что перед лицом наступавших готов у него уже не выдержали нервы, тем более, что в нем, вероятно, уже с самого начала происходила внутренняя борьба, и он долго не мог решить вопрос, не следует ли лучше дождаться Грациана.

Из наших источников мы абсолютно ничего не можем извлечь относительно тактического хода сражения. Мы узнаем лишь о том, что готские всадники при первой же атаке опрокинули римских (это были по большей части арабы, которых Валент привел вместе с собою из Сирии), и что затем в грандиозной бойне римское войско было почти совсем уничтожено. Сам император исчез, и никто не знал, каким образом он погиб.

Неправильно было бы, исходя из значительных размеров поражения, сделать вывод о крупном превосходстве сил готов. Ведь в данном случае достаточно вспомнить не только о сражении при Каннах, но и вообще о том, что в древности разбитое войско обычно терпело очень большие потери и могло быть без труда совершенно уничтожено.

И если даже мы не можем извлечь тактический вывод из описания этого сражения, – если военно-политическая связь событий остается для нас неясной, – то все же это сражение представляет для нас большой интерес с точки зрения военной истории, так как она прежде всего снова показывает нам в германском князе природного стратега. Затем она представляет для нас особенный интерес по той цифре, которую содержит сообщение о численности готов, а

именно – не более 10 000 человек, что именно и побудило римского императора предпринять свое наступление.

Аммиан, в рассказе которого сохранилось свидетельство об этом сообщении, прибавляет к нему, что оно было неправильно, но не указывает какова же была на самом деле численность готской армии. Так как он лишь во вступлении к своему рассказу говорит об огромных массах людей, переправившихся через Дунай, и так как другой писатель той эпохи Евнапий (гл. 6) определяет численность готского войска почти в 200 000 боеспособных воинов, то современные историки решили, что эти 10 000 воинов были не чем иным, как какой-либо головной частью авангарда, каким-либо его передовым отрядом. Но этого совершенно нет у Аммиана, и такого рода соображение совершенно исключается всем ходом событий. В нашем источнике говорится, что римские патрули уверяли, будто бы вся та армия, которую они видели, не превышала своей численностью 10 000 человек. Это сообщение побудило императора напасть на противника. Если бы это сообщение следовало понять в том смысле, что патрули из какой-то неопределенной большой войсковой массы видели своими собственными глазами лишь 10 000 человек, то не

имели бы никакого смысла слова Аммиана "неясно, по какой ошибке", добавленные им к этой фразе, а также внезапно принятое императором решение. Это сообщение могло заключать в себе лишь то, что из огромной, как предполагали, массы варваров, здесь, при Адрианополе, на этом месте находилось не более 10 000 человек.

Но это сообщение было ошибочным, говорит Аммиан. Если это и было так, чему мы можем поверить, то все же эта ошибка должна была бы быть ограничена какими-то определенными пределами. Это войско, на которое напал Валент, полагая, что перед ним находится 10 000 человек, не могло на самом деле насчитывать 100 000 или даже 200 000 человек.

Не выдерживает критики и то предположение, что Валент рассчитывал захватить здесь неприятельский летучий партизанский отряд, в то время как главные силы готов находились где-то в другом месте, и нечаянно, ничего не предполагая, именно на них-то и наткнулся. Посольства Фритхигерна доказывают, что это был не только простой летучий партизанский отряд. Весь рассказ Аммиана должен был бы в таком случае звучать иначе, и ошибка должна была обнаружиться уже во время наступления. Ведь

готы, начав переговоры, дали тем самым римлянам двойное время и двойную возможность для отступления. Римский император вплоть до самого начала сражения не мог быть осведомлен о своей ошибке.

Таким образом, ясно, что Валент шел на сражение, уверенный в том, что противник, – и притом его главные силы под начальством их, герцога Фритхигерна, который сам находился тут же и даже высылал парламентеров, – насчитывает приблизительно 10 000 человек. На самом деле он был сильнее, уверяет нас Аммиан, но это "сильнее" ни в каком случае не могло обозначать тройного или хотя бы даже двойного перевеса сил, так как даже 20 000 человек вместо 10 000 уже являются такой разницей, которую должны были бы заметить римские командиры во время наступления римского войска. Крайне невероятно, чтобы при такого рода наблюдениях не раздались голоса, которые советовали бы лучше обождать прибытия Грациана. А если бы такие голоса раздавались, то, конечно, наверняка кое-что из этого сохранилось бы в традиции и дошло бы до нас в подробном рассказе Аммиана, ибо после несчастья ничто столь усердно не подчеркивается, как возгласы людей, предостерегавших и оказавшихся правыми. Но мы в нашем источнике

ничего подобного не находим, даже положительного утверждения, что численность готов значительно превышала 10 000 человек, а, наоборот, обнаруживаем лишь самую общую фразу о том, что это сообщение было ошибочным. Поэтому ошибка эта никоим образом не могла быть особенно значительной. В сущности говоря, здесь дело шло лишь о той части конницы, которая присоединилась к готам в самый момент начала сражения. Таким образом, готы насчитывали, может быть, 12 000 или, в крайнем случае, мы могли бы сказать, 15 000 человек.

Этот вывод подтверждается фразой в рассказе Аммиана, в которой говорится, что римляне при своем наступлении заметили неприятельское круглое укрепление, сделанное из телег ("завидели телеги неприятеля, которые, по донесению лазутчиков, были расставлены в виде круга"). Совершенно так же описывает Аммиан (31, 7, 5), говоря о походе предшествовавшего года, укрепление готов, сделанное из телег ("оградив себя в виде круга огромным количеством телег"). Не устанавливая каких-либо точных границ, все же можно сказать, что такое укрепление, сделанное из телег, может всегда заключать внутри себя лишь очень небольшое войско. Потребовалось бы много дней для того, чтобы

составить в один круг десятки тысяч телег, да к тому же это было бы вообще невозможным делом вследствие неровностей почвы. Равным образом при выступлении войско потеряло бы всякую возможность свободно передвигаться. Даже во время нахождения войска внутри лагеря каждый отдельный воин был бы при такой величине круга настолько удален от своей телеги, от своего находящегося в ней имущества и от своего скота, что исчезли бы не только всякий порядок, но и какая-либо возможность пользоваться этим войском. Если бы войско, состоящее из нескольких десятков тысяч человек, захотело укрепиться позади своих телег, то оно должно было бы построить из этих телег несколько укреплений. Но из текста Аммиана видно, что в каждом из приведенных выше случаев дело шло лишь об одном укреплении, сделанном из телег.

Дальнейшее подтверждение нашего вывода мы находим в передвижениях готов. Они двинулись на Кабилэ к Адрианополю. Через горы, лежащие между этими двумя пунктами, в настоящее время проходят две дороги, идущие правее и левее р. Тунджи, но не по самой долине реки, а часто даже на довольно далеком расстоянии от нее[17]. Восточную дорогу в 1829 г. использовал ген. Дибич, и этот его поход, совершенный в

августе, т.е. в то же самое время года, когда вестготы совершали свой путь, описывает нам Мольтке в своей истории этой войны (стр. 359): "По ту сторону Папаскои (Попово) местность становится более гористой и пересеченной. Здесь по большей части возвышаются совершенно обнаженные скалы, так что путь по этим раскаленным камням был крайне труден. Турки разрушили здесь все колодцы и источники, которые в этой местности дают влагу путнику и этим его так ободряют; поэтому здесь царил ощутительный недостаток в воде. Наконец, после 4-мильного перехода достигли городка Буюк-Дербент, где заночевали и отдыхали в течение всего следующего дня. 7-й корпус сделал остановку уже в Кучук-Дербенте. Русские в этой дикой каменистой пустыне страдали сильнее, чем при переходе через Балканы. Жара была нестерпимая, и лихорадка начинала все сильнее свирепствовать в войске. Буюк-Дербент (или большой горный проход) является очень трудно проходимой теснины". Относительно второго – западного – пути Мольтке говорит (стр. 358), что он был значительно менее труден. Но этот путь проходит по правому берегу Тунджи, которая близ Адрианополя соединяется с Марицей и через которую можно переправиться лишь при помощи

моста (стр. 361).

Из этих дорожных условий, которые в те времена по существу должны были быть приблизительно такими же, можно сделать вывод, что готы для своей операции располагали лишь одной дорогой, а именно – восточной, проходящей по левому берегу Тунджи через Буюк-Дербент. Они не были в состоянии ни разделить свои силы и использовать одновременно обе дороги, ни со всем своим войском пройти по западной дороге. Горные проходы на расстоянии приблизительно от 3 до 4 миль к северу от Адрианополя ведут собственно из гор в холмистую местность, переходящую постепенно в волнистую равнину, среди которой и лежит этот город. Выходы обеих дорог из гор лежат друг от друга на расстоянии приблизительно двух миль, и между ними протекает Тунджа. Корпус готов, шедший по западной дороге, – если бы римляне благодаря какой-либо случайности заранее узнали об его выступлении, – был бы открыт для флангового удара или же мог бы непосредственно при выходе из горного прохода натолкнуться на главные силы противника. Тогда он имел бы в своем тылу глубокую Тунджу, которая его отделяла бы от другой половины войска. Это препятствие

оказалось бы для него очень неудобным и в том случае, если бы римское войско еще не прибыло сюда. Согласно Аммиану, готы двинулись по направлению к адрианополь-константинопольской дороге и потому должны были бы для этой цели сперва переправить через Тунджу тот корпус, который шел по западной дороге.

Поэтому Фритхигерн, идя одновременно по обеим дорогам, не мог бы знать, не натолкнется ли он тотчас же при выходе на римское войско, а также не мог бы узнать и того, что его правая колонна опрокинута раньше, чем к ней могла бы прийти на помощь левая. Но если бы он шел лишь по одной дороге, и если бы Валент со своим войском был уже на месте, то самые передние эшелоны готов принуждены были бы вступить в бой раньше, чем им могли бы помочь задние, находившиеся позади на расстоянии одного или двух дневных переходов. Лишь в том случае, если войско было настолько мало, что ему хватило бы одной дороги, и если бы колонна растянулась не больше, чем на один дневной переход, готы могли бы отважиться на свое наступление, так как лишь в таком случае они могли бы рассчитывать, что их войско сможет быстро продвинуться вперед и будет уже готовым к бою к тому времени, когда

подойдут римляне.

Небольшое войско не в состоянии выполнить то, что может сделать большое войско, но и большое войско не может сделать всего того, что в состоянии выполнить небольшое войско.

Дибич, согласно Мольтке, воспользовался в 1829 г. для своего наступления на Адрианополь восточной дорогой, чтобы не быть вынужденным переправляться через реку поблизости от этого города и чтобы прикрыть этой рекой свой правый фланг от каких-либо действий противника со стороны Филиппополя. Точно в таком же положении находились готы в 378 г. Они хотели, пройдя мимо Адрианополя, выйти на константинопольскую дорогу. Когда они выступили из Кабилэ, Валент либо еще стоял близ Адрианополя, либо же выступил по направлению к Филиппополю, двигаясь по дороге, тянувшейся вдоль долины р. Марицы. Если бы он благодаря какой-либо случайности мог очень рано узнать о наступлении готов, то даже в этом последнем случае он мог бы вновь появиться перед ними близ выхода западной тунджской дороги из горного прохода и оказаться для них чрезвычайно опасным как здесь, так и при переправе через реку. Напротив того, идя по восточной дороге, готы могли бы быть сравнительно уверены в том,

что им удастся спокойно выйти из горного прохода и что римляне не смогут им в этом помешать.

Мы должны признать, что готы при своем наступлении, конечно, не тащили вместе с собой всего своего обоза, который должен был достигнуть огромных размеров вследствие добычи, состоявшей из ценных предметов, скота и рабов. Они должны были его оставить под особым прикрытием несколько далее к северо-востоку, на некотором расстоянии от тогдашнего театра военных действий. Кроме того, отдельные отряды могли в это время находиться близ войска; так, например, войско Грациана заметило один отряд аланов и вступило с ним в бой. Некоторое количество слуг и в особенности много женщин, а, следовательно, и детей сопровождало главное войско во время его похода, так что если в нем и не было полных 15 000 воинов, то все же оно, наверное, должно было насчитывать 30 000 человек и, следовательно, вместе со своими телегами растянуться на дороге на протяжении целого дневного перехода.

Вернемся отсюда еще раз к решительному моменту сражения. Из наших источников не видно, что именно решило исход сражения для готов, – другими словами, почему их конница

оказалась способной одержать такую безусловную и окончательную победу над конницей римлян и почему римская пехота не смогла снова восстановить положение, как она это сделала при Страсбурге. При Страсбурге, как мы это можем допустить с большой долей вероятности, на стороне римского войска было значительное численное превосходство. Но относительно адрианопольского сражения мы должны признать, что численное различие в ту или в иную сторону было во всяком случае не очень большим. Когда было получено сообщение, что неприятель насчитывает лишь 10 000 человек, то Валент счел себя совершенно уверенным в победе. Следовательно, его войско было на несколько тысяч человек сильнее, и Аммиан ясно нам говорит, что оно было многочисленным и боеспособным.

Так как нельзя обнаружить непосредственно военных оснований для абсолютного поражения одной стороны, то можно предположить, что некоторую роль в этом деле сыграла внутренняя политическая слабость Римской империи, – другими словами, измена или по крайней мере недостаточно добрая воля.

Когда император Юлиан внезапно погиб в Месопотамии и войско избрало императором

сперва Иовиана, а затем Валентиниана, то последний упустил из виду, что хотя Юлиан и умер бездетным, но все же ушел из жизни, оставив наследника. Еще существовал потомок рода Константина по боковой линии, двоюродный брат Юлиана, по имени Прокопий, который, защищая свои права, был, наконец, побежден, но к которому население столицы, Константинополя, обнаружило такую сильную симпатию, что для нового императорского дома создалось напряженное положение, продолжавшееся оставаться в течение продолжительного времени[18]. Далее, император Валент был убежденным арианином, и когда первые полководцы, отправленные им против готов, вернулись обратно разбитыми, то они ему в лицо сказали, что их несчастье объясняется тем, что император не исповедует правильной веры[19]. Когда он выступал из Константинополя, то навстречу вышел священник и потребовал от него, чтобы он вернул истинно верующим захваченные у них церкви, угрожая ему, что если он их не вернет, то не вернется живым из похода[20]. А в Константинополе говорили друг другу, что, так как его обругали в амфитеатре, он поклялся после своего возвращения сравнять с землей столицу[21]. Все эти рассказики, сохранившиеся в

писаниях церковных писателей каждый в отдельности, не особенно достоверны. И даже сообщение одного их этих писателей, Сократа, положительно утверждающего, что конница изменническим образом не принимала участия в сражении, мы едва ли можем считать настоящим свидетельством источника, так как у Аммиана ничего не говорится об измене. Но все же совершенно очевидно, что авторитет правившего императора Валента подвергался нападениям с двух сторон и был очень непрочен. Поэтому нельзя совершенно отвергнуть мысль о том, что исход сражения при Адрианополе, имевшего столь неизмеримое значение, был обусловлен не чисто военными, но политическими причинами, – причинами, связанными с внутренней римской политикой.

Критические основы для понимания этого сражения заложены в статье Вальтера Юдейха (Walther Judeich, "Deutsche Zeitschrift fьr Geschichtswissenschaft", Bd. 6, 1891). Недавно вопрос об этом сражении подвергся исследованию в диссертации Фердинанда Рункеля (Ferdinand Runkel, "Berliner Dissert.", 1903). Нашим главным и почти единственным источником является рассказ Аммиана. Однако, хотя он и был командиром, но его описание сражения, по выражению Вейтерсхейма, "изложено скорее в стиле романа, чем в военном стиле". Работа

Юдейха в части своих военных рассуждений недостаточна и часто совершенно неправильна, но ее большая заслуга в том, что она ясно и правильно фиксирует те географические соотношения, о которых в данном случае идет речь, и что она при этом устанавливает, каким образом Аммиан неправильно понял то лицо, на которое он сам ссылается, и каким образом эта ошибка должна быть исправлена. И в этом направлении надо лишь пойти немного далее, чем это сделал сам Юдейх.

В описании Аммиана имеется противоречие. Аммиан говорит, что император, выступив из Константинополя, сперва расположил свой главный оперативный штаб в Мелантиаде, в 3–4 милях от столицы, а затем отправился в Нику, расположенную в 3 S милях от Адрианополя. Отсюда полководец Себастиан "форсированным маршем" поспешил к Адрианополю. Так как дело идет лишь об одном дневном переходе, то это выражение может ввести в заблуждение.

Непосредственно после этого Аммиан заставляет императора вторично выступить из Мелантиады, и тотчас же после этого мы узнаем, что противник хотел ему отрезать пути подвоза провианта, но что Валент отразил эту попытку, выслав вперед лучников и всадников. После этого варвары в течение трех дней идут на Нику. Валент узнает, что противник насчитывает лишь 10 000 человек и двигается лишь к Адрианополю, чтобы дать неприятелю сражение.

Если варвары уже стояли при Нике, которая находится между Мелантиадой и Адрианополем, то каким образом Валент, уже находясь на пути из Мелантиады, мог затем попасть к Адрианополю? И

каким образом варвары могли ему отрезать пути подвоза продовольствия, стоя перед ним?

Совершенно ясно, что Аммиан не имел ясного представления относительно географического расположения театра военных действий. Его вина не так велика, как нам это может показаться на первый взгляд. Мы опять можем провести современные аналогии, чтобы показать, что такие случаи нельзя ни в какой мере считать неслыханными.

С И. Г. Дройзеном случилось, что, описывая операцию, которая в феврале 1814 г. привела к ужасному поражению на Марне, он заставил силезское войско в течение двух дней подряд проделывать тот же самый переход. А. Трейчке в своем введении в историю сражения при Лейпциге помещает Мерзебург к северо-западу от Лейпцига. Как прирожденный саксонец, к тому же в течение ряда долгих лет живший в самом Лейпциге, он, как обычно аргументируют наши филологи, должен был бы знать, что к северо-западу от Лейпцига находится Халле и что Мерзебург, расположенный лишь в трех милях от Лейпцига, находится от него почти прямо в западном направлении. Но ошибка уже имеется налицо, и совершенно невозможно, как это любят делать наши лишенные метода исследователи в области древней истории, истолковать эту ошибку каким-либо искусственным образом. Эту ошибку нужно попросту констатировать и исправлять. Совершенно так же обстоит дело и с данным местом у Аммиана.

Прежде всего ясно, что Валент не мог свои передовые отряды выслать вперед к самому Адрианополю, оставаясь в то же время с главными

силами своей армии у Мелантиады, находящейся в 26 милях от него.

Согласно Евнапию (стр. 78) и Зосиме (IV, 28), Себастиан не только командовал авангардом войска, находившегося под личным начальством Валента, но уже в течение долгого времени до этого с 2 000 избранных воинов вел с успехом малую войну против готов. Этот рассказ кажется нам заслуживающим доверия, так как едва ли можно согласиться с тем, что в течение продолжительного времени по прибытия императора решительно ничего не делалось для отражения грабителей. Поэтому выше я не побоялся скомбинировать вместе рассказы Аммиана и двух других писателей относительно действий Себастиана[22].

Но как бы то ни было, вполне естественно, что Валент задержался близ Константинополя на возможно короткий срок и затем быстро двинулся вперед, для того чтобы защитить страну и оказать помощь Себастиану. Поэтому правильным является сообщение о первом выступлении императора и ошибочным – сообщение о втором. Самым простым исправлением этого места явилось бы следующее. Второе выступление было предпринято не из Мелантиады, а из того пункта, который, как уже указано, был достигнут войском, т.е., следовательно, из Ники, причем войско, само собой разумеется, выступило по тому пути, который вел навстречу другому римскому войску, т.е. через Адрианополь на Филиппополь. Тот факт, что Валент действительно шел по этому пути и что он уже миновал Нику, доказывается тем обстоятельством, что готы

двинулись на Нику. Если бы Валент еще находился здесь, то это тотчас же привело бы к столкновению.

Если же вместо этого Валент быстро двинулся на Адрианополь, с целью нанести удар противнику, то он ни в каком случае не мог прийти со стороны Ники, ибо такое взятое им направление увело бы его от готов. Этот его маневр можно понять лишь таким образом, что он уже прошел мимо Адрианополя и теперь возвратился обратно. Именно этот факт был правильно понят Юдейхом, хотя Аммиан и не отдавал себе ясного отчета в этом обстоятельстве.

Теперь становится ясным также и то, каким образом готы могли отрезать римлянам пути подвоза продовольствия. Ведь отрезать путь можно лишь позади войска, а не впереди его. И наоборот, в то время как Валент стоял у Адрианополя, к нему прибыл посланный Грацианом полководец Рихомер. Каким же образом могло это произойти, если бы готы находились перед войском Валента?

Я приведу здесь целиком соответствуйте главы Аммиана. Читая их подряд, можно убедиться, как легко внести в них необходимые исправления .

"Приблизительно в эти же дни Валент выступил, наконец, из Антиохии и, совершив продолжительный путь, прибыл в Константинополь. Там он оставался лишь в течение очень немногих дней и имел при этом некоторые неприятности вследствие восстания жителей. Командование пехотой было передано Себастиану – полководцу, известному своей осторожностью, который незадолго до этого был прислан по его просьбе из Италии. Эту должность ранее занимал Траян. Сам же Валент, отправившись в Мелантиаду, старался там расположить к себе солдат

выдачей жалованья и продовольствия, а также многими льстивыми речами. Объявив о походе приказом, он оттуда прибыл в Нику – так называется этот военный пост. Там он узнал из донесений разведчиков, что варвары, нагруженные богатой добычей, вернулись из района Родопа в соседство Адрианополя. Варвары же, узнав, что император движется с крупной армией, стали спешить соединиться со своими соплеменниками, которые укрепились около Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ, набрав из отдельных полков по 300 человек, как можно скорее отправиться туда, чтобы совершить нечто полезное для государства, как он и сам это обещал. Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, то ворота были закрыты и ему не дали войти в город. Защитники города боялись, не взят ли он неприятелем в плен, не явился ли он в качестве подосланного и не стремится ли он сделать что-нибудь на гибель городу, как это случилось с комитом Актом, которого войска Магненция взяли в плен обманом и при его помощи открыли себе бывший укрепленным проход через Юлиевы Альпы. Когда, наконец, хоть и поздно, признали Себастиана и разрешили ему войти в город, он, позаботившись, чтобы была предоставлена пища и отдых тем войскам, которые он привел с собой, на другое утро выступил для тайного набега. Уже наступал вечер, когда внезапно были замечены грабительские отряды готов близ р. Гебра. Находясь некоторое время под прикрытием возвышенностей и порослей, глубокой ночью, соблюдая тишину, он напал на неприятеля, не успевшего выстроиться. Он нанес противнику такое

поражение, что, за исключением немногих, которых спасла от смерти быстрота ног, погибли все стегальные, и отнял у неприятеля бесчисленную добычу, которую не смогли вместить ни город, ни просторная равнина. Фритхигерн был потрясен этим событием и боялся, как бы полководец, отличавшийся, как он это часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями своевольно рассеявшиеся и занятые грабежом отряды готов. Отозвав всех назад, он быстро отступил к городу Кабилэ, чтобы войска, находясь в равнинной местности, не страдали бы ни от голода, ни от тайных засад.

Пока это происходило во Фракии, Грациан, уведомив дядю письмом о том, как удачно он победил алеманнов, выслал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом воинов поехал по Дунаю и, пройдя через Бононию, вступил в Сирмий. Остановившись там на четыре дня, он спустился затем по той же реке к лагерю Марса, страдая в пути перемежающейся лихорадкой. На этом переходе он подвергся внезапному нападению со стороны алан и при этом потерял некоторых из своих спутников.

В эти дни Валент был взволнован двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что узнал о победе над лентиензами, а во-вторых, тем, что ему оттуда написал Себастиан, преувеличивая свой подвиг словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь каким-нибудь славным делом сравниться с юным сыном своего брата, доблести которого его раздражали. Он вел за собой большое войско, внушавшее к себе уважение и мощное, так как он присоединил к нему даже многих ветеранов и других

более высоких командиров; вступил опять в его ряды и Траян, незадолго до этого бывший магистром армии. А так как благодаря энергичным разведкам стало известно, что неприятель предполагает сильными укрепленными заставами преградить пути, по которым подвозилось необходимое продовольствие, то против этой попытки были немедленно приняты соответствующие меры: для удержания важных для нас горных проходов, находившихся поблизости, был быстро отправлен отряд пеших стрелков и всадников. В течение ближайших трех дней варвары медленно наступали, боясь нападения в трудно проходимых местах, и, разделившись в 15 милях от города, они направились к укрепленному пункту Ника. Неизвестно, по какой ошибке передовые легкие войска определяли всю ту часть множества войск, которые они видели, в 10 000 человек, и император, гонимый каким-то безудержным лихорадочным пылом, сам спешил им навстречу. Продвигаясь вперед в боевом строю, он близко подступил к предместьям Адрианополя, где укрепив свой лагерь палисадом и рвом, он с нетерпением стал ждать Грациана. Там к нему прибыл комит доместиков Рихомер, посланный этим императором вперед с письмом, в котором он извещал, что скоро прибудет. В этом письме Грациан просил его, чтобы он немного подождал участника в действиях и чтобы он необдуманно не подвергал самого себя жестоким опасностям. Валент созвал на совет несколько сановников, чтобы обсудить, что нужно сделать. Одни вместе с Себастианом, внесшим это предложение, настаивали на том, чтобы тотчас же вступить в бой, магистр же всадников, по имени

Виктор, хотя и сармат, но медлительный и осторожный человек, встретив поддержку у многих других, полагал, что нужно дождаться соправителя, чтобы, присоединив к себе подмогу от галльского войска, тем легче подавить пылкое высокомерие варваров. Однако, победило гибельное упорное решение императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые убеждали начать сражение как можно скорее, чтобы в почти уже одержанной победе, как они это думали, участником не стал Грациан".

Глава IV

ЦИФРЫ

Очень трудно правильно определить численность большого количества людей. Даже полководцу не так легко, как обычно думают, подсчитать численность войска. Конечно, было бы очень просто удовлетвориться суммированием рапортов низших командиров, но тут же встает вопрос, достоверны ли сведения этих рапортов. Не так-то просто создать и держать в порядке организацию контроля и ведения списков больных, раненых, уволенных в отпуск, откомандированных и нестроевых. Прокопий Кесарийский, описавший подвиги Велизария, рассказывает (bell. Pers., 1, 18), что персидские цари пользовались особым способом для подсчета воинов. Когда войско отправлялось в поход, то все воины друг за другом проходили мимо царя, который сидел на своем троне и близ которого стояло множество корзин. Каждый воин бросал по одной стреле в корзину, после чего корзины запечатывались. Когда же войско возвращалось после похода, то все воины опять проходили друг за другом мимо царя, и каждый воин вынимал из корзины по одной стреле. Таким образом

узнавали, какие потери понесло войско.

Эта сказочка, – менее фантастическая, чем те загоны, в которые, согласно греческой легенде, Ксеркс заставлял загонять свои миллионы, – неплохо иллюстрирует нам трудность составления надежного рапорта о численности армии. Поэтому она может нас подготовить к стоящей теперь перед нами задаче определения численности германских войск в эпоху переселения народов, согласно показаниям наших источников.

У нас нет недостатка в свидетельствах.

Требеллий Поллион указывает, что численность готов, вторгшихся в 267 г. в Римскую империю, достигала 320 000 вооруженных воинов. Ютунги (часть позднейших алеманнов), согласно тому же самому писателю, объявили императору Аврелиану, когда вторглись в Италию, что они насчитывают 40 000 всадников и 80 000 человек пехоты.

Император Проб, преемник Аврелиана, сам лично написал сенату, что он во время похода 277 г. убил 400 000 германцев.

Когда бургунды появились на Рейне приблизительно около 370 г., то, согласно Иерониму, они насчитывали 80 000 человек.

Относительно вестготов мы уже слышали от Евнапия, что они при своем переходе через Дунай

в 376 г. насчитывали 200 000 воинов.

Такова же была, согласно Прокопию (III, 4), численность остготов, когда они вторглись в Италию. А Витигес осадил Велизария в Риме, обладая армией в 150 000 человек.

Радагаис привел в Италию в 404 г., согласно Зосиме, 400 000, а согласно Марцеллину – 200 000 человек. Орозий пишет, что в этом войске, состоявшем из различнейших народов, одних готов было 200 000 человек.

Согласно Иордану, франки появились в 539 г. в Италии под начальством короля Тейдеберта в количестве 200 000 человек, но отступили без боя перед Велизарием. Согласно Прокопию (Bell. Goth., II, 28), франкские послы утверждали даже, что войско насчитывает 500 000 боеспособных мужей.

Войско Аттилы в 451 г. насчитывало, согласно Иордану, 500 000 человек, а согласно historia miscella – 700 000 человек.

Этим цифрам, определяющим численность германских войск, к которым мы можем прибавить еще ряд аналогичных цифр, вполне соответствуют такие факты, как то, что, согласно, Зосиме (II, 15), Константин привел в Италию войско, состоявшее не менее как из 90 000 человек пехоты и 8 000 всадников. Он победил

императора Максенция у Мильвийского моста, хотя тот имел не менее 170 000 человек пехоты и 18 000 всадников.

Описания источников вполне соответствуют тем цифрам, которые приводятся в этих источниках.

Аммиан пишет об алеманнах (28, 59): "Это – огромный народ. Со времени его первого выступления его ослабляли всевозможные поражения, но молодежь нового поколения так быстро подрастает, что можно было бы подумать, что этот народ в течение столетий не постигало ни одно несчастье". Вслед за тем Аммиан подобным же образом описывает численность бургундов и немного ниже (31, 4) – численность вестготов, которых он называет бесчисленными, как песок морской. То же самое пишет в 320 г. относительно франков Назарий[23].

Но теперь этим цифрам следует противопоставить иной ряд цифр, который нам рисует совершенно иную картину.

Мы сами выше уже установили, что алеманны при Страсбурге насчитывали около 6 000, максимально 10 000 человек, а вестготы при Адрианополе, может быть, от 12 000 до – максимально – 15 000 человек.

Император Зенон, как рассказывает нам его

современник Малх, однажды заключил с остготом Теодорихом Страбоном договор, согласно которому Страбон, соперник великого Теодориха, должен был поступить на службу к императору с войском в 13 000 человек, получая за это от императора жалованье и продовольствие для всей этой поставленной Страбоном армии. Судя по всему контексту, эти 13 000 человек составляли главные силы остготов.

Отец церкви Сократ рассказывает, как бургунды, жестоко теснимые гуннами, приняли христианство и благодаря силе новой религии победили 10 000 гуннов, хотя сами насчитывали лишь 3 000 воинов.

Когда Гейзерих со своими вандалами переправился в Африку, то он, согласно Виктору Витензису (I, 1), приказал произвести учет населения, который дал цифру 80 000 человек. Но тут же автор добавляет, что только неосведомленные полагали, что это число включало одних носящих оружие воинов. На самом же деле в это число входили старцы, дети и рабы. А когда, менее чем через 100 лет, император Юстиниан послал Велизария в Африку, чтобы ее снова отнять от вандалов, то войско, которое он дал Велизарию, не превышало 15 000 человек, причем даже не пришлось воспользоваться всем

этим войском. Достаточно было 5 000 всадников, чтобы нанести вандалам такое поражение, от которого они уже никогда не смогли оправиться[24].

К этому ряду цифр мы можем добавить еще и то, что вместо 98 000 человек, о которых мы уже слышали выше, другой современник Константина определяет численность армии этого последнего во время сражения у Мильвийского моста едва в 25 000 человек[25].

Совершенно ясно, что те два ряда цифр, которые мы здесь сопоставили, взаимно исключают друг друга. Если в IV и в V столетиях существовали армии, насчитывавшие многие сотни тысяч воинов, то корпуса в 10 000–25 000 человек не могли одерживать таких решительных побед, как у Мильвийского моста и при Адрианополе. Историки с давних времен ощущали эту невозможность, но так как необходимо было произвести выбор, то они высказались не в пользу второго, но в пользу первого ряда цифр[26]. Казалось, что довольно легко доказать неправильность цифр второй группы, истолковав данные тексты соответствующим образом. Панегирист, указывавший, что у Константина было менее 25 000 человек, на самом деле был именно панегиристом. Отец церкви, писавший,

что у бургундов было всего 3 000 воинов, хочет доказать, что благодаря христианской вере даже слабый становиться сильным. Епископ, утверждавший, что Гейзерих, приведя свою мнимую цифру в 80 000 воинов, смошенничал, дав неправильные сведения, очень враждебно настроен по отношению к вандалам. 13 000 остготов Теодориха Страбона являются лишь очень небольшой частью их. Наконец, те 10 000 готов, о которых было сообщено императору Валенту, составляли не все войско, но лишь один его корпус. А, кроме того, Аммиан к этому ясно добавляет, что это сообщение было неправильно.

Мы же со своей стороны уже высказали противоположную точку зрения.

Более точный критический анализ сохранившихся источников показал нам, что сообщение о том, будто бы готы насчитывали при Адрианополе лишь 10 000 человек, относилось не к отдельному корпусу, но что римляне вступили в сражение, считая численность всего противостоявшего им войска готов именно в 10 000 воинов. Дальнейший ход событий показал нам, что если это сообщение и было ошибочным, то ошибка во всяком случае была весьма незначительной.

Этот вывод вдвойне подтвердился

стратегической обстановкой похода. Мы смогли установить путь, по которому шли готы, и увидели, что при тех условиях войско, состоявшее из сотен тысяч воинов, – и даже такое, которое более или менее значительно превышало бы цифру в 10 000–15 000 воинов, – никак не могло бы двигаться по этому пути. Об этом говорит и то укрепление из телег, которым окружило себя это войско[27].

Наш главный источник относительно сражения при Адрианополе – Аммиан Марцеллин хотя и не является абсолютно свободным от ошибок, но все же очень хорошо и подробно осведомленный и правдивый человек.

Поэтому установленная нами цифра численности войска, подтвержденная затем численностью войска во время сражения при Страсбурге, может считаться в пределах установленных границ абсолютно надежной. Эта цифра является решающей и для всех остальных. Хотя во всемирной истории цифры очень часто бывают весьма ненадежны, зато они обладают тем преимуществом, что поддаются взаимной проверке. Фантастические цифры, часто проникающие в историю контрабандным путем, тотчас же теряют свою силу и исчезают, как только удается обнаружить хотя бы одну

единственную действительно надежную цифру, которая дает возможность сравнения. Если готы при Адрианополе насчитывали максимально 15 000 человек, то тем самым аннулируются все исчисляемые в сотнях тысяч цифры войск эпохи переселения народов. Ведь не подлежит никакому сомнению, что вестготы были одним из самых многочисленных и мощных германских народов времени переселения. Ни остготы, ни вандалы, ни бургунды, ни лангобарды, ни Радагаис, ни Одоакр не могли быть значительно сильнее вестготов, – больше того, они должны были быть значительно слабее их.

Возможно, что в этом сражении не принимали участия некоторые части вестготского народа, так как одна его часть осталась севернее Дуная. Но эти недостающие части были замещены остготами, которые присоединились к своим соплеменникам.

Теперь представляется возможность внимательнее проанализировать также и другие цифры второй группы, которые история оставляла в стороне, не уделяя им достаточного внимания.

Те 13 000 человек, с которыми остгот Теодорих Страбон должен был поступить на службу к императору Зенону, ни в каком случае не могли быть лишь незначительной частью готского

народа[28]. Такое объяснение является не чем иным, как результатом господствующего представления о крупных массах германцев. Договор явился следствием тяжелого положения, в котором находился император, пытавшийся сыграть на взаимном соперничестве двух предводителей готов. Когда он заключал соглашение с одним из них, то этот последний в тот момент располагал значительно большими силами, чем его соперник. Если бы он позаботился только об одной незначительной части готов, то вся остальная масса тотчас же сосредоточилась бы вокруг другого Теодориха и продолжала бы войну, вместо того чтобы позволить отстранить себя от этой войны. Лишь удовлетворив это решающее большинство во главе с их предводителем, можно было бы надеяться на то, что будет внесен некоторый порядок в среду этих варваров, которые находились внутри страны и грабили ее по своему усмотрению. Если мы теперь еще раз вдумаемся в эту, несомненно, правильно переданную нам цифру 13 000, то мы не только не сочтем ее относящейся к какому-либо отдельному отряду, но скорее, наоборот, сможем заподозрить ее в том, что здесь перед нами ранний пример того явления, с которым мы постоянно будем встречаться в эпоху ландскнехтов, а именно, что

кондотьеры слишком преувеличивают цифру своих наемников, чтобы самим иметь возможность прикарманить излишек причитающегося солдатам жалованья[29]. Весьма возможно, что Теодорих, так как за ним следовали далеко не все готы, на самом деле располагал лишь 6 000–8 000 воинов, хотя и заключил договор относительно 13 000.

С такой точки зрения эта цифра явится для нас не только лишним, основанным на первоисточниках аргументом против представления о стотысячных войсках германцев, но будет также полностью соответствовать цифре вестготов, участвовавших в сражении при Адрианополе, которую мы исчислили приблизительно в 12 000 и максимально 15 000 человек.

Теодорих Амальский, встав во главе остготов, вел в Италии в течение нескольких лет войну с Одоакром, причем походы совершались в ту и в другую сторону. Однажды остгот собрал весь свой народ около Павии. Если бы он имел 200 000 воинов, то вся масса народа доходила бы до одного миллиона человек. Историки принимали этот факт с чистым сердцем и утешали себя тем, что ведь в источниках не было сказано, что все эти люди находились в городе, но лишь в

укреплении близ города[30]. Кто себе хочет составить представление о том, что означает прокормить на одном месте в течение многих недель хотя бы только 200 000 человек, – даже при помощи всех современных вспомогательных средств транспорта, шоссейных и железных дорог, денег, интендантства и поставщиков, – тот пусть прочтет воспоминания начальника отдела снабжения Энгельгардта о снабжении германской армии под Мецом в 1870 г.[31].

Перейдем теперь к бургундам. Так как мы уже отвергли свидетельство о том, что они насчитывали 80 000 человек, то мы должны проверить, нельзя ли считать правильным другое свидетельство, гласящее, что они насчитывали лишь 3 000 воинов в тот момент, когда они перешли в христианство и победили гуннов.

Ян (Jahn) в своей "Истории бургундов" оперировал с первой цифрой и извлек из нее свои выводы. Биндинг[32], более осторожный, не решается выступить за пределы общего утверждения относительно того, что "очень трудно составить себе ясное представление о численности германцев сравнительно с римлянами в романско-германских государствах". Но если мы не будем иметь ясного представления о цифрах, колеблясь между 80 000 и 3 000 воинов,

то для нас очень многое останется неясным как в событиях бургундской истории, так и в состоянии Бургундии. Достоверность последнего свидетельства о 3 000 воинов, конечно, очень незначительна. Совершенно очевидна тенденция отца церкви Сократа изобразить бургундов в своем рассказе как можно более слабыми, причем сам автор не очень хорошо осведомлен ни об этом народе, ни о том времени, когда происходили данные события. Он заканчивает свой рассказ, стоящий вне исторической цепи событий, указанием на то, что в это же время умер арианский епископ Барбас, – в 13-е консульство Феодосия и в 3-е Валентиниана, т.е. в 430 г. Указание "в это же время" во всяком случае неправильно или должно быть понято в очень широком смысле, так как бургунды перешли в христианство значительно ранее: уже вскоре после 413 г.[33]. При такой неопределенности хронологии можно – по крайней мере в качестве гипотезы – предположить, что это событие произошло еще на несколько лет позднее, а именно – после большого поражения, нанесенного бургундам гуннами в 435 г. Даже сам Сократ говорит, что бургундам до этого пришлось много претерпеть от гуннов и что многие из них были убиты.

Если же теперь мы примем, что дело

действительно шло о каком-то событии, произошедшем после 435 г., о котором Сократ слышал или читал, то цифра 3 000 приобретает для нас совершенно реальный облик. Если бы мы имели дело лишь с фантазией составителя легенды, который хотел прославить победу немногих христиан над гораздо более многочисленными язычниками, то следует поставить вопрос: почему он для этой цели не выбрал противоположного пути, т.е. не увеличил соответствующим образом численности противника? Этот способ является настолько господствующим у всех тенденциозных писателей как того времени, так и вообще всех времен, что противоположный способ резко бросается в глаза. Если бургундский народ, скажем, действительно насчитывал 10 000 воинов, то кто мог бы в этом что-либо заподозрить, если бы Сократ заставил этих 10 000 бургундов одержать победу над 30 000 или 40 000 гуннов? Но то обстоятельство, что он исчисляет силы бургундов в 3 000 человек, может быть объяснено лишь тем, что в основе этой цифры лежит положительное свидетельство. Бургунды были не группой народов, но лишь отдельным племенем. Им пришлось дважды потерпеть поражения, которые в источниках категорически названы уничтожением, –

приблизительно в 290 г. от готов и приблизительно в 435 г. от гуннов[34]. То обстоятельство, что второе поражение, имевшее место при короле Гунтере, было особенно сильным, подтверждается также и той памятью, которую оно по себе оставило и которая продолжала жить в течение столетий. Когда это племя вступило в те области, часть которых до настоящего времени носит их название, то, как говорит наш источник, это были лишь "остатки" народа, переселившегося в новые места. Принимая все это во внимание, мы принуждены сказать, что у нас нет никаких положительных оснований для того, чтобы отвергнуть цифру 3 000. Если их и было более 3 000 человек, то во всяком случае разница не могла быть слишком значительной. Если мы скажем 5 000, то это будет тем высшим пределом, до которого мы можем, дойти.

Наше исследование является интересной аналогией к подобным же исследованиям относительно "галльской войны" (bellum Gallicum). И здесь также обнаружилось, что указания Цезаря о численности галльских и германских войск не согласуются между собой. С одной стороны, правда, находится лишь одна единственная цифра, с другой же стороны – все

остальные. Перед лицом этого огромного большинства цифр историческая наука признала необходимым отдать им предпочтение и признать их достоверными, а в целях восстановления гармонии исправить текст в том единственном месте, где была приведена противоречащая им цифра. Объективное исследование тактических и стратегических приемов нам показало, что как раз наоборот – в одном этом месте истина, если так можно выразиться, вырвалась из уст Цезаря (кн. 5, гл. 34). Поэтому мы должны исходить именно из этой единственной цифры, а все остальные отвергнуть в качестве сознательных преувеличений (ср. том I, ч. VII).

В своих представлениях относительно цифровых данных численности армий человечество во все времена было и оставалось одинаковым. Когда в 1829 г. Дибич перешел через Балканы, то один офицер, посланный для рекогносцировки, доносил Осману-паше: "Легче сосчитать листья в лесу, чем головы в неприятельском войске". На самом же деле у Дибича было 25 000 человек. Об этом рассказывает нам Мольтке в своей "Истории русско-турецкого похода 1828 – 1829 гг." (стр. 345 и 349).

Говоря о переправе вестготов через Дунай,

Аммиан рисует нам яркую картину их огромного множества и при этом даже вспоминает о походе Ксеркса. Казалось, что снова вернулись те древние времена, когда персидский царь, не имея возможности пересчитать своих солдат поодиночке, приказывал при Дориске пересчитать свои войска по отрядам. Никогда с тех пор никто не видел таких бесчисленных масс, которые растекались по провинциям, покрывая равнины и горы. Так как мы уже доказали, что количество готов, произведшее такое огромное впечатление на Аммиана и на его современников, не превышало 15 000, а со всеми отдельными отрядами, может быть, 38 000 воинов, то с нашей точки зрения мы, по-видимому, можем сохранить то сравнение, которое приводит автор между походом готов и походом Ксеркса. А отсюда мы можем сделать тот вывод, что, значит, и войско великого царя насчитывало не 2 100 000, не 800 000, не 500 000 и не 100 000 воинов, но лишь всего от 15 000 до 25 000. Наши филологи – верующие люди, но так как Аммиан уже не принадлежит к числу классиков, то критические сомнения по отношению к нему позволены скорее, чем по отношению к Геродоту. А когда мы сперва на Аммиане напрактикуемся в неверии, то нам станет уже не так страшно совершить

святотатство, измерив также Геродота и его современников при помощи того же самого критического и психологического мерила, какое мы применяем к людям других эпох.

Исходя из нашего вывода, мы хотели бы еще раз вернуться к тем цифрам, которые мы установили для древнейших германских эпох, и найти связующую нить между этими двумя эпохами. Раньше считали, что за 400 лет число германцев сильно возросло, причем в этом приросте населения хотели видеть толчок к крупным сдвигам эпохи переселения народов. Мы уже убедились, что это совершенно неправильно. И в эпоху переселения народов германцы были все еще весьма немногочисленны; это обстоятельство является единственно возможным и вполне естественным, так как хозяйственные условия за это время не изменились. Германцы, как и раньше, были в первую очередь не крестьянами, но воинами. Если бы в течение этого времени их хозяйственный быт испытал существенное развитие, то должны были бы возникнуть также и города. Но германцы и в эту эпоху, как и во времена Арминия, все еще не имеют городов и, как раньше, все еще слабо привязаны к земле: они являются по преимуществу скотоводами и охотниками и лишь в незначительной мере

землевладельцами. Так как продукция предметов питания увеличилась лишь в очень небольшой степени, то вследствие этого не могла значительно возрасти и общая численность населения. Количество всего народа могло увеличиться вследствие расширения области расселения вплоть до Черного моря, но в то же время не могли в сколько-нибудь значительной мере увеличиться ни отдельные племена, ни плотность населения, которая все еще не превышала 250 человек на 1 кв. милю. Естественный прирост был незначителен, как, впрочем, у всех варварских народов, так как большая плодовитость уравновешивалась столь же большой смертностью. Этот прирост не вызывал повышения культуры, но все время толкал германцев на войны – на войны с соседями, на войну с Римом, – причем избыток населения в значительной степени поглощался римской службой.

Для определения численности отдельного войска и отдельного племени очень мешает неясность понятия племени. Исходя из числа племен, живших между Рейном и Эльбой, мы применительно к древнейшей эпохе смогли вычислить, что в среднем на каждое отдельное племя приходилось около 100 кв. миль. Каждый

житель такой области мог из любого ее пункта в течение однодневного перехода прибыть в место, предназначенное для общих собраний племени, и такое собрание, состоявшее приблизительно из 6 000 мужчин, было способно вести более или менее организованное обсуждение вопросов и принимать соответствующие решения. Но мы этим не хотим сказать, что уже в ту эпоху не существовало отдельных племен, которые занимали значительно большую территорию и насчитывали значительно большее население. Единство в таком случае обусловливалось собранием князей и хунни. Но это единство было весьма непрочным. Всегда существовала возможность того, что один или несколько родов под начальством их хунни или даже целая группа под предводительством какого-либо князя отделятся и пойдут собственным путем, а также из нескольких мелких племен или осколков племен могут образоваться новые более крупные союзы. Так же обстояло дело и в эпоху переселения народов. Одна часть остготов под предводительством князя Ведемира присоединилась к вестготам; одна часть ругиев – к остготам; вандалы распались на два племени – на силингов и асдингов, а когда они переправились в Африку, то среди них были также аланы и готы.

Поэтому невозможно принять какую-либо среднюю или нормальную цифру для исчисления отдельных встречающихся нам племен. С определенностью мы можем сказать лишь то, что войско кочующего племени никогда не могло превышать 15 000 воинов. 15 000 воинов вместе с женами и детьми образуют массу по крайней мере в 60 000, а с рабами – около 70 000 человек. Это является уже настолько крупной человеческой массой, которая не может передвигаться целиком, а должна быть подразделена на эшелоны или каким-нибудь иным способом. А так как воинов можно отделить от их семей и от их телег лишь на время, то от руководства требуются максимальное внимание и осмотрительность для того, чтобы в день сражения всех воинов по возможности объединить и держать вместе. В большинстве же случаев численность войск была в два или в три раза меньше этой цифры.

Мы исчислили население Римской империи в середине III столетия в 90 млн. человек (см. выше, стр. 166). Эта цифра является минимальной; можно даже, пожалуй, принять цифру в 150 млн. Разве мыслимо, чтобы такое громадное население могло уступить натиску варварских орд, которые не превышали 5 000–15 000 человек?

Я думаю, что во всей всемирной истории мы

не сможем найти другого более точно установленного факта, чем этот. Легендарные преувеличения цифр численности войск не давали нам до настоящего времени возможности понять этот факт. Испытывая неясное ощущение того, что здесь скрывается какая-то загадка, старались нащупать путь, но шли в ложном направлении, пытаясь объяснить поражение римлян уменьшением количества римского населения. На самом деле это не было так. Римская империя была все еще полна людей и полна сильных рук в тот момент, когда она терпела поражения от весьма небольших варварских войск. И этот факт проливает свет на предыдущее и последующее развитие мировой истории.

В I томе мы уже убедились, что самый лучший легион римских ветеранов, при всей своей дисциплине и тактической опытности, не был способен на большее, как быть приблизительно равноценным германскому отряду, насчитывавшему такое же количество воинов. Марий и Цезарь смогли преодолеть германцев лишь благодаря своему очень большому численному превосходству. Но одно лишь численное превосходство еще не дает победы. И в этом мы теперь убеждаемся. В IV и V столетиях Римская империя еще легко могла выставить

такое количество вооруженных людей, которое в десять раз превышало бы численность вторгшихся варваров. Можно было бы, пожалуй, спросить, была ли возможность прокормить такие войска при тех способах натурального хозяйства, которые установились в эту эпоху. Но мы можем даже не касаться этого вопроса, так как достаточно уяснить себе то обстоятельство, что после прихода в упадок и исчезновения постоянного войска, – дисциплинированных легионов – наспех собранные контингенты горожан и крестьян уже, безусловно, не были в состоянии сопротивляться варварам. Нет возможности дать достаточно яркое представление о том, как ужасно свирепствовали среди мирного римского населения эти готы, алеманны, франки, вандалы, аланы, свевы, лангобарды. Древняя культура обращалась в пепел, людей резали, как скот. Римляне рассказывают нам, что готы отрубали крестьянам правую руку, – ту руку, которая вела плуг, – и что лангобарды насиловали монахинь на алтарях. Но мужья, отцы и братья не имели возможности защитить ни своей собственности, ни своей семейной чести, ни самих себя. Некоторые римские магнаты, призвав к оружию своих крестьян, пытались при приближении вестготов преградить им дорогу через горные проходы в

Пиренеях[35]. Жители Оверни в течение некоторого времени храбро защищались против короля Эвриха[36]. Когда вандалы уже заняли Африку и угрожали Италии, то император Валентиниан издал эдикты, призывавшие римлян к самозащите. Эти эдикты сохранились до настоящего времени в собраниях законов. Содержание первого эдикта заключается приблизительно в следующем: сперва дается римским гражданам обещание, что их не будут в принудительном порядке привлекать к военной службе, но вслед за тем объявляется, что они обязаны строить стены и охранять стены и ворота. Вскоре после этого был издан второй эдикт, который сообщал о том, что страшный Гейзерих вышел со своим флотом из Карфагена. Населению будет оказана помощь, ибо император уже позаботился об этом, и Аэций и Сигизвульд уже находятся в пути. Но так как неизвестно и нет возможности установить, в каком месте неприятель пристанет к берегу, то граждане, не нарушая своих гражданско-сословных подразделений и степеней, полагаясь на свою силу и на свое мужество, должны взяться за оружие, чтобы охранить свою собственность и защитить страну и народное достояние, поддерживая взаимную верность, единство и сплоченность[37]. Когда Велизарий, находясь в

Риме, был осажден готами, то граждане добровольно взялись за оружие и предложили ему свою помощь. Велизарий охотно согласился на это добровольное предложение, однако, не включил граждан в боевые отряды, так как он боялся, как бы во время сражения они не поддались чувству страха и не увлекли бы за собой все войско. Поэтому он расположил их в таком месте, где они должны были лишь произвести демонстрацию, чтобы отвлечь на себя часть неприятельских войск, изображая как бы настоящий боевой отряд[38]. Насколько нам известно, это единственные случаи, когда римляне пытались бороться с германцами или хотя бы призывались к такого рода борьбе. Всем, само собой разумеется, было ясно, что перед диким натиском германского клина или германской конницы рассеются даже значительно превосходящие их римские войска. "Чем гуще трава, тем легче ее косить", – ответил Аларих римлянам, которые хотели его устрашить многочисленностью своего народа[39].

Боязливая нерешительность легионов кесаря находит свое, если так можно выразиться, последующее оправдание в событиях эпохи переселения народов. И все события последующих столетий нужно всегда рассматривать с точки

зрения безграничного превосходства профессиональных воинов над неорганизованными массовыми призывами населения, как это мы видим в эпоху переселения народов благодаря твердо установленной теперь численности войск этой эпохи.

"РАСПИСАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ" И ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК

Из эпохи Гонория сохранился до нашего времени любопытный источник – своего рода государственный справочник Римской империи – "Расписание должностей" ("Notitia dignitatum". Пользуясь этим источником, Витерсхейм пытался установить общую численность войск обеих половин Римской империи в 900 000–1 000 000 солдат. Однако, до сих пор остается нерешенным вопрос относительно того, насколько были заполнены штаты. Моммзен ("Гермес", т. 24, стр. 257) высказывается осторожнее, но все же считает, что тогдашнее римское войско достигало многих сотен тысяч человек. Если это признать правильным, то вся эпоха переселения народов нам станет совершенно непонятной. Но так как те бесчисленные легионы и прочие войсковые части, которые перечисляются в "Расписании", никогда не появляются и не участвуют в реальных войнах и сражениях, то именно поэтому они числились лишь на бумаге. Очевидно, давно исчезнувшие войсковые части все вновь и вновь переписывались из старых списков должностей,

продолжая, таким образом, свое номинальное существование. "Пограничники" (limitanei) хотя и существовали еще, но уже не были больше настоящими солдатами. Это были простые жители пограничной полосы, которых нельзя было использовать во время сражения.

Дан был очень близок к правильному пониманию отношения германцев к римлянам. В одном месте своего труда (т. III, стр. 58) он приводит цитату, в которой говорится, как готы хвалились тем, что они охраняли безопасность римлян: "Уступив часть своей территории, вы приобрели себе защитников". А к этому он добавляет: "И, действительно, осторожность и недоверие, а еще пожалуй, и более низкая боеспособность итальянцев были причиной этой снисходительности" (т.е. освобождения от военной службы). Если мы эту маленькую трещину, которая создается словами "еще, пожалуй", расширим до пределов широкого глубокого рва, то, возможно, мы вскроем истинное положение вещей.

Поэтому следует подвергнуть сомнению и даже отвергнуть многие из тех менее крупных цифр, которые до этого времени считались достоверными. Так, например, нам должно показаться сомнительным, чтобы Теодорих снабдил свою сестру Амалафриду после обручения с королем вандалов Тразамундом свитой, состоявшей из 1 000 копьеносцев и 5 000 боеспособных слуг. Такая свита была бы гораздо сильнее, чем тот корпус армии Велизария, который 30 лет спустя стер в порошок все государство вандалов.

ВАНДАЛЫ

Объективные причины и положительное свидетельство источника, а именно Виктора Витензийского, заставили нас отвергнуть цифру "80 000" воинов, с которыми Гейзерих переправился в Африку. Поэтому было бы желательно найти приемлемое объяснение для этих 80 000-х отрядов, и я думаю, что это вполне возможно. Источники передают нам, что король, желая переправиться через море, пересчитал свой народ. Едва ли этот термин является случайным. Здесь дело идет об установлении количества судов, необходимых для переправы. Поэтому считались не воины, но, как говорит Виктор, головы, и потому, без сомнения, пересчитывались также и женщины, хотя наш источник их прямо не называет. Это вполне справедливо отметил Шмидт в своей "Истории вандалов" (стр. 37). Следовательно, если в каждом отряде было 1 000 человек, то такой отряд насчитывал приблизительно не более 200 воинов и даже наверное меньше, так как цифра "1 000" округлена с некоторым увеличением; к тому же вандалы обладали очень большим количеством рабов. У Прокопия этот факт косвенно засвидетельствован другим сохранившимся указанием, а именно – указанием на то, что вся масса людей достигала лишь 50 000 человек. Эта цифра указывает, что численность 80 000-х отрядов определялась в 50 000 человек, или численность каждого отдельного отряда – приблизительно в 625 голов наличного состава. Если соответственно этому в каждом отряде было приблизительно не более 100 воинов, то ясно, что здесь мы имеем примерно то же

самое, что уже видели в древних сотнях. Моммзен в своих "Остготских исследованиях" ("Ostgotische Studien", N. Archiv, 14, 499) высказал предположение, что "хилиархи" (начальники тысячных отрядов солдат), о которых говорит Прокопий, есть не что иное, как перевод латинского титула "трибун", а отдельные части даже называются "лохами" (манипула, рота). Но этому противоречит одно место из Виктора Витензийского, которое гласит: "Был вандал из тех, которых называют милленариями (содержащими тысячу)" (1, 10). Поэтому я не считал бы невозможным, чтобы Гейзерих, прежде чем переправиться в Африку, не только попросту пересчитал свое войско и свой народ, но и подверг их реорганизации. Численность древних родов (сотен) должна была стать очень различной. Среди всей этой массы народа, вероятно, находились, помимо вандалов, аланы, готы и также другие беглые солдаты. Поэтому вполне возможно, что Гейзерих, разделив свой народ на части, образовал в некоторой степени равномерные отряды и по приблизительному количеству в них людей назвал их тысячами, может быть, даже действительно с целью введения в обман, что ему, впрочем, скорее удалось сделать по отношению к будущим поколениям, чем к своим современникам. Однако, согласно с прежними представлениями, это все же были лишь сотни.

Прокопий в таких словах (II, 3) описывает сражение с вандалами: "На каждом фланге вандалов стояли хилиархи, которые вели за собой свои лохи". Говоря дальше о подробностях, мы еще больше убедимся в том, что Прокопий очень мало понимал в военном деле. И, конечно, такой боевой порядок, при

котором "на каждом фланге стояли командиры, которые вели за собой свои полки", не только не соответствует практике военного дела, но вообще является бессмыслицей. Однако, несмотря на это, все же ясно, что именно Прокопий имел здесь в виду. Прокопий хочет сказать, что на флангах стояли тысячи, т.е. народное – призванное под оружие – ополчение, в противоположность королевским свитским отрядам, которые находились в центре, а позади них союзники – мавры.

Если мы примем, что древние сотни в большинстве случаев сильно измельчали вследствие процесса раздробления или же потерь, то все же они сохраняли внутри этих новых тысячных отрядов особое единство и особую связь, которые в момент поселения получали свое значение; это сказывалось в том, что такие группы не разъединялись, а поселялись вместе. Когда вандалы выступили из Карфагена против Велизария, то, как рассказывает Прокопий (I, 18), они шли "в бой, не построившись в какой-либо боевой строй, но симмориями, и притом небольшими". Эти симмории могли быть родовыми поселенческими группами, находившимися в составе тысячного отряда.

8 000–10 000 воинов и даже меньше являлись достаточно мощной боевой силой, чтобы основать государство в Африке и сверх того завоевать Сицилию, Сардинию и еще другие острова, – в особенности потому, что Гейзерих нашел себе союзников в самой Африке, среди местных варваров – среди тех племен пустыни, которые раньше держались в повиновении при помощи легионов. Вместе с вандалами они выступили против Рима, намереваясь

его разграбить, и даже в последних боях мавры сражались в качестве подданных или союзников Гелимера против восстановления римского господства в Африке.

Брукнер во 2-м издании своей "Истории германского права" (I, 62) хотя теперь уже и считает, что цифра 50 000 несколько преувеличена, однако, полагает, что я зашел "слишком далеко", снижая ее до 8000–10000 воинов. Этот способ аргументации, который уклоняется от того, чтобы вообще как-либо вникнуть в существо данной проблемы, кажется мне слишком дешевым.

К 3-му изданию. Л. Шмидт в "Byzant. Zeitschr." (1906, стр. 620) снова доказывает, что при народной переписи непременно должны были включить в эту цифру женщин.

Глава V

НАРОДНЫЕ АРМИИ И ИХ МИГРАЦИИ

Военно-переселенческий быт германских племен не мог не оказывать сильного обратного влияния на их общественные условия и на их политический строй. На своей родине каждый род жил в своей деревне под властью своего хунно или альтермана, которые сами принадлежали к свободным членам общины. А над племенем, состоявшим из группы таких общин, стояли одна или несколько княжеских семей, из среды которых избирался для ведения войны герцог. Германцы, конечно, могли бы обойтись этим простым правительственным аппаратом, но он уже оказался недостаточным для тех военных передвижений, которые предпринимались в эту эпоху.

Уже в древнейшие времена часто бывало, что княжество или герцогство в своем развитии превращалось в королевство, в котором укреплялась наследственная власть или которое вновь распадалось. Теперь же стала неизбежной такая правительственная форма, во главе которой в течение длительного времени должна была

стоять монархическая верхушка власти. Стратегические задачи, которые теперь ставились, постоянно находились в теснейшей связи с политикой и с теми отношениями, которые устанавливались как с другими германскими племенами, так и с Римской империей, с римским императором или с различными императорами – теми претендентами, которые между собой боролись за престол. Если германское племя в своей совокупности как некая единица, как войско, поступало на службу к правителю в Риме или в Византии, то связующим звеном становился король, который в качестве германского князя провозглашался римским полководцем. Король остготов Теодорих Великий вступил в Италию по приказу императора Зенона в качестве его "действительного начальника воинов" (magister militum praesentalis)[40].

Однако, эти новообразованные монархии отличаются одна от другой по своему характеру, и на эти отличия следует обратить внимание.

Вандал Гейзерих, стоявший во главе правления в течение половины столетия, уже через несколько лет отверг с презрением ту фикцию, согласно которой он являлся чем-то вроде наместника императора в Риме. Объявив себя суверенным властителем, он был достаточно

силен для того, чтобы совершенно самостоятельно организовать свое династическое королевство. Он издал фактически соблюдавшийся закон о престолонаследии, который устанавливал хотя и не право первородства, но все же порядок старейшинства (сениората). Последний король Гелимер был его правнуком.

Остгот Теодорих был не менее могущественным, чем Гейзерих, но он после себя не оставил ни одного сына и даже ни одного зятя. Он завещал королевскую корону своему внуку, сыну своей дочери, которую он назначил регентшей. Когда же юный король Атанарих умер, не достигнув совершеннолетия, то Амаласунта не смогла удержать и сохранить в своих руках власть. И когда в это время между остготами и императором Юстинианом разгорелась война, то остготы снова вернулись к политическому строю, основанному на выборной монархии.

Также и среди вестготов установилась выборная монархия, которая лишь в течение нескольких поколений была прервана установившимся в это время порядком наследственной королевской власти.

Но совершенно иначе развивался политический строй у франков. Государства

вандалов и готов были основаны племенами завоевателей, а государство франков было основано завоевателем-королем. Во франкском государстве основная масса германцев была бесконечно больше, чем во всех других королевствах, но большая ее часть либо оставалась жить на прежних местах, либо же продвинулась всего на несколько дневных переходов вглубь романской территории. Меровингское королевство не было военным королевством, основанным на силе войска, как государства Алариха, Гейзериха или Теодориха, но возникло лишь потому, что князю одного отдельного племени Хлодвигу Салическому удалось достигнуть того, что его признали своим королем также и многие другие родственные племена, и к тому же завоевать большую римскую область. А так как больше не существовало каких-либо общих собраний воинов, то было уже совершенно невозможно вновь вернуться к порядкам выборной королевской власти. Войска, которые избрали своими королями Витигеса, Тотилу и Тейю действительно обнимали такую большую часть всей остготской воинской массы, что на эти избрания можно смотреть как на волеизъявление всего народа. А те войска, которые собирались вокруг короля франков,

составляли со времени основания великого Франкийского королевства лишь небольшую часть всего народа франков. И так как мужская линия Меровингов сохранялась в течение столетий, то здесь смогла укрепиться наследственная династия, которая была достаточно сильна для того, чтобы пережить неоднократные разделения государства и гражданские войны.

Процесс изменения основного строя охватывает весь государственный и военный организм германцев, начиная от его вершины.

Мы определили численность вестготов в 10 000–15 000 человек. Но такое войско, если оно не совершает простого короткого военного похода, а в течение продолжительного времени находится на театре военных действий и проходит через неприятельскую область, требует более тонкой организации, чем деление на сотни. Король или герцог не может прямо и непосредственно направлять свои приказы целой сотне хунни. Он нуждается в промежуточной инстанции, которой должны быть не временно замещаемые, но постоянно функционирующие должности. Равным образом и сотня не может быть самой мелкой единицей. В распоряжении римского центуриона еще находился ряд младших

командиров, капралов и ефрейторов. Также и современная рота, состоящая хотя бы всего лишь из 100 человек, нуждается по крайней мере в двух средних и 10–12 младших командирах. Но германская сотня гораздо больше римской центурии. И не только ее состав гораздо многочисленнее, но в нее прежде всего очень часто входили целые домашние хозяйства. Римский центурион был обязан заботиться лишь о выполнении службы. Оружие, жалованье и продовольствие давало солдатам интендантство. Самое большее, что в данном случае входило в круг обязанностей центурии, – это распределение и хранение всего снабжения, а также поддержание запаса его в порядке. Германская сотня в большинстве случаев должна была сама заботиться о своем снабжении и не только для себя, но и для всего своего окружения, так как главное командование не располагало интендантским аппаратом, обладавшим функциями контроля. При системе беспощадного разграбления страны это было возможно лишь при условии очень далеко заходящего общинного хозяйства. Тот аграрный коммунизм, в условиях которого германцы жили у себя на родине, оказывался здесь недостаточным. Надо было не только совместно, всей общиной, захватывать

добычу, что давало возможность затем делить ее между собой, но надо было также в течение долгого времени совместно заведывать очень большими запасами. Если бы каждой отдельной семье было поручено заботиться о себе самостоятельно, то вскоре все войско разбежалось бы, став добычей неприятеля. Захваченное имущество должно было постоянно распределяться то между сотнями, то в самих сотнях между отдельными ее членами. Небольшие отряды должны были высылаться для захвата добычи, и то, что они привозили с собой, считалось и принималось в качестве общего достояния, чтобы был сосредоточен в одном месте и всегда находился налицо крупный запас. Для этой внешней и внутренней службы хунни нуждались в штате младших командиров.

В то время как в древнегерманском государстве мы не находим никаких иных делений, кроме делений на сотни, в эту эпоху король уже командует или правит более крупными частями или областями посредством высших назначаемых им чиновников, комитов (comites) или графов, а над ними стоят, отличаясь от них, собственно говоря, не по существу, но лишь по рангу и по объему власти, герцоги (duces).

Что же касается низших разрядов, то по

крайней мере у одного народа мы находим следы, указывающие на какое-то подобие настоящей военной иерархии. В законодательстве вестготов, многие части которого сохранились до нашего времени, мы находим предводителей тысячных отрядов, тиуфадов (тысячников, millenarii) – в качестве начальников хунни (сотников, centenarii) и десятников (decani) – в качестве подчиненных хунни.

И если мы, помимо того, встречаем еще должность предводителей пяти сотен (quingentenarius), то эту должность не следует представлять себе в качестве инстанции между тысячником и сотником, но лишь как дифференциацию, образовавшуюся вследствие того, что некоторые тысячи стали значительно меньше других.

Это построение от десятка к сотне и к тысяче, а, может быть, и к еще более крупному объединению, находившемуся под властью графа или герцога, не следует считать стройной и законченной системой, как, например, система отделений, рот, полков и корпусов. Нет, здесь была такая инстанция, которая имела и сохраняла совершенно иной характер, чем все остальные. Это древний исконный и основной организм – сотня.

Ведь и у нас рота является чем-то существенно иным, чем отделение или батальон, обладая значительно большим внутренним единством, чем, например, отделение или батальон. То же самое, но в значительно большей степени, справедливо по отношению к германской сотне. Десяток есть простое вспомогательное звено сотни, а тысяча есть соединение сотен для целей ведения войны. Но сотня имеет свое собственное, самостоятельное бытие. Можно те или иные сотни соединить в тысячи, можно людей из сотни так или иначе разделить на десятки. Но сотню нельзя так просто, по желанию, либо разрывать на части, либо снова составлять. А эту последнюю операцию вообще почти невозможно было производить, ибо сотня в то же самое время была естественным и органическим продуктом – родом. Деление производить легче, но все же это является каждый раз чрезвычайно значительным, далеко не простым актом, так как сотня является не только военной или родовой, но и хозяйственной единицей. Тысяча слишком велика, а десяток слишком мал для ведения общинного хозяйства, которое необходимо во время военного похода, причем эта функция, конечно, требует единого центра и единого организма. Только сотне могло принадлежать совместное владение скотом,

повозками, запасами и оружием, которые находились при войске. Поэтому предводитель тысячного отряда только в военном и судебном отношениях являлся начальником хунно, причем декан, или десятник, был лишь агентом или орудием этого последнего. Ни тысяча, ни десяток не являются такими группами, которые могут заставить считаться с их волей. Несмотря на то, что над сотней стоит тысяча, а под нею находится десяток, сотня все же и в эпоху переселения народов остается тем же самым, чем она была до этого времени.

Уже Дан отметил[41], что при расселении готов как в Испании, так и в Италии, очевидно, роды или родовые общины еще играли довольно значительную роль. Они обнаруживают свое значение в праве и в тех событиях, когда наличие относительно самостоятельных групп в мирное время, при покорениях и сопротивлении указывает на существование мелких, но очень прочных организационных единиц. Даже и в позднейшем вестготском законодательстве мы ясно видим древнее значение хунно, которому эти законы угрожают смертной казнью в том случае, если он покинет войско, причем здесь тиуфад даже и не упоминается, а декан наказывается лишь пятью солидами штрафа.

Далее устанавливается, что среди сотни распределяются получаемые штрафные суммы, а также и те, которые поступают от тиуфада и декана. Следовательно, сотня является подлинной корпорацией.

Тысячу мы находим у подлинно кочевнических племен, готов и вандалов. Может быть, одно и то же название не имеет одинакового значения у этих двух народов[42]. Во всяком случае оно лучше всего объясняется военными потребностями, возникающими при переселении, поэтому нет необходимости устанавливать этнографическое различие между восточными и западными германцами.

Несмотря на то, что теоретически сотня резко отличается от соседних высших и низших групп, все же следует признать, что на практике эти подразделения и эта номенклатура очень скоро перемешались между собой. Война приводит к тому, что первоначально равные по своей численности части очень скоро становятся неодинаковыми. В 1814 г. после полугода войны из 14 батальонов ландвера силезской армии были сформированы 4 батальона. Современный схематизм постоянно производит такого рода выравнивание. Возможно, что нечто подобное иногда происходило и в германских войсках. Те

тысячи, которые пересчитывал Гейзерих, когда он переправлял свой народ в Африку, были такими единицами, какими мы пытались показать их выше.

И это заставляет нас признать, что, несмотря на все еще очень большое значение сотен во время переселений, тем не менее дни их были уже сочтены. Те самые отношения, которые еще раз приобретали новое жизненное значение, направлялись одновременно к своему собственному распаду. Шедшая сверху организационная воля ограничивала их, многочисленные отдельные единицы распадались под многообразными влияниями войны и переселений, в особенности же сходило на нет значение главы целого – хунно.

Древние германцы, за исключением немногих княжеских семей, не имели дворянства. Хунни принадлежали к числу свободных членов общины. В эпоху переселения народов мы находим у германцев значительно более широкое дворянское сословие. Можно думать, что это новое сословие имело двойной корень: королевскую службу и семьи хунни. Несомненно, что большая часть дворянства происходила от служилого слоя, окружавшего королевскую власть. Двор, командование армией и управление вызывали

появление должностей, которые приносили с собой и делали наследственными почет, знатность и богатство. Об этом нам придется еще много говорить.

Но королевская власть эпохи переселения народов была сама по себе слишком молода, чтобы создать из себя новое сословие, которое могло бы опираться на своих предков. Это дворянство должно было содержать в себе более древние и более самостоятельные элементы, а такими элементами могли быть лишь древние старейшины родов. Уже в древнее время княжеские семьи и семьи хунни, будучи теоретически различными, все же сливаются друг с другом. Если небольшая группа сотен, находившаяся под начальством княжеского сына, отделялась от прежнего союза племен или если сотня очень разрасталась и делилась, причем возникали новые семьи хунни и наиболее древняя из них претендовала на первое место по знатности и по благосостоянию, то там и сям могли возникать и возникали подобные соотношения[43]. Переселение народов и еще до него удачные грабительские набеги на римскую территорию приводили к тому, что семьи хунни поднимались над массой населения, приближались к князьям, и, таким образом, из их

среды вырастало дворянство, которого древность еще не знала.

Общинное хозяйство рода могло вестись лишь в том случае, если оно целиком находилось в руках главы рода – хунно. В древние времена обычно германцы, вернувшись после похода, делили добычу. При этом хунно находился под бдительным контролем всех своих соратников, а после дележа все продолжали жить по-прежнему. Теперь же очень большая часть добычи вообще не подвергалась дележу, но оставалась в руках и в ведении начальника, который производил выдачи из этого фонда по своему усмотрению и по мере надобности. Во время длительных военных действий трудно было контролировать и протестовать. А так как никто уже не мог больше жить на собственные средства, то каждый тем сильнее подпадал под дискреционное усмотрение хунно. На родине германцы мало занимались земледелием и жили главным образом продуктами скотоводства. Теперь же часто в течение нескольких лет не возделывали ни одного поля, а вследствие продолжительных походов имели возможность брать с собой из прежних стад лишь очень мало скота, помимо упряжных животных. "Переселения, – пишет Рацель в своей "Политической географии" (стр. 63), – связаны с

большими убытками. Буры, переселявшиеся в 1874 г. из Трансвааля на запад, взяли с собой 10 000 голов рогатого скота и 5 000 лошадей; когда же они прибыли в область Дамара в 1878 г., то у них осталось лишь 2 000 голов рогатого скота и 30–40 лошадей".

Когда остгот Теодорих поселил остатки алеманнов, бежавших от Хлодвига, то он приказал, чтобы они ("так как они обессилели от долгого пути, им должна быть оказана помощь"), проходя через Норик, обменялись своим скотом с местными жителями[44].

Совершенно исключена возможность того, чтобы вандалы от Дуная через Пиренеи, вплоть до Африки, а вестготы от Черного моря через Балканский полуостров, через Италию и Альпы, вплоть до Галлии и Испании, могли гнать за собой большие стада молочного и мелкого скота. Страны, через которые проходили германцы, были, конечно, достаточно богаты, для того чтобы прокормить несколько тысяч германских семей; однако, это было возможно лишь при том условии, что предводители германцев в некоторой степени заботились о порядке и правильном распределении. Они должны были снабжать каждого в отдельности и в то же время обращать зоркое внимание на то, чтобы всегда оставались

достаточные запасы, которых хватило бы на дни и недели, а, может быть, даже и на месяцы. Главной добычей германцев в областях с мирным, невоинственным римским населением было, помимо продовольствия и ценностей, само население этих стран. Его обращали в рабство и брали вместе с собой. Из густо населенных и беззащитных местностей можно было увести сотни тысяч людей, если бы только была возможность их прокормить. Но во что превратилась бы способность к передвижению и боеспособность германского войска, если бы оно, насчитывая 10 000 тысяч воинов, 30 000 женщин и детей[45], тащило бы еще всюду за собой хотя бы лишь 40 000 или 30 000 несвободных людей? Поэтому следует полагать, что хунно брал себе столько рабов, сколько ему было нужно для обслуживания общины, рядовой же свободный член общины должен был стремиться к тому, чтобы вложить свою добычу в украшения, драгоценные камни, золото и оружие; во всех остальных отношениях в течение всего странствия он должен был оставаться в рамках древнего простого и сурового образа жизни.

Таким образом, те условия, в которых протекало переселение, приводили к тому, что могущество, авторитет и имущество хунно

необычайно возрастали, поднимаясь над общей массой. Хотя действительно его имущество в своей основе являлось собственностью общины, всего рода, однако, хунно в такой степени обладал исключительным правом распоряжаться этим имуществом, что это различие угасло и исчезло. Хунно, ставший богатым, становился все богаче и богаче и передавал свое богатство по наследству своей семье.

Несомненно, что хунни первоначально избирались, но с очень давних времен и очень часто народ избирал их из среды все тех же самых семей; именно таким образом появились притязания на право наследования, а в конце концов развилось и подлинное право наследования. С тех же пор, как эти семьи хунни сделались в хозяйственном отношении господами положения, от которых почти целиком зависело пропитание всей общины, стало уже совершенно невозможно после смерти предводителя обойти его семью и избрать на его место человека, взятого из толпы. Отсюда само собою возникло то, что эта должность стала переходить от отца к сыну, так что данная семья постепенно вышла из среды рядовых свободных членов общины, приобретя исключительное выдающееся положение. Эта семья становится благородной,

дворянской. Народ, обладавший до этого времени лишь княжеским дворянством, получает теперь также низший слой дворянства.

В эпоху переселения народов самая сильная королевская власть, как мы это уже видели, развилась по более или менее случайным причинам среди племени вандалов. "Оптиматы", т.е. дворянская группа вождей, дважды восставали против Гейзериха, но были им побеждены и покорены (в 442 г.).

Баварцы (маркоманы), алеманны (швабы, гермундуры, ютунги) и франки (хамавы, хаттуарии, батавы, сугамбры, убии, тенхтеры, марсы, бруктеры, хатты) совершили лишь очень небольшое переселение в соседние области или даже вообще не совершали настоящего переселения, но лишь перешли через свои древние границы. И при этом в тех областях, которые они заняли на берегах Рейна и Дуная, вплоть до Альп, Вогезов и входа, в Ламанш, они абсолютно нигде не изгнали всех романизованных кельтских или даже германских жителей, которые здесь в большом количестве остались жить среди завоевателей и подверглись германизации или регерманизации. Мы находим позднее, особенно в Баварии, но также и в других названных областях, большие поместья, которые часто можно

обнаружить лишь в форме романских деревень и которые находились в зависимости от знатных германских семей[46]. Очевидно, это завоевание происходили таким образом, что романские сельские округа просили защиты у германских князей или хунни, отдаваясь под их власть (патронат) и соглашаясь платить им подати. Эта форма зависимости и использования рабочей силы несвободного населения была уже в древнейшие времена обычной среди германцев. И нет никаких оснований предполагать, что лишь исключительно немногие княжеские семьи завладели большим в эту эпоху количеством колонных семей, плативших оброк. Наряду с ними также и предводители сотен были в состоянии оказывать защиту и, таким образом, благодаря этому могли воспользоваться возможностью стать господами. Это правящее сословие могло здесь особенно сильно вырасти и развиться, так как во время оккупации южно-германских областей баварцы и алеманны еще не имели установленной и единообразной формы княжеской власти. Описывая сражение при Страсбурге, Аммиан говорит о том, что во главе алеманнов стояло семь королей (reges) и десять принцев королевской крови (regales). Короли – это, очевидно, такие же князья, как Арминий, которых Тацит называет

"принцепсами" (principes). Но что именно следует понимать под словом "regales" (принцы королевской крови) – приходится считать еще не установленным. Герцогская власть в качестве постоянной формы высшей власти возвысилась над остальными знатными семьями как среди алеманнов, так и среди баварцев, во всяком случае несколько позднее, причем среди алеманнов она вскоре опять пришла в упадок, а среди баварцев была, может быть, установлена лишь франками в эпоху франкского завоевания. Как баварское, так и алеманнское право знает дворянство, имевшее право на повышенную виру. У баварцев, помимо герцогского рода, было впоследствии еще пять знатных дворянских семей.

На Британских островах отношение к германским завоевателям со стороны местных жителей было приблизительно такое же, как со стороны баварцев и алеманнов. Частично, в качестве покоренного населения, они остались жить среди германцев и были ими ассимилированы. Древние княжеские семьи возвысились до степени и ранга мелких королей, а древние хунни (альтерманы) превратились в знатных аристократов – эрлей (earl).

Также и на левом берегу Рейна среди франков во время оккупации образовались большие

поместья[47], но поднимавшаяся королевская власть Меровингов задерживала их развитие, так что в отличие от всех остальных германских племен здесь в эту эпоху не возникло аристократии. Король правил один через своих графов, а хунно, или тунгин, спускается до уровня деревенского старосты.

В древнегерманском государстве мы находим зачатки как королевской власти, так и аристократической группы вождей. И то и другое появляется в эпоху переселения народов в таком взаимоотношении: чем сильнее королевская власть, тем слабее аристократия, вплоть до полного исчезновения ее в государстве франков, и чем слабее королевская власть, тем могущественнее аристократия. Среди алеманнов и баварцев совсем не имеется института королевской власти, у англо-саксов мы находим мелких королей, а у остготов – выборных королей.

Но и в том и в другом случае, – при развитии как той, так и другой формы, – повсюду в одинаковой степени приходит в упадок исконная ячейка древнегерманского государственного строя – род, сотня. Новое аристократическое сословие, – в той форме, в которой оно образовалось, и даже еще в процессе своего образования, – уже освобождается и отделяется от той почвы, на

которой оно выросло. Вполне естественно, что высокие должности, которые раздавал король, в значительной степени замещались именно членами семей знатных вождей, так что служилая знать и родовая аристократия сливались вместе. Если сотня избирала себе нового начальника или получала его от своего прежнего начальника, либо от короля, то эти новые взаимоотношения уже не воспроизводили в точности древних отношений. Новый хунно, не имея предков, не имея большого имущества, снова начинал свою карьеру с низов и снова являлся простым чиновником. А сама сотня, не поддерживая уже больше со своим вождем патриархальных отношений доверия, становится более свободной в своих внутренних связях.

Вождь, отделяющийся от своего рода, оставляет за собой голый скелет. Уходя, он идет не один, а забирает с собой некоторое количество особенно деятельных людей, которые, присоединившись к нему, образуют его свиту и поступают к нему на службу. Приобретенное во время войны богатство и политическое честолюбие являются причинами нарастания свиты вокруг особы вождя. Военные объединения, как, например, соединение в тысячи и деление на десятки, еще несколько ослабляют сотню, при чем это ослабление бывает больше в том случае, когда

сотня находится под властью не племенного, но назначенного начальника.

Наконец, совершенно разлагающе действует на самое существо древней сотни расселение и распространение племени в обширных захваченных областях, так как при этом все условия существования подвергаются изменению.

Сотня уже не живет сосредоточенно в одном месте. Община исчезает. В романских областях она разделяется, и члены ее рассеиваются среди романцев. В германских областях население постепенно бросает воинственный образ жизни и все больше и больше начинает заниматься земледелием. Большие родовые деревни распадаются на меньшие, где каждый человек может иметь свою пашню поблизости от своего жилья. Новые аристократические семьи не могут уже больше вырасти из прежнего корня древних родовых вождей. Сотня сохраняется, оставаясь лишь в качестве подразделения округа, и постепенно отмирает.

В древнейшие времена род был общиной, которая совместно завладевала землей, совместно жила, хозяйничала и воевала. О действительной степени родства никто не спрашивал, – она могла быть бесконечно далекой. И так как прекращалась совместная общинная жизнь, в особенности же

ввиду того, что совместное владение пашнями перешло в частную собственность, должны были быть поставлены определенные границы для еще остававшихся функций рода: судебной помощи, опеки и виры. У различных племен они устанавливались различным образом: у одних концом рода считалось пятое, у других – шестое или даже седьмое звено (колено).

Еще в более поздних источниках мы порой находим отголоски того обычая, который заставлял родовую общину во время сражения держаться вместе. В "Беовульфе" говорится о том, что весь род должен подвергнуться наказанию, если один из его мужей окажется трусом[48]. Но к концу эпохи переселения народов исчез даже последний след рода как воинской части, и даже исчезло само это слово (в том случае, если слово "войско" – Truppe – этимологически тождественно слову "деревня" – Dorf).

СОТНЯ В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Тот факт, что союз сотни в эпоху переселения народов еще сохранял особенную устойчивость, очень хорошо доказан Карлом Веллером в его работе "Заселение страны алеманнов" (Karl Weller, "Die Besiedelung des Allemannenlandes", Wьrtemberg, Viertelj. – Heft. f. Landesgesch., N. F., Bd., VII, 1898).

Хотя автор и исходит из неправильной предпосылки, веря в существование первоначального тысячного округа, но говоря об его исчезновении и выдвигая на его место древнее деление – сотню, он тем резче подчеркивает ее силу и ее значение.

Из той же самой работы я заимствую, – опять-таки не будучи согласен с мнением автора, – очень хорошее доказательство тождества сотни и рода.

Веллер доказывает, что даже в источниках VIII столетия довольно много названий алеманских местностей с окончанием на "инген" появляется в качестве главных пунктов крупных областей. Это – древние исконные области, которые вместе с тем являются и сотнями, как, например: Munigisinga, Munigises huntare – Мюнзинген; Muntarihes huntari – Мундеркинген; centena Eritgauvoia – Эритгавойская сотня – Эртинген; Пфуллихгау – Пфуллинген. Названия местностей с окончанием на "инген" указывают на места поселения родов, которые получили свое название по имени своего предводителя, своего вождя, какого-либо Мунигиса, Мунтариха, Эрита или Фулона[49].

Совершенно невозможно допустить (как это впрочем делает Веллер), что как округ, так и деревня, входившая в его состав наряду с другими деревнями, получали название по имени того же самого человека. Если бы несколько родов входило в состав одной сотни, то они были бы равноценны друг другу, но мы далеко не всегда имеем возможность установить тот факт, что весь округ и один из родов, входящих в его состав, носят то же самое название. Совпадение имен скорее указывает на первоначальное тождество. В

каждом сотенном округе первоначально была лишь одна деревня, а потому округ и деревня носят то же самое название, – они совпадают. Другие селения являются позднее основанными дочерними селениями, выросшими из первоначальной деревни.

С этим очень хорошо согласуется наблюдение Веллера (стр. 31), что в областях, позднее заселенных алеманнами, – в Эльзасе и Швейцарии, сотенные округа играют гораздо меньшую роль, чем в областях, находящихся на правом берегу Рейна. Причиной этого является то обстоятельство, что в промежуточную переходную эпоху сотенный союз становится очень слабым и отступает на задний план.

Далее, природу алеманнских сотен очень хорошо рисует тот факт, что в Юхтланде в Швейцарии мы снова находим те же самые названия и почти в том же самом порядке, как и на Верхнем Дунае[50]. Это – Вальдгау, Бааргау, Уфгау (Уфафа), Шварценбург (Шверцагау), Шерли (Шеррагау), Эритгау (Эриц), Мунизигес Хунтари (Мунзинген). Это явление не может быть объяснено иначе, как тем, что древние сотни разделились, причем одни остались на своих местах, а другие отправились в странствование, перенеся на новые места своих поселений древние названия.

Бруннер в "Истории германского права" (Brunner, "Deutsche Rechtsgeschichte", Erste Auflage, I, 117) пытался объяснить тот факт, что большинство алеманнских названий сотен произошло из собственных имен тем, что это деление встречается лишь со времени франкского завоевания. Название является именем начальника, "при котором на продолжительное время укрепилось название сотни".

Но ведь сотня не могла же существовать до этого времени без определенного названия. Поэтому возможно, что сотни в течение долгого времени не имели собственных названий, но обозначались по имени соответствующего вождя, и что, наконец, одно из этих имен закрепилось за данной сотней. Также и Прокопий (Bell. Vand., 1, 2) полагает, что германские племена назывались по именам их предводителей. Но это совершенно не противоречит нашей точке зрения. Для Бруннера же это объяснение неприемлемо, так как он считает древнюю первоначальную сотню лишь простым личным союзом, объединявшимся по мере необходимости. Если бы это было правильно, то разделение страны на сотни должно было бы, без сомнения, быть установленной сверху строго систематической организацией, относящейся к какой-то более поздней эпохе, следовательно, как то мы можем предположить, этот порядок был введен франками. Поэтому сотня древнего времени и сотня алеманно-франкской эпохи не имеют никакого отношения одна к другой.

Это, конечно, прежде всего не только является весьма неправдоподобным, но также оставляет необъясненным тождество названий сотни и ее главного селения. И если мы даже допустим, что франки впервые создали сотни в Алеманнии и назвали их по именам тех хунни, которых они назначили, то каким же образом произошло, что главное селение во вновь организованных округах получило то же самое название, что и округ?

Совершенно другое дело, когда округ первоначально включал лишь одно (населенное алеманнами) селение или, другими словами, когда

сотня вместе со своим вождем селилась лишь в одном месте. Такой факт одновременно объясняет как тождество названий сотни и селения, так и происхождение этих названий из имен вождей. Далее отсюда вытекает и то, что, так как устанавливается тождество деревни и рода, то, следовательно, были тождественны также сотня и род.

Во втором издании (стр. 161) Бруннер несколько изменил свою точку зрения. Он теперь допускает, что "алеманнские сотни, пожалуй, могут восходить к более древнему времени, чем завоевание франков". Они появились благодаря "укоренению" (Radicierung) первоначального личного союза. То обстоятельство, что сотенный округ и находившееся в нем селение носили одинаковое название, по его мнению, не позволяет еще сделать какого-либо вывода, так как в родовой общине нередко повторяются одни и те же названия. Следовательно, это явление есть простая случайность. Но ведь трудно поверить в такой постоянно повторяющийся случай.

Некоторые из швабских округов первоначально назывались "барами", как, например, "Перихтилинпара", "Адальхартеспара". Бауманн в своей работе "Окружные графства в вюртембергской Швабии и исследования по истории Швабии" (Baumann, "Gaugrafschaften im Wьrtemb. Schwaben und Forschungen zur schwabischen Geschichte", S. 430) пытается сопоставить это слово со словом "Ваrга" – решетка, т.е. место заседания суда. К этому присоединяется также и Бруннер ("Deutsche Rechtsgeschichte", Bd. 2, 145). Герман Фишер в "Швабском словаре" (Herman Fischer, "Schwdbisches Wцrterbuch") устанавливает связь этого слова с

нынешним произношением "pbra" с "в" и сопоставляет его со словами "baren, Gebaerde" (делать вид, внешний вид), выводя отсюда значение "административный округ" или "судебный округ". По этому вопросу мой коллега М. Редигер написал мне следующее:

"Если корневое "в" в слове "pbra" было первоначально долгим, то это могло бы быть тем же словом, что средневерхненемецкое "bara, bare" или нововерхненемецкое "Bahre", а, следовательно, может быть связано со словом "beran" (нести, выносить). "Bara" обозначает нечто несущее, выносящее, приносящее, в наших словосочетаниях – "приносящая земля", "участок, приносящий доход". В этом слове первоначально не содержится понятий "административный или судебный округ".

Если обозначение "para" указывает на то, что в эпоху переселения основой швабского округа был не судебный округ, а некое хозяйственное единство, то это является новым аргументом в пользу моей теории. Мы имеем здесь перед собой сотню, еще не распавшуюся на более мелкие деревни и находящуюся под властью своего вождя, по имени которого она называется и под предводительством которого она вся целиком захватывает область; этим она отграничивалась от соседних сотен, находящихся под властью своих князей.

АРИСТОКРАТИЯ ВОЖДЕЙ

Вполне естественно, что мы не имеем свидетельств источников, которые прямо указывали бы на рост и возвышение аристократических семей, но отдельные факты и события не оставляют никакого сомнения

относительно этого процесса.

В источниках мы нигде не находим технически точных терминов, которые отделяли бы сословие чиновников или сословие военных командиров от аристократии. Всюду употребляются общие описательные выражения, как, например: "первые", "мудрейшие", "благороднейшие", "знатнейшие" среди народа, т.е. такой способ выражения, который прекрасно передает переходность стадии, слияние должности и сословия.

Нижеследующие цитаты я отчасти сам собрал, отчасти заимствовал у Дана (Dahn, "Kцnige", II, S. 101; III, S. 28, S. 50; V. S. 10, S. 29). "Знатнейшие и вожди вестготов" ("primates et duces Visigothorum", Jord. c. 26). "Знатнейшие" ("primates", c. 48, c. 54). "Благороднейшие" ("optimates". Ammian, 31, 3; 31, 6). "Благородные" *(εῦ γεγονδτες)* – Малх, (стр. 257). "Твоя знатность рода, вызывающая к себе уважение", как пишет король Теодохад к одному из своих графов (Cass. Var., 10, 29). "Предводители родов, выделяющиеся своим достоинством и своим происхождением" (Эвнапий, p. 52). "Знатнейшие" (Прокопий, I, 2; I, 3). "Старшие" (II, 22). "Лучшие" (II, 28; III, 1). "Знатные" (I, 13); "если и были среди готов безукоризненные" (I, 13), (первые) (I, 7; I, 12). Витигес избирается королем, хотя и "не принадлежал к знатному дому" (Прокопий, I, 11).

Число равноправных вождей готов, избираемых в ту эпоху, когда налицо нет короля, как справедливо подчеркивает Дан (V, 21), довольно велико: это – Мутари, Гайна, Саул, Сарус, Фравитта Эриульф, Аларих.

Сарус, который постоянно обнаруживал свое

несколько фрондерское недовольство балтами, согласно Олимпиодора, располагал лишь 200–300 людьми (Олимпиодор, стр. 449, цит. по Дану, V, 29).

Эти вожди не могут быть одними лишь древними вождями, принцепсами (principes), в том смысле, как это слово применял Тацит.

И в то же самое время они не могут принадлежать к аристократии, явившейся в результате одной лишь придворной службы.

Наконец, они не могут быть и вождями на время лишь формируемых военных единиц. Тот союз, во главе которого они стояли, обязательно должен был быть очень прочным, органическим союзом.

Таким образом, остается лишь допустить, что они (поскольку не были командирами в силу королевского назначения) были старейшинами родов. Там, где их войска были многочисленнее, чем был, как то мы можем предположить, самый многочисленный род, там, очевидно, многие роды подчинились одному вождю таким же образом, как и весь народ поставил над собою князей или герцогов. Так Сарус сам по себе лишь хунно рода, состоявшего из 200 или 300 мужей, но в течение некоторого времени признавался вождем значительно более крупной оппозиции. Однако, основой такого более крупного положения всегда являлось положение вождя в каком-либо роде, 200–300 человек Саруса ни в коем случае нельзя истолковать как простую лишь свиту; для свиты это было бы слишком много. Свиту в 200 человек мог бы иметь такой король, как Хнодомар, но не простой вождь.

ТИУФАД

Перед нами стоит вопрос: является ли тиуфад командиром тысячи или десятка? Гримм изменил сохранившийся и дошедший до нашего времени термин "tiufadus" в "thiufadus" (thiu – сокращенное thusundi), так как трудно допустить, чтобы здесь шла речь о командире над десятью людьми. Ср. Дифенбах, "Словарь готского языка" (Diefenbach, "Wцrterbuch der gothischen Sprache", II, 685). Последнее обстоятельство, как мы это уже видели, во всяком случае неправильно. Однако, этот вопрос еще не совсем ясен.

В военных законах вестготских королей Вамбы и Эрвига, которых нам еще придется коснуться несколько дальше (они приведены ниже, в ч. 4-й, в гл. 4-й), центенарий, или декан, уже исчезает, в то время как тиуфад еще существует, но в качестве человека, который принадлежит к "худшим людям" и подлежит наказанию плетьми. Если тиуфад действительно был предводителем тысячи воинов, то он очень низко упал, так как человек, командовавший тысячею людей, всегда является высокопоставленным лицом, и если на практике цифра 1 000 далеко не достигалась, то все же такая сильная деградация может показаться весьма удивительной. Но более древние вестготские законы (приведены ниже, в ч. 4-й, гл. 1-й) не позволяют, как нам кажется, допустить иное объяснение; наконец этот факт, – особенно в связи с исчезновением центенария (десятника), – лишь подтвердил бы нашу точку зрения. Многочисленное деление эпохи переселений 10–100–1 000, во главе которого еще к тому же стоял

граф или герцог, после поселения становилось все более и более излишним. Сотня в прежнем смысле этого слова исчезала. Тысяча (с самого начала фактически значительно меньшая этого числа) становилась все меньше и меньше благодаря тем многократным делениям, которым она подвергалась при поселениях, происходивших на отдельных этапах. В течение некоторого времени обозначения "сотня" и "тысяча" могли встречаться и идти наряду одно с другим, означая приблизительно то же самое. Насколько далеко может отходить такая номенклатура от своего первоначального смысла, видно из того, что слово "division" в наполеоновской армии также обозначало (согласно с теперешним словоупотреблением) и большую войсковую часть, состоявшую из нескольких полков, и небольшую тактическую единицу – роту. Этот двойной смысл привел даже к роковому недоразумению при большом наступлении корпуса Эрлон при Бель-Альянс. Вестготский тиуфад, постепенно соскальзывая вниз, стал приблизительно тем же самым, чем во франкском государстве стал тунгин, который превратился в деревенского старосту. Поэтому нельзя считать невозможным, что тиуфадиа (тысяча) (Вестготский закон, IX, 2, 5), которая Даном, вследствие несколько искусственного толкования, удаляется из текста (Dahn, "Konige", VI, 209, Anmerk. 8), появилась в этом тексте, так как она фактически уже была тождественна с сотней (centena), хотя закон в других местах еще удерживает традиционно сохраняющийся схематизм включения и начальствования.

Цеймер ("N. Archiv", Bd. 23, S. 436) обращает внимание на то, что глава 322 Cod. Euric. еще

называет тысячника (millenarius) в одном частноправовом деле судьей, хотя соответствующая Antiqua, IV, 2, 14 его и пропускает. Его положение в эту переходную эпоху уже изменилось.

Глава VI

РАССЕЛЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вступление целых замкнутых народностей на римскую службу явилось тем решающим моментом, который обусловил гибель древнего мира и окончательное образование новых своеобразных романо-германских государственных организмов. Но начало этого процесса очень трудно установить. Римляне стали с этого времени заключать с варварскими народами, жившими на границах империи, союзные договоры, согласно которым эти народы должны были защищать от неприятельских нападений как самих себя, так? и Римскую империю. Следующим шагом – вслед за заключением договоров с народами, жившими на их наследственных землях, – явилось поселение такого народа в пограничной области, затем постепенное втягивание его вглубь страны, передача ему определенной области и, наконец, расселение этого племени среди римлян.

Обычно началом переселения народов именно в этом смысле считали включение вестготов в Римскую империю, когда этот народ, теснимый

гуннами, появился на Дунае и вступил в качестве союзника римлян в Римскую империю, но затем победил римское войско и самого римского императора в сражении при Адрианополе. Во всем этом нет ничего особенно нового, – ни в допущении варваров, ни в конфликте, ни в победе готов. Однако, именно здесь проходит водораздел. Все аналогичные предшествовавшие события еще не были способны оказать какое-либо непосредственное и длительное действие, так как крутые переломы и реакции аннулируют все их влияние. Здесь мы имеем дело лишь с предшественниками.

Но после адрианопольского поражения Римская империя уже никогда не смогла оправиться. Хотя Феодосию и удалось еще раз восстановить внешний авторитет империи и императорской власти, а также хотя империя и просуществовала еще в течение ряда поколений, однако, с этого момента германское движение потекло по своему руслу; встречая на своем пути некоторые задержки, оно все же смогло быть остановлено. Это движение закончилось лишь с основанием самостоятельных германских государств на римской территории.

Конфликт с вестготами возник по поводу снабжения. Мы принуждены были оставить

нерешенным вопрос относительно того, действительно ли были так виновны те римские чиновники, которые подверглись обвинению в недостаточности снабжения. Ведь даже для самых предусмотрительных и заботливых чиновников колоссально трудной задачей была организация правильного снабжения продуктами целого народа, со всеми его женами, детьми и рабами; к тому же едва ли готы были очень скромны в своих требованиях.

Источники не дают нам ясного представления о том, каким образом Феодосию, как наследнику императора Валента, погибшего при Адрианополе, удалось, наконец, разделаться с готами. Говорят, что он одержал победы над готами, но эти победы не могли быть весьма значительными. Готы остались в пределах Римской империи и снова вступили на императорскую службу. Им были предоставлены определенные области, жители которых были раньше изгнаны оттуда предшествовавшими разбойничьими набегами варваров или удалены оттуда по предписанию соответствующих властей. Очевидно готы жили здесь, окруженные римскими поселениями, по обычаю своих предков в наскоро построенных деревнях, если только не оставались в своих телегах или не пользовались

постройками римских поселян. Мало занимаясь земледелием, они жили главным образом тем, что им давали их стада, причем значительной поддержкой для них были римские поставки зерна. Ведь их число не было чрезмерно большим. Их было трудно прокормить в одном месте в течение продолжительного времени, но, разбив их на ряд маленьких групп, их уже можно было приютить и устроить, дать им кров и даже организовать им продовольственное снабжение.

Однако, несмотря на это в скором времени чужеродное тело, вошедшее в состав Римской империи, смогло вновь себя проявить. Возникли новые конфликты. И действительно, было бы совершенно немыслимо, если бы эти германские воины, которые считали более почетным для себя жить войной, проливая свою кровь, чем жить от трудов рук своих, могли оставить нетронутой роскошь окружавшего их мира, которой они легко могли завладеть, стоило им только протянуть к ней свои руки.

При Аларихе вестготы вторглись в Италию и разграбили Рим, а при Атаульфе двинулись из Италии в Галлию. Они пришли в Галлию после того, как эта беззащитная страна уже подверглась нашествиям вандалов, аланов и свевов, прошедших через Галлию и осевших в Испании.

На примере Бургундии мы лучше всего узнаем, каким образом в течение V в. в прежних римских провинциях устанавливалось германское господство и образовывались германские государства, так как в Бургундии наряду с указаниями хроник сохранились определения одного свода законов, так называемой "lex Gundobada" (закон Гундобада).

После того как бургунды, происходившие из восточной Германии, впервые осели на левом берегу Рейна в районе Вормса, где они при короле Гунтере потерпели свое знаменитое, прославленное легендами поражение от гуннов, Аэций предоставил им несколькими годами позднее (в 443 г.) места для поселений в Сапаудии, т.е. в Савойе. "Остаткам бургундов была предоставлена Сапаудия, которую они должны были разделить с местными жителями", пишет хроникер Проспер Тирон.

Через 14 лет после этого (в 456 или 457 г.) другой хроникер, осведомленный в делах этой местности, – Марий из Авенаха, – сообщает, что "в этом году бургунды заняли часть Галлии и разделили земли с галльскими сенаторами". И, наконец, третий, позднейший хроникер, Фредегар рассказывает о том, что бургунды пришли по приглашению самих римлян, которые хотели

таким образом освободиться от своего налогового бремени.

Таким образом, отсюда видно, что оба раза, – как при своем первом поселении в Савойе, так и при расширении своей области в районе Лиона и по ту сторону Роны, – бургунды явились сюда не в качестве завоевателей, но были поселены здесь по соглашению с римлянами. То же самое сообщается нам в эту же эпоху об аланах[51], и точно таким же образом были поселены в 419 г. вестготы на Гаронне.

До нашего времени не сохранилось прямого определения, устанавливающего способ этого поселения, но, очевидно, оно близко примыкало к известным нам формам римского поселения, также называлось "hospitalitas" (гостеприимство), а король Гундобад (473 – 516 гг.) в своем своде законов (разд. 54) пишет: "В настоящее время, когда наш народ получил одну треть из числа несвободных и две трети из всего количества пашен, нами предписано, чтобы никто из тех, кто получил несвободных и пашни от нас или наших предшественников, не смел бы требовать ни трети несвободных, ни двух третей пашен в том месте, где ему было отведено место для поселения". Многие не обращали внимания на это предписание; поэтому было отдано распоряжение,

чтобы хозяевам местности в местах поселения были возвращены земли, неправомерно у них отнятые, дабы презираемые до того времени римляне могли жить в полной безопасности.

Совершенно аналогичное определение находим мы в своде законов вестготов, которое гласит, что раз произведенный между готом и римлянином раздел не должен после этого больше подвергаться каким-либо дополнительным изменениям. Ни римлянин не должен претендентовать на обе трети гота, ни гот на треть, принадлежащую римлянину.

Наконец, мы узнаем, что Одоакр сместил последнего римского императора, так как германцы требовали себе третью часть всей земли, а римляне на это не соглашались. Бургунды и вестготы захватили две трети, а потому люди Одоакра кажутся нам довольно скромными, так как они потребовали себе всего лишь одну треть.

Все это составляет основное содержание дошедших до нас исторических сообщений, исходя из которых мы должны нарисовать картину того, каким образом прошел процесс расселения и укрепления германцев среди римлян, определивший собою все последующее развитие истории.

Аграрный строй Римской империи

характеризуется в основном тремя типами владения: во-первых, мелкокрестьянским, при котором земля обрабатывалась главным образом личным трудом крестьян, их семьи и, может быть, одного раба или одной рабыни; во-вторых, средневладельческим, при котором хозяева уже сами лично не работают, а пользуются в своем хозяйстве рабским трудом, но которые, однако, живя в деревне, заняты ежедневным распределением порядка работ и наблюдением за их выполнением, а живя в городе, передают ведение хозяйства управляющему; наконец, крупновладельческим, при котором помещики управляют своим имением, может быть, так же, как и хозяева второго типа, или тоже передают это дело в руки управляющего, но которые все же главным образом делят свое владение между колонами, т.е. полусвободными людьми, прикрепленными к земле, крепостными, которые работают в качестве мелких крестьян, отдают часть своих доходов своему хозяину и также отбывают ему барщину. Из этих трех типов владения в данную эпоху первый тип встречался лишь весьма спорадически. Большинство прежних свободных крестьян перешло в сословие колонов, хотя и потеряв вследствие этого свою полную свободу, но зато приобретя в лице экономически

мощного хозяина сильную хозяйственную опору и патрона, защищавшего их права.

Второй тип более крупного владения, основанного на рабском труде, хотя порой еще и встречался в некоторых местах, но все же, за исключением горожан-землевладельцев, живших в городах, был очень редок. Значительно подавляющее большинство всех земель и недр принадлежало крупным владельцам, а работа на них производилась трудом колонов[52].

Совершенно ясно, что единственной формой владения, которая давала возможность произвести раздел с бургундами, была именно эта третья форма. Колон не мог разделить своего участка, ибо в таком случае он вообще не смог бы сохранить за собою такое владение, на котором можно было бы вести хозяйство. Равным образом бургунд не был бы склонен удовольствоваться таким маленьким участком земли, который даже не достигал бы размеров полного участка колона, – по крайней мере в том случае, если он рассчитывал стать крестьянином на этом клочке земли. Но ведь он был призван в эту страну не для того чтобы стать крестьянином, а чтобы быть воином и защищать страну. Даже 70 лет спустя бургундский король Сигизмунд в одном своем письме к императору Анастасию назвал свой

народ императорскими солдатами (milites). Германцы до этого времени очень мало занимались земледелием, а, кроме того, мужчины вообще очень мало расходовали труда на это дело. Они жили главным образом тем, что им давали их стада и охота. Поэтому они в любую минуту были готовы всей своей массой выступить в поход. Если бы они были крестьянами, они этого уже не могли бы сделать. Ведь крестьянин в некоторые времена года совсем не может покинуть своего хозяйства, а в других случаях может оставлять его вообще лишь на короткое время, в особенности летом. Но бургунды были слишком малочисленны для того, чтобы достигнуть каких-нибудь результатов, выступив в поход лишь с теми, кто был лишним в хозяйстве. При выступлении в поход их войско должно было включать по возможности всех мужчин.

Но все же их было слишком мало для того, чтобы они могли таким образом наполнить всю ту большую страну, которую они, правда, заняли не тотчас же после 443 г., но в течение ближайших поколений, чтобы на каждом или на значительном большинстве крестьянских дворов сидел теперь рядом с римским также и бургундский крестьянин. Ян в своей "Истории бургундов" (т. I, стр. 389), исходя из баснословных цифр, которые

признавались раньше достоверными, исчисляет количество бургундов, вступивших в эту страну в 443 г., в 93 000 мужчин (281 700 человек). Снизив эту цифру благодаря нашему исчислению до 3 000–5 000 человек, мы имеем возможность установить теперь совершенно иные предпосылки для этого расселения.

Наконец, следует принять в соображение и то, что бургунды заняли свою страну не сразу, а в несколько этапов. Совершенно то же самое произошло и с вестготами, которые были первоначально поселены на Гаронне, а затем постепенно заняли всю страну вплоть до Луары и до Роны, а на юге даже по ту сторону Роны вплоть до Альп и, наконец, большую часть Испании. Невозможно допустить, чтобы люди, которые согласились при разделе принять крестьянский двор и устроили на нем свое хозяйство, через несколько лет всей своей массой снова двинулись дальше, чтобы в каком-нибудь ином месте получить такой же небольшой участок земли, являющийся частицей какого-либо имения. И наоборот, остготы во время своей войны с Юстинианом однажды объявили, что они готовы уступить всю Италию и удовольствоваться страной, лежащей к северу от По[53]. Это является достаточным доказательством того, что хотя они

уже и прожили в этой стране в течение 50 лет, все же не осели и не укрепились в ней в качестве крестьян.

Поэтому, не коснулся ли раздел средних поместий, в которых работы производились при помощи некоторого количества рабов? Но и это едва ли вероятно. Средние владельцы были в большинстве случаев горожанами. По еще сохранившемуся административному и финансово-податному порядку на них лежала ответственность, от которой они тотчас же освободились бы, если бы у них отняли их поместья[54]. Однако, не только с точки зрения римлян, но и с точки зрения германцев было бы совершенно невозможно провести в жизнь мысль о разделе такого рода средних поместий.

Бургунд, принявший такое владение, оказался бы в очень большом затруднении. Ведь он не обладал ни достаточными познаниями, ни достаточными способностями для того, чтобы самостоятельно управлять таким имением. И, конечно, совершенно чуждым для него делом было руководить ежедневным выполнением работ, еще более чуждым – организовывать коммерческую реализацию продуктов, и, наконец, он был менее всего способен к ведению книг. Он был бы принужден взять себе управляющего, но

даже контроль над таким управляющим превосходил бы его способности и не соответствовал бы его наклонностям. Даже при проведении необходимой реорганизации своих двух третей имения этот новый хозяин, без всякого сомнения, потерпел бы неудачу. Единственной возможной формой использования более или менее крупного имения варваром было его разделение на колонатные участки, т.е. такая хозяйственная форма, которая с древнейших времен являлась обычной формой хозяйства на родине германцев, как нам об этом сообщает Тацит. Но колонатный тип хозяйства совершенно не подходит к небольшому поместью средней руки. И свободный рядовой член общества в древнейшей Германии, конечно, редко имел даже одного колона, потому что иначе это означало бы, что он разрешает своему колону обзаводиться семьей, которую надо было прокормить в тяжелые годы, а такие тяжелые годы, годы голодовок, были нередким явлением. С другой же стороны, крупное хозяйство располагает таким большим количеством запасов, которое позволяет производить совершенно иные расчеты. Да к тому же три или четыре колона не в состоянии прокормить семью своего хозяина. Число колонов должно было быть гораздо более значительным.

Следовательно, среднее хозяйство организовывалось таким образом, что в нем несвободными пользовались не в качестве колонов, а в качестве прислуги. Колонатное хозяйство является в первую очередь и прежде всего крупным хозяйством.

Поэтому для раздела между римлянами и германцами оказались пригодными лишь крупные хозяйства, основанные на труде колонов.

Выше мы уже привели тот параграф из бургундского свода законов, согласно которому римляне принуждены были уступить бургундам две трети своей земли и одну треть несвободного населения. Дальше говорится, что двор, сады (виноградники), расчищенные под пашню участки леса и леса делятся пополам между обеими сторонами. Этот втройне различный способ деления – 2/3, 1/2, 1/3 – должен иметь свои причины и нуждается в объяснении[55], которое заключается приблизительно в следующем.

Те две трети пахотной земли, которые римский владелец уступал бургунду, являлись главным образом землями колонов. Та треть, которую он удерживал за собой, была отчасти землей колонов, но главным образом – той пашней, которую он сам возделывал, и к тому же он сохранил за собой половину леса, сада и

виноградника. Для того чтобы иметь возможность обслужить рабочими руками эту часть своего хозяйства, владелец должен был сохранить за собой две трети несвободного населения своего поместья, так как несвободными являются не только сельскохозяйственные рабочие, но также и дворовая челядь, прислуга и различные ремесленники, число которых не могло или не должно было быть уменьшено, так как большая часть пахотной земли была отчуждена от имения.

Что же делал теперь бургунд с двумя третями пахотной земли и лишь е одной третью рабов? Можно было бы, пожалуй, принять, что он привел с собой такое большое количество рабов, что он из их числа мог бы покрыть недостаток в рабочих руках, если бы обнаружился такой недостаток в необходимых для хозяйства сельскохозяйственных рабочих. Но возможна также и совершенно иная цепь фактов.

Мы уже видели, что, судя по предпосылкам и целям разделения земли, для этого оказались пригодными лишь крупные поместья.

Совершенно невозможно, чтобы в разделении земель участвовали все бургунды, и при том так, чтобы на каждого крупного римского землевладельца приходилось бы по одному бургунду. Как ни мало было бургундов, все же они

были для этого слишком многочисленны, в особенности же при своем первом поселении в Сапаудии.

Следовательно, германцы, с которыми римляне должны были произвести дележ, были либо знатные люди, либо предводители. То место у хроникера, которое говорит, что бургундцы должны были разделить земли с "сенаторами", т.е., по тогдашнему словоупотреблению, с аристократами, должно быть понятно в буквальном смысле.

Таким образом, здесь мы находим объяснение тому необычайному различию, которое заключалось в том, что римлянин должен был уступить две трети пахотной земли, но лишь одну треть несвободного населения. Сюда включалось некоторое количество колонных дворов, которые передавались незанятыми. И эти крестьянские дворы занимались рядовыми свободными членами бургундских общин.

Описанный в наших источниках способ расселения и разделения совершенно не подходит к простым германцам. Небольшое поместье не могло его удовлетворить, но занять более крупное он уже не был в состоянии, так как был в хозяйственном отношении совершенно необразованным и неразвитым человеком.

Переход от полукоммунистического родового строя, в условиях которого он до этого времени жил, к индивидуальному хозяйству мог произойти лишь очень постепенно и к тому же тем более медленно, что налицо не было никакого импульса к такого рода переходу. Ведь в то время господствующей над всем мыслью могла быть лишь мысль о том, что тот военный быт, в условиях которого жили, не только не нужно было уничтожать, но, наоборот, он должен был быть возможно дольше сохранен.

Дело заключалось в том, чтобы приспособить германский быт к условиям римской культурной жизни. Было совершенно невозможно, чтобы дикие воины продолжали свой прежний образ жизни среди римлян. Но то, что мы вычитали из наших источников, дает нам наглядную и ясную картину этих новых условий. Крупные римские помещики, которые до этого времени содержали варварских наемников, платя огромные натуральные повинности и подати, и которые все же при возникновении спора должны были быть готовы к тому, чтобы их поместье было самым безжалостным образом разграблено этими же самыми наемниками, освободились от части этих тягот посредством уступки земли.

Германцы разделились на сравнительно

сильные отряды соответственно числу крупных земельных поместий. Каждый их предводитель завладел половиной дома, двора, сада, виноградника, леса и двумя третями пахотной земли с находящимися на ней дворами колонов. В пустые дворы или в те, которые для этой цели были освобождены, он посадил своих товарищей по роду или своих подданных с их семьями, и эти люди должны были хозяйничать на этих дворах так, как они это умели или насколько их к этому побуждало их прилежание. Но своим основным призванием они все же по-прежнему считали военное дело и в большинстве случаев надеялись на то, что именно оно их прокормит. Если в течение какого-либо года не было ни одного похода, то приходилось обходиться доходами с хозяйства или же запасами. Если же была война, то хотя полководец и не платил жалованья наличными деньгами, но зато снабжал своих воинов и обещал им добычу.

Воинственность заключается не только в личной храбрости и боеспособности, но и в готовности по первому приказу двинуться в поход. Но, чтобы выступить в поход, – конечно, в том случае, если надо выйти за пределы непосредственно примыкающего соседнего района, – требуется такое снаряжение, которое

отдельный человек не в силах выставить. Ведь каждый человек нуждается в гораздо большем количестве продовольствия, чем то, которое он может нести на себе; он нуждается в запасном вооружении, в уходе за собой в случае болезни или ранения. Отдельный человек не в состоянии выставить необходимые для этой цели повозки и упряжной скот. Этого не может сделать даже такой человек, которого следовало бы причислить к средним владельцам. Для этого необходимо длительно существующая и обеспеченная средствами организация, как та, которой располагала существовавшая до этого времени родовая община.

Если херуски и их союзники однажды в течение ряда недель или месяцев осаждали крепость Ализо, то находившиеся там отряды отдельных округов должны были быть обеспечены подвозом продовольствия и полным снабжением со стороны своих товарищей по роду, так как венный поход на расстояние 5–6 переходов, длившийся в течение такого же числа недель, требовал очень больших приготовлений и очень крупного снабжения. Эта организация продолжала функционировать и во время тех походов, которые совершались в эпоху переселения народов.

Наши источники дают нам некоторые указания на то, каким образом германцы справлялись с этой потребностью после своего поселения.

Мы можем заметить, что крупное земельное поместье, переданное знатному человеку, не передавалось ему просто на условиях полной собственности. Эта "доля" хотя и передается по наследству, однако, не может быть отчуждена или разделена по усмотрению владельца и остается во владении мужской линии рода, пока таковая имеется налицо, не переходя в руки дочерей. В некоторых выражениях, встречающихся в бургундском своде законов, как бы проглядывает мысль об общей семейной собственности[56]. Отдельный человек не имел права продавать своей доли по собственному усмотрению, а отсюда вытекает, что он помимо этого имел еще другое поместье. Тот человек, которому король пожаловал поместье, обязан ему за это служить верой и правдой (разд. I, § 4).

Отсюда я считал бы возможным сделать тот вывод, что вновь созданные крупные германские помещики имели некоторые обязанности по отношению к своим соотечественникам, поселенным на крестьянских дворах, а именно – были обязаны их защищать. Ни в бургундском

своде законов, ни в каком-либо другом месте мы не находим ни одного предписания, прямо указывающего на этот факт, но, может быть, такое предписание было, с одной стороны, излишним, а с другой – его было трудно юридически формулировать. Там, где еще было живо представление о древнем роде, хотя бы и в сильно ослабленной форме, там жил еще и традиционный патриархально-коммунистический дух. Каждая германская группа, поселенная в римском поместье, еще сохраняла некоторый остаток древнего родового строя. И когда эта группа призывалась на войну, то, по германским представлениям, не требовалось никакого особого предписания для того, чтобы предводитель, в непосредственное распоряжение которого были переданы большая часть имения и его несвободного населения, мобилизовал эти ресурсы. Юридической формы для этого положения не существовало.

Мы не можем сказать, каковы были пределы и какова была продолжительность фактического действия этого момента. Конечно, полностью отрицать этого момента нельзя. Но теперь наряду с этим стояло административное управление, которое германцы вскоре окончательно вырвали из рук римлян. Германский король поставил над

каждой областью графа с его чиновниками, которые снабжали войско, пользуясь для этой цели теми поставками натурой, которые было обязано делать римское население. Мы видим, как среди вестготов и остготов еще сохраняется во всем своем объеме римская налоговая система, но в то же время гражданам разрешается при выполнении своих повинностей платежи наличными деньгами заменять поставками натурой. В вестготском законе мы находим предписания относительно поставок зерна и относительно складов, а также предписания, угрожающие наказанием нечестным управителям[57]. Также и в законах остготов мы находим частые упоминания складов[58].

Таким образом, с нашей точкой зрения очень хорошо согласуется факт постепенного расширения области расселения как бургундов, так и вестготов. Рядовой человек не считал бы себя прочно прикрепленным к своему двору, но чувствовал себя здесь так же свободно, как он себя чувствовал до этого на берегах Рейна или в далеких областях Восточной Германии. Он не имел ничего против того, чтобы переселиться в другую область, если этого требовали король и предводители. При этом, конечно, выигрывал король, который усиливал свое могущество и

умножал свои доходы; одновременно выигрывали и те, которые в качестве младших сыновей, вышедших из среды уже поселенных знатных семей или же благодаря милости короля, возвышались до положения крупных землевладельцев. В конце концов бургундское государство, разделенное приблизительно на 30 графств или округов, заняло пространство в 2 000–2 500 квадратных миль. Таким образом, на каждое такое графство приходилось в среднем не более 200 воинов[59].

Однако большая часть этих воинов уже не находилась в положении рядовых свободных членов родовой общины, но была на службе одного из новых знатных господ или одного из королевских графов. Те огромные владения, которые получили германцы при своем поселении, стали в значительно подавляющей части достоянием очень малочисленного класса. Можно было бы спросить, почему рядовые свободные члены общины допустили такой дележ? Но ведь нельзя же было всю массу воинов сразу превратить в крупных помещиков, да к тому же очень многие из них получили косвенным образом некоторую долю этих имений, поступив на службу к новым помещикам и сохранив при этом свое звание и свой облик воина, потому что эти

помещики хотели иметь на своей службе именно воинов. При этом стало исчезать понятие древнего рода и распадаться его внутренняя спайка.

Раньше царило представление о том, что в отнятии у римлян двух третей всей их земли для поселения на ней германцев скрывается такой переворот в отношении к собственности, какого в другие эпохи история не знает. Но от такой точки зрения мы отказались.

На место колоссального переворота во всех отношениях к собственности нами был поставлен новый способ управления войском, приспособленный к условиям натурального хозяйства. Нет никакой необходимости признавать, что даже там, где действительно производилось отчуждение земли, отдельные произвольно выхваченные люди были вынуждены жертвовать своим имением. Основное положение "две трети пахотной земли, половина двора, треть крепостных" распространялось не на всю совокупность римских владений, которые были весьма различны и могли находиться во многих округах, но в каждом данном случае лишь на то имение или на ту деревню, которая предназначалась для поселения германцев[60].

Весьма возможно, что при разделении земель, как мы его себе теперь представляем,

принималось в соображение положение владельцев, так что для дележа выбирались поместья лишь очень крупных собственников и тяготы раскладывались до некоторой степени равномерно. Таким образом, богатые помещики с легкостью несли эти убытки.

Средний собственник, у которого конфискуются две трети его земли, не только становится значительно беднее, но и совершенно разоряется. Все его социальное положение резко меняется. Но крупный помещик, у которого из двух его поместий берутся лишь две трети одного, остается в социальном отношении тем же, чем он был раньше.

Когда Октавиан после окончания гражданской войны поселил своих ветеранов в Италии, то он не нашел ничего лучшего, как принудительно изгнать массами из целых областей гражданское население и таким образом конфискованные земли разделить между своими солдатами. Разделение земли между варварами, бургундами и готами происходило далеко не так болезненно.

У римских писателей сохранились указания на то, что римляне чувствовали себя под властью варваров лучше, чем раньше, так как бремя налогов во время римского владычества стало невыносимым. Если эта картина общественных

настроений основывается на правде, то это можно, пожалуй, объяснить тем, что не только прямое отчуждение земель было очень значительным, но и налоги почти целиком состояли теперь из натуральных поставок, которые могли выполняться в непосредственной близости от имения. Натуральная поставка на большое расстояние настолько тяжела, что она под конец становится невыносимой. С другой же стороны, ввиду недостаточного количества благородных металлов, трудно было заменить эту поставку наличными деньгами. Если же сверх того удавалось при помощи мирного соглашения с поселенными варварами обеспечить себя и своих поселян от грабительских нашествий этих варваров, то, действительно, положение вещей значительно улучшалось.

Яркую картину того, что чувствовали римские аристократы по отношению к своим германским "гостям и друзьям" (hospites), которые теперь жили рядом с ними, поселенные на продолжительное время в их имениях, рисует нам стихотворение, посланное в эпоху короля Гундобада епископом и поэтом Сидонием Аполлинарием одному из своих друзей в виде извинения за то, что он не сочинил ему настоящей свадебной песни. В переводе это стихотворение

гласит: "Как я могу, хотя и одаренный поэтическим даром, сочинить песню для празднества любви, сидя в кругу длинноволосых, слушая вместе с ними германскую речь и принужденный с серьезным лицом хвалить песни, которые поет прожорливый бургунд, умащающий свои кудри прогорклым маслом? Убегая от варварской лиры, Талия уже ничего не хочет знать о шестистопном размере (гекзаметре) с тех пор, как она видит вокруг себя семифутовых господ. Твои глаза, твои уши, твой нос можно назвать счастливыми за то, что не чувствуют с самого утра того запаха чеснока и лука, который изрыгает целый десяток сосудов (котлов или кувшинов?). На тебя не нападает еще до рассвета, как на старого дядю или как на мужа няньки, целая толпа гигантов, которых едва ли могла бы прокормить даже кухня Алкиноя. Но уже умолкает муза и обуздывает свои шутливые стихи, чтобы их не назвали сатирой".

Несмотря на насмешки благовоспитанного римлянина, нас все же радует облик тех семифутовых богатырей, которые во время пиршеств поют свои песни. И мы охотно отказались бы от всего версификаторского искусства Сидония Аполлинария, если бы этот поэт снизошел до того, чтобы записать хотя бы

одну из тех германских песен, над которыми он насмехается, или хотя бы один из рассказов своих гостей о смерти короля Гунтера или об их участии в большом сражении на каталаунских полях против Аттилы.

До сих пор мы главным образом касались лишь способа разделения земли и поселения среди бургундов и вестготов. Но это еще не говорит о том, что и у других германских народов дело происходило точно таким же образом.

Относительно вандалов до сих пор считают, что они в данном отношении поступили совершенно иначе. Они с самого начала установили иные государственно-правовые отношения с римлянами. В то время как бургундские короли приняли свою страну из рук Аэция и до последнего времени смотрели на себя, как на солдат императора и даже после падения Западно-римской империи, как на солдат константинопольского императора (или по крайней мере так называли себя), и в то время как вестготы в течение продолжительного периода смотрели на свое государство, как на часть Римской империи, Гейзерих захватил Африку силой и вскоре принудил римлян уступить ее ему в полную суверенную власть. Затем он не расселил своего народа по всей стране, но держал его в

одном месте, а именно – в области, лежавшей вблизи его столицы Карфагена – в Цейгитане, изгнав оттуда, согласно описанию наших источников – Прокопия и Виктора Витензийского, всех римлян. Но если хорошенько вдуматься, то не исключена возможность того, что поведение вандалов было очень похоже на поведение других германских народов. Их страна была гораздо больше, чем даже страна вестготов, но их число было скорее меньше, так как едва ли они насчитывали более 8 000–12 000 воинов. Поэтому вполне естественно, что они не распространились по всему североафриканскому побережью. Плодородный Тунис был достаточно богат для того, чтобы их прокормить, а для военных целей им было удобно поселиться там всем в одном месте. Чиновникам, которых король посылал для управления отдельными далекими областями, давались лишь очень небольшие карательные отряды. Вопрос теперь заключается в том, действительно ли Цейгитана была целиком разделена между завоевателями или был ли также и здесь произведен дележ, при котором за римлянами здесь были сохранены некоторые владения? Высказывания обоих наших источников по этому вопросу не могут для нас иметь решающего значения, так как оба они очень

враждебно настроены по отношению к вандалам и стремятся к тому, чтобы обрисовать в самых черных красках их свирепость и их жестокость. Но все же не исключена возможность и того, что они были правы.

При том дележе земли, который был предпринят в Италии О д о а к р о м и который затем был продолжен остготами, римляне должны были отдать лишь одну треть, что кажется особенно поразительным, так как вестготы и бургунды захватили две трети земли. Но это различие потеряет свое значение, если мы примем во внимание то истолкование, которое было дано этому предписанию. Ведь количество захваченных земель зависело не от величины подлежащей отчуждению доли каждого отдельного имения, но от общего количества отчуждавшихся земель. И хотя в Италии от каждого отдельного имения отчуждалась меньшая часть, но мы не знаем, не было ли там в то же самое время предназначено для разделения соответственно большее количество поместий.

Поэтому нам кажется более важным, чем различие в доле дележа, другое различие, а именно то, что остготы, как нам сообщают источники, должны были платить поземельную подать. Бургунды и вестготы[61] не платили этой

подати, так как переданная им земля являлась, так сказать, их жалованьем. Теодорих же дал своим воинам также и вознаграждение наличными деньгами, которое хотя и не было регулярным жалованьем, но являлось своего рода годичным подарком. А однажды он ясно подчеркнул, что эти деньги являются доходами от податей, которые он, не будучи скрягой, не хотел брать лично для себя, но которые он отдавал в пользу своих соотечественников.

Мы не имеем достоверных свидетельств современников относительно поведения лангобардов в Италии. Согласно более поздним свидетельствам, сохранившимся у Павла Диакона, кажется, что они попросту прогнали и уничтожили римскую аристократию и заняли ее место.

Германские племена на римской почве являлись первоначально не чем иным, как войсками. Их первое поселение рассматривается как своего рода расквартирование. Но затем их предводители, германские короли, берут в свои руки также и гражданское управление. Они управляют страной при помощи графов, которых они ставят на место прежних римских чиновников. Отчуждение земель не является, в сущности говоря, основным и решающим

моментом, – это лишь частичное освобождение от податей, поставок и постоя. Основным и решающим моментом здесь является то обстоятельство, что при помощи и посредством германской военной и войсковой организации весь германский государственный строй со всеми своими правовыми и общественными понятиями постепенно ставится на место римского или же ему прививается.

Аналогию этого процесса образования германо-романских государств дает нам эволюция некоторых фактов, относящихся к более близкой нам исторической эпохе. Я имей в виду организацию управления в прусском государстве. Подобно тому как бургунды и готы первоначально являлись не чем иным, как войском, которое ради удовлетворения своих потребностей взяло в свои руки гражданское управление, а также часть национального достояния, точно так же и прусское административное управление выросло из первоначальных снабженческих органов армии. Вместо римского государственного или коммунального чиновника во главе округа, который приблизительно соответствовал древнему германскому племени, становится германский граф, назначаемый своим королем. Из комиссаров по передвижению, расквартированию и

снабжению бранденбургской армии во время и после Тридцатилетней войны появились ландраты, военные камеры и генеральная директория. Из системы взысканий поставок, повинностей и податей для содержания армии выросла система попечительного управления всей страной, из бранденбургско-прусской армии выросло прусское государство.

ЛИТЕРАТУРА

Основной работой по вопросу с поселении германцев до сих пор еще является книга Гауппа "Германские поселения и разделы земли в провинциях Западно-римской империи" (Gaupp, "Die germanischen Ansiedelungen und Landeteilungen in den Provinzen des rцmischen Westreiches", 1844).

Далее существенным образом должны быть приняты во внимание следующие работы:

Альб. Ян, "История бургундионов и Бургундии" (Alb. Jahn, "Die Geschichte der Burgundionen und Burgundiens", Bd. 2, 1874).

Г. Кауфманн, "Критические дополнения к истории бургундов в Галлии. Исследования по истории Германии", том 10 (G. Kaufmann, "Kritische Erцrterungen z. Gesch. d. Burgunder in Gallien. Forsch. z. deutschen Gesch.", Bd. 10).

Из большой работы Феликса Дана "Короли германцев" (Felix Dahn, "Die Kцnige der Germanen") для наших целей особенно ценны III том (1866), содержащий "Организацию остготского государства в

Италии" ("Verfassung des ostgothischen Reiches in Italien"), а также V (1870) и VI тома (2-е издание 1885 г.), содержащие историю и описание государственного строя вестготов.

Новейшей работой в этой области является работа Р. Салей "О поселении бургундов в поместьях галло-римлян" (R. Saleilles, "Sur l'йtablissement des Burgundes sur les domaines des Gallo-Romains". Revue bourguigeonne de l'Enseignement supйrieur, 1891, 1, 2.) Тут же помещен и более подробный перечень литературы.

"Закон бургундов" ("Lex Burgundionum") или "Закон Гундобада" ("Lex Gundobad") заново издан Биндингом в "Fontes rerum Bernensium", 1883.

Gingins в своей работе "О поселении бургундов в Галлии" ("Sur l'etablissement des Burgundes dans la Gaule". Memorie della Academia di Torino, t. XL, 1838) пытался доказать, что между бургундами и римлянами делились не отдельные пахотные земли, но целые местности, и что раздел производился по округам (nach pagi). Это, конечно, неправильно, и нам нет необходимости к этому возвращаться, но все же в этой точке зрения содержится некоторое зернышко истины, так как неправильной оказалась и противоположная точка зрения, утверждающая, что пахотные земли делились повсюду и что, таким образом, бургунды поодиночке были рассеяны по всей стране. Простые бургунды оставались объединенными в группы, а так как они были арианами, то еще в течение долгого времени держались особняком от римлян. Gingins на стр. 224 рассказывает, что одна часть города Арбуа называется "bourg des faramins". Это было бы совершенно правильно сопоставить с тем

фактом, что здесь была поселена в одном месте группа бургундов. "Faramanni" – это мужи рода, члены родовой общины.

MANCIPIA

Моя точка зрения предполагает, что "mancipia", т.е. "несвободные", подлежавшие отчуждению, охватывали также и колонов. Совершенно достоверно, что термин "mancipia" может обозначать не только собственно рабов, но и колонов. Раздел 7-й "Закона бургундов" применяет в совершенно одинаковом значении, ставя наряду друг с другом, термины "servus" (раб), "colonus" (колон), "originarius", "mancipium". Другие места приведены у Вайца в "Истории германского государственного права" (Waitz, "D. Verf.-Gesch.", Bd. 2, 173 ff.). Поэтому уже Эйххорн перевел термин "mancipia", обозначавший тех, которых римляне должны были уступить бургундам, просто словом "колоны". Но все же необходимо доказать, что это действительно так и было на самом деле, так как слово "mancipia" может здесь обозначать и настоящих рабов, как это и было понято новейшими исследователями. Я думаю, что дело заключается в следующем. Если бы термин "mancipia", примененный в "Законе Гундобада", исключал колонов, то раздел земель коснулся бы исключительно той части земельного владения, которое обрабатывалось крупнопроизводительным способом, причем бургунды получали две трети этой земли и одну треть наличного числа рабов для обработки этой земли. Совершенно невозможно, чтобы от каждого колонного двора отчуждались две

трети земли и передавались бургундам, так как в таком случае колоны в хозяйственном отношении оказались бы нежизнеспособными. С другой же стороны, отчужденная часть крупного поместья ни в коем случае не могла бы удовлетворить бургундов. Ведь количество и размеры таких крупных хозяйств, по сравнению с колонными хозяйствами, были невелики. Передача половины дома, двора и стада, без передачи более или менее значительного количества колонов, дала бы бургундам в руки амбары, лишенные их содержимого. Поэтому термин "mancipia" должен здесь обязательно включать колонов.

Параграф 142-й эдикта остгота Теодориха разрешает господам удалять из своего имения и по собственному усмотрению продавать "деревенских рабов (mancipia), даже в том случае, если они являются колонами".

Дан это объясняет таким образом (IV, 90), что готы (это, впрочем, уже доказано) привели с собой очень многих рабов, которых они частью хотели поселить на дворах колонов. Поэтому они добились того, что им разрешили поступать по собственному усмотрению с прежними колонами.

РАЗДЕЛ КРУПНОГО ПОМЕСТЬЯ

Тот факт, что разделы производились лишь между бургундскими и римскими аристократами, подтверждается также и тем, что как в бургундском, так и в вестготском законах при разделе особенно подчеркиваются леса. Обычно владение лесами не связывается с мелким земельным владением.

Дан ("Короли", VI, 168) говорит: "Сословие

свободных членов общины (вестготов) распадается на три слоя: высший слой, находясь в постоянно текучем движении, поднимается до степени господствующей знати; теряющееся в своем ничтожестве незначительное меньшинство занимает лишенную какого-либо значения середину; а значительное большинство опускается до уровня "незначительных", "низших", "маленьких", т.е. бедных людей, находящихся либо выше, либо ниже уровня несвободных". Эти опускающиеся, конечно, никогда не были средними помещиками.

РАЗДЕЛ ДОМА И ДВОРА

Удивительно то, что в разделе 45-м "Закона бургундов" не упоминается дом в качестве объекта дележа; равным образом не упоминается он и в "Законе вестготов". Отсюда сделали тот вывод, что римляне на самом деле сохраняли за собой свои дома и что германцы строили себе свои собственные дома. Это было бы резонно, так как раздел на продолжительное время дома, который мы должны себе представить в качестве довольно крепкого замка, неминуемо должен был бы повлечь за собой большие неудобства. Хотя в римских предписаниях о расквартировании войск очень подробно регулируется именно раздел дома, но такой раздел всегда был лишь временным явлением. А раздел земли, хотя, конечно, и связывался с сохранившимися формами расквартирования, однако, он все же являлся чем-то другим, не только потому, что разделу подвергалась также и земля, но прежде всего по той причине, что дело шло не о временном, но о постоянном состоянии.

Пожалуй, еще более трудным, чем раздел дома, кажется мне раздел двора со стойлами и амбарами. Германцы считали двор точно ограниченным участком. Lex Bajuv. XI, § 1: "Если кто-либо в чужой двор насильно и противозаконно проникнет". Lex. Alam. Lib. III, C. § 3: "Если в чужой двор войдет". Lex Visig. VIII, 1, § 4: "Какой бы хозяин... в доме или во дворе своем дверь закрыл". Поэтому я долго колебался, следует ли действительно признавать раздел двора у бургундов.

Тит. 44, 2 гласит: "Подобно тому как это уже давно было постановлено, мы приказали вообще взять у римлян половину лесов и то же самое относительно двора и садов по отношению к фараманнам, согласно принятому условию, по которому римляне признавали, что следует взять половину".

Я сперва думал, не следует ли здесь понимать слово "двор" (curtis) в собирательном смысле – как совокупность всех дворов колонов, половина которых должна быть отчуждена. Но, несмотря на все пренебрежение текста этого закона к правильным латинским оборотам речи, такое объяснение мне кажется неподходящим. Все же мы должны по-прежнему признать, что здесь подразумевается господский двор, который подлежал реальному разделу. Следовательно, сюда включался и дом.

ОБА HOSPITES

Гаупп, Биндинг, Ян и Кауфманн единогласно считают, что один римский hospes (хозяин) всегда противопоставлялся одному бургунду, с которым тот и производил дележ. Салей же, оспаривая это, пытался

доказать обратное, а именно, что многие разделы "Закона Гундобада", в особенности тит. 67-й, могут быть поняты лишь в том смысле, что несколько бургундских hospites (гостей) противостояли одному римлянину. Это согласуется с нашей точкой зрения. Тит. 67-й гласит: "Те, которые владеют пахотной землей или землей колонов, признают необходимость разделения между собой леса соответственно виду земли или характеру своего владения. У римлянина, однако, сохраняется половина лесов в расчищенных участках".

Биндинг считает вторую фразу интерполированной. Этому как будто бы противоречат тит. 13-й и 31-й. Тит. 13-й гласит: "Если кто-либо – бургунд или римлянин – расчистит или уже расчистил а общем лесу участок под пашню, то пусть он отведет своему гостю такое же количество леса и расчистит его под пашню, а тем что сделал, пусть владеет, отдав гостю уступленную ему долю".

Тит. 31-й гласит: "Кто на общем поле, не встречая ни с чьей стороны возражений, устроит виноградник, тот пусть возместит такой же участок земли тому, на чьем поле он устроил виноградник".

В обеих этих статьях, очевидно, предполагается наличие лишь двух совладельцев "общего поля" (communis campus). Это объясняется тем, что тогда еще не думали, что простые бургунды могут расчищать леса под пашни или разбивать виноградники. До такой высоты хозяйственной деятельности могли подниматься в крайнем случае лишь знатные люди. Рядовой член родовой общины (faramannus), который вместе с 20 и 30 другими своими соплеменниками был поселен в какой-либо

деревне и совместно с ними претендовал на владение половиной общего леса и общих пастбищ, конечно, не смог бы по своему усмотрению занимать лично для себя из этого земельного фонда отдельного участка или разбивать виноградник, возместив римскому совладельцу точно такой же участок земли; и, наоборот, римлянин тем более не смог бы сделать этого по отношению ко всем бургундам.

Вообще потребность в такого рода постановлениях, которые встречаются также и у вестготов, объясняется не столько хозяйственным рвением германцев, сколько потребностями римлян, которые пытались возместить себе отчужденные от них участки пахотной земли новыми расчистками земли под пашни в тех лесах, которые остались в их общем владении.

БУРГУНДЫ, КОТОРЫЕ ПРИШЛИ ПОЗДНЕЕ

Ст. 107-я, прилож. II, § 11 "Закона бургундов" гласит: "Относительно же римлян мы приказали, чтобы бургунды, которые пришли позднее, не требовали более того, что необходимо в настоящее время, т.е. более половины земли. Другая же половина со всей совокупностью несвободных остается во владении римлян. Поэтому мы не допустим никакого насилия".

"Бургунды, пришедшие позднее", конечно, могут быть лишь позднее пришедшими поселенцами. Но что это за земля (terra), половина которой, к тому же без несвободного населения, должна быть им передана? Половина ли участка колона? Но это невозможно, что вытекает из неоднократно приведенных нами выше

причин. Половина ли крупного хозяйства? Это было бы очень много, но при отсутствии рабов это принесло бы мало пользы поселенцу. Старался ли граф, в округе которого хотел или должен был поселиться этот новый поселенец, подобрать ему поместье, соответствующее его хозяйственным силам, т.е. подыскивал ли он более крупное имение для более благосостоятельного человека, который приходил со своими рабами, со скотом и инвентарем, или же участок колона для почти неимущего, предназначая эти земли для дележа? Но это было бы невыносимым произволом, который к тому же в первую очередь освобождал бы от этой тяготы самых богатых римлян.

Мне кажется, дело надо себе представлять таким образом. Бургунды, пришедшие позднее, были либо отдельные лица, по большей части прожившие некоторое время в Италии или в Константинополе в качестве наемников, находившихся на римской службе, либо же целые племена или части племен. Отдельным лицам не отводилось отдельных участков для поселения. Они теперь либо поступали на службу к какому-либо знатному бургунду, либо разыскивали свой род или свою семью и устраивались у них и при их помощи. Наш параграф не касается такого рода случаев. Он, скорее, относится к целым группам людей, которые впоследствии дополнительно приходили из Германии. Этим людям позднее предоставлялось имение из владений какого-либо римского аристократа, так что каждая бургундская семья получала здесь, как и при прежних разделах, двор колона, т.е. соответствующий участок господской пашни, в качестве свободного владения. Выселяемых колонов их хозяин должен был устроить

в других местах. Римлянин должен был уступать "не больше половины", а не попросту половину, так как это повело бы к очень неравномерному распределению вследствие того, что в каждом отдельном случае устанавливались бы очень неравномерные соотношения между случайным количеством поселенцев и величиной данного поместья. При первоначальном поселении всегда фактически отчуждались две трети земли, причем излишки попадали в руки хунно или какого-либо другого предводителя группы германцев, который, как мы это видели, должен был заботиться об удовлетворении некоторых определенных военных потребностей, приобретая при этом для самого себя высокое социально-экономическое положение. Пришедшим позднее этих преимуществ уже не предоставляли. Если их призывали на войну, то обязанность их снаряжения падала на графа.

КОРОЛЕВСКОЕ ДАРЕНИЕ И "ГОСТЕПРИИМСТВО"

Ст. 54-я "Бургундского закона" предписывает, чтобы тот, кто получил благодаря щедрости короля землю и людей, не мог помимо того требовать себе двух третей земли и одной трети рабов "в том месте, где ему оказано гостеприимство". Каким образом человек, получивший от короля в дар поместье, где бы он ни жил, мог бы еще в каком-либо ином месте быть "гостем" (hospes)? Два объяснения кажутся нам возможными.

Могло случиться, что понятие "гостя" настолько сильно изменилось, что оно уже не обозначало

фактически расквартированного, но обозначало того, кто претендовал на определенные отчуждения и уступки в качестве расквартированного. Таким образом, избегали того обходного пути, пользуясь которым поссессоры сперва отдавали то, что они должны были отдать центральному органу, а тот в свою очередь делил это между сотнями. Предводители сотен (или их частей) шли непосредственно к тем, кто обязан был производить отчуждения, но при некоторых обстоятельствах злоупотребляли этим правом требовать отчуждения земель.

Другим и, пожалуй, лучшим объяснением является то, что гостеприимство (hospitalitas) означает здесь расквартирование в древнем смысле, которое произошло ранее, чем данное лицо получило свой земельный дар от короля. Принимая во владение эти пожалованные земли, он все еще утверждал существование своего права на расквартирование там, где он им пользовался раньше, и выводил отсюда свою претензию на раздел.

Помимо этого, из приведенного выше постановления косвенным образом вытекает еще и то, что фактически подвергалась разделу не вся территория области, но лишь определенные избранные поместья, так как эта статья признает, что римляне незаконным образом принуждались к дележу. Конечно, это не могли быть отдельные привилегированные лица, ибо те же самые обстоятельства и отношения, которые создали их привилегии, без сомнения, защитили бы их также и от незаконного ограбления. Это постановление становится понятным лишь в том случае, если были

целые разряды или группы таких римлян, которые не обязаны были производить раздела.

Генр. Брукнер также и во втором издании своей "Истории германского права" (Heinr. Brunner, "Deutsche Rechtsgeschichte") не дает ясной картины природы и процесса "занятия земли" германцами. Он твердо придерживается своего представления, что поселения прежних и новых жителей перемежались друг с другом, как поля шахматной доски, хотя число германцев и было для этого слишком мало. С другой же стороны, теперь уже и Брукнер признает (стр. 74, прим. 4), доказывая это новым и ценным свидетельством, что дворы колонов не подвергались разделу. Помимо крупных земельных владений, на которые по преимуществу ложились убытки по проведению в жизнь этого мероприятия (стр. 74), подвергались разделу также и средней руки поместья. Но получал ли таким образом каждый бургунд две трети целого имения? В таком случае их число было бы даже гораздо меньше того, которое я принял. И, как нам это кажется, Брукнер действительно из фразы закона "народ наш... две части земли получил" хочет сделать тот вывод, что каждый бургунд получил такую долю земли.

Мне удалось установить, против кого направлена фраза (стр. 76): "как будто бы право гостеприимства (jus hospitalitatis) подняло всех германцев до уровня землевладельцев, которые могли вести жизнь рантье благодаря податям, получаемым ими от переданных им колонов".

Примечания

1 Труд P. Гроссе (Rob. "Grosse, Rцmische Militdrgeschichte bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung", Berlin 1920), несмотря на большие усилия, затраченные автором, содержит в себе очень мало результатов. Я из него ничего не смог извлечь для своего изложения. Ср. мою рецензию в "Histor. Zeitschrift", 1921.

2 Дион, 78, 17.

3 "Он собрал войска из числа подчиненных варваров, из германцев, из других кельтских племен и из бриттов" (Зосима, II, 15, 1)

4 Аммиан, XX, 4, 17. Менее ценный источник, Никифор Каллист, сообщает то же самое о Валентиниане I. Но описание, сохранившееся у Symmachus. "Orationes", I, 10, не содержит в себе этого факта, если вообще доверять этому риторическому описанию.

5 Аммиан, XXXI, 7, 11.

6 Schuchhardt, "Die Anastasiusmauer bei Konstantinopel und die Dobrudschawдlle" "Jahrbuch des archдologischen Instituts", Bd. 16, S. 107

7 Brunner, "Deutsche Recntsgeschichte", I, 39 (W. Aufl., S. 58).

8 Это правило отмечено у Dahn, "Procop von Caesarea", S. 391.

9 Аммиан, XII, 12, 61.

10 Lavisse, "Histoire de France", 1, 2. "Les origines, la Gaule indйpendante et la Gaule romaine" par G.Bloch. Paris 1901, S. 299 sq.q. Бланшэ (Ad.Blanchet, "Les enceintes romaines de la Gaule", 1907) на основании очень широкого исследования этого вопроса отвергает те теории, которые относят постройку этих укреплений лишь к эпохе Диоклетиана, к IV столетию или к еще более позднему времени.

11 См. Dahn, "Kцnige der Germanen", V, 26.

12 Mommsen, "Ostgotische Studien", N. Archiv f. д.d. Geschichte", 14, 460. L. Schmidt, "Geschichte der Vandalen", 1901, S. 65, 72, 122.

13 Исследование Требельмана о сражении при Мильвийском мосте ("Abhandlunge der Heidelberger Akademie", 1915) очень ценно в топографическом отношении, но с точки зрения военной истории столь же неправильно, как и исследование Зеека. Оба автора еще целиком порабощены представлением о громадных массовых армиях и даже верят указаниям источников на то, что войска Максенция численно превосходили – и даже во много раз превосходили – войска Константина. Так как, исходя из таких предпосылок, конечно, было совершенно невозможно построить какую-либо разумную и логически ясную связь событий, то Зеек принужден был прибегнуть к предположению, что оба полководца руководствовались не стратегическими соображениями, но снами и знамениями. Я не понимаю, почему Максенций и Константин не могли использовать свои сны таким же образом, как Фемистокл, Павзаний и Мардоний. Очень недурна статья Ландманна в книге Doelgner, "Konstantin der Grosse und seine Zeit", 1913, но ввиду недостатка источников, она дает мало материала для военной истории.

14 Удивительно то, что западно-римские войска сражаются в Добрудже и, отступая к Иллирии, наталкиваются на тайфалов. Дали ли они им возможность раньше пройти в тыл? Вероятно, эти отряды перешли через Дунай лишь тогда, когда римские войска уже продвинулись вперед дальше на Восток. Может быть и остготы лишь в это время переправились через Дунай, хотя Аммиан и рассказывает об этом раньше. Во всяком случае те подкрепления, которые получили германцы, должны были быть весьма значительными.

15 Я нахожу возможным скомбинировать здесь рассказы Евнапия и Зосимы с рассказом Аммиака. Ср. примечания.

16 C. Jirecek, "Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel", 1877. S. 145.

17 Помимо "генеральной карты" Балкан, вышедшей у Артариа в Вене в 1897 г., теперь имеется еще лучшая болгарская карта (1 : 420 000), которой я и пользовался. Она основывается на съемках, сделанных русскими офицерами во время войны 1877 – 1878 гг. Карта Европейской Турции, изданная турецким генеральным штабом, несмотря на свой

подзаголовок – "правильно выполнена генеральным штабом его, милостью Аллаха могучего, высокого и охраняющего величества", является лишь слегка измененным воспроизведением австрийской "генеральной карты", как на то указал Hardt von Hartenthurm ("Mitt. d. d. k. k. mil. geogr. Instituts". Bd. 18). Ср. L. v. Thalloczy, "Oesterreich-Ungarn und die Balkanlдnder", Budapest 1901).

18 Сократ, IV, 38.

19 Феодорит, IV, 33.

20 Созомен, IV, 40.

21 Сократ, IV, 38.

22 Л. Шмидт (Ludw. Schmidt, "Geschichte d. deutschen Stдmme", S. 172, Anm. 4) возражает против этого, указывая, что, согласно Аммиану, Себастиан пришел в Фракию лишь незадолго (paulo ante) до императора.

23 G. Kaufmann, "Deutsche Geschichte", I, 89.

24 Мне непонятно, каким образом Шмидт узнал (Schmidt, "Geschichte der Vandalen", S. 130) из указания Прокопия (II, 7), что Велизарий победил вандалов при помощи 5 000 всадников, смог вычитать тот факт, что гвардия состояла из 5 000 человек, к которым следует к тому же, по его мнению, прибавить те 15 000 человек, о которых упоминает Прокопий, когда он говорит об общей численности войска (Прокопий, I, 11).

25 "Panegyr.", IX восхваляет Константина за то, что он с меньшим количеством войск сделал больше, чем Александр, у которого было 40 000 солдат. И там же ("Panegyr.", VIII, 3, 3) мы читаем, что он победил Максенция "с едва четвертой частью войска против 100 000 врагов".

Наконец, согласно указанию "Anon Vales", Константин в 313 г. во время войны с Лицинием имел 25 000 человек.

26 С очень энергичной критикой цифр, сообщаемых Прокопием, выступил Экхардт (H. Eckhardt, "Ueber Agathias und Procop als Quellenschriftsteller fьr den Gotenkrieg. Kдnigsberger Programm", 1864). Однако, и он остается в конце концов при том мнении, что остготы в общей

сложности могли насчитывать 200 000 человек (стр. 11).

27 Римские источники указывают, что кимвры, спустившиеся в 101 г. в Италию, насчитывали 200 000 воинов. Исходя из протяжения и характера того пути, который они выбрали, я счел возможным исчислять их количество максимально в 10 000 человек. Ср. т. I, "Preuss. Jahrb." Bd. 47, 1912. S. 199.

28 Это место гласит: "Заключили мирное соглашение относительно 13 000 воинов, которых Теодорих готов был поставить на царскую службу при условии предоставления им жалованья и питания" (Malchus. ed. Bonn, p. 268).

29 Эта уловка была обычным явлением также и у римлян, в особенности же в эту эпоху. Это ясно показано в работе Мюллера (A. Mьller, "Excurs zu Tacitus", I, 46. "Philologus", 65. S. 306. Ср. Зосима, II, 33; IV, 27. См. также и у Либания).

30 Ср. Dahn, "Kцnige", II, 78, где также указаны и свидетельства источников. См. "Hist. misc.", p. 100. Ennod. v. Epiph. S. 390.

31 Недавно опубликовано в "Beih", z. Milit Wochenblatt", 1901, 11 Heft.

32 "Geschichte d. burg. rцm. Kцnigsreichs", S. 323.

33 Очень подробно писал об этом, как, впрочем, по всему этому вопросу, Jahn, "Geschichte der Burgunden", I. 337. Ср. Wietersheim-Dahn, II, 212

34 Эти места приведены у Jahn, I, S. 345.

35 Орозий, VII, 40.

36 "Собственными силами сопротивлялись оружию общего врага и в борьбе против войска соседей сами себе были и вождями и воинами" (Сидоний Аполлинарий, VII, 7, цит. у Dahn V, 93).

37 "И пусть в этом отношении из ваших душ исчезнет всякая тревога и всякий страх, так как пусть все знают, что, согласно постановлению этого эдикта, никого из римских граждан и никого из членов корпораций не следует принуждать к несению военной службы, за исключением охраны стен и ворот, по мере необходимости". "Constit. Novellae Valentin", III, tit. V). Согласно парагр. 3, все обязаны помимо

того нести повинность по постройке и починке стен, "чтобы римляне, надеясь на свою силу и на свое мужество, как это следует делать для защиты своей собственности, пользовались против врага, если это потребуется, насколько смогут, собственным оружием, сохраняя общественную дисциплину и скромность своего благородства, и охраняли бы наши провинции и свое имущество дружно, единодушно сомкнув щиты. И пусть они твердо надеются на то, что все взятое ими у побежденного врага безусловно останется за ними".

Дед Кассиодора якобы отразил вандалов, когда они грабили Сицилию и Бруттию. "Var.", I, 4, 150. Цит. по Schmidt, "Geschichte der Vandalen", S. 71.

38 Прокопий, I, 28.

39 Зосима, V, 40.

40 Mommsen, "Ostgottache Studien", "N. Archiv", 14, 504.

41 "Kцnige der Germanen", III, 3; IV, 61.

42 У остготов слово "millenarius" встречается лишь один раз, и Моммзен ("Ostgotische Studien",

"N. Arhiv", 14, 499) пытался объяснить это слово совершенно иначе, сопоставляя его со словом "millena" (земельный участок), что, впрочем мало вероятно.

43 Может быть даже существует этимологический след, который ведет от королевской власти к предводителю сотни. Аммиан (25, 5, 14) сообщает, что у бургундцев короли назывались "hendinos", а Вакернагель думал, что это слово можно сопоставлять с немецким словом "hundert" (сто). Но другие это объясняли иначе.

44 Dahn, "Kцnige der Germanen", III, 161 по Кассиодору. Позднее Теодорих в предписании общего характера указывает солдатам, что они могут при посредстве королевского чиновника Сайо обменивать у землевладельцев свои повозки, попорченные во время похода, и уставших за время пути животных. Однако, солдаты не должны при этом притеснять граждан и должны быть довольны, если за более крупных и лучших животных они получат меньших, лишь бы эти последние были здоровы (Dahn, "Kцnige", III, 88. По Кассиодору "Var", V, 10).

45 Дан (Dahn "Kцnige der Germanen", V, 82) полагает, что переселявшиеся народные армии хотя и вели за собой женщин, все же женщины не могли в соответствующем количестве следовать за войском во время военного похода. Но где же тогда готы оставляли своих жен и дочерей?

46 "Отдельные романцы, из которых некоторые, однако, уже приняли немецкие имена, встречаются – в Регенсбурге еще в IX, около Эберсберга в XI, а в Зальцбургском районе еще в XII и в XII вв." (Riezler, "Geschichle Bayerns", I, 51). Особенно в Тироле осело много романцев. В истории основания Тегернзее говорится, что эта местность была завоевана лишь тысячею баварских рыцарей. Это сказание само по себе не представляет никакой ценности, но в нем пережиточно сохранилось воспоминание о том, что эта страна была не просто оккупирована, но что здесь был покорен некий народ.

47 Waitz, "D. Verf.", II, 169, 2 Auflage, II, I, 282.

48 Brunner, "D. Rechtsgeschichte", 1.85.

49 Клуге (Kluge, "Sippensiedlung und Sippenamen", "Vierteljahrsschrift f. Soz. und Wirtsch. Gesch.",

Bd. 6. H. 1, S. 73) еще не видит в суффиксе "ingen" указания на родовое поселение. По его мнению этот суффикс просто означает лишь некоторую общую принадлежность, так что "сигмаринген" может, например, также означать и "у людей Сигимара".

50 Согласно E. Lьthi, "Der Aufmarsch der Allemannen". Pionier. Organ der Schweiz. – perman. Schulausstellung in Bern. 23 Jahrgang. N. 11, 28 Febr. 1902. Lьthi, "Zum 1500 Jubildum der Allemannen in der Westschweiz", Bern. A. Francke, 1906, S. 21.

51 "Пустынные земли города Валентины были переданы аланам для того, чтобы они их разделили между собой". Prosper Tiro. a. 440. "Аланы, которым были переданы земли самой дальней части Галлии вместе с жителями для того, чтобы они их разделили с патрицием Аэцием; сопротивлявшихся оружием усмирили и силой захватили земельные владения после того, как были изгнаны хозяева". Prosper Tiro. a. 442.

52 Мы можем здесь не касаться тех арендных и иных отношений, которые еще продолжали

существовать в эту эпоху. Ср. Brunner, "Rechtsgeschichte", I, 199.

53 Прокопий, III, 3.

54 На это обратил внимание Hartmann ("Geschichte Italiens in Mittelalter", I, 109). Конечно, ответственность членов курий не могла быть перенесена на германцев. Однако, нельзя доказать, когда и где снимались налоги вследствие раздела.

55 Кауфманн на основании веских и метких соображений опроверг ту точку зрения, что первоначальный раздел пашен 1/2 : 1/2 был впоследствии изменен новым, основанным на пропорции 2/3 : 1/3 (Kaufmann, "Forschungen zur Deutschen Geschichte", Bd. 10).

56 Gaupp, S. 352, Anm.

57 Lex Visig. IX, 2, 6.

58 Dahn, "Kцnige" III, 162, Anm. 4.

59 Под законом бургундов (Lex. Burg.) стоят подписи 31 или 32 графов (comites). Binding,

"Fontes rerum Bernensium", p. 95, Anm. 16. Однако, нет необходимости предполагать, что все эти графы (comites) были действительными правителями графств. Биндинг считает, что существовало по крайней мере 32 графства (Binding, "Gesch. d. burgund. germ. Kцnigr.", I, 324).

60 Если закон вестготов (Lex Vis., X, I, 16) допускает, чтобы гот, завладевший третьей частью (tertia) земли, принадлежащей римлянину, отдал ее обратно в том случае, если не прошла 50-летняя давность, то это, конечно, может относиться только к тем земельным владениям, хозяин которых проживает в другом месте. Ведь действительно, если гот отобрал у римлянина, с которым он должен был произвести раздел, все его владение, то вполне естественно, что этот римлянин либо начал бы с ним борьбу тотчас же, либо не начал бы уже никогда. Напротив, римский оптимат мог бы в течение долгих лет не обращать внимания на то, что одно из его имений было у него, вопреки закону, отнято целиком и, наконец, заявить на него свои права, когда при новом правителе упрочились законность и правовые гарантии.

61 Gaupp, S. 404.

Часть третья

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

Глава I

ВОЕННОЕ ДЕЛО ПРИ ЮСТИНИАНЕ

В то время как мы очень скудно осведомлены относительно истории II и III столетий, в IV веке – от сражения при Страсбурге и до сражения при Адрианополе – Аммиан Марцеллин дает нам возможность более подробно изучить и осветить историю этого периода. V столетие опять является молчаливой эпохой, а в VI веке снова еще раз появляется исторический писатель крупного стиля – Прокопий Кессарийский, которому вместе с его продолжателем Агацием мы обязаны историей войн Велизария и Нарсеса и рассказом о гибели вандалов и остготов.

Прокопий был секретарем Велизария и провел вместе с ним большую часть его походов, находясь в свите этого полководца. Он был не

только прекрасно образованным человеком, но, кроме того, учился на великих образцах, на Геродоте и Полибии, подражая им. Его критические способности незначительны, но это еще не причиняет особенно большого вреда его ценности как исторического источника. Ведь мы с этим явлением встречаемся не только у Геродота; даже критическую способность самого Полибия мы оценили значительно ниже, чем это до сих пор обычно делали исследователи. Но если даже, оставляя в стороне этот недостаток Прокопия, мы все же в нем многого не находим, и он в качестве исторического источника дает нам не столь обильные и не столь доброкачественные сведения, как на то можно было бы надеяться, то это объясняется применительно к целям нашего исследования не неправдоподобностью его рассказов (впрочем, и эту возможность не следует считать совершенно исключенной) или же его односторонностью[1]. Причина этого заключается в том, что хотя и исчезла та риторика, которая превратила Тацита в почти непригодный с военной точки зрения исторический источник, но все же осталась склонность писателя, вместо того чтобы заставлять события говорить их собственным языком, стремиться к тому, чтобы его рассказы производили впечатление даже за

счет объективных фактов. Читая Прокопия, мы довольно часто вспоминаем Геродота. И если было бы только это, то он был бы в качестве источника гораздо более ценным, чем отец истории, так как тот черпал лишь из уст народной молвы, Прокопий же – из собственных наблюдений и непосредственно у действующих лиц, у полководцев. Но все же Геродот чаще бывает ближе к истине, нежели Прокопий, ибо в своих описаниях он воздерживается от собственных прикрас, в то время как Прокопий стремится по собственному усмотрению создавать соотношения фактов и рисовать образы и даже, хотелось бы сказать, яркие картины. Я сравнил бы оба типа описаний с натуральным и стилизованным изображением растения или животного. Первое изображение показывает природу, насколько это удалось сделать художнику, второе же изображение, стиснутое в определенных формах, дает возможность лишь косвенным образом узнать природу. Как ни близок был Прокопий к событиям и как высоко ни следует ценить его произведения, все же им как источником следует пользоваться лишь с максимальной осмотрительностью и осторожностью[2].

Процесс превращения древних императорских

легионов в шайки наемников, который мы хотя и можем наблюдать уже в IV столетии и о наличии которого мы можем делать косвенные заключения, но который мы в эту эпоху, благодаря состоянию источников, можем видеть лишь как бы сквозь какую-то вуаль, этот же самый процесс в VI столетии, благодаря рассказу Прокопия, выступает ясно и отчетливо перед нашим взором, освещенный ярким светом истории[3]. Полководцы и генералы, как это правильно было замечено, являются в эту эпоху в то же время и кондотьерами – в том смысле, в каком это слово употребляется в более позднюю эпоху. Они окружены войсками, которые ими завербованы их собственным именем и которые носят название "гипаспистов" или "буккелариев" (buccellarii). Их нельзя назвать "телохранителями", так как их число достигает нескольких тысяч. И в то же время эти войска равным образом не служат и для целей "охраны". Их смысл скорее заключается в том, что наемниками легче управлять, если предводитель является в то же время и предпринимателем, посредником, организующим военное дело. Собственно личное окружение полководца образуют: дорифоры, которых можно назвать в одно и то же время штабом, адъютантами, ординарцами и

телохранителями. Наряду с отрядами гипасписто в, национальный состав которых неясен, в войсках Юстиниана мы находим самые разнообразные племенные ополчения: гуннов, армян, исавров, персов, герулов, лангобардов, гепидов, вандалов, антов, славян, арабов, мавров и массагетов.

Действующие войска незначительны. У Велизария было 25 000 человек, когда он одержал свою победу над персами при Дарасе (530 г.). Он высадился в Африке, имея не более 15 000 человек, из которых ему было достаточно 5 000 всадников, бывших в данный момент в его распоряжении, для того чтобы победить вандалов в открытом поле. Еще меньше было то войско, с которым Велизарий отправился в Италию, чтобы разрушить там остготское государство, спустя 11 лет после смерти Теодориха. Это войско насчитывало не более 10 000–11 000 человек. Со всеми подкреплениями, прибывавшими в течение пяти лет, все же в конце концов эта армия, свергшая в 539 г. владычество готов в Италии, достигла едва лишь 25 000 человек. И едва ли таким же количеством войск обладал Нарсес, когда он, после того как готы снова оправились после этого поражения, переправился через море, чтобы начать борьбу с Тотилой. В решительном сражении при Тагине он имел лишь около 15 000

человек.

Современник этой эпохи писатель Агаций (V, 13) считает, что вся совокупность римских войск должна была бы насчитывать в общей сложности 645 000 человек, но что, однако, при Юстиниане фактически имелось налицо всего лишь 150 000 человек[4]. Первое исчисление, возможно, основывается на каких-нибудь древних штатных списках вроде "Расписания должностей" и не имеет для нас никакой цены. Второе же исчисление нам не кажется невероятным, в особенности если мы вспомним, что мы исчислили войско Августа в 225 000, войско Северов, может быть, в 250 000 человек и что половина империи к этому времени была уже потеряна. Если же мы сравним эту цифру с теми войсками, которые фактически появлялись на полях сражений и численность которых, благодаря свидетельствам источников, нам хорошо известна, причем эти цифры согласуются между собой, то нам станет ясно, что 150 000 человек для действительного постоянного войска является, несомненно, преувеличенной цифрой. Если в основе этого исчисления вообще лежат какие-либо свидетельства источников, то, очевидно, эта цифра может быть объяснена лишь тем, что в это количество войск были включены

также и все пограничники[5] (limitanei), которые были совершенно неприменимы для настоящих боевых операций.

Рассказ Прокопия (IV, 26) о мобилизации того войска, при помощи которого Нарсес должен был нанести и нанес решительный удар Тотиле, чрезвычайно характеризует способ составления войск в эту эпоху, те разнообразные народы, которые входили в их состав, и то обозначение войсковых частей не по номерам легионов или по какой-либо иной схеме, но по именам предводителей, которым они принадлежали. Этот рассказ гласит[6]: "Нарсес вышел из Салоны и направился против Тотилы и готов со всем римским войском, которое достигало огромных размеров. Император дал в его распоряжение соответствующие крупные средства. Поэтому он, с одной стороны, смог собрать прекрасное войско и в достаточной мере озаботиться удовлетворением всех прочих военных потребностей, а с другой – он смог также уплатить солдатам в Италии всю ту задолженность, которую в течение непозволительно долгого времени накопил император, вместо того чтобы, как обычно, выплачивать им из государственной казны твердо установленное жалованье. У него было даже достаточно средств для того, чтобы переманить к

себе тех, которые перебежали на сторону Тотилы, и, соблазнив их звонкой приманкой, снова вернуть их в лоно империи. В то время как император Юстиниан вел сперва эту войну без особенного рвения, уже в самом конце он стал вести ее со значительным напряжением. И когда Нарсес заметил, что придется идти в Италию, то он обнаружил такое честолюбие, которое обычно свойственно полководцам. В ответ на приглашение императора он ему объявил, что лишь тогда выполнит его волю, когда в его распоряжение будут предоставлены достаточные боевые силы. Таким образом, ему удалось получить от императора деньги, людей и военное снаряжение в таком количестве, которое соответствовало достоинству Римской империи, и, проявляя неутомимую энергию, он собрал прекрасное войско. Он взял с собой из Византии очень многих солдат, а также привлек очень большое число воинов из Фракии и Иллирии. К нему также примкнул и Иоанн со своими собственными войсками и с теми, которые ему оставил его тесть Герман. Далее, при помощи богатых подарков, посланных императором Юстинианом, а также благодаря заключению союзного договора, удалось склонить короля лангобардов Аудуина к тому, чтобы выбрать из

состава своей свиты 2 500 храбрых воинов и послать их в качестве подкреплений Нарсесу, снабдив их 3 000 щитоносцев. Затем вместе с Нарсесом были отправлены более 3 000 из племени герулов, которыми наряду с другими командовал Филемут, многочисленные гунны, Дагистей со своей свитой, выпущенный ради этого из тюрьмы, много персидских перебежчиков под начальством Кабада, сына Цамеса и внука персидского царя Кабада, который, как я это уже раньше рассказывал, при помощи Хонаранга убежал от преследований своего дяди Хозроя и перешел в то время на сторону римлян; затем Асбад, молодой гепид, отличающийся выдающейся храбростью, с 300 своих соплеменников, которые также были храбрыми воинами; герул Арут, с юности воспитанный в римском духе и взявший себе в жены дочь Маврикия, сына Мунда, который, будучи сам храбрым воином, был окружен многочисленными столь же храбрыми герулами; наконец, Иоанн, получивший прозвище Пожирателя, который нами уже часто упоминался, со своим отрядом опытных в военном деле римлян. Нарсес сам по себе обладал необычайной щедростью и охотно открывал перед каждым просителем свой кошелек, а так как он получил от императора

большие средства, то тем легче мог следовать этой своей склонности к раздачам. Ввиду того, что уже с прежних времен многие командиры и солдаты почитали его в качестве своего благодетеля, все они, – лишь только стало известно его назначение на должность верховного главнокомандующего всеми войсками, действующими против Тотилы и готов, – стали тесниться к нему, пылая подлинным рвением и стараясь поступить к нему на службу отчасти для того, чтобы выплатить ему долг своей благодарности, а отчасти, вполне естественно, заслужить у него богатую награду. Особенно же расположены были к нему герулы и прочие варвары, благосклонностью которых он заручился при помощи особенной щедрости".

В этом описании не чувствуется даже слабого веяния римской культуры. Но достаточно изменить лишь некоторые имена, чтобы нам показалось, как будто мы читаем, что Валленштейн, снова вызванный императором, двигается с большой армией против Густава-Адольфа.

Непосредственная боевая сила, боеспособность этих пестрых войсковых отрядов не оставляла желать лучшего. Основным недостатком этого войска наряду с его малочисленностью, – ведь это войско Нарсеса, мощь которого описана такими

яркими красками, повторяю, насчитывало в общей сложности всего лишь 25 000 человек, – был недостаток дисциплины.

С того момента, как древнее римское войско начинает превращаться в варварское, раздаются жалобы на требования солдат и на тот вред, который они причиняют стране. Император Песценний Нигер (ум. в 194 г.) приказал, если позволительно будет привести его слова в таком вольном переводе, чтобы "солдаты были довольны своим солдатским хлебом"[7]. Аналогичный приказ издал Аврелиан (ум. в 275 г.): "Пусть никто не похитит чужого петушка и никто ни дотронется до чужой овцы. Пусть никто не унесет виноградной лозы, не обмолотит чужого хлеба и не требует масла, соли, дров, но будет доволен своим хлебом"[8]. В войсках VI столетия уже едва ли поднимали шум из-за таких мелочей, что солдат захватил с собой курицу, овцу, несколько виноградин или потребовал себе масла, соли или дров.

Прокопий восхваляет в качестве настоящего чуда и необычайной заслуги Велизария то обстоятельство, что римляне вошли в Карфаген в полном порядке, "в то время как обычно римские войска никогда не входили спокойно в собственный город, даже тогда, когда их было

всего только 500 человек". Но это же самое войско после захвата лагеря вандалов настолько забывает дисциплину и так беспутно своевольничает, потеряв страх перед своим полководцем, что Прокопий принужден опасаться, как бы при наступлении неприятеля не погибло целиком все войско. Так же своевольно, недисциплинированно и непокорно вело себя впоследствии и войско принца Германа. Велизарий, вследствие недисциплинированности своих войск, дрожит за Неаполь, а Нарсес принужден после своей победы раньше всего отослать домой лангобардские вспомогательные войска[9].

Прокопий рассказывает (III, 30), что гарнизон, оставленный Велизарием в Риме, упрекнул своего начальника Конона в том (в 548 г.), что он нажился на поставках, причинив им этим убытки. После этого солдаты убили Конона и послали нескольких священников в качестве послов к императору объявить ему, что они перейдут на сторону Тотилы и готов, если им не будет дарована амнистия и если им в определенный срок не будет выплачена задолженность по жалованью. Император согласился и выполнил их требования.

Фактически очень большая часть солдат, при помощи которых Велизарий завоевал Италию, перешла на сторону готов, как только после

отозвания Велизария из Италии там снова распалась римская власть и Тотила вновь восстановил государство готов.

Когда Тотила осадил Кентумкеллу (в 549 г.), то велел сказать римскому гарнизону, что не стоит ждать помощи от римского императора и надеяться на то, что он снимет осаду. Со своей же стороны Тотила предлагал им свободное возвращение в Византию или такое же право на вступление в войско готов. Наемники отказались от такого перехода на сторону готов, так как у них в Римской империи были жены и дети, с которыми они не хотели расставаться. Равным образом они отказались от немедленной передачи города, так как у них не было к тому основательной причины ввиду того, что они ведь хотели остаться на службе у императора. Но все же они заключили соглашение, по которому им разрешалось отправить послов к императору, чтобы описать ему их положение. Если же к определенному дню к ним не подоспеет помощь, то они согласны передать город.

Императорские наемники переходили не только на сторону германцев, но даже и на сторону персидского царя, в особенности же сами германцы. Дважды нам об этом сообщает Прокопий (в Pers., II, 7, II, 17). Германские воины,

находясь в пределах Римской империи, все еще могли надеяться на то, что им удастся соединиться со своими соплеменниками или хотя бы еще один раз соприкоснуться со своей родиной. Но переход к персам показывает нам, как это наемничество уже окончательно порывало все нити национальных и общественных связей.

И наоборот, – также и готы Витигеса и Тотилы были готовы вновь поступить на службу к императору, если дело доходило до этого и не было другого выхода. Ведь в качестве его воинов они завоевали Италию, и даже сам Теодорих всегда признавал свое в некотором отношении подчиненное положение по отношению к императору. С пленными вандалами и готами император не мог сделать ничего лучшего, как послать их в Месопотамию, чтобы они там сражались против персов[10], а персы, перешедшие на сторону римлян, сражались в Италии против готов.

Наиболее ярким выражением этой солдатчины, оторванной от какой-либо природной почвы и существовавшей вполне самостоятельно, является факт, не имеющий себе подобного во всей мировой истории, а именно – готы, увидев, что не могут более сопротивляться Велизарию, предложили ему самому, неприятельскому

полководцу, королевскую корону. Разница будет небольшая, если мы скажем, что Велизарию была предложена не столько королевская корона готов, сколько Западная империя. Мысль о том, что императорский полководец не только перейдет на их сторону, но что и народ готов беспрекословно признает его своим вождем и доверит ему верховную власть, ясно показывает, что у них в то время не было налицо даже и тени политической мысли. Однако, Велизарий остался верным императору и был достаточно умен для того, чтобы сказать себе, что такое построенное в воздухе господство, не обладая необходимой устойчивостью, не сможет долго просуществовать и что он сам в этой комбинации ничего не выиграет, а потому воспользовался предложением готов лишь для того, чтобы отнять у них последнюю сильную позицию.

Впрочем, уже войска древнего Карфагена были по своему составу похожи на эти войска Юстиниана. Войско Ганнибала состояло из африканцев, испанцев, балеарцев и галлов. И с ним также произошло, что часть нумидийских всадников перебежала на сторону римлян. А тех галлов, которые не захотели за ним последовать, когда он возвращался в Африку, он приказал убить. Хотя это и были лишь случайные

инциденты и хотя великий пуниец все же по существу умел крепко держать своих варваров в руках, однако, это зависело не только от его личных свойств, но и от других обстоятельств. На что могли рассчитывать отпавшие от него варвары? Меньшая часть их могла себе найти применение в качестве римских вспомогательных войск, большинство же их Рим отправил бы в срочном порядке на родину. Ведь Рим еще вел свои войны посредством своих собственных сил, и римский сенат очень хорошо знал, что могло бы произойти, если бы он отправил на поле сражения вместо собственных легионов одних лишь варваров. Поэтому можно сказать, что римские национальные легионы косвенным образом принудили варваров, находившихся в карфагенском лагере, остаться верными своему долгу и знамени того полководца, призыву которого они однажды последовали. Внутреннее состояние одного войска оказывает свое влияние на внутреннее состояние другого неприятельского войска. Но все меняется, начиная с IV столетия н. э., со времени исчезновения легионов. Варвары-наемники чувствуют себя господами, и горе тому князю или полководцу, который осмелится испортить с ними отношения, применив к ним строгость.

Еще опаснее ненадежности и отсутствия дисциплины солдат является, пожалуй, недостаточное повиновение вождей, по отношению к которым полководец не имеет никакой власти, так как войска больше принадлежат не непосредственно полководцу, но именно своим вождям, будь то их племенные вожди или же кондотьеры, которые их завербовали на собственные средства. Прокопий нам постоянно рассказывает о том, как Велизарий и в Месопотамии и в Италии не мог осуществить своих военных планов, так как подчиненные ему командиры отказывали ему в повиновении.

В войсках классической древности мы находим принципиальное и резкое деление войска по роду оружия: на гоплитов, или тяжеловооруженную пехоту, которая составляла ядро армии, и на стоявшую наряду с ней легковооруженную пехоту – лучников или метателей дротиков. Наряду с пехотой стоит конница, вооруженная по большей части холодным оружием, реже – конные стрелки из лука. В войсках Юстиниана мы находим те же самые виды оружия, а наряду с ними также и боевые топоры или иные национальные виды оружия, встречающиеся у различных контингентов войск, но в этих войсках мы уже не

находим более того же самого деления по роду оружия. Как вся пехота, так и вся конница теперь уже вооружены луком. Дальнобойное оружие и оружие для ближнего боя, легковооруженная и тяжеловооруженная пехота сливаются между собой. Даже пехота и конница теперь уже не отделяются резко одна от другой. Пехотинцы садятся на коней, а конница сражается в пешем строю. Но все же преобладающим и решающим дело родом войска являются конные воины. Даже когда Велизарий намеревается дать неприятелю бой, сделав вылазку из осажденного Рима, то для этой цели он хочет воспользоваться одними лишь всадниками. По рассказу Прокопия (I, 28), это объясняется тем, что большинство из пехотинцев Велизария завладело конями в качестве добычи и предпочитало теперь сражаться в конном строю. Остаток же пехоты был слишком незначителен, чтобы образовать более или менее порядочную фалангу. И лишь уступая настоятельным просьбам двух предводителей, Велизарий взял, наконец, в бой также и эту пехоту. При Тагане же Нарсес поставил в центре своего расположения спешенных всадников.

Прокопий знает, что в древности холодное оружие ценили выше стрелы, а бойцов ближнего боя предпочитали тем, которые сражались на

дальнем расстоянии. Но он считает, что в его эпоху это предпочтение уже не имеет больше значения (bell. Pers., I, 1.), так как стрелок из лука стал теперь совсем иным. Он уже сидит на коне и целиком защищен; помимо лука и стрел, он вооружен еще мечом, а может быть, также и копьем, и, наконец, действие выстрела из лука теперь гораздо сильнее, так как стрелок натягивает тетиву до самого уха, а не только до груди. В другом месте (I, 18) он рассказывает, что хотя персы и стреляют из лука скорее других народов, но стреляют слишком слабо, со слабо натянутой тетивой, так что их выстрелы, в отличие от выстрелов римлян, не причиняют никакого вреда защищенному человеку. Все это рассуждение должно быть отвергнуто как фактически неправильное и отнесено к тому типу рассказов, к которому относится и рассказ Полибия (ср. т. I, ч. IV, гл. V) о мягких мечах галлов, которые надо выпрямлять после каждого удара. Азиатские стрелки[11] из лука славились с древнейших времен, а потому нельзя допустить, чтобы со времен Камбиза персы и парфяне в искусстве стрельбы, которое у них было искони национальным спортом, достигли меньших успехов, чем какой-либо другой народ. Дион Кассий ясно говорит (40, 22), что стрелы персов

проникали даже сквозь щит и вооружение, а на одном изображении Хозроя II мы видим персидского царя скачущим на коне и натягивающим тетиву своего лука вплоть до самого уха[12].

Рассуждения Прокопия повторяют лагерные разговоры скорее хвастливых, чем умных или исторически образованных солдат. Сама проблема ими не затрагивается. Даже наилучший стрелок, вооруженный самым лучшим луком, будь то перс или римлянин, лишь крайне редко и лишь на очень близком расстоянии фактически пробивал предохранительное вооружение противника. В "Руководстве для стрельбы из лука", которое относится как раз к этому времени[13], предписывается направлять стрелы не прямо против неприятельской линии (следовательно, в таком случае целились бы в ноги лошадей), но наперекось, так как каждый воин спереди должен закрываться своим щитом. Отсюда следует, что этот щит было не так легко пробить. Поэтому вопрос собственно заключается в том, каким образом произошло, что тяжеловооруженные воины всюду были снабжены луками? Этот род оружия, носивший название "катафрактов", абсолютно не является новым. Уже воины Дария и Ксеркса имели такого рода вооружение. Но

каким же образом произошло, что этот тип борьбы, терпевший поражение в течение столь долгого времени, со времен основания государства парфян становился все более и более преобладающим? Этому вопросу мы посвятим ниже особую главу.

Правление Юстиниана отличается не только той мощной активной деятельностью, которая была при нем снова проявлена во внешней политике, но равным образом и теми большими оборонительными сооружениями, которые были созданы в эту эпоху. Мы знаем пограничную укрепленную линию (limes), которая защищала древнюю империю в тех местах, где граница не проходила вдоль каких-нибудь естественных преград. Юстиниан укрепил вновь завоеванные им границы в совершенно ином масштабе и совершенно иным способом. Соединительные линии не играют в них никакой существенной роли. Но этот император построил пограничные форты И крепости в таком количестве и придал им такие размеры, что их развалины возбуждают удивление. Эти крепости были не только местом нахождения войск, но в то же время должны были служить убежищем для всего окрестного населения со всем его имуществом. Налицо не имелось достаточного количества войск, чтобы

образовать гарнизоны для этих крепостей, но сами пограничники (limitanei), которые в мирное время обрабатывали землю, должны были уметь за этими крепкими и высокими стенами защищать самих себя и всю империю. Линия этих укрепленных пунктов, предназначенная для защиты от варварских племен, тянется от Цейты в Марокко через всю Африку. В Месопотамии и Малой Азии эта линия служила для защиты от персов севернее Дуная, а на побережье Черного моря – против германцев, славян или гуннов.

Между этими сооружениями, составом, вооружением и тактикой армии существовала внутренняя связь, о которой нам также придется еще раз говорить.

ГЕРУЛЫ

Прокопий (bell. Pers., II, 25, стр. 266) рассказывает про герулов, находившихся на римской службе, что они не носили ни шлема, ни панциря, а имели лишь щит и толстый кафтан; их слуги должны были идти в бой даже без щита, который им жаловался в том случае, когда они доказывали свое мужество каким-либо храбрым подвигом.

Герулы, одетые в свои плотные кафтаны, оказываются здесь лучше вооруженными, нежели древние германцы (ср. ч. 1-я, гл. II). Но я совершенно не могу поверить рассказу об их слугах. Не имея щитов, слуги не могли участвовать в сражениях, а являлись лишь простыми спутниками настоящих

воинов. Пожалование щита означало, что слуга, признавшийся достойным этой чести, принимался в среду воинов.

К 3-му изданию. А. Мюллер в "Philologus" (1912, стр. 102) и Масперо в "Byzant. Zeitschr." (1912, стр. 97) поместили исследования, посвященные организации военного дела при Юстиниане. Масперо различает федератов, союзников и воинов. Древнее название федератов применялось по отношению к тем варварам, поступившим на службу в римскую армию, которые, будучи завербованы поодиночке, находились под начальством римских предводителей, однако, образовывали особые части войск. Союзники – это те, которые раньше назывались федератами, т.е. те, которые являлись вместе со своими предводителями на основании международного правового договора. Воинов же вербовали или призывали внутри империи. Мюллер систематически исследует всю организацию военного дела. Но если он говорит, что Юстиниан, не чувствуя стыда и не опасаясь последствий этого поступка, не уплатил солдатам своей задолженности по жалованью и остался им должен, ссылаясь при этом на hist. arcana, то в этом сказывается явное непонимание им как ценности этого источника, так и характера императора и империи. Конечно, Юстиниану ничего не было бы приятнее, как аккуратно выплачивать своим солдатам жалованье, – но откуда ему было брать деньги?

Полк в войске Юстиниана назывался "каталог" (κατάλογος), часть которого по названию "лох" (λόχος), согласно Мюллеру, Прокопий отождествляет с легионом. Это является новым указанием на то, как сильно упало значение этого слова.

Глава II

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТАГИНЭ (552 г.)

Мы подвергнем исследованию это сражение, приведя полностью рассказ о нем Прокопия (IV, 29–32)[14] и вставив после каждого абзаца наши критические и объяснительные замечания.

Готы под начальством Тотилы пришли из Рима, а византийцы под начальством Нарсеса – из Равенны. Они встретились в Апеннинах и, будучи отделены одни от других расстоянием, не превышавшим двух полетов стрелы, они разбили друг против друга лагеря в равнине, окруженной со всех сторон холмами. Начиная отсюда, рассказ Прокопия, приводимый нами буквально, гласит:

"Там находился холм небольших размеров, который оба войска очень хотели занять, так как римлянам было чрезвычайно важно обстрелять своего противника сверху, а готы в этой холмистой, уже описанной мною местности могли напасть на римское войско с тыла лишь в том случае, если бы им удалось продвинуться по дороге, проходившей как раз мимо этого холма. Поэтому этот пункт был чрезвычайно важен для обеих сторон: готам – для того, чтобы во время боя обойти противника и обстрелять его с обеих

сторон, а римлянам – для того, чтобы воспрепятствовать этому. Нарсес опередил противника, выбрав из одного пехотного полка 50 человек и послав их еще до полуночи для того, чтобы занять этот пункт и удержать его за собой. Они достигли его, не встретив на своем пути неприятеля, и укрепились на этом месте. Перед холмом, около той дороги, о которой я только что говорил, и как раз против того места, где готы разбили свой лагерь, протекал ручей. Здесь и остановились эти 50 человек, тесно прижавшись друг к другу и построившись в фалангу, насколько это было возможно в таком узком месте. Лишь только на рассвете Тотила их заметил, как тотчас же принял решение прогнать их оттуда. Он тотчас же отправил эскадрон всадников, приказав им немедленно выбить оттуда противника. Всадники поскакали на них с большим шумом и криком, с целью опрокинуть их при первом же натиске. Но они, тесно сомкнув щиты, ожидали этого натиска, который готы пытались произвести в общей сутолоке, мешая сами себе и друг другу. Линия щитов и копий этих пятидесяти воинов была так тесно сомкнута, что им удалось блестяще отбить атаку. При этом своими щитами они произвели такой сильный шум, что лошади испугались, а всадники должны были отступить перед остриями

копий. Приведенные в бешенство грохотом щитов в этом узком месте и не имея возможности двинуться ни вперед, ни назад, лошади встали на дыбы, а всадники не знали, что им нужно было делать с этой тесно сомкнувшейся группой людей, которые не колебались и не отступали, когда готы наступали на них, пришпоривая своих коней. Таким образом, первый натиск был отбит, и такой же неудачей окончилась и вторая атака. После нескольких попыток всадники принуждены были отступить. Тогда Тотила послал с той же целью второй эскадрон. Когда и этот эскадрон был отражен так же, как и первый, то на его место был отправлен третий. Таким образом, Тотила направил туда один за другим целый ряд эскадронов. Когда же всем им ничего не удалось достигнуть, то Тотила прекратил, наконец, эти попытки. Пятьдесят воинов за свою храбрость стяжали себе бессмертную славу; в особенности же в этом бою отличились двое мужей, Павел и Авзила, которые выскочили из фаланги и самым наглядным образом проявили свою храбрость".

Об этой передовой стычке мы будем еще говорить. Далее Прокопий приводит те речи, с которыми оба полководца обратились к своим солдатам и продолжает свой рассказ так:

"Войска же стояли готовые к бою и построенные следующим образом: оба войска имели прямой фронт, причем и та и другая сторона стремились сделать его как можно длиннее и как можно глубже".

Эта фраза кажется очень спорной. Можно фалангу построить глубже, тогда она будет менее длинной. Можно ее сделать длиннее, тогда она будет менее глубокой. Но невозможно построить ее одновременно и как можно глубже, и как можно длиннее, разве только если автор хотел этими словами сказать, что обе стороны действительно выставили все те войска, которые находились в их распоряжении. Даже если мы, следуя точному и буквальному смыслу слов, отнесем слова "как можно" к одной лишь глубине, все же смысл и логическая ошибка останутся теми же.

"На левом фланге римлян Нарсес и Иоанн заняли позиции около холма".

Исходя из прежнего описания боя за этот холм, мы стали бы искать его приблизительно на середине между обоими войсками. Затем мы узнаем, что римляне, начиная от этого места, еще более загнули вперед свой правый фланг. Поэтому холм должен был находиться еще ближе к

римскому лагерю, очень близко от него, так как оба лагеря находились друг от друга лишь на расстоянии двух полетов стрелы. В этом обстоятельстве следует искать объяснения тому, что готы не смогли прогнать 50 человек.

"И с ними находился цвет римского войска, а именно – помимо обычных солдат, каждый из них имел избранную свиту из дорифоров, гипасписто в и гуннов. На правом фланге стояли Валериан, Иоанн Пожиратель и Дагистей с прочими римлянами. На двух флангах находилось приблизительно 8 000 стрелков из лука из состава пехотных полков. Нарсес, поставив в середине фаланги лангобардов, герулов и других варваров, велел им спешиться, чтобы они сражались в пешем строю, и таким образом отрезал им возможность к быстрому отступлению, если бы они во время боя ослабели или перестали повиноваться".

Должны ли мы действительно поверить тому, что именно недоверие заставило Нарсеса приказать варварам сражаться в пешем строю? Ведь именно эти войска впоследствии дали отпор всем атакам готов. Неужели же Нарсес действительно так плохо знал свои войска? Или же эти германцы вообще были такими людьми, которыми можно было командовать лишь в том случае, когда они бывали всадниками, и все же, несмотря на это, они без видимой причины

должны были сражаться в пешем строю? Эта история настолько невероятна, что можно, пожалуй, допустить два предположения: либо это были профессиональные пехотинцы, которых Прокопий по какому-то недоразумению превратил в спешенных всадников, либо же данное расположение войска основывалось на какой-нибудь объективной причине, разъясняющей все дело, причем тот рассказчик, который поведал эту историю Прокопию, или не понял этой причины, или же замолчал ее вследствие какой-нибудь пикантной лагерной сплетни.

"Нарсес выдвинул вперед лишь крайний левый фланг своего расположения, построив его тупым углом и поместив там 1 500 воинов. Из этих людей 500 человек получили приказ немедленно спешить к тому пункту, где римляне потерпят поражение, а остальные 1 000 человек были предназначены для того, чтобы обойти пехоту неприятеля, как только она вступит в бой, и напасть на нее одновременно с двух сторон".

Резерв, предназначенный для того, чтобы приходить на помощь в любой пункт, где чувствуется необходимость в такой помощи, собственно говоря, не должен помещаться на крайней, а тем более на выступающей части

фланга. Такой резерв может находиться лишь позади центра. Но все же можно понять, в чем здесь дело. Холмы, замыкавшие долину с обеих сторон, очевидно, были такими крутыми и высокими, что обойти римское войско было невозможно. Единственным местом, где можно было подняться, была та дорога, которая, находясь между одиночным холмом и рядом холмов сбоку, – следовательно, справа от холма, если смотреть со стороны готов, – вела на высоты. Позади этого ущельеобразного подъема Нарсес и расположил своих 1 000 всадников, которые при атаке неприятельской пехоты должны были напасть на нее с фланга, а позади этих 1 000 всадников он держал в резерве еще 500 всадников, которых он оставил в своем личном распоряжении. Выступ фланга был очень незначительным, следовательно, эти 500 всадников были фактически расположены таким образом, что они в случае нужды могли бы прийти на помощь даже и центру.

"Тотила соответственным образом построил свое войско. Он проехал вдоль всего фронта, призывая солдат к мужеству и внушая им словами и выражением лица быть храбрыми. На другой стороне то же самое делал Нарсес. Он приказал нести перед собой на шестах золотые браслеты, цепочки и уздечки

и показывал солдатам эти вещи, а также и другие, которые должны были возбуждать в них мужество для борьбы и перед лицом опасности. В течение некоторого времени оба войска стояли в бездействии одно против другого, причем каждое ожидало наступления со стороны противника.

"После этого храбрый воин, по имени Кокас, выехал галопом из готского войска, близко подъехал к римской боевой линии и крикнул, не хочет ли кто-нибудь выйти на единоборство с ним. Этот Кокас был одним из тех римских солдат, которые раньше перебежали на сторону готов к Тотиле. Тотчас же выступил против него один из дорифоров Нарсеса, армянин по имени Анцала, также верхом на коне. Кокас первый ринулся на своего противника, держа свое копье наперевес и целясь им в живот, но Анцала быстро повернул своего коня, так что избежал удара. Очутившись, таким образом, сбоку от своего противника, он вонзил ему копье в левый бок. Тогда тот упал с коня замертво на землю, что вызвало со стороны римлян громкий крик. Несмотря на это, оба войска сохраняли спокойствие. Тотила же выехал один на пространство, находившееся между двумя армиями, не для того, чтобы вызвать кого-нибудь на единоборство, но чтобы выиграть время. Так как он получил сообщение, что 2 000 готов, которые с ним еще не соединились, уже находились поблизости от него, то он не хотел начинать сражение до их прибытия и проделал следующее. Сначала он хотел показать неприятелю, что он за человек. На нем было богато украшенное и блистающее золотом вооружение, а над его шлемом и копьем развевались пурпуровые султаны необычайной красоты, как это и

подобает королю. Сидя на великолепном коне, он на этом пустом пространстве с большой ловкостью проделал джигитовку. Сперва он заставил своего коня проделать изящнейшие повороты и вольты. Затем он на полном галопе бросал свое копье высоко в воздух и снова ловил его за середину, когда оно, колеблясь, падало вниз. Он ловил его то левой, то правой рукой, искусно меняя руку, причем показывал свою ловкость, спрыгивая с коня спереди и сзади, а также с обеих сторон, и снова прыгая на своего коня, как человек, который с молодости был обучен искусству манежной верховой езды. В таких упражнениях он провел целое утро. Чтобы затем еще более оттянуть начало сражения, он отправил герольда к римской армии с предложением начать переговоры. Но Нарсес отклонил это предложение. Пока было много времени для переговоров, Тотила обнаруживал свое стремление к войне, теперь же на поле сражения, он стремился начать переговоры – это уже не могло ввести в заблуждение".

Но почему же Нарсес, который не дал себя обмануть хитростями гота, хотевшего лишь выиграть время, не начал сам наступления? Единоборство Кокаса и Анцалы и рыцарские упражнения готского короля перед лицом обеих армий читаются с интересом. Вполне вероятно, что Тотила стремился выиграть время, так как он поджидал еще 2 000 всадников, но что для одного было выигрышем времени, для другого означало лишь потерю времени. Если мы весь этот рассказ

не будем считать сказкой, то должны будем допустить, что Нарсес должен был исходить из тактических соображений, сохраняя оборонительную позицию и предоставляя своему противнику инициативу наступления, но Прокопий упустил сообщить нам эту причину.

"Между тем эти 2 000 готов прибыли. Когда Тотила узнал, что они уже находятся в лагере, то отправился в свою палатку, так как уже наступило время обеда. Готы также оставили свои позиции и отошли назад. При своем прибытии Тотила увидел этих 2 000 всадников и приказал, чтобы все солдаты начали обед".

Здесь мы должны вновь повторить вопрос, почему Нарсес не воспользовался необычайно благоприятным моментом, когда готы покинули свое боевое расположение и возвратились в лагерь, чтобы напасть на них, двинув вперед свое войско? Ведь все эти события разыгрались непосредственно перед боевой римской линией, на глазах у римлян.

Вопросы, которые нами до этого ставились, объясняются одним и тем же представлением и потому указывают на него, как на то утерянное связующее звено всей цепи событий, которое одновременно заполняет все пропуски. Именно –

мы должны принять, что Нарсес обладал превосходной оборонительной позицией и определенно рассчитывал на то, что Тотила нападет на него и принужден будет на него напасть. Поэтому он и расположил в центре пехоту, состоявшую из спешенных всадников или усиленную последними. Поэтому он и ожидал наступления. Этим объясняется также то, что он оставался бездеятельным зрителем кавалерийских упражнений готского короля. А этот в свою очередь провел все утро в мелких стычках и ложных атаках для того, чтобы дать подойти своим подкреплениям, держа в то же время свои главные силы на таком далеком расстоянии, чтобы в случае наступления неприятеля можно было бы еще организовать правильное отступление. И это было выполнимо, так как он располагал более сильной кавалерией.

"Он сам надел другое вооружение и приказал всем приготовиться к бою. Затем он тотчас же повел свое войско против неприятеля в надежде опрокинуть его и затем разбить. Но про римлян ни в каком случае нельзя сказать, что они были совершенно неподготовлены, так как Нарсес, правильно предвидя то, что впоследствии действительно произошло, приказал подготовиться к нападению, чтобы никто не смел готовить обеда, отдыхать, снимать с себя хотя бы часть вооружения и разнуздывать своего коня. Но в то

же время солдаты не остались без еды и без питья. Сохраняя свой боевой порядок, они позавтракали, ни на одно мгновенье не переставая наблюдать за наступлением противника. Помимо этого, было изменено боевое расположение: Нарсес приказал загнуть полумесяцем оба фланга, на каждом из которых стояло по 4 000 пеших стрелков из лука".

Хотя и возможно, что Тотила надеялся на то, что римские войска оставят свои позиции, когда главные силы готов, вместо того чтобы двинуться против них, вернутся назад в свой лагерь, однако, он вряд ли мог ожидать, что Нарсес окажется невнимательным и даст напасть на себя внезапно, находясь лицом к лицу со своими противниками. Хотя подобное иногда и происходило, как, например, при Муртене в 1476 г., но это основывалось не на расчете; здесь сыграли роль особые обстоятельства.

То, что римские лучники были выдвинуты вперед в форме полумесяца, следует понимать в том смысле, что они слегка выдвинулись вперед на тех холмах, которые окаймляли равнину. Они не могли быть выдвинуты очень далеко, так как такие слишком изолированные и слишком выдвинутые вперед рога были бы открыты для нападения противника.

"Вся готская пехота стояла позади всадников на тот случай, если бы всадники были разбиты; тогда пехота задержала бы бегущих и вместе с ними могла бы вновь перейти в наступление".

Если действительно вся готская пехота не имела другого назначения, как быть резервом, то отсюда следует, что она была очень слаба и что, следовательно, все готское войско в своей значительно преобладавшей части состояло из всадников.

"Все готы получили строгий приказ во время этого сражения не пользоваться ни луками, ни каким-либо другим оружием, кроме копий. Таким образом, Тотила был побежден в результате своего собственного неблагоразумия, так как он в начале этого сражения бросил свое войско навстречу неприятелю, не дав ему возможности сравняться с противником в отношении вооружения. Я не знаю, каким образом он мог дойти до этого. Римляне же пользовались, смотря по обстоятельствам боя, либо луком, либо копьем, либо же мечом и могли, таким образом, использовать все шансы. Они сражались частью верхом, частью пешком, окружая противника в одном месте, а в другом – поджидая его наступления и успешно отражая своими щитами. Готские же всадники, напротив, оставив далеко позади себя свою пехоту, поскакали вперед, как бешеные, слепо доверяя силе своих копий, и, настигнув врага, пожали плоды своего собственного неблагоразумного поведения.

Направив свою атаку против центра неприятельского расположения, они совершенно неожиданно для себя оказались между 8 000 стрелков из лука, так как эти стрелки, как было указано выше, постепенно выдвинулись вперед. Обстреливаемые с двух сторон, они были тотчас же приведены в смятение и потеряли многих людей и еще большее количество лошадей раньше, чем они достигли противника. Сильно ослабленные, они, наконец, вступили с ним в рукопашный бой".

То, что мы слышим здесь о тактических приемах и о вооружении римского войска, показываем что мы находимся уже в совсем ином мире, чем тот, в котором находились древнеримские легионы. Нам еще придется говорить об этом дальше. Здесь же следует заметить, что урон, нанесенный готским всадникам неприятельскими стрелками из лука, все же не мог быть таким большим. Римляне стреляли вниз с тех холмов, которые окружали поле сражения. На самой же равнине не могло находиться никаких лучников, так как в таком случае они тотчас же были бы опрокинуты диким натиском готов. Хотя стрелять сверху вниз и было очень удобно, однако, серьезно пострадать от этих выстрелов могли главным образом лишь всадники и кони, находившиеся на обоих флангах наступавшей колонны. Ведь равнина должна была

быть довольно большой, а дальнобойность стрелы была не очень значительной (ср. т. I, ч. I, гл. V). Не только готские всадники, но и их кони были защищены панцирем (Прокопий, I, 116), причем они проскакали мимо расположения римских стрелков самым быстрым аллюром, насколько это позволяло им их тяжелое вооружение, считаем мы необходимым к этому прибавить.

В другом месте (I, 27) Прокопий утверждает, что готские всадники не знали употребления стрел и пользовались лишь мечами и копьями.

"Я не могу сказать, должны ли мы в этом сражении больше удивляться римлянам или их союзникам варварам, так как те и другие проявили при отражении неприятельского натиска совершенно одинаковое мужество и одинаковую храбрость. Уже наступил вечер, когда оба войска вдруг пришли в движение, причем готы обратились в бегство, а римляне стали их преследовать. Наступление готов потерпело полную неудачу. Готы подались назад под натиском римлян и затем повернули фронт ввиду превосходства сил и прекрасного порядка римлян".

Готская конница произвела сплоченный удар по неприятельской пехоте, расположение которой, судя по всем признакам, имело в отношении местности какие-то преимущества, о которых Прокопий не упоминает, но о которых мы можем

заключить из двух приведенных выше данных, а именно – из того, что Нарсес, во-первых, велел спешиться той коннице, которая принимала участие в этом сражении, а во-вторых – из того, что он строго держался оборонительной тактики. Очень сильным преувеличением является указание, что этот бой длился от обеда до вечера. Готы не ввели в сражение тех резервов, которыми они располагали. Все сражение было ими проведено исключительно с тем расчетом, что мощный натиск всей массы их всадников прорвет центр расположения римлян. Когда же это им не удалось, то тем самым сражение было решено в пользу римлян. Такое наступление, не поддержанное свежими силами, становится при второй атаке не сильнее, а слабее, и, таким образом, его участь фактически решается при первом столкновении. При подобных условиях нельзя себе представить, чтобы сражение могло длиться в течение нескольких часов. Если при первом столкновении всадники проникли в среду пехоты, то, значит, преимущества оказались на их стороне и пехота скоро будет разогнана конницей. Если же всадникам не удастся проникнуть, то при чисто фронтальной атаке им едва ли удастся сделать еще что-нибудь, тем более, если они подвергнутся угрозе и обстрелу с обоих флангов.

Прокопий описывает это сражение как борьбу, которая длилась в течение нескольких часов. Но в таком случае мы не находим, собственно говоря, той причины, которая, наконец, вызвала перелом в пользу римлян. Однако, картина этого сражения станет для нас наглядной и ясной, если мы учтем это преувеличение и примем, что "многочисленность и прекрасный порядок" оказались тем решающим моментом, благодаря которому был отбит натиск готов.

Остается неясным, дошло ли дело до той фланговой атаки, которую Нарсес предполагал произвести на своем левом фланге при помощи 1 000 стоявших в ущелье всадников. Ведь эта атака предназначалась для готской пехоты, которой не пришлось побывать в бою. Так как эта пехота держалась в стороне от сражения, то весьма вероятно, что Нарсес повел, наконец, своих всадников в атаку на готских всадников, ударив на них с фланга, и именно этим решил участь сражения.

"Они уже не думали больше о сопротивлении, но бежали, как будто боялись привидений или как будто с ними сражалась некая высшая сила. Когда они вскоре после этого возвратились к своей пехоте, то несчастие, постепенно возрастая, стало принимать все более и более широкие размеры. Это объясняется тем,

что отступление велось не в строгом порядке, без намерения собраться и возобновить сражение или предпринять новое наступление, или сделать что-нибудь подобное, но таким бурным стремительным движением назад, что даже люди из их собственной пехоты были раздавлены.

Поэтому их пехота не раздвинула перед ними своих рядов, чтобы их пропустить и не удержалась на месте, чтобы внести в них этим успокоение, но вместе с ними бросилась в беспорядочное бегство, причем они, точно в ночном сражении, несли друг другу смерть и гибель. Римские воины использовали этот панический ужас противника к уничтожали беспощадно всех тех, которые еще стояли на ногах, но не осмеливались ни сопротивляться, ни даже поднимать голову. Эти люди в некоторой степени сами подставляли свою шею под нож. Их страх не прекращался, но всюду, где только было возможно, принимал все более широкие размеры. Во время этой бойни из них погибло 6 000 человек. Многие сдались неприятелю, который их сначала пощадил, а затем все же перебил. Помимо готов, погибло и большинство старых римских солдат, которые до этого отделились от римского войска и, как мы уже указывали выше, перебежали к Тотиле и к готам. Те из готского войска, которые не погибли и не попали в руки неприятелю, пытались ускользнуть тайком, пешком или верхом, в зависимости от счастья, обстоятельств или условий местности".

Ход событий, вытекающий из этого рассказа, можно было бы выразить тактически следующим

образом: когда натиск готов ослабел, Нарсес приказал всему своему войску перейти в наступление, погнал неприятельских всадников обратно на их пехоту и, наконец, обратил все неприятельское войско в беспорядочное бегство.

Ход сражения также показывает, что пехота готов должна была быть весьма незначительной ценности. Она оказалась совершенно бесполезной. Она не двинулась вперед, чтобы поддержать всадников, и не прикрывала их после их поражения. Готская пехота не пыталась даже выполнить ту особую задачу, которая представлялась ей благодаря расположению неприятельского войска, а именно – поднявшись на край холма, направить удар против одного из выступавших флангов неприятельских стрелков из лука и, одержав здесь успех, оказать этим влияние на общий ход сражения. Весьма вероятно, что эта пехота вообще не была вполне боеспособной, но что она состояла лишь из стариков, полуинвалидов и слуг, так что в этом сражении все готское войско, собственно говоря, состояло исключительно из всадников. Однако, не является совершенно невозможным и такое объяснение, что готы обладали довольно значительной пехотой, но что она не вступила в сражение, так как участь конной атаки была слишком быстро решена.

Готские всадники, отхлынувшие назад и энергично преследуемые, опрокинули свою пехоту и увлекли ее за собой, прежде чем она смогла достигнуть действительной боевой линии.

Если это так и было на самом деле, то главная ошибка Прокопия заключается в его утверждении относительно продолжительности сражения, которая им во всяком случае преувеличена. Нам кажется совершенно невероятным, чтобы пехота готов не подоспела даже в том случае, если бы в действительности сражение длилось хотя бы только полчаса. Ведь в таком случае Тотила должен был бы быть совершенно неспособным полководцем.

Прокопий сам говорит, что он точно не осведомлен относительно того, какой конец постиг лично Тотилу. Согласно одному свидетельству, он был убит во время бегства; согласно другому – он был поражен стрелой и смертельно ранен во время самого сражения, причем его падение вызвало такой ужас среди готов, что они, будучи и без того слабее римлян, обратились в бегство. Вопрос о том, получил ли Тотила свою смертельную рану во время сражения или во время бегства, должен остаться нерешенным. Но даже и в первом случае этот факт не мог оказать прямого влияния на исход

сражения, так как, если рукопашный бой уже начался, масса не могла заметить падения своего предводителя.

Мы должны оставить нерешенным также и вопрос о том, правильно ли указание, что во время сражения погибло 6 000 готов. По большей части такого рода утверждения бывают сильно преувеличены.

Совершенно ясно, что римляне обладали очень большим численным превосходством. Мы можем предположить, что общая численность их войск достигала приблизительно 15 000 человек.

Глава III

СРАЖЕНИЕ ПРИ ВЕЗУВИИ (553 г.)

Несмотря на свое поражение при Тагинэ, готы продолжали войну под начальством новоизбранного короля по имени Тейя. В течение двух месяцев оба войска стояли друг против друга, отделенные друг от друга лишь глубоко протекавшей речкой Дракон (Сарн), неподалеку от Везувия. Так как Нарсес уже до этого стянул для сражения все свои войска, то мы отсюда можем сделать вывод, что сражения избегали готы, которые теперь намеревались вести войну, придерживаясь выжидательной политики. Они могли надеяться на какие-либо происшествия, которые могли случиться в ненадежном наемном войске римлян, а также на вмешательство франков. Нарсес не сделал никаких попыток выманить их из позиций какими-либо маневрами, но завладел посредством предательства тем флотом, который им подвозил продовольствие. Если посмотреть на карту, то можно предположить, что римский полководец вместе с тем запер готов и отрезал им путь к отступлению. Однако, Прокопий этого прямо не говорит, но заставляет готов, после того как они сперва

отступили на Молочную Гору (Mons Lactarius), предпочесть смерть в бою голодной смерти. Как ни прославлено и как часто ни повторялось описание этого сражения, все же я считаю, что его с военной точки зрения использовать нельзя. Это описание гласит (IV, 35):

"В Кампанье возвышается Везувий. У его подножия находятся источники питьевой воды, из которых берет свое начало река по названию Дракон, протекающая мимо Нукерии. Оба войска разбили свои лагеря в то время на берегах этой реки. Хотя Дракон и маленькая речка, однако, она непроходима ни для пехоты, ни для всадников, так как протекает по узкому и глубокому руслу, а ее берега чрезвычайно круты. Я не могу сказать, произошло ли это вследствие природы почвы или силы течения воды. Готы заняли мост, ведущий через реку, и расположили свой лагерь в непосредственной близости от моста. Он был укреплен при помощи деревянных башен и машин всякого рода, между которыми находились также и так называемые баллисты, чтобы с их высоты наносить выстрелами вред неприятелю. Нельзя было и думать о ближнем бое, так как река, как это уже было указано, разделяла противников. Они лишь подошли как можно ближе к берегу и обстреливали друг друга. Иногда происходили и единоборства, когда какой-либо гот переходил через мост и вызывал врага на бой. В таком положении оба войска стояли одно против другого в течение двух месяцев. И готы могли держаться до тех пор, пока они господствовали на

море и пока они могли доставлять себе на кораблях продовольствие, так как лагерь их находился неподалеку от моря. Но вскоре римляне завладели неприятельскими кораблями, благодаря предательству одного гота, в руках которого находилось главное командование над всем флотом, а, кроме того, к римлянам еще подошло несчетное количество кораблей из Сицилии и из других частей империи. Кроме того, Нарсес приказал построить на берегу реки деревянные башни, которые должны были отнять у готов последнее мужество. Чрезвычайно удрученные этим и уже испытавшие недостаток в продовольствии, готы отступили на гору, которая находилась в непосредственной близости оттуда и которую римляне по-латински называли Mons Lactarius (Молочная гора). Вследствие неблагоприятной местности римляне не могли последовать за ними на эту гору. Но варварам пришлось вскоре раскаяться в том, что они сюда отступили, так как здесь им пришлось терпеть еще большие лишения и у них не было никакой возможности хотя бы чем-нибудь прокормить себя и своих коней. Поэтому им показалось лучше найти смерть в открытом бою, чем умереть от голода".

Мы спрашиваем: но разве готам было невозможно отступить?

"Неожиданно выступили они вперед и произвели внезапную атаку на противника. Римляне оборонялись в соответствии с создавшейся обстановкой, т.е. не построившись в ряды, по эскадронам или полкам, находясь под начальством своих командиров, но

пестро перемешавшись и даже не имея возможности слышать отдаваемые приказания. Однако, несмотря на это, они защищались со всей энергией настолько хорошо, насколько это было им возможно. Готы отпустили своих лошадей, и все спешились, направив свой фронт против неприятеля и построившись в глубокую фалангу. Когда римляне это увидели, то также спешились и построились таким же образом".

Почему готы отпустили своих лошадей? Прокопий это ничем не объясняет. Но почему же и римляне сошли с коней? То обстоятельство, что готы наступали пешком, могло послужить для римлян двойным основанием для того, чтобы напасть на них с фланга своей кавалерией, хотя бы частично.

Все объяснится, если мы примем, что римляне заперли готов цепью полевых укреплений. Готы попытались прервать линию этих укреплений и, следовательно, наступали в пешем строю, а римляне обороняли эти укрепления тоже в пешем строю.

"Теперь я подошел к описанию чрезвычайно памятного сражения и геройского мужества человека, который не находится ни в каком отношении к какому-либо из так называемых героев. Я имею в виду Тейя. Готов принуждало быть храбрыми их отчаянное положение. Римляне же хотя и заметили отчаяние противников, оказывали им всеми своими силами

сопротивление, так как стыдились уступить более слабому неприятелю. Обе стороны с неукротимой энергией бросились одна на другую; одни – потому, что искали смерть, другие – потому, что сражались за пальму победы. Рано утром началось сражение. Видимый издали Тейя стоял с немногими спутниками перед фалангой, защищенный своим щитом и размахивая своим копьем. Лишь только римляне его увидели, они решили, что с его падением тотчас же кончится сражение. Поэтому против него двинулись, сомкнувшись в очень большом числе, самые храбрые воины, бросая в него своими копьями. Но он встречал все копья своим щитом, который его прикрывал, и убил многих молниеносными ударами. Каждый раз, когда его щит заполнялся пойманными копьями, он его отдавал своему оруженосцу и брал другой. Так неутомимо сражался он в течение трети дня".

Готы, говорится в этом описании, построили глубокую фалангу, и Тейя, сражаясь перед этой фалангой совсем один, с немногими спутниками, продержался здесь в течение многих часов. Это – поэма, но не сражение. Что же делала в течение всего этого времени вся глубокая фаланга готов? Разве она не доверяла своим силам? И неужели римляне не смогли одолеть немногочисленного противника? Это было возможно в тех боях, которые давались под стенами Трои, но уже стало невозможным в те времена, когда научились строить фаланги. Даже самый сильный и самый

храбрый король готов со своими спутниками был бы опрокинут одной древнеримской манипулой даже в том случае, если бы последняя состояла из одних только рекрут. Поэтому мы должны отвергнуть либо тот факт, что друг против друга стояли две фаланги в техническом смысле этого слова, либо же единоборство короля Тейи. Объяснение этих противоречий, очевидно, лежит в том, что на самом деле при попытке готов прорваться через римскую линию отличился своей личной храбростью наряду в другими воинами также и король, который при этом погиб и смерть которого была украшена легендами.

"Но вот оказалось, что в его щите торчит двенадцать копий, так что он уже не мог им двигать по своему усмотрению и отталкивать при помощи его нападавших на него воинов. Тогда он громко позвал одного из своих оруженосцев, не покидая своего места и не отступая даже на ширину одного пальца. Ни на одно мгновение не дал он врагам возможности продвинуться вперед. Он не поворачивался таким образом, чтобы щит ему прикрывал спину, и не отклонялся в сторону, на стоял, как бы приросши к земле за своим щитом, сея правой рукой смерть и гибель, а левой – отталкивая врагов, и громким голосом звал по имени своего оруженосца. Когда оруженосец подошел к нему со щитом, он тотчас же взял щит вместо своего старого щита, отягощенного копьями. И в этот момент его грудь обнажилась лишь

на одно краткое мгновение. Именно тогда в него попало копье, и он тотчас же упал на землю. Вскоре римляне воткнули его голову на шест и показали ее обеим армиям: римлянам – для того, чтобы еще больше разжечь их пыл, готам же – для того, чтобы они в отчаянии прекратили бой. Но готы этого не сделали, они сражались до наступления ночи, хотя и знали, что их король погиб. Когда стемнело, противники отошли друг от друга и провели ночь с оружием в руках. На другой день они рано поднялись, заняли те же самые позиции и сражались опять до самой ночи. Ни одна сторона не отступила перед другой даже на ширину одного пальца, хотя многие воины с обеих сторон нашли здесь свою смерть, но все с ожесточением продолжали свою кровавую работу: готы – в полном сознании того, что им приходится сражаться в последний раз, римляне же – потому что не хотели, чтобы их одолели готы. Наконец, готы послали некоторых своих знатных людей к Нарсесу и поручили им сказать ему, что они теперь почувствовали, что бог против них и что им противостоит непреодолимая сила. А так как события им ясно показали, каково истинное положение вещей, то они хотят изменить свое мнение и прекратить бой, – не для того, чтобы стать подданными императора, но чтобы вести свободную жизнь среди каких-нибудь иных варваров. Они просили римлян, чтобы те разрешили им мирно удалиться и, отдав дань справедливости, оставили бы им на путевые расходы те деньги, которые каждый из них себе ранее скопил в крепостях Италии. Нарсес созвал совет для решения этого вопроса. Иоанн, племянник Виталиана, убедил его в том, что необходимо исполнить эту просьбу и не

следует сражаться с людьми, которым уже больше не страшна смерть, так как не следует испытывать мужество отчаяния, которое может оказаться роковым не только для них, но и для их врагов. "Муж, обладающий мудрой умеренностью, – говорил он – довольствуется победой, так как чрезмерное напряжение может легко повести к гибели". Нарсес согласился с этим мнением, и было решено, что варвары, оставшиеся в живых, должны тотчас же со всем своим имуществом удалиться из Италии и никогда, ни при каких обстоятельствах не сражаться более против римлян. Между тем 1 000 готов вышли из лагеря и направились к городу Тикину и в область, лежащую по ту сторону По. Ими предводительствовал наряду с другими также и Индульф, о котором я уже ранее упоминал. Все же другие поклялись выполнить договор.

"Таким же образом римляне взяли Кумы и все другие местности, и так окончился восемнадцатый год этой войны с готами, описанной Прокопием".

Так пишет Прокопий. Его описание выразительно, впечатляюще, но исторически мало удовлетворительно. Почему и каким образом 1 000 готов отделились от прочего войска? Каким образом они от Везувия достигли Павии? Мы должны будем допустить, что более или менее крупной части готов удалось в одном месте прорвать кольцо римской осады, и что окончательно капитулировало не все войско готов, но лишь большая его часть.

Непосредственно примыкая своим историческим трудом к работе Прокопия, Агаций рассказывает:

"Когда Тейя, получивший вслед за Тотилой власть над готами, со всеми своими силами возобновил войну против римлян и выступил против Нарсеса, то был разбит наголову и сам пал во время сражения. Готы, оставшиеся в живых, непрестанно преследуемые римлянами, жестоко теснимые ими во время их беспрерывных атак и, наконец, запертые со всех сторон в безводной местности, заключили с Нарсесом договор, по которому им разрешалось жить в их поместьях, причем они соглашались на будущее время быть подданными римского императора".

Ни один историк еще не мог сказать, каким образом согласовать эти два свидетельства.

Глава IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАЗИЛИНЕ (554 г.)

Едва ли еще не меньшее военное значение, чем оставленное Прокопием описание сражения при Везувии, имеет рассказ Агация о поражении франков при Казилине. Здесь запутана даже стратегическая цепь событий.

Франки уже неоднократно вмешивались в готско-римскую войну с затаенной мыслью завладеть чем-нибудь в свою пользу. И когда теперь готское войско потерпело поражение, появилось франкское войско под начальством двух алеманнских герцогов, братьев Букелина и Лейтара. Нарсес в то время был еще занят осадой и занятием городов и укрепленных, пунктов, находившихся в руках готов. Совершенно ясно, что, получив известие о вторжении франков, он не мог сделать ничего лучшего, как тотчас же выступить против них, разбить их и прогнать обратно за Альпы. Баснословное указание относительно численности франков (75 000 человек) не должно нас вводить в заблуждение. Мы с самого начала не можем сомневаться в том, что такое вспомогательное войско, посланное через высокие горы и собранное даже не во всем

государстве франков, а лишь в одной его части, было значительно слабее, чем находившееся в их собственной стране все войско остготов, которое было только что побеждено Нарсесом. Находясь в приподнятом настроении благодаря своим триумфам и гибели обоих храбрых готских королей, римские войска должны были быть в состоянии одолеть также и франков, вторгшихся в Италию, если бы они направились против них сосредоточенными силами.

Если бы Нарсес это сделал и победил франков, то ни один пункт в Италии не смог бы ему более сопротивляться. Но вместо этого он отправил навстречу своему новому противнику лишь часть своего войска под начальством герула Фулкариса, приказав ему задержать неприятеля и напасть на него лишь в том случае, если он сможет рассчитывать на успех. Эта ошибка имела тяжелые последствия. Фулкарис был разбит и сам искал смерти в бою, так как он не решался явиться побежденным к Нарсесу. Агаций обвиняет герула, считая, что причиной поражения была его неосторожность и безумная смелость. Но если правильно то, что он говорит дальше, будто бы Нарсес с самого начала знал о превосходстве сил противника, то, очевидно, вина за поражение должна, собственно говоря, пасть на полководца.

Это, пожалуй, можно объяснить таким образом, что Нарсес – как раз наоборот – недооценил силы франков, и что версия о том, будто бы он советовал Фулкарису быть осторожным, была придумана лишь впоследствии для того, чтобы оправдать верховного главнокомандующего и снять с него вину в отправке против франков недостаточных сил.

Несмотря на поражение Фулкариса, Нарсес продолжал начатую им осаду Лукки, но когда он, наконец, взял город, то не сумел сделать ничего лучшего, как расположить свои войска в разных местах на зимние квартиры. Если мы себе представим, что в таком положении находился Цезарь, то мы не сможем сомневаться, что он, собрав отовсюду войска, чтобы оказаться возможно сильнее франков, двинулся бы против них. Нарсес же, согласно Агацию, – считая, что так как стоит зима и так как франки особенно воинственны в это холодное время года, к которому они привыкли у себя на родине, – разделил свои войска, расположив их в разных городах на зимние квартиры, и допустил, чтобы франки в то время, когда римские войска укрывались за стенами городов, прошли через всю Италию вплоть до Мессинского пролива и самым ужасным образом разграбили всю страну. А

франки даже не считали для себя необходимым держаться вместе, но разделились на два войска. Готы же, ободрившись, примкнули к ним в большом количестве.

Едва ли мы можем допустить, что Нарсес без побудительных причин предоставил вверенную ему страну этим бедствиям. Если франки были особенно приспособлены для ведения войны зимою, то ведь и римские войска также состояли из германцев.

Может быть, некоторым указанием на истинную причину является то обстоятельство, что некоторые войсковые части, получив предписание двинуться вперед, заявили, что они еще не получили своего жалованья. Но это лишь предположение, к которому нас приводит это указание. И лишь весною, когда франки возвращались из южной части полуострова, войско, собранное между тем Нарсесом, преградило им путь около р. Казилина (Волтурно), неподалеку от Капуи. Согласно Агацию, у Нарсеса было 18 000 человек, франки же, хотя здесь находилась лишь половина их войска, насчитывали якобы 30 000 человек, конечно, этой цифре ни в каком случае нельзя доверять.

Непосредственно перед самым

развертыванием для боя произошел конфликт дисциплинарного характера между полководцем и контингентом герулов, находившимся под начальством Синдуала, вследствие чего герулы отказались встать под оружие. Но когда Нарсес громко перед войском воскликнул, что каждый, кто хочет иметь свою часть в победе, должен следовать за ним и идти вперед, то герулы сочли для себя позорным остаться позади, так как это могло бы показаться с их стороны трусостью, и потому сообщили, что они также пойдут. Нарсес велел им ответить, что он не может их ждать, но что при построении боевого порядка он оставит для них свободное место.

О самом сражении Агаций рассказывает в следующих словах:

"Лишь только Нарсес прибыл к тому месту, где он задумал дать сражение, он тотчас же построил свое войско фалангой. На двух флангах находились всадники, вооруженные дротиками и круглыми щитами, а также луками и стрелами, а некоторые из них, кроме того, и длинными копьями. Сам полководец стоял на правом фланге, и при нем находился Цандала, его домоправитель, с той частью челяди, которая была способна носить оружие. На двух флангах стояли Валериан и Артабан, получившие приказ скрываться на опушке лесной чащи, чтобы неожиданно напасть на противника, когда он

перейдет в наступление, и окружить его с двух сторон. А все пространство в середине расположения занимала пехота. Вдоль фронта стояли передовые бойцы, с головы до ног закованные в железо и образовавшие стену из щитов, а сзади к ним тесно примыкали другие ряды вплоть до хвоста колонны. Легковооруженные и метатели дротиков стояли позади и ожидали возможности использовать свое дальнобойное оружие. В средней части фаланги было оставлено место для герулов, которое еще оставалось пустым, так как они еще не подошли. Два герула, незадолго до этого перебежавшие на сторону неприятеля, не зная еще о последовавшем затем решении Синдуала, побуждали варваров как можно скорее напасть на римлян. "Ведь вы застигнете их в полном беспорядке и в смятении, – говорили они, – так как полк герулов в своем упорстве отказывается принять участие в бою, а другие повержены в полное отчаяние вследствие их отпадения". Желая, чтобы эти слова соответствовали правде, Бутилин дал себя легко уговорить и повел вперед свое войско. Все шли прямо на римлян, охваченные стремлением сражаться, не спокойным шагом и соблюдая полный порядок, но быстро и бурно, как будто они не могли удержать своего стремления идти вперед как можно быстрее и как будто они хотели опрокинуть римское войско при первом своем натиске. Их боевое расположение имело форму клина, следовательно, было похоже на греческую букву "Д" (Δ). Там, где клин кончался своим острым концом, щиты воинов были тесно сдвинуты друг к другу наподобие крыши, что напоминало как бы голову кабана. Стороны были построены уступами, состоявшими из отделений и

взводов, и стояли очень косо, так что постепенно расходились на большое расстояние друг от друга, образуя в середине пустое пространство, причем можно было видеть рядами открытые спины солдат. Таким образом был построен фронт, направленный в разные стороны, чтобы иметь возможность стоять лицом к противнику и сражаться против него, прикрывшись своими щитами, причем именно благодаря такому построению само собой получалось обеспечение тыла.

Все происходило так, как того хотелось Нарсесу, которому благоприятствовало счастье и который наряду с этим прекрасно умел принимать соответствующие меры. Когда варвары с ужасным боевым криком при своем первом натиске столкнулись с римлянами, они прорвали в центре линию передовых бойцов и достигли того пустого пространства, которого еще не заняли герулы. Острие их клина прорезало ряды римлян, не причинив им больших потерь, вплоть до самого хвоста колонны, а некоторые даже пошли дальше, как будто они хотели штурмовать римский лагерь. Тогда Нарсес постепенно загнул и вытянул оба фланга, так что они стали спереди окружать противника, и приказал конным лучникам обстреливать его с тыла. И они это стали тотчас же делать без всякого труда; так как неприятель сражался в пешем строю, то всадникам было легко издалека обстреливать их вытянутую линию, которая не могла защищаться с тыла. И мне кажется, что всадникам, находившимся на флангах, было очень просто через головы тех, которые стояли совсем близко от них, стрелять в спину солдатам тех рядов, которые находились на противоположной

стороне. Таким образом, спины франков были обстреляны со всех сторон, так как римляне обстреливали с правого фланга одну внутреннюю сторону клина, а с левого фланга другую внутреннюю сторону. В результате стрелы летели вдоль и поперек и попадали во все, что находилось в этом пространстве, причем варвары даже не замечали, откуда шли выстрелы, и не могли от них защититься. Они совершенно не знали, откуда их настигала гибель, так как стояли, повернувшись фронтом к римлянам, и смотрели лишь в эту сторону; затем, сражаясь с тяжеловооруженными, они едва могли видеть конных лучников, находившихся сзади, и, наконец, выстрелы попадали им не в грудь, а в спину. Впрочем, большинство даже не имело времени раздумывать об этом, так как почти каждый выстрел был смертельным. Вследствие того, что каждый раз падали крайние воины, становились видными открытые спины следующих, а так как это случалось очень часто, то число варваров быстро таяло. Между тем, подошел Синдуал с герулами, выступившими против тех, которые, прорвав центр, проникли дальше. Герулы тотчас же перешли в наступление; это повергло варваров в немалое отчаяние, так как они решили, что попали в засаду. Поэтому они обратились в бегство, обвинив в предательстве обоих перебежчиков. Но Синдуал и его люди не отставали от них и теснили их до тех пор, пока одна часть не была перебита, а другая сброшена в водоворот реки. Когда, таким образом, герулы заняли свое место, заполнив пустое пространство, и когда фаланга была замкнута, франки, как бы опутанные сетью, были перебиты. Боевой порядок франков был окончательно

расстроен, и франки собирались в отдельные кучки, которые уже не знали, что им делать. Римляне поражали их не только своими стрелами, теперь на них напали также тяжеловооруженная пехота и легковооруженные со своими копьями, шестами и мечами. Всадники окончательно и целиком охватили их с флангов, напали на них с тыла и отрезали им всякий путь к отступлению. Спасавшиеся от меча и подвергавшиеся преследованию были принуждены прыгать в реку, где они и тонули. Со всех сторон раздавался жалобный вой варваров, которые избивались самым ужасным образом. Предводитель варваров Бутилин и все его войско были стерты с лица земли, причем погибли также и перебежчики из императорского войска; ни один из германцев не увидел больше своего родного очага, за исключением пяти человек, которые каким-то образом избежали общей гибели. Как же по этому поводу не сказать, что варвары потерпели наказание за свои злодеяния и что их настигла высшая сила? Все громадное количество франков и алеманнов, а равно и все те, которые вместе с ними пошли на войну, были уничтожены, а со стороны римлян пало лишь 80 человек, которые должны были первыми выдержать натиск неприятеля. В этом бою отлично сражались почти все римские полки, а из союзных варваров больше всего отличились гот Алигерн, так как и он сражался вместе с римлянами, и начальник герулов Синдуал, который никому ни в чем не уступал. Но все удивлялись Нарсесу и восхваляли его. Благодаря своему искусству полководца Нарсес заслужил себе великую славу".

Так пишет Агаций. Я не могу подавить в себе подозрения в том, что весь этот рассказ является свободным полетом фантазии, порожденным одним лишь словом "голова кабана".

Очевидно, Нарсес располагал значительным численным превосходством сил, особенно в отношении конницы. Его боевая линия превосходила на обоих флангах протяжение боевой линии франков. При этом представляет мало значения то обстоятельство, были или же не были крайние оконечности флангов первоначально прикрытыми лесными участками. Франки намечали сражение таким образом, чтобы расположением своего войска в форме кабаньей головы, своей сильной и глубокой пехотной колонной опрокинуть центр боевой линии неприятеля, прорвать его и тем решить участь сражения.

Если бы эта колонна была заостренной, то ее острие было бы тотчас же охвачено противником, а если бы она была пустой изнутри, то не могла бы испытывать с тыла силы давления (ср. то, что сказано о германском клине выше, в гл. II части 1-й). Хотя эта колонна и не обладала, конечно, указанными двумя свойствами, хотя в ее построении и не было тех двух ошибок – заостренности и пустоты, которые придумал

Агаций, – она все же не проникла внутрь неприятельского расположения. Весьма возможно, что подошедший в последний момент отряд герулов усилил уже дрогнувший центр римлян и остановил натиск франков.

В этот именно момент кавалерия римлян, вооруженная дротиками и луками, напала на оба фланга штурмовой колонны и подвергла их обстрелу с флангов, а вскоре затем и с тыла. При этом невольно вспоминается сражение при Каннах.

Представление о том, что всадники все время направляли свою перекидную стрельбу через ближе всего к ним находившуюся сторону неприятельского расположения в спину тех солдат, которые стояли на другой стороне, следует свести к тому, что является вполне естественным, а именно – что при наступлении со всех сторон многие франки были поражены в спину. При наличии пустого клина, как его строит Агаций, римские стрелки тем более находились бы на расстоянии нескольких сотен шагов от противоположной стороны клина, что не могли же они совсем близко подойти к своим непосредственным противникам, а потому и не имели возможности пользоваться стрелами и дротиками.

Если же кого-нибудь возмутит мое скептическое отношение к свидетельству источника, то я прошу того указать мне, почему он с бóльшим доверием отнесется к описанию Агация, чем к рассказу Аппиана о Каннах и Заме (Нараггара).

Глава V

СТРАТЕГИЯ

Когда Юстиниан вступил на престол и стал править государством (в 527 г.), то все западные провинции были отделены от империи, причем одна часть их была отчуждена более чем за сто лет перед тем, а другая – за полстолетия. Юстиниан вернул обратно под свою власть Африку и Италию и был близок к тому, чтобы снова покорить Испанию. С тех пор большие области в Италии в течение долгого времени оставались во власти Византии. Внезапный рост сил на Востоке покажется нам еще более удивительным и еще более значительным, если мы вспомним, какие культурные достижения, – как, например, corpus juris (свод законов) или храм св. Софии, – украшают именно это царствование.

Войны, которые велись Юстинианом на трех различных театрах военных действий – в Месопотамии, в Африке и в Италии – различны по своему внешнему характеру и виду. Война против персов состояла из ряда передвижений, не приведших к какому-либо крупному и решающему окончательному результату. Вандалы были разбиты с одного удара простым авангардом.

Война же с остготами велась в течение 18 лет с чрезвычайно резким переменным успехом, причем византийцам все же удалось, наконец, в большом сражении одержать окончательную победу.

Раньше победы Велизария и Нарсеса были совершенно непонятны, так как было известно, что они располагали небольшими войсками и так как еще верили в мощные массы вандалов и готов. Вслед за византийским историком писали, что Витигес осадил Велизария в Риме с армией в 150 000 человек. Но что же стало с этими готами и где они оставались, когда Витигес, два года спустя, сдался Велизарию, у которого, конечно, не было даже 25 000 человек в тот момент, когда он окружил Витигеса в Равенне.

После того как мы внесли ясность в вопрос о численности войск вандалов и готов, нас уже меньше удивляет то, что вандалы не решались вступить в бой с войском, состоявшим из 15 000 человек, чем то, что готы могли так долго защищаться против 25 000.

Здесь, как и всегда, политика определяла характер ведения войны и указывала пути стратегии.

Когда Велизарий, отправившись морским путем на завоевание Италии, высадился сперва в Сицилии, то он имел в своем распоряжении лишь

очень незначительные военные силы (в конце 535 г.). Затем он занял Неаполь, Рим и Сполето, причем дело все еще не доходило до сражения. Лишь после этого готы, появившись с большим войском, заперли его в Риме и осаждали его там в течение целого года. Эти факты не могут быть объяснены с чисто военной точки зрения. Ведь если готы были настолько сильны, что могли осадить неприятельское войско, то, с другой стороны, должна была существовать определенная причина, которая мешала им выступить раньше против неприятеля и предотвратить потерю больших городов.

Хотя в это же самое время готам в Далмации угрожали другие войска Юстиниана, а, с другой стороны, казалось, что им еще придется выдержать натиск франков, однако, все это не является удовлетворительным объяснением полной бездеятельности готов в течение целого года.

Юстиниан решился послать Велизария в Италию со столь незначительными военными силами потому, что остготское государство пережило тяжелые внутренние потрясения. Теодахат, бывший сперва лишь соправителем, овладел самодержавной властью, приказав убить Амаласунту, дочь Теодориха. Византийцы

явились в качестве мстителей за законную наследницу престола, а Теодахат не был достаточно воинственным по своему характеру для того, чтобы мужественно и энергично вступить с ними в борьбу. Чтобы не погибнуть вместе с ним, готы избавились от него и возвели на престол Витигеса, которого по древнему обычаю провозгласили и избрали королем войска и который укрепил свое положение, обручившись с дочерью Амаласунты. Лишь после этого готы появились на поле сражения, и тотчас же византийцы были наказаны за то, что недостаточно подготовились к войне; Велизарий со своим войском был осажден в Риме.

Но и готы, как мы знаем, не были многочисленны и не были в состоянии подвергнуть правильной осаде такой город, как Рим. Велизарий удержался на своих позициях, а когда в Константинополе поняли, что готы обладают большей силой национального сопротивления, чем вандалы, то туда были отправлены подкрепления. Они появились в тылу у осаждавших Рим готов и, благодаря добровольному согласию жителей, заняли там ряд укрепленных городов. Это не только заставило Витигеса снять осаду с Рима, но и побудило его, наконец, отступить к Рагенне, так как он

чувствовал себя недостаточно сильным для того, чтобы противостоять в открытом бою объединенным боевым силам римлян.

Соотношение между противниками сразу изменилось: Витигес был окружен и осажден Велизарием в Равенне, причем дело опять-таки не дошло до сражения.

Витигес сдался, наконец, в Равенне после удивительной интермедии, во время которой корона была предложена самому Велизарию. Велизарий привел его в Константинополь, подобно тому как несколько лет тому назад он привел короля вандалов Гелимера; при этом казалось, что готы после четырехлетней войны окончательно покорились византийцам, хотя между ними не было ни одного настоящего сражения.

Но вскоре произошла внезапная перемена: готы вновь поднялись, вновь избрали себе короля и под предводительством Тотилы в скором времени захватили всю Италию и Сицилию и даже выставили морской флот. Тотила правил в течение нескольких лет в полном блеске своих успехов. Лишь на восемнадцатом году войны, когда греческий флот разбил готский, а Юстиниан тогда же отправил туда Нарсеса со значительным войском, дело дошло до решительного сражения,

имевшего место при Тагинэ (в 552 г.), а в следующем году произошли еще два сражения – при Везувии, где был разбит преемник Тотилы Тейя, и при Казилине, где та же участь постигла франков под начальством Бутилина.

Рим за это время пять раз переходил из рук в руки. В 536 г. его занимал Велизарий, в 546 г. – Тотила, в 547 г. – опять Велизарий, в 549 г. его взял Тотила, а в 552 г. – Нарсес.

Таким образом, мы видим, что в течение всей войны повторяется явление, бывшее характерным для ее первой стадии, а именно – большие успехи и внезапные перемены, причем дело, однако, не доходит до тактически решительных моментов боя. Лишь в самом конце происходит то, что вполне естественно можно было ожидать в начале войны, а именно – попытка при максимально возможном сосредоточении собственных сил напасть на неприятеля, с целью его разбить и уничтожить, т.е. сражение.

Причина этого заключается в том, что внутренней слабости готского государства соответствовала слабость византийского. Действительно, Юстиниан, заключив с персами мир, смог бросить сперва в Африку, а затем в Италию значительные боевые силы, но только на самое короткое время. Боевые силы,

мобилизованные обеими сторонами, оставались все же незначительными по сравнению с величиной стран и городов, из-за которых шла борьба.

Поразительное восстановление готского могущества при Тотиле произошло вследствие того, что большая часть римских наемников, недовольных управлением византийцев, в особенности же выплатой жалованья, перешла к готам. Совершенно так же и итальянские города, сперва пошедшие навстречу византийцам, вскоре пресытились новым управлением с его налоговыми требованиями и нашли, что под властью готского короля живется не хуже, а, может быть, даже и лучше.

Таким образом, стратегия во время готской войны обусловливалась тем, что обе стороны располагали лишь очень незначительными силами по сравнению с теми обширными областями, из-за которых шла борьба. Готы не смогли занять многочисленные укрепленные города Италии или же занимали их гарнизонами весьма недостаточной численности. Между тем, местные жители держали себя не очень нейтрально и под влиянием менявшихся стимулов легко переходили с одной стороны на другую или по крайней мере не противились передачам.

Когда Витигес стал наступать на Велизария, то этот последний почувствовал себя настолько более слабым, что не решился довести дело до открытого боя, а предпочел подвергнуться осаде в Риме. Приблизительно 10 000 человек было достаточно для того, чтобы изменить соотношение сил. Таким образом, война велась и решалась посредством одних лишь осад и передач городов.

Как только Тотила захватил власть, он тотчас же приказал сломать стены занятых им городов. Другие правители действовали наоборот и старались укрепить свою власть в своей стране, строя крепости.

Один современный ученый[15] высказал мнение, что "о стены Рима разбилось все крупное превосходство сил готского народного войска, чем и объясняется их ненависть против городских укреплений, которые они всюду разрушают". Но ведь Тотила ни в каком случае не действовал под влиянием одной лишь ненависти, но был стратегом, который отдавал себе отчет в том, что он делает. Уже вандал Гейзерих, захватив Африку, разрушил стены городов. Эти германские короли не имели такого количества войск, которое позволило бы им в достаточной мере занять гарнизонами все города своих обширных

областей, а между тем, жителям нельзя было доверять: открывая свои ворота перед неприятельскими отрядами, города становились опорными пунктами неприятеля.

В недавние времена также обнаружилась однажды приблизительно подобная же обстановка. Когда союзники осенью 1813 г. достигли Рейна, то Гнейзенау посоветовал немедленно продолжать наступление и не пугаться знаменитого тройного пояса крепостей Франции. Именно эти многочисленные крепости должны были привести Наполеона к гибели, так как он не имел достаточного количества войск. Если бы он занял их, то у него не осталось бы войск для действий в открытом поле; если же он вывел бы из крепостей гарнизоны, то крепости попросту перешли бы в руки союзников. Если бы Наполеон смог быстро разрушить большую часть своих крепостей и соответственно усилить свою действующую армию их гарнизонами, то это было бы для него в тот момент стратегическим преимуществом. Так как мы видим, что Тотила сделал нечто подобное, то должны признать в нем полководца, одаренного стратегической мыслью.

Так протекала готская война до тех пор, пока в ней преобладали политические моменты. Термин "политические моменты" я употребляю здесь в

широком смысле этого слова. Это не только переход жителей Италии на ту или другую сторону, но также неспособность византийского правительства держать в повиновении своих собственных наемников. Решительный момент наступил лишь тогда, когда Юстиниан вторично послал туда действительно значительные боевые силы и когда также на готской стороне, благодаря разрушению крепостей, положение было настолько подготовлено, что, как это им казалось, у них освободились и объединились силы, достаточные для сражения. Решающий исход сражения оказался не в пользу готов, и это окончательно утвердило их гибель.

Крупные военные успехи Юстиниана основывались не столько на необычайном развертывании новых сил, сколько на счастливой и удачной комбинации сил, имевшихся у него налицо. По сравнению с большими размерами империи и с ее материальными ресурсами эти силы были довольно незначительны и достигли больших результатов лишь благодаря тому, что противная сторона была еще слабее. Как раз в то самое время, когда одерживались эти крупные победы, орда гуннов, а в другой раз также орда славян, переправились через Дунай и прошли через Балканский полуостров вплоть до Греции,

грабя и убивая на своем пути. И для того чтобы одолеть их, войск не оказалось.

Успехи на Западе были в особенности обусловлены тем, что в это время в восточной части государства все было спокойно. Мир с персами был заключен еще до того, как Велизарий отправился в Африку. Германцы тоже ясно сознавали все значение этого факта, и потому король Витигес, находясь в тяжелом положении, пытался побудить персидского царя Хозроя к новому наступлению. Принеся крупнейшие жертвы, которые заключались в денежных выдачах, Юстиниан должен был сперва этим удовлетворить персов и лишь затем смог отправить Нарсеса с достаточным количеством войск для нанесения готам последнего решительного удара. Но все то войско, которое удалось собрать лишь благодаря тому, что пришлось так сильно сжаться в другом районе, насчитывало, повторяю, не более 25 000 человек.

Юстиниан рассчитывал победить вандалов и готов, представлявших собой в своей стране лишь узкий тонкий слой иноземных воинов. Само собой разумеется, что в войне против персов нельзя было ставить перед собой такую цель. Персы, совершенно так же, как и римляне, имели наемные войска, а именно гуннов; к тому же и римские

наемники часто переходили на их сторону. Но все же в своей основе это был народ, живший на собственной территории, и в этом была его сила. Следовательно, здесь надо было применить совершенно иную стратегию.

В военной истории мы уже неоднократно встречали такие положения, которые приводили к стремлению, не опрокидывая противника силой, взять его измором, даже избегая большого решительного сражения. Сперва такую стратегию проводил в крупном масштабе Перикл во время Пелопонесской войны, а затем Фабий Кунктатор. Этот вид стратегии, широко развернутой и доведенной до такой однобокости, которая уже противоречит самому существу войны, находим мы в одной из речей, которую Прокопий влагает в уста Велизария (bell. Pers., I, 18).

Римский полководец говорит своим солдатам, когда они требуют от него, чтобы он напал на уже отступающего противника и вступил с ним в бой: "Куда вы стремитесь, римляне, и какие страсти вас настолько возбудили, что вы сами хотите подвергнуться ненужной опасности? Люди считают лишь такую – и единственно такую – победу, при которой от врага не терпишь никакого ущерба. Этим преимуществом вы теперь обладаете, благодаря счастью и тому страху,

который поверг в отчаяние неприятельское войско. Не лучше ли воспользоваться этими преимуществами, которые здесь перед вами налицо, чем стремиться к достижению более далеких? Персы, охваченные большими надеждами и стремившиеся к победе, предприняли поход против римлян. Теперь же, обманутые в своих ожиданиях, они стремглав обратились в бегство.

Если теперь против желания мы принудим их оставить мысль об отступлении и заставим их вступить с нами в бой, то, если бы даже мы одержали победу, она не дала бы нам абсолютно никаких дальнейших преимуществ. Чего стоит победа над бегущим? Но если мы потерпим поражение, то из наших рук будут вырваны плоды реальной победы. И потеряны они будут не столько по вине противника, сколько по вине нас самих, по нашему легкомыслию; в результате мы должны будем отдать неприятелю на полное разграбление императорскую область, лишенную защиты. Заслуживает вашего внимания также и то, что небо обычно помогает людям в несчастьях, но не в тех опасностях, на которые человек идет добровольно. Кроме того, очень большую храбрость часто выказывают бессознательно люди, не имеющие никакого выхода. Мы же со

своей стороны сознаем, что окружены многими обстоятельствами, неблагоприятными для сражения. Ведь большинство из нас пришло сюда пешком, и мы все еще ничего не ели. И едва ли к этому я должен прибавлять, что многие еще к нам не подошли".

В полном соответствии с этой речью находится указание Прокопия (bell. Pers., I. 14) на то, что Велизарий после своей победы при Даре задержал преследование разбитых персов, так как ему было достаточно этой победы и так как персы, доведенные до крайности, могли бы вернуться и разбить беззаботных преследователей. Совершенно также анонимный теоретик этой эпохи[16] запрещает со всех сторон целиком окружать противника, даже будучи вдвое сильнее его, чтобы он, не видя ни одного пути к спасению, не превзошел бы себя в храбрости. Приблизительно через 50 лет император Маврикий, который вступил на престол уже будучи крупным и победоносным полководцем, в своем "Военном искусстве" советовал по мере возможности даже при хороших шансах избегать открытого боя, а лучше наносить ущерб неприятелю при помощи партизанской войны[17]. Ту же самую точку зрения, как говорит Прокопий, (I, 17), разделяли также и персы,

противники Велизария. Аламундар, сарацинский князь, говорит персидскому царю, что во время войны не следует полагаться на счастье и даже в случае значительного превосходства в силах лучше подстерегать врага хитрыми и ловкими маневрами. Тот, кто прямо идет навстречу опасности, никогда не может быть уверен в своем успехе.

С этими взглядами мы еще встретимся. С XVI по XVIII и даже до XIX вв. они играли большую и подчас роковую роль, а потому нам придется неоднократно к ним возвращаться. Бесспорно то, что ни Александр, ни Ганнибал, ни Цезарь, ведя войну, не следовали этим принципам. Ни один из этих полководцев не считал, что победа, достигнутая над противником, который без боя обратился в бегство, не есть победа; ни один из них не думал, что он должен прежде всего заботиться о том, как бы самому не понести урона. Александр сдерживал свои войска, когда они преследовали персов, но все время гнал их непрерывно вперед до тех пор, пока не падали лошади. Ганнибал организовал свои сражения на принципе полного окружения римлян. Цезарь одержал свои победы, отрезав путь к отступлению Верцингеториксу при Алесии, а Афранию и Петрею при Илерде; когда же он победил при

Фарсале, то не остановил своих войск до тех пор, пока не принудил к сдаче все неприятельское войско. Их важнейшим и основным принципом являлось опрокидывание и уничтожение противника, хотя у Ганнибала это положение ограничивалось тактическим решением боя и не расширялось до пределов стратегической операции с конечной целью решения войны.

Но все же остается вопрос, всегда ли Велизарий действовал в полном противоречии с деятельностью этих великих победителей? На этот вопрос не так легко ответить. Основы стратегии, стремящейся опрокинуть и разбить противника, настолько просты, что их можно ясно и легко сформулировать. Но основные положения стратегии измора содержат в себе такое диаметральное противоречие, которое не может быть разрешено одной простой формулой. Фридрих Великий, положивший на это много труда, также не смог дать абсолютно прозрачного и исчерпывающего изложения этой теории. Поэтому мы не должны безусловно и определенно применять к Велизарию все то, что заставляет его говорить Прокопий или что устанавливают другие теоретики его эпохи. Ведь мы не имеем достаточно надежных сведений относительно мотивов и внутренней связи его действий, чтобы

сделать из них совершенно достоверные выводы. Слава Велизария основывается на тех успехах, которые он одержал в борьбе с вандалами и остготами. Он победил и покорил эти два знаменитые своей воинственностью народа и доставил их королей, Витигеса и Гелимера, пленными в Константинополь. Обе эти войны не привели ни к одному большому сражению, но отсюда еще не следует делать какой-либо вывод относительно стратегии Велизария. Ведь вандалы и готы не давали возможности довести дело до такого исхода. Лишь Нарсес дал, наконец, остготам сражение, которое привело их к уничтожению, после того, как они согласились под начальством Тотилы принять этот бой.

Согласно Прокопию, Велизарий дал персам два настоящих сражения. В первый раз, в 530 г., персы хотели помешать постройке крепости Дара севернее Нисиба, в Месопотамии, там, где гористая местность переходит в равнину. Велизарий встретил их на хорошо подготовленной оборонительной позиции и отбил их, причинив им большие потери, но не преследовал их (bell. Pers., I, 14). Если его победа была действительно такой крупной, как это описывает Прокопий, то это упущение следует, безусловно, считать большой ошибкой. Преследование врага по месопотамской

равнине должно было бы дать весьма большие результаты. Но, может быть, следует подвергнуть сомнению вопрос о том, было ли это сражение действительно столь значительным. Может быть, здесь все дело ограничивалось простыми стычками, растянувшимися на широком протяжении? Ведь, согласно Прокопию, персы были вдвое сильнее римлян, имея 50 000 воинов против 25 000. Как на это дальше указывает Прокопий (I, 16, 1), персы не раз оставляли свои позиции в окрестностях Дары и беспрепятственно совершали нападение на римские области на севере (в Армении) и на юге (в Сирии).

Вторжение в Сирию привело ко второму сражению – при Каллиниконе (Никофорионе) на Евфрате. Велизарий следовал за отступавшим неприятельским войском, не имея намерения на него напасть. Но его войско, возбужденное преследованием, принудило его дать сражение, и он был разбит.

Из этих фактов мы должны сделать тот вывод, что персы на этом театре военных действий располагали очень крупным количественным или качественным перевесом сил, так что римляне ни в каком случае, само собой разумеется, не могли здесь иметь действительно продолжительных и больших успехов.

Такие военно-политические соотношения равновесия являются почвой, на которой вырастают идеи стратегии измора.

Часть четвертая

ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Глава I

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА В РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Германские племена, расположившиеся в римских провинциях, были расквартированными войсками, но не крестьянами, искавшими землю. Держа власть в своих руках, они создали новые государственные порядки и новые государственные организмы, причем сами составляли их вооруженную силу. Их воинственность основывалась на природной воинской силе, на родовой спайке и на дикой личной храбрости отдельного воина.

Правильно поняв и оценив значение этих боевых качеств, местами делали попытки на время сохранить это драгоценное сокровище воинственности. С этой целью искусственно отделяли германскую культуру от римской, вместо того чтобы быстро слить их воедино, изолировали германскую культуру и пытались предохранить ее

от яда римской цивилизации. Когда римляне впервые осознали опасность, грозившую им со стороны варваров; когда готы и франки прошли через империю по суше и по воде, причем легионы уже не имели достаточно сил для того, чтобы их отогнать и защитить внутренние области страны; когда увидели, что единственную помощь против варваров можно найти лишь среди самих варваров, – тогда во второй половине III столетия стали делать попытки привлечь к себе как можно ближе этих варваров, стремясь взять их к себе на службу. Император Галлиен сам женился на германке по имени Пипара. Император Аврелиан побуждал своих командиров вступать в брак с германками. Константин Великий начал облекать германцев высокими республиканскими званиями, даже титулом консула, в чем его впоследствии упрекал его племянник и преемник Юлиан. Но при преемнике Юлиана Валентиниане мы обнаруживаем противоположную тенденцию – браки между римлянами и германцами прямо-таки запрещаются (в 365 г.)[18].

Когда вестгот Атаульф основал государство, то он сам женился на дочери римского императора Плацидии, но его преемник запретил своему народу вступать в брак с римлянами, и это запрещение имело силу в течение почти

полутораста лет[19]. Практическое проведение этой меры, которая заключалась в отделении внутри одного и того же государства германцев от римлян, всюду облегчалось тем, что римляне и германцы, – даже после того как они были крещены, – образовывали различные церковные общины. Все германские племена, за исключением франков, стали арканами. Особенно остгот Теодорих, – по-видимому, вполне сознательно, – стремился к тому, чтобы сохранить свой народ в качестве военного сословия в среде римской культуры. Готы продолжали жить на чужой почве, подчиняясь собственным законам. Ни один гот не имел права занимать гражданской должности, как ни один римлянин не мог быть солдатом[20]. Когда дочь Теодориха Амаласунта захотела кое-чему обучить своего сына Атанариха, то готы вследствие этого сделали ей такого рода замечание: она неправильно воспитывает юного короля, так как читать и писать вовсе не есть храбрость, а нечто совсем иное; кто научился бояться палки учителя, тот никогда не станет воином. Теодорих никогда не позволял готским мальчикам ходить в школу и сам завоевал большое государство, совершенно не умея ни читать, ни писать[21].

С максимальной строгостью сохранялось

положение, гласившее, что германец является солдатом и профессиональным воином. В государстве Теодориха лишь гот был военнообязанный, и к тому же безусловно военнообязанным. В одном сохранившемся документе мы читаем, как заслуженный ветеран, который уже не был в состоянии носить оружие, должен был подать особое прошение об освобождении от воинской повинности, и лишь после долгого и подробного исследования этого вопроса королевским приказом было выражено согласие на его просьбу. Неспособные носить оружие лишались того ежегодного подарка, который король регулярно делал своим воинам из сумм налоговых поступлений[22].

Вестготы[23], как мы уже видели выше, усовершенствовали свою военную организацию по римскому образцу; очевидно, это произошло в ту эпоху, когда они после своей победы при Адрианополе расположились и расквартировались во Фракии (следовательно, в период между 378 и 395 гг.). Несколько сотен соединялись в тысячу, которая находилась под начальством тысячника (милленария) или тиуфада (народного вождя), а сотни делились на десятки, во главе которых стояли деканы. Когда же они расселились к югу и к северу от Пиренеев, то все или некоторые

тысячи были разделены и были образованы пятисотенные части. Но это арифметическое и военное расчленение было нарушено и постепенно вытеснено политико-географическим делением на провинции, во главе которых стояли дуки (duces – вожди, герцоги), и графства, во главе которых стояли комиты (comites – спутники, графы).

Теперь уже не так легко было организовывать для несения военной службы народ, который не жил больше сконцентрировано в одном месте, но был широко рассеян по всей стране. Опаздывавшим на призыв грозили строгие наказания. Для продовольствия призывников организовывались зерновые склады. Кто не получал того, что ему причиталось, мог подать жалобу, и тогда виновные чиновники должны были в четыре раза возместить ему недоимку.

В это же время наряду со всеобщей воинской повинностью появилась и другая организация военного дела, о которой мы узнаем из законодательства короля Эвриха (466 – 484 гг.), сына того короля Теодориха, который погиб в сражении на Каталаунских полях.

Мы уже видели, как наемничество в Римской империи привело к системе кондотьерства, которая заключалась в том, что старшие командиры (генералы) являлись предводителями

отрядов, находившихся на службе лично у них. Эти воины, которых также называли частными солдатами, носили название "буккелариев". Слово "буккеларий", очевидно, происходит от слова "buccella" (сухарь, кусок) и, очевидно, первоначально было насмешливым прозвищем, которое, как часто бывает, потеряв этот привкус, получило характер общепринятого выражения. Это слово и это понятие мы и встречаем в законе Эвриха. Буккелариев сопоставляли с германскими дружинниками и считали, что в них отразился процесс проникновения германской культуры в римскую. Греческие писатели иногда употребляют выражение "παιδες" (дети, ребята), в чем острый взор наблюдателя увидел перевод германского слова "Degen". Дело в том, что это слово не имеет никакого отношения к слову, обозначающему оружие (Degen – меч), но либо связано с корнем слова "gedeihen" (процветать, расти, развиваться), либо, согласно более новому толкованию, с корнем греческого слова "τέκνον" (дитя) и, следовательно, во всяком случае означает "подросшие ребята". Это явление, несомненно, находится в некотором родстве с древним установлением дружины. Однако, это родство является лишь вторичным моментом. Германский дружинник в древнем, собственном смысле этого

слова стоит лично к своему господину гораздо ближе: он ест с ним за одним столом и растет вместе с ним, а когда его господин возвышается до королевской власти, то дружинник становится знатным человеком. Военная дружина расширяется и распространяется книзу, и дружинник становится простым солдатом, поступающим на службу в качестве наемника, причем совершенно исчезает понятие собственно дружины в смысле личного, дружеского отношения к господину.

Все же мы, конечно, можем сказать, что там, где мы находим буккелариев на службе у знатных германских людей, там на них еще держится и сохраняется отблеск столь высоко стоявшей идеи личного долга, верности дружинника по отношению к своему господину. Закон Эвриха устанавливает, что буккеларий в качестве свободного человека имеет право выбрать себе другого господина, но в таком случае должен отдать все то, что он получил от своего прежнего господина. Тэйдес, долго правивший в качестве штатгальтера (наместника) государством вестготов, а позднее – в 531 г. – сам себя сделавший королем, имел в своей свите, как сообщает Прокопий[24], не менее 2 000 человек. Эти 2 000 человек были, разумеется, в

большинстве своем готы. А общее число германцев в вестготском государстве, как мы это можем предположить, было, конечно, не более 20 000 воинов. Следовательно, если один из них имел у себя на службе 2 000 воинов, то становится понятным, какое значение приобрела эта форма военной службы.

В более позднем сборнике законов готов уже больше не употребляется слово "буккеларий", причем это понятие заменяется оборотом "поставленный под покровительство[25]". Отсутствие особого технического термина для такого точно описанного явления указывает на то, что вместе с тем подтверждается и фактами, а именно – на то, что этот процесс не получил среди вестготов существенного развития в указанном направлении.

Строгое отделение германцев от римлян привело у всех арианских племен к простой и уверенно действовавшей военной организации. У остготов и вестготов, у вандалов и бургундов, мы думаем, дело происходило приблизительно таким же образом. Но среди франков мы с самого начала находим иные отношения. Здесь никогда не производилось раздела земель и никогда не делалось попыток сохранить военную силу при помощи длительного отделения друг от друга этих

двух народных элементов. Франки не стали арианами, но тотчас же вступили в католическую церковь. Вопрос, следовательно, заключается в том, не поставили ли франкские короли на более широкую основу организацию военного дела и воинской повинности; объединив с самого начала в единую группу своих германских и римских подданных.

В наших источниках мы находим такие места, которые указывают, что король франков имел право требовать несения военной службы от всех своих подданных. Это было истолковано таким образом, что в государстве франков, в отличие от других государств, фактически существовала всеобщая военная служба всех свободных и полусвободных людей, – доказательство того, как часто книжная ученость может ввести в заблуждение даже действительно крупных ученых. Отдельные горожане и крестьяне, которые должны были уходить далеко и на долгие месяцы на войну, снаряжаясь на собственный счет; армии, состоящие из многих сотен тысяч даже в том случае, когда призывался только один человек с 1 км², и то лишь в некоторых частях государства; эти массы, отвыкшие, наконец, в течение столетий от войны и ставшие во всех отношениях непригодными к ней, – все это нам

напоминает о миллионном войске Дария Кодомана или Ксеркса, которое до сих пор еще не могут вырвать из своего сердца столь многие филологи. Можно в некоторой степени смягчить это представление о массовом призыве к несению всеобщей воинской повинности, предположив, что военнообязанными были одни лишь землевладельцы. Если к тому же исключить колонов, то в романских областях останутся лишь немногие, а если их включить, – иначе это и быть не могло вследствие разделения повинностей между романскими и германскими областями, – то можно будет произвести следующий расчет. Предположим, что для перехода через Пиренеи призвано население областей, лежащих к югу от Сены, по одному воину с трех дворов. Все эти области охватывают приблизительно 7 000 кв. миль. Мы считаем, что на каждой квадратной миле, при наличии больших лесов и гор, было лишь от трех до шести деревень с общим количеством в 90 дворов. Каждая квадратная миля выставляла 30 воинов, следовательно, призывной контингент насчитывал 210 000 человек. Если же мы с каждого квадратного километра будем считать по одному человеку, то это уже даст 400 000. Столько народа при частичном призыве! Но так как "в совершенно

особых случаях" для участия в одном походе призывалось полностью все население страны[26] и вместе с ними на войну должны были идти и литы, а также другие зависимые люди в качестве легковооруженных[27], то мы при наших расчетах уже не могли бы давать цифру ниже миллиона.

Отсюда видно, что мы должны искать совершенно иную основу. Военная служба в качестве всеобщей повинности всех подданных в государстве франков имеет такое же значение, какое она имела у римлян; ведь и здесь она еще полностью не исчезла. Еще император Валентиниан III однажды призвал своих подданных к борьбе с вандалами, издав эдикты, составленные в энергичных выражениях, а римские граждане помогали Велизарию при защите Рима. Как в этих случаях римляне, так иногда и германские короли призывали обычно не имеющих отношения к военному делу жителей какой-либо местности; так, например, мы узнаем, что бургундский король Гундобад во время одной войны с вестготами, примерно, в 507 г. приказал разрушить одну крепость в Лимузене римлянам, т.е., другими словами, призванному для этой цели ополчению из близлежащей бургундской пограничной области[28].

И то же самое проделал однажды Тотила, призвав для выполнения одного задания вместо готов, которыми он в данном случае не считал нужным пользоваться, местных крестьян, присоединив к ним лишь небольшое число готов[29]. Тем не менее, настоящее войско вербовалось из состава военного сословия, состоявшего из профессиональных воинов. Конечно, и у франков дело не могло быть иначе.

Франкское государство было составлено из частей германских и романских областей. Обратим наше внимание сперва на романские области. Здесь тотчас же напрашиваются выводы, которое мы можем сделать из того факта, что франки не произвели раздела земель с римлянами, как это сделали племена, жившие южнее.

Расселение бургундов, готов и вандалов и объяснено было в том смысле, что хотя свободным членам общины, объединенным в небольшие группы, были предоставлены крестьянские дворы, однако, в данном случае собственно решающим моментом было включение германских вождей и знатных людей в состав сословия крупных римских землевладельцев. Именно это новое свойство германской аристократии и дало возможность германским дворянам и графам оказать своим товарищам по

племени и по войску необходимую для них хозяйственную помощь, причем это происходило либо в рамках древнего и все еще сохранявшегося родового союза, либо таким образом, что они просто брали своих товарищей к себе на службу. У франков этот процесс мог протекать совершенно таким же образом, несмотря на то, что здесь не происходило разделения земель. Хлодвигу не нужно было приступать к разделу земли, так как основная масса его народа не передвигалась, а оставалась сидеть на месте. Он должен был лишь дать каждому графу некоторое количество воинов, которых тот мог без всякого труда разместить в прежних императорских или иных общественных или конфискованных поместьях, замках или дворах, так как дело шло лишь об очень небольшом числе их.

Следовательно, существенные отличия франкского расселения от иных типов расселения заключаются в том, что здесь прежде всего не было создано такого крепкого сословия крупных германских землевладельцев, что расселение шло значительно более тонким слоем и что древний родовой союз еще скорее терял свое значение. Воинство, которое в каждом графстве образовывало нечто вроде товарищества, жившего под начальством графа, состояло по большей

части из франков, которые, будучи профессиональными воинами, постоянно культивировали в себе отличительные военные свойства как физического, так и морального характера. Но в то же время исключалась возможность того, что в эти воинские товарищества вступали также и романцы[30]. И воинственность в этих кельтских племенах полностью не угасла, так что все вновь и вновь проявлялись отдельные прирожденные натуры воинов и героев[31]. Вообще ни одна из романизованных областей не была более в состоянии противостоять натиску германского племени, состоявшего из немногих тысяч человек, но при этом, конечно, вообще не было недостатка в храбрых людях. Германские короли ставили в качестве графов над областями своего государства не только своих соплеменников, но также и знатных романцев, которые к ним поступили службу[32].

Германские воины свободно и охотно поступали под их начальство: ведь они уже давно привыкли сражаться в римских войсках. И равным образом не была исключена возможность и того, что граф, – будь германец или романец, – принимал в число своих воинов романцев, если его товарищи убеждались в том, что они не

уступают им в храбрости в ловком умении объезжать коня и владеть оружием[33]. И из этих расселенных германцев постепенно образовывалось германо-романское военное сословие, не замкнутое в лагерях или казармах и не находившееся под постоянным гнетом военной дисциплины, но стоявшее в самом центре гражданской жизни. В это сословие вступали во все возраставшем числе также и несвободные[34]. Несвободный человек, в личной храбрости и пригодности которого граф смог убедиться, был для него ценнее свободного человека, так как этот несвободный целиком зависел от его воли и никогда не мог от него уйти. Принятый в состав воинов, этот человек уже целиком приобщался к духу этого сословия, конечно, в том случае, если он был для этого подходящим человеком[35].

В отношении франков мы не имеем прямого и совершенно бесспорного указания на то, что более или менее крупное число воинов находилось в состоянии личной зависимости, подобно буккелариям у вестготов. Однако, как мы это увидим ниже, можно доказать, что так было на самом деле. Но все же королевская власть была прежде всего еще настолько сильной, что эти частные отношения не могли приобрести

значения ни в политическом, ни в государственно-правовом смысле.

Военная организация меровингского государства основывалась на том, что король призывал на военную службу, при помощи своих чиновников, мужчин, входивших в состав военного сословия, под страхом объявления вне закона.

Если наши источники употребляют слово "Leudes" (современное немецкое "Leute" – люди), то они имеют в виду это военное сословие[36]. Наряду с ним появляется слово "fideles" (верные), имеющее совершенно такое же значение.

В понятия, выражающиеся этими словами, включается и двор короля, а также его чиновники, иногда же в широком смысле и весь народ. В особенности в чисто германских областях франкского государства сословное отличие воинов от прочей народной массы проявляется, естественно, лишь в самой начальной стадии.

Мы установили, что во франкском государстве Меровингов, совершенно так же, как и в готском государстве Теодориха, существовало сословие профессиональных воинов, которое было обязано следовать призыву короля. Но все же здесь имеется и крупное различие. В Италии этими профессиональными воинами являлись готы,

которые жили совершенно особняком, не вступая в браки с римлянами. Здесь не могло быть сомнений в том, кто является воином, а кто им не является. Во франкском государстве это не подходит ни к германской, ни к романской его части. В одной части имелись римляне, входившие в состав военного сословия, а в другой части призыв мог касаться лишь небольшой доли всего мужского населения. Поэтому военное сословие, которое в остготском государстве создавалось самой природой, в государстве франков мыслимо было лишь в связи с должностной властью графа, поставленного королем во главе данной местности. В романской части он принимал в среду воинов также и романцев, если они ему казались годными для этой цели. В германской же части он ограничивал призывной контингент лишь такой численностью, которая допускала снабжение продовольствием или которую он считал необходимой.

Современным исследователям было очень трудно установить характер меровингской военной организации, в которой видели то дружинников, то действительно проведенную всеобщую воинскую повинность, то считали военнообязанными всех мелких землевладельцев, то лишь одних владельцев коронных имений. Это

объясняется тем, что франкское военное сословие было недостаточно точно ограничено в общественном, государственно-правовом и административном отношениях. Один из наших превосходнейших исследователей П. Рот однажды указал на то, что в нашем главном источнике, у Григория Турского, пространного рассказчика Меровингской эпохи, термин "Leudes" (люди) встречается всего лишь три раза. Если бы это слово было техническим термином, обозначающим военное сословие, то, заключает Рот, у такого рассказчика мы должны были бы найти совершенно иную картину. Это замечание в психологическом отношении столь же тонко, как и правильно. Но, как мы видим, слово "Leudes" не было техническим термином в строгом смысле этого слова. Существовало военное сословие, но в то же время не было точно ограниченного термина для его обозначения. Это не является противоречием, так как само это сословие не было точно ограничено. С одной стороны, это сословие переходит в чиновничество и в двор, а с другой – в вооруженную челядь и, наконец, в чисто германских областях – в совокупность всех свободных членов общины.

Историческое исследование, как это нам подчас кажется, вертится в заколдованном кругу.

Было время, когда не верили в переселение целых народов, а те отряды, которые завладевали римскими провинциями, считали лишь большими дружинами отдельных князей, военных предводителей. Источники дали возможность доказать ошибочность этого взгляда. Действительно, это были целые народы, которые, сдвинувшись с места, покинули свою старую родину и стали себе искать новую. Но когда затем выяснилось, что эти народы были очень немногочисленными и что представление о переселяющихся миллионах носит легендарный характер, то эта картина, – правда, не в политическом и не в государственно-правовом отношениях, но все же фактически стала снова ближе к прежнему представлению.

Также и выражение "Leudes" (люди) – военное сословие франкского государства – было истолковано в смысле дружинной челяди. И снова было доказано, что эта правовая форма не соответствует действительности. Призыв на войну был призывом короля, обращенным к подданным, а не к дружинникам, владельцам коронных имений или мелким землевладельцам. Но подданные, к которым этот призыв фактически обращался, были по своей численности лишь узко ограниченным военным сословием, которое было

очень похоже на крупную дружину.

Следовательно, изучение этого вопроса вращалось не по кругу, а по спирали. Снова приблизившись к прежней точке, оно все же поднялось над нею на некоторую высоту, благодаря проделанной за это время работе.

БУККЕЛАРИИ

Перевод слова "παιδες" (дети) у Агация (III, 16) и у Малалы словом "Degen" заимствовано у Зеека "Германская дружина на римской почве" (Seeck, "D. d. Gefolgschaftswesen a. rцmischen Boden" in "d. Zeitschrift der Savigny-Stiftung", 1896, S. 109); см. также Пауля (Pauly, "Real-Encykl. s. v. buccellarius"). Но Зеек идет слишком далеко в своем сопоставлении дружины с наемничеством, хотя он вполне справедливо указывает на то, что уже в древней дружине были различные разряды (ср. Брукнер, "История германского права" – Brunner, "D. Rechtsgeschichte", II, 262).

Первое упоминание мы находим в эпоху Гонория у Олимпиодора, стр. 7.

Император Лев издал запрещение. В Кодексе Юстиниана (Cod. Just., IX. 12, 10) мы читаем: "Мы хотим, чтобы все в городах и селах были лишены права иметь буккелариев или вооруженных исаврийских рабов".

Титул (название статьи) в Кодексе Эвриха (Cod. Eurici), согласно Цеймеру, гласит:

"Если кто-нибудь дал оружие буккеларию или ему что-нибудь пожаловал, и если тот останется в дружине

господина, то пожалованное ему пусть останется у него. Если кто-либо избирает себе другого господина, то он имеет право стать под покровительство того, кого пожелает, так как этого не может ему запретить свободнорожденный (ingenuus) человек, хотя он и находится в его власти. Но он должен отдать все тому господину, которого он покидает. Такой же порядок касается и сыновей господина или буккелария, – так что если они или кто-либо из них хочет остаться в дружине, пусть владеют пожалованным. Если же они решат покинуть сыновей или внуков господина, то пусть отдадут все, что было дано господином их родителям. И если буккеларий что-либо приобрел, находясь под властью своего господина, то пусть половина всего этого останется во владении господина или его сыновей. Другую половину пусть получит тот буккеларий, который это приобрел. А если он оставил дочь, то мы приказываем, чтобы она осталась во власти господина, однако, при том условии, чтобы сам господин постарался бы найти ей равного, который смог бы ее взять в замужество. Если же она, может быть, изберет себе другого против воли господина, то пусть она вернет господину или наследникам его все, что было дано ее отцу господином или его родителями" ("Древнейшие законы Визиготов", стр. 13 – "Leges Visigothorum antiquiores", p. 13).

У бургундов я не нашел прямого упоминания о буккелариях или чего-либо подобного, но все же здесь позволительно было бы привести следующее место. В "Страдании св. Сигизмунда" говорится о короле: "что он... своим оптиматам объявит... законом назначит себя наследником". Ян, "История Бург." (Jahn, "Geschichte d. Burg.", стр. 101) видит выполнение

этого предписания в словах: "Казалось, что он заботится о своей родине и о своем войске". Войско (exercitus), по его мнению, является дружинной челядью оптиматов. Если это объяснение Яна правильно, то я думаю, что здесь мы имеем установление, соответствующее институту буккелариев.

О том же самом говорит и то обстоятельство, что в городах, как мы это обнаруживаем в источниках, были арианские епископы и что там были найдены арианские могильные памятники. Эти факты я заимствую у Кауфмана, который в своих "Исследованиях по немецкой истории" (Kaufmann, "Forschungen zur deutschen Geschichte", Bd. 10, S. 383) объясняет их тем, что германцы жили в городах в качестве горожан-землевладельцев. Конечно, они этого не делали. Ведь они не чувствовали никакой склонности к тому, чтобы стать крестьянами, а тем менее – горожанами. Они в большинстве случаев жили в городах в качестве дружинников и солдат графа.

ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ. LEUDES (ЛЮДИ)

Концепция Вайца (Waitz), сводящаяся к тому, что воинская повинность в государстве франков имела вещный, материальный характер и была связана с землевладениями, опровергнута Ротом в его двух трудах: "История бенефициальных порядков" и "Феодальная система и союз подданных" (Roth, "Geschichte des Benefizialwesens", 1850. "Feudalitdt und Untertanenverband") Ср. Брукнер, "История

германского права" (Brunner, "Deutsche Rechtsgeschichte", II, 203) и Рих. Шредер, "Учебник истории германского права" (Rich. Schrqder, "Lehrbuch d. D. Rechtsgeschichte", S. 151). Но принятый также позднейшими исследователями взгляд Рота на то, что всеобщая повинность была не только принципиальным правом, но применялась и на практике, не выдерживает критики по вышеприведенным – как военным, так и статистическим – основаниям. Рот ("Bef. W.)", S. 200, 202, действительно доходит до утверждения, что короли, воюя между собой, по крайней мере во время своих внутренних междоусобных войн, "не только юридически, но и фактически требовали всеобщего призыва". Если мы определим удел короля, о котором в данном случае идет речь, в 3 000 кв. миль и предположим, что на 1 кв. миле жило 100 боеспособных людей, то это уже образует войско в 300 000 человек, а при 150 боеспособных воинах, – что, пожалуй, будет ближе к истине, – это даст 450 000 человек. Но если мы даже очень сильно сократим количество фактического призывного контингента, что нам даст реально возможные цифры, то все же с военной точки зрения следует считать совершенно исключенным факт призыва землевладельцев или иных состоятельных людей, не имеющих никакой военной подготовки. При отсутствии дисциплинированных частей постоянной армии с военной точки зрения просто необходимо допустить, главным образом в романских областях, существование сословия воинов, в котором могли бы развиваться и культивироваться военные качества. И это допущение не только согласуется со

свидетельствами источников, но непосредственно из них вытекает, если мы только их правильно истолкуем.

Григорий Турский рассказывает (V, 27 и VII, 42), как прихожане его церкви были наказаны за то, что они не последовали приказу двинуться в поход :

"Хильперик приказал относительно бедных и младших прихожан церкви или базилики затребовать у них денежный штраф за то, что они не вступили в войско. Но ведь не было такого обычая, чтобы они несли какую-либо общественную повинность" (V, 27).

"Для судей был издан эдикт, по которому осуждались те, которые опоздают явиться для участия в походе. Битуригский комитет также послал своих слуг, чтобы забрать всякого рода людей в обители св. Мартина, которая находилась в этой местности. Но настоятель обители начал этому сильно противиться говоря: "Это – люди св. Мартина. Не причиняйте им никакого вреда. Ведь у них нет такого обычая, чтобы уходить по такому делу". Они же сказали: "Нам нет никакого дела до твоего Мартина, которого ты всегда напрасно упоминаешь в делах: и ты, и они должны заплатить деньги за то, что вы с пренебрежением относитесь к власти короля". И, говоря это, они вошли в атриум обители" (VII, 42).

Из этих двух текстов Рот (стр. 186) сделал вывод о существовании всеобщей воинской повинности. Такой призыв не мог вытекать из особой служебной повинности церквей, так как этому противоречит буквальный смысл и так как подобного рода служебная повинность церквей не согласуется с источниками. Равным образом это не могло быть исключительным случаем всеобщего призыва для

защиты от неприятельского вторжения, так как этот призыв производился для наступательной войны против Британии. "Следовательно, – заключает Рот, – здесь мы имеем дело с всеобщей воинской повинностью всех свободных, без различия национальности, так как кто же захочет видеть в "бедных прихожанах церкви" лишь франков или только Leudes (людей)?". До тех пор, пока под словом "Leudes" (люди) понимали либо дружинников, либо землевладельцев, это было, конечно, совершенно невозможно, но при нашем понимании слова "Leudes" такому толкованию уже больше ничто не мешает. И прежде всего мы можем предположить, что Турская церковь взяла к себе на службу для собственной защиты некоторое число франков, вооруженных боевыми топорами. Но эта служба, по мнению короля и его графа, не освобождала их от обязанности явиться на призыв, поэтому они и подлежали принудительной явке. В понятие "Leudes" (люди) ни в коем случае не входит факт наделения этих людей собственностью; очевидно, и церковь в Туре также не обещала и не давала своим частным воинам никаких поместий, но лишь хорошее жалованье и снабжение. Поэтому автор хроники св. Мартина мог вполне свободно назвать их "бедными" и, возможно, был также вполне прав, говоря, что больше уже не было такого "обычая" призывать их для участия во внешних войнах.

Вайц (Waitz. D. V., II, 527) приводит другие места из Григория, из которых видно, что автор под словом "pauperes" (бедные) понимает лишь людей низкого сословия, но ни в коем случае не нищих. В

одном рассказе (Григорий, X, 9) даже говорится о том, что они имеют лошадей.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ЛИТОВ

Согласно Роту (Roth, "Gesch. d. Benef", S. 406), Вайцу ("D. Verf.-Gesch.", IV, 454) и Бруннеру ("D. Rechtsgeschichte", I, 239, II изд., 356), в Саксонии подлежали воинской повинности также и литы. Но приведенные для этой цели свидетельства источников этого не доказывают. Брукнер вполне справедливо считает легендарным указание, которое мы находим в "Жизни Лебуина", на то, что также и литы были представлены на областном собрании. Корвейская привилегия, запрещающая графам призывать для участия в военном походе как свободных, так и литов монастыря, не доказывает того, что литы призывались в качестве воинов. Их могли призывать в качестве повозочных при выполнении гужевой повинности.

БЛАЖЕННЫЙ АВИТ

Одно из существенных отличий франкского государства от других германо-романских государств заключается в том, что во франкском государстве с самого начала оба национальных элемента не были так резко разделены, как в других государствах. Хотя во франкском государстве, как и в других, существовало военное сословие, но оно не было так исключительно ограничено рамками правящего германского племени, а включало в свою среду также и романцев. Остготы и вандалы, – это для нас ясно и несомненно, – признавали в своих областях боеспособными и военнообязанными лишь самих

себя, но не римлян. У вестготов следует различать разные эпохи. В эпоху основания государства и при первых поколениях у них, конечно, едва ли могло быть иначе, чем у родственных им племен. В VII же столетии уже исчезло резкое разделение на расы. Для решения вопроса, когда и каким образом произошел этот процесс изменения, следует принять во внимание свидетельство, которое мы находим в жизни одного святого по имени Авит, которое напечатано в "Деяниях святых" (AA. SS. Bolland. 17 июня, т. 4, стр. 292. "Beatus Avitus. Eremita in Sarlatensi apud Pelrocovios diocesi"). Оно гласит:

"Блаженный Авит, присходящий из знатного рода, который должен был достигнуть высокого положения, дал в соответствующее время зрелые плоды надолго и сильно душистой сладости. Он, ввиду высокого положения своей знатной семьи, рожденный от благородных родителей и происходящий от княжеской крови, начал свою жизнь после счастливого рождения в одном селении Петрагорийской провинции по названию Линоказий. И лишь только он вышел из грудного возраста, родители его, неотступно заботясь о нем, отдали его в учение, для того чтобы он изучил науки. Когда же он достиг предела отрочества и покрылся пушком цветущей юности, он достиг раздвоения пифагорейской науки и, находясь на распутьи той и другой жизни, предпочел правый путь ученому собранию. Он лучше желал быть принужденным к изгнанию из этой жизни, чем, живя роскошно и предаваясь полноте наслаждений, быть, осужденным на последнем суде.

В это время Аларих, открытый враг христианского

имени, встал во главе государства готов. Обладая тиранническим бешенством свирепой души и смертоносной жестокостью зверства, он вознесся в гордости, захватив могущественное государство и привыкнув всюду побеждать своих соседей. Одушевленный большой надеждой и уверенностью в своем успехе, он решил двинуться на Францию, – очевидно, для того, чтобы ее завоевать. Чтобы крепче обосновать свое упорное желание, он старался, согласно обычаям своего государства, собрать в одно место большое количество полновесного серебра при помощи чиновников-исполнителей. Экстренным приказом через глашатаев он созвал всех боеспособных мужей военного сословия, получивших волей-неволей королевский дар.

Итак, блаженный Авит, могучий божий борец, уже благородно одержавший триумф на философском поприще, вследствие своего значительного состояния и всаднического звания родителей, хотя и против своей воли, все же был приписан к языческому войску, как бы другой Мартин получил военный дар, и был зачислен наряду с прочими для того, чтобы сражаться против вражеского войска франков. И внятно слышавший слова Евангелия, в которых повелевалось: "Итак, отдайте кесарю то, что принадлежит кесарю, и богу то, что принадлежит богу", снаружи опоясанный портупеей и снабженный языческим оружием, внутри же себя, ведя борьбу Христову с земным царем, он был принужден стать воином".

Авит был взят в плен в сражении при Вугле в 507 г. Если безусловно верить нашему источнику, то, очевидно, у вестготов уже в то время было военное

сословие, к которому принадлежали также и знатные романцы. Но текст этого жития относится к значительно более позднему времени, так что, хотя в его основе и лежат более древние рукописи, все же мы не можем доверять отдельным указаниям, которые мы там находим. Тем не менее, мы должны считать установленным тот факт, что молодой Авит, будучи образованным и знатным римлянином, отправился на войну и был взят в плен. Но все же является вопросом, можем ли мы из этого делать какие-либо выводы? Впрочем, не исключена возможность того, что уже в то время у вестготов, так же как и у франков, знатные римляне, поступая на службу к германскому королю, вместе с тем переходили в военное сословие, которое подлежало воинскому призыву. Но также весьма возможно и то, что набожный рассказчик сам придумал то принудительное приказание, которое заставило Авита опоясаться мечом, и что молодой человек был добровольно завербован и принят королем или каким-либо графом в свою дружину. В пользу этого особенно говорит то жалованье, которое он получал. Ведь нельзя же допустить, чтобы король Аларих II действительно платил жалованье своему войску. Либо рассказчик добавил это от себя, либо же здесь подразумевается тот дар, который господин делает своим дружинникам.

Следовательно, из этого рассказа мы с уверенностью можем сделать лишь тот вывод, что в начале VI столетия в вестготском государстве находились на службе по крайней мере отдельные римляне.

ИЗ ЗАКОНА ВЕСТГОТОВ (LEX VISIGOTHORUM)

Постановления Закона вестготов относительно организации военного дела, которые, согласно Ольденбургу, основывавшемуся на исследованиях Цеймера, восходят к королю Эвриху (466 – 484 гг.), гласят[37]:

I

Если войсковые начальники, подкупленные взятками, разрешат кому-либо во время похода вернуться домой или не заставят людей выйти из своих домов.

Если тысячник (тиуфад) будет подкуплен взяткой, которую ему даст кто-либо из его тысячи (тиуфы) для того, чтобы он ему разрешил вернуться в свой дом, то пусть он полученное вернет в девятикратном размере комиту той области, на территории которой находится. А если он никакой платы от него не получил и лишь его здорового домой отпустил или не принудил его отправиться из своего дома в войско, то пусть он уплатит 20 солидов, пятисотенник пусть уплатит 15, а сотник (центенарий) 10. Если же это будет десятник (декан), то он должен уплатить 5 солидов. Эти солиды пусть будут разделены в той сотне, где это произошло.

II

Если сборщики, собирая войско против врага, осмелятся взять и унести что-либо из домов тех людей, которых они собирают.

Если рабы господина, т.е. сборщики войска, собирая готов против врага, что-либо у них возьмут или что-нибудь из их вещей осмелятся унести в их присутствии или в их отсутствии без их разрешения, и если это может быть доказано перед судьей, то пусть они без промедления вернут это в одиннадцатикратном размере тому у кого взяли.

III

Если войсковые начальники, прекратив военные действия, вернутся домой или же разрешат другим вернуться.

Если какой-либо сотник (центенарий), распустив свою сотню перед неприятелем, убежит к себе домой, то он подлежит высшей мере наказания (смертной казни). Если же он найдет прибежище у святого алтаря или, может быть, у епископа, то пусть уплатит 300 солидов комиту той области, на территории которой он находится. А за жизнь свою пусть не боится. Сам комит области пусть об этом доведет до сведения короля, и тогда пусть, таким образом, по нашему приказу эти солиды будут разделены в той сотне, к которой он был приписан. Сам же сотник (центенарий) после этого пусть ни в коем случае не назначается начальником, но пусть будет одним из десятников (деканов). И если сотник (центенарий) без

ведома и без согласия начальника войска (prepositi hostis) или тысячника (тиуфада) своего позволит кому-нибудь из своей сотни, склоненный к тому просьбой и какой-либо взяткой, вернуться к себе домой или освободит его от того, чтобы идти против врага, то пусть его принудят к тому, чтобы он то, что получил, отдал в девятикратном размере комиту той области, в которой находится. И, как нами уже было сказано выше, пусть комит области не замедлит донести нам об этом, чтобы это по нашему предписанию было разделено в той сотне, к которой он был приписан. Если же сотник (центенарий) не получил от него никакой платы и так разрешил ему вернуться в свой дом, то этот сотник, как нами было указано выше, должен дать комиту области 10 солидов.

IV

Если войсковые начальники во время похода, бросив военные действия, вернутся домой или же других будут слишком слабо заставлять идти.

Если десятник (декан), бросив свой десяток, убежит домой от врага или же, будучи здоровым, не захочет выйти из своего дома и отправиться в поход, то пусть даст комиту области 10 солидов. Если же он, может быть, дал кому-нибудь взятку, то пусть он вернет 5 солидов комиту той области, в которой он находится. А комит области пусть нас об этом известит, чтобы по нашему приказу они были разделены между воинами той сотни, к которой он

был приписан. Если же кто-нибудь, кто был причислен к своей тысяче (тиуфе), без разрешения своего тиуфада (тысячника), или пятисотенника, или сотника, или десятника от врага домой убежит или же не захочет из своего дома отправиться против врага, то пусть он на рынке публично получит 100 ударов и уплатит 10 солидов.

Следующая пятая, а может быть также и шестая статья, несомненно, восходят к Леовигильду (568 – 586 гг.).

V

Если сборщики войска, получив взятку, разрешат кому-либо, кто не болен, остаться дома.

Если слуги господина, которые собирают войско идти против врага, разрешат кому-нибудь от них откупиться, то пусть их принудят уплатить полученное в девятикратном размере комиту области. А если их кто-либо просил, будучи здоровым, чтобы его не брали на воину, даже если они никакой взятки от него не брали, пусть их заставят в том случае, если они его освободили, уплатить за него комиту области 5 солидов. Пусть тысячник (тиуфад) проведет следствие через своих сотников (центенариев), а сотники – через десятников (деканов), и если они смогут узнать, каким образом они убежали домой, дав плату или же выкуп, и каким образом им удалось остаться дома, не захотев отправиться против врага, то пусть тиуфад известит начальника комита и напишет комиту области, на территории которого он находится, чтобы комит области не замедлил наложить целиком

все то наказание, которое установлено законом, на тех, кто за себя просит или выкупается, на тиуфадов (тысячников), сотников (центенариев), деканов (десятников) или рабов господских. А если что взыщет и скроет и в ведомость не внесет, то взысканное пусть вернет в девятикратном размере. А если подкупленный кем-либо или по чьей-либо просьбе отложит взыскание, то пусть из собственных средств в двойном размере удовлетворит тех, которые должны разделить между собой эту сумму, согласно этому решению. Если же после окончания этого дела он не известит короля, чтобы тот сам приказал разделить эту сумму в той тиуфе (тысяче), которой она причитается, или же если комит области ее скроет и не отдаст, то пусть он не замедлит удовлетворить их в одиннадцатикратном размере.

VI

О тех, которые, будучи обязанными раздавать паек, возьмут его или не сполна отдадут.

Мы признали справедливым, чтобы те, кто поставлен раздавать паек, комит области или раздатчик пайка в отдельных областях или крепостях, приказывали бы полностью выдавать по области или в крепости тот паек, который должен быть там выдан, и немедленно восстанавливали бы полное количество. Если случится, что сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) по своей небрежности, – не имея, а может быть и не желая, – не выдаст им часть пайка, то пусть подадут жалобу комиту их войска, что раздатчики не захотели им выдать их паек. И тогда

тот начальник войска (prepositus hostis) пусть не замедлит послать к вам своего человека, причем было бы сосчитано количество дней, когда паек не был выдан полностью, как того требует обычай. И тогда пусть сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) из своих собственных средств, независимо от его желания, в четверном размере возместит им за то время, что он им сокращал обычный паек. И мы приказываем выполнить то же самое по отношению к тем, которые были обсчитаны в тысячах (тиуфах).

Глава II

ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИКИ

Изучая военную историю, мы до сих пор всюду видели, что организация военного дела и тактика находятся между собой в теснейшем взаимоотношении.

Фаланга гоплитов развивается при македонских царях в ином направлении, чем в условиях римской аристократически-чиновничьей республики и достигает тактической формы когорты лишь в связи с конституционными изменениями. Точно так же германские сотни по самой своей природе сражаются иначе, чем римские когорты.

Могли ли германцы сохранить свой способ ведения военных действий, выросший в глубине девственных лесов, в ту эпоху, когда коренным образом изменились все условия их хозяйственной, общественной и культурной жизни? Если нет, то какие новые формы здесь возникли?

Древние германцы славились тем, что искусно владели оружием как в пешем, так и в конном строю. У одного народа больше славился один вид войск, у другого – другой. Ариовист был

силен своими "двойными бойцами", т.е. всадниками, перемешанными с пехотой. Цезарь усилил свои войска при помощи германских наемных войск в критический седьмой год своих войн в Галлии и при их содействии победил Верцингеторикса. Те же самые всадники приняли существенное участие в его победе при Фарсале, а пожалуй также и в других решительных боях эпохи гражданской войны. В 213 г., при императоре Каракалле, впервые встречается название алеманнов, и об этом народе говорится с похвалой, что он умеет чудесно сражаться в конном строю[38]; в сражении при Страсбурге они одержали победу также при помощи своих всадников. Равным образом в сражении при Адрианополе они решили исход боя в пользу германцев, а испанец Исидор, живший под властью вестготов, говорит о них, что хотя они и хорошие пехотинцы, но все же особенно отличались своим уменьем пользоваться дротиками в конном бою. Вегеций[39] хвалит бургундских и тюрингенских[40] лошадей за их выносливость, а относительно вандалов Прокопий категорически утверждает, что они не обучены пешему строю, но все исключительно всадники ("Они не были ни хорошими дротикометателями, ни лучниками, ни считали себя способными идти

в бой в качестве пехотинцев, но все были всадниками, пользовались же, насколько это было возможно, больше всего копьями и мечами"). Юстиан сформировал из пленных воинов этого племени пять конных полков и направил их в восточные гарнизоны[41]. Даже за двести лет перед тем другой греческий писатель, Дексипп (около 270 г.), называет их народом, состоящим главным образом из всадников[42]. Относительно остготов мы уже знаем, что они отличались в бою, будучи прекрасными всадниками, но сражались не при помощи лука и стрел, а мечом и копьем. Не только они сами, но и их кони были защищены броней[43].

Также и франки были превосходными всадниками. Уже Плутарх ("Жизнь Ота", гл. 12) и Дион Кассий (55, 24) говорят, что батавы, бывшие значительной частью того национального образования, которое впоследствии получило название франков, были особенно хорошими всадниками ("Лучшие всадники из германцев", "Они сильнее всех в кавалерийском деле"). "Расписание должностей" указывает на батавов и на франков как на всадников.

Мы встречаем в надписях "эскадрон канинефатов", что, очевидно, также было составной частью позднейших франков[44]. А в

рассказах Григория Турского они часто появляются верхом на коне[45]. Когда же они во время готской войны (539 и 552 гг.) вторглись в Италию, то шли большей частью в пешем строю; лишь личная охрана короля, его телохранители, состояла из всадников[46].

Мы уже установили, что характерным отличием византийского войска было отсутствие деления на виды оружия. Пехота и конница, холодное оружие и луки – все эти виды войска и оружия переходят один в другой и смешиваются друг с другом. Защищенный доспехами всадник пользуется также луком, а вместе с тем сражается и в пешем строю. Другими словами, это указывает на то, что настоящим воином является всадник и что подлинной пехоты уже больше не существует.

Пешие лучники – это такой вид войска, который не может существовать ни изолированно, ни в открытом поле при наличии одних лишь всадников. Но, прикрытые собственной конницей при условии использования укреплений или естественных препятствий, пешие стрелки из лука могут оказаться весьма полезными даже против конницы. В эту эпоху в сочинении некоего Урбикия[47] появляется мысль или проект защиты лучников против кавалерийской атаки при помощи "испанских всадников", т.е. особого рода

переносного препятствия, что мы встречаем на практике даже в более позднее время. Но все же стрелки из лука всегда остаются лишь вспомогательным видом войска, и конница всегда ценится выше.

В пехоте, вооруженной холодным оружием, имеют значение не только храбрость и доблесть отдельного бойца, но и та тактическая единица, в составе которой бойцы находятся. Конечно, при использовании всадников и стрелков тактическая единица также играет присущую ей роль, но все же воин имеет значение и сам по себе, помимо своей части. Отдельный же пехотинец, вооруженный холодным оружием, если только он не находится в составе более крупной тактической единицы, может расцениваться лишь очень низко. Это знал уже Аристотель, писавший в своей "Политике" (IV, 13): "Тяжеловооруженной пехотой нельзя пользоваться при отсутствии тактического порядка. И так как в древности не имели об этом представления и не знали этого искусства, то сила войска основывалась на одной лишь коннице". Об этом же в очень сходных выражениях говорит и Фридрих Великий в своих "Размышлениях о тактике" 1758 г.: "Пехота сильна лишь постольку, поскольку она сосредоточена и расположена в порядке. Если же

она разделена на части и почти рассыпана, то в этот момент достаточно нападения даже слабой конной части, чтобы ее уничтожить[48]. Сомкнутой пехотой такого типа были римские легионы, – и я не знаю таких случаев, когда они бывали опрокинуты конницей.

В войсках Юстиниана мы больше уже не находим такого рода сомкнутых тактических порядков пехотных частей, вооруженных холодным оружием. Пехота, которую мы здесь находим, состоит из лучников, либо из спешенных всадников, либо же из людей, которые садятся на коня в том случае, если они его имеют. Центр римского расположения, который был атакован готской конницей в сражении при Тагинэ, очевидно, опирался на какое-либо естественное препятствие, которое было, может быть, еще усилено искусственным образом.

Велизарий однажды сказал[49] своим людям, что персидская пехота состоит из жалких крестьян, которых берут с собой для того, чтобы подрывать стены, грабить павших и прислуживать солдатам. Конечно, дело обстояло вовсе не так скверно, и римская пехота, может быть, стояла на несколько более высоком уровне, но, вообще говоря, войска Юстиниана и Хозроя были очень похожи друг на друга, так что мнение о

персидской пехоте дает возможность сделать некоторый обратный вывод относительно оценки этого рода войска также и у римлян.

Военная сила германцев, как мы в этом уже ранее убедились, основывалась не только на дикой храбрости отдельного воина, но также и на родовой спайке воинов, находящихся под начальством своего предводителя – хунно. Германская пехота шла в атаку, построившись в массивный клин или в боевой порядок, напоминающий по своей форме кабанью голову. Хотя у древних германцев понятие собственно военной дисциплины существовало лишь в очень слабой степени, естественная родовая связь давала им то, что у культурных народов достигается при помощи дисциплины, т.е. тактическую единицу, единство воли при множестве воинов. Этот организм распался и погиб в эпоху расселения германцев среди романцев.

Прежде всего расселившиеся германцы разделились в своих новых королевствах на две группы. Одна часть покинула свой древний родовой союз и вступила непосредственно на службу к королю или к графу. Они были помещены непосредственно при дворе или на дворе, и их там кормили, – как в том случае, когда они там находились без своих семей, так и в том,

когда им вместе с их семьями давалось собственное небольшое хозяйство. Другая часть продолжала жить в родовых союзах, которые, очевидно, уменьшились. Первые жили по большей части в городах, а вторые в деревнях – либо с предводителем, который, благодаря разделению земель, стал крупным землевладельцем, либо же без него. Роды, которые раньше редко насчитывали менее 100 человек, а часто насчитывали несколько сотен человек, были разделены теперь на отдельные более мелкие группы[50], которые больше не были объединены общей совместной жизнью и не могли выработать единого общего типа. Люди, находившиеся при дворе и в непосредственном распоряжении графа, нашли себе здесь новый центр применения своей деятельности совсем иного типа. Совершенно другим стало также отношение к своему предводителю среди тех групп, которые продолжали жить на земле в условиях родового быта. Древний хунно жил вместе со своими товарищами, среди них, и в этой совместной жизни развился и вырос его естественный авторитет. Новый землевладелец стал аристократом, который все более и более отдалялся по своему образу жизни от своего простого товарища по племени. И если теперь, по

древнему обычаю, приходилось строить боевой клин, то последний уже не обладал прежней прочностью и прежней ценностью.

Не могло быть больше и речи о том, чтобы как-нибудь сохранить или восстановить тактическую часть, в особенности при помощи военных упражнений. Не было никаких предпосылок для того, чтобы это осуществить. Дело в том, что ни германские короли, ни их графы, ни древние хунни не обладали таким авторитетом и такого рода властью над своими соплеменниками, которая необходима для достижения этой цели.

Отсутствовала также и внешняя предпосылка, а именно – тесная совместная жизнь более или менее значительной группы людей. Немногие сотни представителей военного сословия – готы, бургунды или франки, жившие на территории романского графства, могли укреплять свою боевую силу при помощи постоянных военных упражнений, но не путем создания строевой тренировочной дисциплины. Нам придется вновь коснуться этого вопроса, когда мы, продолжая наше исследование, достигнем этой эпохи, в которой снова были сформированы тактические части. Теперь же мы вступаем в такой период, когда постепенно почти совсем исчезает тот

полюс военной организации, на котором в существенном отношении основывалась боевая ценность римских легионов, и когда все внимание целиком посвящается одному лишь противоположному полюсу военного развития – личной храбрости и боеспособности одиночного бойца.

Но все же вместо древнего боевого клина, состоявшего из воинов, вооруженных длинным копьем, фрамой, секирой, анго[51] или каким-нибудь иным холодным оружием, которое предпочитал тот или иной воин, могла появиться относительно боеспособная пехота, вооруженная луком. Мы это обнаружили у византийцев. Но, хотя византийское войско в очень значительной части состояло из германцев, мы все же должны отнести за счет командования тот факт, что лук получил особенно широкое применение в этом войске. В источниках мы находим ясное указание на то, что хотя самостоятельные германские племена – вандалы и остготы – умели пользоваться дальнобойным оружием, но все же предпочитали меч и копье. То же самое относится и к франкам, у которых лишь очень редко упоминается лук.

Но то, что теряла пехота, приобретала конница. Ведь не исчезла ни храбрость, ни

боеспособность, ни военный дух. Дело было лишь в том, что условия времени оказались неблагоприятными для одного определенного вида войска – для пехоты. Уже Вегеций, несмотря на то, что был очень далек от жизни, все же заметил, что конница его эпохи не оставляла желать лучшего (III, 26).

Для германцев, которые осели среди римлян, конница необходимым образом являлась тем родом оружия, который они культивировали с особенным вниманием и с особенной заботливостью не только в специфически кавалерийском смысле, но просто как люди, которые идут в бой в конном строю, умеют объезжать коня и сражаться верхом на коне, но которые вместе с тем готовы, когда этого потребуют обстоятельства, сойти с коня и сражаться в пешем строю. Воин не столько всадник, сколько человек верхом на коне, или, иными словами, он потому всадник, что благодаря этому он может быть кем угодно. Эта эпоха уже неспособна создавать тактические части. Вся боевая сила основывается на одиночном бойце, на личности. Человек, который может сражаться лишь в пешем строю при помощи холодного оружия, представляет собой очень незначительную величину в том случае, если он не

является звеном тактической части. Человек, который сражается пешком при помощи лука и стрел, всегда будет лишь вспомогательным родом войска. Человек, сражающийся верхом, превосходит в качестве одиночного бойца и того и другого.

Этот начавший развиваться факт силой своей естественной инерции начинает оказывать влияние на дальнейшее развитие, идущее в этом направлении. Лучшие стремились на кавалерийскую службу. Короли не оказывали больше никакого внимания пехоте в прежнем смысле этого слова.

В том же направлении сказывалось также непосредственное влияние хозяйственных условий. Италия и Галлия были, конечно, населены не менее плотно, но, может быть, даже значительно плотнее. Сельское хозяйство здесь стояло на большой высоте, чем в эпоху основания римской мировой монархии, несмотря на тот огромный упадок, который начался с III столетия, и несмотря на все те германские походы, сопровождавшиеся убийствами и грабежами, во время которых германцы непрерывно опустошали римские провинции. Цезарь и триумвиры достигли того, что могли организовывать походы, проводя через страну армии, достигавшие

численности в 60 000–70 000 человек. Но это можно было сделать лишь при помощи больших наличных средств и организованной системы снабжения. Теперь же мир снова погрузился в натуральное хозяйство, и германские короли уже не имели в своем распоряжении римской административной организации. Воинов больше не держали сосредоточенными в легионы. Для того чтобы их прокормить, их приходилось распределять по всей стране: ведь теперь трудно стало достигнуть каких-либо результатов при помощи больших воинских масс, с другой же стороны, самого лучшего воина не труднее прокормить, чем среднего. В своем военном ремесле всадник в значительно более высокой степени является художником, мастером, нежели пехотинец. Никогда не представляло особенного труда собрать в каком-либо округе пехотный отряд из несколько сотен более или менее годных солдат, но гораздо труднее было собрать несколько сот, сотню или даже только 50 действительно боеспособных всадников и соответствующее количество пригодных лошадей. Поэтому самую большую благодарность заслуживал от короля тот граф, который приводил к нему не наибольшее количество воинов, но лучших воинов по качеству. Всадник во всех

отношениях представлял собой большую величину, нежели пехотинец. Земля давала возможность прокормить некоторое, не очень большое количество лошадей. А когда это было нужно, всадник сходил с коня и сражался пешком.

Уже Цезарь достигал больших результатов при помощи своей конницы, но все же ядром его армии оставался легионер, тяжеловооруженный пехотинец, пользовавшийся холодным оружием. Количество всадников в его войске колебалось приблизительно от 5 до 20%[52]. В германо-романских государствах конница получила полное преобладание, однако нельзя сказать, что эта конница была совершенно такой же, какой была конница Цезаря. Мы здесь можем повторить то, что уже говорили о войске Юстиниана – специфические особенности различных родов оружия стерлись. Франкские или готстские всадники являются не столько кавалерией, сколько воинами, сидящими верхом на конях. Они могут в то же самое время сражаться и в пешем строю, не чувствуя себя при этом вырванными из своей стихии. Для воина существует лишь одно отличительное свойство: каждый отдельный воин должен быть сильным, храбрым человеком, умеющим ловко владеть своим оружием.

В первой главе этой части мы отметили различие между способом расселения франков и остальных племен, которое заключалось в том, что франки не производили раздела земель. Теперь мы снова видим, что практическое значение этого различия было на самом деле не очень крупным. Призыв воинов в каждом отдельном округе определялся не столько числом наличных мужчин, сколько реальными возможностями их вооружения и снабжения, а также участия их в военных действиях. К тому же число расселенных готов, бургундов и вандалов было очень незначительным. У вестготов и бургундов должно было главным образом приниматься в расчет частное землевладение, так как первоначально эти племена ограничивались очень небольшой областью. У вандалов мы наблюдаем тот же факт, так как они добровольно, из военно-политических соображений расселились лишь в одной провинции своего обширного государства. Одоакр и остготы могли испытать на себе влияние таких же причин, – по крайней мере в Нижней Италии, как мы это видим, было очень мало готов. Когда франки при Хлодвиге основали свое большое государство, то главная масса их народа осталась в тех же областях, которыми они владели с давних времен или из которых уже

прежние поколения либо окончательно изгнали римлян, либо же целиком их подавили. В романских округах, во главе которых Хлодвиг с этого времени поставил своих графов, было достаточно императорских доменов, коммунальных поместий или конфискованных владений отдельных римских аристократов, чтобы разместить те немногочисленные отряды, которые король давал каждому графу.

Франкские войска были столь же немногочисленны, как и войска готов, вандалов и бургундов. Не составило бы никакого труда собрать в чисто германских областях более крупные отряды, но в таком случае не было бы возможности их прокормить, не нарушая при этом всех установленных порядков и не уничтожая местной культуры. Стратегические операции на далекие расстояния можно было производить лишь при помощи очень умеренных по своей величине войсковых частей; поэтому дело шло не о количестве наличных войск, но о качестве отрядов, способных выполнять боевые операции. Именно по этой причине Теодорих Великий всегда был сильнее франкских королей, Хлодвига и его сыновей. Хлодвиг, конечно, располагал большим количеством воинов, остготы же, несмотря на то, что они широко расселились по

завоеванной Италии, в сущности оставались в своей совокупности подвижной армией, которая по воле короля и полководца и при помощи средств, представляемых богатой страной, могла всегда быть отправлена туда и размещена там, где ее надо было использовать.

Проследим еще раз в обратном порядке ту нить, которая нас привела от одного вопроса к другому. Преобладающее значение конницы, появление одиночного воина и исчезновение тактической части – все это ведет к факту малочисленности войска. Но лишь только мы убедимся, что исход боя в эту эпоху решали небольшие отряды храбрых людей, то нам тотчас же станет ясно, почему Хлодвиг в больших завоеванных им романских областях расселил лишь очень немногих франков и что именно поэтому ему не нужно было производить раздела земель.

Распад родового строя и расселение воинов, широко рассыпанных по обширным пространствам страны, ослабили внутреннюю спайку древнего клинообразного боевого строя, что привело к уменьшению и, наконец, к уничтожению его ценности, причем отдельные воины не стали от этого менее храбрыми и менее опытными в военном деле. А поскольку остается

лишь личная храбрость отдельного воина, постольку вырабатывается форма борьбы, при которой отдельный воин может достигнуть наибольших результатов. Иными словами, этот воин садится на коня, сохраняя в то же время уменье, если того требуют обстоятельства, сражаться в пешем строю.

Численность, военная организация и тактика взаимно обусловливают и контролируют друг друга. Установив, как малы были войска эпохи переселения народов и как малы были войска остготов, мы косвенным образом приобрели также некоторый масштаб для измерения численности войск готов и можем теперь сказать, что и их войска были весьма незначительными. Это означает, что воины, из которых они состояли, обладали высокими военными качествами. Так подготавливаются военная организация и тактика рыцарства.

Глава III

УПАДОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ГЕРМАНО-РОМАНСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Государства вандалов и остготов просуществовали в течение недолгого времени. То обстоятельство, что государство Гейзериха пало под первым натиском византийцев, в то время как наследники Теодориха боролись по крайней мере в течение 18 лет, объясняется тем, что вандалы жили на полстолетия дольше в новых условиях, подставив лучам цивилизации свою северную военную силу. Вестготы, также подвергавшиеся очень большой угрозе, все же в конце концов выдержали, преодолели кризис и сохранили свое государство и свою независимость, скорее благодаря географическому положению, чем более крупной внутренней силе. Когда же 150 лет спустя к ним приблизился новый мощный враг в лице ислама, то они пали с одного удара, причем тотчас же их власть окончательно рухнула.

Источники дают нам возможность проследить упадок их военной организации. Однако, не следует в этом видеть нечто специфически вестготское; таков был естественный и

неизбежный ход развития, который должен был бы стать общим для всех германо-романских государств, если бы одни из них уже не погибли раньше и если бы продолжавшее существовать государство франков не выработало иной, совершенно новой государственно-правовой формы.

Явления разложения обнаруживаются уже вскоре после расселения; о них мы уже говорили выше, в первой главе, когда касались там этого вопроса. Рассеянных по всей стране готов нельзя было собрать вместе для несения военной службы. Король, герцоги, графы, крупные землевладельцы и, наконец, также высшее духовенство держат при себе собственных воинов – буккелариев. В течение некоторого времени оба эти явления существуют бок о бок; в одно и то же время мы видим всеобщий народный призыв готов и частных наемников знатных людей. Но исконная военная организация уже настолько отошла на задний план, что древний предводитель тысячи – тиуфад – теперь уже принадлежит к лицам низшего сословия, и закон грозит тиуфаду палочными ударами в том случае, если он неправильно будет выполнять требования своей службы. Многие готы перестают быть воинами, и в то же время в военное сословие вступают римляне, среди

которых, вполне естественно, постоянно попадаются люди, обладающие военными способностями.

О ходе этого развития мы узнаем из попыток реформ, которые были предприняты незадолго до катастрофы и привели к изданию законов при королях Вамбе (672 – 680 гг.) и Эрвиге (680 – 687 гг.). Законы эти сохранились до нашего времени.

Закон Вамбе 673 г. начинается с трогательных жалоб на то, что во время вторжения неприятеля очень многие уклоняются от обязанности защищать свою родину и никто не помогает друг другу. Впредь каждый человек, – будь то духовное лицо или мирянин, – как только будет призван, должен оказывать помощь вместе со своим отрядом (virtus) на расстоянии до 100 миль (150 км). Тому, кто этого не сделает, грозит самое жестокое наказание – ссылка, бесчестие, возмещение убытков, конфискация имущества.

Текст закона Эрвига 681 г. также начинается с жалоб на тех людей, которые предпочитают быть скорее богатыми, нежели сильными, которые больше заботятся о своем имуществе, чем о том, чтобы упражняться в пользовании оружием, и которые думают, что они смогут вкусить от плодов своей работы, перестав одерживать

победы. Поэтому закон должен оказывать воздействие на тех, которые в подобных случаях руководствуются собственными интересами; каждый должен следовать призыву и идти на войну, кто бы он ни был и где бы он ни находился. Кто этому не следует, тот подлежит суду короля. У него может быть отнято все его имущество, и он может быть осужден на изгнание. А простому человеку, от тиуфада и ниже, грозит телесное наказание в 200 ударов, причем в знак бесчестия его бреют наголо; сверх того он должен уплатить в виде штрафа один фунт золота, а если его не имеет, то обращается в рабство. Призывной должен не только являться собственной персоной, но и приводить с собой десятую[53] часть своих хорошо вооруженных рабов. Если же обнаружится, что он привел с собой меньше предписанной десятой части, то все недостающие переходят к королю, который их может подарить тому, кому захочет. Что же касается королевских чиновников, то в законе особенно подчеркивается, что и они также подлежат наказанию согласно этому закону, причем устанавливаются наказания за подкуп.

Оба закона предусматривают в качестве уважительной причины неявки болезнь, которая должна быть установлена законными

свидетелями, причем, если господин действительно не может отправиться в поход, все же должен быть выслан его отряд. В более позднем кодексе мы здесь находим, вероятно, более позднее, очень характерное добавление, что болезнь должна быть засвидетельствована инспектором епископа данного диоцеза, в противном случае болезнь не будет считаться удостоверенной.

Важнейшее различие между этими двумя законами заключается в том, что первый закон касается лишь случаев обороны страны либо против внешнего врага, либо во время восстания. Второй закон сформулирован несколько мягче первого в том отношении, что он снова отменяет наказание бесчестием и лишением права давать свидетельские показания, которым грозит первый закон, но в то же время этот закон не только касается призыва к обороне страны, но и стремится урегулировать вопросы, связанные вообще со всякого рода призывами.

Дан[54] считает эти законы настоящей военной реформой; существеннейшим содержанием их, наряду с усилением наказания и контроля, является распространение воинской повинности на всех несвободных. Это правильно согласно буквальному смыслу законов, но по существу

неорганизованное распространение воинской повинности на необозримые массы населения означает банкротство законодательства.

Согласно буквальному смыслу законов, порой кажется, что законы обращаются ко всему населению, и это должно было бы привести к явке огромного числа мужчин. Но затем текст предписания относительно отряда и рабов, которых следует брать с собой, показывает нам, что законодатель вовсе не думал о больших массах народа, но имел в виду главным образом лишь крупных владельцев. Каждый выступающий в поход, говорится в законе, – будь то герцог, граф, гардинг (т.е. дружинник короля), гот или романец, свободный или вольноотпущенник или королевский слуга, – должен привести вместе с собой десятую часть своих рабов. Почему же потребовалось это множество вооруженных рабов, если действительно рассчитывали лишь на ту часть граждан, которая пользовалась уважением? Такое же значение имеет и распространение воинской повинности на духовенство. Правда, они не обязаны сражаться, но должны выставлять свои отряды.

Очевидно, дело заключалось в том, что исконное военное сословие готов в течение 250 лет, постепенно акклиматизировавшись,

превратилось в городское сословие, причем его военные наклонности стерлись и исчезли. В атмосфере цивилизации одновременно с варварством растаяла и его военная сила.

Все еще продолжает существовать представление о том, что имеется налицо военное сословие, но это представление нельзя реализовать. Его место (трудно точно установить каким образом) постепенно занимает группа крупных землевладельцев, которые содержат вооруженных рабов. Судя по буквальному смыслу закона, законодатель как бы обращается к народным массам, которые не только не чувствуют склонности, но и неспособны участвовать в сражениях; в действительности же он апеллирует к доброй воле аристократии. Здесь нет даже и речи о какой-нибудь организации снабжения войска во время похода. Так как становится все более и более ясным и так как напрашивается мысль о том, что древний готский воин умер и что отдельные горожане и крестьяне уже не в состоянии быстро сниматься с места и отправляться в далекие походы, отдается приказ знатным господам – как духовенству, так и мирянам – выставлять отряды и брать с собой своих рабов. Эти владельцы были по крайней мере в состоянии снаряжать и снабжать своих

людей, но все же первые встречные подданные и рабы еще не являются подходящими воинами. Если бы даже можно было себе представить, что строгость закона и чрезвычайно энергичное его выполнение действительно дали бы возможность собрать необходимое число людей, проконтролировать пригодность оружия и количество привезенного с собой продовольствия, то все же необходимо признать, что главного не будет, так как будет отсутствовать гарантия военной боеспособности.

Верным признаком слабости служит стремление возместить недостаток мало-мальски годной организации военного дела и военного налога при помощи многословных патриотических и поучительных фраз, а также угроз множеством наказаний. Но именно чудовищность этих наказаний и была залогом того, что они не будут приводиться в исполнение; поэтому угрозы оставались бессильными.

Конечно, воинская сила не угасла во внуках Фритхигерна и Алариха, так же как она полностью никогда не исчезла и среди романцев. Ведь постоянно велись войны, как внешние, так и внутренние. Все еще продолжали существовать буккеларии, военные дружинники, которые находились на службе у отдельных знатных

людей, но уже больше не было действительной, мощно функционирующей организации обороны страны.

Поэтому неудивительно, что через 30 лет после издания приведенного выше закона вестготское государство пало под одним единственным ударом, как некогда государство вандалов.

ТЕКСТ ЗАКОНОВ

Оба закона Вамбы и Эрвига находятся в более древних изданиях Законов вестготов, составляя 8-ю и 9-ю главы 2-го тит. 9-й книги, непосредственно примыкая к тем более древним, помещенным выше определениям (стр. 421), которые я вместе с Цеймером считаю возможным отнести на 200 лет раньше. Поэтому эти оба более поздних закона не помещены, в издании Цеймера (in – 8), в котором основной закон реконструируется в качестве кодекса короля Реккесвинда (649 – 672 гг.). Эти законы напечатаны в новом издании Законов вестготов, изданных Цеймером в "Mon. C. LL." Sec. I, т. I (in quarto). Цеймер впервые также установил тот факт, что второй закон принадлежит не Вамбе, как то указано в мадридском и в лиссабонском изданиях, и не Эгике, как то признавал Дан, а Эрвигу.

Во имя господа
Славный Флавий Вамба король
Что следует выполнять при возникновении в пределах Испании военных действий

Полезное намерение побуждает нашу милость сделать так, чтобы, подобно тому как для мирного времени провозглашаются законы, и во время военных действий, благодаря взаимной поддержке и защите, сохранялось братское отношение и любовь. Несомненно, что мир в нашей стране будет полезным лишь в том случае, если законный призыв военной трубы соединит сердца всех для благой цели. Итак, пусть те, кто раньше в беспорядке разбегались, отныне с божьей помощью в большем порядке выступают в поход. Ведь наша милость не может дольше терпеть подобных недостатков, так как вследствие нерадения некоторых родина терпит большой ущерб. Всякий раз при вторжении неприятеля в провинции нашего королевства, когда наши люди, собирающиеся на границах против неприятеля, должны вести военные действия, некоторые уклоняются от этого и, пользуясь первым удобным случаем, – ссылаясь то на перемену места, то на собственное нежелание, то на ложные предлоги, – не оказывают в бою братской помощи друг другу, так что в этих случаях те, которые должны были бы стоять на защите общественного блага, будучи лишены братской помощи, отступают; те же, которые для блага народа и родины готовы смело выступить, уничтожаются врагом вследствие неотвратимой для них опасности.

А посему настоящим постановлением

приказываем, чтобы со дня или со времени, установленного этим законом, если неприятель начнет какие-либо военные действия против нашей родины, каждый, – будь то епископ или всякое иное лицо духовного звания, герцог или граф, тысячник (тиуфад), наместник (викарий), королевский дружинник (гардинг) или кто-либо иной, происходящий из того же самого диоцеза (commissu), где начались эти военные действия, или из другого, который граничит с ним, или всякий иной, случайно находящийся в этих областях или на этой территории в пределах ста миль, – тотчас после того, как возникнет в том необходимость и как только он получит уведомление от своего герцога, графа, тиуфада, наместника (викария) или от кого-либо иного или же узнает об этом каким-либо иным путем и не выступит быстро на защиту народа и родины нашей со всей своей дружиной, какой располагает, а захочет, ссылаясь на всякие ложные предлоги и выдумки, уйти в другое место или уклониться и не выступит быстро и энергично на защиту братьев своих, чтобы отомстить за родину, – так что неприятель, начав военные действия против нас, возьмет пленных и нанесет ущерб народам и областям государства нашего; если кто-либо с некоторым опозданием, из трусости, по злому умыслу, из страха или малодушия, не двинется в поход и замедлит выступить на защиту народа и родины против врагов нашего народа со всей энергией; если это сделает кто-либо из духовенства или из клириков и если он не имеет средств, из которых он мог бы возместить убытки, причиненные нашей стране неприятелем, – то пусть он будет подвергнут строгой ссылке, согласно приказу

правителя. Эта часть постановления распространяется только на епископов, пресвитеров и диаконов. А по отношению к клирикам, не имеющим почетного звания и приравненным к мирянам низшего звания, следует применять все постановление целиком. А если это сделает кто-либо из мирян, будь то знатный или лицо более низкого звания, то мы настоящим законом постановляем, чтобы он был отрешен от должности и освобожден от присяги и тотчас же обращен в самое низкое рабство, так чтобы правителю была бы предоставлена неограниченная власть над его личностью. Ибо справедливо, чтобы тот, кто не смог храбро защитить свой знатный род и свою родину, созданные трудом прежних поколений, был наказан согласно этому закону, а чтобы явно виновный в больших преступлениях был наказан бесчестием. Относительно же имущества нарушителей этого закона как мирян, так даже и клириков, которые не имеют почетного звания, постановляем выполнять следующее: чтобы те, кто, может быть, впоследствии совершит это преступление, возместили бы все убытки, причиненные нашей земле, либо же возместили тем, которые понесли ущерб, – так что пусть справедливо пострадает, лишившись благородного звания и права владения недвижимостью тот, кто из злобы или трусости не отразит нападающего врага и не покажет себя мужем в бою с неприятелем. А если в пределах Испании, Галлии, Галлеции (Galleziae) или всех провинций, которые находятся под нашей властью в какой-либо части государства, кто-либо поднимет или захочет поднять восстание против народа, родины или королевства нашего или даже преемников наших, и

если кто-либо из священнослужителей, клириков, герцогов, графов, тиуфадов (тысячников), наместников (vicarii) или всякое иное лицо до этого находилось поблизости от этого места, в пределах того количества миль, которое было указано и объявлено выше, или даже в частности кто-нибудь из них был призван согласно вышеприведенному постановлению или же сам каким-нибудь образом об этом узнал и тотчас же быстро и преданно не явился, чтобы отомстить за короля, народ, родину или верных данному королю, против которого было возбуждено и поднято это восстание, и, быстро подготовившись, не явился к ним на помощь для того, чтобы подавить это восстание; если это был епископ или кто-либо из клира или, может быть, из дворцовой службы, к какому бы сословию он ни принадлежал и каким бы саном ни был облечен, или, может быть, более низкое лицо, виновное в этой преступной неверности, – то такой человек не только отправляется в ссылку, но и все его имущество предоставляется в полное и неограниченное распоряжение королевской власти.

Закон признает невиновными в нарушении вышеприведенных постановлений лишь тех, которые были настолько ослаблены болезнью, что никак не могли ни выступить, ни отправиться в поход с дружиной верных, согласно вышеозначенному приказу. И те, которым помешает выступить в поход какая-либо болезнь, все же должны отправить свою дружину для того, чтобы оказать помощь епископам или клирикам, а также братьям своим, сражающимся верой и правдой за королевскую власть, народ и отечество. А если они этого не сделают, то должны быть наказаны так же, как и нарушители этого закона,

согласно вышеприведенному постановлению. Человек лишь в том случае считается невиновным в совершении вышеуказанного преступления, если он докажет надежными свидетельскими показаниями, что в то время, когда следовало выступить и отправиться в поход, он был настолько ослаблен болезнью, что не имел никакой физической возможности выступить. Итак, пусть строгое применение этого закона уничтожит зло, которое укоренилось с прежних времен и существует вплоть до наших дней, и пусть единодушное согласие укрепит мир среди народов и способствует защите родины.

IX. Славный Флавий Эрвигий король

О тех, которые в назначенный день или в назначенное время не выступают в поход и не являются в указанное место или убегают, а также о том, с какой частью своих рабов должен отправляться в этот поход каждый человек.

Если, без всякого сомнения, восхваляются те люди, которые настолько любят свою родину, что добровольно подвергаются опасностям в борьбе за ее освобождение, то почему же не называются дезертирами те, которые перестают быть ее защитниками? Ибо как мы сможем поверить в то, что эти люди добровольно пойдут на защиту страны, если они не выступают даже в том случае, когда их призывают на защиту родины? Теперь же они уклоняются от выступления в поход или, что еще хуже, вопреки напоминанию, задерживают свое выступление, или же, вопреки приказу, оставшись позади, отправляются в поход. Они гораздо охотнее

думают о том, чтобы в большем количестве пользоваться плодами, чем о том, чтобы спасти свое тело, скрываясь и убегая, – и больше заботясь о своих домашних делах, чем о том, чтобы приобрести опыт в военном деле. Как будто они смогут воспользоваться своими трудами, если перестанут быть победителями! Ввиду этого следует в дисциплинарном порядке заботиться о тех, которые не чувствуют стремления руководствоваться соображениями пользы. Поэтому мы приказываем всем народам нашего королевства, подчиняются ли они общим или каким-либо иным законам, чтобы каждый человек в установленный, заранее назначенный день или в тот срок, когда правитель прикажет выступить в военный поход или же предпишет кому-нибудь из герцогов или графов отправиться для выполнения общественного дела, каждый человек, – получит ли он от кого-либо напоминание или, даже об этом не уведомленный, сам об этом каким-либо образом узнает или прослышит, куда следует прибыть для выступления в военный поход, – не смел бы оставаться дома, ссылаясь на какие-либо задержки и отговорки, мешающие выступить в поход, но чтобы в установленных местах и в установленное время, согласно приказу правителя или напоминанию герцога, графа, тиуфада, наместника (vicarii) или кого-либо иного, кто об этом должен заботиться, каждый быстро выступил в указанное место и в указанное время, как это было сказано. Если же кто-либо, получив напоминание или даже не будучи уведомлен, но каким-нибудь образом сам об этом узнавши, не захочет тотчас же выступить и не примет мер к тому, чтобы быть готовым к выступлению в указанном месте и в указанное время,

если это особа высокого звания, то есть герцог, граф или даже королевский дружинник (гардинг), то он должен быть лишен всего своего личного имущества и отправлен в изгнание королевским приказом, причем его имуществе передается в неограниченную власть королевского величества, которое может распоряжаться им по своему полному усмотрению. А лица низшего звания, т.е. тиуфады и всякие сборщики войска, а равно и те, которые собираются, если они замедлят явиться в войско или же в указанное место и в указанное время совсем не явятся, или же пренебрегут своей обязанностью отправиться в походы, или же, сославшись на какой-нибудь ложный и хитрый предлог, убегут из войска, отправившегося в поход для общего блага, и вернутся домой, то им не только следует дать двести ударов плетьми, но следует их также обезобразить, позорно обрив им голову, и сверх того их следует принудить к уплате одного фунта золота, каковая сумма останется в распоряжении того, кому она будет щедро дана по приказу королевской власти. Если же человек не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть имеет право обратить нарушителя этого закона в вечное рабство, при чем все его имущество передается в полную власть и в неограниченное распоряжение короля.

Мы объявляем невиновными в нарушении этого закона только тех, которым помешали выполнить его либо малолетство, либо дряхлая старость, либо же какая-нибудь тяжкая болезнь. Если же человек сможет доказать при помощи законного свидетеля, что он, будучи отягчен болезнью, не был в состоянии выступить в поход вследствие болезненной слабости,

то все же такой человек, хотя и отягченный болезнью, должен, согласно постановлению этого закона, без промедления отправить всю свою дружину с герцогом или графом для выполнения общеполезного дела. Теперь же, – так как мы уже сказали об общем выступлении в поход, – нам остается лишь установить порядок выступления дружины или войск. И этим специальным декретом мы постановляем, чтобы каждый человек, будь то герцог, граф или королевский дружинник (гардинг), гот или римлянин, свободнорожденный или даже отпущенник, или кто-либо из государственных слуг, которые должны отправиться в войско, отправившись в поход, привел бы вместе с собой десятую часть своих рабов. И эта десятая часть рабов должна явиться не безоружной, но снабженной различными видами оружия, так чтобы оружие имел каждый из тех, которые будут приведены в войско, причем некоторая часть должна быть снабжена панцирями (zabis), или кольчугами, а большинство щитами, обоюдоострыми мечами, широкими мечами (scramins), копьями, стрелами, пращами и иным оружием, которое каждый недавно получил от своего сеньора или господина. И следует заботиться о том, чтобы их в таком виде представить правителю, герцогу или графу. Если же кто-нибудь явится для выступления в военный поход без этой десятой части своих рабов, то вся эта десятая часть рабов его должна быть тщательно проверена и рассчитана, причем если обнаружится, что он привел с собой для выступления в какой-либо военный поход несколько меньше этой установленной и рассчитанной десятой части рабов, то это должно быть передано во власть правителя, причем это

останется во власти того, кому правитель прикажет это щедро отдать. А если кто-либо, находящийся на дворцовой службе, отправится в войско для выступления в поход таким образом, что появится на королевской службе не с полным количеством людей или не будет выполнять работу в сторожевом отряде (wardia) с остальными братьями, то пусть он знает, что будет наказан согласно постановления этого закона, за исключением того случая, если он докажет, что болен, явно обнаружив свою болезнь. А если какой-либо воин, отправившийся в тот же самый военный поход, совсем не будет следовать за своим герцогом, графом или даже своим господином, но, благодаря покровительству разных людей устроится так, что не будет находиться в сторожевом отряде (wardia) со своим сеньором и не сделает ничего полезного для общего блага, то такое выступление в поход не должно ему вменяться в заслугу, и он должен знать, что к нему самому будет применено вышеуказанное постановление, которое установлено этим законом по отношению к лицам низшего звания.

Итак, после того как мы это установили и написали, нам теперь остается наложить узду на взяточничество тех, на которых мы возлагаем выполнение дел, имеющих целью нашу пользу. И посему пусть никакой герцог, граф, тиуфад (тысячник) или кто-либо иной, правящий над вверенными ему (commissos) народами, получив дар или по какому-либо иному случаю повинуясь худшему желанию своему, не освобождает никого из своих подданных от участия в военном походе и не прекращает делать те напоминания, которые необходимо делать относительно выступления в

поход и не перестает убеждать людей браться за оружие, якобы под тем предлогом, что он кого-либо из них уже раньше использовал в военном деле. А если кто-либо сделает для кого-либо нечто такое по вышеуказанным причинам или какой-нибудь подарок получит, или же сам от кого-нибудь что-либо потребует и если это будет человек из первых лиц дворца, то пусть он в четверном размере вернет ту сумму, которую он взял у этого человека, и пусть он знает, что королю он должен уплатить фунт золота лишь за то, что он нечто взял в свою пользу. А лица низшего звания, лишенные почести и достоинства свободного рождения, должны быть отданы во власть короля, который может сделать с ними и с их имуществом все, что он пожелает.

Вместо 12–23 строк страницы 489-й в позднейших кодексах мы находим следующий текст:

"А если он не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть может обратить нарушителя этого постановления в вечное рабство, а также уступить этого обращенного в рабство человека или подарить его и отчужденное от него имущество тому, кому пожелает, с тем, однако, условием, чтобы этот нарушитель по какому-либо снисхождению не был возвращен даже в самое низкое состояние свободы и не вернул себе своего имущества каким-нибудь образом, не восстановив своих прав. Так что если хозяин этого имущества, то есть тот самый человек, который получил данное ему имущество нарушителя этого закона, будет обвинен в каком-либо преступлении и будет обращен в прежнее состояние, то само имущество снова вернется во власть правителя, и пусть, в качестве неотменяемого

постановления, существует правило, чтобы в том случае, когда человек, который раньше получил это имущество, больше не заслуживает того, чтобы им владеть, оно было передано другим верным людям. Только пусть оно не переходит во власть того, кто отправился в поход с запозданием и был посему лишен достоинства и имущества. И пусть признаются виновными в нарушении только этого постановления все те герцоги и старшие лица дворца, которые явились нарушителями вышеприведенного постановления. Такого же осуждения заслуживают и те, которые бежали от войны или относительно которых было обнаружено, что они во время военного похода поспешно ушли в иное место без разрешения своего сеньора. Однако, во время этого похода следует выполнять относительно как более значительных, так и менее значительных лиц следующее: если кто-либо, находясь в тяжелом болезненном состоянии, совершенно не имеет никаких сил для того, чтобы отправиться в поход, то пусть он тотчас же потребует, чтобы к нему пришел епископ этого места или этой местности для того, чтобы исследовать степень серьезности его болезни. И пусть он из числа епископов призовет к себе для исследования своей болезни того, на территории или в провинции которого ему случилось заболеть или задержаться или же попасть из другой территории. Ибо ему следует верить не иначе, как на основании свидетельства епископа, на территории которого была обнаружена его болезнь, причем это должно быть подтверждено его присягой или клятвой тех, которых этот епископ пошлет вместо себя в качестве инспекторов. И пусть эти епископы заботятся о том, чтобы внимательно

исследовать либо лично, либо через своих заместителей эти болезни, чтобы определить, действительно ли данный человек никаким образом не может выступить в поход или же определенно может через несколько дней отправиться на войну, т.е. раньше, чем войско из указанного места выступило в поход. И на основании их определения степени болезни, их компетенции подлежит установить, должны ли больные остаться дома для поправления своего здоровья или же им следует выступить после того, как они восстановят свои силы. Таким образом, основываясь на свидетельстве данного епископа, мы, сочувствуя болезни захворавшего, предоставляем епископам право его простить, либо же, в случае симуляции болезни, его наказать, для пресечения преступления. Однако, если кто-либо будет признан настолько ослабленным болезнью, что никак не сможет отправиться в бой, то все же он должен без промедления согласно постановлению этого закона, отправить свою дружину для выполнения общеполезного дела вместе с герцогом или графом своим. Если же он почувствует, что постепенно выздоравливает, так что вскоре после этого восстановятся его силы, то пусть он тотчас же, – согласно тому, что предписывает этот закон, – со всей своей дружиной отправится туда, куда, как он об этом был уведомлен, должен был явиться, или куда, если он об этом узнал, после этого выступило войско.

Глава IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕННОЙ СИСТЕМЫ

Франкское государство отличалось от всех остальных германских государств прежде всего бесконечно большей мощью королевской власти. Хлодвиг, его сыновья и внуки были самыми необузданными деспотами. И хотя германская любовь к свободе и мужская гордость восстали против этого деспотизма, все же это движение было направлено не против королевской власти как таковой и стремилось не к низвержению династии, а лишь к тому, чтобы конституционно ограничить монархическую власть. Та большая борьба, которая связана с именами королев Брунгильды и Фредегунды, является в действительности борьбой между королевской властью и знатью, причем разрешается лишь благодаря расколу внутри династии. В Испании аристократы и церковь поставили королевскую власть в такую от себя зависимость, что они сами возводили королей на престол, в результате чего принцип наследственности исчезает. Меровингская династия, создавшая государство и представлявшая собой некое единство в своем государстве, вообще состоявшем из совершенно

различных элементов – из германских и романских областей и племен, держалась, несмотря на то, что ее иногда брали под опеку. Сила противостояла силе, и это внутреннее напряжение способствовало дальнейшему развитию военной организации.

Во франкском государстве первоначально не существовало признанного дворянства. Когда Хлодвиг поставил своих графов над покоренными областями (вероятно, в большинстве случаев из среды своих дружинников, которые ему служили, будучи обязаны долгом личной верности, – из своих антрустионов), то это были его чиновники, командовавшие по приказу короля теми Leudes (люди), которые были им даны в их распоряжение. Но через сто лет после Хлодвига уже существуют такие франкские аристократы, которым Лотарь II в Парижском эдикте 614 г. – первом документе, который можно назвать "великой хартией" (magna charta), дает наряду с другими то обещание, что графы будут назначаться лишь из крупных землевладельцев округа[55]. Этот эдикт был наградой за участие в династической семейной войне, за решение спора и вынесение приговора, предписывавшего сыну Фредегунды казнить престарелую королеву Брунгильду, привязав ее к диким лошадям,

которые должны были волочить по земле ее тело до тех пор, пока она не умрет. У вестготов королей убивали или смещали и выбирали на их место других, у франков же ограничивали их правительственную власть.

Итак, во франкском государстве образовалось сословие крупных землевладельцев, которое своим участием решало исход гражданских войн и хотело вместе с королем разделить его общественную власть. Источники не дают нам прямых указаний на то, каким образом возникло это сословие, но мы можем предположить, что его происхождение объясняется приблизительно следующим образом. В романских областях это сословие является продолжением римского сословия сенаторов, которое германизировалось, – отчасти благодаря родственным связям с германцами, которые затем становились наследниками, так как знатные римляне часто вступали в ряды духовенства, отчасти же благодаря конфискации и передаче права владения германцам. Наряду с этим король давал своим верным слугам, т.е. своим графам, большие земельные пожалования из общественного земельного фонда, а графы пользовались своей властью для того, чтобы увеличивать свои владения. В прежнем бургундском королевстве и в

прежней вестготской области крупное германское землевладение проявилось уже после раздела земель между римлянами и германцами. В германских областях в эту более позднюю эпоху, когда свободные франки еще не опустились до уровня зависимых людей, крупное земельное владение объясняется, очевидно, главным образом наличием римских колонов, которые остались сидеть на земле между германцами и их литами. Затем к этому прибавились еще королевские пожалования, которые, однако, здесь, – при отсутствии таких людей, которых можно было дарить вместе с землей, – не могли иметь большого значения.

Но если это крупноземлевладельческое сословие было настолько мощным, что могло решать участь гражданских войн, разгоравшихся между соперничавшими королями, и смогло насильственно вырвать у короля Парижский эдикт, то это сословие должно было иметь в своем распоряжении военных людей. Не подлежит сомнению, что эти крупные землевладельцы уже фактически владели ими в тот момент, когда на законном основании захватили в свои руки графские должности; ведь их владения выросли главным образом из-за графской власти.

Другими словами, это означает, что те графы,

которых Хлодвиг поставил в качестве своих чиновников и которым он предоставил в распоряжение своих воинов, для того чтобы они ими командовали, превратились в крупных землевладельцев, имевших своих собственных воинов. Первоначально королевские воины – или большая часть этих первоначально королевских воинов – превратились в воинов частных лиц.

Благодаря тому, что в одном парижском палимпсесте сохранилась часть свода закона короля Эвриха, мы имеем прямое указание на то, что у вестготов уже в V столетии существовали буккеларии, т.е. частные солдаты. Выше мы уже видели, что в более позднее время организация военного дела в этом государстве на практике превратилась в неорганизованную поставку крупными землевладельцами вооруженных рабов. Относительно франков сохранились прямые и совершенно несомненные свидетельства источников лишь из эпохи, последовавшей за временем издания Парижского эдикта, т.е. приблизительно из середины VII в. Но уже сам Парижский эдикт является достаточным указанием на то, что эти порядки существовали и раньше во франкском государстве и при том даже в очень широком масштабе. Судя по достижениям и по успехам, мы должны предположить, что они

существовали здесь в значительно более широком объеме и проводились в жизнь более энергично, чем у вестготов.

П. Рот, имеющий крупные заслуги благодаря своим трудам, пролившим свет на эти темные эпохи и отношения, предположил[56], что те спутники, которые под именем "мальчиков" (pueri) очень часто появляются в окружении меровингского аристократа, были несвободными. Действительно, в некоторых случаях они выполняют такие дела, которые заставляют считать их простыми слугами, а потому, вероятно, несвободными. Но это, конечно, еще не указывает на то, что это слово означает исключительно несвободных. Рот впал здесь в заблуждение вследствие слишком узкой постановки вопроса, а именно он спрашивает: несвободный или дружинник? Но ведь дружинник является для него знатным человеком; между дружинником и несвободным, как мы уже обнаружили, стоит простой солдат, буккеларии вестготов, который хотя и находится в зависимости, но все же свободен.

Я думаю, что не будет слишком смелым предположить, что pueri, которых мы находим в книгах Григория Турского и вообще в эпоху Меровингов, являются здесь тем же самым, чем

были "παι□δες" (дети) у Агация, а именно немецкие "Degen" (дети, ребята). Они стояли в социальном отношении столь низко, что даже настоящие несвободные могли обозначаться тем же словом, но в государственно-правовом отношении они принадлежали к числу свободных и лишь добровольно принимали на себя обязательства к своему господину и ему подчинялись. Точно так же на тысячу лет позднее слово "Knecht" обозначало и крепостного холопа, и солдата, который в качестве свободного наемника мог поступать на службу туда, куда он хотел.

Если наши источники и не дают нам совершенно положительных и неоспоримых указаний на то, имели ли франкские аристократы VI столетия вокруг себя "свободных детей" (freie Degen), то ведь не доказано и обратное. А ведь природа вещей требует того, чтобы такие люди, как франкские графы, которые окружали себя боеспособной свитой и вполне естественно находили себе для этой цели кандидатов среди своих соплеменников, не пользовались для этого одними лишь рабами. То обстоятельство, что мы в области государственно-правовых отношений не находим никаких ссылок на указанный факт, объясняется просто тем, что это были чисто

частные отношения, которые не причиняли никакого ущерба самодержавному праву короля и обязанностям подданного.

Помимо "мальчиков" (pueri), в окружении франкского аристократа мы находим еще "друзей", "равных", "спутников" (amici, pares, gasindi, satellites). Все эти неясные и очень спорные термины не дают нам возможности установить, что именно под ними скрывается. Хотя несомненно, что отчасти мы здесь имеем дело со свободными, но все же возможно, что, как это думает Рот (стр. 157), под этими терминами следует понимать отношения защиты по типу клиентелы. Теперь, после того как мы уже установили, что военные люди должны были находиться в свите франкского аристократа, нельзя не прийти к тому выводу, что эти названия (хотя и не исключительно, так как это техническое выражение, но лишь отчасти) обозначают военную дружину – людей, стоящих на более высоком общественном уровне, чем "дети" (pueri)[57].

Когда германские короли, будь то Хлодвиг или Теодорих, ставили графов над областями своего государства, то вполне естественно, что эти графы брали с собой не только простых, несвободных слуг или грубых парней из народа,

но также некоторых надежных и испытанных товарищей, обеспечивая себе их верность личной клятвой, как это было в обычае у народа.

Не может подлежать никакому сомнению, что, согласно германскому правовому воззрению, свободный человек мог брать на себя обязательство верности по отношению к другому человеку, становясь тем самым его дружинником. Конечно, древним германцам были чужды такие государственно-правовые представления, которые заключались в том, что лишь князь имеет право держать дружину. Действительно, на практике только очень высоко стоящий и очень состоятельный человек мог иметь дружинников, которые являлись его сотрапезниками и которых он должен был кормить. А теперь такое положение занимали очень многие крупные владельцы и графы. Поэтому этих "amici", "pares", "gasindi", которые упоминаются в источниках, мы можем с полным правом назвать дружинниками графов или иных знатных людей. Хотя это первоначально и не было отношением, закрепленным публичным правом, но все же оно было проникнуто тем самым духом, что и древняя дружинная система. Но те отряды, о которых теперь идет речь, слишком велики, чтобы вместиться в понятие древней дружины. Мы не

знаем, применялись ли также и в этом отношении сохранившиеся обязательства верности дружинников, а если это было так, то с таким расширением были связаны и некоторые изменения, так что вопрос о том, идет ли здесь речь о дружине, сам собою снимается. Достаточно того, что были воины, которые брали на себя обязательства верности по отношению к человеку, не бывшему королем, и что это более или менее происходило в формах древней дружины.

Существование подобных воинов засвидетельствовано в источниках, начиная с середины VII столетия. Но сама природа вещей и Парижский эдикт властно указывают на то, что, как мы уже видели, они существовали в таком виде гораздо раньше.

Слово "вассал" получило у нас права гражданства в качестве технического термина, обозначающего воина, который вступает в ряды войска не в силу призыва, исходящего от государственной власти, а вследствие особого обязательства. Это слово кельтского происхождения и означает "человек", "муж" а, следовательно, передает то понятие, которое в латинских источниках выражается словом "homo" (человек), а в германских – словом "Leudes" (люди). И лишь случайно это слово, имеющее

кельтский корень, получило такое специфическое значение.

В наших древнейших источниках слово "vassus" (вассал) еще не имеет того значения, которое мы вкладываем в это слово теперь, но обозначает несвободного слугу. Свой позднейший смысл, который сохранился вплоть до настоящего времени, слово "вассал" получило благодаря некоторому странствию, как это, впрочем, можно заметить и в некоторых других случаях. У баварцев это слово было иностранным и не имело того особого оттенка, который указывал бы на то, что оно обозначает, собственно говоря, несвободного человека. Оно укрепилось также и по отношению к знатным лицам, а затем в этом новом значении оно опять перешло через Рейн при Карле Великом[58].

В интересах более краткой и не дающей повода к недоразумениям терминологии мы будем в дальнейшем называть то военное сословие" которое непосредственно призывалось меровингскими королями, словом "Leudes", а то, которое призывалось крупными землевладельцами и которое древнейшие вестготы называли буккелариями, словом "вассалы". Такое резкое разграничение этих двух выражений не засвидетельствовано источниками. Лишь со

второй половины VIII столетия, при Карле Великом и Людовике Благочестивом, постепенно укрепляется обозначение "вассал" в привычном для нас смысле свободного человека, подчиненного другому человеку. А выражение "Leudes" (люди) употребляется[59] в источниках обозначения воинов не только короля, но и знатных людей и отмирает лишь в VIII столетии. Между ними стоит еще целый ряд таких терминов, как "amici", "gasindi", "ingenui in obsequio", "pueri" "satellites" etc. (друзья, челядь, свободнорожденные дружинники, мальчики, спутники и т. д.). Таким образом, это противопоставление следует понимать как некоторое упрощение, причем термин "вассалитет" я отношу к более раннему времени, а понятие "Leudes" (люди) ограничиваю.

Господин вассала носит название "senior" (старый), откуда и произошло французское слово "seigneur". Источники не дают нам прямых указаний на то, когда именно призывы вассалов начали принимать более широкое распространение. Конечно, сперва они были очень незначительными, но уже Парижский эдикт не оставляет никаких сомнений в том, что во время гражданских войн, окончившихся казнью королевы Брунгильды (613 г.), решающим

моментом явились не призывные контингенты древних Leudes (людей), но именно вассалы. Каким образом это произошло?

Тактика этого времени нам показала, что эта эпоха требовала и вызвала к жизни высококачественных воинов. Это был единственный тип воина, который был способен к дальнейшему существованию и к дальнейшей жизни в условиях германо-романского государства.

Чрезвычайно важно уяснить себе это обстоятельство. Как ни сильна была меровингская королевская власть, она все же была неспособна вернуться к военной системе римских императоров первых двух столетий. Новые неграмотные владыки государства не были в состоянии организовать бюрократическое управление с соответствующей денежной отчетностью. Сами франки не подчинились бы дисциплине, да и вообще на почве натурального хозяйства не могло существовать дисциплинированного войска, которому выплачивалось бы жалованье из налоговых поступлений. Народное ополчение, созванное при помощи призыва, в военном отношении не представляет собой ценности. На этой почве военная организация может существовать лишь в

форме особого военного сословия, и эта организация в развитом государстве не может быть бюрократической, но должна стать феодальной.

Господин, ведущий на войну в собственных интересах своих людей, вооруженных его оружием, сидящих на его лошадях и снаряженных на его средства, будет иметь совершенно иных воинов, чем граф, который, будучи послан от королевского двора в округ, чтобы управлять им в течение более или менее продолжительного времени, снаряжает людей на общественные средства. Второй не сможет сделать того, что сделает первый, даже в том случае, если он будет одушевлен самыми лучшими стремлениями. Если же он не проявит такого рода стремлений и полного самопожертвования, но будет при этом так или иначе соблюдать свои собственные интересы, если он не будет с максимальной внимательностью выбирать и формировать своих воинов и держать в порядке коней и оружие; если он не будет заботиться о войске, не жалея никаких расходов, но будет тщательно экономить, то его ополчение заслужит вскоре одни лишь насмешки. Никакой контроль не может заставить его лучше выполнять свои обязанности, ибо как натуральное хозяйство,

так и военные качества можно контролировать сверху лишь самым поверхностным образом, если только они вообще поддаются контролю. При помощи инспекций можно признать удовлетворительным состояние обученного строю войска или налоговой кассы, но лишь только войско выступает в поход, как все дальнейшее уже переходит в руки войскового управления и руководства. Только во время похода можно было видеть, на что было способно при потомках Хлодвига франкское войско, в котором все зависело от личной храбрости отдельного воина и принесенного им с собой оружия. Византийская империя по технике управления и организации стояла, конечно, гораздо выше меровингского королевства, и все же Византия, как мы видели, прибегла к вспомогательному средству, которое заключалось в поставке войск при помощи кондотьеров. Крупный франкский землевладелец, идущий в поход вместе со своими вассалами, является чем-то вроде такого кондотьера, – так сказать, постоянным кондотьером. Он содержит воинов и организует военное дело не только во время войны, но и в мирное время.

До сих пор все это развивалось совершенно так же, как мы это видели в вестготском государстве. Но в этом государстве мы не

обнаружили того факта, что из буккелариев развился, наконец, новый вид пригодной военной организации. Это произошло лишь в государстве франков благодаря присоединению нового элемента, который закрепил за вассалами их военный характер и принудил их сохранить свои профессиональные свойства.

Этим новым средством явилась ленная система.

Мы видели, что уже при расселении бургундов то крупное владение, которое жаловалось королем, хотя и давалось в наследственную собственность, но все же с некоторыми оговорками и ограничениями. Какие бы правовые установления ни послужили в данном случае прообразами и исходными точками, достаточно того, что у франков развился порядок передачи поместий воинам за военную службу не в качестве наследственной собственности, но с той оговоркой, что поместье возвращается как в случае смерти пожаловавшего, так и в случае смерти пожалованного. Наследник в случае смерти пожаловавшего мог снова пожаловать это же имение его прежнему владельцу, если последний брал на себя обязательство верности и военной службы. Господин в случае смерти пожалованного мог передать поместье семье

умершего, если в ее составе имелся налицо человек, который хотел бы и был бы в состоянии дать клятву верности и в случае необходимости идти на войну. Если же этих предпосылок не было налицо, то владелец поместья брал назад свою собственность. Следовательно, передача лена была средством, при помощи которого господин снабжал своих вассалов, не выпуская в то же время из своих рук своей собственности, что давало ему, однако, возможность иметь в своем распоряжении воинов не только в течение одного поколения, но длительно оседлых и все же от него зависящих.

Вассалитет и ленная система являются двумя государственно-правовыми установлениями, которые могут сами по себе и не совпадать. Человек может поступить в качестве вассала на службу к сеньору, не получив от него лена, и в то же время можно было получить лен, не будучи вассалом. Всемирно-историческое значение имеет лишь соединение этих двух понятий, которые вместе образуют феодальную систему.

Можно предположить, что в ту эпоху, когда в течение длительного времени существовали напряженные отношения как между отдельными меровингскими королями, так и между королями и магнатами, во франкском государстве

непрерывно ощущалась очень сильная потребность в военной силе. И когда первоначальный состав воинов времени основания государства превратился в крестьян, то это дало толчок к тому, чтобы сохранить или заново создать военное сословие в лице вассалов и подвести под вассалитет широкую длительную основу посредством земельных пожалований до смерти сеньора или ленника.

Вассалитет в соединении с ленной системой не только был формой, дававшей возможность землевладельцу держать военных слуг, но именно такой формой, которая была чрезвычайно удобна, чтобы создавать различным образом более крупные организации. Очень большие семьи, как, например, семья Пипинидов или Арнульфингов, или же объединение этих семей, совершившееся благодаря браку Анзегизеля с Беггой, были не в состоянии сами непосредственно управлять своими владениями, выходившими за пределы многих округов, а мы уже видели, как важен был глаз господина при системе вассалитетной военной организации. Для того чтобы выйти из этого затруднения, стали пользоваться представившеюся возможностью передавать в качестве лена крупные части больших владений с тем, чтобы путем дробления такого крупного лена

на вторичные, зависящие от него лены, поставлялось большее число воинов.

Но крупные землевладельцы, кроме того, чувствовали также потребность тесно сплотиться вместе, чтобы успешно окончить борьбу с королевской властью за форму государственного строя. Самой прочной и самой надежной формой такого объединения крупной аристократии была та клятва верности, которую вассалы давали своему предводителю. В этом отношении даже шли дальше: владельцы дарили свое поместье господину, чтобы получить его обратно в качестве лена. Правда, при этом исчезала одна существенная отличительная черта лена, так как в таком случае владельцы удерживали за собой право наследственной передачи лена, однако, все же оставалась возможность отнятия лена при нарушении верности. Таким образом, этот правовой акт заключал в себе передачу залога для сохранения вассальной верности. В таких случаях сеньор часто добавлял к этому лен из своего собственного владения.

Крупнейшим землевладельцем в Средние века была церковь, а так как теперь военная сила стала находиться в зависимости от землевладения, то церковь – в интересах своего могущества, своей безопасности и, наконец, в общих интересах – не

могла удержаться от выделения ленов, для того чтобы держать на них своих вассалов. Уже в VI в. появляются два епископа, два брата – Салоний и Сагиттарий, которые отправляются в поход и лично участвуют в сражениях. Это очень огорчает благочестивого Григория Турского (IV, 42; V, 21). В VII в. епископы уже имеют собственные военные отряды, которые они отправляют на войну. В начале VIII в. мы находим епископов в качестве личных предводителей, что вскоре затем закрепляется публичным правом.

Наглядную картину военного похода сеньора со своими вассалами рисует нам письменное извещение о военном призыве Карла Великого, случайно сохранившееся до наших дней. Хотя это послание и относится к значительно более позднему времени, чем то, которое мы здесь изучаем, – именно к 804 – 811 гг., – но такие послания и предписания, без сомнения, писались и имели силу в течение всего предшествовавшего времени. Поэтому, изучая в данном случае сущность ленного призыва, мы можем привести здесь это послание. Оно адресовано некоему аббату Фульраду, – вероятно, из Сен-Кантэн в Северной Франции[60]. Аббату сообщается, что государственное собрание будет в этом году иметь место в Штасфурте на Боде, в Восточной

Саксонии. Туда 16 июня должен прибыть аббат со всеми своими хорошо вооруженными и снаряженными людьми (hominibus) и быть готовым отправиться в поход туда, куда будет решено. Каждый всадник должен иметь при себе щит, копье, меч, кинжал, лук и колчан со стрелами. На повозках должны находиться топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты, – одним словом, все те инструменты, которые необходимы во время войны. Взятого с собой продовольствия должно от Штасфурта хватить еще на три месяца, а оружия и одежды – на полгода. Отряды должны мирно проходить через страну и ничего не брать, кроме зеленого фуража, дров и воды. Господа должны находиться при повозках и всадниках, для того чтобы не произошло какой-нибудь несправедливости.

Мы должны несколько остановиться на предписании, гласящем, что аббат должен иметь с собой продовольствие на три месяца. Так как он должен был прибыть в Штасфурт с запасом продуктов на три месяца и так как ему до Штасфурта надо было сделать сто миль пути, то он должен был выступить в поход с запасом продовольствия, рассчитанным более чем на четыре месяца. В одном капитулярии 811 г. устанавливается, что те, которые приходят с той

стороны Луары, могут считать свой трехмесячный запас, начиная от Рейна, а те, которые приходят с этой стороны Рейна, – начиная от Эльбы. Если отправляются в поход в Испанию, то зарейнские жители могут считать от Луары, а живущие по ту сторону Луары – от Пиренеев. Таким образом, при выступлении в поход нужно в большинстве случаев брать запас продуктов на четыре месяца. Из источников не видно, каким образом рассчитывались продукты на обратный путь. Если во время самой войны не было взято большой добычи, то поход не должен был длиться более двух месяцев, для того чтобы трехмесячного запаса хватило на обратный путь для тех отрядов, которые пришли из более отдаленных мест.

Современная продовольственная дача мужчины составляет в сутки (за исключением картофеля и риса):

1S фунта хлеба	750 г
копченого мяса	250 г
стручковых овощей или муки	250 г
соли	25 г
кофе	25 г
Итого	1 300 г

Если мы выкинем кофе и примем во внимание, что зерно весит на j менее соответствующего

количества хлеба, то такая дневная порция весит приблизительно 1 100 г. Свежего мяса дается наполовину больше, чем копченого, т.е. 375 г. Римский солдат получал на 16 дней приблизительно 15 кг пшеницы. Франки могли еще брать с собой сушеные фрукты, лук, репу и т.п.,[61], но их снабжение отличалось от римского главным образом тем, что они привыкли к гораздо более значительному мясному питанию и брали вместе с собой в поход порционный скот. Если мы предположим, что вес римской суточной дачи продовольствия равнялся 2 S фунта, так как к 2 фунтам зерна и соли должно было добавляться и еще кое-что, то германская норма, кроме свежего мяса, должна была весить не более 1 S фунта, что дает на четыре месяца приблизительно на круг 180 фунтов. Если мы к этому добавим тот багаж и те инструменты, которые, помимо того, каждый человек имеет на телеге, и если положим на каждое упряжное животное, коня и быка, по 4 ц чистого веса[62], то в таком случае (так как следует считать также и прокорм возницы) одной такой повозки едва хватит на трех человек. Если аббат Фульрад вел с собой 100 воинов, то ему нужно было иметь для них около 15 четверочных или более 30 парных повозок. Эти вассалы, конечно, ничего не несли на своей спине. Скорее мы можем

предположить, что они часто везли вместе с собой в поход женщину или мальчика, не только для своего удовольствия, но также и для того, чтобы иметь уход в случае болезни или ранения. Сам аббат был знатным человеком, который имел большие претензии, и в его свите многие также имели при себе как собственных конюхов, так и личных слуг, так что весь отряд насчитывал при 100 воинах, конечно, двойное количество людей. Но так как германская жажда требовала еще соответствующего количества бочек, то весь отряд не мог обойтись меньше чем 40–50 тяжело нагруженными повозками, запряженными парами или четверками. Хотя повозки постепенно пустели, однако, очень немногие из них с пути отправлялись домой, так как во время долгого пути и военного похода, когда большие массы людей сталкивались одна с другой и ежедневно спорили из-за фуража и воды, происходила такая большая убыль в животных и в повозках, не говоря уже о собственно военных потерях, что необходимо было иметь постоянный фонд для замены. Так как мясной скот во время похода не мог быть особенно откормленным, то на 200 человек мы должны считать в неделю 3 головы, следовательно, на четыре месяца гурт в 50 голов.

Теперь следует ответить на вопрос, можно ли

понизить это количество продовольствия за счет возможного пополнения продовольственных запасов во время пути? Благодаря рейнскому водному пути и его притокам, было бы, например, нетрудно во всех тех главных местах, где совершались переправы, – как-то: в Страсбурге, Майнце, Кельне и Дуисбурге, – соорудить склады для всех прибывавших с запада отрядов. Но об этом мы никогда не слышали, так как это было бы делом центрального правительства, а ведь каждый отдельный отряд должен был сам заботиться о своем снабжении. Если бы аббат Фульрад захотел пополнить свои запасы на каком-нибудь складочном пункте, то он должен был бы за это платить наличными и, следовательно, должен был бы взимать со своих крестьян очень большие денежные подати. Но крестьяне не могли бы их уплачивать, а потому не оставалось ничего другого, как брать вместе с собой даже на большие расстояния собственные запасы на собственных телегах[63].

Следует отметить, что при наших расчетах мы совершенно не принимали во внимание фуража для лошадей. Фуражная дача для лошадей по современным нормам составляет от 5 до 5,65 кг овса, 1,50 кг сена и 1,75 кг соломы[64]; следовательно, одна лошадь, считая лишь овес,

поедает в 6 недель больше того, сколько она может свезти[65]. Таким образом, при более или менее далеком походе совершенно нельзя было брать с собой фураж для верховых лошадей и особенно для упряжного скота. А так как в пути едва ли что-нибудь можно было купить и ничего нельзя было взять с собой, то весь скот оставался исключительно на зеленом корму и, в соответствии с этим, обладал лишь очень незначительной грузоподъемностью и скоростью движения.

Если на отряд сеньора, состоявший из 100 воинов, приходилось около 50 телег и повозок, то количество необходимых для этого отряда животных, считая здесь также и всех верховых лошадей, должно было быть гораздо больше количества людей и значительно более чем в два раза превышать число воинов. Этот расчет останется правильным даже в том случае, если мы примем, что мясным скотом были отчасти те быки, которые сперва тащили телеги, а затем, когда телеги пустели и ломались, уже становились излишними.

Военный поход на далекое расстояние был в эпоху натурального хозяйства большим делом и большой тяготой. Даже если Сен-кантэнский монастырь был очень богатым, то аббат Фульрад

для похода в Саксонию выставил, наверное, гораздо меньше, чем 100 воинов.

Теперь я попрошу читателя бросить последний благосклонный прощальный взгляд на ту ученую теорию, которая заставляет франкского графа выступать в поход то на этой, то на другой границе во главе всех крестьян своего округа или даже всех боеспособных мужчин, от тюрингов и вплоть до гасконцев, снаряженных на собственный счет и с собственным вооружением.

Франкское государство состояло из германских и романских областей. Когда Хлодвиг сковал эти различные страны в одно государство, то нельзя было себе представить двух более различных социальных структур. Здесь были роды, состоявшие из равных и свободных воинов со слабым крестьянским оттенком, там же было небольшое количество крупных землевладельцев, большое количество крепостных крестьян и горожане. И разве не удивительно, что в течение нескольких поколений и тут и там общественные надстройки стали совершенно одинаковыми? Наука должна была бы, собственно говоря, уже давно поставить вопрос о том, почему между романскими и германскими франками не заметно более или менее крупных различий? Но уже ставя здесь этот вопрос, мы тем самым даем на него

ответ. В гражданских войнах Австразия оказывается самой сильной. Это можно было бы объяснить ее преобладающе германским характером, но если бы это обстоятельство исчерпывало ответ, то перевес Австразии должен был бы быть еще гораздо более значительным. В таком случае следовало бы, собственно говоря, спросить, каким образом Нейстрия, Аквитания или Бургундия могли вообще бороться с Австразией? Но они так много и так долго боролись друг с другом, что, очевидно, между ними должна была быть лишь очень небольшая разница в силе. Причиной этого является то, что даже те франки, которые остались жить на своих прежних местах, как только были включены в состав большого государства, очень скоро начали терять свой военный характер и становиться крестьянами. Новая организация военного дела, безусловно, не вязалась со всеобщим выступлением воинов, но требовала выбора и разделения. Если над уже давно невоинственными кельтско-романскими крестьянами и горожанами возвысилось военное сословие, которое существенным образом пополнялось переселившимися франками, то точно таким же образом дифференцировались древнефранкские области. Короли и графы больше не допускали

древних массовых грабительских походов. Они призывали на войну из каждой сотни лишь стольких людей, сколько можно было регулярно снабжать, а это количество было очень небольшим. Германцы довольно долго противились этому, но в конце концов они были подавлены и попали в зависимость от своих прежних товарищей, которые оставались воинами, причем эта зависимость была, может быть, еще более тяжелой, чем зависимость романских колонов.

Франкское государство было основано в форме бюрократического чиновничьего государства со всеобщей воинской повинностью, которая на практике ограничивалась одним сословием воинов. Это военное сословие могло развиваться дальше лишь в качестве сословия вассалов класса крупных землевладельцев. Этот класс, прикрепивший к себе воинов благодаря ленной системе, завладевает военной силой и захватывает таким путем административные должности и графскую власть, а вскоре затем и центральное управление, должность палатных мэров (майордомов), которую, говоря современным языком, можно было бы называть министерской. Меровингское королевство продолжает существовать, но уже под опекой вождей новой

аристократии. Эти руководящие семьи, появляющиеся и поднимающиеся в отдельных государствах – в Австразии, в Нейстрии, в Бургундии – в течение некоторого времени борются между собой, пока одна из них не подавляет одну часть и не соединяется при помощи брачных уз с другой частью, снова создав, таким образом, для центрального массива государства единую власть, хотя пограничные страны – Бавария и Аквитания – все еще удерживают свою самостоятельность.

Феодализация военного дела в государстве франков произошла путем очень медленного и постепенного развития, так что ее очень трудно подразделить на периоды. Уже очень рано, вскоре после основания государства, мы видим одновременное существование принципа всеобщей воинской повинности и практики призыва буккелариев или вассалов. Но, несмотря на то, что эта практика сохраняет свое преобладающее положение, прочно и надолго укрепляется при помощи ленной системы и, наконец, фиксируется в государственно-правовом отношении, все же это ни в какой мере не отменяет принципа, т.е. королевского права всеобщего призыва. В течение долгого времени оба эти факта будут существовать один наряду с

другим, и еще в следующем томе нам придется говорить об этом противоречии.

Новое сословие вассалов является измененной формой древнего военного сословия Leudes (людей), с тем, однако, различием, что Leudes были военным сословием, которое призывалось непосредственно королем, а вассалы были подчиненными и верными людьми своих сеньоров – землевладельцев. И как Leudes (люди) были франкским народом, превратившимся в военное сословие, в которое, однако, не был закрыт доступ романским элементам, так и в дальнейшем вассалы были таким сословием, в котором главным образом, но не исключительно, текла германская кровь.

Франки, расселившиеся среди романцев, без сомнения очень скоро научились латинскому языку, – не литературной латыни, но народной, из которой затем возник французский язык, – однако, при этом они очень долго сохраняли свой германский язык. Еще в 698 г. на похоронах святого Ансберта в Руане, как это отмечают источники, оплакивавшие выражали свое горе на различных, прерывавших друг друга языках[66]. Первым надежным свидетельством того, что западные франки уже не понимали германского языка, является та клятва, которую Людвиг

Германский дал в 842 г. своему брату Карлу в Страсбурге и которую он произнес на романском языке, дабы воины его брата могли понять его. Первым вестфранкским королем, который не понимал германского языка, был Гуго Капет[67].

В Италии, где господствовали сходные условия, на юге лангобардский язык был вытеснен итальянским лишь во второй половине X в., а на севере еще не исчез даже около 1 000 г.[68] Таким образом, германские культурные элементы продержались среди романских от 300 до 400 лет. Это оказалось возможным благодаря тому, что воины образовали сословие, которое держалось сплоченно, и потому брали себе жен главным образом из собственной среды. Романцы, вступавшие в это сословие, германизовались. Мы видим, как во Франции знатные романцы не только часто принимали германские имена, но перенимали также и германские обычаи, одежду, обычай постоянно носить при себе оружие, военные распри, кровавую месть, питье пива[69]. Двор и аристократия сохраняли свой германский характер и лишь очень слабо приобщались к литературно-римской образованности. Умевшие читать находились на службе у церкви, но не у государства.

Насколько иным был теперь мир и как он

отличался от того, который был 300–400 лет тому назад, когда все гражданство одного и единого культурного мира жило мирно и спокойно, платило налоги, что давало возможность содержать навербованную армию, которая, будучи организована в крепко дисциплинированные легионы и расположена на границах, защищала и охраняла со всех сторон государство от варваров! Римская культура не могла сама по себе создать военного сословия Leudes и вассалов. Такого военного духа уже не было более в городском обществе и в цивилизованном мире. Только применение дисциплины давало возможность организовать и выставить римское войско. Германские природные воины, наслоившиеся на умиравшую римскую культуру, создали свое собственное и самодовлеющее военное сословие, которое продолжало существовать благодаря своему собственному духу.

Прокопий пишет (IV, 30), что перед сражением при Тагинэ римский полководец обратился с такого рода речью к своим войскам:

"Вы идете в бой как защитники хорошо упорядоченного государства, а ваши враги являются разрушителями, которые даже не имеют никакой надежды на то, что им удастся увидеть, как их дело будет жить в их потомках. Наоборот, они влачат свою

жизнь и строят свои планы лишь со дня на день".

Эти слова в высшей степени знаменательны! Хотя сама речь, конечно, вымышлена но все же подобная мысль уже не была совершенно непонятна даже для лангобардов, герулов и гепидов, находившихся в войске Нарсеса. Они испытывали удовольствие, попирая своими ногами культуру и в то же время ею обогащаясь, но вместе с тем в них еще слишком сильно было чувство их собственного варварства, для того чтобы они могли насаждать новую культурную форму. А какая судьба постигла создания Гейзериха и Теодориха?

Но и Римская империя со своими варварскими солдатами не смогла удержаться. В конце концов, попадая из одного кризиса в другой, из смешения римских и германских элементов создался новый своеобразный государственный строй. Древний мир продолжал жить в церкви, а государство сохраняло свою способность к дальнейшей жизни и к развитию в форме феодального строя, который главным образом вырос из германских корней.

В это время арабы, опрокинув вестготское государство, перешли через Пиренеи, стремясь покорить себе также и франков.

В то же время ислам теснил Константинополь, который он только что подверг тяжелой осаде, Италия находилась под сильной угрозой, и всадники пророка уже появились на Луаре, а по ту сторону Рейна вновь восстанавливалось язычество. Христианство и римско-германский мир удерживались, можно сказать, лишь на одном узком краю. Во всей всемирной истории не было такого сражения, которое было бы важнее сражения при Туре, когда Карл Мартелл остановил и отбросил назад арабов. Мы ничего не знаем о ходе этого сражения, но можем с уверенностью высказать, что будущность германо-романского и христианского мира спасли каролингские вассалы – то военное сословие, которое сформировалось в государстве франков и которое было заброшено в государство вестготов.

ЕПИСКОП ПРЕТЕКСТАТ

Григорий (V, 19) рассказывает, что король Хильперих обвинил руанского епископа Претекстата в том, что он сделал подарки людям и побудил их этим к тому, чтобы они поклялись в верности Меровею, который восстал против своего отца. Епископ оправдывался тем, что он лишь отдаривался подарками на подарки и не намеревался лишить короля его короны. Отсюда Рот ("Benef. Wesen", S. 152) сделал вывод, что в то время считалось несовместимым с общественным строем обещать

верность кому-либо иному, кроме короля. Из этого небольшого рассказа я скорее сделал бы обратный вывод. Если бы, по тогдашним воззрениям, считалось преступлением обещать верность кому-либо иному, помимо короля, то епископ должен был бы прежде ответить на это обвинение. Но этого вопроса он даже не касается: это для него является обстоятельством, которое само по себе не имеет никакого значения. Его ответ гласил скорее: "Но причиной этого не было стремление изгнать короля из королевства".

МАЙСКОЕ ПОЛЕ

Приблизительно в 755 г. регулярное собрание франкских государственных и военных чинов, которое первоначально происходило в марте, было перенесено на май. Это обстоятельство считали указанием на то, что лишь в это время сплочение франков превратилось из пехотного войска в конное, полагая, что эта отсрочка была произведена по соображениям, связанным со снабжением конницы фуражом. После всего того, что мы уже сказали относительно похода аббата Фульрада, такого рода связь должна показаться невероятной. Даже войско, состоявшее из одной лишь пехоты, должно было иметь такое количество упряжных животных, что фуражный вопрос должен был всегда иметь очень большое значение. Впрочем, франки были отчасти всадниками, и, следовательно, некоторое увеличение числа лошадей не могло внести существенной перемены.

Но, пожалуй, можно сделать еще один шаг дальше и указать на то, что это собрание не могло носить характер военного смотра. На самом же деле это было

чем-то вроде рейхстага, на который собирались магнаты – хотя и со своей военной дружиной, но далеко не со всеми военными силами. Ведь сбор всего войска или даже хотя бы значительной его части в одном месте, которое не расположено так, что из него непосредственно можно было бы начать военные действия, явилось бы чрезвычайно несообразным как с хозяйственной, так и с военной точек зрения. Материал по этому вопросу см. у Бруннера ("D. Rechtsgeschichte", II. 127 ff).

ВАССАЛИТЕТ У ВЕСТГОТОВ

В своем изложении я резко подчеркнул различия между вестготским государством, в котором сохранилась древняя форма военной организации эпохи расселения и франкским государством, где развилась новая форма ленного вассалитета. Но в то же время я с некоторой осторожностью выбирал выражения, так как, хотя эти различия и были решительными, но все же не были абсолютными. В вестготском государстве мы также находим следы, указывающие, что и здесь происходил процесс развития, похожий на тот, который имел место в государстве франков, но эти ростки в государстве вестготов не получили полного развития. Уже Дан ("Kцnige", VI, 141, Anm. 3) нашел поразительным то обстоятельство, что даже в древних законах говорится "о передаче себя под покровительство и вступлении в дружину". Но если мы себе уясним, что по существу буккеларий и вассал – одно и то же, то следует скорее удивляться тому, что мы не находим большего числа такого рода выражений.

В Законах вестготов (Lex. Vis., V, 3, 4) говорится: если кто-нибудь покинет своего патрона и перейдет к. другому, то "тот, под чье покровительство он себя передаст, пусть даст ему землю; ибо тот патрон, которого он покинул, получит обратно и землю и то, что ему дал". Отсюда следует, что вестготские магнаты не только держали воинов, но и снабжали их землей.

Слово "Leudes" (люди) в вестготской литературе встречается лишь один раз – в Законе вестготов (L. Vis., IV, 5, 5, Antique), очевидно, просто в значении "воины".

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

Я считаю возможным совершенно исключить момент секуляризации из вопроса о происхождении правового установления бенефициев. Без сомнения, она была политическим событием первостепенной важности, так как очень усилила могущество Каролингов. Но то обстоятельство, что вассалам передавались в большинстве случаев церковные земли, является чистой случайностью и не могло быть основанием для того, чтобы исключить право наследования. Это основание связано с целью самого установления, т.е. с заботой о том, чтобы эти поместья всегда выполняли свое назначение кормить военных людей и чтобы они при следующем поколении не ускользнули из рук господина.

В то время, когда я проверял этот лист, я получил исследование Улр. Штутца "Каролингская десятина" (Ulr. Stuts, "Das Karolingische Zehntgebot", "Zeitschrift der Savigny-Stiftung German.", Abt. XXIX, 1908,

S. 170 ff.), которое проливает новый и очень интересный свет на связь между секуляризацией и проведением ленной системы. Штутц, на мой взгляд, убедительно доказывает, что десятина, которая до этого была лишь церковным и потому трудно и плохо проводимым в жизнь установлением стал в правление Пипина государственным постановлением и что это было компенсацией, которую церковь получила за свои отчужденные поместья. Это открытие имеет громадное значение для характеристики средневековой государственной и хозяйственной жизни. Ведь надо себе уяснить, что слабым местом франкского государства и всех средневековых государств вообще был недостаток удовлетворительной налоговой организации. Так как правитель не имел достаточного количества денег для выплаты жалованья, то для военных нужд он должен был иметь военное сословие, которое кормилось бы на пожалованных землях. Для того чтобы получить необходимое для этого количество земельных владений, пришлось захватить также и всю совокупность церковных поместий. Но на какие же средства стала теперь жить церковь? Она за это получила десятину, на которую она, правда, всегда претендовала, но которую она на самом деле не имела возможности получать всюду и достаточно регулярно, а теперь государственная исполнительная власть стала фактически ее доставлять. Говоря другими словами, государство не могло для своих целей ни провести в жизнь, ни использовать такого налога, как десятина, так как натуральные поставки можно лишь в очень незначительной степени централизовать, собрать в склады, подсчитать и проконтролировать; к тому же

германец по своему правовому сознанию не был обязан выполнять такую повинность по отношению к государству и королю. Церковь же может использовать десятину для пропитания и содержания своих священников, своих епископов и их учреждений, но в то же время в сознании верующих существует представление, что церковь претендует на такого рода десятину. Теперь же церковь и государство соединяются в тот всемирно-исторический союз, который сначала привел к поддержке Бонифация палатными мэрами (майордомами), затем – к созданию с согласия папы каролингского королевства и, наконец, к императорскому коронованию Карла Великого. Теперь же мы можем вскрыть ту гениальную практическую реальную политику, которая лежала в самой основе этого союза и которая заключалась в перемещении, произошедшем между налогом десятины и церковным землевладением. Государство доставляет и обеспечивает церкви, с которой оно состоит в близкой дружбе и в союзе, поступление десятины и получает за это от нее ее земельные владения, собранные ею в течение нескольких столетий, которые государство со своей стороны может использовать и фактически использует.

Повторяю еще раз, что форма передачи лена до смерти сеньора или ленника не имеет никакого"отношения к тому факту, что первоначально очень многие из этих ленов были церковными поместьями. Эта форма единственно и исключительно объясняется своей целью, а именно – военной целью. Использование церковных поместий не для создания, но для соответственного увеличения военного

сословия ленников является событием крупнейшего значения. Вскрытие связи этого факта с введением десятины, столь важной для всего последующего времени, дает нам возможность ясно осознать величину и значение этого события.

СНАБЖЕНИЕ И ОБОЗ

Так как доставка продовольствия во время войны имеет очень большое значение, то я хотел бы прибавить несколько специальных указаний и изысканий по этому вопросу, который мною был поднят выше в связи с посланием Карла Великого к аббату Фульраду.

В 1-м издании (т. I, стр. 427, и т. II, стр. 105) я принял на основании расчетов Наполеона III грузоподъемность лошади в 10–10S ц. Однако, я убедился в том, что эта цифра слишком велика. Согласно Балку (Balck, "Taktik", Bd. 2, T. 1, S. 228), лошадь может поднять в продовольственной парной повозке 425 кг, из которых 250 кг, или 5 ц чистого веса, а в четверочной повозке продовольственной – 432 кг, из которых 250 кг чистого веса. В парной же повозке обозного парки – 650 кг, из которых чистого веса 450 кг, что равняется 9 ц. У Балка имеется опечатка, которую я здесь исправил. Приблизительно то же самое дает нам и гессенский устав 1542 г., который цитируется у Петеля (Paetel, "Organisation des Hessischen Heeres, S. 218 if.), а затем приведенный в IV томе на стр. 343 транспорт муки Максимилиана Баварского в 1620 г. и трактат "О снабжении армий" 1779 г., цитированный у Иенса (Jaehns, 3, 2186).

Хотя эти цифры уже несколько меньше, чем те,

которые были приняты Наполеоном, но источники показывают, что в древности их понижали больше чем вдвое. Ксенофонт в "Киропедии" считает на пару быков 25 талантов, что составляет около 13 S ц, т.е. по 6 s ц на каждого быка, но не полезного груза, а общего. Далее сюда следует привлечь постановления относительно римской почты и перекладных, которые сохранились в большом количестве, особенно в Кодексе Феодосия (Codex Theodosianus, L. VIII, tit. 5). В одном из постановлений императора Константина от 357 г. (Cod. Theod., VIII, 5, 8) предписывается, чтобы повозка (rheda), запряженная 8 мулами, брала груз не более 1 000 фунтов, но это и аналогичное ему постановление не имеют для нас никакого значения, так как здесь дело шло не о количестве груза, но о скорости доставки. Но мы находим также и другое предписание (VIII, 5, 11) относительно того, чтобы на ангарию (барщинную повозку), запряженную 4 быками, не смели грузить более 1 500 фунтов. На этих барщинных повозках ездили в большинстве случаев по прекрасным римским шоссейным дорогам, причем повозки, запряженные быками, всегда являлись простыми грузовыми телегами, но не колесницами, рассчитанными на быстрое движение. И если, несмотря на это, мы находим, что на каждое упряжное животное считали даже меньше 4 ц чистого веса (или даже только 3 ц, принимая во внимание, что легкий римский фунт равнялся приблизительно 330 г), то это вместе с указанием Ксенофонта может служить доказательством того, что неуклюжесть повозок, в особенности же колес (часто дисковых, вместо колес со спицами) и упряжи, а может быть, и незначительная в среднем грузоподъемность

крестьянских подвод не позволяли предъявлять более высоких требований. Эти цифры еще меньше в эпоху Карла Великого в Германии, где не было римских дорог.

Быки иногда бывают упрямы и везут медленно, но поднимают больше груза, чем лошадь.

Брать с собой вместо повозок или телег с упряжными животными вьючных животных выгоднее в том отношении, что отдельные животные могут лучше следовать за движениями войск, особенно в горах, причем в случае надобности могут легче освобождать место. Поэтому ими очень много пользовались как в римских, так и в средневековых войсках и даже вплоть до XIX в. Не только римские командиры, но и отряды солдат имели вьючных животных, по большей части мулов. Их грузоподъемность равняется 2 ц. Если мы примем, что каждое римское лагерное товарищество из 10 человек имело в своем распоряжении, согласно уставу, одно животное, то оно могло нести на себе, помимо кожаной палатки с принадлежностями (весом около 40 фунтов), ручную мельницу, котел, несколько инструментов, веревки и одеяло, а кроме того, и некоторое количество продовольственных припасов.

Рюстов (Rьstow, "Heerwesen und Kriegfьhrung Caesars", S. 17) полагает, что каждое животное могло, кроме того, нести недельный запас продовольствия на каждого человека. Это, очевидно, невозможно. Недельный запас для одного человека не может весить менее 17–18 фунтов, следовательно, на 10 человек 170–180 фунтов. Это уже дает вместе с палаткой груз, превышающий нормальный. И без палатки остальные предметы и инструменты едва ли

весили менее 100 фунтов а, может быть, даже и больше.

Но наряду с преимуществами применение вьючных животных имеет также и свои большие неудобства. На одно животное нельзя нагрузить больше 2 ц[70].

Тащить повозку легче, чем нести вьюки, и мы знаем, что теперь на одно животное можно считать 5–9 ц, а в древности, согласно вышеприведенным источникам, считали 3 ц. Если животное тащит груз, то оно отдыхает во время стоянок, если же оно несет груз на себе, то оно остается в напряженном состоянии даже во время остановок. Далее, вьючное животное может гораздо легче получить повреждение или ранение от своего груза, чем упряжное животное.

Поэтому, без сомнения, неправильно утверждение Рюстова (цит. соч., стр. 17 и 18), что римские войска перевозили все свое снабжение на вьючных животных. Фрелих в своей работе о военном деле при Цезаре (I, 89) уже опроверг эту точку зрения, не только исходя из самого существа вопроса, но основываясь также и на двух прямых свидетельствах (Плутарх, "Помпей", VI и Bell. Afr. IX, 1), в которых упоминаются обозные и продовольственные повозки. Рассказ, приведенный Саллюстием ("Югурта", 75, 3), в котором описывается, как Метелл хотел совершить экспедицию на 75 км через пустынную местность и поэтому приказал "снять груз со всех вьючных животных, за исключением хлеба на 10 дней, – что же касается прочего, то нести лишь меха и другие удобные сосуды для воды", еще ничего не доказывает, так как в пустыне нельзя было применить повозок.

Скорее из этого рассказа можно сделать вывод о том, как трудно было достать даже для похода на 10 миль необходимых вьючных животных (которые, впрочем, должны были нести на себе так же и весь запас воды). Для этой цели Метелл потребовал от туземцев крупных поставок.

Сам человек вместе со своим оружием может нести на себе очень небольшое количество продовольствия. На основании распоряжения военного министерства, проф. Цунтц и военный врач д-р Шомбург проделали опыты для определения физиологического действия нагрузки на человека во время перехода и опубликовали результаты этих опытов в февральском выпуске "Военно-медицинского журнала" ("Militdrdrztliche Zeitschrift") за 1897 г. Пять курсантов предоставили себя в распоряжение экспериментаторов. Для переходов брались главным образом три вида нагрузки – в 22 кг, 27 кг и 31 кг.

Согласно Балку ("Тактика" II, 1, 208), оба экспериментатора дают следующую сводку результатов своих опытов:

"1. Умеренная нагрузка (до 22 кг) при не очень высокой внешней температуре после перехода, не превышавшего 25–28 км, не вызвала никаких вредных последствий; наоборот, обнаружилось, что явившиеся вследствие иных причин состояние ослабленности и незначительные функциональные повреждения отдельных органов были устранены благодаря этому переходу. При очень горячем и душном воздухе обнаружился ряд более или менее легких явлений неблагоприятного характера (ослабление жизнедеятельности, повышенная потеря влаги в организме, сильное учащение пульса и дыхания,

застой крови). Однако, все эти явления исчезли вскоре после перехода и во всяком случае совершенно устранялись на другой день; если переход продолжался в течение нескольких дней, то не замечалось, чтобы эти вредные влияния усиливались.

2. Увеличенная нагрузка (27 кг) при благоприятной погоде и прежней величине перехода не оказала заметного вредного влияния на здоровье. Напротив, жаркая погода при такой же нагрузке вызвала изменения, которые не исчезли даже на другой день. Таким образом, второй переход начался уже при более неблагоприятных условиях, чем первый. Во всяком случае средний солдат с нагрузкой в 27 кг при довольно жаркой погоде может более или менее хорошо перенести переход не более 25–28 км.

3. Нагрузка в 31 кг даже при прохладной погоде и при той же величине перехода, безусловно, нарушила правильное функционирование организма.

4. Наблюдения над тренировкой с целью привыкнуть к богажу показали, что при легкой нагрузке (до 22 кг) постепенное увеличение груза уже после немногих переходов не оказывало более вредного влияния; при тяжелом грузе (31 кг) после более длительной тренировки наступало лишь очень незначительное уменьшение вредных влияний".

Отсюда вытекает, что увеличение даже на несколько килограммов нормальной солдатской нагрузки (в наше время у пехотинца в Германии 25,3 (раньше 29) кг, во Франции 27 s кг, в Англии 27 j кг, в Италии 28 кг, в Швейцарии 31 кг)[71], наносит очень сильный ущерб боеспособности.

Поэтому совершенно невозможно допустить, чтобы римские солдаты, так же как и наши, несли

сами на себе груз, значительно превышающий "железную порцию". К тому же это опровергается одним из наших источников – Полибием, который в одном месте (XVII, 8)[72] хвалит римлян за то, что они носят помимо оружия также и палисадины. Если бы римляне носили на себе кроме того и продовольствие, то Полибий в связи с этим, конечно, не преминул бы об этом упомянуть.

Так как мы уже пришли к такому выводу, то нас не должны вводить в заблуждение некоторые высказывания древних писателей, которые на самом деле утверждают обратное. Некоторые из этих мест могут быть объяснены иначе, относительно других можно допустить наличие недоразумения или преувеличения.

Ливий ("Периоха", 57) пишет: "Сципион Африканский осадил Нуманцию и восстановил в войске, испорченном своеволием и необузданностью, жесточайшую военную дисциплину... принудил каждого воина нести тридцатидневный рацион зерна и семь палисадин". Это распоряжение относилось не к военному переходу, но либо к учебному маршу, либо к такому, который производился в порядке дисциплинарного взыскания, как, например, практикующаяся теперь переноска мешков с песком. Сверх того, у Фронтина ("Strategem.", IV, 1, 1) мы находим по тому же поводу лишь следующую фразу: "Он приказал нести продовольствие на несколько дней". Очевидно, это текст и является первоначальным и правильным, а у Ливия вследствие какой-либо перестановки из "нескольких дней" получилось "30 дней". Отсюда видно, как мало можно полагаться на такие отдельные высказывания.

Фронтин ("Strategem.", IV, 1, 1) сообщает, что "когда Филипп впервые организовал войско, то запретил всем пользование телегами, разрешил каждому всаднику иметь не больше одного слуги, а на десять пехотинцев – лишь одного слугу, который нес бы ручную мельницу и канаты. Он приказал, чтобы уходящие в поход несли на спине запас муки на 30 дней". Что бы ни означали слова "уходящие в поход", во всяком случае здесь не говорится о том, что солдаты во время военных походов несли на своей спине мешки с 60 фунтами муки.

У Ливия (XLIV, 2) говорится: "Приказав воинам взять с собою месячный запас продовольствия, Консул собрался в путь...двинулся вперед". Эту фразу не следует понимать в том смысле, что солдаты должны были нести на себе весь месячный запас провизии; она означает лишь то, что консул приказал взять с собой для этой экспедиции 30-дневный запас продовольствия. То же самое у Ливия, XLIII, 1, 8.

Вегеций (I, 19) говорит: "Воины были также принуждены нести груз весом до 60 фунтов, а во время тяжелых походов перед ними вставала необходимость нести одинаковое по весу количество хлеба и оружия". Если здесь имеется в виду "всего 60 фунтов" (20 кг), то это меньше той нагрузки, которая теперь считается нормальной. Если же Вегеций хотел сказать, что солдат, помимо своего оружия, должен был нести еще 60 фунтов, то мы это можем просто отвергнуть как недоразумение, так же как и свидетельство Цицирона ("Тускул. рассуждения", II, 16, 37), который восклицает: "Какой труд, какой большой труд у войска! Нести больше полумесячного запаса продовольствия, – нести то, что приказывается

иметь для употребления, нести палисад. Ибо щит, меч и шлем наши воины считают не более тяжелыми, чем плечи, мышцы и руки".

Целый ряд указаний не оставляет никаких сомнений в том, что идентантство или управление складами у римлян обычно всегда выдавало войскам полумесячный запас зерна и что сами войска должны были заботиться о транспорте этого продовольствия. При этом, для того, чтобы солдат ни при каких обстоятельствах не терпел недостатка в продовольствии, полмесяца считались в 17 дней.

Совершенно ясно, что если на каждые десять человек приходилось лишь одно вьючное животное, то войско не могло брать с собой даже 17-дневного запаса, так как при таких условиях можно было везти с собой не больше половины этого количества, причем часть несли сами люди, а часть нагружалась на вьючное животное. А то место из описания Югуртинской войны, где прославляется, как нечто необычайное, доставка 10-дневного запаса продовольствия на вьючных животных, еще более суживает эти границы. Поэтому, если Аммиан говорит (XVII, 9), что Юлиан оставил на складе часть того 17-дневного запаса продовольствия, которое обычно несут на себе солдаты, то это, конечно, невозможно принять в буквальном смысле, а очевидно, является риторическим пустословием.

Но ведь существуют исследователи, которые на все такие объективные доказательства и расчеты отвечают стереотипной фразой "это написано", считая, что свидетельства источников являются безусловно решающим моментом. Хотя уже полк. Стоффель с самым ядовитым сарказмом говорил о тех

ученых, которые нагружают римских солдат, помимо их оружия, еще мешком муки весом в 60 фунтов, все же мы опять находим у Ниссена (Nissen. "Novaesium", "Bonner Jahrbьcher", Ш, S. 16, 1904), что "римский солдат, помимо своего вооружения, которое весило больше 15 кг, нес на себе во время похода запас зерна в размере своей потребности на 17–30 дней, т.е. груз весом в 14–25 кг" и сверх того 3–4 палисадины, которые увеличивали груз еще на 10 кг. А какая нам польза от той тщательности, с которой автор высчитывает с точностью до одной тысячной, что, согласно Вегецию, римский рекрут во время учебных походов нес на себе груз весом в 19,647 кг, если он единым духом тут же проделывает этот ужасающий расчет относительно мешка с мукой и обнаруживает, что различие в нагрузке определяло собой разницу между "тяжелой" и "легкой" пехотой? (Ср. т. I, ч. VI, гл. II).

Не только отдельные солдаты, но даже целые продовольственные транспорты, не могут тащить с собой очень большого количества продовольствия.

Подполк. Дам в своей работе "Римская крепость Ализо у Хальтерна на Липпе" (Dahm, "Rцmerfestung Aliso bei Haltern a. d. Lippe", Leipzig, Phil. Reklam) пишет:

"Армия, которая пополняла свои запасы продовольствия в Ализо (Хальтерн), могла в течение нескольких недель маневрировать в области сигамбров, марсов, бруктеров, ампсивариев и тубантов, не дополняя своих запасов, так как римский солдат вез с собой запас зерна на 17–30 дней". Дам впоследствии разъяснил эту свою фразу: он не хотел ею сказать, что каждый солдат сам на себе нес мешок

с 60 фунтами муки, но имел в виду транспорты мулов. Впрочем, проверим на цифрах и этот пример.

Войско, состоящее из 30 000 бойцов (а римляне оперировали в Германии и Галлии еще более крупными войсками), требует для прокормления одних лишь воинов в течение 30 дней 22 500 ц продовольственных припасов, а потому должно иметь для этой цели 11 250 мулов; но так как нестроевые также нуждаются в прокорме, то число потребных мулов достигает 18 000. При этом, конечно, совершенно невозможно прокормить всех этих мулов одним лишь травяным фуражом, который имеется вдоль пути. Для доставки того же самого груза на повозках необходимо было бы иметь вдвое меньше повозок, чем мулов, но и это, принимая во внимание количество прочего обоза и кавалерийских лошадей, было бы столь чудовищно, что возможность подобной комбинации в большинстве случаев можно считать совершенно исключенной (ср. выше, ч. 1, гл. VI и т. I, ч. VII, гл. II).

Каким образом можно было бы регулярно питать и содержать в порядке такое неслыханное количество животных и упряжек, которые лишь в весьма редких случаях могли принести реальную пользу? Каким образом можно было бы их разместить в тех укрепленных лагерях, которые обычно устраивались в эти эпохи? Следовательно, не может быть и речи о том, чтобы войска регулярно везли с собой продовольствие на 30 дней, – по крайней мере на вьючных животных. Считая, что римские войска были снабжены не продовольственными повозками, а одними лишь вьючными животными, Рюстов не подумал о регулярной доставке продовольствия на 17

или даже на 30 дней при помощи этого транспортного средства.

То обстоятельство, что у подполк. Дама могли создаться такого рода представления об организации продовольственного дела у римлян, так же как и представление того же автора об укрепленной "площади развертывания" глубиной в 6 миль (см. выше, ч. I, гл. VI), является для меня новым доказательством того, что опыт и знания в области современной практической военной службы еще совершенно не являются залогом того, что данный автор будет иметь ясные и правильные взгляды на военное дело в более ранние эпохи.

Это является оправданием для тех цифр и гулливеровых построений, которые мы находим у наших историков, филологов и юристов.

Письмо к аббату Фульраду, содержащее извещение о призыве, гласит:

"Во имя отца и сына и святого духа. Карл, светлейший август, богом коронованный великий миротворец, император, милостью божьей король франков и лангобардов, Фульраду аббату.

Пусть будет ведомо тебе, что наше общее собрание, назначенное на этот год, состоится в Саксонии, в ее восточной части, на реке Бода, в месте, которое носит название Старасфурт. Поэтому приказываем тебе, чтобы ты со всеми своими людьми, хорошо вооруженными и снаряженными, пришел бы в указанное место в 15-е юлиевы календы, т.е. за семь дней до мессы святого Иоанна Крестителя. Ты должен прийти в указанное место со своими людьми вполне подготовленный к тому, чтобы оттуда выступить в поход в боевом порядке в том направлении, в каком

будет указано нашим приказом, т.е. с оружием, утварью и прочими военными инструментами, со съестными припасами и одеждами, так, чтобы каждый всадник имел щит, копье, меч и кинжал, лук и колчан со стрелами и чтобы на ваших повозках были различные инструменты, т.е. топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты и прочие инструменты, которые необходимы для борьбы с врагом. Запас необходимого продовольствия должен быть рассчитан на три месяца от места этого собрания, а оружия и одежды – на полгода. Мы строго приказываем, чтобы вы не преминули выполнить это и чтобы вы продвигались к назначенному месту, соблюдая добрый мир, через какую бы часть государства нашего ни заставило бы вас идти прямое направление вашего пути, т.е. чтобы вы не смели и думать о том, чтобы прикоснуться к каким-либо предметам, за исключением травы, дров и воды, и чтобы все ваши люди шли вместе со своими повозками и всадниками и всегда были при них вплоть до указанного места для того, чтобы отсутствие владельца места не дало бы возможности причинить зло его людям. А свои дары, которые ты нам должен представить на наше собрание, перешли нам в середине месяца мая в то место, где мы в это время будем находиться. Если случайно твой прямой путь будет лежать таким образом, что ты сам на своем пути сможешь нам эти дары представить, то это нам более желательно. Позаботься о том, чтобы не допустить в этом никакой небрежности, если хочешь получить благодарность нашу".

ЛИТЕРАТУРА

Уже в самом начале моих работ по военной истории у меня сложилось убеждение в том, что средневековое военное дело начало основываться на вассалитете и ленной системе гораздо раньше, чем это обычно до этого времени думали в Германии. А в одной своей работе, изданной в 1881 г., я мимоходом высказал мысль, что Карл Мартелл выиграл сражение при Туре при помощи тех ленников, которые составляли франкское войско [ср. мои "Исторические и политические статьи", стр. 126 (190)]. В следующем томе я подвергну более подробному истолкованию те каролингские капитулярции, которые, как это может показаться, противоречат такому взгляду.

Работа Боретиуса "К вопросу о критике капитуляриев" (Boretius, "Beitrdge zur Kapitularienkritik") является в данной области основоположной работой, пролившей свет на этот вопрос. Но еще осталось очень много от старых ошибок. Бруннер в своей ценной работе "Военная служба всадников и начало ленной системы" (Brunner,"Der Reiterdienst und die Anfdnge des Lehnwesens", "Zeitschrift der Savigni-Stiftung fьr Rechtsgeschichte", Germ. Abt., Bd. 8. S. 1897) в важнейшем пункте также впал в ошибку, полагая, что военная служба всадников была вызвана специальными потребностями борьбы с сарацинами, а потребность в военной службе всадников в свою очередь вызвала появление ленной системы. Важнейшим и характерным моментом военного дела этой эпохи является не конница, но одиночный боец, высококачественный воин, типичный для времени,

когда исчезает тактическая часть. Это положение правильно развито в одной работе Ролофа, напечатанной в "Новых ежегодниках классической древности" ("Neue Jahrbьcher fьr das Klassische Altertum", 1902, S. 389).

Мысли, высказанные Виттихом и имевшие некоторый успех, бьют мимо цели.

Чрезвычайно ценной является работа Оскара Диппе "Дружина и принесение присяги на верность в государстве Меровингов" (Oskar Dippe, "Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger. Kieler Dissertation", Wandsbeck, 1889). Но Диппе также недостаточно далеко отодвигает назад момент появления вассалитета. Он считает возможным отнести падение меровингского королевства – и тем самым появление новой аристократии – лишь к моменту смерти короля Дагобера в 639 г. Правильно, что этот король, так же как и его отец Лотарь II, еще пользовался лично сильной королевской властью. Но это произошло лишь благодаря временному оттеснению соперничавших аристократов. И вполне естественно, что обе власти – как королевская, так и власть аристократии – еще в течение некоторого времени находилась в состоянии равновесия. Нельзя говорить, как это делает Диппе, что, когда пала королевская власть, появилась аристократия. Оба процесса дополняют друг друга, и если мы видим, что королевская власть ослабевает, то должны допустить существование аристократии. Слабость королевской власти и сила аристократии являются лишь различными выражениями одного и того же явления. Парижский эдикт 614 г. говорит об этом совершенно ясным языком.

На стр. 1 Диппе пишет: "Что касается ленного пожалования, то в предыдущих работах уже разрешен вопрос о его происхождении и историческом значении. Бесспорным результатом этих работ следует признать, что ленная система является необходимым следствием хозяйственного переворота, который уже в эпоху Меровингов начал уничтожать древнегерманскую самостоятельность мелких крестьян".

Этот переворот носит не только хозяйственный характер, но в значительно большей степени политический, возникнув под влиянием организации военного дела. Дело не в том, что "была уничтожена древнегерманская самостоятельность мелких крестьян", но в том, что древние германцы, становясь крестьянами, теряли в то же время свой военный характер и свою самостоятельность.

Книга Гильермо "Опыт о происхождении французского дворянства в Средние века" (Guilhermoz, "Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age", Paris, Picard et fils, 1902, p. 502) является работой, заслуживающей чрезвычайно большого внимания. Она основывается на очень широком изучении источников и на превосходном знании литературы. Исследовательский анализ автора энергичен, методичен и прозрачен, а форма изложения отличается французской элегантностью.

Идя различными путями, мы в основных пунктах пришли к одинаковым выводам.

Гильермо также не считает вассалитет новым установлением, возникшим во франкском государстве, будь то в VII или в VIII в., но видит в нем дальнейшее развитие буккелариата. Он также полагает, что pueri

VI в. являются немецкими Degen (дети).

Он указывает (стр. 21) на то, что вооруженные свободные люди появляются впервые на службе у частных лиц уже в III в. в Риме. Государственные люди Руфин и Стилихон, управлявшие Римской империей при сыновьях Феодосия, были первыми людьми, которые постоянно окружали себя большим количеством собственных войск, зависевших только от них.

Гильермо не согласен с тем, что слово "буккеларии" означает "хлебные люди", но сам не дает никакого иного объяснения для этого слова. В результате же оказывается, что это слово первоначально применялось не к частным солдатам, но к королевскому войску, и лишь затем перенесено на частных солдат. Но все же остается несомненным, что это слово было первоначально насмешливым прозвищем, происхождение которого все еще продолжает оставаться для нас неразгаданным.

Однако, как бы ни обстояло дело с этим названием, самое главное то, что Гильермо считает это установление чисто римским, а если буккеларии происходят из чисто римских корней, то таково же и происхождение их потомков – вассалов. Наш французский автор полагает, что даже антрустионы меровингских королей, которых до этого времени обычно считали их дружинниками в древнем тацитовском смысле, были лишь простыми наемными солдатами.

Гильермо является в этом отношении прямо антиподом Зеека, который, как мы уже видели выше (стр. 286), наоборот, усматривает в буккелариате подлинное проникновение германских идей и

германской культуры в Римскую империю, видя в буккелариях дружинников.

Я же со своей стороны предпочел бы остаться на той примирительной точке зрения, которую я изложил выше, в 4-й части. Наемная военная служба и представление о том, что наемник должен сохранять преданность своему господину, которому он поклялся в верности, представляют собою не специфически германские, а общечеловеческие явления. Поэтому Бруннер (Brunner, "Deutsche Rechtsgeschichte", II, 262, Anm. 27) заходит излишне далеко, говоря, что "положение вестготского буккелария, несмотря на римское название, в своих существенных чертах тождественно положению германского дружинника". Так, например, среди буккелариев Стилихона были также и гунны. Таким образом, в этом отношении Гильермо формально прав. Но если Бруннер и Зеек вложили в простых буккелариев слишком много от идеи дружинничества, то с другой стороны, и Гильермо впал в ошибку, отрицая дружинный характер антрустионов, так что Хлодвиг и его сыновья якобы совсем свели на нет это исконно германское явление. Ближайшее окружение меровингских королей, т.е. антрустионы, было, несомненно, дружиной; поэтому мне представляется не подлежащим никакому сомнению и то, что наемничество, построенное по римским правовым понятиям, было фактически сильно пропитано духом германской дружины. Ведь и это понятие не является чисто германским, но находится также у других народов. Однако совершенно бесспорно, что оно было особенно резко выражено у германцев и что оно в течение всех Средних веков играло чрезвычайно

большую, даже ведущую роль. Поэтому отсюда мы должны сделать вывод, что также и в V в. оно было очень жизненным среди германцев. Если галл Руфин и германец Стилихон были первыми римскими государственными деятелями, которые держали у себя на службе буккелариев, то это, конечно, не является случайностью. Вся масса этих воинов, в сущности говоря, не могла быть ничем иным, как наемниками. Но ведь их предводители должны были быть проникнуты по отношению к своим господам германским чувством дружинничества, а потому должны были перенести частицу этого чувства также и на всю массу воинов. Даже если Гильермо считает возможным установить, что колыбелью буккелариата были те корпорации, которые основал Константин I, то это ведь опять напоминает нам о том, что именно Константин окончательно германизовал римскую армию. Но, собственно говоря, эти взаимоотношения не могут быть доказаны. Из правовых форм (торжественное обещание и т. п.) можно сделать лишь очень мало выводов, а источники и свидетельства нам ничего не говорят. Все же основной ход процесса ясен, и Бруннер нашел правильное выражение, сказав, что галло-римские частные солдаты были "приравнены" к германской дружине.

Ошибкой Бруннера является лишь то, – и в этом отношении я пришел к тем же выводам, что и Гильермо, – что Бруннер делает слишком тонкой ту нить, которую он проводит от буккелариев к вассалам, так что иногда кажется, что он эту нить совершенно обрывает. Несвободные, находившиеся в дружине меровингских магнатов, играют у него слишком сильную роль.

Относительно происхождения земельных положений Гильермо не считает возможным совершенно отрицать связи этого явления с секуляризацией, однако, приходит к выводам, похожим на мои лишь в том отношении, что он, также как и я, ставит ударение на цель положения. А от этого установления он проводит связующие нити, соединяющие его с римским правом. Он указывает, что уже по вестготскому праву господин "при покровительстве" (in patrocinio) давал своему человеку собственность, однако, с оговорками и ограничениями. Я предоставляю историкам право разобраться в этом вопросе, так как для наших целей не представляют особого значения правовые формы и их происхождение. Решающим моментом является то, что не такое – наполовину случайное – обстоятельство, как секуляризация, но внутренняя объективная потребность вызвала к жизни институт земельных пожалований, повлекший за собой бесконечно крупные последствия. Хотя Гильермо в этом отношении и подошел довольно близко к моим взглядам, но все же не смог целиком освободиться от господствующей теории. Это объясняется тем, что ход его исследовательской работы не привел его к тому моменту, который должен в конце концов явиться решающим обстоятельством, – к постулату способа ведения войны, можно прямо сказать – к. тактическому постулату, к той связи, которая всегда и во все времена соединяет тактику с организацией военного дела. Эпоха. требовала одиночных бойцов, которые были бы высококачественными воинами, а не обученных тактических частей. Единственным средством, которым располагал господин для того,

чтобы эти воины не превратились в крестьян или граждан, было поставить их владение в зависимость от продолжительности их службы, т.е. давать им землю не в собственность, но лишь в ленное владение.

Уже в 1898 г. появилась "История военного искусства в Средние века, от IV до XIV в." Чарльза Омана ("A History of the art war, the middle ages from the fourth to the fourteenth, by Charles Oman M. A. F. S. A. fellow of all Souls College", Oxford, London Methuen Co. 667 pp.). Эта книга, которая мне стала известна лишь в 1901 г., задумана в качестве II тома всеобщей истории военного искусства, рассчитанной на четыре тома. Автор, который уже раньше получил известность благодаря своим работам в области изучения средневекового военного дела, почувствовал, таким образом, совершенно такую же потребность в восполнении исторической науки, как и я, и потому наши труды параллельны друг другу. Книга Омана отличается научным характером и основывается на здравых принципах. Те причины, вследствие которых мы пришли к различным результатам в тех частях работ, которые трактуют об одинаковых эпохах и народах, настолько ясны, что я не считаю нужным входить в их подробный разбор.

Первый экономист, который заметил, что "История военного искусства" дает кое-что и для истории хозяйства, был, насколько я знаю, Макс Вебер. Но, как это часто бывает, первое понимание вскоре превратилось в недоразумение.

Вебер правильно понял[73], что в греко-италийском мире в доклассическую эпоху существовало всадническое сословие и что это всадническое сословие было также носителем развивавшейся

торговли и капитализма (ср. выше, том I, ч. IV, гл. I), в то время как еще Эд. Мейер признавал, что мореплавателями сперва становились люди из низших сословий, не имевшие земельных владений. Благодаря военнохозяйственному преобладанию развилась сословная дифференциация и система господства, которую Вебер называет "городским феодализмом" (Stadt-feudalismus), так как господа жили не как средневековые рыцари – в селениях, но исключительно в городах и оттуда господствовали над крестьянством.

Неожиданная мысль распространить понятие "феодализм" также и на это древнее всадническое сословие недурна, но все же должна применяться с осторожностью. Ведь с феодализмом в том смысле, в каком мы привыкли употреблять это слово, все же связана ступенчатая последовательность зависимостей – "рыцарские разряды", что не было известно в древности, в то время как капиталистический момент, который присущ античному всадничеству, был, наоборот, не только чужд, но даже противоположен тому, что мы обычно понимаем под словом "феодализм". Вебер хочет даже спартанский общественный строй свести к феодализму.

Но к каким бы выражениям в данном случае ни прибегать, все же главным моментом здесь является происхождение этого сословного образования и объяснение различий между античным и средневековым рыцарством.

Вебер выводит образование особого военного сословия из экономических и технических причин. Масса населения, вследствие необходимости интенсивной обработки почвы, не может быть

использована в военном отношении и оказывается беспомощной против техники профессиональных воинов. И то и другое неправильно. Массы населения неотрывно необходимы для хозяйственных целей лишь в больших государствах, в которых войны длятся в течение целых месяцев и даже годов. В кантональных же государствах, в которых массовые походы длятся лишь в течение немногих дней, работа не является препятствием, – все же, несмотря на это, античное всадничество образовалось в кантональных государствах. Хотя техника не есть нечто совершенно безразличное, но все же при всадничестве она является лишь чем-то вторичным. Ездить верхом может также и крестьянин, а о настоящем военном искусстве в эпоху Средних веков мы слышим очень мало. При более тяжелом предохранительном вооружении оно уже не является таким решающим. По крайней мере столь же важен хозяйственный момент приготовления лучшего типа оружия, как оборонительного, так и наступательного. Но все же сама суть не в этом, а в психических моментах, в понятии воинской чести, в твердой уверенности, в храбрости, которая, – лишь только проходит эпоха варварства, – всегда становится в массах весьма незначительной, но которая в военном сословии развивается до степени крупной силы. Это воинственное настроение нельзя подвести под понятие техники, и меньше всего такой, которая, как полагает Вебер (стр. 53), была импортирована извне.

Существеннейшим техническим моментом в этом типе развития является выработка конного боя. Этот момент, конечно, как уже было выше показано (ср. том I, ч. IV, гл. I), без сомнения, весьма

способствовал образованию италийского всадничества, но именно только лишь способствовал. Греческое сословие эвпатридов, которое Вебер совершенно правильно считает тождественным с римским сословием патрициев, еще не сражалось верхом на конях. Правда, гомеровская боевая колесница уже оказала некоторую помощь, но утверждение Вебера (стр. 177), что "появление и применение коня создало средиземномороске всадническое общество", является недопустимым преувеличением.

Отметим попутно, что еще менее правильно утверждение Вебера, которое находится там же и сводится к тому, что железное оружие (вместо бронзового) явилось решающим моментом в образовании фаланги гоплитов, а эта последняя создала древний гражданский город-государство (Bьrgerpolis). То, что правильно в этой комбинации, становится неправильным благодаря преувеличению.

Неправильное выведение элемента всадничества из хозяйственно-технических моментов приводит к неправильному объяснению различия между древним и средневековым рыцарем. Вебер сводит это к тому, что античная культура была береговой культурой, а средневековая – материковой. Морская торговля создала городской феодализм. В центральной Европе с ее сухопутной торговлей феодализм был будто бы в более значительной степени и гораздо прочнее построен на сельской почве, а потому и вызвал к жизни земельные владения. И предпосылки, и выводы здесь одинаково неправильны. Выше, в другой связи (ср. ч. 1-я, гл. X), мы уже доказали неправильность противопоставления Вебером береговой культуры

материковой. Античная торговля не была такой исключительно морской торговлей, как то думает Вебер. Даже Афины в ту эпоху, когда расслаивались роды эвпатридов, не были собственно морским городом. Центральная Европа, в особенности же Галлия, имела в своих реках такие торговые пути и такие торговые возможности, которые мало уступали морским, причем эти страны обладали, кроме того, и морским побережьем. Наконец, неправильно также и то, что средневековый феодализм развился лишь в тех или именно в тех странах, которые лишены морской торговли. Испания и Италия, имевшие такое же морское побережье в Средние века, как и в древности, имели в общем такую же форму феодализма, как Франция и Германия. Наоборот, англо-саксы на своем острове, лежащем среди моря, не развили этого феодализма, главными носителями которого были мореходы норманны. Я не хочу сказать, что феодализм как в древности, так и в Средние века, не имел никакого отношения ни к морю, ни к суше, ни к морской, ни к сухопутной торговле, так как в конце концов все влияет на все, тем не менее он имел к ним очень мало отношения. Эти крупные всемирноисторические явления вообще нельзя так просто объяснять, и меньше всего их можно объяснять простыми, естественными условиями, хозяйственными и техническими отношениями.

Не входя в специальный разбор статьи В. Эрбена "К истории каролингской организации военного дела" (W. Erben, "Zur Ceschichte des Karolingischen Kriegwesens", "Historische Zeitschrift", Bd. 101, S. 321), я считаю возможным ограничиться указанием на то, что автор несколько уклонился от моей концепции и

сам впал во внутреннее противоречие с самим собой. Полагая, что каролингское войско состояло главным образом из немецких крестьян (стр. 330), он в то же время (стр. 333) считает, что действительная эффективность всеобщего призыва могла сильно отставать от буквального смысла законов и что нельзя точно определить ни числа крестьян, которые принимали участие в походах Карла Великого, ни той роли, которую они играли наряду с выступавшими вместе с ними вассалами, под начальством которых они находились. Автор даже не поднимает вопроса о том, откуда появились "немецкие" крестьяне в романских областях, которые до включения Саксонии и Баварии в каролингское государство составляли, может быть, 5/6 всего этого государства. Или, может быть, здесь имеется в виду призыв романо-кельтских крестьян, которые уже в течение многих столетий отвыкли от войны? Автор признает, что новым у меня является лишь то, что я отношу к более раннему времени и иначе мотивирую и без того общеизвестный факт превращения повинности личной службы в налоговую повинность. Далее, он признает, что эта другая мотивировка является более правильной. Наконец, он считает, что военному специалисту трудно и даже, "может быть, невозможно" (стр. 330) составить себе представление о сущности и результатах каролингского "народного призыва" и о "крестьянских войсках". И несмотря на все это, должно остаться в силе буквальное истолкование капитуляриев, так как (стр. 334) "столь компетентное в делах войны и управления мнение правителя (Карла) и двора, лежавшие в основе капитуляриев, сильно перевешивает все сомнения

современной объективной критики". Это опять то, что я уже раньше однажды назвал "теологической филологией" (т. I) "Я верю, хотя это и невероятно" (Credo, qui absurdum).

Наконец, мне кажется очевидным, что автор использовал не целиком, но лишь частично мою "Историю военного искусства". Им не использована глава о норманнской организации военного дела в Англии и о капитуляриях этих королей, которые имеют столь большое значение для правильного истолкования каролингских капитуляриев (см. т. III моего труда).

В конце концов автор объявляет, что он в целом согласен со следующими частями моей книги (стр. 334). Но я не вижу, каким образом он может быть со мною согласен, не впадая в противоречие с самим собой, так как я считаю невозможным, чтобы тот, кто действительно усвоил мою концепцию рыцарства, его военного характера и ценности, мог бы еще видеть крестьян в призывных контингентах Карла Великого.

Фер в своей работе "Военные законы о крестьянах в Средние века" (Fehr, "D. Waffenrecht der Bauern im Mittelalter", "Zeitschrift der Savigny-Stiftung fьr Rechtsgeschichte", Band 35, Germ. Abt., S. 118) присоединяется к Эрбену и думает, что он усиливает его аргументацию указанием на капитулярий 811 г. (Боретиус, I, 165, cap. 5), в котором содержится жалоба на то, что более бедные (pauperiores) призываются, а зажиточные оставляются дома. Эти более бедные (pauperiores), по мнению автора, являются мелкими крестьянами. Почему крестьянами? В военном сословии также имеются и богатые и

бедные. К тому же мне кажется, что я доказал смысл слова "populus" (народ), которое здесь означает не всю массу народа, но военный люд.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 A. Auler, "De fide Procopii in sec. bello Persico Justinian I imp. e narrando", Diss. Bonn. 1876.

2 К той же самой эпохе, как и Прокопий, относятся два теоретических трактата, которые сами по себе дают мало материала, но имеют значение для проверки, дополнения и опровержения Прокопия. Это трактат Урбикия (Orbikiys) и трактат анонима под заглавием О действиях полководца. О них см. Jaehns, Geschichte der Kriegswissenschaft, I, S. 141 ff. Rьstow-Koechly, Griechische Kriegsschriftsteller II, 2.

3 "De Justiniani Imperatoris aetate quaestiones militares scripsit Conradus Beniamin", Berlin. Dissert. 1892. W. Weber.

4 Mommsen, "Hermes", 24, 258.

5 Юстиниан еще пытался сохранить организацию "пограничников", а в Африке он их даже заново организовал. Соответствующий эдикт даже

перешел в кодекс и благодаря этому сохранился до нашего времени (Mommsen, "Hermes", 24, S. 200). Но этим людям не могло быть выплачено то жалованье, которое им было обещано и которое им полагалось наряду с предоставленными им землями, так как наличные средства в слишком большом количестве поглощались другими расходами. Наконец, Юстиниан лишил их, кажется, наряду с жалованьем даже и значения в качестве солдат (Прокопий, "hist. arc.", 24, по Моммзену, "Hermes", XXIV, 199). Согласно другим, это относится лишь к Востоку.

6 По переводу Coste, "Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit".

7 Спартиан, гл. 10.

8 Фописк, гл. 7.

9 Dahn, "Procop von Caesarea", S. 395.

10 Procop, b. Pers., II, 17; II, 18; b. Vand., II, 14.

11 Ср. т. I, ч. I, гл. IV. См. Luschan, "Ueber den antiken Bogen. Festschrift fьr Benndorf", 1898. Jaehns, "Trutzwaffen". См. всю весьма

поучительную главу о луке и стрелках (третья степень). Ср. также т. III, ч. 3-я, гл. 8 "Английская стрельба из лука". Там снова появляется весь этот рассказ.

12 Воспроизведено у Diehl, "Justinien et la civilisation byzantine", p. 209.

13 Kцchly und Rьstow, "Griechische Kriegsschriftsteller", II, 2, S. 201. Оно относится к трактату анонима.

14 По переводу Coste, "Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit". Ниссен считает, что это название звучало не Тагинэ, а Тадинэ.

15 Dahn, "Procop von Caesarea", S. 412.

16 Kцchly und Rьstow, "Gr. Kriegsschriftsteller", II, 2, 167; гл. XXXIV, 4.

17 Jдhns, "Geschichte der Kriegswissenschaft", I, 155, Ср. т. IV.

18 Хотя закон Валентиниана I сохранился в Кодексе Феодосия (IV, 14), однако Рихтер сделал попытку подвергнуть чрезмерно строгой критике

его содержание (H. Richter, "Das westrцmische Reich", S. 681, Anm. 150). Однако, с юридической точки зрения не выдерживает критики его попытка истолковать термины "жена варварка" (barbara conjux) и "иностранцы", как относящиеся к тем варварам, которые живут за пределами Римской империи. Если сам Валентиниан выдал римлянку замуж за Меробауда и если Феодосии дал свою собственную племянницу в жены готу Фравитте и вандалу Стилихону, то это были исключения, которые себе иногда позволяли делать высшие классы.

19 Согласно Цеймеру, Леовигильд (569 – 586) разрешил законом браки (connubium) между готами и римлянами. На практике же и раньше это запрещение часто нарушалось, – на него уже не обращали внимания (Zeumer, "Geschichte der westgothischen Gesetzgebung", "N. Archiv. f. д. d. Geschichtsk." Bd. 24, S. 574).

20 "В государстве Теодориха, как одни лишь готы могли быть солдатами, так и одни лишь готы могли быть офицерами. Исключению готов из рядов гражданской магистратуры соответствовало исключение римлян из среды военных

должностных лиц". Mommsen, "Ostgotische Studien", 497.

21 Прокопий, "Bell. Goth". 1, 2.

22 Dahn, "Kцnige", III; V, 36.

23 Этот абзац теперь переработан на основании работы Eugen Oldenburg, "Die Kriegsverfassung der Westgoten", Berlin. Dissert. 1909.

24 Прокопий, "Bell. Goth.", 1, 12.

25 В. Cod. Euric., cap. 310 четыре раза встречается термин "буккеларий" (buccelarius). В "Antiqua", V, 3, 1 вместо этого термина встречаются выражения "поставленный под покровительство" и "тот, кто находится под его покровительством".

26 Waitz, II, 531; 3 Aufl. II, 1, 215.

27 Waitz, II, 528; 3 Aufl. II, 1, 213.

28 Binding, "Geschichte d. burg. rцm. Koenigr", I, 196, Anm. 671.

29 Прокопий, III, 22.

30 Бруннер (D. R. I, 302) приходит к тому выводу, что уже в древнейшей существующей редакции Салического закона римляне называются подданными, но еще не составляют какой-либо части народной армии. Этот текст относится к эпохе Хлодвига. А при сыновьях Хлодвига в более поздних текстах и в добавлении к ним уже принимается во внимание то обстоятельство, что также и римляне могли находиться в войске.

31 Рот (Roth, "Ben. Wesen". S.I72) собрал ряд примеров, указывающих на боеспособность галльских романцев. Но если он отсюда делает тот вывод, что галло-римское население, в отличие от изнежившихся итальянцев, следует считать чрезвычайно воинственными, то все же он в этом отношении заходит слишком далеко. Рот особенно хвалит аквитанцев. Но почему же особенно храбрыми были именно аквитанцы? Подчеркивание одной области указывает на ошибочность всей концепции. Случайно сохранившиеся единичные факты создали неправильную картину. В Италии могло быть то же самое, хотя это могло случайно и не отразиться в сохранившихся источниках. Утончение цивилизации и неразрывно связанная с этим

изнеженность в течение 4 S столетий не менее сильно проникли в население Галлии, чем в население Италии.

32 Доказано на многих примерах Ротом (S. I73).

33 Roth, "Ben. Wesen.", S. 180.

34 Григорий, IV, 47, а также в других местах. Waitz, II, 533.

35 Также и бургунды уже имели несвободных в качестве воинов. В законе Гундобада (tit. X) написано: "Если кто-либо убьет раба, по национальности варвара, принадлежащего министерству или находящегося в походе, то пусть уплатит 60 солидов. Если же какого-либо другого римского раба или варвара, землепашца или свинопаса, то пусть уплатит 30 солидов".

Следовательно, здесь перед нами варвар, который был рабом и воином. Простой раб мог быть римлянином, но раб-воин не мог быть римлянином; эта возможность исключена.

36 Фредегар (гл. 56) говорит: "Всем leudes, которыми правил в Австрии, приказал отправиться в поход". И дальше: "По приказу

Сигиберта все leudes в Австразии были призваны для того, чтобы отправиться войском в поход". Статистический расчет, сделанный нами выше, достаточно ясно показывает, что это слово "leudes" не могло вообще обозначать в общем смысле этого слова людей. Определение, "все" принуждает нас ограничить его значение. Оно показывает нам, что здесь не могла иметься в виду вся масса всего населения, так как это привело бы к чудовищным результатам, а что здесь этими словами был обозначен лишь один какой-либо ограниченный круг людей. Ср. т. III, гл. I. Приказ Карла Смелого от 3 мая 1471 г. и приведенные у Мейнерта призывы императора Максимилиана, где также всегда призываются все, причем имеется в виду лишь узко ограниченный круг людей.

37 "M. Germ. LL", 1 tom 1 (quart є) IX Tit. 2. 1–4.

38 Аврелий Виктор, гл. 21.

39 "Ars veterinaria", VI (IV), 6. Лошадей тюрингов хвалит также и Иордан, I, 3, 21.

40 " De b. Vand.". I, 8.

41 Прокопий, "De b. Vand.". I, 8.

42 Schmidt, "Geschichte der Vandalen", S. 39.

43 Прокопий, "B. Goth", I, 26, I, 28, I, 29. B. Pers., II, 18.

44 Brunner, "Zeitschrift d. Savigny-Stiftung, 1887, S. 6.

45 Например, III, 28; IV, 30; VIII, 45, 10, 31.

46 Прокопий, II, 25; Агаций, II, 5. Нам кажется несколько сомнительным, чтобы это утверждение Прокопия было совершенно достоверным, так как он категорически утверждает, что у франков не было ни копий, ни луков, наличие которых доказано целым рядом других указаний (Waitz, "D. Verf.", II, 528, 2 Aufl., II, 213). Если вообще сообщение Прокопия является правильным, то, очевидно, мы здесь имеем дело со случаем, как в 552 г., когда нападавшие были главным образом алеманнами, которые вообще славились в качестве всадников.

47 Jaehns, "Geschichte der Kriegswissenschaft", I, 142.

48 "Oeuvres", т. 28, стр. 163.

Почти так же высказывается Наполеон в своей инструкции по обучению драгун. Цит. у Kerchnawe, "Kavallerie-Verwendung", S. 3, Anm.

49 Велизарий в таких словах описывает персидскую пехоту: "Вся пехота – не что иное, как толпище жалких крестьян, которые берутся на войну лишь для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам". (Прокопий, B. Pers., I, 14).

50 Здесь следует вспомнить о том месте из Прокопия ("De b. Vand.", I, 18), где рассказывается, как подходили вандалы в беспорядке и не построившись для сражения, но "по симмориям, и по таким маленьким, ибо по тридцать и по двадцать были". Это могли быть именно такие уменьшенные роды.

51 Анго похоже на римское pilum, следовательно, может быть истолковано как дротик.

52 Рюстов считает, что кавалерия в среднем равнялась одной четверти легионной пехоты, составляя, следовательно, 20% всего войска

(Rьstow, "Heerwesen Caesars", S. 25). К этому присоединился и Марквардт (Marquardt, "Rцm. Staatsv.", II, 441). Фрелих при таком соотношении вполне справедливо уклоняется от установления средней цифры (Frцhlich, "Kriegswesen Caesars", S. 40). 20% сохранившихся цифр является не средним числом, но максимальным.

53 Некоторые кодексы требуют вместо десятой части половину всех рабов.

54 "Kцnige der Germanen", VI, 222, 2 Aufl.

55 Постановление эдикта гласит: "Чтобы ни один чиновник не назначался из одних провинций или областей в другие места; если он допустит какую-либо неправильность по какому-либо делу, то он должен из собственных средств, согласно постановлению этого закона, возместить то, что он неправильно взыскал". ("Mon. Germ. Leg." I, p. 14. Waitz, "D. Verf.-Gesch.", II, 377). Слово "Judex" здесь означает чиновника вообще, а также и графа. Неопределенное выражение "из одних провинций или областей" либо является просто напыщенной канцелярской фразой, либо же поставлено намеренно, имея в виду тех владельцев, которые имели оседлость в

нескольких округах. Здесь нет прямых указаний на то, что на эти должности могут назначаться лишь землевладельцы, но это ясно из запрещения назначать их "из других провинций и областей", связанного с тем, что от данного лица требуется цена собственности. Владельцы крупного движимого имущества, не имевшие земельной собственности при занятии графских должностей, почти не принимались во внимание.

56 "Gesch. d. Benef. Wesens.", S. 153.

57 Я в основном занимаю в этом вопросе такую же позицию, как и Бруннер в своей "Истории германского права", который, впрочем, слишком резко подчеркивает несвободное положение pueri.

58 Dippe, "Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger", S. 44.

59 Примеры приведены у Dippe, S. 18.

60 По тексту, напечатанному у Boretius, "Beitrdge zur Kapitularenkitikr", S. 154.

61 Согласно Хейму, слово "rduchern" (коптить) – общегерманское слово (M. Heym, "Das deutsche

Nahrungswesen, S. 295). Следовательно, этот способ предохранения мяса от порчи является исконно древним. Хотя Помпоний Мела и пишет, что в Германии мясо ели сырым, однако, Хейм полагает, что эти слова могут относиться к копченому мясу. Искусственный способ заготавливания впрок капусты и овощей, согласно Хейму (S. 327), не является местным обычаем. Слово "Sauerkraut" (кислая, квашеная капуста) появилось довольно поздно. Однако, не исключена возможность того, что аббат Фульрад уже знал, что такое кислая капуста, и даже брал ее с собой в поход.

62 Ср. ниже экскурс "Снабжение и обоз".

63 Примечание к 2-му. изданию. Таким образом, я не только не признавал возможности существования складочных пунктов на Рейне и не только не имел фактических доказательств этого, как это полагает Эрбен ("Hist. Z.", 101, 329), но я резко и ясно оспаривал возможность существования такого рода складов.

64 Bronsart, "Dienst des Gen. Stabes" S. 414, 2 Auflage. Теперь она еще больше.

65 Следует оговориться – при тогдашних условиях. Современная обозная лошадь по современной дороге поднимает больше чем в два раза.

66 Roth, "Ben.–Wes.", S. 99. Anm. 224.

67 Petit de Juleville, "Histoire. de la littйr, francaise", vol. 1, p. 67. В середине IX столетия аббат Луп из Феррьер в Гатинэ послал своего племянника в Прюм, для того чтобы он там научился немецкому языку. Следовательно, у себя на родине этого уже нельзя было сделать; однако, все же считалось целесообразным знать этот язык.

68 W. Bruckner, "Die Sprache der Langobarden". Strassburg, 1895.

69 Roth, "Ben.-Wes.", S. 98, S. 100, S. 101. В одном списке имен монахов Сен-Дени, составленном в 838 г., из 130 имен лишь 18 имен не немецкого происхождения, причем в большинстве случаев эти последние имена являются библейскими. Даже в самой южной части Галлии в IX в. в подавляющем большинстве случаев встречаются немецкие имена. То же самое обнаруживается в именных списках поминальника одной

Парижской церкви конца IX в., напечатанных Lйopold Delisle. Mйm. de l'Institut de France", vol. 32, p. 372, 1886.

70 При обычной работе допускается нагрузка до трех центнеров, но такая нагрузка вряд ли может быть допущена для военных целей, так как во время войны часто приходится совершать необычайно длинные переходы, снабжение поступает нерегулярно, и притом следует по возможности избегать потерь в животных.

71 Balck, "Taktik", I, 62. В одной рукописи Алекс, ф.-д. Гольца, относящейся к эпохе Фридриха (Jdhns, III, 2539), говорится, что пехотинец в те времена должен был нести на себе, включая 8 фунтов хлеба и 60 боевых патронов, лишь 47 фунтов 18 лотов груза. Этот подсчет нам кажется даже несколько преувеличенным, так как пустая патронная сумка по этим расчетам весит 4 фунта, а чехол ружейного замка 1 фунт. В 1839 г. прусский пехотинец, помимо одежды, нес на себе 26,4 кг. В 1913 г. в "Militdr-Wochenbl." разгорелась дискуссия по вопросу об облегчении укладки, которая установила, что благодаря распоряжению от 1 февраля 1908 г. общая нагрузка немецкого пехотинца была снижена до

24–24 s кг, в то время как французский пехотинец, благодаря некоторым вещам, нагружен лишь до 20 кг. Ср. мою работу "Perser. und Burgunderkriege", S. 56.

72 На это обратил внимание Liers, "Das Kriegswesen der Alten" S. 226.

73 "Handwцrterbuch der Staatswissenschaften", I, Artikel "Agrargeschichte", S. 53.

Том 3

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени появления 2-го издания этого тома в 1908 году получили разрешение две крупные проблемы древней военной истории – сражения при Саламине и при Тапсе, – которые и вошли в новое издание в новом освещении. Сражения при Платее и при Иссе остались, в основных чертах, в прежнем изложении, но подверглись переработке в отдельных деталях на основании новейших топографических исследований. Старый спорный вопрос о том, произошло ли сражение под Каннами на правом или левом берегу р. Ауфида, решен окончательно, но зато достоверность источников по вопросу о Второй Пунической войне была сильно поколеблена новой, очень солидно обоснованной гипотезой. Вот отдельные пункты, в которых, не говоря о многочисленных исправлениях, новое издание отличается от предыдущего.

Одновременно я, наконец, довел до конца IV том и, таким образом, закончил весь свой труд.

Ганс Дельбрюк

21 июля 1920 г.

Часть первая
КАРЛ ВЕЛИКИЙ
И ЕГО ПОТОМКИ

Глава I
КАРЛ ВЕЛИКИЙ

Германские полчища вторглись некогда в римские провинции, сопровождая свое нашествие чудовищными насилиями и разрушениями. Полонив всемирную империю, они как бы заключили ее в тонкую оболочку, что, в конечном итоге, привело к образованию новой римско-германской государственности.

В королевстве франков была найдена форма длительного поддержания в военном сословии годности к боевому использованию. Этой формой был вассалитет, или ленная система, т.е. обращение воинов в вассалов посредством пожалования им земельных владений (лен). С таким войском династия Каролингов спасла государство от ислама, а затем и восстановила его трудом нескольких поколений.

Воины были преимущественно конными и обязаны были приносить с собой продовольствие. Поэтому снаряжение даже одного такого воина являлось тяжелым бременем. В одном старинном франкском народном праве[1] указана детальная расценка оружия и скота; если сопоставить эти цифры и выразить стоимость спряжения в единицах скота, то получится следующая таблица[2]

Шлем . . . . . 6 коров
Латы . . . . . 12 "
Меч с ножнами . . . . . 7 "
Копье и щит . . . . . 2 "
Понож и (Beinschienen) . . . . . 6 "
Боевой конь . . . . . 12 "

Таким образом, снаряжение одного лишь бойца равнялось стоимости 45 коров или – так как 3 коровы равноценны были 1 кобылице – 15 кобылицам, стоимости крупного скота целой деревни. Сюда надо добавить еще продовольствие, повозку с упряжной лошадью или вьючное животное для перевозки этого продовольствия и конюха при животном.

Франкский воин, отправлявшийся с берегов Луары в поход против саксов или с берегов Майна

в Пиренеи, представлял собой, таким образом, нечто совершенно иное, чем древний германский воин, который считал для себя приобретение оружия не бременем, а скорее выгодой и воевал только с ближайшими соседями. Кроме того, оседлый воин, стремившийся вернуться домой, не был уже воином времен Великого переселения народов, который, не оглядываясь, шел непрерывно вперед. Каролингское воинство представляло собой организацию, являвшуюся лишь малой и даже весьма малой частью общей массы населения, так что существовать и сохраняться эта организация могла единственно в форме вассалитета и ленных владений[3].

Переход от прежней формы призыва народа королем как главой государства к призыву вассалов и их подвассалов королем как сюзереном совершался весьма медленно и, вероятно, не во всех частях государства равномерно. Зачатки вассальства заметны уже в первом столетии власти Меровингов. Однако, еще при Карле Великом – и в законах и формально – массовый призыв населения продолжает существовать. Только при внуках Карла Великого он исчез окончательно, и военная организация стала основываться исключительно на вассальстве. Лишь в ландштурме, т.е. в призыве ополчения для защиты

страны при вторжении неприятеля, всеобщая воинская повинность надолго еще сохранилась.

В романских областях королевства франков это социальное расслоение совершилось, должно быть легче и определеннее, чем в германских. Население в общей своей массе там все еще состояло, как когда-то в Римской империи, из колонов, т.е. крепостных крестьян. Городское население – plebs urbana – также считалось не вполне свободным сословием, а ремесленники и торговцы в такой же мере не были воинами, как и крестьяне[4].

Только свободные люди – liberi, ingenui, часто называемые также nobiles, – преимущественно германского происхождения, могли быть воинами. Их число было крайне ограничено[5] – не больше нескольких сот человек на гау (Gau) (сельский округ) в 100 кв. миль[6].

Это были владельцы отчасти мелких, отчасти крупных поместий, проживавшие частью на собственной земле, частью на ленах, а частью и как безземельные вассалы, состоявшие на службе и жившие при дворе более крупного владельца.

Убеждение, что свободный является в то же время воином и что воин является свободным, настолько владело умами той эпохи, что в литературе V и VI вв. миряне, которых хотели

противопоставить[7] духовенству, обозначались просто термином "miles" (воин).

Если мы из записей законов позднего средневековья графства Анжу узнаем, что "franchir" означает "anoblir" (причислять к сословию благородных), а отнюдь не "affranchir" (освобождать, делать свободным), то это нам кажется окаменелостью языка, отзвуком давно прошедших времен[8].

До присоединения саксов к королевству франков чисто германских областей в него входило немного. На Рейне, а также в Швабии и Баварии, под германским владычеством сохранились довольно значительные остатки романских народов, живших здесь в тех же социальных условиях, как и по ту сторону Рейна в романских областях.

Но также и у германцев в этих смешанных областях, – особенно же у германцев в чисто германских областях при устье Рейна, на р. Шельде, в Гессене и на Майне, – создались подобные социальные условия: значительная часть населения в большей или меньшей степени потеряла свою полную свободу и вышла из военного сословия. Прямых доказательств этого мы не имеем, а потому нам не известно, когда именно, в какой степени и за какой период

совершилась эта эволюция. О самом факте можно, однако, с уверенностью сделать заключение прежде всего на основании однородного характера военной организации всей империи. Из дошедших до нас указов о призыве в войска вытекает, что ратники каждой области обязаны были принести с собой все вооружение, снаряжение и довольствие; далее из них явствует, что из каждой области призывался отнюдь не определенный контингент, сообразно численности населения и экономическому состоянию, а наоборот – либо все военнообязанные, либо определенная часть их. Из этого видно, что существовало предположение о равномерном по всей стране распределении военнообязанных свободных людей, иначе совершались бы чудовищные несправедливости: какой-либо сельский округ, – например в Гессене, – должен был бы вооружить и отправить в поход всех своих взрослых мужчин, в то время как сельский округ в Средней Галлии, где кроме колонов и горожан было только небольшое число вполне свободных, обязан был бы послать только этих последних. Так как в Средней Галлии вследствие незначительного переселения туда германцев в отдельных сельских округах насчитывалось лишь небольшое число вполне свободных, то

социальное расслоение в восточных частях империи приближалось к тем формам, которые существовали в западных частях.

Такой вывод подкрепляется еще и другим косвенным доказательством. Мы видим, что такая же эволюция совершилась даже у оставшихся еще язычниками саксов. Известно, что у них сословие полусвободных играло значительную роль. Мы знаем также, что при Людовике Благочестивом этих полусвободных (frilingi et lazzi) было громадное число[9]. В 842 г. они составили заговор с целью вернуть себе права, которыми они обладали во времена язычества. Это можно было бы понять в том смысле, что только владычество франков лишило их полной свободы, и вполне возможно предположение, что у франков перевод свободных на более низкое социальное положение действительно имел место, но дело в том, что требования саксов были направлены не на возвращение свободы, а на восстановление их прежних сословных прав, ограниченных франками. Таким образом, не подлежит сомнению, что многочисленное сословие таких полусвободных существовало уже и в языческие времена; к этому вопросу мы еще вернемся при рассмотрении саксонских войн.

Чем меньшее число вполне свободных было во

всех сельских округах империи, тем легче возникала возможность одновременного существования двух боровшихся друг с другом оснований призыва: более старого, по которому король призывает свободных на войну через посредство своих графов, и более нового, в силу которого король выставляет в случае войны сеньоров вместе с их вассалами.

Окончательное и естественное разрешение вопроса состояло в том, чтобы из прежнего сословия свободных те, которые оставались воинами, были сделаны вассалами, те же, которые стали крестьянами, попали в положение полусвободных. Таким образом, воины не-вассалы не должны были больше существовать. Определенное указание на то, что каждый свободный должен иметь над собой сеньора, мы впервые встречаем в дошедшем до нас эдикте Карла Лысого от 847 г. Но еще в 864 г. снова встречаются распоряжения[10] и имеется даже документ[11], датированный 884 г., по которому каждый свободный (как таковой, а не как вассал) обязан был вместе с другими отправляться на войну. Однако, от действительной жизни эти эдикты были так далеки, что в литературе той эпохи слово "военный " и "вассальный" были синонимами[12].

Ко времени Карла Великого еще фактически существовали рядом обе диаметрально противоположные системы военной организации. Тогда как текст целого ряда эдиктов не оставляет сомнения в том, что все свободные, если не одновременно, то по крайней мере поочередно, были на военной службе, другие эдикты подтверждают тот факт, что уже тогда на войну отправляются только вассалы.

Даже те свободные, которые превратились в вассалов, призывались графами под угрозой штрафа. Источники не дают прямых указаний на то, каким образом практически согласовывались оба эти принципа. Так как уже вскоре после смерти Карла Великого вассальство получило исключительный перевес, то приходится принять, что борьба, начало которой мы должны отнести еще к царствованию первых преемников Хлодвига, была уже при Карле Великом решена по существу в пользу вассальства, и что призыв всех свободных существовал только формально и в теории, практически же он применялся лишь в единичных случаях и более крупными владельцами. Всеобщий призыв формально сохранился не только благодаря устойчивости переходивших из поколения в поколение правовых норм, но и вследствие положительной и

очень веской причины. Этой формы призыва так долго придерживались потому, что она была единственной, при которой свободного германца можно было привлечь к исполнению гражданских обязанностей, особенно же к налоговым повинностям (в этом отношении исключение для него составляли разве только судебные сходы). Если бы отказались от призыва в то время, когда одна часть подданных еще не превратилась в вассалов и вместе с тем не доведена была до положения полусвободных, то эти подданные совершенно не могли бы быть использованы для выполнения государственных повинностей.

Поэтому Карлом, а может уже и его предшественниками, изданы эдикты, в силу которых все свободные, не отправлявшиеся в поход, обязаны были, в зависимости от своего состояния, объединяться в группы и из своей среды снаряжать одного бойца. До настоящего времени эти эдикты толковались таким образом, что если, снарядить одного бойца, то под этим подразумевалось полное обеспечение его как припасами, так и перевозочными средствами. Но при этом упускалось из виду, что подобного рода повинность слишком тяжела для трех крестьянских наделов. Снабжение армии фактически лежало на громадной массе

полусвободных и крепостных, которые привлекались к этому своими господами или графами. Те из свободных, состояние которых не превышало одного или двух обыкновенных крестьянских наделов и которые обязаны были снарядить одного бойца из своей среды, выполняли это либо в форме денежного взноса, либо снабжая этого бойца какой-либо частью вооружения или одежды. Но даже и это они делали довольно неохотно, так как при их очень плохом экономическом положении каждый предмет вооружения, каждый кусок кожи или сукна, каждый окорок или сыр, которые от них требовались, представлял для них значительную ценность. Но самой существенной и дорогой частью снаряжения был боевой конь, ибо воины в большинстве были конными. Почти ежегодно отправляясь в поход, воин часто возвращался домой без своего верного коня, которого он лишался в дальнем походе. Война всегда стоила несравненно большего числа лошадей, чем людей. Крестьянин же не в состоянии каждые несколько лет поставлять годного боевого коня. Большинство крестьян вообще не имело лошадей, а тем более пригодных для войны; для полевых работ они пользовались волами или коровами.

Таким образом, эдикты королей Каролингской

династии о группах свободных людей, обязанных снаряжать из своей среды одного воина, являлись по существу замаскированным налоговым обложением. В большинстве случаев призывы являлись фикцией, служившей законным поводом для короля взимать налоги со свободных и вместе с тем охранявшей последних от произвольных злоупотреблений этим правом со стороны чиновников. Если, например, трое упомянутых выше владельцев, имевших по одному наделу, снаряжали должным образом одного из своей среды, или же – что они в большинстве случаев вероятно предпочитали – доставляли снаряжение, которое граф затем передавал одному из своих вассалов, или, наконец, вносили соответствующий выкуп, то этим они вполне исчерпывали свой долг перед графом, который больше от них ничего и требовать не мог.

По этому вопросу сохранился целый ряд королевских эдиктов, по-видимому, весьма точных. Так, например, эдиктом от 807 г. для области к западу от Сены предписано, чтобы владельцы 4–5 земельных наделов лично являлись для участия в походе; трое, имевших по одному наделу, или владелец двух наделов вместе с одним владельцем одного надела, или двое, имевших по одному наделу вместе с одним еще более мелким

собственником, должны были совместно выставлять одного бойца; каждые шесть владельцев половинных наделов выставляли одного бойца; безземельные же с цензом в 5 фунтов обязаны были вшестером снаряжать одного бойца и дать ему 5 солидов. Подобная детализация не должна, однако, вызвать ложное представление о значении такого эдикта. Прежде всего для высшей администрации он почти никакой роли не играл. Какова была тогдашняя администрация, можно судить по тому, что вся верхушка ее, не владея латынью, вынуждена была для ознакомления с каждым документом, списком или донесением полагаться на перевод своих писцов. Центральная власть просто не была в состоянии составить себе точное представление о том, сколько людей и сколько наделов насчитывается в каждом сельском округе (Gau). Когда однажды при короле Эдуарде III английский парламент решил исчислить налоги по новой расценке, то при определении ожидавшейся суммы исходили из расчета, что в королевстве имеется 40 000 приходов; на самом же деле их оказалось неполных 9 000[13]. Число рыцарских ленов одними членами парламента исчислялось в 60 000, другими же членами, а также королевскими министрами – в 32 000. В

действительности же их было не свыше 5 000. При этом, как мы увидим ниже, в Англии уже существовал центральный аппарат власти; что касается государства франков, где он совершенно отсутствовал, то до нас не дошли даже расценки, могущие служить нам примерами. В дальнейшем изложении нашего труда еще не раз встретятся данные, подобные взятым нами из истории Англии, и свидетельствующие о том, что средневековая центральная власть не имела никакого представления о статистике государственного хозяйства.

В 829 г. при Людовике Благочестивом была по-видимому сделана попытка составить нечто вроде рекрутского списка с оценкой имущества по всему государству. Этот закон сохранился в четырех копиях, но характерно то, что все они различны во всех деталях. В одной из них недостает пункта, по которому для выставления бойца объединяются двое; в другой – отсутствует пункт о шестерых; в третьей – упоминается только объединение троих; в четвертой – об этих группах вообще ничего не говорится.

Объясняется это тем, что при оценке имущества и разделения его на группы был предоставлен настолько широкий простор произвольному (disckretiondren) толкованию

эдикта, что даже и такие разногласия в уставе не играли никакой роли. Должно быть, для составления эдикта везде пользовались известными, сохранившимися от прежних поколений формами и нормами оценки, которые и были зафиксированы.

Если эдикт в действительности и выполнялся, что весьма сомнительно, то и это ни к чему не приводило и годилось только для данного момента; через несколько лет – вследствие смерти или перехода имущества по наследству – картина изменялась. Даже в первый год этот эдикт принес мало пользы, потому что при учете приходилось в значительной степени считаться и с личным положением поселян, особенно в случаях болезни, что не поддавалось никакому контролю. Наконец, трудно предположить, что в намерения главы государства и закона входило буквальное выполнение принципа: "каждый свободный отправляется в поход", или "каждая упомянутая законом группа свободных выставляет бойца", ибо предпосылкой для этого могло бы служить только равномерное в отношении достатка распределение по всему сельскому округу (Gau). Даже незначительная неравномерность в распределении при частых походах и военных тяготах легла бы слишком тяжелым бременем на те области,

которые случайно населены были большим числом свободных, т.е. где население было главным образом германским. Когда-то в Римской империи центральная власть (сенат) распределяла по общинам военное обложение на основании тщательно составленных цензовых списков.

Империя Карла Великого не располагала таким административным аппаратом. Здесь самое существенное, в конце концов, было предоставлено, несмотря на известные регулирующие предписания свыше и на инспекцию через "послов" (missi), произвольной оценке графов[14]. Когда войско было в сборе, то император или его полководец осматривали отдельные отряды и при малочисленности их без труда определяли, какой отряд был хорошо вооружен и в нормальном составе, а у кого из вассалов отряд был малочислен и вид дружинников был хуже. Распоряжения о выставлении определенного числа воинов встречаются в течение всего позднейшего средневековья очень редко, и это вполне естественно, поскольку в таком войске главную роль играет качество, которого нельзя выразить ни числом, ни мерою. Формой, в которой монарх настаивал на сборе полных контингентов, было его требование, чтобы в случае призыва на службу

являлись все военнообязанные. Из этого я также могу заключить, что в сущности, здесь едва ли имелись в виду одни свободные, которые должны были призываться по точному смыслу закона, ибо, несмотря на все вышесказанное, должно было существовать большое неравенство в распределении свободных по территории. Напротив, больше основания полагать, что в разных сельских округах, в соответствии с их численностью, вассалы фактически имелись налицо и что лишь в таком случае требование, чтобы все военнообязанные являлись по призыву, могло иметь приемлемый и вполне выполнимый смысл.

По точному смыслу приведенных выше капитуляриев мы должны были бы принять, что все обязанные военной службой расценивались с военной точки зрения совершенно одинаково и призывались для обучения поочередно в определенном порядке. Однако, по всей вероятности, это было еще возможно при первых Меровингах, когда франкские народные массы, при переходе из первобытного военного состояния к земледельческому быту, едва лишь начинали приобретать крестьянский характер. В то время подобные постановления о призыве могли еще быть изданы и вполне соответствовать

условиям действительной жизни. Но в ту эпоху, к которой относятся дошедшие до нас постановления, а именно – когда франки, с одной стороны, сделались уже настоящими крестьянами, а с другой – когда они в качестве вассалов уже обособились в военное сословие, призыв крестьян в порядке известной очередности являлся совершенно невозможным. Добровольное желание, склонность и годность к военной службе проявляются среди горожан и крестьян весьма неравномерно, и хороших воинов по чисто природным склонностям немного. Если не считать исключений, допущенных в отдельных постановлениях, то устанавливаемые контингенты фактически оказываются значительно меньшими, чем кажутся на первый взгляд по указанным цифрам. Общую массу составляли, конечно, не многоземельные владельцы, а владельцы целого или половинного надела; но среди мужчин, живших на наделе или полунаделе, весьма часто находилось более одного, годного по возрасту к военной службе. Все они считались военнообязанными, но военные тяготы налагались на них сообразно их имуществу. Если, например, набор на основании указов от 807 г. проводился очень строго, то и тогда едва ли набиралось больше 10% взрослых свободных мужчин и

юношей вместе. Если бы какой-либо граф явился к сборному пункту с десятой частью, или с шестой частью, или с четвертью своих крестьян, то он этим наверное поразил бы своего сеньора и других вассалов. Нет никакого основания предполагать, что военная квалификация в это время была выше, чем впоследствии в 30-летнюю войну, когда в провинции Бранденбург издан был указ, по которому каждая деревня или несколько деревень вместе обязаны были выставить по одному бойцу и, снабдив его провиантом, оружием и боевыми припасами, отправить на сборный пункт. Такими призывами столь же мало добивались в IX в., как и в XVII[15].

Во всей истории средних веков мы вновь и вновь встречаемся с таким порядком, при котором по букве закона граждане призывались на войну, в действительности же этим путем с них взимались налоги.

В предыдущем томе мы указывали на то, что уже с конца VI в. в войнах Меровингов решающую роль играл не всеобщий призыв, а вассалы. При внуках Карла Великого окончательно исчезли все следы существовавших раньше форм всеобщего призыва. Из этого следует, что в дальнейшем и военное устройство базировалось не на призыве крестьянства, давно

уже утратившего свою воинственность.

Капитулярии Карла Великого следует поэтому толковать в том смысле, что владельцы наделов или группы таких владельцев, если только случайно кто-либо среди них не проявлял добровольного желания отправиться на войну, передавали снаряжение, которое они обязаны были поставить (adjutorium), графскому вассалу, бравшему на себя выполнение их воинских обязанностей. Такое толкование королевского указа удобно было для обеих сторон, – как для крестьян, предпочитавших оставаться дома, так и для графа, которому важно было иметь не только вооруженного ратника, но и хорошего, усердного и дисциплинированного бойца.

Все обороты речи указов, содержащие как будто определенное требование о том, что один из военнообязанных сам обязан отправляться на войну, следует рассматривать только как канцелярскую риторику, переходившую из поколения в поколение, может быть, даже в течение целых веков. В действительности же в капитуляриях о призыве речь идет о военном обложении, которое в различное время в различных частях империи исчислялось по-разному. Естественно, что для войны против сорбов или чехов саксы привлекались в большем

числе, чем для войны в Испании.

Окончательным доказательством того, что капитулярии, трактующие о вассалах, вернее отражают действительное положение вещей в эпоху Каролингов, чем те, которые свидетельствуют о якобы всеобщем призыве, служит нам определение численности войск. Чем малочисленнее войско, тем более можно быть уверенным в том, что оно состояло из профессиональных воинов; граф, приводящий с собой, примерно, всего только 100 дружинников с сельского округа (Gau) при населении его в 5 000 человек, не набирает ежегодно новых, а берет их из определенного кадра бойцов, в которых он уверен, что они его прославят.

Самым существенным в постановлениях о военной организации Каролингов и в частности самым важным для нашего понимания ее является предписание, что отдельные контингенты обязаны являться со всеми необходимыми на все время похода предметами потребления и припасами и возить их с собой. В древнеримских, как и в современных армиях, все снабжение доставлялось государством; для этого полководец в соответствующих местах закладывал магазины, организовывал их пополнения, закупал припасы и направлял их посредством своих

продовольственных транспортов в лагерные места. Израсходованные запасы пополнялись непрерывным регулярным подвозом. Каролингский же воин должен был носить за собой из дома все, что было необходимо для похода и обратного пути. Тяжесть такого груза для одного бойца, как указано нами в предыдущем томе, превышает максимальную нагрузку вьючного животного и равняется полному грузу упряжного животного. Но и этого хватало только потому, что отряд каждого графства вел за собою целое стадо убойного скота. Если вспомнить, что эти воины считали себя привилегированным сословием и в некоторых местностях назывались даже "благородными", а также что они являлись потомками завоевателей и не сдерживались строгой дисциплиной, как некогда легионеры своими центурионами, то станет ясно, насколько эти отряды были требовательны. Они не довольствовались самым необходимым, когда им приходилось в непогоду стоять под открытым небом; они хотели быть обеспеченными, хотя бы в скромных размерах, всем, что требовалось для лагерной жизни, и, кроме того, добрым глотком вина. Карл Великий особым эдиктом (811 г.) запретил чоканье. – ["Находясь в рядах войска пусть никто не уговаривает пить ни равного себе,

ни кого бы то ни было другого, а найденному в пьяном виде приказываю в виде наказания не пить ничего, кроме воды, пока он не исправится ("quosque male fecisse cognoscat") – до тех пор, пока не сознает, что совершил дурное]. – Таким образом, за коралингскими воинами должно было следовать не малое число бочек пива и вина. Принадлежали ли эти бочки самим воинам или же сопровождавшим войска купцам – значения не имеет, так как в обоих случаях следовавшие за такого рода армиями обозы должны были быть бесконечно длинными. Число сопровождавших армию людей и животных должно было во много раз превосходить число воинов и занимать на пути движения вместе с повозками и вьючными животными гораздо большее пространство, чем самые боевые отряды. Документально установленный факт, что армии Каролингов все припасы на все время похода брали и тащили с собой, служит наглядным доказательством того, что эти армии были весьма немногочисленными[16]. Большие армии не могли бы таким образом ни двигаться вперед, ни прокормить своих лошадей и упряжного скота. Можно считать, что у Карла Великого редко собиралось больше 5 000–6 000 воинов в одном месте, ибо уже такая армия вместе с обозом

растягивалась на расстояние целого дневного перехода в 3 мили. Численность боевого состава каролингской армии мы можем принять самое большее в 10 000 воинов. При этом надо еще учесть, что понятие "воин" не было строго определенным. Эти 5 000–6 000 человек были преимущественно всадниками, но, кроме того, вся масса яичных слуг, следовавших за военачальниками, графами, епископами и крупными вассалами, равно как обозные, погонщики мулов и повозочные, также были вооружены[17] и более или менее военизированы. Во всяком случае эти люди могли быть использованы для побочных военных целей – для фуражировок и для опустошения вражеской страны. Ведь древнегреческих и римских легковооруженных воинов мы также представляем себе как нечто среднее между слугой и воином.

Скудость источников эпохи Каролингов, всегда изображающих ход событий в самых крупных чертах, может легко ввести в заблуждение относительно значения и степени важности отдельных явлений и отдельных фактов, а также относительно тех тягот, которые ложились на население в результате ежегодных призывов его для военных целей. Мы можем без большой погрешности представить себе в

отношении франкского графства то, что нам известно об императоре Фридрихе II, который в 1240 г. требовал от начальника округа в Ферре Идронти, чтобы он призвал из своего округа ленных вассалов в соответствии с их имущественными возможностями, что доставило начальнику округа большие затруднения: только 18 ленников (feudatori) оказалось возможным зачислить на службу, остальных же он не мог даже снабдить снаряжением.

Таким образом, снаряжено было 18 (всего только 18!) человек, которым к тому же пришлось дать субсидию.

Каролингская армия не была массовой крестьянской армией, как ее считали до последнего времени; целый ряд данных об ее составе и устройстве подтверждает наше убеждение в том, что это было небольшое по численности, но высококвалифицированное войско. Из этих же данных явствует, что контингенты из самых отдаленных областей были объединены в одну армию.

В 763 г. баварцы были посланы в Аквитанию. В 778 г. баварцы, аллеманы и восточные франки совершили поход в Испанию; в 791 г. саксы, тюрингцы и рипуарские франки совершили поход против аваров; в 793 г. аквитанцы были в Южной

Италии; в 806 г. бургундцы отправились в поход в Богемию; в 818 г. аллеманы, саксы и тюрингцы двинулись на Бретань. Несколько раз аквитанцы отправлялись в поход в Саксонию; в 815 г. король Бернгард явился в рейхстаг в Падерборн со своей лангобардской армией. В 832 г. Лотар с лангобардами, а Людовик с баварцами пришли в Орлеан[18].

Если предположить, что каждый из этих отрядов представлял собой народное ополчение, хотя бы и в ограниченном виде, то должны были бы собираться огромнейшие армии. При известном уже нам способе снабжения это было невозможно. С другой стороны, если бы существовало хоть что-либо близкое ко всеобщей воинской повинности, то для сбора армии средней численности не было надобности перебрасывать баварцев в Испанию, рипуарских франков на р. Тайо, бургундпев в Богемию, аквитанцев в Саксонию, а саксов в Британию, ибо здоровых и годных к военной службе мужчин в каждой из этих областей насчитывалось по 100 000 и больше. Объединение столь различных отрядов, бесконечное передвижение их, огромные переходы, требовавшие большой затраты сил и средств, – все это станет понятным лишь в том случае, если полководец стремился собрать вокруг

себя не только горожан и крестьян, но и профессиональных воинов.

Данные об отдельных военных событиях вполне подтверждают этот взгляд.

В 778 г. во время пребывания Карла в Испании восстали саксы; уничтожая и сжигая все на своем пути они дошли до Рейна. Карл получил сообщение об этом уже на обратном пути, в Оксерре, и тотчас же отправил против них находившихся при нем восточных франков и аллеманов. Хотя численность вторгшихся в страну саксов не могла быть велика, а силы восточно-франкской армии, с которой Карл отправился за Пиренеи, также могли быть лишь незначительны, тем не менее Рейнские провинции были в результате этого до такой степени лишены боеспособных воинов, что не в состоянии были отбиваться от саксов, и только вернувшаяся из Испании армия настолько подняла боевую силу франков, что они оказались в состоянии справиться с неприятелем.

СКАРА И ДОМЕНЫ

Военная организация, основанная на расселении по всему пространству государственной территории лиц военного

сословия, причем эти лица, проживающие в собственных дворах, должны быть для каждого отдельного похода сперва призваны и снаряжены, а затем после нескольких недель переходов подведены к сборному пункту, – такая военная организация слишком громоздка и совершенно непригодна для выполнения менее крупных задач, как, например, защита границ или мелкие войны с соседями. И хотя военные поселенцы в пограничных областях были, может быть, более многочисленны, чем проживающие внутри страны, причем там имелся значительно более широкий круг военизированных, хорошо подготовленных и вооруженных людей, тем не менее призыв, проведенный в одной только пограничной полосе и соседних с ней областях, всегда давал слишком незначительное число воинов, к тому же мало пригодных для наступательных действий, так как они весьма неохотно оставляли без защиты свои собственные дворы. Поэтому, как мы узнаем из документов, при Карле Великом призыв ленников дополнялся отрядом, называвшимся "scara" (оттуда немецкое слово – Schar – отряд); перевод этого названия ближе всего мог быть выражен словом "стража".

Скара представляла собой небольшой постоянный отряд, состоявший из неоседлых

воинов. Содержался он при дворе или в лагере, являясь лейб-гвардией императора, достаточно многочисленной, чтобы совершать небольшие самостоятельные военные экспедиции без подкрепления и поддержки их со стороны народного ополчения. Так как этот отряд составлялся преимущественно из молодых людей, то эти последние в литературе назывались также "tirones" или "juvenes"[19], немецкое обозначение этого термина – "Haistalden" или "Austalden", от чего происходит современное слово "Hagestolz" (старый холостяк), так как они не могли иметь семьи. Из них часто составляли также гарнизон крепостей в завоеванных областях, так как ленные вассалы только на известное время могли быть отозваны со своих наделов. Но этими, бывшими всегда наготове, отрядами Scharen – отсюда немецкие слова "Scharwache" (патруль) и "Scherge" (полицейский) – пользовались не только для военных действий против внешних врагов, но также для борьбы с разбойничьими шайками внутри страны и для несения полицейской службы. Кроме того они выполняли различные технические работы, как, например, установку межевых знаков, имевших в те времена большое значение; вернее сказать, среди них всегда можно было найти подходящих и хорошо

подготовленных для такого рода услуг людей. В дальнейшем, – в истории Кнута, короля Дании и Англии, – мы встречаемся с термином "Hauskerle", обозначающим аналогичный институт, а терминами "milites aulici", "palatini", встречающимися в более поздних веках, обозначаются те же по существу отряды[20].

Скара, или лейб-гвардия, состояла лично при короле и в то же время при его дворе, причем содержалась на одинаковом положении с последним. Франкские короли, так же как и германские, не имели настоящей столицы, а почти непрерывно кочевали по своему обширному государству[21], чтобы, в соответствии с природой государственного строя, везде лично выполнять королевские функции. Такое странствование сопряжено было бы с неимоверными трудностями, если бы приходилось возить за собой припасы для всего правительственного аппарата и придворного штата. Но на самом деле об этом не только не приходилось заботиться, а наоборот – стимулом для такой подвижности королевского правительства служило как раз то обстоятельство, что для его содержания везде было приготовлено все необходимое и что королевские домены, вместо того чтобы отправлять свои продукты в отдаленные центры,

держали их наготове на месте, на случай приезда королевского двора. Таким образом, не продовольствие доставлялось из доменов ко двору, а наоборот, двор переезжал от одного продовольственного пункта к другому. Конрад Плат (Konr. Plath) доказал, что уже меровингские короли выстроили бесчисленное множество замков ("Pfalzen"), находившихся часто один от другого на расстоянии только одного дня пути и явно предназначенных для расквартирования путешествующего двора.

С хозяйственной точки зрения имело больше смысла создавать все эти многочисленные богатые сооружения, чем перевозить из года в год на далекие расстояния продукты из доменов, – тем более что многие из этих продуктов, как, например, убойный скот, дичь, рыба, яйца, вообще нельзя было далеко возить. Нельзя, конечно, утверждать, что кочевое королевство явилось прямым результатом натурального хозяйства, – основа его кроется глубже, в самой идее власти германских королей; но, во всяком случае, оно тесно связано с натуральным хозяйством, и именно благодаря этой связи оно пустило такие глубокие корни и сохранилось так долго.

Совсем недавно Карл Рюбель[22] установил, что

в эпоху Каролингов на путях, возникших в связи с походами против саксов, на каждом этапе были устроены казенные помещения и крупные доменные дворы, представлявшие собой пункты для сбора податей с окрестного крестьянства. Таким образом, эти дворы были в состоянии кормить в продолжении нескольких дней не только весь королевский двор, но и сопровождавшую его или же самостоятельно отправлявшуюся в поход скару. Это обстоятельство придавало скаре такую подвижность, какой обыкновенная армия никогда не могла достичь. Последней самой приходилось доставлять для себя запасы продовольствия и возить их за собою, так как для нескольких тысяч человек запасы казенных дворов, конечно, были недостаточны. Несколько пограничных и прилегающих к этапным путям областей не в состоянии были нести бремя войны за всю страну; поэтому армия и должна была сама подвозить и затем везти с собою все свои припасы.

ПРИСЯГА-КЛЯТВА В ВЕРНОСТИ

Историю германского военного дела вернее всего отражает история германской присяги-клятвы в верности, которую мы имеем

возможность проследить с достаточной определенностью, хотя и не располагаем документальными данными о каждом моменте этой истории[23]. Древние германцы знали не общую присягу в верности, а только ту, которую дружинники приносили лично своему вождю. При ближайших преемниках Хлодвига мы встречаемся со всеобщей присягой в верности королю. По той формуле, в какой подданные приносили эту присягу ("fidelitas et leudesamio") можно заключить, что она составлена по образцу прежней присяги дружинников; по этой присяге все народности подчиняли себя единому верховному военному вождю. Весьма возможно, что первым поводом для введения присяги своему вождю всей массой воинов была служба германцев в римском войске, так как на эту службу поступали не только отдельными отрядами, но и целыми народностями. Мы встречаемся с верноподданнической присягой, приносимой германцами своему королю, не только у франков, но и у остготов, вестготов и лангобардов; у англосаксов же, никогда не находившихся на службе у римлян, она вводится гораздо позже – в X в. – в подражание франкам.

Эта верноподданническая присяга франков всем народом королю вышла из употребления при

последних Меровингах; первые Каролинга, в том числе и Пипин, также еще не требовали всеобщей присяги; она заменялась введенной в это время клятвой вассалов. И при Меровингах верноподданническую присягу приносило не все население, а только та часть его, которая по духу времени считалась подлинным народом, т.е. воины[24], а эти воины превратились в вассалов. Королю теперь присягали только его прямые вассалы, подвассалы же обязывались перед ним только через своих сеньоров. Карл Великий понял опасность такого порядка, когда во время восстания, поднятого, по всей вероятности, тюрингцем Хардрадом в 786 г., мятежники ссылались на то, что они королю не присягали. В связи с этим случаем, как определенно указывается во вступительной части сохранившегося эдикта, король приказывает, чтобы отныне все подданные старше 12 лет приносили присягу непосредственно королю; эту присягу он впоследствии неоднократно заставлял повторять, в частности – по случаю принятия им титула императора и при обнародовании указа о престолонаследии[25].

Детально перечисляются категории подданных, обязанных приносить эту присягу; присягать обязаны епископы, аббаты, графы,

королевские вассалы, наместники епископов, архидиаконы, каноники, клирики (за исключением монахов, давших обет), фохты, гунны и все подданные старше 12 лет, вплоть до того возраста, когда они еще в состоянии являться на судебные сходы и выполнять приказы своих сеньоров. Последние должны присягать и в том случае, если они не являются прямыми подданными короля, но в качестве жителей поместий графов, епископов или аббатов получали от них лен и снабжались ими конем и оружием – щитом, копьем, мечом и кинжалом.

Перечисление это должно служить нам лишним доказательством того, что военная организация уже тогда носила вполне феодальный характер. Правда, те исследователи, которые придерживаются взгляда, что и при Карле Великом существовал еще общий призыв всех свободных, все же считают, что, судя по формуле присяги, ее должен был приносить весь народ (cuncta generalitas populi). Но если бы при этом имелись в виду действительно все подданные, то в таком случае подробное и точное перечисление категорий, обязанных присягать, было бы совершенно лишним. В действительности здесь речь идет о всех воинах и наряду с ними – о духовенстве. Тот, кто не является воином, не

является свободным в истинном смысле этого слова и в политическом отношении к народу не принадлежит. В то же время несвободные, вступившие в сословие воинов, привлекаются к присяге.

Только таким путем становятся понятными встречающиеся в хрониках выражения, что все аквитанцы[26] или же все лангобарды[27] явились к королю, чтобы покориться ему и принести клятву в верности. Под этим "всеми" подразумеваются не миллионы горожан и крестьян, а только те, с которыми при этом считались, т.е. только воины, которых можно было действительно собрать в одном месте и которых Карл Великий желал привести к присяге не через чье-нибудь посредство, а лично. Формула присяги, установленная после коронования императора, гласит, что приносящий присягу обещает такую верность, какую сеньор по своему праву может требовать от своего вассала (sicut per drictum debet esse homo domino suo). Эта формула как нельзя лучше характеризует дух того времени; основной смысл присяги подданный видит не в верности королю, которая должна служить исходной точкой государственного права, а наоборот – самой естественной и понятной ему кажется та верность, которую вассал должен оказывать

сеньору; такую же верность требует от них теперь и император, для того чтобы сеньор, опираясь на верность своих людей, не мог обратить против него свое оружие.

Но впоследствии эта надстройка верноподданнической присяги над вассальной быстро отпала, а вместе с ней отпали и единство, сплоченность и авторитет монархии.

При новой присяге, по случаю принятия им в 802 г. титула императора, Карл обнародовал особое наставление о вытекающих из этой присяги обязанностях. При этом особенно подчеркивается, что присяга действительна не только на время жизни императора. Здесь новое доказательство того, что господствовало представление о клятве вассалов, на которой в данное время построили и верноподданническую. Клятва вассалов в идее носит чисто личный характер; она не создает никаких обязанностей по отношению к наследникам и к семье сеньора; при вступлении во владение последних требуется новый обоюдный акт. Верноподданническая же присяга приносится не только монарху, но и всей династии, и это приходилось разъяснять особо.

В этом наставлении особо запрещается превращение в свою собственность императорских ленов, что опять-таки указывает на

то, что приносившие присягу были вассалами.

В заключение следует еще отметить, что приводимому к присяге несвободному полагалось кроме оружия давать еще коня. Не следует думать, что для пеших воинов присяга была необязательна; сомнительно также, что их просто забыли упомянуть; вернее будет предположить, что под воином всегда подразумевается конный воин. Других не существовало, или же они не принимались в расчет.

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА

Источники по вопросу о вооружении франкских воинов времен Карла настолько противоречивы, что это служит примером того, как мало вообще можно дать по этому вопросу подробностей. В послании о призыве к аббату Фульраду (т. II) каждому рейтару предписывается быть вооруженным щитом, копьем, мечом (кинжалом), луком и колчаном со стрелами. Шлем и панцирь не упоминается. Судя по этому, мы должны были бы представлять себе каролингских рейтаров в качестве легковооруженных конных лучников; но этому явно противоречит комбинация щита с луком, при пользовании которым щит безусловно мешает, а во время

натягивания тетивы и спускания стрел он дает весьма недостаточное прикрытие. Гораздо более естественную защиту для лучника представляет кольчуга или плотная кожаная куртка. И в других местах капитуляриев часто еще встречается предписание о вооружении луком[28]. В источниках же повествовательного характера он упоминается весьма редко[29].

Воины каролингской эпохи, как и более поздней, являются, подобно древним германцам, бойцами врукопашную и пользуются мечом и копьем; последнее служило им иногда также в качестве метательного оружия. Хотя в качестве оборонительного оружия почти всегда упоминается только щит[30], но так как Эйнхард (Einhard) в одном месте подчеркивает тяжесть франкского вооружения, а монах из Сен-Галлена (Эккегард) в своем знаменитом описании Карла Великого и его армии называет их сплошь железными, – то нам приходится заключить, что они были в кольчугах. В одних капитуляриях вооружение латами требуется только от владеющих более чем 12 наделами[31], в других определенных указаний на это не имеется[32].

Возможно, что все эти противоречивые данные поддаются согласованию в том смысле, что требование вооружения щитом, копьем и

мечом явилось пережитком первобытной эпохи, которым в данное время пользовались как формулой. Требование лука и стрел присовокупилось к нему по той причине, что как раз эти части оружия у германцев не были в ходу, между тем военачальники, наоборот, придавали им большое значение. О шлеме и кольчуге не упоминалось потому, что и без того все, кому было по средствам приобрести эти дорогостоящие предметы, охотно обзаводились ими. Если когда-нибудь, как, например, в формулировке капитулярия от 805 г., особо упоминаются и латы, то предписание это относится только к более богатым. Зато для них это требование подкрепляется особой угрозой наказания: тот, кто обладает латами и не будет иметь их при себе, лишен будет и лена и лат.

Трудно предположить, чтобы путем таких указов добились общего пользования луком и стрелами. Правда, лук легко сделать, но, для того чтобы получился действительно хороший лук, требуется умение; настоящим лучником, особенно же конным, также становятся только после длительных упражнений.

Как бы ни толковать отдельные места источников, для нас во всяком случае не подлежит сомнению, что воинов Карла Великого мы

должны представить себе одетыми преимущественно в тяжелую кольчугу и шлем конической формы, без забрала, со щитом на левой руке; сражаются они мечом и копьем; лук и стрела служат только вспомогательным оружием[33].

О состоянии тактики в эпоху Каролингов, т.е., главным образом, об использовании и взаимодействии различных родов оружия, – как то: рейтаров, лучников, копейщиков, – данных в источниках не имеется. Заключение об этом мы можем составить только по более поздним сведениям и событиям. Строевых занятий не было, а настоящие сражения были так редки, что ни выработки традиционных устойчивых форм тактики, ни истинного искусства сражаться быть не могло. Уже биограф Карла, Эйнхард (гл. VIII), особо отмечает, что в войне с саксами, продолжавшейся 33 года, произошло только два настоящих сражения; в 783 г. при Детмольде и на р. Газе, оба на протяжении 5 недель. Ни король лангобардов Дезидерий, ни Тассило, герцог Баварский, не доводили дело до сражения. Поэтому рассмотрение тактики данной эпохи не только не входит в рамки нашего труда, но и невыполнимо.

КАРОЛИНГСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Нашим исследованием установлено, что, начиная с эпохи переселения народов, вооруженная сила во франкском государстве была представлена численно весьма ограниченным военным сословием. *Таким образом, отпадают все предположения о том, будто бы еще Карл Великий выступал в поход с "крестьянским войском"*[34], – совершенно независимо от того, что именно являлось основой обязанности вступать в ряды войска – владение ли поместьем, или же всеобщая воинская повинность. Неоднократно привлекавшая внимание исследователей реформа военного дела при Карле, – реформа, которая якобы привела к переходу от народного войска к войску вассалов, – как доказывал уже Борециус, не имела места. В действительности при Карле получило уже окончательное завершение постепенное превращение древнегерманского всенародного ополчения в войско вассалов. Это положение, выдвинутое нами в предыдущей главе, нам предстоит проверить на материале источников. В приложении к своим "Beitrage z. Capitularienkritik" Борециус сопоставил все капитулярии, относящиеся к военной организации. Мы приведем здесь наиболее существенные отрывки, но не в хронологическом, а в предметном порядке. Текст дается по второму изданию капитуляриев в "Monumenta Germaniae", Capitula regum Francorum denuo ediderunt Alfred Boretius et Victor Krause.

Из общего "Capitulare missorum" 802 г.

M. G., I, 93

"7. Когда государь император отдает приказ о походе, никто да не осмелится ослушаться его, и ни один граф да не будет столь дерзостен, чтобы кого-либо из обязанных военной службой отпускать из войска каким-нибудь образом, укрывая по родству или будучи подкуплен подарками"

* * *

В настоящее время всеми признано, что выражение "Обязанные военной службой" в основе имеет в виду не что иное, как всех свободных мужчин. Ни одного из них, по точному смыслу данного капитулярия, граф не должен оставлять дома.

Ясно, что здесь мы имеем канцелярскую форму без какого бы то ни было реального содержания. В действительности может в поход выступить всегда только часть свободных мужчин, а в графствах с преобладающим германским населением даже только незначительная их часть.

Практически осуществимыми представляются капитулярии, распределяющие военнообязанных по группам.

Из капитулярия для областей к западу от Сены 807 г.

M. G., I, 134

"Мемораторий: как мы повелели вследствие голода, чтобы по ту сторону Сены (не?) все шли в поход.

Прежде всего каждый имеющий бенефиций обязан вступать в войско.

Всякий свободный, владеющий 5 мансами, также да вступает в войско. И владеющий 4 мансами да вступает также. Владеющий 3-мя подобным же образом пусть поступит. Если же окажутся двое, из которых каждый владеет 2 мансами, пусть один снаряжает другого, и кто из них лучший воин, тот пусть и отправляется на военную службу. А если окажутся двое, из которых у одного 2 манса, а у другого 1, равным образом должны объединиться: один пусть снаряжает другого, и кто из них лучший воин – пусть отправляется на военную службу. Если же окажется трое, из которых у каждого по 1 мансу, двое да снаряжают третьего, и кто из них лучший воин – да отправляется на военную службу. А у кого S манса, пусть пятеро снаряжают шестого. А кто так беден, что не владеет ни крепостными, ни землей, а движимым имуществом на 5 ливров, пятеро пусть готовят шестого, а где двое – третьего, из тех, у которых малые земельные владения. И каждому из отправляющихся на военную службу да будут уделены 5 солидов вышеописанными маломощными, не имеющими земельной собственности. И сообразно с этим никто не покидает своего сеньора".

* * *

Прежде всего загадочной представляется вводная часть этого капитулярия: в поход должны вступить все живущие на том (западном) берегу Сены! Борециус (Beitrdge, S. 118) пытался истолковать это в том смысле, что области к западу от Сены наименее

пострадали от повсеместного голода, а потому именно на них и были возложены тяготы того года. Такое толкование представляется мне совершенно невозможным особенно потому, что непосредственно за этими словами следуют специальные предписания согласно которым отправляться обязаны не все, а только определенные категории населения. Я склонен полагать, что в заголовке просто выпало non (не?) перед omnes (все).

Выступать должны были все держатели ленов, а также все свободные, владеющие более чем пятью, четырьмя или тремя наделами. Двое, имеющих по два надела, обязаны снарядить одного воина; также могут быть объединены один с двумя и другой с одним наделом. Из трех, имеющих по одному наделу, двое должны снарядить третьего; из шести владельцев полунаделов пятеро должны снарядить шестого. Невладеющие землей также должны были соединяться в группы по шесть человек и снаряжать одного.

Прямых указаний об имуществе, принимавшемся за основу расчета, мы в источниках не находим; по-видимому это было 5 ливров или 100 солидов; выступающий в поход должен был получать пять солидов.

Capitulare missorum от 808 г.

M. G., I, 137

"1. Всякий, кто, будучи свободным, занимает 4 манса возделываемой земли, собственной или полученной от кого-либо в виде бенефиция, пусть снаряжается и на собственные средства вступает в

войско, – либо за своим сеньором, если вступает сеньор, либо за своим графом. А у кого 3 манса, к тому пусть присоединится имеющий 1 манс и платит тому пособие, чтобы тот воевал за обоих. А у кого только 2 манса, к тому пусть присоединится другой, также имеющий 2 манса, и один из них с помощью другого да вступает в войско. К тому, у кого только 1 манс в собственности, должны быть приданы трое с такими же имениями на подмогу, и только один пусть выступает, трое же, оказавшие ему помощь, да пребывают дома".

* * *

Этот капитулярий схож с предыдущим; тем не менее бросается в глаза различие в деталях. В предыдущем капитулярии за основу принимается единица в 3 надела, в этом – 4; в отличие от предыдущего в этом капитулярии липа, не имеющие земельных владений, не упоминаются; в предыдущем – в поход должны отправляться все ленники, в этом – в зависимости от их состояния.

Капитулярий неизвестного года, но, по-видимому, 807 или 808 г.

M. G., I, стр. 136

"2. Если будет необходимо оказать помощь Испании или Аравии, тогда из саксонцев пятеро пусть снаряжают шестого. А если понадобится идти на помощь Богемии, двое должны снаряжать третьего. Если же необходимо будет защищать отечество от сорбов, тогда все без исключения должны выступать.

3. Относительно фризов мы желаем, чтобы графы

и вассалы наши, имеющие бенефиции и владеющие конями, являлись на собрание наше все без исключения хорошо снаряженными. Прочие же маломощные шестеро седьмого пусть с наряжают и являются на назначенное собрание в хорошем боевом снаряжении".

Предписания от 829 г. о составлении рекрутских списков в четырех редакциях

M. G., II, стр. 7, гл. 7; стр. 10, гл. 5; стр. 19, гл. 7

"Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, сколько имеется в каждом графстве свободных, могущих выступить на свои средства, и сколько таких, из которых один другому оказывает помощь; сколько затем таких, у которых третий получает помощь и снаряжение от двух других, а также таких, у которых трое помогают четвертому и снаряжают его, таких, у кого четверо помогают, снаряжаться пятому для выступления в тот же поход, – и общее число доводили до нашего сведения.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, сколько в каждом графстве имеется свободных, могущих выступить в поход на собственные средства, и сколько таких, у которых двое должны помогать снаряжаться третьему, и сколько таких, у которых трое должны помогать снаряжаться четвертому, и сколько таких, у которых четверо должны помогать снаряжаться пятому или пять шестому, и об общем числе таких доносили нам.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно исследовали, сколько свободных проживает в каждом графстве. С прилежанием да

разузнают по отдельным сотням и запишут, как следует, кто может выступить в военный поход на свои средства и кто не может, и двое дают подмогу третьему. И да приводят к присяге тех, кто еще не принес нам присяги на верность.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши учинили тщательный розыск и письменно донесли нам, сколько в каждом графстве свободных, могущих выступить в военный поход.

И да приведут к присяге тех, кто еще не присягнул на верность нам".

* * *

Приведенные капитулярии, начиная с Борециуса, толковались в смысле единичных предписаний, которые издавались из года в год в одном и том же порядке и приблизительно так же и выполнялись, пока введением "рекрутского списка" 829 г. не была сделана попытка установления единообразного порядка; попытка эта осталась безуспешной, поскольку вскоре прямой призыв свободных вообще прекратился. Однако еще Карл Лысый в 864 г. (Пистенский капитулярий, M. G., II, 321) повторил распоряжение о рекрутских списках (в первой редакции).

Приходится оставить открытым вопрос, по какому поводу были изданы распоряжения относительно саксов и фризов и являются ли они распоряжениями для данного единичного случая или же рассчитаны на длительный срок действия.

Другие капитулярии вне всякого сомнения должны рассматриваться не как законы, а как распоряжения,

изданные по специальным поводам; вместе с тем другие капитулярии опровергают представление, будто бы они выполнялись в соответствии с точным их смыслом.

Уже в приведенном выше капитулярии 808 г. мы обнаружили, что воин, выступающий в поход, предполагается имеющим сеньора. Равным образом в булонском капитулярии 811 г. гл. 9 (M. G., I, 167) читаем: "Если окажется, что какой-либо свободный в текущем году не был с сеньором в рядах войска, тот да будет принужден выплатить полную пеню". Если капитулярий дальше гласит: "а если отпустил его сеньор или граф, то да уплатит за него сам пеню", то это, разумеется, не значит, что воин зависит от своего сеньора или от графа, а лишь означает, что как тот, так и другой могут проявить недобросовестность. Так же следует понимать § 27 капитулярия 819 г. M. G., I, 291, см. ниже (этот капитулярий отнесен Борециусом к 817 г.), где ничего не говорится об уклонении свободных от военной службы, а только о наказаниях, налагаемых на вассалов. Сюда же относится распоряжение Карла Лысого, изданное на съезде в Мерзене в 847 г.:

"Желаем также, чтобы каждый свободный избрал себе сеньора, кого захочет, в лице нашем или наших верных.

Повелеваем также, чтобы никто не покидал своего сеньора без достаточного основания и чтобы другой не принимал под свою руку (того, кто покинул сеньора) иначе, чем это было в обычае при наших предшественниках".

* * *

Итак, наши источники указывают нам на существование, с одной стороны, крестьянских ополчений, поочередно сменяющих друг друга, а с другой – призыв исключительно вассалов; два института, друг друга взаимно исключающие. С натяжкой можно вообразить войско вассалов, подкрепленное крестьянским ополчением. Войско, относительно которого предполагается, что каждый его воин имеет сеньора и в то же время воины называются свободными, вообще не имеет в своем составе крестьян, ибо крестьянин, имеющий сеньора, уже не свободен; имеющий же сеньора и в то же время свободный – воин. Как устранить противоречие?

Наиболее резко выступают противоречия в эдиктах Карла Лысого. Поэтому именно здесь мы находим и разгадку. Повторение в Пистенском эдикте 864 г. предписания о разделении на группы является не чем иным как отголоском давней традиции. Ведь тот самый король, который издал этот эдикт, уже задолго до того приказал в Мерзене, чтобы каждый свободный имел сеньора, и этот же самый Пистенский эдикт, который в одной главе предписывает распределение по группам, в другой (гл. 26) требует, чтобы все франки, имеющие коней, выступали в поход вместе со своими графами. Как то, так и другое предписание – простая риторика, которая может послужить нам поучительным примером того, насколько шатко в действительности заключение, исходящее из изучения законов. Я напоминаю о столь же нежизненных военных установлениях вестготов, рассмотренных в предыдущем томе, и отсылаю

читателя к ассизам о вооружении Плантагенета (часть II, гл. 5).

Положение, установленное относительно Карла Лысого, что капитулярии зачастую оказываются только старыми канцелярскими схемами, находящимися в потном противоречии с действительностью, – может и должно быть принято также и в отношении Карла Великого. Уже при нем и даже до него личный призыв в значительной мере оставался только на бумаге; быть может и famis inopia (бедствие голода), на которое ссылаются капитулярии 807 г., есть не что иное, как стереотипный канцелярский оборот речи.

Сюда же я отношу текст одного сообщения в Бретинских анналах под 869 г., где говорится о новой попытке, так сказать, статистической переписи страны, – на этот раз впрочем, уже на феодальной основе[35].

"Раньше чем двигаться к Конаде, разослал по всей своей земле послания о том, чтобы епископы, аббаты и аббатиссы к предстоящим майским календам озаботились письменно сообщить, сколько мансов в поместьях у каждого, и чтобы государевы вассалы записали бенефиции графов, а графы – бенефиции своих вассалов, и такие списки доставили к назначенному собранию. С каждых ста мансов он повелевал послать к Питрупо по одному воину и одной повозке с двумя быками и другими дарами, с тем чтобы эти воины охраняли и содержали крепость, которая по его приказанию была там выстроена из дерева и камня".

* * *

Отличие нашей трактовки от господствующей сводится к более ранним датам и к иной мотивировке. Бруннер (Branner, D. Rechtsgesch., II, 206) говорит: "В конечном счете от дружинной военной службы осталась только военная подать, налагавшаяся на тех, кто не мог лично нести военную службу". По моему мнению, в основе изменения лежит не только момент материального порядка, но в такой же мере и момент военной годности. Далее Бруннер говорит: "Логика реальных взаимоотношений привела к тому, что граф выставлял годного человека и снаряжал его на то пособие, которое уплачивалось остающимися. При этом ему безусловно не возбранялось брать ратника из числа людей, находившихся в зависимости от него". Это вполне справедливо, но мотивы изменения выявились и стали играть роль уже начиная с Хлодвига; при Карле Великом эта эволюция почти завершилась, и только старая форма влачила свое существование.

В результате этой иной датировки и мотивировки возникновения рыцарского военного строя мы устанавливаем связь средневековой военной организации с Великим переселением народов и с покорением римлян германцами; крестьянская милиция и всеобщая воинская повинность в эпоху Меровингов явились как. бы клином, нарушившим эту связь.

Ниже нам придется еще раз вернуться к вопросу о переходе воинской повинности в налоговую. Доказательством того, что этот переход при Карле Великом практически уже осуществился, в то время

как старые формулы, предусматривавшие личный призыв, все еще продолжали употребляться, является одновременное применение формул, в которых армия изображается чисто вассальной. Начальный момент расхождения такого языка распоряжений и практики не поддается точному определению.

Примером того, как мало оснований для выводов дает точный смысл распоряжений, может служить также письмо, которым в 817 г. архиепископ Трирский в качестве императорского посланца предписывал епископу гор. Туля (Toul) мобилизацию для похода в Италию против мятежного короля Бернгарда (цитировано у Вайца, V.-Gesch., IV, 465, и у Пренцеля, Beitr. z. Gesch. d. Kriegsverf. u. d. Karolingern, Лейпциг 1887 г., стр. 23 – по Bouquet, VI, 395). На основании императорского приказа он предписывает: "чтобы все снаряжались для выступления в поход в Италию... со всей предусмотрительностью и поспешностью укажи аббатам, аббатиссам, графам, вассалам государевым и всем в твоей епархии обязанным военной службой, что они должны снарядиться так, чтобы, если приказ о выступлении придет к ним вечером, они выступили утром другого дня, а если утром – вечером этого дня и без промедления отправились бы в области Италии".

* * *

Не подлежит сомнению, что для похода через Альпы в Италию каждый сельский округ (Gau) выставлял весьма незначительное количество воинов; по Лоршским анналам войско было "собрано со всей Галлии и Германии", тем не менее письмо напыщенно

говорит о "всех военнообязанных государевой военной службой".

Мемориал от 811 г.
M. G., I, 165

"3. Показывают также, что епископы, аббаты, графы, судьи и сотники ищут случая придраться к тому, кто отказывается отдать им свою собственность, засудить его и заставить его всегда быть в войске, пока, обеднев, он поневоле не передаст или не продаст свое имущество, а кто передал, без всякого беспокойства остается дома.

5. Показывают также, что маломощных заставляют отправляться в войско, а тех, которые могут что-нибудь дать, отпускают восвояси".

* * *

Основанная на вассальстве и ленах военная организация с естественной необходимостью должна была привести к разорению выбывающих из военного сословия свободных, и графы стремились ускорить этот процесс, пользуясь своей дискреционной властью с тем, чтобы поставить разоряющихся в зависимость от себя. В своем жизнеописании Людовика Благочестивого Теган (гл. XIII)[36] разослал по государству комиссаров, чтобы восстановить в правах тех, у которых были отняты наследство или свобода.

Гейслер (Heusler) в соответствии с господствующим мнением относит это в своей "Verfassungsgeschichte" к крестьянам; поэтому я решительно подчеркиваю, что в тексте Тегана речь идет не о крестьянах, а о разоренных вообще.

О конечной стадии этого процесса мы узнаем из одного итальянского капитулярия 898 г. (Mon. Germ. Capit. Reg. Franc., II, 109), предписывающего; "ни один граф не должен передавать свободных воинов своим людям в виде бенефиция". Некогда свободные воины были постепенно низведены до такого состояния, что графы могли себе позволить обходиться с ними как с крепостными и передавать их с их дворами в ленное владение. Вряд ли в этом случае запрещение короля смогло сыграть значительную роль.

ПРЕДПИСАНИЯ О МЕРАХ ВЗЫСКАНИЯ

Капитулярий от 802 г.

M. G., I, 96

"29. Если, государь император по милосердию своему снижает пеню, подлежащую взысканию с маломощных, то судьи, графы или посланцы наша не должны обращать эту уступку в свою пользу".

"34. Все должны быть в полной готовности, когда получат приказ наш или извещение". (Схоже с особым капитулярием от 802 г. M. G., I, 100) "Если же кто-нибудь тогда заявит, что не готов и не выполнит приказа, да будет приведен на суд, и не только он, но также и все, кто дерзнет преступить наш указ и веление".

Капитулярий от 805 г.

M. G., I, 125

"19. Желаем, чтобы посланцы наши в этом году строго взимали военную пеню без всякого

лицеприятия, угождения или страха, согласно нашему велению, т.е. с человека, владеющего 6 ливрами в золоте, серебре, бронях, железных орудиях, тканях, лошадях, быках, коровах либо другом скоте (жены в дети для того не должны лишаться одежды), надлежит взимать законную пеню, именно 3 ливра. А у кого вышеописанного движимого имущества будет только на 3 ливра, с того следует взыскивать 30 солидов, с тем чтобы он в другой раз оказался в состоянии вооружиться для службы богу и на пользу нам. И посланцы наши пусть наблюдают, чтобы никто по злому умыслу не уклонился от нашей справедливости, предаваясь под руку кого-либо другого".

Капитулярий от 808 г.
M. G., I, 137

"2. Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, кто в течение прошедшего года уклонился от военного призыва, вопреки тому приказанию, которое мы отдали недавно относительно свободных и маломощных, и если окажется, что кто-нибудь подобному не помогал снаряжаться для военной службы, ни сам не отправлялся в войско, да поручится о выплате пени полностью и да присягнет по закону.

3. В случае, если окажется такой, кто скажет, что по повелению графа или викария или сотника своего, то, чем должен был снаряжаться сам, отдал тому же графу, или викарию, или сотнику, или каким-либо их людям и поэтому не выступал в поход, и посланцы наши смогут установить, что это действительно так, – тот, по чьему приказу он остался, да уплатит пеню,

будь то граф или викарий, или адвокат епископа, или аббата".

Капитулярий от 810 г.
M. G., I, 153

"12. О герибанне пусть посланцы наши чинят тщательный розыск. Кто мог отправиться в войско, но не отправился, пусть выплатит герибанн, если есть у него, чем выплатить, а если нет у него чем выплатить, пусть даст поручительство и занесут это в протокол, не взыскивая ничего, пока не будет доведено до самого государя императора".

Булонский капитулярий от 811 г.
M. G., I, 166

"1. Всякий свободный, который будет призван для несения военной службы и пренебрежет явкой, да выплатит полную пеню, т.е. 60 солидов, или если не будет иметь чем выплатить (эту сумму) пусть отдаст себя государю в кабалу, пока со временем эта пеня не будет выплачена, и тогда вновь да будет возвращен в свободное состояние. А если тот, кто из-за пени предался в кабалу, в той кабале скончается, наследники его не должны терять полагающегося им наследства и свободного его состояния и не обязаны пеней.

2. Граф не должен взыскивать пени ни по какому поводу – ни за сторожевую службу, ни за посыльную службу, ни за постой, ни за что другое, если посланец наш предварительно не взыскал пени в нашу пользу и не отдал графу, согласно нашему повелению, его третьей части. Самая же пеня да не взыскивается ни

землями, ни крепостными, но золотом, серебром, тканями, оружием, скотом, либо такими предметами, которые могут быть полезны".

Мемориал от 811 г.
M. G., I, 165

"6. Говорят сами графы, что некоторые из жителей их округа им не повинуются и не хотят выполнять императорского приказа, ссылаясь на то, что они обязаны держать ответ в уклонении от воинской повинности посланцам государя императора, а не графу; даже если граф накладывает запрет на его дом, он не придает этому никакого значения, но входит в дом и делает там все, что захочет".

* * *

Окидывая общим взглядом эти распоряжения о мерах взыскания, мы видим, что хотя старая система призыва под угрозой уплаты пени (герибанн) юридически оставалась в силе, но на деле действовала плохо, или большей частью не функционировала совсем. То там, то здесь пытались машину пустить в ход, переделав и заменив одни части другими в зависимости от характера раздававшихся жалоб.

Дошедшие до нас документы говорят, что граф призывает в войско под угрозой королевской пени, т.е. 60 солидов. Не легко представить себе, что могла значить сумма в 60 солидов при тогдашних хозяйственных отношениях[37].

Самый институт денежного обращения весьма стар, но покупная способность денег за период от

Хлодвига до преемников Карла Великого могла значительно измениться, да и самый солид не остался без изменения; к тому же при Карле Великом произошла реформа денежного обращения. Первоначально солид приравнивался к золотой монете примерно в 12 германских марок нынешней расценки. "Lex Ripuaria" (XXXVI, II) расценивает хорошую здоровую корову в 1 солид, быка в 2, кобылу в 3, жеребца в 12, меч с ножнами – 7 солидов. В одном добавлении к Салической правде кнехт (слуга) оценивается в 25–35 солидов, служанка – в 15–25 солидов, в другом месте простой раб – в 12 солидов. Поэтому пеня в 60 солидов для простого крестьянина была просто непосильной. Крестьянин, обязанный уплатить стоимость в 60 коров, или 30 быков, или 20 кобылиц, не только был бы разорен, но это вообще для него неисполнимо. Угроза штрафом в 60 солидов, если этот штраф вообще когда-либо взыскивался в действительности, не могла иметь в виду среднего земледельца. Картина несколько меняется, если мы примем во внимание, что в одном капитулярии о призыве[38] половина надела приравнивается к имуществу в 100 солидов. Поскольку стоимость самой земли едва ли принимается в расчет, то 200 солидов следует признать равноценными дому, двору с изгородью, оружию и прочему движимому имуществу среднего крестьянина. Хотя штраф в размере почти трети этого имущества был бы непомерно тяжелым, но не невозможным физически. У хамавских франков военная пеня составляла первоначально только 4 солида. У лангобардов – только 20 солидов, но при Каролингах повсеместно была установлена единообразная ставка в 60 солидов[39]. Если военная

пеня в 60 солидов непосильна для крестьянина, то для человека богатого она составляет гораздо меньше того, во что обходилось ему участие в походе, продолжавшемся много месяцев. Таким образом, он имел возможность откупиться путем уплаты умеренной суммы денег. Предоставлять посланцам или графам увеличивать по своему усмотрению пеню было неудобно. По-видимому, это обстоятельство и было поводом к изданию капитулярия 802 г., § 34, предписывающего привлекать уклоняющихся к суду. Пеня же не упомянута вовсе. Если бы это предписание имело в виду призыв всех свободных, то это привело бы к настоящему переселению народов во все резиденции императора.

Напротив, для маломощного пеня в 60 солидов была просто непосильна. Приходилось искать различных выходов из положения: например, император аннулировал эту пеню (капитулярий 802 г., § 29), что, разумеется, ослабляло впредь действенность закона, или же император оставлял за собой разрешение вопроса в отдельных случаях (капитулярий 810 г.), что для маломощного сводилось к одному и тому же. Затем попытались установить градацию по размерам имущества. И этот метод оказался негодным, так как оценка имущества является актом чрезвычайно затруднительным и дающим простор для произвола. Поэтому попытались узаконить временное закрепощение, что, несомненно, способствовало значительному ускорению и без того совершавшегося процесса, заключавшегося в том, что беднейшие свободные утрачивали свободу и переходили в чью-либо зависимость. В самом деле, если за детьми закрепощенных, согласно капитулярия

811 г., должна была сохраниться свобода, то очевидно, что они сами от нее отказались. Отработать в кабале 60 солидов было так трудно, что закрепощенный, пожалуй, должен был работать всю жизнь. За это время воинственные наклонности и традиции в семье были утрачены, а молодое поколение, ставшее перед альтернативой – идти на войну или оставаться дома в качестве крепостных и только выполнять определенные работы и обязанности, находясь в зависимости, но в то же время и под защитой господина, предпочитало, должно быть, последнее.

Как бы ни представлялось нам строгим предписание о пене (герибанне), тем не менее оно рисуется в совершенно ином свете, если принять во внимание, что право взыскания пени предоставлено было не графу, а исключительно посланцу (посланцы – весьма знатные господа, объезжавшие ряд графств в качестве королевских комиссаров и инспекторов). Но подлежит сомнению, что в каждом графстве они имели возможность только в ограниченном числе случаев расследовать факты уклонения от военной службы, произвести оценку имущества, определить размер пени и взыскать ее в виде скота, оружия, сукна и т.д.

Иногда в качестве сборщиков подати выступают особые чиновники (гербаннаторы). Но уже Карл Великий предписывает (802 г.), чтобы посланцами назначались только богатые, потому что бедные разоряют народ, пользуясь своим служебным положением; по-видимому, низшие налоговые чиновники с их произвольными оценками были подлинными кровопийцами.

Поэтому кажется, что иногда и графам предоставлялось право непосредственного взыскания пени, что опять-таки подданными не признавалось правомерным, – это понятно, поскольку они оказались всецело во власти графского произвола.

Пользуясь своим правом призыва (мемориал 811 г.), граф преследует и разоряет своих людей, чтобы вынудить их к передаче своего имущества и к переходу на зависимое от него положение. Центральная власть могла этому противопоставить только запрещение и благие пожелания. Действительно, расследовать и проконтролировать, насколько справедливо распределены военные тяготы при призыве и правильно ли произведена оценка доставленных или взысканных продуктов, скота, платья и оружия, было опять-таки невозможно.

Среди всех угроз наказания мы только в одном случае (капитулярий 808 г.) сталкиваемся с фактом привлечения значительного большинства военнообязанных вместо несения военной службы к уплате пособия. Итак, герибанн в первую очередь и преимущественно имеет в виду состоятельных землевладельцев; на это указывается и большинством предписаний. Однако, и здесь заметно, что наряду с наказанием за уклонение от военной службы принимаются в расчет и интересы фиска: храбрых и охочих вояк в каролингском государстве было вдоволь; для императора гораздо важнее была крупная сумма налога, чем один нехотя следующий призыву землевладелец.

Таким образом, герибанн должен был взыскиваться не непосредственно графом, а при посредстве посланцев, не только по соображениям

гуманности, но и во избежание ущерба для императорской казны. В конце герибанн просто превратился в налог. Если Вертинские анналы по 886 г. сообщают, что герибанн взыскивается со всех франков, то это уже не штраф за дезертирство, а регулярный налог, и так как его уплачивают все франки, то к этому налогу неприменима уже старая ставка в 60 солидов – 60 коров. Позднее мы находим герибанн в размере 2 и 3 солидов[40].

Предписание в капитулярии 808 г. § 3 о штрафе в размере 60 солидов, налагаемом на чиновника, взыскивающего "адъюториум" (пособие) и за то оставляющего плательщика дома, разумеется, не может быть понято в смысле безоговорочного запрещения такого образа действия, а лишь в том смысле, что штрафуется чиновник, который присвоил себе взысканный адъюториум и никого не снарядил. Отсутствие упоминания о том воине, который подлежал снаряжению яа эти деньги, может послужить новым доказательством того, что это обстоятельство рассматривалось как само собой разумеющееся.

Булонский капитулярий от 811 г.

M. G., I, 166

"3. Всякий, кто, имея наши бенефиции, будет призван к оружию и опоздает к назначенному сбору, да воздерживается от мяса и вина столько дней, на сколько он опоздал".

* * *

В некотором внутреннем противоречии со строгостью королевской пени для уклоняющегося находится эта угроза по адресу опаздывающего; его наказание сводится к тому, что он столько дней должен воздержаться от мяса и вина, на сколько он опоздал, – предписание столь же мало страшное, сколь невозможно было проверить самое выполнение его. Если бы мы в этих предписаниях имели фактическое выражение и отражение действительности, то мы могли бы сказать: наиболее выгодным для франка было присоединиться к походу только после наиболее опасных боев; в этом случае все дело для него ограничивалось только вегетарианской диетой на несколько недель или месяцев, – да и самое выполнение или невыполнение этого милостивого наказания оставалось только на его совести.

ДИСПЕНСАЦИИ

Капитулярий от 808 г.

M. G., I, 137

"4. Из числа графских крепостных, посаженных на землю, следующие подлежат изъятию и не должны быть принуждаемы давать поручительство в уплате пени: двое, оставленных при супруге графа, и двое других, освобожденных от несения нашей службы для выполнения должностных обязанностей. В этом случае им предписываем только, чтобы граф оставлял вдвое больше людей, чем у него имеется должностей, кроме тех двух, которые будут при его супруге. Остальных же всех без исключения должен иметь с

собою, а если сам останется дома, то пусть предводительствует тот, кто вместо него выступит в поход. Епископ же или аббат – только двоих из посаженных на землю и мирских людей своих да оставляет дома".

Булонский капитулярий от 811 г.

M. G., I, 167

"9. Если окажется, что какой-либо свободный не был в походе со своим сеньором, да будет принужден выплатить полную пеню. А если сеньор или граф отпустил его восвояси, сам должен вместо него выплатить следуемую пеню, и столько пени с него да будет взыскано, сколько человек он отпустил восвояси. А так как мы в текущем году позволили каждому сеньору оставить двух вассалов, мы желаем, чтобы он предъявил их нашим посланцам, ибо только этих мы освободили от уплаты пени".

Capitulare missorum 819 г.

M. G., I, 291, гл. 27

"Наши вассалы и вассалы епископов, аббатов, аббатисс и графов, которые в текущем году не были в войске, да выплатят герибанн, исключая тех, которые по необходимости, определенной государем и отцом нашим Карлом, оставлены были дома, т.е. тех, которые оставлены были графом для поддержания мира и для охраны супруги и дома, и тех, [которые оставлены были] епископом или аббатом или аббатиссой равным образом для того, чтобы оберегать дом, смотреть за сбором урожая, надзирать за зависимыми людьми и принимать посланцев".

* * *

При сравнении диспенсаций, представленных в этих капитуляриях, создается впечатление, будто бы они в разное время определялись различно: в одном случае граф может оставлять дома только 2, а в другом – 4 человека. Более существенным представляется вопрос, к какой категории могут принадлежать эти 2 или 4 человека. Может ли их граф выбирать из числа всех боеспособных военнообязанных? Значит ли это, что в одно время несколько наделов совместно выставляют только одного человека, а в этом году подлежат призыву все без исключения? По этому поводу Борециус (стр. 118, 123) говорит не вполне ясно. Для меня несомненно, что предписания только тогда имеют удовлетворительный смысл, когда они относятся к очень ограниченной категории лиц, где разница на 2 или 4 человека представляется уже существенной, – иными словами, что и здесь разумеется не всеобщий призыв, а лишь призыв вассалов или ленников.

В одном капитулярии 801 – 803 гг. (M. G., I, 170, гл. 8) устанавливается, что каждый викарий (гунно) обязан держать двух охотников на волков, которые освобождаются от военной службы.

ПРИЗЫВ

Согласно Аахенскому капитулярию 801 – 813, гл. 9, M. G., I, 171: "Пусть каждый граф имеет попечение о том, чтобы люди его шли в войско под страхом пени в 60 солидов с каждого".

* * *

Судя по письму архиепископа Хатти к епископу Туля (Toul), см. выше, призыв производился таким образом, что посланец писал епископу, а этот сообщал о призыве "всем аббатам, аббатисам, графам, государевым вассалам и всем в твоей округе, обязанным государевой военной службой".

Наряду с этим Фульрад получил распоряжение о призыве непосредственно от императора (ср. письмо в т. II).

Это явное противоречие заставило Вайца (т. IV, стр. 513, прим., 1-е изд) поставить вопрос, не следует ли понимать ограничительно слова "люди его" в первом из указанных капитуляриев.

Я не сомневаюсь, что здесь подразумеваются все воины, в том числе и вассалы других воинов. Здесь то же самое противоречие, которое красной нитью проходит через всю военную организацию еще при Карле Великом. Еще не вполне забыто, что свободный, будучи вассалом другого, остается подданым короля, а потому граф закономерно объявляет ему королевский призыв; в действительности, разумеется, он находится в свите сеньора, и потому распоряжения о призыве обращены непосредственно к крупным сеньорам.

Передача распоряжения о призыве через посредство посланца епископу и через посредство последнего графам и крупным сеньорам его епархии равносильна непосредственной присылке распоряжения.

СНАРЯЖЕНИЕ

Capitulare de villis от 800 г. или ранее

M. G., I, 82

"64. Пусть экипажи наши и выступающие в поход бастерны (повозки) будут хорошо сделаны и верхи их хорошо покрыты кожей и так сшиты, чтобы, в случае необходимости переправляться через реку со всем грузом, вода никоим образом не могла проникнуть внутрь, и добро наше осталось бы в полной сохранности. И еще желаем, чтобы в каждой повозке посылалась мука для нашего стола, – именно 12 модиев муки, а в тех, в которых возят вино, пусть возят 12 модиев на нашу меру; и при каждой повозке пусть будет копье, колчан и лук".

Capitulare Aquisgranense 801–813 гг.

M. G, I, 170

"10. Поклажа короля, а также епископов, аббатов и вельмож должна возиться в повозке: мука, вино, ветчина, съестные припасы в изобилии, топоры, рубанки, секиры, буравы, пращи и люди, умеющие хорошо метать из них. И конюшне короля должны возить для них камня, если понадобится. И каждый пусть будет в боевом снаряжении и имеет достаточно всякой утвари. И каждый граф должен сохранить две части сена в своем графстве для нужд войска и иметь хорошие мосты, хорошие плоты".

Capitulare missorum для областей к западу от Сены, 807 г.

M. G., I, 134

"3. Все верные наши графы должны прибыть на назначенное собрание наилучшим образом снаряженные, со своими вассалами, обозом и дарами. И каждый из наших посланцев да обяжет одного из наших вассалов наблюсти за сборами по отдельным сотням и преподаст ему наше повеление, чтобы самому прибыть и привести к нам мирным образом ту часть войска и обоза, которую должно выставить одно графство, с таким расчетом, чтобы никто не остался дома, а в середине августа все были у Рейна".

* * *

Бастерна (basternae) представляет собой определенный вид парной повозки. Она должна быть снабжена не пропускающим воду верхом из кожи. На каждой повозке должен быть груз в 12 модиев муки или вина. Модий приравнивается, примерно, 52 литрам, литр муки весит всего около 600 граммов, литр вина – 1 000 граммов. Таким образом, повозка с мукой была нагружена 8 центнерами, повозка с вином – добрыми 12 центнерами. Отсюда ясно, что предписания такого рода носили только самый общий характер. Груз в 12 центнеров нетто для парной запряжки по тогдашним условиям очень велик (ср. т. II); если в такого рола предписаниях усматривали не просто приблизительную норму, а реальное требование, то при этом, должно быть, рассчитывали, что 12 центнеров были первоначальным грузом, который со дня на день

уменьшался. В равной мере это относится и к повозкам с мукой, причем нельзя не отметить непрактичность соединения в одном обозе однородных, но различно нагруженных повозок.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ

Капитулярии о военном деле, дошедшие до нас от лангобардского государства (равным образом составленные у Борециуса, Beitr, z. Capitularienkritik), отличаясь от франкских в целом ряде деталей, основном все же совпадают с ними и счастливым образом подтверждают нашу теорию[41]. Еще яснее, чем во франкских, видим мы в этих капитуляриях, как здесь, начиная со времени эпохи Великого переселения народов, среди мирного населения жило и развивалось военное сословие. До последнего времени исследователи были не в состоянии представить себе такого рода военное сословие, которое не является целым племенем, не составляет большой свиты и строится на основе поместного землевладения. Поэтому и получилось, что в основной книге по истории итальянского права в Средние века – Hegel, Geschichte der Stdteverfassung von Italien – черным по белому дается изображение дела в сущности правильное, поскольку наши источники не допускают различных толкований, и наряду с этим истина, представляющаяся автору реально немыслимой, извращается неверными комментариями.

Наши свидетельства относятся к областям, как лангобардским, так и к тем, которые не были под властью лангобардов.

Григорий I (590 – 604) в одном из своих посланий к жителям Равенны, перечисляя все отдельные сословия, упоминает, между прочим, о "воинах" (railites). То же в другом послании к жителям Зары или Ядеры[42].

Приблизительно в середине VII в. византийский император, намереваясь взять в плен папу Мартина, предписывает своему наместнику сперва разузнать о настроении римского "войска" и держать себя тихо, если окажется, что это настроение неблагоприятно[43].

Можно было бы представить себе, что здесь речь идет о собранной по случайному поводу банде наемников. Но от такого объяснения придется отказаться, если обратить внимание, что в документах следующего столетия постоянно упоминается о сословии воинов (milites) и optimates militae. Они (primates exercitus) имеют даже право на участие в выборах папы, и их приглашают подписать декрет об избрании. Гегель сам говорит (I, 253), что это войско вряд ли могло состоять из наемнических отрядов или быть народным ополчением, а потому хочет видеть в нем "аристократическое военное сословие из верхушки гражданства". "Римляне вновь были обороноспособны, народ стал войском" (стр. 250). "Это – полноправные благодаря поместьям и воинской доблести – члены римской общины, преимущественно из числа крупных собственников" (стр. 254).

Но почему же в Риме и Равенне как раз домовладельцы вновь обрели способность к военному делу, а не прочие cives honesti, как в отличие от них именовали уважаемых горожан? Они не только

превратились в доблестных воинов, но имеют даже военную организацию почтенной давности, "scholas militae", как их называет Константин Великий; их еще папа Адриан выслал навстречу королю франков Карлу (стр. 259), а в Равенне они проявляли такую дикость, что по воскресеньям перед городскими воротами устраивали кровопролитные воинские потехи, причем различные кварталы рубились друг с другом (стр. 263).

Для потомков горожан, которые некогда заслужили благодарность за боевые заслуги от Велизария, признавшего, впрочем, с их стороны наличие доброй воли, это представляется чересчур поразительной метаморфозой, в особенности при опеке греческих наместников и духовных властителей. Очевидно, здесь играет роль нечто другое, и нетрудно вскрыть, что именно.

Это новое воинское сословие не есть сословие домовладельцев, внезапно ставшее военным; наоборот, – это варварские воины, мало-помалу романизированные и ассимилировавшиеся, которые зачастую, вероятно, оказывались владельцами домов и пр. и сохраняли вместе с этим свою воинственность в ряде поколений, упражняясь в военном деле. В них была постоянная нужда: не будь их, не было бы никакой зашиты и охраны.

На Великом соборе, который созвал Оттон Великий в 963 г. в соборе св. Петра, присутствовала "omnis Romanorum militia"[44].

Лангобарды, в отличие от готов, никогда не были замкнуты в себе самом племенем, но представляли собой военный союз, к которому примкнули гепиды,

саксы, паноны, жители Норика и даже болгары. После завоевания страны они распались и образовали ряд мелких владений с 35 герцогами во главе, но позднее у них всегда была слабая выборная королевская власть. Время герцогств нам следует представлять себе таким образом, что в каждом крупном городе утвердился предводитель отряда (глава племени Hunno) и захватил власть; себе он брал то, что ему нравилось, а своим людям раздавал то, что находил подходящим для этого. Предание[45], по которому в то время многие знатные римляне из алчности были перебиты или изгнаны, вероятно, соответсвует действительности. Вообще, по-видимому, немного крупных римских собственников осталось в живых. Все римское население перешло на полусвободное положение: римляне стали альдиями (или литами), лангобарды составляли единственное вполне свободное сословие воинов, ариманнов (экзерциталов). Подобным же образом дело обстояло и у франков, с той только разницей, что здесь благодаря сильной королевской власти представлялась возможность с самого начала для знатных римских фамилий получить защиту их жизни и имущества; представители этих фамилий, поступая на королевскую службу в войско, могли сами стать членами вполне свободного правящего сословия (ср. т. II), что вряд ли могло иметь место у лангобардов.

Разумеется невероятно, что каждый лангобард имел поместье, настолько крупное, что на доходы с него он мог выступить в поход на коне, как предполагает Гартман (Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter, II, 1, 42 и II, 2, 50). Новыми земельными собственниками являются, прежде всего, король,

герцоги и некоторое число лиц из свиты и чиновников. В силу причин, изложенных во II т., рядовые лангобардские воины либо совершенно не получали земли, находясь в свите короля, герцогов и гастальдов, либо жили в крестьянской усадьбе, находя здесь приют и прожиточный минимум, рассчитывая наряду с этим и прежде всего на доходы от службы и военной добычи. Гартман (Hartmann, II, 1, 52) сопоставляет значительное число итальянских географических имен, в состав которых входит "fara" (племя). Отсюда можно заключить, что здесь осели большие группы лангобардов, т.е., следовательно, не как крупные, а как мелкие землевладельцы. Мелкий же землевладелец не имеет возможности отправиться в поход на коне на свои средства.

Гартман (II, 2, 52) выражается неправильно, когда говорит: "Воинственное лангобардское племя выступило в поход в поисках нетрудовой ренты; распространяясь по Италии, они завоевали себе эту ренту". Хотя это положение и ближе к истине, чем то, что германцы пошли на Рим с целью поделить землю между собой и жить на ней в качестве крестьян, тем не менее здесь упущено главное, а именно, что завоеватели не только извлекали ренту из завоеванной земли, но держали ее в своей власти, взяв на себя функции военного сословия. Пришельцы появились, прежде всего, в качестве просто разбойников и грабителей, как впоследствии викинга; осевши надолго и захватив власть, они, со своей стороны, стали оказывать покоренным ответные услуги. Формулировке Гартмана, которую он почерпнул не из истории, а, напротив, перенес в историю из одной современной доктрины, можно противопоставить

такой, например, факт, что самая война в рыцарском языке обозначается как "труд".

Изображая преобразование военного строя в той части Италии, которая продолжала оставаться римской в VI и VII вв., Гартман (I, 1, 13) говорит: "Можно сказать, что вследствие локализации военного дела военное хозяйство из денежного превратилось в натуральное". Основа этого положения правильна, только причину в нем нужно поставить на место следствия и наоборот, именно потому, что уже (начиная с III в.) денежное хозяйство перешло в натуральное, "военная организация должна была быть локализирована", т.е. войска должны были быть переведены с денежного жалованья на снабжение натурой и в конце концов на наделение землей.

Edictum Liudprandi 726 г.

M. Germ. Leg. IV, 140

"Гл. 83. Когда необходимо будет выступать в поход, судья не должен отпускать из рядов войска больше следующего числа людей: 6 – имеющих по одному коню, чтобы взять 6 коней под свои вьюки, и из маломощных, – не владеющих ни домами, ни землями, чтобы они в неделю 3 дня работали на судью до тех пор, пока он сам не вернется из похода. Староста может отпустить троих из имеющихся коней, с тем чтобы взять 3 коней под свои вьюки; из маломощных – пятерых, чтобы они на него работали до его возвращения, как мы повелели это относительно судьи, в неделю 3 дня. А десятник пусть берет себе одного коня и одного человека из маломощных для работы, как сказано выше. А если

судья или староста или десятник решится отпустить большее число людей без позволения или приказа короля из тех, кто обязан военной службой, да уплатит виру священному трибуналу".

* * *

Подобно франкским капитуляриям этот эдикт исходит из древне-германского представления о том, что при призыве на войну выступают все мужчины; само собой разумеется, хотя это прямо и не высказано, что дело идет только о воинах, о лангобардах и о тех романцах и полуроманцах, которые вступили в их военную? организацию. Но провести в жизнь всенародный призыв представляется уже невозможным. В поисках способа отбора у франков выработана была система групп. Лангобарды применили другой метод: судьям предоставляется в их округе освобождать от службы и оставлять дома 6 человек, имеющих по 1 коню каждый, и 10 безлошадных; шультхейсу – троих с конями и пятерых безлошадных; сальтириям (деканам, старостам) – одного владеющею конем. Освобожденные – иногда со своими лошадьми – должны были в продолжение всего похода 3 дня в неделю работать на своих начальников. Если представить себе, что они могли как-либо откупаться от этой работы, то мы имеем здесь явление, совершенно аналогичное франкской системе групп.

Существенно то, что лангобардский указ относится к 726 г., – следовательно, значительно древнее дошедших до нас франкских капитуляриев. Это может послужить для нас доказательством того, что и у

франков потребность как-либо ограничить всенародный призыв и упорядочить освобождение от него возникла значительно раньше, чем это засвидетельствовано случайными дошедшими до нас капитуляриями.

Гегель (Hegel, Ital. Stdteverf., 1, 430) высказал мнение, будто из этого эдикта явствует, что в ту эпоху в лангобардском государстве национальное происхождение не принималось уже больше в расчет, так как эдикт обращен ко всем свободным, в том числе и к римлянам. Но Гегель сам с полным основанием приводил тот взгляд, что первоначально все римляне обращены были в альдиев. Следовательно, не существовало свободных римлян, свободными же в VII в. были вольнотпущенники и их потомки или переселенцы. Таких не могло быть много. Но из них многие действительно могли находиться в среде военного сословия.

Капитулярий Айстульфа от 750 г.

Mon. Germ. Leg., IV, 196

"Гл. 2. О тех, которые могут иметь кольчугу и не имеют, и менее состоятельных, могущих иметь коня и не имеющих: те, кто не может иметь и не может получить ниоткуда, должны иметь щит и колчан. Постановлено, чтобы владеющий семью оброчными дворами имел кольчугу со всем набором и конем, а если сверх того владеет землей, должен иметь коней и остальное вооружение. Также угодно нам, чтобы те которые не имеют оброчных дворов, но владеют сорока югерами земли, имели коня, щит и копье: также о маломощных государю угодно, чтобы они,

если могут иметь щит, имели колчан со стрелами и лук; то же в отношении негоциантов, не владеющих имуществом. Богатые и сильные пусть имеют кольчугу и коней, щит и копье; следующие по богатству – коней, щит и копье, маломощные – колчаны со стрелами и лук".

"Гл. 7. О судьях и старостах, которые богатых отпускают из войска восвояси: кто так делает, да уплатит пеню по слову закона".

* * *

Капитулярий создает впечатление протокола, фиксирующего решения, принятые при устном обсуждении, и устные же волеизъявления. Король требует, чтобы определенная категория лиц имела полное снаряжение с панцирем, другие – коня, щит и копье, беднейшие – только щит и колчан, т.е. лук и стрелы. Угрожают ли тем, кто является с несоответствующим снаряжением, какие-либо наказания и какие именно, не сказано; по-видимому писец просто опустил этот пункт. Имеющий семь наделов должен явиться в панцире на коне, а имеющий больше – с каждых 7 наделов выставить соответствующим образом вооруженного воина. У кого только сорок югеров земли, тот должен явиться на коне со щитом и копьем, маломощные по возможности со щитом, но во всяком случае с колчаном, луком и стрелами; равным образом (торговцы, кустари, ремесленники) не владеющие недвижимым имуществом. Более крупные и состоятельные из них также являются в панцире, средние – на коне, со щитом и копьем.

Об освобождении от службы здесь нет ни слова. Либо король хотел на этот раз, – он намечал отнять Равенну у греков, – на самом деле вывести в поле полное военное ополчение, либо сознавал, что нормы такого рода не имеют никакой практической ценности, если их применение бесконтрольно поручено чиновникам. Но даже те немногие указания, которые фактически даются, отличаются крайней неполнотой и отрывочностью; именно неясно, как должны быть снаряжены имеющие больше 40 югеров, но меньше 7 наделов земли. Непонятно также, что это за люди, которых крупные собственники должны выставлять в тяжелом вооружении с каждых 7 наделов.

Всего интереснее упоминание о "негоциантах". Отсюда мы видим, что в составе военного сословия были не только поселяне, но и горожане. Уже относительно бургундов мы нашли указание (т. II), что далеко не все пришельцы садились на землю, и само собой разумеется, что графы, резиденция которых была в городах, должны были иметь при себе значительную свиту и размещать ее в городах. Уже Гегель[46] обратил внимание, что лангобарды обосновывались в Италии не в деревне, а преимущественно в городах. Ариманны постоянно упоминаются в качестве основного населения городов[47]. В период мира они обычно обращались к каким-либо гражданским занятиям, не забывая при этом, подобно владетелям наделов в деревнях, о своем воинском звании. В качестве аналогии из более позднего времени можно указать привилегию, объявленную гражданам архиепископом Гебгардом Бременским в 1233 г.; он дает здесь обещание, что не

будет mercatores против их желания призывать на военную службу, "за исключением тех купцов, которые в качестве министериалов или в качестве церковников имеют лены от церкви". Следовательно, в Бремене не находились в военном сословии люди, имевшие лены и в то же. время бывшие mercatores.

Призыв Лотара для похода на Корсику. Февраль 825 г.

M. G., I, 324.

"Желаем, чтобы все графы в отношении тех, которые пойдут с ними на Корсику или останутся, придерживались следующего:

1. Мы желаем, чтобы государевы вассалы, служащие при дворе в качестве воинов, оставались. Вассалы, принятые этими последними под свою руку ранее, да остаются со своими сеньорами. Относительно остающихся в их имениях желаем знать, кто они. Имеющие же наши бенефиции обязательно должны выступать.

2. Желаем, чтобы вассалы епископов либо аббатов, остающихся дома, за исключением двух по выбору самого [епископа или аббата], и их свободные воины, за исключением четырех, были все привлечены к несению военной службы и шли за их графами.

3. В отношении же прочих свободных, называемых баригильдами, мы желаем, чтобы графы руководствовались следующим: разумеется, что владеющие состоянием, дающим возможность выступать на свои средства, и притом выказавшие себя годными к военной службе по силам и здоровью, должны идти; владеющие же средствами и, однако, не

имеющие сил для того, чтобы идти самим, да помогают сильному (физически) и малоимущему. Свободные же, не могущие по бедности выступать на собственные средства, но все владеющие некоторым имуществом, пусть объединяются по двое, по трое или по четверо (и в большем числе, если будет необходимость), однако, чтобы по указанию графа помочь идущему в войско; и так порядок этот не должен распространяться только на тех, кто по черезвычайной бедности не может ни сам идти, ни идущему оказать помощь".

Из капитулярия Лотара.
Май 825 г.
M. G., I, 319

"1. Постановляем, чтобы свободные, владеющие таким состоянием, которое дает полную возможность выступить в поход, и не повинующиеся приказу о выступлении на первый раз, подлежали уплате пени; и если вторично окажется, что один из таких пренебрежет явкой, пусть уплатит пеню, т.е. 60 солидов; а если третий раз в том же поступке будет уличен, пусть знает, что потеряет всё имущество или пойдет в изгнание. Относительно свободных среднего достатка, не могущих выступать на свои средства, поручаем верности графов, чтобы по двое, по трое, по четверо или в большем числе, если будет необходимо, оказывали помощь одному наилучшему для несения нашей службы. Те, кто по черезвычайной нищите не могут выступить на свои средства, ни оказать помощь (другому), да пребывают в покое до тех пор, пока не оправятся".

* * *

То обстоятельство, что лангобарды покорились франкам, не рискнув ни на одно сражение, находит себе объяснение не столько в том, что франки были многочисленнее лангобардов, так как через Альпы Каролинги могли перевести только немного войска, – сколько в переходе лангобардов на мирное положение, которому не противостояла никакая ленная система. Из приведенных капитуляриев мы заключаем, что Карл Великий перенес франкскую военную. организацию в свои лангобардские владения. Столь решительно подчеркнутое требование капитулярия, чтобы от групп, образование которых безраздельно предоставляется воле графа, выставлялись физически наиболее годные к военной службе, наводит на мысль, что это распоряжение некоторое время действительно выполнялось, пока вассальное воинское сословие не вступило в свои права.

Согласно следующему капитулярию Людовика II от 866 г. (M. G., II, 94) была предпринята попытка видоизменить старую систему. Он гласит:

"1. Всякий, кто имеет возможность снарядиться в поход на свое движимое имущество, пусть выступает в поход; имеющие половину потребного для того имущества да объединятся по двое, с тем чтобы один из них, более годный для военной службы, мог выступить. Бедняки пусть идут в береговую или внутреннюю охрану; при этом в названную охрану пусть идут имеющие более десяти солидов. А с имеющих движимого имущества меньше чем на десять солидов, да не взыскивается ничего. Если у

отца один сын и этот сын лучше отца, снаряженный отцом да выступает, а если отец лучше, сам да выступает. Если же у него два сына, тот из них, кто лучше, пусть выступает, другой же да остается с отцом, а если у отца много сыновей, все более годные пусть выступают, только один пусть остается, который окажется наименее годен. Согласно капитулярию государя и отца нашего желаем, чтобы при двух неподеленных братьях выступали оба; если таких будет трое, один, который наименее годен, да остается, прочие пусть идут; если таких много, все более годные пусть идут, один, наименее годный, да остается. При этом желаем, чтобы ни в коем случае ни граф, ни сотники не освобождали никого, за исключением одного, оставляемого в каждом графстве для охраны, и двух при супруге графа; епископы же ни одного мирского да не оставляют.

2. Всякий, кто вопреки настоящему указу осмелится оставаться, должен быть немедленно изгнан, а имущество его должно быть нашими посланцами отобрано в нашу казну. Мы желаем, чтобы всем известно было следующее: то, что раньше было отобрано, нашими предшественниками возвращено было владельцам, которые этого добились в силу милосердия наших предшественников. Теперь же знайте наверное, что отобранное имущество нами возвращаться не будет.

3. (Следует перечисление ряда имен и областей). Желаем, чтобы перечисленные подвергали каре уклоняющихся от призыва, заботились об охране и располагали гарнизоны в крепостях. Если какой-либо посланец осмелится пренебречь своей обязанностью, тотчас отобрать имущество у остающегося и его

извергнуть вон, – а если будет уличен, теряет имение. И если граф освободит кого-либо от военной службы или отпустит восвояси своего вассала, кроме упомянутых выше, свои бенефиции теряет; равным образом его сотники, если кого-нибудь освободят, теряют и имение, и должность.

4. Если граф или вассалы наши останутся, задержанные какой-либо болезнью, или аббаты и аббатиссы не вышлют полностью своих вассалов, сами теряют свои бенефиции, а вассалы их (не выступившие) лишаются и собственности и бенефиция. Если вассал какого-либо епископа останется, то теряет и собственность и бенефиции. Если же епископ без явной болезни останется, то пусть искупит вину своего небрежения тем, что пребудет на самой границе до тех пор, пока войско не дойдет туда, куда угодно будет господу богу, чтобы оно дошло.

5. Да будет вам известно: так как этот поход мы желаем выполнить с наивозможно большим войском, постановляем, чтобы епископ, граф или вассал, если окажется задержан не явным нездоровьем, епископ через своего наилучшего посланца, граф и вассалы наши самолично да заявили под присягой, что они остались не по другой какой причине, кроме как из-за неподдельной болезни.

6. Итак мы желаем, чтобы все принесли с собой все боевое снаряжение, чтобы – раз мы предусмотрели это и повелели, записать – не показываться небрежными, но заслужить наше благоволение.

Одежду пусть имеют на один год, а съестные припасы до нового урожая".

* * *

По этому капитулярию в армию вступают имеющие движимое имущество на сумму вергельда (Wehrgeld – выкупная сумма), т.е. 150 солидов; имеющие же половину вергельда в движимом имуществе должны выставлять одного от двух. Допускаются еще некоторые облегчения, если отец и сын или несколько братьев владеют неподеленным наследством.

Значение этого капитулярия для нас неясно за отсутствием данных, сколько людей считались имеющими полный и сколько – половинный вергельд. Во всяком случае было много таких, которые имели еще меньше; то, что они должны были оказаться вовсе за пределами армии и привлекаться только к несению караульной службы или, если они владели менее чем 10 солидами, не призывались вовсе, должно заставить нас отнестись осторожно к капитулярию в целом. И среди людей скромного достатка должны были быть вполне пригодные к военной службе, и среди состоятельных – много негодных. Для войска, в котором крепость и высокая дисциплина тактических единиц не компенсируют слабость отдельных воинов, отбор в зависимости от размеров имущества не есть модус, годный для создания боеспособных отрядов; поэтому трудно не заподозрить, что и здесь, как в эдикте Карла Лысого от 864 г., мы имеем дело исключительно с теорией, конструкциями ретивого придворного советчика, вряд ли имеющими какое-либо соприкосновение с реальной действительностью. Строгость с которой требуется выполнение, и до минимума сведенные диспенсадии

(случаи освобождения) во всяком случае не доказывают, что эдикт выполнялся именно в таком виде.

СКАРА

В своей трактовке скары я возвращаюсь к старым теориям Эйхгорна, Штенцеля, Лоренца, Бертольда, Пейкера, которые оспаривались Вайцем (D. Verf., IV, 514) и Ничем (Nitsch), а затем, хотя и были вновь энергично поддержаны Бальдамусом, но все же приняты не были. Вайи говорит: "Несостоятельным является предположение о том, что якобы существовали целые отряды из королевских дружинников, совершавшие самостоятельно некоторые походы". Напротив, я считаю это не предположением, а фактом, который может быть доказан документально.

Не подлежит никакому сомнению и засвидетельствовано источниками, что при дворах были воинские отряды. В дворцовом уставе Адальгарда (826), дошедшем до нас в извлечении Гинкмара[48], отражены заботы множества людей, которые постоянно находились при дворе. Воины, не имевшие должностей, попеременно пользовались гостеприимством своих начальников; кнехты (слуги) и вассалы находились на попечении своих господ, предоставлявших им возможность жить без грабежа и разбоя.

* * *

"27. А для того, чтобы многочисленные люди, которым постоянно следовало быть при дворе, могли безбедно существовать, им оказывалась поддержка с

подразделением на три разряда. Именно – к первому разряду относились воины, освобожденные от должностных обязанностей в силу простиравшегося на них благоволения и попечения владыки и получавшие то золото, то серебро, то коней, то прочие предметы, служившие к чести и украшению, от времени до времени специально, иногда в той мере, в какой это соответствовало обстоятельствам времени, разумному расчету и их чину. Это было нравственной поддержкой для воинов и воспламеняло их дух к служению королю. Вышеназванные вельможи наперебой изо дня в день то одних, то других приглашали к себе домой, не для потворства чревоугодию, а для того чтобы приблизить их к себе, и бывало так, что в течение недели редко кто не получал приглашения, вызванного побуждениями упомянутого рода.

28. Лица второго разряда соответствовали ученикам, распределенным по отдельным отраслям управления; они, будучи связаны со своим руководителем, воздавали ему почести и сами считали для себя за честь и за счастье представлявшуюся возможность видеть государя и беседовать с ним. К третьему разряду принадлежали как крупные, так и мелкие вассалы и гридни, которым все оказывали широкое гостеприимство, каждый по своему состоянию, насколько могли, чтобы доставить им необходимое и удержать их от преступления, именно грабежа и воровства. Отрадным свойством лиц перечисленных разрядов – если не говорить о постоянно сменявшихся посетителях дворца – было то, что они всегда могли быть использованы, если бы представилась необходимость, и большая часть их в

силу вышеупомянутого благоволения вельмож пребывала в веселии, радости, с духом бодрым, готовые ринуться в бой".

* * *

Находящиеся при дворе воины упоминаются в призыве императора Лотара для похода против Корсики от 825 г.[49]; здесь приводится различие между "государевыми вассалами, воинами, постоянно несущими службу при дворе" и другими, "которые пребывают в их владениях".

Воины, получающие содержание при дворе (не имеющие собственных ленных наделов), часто обозначаются именами "skara", "scarii", "scariti". Когда франкский король размещает свои "скары" в качестве гарнизонов в городах и крепостях, которые он желает обеспечить, то это не могут быть вассалы, имеющие лены, так как такие вассалы по прошествии некоторого времени начинают стремиться домой. "Франков послал для занята Аквитании, равным образом и в Бурже поместил франкский гарнизон"[50].

Продолжатель Фредегара в рассказе о бое Пипина с Вайфаром Аквитанским различает: "Король Пипин разослал на все четыре стороны графов своих, посыльных и телохранителей в погоню за Вайофарием"[51].

О призыве вассалов не может быть и речи в том случае, когда Карл Великикй в 803 г. рассылает свои "скары" в окрестности, куда это казалось ему необходимым, без военных действий в собственном смысле. В тот год он не вел войны, если не считать того, что он расположил свои ополчения в

окрестностях, там, где нужно было[52].

Когда Карл Великий в 804 г. переселяет саксов из гау Вигмодиа в другую местность, он дает им в сопровождение свои "скары". "Послал скары (scaras) свои..., чтобы то племя увести за пределы родины"[53].

В одном документе о разделении герцогства Беневентского от 851 7.[54] каждой из договаривающихся сторон предоставлялось проходить по земле другой стороны с войском и скарой.

"Вам и народу вашему дозволяется пройти по моей земле в боевом снаряжении и со скарой (cum scara) без смертоубийства, опустошений, пожара и грабежа в отношении народа и земли моей и без нападений на замки; в сене, дровах и воде вам не будет отказа".

Когда император Арнульф осаждал Бергамо, – сообщают Фульдские анналы, – "milites palatjni" на глазах государя сражались с особым рвением[55].

Один епископ говорит о неком "ostiarius vel scario"[56], который в дальнейшем называется "vasallus".

Карл Лысый имел (869) конфликт с Гинкмаром, епископом Ланским, отказавшимся последовать приглашению короля; тогда последний выслал свою скару с приказанием привести епископа силой.

"Послал ополчение (scaram) из сколь возможно большего числа графов в Лаон, чтобы силой привели к нему того епископа"[57].

Один раз (877 г.) "scariti" оказываются окружением, свитой пфальцграфа, а не только рядовыми воинами. Здесь предписывается, чтобы в случае, если пфальцграф сам не сможет вести служебные заседания, это делал за него "один из

состоящих в его дружине"[58].

Даже если бы можно было думать, что то или другое из приведенных свидетельств допускает также еще и другое толкование, то все еще остается достаточно данных для доказательства существования при дворах каролингской эпохи вооруженных, которые применялись как в военных, так и в полицейских целях, и между прочим обозначаются словом "scara" и его производным.

Факт этот не меняется от того, что слово "scara" с его производными встречается и в других значениях, а именно "войско", отряд[59], иногда "служба", "работа", которая возлагается на определенные крестьянские дворы и семьи[60]. Наоборот, как раз в этом разветвлении значения слова мы и можем искать его разгадки.

Вайц ограничился указанием на то, что, с одной стороны, слово "скара" вообще "обозначает военные отряды, малые и большие, иногда целые армии, без указания на особую организацию" и, с другой стороны, имеет "совершенно другое значение", особенно посыльная и конвойная служба[61].

Как одно и то же слово могло получить столь различный смысл? Ответ на этот вопрос дается в нашем истолковании: первоначальное значение – служба ратника, сильная вооруженная рука в постоянной готовности в доме господина. Отсюда, с одной стороны, "военный отряд" и далее общее понятие "войско". Так как тогда такие ратники-кнехты содержались не только при королевском дворе, но и каждый отдельный граф, епископ или аббат располагали некоторым их числом, то в общей

сложности они составляли значительную часть всего войска[62], и возможно, что небольшие военные экспедиции совершались ими самостоятельно, без призыва имеющих лены вассалов.

Поэтому во многих других местах, где скареманны выступают в военной роли, трудно бывает установить с определенностью, говорится ли о призыве вассалов, или о тех придворных воинах, которых мы имеем в виду. Так как эти придворные воины несли службу также в качестве вооруженного конвоя, как сторожа, посыльные, привратники, полицейские, то обозначение перенесено было на все эти работы и тогда, когда они выполнялись не подобными должностными лицами, а требовались от зависимых людей, от случая к случаю или возлагались на длительный срок на дворы и семьи. Если работу, посыльную службу и т.п. считать за первоначальное значение слова, то нельзя понять, откуда то же слово получило значение "войско"; если считать первоначальным значением "войско", то нельзя понять, как может обозначаться "скара" как обязанность монастыря, которая возлагается на одного крестьянина Прюмского монастыря – дважды в год ездить на корабле до св. Гоара или Дуйсбурга[63].

К правильному пониманию ближе всего подошел Бальдамус "Das Heerwesen unter den spdteren Karolingern", стр. 69, где собраны и важнейшие места из источников.

Я не могу согласиться с ним только в той мере, поскольку он охранную и полицейскую службу считает основным назначением "скары", говорит о "сращивании" полицейской и военной организации и

находит точку соприкосновения в том, что полицейские отряды рассматривались как часть войска. Речь идет не о сращивании двух различных функций: полицейские функции не являются теми первоначальными функциями, к которым только потом присоединились функции военные, но в основе лежит первоначальное, единое понятие, понятие сильной руки, которая должна обуздать как внутренних, так и внешних противников. Свита, которою окружал себя древнегерманский принцепс и назначение которой "на войне – охрана, в мире – укрепление", разумеется, служила ему и в мирное время не только в целях создания идеального ореола, но и для поддержания авторитета его в практических начинаниях. Скара есть то же самое, но на иной социальной ступени; свита состоит из сотрапезников господина, скара – из гораздо более многочисленных ратников-кнехтов, по большей части естественно несвободных приемников pueri Меровингской эпохи и предшественников министериалов в последующих веках, причем преемственность, конечно, не следует понимать в смысле тождества, так как существенным признаком министериалитета, по крайней мере по господствующему мнению, является несвободное состояние, чего нельзя ни доказать, ни утверждать относительно состава скары. Несвободное состояние министериалов приобретает характер все более шаткий и неопределенный, а с другой стороны – свободные добровольно поступаются своей свободой, чтобы превратиться в министериалов; этот процесс, наблюдаемый нами в более позднюю эпоху, начался, несомненно, гораздо раньше, чем это мы можем прямо установить по источникам. Поэтому, если Бальдамус

оспаривает преемственность министериалов и скареманнов, то он прав постольку, поскольку понятие скареманна не заключало в себе признака несвободного состояния. Но момент свободы и несвободы не есть единственный и решающий в этих -институтах. Этим решающим является ремесло на непосредственной службе одному господину. По существу Бальдамус говорит то же самое: разница между нами, если таковая есть, заключается в формулировке и способе выражения.

Примечание ко 2-му изд. Некоторую обратную аналогию дает, как это указано в IV томе настоящего труда, слово "ландскнехт", которое первоначально означало полицейского и отсюда перешло в обозначение воина.

Глава II

ПОКОРЕНИЕ САКСОВ

После того как мы убедились, насколько малочисленны были армии Карла Великого, особое значение для нас приобретает следующий вопрос: как мог Карл добиться покорения тех германских племен, с которыми некогда не могли справиться римляне с их более крупным и экономически более сильным государством и, вероятно, в десять раз более многочисленными и дисциплинированными армиями? Ведь не только по внешним условиям, т.е. на той же самой территории, но до некоторой степени и по существу борьба между Карлом и Виттекиндом походила на ту, которая некогда разыгралась между Германиком и Арминием. Карл не только принял титул Августа, но, как германец по крови, стремился проникнуться идеей Римской империи и возродить ее, насадив римскую культуру, носительницей которой была церковь, среди населяющих берега р. Везера народностей, сумевших 750 годами ранее отбиться от этого ига. Хотя, несомненно, имели место значительные передвижения, вымирание и переселение целых народностей, все же племена, жившие к востоку и

западу от р. Везера, теперь неизвестно каким образом принявшие название саксов (Тациту это название было еще неизвестно), в сущности были теми же или близко родственными тем племенам, которые устояли против Германика в сражениях в Тевтобургском лесу, при Индистави и у Ангриварийского вала. Они веками сохраняли свободу и свои характерные черты, но в конце концов должны были утратить и то и другое.

Первое крупное различие между эпохой императора Августа и короля – позднее императора – Карла состоит в том, что область, населенная свободными германцами-язычниками, во вторую эпоху была гораздо менее обширна, чем в первую. Правый берег Рейна, Гессен и Тюрингия уже принадлежали королевству франков. Если некогда римляне, двигаясь по долине р. Липпе, достигали Везера, то, не имея прочной связи с тылом и находясь в глубине неприятельской страны, они оказывались под угрозой нападения со всех сторон. Границы государства, доставшегося Карлу, тянулись на протяжении нескольких миль к югу от р. Липпе и доходили до р. Заале. Таким образом, войско франков могло проникнуть в Саксонию как с юга, так и с запада, и в случае надобности совершить отступление по обоим направлениям.

Существенным следует считать также то обстоятельство, что граница Саксонии к востоку доходила только до рек Заале и Эльба; даже западнее Эльбы поселились уже враждебные им славянские племена. Хотя германцы, жившие к востоку от Эльбы, некогда и не вступили в борьбу с римлянами, все же на решение обеих сторон не могло не повлиять то обстоятельство, что за херусками двигались еще другие германские племена, могущие всегда принять участие в войне.

Если задача, стоявшая перед франко-римским императором, была заведомо более легкой, то для выполнения ее он все же лишен был самого существенного вспомогательного средства, которым пользовались римляне при ведении своих войн, – флота, который подвозил бы припасы по Северному морю и вверх по рр. Эмс, Везер и Эльба. Без водных путей и большого флота Карл – в такой же степени, как Германик – не мог бы внутри Саксонии содержать 60–70-тысячную армию. Оперируя же армией, гораздо более малочисленной, он имел возможность обходиться без флота.

Конкретно наш вопрос сводится к следующему: как случилось, что Карл, в конце концов, с гораздо меньшей армией достиг цели, которая для римлян оказалась недосягаемой?

Ответ на это приходится искать скорее у обороняющихся, чем у наступающих. Если бы саксы были, еще таким народом, как некогда херуски, бруктеры, марсы, ангриварии, то конная армия в несколько тысяч человек не представляла бы для них сколько-нибудь серьезной угрозы. Но время и для этих детей природы не прошло бесследно: переход из доисторического первобытного состояния на путь исторического культурного развития к этому времени уже совершился. У древних германцев как у всех варваров, существовало положение, по которому все мужчины были воинами. К VIII в. они из этого состояния уже вышли. Из исторических источников нам известно[64], что в Саксонии насчитывалось большее число свободных и полусвободных. Не исключена возможность, что это произошло вследствие покорения германцев германцами же, с чем и связано распространение названия саксов. Несвободные и полусвободные не могут быть воинами в настоящем смысле этого слова – в том смысле, какой ему придается современниками и единомышленниками Арминия. Саксы еще не достигли такой степени развития, чтобы строить города и жить жизнью горожан; несмотря на это, мы должны себе представить их на той же ступени развития, что и

галлов в изображении Цезаря. Разделение народа на сословия воинов и рыцарей, с одной стороны, и еще мало способных к войне крестьян и горожан – с другой, которое Цезарь нашел в Галлии и какое снова утвердилось в королевстве франков, – такое разделение должно быть довольно заметно проявиться также среди саксов. В противном случае после завоевания не так быстро и легко привились бы среди них социальные отношения, существовавшие у франков. Но если это так, то перед Карлом Великим стояла совершенно иная задача, чем в свое время перед Тиберием и Германиком. Римские полководцы имели возможность вторгаться в Германию только с большой армией и отправлять в глубину страны только очень сильные отряды, ибо без большого перевеса сил они в любой момент могли быть уничтожены. При всей своей храбрости саксы в отдельности не представляли для них такой опасности. В последующих главах мы не один раз увидим, насколько военная мощь зависит от различных ступеней цивилизации. Саксы-язычники находились в хозяйственном и культурном отношении на несколько ступеней выше, чем некогда херуски: в этом заключается основная причина того, что армии, гораздо меньшие, чем некогда армия Вара, могли

решиться на поход в их страну.

Но этим самым изменились не только условия численности войска, но и остальные стратегические условия войны.

Численность римской армии некогда создавала невероятные затруднения для снабжения ее; поэтому римляне всецело были связаны с водными артериями. Менее же многочисленные армии Каролингов могли все припасы возить за собой сухим путем.

Развитие земледельческой культуры также значительно облегчало вторгшемуся неприятелю питание воинов, лошадей, упряжных волов и убойного скота.

Тем не менее задача франков была в достаточной мере трудной. Нечего было и думать о такой стратегии, какую некогда Цезарь применял в Галлии, т.е. когда большая сплоченная армия располагалась в самом сердце страны и при малейшей попытке к сопротивлению всей силой обрушивалась на неприятеля. Такой армией Карл не располагал; посмотрим как поступил король франков.

В 772 г. Карл вторгся из Гессена через Обермарсберг на р. Димель, где он взял крепость Эресбург, и в Саксонию, где он достиг р. Везер и заключил здесь договор с саксами (или же только

с энгернами). Настоящего сопротивления оказано не было, но, несмотря на это, франки, перейдя границу, продвинулись не более чем на 10 миль.

После того как саксы в 774 г. совершили набег на франкские области и дошли до Фрицлара, франки начали годом позже (в 775 г., когда король после покорения лангобардов возвратился из Италии) систематическое наступление на саксов с целью их полного порабощения. Не встречая существенного сопротивления, франкская армия прежде всего овладела обеими пограничными крепостями саксов – Зигибургом (Гогензибург) на р. Рур и Эресбургом, продвинулась до Везера, где армия саксов тщетно пыталась помешать ее переправе, и достигнув р. Оккер севернее Гарца. Один отряд, наступавший по левому берегу р. Везер через Тевтобургский лес и Вигенские горы, подвергся при Любеке нападению саксов и, по-видимому, капитулировал, получив свободу отступления[65]. Между тем остфалы и энгерны уже вступили на р. Оккере в переговоры с Карлом и покорились ему. Когда же армия франков на обратном пути, перейдя Везер, появилась у вестфалов, то и последние смирились и дали заложников.

Эти события не допускают иного толкования, чем-то, что в руководящих кругах саксов

существовала сильная партия, которая встретила бы вступление во франкский союз государств не без удовольствия, а может быть, даже прямо стремилась к нему. Возможно, что некогда большинство херускских князей уже было на стороне римлян: вспомним разговор между Арминием и его братом Флавием, хотя и представляющий поэтический вымысел. Несмотря на предшествовавшую борьбу и разрушение франками их святыни – Ирминового столба, саксы покорились им без решительного боя и без того, чтобы франки заняли значительную часть страны. Расстояние от границы королевства франков до р. Оккер – приблизительно 20 миль. Не исключена возможность, что саксы покорились для видимости, желая льстивыми речами ввести франков в заблуждение, и что Карл согласился на договор только потому, что его конского состава и провианта все равно не хватило бы для дальнейшего похода в глубь страны. Но ход событий убеждает нас в том, что он действительно рассчитывал – и имел основание – на полудобровольное подчинение саксов. Он не только отказался от дальнейшего похода до Нижнего Везера и Эльбы, но в качестве опорных пунктов своего владычества занял только две пограничных крепости – Зигибург и Эресбург.

Когда же в следующем году свободолюбивые саксы восстали, заняли Эресбург и тщетно осаждали Зигибург, Карлу достаточно было только появиться, чтобы тотчас же повернуть события в свою пользу и доставить перевес франкской армии[66].

Уже у истоков р. Липпе, т.е. сейчас же после перехода границы Карлом, саксы большими массами пошли ему навстречу просить пощады и вновь покориться ему. Но теперь для укрепления своего господства он не предпринял ничего, кроме восстановления Эресбурга и постройки – также очень близко к границе – Карлсбурга, точное местоположение которого неизвестно. В следующем (777) году Карл созвал в Падерборне, – в той местности, где саксы покорились ему, близ истоков р. Липпе, – всенародный рейхстаг и собор, на который явились вожди саксов, за исключением вестфальца Видукинда, бежавшего к датчанам.

Когда в следующем (778) году Карл был за Пиринеями, Видукинд снова призвал к оружию своих единоплеменников; они вторглись через границу, достигли Рейна при Дейце, прошли некоторое расстояние вверх по Рейну и вернулись по долине г. Лааны назад. Но из трех франкских крепостей, находившихся в пределах Саксонии,

они заняли только одну – Карлсбург: при возвращении своем они на р. Хдера были застигнуты вернувшимся из Испании франкским войском и потерпели поражение. Когда же в следующем году явился со значительной армией король, о серьезном сопротивлении ему опять не могло быть и речи. Укрепление, сооруженное саксами на границе королевства франков и Вестфалии, к северу от р. Липпе, близ Бохольта, занято было франками. Карл прошел до р. Везер, покоряя всех на своем пути (путь, по которому он прошел, и местность "Медофулли", где он дошел до Везера, установить невозможно). В следующем (780) году он, не встречая сопротивления, впервые дошел до Эльбы севернее Магдебурга, при впадении в нее р. Оры.

В 782 г. в Падерборне, куда легче всего было созвать и франков и саксов, состоялся новый рейхстаг, на котором постановлено было полное и окончательное присоединение Саксонии к христианскому королевству франков. Саксонские аристократы, подобно древним князьям (principes Тацита) стоявшие во главе народа, превращены были в чиновников короля – графов; под страхом смертной казни запрещено было идолопоклонство и поведено крещение; приказано было повсюду назначать духовенство, которое надлежало

снабжать землей и челядью, а в пользу церкви должна была отчисляться десятая часть дохода.

Это превзошло меру терпения саксов[67]. Видукинд вернулся из Дании и в 782 г. У подножия горы Зюнтель жестоко разбил отдельный франкский отряд, предпринявший неосторожное наступление на него. Данные о месте и условиях столкновения настолько противоречивы, что о них невозможно сказать ничего определенного. Несмотря на эту победу, восстание все же не охватило всего народа. Когда появился сам король со своим войском, Видукинд не решился оказать сопротивления, а снова бежал в Данию, остальные же вожди явились к Карлу, свалив всю вину на Видукинда.

При этом, если принять во внимание хронологию событий, Карл не мог привести с собою особенно большой армии. Весною, – но уже тогда, когда было достаточно фуража, – Карл отправился в Падерборн, где им созван был рейхстаг. На обратном пути, по переходе через Рейн, т.е. приблизительно в конце июня, он получил известие о нападении на Тюрингию сорбов и послал против них войска. Последние, узнав в пути о восстании саксов, соединились с другими войсками, приведенными по собственной инициативе графом Теодерихом из Рипуарии, но

были разбиты при Зюнтеле; это вряд ли могло произойти раньше августа или сентября. Если бы даже, как можно предполагать, Карл сейчас же по получении первых известий о восстании саксов издал приказ о призыве, то на мобилизацию и рассылку этого приказа, на вызов вассалов из их поместий, снаряжение бойцов и сбор провианта с крестьян – на все это требовалось значительное время[68]. Поэтому невозможно предположить, чтобы той же осенью войска из более отдаленных местностей успели дойти до р. Везера. По прямой линии расстояние от Парижа до Porta Westphalica – 600 км, что составляет приблизительно 900 км пути и требует, примерно, два месяца на совершение перехода. Рождество Карл праздновал уже в Диденгофене.

Таким образом, достаточно было одного только появления короля с частью) франкской армии, чтобы разоружить саксов.

Карл дошел до самого сердца Саксонии – нижнего течения Везера – и при Вердене велел казнить большое число восставших, – возможно и таких, которым ставилось в вину, что они активно не препятствовали восстанию (осень 782 г.).

Эти суровые меры, как часто случается, не достигли своей цели. Теперь воспламененные жаждой мести саксы впервые восстали

действительно всем народом и в следующем (783) году вызвали франков на открытый бой.

Первое столкновение произошло в Тевтобургском лесу при Детмольде, т.е. приблизительно близ Деренского ущелья, – там, где некогда германцы защищали и отстояли свою свободу. На этот раз саксы были разбиты, но, несмотря на свою победу, Карл в ожидании подкрепления отступил до Падерборна. С чисто военной точки зрения это не находит объяснения. Отступление после победы лишает последнюю одного из важнейших факторов – морального. Если бы победа в действительности была на стороне франков, то они во всяком случае должны были быть настолько сильными, чтобы дожидаться своих подкреплений здесь, на расстоянии двух- или трехдневного перехода до Падерборна. Между тем отступление должно было произвести впечатление поражения и, по меньшей мере, вызвать сомнение в успехе франков, придать бодрость колеблющимся саксам и привести их в лагерь Видукинда. Так как бой при Детмолъде действительно произошел, и франки, по всей вероятности, не были разбиты, ибо их поражение неизбежно имело бы более серьезные последствия, то связь событий можно, очевидно, объяснить таким образом: Карл сначала выступил с очень

малочисленным корпусом в расчете на то, что саксы вновь без дальнейшего сопротивления покорятся и, возможно, даже сразу же примкнут к нему. Бой при Детмольде был, по-видимому, не очень значительным, но во всяком случае он убедил короля в намерении саксов на этот раз оказать ему серьезное сопротивление. Он понял, что совершил ошибку, выступая с незначительными силами, и что, несмотря на победу к северу от гор, его армия находится в весьма опасном положении. Не имея другого выхода, он вынужден был примириться с отрицательными моральными последствиями отступления, чтобы прежде всего занять надежные позиции, на которых он мог выждать прихода двигавшихся вслед за ним воинских частей. Уже через короткое время он вновь смог перейти в наступление и одержал на р. Газе (возможно, что при Оснабрюке, – место с точностью не установлено) решительную победу. Это произошло немногим больше чем через 4 недели после Детмольда. Опустошая страну, франкская армия победоносно перешла Везер и достигла Эльбы. Хотя осенью она опять отошла, – 9 октября Карл находился в Вормсе, а рождество и пасху праздновал в Геристале на Маасе, – но весною (784 г.) она снова выступила,

переправилась через Рейн при впадении в него р. Липпе и достигла Везера ниже Миндена, при Гукульби (Петерсгаген). Здесь Карл разделил армию на части, так как, очевидно, больше нечего было опасаться сплоченного сопротивления саксов. Один отряд под командой его старшего сына Карла вернулся в Вестфалию и позднее дал сражение на р. Липпе; сам король сначала двинулся на юг, в Тюрингию, и отсюда снова проник в северную часть Остфалии. По государственным летописям, большие наводнения были причиной тому, что Карл из Гукульбы не продвинулся дальше на север или же прямо на восток. Можно, однако, предположить, что тут немалую роль играл и продовольственный вопрос: отправляясь сперва в старую имперскую провинцию – Тюрингию, он мог рассчитывать запастись там всеми необходимыми припасами.

Хотя остфальцы, по-видимому, теперь покорились, все же войну необходимо было продолжать, и Карл решил на этот раз и зимой не дать отдых строптивым. Проникнув с юга (король праздновал рождество в Люгде на р. Эммере, в 3 S милях восточнее Детмольда, недалеко от левого берега Везера), франки добрались до Porta Westphalica (Реме); дальше продвинуться они, однако, не решились, а снова отошли на 10 миль

назад, до пограничной крепости Эресбург (Обермарсберг), где Карл провел всю зиму, и откуда его отряды все время беспокоили пограничные сельские округа (Gau; франкский летописец, говоря о набегах, распространяет это на все сельские округа, что явно преувеличено). Провиант ему приходилось, как определенно указывает на это летописец, доставлять из франкских областей. Весною же он велел провести столь обширную подготовку, что теперь у него была возможность проникнуть до Барденгау на нижней Эльбе. Но Карл был достаточно государственно мудрым человеком, чтобы, добившись этого успеха, со своей стороны вступить в качестве победителя в переговоры с бежавшим за Эльбу Видукиндом и предложить ему мир и дружбу. Так как Видукинд, вполне осознав безнадежность своего положения, явился ко двору Карла Великого и дал себя крестить, то этим (785 г.) война, начавшаяся с восстания летом 782 г. и продолжавшаяся три года, была закончена.

Хотя возобновившиеся впоследствии передвижения и бои, которые длились от 793 до 804 г. и были довольно значительными, но с точки зрения военно-исторической они интереса не представляют. Война эта заключалась

исключительно в опустошительных набегах. Только остэльбские саксы в Гольштейне еще раз оказали сопротивление в открытом бою. Для покорения их Карл неоднократно прибегал к помощи славян, ободритов и вильцов. Массовый увод саксов для переселения их на франкские земли – вот та решительная мера, которой в этом Десятилетии пользовался Карл для умиротворения страны. Когда ему однажды снова пришлось потратить зиму на успокоение саксов (797 – 798 гг.), то он разбил свои лагерь уже не при Эресбурге, а дальше на восток, при впадении р. Димель в Везер при Геристале (Heerstelle – место расположения войск). Римляне, когда они продвигались от Ализо далее, брали направление в полоборота на север к Porta Westphalica, так как желали иметь связь со своей промежуточной базой. Карл же и теперь еще старался оставаться возможно ближе к коренным римлянам.

Это различие лишний раз заставляет нас провести параллель между способами ведения этой войны и войны римлян на той же территории. Римляне строили стратегию своей войны на использовании водных путей, главным образом р. Липпе, и на возможности устройства большого интендантского склада на верхней Липпе в Ализо. Это место, носящее в настоящее

время название Падерборна, играло большую роль также во время каролингских походов, но это является лишь случайным совпадением. Причины, приведшие войска в одну и ту же местность, носят совершенно различный характер. И Карл пользовался несколько раз водным путем по р. Липпе[69], но его главная линия наступления шла с юга из Гессена до р. Везер. Уже одно то обстоятельство, что Гессен и Тюрингия принадлежат к его королевству, создает для него совершенно иное положение, чем мы видим у римлян. Отправляясь из этих провинций, он всегда мог быстро подойти до р. Везер и находиться в глубине страны. Но нам ничего не известно о том, что для подвоза провианта он пользовался р. Фульда. Хотя Карл отлично понимал значение водных путей для снабжения армии и с этой целью предпринял даже прорытие канала, соединяющего рр. Майн и Дунай, но для походов против саксов это никакой роли, не играло. Больших складов не было создано, контингенты, несмотря на свою малочисленность, сами должны были привозить свои запасы; к тому же первые походы (772 и 774 гг.) были произведены осенью – в такое время, когда р. Липпе вообще не судоходна.

Несомненно, что вопрос снабжения армии в

каролингской стратегии играл решающую роль. Наступления прерывались неоднократно там, где решительная тактика, казалось бы, требовала их продолжения, – прерывались без встречи сопротивления со стороны неприятеля. Причину этого следует искать не в чем ином, как в трудности снабжения армии. Нельзя не считать громадной заслугой короля франков то, что ему, в конце концов, удалось без содействия прибывавшего навстречу ему из Северного моря флота добраться до нижнего Везера и нижней Эльбы, ибо сама страна безусловно предоставляла вторгшемуся неприятелю лишь очень незначительные средства для пропитания.

Когда весною 16 г. главные силы римской армии были расположены при Ализо и выжидали там прибытия флота по р. Везер, то полководец использовал это время на сооружение дорог к Рейну (см. т. II). Когда Карл зимою 784/85 г. разбил свой лагерь при Эресбурге и оттуда напирал на саксов, то и он, по государственным летописям, действовал таким образом[70].

Интересно выяснить, как могло произойти, что римляне, прокладывая дороги, с целью поддержки своих военных операций в этой местности, выбрали для своей базы город на верховьях р. Липпе и что Карл поступил так же,

избрав лишь для этой цели место на верховьях р. Димель, приблизительно в 5 милях южнее, чем римляне.

Римлянам для устройства больших складов нужен был пункт, имевший сообщение с водными путями и возможно глубже вдавшийся в неприятельскую область. Такую водную артерию представляла р. Липпе, хотя она и высыхала в середине лета (наименьший ее уровень был в сентябре, см. т. II), но весною она, тем не менее, представляла наилучшие условия для подвоза снабжения почти что до самых ее истоков; таким образом, стоявшая там грандиозная армия всегда способна была удержать выдвинутый вперед пост или, в случае надобности, снять его.

Карл со своими вассальными войсками не только не мог защищать слишком далеко выдвинутый пост, но при малочисленности своего войска и системе самоснабжения отдельных отрядов не нуждался в вещевых складах и водных путях. Зато он имел возможность нападать на саксов не только со стороны Рейна, но и из Гессена. Таким образом, его главный склад оружия должен был в первый период боя находиться на месте соединения двух операционных линий, идущих с Рейна и с Майна, т.е. на верховьях р. Димель близ Эресбурга. Если

бы Карл, предположим, выбрав операционной линией долину р. Фульда, сразу же устроил свою базу на Везере, то этот прямой путь на запад к Рейну оказался бы слишком длинным. Но если бы он сразу обосновался в верховьях р. Липпе, то слишком глубоко вдался бы в неприятельскую страну. Наконец, если бы он расположился в долине р. Рур, примерно в местности около Брилона или Рютена (на р. Моне), у него было бы слишком плохое сообщение с Гессеном.

У Эресбурга же сходились все имевшие для него значение пути: с юга – через долины рек Эдер и Иттер, с запада – пути вдоль рек Рур и Моне, с востока – вниз по течению р. Димель к Везеру и с севера – через Синтенфельд к верхней Липпе в Падерборн и к ущельям Тевтобургского леса.

Естественно возникает вопрос, отчего Карл не основал Падерборн прямо на месте слияния рек Альмы и Липпе, а на расстоянии доброй полумили от этого места, на ручье Падере? В связи с этим находится вопрос о Гельвеге (Hellweg) – знаменитой дороге, ведущей не вдоль одного из притоков Рейна, а параллельно, между реками Рур и Липпе, из Падерборна через Зест, Унна, Дортмунд к Дуисбургу.

Этот вопрос недавно и, как нам кажется,

окончательно разрешен Карлом Рюбелем в его неоднократно цитированных здесь трудах. Hellweg проложена Карлом Великим именно в эпоху войны с саксами. Она соединяет ряд устроенных в особо плодородной области новых доменов, представляя, таким образом, этапную дорогу, по которой не слишком многочисленное войско могло на каждом этапе снабжаться продовольствием. Название "Hellweg" могло означать дорогу, по которой при вторжении неприятеля раздавались сигнальные зовы. Эта дорога заменяла франкскому монарху те удобства, которые для римлян имел водный путь по р. Липпе. Для Карла водный путь, целыми месяцами – летом и осенью – несудоходный, не имел существенного значения. Поэтому он основал город (заканчивавшийся в долине Hellweg, от которой дороги вели по разным направлениям в горы) на таком месте, где раньше были обильные источники с отличной водой, силу течения которых можно было использовать и для мельниц.

Дороги по образцу Hellweg с устроенными близ них доменами прорезывали всю саксонско-франкскую пограничную область в долинах рек Рур, Липпе, Димель как вдоль этих рек, так и через них, соединяя бассейн одной реки

с другой. Впоследствии Карл Великий, без сомнения, устроил по всей Саксонии такие этапные дороги с доменами около них. Недавно Шухгард (Schuchhardt) доказал вероятность предположения, что, например, г. Ганновер, расположенный на том месте, где р. Лейне становится судоходной, возник из такого основанного в эпоху Каролингов этапного пункта[71].

В заключение возникает еще один вопрос: если местность около Падерборна в стратегическом отношении имела одинаково важное значение как для римлян, так и для Карла Великого, то как произошло, что эта местность впоследствии никогда никакой роли не играла, и Падерборн не развился в крупный центр? Ответом не этот вопрос может служить та истина, что стратегическое значение какого-либо пункта не является абсолютным, а помимо неизменных географических условий зависит и от исторических условий данной эпохи. Так, например, Бибракте и Алезия ныне деревни, а Париж при Цезаре еще никакой роли не играл. То, что Друз и Карл Великий устроили базу поблизости слияния рек Альме и Липпе, является лишь случайным совпадением; основания для этого у обоих были различны. Позже произошли

некоторые изменения даже в природных условиях, В Средние века на каждом водном пути сталкивались интересы судоходства и мельничного дела, имевшие как одно, так и другое большое значение. После того как роль главной артерии движения от р. Липпе перешла к Hellweg, мельницы на этой реке, и без того судоходной не более двух третей года, взяли верх и совершенно вытеснили судоходство. Попытка, сделанная в 1486 г. городом Зест, отвоевать для себя право пользования водным путем Липпе хотя и представляет интерес как доказательство правильной оценки важности этой реки для судоходства, но эта попытка, как и можно было ожидать при политической разрозненности тогдашней Вестфалии, окончилась неудачей.

Без водного пути и Падерборн не смог развиться в большой центр.

Глава III

ИМПЕРИЯ КАРОЛИНГОВ, НОРМАННЫ И ВЕНГРЫ

Государство Карла Великого абсолютно лишено было внутреннего единства, – оно явилось лишь делом династии (Каролингов), семьи Арнульфа. По германскому закону наследования все сыновья пользовались одинаковыми правами на это семейное владение; попытка (817 г.) изданием эдикта о престолонаследии согласовать единство государства с правом наследования привела лишь к семейным распрям. Эти внутренние раздоры династии в свою очередь способствовали полному развитию и победе нового политического принципа ленного права я окончательно уничтожили старый принцип – союз подданных, который при Карле еще господствовал, хотя и теоретически. Сыновья Людовика Благочестивого, боровшиеся со своим отцом и друг с другом, должны были стараться приобрести приверженцев; получали они их ценой отказа от сохранившегося до того времени понятия о государственной должности: если теперь король назначал графа, то он уже не являлся более чиновником, которого можно было

сменить, а назначение это рассматривалось как пожалование леном. Король не мог по своему усмотрению взять его обратно, а если после смерти такого графа оставался сын, то последний заявлял о своем желании занять место отца и получить в лен то же графство. Это логически вытекало из природы вещей: так как фактического контроля графского управления со стороны центральной власти почти не существовало, то только тесная связь графства с личными и семейными интересами графа могла в известной степени служить порукой приемлемых отношений и ставить границы слишком беззастенчивым злоупотреблениям. Меньше же всего могла подчиняться сменяемым чиновникам военная организация, построенная на вассальстве и ленной системе.

Но с превращением графств в лены королевская власть утратила свой былой авторитет. Снова создалось такое положение, как при последних Меровингах. Король Пипин и Карл Великий смогли восстановить и сохранить королевский авторитет благодаря тому, что они соединили под единой властью громадное государство. Граф, не исполнявший их приказов, должен был опасаться их немилости. Графы же Людвига Немецкого и Карла Лысого, а тем более

их преемников, выполняли королевские приказы лишь постольку, поскольку это им было желательно. Короли не имели даже возможности проявлять строгость по отношению к отдельным графам: последним защитой служила сословная честь других графов, к помощи которых король вынужден был обращаться при возникновении раздоров внутри династии.

Та же ленная система, которая ранее создавала государству Каролингов квалифицированное войско, теперь служила причиной его распада.

В этот момент в Западной Европе появился новый страшный враг – последние остатки варваров-германцев, пребывавших еще в первобытном состоянии, – язычники-норманны.

По вопросу о том, почему франки, столь могущественные до тех пор, не смогли защитить свою страну от норманнов, выдвинуты были самые разнообразные предположения; говорилось даже об уменьшении народонаселения вследствие многочисленных войн Карла Великого. В действительности же можно предполагать, что отсутствие в продолжении нескольких поколений гражданских войн и затем почти полный мир при Людовике Благочестивом, до 830 г., значительно способствовали и процветанию страны в хозяйственном отношении и росту ее населения.

Но именно благодаря небольшим требованиям, предъявляемым Карлом к отдельным сельским округам (Gau) в отношении контингента войск, а также благодаря спокойствию, царившему при Людовике, военным опытом и военными способностями стали обладать лишь чрезвычайно ограниченные круги. Пока существовала центральная власть, пользовавшаяся неограниченным авторитетом, все же можно было собрать значительное войско. Но с тех пор как центральная власть утратила свой авторитет, а король зависел от доброй воли графов, епископов и вассалов, собрать призываемых из более отдаленных областей стало невозможно.

Здесь создались такие же условия, как в Римской империи после прорыва лимеса. Армии норманов несомненно были не сильнее, а скорее даже слабее, чем некогда германские армии, опустошавшие в IV и V вв. римские провинции. Викинги пришли из Дании и Норвегии – стран малых и неплодородных, которые ни в коем случае не могли кормить многочисленное население. Возможно, в этих походах иногда принимали участие и шведы, но их взоры тогда направлены были, главным образом, в противоположную сторону: под именем варягов они покорили Россию и в Константинополе

встретились со своими соплеменниками, приплывшими туда на ладьях через Гибралтар и Средиземное море. Норманны навели страх на Европу не своей численностью, а тем что в их лице как бы вновь появились те же дикие, воинственные германцы, перед которыми дрожал древний Рим, когда вторглись кимвры и тевтоны, и которые через полвека окончательно сокрушили Римскую империю

Ход событий виден отчетливее всего в истории англосаксов. Здесь король Экберт, когда начались набеги викингов, как раз завершил слияние отдельных англосаксонских государств на Британских островах в единое королевство (в 827 г.). Можно было ожидать, что крупное германское государство с легкостью сумеет оборониться от кучки морских разбойников. Но от той военной мощи, при которой их предки четырьмя веками ранее завоевали остров и покорили кельтов, уже не осталось и следа. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим ход событий, как, в конце концов, прежнее германские завоеватели подпали здесь под полное владычество сперва датчан, а затем офранцузившихся норманнов.

Менее пострадали франкские государства, в которых, благодаря условиям ленной зависимости,

сохранилось больше военной силы, чем у англосаксов. Но и франкских ленных войск было недостаточно, чтобы отразить нападение викингов. Прежде всего Карл Великий не обладал, по выражению Ранке, половиной всякой военной силы, а именно – морской силой. Он сам сознавал этот недостаток и велел строить корабли (в 800 г.), но, вероятно, их успели построить немного, ибо, когда в 810 г. на 200 кораблях снова появились норманны, они безнаказанно разорили Фрисландию. При Людовике Благочестивом, когда, казалось бы, было достаточно времени и средств для создания морской силы, для этого ничего не было предпринято, а во время разразившихся затем гражданских войн такое напряжение, какого требовала постройка флота, было невозможно. Обладание флотом и искусство управлять им давали норманнам возможность неожиданно появляться то у одних, то у других берегов – и пусть их было всего лишь несколько тысяч человек, но сколько времени уходило на то, чтобы собрать вместе и привести несколько тысяч вассалов! Раньше чем эти войска приходили, неприятель давно уже успевал удалиться с добычей. Поэтому для более отдаленных графов легко возникал соблазн не начинать похода, связанного с крупными расходами, оставаться

дома и беречь силы своего графства.

Однажды для обороны от страшного врага призвали и крестьян, но хотя их собралось несметное количество, норманны, как передает хроникер, истребили вооруженную, но совершенно необученную военному делу простую толпу, вырезав ее, как скот[72]. Крестьяне, рипуарские франки, при столкновении сейчас же обратились в бегство.

Норманны сожгли Кельн и Аахен, дошли до Кобленца и даже до Трира и, наконец, в то время как император Карл III находился в Италии, осадили Париж. Одновременно с этим берега Средиземного моря, особенно Италии, подверглись нападению сарацинских пиратов, разграбивших Неаполь и собор св. Петра в Риме.

До этого момента события вполне понятны. Достаточно вспомнить, как беспомощен был древний Рим против набегов германских орд, малочисленность которых нам теперь известна. Но трудно объяснить себе, каким образом не могли осилить норманнов даже тогда, когда удавалось собрать военные силы всей империи, причем норманны, вместо того чтобы возвращаться к своим кораблям, принимали сражение.

Прежним нападениям и опустошительным

набегам норманнов благоприятствовало их превосходство на море (благодаря которому они могли неожиданно появляться всюду), а также раздоры внутри династии и междоусобные войны франков. Наконец, империя вновь объединилась под властью Карла III, сына Людвига Немецкого. Теперь казалось бы, наступил момент, когда следовало ожидать, что удастся собрать большое войско, которое сокрушило бы норманнов при первой же встрече. Но этого не случилось.

Уже однажды Карл III в качестве короля остфранкского государства, Лотарингии и Италии собрал большую армию и повел ее против норманнов, разбивших укрепленный лагерь при Ашлоо (Эльслоо) на р. Маас. Так как даже итальянцы прислали подкрепление, то можно предположить, что франкская армия действительно была внушительных размеров. Но, вместо того чтобы пойти в наступление против норманнов, Карл заключил с ними договор, по которому их вождь Готфрид дал себя крестить, женился на каролингской принцессе и получил в качестве места поселения для себя и своих войск (Schien) часть Фрисландии; кроме того было заплачено 2 412 фунтов золота и серебра (882 г.). По свидетельству современников, армия выказала недовольство этим соглашением и предпочла бы

сражаться. Во всяком случае, можно полагать, что император и его советники считали, что мирное присоединение норманнов к государству принесет ему большую пользу, чем стоявшая все же под сомнением победа.

Но такое объяснение событий с политической точки зрения отпадает при рассмотрении событий под Парижем. Карл, собрав все военные силы империи, появился на правом берегу Сены и занял Монмартр. Норманны отошли на левый берег; но здесь они удержались. Теперь, казалось бы настал момент для большого и решительного сражения. Но Карл на это не отважился, а заключил с норманнами новый договор, по которому он обязался дать им 700 фунтов серебра в виде выкупа за Париж и предоставил им для зимних квартир Бургундию, выбравшую графа Бозо королем и желавшую отколоться от империи.

Современники приписали всю вину за этот позорный договор совершенно неспособному, трусливому королю и объявили его приближенных изменниками. Возмущение было так велико, что вскоре после этого Карл III был свергнут. Однако, с точки зрения военно-исторической дело этим не исчерпывается. Не подлежит никакому сомнению, что этот Карл отнюдь не походил на героя, но если бы войска и

их вожди проникнуты были безусловной верой в победу, то среди франкских магнатов наверное нашлись бы такие, которые, опираясь на свой авторитет, могли бы заставить императора назначить герцога, который повел бы их в бой.

Мы должны постараться разобраться и в тех моментах, которые могут служить объяснением решения императора, принятого им наверное не без обсуждения в военном совете.

Иногда, правда, франкским королям удавалось победить норманнов, как, например, несколькими годами ранее королю Людовику Заике при Сокуре(881 г.) и королю Арнульфу, преемнику Карла III, при Левене десятью годами позже (891 г.). Но эти победы, в том числе и второе столь прославленное сражение, не могли иметь большого значения, ибо, если даже рассматривать как неуместное хвастовство сообщение летописца, будто бы франки вообще потеряли всего одного воина, то во всяком случае никаких значительных прямых последствий это сражение не имело. Уже через несколько недель норманны снова укрепились на том же месте, где они только что потерпели поражение, и оттуда совершили грабительский набег до Бонна, а затем и на Арденны.

Для сравнения следует привести образ

действий короля Генриха I Саксонского, поколением позже против других варваров – венгров, угнетавших тогда все западные страны. Генрих, оставивший после себя славу могучего монарха, предпочел в течение 9 лет платить венграм ежегодную дань и этим даже не обеспечил безопасность всей империи, а только своего герцогства – Саксонии. Нельзя предполагать существенного различия между военными способностями немцев в 924 г. и франков в 886 г. Таким образом, мы должны выяснить и раз навсегда считать исходной точкой нашего исторического понимания тот факт, что объединенных сил громадной каролингской империи и еще достаточно крупных образовавшихся из нее отдельных королевств еле хватало на то, чтобы кое-как поддерживать равновесие в борьбе со вторгшимся мелким варварским народцем. Поэтому победа в каждом отдельном случае зависела от случайных обстоятельств и, главным образом, от личности вождей. Венгры были, в конечном итоге, разбиты в открытом бою Оттоном Великим, сильной рукой собравшим военные силы всей Германии. Норманны же ни разу не потерпели настоящего поражения; часть их окончательно осела на Британском острове, другая часть, под властью

герцога Ролло, поселена была в 911 г. у устья Сены согласно договору, заключенному с той же целью, какую преследовал Карл III при заключении договора в Эльслоо (не считая более ранней попытки). После принятия в течение X в. Данией и Норвегией христианства остатки этих народов были также включены в семью культурных народов Западной Европы и понемногу утратили свой опасный, чисто воинственный характер.

Таким образом, морские походы викингов – не только по происхождению и характеру, но также и по своим результатам совершенно аналогичны нашествиям германцев во время Великого переселения народов; часть их участников, в конце концов, поселилась в опустошенных дотла областях. Но различаются они в том отношении, что Франкская империя не была так беззащитна, как некогда Римская. С тех пор как исчезли постоянные кадры дисциплинированных легионеров, римляне едва ли могли создать из своей среды более или менее боеспособное войско; они не могли обороняться иначе, как посылая в бой одних варваров против других. Когда Гензерих напал на Карфаген, его защитниками были готы; с помощью герулов, лангобардов и гуннов Нарсесс победил готов. Франкское,

англосаксонское и позже германское государства боролись с норманнами и венграми, побеждая или терпя поражения, во всяком случае собственными силами и войском из своего города. Если бы, как предполагали раньше, франкская армия еще при Карле Великом была крестьянской; если бы, другими словами, общая масса населения была хорошо подготовленной и боеспособной, то было бы совершенно необъяснимо, почему уже спустя одно поколение после смерти императора этот же многомиллионный народ не сумел обороняться от варварских нашествий. В каролингской империи даже среди германских племен боеспособностью обладал лишь ограниченный слой населения. Уже армии Карла Великого, как мы видели выше, были весьма малочисленны; поэтому и его правнуки не могли собрать крупные боеспособные армии, а только более или менее многочисленные отдельные отряды рыцарей.

Вернемся еще раз к положению Карла III во время осады Парижа. Уже в продолжение почти целого года (с ноября 885 г.) стояли норманны под городом, жестоко штурмовали его и временами окружали таким плотным кольцом, что проникнуть внутрь и выбраться наружу можно было только либо тайком, либо силой Париж был уже большим городом.

Если сообщения хроник, что норманнов было 30 000 или даже 40 000 человек, лишены основания, то все же их армия была довольно многочисленной, и когда Карл подошел со своим войском для снятия осады, то норманны не приняли сражения в отрытом поле, а отступили в укрепленный лагерь на левом берегу Сены Итак, перед франками стояла задача либо взять этот лагерь штурмом, либо окружить его и взять измором. Имел ли бы штурм какие-либо шансы на успех, остается под большим сомнением. Представим себе Юлия Цезаря в аналогичном стратегическом положении; нет сомнения, что он окружил бы неприятельскую армию и палисадами и измором принудил бы ее, в конце концов, сдаться. Для этого необходимо было располагать запасами провианта на достаточно долгий срок; казалось бы, что и император франков имел полную возможность перебросить все нужные припасы по прекрасным водным артериям Рейна и его притоков. Но для этого недоставало необходимых административных предпосылок. Не надо забывать, что призыв вассалов при Каролингах построен был на принципе, что каждый отряд сам подвозит свое довольствие. Карл уже с августа 886 г. находился поблизости от Парижа, между тем сбор закончился лишь в

ноябре; очевидно, отряды собирались весьма медленно. Когда прибыли последние отряды, то первые уже успели уничтожить свои трехмесячные запасы продовольствия. Не было опытных и находчивых поставщиков, которые сумели бы за наличные деньги извлечь от населения даже небольшие запрятанные запасы и организовать подвоз из более отдаленных областей. Приказы о поставках из ближайших, дотла опустошенных норманнами, окрестностей Парижа ни к чему не привели, а на далеком расстоянии от театра военных действий король не пользовался достаточным авторитетом, чтобы его именем можно было силой реквизировать и доставить имеющиеся запасы.

Если вернуться к временам Карла Великого, то мы увидим, что условия войны по существу были те же, – тем не менее из этого нельзя вывести заключение, что и при таком могущественном монархе могло случиться нечто подобное. Хотя с точки зрения военной техники изменения, происшедшие в промежуток времени между ним и его правнуком, и были ничтожными, но тем значительнее они были в политическом отношении, и от этого политического момента зависели также отдельные военные действия. При Карле Великом не дошло бы до осады Парижа и

до выкупа его у неприятеля, так как с самого начала последний встретил бы другой отпор. Норманны обязаны своими военными успехами не только своей собственной необузданной храбрости, а прежде всего разладу среди франков, распаду империи, междоусобной войне. Первые победы и успехи, доставшиеся им благодаря этим обстоятельствам, дали им все более усиливавшийся моральный перевес и уверенность. У франков было как раз наоборот: не только потому, что они были преисполнены неописуемым страхом перед неистовыми берсеркерами, но прежде всего и потому, что авторитет королевской власти, даже и после восстановления единой империи, надолго оставался парализованным. В истории войны Цезаря в Галлии мы установили, что одна из самых существенных причин побед римлян заключалась в их превосходстве в административном отношении. Точно так же последней и решающей причиной постыдного соглашения Карла III с норманнами под Парижем вероятно послужило не что иное, как административная неспособность связанной феодализмом королевской власти в продолжение зимы прокормить армию, собранную с такими усилиями. Карл Великий обладал еще достаточной властью над своими графами, чтобы

держать в своих руках армию и заставить графов дать необходимые для нее припасы.

Во время осады часть осаждавших, под предводительством морского короля Зигфрида, за выкуп в 60 фунтов серебра дала себя уговорить отойти; но лишь только Карл заключил договор с осаждавшими и отступил, как король Зигфрид, узнаем мы, появился снова и, преследуя его, поднялся вверх по течению р. Уазы, Фульдские анналы сообщают, что именно приближение армии Зигфрида побудило Карла заключить договор. Однако, из фактического положения вещей это не вытекает, и вопрос, черпал ли летописец свои сведения из подлинных источников, остается открытым. С таким же успехом можно было бы привести аргументы противоположного порядка, а именно, что приближение новой армии как раз предоставило бы франкам возможность пойти навстречу и дать открытой сражение. Победа дала бы им моральный перевес и повлияла на принятие решение наступать на укрепленный лагерь норманнов под Парижем.

Но так как мы не располагаем достаточно точными данными о фактическом положении вещей, то нет смысла разбираться в таких возможностях. Остается факт, что правитель

объединенного королевства франков в своей же стране не отважился наступать на какие-то банды пиратов, проникшие в нее, побороть и наказать их, что в свою очередь служит явным свидетельством крайней военной слабости этого королевства франков.

ОСАДА ПАРИЖА

Кроме кратких сведений в хрониках и летописях, имеется подробное описание осады Парижа в героической поэме лично пережившего эту осаду монаха Аббо[73]. Его гекзаметры до такой степени вычурны, претенциозны и напыщенны, что смысл их часто еле понятен. К сожалению, в этом повествовании чудеса св. Германа играют большую роль, чем собственно военные события. В сущности, единственные конкретные данные, которые оно дает нам по истории войны, состоят в том, что обе стороны широко пользовались луком и стрелами.

До сих пор, насколько мне известно, все исследователи, как немцы, так в французы[74], полагали, что франки с самого начала оставили предместья на правом и левом берегу Сены и защищали только "citй", – цитадель, расположенную на острове. Мне это представляется, однако, невероятным.

Остров вообще так мал, что на нем никоим образом не могло бы в продолжении года укрываться все население такого большого города, каким по описаниям того времени был Париж; некоторые подробности осады несовместимы с таким

предположением; места же, кажущиеся противоречивым, допускают также иное толкование. Вопрос этот связан с вопросом о мостах. Норманны прежде всего повели приступ на башню, прикрывавшую конец одного моста на северном берегу. Когда им не удалось сломить отпор мужественных защитников, они силой восточного ветра направили на мост 3 брандера, которыми посредством канатов управляли с берега.

Это производит впечатление, будто северный берег всецело был в руках осаждавших. Но этот приступ не привел к цели, так как брандеры прибило к каменным быкам моста, и франки их потушили. Через несколько дней (6 февраля 886 г.), на счастье осаждавших, мост разнесло течением реки. Теперь защитники лишены были возможности получить подкрепление. Норманны штурмовали башню одновременно со всех сторон, подожгли ее и, наконец, заняли. Все защитники погибли. Если все это относится, как по всему вышеизложенному приходится заключить, к той же башне и к тому же мосту, которые осаждались с самого начала, то у франков теперь окончательно была порвана связь с северным берегом, и невозможно предположить, чтобы она могла быть восстановлена во время осады. Но дальше мы читаем, что графу Одо, сделавшему вылазку на север к Монмартру (к вершинам Марсовой горы – Монмартру), удалось опять пробиться обратно к воротам (Аббо, II, 195–205), и, когда Карл подошел к городу, он вошел в него с этой стороны. Некоторые исследователи (Мартин, Тараюн, Дальман, Калькштейн) относят эту потерянную башню на мосту к соединению острова с южным берегом. Такое

толкование не только весьма насильственно, но против него по существу можно возразить, что если бы речь шла о штурме только крепости на острове (за исключением обоих предмостных укреплений), то все описание осады должно быть иным. Беспрестанно говорится об осадных сооружениях, подвозившихся норманнами, и о снарядах, которые они бросали в город, а один раз рассказывается (Аббо, II, 146–150), как при процессии с реликвиями вокруг стен крепости в голову одного из хоругвеносцев попал камень, брошенный язычником; другой раз (II, 321) упоминаются церкви близ стен, куда спаслись норманны.

Таким образом, отдельные эпизоды этого рассказа можно согласовать только в том случае, если удастся связать защиту северной башни и особенно историю с брандерами с тем, что заодно защищалась Целая часть города на северном берегу Сены. Я считаю это вполне возможным.

Существует документ[75], из которого явствует, что Карл Лысый построил в 861 или 862 г. в Париже мост. Является ли документ подделкой или нет – для нас значения не имеет. "Угодно нам вне пределов вышесказанного города, выше земли обители святого Германа, что находится в предместьи, издревле называемом Оксеррским... навести большой мост". Этот мост за пределами города, находившийся на территории монастыря св. Жермена Оксеррского, мог быть построен только на западном конце острова, который в те времена, судя по документам простирался на меньшее расстояние, чем в настоящее время. Неверное предместье могло начинаться дальше к востоку от него. Таким образом, возможно, что

норманны спустили свои брандеры на Сену еще между предместьем и мостом и оттуда погнали их восточным ветром к мосту.

Судя даже по тексту документа, такое определение места расположения моста кажется нам единственно допустимым, ибо выражение "вне города" не может относиться к городу на острове, а только к части города на северном берегу. Само собой разумеется, что на острове мост устроен был за пределами города; но особенность этого моста заключалась в том, что он не соединял город на острове с предместьем на берегу, где уже существовал другой мост, а вел с острова на открытое поле вне города. Поэтому он и прикрывался укрепленной башней.

Такое толкование устраняет все затруднения. Мост закрывал въезд в Сену между частями города. Со стороны, обращенной к реке, предместья были, конечно, также защищены стенами. И все же защиту города значительно облегчало то обстоятельство, что для неприятеля заранее отрезана была возможность нападения со стороны реки. Поэтому франки напрягали все силы, чтобы удержать мост и башню. Но и потеря их не имела решающего значения. Сильные атаки, произведенные норманнами до этого, относились во всяком случае не исключительно к этой башне, а ко всему северному предместью около нее. Все свое внимание они сосредоточили на этой башне потому, что казалось, будто бы ее легче всего будет осилить. Но оказанный им энергичный отпор отпугнул их. Поэтому они, несмотря на успех, превратили осаду в простую блокаду и из лагеря разбитого ими теперь на южном берегу, грабили окрестности.

Итак, франки и после потери этого моста с башней, служивших только наружным укреплением, сохранили предместья на правом и левом берегу, связанные мостами с островом, и Аббо позднее был в праве воспевать: "плясали стены, дозорные башни и все мосты". Тарани в статье "Le siige de Paris par les Normands", стр. 258, толкует строки Аббо (II, 160) в которых идет речь о борьбе, в том смысле, что предместья были заняты норманнами. Это не является необходимым, точно так же как не следует понимать вступление поэмы (I, 10–19) в том смысле, что город расположен был только на острове. Факт тот, что существовали окруженные стенами предместья (II, 322), и нет основания предполагать, что они при осаде сразу же были очищены. Сен-Жермен д'Оксерруа на севере, как и Сен-Жермен де-Прэ на юге, – оба расположены были вне стен.

Примечание ко 2-му изданию. В. Фогель (W. Vogel, Die Normannen und das frdnkische Reich 1906 г., стр. 39) главную причину военного превосходства норманнов над франками в IX в. усматривает не столько в их большей личной храбрости, сколько в гораздо более строгой организации и боям совершенной тактике норманнской армии, в то время как народная армия франков находилась уже в процессе разложения и преобразования. Правильность этого утверждения заключается в слове "организация", если его верно понимать. Норманны являлись всегда большим скопом, в то время как в феодальном государстве сбор большого войска представлял значительные трудности и всегда требовал много времени. Это связано с сущностью феодальной системы как

"организации". Более совершенная "тактика" норманнов – порождение фантазии автора, а "преобразования", происходившие в то время в народной армии франков, не были вызваны ее слабостью; наоборот, если бы они еще не были завершены, т.е. если бы еще сохранились остатки прежней боеспособности народных масс, то тем легче можно было дать отпор норманнам. Роковым оказалось не то, что народная армия франков находила" в "процессе преобразования", а как раз то, что преобразования эти к тому времени уже завершились.

Часть вторая

ЗАВЕРШЕННОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава I

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВАЛИНАХ ИМПЕРИИ КАРОЛИНГОВ

Великое переселение народов разрушило строгое понятие о древней государственности. Из того факта, что полководцы-варвары благодаря собственной силе захватывают власть, еще не следует, что они в состоянии тотчас же создать новый, проникнутый единой мыслью государственный строй. Как показывают неоднократные расколы, даже самое крепкое из новообразований – франкская монархия – не поднимается выше понятия династического фамильного владения, и это владение было, в конце концов, вырвано из рук первоначального владельца новой восходящей фамилией – Каролингами.

Четыре великих следовавших один за другим правителя из этого рода – Пипин Майордом, Карл

Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий – снова восстановили империю, вдохнули в нее частицу единой государственной мысли и, наконец, раздвинули ее границы до размеров западного царства. Но после смерти Карла Великого королевство Каролингов распалось еще быстрей, чем некогда королевство Меровингов.

Предпринятая его сыном попытка при помощи закона о престолонаследии (817 г.) удержать государство от распада окончилось неудачей. Слишком сильны были центробежные элементы в этом полном противоречий государстве.

Вопрос, почему, собственно, преемники Карла утвердились на менее долгий период, чем преемники Хлодвига, тогда как король оставил после себя более могущественное и в духовном отношении выше стоящее государство, чем Хлодвиг, этот вопрос до сих пор ставили в неправильной плоскости, так как на него не было никакого ответа. Я думаю, что теперь ответ ясен. Замена народного ополчения вассальным войском, которая при Меровингах только намечалась, при Карле Великом была уже завершена. Но как только королевский авторитет был Поколеблен, вассалы, преданные своему прямому ленному владельцу и кормильцу, Тотчас же передавали реальную власть в руки крупных владетельных

родов, имевших в своих руках графские должности. Стоило только при сыновьях и внуках Людовика Благочестивого начаться дележу и внутренним раздорам, как эти графы и разложили государство.

Из развалин опять возникло новое королевство, но уже не единое, а несколько различных и разнородных государств – Германия, Франция, Бургундия и Италия, Правда, всем им присуще было одно общее: могущественные владетельные роды[76] и отдельные земельные владения, благодаря которым распалась каролингская империя, не были теперь всецело подвластны всемогущему королю, а вместе с вновь возвышающимися королевскими родами создавали государственное бытие. Утвердился феодальный принцип, при котором в государстве существуют выше и ниже стоящие и соподчиненные носители власти. Короли были наделены только ограниченными правами, и, если бы им одновременно не принадлежала и герцогская власть, они вовсе не соответствовали бы своему титулу. От идеи государственности рождаются или продолжают оставаться только слабые тени. Не эта идея строит и поддерживает политический организм, а вассальная верность.

В восточной части старой Франции

образуется, – сперва в соединении с бывшими племенами, – целый ряд герцогств: Саксония, Бавария, Швабия, Франкония, Лотарингия. Когда эти герцоги избрали в короли одного из своей среды, герцога Генриха Саксонского (или присягнули на верность уже избранному), то возникло германское государство.

Новое королевство было слабее, чем предыдущее каролингское, в том отношении, что король вынужден был признать самостоятельность герцогств. Если в дальнейшем он даже устранял какой-либо старый герцогский род и назначал нового герцога, то все же само герцогство он вынужден был оставлять незыблемым. Он был королем не по чистому праву наследства, а только вследствие притязания на наследство, имевшего силу лишь в том случае, если к нему прибавлялось избрание со стороны этих самых герцогств. Но такое ограничение королевской власти было полезно государству в отношении его обороноспособности. Преемники Карла Великого смотрели с неудовольствием на того из своих графов, который держал слишком большое и слишком искусное войско, так как этим он становился опасным для них самих. Это могла иметь место и случилось теперь, но королевство и без того базировалось на взаимодействии

свободной воли могущественных вассалов, а король, возведенный на престол этими крупными вассалами, правил с их помощью. Поэтому в самом характере вещей было то, что теперь на каждой ступени феодальной постройка напрягались все силы для создания сильного войска. К этому стремились все – король, герцоги, графы и вслед за ними епископы, каждый для себя, а этим самым и для всего государства. Только ступенеобразно построенное феодальное государство, в котором каждая ступень была наделена политической самостоятельностью, позволяло использовать ту военную силу, на которую способно было средневековье. И только феодальное государство X столетия, политически вполне однородное, соответствовало принципу единоборцев и квалифицированных бойцов – принципу, который постепенно вырабатывался со времени Меровингов.

С первого взгляда нельзя установить разницы между новым королевством и королевством Каролингов. Действительно, преемники Генриха I сперва по мужской а затем и по женской линии (Салии) 200 лет правили Германией. Но их власть в своей основе была совсем иной, чем предшествовавшей династии, ибо она продолжалась не в силу чистого права наследства,

а благодаря избранию. Предпосылкой такой власти являлись противостоявшие, но сами по себе правоспособные силы, с которыми она должна была считаться. Как королевская корона, так и высокие должности – герцогства и графства – были по закону не обязательно наследственными, а как лены – только пожизненными. Фактически же они чаще всего переходили от отца к сыну и этим все больше приближались к принципу чистого наследования. Можно сказать, что в наиболее чистом виде феодальное государство проявлялось там, где на престоле и в отдельных поместьях ни одно из различных начал – наследственное право, избрание или назначение – не было самодовлеющим, но где эти начала сохраняли равновесие.

Оборотной стороной такого ступенчатого расположения власти, подле которого в качестве особого политического организма выступает церковь, является то, что все эти имевшие некоторую самостоятельную военную силу полу- и четверть-суверенитеты беспрерывно враждуют между собой. Средневековье является эпохой почти непрерывных гражданских войн. Но именно в этих непрерывных распрях окрепла военная сила, подобно тому как некогда это имело

место в Греции. Уже Геродот отметил, что маленькие греческие кантоны были обязаны своей победой над персами предшествовавшей гражданской войне между Афинами и Эгиной, давшей повод построить большой флот; когда же для всех возникла большая опасность и они вынуждены были бороться сообща, то они смогли завершить большое дело и добиться решительного успеха. В Германской империи это было тем более возможно, что над всеми мелкими правителями все же была воздвигнута и существовала королевская власть, являвшаяся естественным центром и естественным руководящим началом.

Существует еще и теперь часто передаваемое предание о том, будто бы король Генрих I, заложивший политические основы Германской империи, создал также своеобразный военный строй, выработал из саксов конных воинов, построил крепости и отдал приказ, чтобы из девяти воинов восемь всегда сеяли и жали, но третью часть своего урожая сдавали в крепость, где жил девятый, охранявший крепость и запасы. Весь рассказ, деталям которого давали самое различное толкование, нужно в этой форме рассматривать как вымысел и из критической историографии исключить.

Большим политическим деянием Генриха

является образование – или, по крайней мере, преобразование – сперва саксонского герцогства, а затем и нового королевства с ограниченной королевской властью. Военное же строительство пошло по давно предуказанной дороге[77]. И если при его сыне, Оттоне Великом, создалось представление, будто бы военное сословие, которому обязаны столь многим чудесным, а также сильные крепости и мощные городские стены, охранявшие страну, были созданы отцом Оттона, Генрихом, Видукинд же, как первый почитатель своего княжеского рода, записал это, то это есть не что иное, как искажение перспективы. Такое искажение перспективы часто имеет место в народных преданиях, – например, в переданных нам Геродотом персидских рассказах об их царском доме. В действительности же саксы и фрисландцы уже во времена Карла Великого сражались верхом и безусловно не разучились этому искусству в течение столетия, полного войн[78]. Конь принадлежал уже издавна к "боевым доспехам" саксов. Крепости они строили еще будучи язычниками, а города – по меньшей мере с тех пор, как вступили в культурный мир государства франков. Поэтому Генрих не смог сделать ничего другого, как продолжать и укреплять перенятый им военный строй и в

материальном отношении, и в отношении личного состава. Легендарный характер записи Видукинда проявляется особенно в его выражении, что всегда именно девятый человек отправлялся в крепость. Численность крепостного гарнизона в мирное время зависит от величины и местоположения крепости, – от того, находится ли она на границе или внутри страны, – и никогда не может измеряться тем, сколько воинов живет в крепостном округе, который может быть различной величины и иметь различное население. Кроме того, нельзя было ежегодно сохранять на складе целую треть урожая. Наконец, сеять, жать и снабжать продовольствием крепость должны были, безусловно не воины, а жившие вне крепости и не бывшие воинами крестьяне. Поэтому король Генрих ни в коем случае не мог издать что-либо напоминающее подобное распоряжение. Равным образом напрасными являются усилия путем вольного толкования приписать ему в создании саксонских всадников нечто специфически новое, – будто Генрих создал легкую кавалерию[79] или, наоборот, тяжелую, или будто он обучал их сомкнутому строю[80]. Заметка Видукинда, написанная спустя почти полвека, ни в коем случае не может служить прямым историческим свидетельством: она является не

чем иным, как отражением и без того заметного факта, что благодаря новообразованию и сосредоточению политической власти увеличилась и окрепла также и военная сила. Но новых форм организация при этом не приняла.

Событием всемирно-исторического значения является на этом основание победа Отгона Великого над венграми на Лехфельде. Благодаря этой победе романо-германский мир защитил себя от вновь нахлынувших варваров; эта победа дала возможность образованию Германской империи, а вместе с ней и германского народа. Этому сражению мы посвятим еще отдельную главу.

В западной части государства франков события развернулись совсем по-иному. Здесь Каролинги продержались на два поколения дольше, а когда крупные местные династии от них отступились и королем был избран Гуго Капет, эта династия не была в состоянии распространить подлинно королевскую власть на всю западную Франконию, как это удалось Оттону в Германии. В течение столетий королевская корона на голове герцогов Иль-де-Франса была почти только номинально, и королевская власть представляла собой государственно-правовую фикцию. Такой же фикцией была она и в Италии.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

При исследовании истории Карла Великого мы уже установили, что король призывал в армию не определенное число людей из каждого графства, а всех мужчин военного сословия или известную часть их. Для установления твердых цифр данных не было. Графства были весьма различной величины и богатства. К тому же продолжительность пути до сборного пункта имела следствием для более отдаленных контингентов то, что из-за болезней, дезертирства, борьбы с разбойничьими бандами и столкновений с населением эти контингента в большей или меньшей степени несли потери. А король, не имевший в своем распоряжении даже статистических данных о том, сколько может дать каждое графство, не мог требовать от них определенного числа бойцов, – да и не в числе был центр тяжести, не количество воинов являлось основным бременем. Мужчин, годных для военной службы, не так трудно было набрать[81]. Самым тяжелым бременем были дорого стоившие вооружение и довольствие, которые нужно было принести с собой.

В завершенном феодальном государстве, начиная с X в., это приняло более легкую форму,

чем в империи Каролингов. Именно благодаря тому, что герцоги, графы, а за ними епископы и аббаты становились все меньше чиновниками, а все больше и больше превращались в князей, – благодаря этому сбор ополчения касался их самих, и его не нужно было контролировать[82]. Король решал вопрос о военном походе или назначал его, только посоветовавшись с князьями на рейхстаге; образовался обычай, по которому каждый князь торжественно клялся, что он явится. Такой порядок как будто бы имел уже однажды место при Генрихе I, – и его можно проследить до эпохи Фридриха II[83]. Сколько рыцарей и слуг каждый князь приводил затем с собой – было его дело, но так как значение его голоса на королевском совете зависело от численности и от качества его контингента, то это являлось лучшей гарантией, чем любой контроль при помощи подсчета и просмотра войск.

Согласно воинскому закону, изданному Фридрихом Барбароссой на Ронкальских полях и затем вновь повторенному, неучастие в походе было наказуемо потерей лена. Но в этом уставе не был предусмотрен такой случай, что кто-либо явится с незначительным числом воинов. В описаниях дошедших до нас источников мы очень редко находим следы вообще какого-либо

подсчета войск. Только в кельнской королевской хронике, там, где описывается, как король Генрих VII пошел войной на Генриха Баварского (1233 г.), включено сообщение, что королевское войско, собравшееся на Лехфельде при Аугсбурге, было, якобы, исчислено, примерно, в 6 000 человек[84].

Итак, твердо установленных цифр не было, а каждый князь по своей воле взвешивал все обстоятельства каждого данного подхода и в зависимости от них решал вопрос о своем контингенте[85].

Сколько труда положили каролингские короли, чтобы установить какой-нибудь масштаб, по которому они могли бы устанавливать контингент каждого графа, с тем чтобы он уже от себя призывал своих подданных! Но этим путем они ничего не достигли, новые же государства были освобождены от этого труда.

Все усилия историков XIX в. исследовать на основании каролингских капитуляриев военную организацию того времени остались бесплодными, так же как некогда и усилия самого Карла Великого. Безуспешно закончились и попытки найти объективные масштабы исчисления и наложения военных тягот во времена саксонской, салической и штауфенской

династий. Такие попытки объясняются потребностью современного государства в точном учете, – потребностью, которую современные историки, не вполне чувствующие все своеобразие той эпохи, перенесли и на средневековое государство. Без твердых установлений, без иерархии и без точных предписаний в отношении распределения налогов и государственных повинностей современное государство немыслимо. Но средневековое государство правильно поймет только тот, кому ясно, что оно в таком регламенте не только не нуждалось, но и не было в состоянии применить его. Феодализм означает распределение высшей суверенной власти по многим ступеням, из которых каждая имеет известную самостоятельность и совместно с другими служит государственным целям по собственному усмотрению, а не по предписанным и контролируемым нормам. Именно в этом месте чувствуется настоящее биение сердца эпохи феодализма, на что мы обращаем особое внимание читателя.

Но как современное государство не может справиться со своими задачами при помощи одних только законов, распоряжений и регламента, а наряду с этим неоднократно прибегает и к доброй воле граждан, к их

добровольному труду, точно так же и в средневековье имеются такие моменты и такие обстоятельства, когда вводилась и количественно зафиксированная военная повинность. Поэтому важно остановиться на тех местах источников, где указаны цифры.

Как видно из источников, единственно крупным вассалом германского короля, для которого раз навсегда установлен твердый контингент в 300 рыцарей, был герцог, позднее король, Богемский. Это является вполне естественным, так как он не принадлежал к германскому рейхстагу и к Германской империи, а в качестве чужестранца, чеха, был к ней только присоединен. Понятно, твердый контингент, если он тогда был уже установлен, все же не помешал богемцу явиться к своему сеньору с 1 000 воинами при сражении на Лехфельде, в исходе которого он сам был весьма заинтересован. Будучи одним из самых преданных вассалов Генриха IV, он, очевидно, неоднократно подкреплял его большим числом воинов, чем 300 рыцарей.

Позже Фридрих I подобным образом налагал определенные военные повинности и на итальянские города: например, в вольной грамоте, пожалованной им городу Лукка, предписывалось, чтобы этот город наряду с уплатой 400 лир

наличными и продовольствием для двора поставил 20 рыцарей (milites) для похода на Рим и Нижнюю Италию.[86]

Пространное объявление о призыве с указанием числа подлежащих призыву сохранилось со времен Оттона II. В 981 г. император, будучи, вероятно, в Италии, издал приказ о поставке воинов для войны с арабами. Епископы Майнца, Кельна, Страсбурга и Аугсбурга должны были послать по 100 воинов; Трир, Зальцбург, Регенсбург – по 70, Верден, Люттих, Вюрцбург – по 50, Констанц, Хур, Вормс, фрейзинг, Прюм, Герсфельд, Эллъванген – по 40, Кампен – 30, Шпейер, Туль, Зебен, С.-Галлен и Мурбах – по 20, Камбрэ – 12, герцогство Эльзас – 70, Нижнелотарингский герцог – 20, маркграфы Готфрид и Арнульф, герцоги Оттон и Коно и граф Гетцель – по 40, другие графы – 30, 20, 12, один граф – 10 воинов. Некоторым было приказано, чтобы они явились и лично; в отношении графа Гетцеля, которому надлежало поставить 40 воинов, добавлено, что, если он явится лично, он обязан привести с собой только 30 воинов. Весь проект предусматривает от 2 080 до 2 090 воинов. На основании этого документа был сделан вывод, что объявление о призыве всегда включало в себя указание о

потребном числе воинов и что случайно сохранилось только это объявление. Полагали также, что существовал и твердый имперский список, в котором было указано, какое число воинов должна поставлять каждая область[87]. Можно, однако, установить, что это объявление Отгона II о призыве являлось, наоборот, исключением. Если бы в основе лежал твердый список, тогда вовсе не нужно было бы выписывать отдельные цифры, а просто одним словом указать ту или иную долю контингента. Упоминание в этом призыве цифр ясно свидетельствует о том, что мы имеем дело с исключением. Отсутствует целый ряд князей, герцогов Верхней Лотарингии, не указаны все саксонские герцоги, а также Утрехтский епископ. Кроме того, церковь выставляет 1482 воина, а светская власть – только от 598 до 608, т.е. немногим больше одной четверти общей суммы. Такое длительное неравномерное распределение военного бремени между отдельными частями империи совершенно невозможно, тем более, что церковные владения тогда далеко не имели еще такого объема, который получили в следующих столетиях. Поэтому здесь речь идет о призыве при совершенно исключительных обстоятельствах. Он был объявлен не для того, чтобы предпринять

самый поход, а безусловно только для подкрепления отрядов, стоявших уже в Италии. Это дает нам основание установить причину, почему именно этот раз были предписаны определенные числа бойцов: этим князьям нужно было дать основание для исчисления контингента, который можно от них ожидать при данных обстоятельствах. Общее правило, по которому вассалы должны были явиться с войском, соответствующим силам их области, не годилось, когда речь шла о походе в Апулию или о простом подкреплении. Герцог Нижней Лотарингии должен был, например, знать, что от него требуется только 20 человек, а не больше. По каким-нибудь особым мотивам духовные князья были обременены значительно сильнее, чем светские, из которых опять-таки многие вовсе не были привлечены к этому делу. Можно безусловно полагать, что был не один только случай объявления призыва с указанием твердых контингентов, а что это случалось часто. Но если бы такие призывы составляли правило, то они, в конце концов, превратились бы в твердую схему, матрикул. Между тем, как мы видели, на этот счет по вполне естественным причинам нет ни малейших указаний[88].

Интересную сделку представляет собою далее

договор, заключенный Фридрихом Барбароссой сейчас же после своего избрания (1 июня 1152 г.) императором с герцогом Церингенским Бертольдом IV[89].

В этом договоре Фридрих обещал герцогу Бургундию, на которую последний претендовал. Герцог же обязался следовать за королем до тех пор, пока он находится в этой стране, с 1 000 латников, а когда король отправится в Италию, то предоставить ему 500 латников и 50 арбалетчиков. В залог он дает свой аллод, замок Тек с принадлежащими ему поместьями. Такой договор можно обозначить как нечто среднее между феодальной обязанностью следовать в поход и союзом; он представляет собой переходную ступень к договору о найме, имевшему, понятно, установку на твердые цифры. Этим договором мы еще займемся.

Несколько иные взаимоотношения, нежели между королем и его непосредственными вассалами, установились на следующей ступени феодальной системы – между князьями и их подвассалами. Здесь личные интересы не являлись стимулом к интенсификации труда; поэтому на этой ступени установились взаимоотношения, при которых повинности фиксировались цифрами.

Князья призывали по собственному

усмотрению некоторое число своих наделенных или ненаделенных леном вассалов, министериалов, рыцарей и слуг, положение и квалификация которых им были лично известны, и одновременно перекладывали на них бремя снабжения и снаряжения войска. Такое произвольное исчисление и распределение общей повинности открывало широкую дорогу для произвола, а так как бремя было очень тяжелым, то этот произвол сильно угнетал. Поэтому уже очень давно – раньше, чем об этом можно судить по документам – вассалы стремились зафиксировать размеры повинностей на практической основе. До нашего времени по этому вопросу сохранились документальные данные относительно нескольких монастырей и епископов. Сохранились документальные записи также по вопросу о правах и обязанностях министериалов по отношению к своему сеньору[90].

Очень наглядна, например, следующая запись маурмюнстерского монастыря в Эльзасе, находившегося под властью епископа г. Меца:

"Если епископу дано знать о королевском походе (profectio), то списков должен послать к аббату чиновника; аббат должен созвать своих министериалов, оповестить их о походе, а

министериалы должны собрать и в определенный день передать на площади перед воротами упомянутому чиновнику следующее: повозку с 6 волами и полусвободными, одного вьючного коня с седлом и всеми принадлежностями и к этому двух людей, проводника и погонщика. Если падет вол или вьючный конь, то чиновник должен заменить их другими из принадлежащих епископу. Если король совершает поездку в Италию, то все крестьянские дворы должны уплатить для этой цели обычный налог (это очевидно означает годичный чинш в виде чрезвычайного налога). Если же поход предпринимается против. Саксонии, Фландрии или кого-нибудь другого по эту сторону Альп, то уплачивается только половина налога. Продовольствие и все прочее, необходимое для дороги, собранное этой податью, должно быть погружено на повозки и вьючных животных[91].

Если внутри отдельных графств фиксировались отдельные повинности, то тем самым известным образом устанавливалась общая повинность всего графства. Это, однако, не противоречит нашей мысли, что король на отдельных князей определенной повинности не налагал. Если твердые местные соглашения и ставили определенные пределы требованиям

князя в его области, то все же это не исключает возможности не только получения князем иногда меньше, чем было установлено, но и того, что эти пределы требований не повсюду были установлены (как в отношении городского, так и особенно крестьянского населения). Князь всегда оставлял за собой свободу действий и мог применять свое имущество или займы для особых затрат. Стоило же ему собрать из своей области материальные средства, как он немедленно находил всадников и слуг, готовых последовать за его знаменем[92]. Подобно тому как князья давали определенное обещание в отношении повинностей королю, так, очевидно, и вассалы и министериалы давали такие обещания своему князю[93].

Такие же обещания должны были давать те рыцари, величина ленов которых позволяла им самим снаряжаться в поход. Уже в XIII в. мы находим в Германии и Италии следы знакомого нам еще из каролингских капитуляриев правила, что срок службы устанавливается трехмесячный[94].

Во Франции часто упоминается, что за получение лена вассал обязан участвовать в походе только в течение 40 дней[95]. Это правило толкуется даже так, что вассал был в праве через 40 дней возвратиться домой. Однако, этим

исключалась всякая возможность ведения настоящей войны; во всяком случае сеньор должен был в самом широком смысле слова принять на себя продовольствование на дальнейшее время. При наделении леном вассал обязывался за S лена нести военную службу в течение 20 дней, за j лена – 10 дней и т.д. Часто военная служба ограничивается только обороной или географическими границами сеньории[96]. При таких ограничениях феодальная воинская повинность имеет смысл только в том случае, если она является основой и преддверием наемной военной службы.

Некоторые распоряжения из "Dienstrecht" (право министериалов) германских рыцарей наглядно объясняют нам эти отношения.

Министериалы Кельнского архиепископа обязаны были нести военную службу в пределах архиепископства и за пределами его для обороны владений епископа, но дальше они следовали только по соглашению.

В римском походе министериалы, имевшие больше 5 марок годового дохода, должны были участвовать лично, за исключением смотрителей и управляющих. Тем, которые имели меньший доход, предоставлялся выбор – или отправиться в поход или уплатить в качестве военного налога

половину дохода с лена. Поездка в Рим должна была быть объявлена за год вперед.

Каждому отправлявшемуся в поход министериалу архиепископ должен был дать в виде субсидии 10 марок (т.е. двойную сумму высокого годового дохода) и к этому 40 локтей (аршин) тонкого сукна (Scharlot) для одежды его слуг, а на каждых 2 рыцарей по 1 вьючному животному со всеми принадлежностями и четыре подковы с 24 гвоздями.

Начиная с Альп, каждый рыцарь ежемесячно получает от епископа одну марку. Если эта марка не уплачена, а напоминание чиновникам епископа остается бесплодным, то рыцарь кладет на постель епископа палку без коры, которую никто не имеет права убрать. Если и после этого не последует платежа, то рыцарь подходит утром к епископу, сгибает колени, целует край его одежды и может, не задевая своей чести и долга, вернуться домой.

В других "Правах министериалов" отдельные постановления как в отношении обязанности участвовать в походе, так и в отношении снаряжения обычно были разработаны иначе[97].

Иногда вместо месячного жалованья указаны платежи за всю поездку, от 3 до 10 фунтов (ливров). Сеньор должен поставить также

лошадей и мулов с упряжью и слугами и принять на себя их пропитание.

В Рейхенау[98] определение, кто должен отправляться в поход, происходило не по доходу, а по величине участка, для разных классов различно, и сеньор сам устанавливал, должен ли министериал отправляться в поход или платить налог. Это "Право министериалов" содержит также постановление о том, как должна делиться возможная добыча между сеньорами и министериалами.

В Бамберге остался старый порядок, знакомый нам по каролингским капитуляриям, а именно – вместо уплаты твердой подати рыцари разбивались на группы по три, из которых двое остававшихся дома снаряжали третьего, отправлявшегося в поход.

Из этих постановлений также видно, что речь идет о численно очень небольших призывах. На этом основании следовало бы вновь задаться вопросом: могли ли войска, с которыми Карл Великий прошел от Эльбы до другой стороны Пиренеев и от Балтийского моря до Рима, являться крестьянским массовым ополчением.

Начиная с XII в. события в Германии и Франции развивались по-разному. В Германии монархия ослабела; поэтому размер военных

повинностей зависел еще больше от личного усмотрения князей.

Во Франции же, наоборот, образовалась сильная наследственная монархия; поэтому здесь возникают твердые феодальные матрикулы, но с такими незначительными повинностями и с такими сложными постановлениями, что с ними можно было предпринять немногое[99].

Феодализм и твердые ставки налога по своей природе являются несоизмеримыми понятиями.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КРЕСТЬЯН

Несмотря на то, что древнегерманский призыв народного ополчения постепенно заменялся призывом вассалов даже в чисто германских частях каролингской империи, все же государственно-правовое понятие всеобщего народного ополчения как последней крайней меры, как ландштурма, не исчезло совсем. В пограничных же областях, особенно в Саксонии, еще очень долго, время от времени, прибегали к этой мере. По некоторым выражениям Видукинда можно еще часто заметить различие, которое делалось между профессиональным воинством и воинской повинностью в старом смысле этого слова.

У Видукинда (I, 21) говорится "Король Конрад увидел, что герцог Генрих очень силен, благодаря поддержке со стороны отряда храбрых воинов (mihtum), а также бесчисленного народного ополчения ("Suppediante fortium militum manu, exercitus quoque

innumera multitudine").

Различие между выражениями Видукинда milites и массой exercitus нужно, очевидно, толковать как различие между профессиональными воинами и народным ополчением. Однако, эта терминология Видукинда не является вполне твердой и незыблемой. Об этом свидетельствует удивительное выражение последней приведенной нами цитаты, где Видукинд обозначает тюрингское народное ополчение не словом exercitus, а legio, что является обозначением специфически военного понятия. В I, 17 он употребляет выражение exercitus et militia, т.е. ставит их рядом. В 1, 21 он рассказывает о негодовании на короля Конрада всего саксонского народного ополчения, в составе которого безусловно подразумевается и рыцарство – и тут же рядом оно выделяется особо. В I, 38 Генрих хочет привлечь венгров к exercitus, между тем как под этим словом должно разуметься, в первую очередь, рыцарство и в крайнем случае также ополченцы. Немного раньше слово exercitus упоминается еще два раза в том же смысле.

Поэтому мне кажется слишком смелым толкование Шефером[100] рассказа Видукинда о том, что герцог Конрад "при поддержке отряда храбрых, воинов" сражался с exercitus лотарингцев, в том смысле, что exercitus являлось ополчением страны. Если бы это было простым крестьянским ополчением, то Конрад Красный со своими рыцарями безусловно рассеял бы его.

Бальцер (Baltzer, стр. 3) полагает даже что крестьяне служили в качестве всадников. Он считает, что Титмару (975 – 1018 гг.) казалось

необыкновенным участие пехоты в военных операциях, и из этого заключает, что, значит, и крестьяне служили тогда в конном войске. На самом же деле правильнее заключить, что они вообще не служили.

Еще более неправилен вывод Бальцера, что так как при описании сражения на Унструте говорится о vulgus pedestre (пеший люд), то институт призыва крестьян в конное войско снова был разрушен при Салической династии. Несомненно, что во время внутренних войн Генриха IV призывались и крестьяне. В поэме о саксонской войне говорится (II, 130), что для войны с королем из всех деревень сошлись кучки крестьян, покинувших свои плуги для борьбы с королем, и что затем в Южной Германии Генрих снова призвал крестьян в свое войско. Но и в данном случае это ополчение принесло так же мало пользы, Как и несколькими поколениями раньше против викингов. В сражении на Унструте саксонцы были изрублены рыцарями Генриха, как некогда франкское крестьянское ополчение норманнами. Крестьяне же сражавшиеся в Эльзасе и на Некаре (1078 г.) на стороне короля, были не только окончательно Разбиты, но и кастрированы своими противниками-рыцарями в наказание за их притязание на ношение оружия.

Гильермо (стр. 346) установил, что в источниках, начиная с X в., народ рассматривался как безоружная, невоинственная масса. Все же он полагает, что как раз в это время начинают появляться законы, требующие военной службы и от крестьян. Он объясняет это тем, что крестьяне поставляли пехоту, но их вооружение было настолько негодным, что их все же называли

inermes (безоружные). Не требует доказательства вся несостоятельность такого разрешения противоречия. В действительности никакого противоречия и нет. Стоит только подробнее проверить документы XI, XII и XIII вв., приводимые Гильермо (стр. 387) в доказательство существования военной повинности крестьян, чтобы убедиться в том, что они не говорят ни о крестьянах (например, hommes de la vallйe d'Andorre, – которые должны с каждого дома дать по человеку), ни о поголовной ополчении. Также в приводимые Эрнстом Майером (Ernst Mayer, Deutsche und franzцsische Verfass.-Geschichte, I, 123, прим. 4) свидетельства о том, что от каждого дома должен явиться только один человек, говорят за то, что здесь речь идет не о крестьянском ополчении: такое массовое ополчение мыслимо только на несколько дней и для действий в ближайших местах.

Оттон Норгеймский в 1070 г. потребовал от своих крестьян, чтобы они, – поскольку не могут сражаться, – молились за него. Несмотря на то, что вслед за тем он имел сражение и всю зиму продолжал вести войну против короля, ему и на ум не пришло увеличить свою армию за счет крестьян. Новые историки, в противоречие с этой картиной, много говорят о военных действиях саксонских крестьян в войнах против Генриха IV. Но из дальнейшего описания отельных боев мы убедимся в том, как мало об этом говорится в источниках и насколько это предположение не выдерживает критики.

Должны ли мы на основании этих мест у Видукинда предположить, что между двумя периодами бездействия было мужественно-воинственное поколение. Это явно невозможно.

Приведенные места частично являются просто риторическим украшением; но можно также полагать, что, подобно тому как в XVII в. наряду с постоянной армией иногда встречались милиционные батальоны, король Генрих и другие подчас усиливали отряды профессиональных воинов ландштурмом. Однако, и это постепенно все больше и больше отходило, за исключением, быть может, только пограничных районов, где в народной массе сохранился военный дух.

Нич (Nitsch в "Histor. Zeitschr. ", т. 45, стр. 205) полагал, что: "еще в XII и XIII вв., в случае нахождения страны в опасности, в сельских местностях на северном берегу Эльбы объявлялся призыв всего населения под угрозой сожжения и разрушения домов; именно там в конце XII в. встречаем мы обычай, что все население попеременно призывалось для осады какой-нибудь крепости".

В статье "Саксонские боевые доспехи и снаряжение голъдштейн-дитмарских крестьян" (Jarbьcher f. d. Landeskunde der Herzogtьmer Schleswig, Holstein, Lauenburg, т. I, стр. 335, 1858 г.) Нич пытается доказать, что в XIV в. на севере крестьяне еще служили в конных войсках и что в конце XV в. это не имело уже места только в силу больших перемен... Источники, на которые он ссылается при этом, или вообще не могут служить доказательством, – например, рассказ пресвитера Бременсиса (середина XV в.) о всадниках графа Клауса (100 годами раньше), – или они лишь доказывают, что в поголовном ополчении (ландштурме) имелись также конные, в чем с самого начала не было сомнения. Сам Нич (стр. 353) цитирует одно объявление о призыве,

относящееся к Вильстерскому походу (1342 г.), вполне опровергающее рассказ пресвитера Бременсиса, так как в нем говорится только о мужчинах и повозках, но ничего не говорится о верховых лошадях.

Особенное доказательство того, что когда-то крестьянин был конным воином, Нич усматривает в том, что у саксонцев боевой конь всегда считался "боевым доспехом" и что имеются некоторые следы того, что и в отношении крестьян было то же самое. Нич полагает, что это относится и ко времени Генриха, "который, якобы, обучал все новое племя бою в конном строю". Но доказательства принадлежности боевого коня к боевому снаряжению и у крестьян слишком слабы; если же вообще их можно признать доказательствами, то они во всяком случае не свидетельствуют о том, что некогда конь вообще принадлежал к боевому снаряжению. Наконец, нет никаких оснований отнести это ко времени Генриха I: с таким же успехом можно говорить и о более раннем времени.

Гораздо более вероятно, что в Пруссии в народе сохранилась воинственность. Если говорится, что в других местах, например в Бранденбурге, сельский старшина должен был поставлять боевого коня, то это, очевидно, означает, что он должен был поставлять лошадь, но не ездить на ней.

Из того обстоятельства, что, как мы увидим дальше, король английский Гаральд в войне против норманнов и не пытался опереться на крестьянское ополчение, можно заключить, что англосаксонские крестьяне в войне Гаральда с Вильгельмом вообще не принимали никакого участия; только потом уже крестьянство поняло, что здесь вопрос шел об

отражении чужеземного владычества. Однако, восстание саксонцев против Генриха IV безусловно носило народный характер, а крестьяне, призванные затем Генрихом, были настолько затронуты духом эпохи, что последовали его призыву. Поэтому такие ополчения вполне можно объяснить как явления исключительного порядка.

В 1082 г., когда страна находилась однажды в тяжелом положении, маркграф австрийский также призвал для отражения нападения чехов всю страну, вплоть до пастухов, волов и свиней[101].

Однако, общий мир 1156 г. предусматривал наказание, "если какой-нибудь поселянин будет носить оружие или копье", в предписывал отправлявшемуся в дорогу купцу укрепить свой меч на седле[102], т.е. не носить его на перевязи, как рыцарь.

Согласно поэме Росвита ("Gesta Oddonis", стих 194), Оттон I призывал наряду с рыцарями и большие народные массы:

> Собрал с великим усилием своих воинов
> И бесчисленное всенародное ополчение

Но под этим не нужно подразумевать поголовное ополчение; это значит только, что профессиональное войско было усилено навербованным народом, ибо, хотя крестьяне и горожане, как сословие, не были обязаны военной службой и не имели права носить оружие, однако военное сословие все время пополнялось сыновьями крестьян и горожан.

Но вероятнее всего[103], что Росвита под "воинами" короля подразумевал его собственных воинов,

вассалов и министериалов ("scararii" времен Каролингов, "palatini" – Арнульфа, "aulici" – Генриха III)[104] в отличие от ополчения всей страны, приведенного к нему графами.

Нам совершенно непонятна приводимая Видукиндом (III, 2) шутка Отгона I о том, что он поведет против Франции столько соломенных шляп, сколько не видали ни герцог Гугон, ни его отец. Совершенно исключена возможность желания запугать неприятеля крестьянским войском.

РЕФОРМЫ ГЕНРИХА I

Знаменитое место у Видукинда (I, 35) гласит: "Избрав каждого девятого из поселян-воинов, поселил их в городах, с тем чтобы каждый из них выстроил восемь жилищ для своих сородичей, получил и сберег третью часть всего урожая и чтобы остальные восемь сеяли, собирали урожай для девятого и складывали хлеб в предназначенных для того местах. Он пожелал, чтобы сборища, сходки и пирушки происходили в городах".

Разбором выражения "поселяне-воины" (agrarii milites) занимался Д. Шефер (Dietr. Schdfer, Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. d. Wissensch.; XXVII, 1905, от 25 мая). Нич в своей "Немецкой истории" (I, 106) категорически заявляет: "мы не знаем, что означает выражение "поселяне-воины"; Гегель понимает под этим "сельское население"; Кейтген – крестьян, обязанных воинской повинностью; Роденберг (Rodenberg, Mitteil. d. Instituts, f. Oesterreich. Geschichte. XVIII, 162, 1896) понимает под этим всех свободных; Шефер же поддерживает выдвинутый до этого Кэпке, Вайцем и

Гизебрехтом взгляд, что "поселяне-воины" (agrarii milites) означают поселенных на земле профессиональных воинов короля, министериалов. Мне кажется, что все, что Шефер приводит в обоснование своего взгляда, правильно, но, оставляя в стороне вопрос о числе – девять человек, он не занимается рассмотрением аргумента против этого, а именно, что остальные восемь "воинов-поселян" должны сеять и жать.

Но как раз в этом и лежит затруднение, и затруднение неразрешимое. Что "поселяне-воины" были профессиональными воинами, это Шефер указал самым убедительным образом. Однако, они были и крестьянами, – Видукинд определенно описывает их таковыми. Но профессиональные воины не могли быть одновременно и крестьянами[105]. Следовательно, рассказ Видукинда вообще не соответствует историческим данным, а является легендой. И стоит только рассмотреть его рассказ под этим углом зрения, как разрешается весь вопрос. В народных преданиях очень часто бессознательно воедино сливаются многие различные события. Во времена Видукинда существовал такой порядок, при котором одна часть военного сословия – скара Каролингов – жила в крепостях, являясь гарнизоном, а другая часть жила на земле в ленных поместьях. Поэтому Видукинд думал, что до этого все свободные граждане являлись одновременно воинами и крестьянами, и изменение этого положения старался объяснить особым законом Генриха I. Затем "воины-поселяне" старого времени (когда они были еще крестьянами) слились с новыми (когда они были профессиональными воинами), и, таким образом, получилась нелепица, что подати и

урожай, собиравшиеся в крепости, считались податями вассалов, а не крестьян.

Интересным сказанием о военном строе Генриха I, параллельным рассказу Видукинда, является уже упомянутый выше рассказ Бременского пресвитера, который в середине XV в. написал следующее: "Поселяне из епархий Шенефельд, Гадемерш, Вестеде, Норторпе, Борнехяведе, Брамстеде, Кольденкеркен, Келлингхузен с живущими по болоту Вильстрии называются голштинцами в собственном смысле. И с их помощью сеньоры, графы Голштинии имели триумфы. Из них граф Николай (середина XIV в.) избрал верных людей с больших поместий одного виллана, с двух малых также одного. Их в случае надобности имел он с собою в дружине. Ибо названный Николай приказал, чтобы упомянутые поселяне не подвергались притеснениям со стороны фохтов и чтобы держали ценных коней, а вооружением имели, главным образом, железный шлем, щит тройной или двойной, железные наручники, широкие перевязи. Остающиеся же дома поселяне выполняли работу за тех, которые были с владыкой той земли в походе до их возвращения в свои дома".

Что же касается конной службы, Вайтц (Waitz, Heinrich I, стр. 391, 3-е изд., стр. 101; ср. "D. Verf.-gesch. " VIII, 112) пишет: "Возможно, что все ополчение Генриха было конным или по меньшей мере из ополчения была образована легкая кавалерия". Вайц категорически отвергает мнение Кэпке и Гизебрехта, утверждающих, что в данном случае речь идет о вассалах. Но что смогли бы предпринять крестьяне на крестьянских лошадях против венгров?

Безусловно Кэпке и Гизебрехт ближе к правде, но и у них все построено на предании.

В "D. V.-G. ", VIII, стр. 114, и сам Вайтц полагает, что часто упоминаемые expediti equites не были, понятно, каким-либо особым видом всадников. Правильное объяснение дает Ламберт, цитируемый Вайцем: "Те, кто отбрасывал поклажу и прочие помехи, облегчали себе путь и сражение".

Глава II

СРАЖЕНИЕ НА ЛЕХФЕЛЬДЕ 10 августа 955 г.

Сражение при Аугсбурге, или на Лехфельде, является первым германским национальным сражением против внешнего врага. Андернахский бой (876 г.), при котором сыновья Людовика Немецкого заставили отступить своего вестфранкского дядю, все еще носил характер династической распри. Истинное сознание германского государственного бытия рождается лишь с новой династией, эмансипировавшейся от единого франкского государства. Первым сражением, при котором это сознание государственного единства проявилось, была победа над венграми под Аугсбургом, одержанная воинами разных племен, боровшимися теперь сообща. Об этом сражении мы имеем подробный рассказ в саксонской истории монаха Видукинда Корвейского[106], другой рассказ – в биографии епископа Ульриха Аугсбургского, написанный неким Герардом, пережившим осаду и пишущим как очевидец[107]; кроме того имеется ряд отдельных сообщений. Таким образом, можно с уверенностью проследить ход событий.

После окончательного подавления большого восстания своих сыновей король Оттон вернулся в Саксонию. Здесь его и застает весть, что венгры, уже являвшиеся в Германию во время гражданской войны, снова вторглись в пределы страны. По дальнейшим известиям они пересекли Баварию к югу от Дуная и осадили пограничный швабский город Аугсбург на Лехе. Город защищал епископ Ульрих с отрядом смелых воинов. Герард описывает, как Ульрих укреплял дух своих соратников проповедью на тему из Давидовых псалмов, а при одной из вылазок сопутствовал воинам в епископском облачении, без шлема и панциря.

Между тем на помощь осажденному городу король собрал большое войско. Оно разделялось на восемь отрядов, или легионов, как их называет Видукинд. Один из них составляли богемцы (чехи); Видукинд определяет его численность в 1 000 человек. Эта цифра так же, как и почерпнутое из источника[108], свидетельствует о том, что отряд этот был очень силен. Но самым сильным был отряд короля Оттона (legio regia), состоявший из обычной, вероятно, довольно многочисленной, военной свиты короля, из незначительного числа саксонцев, а также из тех франкских рыцарей, которые находились

непосредственно на службе у Оттона и при приближении его присоединились к нему. Главные силы саксонских ленников не смогли выступить, по-видимому, потому, что сама Саксония была занята войной со славянами; вернее же потому, что все равно они подоспели бы слишком поздно, так как между получением первого известия в Магдебурге и сражением не прошло и шести недель. Для всех северных и западных саксонцев этого срока не могло хватить на рассылку объявления о призыве, приведение в боевую готовность и поход до Аугсбурга. Поэтому все войско может исчисляться в 7 000–8 000 человек, – во всяком случае не больше, а скорее меньше этой цифры. Состояло оно исключительно из всадников. Было бы неправильным увеличивать эту цифру за счет конных и пеших слуг, сопровождавших рыцарей, и считать их за воинов. Конечно, большинство рыцарей имело при себе по одному, а более знатные по нескольку слуг. При известных обстоятельствах слуги эти несли и военные обязанности, но для боя они не годились. Войско из 7 000–8 000 всадников, из которых каждый является опытным профессиональным воином, представляет собой колоссальную мощь, и даже Карл Великий вряд ли часто соединял в одну армию такое число

людей; возможно, что он и не располагал им никогда.

Вопрос о численности венгерского войска мы должны оставить открытым; под пером немецких хроникеров оно, конечно, вырастает до невероятия. Нужно полагать, что численностью венгры уступали германцам.

Учеными много обсуждался спорный вопрос о том, на каком берегу реки произошло сражение, на правом или на левом.

Из названия Лехфельд еще ничего нельзя заключить, так как аугсбургские местные историки связывают это название с равниной к югу от города по обеим сторонам реки[109].

Источники, похоже, дают нам намек на то, что приближение германского войска выдал венграм Бертольд из Рейзенбурга. Рейзенбург расположен на Дунае, в 3 милях от Ульма. Таким образом, можно было предположить, что Оттон переправился через реку близ этого места и подошел к Аугсбургу с западо-северо-запада. Но при ближайшем рассмотрении достоверность этого сообщения становится весьма сомнительной. Откуда могли знать германцы, кто именно передал венграм весть об их приближении? Кажется довольно невероятным, чтобы об этом был допрошен пойманный ими при бегстве и

повешенный венгерский король. Несомненно, в то время как главные силы венгров осаждали город, часть их всадников рыскала по всей стране, и опытные в военном деле венгры вели систематическое наблюдение за Дунаем. Невозможно, чтобы большое германское войско могло переправиться через реку, не будучи ими замечено. Чтобы узнать об этом, они не нуждались в помощи немца. Поэтому предатель Бертольд – не более чем типичный изменник, выступающий во всех даже победоносных сражениях всемирной истории, занимающих народную фантазию: начиная с неизвестного который, забравшись на гору, щитом своим подал знак при Марафоне, кончая мельником, который, сигнализируя крыльями своей мельницы во время сражения при Кениггреце, выдал Бенедеку наступление кронпринца. Также в мировую войну этот предрассудок стоил жизни бесчисленным жертвам, особенно мельникам. Бертольд из Рейзенбурга был сыном пфальцграфа Арнульфа из старинного баварского герцогского рода, низложенного Отгоном. Вопрос о том, действительно ли он тайком вступил в сношения с венграми, должен остаться открытым. Так как впоследствии он не понес никакого наказания, то измена с его стороны кажется маловероятной.

Вместе с достоверностью только что разобранного сообщения отпадает и свидетельство о наступлении Отгона с этой стороны. Но не следует думать, что если само сообщение должно быть отвергнуто, то кое-что от него все же остается, – именно свидетельство о том, что германское войско пришло с этой стороны. Легенда создается вне подобной последовательности. Германцы могли прийти с совершенно другой стороны, – это не помешало бы легенде заклеймить обвинением в измене рейзенбуржца, раз именно на него направилось ее подозрение и внимание.

Поскольку отпадают соображения, связанные с местоположением Рейзенбурга, постольку для определения поля сражения остается рассказ Видукинда, гласящий, что венгры, получив извещение о приближении короля, немедленно перешли Лех, ему навстречу. Так как из биографии епископа мы знаем, что венгры осаждали Аугсбург, а город этот находится на левом берегу реки, даже не непосредственно у воды, то для встречи с королем венгры должны были перейти на правый берег. Следовательно, король должен был наступать с востока, от Ингольштадта или Нейбурга. Но этот вывод не вполне бесспорен, так как Видукинд ничего не

говорит об осаде Аугсбурга. Правда, осада эта была очень краткой; возможно, что она длилась только два дня; двигаясь с востока, венгры только что перешли Лех; таким образом, возможно, что, сливая события, Видукинд имеет в виду первую переправу, а сражение произошло все же на левом берегу[110].

Также и то, что Видукинд переносит сражение в Баварию, является прямым свидетельством именно за правый берег, и, как таковое, имеет большой вес, тем более, что Швабия даже против и выше Аугсбурга несколько выступала через Лех. Тем не менее и эти соображения не могут считаться решающими, так как возможно, что в тексте саксонского монаха мы имеем дело с опиской или неясным представлением географии Южной Германии.

Прямое свидетельство подтверждается косвенными указаниями, которые мы находим в рассказе Видукинда. Он передает нам порядок выступления в поход восьми отрядов. Первые три составляли баварцы, четвертый – франки под предводительством герцога Конрада, пятый – королевский отряд, шестой и седьмой – швабы, восьмой – чехи. Было бы очень странно, если бы знакомые с местностью швабы шли не во главе войска, раз путь лежал через их страну. Вместо

них авангард составляют баварцы, – конечно, по той причине, что в данном случае именно они могли, не порывая естественных соединений, выставить вожаками лучших знатоков местности. Далее Видукинд рассказывает, что решение начать сражение было принято, когда прибыл герцог Конрад. Если бы сборный пункт войска находился дальше на запад, где-нибудь между Ульмом и Диллингеном, то было бы трудно понять, почему франк прибыл позже чеха. Если же сборный пункт находился приблизительно возле Ингольштадта, тогда вполне естественно, что Конрад, родовые владения которого находились у Шпейера, появился так поздно. Хотя от Шпейера до Ингольштадта расстояние приблизительно такое же, как от Праги, все же герцог чешский должен был получить известие и приказ гораздо раньше.

Наконец Ратгер, биограф Бруно, архиепископа Кельского и штатгальтера Лотарингского, рассказывает, что лотарингцы не принимали участия в сражении, так как не могли своевременно подоспеть и, кроме того, должны были защищать от набега самую Лотарингию. Это последнее объяснение звучит отговоркой, так как все же наилучшей защитой для Лотарингии была бы победа над венграми, одержанная

объединенными силами империи. Но если сборный пункт войск находился под Ингольштадтом, тогда дорога для лотарингцев оказывалась действительно слишком длинной, и они не были вызваны по той же причине, что и саксонцы.

Это исследование вопроса, на каком берегу находилось поле сражения, может сперва показаться имеющим лишь местный интерес; в самом деле, почему столь точное определение места сражения может быть для нас важным? Сейчас мы увидим, что вопрос этот, на первый взгляд мелочный, имеет всемирно-историческое значение, так как место сражения выясняет стратегический смысл, стратегическую предпосылку сражения. Кроме того, это сражение представляет собой проблему еще и в другом отношении.

Оттон пришел со своим войском с севера, с Дуная; Лехфельд лежит к югу от Аугсбурга, а сражение, по свидетельству очевидца Герарда, разыгралось настолько далеко от города, что его нельзя было видеть с городских стен. Далее Герард рассказывает, что венгры, осаждавшие городские стены, при известии о наступлении германцев двинулись им навстречу. Тогда каким же образом сражение могло произойти к югу от

города, на Лехфельде? Каким образом германское войско могло зайти так далеко на юг?

Так как венгры выступили навстречу германцам, то первое столкновение должно было произойти к северу, северо-западу или северо-востоку от Аугсбурга.

По свидетельству очевидца Герарда, это столкновение было не особенно упорным. Когда жители Аугсбурга увидели возвращавшихся с поля сражения венгров, то общий облик их войска казался столь мало изменившимся, что горожане сперва подумали, что никакого боя не произошло.

Таким образом, кажется, что венгры сделали попытку обойти германцев с отрядом лучников и напасть на них с тыла. Нападение это было отражено, а когда затем венгры увидели перед собой огромную массу немецких всадников, надвигавшихся на них с мечами и копьями, то они повернули и поспешили возвратиться в свой лагерь, к югу от Аугсбурга. Даже если они считали сражение и самый поход проигранным, то все же должны были постараться спасти, что можно, из обоза – вьючных лошадей, награбленную ранее добычу, а главное женщин, которые в известном числе наверное сопровождали их в походе. С этой целью они должны были сначала снова переправиться через

Лех обратно, а затем спешно перейти его еще раз, чтобы выйти на одну из дорог, ведущих на восток. Таким образом, если бы это первое столкновение произошло на левом берегу, к северо-западу от Аугсбурга, то венгры имели бы беспрепятственный путь к отступлению, а так как боевая линия была достаточно далека от реки, они имели бы преимущество перед тяжелыми германскими всадниками, и в дальнейшем дело дошло бы до значительного боя. Венгры перешли бы опять с максимальной скоростью Лех, который хотя и имеет сильное течение и пучины, но в августе мелководен и не представляет значительного препятствия, и поспешили бы домой. Иное дело, если германцы подошли с северо-востока на правый берег. Первое столкновение сошло для венгров более или менее благополучно, но затем германское войско появилось на пути отступления венгров и у переправы через реку. Только тут развернулось на Лехфельде настоящее сражение, в котором большинство венгерского войска оказалось уничтоженным, так как путь к отступлению ему был отрезан. Можно себе представить, что венгры двигались все выше, ища переправы через реку, и что германский военачальник позаботился о том, чтобы его воины рассыпались возможно шире

вдоль всего Леха, дабы завершить полный разгром. Даже если река при повторных переходах не представляла существенной помехи, все же вполне вероятно, что при массовом скоплении немалое число венгров попало или было столкнуто в пучины и, как гласит донесение, утонуло. Итак, своеобразие этого сражения заключается в том, что оно распадается на два раздельных – и по времени и по месту – эпизода. Верен рассказ Видукинда, что сражение (т.е. именно первое столкновение) произошло в Баварии, но правильно и название "сражение на Лехфельде".

Противоречие, состоящее в том, что германская армия шла с севера, а сражение разыгралось к югу от Аугсбурга, разрешено.

Позднейшее предание, само по себе являющееся источником малой достоверности, так хорошо укладывается в общую картину событий, что этим самым приобретает достоверность.

В одной хронике XII в. (Zwifaltenses) место сражения названо "Колиталь". В 2 милях от Аугсбурга, к югу-востоку от дороги на Ингольштадт, между Дазингом и Айхахом, ныне расположены близко друг от друга местечко Галленбах и ферма Голенхофен. Происхождение обоих этих названий от одного корня при

разности гласных представляется сомнительным, и этимологического сопоставления со словом "Колиталь" тут в прямом смысле быть не может. Но так как слово "Колиталь" откуда-то было взято, а созвучие налицо, то можно предположить, что здесь мы имеем дело с устной передачей, при которой наполовину лишь понятое имя попало в рассказ, а затем было записано в измененном виде. Из этого не следует, что сражение происходило как раз на месте нынешнего Голленхофена. В результате разорения и восстановления названия мест с течением веков могут быть перенесены на значительное расстояние. Но местом первого столкновения безусловно служила холмистая местность в полупереходе на северо-восток от Аугсбурга, где и ныне еще Голленхофен напоминает о месте "Колиталь".

Две другие хроники XII и XIII вв. называют местом сражения часто упоминаемый холм на 6 км выше Аугсбурга, на правом берегу Леха. Он назывался "Гунценлее" и ныне смыт рекой. Все говорит за то, что главные сцены последнего действия сражения разыгрались действительно здесь[111].

Но мы еще не дошли до конца.

Когда король Оттон получил в Магдебурге в

начале июля известие о набеге венгров, то первой его задачей должен был быть вопрос, где назначить место сбора имперской армии. Конечно, к северу от Дуная. Герцоги[112] Баварский и Швабский должны были уже по личному усмотрению дать соответствующие директивы своим рыцарям.

Нельзя было предугадать, с какой скоростью и как далеко вторгнутся венгры за те приблизительно 5 недель, которые требовались для сбора войск. Во всяком случае, можно было предположить, что сначала они будут держаться к югу от Дуная и станут переходить швабскую границу р. Лех не очень спешно, если вообще не остановятся здесь. Если бы король назначил сборный пункт где-нибудь глубже в Швабии, возле Ульма или еще западнее, то он мог бы быть уверен, что сумеет воспрепятствовать дальнейшему распространению венгров. Но если бы он имел эту мысль, было бы непонятным, почему он не привлек лотарингцев. В начале июля, когда начался сбор в Магдебурге, еще нельзя было предвидеть, что решительное сражение произойдет при Аугсбурге. Быть может, дело дошло бы до сражения только вблизи Некара или даже на Рейне. Как мог король при таких возможностях призвать чехов, а не лотарингцев?

Правда, у Ратгера дело рисуется так, что архиепископ Бруно собственной властью и по собственной инициативе задержал своих рыцарей; но при прекрасных отношениях между обоими братьями – архиепископом и королем – возможность такого поступка без санкции последнего кажется совершенно исключенной. Казалось бы, что если штатгальтер крупнейшего и богатейшего из герцогств (включавшего также Рейнскую область и Нидерланды) под предлогом защиты самой Лотарингии, находившейся достаточно далеко от театров военных действий, оставил бы без последствий призыв к сбору имперского войска, это было бы уже не непослушанием, а прямой государственной изменой. Но все становится ясным, если вспомнить, что место сражения мы установили на правом берегу Леха и что, следовательно, сборный пункт германского войска был не возле Ульма в Швабии, а где-нибудь возле Нейбурга или Ингольштадта в Баварии. Таким образом, германский король преследовал иные цели, чем сопротивление дальнейшему продвижению венгров по стране и новое изгнание их из Германии, и старался собрать свое войско, чтобы напасть на неприятеля с тыла, отрезать ему путь к отступлению и уничтожить его, отбив навсегда

охоту возвращения в Германию.

Подходя со стороны Магдебурга, король легче и скорее всего мог соединиться с чехами, баварцами, швабами и франками в Ингольштадте. Баварцы собирались где-нибудь возле Регенсбурга; швабы – возможно ближе к границе, почти у самого Аугсбурга, откуда они при приближении противника уклонились на север, или у Донауверта. Последними, естественно, пришли из-за Рейна франки с герцогом Конрадом во главе. Лотарингцы же фактически не могли своевременно явиться на сборный пункт, лежавший так далеко к востоку. Однако, они получили другое задание. Не было ничего невозможного в том, что, заметив приближавшееся с тыла большое германское войско, венгры могли отступить на запад, с тем чтобы вернуться на родину, пройдя через Лотарингию, Западную Франконию и Италию, как они уже это делали в 932 и 954 гг. Этому лотарингцы могли и должны были помешать. Можно предположить, что архиепископ Бруно привел свою рать в боевую готовность, чтобы в самом крайнем случае она могла препятствовать венграм в трудном переходе через Рейн до тех пор, пока не подоспел бы король Оттон с главными силами и не ударил бы неприятелю в

тыл.

Следовательно, хотя лотарингцы не принимали участия в военных действиях на Лехфельде, но в той стратегической идее, которая была положена в основу этого сражения, они играли существенную роль.

На первый взгляд поверхностная и случайная черта, сохранившаяся в дошедших до нас преданиях, прекрасно дорисовывает полученную нами картину войны и показывает, как Оттон вполне сознательно затеял сражение перевернутым фронтом, имея целью полное уничтожение противника. Последним на сборный пункт явился зять короля, Конрад, приведший рейнских франков. Ему пришлось проделать более длинный путь, чем чехам, баварцам и майнцским франкам. Если бы хотели ускорить соединение с ним, то можно было бы сделать один или два перехода ему навстречу. Оттон знал, что делает, когда вместо этого предпочел ждать его восточнее, на обратном пути неприятеля.

Король, как рассказывает нам дальше Герард, провел ночь после сражения в Аугсбурге. Отсюда он спешно выслал гонцов с приказом занять все переправы через реку, чтобы ловить бежавших венгров. Оттон отправил этих гонцов с самого поля сражения и, вероятно, отрядил на это дело

часть своего победоносного рыцарства, именно баварцев. Очевидно, возможно было перерезать дорогу бежавшим на Изаре или даже на Инне. Выясняется, что через несколько дней после сражения предводители венгров попали в руки герцога Герниха Баварского, который приказал их повесить. Имеющееся в хронике св. Галлена сообщение[113] о том, что чехи дали венграм отдельное сражение, разбили противника и взяли в плен их короля Леле, может относиться к этому же ряду событий. Этот бой мог разыграться еще на самом Лехе, куда победители явились прежде, нежели венгры успели переправиться вторично. Последние или тщетно пытались пробиться, или сперва свернули, желая переправиться через реку вверх по течению, и там были захвачены чехами.

Чем больше углубляешься в эти подробности, тем яснее видишь, не только как со всех сторон собираются силы к решительному стратегическому пункту – на пути наступления германцев с востока, – но и в какой степени полный успех сражения обусловливается именно этой стратегией. Какой незначительной рисуется нам мысль о сражении, если бы наступление велось с запада, – в виде подвига отважного рыцарства, притом запятнанного тем, что целое герцогство себялюбиво и близоруко отказалось

принять участие в общем деле. Нич в своей немецкой истории придерживается того мнения, что, по источникам, Оттон рисуется нам скорее усердным богомольцем, чем великим военачальником. Вайц (Waitz) в его "Deutsche Verf.-Gesch.", VIII, 174, упоминает, что способностями полководцев из императоров в наибольшей степени обладали Арнульф, Генрих I, Генрих III и Лотарь. Отгона он не называет. Бреслау (Breslau) в "Allgemeine deutsche Biographie" прямо отказывает императору в таланте крупного военачальника. Если Лехфельдское сражение разыгралось на левом берегу реки, тогда такая точка зрения правильна. Но теперь подвиг храброго рыцаря стал для нас делом великого военачальника, а отсутствие лотарингцев в императорском ополчении – великой стратагемой. Двумя поколениями ранее Карл Толстый во главе воинства всей франкской империи ничего не мог поделать с норманнами, осаждавшими Париж. Еще отец Отгона платил венграм дань. И если монахи-хроникеры сами не поняли общей картины эпохи и если вслед за ними прозвище Великого, данное Отгону еще современниками, повторялось при его имени скорее механически, то теперь мы можем сказать, что Оттон I действительно недаром принадлежит

к небольшому числу монархов, которых история украсила этим эпитетом. Следует поставить себя в положение короля, когда ему в Магдебурге было сообщено, что враг внезапно вторгся в Баварию. Надо было не только действовать, но действовать с наибольшей скоростью и решительностью. Как трудно было без длительной подготовки собрать вассальское войско! Швабов и баварцев, живших южнее Дуная, из Шварцвальда и с Альп нужно было соединить с чехами, саксонцами и франками в то самое время, когда неприятельское войско двигалось как раз по этим местностям. Где было дано место сбора? Разве не было наиболее естественным попробовать противопоставить свои силы вражеским? Не было ли самым верным привлечь лотарингцев, а также всех саксонцев, дабы соединить силы всей империи пусть даже ценой некоторой потери времени? Как было избежать того, чтобы венгры, заметив мощь надвигавшегося германского войска, не уклонились от боя, – тогда весь грандиозный призыв был бы напрасным?

Все эти вопросы безусловно были поставлены в то время в Магдебурге, и мы видим, какой на них последовал ответ. От участия отдаленных саксонцев и лотарингцев отказались, и место сбора было назначено даже не на нижнем Некаре,

а на северном берегу баварской части Дуная, между впадением в него Леха и Альтмюлем, куда баварцы и швабы должны были отступить. Выезжавшим гонцам, равно как и герцогам, было приказано торопиться до последней возможности приблизительно теми же словами, как однажды было написано в одной каролингской грамоте: "Если приказ придет утром, выступать к вечеру, а придет вечером – отправляться на следующее утро, и горе тому, кто его не так выполнит"[114].

Сам король немедленно двинулся к сборному пункту в сопровождении приближенного рыцарства и ближайших по месту жительства саксонцев. Лотарингцам было приказано прикрывать свою собственную страну, занимая позиции на Рейне.

Поход был так задуман, что венгры не могли на этот раз избежать своей участи иначе, как победив германцев в сражении, на котором был построен весь расчет, ибо сражение всегда является пробой, показывающей, правильно ли был решен пример в стратегии. Если бы сражение на Лехфельде было проиграно, немедленно послышалась бы и критика: отчего король Оттон не подождал до тех пор, пока он не соберет рыцарей всей империи? Почему он поднял храбрость венгров до решимости отчаяния тем,

что отрезал им путь к отступлению и напал на них с тыла? Разве не следует строить врагу золотых мостов?

Не только составление и быстрое выполнение своего разумного плана при беспрекословном послушании крупных вассалов, но также – и прежде всего – решимость при подобных обстоятельствах вызвать и дать бой сделали Оттона I великим полководцем.

К КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ

Видукинд говорит об отряде Оттона (legio regia): "Государь, окруженный тысячами отборных воинов и отважным юношеством". Это, конечно, не следует понимать в том смысле, что из всех маленьких феодальных отрядов были выделены воины, составившие некую часть под личным командованием короля. Непосредственно за этим мы читаем о франках, которые под предводительством герцога Конрада отразили нападение венгров с тыла: "Так как ветераны-воины, привыкшие к славе побед, медлили, он справил триумф с молодыми и почти несведущими в военном деле воинами". И это тоже, конечно, не что иное, как злополучная риторика. Франкские рыцари были не моложе и не менее опытны, чем швабы и баварцы.

Видукинд говорит, что в последний день "войско идет по суровым и трудно проходимым местам, чтобы не дать врагу возможности внести замешательство стрелами, которыми он пользуется весьма метко под

прикрытием кустарника". Это – тактическая мудрость скорее смелого, как мы хотим думать, чем осведомленного участника сражения, слышанная и пересказанная добрым монахом. Но характер местности изображен правильно.

Видукинд рассказывает, что в последний день наступления обоз всей армии был оставлен под прикрытием богемцев, где он считался в наибольшей безопасности. Но случилось иначе. Венгры переправились через Лех, обошли армию, напали с тыла и разбили сначала богемцев, а затем и оба швабских отряда и захватили обоз. Увидя противника и с фронта и с тыла, король послал герцога Конрада с франками, которому удалось снова рассеять венгров и вернуть при этом всю захваченную ими добычу.

Рассказ этот страдает столь трудно разрешимыми внутренними противоречиями, что я не решился включить его в историческое изложение. Так как разбиты были сперва богемцы – "восьмой легион, затем седьмой и шестой, то, очевидно, армия была еще на марше. Несмотря на это, Оттон посылает на помощь не следующий по порядку – пятый – отряд, а четвертый, который, очевидно, должен был сперва миновать пятый, – и это в то время, когда каждая минута была дорога. Также мало вероятно, чтобы обходный отряд венгров, очевидно, численно ограниченный, мог бы разбить и обратить в бегство 3/8 германской армии.

Быть может, событие это произошло так: армия уже развернулась – все семь "легионов" в ряд, а богемцы образовывали арьергард и охраняли обоз, когда произошло это нападение. Тогда становится понятным, что как раз четвертый легион, стоявший в

центре, повернул назад и выручил богемцев. Указание на то, что и швабы уже пустились в бегство, представляется просто измышлением Видукинда, рисовавшего себе отряды один за другим. Но это, конечно, лишь предположение. Возможно, что вообще речь идет о совсем незначительной стычке, очень преувеличенной в рассказе воинов, говоривших с монахом, или самим Видукиндом, желавшим сугубо прославить павшего в бою королевского зятя.

Случилась ли эта стычка в самый день сражения, как теперь принято думать, или накануне – я с уверенностью сказать не могу. Сам Видукинд не был на этот счет вполне уверен. Его утверждение, что король со своим отрядом лично начал сражение, также следует принимать не как исторический факт, а как прием прославления.

Кстати, в виде примера того, как мало можно доверять переработкам второй руки, отмечу, что в переводе Видукинда в "Geschichtenschreiber der deutschen Vorzeit", изданном под наблюдением Перца, Гримма, Лахмана, Ранке, Риттера с предисловием Виттенбаха, целая фраза "равным образом напавши на шестой и седьмой, весьма многих из них разбили и обратили в бегство" совсем выпала.

Дитрих Шефер (Dietr. Schdfer, Sitz.-Ber. d. Berl. Akad., 1905, XXVII) в статье по поводу "Венгерской битвы 955 г. " обратил внимание на следующее место: "Венгерцы у Колиталя близ Аугсбурга терпят поражение от короля Оттона в дни августа, причем из ваших пали герцог Конрад и Дипольт, брат обители святого Ульриха".

Шефер отождествляет этот Колиталь с Кюленталем, лежащим приблизительно в 25 км к

северо-западу от Аугсбурга на левом берегу Леха, на восточном краю холмистой местности у Шмуттербаха. Грамматически это возможно, но, не говоря уже о направлении, подобное расстояние представляется слишком значительным, чтобы представить себе сражение на этом месте.

Затем Шефер убедительно доказывает, что под silva nigra, до которой венгры в этом походе опустошили (по Герарду) страну, следует разуметь не Шварцвальд, а местность, прилегающую к Альпам.

Реконструируя в первом издании настоящего труда сражение, я, правда, приходил к тем же выводам, что и теперь, но делал это более сложными путями и с меньшей уверенностью, так как мне недоставало безусловно достоверного объяснения операции именно как "сражения на Лехфельде". Заслугой Гарри Бреслау (Harry Breslau) является то, что в то время, когда настоящий том находился еще в печати, Бреслау доказал ("Histor. Zeitschr.", т. 93, стр. 137), что видение, о котором говорится в труде Герарда о жизни епископа Ульриха, относится к этому сражению; до сих пор это ставилось под сомнение.

Альфред Шредер (Alfred Schrцder, Die Ungarnschlacht von 995 im "Archiw f. d. Geschichte des Hochstifts Augsburg", т. I, 1919) снова выступил с утверждением, что сражение произошло на левом берегу Леха. Однако затруднения, возникающие при этом, не разрешены, а лишь обойдены и затушеваны.

Гефнер-Альтенек (Hefner-Alteneck) в своем прекрасном издании "Waffen, Ein Beitrag z. Historischen Waffenkunde" изображает на табл. 4 принадлежащий ему меч X в., найденный на Лехфельде и могущий, таким образом, относиться к

венгерской битве. Меч этот широк и длинен, на конце закруглен, т.е. приспособлен лишь к тому, чтобы им рубить, а не колоть. Эфес больших размеров, чем в более древние времена, но все еще умеренного объема.

Когда настоящая глава находилась уже в типографии, я получил статью "Гунценлее и сражение на Лехфельде" учителя Эдуарда Вальнера (Eduard Walner) из Аугсбурга ("Zeitschr. d. histor. Vereins f. Schwaben und Neuburg", т. 44), которую г. Вальнер имел любезность еще сопроводить письменными сообщениями и справками. Работа эта очень ценна для топографии Лехфельда, и по ней я сделал несколько исправлений в корректуре настоящего труда. Особенно следует отметить, что ныне исчезнувший Гунценлее должен быть помещен на 5 км ближе к Аугсбургу, чем это предполагалось раньше. Затем я должен был отказаться от фонетически возможного сопоставления Kolital с Gollenhof, так как Gollenhofen, как доказал Вальнер, в одном документе 1231 г. назван Goldenhoven. Все же фонетическое сопоставление остается возможным, так как "г" в устах баварца могло превратиться в "к", а двойное "л" могло пасть жертвой орфографии составителя Цвифальтенских анналов. "Долина" же (Tal) прекрасно подходит к холмистой, богатой реками и ручьями местности.

Я еще раз суммирую причины, вынуждающие нас разделить сражение на два отдельных эпизода, из которых первый развернулся вблизи Голленгофена, в полупереходе от Аугсбурга, на правом берегу Леха, а второй и решительный – непосредственно у реки, недалеко от Гунценлее.

Видукинд определенно говорит, что сражение

произошло в Баварии, и это действительно подтверждается тем, что на марше баварцы шли в авангарде.

Если бы германская армия собралась в Швабии, к западу от Аугсбурга, было бы трудно понять, почему лотарингцы отсутствовали, рейнские франки явились последними, а знакомые с местностью швабы не были назначены в авангард войска.

Наиболее достоверное известие, которое мы имеем о сражении, это то, что столкновение нельзя было видеть с городских стен, однако, жители видели возвращение венгров и сомневались, произошел ли вообще бой, так как казалось, что венгры не понесли заметного урона. Если бы события такого рода разыгрались к западу от Аугсбурга, тогда вообще большого сражения не произошло бы: венгры перешли бы обратно через Лех, что не могло составить для них затруднения, и приказ Оттона воспрепятствовать противнику перейти через Изар и Инн был бы бессмысленным, если бы дело шло о все еще сильной армии. Приказ этот свидетельствует о неприятеле, разбитом наголову, о рассеянных отрядах.

Так как венгры осаждали Аугсбург, прикрытый на востоке, западе и севере Лехом и Вертахом, то, очевидно, их лагерь был расположен южнее города, т.е. на левом берегу Леха. Чтобы дать бой, они перешли через реку на правый берег. Если они с самого начала не хотели избегнуть боя, то иначе они и не могли поступить. Если бы они ждали противника в своем лагере, близко от города, то были бы чрезвычайно скованы в своих движениях, а это для них – конных лучников – имело очень большое значение.

Еще менее вероятно, что первое столкновение разыгралось южнее города. Это невероятно даже в том случае, если бы можно было предположить, что лагерь венгров находился восточнее города и что германцы пришли со стороны Ульма, а венгры пошли им навстречу в этом направлении. Ведь тогда было бы непонятно, почему с городских стен видели только отступление, а не самое сражение.

Брат епископа, граф Дитбальд, покинул город в ночь перед сражением, – он хотел соединиться с армией короля, оставив, понятно, достаточное количество воинов для охраны стен. Это свидетельствует о том, что король приближался не с северной стороны, ибо в таком случае он так близко подошел бы к городу (или даже миновал его), что Дитбальду не нужно было бы совершать ночного перехода. Остается только северо-восточное или северо-западное направление. Почему последнее направление исключается, мы уже знаем: об этом говорят источники, и это явствует из положения вещей.

Сообщение Герарда о видении епископа Удальриха, как доказывает Вальнер, связывает сражение с Гунценлее, на Лехе, примерно в 6 км выше Аугсбурга. Это же место определенно называют две более поздние хроники. Так как венгры побежали мимо городских стен Аугсбурга, то этот бой у Гунценлее безусловно не является первым эпизодом сражения. Очевидно, это особый и притом весьма важный эпизод. Если германцы пришли с западной стороны, и первое столкновение произошло на левом берегу Леха, то нельзя заключить, что эта операция имела здесь место. Если же представить, что

германцы пришли с северо-востока, венгры после первой стычки возвратились в лагерь, а германцы у Гунценлее вторично выступили против них и отрезали им путь к отступлению, то эта операция легко согласуется со всеми остальными фактами. Это подтверждается также сообщением Видукинда о том, что венгры перешли Лех и отправились навстречу королю, и что сражение (т.е. первое столкновение) произошло в Баварии.

Подробное критическое документальное опровержение различных гипотез относительно сражения можно найти в юбилейном сборнике Дельбрюка в статье Карла Хаданка (Karl Hadank), издание Георга Штилька 1908 г. В этой статье исправлена также весьма распространенная ошибка, будто Конраду, в то время как он из-за жары развязывал шнурок своего шлема, в горло попала венгерская стрела. В действительности он снял кольчугу.

УКАЗАНИЕ О ПЕРВОМ СРАЖЕНИИ С ВЕНГРАМИ

Liudprand Antapodosis, II, 4, рассказывает о победе венгров над королем Людвигом-Дитя. По его словам, венгры предприняли притворное бегство и устроили засаду. Но ни автор, ни его рассказ не внушают доверия.

Глава III

СРАЖЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ГЕНРИХЕ IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГОМБУРГЕ НА Р. УНСТРУТ 9 июня 1075 г.

Об этом сражении мы имеем три подробных описания – Ламберта из Герсфельда, Бруно[115] и одной эпической поэмы[116], но первые два тенденциозны и противоречат друг другу даже в важнейших пунктах, последнее же является чистой риторикой. Ламберт и Бруно изображают дело таким образом, что армия Генриха IV выступила и напала на саксонцев, якобы, совершенно неожиданно. Не является ли это простым оправданием поражения? Утверждение Ламберта, что вообще только немногие саксонцы успели надеть на себя латы и были выбиты из "ворот" (будто бы они, подобно римлянам, имели укрепленный лагерь), является простой риторической фантазией.

По Ламберту выходит, что многие воины, якобы, остались на северном берегу Унструта и скорее слышали о поражении, чем о сражении. Исход сражения все же колебался в промежутке от

полудня до 9 часов вечера и был решен только благодаря вступлению в бой новых частей Генриха. Уже достовернее звучит это место у Бруно, который повествует, что сражение было ожесточенным, но очень коротким, так как саксонцы потеряли только трех, король (по словам Бруно) – 8 знатных воинов.

Ламберт сообщает, что в бою погибло много дворян из Швабии и Баварии, но это так же неправдоподобно, как и его перечисление тех немногих дворян, которые остались невредимыми.

Представляется достоверным, что это сражение было чисто рыцарским и что самые знатные князья сражались впереди. Маркграф Удо Нордмарский будто бы нанес своему двоюродному брату герцогу швабскому Рудольфу (в дальнейшем король-соперник) такой удар по голове, что он остался в живых только благодаря крепкому шлему. Герцог вообще весь был покрыт синяками. Маркграф Баварский Эрнест был так тяжело ранен, что умер. С саксонской стороны в бою пал граф Гебгард Супплинбургский, отец будущего короля Лотара. Нельзя установить, была ли вообще пехота у короля. По словам Ламберта, саксонская пехота находилась во время сражения в лагере, – едва ли преднамеренно (ибо зачем же ее, в таком случае, взяли с собой, поскольку это не

был простой обоз), а потому, что конные воины ринулись вперед и сражение сразу же было решено. По Бруно, большая часть саксонцев пустилась в бегство еще до начала сражения.

Эту пехоту, которая в большом количестве была изрублена, считали крестьянским ополчением. Carmen de bello Saxonico (M. G., SS, XV, 2, 1231 г.) подробно рассказывает, как саксонские рыцари силой принуждают народ нести военную службу и как затем масса в свою очередь проникается воинственным пылом, землепашцы и пастухи отправляются на войну, выковывают оружие из своих инструментов и оставляют страну пустой. Между тем Ламберт считает саксонцев народом невоинственным: "Неотесанная чернь, более привычная к обработке земли, чем к военному делу, объединенная не воинским духом, а страхом перед начальниками, выступила в бой вопреки своим нравам и обычаям".

Несмотря на эти показания, совершенно исключена возможность того, что саксонские князья хотели повести в бой крестьянское ополчение. "Carmen" является поэмой, фантастически рисующей события. Это особенно заметно в конце ее, где рассказывается, как после этой победы король, забирая города и крепости,

опустошил всю Саксонию; только у немногих саксонцев оставалось какое-либо имущество – скот или пожитки. В действительности же король дошел с армией только до Гальбурштадта, лично отправился с небольшой свитой в Гослар и уже 1 июня вернулся обратно[117]. Если мы соответственно этому сократим сообщение о всеобщем призыве, то мы можем его истолковать в том смысле, что саксонские князья посадили на коня помимо своих рыцарей также некоторых других годных воинов, особенно же подкрепили себя необычным числом пеших оруженосцев и для этой цели призывали, снарядили и взяли в поход многих еще не испытанных в боях.

Ламберт утверждает, что местность не допускала одновременных действий всей королевской армии, а потому колонны были выстроены одна за другой, причем король находился в пятой колонне, а последнюю составляли чехи. Это утверждение должно быть безусловно отвергнуто, так как местность на южном берегу Унструта ни в коем случае не препятствует широкому развертыванию конницы. Быть может, оно основывается на донесении о походном порядке.

Сообщение монаха Бертольда из Рейхенау (M. G. SS, V) о том, что в этом сражении было

убито 8 000 саксонцев, не имеет, конечно, никакой ценности.

ВОЙНА МЕЖДУ ГЕНРИХОМ IV И ЕГО СОПЕРНИКОМ РУДОЛЬФОМ

В то время как Генрих IV находился в Италии, где искал примирения с папой Григорием VII и приносил в Каноссе церковное покаяние, в Форхгейме во Франконии собрались враждебные ему германские князья и избрали королем герцога Рудольфа Швабского, мужа одной из сестер Генриха (15 марта 1077 г.). Однако, когда Генрих после снятия с него отлучения от церкви возвратился в Германию, на его сторону перешло так много графов и епископов, что Рудольф должен был отступить из Южной Германии в Саксонию, где старая вражда саксонцев к королю снискала ему их симпатию.

Но хотя решительное большинство баварцев, швабов и франков и перешло на сторону короля, все же князья не были склонны немедленно пойти с ним в решительный бой против узурпатора и желали покончить спор о престоле путем мирного соглашения. Так как такое соглашение при любых условиях все же должно было кончиться отказом Рудольфа от престола, Рудольф собрал все силы и, объединившись с обоими герцогами – Вельфом

Баварским и Бертольдом Каринтийским из рода Церинген, продвинулся с отрядом саксонского войска до самого Некара. И все же, несмотря на это объединение, он был не настолько силен, чтобы заставить Генриха принять решительный бой. Он вынужден был возвратиться назад; зима и начало следующего лета прошли в переговорах, нескольких мелких опустошительных походах и осаде отдельных крепостей. Только поздним летом Рудольф предпринял вторую попытку добиться решительного сражения и снова выступил с саксонцами для соединения с южно-германскими герцогами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЕЛЬРИХШТАДТЕ
7 августа 1078 г.

Рудольф продвигался по Тюрингии, швабская армия под командой герцогов Вельфа и Бертольда собиралась между Рейном и Некаром. Но на этот раз и сам король Генрих имел достаточную армию, двинулся навстречу саксонцам и встретился с ними у Мельрихштадта, на границе Тюрингии и Франконии. По подробному рассказу Бруно (описание Бертольда – совершенно запутанная небылица), бой этот был чисто рыцарским и кончился тем, что на обеих сторонах одна часть победила, одна бежала. Это бывало во

многих сражениях. В рыцарском сражении это имеет еще особое значение в том отношении, что почти невозможно остановить рыцарей, раз они побежали. Это тяжело даже при дисциплинированной кавалерии, у рыцарей же это не только психологически тяжелее, но недостижимо еще особенно потому, что они не в состоянии занять исходное положение для того, чтобы сковывающим боем выяснить обстановку. Рыцари не могут вести оборонительный бой (оставляя в стороне совершенно исключительные обстоятельства); когда на них надвигается противник, они должны или помчаться ему навстречу, или ускакать. Среди саксонцев, разбитых и обратившихся в бегство при Мельрихштадте, находился и сам король Рудольф. Его храбрость получила общее признание. На самом деле сражение было им не проиграно, так как его противник Генрих тоже покинул поле сражения, и лишь один саксонский отряд под командой пфальцграфа Фридриха удержал поле сражения в конечном счете за собой. Несмотря на это, Рудольф тотчас же продолжил свой отход в Саксонию. По дороге часть его князей была ограблена и убита крестьянами, а часть поймана и приведена к королю Генриху. Победоносные саксонцы пфальцграфа Фридриха также не

придумали ничего лучшего, как захватить добычу и отправиться домой.

Один более поздний источник, который, однако, мог основываться на какой-то устной передаче, – Пельдские анналы, – сообщает, что король Рудольф, узнав о тем, что он бежал от собственной победы, с досады готов был умереть[118].

Так вот получается представление, что, несмотря на поражение, король Генрих добился своей стратегической цели – не дать соединиться обеим неприятельским армиям. Нужно было бы ожидать, что теперь он направит свои силы на швабскую армию, тем более что герцог Богемский к этому времени подвел ему новые войска. Но потому ли, что обратившиеся в бегство рыцари Генриха отправились прямо домой, или по другим неизвестным причинам, Генрих сначала ничего не предпринял, а отправился в Баварию и только в октябре собрал новую армию для опустошительного похода против владений его соперника в Швабии.

Это событие очень характерно для ведений войны в эпоху рыцарства и не должно быть умалено, как это делает Гизебрехт, полагая, что Генрих потому отступил, что иначе он очутился бы между обеими неприятельскими армиями: ведь

саксонцы отошли назад, и если бы даже они снова вернулись, то король тем временем мог бы разбить южногерманских герцогов. Также неправильно замечание Флото (в его жизнеописании Генриха IV), что король не мог преследовать саксонцев потому, что южногерманцы, расправившиеся тем временем с крестьянами на Некаре, зашли ему в тыл; в этом случае они вышли бы прямо на короля, который каждый момент мог покончить с саксонцами. Стратегическими мотивами поступок Генриха безусловно нельзя объяснить. Правильное объяснение можно скорей искать в самой природе рыцарского войска (если при этом не играли роль другие, нам совершенно незнакомые мотивы), которое даже после простого полупоражения было неспособно к военным действиям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФЛАРХГЕЙМЕ
27 января 1080 г.

Сражение под Мельрихштадтом осталось почти безрезультатным для обеих сторон. Но в конечном выигрыше остался король, так как, во-первых, выяснилось, что силы Рудольфа слишком слабы для стратегического наступления, и, во-вторых, что мирным путем раздора не решить. Это вынуждало сторонников короля

помочь ему настолько, чтобы он со своей стороны мог перейти в наступление. И он предпринимает даже зимний поход.

Некоторые сильнейшие саксонские князья потеряли веру в короля-соперника и отступились от него; поэтому Генрих, очевидно, полагал, что при внезапном его появлении Рудольф будет не в силах оказать ему сопротивление в открытом бою[119].

Однако, Рудольф совместно с Оттоном Нордгеймским выступил ему навстречу южнее Мюльгаузена в Тюрингии. Саксонцы построились за ручьем на холме для атаки противника в тот момент, когда он, переходя ручей, взойдет на косогор. Но Генрих учел неудобство местности и обошел эту позицию.

Относительно исхода разыгравшегося сражения источники противоречат друг другу. По Бруно и Бертольду, саксонцы победили, а Генрих бежал. По Эккегарду (Фрутольф) и Аугсбургским анналам, бежали саксонцы, а герцог Братислав Богемский, союзник Генриха, захватил даже золотое копье Рудольфа. Это копье предназначалось Рудольфом в будущем для того, чтобы в торжественных случаях его несли впереди богемских герцогов. Но во время сражения, – продолжает Эккегард, – отряд саксонцев напал на

королевский лагерь, убил оруженосцев и забрал большую добычу. После этого король отправился обратно в восточную Франконию и распустил свою армию.

На первый взгляд кажется, что такое объяснение отступления короля – простая отговорка с целью скрыть поражение и что подлинной победы Генрих безусловно не одержал. Однако, не так уж невозможно, что сражение протекало подобно Мельрихштадтскому, и Генрих повернул назад не потому, что он действительно был разбит при Флархгейме, а скорей потому, что увидал несбыточность своей надежды на несочувствие саксонцев Рудольфу. Что Генрих действительно не был разбит, явствует еще из того, что Бруно ничего не говорит о захвате лагеря; по словам Бертольда, только наступление ночи разъединило бойцов. Несмотря на это, он приписывает победу несомненно саксонцам, ибо Рудольф оставался на поле сражения до полуночи и только из-за невыносимого холода отправился на постой в ближайшую деревню; с наступлением же дня он снова появился на поле. Таким образом, о преследовании во всяком случае не было и речи.

По словам Бертольда, со стороны Рудольфа пало только 38 человек.

СРАЖЕНИЕ НА ЭЛЬСТЕРЕ
15 октября 1080 г.

После Флархгеймского сражения папа Григорий вторично и окончательно отступился от Генриха, снова отлучив его на пасхальном соборе 1080 г. от церкви. Благодаря этому и военное положение достигло наивысшего напряжения: все иллюзии относительно мирного улажения конфликта, связывавшие до этого времени силы обеих сторон, теперь исчезли, и обе стороны стали думать только о сосредоточении максимальных сил для достижения скорейшей и окончательной развязки. По опыту последних лет Рудольф знал, что для наступательных действий он недостаточно силен; инициативу захватил Генрих, как более сильный. Все лето он был занят церковными делами, провел один собор в Майнце и второй в Бриксене, последний – совместно с итальянскими епископами. На этих соборах он пошел на крайнюю меру и выбрал нового папу. Покончив с этим, он снова занялся Рудольфом.

Благодаря обстоятельному рассказу Бруно, который, возможно, сам присутствовал при этом, о походе и сражении мы осведомлены сравнительно хорошо. Но у преданного одной стороне священника-писателя мы, естественно, не можем искать полноты мотивировки действий ни

саксонских руководителей, ни, тем менее, короля Генриха.

Задачей короля являлось объединение западногерманских и южногерманских отрядов с чешскими отрядами и отрядами маркграфа Мейсенского, ставшего на его сторону. Генрих выбрал опасный путь из Гессена через Тюрингию, вдоль южной границы Саксонии, для того чтобы на р. Заале или Эльстере встретиться с остальными контингентами. Путем демонстрации против Гослара ему сперва удалось отвлечь внимание саксонцем в эту сторону, в то время как королевская армия двигалась через Эрфурт на восток. Но саксонцы вскоре заметили свою ошибку, погнались за противником и нагнали его на Эльстере. Быть может, баварцы, шедшие с юга, уже присоединились к нему[120], чехи и мейсенцы были еще по ту сторону реки.

Бруно задает вопрос: не для того ли Генрих выстроил своих воинов спиной к реке, чтобы у них не было возможности бежать, а позднейшее местное предание, записанное в Пегаурской хронике, сообщает, что сражение произошло у местечка Мильзин (Мельзен) на р. Эльстер (juxta Elstram). Поэтому не может подлежать сомнению, что бой разыгрался непосредственно на берегу реки.

Далее Бруно рассказывает, что Генрих не хотел дальше оттягивать сражения. Но это затемняет истинное положение вещей: зачем бы Генрих заходил так далеко? К тому же писатель говорит, что король разбил свой лагерь на Эльстере вопреки своей воле (nolens). Если бы это зависело от Генриха, он безусловно отсрочил бы развязку до прибытия чехов и мейсенцев.

Ни один историк не дает объяснения тому, что могло помешать королю переправиться через р. Эльстер, не представляющую серьезного препятствия. Так как он переправился через р. Заале южнее Наумбурга[121], не будучи в состоянии овладеть этим городом, то естественная дорога для соединения с чехами вела в направлении на Цейц, что, как мы увидим, соответствует дальнейшим событиям. В Цейце, без сомнения, имелся мост через Эльстер; быть может, Цейц, как и Наумбург, запер свои ворота и этим закрыл ему прямой путь, а прежде чем успели построить собственную переправу, саксонцы уже подошли.

Мы могли бы задать еще один вопрос: почему Генрих, если он не мог перейти Эльстер и не имел еще в сборе всех своих сил, не уклонился вдоль реки на юг? Раз саксонцы его нагнали, то сделать это в порядке едва ли было возможно. Такое

отступление легко могло перейти в бегство.

Армия, вооруженная почти исключительно холодным оружием и состоящая преимущественно из конных, с трудом могла бы вести прикрывающие арьергардные бои, которые дали бы главным силам время для отхода в полном порядке. Помимо этого, Эльстер южнее той местности, где, очевидно, произошло сражение, имеет сильный изгиб на запад, что сильно затрудняло уклонение отошедшей с этого направления армии. Наконец, возможно, что чешское и мейсенское подкрепления, из-за которых совершен был весь переход от Гессена через Тюрингию, уже находились поблизости на другом берегу реки. Пегаурская хроника, написанная значительно позднее, но основанная, очевидно, на местной традиции, сообщает даже, что чехи принимали участие в бою. На основании положительного свидетельства Бруно мы должны отвергнуть это показание. Однако, поскольку даже хроника повествует о том, что герцог Богемский спас своими чехами короля Генриха, все это, вместе взятое, создает внутреннюю вероятность и едва ли является чистой выдумкой. Мнимое участие чехов в сражении основано, очевидно, только на позднейшем рассказе об этом бегстве и спасении, когда связь событий уже не была так

точно известна. Мы же можем заключить, что если герцог Богемский мог спасти короля в этом сражении, то, быть может, он уже во время самого сражения стоял на другом берегу со своим авангардом, и что непосредственная надежда на соединение с ним побудила короля, вместо того чтобы уклониться на юг путем маневра, выиграть нужное время.

Итак, король занял позицию за болотистой долиной, где саксонцы не могли непосредственно атаковать его. Это болото, по Бруно, называлось Грона. Можно полагать, что это название сохранилось в названии деревни Грана, или Грона, против Цейца. Здесь у р. Эльстер с запада на восток простирается долина, которая до этого представляла собой, очевидно, болото. Путь, по которому Генрих пришел от р. Заале, шел вдоль южного края этой долины, затем пересекал вблизи Эльстера болото с крутым поворотом и здесь вел к Цейцскому мосту. Вероятно, уже тогда мост был приблизительно на том же месте, что и теперь. Таким образом, Генрих перешел это болото и находился к северу от него, когда в тылу появились саксонцы.

В виду неприятеля саксонцы не были в состоянии перейти болото. Рыцари стали перебраниваться и, как рассказывает Бруно,

язвительно вызывать друг друга перейти на другую сторону.

Под прикрытием болота король был в данный момент недосягаем. Хотя Цейц закрыл ему непосредственную переправу через реку, но с другой стороны на город наступали герцог Богемский и маркграф Мейсенский. Если бы и эта угроза не открыла прохода, то королю все же нетрудно было бы быстро установить вне города переправу, при помощи которой он соединил бы свои войска по обеим сторонам реки.

Саксонцы имели возможность, вернувшись немного назад, обойти болото с западной стороны. Генрих, очевидно, учел это, но или считал, что на это уйдет день, в течение которого можно успеть установить переправу через Эльстер, или же, что во время движения неприятеля он сможет снова пойти через болото на юг, и, таким образом, между обеими армиями опять-таки будет лежать препятствие.

Но король Рудольф и Оттон Нордгеймский знали, что стоит на карте, и были достойны своего положения. Бруно рассказывает, что многие воины саксонской пехоты от усталости застряли в пути, и поэтому было отдано распоряжение, чтобы все рыцари, имеющие слабосильных лошадей, спешились и сражались в пешем строю.

Для какой цели нужна была пехота? Ведь это не значит, что рыцари спешились из-за негодности лошадей, а только лишь для того, чтобы заменить недостававших пеших. Мы знаем, насколько в открытом бою конный ценнее пешего. Искусственно созданная здесь пехота имела безусловно особое назначение, и назначение очень важное, так как командование над ней принял на себя Оттон Нордгеймский, после короля Рудольфа первое лицо в армии. Эта пехота предназначалась, как мы можем заключить, для занятия и прегражденія переправ через Гронское болото во время обходного движения конницы, а также и для того, чтобы самой вступить отсюда в бой. Саксонская армия, несомненно, численно превосходила королевскую. Таким образом, она могла позволить это разделение сил, понуждаемая Генрихом вступить в сражение, причем в такое, при котором отступить можно только в реку.

Пехота была в состоянии как оборонять болото, так и форсировать его в местах, непроходимых для конницы.

С этим предположением совпадает дальнейший ход событий.

Положение конницы, сражавшейся фронтом на восток и запад, было неустойчивым; часть саксонцев обратилась было уже в бегство, когда с

юга появился Оттон Нордгеймский с пехотой. По словам Бруно, Оттон разбивает часть неприятельской армии, приходит в неприятельский лагерь, не дает своим людям грабить и ведет их на остаток противника, который еще держится. Он все побеждает. Такой успех пехоты против конницы совершенно невероятен. Но если мы себе представим, что Оттон прошел со своими людьми болото, когда конный бой еще находился в неопределенном состоянии, тогда все будет ясно. Прежде всего, он сбил пост, охранявший место переправы; затем он натолкнулся на королевский лагерь, но сумел удержать свой отряд и повести его в конный бой, который благодаря этому подкреплению и был решен в пользу саксонцев. Вопрос о том, протекало ли сражение точно так или немного иначе, приходится оставить открытым. Сам Бруно, являющийся нашим источником, видимо, не имеет ясного представления по этому поводу. Самым важным моментом является для нас объяснение, почему здесь спешили рыцарей и почему эти спешенные рыцари смогли решить конное сражение.

Хотя Генрих был совершенно разбит и часть его армии утонула в Эльстере, все же, поскольку победитель, король-соперник Рудольф, пал,

шансы оставались равными. У Рудольфа была отсечена правая рука и нанесена рана в живот, от которой он и скончался. Еще и поныне можно видеть в Мерсебургском соборе его надгробный памятник. Можно себе представить, как храбро и мужественно сражался гордый рыцарь, "бежавший от собственной победы" при Мельрихштадте и потерявший при Флархгейме свое королевское копье, чтобы восстановить свою славу, добытую им на поле Унструтского сражения. Это рыцарское честолюбие и принесло ему смерть. Его сторонники сделали ему такую надпись на памятнике:

"Там, где его войско победило, пал он священной жертвой. Жизнью была ему смерть, понесенная ради церкви".

Но Эккегарт написал в своей хронике, что когда Рудольфу принесли отрубленную правую руку, он якобы сказал стоявшим вокруг него епископам, со стоном: "Вот рука, которой я клялся в верности моему государю Генриху; смотрите вы, возведшие меня на его трон, правильным ли путем вы вели меня".

Последней причиной поражения Генриха IV является его продвижение через Тюрингию. Неизвестно, кто был бы победителем, если бы Генрих, пройдя дальше на юг через Франконию,

соединился с баварским, чешским и мейсенским отрядом в районе верхнего течения р. Заале и затем пошел бы на врага сомкнутыми рядами. Благодаря же тому, что король двинулся с половиной армии через Тюрингию, он подошел так близко к саксонцам, что они напали на него и вынудили принять сражение, прежде чем он объединил все свои силы. В конце концов, дело сводилось к нескольким часам в случае, если бы переправа через такую среднюю по величине реку, как Эльстер, несколько задержалась. Мы не знаем, что побудило короля к неосторожному выбору такой дороги для похода, но из маневра, при помощи которого он увлек саксонскую армию в ложное направление, видно, что он отлично сознавал опасность этого предприятия. Вероятно, соображения продовольственного порядка побудили его выдвинуть место соединения всех своих контингентов как можно больше вперед. Если бы Генриху удалось собрать в одном месте рейнские, южногерманские, чешские и мейсенские отряды, то вся армия была бы необычайно большой и смогла бы передвигаться лишь с большим трудом. Кроме того, при марше западных контингентов через Тюрингию они щадили свою область и наносили ущерб неприятельской. Может быть также, что

недооценили энергию и наступательную способность саксонцев и слишком понадеялись на действие отвлекающего маневра. Все это – не больше как предположения, но предположения, свободно вытекающие из самого характера военных операций того времени, из всех обстоятельств и духа действующих лиц. Вечная трудность всех военных операций, заключающаяся в том, что большую армию трудно передвигать и снабжать продовольствием, а если ее подразделить или уменьшить, то небольшие армии легче подвергаются поражению, – эта трудность была в эпоху феодального призыва и натурального хозяйства еще большей, чем в другие эпохи. Тот факт, что попытка Генриха IV преодолеть эти трудности окончилась неудачей, для нас весьма поучителен как показатель того, что в Средние века попытки добиться решительного успеха большими сосредоточенными силами делались вообще очень редко.

На основании одного только рассказа Бруно нельзя получить ясной картины сражения на Эльстере. Для облегчения нашей реконструкции пришлось опереться на следующие два момента: принципиальное понимание ценности и значения обоих родов войск этой эпохи – конницы и пехоты – и

установление и значение местности, на которой разыгралось сражение. В отношении последней задачи мы многим обязаны исследованию Г. Ландау (D-r G. Landau, Korrespondenzblatt des Gesammtvereins der deutschen Geschichte- u. Altertumsvereine), т. 10, No 5, стр. 38 (1862 г.). Флотов в своей ценной книге об императоре Генрихе IV пришел к совсем другой картине сражения: ему не хватало этих двух моментов исследования; кроме того, он не заметил стратегической подоплеки сражения, а именно, – что Генрих не собрал еще всех своих сил и пытался избежать сражения, но что саксонцы, имевшие превосходство, вынудили его сражаться. Поэтому Флотов не может объяснить исход сражения чем-либо иным, кроме непонятного поведения пфальцграфа Генриха Лаахского, который со своим отрядом королевского войска сперва одержал победу на одном фланге, но затем остановился и стал петь победный гимн, вместо того, чтобы поинтересоваться положением дела на другом фланге.

Гизебрехт и Мейер фон Кнонау не соглашаются с исследованием Ландау и предполагают, что поле сражения находилось одной милей севернее, у Grunau-Bach (ручья Грунау) при Hohen-Mqlsen. Название Grunau-Bach фонетически однозвучно с Grona, а местное предание о том, что сражение имело место при Мельзене, естественно приводит к тому месту, которое ныне называется Mqlsen. Но местоположение "Hohen-Mqlsen" не соответствует данным Бруно, который помещает лагерь Генриха и поле сражения непосредственно у Эльстера. Hohen-Mqlsen находится почти в полутора милях от Эльстера. И другие позднейшие источники

указывают, что Мельзен находился на Эльстере. Пегаурская хроника (M. G., SS, XVI, 241) говорит: "достигли Мельзена на р. Эльстере", а Пельдские анналы (M. G., SS, XVI, 70) упоминают Мельзен у Эльстера. Сама по себе не исключена возможность того, что Генрих из Наумбурга взял направление на Пегау, а не на Цейц. Было бы только непонятно, каким образом Генрих попал с Эльстера, которого, по словам Бруно, он уже достиг, снова на целую милю назад к ручью Грунау. Если бы сражение происходило при Hohen-Mqlsen, то Бруно не смог бы сказать, что Генрих нарочно построил армию спиной к реке, чтобы заставить ее храбро сражаться. Тогда бегущие не попадали бы прямо в реку: они имели бы достаточное пространство, чтобы свернуть в сторону. Вообще не так уж легко преследовать на расстоянии целой мили. Поэтому не остается ничего другого, как предположить, что Mqlsen, упоминаемый в источниках, не тождественен нынешнему Hohen-Mqlsen. Очевидно, в противоположность этому Hohen-Mqlsen, находящемуся на возвышенности между Эльстером и Заале, в то время существовал другой Mqlsen в долине Эльстера, немного ниже Цейца.

Далее Пегауская хроника говорит, что поле сражения простиралось "от Мельзена до Видерхофе". Ландау усматривает в Widerhove нынешнюю деревню Вейда, расположенную севернее Гронской долины, на краю поля сражения. Но безусловно это название скорей совпадает с Вейдерау, в полумиле ниже Пегау, в добрых 2 милях от поля сражения. Если бы было возможно отнести сражение к Grunau-Bach у Hohen-Mqlsen, то с этим хорошо согласовалось бы

предположение о преследовании в направлении на Вейдерау. Это совпадает, однако, также с локализацией сражения к северу от Грана. Во всяком случае сражение и даже преследование не могли простираться отсюда до Вейдерау. Но возможно, что королевские отряды при бегстве достигли этого места. Поскольку выход на юг был закрыт, а на востоке непосредственно в тылу сражавшихся была река, то вполне естественно, что часть разбитого войска вернулась на север и перешла реку ниже, примерно, у Вейдерау; вполне понятно, что в близлежащем Пегауском монастыре об этом сохранился рассказ, несмотря на незначительность самого отряда.

Нельзя придавать очень большой вес позднейшим преданиям и самому названию. Эта местность полна созвучных мест – Вейда, Вейдероде, Вейдерау; кроме того, на протяжении столетий очень часто деревни уничтожались и строились в другом месте. Как бы много или мало значения ни придавать преданиям, но указание на то, что сражение простиралось от Мельзена до Вейдерау, говорило бы также против отождествления Mqlsen и Hohen-Mqlsen, ибо последний отстоит на целых полмили от восточного берега ручья Грунау, где должно было бы происходить сражение.

Гизебрехт пишет, что в районе Hohen-Mqlsen и у деревни Нэдлиц было найдено под землей большое число наконечников копий, шпор и т.д. Эта находка ни в коем случае не имеет связи с этим сражением, так как место находки слишком удалено от ручья Грунау; Нэдлиц же лежит еще в полумиле на юг от Hohen-Mqlsen.

Но самым неясным остается вопрос, почему

королевская армия не смогла переправиться через Эльстер. Если город Цейц воспрепятствовал ее проходу (что было бы единственно приемлемым объяснением), то спрашивается, почему Бруно умолчал об этом. По-видимому, он сам этого не знал, так как он дает две противоречащие друг другу версии, почему сражение разыгралось здесь: одна версия – Генрих искал боя и нарочно выбрал поле, где бы в тылу его бойцов была река; вторая – он разбил лагерь здесь против своей воли. Ясно, что правильна вторая версия. Так же очевидно происхождение первой версии: хвастливость победителей не хотела сознаться в том, что в выгодный момент они победили только половину армии Генриха, а пыталась создать впечатление, что сражение было на равных основаниях рыцарским и со взаимного согласия. Как мы знаем, со времени Марафонского сражения народ не имел еще понятия о стратегических операциях, целью которых является добиться неравенства оружия. Может быть, благодаря этому психологическому моменту и отсутствует сообщение о закрытых воротах Цейцского моста.

Основной монографией, положенной в основу всего моего описания сражения, является берлинская диссертация Erich Topp, 1904 г., изд. Э. Зберинга. После нее появилось еще два исследования: R. Wilcke и E. Zergeibel (Ценц 1919).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПЛЕЙХФЕЛЬДЕ
11 августа 1086 г.

Восставшие князья осаждают Вюрцбург. Генрих IV приближается с сильной армией на помощь

осажденному городу. Князья идут навстречу ему 2 мили на север, и при первой же стычке королевская армия обращается в бегство. По сообщению присутствовавшего при этом монаха Бертольда (Berthold, M. G., SS, V), армия-победительница потеряла только 15 убитых, из которых 3 погибли тотчас же, остальные умерли от ран в ближайшие дни. По его словам, армия насчитывала 10 000 человек, что, по сравнению с другими цифрами, известными нам из этого времени, было очень много. Поскольку Бертольд еще добавляет, что королевская армия насчитывала свыше 20 000 человек, то указанной им цифре нельзя придавать значения. Сторонники короля объясняют поражение изменой (согласно Annal. Augustani, "по плану или по трусости" королевские войска тотчас бежали; Continuatur Scoti Mariani M. G..., SS, V в Vita Heinrioi IV гл. 4 также говорят об этом, но здесь это сражение смешивается со сражением при Мельрихштадте 1078 г.).

После сражения защитники Вюрцбурга сдались, но в этом же году город снова переходит в руки короля. Таким образом, сражение было собственно безрезультатным.

Заслуживает внимания сообщение Бертольда о том, что герцог Вельф и магдебургцы выступили пешими, оставив своих лошадей. Мотив не указан. Быть может, речь шла о засаде. Военно-исторических выводов сделать нельзя, так как все событие обрисовано чрезвычайно туманно.

Интересно только отметить еще то обстоятельство, что восставшие везли с собой повозку со знаменами.

Глава IV

ПОКОРЕНИЕ АНГЛОСАКСОВ НОРМАННАМИ

Нами уже неоднократно упоминалась и рассматривалась в общей концепции история англосаксов, описывающая развитие германских племен, осевших на Британском острове. Нигде так ясно, как здесь, мы не видим обрисованной еще Тацитом картины первобытного состояния и ее постепенного изменения. Еще в законах короля Этельберта Кентского (около 600 г.) кэрлы – воинственные свободные крестьяне; нарушение их прав и покоя влекло за собой возмещение половины того, что взыскивалось за нарушение прав эрла.

Спустя 100 лет (около 700 г.), положение в Правде Уэссекского короля Ине уже другое. Романцы, которые в старом государстве занимали место только рабов или крепостных, фигурируют здесь также на более высоких и лучших должностях. Видно, как по мере постепенного покорения острова германцами совершался переход от абсолютной враждебности к договорному соглашению. Но и внутри покорившего народа разделение на два сословия

стало другим. Мы находим кэрлов, состоящих на службе глафорда или лорда и отдавшихся под его покровительство. Дружинники же короля, гезиты, или гезиткундмены, сделались уже крупными землевладельцами. Из них и из старых сотенных старшин (эльдорменов, эрлов) образовалось дворянство. Вооруженные дружинники, тэны (thegn, Degen, pueri), состоявшие как на службе короля, так и на службе этих дворян, имели вдвое больший вергельд, чем кэрлы. Таким образом, кэрл уже совсем отстранился от военных дел.

Еще через 100 лет, – как раз когда королю Эгберту удалось объединить под своей властью первоначальные мелкие королевства (827 г.), – начались набеги норманнов (датчан), которые нашли большое англосаксонское королевство таким же беззащитным, каким некогда англосаксонцы нашли жителей римской провинции Британии. Таким образом, кэрлы утратили свои военные качества, а тэны не смогли заменить этой утерянной силы[122].

Высказывалось мнение, что англосаксонское королевство имело упорядоченную военную организацию, при которой каждые 5 обычных наделов, гайдов, оцененных в 20 фунтов, или 1 большой надел, равный 5 обычным, должны были выставлять по призыву одного человека;

проводилась также параллель между этой совокупностью 5 обычных наделов и капитуляриями Карла Великого, предписывавшими по видимости нечто похожее. Но это не только не явствует из источников, но и вообще не создает действительно годного военного строя. Уже в отношении каролингских капитуляриев, по которым 3 или 4 надела объединяются для снаряжения одного воина, мы видели, что в буквальном смысле это исполнялось весьма редко и что с подобным призывом никогда ничего нельзя было бы сделать. Стоило однажды гражданско-крестьянскому началу оттеснить военное, как крестьянская милиция не имела больше никакой военной ценности. До нас сохранилась одна проповедь архиепископа Йоркского Вульфстана, где он бранится по поводу того, что десять англосаксов обратились в бегство от одного датчанина.

В действительности аналогия между англосаксонской и франкской военной организациями заключается, во-первых, в том, что и здесь и там из всеобщего германского воинства развилось особое военное сословие. Здесь – тэны, там – вассалы. Но в то время как могучие Каролинги с помощью феодальной системы крепко держали в своих руках франкское военное

сословие и усиливали его боеспособность, – по крайней мере, до тех пор, пока весь государственный организм был пропитан сильным авторитетом, – развитие англосаксонских тэнов пошло по-иному. Тэны также неоднократно наделялись своими господами землей, но не по строгому феодальному праву, а с менее ограниченным наследственным правом. Обычный надел тэна состоял из 5 гайдов. Хотя, сделавшись таким образом крупными землевладельцами, они и продолжали быть обязанными нести военную повинность, но так как сохранение их военной квалификации ничем не было обеспечено, то это военное сословие очень быстро превратилось просто в сословие крупных землевладельцев, имевших не большую военную ценность, чем владельцы обычных наделов. Процесс этого развития мы отчетливо устанавливаем по некоторым постановлениям, узаконивающим, что каждый, владеющий 5 наделами и при этом имеющий щит, кольчугу и отделанный золотом меч, является тэном. То же звание жалуется купцу, три раза переплывшему море за свой счет. Следовательно, тэны сделались сословием, социальным классом, в котором военное начало еще чувствуется, но уже не действенно[123].

Техника вассального войска на континенте достигает своего высшего развития в конном бою. Это требует не только оружия и годного коня, но и такой ловкости, которой можно достичь только, когда всецело посвящаешь себя этому делу и беспрестанно упражняешься в нем. О низких военных качествах англосаксонских тэнов свидетельствует не только законодательство, но и тот факт, что они сражались не на конях. Даже в англосаксонском эпосе, Беовульфе лишь один раз упоминается боевой конь. Само собой разумеется, можно полагать, что сам король Гарольд и придворная знать умели не только ездить верхом, но и сражаться на конях. Но число таких конных воинов было настолько мало, что при Гастингсе, имея перед собой многочисленных норманнских рыцарей, англосаксы совершенно отказались от сражения в конном строю и ввели верховых в ряды пехоты. Точно так же при Марафоне поступили служившие обычно в качестве всадников благородные афиняне (может быть за исключением только полководца). При Гастингсе даже король Гарольд и его братья сражались в пешем строю среди своих дружинников[124].

Когда у англосаксов объявлялся призыв на войну, то, если судить по законам, ничего не могло быть более сильного: в поход все еще

должен был выступать каждый кэрл, а каждый тэн имел эту же обязанность, так сказать, в максимально возможном размере. В действительности же, как это было некогда, несмотря на все предписания, у вестготов никакой организации не существовало. Когда король объявлял призыв на войну, то его шерифы могли, очевидно, предъявлять отдельным крупным владельцам, городам и деревням определенные требования, пределы которых устанавливались практикой. Выставляли несколько человек или производили соответствующие платежи, но численность и годность собранного таким путем войска зависела, в конце концов, от усердия и энергии отдельных чиновников и от доброй воли, проявленной при этом подданными. При милиционном характере призыва многого достичь никак нельзя было. Известное военное ядро образовывали только воины, которые не были посажены на землю, а жили при королевском дворе или при крупных эрлах, наподобие франкской скары.

И вот на долю потерявшего свою воинственность народа выпало ужасное несчастье – разбойничьи набеги викингов; затем эти разбойники сами обосновались в стране, обе стороны признали друг друга. При короле

Альфреде Великом англосаксы настолько оправились, что смогли утвердиться по крайней мере на одной части острова. При его преемниках, в значительной степени благодаря церкви, удалось объединить англосаксов и родственных им датчан в одно политическое целое, – и все же остров не смог дольше устоять против чужеземного владычества. Король Свен и его преемник, король датский и норвежский Кнут подчинили себе всю Англию (1013 г.). Король Кнут, как сообщает хроника, повел летом на войну 3 000 дружинников, а зимой расквартировал их у горожан, где они нередко нарушали домашний покой. Не больше 3 000 воинов насчитывали и бургундцы, которые 600 лет назад основали государство на рр. Сона и Рона. Англосаксам удалось еще раз сбросить это ярмо (1042 г.), но затем появился норманнский герцог Вильгельм, который навсегда положил конец самостоятельности англосаксов и из смеси норманнского и французского элементов создал английский народ (1066 г.).

Вильгельм был преемником и наследником викинга Ролло, при котором 150 лет назад здесь поселились норманны. За это время они утратили свой германский язык, ассимилировались среди местного населения и переняли французский язык.

Однако, благодаря франкской феодальной системе и связанным с нею постоянным распрям они сохранили свой воинственный характер. Даже при англосаксонском дворе при королях из рода Цардиков, укрепилось норманнское начало, что вызвало реакцию англосаксов против притязаний этого начала и отдаваемого ему предпочтения. Англосаксонские элементы старались держаться в стороне от романо-германского единства также и в области церкви. Норманнский герцог, собиравшийся завоевать английскую корону, связался с новым, только зарождавшимся в Риме церковным направлением и даже получил от папы Александра, предшественника Григория VII, в подарок знамя для своего похода.

Только благодаря своей связи с передовыми идеями и культурными элементами того времени норманнское владычество получило такое значение для европейской истории. Но предпосылкой этого было то обстоятельство, что англосаксы, несмотря на прибавление к ним – даже в последних поколениях – датского элемента, потеряли обороноспособность. Представление, что эта богатая плодородная страна может сделаться добычей любого смельчака, было, очевидно, широко распространено. Старейший повествователь этих

событий, Вильгельм Пуатьерский, вкладывает в уста герцога речь к своим воинам перед Гастингским сражением по поводу того, что англичан часто побеждают, что они не имеют военной славы и неопытны в военном деле. Другой, более поздний историк, Ordericus Vitalis, также говорит, что они предпочитают веселиться на пиршествах под звон кубков, чем воевать.

Войско, с которым выступает Завоеватель, ни в какой мере не является исключительно норманнским феодальным ополчением. Это скорей вояки из значительной части Франции, поступившие на службу к герцогу в надежде на награду и добычу. И сами норманнские рыцари следуют ему не столько в силу своей феодальной повинности, сколько ради самой войны. Здесь положение дела не особенно отличается от того, как некогда в дремучих германских лесах призывавший к военному походу князь всегда находил достаточный отклик в воинственном народе, – с той лишь разницей, что теперь материалом для военных формирований служит не вся народная масса, а выступивший из нее слой особого военного сословия.

К ним присоединились со своими дружинниками и самостоятельные государи, как,

например, граф Густав Бульонский, отец Готфрида Бульонского.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАСТИНГСЕ
14 октября 1066 г.

О сражении при Гастингсе мы имеем очень подробные эпические повествования позднейшего времени, из которых некоторые английские исследователи все еще стараются выжать историческое содержание. Это абсолютно безнадежное дело. Знаменитое описание Фриманом (Freeman) "Сенлакского" сражения (как он называет его, неизвестно почему) является замечательной смесью псевдовоенных размышлений (он, разумеется, ссылается на мнения офицеров английского генерального штаба) и псевдокритического исследования источников. Как из повествования Геродота о персидских войнах или из повествования Плутарха о сражениях Мария и Суллы, так и в этом случае трудно получить подобным путем исторически достоверное представление. Если же отбросить простое прилаживание фактов и перейти к настоящей критике, то мы сможем получить не только достоверную, но и удостоверенную картину боя. Главным источником является повествование

норманнского клирика Вильгельма Пуатьерского, бывшего капелланом герцога Вильгельма и записавшего через несколько лет после сражения свой рассказ на основе сообщения участников. Он весьма пристрастен в пользу своего герцога и приукрашивает события, но ряд других источников позволяет нам проконтролировать его и внушает уверенность в том, что в основных чертах мы можем ему доверять. Историческим источником и документом совершенно особого типа служит Байекский ковер – высокохудожественная вышивка, длиной не меньше 70 м и шириной в S м, – на котором изображены отдельные сцены сражения, поясненные латинскими надписями. Этот ковер несомненно является произведением поколения современников этой битвы.

Норманнскую армию можно исчислять в 7 000 воинов; может быть, немного меньше, но во всяком случае не намного больше.

Англосаксонская армия исчисляется одним норманнским источником в 1 200 000 бойцов. По данным Вильгельма Пуатьерского, она была так велика, что выпила реку, через которую переходила; Roman de Rou довольствуется 400 000 человек. Но другой источник, так же благожелательно настроенный к норманнам

(Вильгельм Мальмесберийский), категорически заявляет, что англосаксов было очень немного. И самый ход сражения, как мы увидим дальше, не оставляет никакого сомнения в том, что это правда[125]. Мы считаем, что армия Гарольда была самое большее такой же, а может быть и меньше, чем норманнская, т.е. от 4 000 до 7 000 воинов.

Главным различием между обеими армиями было то, что английская армия состояла исключительно из пеших, а норманнская – частично из конных воинов. Это обстоятельство настолько наглядно и единодушно вытекает из всех источников, а также из Байекского ковра, что является вполне достоверным. Вследствие этого Гарольд ни в коем случае не мог сражаться с неприятелем на ровной местности; его отряды немедленно были бы рассеяны норманнскими рыцарями[126]. Король Гарольд выбрал поэтому место на широком холме, прикрывавшем его довольно густо построенную армию. Это место имело еще то особое преимущество, что сзади были довольно крутые косогоры, а посредине узкая лощина вела прямо в лес. В случае поражения англосаксы могли спуститься с косогоров и бежать в лес, всадникам же было не так легко следовать за ними.

И в отношении другого оружия – лука, для

владения которым наряду с конем требуется профессиональный навык и ловкость, норманны превосходили англосаксов. На Байекском ковре, опять-таки в соответствии с повествованиями, изображено, как норманны выпускают целый град стрел, в то время как на другой стороне виден только один единственный лучник. Наряду с пешими воинами, так же хорошо, как и норманны, вооруженными различным оружием – копьями, мечами и особенно секирами – с составлявшими основное ядро армии Гаральда, мы находим и легко вооруженных, частью со щитами, частью без них, с метательными копьями, булавами и т.п.

Понятно, что это не является крестьянским ополчением (которое выставлялось бы наряду с дружинниками и тэнами); такое ополчение было бы почти беззащитным против норманнских лучников и всадников и тотчас же обратилось бы в бегство. Этих легко вооруженных англосаксов мы представляем себе в качестве оруженосцев и кнехтов подлинных воинов, рассеянных среди них, причем вначале они, быть может, также пробегают некоторое расстояние и мечут свои стрелы, но затем при приближении противника отходят за линию подлинных воинов.

Норманны наступали на холм широким фронтом, имея все три вида войск – конных,

пеших и лучников – одних подле других. Лучники выдвинулись несколько вперед, чтобы обстрелять противника. Преимущество их заключалось в численности и в дальнобойности луков, но слабой стороной их позиции было то, что англосаксы стреляли и метали сверху. Затем стали штурмовать холмы конные воины, перемешанные с пешими. Но преимущество позиции англосаксов было так велико, а сила конной атаки настолько ослаблялась склонами, что обороняющиеся отбили эту атаку. Часть норманнов была сбита с холма, часть же, не будучи в состоянии пробиться, повернула назад, для того чтобы, как это практиковалось при подобных конных боях, возобновить атаку через некоторое время. Некоторые норманны отступили, быть может, потому, что рассчитывали увлечь за собой, таким образом, противника, с тем, чтобы дать бой на более благоприятном месте внизу, в долине. При таких подъемах и спусках норманнские лучники имели возможность время от времени применять свое оружие, – и, наконец, норманны одержали верх. Сила англосаксов заключалась только в обороне, но одной лишь обороной нельзя выиграть сражения. Оборона есть нечто чисто отрицательное, победа же – нечто положительное. Только та оборона может привести к победе,

которая в нужный момент переходит в наступление (исключения из этого правила чрезвычайно редки). В этом мы убедились на примере первого исторически удостоверенного сражения при Марафоне. В этом сражении афиняне, также не будучи в состоянии встретиться с врагом на открытой равнине, заняли оборонительное положение, а в подходящий момент Мильтиад повел их отсюда в наступление. Гарольд не был в состоянии предпринять нечто подобное. Его дружинники и тэны были храбрыми воинами (в отдельных случаях, может быть, более храбрыми, чем некогда афинские горожане и крестьяне), но они не составляли фаланги, не составляли тактической единицы, обученной производить по команде согласованные движения. Отдельные англосаксонские воины или небольшие кучки их, следуя естественному инстинкту, устремились кое-где вслед отступавшему врагу. Но этим они ничего достичь не могли: норманнская армия в целом не обратилась из-за этого в бегство, а отдельные выдвинувшиеся вперед англосаксы были в долине смяты конницей. Возможно, Гарольд хотел, чтобы его воины вообще не покидали своей позиции на холме. Однако, этого трудно была добиться. Да и в положительном случае этим все равно не спасли

бы положения, ибо отбрасываемые назад и не преследуемые неприятелем норманны, будучи воинственным народом, снова собирались, и, так или иначе, но должен был наступить момент, когда в каком-нибудь месте англосаксонского фронта получилось бы расстройство, причем удалось бы нанести удар, а некоторое число конных ворвалось бы на холм, и англосаксы были бы разбиты. Ведь естественное превосходство норманнских конных воинов могло только временно и не во всех случаях уравновешиваться преимуществом местоположения англосаксов. Там превосходство было живой постоянно возобновлявшейся силой, здесь же имелось преимущество места – преимущество механическое, внешнее, которое твердая воля наступавшего в конечном счете должна была преодолеть.

Сообщения не оставляют никакого сомнения в том, что бой был продолжительным и упорным. Это доказывает, что англосаксонская армия состояла не из крестьян, так как эти последние или подавили бы врага своею численностью, или же тотчас обратились бы в бегство. Большая часть англосаксонской армии все же осталась на поле битвы, продолжая мужественно сражаться, – в том числе сам король Гаральд и оба его брата. Смерь

Гаральда свидетельствует о воинственном духе и высоком понятии о военной чести, не превзойденных врагом, превосходство же противника состояло в профессиональном навыке, бое на коне, луке и, наконец, численности.

Изучение же военных действий со стратегической точки зрения окончательно убеждает нас, что англосаксонское войско было не крестьянским ополчением, а военным сословием, отличавшимся от норманнского только недостаточной практикой и недостаточной численностью.

Когда Вильгельм высадился в Певенсейской бухте (28 сентября), Гаральд еще не был на месте, а находился на севере, где отражал набег викингов, предводительствуемых его собственным братом Тости (Tostig). Хотя расстояние от места высадки Вильгельма до Лондона было не более 4–5 переходов (12 миль по воздушной линии), Гаральд вернулся в свою столицу из похода на север только на десятый день после высадки норманнов (7 или 8 октября). Таким образом, Вильгельм мог бы использовать это время для какого-либо большого дела, – может быть, даже для овладения Лондоном. До нас не дошло, почему он не сделал этого, но можно, пожалуй, предполагать, что он опасался, как бы при

занятии большого города его довольно непокорные войска не вышли из повиновения и как бы на поле сражения, в конце концов неизбежного, не оказались отсутствующие. К тому же он хотел держать себя не как завоеватель и обращаться со страной не как с враждебной, а в качестве кандидата на престол, предлагающего себя для избрания. Оставшись же – по этим или подобным причинам – на берегу, герцог предоставил стратегическую инициативу своему противнику. Вместо того, чтобы продолжать наступление, так хорошо начавшееся беспрепятственной высадкой, Вильгельм оставался на берегу недалеко от Гастингса почти неподвижным и этим дал Гарольду время для военных приготовлений.

Правда, наши источники сообщают, что Вильгельм приказал опустошить окрестности, чтобы вынудить этим враждебного короля к сражению, – однако, это могло быть только плодом воображения толпы или хроникеров, а не герцога: страдания маленькой области, которую могли опустошить норманны, никак не могли спровоцировать короля англосаксов на преждевременное сражение. Если бы Вильгельм этого желал, он должен был бы продвинуться вперед и угрожать Лондону. Опустошения же

противоречили основному политическому смыслу похода – кандидатуре на выборах, и, надо полагать, были совершены даже не по герцогскому приказу, а являлись обычными преступлениями реквизировавших и мародерствовавших солдат. Стратегического значения они никак не могли иметь. Итак, Вильгельм предоставил противнику инициативу и, тем самым, время для накопления сил и завершения своих военных приготовлений. Это тем заметнее бросается в глаза и тем значительнее, что норманны не могли выдержать бесконечного похода. Из-за долгого ожидания попутного ветра Вильгельм уже в своей стране испытывал продовольственные затруднения. Может быть, теперь он оставался на самом берегу моря для того, чтобы легче было подвезти жизненные припасы; и все же в отношении такого большого войска это имело свои пределы. Насколько важен был продовольственный вопрос, можно усмотреть из того, что на Байекском ковре изображено, как сразу же после высадки в Гастингсе посылаются конные для добывания провианта.

Образ действия герцога – предоставление после неожиданной высадки противнику времени для снаряжения – был бы совершенно непонятен, если бы он был должен и мог бы предполагать,

что это время действительно будет использовано на подобное снаряжение, – другими словами, если бы вопрос шел о всеобщем ополчении. Если даже предположить, что население Англии было чрезвычайно малочисленно, а войска Завоевателя – чрезвычайно многочисленны, то действительное всеобщее ополчение, хотя бы только части острова, доставило бы англосаксам колоссальный перевес над противником. Тот факт, что Вильгельм не принял никаких мер к тому, чтобы быстрым продвижением вперед воспрепятствовать образованию столь крупного войска, является достаточным доказательством, что о таком войске не могло быть и речи, т.е. что англосаксонская организация военного дела находилась в том же состоянии, в каком она была, как мы знаем, у франков при осаде Парижа. Стоит уяснить себе этот момент, и тотчас же станет понятной вся стратегия Завоевателя. Он знал, что Гаральд мог призвать только своих дружинников, а также тэнов, поскольку они вообще были боеспособны и изъявляли согласие последовать призыву.

Здесь снова возникает вопрос: не могла ли подобным образом сформированная англосаксонская армия быть более многочисленной в самый день сражения?

Некоторые источники, особенно Флорентиус Вигорниензис (Florence von Worcester), отчетливо сообщают, что, если бы Гаральд подождал еще хотя бы несколько дней, то он смог бы быть вдвое или втрое сильнее. Я без всякого колебания решительно отвергаю правильность такого сообщения; оно принадлежит к мудрости задним числом, появляющейся после каждого поражения и служащей для побежденных утешением (Флорентиус настроен в пользу англосаксов), поскольку Два крупных северных эрла, которым, очевидно, было в достаточной мере безразлично, кто будет носить корону, Гаральд или Вильгельм, не поддержали англосаксов. Последние безусловно были не в полном сборе. Однако, эти эрлы не пришли бы и при более длительном ожидании. Если же были какие-нибудь другие виды на подкрепление, то, с другой стороны, известна вся трудность продовольствования армии, и легко могло случиться, что в то время как ожидали одних, Другие, потеряв терпение и израсходовав свои запасы, ушли бы снова домой. Во всяком случае нет такого авторитетного свидетельства, которое заставило бы нас приписать англосаксонскому королю, вполне сознававшему, как показывает выбор позиции, свою слабость, совершение колоссальной ошибки,

– что он, будучи стратегически полным хозяином положения, начал решительное сражение, не дожидаясь сбора всех своих сил. Правда, на протяжении средневековья нередки примеры, когда рыцарские полководцы в безумной отваге бросались в бой с недостаточными силами, чего они могли избежать; но если даже приписать Гарольду подобный образ мыслей, то в данном случае это не могло явиться причиной, поскольку, как мы видим, англосаксонский король не ринулся необдуманно на врага, а принял бой только на хорошо выбранной оборонительной позиции. Следует, таким образом, полагать, что Гарольд собрал все, что количественно и качественно могло и хотело дать его государство, и затем не замедлил, как мужественный человек, вызвать врага, чтобы в борьбе защитить и спасти корону и страну. Норманн же настолько чувствовал свое превосходство над военными силами англосаксов, которые могли быть собраны, что по указанным причинам ему было не важно, потратит ли Гарольд несколько больше или меньше времени на свое снаряжение.

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

Основным специальным исследованием на немецком языке является диссертация Вильгельма Шпаца (Wilhelm Spatz, Die Schlacht bei Hastings,

Берлин. 1896 г. – Исторические очерки, издание Э. Эберинга). К ней и отсылаю читателя в отношении всех подробностей.

Описание сражения Эдуарда Фримана (Edward A. Freeman) находится в т. III его "History of the Normann conquest of England". Это описание сейчас же по своем появлении в свет было в самой Англия критически проанализировано и отвергнуто Раундом (I. H. Round). Статья была вновь напечатана в его "Feudal England", Лондон, 1895 г. Затем в "Revue hitorique", т. 65 (1897) имеется статья Раунда по поводу исследования Шпаца; Раунд констатирует, что Шпац, не будучи знаком с его критикой, пришел по всем основным вопросам, особенно в отношении описания Фримана, к тем же выводам, что и он. Раунд полагает только, что в некоторых вопросах Шпац в своей критике зашел слишком далеко. Частично это основано на недоразумении; например, Шпац вовсе не считал, что рыцарские войска были без всякого руководства. Но Шпац категорически не верит в возможность маневра притворного бегства, в то время как Раунд настаивает на этом.

В момент выступления Раунда общественное мнение Англии было преисполнено такой веры в научный авторитет Фримана, что критику, т.е. Раунду, научное превосходство которого сквозит в каждой строке, с большим трудом удалось напечатать свои статьи.

Очень сходно с фриманским описанием сражения, хотя в деталях и расходится, описание ген. Келера (Kцhler) в первом томе его труда "Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegfьhrung in der Ritterzeit" (1886 г.). Шпац правильно говорит об этом описании,

что трудно удержаться от некоторого головокружения, когда слышишь обо всех искусных маневрах, якобы произведенных норманнами.

Оман (Oman) в своем "Art of war" старается найти среднюю линию между Фриманом и Раундом, но в главных вопросах следует последнему. Однако, поскольку сам Раунд не довел своей критики до конца, Оман дела также вперед не подвинул.

Во многих отношениях будет поучительным сопоставить основные разногласия различных описаний и привести причины, почему описание Фримана неприемлемо.

Фриман воздерживается от определенного указания численности армии. Оман (стр. 155) на основании размеров местности исчисляет англосаксов, примерно, в 2 5000 воинов. Холм, на котором они стояли, имеет в длину, примерно, 1 500 м; если положить на каждого человека по 3 фута, то по фронту могло стоять 1 700–2 000 человек, а так как они производили впечатление очень глубокого построения, то, очевидно, один за другим стояло 10–12 человек. В итоге получается около 25 000 воинов.

По поводу этого расчета нужно возразить, что вовсе не обязательно, чтобы холм был заполнен до самых краев, и что норманнское сообщение о густоте рядов не представляется достоверным. По фронту могло стоять только 1 000 воинов, а в глубину могло быть только 6 человек и даже еще меньше.

По Фриману, Гаральд построил свой фронт в виде палисада с 3 выходами. Келер (стр. 8) описывает этот палисад следующим образом: "Вокруг каждого отряда на определенном расстоянии друг от друга был крепко

вбит в землю ряд кольев с наклоном вперед, причем железное острие было направлено в грудь вражеских коней... Снизу и до высоты в 3–4 фута колья были связаны плетением, очевидно, для обороны против неприятельской кавалерии, с той целью, чтобы лошади, прежде чем достичь отряда, должны были сделать скачок".

Все описание, как Раунд точно доказал, является фантазией и основано не на каком-либо источнике, а на романе Ваца. Фантазия ген. Келера относительно крепко вбитых кольев с железными остриями, направленными против неприятельских коней и опутанных плетением высотой в 3–4 фута, через которые скачущие в гору рыцарские лошади должны перепрыгивать, должна служить историкам утешением в том смысле, что на практике и образованные люди представляют себе возможными такие вещи, которые на самом деле не могут иметь места. В данном случае они тем более невозможны, что войско, якобы воздвигнувшее вокруг себя такое укрепление, по словам того же автора, имело численность не меньше 60 000–75 000 воинов и только накануне вечером прибыло в это место.

Оман пытается найти средней путь между укоренившимся преданием о палисаде и тем фактом, что, с одной стороны, его не могла в одну ночь воздвигнуть утомленная переходом армия, а с другой, – что об этом не упоминается ни в одном источнике того времени. Он думает, что Вац, написавший свой роман через 90 лет после события, все же, быть может, основывался на устном или даже на утерянном письменном предании; далее он говорит, что, быть может, речь идет не о крепком палисаде, а о легком

плетении, долженствовавшем быть больше зашитой против норманнских стрел, чем препятствием для всадников. По его мнению, источники того времени не упоминают это плетение, потому что оно не имело большого значения.

Но если плетение действительно не имело значения, то при рассмотрении сражения мы можем вообще опустить его. Кроме того, если бы оно не было действительным, то вряд ли утомленное переходом англосаксонское войско потратило бы ночь на его установку. Во всяком случае, рассказ и авторитет поэта, написавшего свое произведение спустя 100 лет после события и поставившего себе целью дать занимательный, а не исторический роман, не могут заставить нас поверить в его достоверность.

В дальнейшем ходе сражения этот англосаксонский палисад играет незначительную роль даже у сторонников его подлинности. Центральным пунктом всей операции является скорее то, что по идее и приказу Гаральда англосаксы должны были занимать строго оборонительную позицию, Вильгельм же путем притворного бегства увлек часть противника из его удобной позиции и этим одолел его. Фриман держится того мнения, что англосаксы безусловно победили бы, если бы они исполнили приказ Гаральда и не покидали холма. Вопрос о том, действительно ли Гаральд отдал такой приказ, нужно оставить открытым. Однако, уже ген. Келер правильно отметил, что желание выиграть сражение одной только обороной было безнадежным предприятием. Без кавалерии ничего другого нельзя было, конечно, сделать. Но раз уже часть англосаксов, преследуя норманнов, ринулась сюда, то, как

правильно замечает Келер, лучше было бы действовать в этом направлении всеми силами, чем оставаться на месте и отдать армию на растерзание по частям, что и случилось. Кеяер считает неподвижность Гаральда слишком большой ошибкой; Фриман же слишком преувеличивает ошибку, которую совершили преследовавшие своим выпадом. В действительности нужно помнить, что в разгаре рыцарского сражения вообще не могло быть руководства. Даже современные войска во время сражения не находятся во власти полководца; отправившему в бой свои последние резервы генералу ничего другого не остается, как самому взять ружье и сражаться вместе с ними. Еще больше, чем к дисциплинированным армиям, относится это к рыцарским войскам, где с самого начала сражения ими руководит только инстинкт самих масс.

Поэтому, как уже правильно доказал Шпац, похоже на сказку представление, будто Вильгельм совершенным по приказу притворным бегством выманил противника из его позиции. Как можно вообще отдавать приказы нескольким тысячам солдат в самый разгар сражения? Как можно при невероятном шуме добиться того, чтобы все воины не только слышали и понимали, но также равномерно и одновременно действовали? Но если они будут действовать не одновременно и не с полным пониманием, то как обеспечить себя от того, чтобы большая часть солдат не приняла "притворное бегство" всерьез и не обратилась бы в настоящее бегство, помня пословицу, что "последнего кусают собаки". Бегущих же рыцарей, как известно, трудно заставить повернуть обратно.

Поэтому "притворное бегство" является таким маневром, который могут выполнять только небольшие отряды, заранее проинструктированные на этот счет или по меньшей мере привыкшие подчиняться сигналу на барабане, или же стрелки, у которых такой способ сражения является постоянной привычкой. В основу описания сражения при Гастингсе могут лечь только те события, которые мы выше включили в наше описание; и действительно, самый древний и лучший рассказ о сражении, принадлежащий Вильгельму Пуатьерскому, немногим отличается от нашего описания: он не утверждает, будто сам Вильгельм приказал совершить притворное бегство, а говорит, что один раз было настоящее и два раза – притворное бегство; наконец, свой вывод об обороте, который приняло сражение, он основывает не на этом.

В "Carmen de bello Hastingensi" говорится, что, когда норманны совершали притворное бегство, то они говорили о противнике: "Радуется деревенщина, – думает, что победила". Это, конечно, не должно рассматриваться как свидетельство того, что англосаксонское войско состояло из крестьян; это является просто иронически-символическим определением настроенного в пользу норманнов поэта (очевидно, епископа Гвидона Амьенского) крестьянского существа англосаксонских тэнов по сравнению с более культурными и технически более подготовленными норманнами-французами.

АНГЛОСАКСЫ И АНГЛИЧАНЕ

Германцы, жившие на Британском острове, называли себя, поскольку мы можем это проследить, Engle или Angelcyn (cyn – род, племя), а не англосаксами или саксами. Обозначение "англосаксы" – более ученого происхождения, и в старых источниках употребляется чрезвычайно редко. В эпоху покорения англосаксов норманнами современники говорят не о саксах и норманнах, а об англах и франках (Angli и Franci).

Фриман с самого начала называет государство и народ "Англия" и "англичане" и полемизирует против употребления слова "англосаксы", так как это вызывает представление, что английская нация возникла только из смешения англосаксонских и норманнских элементов. В действительности это, по его мнению, та же нация, что и при Генгисте и Горзе, только впитавшая в себя некоторые чуждые элементы – бриттов, датчан, норманнов, но не настолько чувствительно, чтобы не претендовать на беспрерывную преемственность.

Правильным является противоположное понимание, а именно, что английский народ со своим своеобразным характером и языком возник только благодаря норманнскому завоеванию и господству правящего, по-французски говорящего слоя, над прежней германской государственностью, которая, конечно, благодаря остаткам покоренного древнебританского населения и влиянию церкви впитала в себя также и романские элементы. Как ни мала была численность офранцуженных норманнов и французов, действительно поселенных покорителем и

его преемниками, все же они правили и придавали свой характер, свои обычаи, свои законы и свой дух, – подобно тому, как некогда немногочисленные франки, занявшие при Меровингах внутреннюю Галлию и слившиеся с покоренным населением в одно целое. Быть может, англосаксонский элемент количественно продолжал дольше жить, чем галльско-романский во Франции, но процесс по существу был тот же. Поэтому лучшим определением этого положения является название древнего периода не английским, а англосаксонским; тем не менее обозначение "англосаксонский" не особенно удачно, так как англы являлись частью саксов, хотя это нельзя обосновать древнейшими источниками.

СОТЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У АНГЛОСАКСОВ

Против моего понимания сотенной организации у англосаксов Протеро (Prothero) в "Engl. Histor. Review", т. XI (1896), стр. 544, возразил, что сотни в Англии появились только при Эдгаре в X в.; следовательно, такое разделение на сотни является новым и искусственно созданным.

Как ни странно, что сотни не упоминаются раньше в источниках, все же я считаю это только случайностью. Что такое деление было сделано искусственно, мало вероятно; еще менее возможно, что это случилось так поздно. Ведь старые королевства эпохи гептархии должны были иметь промежуточное звено между государством и маленькими сельскими общинами. Хотя наиболее крупные из них и распадались на многочисленные

шайры (schire – графство), но это было недостаточно. Эти шайры были так же велики, как и маленькие королевства. Более поздние графства были или такими королевствами, или шайрами, а скачок отсюда до самых маленьких поселений слишком велик.

В том же томе "Hist. Rev. ", стр. 513, помещена статья Дженкса (Jenks) "The Problem of the hundred", где он доказывает, что в Швеции сотня (haeraed) является не только судебным округом, но и корпорацией, т е. величиной, которая составлена не из некоторого числа деревень, а наоборот – коротая разделена на деревни. Является ли приводимое Дженксом доказательство убедительным, я сомневаюсь, но вывод его совпадал бы с моим.

Протеро приводит далее следующий довод против моего положения: Hundreds ealdor (сотенный старшина) был у англосаксов низшим чиновником, значительно ниже, чем caldorman (эльдормэн, стоявший во главе графства). Этот не походил также на эрла X в., являвшегося скорее представителем первоначально самостоятельного королевства. В X в. эрлов и эльдормэнов было очень мало.

Эти факты, очевидно, достоверны, но они не только не опровергают моего положения, а наоборот, подтверждают его. Пусть эрлы и эльдормэны были в X в. еще не однозначны, а существовали рядом друг с другом, но ведь люди с простым названием "эльдормэн" были знатными крупными землевладельцами, позже вообще названными "эрлами". Каким же образом столь знатные люди пришли к названию "эльдормэн", если они в действительности не были связаны со старейшинами древнейшего времени – majores natu?

Если, действительно, одно время рядом со знатными эльдормэнами существовала низкая должность сотенного старшины hundreds ealdor, то я могу дополнить мое описание (т. II) тем, что обе ветви, на которые делился древний род старшин (hunni), – знатные и простые – географически неотделимы и существовали у англосаксов друг подле друга.

ГЕЗИТЫ И ТЭНЫ

Гезиты были тем же, что comites (военные товарищи) у Тацита, антустрионы (дружинники) – у Меровингов. Тэны походили на pueri времен Меровингов. Так же, как и вассы (дружинники), тэны постепенно размножились и вытеснили обозначение "гезиты". Это прекрасно описано Литтлем (Little, "Engl. Hist. Rev. ", No 16, т. 4, 1889 г., стр. 723). Но я не согласен с Литтлем, когда он отвергает мнение Стуббса, что при Альфреде титул "тэн" давался каждому владельцу 5 обычных наделов (гайд), и полагает, наоборот, что обычным наделом тэна было 5 гайд.

ЗАКОН О 5 НАДЕЛАХ

Неправильное представление о значении каролингских капитуляриев о военной повинности запутало также историю английской конституции. Еще совсем недавно Майтланд (Maitland) высказал в своей вообще очень ценной книге "Domesday book and beyond" (1897) мнение, что, как нн туманна аглосаксонская военная организация в период ее гибели, все же можно считать вероятным, что графства должны были от каждых 5 наделов

выставлять 1 воина.

Раунд, уже ранее ("Feudal England", 1895) разбивший до основания это положение в своем исследовании "The introduction of knights service into England", опроверг в "Engl. Hist. Rev. ", т. XII, стр. 492 (1897) и, якобы, новое доказательство, найденное Майтландом в защиту старого взгляда.

Если даже оставить в стороне молчание источников, то простое деловое рассмотрение вопроса приводит к заключению, что применение закона о 5 наделах было невозможно. Слишком различны были войны и военные нужды, чтобы мог существовать такой однообразный масштаб. Совершенно различным был призыв для изгнания небольшой шайки викингов, для подавления восстания и для наказания за разбойничий набег валлизов; вообще нельзя сравнивать частичные призывы отдельных графств со всенародным ополчением страны для большой войны, – например, для войны с датчанами при Альфреде или для войны с шотландцами: в одних случаях 1 воина на 5 наделов было слишком много, в других – слишком мало.

Глава V

НОРМАННСКИЙ ВОЕННЫЙ СТРОЙ В АНГЛИИ

1066 – 1087	Вильгельм I.
1087 – 1100	Вильгельм II, его сын.
1100 – 1135	Генрих I, брат Вильгельма II.
1135 – 1154	Стефан, племянник Генриха I.
1154 – 1189	Генрих II, внук Генриха I.
1189 – 1199	Ричард I, сын Генриха II.
1199 – 1216	Иоанн I, брат Ричарда I.
1216 – 1272	Генрих III, сын Иоанна I.
1272 – 1307	Эдуард I, сын Генриха III.

Военный строй в новом англо-норманнском королевстве сложился совсем иначе, чем на континенте.

Герцог Вильгельм, прозванный в истории Завоевателем, овладел короной Англии не под этим, однако, названием. Он представлялся англосаксам скорей как родственник их последнего наследственного короля Эдуарда-Исповедника, и возможно, что еще этот последний назначил его к законному избранию, так как совершеннолетнего наследника не было. Избранный же до него граф Гаральд не имел на

это права, так как он годом раньше дал Вильгельму клятвенное обещание не домогаться короны. Таким образом, после своей победы Вильгельм вступил на престол под видом законной преемственности трона. Он ничем не овладел по праву войны как завоеватель, а конфисковал только поместья дома Гаральда и его приверженцев, как подлежащее конфискации имущество мятежников. Могучие эрлы севера, не оказавшие Гаральду в решительный момент никакой помощи, восстали позднее, но были также ниспровергнуты и только увеличили своими поместьями королевские владения. Так соединил Вильгельм принцип законности с практикой завоевания; он раздарил большую часть собранных путем конфискации владений, примерно 300 сопровождавшим его боевым дружинникам, из которых около 40, так называемые лорды или, по более позднему обозначению, бароны[127], получили очень большие владения с обязательством выставить за это рыцарей в распоряжение короля. Число таких выставляемых по повинности (servitia debita) рыцарей, включая и тех, которые должны были доставляться высшим духовенством, составляло в общем около 5 000, – наверно не больше, а скорее меньше. Для выполнения этой повинности

бароны, со своей стороны, привлекали подчиненных себе вассалов, без того, однако, чтобы число подленов покрывало число выставляемых по повинности рыцарей, так как барон мог держать рыцарей при своем дворе и не поселяя их, равно как набирать их лишь в момент необходимости. Такие рыцари назывались содержавшимися от двора господина (super dominium). Случалось и наоборот, что как светские, так и духовные магнаты по разным причинам доставляли королю больше рыцарей, чем они были обязаны.

Барон, который должен был выставить 60 рыцарей, принадлежал уже к числу наиболее могущественных эрлов.

Крупными королевскими вассалами были исключительно норманны; среди мелких вассалов встречается несколько саксонских имен, причем среди подвассалов их было довольно много благодаря тому, что саксонские тэны входили в соглашение с победителями и поступали к ним на службу. Общее число воинов, наделенных ленами, включая сюда саксов (также датчан) и норманнов, при Вильгельме составляло около 5 000[128], из которых около одной четверти приходилось на прежнее местное население, остальные были поселенными Завоевателем рыцарями,

говорившими на французском языке. Число этих последних составляло от 3 000 до 4 000, а не 60 000 или 32 000, как было выдумано в дальнейшем и как иногда повторяется еще и теперь. Наряду с наделенными ленными владениями норманнами на службе короля или у сильных страны оставалось изрядное число и ненаделенных. Но даже включая последних, число воинов, сумевших не только завоевать, но и надолго утвердиться в такой большой, заселенной когда-то очень воинственным народом стране, с населением в 1 800 000 душ, все же очень мало.

Постепенно число рыцарей, пожалованных ленами, несколько возросло. Когда при правнуке Завоевателя, Генрихе II, в 1166 г. произведена была перепись, то оказалось, что число таких рыцарей составляло около 6 400. Как светские, так и духовные магнаты наделили ленами стольких своих дружинников, что часто имели рыцарей больше, чем их обязал доставлять когда-то Завоеватель. Причина этого, надо полагать, лежала не только в желании их ради своего могущества иметь больше воинов в своем распоряжении, так как они ведь могли держать их и при своих дворах; оказывается, что именно во время гражданской войны при короле Стефане новых рыцарских лен было создано мало.

Причину этого скорее следует искать в том, что пожалованные ленами рыцари были более знатными воинами. Таким образом, путем пожалования ленного поместья, жертвуя при этом частью своего имущества, бароны создавали себе дружины из людей, выше стоявших в социальном отношении и более удовлетворявших их блеску и честолюбию, а в то же время вознаграждали выдающиеся заслуге своих верноподданных. Все значение такого вознаграждения можно постичь только уяснив себе, что дело было не в одном лишь материальном вознаграждении, но что только это вознаграждение давало возможность основать какой-либо род: это было недоступно воину, жившему при дворе сеньора. В отношении духовных сановников даже передается, что они из деспотизма расточали в ленных царствованиях церковные владения, оказывая услуги родственникам или друзьям.

Какого-либо установленного размера для рыцарского лена, например 5 или больше наделов, не было. Военная повинность распределялась между графствами также не по определенному масштабу. Король устанавливал число повинностей лишь в самом общем виде, в крупных цифрах, кратных 10 и 5, и возлагал их на крупных ленников соразмерно их владениям.

Отдельные прямо или косвенно одаренные леном и водворенные рыцари имели владения самой разнообразной величины, вплоть до небольших участков земли. Если в более позднее время установлено было положение, по которому рыцарский лен приравнивался к 20 фунтам годового дохода, то и это было не больше как теорией[129].

Большие владения, которые отдавал в лен Завоеватель, лежали не рядом, а были разбросаны по всему королевству. Это сделано было с явно сознательным намерением не допустить срастания их в замкнутые княжества, как это было на континенте. Благодаря такой практике, несмотря на существование крупных баронов, норманнские короли были в состоянии управлять графствами через чиновников и шерифов. Должность в управлении не становилась леном. Имя эрла превратилось в простой титул. Правда, при внуке Завоевателя, короле Стефане, положение стало походить на то, какое было на континенте: бароны захватывали правительственные права и должности, строили замки, чеканили монету, вели частные войны между собой, но преемник Стефана, Генрих II, первый Плантагенет, был в состоянии все это снова подавить, срыв до основания замки и восстановив строгий

королевский авторитет. Постоянное преимущество на стороне королевской власти было результатом не одного только умелого распределения крупных земельных владений, но и результатом национального противоречия между рыцарством и народом, препятствовавшего их объединению против королевской власти. Как "диких выскочек, почти потерявших рассудок от внезапного возвеличения, вообразивших себя властными делать все, что только пожелают", – так изображает уже в ближайшем столетии Ордерик Виталис новое господствующее сословие Англии. Против тирании этих чужеземных господ у народа не было другого убежища кроме королевской власти, и должны были пройти поколения, покуда оба элемента слились в новую народность; язык двора оставался почти до конца средневековья французским. На такой почве эрл не мог вырасти в областного князя, как это было на континенте, и положение остается таким, что графства управлялись чиновниками, воины же образовали рыцарское сословие, построенное на началах ленной зависимости.

Из того, что мы узнали в предыдущих главах настоящей книги, явствует, что все это должно было дать совершенно непригодное военное устройство, так как рыцарское войско не может

быть создано ни чиновниками, ни баронами, владения которых лежат не рядом. У чиновников нет той близкой личной связи с отдельным воином, благодаря которой они могли бы поручиться за качество последнего. Бароны же могут собрать рыцарство лишь тогда, когда они обеспечены продовольствием, снаряжением и располагают обозом своих имений[130]. Франкские графы вначале также были только чиновниками, однако, в силу присущего военному делу характера они превратились в феодальных магнатов. Благодаря этой особенности они и были в состоянии поставлять надежных воинов средствами своего графства. Только на границах с шотландцами и уэльсцами, где это было совершенно неизбежно, Вильгельм Завоеватель допустил образование таких замкнутых графств наподобие континентальных, называвшихся "палатинатами", но и эти палатинаты вновь были уничтожены.

Отделив общественное управление (шерифство) и баронство друг от друга, норманнские короли Англии тем самым воспрепятствовали проникновению континентального феодализма в Англию, уничтожили всякую самостоятельность отдельных областей, создали большое, строго

централизованное королевство и все же сохранили военное устройство своей эпохи, основой которого являлся квалифицированный одиночный боец. Этого они достигли тем, что ввели совсем новый элемент: деньги, денежное вознаграждение, налоги.

Хотя сперва Вильгельм требовал, чтобы его вассалы в силу ленного призыва стягивались к нему, а наиболее крупные из них приводили с собой установленное для каждого число подвассалов, но очень скоро этот прием показал себя непрактичным или невыполнимым. Уже сам Вильгельм во время одного налета датчан в 1084 г., вместо того чтобы созвать своих вассалов, установил налог по 6 шиллингов на каждый надел и на собранные деньги выставил наемников. И о сыне его, Генрихе I, сообщается, что он войны свои вел силами наемников[131], а о Генрихе II хроника сообщает[132], что король повел на войну наемников, не желая утруждать своих рыцарей, горожан и крестьян, и это подтверждает его казначей, Ричард Фитц-Неаль, в своем наказе для казначейства, где сказано: "Ибо государь считает, что для военных дел предпочтительнее привлекать наемников"[133].

Таким образом, вышло, что когда Завоеватель к концу своего правления (в 1086 г.) велел

составить большой кадастр своего королевства, так называемый "Domesday-Book", то в нем были перечислены все полезные владения – земельные участки, мельницы, леса, пруды и все население посословно, однако, вовсе не были отмечены военные повинности. В феодальной стране это казалось столь невероятным, что даже дало повод к возникновению мнения, будто при Завоевателе феодальное рыцарство вообще еще не существовало и введено было лишь при его преемниках. Однако, быстро выявилась вся ошибочность этого представления, и, поскольку мы уяснили, что военные силы при феодализме едва ли поддаются числовому измерению, нас не удивляет и то, что Завоеватель вовсе не включил военные повинности в свой кадастр.

Таким образом, ленные отношения и вассалитет в Англии приобрели совсем иное значение, чем на континенте. Правда, в отношении недр земли Завоеватель применял весьма строгое понятие ленной зависимости: на себя он смотрел как на главного собственника всей страны, – с тех пор в Англии не было ни одного участка непожалованной земли. Но эта высшая ленная власть проявилась только в имущественном и наследственном праве и в правах на налог. Однако то, что составляло

подлинное содержание феодальных отношений, а именно военная повинность, было сначала дополнено, а затем и совсем заменено налогом.

До времени Эдуардов (Эдуард I, 1272 – 1307, – является правнуком Генриха II) продолжали существовать то рядом, то сменяя друг друга, феодальный призыв и наемничество. Великая хартия (§ 51) запретила наемничество, это могучее и опасное средство в руках короля[134]. Случалось, что знатные бароны отказывались получать денежную плату за военные услуги, так как они поняли, что сила их политической позиции в отношении короля основана только на натуральных феодальных повинностях[135], но естественный ход вещей оказался сильнее таких политических соображений, и наемничество восторжествовало.

С самого начала было неясно, как далеко распространяется военная повинность ленника. Какому-нибудь франкскому графу на Луаре Карл Великий мог приказать отправиться со своим отрядом и на свой счет в месячный поход по ту сторону Эльбы, потому что граф, будучи чем-то средним между сеньором и чиновником, мог привлечь средства всего графства. От английского же барона король не мог требовать, чтобы тот выставил ему рыцарей на свои средства на

неограниченное время, – например, для войны на континенте. Скоро в Англии, как и на континенте, стало правилом, что на своих издержках вассал должен служить 40 дней; однако, относилось ли это к службе и по ту сторону канала, оставалось спорным, а со стороны баронов было встречено прямым отказом[136]. Но ограниченная 6 неделями война вообще не могла быть ничем иным, как распрей соседей. Лишь при беспорядках, разбойничьих вторжениях и пограничных распрях с шотландцами или уэльсцами действительно прибегали к феодальной повинности в строгом смысле этого слова; вообще же она заменялась денежным налогом. Переходную ступень представляло – аналогично предписаниям каролингских капитуляриев – совместное снаряжение и выставление несколькими рыцарями одного воина.

В 1157 г. Генрих II совершил экспедицию (maximam expeditionem) против Уэльса; для этой экспедиции каждые два рыцаря снаряжали третьего "duo milites de tota Anglia tertium pararent"[137]. В 1198 г. Ричард I потребовал для похода в Нормандию, чтобы каждые девять рыцарей снарядили десятого[138]. В 1205 г. то же самое требовал Иоанн[139]. При Генрихе III в 1230 г. требовалось, чтобы от каждых двух плугов

земли выставлено было по воину на 40 дней за счет местных средств. Подобные требования часто еще предъявлялись при Генрихе III[140]. На практике все это должно было вылиться в откуп и вербовку.

Весьма подробно можно проследить это развитие в аббатстве св. Альбани[141]. У аббата было 6 рыцарских ленов, каждый лен был распределен между многими подвассальными. Когда король созывал свое войско, различные владельцы каждого лена соединялись и выставляли одного рыцаря. Иногда это делалось так, что они нанимали одного рыцаря или двух сержантов, а иногда они выбирали для несения службы кого-либо из своей собственной среды, уплачивая соответствующие суммы на его снаряжение и содержание. Подобный порядок существовал, по-видимому, и у мальмесберийских рыцарей.

Начиная с Генриха II, мы встречаем уже непосредственное подтверждение безусловно существовавшего задолго до него института[142] "охранных денег" (scutagia). Было бы не совсем правильно охарактеризовать этот порядок как простой "откуп" от воинской повинности в том смысле, что каждому барону или рыцарю в каждом отдельном случае предоставлялся выбор –

или выполнить приказ, или уплатить определенную сумму денег. Более правильным является предположение, что короли твердо держались такого основного правила: не следующие призыву теряют свои ленные права, но от этого наказания можно освободиться, внеся определенную сумму денег в казну. Здесь толкование феодальной повинности переходит в понятие всеобщего налога. Подробности этого все же еще не ясны. Возникает вопрос, сколько и кому платит подвассальный, если его сеньор не выступает в поход. Но сомнения подобного рода несущественны: для военной организации важным моментом является замена личной службы денежным платежом, который опять-таки служил для вербовки и содержания наемных рыцарей[143].

Итак, военное значение крупного поместничества отныне проявляется таким образом, что в этом сословии военный дух передается из рода в род по традиции, путем воспитания и упражнений, благодаря чему из среды этого сословия можно вербовать воинов. Не в силу призыва сеньора, а по собственному решению, желая добиться награды, выступает в поход английский рыцарь, поддерживая, таким образом, военную традицию и доблесть. На

континенте граф становится вассалом короля и, как таковой, призывает, в свою очередь, рыцарей, находящихся в ленной зависимости от него; часто включаются сюда даже промежуточные ступени выше графа – герцог, ниже его – служилый дворянин, начальствующий над собственным отрядом. В Англии исчезает различие между баронами (tenentes in capite) и находящимися в ленной зависимости от них (subtenentes) вассалами, доходя до одного лишь количественного различия в размерах их владений. Статут "Quia emptores" 1292 г. устанавливает, что при каждом отчуждении лена новый его владелец становится непосредственным вассалом короля, благодаря чему феодальные промежуточные ступени исключаются уже и юридически. Однако в военном отношении первоначальное вассальство местами заменяется крупным поместничеством в том отношении, что бароны, как кондотьеры, сосредоточивают вербовку в своих руках. На континенте граф ведет своих жителей в поход; английский же шериф ведет их только тогда, когда призывается поголовное ополчение, а в поход ведут бароны, которые обладают необходимыми для этого знатностью и личными качествами, а также средствами для первоначального снаряжения и

выдачи, согласно договору с королем и за счет последнего, авансов навербованным воинам, рыцарям и кнехтам.

Собственно феодальная система покоится на основе чистого натурального хозяйства; смешанная система в том виде, как она образовалась в Англии под властью королей норманнской династии и их преемников Плантагенетов, покоилась на комбинации натурального и денежного хозяйства, поскольку ядро военщины – рыцарское сословие – социально базировалось на снабжении его землей и этим содержалось, а регулярная армия собиралась и содержалась на деньги. Хозяйственное изменение, которое к тому времени устанавливалось в Европе, облегчило английским королям введение такого порядка. Именно тогда на почве значительного увеличения массы благородного металла обнаруживаются первые ростки вновь начинающегося денежного хозяйства. Это увеличение обращения золота и серебра, к которому мы еще вернемся в главе о наемничестве, сначала удивительным образом отразилось на военной организации не там, где природа эти сокровища дарила готовыми, т.е. не на континенте, а в стране, где политическое развитие сделало возможным это использовать, –

в Англии, к которой часть этих сокровищ притекала путем торговли. В XI в. денежное обращение было уже довольно значительным; это было время, когда города Германии впервые при Генрихе IV сделались заметной политической силой. Кельн и города Фландрии находились в оживленном товарообмене с Англией. Английский хроникер Генрих фон Гунтингдон (около 1155 г.) сообщает, что Англия вывозила в Германию свинец, олово, рыбу, мясо, скот, шерсть и смолистый каменный уголь; за эти предметы всеобщего потребления она получала из Германии серебро[144]. На континенте еще не было политической центральной власти, настолько сильной, чтобы завладеть для своих целей средствами обращения. Народы уже отвыкли от обложения налогами. Только внешняя сила – страшные викинга – время от времени вынуждали целые области и страны платить контрибуцию, которая собиралась путем всеобщих сборов. Англия пострадала от этих диких молодцов еще больше, чем континент, и "датские деньги" для откупа от них одно время приняли характер регулярного налога. Когда король Кнут овладел Англией, то он регулярно стал платить своим дружинникам жалованье и расквартировал их на зиму. Ввести налоги Вильгельму Завоевателю

помогло как раз то обстоятельство, что к ним уже успели привыкнуть, когда приходилось платить "датские деньги", – правда, тем временем уже упраздненные. Королевская же власть его преемников была уже настолько сильна, что постепенно сумела установить целую налоговую систему, потому что короли эти были законными преемниками древних англосаксонских народных королей, но они усилили мощь этих королей тем, что наполнили понятие феодального господства, которое принесли с собой, реальным содержанием. Английский король являлся теперь одновременно и главой нации и главным собственником всей земли. Англосаксонская королевская народная власть была ограничена витаном; континентальная – иммунитетом крупных вассалов и наследственностью графств, английская же королевская власть не была ограничена ни тем, ни другим. Место витана, пожалуй, занял совет (consensus) баронов но власть последних, как мы видели, не пустила никаких корней в Англии. Благодаря тому, что норманно-французское право, которое с собой принесли и в кругу представлений которого жили правители, как бы лагерем расположилось вокруг англосаксонского местного права, – во власти короля было в случае конфликта решать, каким из

них следует руководствоваться. Так управляет королевская власть в качестве центральной власти графствами через шерифов, издает законы, приказывает, составляет земельные кадастры для всего государства, дабы иметь возможность вводить налоги, карает и милует по собственному усмотрению. При каждом обновлении лена по случаю смерти взимался налог, размер которого устанавливался совершенно произвольно. Король присваивал себе права опекунства над всеми несовершеннолетними владельцами ленов и использовал эти права в своих целях: наследниц он выдавал замуж по своему благоусмотрению. Была выработана система полицейских штрафов (amerciaments) такой строгости, что ее, пожалуй, справедливо связывали с дисциплинарной властью военной силы, оккупировавшей страну. Благодаря тому, что властью военной силы, оккупировавшей страну. Благодаря тому, что штраф налагался соответственно размерам имущества провинившегося, являлось возможным и за легкие провинности, за чисто формальные недосмотры налагать очень большие суммы штрафа. Никакой властитель на континенте не смог бы поступать со своими подданными, своими знатными вассалами или хотя бы составить "Domes-day-Book". Шерифы получали налоговые

поступления в генеральный откуп. Если земельных доходов, охранных денег, налогов и штрафов оказывалось недостаточно, то дополнительно к ним устанавливались "пособие" и налоги, достигавшие 1/9 и даже 1/4 движимого имущества[145]. Расправа с неисправными плательщиками не ограничивалась одним только имуществом: король Иоанн, младший сын Генриха II, приказал выдергивать у одного еврея, отказавшегося платить, ежедневно по одному зубу; когда тот лишился седьмого зуба, он уплатил требуемые с него 10 000 марок.

Итог, следовательно, таков: английские короли собирали денежные налоги и при помощи этих денег создавали своеобразное военное устройство, ибо благодаря завоеванию они имели деспотическую власть и производили тот ужасный нажим, при помощи которого только и можно было выжимать из народа требуемые на содержание наемной армии огромные средства.

Уже при Генрихе I, младшем сыне Завоевателя, раздавались громкие жалобы на притеснения и вымогательства, с одной стороны, и торжественные обещания улучшений – с другой. Мероприятия Генриха II, не облегчившие гнета, как такового, а лишь сгладившие его наиболее острые углы, свелись к тому, что наряду с

чиновниками созданы были комиссии из присяжных, которые должны были ограничить произвол при раскладке налогов и оценке имущества. Однажды Генрих II даже снял всех шерифов со своих мест. Когда Ричард I в 1198 г. потребовал, чтобы по ту сторону канала целый год ему служило 300 английских рыцарей, или же чтобы рыцарство уплатило достаточную для содержания такого отряда сумму, а именно по 3 шиллинга на воина, то это требование было объявлено невыполнимым[146]. 300 рыцарей представлялись еще достаточно скромным числом, необходимая же для этого сумма составляла 328 500 шиллингов, или 16 425 фунтов, а это было слишком много. При брате и преемнике Ричарда Иоанне это вылилось, наконец, в знаменитые конституционные битвы, и отсюда произошла Великая хартия вольностей (Magna charta). Несмотря на успехи, которых добилось в этих боях баронство, одно все же оставалось: централизованная власть, державшая в своих руках управление, взимавшая – по своему благоусмотрению или с согласия сословий – денежные налоги и выставлявшая при помощи налогов войско из наемных рыцарей и простых воинов.

Смешение наемничества и рыцарства в

английском военном строе вскоре оттесняет самое понятие о феодальном праве далеко на задний план. Если бы не беспрерывные войны, происходившие из-за связи английской короны с крупными французскими феодалами (Нормандия, Бретань, Пуату, Гаскония), возможно, что норманнское рыцарство на Британском острове очень скоро превратилось бы в мирное крупнопоместное сословие. Однако, войны, соблазнявшие получением большого жалования, поддерживали военную традицию, хотя строгого контроля, отдававшего, согласно первоначальному понятию, военный лен только действительному воину, уже не существовало.

Настоящее понятие военного ленства изгладилось так быстро, что в законе, изданном еще Генрихом II, правнуком Завоевателя (сыном внучки его Матильды), мы не находим и следа феодализма, а военная организация строится по принципу чисто гражданской милиции.

Указ о вооружении ("Assisa de armis habendis in Anglia") от 1181 г. предписывает, чтобы тот, кто владеет рыцарским леном, имел бы панцирь, шлем, щит и копье; кто владеет скотом или каким-нибудь другим движимым имуществом больше чем на 16 марок, – то же самое; кто имеет больше 10 марок – нагрудник, железный шлем и

копье; все остальные свободные мужчины – куртки, железные шлемы и копья. Это оружие ни под каким видом не должно продаваться, а опекуны должны сохранять его для несовершеннолетних до достижения последними призывного возраста. Разъездные суды должны через присяжных распределить людей по разным классам, прочесть им эти предписания на собраниях графства и привести к присяге. Неявившийся на такое общеграфское собрание должен сам явиться в Вестминстер, т.е. на королевский двор, там присягнуть и получить назначение. Судьи должны повсеместно объявить, что если кто-нибудь не будет иметь предписанного оружия, то король не ограничится одним только штрафом, а речь будет идти о жизни и смерти.

Указ короля Иоанна от 1205 г. предписывает, что при первом известии о вражеском нападении всякий должен с оружием поспешить к обороне. Владеющий поместьем в случае неявки без уважительной (не по болезни) причины на все времена лишается этого поместья для себя и своего потомства. Не имеющие владений попадают вместе со своими потомками в рабство и должны платить подушный налог в 4 денария ежегодно. Никто по причине бедности не может

уклониться от призыва, так как явившийся кормится за счет короля. Шерифы и баливы (бэйлифы) должны были повсеместно, на базарах и ярмарках, оповещать об этом приказе и под личной ответственностью сообщать королю о каждом уклоняющемся от призыва.

Новый указ о вооружении Генриха III от 1252 г. берет за исходную точку предписание Генриха II от 1181 г., однако, идет и дальше последнего. В то время как Генрих II категорически предписывает вооружение только всех свободных, Генрих III распространяет это на всех лиц от 16 до 60-летнего возраста, "граждан городов, свободных держателей, вилланов и прочих" (cives burgenses, libere tenentes villanos et alois); если Генрих II различает только 3 класса, то теперь их становится 5; от первого требуется конная служба; предпоследняя ступень наряду с мечом и кинжалом должна иметь и лук со стрелами; последняя ступень – владельцы мельчайших земельных участков или владельцы с движимостью более чем в 40 шиллингов – обязаны иметь только косы, кинжалы, ножи и тому подобное мелкое оружие. Ополчения эти должны возглавляться констеблями и главными констеблями.

Эти предписания могут служить нам

примером того, как мало можно доверяться законам, даже когда они, как в данном случае, сохранились дословно если хочешь узнать историческую действительность. Правда "assises of amis" еще служат фундаментом для ныне существующей английской милиции, но как в древней, так и в новейшей военной истории она (милиция) вряд ли играла когда-либо какую-нибудь роль. Несмотря на сверхстрогие штрафы, средневековые предписания никогда даже приблизительно не проводились в жизнь: задача – распределить население по классам, заготовить списки, насильно заставить приобрести оружие и проконтролировать выполнение этого приказа – была слишком кропотливой и трудной, военная же ценность, даже при наилучшем выполнении, очень мала. Действительные войны, как мы уже видели, велись совершенно иначе организованными армиями; несмотря на то, что предписываемое Генрихом III всенародное ополчение мужчин от 16 до 60 лет должно было бы состоять из многих сотен тысяч, в решительных сражениях даже более поздней эпохи участвовали лишь немногие тысячи.

Разделение английского народа в отношении воинской повинности на 5 классов со

ступенеобразным вооружением Гнейст сравнил с таким же разделением на 5 классов в древнеримских центуриях. Внешнее сходство бросается в глаза, но разница заключается в том, что у римлян речь идет о порядке набора в дисциплинированное войско, у англичан же – об ополчении, существовавшем почти только на бумаге, параллельно которому содержалось подлинное воинство. Кроме того теперь выяснилось, что знаменитый сервианский порядок разбивки на классы был не чем иным, как фикцией Катоовской среднесословной политики во II столетии (ср. т. I).

Но как ничтожно ни было практическое значение этих указов о вооружении, знакомство с ними все же для нас очень важно, так как они являются, во-первых, документом того, как малоценны такого рода неорганизованные массовые призывы, и, во-вторых, – аналогией подобных, знакомых нам постановлений более ранних времен средневековья, у вестготов и франков. Достоверно неизвестно, что, собственно, означает слово "ассизы"; вероятно, это сокращенное sententia assisa – "установление". Стеббс[147] их просто называет "капитуляриями" в каролингском смысле, чем они на самом деле и являются. Я привожу здесь точный текст для того,

чтобы облегчить сравнение. Как сильно каролингские капитулярии ввели в заблуждение научное исследование и сколько нам пришлось потратить труда, чтобы произвести им правильную оценку! Ведь надо было доказать, что буква средневекового законодательства и реальная действительность не только могут не совпадать, но, наоборот, стоят в прямом противоречии друг с другом. В отношении ассиз о вооружении Плантагенетов явно обнаруживается то, что в капитуляриях Каролингов можно было узнать лишь с трудом, потому что источники XIII в. уже не так скудны, как источники VIII в., и шаг за шагом позволяют ясно проследить действительное развитие. Так вот, более поздняя эпоха не только объясняет самое себя, но служит также для подтверждения правильности изложения предшествующей, как, например, швейцарский рассказ о бургундских войнах служит путеводной звездой при оценке рассказа Геродота о персидских войнах.

УКАЗ О ВООРУЖЕНИИ В АНГЛИИ

Stubbs, Select charters, стр. 153.

1. Всякий, имеющий феод одного воина, да имеет броню и шлем, щит и копье, и всякий воин да имеет столько кольчуг и шлемов, щитов и копий, сколько воинских феодов он занимает.

2. Всякий же свободный мирянин, имеющий в скоте или в движимом имуществе 16 марок, да имеет кольчугу, шлем, щит и копье; всякий свободный мирянин, имеющий в скоте или в движимом имуществе 10 марок, да имеет нагрудник, железный шлем и копье.

3. Также все горожане и все свободные да имеют камзолы, железные шлем и копье.

4. Каждый из них да принесет клятву, что до праздника святого Гилария будет иметь это оружие, государю королю Генриху, т.е. сыну императрицы Матильды, будет хранить верность и будет иметь это оружие на его службу согласно повелению его и на пользу государю королю и его королевству. И никто, имеющий это оружие, его да не продает, не дает в залог и не отчуждает никоим образом от себя, и сеньор его никоим образом да не принимает от своего вассала ни в качестве пени, ни в виде дара, ни другим каким-либо образом.

5. Если кто скончается, имея это оружие, то оружие пусть остается у наследника его. Если же наследник не в таком возрасте, чтобы мог владеть оружием, пусть опекун печется и об оружии и пусть найдет человека, который мог бы пользоваться этим оружием на государевой королевской службе, пока наследник не достигнет того возраста, когда сможет носить оружие, и тогда да имеет.

6. Всякий горожанин, у кого будет большое оружие, чем полагается по этому указу, да продаст его или отдаст другому, кто бы владел им на службе государя, короля Англии. И никто да не держит у себя оружия больше, чем полагается согласно этому указу.

7. Ни один иудей пусть не держит у себя кольчуги

или нагрудника, но пусть продаст, или отдаст, или иначе отдалит от себя, чтобы они остались на службе королю.

8. Пусть никто не вывозит оружия за пределы Англии и пусть никто не продает оружия другому, кто может вывезти его из Англии.

9. Полноправных рыцарей или других свободных и полноправных граждан из сотен и городов по собственному выбору, владеюших таким количеством скота, что они должны иметь кольчугу, шлем, копье и щит согласно вышеуказанному, судьи да обяжут присягой, чтобы они поименно назвали всех тех в своих сотнях и городах, кто имеет 16 марок в движимости скота, имуществе или ренте, равным образом и кто имеет 10 марок. Судьи затем всех давших присягу и прочих да заставят занести в протокол, кто, сообразно со стоимостью движимого имущества или размерами ренты, какое должен иметь оружие. А затем в общем их собрании да прочтут настоящую ассизу о вооружении и заставят их поклясться, что они будут иметь оружие согласно вышесказанной стоимости движимого имущества или размерам ренты и будут держать его на службе государя короля сообразно с настоящей ассизой в повиновении государю королю Генриху и его королевству. Если же случится, что кто-нибудь из тех, кто должен был бы иметь оружие, не окажется в графстве к тому сроку, когда там будут судьи, то пусть судьи назначат ему явиться к ним в другое графство. И если он не явится ни в одном графстве, через которые будет лежать их путь, пусть назначат ему явиться для принесения присяги в Вестминстер в неделю св. Михаила, если дорожит он жизнью и

добром своим. И да будет ему указано, чтобы не позже вышеописанного дня св. Гилария имел он положенное ему вооружение.

10. Судьи пусть объявят по всем графствам, через которые будет лежат их путь, что государь король будет подвергать наказанию тех, кто не будет иметь оружия согласно вышесказанному, но без конфискации земли или скота.

11. И никто да не клянется вопреки полноправным и свободным гражданам, что не имеет 16 либо 10 марок в движимом имуществе.

12. И судьи пусть объявят по всем графствам, чтобы никто из тех, кто дорожит своею жизнью и добром своим, не продавал и не покупал корабля для увода из Англии и не вывозил строевого леса за пределы Англии. И король повелевает, чтобы никто кроме свободных не приводился к присяге.

УКАЗ О НАБОРЕ ВОЙСКА, 1205 г.

Stubbs, стр. 281

Король и т.д. шерифу Ротланда и т.д. Ты знаешь, что с согласия архиепископов, епископов, графов, баронов и всех наших вассалов в Англии решено, чтобы 9 рыцарей нашли десятого рыцаря, хорошо снаряженного конем и оружием для обороны королевства, и чтобы эти 9 воинов дали десятом 2 солида в виде выкупа. А потому предписываем тебе озаботиться, чтобы эти десятые воины из твоего округа прибыли в Лондон в течение трехнедельного срока после Пасхи, хорошо снаряженные конями и оружием, со своими выкупами, как выше сказано, готовые вступать в вашу службу, как мы повелим, и

пребывать на нашей службе для обороны королевства нашего, сколько будет необходимо. Решено, чтобы, если чужеземцы явятся в нашу страну, все единодушно выходили им навстречу с оружием, без промедления, узнав по слухам об их приходе. А если какой рыцарь, или сержант, или иной, державший от нас поместье, не выступит, не будучи болен настолько, чтобы не иметь сил прийти, сам и его наследники лишатся поместья, и леи его перейдет в распоряжение его сеньора так, чтобы ни он, ни наследники больше ничего не получили из этой земли. Если же окажется, что рыцари, сержанты или иные, не имеющие земли, не выступили, сами и наследники их будут обращены в крепостное состояние навсегда с уплатой 4 денариев ежегодно в виде выкупа, и бедность не должна быть отговоркой для неявившегося, потому что тех денег, которые понадобились бы для выступления в поход, хватит для пребывания у нас в кабале. Если же балливий не сообщит нам письменно или устно об уклонившихся, жизнь и смерть его будет зависеть от нашего милосердия. И потому предписываем тебе спешно объявить об этом по всему твоему округу, на рынках, в церквах и иных местах, не допуская при этом недочетов, которые мы могли бы поставить тебе в вину. И сам будь в Лондоне к указанному сроку или вышли своего доверенного и сообщи имена десятых воинов. Скрепил я собственноручно в Винчестере в третий день апреля.

УКАЗ О ВООРУЖЕНИИ, 1252 г.

Stubbs, стр. 370

Решено также, чтобы каждый шериф вместе с 2 рыцарями, специально для того избранными, обошли свои графства из сотни в сотню, селения и замки, и в каждой сотне, селении и замке созвали к себе свободных горожан, вилланов и прочих в возрасте от 15 до 60 лет и заставили их всех поклясться об оружии, сообразно с тем количеством земли и скота, которым владеет каждый из них: именно, при земле на 15 ливров – одна кольчуга, железный шлем, меч, нож и конь; при земле на 10 ливров – один нагрудник, шлем, меч и нож; при земле на 100 солидов – один камзол, железный шлем, меч, копье и нож; при земле на 40 солидов и больше – до 100 солидов – меч, лук, стрелы и нож. Имеющие меньше земли, чем на 40 солидов, клянутся иметь серпы, кинжалы, ножи и прочее мелкое оружие. При скоте на 60 марок – один панцирь, шлем железный, меч, нож и конь; при: скоте на 40 марок – один нагрудник, железный шлем, меч и нож; при скоте на 20 марок – один камзол, железный шлем, меч и нож; при скоте на 9 марок – меч, нож, лук и стрелы; при скоте на 40 солидов и больше – до 10 марок – серпы, кинжалы и прочее мелкое оружие. Все, кто может иметь луки и стрелы из живущих вне лесов, да имеют; лесничие же да имеют арбалеты и стрелы.

В отдельных селениях и бургах (замках) клятва о вооружении произносится перед графами, старостами и бейлифами городов; где нет графов, там присягу принимает 1 констебль или 2, смотря по количеству жителей; в сотнях же учреждается верховный констебль, по приказу которого собираются все,

давшие присягу об оружии, и повинуются ему во всем, что касается сохранения нашего мира.

ВИНЧЕСТЕРСКИЙ СТАТУТ
Эдуард III – 1285 г.

Основной текст по-французски; по переводу
Стеббса
Select Charters, стр. 474

И далее приказывается, чтобы каждый мужчина имел у себя в доме вооружение для сохранения мира по старинному указу о вооружении; это значит, что каждый мужчина в возрасте от 15 до 60 лет должен дать клятвенное обязательство иметь вооружение согласно количеству его земли и движимого имущества, а именно: от 15 фунтов доходов с земли и 40 марок движимого имущества – кольчугу, железный шлем, меч, нож и коня; и от 10 фунтов с земли и 20 марок с имущества – кольчугу, железный шлем, мечи нож; и от 15 фунтов дохода с земли – камзол, железный шлем, меч и нож; и от 40 шиллингов с земли – меч, лук, и стрелы, и нож; и тот, кто имеет меньше 40 шиллингов ежегодного дохода, должен поклясться хранить алебарды, ножи и другое более мелкое оружие; и все остальные, кому дозволено, должны иметь луки и стрелы вне леса и в лесу деревянные луки и дротики. И что осмотр должен производиться каждый год 2 раза. И в каждой сотне и округе 2 констебля должны быть выбраны для осмотра оружия; и эти вышеупомянутые констебли должны сообщать назначенным судьям о всех недостатках в вооружении, которые они видели в стране, о нарушениях закона, о страже, о больших

дорогах, а также сообщать о всех чужеземцах, которые живут во внутренних городах и за которых они не должны отвечать. И назначенные судьи должны сообщать через каждый парламент об этих недостатках в вооружении королю, дабы король мог принять меры для их устранения.

СТАТИСТИКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПО ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАМ

Ясное представление о норманнском военном строе, подкрепленное цифровыми данными, дает "General Introduction of Domesday-Book, accompanied by Indexes etc. by Sir Henry Ellis. In two volumes, London, 1833".

Настоящее понимание, однако, стало возможным лишь благодаря ряду трактатов И. Г. Раунда, собранных им в 1895 г. в томе "Feudal England". На этом дальнейшие умозаключения построили Pollock and Maitland, The history of the englisch law befor the time of Edward I, 2-е изд., 1898 г. Затем Maitland, "Domesday-Book and beyond", 1897. Далее очень ценным является Domesday and Feudal Statistics" by A. H. Inman, London, 1900. Гнейст (Gneist) в своей "Verfassungsgeschichte", 1882, хотя и оперирует неверными и невыясненными основными понятиями, но делает на стр. 103 и следующей некоторые очень полезные к имеющие правильную установку цифровые исчисления. Весьма удачное исследование содержит первая глава "Studien zur Kriegsgeschichte Englands im 12 Jahrhundert" Дугласа. Друммонда (Douglas Drummond). Берлинская диссертация 1905 г., изд. Georg Nauck, Берлин.

По исчислению Эллиса (Ellis), число упомянутых в "Domesday-Book" tenentes in capite составляет примерно 1 400. Однако, сюда входит такая масса неясных имущественных положений и бедных людей (чиновников и т. п.), что Гнейст, стр. 104, готов признать только 600 настоящих королевских вассалов, в то время как Инман, стр. 68, в качестве capital tenants by knight service считает только 300. В том же месте Гнейст устанавливает, что "среди мелких королевских вассалов имеется некоторое число саксонских имен", среди подвассалов "примерно, половина саксонских имен". Так как среди подвассалов имеется много таких, которые не могут быть причислены к военному сословию, и в то же время поселенные норманны в значительной своей части были воинами, то я полагаю, что саксонские имена в "Domesday-Book" в значительно большем процентном соотношении принадлежат к не-воинам, чем норманнские. Общее число подвассалов в "Domesday-Book" составляет 7871; таким образом, вместе с 1 400 королевскими вассалами tenentes было тогда всего 9 000–10 000. Но с этой цифрой, сколь ценной она ни представляется, можно все же мало что предпринять, так как здесь воины недостаточно отделены от не-воинов; к тому же в XI в. miles еще не является рыцарем в позднейшем смысле этого слова, а часто обозначает собой также самого простого кнехта, как Эллис (Ellis), General Introduction, стр. 60, определенно устанавливает это и в записях "Domesday-Book". Так как "Domesday-Book" ничего не содержит относительно servitium debitum, то Фриман (Freeman) хотел из этого даже заключить, что ленное рыцарство при Вильгельме Завоевателе вообще еще не существовало, а было создано в Англии

уже после него. Однако, это представление опровергнуто Раундом, который по полученным из другого места сообщениям определил servitium debitum для отдельных областей и сюзеренов и, перенеся этот результат на всю Англию, определил число их, примерно, в 5 000. Справедливо, однако, заметил по поводу этого исчисления Друммонд, стр. 18, что эта цифра практически вовсе не имеет такого большого значения, как это может показаться на первый взгляд, ибо в такой форме феодальное войско созывалось лишь весьма редко. Число servitia debita не соответствует не только числу наделенных ленами вассалов, но и числу вообще имевшихся в Англии воинов, равно как и числу созываемого на этом основании войска, так как к приведенным баронами контингентам и непосредственно наделенным воинам самого короля без сомнения прибавлялось значительное число ненаделенных воинов, следовавших в личной свите короля.

Число наделенных воинов в Англии при первых норманнских королях, кажется, вообще никогда не устанавливалось, так как короля вовсе не интересовало, выполнял ли барон свой servitium debitum при помощи наделенных или ненаделенных воинов. Первым, кто официально приказал определить число наделенных рыцарей, был Генрих II в 1166 г. По подсчетам Друммонда этот список насчитывает около 6 400 человек, которых мы и можем рассматривать в качестве настоящих рыцарей в том более узком смысле этого слова, который стал господствовать в XII в. Но и Генрих II приказывает установить это число не для созыва армии, а для создания этим путем более удовлетворительного

базиса для взыскания налогов, чем тот, который представляли собой старый, совершенно произвольный servitium debitum и "Domesday-Book".

Мое предположение, что при Вильгельме I в Англии всего имелось около 5 000 наделенных воинов, основывается, с одной стороны, на сравнении с подсчетом Друммонда, из которого видно, что в 1166 г. их было 6 400, а с другой стороны – на том, что по данным Гнейста из 7871 subtenentes в "Domesday-Book", примерно половина является саксонскими именами: из этих саксонцев безусловно большую часть, а из норманнов – меньшую часть, составляли не-воины.

То обстоятельство, что я пришел к выводу, что в 1086 г. было, примерно, 5 000 наделенных воинов, а Раунд определил число servitium debitum для того же времени также, примерно, в 5000, не имеет никакой внутренней связи, а является просто случайным совпадением, притом не совсем полным, так как цифру Раунда следует рассматривать как максимум, мою же – нет. Тем не менее оба исчисления взаимно подкрепляют друг друга, поскольку из них вытекает, что число servitium debitum иногда было больше числа рыцарских пожалований, предпринятых отдельными баронами, иногда меньше, а в общем эти числа были, примерно, одинаковыми.

Среди минимум 600 королевских вассалов по предположению Гнейста (стр. 104) – вместо 1 400 по подсчету Эллиса – имелось 153 духовных лица и 30 женщин.

Число 8 471 tenentes, указываемое Друммондом, стр. 8, является результатом сложения 7871 subtentes Эллиса и 600 tenentes по подсчету Гнейста. Но это

сложение не дает правильного представления по той причине, что из числа tenentes in capite уже вычтено число нерыцарских ленов, а из числа subtenentes еще не вычтено. Потому общее число tenentes должно исчисляться, как это делает Инман, в 9 000–10 000.

Глава VI

НОРМАННСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ИТАЛИИ

Вслед за описанием норманнского государства в Англии мы даем описание норманнского государства в Нижней Италии, основанного незадолго до завоевания Вильгельмом Англии и представлявшего ряд аналогий с предыдущим, – так что явления, имевшие место в обоих государствах, взаимно как бы поясняют друг друга, делая более достоверным то впечатление, которое у нас от них создалось.

Прежде всего важно, что оба эти государства были основаны почти одновременно. Это служит новым доказательством того, какими небольшими силами можно было в те времена вести военные действия. Переправляясь через канал, чтобы завоевать Англию, герцог Вильгельм даже не располагал всеми силами своих областей, так как часть их уже отплыла в Италию. Как мы сейчас увидим, число норманнов, отправившихся в эту поездку, было совсем невелико, но для небольшой области, подвластной Вильгельму, и это число имело значение. С другой стороны, если для основания королевства в Италии было достаточно

столь небольшого числа воинов, то из этого можно сделать вывод и в отношении Англии.

Поскольку в большинстве случаев в наших исчислениях нам приходится основываться не столько на прямых и надежных указаниях источников, сколько на случайных сообщениях и позднейших заключениях, – постольку в отношении истории норманнов в Италии мы имеем некоторые данные, которые могут быть использованы непосредственно.

Рыцарей, возвратившихся с паломничества в Иерусалим и случайно появившихся в Салерно в 1016 г., когда город этот готов был покориться сарацинам, было всего 40 человек. Вмешательства этого маленького мужественного отряда было достаточно, чтобы освободить город, и это обстоятельство послужило поводом к тому, что норманны стали отправляться в Нижнюю Италию в большом числе с предложением своих военных услуг. В те времена в Нижней Италии еще существовал ряд маленьких лангобардских герцогств, графств и городов, пребывавших в постоянной борьбе между собою и с Византийской империей, а также с сарацинами, целиком покорившими Сицилию. Норманны являлись в качестве наемников, чтобы служить то грекам против сарацинов, то лангобардским

государствам и владетельным домам – против греков, и, в конце концов, они сами стали хозяевами страны, – так же, как некогда Одоакр или готы в Римской империи. В обоих первых решительных сражениях – при Оливенто и при Каннах, в которых они одолели греков (1041 г.), силы их исчислялись в 3 000 и 2 000 человек. Но и это небольшое число состояло не из одних только норманнов, а сюда входило и местное население, присоединившееся к ним в борьбе против греков. По другим источникам, при Оливенто норманны насчитывали 500 рыцарей или 700 рыцарей и 500 пеших кнехтов[148]. Про самого Роберта Гискара (Guiscard) рассказывают, что в начале своей карьеры он набрал себе сторонников среди калабрийской черни, потомков римских колонов и рабов, и с ними грабил страну[149]. Таким образом, норманны, сильные своей унаследованной от викингов храбростью, составляли лишь ядро, вокруг которого собирался всякого рода воинственный и боеспособный народ. Таким же образом и войско Вильгельма Завоевателя состояло не сплошь из норманнов, а из наемников всех национальностей.

Измученное население не раз пыталось путем заговоров и восстаний освободиться от господства этого военного сословия. В одном месте Гауфред

Малатерра[150] говорит, что, когда у населения были расквартированы норманны, жителям приходилось опасаться за судьбу своих жен и матерей. Но всякое возмущение было напрасным, и, в конце концов, сильнейшему и счастливейшему из норманнских авантюристов, Роберту Гискару, удалось не только соединить под властью своего рода Нижнюю Италию и отвоеванную у сарацин Сицилию, но и настолько укрепить норманнское господство, что они могли уже меряться силами с германскими императорами. Роберт Гискар оказывается даже в состоянии изгнать из Рима Генриха IV и взять под свое покровительство Григория VII; более того, он задумывает покорение Византии и овладение Константинополем. Если войско, с которым он для этого переправился через Адриатическое море, исчисляют в 1 300 норманнских рыцарей и 15 000 других воинов[151], то последняя цифра, несомненно, сильно преувеличена. Еще большим преувеличением является сообщение того же источника, что войско, с которым Роберт Гискар шел против Генриха IV, состояло из 30 000 человек пеших и 6 000 конных. Это явствует уже из того, что, по-другому свидетельству[152], главную часть этого войска составляли сарацинские наемники, которых не могло быть

так много. Вообще если бы Нижняя Италия была так боеспособна, что могла мобилизовать армии в 15 000 и даже в 30 000 человек, было бы совершенно непостижимым, каким образом немногочисленные норманны могли здесь основать свое владычество. Уже те 1 300 рыцарей, которых Роберт Гискар перевез через Адриатическое море для войны с Византией, несомненно, означают некий максимум и являются ценным свидетельством той мощи, какую представляли даже немногочисленные рыцари.

Государственный строй, созданный норманнами в Нижней Италии, принял формы, совершенно аналогичные созданным их единомышленниками в Англии. Причина этого сходства лежит не в каком-либо особом расовом и племенном своеобразии этого народа, а обусловлена историческими событиями. Этот государственный строй построен на комбинации рыцарства и чиновничье-налогового управления. Заложенное в рыцарстве стремление к созданию ступенеобразно построенной феодальной системы в норманнских государствах было задержано и подавлено сильной монархией с ее чиновниками и налогами, так как без такой мощной монархии вообще нельзя было бы сохранить государство

чужеземных воинов. Сами по себе норманнские рыцари были не менее непокорны и самонадеянны, чем французские или немецкие, но они должны были подчиняться монархии, потому что без нее им пришлось бы вернуться к бездомному приключенчеству. Еще в 1083 г. итальянские норманны чувствовали себя так слабо связанными с их страной, что когда предпринятая Робертом Гискаром с такой жаждой добычи война оказалась не очень успешной и сам он вернулся в Италию, – то значительная часть войска передалась византийскому императору Алексею, а когда два года спустя (1085 г.) сам Роберт умер, то норманнские гарнизоны, еще находившиеся в Византии, поступили на службу, как это случалось и раньше, к своему прежнему противнику[153].

Должны были пройти поколения, прежде чем иноземная бездомная военщина смогла слиться с покоренным народом в одно целое. Хотя феодальная система действительно введена, но рыцари остаются все же скорее наемными, чем ленными.

До расцвета это было доведено сыном Констанции, последней представительницы норманнской династии, – германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном.

Правда, еще и Фридрих II приказывает мужам

военного сословия (milites tam feudati quam non feudati), "наделенным и ненаделенным ленами", как говорит хроникер[154], являться для несения военной службы.

Но этот ленный призыв играет уже очень незначительную роль. Воины, как рыцари, так и горожане, служат почти исключительно за плату, как и вербуемые рядовые кнехты.

Когда в 1227 г. Фридрих II снаряжался в крестовый поход, то он потребовал, чтобы каждый рыцарский лен заплатил 8 унций золота налога и, кроме того, чтобы каждые 8 рыцарских ленов выставили и снарядили одного рыцаря[155]. Таким образом, здесь налицо та же система, что и в каролингских капитуляриях, с той лишь разницей, что здесь, как это четко выражено, дело идет не о группе крестьян, обязанных снарядить одного из своих, а о группах рыцарей, и что платимая подать идет не графу, а непосредственно в кассу короля.

Установив в своем своде законов, что подлены могут раздаваться лишь королем и всякий ленник непосредственно подчинен только королю, Фридрих II принципиально уничтожил личную связь между прямыми королевскими вассалами и подвассалами, – а между тем на этой связи собственно и была построена ленная система.

Отныне связь между подвассалом и его номинальным сюзереном заключалась лишь в уплате 10 унций золота. Такое же развитие получил феодализм в норманнском государстве в Англии.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДИРРАХИУМЕ 1081 г.

Оман на стр. 164 сообщает об этом сражении подробно, потому что усматривает в нем последнее за истекшие 300 лет сражение, в котором сыграли роль не спешенные рыцари и не простой ландштурм или стрелки, а настоящая пехота, подобная гаральдовой при Гастингсе; он видит в нем последнее столкновение между англосаксонской боевой секирой и норманнским копьем при поддержке лука.

Роберт Гискар переправился через Адриатическое море и осадил Диррахиум (Дурацио) Император Алексей явился с деблокирующей армией, в которой находились варяги, служившие в Византии. Анна Комнена (VI, 6) описывает этих воинов с обоюдоострыми мечами или секирами на плечах и со щитами, она рассказывает, что они спешились и в пешем сомкнутом строю напали на норманнов, причем сперва привели было их в замешательство, не обождав, чтобы ехавшие впереди конные лучники расчистили им путь. Но при этом они отделились от остального византийского войска и были разбиты норманнской конницей.

Это описание соответствует, собственно говоря, не столько образу действий тэнов при Гастингсе, сколько старогерманскому клину (Keil), ибо тэны при

Гастингсе старались держаться исключительно обороны, а варяги при Диррахиуме атаковали подобно древним германцам.

Но почему же они спешились? Результат показывает, что они слишком понадеялись на свою атаку. Может быть, дело заключалось только в недостаточной согласованности действий с остальными частями византийского войска. Но так как этот пункт нам не совсем ясен, а Анна Комнена вообще не является совершенно бесспорным источником, то для военной истории едва ли можно использовать это сравнение.

Другие источники, в которых сообщается об этом сражении, особенно Gesta Roberti Wiscardi (Mon. Germ., SS IX, стр. 369 и след), также не дают ответа на поставленные выше вопросы.

Глава VII

ВИЗАНТИЯ

Мы прервали описание[156] Восточной римской империи в то время, когда она при Юстиниане еще раз переживала большой подъем и с помощью навербованных войск наемных варваров разрушила государство вандалов и остготов, вновь присоединив к себе Африку, Италию и почти всю Испанию. Однако, империя была не в состоянии утвердиться в этом положении. Граждане не хотели нести тяжести налогов, шедших на содержание наемников и на плату дани для успокоения опасных соседей, а то обстоятельство, что на троне снова очутился человек, бывший в то же время и военачальником, привело, в конце концов, к катастрофе. Юстиниан был только политиком. Он посылал воевать своих генералов, а сам в качестве правителя сосредоточил в своих руках всю полноту власти и управлял столицей и провинциями, церковью и армией, несмотря на всю их разнохарактерность и противоположность. Можно было предполагать, что принятие короны его третьем наследником, Маврикием (582 – 602 гг.) выдающимся и блестящим полководцем, утвердит империю еще более крепко

и надежно: только при такой полноте власти возвращались к старому первоначальному понятию императорской власти. Однако, именно для такого полного поворота назад не хватило сил, так как не было главной основы: дисциплины легионеров. Маврикий со свойственным ему, как казалось, доктринерским направлением ума[157], пробовал придать диким бандам наемников определенную военную организацию и по возможности действительно вербовал их у себя в стране, а не за рубежом. Однако, когда он однажды во время войны со славянами и татарами потребовал, чтобы они оставались на зимних квартирах севернее Дуная, они взбунтовались, – тем более что он не мог даже уплатить им жалованья, которого они требовали. В то же время против него восстали и горожане в столице, в результате чего он и был убит (602 г.), так же как некогда во второй половине III в. были убиты храбрые солдаты-цари, начиная от Пертинакса до Аврелиана и Проба.

В этой последней попытке создания дисциплинированной армии можно заметить, какую огромную роль играл вопрос оплаты. Численность войск безусловно была очень мала, так как они лишь с трудом и с переменным успехом в состоянии были отражать вторжение

полчищ варваров. У такого энергичного и предусмотрительного царя, каким был Маврикий, не было недостатка в доброй воле расплачиваться с войсками; и если из-за вычетов за оружие и обмундирование он все же вступил с ними в конфликт, то, очевидно, кассы его не могли этого выполнить, так как в угоду народу после смерти Юстиниана была отменена строгая налоговая система. Раздобыть наличные деньги стало невозможно.

Таким образом, и в Восточной римской империи совершился переход к военной системе, очень близкой к той, с которой мы познакомились на романо-германском западе. Страна (примерно, в середине VII в.) была разделена на ряд военных округов, называвшихся "тэмами", и подокругов ("мерос", "турма"); каждый такой округ должен был выставить и содержать определенное количество войск. Бывшие столь долгое время разделенными военная и гражданская власти были для этой цели снова объединены, подобно тому как это было во франкских графствах. В силу того, что "тэмы" получили названия по имени расположенных в них военных частей, не может подлежать сомнению, что именно такие части и были распределены по областям, где они водворились на долгое время. Вместо того чтобы

им находиться на границе или в столице и там получать собираемую со всей страны плату и продовольствие, каждая область получила определенную воинскую часть, которую она продовольствовала либо путем натурального довольствия, либо путем расселения, а в случае войны известная доля получаемого натурального довольствия отправлялась в помощь соседним частям или же действующей армии.

Осевшие на земле воины, поскольку дело не касалось простых пограничников, являются носителями феодализма, и мы находим также и в Восточноримской империи того времени сильные поселения подобного рода в виде крупных земледельческих родов с их военными дружинами. Мы встречаем пожалование поместий за военную службу χτηματα στρατιωτιχά[158]. Образуются баронства, известные своими военными подвигами, семьи, владеющие большими поместьями. О таких родах народ повествует в своих сказаниях и песнях. Не так давно было найдено такое эпическое сказание Дигенис Актритас, относящееся к X в.[159]. В издании этого труда довольно метко сравниваются герои сказания с одним западным маркграфом.

Аналогичные примеры мы встречаем повсюду

также и в законодательстве.

Восточноримские императоры совершенно так же, как и Карл Великий, боролись с намерением знати, "δυνατοι", подчинить себе свободные крестьянские земли. И точно так же, как во франкском государстве, здесь нельзя относить это к собственно крестьянским массам, бывшим и тут и там совершенно не воинственными колониями, а, наоборот, – это относится к исконным воинам, постепенно становившимся мирными гражданами и переходившим в крестьянское сословие. Уже Юстиниан издавал распоряжения, направленные против этого[160], а в IX в. с подобным явлением систематически боролся целый ряд императоров. Прибегали к самым радикальным мерам, объявляя приобретения свободных крестьянских земель недействительными и не допуская даже ссылки на право давности[161]. Две законодательные новеллы напоминают нам о предписании императора Ламберта (898 г.), что ариманны не должны передаваться графами в ленное владение своим людям и что никто не может использовать солдат в качестве сельских работников (εν παροιχου λόγω) или для частных услуг[162].

Ряд новелл устанавливал ценность солдатского имущества. Для конных воинов и для определенных дивизионов флота оно должно

было равняться 4 фунтам, для прочих частей флота – 2 фунтам золота. Император Никифор Фока установил минимум в 4 фунта, а для тяжеловооруженного, т.е. для рыцаря в западном смысле этого слова, требовал 12 фунтов[163]. Если в наличности было несколько наследников, то они совместно, пропорционально своему имуществу, выставляли одного человека.

Несмотря на большую аналогию с Западом, до образования законченной ленной иерархии Восток все же не дошел. Бароны имеются, но нет подлинного рыцарского сословия и нет души западного феодализма – личной связи при помощи присяги на верность – и германских дружин как все подчиняющей себе идеи. Наибольшее сходство византийский военный строй временами имеет с норманно-английским строем. Отдельные элементы феодализма связаны и спаяны с налоговой системой и чиновничеством. Призыв происходил в форме набора, и мы встречаем здесь, как и в Англии, замену призыва денежным взносом[164]. Однако, ввиду того что пригодные элементы внутри страны, невзирая даже на переселения и поселения варваров, были недостаточно многочисленны и быстро утрачивали свой воинственный характер, вновь и вновь прибегали к пополнениям при помощи

иноземных наемников. Тут, в лагере византийских императоров, встречались германцы всевозможных племен, славяне, печенеги, мадьяры, болгары и даже турки. Особо важную службу несли долгое время варяги, первоначально шведы и норманны, дошедшие через Россию до Черноморья. Самое слово "варяги" означает "союзники" (foederati). Позднее это наименование давалось различным элементам, а после покорения Англии Вильгельмом среди них, как сообщают, было много англосаксонских беглецов.

Наглядную картину того, как выглядело ополчение страны в X в., дает нам повествование Иоганна Скилиция[165]. Он описывает, как турки беспрерывно нападают на Киликию и снуют по стране, грабя и уничтожая все на своем пути, Никифор Ботониат, полководец, собирает войско; однако скупость и халатность граждан свели на нет все старания. Солдаты, не получая достаточного содержания, брали то, что им давалось, и снова уходили по домам, в силу чего варвары снова могли продвигаться по стране. В это время множество молодых людей собралось в Антиохии. Будучи охвачены юношеским пылом, они готовы были воевать, но у них не было военного опыта, не было боевых коней, они едва были вооружены и скудно снабжены

продовольствием, в результате чего им пришлось плохо, и они вернулись домой. Ботониат попытался отразить варваров при помощи своих собственных дружинников (υπασπιστειζ) и небольшого числа наемников.

То же самое, очевидно, происходило и в каждой франкской области, когда на нее нападали норманны или венгры, и, примерно, то же самое случилось, когда Карл Толстый выступил на выручку Парижа и ничего не добился.

В X и XI вв. Византийская империя снова достигла большого расцвета. Болгары были окончательно разбиты. Василий II (ум. в 1025 г.) приказал выколоть глаза заключенным пленным, приблизительно 15 000 человек, и отправил их в таком виде домой. На каждую сотню он дал по одному поводырю, которому был оставлен один глаз. Когда они в таком ужасном виде были приведены к своему царю, он лишился сознания и через 2 дня умер. Киликия и Антиохия также были вновь отобраны византийцами у калифа, а Армения присоединена к империи, простиравшейся от Адриатики до Евфрата. Мне думается, что такая перемена объясняется тем, что повсеместно снова начало появляться денежное хозяйство. Мы снова слышим много о налоговых обложениях и взысканиях[166], а налоги давали

возможность брать на службу наемников. В то время как в западноевропейских провинциях еще платили натурой, которая могла быть использована только на месте ее получения, в Азии можно было распределять содержание через центральную казну[167]. Однако, надо признать, что гораздо важнее небольших изменений внутри страны были изменения у противной стороны. Болгары повсеместно утратили свою варварскую военную силу, а на противоположной границе точно так же потеряли силу арабы. Поэтому, как только здесь наступают перемены и появляются новые враги, с византийским возрождением снова покончено, и государство на Востоке попадает под господство вновь нахлынувших сельджуков, а на Западе с трудом обороняется от норманнов.

У нас сложилось убеждение, что мы прекрасно осведомлены о византийском военном строе, так как в нашем распоряжении имеется целый ряд обстоятельных систематических сочинений различных веков о военном устройстве греческого государства, а многие войны и сражения подробно описаны писателями-современниками. Император Маврикий (ум. в 602 г.) и император Лев VI, Философ (ум. в 911 г.), оставили нам очень обстоятельные и систематические сочинения, а Никифор Фока (ум. в 960 г.) – ценную

монографию. Однако, чем больше изучаешь эти источники, тем сомнительнее становится их достоверность. Уже в древней истории мы наблюдали, что теоретические и систематические сочинения, оставшиеся нам от древних времен, решительно не сходятся с событиями в том виде, как их описывают достоверные исторические источники. Кажется невероятным и все же является фактом, что писатели беспрерывно повторяют различные теории, относящиеся к македонской фаланге, словно они никогда ничего не слышали о римском легионе и его тактике. Однако, не только это, но и описания, оставленные нам Ливнем о старой римской манипулярной тактике, а также данные Саллюстия о рекрутском наборе и большая часть описаний Вегеция выявили себя или как грубое недоразумение, или даже как чистая выдумка. Не лучше обстоит дело и у византийцев. При более близкой проверке становится ясным, что отдельные картины, нарисованные ими, находятся в полном противоречии между собою и что большую часть всего ими описанного надо рассматривать не как практические выводы, а лишь как лишенную всякого основания фантазию и теорию – просто повторение или распространительное толкование тех теорий

александрийцев, которые некогда дали систематическое описание македонской фаланги.

Вильгельм Людвиг Нассауский в XVI в. и Монтекукколи в XVII в. во многом использовали тактику императора Льва, а князь Линь в XVIII в. сопоставил ее с предписаниями Фридриха Великого своим генералам и пытался возвести их обоих выше Цезаря, указывая на то, что Цезарь дает лишь примеры, а они оба – предписания[168]. Эта похвала в части, касающейся императора Льва, как мы видели, совершенно не заслужена и может быть объяснена так же, как и слова Вегеция, который в действительности был человеком очень небольшого ума (ср. т. II).

Столь же фантастичными и ненадежными являются византийские исторические описания войн и сражений, например, повествования Бриения и Анны Комнена. Но путем сопоставления и взаимного контролирования этих источников с достоверностью вытекает, что в греческой империи, равно как и на Западе, дисциплинированной пехоты, подобной римским легионам, не существовало. И тут и там ядро войска состояло из немногочисленных отрядов тяжеловооруженных конных воинов, чему свидетельством (которое должно служить, я бы сказал, нормальным мерилом для всех других)

является изречение Никифора Фоки, гласящее: "полководец, имеющий 5 или 6 тысяч наших тяжелых всадников и помощь божию, больше ни в чем не нуждается". С этим совпадают исторические данные, если только мы с критической строгостью отбросим все недостаточно достоверное. Точно так же и Никифор Бриений в своем описании[169] формирования при императоре Михаиле III (1071 – 1078 гг.) корпуса бессмертных (τηζ τών άχανάτων καλουμενων φάλαγγοσ) основными элементами его образования считает умение владеть оружием и ездить на конях.

* * *

Главное отличие восточных войск от западных заключается прежде всего в том, что здесь иноземные варварские наемники играют значительно большую роль, чем в западных странах, которые ведут свои войны сами, и далее, – в том, что наравне с тяжеловооруженными конными значительную часть войска составляют конные лучники. После поражения, понесенного в сражении с сельджуками при Манпикерте (1071 г.), местные воины отодвигаются на задний план, и империя, как нам кажется, поручает охрану страны почти исключительно наемникам.

Когда же эта наемники не выполнили возложенного на них дела, Константинополь попал (1204 г.) в руки крестоносцев. После восстановления Греческой империи снова была принята старая военная система.

* * *

В основе – это та военная организация, к которой в Римской империи пришли еще в III в. и с которой мы познакомились при Юстиниане во время его войны с остготами; при помощи этой-то организации Греческая империя продержалась еще свыше тысячи лет. Несмотря на внутреннюю разрозненность и церковную борьбу, несмотря на беспрерывные военные революции, дворцовые перевороты и узурпации, несмотря на вражеское окружение, – со стороны болгар (гуннов) на самом Балканском полуострове и магометан, впервые осадивших Константинополь уже в 654 г. со стороны Азии, – несмотря на все это, империя не только утвердилась, но и неоднократно одерживала крупные победы, а временами простирала свои границы далеко на Восток, до Тигра, т.е. почти до границ времен старой Римской империи.

Возникает вопрос: почему Запад – латинская часть старой империи – был не в состоянии

сопротивляться варварам и в конце концов подпал под их господство, Восток же – греческая часть – доказал свою гораздо более сильную живучесть и сопротивляемость? Возможность того, что Греция по своей политической и военной основе стояла выше римского государства – исключена. Нет сомнения, что византийские знатные семьи давали все новых и новых отличных и могучих воинов, которые, становясь во главе феодальных ополчений или во главе наемных варваров, совершали геройские подвиги. Эти семьи частью были варварского происхождения и только натурализовались в Византии, – да и вообще говоря, уже со времени Александра греческое государство все больше и больше превращалось в страну смешанной расы, лишь говорящей и мыслящей по-гречески. Но то же самое имело место и на Западе, в латинском государстве, – даже, пожалуй, еще в большей степени, чем здесь, а значит в этом не может заключаться различие между Востоком и Западом.

Я полагаю, что долговечность пересаженной на греческую почву части Римской империи вызвана была, в основном, причиной географической – несравненным стратегическим положением Константинополя. Рим, как город, расположенный на средней по величине реке, не

мог защищаться против энергичного, хоть сколько-нибудь превосходящего по силе нападения; недаром императоры зачастую покидали Рим и переносили свою резиденцию в более безопасную Равенну. Между тем Константинополь, расположенный у быстрого течения морского рукава, окруженный с трех сторон водой, был почти неприступен, даже при большом превосходстве сил. Противники едва могли воспрепятствовать подвозу и пополнению продовольствия с той или с другой стороны. Если Рим стал мировой столицей, то этого положения он достиг не благодаря своим экономическим, весьма посредственным достоинствам, а вследствие политики и войн. Поэтому, как только он перестал быть столицей и перестал собирать дань с народа, его естественные вспомогательные источники стали бессильными. Константинополь же, расположенный на большом перекрестке сухопутных и водных путей мировой торговли, был не только столицей, но и таил в самом себе величайшие природные вспомогательные источники, усиливавшие его обороноспособность. В 616 г. при императоре Гераклe его тщетно осаждали персы, в 626 г. – авары, в 654, 667, 672, 717, 739 гг. – арабы, в 764 г. – болгары, в 780 и 798 гг. – снова арабы, в 8 811 и 820 гг. – славяне,

в 866 г. – русские, в 914 г. – болгары.

Если бы Константинополь хоть раз был завоеван кем-либо из варварских народов или уже в 700 г. – мусульманами так, как когда-то Рим был завоеван готами и вандалами, то, конечно, Восточно-римской империи пришел бы конец, как это случилось с Западно-римской империей. Однако, поскольку столица выдержала все натиски, постольку отсюда всегда вновь восстанавливалось и государство, а когда у противника наступало ослабление, оно даже шло снова к победам и завоеваниям. Византийская империя в смысле смены слабости и успеха представляет собою, несомненно, самую изумительную игру, какую знает мировая история. Все вновь и вновь по всей стране до самой столицы происходят нападения и разбойничьи набеги со стороны соседних варваров: с севера – с другого берега Дуная; с востока – со стороны Аравии и Евфрата через всю Малую Азию, с моря – со стороны всевозможных пиратов. В этих войнах большая часть местного населения была уничтожена и истреблена, а варвары заняли их места. Болгары и славяне укрепились тогда на Балканском полуострове и основали свои селения до Пелопоннеса. Но империя все же продолжала существовать и впитывать даже в состав своего

организма этих пришельцев – все это, в конце концов, благодаря тому, что Константинополь укреплялся, сохранял и развивал старый государственный строй и старые государственные идеи.

В противоречии с этим взглядом находится то обстоятельство, что в 1204 г. Константинополь действительно был завоеван крестоносцами, а тем не менее государство удержалось, и через полстолетия провинции отвоевали столицу, благодаря чему снова было восстановлено государство в старом смысле слова[170]. Но этот эпизод вполне объясним как исключение для обеих сторон. Константинополь в 1204 г. был почти беззащитен и полон внутренних раздоров; им попеременно владели узурпаторы, свергавшие друг друга и не имевшие возможности подтянуть силы из провинции. Крестоносцы же, представлявшие собою сильное войско, находились в союзе с венецианским флотом, который осадил город и со стороны моря. Поэтому на этот раз Константинополь, несмотря на всю свою природную мощь, пал.

То обстоятельство, что провинции продолжали сопротивляться и, в конце концов, снова изгнали врагов, не является делом более сильного греческого национального духа или

военных качеств, а объясняется, с одной стороны, религией, с другой – природой самого крестоносного войска. Если бы завоеватели – франки – были еще варварами-язычниками, то их господство над Константинополем, возможно, осталось бы: греки, подобно западно-европейцам, примирились бы с их господством, одновременно втянув победителей в орбиту своей культуры и церкви. Но крестоносцы возложили на греков не только военное ярмо, но и ярмо греческой церкви, руководимой в духе Григория VII.

Если бы греки покорились этой церкви, то они должны были бы перестроить все свое мировоззрение. Эта религиозная оппозиция увеличила силу сопротивления греков, с которой франки тем менее могли справиться, что и сами они далеко не имели необходимой внутренней силы. Правда, при своем первом появлении в союзе с венецианцами крестоносцы представляли очень большую силу. Но когда они после победы назначили правителем одного графа из Фландрии, то он располагал уже только незначительной частью этой силы. Ему перестали подчиняться как венецианцы, претендовавшие больше чем на четверть завоеванного государства, так и крупные сюзерены, получившие во владение крупные области. Хлодвиг и его преемники правили

франками, имея у них совсем другой авторитет, чем римские императоры в Константинополе у своих рыцарей. Поэтому и случилось, что эти западные завоеватели, в конце концов, должны были – несмотря на то, что владели столицей – снова отступить из греческого государства.

Особо поучительной главой в "History of the art of war" Омана является глава о византийском строе. Этот труд во многом помог и мне. Все же в важнейших пунктах я пришел к совершенно другим выводам.

Оман правильна установил, что византийский средневековый строй точно так же, как и на Западе, зиждился на тяжеловооруженных конных воинах (с добавлением конных лучников). Несмотря на это, он принимает указания – особенно в тактике Льва – по поводу пехоты, подобно тому, как это сделал Иенс в Gesch. d. Kriegsw., I, 163. Не может подлежать, однако, никакому сомнению, что эта пехота не существовала, и правила ее образа действия являются не чем иным, как теоретическим наследием античной литературы. В самом деле, если бы византийцы действительно имели пехоту, как некогда Александр или римляне, то она должна была бы проявить себя и в сражениях, – да не только проявить, но и играть решающую роль. Между тем, сам Оман правильно заметил, что сражения проводились исключительно конными частями, пехота же использовалась для гарнизонной службы, нападений, заграждения проходов и т.д. И Иенс (стр. 163) совершенно правильно обратил внимание на то, что Лев считает величину "банд", "мерий" и

"турмов" у пехоты такой же, как и у кавалерии, а Оман (стр. 188) отмечает, что Лев повествует нам о вооружении и организации, хотя далеко не так подробно, как о коннице. Оба эти явления нужно рассматривать как симптомы того, что здесь мы имеем дело не с действительной практикой.

С этим связаны и данные о численности войск.

Оман (стр. 182) указывает, что стоящий во главе каждой тэмы стратегос имел в своем распоряжении примерно 8 000, 10 000 или 12 000 человек, из которых для действующей армии можно было мобилизовать от 4 000 до 6 000 человек отборной кавалерии. Поскольку Малая Азия имела в X в. 17, а Европа – 11 тэм, это составило бы огромнейшую армию; Оман (стр. 221) полагает, что одна Малая Азия имела постоянную армию не меньше чем в 120 000 человек. Это исчисление основано на комбинировании обеих заметок Льва о том, что каждый стратегос имел в своем подчинении 2 или 3 турмы (гл. IV, § 45) и что каждая тэма могла дать действующей армии 4 000 конных (гл. XVIII, § 149, 153). В математическом отношении это заключение правильно, но оно совершенно недопустимо в отношении методики, так как Лев был слишком теоретизирующим писателем, чтобы по его схемам можно было судить о действительности. С целью уяснить себе его способ теоретизирования мы приведем несколько примеров. В гл. XVII, § 89 (то же самое и у Маврикия), мы находим вычисление – сколько места займут 300 000 всадников при длине фронта в 600 лошадей и глубине в 500 лошадей, – вычисление, которое Иенс (стр. 155) совершенно справедливо снабдил ироническим восклицательным

знаком.

В гл. XIV, § 43 и след., Лев (также и Маврикий, IV, гл. III) советует вечером перед сражением вырыть за занимаемой позицией ров или волчьи ямы или заложить капканы и между ними оставить свободными отмеченные проходы, Затем войско должно инсценировать бегство и по отмеченным проходам отойти назад, враг же попадет в ров или капканы.

В гл. XII, § 55, Лев советует, чтобы конные, дабы издали произвести впечатление на противника, имели на своих копьях флажки; а так как в бою флажки представляют различные неудобства, то их нужно снимать, как только приблизишься к противнику на расстояние одной мили.

Такие противоречащие всякой действительности рассуждения возбуждают подозрение и против приводимых цифр, – да и сам Лев находится в прямом противоречии с указанным исчислением Омана относительно численности войск, поскольку он исчисляет (гл. XVIII, § 153) общее количество, которое можно собрать из одной тэмы, только в 40 000 человек. В гл. IV, § 62, он вычисляет, что теперь людей меньше, чем в старину, и банды (тагматы), из которых 7–8 падает на одну турму, нельзя довести до 256 человек; нормальный бой он также строит на предположении, что в нем принимают участие только около 4 000 конных; это число в случае нужды, если противник очень силен, должно быть увеличено вдвое или втрое (гл. XVIII, § 143–150). В другом месте армию в 5 000–12 000 он называет "нормальной" (гл. XII, § 32, 33) и учитывает также случай, когда армия может быть еще

малочисленнее.

Окончательным доказательством того, что византийские войска численно всегда могли быть лишь весьма ограниченными, служит количество войск у арабов и крестоносцев.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАНЦИКЕРТЕ 1071 г.

В сражении при Манцикерте или Малазгарде в Армении[171], сельджукский султан Альп Арслан победил императора Романа IV, взял его в плен и уничтожил значительную часть византийского войска. Благодаря этому сражению турки овладели Малой Азией. Оман усматривает в этом сражении также поворотный пункт в истории византийского военного строя; уничтожение армии и окончательная потеря малоазиатских тэм сделали с этих пор невозможным ополчение всей страны, и Византийская империя вынуждена была опираться исключительно на наемных варваров. Это толкование связано с представлением Омана о численности византийских войск. Он полагает, что Роман имел при Манпикерте 60 000, а его противник 100 000 человек. Поскольку сообщается, что преемник его с большим трудом собрал из остатков ополчения тэм 10 000 человек, то из этого, во всяком случае, можно было сделать вывод, что страна сделалась небоеспособной, так как в прежнее время одна Малая Азия выставляла 120 000 человек.

Этот вывод отпадает вместе с разбитой нами предпосылкой: никогда – также и при Манцикерте – войска обеих сторон даже приблизительно не имели указанной численности. Даже цифра в 10 000 воинов,

которые были еще собраны из тэм, представлялась бы нам невероятно большой, если бы автор[172] определенно не добавил, что этот отряд был составлен из остатков азиатского призыва и наемников. Но возможно что и эта цифра слишком велика.

Я никак не могу согласиться также и с самим описанием сражения при Манцикерте, данным Оманом. Проверка и исследование по источникам были бы весьма желательны.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Относительно Маврикия ср. Iahns, Gesch. d. Kriegswissenschaften, I, 152; Krumbacher, Gesch. d. byzantin. Literatur, 2-е изд., § 262, стр. 635. Στρατηγικόν, издан. Шефером (Scheffer). "Arriani tactica et Mauricii ars militaris", Упсала, 1664. Крумбахер по характеру содержания полагает, что это произведение принадлежит не Маврикию. Оман, стр. 172, приписывает его Маврикию и датирует его 579 г., прежде чем Маврикий сделался императором. R. Grosse, D. rцmisch-byzantinische Marschlager, стр. 106, относит его к VIII в.

Относительно Льва VI (886 – 911) Иенс I, 160 – 170, Крумбахер, Gesch. d. byzant. Literatur, 1-е изд., стр. 350, "Παράδοσι των εν πολέμω ταχτκῶν συντομοζ" или Διαταζ πολεμιχῶν παρασχενῶν, напечатана лучше всего в "Meursii opera", ed. Lamius, vol. VI, 1745 г. Крумбахер дает ему такую характеристику; произведение составлено из более древних источников, как Оносандер, Элиан, Полиен и т.д., и дает без большой последовательности различные, по главам разбитые, заметки об организации,

снаряжении и обучении армии и т.д. На стр. 636 2-го изд. он присоединяется к взгляду, что произведение принадлежит не Льву VI, а Льву III Исавру (718 – 741 г.), т.е. написано по его настоянию.

Относительно Константина VII Багрянородного (912 – 959 г.) ср. Иенс I, 171. Он является сыном Льва VI. Приписанная ему "Тактика" в действительности принадлежит Константину VIII (1025 – 1028 г.), однако в большей своей части является дословной передачей "Тактики" Льва и мало самостоятельна (Крумбахер, История византийской литературы, стр. 63. Напечатана равным образом в "Meursii opera", Bd. VI, ed. Lamius).

Относительно Никифора Фоки (963 – 969 г.) см. Иенс I, 176. Крумбахер, стр. 985, Густав Шлумбергер (Gust. Schlumberger, Un empereur Bysantin au dixieme siicle, Nicйphore Phokas, Paris, 1890; 779 стр., 4°).

Приписанное ему произведение называется Περι παραδρομ□ζ πολεμον, изд. Hase, Бонч, 1828. Шлумбергер (стр. 169) полагает, что книга написана, очевидно, по настоянию императора, но закончена была лишь после его смерти.

Иенс полагает, что хотя этот труд имеет отправным пунктом труд Льва, но более самостоятелен, чем последний; однако и в этом труде резко выявляется характер эпохи упадка, так как в нем отсутствуют всякие следы военной инициативы. "Ни на что другое, как на противостояние или, самое большее, на прикрытие Никифор не считает способными войска, отправляемые им на северную границу своей империи для отражения налетов варваров, и этим, во всяком случае, с максимальной

отчетливостью подтверждается, что проявления инициативы ожидали от противника". Такой характер книги находился бы в большом противоречии с личными качествами автора и его военными подвигами, отмеченными также и Иенсом. Как раз этот император обладал огромной инициативой и совершал одно завоевание за другим, в том числе Крит, сделавшийся Петром ужасных мусульманских пиратов, и Антиохию (968 г.).

Наоборот, Шлумбергер, будучи в совершенном восторге от книги, дает подробный анализ ее и пишет (стр. 173):

"Я имел удовольствие прочесть эти 25 глав военного искусства. Это полная программа пограничной войны X в. Все то, что должен был делать искусный византийский стратег, стоявший во главе своих войск, чтобы противостоять нашествию сарацин, парализовать их движение или отомстить за грабежи, указано подробно, как в руководстве для наших офицеров в военной школе. Все случае строго предусмотрены. Против каждой болезни дан свой рецепт. Когда я прочитал эти страницы, написанные хотя и на варварском греческом наречии, но с исключительным жаром, с глубокой любовью к делу защиты родины, с настоящим воинским пылом, мне казалось, что перед моими глазами проходят все эти сражения, давно и основательно забытые, такие отважные, дикие, с постоянными хитростями и обманами, удивительными набегами, которые в продолжение вековой борьбы полумесяца с крестом тысячи раз обагряли кровью мрачную чащу, суровые ущелья и зеленые склоны древних высот Тавра. Мне казалось, что я слышу, как во сне, быстрый топот

сарацинских кобылиц, несущих ночью по высокой траве своих молчаливых всадников, с копьем и щитом в руке припавших к луке седла, пожирающих пространство, чтобы на заре напасть на спящее беззащитное греческое селение, почти задержавших дыхание, чтобы не быть замеченными трапезитами, этими удивительными византийскими разведчиками. Я вижу этих несравненных наездников греческого войска, настоящих улан 1000 г., законченных в своем роде артистов этой единственной в мире войны, войны лукавства против лукавства, усердного тайного преследования, военных хитростей, постоянно обнаруживаемых и постоянно возобновляемых, поразительных обманов и дерзких поединков. Я вижу их – в латах или кольчуге под толстыми плащами – скачущих с такой уверенностью на те самые отважные разведки и смелые рекогносцировки, грозной представительницей которых в современности являлась немецкая кавалерия в войне 1870 г.

Да, это они, достойные предшественники этих улан, которые жили у нас, как мрачное олицетворение нашествия, эти неутомимые византийские трапезиты, опасную службу которых подробно описывает составитель "Тактики" Никифор Фока. Это – те же самые замечательные быстрые конные разведки среди неприятеля для получения пенных сведений. Это – то же презрение к опасности, та же спокойная отвага, та же твердая решимость вернуться во что бы то ни стало и точно донести начальнику, подарившему их своим доверием, все для него необходимое: определить силы противника, имя офицера или командующего, направление, которого он придерживается, цель, которую он себе ставит. Это – все те же искусные

усилия, направленные на получение сведений, то же применение многочисленных хитростей, тот же изобретательный гений, та же дисциплина, поддерживаемая тем же не имеющим пробелов кодексом точных и определенных правил, – дисциплина, тем более трудно достижимая в условиях этой относительно варварской эпохи. Глубоко ошибаются те, которые думают, что восточные войны того времени заключались только в беспрерывном ряде беспорядочных стычек и столкновений диких орд".

Как ни противоречит этот гимн "уланам" Византии отрицательному отзыву Иенса, все же оба по-своему правы. То, отсутствие чего замечает Иенс, а именно стратегия решительной войны, действительно отсутствует; но этим трактат вовсе не хочет заниматься, он дает нам правила пограничной, так сказать, малой войны, и в данной области этим методам ведения войны отнюдь нельзя отказать в инициативе и энергии. Настоящие войны, которые византийцы вели в X и в XI вв., не покрываются войной, подразумеваемой в данном случае. Этот трактат говорит именно только о пограничной войне, а потому нельзя делать из него выводы в отношении духа того времени.

Шлумбергер (стр. 186) говорит еще об одном, тогда еще не обнародованном сочинении, приписываемом Никифору Фоке; некоторые части этого сочинения опубликованы Гро (M. Graux). Эти части трактуют о том, что нельзя вести армию через безводную страну, что не следует брать в поход лишних едоков, и о том, что проводники и шпионы весьма полезны на войне.

Никифор Фока потребовал однажды от одного синода предписания, чтобы всем павшим на войне с мусульманами солдатам оказывались почести как мученикам. Однако, духовенство в лице патриарха Полиевкта отклонило это предложение.[173]

Примечание ко 2-му изданию. В 1917 г. в Пеште появилось новое издание "Тактики" Льва, обработанное Ф. Вари на основании новейших изысканий в области всей византийской военной литературы. Более подробные сведения об этом приведены Л. Герляндом в "D. Lit.-Zeit. ", NoNo 27–29, 1920 г.

Глава VIII

АРАБЫ[174]

Арабы, или сарацины, уже с давних пор принадлежали к варварам-всадникам, которых римляне брали к себе на службу и из которых формировали свою кавалерию. Один арабский шейх играл роль уже в походе Красса против парфян; воины, которых император Валент повел с востока против готов и которые пали под ударами германцев при Адрианополе (378 г.), – прелюдия к позднейшим боям – были арабскими всадниками.

Подобно тому, как это имело место в отношении германцев, римляне сделали однажды попытку подчинить себе и арабов. При Августе против них (в 26/25 г. до нашей эры) выступил Элий Галл, наместник Египта. Он достиг уже большого города, но вследствие голода и болезней потерпел большой урон, вследствие чего римляне уже не возобновляли в этом направлении наступательных действий.

В качестве наемников, особенно в войнах римлян и персов до и после Юстиниана, арабы, так же как германцы на Западе, были приведены в культурные страны, и, наконец, настал момент,

когда они решили захватить господство в свои руки.

Но это событие протекало у них совершенно иначе, чем у германцев.

Германцы ничего не имели и ничего не принесли с собой, кроме своей воинственности; они все еще были подлинными варварами, когда сделались господами культурного мира, большую часть которого они при этом разрушили. Среди арабов уже издавна существовало два элемента: воинственные варвары – кочевники, бедуины пустыни, и городская торговая буржуазия с некоторыми культурными наклонностями. Оба эти элемента связаны были общей национальностью, языком и единством религиозного культа, которое сознательно поощрялось умными торговцами Мекки, дабы этим удерживать и обуздывать вражду и дикость бедуинов[175]. К тому же иудаизм и христианство оказывали такое влияние, что создавали религиозное возбуждение.

Все эти элементы и направления были объединены Магометом в одно религиозно-политическое целое. Ислам – не религия, подобно христианству, а военно-политическая организация народа. Для того, чтобы довести сравнение до конца и этим самым отметить основное различие,

предположим, что Арминий одновременно был бы пророком и объединил бы под своим предводительством все германские племена.

В качестве воина, народного вождя и пророка Магомет создал из арабов такую мощь, которая появилась почти внезапно и с непреодолимой силой покорила лежавшие справа и слева соседние земли – как Сирию и Египет, принадлежавшие Риму, так и Персию, которая еще недавно с переменным успехом боролась с Римом.

В землях Римской империи, подпавших под власть германцев, церковь утверждает свое существование на древних преданиях, и, таким образом, на западе образуются два противоположные полюса – самостоятельная церковь и самостоятельное государство. В исламе церковь и государство совпадают: пророк так же, как и его преемник калиф, т.е. заместитель, является духовным владыкой и светским повелителем, глашатаем божественной воли и военным вождем. Военная сила бедуином, издавна известная и внушавшая страх во всем мире, усиливалась еще благодаря учению о рае и "кисмете" (судьбе). Таким образом, венная дисциплина поддерживалась авторитетом Аллаха. "Лучшая теология – помогать богу мечом", говорили одинаково и праведные[176] и хищные с

разбойничьими инстинктами бедуины, охотно подчиняясь духовному авторитету, который бросал им под ноги все сокровища культурного мира. К сохранившейся военной силе сынов пустыни этот дух авторитета прибавлял еще элемент дисциплины, которая стояла так высоко, что войску запрещено было употребление вина.

Одна арабская рукопись о военном деле, относящаяся, правда, к XIV в., но восходящая к старым традициям, рисует нам повиновение правоверных следующим образом (стр. 28):[177]

"Ибн Исхак рассказывает в "Военных походах": "Когда посланник божий выступил из Вадиль Кафра и услышал, что корейшиты движутся против него, то он спросил совета у своих последователей. Сперва говорил мудрые слова Абу-Бекр, за ним следовал Омар и также говорил очень хорошо. Тогда поднялся Элк-Микдад-бен-Амр и сказал: "О, посланник бога, иди туда, куда велит тебе Аллах, и мы будем вместе с тобой; мы не скажем, подобно сынам Израиля: иди ты и твое войско и сражайтесь, мы же останемся здесь, но скажем: иди ты и твой господин и сражайтесь, и мы будем сражаться сообща с вами обоими. Во имя того, кто воистину послал тебя, если бы ты пожелал с нами вместе пойти на Бирк эль-Гимад, мы сражались бы на

твоей стороне, пока ты им не овладеешь". Посланник бога ответил ему: "хорошо сказано" и благословил его. Затем он обернулся и изрек: "Дайте и вы мне свой совет", он имел в виду анкаров (перешедших на сторону Магомета мекканцев), ибо их было значительное число; тогда сказал Саид бен-Мунадс: "Кажется, посланник бога, что ты обращаешься к нам". "Так оно и есть", отвечал он, и Саид продолжал: "Мы верим в тебя, признали тебя действительно праведным и считали правдой все, чему ты нас учил; в этом мы принесли тебе клятву и подтвердили, что мы хотим слушаться и повиноваться. Так иди же теперь, о посланник божий, куда тебе велит Аллах, мы будем с тобой; клянемся тем, который тебя действительно послал, что если бы ты пожелал вместе с нами переправиться через это море, мы бросились бы вместе с тобой, и ни один из нас не уклонился бы; мы ничего не имеем против, если ты завтра вместе с нами хочешь встретиться с нашим врагом; мы безусловно стойки в войне и надежны в бою, – может быть, Аллах укажет тебе в нашем лице то, что будет радовать твой глаз; так следуй же вместе с нами с божьим благословением". Посланник бога возрадовался речам Сайда, был полон воодушевления и затем сказал: "Вперед, объявите

радостную весть, ибо бог мне обещал одно из двух отделений. Клянусь, мне кажется, будто я вижу этих людей уже сраженными". Омар сказал: "Клянусь тем, в чьих руках моя жизнь, они не преминут сразить их".

До Магомета арабы, подобно германцам, были раздроблены на многочисленные племена – даже в большей степени, чем германцы, поскольку вследствие образования городов создались социально противоположные сословия. Все эти племена и сословия пророк при помощи своей системы соединил в одно замкнутое целое и создал этим не только внутреннюю силу, но также и большую сплоченно действующую массу. Германские племена никогда не выступали сплоченно, и мы знаем, что войска готов, бургундов и вандалов, которые пересекли Римскую империю, были весьма малочисленными. Арабское государство, подобно Германии, также было слабо населено, но все племена и сословия этой обширной страны были теперь объединены в одну сомкнутую военную силу под одной властью. В 630 г. сам Магомет будто бы собрал 30 000[178] воинов для похода против Византийской империи, но на границе поход был приостановлен и не имел никаких последствий. Халид, главнокомандующий Абу-Бекра, выступил

против Персии с войском в 18 000 человек[179]. В 636 г. в сражении на мосту, где арабы были разбиты персами, они, якобы, располагали войском всего в 10 000 человек[180]; точно так же и в решительном сражении при Кадезии (637 г.), где они разбили персов, "в самом древнем и достоверном источнике"[181] указано только 9 000–10 000 воинов, а в последовавшем вскоре после этого сражении при Джабуле – 12 000 воинов[182]. Судя по численности войск, с которой мы познакомились в период войн Юстиниана, эти данные не кажутся невозможными. Они не опровергаются также и тем, что в дележе добычи, полученной при Ктесифоне, участвовало 60 000 воинов. После сражения при Кадезии прибыли еще подкрепления; но прежде всего должно возникнуть подозрение, что начальники, заявляя о притязаниях своих отрядов, в значительной мере перешли границы правды. На основании того, что известно о немецких полковниках ландскнехтов XVI и XVII вв., вполне можно допустить преувеличение в 3 и 4 раза со стороны чрезвычайно алчных к деньгам бедуинов. Тем не менее могло также быть, как полагают новейшие исследователи, что войска, побежденные персами, насчитывали больше чем 10 000–12 000 человек; в особенности же надо иметь в виду, что это были

не все силы мусульман, оперировавшие вне страны, но что одновременно такое же, а возможно еще большее войско сражалось в Сирии против греков. В сражении при Адшнадейне (634 г.), несколько южнее Иерусалима, где они впервые одержали победу над греками, арабы по безусловно неточному подсчету насчитывали от 25 000 до 30 000 человек[183]. Для достижения безусловного превосходства арабы из армии, оперировавшей против персов на Евфрате, перебросили сюда еще 3 000 всадников, которые двинулись через пустыню, таща с собою воду. Если эти данные и преувеличены несколько, то все же обстоятельство, что эти 3 000 всадников приведены были из столь отдаленного от сражения места, говорит против слишком большого числа, – греческое государство давно уже было не в состоянии выставить хотя бы приблизительно такое войско. Вспомним, что Юстиниан Велизарий мог выступить против вандалов и готов с 15 000 человек только потому, что он уже давно заключил мир с персами. Арабские источники неоднократно повествуют о значительном превосходстве греческих и персидских войск, о сотнях тысяч, которые были побеждены и пали от меча правоверных[184], подобно тому как некогда древние греки

повествовали о персидском войске, которое победили Мильтиад, Павзаний и Александр. В действительности же как здесь, так и там превосходство сил было на стороне победителя.

Калифы, благодаря подчинению себе различных воинственных племен пустыни, имели в своем распоряжении неистощимый запас воинов и могли отправлять одновременно во все стороны войска, превосходившие численностью противника. Это были не только наемники, которые сейчас же поднимали мятеж, если им во-время не было уплачено, но воины, которые в качестве ратников божьих переносили временами нужды и лишения, чтобы затем вскоре находить в завоеванных странах более чем достаточную компенсацию. Так, они способны были совершить переход через пустыню Триполи[185], чтобы завоевать Карфаген, весь север Африки, наконец – Испанию и лишь на Луаре найти своего начальника. Цифры в 20 000 и тем более 40 000 воинов, которые якобы завоевали Северную Африку, безусловно преувеличены: такое количество нельзя было бы прокормить во время этого невероятного перехода через Триполи, и даже четвертая часть была бы достаточна для выполнения этого задания. Но в то самое время, когда ислам появился на Западе у Геркулесовых

столпов, он по следам Александра проник до Туркестана и Индии и с большим трудом от него отбилась сама Византия.

Победители, подобно готам и вандалам в Италии, Испании и Африке расселились в завоеванных землях в качестве господствующего военного сословия.

Представляя собою уже строго упорядоченную политическую организацию, они в такой же мере разорили покоренный ими культурный мир, как германцы. Хозяйственная жизнь страны после небольшого перерыва вновь входит в старую колею; страна не возвращается к натуральному хозяйству, как это было на Западе, а устанавливает новый государственный строй на той основе, что неправоверные подданные должны платить подати для содержания господствующего военного сословия.

Германское военное сословие должно было рассеяться по всей стране, чтобы жить за счет натуральной повинности жителей, что в конце концов облекалось в форму ленных отношений, в форму феодальной системы. Арабское военное сословие, поскольку культура и вместе с ней денежное хозяйство не были разрушены окончательно, могло существовать за счет налогов и выплаты жалованья и потому не должно было

так сильно рассеиваться по стране. Часть завоевателей оставалась нераспыленной в крупных военных колониях, в частности – в Куфе и Бассоре, ставших городами.

Однако, как мы видим на примере вандалов и вестготов, военное сословие, основанное на родовом признаке и питающееся семейными преданиями, не может сохраняться надолго. У германцев оно исчезает тем скорее, чем больше они сливаются в одно целое с побежденными, как члены одной церкви. У арабов оно просуществовало несколько дольше, ибо покоренные народы в большинстве сохранили свою религию; господствующее сословие в большей мере сознавало свою обособленность, а потому и свою воинственность, единый же духовно-светский авторитет власти калифа удерживал правоверных в рамках старого быта. Но по прошествии 200 лет принесенная с собою из пустыни сила все же была растрачена и истреблена. Искусственно слитые элементы военного начала и религии, уже со смерти Магомета находившиеся в конфликте, стремились отделиться друг от друга. Калифату недостает твердого принципа наследственности: теократия по своей природе не наследственна. Крупная династия Омайядов, которая берет верх после

убийства зятя пророка – Али – и его сыновей, внуков пророка, является в значительной мере представительницей воинственного бедуинского элемента, а следующая за ней династия Аббасидов (с 750 г.) представительницей религиозного элемента. Обе династии можно было бы сравнить с почти исключительно воинственными Меровингами и с внутренне близко стоящими к церкви Каролингами. Так же быстро, как и под властью потомства Карла Великого, распалось государство калифов под властью потомков Гарун-Аль-Рашида, Аббасида. Место правоверных занимают банды наемников (с начала IX в.). Особенно сельджукские турки, воспринимая учение пророка, поставляют теперь воинов, а вскоре их эмиры и военачальники сами делаются господами, оставляя Багдадскому калифату только представительство духовной власти. Крупные владения – Испания, Египет – также отделяются от Багдадского калифата и становятся самостоятельными калифатами.

Таким образом, на Востоке образуется положение, очень схожее с положением на Западе. Естественное разделение духовной и светской власти укрепилось, вопреки учению пророка, также и в исламе. Сельджукские султаны – такие же светские властители, как короли Западной

Европы, так же опирающиеся на свое военное сословие, как европейские короли – на рыцарство, с той лишь разницей, что принципы их в основе своей совершенно различны. Однако непосредственной заметной разницы между такими властителями, как Фридрих Барбаросса и Саладин, как заметил уже Ранке, нет. С точки зрения чисто военной следует как арабских, так и сельджукских воинов называть просто рыцарями, которые в силу своеобразной связи религии и военного начала в исламе находились еще несколько больше в руках своих вождей, чем на Западе.

Сильнейшим показателем римской дисциплины мы признали то обстоятельство, что полководцы после утомительного похода все еще могли требовать от солдат обнесения лагеря окопами. Уже цитированный нами арабский автор требует того же самого (стр. 13): "Как только разбит лагерь, эмир прежде всего повелевает в тот же день без отлагательства и задержки прорыть ров; этот ров служит для прикрытия армии, препятствует дезертирству, предотвращает попытки нападения и предохраняет против других опасностей, которые могут возникнуть благодаря хитрости противника и всяким неожиданным событиям".

Я сомневаюсь, чтобы это предписание действительно проводилось в арабской армии; во всяком случае оно проводилось не так систематически, как у римлян. Воины были преимущественно конными одиночными бойцами. Власть вождя и сущность дисциплины ни в коем случае не были таковы, чтобы способствовать образованию сплоченных тактических единиц. Это напоминает предписание германского короля Генриха I по поводу сплоченности конной атаки, когда пророк (Sure, 61, 4) говорит: "Бог любит тех, которые бьются во имя его в таком боевом порядке, как если бы они были одним крепко слитым зданием"[186], или когда Халид перед сражением при Гиеромаксе (636 г.) держит речь своим воинам, в которой он повелевает: "Не сражайтесь врозь против народа (греков), который выступает против вас стройными отрядами"[187].

Император Лев ("Тактика", XVIII, § 49, 50) рисует турок в панцирях, на бронированных конях, сражающимися попеременно копьями, мечами и стрелами, а в арабском сочинении о военном деле говорится:

"Вооружение состоит из крепкого, прочного панциря, не слишком тяжелого, но и не слишком легкого, из шлема, плотно прилегающей под

шлемом шапки, двух наручей, двух поножей и двух набедренников. Лошадь к наступлению должна иметь крепкие подковы, сильную грудь, сильную переднюю часть, шею и круп. Снаряжение в бою состоит из двух крепких и мощных луков, 30 стрел с прямыми отточенными наконечниками, твердым древком и железными крыльями, из колчана не слишком большого размера, который не был бы обременителен и не отвлекал бы внимания, но и не слишком малого, который не вмещал бы всех стрел и не отвечал бы своему назначению; из крепких длинных кожаных полос с крепкими швами и завязками из настоящей кожи, из сумки для колчана на крепких шнурах, из крепкого копья с целым древком, совершенно прямым, не слишком длинным, но и не слишком коротким, чтобы выполнить свое назначение, с наконечником из лучшего железа, со многими острыми, исключительно твердыми лезвиями, с пронизывающим насквозь острием; из прямого метательного диска; из острого, надежного, из чистого железа, меча – отлично поражающего, или короткого, удобного, острого, или обоюдоострого с заостренным концом ножа; из крепкой боевой палицы, которая своей тяжестью не обессиливает сражающегося и в то же время не вводит его в заблуждение своей

легковесностью, чтобы он мог нанести ею сильный сокрушительный удар, или обоюдоострого топора с крепким топорищем, одним ударом которого можно расколоть крепкое оружие; из 30 камней в двух сумках, справа и слева свисающих с седла. Вот в чем состоит полное вооружение готового к бою всадника, и если у него чего-либо из этого недостает, то он не вполне вооружен".

Последнее замечание, что воин, не имеющий всего перечисленного выше оружия, недостаточно вооружен, следует рассматривать как доктринерское преувеличение автора. Это вытекает не только из природы вещей, но и из последующих замечаний самого автора. Непосредственно перед цитируемым абзацем он предписывает, чтобы вооруженные полностью были поставлены в первую шеренгу, менее хорошо вооруженные – во вторую и так дальше, до пятой шеренги. Таким образом, сам автор полагает, что большинство воинов имеет далеко не полное вооружение, а потому в дальнейшем он и подразделяет солдат сообразно их снаряжению на различные роды оружия: 1) всадник с длинным копьем, 2) всадник с метательным копьем, 3) всадник со стрелами и луком и 4) всадник, вооруженный полностью.

Главным отличием от Запада является гораздо более распространенное употребление лука и стрел, что вряд ли совместимо с действительно тяжелым вооружением. Тяжелое вооружение не только мешает применению лука, но требует также сильной лошади, которая, если она к тому же и сама покрыта броней, не может быть очень быстроходной. Если же лошадь не быстра, то, значит, стрелок не может с уверенностью уклониться от рукопашного боя до тех пор, пока он его не пожелает, и поэтому дальнобойное оружие почти не дает ему преимущества. То, что у Льва является одним родом войск, скоро (если так уж не было издавна) распадается на 2 рода войск: на воинов, закованных в латы, сражающихся врукопашную на бронированных конях, и на легковооруженных стрелков на легких и быстрых лошадях.

Очевидно, в силу древней традиции азиаты, преимущественно степные народы, издавна тщательно культивировали этот особый вид войска – конных стрелков. Узнав об этом, крестоносцы ввели его у себя и даже название, которое они ему дали, – "Туркополы", – перенесли в страну немецкого ордена, Пруссию.

Фундаментального различия между военным делом Запада и Востока в этом все же нельзя

усматривать; здесь мы имеем дело только с известной традицией. Когда западноевропейские рыцари устраивали в святой земле турниры, очевидно, случалось, что поблизости появлялись мусульманские рыцари, которых, в конце концов, приглашали принять участие в турнире. Общие турниры – достаточный показатель того, что вооружение, методы и приемы борьбы были очень сходны у обеих сторон. Рассказы о крестовых походах выявляют и другие черты, которые при всем религиозном и расовом антагонизме все же свидетельствуют об известной однородности классовых воззрений христианских и мусульманских рыцарей. Ричард Львиное Сердце опоясал мечом в вербное воскресенье 1192 г. при Акконе сына Сейфеддина. Сейфеддин, сын Саладина, послал во время сражения при Яффе (5 августа 1192 г.) королю Ричарду, направлявшемуся пешком к полю сражения, двух боевых коней, которых он с благодарностью принял и использовал. Христиане и мусульмане вступали даже в ленные отношения между собою.

СИФИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
6 и 27 июля 657 г.

После убийства третьего калифа – Османа – на престол калифа призван был Али, муж дочери Магомета, Фатимы. Это был кандидат правоверных и

представитель наследственного права. Но почему же преемник пророка должен был произойти именно из его рода? Аллах ведь мог выбрать своим орудием также и другого. Против Али восстал Моавия – Омайяд, командовавший войсками в Сирин, представитель диких, воинственных бедуинов. Казалось, что не было иного исхода, как решить дело оружием. Али опирался, главным образом, на завоевателей, поселившихся в Ираке в долине Евфрата и Тигра. Столицей его была военная колония Куфа. Резиденцией Моавии был Дамаск. Они встретились в Сифине на Евфрате и выстроились таким образом, что всюду друг против друга боролись воины из одних и тех же родовых племен: бассорские асды против сирийских асдов, куфские хатхамы против сирийских хатхамов. Сам Али, окруженный примкнувшими к нему мединцами, командовал центром.

Это сражение Август Мюллер, по дошедшим документам, описывает следующим образом (стр. 321): "Силы обеих сторон во всяком случае не представляли большой разницы: против 70-тысячной конницы Али выставлено было не больше 80 000 сирийцев. Но они были равны также и в том отношении, что каждая из этих армий могла похвалиться отборным отрядом: избранная часть войска Моавии торжественно поклялась ему победить или умереть, а среди куфийцев имелась группа ревностных правоверных, за непрерывное изучение корана прозванных "чтецами", вообще и ранее державшихся вместе, а теперь тремя группами (Haufen), собравшихся вокруг Ибн-Будейля, Кейса Ибн-Саада и престарелого Аммара Ибн-Ясира, – все люди решительной воли, и среди них некоторые из

убийц калифа, с удвоенной силой перенесшие свою ненависть к Осману на Моавию. Ибн-Будейль открыл сражение сильным ударом на левое крыло сирийцев: ему удалось оттеснить Хабила и пробиться со своими "чтецами" до самого центра неприятельской армии, почти до шатра Моавии. Но здесь их встретили союзники и принудили к отступлению, а высланные Али из центра для подкрепления мединцы, на этот раз не особенно отличившиеся, также не сумели удержаться. Между тем на левом фланге иранцев тоже не все было благополучно: там южные арабы Ибн-Джиль-Калы добились серьезных успехов, так как лишь благодаря своей храбрости там удержалось несколько человек, принадлежавших к племени Рабиа. Тогда Али сам вступил в бой, собрал беглецов и возобновил сражение; на правый фланг он послал Малика с его конницей, которому также удалось установить начинавшееся бегство и спасти Ибн-Будейля, находившегося вместе со своими "чтецами" в большой опасности. Теперь на правом фланге снова продвинулись вперед: при возобновлении атаки пал Ибн-Будейль, который мчался, "как тур", впереди своего войска, но Малик тотчас же взял командование на себя и сумел оттеснить союзников до шатра Моавии. Уже четыре ряда храбрых воинов были ими опрокинуты; тогда Моавия велел подать своего коня и уже готовился бежать, как случайно ему вспомнилось старое мужественное изречение, настолько пробудившее в нем чувство чести, что он остался. Аммар наблюдал за ним. Союзники оказались на высоте. Еще один раз отряду "чтецов" под командой Аммара удалось близко подойти с другой стороны. "Вот где ты, Аммар. Ты

продал свою совесть за Египет, пусть же это принесет тебе погибель", – крикнул врагу приверженец пророка, который, несмотря на свой старческий возраст, сражался, как лев; но даже ценою его жизни победа не была решена. Жестокое сражение продолжалось. И не видно было конца. Тогда Али, издали увидевший Моавию, крикнул своему противнику: "Зачем мы допускаем, чтобы люди из-за нас убивали друг друга? Вызываю тебя на суд божий: кто из нас двух останется в живых, тому пусть достанется царство". Аммар уговаривал Моавию принять вызов, но последний отказался. "Ведь ты знаешь, – сказал он, – что еще не было такого человека, которого бы он не убил в поединке". И когда Аммар заметил, что уклониться было бы не совсем прилично, он с досадой набросился на него: "Тебе вероятно хочется царствовать вместо меня".

В самом деле храбрость и уменье владеть оружием Али были слишком известны, чтобы Моавия мог ожидать благоприятного исхода такого поединка. Едва ли можно поставить ему в вину стремление избегнуть неравного единоборства. Даже наступившая ночь не прекратила боя. Он не прекращался в разных местах поля сражения до самого утра. Для победителей при Кадезии это была вторая ночь сражения. Наконец, на утро третьего дня (10 Сафара – 28 января 657 г.) казалось, что исход сражения близок. Малик, получивший, между тем, командование на правом фланге, собрал всю имевшуюся в его распоряжении конницу для последней большой атаки. Он отбросил стоявших против него сирийцев далеко назад, до самого их лагеря. В центре Али, использовавший победоносное

продвижение своего лейтенанта, потеснил своей пехотой Моавию, которому грозила величайшая опасность после обращения в бегство его левого крыла быть окруженным с обеих сторон. Но "война – обман", как говорил уже пророк. Возможно, что и на этот случай уже заранее подготовлена была одна из недостойных комедий мировой истории, придуманная опять-таки Аммаром. На копьях держали столько книг Корана, сколько можно было их собрать, и, показывая их иракцам, крикнули им: "Здесь, в божьем слове, надо искать разрешение спора между правоверными, а отнюдь не в обоюдном истреблении: необходимо прервать сражение и назначить третейский суд, который, по слову высшего судьи, разберет требование Али и Моавии и уладит все". Как ни смешно было такое предложение в момент решенной уже победы, как ни напрашивалось возражение, отчего такое предложение не было сделано до кровопролития, оно все же возымело свое действие. Авторитет, которым пользовалось священное писание среди действительно набожных мусульман, был настолько силен, что мысль найти разрешение в этом непогрешимом источнике должна была во всяком случае произвести на них сильное впечатление. К этому прибавилось, что "чтецы" были не только ревностными правоверными, но и проникнуты были издавна свойственным арабам стремлением к независимости; для их демократического сознания мысль, что лучшие знатоки божественного откровения в качестве представителей общины разрешают вопрос о самом калифате, была весьма привлекательна. Поэтому они прекратили сражение. Их примеру последовало большое число Других, хотя, быть может,

по мотивам совершенно иного характера: это были изменники, которые во время перемирия прислушивались к нашептыванию подосланных Моавией и, возможно, даже взяла на себя эту постыдную роль. Во главе их стоял не кто иной, как Киндит Эль-Ашат Ибн-Кеис, предатель своего собственного народа. Он никогда не мог простить правоверным мединцам, что они лишили его южноаравийского королевства, и теперь он был рад случаю помочь лишить их плодов их победы и насладиться, хотя бы и поздней, местью. Он взял на себя роль парламентера и настаивал, чтобы Али немедленно отозвал Аштара, продолжавшего бороться на другом фронте, а его самого послал к Моавии для заключения договора о третейском суде. Напрасно калиф с первого же момента указал "чтецам" на то, что такие люди, как Моавия, Аммар, Ибн-Аби-Сарх и их товарищи, в достаточной степени известны как враги веры и самого корана, чтобы не увидеть в их предложении чистого обмана. Слепые фанатики и толпа изменников угрожающе обступили его; уже раздавались крики, что если он будет дальше медлить, то его постигнет судьба Османа, и он вынужден был решиться отправить посланного к Малику.

Смелый вождь был вне себя и хотел отказать в повиновении; он уступил с тяжелым сердцем лишь тогда, когда ему стали угрожать, что если он не прекратит сражения, то Али будет убит. Завидев "чтецов", он набросился на них за их бессмысленный поступок и утверждал, что победа уже решена, пусть они дадут ему возможность на самый короткий срок вернуться к своему войску, и безбожные, не имеющие ничего общего с кораном, будут окончательно

разгромлены. Напрасно, – под влиянием изменников, укрепившись в своем благочестивом упорстве, они остались при своем решении, и Али, отделенный толпами неповиновавшихся от своих личных приверженцев, при всей своей испытанной неустрашимости во время сражения испугался угрозы быть убитым и, будучи как всегда, к сожалению, нерешительным, дал себя уговорить послать Ашата к сирийцам, т.е. погубить себя и дело".

Против такого описания сражения и его прекращения, приведшего, в конце концов, к гибели Али, новейшая критика, насколько мне известно, возражает только в том отношении, что она не верит в импровизацию демонстрации с коранами, а подозревает хорошо подготовленную измену. Против этого взгляда высказался Вельгаузен (Wellhausen) в своей работе "О религиозно-политических оппозиционных партиях в древнем исламе", в которой он доказывает, что история эта не так уж неправдоподобна. У благочестивых приверженцев Али по достаточно веским причинам возникли сомнения, действительно ли право находится на его стороне, действительно ли он является настоящим калифом. В обеих армиях осознали всю бессмысленность взаимного истребления правоверных; вспомним о том, как позже франки при Людовике Благочестивом и его сыновьях страшились допустить до настоящего кровопролития между собой. Вельгаузен приходит поэтому к заключению, что когда сирийская армия несла впереди себя коран, прикрепленный к копью в виде знамени, то этот призыв к святая святых, общий для обеих партий, вполне возможно, утвердил уже и до того имевшееся в

войске Али сознание, что и на вражеской стороне находятся приверженцы пророка, и Али вынужден был пойти на перемирие.

Аргументация Вельгаузена кажется мне убедительной и в деталях, но она требует дополнения в военном отношении. Те, которые отказывались принять на веру предание, правы в том отношении, что совершенно невероятно, чтобы в самом разгаре сражения несколько человек могли произвести такое сильное впечатление только тем, что привязали к своим копьям коран, – разве только, если все это дело было условлено и демонстрация служила лишь сигналом для его выполнения. Меньше же всего это кажется возможным, если предположить, как Мюллер, такую колоссальную численность армии. 70 000–80 000 человек на каждой стороне, большей частью конных, занимают (если предположить, что такие цифры вообще возможны) такое большое пространство и производят такой чудовищный шум, что столковаться при этих условиях во время сражения невозможно. Даже гораздо меньшей армией, – предположим, 10 000–12 000 человек с каждой стороны, – раз она вступила в бой, невозможно управлять; ее нельзя уже обуздать и вернуть назад. Такая возможность совершенно исключена.

Если мы ближе рассмотрим описание сражения, то мы вскоре убедимся в его совершенно легендарном характере. Я лично не верю ни одному его слову.

Итак, эти армии начали сражаться отнюдь не немедленно после соприкосновения друг с другом, а стояли друг против друга полных 2 месяца, занимаясь маневрированием и мелкими стычками. Это прежде всего доказывает, что армии не были так велики, –

иначе, держа их на месте в продолжении такого долгого времени, нельзя было бы их снабжать продовольствием. Но надо пойти еще дальше и отвергнуть все описание сражения как совершенную выдумку и приукрашивание событий. Уже при своем выступлении армии были преисполнены желанием по возможности избегнуть обоюдного истребления и потому не допустили настоящего большого сражения; если бы оно имело место, невозможно было бы внезапно прекратить его описанным способом. История знает, как мелкие бои раздувались преданиями в грандиозные сражения.

С этой поправкой, и только с ней, становится приемлемым взгляд Вельгаузена на борьбу мусульманских партий и гибель Али; не во время сражения, а во время демонстрации, которая производилась войсками, свита Моавии привязала экземпляры корана к своим копьям, чтобы показать этим, что и они правоверные. Это так и было понято на противной стороне, вечером в шатрах подверглось обсуждению и дало перевес приверженцам мирного соглашения; следовательно, прямой измены здесь вовсе не приходится подозревать.

Глава IX

ОБЩИЙ ОБЗОР КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Включить крестовые походы в наш труд не так-то легко. Во многом они представляют собою одно военно-историческое целое, в том смысле, что одни и те же, такие же или очень схожие элементы беспрерывно борются между собою. Но, с другой стороны, эти крестовые походы простираются на столь долгий период (в течение которого, к тому же, происходят значительные изменения), что есть смысл разбить исследование как по времени, так и по существу. Своеобразие обстоятельств, при которых людям Запада пришлось воевать на Востоке, и своеобразие их противников – все это, естественно, вызвало своеобразные и новые явления у них самих. Поскольку мы именно в XII и XIII вв. наблюдаем значительные изменения в военном деле Запада и поскольку эти изменения родственны некоторым явлениям крестовых походов, постольку, естественно, возникает вопрос: имеем ли мы здесь причинную связь, т.е. произошли ли эти изменения вследствие крестовых походов, или же здесь налицо только параллельные явления, а

значит крестовые походы зависели от событий, развернувшихся на Западе. Некоторое влияние на положение дел на Западе крестовые походы, несомненно, имели, но только в том отношении, что они ускорили и усилили естественную эволюцию. Поэтому я считаю наиболее правильным поместить рассмотрение военного момента крестовых походов в узком смысле слова в следующей части, а здесь охватить только важнейшие интересующие нас черты этого грандиозного движения.

Отличительной чертой средневековья является строительство феодального государства со ступенеобразным разделением государственной власти, но прежде всего – существовавшая над этими слабыми государствами и вмешивавшаяся в их дело общая церковь. Романо-германское средневековье правильнее всего рассматривать не как ряд государств – германское, французское, английское и другие, а – по выражению Ранке – как одно церковное универсальное государство, внутри которого образуются отдельные королевства, более или менее связанные между собою.

Крестовые походы явились следствием вражды с исламом церкви, объединявшей англичан, французов, испанцев, шведов, датчан,

германцев и итальянцев. Эти походы, предпринятые – о чем говорит их происхождение – не из рационально-политических побуждений, а вследствие религиозного порыва, были направлены на завоевания маленького участка земли посреди магометанского мира – "обетованной земли".

Так как война является орудием политики и так как ведение войны в конечном результате зависит от ее политических целей, то религиозная основа крестовых походов в корне исключает рациональную стратегию. Если бы Запад употребил хотя бы только часть тех колоссальных сил, которые поглотили Палестину, на овладение соседних областей, он безусловно достиг бы длительных успехов. Когда Фридрих Барбаросса спустился вниз по Дунаю, греческий император, государство которого было уже наполнено латинскими элементами, стал опасаться, что крестовое войско хочет овладеть Константинополем, а сербы, валахи и болгары изъявили готовность отделиться от Греческой империи и подчиниться римскому императору. "О если бы Гогенштауфен обратил на это внимание", замечает Ранке по этому поводу. Его сын, Генрих IV умер, прежде чем сумел направить политику в эту сторону, а может быть, уже не

располагал теми силами, которые имел его отец.

Но нам не нужно вовсе углубляться в такие возможности; нам достаточно уяснить себе всю стратегическую абсурдность основной идеи крестовых походов и генезис ее. Мистически-трансцендентальное движение человечества способно развернуть невероятную силу, но направить эту силу на что-либо практическое, земное ему не дано, и силы тратятся бесплодно.

Обет крестоносцев обязывал их освободить священный фоб, но не обязывал к длительному пребыванию в Палестине и к защите ее. Правда, незначительное число их оставалось там, так как крестовые походы являются в то же время и колонизацией, но окруженные магометанами, разбросанные от Эдессы (Урфы) до Иерусалима, они в состоянии были утверждать свое господство только тогда, когда время от времени новое войско с Запада совершало этот бесконечный поход и по прибытии давало временное подкрепление.

Как в отношении численности легионов Цезаря в Галлии и войск во времена Великого переселения народов, так и в отношении численности крестовых войск, все вновь и вновь в течение 175 лет посылаемых Западом на

Иерусалим, имеются две друг друга исключающие группы утверждений: одни говорят, что войска были 100-тысячные, другие – что боевые действия в священной стране велись немногими тысячами, а иногда даже сотнями рыцарей. Hans Jahn в результате систематического исследования этого вопроса пришел к выводу, соответствующему нашим выводам относительно других армий средневековья, что и крестовые войска были весьма малочисленными[188]. Когда Генрих фон-Зибель выпустил в 1881 г. 2-е издание своего труда "История первого крестового похода", то он еще не знал, как объяснить цифры, сообщенные в источниках, и просто поместил их в своем труде, не ручаясь за их достоверность. Источники, относящиеся к первому крестовому походу, рассказывают о 100 000 loricis et galeis muniti и об общем числе в 600 000 ad bellum valentium подле бесчисленных невооруженных (Фульхер) или 300 000 pugnatorum (Эккегарт). Ордерик говорит, что при отправлении из Антиохии было еще 150 000 воинов (bellatorum). Уже тогда мне бросилось в глаза, что перед сражением при Дорилэе все это колоссальное войско в течение одного дня перешло через мост и успело вдобавок сделать еще целый переход. В одной из статей в "Историческом журнале" 1882 г. (т. 47, стр. 423) я

вычислил, что при учете всех обстоятельств максимально мыслимое количество войск было – 105 000 человек, из которых только 15 000 человек настоящих воинов. Для осторожности я добавил, что такое максимальное исчисление не исключает возможности того, что это войско пилигримов состояло только из 60 000 человек, в том числе 10 000 в полном вооружении. Но не может быть никакого сомнения, что и эти цифры – 60 000 и даже 10 000 – слишком велики.

В Марбургской диссертации "Die Gefechtsfьhrung abendlдndischer Heere im Orient in der Epoche des ersten Kreuzzuges" Отто Геермана (1887 г.) приведена сводка (стр. 102), из которой видно, что по источникам максимальное число конных воинов, принимавших участие в одном сражении в Палестине, было 1 200 человек, а пеших – 9 000 человек (при Аскалоне, 12 августа 1099 г.). По окончании самого похода христианская армия уменьшилась до 260 конных и 900 пеших, да и те были собраны с большим трудом. Три раза упоминаются 700 конных, один раз – 1 100; пешие – 2 000 и 3 000. Один раз общая численность войска выражается в 8 000 человек (при Асдоде в 1123 г.), но и в отношении этого числа я не уверен, нет ли и здесь сильного преувеличения.

На основании этих цифр отпадают, конечно, все те сотни тысяч, о которых мы слышали раньше, так же как и сотни тысяч галлов, преподносимых нам Цезарем в его замечании об Эбуронах (см. т. I). Если для того, чтобы удержаться на священной земле, достаточно было нескольких сот рыцарей, то в завоевании ее участвовали только немногие тысячи. Эти немногие тысячи находятся в полном соответствии с армиями эпохи переселения народов, с армиями Карла Великого, армиями норманнов, разоривших при помощи этих армий Европу и оккупировавших в конце концов область нижнего течения Сены, Англию и Неаполь. Малочисленность христианских войск соответствует также характеру противной стороны – как Византии, сделавшейся невоинственной, так и Калифата, где арабы давно утратили свою прежнюю военную силу, калифы превратились в духовных статистов, а власть очутилась в руках турецких главарей, чьи отряды воинов образовали такое же небольшое сословие над невоинственной массой населения, как рыцари в Западной Европе. Все эти огромные войска неверных, о которых говорят христианские писатели, являются продуктом фантазии, питаемой жаждой самовосхваления, так же как огромные войска

христианских пилигримов являются продуктом фантазии, питаемой религиозным энтузиазмом.

Христианские воины поселились в Палестине в таком незначительном числе, что в те времена, когда не было нового крестового похода, мусульмане Сирии и Египта брали верх, и если бы делу христиан не пришла на помощь особая организация рыцарских орденов, храмовников и иоаннитов, а позже и немецких рыцарей, то они не смогли бы так долго удержаться в Палестине. Светские рыцари, как гласит предисловие к уставу ордена тамплиеров, занимались только грабежом, разбоем и убийствами, между тем как рыцари ордена храмовников, основанного в 1118 г. Гугоном Пайенским, желали служить церкви и справедливости и принести свои души в приятную жертву богу для распространения правой веры. Бернар Клервосский, участвовавший в создании ордена, так описывает своих рыцарей (в 1125 г.):[189] "Они скромны как дома, так и на поле сражения, и послушание высоко ценится у них. Они приходят и уходят по знаку наставника; они надевают ту одежду, которую он дает им, и ни от кого другого не принимают ни платья, ни пищи. Они избегают излишеств как в том, так и в другом, и заботятся только об удовлетворении скромной потребности. Живут они в согласии и в

воздержании, без жен и детей, и, чтобы не было ущерба евангельскому совершенству, без имущества, в едином доме единого духа, стремясь к миру и согласию, – так что кажется, что во всех бьется одно сердце и живет одна душа. Никогда не сидят они без дела и никогда не блуждают с любопытством вокруг. Когда они отдыхают от боев с неверными, что случается редко, то, чтобы не есть даром свой хлеб, они чинят свои поврежденные или износившиеся платья и оружие. К игре в шахматы и в шашки они питают отвращение, а к охоте на зверей не расположены, так же как и к излюбленной другими охоте на птиц. Они ненавидят скоморохов, уличных певцов, всякое похотливое пение и всяких артистов, равно как суету и глупость света. В сражение они вступают не стремительно и не безрассудно, а с осторожностью и осмотрительностью, как настоящие сыны Израиля. Но как только начинается бой, они бесстрашно бросаются на противников, презирая их как овец; и не знают никакой боязни, как бы мало ни было их, уповая на помощь бога Саваофа. Поэтому часто один рыцарь обращал в бегство целую тысячу, а двое – десять тысяч. Таким образом, они в одно и то же время кротче ягнят и лютее льва, так что колеблешься – назвать ли их

монахами или рыцарями. Но они заслуживают обоих названий, так как наделены и смирением монахов и мужеством рыцарей".

Из этой идеальной картины можно при реалистическом рассмотрении вычеркнуть сколько угодно, и все же организация рыцарей в форме монашеских орденов с их обетами представляет собою импозантное явление; хотя в специфически военном смысле они прогресса и не представляли, все же нам неоднократно придется ссылаться на них и заниматься ими[190].

Примечания

1 "Lex Ripuaria", XXXVI, 11, M. G., LL, V, стр. 231.

2 Одна корова приравнивается к 1 солиду. Встречающаяся в одной из рукописей оценка в "3 солида" явно неправильна, ибо вол оценивается в 2 солида, а кобылица в 3 солида. В одном из капитуляриев Людовика Благочестивого от 829 г. встречается оценка коровы в 2 солида.

3 Примечание ко 2-му изд. – Хозяйственной основой военной организации времен Каролингов служило, как указано в т. II, натуральное хозяйство. Недавно Альфонс Допш (Alfons Dopsch) в своем труде "Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit", а именно в т. II, § 12, пытался доказать ошибочность общепринятого представления об этом натуральном хозяйстве и утверждал, что наряду с ним существовало более или менее развитое денежное хозяйство. Он считает, что различие между древними и средними веками как в этом отношении, так и вообще сильно преувеличивается. С этим

взглядом я согласиться не могу и в результате моих исследований об изменениях военной организации вижу, наоборот, новое подтверждение установившегося взгляда. Превращение римского легионера в средневекового рыцаря немыслимо без перехода денежного хозяйства древности в натуральное. См. мою рецензию на труд Допша в "Deutsche Politik". 1921, кн. 26, стр. 620. "Rцmertum und Germanentum".

4 Plebs urbana в эпоху Меровингов считался не вполне свободным сословием. "Нельзя с уверенностью определить, в чем выразилось ограничение их свободы в правовом отношении", говорит Бруннер (Brunner) в "Deutsche Rechtsgeschichte", I, 253. Не подлежит сомнению, что речь идет о разнице между воином и не-воином. У Брукнера эта разница недостаточно четко проведена: он так же, как и Рот (Roth), убежден, что существовала всеобщая воинская повинность. По Capitular Mon. Germ., Capitularia Reg. Franc., ed. Boretius, I, 145, колонны причислялись в несвободному сословию.

5 God Kurth, Les nationalites en Auvergne. "Bulletin de la classe des lettres de l'Acad. Belgique", 1899 г.,

No 11, p. 769, и 1900 г., No 4, p. 224 специально в отношении Оверни установил, что там франки вовсе не селились. Знатные роды, занимавшие графские должности, были романского происхождения. Почти в отношении всех немногочисленных германцев, которые встречались в Оверни, доказано, что они не были там оседлыми; таковыми были разве только немногочисленные вестготы.

6 Нем. миля – ок. 7 км.

7 Многочисленные данные у Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse franзaise, стр. 490.

8 "Ancien Coutumier d'Anjou" цитировано у Guilhiermoz, стр. 366

9 "Nithard" IV, гл. II.

10 Boretius, Beitrag z. Capitularienkritik, стр. 128, считает их лишь повторением.

11 Baldamus, Das Heerwesen unt. d. spдteren Karolingern, стр. 12.

12 Хинкмар из Реймса в сочинении, направленном против своего племянника, епископа Лаонского, пишет (870 г.): "Вот явные плоды греха гордости: ты, сказывают, на сборищах похваляешься своей силой и ловкостью, часто и охотно ведешь речи о сражениях и, как говорится по-нашему, о вассальных делах, рассказывая при этом, без уважения к своему сану, что бы ты стал делать, если бы был мирянином?" Я заимствую эту интересную цитату у Guilhiermoz, "Essai sur l'origine de la noblesse fransaise", стр. 438, где дано много других примеров такого словоупотребления.

13 Maitland, Domesday Book and beyond, 1891, стр. 511.

14 Если в Сен-Бертинских анналах под 869 г. сообщается, что Карл Лысый для занятия вновь выстроенного замка с каждых 100 наделов требовал одного гастальда (Scaramannus – не-ленный воин) и с каждых 1 000 наделов – повозку с двумя волами, то и этим числом их в точности не определяется, так как при дворе не знали числа наделов в каждом графстве; это был столь же приблизительный учет, как и определение групп для снаряжения воина.

15 Эрнст Майер (Ernst Mayer) в своем труде "Deutsche und franzцsische Verfassungsgeschichte" правильно отметил противоречие дошедших до нас указов, но разъяснение, данное им в т. I, стр. 123, неверно; он утверждает, что на Рейне в Баварии и в готской южной Франции на войну отправлялись только германцы, в то время как в области между Сеной и Луарой всеобщая повинность касалась и римлян. Каким же образом создавалось бы такое римское ополчение среди франков и готов!

16 Это относится к таким случаям, когда, как мы увидим в дальнейшем в "Weissenburger Dienstrecht" и в других предписаниях, министериалы (дружинники) должны были после перехода Альп все довольствие получать от курии. Baltzer, стр. 69, 73. Waitz, VIII, 162.

17 В одной рукописи Теодорского капитулярия от 805 г., в гл. V, имеется фраза: "Крепостные не должны иметь копий; дротик, найденный после похода у крепостного, да будет сломан на его же спине". Вайц (Waitz, Verf., IV, 454, 1-е изд.) эту фразу толкует следующим образом: слугам, следовавшим за своими господами на войну,

безусловно запрещалось ношение копья как специального оружия для войны, Это толкование недопустимо. Глава трактует о ношении оружия в мирное время (in patria) и о подавлении междоусобных распрей. Свободным запрещалось в мирное время вощение оружия (щита, копья, панциря), но не было указано никакой меры наказания. По отношению к слугам это запрещение усиливалось угрозой наказания.

18 См. Prenzel, Beitr. z. Gesch. d. Kriegswesens. Unter den Karolingern, Leipz. Dissert. 1887 г., стр. 34. Waitz, Deutsche Verfassungsgesch., т. IV, стр. 445.

19 См. Guilhiermoz, стр. 245.

20 "Ann. Fuldens" от 894 г.; "Annal. Altah." от 1044 г.; Thietmar, VI, 16.

21 Peez, Die Reisen Karls d. Gr. (Schmollers Jahrbuch fьr Gesetzgb., 1891, вып. 2, стр. 16), дает обзор всех известных нам переездов Карла Великого и исчисляет, что в среднем он за время своего царствования ежегодно проделывал 235 миль. В 776 г. – 401 милю; в 800 г. – 427 миль.

22 Karl Rubel, Reichshofe im Lippe-, Ruhr- und Diemelgebeit, 1901; "Die Franken, ihr Eroberungs und Siedlungssystem im deutschen Volkslande", 1904.

23 Brunner, Die Rechtsgeschichte, II, стр. 57 и след., где цитированы также все источники.

24 На необоснованность предположения, что при Меровингах присягу приносил народ, правильно указывается уже Даниельсом (Daniels, Handbuch der deutschen Reichs- und Staatenrechtsgeschichte, B. I, S. 423, 463). С другой стороны, Вайц правильно отвергает аргументы Даниельса, взятые из литературных источников (Waitz, Deutsche Verfassungsgeshichte, B. II, 2-е изд., стр. 296). Весь спор возник из-за ложного толкования основного понятия "франкский народ". Даниельс совершенно прав, отождествляя этот народ со всем населением. Благодаря установленному нами факту, что источники той эпохи под "народом" подразумевали "военный народ", весь спор отпадает. По формальным, юридическим и литературным основаниям прав был Вайц, по существу же, поскольку "военный народ" времен Меровингов явился предшественником вассалов времен Каролингов, правым остался Даниельс.

25 Присяга в "Capitulare missorum" (M. G. Capit. I, стр. 66) гласит: "Как эту присягу должны приносить епископы, аббаты, графы, королевские вассалы, а также видамы, архидиактоны и каноники...

3. Из клириков, не принявших пострига и находящихся в обителях, где строго соблюдается устав св. Бенедикта, истинное словесное обещание дают только те, которых аббаты возьмут с собой на государеву службу.

4. Затем адвокаты и викарии, сотники, священники и весь народ в совокупности, от двенадцатилетних отроков до старцев, могущих посещать судебные собрания и выполнять веления сеньоров, люди епископов, аббатисс, графов и прочих, королевские крепостные и холопы крепостные, которые почтены бенефициями и должностями, в могут иметь лошадей, оружие, меч, копье и кинжал, – все да присягают.

Имена и число их посланцы да занесут в список, а графы с своей стороны должны писать по отдельным сотням, кто из родившихся в округе продолжает жить в нем и какие выходцы из других областей приняты были ими под свою руку".

26 "Contin. Fred", гл. 135.

27 "Ann. Lauresh" от 773 г. Герцог Беневентский и все беневентцы были через послов также приведены к присяге. Waitz, III, 255.

28 См. Waitz, IV, 437.

29 Бальцер, стр. 48, полагает, что в Германии до XII в. о луке как о боевом оружии вообще не упоминается. Это неверно. Вайц (Waitz, Verf.-gesch. VIII, 123) собрал опровергающие этот взгляд данные. Видукинд в т. III, 28, рассказывает о двух знатных воинах, убитых стрелами в 953 г. В т. III, 54, Оттон приказывает обстрелять славян из лука. Бруно, гл. 61, упоминает sagittarii (Contin. Reginonis от 962 г.); он говорит, что германцы при осаде одной итальянской крепости пользовались лучниками (sagittarii et fundibularii). То же говорит и Рихард Рихер при описании осады Вердена 984 г.

30 См. Waitz, IV, 458.

31 Диденгофенский капитулярий, 805 г. M. G. I, 123; "О вооружении в войске да соблюдается то, что мы определили в другом капитулярии; сверх

того, каждый от двенадцати мансов должен иметь броню, а если имеющий броню не возьмет ее с собою, лишается всего бенефиция вместе с броней".

32 Аахенский капитулярий M. G. I, 171, cap. 9, гласит: "Графы да заботятся, чтобы все люди их графства под страхом пени в 60 солидов явились в назначенный день на собрание. И сам граф да наблюдает, снаряжены ли они копьем, щитом, луком с двумя тетивами и двенадцатью стрелами. Перечисленное должны иметь все. Епископы, графы, аббаты должны иметь таких людей, которые хорошо снаряжались бы всем этим и прибывали бы к назначенному дню на собрание и там показывали бы свое снаряжение. Да имеют панцирь и кожаный шлем.

Cap. 17. Пусть никто не выступает в поход с дубиной, но с луком."

33 Gessler, Die Trutzwaffen der Karolingerzeit, Basel, 1908 г. Затем "Zeitschr. f. hist. Wafienkurde", т. V, вып. 2, стр. 63. По Линденшмидту (Lindenschmidt) почти все найденные в гробницах Меровингов луки длиною 7 футов (ок. 2 м). Келер (Kцhler, III, 113) определяет их длину в 5 футов (ок. 1 S м).

34 Roth, Feudalitдt und Untertanenverband, стр. 33; Baltzer, Z. Gesch. d. deutschen Kriegswesens, стр. 2; Boretius, Beitrдge z. Capitularienkritik, стр. 123.

35 SS, I, стр. 481.

36 SS., II, 593.

37 Soetbeer, Forschungen z. deutschen Geschichte. B. I, II; Peschel, Ueb. die Schwankungen der Werthrelation u. s. w. "Deutsche Vierteljahresschrift", Jahrg. 1853, 4, стр. 1 и след.

38 Капитулярий 807 г. См. выше. Waitz, IV, 473.

39 Boretius, Beitrдge, стр. 145.

40 По "Polyptychon Irminonis", т. II, стр. 274 (XXV, 20) "двое совместно уплачивают 2 солида в качестве герибанна". "Polypt. de St. Maur des Fossйs, c. 6" (Guйrard Polypt. Irmin, II, стр. 284); имеющий обрабатываемые оборочные наделы уплачивает 3 солида, откупаясь от похода. – Ср. Waitz, IV, 485, прим. 5 (1-е изд.) и Flach, Les origines de l'ancienne Franзe, I, 321. Далее сравн. Waitz, VIII, 147, прим. 5 и стр. 148, прим. 1. Вайц полагает, что в приведенных им документах идет

речь об "издревле установленной эпитимии". Мне представляется несомненным, что со времени Отгона III, Генриха II и Генриха V о "герибанне" в смысле "издревле установленной эпитимии" не может быть речи, но что дело идет просто о налоге. Kцtschke, Heeressteuern in Karolingischer Zeit ("Histor. Vierteljdhr.-Schrift. ", B. X, стр. 231, 1899 г.) указывает на связь одного более позднего налога у саксов с пособием (adjutorium), установленным в каролингскую эпоху.

41 Наказание за дезертирство аналогично франкскому герибанну, но иначе определяется в отдельных частностях. Различали первый, второй и третий случай. Brunner, D. Rechtsgesch. II, 213.

42 "Мириниану епископу Равенскому со всей братией и со епископами, священниками, левитами, клиром, знатными, народом, воинами, стоящими в Равенне". Цитировано у Hegel, Gesch. d. Stdteverf. von Italien., I, 196.

43 "Если окажется, что войско вам не сочувствует, храните тайну". Hegel, Stdteverfass., I, 239.

44 Liudprand, Hist. Ottonis, гл. IX.

45 Paulus, II, гл. XXXII.

46 I, 345, 368.

47 Hegel, II, 27.

48 "M. G. Capit. reg. Franc. ", II, 517.

49 M. G. Capit. I, 352.

50 "Annal. regni Francorum", ed. Kurse, стр. 24 и 48. В переработке вместо вышеприведенных слов сказано: "и разместив там, а также в Бурже франкский гарнизон", а во втором отрывке: "оставив в той и другой крепости по немалому гарнизону".

51 M. G. SS Rer. Meroving., II, 192, cap. 135 (52). Всего естественнее представляется мне понимать это в том смысле, что писатель перечисляет графов с их вассалами, собственных людей короля, пожалованных от него землею, и челядь, постоянных телохранителей.

52 "Ann. Lauresham.", SS, I, 39. то же "Ann. Guelferbytani" год 793 (SS I 45).

53 Chronik v. Moissac, SS, II, 257.

54 LL., IV, 221.

55 SS. I, 409.

56 Monach. Sangal., Gesta Caroli. SS., II, 738.

57 Ann. Benin. SS., I, 480.

58 Kapitulare Carcacense, cap. 17. Cap. reg. Franc., II, 359. Не иначе следует понимать и отрывок капитулярия I, 213: "чтобы посланцы наши вместе с дружинниками, находящимися в их свите (in eorum scara), и т.д."

59 Ann. regni Francorum, ed. Kurze, 40: "посылая четыре ополчения (scara) в Саксонию" (774) в переработке: "войско разделено на три части" и так часто. Гинкмар говорит (SS., I, 515) об одной "scara de Nortmannis" норманское ополчение). "Прорвался сквозь воинство сарацинов" (super Saracinorum scaram irruit) 59) SS. III. 252. Другие места у Вайца D. V., IV, 611 (2-е изд.).

Ссылка на значение "войско" или "отряд", которое имеет "scara", например в письме Карла к супруге Фастраде (M. G. Form. Merrow. et. Karol.,

510) достаточно опровергает всякое иное толкование. Сам Вайц, во 2-м издании (IV, 514, 2-е изд. 610) отказался от этой мысли.

60 Эти места столь часты, что нет необходимости в особых цитатах. Цезарий Гейстербахскии говорит:

"Нести посыльную службу ("scram facere") владыке аббату – значит по его повелению доставлять к назначенному месту его гонца или письмо". Лотар предоставляет трех свободных Мурбахскому монастырю с повелением, чтобы они несли монастырю ту же службу, какую до него несли государству. При этом iter exercitale, т.е. военный призыв, различается от scaras. Источник гласит (Bouquet, VIII, стр. 366, No 2 Цитировано Бальдамусом, стр. 71): "отправляться в поход (de itinere exercitali seu scaras) или с поручением, или куда понадобиться, стеречь поместье, делать плоты, собирать подати и выполнять все то, что могли бы потребовать графы или их вассалы".

61 "D. Verf.-gesch. ", т. IV, 23 (2-е изд., стр. 26).

62 "Называемые скареманнами... должны нести службу наравне с прочими воинами нашей

дружины". Mittelrhein. Urkundend., 382, т. I, стр. 439.

63 Baldamus, стр. 76.

64 Nithard, IV, 2; "Annal. Bertin. ", 841 г.

65 Рюбель (Rьbel. Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedelungssystem, стр. 400), ссылаясь на Оппермана (Oppermann, Atlas niederdeutschen Befestigungen), полагает, что большие укрепления Вавилонии, развалины которых сохранились до наших дней, имеют связь со сражением при Любеке в 775 г. Расположение их такое же, как во всех франкских доменах: они разделены на меньшую, лучше защищенную часть – "palatium" и большую – "heribergum" – место бивуака для армии. Площадь "heribergum" Вавилонии была в 7 S гектаров. При раскопках, произведенных осенью 1905 г., на основании найденных черепков считают все же установленным, что крепость была не франкского, а саксонского происхождения.

66 Близ устья р. Дейстер имеются развалины каролингской сторожевой башни Гейстербург, постройку которой связывают с походом 775 г. Но она во всяком случае заложена позже. Хроники

при описании восстания саксов 776 г. сообщают только о взятии Эресбурга и осаде Зигибурга – Ср. Rьbel Die Franken, стр. 24, прим.

67 Рюбель полагает, что негодование саксов к тому же вызвано было способом, которым франки пользовались для установления точных границ полей каждой общины, причем они объявили королевскими землями пустыни, до тех пор являвшиеся границами общин.

68 В более поздних сводах законов по ленному праву имеется предписание о призыве сеньором вассалов даже за 6 недель до начала похода.

69 Рюбель (Rьbel, Reichshцfe, стр. 97) в этом отношении заходит слишком далеко, утверждая, что... "в общем Карл в своих походах следовал течению рек и провиант подвозил по водным путям". Прямое подтверждение этого взгляда мы находим лишь по отношению к походу против аваров в 791 г.; возможно, также, что для рейхстага в Падерборне в июне 785 г. продовольствие привезено было заранее вверх по р. Липпе. В 790 г. Карл, по рассказу Эйнгарда отправился на корабле в Зальц, на франкском берегу р. Заале, где у него имелся замок, и

вернулся тем же путем, проплыв, таким образом, оба раза большое расстояние по течению. Многие же походы, которые мы можем проследить, проведены им были без всякого пользования водными артериями.

70 "Находясь там, он многократно высылал ополчение и сам совершил поход. Поднявших мятеж саксов он разгромил и взял лагери и укрепления их и проложил торные дороги". Последнее выражение до недавнего еще времени (как Мюльбахером в "Deursche Geschichte unter d. Karolingern", стр. 134) переводилось "очищая дороги", т.е. можно подразумевать – от партизанских отрядов и разбойничьих банд. Но такое толкование едва ли приемлемо, так как обычно такие банды не встречаются на дорогах, а прячутся внутри страны. Не подлежит поэтому сомнению, что Рюбель (в "Reichshofe", стр. 95) прав, переводя это место "и устраивал удобопроходимые дороги "

71 О происхождении Ганновера см. "Zeitschrift d. Histor. Vereins f. Neidersachsen", 1903 г.

72 Regino от 822 г.: "Бесчисленное множество пеших из сел и поместий, собранных в один

отряд, наступает на них, как бы намереваясь вступить в бой. Норманны же, видя, что это низкая чернь, не столько безоружная, сколько лишенная воинской дисциплины, уничтожают их с таким кровопролитием, что кажется, будто режут бессмысленных животных, а не людей".

73 "Mon. Germaniae", SS., II., 806. Abbonis de bello Parisiaeo, libri III, in usum scholarum recudi fecit. G. H. Pertz. "Le siиge de Paris par les Normands en 885 et 886", ролme d'Abbon avec la traduction atc. par N. R. Taranne. Paris. 1834. Другой перевод у Guizot, Coll. de mйmoires rel. a l'hist. de France, t. VI.

74 Из многочисленных и более или менее подробных трудов об этой осаде я сопоставил следующие: C. v. Kalkstein, Gesch. d. franz. Kцnigtums unter den ersten Capetingern, т. I, 1887; E. Dьmmler, Gesch. d. ostfrдnk. Reichs, 2-е изд. т. III, 1888; F. C. Dahlmann, Gesch. v. Dдnemark, т. I, 1840; F. Bournon, Paris. Histoire etc., Paris, 1888; E. Monorval, Paris depuis ses origines etc.; F. T. Perrens, Hist, gйnйrale de Paris; Bonamy, Мйm. de l'acadйmie des Inscriptions, т. 17 (1759); Henri Martin, Hist. de France, т. II; Depping, Hist des e'peditions maritimes des Normands et de leur

йtablissement en France au dixiйme siecle, Bruxelles, 1844.

75 "Collection des Cartulaires de France", т. IV; "Cart, de l'йglise Norte Dame de Paris", ed. Guйraed, т. I (1850), стр. 243. Напечатано также у Baluzius, гл. II, кол. 1491 и у Bonquet, VIII, 568

76 Пупардэн (Poupardin) в своем труде "Les grandes famille comtales a l'йpoque carlovingienne" ("Rev. Hist." 1900 г., стр. 72) указал, что число этих родов было невелико. Большинство их происходило из Австразии и находилось в самых различных местах государства. Часто они были в родстве между собой. Некоторые из них имели владения в разных областях. Это было чрезвычайно важно при разделах, так как если кто-нибудь из них попадал в немилость, то легко мог перебраться в другую область. Поэтому короли не терпели, чтобы кто-либо имел лены одновременно в разных частях государства.

Зелигер (Seeliger) в своем труде (Sociale und politische Bedeutung der Grundheerschaft im frьheren Mittelalter) на мой взгляд правильно доказал, что значение иммунитета для образования больших сеньорий сильно преувеличено. Главные элементы публичной власти всегда находились в руках

графов. Из среды этих графов, а не из среды крупных земельных собственников, в дальнейшем вышли областные правители.

Этим и объясняется то, что различие между романской и германской территориями было столь невелико. Зелигер этого не указал. Основной факт, что (и каким образом) графская должность сделалась леном, у него не выявлен, между тем это легко согласуется с основной мыслю и дополняет ее. Но заниматься противоречиями, имеющимися в исследовании Зелигера, здесь, конечно, не место.

77 Rodenberg в "Mitteil, d. Oesterreich. Instit.", XVII, стр. 165 (1896 г.) правильно замечает, что Генрих не декретировал ничего вполне нового, но все же придерживается того взгляда, что Генрих не просто обновил каролингские установления. Такое понимание, что он только "обновил старые установления" было бы также неправильным. Во-первых, даже "простое обновление" всегда приносит некоторые изменения в деталях. Во-вторых – главное то, что связанное с обновлением большое усиление военных сил имеет, понятно, следствием новые большие тяготы (как, например, реорганизация прусской армии Вильгельмом I), а потому проведение его в жизнь является большим политическим делом.

78 См. по этому вопросу также примечание к гл. II части 3-й "Rosskampf und Fusskampf der Deutschen".

79 Waitz, Heinrich, 3-е изд., стр. 101 и другие.

80 Nitsch, Gesch. d. deutsch. Volkes, т. I, стр. 306.

81 Этому не противоречит то обстоятельство, что сеньор строго следил за исполнением вассалами их обязанностей в отношении призыва; сборники законов также содержат самые точные распоряжения на этот счет. Но из времен Каролингов мы уже знаем, что категорическое требование строгого выполнения вассалами своих обязанностей все же не подразумевало выполнения этих обязанностей непременно лично, а от них можно было откупиться деньгами; именно поэтому сеньор настаивал на выполнении вассалами своих обязанностей, а не потому, что иначе он не имел бы нужного числа воинов. В позднейших дополнениях к ронкальским постановлениям Фридриха I говорится, что ленник должен или выставить взамен себя соответствующего человека, или уплатить половину годового дохода своего лена. Waitz,

VIII, 145. "Саксонское зерцало" содержит в себе закон, по которому ленник должен платить только 1/10 часть своего годового дохода. Lehnr. 4, 3. Auct. vet. 1, 13, Duetschenspiegel Lehnr. 11, Schwabenspiegel Lehnr. 8. По Roscnhagen, Z. Geschichte der Reichsheerfahrt, стр. 59.

82 Waitz, VIII, 100.

83 Baltzei, стр. 23; Rosenhagen, стр. 18.

84 В "Ann. Col. max", SS, XVII, 843, ныне Chron. reg. Colon. Com. quarta, стр. 265. "In campis Lici secus Augustam fere 6 milia in exercitu regio sunt inventa". Единственный дальнейший пример исчисления отрядов, который я себе отметил, относится уже к XVI в. (Christian Kьchemeister. Neue Kasus Monst. St.-Galli). Аббат Бертольд (1244–1272 rr.) идет на помощь графу Габсбургскому против епископа Базельского с навербованными рыцарями и кнехтми "и привел ему 300 рыцарей и кнехтов, которые были сосчитаны". "Hist. Ver. v. St.-Gallen", I, стр. 19 (1862).

85 Это доказывает всю беспредметность длительного научного спора о том, обязывало ли к

участию в походе только владение территорией, являвшейся королевским пожалованием, или также владение аллодами и было ли это различными повинностями (Weiland, Die Reichsheerfahrt, Forsch, z. d. Gesch., т. VII; Baltzer, Z. Gesch. d. deutsch. Kriegsw., гл. I § 3; Rosenhagen, Z. Gesch. d. Reichsheerfahrt von Heinrich VI bis Rudolf von Habsburg. Leipz., Diss. 1885). Тот, кто в качестве князя был наделен непосредственно королем, должен был являться с дружиной, величину которой он сам определял и которую он сам собирал; в какой степени он привлекал к этому делу свое феодальное владение и аллоды, было его делом. К лицам, наделенным этими князьями, король, само собой понятно, не предъявив никаких требований, но на основании королевского призыва владелец их ленов приказывал им отправиться в поход, или же они освобождались от него путем уплаты податей по соглашению. Аллодиальные поместья своего графства граф облагал податью также по взаимному соглашению (Heusler в своей "Verfassungsgesch.", стр. 137, считал, что этот вопрос никогда не будет разрешен). Никто естественно, не был свободен от военной повинности, поскольку не было особых привилегий. Король приказывал королевским

чиновникам так же, как князья своим чиновникам. Из взносов, которые города делали на предмет снаряжения походов, постепенно развились городские налоги, которые в дальнейшем императоры требовали от имперских городов. Это является доказательством того (что, собственно, было само собой понятно и без этого), что к государственной повинности привлекались не только владения, пожалованные государством. Ср. Rosenhagen, стр. 67, и Zeumer, Deutsche Stdtesteuern im Mittelalter.

86 Hegel, Stdteverf., II, 191.

87 Последнее – мнение Вайца, D. Verfass., VIII, 133.

88 Эти обстоятельства правильно установил и подверг замечательной обработке уже Бальцер (Baltzer, Geschichte d. deutschen Kriegswesens, гл. I, § 5 – "Величина контингентов"). Подробности и цитата почерпнуты мною у него. Я расхожусь с ним в одном только пункте, а именно: Бальцер представляет дело так, что описанное мной положение вещей имело место только начиная с Генриха IV " полагает, что раньше определенное число воинов требовалось – наподобие приказа

Отгона II – различно, в зависимости от обстоятельств. Я же отношу феодальную систему, допускавшую установление твердых контингентов только в виде исключения, еще ко времени Генриха I.

89 Jaffй, Bibl., I, 514.

90 Литературу по этому вопросу смотри у Бруннера (Brunner, Grunds, d. deutschen Reichtsgeschichte, 2-е изд., стр. 111) и у Вайца (Waitz, Verf., 2-е изд., т. V, стр. 342).

Особенно интересен сохранившийся на латинском и немецком языках труд "Reicht, der Dienstmannen des Erzbischoft von Kцln", изд. Frensdorf, 1883 г., а также "constitutio de expeditione Romana", хотя последнее является не подлинным приказом Карла Великого, а фальшивкой. Эта фальшивка изготовлена, как отмечено Schefler-Boichorst, Zeitschr. f. Gesch. d. Obber., т. 42 (1888), стр. 173, повторено в сборнике "Zur Gesch. des 12 u. 13 Jahrh. " (1897), приблизительно в 1154 г., в Рейхенаусском монастыре (в Швабии). Сделана она была с целью установления прав и обязанностей весьма требовательных монастырских министериалов. Отпечатана в M. G. LL, II, 2. Вейсенбургское

право министериалов см. у Гизебрехта (Gisebrecht, Gech. d. Kaiserz., т. II, прил.).

91 Schoflin, Alsatia diplomatica, I, 226; Waitz, D. Verf.-Geschichte, VIII, 156.

92 Когда Владислав, король Богемский, призвал в 1158 г. своих подданных для похода в Италию, последние были сначала очень недовольны. Когда же он объявил, что нежелающие могут оставаться дома, а отправляющимся с ним посулил награду и почести, то все устремились в поход.

93 В "Праве министериалов" "Vercelli" от 1154 г. (опубликовано Шеффер-Бойхорстом в книге "Z. Gesch. d. 12 u. 13 Jahrh. ", стр. 21) значится следующее: "Вассалы должны дать владыке епископу на евангелии то же обещание относительно похода на Рим, какое сеньор их дает королю по его приказу".

94 Папа Григорий IX потребовал 7 ноября 1934 г. от некоторых немецких князей, чтобы они явились к нему в ближайшем марте: "Лично тебя, в сопровождении соответствующего войска, которое Должно быть на твоем иждивении в течение трех месяцев, не считая времени на

дорогу туда и обратно" (Huillard-Breholles, IV, 513). В ноябре 1247 г. император Фридрих требует, чтобы тусийские города послали рыцарям трехмесячное жалованье (I, глава VI, стр. 5-6). Сомнительный документ Фридриха, якобы от мая 1243 г., закрепляет за одним рыцарем, Matthaeus Vulpilla, пожалованное королем Вильгельмом его роду поместье за поставку "одного вооруженного конного воина в течение трех месяцев без перерыва в пределах королевства, когда представится необходимость". Гл. VII, 939.

95 Гильермо (Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse, стр. 276) придерживается того взгляда, что 40-дневная военная служба была введена Генрихом II сперва для Нормандии и оттуда перенесена на другие владения Плантагенетов. В других местах Франции образовалось обычное право, по которому расходы по военной службе с самого начала шли за счет сеньора.

96 Boutaric, Institutions militaires de la France avant les armees permanentes, стр. 126 и след. На стр. 233 Бутарик упоминает одно распоряжение, по которому вассал, не приведший с собой предписанного числа дружинников, должен был

платить штраф в размере своего двукратного жалованья за каждого недостающего дружинника.

97 Waitz, VIII, 162.

98 По так называемой "constitut. de exped. Romana". M. G., II, 2, 2.

99 Boutaric, Institutions militaires de la France, стр. 191, сделал следующее сопоставление. Он говорит, что полных списков феодальных призывов не существует, но те, которые имеются, показывают, как малы были обязательства крупных вассалов. При Филиппе Августе герцог Бретанский выставлял 40, Анжу – 40, Фландрия – 42, Болонья – 7, Понтье – 16, Сен-Поль – 8, Артуа – 18, Вермандуа – 24, Пикардия – 30, Орлеанэ – 89, Турэн – 55 всадников (chevaliers).

Шампанские графы вели со времени Генриха I (1152–1181) списки своих вассалов, выдержки из которых сохранились. Напечатано у D'Arbois de Jubinville, Hist. des ducs et comtes de Champagne, т. II (I860).

Общее число рыцарей (milites) по первому списку – 2 030. Королю выставляли они 12 "копий" (pannereis).

Нормандия имела на службе короля 531

рыцаря, на службе баронов – 1 500 рыцарей.

Бретань имела в 1294 г. 166 рыцарей, обязанных выступить в поход (chevaliers, йcuyers et archers).

По другому источнику – 166 рыцарей и 17 оруженосцев (йcuyers). Королю Бретань обязана была доставить только 40 рыцарей.

100 "Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. ", XXVII, 1905, стр. 6.

101 Cosmas, II, 35.

102 Waitz, V, 403, прим. 1.

103 Таким же образом понимает и Бальцер (стр. 29). Вайц, VIII, 126 (в противоположность к стр. 108) толкует также в этом смысле.

104 "Ann. Altah." от 1044 г., XX, 799.

105 Видукинд, II, 30 и 31, говорит: "Воины Геронова отряда, утомленные частыми походами и лишенные из-за повсеместного отказа в уплате податей, преисполняются мятежной ненавистью к Герону "

106 "Mon. Germ. ", SS, III, 408.

107 "Gerhardi Vita S. Oudalrici", SS, IV, 337.

108 Flodoard, SS, III.

109 Steihele, Das Bistum Augsburg (1864), II, 491. Brunner, Die Einfдlle der Ungarn in Deutschland (1855), стр. XXXVIII.

110 Замечание Видукинда о том, что венгры перешли через Лех, и тот факт, что перед тем они находились на левом берегу, пытались толковать в том смысле, что сражение произошло все же на левом берегу, понимая под венграми тех, которые перед сражением в подлинном смысле слова ударили германцам в тыл, т.е. что только часть венгерского войска переправилась через реку, дабы путем вторичной переправы возле устья напасть на врага с тыла. Таково мнение Винекена (Wyneken) в XXI томе его исследований по немецкой истории. Метко опровергающий ошибки других, этот автор в данном случае сам занимается простым прилаживанием событий. Видукинд недвусмысленно говорит, что вся армия венгров переправилась через реку, дабы дать бой, а не одна только часть ее, с целью, якобы, обхода, переправилась туда и назад. Свидетельство

Видукинда о том, что венгры перед сражением переправились через Лех, нельзя согласовать со сражением на левом берегу иначе, как приняв вышеприведенное мое предположение, что Видукинд, не говорящий ничего об осаде, имеет в виду первую переправу.

111 "Ann. Palidens", SS, XVI, 60: "У холма, называемого Гунценлее". Chron. Eberspergense, SS, XXV, 869: "Место боя за рекой Ликом, т.е. Лехом, до наших дней по-латыни называется Концiолеги, народ же называл его Гунценлен". – Что ныне более холм не существует, сообщено Steichele, Das Bistum Augsburg, II, 491.

112 Видукинд говорит, что король разбил лагерь "in confiniis Augustanae urbis" и что сюда к нему были оттянуты остальные войска. Это, конечно, не значит, что сборный пункт был назначен в самом Аугсбурге, а лишь в окрестностях этого города, – там, где впоследствии произошло сражение. Сбор должен был произойти к северу от Дуная, дабы не подвергать отдельных отрядов опасности налетов со стороны проворных венгров. Только после сбора всех частей германцы в полной боевой готовности переправились через реку.

113 "Ann. Sangallenses maj. Mon. Germ.", SS, I, 79. По краткой заметке этой хроники можно было бы даже заключить, что данное столкновение между чехами и венграми, так же как и пленение Леле, произошло в совершенно другом походе и чуть ли не на чешской границе, но сведения эти дополняются заметкой из "Chronicon Eberspergense", SS, XX, 12, которая хоть и составлена на 100 лет позже и очень искажена, но как раз содержит имя венгерского герцога Леле, пойманного, по замечанию этой хроники, при бегстве.

114 Так гласит передача архиепископом Хатти Трирским епископу гор. Туля (Toul) императорского приказа в 817 г.

115 Оба M. G. SS. V. и учебное издание.

116 "Carmen de bello Saxonico", M. G., SS, XV.

117 По Ламберту и Бруно.

118 Пельдские анналы (M. G., SS, XVI) сообщают об одном сражении, которое относят к 1080 г.: "Генрих и Рудольф снова сразились, причем

Рудольф, услыхав крик, решил, что его войско дрогнуло, я обратился в бегство. Узнавши об исходе дела, т.е. о том, что он бежал от собственной победы, предпочел смерть жизни." Это может относиться только к сражению под Мельрихштадтом.

119 Бертольд определенно сообщает, что Генрих заверил свою свиту в этом (Berthold, M. G., SS, V).

120 Об этом Бруно ничего не говорит. Из этого, однако, можно было бы заключить, что, согласно Пегаурской хронике, и Генрих пришел через Вейду (южнее Геры на верхнем Эльстере). Это, конечно, из рассказа Бруно не вытекает. Но так как Генрих во всяком случае призвал для похода и Баварию, где было особенно много его приверженцев, а баварцы, очевидно, не могли прийти никакой другой дорогой, то возможно, что в основе рассказа Пегаурской хроники лежит предание о том, что королевские войска пришли через Вейду. Возможно и так, что в этом предании подразумевают деревню Вейду, расположенную на поле сражения.

121 Вопрос о том, как он близко подошел к Наумбургу, приходится оставить открытым.

Выражения Бруно можно было бы понимать в том смысле, что король сделал попытку штурмовать Наумбург. Но возможно и другое, – что Генрих на основании одного только известия о том, что саксонцы или их авангард уже достигли Наумбурга, переправился через Заале в одном переходе дальше на юг. Перед городом произошел, быть может, только бой разведывательных частей.

122 Работа майора Albany, Early wars of Wessex, 1913, согласно реферату Liebermann в "Hist. Z. " (кн. 117, стр. 500), не имеющая никакой научной ценности.

123 В отношении приведенных указаний я отсылаю читателя к Оману, Hist. of the Art of war. На стр. 109 объяснен мотив, по которому был открыт доступ в сословие тэнов, а именно – целью его было побудить крестьян и горожан обзавестись годным оружием и усилить военный класс. С этой мыслью я согласиться не могу. Зажиточный горожанин или крестьянин, обзаводясь красивым оружием, вовсе не становится благодаря этому годным воином, и в случае опасности он способен лишь на сокрытие своего оружия или на отказ от только что

полученного звания. Такими способами не создают буйных викингов. Поэтому законы могут быть истолкованы, как мы это выше сделали, только в обратном смысле, а именно, что прежняя воинственность тэнов уже исчезла, а остался только социальный класс, в который стремились попасть богатые крестьяне и горожане.

124 Стеббс (Stubbs, I, 262) цитирует одно место в Кентербери о том, что до короля Вильгельма в Англии не было "milites".

125 Сопоставление всех различных данных можно найти у Freeman Appendix H. H., т. III, стр. 741.

126 Сравни наше исследование об изменении тактики в предыдущем (II) томе с изречениями Аристотеля и Фридриха Великого.

127 "Лорд" – называние англосаксонское и дословно означает кормилец. Титул "барон" пришел в Англию вместе с завоеванием и означает то же, что "homo" – вассал.; первоначально он распространялся, очевидно, на всех, получивших лен непосредственно от короля, но постепенно понятие это сузилось и стало относиться только к

наиболее крупным из них, из которых самые крупные получили титул эрлов.

128 Число рыцарей, выставляемых по "servitia debita" непоселенными, и число поселенных сверх "servita debita" было приблизительно одинаковым и в обоих случаях составляло 5 000. Ср. ниже.

129 Pollock and Maitland, The History of the Englisch law before the time of Edward. 2-е изд., 1898, I, 236.

130 В сражении при Линкольне (1141 г.), где король Стефан был взят в плен, последний имел на своей стороне несколько эрлов, которые хотя и носили громкие имена, но имели при себе лишь небольшие отряды. Один источник, Гервазий Кентерберийский, называет их "ficti et factiosi comites" (ложными графами); к графствам, по которым они были титулованы, они имели только то отношение, что получали треть их доходов. (Оман, стр. 393). Причина того, что они слабо поддержали короля, лежит не столько в злой воле, сколько в отсутствии средств.

131 Stubbs, Const. Hist., 2-е изд., т. I, стр. 434.

132 Robert de Monte от 1159 г. Цитировано Stubbs, стр. 588.

133 "Dialogus de scaccario", написан в 1178/79 г. Цитировано Stubbs, стр. 588.

134 § 51 гласит: "И немедленно устраним в королевстве всех чужеземных воинов, стрелков меченосцев, наемников, прибывающих с конями и оружием не на пользу королевства".

135 Morris, The Welsh wars of Edward I, стр. 185 и следующие.

136 Pollock and Maitland, I, 223, доказывают, что правило о 40 днях вряд ли когда могло существовать в виде закона и что оно всегда оставалось одной только теорией. Иоанн Английский требует в одном месте 80 дней. Гильермо в своем "Essai sur l'origine de la noblesse fransaise" высказал предположение, что правило о 40 днях ввел не кто иной, как король Англии Генрих II.

137 Robert de Monte, цитировано Stubbs, Const. Hist., I, 455.

138 Pollock and Maitland, стр. 234.

139 Stubbs, Const Hist., I, 590.

140 Gneist, Engl. Verf. Gesch. стр. 289, примеч. к одному манускрипту в "Cotton Library".

141 Pollock and Maitland, II, 252.

142 Там же, I, 246.

143 Эта замена личной службы деньгами, по предположению Pollock and Maitland, I, 255, и была причиной необъяснимого иначе сокращения списков военнообязанных. Духовенство, которое в 1166 г. обязано было выставить 784 рыцаря, в 1277 г. признало за собой обязанность выставить уже не полную сотню; то же самое было а с крупными эрлами. В таком же размере, однако, были увеличены и платеже за каждого рыцаря. Правда, совершенно иначе объясняет это сокращение Morris, The Welsch wars of king Edward I. Он думает (стр. 45), что сокращение числа военнообязанных было компенсацией за удлинение срока службы в несколько раз больше обычных 40 дней.

144 Cunningham, The growth of englisch industry and commerce, I, 3-е изд., стр. 196.

145 В 1924 г. было разрешено взыскать от духовенства 1/2, от эрлов, баронов и рыцарей – 1/10, от городов – 1/6.

В 1295 г. от духовенства – 1/10, от дворянства 1/11, от городов 1/7.

В 1307 г. было разрешено взыскивать 1/15, это составляло для всей Англии сумму в 40 000 фунтов стерлингов.

146 Stubbs, Select Charters, стр. 255, по Роджер Говедену.

147 Stubbs, Constitutional History of England, I, 573.

148 Lupus Protospatharius, M. Germ, SS, V, 52 указывает численность войск при Оливенто в 3 000 воинов, Гауфред Малатерра в своей "Истории Сицилии" (Muratori, SS, V, 533) – 500 чел. Вильгельм Апулийский в своем героическом стихотворении, посвященном сыну Роберта Гискара (Mon. Germ., IX, 239 и след.), – 1 200 чел. Данные о сражении при Каннах имеются в Барийских анналах (Mon. Germ., V, 51

и сл.). Все сообщается по Heinemann, Geschichte der Normannen in Unteritalien, стр. 359.

149 V. Heinemann, Gesch. der Normannen, стр. 113.

150 Там же, стр. 207.

151 Там же, стр. 311.

152 Там же, стр. 325.

153 V. Heinemann, Gesch. der Normannen, стр. 330, 333.

154 Ryccardus de S. Germano, M. G., SS, XIX, стр. 369, anno 1233. Стр. 376: "призывает к себе... баронов и воинов, не имеющих феодов".

155 Rycardus de S. Germano, M. G., XIX, 348: "требуя, чтобы все имеющиеся феоды дали от каждого феода 8 унций золота и с каждых 8 феодов одного воина в предстоящем месяце мае".

156 См. т. II, ч. 3-я, гл. 1–5.

157 Эту характеристику можно было бы защищать с достоверностью лишь в том случае,

если бы дошедший до нас под его именем "Стратегикон" был действительно написан им, что представляется весьма сомнительным. Ср. ниже.

158 Zachariд v. Lingenthal, Gesch. d. griech.-rцm. Rechts, 3-е изд., § 63, стр. 271.

159 Les exploits de Digйnis Aktritas, Eporйй byzantine du X siucle publiйe par G. Sathas et E. Legrand, Париж, 1875 г.

160 Zacharд v. Lingenthal, Gesch. d. griech.-rцm. Rechts, 3-е изд., стр. 265.

161 Carl Neumann, Weltstellund d. byz. Reichs., стр. 58.

162 Zacharia v. Lingenthal, стр. 273, прим. 916.

163 Там же, стр. 273. Neumann (стр. 56) полагает, что это устроение объясняется повышенным требованием к военному вооружению и повинности. Однако, такое повышение едва ли имело место; ведь военная служба уже издавна являлась конной службой. Да и Нейман сейчас же добавляет, что это повышение обозначает намерение отказаться от реставрации мелкой

земельной собственности как безуспешной и ненужной. Это, по-видимому, правильно.

164 Constantin Porphyrog, De administr. imperiio, гл. 52, Joh. Meursii opera, т. VI, стр. 1110. Другие доказательства у Carl Neumann, Die Weltstellung. des bysant. Reiches vor den Kreuzzugen, 1894, стр. 68. 69. Прим., например, о Константине IX. "anti otratiwt'wn forous 'eporixeto", Cedren., II, 608.

165 Excerpta Juhannis Scylitzae Curopalatae, SS, Bysant. Bonn. Cedrenus, II, 662.

166 Neumann, стр. 60. 68. Gust. Schlumberger, Nicйphor Phokas (Париж, 1890), стр. 532, 533. Krumbacher, Gesch. d. bysant. Literatur, стр. 985.

167 Нейман (стр. 67) полагает, что Запад, более заполненный варварами, был по сравнению с Востоком более отсталым в культурном отношении и поэтому был не в состоянии платить денежные налоги.

168 Jdhns, Gesch. d. Krigswesens, I, 170.

169 Lib. 4, гл. IV, Ed. Bonn., стр. 134.

170 По данным Гаммера (Hammer, Gesch. d. Osm. Reichs., т. I, стр. 552 и 674), причем, однако, некоторые случаи не представляются вполне достоверными.

171 Близ левого берега р. Аракса.

172 Nicephorus Bryennius, IV, 4, йd. Bonn, стр. 133.

173 Neumann, Welstellung d. byzant. Reichs., стр. 37; Krumbacher, стр. 985.

174 В труде Альфреда Кремера, История культуры Востока под властью калифов, Вена, 1875 (Alfred Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen) имеется глава о военном деле (стр. 203–255), в которой дошедшие до нас сообщения представлены довольно полно, но без критического к ним отношения и без компетентного понимания их с военной точки зрения.

175 Aug. Мьller, Gesch. d. Islam, T. I, стр. 31.

176 Wellhausen, Die religiцs-politischen Oppositionsparteien im alten Islam, Abbandl. d. Kgl.

Gesellsch. d. Wissensch. zu Gцttingen, Phil. Hist. Kl. N. F. V., No 2, стр. 10.

177 Издана и переведена Ф. Вюстенфельдом (F. Wьstenfeld) в Abhandl. d. Gesellsch. d. Wissenschaft. zu Gцttingen, т. 26 (1880). Частично этот документ состоит из перевода и переработки "Тактики" Элиана а потому должен быть использован, конечно, с осторожностью.

178 Мьller, I, 164.

179 Weil, Gesch. d. Chalifen, I, 30.

180 Ibid., I, 60.

181 Мьller, стр. 238.

182 Ibid., стр. 243.

183 Мьller, I, 252, прим.

184 Ibid., I, 222.

185 Правда, не в один прием. События протекали следующим образом. В 641 г. арабы завоевали Египет. В 643 г. или 644 г. они взяли Триполи. В

648/49 г. Моавия в качестве наместника Сирии, построил флот. То же самое сделал наместник Египта. В 647/48 г. последний с 20-тысячным войском овладел Карфагеном, но затем снова оставил страну. В ближайшем десятилетии совершались частые набеги из Триполи на Тунис. В 683 г. арабы потерпели поражение, потеряли Триполи и были отброшены назад к Барке. В 696 г. пришел Гассая с 40-тысячным войском и снова взял штурмом Карфаген. После нескольких контрударов, благодаря тому, что подошел греческий флот, в 706 – 709 гг., завоевание было распространено до океана. Берберы перешли в ислам.

186 Цитировано Wьstenfeld, I, стр. 24. Ср. также стр. 27, где с искушением – вырваться во время боя из рядов – борются определенными ссылками на необходимость повиновения.

187 Weil, I, 42.

188 "Die Heereszahlen in den Kreuzzьgen", Берлин. Диссертация 1907 г. (изд. Georg Nauck). Этот труд, главным образом, исследует третий и четвертый крестовые походы.

189 Opera St.-Bernhardi, ed. Mabillon, I, 549. Цитирую по переводу в книге Wilcken, Kreuzzьge, т. II, стр. 555.

190 Главным источником в отношении рыцарских орденов являются статуты с позднейшими добавлениями к ним по поводу различных редакций статутов и всех вопросов, связанных с этим; полная ясность достигнута только в последние столетия. Ср. Schnьrer, Die ursprьngliche Templerregel (напечатано в "Studien und Darstellungen a. d. Gebiet d. Gesch. ", изд. Грауэртом, III, 1 и 2), Фрейбург, 1903. Статут храмовников критически обработан E. de Curzon, La rigle de Temple, Париж, 1886. На основании этого издания стало возможным издание доступного для широкого чтения – за что можно поблагодарить автора – немецкого перевода статута в книге "Die Templerregel" (со старо-французского переведена и снабжена пояснительными примечаниями R. Kцrner, Иена, 1902). Устав ордена иоаннитов (на латинском языке) напечатал Prutz в приложении к его книге "Kulturgeschichte der Kreuzzьge". Устав немецкого ордена со всеми дополнительными приказами на пяти языках, на которых он сохранился (латинском, французском, голландском,

немецком, нижненемецком) образово издан Perlbach'ом, Галле, 1890.

Часть третья
СЕРЕДИНА СРЕДНИХ ВЕКОВ

ГЛАВА I
РЫЦАРСТВО КАК СОСЛОВИЕ

Великое переселение народов не было равносильно обновлению одряхлевшего и погрязшего в пороках человечества под влиянием неиспорченных диких племен; нельзя сводить его также и к водворению германских поселян на места римских крепостных; оно обозначало прежде всего замену римской аристократии подбиравшейся по признаку богатства, образованности, – и служебной иерархии, аристократией германской, чисто военной по составу и неграмотной. Эта аристократия почти не имеет связи с военачальнической знатью древних германцев, известной нам по Тациту. Во франкском государстве род Меровингов – единственно уцелевший от исконной знати. Главный корень новой аристократии следует искать преимущественно в родах, приобретших по милости королей и благодаря военным удачам

крупные владения, в особенности же его нужно искать среди лиц, ставших в качестве графов или ближайших их помощников представителями правительственной власти. Вначале эта новая аристократия в стране франков не представляет еще замкнутого сословия. Во франкских источниках той эпохи название nobilis (благородный) употребляется наравне с ingenuus в смысле просто свободного, что, в свою очередь, обозначает, в сущности говоря, франка-воина. Из общей массы таких благородных, весьма плохо обставленных как в социальном, так и в экономическом отношении, выделяется тонкий слой, в котором следует видеть новую аристократию.

У саксов древнегерманская исконная военачальническая знать оказалась более устойчивой, чем у франков. В период покорения саксов Карлом Великим эта знать представляла собой строжайшим образом замкнутое для низов сословие; таким образом, для Саксонии те же термины имеют совершенно иное значение, чем для собственно франкского государства. Но это касается только переходного периода; когда саксонская знать вступила в ряды франкских графов, она также переняла характер чиновничьей аристократии[1]. Подобным же образом дело

обстояло в Баварии, где также уцелели некоторые древнейшие знатные роды.

Итак, во всей Каролингской империи дворянство, в смысле аристократии, состояло из крупных землевладельцев, занимавших вместе с тем высокие должности при дворе и управлявших графствами, причем оно не представляло собой вполне замкнутого сословия и еще не получило определенного значения в государственно-правовом отношении. Понятие "благородный" приближалось к понятию "свободный". Вместе с тем это понятие теряло свой вес и значение по мере того, как оно все более расходилось с понятием "воин", так как, с одной стороны, в военное сословие входило все большее число несвободных и с другой – многие свободные, покидая военное сословие, превращались в крестьян. До XI в. как свободное, так и несвободное военное сословие романских и германских стран мы должны представлять себе как слой населения, стоящий на невысокой социально-экономической ступени, живущий в таких же условиях, как и остальная масса горожан и крестьян. Часть их находится в непосредственном распоряжении своего сеньора при дворах королей, герцогов, графов, епископов, аббатов или составляет гарнизоны бургов; другая

часть, получив в лен небольшие земельные участки, занимается сельским хозяйством.

Литературные источники тех времен отражают эти отношения тем, что не только говорят о военном или рейтарском сословии в целом (militaris ordo, equestris ordo)[2], но отличают рядовых воинов (gregarii milites) от благородных (primi milites)[3] и упоминают даже воинов первого, второго и третьего разрядов[4].

Однако, все эти обозначения не были ни техническими терминами, ни отражением правовых понятий[5]; нельзя даже предположить, что низшая категория воинов охватывала просто несвободных; вернее, наоборот – в состав низшей категории входили и свободные, точно так же, как, с другой стороны, несвободные, продолжая оставаться несвободными, могли достигнуть более высокого социального положения и передать его потомству.

Эти многочисленные выходцы из низшего военного сословия постепенно приближаются по положению к настоящей аристократии того времени. Норманны, завоевавшие Англию, Южную Италию и Сицилию, по крови были не сплошь северянами, а дружинниками самого различного происхождения, которые примкнули к норманнскому ядру. Распространение владычества

немецких королей на Италию давало многим немецким рыцарям возможность достигнуть более высокого положения и приобрести поместья.

Беспрестанное продвижение германской колонизации к востоку создавало все более широкую почву для возникновения новых знатных родов. Французы поставляли самый значительный контингент для крестовых походов, которые одновременно являлись и колонизационным движением. Испанцы на своем полуострове продвигаются и вытесняют мавров.

Свидетельством того, что число рыцарей, владевших более крупными поместьями, первоначально было весьма незначительным, служит нам то обстоятельство, что и в настоящее время в древнегерманских областях Германии насчитывается лишь небольшое число дворянских имений: главная их масса расположена в колониальной области, к востоку от Эльбы.

Дальнейшая экспансия, в которой принимает участие западное рыцарство, повышает также и его социальное положение, и мы замечаем, как социальные различия, известные нам до тех пор в качестве фактических, начинают фиксироваться юридически; расплывчатые до тех пор границы сословий определяются твердыми линиями; сначала высшее дворянство, а затем (начиная с

XII в. и до конца средневековья) и низшее становится строго замкнутым сословием.

Хозяйственной основой рыцарства, поскольку оно не содержалось при дворе сеньора, служили ленные поместья, жалованные не как наследственные, а лишь пожизненно, причем с оговоркой на случай перемены сюзерена (т. II, часть 4, гл. IV). Но если наследник рыцаря удовлетворял требованиям сеньора, то лен оставлялся за ним; на этом основывались притязания наследств, из которых постепенно выработалось наследственное право, что не только укрепляло, но и повышало социальное положение рыцарства. Випо, биограф Конрада II, рассказывает нам, что император "в высокой степени привлек к себе сердца рыцарей (militum) тем, что впредь не разрешил отнимать у наследников лены, принадлежавшие издавна их предкам". Для Италии им даже был издан закон, формально запрещающий сеньорам отдавать рыцарские лены в аренду и получать за них подати, т.е. превращать их в крестьянские земли, или же требовать от ленника больших повинностей, чем полагалось; суд над ними должны были творить люди их же сословия в качестве шеффенов, а апеллировать разрешалось к императору или пфальцграфу. Возможно, что

занятие императором такой позиции вызвано было неоднократными мятежами его пасынка, герцога Эрнста Швабского. В этой борьбе император одержал верх, швабские вассалы отказались служить герцогу.

"Мы не отрицаем, – будто бы сказали они герцогу, – того, что мы клялись в верности против всех, за исключением того, кто поставил вас над нами. Если бы мы были слугами короля – нашего императора и им были переданы вам, мы не должны были бы покидать вас. Но раз мы люди свободные, и высшим на земле защитником нашей свободы является наш король и император, то, отрекшись от него, мы утратили бы свободу, которую, как сказал некто, ни один порядочный человек не отдаст иначе, как вместе с последним дыханием".

Вполне доверять этому рассказу, разумеется, нельзя, так как цитата о свободе, утрачиваемой с жизнью, восходит к "Каталине" Саллюстия, – писателя, вряд ли знакомого швабским графам и рыцарям. Верно, однако, то основное положение, что при ступенчатой структуре феодального государства различные ступени его взаимно обеспечивали незыблемость своих прав и социального положения.

Император правит при помощи совета князей,

а князья – совета своего рыцарства. Таким путем установилось равновесие между авторитетом власти и свободой. Рыцарство связывало княжескую власть, как последняя со своей стороны связывала власть императора, поэтому император, в свою очередь, заинтересован был в поддержке рыцарства.

Принятие в сословие низшего дворянства совершалось в форме церемония "рыцарского удара". Если "рыцарский удар" стоял в связи с древнегерманским обычаем вручения оружия или опоясывания мечом, то этот акт с изменением самого военного строя принял иной характер. Опоясывание мечом применялось к юноше, получавшему в первый раз оружие, как только казалось, что он в какой-то мере способен им владеть. Снарядить же юношу, только что вышедшего из детского возраста, тяжелым оружием и тяжелым конем, которые впоследствии вошли в употребление, было невозможно. Для него должен был пройти длинный период обучения, упражнения и испытания, в течение которого он в достаточной мере укрепил бы свои мускулы, чтобы носить это тяжелое оружие и править конем. Прежнее вручение оружия, имевшее место в 14-летнем или даже в 12-летнем возрасте, сменилось "рыцарским ударом",

который совершался не раньше 20-летнего возраста, а часто и гораздо позже. Возможно, что в течение некоторого возраста оба акта – вручение оружия и рыцарский удар существовали параллельно, но в то время как первый потерял свое значение, последний вырос в церемонию, считавшуюся весьма важной.

Все христианское рыцарство составляло как бы единую корпорацию: принятый в нее обязан был принести присягу на верность своему званию, часто и церковь давала этому акту свое особое благословение. Отличительными знаками рыцарства служили: перевязь, рыцарский пояс (cingulum militare) и золотые шпоры. С поясом и перевязью как символами военного сословия мы встречаемся в литературе уже в тот период, когда германцы заняли место римских легионов. В житии мученика Архелая времен Константина Великого святой прославляется за то, что он обратил в христианство многих воинов, которые при этом сняли свои военные пояса (cingulum militare)[6]; и когда Людовик благочестивый в 834 г. вынужден был принести в Реймсском соборе публичное церковное покаяние и постричься в монахи, то он, как подробно сообщается, снял свой рыцарский пояс и возложил его на алтарь. Право посвящать в рыцари

посредством рыцарского удара было предоставлено каждому рыцарю[7].

До тех пор пока это право не было ограничено, вступить в сословие рыцарей было нетрудно, – оно было открыто для всех. Но позже мы встречаем предписания, по которым в рыцари может быть посвящен только сын рыцаря.

По преданию, Людовик VI, король Франции отдал приказ (1137 г.)[8], чтобы у того, кто посвящен в рыцари, не будучи рыцарского рода, на навозной куче отбиты были шпоры, а Фридрих Барбаросса в 1187 г. запретил принятие рыцарского пояса сыновьям духовных лиц и крестьян[9].

Его дядя и историограф Отгон, епископ Фрейзингенский (1158 г.) весьма пренебрежительно отзывается об итальянских городах, в которых сыновья ремесленников посвящаются в рыцари[10]. В приложениях к статуту Ордена храмовников в XIII в. ношение белой мантии запрещается всем, не принадлежащим к рыцарскому роду. В случае же, если обнаружится, что кто-то принят в орден на основании данных им ложных сведений по этому поводу[11], он должен быть изгнан из ордена. В то же время ленное право делает вывод большого практического значения, а именно, что все,

не бывшие по отцу или по деду рыцарского происхождения, не имеют права получать лен[12].

Право на лен обозначается также термином Heerschild[13], которым пользовались опять-таки для определения различных ступеней ленного права. Никто не имеет права взять лен у равного себе по званию, так как присягой (Hulde, Mannschaft) он ставит себя в подчинение ему. Первым чином такого рода обладает император, вторым церковные князья, третьим – светские князья, четвертым – графы и т.д. В Северной и Южной Германии с некоторыми различиями насчитывалось до 7 чинов. Но вскоре строгость этой иерархии стала нарушаться и к XIV в. она успела устареть.

Таким образом, "рыцарский удар", как таковой, не имел бы никакого значения для образования сословия, а носил бы только характер личного отличия, которое нужно заслужить самому. Решающую роль имело дополнительное условие – происхождение от предков-рыцарей. Так созидалось наследственное сословие, до того времени существовавшее фактически, а не юридически[14].

Это образование сословия благодаря праву на посвящение в рыцари намечено было уже в указе

Барбароссы в начале его царствования (constitutio de pace tenenda – указ о поддержании мира, 1156 г.), устанавливавшем право на поединок только за тем, кто искони и по родителям своим был рыцарем[15].

Новое понятие окончательно вытеснило давно уже переплетающиеся различия между свободными и несвободными. Несвободные, принадлежащие к новому потомственному рыцарству, перешли в дворянское сословие, а признаки их крепостной зависимости постепенно исчезли настолько[16], что свободные по происхождению рыцари массами добровольно вступали в это сословие, и, в конце концов, различие стерлось окончательно, хотя кое-где некоторые следы прежней несвободы сохранились до конца средневековья. Если в прежних германских странах существовали еще свободные, имевшие, как таковые, даже не будучи воинами, преимущества перед несвободными рыцарями, то, начиная с XII в., рыцарь – свободный или несвободный – приобретал безусловные преимущества перед низшими классами свободных[17].

Таким образом, чтобы стать дворянином в современном смысле этого слова, древнегерманский воин должен был пройти через

своеобразный процесс метаморфозы: сперва он признал себя принадлежащим к несвободному сословию и при этом в значительной мере смешался с потомками настоящих несвободных; впоследствии это несвободное военное и чиновничье сословие выросло в господствующую касту. Однако, этому прохождению через несвободное состояние не следует придавать слишком большое значение, – это явление определенно установлено только в Германии, во Франции же оно было так мало заметно, что его могли совершенно отрицать[18]. В Англии вообще не было института министериалов, на самом же деле тираническая власть английских королей над своими рыцарями была гораздо более неограничена, чем власть германских князей над своими министериалами, образовавшими, несмотря на свою формальную зависимость, весьма самонадеянную, требовательную и кичащуюся своими привилегиями корпорацию.

Как ни велико значение образования этого нового сословия, все же трудно дать точную формулировку отдельным фазам его развития. В нашем обычном словоупотреблении под "рыцарем" мы понимаем знатного и, как правило, владеющего поместьями воина, т.е. представителя именно того сословия, которое в XII в. выделилось

и превратилось в мелкое дворянство. С точки зрения военной истории мы должны или во всяком случае имеем основания называть рыцарством все военное сословие. как то, которое образовалось со времени переселения народов из расселившихся по Римской империи германцев, так и то, которое возникло после сражения при Туре в результате вассальства и ленной системы. Но это создает неудобство в том отношении, что, начиная с XII в., этот же термин охватывает гораздо более узкое понятие. Между тем исторически это неудобство вполне оправдывается, так как средневековое словоупотребление само по себе было весьма неопределенным. По существу же нет никаких сомнений, что первоначально незначительное расслоение сословия с XV в. становится все более, и более явным, и что понятие "рыцарь" относится лишь к высшему социальному слою; низший воин называется "сержант" (serviens) или "кнехт", поэтому формула "рыцари и кнехты" становится общеупотребительной для всего войска. Какую роль при этих изменениях играет случай, видно из того, что в немецком языке простой Reiter (всадник) преобразился в знатного Ritter (рыцаря), а словом "кнехт" стали обозначать самую низшую ступень, в то время как в английском языке как

раз наоборот: knight (найт) означает "рыцарь". Наряду с термином "кнехт" употребляется и "кнаппе", что по этимологии означает одно и то же, ибо "кнаппе" (Knappe) произошло от "Knabe" (мальчик), а "кнехт" первоначально означало не что иное, как молодой парень. Постепенно же термин "кнаппе" вошел в употребление для обозначения сопровождавшего рыцаря молодого его слуги и оруженосца, в особенности же по отношению к таким, которые сами были рыцарского происхождения и приставлены были к своему господину в качестве ученика с целью обучения рыцарской доблести и военному искусству. В заключение напомним, что в немецком языке есть еще третье слово с тем же первоначальным значением, как кнехт и кнаппе – Thegn (Than) или Degen.

Итак, в романо-германской части Европы образование рыцарского сословия протекало следующим образом: германские завоеватели и поселенцы вполне свободными считали только воинов, которыми, по преимуществу, были они сами. Но это не могло еще привести к образованию сословий в собственном смысле, именно потому, что сословное деление в слишком большой мере совпадало бы с этническим. Место военного сословия, образовавшегося по

этническому признаку, занимает военное сословие, образовавшееся по признаку вассальной зависимости и ленного владения; в результате этих изменений стирается различие между свободными и несвободными. Остается, однако, противопоставление профессионального и преимущественно потомственного военного сословия остальным – невоенным, а в этом военном сословии отслаивается как высшее, так и низшее дворянство.

Итак, рыцари в более позднем смысле этого слова (т.е. рыцарского происхождения, принятые через посвящение в корпорацию) образуют собой как бы военное сословие внутри военного сословия. Важно уяснить себе (что не так просто), каким образом это было возможно, ибо предпосылкой образование закрепления подобного военного сословия могло быть только действительное превосходство в военном деле, в бою, – одних правовых норм было недостаточно. То, что некогда германцы в Римской империи, жившей своей мирной гражданской жизнью, или же впоследствии викинги своими военными подвигами выдвинулись в окружающем мире настолько, что целиком считались в нем военным сословием, – это понять нетрудно. Но как могло произойти, что теперь это новое рыцарство

выделилось среди остального населения настолько, что, в конце концов, стало правящей аристократией? Это понять не так-то легко, ибо природные военные способности, физическая сила и мужество передаются вовсе не настолько из рода в род, а воспитание вовсе не имеет такой формирующей силы, чтобы природные способности членов других сословий того же народа очень часто не смогли бы уравновесить и даже превзойти их. В особенности это могло иметь место в данном случае, когда наряду с рыцарством существовало, большей частью тоже наследственное, сословие кнехтов: среди них наверное часто должны были встречаться воины, которые по физической силе, умению владеть оружием и храбрости могли соперничать с любым рыцарем.

На основании того, что рыцарский удар сопровождался религиозным посвящением, а в число обетов, приносимых молодым рыцарем, входил также обет служению церкви, очевидно и полагали, что зарождение нового сословия следует искать на почве церкви. Рыцарство образует один большой христианский орден, – впрочем, настолько мало сплоченный, что слово "орден" применимо только в переносном смысле. Тем не менее эта организация рассматривалась как

подражание незадолго до того основанным на Востоке настоящим рыцарским орденам храмовников и иоаннитов, а образование всеобщего христианского рыцарского ордена многие историки считают плодом религиозного возбуждения во время второго крестового похода (1147 г.). Но нетрудно установить ошибочность такого взгляда. Если бы сущность этого явления состояла только в том, что некие воины в торжественной форме произносили определенные религиозные клятвы, то оно не приобрело бы значения в истории военного искусства и не привело бы к образованию такой могущественной, веками господствующей аристократии. Наоборот, ясно, что здесь мы имеем дело с таким явлением в истории военного искусства, которое чрезвычайно важно в смысле очень сильной потенции, и только проникновение в природу средневекового военного дела и выявление его движущих сил дает возможность понять, в результате какого процесса сложилось это явление. Для этой цели необходимо рассмотреть военную технику рыцарства.

Оборонительное оружие, которым сражались воины еще во время Карла Великого – шлем, щит и броня – было, как мы видели, еще не особенно тяжелым. Шлем был без забрала, броня состояла из кольчуги, оставлявшей непокрытым затылок.

Мы можем на протяжении всего средневековья проследить постепенное усовершенствование и утяжеление вооружения[19].

Тогда как в более раннюю эпоху принято было называть воинов по главному их предохранительному оружию – щит (scutati), к концу XI в. вместо этого названия в обиход входит выражение loricati, т.е. закованные в броню, и наконец с XIII в. войско считают по числу покрытых броней коней (dextrarii или falerati cooperti)[20].

В средние века исход сражения решается не так, как у римских легионов, – сплоченностью, ловким маневрированием и совместным натиском хорошо дисциплинированных, хорошо подготовленных тактических единиц, – а личной храбростью и сноровкой отдельных воинов. Поддержка же, которую хорошее оружие может оказать личной сноровке, очень значительна. Неломкое копье, меч достаточно острый, чтобы пробить им железо, непроницаемый шлем, щит и панцирь, – вот что обеспечивает победу.

Снова, как некогда Гомер, песни прославляют не только героев, они воспевают и неуязвимость их доспехов, рассказывают историю и свойства меча "Бальмунга". Часто не только меч, но и другие части рыцарского вооружения получают

собственные имена.

Воин с таким оружием, одетый в тяжелые доспехи и умеющий двигаться в них, в единоборстве превосходил воина с более легким вооружением. Но войско не могло состоять исключительно из таких воинов, ибо тяжелое вооружение делало их непригодными для некоторых необходимых в бою действий. В пешем бою он был несколько беспомощен, так как почти не мог сходить с места; ему трудно было садиться на коня и сходить с него; упав, он мог подняться только с большим трудом[21]. Он не был в состоянии по-настоящему преследовать врага, он не мог пользоваться метательным оружием. Он даже не мог обходиться одним конем, а из-за своего тяжелого веса, чтобы не утомлять своего боевого коня, вынужден был беречь его по возможности до последней минуты, пользуясь до тех пор другой лошадью. Таким образом, ему было необходимо иметь не одного, а двух и даже трех коней; это подтверждается и источниками, начиная с XI в.[22].

Со второй половины XII в. броней стали покрывать и боевого коня, что, впрочем, уже применялось и остготами в их войнах с Велизарием[23].

В то время как в эпоху Каролингов и до

времен Оттонов войско в отношении военной техники и вооружения, несмотря на различные оттенки, все же следует считать однородным, из общей части воинов мало-помалу выделяется более знатная часть, имеющая возможность обзавестись несколькими лошадьми и слугами и весьма дорого стоящим полным снаряжением. Такой рыцарь не в состоянии вести войну в одиночку; в бою он нуждается в различного рода помощи, – не только в личных слугах и конюхах, но и в легковооруженных пеших воинах-стрелках. Мы видели, как в переходный период от древности к средним векам различные роды войск – пехота и кавалерия – исчезают и сливаются: одни и те же бойцы сражаются в пешем и конном строю и применяют как дальнобойное, так и холодное оружие.

Так продолжается веками. Затем снова происходит разделение различных родов войск, но совершенно иное, чем в древности: наряду с тяжеловооруженными рыцарями встречаются легковооруженные всадники, конные лучники, пешие лучники, а позже и арбалетчики и пешие кнехты с холодным оружием.

Внешне в отношении оружия различие с древностью было, может быть, не так уж велико: и тогда существовало такое же наступательное и

такое же оборонительное оружие. Но во внутреннем содержании между внешне сходными явлениями имеется коренное различие.

Больше всего сходства можно найти у легковооруженных пеших, особенно у лучников; и в ту и в другую эпоху они являются только вспомогательным родом войск. Уже Вильгельм Завоеватель широко пользовался ими; в Германии до этого времени мы редко встречаем их применение, но с XII в. значение их возрастает все более и более.

Первоначально у западных народов не было конных стрелков, они почти не встречаются и у римлян. Это исконное оружие Востока персов и парфян. Крестоносцы также ознакомились с ним или, во всяком случае, научились бояться его у своих противников и сами брали на службу таких конных стрелков.

Пешие воины с холодным оружием временно, по-видимому, почти совершенно исчезли из войска; особенно в Германии в описании многих сражений спешивание рыцарей особо не упоминается, – это были чисто конные бои[24]. В первом крестовом походе, как и вообще в крестовых походах, появляется много пеших воинов, но это вызвано, вероятно, только отсутствием лошадей у рыцарей. Постепенно

возрастает их число и на Западе; в этом-то и заключается коренное отличие от армий классической древности, в которых пехотинцы составляли основное ядро. Там они действовали крупными сплоченными массами, расчленение которых с течением времени становилось все более гибким – без ущерба для эффективности массового действия.

В средние века такой пехоты не было. Пеший кнехт, хотя бы и одетый в латы и вооруженный колющим и тупым оружием, в бою не самостоятелен, а служит лишь подсобной силой для рыцаря.

Благодаря этому рыцарь, в свою очередь, также представляет собой уже нечто иное, чем тяжеловооруженный всадник древности. Гетэры Александра Великого, может быть, довольно близко подходят к понятию средневекового рыцаря в первоначальной стадии его развития. Позднейшие настоящие рыцари средневековья вооружены были, несомненно, гораздо тяжелее, чем когда бы то ни было всадники древности; конница Ганнибала и Цезаря – варвары-наемники – ближе к понятию современной кавалерии, чем к рыцарству. Рыцарство представляет собой совершенно своеобразный род войск, ибо ни один из других родов войск – ни легковооруженные

всадники, ни пешие кнехты, ни стрелки – не могли устоять в единоборстве против рыцарей, от которых поэтому зависел исход боя. Большой вопрос, смогли ли бы рыцари атаковать в конном строю римский легион, но в средние века не было такой пехоты, которая могла бы им противостоять. Таким образом, рыцари, благодаря характеру и силе своего оружия, составляли костяк войска. Заметный издалека и со всех сторон рыцарь – это тот, кто подает пример рядовому воину, тот, кто его воодушевляет и ведет за собой. Воспитание, сословный дух, высокое положение развивают чрезвычайно повышенное чувство чести и честолюбия; рыцарь должен был отличаться исключительной храбростью, иначе он был бы ничтожней ничтожного, презренною тварью. Мы видим, что нет ничего искусственного и случайного в том, что этот род войск является в то же время сословием. Без такого социального ядра или, вернее сказать, без таких глубоких социальных корней трудно было бы сформировать отборный отряд, каким внутри средневековой армии была тяжеловооруженная конница. Ведь в средние века отсутствует такая регулярная армия, какую мы видим в древности и в новейшее время, – армия, боеспособность которой основана на спайке и дисциплине; в

средневековье военное воспитание является исключительно задачей семьи и сословия. Род войск становится наследственным; он предопределяется рождением.

Недаром император Фридрих II писал своему сыну, чтобы тот прислал ему рыцарей, "так как именно множество рыцарей составляет гордость империи и нашу силу", и когда город Кельн в 1368 г. возобновил союзный договор (от 1263 г.) с графом Юлихским, то в него включено было дополнительное условие о том, чтобы 15 оруженосцев, которых граф обязывался выставить наряду с 9 рыцарями, были "guder Lude, zum Schilde geboren"[25].

Значение этого рода войск находит характерное выражение в том, что латинские писатели называют рыцаря просто "miles" (воин); он и только он считается настоящим воином. Слово, которое в классической латыни обозначает рядового воина, теперь обозначает самого знатного. Рихерий, писатель конца X в. (около 995 г.), впервые употребляет выражение "milites peditesque" (рыцари и пехотинцы), встречающееся затем очень часто, – как если бы пеший кнехт вообще не был полноценным воином[26]. Впрочем это слово никогда не стало технически точным термином; поэтому если в средневековом

источнике говорится, что в армии насчитывалось столько-то milites, то из этого отнюдь нельзя вывести заключение, что кроме них имелось еще известное число других бойцов – легких всадников, оруженосцев, кнехтов, стрелков или иных пеших бойцов; по крайней мере в XII в. под словом milites подразумеваются все конные бойцы, если нет прямых указаний на что-либо другое. Состояла ли армия вообще исключительно из конных бойцов, или же в ней имелись и пешие, это опять-таки в каждом отдельном случае подлежит особому выяснению. Со временем слово miles суживается в своем значении и начинает преимущественно относиться к рыцарю в собственном тесном смысле этого слова[27].

Военное сословие более раннего периода, в общем, также было наследственным; браки, как правило, заключались внутри его. Все же храбрый сын горожанина или крестьянина, или даже несвободный мог вступить в него и основать воинский род; дети таких семейств в свою очередь опять переходили к крестьянской – или городской жизни. Когда из этого открытого военного сословия выделился высший слой, концентрировавшийся при княжеских, графских, а также епископских дворах и резиденциях, с образованным и утонченным обществом, то это

сословие замкнулось от низших слоев, и, в конце концов, доступ в него был совершенно закрыт.

В связи с этим я хотел напомнить ход рассуждений в т. I настоящего труда (часть 4-я, гл. I) при описании древнейшего римского государственного строя. Все еще спорной проблемой древней истории является происхождение городской аристократии – эвпатридов в Греции, патрициев в Риме – и вопрос о том, почему римская аристократия выказала себя в такой мере более сильной и жизнеспособной, чем аристократия какого бы то ни было греческого народа. Данное мною решение этого вопроса является результатом параллельного исследования античных и средневековых источников, так же как персидские войны нашли объяснение себе в бургундских войнах. Как в средние века боевая квалификация привела к образованию дворянского сословия, точно так же все говорит за то, что в древности, в доисторический период, имела место аналогичная линия развития. Уже давно говорят об античном средневековьи, а конный бой, играющий столь существенную роль при образовании рыцарского сословия, в Италии имел гораздо большее значение, чем в Греции.

В исторические эпохи древности не

существовало больше рыцарства, т.е. военного класса, в котором высококвалифицированный отдельный боец играет решающую роль на войне. В Риме патриции, а позже оптиматы правят благодаря политическим силам и политическим организациям. Римские консулы – не передовые бойцы на поле битвы, как германские герцоги и графы. Даже тогда, когда место древнеримского гражданского ополчения всецело заняла профессиональная и регулярная армия, полководцы, по их понятиям, продолжали оставаться не воинами, а чиновниками (магистратами); в качестве наместников провинций проконсулы и пропреторы командовали и войсками.

Германские же короли и их чиновники были, наоборот, прежде всего воинами и сохраняли этот характер даже тогда, когда они, будучи воинами, управляли всей государственной жизнью.

Императоры и короли средних веков – рыцари; весь их двор состоит из рыцарей. Князья и графы, правящие областями, также являются рыцарями; даже епископы и аббаты окружены были рыцарями и сами достаточно часто брались за оружие. По Эйнгарду (под 778 г.), Карл Великий во главе своих войск поставил "придворных" (aulici). Кто в этих кругах не

рыцарь – тот клирик; там, кроме этих двух, иного звания не существовало. Если король или какой-нибудь дворянин снимет рыцарский пояс, то это означает, что этим самым он отрекается от светской жизни и готовится уйти в монастырь[28]. Даже Румольд, повар в "Песне о Нибелунгах" – "выдающийся герой". Все высшие функции, поскольку они не предоставлены духовным лицам, выполняются воинами. Те, кто занимает должности при дворах королей, князей, графов, епископов и аббатов, благодаря своему высокому положению, своему богатству и доходам составляют самую выдающуюся часть рыцарства.

Римская знать могла довольствоваться гражданскими должностями, ибо она могла держать массы в повиновении, опираясь на дисциплинированное войско; аристократы романо-германского средневековья не располагали обученными манипулами и когортами; вождями народа они могли быть только в том случае, если они вместе с тем были самыми неустрашимыми бойцами.

В этих кругах продолжает жить образ древнегерманского героя, сохраненный нам Тацитом. В песнях и сагах образ этот получает свое дальнейшее развитие. Односторонне суровый и меланхоличный первоначально, он в нашу эпоху

становится более жизнерадостным благодаря тому, что представители молодых поколений оказываются более восприимчивыми к прекрасному, и в конце концов у них складывается образ идеального рыцаря. Нравственный облик рыцаря облагораживается благодаря самодисциплине; жизнь при дворе и культ женщины накладывают на него свой отпечаток[29], он отдает свой меч на служение церкви, олицетворяющей для него вечные идеи.

Рыцарство, образующее, вместе с тем высший слой общества, является специфическим, но не единственным военным сословием позднего средневековья. Какое бы значение ни придавалось наследственному званию в качестве признака рода войск, естественно все же, что среди простых воинов были многие с не меньшими, чем у рыцарей, воинскими данными, – тем более, что держатели мелких ленов, не занимавшие одновременно каких-либо должностей, часто вовсе не вступали в новый рыцарский орден, а между тем такие роды не в меньшей степени принадлежали к потомственному военному сословию[30]. Ничто не мешало сюзерену снарядить рыцарским вооружением простых воинов, известных ему своей боевой квалификацией, независимо от того, были ли эти

воины владельцами ленов, или же вольнонаемными[31].

Фактически во всякой армии наряду с собственно рыцарями имелось весьма большое число по-рыцарски вооруженных кнехтов. Случалось, однако, что кто-либо сражался по-рыцарски, не будучи посвящен в рыцари, и, наоборот, воин рыцарского звания – быть может за отсутствием полного снаряжения – причислялся к низшему роду войск или же выступал не в собственном вооружении, а в пожалованном ему сеньором; кроме того молодые люди благородного происхождения, т.е. кнаппе, как легковооруженные всадники с внешней стороны сливались с легкой конницей; поэтому как в социальном, так и в военно-техническом отношении переходные ступени к рыцарству весьма многообразны, и установить взаимоотношение родов войск и сословий практически труднее, чем в принципе[32].

Особенно в городах отделение рыцарства от высоких слоев городского сословия происходило очень медленно, вследствие того, что оно превратилось в поместное дворянство. С давних пор значительная часть военного класса жила в городах. Совершенно неправилен взгляд, будто германцы, расселившиеся в пределах Римской

империи, сели на земли; нет сомнения, что значительная часть их с самого начала осталась в городах в качестве графской свиты. Купец, отправлявшийся в путешествие, должен был быть не только дельцом, но и владеть оружием быть до известной степени воином.

Должно быть немалая часть графских и епископских воинов в городах перешла к ремеслам; в эдикте лангобардского короля Айстульфа от 750 г. и в указе архиепископа Бременского (см. выше) ясно говорится о воинах-купцах qui negotiantes sunt (которые занимаются торговлей). Из оставшихся верными своей военной профессии обладавшие достаточными средствами стали участниками городского управления и, слившись с состоятельными купеческими фамилиями, образовали городской патрициат[33].

Поэтому в эдикте Фридриха Барбароссы, запрещающем посвящать в рыцари сыновей крестьян и духовенства, сознательно не упоминается городское сословие.

Как ни разнообразны и часты переходы от одного сословия к другому, главное ядро средневекового войска образует преимущественно военное сословие. Возникавшие на этой почве трения и неудобства на практике сглаживались.

Сыновей рыцарей, которые, несмотря на наследственные права и воспитание, по физическому и духовному развитию не отвечали высоким требованиям своего сословия, назначали на духовные должности, постригали в клирики или прятали в монастыри. Молодые люди из других сословий, отличавшиеся качествами, требующимися от рыцаря, могли служить сперва оруженосцами и сержантами, а затем и в качестве рыцарей, не будучи посвященными, – да и самый закон о том, что только потомки рыцарей могут получить рыцарское достоинство, был не столь незыблем. Сам император и корочи посвящали, конечно, в рыцари тех, кого они находили достойными. По дошедшему до нас формуляру, уже Фридрих II приостанавливал действие этого закона для особо заслуженных лиц[34]. Судя по возмущению по поводу посвящения в рыцари несвободных, отразившемуся в литературе, можно заключить, что это случалось нередко. Уже Вирнт фон Гравенберг в своем "Вигалуа", написанном между 1204 и 1210 гг., восклицает: "Да поразит господь тех, кои когда-либо вручали меч не могущим вести достойную рыцаря жизнь и по рождению своему не к тому предназначенным". Зейфрид Гельблинг (Seifried Helbling), живший во второй половине XIII в., с насмешкой замечает,

что крестьянина со щитом и мечом нельзя посвятить в рыцари, подобно тому, как нельзя в светлое воскресенье освящать вместо барашка козлятину: "да превратится у него тотчас же щит в отвал у плуга, меч – в лемех, рыцарский шелковый кошелек – в сеялку, а галун на поясе – в льняной мешок для корма лошадей".

Оттокар Штирийский издевается над "вахлаками с шишаками", а глоссы к саксонскому феодальному праву объясняют: "Если король, оказывая крестьянину милость, делает его рыцарем и при этом вместе с рыцарским достоинством жалует ему и рыцарские права, то этим он нарушает закон. Даже посвященный в рыцари крестьянин таковым не станет никогда"[35].

Показателен известный рассказ о том, как стремянный, которого Фридрих Барбаросса хочет за его выдающуюся храбрость (под Тортоном в 1155 г.) посвятить в рыцари, сам отклонил эту честь, так как он принадлежал к низшему сословию и желал остаться в нем[36]. Судя по этому, уже и тогда рыцари своими обычаями и всем образом жизни настолько отличались от простого смертного, что последний, если он по природе был скромен, не решался вступить в среду, где он почувствовал бы себя чужим.

Формула, которая продолжала оставаться в употреблении 800 лет: "народ должен работать, рыцари – воевать, духовенство – молиться", впервые встречается в поэме одного французского епископа, посвященной Капетингу – Роберту Благочестивому[37]: "Дом господний, о котором думают, что он един, – триедин: одни молятся, другие сражаются, третьи трудятся".

Военное обучение носило в средние века почти исключительно индивидуальный характер[38]. Пеший кнехт не обучался ничему, стрелок упражнялся в стрельбе, рыцарь с детства обучался верховой езде и обращению с оружием, – сперва в семье, а затем на службе у своего сеньора. Его сословное воспитание всецело концентрировалось вокруг военного дела.

Английский хроникер Роджер Ховеден рассказывает о том, как король Генрих II посвятил в рыцари своего третьего сына Готфрида. герцога Бретани, и тот, жаждавший достигнуть такой же военной славы, как его братья Генрих и Ричард (Львиное Сердце), усердно предавался упражнениям в рыцарском искусстве[39]. "И была у них одна мысль превзойти других в воинском деле; они знали, что без предварительного упражнения военное искусство не дается в то время, когда оно требуется. Боец, который

никогда не был избит до синяков, не может, гордый духом, вступить в состязание. Кто видел свою собственную кровь, чьи зубы скрипели под ударами кулаков противника, тот, кто распростертый на земле всем телом поддерживал противника, поверженный – не терял мужества, тот, кто поднимался более непреклонным, сколько бы раз он ни был повергаем, идет в бой с великой надеждой. Ибо доблесть, будучи подстрекаема, чрезвычайно возрастает; лишь преходящая слава есть удел духа, подверженного страху. Без вины гибнет тот, кто спешит взять на себя непосильное бремя. Награды хорошо выплачиваются в храмах победы". Главной школой рыцарства являлись княжеские дворы[40], куда с целью дальнейшего воспитания посылались юноши знатных родов.

Вольфрам фон Эшенбах в "Willenhalm" описывает военные игры на площади перед замком: "Между дворцом и липами можно было видеть, как сыновья благородных ударяют копьями в щиты, то вдвоем, то вчетвером; там – стремительно скачут навстречу друг другу, тут бьются палицами".

В сказании о Вольфдитрихе воспитание рыцаря описывается следующим образом: "Трех княжеских детей обучали разным рыцарским играм: защищаться и фехтовать, стрелять в цель,

прыгать на расстояние, хорошо владеть копьем и держаться в седле; все это делало их непобедимыми".

Испанец Петр Альфонси, живший в конце XI в., в своей "Disciplina Clericalis" противопоставил семи свободным искусствам ученых семь рыцарских искусств (probitates): верховую езду, плавание, стрельбу из лука, кулачный бой, соколиную охоту, игру в шахматы и сложение стихов[41], причем странным образом пропущен самый важный вид – фехтование, в то время как в другом месте упоминается даже об умении подавать блюда и прислуживать за столом, как о занятии, входящем в круг воспитания молодого рыцаря[42].

Кульминационный пункт упражнений составляли турниры перед лицом всего народа, несомненно восходящие к отдаленной старине. Уже Тацит намекает на нечто подобное у тенктеров ("забава для детей, предмет соревнования для мужей" – Germ, cap., 32), мы читаем о турнирах при дворе короля остготов Теодориха[43]; до нас также дошло подробное описание военных игр, сообща устроенных Людовиком Немецким и Карлом Лысым в 842 г. в Страсбурге при торжестве заключения договора между ними[44]. Отряды рыцарей атаковали друг

друга в конном строю, потрясали копьями, но ударов не наносили, так что никто не был ранен. По мере того, как вооружение становилось более тяжелым, делали новые шаги в сторону настоящего сражения, и действительно кололи и наносили удары тупым оружием. Более старая форма рыцарского состязания называлась "бугурд" (buhurt), новая, впервые зародившаяся во Франции – тьост, или поединок на копьях, а столкновение целых отрядов рыцарей – турниром.

Эти военные игры и связанный с ними придворный быт зародились во Франции и оттуда распространились по другим странам, в том числе и Германии. В средние века приписывают изображение турниров французскому рыцарю Готфриду де Прельи (de Preully), убитому в 1066 г. Чаще всего старались тупыми копьями выбить друг друга из седла, что представляло крайне опасную забаву, приводившую не только к тяжелым увечьям, но нередко и к смерти. Поэтому церковь выступала все с новыми постановлениями против них, и в торжественных синодальных указах турниры были запрещены под угрозой отлучения; первый из этих указов издан был Реймсским собором в 1131 г.[45] Рыцарство, однако, не поступилось своим спортом, в котором сильнее всего проявлялся его классовый дух и в

котором оно наиболее явно отличалось от простого народа. Здесь должен был выказать себя истинный рыцарь, не только искусно владеющий оружием, но и не страшащийся опасности даже ради потехи. Со временем условия и формы турниров стали еще более жестокими. Брали не только тупые, но и острые копья с дисками на конце, чтобы острие не вонзилось слишком глубоко, или же полагались на то, что слабое копье скорее сломится, чем пробьет крепкий щит и латы противника. Но затем стали пользоваться копьями с прочными древками, и иногда случалось также, что на турнирах настоящие враги вызывали друг друга на смертный бой.

При столкновениях целых отрядов, а порой и в единоборстве, старались с наскока опрокинуть противника, что, конечно, в лучшем случае не обходилось без серьезных ушибов.

Разбег был всегда очень коротким, и даже общую атаку отнюдь нельзя сравнить с современной атакой сомкнутого эскадрона. Для этого необходимы были бы другие предпосылки, в частности длительная совместная подготовка, а не только кратковременные встречи. Следовательно – это только усложненный поединок[46].

Горожане также любили турниры и упражнялись в них. Император Фридрих II

однажды запретил жителям Любека устраивать турниры[47], из-за случающихся во время их беспорядков (а также – насилий над женщинами и девушками), но магдебуржцы – согласно Шеффенской хронике от 1270 г. – пригласили на турнир всех купцов, которые "желали бы быть посвященными в рыцарство". В 1368 г. граждане Констанца отправились на турнир в Цюрих[48]. Только в XV в. городская аристократия была вытеснена из турниров – вероятно потому, что после победы цехов ее политическое положение существенно изменилось. Она должна была повиноваться городскому совету, в котором было больше цехов, чем родовитых горожан, платить налоги и выполнять сторожевую повинность наравне с остальными гражданами. Много самых знатных родов, утратив свое господство, покинуло города и поселилось в поместьях[49].

Особенно слабой стороной средневекового войска была дисциплина; я даже сомневаюсь, уместно ли это слово здесь в смысле строго технического термина.

Традиции дисциплины у рыцарства не было. Корни средневекового войска мы нашли в германских всенародных ополчениях, расселившихся в римских провинциях. Относительно порядка и субординации в этих

всенародных ополчениях мы уже сказали, что, хотя настоящей военной дисциплины они не имели, все же общий социально-политический строй создавал нечто аналогичное ей. Таким же образом и в феодальном государстве существует своеобразный порядок: иерархия, субординация, приказание и повиновение – элементы, без которых вообще массы не могут быть приведены в движение, но того, что мы называем дисциплиной, что имели римские легионы и вновь имеют современные армии, – этого не было. В основе дисциплины лежит право командиров налагать взыскания; право это обуздывает своеволие и создает привычку, которая, как таковая, беспрерывно дает свои плоды. Труднейший вопрос дисциплины не столько господство над массами, сколько господство полководца над вождями. Военная история новейшего времени полна конфликтов внутри армий на почве сопротивления генералов верховному командованию. Но по сравнению с современной военной иерархией как слаба была власть средневекового государя над крупными вассалами! Даже самая присяга на верность сеньору не обязывала вассала к безусловному повиновению. До нас дошла формула присяги[50], принесенной итальянскими

коммунами и епископами Фридриху Барбароссе при восстановлении им в 1158 г. в Италии королевской власти: они отнюдь не клянутся выполнять все его приказания, а лишь клянутся выслушать, применить и выполнить каждый приказ, данный императором на основании его прав. Хотя и существует возможность отнять у неповинующегося вассала лен, но это часто ведет к гражданской войне. Вассал от "милости" своего сеньора ждет всяких наград, которых он легко может лишиться из-за непослушания и строптивости, но боязнь утратить награду от своего сеньора и лишиться его благосклонности гораздо менее действенна, чем страх перед наказанием, – тяжелым неизбежным наказанием вплоть до казни на месте, – лежащим в основе института, называемого нами воинской дисциплиной. Рыцарь сознает, что он обязан своему сеньору повиноваться, но дух его воинского звания порождает вместе с тем строптивость, легко вторгающуюся в пределы этого повиновения. В песне о Нибелунгах Фолькер мыслит как настоящий рыцарь, когда он, высмеивая Вольфгардта, ссылающегося на приказ своего сеньора, восклицает: "Тот выказывает слишком большую трусость, кто согласен отказаться от всего, что ему запрещают".

* * *

Один современный исследователь высказал взгляд, что строптивый дух независимости, исключающий возможность образования дисциплинированных тактических единиц, возник только в эпоху упадка рыцарства. "Только когда место всех блестящих добродетелей доброго старого времени заняли жажда наслаждения" грубость, себялюбие, вероломство, коварство и неверность всех видов, только тогда смог создаться ложный идеал рыцаря, не склоняющегося ни перед чем, даже перед всевышним". Перелистывая страницы книг по истории Германии, можно легко убедиться, что и там представление о "добром старом времени" ошибочно. Пока существовала могущественная монархия Карла Великого, мы, правда, нередко слышали о заговорах, но авторитет власти все же имеет перевес и побеждает. После же распада Каролингской империи, даже при самых влиятельных восстановителях королевской власти, мы все время встречаемся со "строптивым духом независимости, не склоняющимся ни перед чем, даже перед всевышним". Уже при внуках Карла мы вновь и вновь видим, как сын идет на отца, герцог на короля, граф на герцога, как у саксов и баварцев знатные скорее готовы отправиться в

изгнание к язычникам, чем покориться. Как тщетны, например, старания Оттона Великого помирить своего старого друга, герцога Эбергарда, с его франками, когда он вынужден был наложить на них наказание за нарушение мира внутри страны. Сага, прославляющая борьбу герцога Эрнеста Швабского против своего отца, не без основания слила воедино его образ и образ его предшественника Лудольфа, некогда также сражавшегося против своего отца, короля Оттона. Пусть не говорят, что все эти явления относятся только к высшим слоям, графам и князьям, и что среди воинов низших рангов мог царить иной дух. Но существует не допускающий исключений закон; дисциплина начинается с верхов и сверху распространяется до низов. Если полковники и генералы мятежники, то таковы и их войска; среди рыцарства не могло создаться иного отношения к военному авторитету графов, чем среди последних к авторитету короля. Из времен Барбароссы мы имеем примеры того, что не только князья, но даже простые рыцари пренебрегали приказами императора[51], а история первого крестового похода показывает нам на каждом шагу, с каким неимоверным трудом, от случая к случаю, удавалось устанавливать самый примитивный порядок и необходимое

руководство.

"Никакая власть не страшна тем, кто избегает преступлений, наказуемых королями" – поет французский епископ Адальберон о "nobiles", являющихся "bellatores"[52] – строки эти можно перевести словами Шиллера: "Только солдат – свободный человек". Правда, выше мы установили, что министериалы, составляющие остов феодального войска, по социальному своему положению были несвободными. Свидетельствует ли это о наличии различных элементов внутри рыцарства или о различии между французскими и немецкими рыцарями? Ни в коем случае. Ибо такова сложность человеческого бытия, что содержание и форма могут в своем развитии дойти до полного взаимного противоречия.

Больше всего дисциплины было, во всяком случае, в рыцарских орденах, где господствовала строгая система наказания и где точным предписанием регулировались как служба, так и личная жизнь рыцаря. Рыцарю-храмовнику, например, – в целях сохранения коней – без особого разрешения начальства запрещалось ехать галопом (гл. 315); мешок, в который рыцарь укладывал свою кольчугу, когда он не надевал ее, должен был быть не из материи, а из кожи или проволочной сетки; без особого разрешения

храмовник не имел права привязывать этот мешок, а обязан был носить его в руках (гл. 322). Наказание заключалось в том, что он лишался права надевать белую мантию ордена и во время общей трапезы должен был сидеть на земле. Устав ордена в качестве наказаний знал заключение в карцер и изгнание из ордена. Один храмовник, ответивший однажды на приказ комтура[53]: "терпение, я это сделаю" ("espoir, je le ferai") за невыполнение приказа на месте был по единогласному решению капитула лишен мантии ордена (гл. 588).

С массой кнехтов, должно быть, основательно расправлялись палками, но и здесь повиновение следует представлять себе скорее как повиновение слуги господину, чем солдата – начальнику.

Император Фридрих I в начале своего царствования, в 1158 г., издал военный устав, который дошел до нас и иногда называется "военным артикулом", не заслуживая, однако, такого наименования. В нем не содержится никаких дисциплинарных предписаний, а видно лишь стремление до известной степени упорядочить взаимоотношения между бойцами. Устав запрещает во время поединков звать себе на помощь товарищей, рекомендует разгонять дерущихся, надев на себя латы, но не мечами, а

палками; нашедший бочку вина не должен давать вину вытечь, чтобы оно досталось и другим воинам; точно определяется, кому принадлежит убитая на охоте дичь; устанавливается, что никто не должен иметь при себе женщины; нарушающий это лишается всего снаряжения (omne suum harnasch), а у женщины отрезается нос. Но всегда легко давать предписания дисциплинарного характера, а провести их в жизнь трудно даже самому могущественному императору. Уже в том самом году, в котором торжественно был заключен этот "мир", Фридриху пришлось удалить из лагеря множество проституток[54].

Настоящая воинская дисциплина вообще в такой мере является плодом искусства, что без целой системы упражнений ее вовсе нельзя создать. Лучшим средством с давних пор признано строевое обучение, отдающее в руки начальника каждое движение подчиненного. Средневековью же оно было совершенно чуждо. Даже такое, казалось бы, сильное средство, как отречение воина от своей свободы и превращение его не просто в вассала, а в министериала своего сеньора, не давало Действительного воинского подчинения – того, что мы называем субординацией.

Военное сословие, сознающее себя у власти и

не обуздываемое строгой дисциплиной, совершает насильственные действия и в повседневной жизни при соприкосновении с горожанами и крестьянами, и по отношению друг к другу. Это военное сословие вышло из среды варваров, которые когда-то, в эпоху Великого переселения народов, с издевательским смехом обратили в развалины и растоптали античный культурный мир. В эпоху феодализма, в результате междоусобиц и расправ, сохранялась привычка к крови и разрушению, связанным с войной. В праве министериалов, изданном в начале XI в. Бурхардом, епископом Вормсским, сообщается, что за один только год своими же товарищами без вины было убито 35 жителей епископства. Самочинная расправа за оскорбление была обычаем и твердо установленным правилом[55]. Владельцы более крупных ленов, сумевшие выстроить для себя собственный укрепленный замок, где они могли оказать сопротивление и своему графу или сеньору, постепенно начали притеснять окрестных крестьян, а проезжих купцов облагали данью или же совершенно обирали их[56].

Социальная эволюция в сторону более утонченных форм жизни принесла облегчение в том смысле, что сословие, пройдя известного рода

школу самовоспитания, способствовало упорядочению хозяйственной жизни и расцвету новой культурной жизни. В кругу рыцарей Фридриха Барбароссы, Генриха Льва и их сыновей исполнялась песнь о Нибелунгах; вполне своеобразная отрасль мировой литературы – песни трубадуров и миннезингеров – является плодом духовного творчества этого военного сословия. "Если война, – говорит Ранке, развязывает страсти и зверские инстинкты, то рыцарство призвано спасти истинного человека: обуздать склонность к насилию и влиянием женщин облагораживать силу, направив ее на служение божественному началу". Однако, довольно часто сила облагораживающего влияния сословного воспитания рыцаря оказывалась недостаточной, и праздно странствующий воитель снова превращался в разбойника. Такова природа человека: одно и то же сословие создало идеальные образы Зигфрида и Парсифаля и дало нам Вальтера фон дер Фогельвейде и рыцарей-грабителей. Это противопоставление отражается также в традиции и у историков. То жалуются на жестокость и подавление свободы при феодальном строе и проклинают его, то рыцарство романтически прославляется; случается даже, что, пренебрегая всякой исторической

концепцией, объединяют обе характеристики. Английский историк Денисов включил в свою "Историю конницы"[57] следующее изображение рыцарства, взятое им из одного старинного труда (стр. 126): "К середине X в. несколько бедных дворян, встревоженных превышением власти со стороны бесчисленных суверенов и объединенных сознанием необходимости защиты народа, близко приняли к сердцу его страдания и слезы. Призывая в свидетели бога и св. Георгия, они дали клятву посвятить себя защите притесняемых и свои мечи предоставить охране слабых. Непритязательные в одежде, строгие в нравах, скромные при успехе, стойкие при неудаче, они скоро завоевали себе большую славу. Благородный народ в сердечной и благочестивой радости своей украсил описание их подвигов чудесными рассказами, вознес мужество их и в своих молитвах соединил великодушных освободителей с небесными силами. Так в несчастии свойственно обоготворять приносящих утешение".

Мы убедились в бессилии феодального государства в борьбе с врагами – варварами, викингами, сарацинами и мадьярами, когда последние появлялись в более или менее значительном числе; это бессилие станет нам еще

более понятным, если к тому же учесть, как слабо королевская власть могла проявлять свой авторитет и проводить в жизнь свои распоряжения даже внутри государства, т.е. прежде всего подавлять разбой и междоусобицу. В феодальной Германии королевская власть достигла своего апогея при Генрихе III, сыне могущественного Конрада и правнуке дочери Оттона Великого Лиутгарды. Живший при нем Люттихский каноник Ансельм в жизнеописании своего епископа Вацо (1041 – 1048 гг.) в особой главе рассказывает о его выступлениях против рыцарей-грабителей в его епархии. Рассказ этот так наглядно изображает неспокойное положение в стране, даже при самых могущественных монархах той эпохи, так вскрывает природу вызванных этими условиями внутренних войн и трудность создания твердой власти, – ибо как рыцарь противостоит князю, так этот последний – королю, – что я считаю уместным привести здесь рассказ Ансельма[58] дословно. Оно гласит:

"Благочестие, сострадание к беспомощным и горе бедных побудили епископа отказаться от своей кроткой и созерцательной жизни и прийти им на помощь в убеждении, что нет более праведного и годного богу дела, чем обуздание дикой ярости разбойников, угнетающих

невинных. Большая часть их выстроила на болотах или на скалах укрепленные убежища и, чувствуя себя там в безопасности, грабила окрестных жителей, обращая их в невыносимое рабство, наводила кругом себя ужас и опустошала страну. Епископ, считая себя орудием в руке господней, решил сравнять с землей эти замки, от которых издавна, а особенно в ту пору, исходило столько зла, и освободить изнемогающую страну от разбойничьих набегов. Преисполненный духа, некогда заставившего Самуила принести в жертву амалекитянина Агага, а Илью – жрецов Ваала, наш герой с помощью лишь немногих рыцарей приступает к осаде то одного, то другого замка. Разбойники, полагаясь на свои крепкие стены и непроходимые болота, сначала не хотели верить в опасность, надругались над нашими, называя их безумцами, надеющимися овладеть убежищами, укрепленными самой природой. Но наши, воодушевляемые своим замечательным вождем, соревновались друг с другом в усердной работе над заграждениями и фашинами, и пробивали себе дорогу. Ревностью и напряжением они побеждают природу, превращают болота, где до тех пор водились только рыба и лягушки, в твердую почву и строят орудия, долженствующие принести гибель разбойникам. Затем они днем и

ночью, сменяя друг друга, мечут камни в крепость, а епископ присутствует при этом и подкрепляет их песнопением и молитвой. Вскоре разбойники, так как к ним не могло проникнуть подкрепление, сдаются при условии оставления им жизни, а замок разрушается до основания. Так падает одно укрепление за другим. Я хочу еще упомянуть о том, что во время осады с 1 000 воинов – иногда и с большим числом, редко с меньшим – епископ, по обычаям древних римлян, платил рыцарям (armatis) плату (cottidianos sumptus praebebat), рядовым воинам (gregario militi) разрешал резать скот, ненужный для земледельческих работ, а владельцам полностью возмещал их потерю, дабы и при таких тяжелых обстоятельствах не было места несправедливости".

Таков рассказ Ансельма[59].

Во Франции, где даже не существовало сильной королевской власти, пыталась вмешаться церковь, провозгласившая Treuga Dei (божие перемирие), по которому, по крайней мере в отмеченные священной историей дни – от вечера четверга до утра понедельника – должны прекращаться все частные войны и в стране должен быть мир. Затем институт Treuga Dei распространился на Бургундию и некоторые части

Германии. Впоследствии мирную жизнь пытались обеспечить тем, что время от времени провозглашали всеобщий внутренний мир на известный срок, или, по крайней мере, тем, что предписывали, чтобы каждый начинающий войну с соседом объявлял об этом за 3 дня (Фридрих Барбаросса, приблизительно в 1186 г.). В действительности к "вечному внутреннему миру" приблизились только при императоре Максимилиане (1495 г.), когда вообще с рыцарством, феодализмом и средневековьем было покончено.

ОБРЯДЫ ПОСВЯЩЕНИЯ ОПОЯСЫВАНИЕ МЕЧОМ И РЫЦАРСКИЙ УДАР

Наши сведения о различии и смысле этих двух актов не так давно значительно обогатились благодаря Гильермо (Essai sur l'origine de la noblesse en France, 1902 г., стр. 393 и след.), но некоторые существенные пункты этого вопроса остались для меня все же сомнительными. Вручение оружия у древних германцев несомненно производилось в очень раннем возрасте – в 14, а возможно даже в 12 лет. Гильермо приурочивает его к 20-летнему возрасту, но доказательства его неубедительны. Зато совершенно правильно его указание на то, что в средние века существовал ряд последовательных ступеней, связанных с церемониалом capillaturia (обрезание волос) и barbatoria (остригание бороды). Обряд

рыцарского удара нельзя, видимо, ставить в связь с древним вручением оружия, так как совершение его предполагает возмужалого, физически крепкого человека; скорее должно допустить, что им был заменен обряд, производившийся в более зрелом возрасте barbatoria и, в то время как рыцарский пояс (cingulum militare) первоначально и до самого XI в. вручался одновременно с оружием, обряд barbatoria в XII в., может быть, был отодвинут ко второму акту и связан был с рыцарским ударом. До тех пор пока cingulum militare связан был с вручением оружия, он естественно еще не мог иметь значения приема в сословие, но получил его в связи со вторым актом, когда надевалось полное рыцарское вооружение, которым владели только состоятельные и которые, как правило, носили только принадлежащие к рыцарскому сословию. Вследствие этого действительно важным стали считать именно этот акт. Совершали его с большой торжественностью, между тем как обряд вручения оружия, опоясывание мечом, которому прежде придавалось наибольшее значение, теперь отступил на задний план. В этом сказывается совместное влияние как социальных факторов, так и технической стороны дела, тяжелого вооружения и сильного коня.

Шредер (Schrцder, Deutsche Rechtsgesch., § 42, стр. 430) считает, что только в XIII в. впервые стало проявляться различие между рыцарями и оруженосцами; но он вообще за этим актом не признает существенного значения. Он полагает, что наряду с рыцарским ударом надолго укрепился обычай опоясывания мечом с одновременным вручением рыцарского пояса. "Если не считать редких

исключений, – говорит он, – то опоясывание мечом всегда носило массовый характер, обычно по поводу больших придворных празднеств, при которых турнир давал юным рыцарям возможность тотчас же испытать силы на новом поприще". Но если верно, что молодые рыцари тотчас же после торжества должны были на турнире показать свою доблесть, то нельзя отождествлять опоясывание мечом с древним вручением оружия. В самом деле, тяжелое турнирное вооружение XII и XIII вв. требовало возмужалости и длительного упражнения. Можно было бы предположить, что наряду с настоящими турнирами устраивалось еще нечто вроде юношеских военных игр. Но это предположение опять-таки отвергается тем, что торжественное вручение оружия Генриху VI (в 1184 г. в Майние) состоялось, когда ему было 19 или 20 лет; сообщается также, что сын Генриха Льва и сын герцога Леопольда Австрийского участвовали в войнах, не будучи еще посвященными в рыцари.[60]

Поэтому я заключаю, что Майнцское торжество в 1184 г. нужно рассматривать не как обряд опоясывания мечом в древнем его смысле, а как посвящение рыцарским ударом, причем я оставляю открытым вопрос о том, существовали ли вообще и в продолжение какого периода два торжественных обряда: один при принятии звания оруженосца (Knappenstand) – прежнее вручение оружия, и второй рыцарский удар, который нередко откладывался на довольно поздний срок.

Рот фон Шрекенштейн (стр. 215 и 224) в вопросе о рыцарском ударе и вручении оружия противоречит сам себе.

Вопрос этот разбирался В. Эрбеном (W. Erben, Schwertleite und Ritterschlag, i. d. "Zeitschr. f. hist. Waffenkunde", 1919).

СЕВЕРНЫЕ ГЕРМАНЦЫ

В северогерманских странах – Дании, Норвегии и Швеции – военная организация имеет, естественно, свою собственную историю. Дальман подробно излагает ее в своей истории Дании (Dahlmann, Geschichte von Ddnemark, т. II, стр. 308 и след., и т. III, стр. 50). Сюда же относится берлинская диссертация Бюхнера (Bьchner. Die Geschichte der norwegischen Leildndiger, 1903). Данные, приведенные в этих трудах, я не проверял.

ГЛАВА II

РЫЦАРСТВО С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В первой и второй частях этого тома, по ходу наших исследований, мы рассматривали военное дело в эпоху раннего средневековья преимущественно с точки зрения истории государственного устройства и наряду с этим стремились дать о нем наглядное понятие в описании целого ряда походов и сражений.

Затем в предыдущей первой главе третьей книги мы занялись разбором своеобразной сословной дифференциации внутри рыцарства и вместе с тем перешли к периоду, когда военное дело и военные операции становятся значительно сложнее, но разница между обоими периодами все же так велика, что мы имели возможность найти здесь основу деления и расчленить средневековье по эпохам. В связи с этим уместно будет также исследование общего характера с целью принципиального выяснения тактики и стратегии рыцарства. В предыдущей главе задача эта не только намечена, но в основном уже разрешена, поскольку именно на тактике построено рыцарство как сословие. Теперь нам следует,

подойдя к той же задаче с противоположной точки зрения – точки зрения момента, когда сословие уже образовалось, – охватить ее во всей широте и в отдельных частностях. Это труднее, чем в предыдущих аналогичных частях этого труда, где у нас была возможность с легкостью отделить друг от друга, резко ограничить и с уверенностью охарактеризовать известные отрезки времени и стадии развития. Средние века не дают возможности такого точного разграничения периодов.

Намеченный нами рубеж пролегает в общем в XII в., но признаки, характерные для эпох по ту и по сю сторону его, встречаются, наоборот, и позже и раньше; эволюция идет беспрерывно, так что хотя столетия отличаются друг от друга, но не настолько, чтобы между ними можно было провести определенную грань. Основные черты остаются неизмененными на всем протяжении средневековья в самом широком смысле этого слова, от Великого переселения народов до конца XV в.; последнее настоящее рыцарское сражение, подробное описание которого дошло до нас, – сражение при Монлери между Карлом Смелым и Людовиком XI в 1465 г. – вполне мыслимо и между Генрихом IV и его соперниками или уже между Хлодвигами и Теодорихами. Одно время я

раздумывал, не оставить ли в стороне всякую хронологию и не поместить ли дошедший до нас чрезвычайно живой и рельефный рассказ об этом сражении, составленный участником его, Комином, непосредственно после описания сражений при Генрихе IV, с целью показать, сколь велико сходство в такого рода делах было между XI и XV вв. В конце концов я не сделал этого, так как в деталях все же имеются различия, которые выяснятся лишь в ходе нашего дальнейшего изложения, но я рекомендовал бы читателям в связи с этим прочесть сейчас главу о сражении при Монлери, чтобы вполне убедиться в сходстве и получить более наглядную картину событий раннего средневековья, дошедших до нас в менее реалистичном и живом изображении.

Наряду с однородностью основных черт военного дела на протяжении всего средневековья мы, конечно, встречаемся и с различными отклонениями, вариациями и частными формациями, изменяющими картину настолько, что в многообразии явлений общность почти исчезает. Тем не менее мы должны стараться уловить ее. Таким образом, мы подходим к задаче исследования военного дела XII и XIII вв., но при этом мы должны помнить, что очень многое таким же было и раньше, или, с другой стороны,

таким же осталось до XV в., несмотря на переход к наемничеству и эволюцию оружия.

Где здесь находятся границы, выясняется, поскольку это вообще можно сказать, в каждом отдельном случае из описаний и разборов отдельных сражений, походов и теоретических соображений в главах до и после этой. При этом в ряде пунктов приходится учитывать особые условия крестовых походов и их отражение на Западе.

Воины Карла Великого и Оттона Великого были, как мы уже говорили, почти исключительно конными, с хорошим, но не слишком тяжелым предохранительным вооружением, причем в случае необходимости они сражались и в пешем строю; пехота, как таковая, и стрелки почти не встречаются. Так как в этих войсках с XI в. начинается более резкая дифференциация отдельных родов войск, то возникает вопрос, каким способом и в какой форме осуществлялось взаимодействие различных родов войск в сражении. Возможны две основные формы: объединение каждого рода войск в крупные тактические единицы, т.е. наличие самостоятельных отрядов тяжелых всадников, легких всадников и пеших лучников, пеших воинов с холодным оружием; или же

группирование вспомогательных родов войск вокруг главного – рыцарей.

Встречаются обе формы, но первой пользовались только в случае необходимости; преобладающей же, как правило, являлась вторая – придача вспомогательных родов войск рыцарям. Это вытекает как из описания сражений, так и из самой природы этих родов войск. Ни один из остальных трех родов не мог сравняться с рыцарями, и каждому из них грозила бы неизбежная гибель в случае столкновения с рыцарями при равных и нормальных условиях.

Всадник на небронированной лошади, в легком предохранительном вооружении (или почти без него), не мог рискнуть столкнуться с всадником, с ног до головы покрытым непроницаемыми доспехами, верхом на лошади, покрытой тяжелой броней.

Арбалетчик или лучник может рассчитывать попасть в незащищенное или слабо защищенное место вооружения скачущего на него рыцаря (особенно его коня) и вывести его из строя. Однако, шансы на успех здесь довольно незначительны, возможностью же пустить в атакующего рыцаря несколько стрел или дротиков пользуются редко; стрелок не выжидает приближения всадника, что для него равносильно

верной смерти, а пытается спастись, пока некоторое расстояние между ним и всадником оставляет ему надежду на спасение. Поэтому самостоятельный корпус пеших стрелков без естественного прикрытия не может быть в открытом поле противопоставлен отряду рыцарей. Особые влияния, созданные в этой области, представляют англо-французские войны в позднейший период средневековья, которые будут рассмотрены в отдельной главе.

Конных лучников создал не Запад. О них впервые узнали от венгров, а затем в особенности в крестовых походах. В дальнейшем мы вернемся еще к рассмотрению положительных и отрицательных сторон этого рода войск, а здесь заметим только, что в общем они не могли равняться с рыцарями, вооруженными копьем и мечом.

Больше всего шансов устоять против рыцаря имел пеший кнехт с холодным оружием, если он достаточно хладнокровен и ловок, чтобы уклониться от наскока противника и затем сбоку нанести удар ему или его коню. Но это верно только относительно поединка. Большие отряды пеших могли сомкнуться и с копьями наперевес преградить дорогу рыцарям; если же их ряды сомкнулись недостаточно тесно или где-либо

образовалась брешь, через которую врываются рыцари, то пешие кнехты погибли. Если же отряд действительно выдерживает атаку рыцарей, то спрашивается, могут ли эти стрелки продвинуться вперед? Римские когорты в этом случае прибегли бы к наступательным действиям – единственному средству спасения. Но средневековые пешие кнехты на это неспособны, подобные примеры сообщаются лишь как особое исключение, ибо это требует сплоченности и тренировки в сомкнутых движениях, и то и другое отсутствовало. Там, где в описании средневековых сражений восхваляется стойкость пеших кнехтов, она, как правило, не простирается дальше отражения рыцарской атаки. На протяжении всего средневековья, до гусситов и швейцарцев, я мог установить только один или два достоверных примера самостоятельной атаки не рыцарской пехоты против рыцарей: сражение при Куртрэ в 1302 г., когда фландрские города одержали победу над французами, и, может быть, еще сражение при Баннокбурне в 1314 г., когда шотландцы победили Эдуарда II Английского. Вообще же функции сплоченной массы пехоты как в стрелковом и смешанном бою, так и в пассивной обороне ограничиваются рамками вспомогательного рода войск.

Это является отличительной, имеющей

решающее значение чертой эпохи; это мы неоднократно отмечали и вновь считаем необходимым подчеркнуть. В Риме конный боец не считался равноценным[61] легионеру в бою; в средневековье же говорили, что "100 конных стоят 1 000 пеших воинов"[62].

Пехота средних веков наравне с легкими всадниками или со стрелками имеет значение лишь вспомогательного рода войск.

В нормальных условиях рациональнее всего было использовать вспомогательные войска таким образом, чтобы они по возможности поддерживали действия главного войска, от которого зависит исход сражения. До известной степени это можно выполнить с флангов, но наиболее действительной эта поддержка была в виде знакомого нам уже из древности смешанного боя, который со времени возникновения различных родов войск стал обычной, нормальной формой средневекового боя.

Прежде чем перейти к ближайшему рассмотрению смешанного боя с его разнообразными возможностями, остановимся на взаимной связи его тактики и организации, другими словами – напомним читателю о происхождении и социальном характере вспомогательных родов войск.

Они имеют социальные корни троякого рода: во-первых – это те слои старого военного сословия, которые не поднялись до настоящего рыцарства и развивались в ином направлении; во вторых – пробудившиеся к самостоятельности горожане составляют новые элементы военного сословия, участвующие в боях в качестве копейщиков и стрелков; в-третьих – они создаются из свиты рыцаря – из пажей, оруженосцев, конюхов, которые вплоть до XII в. еще не являлись бойцами (комбаттантами). И до этого времени они были не совсем безоружны и при случае находили себе применение для второстепенных военных надобностей, как и греческие ψιλοι (легковооруженные) и древнеримские легковооруженные, но в качестве настоящих бойцов они в счет не шли и в сражениях не участвовали. Вместе с дифференциацией внутри рыцарства это положение изменилось. Тяжеловооруженный рыцарь был, правда, могучим бойцом, но, вместе с тем, настолько односторонним, что для него в сражении было весьма кстати дополнение в виде легковооруженного. Наряду с представителями особых родов войск, в качестве такого дополнения к рыцарю, могли выступать слуги из его свиты – и прежде всего оруженосцы. А из того, что как раз

слово "оруженосец" scutarius (откуда escuyer и esquire) мы встречаем в применении к воинам низшего ранга, можно заключить, что этот род войск развился из обоих элементов – из первоначальных не-комбаттантов, в составе свиты рыцаря, и из не поднявшихся до рыцарства слоев старовоенного сословия: первые становились комбаттантами, вторые оставались тем, чем были, или даже скорее всего регрессировали, так как на снаряжение их употреблялись только остатки. Контраст между этими двумя элементами покажется менее резким, если мы уясним себе, что рыцарь искони выступал не сам по себе, а в свите сеньора, как член более крупной группы.

От сеньора зависело сгруппировать рядовых воинов подле себя или придать их отдельным рыцарям в качестве оруженосцев и боевой свиты.

Уже в древности мы часто встречаемся с упоминанием о смешанном бое конницы и пехоты. Бэотийцы придерживались такого способа боя, а Цезарь перед сражением при Фарсале специально сформировал отдельный смешанный отряд[63]. Вегеций (III, 16) утверждает, что самая лучшая конница не может сравняться с таким смешанным отрядом. В "Записках о Галльской войне" (I, 48) Цезарь описывает древнегерманский смешанный бой следующим

образом: "Было 6 000 всадников, – повествует он о войске Ариовиста, – и столько же было весьма ловких и храбрых пеших, так как каждый всадник из всего войска выбрал для своей защиты одного пешего. С ними сообща они сражались. К ним отступали всадники, а они спешили к всадникам на помощь, если последних теснили. Если кто-нибудь, тяжело раненый, падал с коня, они обступали и охраняли его. Требовалось ли продвинуться вперед на далекое расстояние или спешно отступить, они благодаря своей сноровке развивали такую быстроту, что могли, держась за гриву, бежать наравне с лошадьми".

В средние века бой не мог происходить точно таким же образом: рыцари были слишком тяжелы и неповоротливы, пешие же кнехты очень слабо подготовлены; между ними и рыцарями отношения были не товарищеские, а как между подчиненными или совершенно чужими. Тем не менее их совместные действия аналогичны в том и другом случае.

Классическое место относительно природы и смысла рыцарского смешанного боя находится в речи, которую Саба Маласпина вкладывает в уста Карла Анжуйского перед сражением при Беневенте (1266 г.). Король советует своим воинам целиться больше в лошадей, чем в людей;

с упавшим с лошади рыцарем, неподвижным в своем тяжелом вооружении, легко справиться и пешему. Поэтому каждый отдельный рыцарь должен выступить в сопровождении одного или двух пеших, – если у него нет своих, то с наемниками, – ибо последние, не обладая военным опытом, хорошо умеют закалывать как лошадей, так и упавших с лошади рыцарей[64].

Первый пример подобного участия пеших в конном бою сообщает нам историк крестовых походов Вильгельм Тирский в описании сражения при Мерджи-Сефер в 1126 г. Позже с такими фактами мы сталкиваемся часто, например в описании сражения при Арзуфе (1191), Бувине (1214), Кортенуове (1237), где оруженосцы (armigeri militum) берут в плен и связывают упавших рыцарей.

Стрелки бежали впереди рыцарей, или держались в стороне от них и в качестве застрельщиков стремились до начала настоящего столкновения причинить неприятелю как можно больше вреда. Случай взаимной поддержки находим один раз в описании прусской войны (1264)[65]. Генри Монте, вождь Натангов, борется с рыцарями под Кенигсбергом. Он копьем своим ранит рыцаря Генриха Уленбуша, который как раз в этот момент натягивает тетиву арбалета

(balistam); один кнехт (famulus) Уленбуша небольшим копьем (cum modica lancea) ранит Монте, чем заставляет его отступить. Между прочим, этот случай не характерен, поскольку и сам рыцарь действовал в качестве стрелка. Принципиальную же оценку значения и совместного действия различных родов войск мы находим у английского хроникера Гиральда Кембрийского (Giraldus Cambrensis) в его рассказе о завоевании Ирландии Генрихом II (1188 г.)[66].

Галльское военное искусство (под галльским он подразумевает также перенесенное в Англию норманнское), преобладавшее, по его словам, в его стране, очень отличалось от ирландского и валлийского. Ибо там предпочитают равнины, здесь – пересеченную местность; там – поле, здесь – лес; там надевают латы, здесь избегают лишней тяжести; там побеждают стойкостью, здесь – проворством. На равнине защитой служит полное тяжелое снаряжение – как железное, так и кожаное, – в лесу же или в болотах, где пеший передвигается легче всадника, преимущество имеет легковооруженный, ибо против воина без тяжелых доспехов, который при первом же столкновении либо побеждает, либо обращается в бегство, достаточно и легкого вооружения;

тяжелые же латы только мешают преследовать противника по теснинам и пересеченной местности. Трудно в полном вооружении садиться на коня и слезать с него при высоком седле с загибами, еще труднее идти пешком.

"Для всех ирландских и валлийских походов поэтому наиболее пригодны ирландцы и валлийцы, выросшие в тамошних междоусобных распрях. Участвующим в этих войнах рыцарям всегда следует придавать лучников. Ибо когда ирландцы нападают на тяжеловооруженных, бросая в них камнями, то нужно иметь возможность отвечать им стрелами".

Труднее всего по источникам установить, какую форму в сражении принимало взаимодействие тяжелых, одетых в латы, рыцарей с легковооруженными всадниками. В мелких стычках, в которых участвовали только немногие рыцари, это могло не создавать для них неудобства, но чем больше была масса, тем больше вспомогательные роды войск стесняли движение рыцарей и тем менее они приносили им пользы во время боя. Статут храмовников, правда, предписывает (гл. 179), чтобы, когда рыцари идут в бой, одна часть кнехтов отводила назад вьючных лошадей, а другая, построенная конфаноньером ордена, следовала за господами.

Другие главы (172, 419) свидетельствуют, однако, о том, что от недостаточно вооруженных для этого кнехтов не требовалось, чтобы они вмешивались в рыцарский бой; каждому члену ордена, одетому в броню, в случае уклонения от боя, в то время пока развевалось знамя, грозит позорное изгнание из ордена; не одетому в броню кнехту, – если совесть говорит ему, что он не в состоянии ни помочь рыцарю, ни устоять сам, – предоставляется, не боясь упрека, уйти от опасности. Пожалуй, чаще всего так и случалось, поэтому статуты Тевтонского ордена вообще не содержат положения, по которому кнехты обязаны следовать в бой за своим господином, но предписывают им собраться под одним знаменем и ожидать возвращения своих господ с поля сражения[67]. Ничтожная польза от их участия в сражении аннулировалась опасностью возникновения паники, которая в случае их вынужденного бегства могла охватить и рыцарей. Пешие кнехты во всех отношениях могли принести больше пользы и меньше вреда, чем конные. Во многих отношениях они могли оказать помощь своему господину, менее подвергались опасности непосредственного нападения со стороны неприятельских рыцарей, могли уклониться и спастись бегством, не вызывая

паники[68].

Генерал Келер в некоторых местах своего труда высказывает взгляд, что в XIII в. в свите рыцаря вообще еще не было конных вооруженных слуг, или, если они имелись, то все же они не были комбаттантами. Это слишком сильно сказано. Они, несомненно, там имелись и в большем или меньшем числе находились там искони; они были и комбаттантами, поскольку ими пользовались для второстепенных военных целей, – для фуражировок, опустошений и т.п. Поддерживая рыцарей в более мелких стычках, они были даже действительно полноценными комбаттантами. Но регулярное следование за господином в сражение стало входить в обычай только постепенно.

Группировка отдельных вспомогательных родов войск вокруг рыцаря в конечном счете привела в середине XIV в. к образованию понятия "копье" ("Gleve" или "Lanze"), которое обозначало рыцаря с его спутниками. Встречались еще, конечно, и одиночные рыцари, которых называли "одноконными", но, как правило, считали по "копьям". Разумеется, это понятие очень неопределенное, на "копье" может приходиться до 10 человек как конных, так и пеших, но то обстоятельство, что сила войск исчисляется по копьям, является новым доказательством

решающего значения рыцарей как главного рода войск; насчитывалось ли в отдельном копье на несколько человек больше или меньше второстепенных комбаттантов, – это не представлялось существенным. Рыцарь в составе "копья" не есть непременно рыцарь в самом тесном смысле этого слова, – это дворянин рыцарского рода, посвященный в рыцари, но также и знатный, еще не посвященный, и кнехт в рыцарском вооружении. Число подлинных рыцарей все уменьшалось по мере того, как все строже проводилось социальное разграничение и образование низшего дворянства. Хотя многие потомки тех воинов, которые в XII и XIII вв. отправлялись в поход в качестве "сержантов" и "кнехтов", вступили в дворянство, но, с другой стороны, очень многие, не сохранив своих ленных владений, опускались до уровня общей народной массы. Поэтому появилась необходимость постоянно дополнять число настоящих рыцарей испытанными людьми, отобранными из числа кнехтов, которые могли по своим военным качествам более или менее равняться им. Так как слово "рыцарь", в XII в. не вполне утратившее еще свою неопределенность, теперь достаточно строго применяется к настоящему рыцарю (дворянину), то для обозначения всего конного войска в обиход

входит выражение "рыцари и кнехты".

Итак, существование принципа смешанного боя, начиная с 1126 г., подтверждается и источниками, но нет сомнения, что уже задолго до этого он применялся там, где вообще имелись различные роды войск. Этот принцип допускает возможность нелого ряда особых предписаний относительно соединения различных родов войск как в зависимости от обстоятельств боя и свойств оружия, так и в зависимости от взглядов и приказов полководцев, а самый ход сражения приводит к различным вариантам этого принципа.

Так, мы встречаемся с предписанием, чтобы стрелки шли впереди конных, чтобы до начала схватки они стремились причинить возможно больший ущерб неприятелю и чтобы в последний момент отходили назад между лошадьми рыцарей, державшихся на большом расстоянии друг от друга. Понятно, что хотя таким вспомогательным средством и пользовались, но ему не придавали решающего значения, ибо стрелки могли принимать в бою участие лишь в продолжение короткого срока и с незначительным успехом, а в то же время они при атаке мешали своей же коннице тем, что иногда образовывали затор, или же недостаточно быстро отступали в интервалы между рыцарями или в обход флангов.

Копейщики шли впереди, вероятно, только в тех случаях, когда предстояло убрать с пути какую-либо преграду, изгородь и т.д. В общем же они следовали за рыцарями и вступали в бой после них. Такой случай, как в сражении при Эльстере (1080 г.), когда часть рыцарей спешилась, чтобы подойти к неприятелю со стороны, недоступной для всадников, должен быть рассмотрен в другой связи и сюда, конечно, не относится. Независимо от таких особых комбинаций значение пеших копейщиков наиболее велико тогда, когда они, сомкнув ряды, обеспечивают рыцарям убежище и прикрытие на случай опасности. Впервые я встретил теоретически обоснованное указание на такую функцию пехоты уже у Вегеция[69], а затем у византийского императора Льва, который в своей "Тактике" (гл. XIV, § 20) советует, если неприятельское войско состоит из всадников, построить эту пехоту в 1–2 милях за конницей, а всадникам приказать, в случае если они будут отброшены, отступить к пехоте не по прямой линии, а собираться за ней, обходя ее по дуге[70].

С первым практическим примером этой тактики мы сталкиваемся в поэме о Роберте Гискаре[71], и документально

засвидетельствованный пример ее применения представляет сражение при Дорилэе (1097 г.) в первом крестовом походе; правда, здесь большинство пехотинцев было, видимо, рыцарями, у которых уже не было коней, но в дальнейшем мы видим, что в крестовых походах этот прием применяется уже систематически. Канцлер князя Роджера Антиохийского Готье, оставивший нам весьма ценные записи, при описании сражения при Хабе (1119 г.) говорит, что пехота построена была за 3 отрядами конных с тем, чтобы служить для последних прикрытием и, в свою очередь, иметь прикрытие в их лице[72]. К этому приему перешли потому, что в Сирии числовое соотношение между пехотинцами и всадниками было иным, чем на Западе, так как большая часть взятых из дому лошадей погибала в пути, а заменить их другими было нелегко. В Антиохии, – по донесению князей папе, несомненно преувеличенному во всех отношениях, – у рыцарей было всего 100 лошадей. Как велика была потребность в них видно также из того, что в источниках в форме дневников неоднократно отмечается, что захвачено столько-то лошадей, а в статутах рыцарских орденов часто говорится о присланных с родины лошадях, на доставку которых, разумеется, не стали бы тратить большие

деньги, если бы в Сирии можно было достать достаточное число подходящих лошадей. Поэтому в крестовых походах пешие копейщики играют более важную роль, чем на Западе, вовсе не в силу какого-либо принципа и не потому, что боеспособность здесь стояла на особенной высоте, а лишь в силу необходимости.

У нас нет свидетельств, которые указали бы на непосредственное обратное влияние этого метода на Запад, и мы не имеем оснований предполагать такое влияние, хотя при ближайших поколениях на военной арене появляется новый элемент, вполне подходящий для такой помощи рыцарям, а именно горожане, – в особенности горожане итальянских коммун. Впрочем у нас есть, в сущности, только один пример, дающий возможность с успехом наблюдать подлежащее выяснению явление, – это битва при Леньяно, к которой мы обратимся в особой главе об итальянских войнах Гогенштауфенов.

Относительно сражения при Бузине (1214 г.) мы узнаем нечто подобное, но только как об эпизоде, а не как о решающем моменте и с явным поэтическим преувеличением[73].

Своеобразное, но аналогичное явление представляет собой сражение при Норталлертоне (1138 г.), где английское ополчение, благодаря

тому что спешившиеся рыцари построились в первой шеренге, отбило стремительную атаку шотландской армии, но само в наступление затем не перешло.

В общем привился способ действий, по которому пешие воины – копейщики или стрелки – стараются непосредственно поддерживать рыцарей в смешанном бою. Прекрасный пример успешного применения этого приема представляет победа страсбуржцев над своим епископом в 1262 г. при Гаубергене.

Если недостаточно вооруженные оруженосцы или пешие кнехты попадают даже в самую гущу сражения, то это вовсе не означает, что они погибли; если рыцарь наступает на них, они, – как мы узнаем из статуса храмовников, – спасаются бегством без ущерба для своей чести. Однако, рыцарь атакует прежде всего рыцаря же, так как только исход борьбы между ними решает сражение и считается поэтому вопросом чести. В сражении при Бувине 300 легковооруженных конных бойцов будто бы атаковали фламандских рыцарей, но последние не сочли даже нужным двинуться с места. Они просто закололи находившихся под этими бойцами непокрытых панцирем лошадей и затем двинулись вперед, чтобы встретиться и померяться силами с

рыцарями. У Геелу, воспевшего сражение при Воррингене (1288 г.), один сержант восклицает (стих 4954): "Пусть каждый наметит себе одного из вражеских рыцарей и не отступит до тех пор, пока не заколет его. Если бы их войско было даже так велико, что растянулось бы до самого Кельна, оно все же было бы разбито, если бы только нам удалось сразить их рыцарей".

Как ни велика поддержка, которую рыцарям иногда оказывали вспомогательные войска, в особенности – стрелки и пешие копейщики, все же не следует забывать, что они имеют только второстепенное значение; решающий род войск – рыцарство; это продолжает оставаться основным фактом. Можно, не боясь преувеличения, выставить положение, что в средние века лучшим, идеальным войском долгое время продолжало считаться тяжеловооруженное, чисто рыцарское войско. Если, тем не менее, вспомогательные войска приобретают все возрастающее значение, то это объясняется тем, что их легче было собрать, чем тяжеловооруженную конницу. Особенно в раздорах и междоусобных войнах мелких властителей, династий и городов, которым под силу было выставить лишь ограниченное количество тяжелой конницы, а тем более, настоящих рыцарей, основную массу воинов

составляют вспомогательные войска. Но крупные решающие сражения королей зачастую все еще являются чисто конными боями, как, например, сражения при Тальякоццо у Мархфельда, при Гельхейме. В описаниях сражений нередко даже подчеркивается, что наличную пехоту не вводили в бой. Остается рассмотреть вопрос о боевом построении самих рыцарей. Данные, содержащиеся в описаниях многочисленных сражений, чрезвычайно разноречивы. Правда, византийский император Лев в своей "Тактике" (XVIII, § 88) говорит о франках, что они беспечны, не знают военного искусства и лишены предусмотрительности, и вследствие этого пренебрегают боевым порядком, особенно в отношении конницы. Но порядок и беспорядок – понятия относительные, и тот же высокопоставленный автор непосредственно перед этим повествует о том, что франки вступили в бой с выпрямленным и тесно сомкнутым фронтом[74].

Едва ли франки и разнообразные народы из их потомства бросали свои полчища на врага без всякого порядка.

Если мы узнаем[75], что до сражения с венграми король Генрих отдал своим саксонцам приказ, чтобы никто не старался обогнать на более

быстром коне своего соратника и чтобы затем все одновременно бросились в атаку, то это означает то же, о чем сообщает византийский император, и не может быть рассмотрено как нечто исключительное или как нововведение, а лишь как наказ придерживаться предписания, которое, несмотря на свою естественность, часто не соблюдалось.

Подобного же рода предостережение встречается выше (часть II, глава 8-я) и у арабского военного писателя, а также в статуте храмовников (гл. 162): "Ни один член ордена не имеет права без разрешения атаковать или оставить свое место в рядах". Такое же правило имеется и в статуте Тевтонского ордена[76].

Но естественным наклонностям рыцарства, у которого все зиждется на личности, личной чести, личной славе, личной отваге, созвучны не порядок и единообразие, но нарушение его скачущими впереди других одиночками; поэтому вразрез упомянутому приказу короля Генриха, в эпосе часто изображается герой, несущийся на врага впереди других в сопровождении воинов[77].

Но то, что ценно для поэта, еще не является практически правильным, и в отличие от поэм исторические документы все же иногда с одобрением отмечают строгий боевой порядок

войска в сражении и объясняют поражение отсутствием порядка[78].

Начальник отряда или ритмейстер, о котором упоминается иногда в эпосе и на чьей обязанности, очевидно, было строить рыцарей в боевой порядок, в действительной истории нигде нам не встречается[79].

Неоднократно прямо сообщается, что рыцари атаковали противника не с наскока, подобно современной кавалерии, но что при атаке для них был обычен медленный аллюр[80].

Более крупные массы, а в особенности целые армии, расчленялись конечно, на отряды, формировавшиеся соответственно ленной иерархии[81].

Эти отряды могли быть в глубоких или широких построениях и находиться рядом или один за другим. Прямых указаний источников по этому поводу, как ни бесчисленны дошедшие до нас описания сражений, очень мало; действительно точным и обстоятельным является, в сущности говоря, одно единственное сообщение, и то относящееся ко времени, когда появились уже много новых элементов военной организации, – так что возникают сомнения, допустимы ли безоговорочные обратные заключения по отношению к раннему средневековью. Мы имеем

в виду сражение при Пилленрейте в 1450 г. между маркграфом Альбрехтом Ахиллом и нюренбержцами. Оно произошло, следовательно, в то время, когда давно уже было известно применение пороха и когда стрелковый бой с дротиками и стрелами также претерпел значительную эволюцию. Но тем не менее условия конного боя, как мы увидим, по крайней мере в этом сражении, еще настолько схожи с условиями XIII в., что по рассказу о нем можно установить целый ряд характерных черт средневекового рыцарского боя, не рискуя впасть в ошибку.

БОЙ ПРИ ПИЛЛЕНРЕЙТЕ
11 марта 1450 г.

Бой этот подробно описан в хрониках Нюренбергского бургомистра Эргарда Шюрштаба[82], который сам в нем участвовал в качестве военачальника, а также имел самые полные сведения относительно противной стороны, так как в Нюренберг было доставлено значительное число пленных дворян из свиты Альбрехта.

Альбрехт спровоцировал нюренбержцев, сообщив им, что собирается ловить рыбу в принадлежащем им пруде у Пилленрейта, в двух часах к югу от города; пусть они придут и помогут

ему ловить и есть рыбу, он ждет их. Нюренбержцы кликнули клич – "выступать всем" и прибыли к месту боя с 500[83] конными и 4 000 пехотинцами, вооруженными арбалетами, самострелами и пиками. В городе к этому времени числилось 20 000 жителей и, кроме того, в нем нашли убежище еще 9 000 укрывшихся за его стенами от бедствий войны крестьян – его подданных. Сверх того город взял себе на службу наемников и среди них рыцаря Кунца фон Кауфунген, который впоследствии прославился как похититель принцев, и Генриха Рейс фон Плауен, назначенного главнокомандующим всеми нюренбергскими военными силами. У маркграфа было 500 конных воинов[84].

Мы не касаемся деталей боевого порядка и способа ведения боя, нас интересует построение главных рыцарских отрядов той и другой стороны. Генрих фон Плауен предложил "благородному и мужественному" Гейнцу Ценгеру вместе с 4 другими рыцарями образовать острие "клина". Эти 5 стали в первой шеренге "клина". Вторая шеренга состояла из 7, третья из 9, четвертая из 11 рыцарей. Затем следовал отряд кнехтов, построенных четырехугольником, а в последней шеренге стояло 14 "досточтимых" (патрициев) Нюренберга, поддерживавших

сплоченность отряда. Рыцари первых шеренг – клина – все названы по именам. Всего в отряде было 300 человек; было ли в задних шеренгах его по 11 или может быть по 13–14 человек, неизвестно; как бы то ни было, глубина отряда была в 22–25 шеренг.

Такое построение приблизительно соответствует современному полку кирасир, вооруженных пиками, из 3 эскадронов, построенных в линию колонн по четыре ряда с командиром полка, командирами эскадронов и лейтенантами впереди и в качестве замыкающих.

Если бы современному кавалеристу рассказать, что полковник повел свой полк в бой в таком виде (ибо не надо забывать, что речь идет не о походном, а о боевом порядке), то он без всякого сомнения ответил бы, что такого полковника следует либо предать военному суду, либо отправить в дом для умалишенных.

Именно тем и важен для нас этот рассказ, что чем больше в него углубляться, тем отчетливее проступает основное различие между рыцарством и конницей. Происхождение данного свидетельства служит порукой его достоверности; что такой боевой порядок не явился только капризом Генриха фон Плауен, – ясно из того, что, по тому же свидетельству, маркграф

Альбрехт свой главный отряд построил точно в таком же порядке (и здесь все рыцари отдельных рядов также названы по именам), а также из того, что подобные рассказы или предписания находим и в других источниках[85].

Характерным для этого строя является узкая линия фронта (самое большее в 14 рядов) и заострение колонны клином. Рассмотрим прежде всего узкий фронт, которому соответствует его значительная глубина. Представим себе, что противник с войсками такой же численности построился иначе – в 2, 3 или 4 шеренги, тогда он в атаке мог бы, обойдя острие клина, наступать на оба фланга; всадники в глубине колонны не успели бы сразу повернуть своих лошадей и стать лицом к наступающим, а были бы подвержены ударам вражеских копий сбоку, не будучи в состоянии оказать сопротивление. Компенсируется ли этот минус преимуществами глубокого строя? Глубина пехоты укрепляет силу ее натиска, которым она опрокидывает более слабого неприятеля или прорывает его ряды, для кавалерии же глубина построения не имеет такого значения. Это было известно уже античным теоретикам, из которых Элиан говорит в своей "Тактике" (гл. XVIII, § 8), что глубина построения не дает коннице тех выгод, что пехоте, так как

задние ряды конницы не напирают, как в пехоте, на передние, заставляя их продвигаться вперед, а также что всадники, тесно примыкая к передним рядам, не составляют мощной массы; наоборот, если бы они пожелали тесно сомкнуться, то они взволновали бы своих коней и внесли бы замешательство в свои ряды.

Поэтому современные кавалерийские уставы предписывают как раз обратное боевому строю рыцарей при Пилленрейте. "Линейное построение[86], – значится в одном из них, – есть единственное боевое построение кавалерии. Таким образом, атака колоннами не производится никогда (или разве только, когда не остается другого исхода за недостатком времени и места для того, чтобы развернуться), так как кавалерия противника, будучи равной силы, но построенная в линию, будет иметь превосходство благодаря одному только своему построению". "Успех атаки зависит, главным образом, от силы удара и от применения холодного оружия. При линейном построении это последнее находит себе применение полностью, в колонне же – лишь частично. Кроме того, существенным преимуществом линии перед равной по численности колонной является ее большая ширина, благодаря которой оказывается

возможным охватить противника выступающими за его фланги частями и атаковать на самой слабой его стороне – на флангах. Кавалерия, которую атакуют с флангов, также терпит поражение, как и кавалерия, которая ожидает противника, не двигаясь с места".

Итак, если бы даже колонна, построенная, как при Пилленрейте, клином своим прорвала неприятельский фронт, на что, впрочем, рассчитывать с уверенностью нельзя, то и это не было бы выигрышем, так как тем временем главная масса войска, беспомощная против двойной фланговой атаки, была бы уничтожена.

Рыцарский же бой представляет собою нечто совершенно иное, чем современный кавалерийский.

И в рыцарском бою точно так же, как в современном кавалерийском, обход с фланга имеет существенное значение, но произвести его было не так легко по той причине, что все передвижения были гораздо медлительнее. Только придвинувшись вплотную к противнику, рыцари переходили на более оживленный аллюр, но и тогда еще он оставался настолько медленным, что у всадника всегда была возможность повернуть коня навстречу атаковавшему его с фланга противнику. При построении глубокой

пилленрейтской колонны не имелось в виду, что масса войска будет сохранять это построение во все время боя, – это отняло бы у подавляющего большинства возможность пустить в ход оружие; напротив, предполагалось, что в момент атаки задние шеренги станут как бы непрерывно переливаться через край, слева и справа, так что продвижение вперед будет осуществляться одновременно с атакой и стычками. Это было в отличие от современных условий, в силу медленного передвижения, возможно и выгодно в том смысле, что обеспечивало сплоченное наступление. Отвлеченно говоря, было бы, конечно, лучше, если бы перестроение осуществилось уже заранее; но тогда пришлось бы двигаться вперед широко развернутым фронтом, что очень трудно: это требует строевых упражнений, которых безусловно не хватало этим рыхлым войскам. В частности при атаке широким фронтом легко образуются промежутки, могущие быть опасными.

В цитированном выше руководстве (стр. 46) значится далее, что от кавалерии следует требовать большей подвижности. "Линейное построение этой подвижностью не обладает, так как при нем перемены направления затруднены и далеко не всегда имеется допускающая

передвижения площадь той ширины, которая требуется для линейного построения. В силу этого кавалерии для маневрирования необходимо строиться колоннами. Последние, помимо наибольшей подвижности в пересеченной местности, должны допускать наиболее быстрый и простой переход к линейному построению". Требуемый здесь наибыстрейший переход от колонны к линии предполагает такую маневренную способность и строевую подготовку, которой "рыцари и кнехты" не обладали; отсюда и конная атака медленным аллюром и глубокой колонной, которая должна развертываться в линию только в самый момент столкновения.

Теперь нам становится также понятным своеобразное заострение колонны. Если бы отряд просто строился равномерной глубокой колонной, например в 12 всадников по фронту и в 25 всадников в глубину, то первые шеренги подвергались бы опасности немедленного охвата флангов в случае несколько более широкого построения противника. Но если каждая последующая шеренга шире предыдущей на одного человека, то последний, подвергаясь сам уже меньшей опасности, защищает фланг предыдущей шеренги. Опасности этой подвергаются не более чем 5–6 шеренг;

последующие шеренги в момент столкновения уже сами по себе так далеко "переливаются через край", что противостоят фланговым ударам противника, и если бы последовательно проводить до конца постепенное расширение колонны, то это привело бы к потере главного преимущества узкого фронта – легкого и уверенного управления.

Итак, смысл атаки глубокой колонной заключается в том, что этим способом можно приблизить к неприятелю всю массу сплоченно и равномерно. Менее надежные кнехты удерживаются замыкающими колонну рыцарями. Только во время сражения или непосредственно перед ним колонна развертывается настолько, что отдельный боец получает возможность пользоваться оружием. То, что первая шеренга доведена до 5 человек, представляет удобство легкого управления, а постепенное расширение колонны обеспечивает такого же рода фланговое прикрытие для находящихся впереди шеренг, какое в настоящее время образуют задние уступы на флангах первой линии.

Развернутый в линию фронт представлял бы по сравнению с такой колонной неудобство для боевого управления и в момент столкновения с неприятелем оказался бы несплоченным, с промежутками, между тем как выгода линейного

построения – возможность атаки с флангов – отпала бы, так как была бы встречена задними линиями неприятельской колонны, которые, беспрестанно "переливаясь", воспрепятствовали бы ей, имея достаточно времени для этого при медленности передвижений той и другой стороны. Единственно доступные для фланговой атаки шеренги защищены благодаря построению клином, естественно приведшему к выступлению задних шеренг за края передних уступами с правой и левой стороны.

Сила действия современной конницы как единого тактического организма заключается в нанесении более сосредоточенного, мощного удара, особенно сокрушительного с фланга, имея в виду, что сомкнутая колонна не может защищаться с боков. Колонное построение у рыцарей не имеет целью сплоченный натиск исключительной массивности и силы, а представляет собой лишь форму построения для сближения с противником, которое затем переходит в сражение с участием каждого бойца в отдельности.

Если несомненно, что смысл пилленрейтского боевого порядка именно в этом, то построение головы колонны представляется несколько чересчур надуманным, – можно сказать,

доктринерским, так как ясно, что те 2 всадника, которые выступают справа и слева каждой предшествующей шеренги, вряд ли удержат коня точно на корпус сзади, а скорее всего при столкновении все окажутся в первом ряду, поскольку вообще при различии в темпераментах и в быстроте лошадей, а также и в рвении рыцарей можно было удерживать равнение. Мы можем поэтому не останавливаться на колонне клином, как на ухищрении, исчезающем в испытаниях суровой практики, которым короткое время[87] как бы забавлялись; важным и решающим является резко противоречащее кавалерийским принципам продвижение к противнику глубокой колонной, acies, cuneus ("клином", "острием"), как они называются в источниках.

Если не принимать в расчет уменьшения числа рядов в передних шеренгах как тонкости, несущественной для практики, то остается построение при сближении с противником очень глубокими колоннами, а это, как мы убедились, в такой мере связано было с самой природой рыцарского боя, что прямо можем принять, что так делалось и в более ранние века той же эпохи.

Построение колоннами все же было не единственным, которого придерживались. Преимущество, которое при более широком и

редком строе могло дать окружение с флангов, хотя и не решало дела, все же явно было; и у нас есть документальное свидетельство того, что возможность противоположного решения здесь сознавалась и что могли склоняться как к тому, так и другому принципу. Ян фон Геелу рассказывает (стих 4918), что в сражении под Воррингеном (5 июня 1288 г.) властитель Лидекерке воскликнул: "Войско неприятеля так растягивается в стороны, что мы будем окружены, прежде чем успеем оглянуться. Хорошо было бы нам раздаться и сделать наш отряд не столь глубоким". Но Геелу отвергает это как прием, пригодный для турнира, а отнюдь не для серьезного сражения, и вкладывает в уста Либрехта де Дормэля, одного из виднейших брабантских рыцарей, защиту другой точки зрения. Когда последний услышал клич: "Реже", он воскликнул в бешенстве: "Плотней, плотней и уже! Каждый ближе к соседу, как только можно, и мы сегодня прославим себя". Тогда все закричали: "Теснее! теснее! Ближе друг к другу!"

Наоборот, Вильгельм Бретонский рассказывает об одном французе, построившем в сражении при Бувине (1214 г.) всех своих рыцарей в один ряд; при этом он сказал: "Поле широко, развернитесь, дабы неприятель не мог вас

окружить. Не подобает рыцарю быть щитом для другого".

Особым, заслуживающим внимания свойством широкого и неглубокого построения следует считать, наконец, то, что только оно давало возможность пехотинцам принимать участие в смешанном бою. Если конные бойцы надвигались такой густой колонной, как при Пилленрейте, то ни стрелки, ни копейщики не были в состоянии оказывать им поддержку: их растоптали бы лошади своих же всадников. Общая масса нюренбергской пехоты, в том числе и стрелки, объединившись в особые отряды, следовала поэтому на довольно большом расстоянии за всадниками и, таким образом, служила только прикрытием. Если действительно хотели, чтобы пешие участвовали в бою, то для этого необходимо было, чтобы рыцари построились редкими шеренгами, а при сближении их с неприятелем более широким фронтом это получалось само собою. Если же они подходили колонной по 20–30 лошадей в каждой шеренге, то, так как все стремились вперед, в каждый достаточно широкий промежуток вклинивался всадник из задних рядов[88].

Как ни велико принципиальное различие между построением клином в линейным

построением (en haye), тем не менее обе формы могли существовать одновременно и применяться даже в одном и том же сражении, так как, повторяю, речь идет только о форме сближения с противником, а не о боевом порядке. И при атаке глубокой колонной предполагается, что в начале боя колонна развертывается в линию, так как каждый ищет возможности пустить в ход оружие. Остается лишь та разница, что конница, наступающая колонной, образует значительно более узкий сомкнутый фронт, чем перестроившаяся уже издали.

При значительной численности войск должно было быть, разумеется, много колонн, наступавших рядом на определенных интервалах одна от другой. Если бы эти колонны следовали одна за другой, то последние колонны дошли бы до противника поздно или не дошли бы вовсе.

Известное различие между более поздним и ранним периодами заключается может быть, только в том, что в XV в. число рыцарей уменьшилось по отношению к числу кнехтов, вследствие чего могло усилиться стремление организовать массу в отряды, сплоченность которых поддерживалась рыцарями.

В противоречии с построением различных колонн в одну линию находится, кажется, то, что

мы с ранних пор все время слышим о соперничестве из-за "завязки боя". Уже в сражении на р. Унструт (1075 г.) швабы заявили, что это право принадлежит им издавна, а так как об этом факте сообщают два независящих друг от друга источника (Ламберт и Бертольд), то его можно считать достоверным. Еще до сражения при Земпахе (1386 г.) мы снова слышим об этом, а некоторые рыцарские корпорации в отношении определенных областей обеспечивали себе это право документально[89]. Какое значение имело бы такое право, если бы отряды различных областей выстраивались рядом, друг около друга?

Объясняется это тем, что очень часто бои начинались раньше, чем армии успевали полностью перестроиться. Поэтому колонна, первой выступившая из лагеря, сталкивалась с противником и вступала с ним в бой раньше других, хотя эти другие отнюдь не держались позади, а всеми силами стремились выйти из походной колонны или из лагеря, чтобы сражаться бок о бок с завязавшей сражение. Следовательно, к противнику и в сражение шли как бы эшелонами, и часто случалось, что вступавший в бой первым оказывался и единственным сражавшимся, так как сражения часто не доводились до конца, а решались при

первом же столкновении, когда одна из сторон в сознании своей слабости признавала себя побежденной. Быть в бою впереди всех представляло для славолюбивого рыцарства действительно желанное преимущество, хотя, как правило, колонны должны были держаться одна подле другой.

Для времени крестовых походов мы имеем документальные данные, подтверждающие тот взгляд, что понятие "завязки боя" не противоречит построению контингентов в одну линию ввиду эшелонного способа нападения, который, собственно говоря, обозначает лишь постепенно осуществляемое построение в один ряд. В сражении при Атаребе (1119 г.) Готье[90] сообщает об отряде (acies) св. Петра, которому принадлежало право выступать впереди других и первым ударять на неприятеля. За ним следуют отряды Готфрида и Гвидо, но они не поддерживают атаки первого отряда, а, убедившись в его успехе, атакуют других противников и также побеждают их. Это не допускает иного толкования, кроме того, что 3 отряда вводились в бой поэшелонно[91].

Как раз в течение крестовых походов эта эшелонная форма атаки возведена была в правило, – очевидно, по той причине, что здесь в качестве

противника имели дело по преимуществу с конными лучниками. Эти, понятно, открывали свои действия как можно ранее; самым благоприятным для них временем были минуты перестроения противника. Если на Западе колонна, приходившая первой, тотчас же бросалась в бой, часто лишь по нетерпению и рыцарской недисциплинированности, то на Востоке для этого был объективный мотив: необходимость без промедления наступать на лучников, которые в противном случае могли нанести значительные потери. Как сокрушались в сражении при Арзуфе рыцари, когда Ричард Львиное Сердце по веским причинам не разрешил дать сигнала к атаке: они-де отданы на истребление неприятелю беззащитными. И как быстро бросились врассыпную турки, когда, по дошедшим до нас сообщениям, с их собственной стороны, – по записям Боаэддина, историографа Саладина, – их атаковали в конном строю вооруженные копьями рыцари! Нечто вполне соответствующее этому известно нам относительно сражения Генриха I с венграми в 933 г., когда быстрый натиск саксов не дал противнику времени выпустить по второй стреле[92], а Оттон Фрейзингенский сообщает, что в сражении с венграми в 1146 г. герцог Генрих

Язомирготт стремительностью атаки предупредил обстрел своей армии венгерскими лучниками и перебил их, но затем сам был побежден рыцарями венгерского короля[93].

Вышесказанным исчерпывается основное во взаимоотношениях между рыцарями и конными лучниками.

Конные лучники – исконный род войск внутренней Азии – персов, парфян, гуннов, арабов, турок. Это оружие, как показывают беспрерывные военные успехи названных народов, – страшное, но только при известных условиях. Конные лучники оказывали бы еще меньшее сопротивление, чем это в действительности имело место, рыцарям-крестоносцам, наступавшим на них вооруженными копьем и мечом, если бы они не были снабжены холодным оружием приблизительно так же, как европейцы, и таким образом при достаточном численном перевесе могли принимать и рукопашный бой. Полную силу лучники могли проявить только на широкой равнине, имея достаточный простор, чтобы в любой момент уклониться от боя, а затем снова наступать, когда утомленный противник прекратит преследование. Поэтому корни этого рода войск следует искать в степных странах, где

оружие лучников имело столь большие преимущества, что не боялись затраты больших трудов и усилий, для того чтобы в совершенстве овладеть им. Когда это искусство уже усвоено и по традиции передается из поколения в поколение, оно начинает распространяться и в других странах. Крестоносцы не замедлили убедиться в ущербе, нанесенном им этими наездниками, и попытались обезопасить себя от них, принимая даже турок к себе на службу. Первые "туркополы" встречаются в 1115 г., но уже защитники крепости Давида в Иерусалиме, после капитуляции поступившие на службу к Раймонду Тулузскому, составляли, вероятно, отряд конных лучников. Император Фридрих II, во время своих итальянских походов имел в войске пеших и конных сарацинских лучников. На Западе этот род войск не развился потому, что географические условия – горы, леса и болота – ограничивали возможность его применения[94].

Существует взгляд, в частности положенный Келером в основу всего его труда[95], что рыцарство обычно строилось и сражалось в 3 эшелона. Положение это представляется ошибочным и ни в какой мере не применимым к рыцарскому войску. Нам придется еще вернуться к этому вопросу, когда проследим эволюцию рыцарства до

превращения его в конницу и при этом установим, что именно следует понимать под техническим термином "эшелон".

Очень часто решающим оказывается первое же столкновение, первый момент, когда одна часть разбита и обращается в бегство. Если этого нет и дело доходит до более длительного боя, то задача рыцаря и вопрос его чести, по выражению германских эпических поэм, заключается в том, чтобы скакать сквозь ряды противника, поворачивать коня и скакать обратно, все время сражаясь, уподобляясь галльским всадникам, о которых рассказывает Цезарь (B. G. VII, 66)[96]. Расширение этого приема боя до "roulement perpйtuel" (непрерывного движения взад и вперед) целых, следовавших одна за другой частей – есть фантазия, которая менее всего может быть согласована с представлением об отдельных эшелонах ("Treffen"), как о глубоких, в несколько линий колоннах[97]. Точно так же рассказы о перемириях, которые заключаются в разгар боя, чтобы собраться с силами[98], или о посвящении противника в рыцари в перерыве сражения мы отнесем скорее на счет романтики, чем истории[99].

Сколько колонн в том или другом случае построено было рядом или одна за другой и

насколько глубоки и широки были отдельные колонны, как это вытекает из основных принципов рыцарского боя, – этот вопрос существенного значения не имеет. Все решалось численностью, боеспособностью и уверенностью в себе отдельных бойцов, а прежде всего – известным порядком при встрече с неприятелем; форма построения определялась численностью войск и условиями местности. В плоскости тактики подлежат обсуждению, пожалуй, только те случаи, когда сообщается, что тот или иной отряд предназначался для оказания поддержки в случае необходимости, т.е., другими словами, – служил резервом. При этом следует отметить особый характер современного резерва, который должен создать перевес в решающий момент. Если при наличии двух армий одинаковой силы одни из двух современных полководцев сразу же посыпает в бой всю армию, а другой – оставляет в резерве примерно одну треть ее, то он рассчитывает на то, что его две трети при сравнительной их слабости все же окажутся в состоянии некоторое время вести сражение и настолько расстроить ряды превосходящих сил противника, что, в конце концов, атака сохранивших порядок резервных частей решит исход сражения. В рыцарском войске нарушение

боевого порядка в войске противника играло настолько незначительную роль, что не могло компенсировать отказ от введения в бой с самого его начала некоторой части войск. Резерв, вступавший в бой только после того, как главные силы чуть ли не разбиты, вряд ли мог бы поправить дело; в то же время это было бы поводом к обвинению полководца в том, что он вводит свои войска в бой, дробя их по мелочам. Значение резерва в рыцарском войске поэтому совершенно иное, чем в современном; именно там определенную часть на короткое время задерживали, с тем чтобы направить ее как раз в то место, которое оказывалось недостаточно защищенным против сплоченного и сильного противника. Выражаясь по-современному, дело идет не столько о резерве, сколько о задерживаемом эшелоне.

Случаи, когда сообщается, что уже победоносная часть терпит поражение от внезапно вступающего в бой резерва противника, например, при Тальякоццо, далеко не столь прочно засвидетельствованы источниками, чтобы давать право на принципиальные выводы. Вероятно мы имеем здесь не заранее обдуманный маневр, а результат случайности; в особенности, разумеется, совершенно исключается возможность того, что

полководец сперва намеренно доводит дело до поражения главных своих сил в надежде бросить затем резервы на утратившего боевой порядок победителя.

Введение в бой последнего эшелона представляет последний возможный акт руководства. После тою как полководец отдал распоряжение или вожди согласились между собой относительно места в строю каждого отдельного отряда рыцарей, короли и герцоги сами устремляются в сечу в поисках славы, не полководческой, а рыцарской[100].

Если основным типом средневекового боя мы признали только внешне, до некоторой степени упорядоченные, усложненные поединки рыцарей при поддержке других родов войск, то, очертив типическое явление, мы не исчерпали всей массы возможностей. Мыслимы и засвидетельствованы обстоятельства, когда или рыцари оказываются вынужденными сражаться пешими, или вспомогательные роды войск получают особое и более серьезное значение.

Следует ли такой способ боя называть тактикой рыцарства – или нет – это только спор о словах. По определению Клаузевица, тактика есть применение боевых сил для целей сражения; сообразно с этим и рыцарское войско имеет свою

тактику, а если принять во внимание, что существовали определенные распоряжения относительно боевого порядка отрядов применительно к тем или иным условиям, что резерв сдерживался или вводился в бой, что издавались приказы о построении и действиях стрелков и пеших кнехтов, что в случае надобности последним кое-когда даются и некоторые особые задания, то мы имеем налицо тактику в смысле искусства боевого управления. Тем не менее значение ее в такой степени ничтожно, что, по существу, правы те, которые не признают наличия тактики в рыцарских войсках.

Виоле ле Дюк однажды выразился так: "Утверждать, что феодальные армии не знали никакой тактики, – это почти равносильно тому, как если бы стали утверждать, что народ не имеет литературы, только на том основании, что мы не знаем его языка[101]. Следовательно французский ученый считает, что науке только не удалось еще найти и вычитать в источниках тайны средневековой тактики; после того было потрачено много усилий, чтобы разрешить поставленную, таким образом, задачу и заполнить пробелы в наших сведениях, но сколько-нибудь прочные результаты достигнуты не были.

Разумеется, нетрудно вычитать то или иное из

средневековых источников. Но как раз для наших целей источники эти имеют очень проблематический характер. Большинство средневековых писателей не проявляет никакой склонности при описании отдельных случаев излагать то, что произошло в действительности или кажется им самим правдоподобным; напротив, они разукрашивают события; особенно это относится к самому волнующему и захватывающему из всех событий – сражению. Быть может, они считали, что не стоит труда запечатлевать действительные события; их изложение не притязает ни на что иное или, можно сказать, притязает на то, чтобы быть и правдой и поэтическим вымыслом. В самом деле, и для античной эпохи мы имеем такого же рода исторические источники, которыми без достаточной осторожности пользуются современные историки, но наряду с ними имеем некоторых подлинных исторических писателей, дающих нам возможность вскрывать истинные соотношения. По крайней мере в применении к одному, притом особенно важному, пункту – сражению при Каннах – мы имеем возможность сопоставить традиции того и другого рода, и я настоятельно рекомендую, так сказать, упражняться в этом сопоставлении и изучать

детали данного Аппианом описания сражения при Каннах, с тем чтобы быть во всеоружии на случай отсутствия достоверной исторической традиции. Для средневековья это особенно важно, так как дух того времени фантастичен и некритичен, историки редко стоят на большой высоте, наконец, употребление чуждого латинского языка оказывается источником особенно опасных заблуждений. В историческое повествование непрерывно вторгаются реминисценции из античных писателей и вместе со словами вносятся понятия и образы, не соответствующие условиям времени; Ведь решился же историограф Барбароссы Рахевин рассказ об осаде Кремы просто списать с рассказа Иосифа Флавия об осаде Иерусалима Титом со всеми подробностями, разделением армии на 7 отрядов и т.п. Французский монах Рихерий (X в.) весьма пространно и в изысканных выражениях повествует о целом ряде военных событий, – например, о сражении короля Одо с норманнами в 892 г. Но эти рассказы – плоды собственной фантазии их авторов.

При таких наклонностях писателей единичное свидетельство, как бы ни казалось оно достоверным, дает крайне мало, и только при сличении описания событий на протяжении всей

эпохи вырисовывается ясная картина ее характерных явлений.

При ознакомлении со способами ведения войны рыцарством становится также понятным, почему средневековье не создало действительной воинской дисциплины. Непосредственно для военных целей она бы ничего не дала. В самом деле, исход сражения всегда зависел от рыцарей; там, где они были стойки и пока они были стойки, они были опорой, жизненным нервом, костяком и для других родов войск, основой же рыцарства было высоко развитое личное чувство чести, для проявления которого строгая дисциплина явилась бы, может быть, только помехой. Для рыцаря недостаточно, что войско победило, он во что бы то ни стало стремится получить свою долю в этой победе. Личная слава есть та несовместимая с дисциплиной идея, которою он живет и которая заставляет его в бою искать поединка; эта идея дала византийскому императору Льву право сказать о франках, что натиск их в пешем и конном строю неистов, противостоять ему нельзя[102]. Случалось, правда, что сражения бывали проиграны, потому что рыцари в безрассудной отваге действовали вопреки приказу; но это – лишь отдельные случаи, возможные и в самых дисциплинированных армиях, а при крайне

ограниченной роли командования в рыцарском войске эти случаи не имеют особого значения. Главными минусами в результате отсутствия дисциплины приходится считать расстройство боевого порядка и стремление, вместо того чтобы вообще за это преследовать, как можно скорее приступить к грабежу. Во время первого крестового похода однажды постановлено было отрезать в наказание нос и уши тем, кто до полной победы бросится грабить[103]. Перед сражением при Бувине Филипп Август объявил, что им воздвигнуты в большом числе виселицы, на которые попадут все, кто до полной победы[104] будет застигнут во время грабежа.

Жаждой добычи объясняется также стремление брать в плен тех, от кого можно было получить выкуп. Такое стремление усиливается по мере развития в рыцарстве сословного духа, заставлявшего видеть в противнике брата по ордену, товарища по оружию, которого естественно необходимо оберегать и щадить. Подобные гуманные чувства крайне опасны для подлинно воинского духа, и мы встречаемся с ними уже в очень раннюю эпоху. Ордерик рассказывает о сражении при Бремюле (1119 г.), в котором Генрих I Английский победил Людовика VI Французского, но убито было только 3

французских рыцаря, взято же в плен 140, "потому что они с ног до головы были одеты в железо и потому что из страха божьего и по товариществу друг друга щадили". Также Гиральд Кэмбрийский на 100 лет позже в числе других различий между валлийцами и рыцарями приводит то, что те стремились убивать, а эти – брать в плен. В боях австрийского рыцарства со швейцарцами мы слышим жалобу на грубых мужиков, которые умерщвляют, вместо того чтобы брать в плен.

Наглядные картины военной жизни и военной организации рыцарства дают нам многие места статутов рыцарских орденов, – в частности, Ордена храмовников.

Когда отряд собирается разбить лагерь, прежде всего огораживают веревками место для часовни; затем назначают место для магистра ордена, палатки для трапез, для комтура провинции и для провиантмейстера; остальные братья выбирают себе места, только когда раздается клич: "Располагайтесь, господа братья, во имя господне!" (гл. 148).

Храмовник без разрешения не должен удаляться от лагеря дальше, чем слышен звук голоса или сигнального колокола; из двух его оруженосцев один всегда должен держаться

поблизости, в то время как другой отправляется за дровами или фуражем (гл. 149).

Рыцари до получения приказа не должны седлать коней и садиться на них. Они должны проверять, не забыта ли какая-либо часть снаряжения. В походе оруженосцы с оружием должны ехать впереди рыцаря, а те, кто ведет его лошадей (ибо каждый рыцарь имел 3 или 4 лошади) – сзади[105], и никто не имеет права оставить своего места в ряду, даже для того, чтобы на короткий момент испытать своего коня. Никто под страхом утраты орденской мантии не имеет права нападать без приказа или покидать ряд (гл. 162, 163, 166). Когда дело подходит к бою, начальник отряда берет знамя и выделяет 5–10 рыцарей, которые окружают его для охраны знамени. Эти братья должны рубиться с противником вокруг знамени и не имеют права ни разлучаться с ним, ни удаляться от него; остальные же братья, подойдя к противнику, могут напасть на него спереди и сзади, справа или слева, словом – там, где они могут нанести ему урон (гл. 164)[106]. Комтур носит обернутое вокруг копья запасное знамя, которое он развертывает, когда с главным знаменем случается какое-либо несчастье. Ему поэтому запрещается пускать в ход копье, вокруг которого обвито запасное знамя,

даже когда для этого представляется подходящий случай (гл. 165, 241, 611).

Даже будучи тяжело раненым, рыцарь без особого разрешения не имеет права оставлять знамя (гл. 419, 420). Также в случае поражения рыцарь, под угрозой исключения навсегда из ордена, не смеет покидать поле сражения до тех пор, пока еще развевается знамя, а когда собственное знамя утрачено, рыцарь должен примкнуть к знамени иоаннитов или другому христианскому знамени. Лишь когда все разбиты, рыцарю можно искать спасения там, где бог поможет (гл. 168. 421).

Сопоставление этих орденских правил с современным уставом в такой же мере, как упомянутое выше построение колонн, при Пилленрейте, выявляет всю разницу между рыцарством и кавалерией. У рыцарства мы не находим ни малейшего намека на упражнения в конном строю, перестроения, повороты. Все, что мы знаем о руководстве, ограничивается запрещением покидать ряды без приказания и бросаться в атаку по собственному почину, – запрещение, которое в современном кавалерийском уставе признается уже излишним, – и предписанием, касающемся знамени. Следовательно, руководство стремится только к

тому, чтобы, подходя к противнику, войско соблюдало равнение, а после того как бой уже начался, проводило его с крайней интенсивностью, держа высоко знамя.

Это как раз противоположно тому, чему учит современная кавалерийская тактика. "Прорыв, – говорится здесь[107], – есть прямое дело кавалерии в бою; он дает непосредственное решение боя. Только при сомнительном исходе прорыва последующий за ним рукопашный бой может дать делу иной оборот". Далее современный устав говорит: "Кавалерия никогда не бывает более слабой, чем после удачной атаки", и в силу этого придает решающее значение тому, чтобы, в случае необходимости, она вновь быстро построилась[108] и чтобы, где только возможно, отдельные части ее вообще оставались в сомкнутом строю. У рыцарей этой цели в известной степени служит часть, охраняющая знамя; о сборе же, о сигналах и приказах во время боя вообще речи нет, как не упоминается также об обходе флангов, о мерах обеспечения флангов от неприятельского обхода, о второй боевой линии или о резервах, так как все решает самый бой, схватка. Тут уже нет места управлению боем: все предоставляется инициативе самого рыцаря, который должен наносить неприятелю урон, где и

как только может.

Сплоченная часть в руках начальника есть основа действий кавалерии. Поэтому сигнал "к сбору" в ее упражнениях играет такую роль, что лошади сами пускаются в карьер к месту, откуда раздаются его звуки. Рыцарям неизвестны подобные упражнения, как неизвестны им и сигналы на трубах[109].

Более ранние исследователи военного дела средневековья часто поддавались естественному соблазну выискивать аналогии с современными явлениями, чтобы придать прошлому большую наглядность. Задача же нашего исследования прежде всего заключается в том, чтобы вскрыть фундаментальную разницу как между средневековым и всяким современным, так и между средневековым и античным войском. Рыцарство есть нечто совершенно иное, чем эскадрон кирасир с копьями. Сделаем еще раз попытку уяснить себе, почему в средние века мы не встречаемся с тактическими понятиями, известными нам из античной военной истории.

Искусство античных полководцев заключалось в том, что они умели использовать в благоприятном для себя смысле особые преимущества наступления и обороны, особенности каждого рода войск и условий

местности, сводя в то же время на нет их невыгодные для себя свойства.

При Марафоне до определенного момента полководец удерживает всю армию в состоянии обороны, а затем мы постоянно видим, как некоторые части предназначаются для оборонительных действий с целью добиться в другом месте нужного для наступления перевеса. Для конного войска – это невозможно, так как всадники, способные только к наступательным действиям, не знают ни о какой обороне.

Вместе с тем отступает на задний план и тактическое использование местности. Рыцарское войско не может сражаться иначе, как на равнине[110]. В известных условиях получает значение обеспечение флангов, но значение это ничтожно[111]. Конный бой быстро превращается в общую свалку, в которой фланги и фронт не играют больше никакой роли. Задачей боевого управления было – добиться не столько хорошего примыкания флангов к препятствиям, сколько достаточного простора для передвижений конных отрядов.

Взаимная поддержка различных родов войск хотя и была известна в средние века и в античной древности, но только в том смысле, что стрелок, пеший кнехт или легковооруженный всадник

оказывали поддержку рыцарю; нельзя говорить о тактике соединенных родов войск потому, что ни один из трех вспомогательных родов войск не имел самостоятельного значения. Также не может быть и речи о том, что стрелки или пешие кнехты выдерживали вражеский натиск наподобие фаланги или легиона, дабы тем временем сделать для рыцарей возможным обходное движение; они были для этого слишком слабы.

Тактическая задача конного войска, следовательно, совсем иного рода, чем задачи греческого или римского войска. Соединение различных родов войск не имеет целью их взаимодействие, что только и создает подлинную тактику соединенных родов войск. В рыцарском войске все прочие роды войск служат только в помощь решающему – рыцарям. Выбор поля сражения и управление боем определяются исключительно требованиями и характером последних, но так как у них не существует оборонительного положения, а пересеченную местность они могут использовать только вполне односторонним образом, то изощренные тактические комбинации оказываются невозможными.

Пунктом, вокруг которого все вращается и который всему придает новый смысл, является

ничтожное значение пеших кнехтов с холодным оружием. Рюстов когда-то обосновал это следующим образом: причина упадка пехоты в том, что ее не ценили. Но почему ее не ценили? У римлян некогда легионер имел большее значение, чем конный воин. Несомненно, пехота пришла в тем больший упадок, что, раз утратив свое прежнее положение, она не пользовалась более особым вниманием и не привлекала в свои ряды лучших и наиболее боеспособных. Но решающий мотив этого изменения заключается в том, что пехота перестала существовать как тактический организм. Средневековый пеший кнехт существует только сам по себе: он не член крепко сплоченной дисциплинированной когорты. Поэтому, в сущности, несправедливо упрекать пехоту в том, что она была никуда не годна: она не могла быть больше того, чем она была; можно даже сказать, что она не должна была быть больше, так как главным родом войск должны были быть и желали быть рыцари. Поэтому пехота даже в большом количестве отнюдь не была лишней, но была полезна и нужна рыцарям как дополнение, без которого им трудно было обойтись и во время самого сражения; вне сражения же – особенно во время осады – она были им совершенно необходима и незаменима.

Если резюмировать еще раз причины влияния крестовых походов на военное искусство рыцарей Западной Европы, то приходится отметить следующее:

Во-первых, они ознакомились с почти что новым для них родом войск – с конными лучниками; далее, вследствие невозможности возместить убыль в конном составе, они сами вынуждены были применять в бою пехоту совершенно иным образом, чем это принято и необходимо было на родине. И то и другое должно было повлечь за собою глубокие последствия. Приходилось тщательно изучать и развивать возможность взаимодействия различных родов войск. Как правило культивировалась практика смешанного боя. Пытались также ввести и у себя конных лучников как особый род войск. С целью иметь возможность лучше обороняться от внезапных нападений конных лучников, крестоносцы вынуждены были уделять походному порядку гораздо больше внимания, чем ему уделялось на Западе. Неоднократно встречаем мы упоминания о том, что шли тремя колоннами, одна около другой, чтобы со всех сторон быть готовыми к бою, что, конечно, возможно только в местности,

предоставлявшей достаточный простор и свободу передвижения[112].

ПЕШИЙ И КОННЫЙ БОЙ ГЕРМАНСКОГО РЫЦАРСТВА

По вопросу о том, сражатись ли германские рыцари между IX и XIII вв. в пешем или в конном строю и в какой мере, – Бальцер (стр. 98 и след.) собрал ряд свидетельств, прямо противоречащих друг другу. Воины короля Арнульфа спешивались в 891 г. при штурме норманнских укреплений и в 896 г. при осаде Рима. По Оттону Нордгеймскому, в сражении с Генрихом IV в 1080 г. на реке Эльстер часть саксонских рыцарей рубилась в пешем строю; то же происходит в сражении при Блейхфельде в 1086 г., а об армии Конрада III в 1147 г. под Дамаском Вильгельм Тирский[113] говорит: "спешились, как это обычно делают германцы в исключительных положениях". В сражении при Бувине в 1214 г., по Вильгельму Бретонскому ("Филиппида", X, стих 680), король Филипп Август воскликнул: "Пусть германцы бьются пешие, ты же, галл, всегда сражайся верхом на коне!". Биограф Роберта Гискара говорит о германцах, что они посредственные наездники[114]. Византиец Иоанн Киннам прославляет их превосходство над французами в пешем бою (Бальцер, стр. 47, прим. 5). К этому надо еще прибавить, что и император Лев (886 – 911 гг.) в своей "Тактике" говорит о франках, что они любят как пеший, так и конный бой[115]. Об отдельных рыцарях часто сообщается, что они для боя спешивались, особенно в моменты крайней опасности.

Германцы же, наоборот, хвалились тем, что они

лучшие наездники, чем итальянцы (I, 21; III, 34). Фульдский летописец именно по поводу сражения с норманнами в 891 г. пишет, что франки, собственно говоря, сражались на конях. Византийский император Никифор, по Луитпранду, сказал, якобы, что германцы не сильны – ни пешие, ни на коне, а чех Косьма (II, 10) прямо говорит о германцах, что они не привычны к пешему бою. В другом месте (стр. 3) Бальцер толкует одно место из Титмара Мерзебургского (976 – 1019 гг.) в том смысле, что последнему участие пехоты в бою представлялось чем-то необычным.

Бальцер сопоставляет свидетельства и приходит к заключению, что германцы не вполне усвоили себе службу на коне даже и после того, как она применялась у них в течение долгого времени. Их успехи в кавалерийском деле, по его мнению, не были блестящими.

Такое заключение следует отвергнуть как с точки зрения фактов, так и с точки зрения критики источников. Германцы были превосходными наездниками уже во времена Юлия Цезаря, а в частности саксы бились верхом на конях уже против Карла Великого. Также и фризы называются наездниками в одном из каролингских капитуляриев (см. выше). Невозможно допустить, чтобы у народа, для которого верховая езда была искони привычной и в котором существовало постоянно упражнявшееся в своем искусстве рыцарское сословие, чтобы у него искусство конного боя стояло не на должной высоте. Бальцер полагает, что всадник, чувствующий себя на коне в своей стихии, спешивался для боя только в случаях крайней необходимости и тем труднее

решался на это, чем более критическим было его положение. Ни в коем случае нельзя выставить такого общего положения. Превосходство конного бойца проявляется главным образом в массе; на равнине боевая сила 100 конных рыцарей, несомненно, была во много раз выше силы 100 пеших бойцов: значительная часть пеших сразу же была бы растоптана конями. Граф Артуа, предводитель французов в сражении при Куртрэ, сказал, будто бы, что 100 конных равноценны 1 000 пеших[116]. В поединке же умелый пеший боец вполне может справиться со всадником, и, как ни кажется это странным, из военной истории нам известны многочисленные случаи, когда всадники спешиваются в бою, например, у казаков[117], а также в классической древности[118]. Если у римлян, о которых это рассказывается бесконечно часто, мы склонны объяснять спешивание невысоким уровнем искусства верховой езды, то такое объяснение не находит себе подтверждения в источниках и отпадает совершенно, когда мы читаем у Полибия (III, 115) как раз наоборот, что конные воины Ганнибала, кавалерийские качества которых не могут подлежать никакому сомнению, в сражении при Каннах, в конной стычке соскочили с коней и без правильных атак, "варварским образом", как выражается Полибий, одолели римлян. То же неоднократно сообщает Цезарь (B. G. IV, 2 и 12) о германцах, славившихся как особенно искусные наездники; тот же прием встречаем в "Песне о Нибелунгах" в сражении с саксами (строфа 212).

Воин же, считающий себя погибшим, не желающий или не имеющий возможности спастись бегством, борющийся не на жизнь, а на смерть, в этот

момент крайней опасности охотно соскакивает с коня и сражается пешим. Ибо, если он останется на коне, то противник, ранив его коня, может заставить его упасть и лишит его возможности защищаться, между тем как пеший зависит только от самого себя. Самое определенное из всех высказываний об интересующей нас эпохе находим в Фульдских анналах в описании сражения с норманнами: "У Франков же не в обычае сражаться пешими". Бальцер пытается дать этому замечанию ограничительное толкование, говоря, что оно касается только франков в узком смысле слова, или лотарингцев. Это соображение вполне произвольно, так как автор говорит не о лотарингцах, а о франках, и почему бы как раз лотарингцы особенно хорошо ездили верхом[119]. При помощи таких ограничений любому высказыванию можно придать противоположный смысл. Тем не менее я ничего не имею против них; следует только применять их ко всем соответствующим свидетельствам и тогда убеждаешься, что все они неосновательны. В каждом отдельном случае возможно, что какая-либо для нас уже неуловимая тенденция, ошибка, просто вымысел создали совершенно ложное суждение. Этим объясняется, что данные, почерпнутые из внешне одинаково достоверных источников, прямо противоречат друг другу. Здесь недостаточно одной только документальной критики. Необходима также критика по существу, которая охватывала бы эпохи в целом. Насколько опасно основываться на изолированных свидетельствах, мы видели на конкретных примерах в главе о происхождении ленной системы: на основании нескольких таких показаний сложился взгляд, что во

время Великого переселения народов франки еще были только пешими бойцами, это завело на ложный путь в таком кардинальном вопросе, как происхождение феодального государства.

Итак, не отдельно взятые свидетельства, почти сплошь недостаточно достоверные и противоречащие друг другу, а критический анализ и оценка таких свидетельств в сопоставлении с общим ходом развития военного дела дают нам право на вывод, что, начиная с Великого переселения народов, искусство конного боя культивировалось и стояло на значительной высоте у всех германских племен. Только у англосаксов конный бой, по-видимому, действительно не получил развития, быть может, в связи с тем, что они взяли с собой из-за моря (если вообще взяли) очень мало лошадей, а подлинное военное сословие развилось у них в очень ограниченной степени. Настоящий же рыцарь, сформировавшийся на материке и перенесенный оттуда норманнами в Англию, был настолько же пешим, как и конным, а если он и сражался пешим, то это отнюдь не означает, что он был недостаточно опытен в конном бою. О каждом подлинном рыцаре можно сказать то же, что говорит Видукинд (III, 44), прославляя герцога Конрада Рыжего: "то верхом, то пешим отправлялся на врага непреодолимый воитель".

РЫЦАРИ И КНЕХТЫ

Что рыцарское сословие, в тесном смысле этого слова, как низшее дворянство, отслоилось из древнего общего военного сословия, это достаточно твердо установлено, и самый процесс этого отслоения для нас

ясен. Труднее уяснить себе, как сложилось и развилось низшее, не-рыцарское военное сословие, именно пехота. Здесь для исследователя остается еще достаточный простор. Нас главным образом занимает вопрос, в какой степени, с каких пор и в какой форме пешие и конные спутники рыцаря были или сделались комбаттантами.

Бальцер (стр. 78 и след.) полагает, что до XI в. рыцари обычно не имели еще при себе оруженосцев, что видно из неоднократных упоминаний о том, что они сами отправляются на фуражировку. Я хотел бы несколько иначе понять то же наблюдение. Со времени Великого переселения народов в войске даже самые знатные были не только полководцами, но и бойцами. Между королями, герцогами и широкой массой всадников существовали промежуточные ступени и переходы. Обычай иметь при себе слугу, несомненно, с давних пор распространился и до низшего слоя всадников. Тем не менее они все же оставались низшими, сами отправлялись на фуражировку и часто совершенно не имели при себе слуги, или он находился при обозе, где вел вьючных лошадей, или ехал на повозке. Представители же постепенно отслаивавшегося рыцарского сословия имели, конечно, в своей свите по крайней мере одного оруженосца или щитоносца, а обычно, кроме того, еще несколько кнехтов.

Бальцер устанавливает, что с середины XI в. число оруженосцев все возрастает; они часто были конными, но они были вооружены только на крайний случай, и ими пользовались лишь для второстепенных военных целей и только в виде исключения вводили в бой.

Трудно выяснить, как Келер смотрит на

образование родов войск в средние века и на их взаимоотношения, так как автор в различных местах своего труда противоречит сам себе. Он твердо убежден только в том, что свита рыцаря первоначально была пешая, невооруженная и не сопровождала его в бой. Но, по его мнению, с начала рассматриваемого им периода наряду с рыцарством существовала как отдельный род войск и легкая конница. С XI в. в продолжение некоторого времени существенную роль играла будто бы и пехота, причем имеются в виду как пешие кнехты, следовавшие в бой за рыцарем, так и самостоятельная пехота. "Копье" (Gleve), т.е. принципиальная придача вспомогательных родов войск отдельному рыцарю, образовалось только во вторую половину XIV в.

Я согласен с Келером в том, что первоначально свита рыцаря не следовала за ним в бой[120], хотя каждый из его спутников был чем-либо вооружен[121]; была ли у кого-либо из его спутников случайно кляча или не была, – не имеет значения ни для военных целей, ни для передвижения войска. Келер недостаточно различает два вопроса: имел ли рыцарь конного кнехта и следовал ли такой кнехт обычно за ним в бой. На первый вопрос, несомненно, следует ответить утвердительно: в XII в. в свите рыцаря появляются конные и вооруженные люди. Человек, которого Барбаросса при Тортоне (1155 г.) хотел посвятить в рыцари и который отклонил эту честь, называется "strator"; из этого следует, что он был конным кнехтом[122], ибо он "имел секиру, которую такого рода люди обычно привешивают к своему седлу"[123]. В 1158 г. жители Брешии нападают на чешских "scutiferi" и отнимают у них коней[124]. Если

эти "scutiferi" были верхом, то конными были и "milites et scutiferi", которые во время того же похода бродят по стране, разоряют и сжигают города и села[125]. Документально засвидетельствован "servus equitans" в так называемом Аарском праве министериалов[126], и попытка Келера (III, ч. I, XVII) дать особое толкование этому свидетельству настолько искусственна, что не заслуживает опровержения. Правильной, наоборот, кажется мне поправка к тексту, сделанная Келером к Вейссенбургскому праву министериалов от 1029 г., так что это свидетельство отпадает[127].

Но в 1240 г. император Фридрих II издает приказ, чтобы 20 рыцарей, 20 стрелков и 20 кнехтов, все верхом на конях, отправились в Сардинию.

В "Annal. Jan. ", SS, XVIII, 158, в договоре графа Савойского с Генуей сказано: "Граф должен ежемесячно получать по 16 ливров за рыцаря с вооруженным слугой и 2 щитоносцами". Далее благородный рыцарь Лотарь Брешианский был в войске, "в котором каждый имел 2 коней с 50 рыцарями, 3 оруженосцев и хорошо вооруженных кнехтов".

Затем там встречается и другой рыцарь "со слугой и 2 щитоносцами". Келер (III, 2, 87) переводит "donzellis" – "кнехт благородного происхождения", "scutiferi" он считает "остальными кнехтами, вероятнее всего из числа младших сыновей рыцарских родов". Это явно произвольно, но возможно, что все лошади предназначались для самого рыцаря, а кнехты участвовали в бою пешими.

В 1239 г. папа заключил договор с Венецией, по

которому она обязывалась выставить "300 рыцарей и на каждого рыцаря коней: декстрария – одного и ронцинов – двух, оруженосцев трех с оружием".

Келер (I ч., X) полагает, что эти 3 коня, предназначаются для рыцаря, а "scutiferi" – пешие. Это, вероятно, правильно; иначе коней должно было бы быть по крайней мере 4.

Если, таким образом, ясно вырисовывается роль конного и вооруженного кнехта, то отсюда еще нельзя заключить, что он верхом следовал за господином в бой, – именно в бой, в собственном смысле слова; поэтому я хотел бы, по крайней мере, не противоречить Келеру, когда он говорит, что это вошло в обычай только со второй половины XIV в.

Наряду с вопросом о конных слугах возникает вопрос и о самостоятельной легкой коннице.

Несомненно, воины искони различались как по вооружению, так и по рангу, но различия были не такого рода и не столь значительны, чтобы лечь в основу деления по родам войск. Если бы это было так, то в многочисленных описаниях сражений эти различия должны были бы проступать гораздо отчетливее.

Келер пытается всюду провести резкую грань между явлениями, которые в действительности не так резко различаются между собой; вследствие этого он впадает в постоянные противоречия с самим собою и с жаром защищает положения, не имеющие существенного значения; в конце концов, вместо того чтобы путем установления резких различий достигнуть большей ясности, не удается даже понять, что, собственно, он имеет в виду.

Главным образом это относится к нижеследующим

местам:

В т. II, стр. 14, говорится, что в XII в. слуги рыцаря были невооруженными и пешими. То же в т. III, 2, 83.

В т. III, 2, 87, мы читаем, что в XIII в. возник обычай, по которому кнехты благородного происхождения (Knappen, scutiferi, armigeri) пешими следовали за рыцарями в бой.

В т. III, 3, 249, говорится, что в XII в. установился обычай вооружать людей (пеших) из свиты рыцаря и брать их с собою в бой.

В т. I, стр. IX, мы узнаем, что "копье", состоявшее из рыцаря и следовавших за ним двух легких всадников, впервые введено было во Франции только в 1364 г., а в Германии – в 1365 г. То же и в "Getting. Gel.-Auz." 1883, стр. 412. Ср. также III, 2, 89, где прямо подчеркивается, что до введения "копья" рыцарь не имел конной свиты.

Но, с другой стороны, в т. II, стр. 14, сказано, что с 1240 г. один из двух уже и ранее вооруженных слуг рыцаря стал конным. Если к этому присовокупить что оба слуги не были комбаттантами, то хотя этим и устраняется прямое противоречие с процитированными выше местами, но спрашивается, с какой целью эти слуги (о которых прямо говорится, что в XII в. они еще не были вооружены) в XIII в. снабжены оружием.

В т. I, стр. IX и т. III, 2, 24, мы узнаем, что легкие всадники образовывали первую линию.

Но в т. III, 2, 75, сказано: "Средневековые всадники сражались тесно сомкнутыми колоннами, которые составлялись из легковооруженных и в которых рыцари были только в голове и в последней шеренге, а если они были в достаточном числе, то и в крайних

рядах, и, таким образом, извне замыкали отряд легкой конницы... Только в XV в. у французов развилось построение "en haye" (в линию колонн), состоявшее из тяжеловооруженных, за которыми держится легкая конница". В Германии такое построение не привилось, якобы, никогда, а сохранилась сомкнутая колонна.

Ср. также I, 193, прим.

Т. II, вступление; на стр. VI Келер говорит о пехоте и ее влиянии на боевой порядок, со времени Сенлака (1066 г.) проявляющемся в целом ряде сражений. В особенности он восхваляет саксонскую пехоту XI в., брабантцев – XII в. и пехоту немецких городов – XIII в.

По т. III, 3, 248, расцвет пехоты в Западной Европе непродолжителен – в конце XII и в начале XIII в. – и явился следствием опыта третьего крестового похода. По мнению Келера, германцы даже должны были сперва проделать опыт 1197 г., для того чтобы также решиться пользоваться пехотой. В этом возрождении пехоты Келер здесь усматривает самое существенное влияние крестовых походов на военную организацию Западной Европы.

На стр. 274 говорится, что до того в Европе обнаруживаются только некоторые следы пехоты. На стр. 378 делается исключение, по крайней мере, для норманнов. Брабантцы XII в., которым в других местах придается такое важное значение, в этих местах оказались вне поля зрения автора.

На стр. 309 говорится, что не в третьем крестовом походе, а в крестовых походах вообще развилась пехотная тактика; сражения первого крестового похода при Антиохии и при Аскалоне приводятся в качестве образцов, которым следовала Западная

Европа.

На стр. 307 – значение пехоты достигло своего кульминационного пункта к началу XII в. (как мы видели выше, в конце XII в. после третьего крестового похода оно только начало возрастать) и с тех пор постепенно падало.

На стр. 272 – и в войнах Фридриха II конница зависела от поддержки пехоты.

На стр. 219, ч. I, мы читаем, что пехота Фридриха II – сарацины – при Кортенуова находилась на обоих флангах, "как это бывало в Италии еще долгое время после того".

Но на стр. 275, т. III, ч. 3, уже говорится, что в XIII в. не было органического соединения конницы с пехотой и что поэтому, например, сражение при Кортенуова, главное сражение Фридриха II (1237 г.), следует рассматривать как конный бой. На стр. 334 сказано, что Фридрих II своим пренебрежением к пехоте низвел ее до ничтожной роли.

В Германии, – стр. 308, – пехота играла роль только короткое время, во Франции – еще короче. О германской пехоте и о брабантцах говорится на стр. 309 – в продолжение XIII в. ничего более не слышно; упоминается только пехота немецких городов.

На стр. же 378 – коммунальные полки никогда не играли роль "infanterie de ligne" (линейной пехоты).

На стр. 145, т. III, ч. 2 и стр. 308, т. III, ч. 3, – время самого сильного упадка пехоты наступает в середине XIV в. В Италии господствует исключительно кавалерийская служба.

На стр. 275, т. III, ч. 3, XIV в., – наоборот, пехота начинает выступать самостоятельно.

На стр. 310 мы узнаем, что не метательное оружие, а только копье могло придать пехоте самостоятельное значение; копье же приобрело значение впервые у швейцарцев и только в бургундских войнах, т.е. в конце XV в., проявилось во всей своей значительности.

На стр. 329, 334 и 377 – опять-таки сражение при Чертомондо (1289 г.) и другие сражения того времени, якобы, чрезвычайно важны для истории пехоты и даже начинают собой "новую эпоху" этой истории.

На стр. 320 Келер признает, что роль пехоты была не столь велика, чтобы она могла на долгий срок закрепить за собой внимание и уважение. На стр. 429 в т. I мы узнаем, что Фридрих II не пришел к мысли о возрождении такой пехоты, которая существовала ранее, потому что проникнут был воззрениями своего времени. "Рыцарское честолюбие не терпело рядом с собой никакого другого воина". Эта нетерпимость рыцарства, якобы, имела самые печальные последствия. Точно так же и на стр. 327, т. III, ч. 2, и IV, ч. 3, стр. 307, 316-318, унижение пехоты приписывается сословному духу, а на стр. 310, ч. 2 – вырождению рыцарства.

Явно неверно во всех этих положениях прежде всего то, что с самого начала наряду с рыцарством, якобы, существовала самостоятельная легкая конница. Такая конница в источниках более раннего времени нигде не упоминается в качестве самостоятельного рода войск. Приведенные по этому поводу Келером цитаты (III, 2, 11 и III, 2, 29) лишены доказательной силы.

В "Ann. Altan. " от 1042 г. (SS, XX, 797) речь идет о рыцарях и кнехтах, но нет никаких признаков, что

они представляли дифференцированные роды оружия.

"Chron. monast. Casinensis", SS, VII, 818, повествует о сражении Генриха Гордого под Беневентом в 1137 г.: "Но когда оруженосцы (scutiferi) герцога в первой же стычке обратились в бегство, то герцог, взвешивая колебания счастья, повелел рыцарям, перейдя реку, подняться на гору, на которой расположен город, и ворваться в него со стороны золотых ворот".

Келер в "scutiferi" желает здесь видеть легковооруженных всадников, которые образовывали первую боевую линию. Это явно невозможно. Первая линия предполагает вторую, следующую за ней. Но эта вторая линия, если первая целиком обратится в бегство, не может, оставаясь незатронутой, двинуться в другом направлении. Если даже допустить, что слово "scutiferi" вообще означает особый отряд, то "acies", во всяком случае, означает не "эшелон", а, по крайней мере, "боевой отряд". Но это весьма неправдоподобно, ибо о подобном разделении конницы по родам войск, если бы оно соответствовало средневековой организации, мы должны были бы слышать гораздо чаще. Гораздо более правдоподобно толкование в этой цитате "acies" в смысле "бой": щитоносцы, отправленные для фуражировки, подверглись нападению и были разбиты (причем "in prima acie" можно перевести как "в первой же стычке", так и "в начале боя"), а затем герцог выслал рыцарей для штурма города с другой стороны.

Тем менее могут означать особый род войск "expeditissimi йquitйs" (самые проворные всадники), высланные для преследования противника.

Хроника г. Муаенмутье XI в. (SS, IV, 59) различает

отряд loricati (кольчужники) (30), которых обязан выставить аббат, и clypeati (щитники) (ср. Вайц, VIII, стр. 116). Келер (III, 2, 31, прим.) присоединяется к мнению Бальцера, что о loricati и clypeati упоминается как об отдельных частях. Но точный смысл источника не дает оснований для такой интерпретации.

По Кельнским анналам (Ann. Colon, maj., SS, XVII, 209) от 1282 г., в которых об Италии говорится "из неприятелей своих убили 1300 шитников (clypeatos), не считая других, которые пользовались тяжелым оружием", также нельзя заключить о существовании отдельных конных частей. Возможно, что эти "clypeati" – пехота.

Лифляндскнй документ от 1261 г. (цитировано Келером в т. III, 2, 45) устанавливает, что рыцарь должен получить 60 наделов, probus famulus – 40, servus cum equo et plata – по 10. Здесь мы снова имеем дело с различными родами оружия, но из этого еще не следует, что они образовывали отдельные части.

В четырех местах (I, 175, 219: II, 15, 17) Келер говорит о "легковооруженных, на непокрытых броней лошадях". Это явная несообразность. Все эти 4 места исходят из одного документа Тевтонского ордена от 1285 г. ("Cod. Warm. ", I, стр. 122; цитировано Келером в т. II, стр. 15, прим. 3): "Упомянутые держатели ленов будут обязаны служить на конях, покрытых броней, и с легким оружием". Эту цитату следует толковать в том смысле, что легкое оружие должно выставляться наряду с конем, покрытым броней.

В соответствии с изложенным находятся многократно предпринимаемые Келером исследования по поводу значения слов scutarius,

scutifer, armiger. Scutifer, в сущности, кажется ему тождественным armiger[128], в то время как между scutarius и scutifer он проводит резкое различие (III, 2, 37, прим.).

По т. II, XI, scutarii – это рядовые из свиты рыцаря, стоящие над обозными слугами (lixae). Таким образом, scutarii – "люди, которые находятся при рыцаре и обслуживают его", III, 2, 86. Со словом scutarius однозначны donzellus, damoiseau, voletus, servus, serviens, а также и garcio и bubulcus.

Scutifer и armiger – кнехты благородного происхождения или "оруженосцы" – ученики рыцарей – таким образом покрываются более широким понятием scutarii (III, 2, 86).

Но scutifer означает также обученных сыновей рыцарей, не имеющих еще лена, а также – тяжеловооруженных (сержантов?), владеющих леном (III, 2, 19), и, наконец, – легковооруженного всадника из несвободного сословия (III, 2, 31, ср. III, 2, 24).

Как мы видим, попытка провести различие между scutarius и scutifer оказалась несостоятельной и у самого Келера.

То, что Келер говорит о пехоте и ее развитии, настолько полно противоречий, что само себя аннулирует. Наиболее верным можно, пожалуй, считать следующее:

(III, 3, 306) "Там, где пехота во времена рыцарства появляется вообще в соединении с конницей она служит лишь для вспомогательных целей и, таким образом, в ту эпоху не представляет собой особого рода войск в современном смысле этого слова".

Подведя итоги всему вышесказанному, мы приходим к заключению, что, несмотря на

фактическое различие по тяжести и качеству оружия и еще большее различие по личной знатности бойцов, войско до XII в., как правило, представляло нечто единое; только в XII в. происходит действительная дифференциация родов оружия. Вполне тяжеловооруженное рыцарство выделяется из низших слоев как рыцарское сословие в тесном смысле этого слова, а в войско входят новые элементы не столь высокой военной квалификации, преимущественно в качестве пехоты. Спутники рыцаря, до тех пор бывшие не-комбаттантами, постепенно все более приобретают характер комбаттантов и, в зависимости от обстоятельств, следуют за своим господином в бой. При исчислении военных сил необходимо, поэтому, принять в расчет, что до XI в. включительно milites тождественны с комбаттантами; начиная же с XII в., следует быть осторожнее и нельзя довольствоваться цифрами комбаттантов, так как граница между комбаттантами и не-комбаттантами становится расплывчатой.

Я не решаюсь с точностью определить момент возникновения понятия "копье", под которым подразумевался рыцарь с несколькими подручными комбаттантами. Я готов согласиться с Келером, что название вошло в обиход не раньше 1364 г., само же явление восходит по крайней мере к XII в. Иенс (Gesch. d. Kriegsw., I, 295) с самого начала усматривает в нем характерную особенность феодальных армий и называет "двойным копьем" сочетание рыцаря с одним стрелком, появившееся будто бы в крестовых походах. Однако, подтверждений этому в источниках нет.

Различие между разными лошадьми рыцаря –

между dextrarius и roncmus нельзя считать абсолютным. Dextrarius также может иногда служить оруженосцу или нести на себе поклажу. Все дело в том, что в распоряжении рыцаря всегда есть свежая лошадь. Если у него их три, из которых одной он пользуется сам, второю – оруженосец, а третья служит вьючной лошадью, то эта последняя и есть запасная, свежая лошадь, так как поклажа обычно гораздо легче всадника.

ГЛАВА III

НАЕМНИКИ

Мы установили ошибочность того взгляда, что когда-либо отдельный воин снаряжался на войну за свой счет; это допустимо только при участии в недалеких и непродолжительных походах при частых соседских распрях, но не в войнах между целыми государствами, которые составляют предмет нашего рассмотрения. Начиная с Хлодвига, отправлявшиеся в поход воины должны были быть снаряжены и содержаться более крупной организацией или же более крупным владетелем. Владетелем, который преимущественно организовывал, таким образом, походы, был граф, а выбирал ли он воинов из своих ленников, или из вассалов, не имевших лена, и своих крепостных кнехтов, или же брал к себе пришлых рыцарей и воинов, это не составляло заметной разницы для дела. И своим собственным людям сеньор, кроме снаряжения и довольствия, вероятно, должен был давать сколько-нибудь наличными деньгами, а начиная с XII в., даже довольно много. Выше мы на нескольких примерах показали, сколько получили министериалы за поход на Рим. Переход от

ленного ополчения и ополчения министериалов к наемному войску практически осуществился гораздо легче, чем это может казаться, если иметь в виду их противоположность в теории. Вероятно, издавна уже обе эти формы до известной степени существовали параллельно. Уже в X в. сообщается о венецианском доже Виталисе, или Урсеоло, который навербовал в Лангобардии и Тоскане наемников и за это убит был венецианцами[129]. Граф Фулькон Анжуйский в 992 г. послал против герцога Конана Бретонского[130] войско, "в котором были как свои, так и наемники". При императоре Генрихе III папа Лев IX навербовал в Германии отряды против норманнов в Южную Италию[131]. Войско, с которым Вильгельм Завоеватель в 1066 г. переправился в Англию, состояло главным образом из наемников, а мы видели, как быстро элементы феодального строя, лишь частично перенесенного норманнами в Англию, полностью превратились там в наемничество. Вскоре после этого мы встречаемся с тем же явлением и на континенте. Уже в войнах Генриха IV деньги играют значительную роль; субсидии, выплачиваемые византийским императором германскому с целью получить защиту от норманна Роберта Гискара, использованы были Генрихом для собственных

военных нужд; часто мы встречаемся также с тем, что король делал займы, и города выплачивали ему подати. При его сыне Генрихе V мы впервые слышим о "ненасытной утробе королевского фиска" (regalis fnsci os insatiable)[132]. Герцог Лотарингский в 1106 г. послал на помощь кельнцам наемников[133], а существенную часть военных сил Фридриха Барбароссы составляют брабантцы. Войско, которое архиепископ Майнцский Христиан повел в 1171 г. через Альпы, также состояло преимущественно из них. В 1158 г. генуэзцы навербовали стрелков против императора, а Византия вербует в Италии – по выражению немца Рагевина (ч. IV, стр. 20) – "milites gui solidarii vocantur" (воинов, называемых наемниками). Эти наемники были родом не только из германских областей, среди них упоминаются и арагонцы, наваррцы и баски. Их называют также coterelli, ruptuarii, tnaverdini, stipendiarii, vastatores, gualdana (gelduni), berroerii, mainardien, forusciti, banditi, banderii, ribaldi, satellites[134]

Феодальное войско есть продукт натурального хозяйства; то, что наряду с ним и из него развивалось наемничество, было возможно только при условии некоторого возрождения денежного хозяйства, а последнее предполагает в обороте

известную массу благородного металла.

В эпоху Великого переселения народов, когда совершенно прекратилась правильная разработка рудников, запас благородных металлов, должно быть, все более и более уменьшался и дошел до минимума в эпоху первых Каролингов[135]. Но уже в VIII в. открыты были новые источники для добычи благородных металлов, золото промывали во французских и немецких реках, а в Пуату уже в эпоху Каролингов в рудниках добывали много серебра. В IX в. начали добывать серебро в Эльзасе и в Шварцвальде, с X в. – в Тироле, Штирии, Каринтии, а в особенности в Богемии, в Саксонских рудных горах; а начиная с 970 г. – в Гарце. Приблизительно с того же времени, а возможно, что уже и раньше, золото стали добывать и в Богемии, Зальцбурге, Венгрии и Семиградье, т.е. преимущественно в местностях, не подвергшихся еще эксплуатации римлян или мало эксплуатировавшихся ими.

Если отдельные даты этих первых успехов в горной промышленности и не вполне достоверны и если пора действительно богатой добычи наступила лишь позже, то, во всяком случае, с XII в. прирост добычи настолько явен, что начало приходится относить к значительно более раннему времени. Уже монах Аббо в своем описании осады

Парижа (886 г.) жалуется (кн. I, стр. 605–609) на рыцарей, желавших носить только украшенную золотом одежду; так же изображает дело биограф архиепископа Бруно, брата Оттона Великого (912 – 973 гг.), описывая его рыцарей, "гордо выступающих в пурпуре и золоте": "среди придворных В пурпуре и своих рыцарей, сверкающих золотом, сам надел простую тунику"[136].

По источникам трудно в каждом отдельном случае определить, идет ли речь о наемниках-пехотинцах или же о конных, сражавшихся, как рыцари[137]; во всяком случае, очень скоро и рыцари в тесном смысле этого слова стали поступать в наемники[138]. Когда король Владислав Чешский в 1158 г. созвал своих вассалов для похода в Италию, то они, по словам летописца, сначала были очень недовольны; когда же король объявил, что, кто не желает, может остаться дома, а тех, кто будет ему сопутствовать, ожидают награды и почести, то все заторопились присоединиться к войску. В более раннюю эпоху лишь скудный земельный надел или только довольствие при дворе служили компенсацией за военную службу, теперь же, когда вообще стало возрастать количество наличных денег и благосостояние, военная служба открывала

возможности крупного заработка и обогащения. В Германии и Франции основы феодализма исчезли не в такой степени, как в Англии, но общие условия все же постепенно приблизились к английским. Обладание леном и принадлежность к рыцарскому сословию больше не были непосредственно связаны с несением военной службы; значение ленников и рыцарей свелось к тому, что они были представителями и продолжателями традиций сословия, бывшего превосходным материалом, идеальной средой для вербовки наемных воинов. Социальные корни сословия, основы рыцарства отчетливее всего проявляются в том, что, несмотря на переход военной организации к наемничеству, – причем сильный, храбрый, опытный человек ценился независимо от всего прочего, – рыцарство все же сохранило свое значение как сословие, и как раз в это время из него образовалось низшее дворянство.

Параллельное явление заключается в том, что у держателей рыцарских ленов начинает проявляться наклонность превратиться просто в крупных землевладельцев.

В "Малом Люцидарии" (Kleiner Lucidarius), называемом также "Зейфрид Гельблинг" (между 1283 и 1299 гг.), один паж рассказывает

господину, что при дворе беседуют уже не о Парсифале и Гамурете, а о молочных коровах и о торговле хлебом и вином[139], а в следующем веке австрийский поэт Зухенвирт вкладывает в уста никогда не выезжавшего за пределы своей родины рыцаря

Da stee ich alz ain ander rint
Und pin ain haimgetetzogen chint.

Уже в XII в. наемничество развилось настолько, что появились знаменитые вожди наемников, которых можно считать предшественниками позднейших кондотьеров. Первым из них был Вильгельм Ипернский, по-видимому, незаконный сын Филиппа Фландрского. Он женился на родственнице папы Каликста II, получил во владение Слюи, а в Англии получил от короля Стефана титул графа Кентского. Отряд, во главе которого он то здесь, то там вел войну, состоял из конных и пеших, а хроника[140], описывая его положение в нем, говорит, что он quasi dux fuit et princeps eorum, т.е. был как бы вождем и главой (1162 г.). Если Вильгельм Ипернский сам был знатным рыцарем, то другой, именуемый вождем брабантцев – Вильгельм де Камбрэ, – был раньше священником. Но большинство этих

предводителей все же, вероятно, рыцарского происхождения или, по крайней мере, поднялось до высших социальных ступеней путем приобретения титулов и ленов. Предводитель такой шайки – провансалец Меркадье – был главной опорой Ричарда Львиное Сердце после возвращения последнего из плена и, может быть, личным другом короля.

Со временем в качестве переходной ступени от феодальной военной организации к наемничеству выработался модус, по которому императоры, короли и города заключали прочные договоры с князьями и властителями, по которым последние, обладая военным опытом и авторитетом, и располагая твердым ядром полученных по наследству вассалов-воинов, собственными запасами оружия, обязывались выставить определенное количество войска для определенного похода или в случае надобности. Первый такого рода договор заключен был уже в 1103 г. Генрихом I Английским, сыном Вильгельма Завоевателя, и графом Робертом Фландрским: последний обязался за плату в 400 марок серебра в год выставить королю 1 000 рыцарей, каждого с 3 конями. Договор составлен очень детально. Он недействителен против сюзерена Роберта, короля Франции. Рыцари

должны быть готовы через 40 дней по получении Робертом извещения. Король должен выслать за ними суда (для перевозки их в Англию). Пока фламандцы находятся в Англии, король обязан давать им довольствие и возмещать их материальные убытки, так же как своей собственной свите (своей "familia"). Договор этот подкреплен тем, что особым актом бароны и кастеляны графа Фландрского признали обязательства по отношению к королю Англии, и через 50 лет, в 1163 г., он был возобновлен преемниками[141].

Подобного рода договоры впоследствии заключались в огромном числе, особенно между немецкими имперскими городами и соседними (мелкими) династиями[142].

Преимущества наемных рыцарей перед вассалами, – поскольку те служили за жалование, если только хватало средств на аккуратную его выплату, и поскольку их всецело можно было держать в своих руках, – были настолько очевидны и значительны, что в XIII в. во Франции сюзерены предпочитали продавать освободившиеся лены горожанам, вместо того, чтобы поселять на них новых рыцарей-вассалов[143].

Мы видели уже, как легко даже настоящий,

состоятельный рыцарь превращался в разбойника; конечно, более склонен был к этому простой наемный кнехт без отечества. При исключительно слабой дисциплине такого рода военных отрядов от них тяжело страдали местности, лежавшие на пути их походов, но страшнее всего было тогда, когда такие рыцари бродили по стране по окончании войны и роспуска войск, будучи предоставлены самим себе. Оставаясь объединенными в банды, вооруженные как раньше, они до крайности угнетали и разоряли население, не щадя церквей и монастырей. Это были заведомо наиболее грубые, склонные к насилию элементы населения, природе которых совершенно не отвечали мирный труд и жизнь обывателя и которые поэтому охотно давали завербовать себя.

Беззаконие и жестокость войны развязывали все их необузданные инстинкты и лишали всякого чувства сострадания. Уже об одном из первых наемных войск, о котором до нас дошли сведения, – о войске, навербованном в 1053 г. строгим ревностным папой Львом IX против норманнов, – летописец Герман Рейхенауский сообщает, что оно состояло из авантюристов и беглых преступников. Сами короли, пользовавшиеся этими бандами, должны были потом искать

средства, чтобы избавить от них страну. Императоры Фридрих и Людовик VII Французский в 1171 г. (14 февраля) заключили договор, в котором говорится, что они собрались вместе со многими баронами и взаимно обязуются нигде в своих государствах не терпеть "зловредных брабантцев или coterelli". Пусть ни один вассал их не потерпит, разве что такой человек взял себе жену в их стране или на длительный срок поступил к ним на службу. Преступивший же эти условия предан будет епископом анафеме и на него наложен будет интердикт; он обязан будет возместить все убытки, а соседи должны будут силой принудить его к этому. Если же этот вассал слишком силен, чтобы соседи могли с ним справляться, то император сам приведет в исполнение приговор[144].

Латеранский церковный собор 1179 г. постановил ввести самые строгие церковные наказания против всяких "брабантцев, арагонцев, наваррцев, басков, триавердинцев", равно как и против тех, кто отказывался выступать против них с оружием.

Известно также несколько случаев, когда от них отделывались силой. Брабантцы под начальством патера Вильгельма из Камбрэ,

состоявшие некоторое время на службе у короля английского Генриха II, захватили замок Бофор в Лимузине, откуда они совершали грабительские набега по окрестностям, пока, наконец, в 1177 г. не были осилены и поголовно вырезаны графом Адемаром и епископом Лиможским[145]. В 1183 г. под Шарентоном истреблена была большая шайка брабантцев; в Оверни с целью их истребления образовался большой "союз мира" под предводительством плотника Дюрана. Но когда этот "союз мира" обратился против самих господ, последние опять-таки в союзе с брабантцами подавили мятежный плебс.

НЕКОТОРЫЕ НОРМЫ ДЕНЕЖНОЙ ОПЛАТЫ НАЕМНИКОВ

До нас дошел проект договора, который Людовик Святой в 1268 г. намеревался заключить с венецианским дожем; этот договор заключен не был, так как король, в конце концов, заключил соглашение с генуэзцами. В этом "Contractus navigii" Марк Квирин от имени венецианского дожа обязуется[146] предоставить королю, – если он пожелает приступить к переправе войск за промежуток времени от Иванова дня до начала следующего года, – 15 кораблей для 4 000 лошадей и 10 000 человек. Экипаж на каждом из 12 кораблей должен состоять из 50 матросов, на "Роккафортис" и "Св. Марии" – из 110 и "Св. Николае" – из 86. За наем "Роккафортис" и

"Св. Марии" король платит по 1 400 марок (что приблизительно равняется 56 000 современных марок), за наем "Св. Николая" – 1 100 марок (44 000 современных марок), за 12 остальных – по 700 марок (28 000 современных марок). Таким образом, плата за наем одних только кораблей на современные германские деньги составляла почти полмиллиона марок. Рыцарь с двумя слугами, одной лошадью и конюхом должен был платить за проезд (navigium), включая и довольствие, 8 S марок (340 современных марок). Один рыцарь платит за закрытое место (placa cooperta) между грот-мачтой и кормой – 2 j марки (90 современных марок); оруженосец (scutifer) за открытое место (placa discooperta) – 7 унций (35 современных марок); конюх и лошадь – 4 S марки (180 современных марок); паломник за места от грот-мачты до буга, включая довольствие – 3 s марки (30 современных марок). При этом должны предоставляться требуемые для изготовления пищи дрова.

Филипп Август ежемесячно платил каждому рыцарю по 3 золотых. В связи с этим Ричард Львиное Сердце объявил под Аккой, что он каждому вступившему к нему на службу будет ежемесячно платить по 4 золотых. Под этими золотыми монетами подразумеваются, вероятно, византийские. При Людовике Святом один византийский золотой равнялся 10 турским ливрам (livres tournois), а Наталис де Вайн оценивает livres tournois в 20 франков 26 сантимов. Таким образом, византийский золотой стоил 202 франка 60 сантимов. По такому расчету Филипп Август ежемесячно выплачивал по 607 франков 80 сантимов, а Ричард Львиное Сердце –

даже по 810 франков 40 сантимов. Жуанвиль, – ввиду того, что он, попав в плен, лишился имущества, – за время от дня св. Якова (25 июля) до пасхи требует от короля Людовика IX 1 200 ливров, а для каждого из 3 завербованных им рыцарей-наемников – также по 400 ливров. Если считать на турнские ливры, то Жуанвиль получил бы 24 312 франков, а рыцари по 8 104, франка, если же имеются в виду парижские ливры (livres parisis), то сумма эта вырастает до 30 396, т.е. 11 132 франков. Плата за службу, таким образом, за 50–60 лет значительно выросла, так как Филипп Август платил только 7 293 франка 60 сантимов в год, щедрый Ричард – 9 724 франка 80 сантимов, а Людовик IX вынужден был согласиться платить своим рыцарям ежегодное жалование в 10 805 или, может быть, даже 13 509 франков. Жуанвиль получает даже в год 32 416 или 40 528 франков.

Таблица ставок за службу воинов всех родов от 1231 г. до 1785 г. имеется у Д'Авенель (D'Avenel, Hist. йconomique, т. III, стр. 664–680).

Интересные вычисления ставок имеются также у Келера, I, 167.

В договорах о найме войск, заключенных между графом Фландрским и королем английским в 1101 г. и позже (Rymer, Foedera I, стр. 1), на рыцаря считается 3 лошади.

ГЛАВА IV

СТРАТЕГИЯ

То, что нами было сказано о средневековом понятии тактики, относится также и к стратегии: стратегия, т.е. использование сражения для целей войны, конечно, имела место, но очень редко в качестве искусства ведения войны.

Мы уже узнали, насколько слаба была организация военного дела в феодальном государстве. Войска были малочисленными, мало дисциплинированными и даже не связанными чувством долга.

Мощь Карла Великого покоилась на колоссальной величине его государства и на его всеобъемлющем авторитете как монарха; собственно же военные его силы, как показывают медленные и незначительные успехи в борьбе с сарацинами и нескончаемая война с саксами, были весьма незначительны. О стратегии как таковой вряд ли можно говорить в этих походах, и раздробленные государства его преемников скоро становятся совершенно бессильными. Даже когда оба великих короля Саксонской династии, Генрих и Оттон, благодаря компромиссу с другими крупными вассалами и с родовой автономией в

восточной части Каролингского государства, опять создали сильную центральную власть и когда королю Оттону при напряжении всех сил своего государства удалось нанести венграм серьезное поражение на Лехфельде, то, несмотря на это, военная мощь нового государства все же была отнюдь не велика и не слишком надежна, ибо наполовину самостоятельные крупные вассалы постоянно угрожали авторитету короля и внутреннему миру. Численность войск короля Оттона в сражении на Лехфельде мы предположили не выше 6 000–8 000 человек. Только ясно представив себе это число, можно понять успехи язычников. От угрозы со стороны северных морских пиратов и конных армий азиатских кочевников освободились лишь частично при помощи военной силы, главным же образом благодаря тому, что норманны и мадьяры сами вступили в орбиту христианской культуры.

Ничто так не характеризует военное дело средневековья, как распря между императором Оттоном II и его двоюродным братом, французским королем Лотарем, в 978 г. Могущественный немецкий король, властелин Германии и Италии и император священной Римской империи, должен был бежать из своей столицы Аахена, когда почти бессильный король

вест-франков внезапно повел на него наступление. Правда, он быстро собирает войско, чтобы отомстить, и с этим войском продвигается к самому Парижу, но, не имея возможности взять укрепленный город, он вынужден вернуться обратно и терпит на обратном пути еще более значительные потери[147].

И войска Салиев и Штауфенов тоже были не намного больше армии Оттона Великого на Лехфельде, – почерпнуто нами из нескольких вполне надежных источников, – лишнее доказательство правильной оценки численности армий Карла Великого, ибо при увеличившемся народонаселении и подъеме хозяйственной жизни страны за эти столетия армии, во всяком случае, не стали меньше.

Все изменения в элементах метода ведения войны в этот период были связаны с политическим развитием.

Дальнейшее развитие феодального государства привело к тому, что все созданные полусуверенитеты – как князья, гак и города, – в целях собственной безопасности были озабочены возведением укреплений. Города стали укреплять свои стены, на холмах и горах возвышались неприступные бурги. Постройки самих королей приняли другой характер: в то время как

Меровинги и Каролинги еще строили свои замки на открытых равнинах, короли Саксонской, Салийской и Штауфенской династий строят свои замки на холмах или в иных укрепленных местах с таким расчетом, чтоб они были годны к обороне[148].

Эго создает преимущество оборонительной войны перед наступательной, и более слабому предоставляется возможность уклониться от развязки, тогда как более сильному создается затруднение даже в случае победы воспользоваться ее плодами. Осада каждого города и замка в отдельности представляет трудную задачу, а таких задач – неисчислимое количество. Могущественный германский император Фридрих, к которому к тому же присоединились итальянцы, потратил на овладение маленьким городком Крема больше полугода (1160 г.).

Вместо действительной осады мы чаще встречаем применение системы легкой блокады: обносили неприятельский город фортами, которые отрезали ему сношение с внешним миром. Этим способом уже норманны в Южной Италии принудили к сдаче греческие города[149], и этим же способом Фридрих Барбаросса два раза брал Милан, не прибегая к

настоящей осаде и решительному штурму. Но для этого требуется очень долго удерживать на месте свои собственные отряды, что редко могли выполнить средневековые феодальные армии.

Исход борьбы во всех крупных войнах Гогенштауфенов, – в том числе и в низвержении Генриха Льва Фридрихом Барбароссой и в борьбе между сыновьями обоих – Филиппом и Оттоном – в большей степени, чем от военных действий, зависит, в конце концов, от участия или от перемены позиций крупных вассалов и больших городов, и хотя эго участие до некоторой степени и обусловливалось военными успехами, но все же оно зависело не только от них. Поэтому в данную эпоху в некоторых отдельных случаях распределение и напряжение сил происходят таким образом, что моментами проявляется подлинная стратегия, как, например, в том виде, в каком Оттон Великий провел сражение на Лехфельде, и в войне Генриха IV против короля-соперника Рудольфа Швабского. И подобно тому как в войне различные элементы – политический, стратегический и тактический – непрерывно влияют друг на друга, так и в этих сражениях проявляются тактические моменты, причем в таком виде, в каком мы в других случаях почти не наблюдаем их.

Наоборот, в позднейших войнах великих Штауфенов, несмотря на бесчисленные военные действия, ничего подобного не замечается. Тот факт, что победа при Гасгингсе одним ударом смогла надолго подчинить большое англосаксонское государство владычеству норманнов, – этот факт связан с общим слабым политическим развитием страны. Немецкие короли не могли создать себе подобное господство в Италии (хотя никто с самого начала не решался оказать им сопротивления в открытом поле), ибо Италия в образе самостоятельных коммун и универсального института папства отличалась большей сопротивляемостью, чем германское государство англосаксов. В конце концов итальянцам даже удалось победить императора в открытом бою; однако, следует все же отметить, что поражение при Леньяно (1176 г.) не имело сколько-нибудь большого значения для окончательного исхода борьбы. Это было случайное сражение, вызванное тем, что император (Фридрих Барбаросса) с излишне большой уверенностью хотел провести через Миланскую область на расстоянии нескольких миль от Милана, из Комо в Павию, прибывшие из Германии войска. На этом пути их встретили миланцы со своими союзниками, и под напором

превосходных сил противника германцы были разбиты. Но подлинно решающим моментом является то обстоятельство, что со времени своего разрыва с Генрихом Львом император мог подтянуть из Германии лишь весьма незначительные силы, между тем как Милан имел на этот раз в других итальянских коммунах гораздо более сильную опору, чем в предшествующих войнах. И без поражения при Леньяно Фридрих, в конце концов, должен был бы заключить соглашение на весьма умеренных условиях, а то, что миланцы, несмотря на свою победу, пошли ему навстречу, показывает, что они не переоценивали значения этой победы.

С другой стороны, крупная победа императора Фридриха II над миланцами и Ломбардским союзом при Кортенуова (1237 г.) точно так же осталась почти без всяких последствий.

Неужели средневековью чуждо было теоретическое сознание того, что в войне открытое сражение является собственно решающим моментом и поэтому высшим законом стратегии должно быть сосредоточение и объединение на поле сражения всех имеющихся военных сил? Интересно отметить, что рыцарство не лишено было понимания этой истины. Одна французская хроника, "Деяния графов

Анжуйских", вкладывает в уста сенешаля Лисея (1041 г.) следующие слова, с которыми он обращается к графу Готфриду Мартеллу, когда последний осаждал Тур и к осажденным приближалось подкрепление: "Лучше нам сражаться объединившись, чем быть побежденными отдельно от вас. Битвы непродолжительны, но плоды победы обильны. Осады длятся долго и с трудом достигают цели: сражения подчиняют вам народы и города, и побежденные в сражении рассеиваются перед своими врагами, как дым. Если сражение будет выиграно и враг будет побежден, то господство будет принадлежать вам, а вместе с ним и укрепления"[150].

В таком же духе поступил и Саладин, когда при приближении больших армий третьего крестового похода он приказал разрушить стены многих сирийских городов, чтобы укрепить свою действующую армию их гарнизонами. Точно так же поступил и остгот Тотила[151]. Но это – исключения, и таковыми они должны были оставаться. На протяжении всего средневековья мы сталкиваемся с преобладанием противоположного принципа – использованием главных сил как защиты укрепленных мест, ибо обстоятельства редко складываются так, чтобы

действительно можно было использовать победу в открытом поле; феодальные армии для этого слишком малы и слабы. Даже сражения в целях снятия осады, предоставляющие наступающему преимущество атаковать осаждаемую армию в самой неблагоприятной обстановке, мы встречаем весьма редко.

Подобно тому как в тактическом отношении сражение стоит немногим выше умноженного единоборства, в отношении которого достаточно одной лишь решимости, точно так же и стратегические расчеты представляют собой немногим больше, чем выполнение политических решений. Так как по вопросу о том, "как" проводить сражение, большей частью существенного решения принимать не приходится, то всегда остается только вопрос – обладает ли данная сторона достаточными силами, чтобы сражаться, или нет. Кто не чувствует себя достаточно сильным, тот стремится найти укрепленное место, и для противника остается опять-таки лишь вопрос – следует ли ему осаждать или нет. Это может зависеть от различных обстоятельств, и решение бывает часто очень затруднительно, но с подлинной стратегией в лучшем смысле этого слова, со стратегией как искусством, это решение не связано нисколько.

Снаряжение, походный порядок, забота о продовольствии также могут требовать большой сообразительности и энергии, но только в самом отвлеченном смысле они могут быть рассматриваемы в качестве стратегических действий.

Даже окончательное решение дать сражение в средние века не подходит под понятие стратегии постольку, поскольку оно не в полном смысле этого слова является решением полководца. В дисциплинированном войске сражаются по приказанию командующего. Средневековый вождь не имеет для этого достаточной власти над своим войском. Он может сражаться лишь тогда, когда это желательно не только ему, но и всему войску. И в дисциплинированном войске вера масс в победный исход боя является очень важным моментом; средневековое же войско без этой веры совершенно не может сражаться. В высокой степени характерным явлением, о котором дважды повествует нам Видукинд – по поводу сражения саксов против славян и относительно венгерского сражения на Лехфельде (I, 36 и III, 44) – является то, что каждый из воинов еще раз торжественно поклялся сначала полководцу, а затем друг другу в том, что они будут помогать один другому. И в других местах мы находим

упоминания о такого же рода торжественных обязательствах, данных непосредственно перед сражением, в том числе и у мусульман. Единая воля, которая должна пронизывать целое, порождается не организмом войска, как таковым, все предоставляющим воле полководца, но должна создаться тут же и быть подкреплена клятвами.

Это обстоятельство – большая зависимость полководца от настроения и воли войска – способствовало тому, что сражения в средневековых войнах так редки. Войны ведутся беспрерывно, а сражений в продолжение многих лет не бывает, ибо для этого нужно, чтобы обе противные армии были проникнуты сознанием своего превосходства, за исключением разве тех случаев, когда одна сторона сражается, лишь будучи вынужденной к этому, не имея возможности уклониться от боя. И современный полководец обычно не дает боя, если не рассчитывает на победу, но он выступает иногда и против несомненного превосходства сил в надежде уравновесить силы обеих армий благодаря своему искусству и благодаря использованию топографических условий. Средневековый полководец, как мы с очевидностью можем заключить на основании

исследования вопроса о тактике, на это шансов не имеет: он дает бой, только когда он сам и его войско убеждены в своем превосходстве.

Для военного дела в эпоху рыцарства и для трудности применения в нем подлинной стратегии характерно то часто встречающееся явление, что сторона, побежденная с точки зрения тактики, тем не менее достигает своей стратегической цели. Природа вещей требует и говорит, что тот, кто победил неприятельскую армию, вероятно, добьется и других своих целей. Рыцарское же войско настолько мало находилось в руках полководца, что утомление, обычно наступавшее после победы, особенно связанной с большими потерями, часто бывало непреодолимо и это утомление принуждало полководца отказываться от дальнейшего выполнения своих планов. Это мы несколько раз установили в отношении войн Генриха, и подобных примеров мы еще много найдем в дальнейшем.

Подвигов полководцев, подобных подвигам Мильтиада при Марафоне, Павзания – при Платее, Эпаминонда – при Левктрах, Ганнибала – при Каннах, Сципиона – при Нарагарре, Цезаря – при Фарсале, в средние века мы не встречаем, за исключением разве только сражения на Лехфельде. Правда, решение Вильгельма

Норманнского после высадки в Англии не продвигаться немедленно на Лондон, а ожидать врага на побережье, сосредоточив здесь свои силы, также может быть отмечено как стратегический акт, который по величине и значению последовавшей за ним победы получает глубокий смысл, но только после некоторого размышления можно допустить употребление для этого случая слова "стратегия". В войне между Генрихом IV и Рудольфом, пожалуй, вырисовывается стратегическое мышление, но, ввиду того что оно не привело ни к какой сколько-нибудь решительной развязке, оно лишено для нас особого интереса. Некоторые искусные и ловкие нападения, как, например, нападение Фридриха II на миланцев при Кортенуова, можно причислить к области стратегии, но в этом нет большого размаха, как и в битве на Лехфельде.

Было бы абсолютным недоразумением делать из этого вывод, что таким образом личность как таковая в средневековом войске имела маловажное значение. Напротив: именно потому, что техника, а вместе с ней и искусство тактике и стратегии не имеют настоящего объекта, личность должна тем больше проявлять себя. Вообще говоря, гениальность стратега проявляется там,

где он ведет сражение и где он выигрывает его искусством тактики. В средние века сражения почти всегда возможны лишь в том случае, когда их желает и противник, а подобное прямое взаимное стремление к столкновению бывает и может быть лишь весьма редко. Сила и талант вождей проявляются иначе, – прежде всего в стремлении удержать в целости то слабое здание, каким являлось феодальное государство.

ГЛАВА V

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОММУНЫ И ГОГЕНШТАУФЕНЫ

Как во Франции, так и в Италии после развала империи Каролингов образовалось несколько самостоятельных областей под названием маркграфств, похожих на немецкие герцогства. Но быстрее и мощнее, чем по сю сторону Альп, в Италии развивались затем коммуны, как политически самостоятельная сила города, которые играли большую роль, чем итальянские князья.

Члены военного сословия издавна жили в Италии преимущественно в городах, что не изменилось также при созданном и развивавшемся по франкскому образцу феодальном строе. В одном документе епископа Моденского от 998 г. наряду с согласием каноников отдельно отмечается согласие рыцарей и мещан города[152]. При императоре Генрихе III происходила длительная гражданская война между рыцарями (milites) и народом (plebs) Милана. Рыцари должны были оставить город и штурмовали его извне, причем они перед 6 воротами воздвигли 6 бургов. Наконец, Генрих

уладил их спор под угрозой выслать 4 000 рыцарей, и миланцы даровали своим эмигрантам амнистию[153].

В 1067 г. партии Милана заключили между собой договор, за нарушение которого они установили, что архиепископ должен платить штраф в 100 фунтов, а представители: "ordo capitaneorum" (знатного сословия) – 20 фунтов, "vassorum" (вассалов) – 10 фунтов, "negotiatorum" (купцов) – 5 фунтов.

При лангобардских королях и Каролингах существование самостоятельных коммун было еще невозможно, ибо, с одной стороны, слишком пока сильна была королевская власть, а с другой – в самих городах единство и подлинный дух сословий были еще слишком слабы; только шаткость и упадок королевской власти, начиная с конца IX в. создали, наряду с образованием династической местной власти, возможность существования самостоятельных городов. Вместе с самостоятельностью возросло единое гражданское сознание, коммунальный патриотизм, который сплачивал сословия и снова пробуждал воинственный дух также и в тех сословиях, которые до этого времени были не воинственными.

Вопрос о том, каким образом, в конце концов,

достигнута была самостоятельность и какую форму она приняла, может в настоящем труде остаться без рассмотрения[154]. Для нас существенным является сближение и объединение сословий, в особенности военного и городского. И без того совместная жизнь в городах должна была вести к всяческому смешению, и воины принимаются за гражданские профессии, не лишаясь своей принадлежности к свободным и воинам. Уже при лангобардских королях мы встречаем воинов, которые одновременно были и купцами. С другой стороны, и при феодальном строе применялось всеобщее народное ополчение, как, например, для оборонительных целей, для караульной службы и защиты крепостей. Уже в начале VIII в. мы узнаем из безусловно более позднего и мало достоверного предания, что Равенна и 3 других города в Равеннском экзархате вступили в конфликт с византийским императором и все городское население организовалось по-военному[155]. Еще во времена Отгона Великого Луидпранд[156] мог с гордостью за господствующий лангобардский народ писать: "Мы настолько презираем римлян, что не знаем худшего ругательства для наших врагов, как говоря им "римляне" и соединяя в этом слове низость, трусость и всякого рода пороки". Но

национальная рознь, являвшаяся в то же время рознью профессий, была уже в процессе отмирания; остатки лангобардского языка еще держались до XI в. на севере Италии, но затем исчезли (см. т. II). Римляне, которые у лангобардов слыли полусвободными, постепенно перешли в свободное сословие[157], и горожане в целом защищали свободу городской коммуны.

С ролью и действиями возникшего таким образом городского войска мы ознакомимся по войнам коммун с императорами Гогенштауфенской династии.

ПЕРВОЕ ПОКОРЕНИЕ МИЛАНА в 1158 г.

При первом Гогенштауфене, Конраде III, владычество немцев над Италией почти прекратилось; Конрад не добился даже своего коронования императором в Риме; Когда его преемник Фридрих I начал свое правление с того, что, примирившись с гвельфами, стал устанавливать мир в Германии и, поддерживаемый Генрихом Львом, попытался опять добиться императорской короны, то скоро обнаружилось, что для владычества в Италии ему необходимо покорить ее силой. Распри между отдельными коммунами и князьями навели его на

мысль, что значительная часть их сразу же готова будет примкнуть к нему в поисках поддержки против своего ближайшего противника. Так, например, г. Пьяченца в 1158 г. обязался в продолжение всей осады Милана поддерживать императора сотней рыцарей и сотней лучников и, кроме того, еще сотней стрелков в течение одного месяца, а немецкие князья и рыцари охотно согласились последовать за ним через Альпы, куда их привлекали обещанные награда и власть.

На 7-м году нового царствования был начат великий поход (1158 г.). Переход совершили по четырем различным перевалам: герцога австрийский и каринтийский с венгерцами – через Фриауль; сам император с чехами и многими князьями и епископами – через Бреннер; другие по долине р. Рейна – через Сплюген; герцог Церингенский с верхнелотарингцами и бургундцами по долине р. Роны – через большой Сен-Бернар. Не подлежит никакому сомнению, что объединенное войско было значительных размеров, но предположение о наличии 10 000 рыцарей, которые после соединения с итальянцами, якобы, "распухли" до 15 000 рыцарей, а в целом даже до 100 000 человек, очень большое преувеличение[158]. Хотя итальянцы не решались на сопротивление в открытом поле,

но как ни велика была по тогдашним понятиям армия, все же она была недостаточно сильна не только для настоящей осады Милана[159], но даже для того, чтобы сразу же окончательно обложить его, что при 100 000 или даже 50 000–300 000 воинов не могло бы представлять никаких трудностей. Правда, раза два пытались произвести нападение на одни ворота, но когда это не удалось, немцы удовлетворились опустошением полей и недопущением подвоза к городу, что в конечном итоге привело его через месяц к сдаче (6 августа император появился у стен города, а 7 сентября произошла капитуляция).

ВТОРОЕ ПОКОРЕНИЕ МИЛАНА 1159–1162 гг.

Принужденный в сентябре 1158 г. к сдаче, Милан уже в начале 1159 г. восстал вновь. Прежде чем начать серьезные военные действия, император должен был подождать подхода подкрепления из Германии. Раньше всего он решил осадить Крему; но как ни мал был этот городок – всего лишь j мили в окружности, – для взятия его все же пришлось потратить больше полугода, с 2 июля 1159 г. до 26 января 1160 г., и не осталось достаточно сил, чтобы помимо этого предпринять что-либо более значительное. В

осаде принимали участие сам император Генрих Лев, герцог Вельф и целый ряд крупнейших немецких князей, но жители г. Кремы не только защищались храбро и отбили несколько штурмов, они делали также и вылазки. Против самого Милана Фридрих предпринял только несколько опустошительных набегов, которые кое-где завершились успешными стычками. В конце концов Крема капитулировала с правом свободного выхода гарнизона.

Фридрих настолько был занят осадой Кремы, что миланцы в это время решились на осаду Манербио на озере Комо[160]. Фридрих отрядил 500 рыцарей, которые вместе с ополчением графств Сеприо и Мартезана прогнали миланцев. Расстояние от Кремы до Манербио (Эрба) – 62 км, т.е. двух-трехдневный переход. При этом со стороны Кремы легко можно было отрезать осаждавших Манербио от Милана, – как же слаб должен был быть Фридрих, чтобы миланцы могли решиться на эту осаду!

Но взятие Кремы было для рыцарского войска делом настолько сложным, что оно не в состоянии было сейчас же приступить ко второй такой же операции. Император вынужден был сейчас же распустить свою армию, а миланцы летом (1160 г.) перешли, со своей стороны, в

наступление и захватили целый ряд императорских бургов. Это привело к более крупному сражению в открытом поле.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАРКАНО
9 августа 1160 г.

Когда немецкие войска, принудив Крему к сдаче, большей частью ушли на родину, миланцы осадили крепость Каркано, расположенную приблизительно в 5 милях от Милана и на добрую милю к востоку от Комо; с миланцами было все их войско и, кроме того, рыцари из Брешии и Пьяченцы. На помощь осажденной крепости шел император со своими немецкими и итальянскими подкреплениями; он хотел соединить свои подступавшие с противоположных сторон силы между Каркано и Миланом и, таким образом, отрезать осаждающих от их собственного города. Не успев еще собрать все свои контингенты, он с безрассудной смелостью подошел почти вплотную к миланскому лагерю, очевидно, с тем, чтобы ни в коем случае не выпустить противника неразбитым. Но он недооценил силы противников; миланцы поняли, что они пропадут, если дадут ему отрезать себя таким образом от базы, и решили, со своей стороны, тотчас же начать наступление на окружавшее их войско

императора.

Миланская пехота, вышедшая навстречу немецким рыцарям, не выдержала их натиска; она была рассеяна, понесла большие потери и потеряла карроччио. Но на другом фланге – на левом фланге Фридриха – миланские рыцари и их союзники, опираясь, вероятно, на другую часть своей пехоты, разбили пехоту и итальянских рыцарей императора, а когда оба победившие крыла опять встретились, то император понял, что он слишком слаб для второго сражения. Без сомнения, на стороне миланцев с самого начала был значительный перевес, а у императора к концу сражения осталось только 200 рыцарей. Однако, и миланцы не решились на новую атаку, тем более что полил сильный дождь. Они отошли в свой лагерь, дав, таким образом, императору возможность также без помехи начать отступление к Комо по тому же направлению, по которому бежали разбитые части его армии.

Правда, благодаря этому отступлению он разошелся с подходившими к нему со стороны Кремоны и Лоди отрядами в 280 рыцарей, и миланцы, пользуясь удобным случаем, напали на них в тот момент, когда они были уже совсем близко от императора, причем нанесли им большой урон. Остатки их спас Фридрих, сам

подоспевший им на помощь.

Через несколько дней, несмотря на свою победу, миланцы прекратили осаду Каркано (20 августа), так как опасались нового наступления Фридриха. Таким образом, Каркано принадлежит к группе столь частых в средние века сражений, где разбитая в бою часть тем не менее достигает своей стратегической цели, которой в данном случае для императора было – снятие осады с Каркано (Ср. Мельрихштадт, Флархгейм).

В качестве предостережения при использовании исторических источников следует указать еще на сообщение Миланских анналов в обработке Коданьелло (Condagnellus), к которому историки до сих пор относились с большим или меньшим доверием. Автор, который писал спустя 70 лет после этого сражения, рассказывает (SS, XVIII, 369 и след.), что летом 1160 г. миланцы при поддержке плацентинцев двинулись однажды против императора, опустошившего их страну; они везли с собой карроччио и 100 повозок, сконструированных мастером Гвильельмо. Эти повозки были сооружены в форме шита и снабжены спереди и со всех сторон серпами. В первую боевую линию они поставили эти повозки, во вторую – карроччио со стрелками, в третью

("когорту") – рыцарей (milites) со знаменами и другими отличительными боевыми знаками и, наконец, в четвертую (quarto loco) – плацентинцев. Император, услышав об этом, отступил ночью, объятый страхом.

В сражении при Каркано миланцы ставили в первую боевую линию (acies) всех воинов до 40 лет, – их было 1 500; во вторую линию – до 50 лет, этих было тоже 1 500; в третью – всех более старых, особенно опытных в военном деле, – их было 1 000. Плацентинцев и брешианцев они поставили около пехоты, чтобы дать им точку опоры и защищать карроччио.

Обе первые боевые линии миланцев разбиты, и император теснит столпившуюся вокруг карроччио пехоту (populus). В это время подходит отряд ветеранов, до этого момента укрывавшийся в долине; тогда люди с карроччио, которая начинает нестись вперед с быстротой боевого коня, переходят в наступление, а император со своим войском обращается в бегство и терпит поражение[161].

ОСАДА МИЛАНА

Только весною следующего 1161 г. из Германии прибыло такое сильное подкрепление,

что император мог прямо предпринять наступление на Милан. Численность целого ряда контингентов известна нам с достаточной достоверностью[162]. Герцог Фридрих Швабский имел свыше 600 рыцарей ("ultra sexcentos milites bene armatos"); архиепископ Рейнальд Кельнский – свыше 500; сын чешского короля вместе с одним герцогом, его дядей, – 300 (equites).

Хотя Генрих Лев в начале осады и был в Италии, тем не менее в сражениях имя его не упоминается; во всяком случае, он вернулся в Германию до падения Милана. Для сравнения можно сослаться на то, что – по заслуживающему доверия свидетельству – за два года до того он появился под Кремой с 1 200, а его дядя Вельф с 300 рыцарями[163].

Если такие могущественные и вместе с тем так близко стоявшие к императору и с ним тесно связанные князья, как герцог Швабский и архиепископ Кельнский, все же не могли поставить больше 600 или 500 рыцарей, а Генрих Лев – несомненно самый могущественный из всех немецких князей, властитель двух герцогств – не больше 1 200, то совокупность всех германских сил не могла превышать нескольких тысяч рыцарей. Войско 1158 г., должно быть, было сильнее, чем силы 1159 или 1161 г. Во всяком

случае, сопоставление походов дает нам право еще с большей уверенностью, чем раньше, считать цифру в 10 000 рыцарей в 1158 г. значительно округленной в сторону преувеличения.

Хотя теперь к императору примкнули очень многочисленные контингенты итальянских коммун и князей, тем не менее и на этот раз Фридрих все же не приступил к осаде мятежного города. Он ограничился тем, что в 10-дневном походе (май–июнь 1161 г.) совершенно опустошил ближайшие окрестности Милана. Затем он распустил итальянские контингенты и из лагеря на Адде отрезал миланцам подвоз; каждому ввозившему в Милан продукты грозила потеря правой руки, и этому наказанию в один день подверглись 25 граждан Пьяченцы. Осенью часть немецких князей и рыцарей была отправлена на родину; остатка войска было достаточно, чтобы держать миланцев в узде и препятствовать подвозу большого количества провианта. Император не остановился пред отвратительным способом устрашения, – он приказывал ослеплять и изувечивать знатных пленников и в таком виде отсылать их обратно в город. Таким образом, после 9-месячного упорства голод, ужас и сознание безнадежности привели наконец город к сдаче на милость победителя (1 марта 1162 г.).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТУСКУЛУМЕ
29 мая 1167 г.

В то время как император еще осаждал Анкону, римляне, рыцари и народ двинулись на Тускулум, занятый Кельнским архиепископом Рейнальдом. Христиан, архиепископ Майнцский, пришел на помощь собрату. Тактически это сражение непоказательно. Сообщение Оттона из Сен-Блазиена (M. G. SS, XX), будто бы Христиан определил, каким отрядам выступить первыми в бой, каким нападать на врага с фланга, кому, оставаясь в резерве, затем идти на помощь, относится к области риторики и противоречит более достоверным свидетельствам, по которым именно войска Христиана, утомленные длительным переходом и подвергшиеся внезапной атаке римлян, сначала отступили, позднее же их выручило только вмешательство кельнских отрядов, напавших на римлян с тыла. Под натиском объединенного императорского войска римляне обратились в бегство, – сначала всадники, а затем и пехота, – и понесли большие потери. Немцев поддерживали некоторые итальянские графы.

Это сражение интересно единогласным свидетельством источников о том, что римляне, несмотря на значительное превосходство сил были

разбиты, так как, по сообщению хрониста гор. Лоди, самого итальянца, "они боялись немцев больше, чем других"[164]. Это невольно напоминает, как Велизарий отказался повести римлян против готов, хотя они и выразили готовность, так как опасался, что они не устоят против натиска германцев.

Далее сражение это интересно благодаря рассказу того же источника, будто бы немцы, как то было у них в обычае, ринулись в бой с громким пением "христос воскрес". Летописец гор. Лоди – превосходный, заслуживающий доверия свидетель; тем не менее я не могу побороть некоторых внутренних сомнений, – следует ли доверять этому сообщению или нет. Правда, это то самое рыцарство, которое шло на освобождение гроба господня и формировало характеры персонажей "Песни о Нибелунгах", следовательно возможно, что когда-нибудь сражавшийся во главе его епископ и бросался в бой с пением "христос воскрес", а также допустимо, что это действительно могло стать обычаем в крестовых походах; но трудно представить себе подобную боевую песнь как всеобщий обычай у немецкого рыцарства, а также в этих императорских и папских войнах. Текст этот гласит: "По данному знаку запели громкими голосами тевтонскую

песнь, которую поют в бою тевтоны, – "христос рождается" и прочее, и все, ликуя с жаром устремились на римлян".

В анналах монастыря Эгмонда на Северном море, в Утрехтском епископстве, также упоминается об этой победе и говорится, что немецкие рыцари с "тевтонским неистовством" ("furor teutonicus") ринулись в бой. Это выражение впервые применил к тевтонам уже в древности поэт Лукан. В средние века оно было впервые употреблено Эккегардом в 1096 г., но в порицательном смысле, а позднейшие писатели придавали ему значение то безумия безрассудства, то храбрости[165].

Архиепископ Рейнальд написал о своей победе письмо домой[166], которое должно служить нам примером, с какой осторожностью следует относиться к источникам. Число римлян он принимает один раз в 40 000, другой – в 30 000. 9 000, якобы, было убито, 5 000 – взято в плен, и едва лишь 2 000 вернулось обратно. Число кельнских рыцарей (milites) было не больше 106 (по варианту Кельнских анналов – 140), "а из наших, – уверяет епископ, – мы не потеряли ни одного человека".

Другие многочисленные источники той же эпохи, сообщающие об этом сражении, дают

совершенно отличные от этих и различающиеся между собой, а также, по-видимому, совершенно произвольные указания о потерях римлян[167].

Нам не приходится сомневаться в большом численном превосходстве и больших потерях римлян, ибо то же сообщает кардинал Бозо в своем жизнеописании папы Александра III[168].

Правильно и то, что Рейнальд имел не больше 106 (или 140) рыцарей.

Христиан также не мог иметь больше нескольких сот рыцарей, причем оба епископа имели еще своих сержантов и наемников-брабантцев, так что в общем под их командованием было не более нескольких тысяч воинов. Но число в 30 000 и 40 000 римлян есть, разумеется, чудовищное преувеличение.

Утверждение Рейнальда, что в сражении не было потеряно ни одного воина, могло бы поставить под некоторое сомнение вообще всю его победу, если бы мы не видели в этом самохвальства. Летописец гор. Лоди, также сообщающий, что римляне были в 20 раз сильнее императорских войск, все же говорит о том, что на той и другой стороне было много раненых и убитых. Интересно в письме Рейнальда также и резкое сословное деление, которое проявляется в замечании, что богатейшую добычу рыцари

предоставили своим наемникам и сержантам, а сами довольствовались славой победы.

Последствием победы было занятие Рима императором.

Совершенно баснословный характер носит рассказ о сражении у Оттона из Сен-Блазиена. Я привожу его здесь полностью по переводу в "Geschichtsschreibern der deutschen Vorzeit" с целью усиления духа критики. Этот источник положен в основу рассказа о сражении в "Истории папы Александра III" Рейтера (Reuter) и в "Истории гор. Рима" Грегоровиуса (Gregorovius). Он гласит:

"В 1166 г. от воплощения господня император Фридрих, примирив, как сказано, несогласия князей и уладив дела в Германии, собрал войско со всех частей государства и повел его походом в Италию, уже в четвертый раз переходя Альпы. Затем он перешел Апеннины и, ведя войско через Тоскану[169], направился в Анкону и подверг мятежный город осаде. Между тем Кельнский архиепископ Рейнальд, ранее расставшийся с императором из-за государственных дел, возвращаясь к нему со своими отрядами, двинулся на крепость Тускуланум, близ Рима, с некоторой определенной целью. Когда разведчики принесли эту весть в Рим, римляне числом до 30 000 вооруженных выступили со всех концов города и

к позору для императора внезапно осадили архиепископа в крепости. Как только обо всем этом было сообщено императору в Анконе, он созвал князей и спросил их, следует ли отказаться от осады Анконы и идти на помощь архиепископу. Некоторые из князей, преимущественно из числа светских, отклоняли это, опасаясь неблагоприятных слухов, которые могли возникнуть в связи с таким снятием осады. Возмущенный таким отступничеством князей и рассерженный тем, что светские князья так мало считаются с ним и ему подобными и покидают их в опасности, владетельный архиепископ Майнцский, Христиан, кликнул клич ко всем своим и прочим, коих он мог склонить просьбами и дарами[170], собрав прекрасно вооруженных 500 рыцарей и 800 наемников и отправился в Тускуланум против римлян освобождать архиепископа. Прибыв туда и разбивши лагерь против римского, он чрез парламентеров стал просить у римлян только на этот день перемирия с целью дать отдых своему войску, вызывая в их памяти благородство образа мысли, которое было свойственно древним римлянам; этим он надеялся добиться от них выполнения своих требований. Они же, вовсе несхожие с древними римлянами ни в этом и ни в каком другом отношении, отвечают,

что они не намерены потакать его желаниям, но очень дерзко угрожают его самого и все его войско в тот же день отдать в снедь птицам и диким зверям[171]; снимая осаду, выводят они 30 000 бойцов против 500 немецких рыцарей. Архиепископ же, нисколько не испугавшись ответа, ибо и ранее он имел опыт в трудах войны, употребляет все усилия, чтобы угрозами и обещаниями воодушевить своих малочисленных в сравнении с врагами, но вместе с тем испытанных в боях воинов, убеждает их задушевными речами не возлагать надежды на бегство, ибо они находятся слишком далеко от своего отечества, как и от войска императора, чтобы спастись бегством, а уверенные в своей врожденной храбрости и природной трусости врагов они должны всеми силами бороться для сохранения себе жизни.

Как только архиепископ увидел своих рыцарей, преисполненных тевтонской яростью (animositate Teutonica), ибо благодаря его увещеваниям непобедимый дух наполнил их сердца, – он построил их ряды и точно определил, кому прорваться в ряды сражающихся врагов с фланга, кто должен принести поддержку изнемогающим под бременем сражения, причем сам он с избранным отрядом стал наготове, чтобы

прийти на помощь. И теперь он двинулся в борьбу против римлян с высоко поднятыми знаменами и широко развернутыми когортами, всецело уповая на господа бога. Кельнский архиепископ снаряжался в бой вместе с гарнизоном и всеми своими 300 хорошо вооруженными рыцарями, дабы всяческим образом оказать помощь, но до начала боя он спокойно оставался в крепости. После начала сражения, когда при первом столкновении копья были сломаны, бой продолжался на мечах, тогда как лучники обеих сторон своими стрелами, как хлопьями снега, темнили дневной свет. И вот Кельнский архиепископ, вырвавшись с готовыми к бою рыцарями из крепости, нападает на римлян с тыла и храбро теснит их; таким образом они окружены со всех сторон и терпят урон с фронта и тыла. Итак, в то время как римляне действуют только напором своих масс, епископ Христиан со своими воинами с фланга проникает в их ряды, разрывает их и в трех местах врубается в искусно разобщенных им врагов. После того как многие пали и многие взяты были в плен, побежденные римляне обращаются в бегство; победители преследуют их до самых стен города, где истребляют их в кровопролитной резне. Тогда епископы, отозвав своих рыцарей от резни,

возвратились к полю сражения и провели эту ночь в величайшей радости, справляя свой триумф.

Утром римляне поспешили на поле сражения, чтобы подобрать трупы павших; они были обращены в бегство епископами, которые выслали против них рыцарей и, возвращаясь в город, едва избежали смерти. Наконец, при посредстве посланцев, отправленных к епископам, они умоляют разрешить им во имя св. Петра и из любви к христу подобрать павших воинов. Разрешение это было дано епископами при условии, что римляне сочтут число убитых и взятых в плен на их стороне и, заверив истину клятвой, передадут письменно, и что, лишь выполнив это условие, в мире подберут своих убитых для погребения. Предприняв этот подсчет, они нашли, что "на их стороне около 15 000 убитых и взятых в плен в этом сражении, и они, получив дозволение, погребли трупы убитых, которых подобрали с громкими воплями".

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЕНЬЯНО
29 мая 1176 г.

После тщетных мирных переговоров и надежд на мир Барбаросса весной 1176 г. ждал подкрепления из Германии, чтобы возобновить войну против миланцев. Кроме своей личной

свиты, с которой он стоял в Павии в 4 милях к югу от Милана, Барбаросса имел еще наемное войско в Италии под предводительством Христиана Майнцского, которое на апулийской границе сражалось с норманнами.

Надо думать, что это войско, еще 16 марта одержавшее победу при Карсеоли близ Рима, было стянуто императором на север для решающего сражения, тем более что Генрих Лев на этот раз отказал в своей помощи, и германское войско вследствие этого было слабее, чем раньше. Но мы не знаем, где в действительности стоял Христиан, когда он получил известие о приближении северян; возможно, что он был уже близко от Павии, а может быть, и еще далеко; во всяком случае, перед императором стояла задача соединить немецкое войско, которое на пути через Дизентис, Беллинцону и Комо приближалось к местности севернее Милана, со стоявшими на юге частями войска, прежде всего, по крайней мере, с павийскими. Если бы немецкое войско избрало для перехода через Альпы вместо Лукманийского перевала другой, лежавший восточнее, хотя бы даже Бреннер, то соединение войск не представляло бы никаких трудностей. Источник не говорит ничего о причине, по какой император не поступил так; дело заключалось, вероятно, в

том, что князья, шедшие ему на подмогу, архиепископы Кельнский и Магдебургский, епископы Вюрцбургский, Вормсский, Мюнстерский, Верденский, Оснабрюкский, Гильдесгеймский, графы Фландрский, Голландский, Саарбрюкенский, герцог Бертольд Церингенский[172] и ландграф Тюрингенский, – все за исключением трех шли из западной Германии так же, как и гогенштауфенские рыцари из Швабии, избегали окольного пути через один из восточных перевалов. Главный неприятельский центр, Милан, лежал теперь как раз на пути соединения двух корпусов.

Фридрих решил взять на себя командование армией, следовавшей из Германии, и, обходя Милан, спешил ей навстречу в Комо. Приблизительно этим самым путем он рассчитывал вернуться обратно и привести войско в Павию. Но миланцы поняли, в какой они окажутся опасности, если императору удастся соединить все свои боевые силы. Эта обстановка имеет некоторое сходство с той, которая была при Каркано, и миланцы снова приняли то же решение – напасть на императора, пока все его боевые силы еще не объединены. Они обратились к союзным городам за подкреплением и двинулись навстречу немцам таким образом, что отрезали им

путь на Павию.

Дело дошло до сражения; обе армии столкнулись при Леньяно, приблизительно в 3 милях северо-западнее Милана. Находившиеся в первой линии миланцев рыцари были опрокинуты немцами, и часть их бежала мимо следовавшей за ними их пехоты. Эта пехота только что выступила или еще только собиралась выступить из разбитого ею на ночь лагеря, когда на нее хлынул ураган бежавших и преследовавших их немецких рыцарей. Но пехота не была вовлечена в бегство вместе с рыцарями; ей удалось устоять сплоченной массой, противопоставив немцам свои щиты и пики. Среди этой массы была, вероятно, и часть спешившихся рыцарей. По одному источнику создается впечатление, будто бы лагерь миланцев окружен был рвом или каналом, если не со всех сторон, то все же со многих, так что защита была в значительной мере облегчена. Во всяком случае, преследование прекратилось, натолкнувшись на сопротивление сплоченной массы пехоты. О стрелках, введенных в бой императором, речи нет, – потому ли, что у него было их слишком мало, или потому, что участвовавшие в походе граждане г. Комо, среди которых, во всяком случае, были и стрелки, были еще далеко позади.

В то время как немецкие рыцари тщетно пытались прорвать ряды миланской пехоты, бежавшие с поля сражения миланские рыцари остановились, натолкнувшись на брешианских рыцарей, только что прибывших после своего дальнего пути на помощь столице союза. Убедившись в том, что исход сражения еще не решен и что у пехоты бой еще в разгаре, они решили оказать поддержку стесненным со всех сторон братьям, которые без этой поддержки, в конце концов, должны были бы погибнуть. Немецкие рыцари, застигнутые в момент борьбы с миланской пехотой, внезапно увидели, что неприятельское рыцарство снова атакует их во фланг. Возможно, что ободренные этой поддержкой миланские пехотинцы также перешли в наступление. Значительное численное превосходство сейчас было на их стороне; таким образом, немцы, насчитывавшие вместе с войском г. Комо от 3 000 до 3 500 человек[173], были разбиты. Сам император с великим трудом, – точно не известно как, – спасся в Павию; на некоторое время он исчез[174].

ФИЛИПП ШВАБСКИЙ

Мы видели, как незначительны были силы, боровшиеся друг против друга в итальянских войнах могущественного Барбароссы. Преодолеть сопротивление одного единственного укрепленного города было бесконечно трудно для властелина трех крупных королевств.

Когда затем партия, ставшая в оппозицию к его сыну Филиппу, выбрала императором (Gegenkaiser) сына Генриха Льва, Оттона, то выяснилось, что Штауфен, на стороне которого стояло подавляющее большинство немецких князей, все же не мог одолеть соперника.

Походы протекали в сплошных грабежах и опустошениях. На восьмом году своего царствования (в 1205 г.) Филипп, признанный уже почти всей Германией, предпринял поход на Кельн, который был еще с Оттоном и который он сам защищал. Однако, Филипп, хотя с ним и было еще несколько герцогов, не в состоянии был провести осаду Кельна.

В 1206 г. Филипп предпринимает вторую экспедицию против Кельна с очень большим, по-видимому, войском, но кельнцы под предводительством Оттона все же рискуют выступить против него в открытом поле; они

имели не больше 400 рыцарей и 2 000 пехоты. И даже когда это войско почти целиком было уничтожено императорскими силами под Вассербергом (27 июля 1206 г.), Кельн покорился еще не сразу, и Филипп также не приступил к осаде, а после длившихся месяцами переговоров пошел на самые мягкие для города условия.

Дело здесь, вне всякого сомнения, в том, что после объявления Кельном своей готовности покориться Филипп не мог уже больше рассчитывать на участие феодалов в осаде. В выступлении города они усматривали не мятеж, принципиально заслуживающий наказания, а лишь междоусобную войну, неизбежную при выборном престоле, как бы, если можно так выразиться, инцидент в рамках конституции.

В тот момент, когда Филипп после десятилетней борьбы, наконец, казалось, действительно должен был одержать верх, он был убит.

ИМПЕРАТОР ФРИДРИХ II

Различие в ломбардских войнах Фридриха I и его внука Фридриха II заключается в том, что последний только изредка получал подкрепления из Германии, но зато в самой Италии он имел основу своего могущества – полученное им в

наследство от матери королевство обеих Сицилии. Германские феодалы уже не проявляли больше готовности переходить, напрягая свои силы, через Альпы, так как охота к наградам и почестям на императорской службе со времен Барбароссы была уже в значительной мере утрачена, а умами представителей отдельных княжеских домов владели династические стремления, вытесняя государственную идею. И своим южноитальянским королевством, которое после смерти императора Генриха VI (1197 г.), во времена регентства пришло к анархии, Фридриху II лишь постепенно удалось овладеть снова; после этого он стал стремиться восстановить свои королевские и императорские права и в Верхней Италии, также обветшавшие за это время. Если бы его политика имела успех, то результатом ее, вероятно, было бы объединенное Итальянское королевство, отделенное от Германской империи.

Первая попытка императора Фридриха распространить свою власть на северо-итальянские коммуны не имела успеха. Десять лет спустя, создав себе хорошую позицию среди германских феодалов благодаря своей уступчивости к их территориальным притязаниям и обеспечив себе поддержку с их стороны, он начал решительную борьбу, до конца которой не

дожил.

В прежние времена, когда Барбаросса или его предшественники появлялись с немецкой армией к югу от Альп, итальянцы не решались встретиться с ними в открытом поле. Если иногда и происходили сражения, – в частности, когда Барбаросса терпел поражение при Каркано или Леньяно, – то здесь были только отдельные отряды, на которые миланцы нападали ловко и сплоченно, раньше чем они успевали выполнить свое намерение соединиться с другими отрядами. В сущности ломбардцы всегда полагались на оборонительные силы своих городских укреплений. Против Фридриха II они выступили со своим союзным войском в открытом поле, но все же не для сражения, а для того, чтобы путем маневрирования, путем, занятия позиции, прорезанной реками и каналами, воспрепятствовать осаде и захвату укрепленных мест. Первый год (1236 г.) им удалось продержаться таким маневрированием. Во второй год (1237 г.) сам император отправился еще раз в Германию и осенью с 2 000 рыцарей возвратился вновь через Бреннер. Он склонил Мантую выйти из Ломбардского союза и угрожал Брешии, наступая на нее с юго-востока. Для прикрытия этого города ломбардское войско заняло позицию,

настолько защищенную реками, рвами и каналами (при Манербио, за речонкой Лузиньоло), что император не мог ничего поделать. В конце ноября ему не оставалось ничего иного, как распустить отряды верных империи городов, которые не пожелали оставаться дальше при нем.

Но именно эту обстановку император сумел использовать с тонким расчетом, чтобы в последний момент иметь возможность прийти к желанному решению и нанести противнику смертельный удар.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КОРТЕНУОВА[175]
27 ноября 1237 г.

Ломбардцы, увидев, что император распустил контингенты своих городов, а сам, подвигаясь к западу, перешел Олио для того, по-видимому, чтобы отправиться на зимние квартиры в Кремону, решили также пуститься в обратный путь. Своей цели – прикрытия Брешии они достигли. Прямой путь от занимавшихся ими до тех пор позиций на Крему и Милан только на расстояние однодневного перехода удалил бы их от того места (Понтевико), где Фридрих сам перешел Олио; с достаточной осторожностью, чтобы избежать столкновения, они свернули с

дорога на север, на расстояние еще одного дня пути, дойдя, таким образом, почти до подножия Альп. Но император, сам немедленно пошел вверх по реке; ломбардцы, спокойно расположившиеся лагерем при Кортенуова в области Бергамо, внезапно подверглись нападению. Так как войска Фридриха должны были сделать длинный путь, сражение началось лишь к вечеру. Авангард ломбардцев был опрокинут рыцарями Фридриха. Все те из охваченных паникой ломбардских войск, которые не сразу обратились в бегство, собрались вокруг карроччио, которое, как и при Леньяно, стояло на защищенном рвом или каналом месте. Рыцари Фридриха не в состоянии были взять эту позицию приступом. Делом сарацинских лучников было бы – открыть им путь к карроччио. По некоторым источникам, сарацинские лучники также участвовали в битве и истощили свои колчаны; но так как император в дошедшем до нас собственном его рассказе о сражении ни разу не упоминает об их участии в нем, то их действия не могли иметь столь большого значения. Возможно, что численность их была не очень велика, или они лишь очень поздно прибыли на поле сражения. Во всяком случае, сражение не могло быть окончено в один день. Император приказал, чтобы рыцари эту ночь отдыхали, не

снимая панциря, дабы на следующий день продолжать битву.

Но ломбардцы не дождались возобновления боя. Ночью быстро возрастало число убегавших, и, в конце концов, бегство стало общим. Бросив карроччио на произвол судьбы, они захватили с собой только крест, отломанный от древка знамени, но, в конце концов, и он был брошен и оказался в числе трофеев императорских войск. Весь лагерь попал в их руки, и многие из ломбардцев были во время бегства убиты или захвачены в плен.

По данным сохранившегося своего рода официозного бюллетеня "Энциклика к верноподданным империи", дошедшего до нас под именем Петра Винейского, императорское войско, когда оно выступило в поход, было численностью свыше 10 000 человек[176], – стало быть раньше оно должно было быть еще значительно больше, так как некоторое количество городских контингентов к тому временя было уже распущено. После всего, что мы до сих пор слышали о рыцарских войсках, эта цифра кажется очень большой, а общий тон всего рассказа не исключает возможности сильного преувеличения с целью засвидетельствовать могущество императора, – во всяком случае, число не преуменьшено с целью

прославить победителя. Ввиду того что эти 10 000 "sui exercitus" не обозначаются как всадники и вообще не определяются ближайшим образом, то под ними следует подразумевать всех комбаттантов в самом широком смысле этого слова.

При возобновлении своего союза в 1231 г. ломбардские города приняли, что союзное войско должно быть численностью в 10 000 человек пехоты, 3 000 рыцарей и 1 500 стрелков[177]. Следует думать, что если эта предполагавшаяся численность когда-либо и была достигнута, то к концу кампании, в конце ноября, фактическая численность бывших в сборе войск значительно отставала от нее, более всего – численность пехоты, составлявшая, возможно, только половину[178]. Следовательно, вполне естественно, что союз старался избегнуть сражения в открытом поле, так как на стороне войска императора было, вероятно, не только численное, но и качественное превосходство.

Ввиду того что здесь мы имеем дело с большой операцией, в которой как та, так и другая сторона пустили в ход все силы, для нас очень ценно иметь цифровые данные о той и другой стороне, достаточно положительные и достоверные, чтобы с уверенностью можно было

сказать, что и там и здесь может быть речь не больше чем о 10 000 комбаттантов.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ХОД ВОЙНЫ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ КОРТЕНУОВА в 1238–1250 гг.

Как ни значительна была победа императора и как ни тяжело было поражение ломбардцев при Кортенуова, все же исход войны этим еще не определился. Правда, миланцы просили мира, но на безусловную покорность, которой требовал Фридрих, они не соглашались; таким образом, сражение при Кортенуова не имело сколько-нибудь существенных результатов, и война продолжалась. Далекий от мысли немедленно приступить к осаде самого Милана, Фридрих уже в следующем году после Кортенуова не мог взять даже Брешию. Хотя в распоряжении императора были значительные средства жестоко эксплуатируемого им королевства обеих Сицилии; хотя на его стороне сражалось и всеми силами его поддерживало немалое число итальянских коммун и могущественных феодалов; хотя в первые годы Германия также посылала ему значительные подкрепления, – все же его могущество оказалось недостаточным для ведения решительной войны.

Война протекала в походах, служивших только

для опустошения, в нападениях и набегах на крепости и замки, а иногда в осаде городов средней величины, которая большей частью не приводила к цели, за исключением тех случаев, когда в самом осажденном городе какая-либо партия становилась на сторону осаждавшего. Решающее значение имели не военные действия, но смена партий, заставлявшая города и феодалов переходить от одной стороны к другой; смена партий совершалась тем легче, что в большей части городов имелись группировки, боровшиеся за власть и искавшие опоры, одни – в императоре, а другие – в союзе городов или у папы. Поэтому все эти различные сменявшиеся каждый год военные предприятия определялись в большей степени политическими, чем военными мотивами. Нередко дело доходило до стычек и даже до крупных сражений; но если даже одна из партий, случалось, и несла большие потери, то все же последствия всегда бывали очень ничтожны, ибо у противников не хватало сил для осады большего масштаба.

ОСАДА ПАРМЫ
1247–1248 гг.

Келер предполагает, что в Парме было около 80 000 жителей; эта цифра явно преувеличена. В

настоящее время в ней жителей не свыше 50 000, и к тому же часть города на левом берегу реки, по данным Келера, тогда была еще значительно меньше, чем в настоящее время, а правобережная часть была, во всяком случае, не больше современной[179]. По Пармским анналам, Фридрих сам, якобы, имел 10 000 войска[180]; во всяком случае, мы имеем в этом показании из лагеря противника максимум того, что можем допустить.

Фридрих вел осаду так, что против меньшей левобережной части города разбил укрепленный лагерь, названный им Виттория, и опустошал отсюда окрестности Пармы, пытаясь в то же время воспрепятствовать подвозу[181]. Но так как главная часть города не была окружена, и осажденные сами располагали значительными боевыми силами, а их союзники – мантуанцы, появившиеся на р. По со своим флотом, оказывали им деятельную поддержку, – то император, действительно, не имел никаких шансов привести их к покорности или, по крайней мере, постепенно сделать их более податливыми. Келер считает, что если бы император хотел обложить город со всех сторон, то его контрваллационная линия укреплений была бы длиною в 7 км, и для осады потребовалось бы 40 000 человек. Если длина контрваллационной линии и не преувеличена, то,

во всяком случае, преувеличена цифра необходимого для осады войска, так как не было надобности распределять воинов по этим укреплениям совершенно равномерно. Достаточно, если бы повсюду на путях подвоза сооружены были неприступные форты, а ров с палисадами лишил бы осажденных свободы передвижения. В таком случае император не нуждался бы в отдельном корпусе для прикрытия при Гвасталле. Тот факт, что Фридрих, – все же опытный полководец, – довольствовался вместо этого частичной блокадой, кажется мне достаточным доказательством того, что он был слишком слаб для полной осады, и, следовательно, войско его было очень умеренной численности.

Зимой император распустил отряды городов Бергамо, Павии, Тортоны и Алессандрии и откомандировал отряды в Тревизо и Алессандрию. Оставшиеся при нем войска состояли из 1 100 человек конницы, 2 000 пеших кремонцев в неопределенного числа сарацинов; в целом численность войск едва ли превышала 5 000. Из них 1 000 человек было откомандировано. Сам император отправился с 500 всадниками на охоту, в то время как пармцы 18 февраля сделали вылазку.

Келер считает вероятным, что эта вылазка сделана была без заранее обдуманного намерения. Пармцы, в сущности, хотели предпринять лишь экспедицию по р. По против короля Энцио, и отправили туда приблизительно половину своего войска, а вылазку сделали с помощью другой половины, с целью прикрыть тыл первой. Вот тут-то и случилось, что императорские войска без всякого приказания и не в полном вооружении бросились на предпринявших вылазку; произошла схватка, окончившаяся настолько плохо для них, что преследователи одновременно с убегавшими ворвались в Витторию и заняли ее. По их собственным сообщениям, пармцы убили 1 500 человек и 3 000 взяли в плен; ближе к истине, пожалуй, данные Плацентинских анналов, по которым в плен взято было 100 рыцарей и 1 500 пеших.

Имей император в Виттории более многочисленную армию, подобное нападение, пожалуй, не имело бы успеха. Но само по себе 5–6-тысячное войско не было слишком малочисленным для проведения стратегического плана, намеченного Фридрихом. Будь даже защитники Пармы значительно более многочисленны, они все же не смогли бы взять крепость противника – Витторию, но сами могли

быть оттуда беспрерывно теснимы. Приблизительно так же норманны осаждали некогда Париж, а миланские рыцари – свой собственный город; и Барбаросса точно так же однажды не обложил по-настоящему Милан, а лишь опустошил все его окрестности и заградил дороги для подвоза. Этого было достаточно, чтобы принудить город сдаться приблизительно через 9 месяцев. Фридрих II был значительно слабее, даже по сравнению с осажденным городом, который, наверное, был гораздо меньше Милана. Барбаросса настолько господствовал в Северной Италии, что он действительно взял Милан измором, без того, чтобы с чьей бы то ни было стороны была сделана хотя бы одна серьезная попытка прийти городу на помощь. Против Фридриха II в 1247 г. было столько вооруженных коммун, что он должен был бороться не только против самого города, но в такой же мере и против его союзников. Тем не менее император, может быть, достиг бы своей цели, если бы не проявленные солдатами во время его случайного отсутствия недисциплинированность и легкомыслие, которые дали пармцам неожиданную возможность нанести ему сокрушительный удар. Фридрих, таким образом, заслуживает упрека не в стратегической

неправильности задуманного и проведенного плана, а в неосмотрительности, с которой он оставил свой укрепленный лагерь в такой день, когда гарнизон его вследствие откомандирования части войска был очень ослаблен.

Этот вывод имеет также значение для фактов предшествующего времени. Если император осенью 1247 г. действительно был еще в состоянии выставить большое войско, то нельзя постичь, почему он не приложил усилий к этому в то время, когда еще продолжало отражаться влияние его победы при Кортенуова, и в силу этого он мог рассчитывать на окончательный успех. В 1247 г. в его распоряжении не было никаких особых вспомогательных новых средств, – наоборот, он был ослаблен отпадением от него многих союзников. Но если мы предположим, что его силы теперь очень сократились, то его образ действий становится вполне понятным.

Это более или менее случайное поражение в данный момент, правда, сильно повредило Штауфену, но оно в такой же малой степени было решающим, как некогда его победа при Кортенуова.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД

Если мы с точки зрения истории военного искусства окинем взглядом эту почти столетнюю борьбу, то мы скоро убедимся, что итальянские города не создали пехоты наподобие античной, как греческая фаланга или римский легион. Хотя пехота порой играет существенную роль, в особенности в сражении при Леньяно, но все же не решающую; как бы многочисленна она ни была, она все же остается вспомогательным войском рыцарства. Даже если считать прямые свидетельства источников о ходе сражения при Леньяно недостаточно достоверными или допускающими различные толкования, то дальнейшее развитие событий выясняет вопрос и не оставляет никаких сомнений. Если бы пехота при Леньяно проявила себя наподобие античной, то это было бы начальным звеном в цепи некоторой эволюции. Но ничего подобного мы не находим.

У миланцев и в мыслях не было прийти в результате своей победы к выводу, что им – обладателям нового, более совершенного военного искусства – нечего более опасаться германского императора; наоборот, мир был ими заключен на весьма скромных условиях.

В ближайшем поколении и в последующих, с которыми мы еще ознакомимся, их военная организация ничем не отличалась от такой же организации других стран и предыдущего или последующего столетия.

Итак, в итальянских коммунах дело не дошло до гражданского ополчения, какое образовалось в древние времена хотя бы в Афинах и в Риме, где все население на основе строго проведенной всеобщей воинской повинности всей массой отправлялось на войну и участвовало в бою. Совершенно независимо от наличия или отсутствия необходимых военных способностей для этого недоставало такой существенной предпосылки, как политическое единство города и деревни, близость городского населения и крестьянства (это было существенным свойством античных республик). Главную массу фаланг и легионов составляли не столько городские жители Афин и Рима, сколько крестьяне, угольщики и рыбаки Аттики и жители сельских триб вокруг Рима. Хотя итальянские деревни находились во власти городов, но не составляли с ними единого организма: крестьяне не были согражданами городских жителей, а сами коммуны, несмотря на свой республиканский строй, в значительной степени сохранили рыцарский военный строй. Мы

не имели документальных данных о том, в чем выражалась в них индивидуальная военная служба; в основном это, вероятно, не выходило за пределы призыва добровольцев, что только во времена крайней нужды или крупных политических волнений привлекало к оружию очень значительную часть граждан – по крайней мере для кратких экспедиций и в особенности для защиты стен города. Возможно, что для последней цели стала применяться и всеобщая воинская повинность.

Для ведения войны в открытом поле посылали по-рыцарски вооруженную конницу с подкреплением из стрелков и копейщиков. В этих походах к кадровому воинству присоединялись элементы с врожденной воинственностью, развивавшиеся при его помощи и вместе с ним. Таким образом, пока целое воодушевлено было живым коммунальным патриотизмом, имелось стойкое и храброе войско, отважно вступавшее в бой с германскими рыцарями, которых приводили из-за Альп их короли, хотя гордые немцы и насмехались над лавочниками и ремесленниками, получавшими в Италии посвящение в рыцари.

КАРРОЧЧИО

Мы убедились, что военная организация итальянских коммун была и оставалась рыцарской, но с той особенностью, что в смешанном бою пехота представляла бóльшую, а порою и гораздо бóльшую потенцию, чем в других странах в ту эпоху. Однако, до образования настоящей пехоты, до создания прочных тактических организмов, как фаланга и легион, дело не дошло. Недостаток тактических единиц до некоторой степени, может быть, возмещался так называемой карроччио; Карроччио – это тяжелая повозка с упряжкой в 8 волов, на которой водружено высокое древко со знаменем; на передней части укреплена была также дароносица с освященными дарами. На повозке стояли священники. Неплохо сравнение этой святыни с израильским библейским ковчегом завета. Нам известна слабости непрочно сплоченной пехоты в бою с конницей; карроччио, двигавшаяся позади фронта, должна была быть всем далеко видна и являлась объединяющим центров куда вновь собирается все то, что на момент потеряло свое место или оказалось в замешательстве. Раненые также направляются к карроччио или их относят к ней, чтобы перед

кончиной получить у священников отпущение грехов. Можно предположить, что перед каждым сражением воинам вновь внушали не покидать знамени, а при крайней опасности – смыкаться вокруг святыни и спасать ее или гибнуть вместе с ней. Настроение решимости и уверенность в победе, само собой возникавшие в упорядоченном легионе с хорошим руководством (впрочем, также имевшем свои боевые значки), искусственно вызывается карроччио и повышается религиозным характером символа. Впервые мы находим упоминание о таком возе со знаменем в Милане в 1039 г., как раз в то время, когда благодаря сплочению сословий образовывались итальянские коммуны и городские элементы, давно отвыкшие от военного дела, опять взялись за оружие. Архиепископ Гериберт, по словам источника, вооружил всех "от поселянина до рыцаря, от бедного до богатого"[182].

Таким образом, церковь при первом же появлении эмблемы города (по крайней мере, при первом известном нам случае) уже была, так сказать, восприемником, и позднейший союз церкви с коммунами еще больше способствовал приданию карроччио церковного характера; по сю сторону Альп это особенно заметно в армиях, имевших связь с церковью. Противники Генриха

IV имели каррoччио с собой в сражении при Блейхфельде в 1086 г., английское ополчение под предводительством архиепископа Йоркского – в сражении при Норгаллертоне в 1138 г., Ричард Львиное Сердце в Сирии – в 1191 г., далее Оттон IV при Бувине – в 1214 г., кельнцы при Воррингене – в 1288 г., майнцы – при осаде Альцея в 1298 г. Что касается итальянских коммун, то у них оно в XII и XIII вв. составляло необходимую принадлежность снаряжения общегражданского ополчения[183].

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТАЛЬЯКОЦЦО
23 августа 1268 г.

К войнам Гогенштауфенов с итальянскими коммунами (городами) я присоединяю еще обзор сражения, в котором нашел свою гибель последний представитель этого великого рода Конрадин, но уже в борьбе не с городами, а с французским феодалом Карлом Анжуйским, призванным папами, чтобы вытеснить Гогенштауфенов из их наследственной области – Неаполя.

Старейший и основной источник для обычного изложения этого сражения – записи одного французского монаха Примата, который писал, вероятно, в Парижском монастыре

Сен-Дени; им пользовался преимущественно Виллани, а все новейшие исследователи, как Раумер, Ширрмахер, Дельпеш, Келер, Бюссон, Гампе, Оман, брали этот рассказ, с небольшими отклонениями в деталях, за основу. Но в новейшее время Ролофом[184] на основании лучших и более ранних источников доказано, что он ни в каком отношении не заслуживает доверия. В сущности все, что мы можем сказать об этом сражении с исторической достоверностью, можно взять только из Гибелиновских анналов г. Пьяченцы и из кратких сообщений самого Карла Анжуйского.

Во всех описаниях сражения на той и на другой стороне фигурирует только конница, пехота же, упоминаемая то здесь, то там, играет здесь, следовательно, очень незначительную роль, – может быть, она даже вовсе не участвовала в бою. Так как и Плацентинские анналы сообщают, что соединенное войско Конра дина и его союзника Генриха Кастильского, римского сенатора (бургомистра), было сильнее армии противников, то с этим, очевидно, следует согласиться. Все же вполне положиться на это я не могу, в особенности потому, что полное отсутствие пехоты в рассказах о сражении также наводит на подозрения; Ролоф считает заслуживающими доверия сообщения, по которым

Конрадин имел от 5 000 до 6 000, а Карл 4 000 конницы. Если называть этих конников рыцарями, то этим самым мы в известной степени уже вышли бы за пределы понятия "рыцарь" в собственном смысле. Многие из них не только не были посвящены в рыцари "рыцарским ударом", но были простыми всадниками, хотя более или менее тяжело вооруженными, но не рыцарского происхождения.

Сражение протекало таким образом, что сначала войска Конрадина победили соединенные немецкие, испанские и итальянские войска, но затем, когда у них наступило сильное расстройство боевого порядка, они были разбиты вступившими в бой резервами под начальством самого короля Карла.

С каким намерением и каким образом Карл держал этот резерв как будто скрытым в засаде, – этого по дошедшим до нас источникам не видно и об этом можно только лишь догадываться. Разумеется, нельзя допустить, чтобы Карл с самого начала намеренно дал разбить большую часть своей армии с таким расчетом, чтобы затем напасть из своей засады на пришедших уже в расстройство победителей и преодолеть их силой своей сомкнутости. Если бы при помощи столь несложного фокуса малочисленное войско могло

побеждать многочисленное, то к нему прибегали бы гораздо чаще. При оставлении части войска в резерве может иметься в виду только – ввести ее в бой в то время, когда успех в сражении клонится то в ту, то в другую сторону; более позднее вмешательство могло бы быть легко отражено противником, даже в том случае, когда у него остаются сомкнутыми и готовыми к бою лишь незначительные силы, которые тем самым оказываются ядром для собирания воинов, хотя и рассеявшихся в данный момент, но представляющих сами по себе во много раз превосходящую противника численность.

Ролоф рисует нам наглядно состояние победоносного рыцарского войска следующим образом: "Представим себе бой между двумя рыцарскими армиями. Несколько тысяч единичных бойцов приблизительно одновременно вступают в рукопашный бой; спустя некоторое время, более слабая сторона начинает отступать; понятно, теперь часть победителей начинает теснить отступающих, другая часть соскакивает с лошадей, чтобы перевязать свои раны, привести в порядок поврежденное в бою вооружение, переменить лошадь, добить до смерти или взять в плен противника, сброшенного с лошади, и отнять, у него какую-либо ценную часть

снаряжения или оружия. Начальства, которое препятствовало бы такому самовольному грабежу, перерыву в бою и вынуждало бы рыцаря оставаться постоянно в полном снаряжении и готовым в бою ко всему, не существует. Такого рода положение, неизбежно связанное с каждой победой рыцарского войска, без сомнения, в значительной мере понижает его боеспособность, и отряд, застигший противника в такой момент, должен, если он даже значительно слабее, иметь большие преимущества. Многие спешившиеся рыцари почти беззащитны против нападающих конных, а атакуемое войско распределяется на большом пространстве, так что атакующий сразу, может быть, и вовсе не встречает достойного себя противника и может постепенно уничтожать вражеские силы. Какой оборот примет сражение, в случае такого нападения – всецело зависит от особых обстоятельств; при большом численном превосходстве атакуемых не исключена и такая возможность, что они примут бой и добьются победы. Так как рыцарь – боец-одиночка и без затруднений для себя может повернуть в любую сторону, то не имеет большого значения, направлен ли внезапный удар во фланг или в тыл; решающим всегда является вопрос, сколько рыцарей в момент удара выбыло из строя и как

далеко они рассеяны".

В такой момент начавшейся дезорганизации, – продолжает Ролоф, – Карл, должно быть, и атаковал войско Гогенштауфенов. Это имело для него очень большие выгоды, но, – следует еще раз подчеркнуть, – к этому привела лишь случайная причина, состоящая в том, что главная часть анжуйского войска была разбита и бежала раньше, чем рассчитывал Карл. Несомненно, дело дошло до жестокого боя; но почему сражение окончилось победой французов, мы не знаем, так как, независимо от всего прочего, вступления свежих отрядов в полном боевом порядке недостаточно для создания решительного перевеса над очень многочисленным войском, испытывавшим благодаря победе большой моральный подъем. Возможно, – как указывает дальше Ролоф, – что в войске Конрадина, состоявшем из 3 национальностей, господствовало большое взаимное недоверие, и в связи с последним в нем сразу началась паника, потому что при внезапном наступлении новых неприятельских войск возникло подозрение в измене.

С точки зрения военной истории это сражение особого интереса не представляет и мало поучительно, ибо мы как раз о двух главных

моментах – с какой целью и каким образом Карл Анжуйский образовал свои резервы и держал их в засаде, а также, каким образом он достиг такого громадного успеха, – документальных данных не имеем, строить же что-либо на одних предположениях невозможно. Только негативным путем можно прийти к заключению, что линейное построение тогда не применялось, ибо если бы войско Конрадина имело вторую боевую линию, то оно не могло бы быть до такой степени расстроено.

Как вклад в критику средневековых рассказов мы добавляем здесь еще следующие детали из текста Ролофа: Генрих Кастильский со своими испанцами при преследовании неприятеля дал себя завлечь так далеко от поля сражения, что вернулся только тогда, когда Карл успел уже победить немцев. Тогда начался третий бой. Это расчленение битвы на отдельные акты, кажется, приспособлено к тому, чтобы объяснить победу меньшего по численности войска, но Ролоф, на основании критики источников и реальных соображений, доказал его баснословный характер. В мнимом третьем бою испанцы, будто бы, образовали плотно сомкнутую стену, так что французы никак не могли прорвать ее. Но Эрард Валери, в сущности главный герой легенды,

нашел способ выйти из положения; он вместе с 30 рыцарями симулировал бегство, испанцы же, убежденные, что все французское войско обратилось в бегство, пустились их преследовать и этим расстроили свои ряды. И вот уже французы вступают с ними в единоборство, но напрасно: панцири испанцев непроницаемы для ударов. Но французы вплотную подвигаются к противникам, хватают их за руки и плечи, чтобы стащить с лошадей. Так как французы в своих легких кольчугах были проворнее испанцев, одетых в тяжелую броню, то они этого достигли. После жаркого боя испанцы были окончательно разбиты.

Для более или менее опытного глаза здесь сразу же обнаруживаются признаки военной легенды. Если бы легковооруженные так просто одолевали тяжеловооруженных, мы, пожалуй, слышали бы об этом чаще. Но Ролоф доказывает легендарность этого рассказа на основании первоисточников, устанавливая, что Примат рассказывает подобную же историю о сражении при Беневенте двумя годами раньше, с той только разницей, что здесь живую стену образуют не испанцы, а немцы. Непонятно, почему немцы при Беневенте должны были сражаться другим способом, чем при Тальякоццо. Андрей

Венгерский, подробно рисующий нам несколько лет спустя то же сражение, ничего не знает о таких интересных подробностях. Происхождение этого рассказа явно: он всегда относится к тем, с кем французы вели самый жестокий или последний бой. Наиболее близкие к этим событиям старейшие итальянские источники ничего не знают о таких деталях. Легенда эта возникла только в хронологическом отдалении. Вернувшиеся домой рыцари, от которых Примат из Сен-Дени слышал свои истории, рассказывали ему басни о том, какие им пришлось употреблять усилия и хитрости, чтобы разъединить могучих воинов, которых они победили в Италии, и вступить с ними в рукопашный бой, причем настолько преувеличивали непроницаемость испанских лат, что тем самым в сущности лишали своих противников боевых качеств: ибо чего стоят противники, которых, в конце концов, можно взять голыми руками! Неужели опытные в бою испанцы не перерезали бы пальцы своими мечами и кинжалами тем, которые стали хватать их за руки и плечи и стаскивать с лошадей? Легковооруженные или невооруженные могут осилить рыцарей только тогда, когда несколько набрасываются на одного; тогда рыцарь бывает побежден не благодаря своему хорошему

снаряжению, а несмотря на него. Это могло случиться и в сражении при Тальякоццо.

Если всмотреться пристальнее, то окажется, что воины, утрачивающие боеспособность из-за тяжелого снаряжения, наши очень давние знакомцы: чем же греки объясняли победу своего, якобы, численно слабейшего войска при Саламине? Финикияне, наиболее из всех народов сведущие в морском деле, построили, будто бы, такие большие и тяжелые суда, что не в состоянии были как следует управлять ими.

Если сравнить изложение хода битвы при Тальякоццо у Ролофа с традиционными, различающимися только в деталях рассказами, то это снова доказывает, как мало может дать критика документальная без критики реальной. Как гордится наша историография точностью методов, применяемых к средневековым источникам, – и при всей своей точности эта современная, вооруженная критикой дисциплина создавала до сих пор относительно Тальякоццо точно такие же сказочные представления, как и античная историография о Ксерксе или о кимврах и тевтонах.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕХОТА

Представление о том, что итальянские города создали настоящую пехоту и что последняя играла решающую роль в войне против Штауфенов, систематически защищает в своей диссертации Юлиус Рейнгардт Дитрих (Julius Reinhard Dietrich, Die Taktik in den Lombardenkriegen der Staufer, Marburg, 1892). Это исследование основано на тщательнейшем анализе источников и потому очень ценно, хотя основная его мысль, а следовательно, и отдельные выводы неприемлемы. Это, в сущности, своего рода полемическая работа против моих "Perser.- und Burgunderkriege" ("Персидские и бургундские войны"). Но противоречие между ними существует постольку, поскольку оно сводится только к фундаментальному недоразумению.

В "Perser.- und Burgunderkriege" я впервые выяснил полярную противоположность между тактическим организмом и войском, состоящим из одиночных бойцов. Дитрих оспаривает это противопоставление, "ибо, – говорит он (стр. 5), – единство воли многочисленного войска выражается хотя бы в том, что два воина для защиты от многочисленного или более сильного противника становятся плечом к плечу, или же в том, что многие становятся так близко друг к другу, что правая грудь одного закрывается щитом другого". Это правильно, но затемняет решающий момент. Речь идет не об абсолютной, но о полярной противоположности, это значит – отряд рыцарей и эскадрон кирасир очень сходны и все же в основном различны, так как в первом – низкая степень единства наряду с высокими личными качествами

отдельных воинов, во втором – высокая степень единства и значительно более низкий уровень личной квалификации. Немыслим отряд рыцарей при отсутствии какого бы то ни было единства, какого бы то ни было руководства, в столь же немыслим эскадрон кирасир при полном отсутствии личной храбрости и опыта в пользовании оружием. Но, несомненно, в одном значительна преобладает один момент, в другом – другой. Эскадрон кирасир ни в коем случае, как изображает Дитрих, не есть результат рыцарского отряда, но нечто существенно отличное от него, поскольку приобретаются известные свойства, в то время как другие утрачиваются. Дитрих полемизирует со мной, как если бы я отрицал существование какой бы то ни было органической связи в рыцарских войсках и какой бы то ни было возможности руководства, как вообще руководства. Он совершенно правильно отмечает, что в средневековых войсках также было известное руководство, называет затем части и отряды в этих войсках тактическими единицами и, следовательно, теряет из виду специфический характер войска этой эпохи и отличие его от войск древности и нового времени. В источниках, естественно, встречается множество мест, которые звучат приблизительно так, как если бы в средневековых войсках дело обстояло так или почти так, как сейчас; но кто даст себя ввести в заблуждение и проглядит различия, тот упустит наиболее существенный момент. В сражении при Дорилэе, по Радульфу, Танкред и его брат Вильгельм, выйдя из оборонительного положения, пытались атакой прогнать турок с занятого ими господствовавшего над местностью холма. Боемунд, в

чьих руках было главное командование, порицал это как безрассудную отвагу и хотел их удержать, ибо считал такие частные предприятия нарушающими общий порядок. Герман (стр. 17), а за ним также Дитрих (стр. 20) пожелали в этом усмотреть "признаки высокого самоотречения, требуемого также от самых знатных и храбрых", и делают отсюда вывод о субординации и дисциплине. Я хотел бы использовать этот эпизод как доказательство правильности выставленного мною тезиса. Неодобрительное суждение Боемунда, что частичная атака нарушает порядок целого, было, вероятно, высказано тысячу раз, но это еще не доказывает существования дисциплины, которая препятствовала бы такого рода действиям. Другое дело, если бы история о Боемунде и Танкреде имела то же продолжение, как и римская легенда о консуле Манлии и его сыне! Но нет: Танкред не обращает внимания на приказ, его Вильгельм пал на поле сражения, и Боемунд ограничивается своим теоретическим порицанием! Ничто не может с большей отчетливостью свидетельствовать о том, насколько чуждо было рыцарским войскам правильное понимание субординации и дисциплины.

Точно так же обстоит дело с дальнейшими доказательствами Дитриха. "Мы можем, – пишет он (стр. 24), – по резкому неодобрению несвоевременных атак, легкомысленных предприятий отдельных командиров и частей, беспорядочных и рассеянных выступлений, неповиновения и самоуправства, заключить о строгой военной дисциплине. Достаточно вспомнить слова Фридриха о безрассудной отваге графа Бубиньонского в 1158 г. под Миланом,

порицание чересчур поспешных ударов с фронта генуэзцев в 1148 г. на Тортозу и в 1221 г. на Вентимилью, беспорядочное из-за несогласованных действий командиров столкновение павийцев и миланцев в 1155 г. у Тортоны, сражение при Лоди в 1195 г., безумное выступление пьячентинцев против павийцев в 1213 г., но прежде всего сражения при Кастеллеоне, Кортенуова и Тальякоццо".

Все эти примеры отсутствия субординации должны служить доказательством дисциплины только потому, что они встречали неодобрение!

Дальше.

"Взятый в плен миланцами и после рыцарского обхождения с ним отпущенный на свободу miles explorator павийцев (1157 г.) восхваляет благоразумие, с которым его враги избегали оставлять лагерь и (против воли начальников) идти в атаку. В 1160 г. во время осады Фары, а также и в 1161 г. под Миланом, во время сражения павийцев с миланцами, немецкие milites по приказу императора за немногими исключениями воздерживаются от боя. Одного слова Григория Монтелонгского, командующего войсками союза, достаточно было, чтобы удержать рвавшихся в бой пьячентинцев от преследования Энцио".

Наконец-то здесь мы на некоторых примерах видим, что приказы начальников выполняются, и это случалось, разумеется, еще гораздо чаще, но, мне кажется, самый тон рассказа показывает, насколько непрочна была эта субординация. Приказа императора или полководца было достаточна, – рассказывают нам, для того чтобы рыцари, – понятно, не без исключения, – повиновались, но в таком случае, что же это за представление о власти командующего и

дисциплине, где слова полководца недостаточно, чтобы вызвать повиновение!

ГЛАВА VI

НЕМЕЦКИЕ ГОРОДА

Военная организация немецких городов, совершенно так же, как и итальянская, основывалась на рыцарстве, осевшем в городах, пополнявшемся разбогатевшим купечеством и постепенно слившемся с последним. Первоначально службу на коне, как вполне правильно говорит уже Рот фон Шрекенштейн[185], несли жившие в городах рыцари, а впоследствии все те, кто имел для этого достаточно средств. Можно было бы сомневаться, является ли богатство достаточной порукой военной годности, но надо принять во внимание, с одной стороны, сословную традицию, поддерживавшую понятие рыцарской чести, а с другой стороны – военный момент, присущий купеческому сословию в эпоху, когда закон предоставляет очень слабую защиту, и, наконец, возможность заменить себя вооруженным кнехтом. Очень часты случаи, когда горожане в то же время называются рыцарями[186]. Арнольд в своей "Verfassungsgeschichte der deutschen Freistdte" (II, 186) говорит: "Наполовину это рыцари, которые, так же как те, обладают ленами

от духовных и светских сеньоров, служат на коне и в доспехах и пользуются всеми привилегиями рыцарства; наполовину они горожане, настоящее местожительство которых в городах, где они занимаются ремеслами и торговлей и блюдут интересы города"[187]. Служившие в коннице граждане назывались в Страсбурге, Магдебурге, Цюрихе и в других городах "констафлеры", или "констофлеры" (то же слово, как connйtable = comes stabuli). В 1363 г. страсбургские констафлеры выставили 81 копье, цехи – 21, судовладельцы – 5, бакалейщики – 4, виноделы – 4 и т.д. Император Людовик Баварский требовал от имперских городов, чтобы они "по старинному обычаю" на пути его к коронации сопровождали его за горы с отрядом всадников[188].

В Италии, как мы видели, долгие войны против Штауфенов все же не создали действительно воинственной буржуазии. Выступления этой массы, которые имели место то здесь то там, имели, по существу, ограниченный и преходящий характер. Еще меньше поводов и возможностей для воспитания воинского духа в населении городов было в Германии. Даже с тех пор как цехи начинают оспаривать власть благородных сословий и бороться с ними за места в городском совете, эта борьба слабо проявлялась

в военном отношении; беспрерывные войны с соседними феодалами и рыцарями не вызывают образования активных специфически городских военных организаций. Масса мелкого мещанства, конечно, тоже вооружается и обладает некоторыми военными данными или усваивает их, но остается все же только вспомогательным родом войск для рыцарства, – главным образом в роли стрелков[189], последние приобрели себе славу также и на имперской службе. В хронике Арнольда Любекского в одном месте восхваляются горожане, которые благодаря долгому упражнению[190] стали добрыми воинами и довольно часто выступали против рыцарей-грабителей, хотя это были скорее побоища, чем воины. В XIV в. вошло в обычай, что члены цехов отправлялись в поход на повозках, сидя по 6 человек верхом на скамье. Но уже в 1256 г. на съезде имперских городов в Майнце решено было по возможности держать наемников[191], для чего не только вербовали наемных кнехтов или рыцарей, но заключали договоры с соседними сюзеренами и рыцарями, которые за соответствующую мзду обязывались оказывать им постоянную помощь.

Эти договоры с наемниками во всех отношениях характерны для военной организации

городов. В 1263 г. Кельн заключил договор с графом Адольфом фон Бергом в форме оборонительного и наступательного союза. Граф становится гражданином г. Кельна и обязуется выходить на подмогу городу с 9 рыцарями и 15 оруженосцами верхом на конях, покрытых броней. Город за это платит ему 5 марок кельнскими пфеннигами в день. Кельнцы, со своей стороны, обязуются помогать графу Бергу 25 гражданами из благородных сословий в полном вооружении на покрытых броней лошадях.

Подобные же договоры были заключены с графами Вильгельмом и Вальрамом Юлихскими и Дитрихом фон Каценелленбогеном. Спустя 100 лет этот договор был почти дословно возобновлен[192]. Город Вормс заключил такого же рода договор с графом Лейнингенским[193]. Как мало должны были доверять своим военным способностям кельнское и вормсское гражданское население, если они считали нужным пользоваться такой помощью! Из-за каких-нибудь 24 или 25 человек заключались такие договоры! Но это были все же рыцари, а 25 рыцарей – это не так мало: достаточно вспомнить, с какой точностью некогда Карл Великий предписывал, чтобы каждый его граф мог оставлять дома 2 или 4

человека из своих воинов. Эти капитулярии становятся понятными только в том случае, если уяснить себе, что военная организация Каролингов основывается на рыцарском военном сословии, а не на всеобщем крестьянском ополчении. Невоинственность масс является естественным спутником рыцарства, поэтому кельнцы также обещают со своей стороны союзную помощь не в виде городского ополчения, а на конях, одетых в броню.

Если горожане вообще выступали, то они хотели быть на таком расстоянии от города, чтобы иметь возможность к вечеру уже вернуться домой: в таком смысле прямо вынесли постановление рейнские и швабские города в 1388 г.[194]. Частые предписания о вооружении граждан и о том, каково должно было быть их оружие, а также об осмотре их доспехов никогда не имели существенного практического значения.

Подробные рассказы и описания, касающиеся главным образом истории Кельна, – например, в рифмованной хронике мейстера Готфрида Гагена[195], – часто дают весьма наглядные картины положения вещей. Однако, сражение при Воррингене (1288 г.), которое по традиции считается победой кельнских горожан над их архиепископом и его рыцарями, сюда не

относится, ибо кельнцы играли в нем лишь побочную роль.

БОЙ ПРИ ФРЕХЕНЕ
1257 г.

В 1257 г. неожиданно вспыхнула война между городом и его архиепископом Конрадом Гохштаденом. После того, как произошло уже несколько стычек, архиепископ занял все дороги, ведущие в Кельн, и отрезал подвоз по воде и по суше, чтобы измором принудить город к сдаче. Один из феодалов, обязанных службой городу в качестве союзников, Дитрих фон Фалькенбург, принял на себя командование горожанами и приказал им выступить и отогнать противника, так как-де позорно для города позволить 400 врагам отрезать дороги. Граждане заявили о своей готовности следовать за ним и под Фрехеном атаковали войско епископа; по Гагену, кельнцы победили благодаря тому, что сам Фалькенбург сначала осторожно сберегал свои силы, а затем вступлением в бой решил исход; но дальнейшие события, как заметил Эннен, отнюдь не создают впечатления действительной победы кельнцев. Если войско архиепископа было, действительно, численностью не больше 400 человек, то военные данные кельнцев выступают в очень невыгодном

для них освещении. Можно, пожалуй, предполагать, что Дитрих из желания воодушевить граждан значительно преуменьшил силы неприятеля. Во всяком случае, это остается свидетельством тому, что боевая сила города была невелика.

УЛИЧНЫЕ БОИ В КЕЛЬНЕ

То же самое выявляется и в рассказах об уличных боях между гражданами. При преемнике Конрада, архиепископе Энгельберте II фон Фалькенбург, цехи, подстрекаемые епископом, восстали против господства благородных сословий. Собравшись толпами, они хотели разгромить жилища дворян, дело дошло до ожесточенных уличных боев, в которых патриции одержали победу и устроили кровавую баню, в особенности среди ткачей. Несмотря на тесноту и узость кельнских улиц, рыцари сражались верхом, и Гаген все время повторяет, что они пришпоривали своих лошадей, скакали через цепи, которые цеховыми протягивались поперек улиц. Так как число рыцарей и их приверженцев могло быть только незначительным, тем большим должно было быть их личное воинское превосходство над массой горожан.

Вполне сходно по своему характеру сражение, имевшее место несколько лет спустя на улицах города по поводу спора двух знатных родов – Оверштольцев и Вейзенов. В связи с этим спором побежденные и изгнанные из города Вейзены составили заговор с целью неожиданного захвата города; бедный башмачник, ютившийся под одной из арок городской стены, за деньги согласился выкопать под стеной такое большое отверстие, что всадник свободно мог через него проникнуть в город. Герцог Вальрам Лимбургский, графы фон Клеве и фон Фалькенбург сговорились ночью 14 октября 1268 г. проникнуть в город через это отверстие вместе с 500 воинов. Герцог действительно выполнил свой план: прошел через подземный ход, открыл ближайшие ворота и вторгся в город со всем своим воинством. Но Оверштольцы были вовремя предупреждены, община стала на их сторону, и в жестокой схватке, в которой большая часть дворян пала, вторгшиеся были вновь изгнаны или взяты в плен.

СТЫЧКА ПРИ ГАУСБЕРГЕНЕ
8 марта 1262 г.

Об этом в высшей степени интересном бое между страсбуржцами и приверженцами епископа

Вальтера фон Герольдсэка до нас дошло два рассказа из противоположных лагерей. На стороне епископа стоит Рихерий, составитель истории Сенонского монастыря в Вогезах (M. G., SS. XXV, 340), современник этого события, так как труд его заканчивается уже 1265 г. Второе описание этого сражения принадлежит перу неизвестного автора, жившего одним поколением позже; оно составлено приблизительно в 1290 г. в Страсбурге и, следовательно, не относится к первому рангу по внешней достоверности, тем более, что дошедший до нас текст впоследствии, вероятно, кое-где ретуширован и безусловно не вполне точно соответствует оригиналу. Тем не менее "Conflictus apud Husbergen", как этот источник назывался раньше, или "Bellum Walterianum", как его называют теперь, представляет собой очень ценное для военной истории свидетельство, так как, хотя подробностям и придан легендарный характер, составитель явно использовал рассказы непосредственных участников событий, причем отдельные черты обладают такой конкретной наглядностью, какую может создавать только действительная передача жизни, передача того, как в действительности протекало сражение той эпохи. Страсбургский летописец Фритче Клозенер в XIV в., один из первых историков, писавших на

немецком языке, для истории борьбы с епископом, в которую был вовлечен также Рудольф Габсбургский, впоследствии император, не мог придумать ничего лучшего, как просто перевести ту старую латинскую запись[196].

Борьба между страсбуржцами и епископом продолжалась в течение долгого времени обычным порядком, т.е. обе стороны грабили и сжигали деревни, а епископ отрезал подвоз к городу. "Весь Эльзас был обезлюден, опустошен и погружен в траур", сообщает хронист Рихерий. Так как осевшие в сельских местностях рыцари были приверженцами епископа, то он ввел систему сигнализации, чтобы созывать их в случае выступления страсбуржцев; если в Мольгсгейме в 3 милях от Страсбурга начинали звонить колокола, ближайшие колокола подхватывали набат и передавали призыв дальше по всей стране[197].

Когда однажды страсбуржцы выступили, чтобы разрушить башню около Мундольсгейма, на расстоянии более мили к северу от Страсбурга, по дороге в Гагенау и Цаберн, епископ приказал бить в набат и надвинулся со своим войском, чтобы напасть на горожан на обратном пути. На подмогу выступившим горожанам пришли оставшиеся в городе и соединились с ними в s

мили к северо-востоку от города у Гаусбергена. Бургомистр г. Страсбурга, старый рыцарь Реймбольд Либенцеллер, командовавший выступившими ранее, сказал Николаю Цорну, приведшему подкрепление: "Слава богу, любезнейший господин Цорн, ни в один из дней моей жизни я не жаждал так вас увидеть, как ныне"[198].

Граждане выстроились в боевом порядке и ободряли друг друга, особенно пехотинцев, которым говорили: "Будьте сегодня мужественны и сражайтесь без страха за честь нашего города, за нашу собственную свободу, за вечную свободу нас самих, наших детей и всех наших потомков". Двум рыцарям было еще специально поручено обучать пехоту (populo seu peditibus), как следует сражаться, а горожане дали обет повиноваться.

Увидев силы врага, рыцари епископа стали раздумывать, решаться ли им на атаку. Но когда они предупредили епископа об опасности, он назвал их трусами; если они хотят, пусть расходятся. Тогда они, сообщает летописец, ради чести остались на поле брани, и, хотя предвидели гибель, все вступили в бой.

Страсбургский дворянин Марк Эквершейм, еще не посвященный в рыцари юноша, поскакал впереди всех во весь опор, держа копье наперевес.

Епископский рыцарь по имени Бекелариус принял вызов и помчался ему навстречу. Копья обоих разлетелись в щепки, и удар был так силен, что оба противника рухнули вместе с лошадьми, и обе лошади остались на месте. С обеих сторон на помощь им поспешили друзья, причем страсбуржцы спасли своего воина и умертвили противника.

Тогда развернулась всеобщая схватка рыцарей, в которой страсбуржцы вскоре одержали верх, так как вся масса вооруженных копьями пеших горожан бросилась в бой, закалывая лошадей противника, так что вскоре все были распростерты на земле. Рейнбольд Либенцеллер наставлял их, чтобы они кололи всех лошадей без разбора, хотя бы даже попадалась лошадь своего горожанина, так как до дома недалеко и он может вернуться и пешком, Это наставление, о котором наш источник сообщает с полной серьезностью и эпическим спокойствием, могло быть дано старым рыцарем все же, пожалуй, в юмористическом смысле, но оно, во всяком случае, очень ценно для нас как картина смешанного боя рыцарей и пеших копейщиков.

Рыцари епископа были побеждены большим численным перевесом сил и совместными действиями обоих родов войск, так как они

лишены были поддержки своих собственных копейщиков. Страсбуржцы использовали своих арбалетчиков не как вспомогательный род войск в рыцарском бою, а выделили их из массы войск и до начала боя поставили их так, чтобы они препятствовали епископской пехоте прийти на помощь своим рыцарям. Как это было возможно, к сожалению, нельзя установить по нашим источникам. Когда горожане с целью обойти один ров взяли направление к городу, епископ будто бы подумал, что они хотят оставить поле сражения, а потому со своими рыцарями опередил пехоту и начал атаку до того, как она (пехота) прибыла к месту сражения.

Но страсбургские стрелки все же не могли быть вдвинуты между неприятельскими рыцарями и их пехотой. Можно было бы себе это представить, может быть, так, что они заняли впереди фронта своих какую-нибудь возвышенную позицию, у подножия которой прошли войска епископа. Рыцари не дали задержать себя стрелами арбалетов, а пехота в страхе перед ними отступила. Но при ближайшем рассмотрении и это предположение вряд ли приемлемо, так как войска епископа едва ли шли по ложбине, а, следовательно, легко могли бы обойти не столь широкое поле обстрела

страсбуржцев. Весь этот эпизод, пожалуй, следует вычеркнуть как легендарный, тем более что наш источник насчитывает стрелков лишь 300, а в епископской пехоте 5 000 человек. Если бы даже численность этой пехоты была только 1 000 или 800 человек, то как могли противостоять ей на таком расстоянии от главного войска 300 стрелков? Как жалки должны были быть копейщики, которые не находили в себе достаточно силы, чтобы одолеть в открытом поле меньший по численности отряд стрелков. Быть может, основа рассказа состоит в том, что страсбургские стрелки, расставленные на обоих флангах, оттуда успешно обстреляли следовавших непосредственно за своими рыцарями пеших копейщиков епископа, и это изображалось в таком виде, как если бы они совершенно не допустили их вступления в рыцарский бой.

Суть дела, во всяком случае, была в громадном численном перевесе страсбуржцев, опасность которого недостаточно была оценена епископом рыцарского происхождения, который сам как "благочестивый рыцарь" участвовал в бою и под которым были заколоты два коня.

Епископ был разбит, 60 рыцарей пали и 76 взяты в плен. Сообщение страсбуржцев, будто бы они потеряли только одного воина, которого

сперва взяли в плен, но которого затем рыцари, обозленные поражением епископа, убили, стоит в слишком резком противоречии со всем характером этого сражения, чтобы быть правдоподобным. Если, действительно, правда, что рыцари воинствующего епископа ринулись в бой "ради чести", хотя предвидели свою гибель, то и те 60, которые пали, были тоже настолько воинами, чтобы не даром отдать свою жизнь. Да и сражение вовсе не могло быть столь кратким, если епископ, после того как под ним одна лошадь была убита, пересел на другую, а, потеряв и эту, спасся на третьей. Такая бескровная победа умалила бы самую славу страсбуржцев. Этот вымысел следует, видимо, объяснить тем, что наш рассказ был записан позже на целое поколение. Устная традиция в Страсбурге особенно прочно закрепила судьбу мясника Бильгерина, которого побежденные взяли в плен невредимым и впоследствии умертвили; вот почему благодаря этому остальные павшие в бою отступают на второй план, так что в результате о нем и говорили как об единственном убитом.

Мы построили картину этого сражения исключительно на одном из двух источников – на "Bellum Walterianum", так как эта запись, хотя и поздняя, все же имеет преимущество большого

внутреннего правдоподобия. Здесь мы хотим в качестве ценного примера критики источников, как мы это делали уже не раз, например, по поводу сражения при Каннах, – привести дословный перевод Рихерия. Так как Рихерий жил недалеко от театра событий и писал непосредственно после них, то, если бы не сохранилось никаких других источников, вероятно, не возникало бы сомнений в том, чтобы точно следовать его данным.

Итак, Рихерий пишет:

"Во время пребывания епископа в одном из его замков, в Дахенштейне, куда им созвано было для своей охраны все войско, страсбуржцы выступили в боевой готовности из своего города. Как только епископ со своими рыцарями узнал об этом, он объявил страсбуржцам войну. (Это выражение не совсем понятно, так как Рихерий перед этим уже рассказывает, как враждующие стороны предпринимали обоюдные опустошения и поджоги. Быть может, он имеет в виду, что епископ приказал своим людям привести себя в боевую готовность.) Но страсбуржцы двинулись вперед против епископа и так вступили в бой. Они, заготовили себе секиры, которые у французов называются "датскими" (haches danaises) и которыми они так поражали рыцарей епископа, что ни щит, ни шлем, ни броня и ни одна часть доспехов не могли выдержать. Кроме того, в самый разгар боя и беспощадной резни страсбургское войско получило подкрепление. Так как сражение происходило близко от города, то гарнизон и горожане поспешили к своим на подмогу; увидев их в огне битвы и беспокоясь за исход борьбы, с яростью обрушились на войско епископа и крушили все на пути. Когда феодалы и

рыцари епископского войска убедились, что им нет спасения, они предпочли жить в качестве пленников у страсбуржцев, чем умереть в бою. Таким образом, страсбуржцы доставили их, обезоруженных, в свой город. Страсбуржцы, веря, что бог помог им в этом сражении, бросились на отряд, в котором был сам епископ, видевший гибель своих, уничтожили этот отряд и убили лошадь епископа, так что сам он упал на землю. Но несколько рыцарей, которые были при нем, посадили его на коня в побудили его оставить поле сражения. Затем страсбуржцы убивали всех, кого хотели, а остальных отвели пленниками в город. Пленных насчитывают 80, число же павших в бою наверное установить нельзя".

Таково описание этого сражения у Рихерия. Нетрудно убедиться, что все существенные черты этого сражения – за исключением численного превосходства страсбуржцев – утрачены. При этом особого внимания заслуживает упоминание о датских секирах, благодаря которым, якобы, горожане одержали победу. То, что страсбуржиы в начале войны стали заготовлять много нового оружия, можно принять, равно как и то, что среди этого оружия были и секиры. Но что именно это оружие в данном сражении проявило такой эффект – следует отклонить, ибо в этом случае сам страсбургсклй источник что-либо сообщил бы об этом, и непонятно, почему это страшное оружие не всегда применялось с таким успехом. Несомненно, как это утверждает страсбургское предание, все дело решила масса копейщиков, которая служила опорой для городских рыцарей и закалывала лошадей неприятеля. Существенное значение имело также численное

превосходство стрелков, хотя способ их действия в точности установить нельзя. Значение же, которое епископские источники придают не этим факторам, а секирам, может служить только школьным примером для иллюстрации того, что повествователи склонны к необычным мотивировкам, – в частности и в таких случаях, как здесь, когда в типичном и нормальном бою исход его естественным образом был решен численным перевесам.

ГЛАВА VII

ЗАВОЕВАНИЕ ПРУССИИ ТЕВТОНСКИМ ОРДЕНОМ

Роль рыцарских орденов как в истории крестовых походов, так равно в истории церкви и в истории Западной Европы, достаточно значительна, что часто отмечалось нами в настоящей работе. Не следует, впрочем, понимать это в том смысле, что они заполнили собой особую страницу в истории военного искусства и создали в нем своеобразные формы.

Нигде не видно, чтобы они, например, как это прежде всего приходит на ум, проявили в военном деле, в силу дисциплины и своего обета послушания, черты, выделяющие их на фоне обычной повседневной жизни эпохи. Напротив, как раз по орденским предписаниям мы можем судить о наиболее характерных чертах рыцарского военного дела и способа ведения боя. Число настоящих рыцарей-бойцов было всегда слишком незначительно, чтобы они могли как орден оказывать влияние; значение и успех рыцарских орденов зависели от их организации, сумевшей использовать в целях борьбы за святую землю богатство и дары, обильные приношения,

стекавшиеся к ним во всех странах латинской церкви.

Однажды, впрочем, один из орденов – Тевтонский – достиг прочного успеха, имевшего бесконечно важные последствия.

Могущественная Германская империя потратила 300 или, если считать, начиная с Генриха I, свыше 200 лет на покорение и присоединение к себе славянских племен между Эльбой и Одером. Если принять во внимание этот срок, то не приходится удивляться, что поляки вообще никак не могли справиться со своими северными языческими соседями, пруссами, жившими между Вислой и Неманом, и, в конце концов, призвали на помощь германских рыцарей – Тевтонский орден[199].

Наши сведения об истории своеобразного возникновения государства и колонизации, которая вместе с этим начинается, не слишком полны и достоверны: настоящий их историк, Петр Дусбург, жил целым столетием позже. Но основные военные принципы, которыми руководились при завоевании, проступают достаточно отчетливо.

Орден не обладал такой постоянной армией, с какой Цезарь при покорении Галлии расположился среди страны, сокрушая и подавляя

с непреодолимой силой всякую попытку сопротивления. Орден также не располагал, как Карл Великий, войском вассалов, которое созывалось по мере надобности и в союзе с политикой постепенно сломило и подавило сопротивление саксов. Непосредственная сила Тевтонского ордена ко времени покорения им Пруссии и одновременно с нею Лифляндии и Курляндии была незначительна; свое могущество он приобрел, только овладев этими областями. Замечательно, что число членов ордена ни для какого времени не зафиксировано ни в одном дошедшем до нас источнике и не может быть установлено[200]; в XIII в. число их, наверное, никогда не превышало нескольких сот или самое большое – одной тысячи. Сила ордена была в том, что орден являлся представителем главнейших идей эпохи, органически соединял в себе церковь и рыцарство и в качестве их передового бойца имел за собой не только Германию, но как бы всю Западную Европу. Папство со своими буллами и проповедями о крестовых походах, воинственный пыл и страсть к приключениям феодалов и рыцарей доставляли ему такой значительный и постоянный приток сил, что он, в конце концов, осилил задачу, которая заставила бы истечь кровью императоров и королей и перед которой в

бессильном страхе отступила Польша.

Крестовые походы в Иерусалим не могли иметь длительного политического успеха; ручеек, который, отделившись от этого мощного потока, принял направление к Балтийскому морю, попал на более благодарную почву.

Рыцари прежде всего основали на Висле в опустошенной польской пограничной области сильную крепость Торн (1230 или 1231 г.); отсюда они двинулись вниз по течению Вислы и построили крепости Кульм, Мариенвердер и Эльбинг (1237 г.). Затем они двинулись дальше вдоль берега Фришгафа и построили там Бальгу (1239 г.). В этом продвижении их вдоль границы усмотрели намерение как бы окружить пруссов, но не в этом было дело. Здесь никогда не имело места стратегическое взаимодействие двух различных баз; решающее значение, вернее, имело то, что все эти крепости были связаны между собой и с Германией водным путем. Достигнув вниз по течению Ногата Балтийского моря, они вступили в связь с приморскими городами Германии. Эльбинг до некоторой степени был колонией Любека. Маркграф Генрих Мейсенский, ставший богатейшим феодалом, после того как обнаружилось серебро в руде его гор, посетив однажды во время крестового похода орден,

оказал ему большую услугу, чем своим рыцарством, тем, что подарил ему два военных корабля – "Пильгрим" и "Фриделанд", благодаря которым орден овладел Фришгафом.

От крепостей на водных путях рыцари продвигались в глубь страны, основывая все новые укрепления, как, например, Реден, Бартенштейн, Рессль. Это продвижение шаг за шагом – настолько отличное от образа действия Карла Великого в Саксонии – соответствует не абстрактному стратегическому принципу, но особым местным условиям и силам ордена. Сам орден был слишком слаб для наступательных действий, но на помощь ему постоянно приходят крестоносцы, часто крупные феодалы, в сопровождении вооруженных отрядов, маркграфы Мейсенский и Бранденбургский, ландграф Тюрингенский, герцог Брауншвейгский, епископ Мерзебургский, князь Ангальтский; и каждый раз таким подкреплением пользовались для нанесения удара язычникам, для продвижения дальше в глубь страны, чтобы длительно обосноваться в ней. Так, из этих крепостей, прежде всего, покорены были прусские племена, жившие по Висле – полизанцы, погезанцы, а затем эрмландцы. По преданию, в 1236 г. произошло сражение и на Зиргуне (Зорге), но позволительно

усомниться, было ли это сражение серьезно и имело ли оно место вообще. Суть здесь, во всяком случае, в местоположении крепостей.

Суть в них потому, что решающее значение при всяких колониальных завоеваниях имеет не столько первая удача, которая часто достаточно легко достигается неожиданностью нападения, обманом, сколько в мерах против мятежа, который всегда поднимается, как только покоренные узнают чужеземное владычество, новшества и гнет. На двенадцатом году завоевания (1242 г.) разразилось первое большое восстание, которое продолжалось 11 лет, до 1253 г., и было подавлено не борьбой в открытом поле, а тем, что пруссы не в состоянии были овладеть всеми укреплениями рыцарей и, таким образом, вытеснить их из страны. Все новые воины-паломники поддерживали рыцарей, участвовали в их контратаках и помогли им заложить в глубине страны в Кристбурге новую укрепленную базу. Папский легат Яков Люттихский был посредником при заключении мира с частью повстанцев (7 февраля 1249 г.), документ о котором сохранился по сей день. Еще раз загорелась борьба, в которой даже рыцари потерпели тяжелое поражение в бою при Крюкене (23 ноября 1249 г.), где пало 54 члена ордена. Но,

в конце концов, все восставшие приняли условия мира.

Орден тотчас же возобновил свою захватническую деятельность. При содействии чешского вспомогательного корпуса, приведенного лично королем Оттокаром, основано было укрепление при устье Прегеля – Кенигсберг (1254 г.); еще ранее, для связи с Курляндией, у устья Немана на Куришгафе основан был Мемель (Мемельбург) и внутри страны – Крейцбург. Затем последовали Лабиау на Куришгафе (может быть лишь немного позже), дальше в глубь страны, на Прегеле – Велау. Из этих и некоторых новых пунктов совершалось покорение Восточной Пруссии, которая в большей своей части населена была уже не пруссами в собственном смысле, а литовцами.

Спустя 6 лет, в 1260 г., вспыхнуло второе большое восстание, во время которого литовцы нанесли рыцарям тяжелое поражение при Дурбане, причем, пали 150 членов ордена во главе с магистром Ливонского ордена Бурхардом фон Горнгаузен и маршалом Генрихом Ботелем (13 июля 1260 г.). Помезания, расположенная на Висле, на этот раз осталась верной, но 5 внутренних округов: Земландия, Натанген, Эрмландия, Погезания и Бартен, подготовив

заговор, восстали и выбрали себе предводителей – герцогов, как мы бы их назвали, – которые вели упорную 15-летнюю войну. Один из этих предводителей, Генрих Монте Натангенский, получил, как некогда Арминий в Риме, свое воспитание, а быть может, и христианское имя в Магдебурге. Пруссы многократно одерживали верх на полях сражений, в частности в сражении при Лебау, где пал вицемагистр Гельмерих с 40 членами ордена и было уничтожено все христианское войско (13 июля 1263 г.). Война в основном заключалась в непрерывно возобновлявшихся с обеих сторон разбойничьих и опустошительных набегах, в которых пруссы достигли стен Торна и разрушили Мариенвердер. Окончательное же решение и на этот раз дала борьба за укрепленные пункты. Пруссы овладели всеми укрепленными пунктами внутри страны, до Кристбурга. Правда, осадное искусство пруссов стояло невысоко, хотя они и заимствовали у своих противников кое-что из применения осадных орудий, но они блокировали крепости, со своей стороны строили против них свои крепости, держали там сменявшиеся гарнизоны и брали противника измором. Точно так же, как некогда римский гарнизон крепости Ализо с остатками армии Вара, державшийся месяцами против

германцев, в конце концов, когда истощились съестные припасы, тайком вышел и благополучно прошел 20 миль до Рейна, так и теперь гарнизоны крепостей ордена в Пруссии спасались, обманывая бдительность осаждавших и тайком выходя из крепости.

Гарнизоны Гейлсберга и Браунсберга ускользнули, таким образом, в Эльбинг, а из Визенбурга (к северу от Растинбурга) через пустынную местность на юге – в Польшу или Зассен. Диван, военачальник бартов, заметив их уход, преследовал их с 13 воинами, лошади которых могли выдерживать такой долгий путь, и, наконец, настиг их. Но когда он сам в схватке был ранен, остальные отказались от борьбы и преследования.

Менее посчастливилось гарнизону Крейцбурга, который был застигнут ночью при попытке к бегству и изрублен.

В продолжение 4 лет Бартенштейн выдерживал блокаду.

Положение его гарнизона стало, наконец, таким безвыходным, что единственным спасением осталось тайное бегство.

Осажденные с хитростью подготавливались к бегству в продолжение нескольких дней, прячась за стенами крепости в полной тишине, так что

пруссы считали крепость (бург) уже оставленной, но как только они приблизились, они попали под обстрел и с большими потерями были отброшены. Для ухода из крепости гарнизон разделен был на два небольших отряда, из которых один пошел по пути в Кенигсберг (9 миль), а другой – в Эльбинг (15 миль); один убогий слепой брат оставлен был в крепости и регулярно звонил в колокол в часы церковной службы, поддерживая у противника, склонного к осторожности после недавних потерь, впечатление, что крепость еще занята гарнизоном. Когда пруссы, наконец, убедились, что тевтоны действительно исчезли, последние были уже далеко и успели скрыться. Оба их отряда благополучно достигли Кенигсберга и Эльбинга.

Для снятия осады со всех этих крепостей орден не мог принять никаких мер; но крепости, лежавшие у водных путей, как Мемельбург, Кенигсберг, Бальга и Эльбинг, удержались; к Торну и Кульму мятежники не решались подступить. Жестокой осаде подверглись Бальга и особенно Кенинсберг; под Кенигсбергом пруссы пытались даже перерезать водный путь, наведя мост на Прегеле, но рыцари разрушили его и получали все время морем новые запасы продуктов, подкрепления и, наконец, морем же прибыло к ним войско, снявшее осаду. Один раз

им пришли на помощь графы Юлихский и Берг, которых пруссы прогнали (22 января 1262 г.). В 1265 г. прибыли герцог Брауншвейгский и ландграф Тюрингенский, давшие рыцарям ордена возможность вновь повести наступление из Кенигсберга.

Второе большое восстание приходит к концу в такой же самой обстановке, как и первое; в сущности пруссы не были побеждены. Двое из предводителей или герцогов, Генрих Монте из Натангена и Глаппе из Эрмланда, благодаря хитрости, а возможао какой-либо измене со стороны их соплеменников попали в плен к рыцарям и были повешены; третий, Диван, военачальник бартов, пал при осаде крепости Шензее.

Пруссы убедились, что они не в силах прогнать завоевателей, как ни велико зло, причиненное ими, и как ни много захватили они городов, дворов и крепостей, уничтожив их жителей. Тогда Скуманд, предводитель зудавов, долго и храбро сражавшийся на юго-востоке страны, в походах своих доходивший до Кульма, решил сдаться. В полном отчаянии он переселился было вместе со своими в Литву, но затем вернулся, принял христианство и признал власть рыцарей. Так поступали и другие главари пруссов, и в

1283 г., на 53-м году после основания Торна, покорение Пруссии признано было окончательным.

Напрашивается вопрос: не могли ли некогда римляне тем же способом обуздать германцев и ввести у них свою государственную организацию? Разница здесь, прежде всего, в том, что эта задача была гораздо более крупного масштаба. Ведь Пруссия, в конце концов, по сравнению с Германией, только небольшая область, и если последняя была наверняка слабо населена, то плотность населения Пруссии была, должно быть, еще меньше, и даже наиболее далеко выдвинутые посты не так уж далеко отстояли от надежной двойной базы – моря и р. Вислы. В течение всей войны поляки были союзниками ордена. Хотя герцоги Померанские порой и относились враждебно к ордену и были прямыми союзниками пруссов, но все же, в конце концов, они поддавались замирению не только военной силой, но, будучи феодалами, принадлежавшими уже к христианскому культурному кругу, также при помощи дипломатических средств, при помощи вмешательства вождей крестоносцев. Если суммировать силы, потраченные Германией, а отчасти Польшей и всей Западной Европой на покорение и обращение в христианство Пруссии,

то по отношению к этой маленькой области они должны показаться непомерно большими. Война, чего не следует при этом забывать, продолжалась в общем 53 года, в то время как Цезарь за 8 лет успел окончательно покорить и замирить громадную Галлию вплоть до Рейна. Интенсивное и более быстрое завоевание, подобное завоеванию Галлии Цезарем, в конечном итоге есть способ, требующий меньшей траты сил. Орден не мог действовать так, ибо сам был слишком слаб, а средства к нему притекали лишь по каплям.

Следовательно, вопрос, почему римляне не овладели Германией по способу рыцарей, отпадает; если бы они вообще стремились покорить ее и потратить на это свои силы, то они должны были бы действовать по способу Цезаря. Римскому императору никогда не пришло бы на ум применять связанный с огромными тратами метод ордена; при первой же неудаче он немедленно перешел бы к войне большого масштаба. Почему этот род войны после отозвания Германика стал невозможным и почему отозван был Германик, мы уже знаем.

ГЛАВА VIII

АНГЛИЙСКИЕ ЛУЧНИКИ. ЗАВОЕВАНИЕ УЭЛЬСА И ШОТЛАНДИИ ЭДУАРДОМ I

Значение лука в военном деле раннего средневековья трудно уловить в неверном свете источников той поры; во всяком случае, оно представляется неопределенным и изменчивым. У древних германцев мы почти не встречаем в источниках упоминания о луке (см. т. II); но готы и другие германские племена эпохи переселения народов выступают с таким искусством в стрельбе из лука, что Вегеций мог писать, что римляне были осыпаны градом их стрел (см. т. II). В Каролингских капитуляриях предписывается вооружение луком, но в повествовательных источниках той эпохи он упоминается очень редко, и не подлежит сомнению, что немецкое рыцарство следует представлять себе вооруженным почти исключительно копьем и мечом. Напротив, норманны в сражении при Гастингсе чрезвычайно широко используют своих лучников. Крестоносцы же, столкнувшись с турками, находят, что те превосходят их как стрелки, и по их образцу вводят в своем войске

конных лучников. Мы узнаем об императоре Фридрихе II, что существенную часть его войска в итальянских войнах составляли его сарацинские лучники, но в сражениях, в которых его сын и внук были разбиты Карлом Анжуйским, по рассказам, стрелки вовсе не принимали участия[201].

Наряду с луком постепенно вошел в употребление и арбалет (Armbrust)[202]. Слово это не стоит в связи ни со словом "рука" (Arm), ни со словом "грудь" (Brust), будучи народно-этимологической переделкой среднелатинского arcubalista, arbalista. Оружие это в древности применялось, по-видимому, не только для стрельбы, но и в рукопашном бою. Изображение его имеется на одном рельефе IV в. нашей эры, ныне находящемся в музее г. Пюи. По-видимому, оно известно было и Вегецию, Аммиану и Иордансу. В средние века в собственном смысле слова первые следы мы находим на миниатюре в библии Людовика IV от 937 г. Анна Комнена упоминает о нем под названием "цагры" как о своеобразном оружии западных стран; кроме того, о нем упоминается в не вполне ясном смысле в одном постановлении Латеранского собора 1139 г.[203]

Но, так как историограф Филиппа Августа

утверждает, что впервые Ричард Львиное Сердце ознакомил франков с этим оружием и что Парка пожелала, чтобы сам король погиб именно от него[204], то, видимо, в XII в. арбалет был еще достаточно редок.

По мере того как оборонительное вооружение становилось тяжелее, соответственно изменялось и наступательное оружие. Уже в "Руководстве к стрельбе из лука" времен Юстиниана[205] рекомендуется стрелять в противника наискось, так как спереди щит непроницаем для стрелы. Арбалет имеет гораздо большую пробивающую силу, чем простая стрела; таким образом, арбалет, очевидно, является лучшим стрелковым оружием против тяжеловооруженных рыцарей; но, несмотря на это, он лишь весьма медленно получил права гражданства, никогда совсем не вытеснял простого лука, а применялся наряду с ним и, в конце концов, еще раз должен был уступить место луку. После того как луком уже долгое время пользовались лишь иногда и кое-где, мы неожиданно встречаемся с таким необыкновенным явлением, что лук в XIV и XV вв. внезапно приобретает преобладающее значение в английских войсках. Как случилось и как возможно было, что такое древнее оружие, техника которого известна была уже

тысячелетиями и вряд ли могла быть еще усовершенствована, внезапно получило такое значение?

Уже Оман в своей "Истории военного искусства" отмечает, что начало возрождения лука надо искать в валлийских войнах Эдуарда I Английского, а новейший труд об этих войнах Джона Морриса, ценный и для изучения военного дела той эпохи вообще, подверг тщательному исследованию происхождение этого оружия[206].

Моррис, как и Оман до него, исходит из того положения, что раньше натягивали тетиву до груди, теперь же тетиву длинного лука натягивают до уха[207]. Я не считаю возможным повторять это объяснение дословно, ибо, чем больше натянуть тетиву, тем сильнее выстрел, – это не может быть новым изобретением, а сильные люди были уже и раньше. Сверх того мы находим дословно то же объяснение 7 веками раньше – у Прокопия (ср. т. II), где он хочет обосновать, почему в его эпоху употребление лука получило широкое распространение. Если были времена и народы, употреблявшие не длинный, а короткий лук, – а среди них были и такие прославившиеся стрелки, как персы и парфяне – то разница между отдельными видами лука не

могла быть столь существенна, и хорошие стрелки, наверно, всегда натягивали свой лук настолько туго и далеко, насколько это позволяла им их физическая сила. С незначительным видоизменением мысль Морриса все же правильна: если исходить из того положения, что в продолжение тысячелетий применялись лук и стрелы, техника которых была совершенна, то это еще не значит, что техника эта постоянно держалась на одном и том же уровне. Если в средние века были времена и народы, в истории которых о стрельбе из лука почти не упоминается, а большие сражения происходили без участия в них стрелков, то в это время техника как изготовления, так и применения этого оружия, видимо, понижалась. Очень удачно приводит Моррис аналогичный пример, как к концу XIX в. вместе с недосягаемой для предыдущей эпохи быстротой гребных состязаний значительно усовершенствовалось также и устройство такого стародавнего снаряжения, как лодка. Ревностное упражнение в каком-либо искусстве идет рука об руку с изготовлением все более и более совершенных орудий. Речь, таким образом, идет не о введении чего-либо совершенно нового, касается ли это длинного лука или обычая натягивать тетиву до уха – а о том, что вместе с

вызванным известными причинами более интенсивным применением оружия для стрельбы, естественно, и сама собой повышается до тех пор брошенная техника как изготовления, так и пользования им и вновь достигает такой высоты, на которой она, может быть, стояла и раньше, но которая современниками представлялась новой. Итак, совершенство техники – не причина, а следствие такого явления в военной истории, как возвращение к луку, – следствие, которое, правда, затем имеет обратное воздействие на причину: чем с большим успехом им пользуются, тем сильнее становится стимул к употреблению этого оружия.

Поэтому, по существу, вопрос сводится к тому, что вызвало в данное время – и именно в Англии – толчок к возрождению искусства стрельбы из лука.

Начало свое оно получило в валлийских войнах Эдуарда I (1272 – 1307 гг.), приведших к окончательному покорению Уэльса и присоединению его к Англии. Еще в описаниях предыдущих крупных решительных сражений в Англии – при Льюисе и Эвесгаме, в которых победу одержал отец Эдуарда, Генрих III со своими баронами, – нет указаний на участие в них стрелков, как их нет и в современных им

сражениях при Безевенте и Тальякоццо. Будучи еще наследным принцем, Эдуард уже принимал участие в этих сражениях, а после этого совершил крестовый поход в святую землю, в который он должно быть, ознакомился с турецкими стрелками и их значением. По не вполне достоверному преданию Эдуард был даже ранен турецкой стрелой. Вступив на престол, он взял на себя задачу покорить валлийцев, которые в своих горах, несмотря на бури сперва римской, затем англосаксонской, наконец, норманнской оккупации, сохранили свою кельтскую национальность и стародавнюю варварскую воинственность чтобы положить конец вечным пограничным войнам и мытарствам соседних графств. Немногого можно было добиться с настоящим рыцарским войском среди этих гор, лесов и ущелий. На севере валлийцы сражались по древнему обычаю, главным образом еще с помощью пики, как и германцы Тацита; на юге же, где они раньше подпали под англо-норманнское владычество и влияние, развилось искусство стрельбы из лука. Уже за два поколения до Эдуарда I политический писатель и историк Гиральд де Бари (Giraldus Cambrensis, скончавшийся приблизительно в 1220 г.) подал совет, как одолеть валлийцев. Гиральд сам был

внуком норманнского констебля в Пемброке и дочери валлийского вождя. Он гордился своим знатным происхождением и проявлял понимание боевых возможностей одной и другой стороны. Он превозносит рыцарство и рисует нам способы ведения борьбы легковооруженных уэльсцев, то бурно нападающих, то быстро и проворно скрывающихся в своих непроходимых лесах и горах. Поэтому Гиральд советует создать вспомогательные отряды из покоренных валлийских племен или их союзников, комбинируя лучников с рыцарями ("всегда следует присоединять и примешивать к отрядам рыцарей и лучников")[208].

Таким образом, при помощи комбинированных отрядов покорена была также Ирландия. Точно так же и Вильгельм Завоеватель некогда покорил англосаксов. Но то, что Гиральд рекомендует этот способ как нечто особенное и видит французский метод борьбы только у вооруженного копьем рыцаря, служит для нас новым доказательством того, что за протекший промежуток времени метод Вильгельма Завоевателя действительно пошел на убыль. В ассизе о вооружении (assize of arms) Генриха II от 1181 г. лук как оружие вообще не упоминается[209].

* * *

Необходимость ведения войны в горах заставила Эдуарда I культивировать и развивать издавна известное, но заброшенное и недостаточно широко применявшееся искусство стрельбы из лука. Первые контингенты для этого набраны были им в пограничных с Уэльсом графствах, для которых весь жизненный интерес сосредоточивался в этой для них традиционной войне и среди самих валлийцев, которые поступали на английскую службу в качестве наемников. Несмотря на широкое использование лука, с одним феодальным ополчением ничего нельзя было бы достигнуть. Правило, по которому вассалы обязаны были служить только 40 дней, в то время было общепризнанным; случалось, что иногда они служили еще меньше: требовалось всего только 3 недели службы или – по некоторым источникам – ратник обязан был служить лишь такой срок, на который ему хватало принесенного с собой провианта; он приносил с собой окорок, старался возможно скорее справиться с ним и возвращался домой[210]. Эдуард сознавал, что лишь проведенная крайним напряжением сил война приведет его действительно к цели. Нам известно, что уже издавна в норманнском государстве ленное ополчение пополнялось, а иногда даже

заменялось наемниками. В этой войне Эдуард строил свое войско почти исключительно на наемной силе, прибегая к призыву ополчения только наряду с этим или же комбинируя то и другое[211]: например, он приказывал всем держателям ленов рыцарского звания (с имущественным цензом свыше 40 фунтов) быть готовыми к призыву в ополчение на 3 недели, с тем чтобы по истечении этого срока на следующие 3 недели перейти в королевские наемники ("чтобы перейти в наше распоряжение и пробыть на нашем иждивении, когда бы ни последовало требование с нашей стороны, в продолжение 3 недель")[212].

Безвозмездная служба требовалась в собственном графстве или марке, но как только переходили через границу, начиналась выплата жалованья. При больших военных операциях, как, например, при серьезной осаде, после 3 дней обязательной безвозмездной службы пребывание в ополчении также оплачивалось и в пределах своего графства[213]. Наряду с английскими наемниками Эдуард привел еще опытных воинов из Гаскони и вел войну без перерыва даже зимой. На основании сохранившихся многочисленных документов, королевских приказов и счетов оплаты наемникам Моррис вполне выяснил и

наглядно изобразил военные методы того времени: все это сплошь и рядом вызывает в памяти войны римлян в Германии и Тевтонского ордена в Пруссии. Главной заботой Эдуарда была организация сообщений и снабжение армии. Как Германик и немецкие рыцари, он использовал с этою целью морские и речные пути и вытребовал для этого моряков из своих 5 гаваней. Подобно тому как Домициан победил хаттов, проложивших по их стране 180 км дорог (т. II, стр. 165), так и Эдуард нанял дровосеков, прорубивших просеки в валлийских лесах[214].

Хотя Эдуард и имел непосредственно позади себя свою страну и для этой войны напрягал все свои силы, все же собранные им войска едва ли были больше тех, которые мы до сих пор встречали в средние века. Когда в 1277 г. началась война, Эдуард вытребовал из Франции боевых коней свыше 100, как подчеркивается в наших источниках[215]; мы, со своей стороны, отмечаем это число как доказательство тому, что в ту эпоху 100 "dextrarii et magni equites" (боевых коней и сильных всадников) представляли уже значимую величину.

Моррис (стр. 80 и след.) устанавливает, что при Эдуарде I численность рыцарей не превышала 2 750, включая сюда всех обязанных стать

рыцарями, и если считать, что на каждого рыцаря приходилось еще по 2 конных воина, то 8 000 было самым большим числом конных воинов, имевшихся в Англии в наличности, – разумеется, призвать такое число одновременно было невозможно.

Максимальную численность пехоты в 1277 г. Моррис (стр. 132) оценивает в 15 640 человек, но в их числе было немногим больше 6 000 человек англичан и свыше 9 000 союзных уэльсцев, и эта большая армия сохранила свое единство только на короткое время.

В 1282 г., во время второй войны, численность пехоты достигла 8600 человек, из них 1 800 валлийцев. Наряду с этим общее число всадников, рыцарей и кнехтов было приблизительно 700–800[216].

Зимой эта армия вследствие потерь и дезертирства сильно растаяла. Но убыль была восполнена прибывшими из Гаскони наемниками. Когда разразилась война, от сенешаля, этого наследственного владения Эдуарда I, было вытребовано[217] не больше 12 конных и 40 пеших арбалетчиков; теперь же оттуда прибыл отряд, который Моррису (стр. 188) удалось на основании платежных листов точно исчислить 210 человек конных и 1 313 пехоты. Главным их оружием был

арбалет; добровольцы привезли с собой в бочках и корзинах 70 000 стрел. Высокая наемная плата указывает, что арбалетчиков считали привилегированными воинами[218]. Благодаря этому подкреплению Эдуард одержал окончательную победу.

В двух сравнительно больших сражениях, имевших место в уэльских войнах, по оценке Морриса (стр. 105), принимало участие всего лишь 2 000–3 000 человек[219].

Если вернуться к тому, что ранее император Фридрих II и Вильгельм Завоеватель были государями, имевшими в рядах своих войск большое число стрелков, то становится ясным, что стрелки появляются каждый раз, когда армия создается крупным военным вождем, обладающим сильной властью в центре; в ленном же ополчении стрелки отсутствуют. Полководец понимает их значение и ценит их, но он может иметь их только в том случае, если в состоянии выплачивать им жалованье (или по крайней мере обещать, как Вильгельм Завоеватель). Вассал и одиночный рыцарь не обучают и не любят стрелков в своей свите, – не потому, чтобы они не умели ценить технику этого рода войск и не понимали бы ее значения в войне, а вследствие известного нам противоречия между понятием феодала-рыцаря и

использованием стрелков, так как последние связаны с высшим командованием, выплачивающим жалованье, что противоречит сущности рыцарства.

Почему Эдуард, в конце концов, избрал лук оружием своих стрелков, в то время как арбалет тогда уже пользовался большим почетом и широко применялся и им, – об этом прямых данных у нас не имеется. Французский исследователь Люс (Luce) в своем труде "Bertrand du Guesclin" (стр. 160) полагает, что достаточно бросить взгляд на находящиеся в наших музеях арбалеты XIV в., "si massive et d'un maniement si complicй" (столь массивные и столь замысловатые), чтобы понять, что на войне их не могли с успехом применять против английских луков; это утверждение кажется мне не вполне обоснованным. Арбалет оттеснил лук на второй план и, несмотря на английские победы, надолго сохранил свое значение наравне с ним; если преимуществом одного из этих предметов вооружения была простота обращения с ним, то другой (арбалет) имел гораздо большую пробивную силу. Речь вдет здесь, стало быть, не просто о превосходстве одного оружия над другим, а о различных их плюсах и минусах, которые одни другими не уравновешиваются.

Одновременное существование лука и арбалета весьма метко сравнивается с конкуренцией в первой половине XIX в. гладкоствольного ружья с нарезным ружьем: зарядить гладкоствольное ружье и выстрелить из него можно было быстрее, но меткость его была меньше; нарезное ружье заряжалось с трудом, но стреляло более метко. Только лишь изобретение огнестрельного оружия, заряжающегося с казенной части, соединявшего в себе преимущества быстроты заряжания с меткостью, разрешило дилемму, оставшуюся неразрешенной в отношении лука и арбалета[220].

Жювеналь де Юрсен (Juvйnal des Ursins) говорит о герцоге Иоанне Брабант" ком в 1414 г.: "У него было 4 000 арбалетчиков, из которых каждый снабжен был 2 арбалетами и имел 2 сильных оруженосцев; один из них держал большой щит, а другой натягивал арбалет, так что один из двух арбалетов всегда был заряжен".

Я полагаю, что основная причина, по которой Эдуард I культивировал стрельбу из лука, тогда как уже его предшественник Ричард Львиное Сердце предпочитал арбалет, заключается в том, что этот воевал с рыцарями, а тот – с валлийцами, имевшими лишь незначительное оборонительное вооружение. Но когда в этих и в следующих за

ними шотландских войнах лук блестяще оправдал себя, то английские короли, как мы увидим ниже, сохранили его и во французских войнах и нашли способ использовать его наивыгоднейшим образом.

С помощью многочисленных и способных лучников, которые поддерживали рыцарей, а также благодаря энергичной администрации, дававшей возможность вести беспрерывную войну, и, наконец, благодаря упорядоченному снабжению, Эдуарду в течение нескольких лет удалось добиться окончательного покорения горцев Уэльса. Созданная здесь вооруженная сила помогла ему в победе над шотландцами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФАЛЬКИРКЕ
22 июля 1298 г.

Шотландцы под начальством Вильгельма Уоллэса заняли позицию, защищенную с фронта болотами. Они составляли 4 больших отряда копейщиков, между которыми распределены были стрелки и позади которых находилось небольшое число всадников.

Эдуард выступил против них с очень сильным войском, главным образом рыцарями и стрелками. Часть шотландцев была также на его стороне. Болота перед фронтом не защитили шотландцев,

так как англичане обошли их справа и слева. Под натиском превосходных сил шотландские стрелки тотчас рассеялись, а всадники отступили, не пытаясь вступить в бой. Тогда рыцари обрушились на колонны копейщиков, но не могли проникнуть через густой лес выставленных против них копий. Эдуард отвел рыцарей назад и приказал своим стрелкам открыть стрельбу по сомкнутым колоннам шотландцев; их поддерживали копейщики, которые подбирали полевые камни и метали их в беспомощную массу. Вскоре рыцари прорвали их отряды, ослабевшие настолько, что не в состоянии были оказывать никакого сопротивления, после чего началась повальная резня.

По наименьшим данным шотландцы имели 30 000 пехоты и 1 000 конных. Главный источник, вообще рассудительный и надежный, гисбурнский каноник Вальтер Геммингфорд определяет численность пехоты в 300 000 человек. Оман склонен допустить эту численность в 30 000 человек; мне же и это число кажется еще очень преувеличенным, хотя мы имеем основание предполагать, что большие отряды копейщиков состояли главным образом из крестьянского ополчения (ландштурма).

Утверждение Келера, что копейщики

привязаны были один к другому, основывается на неправильном переводе следующей фразы:

Scotos lancearios,qui sedebant in circulis cum lanceis obligatis et in modum silvae condensis (...шотландских копейщиков, которые сидели в соборе с сомкнутыми копьями, частыми, как лес). "Obligatis" значит только с "соединенными", "тесно державшимися друг возле друга" копьями.

Моррис[221] сводит английскую конницу к 2 400 человек вместо 7 000, которые дает одна хроника; конница эта состояла из отрядов 8 графов и одного епископа и разного рода наемников, главным образом гасконцев и валлийцев, как раз именно тех, которые недавно покорены были Эдуардом и теперь сражались у него на службе.

Мнение Келера, будто такая комбинация пехоты и конницы, как в данном случае в английском войске, до того в военной истории никогда не встречалась, скорее может быть заменено обратным: это – нормальное соотношение для аристократического войска, каковым было персидское в войне против греков, и того, которое мы наблюдаем, начиная с Великого переселения народов на протяжении всего средневековья. Значение стрелков оказалось столь велико, во-первых, потому, что у Эдуарда этот род войск был очень широко представлен, а

во-вторых, потому, что 4 больших отряда шотландских копейщиков при занятой ими чисто оборонительной позиции представляли исключительно удобную мишень для стрелков. Построение шотландских отрядов, в конце концов, есть не что иное, как построение англосаксов Гарольда при Гастингсе, которые равным образом были побеждены стрелками и рыцарями Вильгельма. Разница в том, что шотландцы все же имели незначительное число конницы, но эта разница отпадает, так как конница немедленно обращается в бегство. Дальнейшее различие заключается в том, что войско Гарольда построено было одной сомкнутой неглубокой массой, шотландцы же были разделены на 4 глубоких колонны. Эту разницу можно объяснить себе наличием рыцарей, которые должны были иметь возможность проскакать между отрядами, и, возможно, также наличием большего числа стрелков, которых нельзя было расположить перед одной единственной фалангой; наконец – разницей в квалификации копейщиков. Солдаты Гарольда были профессиональные воины, шотландцы же, по крайней мере в большинстве своем, являлись ландштурмом. Последний должен иметь глубокие построения, чтобы обладать достаточной

устойчивостью; что касается профессиональных воинов, то они могут быть в более тонких построениях, чтобы дать возможность вступить в бой отдельным бойцам. Многие из них сражались не копьем, а более сильным оружием – секирой. Шотландские колонны глубокого построения сохраняли чисто оборонительное положение, держа копья наперевес по всем направлениям.

Таким образом, характерную особенность сражению при Фалькирке придали в гораздо большей степени шотландцы, нежели англичане: другой такой большой массы пехоты, которая при виде рыцарей тотчас же не рассеялась бы во все стороны, в средние века нигде, кроме данного случая, не встречается. В меньшем масштабе еще чаще имело место такое явление: сплоченный отряд пехоты, который может выдержать натиск рыцарей, бывал побежден стрелками, – например, при Бутане в 1214 г., при Кортенуова в 1237 г.

Я приведу еще несколько выдержек из книги Морриса, касающихся финансов и численности войска: в 1283 г., после 9 месяцев войны, денежные средства короля иссякли. По дошедшим до нас счетам, война, включая постройку крепостей, в итоге стоила почти 100 000 фунтов стерлингов (98 421 фунт стерлингов). Она продолжалась 15 месяцев.

В том же году король, по дошедшему до нас счету, должен был возместить стоимость утраченных и

поврежденных на его службе 200 щитов, 140 древков копий и 120 наконечников копий (стр. 83).

Эдуард неоднократно пытался получить эти деньги посредством займов. Об этом см. W. E. Rhodes, Die italienischen Bankiers in England und die Anleihen Eduards I u. II in Historic. Essays by the Members of the Owen College Manchester, ed. by Tout and Tait, 1902.

В 1295 г. Эдуард в нескольких графствах призвал к оружию 25000 пехоты, лучников и арбалетчиков. Винчельсийским указом он назначил своему войску открытый смотр.

Моррис (стр. 97 и след.) доказывает, что вряд ли Эдуард был таким сангвиником, чтобы верить, что таким указом можно создать армию. Вероятно, он надеялся, что, если он призовет такие крупные массы, явятся по крайней мере боеспособные, из которых можно будет составить пригодный для войны корпус. Однако, и эта надежда почти не оправдалась. Те, кто пришел, скоро дезертировали. Это была настоящая гвардия из Фальстафов, В затруднительном положении пришлось брать на службу и преступников.

Хемингбург оценивает силы графа Сэррея, выигравшего сражение при Дэнбаре в 1296 г., в 1 000 конницы и в 10 000 пехоты, в то время как силы самого Эдуарда при Бервике были еще больше. Моррис (стр. 274) считает, что войско в целом имело такую численность, какую Хемингбург приписывает армии Сэррея.

Моррис (стр. 286) утверждает, что самой крупной армией, упоминающейся в ту эпоху, была армия, призванная против шотландцев весною 1298 г. В ней насчитывалось 28 500 пехоты и 750 конницы. Но эта

армия продержалась очень недолго. Из них 7 000 было тотчас же отправлено обратно, а оставшаяся часть быстро растаяла; вероятнее всего она частично состояла из ландштурмистов. Эдуард отказался от мысли выступить с ними, отпустил их домой и летом сформировал новую армию, с которой он и выиграл сражение при Фалькирке.

Состояние пехоты во время похода в 1300 г. Моррис характеризует таблицей.

Табл. 2

"Из этой таблицы видно, – говорит Моррис, – что графства, опоздав на одну неделю, дали меньше чем одну четверть первоначально требуемого призыва, и, в конце концов, меньше половины".

ГЛАВА IX

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ, СРАЖЕНИЯ И БОИ

В дальнейшем я даю обзор как тех сражений и сообщений о них или стратегических положений, которые казались мне особо подходящими – непосредственно и с точки зрения критики источников – для подтверждения изложенных в предыдущих главах взглядов, так и тех, которые, не представляя интереса сами по себе, требуют разбора, так как в противном случае смогут дать повод к недоразумениям и неправильным выводам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТЕНГИБРЭ 28 сентября 1106 г.

Об этом сражении между королем Генрихом I Английским и его братом Робертом Норманнским следует упомянуть потому, что неправильное толкование источников породило взгляд, будто бы на обеих сторонах рыцари перед сражением спешились. Для той эпохи это было бы таким исключительным явлением, что заслуживало бы величайшего внимания. Но обстоятельное специальное исследование Друммонда[222] не оставило никакого сомнения, что речь идет не о чем ином, как о вполне нормальном сражении XII в. Король Генрих имел при себе также и пехоту, так как осаждал крепость, Роберт же подступил к ней для снятия осады. Эту пехоту он не пустил прямо в бой, но держал ее в резерве позади

рыцарей, очевидно, для того, чтобы в случае бегства рыцарей создать для них опору и ядро с целью сплотиться вновь. Чтобы придать пешим кнехтам большую устойчивость, король, спешившись, остался с ними вместе со своей свитой. Но благодаря своему численному превосходству его рыцари одержали победу и без этой помощи.

Prima, secunda, tertia acies рыцарей, согласно изложенному выше, не должны быть истолкованы непременно в смысле трех боевых линий одна за другой.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БРЕМЮЛЕ
20 августа 1119 г.

В этом сражении мы также слышим о спешившихся рыцарях на стороне Генриха Английского, который, благодаря прочной сомкнутости этого отряда, одержал победу над Людовиком VI Французским. Друммонд, пытавшийся внести осмысленность в предание, в конце концов, должен заявить, что источники, как это могло бы показаться, не дают нам картины событий, разъясняющих значительно более позднюю стадию развития, но возможно, что мы имеем здесь дело с чистой фантазией. Из 900 человек, участвовавших в сражении: 500 – на стороне Генриха и 400 – на стороне Людовика, – пали только трое; 140 французов были взяты в плен англонорманнами, так как рыцари обоюдно щадили друг друга (ср. выше).

СРАЖЕНИЕ ПРИ БУРГТЕРУЛЬДЕ
26 марта 1124 г.

Бой завязался, когда королевские войска заградили мятежным рыцарям проход в тесном ущелье, который они тщетно пытались взять приступом; их лошади были убиты стрелами защищавших ущелье, и 80 попали в плен, но ни один рыцарь не был убит.

Для защиты ущелья королевские рыцари, естественно, спешились. Достойно внимания и с точки зрения критики источников, что Ордерик Виталис считает, будто бы целью спешивания было сделать невозможным бегство и поддержать мужество воинов[223].

СРАЖЕНИЕ ПОД СВЯЩЕННЫМИ ЗНАМЕНАМИ ПРИ НОРТАЛЛЕРТОНЕ
22 августа 1138 г.

Король Давид Шотландский вторгся в Англию, призвав для этого как англосаксонских вассалов равнин, так и варваров-кельтов с гор. На борьбу с их дикими опустошениями, резней и поджогами призван был ландштурм бывших под угрозой графств.

Престарелый архиепископ Йоркский заставил носить себя на носилках по рядам, чтобы воодушевить призванных и внушить им мужество. Было приготовлено карроччио, на котором водрузили вместе хоругви Св. Петра Йоркского, св. Иоанна Беверлейского и св. Вильфрида Риппонского. На верхушке древка была укреплена серебряная чаша со священными дарами. Все постились, исповедались,

получили отпущение грехов, причастились и поклялись взаимно поддерживать друг друга. Заняли позицию на холме у Норталлертона, к северу от Йорка, чтобы ожидать атаки врага, и рыцари спешились и построились первой линией фаланги ландштурма. Стефан, король английский, сам не прибыл, но послал рыцарей для подкрепления. Многочисленные стрелки были в общей массе фаланги; вначале может быть одна часть их стояла впереди, а затем они стянулись позади рыцарей, чтобы оттуда стрелять промеж них или поверх голов[224].

Об этих событиях сохранилось 4 сообщения, достаточно близких хронологически и хорошо согласующихся между собой. Одно из них принадлежит перу Ричарда, приора аббатства Хексхэм, на шотландской границе, и относится ко времени до 1154 г., второе – аббату Аэльреду Риевосскому (умер в 1166 г.), в молодости жившему при дворе Давида Шотландского, а во время этой войны очень близко к полю сражения.

Сражение, по-видимому, протекало следующим образом. После того как бурное нападение гаэлов и атака отряда рыцарей под командой принца Генриха Шотландского были отбиты, остатки шотландской армии отступили, отказавшись от контратаки.

Возможно также, что принц Генрих с некоторыми рыцарями пробился сквозь левое крыло английской фаланги, но был слишком слаб для атаки с тыла. Это сражение в английских народных преданиях окружено большой славой и разукрашено сагами и преувеличениями. По этим преданиям, шотландцы,

якобы, имели большой численный перевес, и 10 000 или 11 000 из них пало на поле сражения. Можно допустить, что в действительности численное превосходство сил имели англичане, ибо ландштурм, поскольку вообще удается его созвать, всегда бывает многочисленным. Недостаток же его кроется в незначительной военной квалификации в потому на самом деле в высшей степени интересно, каким образом духовное красноречие, церковные и другие средства, – как карроччио и примешивание рыцарей к общей массе войска, в котором они образовали первую шеренгу, – действительно придало войску такую стойкость; впрочем стойкость только в такой мере, что оно выдержало в отбило неприятельскую атаку: аналогия с Леньяно, во не с афинским ополчением в Марафонской битве, которое само бегом перешло к атаке.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛИНКОЛЬНЕ
2 февраля 1141 г.

Это сражение замечательно тем, что с обеих сторон сражалась опять-таки пехота, – с одной – горожане, с другой – крестьяне, – моральная опора для которой дана была спешившимися рыцарями. Вероятно, вследствие измены оно окончилось не в пользу короля Стефана, который сам спешился вместе с рыцарями и был взят в плен взбунтовавшимися баронами[225].

БОИ И СТЫЧКИ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

подверглись тщательному методическому исследованию в диссертации Отто Геермана (Otto Heermann, Die Gefechtsfьhrung abendlДndischer Heere ira Orient in der Epoche des ersten Kreuzzuges, Marburg, 1887). Поэтому я имею возможность не касаться многих частностей, отсылая читателя к этому ценному труду, хотя он в такой же мере, как работа Дитриха о ломбардских войнах, исходя из ложных по существу предпосылок, дает принципиально неверное построение. Геерман говорит о пехоте и кавалерии, полках, эскадронах и офицерах у крестоносцев, игнорируя, таким образом, основы военного дела эпохи, коренную разницу между рыцарской военной организацией и современными дисциплинированными армиями. Речь идет здесь не о том, что Геерман применяет современные обозначения там, где лучше было бы избегать их, и не в том, что он этим современным понятиям придает более широкое толкование, чем общепринятое, – суть дела здесь в абсолютном противоречии с эпохой, которым проникнуто каждое положение интерпретации источников. Все искусно построенные боевые линии и маневры, о которых Геерман, исходя из своих предпосылок о характере войсковых частей, вычитал в источниках – и до некоторой степени действительно имел к тому основания, должны быть просто-напросто зачеркнуты, так как именно его предпосылки неправильны в основе: рыцари представляют собой не "кавалерию", а, несмотря на внешнее сходство, нечто совершенно от нее отличное.

Правда, это выявляется не в описаниях отдельных сражений, а лишь из всей эволюции военного дела от падения Римской империи до нового времени.

Но если вычеркнуть из груда Геермана все эти ложные картины, понятия, представления и выводы, то все же остается еше весьма пенный материал для использования. Присоединяясь к Геерману, я выделяю моменты, которые имеют значение для наших целей.

Как особенно верное я отмечаю замечание Геермана (стр. 105), что сражения были очень кратки; суммарная их характеристика находится в некотором противоречии с этим и, разумеется, ошибочна (стр. 121):

"Резкие колебания успехов борьбы, рассеивание некоторых колонн или шеренг, полное или частичное окружение всей армии и затем освободительный удар резерва с главнокомандующим во главе в точку наибольшего натиска неприятеля а конечная победа – это главные повторяющиеся характерные черты большинства сражений".

В особенности автора заводит на ложный путь мнение о большом численном превосходстве турок, – пункт, в котором мы не имеем основания доверять христианским писателям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДОРИЛЭЕ
1 июля 1097 г.

Крестоносное войско подвергается атаке на марше. Рыцари, опрокинутые превосходными силами турок и преследуемые стрелами конных лучников, спасаются бегством по направлению к разбитому в отдалении лагерю пехоты. Пехота служит рыцарям прикрытием,

рыцари в бегстве топчут медлительную пехоту, и, в свою очередь, густой лес секир пехотинцев то препятствует бегству, то останавливает его.[226] Таким образом, мы должны себе представить, что турки сильно теснят пехоту и рыцарей, сбившихся в одну кучу. Рыцари ведут оборону, делая вылазки: "и уже не было у нас никакой надежды на спасение... тогда рыцари наши... как могли, оказывали им сопротивление и часто старались наступать на них, хотя и сами испытывали сильный натиск со стороны турок" (Фульхерий).

Христиан, наконец, выручает подоспевшая им на помощь другая половина войска, шедшая по другой дороге в расстоянии 2 миль. При приближении этих рыцарей турки обращаются в бегство.

СРАЖЕНИЕ НА АНТИОХИЙСКОМ ОЗЕРЕ 9 февраля 1098 г.

Христиане осаждают Антиохию; подходит войско, чтобы снять осаду. Принимается решение, чтобы отряд рыцарей, насчитывавший всего лишь 700 всадников, выступил им навстречу, а пехота осталась бы для обороны лагеря[227].

Небольшого рыцарского войска было достаточно, чтобы сильным ударом отбросить противника.

Геерман делает ударение на том, что христиане развернулись по всей, тогда вероятно узкой, равнине, и тем самым воспрепятствовали численно превосходившим их сельджукам (Раймунд оценивает их в 28 000 конных!) обойти их. В то же время говорится о построении христиан тремя боевыми линиями. Но это при численности только в 700

человек является противоречием, и уже Келер, III, 3, 159, отметил, что в лучших источниках нет указаний на боевые линии и что только одновременная атака пяти колонн (Боемунд остался с шестой в резерве) могла привести к успеху.

СРАЖЕНИЕ У АНТИОХИЙСКИХ КРЕПОСТНЫХ ВОРОТ в первых числах марта 1098 г.

Стычка при вылазке христиан, запертых в только что занятом ими городе. При этом заслуживает внимания эпизод об участии пехоты. Раймунд рассказывает, что один провансальский рыцарь, Изуард де Гаджиа, воодушевил к бою отряд пехоты в 150 человек и, после того как они, преклонив колени, помолились богу, повел их в бой с возгласом "эйа, воины христовы!". Такая же картина могла быть и в других отрядах.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ ПОД АНТИОХИЕЙ 28 июня 1098 г.

Хотя мы и располагаем большим числом сообщений очевидцев этого сражения, но все же решающие моменты остаются настолько слабо освещенными, что дают мало поучительного с военной точки зрения.

Христиане едва успели взять город за исключением цитадели, как для снятия осады к нему подошла большая армия под предводительством эмира Моссульского Кербога. Вместо того чтобы дать ему сражение в открытом поле, христиане дают ему возможность запереть себя в Антиохии, терпят

жестокий голод и в крайнем отчаянии собираются с последними силами, чтобы дать сражение, в котором победа достается им без особых усилий. Святое копье, найденное под алтарем одним монахом по указанию о том во сне, преисполнило сердца воинов уверенностью в победе. Это событие можно считать проявлением особого свойства рыцарского войска: оно не просто следует команде как дисциплинированная армия, но сражается только при наличии соответствующего настроения у каждого бойца в отдельности. Но если история со святым копьем в высшей степени характерна для рыцарского войска вообще, то она, может быть, все же недостаточна для объяснения связи событий, так как мы узнаем, что на другой стороне, в войске Кербоги, имели место раздоры, недоверие и предательство; отсюда возможно, что именно в этом следует искать решающий мотив победы после такого большого промедления.

По обычному толкованию источников у Зибеля, Куглера, Геермана, Омана, Келера (III, 2, 170) перестроение христиан происходит следующим образом: они переходят через мост на Оронте, становятся так, что мост оказывается у них не в тылу, а с фланга, и затем одно отделение за другим перестраивается слева направо (по Зибелю справа налево).

Мне кажется это совершенно невероятным или, во всяком случае, непонятным. Как мог Кербога, стоявший со своим войском в непосредственной близости от моста, допустить, чтобы христиане у него на глазах совершали такое перестроение? То, что он вначале не препятствовал прохождению через мост,

было вполне правильно и естественно, но зачем он пропустил через мост все войско, вместо того, чтобы в тот момент, когда почти половина войска была занята переходом и трудным перестроением на фланге, направить на него свою конницу? Ведь он мог осилить их, оттеснить назад, на мост и здесь, когда произошло бы замешательство, уничтожить их. Если Кербога мог по какой-либо причине упустить эту возможность, то как могли христиане решиться подвергнуть себя такой опасности?

Распределение по родам войск было обычным: пехота – главным образом лучники – впереди, за нею конные (число которых опять увеличилось благодаря захваченным в городе в качестве военной добычи лошадям), которые затем, прорываясь вперед, решают исход сражения.

Численности, последовательности, взаимному положению различных отрядов нельзя придавать существенного значения, как это делает Геерман, и менее всего можно говорить, что 8 acies, которые были образованы, построены были в 4 эшелона. Все они двигалась один рядом с другим, и атака началась поэшелонно, начиная с отрядов, стоявших ближе всего к реке, но дальнейшего значения это не имело.

Фронт простирался от Оронта до горного хребта на 2 miliaria, т.е. минимум 2 000, а может быть 4 000 шагов в длину. Следовательно, отдельные боевые отряды или с самого начала вытянулись в линию глубиною в несколько шеренг, – так как христиане наверное имели самое большее 2 000 всадников, – или же они поставлены были на большом расстоянии один от другого.

Один источник (Раймунд) сообщает, что они

стояли на таком же удалении друг от друга, как клирики в церковных процессиях[228]. Келер относит это к расстоянию между отдельными отрядами, Геерман – к расстоянию между отдельными рыцарями; и это последнее объяснение кажется мне наиболее правильным.

Пехота, как сообщается с разных сторон, выступала впереди рыцарей; тем не менее мы находим, что во время сражения пехота была атакована турками позади рыцарей. Геерман (стр. 121 и 122) делает отсюда, пожалуй, правильный вывод, что пехота, пройдя сквозь строй рыцарей, собралась в тылу у них. Но он неправ, утверждая, что затем лучники через головы конницы осыпали неприятеля градом стрел: это было бы слишком опасно для своих всадников и их лошадей.

Интересен эпизод, о котором рассказывает также Раймунд, как один отряд этой именно пехоты, атакованный турками с тыла, образует тесный крут и удерживается на месте; "пехотинцы, образовав круг, мужественно выдержали натиск врагов".

СРАЖЕНИЕ ПРИ АСКАЛОНЕ
12 августа 1099 г.

Крестоносцы должны были после взятия Иерусалима выступить против египетского войска, высадившегося у Аскалона.

Для того чтобы быть готовым встретить внезапное нападение со всех сторон, войско, разделенное в общем на 9 колонн, двигалось 3 колоннами – одна около другой. Геерман, так же как и Дельпеш, рисует эти колонны как линейные построения, но двигаться

таким образом на походе было бы не только очень трудно, но при этом и фланги были бы гораздо слабее, чем фронт, чего, очевидно, хотели избежать. Поэтому мы должны представлять себе отдельные колонны приблизительно сходными с пилленрейтскими. Так как войско, по самому достоверному источнику (Раймунд), насчитывало 1 200 конных, то, в среднем, в каждой колонне было 133. Когда началось сражение, то задние колонны развернулись возле передних; Gesta прямо сообщают, что вожди стояли друг возле друга. Мусульмане, не приняв атаки, немедленно обратились в бегство[229]. Геерман, трижды усмотревший в этом построении 3 колоннами не простой походный порядок, а боевой порядок в 3 линии, заключает отсюда, что эти 3 линии были, будто бы, расположены не одна за другой, а уступами (вторая впереди, первая – справа, третья – слева). Так могло быть и на самом деле; тогда не следует называть это "линиями", но можно видеть в этом не вполне законченное развертывание. Келер (стр. 178) также отвергает мнение Геермана, но его собственный взгляд остается неясным – по-видимому, вследствие описки (в прим. 6-м вначале сказано, что acies стояли одна за другой, в конце – они стояли одна около другой). По Келеру (III, 3, 339) линейный боевой порядок и метод боя не могли найти себе применения во время крестовых походов на востоке из-за пехоты.

Наряду с 1 200 чел. конницы, по Раймунду, крестоносцы имели 9 000 чел. пехоты. Эта пехота состояла из стрелков и копейщиков[230] и шла впереди всадников, которые скакали в атаку через ее ряды.

Трудно представить себе, каким образом всадники могли пробираться сквозь такую массу пехоты;

равным образом мало вероятно, что при таком численном соотношении конница все же оказывалась единственным решающим родом войск. Указанная численность пехоты, по всей вероятности, значительно преувеличена. Правда, письмо крестоносцев-князей к папе исчисляет христианское войско в 5 000 конных и 15 000 пехоты. Но так как то же письмо исчисляет войско паря Вавилонского (как оно называет египетского султана) в 100 000 конных и 400 000 пеших, и так как никоим образом нельзя себе представить, откуда крестоносцы, располагавшие в бою при Антиохии всего только 100 лошадьми, могли добыть 5 000 боевых коней, – то мы, во всяком случае, должны предпочесть данные Раймунда (урезая и его в части пехоты), который сам участвовал в сражении, держа святое копье, и рассматривать данное письмо князей как доказательство того, что не всегда можно полагаться на цифры даже официальных документов[231].

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
7 сентября 1101 г.

Геерман (стр. 58) пытается найти в источниках указания на искусственное линейное построение уступами, хотя войско христиан под начальством короля Балдуина насчитывало лишь 260 рыцарей и 900 пехотинцев, из коих последние, оставаясь в тылу, фактически не участвовали в бою. Так как говорится об "anteriores a;ies, о победе "in capite", поражении "in cauda", то источники как будто действительно подтверждают это. Тем не менее такое истолкование их справедливо отклоняется и опровергается Келером,

который в других случаях отстаивает линейное построение (т. III, ч. 2, стр. 186).

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
в мае 1102 г.

Король Балдуин атаковал превосходящую его силами египетскую армию с помощью одних только рыцарей и потерпел поражение. Фульхерий упрекает его за то, что он повел свой отряд в атаку, не построив его в боевой порядок и не дождавшись своей пехоты. Из того, что в 1098 г. у Антиохийского озера победили одни рыцари, Геерман, отклоняя заходящие значительно дальше конструкции Дельпеша (стр. 124 и 66), заключает, что значение "пехоты" с тех пор все же возросло: заключение недопустимое, ибо тот или иной исход мог зависеть от того, что противник во втором случае был многочисленнее или вообще сильнее.

Из порицания по адресу потерпевшего поражение полководца, обычного у писателей, вообще можно заключать об очень немногом.

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
27 августа 1105 г.

И здесь Геерман стремится вычитать в источниках подтверждение своему взгляду, что войска построены были уступами в линии. Но сам признает, что невозможно привести доказательство, которое имело бы безусловный характер.

СРАЖЕНИЕ ПРИ САРМИНЕ
14 сентября 1115 г.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АТАРЕБЕ (БЕЛАТЕ)
28 июня 1119 г.

В обоих сражениях Геерман устанавливает, а Келер подтверждает, что атака велась уступами. Ценным источником является для нас сообщение канцлера Роджера Антиохийского. В нем имеется также документальное свидетельство, что понятие "завязка боя" не предполагает того, что части войска стояли одна за другой (см. стр. 160).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ХАБЕ
13 августа 1119 г.

Христианское войско, как при Аскалоне, двигалось трижды тремя колоннами и было атаковано одновременно с разных сторон. При этом несколько колонн были разбиты и рассеяны. Тем не менее, в конце концов, христиане приписали победу себе. Их войско состояло из 700 человек конницы и нескольких тысяч пехоты.

То обстоятельство, что крестоносцы выступали 9 колоннами – 3 рядами по 3 колонны, объясняется тем, что им необходимо было иметь возможность обратиться фронтом по всем направлениям. Геерман обрисовывает эти колонны как линейное построение. Это представляется невозможным ввиду соображений, изложенных на стр. 230–231.

Отдельные колонны, силу которых при Аскалоне Геерман исчисляет в 133, а при Хабе менее чем в 100 конных (не считая пехоты), должно быть имели

построение, сходное с Пилленрейтскими колоннами. Такого взгляда придерживается и Келер (III, 2, 211).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАЗАРТЕ
в 1125 г.

Геерман в своем наброске (кроки) помещает пехоту позади рыцарей. Оснований для этого усмотреть нельзя. К тому же в тексте (стр. 98) указывается, что к тому моменту, когда рыцари начали вступать в атаку, пехота была уже в бою.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЕРДЖИ-СЕФЕР
в 1126 г.

Вильгельм Тирский сообщает, что пехотинцы прикалывали мечами упавших с лошадей раненых врагов, преграждали дорогу бежавшим, а павшим с лошадей товарищам помогали подняться.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ХИТТИНЕ
4 июля 1187 г.

Более подробное изложение у Гро (Groh, Der Zusammenbruch des Reiches Jerusalem, Berl. Dissert., 1909).

Подтверждение моей точки зрения об отношении рыцарей к пехоте и пехоты к оруженосцам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АККОНЕ
4 октября 1189 г.

Лучники и арбалетчики шли впереди рыцарей.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АРЗУФЕ
7 сентября 1191 г.

в котором Ричард Львиное Сердце на марше вдоль моря от Аккона в Яффу подвергся нападению со стороны Саладина и одержал блестящую победу, подробно разобрано Келером (III, 3, 234) и Оманом (стр. 305). Келер основывается, главным образом, на сообщении Бенедикта Петерборугского; Оман доказывает, что это сообщение, если принять во внимание топографические условия поля сражения, находится в резком разногласии с 3 ближайшими по времени свидетельствами: Итинерарием короля Ричарда, его письмом к аббату Клервосскому и Боаэддином, историографом Саладина, что аннулирует значение упомянутого сообщения как источника.

Поэтому изложение Келера не выдерживает критики. Прежде всего следует отклонить исчисление сил крестоносцев в 100 000 человек. Его мнение, что именно это сражение служит лучшим доказательством правильности его основного взгляда на средневековую тактику, казалось бы мне необоснованный даже в том случае, если бы его изложение (этого сражения) было неоспоримо.

БОЙ ПРИ ЯФФЕ
5 августа 1192 г.

Ричард Львиное Сердце подвергся нападению со стороны, примерно, 7 000 мамелюков и курдов, в то время как он сам имел 55 рыцарей, из коих только 15 конных, и 2 000 пехоты – преимущественно генуэзских и пизанских арбалетчиков из флота. Он

образовал линию из копейщиков, которые опустились на землю на одно колено и направили копья в грудь лошадям. За ними стояли арбалетчики, направленные в интервалы между копейщиками и получившие приказ стрелять беспрерывно, между тем как второй, стоявший за ними воин, натягивал, заряжал и подавал оружие. Итак, стрелы сыпались градом без перерыва. Мусульмане надвигались отряд за отрядом, но не решались атаковать. Стрелами, посылаемыми ими на скаку, они не добились ничего, сами же понесли значительный урон. В конце концов, Ричард со своими рыцарями атаковал их, с сялой ворвался в их ряды и лично отбил графа Лейчестера и Ральфа Молеона, которые были окружены и подвергались опасности попасть в плен. Так сражение продолжалось часами; наконец, турки отступили, оставив на поле сражения 700 человек и 1 500 лошадей, между тем как крестоносцы потеряли только 2 человек[232].

"Так хорошо были они обеспечены своим боевым порядком", – заканчивает Оман передачу документального свидетельства. Присоединиться к такому заключению я не могу. Если бы было возможно отбить выдающегося своей храбростью, обладающего превосходными силами противника при помощи такого простого средства, то его применяли бы чаще. Сообщения о потерях турок показывают нам, что мы должны учитывать здесь очень густо нанесенные краски.

Одна линия копейщиков, даже с двойной линией арбалетчиков позади, есть далеко не достаточное препятствие, чтобы отпугнуть крепкую, хорошо

вооруженную массу конницы, а воины Саладина отличались столь же храбростью, сколь и хорошим вооружением. Если бы цифра 7 000 турок была хотя приблизительно верна, то этот рассказ все же доказывал бы не непоколебимость боевого порядка Ричарда, а лишь то, что в этот день атака велась неверными очень вяло. Видимо, у атаковавших был только небольшой отряд, главным образом из легковооруженных всадников, которые, очевидно, несколько раз испытывали, не поддадутся ли христиане испугу и панике при их наскоке, но не отваживались на настоящую атаку.

Наряду с Итинерарием, использованным Оманом, существует еще сообщение очевидца Ральфа Коггехальского (изд. S. Stevenson, Rolls series, стр. 45). По этому сообщению король имел 80 рыцарей и только б лошадей и 1 мула.

"Соратников своих... в тесном и сомкнутом строю расположил, каждого плотно поместил к боку другого, чтобы не дать врагам возможности во время самой стычки вонзиться своим клином в пустой промежуток. Немного дров, которые находились там же для постройки шатров, велел положить у ног отдельных воинов как бы в качестве бруствера".

В конце концов, Ричард делает вылазку, все время имея впереди стрелков, и побеждает с потерей только одного рыцаря.

ПЕХОТА В КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Келер (III, 3, 209), так же как и Геерман, придерживается того мнения, что во время крестовых походов в школе войны сама собой создалась хорошая

пехота. Это, будто бы, можно заметить уже в сражениях при Антиохии и при Аскалоне, после того как при Дорилэе пехота выказала себя еще очень слабой. На Западе в то время, по мнению этих авторов, вообще не существовало боеспособной пехоты. Стимул образования пехоты следует искать в необходимости создать для конницы защиту от турецких лучников. В этом рассуждении упускается из виду связь исторических событий.

Ничем не доказано, что пехота, сражавшаяся при Дорилэе, ничего не стоила. Были ли это конники, лишившиеся своих лошадей, или же они с самого начала были стрелками и копейщиками, – во всяком случае мы имеем основание и должны предполагать, что сеньоры, на службе которых они состояли, выбрали себе для похода боеспособных воинов, а на Западе повсюду представлялась достаточная возможность пройти хорошую школу войны[233]. Развитие сражения потребовало, чтобы Боэмунд с рыцарями прежде всего произвел удар с фронта. Возможно, что для этого он вовсе не брал с собой пехотинцев, но утверждать этого нельзя, так как Фульхерий при рассказе об этом сражении подчеркивает, что турецкое войско состояло исключительно из конницы, а христианское – из обоих родов войск – пехоты и конницы.

Рыцари – при поддержке ли пехоты или без нее – были разбиты и отхлынули назад, но в бегстве были остановлены протянутыми копьями всей пехоты (Радульф). Вся масса затем стойко держалась, и рыцари отсюда производили вылазки и удары с франта.

Больших услуг в неудачных сражениях копейщики

не оказывали и в позднейшие времена. Только начиная со швейцарцев и гусситов, дело меняется.

То, что ни в одном из наших источников не упоминается о стрелковом оружии у христианской пехоты, следует приписать только случайности: это объясняется, вероятно, стремлением возможно более выразительно передать безвыходное положение войска Боэмунда, со всех сторон тесненного турецкими конными стрелками.

Если бы упомянули о христианских лучниках, которые стрелами отразили неприятеля, то опасность не казалась бы такой страшной, а избавление Боэмунда Готфридом и другими рыцарями – столь чудесным. Но так как нам известно, как хорошо норманны умели пользоваться луком, и так как стрелки упоминаются в позднейших сражениях крестоносцев, то вряд ли при Дорилэе они совершенно отсутствовали.

Наконец, мнение Келера, что крестоносцы вынуждены были сформировать пехоту, чтобы создать для своей конницы прикрытие от турецких лучников, полностью игнорирует природу средневековых родов войск. Единственно возможная для рыцаря с холодным оружием защита от лучника – как пешего, так и конного – заключалась (помимо его снаряжения) в том, чтобы возможно быстрее самому напасть на него, не дать ему сделать больше одного выстрела – и то уже неуверенного вследствие надвигающейся угрозы. Многократно засвидетельствовано, что рыцари могли быть с успехом подкреплены путем придачи им стрелков или копейщиков не только во время крестовых походов; но этого нельзя изображать так, что эти пехотинцы

создавали для них прикрытие.

В действительности большее, чем на Западе, значение пехоты в сражениях в Сирии, несомненно, объясняется не чем иным, как недостатком в лошадях.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЮРЕ (Muret)
12 сентября 1213 г.

Король Петр Арагонский пришел на помощь графу Тулузскому, который как альбигоец находился в большой опасности, теснимый крестоносцами во главе с Симоном де Монфором. Петр штурмовал укрепленный город Мюре на берегу Гаронны, выше Тулузы. Симон бросился в осажденный город, сделал из него вылазку и, застигнув осаждавших врасплох, обратил их в бегство.

Так как об этом событии случайно дошло много рассказов, то оно и стало предметом многих исследований. Особого же интереса в военно-историческом отношении оно не представляет, – разве только из-за многочисленных теорий о средневековой тактике, которые основываются именно на этом сражении.

Источники повествуют, что Симон образовал из своих рыцарей 3 ordines, или acies, или battailles во имя святой троицы. То же сообщает другой источник о короле Филиппе Августе в сражении при Бувине. Отсюда Келер (т. I. стр. 144; ср. стр. 105) делает заключение: "то, что под ordines подразумеваются боевые линии, вытекает из прибавления – во имя святой троицы". Убедительность этого вывода должна оставаться под сомнением до тех пор, пока не будет ближайшим образом выяснена аналогия между

порядком построения боевых линии (т.е. одна за другой) и святой троицей.

Тот же автор исчисляет войско Монфора не больше чем в 800 всадников, в меньшей части – рыцарей, армию же Петра – приблизительно в 40 000, из которых – 30 000 пехоты. "Следует все же, – прибавляет он на стр. 101, – тщательно избегать говорить, что он (Монфор) устоял с 800 всадниками против 40 000, так как пехота в сражении почти не идет в счет. По Вильгельму Бретонскому силы вождя еретиков составляли даже 200 000 человек".

Потери крестоносцев, по Келеру (стр. 116) сводились к одному рыцарю и 7 сержантам, а потери противника – к 20 000 человек. Только для того, кто обладает доверчивой душой, не составляет разницы, провел ли он жизнь за письменным столом или был практиком военного дела.

Сражение это в последний раз разобрано Дьелафуа – Dieulafoy, La battaile de Muret, Париж, 1899 г., 44 стр. ("Memoires de l'Acad. des inscriptions", T. XXXVI). Рецензия об этой работе Kiener (Кинера) В "D. Lit.-Z." за 1900 г., No 26 от 23 июня.

БОЙ ПРИ СТЕППЕ
13 октября 1213 г.

между герцогом Брабантским и епископом Льежским подробно разобран Келером (III, 3, 283) и Оманом (стр. 444). С той и с другой стороны в центре копейщики, стоявшие на стороне льежцев, из горожан. Они все же вводятся в дело только после того, как решен рыцарский бой. До тех пор они должны служить рыцарям прикрытием при

отступлении.

Келер и Оман расходятся в том, что по Келеру побеждают оба крыла рыцарей, по Оману же – только левое.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БУВИНЕ (Bouvines) 27 июля 1214 г.

Точнее, чем в предыдущих исследованиях, сражение это рассмотрено в диссертации C. Ballhausen (Jena 1907, I, W. Schmidt). Поэтому я сокращаю сказанное мною в первом издании, но не могу также разделить взгляда Бальгаузена по некоторым существенным пунктам. Что касается пространных рассуждений Дельпеша (Delpech, La tactique au XIII-me siicle, т. I), то при всей кажущейся их учености можно только согласиться с Молинье (Molinier, "Rev. hist", т. XXXVI, стр. 185), в целом отвергающем их.

Император Оттон IV соединился со своими союзниками при Нивелле к югу от Брюсселя, Филипп-Август – при Перонне. Двигаясь друг другу навстречу, войска сначала прошли одно мимо другого, и получилось так, что, в конце концов, они обошли друг друга, – Филипп находился на севере близ Турнэ, а Оттон – на юге у Валансьена. Эти переходы объясняются, пожалуй, не чем иным, как тем, что ни один из них не знал о передвижениях другого (я не могу разделить особого взгляда Бальгаузена по этому поводу: приведенные им мотивы движения Филиппа на Турнэ недостаточны). Получив сведения друг о друге, оба повернули обратно. Филипп решил отойти к Лиллю тем же путем, по которому он пришел, т.е. удаляясь от неприятеля; наоборот, Оттон взял

направление на противника.

В то время как Филипп при своем марше с востока на запад переходил мост через р. Марку, у Бунина, пришло известие, что немцы подступают и начали перестрелку с отрядом, высланным им навстречу. Филипп приказал частям, успевшим уже перейти мост, повернуть назад, так как он решил принять сражение.

Вряд ли можно предполагать, чтобы он не мог переправить войско через реку без крупного сражения, так как, хотя значительная часть его находилась еще по сю сторону, но императорскому войску требовалось все же довольно много времени, чтобы перестроиться. Мнение Бальгаузена, что Оттон собирался отрезать арьергард Филиппа, – не обосновано. Со страгегической точки зрения решение Филиппа было весьма рискованным, так как он имел почти перевернутый фронт и, как единственный путь отступления, – мост у Бувина, ибо, как дословно указывает источник, переправиться через р. Марку иначе невозможно. То, что Филипп при такой позиции все же решил принять сражение, объясняется разве только его полной уверенностью в победе и тем, что он, таким образом, имел еще достаточно времени, чтобы развернуться, причем обладал, – на это прямо указывают документы, – по крайней мере в отношении главного рода оружия, рыцарей, значительным перевесом.

Правда, утром король, – вместо того чтобы двинуться навстречу императору, – начал отступление; такая перемена его решений обращает на себя внимание, но абсолютного противоречия в его действиях нет: Филипп утром принял решение не

оставаться под Турнэ и не выступать навстречу императору для сражения; дело изменилось в том смысле, что теперь император двинулся ему навстречу, чего король утром еще не предполагал.

С другой стороны, решение Оттона атаковать короля, невзирая на свою незначительную силу, находит свое объяснение в том, что он рассчитывал напасть на французов на марше, когда их разделяла река. Дословно отмечается, что он выразил удивление, увидев перед собой французов в полном боевом порядке.

Что император, со своей стороны, не отказался от сражения, не представляется совершенно неестественным, ибо следовало ожидать, что, как только немцы обратят тыл, французы сейчас же перейдут в наступление, а это означало бы неминуемый разгром. Следовательно, лучше было удержать за собой хотя бы моральное преимущество наступления и попробовать, нельзя ли повернуть счастье сражения в свою сторону.

Если таков, стратегический генезис сражения, то здесь дано и объяснение исхода его: император был разбит, так как его расчет атаковать французов во время их перехода через реку не оправдался; король победил благодаря значительному превосходству своих сил и благодаря тому, что встретил противника в полном боевом порядке, – в лучшем даже, чем был сам наступавший император, о котором прямо сообщается, что его войска подошли к противнику в беспорядке.

Достоверных цифровых данных о силах того и другого войска мы не имеем. Прежде принимали (например Schirrmacher) данные Ричарда фон Сенса,

исчислявшего армию Оттона в 25 000 рыцарей и 80 000 других воинов. Горцшанский (Horzschansky) исчисляет силы Филиппа в 59 000 человек (2 000 рыцарей, 7 000 оруженосцев, 50 000 пехоты) и Оттона – в 105 000 человек (5 500 рыцарей, 19 500 конных оруженосцев, 80 000 пехоты). Для него самого представляется загадочным (стр. 41), каким образом император при таком соотношении сил мог быть разбит.

Келер оценивает войско французов в 2 500 рыцарей, 4 000 легкой конницы и 50 000 пехоты; немцев – только в 1 300–1 500 рыцарей, но считает их очень многочисленными в отношении других родов войск. Оценка Омана более умеренна, тем не менее и он полагает, что у Филиппа было, может быть, 25 000–30 000, а у Оттона – 40 000 пехоты.

Во всех этих исследованиях, включая и Омана, численность пехоты вне всякого сомнения преувеличена. Общие указания хроник на "бесчисленные множества", как доказывают многочисленные примеры, – не дают ничего. Оттон должен был пройти добрых 3 мили до поля сражения из Мортани на Шельде, откуда он выступил утром 26-го, так как ему нужно было идти в обход леса, лежащего на прямой линии через Вильмо-Фруадмон. В таких условиях даже для войска с отличной походной дисциплиной было бы трудно после такого перехода развернуть армию в 50 000 или хотя бы только 40 000 человек и в тот же день дать сражение. Для войска же из недисциплинированных наемников, горожан и рыцарей это представляется едва выполнимым, что в упомянутой мною статье отметил уже Молинье.

Я не думаю вместе с Бальгаузеном, что одно из войск было сильнее 8 000 человек. Мне представляется несомненным, что Оттон имел не больше 1 300–1 500 рыцарей; у Филиппа было больше. Возможно, что оба войска были численностью приблизительно в 5 000, так как отдельные контингента, численность которых неоднократно приводится в источниках, все очень малы.

Прежде всего против предположения, что пехота была такой непомерной численности, говорит самый характер сражения, так как ни на той, ни на другой стороне она ничем себя не проявила. Утверждение Винкельмана, будто бы французские горожане были воодушевлены сознанием, что они борются "pro ans et focis" (за алтари и очаги), висит в воздухе. О каком-либо имеющем решающее значение участии городских отрядов Филиппа в источниках нет и следа. Города, должно быть, выставили в распоряжение короля известное число стрелков, сражавшихся общепринятым способом, сообща с рыцарями. Точно так же фландрские города выставили свои контингента к войску Оттона.

Потери на французской стороне, по-видимому, были незначительны; по немного более позднему источнику английской хроники Мельроза пало, якобы, только 3 французских рыцаря, и мы должны предполагать, что таких было, действительно, очень немного, так как в противном случае до нас дошло бы больше имен павших со славой. Из числа императорских воинов на поле сражений осталось будто бы 70 рыцарей и 1 000 пеших кнехтов, а большое число их (по одному источнику – 127

рыцарей, по Другому – 131, по третьему – 220, среди них 5 графов и 25 знаменосцев) было взято в плен[234].

Если поэтому Иоанн Кипрский называет это сражение "durissima pugna, sed non longa" (жесточайшим, но недолгим), то Оман, мне кажется, заходит уже слишком далеко, принимая его продолжительность всего в 3 часа. Я скорее склонен думать, что исход его более или менее решен был при первом же столкновении, которое, однако, произошло не повсеместно в одно и то же время. Незначительные цифры потерь победителя являются более веским доказательством, чем показания всех летописцев. Известиям повествователей о продолжительности сражений приходится всегда доверять очень мало, так как начало и конец сражений – понятия очень неопределенные и предоставляют особенно большой простор их естественной склонности к преувеличениям. Вильгельм Бретонский водном месте ("Gesta", 311) говорит, что отряды горожан до начала сражения подошли к центру и, пробираясь сквозь ряды рыцарей, стали перед ними в качестве стрелков. В другом месте ("Gesta", 312) он утверждает, что горожане подошли только в четвертый час после начала боя. Неужели оба центра в бездействии наблюдали за боем на одном из флангов? Или, быть может, пока на одной стороне не успели развернуть фланги, другая сторона любезно ожидала, когда противник готов будет к бою? Если отдельные отряды рыцарей часто и вступали в бой не совсем одновременно, то разница в сроках все же может быть только незначительной, – если только не предполагать, что на обеих сторонах, стремясь вперед

из походной колонны, вступали в бой последовательно одни за другими.

Основным нашим источником для этого сражения является Вильгельм Бретонский, который был его свидетелем в качестве капеллана короля Франции и описал события как в прозе, продолжая Ригорда, так и в стихах в своей "Филиппиде". Келер подробно останавливается на своих с ним расхождениях, с одной стороны, ставя его высоко как свидетеля (стр. 118), а с другой – упрекая за то, что он лишен был понимания тактической стороны дела и тем способствовал распространению взгляда, что в средневековых сражениях основным и преобладающим было единоборство (стр. 135). В действительности ошибка лежит как раз на стороне Келера. Оман (стр. 471, прим.) справедливо указывает, что у Вильгельма не только нет и следов того деления на 3 стычки, которое хочет у него вычитать Келер, но что такое деление находится в прямом противоречии со всем его повествованием. Таким образом, отпадает вся конструкция Келера здесь точно так же, как в отношении Гастингса.

Граф Бульонский, который сражался на стороне императора, кроме собственных рыцарей, держал 700 (по другому источнику 400) пеших наемников-брабантцев. Он применял их в бою следующим образом: они образовывали круг, в который он отступал, если сам чувствовал себя утомленным боем. Когда сражение было проиграно, и все остальное императорское войско уже бежало, этот отряд еще держался. Французские рыцари боялись пробираться сквозь протянутые копья; но в конце концов, когда подошло подкрепление, отряд был осилен, брабантцы

перебиты, граф взят в плен.

Так как источником для этой сцены служит героическая поэма "Филиппида", то мы не должны быть излишне придирчивы к отдельным деталям. Но чем в большей степени эта сцена была правдива, тем больше доказывала она низкое качество пехоты в ту эпоху.

Хроника прямо говорит об этих брабантцах, что они по военному искусству и храбрости равны рыцарям, тем не менее они занимают исключительно оборонительную позицию и служат, будучи достаточно большим отрядом, всего лишь некоторым прикрытием для нескольких рыцарей. Не столь существенно, был ли их отряд разгромлен рыцарской атакой или, возможно, сопротивление его уже было сломлено стрелками: важно, что даже этот отряд, прославленный как особо выдающийся, по нашему источнику никакой самостоятельной активности в сражении не проявляет.

Но в действительности идти так далеко незачем. Можно было бы утверждать, как мне кажется, что описанная сцена – заключительный акт сражения, когда последнее было уже проиграно, и побежденные желали только как можно дороже продать свою жизнь. Первоначально они, вероятно, шли вперед вместе с рыцарями.

Точно это сообщается относительно пеших кнехтов императора Оттона в центре, отогнавших стрелков французских коммун и проникших в гущу рыцарства до самого короля Филиппа Августа, который был сброшен с коня. Наступление это, разумеется, происходило не изолированно, как это понимали некоторые, т.е. таким образом, что рыцари

оставались в бездействии позади них, но сообща с ними.

Бальгаузен считает, без всякого в сущности основания, что войска Оттона и английские были приблизительно равны по численности французским, но императорское войско было разбито вследствие утомленности от длительного перехода. Я все же не решаюсь поверить в большой обходный марш и в то, что сражение произошло там, где хочет фиксировать его Бальгаузен.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРНГЕВЕДЕ
22 июля 1227 г.

Данные источники сопоставлены у Узингера (Usinger, Deutsch-ddnische Geschichte, стр. 428). Заслуживающие доверия источники не заключают в себе ничего такого, откуда можно было бы почерпнуть что-нибудь относительно хода сражения. Датские источники приписывают поражение своего короля Вальдемара измене дитмарцев, бывших на стороне датчан, но неожиданно напавших им в тыл.

Легендарное описание сражения см. у Германа Корнера (Hermann Korner) и Ламбека (Lambeck, Rerum Hamburgensium libri, II, 37). Якобы, в ответ на обет, данный любишским бургомистром, солнце неожиданно так ярко стало светить в глаза датчанам, что они ничего не могли видеть.

Hasse, Die Schlacht bei Bornhqved, Zeitschr. f. Schi. Holst. Gesch., т. VII, с военной точки зрения не представляет сколько-нибудь значительной ценности.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНТЕАПАРТИ
4 сентября 1260 г.

Синезцы при помощи 800 немецких конных воинов одержали победу над флорентинцами.

Против описания, данного Келером (III, 3, 289), можно многое возразить. В частности сообщаемая им на основании источников численность флорентинцев в 30 000 пеших и 3 000 конных безусловно слишком велика. По тому, как протекало сражение, главную роль определенно играли немецкие рыцари, разбитые на 4 отряда по 200 человек каждый. Четыре отряда по 200 человек ни в коем случае не смогли бы предопределить весь ход сражения, если бы неприятельское войско насчитывало 33 000 человек. Также и потери флорентинцев, фиксируемые Келером в 10 000 убитых и 11 000 пленных, безусловно неимоверно преувеличены.

Бой пешего гражданского ополчения протекал, по мнению Келера, очевидно правильному, преимущественно как бой стрелков.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЬЮИСЕ
14 мая 1264 г.

Симон Монфор побеждает во главе английских баронов короля Генриха III, а вместе с ним его брата Ричарда Корнуэльского, избранного немцами в короли, и его сына, в последующем короля Эдуарда I, также командовавших войском. Оба войска состоят из конных и пехоты, но последняя не играет в повествованиях никакой активной роли. Сражение ведется только конницей. Оман (стр. 415) дает блестящий анализ и правильно отвергает данные

источников, исчисляющие армии в 40 000 и 50 000 (из предположения этих цифр исходит Келер, III, 3, 303), как безнадежное преувеличение.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ВОРРИНГЕНЕ
5 июня 1288 г.

Вокруг наследства графа Лимбургского разгорелась борьба, в которой противными сторонами выступали два больших союза; во главе одного стоял герцог Брабантский Иоанн, во главе другого – архиепископ Кельнский Зигфрид. Оба они старые соперники в борьбе за господство в Нижней Лотарингии.

Об этой войне и о сражении, которое, наконец, принесло развязку, мы имеем подробный рассказ в рифмованной хронике Яна ван Геелу, составленной вскоре после сражения в честь победителя, герцога Ерабантского.

Келер нашел в этом сражении замечательнейшие тактические явления. То обстоятельство, что часть герцогского войска – рыцари графа Бергского – вступила в сражение лишь значительно позже, привело к комбинации, удачнее которой не мог бы создать величайший гений полководца (стр. 176). Это обстоятельство, будто бы, приобрело еще большее значение благодаря тому, что сражение образует исходный пункт развития метода ведения боя, который часто имеет место в последующих немецких сражениях. Правда, на следующей странице мы узнаем, что то же имеет место уже при Мюре и Тальякоццо, а в довершение всего несколькими фразами дальше мы читаем, что этот метод ведения

боя восходит уже к XII в.

О каком-то особенном методе ведения боя в этом сражении вряд ли может идти речь. Правда, это сражение примечательно благодаря известному маневрированию отрядов рыцарей и вследствие участия с обеих сторон пехоты. Возможно, что развязка, в конце концов, была вызвала тем, что пехота архиепископа, несмотря на каррoччио в центре, не устояла, в то время как пехота противника – кельнские горожане и бергские крестьяне – зашла рыцарям архиепископа во фланг и в тыл. Но отчетливо установить этого нельзя, так как наш единственный обстоятельный источник, Геелу, очевидно, прилагал все старания, чтобы возвеличить герцога Брабантского. Рихард Ян (Richard Jahn) в специальном исследовании (Берлинская диссертация, 1907 г.) с большой проницательностью и путем тщательнейшей проверки всех отдельных моментов поэмы Геелу пытался воссоздать картину сражения. Однако, я не могу преодолеть сомнения по поводу того, действительно ли в рыцарской битве могли иметь место такие сложные соображения и передвижения. Но пусть даже и этот автор вычитал из поэтического описания слишком много "тактики", во всяком случае его попытка (поскольку мы в данном случае хоть раз имеем подробное описание рыцарского сражения его современником) тактической ее реконструкции является очень ценной, ибо она предпринята с большой осторожностью, блестящей эрудицией и с полным овладением материалом. Поэтому, несмотря на указанную выше оговорку, я могу только порекомендовать исследование Яна к дальнейшей проверке и

подражанию. Быть может, этим путем все же удастся добиться более полного понимания военных операций средневековья.

Относительно "конротов" (Konroots), на которые по Геелу были разделены рыцари, Ян говорит, что они действительно заключают в себе зачатки разделения на эскадроны, но вследствие отрицания подобного порядка, заложенного в самом понятии "рыцарство", эти "конроты" большого значения не имели.

Термины "кнаппы", "сержанты", "кнехты" Геелу, как это установил Ян, применяет без всякого различия в отношении всех, кто не является рыцарями.

Ценным это сражение для нас представляется благодаря двум выражениям Геелу, которые мы уже использовали при общем рассмотрении методов ведения войны рыцарей, – благодаря определенному свидетельству о медленном наскоке рыцарей, "как если бы впереди них была невеста", и благодаря диалогу по поводу того, как лучше атаковать – "густо" ли, т.е. глубоким сомкнутым построением, или же "тонко" – врассыпную и с охватом.

Тут же мы встречаем красивую старую историю о том, что архиепископ Зигфрид, впоследствии побежденный, заранее принес с собой цепи, в которые должны были быть закованы его пленные (ср. Ист. воен. иск., т. II).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРТОМОНДО
11 июля 1289 г.

Келер (III, 3, 329) называет это сражение, где флорентинцы победили аретинцев, составляющим эпоху в военной истории итальянцев. Я не могу

постичь, в чем именно заключается это значение. Что пехота была построена частью подле, частью позади рыцарей, – в чем Келер (стр. 337) усматривает новое, – не представляет ничего своеобразного. То обстоятельство, что, как рассказывает Келер, пехота аретинцев на четвереньках легла под лошадей флорентинцев и снизу распарывала им длинными ножами живот, я буду считать басней до тех пор, пока не будет доказано, почему лошади флорентинцев не двигались и не топтали ползущих и почему конные не кололи их пиками сверху. Наконец, то, что флорентинцы соорудили из своих возов позади фронта вагенбург, должно было бы иметь место и в других случаях, а с точки зрения тактического значения (т.е. для того, чтобы войска "держались сообща") должно быть отнесено, выражаясь мягко, к той же книге военных рецептов, что и длинные ножи, которыми снизу распарывают животы лошадям.

СРАЖЕНИЕ НА МАРХФЕЛЬДЕ
26 августа 1278 г.

Келер (II, 106), полагает, что немцы в войске Рудольфа Габсбургского насчитывали 2 000 конных, среди них – 300 рыцарей (на конях, покрытых броней), венгры же насчитывали минимум 30 000 конных, среди них – 1 000 коней, покрытых броней, и 23 500 пеших. Так как он в то же время полагает, что пехота в сражении не участвовала, а оставалась в лагере, то, в таком случае, Рудольф имел бы огромный перевес и трудно было бы объяснить, почему исход сражения так долго колебался и Оттокар был даже близок к победе В сражении особенно примечательно

то, что пехота с обеих сторон в многочисленных описаниях не упоминается, и, следовательно, бой был, очевидно, чисто конным. Венгры были большой частью лучниками.

Подробное описание Келера – не что иное, как составленная из различных рассказов фантастическая картина. И все прочие предпринятые исследования не достигают удовлетворительных результатов. Ср. Ottokar Lorenz, Hist. Zeitschr., т. 42 (1879). Его же, Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrh., т. II; Osw. Redfich, Rudolf von Habsburg, 1903 г. Быть может, какому-нибудь вновь предпринятому специальному исследованию удастся пролить больше света на это важное событие.

БОЙ ПРИ КОНВЕЕ
в январе 1295 г.

Николай Треве, или Триве доминиканец из Оксфорда (умер в 1328 г.), описывает победу англичан над валлисцами при Конвее в январе 1295 г. следующим образом[235]: "Когда граф Варвик услышал, что валлисцы в большом числе собрались на одной равнине между двумя лесами, он взял один отборный отряд вооруженных, а кроме того, арбалетчиков и лучников, напал на валлисцев ночью врасплох и окружил их со всех сторон Они воткнули концы своих пик в землю и обратили острия против наступающей конницы, дабы защититься от ее натиска. Однако, граф поставил между каждыми двумя вооруженными по одному арбалетчику, и когда большая часть вооруженных пиками валлисцев была опрокинута при помощи стрел арбалетов, то он атаковал остаток своим

эскадроном конницы и, как полагают, нанес больший урон, чем валлисцы терпели в какой бы то ни было из предыдущих войн".

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕЛЬХЕЙМЕ
2 июля 1298 г.

Имеющиеся у нас сообщения об этом решающем сражении между немецким королем Адольфом Нассауским и королем-соперником Альбрехтом Габсбургским Австрийским представляют его чисто рыцарским сражением; мы не слышим ни о пехоте, ни о стрелках. Численность армий неизвестна.

Альбрехт, якобы, приказал заколоть лошадей, и поэтому число убитых лошадей было так велико, что трупы образовали валы, из-за которых баварские рыцари в пешем строю с князьями во главе продолжали бой. Это, должно быть, такая же небылица, как то, что Альбрехт приказал острия мечей устроить особым образом, чтобы лучше колоть[236]. Очевидно, мало отвечает действительности также и то, что баварцы, будучи не в состоянии двигаться, по крайней мере смогли получить хоть временный отдых, так как их кони были заколоты[237].

Рыцари, лошади которых заколоты, не выжидают спокойно, что произойдет дальше, – да и противники, наверно, не оставят их в покое даже в том случае, если они ищут прикрытия позади убитых коней.

Примечания

1 Сравни: Rieh. Schroeder, Zeitschr. f. Rechtsgesch., Germ. Abt., т. 24, стр. 347. "Der Altsдchsischie Volksadel und die grundherrliche Theorie".

2 Richer, под 930 и 888 г. SS, III, 584; Bonitho, Jaffй, II, 639.

3 Wipo, гл. IV.

4 Bruno, гл. 88. Cosmas, II, гл. 25, 1087 г. Один документ, относящийся к 1134 г., ко времени императора Лотаря, различает "рыцарство родовитое и неродовитое" (цитировано у Schroeder, D. Rechtsgeschichte, стр. 430; milites tam majores quam minores (рыцари как родовитые, так и неродовитые), Gest. Consul. Andegar Bouquet, X, 254: milites plebei (рыцари из низкого сословия) у Raymond d'Agiles Recueil des hist. des Crois, III, 274.

5 Так справедливо утверждает Waitz,V, 439, где собраны и другие свидетельства (так же стр. 398, прим. 4). Если он все же оговаривается, что

трудно определить, в каком смысле употребляются эти выражения, то я не вижу никакого основания для сомнений: бесспорно, что это не технические термины, – фактические же социальные взаимоотношения, которые имеется в виду, вполне ясны. Отрывки из источников сопоставлены так же Kцhler, Ritterzeit, т. III, стр. XX.

6 Цитировано у Harnack, Militia Christi., стр. 84. Прим. "Так что весьма многие из них уверовали в господа нашего Иисуса Христа и совлекли с себя воинские пояса".

7 В "Gesta Gons. Andegavensium", Bouquet, Recueil, X, стр. 354, сообщается, что жители бурга, подвергшегося нападению, "подпоясанные рыцарскими поясами и вооруженные, готовились к бою наподобие рыцарей в лагере и сделали вылазку". Таким образом, рыцарские пояса должны были создать впечатление, что выступают рыцари.

Часто упоминаемый пурпуровый или ярко-красный полукафтан (многократно у Abbo; у Ruotger в "Vita Brunonis", гл. XXX; в "Vita Heinrici IV", гл. VIII; в хронике Monte Casino от 1137г.) я не считаю, как Baltzer (стр. 5), специфической

одеждой рыцаря, так как в "Vita Heinrici IV", гл. VIII, ясно сказано, что если рыцарь слишком беден, то он должен довольствоваться полукафтаном из некрашенной материи. Нам известно также (Guiart, II, 698, цит. Alwin Schuhs, II, 313, прим. 3), что при принятии креста рыцари отказывались от всякой роскоши в одежде и пользовались простыми черными одеяниями.

8 По крайней мере такого рода сообщения часто встречаются в современных трудах; я лично до сих пор не смог обнаружить их источника, в трудах же по истории права, как и в специальных работах о Людовике VI, нет следов такого предписания. Daniel, Hist. de la Milice Fransaise (1724); Boutaric, Institutions militaires de la France, 1863; Boutaric, Le rйgime fйodal, Revue des questions historiques, т. XVIII (1875); Glasson, Hist. du droit et des institutions de la Franse,1891; A. Luchaire, Manuel des institutions fransises, periode des Capetiens directs, 1892. Его же, Hist. des instit. monarchiques de la France, III, и под заглавием Etudes sur les actes de Louis VII (1885); его же, Louis VI, Annales de la vie, 1890.

9 LL, II, стр. 185: "Также в отношении сыновей священников и диаконов и поселян постановляем,

чтобы они не опоясывались рыцарским поясом, а те, кто уже подпоясан, да будут исключены из рыцарского сословия правителем провинции".

В диспенсационном формуляре Фридриха II читаем: "Нашими постановлениями запрещается становиться рыцарями не принадлежащим по рождению к рыцарскому званию".

10 "Юноши низкого звания или какие бы то ни было мастера, занимающиеся достойными презрения механическими ремеслами, которых прочие народы гонят, как чуму, от почетных и благородных занятий, не признаются достойными ни рыцарского пояса, ни почетных должностей".

По Daniel (De la Milice Fransaise, стр. 33). Гунтер в "Лигурине", наоборот, сообщает, что император действовал таким образом: "И для того, чтобы изгнать всех врагов из пределов своей страны и защитить отечество силою оружия, он дозволял всем из низкой черни, что вообще Галлия считает постыдным, опоясываться рыцарским мечом".

Если бы до вас не дошел "Лигурин", то это место должно было бы казаться совершенно загадочным; пусть же оно послужит нам (особенно историкам древности в классическим филологам) предостережением, как часто и легко

можно быть введенным в заблуждение источниками из вторых рук. Обычно основательный в своих исследованиях Даниель на этот раз оказался поверхностным и приписал императору то, что, по Гунтеру, в действительности совершили итальянцы (lib, II, v. 151 и след.); он тут просто придерживается дословно своего источника. Под "Галлией" в его стихах по известному средневековому словоупотреблению подразумевается так же и Германия.

11 Curzon, La rigle du Temple, гл. 337, 431, 586.

12 "Поселяне, купцы и всякий, кто не происходит от отца и деда рыцарей, да не пользуются правом иметь бенефиций".

13 О первоначальном значении слова см. Waitz, VIII, 117.

14 Schrqder, D. Rechtsgeschichte, стр. 430, предполагает, что различие между рыцарями (посвященными посредством рыцарского удара) и "оруженосцами" (Knappen) приобрело значение только с XIII в., но юридического оформления оно не получило никогда. Такой взгляд носит

слишком узко юридический характер. Хотя посвящение, как таковое, и не имело настоящего юридического значения, но только в такой форме могло выразиться различие, приведшее, в конце концов, к образованию мелкого дворянства как сословия.

15 "Если рыцарь пожелает вступить в поединок с рыцарем из-за нарушения мира или по какой-либо важной причине, да будет разрешено сражаться только в том случае, если он будет в состоянии доказать, что он исстари и сам, и предки его по рождению законные рыцари".

16 Бамбергское "Право министериалов" в конце X в. определяет, что министериал, не состоящий ленником епископа, может поступить на службу к другому сеньору, но не имеет права связать себя леном ("да несет службу, у кого хочет, не за бенефиций, но свободно"). Такого рода предписание означает, заметное ослабление зависимости.

17 Более тонких различий и наслоений в различных поколениях я здесь не касаюсь. Zallinger, Ministeriales und Milites (1878), полагает, что он нашел доказательства, например, тому, что

а местах действия баварского права министериалы в XIII в. отделились в особое замкнутое сословие, ставившее себя выше простых рыцарей, и не рассматривали их как равных по происхождению. Только император или князья могли иметь таких знатных и тем не менее несвободных вассалов. Последние позже вместе со свободным дворянством превратились в сеньоров и князей.

18 Так поступает, например, Гильермо. Его опровергает E. Mayer, Zeitschrift fьr Rechtsgesch. Germ. Abt., т. 23, ст. 310, 1902.

19 Даже если бы Bцheim, Handbuch der Waffenkude, стр. 12, был прав, утверждая, что оборонительное оружие около 1400 г. стало более легким, то и это означало бы только некоторую задержку в непрерывном развитии. Но факт этот сомнителен и во всяком случае еще не достаточно установлен. Сам Бехейм в дальнейшем, уже на стр. 14, говорит, что к началу XV в. оборонительное оружие стало более тяжелым.

20 Это вполне правильно толкуется Бальцером (стр. 52 и сл.). Если временами и применяется счет по "шлемам" (galea), то это свидетельствует о той же линии развития, хотя и не так прямо выявляет

ее. Приведенный Бальцером на стр. 56 рассказ о том, что рыцари для того и снимали латы, чтобы им легче было бороться, опровергается Келером, который устанавливает, что это делалось не для борьбы, а для преследования врага. Но и в этом случае я склонен считать эти сведения не историческим фактом, а лишь фантазией. С первым обозначением dextrariis coopertis Келер (Kцhler, III, 2, 44) впервые встретился в источниках от 1238 г.

21 Giraldus Cambrensis, Expugnatio Hibernica, Opera, V, 395: "Разумеется при таком многообразном вооружении, загнутых назад и высоких седлах трудно слезать, труднее садиться, всего труднее идти". Автор умер около 1220 г.

22 Келер, III, 2, 21. Из статутов рыцарских орденов определенно вытекает, что там, где говорится о рыцарях, имеющих несколько коней ("equitaturis"), подразумеваются те кони, которыми рыцарь пользуется сам (как, например, современный кавалерийский офицер, имеющий несколько лошадей), а отнюдь не те, которыми он снаряжает своих спутников и т.п. Ср. Curzon, La rigle du Temple, гл. 77 и 94. Устав Ордена иоаннитов, гл. 59 и 60; у Пруца (Prutz, Kulturgesch.

d. Kreuzzьge, стр. 601), статут Немецкого ордена, Perlbach, стр. 98

23 Бальцер, стр. 59. По Келеру (III, 2, 77), Viollet-Duc утверждает, что рыцарских коней стали покрывать броней только в конце XIII в.

24 Вайц, VIII, 123, правильно отмечает: "совсем без пехоты, конечно, никогда не обходилось, но она обычно применялась только при обороне страны"... "или в такой войне, в которую призывали всех, кто мог носить оружие; в походах же она участвовала только в виде исключений".

25 Ennen und Eckertz, Quellen z. Gesch. der Stadt Kцln, т. IV, No 488. стр. 560.

26 Roth, Ritterwьrde, стр. 93. Сугерий (Suger) в описании сражения при Бремюле в 1119 г. говорит, что король Генрих, "чтобы рыцари сражались с большей отвагой, ссаживает их с коней и обращает в пехотинцев". То же и в "Gesta Francorum", гл. 6, о сражении при Дорилэе в 1096 г.: "Пехотинцы умело и быстро расставляют палатки, рыцари мужественно выступают против тех (турок)". Фульхер, стр. 393: "Рыцари умели становиться пехотинцами" (1098). То же в

описании сражения при Аскалоне 1099 г. (5 000 рыцарей и 15 000 пехотинцев) Gervasii Dorob. Chron. de rebus anglicis под 1138 г. ("рыцари и пехотинцы"). То же в Gest. Consul. Andegav. Recudes Hist. d. Gaules XI, стр. 255. Папа Иннокентий IV в послании к кардиналу Рейнеру в 1243 г. ("Huill. Brйholles", VI, стр. 131) пишет: "потому что рыцарство, видимо, не так необходимо для защиты государства, пехотинцы же, как известно, более полезны".

27 Цалингер (Zallinger, Ministeriales und Milites, стр. 4): "Слово miles имеет различный смысл в источниках и с течением времени попеременно обозначает рыцарские звания, в зависимости от того, для какого разряда представляется особенно характерным или отличительным признаком рыцарский образ жизни или рыцарское происхождение. Так, в более ранний период оно употребляется, главным образом, для обозначения свободного вассала, позже – преимущественно несвободного рыцаря. Помимо этого словом miles обозначали тех, кто уже получил рыцарское достоинство, в отличие от оруженосцев просто рыцарского происхождения".

Вайц (V, 436) приводит ряд цитат, из которых явствует, что в более ранний период слово milites

применялось также для обозначений министериалов и вообще как несвободных, так и свободных воинов. Затем он продолжает: "Королевская канцелярия различает miles и serviens", причем он не разбирает основного вопроса, с какого времени проводится это различие, не встречаются ли противоположные примеры, а также вопроса о том, насколько широко или с каких пор это словоупотребление наблюдается в хрониках.

Келер (I, стр. IX) утверждает, что в Испании и Италии в течение долгого времени milites называли также легковооруженных всадников, в то время как во Франции и Германии с XII в. слово miles обозначало исключительно рыцаря.

Фульхер (Fulcher в Hist. Hierosol., И, гл. XXXI (Mignet, 155, стр. 886) при описании сражения у Рамле сообщает: "Рыцарей наших было 500, не считая тех, которые, не будучи, однако, рыцарями, сражались верхом. Число же наших пехотинцев не превышало 2 000".

Фридрих II дал папе римскому обещание – в продолжение 2 лет содержать в Палестине за свой счет 1 000 milites и с целью завербовать их послал своего гросмейстера Германа фон Зальца в Германию. 6 декабря 1227 г. он пишет: "Мы послали магистра Тевтонского ордена для

вербовки воинов с полномочиями по их выбору, чтобы избрал он мужей храбрых и обещал каждому жалованье по заслугам каждого в отдельности и сообразно со своим собственным благоразумием".

Трудно представить себе, чтобы Герман при этом ограничивался только липами, посвященными в рыцарство, как и нельзя поверить, чтобы он посвятил в рыцарство всех завербованных им рыцарей; скорее можно предположить, что он набирал квалифицированных для кавалерийской службы кнехтов, и, что, таким образом, слово miles здесь не следует понимать в строго сословном смысле.

28 Соответствующие цитаты у Вайца (V, стр. 400, прим. 5). Гильермо (стр. 429, прим. 41) говорит следующее: "Известно, что в эпоху Меровингов, как и в эпоху Каролингов, высшие придворные чины, включая сюда и тех, кто занимал самые мирные должности, во время войны назначались на военные посты" и приводит доказательства этому. Вернее же истолковать это, как сделали мы, в обратном порядке, т.е. не в том смысле, что занимавшие мирные посты получали командование войсками, а что военные занимали

все мирные должности, поскольку на них не назначалось духовенство.

29 Gust. Roethe, Deutsches Heldentum. Rede, Verlag v. G. Schade, Берлин, 1906 г.

30 Kцhler, III, 2, 123. Мне кажется, что Келер изложил это вполне правильно.

31 Келер (III, 91) приводит указ Людовика IX, по которому кнехт (йcuyer) не имел права носить ни набедренников, ни капюшона, ни наручей. При этом он ссылается на Даниеля (Daniel, Milice fransaise, т. I, стр. 394), у которого нигде не встречается ничего подобного. Очевидно, имеется в виду место – т. I, стр. 286, где Даниель на основании трактата Дюканжа (Ducange) цитирует церемониал турнира времен Людовика IX. Предполагать искусственное ухудшение снаряжения по мотивам сословной ревности даже и в серьезных случаях было бы слишком абсурдным.

Напрасно Келер (III, 2, 67), ссылаясь на Ниднера и Альв. Шульца, из "Партенопеи" Конрада Вюрцбургского ст. 5225, заключает, что кнаппе не имел права носить меч на перевязи, а подобно купцам мог только привешивать его к

седлу, так как его дама велела ему не опоясываться им.

32 Мы встречаемся даже с такими фактами, что лица рыцарского происхождения уклонялись от рыцарского звания и принуждались сеньором к посвящению в рыцари. Граф Балдуин Фландрский в 1200 г определил, что сын рыцаря, не ставший рыцарем до 25-летнего возраста, должен считаться крестьянином. Во Франции в 1293 г. то же самое под угрозой наказания требовалось от дворян ("знатного происхождения, по крайней мере, по отцу") до 24-летнего возраста, имевших доход в 200 ливров от земли из которых 160 ливров по наследству (Гильермо, стр. 231, 477). В Цюрихе предельным возрастом было 30 лет. См. Келер II, 2, 65. Английские короли в XIII в. сделали из этого фискальное мероприятие.

33 Келер (III, 2, 6, и III, 2, 135) не причисляет городского рыцарства к военному сословию по той причине, что оно не принадлежало к ленной системе, что они не были вассалами или министериалами. Это по существу неправильно можно было быть воином, не будучи ленником.

34 Both. Ritterwьrde, стр. 197. Замечательно, что во Франции пожалование рыцарского достоинства впервые встречается в конце XIII в. В 1271 г. Филипп III возвел в дворянство одного золотых дел мастера. Warnkцnig u. Stein, Franz. Staats- und Rechtsgesch., I, 250; Daniel, Milice franзaise, I, 74.

35 Последние цитаты – по фон Веделю (v. Wedel, Deutsche Ritterschaft).

36 Оттон Фрейзингенский, Деяния Фридриха II, гл. XVIII "Но тот сказал, что он простолюдин и желает пребыть в том же звании, так как доволен своим положением". В "Лигурине", II, 580, эта история передается следующим образом: "Конюх, правда, был из простого народа, без громкого имени и за малую плату служил в лагерях". Фридрих хочет ему предоставить (ст. 610) "титулы и звания рыцаря и ретивых коней и блистательный почет".

37 По Гильермо (Essai sur l'origine de la noblesse franзaise стр. 372). Как прототип этой формулы Гильермо цитирует послание папы Захарии от 747 г. к мажордому (правители двора при франкских королях из рода Меровингов – в VI–VIII вв.; при последних ничтожных Меровингах в руках

ставших уже наследственными мажордомов была вся власть в государстве, а Пипин занял престол и официально) и впоследствии королю Пипину, которое гласит: "Миряне и воины призваны защищать страну, духовенство – давать советы и молиться". О народе, народных массах папа вовсе не упоминает. По источникам той эпохи, это невоинственная, безоружная чернь (umbelle, inerme vugus), которую воины обязаны защищать так же, как скот от волков.

38 Rьst, Die Erziehung des Ritters in der altfranzцsischen Epik. Dissert., Berlin. 1888, не дает ничего нового.

39 "В том же году (1178 г.) король Англии переправился через пролив из Нормандии в Англию и у Вудстона сделал Готфрида, сына своего, герцога Бретани, рыцарем; последний тотчас же по получении рыцарского звания переправился из Англии в Нормандию и на рубеже Франции, предаваясь рыцарским упражнениям, радовался тому, что сравнивается с добрыми рыцарями. И тем более искал он прославления своей доблести, когда узнал, что его братья, т.е. король Генрих и Ричард, герцог в Англии, – весьма знаменитые рыцари и т.д. И

была у них и т.д. (см. текст). Hoveden, ed. Stubbs, т. II, стр. 166. Все сентенции по Стеббсу заимствованы у Сенеки.

40 Ср. ниже в главе "Теория" (ч. 4) Рабан Мавр (Rabanus Maurus).

41 Цитаты по v. Wedel, Deutschlands Ritterschaft, и Alwin Schulz, Das hцfische Leben, I, 170.

42 Ссылки у Guilhiermoz, Essai sur l'origine de noblesse, стр. 433, прим. 60.

43 Roth v. Schreckenstein, Ritterwьrde und Ritterstand, стр. 167 по Эннодию.

44 Rithard, III, 6.

45 Alwin Schulz, Das hцfische Leben, II, 108.

46 По вопросу о турнирах существует два тщательных и богатых результатами исследования: F. Niedner, Das deutsche Turnier im 12 u. 13 Jahrh., Berlin, 1881, и Becker, Waffenspiele, Progr. von Dьren, 1887.

47 24 июля 1230 Huil Brйh., 202. Документ сохранился с большими пропусками.

48 Констанцская хроника. Mone, Quellensammlung, I, 310.

49 Roth v. Schreckenstein, Ritterstand, стр. 661.

50 Rahewin, III, гл. XIX.

51 Otto Morena, стр. 622. В 1160 г. при Адде, в 1161 под Миланом Богемский герцог и Тюрингский ландграф отказывают в повиновении императору и предоставляют ему идти в бой одному.

52 См. Guilhiermoz, стр. 358.

53 В статуте храмовников рыцарям категорически запрещается бить слуг, служивших им из благочестия (гл. 61). Раба (esclaf), заслужившего наказание, можно бить ремнем от стремян, но нельзя увечить или надевать на него железный ошейник без разрешения свыше (гл. 336).

54 По Rahewin, кн. III, Ср. Flsner, Das Heergesvetz

Friedrich I vom Jahre 1158. Progr. d. Matthias-Gymnas. z. Breslau, 1882.

55 Hдlschner, Pr. Strafrecht, III, 212.

56 Contin. Reginonis под 920 г.: "ибо многие в те времена, даже знатные, занимались грабежами". Другие свидетельства у Baldamus, D. Heerwesen unt. d. spdt. Karolingern, стр. 18 и след.

57 См. мою рецензию на этот труд в "Zeitschr. f. Preuss. Gesch. und Landeskunde", т. XVII, стр. 702.

58 M. G., SS, стр. 222.

59 Из этого рассказа видно также, как текуче и неопределенно было еще тогда значение слова miles. В первом месте, где сказано, что епископ довольствовался немногими militibus, очевидно подразумеваются "рыцари", потом, когда автор приводит различие между рыцарями и ополчением, выполняющим осадные работы, он первых называет armati, т.е. тяжеловооруженными, а вторых – milites gregarii. Невозможно предположить, что все они – часто их насчитывалось свыше 1 000 человек – были профессиональными воинами: по-видимому,

епископ пополнил свою дружину ополчением, набранным из наиболее подходящих для этого дела и наиболее послушных крестьян и крестьянских сыновей. Король бургундов Гундобад и король готов Тотила поступили точно таким же образом (т. II, стр. 419).

60 Baltzer, стр. 7.

61 "Bell. Hispan.", гл. XV.

62 Так, перед сражением при Куртрэ (1302) граф д'Артуа восклицает ("Spiegel historial", IV, гл. XXV):

Dit sprac Artoys met ouermode:
Ic belge mi, dat gi dit doet;
Wi syn t'ors, ende si te voet.
Hondert orsse ende M. man
Dat's al eens.

63 Thucyd, V, 57, 2; Xenophon, Hellenika VII, 5, 23, Harpokration, s. v.; может быть и Polyb., XI, 21. К этому относится и спешивание во время сражения. Ср. ниже прим. и т. I.

64 "Лучше наносить удары коням, чем людям, и колоть острым концом меча, а не лезвием, так,

чтобы, когда неприятельские кони будут падать под вашими ударами, быстрая рука наших пехотинцев с легкостью ранила и умерщвляла всадников, поверженных на землю и медлительных из-за тяжести оружия. Проявление доблести вашей при первой же стычке может быть облегчено и иначе. Каждый рыцарь пусть имеет при себе пехотинца, а кто двух, если может, даже если не будет в состоянии иметь других, кроме рибальдов (наемников). Ибо военный опыт доказывает, что они непобедимы и чрезвычайно полезны как для умерщвления вражеских коней, так и для истребления тех, которые сброшены с коней", Muratori, SS, VIII, 823.

65 "Дуисбургский капитулярий", 104 (99).

66 Expugnatio Hibernica, Opera V (Rer. Brit. Med. aev. SS), стр. 395. Выше я уже цитировал одну фразу из этого сочинения.

"Я знаю, что хотя в той земле выдающиеся воины и весьма опытны в военном деле, однако галльское рыцарство значительно отличается как от ирландского, так и от валлийского. Ибо там ищут ровной, здесь же – пересеченной местности, там – полей, здесь – лесов, там тяжелое оружие считается почестью, здесь бременем, там

побеждают устойчивостью, здесь – подвижностью, там рыцарей берут в плен, здесь – обезглавливают, там их выдают за выкуп, здесь – рубят.

В самом деле, если войска сходятся на равнине, то тяжелое и сложное вооружение – как деревянное, так и железное – отлично защищает и украшает рыцарей; напротив, когда сражаются на узком пространстве, в лесистой или болотистой местности, гае пехотинцы передвигаются лучше, чем всадники, следует предпочесть легкое вооружение. Ибо против бездоспешных мужей, которые в первой почти стычке либо побеждают, либо терпят поражение, вполне достаточно легкого оружия; когда же отряд быстро отступает по сжатой теснинами или пересеченной местности перед отрядом в тяжелых доспехах, последний проявляет только незначительную подвижность. Разумеется, при сложном вооружении, при седлах, высоких и с загибами назад, трудно слезать с коней и труднее садиться на них, а всего труднее идти пешком, когда это понадобится.

Итак, для всякого похода ирландцы и валлийцы, возросшие в округе Уэльса, – народ, испытанный в тамошних враждебных столкновениях, – весьма пригодны; обычаи их сложились в постоянном общении с другими

племенами; они смелы и подвижны, склонны к риску, по велению Марса то ловкие и обращении с конями, то проворные в пешем строю; неразборчивые в пище и питье, готовые обходиться в случае надобности как без Цереры, так и без Вакха. При таких начато завоевание Ирландии, при таких будет оно доведено до конца.

Все, как и подобает, остаются на определенных жребием местах.

Против тяжеловооруженных, полагающихся только на собственную силу и силу своего оружия, стремящихся сразиться на равнине и добивающихся победы силой, свидетельствуем мы, несомненно необходимы воины сильные и в доспехах.

Против легковооруженных и проворных, на неровной местности, следует применять воинов с легким вооружением, имеющих опыт преимущественно в такого рода стычках. И вот еще о чем следует заботиться в битвах с ирландцами, – чтобы всегда стрелки были там и здесь примешаны к рыцарским эскадронам. Нужно это для того, чтобы стрелами воспрепятствовать ущербу от камней, которыми ирландцы в схватке обычно встречают

тяжеловооруженных а сами, благодаря проворству, то подбегают, то убегают".

67 Устав, гл. 61; Perlbach, стр. 116.

68 Gislebert, Chron. Han., M. G., SS, XXI, 522, описывает сражение между графом Балдуином Геннегаусским и герцогом Бургундским (1172). Балдуин вооружает своих "armigeri et garciones" (оруженосцев и слуг) с тем, чтобы они могли обороняться, как пешие воины. По Дельпешу (Delpech, I, 306), они для этой цели спешиваются. Это отвергается Келером (III, 2, 83). Ничем не доказано, что они были конными, но даже если бы это было и так, то, как мы видели, вероятно, правильно было заставить их драться, именно спешившись. Это место гласит: "Так как граф Геннегаусский на своей стороне имел 5 рыцарей из своей земли, а с противной стороны с Генрихом, герцогом Бургундским, прибыли многие в сопровождении слуг-пехотинцев, то он, сообразив живым и дальновидным умом своим, построил в боевой порядок пехотинцев-оруженосцев своих и простых латников, снабдил их оружием, как будто для защиты от большого войска, мужественно противостоял множеству рыцарей противника и одолел их".

69 То что Вегеций (II, 17 и III, 14) предоставляет пехоте такую пассивно оборонительную роль, в некотором отношении достопримечательно. Это не есть заимствование у классических римских авторов, так как древний легион проявлял свою активность как раз в наступательных действиях, в сплоченной атаке. Вегеций в своем изложении, противоположном этому, исходит, следовательно, из окружающей его действительности, – новое доказательство того, что в его время уже не существовало более военного искусства древнего Рима и что военное дело уже тогда носило средневековый характер. Это правильно оценено уже Иенсом (Geschichte der Kriegswissenschaft, т. I, 186).

Давно уже признано, что Вегеций лишен способности различать эпохи. Работой исключительного значения было бы, если бы удалось путем тщательнейшего анализа разграничить различные элементы его труда. Но окажется ли это возможным когда-либо?

70 В другой главе (XVIII, 69) против турок рекомендуется, наоборот, располагать конницу позади пехоты. Неясно, что имеется здесь в виду.

71 Интересное во многих отношениях место "Gesta Rob. Wisc.", I, стр. 260 и след., гласит: "Вооруженные пехотинцы получают приказ стоять; справа и слева к ним присоединяют всадников, чтобы пеший народ в их присутствии был более стоек. Им запрещают покидать поле, чтобы они могли принять на себя удар неприятеля в случае отступления".

72 "Отряд пехоты располагается позади 3 боевых рядов, чтобы оказывать им поддержку и в свою очередь получать с их стороны поддержку" (в изд. Prutz, Quellenbeitr. z. Gesch. d. Kreuzzьge, I, стр. 44)

Радульф (Gesta Tancredi, гл. 32 Rec. des Hist. d. Crois. Occid, III, стр. 629) сообщает о бегстве турок: "в бегстве они не заметили обходного движения, в такой мере бегство равносильно надежде на спасение" По контексту рассказа это относится к всадникам, обходного движения которых мы не можем себе представить. По-видимому, это место следует толковать таким образом, что поэт в священном своем пылу незаметно для себя картину пеших бойцов подменил картиной конных.

73 Вильгельм Бретонский, Philippis ("филиппиада"), кн. XI, стих 605–612 (Duchesne, V. 238): "Граф, столько раз без ущерба укрывавшийся под защиту пехотинцев, ни с какой стороны не боялся: возможности вреда, так как наши всадники, сами сражаясь мечами, оружием коротким, боялись нападать на вооруженных всадников, копье же длиннее мечей и ножей, – и строй, подобный тройной ограде, не давал подступа к воинам, расставленным обдуманно".

74 Так, по крайней мере, следует, как мне кажется, перевести его § 86

75 Liudprand, Antapodosis, II, 31.

76 Perbach, стр. 117.

77 Гартунг (Hartung, Die deutschen Altertьmer des Nibelungenlie des und der Kudrum, стр. 505) сопоставляет Kudr., 647, 2, 1403, I, 1451, I, Nib., 203, 204, 2210.

78 Ср. Бертольд о саксах в сражении на р. Унструт (1075 г.), Эккегард (Ekkehard), стр. 223 о сражении в крестовых походах 1096 г.

Поражение короля Болдуина Иерусалимского при Рамле 1102 г. по Фульхерию.

79 Гартунг, стр. 503; словари Лексиса и Гримма дают немного места для этих слов.

80 Оттон Фрейэингенский, I, 32: "Герцог, вопреки принятому у рыцарей порядку, наступет не шаг за шагом, а бросался на врага стремительным налетом; его рыцари подходили отдельными беспорядочными группами, разорвав строй легионов".

Baldricus, Hist. Jerosolimitana "Recueil d. Hist. d. croisades Hist. Occ. ", IV, 95: "Построили своих стрелков и пехотинцев и, выслав их вперед, выступали шаг за шагом по обычаю франков".

Геелу (ст. 4898) так описывает атаку в сражения при Ворриигене: "Противники, двигаясь друг на друга, были покойны и невозмутимы: они подъезжали не торопясь с двух сторон, как если бы кто-нибудь ехал верхом, посадивши впереди себя на седло невесту".

Гюияр (Guiart) в своем описании сражения при Mons en Pevele ст. 11494 (цитировано Келером, II, 269) также говорит, что каждый отряд шел в атаку медленным аллюром и сомкнутыми рядами.

81 Император Лев в § 80 и след. говорит, что у франков как пехота, так и конница строились не полками и эскадронами определенной численности, а по племенам и корпорациям, "не в определенном порядке и не в строю, не по частям и подразделениям как ромэи, но по племенам, по родственным и дружеским отношениям и по связям через клятву".

Вайц, VIII, стр. 179, считает, что отдельные места некоторых источников указывают на расчленение по тысячам, так что каждая тысяча образует особое подразделение, причем якобы несомненно имеется в виду тысяча всадников, хотя бы и не непременно или не полностью тяжеловооруженных. Такое подразделение обозначалось словом "легион"; это же слово, будто бы, обозначало тактическое подразделение, построенное в боевом порядке.

Этот взгляд ошибочен. 1 000 всадников представляет собой массу такой мощности, что не может быть названа тактическим подразделением: подобное расчленение по численности не соответствует природе феодальных контингентов со своими сюзеренами во главе. Император Лев понимал это более правильно. Когда Видукинд в описании битвы при Лехфельде говорит о тысяче, то это есть число и ничего больше, слово же

"легион" есть ученое украшение.

Некоторые следы деления воинов по десяткам встречаются у норманнов. О Танкреде Отвилльском, например, сообщается, что ему при дворе графа Нормандского подчинено было 10 рыцарей (Готфрид Малатерра, Migne, CXLIX, 1121). Кроме того, число рыцарей, которых обязаны были выставить Вильгельму Завоевателю его крупные вассалы, также всегда оказывается кратным десяти или пяти.

Храмовники группируются по "эшелонам" (eschielle) (см. статут ордена, гл. 161). Численность eschielle мне установить не удалось.

Император Фридрих I в крестовом походе делит войско на подразделения по 50. Насколько такое расчленение войска, для нас столь естественное и необходимое, чуждо было феодальному войску, нагляднее всего сказывается в обстоятельности, с которой это мероприятие излагается Ансбертом: "Между тем пресветлый император, как верный и благоразумный управитель у господина, тревожась о состоянии войска святейшего креста, поставил во главе его пентархов, или начальников пятидесяти рыцарей, т.е. чтобы каждые 50 рыцарей подчинились особому начальнику в делах, как военных, так и других, без нарушения прав маршала императорского двора. Затем он

выбрал 60 лучших и благоразумнейших из войска, по чьему совету и решению должны были совершаться все дела войска; однако, впоследствии для более умелого управления и сохранения тайны число это доведено было до 16".

82 Издано Карлом Гегелем (K. Hegel, Chroniken d. deutschen Stбdte, т. II, 1864)

83 По стр. 485. По сообщению на стр. 203 их было лишь 400.

84 По письму Альбрехта (Stбdte-Chron., II, 495), у него было 450 "gereisige Pferde", т.е. конных воинов, и "bei fьnfzig Drabanten" – около 50 человек оруженосцев и тому подобной свиты.

85 Келер, впрочем, неправ, когда на основании Длугоша ("Hist. Polon. ", XI, стр. 240, изд. 1711 г.) заключает, что поляки при Танненберге наступали в таком же боевом порядке.

Но по поводу боя при Гильтерсриде в 1433 г., где герцог Иоанн Неймаркский (или Нейнбургский) одержал победу над гусситами, Вюрдингер в "Kriegsgesch. v. Payern", использовавший архивы, сообщает о таком же

построении рыцарей с поименным их перечислением, как при Пилленрейте. Знамена стояли в третьем ряду. Согласно же исследованию, пересланному мне окр. асессором Реймером из Нейнбурга, никаких сведений о построении клином не сохранилось. Рыцари, очевидно, стояли в пешем строю во главе штурмовой колонны, взявшей штурмом гусситский Вагенбург.

Уставным, так сказать, порядком предписано построение клином в наставлении курфюрста Альбрехта Ахилла своему сыну Иоанну для похода против герцога Саранского – так называемое "Приготовление" ("Prйparation") от 1477 г. Опубликовано в "Handbuch v. Gesch. d. Kriegsw. ", Иенс, стр. 979 и след, в "Kriegsgeschichte". Einzelschr. d. gr. Gen.-Stab, 1884, вып. 3. Знамена здесь находятся в 11-м, 14-м или 19-м ряду.

86 "Leitfaden f. d. Unterricht in der Taktik d. kgl. Kriegsschulen", 2 изд., 1890 г., стр. 45; "Exerzier-Regl. f. d. Kavallerie" (1895), No 319–331.

87 До XV в. колонна "острием" не встречается.

Chacyn conroy lente alйure
S'en av joint comme en quarreure,

говорит Гюйар (стих 11494) в своем описании сражения при Mons en Pevule (в 1304 г.); цитировано у Келера, II, 269. Возможно, что первым примером колонны острием служит построение рыцарей Дофинэ "en pointe" в сражении при Mons en Vimeux (в 1421 г.); цитировано у Келера, II, 226, прим. Одобрительные отзывы о построении "острием" из документов XV и XVI вв. – у Иенса (Jdhns), I, 328, 738, 740. К концу XV в., при Максимилиане колонна, видимо, вновь становится четырехугольной. Леонард Фронспергер говорит о боевом построении "заостренными" колоннами, как об устаревшем, – Келер, т. III, 2, 251. Построение конницы в виде клина или ромба упоминается и в древности уже у Элиана (гл. XVIII) и Асклепиодота (гл. VII). В числе мотивов его применения, являющихся, вероятно, отчасти теоретическими фантазиями, приводится также, что при нем вождение и повороты легче, чем при построении четырехугольником. Относительно вождения это, очевидно, правильно; что же касается поворота, то я понимаю это в том смысле, что именно при таком построении не нужно было делать поворотов в собственном смысле слова, а легко можно было

сделать полуоборот направо или налево, причем ромб превращался в квадрат.

88 Келер (II, 226 и III, 2, 253) считает, что развернутое построение в одну линию стало применяться только в XV в. Такое предположение, по-моему, ничем не обосновано. Там, где происходили смешанные бои, всегда должно было иметь место построение в одну линию. Бутарик, стр. 297, говорит очень обще: "Рыцари сражались развернутым фронтом, т.е. только в одну линию, за ними находились кнехты".

89 Бальцер, стр. 106, цитирует два документа, свидетельствующих о том же.

90 Prutz, QuellenbeitrДge, стр. 29: "Отряд святого Петра выступал впереди других справа; это был отряд, которому было присвоено право идти впереди и первым нападать на врага".

91 Это ценное наблюдение сделано было уже Геерманом (стр. 85), и Келер также присоединился к нему. Сражение в конечном счете все же окончилось тяжелым поражением.

92 Liudprand, Antapod., II, 31

93 "Gesta Friderici", I, 32.

94 Келер (III, I, 95) собрал несколько цитат, упоминающих о них; так, Эдуард III Английскй в 1356 г. сформировал гвардию из конных лучников. В томе с указателем, среди приложений, автор добавил еще одно место из Вигалуа (Vigalois). Я отношу сюда еще союзный договор ломбардских городов. ("Murat, Ant. ", IV, 490). Настоящим родом войск они не стали и в Англии. В XV в. мы хотя и встречаем много конных лучников, но лошади служат им только средством передвижения, в самом же бою они спешиваются.

Сарацин Фридриха II Келер считает исключительно пешими лучниками. Тем не менее в "Annal. Parm. maj. ", SS, XVIII, 673 прямо говорится, что в 1248 г. под Пармой в войске императора были "balistarii tam equites quam pedites" – "лучники, как конные, так и пешие".

95 Келер, I, p. V и III, 3, 355. Он утверждает, что до X в. строились еще в один эшелон, начиная с XI в. – в три.

96 Келер (II, 35) собрал несколько примеров, которые в сущности свидетельствуют о том, что такого рода приемы на практике не дают того эффекта, как в эпических поэмах.

97 Келер, I, 468, II, p. XIII.

98 Там же, II, 42.

99 Daniel, Hist. de la Milice franзaise, стр. 82.

100 Известны только исключительно редкие случаи, когда король оставался вне фронта, как, например, при Аскалоне в 1125 г.; цитировано у Геермана, стр. 120. Или же престарелый король Ягелло при Танненберге в 1410 г.

101 Viollet-Duc, Dictionnairй raisonnй du mobilier franзais de l'йpoque carlovingenne a la renaissance, VI, 372.

102 Так я перевожу "σφοδρῶζ χαι άχατασχέτωζ ωζ μονοτόνα" (Тактика § 87). Ср. Маврикий, стр. 269.

103 Под Аскалоном, 12 августа 1099 г. Альберт Аахенский, VI, 42, по Рерихту (Rцhricht, Geschichte d. 1. Kreuzz., стр. 200) (прим. 8).

104 Richer v. Sens, M. G. SS, XXV, стр. 294.

105 "Привычки дня" Тевтонского ордена, составленные в значительной степени по образцу храмовников, в гл. 46 (Перльбах, стр. 111) гласят, что рыцарь в походе должен своих оруженосцев иметь впереди себя, чтобы лучше следить за своим вооружением.

106 То же самое гласят правила Тевтонского, ордена (Перльбах, стр. 117): "Ни один брат да не садится на коня, прежде чем не поднято знамя. После того как поднято знамя, каждый проявляет сколько есть у него сил телесных и душевных и возвращается к знамени, когда сочтет соответствующим".

107 Мекель, Тактика, I, 50.

108 "Самым слабым моментом кавалерии является момент непосредственно следующий за удачной атакой; этот момент слабости не бывает настолько коротким, а порядок, спокойствие и сомкнутость восстанавливаются не настолько быстро, чтобы конница была в состоянии противостоять всем

возможностям". Инструкция генерала-майора Карла фон Шмидта, Берлин 1876, стр. 152.

109 Я не припоминаю, чтобы в каком-либо из средневековых источников мне пришлось читать о сигналах во время боя. У храмовников в лагере сигналы подавались звоном колокола. По Готье (Прутц, стр. 27), перед сражением при Атарибе князь Роджер приказал всем при первых звуках трубы (audito primo sonitu gracilis, это род трубы, greille) вооружаться, при втором – собираться, при третьем – являться к богослужению. Когда затем начинается бой (стр. 29), христиане двигаются gracilibus, tibiis, tubisque clangentibus (при звуках рогов, флейт и труб). И герцог Иоанн Брабантский перед сражением при Воррингене, чтобы вселить бодрость в воинов, приказывает, чтобы трубачи играли так же, как при штурме или при начале турниров. "Minstrere" переставали трубить, когда опускалось герцогское знамя, но вновь начинали, как только оно опять поднималось (Ян фон Геелу, стихи 5668, 5694, стр. 211, 212). Келер, III, 2, 340, из этого выводит заключение, что речь идет об общепринятом обычае и что трубачи держались поблизости от знамени, чтобы обозначать его местонахождение, даже если бы оно было скрыто облаком пыли. Это

заключение во всех отношениях неосновательно. Дюканж цитирует из "Vita St. Pandulfi", II, 15: "трубу, при помощи которой, как я сказал, подается сигнал для начала боя".

110 Геерман (Heermann) в своем труде о западном войске в эпоху первого крестового похода (стр. 103) установил, что все те 12 полей сражения, условия местности которых известны (как Дорилэй, берега Антиохийского озера, Антиохия, Аскалон, Рамла (1101 г.), Яффа, Рамла (1105 г.), Сармин, Мерджи-Сефер, Атареб, Хаб), представляли собой равнины, и что ни в одном источнике не упоминается о неблагоприятных условиях местности, о борьбе из-за удобных позиций, лесов и т.д.

Император Лев (Тактика XVIII, 92) говорит, что франки не любят сражаться в пересеченной местности, так как для них с их копьями обычно нанесение резкого удара (шок). Этот термин, конечно, нельзя понимать в современном его смысле.

111 Именно этот прием играл роль в бою с конными лучниками, т.е. в крестовых походах. Геерман (стр. 103) относит его к тактике мусульман, которые при своем значительном

численном превосходстве стремились к охвату христиан. Это значительное превосходство сил неверных следует отнести как христианскую легенду; причину правильнее искать в различии вооружения.

112 Геерман в своем вступлении высказывает взгляд, что метод ведения войны рыцарства лучше и вернее всего изучать по начальной эпохе крестовых походов. Возможно, что ко времени позднейших крестовых походов европейцы уже успели кое-что позаимствовать у Востока, первые же свои победы они одержали благодаря тактике, принесенной с родины, а сообщения источников об этих событиях более обстоятельны, чем о западно-европейских происшествиях. Как ни кажется естественным этот ход мыслей, тем не менее он неправилен: своеобразные новые условия борьбы обозначились уже с самого начала крестовых походов – уже при Дорилэе – и приходилось по возможности применяться к ним.

113 T. XVII, гл. IV, изд. в Базеле (1549 г.). стр. 397.

114 SS, IX, стр. 257. "Gesta Rob. Wiscardi", II, 154.

115 Лев, Тактика, XVIII, 84. Я перевел бы это место так: "для них столь же привычен пеший бой, как и натиск в конном строю".

116 Гюияр, стр. 148.

117 В 7-м и 8-м прил. к "Mill. Woch.-Biatt", 1894 г., печатался дневник полковника фон Линзингена от 1812 г., в котором на стр. 277 говорится, что казаки атаковали отрезанную от армии роту: "Поразительно было то, что в этом рукопашном бою большинство казаков соскочило с лошадей и дралось пешими, да к тому же еще с пиками!"

118 Фрелих (Frolich, Beitr. z. Gesch. d. Kriegfuhrung der Romer, 1886, стр. 60) выбрал для этой цели 11 соответствующих мест из Ливия. Я присоединяю сюда еще Polybius, XI, 21, где чтение, впрочем, сомнительно, и Polybius, Fragm., 125 (Диндорф), где рассказывается о спешивании всадников для боя у кельтиберов.

119 Цитаты, приведенные Бальцером на стр. 99, прим. 11, в подтверждение этого положения, на мой взгляд, не имеют никакой доказательной силы.

120 Геерман, стр. 101, также доказал это для времени первого крестового похода.

121 Келер (III, 2, 39 и 83) приводит места, согласно которым "armigeri" и "garciones" было дано оружие, из чего он заключает, что, как правило, оружие им не было присвоено. В этом заключении автор заходит слишком далеко: несомненно, имеется в виду только тяжелое оборонительное вооружение, которым они обычно не обладали и которым их в данном случае снарядили.

122 "Rex Chonradus... papae... stratoris officium exhibuit", Bernold, 1095 (император Конрад у папы выполнял обязанности конюха. Бернольд 1095, цит. Вайцом VI, 194).

123 Отто Фрейзингенский, Gesta Fried, II, гл. XVIII.

124 Otto Morena, M. G. SS, XVIII, 603.

125 Otto Morena, стр. 606; Отто Фрейзингенский, SS, XX, 398.

126 Lacomblet, Urkundenbuch, IV, 792.

127 Напечатано у Гизебрехта "D. Kaiserzeit", II, 686.

128 III, 2, 50. Правда, в т. II, XI, он все же усматривает различие между ними.

129 Petrus Damiani, Vita Romualdi, SS, IV стр. 848 (написано около 1040 г.)

130 Rich. IV, гл. 82 "exercitum tam de suis, quam conducticiis congregabat".

131 Hermannus Contractus, SS. V, 1053 г.

132 Вайц, VIII, 238, 402, 411.

133 "Ann. Hildesh.", SS, III, 110.

134 Mikulla, Die Sцlder in den Heeren Kaiser Friedrichs II, Берлин, диссертация 1885, стр. 5. Дюканж сомневается, не следует ли вместо "Tnaverdinis" читать "Triamellinis", – слово, которое могло бы быть поставлено в связь с названием известного рода кинжала.

135 Peschel, Ueb. die Schwankungen der Wertrelationen zwischen d. edlen Metallen und den ьbrigen Handelsgьtern, "Deutsche Vierteljahresschr. ", 1853, вып. 4, стр. 1; Sortbeer, Beitr. z. Gesch. d. Geld und Mьnzwesens in Deutschl. Forsch, z. Deutsch. Gesch., т. I–VI и стр. 57. Добавл. к Heft. z. Petermanns Mitteil., 1879 r. Lezis, статья "Золото" и статья "Серебро" в "Handwцrterbuch d. Staatswissenschaft", Waiz, Heinrich I, Excurs. 15 "Ueber die angebliche Entdeckung der Metalle im Harz unter Heinrich I". По его данным разработка рудников Гарца при Оттоне засвидетельствована Видукиндом и Титмаром; существовала ли она и действительности уже при Генрихе I, остается под вопросом. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgesch. d. 10 bis 12 Jahrh., стр. 430 и след.

Вычисленные Пешелем цены на хлеб явно недостоверны, и его взгляд, что, начиная с XIV в., в Европе наблюдается уменьшение запаса металлов, – безусловно ошибочен.

Сетбер (II, стр. 306) полагает, что он обнаружил признаки того, что при Меровингах все еще было много наличных денег. Этот взгляд, пожалуй, требует проверки.

Флорентийские гульдены начали чеканиться в

1252 г.

Гельферих (Helfferich, Geld und Banken, т. I, стр. 87) говорит следующее: "V, VI и VII вв. нашей эры, – при почти полном прекращении добычи благородных металлов и при значительном отливе их в Византийскую империю и более отдаленные восточные страны, по-видимому, привели к крайнему уменьшению количества благородных металлов в Западной Европе"; отлив благородных металлов из Западной Европы именно в Византию я считаю недостаточно еще доказанным; по крайней мере и там обнаруживается только недостаток в них, а не излишек. Начало же общего уменьшения их количества в Римской империи следует отнести к гораздо более раннему периоду, и уже в III в. нашей эры оно привело к катастрофе. Ср. т. II, стр. 227 и след.

136 Ruotger, Vita Brunonis, cap. 30.

137 Дельпех (Delpech, II, 43) брабантцев считает конницей. Келер, III, 2, 148 и сл., объявляет их пехотинцами, не обосновывая, впрочем, этого мнения. Если на стр. 152 он высказывает удивление по поводу того, что после сражения при Бувине они исчезли и что впоследствии в

Германии в качестве пехоты мы встречаем только всенародное и городское ополчение, то это противоречит его собственному взгляду, что брабантцы были уже высоко развитой пехотой. В довершение он сам на стр. 147, прим., цитирует английский источник "Gerv. Dorob. Chron. de rebus anglicis" от 1138 г., по которому первый из исторических вождей наемников, Вильгельм Ипернский, управлял milites et pedites multis (многими рыцарями и пешими). Далее в договоре между Барбароссой и Людовиком VII Французским от 1170 г. (Martine, Amplissim Coll, II, 880) определенно говорится о Brabantiones sive coterelli (брабантцы или наемники), как о equites seu pedites (конные или пешие).

138 Gisleb, SS, XXI, 884. По Джильберту Балдуин имел "вспомогательных рыцарей, которые, не будучи наемниками, были на его иждивении".

139 XV, 100, цитировано у Рот ф. III., стр. 352.

140 "Gerwas Dorob", I c.

141 Первый договор напечатан Римером (Rymer, Foedera, т. I, стр. 7), второй – там же, на стр. 22. В условиях найма имеются пункты, по-видимому не

согласующиеся между собой. В обязательстве баронов сказано, что кто получает 30 марок pro feodo (за феод), должен выставить 10 milites и т.д. Общая же сумма за 1 000 рыцарей составляет только 400 марок. В возобновленном договоре от 1163 г. условлено платить по 30 марок за каждых 10 рыцарей.

Признаком, делающим этот акт чем-то средним между договором о поставке наемников и политическим соглашением, является, во-первых, то, что договор не действителен против сюзерена графа, во-вторых, что если последний сам нападает на Англию, граф обязуется помогать ему только постольку, поскольку это необходимо, чтобы не лишаться своего лена. "Да приведет с собой столь мало людей, как только сможет, однако так, чтобы лен его не был отчужден королем Франции в свою пользу".

142 Келер, III, 2, 155, перечисляет целый ряд их.

143 Бутарнк стр. 1138.

144 M. G. LL, IV Consul., I, 331 и Martine et Durand, Veter script, ampl. collectio, T. II, стр. 880. Властители согласились, "между прочим, относительно изгнания зловредных людей,

называемых брабантцами или котереллами, мы обоюдно согласились и приняли постановление. Именно: никаких брабантцев или котереллов, всадников или пехотинцев, во всей стране или империи между Рейном, Альпами и городом Парижем ни по какому случаю не будем удерживать".

145 H. Gĭraud, Les routiers au Douziime siicle, Bibl. de l'icale des chartes, т. III, (1841), стр. 132.

146 По Альвину Шульцу, Das hqfische Leben, II, 316.

147 "Annal. Altah. " от 978 г.: "Все это у немцев забирает противник, чем наносит им большой ущерб".

148 W. Weitzel, Die deutsche Kaiserpfalzen vom 9 bis 16. Jahrb., Halle a. S.

149 Heinemaan, Gesch. d. Normannen in Unteritalien, S. 120.

150 "Recueil des Hist. d. Gaules", XI, 266. Для нас, естественно, не имеет никакого значения то, что произведение, откуда мы берем эту цитату,

является исторически поздним и ненадежным источником, так как для нас имеют значение не слова сенешаля, а указание на то, что в средневековье появляются подобные рассуждения.

151 Т. II стр. 404.

152 "С согласия... каноников того же города, рыцарей и народа". – В заключенном в 1106 г., в Молене соглашении также различаются рыцари (milites) и мещане (cives). Hegel. Gesch. d. Stdteverf. von Italien, II, 174.

153 Арнульф, гл. XVIII, SS, VIII, стр. 16 и след.

154 Handloike, Die lombardischen Stadte unter d. Herrschaft der Bischqfe und die Entstehund der Kommunen, Berlin 1883.

155 Hegel, I, 252; Hartmann, Gesch. Italiens in Mittealt, II, 2, 80, 117.

156 "Rel. de Legal. Const.", гл. XII.

157 Hegel, II, 31. В вольной грамоте Генриха III Мантуе сказано: "cives videlicet Eremannos", что Гегель, II, 143, истолковывает в том смысле, что

горожане признаются ариманнами.

Показателем сближения сословий, с другой стороны, может считаться закон императора Ламберта от 898 г.: "Ut nullus comitum arimannos in beneficio suis hominibus tribuat". Если император должен был этим способом брать под защиту ариманнов (т.е. свободных воинов), то это значит, что они находились в положении, стушевавшем разницу между ними и горожанами и крестьянами.

158 По "Gesta Friderici in Lombardia", p. 30 (M. G., XVIII, 365), под Миланом стояло 15 000 рыцарей ("milites fuerunt appretiati quindecim milia"); по Рагевину, III, 32, их было около 100 000 человек ("circiter 100 milia armatorum vel amplius"). Обе эти цифры затем были комбинированы вышеуказанным образом. Die Ann. S. Disibodi. M. G. SS, XVII, 29, указывают лишь 50 000 человек ("Teutunicorum seu ctiam Langobardorum"), Ср. Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserzeit, т. VI, стр. 259.

159 Ragewin, III, 34.

160 Ragcwin, IV, 58.

161 Ход сражения при Каркано в повествовательных трудах Раумера, Гизебрехта, Пруца и др. излагается неправильно, главным образом потому, что они не разобрались в россказнях Коданьелло. Документальное обоснование моего изложения дано в "Beitrdgen z. Kriegsgeschichte der Staufischen Zeit", Benno Hanow, Berlin,Dissert., 1905. Описание у Келера, III, 3, 124, по большей части плод фантазии.

162 " Otto Morena,M. G. SS, XVIII, 631.

163 "Ann. Wiengartenses Welfici", M. G. SS, XVII, 309. Герцог Баварский и Саксонский (Генрих Лев) будто пришел на помощь императору "in mille ducentis loricis", Вельф "in trecentis loricis Deuthonicorum".

164 Цитата из Оттона Морена гласит дословно следующее: "Римляне бегут во-первых, потому, что правда (justitia) была не на их стороне; во-вторых, потому, что, выйдя в поле, они ведут себя не так, как их предки, но крайне ничтожно; в-третьих, потому, что тевтонов они боялись больше, чем прочих".

165 Dьmmler, Sitz. Ber. d. Berliner Akademie, 1897,

I, S. 112; Lucan, De bello civili, I, 256. "Annal Egmondani", SS, XVI, 453.

166 Напечатано Зудендорф, Registrum, II, 146.

167 В труде Варрентраппа "Христиан Майнцский", стр. 38, все эти различные данные расположены сообразно их размеру и тщательно сопоставлены.

168 "Lib. pontif.", йd. Duchesne, стр. 415.

169 Это неверно. Император шел не через Тоскану, а проник в Романью с севера.

170 Вся эта сцена есть чистый вымысел, ибо Христиан вообще не был у императора в Анконе, а подошел из Генуи через Тоскану и стоял недалеко от Рейнальда. Император только задним числом узнал об этих событиях. Ср. Varrentrapp, Christian v. Mainz, стр. 28 и след.

171 Во всем этом нет ни единого слова правды. Ср. Vairentrapp, гл. 1.

172 Wyss в "All. D. Biogr.", 540, II, сомневается в том, что Бертольд Церингенский участвовал в

этом сражении и был взят в плен; но это, кажется, опровергает Giesebrecht, VI, 530. Giesebrecht. VI, 528, допускает возможность участия в этом сражении маркграфа Дитриха Лаузицкого. Мы знаем из документа, хотя и не датированного, который можно отнести приблизительно к декабрю 1176 г., что он был при дворе императора, а последнее не допускает обратного заключения (на май).

173 Войско, пришедшее через Альпы, насчитывало по "Gesta Frider in Lomb." ed. Holder-Egger ("Annal.Mediol. Maj.") 2 000 человек (т.е. рыцарей); это число нельзя ни делить пополам, т.е. будто бы рыцарей была только половина (Гизебрехт), ни умножать, т.е. будто бы к нему, само собой понятно, прибавлялись еще комбаттанты более низкого ранга. Сам император привел из Павии (по Готфриду из Фитербо) – 50, по "Gesta frid. – 1 000 рыцарей. К этому прибавляются еще граждане числом вряд ли больше 500, которые, якобы, пали или были взяты в плен ("Gesta Frid. und Contin. Sanblasiana", SS, XX, 316).

174 Основным исследованием источников в отношении Леньяно является уже цитированная

нами диссертация Ганова.

Гютербок (Gьterbok) в "D. Liter.-Zeit." No 26 (1 июля 1905 г.) порицал Ганова за то, что в труде не использована хроника Толозана, и действительно, ее безусловно следовало бы упомянуть, но лишь для того, чтобы отвергнуть как не представляющую никакого значения. Она написана, примерно, одним поколением позже и во всех поддающихся проверке данных является неправильной или запутанной. И все прочее, выдвигаемое Гютербоком против Ганова или несущественно, или же явно неправильно. Ср. "Возражение" и "Ответ" в "D. Lit-Zeit." No 31. Также "Histor. Vierteljahr-Schr." 1911 г.

Описание сражения, данное Келером (I, 69 в след.), основывается на некритическом смешении различных показаний источников, в особенности на использовании совершенно ненадежного Готфрида из Фитербо; многое же является просто фантазией. Зато метко замечание того же автора в прим. стр. 122, 3, III; здесь говорит не критик-исследователь, а опытный солдат-практик.

175 Основное исследование о сражении при Кортенуова – диссертация Карла Гаданка (Karl Hedank, Berlin, 1905, Verlag von Richard Hanow, 63 S.).

176 "Ultra decem milia sui exercitus trahens... signa direcit vistricia".

177 "Ann.placent. Guelf.", M, G., SS XVIII, 453. Они обещали друг другу помощь "militum, peditum et balistariorum" (рыцарей, пехотинцев и стрелков).

178 По "Annal. Plac. Gib." Пьяченца, впрочем, одна выставила, якобы, 1 000 рыцарей; но если бы мы приняли эту цифру и соответственно ей захотели бы определить также численность и прочих союзных контингентов, то было бы непонятно, отчего ломбардцы в таком случае так боязливо уклонились от сражения с императором. Может быть, эти 1 000 воинов в составляли весь контингент Пьяченцы в целом?

179 То, что Riccardus di San Germano говорит о 60 000 жителей, не может, конечно, служить доказательством.

180 "Ann. Parm. major.", M. G., SS, XVIII, 673: "10 000 воинов с бесчисленным множеством народа из различных стран". Что под "milites" следует понимать не только "рыцарей" в узком смысле, но и вообще комбаттантов, показывают

события.

Другим замечательным свидетельством о численности войск считали данные имевшиеся у Салимбене, который лично был при начале осады Пармы в по словам которого император имел 37 000 воинов.

Выяснено, что эта цифра основана на ошибочном чтении. Салимбене говорит только, что войско императора было огромно, и цитирует при этом пророка Иезекииля, гл. XXXVII. "37 Иезекииль" превратилось в 37 000. M. G., SS, XXXVII, стр. 196.

Источники, говорящие о 60 000 воинов (Shirrmacher, IV, 441), не заслуживает, понятно, внимания.

181 Коленнучио из Майнардино де Имола по Шефферу-Бойхорсту (Scheffer-Boichorst, z. Gesch. d. XII und XIII Jahrh., S. 283) описывает лагерь "fu da longhezza di questa citta 800 canne e la larghezza 600, a era la canna di 9 braccia; e haveva 8 porte e le fosse larghe e profonde di intorno".

Фридрих сам писал Майнардино: "Город Парму мы насильственно сжали своим новым строением, которое охранит силы осаждающих от любой непогоды зимнего времени".

182 Арнульф, SS, VIII, стр. 16.

183 Свидетельства источников о каррoччио собраны и обработаны Муратори, Antiquitates, II, 489. Ср. далее Вайц,. VIII, 183; Сан-Марте, Zur Waffenkunde, стр. 323; Keler, I, 185, II, 147, 190, III, 2, 344. Мнение, что это "приспособление" берет свое начало на Востоке, кажется мне необоснованным.

184 "Die Schlacht bei Tagliacozzo", Neue Jahrb. i. d. Klass. Altertum, Gesch. u. D. Liter., 1903, разд. I, т. XI, вып. l, стр. 31.

185 Die Ritterwьrde und der Rittersland, стр. 502.

186 Roth, стр. 470.

187 Ср. "Bremer Urkundenbuch", изд. v. Ehmk u. Bippen, т. I, No 172. Архиепископ Гербгард обещает в 1233 г. жителям Бремена: "Купцы, граждане Бремена, не будут принуждаемы принимать участие в походах архиепископа Бременского, если не захотят, за исключением тех купцов, которые в качестве министериалов или церковников имеют лены от церкви, из коих кто угодно, будучи призван для участия в церковном

походе, может заменить себя воином, достаточно обученным владению оружием". Ср. Donandt, Gesch. d. Bremer Stadtrechts, т. I, стр. 111.

188 K. Fischer, Die Teilnahme der Reichsstdte an der Reichsheerfahrt. Leipz. Dissert., 1883 г., стр. 14. Первая поездка в Рим, в которой они приняли участие, была лишь в 1310 г. (стр. 29).

189 Lindt, Beitr. z. Gesch. d. Deutsh. Kriegsv. i. d. Staufischen Zeit (Tьbinger Dissert., 1881), стр. 28, приводит много примеров – старейший из них от 1114 г.

190 В 1204 г., "собрав множество рыцарей или просто горожан, которые благодаря непрерывным военным упражнениям неплохо владели мечом, луком и копьем".

191 Arnold, II, 241.

192 Fnnenu, Eckertz, Quellen zur Gesch. d. Stadt Kцln, т. II, No 449, стр. 165, и т. IV,No 488, стр. 560. Ср. III, 232. Arnold, Verfassungsgesch. d. deutschen Freistдte, I, 443.

193 Arnold, II, 243.

194 Kцnigshofen, Chronik deutscher Stдdte, 9, 845; Bischer, Forsch, d. deutsch. Gesch., т. II, стр. 77; Kцhler, т. III, 2, 381.

195 Des Meisters Godefrit Hagen, der Zeit Stadtschreibers, Reimchronik der Stadt Kцln aus dem dreizehnten Jahrundert. С примечанием и словарем, первое полное издание по единственной старинной рукописи.

196 Эта рукопись напечатана Бемером (Bцhmer) в "Fontes rer. German", т. III, в переиздана Яффе, в SS. т. XVII, стр. 105. По этому же вопросу см. Wiegand, Bellum Walterianum ("Studien z. Els. Gesch.", I), Страсбург 1878 г.; Roth v. Schreckenstein, Herr Walter von Geroldseck, Tьbingen, 1857.

197 Рот фон Шрекенштейн (стр. 40) полагает, что епископ распределил свое войско по всей стране до Шлеттштадта, Рейнау, Цаберна и Гагенау. Расстояние некоторых из этих пунктов от оборонного пункта Мольсгейма – более 4 миль. По Рихерию, войско епископа не приходилось собирать каждый раз, а оно было сосредоточено под Дахенштейном.

198 Таков перевод Клозенера. Латинский текст гласит: "Bene veniatis, dilectissime domine Zorn; nunquam in tantum gesiderabam vos videre".

199 Лучшее общее изложение этих событий дает Karl Lohmeyer, Geschichte von Ost- und Westpreussen, ч. I, 2-е изд., 1881 г. Обстоятельно использует источники A. L. Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen, 4 т., 1782 – 1886 гг. Второе крупное восстание пруссов подробно и хорошо изложено Келером в т. II его "Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegfьhrung in der Ritterzeit".

200 Вопрос о том, насколько достоверны сведения, взятые у Дусбурга или из хроники Оливы, что в 1239 г. орден насчитывал 600 светских членов, остается открытым.

201 Пращники (fundibularii) упоминаются Contin. Reginonis под 962 r. Casus S. Gallicont, 158.

202 Ср. Jдhns, Entwickelungsgeschichte der alten Trutzwaffen, стр. 333 и след.

203 У Яффе, Reg. pontif., стр. 585, постановление гласит (N 29): "под страхом предания анафеме запрещают применять против христиан в католиков искусство стрелков из арбалета и лука. На основании этого постановления часто, например, у Деммина (Demmin, Kriegswaffen, 2-е изд., стр. 100), а также у Вайца (VIII, 190), утверждают, что собор будто бы запретил употребление арбалета как слишком смертоносного оружия в войне с христианами. Смысл этого запрещения несомненно не таков. У Манси (Mansi, т. 21, стр. 534) постановление гласит: "смертоносное же и ненавистное богу искусство стрелков из арбалета и лука применять против христиан и католиков под страхом предания проклятию запрещаем". Hefele, Concil. Gesch., т. V, 2-е изд., стр. 442, толкует это в том смысле, что тут подразумеваются устраивавшиеся по образцу турниров состязания в стрельбе. Сан-Марте (стр. 188) хочет отнести это к отравленным стрелам. Я скорее всего склонен присоединиться к Гефеле.

204 Вильгельм Бретонский, Philipp, lib. II: "В те дни арбалет был вовсе неведомой вещью для наших французов. Я желаю, чтобы Ричард погиб

не другой, а этой смертью, чтобы тот, кто впервые научил французов употреблению арбалета, сам первым испытал свое дело на себе и на себе почувствовал силу искусства, которому обучил других".

205 Kцchly und Rustцw, Griechische Kriegsschriftsteller, II, 2, стр. 37, стр. 201 (см. т. II).

206 The Welsh Wars of Fdward I, a contribution to mediaeval military hisfory, based on original documents by John e. Morris, M. A. formerly Demy of Magdalen College, Oxford, with a map Oxford at the Clarendon Press, 1901.

207 Моррис, стр. 34.

208 Моррис, стр. 18.

209 Оман, стр. 558.

210 Моррис, стр. 88.

211 Там же, стр. 74.

212 Там же, стр. 37.

213 Там же, стр. 95.

214 Там же, стр. 105.

215 Там же, стр. 115.

216 Моррис, стр. 178.

217 Там же, стр. 155.

218 Там же, стр. 87.

219 Эдуард I имел также военную свиту, получавшую поденно паек и жалованье следующих размеров: командиры отряда – 4 шиллинга, рыцари – 2 шиллинга, сержанты (servientes, valetti, scutiferi) – 1 шиллинг.

Число рыцарей в 1277 г. было около 40; позднее, вероятно, больше. Сержантов числилось в 1277 г. около 60, но это была, вероятно, только часть их. Лошадей и вооружение они получали. Каждый из них должен был иметь 2 кнехтов и 3 лошадей. Некоторые были арбалетчиками. В мирное время они образовывали небольшие отряды, составлявшие крепостные гарнизоны. Во время войны численность их значительно возрастала.

220 Оман (стр. 558) придерживается того взгляда, что длинный лук со времени Эдуарда I, заменяя употреблявшийся до тех пор короткий, в пробивной силе превзошел также и арбалет. В таком случае введение длинного лука означало бы крупный технический успех. Я не разделяю этого взгляда; если бы он был верен, то непонятно было бы дальнейшее употребление арбалета вплоть до XVI в.

Джорж (George), Battles of Englich History, стр. 51 и след., занялся тщательным изучением удивительной истории лука и его побед. Он также придает решающее значение применению длинного лука, будто бы изобретенного в Южном Уэльсе, между тем как более ранние эпохи будто бы знали только короткий лук.

Преимущество длинного лука и способа применения его в Англии Джорж усматривает в трех моментах: во-первых, его держали отвесно, а не горизонтально, как короткий лук, и поэтому могли тянуть тетиву гораздо дальше назад; во-вторых, в силу этого можно было ему давать большее напряжение и, в-третьих, при более далеком натягивании стрелы стрелок мог лучше измерить прицел.

Если бы дальность стрельбы из лука равнялась

400 ярдам (1 200 футов), то нормальная дистанция при упражнении в стрельбе была бы 1 фурланг (равняется 1/8 англ. мили = 600 футам круглым счетом).

Почему, несмотря на эти преимущества, Ричард Львиное Сердце предпочитал арбалет и почему длинный лук, как это действительно и случилось, остался особенностью английской армии, – кажется Джоржу тайной ("a mystery").

221 "The Welsh wars of Edward". I, стр. 79, 82, 313.

222 J. Douglas Drummond, Studien Z. Kriegsgesch. Englands im 12 Jahrb., Dissert., Berlin 1905.

223 По Друммонду, гл. I.

224 Aelredi Abbatis Riewallensis, Hist. de bello Standardii, стр. 338: "Лучшие рыцари, находясь в первом ряду, так разместили между собой копейщиков и лучников, что они под прикрытием рыцарских доспехов... Щиты смыкаются со щитами".

225 По Друммонду

226 Radulf, Gesta Tancredi, гл. XXII.

227 "Чтобы пехотинцы охраняли лагерь, а рыцари выступили из лагеря навстречу неприятелю". Raimund; no Gesta "pars peditum".

228 "Идя, мы рассыпались на столь широком пространстве, как обычно бывает в процессиях клириков; да таковой в была в сущности наша процессия".

229 Письмо князей к папе.

230 Геерман, стр, 52, прим. 2.

231 Впрочем официальный характер этого письма не является безусловно удостоверенным. Hagenmeier, Forschung z. d. Gesch., т. XIII, стр. 40, был того мнения, что автором этого письма является Раймунд. Разногласия в данных о численности войска не могли бы быть аргументом против авторства Раймунда. Эти цифры, в сущности, представляют лишь очень неопределенные опенки, которые один и тот же человек может давать в разное время после разговора с различными людьми. Поэтому они могли значительно расходиться.

232 По Itinerarium Regis Ricardi VI, § 21–24, изд. Штуббсом в "Rer. Brit. mediaev. Script.", стр. 415, Oman, Hist. of War, стр.316.

233 Правда, в подтверждение непригодности пехоты можно было бы сослаться на прямое свидетельство Раймунда Ажильского, говорящего, что, когда рыцари под Антиохией выступили в сражение на берегу озера (9 февраля 1098 г.), пехоту оставили у осажденного города. "Ибо говорили, что многие из нашего войска невоинственны и трусливы и при виде множества турок показывали скорее примеры трусости, чем отваги". Но подобные рассуждения не являются объективными свидетельствами. Кроме того, часть пехоты отправилась (по "Gesta") вместе с рыцарями, а оставшиеся в тот же день успешно отразили вылазку осажденных.

234 Келер, стр. 156; Оман, стр. 477.

235 Моррис, стр. 256; Оман, стр. 561.

236 Kцhler, II, 206, 207. На основании Регенсбургсых анналов. M. G. SS, XVII, 418.

237 Там же, II, 210.

Часть четвертая
ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ВВЕДЕНИЕ

В военном деле XIV и XV вв. приносят ряд новых явлений, которые в некоторых пунктах значительно видоизменяют полученную нами до сих пор картину средневекового военного дела. Поэтому здесь мы снова делаем подразделения. Новые явления отнюдь не приводят старые формы к совершенно новым путям беспрерывного развития; они не находятся также в органической связи между собой. Собственно говоря, они представляют собой единичные явления, которые или вновь отмирают (как, например, развитие сражения стрелков и спешивание рыцарей в соединении с лучниками), или же приобретают значение только через сотни лет (как, например, изобретение огнестрельного оружия или неожиданный, как появление кометы, факт победы городской и крестьянской пехоты над рыцарской армией, или своеобразное явление гусситов). Как ни значительны эти явления, все же они не оказались отправной точкой для

основательного изменения военного дела; знакомые уже нам основные черты его сохраняются или вновь появляются в несколько измененном виде до самого конца средневековья. Поэтому мы распределяем материал таким образом: сперва мы рассмотрим принципиальное значение, историческое своеобразие и причинную связь особых явлений этих столетий, каждого в отдельности, а затем продемонстрируем несколько походов и сражений, свидетельствующих о том, что вновь имеют место военные события, которые почти с таким же успехом могли разыграться в XIII и XII вв. и даже еще раньше; это доказывает, что указанные отклонения не означают беспрерывного развития, а представляют собой лишь единичные явления.

Действительно всемирно-исторический прогресс пришел только с одного места и одного пункта: со стороны швейцарцев; поэтому я изъял их из хронологической последовательности и посвятил им особую книгу.

ГЛАВА I

СРАЖЕНИЯ В СТРОЮ ФАЛАНГИ. ГОРОДСКОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ (НАРОДНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КУРТРЭ
11 июля 1302 г.

Сколько мы до сих пор ни слышали о пехоте в средние века, она всегда, если была на победившей стороне, играла второстепенную роль, – даже при Леньяно, – или же бывала разбита рыцарями в соединении с лучниками. Первым сражением, представляющим иную картину, является сражение при Куртрэ.

При распаде империи Каролингов графство Фландрия, – несмотря на то, что по языку оно было германским, – влилось в Романскую западную империю. Однако, тамошние графы заняли самостоятельную позицию, и это продолжалось до тех пор, пока Филипп Красивый не прогнал их и не присоединил страну к своей короне. Против этого владычества французов восстали города и крестьяне. Один народный вождь в Брюгге, Петр Кениг, поднял массу и изгнал королевские гарнизоны; к нему

присоединился целый ряд мелких городов и селений. Гент, наряду с Брюгге наиболее могущественный город, разделился на две партии: партия аристократов, называвшихся лелиардами, держала сторону короля, но не сумела воспрепятствовать демократам отправиться под предводительством Жана Форлута на помощь Брюгге. Во главе движения в качестве главнокомандующего стал, однако, младший сын плененного графа, Гвидо, и племянник его, граф Вильгельм Юлихский. Последний сделался к тому времени духовным лицом, но врожденная воинственная склонность его натуры взяла верх, и он примкнул к движению.

Оба графа, еще очень молодые люди, примерно 25 лет, приняли командование, понятно, не в силу своего права в качестве представителей наследственного владетельного рода, а на основании свободного соглашения с народными вождями: примечательный союз феодализма и демократии, напоминающий главнокомандование Мильтиада при Марафоне.

Фламандцы еще осаждали занятые французами замки Кассель и Куртрэ, когда на помощь осажденным подошла большая французская армия под командой генерал-капитана графа д'Артуа, зятя короля Филиппа.

Ввиду этого фламандцы сняли осаду Касселя и сосредоточили все свои силы под Куртрэ, жители которого также присоединились к движению. Артуа подошел к городу, несомненно полагая, что одно его появление вынудит фламандское гражданское ополчение отступить и снять осаду замка. Но фламандцам было ясно, что если они хотят спасти свою страну, то они должны будут сражаться, и они решили принять сражение именно здесь, перед Куртрэ. Если бы они отступили и распустили свою армию, то французы не только освободили бы замок и разорили равнину, но, возможно, и захватили бы города, даже Брюгге, поскольку он был слабо укреплен. Они могли в еще большей степени, чем некогда персы в Аттике, рассчитывать на сторонников среди самого населения.

Крепкий замок (или цитадель) Куртрэ, который французы хотели освободить от осады, находился в северном углу города на р. Лис (Lys), так же как и сам город, на правом южном берегу ее. Для того чтобы закрыть доступ к цитадели, фламандцы построились непосредственно перед ней, заняв угол между городом и рекой. Справа от них был продолговатый и узкий город, простиравшийся вдоль реки на юг, слева – лежащий у реки монастырь, спереди – довольно

глубокий ручей Гренинген, берега которого частично были болотистыми. Позиция не допускала отступления: в случае поражения горожане были бы сброшены в реку, находившуюся непосредственно в тылу их; люди, принявшие здесь сражение, решили победить или умереть.

Их построение описывается как "боевая линия, очень длинная и плотная"; "построенные в одну ровную линию и сдвинутые тесно, с сомкнутыми рядами"; "горожане образовали одну единственную боевую линию, выслав вперед стрелков, затем людей с копьями и железными дубинами – попеременно, – затем остальных" (Genealogia Com. Flandrensium), "serrement et espessement ordonnйes" (хроника Сен-Дэни). Таким образом, построение было фалангообразное и в длину имело, очевидно, минимум 600 м, а, может быть, и еще больше; не особенно многочисленные стрелки рассыпались перед фронтом; главная масса была вооружена пиками и годендагами (разновидность алебарды) и только частично – оборонительным оружием. Оба командующих графа и их свита – примерно 10 конных рыцарей – спешились и влились в фалангу, так что ни один воин не был верхом. Препятствие перед фронтом – Гренинген, имеющий, по сообщению хроники

Виллани, 5 локтей в ширину и 3 локтя в глубину, – было еще искусственно усилено волчьими ямами и, вероятно, углублением мелких мест.

Один отряд, под командой особенно опытного в военном деле рыцаря Иоганна фон Ренессе, стоял в резерве позади фаланги. Другой отряд, состоявший из горожан Ипра, был обращен против цитадели, дабы гарнизон ее не смог во время боя напасть фаланге в тыл.

Граф д'Артуа, – которого описывают как мужественного, в пяти или шести сражениях испытанного бойца, – понял, что позиция противника очень крепка и что ее нельзя ни атаковать с фронта, ни обойти с флангов. Несколько дней он выжидал, расположившись лагерем в четверти мили южнее города: неужели горожане в самом деле осмелятся сражаться на позиции, не дающей возможности отступить?

Правда, французский полководец смог бы вынудить их отойти, оперируя против Ипра или непосредственно против Брюгге, и при этом разорить страну. Однако, гарнизон цитадели Куртрэ, очевидно, должен был бы тем временем сдаться, и в то время, как успех других маневров был бы сомнительным, победа на этом участке одним ударом решила бы исход войны и уничтожила бы врага.

Поэтому Артуа решил наступать.

Впереди шли генуэзские арбалетчики и испанские метальщики дротиков, за ними следовали отряды рыцарей; небольшой отряд оставался в резерве.

Арбалетчики и метальщики дротиков погнали неприятельских стрелков и обстреливали фалангу, стоявшую, очевидно, непосредственно за Гренингеном. Их огонь был настолько действителен, что фаланга не могла его выдержать, но графам удалось отвести ее в порядке немного назад. Переправиться через Гренинген для преследования фламандцев на другом берегу французские стрелки не могли, так как им угрожала бы опасность контратаки. Поэтому граф д'Артуа подал сигнал – арбалетчикам отходить, а рыцарям атаковать; ввиду того, что неприятельская пехота достаточно далеко отступила от препятствия перед фронтом, он мог надеяться, что конница переправится через ручей и на другом берегу будет иметь место для разбега. Хотя отход стрелков сквозь ряды атакующих рыцарей вызвал некоторый беспорядок и кое-кто из генуэзцев был потоптан, однако, при совместных действиях этих родов войск такое явление, пожалуй, почти всегда имело место и нисколько не могло повлиять на развитие

и исход сражения.

Но тут произошло нечто новое и совершенно неслыханное: в тот момент, когда рыцари приготовились совершить трудную переправу через ручей, – причем этому мешали течение воды, болотистость берегов и сооруженные фламандцами искусственные препятствия, – неприятельская фаланга вдруг зашевелилась, бросилась вперед и, рубя и коля, кинулась на рыцарей. Последние вряд ли были в состоянии употребить свое оружие и уж во всяком случае не могли применить свою настоящую силу – натиск своих тяжелых боевых коней, благодаря которому они обычно рассеивали и сбивали неприятельскую пехоту.

Несомненно, оба фландрских графа предварительно проинструктировали своих горожан в отношении этой тактики и теперь своевременно подали сигнал. После выступления стрелков, численно безусловно превосходивших рыцарей, – так что каждый рыцарь был атакован одновременно многими стрелками, – последние сразу сделались господами положения и массами убивали рыцарей.

У фламандцев перед боем был издан приказ: кто пощадит противника или овладеет добычей до конца сражения, должен быть немедленно заколот

стоящими вблизи воинами.

Только в центре рыцарям удалось довольно быстро перебраться через Гренинген и привычным способом атаковать и отбросить неприятельскую фалангу. Но в это время в бой вступил оставленный на всякий случай фламандский резерв под командой Иоганна фон Ренессе, который и восстановил положение. Эта схватка также закончилась полным поражением побеждавших вначале рыцарей, так как им снова пришлось переправиться на обратный берег Гренингена, где фламандцы легко настигли и разбили их. Сам граф д'Артуа хотел, якобы, сдаться одному воинственному монаху Вильгельму из Сюфтингена; но так как он говорил по-французски, то фламандцы крикнули: "Мы не понимаем тебя!" и убили его.

Вылазка, предпринятая гарнизоном цитадели, без труда была отражена специально для этой цели образованным заслоном граждан г. Ипра. Резерв под командой Сен-Поль, оставленный графом д'Артуа, был не в состоянии спасти или помочь.

Виллани повествует о том, как невероятно горды были фламандцы своей победой при Куртрэ, и говорят, что после нее один фламандец с годендагом в руках решился бы противостоять

двум конными рыцарям. К этому он добавляет, что его рассказ так подробен потому, что это все было ново и чудесно.

По утверждению фламандцев, они сняли с убитых рыцарей 700 золотых шпор, почему и назвали это сражение "битвой золотых шпор" (la bataille des eperons d'or).

Основным специальным исследованием сражения при Куртрэ является берлинская диссертация Феликса Водзака (Felix Wodzak, Die Schlacht bei Kortryk, изд. Карла Арнольда, Берлин – Вильмерсдорф, 1905). Там указана и вся более ранняя литература по этому вопросу.

Водзак определяет численность фламандцев в 13 000 человек, французов – в 5 000 конных и 3 000 стрелков. Эти цифры должны быть не очень далеки от правды, но принципы исчисления их очень шатки.

У фламандского поэта Бельтема – нашего главного источника – и у Виллани помещен один и тот же список, сообщающий, по исправлении явных ошибок, численность отдельных французских контингентов и указывающий общую цифру в 7 500 конных. Совпадение обоих источников не должно все же рассматриваться как гарантия достоверности цифр. Оба автора восходят к одному общему первоисточнику, который, однако, – так же как данные Геродота о численности греков при Платее – основывается на чрезвычайно приблизительной оценке. Водзак уменьшает цифру 7 500 до 5 000, полагая, что у французов было 2 500 "копий", по 3

лошади каждое, причем на одной из этих 3 лошадей ездил слуга, не бывший комбаттантом. Сомнительно, однако, что это следует понимать в таком смысле. Платежную ведомость от 1317 г., цитируемую Водзаком на стр. 42, из которой вытекает, что один рыцарь имел 3 коней, следует толковать в том смысле, что под этим подразумевается один тяжеловооруженный всадник, один легковооруженный и один слуга верхом. Между тем источники, говорящие о 7 500 коней при Куртрэ, очевидно, подразумевают 7 500 конных комбаттантов, рыцарей и слуг. Это, понятно, не исключает того, что в бою участвовало только 5 000 человек, причем даже это число представляет огромную военную силу.

Водзак потратил много труда на исследование места сражения, но в этом отношении его диссертация не всегда понятна. Он снабдил свой труд наброском (кроки), в основе которого лежит карта Девентера (XVI в.). Наше кроки является упрощенным воспроизведением этой же карты, но у Водзака отсутствует масштаб. Из дополнительного сообщения, сделанного мне автором, я почерпнул, что расстояние от места впадения Гренингена в р. Лис (Lys) до цитадели составляет ровно 1 000 м, ширина города вдоль р. Лис – 600 м и длина соединительного рва – 150 м. Изменения местности в этом районе, вызванные культурой, были безусловно очень значительными. Водзак полагает, что фламандцы занимали позицию у соединительного рва до монастыря, и длину этой позиции определяет, примерно в 1 км (стр. 41). Но из масштаба картины явствует, что расстояние между этими двумя пунктами больше 1 км. Однако, даже при 1 км фаланга, по

вычислению Водзака, имела бы в глубину только 7 человек (рядов), а это мне представляется слишком малым. Не исключена, однако, возможность, что длина фаланги может быть исчислена значительно меньше, отчего общая картина все же мало изменяется.

Правый фланг, как я уже указал выше, примыкал, вероятно, не к соединительному рву, а к городской стене, а монастырь на левом фланге лежал, должно быть, немного выше, или же местность здесь была ограничена болотом или монастырской стеной.

Правда, согласно сообщению хроники монаха Вильгельма (Matthaeus, Veteris aevi Analecta, т. II, стр. 557), правый фланг фламандцев примыкал к соединительному рву ("стремится отыскать более удобную местность и примкнуть своим флангом к древнему рву"), но эта хроника написана позднее, а выдвижение правого фланга до самого рва слишком неестественно, чтобы верить этому сообщению. Зачем бы фламандцам понадобилось выдвинуться за городское укрепление? Ведь стоявшие там бойцы слишком мало были защищены от обстрела со стороны неприятельских арбалетчиков. К тому же буквальный смысл хроники достаточно хорошо может быть увязан с нашим пониманием. Фланг фламандцев должен был подойти ко рву даже в том случае, если фланг примыкал к городскому валу, именно в тот момент, когда этот фланг перешел в наступление в направлении Гренингена.

При этом толковании объяснение Водзака, почему именно в центре французские рыцари сперва побеждают, понятно, отпадает. Ведь если построение войска было таким, как его описывает Водзак, то

вследствие изгиба Гренингена центр французов был больше всего удален от него (Гренингена); следовательно, можно сказать, что именно в этом месте рыцари вмели больше всего времени, чтобы перебраться через ручей и приступить к правильной атаке, которая и была успешной до тех пор, пока в бой не ввязался резерв фламандцев. Если же правый фланг фламандцев отстоял дальше назад, то этот аргумент остается в силе, но следствие было бы уже не тем.

Отсюда против предположенного мною построения войск все же нельзя извлечь контраргумента. Быть может, известной причиной того, что центр фламандцев отступил, в то время как фланги одержали быструю победу, служили и какие-либо другие обстоятельства, – например, то, что середину рва легче было перейти.

На стр. 30 Водзак приводит цитату из "замечательной хроники", правильность толкования которой Водзаком представляется мне весьма сомнительной. Эта цитата: "Ende de Vlamingen liegen oostward om te commene ter zyde, daer gheen gracht en was" – безусловно означает, что позиция фламандцев простиралась на восток до такого места, где уже не было никакого канала, т.е. рва или ручья. Что же было там? Быть может, болото? Сознаюсь, что мне это место не вполне понятно.

Контроверзе относительно годендага уделено место в исследовании Навеца (Navez) о Куртрэ (Брюссель 1897, стр. 23). По мнению одних (De Vigne, Kohler), это оружие состояло из древка с железным острием на конце; по мнению других (Paulin, Париж, Viollet le Duc, Hardy, Demmin), годендаг имел форму алебарды. В Брюсселе, в музее у Гальских ворот,

имеется оружие, похожее на алебарду (N 37, восьмая серия каталога), которое Виоле ле Дюк считает годендагом (Hermann, Van Dnyse, Katalog der Waffen und Rьstungen des Museums am Haller Tor, стр. 130), Ван-Вальдергем (Van Walderhem, Die Wahrheit uber den "Goedendag". Annalen der Gesellschaft fur Archdologie in Brьssel, т. IX, стр. 305) полагает, что это оружие сделано из укрепленного на древке лемеха. По мнению Навеца, вопрос не решен; но не подлежащим почти никакой) сомнению ему представляется нижеследующее.

Лучшее описание годендага, по его мнению, принадлежит Вильгельму Гиару (Wilhelm Guiart) в его труде "Branche des royaux lignages". Вполне естественно, почему это описание наиболее точно: Гиар был солдатом (arbaletrier) французской армии, воевавшей с фламандцами при Монс-ан-Певель (Mons-en-Pevele). Таким образом, он отлично знал оружие врагов, ранивших его этим оружием при наступлении у la Haiguerie. Гиар говорит, что годендага: "Grans bastons pesans ferrez A un long fer agu devant" (большие древки, тяжело обитые длинным острым железом).

Это острое (agu) железо позволяло наносить удары копьем, так как владевший годендагом мог:

"Ferir sans s'aller mocquant
Du bout devant en estocquant
Son ennemi parmi le ventre.
Et le fer est agu qui entre".
(Попадать, не двигаясь,
Благодаря тому, что он колол острием

Своего врага в тело.
И остро было пронзавшее железо!)

Таким образом, годендаг – длинная пика, и им владеют как всеми пиками, т.е. колют (estoquant); особенность его та, что он достаточно тяжел (baston pesant), для того чтобы его можно было употреблять в качестве палицы:

"Cil baton sont longs et traitis
Pour ferir a deux mains faitis".
(Древко сделано длинным,
Чтобы наносить удары обеими руками.)

Навец полагает, что хотя, согласно этому стиху, оружие держали обеими руками, но это можно также понимать в смысле "колоть", а не "наносить удар". Поэтому он считает годендаг разновидностью пики.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАННОКБУРНЕ
24 июня 1314 г.

Это сражение является полной противоположностью сражению при Фалькирке (1298 г.) и аналогией Куртрэ. Покоренные Эдуардом шотландцы снова восстали и возвели в короли Роберта Брюса. Эдуард II, занятый распрями со своими баронами, долгое время не вмешивался в шотландские дела, но, наконец, подошел с большой армией. Роберт отступил до

самого Стирлинга (цитадель которого была еще занята англичанами), в нескольких милях к северу от Фалькирка. Здесь он занял позицию на высоком левом берегу р. Баннокбурн, причем эту позицию, примыкавшую с той и другой сторон к болоту или к лесу, нелегко было обойти и фланкировать. Открытый фронт простирается меньше чем на четверть мили: примерно, в середине старая римская дорога ведет через глубокую долину Баннокбурна в Стирлинг. Долина Баннокбурна имеет в ширину неполных 2 000 шагов; шотландцы стояли на вершине, возвышавшейся на 186–240 футов над уровнем долины[1].

Расположение шотландцев было очень схожим с расположением при Фалькирке: 4 больших колонны копейщиков, за ними немногочисленные всадники.

По описанию Омана, сражение протекало следующим образом: Роберт усилил уже само по себе сильное препятствие перед фронтом – низкую болотистую речную долину – замаскированными волчьими ямами, которые он приказал вырыть на ведущем к его позиции склоне.

Несмотря на все препятствия, английские рыцари ринулись наверх и пытались рассеять шотландские колонны. Но огромная масса

англичан, примерно, 10 000 конных и 50 000–60 000 пеших воинов, не могла передвигаться на стесненной местности. Большинство из них вовсе не могло подойти к неприятелю и оставалось в бездействии, а главное – лучников нельзя было пропустить через строй конных и выдвинуть против шотландских копейщиков. Один отряд лучников, которому удалось подойти к флангу шотландцев, был снова отброшен натиском шотландских рыцарей под командой маршала Роберта Кейта. Исход сражения решили кнехты шотландского военного обоза, которые появились на фланге англичан и своими пестрыми платками, привязанными к копьям, произвели впечатление, будто подошла новая армия со знаменами; их громкий боевой клич вызвал панику в рядах английских рыцарей.

Нетрудно доказать, что это место описания является вымыслом. Если даже предположить, что английские рыцари были так пугливы, то спрашивается: откуда могли появиться шотландские кнехты, раз местность на обоих флангах их армии была непроходимой?

Настоящей проблемой является вопрос: почему англичане, прежде чем направить против шотландских копейщиков своих рыцарей, не разбили их сперва при помощи своих лучников,

как это они сделали при Фалькирке?

Объяснить это тем, что их прогнали шотландские рыцари, в то время как при Фалькирке последние сами обратились в бегство, недостаточно, ибо возникает вопрос: почему при Баннокбурне английские рыцари, вместо того чтобы безуспешно заниматься отрядами копейщиков, не пришли на помощь своим лучникам и не прогнали сперва немногочисленную шотландскую конницу? Допустимо, пожалуй, еще то объяснение, что шотландские отряды образовали замкнутую фалангу, у которой фланг был так хорошо примкнут, что в лучшем случае его могло обойти несколько лучников, но никак не конница. Ведь можно было бы – как и при Гастингсе – с фронта пустить в дело стрелков; кроме того, фланкирование было, очевидно, не так уж невозможно, поскольку сообщается, что накануне сражения отряд из 800 английских рыцарей зашел за левый фланг шотландцев до церкви св. Ниниана, находившейся за центром шотландского фронта, и был отброшен назад только после упорного боя.

Лорд Хейльс, Лингард и Паули полагают, что шотландцы были расположены не за баннокбурнским ручьем, с фронтом, обращенным

на юг, а что их левый фланг примыкал к скалам Стерлинга, а правый – к баннокбурнскому ручью. В этом случае их левый фланг нельзя было бы никак обойти, но тем легче можно было обойти правый фланг. Кроме того, это северо-восточное направление фронта не совпадает с сообщением о том что утреннее солнце светило англичанам в лицо. Зато никакого сомнения, на мой взгляд, не вызывает принятая нами выше за основу топография позиции шотландцев по Оману – за долиной ручья, с тылом, обращенным к Стерлингу.

Быть может, решение вопроса и на этот раз лежит в численности армии. До сих пор общепринятым было мнение, что английская армия численно значительно превосходила шотландскую. Шотландская хроника Фордуна (умер около 1384 г.) говорит о 340 000 конных и таком же числе пеших англичан, – всего 680 000 человек. Большинство новейших историков полагает, что англичан было минимум 100 000 человек, и даже осторожный Оман доводит, как мы видели, число их до 60 000. Эта цифра имеет за собой уже видимость документального обоснования, а именно – сохранившееся послание о призыве Эдуарда II к некоторым шерифам и баронам. Для этой войны контингенты должны

были выставить не только валлийцы, но и ирландцы и даже гасконцы. В объявлениях о призыве рыцарей цифры, как и всегда, не указаны. Однако, наряду с рыцарями призываются и "pedites", причем каждый округ должен был выставить определенное число их: Йорк – 4 000, Ланкашир – 500 и т.д. В общем 12 английских графств, ряд пограничных баронов и Уэльс должны были выставить 21 540 человек. Это, примерно, одна треть всей страны. "Если даже предположить, – говорит Оман, – что юг послал для этого похода на дальнем севере меньшее число солдат, все-таки вся армия состояла не меньше чем из 50 000–60 000 человек".

Против этого я хотел бы возразить, что, во-первых, вовсе не доказано, что юг, кроме рыцарей и их свиты, вообще выставил какое-либо войско для этой войны. Валлийцев привлекали к этому делу потому, что они, как полуварвары, считались особенно воинственными и пригодными для войны в горах. Но что из южной Англии отправили в Шотландию массовое ополчение – это и не доказано и невероятно.

Затем безусловно ошибочно считать численность армии равной численности призыва. Нельзя переносить современную административную точность даже в условия

XVI в., а тем более XIV в. Если Йоркскому шерифу предписано было послать 4 000 человек, то это вовсе не доказывает, что в действительности он послал хотя бы половину.

Если ближе присмотреться к письмам о призыве, то сомнение усиливается. Извещение о призыве ирландцев датировано 22 марта. Призыв "pedites" издан 27 мая, а 10 июня войско должно было находиться уже у Бервика. По точному смыслу призыва сомнительно, чтобы здесь речь шла только о повторении старого приказа. Но мотивировка говорит за то, что только теперь решено было послать подкрепление, так как в тексте призыва сказано, что пехота необходима потому, что шотландцы выстроились "в местности, защищенной и суровой (куда труден будет доступ для всадников)".

Но было ли это повторением и строгим напоминанием прежнего приказа или приказом, изданным впервые, – все равно нет оснований предполагать, что вся масса призванных через 14 дней после объявления призыва действительно собралась на сборном пункте на границе Шотландии. Не исключена даже возможность, что отданный сгоряча приказ вообще не был выполнен, ибо если бы при Баннокбурне, действительно, было такое войско, то ведь оно

должно было и проявить себя каким-либо образом. Это войско призвали, чтобы добраться до шотландцев там, где они были недоступны для всадников. Следовательно, шотландцы занимали именно такую позицию. Неужели же пехота стояла в бездействии позади рыцарей, вместо того чтобы лесом и вокруг болота зайти во фланг шотландцам?

Затем получается еще одно противоречие, а именно, что сперва был издан приказ о призыве пехоты, а потом начали сражение, не дожидаясь прибытия ее. Однако, ждать нельзя было. Поход был затеян с целью деблокады крепости Стирлинг, и комендант ее, сэр Филипп Мобрей, заключил договор, по которому он обязался сдать крепость, если она не будет освобождена до Иванова дня, а это как раз и был день сражения (24 июня).

Быть может, среди рыцарей, окружавших короля, с самого начала было разногласие – стоит ли обременять себя милицией или нет; военная ценность ее очень мала, и некоторые рыцари, очевидно, считали, что она принесет больше вреда, чем пользы, так что без большого колебания решили выступить даже в небольшом числе.

Судя по всему, мне представляется хотя и

недоказанным и не доказуемым, но вполне возможным, что английская армия была преимущественно обычной рыцарской армией и численное превосходство оказалось на стороне шотландцев, собравших в своей стране для защиты национальной свободы действительно массовое ополчение.

Если принять эту гипотезу, то ход сражения станет вполне понятным. Шотландцы имели хороший упор флангов, а рыцари не предпринимали никакой попытки обхода, так как были заняты атакой с фронта. Обходное движение одних лучников было отбито шотландскими рыцарями, стоявшими позади фаланги.

Сражение было выиграно оборонявшимися, – в отличии от Гастингса и Фалькирка, но аналогично Куртрэ, – потому, что препятствия перед фронтом (болотистый ручей, откос, волчьи ямы) мешали и вредили рыцарям, фланкирование было невозможно, стесненность в движениях не допускала совместных действий стрелков и рыцарей и, наконец, потому, что Брюс повел многочисленную сомкнутую массу в контратаку.

Принципиального превосходства шотландцев или шотландской военной организации над англичанами Баннокбурн не установил. И после этого блестящего успеха Роберт Брюс, как

правильно отметил Оман, уклонялся от открытых боев с англичанами, а в 1321 г. допустил даже новое вторжение английской армии до самого Эдинбурга, причем, чтобы заставить ее уйти из страны, он сделал только одно – отрезал подвоз продовольствия.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РОЗЕБЕКЕ
27 ноября 1382 г.

Фламандцы и шотландцы победили французских и английских рыцарей, – так же как греческие горожане и крестьяне победили персидских рыцарей, – благодаря мастерскому использованию местности. Но греки пошли вслед за тем дальше и не побоялись дать персам бой в открытом поле; в отношении Баннокбурна мы только что видели, что он не был отправным пунктом для развития превосходства шотландцев, а после Куртрэ не только не последовало дальнейшей такой же победы, но сражение при Розебеке 80 годами позже показало, что как только городская милиция утрачивала преимущество позиции, превосходство, как и всегда, оказывалось на стороне рыцарства.

Политическая основа и характер этой борьбы отличаются от Куртрэ в том отношении, что на этот раз граф Фландрский находится не на

стороне горожан, а на стороне короля. Гент под предводительством Филиппа Артефельде восстал против правителя страны графа Людвига. На его сторону стали – частью добровольно, частью склоненные силой – другое города Фландрии. Общими усилиями этих городов граф был изгнан. Но он успел позвать себе на помощь юного короля Франции Карла VI, который и отправился для подавления мятежников. Посредником в этом союзе был герцог Филипп Бургундский, зять и впоследствие наследник графа Фландрского, между тем как Филипп Артефельде искал союза с королем Англии. Это политическое развитие между событиями 1382 г. и 1302 г. отразилось и на стратегии.

Артефельде осадил город Уденард на Шельде, в 25 км выше Гента. Этот город упорно защищал один французский рыцарь, стоявший на стороне графа Фландрского. Французский король сумел собрать армию для деблокады города только через 6 месяцев и в середине ноября 1382 г. привел ее со стороны Арраса.

Хотя в источниках сообщается, что Артефельде имел огромные пушки, все же он, собственно говоря, город не осаждал, а старался взять его измором, защитив свою армию от нападения извне укреплениями.

Военный совет французов, собравшийся в Секлене 17 ноября (конетабль Оливье Клиссон и трое дядей короля), должен был, таким образом, решить – повести ли наступление против Артефельде и его войска вдоль Шельды, дабы освободить Уденард, или же путем диверсии заставить неприятеля отказаться от осады, выманить его из сильной позиции и, быть может, принудить или побудить его к решительному сражению в каком-либо другом месте. Памятуя, видимо, печальный опыт Куртрэ, совет решил, как ни тяжело было положение осажденных в Уденарде, отказаться от непосредственной атаки и вместо этого вторгнуться в западную Фландрию.

Если Артефельде смог бы вполне положиться на фландрские города, то он мог бы и не оставлять своей позиции при Уденарде.

Если бы города заперли свои ворота, и французы, вместо того чтобы двинуться на восставшие города и освободить осажденных соотечественников, стали бы опустошать лишь местность близ границы, то моральный перевес был бы, несомненно, на стороне Артефельде. Но ведь в лагере короля находился граф, законный наследственный правитель Фландрии. Старая приверженность и страх перед сильной французской армией, соперничество с Гентом и

опасение усиления самого Филиппа Артефельде, – все это способствовало неуверенности настроения городов. Артефельде, как нам кажется, намеревался защищать р. Ли, прикрывавшую фламандцев с этой стороны, но французам удалось форсировать реку у г. Комина, выше Куртрэ, и тотчас же королевской армии сдался Ипр и ряд селений.

Если бы теперь Артефельде продолжал стоять под Уденардом, то французская армия двинулась бы на Брюгге, симпатии граждан которого разделились, овладела бы им, и армия Артефельде просто-напросто разбежалась бы. Теперь ему не оставалось ничего другого, как или отойти к Генту в надежде удержаться там, оставив на произвол судьбы остальную Фландрию, или же повести свою армию из Уденарда навстречу французам и положиться на бога войны, т.е. вступить в открытое сражение там, где придется. В самом деле, даже если бы народный вождь фламандцев искал где-нибудь между Ипром и Брюгге такую же укрепленную позицию, какую его предшественники имели при Куртрэ и какую он без сомнения воздвиг перед Уденардом, то, во-первых, найти такую позицию было не так-то легко, а если бы даже случайно и нашлась такая позиция, то ничто не помешало бы французам не

атаковать, а обойти ее, заставив фламандцев атаковать их в более подходящем месте. Недостаточно было глаза полководца, который нашел и избрал бы позицию, как это было с Мильтиадом при Марафоне и с фламандцами при Куртрэ, – нужна была целая политико-стратегическая комбинация, которая вынуждала бы противника атаковать именно эту позицию. Французы, вторгшиеся в 1382 г. во Фландрию, отказавшись от непосредственной деблокады Уденарда, были свободны в выборе пути для прохода через страну и могли не атаковать позиции, на их взгляд слишком сильной. Таким образом, обороняющийся не имел возможности расположиться в каком-либо определенном, выгодном месте и поставить врага перед дилеммой – или атаковать именно здесь, или отправляться домой. На этот раз речь шла скорее об обычном сражении, которое разыгрывается лишь в том случае, если ни одна из сторон не имеет в местности слишком сильного союзника. Горожане и крестьяне, победившие при Куртрэ с помощью этого союзника, должны были теперь – дабы не быть разбитыми без битвы – показать, что они в состоянии померяться силами с рыцарями и при равных с ними условиях.

Филипп Артефельде, руварт Фландрии, как он

себя называл, был достаточно смел, чтобы решиться на такое сражение, а горожане последовали за ним.

Фламандская пехота, копейщики и воины с годендагом образовали тесно сомкнутую фалангу, которая в отличие от Куртрэ не стала ждать атаки, а смело сама пошла навстречу врагу. Нужно подчеркнуть, что это была единственная возможность выиграть сражение. Ждать наступления французов, не имея возможности упереть свои фланги, как при Куртрэ, и без конницы для прикрытия их, – значило заранее идти на верную гибель. Таким образом, Артефельде проявил себя бравым и храбрым солдатом, сделав из создавшегося положения решительный вывод и сам начав наступление. В ночь с 26 на 27 ноября обе армии расположились невдалеке друг против друга, в 2 милях северо-западнее Ипра; на следующее утро они произвели взаимную рекогносцировку и, наконец, в полном развернутом боевом порядке столкнулись у деревни Вест-Розебеке.

Конетабль сосредоточил всю свою пехоту в центре и, чтобы в ожидании удара фламандцев придать ей большую устойчивость, приказал спешиться всем поставленным в центре рыцарям за исключением малолетнего короля и его

ближайшей свиты[2].

Но задачей этого центра было затягивать сражение, решительный же удар должны были нанести – одновременно с обоих флангов – рыцари, оставшиеся на конях[3].

При таком расположении победа была французам обеспечена. Они в наших руках. Наши кнехты смогли бы их одолеть, – заявил, якобы, конетабль, возвратившись с разведки и докладывая королю о предстоящем сражении.

Сперва, правда, фламандской фаланге, спустившейся сомкнутыми рядами после залпа из пушек с холма вниз, удалось немного потеснить французов. "Приближавшаяся с копьями и колами масса походила на лес, – говорит Фруассар, – и, как вепрь, кинулась на врага". Монах из Сен-Дени также признается, что французы отступили на 1 S шага.

Но французы не были опрокинуты окончательно и не обратились в бегство, благодаря чему и выиграли сражение: в этот момент на фламандскую фалангу с обоих флангов устремились конные, что остановило также и натиск на фронте. Это поневоле напоминает сражение при Каннах. Много фламадцев было изрублено. Из-за того, что толпа в страхе сжалась, многие задохнулись, среди них и сам Филипп

Артефельде (его труп нашли затем, видимо, без ран, среди убитых на поле битвы).

Относительно численности обеих армий, сражавшихся при Розебеке, нет ни надежных указаний, ни достаточных данных для вычисления.

Для европейской истории это сражение имело большое, но скорее отрицательное, чем положительное значение. Если бы победителями при Розебеке оказались фламандцы, то французские города вышли бы из повиновения королю, а прецедент победы гражданской милиции в открытом бою над рыцарской армией вызвал бы и другие подобные события. Все это придало бы совсем другое направление социальному развитию германо-романских народов.

Источники относительно Розебека буквально погребены под мусорной кучей вымыслов и искажений и выведены на свет только берлинской диссертацией Фридриха Мора (Friedrich Mohr, изд. Georg Nauck, 1906). Этот труд покончил со всеми фантастическими реконструкциями сражения, предпринятыми современными историками.

Для характеристики источников очень интересны сообщения Фруассара по поводу военного совета в Секлене 17 ноября. По словам Фруассара, один из участников этого совета, сеньор де Куси, предложил

отправиться вдоль Шельды, где можно было иметь продовольствие и настичь неприятеля у Уденарда. Конетабль, якобы, возразил, что слишком велика честь для врага – сделать крюк; как смелые воины, они должны пойти прямо на противника и потому напасть на западную Фландрию.

В действительности же как раз сеньор де Куси предложил направиться прямо против главных сил противника, но конетабль поступил стратегически более правильно, – диверсией у Коми на он, прежде всего, извлек неприятеля из его крепкой позиции и увлек его в западную Фландрию.

Таким образом, здесь мы имеем случай, когда рассказчик – наш источник – слышал нечто совершенно правильное, но затем при записи, будучи сам мало в курсе дела, перепутал обоих оппонентов и их мотивы. Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в этом. Генерал же Келер в своем подробном изложении сражения (Kriegsw. d. Ritterzeit, т. II, стр. 574 и след.) просто повторил эту нелепицу.

ГОРОДСКОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ (НАРОДНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ

Сражение при Розебеке показвает нам, почему из зародышей всеобщего гражданского вооружения, – которое при Леньяно по меньшей мере способствовало успеху, а при Куртрэ привело к совершенно самостоятельной крупной победе, – все же не получилось ничего длительного и почему превосходство городской пехоты не

утвердилось. Они остались только эпизодами. Правда, мы вновь и вновь сталкиваемся с ополчением городов, с выставлением ими контингентов, даже с частичными успехами их, но все же к концу средневековья военная сила городов не только не развилась, а, наоборот, уменьшилась и даже вовсе исчезла. Германскими городами было издано много приказов о призыве, но войны они все же ведут при помощи наемников; поэтому мы считаем излишним перечислять отдельные предписания такого рода[4].

Испытанием дееспособности германских городов явилось сражение при Деффингене (1388 г.), показавшее недостаточную подготовленность их, но описание этого сражения я для контраста и взаимного освещения помещаю в следующей книге, посвященной швейцарцам. Победа нюренбержцев над Альбрехтом Ахиллом при Пилленрейте освещена нами выше и является чисто рыцарской битвой. В Италии всецело господствует наемничество. Английская милиция никогда не имела подлинно военного значения. Французские короли прямо отвергают городскую милицию, как не приносящую пользы и только мешающую.

По словам Фруассара, Филипп VI в 1347 г.

заявил, что в будущем он будет водить в бой только дворян. Горожане являются просто баластом, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег на солнце. Можно пользоваться только их стрелками да золотом, чтобы оплачивать издержки, а их самих лучше оставлять дома, – пусть стерегут своих жен и детей и ведут свои дела, для военного же дела годятся только дворяне, изучившие его и получившие соответственно воспитание с детских лет[5].

В таких замечаниях хотели усмотреть дворянское высокомерие и даже зависть рыцарей, не желавших делиться с горожанами вознаграждением, установленным как раз в то время[6].

Однако, в действительности дело, пожалуй, немногим отличалось от того положения, о котором гневно повествует король Филипп.

Дольше всего продержалась и больше всего использовалась городская милиция, понятно, во Фландрии, несмотря на Розебеке. Соседние страны – Брабант, Хеннегау, в конце концов объединившиеся с Фландрией под властью герцогов Бургундских, также выставляли еще в XV в. контингента для своих сюзеренов. Но как раз тот элемент, который принес победу при Куртрэ и который должен был составить

подлинную силу этого войска, если только оно имело будущее, т.е. вооруженное холодным оружием массовое ополчение, – исчезает, а городские контингенты являются, главным образом, ротами стрелков, т.е. только вспомогательным войском для рыцарей, как и во Франции[7].

Наглядную картину походного порядка городской милиции дает нижеследующее описание отправления на войну регенсбуржпев против гусситов в 1431 г.[8].

"Сперва выпили на дорогу, а затем выступили. Авангард составлял капитан Соллер с 73 конными, за ними следовали 71 арбалетчик со своими флагами, поднимаемыми во время скачек, затем 16 стрелков с ружьями. За этим отрядом двигалась повозка капеллы с капелланом церкви, а за ней кузнецы, сапожники, гладильщики, копейщики, портные, повара и мясники, – всего 284 человека с 6 пушками и принадлежностями к ним, 3 центнерами кремня и 2 центнерами свинцовых пуль. В 41 повозке везли порох и свинец для войска, 6 000 стрел, 300 зажигательных стрел, 19 ружей, коровьи шкуры для стоянок и шатров, запас хлеба на 6 недель. Продовольственные запасы состояли из 90 волов, 9 центнеров мяса, 9 центнеров сала, 1 200 голов терминирского сыра, 80 штук трески, 56 фунтов сальных свечей, затем уксуса, древесного масла, перца, шафрана, имбиря, 2 фудеров (большие бочки) и 73 ведер австрийского вина и 138 ведер пива. Стоимость похода составляла 838 фунтов 3 шиллинга."

Особого упоминания заслуживают приказы о призыве, при посредстве которых некоторые князья пытались организовать народное вооружение в германских областях. Вюртембергские графы в войне с городами (1388 г.) подкрепили свое войско крестьянским ополчением; так же поступали в пфальцграфы, герцоги Баварские[9] и другие, особенно же герцоги Австрийские, вынужденные, вследствие гусситских войн и борьбы с Венгрией обратить внимание на усиление своей военной мощи[10]. Тотчас же после начала гусситских войн (1421 г.) герцог Альбрехт V приказал составить список всех годных к военной службе от 16 до 70 лет. Согласно одному призыву от 1431 г.[11], в основе которого лежали, очевидно, прежние, более ранние подобные призывы, каждые 10 хозяйств должны были выставить одного человека, отличающегося ловкостью и телосложением, а 9 остающихся должны были снабдить его всем необходимым и во время его отсутствия следить за его хозяйством. Остаток отдельных владений после деления на 10 должен был складываться с остатком других владений. Детально предусматриваются также вооружение и снаряжение. Из каждых 20 человек 3 должны быть вооружены ружьями, 8 – арбалетами, 4 – копьями, 4 – цепями; кроме того, каждый должен был иметь шлем, панцирь или кольчугу, железные латные перчатки, меч или нож. На каждые 20 человек полагалась одна повозка. Землевладельцы и должностные лица, укрывавшие лиц, подлежащих призыву, подвергались тяжелому штрафу, часть которого шла к герцогу, а часть – главнокомандующему.

В Австрии подобные призывы объявлялись очень

часто. Иногда выставлялся 1 на каждые 30, 20, 15, 10, 5 и даже 3 "оседлых"; чаще всего выставлялся каждый двадцатый или десятый. Иногда те места, которые ближе всего лежали к району военных действий, привлекались в большей степени, чем более отдаленные.

Само собой напрашивается сопоставление этого разделения на группы с группами каролингских капитуляриев: можно было бы даже предположить наличие не прекращавшейся традиции. Но, поскольку мы выяснили, что каролингские указы распространялись не на всю массу крестьян, а только на военное сословие, возможность такого сопоставления отпадает. Австрийское ополчение было связано скорее с повинностью поголовного ополчения, существовавшей – правда, без большого практического значения – всюду и всегда наряду с военной организацией в собственном смысле слова. По капитуляриям должны были выставляться войска, которые летом отправлялись в поход за сотни миль; австрийское же ополчение служило только для обороны страны и лишь изредка для короткого удара по ту сторону границы, – например, для ликвидации разбойничьей шайки в Венгрии (1449 г.). Аналогия разделения на группы не имеет непрерывной исторической связи с каролингскими капитуляриями, а вытекает из той же потребности, а именно – связать ополчение с налоговым обложением; это та же форма взимания податей, которую мы все вновь встречаем и которая применима как в отношении сословий воинов, сюзеренов и вассалов, так и в отношении крестьян и горожан.

Согласно старейшей редакции австрийского

государственного закона, составленного, очевидно, в 1237 г., в случае угрозы стране каждый должен был или отправляться в поход со своим сеньором, чьим "крепостным, посаженным на землю", он является (т.е. от которого он получил дом и двор), или же внести ему военную подать в размере годового дохода своего надела[12].

О действительно военных делах этих австрийских ополчений ничего и не сообщается.

Сражением, при котором победили призванные крестьяне, является Секенгейм (1462 г.), которым я займусь в связи со швейцарцами.

БОЙ ПРИ РЕЙТЛИНГЕНЕ
14 мая 1377 г.

Предание об этом сражении гласит, что граф Ульрих Вюртембергский преградил у самого города путь рейтлингенцам, совершившим грабительский набег, но был разбит, так как в тыл ему из обычно запертых ворот напали горожане, оставшиеся в городе.

Специальное исследование по поводу этого боя Joh. Jacobsen, Die Schlacht bei Reutlingen, Лейпциг, 1882, доказало, что весь рассказ является вымыслом. Якобсен подвергает сомнению также тот факт, что граф и его рыцари сражались, якобы, в пешем строю, как это сообщает Кенигсгофен. К мнению Якобсена присоединяются V. d. Au в статье "Zur Kritik Kцnigshofens", стр. 18 и Schцn, Reutlinger Geschichtsbldtter, 1899, стр. 5. Поэтому для военно-исторических целей этот бой использовать нельзя.

ГЛАВА II

СПЕШЕННЫЕ РЫЦАРИ И ЛУЧНИКИ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КРЕССИ[13]

26 августа 1346 г.

Английские короли стремятся объединить под своим скипетром оба больших острова и присоединить к Британии Уэльс, Шотландию и Ирландию. Подобным же образом французские короли стремятся к действительному господству над ленными графствами, подчиненными королевской власти почти только номинально. Но каждое из обоих соседних королевств пытается помешать начинаниям другого, не допустить его усиления. Отдельные области, частной самостоятельности которых угрожает опасность, находят покровителя в сопернике своего угнетателя: шотландцы – за короля Франции, фламандцы – за короля Англии. Длительная борьба между Англией и Францией является в то же время в обеих странах борьбой центральной монархии с сепаратизмом областей, и это противоречие в свою очередь самым разнообразным образом переплетается с сословными домогательствами и династическими

разногласиями и связями. Однако, своего наивысшего напряжения борьба достигла лишь тогда, когда старшая линия Капетингов вымерла, и когда племянник последнего короля, король Эдуард III, в противовес притязаниям своего двоюродного брата Филиппа Валуа на наследство по мужской линии, потребовал французской короны для себя и своих преемников, ссылаясь при этом на свои права по женской линии и на получение от своих предшественников Гаскони.

Морская победа, одержанная англичанами над французским флотом в 1340 г. при Слуисе, доставила Эдуарду господство над морем. Он мог высадиться на берегу, где хотел, и, послушавшись одного эмигрировавшего французского аристократа, выбрал в 1346 г. для этой цели Нормандию. Так как главные силы французов были направлены против владений английского короля в Гаскони, то англичане без труда заняли и разорили ряд нормандских селений. Это явилось диверсией в отношении южного участка фронта и освободило сражавшихся там и уже сильно теснимых англичан. Поскольку теперь французский король направил свои войска против Эдуарда, последний решил отправиться сушей в союзную ему Фландрию. Не исключена возможность, что это решение он принял не

добровольно. Дело в том, что он разрешил нескольким капитанам кораблей отправиться с больными, ранеными и захваченной добычей домой; но к ним самовольно присоединились и все остальные капитаны, и, таким образом, английская армия неожиданно была отрезана от своей родины и вынуждена была попытаться по суше достичь дружественной земли. На этом марше король Филипп и старался настичь англичан. Несмотря на то, что еще не все войско было в сборе, он приказал уничтожить мосты, которые должен был миновать Эдуард, чем заставил его сделать большой крюк, а сам стал стягивать сюда свои контингента.

Благодаря ловким маневрам и удаче Эдуарду удалось переправиться через Сену и Сомму. Когда же он продвинулся, таким образом, далеко на север, так что в случае поражения уже имел возможность отступить, он принял бой с преследовавшей его армией.

Английская армия при Кресси исчисляется в 14 000–20 000 человек. Достоверность этой цифры, по-видимому, подтверждается сохранившимся до нашего времени списком рекрутского набора, составленным королевским казначеем Вальтер де Ветевангом перед осадой Калэ, последовавшей за сражением при Кресси.

Этот список Ветеванга включает 32 000 человек: если скинуть с этой цифры подкрепления, которые, как доказано, подошли уже после сражения, то остается около 20 000 человек. Хотя эта цифра и не невозможна, все же она так велика, что я не могу подавить в себе некоторое сомнение[14].

Трудно сказать, смог ли Филипп VI собрать в течение 6 недель, прошедших со времени высадки Эдуарда в Нормандии (12 июля), такое же или еще большее число бойцов. Войска, сражавшиеся до этого времени в Гаскогнии и в спешном порядке двигавшиеся сюда, еще не прибыли. Но если французская армия численно даже уступала английской, то и тогда решение Филиппа дать бой вполне понятно, – он безусловно превосходил англичан числом рыцарей, а, кроме того, беспрестанный отход англичан производил впечатление бегства и усиливал самонадеянность французов.

Если бы теперь произошло обычное рыцарское сражение, то победа, по всей вероятности, досталась бы французам.

Но гений Эдуарда III создал такую тактику, такое применение родов войск, незнакомое до того времени средневековью и настолько отвечавшее условиям местности и

стратегическому положению, что об это разбилась вся рыцарская храбрость французов.

Английская армия в большинстве своем состояла из лучников. Обычно в сражениях того времени лучники, как сообщают источники, являлись лишь вспомогательным родом войск для рыцарей. На мало-мальски доступной местности сами они ни в коем случае не могли равняться с соответствующим числом рыцарей. Последние быстрым аллюром опрокидывали лучников, прежде чем их стрелы успевали вывести из строя сколько-нибудь значительное число рыцарей или коней. Сознавая, однако, что рыцари вот-вот врежутся в их ряды и они погибнут, лучники обычно использовали свое оружие не до последнего момента, а искали спасения в бегстве, не ожидая приближения конницы на то расстояние, когда выстрел из лука особенно действителен. Поэтому задачей тактика было заставить линию стрелков задержать противника и держать его под постоянным огнем до последнего момента. С этой целью король Эдуард приказал своим рыцарям спешиться и построиться вместе с лучниками и копейщиками. Оставаясь верхом, рыцари смогли бы в начинающемся рукопашном бою произвести большее действие, но в данном случае центр тяжести лежал не в

этом. Главным назначением рыцарей при Кресси была моральная поддержка массы рядовых бойцов, а это лучше всего было достижимо сражением рыцарей, как и всей остальной массы, в пешем строю. Незначительное число конных рыцарей не дало бы моральной поддержки многочисленным лучникам и копейщикам. Простой воин не смог бы отделаться от чувства, что господ слишком мало для достижения многого, и что в случае неудачи они удерут на своих конях, а он должен будет купаться в собственной крови. Относительно многих средневековых сражений прямо так и говорится, что господа спасались, а пехота бывала изрублена. Хотя это звучит весьма не по-рыцарски, но не следует считать это просто трусостью; господа все равно не могли бы спасти своих слуг и погибли бы вместе с ними.

Обстоятельства здесь складывались иначе, – если уже сражение проиграно, то и храбрецу разрешалось бежать, пользуясь для спасения всеми доступными средствами. Таким образом, конному легче спастись, чем пешему, а значит последний воспрянет духом, видя, что конный добровольно отказывается от преимуществ своего вооружения. Рыцарь получил свое название потому, что он охотнее и лучше всего сражался

верхом; основой его технического превосходства являлся боевой конь. В сражении при Кресси причиной отказа рыцарей от своего лучшего боевого оружия явились не условия местности, а психологически-моральный момент, оттеснивший на задний план технически-физический элемент. Уже с самых ранних времен мы можем в отдельных случаях наблюдать это явление: когда Цезарь повел свои еще не опытные в боях легионы в первое сражение против гельветов, то он приказал увести своих коней, а также коней всех высших начальников и пешим руководил сражением: это несомненно затрудняло правильное руководство, но являлось лучшим средством заставить свежеизбранных легионеров устоять под натиском диких гельветов. В сражении при Страсбурге аллеманы даже потребовали от своих собственных князей, чтобы те сошли с коней и сражались в пешем строю вместе с остальной массой воинов, дабы в. случае бегства князья не смогли спастись раньше их. Граф Балдуин Хеннегаутский (Balduin von Hennegau) во время боя с Готфридом Левенским в 1170 г., желая возбудить храбрость своих воинов[15], также сошел с коня, и часто еще в позднем средневековье мы встречаемся с подобными фактами[16].

Смешением пеших рыцарей со стрелками Эдуард, таким образом, достиг того что выстрелы из лука совсем иначе использовались, чем в обычном рыцарском сражении: лучник стрелял до последнего мгновения, уверенный в том, что если даже неприятельский рыцарь приблизится, все равно он сможет ускользнуть от него, отступив несколько шагов назад, а пеший рыцарь, стоящий подле него, должен будет вступить и вступит в бой.

Но Эдуард сумел еще больше усилить действие лучников. Он занял позицию не поперек дороги, по которой двигались французы, а на продолговатом холме, параллельном этой дороге (слева от нее). В то же время густой лес и крутой обрыв прикрывали правый фланг его армии от атаки французов. Таким образом, французы, для того чтобы подойти к англичанам, должны были сначала продвинуться в сторону левого фланга англичан, чтобы затем уже атаковать холм. Но мы знаем – король Эдуард знал это также, – что не так-то легко удержать рыцарей, завидевших врага. Ведь нужна очень дисциплинированная армия, чтобы заставить первые колонны ее, повернутые против неприятельской боевой линии, задержаться прямо перед ней, пока не подойдут и последние колонны. Эдуард мог рассчитывать,

что его фланговая позиция – еще больше, чем это имело место при фронтальной, при которой приближение можно заметить издалека, – спровоцирует врага на разрозненные атаки. Но каждая разрозненная атака давала англичанам то преимущество, что еще больше усиливала действие выстрелов из лука, так как в приближавшихся коней и людей можно было пускать стрелы не только с фронта, но – что имеет особенно сильное действие – и с флангов.

Наконец, нужно учесть также форму построения армии. Фруассар сообщает, что лучники стояли "en fourme de une herse". Это выражение, над которым много ломали голову, означает то, что мы называем "в шахматном порядке": herse – значит "борона", а также опускная решетка или "палисад" (частокол); "палисад" и "опускная решетка" не дают никакого образа, зато выражение "борона" дает правильную картину расположения. В самом деле, ведь зубья не могут быть насажены ни густо (так как в этом случае они собирали бы перед собой кучки земли), ни непосредственно один за другим (так как тогда они взрывали бы слишком мало борозд). На самом деле зубья так прилажены, что каждый задний зубец всегда торчит несколько в стороне от переднего, или же борону тащат по полю не

прямо, а наискось, чем достигается то же действие. Итак, чтобы одновременно могли стрелять несколько шеренг, Эдуард приказал задним шеренгам строиться не прямо в затылок передним, а несколько выступить и стрелять в промежутки. Вопрос о том, могли ли таким способом стрелять прямо перед собою больше чем две шеренга, я оставлю открытым[17]. Вероятно, третья, четвертая и пятая шеренги стреляли только тогда, когда густые массы неприятеля находились еще в некотором отдалении, т.е. когда в них можно было попадать выстрелами с крутой траекторией. Когда французы подступали ближе, то последние шеренги лучников не могли сами стрелять, а помогали передним, заменяя раненых и пополняя оружие и стрелы.

Король Филипп провел со своим войском ночь в Аббевиле и близ него, в 2 S милях южнее Кресси. Только в 3 часа пополудни на марше он получил известие, что англичане ждут его в полном боевом порядке, и решил отложить наступление до следующего дня. Но передние отряды находились уже в виду неприятеля, а когда эта весть распространилась, то задние ряды стали напирать на передние; поэтому король и решил тут же начать бой.

Сперва он приказал выступить генуэзским

арбалетчикам, но они мало что могли предпринять против расположившихся наверху английских лучников. Сражение стало серьезным только тогда, когда французские рыцари, бросившись через строй арбалетчиков и потоптав некоторых из них, обычным образом пытались прорвать неприятельскую позицию. Если бы предварительно было произведено упорядоченное развертывание и вся масса бросилась бы на англичан одновременно, то английские стрелы вряд ли задержали бы приступ. Но французы наступали отдельными отрядами, по мере прибытия их на поле сражения, и вследствие наклона местности двигались медленно. Участники сражения насчитывали, якобы, 15 или 16 разрозненных атак. Широкий фронт англичан осыпал рыцарей каждый раз тралом стрел, и хотя многие стрелы не могли пробить снаряжения рыцарей и коней, все же при огромном числе[18] стрел многие из над попадали; то незначительное число атакующих, которое смогло достичь неприятельских рядов, закалывалось английскими спешенными рыцарями и копейщиками. Главные атаки были направлены, естественно, против правого фланга англичан, который являлся ближайшим к направлению движения французов. Здесь

командовал 16-летний принц Уэльский, Черный принц. Один раз он находился в таком тяжелом положении, что его отец послал ему на помощь 20 рыцарей из центра. Этой незначительной поддержки было достаточно, чтобы вновь отогнать французов: число их рыцарей, сумевших довести дело до рукопашною боя, было также очень незначительно.

Сам король Филипп зашел так далеко, что под ним была убита лошадь, но затем он сознал всю невозможность победы и с небольшой свитой покинул поле сражения.

Насколько храбро атаковали французы, показывает список павших: во главе списка стоит слепой король Богемский, граф Люксембургский и отец императора Карла IV. Затем пали брат и племянник короля Филиппа, графы д'Алансон и де Блуа, герцог Рауль Лотарингский, граф Людвиг Фландрский, граф Иоанн де Гаркур, граф Симон де Сальм, граф Людвиг де Сансер, граф Иоанн д'Оксерр, граф Иоанн де Гранпре, наконец – 83 дворянина, командовавших собственными отрядами, и около 1 200 рыцарей.

Победа короля Эдуарда принадлежит к весьма редкому явлению в военной истории – победе, одержанной при помощи чистой обороны. Король категорически запретил всякое преследование и

сам не провел ни одной операции, которая подвергла бы его пеших бойцов опасности внезапной конной атаки в долине со стороны противника.

Лучники, при помощи которых Эдуард III одержал победу в сражении при Кресси, были, как мы видели, введены в английскую военную организацию его дедом – Эдуардом I. Никакой новизны, которая имела бы принципиальное значение, в этом не было, а здесь имело место только возобновление и укрепление тех форм, которые были переданы стариной. Уже Вильгельм Завоеватель имел большое число стрелков, а император Фридрих II имел их еще больше. Хотя усиление этого рода войск, проведенное Эдуардом I, и доставило ему покорение Уэльса и Шотландии, но это нисколько не изменило образа ведения войны и не дало англичанам никакого длительного превосходства над противником. Несмотря на наличие лучников, Эдуард II проиграл Баннокбурнское сражение и этим самым снова потерял Шотландию. Да и сам Эдуард III, начиная длительную войну против Франции (1339 г.), не рассчитывал одолеть противника с помощью большого числа и совершенства своих лучников, а заключил договоры о поставке наемников и союз со многими германскими

князьями и сюзеренами, как то: с графами Бергским, Маркским, Лимбургским, Голландским, с пфальцграфом, маркграфом Бранденбургским, с герцогами Юлихским, Гельдернским, Брабантским и даже с самим императором Людовиком Баварцем. Для оплаты княжеских кондотьеров в Англии пришлось ввести колоссальные налоги; помимо крупных сумм, вотированных парламентом, король много денег выжал просто силой; он приказал конфисковать предназначенную к вывозу шерсть и получил большие авансы от купцов Ганзейского союза, предоставив им за это льготы в ущерб собственным подданным. Некоторым нижнерейнским князьям, которым не смогли уплатить наличными, предоставлено было право на вывоз определенного количества шерсти. Богатые аббатства также должны были уделить часть монастырских ценностей для военных нужд. Но как ни велика была армия, составленная таким образом, все же, когда Эдуард вторгся с ней в 1339 г. в пределы Франции, он ничего не смог достичь; король Филипп VI, хотя и выступил с ополчением ему навстречу, уклонился от боя, а Эдуард не чувствовал себя настолько сильным, чтобы вынудить его принять бой. Филипп правильно рассчитал, что англо-германская армия

удержится недолго: германские князья вскоре заявили, что они уже достаточно сделали, и Эдуард, ничего не добившись, должен был повернуть обратно.

Когда Эдуард на 7-м году войны вторично отправлялся за море, германские рыцари уже не принимали участия в его походе, а были заменены большим числом лучников. Однако, хотя на этот раз армия в большинстве своем и была национально-английской, тем не менее это была наемная армия. Средства были собраны путем чрезвычайно обременительных налогов, а именно, подобно каролингским капитуляриям, были призваны военнообязанные, и им разрешено было выставить вместо себя наемников.

Если при первом своем вторжении английский король не смог добиться решительного сражения, то тем менее он мог на это рассчитывать теперь (1346 г.), обладая столь малым числом рыцарей. Если первоначально он, быть может, намеревался направиться в Гасконь, то, во всяком случае, он преследовал только одну цель – освободить при помощи диверсии осажденные в Гаскони английские крепости и гарнизоны.

До сражения дело, в конце концов, дошло только потому, что французский король, ободренный беспрерывным отходом англичан,

положился на свои силы и решил атаковать их позицию, чего в 1339 г. при Бюйронфосе при таком же расположении войск он не сделал.

Неслыханные до тех пор результаты действий английских лучников при Кресси мы приписали особой тактике, созданной в этом сражении обстоятельствами и полководцем. Историки говорят совсем иное; они повествуют и расписывают о преимуществе лука как такового, о скорости стрельбы и действии стрел. Но победа при Кресси не определяется одним только луком, так как в противном случае было бы непонятно, каким образом до и после сражения рядом с луком смог утвердиться арбалет и почему огнестрельное оружие играет небольшую роль в более ранних столетиях средневековья. Действительно сведующего свидетеля этого сражения, который смог бы разобраться и вникнуть в связь событий, – нет. Нам остается только признать фактом единодушное свидетельство источников о том, что стрелы падали, "как снежные хлопья", и самим постараться найти объяснение. Целый ряд источников – даже такой, как Виллани, который, очевидно, сам чувствовал необходимость в объяснении, – сообщает, что англичане расположились вагенбургом. Другие (Рюстов) захотели вычитать из источников, будто

англичане возвели перед собой небольшое укрепление, под прикрытием которого они, обстреливали рыцарей. Но сопоставление всех показаний не оставляет никакого сомнения в том, что такого прикрытия стрелки не имели. Таким образом, причиной успеха англичан было только искусство полководца – короля Эдуарда, построившего лучников и придавшего им моральную стойкость смешением с ними рыцарей и копейщиков. С другой стороны, французские рыцари проиграли сражение не из-за отсутствия смелости, а вследствие недисциплинированности, отчего они шли в огонь не все вместе, а отдельными отрядами, что и привело их к гибели.

Для полного уяснения связи событий мы можем задать себе вопрос: почему император Фридрих II, о котором ведь сообщается, что он также располагал большим числом лучников, – почему он не дал подобного сражения? Ведь он, наверное, был тем человеком, у которого могла родиться подобная идея. Ответ на этот вопрос заключается в том, что Кресси было оборонительным сражением. Когда хотят ограничиться обороной, то дело зависит не только от собственной военной мощи, но в равной мере и от противника. Весьма самонадеянные и сильные французские рыцари атаковали на конях

английскую позицию при Кресси, так же как в 1302г. позицию фламандцев при Куртрэ. У рыцарей же итальянских коммун такого духа не было. С самого начала они не стремились и не могли стремиться одолеть императора в открытом бою, а, наоборот, старались только затянуть дело и не дать ему одолеть себя. Они стремились вступать в бой только в случае благоприятных условий, как некогда при Каркано и Леньяно. Итак, инициатива всецело находилась в руках императора, и наступление зависело от него. Эдуард же ограничился нанесением неприятелю ущерба тем, что разорял и разрушал его страну и захватывал отдельные недостаточно защищенные города, а инициативу наступления предоставил противнику.

Построение войск при Кресси не было, конечно, импровизицией. В малом масштабе оборонительная сила лучников в неприступной местности часто исполльзовалась уже издавна; уже в XII в. мы имеем подобные примеры – бой при Бург-Терульде (Bourg-Theroulde, 1124 г.), сражение при Яффе (1192 г.), и непосредственно перед Кресси было два таких сражения: при Депплин-Мюире (Dupplin-Muir 9 августа 1332 г.), когда незначительное число изгнанных из страны шотландцев под командой Эдуарда Бальоля,

сообща с вторгшимися в страну, одержали победу над шотландским ополчением под командой регента Карла Марского и Халидон-Хиллъское сражение при Бервике (19 июля 1333 г.), когда сам Эдуард III одержал победу над шотландцами под командой регента Арчибальда Дугласа[19].

В обоих сражениях спешенные рыцари комбинируются с лучниками, а по поводу Халидон-Хилля один английский историк Бэкер из Свинброка определенно говорит, что здесь англичанин, вопреки обычаю отцов, учился воевать в пешем строю, а коней – сохранять для преследования. Это заключительное преследование на конях, которого не было в сражении при Кресси, при Халидон-Хилле, якобы, имело место. В таком случае это сражение стояло бы в военно-историческом отношении еще выше, чем Кресси. Однако, сообщения об этом сражении кажутся мне не настолько достоверными, чтобы сделать Халидон-Хилль центром обсуждения; особенно под вопросом стоит численность сражавшихся масс, и не вполне понятно, каким образом шотландцы могли осмелиться на штурм позиции англичан при Халидон-Хилле. Исторически обоснованным сражением, при котором победу доставило перемешивание пеших рыцарей с лучниками, остается Кресси, и

действительно гениальным представляется нам выбор поля сражения на фланге неприятельского пути наступления с несомненным умыслом раздробить неприятельские атаки, благодаря чему, кроме того, было увеличено поле действий лучников.

В результате победы у Кресси Эдуард смог начать осаду Кале, который сдался только после упорной защиты, спустя целых 11 месяцев. Один раз король Филипп подступил с большой армией, дабы освободить город от осады. Но во время приближения французов Эдуард стянул сильное подкрепление, так что его армия насчитывала, в конце концов, полных 32 000 воинов. Атаковать такую армию, особенно после опыта Кресси, Филипп не осмелился и, не достигнув никаких результатов, повернул назад и предоставил город самому себе.

Но и Эдуард, имея такую огромную военную силу, не поставил себе большей цели, чем овладение Кале. Это объясняется тем, что ему только при напряжении всех сил своего обширного государства удалось создать такую военную силу, какой в средние века являлись 32 000 воинов; все же удержать такую армию и оперировать ею в течение долгого времени он не был в состоянии.

И после взятия Кале военные действия англичан ничем не отличались от обычных опустошительных набегов. Эти набеги отнимали у них так много внимания и сил, что Шотландия тем временем снова освободилась от английского господства.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОПЕРТЮИ
19 сентября 1356 г.

Через 10 лет после Кресси сын Эдуарда III – Эдуард Черный принц – одержал над французами точно такую же победу. Прежде всего снова нужно отбросить сообщенные в источниках большие цифры. Согласно авторитетному специальному исследованию Карла Лампе (Karl Lampe)[20], англичане имели от 1 600 до 1 800 рыцарей и 2 000 лучников, кроме того, некоторое число пеших; французы насчитывали 3 000 рыцарей. С таким превосходством в силах французы наступают на принца, опустошающего от края до края всю страну у Луары. Принц отступает до тех пор, пока не находит выгодной позиции. Король медлит с наступлением, так как ждет еще подкрепления и считает возможным, что принц из-за недостатка продовольствия должен будет уйти. Вступают в переговоры о заключении мира. Тогда принц предпринимает притворное

отступление; французский авангард дает вовлечь себя в немедленное наступление, попадает под град стрел английских лучников, натиском английских рыцарей обращается в бегство и своим бегством возбуждает панику среди бивуакирующей еще сзади главной массы войск. Король Иоанн, чтобы спасти честь, приказывает рыцарям спешиться и сражаться в пешем строю. После длительного сопротивления он вместе со свитой попадает в плен.

Таким образом, Мопертюи – с большим искусством предпринятое и проведенное Черным принцем оборонительно-наступательное сражение.

В руках хорошего полководца английские воины (хотя половина рыцарей состояла из гасконского ополчения) оказались лучше, чем французские феодальные рыцари. Это свело на нет всю храбрость французов.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АЗИНКУРЕ
25 октября 1415 г.

Исходные стратегические предпосылки сражения при Азинкуре имеют еще больше общего с Кресси, чем Мопертюи. Английский король Генрих V высадился снова в Нормандии и отсюда направился во Фландрию. Французы

опять пытались преградить ему переправу через Сомму, и так как это им у устья реки удалось, то Генрих вынужден был пройти свыше 100 км вверх по реке, почти до истоков ее, до того места, где река делает изгиб к северу, французам же пришлось обойти изгибы; англичане имели на Сене более короткий путь, опередили их и переправились через реку. В 1346 г. после переправы через Сомму произошло сражение, причем англичане остановились, повернули, заняли позицию и стали ждать французов. В 1415 г. французам, благодаря тому что они еще в течение 5 дней двигались параллельно англичанам на север, удалось опередить и стать им поперек дороги, так что англичане вынуждены были атаковать.

Вследствие этого положение стало прямо противоположным положению при Кресси, и сражение должно было быть чрезвычайно интересным в тактическом отношении. Ведь сила английской тактики перемешевания спешенных рыцарей и лучников при Кресси заключалась в обороне, но каким образом добиться успеха при наступательных действиях? Французы выбрали для своей позиции узкое пространство между двумя лесами, шириною, по некоторым данным, не больше чем в 500 м. Полдня Генрих V,

очевидно, медлил и колебался – начать ли наступление; но затем, должно быть, он отдал себе отчет в том, что при попытке обойти французов последние все равно атакуют его на марше и даже смогут за это время подтянуть подкрепления, а потому лучше всего начать сражение немедленно.

Задачей описания этого сражения является выяснение причин победы англичан над храбрыми французскими рыцарями, несмотря на отсутствие на этот раз тех преимуществ, которые объясняют их победу при Кресси и Мопертюи, и несмотря на то, что все источники, в том числе и французские, единодушно утверждают, что они были в меньшинстве. Ни одно из прежних описаний не сумело решить эту загадку; мое описание основывается на специальном исследовании Фридриха Нитe (Friedrich Niethe)[21].

Прежде всего нужно выяснить – действительно ли французы имели численное превосходство или же оно было на стороне англичан? Правда, все источники сходятся на том, что французы были численно сильнее англичан, но нужно помнить, что и французские источники, которыми мы располагаем, являются не друзьями, а врагами побежденных. У нас вообще нет сообщения, которое представляло бы точку зрения

сторонников Орлеана – Арманъяков. Источники все сообща и каждый в отдельности исходят из лагеря противников. Впрочем уже из гусситских войн мы узнаем, что после поражения данные о численности своей стороны сплошь и рядом искажают. В отношении Азинкура факты красноречиво говорят, что здесь дело обстояло именно так. Если бы французы считали себя достаточно сильными, чтобы атаковать англичан, то лучше всего это можно было сделать непосредственно после переправы Генриха через Сомму, когда обе армии стояли при Перонне, одна против другой. Французы, однако, пропустили Генриха мимо себя и попытались задержать его при помощи несколько неуклюжей военной хитрости – вызовом на рыцарский, бой. Подобную тактику можно объяснить только желанием выиграть время, так как не хватало еще многих контингентов. А так как и Генрих, сообразно английской тактике, не пошел в наступление, то обе армии двигались в течение 5 дней почти рядом. Это было настоящим состязанием: если бы Генрих обогнал французов, то ему предоставлялся выбор – или без боя идти на принадлежавший ему Кале, или же повернуть и вступить в бой с французами, как это сделал его дед при Кресси; если же опередили бы французы, то они вынудили

бы англичан завязать противоречащее их тактике наступательное сражение. Генрих делал огромнейшие переходы, не давая своим войскам, передвигавшимся беспрерывно в течение уже 14 дней (они снялись с лагеря в Гарфлере 8 октября), ни одного дня отдыха. Все же французы оказались более быстрыми, – правда, ценой того, что при таком марше подкрепления не смогли их нагнать. Конетабль д'Альбрет, видимо, утешался мыслью, что двигаясь на север, он по крайне мере идет навстречу герцогу Брабантскому, шедшему с подкреплением. И действительно, когда заняли позицию при Азинкуре, то, должно быть, с часу на час ждали его прибытия: однако, мы узнаем, что, в конце концов, только он лично явился в последний момент на поле сражения, а его рыцари уже не принимали участия в сражении. Все это приводит к заключению, что за 6 дней со времени переправы англичан французы не получили значительных подкреплений, следовательно, при Азинкуре их было не много, как об этом говорят источники, а наоборот – мало. А что Генрих тем не менее колебался атаковать их – вполне объясняется оборонительным характером английской тактики. Нитe исчисляет силы англичан, примерно, в 9 000 человек, в том числе 1 000 рыцарей, и в соответствии с этим –

французов в 4 000–6000 человек[22]. Он полагает, что Генрих не имел пеших копейщиков и, кроме тяжеловооруженных рыцарей, располагал только лучниками, вооруженными наряду с луком также кое-каким холодным оружием.

Французы, соответственно своим оборонительным намерениям, спешили часть рыцарей; они были построены вместе с пешими кнехтами и арбалетчиками. Такое чисто оборонительное построение было бы совершенно беззащитно в случае стрельбы многочисленных английских лучников; поэтому два отряда конных рыцарей остались на обоих флангах, дабы в случае приближения английских лучников произвести контрудар и смять их.

Это построение было, очевидно, вполне обдуманным, но являлось в корне ошибочным. Оно исходило из вполне, в сущности, правильной предпосылки, что в открытом поле лучники не сумеют выдержать конной атаки. Но дело зависело еще и от численности обеих сторон. Кучка французских рыцарей, назначенных для атаки лучников, составляла лишь часть французской армии и при этой операции столкнулась со всей английской армией, тогда как главные силы французов оставались в оборонительной позиции, т.е. бездействовали.

Следовательно, план французов приводил к раздроблению их сил. Стратегическая обстановка вынуждала французов к обороне. Если бы численность их лучников, хотя бы примерно, соответствовала численности английских, то, несмотря на меньшинство, они смогли бы победить. Но в отношении этого рода войск они были очень слабы[23], а для армии, вооруженной холодным оружием, оборона – весьма неподходящий вид боя. Правильнее было бы при приближении английских лучников на достаточно близкое расстояние перейти одновременно с конницей и пехотой в атаку. Этому, вероятно, помешало представление о том, что нужно по возможности держаться оборонительной тактики. Однако, невозможность сохранять исключительно оборонительное положение против английского дальнобойного оружия имела следствием частичное наступление конных, которое теперь уже, во всяком случае, не могло иметь успеха.

Еще правильнее было бы, – поскольку армия по своему составу не годилась для обороны, – атаковать англичан на марше в один из предыдущих дней перехода. И в самом деле, Генрих позаботился об этом, почему и снабдил всех своих лучников острыми кольями, примерно в 2 м длины, которые они в случае приближения

неприятельской конницы, должны были выставить перед собой в форме палисада. В дальнейшем мы увидим, как англичане, несмотря на вынужденный переход в наступление, все же использовали это вспомогательное средство.

Прежде, отправляясь вместе на войну, рыцари всегда следовали на конях за стрелками.

Теперь же король Генрих приказал своим рыцарям спешиться и смешаться с лучниками. Он применил таким образом тот вид боя, к которому англичане до тех пор прибегали при оборонительных сражениях, при наступлении. Причину этого видоизменения нужно искать в численном соотношении обоих родов войск. Генрих имел лучников почти в 8 раз больше, чем рыцарей. Но если рыцари остались бы на конях, то с момента их наступления лучники оказались бы не у дела. Это было допустимо и естественно, когда лучники и численно составляли только вспомогательное войско, а исход борьбы зависел от рыцарей. Когда же, как в данном случае, лучники составляли большинство армии, то рыцари должны были оставаться в самой тесной связи с ними, а это было возможно только путем спешивания, как ни неудобно им было двигаться в их тяжелых доспехах. Для того, чтобы они не очень выдохлись при продвижении вперед, была

сделана одна остановка.

Подойдя к противнику на расстояние выстрела, лучники вбили острые колья перед собой в землю. Трудно себе представить, каким образом это было возможно, так как каждую минуту французские рыцари могли перейти в атаку, и, кроме того, эти колья препятствовали бы дальнейшему продвижению самих англичан. Так как, однако, об этом сообщают два совершенно независимых друг от друга источника, причем они категорически заявляют, что французская конница бросилась через колья, то мы должны этому поверить и объяснить такое явление тем, что французы, обороняясь, предоставили англичанам время для применения этого приема их оборонительной тактики также при наступлении. По-видимому, кольями был огорожен не весь фронт, но только некоторые его части на флангах, которые, может быть, были даже несколько загнуты назад в целях обеспечения их от атаки всадников, причем работы были произведены еще до того, как англичане подступили к французам на расстояние выстрела. Таким образом, центр построения англичан был выдвинут вперед, чтобы градом стрел против пехоты вызвать французских рыцарей на атаку, которая затем привела бы их под выстрелы из лука со стороны несколько

загнутых назад и защищенных палисадом английских флангов.

Как бы то ни было, но огромной массе английских лучников, соединенной со спешенными рыцарями, удалось, как и при Кресси, отбить атаку нескольких сот французских рыцарей. Когда же всадники или лошади без всадников, сильно израненные, бросились назад, причем привели в беспорядок и обескуражили только теперь начавшую двигаться или даже остававшуюся неподвижной пехоту, а англичане в это время решительно устремились вперед (причем даже лучники взялись за холодное оружие), французы не выдержали натиска и были разбиты. Под действием английских стрел французские стрелки с самого начала сражения отошли назад. Со стороны французов очень многие погибли или попали в плен как при неудавшейся конной атаке, так и в последующем пешем бою, когда для спешенных тяжеловооруженных рыцарей всякая возможность бегства была исключена.

Как в отношении сражений при Саламисе и Тальякоццо, так и в отношении этого сражения имеется рассказ (Вальсингам) о том, что французские рыцари в своих тяжелых доспехах не могли свободно двигаться, а потому их без труда

одолели легковооруженные англичане. Таким образом, можно было бы предположить, что воин в доспехах менее боеспособен, чем воин без доспехов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По ходу сражения при Кресси казалось, что английская тактика перемешивания стрелков и пеших рыцарей применима только для обороны. При Азинкуре Генрих V перешел с такой же тактикой в наступление. Однако, это было возможно только при особых условиях этого сражения.

Это ни в коем случае не породило новой тактики, а потому неправильно думать, что английская пехота является переходной ступенью к современной пехоте, и усматривать поэтому в Эдуарде III подлинного создателя ее[24]. Наоборот, несмотря на блестящие неоднократные успехи такой фаланги из лучников и рыцарей, она все же осталась только эпизодом, а современная пехота выросла совсем из другой основы, с которой мы еще ознакомимся. Лучники, копейщики и рыцари Эдуарда III и Генриха V в конечном счете – обычные лучники, копейщики и рыцари средневековья, с той лишь разницей, что некоторые их, качества были гениально и в

максимальной степени использованы этими королями в том отношении, что благодаря значительному увеличению числа лучников и лучшей дисциплине рыцарей были созданы новые приемы боя. Спешивание же рыцарей, необходимое при этом, не является прогрессом в техническом отношении, так как при этом пропадает сила рыцарских коней, а фаланга из рыцарей и стрелков и до, и после этого не была в состоянии устоять против энергичного наступления конных рыцарей в открытом поле. Рыцарям было так тяжело двигаться пешком, что в дальнейшем при подобных маневрах, при продвижении указывалось, сколько раз нужно по дороге делать остановку, чтобы дать рыцарям время отдышаться, а гофмейстер Карла Смелого, Оливье де ла Марш, в одном месте рассказывает, что бургундские рыцари так утомились от ходьбы, что пажи вынуждены были поддерживать их под руки, чтобы они не упали[25].

Несмотря на это, во второй половине XIV в. спешивание рыцарей стало обычаем. Получается впечатление, что конь служил рыцарям уже не в качестве боевого средства, а только в качестве средства передвижения, так как они садились на коня или для преследования, или же для бегства, а во время сражения коня придерживал оруженосец.

Причина такого обычая лежит не в техническом моменте, а ее нужно искать лишь в усилении того психологического фактора, который вызывался обороной: этим до крайности увеличивалась серьезность боя. Рыцари, соскакивающие с коня во время боя, сжигали за собой корабли; они объявляли, что хотят победить или умереть; этот моральный плюс с лихвой компенсировал механический ущерб, тем более что число рыцарей уменьшилось, а число рядовых наемников увеличилось, и спешенные рыцари, давая им моральную поддержку, вливали в них мужество. Можно сказать: после того, как рядовые наемники стали численностью настолько превосходить рыцарей, что непосредственная физическая военная работа последних стала приобретать второстепенное значение, благоразумнее было использовать моральный прорыв рыцарей уже не непосредственно, а косвенно, для подъема духа массы бойцов.

Бывали, разумеется, и такие случаи (сражение при Булленьевилле 1431 г.), когда бургундские рыцари отказывались сойти с коня, но, в конце концов, по настоянию пикардийцев и англичан было постановлено, что каждый воин, вне зависимости от его положения, должен под угрозой смерти спешиваться[26].

В этом, я полагаю, и заключается причина, почему в раннем средневековье спешивание рыцарей встречается гораздо реже.

Приведенные психологические моменты имеют длительный характер и смогли бы с таким же успехом проявиться, скажем, во времена Каролингов или Штауфенов. Но для проявления этой силы нужно было, чтобы, с одной стороны, ее вызвало возраставшее число кнехтов, особенно лучников, а с другой – должен был последовать толчок, данный при Кресси и последующими английскими победами. Этот толчок был дан англичанами, потому что их рыцари были лучше дисциплинированы и подчинялись полководцу, который благодаря этому и был в состоянии провести такое новшество. А после того как успех спешенных рыцарей стал однажды очевидным фактом, мысли уже сами потекли в этом направлении. Стало уже не только обычаем, но и модой проявлять свое рыцарство отказом от коня. Этим и объясняется поступок французского принца, герцога Брабантского, брата герцога Бургундского, который прибыл в сопровождении нескольких рыцарей в последний момент на поле сражения при Азинкуре и соскочил с коня, дабы сражаться вместе с другими и как другие, но тотчас же был убит англичанами. Его дед, король

Франции Иоанн, основал в память легендарного короля Артура "Орден звезды", статут которого обязывал членов его никогда не отступать больше, чем, приблизительно по их оценке, на 4 arpents[27]. Это предписание настолько абсурдно, что практически вряд ли выполнялось, но самый факт его издания показывает, что повышенное понятие о рыцарской чести было тогда близко к карикатуре: еще немного – и пришли бы к харакири самураев, японских рыцарей. Мы приводим эту нелепость, чтобы показать всю противоестественность того явления, что рыцарь принципиально спешивается для боя, даже при атаке. Но это настолько противоречило самой природе вещей, что обычай укоренился все же не окончательно, и время от времени мы вновь встречаем конные бои или такие сражения, где по крайней мере часть рыцарей остается на конях[28].

Как часто и как далеко переступалась естественная граница для спешивания, необходимого по условиям местности или вследствие желания создать остов для пехоты, – установить трудно, так как источники говорят о спешивании и тогда, когда оно не имело места (по крайней мере не носило общего характера)[29].

Хотя спешивание рыцарей было только

эпизодом, все же его можно рассматривать как прелюдию для нашего времени в том отношении, что это является известной переходной ступенью к позднейшему офицерскому корпусу: офицер в современном смысле слова сам вовсе не сражается, а только поддерживает дисциплину и подает пример массе бойцов; в этом психологическом воздействии на массу воинов мы и усматриваем главный мотив спешивания рыцарей: ради этого они поступаются существенной частью собственных средств наступления – конем.

ГЛАВА III

ОСМАНЫ

Мы видели, как на смену арабам с их природным воинственным духом пришли несколько столетий спустя сельджукские турки. Еще до окончания крестовых походов Восток был захвачен монголами под предводительством Чингиз-хана. Однако, несмотря на огромные военные подвиги его самого, а также шедшего по его стопам Тимура (Тамерлана)[30], мы можем опустить их в нашем контексте. Зато заслуживает описания возникшая на развалинах восточного мира своеобразная военная организация османов.

Османы не являются собственно турецким племенем, как сельджуки, а представляют собой дружину крупного кондотьера Османа (1300 г.) и его не менее воинственных преемников, составленную из самых различных элементов. Ведь в норманны были смешанной крови.

Османы начали свою историю так же, как и другие основанные на Западе и Востоке государства: будучи воинственными наездниками, они завоевывали разные области и располагались в них в качестве военной дружины или военного сословия. Первоначальная система арабов

(стр. 118) – содержать свое войско за счет государственной казны, пополняемой податью покоренных, – была перенята ими в форме, очень близкой и постепенно все более приближавшейся к ленной системе Запада. Отдельным воинам отводились земли, подати с которых поступали непосредственно в их распоряжение, и на этих землях они имели определенное право чинить суд[31]. Сельджуки, а затем османы продолжала это. И все же по сравнению с Западом имеется большое различие. Его можно, как мне кажется, изложить следующим образом. Во-первых, османские лены всегда оценивались и различались по их денежной стоимости; во-вторых, здесь прошло значительно больше времени, чем на Западе, пока утвердилось право наследования, и поэтому, в-третьих, публичная должность, правительственная власть, не была захвачена ленными владельцами, а оставалась в руках султана. Таким образом, османское государство ближе к англо-норманскому, чем к континентально-европейскому: и здесь и там подлинной феодальной системы не развилось. Но османская ленная система в период своего расцвета решительно отличается от англо-норманнской системы, так как лены, тимары, классифицирующиеся по их стоимости,

действительно жалуются всегда снова, – они не сливаются с родом владельца, а принадлежат, так сказать, всей корпорации воинов, сипаев. Юноша, сын крупного ленного владельца, не наследует владение своего отца, а начинает с простого военного лена и только в случае отличия наделяется более крупным леном. Но как ни усилилась благодаря этому власть султана над ленниками (тимарли), все же и здесь мы слышим о нерадении последних, когда они должны были следовать его военному призыву. В одной из покоренных областей, в Сербии, высчитали, что примерно на 40 кв. км приходился один наделенный леном сипай. Наряду с тимарли султаны имели непосредственно подле себя сипаев Порты, их лейб-гвардию, которую можно сравнить со скарой франков. Вместе с конными воинами имелись и пешие копейщики, асабы, ничем замечательным, однако, как и на Западе, себя не проявившие. Во всех этих институтах, хотя и имевших своеобразную восточную окраску, все же, как мы видим, нет ничего сильно отличающего их от обычного для того времени. Если бы империя Османа зиждилась только на наделенных или не наделенных ленами сипаях, то вряд ли получилась бы та интенсивная жизненная сила, благодаря которой эта империя так

выделяется на фоне предшествовавших мусульманских государств.

Но кто придает своеобразие османам, кто основывает и укрепляет их господство на протяжении столетий – это янычары[32].

Янычары, или "новые войска" (Jeni dscheri), созданные примерно в 1330 г., были пешими лучниками наподобие английских лучников того времени, но имели совсем иную организацию. Это – постоянное дисциплинированное войско. Английские лучники – также профессионалы, но это – наемники, вербуемые для данной войны и распускаемые после заключения мира. Они возвращаются к своей гражданской профессии или ищут другой военной службы, или же разбойничают и бродят по стране. Янычары, вначале также вербовавшиеся, остаются на постоянной службе у султана и пополняются мальчиками, насильно отрываемыми от семей покоренных христиан; этих мальчиков обращают в мусульманскую веру, строго воспитывают и обучают военному ремеслу. Янычары не женятся и не имеют семей, а живут в замкнутой корпорации, являющейся одновременно и некой хозяйственной единицей и военной частью. Каждые 10 янычар образуют "ряд" (Rotte), имеющий артельную палатку, общий котел и

общую вьючную лошадь. 8–12 таких "рядов" образуют роту, "оду", подчиняющуюся особому командиру. В XIV в. имелось 66 од янычар, которых можно, пожалуй, исчислить примерно в 5 000 человек. Магомет II, покоритель Константинополя, добавил к этому еще 33 оды "сегбан", а затем к этому прибавилось еще 100 од, называвшихся "яга"[33].

Обязательным условием для поддержания в этом войске необходимых качеств и вместе с тем характерной чертой этого войска являлось абсолютно правильное и бесперебойное снабжение его продовольствием, и османские султаны добились того, чего не сумел добиться ни один христианский монарх того времени, – извлечения необходимых для этой цели средств от подвластных им подданных. Какое значение имел продовольственный вопрос во всей организации янычар, видно из забавных обозначений офицерских должностей: командир оды называется чорбаджи-баши, т.е. "раздатчиком супа", другой называется "главным поваром", третий – "квартирмейстером". Унтер-офицеры называются "погонщиками верблюдов". Сама ода называется "спальней", где товарищи сообща спят, или "ортой", т.е. очагом, на котором варят общую пищу. Котел считается буквально святыней

войска. Кроме малого котла для роты, имелся большой общий котел для всей оды, в котором каждую пятницу для воинов Аллаха с кухни самого султана приносился пилав – национальное блюдо из риса и баранины.

В свою войлочную шапку каждый янычар втыкал деревянную ложку.

С самого начала янычарам прививался не только военный, но и религиозный дух ислама. В организации янычар принимал участие и орден дервишей "бекташи"; дервиши-бекташи сопровождали янычар и на войну, исполняя заодно роль певцов и шутов; воины носили войлочную шапку монахов с отличительным знаком – свисающей полоской белого сукна, которая должна была напоминать о развевающихся рукавах благославляющего дервиша. Воспитание молодой смены находилось, надо полагать, главным образом в руках этих дервишей.

Забывшие родителей и родину, эти воины не знали другого отечества, кроме сераля, другого повелителя и отца, кроме великого господина, никаких желаний, кроме его, и никаких надежд, как на его милость; их жизнь протекала в строгом целомудрии и беспрекословном повиновении; они знали только одно занятие – войну; их целью

было – при жизни добыча, а после смерти – рай, вход в который открывала борьба за ислам.

В казармах, похожих на монастыри, дисциплина была так строга, что ночью никто не имел права оставаться вне их. Младшие молча служили старшим. Тот, на кого налагалось взыскание, должен был поцеловать руку наложившему взыскание.

В отношении вооружения и личной ловкости янычары походили на английских лучников, но благодаря дисциплине были способны на большие дела. Правда, мы слышим, что и им иногда придавались копейщики (асабы) для отражения неприятельских коней, но, очевидно, это являлось только исключением, и асабы в моральном отношении стояли не только не выше, но даже ниже рыцарей. Янычары были достаточно стойки, чтобы без посторонней помощи выдержать любой натиск, но не настолько, чтобы устоять перед атакой рыцарей в открытом поле; со стрелой и луком здесь ничего не поделаешь. Но янычары умели быстро сооружать легкие препятствия и вырывать рвы, позади которых они выжидали атаку. Наступательные же действия они предоставляли рыцарям, сипаям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НИКОПОЛЕ[34]
25 сентября 1396 г.

Я уже отмечал выдающееся значение местоположения Константинополя, где выгодные условия местности сочетаются с богатством вспомогательных средств крупного торгового центра и узла путей сообщения. Эта мощь города еще раз проявилась в том, что турки успели раньше занять весь Балканский полуостров, прежде чем им сдался, наконец, Константинополь. Со времени первого утверждения турок в Европе в 1356 г. до падения Константинополя в 1453 г. прошло почти 100 лет; в течение этого столетия столицей падишаха был Адрианополь, опираясь на который падишах покорил сербов и болгар.

Королем Венгрии стал тогда, после женитьбы на наследнице престола, сын императора Карла IV, курфюст Бранденбургский Сигизмунд, который в дальнейшем должен был сам носить императорскую корону. Он понял опасность, угрожавшую не только его империи, но и всей Западной Европе, и использовал все свои связи, чтобы всех поголовно поднять на ноги на защиту от турок. Происходя из рода графов Люксембургских, – из рода, говорившего на французском языке, – Сигизмунд издавна находился в дружественных отношениях с

французами; его дед, король Иоанн, пал в сражении при Кресси, а папа Бонифаций IX, признанный в Германии, Италии и Англии, обратился с призывом ко всем христианам и приказал проповедывать крестовый поход.

Успех был таким, каким никогда еще не был в эпоху крестовых походов. Во главе блестящего войска французских рыцарей стал юный граф де Невер, сын герцога Филиппа Бургундского. Венеция обещала корабли. Под команду венгерского короля встали германцы, англичане, поляки, итальянцы; среди германских князей находились пфальцграф Рупрехт и бургграф Нюренберга Иоганн; вместе с ними – городские рыцари из Страсбурга. Гросмейстер иоаннитов, местопребывание которых тогда было на о. Родосе, прибыл с рыцарями, а князь валахов Мирцей послал подкрепление. Одни французы собрали 1 000 рыцарей и пажей, а с вспомогательными комбаттантами, пожалуй, 2 500 человек; вся армия христиан насчитывала от 9 000 до 10 000 конных, из числа которых, за вычетом потерь во время похода и оставленных в гарнизонах, в сражении активно участвовало, примерно, 7 500 воинов, т.е. такое могучее воинство, что становятся понятными надменность и самонадеянность с которыми рыцари совершили

этот невероятный поход и шли в бой. О пехоте ничего не известно. Переход совершался вдоль Дуная, причем транспортная флотилия везла с собой по реке продовольствие.

Христиане намеревались не только окончательно изгнать турок из Европы, но даже вновь овладеть гробом господним. Пусть небо рухнет, – будто бы заявил Сигизмунд, – и то его армия в состоянии будет выдержать его тяжесть на своих копьях. Кого же из смертных можно было после этого бояться?

Дунай перешли у "железных ворот" и взяли направление не на континент, на Адрианополь, где трудно было бы прокормить колоссальную армию, а отправились дальше вдоль Дуная, имея подле себя флот, везший продовольствие. По пути занимали болгарские города в уверенности, что этим привлекут султана Баязета с армией и смогут дать ему желанный решительный бой.

Без сопротивления сдался Виддин. Рахово было взято после 5-дневной осады с помощью восставшего против турецкого гарнизона болгарского населения города. Только Никополь упорно защищался, и даже 16 дней спустя крестоносцы еще не овладели им, когда получено было сообщение о приближении войска в помощь осажденному городу.

Баязет стоял под Константинополем, когда узнал о приближении крестоносцев. Он потратил некоторое время на снаряжение войска, стремясь тем самым увлечь христиан еще дальше в глубь страны. Затем он подошел к Филиппополю, пройдя через Шипку и Тырново, т.е. с уклоном на восток, очевидно, потому, что на этой стороне Никополя нашел местность, наиболее соответствующую его тактике. Он двигался так быстро, что пришел в Тырново (90 км по воздушной линии от Никополя) почти одновременно с гонцами, сообщившими о его прибытии. Вечером 24 сентября он разбил свой лагерь всего в 5 или 6 км от армии христиан. Последние стояли внизу в долине Дуная перед городом, турки же стояли на волнистой местности, возвышавшейся к юго-востоку над речной долиной шириной примерно в S мили, ограниченной справа и слева крутыми откосами.

Неожиданное появление турок сразу же поставило армию христиан в очень плохое положение. Если бы в их распоряжении был хотя бы один день, то они двинулись бы навстречу туркам в открытую равнину; теперь же пришлось на виду неприятеля подниматься из долины, откуда ложбина вела на плоскогорье. Правда, осаду города сняли в этот же день, так как

поступило несколько сообщений о приближении армии на помощь осажденному городу, но все же не предполагали ее настолько близко, чтобы немедленно начать наступление. Лишь ночью Сигизмунд отправился к французам, чтобы сговориться с ними о наступлении и о плане сражения. Во время этих переговоров, по-видимому, больше всего спорили о том, кому предоставить честь завязки боя; возможно, за этим спором об этикете скрывался вопрос о тактике. Если Сигизмунд желал, чтобы во главе наступавших стояли его венгры, то при этом он имел в виду не столько вопросы чести, сколько вооружения. Венгры издавна были конными лучниками, т.е. больше всего годились для начала сражения. Французы, однако, настаивали и добились того, чтобы первыми завязать бой. Одни за другими поднимались через ложбину на плоскогорье различные контингента и национальности.

Янычары ожидали их на позиции, защищенной и укрепленной легким палисадом, – точное подобие позиции английских стрелков при Азинкуре. Не исключена возможность того, что англичане прямо подражали янычарам; английские рыцари также принимали участие в этом сражении и были свидетелями успеха турок.

В остальном же это сражение имеет больше сходства с Кресси, чем с Азинкуром. Турецкие лучники занимали выгодную оборонительную позицию, а христиане дали себя спровоцировать на атаку этой позиции не сомкнутой массой, а разрозненными отрядами. Вдобавок Баязет приказал всадникам рассыпаться впереди янычар, а сам во главе сипаев спрятался за холмом. Когда французы достигли плоскогорья и увидали немногочисленную турецкую конницу, а за нею пехоту, их нельзя было уже сдержать, и они бросились на противника; может быть, они думали, что вообще этим исчерпывается армия турок, а может быть полагали, что застигли противника на марше. Тщетно Сигизмунд приказывал им обождать прибытия всей армии.

Французские рыцари с легкостью погнали турецкую конницу; последняя завлекала их на расстояние досягаемости выстрелов янычар, а после того как всадники и лошади понесли урон от стрел на холме, появился падишах во главе сипаев и обрушился на заносчивых французских рыцарей. Нужно полагать, что справа и слева от янычар было оставлено пространство, где сипаи могли бы атаковать, не топча в то же время своих собственных лучников. Они имели большое численное превосходство над французами, напали

на них одновременно со всех сторон и вскоре совсем окружили. Когда явился Сигизмунд с венграми, германцами и другими войсками, то с французами было уже покончено, а еще через некоторое время победа турок над крестоносцами была окончательно завершена.

Вопрос о том, имели ли турки численное превосходство над христианами, нужно, оставить открытым. Источники, говорящие чуть ли не о 400 000 турок ("Annales Estenses"), не дают надежной базы для исчисления[35]. Победу можно в достаточной мере объяснить уже одним только замечательным взаимодействием родов войск и гениальным тактическим и стратегическим руководством турецкой армии при полном отсутствии руководства на стороне христиан. Возможно однако, что к этому присоединялось и некоторое численное превосходство, так что турецкую армию мы можем исчислять в 11 000–12 000 человек. Вследствие того что янычары выдержали сражение без поддержки рыцарей и вследствие наступательных действий турецкой конницы, эта победа в смысле искусства и силы стоит выше побед англичан при Кресси и Азинкуре.

Такое сравнение напрашивается еще и потому, что не только тактическое развитие сражения, но

и решающий момент победы были в обоих случаях аналогичны. И здесь и там мощная армия сильной монархии одержала победу над плохо управляемой феодальной армией, полагавшейся только на личную храбрость бойцов. Сам король Сигизмунд меньше всего повинен в недостаточном руководстве, так как он не имел никакой власти даже над своими венграми, не говоря уже о французах. Но так как султан имел войска значительно более дисциплинированные и покорные, чем войска Эдуарда и Генриха, то он и одержал значительно большую победу, чем они.

Армия христиан, имевшая позади себя запертый город, гарнизон которого произвел вылазки, и кроме того широкий Дунай и неприятельскую страну, была почти окончательно уничтожена[36].

Граф де Невер попал в плен к туркам; король Сигизмунд спасся на корабле и, спустившись на нем вниз по Дунаю, отправился через Константинополь и Далмацию снова домой.

Тем обстоятельством, что волна османов не разлилась вслед за победой при Никополе по всему Западу, а Константинополь все еще главенствовал, мы обязаны монголу Тамерлану, который спустя 8 лет в большом сражении при Ангоре победил и взял в плен храброго Баязета.

ГЛАВА IV

ГУССИТЫ

В первую очередь я воспроизвожу ту картину военной организации гусситов, которую набросал Макс Иенс (Max Jdhns) в своем "Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens" (стр. 891 и след.).

Табориты, утверждает он, распадались на две общины: оседлую и полевую, или военную. Первая занималась ремеслами и сельским хозяйством, поставляя все необходимое для войны, а вторая только вела войну. Однако, создается впечатление, будто общины поочередно сменяли друг друга в этих родах деятельности.

Метод боевых действий Жижки был чрезвычайно рациональным. В его войске не требовалось ни рыцарского образа мыслей, ни герба, ни турнирного искусства, ни галантности, но с тем большей тщательностью учитывалось своеобразие местности.

Табориты ревностно стремились использовать каждое вспомогательное средство фортификационного искусства, как в виде использования земляных укреплений, так и в виде боя при помощи повозок, получившего у них исключительное развитие. Этот последний вид

боя явился замечательным приемом Жижки, которым он достигал слияния обороны с наступлением, и притом слияния настолько действительного и беспримерного, что оно возбуждало удивление всех современников.

Вагенбург был подвижной крепостью, отдельными составными частями которой служили повозки, прикрепленные одна к другой цепями и двигавшиеся рядами (колоннами). Каждая повозка запрягалась двумя лошадьми: одна шла в оглоблях, а другая впереди – в постромках. Передвижения регулировались сигнальными флагами, поднимаемыми на передней и задней повозке каждого ряда. Сноровка таборитов в искусном свертывании и развертывании своих подвижных укреплений была чрезвычайно велика. Обычно повозки образовывали 4 колонны (ряда), 2 крайних ("krajni") и 2 внутренних ("placni"). Передние и задние оконечности крайних колонн были длиннее внутренних, и эти выступавшие оконечности рядов назывались "окридили" (крыльями). Они служили для того, чтобы, в зависимости от обстоятельств, соединяться между собой для быстрого превращения походного порядка в форму закрытого лагеря (табора). Вообще же и во время движения они

образовывали самые разнообразные формы, – например, в виде букв V, C, E или Ω.

Если подвижная крепость должна была превратиться в закрытый табор, то лошади распрягались, оглобли надвигались на передние повозки и связывались цепями. Лошади оставались возле повозок, дабы в любой момент их можно было снова запрячь, так как гусситы часто внезапно переходили от обороны к нападению. Они находились под надзором оруженосцев (Paveseni), четырехугольными щитами которых прикрывались промежутки между повозками. На каждой повозке стояли четыре молотильщика, которые были обучены делать окованными железом цепями от 20 до 30 взмахов в минуту, а также воины, вооруженные длинными крюками, и несколько лучников, арбалетчиков и стрелков из ружья. Под каждым возом вдоль его висела доска, которая могла выдержать удары небольших метательных снарядов. Позади повозок в проходах между таборами находились вооруженные батальоны для смены бойцов на повозках. Наконец, в тылу стоял резерв, готовый при отходе отраженного противника броситься на него через один из выходов.

Папа Пий II (Эней Сильвий Пикколомини),

современник гусситских войн, дает, правда, не совсем полную, но во всяком случае живую картину метода боевых действий таборитов. Он говорит: "Они вместе с женщинами и детьми, находившимися при войске, располагались лагерем в поле; множество повозок, которые у них были, служили им для устройства укрепления наподобие вала. Отправляясь в сражение, они образовывали из этих повозок два ряда, между которыми находилась пехота, всадники же оставались за их пределами, но держались недалеко. При начале боя возницы, по данному полководцем знаку, быстро объезжали часть неприятельского войска (армии) и снова смыкались повозками. Противник, стиснутый между повозками и отрезанный от своих, погибал от меча пехоты или от метательных снарядов, сбрасываемых с повозок мужчинами и женщинами. Конница билась вне вагенбурга, но когда противник теснил вагенбург, она отступала в вагенбург и сражалась, спешившись, как бы со стен укрепленного города. Этим способом они выигрывали много сражений и добивались победы. Дело в том, что соседние народы не знали такого способа ведения войны, а Богемия с ее широкими, ровными полями дает полную возможность выстраивать повозки в ряды,

раздвигать их на широком пространстве и снова соединять их".

Нет сомнений, что дело заключалось главным образом именно в этом. Это особенно ясно вытекает из другого места свидетельства Пикколомини. Он сообщает: "Как только давался сигнал к бою, возницы двигались на врага по определенным, заранее им указанным, фигурам или буквам, образовывали закоулки, которые, будучи хорошо известны опытным таборитам, для противника оказывались гибельным лабиринтом, из которого он не мог найти выход и в котором он запутывался, как в сетях. Когда враги бывали таким образом разбиты, отрезаны и разрознены, пехота мечом и молотилами без труда завершала разгром, или же противник погибал от стоявших на повозках стрелков. Войско Жижки походило на четверорукое чудовище, которое неожиданно и быстро схватывает свою добычу, душит ее и по кускам проглатывает. Если кому и удавалось выбраться из лабиринта повозок, то он попадал в руки всадников, расположенных вне Вагенбурга, и здесь погибал".

Когда в декабре 1421 г. Жижка был окружен на горе Таурганг и ему оставалось или погибнуть или сдаться, он связал свои боевые возы цепями, поставил на них лучших бойцов и устремился с

горы. Таким образом он прорвал ряды неприятеля, который не осмелился атаковать движущуюся крепость, а в нерешительности уклонился и отступил к Колину.

Год спустя Жижка предпринял поход на Венгрию. Венгры уклонялись от боя, и гусситы возвратились восвояси. Шесть дней, подвергаясь непрерывным атакам со всех сторон, двигался вагенбург в составе многих сотен повозок с многочисленными пушками по долам и лесам, через горы и реки; но все попытки венгров взять штурмом катившуюся крепость бывали отбиты.

Изложение Иенса в основных чертах восходит, по его собственному свидетельству, к Энею Сильвию Пикколомини, папе Пию II, который был не только современником гусситского движения, но и был близок к лучшим знатокам этого движения. Он участвовал в Базельском церковном соборе; известно о его близости к кардиналу Чезарини, возглавлявшему последний крестовый поход против гусситов. По просьбе Чезарини предводитель богемцев Прокоп при мирных переговорах лично объяснял ему военную организацию гусситов. Эней Сильвий сам был в Богемии и даже в таборе, а позже лично беседовал с оставшимися в живых главарями движения.

Более осведомленного свидетеля, чем

папа-писатель, нельзя и пожелать, но если он сам не проявлял критического отношения, то его сообщения прошли через горнило строгой исторической критики. Иене заимствовал не непосредственно у папы, а главным образом при посредстве чешского историка Палацкого (Palacky), и даже современный историк, проф. Лозерт (Loserth) в своей "Geschichte des spdteren Mittelalters", стр. 490, в кратких словах излагает то же. В своей более поздней "Geschichte der Kriegswissenschaft", т. I, стр. 303, Иене воспроизвел свое прежнее изложение и еще шире обосновал его источниками; по поводу наступательного маневрирования вагенбурга он, в частности, ссылается на два места у Цезаря, где последний указывает на нечто подобное у гельветов и германцев[37].

Палацкий, историк Богемии, полагает[38], что Николай Гусс и Жижка, "привлекая и других знатоков, набросали новую систему ведения войны, своеобразно приведшею в согласие древний опыт и основоположения римлян с новейшими достижениями военного искусства, обусловленными применением пороха".

Если бы первоисточники были утрачены, то исторической критике было бы, разумеется, очень трудно восстать против этой столь общепринятой

исторической картины: Иене был офицером прусского генерального штаба и преподавателем военной академии; его руководство по истории военного дела посвящено фельдмаршалу Мольтке, а "Историю военных наук" он написал по заданию Мюнхенской исторической комиссии; он ссылается на наилучшие источники, – кто может что-либо возразить против авторитета Цезаря, когда он повествует о каком-либо военном событии? – и лучшие историки стоят за него в качестве присяжных поручителей. И тем не менее все описание Иенса является плодом фантазии. С самого начала моих военно-исторических занятий я по реальным мотивам был убежден, что наступательное маневрирование с вагенбургами невозможно, но для того, чтобы опровергнуть это на основании источников, мне необходим был исследователь, знающий чешский язык. Каждый семестр я опрашивал мой семинар, нет ли среди участников слависта. Наконец, нашелся балтиец Макс фон Вульф, который, зная русский язык, решил овладеть чешским, взялся за эту задачу и, смею сказать, мастерски завершил ее, хотя мне (тогда я сам не был еще членом факультета) стоило немалых трудов добиться от референта принятия диссертации[39].

Ссылка на Цезаря с самого начала оказалась

неправильной, так как в соответствующих местах вовсе не сказано того, что Иене счел возможным вычитать. Далее Вульф доказал, что и у Энея Сильвия нет тех положений, на которые ссылается Иене. Россказни о высоко искусном маневрировании и буквах встречаются впервые у иезуита XVII в. Бальбинуса. У последнего историк Ашбах позаимствовал краски для своей "Истории императора Сигизмунда". У Ашбаха сделал дословное заимствование Мейнерт в своей "Истории военного искусства" без указания автора и с ошибочным добавлением: "Эней Сильвий сообщает" У Мейнерта же это в свою очередь перенял Иенс, не проверив, имеется ли, действительно, такое место у Энея.

Скрепление повозок цепями во время передвижений так же не восходит к документальным источникам, как и искусное маневрирование этих повозок: это чистое предположение Палацкого.

Остается еще одно: такой хорошо осведомленный свидетель, как Эней Сильвий, в самом деле сообщает о наступательных действиях вагенбурга, и его сообщение подтверждается рассказом Андрея из Регенсбурга о бое при Клаттау (1426 г.). Однако, относительно и этих двух свидетельств, взаимно подкрепляющих друг

друга и казавшихся неопровержимыми, Вульф не только доказал, что они основаны на недоразумениях, но и вскрыл характер этих недоразумений. По поводу боя при Клаттау к счастью сохранился доклад ульмского полководца Генриха Штоффеля своему городу, дающий возможность выправить рассказ Андрея; об ошибке Энея Сильвия мы будем еще говорить ниже.

Я несколько подробнее остановился на этой цепи ошибок и на их окончательном выяснении из соображений методологического характера и ввиду многочисленных аналогичных случаев в военной истории, когда документальное выяснение дела достижимо еще в меньшей степени, и где ученый мир поэтому с таким трудом решается отказаться от традиции, как ни очевидна ошибка для специалиста. Я считаю, что и рассказ Ливия (VIII, 8) о римской манипулярной тактике, которого ученый мир так долго придерживался и от которого Моммзен так и не захотел отказаться, – построение в рукопашном бою с промежутками в 6 шагов между легионерами, к которому вновь и вновь возвращаются ученые, и крестьянские армии Карла Великого, треугольником построенная пехота, – все это вполне может быть поставлено

рядом с рассказом Иенса о наступательном вагенбурге, "катящейся крепости". Что делалось с "катящейся крепостью", если неприятельское копье или стрела поражали хотя бы одну лошадь? Или неприятельские войска равнодушно смотрели на то, как гусситские возницы, по знаку сигнальных флагов проезжали, делая искусственные фигуры, сквозь их ряды?

Подобно тому, как Ливии ошибочно превратил учебное упражнение в картину сражения, так и Эней Сильвий не сделал, по выражению Вульфа[40], различия между походным порядком повозок и их боевым построением и когда, спустя 25 лет после события, делал свои записи, самым небрежно-фантастическим образом слил одно и другое в картину подвижного, наступающего вагенбурга. Как в том, так и в другом случае доброкачественный источник при переработке сведен, в силу недоразумений, к нелепостям с реальной точки зрения. Критика же, которая не находит в себе мужества быть последовательной до конца и вместо этого пытается путем ослаблений и перелицовок создать некоторую видимость реальной возможности, упускает из виду цель истинного знания.

Прежде чем непосредственно перейти к предмету нашего изложения, бросим взгляд на

предшествующую историю наиболее характерного боевого средства гусситов – повозки.

Боевые повозки встречаются преимущественно в самые отдаленные времена истории, до того момента, с которого начинается наш труд. Затем они несколько раз появляются в виде боевой колесницы с серпами, действенность которой незначительна[41]. Боевые колесницы – эсседы, употреблявшиеся британцами и известные нам по "Илиаде", Цезарь считает вполне пригодными к употреблению и действенными. Но так как он и сам их не перенял, и к себе на службу британцев с колесницами не взял, как сделал это с германскими конниками, то появление их в военной истории было слишком кратковременным, чтоб их стоило вовлекать в круг нашего рассмотрения. Об этих колесницах мы упоминаем только в связи с тем и в том месте, где повозки внезапно получают несомненно большое историческое значение[42].

Повозки, о которых здесь идет речь, не имеют ничего общего ни с колесницами с серпами, ни с боевыми колесницами, заменявшими верховых лошадей; упоминаемые в нашем изложении повозки предназначались исключительно для образования укрепления, вагенбурга.

Уже в древнейшие времена применение

вагенбурга признавалось вполне годным приемом обороны на войне. Эврипид в трагедии "Финикиянки" изображает, как одна из враждующих сторон укрывается от другой при помощи вагенбурга. У германцев при переселениях племен с женами и детьми вагенбург, несомненно, сыграл свою роль, – например, при Адрианополе. И в средние века постоянно упоминается о вагенбургах; мысль использовать повозки, которые всегда имеются с собой, одновременно и в качестве легкого прикрытия для лагеря и обороняться за ними в случае надобности напрашивается сама собой. Сохранился боевой приказ полководца чешского короля Вячеслава, Хажек Ходжетина, от 1413 г., т.е. до гусситских войн, в котором предписывается организация боевых возов и вагенбурга. Благодаря гусситскому движению это традиционное лагерное укрепление внезапно приобретает новое значение.

Гусситское движение имеет одновременно и религиозный и национально-чешский характер. Один манифест г. Праги, относящийся к началу войны, прокламировал, что немцы – "природные враги чешского народа"[43]. Жижка в своем боевом приказе заявлял, что он взялся за оружие не только для отстаивания истины божеского закона,

но особенно для освобождения чешского народа и всего славянства[44]. К движению примкнула и часть знати, а также магистраты Праги и многих других городов; но главным элементом были возбужденные горожане и крестьяне.

Мы знаем, как мало значили ополчения крестьян и горожан. Рыцари, смеясь, рассеивали такие отряды, и самый мощный, религиозно-национальный энтузиазм, как бы он ни повышал личную храбрость, все же не повышает военную годность настолько, чтобы с успехом сражаться против профессиональных воинов. Ведь даже сознание того, что борьба идет за имущество и жизнь, за жен и детей, не смогло придать жителям Франкского и Англосаксонского государств сил для отражения викингов, или римлянам – для отражения германцев.

Богемцы первоначально также были не в состоянии вступить в открытом поле в бой с германскими отрядами, приведенными королем Сигизмундом для подавления восставших подданных. Он дошел до Праги и пытался обложить ее, но не смог; армия крестоносцев, которую он вел, была обессилена внутренними раздорами, а упорное сопротивление страны вынудило его, в конце концов, к отступлению. Ему оказывала сопротивление не только

неорганизованная масса, но и сословная верхушка, в значительной своей части имевшая корни в прошлом, руководившая движением. Некоторые сражения, происходившие в первое время, в которых немцы еще неоднократно побеждали, напоминают обычные сражения позднего средневековья, с той лишь разницей, что богемских феодалов и рыцарей поддерживали многочисленные горожане и крестьяне, взявшиеся за оружие во имя религиозно-национальной идеи.

Таким образом, в начале войны установилось некоторое равновесие, и гусситы выиграли время для создания во время войны (и благодаря ей) своего собственного своеобразного войска.

Более консервативные элементы, сперва участвовавшие в движении, вскоре откололись от радикалов; во вспыхнувшей вследствие этого гражданской войне верх одержали радикалы, а вместе с ними и новый способ ведения войны. Но сразу начать большое наступление гусситы еще не были в состоянии. Только на восьмом году войны, в 1427 г., начинаются вторжения в Германию. Это развитие аналогично тому, которое затем всемирная история пережила во время английской и французской революций. Религиозный или национальный энтузиазм непосредственно не создает новой грозной военной силы, но он

создает условия, благодаря которым такая военная сила может развиться. Бойцы Кромвеля и французской революции добились качественного превосходства над своими противниками также лишь по прошествии многих лет. Французская республика обязана своим удачным сопротивлением, которое она оказала прусско-австрийскому нашествию 1792 г., не столько добровольцами, сколько перешедшим на ее сторону остаткам старой королевской армии и крепостям[45].

Перед гусситскими вождями стояла большая задача – добиться, чтобы народ, вооруженный имевшимися под руками оружием – пиками, алебардами, топорами, палицами, молотилами, почти без оборонительного оружия – шлема, панциря и щита, – смог устоять против наступающих рыцарей.

Жижка, опытный в военном деле дворянин, был, якобы, тем, кто задумал и провел в жизнь использование для этой цели вагенбурга. Вначале, быть может, применялись обычные крестьянские повозки, скреплявшиеся одна с другой, а затем для этого стали строить специальные повозки. Они имели крепкие щиты; между колесами вдоль повозки также висела доска, дабы нельзя было пролезть под колесами; железные цепи брали с

собой для того, чтобы прикреплять один воз к другому, так что нельзя было образовать проход, вытащив один воз. Каждая повозка была запряжена 4 лошадьми. Вблизи неприятеля повозки ехали в несколько рядов один возле другого, чтобы можно было быстро образовать четырехугольник. Для того чтобы расчищать и делать торными дороги, имелся запас лопат, топоров, мотыг. Это относится, понятно, только к последним моментам занятия позиций. Очень часто перед повозкой вырывался ров, и колеса забрасывались землей, так что они были как бы закопаны. Спереди и сзади оставлялись открытыми широкие барьерные ворота, прикрытые четырехугольными щитами. Вагенбург по возможности въезжал на возвышенное место. За повозками стояли защитники с метательными снарядами, пиками, пращами, камнями, луками, арбалетами, а между не боевыми повозками, из расчета 1 на 10 человек, стояли повозки, на которых были установлены вошедшие в употребление с некоторого времени пушки[46]. Если немцы хотели штурмовать такой вагенбург, то рыцарям приходилось спешиваться, лезть в тяжелом вооружении на гору, где их встречая град выстрелов, в частности и из огнестрельного оружия. Если им и удавалось

добраться до повозок, то ворваться внутрь их все же было нелегко; они несли потери, не причиняя в то же время неприятелю никакого сколько-нибудь значительного ущерба. Но как только замечался беспорядок или отступление, из выходов устремлялся стоявший наготове гусситский резерв с холодным оружием. Нечто подобное было, понятно, возможно лишь благодаря тому, что религиозно настроенная толпа получала военное воспитание в духе уверенности в себе и доверия к своим начальникам, а руководители движения на основании опыта и привычки были уверены в своей армии и крепко держали массу в своих руках. Любой другой отряд восставших крестьян, – это нужно отметить и уяснить себе, – и в другое время не смог бы победить рыцарские войска при помощи импровизированного вагенбурга; для проведения гусситской тактики была необходима религиозно-национальная основа, на которой выросли порядок, руководство, организация, уверенность, доверие и значительные люди, которые могли сформировать и применить такие силы.

В качестве характерного примера популярной исторической легенды нужно еще отметить, как Эней Сильвий излагает то обстоятельство, что тяжеловооруженные воины при штурме

расположенного на возвышенности вагенбурга, естественно, легко погибают[47]: он объясняет это хитростью гусситов, жены которых простирали на земле перед повозками свои одежды. Когда спешившиеся рыцари касались этих одежд, они путались в них своими шпорами, падали и их убивали. Эта историйка напоминает переданный Полибием рассказ римлян о голых галлах и их мягких мечах, с той лишь разницей, что здесь галлы – глупцы, а римляне – хитрецы (ср. т. I, часть 4-я, гл. V, VII и VIII).

Огромные результаты, достигнутые гусситской артиллерией, привели к убеждению, что Жижка техническими улучшениями добился прогресса в этом оружии. Но прямых указаний на это мы не имеем: основная причина гусситских успехов заключается в другом. Гусситы не превосходили своих противников ни количеством, ни качеством пушек; пушки лежали непокрытыми на специально приспособленных для этой цели повозках и железными кольцами были закреплены на крепких деревянных площадках. Когда вагенбург выезжал, дула пушек обращались наружу, но в этом положении их нельзя было ни поворачивать, ни изменять угол возвышения[48]. Заряжание было сложно и длительно. В движении и при атаке эти пушки

были почти неприменимы; но гусситы могли ими пользоваться, ибо вся их тактика основывалась на выжидании атаки. Как только враг был на достаточно близком расстоянии, все пушки давали одновременный залп, и это производило, понятно, сильное впечатление, причем впечатление было значительно больше, чем само действие. Следовательно, превосходство гуссисткого оружия заключалось не столько в нем самом, сколько в гусситской тактике.

Древнебогемские анналы описывают сражение при Горице (Horic) в 1423 г. следующим образом: "Жижка расположился лагерем у церкви св. Готтгарда, чтобы иметь возможность со своими орудиями занять позицию на высоте и чтобы прибывшие на конях должны были сойти с коней, не имея к чему привязать их, будучи отягощены своим вооружением больше, чем пешие. Они наступали по горному склону и уставали, штурмуя повозки. Жижка поджидал их с пушками и свежими силами и, прежде чем они смогли штурмовать вагенбург, он бил их, как хотел, а отразив их, он направил на них своих свежих людей". То же самое анналы рассказывают о боях Жижки в Венгрии в 1423 г. "Когда же они однажды предприняли попытку атаковать его, причем конные спешились и устремились на него

в пешем строю, то были разбиты, ибо конные, не привычные к пешему бою, не так ловки, как пешие"[49].

Постепенно Жижка создавал и конницу, "выискивая", по выражению одного летописца, среди таборитов подходящих людей – "рыцарских оруженосцев" – и давая им вооружение пленных рыцарей. Правда, эта конница никогда не была значительной и самостоятельно не могла сражаться с неприятелем, но была полезна для поддержания пехоты и для развития успеха. Обычно она устанавливалась внутри вагенбурга в глубине и устремлялась через тыльный выход, в то время как пехота делала вылазку через передний. Объезжая вагенбург, конница стремилась атаковать противника во фланг или же преследовать его отсюда.

Решительное значение в гусситском бою имел правильно выбранный момент для вылазки; зачастую случалось, что вылазка начиналась слишком рано, и противник, еще недостаточно обессиленный безуспешным штурмом вагенбурга, в свою очередь атаковал делавших вылазку, беззащитных вне пределов вагенбурга, и разбивал их. Были даже такие случаи, когда противник путем притворного бегства намеренно выманивал чехов из вагенбурга; тогда на них набрасывались

стоявшие на готове отряды и избивали их[50]. Так случилось в 1427 г. при Находе с войском "сирот" и при Вайдгофене (в Австрии) в 1431 г. с армией таборитов.

Сообщение о регулярном чередовании гусситских общин (остававшихся дома и шедших на войну) так же неверно, как подобное же сообщение римлян о древних германцах. Напротив, из первоначально всеобщего народного ополчения постепенно выделился и самостоятельно организовался собственно военный элемент, сделавшись, таким образом, постоянным войском. Наиболее охваченные воинственным духом собрались с женами и детьми в южной Богемии на р. Лушнице и здесь эти "божьи воины" разбили лагерь, названный ими по ветхозаветному "табором". Наряду с таборитами образовал собственное войско город Прага.

Еще при жизни Жижки среди таборитов возник раскол, принявший после смерти полководца (1424 г.) затяжной характер. Непосредственные приверженцы Жижки называли себя "сиротами", так как в нем они будто бы потеряли отца; главой другой партии, в более узком смысле называвшейся таборитами, сделался Прокоп Проповедник, или Лысый.

Пражская армия навсегда сохранила характер народного ополчения, а обе таборитские армии приняли характер постоянных военных товариществ и все больше и больше превращались в профессиональных воинов со всеми их положительными, а затем и отрицательными качествами. Они и являются подлинными представителями гусситского военного дела и гусситского военного искусства, которое заставило мир ужаснуться и продолжает жить в сагах. Иногда обе эти армии усиливали себе особым призывом ополчения из тех областей и городов, где правили их приверженцы. В противоположность линейному войску, называвшемуся "большим табором", ополчение остававшихся дома называлось "домашней общиной" или "старым табором"[51]. Таким образом, следует различать всего 5 армий 2 – постоянных и 3 – ополчения, которые, однако, никогда совместно не участвовали в одном сражении. Каждую армию можно исчислять в 5 000–6 000 человек, – вряд ли больше, иногда же значительно меньше. Несколько раз 3 такие армии сражались сообща, – например, в сражении при Ауссиге в 1426 г. и при Глатце в 1428 г.[52]. При вторжении в Германию в 1430 г. собраны были, якобы, все гусситские армии, все военные силы

чехов; равным образом и в 1431 г. при Тауссе объединенными богемскими силами была обращена в бегство армия крестоносцев. Когда в походе участвовала большая масса, то на марше она разделялась; знакомые нам трудности передвижения многих тысяч по одной дороге здесь особенно увеличивались, поскольку здесь был огромный обоз с женами и детьми и поскольку вместе с возами с продовольствием и поклажей следовали и боевые повозки.

Когда военный характер гусситов окончательно выяснился и определился, страх перед гусситами стал настолько велик, что немцы рассеивались во все стороны, едва заслышав издалека их боевую песню. Гусситское военное движение внешне и внутренне имело, видимо, большое сходство с движением кимвров и тевтонов или с одним из войск Великого переселения народов.

Несостоятельность гусситской вагенбург-тактики налицо. Будучи схожа со слабостью, присущей тактике, созданной английскими королями, она была применима только для обороны. Недостатки вагенбурга еще больше, чем у английской комбинации лучников с пешими рыцарями, так как вагенбург был более громоздок и даже в виде исключения не мог применяться

при наступлении. Но, несмотря на односторонность применения только для обороны и на свою громоздкость, вагенбург имел все же чрезвычайно большое значение, так как он, с одной стороны, способствовал силе действия дальнобойного оружия, – в частности недавно изобретенного огнестрельного оружия, – а с другой стороны, что особенно важно, благодаря ему простая пехота без доспехов, с холодным оружием (даже с таким, как палица и цеп) получила самостоятельное и большое значение.

Укрепление вагенбурга, вылазка и, наконец, победа, – все это придавало гусситам огромную моральную силу, которая вела дальше, правда, не к созданию организованной пехоты, которая решительно осмелилась бы вступить в бой с рыцарями в открытом поле, без прикрытия вагенбургом, но все же к частичным наступательным действиям при благоприятных обстоятельствах, что в свою очередь, при характере армий противника было достаточно для сокрушительного успеха, а порой и для создания этим еретикам репутации непобедимых.

На пути к правильному пониманию гусситских войн, как и всех других войн средневековья, стоят неправильные данные о численности войск. Но здесь, как можно было бы ожидать, численность

гусситов не была преувеличена, а наоборот – германские хроники преувеличили численность германских армий, которые были разбиты гусситами. Нет ничего особенно странного в том, что сперва считали достоверным сообщение самих побежденных в поражении их армией, значительно уступавшей им в численности. Но не подлежит сомнению, что это не так: испытывая боль и страх перед ужасными гусситами, немецкие летописцы находили удовлетворение своего уязвленного самолюбия в том, что преувеличивали позор своих поражений, указывая на слишком большую численность своих армий[53]. Один из участников второго набега германцев на Богемию в 1421 г. сообщает, что армия крестоносцев, которая прибыла по р. Эгер, дошла до Зааца, но при приближении Жижки с богемцами повернула назад без боя, хотя и насчитывала 100 000 конных воинов "вместе с повозками и пешими"[54], а другой источник соответственно исчисляет эту армию в 200 000 человек и даже более[55]. Но случайно сохранилось одно письмо, в котором сообщается, что герольды приблизительно подсчитали армию и нашли, "что мы имеем около 41 000 конных рыцарей и кнехтов"[56]. Так как сюда нужно прибавить еще и пехоту, то армия была безусловно внушительной.

Однако, после того как Заац в течение нескольких недель храбро оборонялся, отдельные контингента самовольно ушли, а оставшиеся не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы дать бой надвигавшимся богемцам, и также начали отступление.

В 1426 г. на рейхстаге в Нюренберге Сигизмунд потребовал себе войска в 6 000 копий. Князья возражали, что такого большого войска в Германии, якобы, нельзя собрать и нельзя прокормить в Богемии[57]; они согласны были на 3 000 или 4 000 копий, причем 1 000 человек из этого числа должны были дать города; но последние ни в коем случае не желали поставить такое количество[58].

Самым большим и важным сражением с гусситами, проигранным немцами, было сражение при Ауссиге (14 июня 1426 г.). Немцы подошли, чтобы освободить богемский город Ауссиг на Эльбе, стоявший на стороне немцев и осажденный гусситами. Армия состояла почти исключительно из мейснерцев и тюрингенцев с небольшим подкреплением из Лаузица. В отношении главного корпуса мы имеем достоверное свидетельство, что в его составе было 1 106 лошадей и 8 000 человек; вместе с подкреплением все войска вряд ли насчитывали больше 12 000 человек. Силы

гусситов почти единогласно исчисляются в 25 000 человек; но даже это число, очевидно, преувеличено, хотя на поле сражения были обе таборитские армии и пражское ополчение. Во всяком случае, гусситы были значительно многочисленнее, и курфюрстина саксонская не была неправа, когда, обращаясь к отправлявшимся в поход воинам, просила их "не быть трусливыми и малодушными из-за большого числа врагов". Однако, летописцы доводят число саксонцев до 10 000 человек, а по Матвею Дерингу на каждого богемца приходилось 5 немцев[59].

Несмотря на численное превосходство гусситов, саксонцы пытались взять вагенбург штурмом и даже проникли туда в одном месте, но, в конце концов, вследствие предпринятой Прокопом вылазки, были отбиты с большими потерями (3 000–4 000 человек).

В 1427 г. в Богемию снова вторглось войско под командой курфюрста Фридриха I Бранденбургского; некоторые хроники исчисляют это войско в 160 000 и даже 200 000 человек[60]. Этому противоречит показание Виндеке в его жизнеописании Сигизмунда и сообщение одного участника, рыцаря Генриха Штоффеля, который из лагеря послал совету г. Ульма донесение, что

войско "очень невелико". При приближении гусситов это войско, обложившее городок Мис (Mies), обратилось в бегство, несмотря на все старания, которые курфюрст и кардинал Англии прилагали к тому, чтобы остановить его.

В 1431 г. германский рейхстаг постановил собрать не менее 8 200 копий; но эта цифра была заведомо фиктивной, так как часть ее падала на Бургундию, Савойю и немецкий орден, относительно которых заранее было известно, что они ничего не пошлют. Но еще более фиктивным было постановление о том, чтобы помимо конных воинов выступила пехота из расчета для ближайших областей – один на 25 мужчин, для отдаленных – один на 50[61]. Для определения фактической численности собранного войска я все же не нашел никакой точки опоры. Данным хроник (например, 90 000 пеших, 40 000 конных), ввиду знакомых нам примеров, нельзя придавать никакого значения. Но хотя Пфальц, Гессен и прочие области не выслали контингентов, а Австрия и Саксония были заняты другим делом, все же имперская армия, которою и на этот раз командовал Фридрих Бранденбурдский, была значительно многочисленнее той армии, которая в 1427 г. бежала при Мисе; но вопрос о том, была ли она больше гусситской армии, выступившей

против нее при Тауссе и от которой она без боя бежала так же, как некогда при Мисе, – этот вопрос приходится оставить открытым[62].

То обстоятельство, что могущественная Германская империя не собрала больших армий, не удивит нас, если мы вспомним о положении германского государственного устройства того времени. Относительно многих областей и городов не было уверенности, относятся ли они собственно к империи или нет. Государственный организм совершенно распался; отсутствовали какие бы то ни было прочные установления. В то время как рейхстаг постановил начать войну против гусситов, курфюрсты майнцский и кельнский объявили открытую войну ландграфу гессенскому (1427 г.). Когда в 1428 г. взимался специальный налог для нужд войны с гусситами, аугсбургский епископ собрал от своего духовенства 3 000 гульденов, но не сдал их, так как ему самому угрожала война с аппенцельцами. Небольшие деньга, поступавшие в государственное казначейство, расходовались на посольства для напоминания медлившим, ибо никто из князей, дворян и имперских городов не дал ничего или, как выражается один современник, "ни много, ни мало"[63].

Как согласовать с этим одновременные

сообщения хроник об огромных армиях, которые были выставлены немцами против еретиков?

Человеческая склонность к преувеличениям неискоренима; если позор поражения так велик, что никаким велеречием его нельзя ни скрыть, ни замаскировать, то искажение перебрасывается в другую сторону, и кто не может больше найти удовлетворения в хвастовстве, находит его в самобичивании.

В Бранденбург гусситы явились только один раз: в 1432 г. они стояли один день под Бернау, тщетно штурмуя крепкие стены города, а затем отступили, не понеся урона[64]. В Саксонии они также были только один раз на правом и один раз на левом берегу Эльбы; до Наумбурга они никогда не доходили.

Так как гусситы благодаря вагенбургу имели перед всеми большое преимущество, немцы захотели подражать им. Но до интересного зрелища – маневрирования двух армий с вагенбургами, причем каждая хочет переложить инициативу наступления на другую, – все же не дошло. При Ауссиге саксонцы без всякой подготовки атаковали богемцев, а обе крестоносные армии 1429 г. и 1431 г. обратились в бегство, не ожидая прибытия богемцев. Когда же богемцы в свою очередь вторглись в

Германию, последняя не имела армии, которая смогла бы состязаться с ними, и немцы ограничились только защитой укрепленных мест.

Таким образом, при помощи одной лишь оборонительной тактики велись и наступательные операции.

Все дикие фантазии, в которые впадают предания, и все позднейшие россказни – объезд противника с тыла, искусственные фигуры, связывание повозок во время езды цепями, крепость на колесах, – все это исходит из одной ошибки, а именно – из предположения, что вагенбург применялся для наступательных действий. На самом же деле вагенбург не был и не мог быть чем-либо иным, как оборонительным прикрытием пехоты, которая еще не полагалась на свои силы, чтобы вступить в бой с рыцарями в открытом поле.

Именно потому, что вагенбург был слишком тяжел для наступления, эта тактика не смогла развиться, и гусситская военная организация явилась, таким образом, не этапом развития, а лишь эпизодом в истории военного искусства. Ошибочное представление, будто бы вагенбург действовал и наступательно, имеется, как мы видели, даже в самом важном первоисточнике для того времени – у Энея Сильвия, хотя последний

имел возможность собрать лучшие и вполне надежные данные. Все же Эней Сильвий не обладал достаточным чутьем к такого рода реальностям, чтобы исторически воспринять и обосновать нарисованную его фантазией картину сообразно с общим духом времени, требовавшим, чтобы храбрый человек устремлялся на врага и атаковал его. Эней Сильвий принял это и по отношению к знаменитому, столь действенному вагенбургу и на основании этого сконструировал весь ход дела.

Гусситы остались непобедимыми. Даже в противовес им в Германии не было создано новой более крепкой формы военной организации. Однако, они не были в состоянии создать политически упорядоченное государственное бытие, находясь в религиозном противоречии со всем окружающим миром, и это вызвало реакцию в их собственной среде. Обе действующие армии, которые в гражданской войне одолели умеренные элементы и господствовали в течение 10 лет, в конце концов, стали до того невыносимыми собственным соотечественникам, что дворянство и города, в том числе и Прага, соединились, выставили свое войско и в 1434 г. при Липане победили и уничтожили вышеуказанные армии. Те и другие расположились друг против друга в

вагенбургах. Наконец, сословная армия предприняла атаку, была отброшена или преднамеренно отступила в притворном бегстве и этим выманила таборитов из их вагенбурга. И вот рыцари, отогнав таборитскую конницу, напали на них, рассеяли и вместе с пехотой взяли штурмом вагенбург, внутри которого табориты были изрублены[65].

Остатки таборитов еще долго сохранялись в качестве наемных банд на службе у различных государей в Германии, Польше и Венгрии, называясь теперь "братскими ротами", или "цебраками".

Для наглядности Вульф (диссертация, стр. 38) произвел расчет численности гусситской армии. Он предполагает наличие крупного самостоятельного отряда в 6 000 человек, среди них – 600 конных. На каждые 15–20 человек приходилась одна повозка, из них 10 человек составляло, по позднейшим данным, собственно команду повозки. Таким образом, на армию в 6 000 человек имелось 300 повозок. Если повозки ехали 4 рядами, из которых крайние были наполовину длиннее, то эти крайние ряды состояли из 90 повозок. Если считать глубину одной четвероконной повозки в 40 футов, то глубина походной колонны составит 90, помноженное на 40, т.е. 3 600 футов, следовательно около 1 км. Два внешних ряда, т.е., примерно, 180 повозок, составляют внешний край вагенбурга; длина повозки

около 10 футов; следовательно, вместе с обоими выходами для вылазки лагерь имел, примерно, 2 000 футов в окружности, а площадь, примерно, в 250 000 кв. футов или 25 000 кв. м.

Однако, при этом вычислении не принята во внимание масса повозок с провиантом и вещами. При значительной величине этого обоза такой лагерь для армии в 6 000 человек мне представляется слишком малым. Предписание позднейших уставов для вагенбурга о том, чтобы часть боевых повозок – оба внутренних ряда – была использована для образования второго внутреннего вагенбурга, представляется мне практически сомнительным; более естественным было бы использовать все боевые повозки для вагенбурга в собственном смысле слова, а обозные повозки расположить в виде второго кольца.

От XV в. сохранились многочисленные уставы для вагенбурга, обзор которых дал Иене в "Handbuch" стр. 943 (также стр. 897) и в "Gesch. d. Kriegswissensch.", I, 304. Ср. Вульф, Диссертация, стр. 9. В этом вопросе нужна, однако, большая осторожность, так как неизвестно, насколько практика отвечала теории. Например в "notdurfft ordenung und geschick der wagenburck in ein feldt zu denen Veind und von denn Veindenn" Филиппа Сельденека (около 1480 г.) советуется придавать внешним рядам вагенбурга несколько далеко выставленных батальонов кнехтов, которые посредством мокрой соломы и сена должны производить много дыма для ослепления противника, дабы он не был в состоянии заметить предпринимаемые вагенбургом маневры. Горы лучше всего переходить ночью; при этом войско должно работать и стучать своими кирками, чтобы

казалось, будто вагенбург укрепляют, между тем как в действительности он взбирается по горам.

В одной "Bьchsenbuch" с рисунками Августина Дахсберга "ein moler und ein bьchsenschiessr (1443 г.) вагенбург построен даже клиновидно.

Оба места, где Эней Сильвий сообщает о гусситском методе военных действий, дословно гласят следующее:

"В города, окруженные стенами, вступают крайне редко, разве только для необходимых починок; живут с детьми и женами в лагерях. Повозок имеют много, употребляют их вместо стены. Идя в бой, они из повозок образуют два фланга; посредине идут пешие, рядом с ними, почти без прикрытия, отряды конницы. Когда бывает решено вступать в бой, то возницы на флангах по знаку полководца, незаметно окружив намеченную часть противника, стягивают круг повозок; отрезанных неприятелей без помощи со стороны своих умерщвляет частью пехота мечами, частью находящиеся на повозках мужчины и женщины стрелами. Конница сражается за пределами прикрытия, и ее в случае поражения и бегства принимают, внезапно раздвигаясь, повозки; затем она защищается, как за городскими стенами; таким образом они одержали чрезвычайно много побед, так как соседние народы не знали этого способа сражаться и широкое северное поле было весьма удобно для развертывания строев пар и четверок" (Hist. Boh. cap. XLVII).

"Богемцы, в стране которых много равнин и редко встречаются овраги, окружают всю конницу пехоту повозками; на повозках же, как на стенах, помещают воинов, чтобы они удерживали неприятеля. Когда

начинается сражение, то из повозок образуются как бы два фланга. Их развертывают сообразно с числом сражающихся и особенностями местности; они сражаются под прикрытием с тыла и с боков; между тем возницы мало-помалу подвигаются вперед и пытаются обойти неприятельское войско. Таким образом, они, несомненно, готовят победу, так как неприятель повсюду умерщвляется" (Commentarii ad Alphonsum regem, lib. IV, 44).

Сообщения по поводу военных повозок впервые были систематически собраны в труде обер-лейтенанта в отставке Камби (Kammby) "Der Streitwagen. Eine Geschichtsstudie nebst Betrachtungen ьber die Eigenschaften und den Gebrauch des Streitwagens. Gewidmet Taktikern und Pferdeliebhabern", Berlin, 1864 г. (in Kommission der Springerschen Buchhandlung). Автор непосредственно пользовался не оригиналами источников, а заимствовал свои заметки и рефераты у тех или иных посредников; кроме того, у него нет подлинной исторической критики; несмотря на это, его небольшой труд весьма ценен и интересен той практической целью, которой задается автор, а именно – показать возможность применения боевой повозки в будущем, поскольку она, являясь промежуточным родом войск между кавалерией и пехотой, может соединить в себе некоторые преимущества обоих родов войск. Что "ездящая" пехота может при известных обстоятельствах принести большую пользу, – это очевидно, но удивительно утверждение автора (который в качестве старого артиллериста является и опытным кавалеристом), что повозки и в чисто кавалерийских операциях могут конкурировать с кавалерией. В

отношении собственно гусситских повозок этот труд неудачен, так как автор, плененный своей любимой идеей, усмотрел ее и в источниках и из фантастической картины Эней Сильвий создал другую фантастическую картину, хотя и не вполне невозможную, но, во всяком случае, исторически неправильную. Гусситские повозки он представляет себе в виде боевых возов, производящих шок на неприятеля и рассеивающих его сомкнутые массы.

ГЛАВА V

КОНДОТЬЕРЫ, ОРДОНАНСОВЫЕ РОТЫ И ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ

Из трех встречаемых нами в средневековье элементов войска – народного ополчения, войска вассалов и наемников – самым сильным оказался третий элемент, который из поколения в поколение растет и оттесняет все остальные. Однако, в отношении этого развития в четырех странах, которыми мы, главным образом, занимаемся, – Германии, Италии, Англии и Франции, – было известное различие. Раньше и прочнее всего наемничество укрепилось в Англии, но арена действий английских наемников была не на самых островах, а во Франции, где английские короли вели столетнюю войну со своими капетингскими верховными феодальными владельцами и соперниками, а этим вынуждали и последних к усилению наемничества.

Междоусобные войны и внутренние раздоры не прекращаются в Германии на протяжении XIII, XIV и XV вв., правда, не в такой степени, как во Франции и Италии. Главная причина этого в том, что германские города развивались в самостоятельные государства не в такой мере, как

итальянские, а сохраняли более хозяйственный и относительно более мирный характер.

Самый большой и самый важный из немецких городских союзов Ганза, как таковой, никогда не вел войны, а городские войны отдельных коммун и различных городских союзов значительно уступали по своей напряженности войнам итальянских коммун против князей и между собой. Поэтому германские вояки, отправлявшиеся на войну наемниками, находили себе применение большей частью вне Германии – во французско-английских войнах и особенно в Италии[66].

В Италии уже во времена штауфенских войн военное сословие в значительной степени превратилось в наемников; если гордый Оттон Фрейзингенский с презрением говорит о сыновьях ремесленников, посвящаемых в Италии в рыцарей, то в основе этого лежит именно вышеуказанный факт.

Попытки народного ополчения, к которым прибегали в годы наивысшего разгара борьбы и время от времени вновь появлявшиеся, имели только временный успех. Так как борьба против штауфенских королей была в то же время борьбой коммун-соперников между собой, а эта борьба в свою очередь, была борьбой различных партий

внутри коммун, то эта сумятица не улеглась с гибелью Штауфенов, а продолжалась из поколения в поколение под старым партийным названием гвельфов и гибеллинов. Естественным следствием было политическое ослабление горожан и переход власти к наемникам и их предводителям, которые все более усиливались и становились все более самостоятельными, освобождаясь от политических сил, на службе которых они появились и окрепли. Наемники образовывали сплоченные банды – или в виде товариществ, которые сами выбирали себе предводителей и их помощников, или в виде дружин капитана, кондотьера, на службе которого они состояли. Эти банды и их предводители переходили с одной службы на другую и чувствовали себя самостоятельными владыками.

Снова создалось положение, напоминавшее Великое переселение народов когда германские короли или родовые товарищества врывались в разные области, разоряли или покоряли их. Как Одоакр, предводитель германских наемников, овладевших Римом, или лангобардские герцоги в VI и VII вв., так в XIV в. предводители родов во главе наемных банд или простые кондотьеры делались хозяевами городов, на службе которых они раньше находились. Так было с Висконти в

Милане, Скала – в Вероне, Бонакорси, затем Гонзага – в Мантуе, Эсте – в Ферраре, Малатеста – в Римини, Пеполи – в Болонье.

Другие предводители наемных банд ограничивались вымогательством, которое один швабский рыцарь, герцог Вернер фон Урслинген, возвел в целую систему. Вернер, которого итальянцы называли Гварнерио, носивший титул герцога, так как его предки при Штауфенах были герцогами Сполето, был предводителем одного военного отряда, взятого на службу пизанцами во время войны из-за Лукки с флорентинцами; после заключения мира пизанцы не знали, как отделаться от своих наемников, и нашли следующий выход, – они не просто уволили их, так как это было не безопасно, а предложили заплатить им отступное и одновременно предложили отправиться в неприятельскую страну и жить там на ее счет. Это предложение понравилось наемникам, и они постановили остаться в качестве организованного вольного боевого войска с констеблями и капралами под верховным командованием Вернера (сентябрь 1342 г.); они назвали себя "la gran Compagna" (большая рота) и в течение полугода двигались из одной области в другую, причем заставляли каждую область уплатить за то, что они покидали

ее, а в случае отказа грабили и сжигали страну и пыткой вынуждали попавших в их руки жителей выдать спрятанные сокровища. Все попытки жалобой и просьбой добиться у предводителя обуздания бесчинств его людей были напрасны, так как он сам себя называл "враг бога, сострадания и милосердия". Все поступавшее – деньги, драгоценные вещи, оружие, лошади – делилось по твердому плану на доли и разыгрывалось; таким образом, каждый разбойник покидал объединение с внушительным имуществом.

Пожалуй, сильнее Италии терпела Франция от больших наемных банд, нанятых во время Столетней войны обеими сторонами. Это были скопища всякого сброда, охочего на драки и грабежи.

С самого начала этим отрядам была обещана не только плата, но и участие в добыче, особенно в выкупе за пленников. Чем менее регулярно платили им, тем больше они стремились сами оплатить себя. Они отказывались передавать королю города, гарнизоном которых являлись.

Многие банды вообще были не на королевской службе, а набирались согласно средневековому праву феодальными владельцами, а затем разбухали и жили за счет областей, которые они

проезжали, или за счет захваченных и подчиненных себе местностей. Они вступали в переговоры с сословиями и провинциальными властями в качестве самостоятельной силы и вынуждали их откупаться за то, что оставляли страну в целости, обещая за откуп двинуться дальше, – в противном случае грабили города и селения. При отправлении в поход против неприятеля они часто отказывались повиноваться, до тех пор пока им не будет уплачено жалование. Особенно ужасны они были по окончании войны, когда, наподобие Вернера фон Урслингена, самостоятельно блуждали по стране, грабя и предлагая свои услуги тому или другому правителю.

Когда после Бретинского мира (1360 г.) во Франции на знали, как отделаться от "живодеров", папе Урбану V, жившему в Авиньоне, которому также грозила опасность с их стороны, пришла остроумная мысль соединить приятное с полезным и призвать эти банды к участию в крестовом походе. Он вел переговоры с императором Карлом IV и венгерским королем Людовиком по поводу пропуска этих банд через их земли. Это как нельзя лучше могло услужить христианству: Запад был бы защищен от неверных и заодно освобожден от самих защитников; но

банды не имели никакого намерения принять предложение. Затем их пытались удалить из Франции, отправив в поход в Эльзас, Швейцарию (1375 г.) и в Испанию[67]. Те банды, которые первоначально сражались под английским знаменем, без всякого колебания переходили на службу к французам; будь то англичане, фламандцы, немцы или французы – все они чувствовали себя, так сказать, интернационалистами.

Постепенно эти военные походы поглотили образованные столетней войной банды, за исключением тех, которые, наконец, решили вернуться на родину к мирному труду. Но с новой вспышкой войны снова появлялась нужда в войсках для защиты страны, а когда наступал мир, от них снова не могли избавиться.

Англию этот ужасный бич наемничества миновал, так как великая война велась исключительно на французской территории. Германия также страдала от них лишь постольку, поскольку французские банды неоднократно просачивались через границу. В Италии, как мы видели, часть предводителей банд обосновалась на длительное господство. Во Франции нужда заставила решиться на большую коренную реформу.

Чтобы избавиться от банд, французские короли создали постоянную армию в современном смысле этого слова.

По преданию этот факт совершился следующим образом: Карл VII, добившись при помощи Орлеанской девы первых больших успехов над англичанами, движимый пробудившимся национальным сознанием, добился на общем собрании государственных чинов в Орлеане в 1430 г. принятия крупной реформы. Собрание вотировало необходимые налоги для содержания постоянного войска из 15 рот по 100 копий, из 6 человек каждое, т.е. всего 9 000 конных. Богатый буржуа и гениальный государственный деятель, Жак Кер, тут же сделал первый взнос и вообще был душою всего дела. Во вновь созданные ордонансовые роты были приняты лучшие бандитские элементы и с их помощью одолели отдельные шайки, которым пришлось разбрестись.

На основании новейших исследований можно, правда, в общих чертах восстановить эту картину в целом, но отдельные эпизоды на самом деле оказались несравненно сложнее, и лишь постепенно они привели к набросанному нами результату[68].

В действительности на этом Орлеанском

собрании сначала не только не были приняты длительные налоги, но и не было заявлено о необходимости создания постоянной армии также для мирного времени и не было установлено число в 15 рот по 100 копий по 6 человек. Решения этого собрания сперва свелись только к отрицанию за феодальными владельцами права держать войска и содержать их за счет страны; только в своих собственных замках за ними осталось право держать гарнизоны. Вообще же лишь король мог держать войска, назначать офицеров и взимать налоги для их содержания. Капитаны ответственны за своих людей; грабители и мародеры, не принятые королем на службу, подлежат преследованию и преданию суду.

Под моральным влиянием этих постановлений удалось при содействии провинциальных властей постепенно собрать средства, достаточные для содержания имевшихся или вновь организованных наиболее надежных банд, чтобы с их помощью мало-помалу сломить сопротивление и окончательно подчинить себе остальных. Ибо и феодалы, которые должны были лишиться своих боевых дружин и боявшиеся сосредоточения всей власти в руках короля, и сами банды, не желавшие быть распущенными,

сопротивлялись этому. Тогда прибегли к старому средству – к отправке за границу: их послали в Лотарингию, Эльзас и Швейцарию. В Швейцарии произошло кровавое столкновение под Сен-Жакобом (близ Базеля), из которого арманьяки, как они теперь себя называли, хотя и вышли победителями, но понесли большие потери (1444 г.). В следующем году они еще рыскали по южной Германии, где неоднократно сражались, и лишь тогда в этих походах часть их погибла. Карлу VII удалось с помощью замечательного констебля Ришмонта одолеть остатки их. Несколько наиболее строптивых капитанов было казнено, а солдаты, которым даровали амнистию, вынуждены были отправиться на родину и вернуться к мирным занятиям.

Ордонансы (указы) об организации были изданы лишь в 1445 г., спустя 6 лет после Орлеанского собрания. Дословный текст первого указа, как ни странно, не сохранился, так что точно неизвестно, насколько первоначальная организация предусматривала уже те формы, которые мы позднее находим на практике. Для нас собственно это не имеет большого значения; важно то, что, несмотря ни на какие жалобы со всех сторон по поводу невыносимого бремени, в конце концов, все же была введена твердая

налоговая система. Натуральные повинности и натуральное довольствие, которые первоначально еще неоднократно доставлялось сословиями и областями, были превращены в денежные налоги, а ставшая благодаря этому возможной регулярная оплата сделала возможным и все остальное.

Средневековье, как таковое, не знает, – или, по крайней мере, не желает знать, – постоянных налогов, а признает только единовременные, исчисляемые по потребностям субсидии.

Очевидно, из-за отсутствия налоговой системы короли и применяли, согласно сохранившемуся праву, призыв к оружию всех французов, разрешая им в то же время откуп от этих повинностей, вследствие чего призыв превратился в налоговое обложение[69]. Постоянный налог, появившийся в XV в., создал основу для постоянной армии, вытеснившей и заменившей недисциплинированные, навербованные только для войны наемные банды.

Обычное в исторических трудах замечание о том, что создание этих ордонансовых рот явилось началом постоянной армии во Франции и вообще в Европе, формально не вполне правильно, так как мы видели, что уже Каролинги в лице своей скары имели своего рода постоянное войско, равно как и позднейшие императоры и короли всегда имели в

своем непосредсвенном распоряжении небольшое число воинов в качестве крепостных гарнизонов или свиты. Но эти старинные стражи, гвардии и гарнизоны организовывались и содержались на основе натурального хозяйства и потому были узко ограничены. Создание французских ордонансовых рот на основе постоянной налоговой системы и регулярной оплаты является как качественно, так и количественно само по себе таким прогрессом, а следовательно, выражение, что ордонансовыми ротами начинаются постоянные армии, можно все же сохранить. Вопрос о янычарах, как принадлежащих к совсем иному миру, мы при этом оставляем в стороне.

Для управления наемниками еще в XIII в. во Франции при Людовике Святом были созданы определенные органы власти и определенные формы. Во главе всего военного дела в качестве представителя короля стоял коннетабль, которому подчинялись маршалы, гроссмейстеры стрелков и воинские казначеи (trйsorier de guerre).

Естественное разделение феодальной армии было по эскадронам сюзеренов, в которых различные роды войск перемешивались. Ни в отношении численности рыцарей, ни в отношении перемещения родов войск равномерности не могло быть, да она и не нужна была. Каждый

служилый дворянин, начальствовавший над собственным отрядом, в зависимости от личных интересов и состоятельности сам решал вопрос о численности и составе своего отряда для наилучшей стойкости его на войне. С появлением наемников вместо этих начальников появились капитаны[70] .

Уже наемные войска императора Фридриха II, равно как и наемники, выставленные лангобардским союзом[71], были разбиты на роты с capitaneus или comestabulus во главе[72], а наемники Эдуарда I Английского были разделены на сотни во главе с центенаром; начиная с 1382 г., появляются и тысячи, начальник которых назывался "милленарий" (впервые в 1296 г.)[73]. Когда в 1264 г. Флоренция заключила с двумя габсбургскими графами договор на поставку 200 конных, было установлено, что они должны быть разбиты на 8 эскадронов по 25 человек в каждом[74], а в больших ротах Вернера фон Урслингена мы уже видим констеблей и капралов. Когда Карл VII, король Франции, создал ордонансовые роты, то эта организация присоединилась к существовавшей уже организации рот наемных банд.

Слово compagnie (рота) происходит от cum и panis, что значит "сотрапезник"; первоначально

это слово не имело военного значения, а означало просто общество, товарищество, корпорацию, как еще теперь обозначает в коммерческом языке. В милиционном уставе, изданном Флоренцией в середине XIII в., товарищества граждан, на которых строились призыв и ополчение, именовались kompagnieen, подобно тому, как в немецких городах, например в Берне, они назывались "обществами". Первое применение этого слова непосредственно в военном смысле мы находим у французского летописца Филиппа Муске (относится к тому же времени)[75]. Ста годами позже слово "компания" уже получило, как мы знаем, право гражданства и в отношении наемных банд[76].

По-видимому, лишь постепенно и для ордонансовых рот образовалась и зафиксировалась твердая цифровая схема и приказная иерархия. В древнейших ордонансах нельзя найти ни 15 рот, ни 10 копий, ни 6 человек на каждое копье. Вместо этого мы находили, примерно, такое предписание: капитан должен быть самостоятельным человеком, который "может что-либо потерять", дабы на него можно было положиться и сделать его ответственным за своих людей. Со временем утвердилось следующее положение: рота имела начальника, чаще всего

дворянина (подлинное руководство находилось в руках лейтенанта), двух знаменосцев – enseigne и guidon, а также marйchal des logis.

Наиболее существенно то обстоятельство, что роты составлялись не из отдельных бойцов, а по обычаю, сделавшемуся в XIV в. твердым понятием (см. выше), – из копий ("Gleven").

Количество воинов на одно копье всегда было непостоянным и зависело от эпохи, страны, правителей и случая[77]. И в отношении ордонансовых рот Карла VII источники сообщают различные данные – то рыцарь, "кутилье (легковооруженный конный)", паж и 3 стрелка то только 2 стрелка и один кнехт (valet)[78]. Все они были конными, но паж, иногда мальчик, и кнехт не были комбатантами, а стрелки нуждались в лошади только в качестве перевозочного средства и сражались спешенными.

Но как ни важно было создание ордонансовых рот для французской военной истории и даже для объединения французского государства, все же эта армия была слишком мала, чтобы отвечать потребностям столь большого государства. Наряду с ними продолжал существовать призыв на случай войны всех рыцарей (дворянства) и всех ленников. Но теперь и эти кучки вассалов были правильно разбиты на роты и в зависимости от

приносимого с собой вооружения получали жалованье по многоразрядной шкале[79].

Но как ни велико было участие стрелков, однако, при том значении, которое получил этот род войск в английской войне, его было недостаточно, и король пытался наряду с этим создать также большие самостоятельные стрелковые части[80].

Уже в 1368 г. Карл V однажды приказал, чтобы весь народ обучался стрельбе из лука, а в 1394 г. приказ был возобновлен. Оба раза приказ был, якобы, аннулирован, так как дворяне боялись и препятствовали вооружению народа[81]. Более вероятно, что приказ не имел большого успеха, потому что не хватало луков и стрел, да и большой охоты обучаться стрелковому искусству также не было, – так что дворянство вряд ли имело основание тревожиться. Теперь король не издал общего указа, а распорядился (в 1448 г.), чтобы общины выбирали из каждых 50 хозяйств одного здорового мужчину, которому надлежало обучиться стрелковому делу. Каждый праздник этот воин должен был упражняться в стрельбе и под присягой обязывался последовать первому зову короля. Первоначально этот стрелок должен был сам добывать себе снаряжение; позже было добавлено, что выставлять можно и

несостоятельных, но поставка оружия для них возлагалась на общину. Подобно рыцарям они разбивались на роты, во главе которых стояли капитаны, производившие им смотр и при случае собиравшие их для совместных занятий. В виде компенсации эти стрелки освобождались от всех податей, кроме налога на соль и особых военных налогов и вследствие этой льготы получили название francs archers. При призыве на войну они получали жалованье – 4 ливра в месяц.

Практика показала непригодность такой организации: упражнения в обращении с луком и арбалетом были недостаточны, но прежде всего, эти милиционные стрелки имели не настолько прочный военный дух, чтобы устоять в бою.

Сын Карла VII, Людовик XI, отменил институт вольных стрелков, если не формально, то фактически. Таким образом, явно ошибочно усматривать в них начало французской пехоты, – наоборот, они являются примером неудавшегося творчества в области военного дела, и этот пример так же интересен, как и примеры положительных, удавшихся начинаний.

Для наиболее наглядного оттенения этого примера мы сравним его с утвердившимся до настоящего времени мнением научного мира о том, что армия Карла Великого состояла из

попеременно призывавшихся крестьян. Ясно, что вольные стрелки Карла VII имели большие преимущества перед подобным призывом VIII в.: один воин должен был выставляться не на каждые 3–6 крестьянских дворов, а на каждые 50, значит в этом случае значительно легче было найти здорового добровольца; на него не только налагалось бремя, но он получал за это и некоторую компенсацию – освобождение от налогов в мирное время, жалованье – во время войны; его обучали и проверяли капитаны. И несмотря на все это, francs archers выявили себя негодными воинами. О них говорили, что они убивают только кур.

Как же в таком случае выглядели призывы, при которых люди должны были отправляться в поход один раз в несколько лет и за несколько сот миль!

Каким видом солдат они были заменены и где нужно искать подлинных отцов французский пехоты, – это мы покажем в следующем томе.

В то время как "вольные стрелки" снова исчезли, ордонансовые роты утвердились на долгое время. Своего наивысшего развития они достигли благодаря организаторским способностям другого французского герцога. Карла Смелого, который под именем герцога

Бургундского объединил под своей властью ряд французских и германских ленов – Фландрию, Брабант, Хеннегау, Люксембург, вольное графство Бургундию, Бургонь[82].

Недостатки в военном отношении сохранившегося от старого времени конституционного ленного призыва – неточность, ненадежность, плохое вооружение и слабый военный опыт дворян – были так велики, что казались невыносимыми[83]. Карл нашел двоякий выход. Тем дворянам, которые обязывались быть всегда наготове к походу и при смотрах оказывались в отношении вооружения годными, он платил регулярное небольшое вознаграждение. Это были "soudoyers a gages mĭnagers"[84]. Но этого было недостаточно.

Быть может, недостаточное вооружение и подготовка феодального войска, имевшие часто место в XV в., встречались также при Барбароссе и при Карле Великом, но из-за этого все же не менялась система. Успешное развитие наемничества не только улучшило, благодаря плате, вассальную службу, но и окончательно заменило ее. Карл издал решительные приказы [85] об этом и на полученные таким образом средства по примеру своих кузенов, французских королей, создал в 1471 г. ордонансовые роты.

Он дал им твердое подразделение: первоначально 10 копий по 10 человек в каждом, позднее 4 escadres, распадавшихся в свою очередь на 4 chambres по 6 копий; 25-е копье являлось копьем chef d'escadre.

Знамена различных командиров рот имели различные цвета. Чтобы подразделение было заметно, на флажках изображались одно, два, три, четыре больших С, а под этими буквами С были вышиты номера 1, 2, 3 или 4.

Копье имело не только конных и стрелков, но и пеших воинов: оно насчитывало одного рыцаря, одного coutillier, одного пажа, 3 конных лучников и одного арбалетчика, одного couleuvrinier (стрелка из ружья) и одного пешего пикинера, т.е. 9 человек, к которым нередко присоединялись многочисленные добровольцы[86].

Карл издал предписания относительно снабжения, оплаты, отпусков, дисциплины. В мирное время из каждого эскадрона отпуск могли получать не больше 5 hommes d'armes и 15 стрелков, в военное время – 2 hommes d'armes и 6 стрелков. За каждой ротой могло следовать не больше 30 женщин, причем никто не мог претендовать на то, чтобы какая-либо женщина принадлежала только ему.

Наряду с делением на копья Карл провел

разделение по родам войск, чего неоднократно требовала практика войны; наконец, он издал даже специальные регламенты, в которых предписывались маневры. В одном из этих регламентов значится следующее: "Для поднятия боеспособности войска путем упражнений во владении оружием герцог повелевает начальникам рот, эскадронов и взводов выводить своих жандармов во время гарнизонной службы или в другое свободное время в поле, иногда в одной только броне, иногда в полном вооружении и там производить упражнения – сомкнутым строем, затем мчаться с копьем наперевес и при этом на всем скаку лошадей всегда оставаться при знамени или же по команде разделяться, затем снова собираться и друг друга поддерживать, дабы выдержать неприятельский натиск. Стрелки вместе со своими конями также должны напрактиковаться в обращении с оружием; их нужно приучить к спешиванию и стрельбе из лука; при этом их нужно обучить, чтобы они выстраивали своих коней, сцепленных уздой, в ряды – по 3 лошади, привязанных к зацепке, прикрепленной к головке передней луки лошади оруженосца, затем быстро построиться в линию и стрелять в полном порядке; наконец, впереди стрелков должны маршировать пикинеры также

сомкнутой линией. Однако, по данному знаку эти последние падают на колено с простертыми вперед пиками на высоту груди лошади, дабы через них, как через стену, стрелки могли выпустить свои стрелы, а когда пикинеры видят, что враг пришел в замешательство, они должны быть готовыми броситься на него так, как им будет приказано. Затем пикинерам надлежит, в целях двухсторонней обороны, упражняться в выстраивании друг к другу спинами, равно как в виде квадрата или круга; быть им всегда впереди стрелков и в сомкнутом строе, дабы отражать атаку неприятельской конницы, причем также замыкать пажей и лошадей стрелков. Офицеры могут сперва проводить эти упражнения с небольшими частями; после того как обучится одна, обучается другая. При этом офицеры должны всегда иметь наблюдение над солдатами, которые не осмелятся дезертировать или продавать своих коней или снаряжение, так как они заранее не знают, в какой день офицеры будут производить занятия; таким образом каждый должен будет выполнять свой долг и обучаться военному делу".

Когда читаешь эти уставы строевых занятий, кажется, что средневековье осталось далеко позади; некоторые упражнения производят даже

вполне современное впечатление. Но это впечатление обманчиво. Переход от одного периода всемирной истории к другому происходит не так быстро и не так легко. Выше мы видели, как тяжело было королям Франции превратить банды наемников в регулярные роты. Мы увидим также, как медленно и с какими трудностями из рыцарей и кнехтов средневековья образовалась современная кавалерия и пехота. Регламентация строевых занятий Карла Смелого не была даже этапом этого преобразования. Это – продукт усердного, находчивого и деятельного ума, продукт, пошедший даже в правильном направлении и все же не создавший перехода к новому времени, так как элементы, которыми он оперирует, в короткое время были вытеснены значительно более сильными элементами.

Военная организация этого последнего бургундского герцога не представляет собой ничего современного, а наоборот, это – последний тончайший, можно было бы даже сказать самый надежный побег средневековья. Действительно важным моментом для эволюции военного искусства является начинающееся здесь разделение родов войск. Предписанные же строевые занятия – лишь иллюзия; во всяком случае то, что из них было выполнено, не имеет

ничего общего с тем, что мы теперь понимаем под строевыми занятиями. Для этого требуется расход силы совсем другого порядка, нежели это предписание свыше, представляющее собой просто хороший совет. На этом моменте мы еще остановимся. Правда, ордонансовые роты, поскольку они составлялись из конных, представляют собой известный переход от рыцарства к кавалерии, но до последней еще очень далеко, а эти "hommes d'armes" первое время были еще всецело рыцарями. Пешие же и стрелки ордонансовых рот вообще не имеют ничего общего с будущей европейской пехотой. Последняя произросла из совсем других корней. Решающей характеристикой, благодаря которой ордонансовые роты должны быть отнесены именно к средневековому военному делу, является сама основа организации – то, что она построена на понятии "копье". В основе "копья" лежит то, что бойцом является рыцарь, а все прочее – лишь подсобное оружие. Правда, число подсобного оружия настолько велико, что можно было бы подумать, что рыцарь в маленьком отряде является офицером, а если мы вспомним, что при спешивании рыцарей и вступлении их в ряды кнехтов действительно играл роль даже момент придачи массе моральной силы, то это и в самом

деле является некоторым переходом к современному понятию офицерства. Но и в данном случае мы имеем дело только с созвучием: рыцарь внутри "копья" все же не походит на то, что мы в военной истории называем "офицером", а он остается только главным бойцом. Началом разделения родов войск Карл Смелый создает момент, также указывающий на будущее, но при этом первый момент – превращение рыцаря в "офицера" – снова уничтожается, так как рыцари и кнехты находятся теперь уже не рядом. Таким образом, "копье" внутри ордонансовых рот является лишь, так сказать, утонченным средневековьем, а именно стремлением в смешенном бою создать поддержку рыцарям со стороны вспомогательных родов войск, создать некоторый порядок и руководство.

То, что возвышающиеся князья средневековья пошли этой дорогой, было вполне естественно, но этот шаг все же остался бесплодным. Руководством овладела совсем другая сила. Поэтому нам и не нужно вдаваться в такие подробности организации военного дела XV в., как мы это делали в отношения других столетий этой эпохи. Как только мы познакомимся с новой силой, которая уготовила конец рыцарству, все попытки отмирающей эпохи произвести в себе

улучшения теряют для нас интерес.

ГЛАВА VI

СРАЖЕНИЯ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ И МОНЛЕРИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ БОИ ЭТОГО ПЕРИОДА

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ 15 июля 1410 г.

Как ни ужасна была битва при Танненберге и ее исход, как бы много ни было о ней тогда же записано, все же она дошла до нас в весьма сомнительной передаче[87].

Продолжатель любекской хроники Детмара исчисляет польско-литовское войско в 5 100 000 человек, что, таким образом, превосходит даже численность армии Ксеркса, сообщенную отцом истории (Геродотом). Магдебургская шеффенская хроника в соответствии с этим сообщает, что общее число убитых составляло 630 000 человек. Наименьшее указание хроники о численности немцев – 83 000, поляков – 163 000 воинов. Heveker (Хевекер) исчисляет армию ордена, примерно, в 11 000 человек, из них – около 3 850 тяжеловооруженных, 3 000 оруженосцев и 4 000 стрелков, которые также были конными, но

сражались спешившись. К этому прибавляется некоторое число пеших воинов, которые, однако, не вступили в сражение, а оставались во время сражения в вагенбурге.

Поляков и литовцев Хевекер исчисляет в 16 500 конных, т.е. на 50% больше, чем немцев. О том, что их было значительно больше, чем немцев, говорит и поляк Длугос (Dlugoss) – наш главный источник для этого сражения. Во главе армии стоял король Владислав, но настоящей душой дела был его двоюродный брат Витольд, великий князь Литовский.

Гроссмейстер Ульрих фон Юнгинген предоставил инициативу полякам и, когда они начали операцию на правом берегу Вислы, он занял позицию за притоком Вислы Древенцом. По источникам создается представление, что немцы помешали притивнику совершить переход через Древенц у Кауэрника; причина этого не ясна, ибо так или иначе, а дело должно было дойти до боя. То ли пруссаки не собрали еще своих сил, то ли намеревались дать полякам перейти реку и атаковать их во время переправы, – как бы то ни было, но поляки усмотрели трудность положения, повернули и направились на восток с целью обойти Древенц у его истока.

Немцы двигались параллельно, и так как река

делает большой изгиб на север, то они переправились через нее и на виду неприятельского лагеря у деревни Танненберг построились к бою. Наши источники, как польские, так и немецкие, единодушно заявляют, что армия ордена совершила ошибку, остановившись в боевом порядке, вместо того, чтобы тотчас же атаковать еще непостроенную польскую армию.

Однако, очевидно, что это лишь высшая мудрость задним числом. Прусский арьергард подошел только к концу сражения, а тяжелая артиллерия подоспела вообще слишком поздно и ее могли использовать лишь для защиты лагеря; значит, и само немецкое войско в начале сражения еще не было окончательно развернуто; рассказ о долгом ожидании исходит от людей, случайно принадлежавших к передним рядам и не понявших причину их долгого стояния. Уже ночью при сильном дожде снялись с лагеря в районе Лебау и сделали переход не меньше чем в 25 км, считая по воздушной линии, в палящий июльский зной, поэтому вполне естественно, что сосредоточение продолжалось очень долго. Что касается поляков, то, выступив в 6 часов утра и совершив переход всего в 1 S мили, они уже расположились лагерем, и им осталось только

построиться перед ним. О нападении, таким образом, нельзя было и думать. Наоборот, стратегия гроссмейстера представляется связной лишь при предположении, что он хотел дать оборонительно-наступательное сражение. Он имел довольно много арбалетчиков и даже пушек, полное действие которых могло проявиться только в обороне. Если при Танненберге он хотел атаковать неприятеля, то непонятно, почему он не сделал этого уже 5 днями ранее при Кауэрнике и позволил полякам оставаться так долго на прусской территории, которую они сильно разоряли. Если же он хотел переложить инициативу наступления на противника, то все станет понятным: и почему он ожидал противника в собственной стране, и почему занял позицию за Древенцом, и почему так долго оставлял свои войска в бездействии.

Здесь он имел позицию, лежавшую на фланге направления польского марша, так близко, что они не могли пройти мимо нее; справа позиция выгодно примыкала к грюнфельдскому лесу, слева – к деревне Танненберг, впереди же лежала в общем ровная, но местами волнистая, покрытая расселинами и представлявшая все же некоторые затруднения для противника, местность[88].

В то время как поляки при первом сообщении

о приближении войска ордена быстро оседлали коней и сосредоточились, к королю Владиславу явились 2 герольда, которые по поручению гроссмейстера передали ему 2 меча и вызвали на бой. Если усмотреть в этой церемонии попытку гроссмейстера выиграть еще некоторое время, то это вполне увяжется с нашим общим взглядом на сражение.

Замысел сражения, как можно было уже заметить, является полной аналогией замыслу Баязета при Никополе. Хотя и нет сведений о том, что немецкие стрелки соорудили перед собой частокол-палисад, как янычары (впрочем в отношении Кауэрника это определенно упоминается), зато они имели во фронте некоторое число пушек.

Но исход сражения был прямо противоположным Никополю. Действие пушек было незначительно, тем более что как раз в начале сражения разразилась гроза и порох отсырел. Арбалетчики и лучники имели большой успех, по крайней мере на левом фланге, против более легко вооруженных литовцев, которые при наскоке всадников были рассеяны и бежали. Однако, в центре и на правом фланге немцы после упорного боя были разбиты превосходными силами поляков, которые не повторили ошибки

французов при Кресси и Никополе – атаки по частям, а вполне развернули свою армию и двинулись одновременно всей массой. Против этой массы прусские арбалетчики и пушки, равно как и храбрость братьев Немецкого ордена, были бессильны. Вернувшиеся с преследования литовцев рыцари также не смогли уже, так сказать, повернуть судьбы. В кругах ордена утверждали, что имела место измена, что кульмские рыцари, находившиеся в оппозиции к правлению ордена, изменили знамени и бежали.

Этому не нужно верить. При обсуждении различных исходов Никополя и Танненберга следует только принять во внимание, что ни стрелки, ни набранные в деревнях всадники ордена не могут сравняться по своим боевым качествам и по преданности делу с янычарами и сипаями Баязета: ведь учение Магомета и вытекающая отсюда дисциплина содержат колоссальную военную потенцию. Если еще учесть, что численное соотношение было обратным, чем при Никополе – Баязет был, очевидно, количественно более сильным, а Юнгинген оказался более слабой стороной и не имел даже сначала всей армии в сборе, – то различный исход при одинаковом расположении и тактике не может удивлять.

Вагенбург, сооруженный армией ордена позади боевой линии и снабженный тяжелой артиллерией, был взят штурмом преследующими поляками. Сам гроссмейстер и 205 братьев ордена устлали своими трупами поле битвы[89].

МОНСТРЭЛЕ О ТАННЕНБЕРГЕ

В качестве примера того, как видоизменяется картина событий при наблюдении ее с известного расстояния, я включаю рассказ о сражении при Танненберге во французской хронике Монстрэле, продолжателя Фруассара и одного из важнейших и наиболее цитируемых писателей – источников того времени. Он сообщает:

"16 июля 1410 г. гроссмейстер Пруссии в сопровождении многочисленных рыцарей, братьев и других воинов разных наций общей численностью до 300 000 христиан, вторгся в Литву с целью разгрома. Тотчас же ему пошел навстречу король этого государства вместе с королем сарматов – всего около 400 000 сарацинов, и дали друг другу бой. Христиане одержали победу, и около 36 000 сарацинов было убито. Главнейшими из убитых были адмирал литовский и коннетабль сарматов. Другие, оставшиеся в живых, бежали. Христиане оставили

на поле сражения около 200 человек, но кроме этого они имели много раненых.

Вскоре после того польский король, бывший большим врагом гроссмейстера Пруссии и только недавно притворно принявший христианство с целью добиться польской короны, явился со своими поляками на помощь названным сарацинам и стал увещевать их снова начать войну против Пруссии; и вот через 8 дней после этого поражения армии выстроились одна против другой, а именно: польский король и два названных короля с одной стороны примерно с 600 000 воинами против гроссмейстера Пруссии и многих других крупных христианских сюзеренов, которые и были разбиты сарацинами. И здесь было 60 000 убитых или больше. Среди них находился гроссмейстер Пруссии и один дворянин из Нормандии, Жан де Ферьер, сын сеньора Вьевиля, и из Пикардии сын сеньора дю Буа Д'Аннеке. И все сказали, что дело погибло по вине коннетабля венгерского короля, участвовавшего во второй операции христиан и вместе со всеми венграми покинувшего поле сражения[90].

Но сарацины добились славы и победы не без потерь, так как, кроме 10 000 поляков, с их стороны пало 120 000 человек, как это было

сообщено герольдами, а также бастардом Шотландии, носившим имя граф де Хембе".

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНЛЕРИ ПО КОММИНУ 13 июля 1465 г.

Как граф Шаролэ со многими владетельными сеньорами Франции выставил войско против короля Людовика XI под предлогом защиты общего блага.

Граф Шаролэ (Карл Смелый) вполне примирился с отцом и немедленно отправился с конницей на войну; его сопровождал главный начальник (chief) его войска. Под его началом было около 300 всадников и 4 000 лучников, и много дворян и рыцарей из Артуа, Хеннегау и Фландрии оказалось, по приказу графа Шаролэ, под начальством названного графа. Подобные и не меньшие отряды имели Равастейн, брат герцога Клевского, и Антоний, бастард Бургундский: они командовали военными отрядами. Были и другие военачальники, которых я сейчас не стану перечислять ради краткости; между прочим, два рыцаря, особенно высоко ценимые графом Шаролэ: один – сеньор де Обурден, проведший юность в войнах между Францией и Англией в те времена, когда Генрих, пятый король Англии

этого имени, правил Францией и когда герцог Филипп был его союзником. Другой назывался сеньор де Контэ и был одного возраста с первым. Оба были очень храбрыми рыцарями и стояли во главе войска. Молодых было там достаточно, между прочим один весьма знатный рыцарь по имени мессир Филипп де Лалэн, принадлежавший к роду, насчитывавшему мало таких, которые не были бы отважны и храбры; почти все представители этого рода погибли на военной службе у своих сеньоров. В войске было около 1 400 всадников, плохо вооруженных и плохо обученных, ибо их сеньоры долгое время оставались в мире и после Аррасского договора видели мало продолжительных войн. По моему мнению, они больше 36 лет пребывали в покое, если не считать нескольких мелких войн против Гента, весьма кратких. Кони у всадников были очень хороши, и немногих вы увидели бы таких, у кого не было бы 5 или 6 крупных коней. Лучников было 8 000 или 9 000; после осмотра, где выбраны были наилучшие, оказалось труднее отослать лишних, чем ранее – вербовать.

Благодаря долговременному миру и доброте государя, взимавшего мало податей, подданные Бургундского дома были тогда очень самостоятельны, и мне кажется, что в те времена

земля его с большим правом могла называться землей обетованной, чем все сеньории на свете. Бургундцы жили в изобилии и спокойствии; впоследствии утратили они и то и другое; началось это 23 года тому назад. Обстановка жизни и одежды мужчин и женщин были богаты и роскошны; более обильных и расточительных трапез и пиров я не встречал нигде; купанья и другие увеселения с женщинами – разгульные и бесстыдные; я говорю о женщинах низкого звания. В итоге подданным Бургундского дома казалось, что нет такого государя, который смог бы их разорить; теперь же я не знаю ни одной страны в мире, которая была бы столь же несчастна; возможно, что они несут наказание за грехи, совершенные в счастливые времена, а главным образом, за непонимание того, что все эти милости ниспосылаются богом и распределяются по воле его.

Итак, когда войско было подготовлено, – а было это сделано очень скоро, – граф Шаролэ двинулся со всем войском, которое все было на конях, кроме сопровождавших артиллерию, прекрасную и большую по тому времени, и с большим обозом, сопровождавшим большую часть – его собственного – войска. Прежде всего он направился к Нойону и осадил Нель,

небольшой занятый войсками замок, и взял его в несколько дней. Иоахим, маршал Франции, выступивший из Пероны, был все время недалеко от графа Шаролэ, но не причинял ему ущерба, так как имел мало воинов; он укрылся в Париже, когда граф приблизился к этому городу.

На всем протяжении пути граф не предпринимал никаких военных действий, и его люди не брали ничего даром; города по берегу Соммы и все остальные понемногу принимали его людей и доставляли им то, что они хотели за деньги; казалось, они выжидали, кто окажется сильнее: король или сеньоры. Двигаясь таким образом, граф достиг Сен-Дени, близ Парижа, где, согласно их обещанию, должны были находиться все сеньоры королевства, но их там не оказалось.

Вместо герцога Бретани в качестве посланца там был с графом вице-канцлер Бретани, снабженный незаполненными бумагами за подписью герцога; заполняя бумаги сам, он, таким образом, отдавал необходимые распоряжения. Был он нормандец и обладал большой хитростью; хитрость и нужна была ему ввиду подымавшегося против него ропота воинов.

Граф подошел к Парижу; там произошла крупная стычка; к великому ущербу для находившихся в городе, атакующие доходили до

самых ворот. Из рыцарей там были только Иоахим и его отряд и монсеньор Нантуйэ, впоследствии управитель королевского дворца, сокровищ и архивов (grand maistre de France), который так верно служил королю в этой войне, как ни один подданный короля Франции не служил ему, и в конце концов плохо был вознагражден, больше из-за преследований врагов, чем по вине короля; но ни те, ни другие не смогли бы найти оправдания для себя.

В этот день, как я узнал впоследствии, многие были настолько напуганы, что кричали: "Они ворвались в город!" (так мне рассказывали впоследствии), но к этому не было оснований.

Монсеньор Обурден (о котором я говорил раньше), который вырос в Париже, настаивал на осаде города: Париж в то время был менее укреплен, чем теперь. Рыцари, презиравшие неприятеля, держались того же мнения, ибо атакующие подходили вплотную к городским воротам. Впрочем возможно, что город нельзя было взять: граф возвратился в Сен-Дени.

На утро следующего дня состоялся совет, идти ли навстречу герцогу Беррийскому и герцогу Бретонскому. Они были близко, как говорил вице-канцлер Бретани, показывая их письма; но эти письма он сам изготовил на бумаге с печатью:

больше он ничего не знал.

Решено было перейти Сену, хотя многие настаивали на возвращении, так как остальные не сдержали своего обещания; другие считали, что достаточно будет перейти Сомму и Марну, не переходя Сены; некоторые высказывали серьезные сомнения, ссылаясь на то, что в тылу у них не будет пути к отступлению в случае надобности. Войско сильно роптало на графа Сен-Поль и на этого вице-канцлера; тем не менее граф де Шаролэ перешел реку и расположился у моста Сен-Клу.

На другой день по прибытии сюда он получил письмо от одной придворной дамы, что король (Людовик XI), выступив из Бурбонне, большими переходами спешил к нему навстречу.

Но следует сказать несколько слов о том, как король отправился в Бурбонне. Зная, что все сеньоры королевства против него или, по крайней мере, против его правительства, он сам решил напасть первым на герцога Бурбонского, так как ему казалось, что названный герцог относится к нему с наибольшей враждебностью, и так как по слабости его страны его можно было скоро раздавить. Король захватил ряд пунктов и взял бы и всю остальную территорию, если бы не помощь Бургундии, которую привели сеньор де Куши,

маркиз де Вотелен, сеньор де Монтегю и др.; был там и одетый в доспехи канцлер Франции (и ньюе занимающий этот пост), человек весьма почтенный, по имени монсеньор Гийом де Рошфор.

Король, видя, что граф Шаролэ приближается в Парижу, и, боясь, как бы парижане не открыли ворота ему и его брату и герцогу Бретонскому, которые шли из Бретани, ввиду того что все они ссылались на общее благо королевства, и как бы то, что сделает Париж, не стали делать и другие города, решил большими переходами идти к Парижу, вступить в него и помешать соединению этих двух больших войск. Он прибыл без намерения сражаться, как он неоднократно рассказывал мне, когда речь заходила об этих обстоятельствах.

Как граф Шаролэ расположился лагерем у Монлери и о битве, которая произошла между ним и королем Франции.

Когда, как я уже сказал, граф Шаролэ узнал, что король выступил из Бурбонне и идет прямо на него (или, по крайней мере, граф так думал), он также решил двинуться навстречу королю. Граф огласил содержание писем, не называя лица, которое их писало, и побуждал всех действовать

как можно лучше, так как он-де решил попытать счастья. Он расположился лагерем у одной деревни близ Парижа, называемой Лонжюмо; коннетабль, командовавший авангардом, остановился у Монлери, в 3 лье выше по реке. Высланы были разведчики, чтобы разузнать о прибытии короля и о его пути.

В присутствии упомянутого графа Сен-Поль выбрано было место для боя у Лонжюмо; согласились на том, что граф Сен-Поль отступит к Лонжюмо, в случае если подойдет король; присутствовали при этом сеньор Обурден и сеньор де Контэ.

В то время как граф Шаролэ стоял лагерем у Лонжюмо, а его авангард – у Монлери, он узнал от одного пленного, который был приведен к нему, что граф Мэйн соединился с королем, и что там находится все войско королевства, около 2 200 всадников, ополчение Дофине и 40 или 50 савойских дворян, а король держал совет с графом Мэйн, с сенешалем Нормандии по имени де Брезэ, адмиралом Франции из дома Монтобан и другими: в конце концов, король решил, что бы против этого ни говорили, не сражаться вовсе, а отправиться в Париж, не приближаясь к бургундскому лагерю. И, по-моему, это намерение было разумно.

Относясь с подозрением к сенешалю Нормандии, король потребовал у него ответа, присягал ли он на верность властителям, объединенным во враждебный королю союз, или нет. На это сенешаль ответил: "да", что присяга его остается у князей, тело же принадлежит королю.

Говорил это он смеясь, так как привык говорить именно так. Король удовлетворился таким ответом и доверил сенешалю командование авангардом, а также и проводников, желая, как сказано, избегнуть сражения. Великий сенешаль сказал тогда одному из приближенных, выражая собственные свои желания: "Сегодня я так плотно сдвину их, что понадобится большая ловкость, для того чтобы их разъединить". Так он и сделал, но он и его люди были первыми из павших. Эти слова передавал мне король, так как тогда я был с графом Шаролэ.

17 июля 1465 г. авангард (королевской армии) прибыл в Монлери, где был лагерь графа Сен-Поль. Названный граф Сен-Поль тотчас же снарядил посольство к графу Шаролэ (стоявшему лагерем в 3 милях оттуда на назначенном для боя месте), прося его немедленно прийти к нему на помощь, так как всадники и лучники уже спешились и приближаются к его обозу; ему-де

невозможно отступить (как приказано), так как, если бы он выступил в путь, это было бы понято как бегство и создало бы опасность для всего войска.

Граф Шаролэ спешно выслал бастарда Антона Бургундского со значительным отрядом на соединение с ним, сам же колебался, следует ли ему идти или нет, но, наконец, последовал за другими и прибыл около 7 часов утра. Там уже было 5 или 6 знамен короля, стоявших вдоль разделявшего оба войска большого рва.

Граф Шаролэ нашел графа Сен-Поль пешим; все остальные прибывали друг за другом; лучников мы нашли разутыми, и каждый вкопал перед собой по колу; много бочек вина было пробуравлено, чтобы пить из них; до того я видел немногое, но никогда не встречал людей, которые так рвались бы в бой: это показалось мне очень хорошим знаком и весьма ободрило меня.

Сперва было принято решение всем без исключения спешиться, затем переменили мнение, и конники сели на коней, но многие храбрые рыцари получили приказание оставаться пешими, монсеньор де Кордэ и его брат в их числе. Мессир Филипп де Лалэн спешился; у бургундцев наибольшим почетом пользовались те, которые сражались пешими с лучниками, и многие

знатные прибегали к этому средству, чтобы пехота чувствовала себя более уверенной и лучше сражалась.

Научились они этому у англичан, с которыми герцог Филипп еще юношей сражался в войне против Франции, длившейся 32 года без перемирий. Но главные бои вели тогда англичане, бывшие богатыми и могущественными. В то время у них был мудрый король Генрих, прекрасный и храбрый полководец. Он имел мудрых и храбрых людей и крупных военачальников, как Солсбэри, Тальбот и другие, о которых я умалчиваю, так как в мое время их уже не было: я видел только их останки. Когда бог утомился делать им добро, этот мудрый король умер в Венсеннском лесу, а его безумный сын был коронован в Париже короной Франции и Англии. Соответственно с этим изменились и другие ранги в Англии, и между ними возникло разобщение, существующее до настоящего времени или почти до сегодня. Тогда представители Йоркского дома узурпировали королевскую власть или получили ее по праву, по какому – не знаю, так как такие вещи распределяются на небе.

То, что бургундцы сперва спешились, а затем снова сели на коней, было для них причиной большой потери времени и ущерба. Тогда пал

юный храбрый рыцарь мессир Филипп де Лалэн из-за плохого вооружения. Люди короля друг за другом, цепью прошли через лес Турфу, их не было и 400, когда мы прибыли, и многие полагают, что если бы мы тотчас напали на них, то не встретили бы никакого сопротивления, ибо, как я уже сказал, прибывающие могли идти только один за другим, но все же число их возрастало.

Видя это, благородный рыцарь монсеньор де Контэ поспешил сказать господину, монсеньору де Шаролэ, что если он хочет выиграть это сражение, то пора двигаться вперед, обращая внимание на то, что если бы они начали наступление раньше, враги были бы уже разбиты; граф де Шаролэ нашел их в малом числе, теперь же их заметно прибавилось; так и было в действительности.

Обсуждение стало тогда весьма беспорядочным: каждый хотел высказать свое мнение. Уже началась большая стычка в конце деревни Монлери; с той и с другой стороны были только лучники. Со стороны короля ими предводительствовал Понсе де Ривьер, и все это были лучники регулярных войск, в золототканных одеждах, высокого звания, тогда как лучники бургундцев были в беспорядке и без руководства, как партизаны (voluntaires). Когда начались

стычки, пешими были с ними Филипп де Лалэн и Жак дю Ма, человек с громким именем, впоследствии ставший конюшим герцога Карла Бургундского.

Бургундцы были многочисленнее; захватив один дом, они сняли две или три двери и пользовались ими как щитами. Они начали пробиваться на улицу и подожгли один дом. Ветер пришел к ним на помощь и погнал огонь навстречу воинам короля, которые затем начали уходить, садиться на коней и спасаться бегством.

Хотели идти 3 эшелонами, так как расстояние между 2 отрядами (batailles) было велико. Войско короля стояло у замка Монлери; перед ним была большая изгородь и ров. На полях были рожь, бобы и другие высокие и густые злаки: земля там была плодородна. Все лучники графа шли пешком, в беспорядке перед ним.

Хотя, по моему мнению, лучники важнее всего на свете в сражениях, но их должны быть тысячи (в малом числе они не имеют никакой цены), у них должны быть плохие лошади: они не должны дорожить своими лошадьми; все же лучше для этого дела такие, которые вовсе не участвовали в боях, чем хорошо обученные, и таково мнение англичан, которые являют собой цвет стрелков.

Как сказано, решено было, что по дороге

дважды будет привал из-за дальности пути и густых злаков, мешавших людям идти; случилось как раз обратное, точно они сами себя хотели погубить. Здесь господь показал, что он держит битвы в деснице своей и дает победу по своему усмотрению; мне кажется невозможным, чтобы разум одного человека мог бы такое большое число людей привести в порядок и сохранять его или чтобы в поле все происходило так, как ранее предполагалось в военном совете; тот, кто этому поверит, согрешит против господа, если он человек здравомыслящий. Впрочем, каждый должен делать при этом что может и что обязан, и постигать, что бог, начиная такие дела по ничтожным мотивам и поводам, дает победу то одному, то другому. И велика тайна того, как королевства и большие сеньории иногда гибнут, а другие начинают расти и возвышаться.

Мы возвращаемся к предмету нашего повествования: граф шел без остановки, не давая перевести дух стрелкам и пехотинцам; воины короля с двух сторон обошли изгородь; когда они приблизились настолько, что пора было взять копья на удар, бургундские конники прорвались сквозь ряды лучников, не оставляя им времени ни для одного выстрела, хотя те были цветом и надеждой войска; я не верю, чтобы среди бывших

там 1 200 всадников было хотя бы 50 таких, которые умели бы владеть копьем. У 400 не было кирасы; не было ни одного вооруженного слуги.

Все это было следствием длительного мира и того, что герцоги бургундские не держали постоянного войска, чтобы не отягощать народ податями.

С того дня страна не имела покоя до сего часа, когда ей приходится хуже, чем когда-либо. Так бургундцы сами погубили цвет и надежду своего войска. Но господу, чьи пути неисповедимы, угодно было, чтобы фланг, на котором находился граф (он был по правую руку от названного замка), одержал верх, не встречая никакого сопротивления; весь тот день я был при графе и менее испытывал страха, чем когда-либо, так как я был очень молод и не имел понятия об опасности; но меня удивляло, что никто не решался защищаться против властителя, с которым я был: я стал считать его самым могущественным из всех. Таковы люди, имеющие мало опыта; отсюда проистекает и то, что они отстаивают свои мнения при помощи плохих доказательств и недостаточно разумно. Поэтому лучше придерживаться мнения тех, кто знает, что люди никогда не раскаиваются в том, что говорили мало, но очень часто, в том, что

говорили слишком много.

По левую руку были сеньоры Равастэн и мессир Жак де Сен-Поль и многие другие, которым казалось, что у них недостаточно конницы для того, чтобы удержаться; но ввиду близости врага нельзя было думать о перестроении. Они действительно были разбиты наголову и отброшены до повозок; большая часть бежала в лес, в полулье оттуда. У повозок некоторые пехотные бургундские отряды вновь собрались. Среди преследователей выделялись рыцарство дофина Савои и многие конники; они думали, что выиграли битву, так как на этой стороне бургундцы стремительно бежали, многие знатные сеньоры стремились к мосту Сент-Максанс, который они считали еще находящимся в наших руках. Многие оставались в лесу; между ними и граф Сен-Поль с довольно большой свитой отступил (обоз был близок к лесу); впоследствии он хорошо показал, что не считал дело проигранным.

Граф Шаролэ на своей стороне преследовал врагов с небольшим отрядом на поллье за Монлери. Со стороны главной массы он не встретил сопротивления и думал уже, что победа обеспечена за ним. Старый дворянин из Люксембурга по имени Антон ле Бретон нагнал

его и сказал, что французы вновь собрались, и что он погибнет, если будет продолжать преследование. Хотя ле Бретон сказал это два или три раза, герцог не остановился. Непосредственно вслед за этим прибыл монсеньор де Контэ (о котором я говорил ранее); этот сказал графу нечто подобное, притом столь дерзко и решительно, что тот прислушался и обернулся. Я думаю также, что граф попал бы в плен, как и некоторые другие, если бы продвинулся вперед на расстояние двух выстрелов из лука.

Миновав деревню, граф нашел толпу убегающих пехотинцев; он их преследовал, хотя у него не было и 100 коней. Только один из пехотинцев обернулся и проткнул ему копьем живот: вечером я видел рану.

Большинство других спаслось через сады, но этот один был убит. Проходя мимо замка, мы увидели лучников из охраны короля, стоящих без движения перед воротами.

Граф был поражен, ибо не думал, что воины короля еще защищаются. Он свернул в сторону, направляясь в поле; там на него напало около 15 или 16 конников (часть его людей уже отделилась от него); конники убили кравчего графа, называвшегося Филипп д'Уаньи, несшего знамя с его гербом.

Жизнь графа была здесь в большой опасности, он много раз получал удары, между прочим, один удар кинжалом в шею, шрам от чего он сохранил на всю жизнь; нагрудник (baviere) у него отвалился и с утра был плохо прикреплен, и я сам видел, как он падал вниз. Один положил на него руку и вскричал: "Монсеьор, сдайтесь! Я хорошо знаю вас, не давайте себя убить!" Но он все еще защищался; тогда подъехал сын одного врача из Парижа, по имени Жан Каде, который сам был велик, тяжел и силен и сидел на такой же лошади, проскакал между ними и разделил их.

Все воины короля вновь отступили ко рву, где они были утром, так как они не боялись тех, кто подходил. Граф, сильно истекавший кровью, отправился к ним на середину поля. Знамя бастарда Бургундского было так изорвано, что длина его не превышала одного фута, у знамени стрелков графа было всего-навсего не более 40 человек, и мы (не больше 30) соединились с ними в большой нерешительности. Граф тотчас пересел на другую лошадь, данную ему пажем Симоном де Кенжи, впоследствии приобретшим известность.

Граф поскакал по полю, чтобы собрать своих людей; мы же, оставшиеся там, помышляли, только о бегстве, как будто близилось сто врагов. К нам примкнуло 10 человек, 20 человек пеших и

конных – пехота, израненная и измученная походом и боем.

Граф тотчас же возвратился, но не привел с собой 100 человек; все же постепенно набралось некоторое число. Поле, на котором еще полчаса тому назад хлеба стояли высоко, было голо и полно ужаснейшей пыли, все было усеяно трупами людей и лошадей, и из-за пыли нельзя было узнать мертвецов.

Вслед за тем мы увидели, что граф Сен-Поль наступает из-за леса, и при нем было не менее 40 всадников и знамя. Шел он прямо на нас, и вокруг него собиралось все больше людей, нам же казалось, что они еще далеко. Раза три или четыре передавали мы ему просьбу поспешить, но он продолжал двигаться шагом; он велел своим людям взять копья, лежавшие на земле, и явился в полном боевом порядке (что очень ободрило наших воинов).

К тому времени, когда он оказался у нас, вокруг него собралось так много воинов, что нас было до 800 всадников.

Пехоты было мало или не было вовсе, что мешало графу одержать полную победу, так как между обеими боевыми линиями были ров и большая изгородь.

На стороне короля бежал граф Мэйн и многие

другие, а также до 800 всадников.

Некоторые утверждали, что граф Мэйн был в стычке с бургундцами, но, по правде сказать, я не думаю, чтобы это действительно было так. Никогда у обоих графов не было столь большого бегства; в особенности замечательно, что оба государя остались на поле битвы. На стороне короля один человек высокого звания бежал без отдыха до Лузиньяна, на стороне графа почтенный господин – де Кенэ ле Конт. У этих двух не было причин быть друг против друга.

Когда оба войска были построены одно против другого, произведено было несколько пушечных выстрелов, от чего на той и на другой стороне были убитые.

Наши войска были более многочисленны, но присутствие короля и милостивые слова, с которыми он обратился, к всадникам, сделали многое; после слышанного мною там я в самом деле думаю, что если бы не он, все разбежались бы.

На нашей стороне кое-кто желал начать все сначала; к числу таких принадлежал прежде всего сеньор Обурден, который говорил, что, якобы, видел, как бежала неприятельская рота, и если бы нашлись только 100 лучников, чтобы стрелять сквозь изгородь, все обратилось бы в нашу пользу.

В такого рода предположениях и мыслях прошла ночь, даже без перестрелки. Король отступил к Корбейлю, тогда как мы думали, что он расположился лагерем и проводит ночь в поле. Случайно огонь попал в пороховую бочку в том месте, где находился король, и перебросился на некоторые повозки и на всю изгородь; мы думали, что это огни неприятельского лагеря.

Граф Сен-Поль, собственно говоря, настоящий руководитель войны, и сеньор Обурден, тем более, повелели вагенбург передвинуть туда, где находились мы, и окружить нас: так и было сделано. Мы были снова вместе и в боевом порядке; в это время появились многие из королевского войска, которые преследовали бегущих и думали, что победа на их стороне; теперь они вынуждены были пройти мимо нас; некоторые ушли, но большинство было убито. Из именитых людей короля пали Жоффруа де Сен-Белен, великий сенешаль, и Флоке, капитан. На стороне бургундцев умер мессир де Лалэн; пехоты и рядовых погибло больше, чем у короля, но конницы – больше на королевской стороне. Важных пленников – из тех, которые бежали, – больше было у короля. Потери обоих войск, вместе взятых, выразились не меньше как в 2 000 человек; бились жестоко, и как там, так и здесь

были храбрые и трусы; но, по моему мнению, великим делом было вновь собраться на поле битвы и 3–4 часа стоять так друг против друга. Оба государя должны были ценить стойко державшихся в битве, но действовали при этом как люди, а вовсе не как ангелы. Один терял свои должности и отличия, так как бежал; эти же самые должности и отличия передавались другим, которые бежали на 10 лье дальше. Один из наших утратил должность и был удален от лицезрения господина, но месяц спустя пользовался еще большим почетом, чем раньше.

Окруженные повозками, мы расположились как могли хорошо. У нас было много раненых, и большинство пало духом и пребывало в страхе, как бы парижане и маршал Иоахим с 200 всадников, которые были в Париже, не сделали вылазки, и нам не пришлось бы сражаться на два фронта. Так как ночь была очень темна, то выслали 50 копий, чтобы осведомиться, где расположился лагерем король; по случайности ушли только 20. От нашего лагеря до того места, где, как мы предполагали, находится король, было около 3 выстрелов из лука. Между тем монсеньор де Шаролэ немного поел и попил, как и все другие, и ему перевязали рану на шее. Чтобы очистить ему место, следовало убрать 4 или 5

трупов; он сел на двух небольших связках соломы. Когда стали отодвигать одного из этих несчастных людей, он начал просить пить; ему влили в рот немного лекарства, которого отпил граф; жизнь вернулась к нему и в нем признали любимого лейб-лучника графа по имени Саваро; его перевязали и ободрили. Затем стали совещаться, что делать.

Первым говорил граф Сен-Поль; он считал положение опасным и рекомендовал с наступлением дня двинуться по дороге в Бургундию, сжечь часть обоза и сохранить только орудия; никто из тех, у кого было 10 копий; не должен был иметь с собой повозки. Оставаться без провианта между Парижем и королем было невозможно. На это монсеньор Обурден заметил, что следует прежде всего выслушать, какие известия приносят с собой посланцы; того же требовали трое или четверо из остальных.

Последним высказался сеньор де Контэ в том смысле, что если слух (об отступлении) распространится в войске, все обратятся в бегство и попадут в плен раньше, чем уйдут на 20 лье. Он привел много основательных доводов: по его мнению, этой ночью все должны отдохнуть как можно лучше; с наступлением дня нужно напасть на короля не на жизнь, а на смерть; этот путь он

считал более верным, чем обращаться в бегство. Граф присоединился к мнению сеньора де Контэ и приказал всем отправляться на покой на два часа и быть готовыми по сигналу трубы; после того он выслал в войско многих, которые должны были ободрять людей.

Около полуночи посланцы возвратились (надо думать, что они ушли недалеко) и донесли, что король расположился лагерем у огней, которые видны. Немедленно туда послали других, и час спустя все привели себя в боевую готовность, хотя большинство предпочло бы разбежаться. К утру разведчики встретились с возницей, который был на нашей стороне и утром попал в плен; он вез меру вина из деревни и сказал разведчикам, что все ушли. Те, отправив весть об этом войску, пошли удостовериться сами; найдя, что дело обстоит так, как говорил возница, они вернулись доложить об этом. Войско было чрезвычайно обрадовано, и многие, за час до того впавшие в большое уныние, считали, что войско короля нужно преследовать. У меня была старая, очень утомленная лошадь. Она выпила полное ведро вина. Случайно она окунула в него морду, и я позволил ей выпить; никогда я не видел ее более бодрой и бойкой, чем тогда. С наступлением дня все сели на коней, и отряды были построены.

Между тем вернулись многие из тех, кто попрятались в лесу.

Сеньор Шаролэ призвал одного францисканского монаха и велел ему сказать, что он из бретонского войска и что бретонцы подойдут в течение дня. Это очень ободрило людей, но не всех убедило. Целый день еще Шаролэ оставался на поле битвы, очень радостный, считая, что слава принадлежит ему. Это дорого обошлось ему впоследствии, так как с тех пор он больше никогда не считался с мнением других, а только со своим собственным. До того времени он не был военачальником и не любил ничего, относящегося к военному делу; но с тех пор он переменил свой образ мыслей; до самой смерти продолжая действовать в том же духе, он потерял жизнь и разрушил – или если не разрушил, то все же очень опустошил – свой дом. Три великих и премудрых государя, его предшественники, очень возносили его дом; немногие короли, кроме французского, были более могущественны, чем он, и ни у кого не было более многочисленных и более прекрасных городов.

Не следует слишком высоко ценить самого себя, в особенности крупному государю, и забывать, что счастье ниспосылается богом. Две

вещи хочу я еще сказать о нем: одно – я думаю, что никогда ни один человек не мог больше работать, чем он, во всех областях, где можно проявить себя; другое – что я не видел человека более смелого. Я никогда не слышал, чтобы он говорил: "я устал", и никогда не видел, чтобы он боялся чего-нибудь, так как 7 лет подряд я был при нем на войне, и не только каждое лето, а иногда и летом и зимою. Мысли и решения его были значительны, и ни один человек не смог бы выполнить их, если бы бог не помогал своим могуществом.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНС-АН-ПЕВЕЛЬ
18 августа 1304 г.

Это сражение подробно разобрано Келером (т. II, стр. 25), однако, в итоге получилась явно фантастическая картина. Быть может, возобновленное специальное исследование прольет свет; пока же я склонен утверждать, что сражение вообще не имело места, но просто раздуты отдельные столкновения.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЮЛЬДОРФЕ
28 сентября 1322 г.

На 8-м году гражданской войны между королями-соперниками, Людовиком Баварцем и Фридрихом Красивым, Габсбург попытался привести дело к развязке, собрав силы и вторгшись в Баварию с востока, его брат Леопольд – с запада, со стороны

Швабии, с целью соединиться на неприятельской территории. Людовик и его союзник, король Иоганн Богемский, устремились с превосходными силами навстречу Фридриху, который только что перешел Инн. Это сражение неоднократно подвергалось подробному разбору именно у Pfannschmidt, Forsch, z. deutsch. Gesch. II и IV; v. Weech Forsch, z. d. Gesch. т. IV, который дает критический обзор источников, и Келер, II, 283. Но ни одно из этих изложений не показалось мне убедительным.

Уже самая причина, почему Фридрих, вместо того чтобы уклониться от боя и искать соединения с Леопольдом, находившимся от него всего в 18 милях, принял сражение против превосходных сил неприятеля, источниками не освещена. Его советники, будто бы, ему это рекомендовали, но он, якобы, ответил, что война создала уже так много вдов и сирот, что он не может дальше отсрочить развязки. Пфанншмидт (стр. 58) полагает, что баварцы отрезали австрийцам путь к отступлению через Инн и этим вынудили их к бою; однако, не ясно, в какой мере отступление оказалось для них невозможным. Келер высказался по этому поводу несколько неясно и противоречиво.

Заслуги мюнхенских горожан перед своими господами в этом сражении так же баснословны, как баснословен Зейфрид Швеппермann.

Исход боя, видимо, был решен кучкой рыцарей, дополнительно введенных в сражение бургграфом Нюрнберга. Основывалось ли столь позднее появление Фридриха на каком-либо плане или же просто было случайным – сказать нельзя. Поскольку численное превосходство было на стороне баварцев,

непонятно, почему бы эти превосходные силы не могли с таким же успехом доставить победу, если бы их бросили сразу, а не вводили постепенно.

Утверждение одного австрийского источника, что 500 уже сдавшихся в плен богемских рыцарей снова вероломно взялись за сражение, как только заметили успехи бургграфа, должно быть отмечено как легенда одной из враждующих сторон. В самом деле, откуда пленные раздобыли оружие?

На неправильном представлении основана также следующая фраза у Пфанншмидта (стр. 65): "Рыцари сошли с коней, дабы венгерские лучники не смогли застрелить или заколоть их, как это ранее имело место между ними и богемцами; теперь они захотели сражаться на равных основаниях".

Это было бы, пожалуй, плохим методом рыцарского боя с неприятельскими стрелками – спешиваться, вместо того чтобы смять их копьями: ведь пешком-то во всяком случае нельзя было подойти к ним вплотную.

Прим. к 3-му изданию. В 1917 г. В. Эрбен опубликовал тщательно составленное собрание всех источников о сражении при Мюльдорфе. На основании этого труда, а также на основании тщательного исследования условий местности д-р Рейнер в Мюнхене всесторонне проанализировал сражение. В моем распоряжении была рукопись этого исследования. По Рейнеру, сражение происходило непосредственно у самого Мюльдорфа (а не при Ампфинге, лежащем в 8 км дальше). Поле сражения лежит при деревне Эрхартннге на р. Изене, притоке р. Инн, у подножия горы Дорнберг, которую следует искать между

Эрхартингом и Плейскирхеном. Это было чисто рыцарское сражение. Фридрих имел около 1 400 шлемов, Людовик вместе с Иоганном Богемским – 1 800. Кроме того, Фридрих имел 5 600 конных венгерских лучников. Пехота не играет в сражении никакой роли. Венгерские лучники, по реконструкции Рейнера, были высланы Фридрихом за Инн, чтобы обстреливать неприятельских рыцарей при переходе ими речки. Этот маневр не удался, так как Людовик, прежде чем перейти речку, прогнал венгерцев.

Теперь от имел безусловное превосходство, победил австрийцев и всех забрал в плен. Это объясняется тем, что бургграф Нюрнберга, прогнав сперва венгерцев, теперь зашел во фланг и тыл австрийцам. Неясным остается стратегический момент: как мыслил себе Фридрих соединение со своим братом Леопольдом, что безусловно дало бы ему превосходство. Как случилось, что это соединение не удалось, в то время как Людовику и Иоганну Богемскому такое соединение удалось Обе стороны безусловно издавна готовились к походу. И в тактическом отношении остаются невыясненными причины отделения венгерских стрелков от главных сил войска.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАЕСВЕЙЛЕРЕ
20 августа 1371 г.

Герцог Венцель Брабантский уже считал себя победителем своего врага Вильгельма Юлихского, когда, – очевидно, потому, что он недостаточно обеспечил фланги, – граф Эдуард Гельдернский с еще неослабленными силами атаковал его с фланга и этим

изменил ход сражения в благоприятную себе сторону. Уже начавший отступать граф Вильгельм повернул назад, и сам Венцель был взят в плен. Так описывает сражение Эннен (Geschichte der Stadt Kцln, II, 654); это сражение является характерным примером столь частых внезапных поворотов рыцарских сражений.

БОЙ ПРИ НОЖАНЕ НА СЕНЕ
23 июня 1359 г.

Обершикур стоит с лучниками на холме и обороняется по английскому методу. Но его обеспечение флангов недостаточно, и, в конце концов, французские пикенеры обходят и побеждают его.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАРНЕТЕ
14 апреля 1471 г.

Эдуард IV одерживает победу над Варвиком, последний убит. Из двух имеющихся подробных повествований в "Historie of the arrivall of Edward IV in England"[91], принадлежавшем перу современника, приверженца и слуги Эдуарда, и из хроники Уаркворта[92], настроенной в пользу Ланкастеров, нельзя установить, было ли это сражение конным или пешим. Но "История" говорит, что Эдуард застал войска Варвика построенными "under a hedge side", а Уаркворт сообщает, что Варвик, видя, что проиграно сражение, "lepte on a horse and fiede", Из этого следует, что даже полководцы сражались в пешем строю. Это подтверждается Коммином (кн. 4, гл. VII), сообщающим, что все воины с обеих сторон были пешими. Вообще же Варвик имел обыкновение,

построив свои отряды, садиться на коня, дабы на худой конец иметь возможность ускакать; однако, на этот раз брат побудил его сражаться также в пешем строю.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТЬЮКСБЕРИ
4 мая 1471 г.

И относительно этого сражения из "Истории" (стр. 28) нельзя узнать, сражались ли рыцари в конном или пешем строю.

Поэтому для меня утверждение Де ла Шовеле (De la Chauvelays. Le combat a pied de la cavallerie au moyen-age, стр. 51), что все 9 выигранных Эдуардом сражений были пешими, находится под большим вопросом.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОСВОРТЕ

разобрано J. Cairdner, Лондон 1896.

Примечания

1 Оман, у которого я заимствовал описание местности, дает (стр. 570) очень наглядное и правильно задуманное изображение. Но довериться я ему не могу, так как источники, от которых мы зависим, представляются мне надежными. Главным источником является поэма архидиакона Джона Барбура из Абердина "The Bruce or the book of Robert de Broyss, King of Scots", написанная между 1375 и 1377 гг., т.е. почти двумя поколениями позже сражения. Из другой поэмы, хотя написанной раньше, трудно что-либо почерпнуть. Автор ее, кармелит Бастон, сопровождал короля Эдуарда, имея задание прославлять его подвиги; когда же после поражения Бастон стал пленником шотландского короля, он воспел сражение уже по заданию последнего (Lappenberg-Pauli, Geschichte v. England, IV, 243). Английские же источники – Geoffroy Baker von Swinbroke (умер в 1358 – 60) и ланеркостская хроника (в этой части написанная, вероятно, францисканцем из Карлисля) – слишком скудны.

2 Ни один источник не говорит прямо о причине спешивания рыцарей в центре, но слова, употребленные монахом из Сен-Дени, можно толковать именно по-нашему. Он говорит: les chevaux mкme furent йloignйs de la vue des combattants, afin que chacun perdant tout espoir de se soustraire au danger par la fuite, monstrвt plus de coeur (лошади были уведены с глаз сражающихся, чтобы каждый, не надеясь в бегстве уклониться от опасности, проявил больше мужества).

3 Что являлось целью расположения французских войск, вытекает из самого хода сражения. Описание Монстреле сражения при Отэ (Othйe) 1408 г. свидетельствует о том, что эпоха эта уже способна была на такие стратегические идеи. Монстрэле весьма точно описывает этот маневр: Quand icelle autre compagnie a pied mount plus grande... sera ententive a vous envahir et combattre, iceux que veez a cheval, prestement surviendront de travers par bataille instruite et ordonnйe, et s'enforceront de vous sйparer et diviser par derriйe, entre temps que les autres vous assaudront par devant.

4 По этому вопросу имеется довольно исчерпывающая литература: Mojean, Seädtishe Kriegseinrichtungen im XIV и XV Jahrhundert, Progr.

des Gymnasiums zu Stralsund, 1876; v.d. Nahmer, Die Wehreverfassungen d. deutschen Stдdte i.d. 2 Hдlfte d. XIV Jahrh., Marburger Dissert., 1888; Mendheim, Das reichsstдdtische, besonders Nьrnberger, Sцldnerwesen, Leipziger Dissertation, 1889; Baltzer, Aus der Geschichte des Danziger Kriegswesens, Progr. des Gymnasiums zu Danzig, 1893; G. Liebe, Das Kriegswesen der Stadt Erfurt, 1896; P. Sander, Die reichsstдdtische Haushaltung Nьrnbergs, 1902, где во втором разделе второй части подробно трактуется военное дело.

5 Фруассар, т. IV, стр. 270: "qu'il ne voulait dйsormais guerroyer qu'avec des gentilshommes et que d'amener en bataille les gens des communautйs, ce n'est que toute perte et encombrement (баласт) car les gens-la fondent dans une mкlйe comme la neige au soleil. Bien y avait paru a la bataille de Crйcy, a Blanquetagne a Caen et en tous leslieux ощ on les avait menйs. Aussi il n'en voulait plus avoir, exceptй les arbalйtriers des citйs et des bonnes villes. Quant a leur or et a leur argent, il en voulait bien pour payer les frais et la solde des gentilshommes, mais voila tout. Les non nobles n'avaient qu'a rester chez eux pour garder leurs femmes et leurs enfants, faire leurs affaires et leur commerce, cela leur devait suffire. C'йtait aux nobles seuls a user du mйtier des armes

qu'ils ont appris et ощ ils ont йтй dressйs dus l'enfance" (и отныне он не хотел сражаться ни с кем:, как только с дворянами и , не хотел вести за собой в бой людей общины, так как это только потери и балласт, потому что эти люди в первой же стычке таяли, как снег на солнце. Это подтвердилось и в сражениях при Кресси, Бланкетапе и Каннах и во всех местах, куда их вели. Он не желал также иметь их, кроме стрелков из горожан. Что же касается их золота и серебра, то они были ему нужны для того, чтобы оплатить издержки и жалованье дворянам, и это все. Недворянам оставалось сидеть дома и охранять своих жен и детей, заниматься своими делами и коммерцией. Этого должно было быть для них достаточно. Только дворяне должны заниматься военным ремеслом, которому они учились с детсва и в духе которого воспитывались). По передаче у Luce, Bertrand du Guesclin, I, 156. Qu'avons-nous affaire de l'assistance de ces gens de boutique? (Какое нам дело до помощи этих лавочников?) – сказал, якобы, Жан де Бомон в 1415 г., когда город Париж предложил подкрепление. "Religieux de St.-Denys", кн. 35, глава 5.

И Монстрэле в своей хронике пишет: "Assemblйes de communes nonobstant qu'ils soient grand nombre, a peine peuvent rйsister contre

multitude de noble hommes accoutumйz et esprouvйz en armes". (Собрания общин, несмотря на их большую численность, едва могут сопротивляться некоторому количеству дворян, привыкших к боям и испытанных в них).

6 Michelet, Hist. de France, III, 299.

7 Guillaume, Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne, Мйm. cour. de l'Acad. Belg., т. XXII (1848), стр. 94.

8 Wьrdinger, Kriegsgesch. v. Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1347–1506, т. I, стр. 182 по Gmeiner, III, стр. 23.

9 Wьrdinger, Kriegsgesch. v. Bayern, II, 313.

10 Franz Kurz, Oesterreichs Militдr-Verf. in дlteren Zeiten, 1825; Meynert, Gesch. d. Kriegswesens, II, 11 (1868); Werunsky, Oesterreich Reichs-und Rechtsgesch. (1896), 158 и след.; W. Erben, Das Aufgebot Albrechts V von Oesterreich gegen die Hussiten, Mittlg. d. Inst. f. Oestr. Geschichtsforschung, т. XXIII (1902).

11 По Erben, гл. I. c – не в 1426 г.

12 Werunsky, Oesterreichische Reichs- und Rechtsgeschichte, стр. 158.

13 Основной монографией о сражении при Кресси является берлинская диссертация Рихарда Чеппана (Richard Czeppan), Берлин, изд. Georg. Nauck, 1906. Другие описания Рюстова, Иенса, Паули, Келера и Омана сильно расходятся друг с другом в зависимости от того, какого источника они больше придерживаются. Чеппан же окончательно выяснил и разрешил все важнейшие вопросы, связанные с этим сражением. Несколько веских замечаний о действии выстрелов из лука можно найти у Келера, т. III, предисловие, стр. XXXVI. Предтечи сражения при Кресси трактуются Тутом (Tout, Engl. Hist. Rev., т. XIX, стр. 711, 1904 г.).

14 Моррис (Morris) обсуждая книгу Wrottesley, Crecy and Calais, содержащую соответствующие документы ("Engl. Histor. Review", т. XIV, 1899, стр. 767), обращает внимание на то, что 32 000 воинов сражались вместе только очень короткое время, когда англичанам угрожала диверсия со стороны короля Филиппа. Моррис считает, что

при Кресси Эдуард имел 4 000 конных (рыцарей и кнехтов) и 10 000 лучников.

15 Gislebert, SS/XXI, 519: "Так что его рыцари видели его пешим, но благодаря ему как конные, так и пешие воодушевлялись к бою".

16 В гусситскую войну пешие кнехты отказались однажды идти в наступление заявляя: "Если нас оттеснят, то вы удерете, а мы останемся". Рыцарям пришлось спешиться и сражаться в пешем строю. По Johann von Guben, стр. 64, цитировано Вульфом (Wulf, Die hussitische Wagenburg, стр. 37)

17 Ср. выше построение англичан под командой Ричарда Львиное Сердце при Яффе в 1192 г.

18 Коммин (Ed. de Mandrot, 31) по поводу сражения при Монлери говорит: "la souveraine chose du monde pour les batailles sont les archiers, mais qu'ils soient par milliers car en petit nombre ne valent rien, et que ce soient gens mal montйs se qu'ils n'aient point de regret a perdre leurs chevaux, ou qui tous points n'en aient point" ("главным боевым элементом являются стрелки, но при условии, чтобы их были тысячи, так как в небольшом числе

они ничего не стоят, и чтобы это были всадники на плохих лошадях, чтобы не было жалко их терять, или даже вовсе без лошадей").

19 Обе операции замечательно обработаны Оманом в "Hist. of the art of war", стр. 581: Депплин на основании исследования Морриса в "Eng. Hist. rev.", 1897; Халидон-Хилль подробно описан у Tytler, Hist. of Scotland, II, 32 и 454, на основании, якобы, старинной рукописи, достоверность которой, однако, не доказана.

20 Берлинская диссертация, 1908 г.

21 Берлинская диссертация, 1907 г.

22 Англичанин Вальсингам определяет численность французов в 140 000 человек.

23 Это определенно подтверждает Ст. Реми, присутствовавший при сражении.

24 Так думает, например, Luce, Bertrand und Guesclin, I, 147.

25 В Термондском бою в 1452 г., Olivier de la Marche, I, гл. XXV.

26 Monstrelet, II, гл. 108.

27 Luce, Bertrand du Guesclin et son йpoque, стр. 169. Рыцари поклялись: "jamais ils ne fuiraient en bataille plus loin que quatre arpents a leur estimation mais mouraient plutфt ou se laisseraient faire prisonniers" (никогда во время боя они не отступят больше, чем, приблизительно по их оценке, на 4 arpents, но лучше умрут или сдадутся в плен).

28 Некоторый обзор таких рыцарских сражений дает M. de la Chauvelays, Le combat a pied de la Cavalerie au moyen вge, Париж, 1885 г. Но автор подходит без всякой критики к описываемому, и некоторые данные ни в коем случае не достоверны. M. T. Lachauvelay, Guerres des Fransais et de Anglais du XI-me au XV-me siecle, 1875 г. Несмотря на различную транскрипцию фамилий, это, очевидно, тот же автор, что и вышеприведенный.

29 Например, Thwrocz, Chronica Hungarorum ошибочно сообщает, что французские рыцари атаковали в 1396 г. при Никополе в пешем строю.

30 Одно время даже считали, что монголы сыграли громадную роль в истории военного искусства, особенно потому, что существуют и теоретические предписания, составленные, будто бы, Тимуром. Однако, их действия ничем не отличаются от обычных действий кочевников, а предписания Тимура не имеют реального содержания. Обзор военной организации кочевников, равно как и литературу по этому вопросу, можно найти у Иенса, Handbuch, стр. 698 и след. Также и сражение при Лигнице 1242 г., судя по легендарности предания, не представляет собой, на мой взгляд, никакого вклада в военную историю.

31 P. A. von Tischendorf, Das Lehnswesen in den moslimischen Staaten insbesondere im osmanischen Reiche. Mit dem Gesetzbuch der Lehen unter Sultan Ahmed I, Лейпциг, 1872.

32 Heinr. Schurz, Die Janitscharen, Preuss. Jahrb., т. 112 (1903); Leop. v. Schlцzer, Ursprung und Entwickelung des alttьrkiscben Heeres, 1900; Ranke, Die Osmanen und die spanische Monarchie. Сочинения, том 35.

33 Сегбаны, якобы, составлялись из охотничьей свиты султана. Сообщенная численность ее в 7 000 человек, конечно, преувеличена. Вместе с этим отпадает в вывод, будто одна ода насчитывала 200 человек, и дальнейшие выводы относительно подразделений на "ряды" и палатки Шурц (Schurz), стр. 459. При Селиме I, 1512 – 1520 г., янычар, якобы, было только 3 000 человек, а в 1550 г. – уже 16 000; Schurz, стр. 454. В таком случае эта 3 000 относятся, очевидно, только к первоначальным 66 одам. На стр. 459 Шурц указывает, что при Магомете II янычар было 12 000 человек.

34 Основным специальным исследованием является берлинская диссертация Густава Клинга (Gustav Kling, Die Schlacht bei Nikopolis, изд. Georg Nauck, 1906).

35 Kling исчисляет турок в 16 000–20 000 человек, т.е. вдвое больше, чем христиан. Основываясь на вышеприведенных дднных Шурца (стр. 490), он считает, что янычар было только 3 000 человек, но полагает, что, кроме того, была еще нерегулярная пехота, а янычары составляли только ядро армии. Я считал бы более

правильным эту "нерегулярную пехоту" совсем отбросить, – вряд ли Баязет имел другое войско, кроме квалифицированных бойцов, – а вместо этого считать, что янычар было больше.

36 Для иллюстрации того, как беспардонно хроникеры обращаются с численностью армия, очень характерен тот факт, что Кенигсгофен исчисляет армию христиан в 100 000, а их потери – в 200 000 человек.

37 Handbuch, стр. 943.

38 "Gesch. Bцhmens", III, 2, 67.

39 Max v. Wulf, Die hussitische Wagenburg, Berliner Dissertation, 1889.

40 Preuss. Jahrb., 69, 674. Диссертация, стр. 21.

41 Ср. т. I.

42 Jдhns, Kriegsw, стр. 943.

43 Loserth, стр. 489.

44 Palacky, Gesch. Bцhmens, III, 2 361.

45 Сообщение о том, что гусситы одержали 14 июня 1420 г. большую победу над немцами на Виткоберге (гора Жижки), к востоку от Праги, является вымыслом (ср. Bezold, Kцnig Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten, I 41 и сл.; Loserth, Gesch. d. spdt, Mittelalt., стр. 490). Это сражение вполне может быть сопоставлено со сражением при Вальми 1792 г. Отбили всего лишь одну атаку противника, но уже того, что это удалось, было достаточно; это дало веру в будущее. Победа при Вышеграде 1 ноября 1420 г. еще не носит никаких специфических черт гусситской тактики. Так как немецкие князья вернулись домой, Сигизмунд располагал только собственными войсками, главным образом из Моравии. Он хотел освободить осажденный Вышеград и твердо рассчитывал на вылазку гарнизона. Но гарнизон, заключивший перемирие, не смог принять участие в операция Сигизмунда. Поэтому есть основание полагать, что пражцы, получив подкрепление от правителей и городов, имели численное превосходство. Из таборитов участие принимал только маленький контингент конных воинов.

46 В "Mitteil. d. Ver. f. Gesch. d. Deutschen in

Bцhmen", т. XXXI, стр. 297 (1893), имеется описание рисунка гусситской боевой повозки в мюнхенской рукописи А. Видемана (A. Wiedemann). Этот рисунок мне доверия не внушает.

Предписание о том, чтобы повозки ехали 4 рядами и чтобы 2 крайних ряда были бы длинней, чем внутренние ряды, дабы вместе с выступающими повозками образовывать переднюю и заднюю стороны лагеря, является только теорией, или относится лишь к последнему разделению перед подъемом. Целые марши в правильных 4 колоннах могут быть проведены только на очень немногих местах нашей земля. Ср. Вульф, стр. 27, 29. Оба внутренних ряда образовывали внутри малый четырехугольник с проходами.

В 1423 г. в Венгрии Жижка, согласно диссертации Вульфа, стр. 43, образовал перед передним и задним проходами вагенбурга бастион, окопал его и установил пушки.

47 "Hist. Boh", гл. 40 по Вульфу, Диссерт., стр. 16.

48 Wulf, Dissert., стр. 43. По Келеру, III, 1, 303 и след.

49 Примером того, к какому абсурду может быть приведена сама по себе правильная традиция автором, который больше уже ее не понимает, служит то, что Людвиг фон Эйб (v. Eyb) говорит о построении на возвышенности. Эйб был бранденбургским капитаном и в 1500 г. написал свой "Kriegsbuch". В главе о вагенбургах он также требует, чтобы они въезжали на возвышенное место, но в качестве основания для этого выдвигает – чтобы их нельзя было потопить.

50 Wulf, Дисс., стр. 53.

51 Wulf. Pr. J., стр. 680.

52 Сделанное Вульфом сопоставление дошедших до нас указаний о численности армий помещено в "Mitteil. d. Vereins fьr d. Gesch. d. Deutschen in Bцhmen", 31-й год издания, стр. 92, Прага, 1893 г.

53 Этим соображением мы обязаны превосходной работе Эрнста Крокера (Ernst Kroker, Sachsen und die Hussitenkriege, в "Neues Archiv fьr sдchsiche Geschichte", т. XXI, стр. l (1900). Из этой работы, а также из книги Fr. v. Bezold, Kцnig Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten (1872 – 1877),

мы и позаимствовали последующие цитаты.

54 "Deutsche Reichstagsakten", VIII, No 93.

55 Palacky, Gesch v. Bцhmen. III, 2, 250

56 "Deutsche Reichstagsakten", VIII, No 94.

57 Там же, 390.

58 Bezold, II, 78.

59 Riedel Cod. Diplom Brandenburg, IV, l, 210

60 Bezold, II, 110.

61 Интересно проследить по обсуждению этого вопроса, как неясно представляли себе основные числовые взаимоотношения. Были предложения взять каждого 10-го, 20-го, 30-го человека, но представители Ульма полагали, что если даже будет вооружен каждый 100-й, то получится большая армия. Однако, в 1428 г. хотели снарядить каждого 4-го человека. См. Erben, D. Aufgebot Albrechts V gegen die Hussiten, "Mitteil. d. Oesterreich. Inst.", т. XXIII, стр. 264.

62 Bezold, III, стр. 144, принимает для этого войска численность в 100 000 человек, но без достаточных оснований. Kroker этого сражения уже коснулся.

63 Bezold, II, 153.

64 Sello, Zeitschr. f. Preuss. Geschichte, т. XIX (1882), стр. 614 и "Die Einfalle der Hussiten in die Mark Brandenburg" – превосходная работа, которую стоит прочесть и всем тем, кто хочет узнать, как далеко может завести патриотизм в обработке исторических событий.

65 Примерно таким мог быть ход сражения. Вульф, диссерт., стр. 55 и след.; Kцhler, Kriegswesen, III, 3, 394.

66 О немецких рыцарях в Италии H. Niese опубликовал в "Quellen und Forschungen a. ital. Archiven", изд. Исторического института, т. VIII (1905), стр. 217, специальное исследование с документальными данными.

67 R. Bott, Die Kriegszьge der Engl.-Franzцs. Soldkompagnien nach dem Elsass u d. Schweiz.

Dissert., Halle 1891. Luce, Hist. de Bertrand du Guesclin et de son epoque, Париж, 1876.

68 Реформа по всей своей совокупности образцово изложена Ролофом (Roioff) в статье "Das franzqsische Heer unter Karl VII", Hist. Zeitschr., т. 93, стр. 427. Из новейшей французской литературы, на которую опирается это исследование, нужно особенно отметить: E. Cosneau, Le connйtable de Richemont (Artur de Bretagne), Париж, 1886

69 Boutaric, стр. 214. Levйes gйnйrales при Филиппе IV были не чем иным, как prйtexte d'etablir des impots (предлог установить налоги). См. также Luce, Bertrand du Guesclin, стр. 155, по поводу призывов при Филиппе VI.

70 Если Вильгельм из Тира уже в отношении сражения при Дорилэе во времена первого крестового похода говорит о centuriones и quinquagenarii, то это соответсвует рассказу Видукинда о legiones при сражении на Лехфельде. Барбаросса во время своего крестового похода безусловно стремился численно расчленить свою армию.

71 По договору союза от 1252 г. жалованье milites выплачивалось через capitanei. Muratori Antique, VI, 491.

72 Rosenhagen, Geschichte der Reichsheerfahrt von Heinrich VI bis Rudolph, Лейпциг, диссертация 1885 г., стр. 65.

73 Morris, The Welsh wars.

74 Archiv, storico Ital., 15, 53. По Келеру, III, 2, 167.

75 La Curne, Diction. de l'ancien langage franзais, s. v.

76 Уже "lex Salica" tit. 66 § 2 дважды применяет это слово в отношении корпораций воинов. Однако, этот единичный пример лежит вне сферы истории развития языка. Еще в латинских источниках и хрониках времен Валуа это слово переводится словом societas или Comitive. Du Gange s. v Bott, гл. l, стр 4. Одно распоряжение короля Иоанна от 30 апреля 1351 г. (цитирую по Guilhiermoz Origine de la noblesse, стр. 251 из "Ordonn. des rois de France", IV, 69) гласит:

"Le aucuns gens d'armes viennent par menues

parties, qui n'aient point de maistre ne de chevetaine, nous voulons et ordenons que par nostre connestable, mareschaux, maistres des arbalestriers, ou autres a qui il appartendra, soit regardй et quis un chevalier souffisant qui leur soit aggrйable, auquel soit bailhйe et accomplie une route de vingt cinq ou de trente hommes d'armes... et voulons que icelui chevalier qui tel compaignie aura ait pennoncel a queue de ses armes et prengne semblabes gaiges de bannerez".

Froissart ed. Kervyn de Lettenh. VII, 80. En ce temps estoient les compaigmes si grandes en France, que on ne savait que faire.

77 Келер, III, 2, стр. 116 и 118, причину образования копий в 1364 г. усматривает в появившемся тогда обычае рыцарей сражаться в пешем строю. Поэтому ему кажется странным, что и в Германии перешли к копьям (1365 г.), так как здесь пеший бой рыцарей был очень редким. Его удивление не уместно, так как между спешиванием рыцарей и образованием копий нет никакой связи.

В т. III, 2, Келер говорит, что копья состояли из 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 10 лошадей.

Wьrdinger в своем труде "Kriegsgeschichte von Bayern" говорит (т. I, стр. 102): "Число солдат, образующих копье, различно. В Швабии – 4

лошади (Jdger, Ulm, I, 418) в Нюренберге 2 лошади в копье (Ulman Stromer, 45), в Страсбурге – 5 (Schaab, II, 277), в Регенсбурге – 1 копейщик и 1 стрелок с 3 боевыми конями ("reg boica", X, 333). Получается такое представление, будто копье получило значение только благодаря соединению с одним стрелком. Другие примеры можно найти у Arnold, Verfassungsgesch. d. deutsch. Freistdte, II, 239; Fischer, Foisch. z. deutsch. Gesch., II, 77; Fischer; Келер, III; 2, 117, 173.

Сообщение хроник, – например, Кенигсгофен при Деффингене, – о том, что армия насчитывала 800 копий и 2 000 пехотинцев, производит впечатление, будто 800 копий означают не что иное, как 800 тяжеловооруженных конных воинов. С другой стороны, встречаются и такие места, где исчисление ведется по "шлемам" и на каждый "шлем" падает 3 конных. Chr. F. Stdlin, Wьrtemberg, Gesch, т. III, стр. 321.

В 1381 г. города выставляют союзную армию в 1 400 копий и 500 пеших кнехтов. К этому Аугсбург выставляет 48 hastatos, 30 sagittarios йquitйs, 300 pedites armatos. Wьrdinger, I, 23 (ср. там же, стр. 96 и 98).

По замечанию Fischer "Teilnahme der Reichsstdte a. d. Reichsheerfahrt", стр. 30, на собрании государственных чинов в Шпейере в

1310 г. был установлен матрикул о том, сколькими копьями каждый город должен принять участие в походе на Рим – копье из 3 коней, т.е. 3 конных воинов. Если это так, то значит понятие и название "копье" в Германии существовало уже в 1310 г. Однако, этот вывод не обоснован, так как цифры относятся к более позднему времени, а постановление от 1310 г. могло иметь и другой буквальный смысл.

Morris, The Welsh wars, говорит (стр. 80), что в Англии соединение различных родов войск в одно целое впервые появилось при осаде Дунбара в 1337 г. До этого еще при Эдуарде I различные роды войск являлись различными корпусами.

Cosneau в прим. к стр. 358 устанавливает, что у англичан каждое копье имело 3 стрелков, и приводит пример, когда 2 "hommes d'armes" и 2 стрелка вместе засчитывались как 9 человек и 9 лошадей.

78 У Cosneau, стр. 357. На стр. 610 отпечатан ордонанс Luppй-le-Chastel от 26 мая 1445 г., из которого явствует, что копье состояло из рыцаря, кутилье, пажа, 2 стрелков, кнехта и 6 лошадей.

79 Часто употребляется выражение, что призывались ban et arriire-ban.

По Guilhiermoz, стр. 294, arriire-ban во Франции является, по существу, тем же, что ландвер в Германии, т.е. всеобщим призывом всех способных носить оружие. Позже вассальная служба была ограничена аррьер-баном, и последний был распространен только на ленников.

Бутарик (стр. 140 и след.) подробно говорит об изданных при Людовике IX приказах о призыве, классифицированных на многочисленные "coutumes"; они крайне ограничивали права сюзерена: он имел право призыва только для обороны и только в пределах своего владения, с тем чтобы призванный в тот же вечер снова смог быть дома.

Luce, Du Guesclin (стр. 159), на основании ненапечатанного указа сообщает, что 17 мая 1355 г. король Иоанн призвал "le ban et l'arriire-ban, c'est a dire tous les hommes valides depuis dixhuit jusqu'a soixante ans".

Вряд ли этот указ имел такой смысл, и сам Luce держится того мнения, что французские коммуны не выполнили этого указа. Ошибочно также добавление Luce о том, что Эдуард III действительно придал в Англии аррьер-бану "un caractire vraiment pratique" (действительно

практический характер), сзывая всех подданных для военных упражнений.

80 Кроме уже приведенной литературы, см. также Spont, La milice des francsarchers, "Revue des questions historiques", т. 61.

81 Boutaric, Institutions militaires de la France, стр. 218. Jdhns, Handbuch, стр. 759. На основании сообщения Ювенала Урзина и монаха из Сен-Дени. Последний утверждает, что народ упражнялся весьма ревностно.

82 Военную организацию Карла Смелого очень хорошо осветил M. Guillaume, Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne, в "Mйmoires couronnйs et memoires des savants йtrangers" publiйs par l'Acadйmie de Belgique, т. XXII, Брюссель, 1848.

Много ценного содержит также La Chauvelays, La composition des armйes de Charles le Tйmйraire, 1879, в "Mйmoires de l'Acadйmie de Dijon", T. VI.

В Париже также вышло отдельное издание этого труда. Я лично исследовал этот вопрос в моих "Персидских и Бургундских войнах".

83 В 1340 г. граф Арманьяк имел среди 800 "hommes d'armes" только 300 вполне вооруженных (Gr. chron. de St. Denys, т. v, стр. 393, изд. Paulin).

В 1429 г. дворяне, прибывшие на подкрепление к Карлу VII, "n'avient de quoy s'armer et se monter" ("Chron. de la pucelle Panth. lit.", стр. 442).

В 1467 г. Карл Смелый выбрал из призванных вассалов тех, которые имели полное снаряжение; из 1 400 таких было только 400. Случалось, однако, что дворяне получали жалованье и снова отправлялись домой (Guillaume, стр. 89).

84 La Chauvelays (стр. 170) высчитал, что оба бургундца выставили Карлу Смелому 32 роты "soudoyers a gages mйnagers".

32 роты насчитывали 899 hommes d'armes a trois chevaux (Т. е. 899 пажей и 899 слуг), 541 gens de trait a cheval, 178 coutilliers (т.е. бойцы, вооруженные короткой широкой шпагой–contille) a cheval, 177 demi-lances. (Demi-lance – полукопье – это один рыцарь, но получающий такое жалованье, какое получают 2 стрелка).

Таким образом в копьях было . . .	2 697	воинов
Одиночек	. . . 541	»
»	. . . 178	»
»	. . . 177	»

		3 593 »
Откинем		. . . 899 пажей как не-комбаттантов
		2 694 воина

85 Приказ для Хеннегау был издан в 1470 г. и, по Guillaume (стр. 113),гласит следующее: "Каждый владелец лена с годовым доходом свыше 360 ливров должен поставить одного homme d'armes вместе с coutillier и пажем и 6 пеших лучников. Каждый владелец лена с 240 ливрами дохода – одного homme d'armes. Владелец с 120 ливрами дохода – 3 пеших (лучник, арбалетчик или пикинер). Владельцы более крупных или более мелких ленов соединялись для выполнения соответсвующей повинности. Кто не мог служить лично, обязан был выставить соответсвующего заместителя, а если он этого не мог, то это делали за него командиры. Каждые 4 месяца предметы снаряжения подвергались осмотру.

Подобный приказ был издан в 1475 г. для Фландрии.

Следует обратить внимание на то, что здесь налицо определенная прогрессия вверх, что самые мелкие ленные владельцы вовсе освобождаются от

повинности и что для выставления пешего, а тем более конного воина и для оплаты их требуется довольно значительное состояние. Следует снова сравнить это с представлением о том, будто в империи Каролингов владелец нескольких наделов должен был на свои средства выставлять одного воина.

По La Chauvelays (стр. 258) большая часть ленов имела годовой доход меньше 50 франков, часто только 10 франков.

Примечателен текст призыва, изданного 3 мая 1471 г. штатгальтером Карла для Бургундии: "Все люди, знатные и другие, какого бы то ни было сословия и профессии, привычные к ношению и применению оружия, вне зависимости от того, имеют ли они лен или нет, поставили ли они кого-либо в нынешнюю армию или нет". (Напечатано у La Chauvelays, стр. 187). Этот приказ можно было бы считать парафразой "cuncta generalitas populi" в капитулярии Карла Великого или "universi" в призыве 817 г.

86 Так предписывает регламент от 31 июля 1471 г. Оливье де ла Марш, сам командовавший ротой, в своих мемуарах говорит, что копье насчитывало 2 лучников, 2 couleuvrinier и 2 пикинеров (по Guillaume, стр. 121).

87 Специальное исследование Karl Heveker, Die Schlacht bei Tannenberg, Berliner Dissert, 1906, изд. Georg Nauck, правда, способствовало выяснению обстоятельств сражения и отмело многое ложное, однако многое еще осталось невясненным. Должен заметить, что в моих попытках добиться ясной картины некоторые моменты все же основываются лишь на предположении. Из более новых работ я укажу на статью S. Kujot в "Altpreuss. Monatschr.", т. 48, кн. I и статью Krollmann, Oberldnd. Gesch. Bldtt., кн. 13, 1911 г. Достойно внимания также исследование E. Schnippel, Das Rittergrad von Tannenberg, в "Oberldnd. Gesch. Bldtter", 1909 г., кн. 11.

88 Очень ценное описание местности см. у Келера, Kriegsw. d. Ritterz, т. II, стр. 717.

89 Kujot и Krollmann пришли в некоторых пунктах к другим выводам; я в значительной степени сохранил все же мое прежнее описание.

90 Здесь, вероятно, вклинен рассказ французских рыцарей, относящийся к сражению при Никополе, имевшему место 14 годами ранее. При Танненберге никаких венгров не было.

91 Издано John Bruce, Camden Society, 1838, стр. 19.

92 Издано J. O. Halliwell, Camden Society, 1839, стр. 16

Часть пятая
ШВЕЙЦАРЦЫ

Глава I
ВВЕДЕНИЕ

Франкские графства перестали существовать, превратившись из административных округов в лены, а из ленов – в наследственные владения. Короли сперва предоставили отдельным родам, епископам и монастырям иммунитет от власти графов, а затем наделили их и самих графской властью. Благодаря тому, что эта административная власть распалась и сделалась частной собственностью, многие города добились самостоятельности, многие сельские общины, большие округа и деревни также освободились от феодального господства и стали подчиняться непосредственно королевской власти.

При этом для них часто оказывались благоприятными такие случайности, как то, что графские роды вымирали и они оставались как бы без хозяина, – частью они завоевывали себе особое положение в качестве королевских

доменов, частью же у них продолжало существовать старое право сотен – самим выбирать своего старшину, гунно (Tunginus). В то время как вообще гунно был низведен до положения низшего чиновника, назначавшегося графом, в ряде местностей за общинами сохранилось некоторое право участия в назначении этого чиновника, и благодаря этому получилась способная к развитию основа новой самостоятельности.

Такие крестьянские общины, подчинявшиеся непосредственно королевской власти, имелись на берегу Немецкого моря от Дитмаршена до Фрисландии, в Вестфалии, на Мозеле, в Веттерау, в Эльзасе, в Швабии, как на равнине, так и в альпийских долинах. Некоторые, как Дитмаршен, превратились во вполне самостоятельные республики и долго оставались таковыми, другие были сломлены военной силой, как, например Штединги на Нижнем Везере, которых в 1234 г. победил при Альтенеше архиепископ Бременский со своими наемниками.

Когда в VIII и IX вв. и в германских частях франкского государства произошло разделение на сословия – военное и трудящееся, то это коснулось и альпийских областей. В горных долинах герцогства Аллемании или Швабии также

возникли наследственные графства, графские роды с крепостями и военными дружинами, рыцарскими родами и крестьянами с самыми разнообразными степенями свободы и зависимости.

Но в то время как в равнинах при развивавшемся земледелии первоначально большие марки были распределены между вновь возникшими маленькими деревнями, в горных долинах, несмотря на рост населения и возникновение новых селений, все же сохранились большие общинные марки.

Объясняется это тем, что хотя в средневековье земледелием там занимались больше, чем теперь, все же главной отраслью оставалось скотоводство на больших общинных пастбищах. Вместе с общей маркой сохранилось также собрание всех жителей марки; особенно сильной эта организация стала там, где она совпала с политической организацией старой сотни. Это имело место в кантоне Швиц, где еще доныне сохранилось большое общинное владение по протяжению в 10 и по ширине в 5 часов пути. Юго-восточнее Швица находился "открытый выгон, где вершили суд" и где часто происходил сельский сход – народное собрание – сотни. В 1217 г. некто Конрад Гунн заключил от имени

своей общины мирный договор с Эйнзидельнским монастырем (неизвестно, занимал ли он должность гунно[1], или же эта должность какого-либо предка стала теперь его фамильным именем). Начиная с XIII в., вместо гунно входит в употребление слово "амман". Полагают, что эта марка Швиц (можно бы также сказать "сотня" или "гау" в древнегерманском смысле) имела в XIV в., примерно, такое же население, как и теперь: она насчитывала около 18 000 душ[2], т.е. свыше 4 000 мужчин, из которых 3 000 всегда в течении нескольких часов могли быть призваны и собраны амманом для обороны страны. В Швице имелся также ряд дворов, подвластных посторонним крупным владельцам; графу Ленцбургскому или Эйнзидельнскому монастырю; большинство же жителей состояло из свободных крестьян, а марковая община скрепляла, спаивала в одно общее самые различные социальные элементы.

Марковая община оказывается объединением настолько прочным, что Ури, население которого состояло из крепостных, принадлежавших частью женскому монастырю в Цюрихе, частью дворянам, как, например, барону фон Аттингхаузену, в этой форме остался крепкой, сплоченной общиной; зависимость от дальнего монастыря на практике была столь мало

обременительной, что она немногим отличалась от свободы.

Если географический и экономический моменты создали основу для сохранения крепкого организма некоторых поземельных общин, то наряду с этим они способствовали также сохранению и поддержанию в них воинственного духа. Чем более знатным становится рыцарство в XII и XIII вв., тем малочисленнее, как мы знаем, делалось оно и тем более нуждалось в пополнении навербованными воинами из народной массы; как на Британском острове гористый Уэльс играл роль главного вербовочного места для английских королей, так эту же роль для немецких королей играли английские области. Скотоводство и охота в горах были больше способны поддерживать воинственно-авантюристический дух, чем земледельческие равнины, а бедность горной жизни побуждала искать занятий и заработка в другом месте.

В источниках XIII в. жители Швица и Ури упоминаются в качестве[3] наемников, и не меньше 1 500 швицев сопровождало Рудольфа Габсбургского во время его военного похода в 1289 г. в Бургундию. Их военный профессионализм безусловно восходит к значительно более ранним временам, чем это

можно проследить по историческим записям и документам. Мятежный воинственный дух швицев сказывается в беспрерывных трениях с их главным соседом, Эйнзидельнским монастырем. Уже в 1114 г. при императоре Генрихе V у них была тяжба с этим монастырем относительно границ; тяжба эта началась еще за 100 лет до того, во времена Генриха II, и вновь возобновлялась швицами.

В Ури и Унтервальдене низведение крестьян до наследственных крепостных пошло дальше, чем в Швице, но при императоре Фридрихе II сперва Ури (1231 г.), а затем и Швицу (1240 г.) удалось получить вольную грамоту, где было определено, что они не подчинены ни графской, ни какой-либо другой феодальной власти, а подвластны непосредственно общегосударственному правительству. Так как с падением Штауфенов императорская власть крайне ослабела, то императорские вольные грамоты принесли кантонам мало пользы, они являются скорее симптомом и свидетельством стремлений и чаяний этих последних, чем средством их достижения. Решающее значение имеет тот факт, что этим крестьянам удалось противостоять господству рыцарей с оружием в руках. Уже в последние годы правления Фридриха II Швиц,

Ури, Унтервальден, а также г. Люцерн заключили между собой союз, и, хотя тогда они еще далеки были от попытки добиться самостоятельности, все же мы узнаем, что их граф обходился с ними осторожно и мягко даже тогда, когда он сам вступил на королевский престол. Это был Рудольф Габсбургский, чей род вследствие постепенного прекращения графских и королевских родов объединил большую часть Швейцарии в одно владение с Эльзасскими областями. Его смерть придала трем крестьянским кантонам смелость заключить "вечный союз" (1 августа 1291 г.), причем они обязались не признавать судьи, не являющегося их земляком или жителем кантона. Но даже и теперь они не домогались права самим выбирать амманов; король Альбрехт со своей стороны пошел навстречу их желаниям и назначал амманов только из коренных старейших фамилий Аттингхаузен, Штауффахер и др.

Смерть Альбрехта от руки своего племянника (1308 г.) изменила эти отношения, не поддававшиеся государственно-правовой фиксации, основанные на взаимных уступках; возникла комбинация, придававшая крестьянам смелость предпринять полное освобождение от власти Габсбургов. Габсбурги утратили корону, перешедшую к графу Люксембургскому Генриху

VII, на которого пал выбор курфюрстов. От него союзные кантоны добились декларации (1309 г.) об освобождении их от власти Габсбургов, а когда после смерти Генриха по поводу избрания короля произошел раздор между Фридрихом Габсбургским и Людовиком Баварским, то союзники стали на сторону последнего и начали наступление против своего прежнего государя.

Швиц, как мы уже знаем, был в старинной вражде с Эйнзидельнским монастырем, который в то время находился под юрисдикцией Габсбургов. Уже до этого швицы неоднократно совершали грабежи на территории Эйнзидельна, а фогты, как они ни были сильны, не осмеливались вмешиваться. Теперь же швицы явились под начальством их аммана Вернера Штауффахера, совершенно разграбили монастырь и увели с собой несколько монахов в качестве пленных[4]. После этого младший брат короля Фридриха, герцог Леопольд, решил наказать крестьян, которые во вспыхнувшей тогда междоусобной войне представлялись в качестве противников Людовика Баварца вдвойне опасными.

Новейшая литература: Karl Meyer, Einwirkung des Gotthard-Passes auf die Anfdnge der Eidgenossenschaft, "Gesch Freud ", т. 74, 1919, " Jahrb. f. Schweizer Gesch.", т. 45, 1920.

Глава II

СРАЖЕНИЕ У МОРГАРТЕНА 15 ноября 1315 г.

Груда сказаний и поэтических вымыслов, которая наслоилась поверх первоначальной истории Швейцарии и с большим трудом поддавалась устранению, похоронила под собою также и сражение у Моргартена. С одной стороны, различные вымыслы, басня об австрийском рыцаре Хюненберге, который при помощи выстрела, якобы, послал швейцарцам записку с предостережением: "Берегитесь Моргартена", а с другой – приукрашивание картины боя, способствовали тому, что исследователи неправильно определяли место, где произошел бой. Поле сражения искали на S немецкой мили южнее, чем следует, у Фиглерфлу, а так как озеро, игравшее в рассказах большую роль, не доходит до этого места, то прибегли к вспомогательной конструкции, сводившейся к тому, что поверхность озера была в то время значительно выше. Два дилетанта, врач Хр. Итен и кожевенный мастер Карл Бюркли, – вот кто, вопреки всем военным и ученым, обнаружили и доказали истину. Итен, вопреки ген. Цурлаубену,

уже в 1818 г. установил, что поверхность озера, – что доказано геологически и исторически, – не изменилась, а Бюркли, исходя из источников того времени в связи с пониманием военного дела и изучением местности, вскрыл истинные стратегические и тактические взаимоотношения, так что теперь его точка зрения получила всеобщее признание.

Мое внимание привлечено было его работой "Der wahre Winkelried", появившейся во время печатания моих "Perser und Burgunderkriege". Проезжая в 1888 г. через Цюрих, я разыскал его: оригинальный старик рассказывал мне, как он в молодости ездил с Виктором Консидераном в Техас, с тем чтобы основать там идеальное коммунистическое государство; потерпев в этом неудачу, несмотря на крупные денежные средства, он испытал ряд приключений на военной службе в Мексике и затем возвратился на родину, где в качестве социал-демократического политика он оказался на долгое время заметным и вместе с тем столь обременительным, что по этой причине, а также ввиду его еретических взглядов по вопросам отечественной военной истории швейцарский ученый мир не желал ничего знать о нем. Он же обладал не только большой начитанностью, но также природным инстинктом

исторической критики и поразительной силой интуитивного проникновения в прошлое, особенно в события военной истории. Там и сям его живая фантазия соблазняла его рассказать больше, чем можно прямо вывести из источников, но ничего такого, что не было бы возможно само по себе и психологически вероятно.

Исходить следует из того факта, что здесь речь идет не о революционном восстании мирных, доведенных до отчаяния крестьян, а о планомерной борьбе воинственно настроенной общины с опытными в военном деле вождями под руководством испытанного командования. При наличии таких опытных в военном деле людей мы считаем себя в праве дополнить отдельные дошедшие известия и следы дел в духе хорошо обдуманного и планомерного ведения их.

С древнейших времен в горных странах естественное прикрытие против неприятельских вторжений усиливали тем, что преграждали подступы к долинам какими-либо сооружениями. В Швейцарии такие преграды назывались летцами или летцинами, что связано со словом "lass", превосходная степень которого – "letzt"; и теперь еще сохранились следы 85 таких летцинов[5]. Летцина Ройшибен, как утверждают, еще до-римского происхождения, летцина Зервицель и

фундамент Нефельской летцины – римского, а 4 других относятся к IV в. В Швице имеются следы 6 летцин, преграждавших доступ не только на суше; некоторые из них состояли из свай в Фирвальдштетском (Люцернском) и Цугском озерах с целью помешать и десанту; некоторая часть этих сооружений безусловно относится к XII в. и к еще более ранней эпохе, задолго до Моргартенского сражения. И вот, когда близка была решительная борьба за освобождение от графской власти, швицы обратили свое главное внимание на укрепление летцины[6]. Сохранился также документ, свидетельствующий, что жители Швица продали в 1310 г. участки земли двум братьям, чтобы вырученные деньги употребить "an die Mur ze Altum mata", т.е. на летцину у Рогентурма (Красная башня) при Альтматте, от которой и теперь еще уцелела одна башня. Но прежде всего можно полагать, что в 1315 г. они соорудили огромную, протяжением в целую немецкую милю летцину, которая простиралась от Росберга (между озерами Цугским и Эгери) до горы Риги, прикрывая весь южный конец Цугского озера и дороги по берегам его. Правда, сообщение о том, что эта летцина была сооружена именно тогда, относится к 1571 г., но об ее существовании свидетельствует уже один

документ 1351 г., а внутреннее правдоподобие говорит за то, что постройка ее связана с освободительной войной. Старше постройка не может быть, так как Швиц собственно не доходил уже до сих пор, а кончался близ Ловерцского озера; но марковая община Арт, являвшаяся габсбургским владением, при начале военных действий перешла на сторону Швица и должна была быть теперь укреплена. Еще поныне сохранились значительные остатки укреплений, а большая их часть была цела до 1805 г.; от этого времени мы имеем точное описание сооружения. Это была высокая и толстая стена в полмили длиной, не меньше 12 футов вышины, с воротами при входах и тремя крепкими башнями.

Между Альтматтом и Артом была еще дорога, ведущая вдоль восточного берега озера Эгери через Моргартен, Шорно и Саттель в Швиц[7]. Можно было бы предполагать, что и этот путь был загражден летциной, но, с другой стороны, сохранившиеся документы говорят, что граждане Швица только в 1322 г. продали 5 поместий, чтобы на полученные деньги построить летцину здесь у Шорно. Если бы летцина существовала там уже в 1315 г., а в 1322 г. она была только обновлена и укреплена, то Швиц уже тогда был бы своего рода огромной крепостью. Однако, не

исключена возможность того, что швицы в 1315 г. вполне сознательно пренебрегли летциной Шорно и оставили открытым проход у озера Эгери[8]. Как бы ни был защищен каждый отдельный пункт, оборонительной линии природой или искусственно, но отстаивать укрепление на столь большом пространстве все же очень тяжело; осмотрительный и упорный враг находит неохраняемое место, куда он проникает и с тыла нападает на обороняющегося. Это узнали уже греки при Фермопилах. Но всего вероятнее, что швицы под предводительством аммана Вернера Штауффахера с самого начала составили иной план и сообразно с ним оставили открытой дорогу на Шорно.

Герцог Леопольд собрал у Цуга свое рыцарское войско с подкреплениями из городов: Цюриха, Цуга, Винтертура и Люцерна и пошел не вправо и не влево, вдоль Цугского озера через Арт, где швицы воздвигли свою большую стену, а по восточному берегу озера Эгери, – потому ли, что по этой дороге действительно не было укреплений или потому, что он думал, что здесь их легче обойти и внезапно вторгнуться. Его войско насчитывало 2 000–3 000 человек, что в то время, как мы знаем, было очень значительной силой, а против простых крестьян и вовсе

необыкновенно большим ополчением.[9]

К швицам присоединилась урийцы; были ли там подкрепления из Унтервальдена, сомнительно, так как герцог Леопольд предусмотрительно дал распоряжение одному из своих графов в это же время напасть на Унтервальден со стороны Интерлакена через Брюниг. Тем не менее можно считать, что армия союзников, начальником которой был, очевидно, Вернер Штауффахер[10], насчитывала 3 000–4 000 человек[11] Штауффахер, если не с самого начала, то все же предусмотрел, что герцог изберет путь через Моргартен; как только шпионы и лазутчики сообщили, что австрийская армия двигается по этой дороге, Штауффахер подвел свое войско в Маттлигютшу, возвышенности над озером Эгери, где швейцарцы построились в укрытом месте и их трудно было обнаружить, так как место с правой стороны, со стороны неприятеля, не было доступно никакой рекогносцировке благодаря покрытой лесом глубокой впадине, – ущелью Газельматтрузе. От Маттлигютша к озеру путь пролегает по более или менее крутым, во в общем удобопроходимым, поросшим травой склонам. К югу отсюда возвышается крутая гора, вплотную у самого озера, так что дорогу можно загородить одним стволом дерева.

В это узкое место – при Бухвельдли – Штауффахер направил маленький отряд, авангард, состоявший главным образом, очевидно из арбалетчиков[12].

Хотя герцог Леопольд знал воинственность швицов и рассчитывал на правильное сражение, все же он вряд ли ожидал встретить сопротивление в этом месте так как ущелье Бухвельдли лежит уже за пределами территории Швица. Союзники имели смелость ожидать врага не на своей земле, а встретиться с ним на его собственной территории, принадлежавшей г. Цугу. Штауффахер, очевидно, захотел исследовать весь район и выбрал это место как очень подходящее для сражения.

Когда авангард австрийской армии нашел дорогу при Бухвельдли закрытой и не смог отогнать противника ни выстрелами, ни стычками, то несколько пехотинцев или спешенных рыцарей вскарабкались, должно быть, на луговой склон, с тем, чтобы сверху обойти импровизированную летцину и рассеять гарнизон. На это ушло некоторое время, а между тем подошла колонна рыцарей, остановилась перед препятствием и стала тесниться по дороге и по более отлогим местам лугового склона. Именно этого и ожидал Штауффахер. Внезапно по

крутому склону покатились камни и бревна, все союзное войско крепкими сомкнутыми колоннами устремилось вниз с горы. Перед самым натиском на рыцарей и коней посыпался град камней, а затем сильно превосходящая численностью масса обрушилась, коля и рубя, на смешавшихся рыцарей и слуг; их главным оружием была алебарда, о которой впервые упоминается незадолго до этого. Это слово означает Halmbarte т.е. топор с очень длинным древком и железным наконечником, так что в одном оружии соединены копье и топор; алебарда явилась реакцией против становившихся все более крепкими рыцарских доспехов, которые могли быть пробиты только сильным ударом длинного топора, и оказалась оружием незащищенных доспехами пехотинцев против тяжело вооруженных рыцарей. В своем позднейшем развитии алебарда с обратной стороны была снабжена также крюком, чтобы зацеплять рыцаря за его доспехи и стаскивать с коня; иногда алебарда снабжалась также остроконечным молотом.

Что могли поделать рыцари против дикого натиска крестьянской толпы с таким вооружением? Они не могли ни взобраться навстречу ей по горе, ни уклониться от нее, имея за собою озеро. Они вряд ли смогли даже

владеть своими конями, возбужденными низвергающимися обломками и камнями. Для конного воина, не могущего двигаться, лошадь не только не преимущество, но, наоборот, – неудобство, ибо часть сил и внимания он должен уделять лошади, а если она становится дикой, он вообще лишается боеспособности.

Действенность плана сражения швицев состояла, следовательно, не только в нападении в узком ущелье, но главным образом в замешательстве, вызванном преградой и задержкой на Бухвельдлийском выступе. Если бы швейцарцы предприняли с горы Моргартен просто фланговую атаку на двигавшуюся австрийскую армию, то они, правда, победили бы и в этом случае, но успех был бы очень невелик те воины, которые не были бы непосредственно задеты атакой, спешно скрылись бы, и даже большинство убегавших вперед ускользнуло бы окольными дорогами. Но благодаря предшествовавшему атаке затору в бой была втянута если не вся австрийская армия, то очень большая часть; уклониться от сражения она не могла и в то же время была небоеспособна в толчее на узком месте. Установление этого факта – главная заслуга Брюкли; для этого необходима не только военная точка зрения, но и полное

внутреннее освобождение от легенды, которая видела в швейцарцах мирных пастухов и крестьян. До тех пор пока придерживались такого ложного взгляда, конечно, не могла явиться мысль поискать у них гениальной, заранее подготовленной стратегической концепции. Однако жители Швица, в результате длительной предшествовавшей борьбы овладевшие оружием которым крестьянин побеждает рыцаря, и алебардой и полные веры в себя вдохновившей их пойти в атаку, имели к тому же в лице Штауффахера предводителя, – мы имеем право сказать – полководца, – который воодушевил наличные силы общины на спасительное для них и вместе с тем всемирно-историческое дело.

Австрийские войска, находившиеся еще в пути далеко позади, были не в состоянии помочь теснимым товарищам; вскоре и они под напором отступавших были захвачены общим бегством. Большинство рыцарей и слуг головного отряда было убито или же утонуло в озере; сам герцог Леопольд спасся с большим трудом Монах Иоанн из Винтертура (Витодуран), которому мы обязаны сообщением об этом сражении, рассказывает, как он, будучи мальчиком, сам видел искаженное лицо ускакавшего в родной город герцога ("от чрезмерной печали он был как бы полумертвым").

Главный момент моего расхождения с описанием Брюкли – это подчеркивание стратегического и тактического руководства жителей Швица. Брюкли возмущен позднейшей легендой и подтасовкой, при помощи которой пытаются закрепить заслугу победы за рыцарем фон Хюненбергом, обратившем внимание швейцарцев на место у Моргартена, и другим аристократом, Ителем Рединго́м, подавшим, якобы, хороший совет. Возмущение это неуместно, поскольку эти басни вовсе не имеют тенденции умалить заслуги народа, а здесь мы просто имеем дело с известной нам психологической чертой – стремлением заменить с трудом улавливаемую историческую реальность чем-либо индивидуально пикантным. Но просто неправ Брюкли, полагая, что такое сражение, как Моргартенское, можно, якобы, истолковать как непосредственно народное дело, как проявление народного инстинкта. Он сам блестяще доказывает, что все задолго было обдумано; однако, нужно было руководство. Как бы ни был велик военный опыт крестьян Швица, все же 4-тысячная община не в состоянии выполнить то, что имело место в данном случае. Должна была иметься правильно функционировавшая наблюдательная и разведывательная служба, а

Пуг, где Габсбург собрал свое войско, лежит всего в 3 милях от швейцарской границы. У Витодурана мы находим рассказ о том, что швейцарцы от графа Тоггенбурга узнали, с какой стороны собирается подступить Леопольд. Это сообщение просто неправдоподобно: подобной изменой граф обрек бы себя на смерть, тогда как он пал при Моргартене как боец, преданный своему господину. Также невероятно, что он при предпринятых им попытках посредничества нечаянно выдал план герцога; если бы это даже было действительно так, то все равно это не имело бы значения, ибо что мешало герцогу еще в момент своего выступления изменить направление и взять путь на Арт или Альтматт! Швицкое командование было безусловно подготовлено и к этой возможности; наблюдатели и посланцы, которых они имели вблизи Цуга, очевидно, были настолько опытны и умны, что не дали ввести себя в заблуждение притворным движением. Витодуран определенно сообщает, что Леопольд продвигался не только по Моргартенской дороге, но и другими дорогами, и что войска, двигавшиеся по этим другим дорогам, узнав о поражении главных сил армии, повернули и отступили без потерь. Почему Леопольд выделил такие вспомогательные колонны, а не держал

свою армию вместе? Ведь он безусловно рассчитывал на серьезное сражение, и если бы он вышел из него победителем, то все было бы покончено и было бы безразлично, какой дорогой войско вступило в страну. Эти вспомогательные колонны не могли быть многочисленными; все рыцари были безусловно у герцога. Леопольд, очевидно, ожидал, что в случае упорного сопротивления у летцины при Шорно жители Швица, получив известие о появлении неприятеля также справа или слева, отступят, или же что движение по различным дорогам. С самого начала побудит их разбросать свои силы по различным летцинам. Для жителей Швица, наоборот, имело решающее значение то, что они своевременно узнали, с какой стороны состоится главный удар, чтобы противостоять ему по возможности с нераздельными общими силами. Это было не случайностью, а делом вполне обдуманного энергичного командования. В тот момент, когда получено было известие о продвижении врага по восточному берегу озера Эгери, командующий был так уверен в правильности донесения и своего плана, что он тут же отдал распоряжение выступать. И если войско было собрано у летцины при Арте или при Швице, то переход, который нужно было сделать, был не намного короче, чем

переход герцога, и при запоздании на один час, т.е. если бы летцина у Бухвельдли была бы взята приступом, и главные силы австрийцев миновали ее, то военный план был бы расстроен, и Швиц, вероятно, потерян.

Итак, граждане Швица безусловно имели такого предводителя, который не только верно оценивал местность и правильно руководил организацией разведывательной службы, но который твердо держал в руках свое войско, так что оно доверяло своему командованию и выступило в тот момент, когда он приказал. Ни общее собрание бойцов, ни любой выбранный командир не смогли бы провести военный план в такой мере рассчитанным на момент. Позволительно вспомнить о Мильтиаде, командовавшем афинянами при Марафоне. Но Мильтиад социально так возвышался над массой афинских граждан, что, выбрав его своим полководцем, толпа оказывала ему и естественное повиновение. Авторитет, с которым крестьянин Штауффахер командовал гражданами Швица при Моргартене, имел корни другого рода; он известен нам еще в древнегерманской истории: швицский амман, который правит общиной (марковой общиной) политически и экономически выводит силу своих военных приказов из единства

совместного существования, во главе которого он стоит. Только потому, что здесь, в Швице, жило древнегерманское племя с его первобытной организацией; потому, что боевые качества отдельных воинов слиты в мощное единство с единой волей; потому, что командование было в руках демократии, – народ мог одержать верх над рыцарством.

Основным источником для сражения при Моргартене является длинный рассказ монаха Иоанна из Винтертура (Витодурана), написанный приблизительно спустя 25–30 лет после самого события. Винтертурцы были подданными Габсбургов, и их контингент, из которого погиб только один человек, был в войске Леопольда; следовательно, Иоанн собрал свои сведения от очевидцев, прежде всего от собственного отца, который также был свидетелем сражения. Но повествование Витодурана ясно показывает, что он получал материал и от жителей Швица[13].

Глава III

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛАУПЕНЕ 21 июня 1339 г.

Когда вымер знатный род Церинген (в 1218 г.), часть его владений снова отошла к империи, а так как императорская власть как раз в то время (при последнем Штауфене, Фридрихе II) сошла на нет, ряд мелких и мельчайших владений и городов в этих областях, на границе герцогства Швабии и королевства Бургундии, стали имперскими и самостоятельными. В числе их был и г. Берн, незадолго до этого основанный последним представителем дома. Бесконечные распри и войны соседей были следствием исчезновения всякой высшей правительственной власти в этой горной стране. Благодаря междоусобице г. Берн в течение столетия одержал ряд побед, подчинил себе крестьянские общины и вынудил дворян вступить вместе со своей территорией и замком в политический организм города. Конституция города как нельзя лучше соответствовала его завоевательной политике, наряду с аристократическим советом, правившим с политическим инстинктом и господским духом аристократии, существовал и другой совет,

который, не давая простора подлинной демократии, все же придавал правительству такой демократический характер, который обеспечивал со стороны всей массы граждан поддержку политики правительства и направлял все силы на служение ему.

Дерзкое и успешное расширение влияния города вынудило, в конце концов, его главного соперника, г. Фрейбург, отстоящий всего в 4 милях от него и также построенный Церингенами, соединиться с ближайшими мелкими династиями, графами Грейерцким, Нейенбургским, Валенгинским, Нидацским, Ваадтским, Аарбургским и другими, чтобы, прежде всего, снова оторвать от Берна городок Лаупен на р. Сензе, близ Сааны.

Бернцам не по себе от этой большой коалиции; на их стороне был только г. Солотурн, но их дальнозоркая политика нашла выход. Владения Берна простирались уже в нагорье до самого Бриенцского озера и соприкасались с Унтервальденом и Ури. Со времени своей победы при Моргартене эти лесные кантоны приобрели громкую военную славу, и Берн завязал с ними дружеские отношения; к ним теперь город обратился за помощью, к тому же за платной; никакого политического интереса эти лесные

кантоны в споре за Лаупен не имели. Поэтому Лаупенская война является, пока еще в пределах самой Швейцарии, предтечей швейцарской службы в иностранных армиях, приобретшей в дальнейшем огромное значение. После победы Ури было уплачено, согласно случайно сохранившемуся документу, 250 фунтов пфеннигов. Город благодаря силе своего капитала, – еще, правда, очень небольшой, но до крайности напряженной решительным правительством, – взял к себе на службу испытанную военную силу крестьян, еще не способных поставить себе какую-либо политическую цель. Эта война приобрела глубокую, хотя в значительной мере имевшую только декоративный характер подоплеку, в результате того, что Берн не хотел признать Людовика Баварца императором, а перешел на сторону папы. Местный пастор Диебольд Безельвин использовал это для воодушевления народа и поднятия его воинственности.

О ходе войны и сражения имеем подробное повествование ("Conflictus Laupensis"), исходящее, очевидно, из кругов этого пастора. Рассказ написан очень живо и наглядно, но его безусловно неправильно превозносят в качестве большого достижения военно-исторической

литературы[14].

Судить по нем о характерных военных особенностях можно лишь с большой осмотрительностью, а так как более поздняя передача его в Бернской хронике Юстингера, записанная 80 лет спустя после события, успела уже перерасти в легенду и, с другой стороны, совершенно отсутствуют документы для проверки, то о сражении при Лаупене нельзя говорить с той уверенностью, которую желательно было бы иметь в виду его безусловно большого военно-исторического значения.

Союзники осаждали и штурмовали Лаупен, занятый 600 бернцами, когда на 12-й день для снятия осады (21 июня 1339 г.) подошли, наконец, бернцы со своими союзниками. Численность осаждавшей армии определяется в 16 000 пехоты и 1 000 конных, а Юстингером – даже в 30 000 человек; эти цифры не имеют, понятно, никакого значения. Если союзные династии вместе с г. Фрейбургом выставили даже 4 000 солдат, и то это было очень много; армия Берна исчисляется в "Conflictus" всего в 6 000 человек, из них – 1 000 жителей лесных кантонов. Эта цифра представляется вполне вероятной[15], во всяком случае надо полагать, что Берн со своей большой территорией и подкреплением со стороны лесных

кантонов мог выставить большую армию, чем противники, поскольку лишь Фрейбург мог выступить с поголовным ополчением, а союзные графы явились только с рыцарями и слугами, что всегда составляло небольшую цифру[16]. Уверенность в победе этой армии основывалась, естественно, не на количественном, а на качественном превосходстве рыцарства над горожанами и крестьянами.

Выйдя из леса между их городом и Лаупеном, на вершине горы Брамберг, бернцы увидели внизу под собой союзников, двигавшихся им навстречу. Хотя расстояние между полем сражения и Лаупеном составляет всего 2–2 S км, все же осажденные не могли наблюдать события перед городом.

Бернцы пошли в атаку не сразу, а заняли позицию на вершине, очевидно, желая заставить противника, особенно рыцарей, начать наступление и тем использовать для себя какие-либо препятствия местности. Они могли рассчитывать, что союзники должны либо наступать, либо снять осаду Лаупена, так как, продолжая осаду, не отбив войско, подошедшее на выручку, они подвергали себя опасности внезапного нападения. Таким образом, положение напоминает Никополь.

Бернская армия, нужно полагать, была разбита на 3 построенных четырехугольником отряда: авангард, составленный из жителей лесных кантонов (вальдштедцев), насчитывал 1 000 человек, – примерно, 30 человек в ширину и 30 в глубину; главная баталия – 3 000 солдат, примерно 50 человек в ширину и 50 в глубину; арьергард – 2 000 человек, – 40 человек в ширину и 40 в глубину; перед каждой баталией было рассыпано некоторое число стрелков[17], а между ними – рыцари со своей свитой; последние, хотя и в малом числе, но имелись[18].

Союзники не решались прямо атаковать бернцев на их выгодной позиции и послали один корпус в обход; в то же время рыцари парадировали перед неприятельским фронтом и посвящали в рыцари молодых господ. Обходное движение было закончено к самому вечеру; арьергард бернцев сразу обратился в бегство. Но главная баталия выдержала начавшуюся атаку фрейбуржцев с фронта, встретила их стрелами и градом камней и затем перешла в контратаку. От силы этого удара фрейбуржцы рассеялись во все стороны. Одновременно с главной баталией вперед бросился и авангард, но при спуске с горы он был остановлен рыцарями и окружен ими со всех сторон. Хотя рыцари и не смогли прорваться

в сомкнутый "еж" направивший во все стороны пики, но вальдштедцы все же погибли бы, если бы рыцари подтянули своих стрелков. Но тем временем главная баталия бернцев уже победила; кантонцы сделали свое дело, приняв на себя удар рыцарей, так что бернцам пришлось иметь дело только с фрейбуржцами. Покончив с этим, они повернули и ударили рыцарям в тыл. Последние могли спастись только бегством; многие были убиты. Тот корпус союзников, который отбросил арьергардную баталию бернцев, больше не принимал участия в сражении. Вероятно, войско было недисциплинировано или же не имело настоящего руководства и устремилось за бежавшими, желая захватить пленных и грабить.

Сражение при Лаупене свидетельствует о таком стратегическом и тактическом превосходстве и руководстве бернцев, что напрашивается вопрос, кто же был полководцем. Занятие угрожающей оборонительной позиции и переход от обороны к нападению снова напоминает Марафон, и характерно, что о бернском полководце существует такое же предание, как и о Мильтиаде. Правда, источник того времени "Conflictus" совсем не упоминает о полководце, но в этом рассказе вообще отсутствует понимание военного дела. Наоборот,

повествование Юстингера, в котором, правда, подлинную историю трудно отделить от вымысла, сообщает, что во главе бернцев стоял рыцарь Рудольф фон Эрлах. Этот очень богатый и знатный человек был одновременно вассалом союзного противника, графа фон Нидау, и гражданином г. Берна. Когда нависла туча войны, он покинул своего сеньора и отдался в распоряжение бернцев. Уже его отец командовал однажды бернцами при стычке у Дорнбюля (1298 г.), а он сам "хорошо проявил себя в 6 сражениях"; в нем бернцы нашли настоящего военачальника, который "их умудрял и обучал, как начать и как кончить дело". "У кого больше военных знаний, тот сильней". Эрлах, однако, сперва отказался принять командование, так как граждане слишком надменны и строгий начальник будет от их мести терпеть убытки и позор. Наконец, после долгого упрашивания сошлись на том, что вся община поклялась быть послушной во всех вопросах, и что если командир ударит кого-либо за непослушание, хотя бы он нанес при этом рану или причинил смерть, то ни город, ни друзья побитого не привлекут его к ответственности и не будут мстить.

И вот Эрлах принял командование, которое обычно находилось в руках старосты

(бургомистра). Эту должность занимал тогда Иоганн фон Бубенберг, также рыцарь и притом знатного рода; его сын командовал гарнизоном Лаупена. Как ни странно, что другой рассказ того же времени ничего не упоминает о командовании Эрлаха, все же это предание вряд ли является простым мифом. Берн все поставил на карту в этой войне; поэтому, естественно, на должность командующего искали наиболее опытного воина. И позже, в выражении при Муртене, хотя и по другим мотивам, командование возложили на одного рыцаря, и все же в хрониках этот факт почти совсем затушеван. Поэтому я думаю, что преданию о командовании рыцаря Рудольфа фон Эрлаха при Лаупене, несмотря на позднейшее происхождение и легендарность, все же не может быть отказано в достоверности. В этом сражении чувствуется настоящий полководец. Если бы одновременно он был и бургомистром, то эта личность была бы отмечена в истории Берна еще и иным образом. Значительно понятнее, что автор "Conflictus", смотревший на все с точки зрения религии и не интересовавшийся и не понимавший военных событий, просто забыл упомянуть полководца. Поэтому я без боязни называю гениального воина, которого военная история видит скачущим по полю Лаупенского сражения,

Рудольфом фон Эрлах. Тот факт, что победителем был он, остался в памяти следующих поколений, хотя современный хроникер и не назвал его.

Важнейшим моментом его деятельности является торжественная клятва в послушании, которую по его настоянию ему принесли граждане и в которую эта сильная личность сумела влить содержание.

Когда в следующем году он однажды устроил засаду против фрейбургцев и 8 кнехтов, погнавшихся вопреки его приказу за лошадьми, чтобы захватить их себе в добычу, были окружены фрейбургцами, он запретил выручать их и не воспрепятствовал врагу заколоть их, "так как они – злодеи, нарушившие присягу, которым добыча важнее, чем честь Берна"[19]. Он крепко держал подчиненных в руках и при Лаупене не допустил главную баталию, победившую фрейбуржцев, заниматься грабежом, а повел ее в тыл рыцарям. Без такого руководства сражение было бы проиграно, так как рыцари, одолев вальдштедцев, безусловно разбили бы и бернцев, которые, будучи дезорганизованными, не смогли бы устоять против них.

Сознаюсь, что изложенное выше описание Лаупенского сражения в значительной мере основывается только на предположении и не может

быть доказано источниками, а в некоторых пунктах просто находится в противоречии с ними. Если я, тем не менее, осмеливаюсь считать эту картину вполне вероятной, то это основывается на том, что в рассказе "Conflictus" имеются некоторые противоречия и неясности, которые мне представляются разрешимыми только вышеизложенным образом.

"Conflictus" говорит: "Бернцы, видя многочисленное и сильное неприятельское войско, объединились и, образовав как бы небольший клин, стояли у маленького холма". Эти слова, казалось бы, определенно означают, что бернцы образовали только одну большую баталию, а не 3, как я предположил. Однако, уже то, что жители лесных кантонов (вальдштедцы), как явствует из дальнейшего рассказа, образовали особую баталию, не согласуется с этим, разве только слово "Bernenses" как бы хотят сузить и под ним понимать только воинов из города.

Далее "Conflictus" говорит, что, как только противник повел атаку, 2 000 бернцев в страхе обратились в бегство, некоторые беглецы были невооруженными, но среди них были и воины. Но 3 000 бернцев, не видевшие этого бегства, устояли, перешли в контратаку и победили фрейбургцев.

Из этого рассказа приходится заключить, что помимо вальдштедцев бернцы вместе с другими волонтерами образовали 2 баталии в 3 000 и 2 000 человек. В самом деле, если это не так, как могло случиться, что 3 000 не видали бегства 2 000?

В более поздней передаче Юстингера этот вопрос как будто разрешен. Здесь говорится.

"Und also (so) man glich zutretten wil, do hat jederman zwen steine oder drye zu im genomen, hies hauptman von

in die vigende werfen und damitte hinder sich tretten an den reine umb daz si dergshalb stunden; do wonden die hindren, die vordren wцlten fliechen und floch gar ein gros volk vom huffen; do si aber befunden, daz man bestund und da vor nieman ze fliechenne mut hat, do kerten si zestunt wieder zu dem strit und taten alz biderb from lьte und vachten und stritten als helde usgenomen etlich die in den forst fluchen und nicht widerkerten, dieselben ouch iemerme forster hiessen. Man wolt si ouch darnach an lip und an gut gestraft haben, denne daz es gelassen ward, darumb daz man die vigende, nit erfrцwte; doch so wurden si darnach niemer me wert und musten menglichem versmecht sin und unwert. Und als nu die hindrosten flьchen, daz mocht der houptman noch die fromen davor nit gesechen die mitlen die es aber sachen die sprachen zem houptman: O herre da hinder fliechend gar vil lьten von uns. Do antwurt der houptman: es ist gut daz die bцsen hi den biderben nit sin; die sprьwer sind gestoben von den kernen".

Этот рассказ, очевидно, означает, что задние шеренги главной баталии неправильно поняли обратное движение метавших камни передних шеренг и обратились в бегство. Но как в таком случае возможно, что бегство не заметили ни полководец, ни передние шеренги? Ведь не началось же бегство как раз в тот момент, когда передние шеренги снова выстроили фронт. Одно из двух или задние побежали вследствие обратного движения передних, и тогда передние видели это; или же передние не видали бегства задних, – тогда и они не совершали обратного движения, а удерживали фронт. Если же откинуть мотив непонятного отхода как найденное задним числом оправдание бегства, то спрашивается, почему

именно самые последние шеренги, находившиеся в наименьшей опасности, так испугались приближения противника?

В рассказе Юстингера заключается явное противоречие, легко, однако, объяснимое взаимным противодействием двух различных источников. Из "Conflictus" он почерпнул, что одержавшая в дальнейшем победу баталия не заметила бегства других, а из устной традиции – оправдание, что эти другие приняли, обратное движение камнеметальщиков за бегство.

Но рассказ станет понятным лишь в том случае, если предположить, что здесь речь идет о двух различных баталиях, из которых одна, обратившаяся в бегство, стояла за другой настолько в стороне, что не была видна ею.

К этому присоединяются еще два других момента. В "Conflictus" говорится, что местный проповедник Базельвинд, сопровождавший с просфорой армию, попал в руки врагов и подвергся осмеянию. Как могло это произойти? Если бы проповедник был послан в качестве парламентера и вопреки международному праву был ими задержан, то рассказчик не умолчал бы об этом. Единственно возможным объяснением мне представляется следующее он находился среди "невооруженных", обратившихся в бегство, т.е. в обозе, а значит враги появились у обоза, т.е. в тылу главной баталии. Вследствие же того, что в бегстве принимал участие не только обоз, но и большое количество воинов, здесь, значит, речь идет не о задних шеренгах главной баталии, а об особом корпусе, который, будучи сам атакован во фланг или с тыла, не смог бы перейти в контратаку против

фрейбуржцев.

Только при условии, что это была отдельная баталия, нам станет понятно определенное указание нашего источника, что бежавших было 2 000 человек. Если бы рассказчик определял эту цифру приблизительно, то безусловно он или совсем не указал бы ее или уменьшил, так как мы видим, сколько стараний прилагает он, чтобы в возможно более мягком свете изобразить это неприятное событие, для чего он прибегает к версии – можно смело сказать фикции – о том, будто бы они снова вернулись в сражение. Только наличие целой баталии известной численности могло привести рассказчика, далекого от прямой неправды, к указанию определенного числа. У Юстингера цифра уже выпала и вместо этого появился оправдательный мотив, будто они приняли движение камнеметальщиков за бегство. Юстингер, нам кажется, уже сам не знал, что в бегстве принимал участие весь арьергард; он также вычитал в "Conflictus", что это были задние шеренги главной баталии, и старался смягчить рассказ "Conflictus" о том, что главная баталия не заметила бегства, мифическим рассказом со слов начальника "хорошо, что зерно отделено от мякины", вложив эти слова в уста третьего лица.

Еще "Conflictus" сообщил, а Юстингер это приукрасил, что союзники Фрейбурга атаковали не сразу, а перед фронтом противника "высокомерно вели себя, кичились своим рыцарством и подчеркнуто проявляли свою неприязнь". Далее он ясно говорит, что сражение разыгралось только вечером "после вечерни". Это обстоятельство требует пояснения. Действительно, случается, что две армии стоят друг

против друга и каждая ждет атаки другой. Но здесь было совершенно ясно, что если фрейбургцы не начали отступления, то они должны были атаковать. Промедление отразилось бы на духе войск, поскольку они видели, что их командиры испугались хорошей позиции бернцев. Кроме того, гарнизон Лаупена мог каждую минуту заметить происходившее, сделать вылазку и появиться в тылу союзников.

Несмотря на это, пауза продолжалась все же довольно долго; она понятна только в том случае, если тем временем специальный отряд совершил обход, а опытные начальники для поддержания духа своих воинов заполнили паузу всякими играми.

В конце рассказа Юстингер отмечает еще, что разбитые рыцари бежали в разных направлениях немцы – вниз от Лаупена через Саану, а романцы – вверх от Лаупена через Сензе. На основании такого различия в направлении бегства можно заключить, что уже во время сражения были различные направления, другими словами один отряд был тем самым корпусом, который совершил обход.

Как же, однако, объяснить определенное указание "Conflictus" о том, что бернцы построились в одну баталию? Повествователь – плохой латинист. Поэтому слово "unus" явилось у него простым переводом немецкого неопределенного члена, подобно тому как он вслед за этим пишет "ad unum parvulum collem", где он безусловно не думает подчеркнуть, что бернцы стояли на одном холме[20]. Неприятельская армия растянулась, очевидно, на большом пространстве; в противовес этому повествователь хотел подчеркнуть незначительную, сомкнутую баталию бернцев и забыл упомянуть, что они были разбиты на 3 баталии, так же

как он не упоминает безусловно имевшуюся особую баталию из жителей лесных кантонов (вальдштедцев). Хроникер, лично присутствовавший при это" и рассказавший это автору "Conflictus", естественно находился под впечатлением победоносной главной баталии и рассказал только о ней. Составитель же был духовным лицом, мало понимавшем в военных делах, и плохим критиком; поэтому он не был застрахован от ошибок, особенно в отношении того, что его не интересовало. Что 3 000 не заметили бегства 2 000, является фактом, который мы можем у него почерпнуть как нечто совершенно достоверное, а образовали ли бернцы 2 или 3 "незначительные баталии" – было и ему самому неясно.

То, что бежал арьергард, я заключаю из рассказа Юстингера о том, что сначала был спор, кому предоставить инициативу сражения, причем бернцы, в конце концов, предоставили это дело вальдштедцам. Такого спора в буквальном смысле не могло быть, так как бернцы ведь хотели не наступать, а занять оборонительную позицию. Этот рассказ является фантастическим изменением, легендарным превращением того факта, что авангард был образован из вальдштедцев, на долю этого авангарда по тому расположению, которое было занято тремя баталиями, но которое мы в деталях уже не можем узнать, вероятно, и должен был пасть бой с главными силами рыцарей.

Рюстов в "Истории пехоты", т. I, стр. 154, из рассказа Юстингера о метании камней и отходе захотел вывести заключение о каком-либо особом маневрировании. Он думает, что когда неприятельская пехота приготовилась перейти в атаку, Эрлах заметил,

что он "забыл" обеспечить себе господство на возвышенности и поэтому приказал своей "фаланге" повернуть и подняться, примерно, на 100 шагов выше, дабы иметь разбег сверху. Это толкование представляется мне невозможным во всех отношениях. Слова Юстингера явно очень неопределенны, но они ни в коем случае не говорят о том, что вся пехота должна была сделать обратное движение к тому же такое движение на виду приближавшегося неприятеля выполнимо только прекрасно дисциплинированными войсками, а отношении народного ополчения оно так же невероятно, как и то, что полководец, уже когда армия развертывалась, заметил, что в 100 шагах позади имеется лучшая позиция.

В виде примера, как быстро действительная историческая традиция выветривается и становится фантастичной, стоит еще добавить, что Чуди (Tschudi)[21] дает швейцарцам при Моргартене метательные копья, коих они никогда не имели, а при Лаупене даже своего рода боевые колесницы с серпами "denn si hattend ysin hцrwagen lassen machen, die stiessends ungestьmlich den Vienden ir Ordnung. Dieselben Wдgen waren gemacht, dass sie nit wider hinder sich gan mцchtend hiermit zertrentend sie den Vienden Ir Ordnung und brachtends in die Flucht".

Глава IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗЕМПАХЕ 9 июля 1386 г.

Как ни велика была победа при Моргартене, все же хитрость и внезапное нападение играли в ней слишком большую роль, чтобы этим ударом могла быть окончательно решена война династии Габсбургов со свободолюбивыми крестьянами.

Так же как сражение в Тевтобургском лесу получило значение сражения германцев за свободу не само по себе, а лишь во взаимодействии с внутренними условиями Римской империи, подобно этому и сражение при Моргартене приобрело полное значение лишь вследствии того, что оно сделалось одним из звеньев общей политики. Если непосредственная зависимость лесных кантонов от верховной власти была юридически оформлена уже во время борьбы государства и церкви при Фридрихе II и позднее – во время соперничества различных больших княжеских домов из-за королевской короны, то теперь Габсбурги не могли отомстить за моргартенское поражение, так как все силы их были заняты борьбой с Людовиком Баварцем, который, со своей стороны, письменно

подтвердил непосредственную зависимость всех 3 кантонов от государственной власти. Однако, для того чтобы сохранить за собой свободу действий в будущем, Габсбурги заключили с кантонами не мир, а лишь перемирие, возобновляемое из года в год; прерываемое войной и снова возобновляемое, это перемирие позволило союзникам укрепить свою самостоятельность. Значительная польза, оказанная ими Берну при Лаупене, еще больше подняла их авторитет; Цюрих и Люцерн также стали искать их дружбы и союза (союз с Люцерном был заключен в 1332 г.; союз Цюриха с 4 лесными кантонами – в 1351 г.). Наконец, сознавая свою силу и подбодренные огромным успехом, с которым Берн распространил свое господство, союзники перешли к наступательным действиям.

Люцерн, бывший до тех пор австрийским городом, стремясь совсем сбросить это господство, принял под защиту своих законов австрийские селения и г. Земпах и, таким образом, отторг страну у тогдашнего властителя, герцога Леопольда III. Близлежащие замки Габсбургов подвергались нападениям и разрушению, а местности, которые держались за старую власть, – опустошению. Тщетно пытался герцог уступками добиться дешевого мира; союзники переходили от

завоевания к завоеванию.

И вот Леопольд решил собрать все силы для спасения владений и чести своего дома; в случае победы он рассчитывал вернуть потерянное. Он заложил города в Италии, чтобы добыть деньги, и стал вербовать себе союзников и наемников среди окрестных рыцарей. Он получил также помощь из Тироля и Милана. Можно полагать, что его армия была значительно сильнее, чем некогда армия его дяди Леопольда I при Моргартене, но и армия 4 кантонов была почти вдвое больше, чем армия моргартенцев, – не только потому, что к ним присоединился Люцерн, но и потому, что сам Швиц с тех пор значительно расширился. Мы можем исчислять армию Леопольда при Земпахе в 3 000, быть может даже 4 000 человек, а армию союзников примерно в 6 000–8 000 человек. Указания источников о численности швейцарцев колеблются между 1 300 (Юстингер и Русс) и 33 000 человек (Дитмар).

Сначала швейцарцы считали, что под угрозой находится Цюрих, и потому послали туда из лесных кантонов подкрепления, которые совершали набеги на близлежащие австрийские владения. Но Леопольд поступил мудро: он обратил свое внимание сначала не на Цюрих и Люцерн, а направился к местечку Земпах, на

добрые 2 мили севернее Люцерна, который изменил и перешел на сторону швейцарцев; герцог рассчитал, что какой бы пункт он ни атаковал, все равно швейцарцы придут туда на выручку и дадут там сражение.

Сражение перед Цюрихом или Люцерном протекало бы в неблагоприятных для Австрии условиях, так как обеспечение такого большого пространства поглотило бы значительную часть ее войска; для осады же маленького городка, каким был Земпах, требовалось немного воинов, и почти вся армия оставалась свободной для боя в открытом поле.

Итак, Леопольд собрал армию при Сурзее, всего в 1 миле от Земпаха, у устья озера, осадил еще в день выступления оттуда (9 июля) Земпах и немедленно отправился дальше навстречу войску, которое, по его расчетам, должно было подойти на помощь осажденному городу; это он сделал потому, что принять сражение при самом Земпахе, непосредственно у озера, было бы и стратегически и тактически неправильно. Австрийцы очутились бы здесь в таком же положении, как некогда у Моргартена. Однако, герцог отправился не прямой дорогой на Люцерн, т.е. на юг, а на восток; следовательно, он очевидно знал, что неприятельская армия придет с этой стороны.

Выбор этого направления наступающими легко объясним: часть союзной армии прибыла из Цюриха, с северо-востока, и, чтобы подойти к Земпаху с юга, она должна была бы сделать большой крюк, но к этому было тем меньше оснований, что как раз наступление с востока было опасно для герцога. В случае поражения армия Леопольда была бы оттеснена к озеру и отступать было бы возможно только в сторону фланга. Нужно полагать, что местом сбора и выступления армии четырех кантонов был мост через Рейс у Гисликона.

Так двигались обе армии с запада и востока навстречу друг другу, причем швейцарцы, очевидно, рассчитывали захватить рыцарскую армию у самого Земпаха, с озером в тылу[22], а австрийцы не имели ясного представления о том произойдет ли столкновение тогда же днем, вечером или же только на следующий день. "Один из противников ничего не знал о другом", говорит австрийский поэт Зухенвирт в своем рассказе о сражении. Уже меньше чем в получасе от Земпаха, у самой деревни Хильдисриден, столкнулись около полудня авангарды обеих армий. Место сражения хорошо известно нам благодаря старинной часовне, поставленной на этом месте в память сражения.

Местность, пересеченная разнообразными препятствиями, подымается к востоку от озера довольно крутыми уступами; перед Хильдисриденом – маленькая равнина, подъем оттуда к деревне еще круче.

На равнине противники, должно быть впервые заметили друг друга; на самом крутом месте, где вершина, овраг и маленький ручеек с обеих сторон способствуют обороне, может быть, расположился швейцарский авангард. Подступ, вероятно, затруднялся также деревьями и изгородью для скота. По прибытии рыцари соскочили с лошадей и пытались взять штурмом трудно доступную для конницы высоту; их стрелки наносили швейцарцам большой урон. Герцог Леопольд, очевидно полагая, что перед ним – вся швейцарская армия, опрометчиво сам вмешался в битву, не дожидаясь подхода задних эшелонов походной колонны. Рыцари с такой силой врезались в неприятельскую баталию, что Люцернское знамя уже склонилось, а может быть, даже попало в их руки. Но на самом деле они сражались только с авангардом союзников, который принял сражение, очевидно, потому, что занимал выгодную для обороны, – возможно даже наскоро укрепленную, – позицию, и с минуты на минуту ждал прибытия главной баталии, которая

почему-то немного запоздала. Наконец, главная баталия подошла, перестроилась из походной колонны и внезапно с громким криком, бросая град камней, сбоку кинулась на рыцарей. Была ли сформирована еще одна баталия, арьергард, об этом источники не говорят, но можно полагать, что была.

Натиск был таким сильным, что сражавшиеся в пешем строю рыцари были опрокинуты, и не только слуги, державшие сзади их коней, были охвачены паникой и обратились в бегство, но и та часть габсбургской армии, которая была на конях и намеревалась выступить, вместо того чтобы построиться и атаковать, также присоединилась к бегущим. Сам герцог был убит, а вместе с ним и большое число дворян и рыцарей.

Обвинение в том, что паника была вызвана изменой, мы должны отнести к обычным со времени Моргартена историям об изменниках; по положению дел бегство еще находящихся на конях рыцарей хотя и мало похвально, но очень понятно.

СКАЗАНИЕ О ВИНКЕЛЬРИДЕ

Действительно замечательным плодом непредубежденного проницательного ума Бюркли является вскрытие корней легенды о Винкельриде.

Арнольд Винкельрид из Унтервальдена был в начале XVI в. знаменитым швейцарским предводителем наемников. Он пал в сражении при Бикокке в 1522 г. при попытке проникнуть в ощетинившуюся пиками баталию ландскнехтов; к тому времени ландскнехты усвоили этот швейцарский способ сражения.

Сражение при Бикокке было первым тяжелым и полным поражением швейцарцев, где они потеряли больше, чем приобрели во всех прежних победах; песни ландскнехтов полны насмешек по поводу этого позора. При этом сплетались и перепутывались различные сражения.

Можно ясно проследить постепенный рост сказания. Более старые рассказы в течение 90 лет не содержали в себе ни малейшего упоминания ни подвига Винкельрида, ни имени, ни какого бы то ни было подобного события и не могут заключать ничего подобного, так как обстоятельства не давали никаких для этого оснований. В список одной старой Цюрихской хроники, изготовленный в 1476 г., впервые вставлен рассказ о том, что, когда при Земпахе дело приняло скверный оборот и рыцари своими пиками начали закалывать швейцарцев с их короткими алебардами, некий верный человек схватил много пик и пригнул к земле так, что союзники смогли их порубить

своими алебардами; в то же время этот преданный человек призывал их следовать за собой. В этом рассказе героя еще не называют по имени и не сообщают, что и сам он пал. Земпахская боевая песня, уже распространенная в ту пору (сохранилась в хронике Русса, 1480 г.), еще ничего не знает об этом эпизоде. Только 50 годами позже (1531 г.) появляется боевая песня, наверняка неоднократно измененная и переработанная, содержащая строфы о Винкельриде. Это произошло через 9 лет после Бикоккского сражения. Но и здесь сначала значится "один Винкельрид", который затем превращается в "одного из Унтервальдена из рода Винкельрид" и, наконец, во второй редакции Чуди (примерно, в 1570 г.) в "Арнольда Винкельрида". Со времени Бикоккского сражения прошло уже так много времени, что перенесение павшего в нем героя в Земпахское сражение – их жестокого поражения, связанного с тяжелым воспоминанием, в славнейшую победу – не встретило никаких препятствий, а вместе с героем Бикокки Чуди вскоре перенес в Земпахское сражение и весь боевой порядок ландскнехтов, от чьих пик он пал, и даже их укрепления. Для большей наглядности было использовано и находящееся хронологически между упомянутыми двумя

сражениями Муртенское сражение (1476 г.): ядра бургундцев срывали с деревьев ветви, которые падали перед швейцарскими баталиями. Это нам сообщает боевая песня о Земпахе, где никаких пушек не было. Даже по боевой молитве можно определить, насколько поздно возникла эта песня: здесь не призывается святая дева; это – верное доказательство того, что она относится ко времени реформации; раньше такое упущение было бы невозможно.

Не менее, чем в методологическом отношении, вскрытие этой связи важно и интересно в отношениях этнопсихологическом, историко-литературном и историческом. Как и в "Песне о Нибелунгах", мы видим здесь слитыми воедино события, расстояния между которыми измеряется многими поколениями – от 1386 г. до победы реформации. Но в каком клубке противоречий оказывается история военного дела, если доверчиво полагаться на такого рода традицию! Легенда переносит тактику ландскнехтов на рыцарей, которые представляют прямую им противоположность. Более того: тактика ландскнехтов ничем не отличается от тактики швейцарцев; таким образом, швейцарская легенда приписывает противнику собственную тактику. К этому присоединяются еще пушечные выстрелы и

молитва, идущая по своей форме также вразрез с духом эпохи Земпаха.

Так как в виде тесно сомкнутой баталии с простертыми вперед пиками сражались не рыцари, а швейцарцы, то и подвиги Винкельрида, которые считаются более или менее исторически достоверными, были совершены рыцарями. О первом подвиге сообщает Иоанн из Винтертура под 1271 г.: один габсбургский рыцарь пытался таким образом прорвать баталию и при этом погиб[23]. Нечто подобное рассказывается о сражении на Шюсгальде в 1289 г., где сын короля Рудольфа Габсбургского напал на бернцев и разбил их; здесь в качестве героя называется граф Людвиг фон Хомберг-Рапперсвиль. В 1332 г. этот же подвиг совершил австрийский рыцарь Штюлингер фон Регенсбург, опять-таки в сражении против бернцев и золотурнцев, чью баталию он прорвал; при этом пал, но доставил своим победу.[24] В сражении при Грансоне (1476 г.) то же самое предпринял один бургундец, рыцарь де Шатогюйон, который верхом также ворвался в главную баталию, но не смог прорвать ее рядов и был убит. Швейцарские источники, которые часто не без восхищения сообщают о подвигах противника, называют его Четтегю. Единственным швейцарцем, такой же подвиг

которого прославляется, является, наряду с Арнольдом Винкельридом из Бикокки, один урийский предводитель наемников, Гейни Воллебен, который, по рассказу Пиркгеймера, в Фрастенцском сражении (1499 г.) пригнул копья императорской баталии, положив свое копье сверху – поперек, и этим открыл проход для своих, сам же в этот момент был убит выстрелом из винтовки.

Можно с уверенностью предполагать, что в Земпахском сражении принимали участие также члены унтервальденской рыцарской фамилии Винкельрид, хотя прямых доказательств этого мы не имеем. Попытка[25] спасти по крайней мере имя Арнольда Винкельрида как одного из павших при Земпахе на основании того, что в летописи Станса оно действительно стоит первым в списке убитых, оказывается беспочвенной, так как список сохранился только в копиях, изготовленных в 1560 г., т.е. в то время, когда чудесные строфы боевой песни о "злодеянии" Винкельрида давно стали общим достоянием всех швейцарцев и каждый переписчик считал себя в праве присоединить это имя к списку убитых, в котором оно случайно, может быть, было пропущено.

Бюркли создал основу для правильного военно-исторического анализа сражения при Земпахе,

но в его собственной реконструкции было еще несколько настолько явных ошибок, что она не только не смогла получить распространения, ни о то, что было в ней правильно, не получило признания. Поэтому заслуга всестороннего разрешения проблемы принадлежит исследованию Эриха Штесселя (Erich Stqssel, Berliner Dissertation, 1905, изд. v. Georg Nauck), против которого, правда, выступал еще Häne в "D. Lit. Zeiting", 1906 г. N 17 (стр. 1063), с не вполне основательными, впрочем, возражениями.

Брюкли вскрыл решающий момент, а именно, что фронт сражения был обращен не на юг, а на восток, но спешивание рыцарей он объяснил таким образом, что, будучи в лагере, они подверглись, якобы, нападению швейцарцев, которые подошли незаметно для них. Для этого Бюркли предположил, что союзный контингент подошел от Цюриха ночным форсированным маршем. Все это невозможно согласовать с источниками. Из союзнических документов вытекает, что граждане лесных кантонов выступили из Цюриха самое позднее 7-го, и все источники согласны в том, что рыцари не была в пешем строю с самого начала, а спешились для сражения. "Неожиданно натолкнулись на противника", говорит Зухенвирт; "Не приняли еще боевого порядка", говорит Хаген; "Беспорядочно, нестройно", говорит Кснигсгофен. Далее источники прямо говорят о спешивании рыцарей:

Die piderben helt, die vielen ab
Und traten zu dem hawffen,

говорит Зухенвирт, и в этой связи "abfallen" означает не что иное, как "спешиться". То же мы находим у Хагена, Кенигсгофена и в так называемой хронике Клингенберга. Из обеих версий, сводящихся к тому, что Леопольд сам спешился, чтобы дорого продать свою жизнь (Хаген и Зухенвирт), или чтобы помочь борьбе с швейцарским авангардом (Кенигсгофен), предпочтения заслуживает последняя. В самом деле, если бы первая имела за собой положительные свидетельства, то она безусловно дошла бы я до Кенигсгофена, который в таком случае, хотя и не был настроен дружественно к австрийцам, вряд ли смог бы полностью вытравить следы ее в своем изложении. Не исключена возможность того, что обычай спешиваться для поддерживания мужества рядовых воинов, как раз тогда возникший во Франции, оказал свое влияние и на храбрых габсбургцев. В качестве главного свидетельства Бюркли использует Констанцскую хронику Гебхарда Дахера, где якобы, говорится, что лошади рыцарей были "не взнузданы" (ungezdumt). (Спрашивается, однако, не равносильно ли это выражение ungezdhmt (не приручены) – unbdndig (неукротимые). По этому поводу я обратился к архивариусу Сен-Галленского монастыря г-ну Иоганну Мюллеру, который был настолько любезен, что полностью выписал мне с соблюдением филологической точности соответствующее место из имеющейся в архиве рукописи.

При этом г-н Мюллер добавил, что написание "ungezdmpten" (неприрученные) вполне ясно; кроме того я нашел в послании Бернского совета к своим командирам от октября 1474 г. ("Zeitschr. f. Gesch. d. Oberch.", т. 498, стр. 217), что они провинились, в том,

что "lediglich etlich ungezdmpt lut.".

Таким образом, не может быть сомнения в том, что смысл слова есть "неукротимые".

Этим конструкция Бюркли опровергается и остается вышеприведенное толкование, которое в первую очередь опирается на превосходный рассказ (приблизительно современный) о сражении в хронике Детмара Любекского. Ценность этого рассказа не уменьшается из-за того, что мы находим его так далеко от места события. Письменные сообщения о сражениях при Грансоне и Муртене попали в различные места государства, в том числе и в Любек, при этом, хотя мы и не знаем имел ли Детмар, составляя рассказ о Земпахе, какие-либо письменные документы из первых рук, все же ясно, что перед нами не просто запись понаслышке, а рассказ очевидца со стороны австрийцев, причем промежуточных звеньев не так много. Единственная существенная ошибка Детмара состоит в том, что он чересчур преувеличивает число швейцарцев (33 000); но если бы мы пожелали из-за преувеличенных цифровых данных отводить писателя как свидетеля, то в античном мире и в средние века уцелели бы немногие. Однако, с рассказом Детмара, если его истолковывать сообразно с тем свидетельством, которое представляет само поле сражения, согласуются, несмотря на кажущиеся на первый взгляд противоречия, все другие сообщения, если только иметь в виду природу и происхождение каждого из них в отдельности, и устраняют все проистекающие отсюда аберрации и неясности. Все это детально и убедительно изложено у Штесселя.

Состояние наших источников замечательно еще

тем, что в Цюрихской записи бросают камни и атакуют с громким криком не швейцарцы, а рыцари. Таким образом, здесь мы имеем аналогию к рассказу Фруассара о Секленском военном совете перед сражением при Розебеке, гае также спутаны обе стороны.

Третьим примером такого же смешения у нас будет еще сражение при Муртене. Самый факт, а именно, что цюрихский летописец превратно понял дошедший до него рассказ, с неопровержимостью установлен Штесселем.

В качестве особой ошибки у Брюкли нужно отметить предположение его, что Леопольд хотел идти на Люцерн и двинулся по пути через Хильдисриден лишь потому, что он мог переправиться через Рейс только значительно ниже, при Гисликоне.

Уже a priori я считаю невозможным предположение, будто Леопольд хотел идти на Люцерн; к тому же об этом ничего нет и в источниках. Какой вид имели тогда укрепления Люцерна, мы не знаем, но совершенно немыслимо, чтобы горожане, предприняв войну против могущественной Австрии, не обеспечили себя от неожиданностей. Леопольд ни в коем случае не мог рассчитывать, что его нападение застанет Люцерн врасплох. Осаждая город, он должен был быть готов к сражению с войсками, которые подойдут на выручку; для этого последнего сражения он выбрал самое подходящее место между озером, городом и р. Рейс. Это уже настолько ясно, что вовсе не требуется приводить все остальные доводы против такого предположения. Можно считать твердо установленным, что, двигаясь на Хильдисриден,

Леопольд не хотел идти на Люцерн. Но в таком случае не остается никакого другого мотива, кроме того, что он хотел двинуться навстречу армии союзников, которую он завлек сюда нападением на Земпах.

Из этого опять-таки вытекает, что он принял сражение с фронтом, обращенным на Хильдисриден, а не так, как считают все исследователи, кроме Бюркли, – на юг; если бы союзная армия подошла на выручку Земпаха с юга, со стороны Люцерна, то непонятно, почему же герцог, с одной стороны, и швейцарцы, с другой, взобрались на горы. Кроме того, из источником мы знаем, что часть швейцарской армии подошла со стороны Цюриха. Чем меньше швейцарцы могли знать, куда направит герцог свою атаку, тем целесообразнее было им назначить сборный пункт не у Люцерна, а дальше на восток, по направлению к Цюриху. Избранным пунктом был мост через р. Рейс у Гисликона. Отсюда можно было быстро двинуться как к Цюриху, так и к Люцерну и Земпаху, и здесь скорее всего могли соединиться, с одной стороны, люцернцы с унтервальденцами, с другой – швицы с урийцами и с третьей – жителя лесных кантонов, сражавшиеся под Цюрихом.

Fritz Jacobsohn в своем труде "Der Darstellungsstil der historischen Volkslieder des 14 und 15 Jahrhunderts und die Lieder von der Schlacht die Sempach", Berliner Dissertation 1914, приходит к другому выводу. Он, правда, также полагает, что строфы Винкельрида не имеют исторической основы, но относят их возникновение к 1512 – 1516 гг., т.е. ко времени до сражения при Бикокке, причем, однако, он все же говорит, что они посвящены Винкельриду, павшему затем при Бикокке, который и до того был знаменитом

полководцем. Однако, этот вывод не обоснован; автор исходит из ложных в военном отношении предпосылок. Он полагает, что в то время обе армии двигались навстречу друг другу с пиками наперевес и что, затем, в сущности, всегда единичный воин приводил сражение к развязке тем, что в одном месте образовывал брешь в первых сомкнутых рядах неприятеля. Это неверно относительно Земпаха, а к этому сводится все дело. У рыцарей не было сомкнутых рядов, в которых нужно и можно было бы делать брешь.

Глава V

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДЕФФИНГЕНЕ 23 августа 1388 г.

Сражение при Деффингене обычно рассматривается как аналогия сражению при Земпахе: если бы здесь пал граф Вюртембергский, как там – граф Габсбургский, то с князьями и рыцарством в нижнем герцогстве Швабии так же было бы покончено, как и в Верхней Швабии. Поэтому будет правильным прервать здесь изложение швейцарской военной истории и вклинить исследование о Деффингене[26].

Великий союз городов сформировал армию, которая была собрана в январе и целый год (1388 г.) находилась в походе, грабя и сжигая деревни неприятельских князей, особенно герцога Вюртембергского. В Швабии все было так разрушено, что, по выражению Кенигсгофена, в 10–12 милях от городов и крепостей нигде не осталась ни одной деревни, ни одного дома.

Вюртембергские крестьяне бежали со своим имуществом на укрепленное деффингенское кладбище при Вейле и здесь были осаждены горожанами. Тогда явился граф Эбергард, к которому примкнули пфальцграф Рупрехт,

маркграф Рудольф Баденский, бургграф Фридрих Нюренбергский, епископ Вюрцбургский, графы Этингенский, Гельфенштейнский, Катценэлленбогенский, и атаковал армию горожан. Армия горожан исчисляется хрониками в 700–800 конных пикинеров и 1 100–2 000 пеших[27], армия князей в 600–1 100 конных и 2 000 крестьян или 2 000–6 000 пеших[28]. Большого значения этим цифрам нельзя придавать. 600 копий для призыва такого большого числа князей – слишком мало. Большой союз городов числом в 39, среди них Нюренберг, Аугсбург, Регенсбург, Ульм, Констанц, Базель смог бы, понятно, для такого решительного сражения выставить совсем другие массы, но так как здесь речь идет о войске, которое долгое время находилось в походе, то 2 000–3 000, пожалуй, будут отвечать действительности.

Когда бой начался, граф Ульрих, сын Эбергарда, вместе со многими рыцарями спешился; почему – источники не объясняют.

Граф Ульрих и многие дворяне были уже убиты, когда прибыли господа фон Битш и фон Розенфельд с сотней свежих "копий" и решили победу Вюртембергского. Наемников Нюренберга и с Рейна обвиняют в том, что они бежали

первыми, а предводители нюренбергсцев, графа Хеннебергского – даже в том, что он это сделал намеренно изменническим образом[29]. Какую роль играли в сражении крестьяне, как осажденные на кладбище, так и прибывшие с Эбергардом, – установить нельзя, но Кенигсгофен прямо говорит, что среди них также было много убитых.

Измену нюренбергского предводителя-капитана мы можем, как мало правдоподобную, отнести к многочисленным историям об изменах, которые должны объяснить поражение[30], тем более, что граф Хеннебергский, якобы, был также предводителем габсбургских рыцарей, которые при Земпахе остались на конях и обратились в бегство.

Очень примечателен, однако, один рассказ в Нюренбергской хронике Ульмана Штромера, который гласит: "da was graff Eberhart von Wьrttemberg zu ross und hinten an den Hauffen und schlug und trieb das volk, dass sich das weren muss, also dass die stet den streit verluren". Можно было бы попробовать скомбинировать это сообщение со спешиванием графа Ульриха, а именно: последний с некоторым числом рыцарей стал во главе большой, образованной из пеших и крестьян, сомкнутой баталии, которую сзади сдерживал отец криками и угрозой. Штромер

ничего не говорит о подкреплении, неожиданно прибывшем к вюртембергцам во время сражения, но можно было бы предположить, что оба момента совпали: баталия пехоты стойко держалась, а атака рыцарского резерва решила сражение[31].

На рыцарей понукание, Эбергарда не могло распространяться. Своеобразие сражения при Деффингене, таким образом, заключалось бы в том, что большая баталия пехоты была усилена крестьянами и подкреплена рыцарями, т.е. была сформирована основательно, обдуманно и предусмотрительно. Это явление станет еще интереснее, если учесть, что мы имеем дело с частным примером швейцарской тактики именно на княжеско-дворянской стороне. Союз городов есть не что иное, как обычная средневековая военная организация: рыцари, частью патриции, частью наемники и пешие кнехты в качестве только вспомогательного войска – по своему характеру также наемники, несмотря на то, что среди них были горожане и сыновья горожан. Крестьяне же, которых в армии горожан нет, сражаются под начальством и вместе со своим графом. Быть может, Эбергард сознательно подражал швейцарцам при Земпахе. Ведь о том, как рыцарская армия была здесь позорно разбита,

должно было говориться при всех княжеских дворах и рыцарских трапезах, а главный начальник, вместо того чтобы показывать пример своим и сражаться впереди, до конца сидел на коне, – это явление неслыханное на всем протяжении средневековья и противоречит всем рыцарским обычаям. Если это имело место, то здесь не было ничего случайного.

Но нам кажется только естественным, что большие имперские города были при Деффингене побеждены, а маленькие швейцарские города, Берн, Люцерн, победили: политический характер союзов совершенно различен. Германские имперские города являлись преимущественно аристократической формацией и хотели свои войны проводить при помощи наемников, – по крайней мере в значительной мере с наемниками.

Швейцарские города также не являлись в полной мере демократическими, особенно Берн, но аристократическому правлению там было придано много демократического, а участие крупных крестьянских общин придало всему союзу столь демократический характер, что их армия представляла собой народное ополчение.

Если бы союз городов победил при Деффингене, все же из него никогда не получилось бы объединения наподобие

швейцарского из-за отсутствия в нем демократического элемента. Сражение при Деффингене является не подлинной развязкой, а только свидетельством того, как по существу незначительна была военная стойкость имперских городов. Немецкие князья также имели связь с крестьянско-демократическим элементом и при помощи этого ополчения "Сварливый" одержал верх над гордыми горожанами.

Вопрос о том, действительно ли граф Эбергард так гениально организовал и использовал свою пехоту, как мы выше скомбинировали, нужно оставить открытым. Намеки источников слишком неопределенны, чтобы их считать доказательством, а дальнейшей эволюции, – той печати, которая и на сомнительные сведения налагает штемпель достоверности, – нет. Если бы даже в сражении при Деффингене швабские дворяне повели крестьян к победе, все равно это было бы только эпизодом в истории военного искусства, и именно это делает всю гипотезу очень сомнительной. В самом деле, такой большой успех увлек бы графа Вюртембергского к повторению, и мы бы слышали нечто подобное в позднейших боях. Нельзя сказать, чтобы вовсе не было таких следов, о чем подробнее дальше. Но там, где мы это

могли бы ожидать в первую очередь, в гусситских войнах, там мы ничего не находим.

Глава VI

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗНЫХ КАНТОНОВ[32]

Три сражения, заложившие фундамент швейцарского величия, были проведены крестьянами древних кантонов, причем Моргартен – ими одними, Лаупен – вместе с бернцами, Земпах – вместе с люцернцами, Таких же побед, только в меньшем масштабе, добились и другие соседние горные общины. Гларус освободился от габсбургского господства и через два года после Земпаха отразил налет австрийских военных банд, дав сражение у Нефельской летцины (9 апреля 1388 г.); однако, сообщение о ходе этого сражения носит легендарный характер.

Аппенцельцы восстали против владычества Сен-Галленского аббата и призвали на помощь швицев. Последние назначили туда сначала своего аммана, а подкрепление прислали как раз в то время, когда для подавления крестьян подошел аббат со своими союзниками. Стычка при Фегелинсеке (15 мая 1403 г.) протекала совершенно аналогично Моргартенскому сражению, а именно: отряд аббата, намеревавшийся прорвать летцину, был атакован

с фланга. Отряд потерял около 200 убитых. У Штоса (17 июня 1405 г.) аппенцельцы победили австрийскую армию таким же образом, как при Фегелинсеке, с той лишь разницей, что неожиданный налет с фланга был совершен не во время попытки противника овладеть летциной, а когда противник, пробив узкий проход, как раз пробирался через незащищенную летцину. Источники особо упоминают град камней, который предшествовал атаке аппельцельцев.

В 1419 г. валлисцы разбили многочисленную бернскую армию при Ульрихене, атаковав ее на марше, – опять-таки аналогия Моргартену. Во всех кантонах военная организация была древнегерманской – всенародное ополчение, всеобщая воинская повинность. Идея и следы этой организации сохранились и у чисто германских и даже у романо-германских народов, но настоящее применение и огромное развитие ее находим только в этой части альпийских стран.

В 1438 г. Швицкая сельская община постановила[33], что каждый гражданин в соответствии со своим состоянием должен иметь хорошее оружие. Ежегодно на обычных сельских сходках на каждую часть избиралось по 3 человека, которые обязаны были осматривать броню и оружие в каждом отряде и решать вопрос

о том, соответствует ли оно состоянию граждан, и в зависимости от этого налагать штраф. В Ури подобный закон был издан в 1362 г. в день всех святых; что же касается городов, то он подразумевается сам собой.

Воинской повинности подлежали юноши сначала с 14, а затем с 16-летнего возраста.

В отношении Моргартена мы можем предположить, что почти все способные носить оружие швицы были, если не на поле сражения, то, во всяком случае, на границе и что они сами принесли с собой продовольствие на эти 2, 3, максимум 4 дня, в течение которых были удалены от дома и чем дольше продолжался военный поход. Чем дальше место сражения отстояло от их дома и чем дольше продолжался военный поход, тем менее это было возможно. В дальнейшем административная власть кантонов твердо установила величину "аусцуга" и разложила это число на отдельные общины[34], которые в свою очередь, по своему усмотрению предписывали, кто должен отправляться в поход. У уклонявшихся должны были, согласно самым ранним "Handveste" церингенских городов, разрушать дома. Иногда казалось, что вопрос о том, кто должен отправиться в поход, разрешен, но в общем в надежде на добычу охотников

воевать было больше, чем призывалось, и эти охотники следовали за армией в качестве "свободных". Из неапольского похода 1494 г. некоторые кнехты принесли домой по 100–300 золотых монет, что по современной расценке составляет почти 50 000 франков[35].

Продовольствие для отправляющихся на войну должны были давать общины, они же поставляли необходимых вьючных животных. "Паек", собиравшийся для этой цели в виде налога, часто давал повод для трений[36].

В городах набор и снабжение также были децентрализованы. В Берне имелось 17 "комнат" или обществ, снабжавших своих членов продовольствием, а в случае необходимости и недостающим вооружением, кроме того они оплачивали их деньгами; начиная с 1337 г. это подтверждается и источниками. За свой отряд эти "комнаты" несли ответственность перед городом[37].

Наряду с продовольствием, которое давалось с собой и доставлялось на фронт в зависимости от обстоятельств, заботились также о том, чтобы в лагеря подвозились жизненные припасы, которые продавались бы за деньги[38].

В описании Швейцарии, переданном во времена бургундских войн эйнзидельнеким

деканом Альбрехтом фон Бронштеттен королю Франции Людовику XI, высчитано, что сам Берн может выставить 20 000 человек, союз 8 кантонов – 54 000 человек, а весь Швейцарский союз, включая сюда союзников и подданных, – 70 000 человек. Полагают, что и в самом деле имелось, примерно, это число боеспособных мужчин. При Муртене Берн вместе с принадлежавшей ему областью действительно имел около 8 000 человек, т.е. около 10% всего населения, исчисляемого в 80 000 человек.

Форма построения, к которой мы еще вернемся, была самой простой – тесно сомкнутая квадратная баталия, имевшая по фронту и во все стороны одинаковое число людей. Это не является новым открытием, а представляет собой древнегерманский клин ("кабанью голову"), подробно рассмотренный нами в предыдущем томе (т. II). Клин – естественная форма построения, в которой пехота может двигаться и в то же время обороняться в случае угрозы со стороны конницы. Во время обороны углы более или менее закругляются. Швейцарцы очень образно называли такую ощетинившуюся пиками во все стороны баталию – ежом. Такие баталии мы встречаем в средние века и в других странах, но не часто, что объясняется тем, что пехота лишь

очень редко выступает самостоятельно, а почти всегда рассматривается в качестве вспомогательного оружия конницы, для чего пехота рассыпается, и такая баталия как бы служит убежищем для рыцарей. То обстоятельство, что бернцы, люцернцы и цюрихцы переняли обыкновение сражаться в таких баталиях, несомненно, является следствием их объединения с крестьянами. Особенно у бернцев находим мы следы того, что их первоначальная военная организация ничем не отличалась от других немецких городов – рыцари при поддержке пеших с копьем и арбалетом. Только благодаря союзу с лесными кантонами и их победам бернские главари постигли все значение такой тактики, при которой поддержкой рыцарей являлись не разрозненные пехотинцы, а тесно спаянные массы, наносящие сосредоточенный удар, – массы, составляемые теперь не только из горожан, но и из подвластных крестьян. Отцами этого способа ведения боя являются крестьяне основных кантонов, сохранившие некоторую связь с древними германцами[39].

О каких-либо совместных строевых занятиях мы ничего не слышим, безусловно они не производились[40]. Каждый сам обучался простым

приемам обращения с пикой и алебардой, равно как метанию камней и, наконец, более трудному делу – стрельбе из арбалета. Последнее требовало длительных упражнений, но они были необходимы каждому владельцу этого оружия (особенно если он употреблял его и для охоты). Даже молодежь упражнялась в этом, а 1507 и 1509 гг. мальчики Ури и Люцерна приглашали друг друга на стрелковые праздники.

Если в некоторых посланиях о призыве предписано, чтобы должностные лица, производящие осмотр брони, следили за тем, чтобы воины "умели обращаться с приносимым с собой оружием"[41] до это было вызвано, очевидно, только желанием, чтобы никогда никто не выступал в качестве стрелка из арбалета, раздобытого им каким-либо образом, не умея с ним обращаться.

Единственно, к чему приучался воин с холодным оружием, это – держаться своего знамени и маршировать в затылок впереди идущему, заняв указанное капитаном место, а в случае отрыва, вызванного каким-либо препятствием, снова тесно смыкаться.

Движение происходило под звуки барабана, благодаря чему сохранялся известный такт, "justis passibus ad tympanorum pulsum"[42], что, однако,

далеко не соответствует движению в ногу современных обученных солдат. Ведь это же знали и древние германцы (т. II).

Каждое селение имело свое знамя. Во время сражения все знамена сосредотачивались в середине большой квадратной баталии; при Муртене в главной баталии находилось 27 таких знамен. Практического значения в сражении они не могли иметь, но на марше или в лагерях каждый воин обязан был держаться своего знамени, и отлучка без разрешения наказывалась.

Связь с гражданской властью дала швейцарскому народному ополчению основы военной дисциплины. В рыцарских армиях, несмотря на авторитет сеньоров или предводителей наемников, дисциплина была очень слабой, так как такое войско всецело базировалось на личном мужестве, храбрости и тщеславии воинов, и руководства в сражении почти не было. Швейцарцы же, – хотя они на марше, в лагерях или при грабежах были так же разнузданы, как и наемные банды того времени, – все же во время сражений слушались команды, а в серьезный момент – вспомним Эрлаха при Лаупене – дисциплина становилась еще более суровой. В Бернской хронике Юстингера (1420 г.) неоднократно упоминается[43], что поражение на

войне получается из-за непослушания и беспорядка, и командиры призываются не давать пощады "клятвопреступникам" и бесчестным, уклонившимся от знамени, а бернские прославляются (стр. 73) за то, что они "notveste lьte zu hauptleuten erkusen, die men horte, forchte, der Gebot, Heissen und Ordnung man volgete".

Дезертир и паникер подлежат суровому суду, или же их без всякого суда может заколоть сосед[44]. Согласно постановлению Швейцарского союзного совета в Люцерне в начале 1475 г. перед каждым сражением командиры должны брать клятву с солдат в том, что до конца сражения они не будут грабить, а в арьергарде должно выставляться несколько человек, которые следили бы за порядком и нарушавших его убивали на месте[45].

Наглядное описание выступления швейцарского войска сохранилось в сообщении миланского посланника Бернардина Империалис (Bernardinus Imperialis), наблюдавшего в 1490 г. один "аусцуг" цюрихцев: "Итак, сегодня около 18 человек со знаменами в полном порядке двинулись на обнесенную стеной площадь, – пишет он[46], – и там они по обычаю принесли присягу в верности и пообещали слушаться командира. При таком празднестве они прощают

взаимные обиды и ненависть".

"Затем они двинулись в походном порядке; сперва шло 12 конных арбалетчиков-дворян в одинаковой одежде; затем 2 конных и несколько сапер с топорами, барабанщики и рота длинных пик числом больше 500. Командиры были сыновьями рыцарей; они шли пешком в полном вооружении, по трое. За ними следовало 200 стрелков из ружья, потом 200 алебардщиков наподобие наших "спеди". Затем большой барабан и флейтисты; за ними следовало знамя, которое нес один красавец; все – пешком; знамя нельзя везти на коне. Подле упомянутого знаменосца находилось два служителя государственного суда с жезлом в руках; это означало, что они являются хранителями правосудия. По желанию, каждый из них может приложить свою руку к чьей-либо груди и отвести его в тюрьму; никто не воспрепятствует этому. Затем следовали, – с позволения сказать, – палач с 3 помощниками и вслед за ними 6 девок, выбранных для похода и оплаченных городом. После этого в порядке прошло свыше 400 других алебардщиков, составленных из самых сильных людей и лучше всех вооруженных, так как, по их словам, они служат охраной знамени; их оружие представляет собой густой лес. Затем следовало 400

арбалетчиков, среди них – много сыновей дворян из всех городов страны; все они шествовали решительным шагом. За ними шло еще много пикинеров. В общем было около 4 000 человек, включая отряды окружных местностей, подвластных Цюриху. Во всем аусцуге было свыше 20 барабанов; наконец, верхом продефилировало 3 трубача, причем они и их трубы были разукрашены в цвета города. Вслед затем на коне ехал капитан, господин Конрад Швенд, рыцарь в полном вооружении; многие предметы снаряжения его лошади были украшены золотым гербом; он был с жезлом командующего и венком из цветов на голове; за ним – паж с копьем; флажок на острие имел позолоченный герб, равно как и щит. Потом двигались 6 телохранителей с копьем у бедра и 12 арбалетчиков, – все на хороших конях, в одинаковой одежде с одинаковыми копьями. Все войско имело на вооружении, на шапках или на чулках белые кресты".

"За капитаном следовал другой рыцарь, которому поручено было наблюдение за порядком во время сражения, со многими конными пикинерами и арбалетчиками, все в одинаковой одежде. Затем около 30 повозок с боевыми припасами и артиллерией, в составе которой было

4 тяжелых 50–70-фунтовых пушек".

"За этими (цюрихцами) промарширует остальная часть союза; это будет большой, готовой к бою армией".

Средневековое войско было сословным; верхушку образуют дворяне; швейцарская же армия как по своему происхождению, так и по своему характеру – демократична. Начиная от сражения при Моргартене и кончая победами над Карлом Смелым, швейцарцы рассматривали свои войны как борьбу с "господами", а для последних не было большего несчастья, как быть побежденными "грубыми мужиками". Несмотря на это, нужно отметить, что и в Швейцарском союзе имеется значительный аристократический элемент, подобно тому как в ультрадемократических Афинах аристократия, хотя и лишенная конкретных политических прав, все же представляла собой – от Клисфена до Перикла – важный, даже руководящий элемент. В Швейцарии этот аристократический элемент был даже еще сильнее, поскольку в швейцарских кантонах, и особенно в самом сильном – Берне – конституция долго оставалась аристократической с небольшим налетом демократизма. Государственное правление и руководство находится здесь в руках старых и новых

рыцарских родов, а город обращается с крестьянами как с крепостными, не имеющими никакого влияния на политику городов и даже не претендующими на это. Рыцарские фамилии в Берне правят своими крестьянами как феодальные владельцы. Если, несмотря на это, крестьяне с большой патриотической преданностью сражаются за своих господ, то это объясняется историческим развитием и формой швейцарского военного дела. В большую баталию главных сил можно было включать и крестьянское ополчение, которое с самого начала проявляло очень небольшое рвение; но повторные победы, успех и добыча спаяли крестьянство с городом в одно нераздельное политически-военное целое. Графы Кибургский, Нидауский, Грейерский, барон фон Вейсенберг, Бубенберг, Рингенберг, Шарнахталь, даже сам Эрлах, понятно, не смогли бы ничего сделать с одним только ополчением своих крестьян; но внутри всеобщего бернского ополчения, влекомые массой и преисполненные ее духом, эти же крестьяне совершали изумительнейшие военные подвиги, вовсе и не желая эмансипироваться от господского руководства. Даже издревле чисто крестьянские кантоны, "сельские", – как они назывались в противовес городам, – при всей своей ненависти к

дворянству ясно сознавали, сколь многим они обязаны дворянству, сражавшемуся в их рядах. Эти крестьяне смогли одержать "победу всех побед" – Моргартенскую и без дворян, и мы видели всю гениальность этого дела. Но это была победа при обороне. Для выступления за пределы своих кантонов у этих крестьян хватало сил разве только для простых разбойничьих набегов. Конечный политический успех – полное изгнание Габсбургов из Альп и создание благодаря этому швейцарской государственности – стал возможным только благодаря присоединению городов с их политической дальнозоркостью и многосторонними экономическими и военными средствами. Веское доказательство этому мы находим в истории так называемой бернской борьбы против тирании рыцарских родов. Феодальные притязания бернских рыцарских родов по отношению к их крестьянам послужили незадолго до бургундских войн (в 1470 г.) поводом к конфликту. Один демократически настроенный деревенский старшина по имени Кистлер, мясник по профессии, хотел урезать эти права и вообще ущемить положение дворян, – в частности, сбить спесь с их дам; было сделано предложение о посредничестве союзников, но староста отклонил его, заявив, что союзники

настроены слишком доброжелательно к рыцарским родам. Он сказал[47]: "sy schetzend keinen Berner denn die edlen. Ich bin etwan drь oder vier mal zu tagen gsin by inen, dessgelichen so sy hie sind gsin, hab ich inen flyssiger dann kein Berner gsellschaft gleistet. Aber da ist nach niemants frag, niemants ist inen angenem, keinem wьnschend sy dank, niemant hat inen guts tan und das ir erhalten dann der adel von Bern. Ja sy bekennend heiter, das sy im Zьrichkrieg und wieder den keiser und die Oesterrycher nit bettend mцgen bestan, wenn die reisigen und der abel von Bern nit were gsin, und sprechend heiter, sy hettend ьwers fussvolks nьt bedцrfen,dann, sy lьten darzu gnun gehept, aber reisigen volks und houptlьten werend sy notwendig gsin, in dem habind ir sy erhalten; rьmendt wie sy inen die spyss (еда) erhalten, den fyenden verhalten, alle ding erkundiget, – grosse ding, die sy inen zugebendt, und uns ander all vertutzend".

Противнику Кистлера, хранителю казны Френкли, осталось только подтвердить это описание: союзники всегда рассказывали о минувших войнах и не могли вдосталь нахвалиться бернской конницей и руководством военачальников, без которых они нередко были бы посрамлены[48].

СЛУЖБА В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

Ремесло наемников, которым горные жители занимались уже с древних времен, принимало все большие размеры по мере все большего культивирования среди них военного дела, и наконец сама правительственная власть взяла посредничество в свои руки[49]. В 1373 г. была заключена первая сделка такого рода с Висконти, правителем Милана, – подобие тех договоров, на основании которых немецкие князья и рыцари отдавали себя и свои войска на службу иностранного короля или какого-либо имперского города.

Я сомневаюсь в правильности сообщения Чуди (II, 197) о том, что Цюрих 1430 г. выставил подкрепление Ульму против гусситов в 1 100 "хорошо вооруженных парней".

Однако, в 1388 г. 100 пик, т.е. очевидно рыцарей, и 1 000 вооруженных воинов из Берна помогли герцогу Савойскому в войне против епископа Зиттенского. В 1443 г. на его стороне против разбойничьих французских наемных банд – экоршеров – сражалось 338 конных и 981 пеших швейцарцев. В 1448/49 г. снова велись длительные переговоры о поставке бернцами герцогу наемников против Сфорцы. Они, однако,

ни к чему не привели, так как герцог не имел денег. Его отец, папа Феликс V, предостерегал его: если он затем не сможет заплатить швейцарцам, то они, до сего времени его лучшие друзья, сделаются врагами.

В это же время, в 1449 г., немецкий союз городов, воевавший с Альбертом Ахилом, просил Люцерн о присылке ему отряда из "800 бравых, опытных, добро вооруженных парней, которым крепко пришлось уже у вас повоевать". Об этом швейцарском подкреплении мы сейчас и поговорим.

В 1453 г. Карл VII хотел для своей войны с Англией навербовать швейцарцев, но союзный совет отклонил его предложение, так как, мол, они не привыкла, чтобы их кнехты сражались за чужих. Однако, на французскую службу на собственный риск поступило так много швейцарцев, что в 1455 г. союзный совет обязал каждый населенный пункт запретить под страхом лишения жизни и имущества поездку во Францию. Тем не менее уже через год 3 000 бернцев пришло на помощь герцогу Савойскому против Дофина. До военных действий дело, однако, не дошло.

Во время борьбы Людовика XI с Карлом Смелым (Ligue du bien public 1465) швейцарский

союз снова запретил службу в иностранных армиях. Неверно сообщение, будто швейцарцы принимали участие в сражении при Монлери. Лишь после этого сражения один отряд стал на сторону герцога Бургундского. Когда же солдаты вернулись домой, бернские советы предписали, чтобы каждый своевольный наемник уплатил из своего жалованья 3 гульдена на постройку церкви св. Винценца и был подвергнут заключению на 8 суток. Кто же не уплатит 3 гульдена, тот должен оставаться под арестом на воде и хлебе до тех пор, пока советы не сочтут необходимым освободить его.

Служба в качестве наемников, естественно, немало способствовала поднятию военного духа и обогащению военного опыта швейцарцев даже во времена внутреннего мира в Швейцарии, и наоборот, – имеются некоторые признаки того, что уже тогда они начали заносить особенности своего военного дела в другие страны. Рассказ Оливье де ля Марш об упомянутых выше швейцарских наемниках Карла Смелого[50], без сомнения, является скорее свидетельством их ловкости и мужества, чем повествованием о специфических швейцарских чертах. "При перестрелке, – говорит он, – один пикинер, один арбалетчик и один воин с кулевриной шли всегда

вместе и взаимно поддерживали друг друга, не боясь, таким образом, конных". Это восхваление Оливье нужно в первую очередь рассматривать как свидетельство того, как, собственно, мало полагались на отдельных арбалетчиков или стрелков из ружья при столкновении с конным воином. Подлинная своеобразность швейцарцев проявляется в приводимых ниже случаях.

СЛУЖБА У НЮРЕНБЕРЖЦЕВ

Вследствие уже упомянутого письма ульмцев к люцернцам нюренбержцы стали также вербовать против Альберта Ахилла (1450 г.) швейцарских кнехтов, принимая вместе с тем к себе на службу также немецких и богемских рыцарей. Вербовщику Гансу Мюллеру было, собственно, поручено набрать 600 человек; к нему же скоро стеклась тысяча. До нас дошел договор, который он с ними заключил. Месячное жалованье устанавливается в 5, задаток – в 2 рейнских гульдена, кроме того, они получают продовольствие и участвуют в добыче; раненные также получают жалованье и довольствие. Перед выступлением в поход кнехты должны принести присягу, что будут соблюдать ряд пунктов военного устава, причем они дают, между прочим,

обещание в известной мере щадить страну и жителей ее и ладить друг с другом. Командиры имеют право за ссоры налагать штрафы, вообще же об их дисциплинарной власти ничего не сказано.

Поход начавшийся со стычки при Пилленрейте, заслуживал бы более тщательного разбора. Мы осведомлены о нем благодаря поэме Ганса Розенплюта в его "Nьrnberger Rais" Lilienkron, Historische Volkslieder, (т. I, стр. 428). Розенплют неоднократно упоминает о "швейцарцах с длинными копьями", но неясно, в каком взаимоотношении с другими находится этот отряд, составлявший со своими 800–1 000 воинами очень значительную часть армии. По Розенплюту маркграф сказал, нападая на нюренбуржцев. "Швейцарцев с длинными копьями, вот кого мы разъединим прежде всего". Это звучит так, как если бы они образовали тесно сомкнутую баталию.

Командир швейцарцев Генрих фон Мальтерс был назначен командиром всей нюренбергской пехоты; он делал ей смотр перед выступлением наряду с трабантами (наемниками) – также горожанами и крестьянами. Согласно рассказу об этом смотре он требовал, чтобы каждый имел хороший арбалет, самострел или алебарду и

запрещал "klein bls Spies"[51]; это следует, пожалуй, понимать в том смысле, что он хотел или алебарду или длинные копья. Следовательно, он предполагал швейцарское вооружение навязать и природной нюренбергской пехоте. Кроме основного оружия, у каждого на боку должно было быть холодное короткое оружие – нож, меч или секира.

Однако, с этой пехотой Мальтерс не отправился налегке на равнину, он имел при себе и вагенбург.

Нюренбержцы выступили с 2 800 пехотинцами и 600 всадниками и на обратном пути подверглись нападению со стороны Альбрехта, когда собирались перейти Редниц у Гембаха. Началась длительная перестрелка, но ни та, ни другая сторона не получила решительного перевеса.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗЕККЕНГЕЙМЕ
30 июня 1462 г.

У курфюрста Фридриха Пфальцского было 1 100 конных и 2 000 пеших кнехтов; с ними он напал врасплох у слияния Неккара и Рейна на маркграфа Баденского, графа Вюртембергского, епископов Меца и Шнейера, которые опустошили его область. С призывом местных крестьян он

получил значительное превосходство сил. При первом столкновении конных сам курфюст пал, а его конники несколько подались назад. Пехота же, о которой прямо сообщается, что она была построена в каре и имела длинные копья (среди пехотинцев были швейцарские наемники), под командой Ганса Вальдмана из Цюриха стойко выдержала натиск неприятельских рыцарей[52], и вмешательство других пфальцских рыцарей, которые до тех пор еще не вступали в бой, решило исход сражения.

На пфальцской стороне пало только 8 человек, на противной – 45.

Маркграф, граф Вюртембергский и епископ Меца попали в плен, маркграф и епископ, его брат, оба тяжело раненые.

Из-за того, что союзники стояли тылом к углу, месту слияния Рейна и Неккара, путь к бегству был почти отрезан.

Глава VII

БУРГУНДСКИЕ ВОЙНЫ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Невзирая на победы у Земпаха и Нефельса, союзники-швейцарцы отнюдь не перешли к завоевательской империалистической политике крупного масштаба подобно грекам после побед над персидским царем. Уже в 1389 г. они заключили с Габсбургами мирный договор сначала на 7 лет, затем (в 1304 г.) на 20 и, наконец (в 1412 г.), на 50 лет, причем древний владетельный род временно совершенно отказывался от известных владений и прав, но все же удерживал в своей власти очень значительную часть современной Швейцарии. Если сопоставить этот мир с военными успехами союзников, то на минуту останавливаешься над вопросом, – так ли значительно было в действительности военное превосходство союзников, если, в конце концов, они довольствовались достаточно скромными результатами. Но при этом все же остается бесспорным, что новая военная сила действительно имела перевес над старым рыцарским ополчением[53], ибо причину, по

которой новое войско не проявило себя более сильным политически, следует искать не в военном деле, а в политике. Форма свободного союза – 8 равноправных единиц (Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн, Цуг, Цюрих, Берн, Гларус) – была не приспособлена к большим завоеваниям. Только под руководством господствовавшего города – Афин – и благодаря этому руководству греки могли использовать победы при Саламине и Платее и окончательно прогнать персов из Греции, а затем и из малоазиатских городов; у швейцарцских союзников при завоевательной политике крупного масштаба очень скоро начались бы междоусобия, так как они вели не только общую, но и каждый кантон – свою собственную политику экспансии. Перед лицом опасности междоусобных раздоров, которые могли проистекать отсюда и неоднократно имели место, в вопросе о завоеваниях приходилось держаться узких рамок и действовать с большой осторожностью. Не прибегая к силе меча, многие кантоны – особенно городские – искали способа расширить свои владения мирными средствами: высчитано, что за время с 1358 г. по 1408 г. Цюрих затратил на современные деньги капитал в 2 миллиона франков для закупки и приема в залог земель

соседних рыцарских и княжеских владений[54].

Лишь когда младший сын Леопольда III герцог Фридрих оказался столь неосмотрителен, что с пустым карманом вступил в конфликт с Констанцским собором, был объявлен вне закона, изгнан и подвергся нападению со всех сторон, – тогда только швейцарцы снова взялись за оружие и овладели Ааргау (1415 г.), а одним поколением позже (1460 г.) – Тургау, после чего перешли Рейн и повели наступление на австрийские владения в Южном Шварцвальде и Эльзасе.

Герцог австрийский Сигизмунд, не видя спасения от народа-завоевателя, все более и более расширявшего пределы своей страны, стал, наконец, искать помощи у герцогов Бургундских, которые в качестве боковой линии французского королевского дома объединили в своих руках большое число немецких и французских владений и являлись самой могущественной династией Средней Европы того времени. Сигизмунд заложил свои граничившие с Швейцарией владения в Эльзасе и Шварцвальде Карлу Смелому, считая его достаточно сильным, чтобы защищать их; более того: он надеялся, что отсюда проистекут конфликты, в которых могущественный бургундец победит швейцарцев и поможет австрийским Габсбургам вернуть себе

свои прежние владения (1469 г.) Но результат этой дипломатии был совершенно иной. Карл Смелый был старым другом швейцарцев и отнюдь не склонен впутываться в ссору с ними. Его завоевательные планы были направлены в другую сторону – на Нижний Рейн и на Лотарингию, расположенную между его владениями – Нидерландами на севере и обеими Бургундиями на юге. Герцог Сигизмунд скоро понял, что последствием его дипломатии может быть только то, что ему придется все старые владения своего дома окончательно уступить Бургундскому дому за полученный им за них залог в 50 000 гульденов. Для того чтобы добиться получения своих земель, он решил перейти в другой лагерь: если бургундец не хочет ему помочь осилить швейцарцев, швейцарцы ему помогут осилить бургундца. Смертельный враг Карла Смелого, французский король Людовик XI, принял на себя посредничество в соглашении между австрийцем и союзниками-швейцарцами. Хотя до тех пор в продолжение 150 лет мир заключался на определенные сроки, т.е. по существу заключали просто перемирия, теперь (1474 г.) герцог Сигизмунд выразил готовность "окончательно и навсегда" отказаться от швейцарских земель, а швейцарцы, со своей стороны, за эту уступку

обязались при известных условиях ставить ему наемников и помогать ему в случае нападения на него.

Из этого оборонительного соглашения союзники постепенно дали втянуть себя в общий наступательный союз, направленный против герцога Бургундского. Было много споров по вопросу о том, в чем собственно следует искать главную причину этой войны. Подобно тому как во время былых своих войн с Габсбургами, швейцарцы и по сей день склонны изображать дело таким образом, что если они и не, подвергались нападению бургундцев, то во всяком случае то, что бургундцы обосновались в Эльзасе, создавало угрозу такого нападения. Об этом не может быть и речи. Если уже ко времени восстания первых лесных кантонов против Габсбургов в бой пошли вовсе не мирные пастухи и земледельцы, а люди, опытные в военном деле и хорошо владевшие оружием, то тем более теперь военная мощь союзников оценивалась соседями их так высоко и внушала всем им такой страх, а сами союзники были так полны сознания своей силы, что для швейцарцев совершенно исключается самая мысль об угрозе им со стороны Бургундии; никаких ссылок или упоминаний об этом ни в одном из различных имеющихся

источников не встречается. Скорее вопрос может идти о том, по собственным ли политическим побуждениям, – именно по мотивам экспансии, захвата добычи, завоеваний, – швейцарцы начали и вели войну против Карла Смелого и в результате опрокинули герцога или просто как наемники чужеземного властителя, а именно короля французского.

Мнение, будто бы швейцарцы вели войну лишь как наемники, уже давно высказано в самой Швейцарии и, как я убедился в результате повторно предпринятых мной исследований, является, хотя и не вполне, но в основном правильным. Союзники, правда, были в известной мере заинтересованы в том, чтобы герцог Бургундский не обосновывался в Эльзасе и Шварцвальде, и считали себя вынужденными помочь городам "Нижнерейнского союза" – Страсбургу, Кольмару, Шлетштадту, Базелю – отразить от своих ворот грозившее им бургундское владычество, но заинтересованность эта была исчерпана заключением оборонительного союза, о котором шла речь выше; 7 восточных кантонов также отказались идти, ибо завоевания в войне с Бургундией могли пойти на пользу только все расширявшему свои границы Берну.

Таким образом, политика союза натолкнулась на то же препятствие, о котором мы уже узнали: военная мощь, так же как и стремление к войне и завоеваниям, имеется здесь налицо, но не проявляется в действии из-за соперничества кантонов между собой. Лесные кантоны считали, что путь к славе и трофеям ведет черед Сен-Готард в Италию. В Берне же господствовало мнение, что наступление следует направлять на запад, чтобы захватить Юру и Ваадт, которые принадлежали союзнице Бургундии – Савойе. Но завоевательные планы Берна никогда не увлекли бы другие кантоны, если бы им на помощь не пришло золото Людовика XI.

Государственные мужи, стоявшие у кормила правления в Берне, сами также служили по найму у французов; но между французскими деньгами и политическим образом мыслей Берна было настолько полное соответствие, что нельзя просто сказать, что Берн продался французскому королю. Что касается остальных 7 кантонов, то не подлежит никакому сомнению, что они просто подчинились руководству Берна и французским деньгам, когда обратили свое оружие против Бургундии.

Итак, что бы мы ни считали решающим моментом: завоевательные планы Берна, или

принципиальную борьбу с возраставшим могуществом соседней Бургундии или, наконец, деньги Людовика XI, который купил как влиятельных политических деятелей лично, так и целые кантоны, – все равно речь здесь идет не об освободительной или даже оборонительной войне, а о предпринятой швейцарцами наступательной войне. Такого рода политический характер войны имел громадное влияние на, ее стратегию и поэтому должен быть рассмотрев несколько подробнее.

Война протекала совершенно иначе, чем это представляли себе швейцарцы. В то время как при объявлении войны они прямо подчеркивали свою роль не как "главной" воюющей стороны, а только лишь союзников Германской империи, дома Габсбургов, "Нижнерейнского союза" и короля французского и предполагали вести безопасную и выгодную для себя второстепенную войну, им скоро пришлось узнать, что как император Фридрих III, так и король французский заключили мир с бургундским герцогом и последний, пылая жаждой мести, обратился против них же.

Война, возникшая таким образом, не только имеет исключительное значение в политической и военной истории, но представляет в то же время значительный интерес с точки зрения

методологии истории и народной психологии. О ней наряду с современными ей источниками имеется написанная 2–3 поколениями позже запись реформатора Буллингера, которая воспроизводит народную традицию об этой войне. Я впервые опубликовал в моих "Персидских и Бургундских войнах" эту часть до сих пор не напечатанного исторического труда Буллингера не потому, чтобы в ней можно было почерпнуть какие-либо до сих пор неизвестные нам данные о ходе событий, но потому, что эти рассказы служат чрезвычайно поучительной параллелью к рассказам Геродота о персидских войнах: нигде нельзя установить столько внешнего сходства, чтобы явилось подозрение в подражании, но черта за чертой проявляется совершенно та же работа фантазии; здесь мы находим даже беседу изгнанного спартанского царя Демарата с персидским царем перед Фермопилами: Карл Смелый заставил одного пленного, швейцарского полковника Брандольфа фон Штейна, изложить ему образ действий швейцарцев, полковник своими объяснениями вызвал удивление и ужас герцога. По этим рассказам Буллингера можно и должно учиться, настолько критически следует подходить к народным преданиям в таком роде, как у Геродота.

ЛИТЕРАТУРА

Незадолго до того, как я в первый раз исследовал политические взаимоотношения швейцарцев и Карла Смелого в моих "Персидских и бургундских войнах" (1887 г.), появилось исследование Генриха Витте (Heinrich Witte), Zur Geschichte der Entstehung der Burgunderkriege (Программа Гагенау 1885), которое до меня дошло настолько поздно, что я не мог его использовать. Тот же ученый в "Zeitschrift fьr die Geschichte des Oberrheins",т. 45, 47, 49 (1891, 1893, 1895) опубликовал ряд своих дальнейших исследований по этому вопросу, чрезвычайно ценных благодаря тщательному привлечению и сравнению как архивных, так и напечатанных источников. Но при всей акрибии исследования они не лишены некоторого пристрастия – положительного отношения к швейцарцам как к "германцам" и отрицательного к бургундцам как к "французам", и я поэтому не мог найти в них основания, чтобы видоизменить взгляды, изложенные мною в "Персидских и бургундских войнах". В программе, например, на стр. 8, сказано, что если Сигизмунд искренно желал мира с союзниками, он мог бы заключить его и помимо Бургундского союза; "как ни воинственны вообще были союзники, как ни побуждало их еще более к наступлению сознание своего численного превосходства в открытом поле и ненависть к рыцарям, все же они во всякое время готовы были бы к миру, если бы Сигизмунд сделал серьезные шаги к обузданию своего рыцарства и если бы он окончательно отказался от того, что фактически им уже было потеряно", – я считаю эту точку зрения

неправильной: в союзниках была жажда завоеваний, которая хотя и удерживалась препятствиями внутреннего характера, но, в конце концов, все же прорвалась бы, даже если бы Габсбурги по-прежнему стремились сохранить мир.

Одним поколением позже завоевательным стремлениям швейцарцев пришел конец только благодаря переключению их воинственных стремлений в наемничество. Витте сам прибавляет в примечании: "Сигизмунд, может быть боялся честолюбивых планов Берна, но сражение при Вальдсгуте показало как раз, что союзники вовсе не так-то склонны поддерживать подобные планы. И, кроме того, Берн также не был настолько воинственным, как это принято думать".

Против этого можно возразить, что если бы Берн не был действительно в высшей степени воинственным и жадным к завоеваниям, то вообще не было бы политических оснований к разрыву с герцогом Бургундским 25 октября 1474 г., и пришлось бы без обиняков принять старое мнение, что эта война была просто не чем иным, как службой наемников у французского короля.

В своей статье в "Zeitschrift fьr die Geschichte des Oberrheins", т. 45, стр. 16, Витте думает, что мир между союзниками и Австрией мог бы осуществиться и без вмешательства короля Людовика. "Чем определеннее Карл рассчитывал на создание королевства Бургундского, тем более эта общая для них опасность, которую невозможно отрицать, все возраставшая и помимо вмешательства Гагенбаха, необходимо должна была свести Сигизмунда с союзниками". Правильно в этом тезисе то, что

союзники не желали основания великодержавной Бургундии у своих границ, и что это было для них политическим мотивом, с целью заключить договор с габсбуржцами и обеспечить этим старым своим врагам помощь для возвращения им их заложенных верхнерейнских областей; но нельзя согласиться с утверждением, что королевство Бургундия представляло для союзников "опасность", которую нельзя не признать; наоборот, эта опасность скорее должна быть просто отвергнута. Даже правнук и наследник Карла Смелого, император Карл V, располагавший мощью совершенно иного масштаба, чем его прадед, не мог стать опасным для швейцарцев. Очень правильно говорит сам Витте (стр. 74) по поводу депеши миланского посланника Черрати своему государю: "В Берне создалось преувеличенное представление о силе сопротивления своей и других членов союза; в своих горах они считают себя достаточно сильными, чтобы схватиться одновременно с Бургундией, Савойей и Миланом, и король Людовик знал, что он делает, когда навязал союзникам войну со своим бургундским противником".

Этому более или менее противоречит то, что Витте на стр. 72 говорит о "состоянии самозащиты", в котором, якобы, находились союзники по отношению к завоевательным стремлениям Бургундии, а на стр. 367 утверждает, что Берн, вероятно, оставил бы в покое владения фон Ромонта, если бы тот не стал нарушать интересов Берна. Я думаю, что наоборот: как бы ни действовал граф фон Ромонт, бернцы в условиях этой войны всегда нашли бы предлог занять хотя бы часть его владений, в крайнем случае, хотя бы

Муртен.

Настоящий корректив о фактической обстановке внесен был Фишером (Vischer) в экскурсе его к напечатанному под его редакцией дневнику Кнебеля в "Baseler Chroniken", т. III. стр. 369, где доказано, что посольство, отправленное герцогом Бургундским к союзникам, установившее дружеские взаимоотношения (и на этот факт я ссылался еще в "Истории персидских и бургундских войн", стр. 175), объездило кантоны не в 1474 г., а раньше этого – еще в 1469 г. Из этого, однако, еще нельзя сделать выводов, касающихся общего политического положения, как это делает, например, Дэндликер (Dandliker) в своей "Истории Швейцарии", т. II, стр. 841 (3-е изд.); Берн еще в марте 1474 г. передал герцогу: "Городу Берну останутся незабвенными добрые отношения, бывшие некогда между ним и предками герцога – особливо отцом его, из коих и проистекает взаимное понимание, которое Берн хранит по наследству из поколения в поколение". Город намерен и сейчас относиться к каждому так, как подобает его чести и положению. (Witte, Zeitschr. f. d. Gesch. d. Oberrheins, новое изд., т. VI, стр. 23, прим.). Из приподнятого тона только что приведенных слов ясно видно, что Берн старается перейти от этих до сего момента его хороших отношений к враждебным.

С исключительным отсутствием предвзятости рассматривает события Дирауер (Dierauer) в своем труде "Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft" (т. II, 1892), вообще очень ценной книге.

Дэндликер "Истории Швейцарии" (т. II) подобно Витте старается выставить швейцарцев находящимися

под угрозой, а войну эту – оборонительной. Он говорит (стр. 200) об "ужасном страхе" союзников и думает (стр. 201), что народ был преисполнен "страха пред яростным безрассудным герцогом". Все эти переживания в действительности были союзникам совершенно чужды и создают неверное представление о них. На стр. 841 он приводит то место из моих "Персидских и бургундских войн", где и я придаю французским деньгам второстепенное значение, но опускает моменты, с моей точки зрения, решающие: во-первых, противоречия между Берном и другими 7 кантонами и, во-вторых, то, что политические мотивы Берна были завоевательного, а не оборонительного характера. Для 7 восточных кантонов я придавал французским деньгам отнюдь не только второстепенное значение.

Руководящей, составленной на основании первоисточников работой по бургундским войнам остается, как и прежде, Эм. фон Родт (Em. v. Rodt, Die Feldzьge Karls des Kьhnen, Herzogs von Burgung, und seiner Erben, mit besonderem Bezug auf die Teilnahme der Schweizer an denselben, 2 тома, Шаффгаузен, 1843; представляет ценность пространная биография американца Дж. Фостера Кирка, (J. Foster Kirk, History of Charles the Bold, duke of Burgundy, 3 тома, Лондон 1863–68). C. Toutey, Charles le Tймйraire et la Ligue de Constance, Париж 1902, очень обстоятельное исследование, но ничего не дает для нашей цели.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕРИКУРЕ
13 ноября 1474 г.

Швейцарцы, эльзасцы и австрийцы тотчас после объявления войны, – в то время как герцог Карл со своими главными силами находился на Нижнем Рейне, – выступили с войском в 18 000 человек для осады Герикура. С севера шло на выручку бургундское войско; так как оно во всяком случае было гораздо слабее осаждавших (вряд ли там было 10 000 человек, о которых упоминают источники)[55], то неизвестно, что они, в сущности, имели в виду, – может быть только попытку демонстрации. Союзники выступили им навстречу, и бургундцы, не завязав серьезной борьбы, обратились в бегство. А то, что конные бургундцы, якобы, изумились непривычной смелости, с какой так бесстрашно наступали на них простые кнехты[56], – это без сомнения только воображение швейцарцев.

С точки зрения критики источников интересны указанные в них потери.

Золотурнские военачальники сообщили домой, что убитых врагов было 600 человек.

Бильские военачальники сообщили домой, что врагов убито "около 1 000 человек".

Бернцы сообщили французскому королю, что на поле сражения насчитано было 1 617

неприятельских трупов[57] помимо множества погибших в одной деревне во время пожара, так что враг сам, якобы, оценивает свои потери приблизительно в 3 000 человек.

Другой официальный источник сообщает о 2 000 мертвых.

Бернский летописец Шиллинг – о 2 000 павших на поле боя и 1 000 сгоревших.

В первую минуту 1 617 неприятельских трупов, которые насчитали бернцы, кроме сгоревших, пожалуй, покажутся достоверной цифрой, и новейшие исследователи пытались согласовать с этим подсчетом данные того сообщения, которое было отправлено золотурнцами домой в следующую же ночь после боя, предполагая, что победа на другой день оказалась более крупной, чем это представлялось накануне. С подобными фактами мы сталкиваемся достаточно часто, но здесь это не соответствует ни ходу сражения, ни собственным потерям союзников.

Базельский городской хронист Николай Рюш[58] и бернский хронист Дибольд Шиллинг утверждают, что у союзников будто бы не было ни одного убитого, а лишь несколько раненых, которые затем выздоровели. По другим сообщениям,[59] убитых было трое; бильские

военачальники сообщали домой лишь о двух убитых. Родт[60] из какого-то источника, им не называемого, приводит цифру – 70 человек убитых.

Даже при потере в 70 человек у швейцарцев трудно допустить возможность потерь в 2 000 человек и более на другой стороне, так как бургундцы не подвергались атаке ни с фланга, ни с тыла и во время бегства не встретили никаких препятствий; тем не менее это можно допустить потому, что тут же рядом приводятся ложные сведения о собственных потерях швейцарцев. Но если считать верным сообщение, что у союзников вовсе не было потерь или самое большее 2–3 человека убитых, то потери бургундцев, исчисляемые тысячами окажутся совершенно невероятными.

Следовательно, цифру в 1 617 убитых бургундцев, представляющуюся результатом тщательного подсчета, нельзя рассматривать как достоверную.

Из числа пленных 18 наемников-ломбардцев по обвинению в святотатстве и иных преступлениях, совершенных ими при нападении на Эльзас, были подвергнуты пыткам и сожжены живыми. Но на будущее время постановлением союзного совета было установлено, – как и раньше

вообще уже было принято у союзников, – не брать пленных, но убивать всех немедленно.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАНСОНЕ
2 марта 1476 г.

Прошло целых полтора года, пока Карл, занятый в Лотарингии и на Нижнем Рейне, смог подойти к границе Швейцарии для защиты своих владений. Швейцарцы тем временем совершали поход за походом и опустошали соседнюю Бургундию и Ваадт. Жители Штеффис, тихого местечка на Нейенбургском озере, осмелившиеся оказать сопротивление, были вырезаны все до одного. Гарнизон замка, который позже подвергся нападению, был сброшен с башни в пропасть; даже тех мужчин, которых впоследствии находили в каком-нибудь потайном месте, связывали вместе одной веревкой и топили в озере. Затем явились фрейбургцы со 100 возами, чтобы увезти сукно, которое изготовлялось в этом городке и составляло его богатство. Уцелевшим женщинам и детям ничего из имущества не было оставлено. Даже сами грабители почувствовали некоторое сострадание при виде столь ужасного горя, и большой совет Берна обратился к своим военачальникам с мягким увещеванием по поводу их "бесчеловечных жестокостей"[61].

Бернцы использовали предпринятые совместно с фрейбургцами грабительские походы для того, чтобы со своей стороны, захватить укрепленные пункты, главным образом на Юрских перевалах. Но когда затем появился герцог с мощной армией, замки были снова оставлены, так как выяснилось, что восточные кантоны по-прежнему не были склонны сражаться ради завоевательных планов Берна. Дальше всего выдвинутым постом, который бернцы решились отстаивать, был Грансон. Бернцы поместили там гарнизон в 500 человек, рассчитывая, что они смогут удержаться и что, если положение их станет более серьезным, прочие союзники, в конце концов, не откажутся выступить им на выручку.

Относительно этого похода мы хорошо осведомлены не только благодаря подробным повествованиям швейцарских и бургундских хроник, но главным образом благодаря подробным отчетам, которые в два дня раз посылал своему господину Панигарола, состоявший при Карле посланником герцога Миланского; отчеты эти напечатаны[62].

Самый близкий путь, по которому герцог Бургундский мог проникнуть в Швейцарию, пролегал пожалуй через Юру, – например, на Невшатель или Биль. Карл, однако, избрал новый

путь. Целью, которую он себе ставил, было прежде всего не вторжение в швейцарскую область, а освобождение Ваадта – части Савойи, захваченной швейцарцами. Таким образом, Карл направился сюда и сделал Ваадт своей операционной базой, так что позже, во время войны, его фронт обращен был к северо-востоку.

Первым стратегическим объектом, который наметил себе герцог, был Грансон. Этот пункт расположен в стороне от дороги, которая прямо привела бы его к главному его врагу – г. Берну. Но именно поэтому, видимо, Карл избрал такой маневр: его соображения были, очевидно, параллельны соображениям бернского Большого Совета, но шли в противоположном направлении. Он знал, что отнюдь не все кантоны согласны с политикой Берна. Но если бы он прямо двинулся на Берн, то следовало ожидать, что, несмотря на все разногласия, союзники не оставили бы Берн без поддержки. Однако, так как Карл напал на Грансон, кантоны прежде всего были поставлены перед вопросом, есть ли у них повод поддерживать Берн в отстаивании этого его завоевания. Возможно было, что при таком настроении они не стали бы действовать изо всех сил, оказали бы незначительную поддержку или, быть может, даже вовсе не оказали бы ее. Таким

образом, безразлично, решился ли бы Берн самостоятельно или с помощью своих ближайших союзников дать бой за освобождение Грансона, или же предоставил бы гарнизон крепости своей собственной судьбе, – шансы Карла как раз для этого предприятия в том и другом случае были особенно благоприятны.

Все произошло так, как рассчитывал герцог. Никакие сведения о бургундском наступлении, никакие посольства Берна со слезными мольбами о помощи не заставили восточные кантоны немедленно приступить к действиям. Только спустя более чем 3 недели после того как бургундцы начали переход через горы, союзная армия пришла, хотя и не вполне, в боевую готовность. Между тем гарнизон Грансона вынужден был сдаться на милость победителя: разъяренный герцог приговорил его к заслуженному наказанию за совершенные злодеяния – к казни.

Несомненно, всего безопаснее для Карла было бы ожидать наступления швейцарцев в хорошо укрепленном, защищенном артиллерией лагере на равнине под Грансоном. Его войско насчитывало приблизительно 14 000 человек: 2 000– 3 000 тяжелой конницы, 7 000–8 000 стрелков, остальные – пешие пикинеры.

Хотя швейцарцы, насчитывавшие до 19 000 человек, имели перевес в несколько тысяч, но все же было сомнительно, осмелятся ли они напасть на лагерь, и Карл поэтому решил выступить им навстречу. Со своими профессиональными воинами, со своей артиллерией он считал свою победу над народным ополчением обеспеченной. Дорога шла вдоль Нейенбургского озера; на некотором промежутке подступавшие к озеру горы обращали ее в ущелье. Для того чтобы обеспечить себе проход через него, Карл прежде всего лежавший у противоположного (северного) его выхода замок Вомаркюс и поставил в нем гарнизон (1 марта)[63].

Эта операция определила и дальнейший образ действий швейцарцев. До этого они действительно не решались нападать на укрепленный лагерь бургундцев, теперь же они приняли решение немедленно наступить на Вомаркюс. Можно было быть уверенным, что Карл поспешит ему на выручку, и, таким образом, представится возможность сразиться на неподготовленных, т.е. на не обеспеченных артиллерией позициях.

Утром 2 марта оба войска выступили навстречу друг другу: швейцарцы – по направлению к северному выходу из ущелья, на Вомаркюс, бургундцы – к южному выходу. Карл

намерен был продвинуть свое войско только до этого места, приблизительно на расстояние одной мили от Грансона. Таким образом, обоих противников разделял бы еще горный хребет шириною приблизительно в полмили. Но тут неожиданно для обеих сторон разыгралось сражение.

Часть швейцарцев, – преимущественно швицы, бернцы и фрейбургцы, – вступила в бой с бургундским постом, расположенным на дороге через хребет. Разгоревшийся бой привлекает на эту дорогу один отряд за другим, а когда они, преследуя противника, переходят на другой склон хребта, то замечают перед собой в долине все его войско. Авангард уже прибыл и приступил к разбивке лагеря; главные же силы еще были на походе.

Герцог сам прибывает с авангардом и принимает бой с выходящими из ущелья швейцарцами, выдвигая против них, в первую голову, своих стрелков.

Создавшаяся обстановка с абстрактной точки зрения была как нельзя более благоприятной для бургундского войска. Оба войска еще только подходили, но бургундцы шли по долине, швейцарцы – по затруднявшему передвижение дефиле. Следует поэтому предполагать, что

бургундское войско могло быть собрано и выстроено раньше, чем швейцарское, далее, оно могло атаковать еще развертывавшихся швейцарцев, и если бы ему удалось опрокинуть их, то, теснясь у входа в дефиле и образуя здесь затор, швейцарцы должны были понести тяжелые потери.

Своеобразные состав и тактика того и другого войска сделали неосуществимым для бургундцев этот, сам по себе естественный, маневр. Дорога, по которой наступали швейцарцы, представляла собой не непосредственный переход из лесистых гор в долину, а отлогий спуск по усаженным виноградом холмам. В такой местности Карл почти совсем не мог пустить в ход ни одного из тех двух родов войск, на которые он по преимуществу возлагал надежды, – рыцарство и артиллерию. Пусти он одно только великое множество своих стрелков в наступление, они бы, возможно, и заставили швейцарцев повернуть назад в ущелье, но настоящего поражения стрелки, не смевшие подойти к врагу вплотную, а тем более вступить с ним в рукопашный бой, нанести не могли бы.

Поэтому Карл принял решение – развернуть свое войско в долине и там встретить атаку швейцарцев. Можно думать, что этим самым он

отказался от главного преимущества, которое предоставляла ему обстановка, а именно – возможности завязать сражение до прибытия основных сил противника. Но даже это удалось ему. Он послал в бой несколько отрядов стрелков, которые, численно превосходя швейцарских стрелков, вероятно, создавали большие затруднения для формировавшейся на холмах четырехугольной баталии швейцарцев. Эта последняя, охватывавшая менее чем половину швейцарского войска – приблизительно 8 000 человек, – таким образом, вынуждена была перейти в наступление, не дождавшись подхода остальных частей.

Ее сопровождала немногочисленная конница[64] и несколько орудий, подвезенных бернцами. Едва ли можно представить себе обстановку, более благоприятную для бургундского войска, если бы только оно успело полностью развернуться. Но этого еще не случилось. Можно предположить, что к моменту наступления швейцарцев бургундская армия была уже полностью в сборе, но частично, несколько позади перестраивалась из походного порядка в боевой. Возможно, что швейцарцы дали увлечь себя в обособленную атаку именно в расчете на то, что и бургундцы еще не вполне готовы.

Как бы то ни было, но герцог по-прежнему был убежден, что все преимущества на его стороне. Если бы швейцарская баталия спустилась в долину, то он смог бы атаковать ее со своими жандармами с фланга, а с фронта – подвергнуть ее обстрелу артиллерии и стрелков. Немногочисленным швейцарским отрядам конницы и стрелков, сопровождавшим баталию, не под силу было бы защитить ее от фланговых и, возможно, даже тыловых атак; чтобы защищаться от них, она должна была бы остановиться и, в конце концов, была бы сломлена атаками со всех сторон.

Карл поэтому приказал нескольким отрядам своих жандармов предпринять фланговую атаку со стороны гор, другим – отойти с фронта, чтобы демаскировать артиллерию. Снаряды попадали в швейцарскую баталию. Атака жандармов проведена была блестяще: легкая пехота союза укрылась в глубину баталии; жандармы подступили на расстояние удара копья, но не были в состоянии проникнуть в глубь сплоченных отрядов, которые выставили им навстречу свои длинные копья. Рыцарь Шатогюйон при попытке ворваться в их ряды верхом был заколот, остальные повернули назад. Атака была отбита; бургундцы должны были отступить перед лесом

пик сплоченной баталии швейцарцев.

Это предрешило исход дня. Среди находившихся еще позади и, вероятно, еще только строившихся отрядов бургундцев, а также в обозе, началась паника, которая распространялась все дальше и дальше. С криком "sauve qui peut" ("спасайся кто может") одна часть за другой обращалась в бегство. Панигарола объясняет эту панику тем, что части, стоявшие позади, сочли за бегство передвижение, имевшее целью открыть свободное поле действия для артиллерии. Швейцарцы же решили, что на бургундцев нагнало такой страх прибытие остальных союзников, которые двигались непрерывным потоком из обоих проходов (по горе и по берегу озера). Возможно, что имело значение и то и другое, а кроме того неудача атаки жандармов под командой Шатогюйона[65]. Во всяком случае до всеобщего сражения не дошло. Главную силу бургундского войска составляли стрелки, которые не могли допустить дело до рукопашной схватки с пикинерами и алебардщиками, к тому же им недоставало сплоченности тактического организма, которая не дает отдельным воинам поддаться общей панике. Бургундское войско ринулось в бегство; напрасно Карл старался удержать своих воинов и кое-где пытался

продолжать еще бой. Швейцарцы преследовали бежавших; но так как прибыли к месту боя еще только немногие из конных воинов, и эти последние не решались двинуться вперед, оторвавшись от главной массы войска, то они не могли уже больше причинить никакого ущерба бургундцам.

Урон, исчисленный в некоторых источниках в 1 000 человек, во всяком случае преувеличен; Панигарола утверждает, что пали лишь немногие, – и это в большей степени соответствует характеру данного сражения, – а начальник сен-галленцев, барон Петер фон Хевен, на следующий день после сражения доносил своему аббату, что на поле битвы осталось только 200 бургундцев[66].

На стороне швейцарцев было довольно значительное число убитых и раненых бургундскими стрелами и снарядами; их было немало и среди контингентов, находившихся не в авангарде, а в баталии главных сил; так, например, люцернцы имели 52 раненых, получивших свои раны, вероятно, большей частью во время преследования от стрел бежавших. К авангарду, будто бы примкнуло также известное число отдельных воинов остальных контингентов, а возможно, что некоторые из них были ранены и в самом сражении[67].

Dierauer, т. II, стр. 207, подверг сомнению мой подсчет численности бургундского войска в 13 000–14 000 человек, так как к тем 11 000, которые привел Карл (не считая 400 копий, высланных вперед), по его мнению, следует еще прибавить савойские и миланские подкрепления. Но весьма сомнительно, получил ли Карл в действительности подкрепления из Милана и участвовали ли савойцы в сражении под Грансоном, тогда как, напротив, вполне возможно, что отдельные части армии Карла уже ранее были им отделены от нее и куда-либо отряжены (ср. "Персидские и бургундские войны", стр. 150).

Feldmann, Die Schlacht bei Granson (Freienfeld, 1902), пытается доказать, что численность бургундской армии была выше предполагаемой мною, так как я не включил в нее артиллерийских команд; "жандармов" и савойцев. Но артиллерийские команды состояли главным образом из некомбаттантов: наличие не принятой мною в расчет "жандармерии" не доказано, а о савойцах мы уже говорили выше.

Фельдман придает также значение возгласу Карла: "20 000 человек удрали" и полагает, что Карл ведь не мог желать представить победу швейцарцев еще более крупной, чем она была в действительности. Против этого я возражаю: ясно, что приведенный в ярость трусостью своего войска Карл преувеличил цифры не в его пользу.

В депеше от 31 декабря 1475 г. Панигарола сообщает, что по утверждениям герцога у него имеется уже 2 300 копий и 10 000 лучников. Я принял ("Персидские и бургундские войны", стр. 149), что 10 000 лучников входили в то же время в состав копий. Фельдман отвергает такое толкование, и, быть

может, в этом он прав: герцог действительно хотел сказать: 2 300 копий (13 800 человек) и 10 000 стрелков. Но это все же не дает нам никаких данных для исчисления сил под Грансоном. В этом решающее значение имеет сообщение Панигаролы от 16 января, из которого вытекает, что герцог в том более раннем своем указании допустил крупные преувеличения.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МУРТЕНЕ
22 июня 1476 г.

Как ни настаивали бернцы, но швейцарцы не использовали плоды своей победы, чтобы перейти к широким наступательным действиям; они не использовали ее даже далеко за пределами лагеря под Грансоном, а, захватив добычу, тотчас же разошлись с нею по своим родным кантонам[68].

Благодаря этому Карл имел возможность реорганизовать свою армию в Ваадте, в 11 милях от Берна. Его штаб-квартирой была Лозанна. За два месяца он закончил здесь все свои приготовления, собрал армию, значительно более сильную, чем под Грансойом, – приблизительно в 18 000–20 000 человек, – и снова начал поход[69].

Бернцы на этот раз не решились удержать столь далеко выдвинутые посты, как Грансон. Единственный пункт в Савойской области,

который они еще сохранили, был Муртен, в 3 милях от Берна, заграждавший более северную из двух дорог, ведших из Лозанны в Берн, как Фрейбург заграждал южную. Карл прежде всего должен был атаковать один из этих двух пунктов. Направиться, минул их, прямо на Берн не представляло никакого расчета. Бернцы одни вряд ли приняли бы сражение в открытом поле; герцогу пришлось бы осаждать город, и при этом он подвергся бы здесь такой же атаке армии, пришедшей на выручку города, какую он мог ожидать под Муртеном и Фрейбургом, но в неизмеримо худших для себя условиях. В силу этого он вынужден был двинуться прежде всего на один из этих двух городов. Предвидя это, Бернский совет усилил фрейбургское ополчение "подкреплением" в 1 000 человек, а расположенный на неприятельской территории г. Муртен, отношение которого к обеим сторонам было под сомнением, он снабдил гарнизоном в 1 580 человек, под начальством особо испытанного воина, Адриана фон Бубенберга.

Герцог Бургундский решил обратить свои силы против этого последнего пункта. Какие бы специфически военные соображения ни повлияли на его решение – то ли более удобная линия отступления, то ли топографические условия, – но

решающими здесь были те же причины, которые побудили его первый свой поход направить на Грансон. Отрицательное отношение к этой войне восточных кантонов после Грансона оставалось таким же, каким было до него[70]. Поэтому они, невзирая на все убеждения Берна и несмотря на очевидность военных преимуществ, которые они могли бы приобрести, немедленно после победы разошлись по домам и дали бургундцам возможность устроить свое место сбора в непосредственной близости от них. Они даже отказались защищать Муртен и хотели ограничиться защитой территории, действительно принадлежавшей Швейцарскому союзу. Нападение на Фрейбург заставило бы их немедленно поголовно взяться за оружие, – с Муртеном же легко могла повториться та игра, какая имела место весною под Грансоном.

Каковы были дальнейшие намерения герцога на тот случай, если бы ему удалось взять Муртен до прибытия шедшей на помощь этому городу швейцарской армии, – сказать трудно. Хотя он говорил Панигароле, что в этом случае он направится прямо на Берн, но точно также можно допустить, что он стал бы выжидать нападения швейцарцев на укрепленной позиции. Взяв в плен полуторатысячный гарнизон Муртена и держа его

в своих руках в качестве заложников, он, вероятно, располагал бы достаточным средством для достижения своих целей; а если бы он, как при осаде Грансона, велел казнить их, ему не пришлось бы идти до Берна, чтобы встретиться с швейцарцами в желанном для него бою в открытом поле.

Итак, наступление Карла на Муртен было им хорошо обдумано. 9 июня он начал осаду и одновременно возвел укрепления против армии, могущей напасть на него с целью деблокады города. Он не обнес свой лагерь этими укреплениями в непосредственной близости от города, так как здесь господствующее положение над укреплениями занимала бы окружавшая их более высокая местность, а выдвинул их на ближайшие высоты в 1 S–2 км от города, перед которыми вновь расстилалась широкая равнина, Вильское поле, к востоку от Мюнхенвилера и Бурга. Она представляла собой великолепное поле сражения в том отношении, чтобы еще издалека взять наступающего противника под обстрел, затем встретить его ядрами, дротиками и стрелами стрелков и, наконец, сделав вылазку с рыцарями и пехотой, перейти в атаку[71].

В другом месте, вероятно при Монтелье, он запрудил ручей, чтобы заградить подступы.

Укрепление состояло, – как говорят швейцарские хронисты, – из "живой изгороди", частью из плетня, частью из частокола, за который на возвышениях установлены были орудия. Для вылазок в этой изгороди оставлены были бреши. Мы не имеем документальных данных относительно того, на каком протяжении лагерь был обнесен ею с восточной стороны, но, во всяком случае, настолько, что открытой могла остаться только южная сторона, а возможно, что лагерь обнесен был изгородью по всей своей окружности. Возможно ограда примыкала к лесу на юге от Мюнхенвилера, который сделан был непроходимым благодаря засеке. Нельзя было ожидать, чтобы швейцарцы, чей естественный сборный пункт находился на северо-востоке, могли сделать более далекий обход.

Ввиду укрепленности своей позиции герцог был убежден, что швейцарцы вообще не решатся подступить, и, значит, от него одного будет зависеть довести ли дело до сражения или нет, т.е. выступит ли он из своего укрепленного лагеря или останется там[72].

Подвоз для своего укрепленного лагеря он обеспечил при помощи этапных отрядов, которые были размещены в подходящих для этого укрепленных пунктах.

Герцог всего вернее защитился бы от внезапного нападения со стороны войска, предназначенного для снятия осады, если бы занял переправы через р. Заане, протекающую с юга на север приблизительно на половине дороги между Муртеном и Берном, именно – Лаупен и Гюмменен. Он и начал с того, что сделал попытку (12 июня) овладеть этими пунктами, но не возобновил ее, когда был отбит. Он, очевидно, не хотел подвергать далеко выдвинутые посты опасности снятия, чтобы не оказаться вынужденным выступить к ним на выручку.

Теперь швейцарцы уже имели возможность собрать свое войско непосредственно за р. Заане и, когда главные силы были собраны, переправившись через реку, продвинуться до Ульмица (12 июня), не далее 5–6 км от бургундских палисадов (частоколов). Вместе с коренными швейцарцами выступает герцог Ренэ Лотарингский с несколькими сотнями конницы, австрийская конница, страсбургцы и другие контингенты из Эльзаса. Но только 22 июня, на 13-й день после начала осады, вся армия была более или менее в сборе. Кантоны не реагировали ни на известие о продвижении бургундского войска, ни даже на известие об осаде Муртена; только когда нанесен был ущерб древнебернской

области, что произошло при стычке на аванпостах у Зааны 12 июня, – только тогда кантоны призвали к оружию свои ополчения.

Несмотря на большие усилия, бургундцам за это время не удалось овладеть Муртеном. Они пробили бреши и штурмовали его, но были отбиты. Комендант Бубенберг руководил защитой города с величайшей энергией и осмотрительностью. Он сумел удержать враждебно настроенные элементы населения в повиновении и увещеваниями и строгостью поддержать уже падавшее мужество своих людей. На помощь ему по озеру присланы были подкрепления. Поэтому бургундские капитаны посоветовали герцогу, отказавшись от вторичного штурма, ограничиваться продолжением обстрела и все усилия направить на подготовку предстоящего сражения, в результате которого должна определиться и судьба города.

Когда герцогу доложили, что швейцарцы подошли очень близко, он 21 июня, за день до сражения, вместе с несколькими командирами, лично произвел рекогносцировку. Они настолько приблизились к швейцарцам, что те начали обстреливать их; стали соображать, не снять ли осаду и не лучше ли обрушиться сперва на этого противника в открытом поле[73]. Но герцог был

против.

Местность близ Ульмица, которую швейцарцы избрали сборным пунктом, была непригодна для рыцарского наступления; она была пересечена ложбинами и окружена лесом так, что невозможно было даже оценить и учесть силы противника. Герцог полагал, что собрались еще немногие. Тем не менее желательно ему было прервать осаду, которая все-таки должна была привести к цели. Разделить же свою армию, с тем чтобы продолжать осаду и одновременно атаковать при Ульмице войско, предназначенное для ее снятия (как поступил, например, Фридрих, отправляясь из Праги в Коллин против Дауна), он, кажется, не намеревался; да это и не было бы уместным, так как силы неприятеля при Ульмице не были достоверно известны; к тому же противник был хорошо защищен условиями местности. Поэтому герцог остался при своем решении – продолжать осаду и выжидать наступления войска, предназначенного для ее снятия. Панигарола, предостерегая герцога, указывал на коварство, кроющееся в образе действий швейцарцев; с часу на час можно ждать их внезапного появления. Но после того как бургундская армия за предыдущие дни неоднократно выстраивалась для их встречи за частоколом, и день за днем проходил в

напрасном ожидании, герцог вообще перестал верить в возможность наступления швейцарцев, считая, что, на худой конец, достаточной защитой от неожиданности будут те 2 000 пехотинцев и 300 копий, которые охраняют и ночью его укрепление на фронте, обращенном к Ульмицу. Главные силы армии, которые уже простояли в боевой готовности и течение всей второй половины дня, он отправил обратно в лагерь.

Ночью начался сильный дождь, который продолжался и все утро следующего дня. Швейцарцы утром начали было рекогносцировку, но тотчас же отошли назад и больше их не было ни слышно, ни видно. Теперь герцог окончательно уверился в том, что они не отважатся на атаку.

Но швейцарцы, собственно говоря, уже в предыдущие дни намеревались предпринять атаку и ждали только прибытия цюрихцев, которые двигались форсированным маршем и после ночного перехода от Берна в субботу утром, наконец, подошли к Ульмицу. Цюрихский совет, желавший с достаточной ясностью дать понять бернцам свое отношение к завоеванию Ваадта, отправил свое ополчение только 18 июня, – больше чем через 3 недели после выступления герцога бургундского со своим авангардом из Лозанны и на десятый день после начала осады

Муртена; помимо этого ополчение было несоразмерно малочисленно – только в 1 450 человек и во всяком случае не больше 2 000.

Тем не менее союзное войско в целом имело еще больший перевес над бургундским, чем под Грансоном. Его следует исчислять приблизительно в 26 000 человек, а если сюда прибавить еще гарнизон Муртена, который тоже, разумеется, должен быть принят в расчет, так как он отвлекал часть бургундцев и, в конце концов, сделал вылазку, – то оно насчитывало около 28 000 человек. Бургундская же армия, как мы уже сказали, насчитывала 18 000–20 000 человек; отсюда следует вычесть еще известное число воинов на этапных пунктах.

Швейцарская традиция, насчитавшая 100 000 человек в бургундской армии под Грансоном, приписывала герцогу под Муртеном втрое большую армию.

Герцог, обладая армией значительно меньшей численности, чем швейцарская, находился и с стратегической точки зрения в менее выгодном положении, имея в тылу осажденный город с сильным гарнизоном; но самым опасным для него обстоятельством было то, что его укрепления из-за необходимости приспособляться к местности выдвинуты были более чем на 0,5 км впереди

лагеря и растянулись на очень далекое расстояние. При атаке все зависело от того, будут ли бургундцы в нужный момент стоять наготове у частокола, притом именно в том месте, куда устремятся швейцарцы. Знать заранее, какое именно будет это место, было невозможно.

Полководец должен с готовностью рисковать и с мужественной решимостью соединять неусыпно бдительную предусмотрительность, чтобы по малейшим признакам предугадывать хитрости и козни противника. Когда при Хотузице австрийцы хотели напасть на пруссаков (17 мая 1742 г.), последние избегли поражения только благодаря тому, что главнокомандующий, наследный принц Леопольд Ангальтский, еще до восхода солнца уже сам был на коне и, получив известие о приближении противника, тотчас же мог отдать приказ бить тревогу и построиться в боевой порядок. Когда австрийцы собирались при Зооре захватить Фридриха врасплох (30 сентября 1745 г.), контрудар прусской армии возможен был лишь благодаря тому, что король подымался каждое утро в 4 часа, а также благодаря тому, что, когда ему доложили о приближении противника, при нем находился уже дежурный генерал. Но и Фридрих при Гохкирхе был застигнут врасплох, а Гнейзенау, вероятно, одержал бы свою победу до

Бель-Альянса уже при Линьи, если бы он вовремя, на несколько часов раньше, заметил приближение Наполеона. Приближение целой армии представляется настолько внушительным, что не может остаться незамеченным. В действительности же в военной истории много раз отмечено, что целые армии в непосредственной близости от противника оказывались им незамеченными.

Напомню здесь еще о некоторых аналогичных случаях, так как в сущности только беспрестанно повторяющийся опыт заставляет верить в возможность подобных фактов. 16 октября 1813 г. французы при Варене ждали силезскую армию на тщательно подготовленных позициях и оставили эти позиции, считая, что с этой стороны наступление не угрожает. Полученное непосредственно вслед за этим донесение констатировало, что неприятель подступил уже вплотную; возвращаться на прежние позиции было невозможно, а пришлось занять новые, отступая на четверть мили близ Мекерна, куда как раз и подошла французская армия. Еще более разительный пример представляет битва при Кениггреце, когда австрийцы на правом крыле заметили приближение войска прусского кронпринца лишь тогда, когда оно оказалось уже

среди их рядов. 4 августа 1870 г. вся III армия наступала на Вейссенбург, оставаясь незамеченной французскими патрулями; ген. Дуэ, получив донесение патрулей, отдал по своим частям приказ заниматься приготовлением обеда, когда внезапно открыт был огонь по передовым постам. Бои при Траутенау в 1866 г., когда пруссаки не заметили прибытия главных австрийских сил, и при Бомоне в 1870 г., когда пруссаки напали на французов, относятся к этой же категории случаев постольку, поскольку ошибка заключалась в том, что неприятель не был обнаружен, потому что его не ждали. Для иллюстрации этого явления можно упомянуть еще о том, что немцам понадобился весь день 17 и все утро 18 августа 1870 г. для того, чтобы обнаружить правое крыло французской позиции при Сен-Прива, находившееся на расстоянии одной мили от них.

Если, таким образом, своевременное обнаружение приближающегося противника, к тому же в данном случае прикрытого лесом, само по себе является вовсе не столь естественным и легким делом, то к тому же герцог несомненно лишен был тех необходимых для полководца качеств, благодаря которым он мог бы оказаться на высоте задачи. Вместо того чтобы установить

за швейцарцами, местонахождение лагеря которых ему было известно, тщательное наблюдение, сосредоточить на нем все внимание лично самому или поручить эту задачу самому надежному из своих командиров, он упорно оставался при убеждении, что они не отважатся на атаку, и даже, когда в полдень ему было доложено о наступлении неприятеля, он некоторое время относился к этому с недоверием и не принял никаких мер.

Начальники швейцарских отрядов тщательно взвесили, куда надлежит направить удар, и военный совет пришел к решению – предпринять атаку не на осадный корпус, стоявший у северной части города, на берегу озера, а на центральные бургундские позиции на Вейльском поле. Если бы там удался прорыв, то этим большая часть неприятельской армии была бы оттеснена и ей были бы отрезаны пути отступления.

Подлинные слова бернского хрониста, касающиеся этого решения военного совета, заслуживают того, чтобы привести их:

"Da warent alle Hauptlьht, Venner und Rdhte, von Stetten und Lendern, dazu andere Pundgnossen und Verwanten, Tag und Tag by einandern zu bedencken und rahtschlagen, wie sie die Sachen nach Ehren angriffen und handeln mцchten, dann sy allweg in

Fьrsorgen warent, der Hertzog und die Rechtschuldigen wurden inen entrinnen, als vorhin vor Granson auch beschechen was, und wurden des mit einandern enhellichen zu Raht, dass sy in dem Namen Gottes, und mit seiner Gцttlichen Hilf, den rechten Herrn am ersten angriffen, und den inmassen hinderziehen wollen, das er inen nit wol mцcht entrinen, dann sy meinten, ob sy joch dem Grafen von Reymond, der sin Lager hier diesenthalb Murten auch mechtiglich geschlagen hat, am ersten angriffen und erschlugen, so wьrden der Herzog und die дndern Rechtschuldigen zu Flucht bewegt".

Наступление, таким образом, начато было от Ульмица прямо по небольшому плато, между деревнями Бург и Сальвенах (меньше четверти мили к югу от Бурга) на бургундские укрепления, тянувшиеся приблизительно от деревни Мюнхенвилер к северу по направлению к Бургу или к Адеровскому холму. Между[74] колоннами копейщиков и алебардщиков построились рыцари, числом не меньше, чем 1 800 человек, и стрелки.

Главное командование было, – что достаточно характерно для натянутых отношений внутри союза, – в руках не швейцарца, а вассала того королевского дома, с которым еще за три года до того швейцарцев разделяла исконная вражда: в руках австрийского рыцаря Вильгельма Гертера.

Бернский летописец не в силах был заставить себя отметить этот факт; он совершенно умалчивает о главнокомандующем, не называет также командира баталии – уроженца г. Цюриха, Ганса Вальдмана, а лишь с особой похвалой выделяет личность начальника авангарда, бернца Ганса фон Гальвиля, и наряду с ним называет только начальника арьегарда Каспара Гартешптейна[75].

Нельзя не отметить, что эта гражданско-крестьянская армия во время похода сделала в лесу продолжительный привал, во время которого граф Тирштейм посвятил в рыцари большое число лиц, среди них и бургомистра Цюрида Вальдмана. Церемония так затянулась, что войско, наконец, потеряло терпение.

Но, несмотря на эту задержку, когда конница, стрелки и, наконец, сильным каре с развевающимися знаменами появились на Вильском поле, бургундцы все еще были покойны, и защита изгороди оставалась той же, что и ночью, – 2 000 пехоты и 300 копий.

Как ни незначительно было охранение, тем не менее, первая атака была отбита, – в этом сходятся сообщения той и другой стороны. Согласно рассказу бернского летописца Шиллинга следовало бы предполагать, что колонны подошли

вплотную, к бургундским частоколам, не смогли их преодолеть и повернули обратно. Более вероятным нам кажется, что достаточно было действий бургундских орудий и одного внешнего вида занятых стрелками укреплений, чтобы вызвать замешательство атакующих колоннах. Рассказ другого очевидца, люцернца Эттерлина, гласит:

"Do hattent sich die vygent treffenlich gesterckt, und treffenliches grosses geschьtzes, Schussent treffenlich und vygentlich gegen den Eydtgenossen in yr Ordnung, des gelichne in die Rьtter die dann nebent der Ordnung hieltent in einem valdlin und tatten an dem ende grossen schaden, dann ich paterman etterlin, setzer diser coronick und menig fromm mann, so do warent, gesьchent ettliche Reysigen und Ritter, an mitten entzwey schiessen das das oberteyl gantz anweg kam und der unterteyl im sattel beleyb, des gelichen wurdent ettlichen der kopf ab auch sust erschossen und geletzt, aber dennoch von den gnaden gottes nit viel".

Если бы швейцарцы подошли вплотную к палисадам и должны были бы отступать под неприятельским обстрелом, то потери их были бы довольно значительны. Следовательно, не столько число убитых, сколько моральное действие ужасающих поражений, причинениях пушечными

ядрами, было тем, что заставило колонны остановиться.

Панигарола сообщает, будто бы капитан Яков Галиото и все другие капитаны ему сказали, что если бы бургундское войско было на месте, когда швейцарцы повернули назад и отступили к лесу, они несомненно были бы разбиты[76].

Можно сомневаться, были ли швейцарские каре действительно так сильно поколеблены, но верно только то, что для бургундцев это был подходящий момент, чтобы перейти в наступление.

Несколько рыцарей нашло в себе достаточно мужества, чтобы вскачь устремиться на швейцарцев[77], но эти немногие ничего не могли добиться, а бургундское войско еще не прибыло. Только теперь герцог Карл внизу, в лагере, велел дать сигнал вооружаться, седлать коней и садиться на них. Панигарола сам был на высоком пункте, лично видел швейцарцев, их конницу, лес торчавших пик и развевавшиеся знамена; он бросился вниз к герцогу и помог ему надеть доспехи. Но даже и в этот момент у того еще были сомнения; когда он, наконец, сел на коня, исход был уже решен.

Швейцарцам нетрудно было в волнообразной местности укрыться от бургундских пушечных

ядер за возвышением; помимо этого нелегко было быстро перезаряжать пушки и менять направление их стрельбы. По одному базельскому рассказу[78], амман Швица посоветовал произвести это передвижение и при этом сам с алебардой в руке стал во главе его.

Когда бургундское войско, рыцари, лучники и пикинеры, будучи встревожены, отдельными частями поспешили из лагеря к живой изгороди, то последняя была уже преодолена и сломана, и навстречу им уже бежали спасшиеся бегством бургундцы, а за ними сплошными массами следовали швейцарцы, хотя и утратившие уже боевой порядок[79]. Герцогу больших трудов стоило спастись самому, и он не сделал больше никаких попыток, чтобы задержать своих на новой позиции. Подавляющее численное превосходство и бурное продвижение швейцарцев, замешательство и разъединение отдельных отрядов у бургундцев сделали тщетными все усилия. Спастись удалось только части конницы: пехота, – в том числе и знаменитые английские лучники, – застигнутая весьма многочисленной неприятельской конницей, была почти сплошь изрублена; те же части, которые обложили г. Муртен, отрезаны были раньше, чем узнали о случившемся. Они были все до единого заколоты

или утоплены в озере; только отряд графа Ромонта, расположившийся у северной части города, мог спастись бегством вдоль р. Заане, сделав большой обход неприятельской армии.

В качестве примера ненадежности источников, которые по их происхождению могли бы считаться весьма достоверными свидетелями, приведем сообщение Лотарингской хроники, согласно которой швейцарцами командовал герцог Рено. Молинэ – бургундский придворный историограф – сообщает, будто бы швейцарцы укрепились живой изгородью, которую бургундцы тщетно пытались взять. Геутерус говорит, что Карл построил свою пехоту большой четырехугольной баталией, причем конница образовала фланги, а стрелки – арьергард.

Общие потери Панигарола один раз (8 июля) исчисляет в 8 000 – 10 000 человек, включая сюда и обоз; позже (13 июля) он сообщает, что из числа 1 600 копий герцог спас 1 000 копий и 200 знатных, что, видимо, следует понимать в том смысле, что эти 1 000 копий сохранились в полном составе, а из 200 остальных спаслись только знатные, имевшие наилучших коней, рядовые же воины и особенно стрелки погибли, и что остальные 400 копий сплошь были истреблены. Таким образом, по этому сообщению

потери приблизительно выразились в одной трети всей армии – в 6 000 или 7 000 человек, что, примерно, согласуется с вышеприведенным указанием (в котором следует отбросить еще и обоз), В третьей депеше (от 27 июля) Панигарола сообщает о смотре, который Карл устроил уцелевшему войску. Здесь собраны были 11 рот, в которых должно быть 1 100 копий, но в действительности насчитывалось немногим больше половины. Благодаря этому подсчет потерь должен был бы оказаться преждевременным по сравнению с приведенными выше свидетельствами, но Панигарола прибавляет, что не все те, кого не досчитались, пали: многие итальянцы и бургундцы отправились домой. Следовательно, можно принять, что из общего числа около 20 000 воинов, составлявших армию Карла, кроме 2 000 – 3 000 савойцев спаслись приблизительно 8 000–10 000, убитых было 6 000–8 000 и большое число из состава обозной и лагерной команд.

Относительно потерь швейцарцев мы не имеем достоверных свидетельств[80]. Панигарола, который во время бегства сам видел, как бургундские воины с отчаянием бросались на землю и, скрестивши руки, без сопротивления давали себя закалывать, – впоследствии

неоднократно сообщает, что он слышал от освобожденных пленных и спасшихся женщин, как дорого отдали свою жизнь отрезанные бургундцы.

Это находит себе подтверждение в письмах Мольбингера[81], узнавшего, якобы, что немецкие кнехты, среди которых было даже много швейцарских перебежчиков, "стойко держались" и "рыцарски защищались" ("vast fest gestanden", "ritterlich gewehrt"). Тем не менее потери, понесенные союзной армией, по Панигарола – в 3 000 человек, безусловно преувеличены

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

С тех пор как я впервые разбирал сражение при Муртене в "Персидских и бургундских войнах", документальный материал значительно разросся и видоизменился, так что я был вынужден коренным образом переработать свое изложение Общая концепция и принципиальная ориентировка в истории военного искусства остались, правда, без изменения, но детали мне пришлось переработать. Появились новые критические издания дневника Кнебеля ("Базельские хроники", т. III, 1887) и хроники г. Берна Дибольда Шиллинга, в 2 томах, 1897 и 1901 гг. Но что важнее всего – найдено считавшееся потерянным описание сражения Панигаролы, датированное Сен-Клод, 25 июня 1476 г., и опубликованное в "Archivo stonco lombardo", anno XIX, Милан 1892, перевод на нем. яз. и комментарии Дирауэра (Dierauer)

в "Schweizerischen Monatsschrift fьr Offiziere aller Waffen", 1892 г. N 10; Фрауенфельд, издание J. Huber. Как ни важно это свидетельство, но для реконструкции сражения все же более важно исследование Dr. Hans Wattelet, Die Schlacht bei Murten Historischkritische Studie ("Freiburger Geschichtsblatter", herausgegeben vom deutschen geschichtsforschenden Verein des Kantons Freiburg, I. Jahrgang, Freiburg i. He. 1894, Verlag der Universitdtsbuchhandlung), в котором автор на основании критики источников и архивных материалов убедительно доказывает ошибочность общепринятого мнения о том, что часовня св. Урбана при Куссиберле была воздвигнута на месте сражения. Такое представление создалось на много поколений позже благодаря различным, случайностям. Уже в 1888 г., когда я вместе с г. Оксенбейном, издателем юбилейного сборника документов к празднеству секуляра, посетил поле сражения, у меня возникли сомнения, действительно ли наступление швейцарцев имело столь широкий охват и могла ли здесь стоять живая изгородь. Но против факта, казавшегося неоспоримым, а именно, что на этом месте стояла боевая капелла, ничего нельзя было возразить. Однако, после того, как Ваттле в его столь же остроумных, сколь и тщательных исследованиях удалось выделить фальсификат в документальном материале, а вместе с тем установить действительную линию наступления и место атаки швейцарцев, изменилось и представление о всех деталях и все событие сделалось гораздо более понятным. Карл не провел необозримо длинной, но все же остававшейся открытой со стороны Фрейбурга линии укреплений, а обнес свой лагерь кольцом укреплений, которые,

правда – ввиду образуемого местностью склона – выдвинуты были далеко вперед, но все же были настолько близки к лагерю, что в случае вовремя поданного сигнала тревоги быстро могли быть заняты войском. Я представляю себе, что линия главных укреплений могла тянуться приблизительно на высоте 540 м по ту сторону Форе (леса) дю-Кро (к югу от него) вдоль Пьер-Бесси и Эрмельсбурга по направлению к Бургу. Здесь благодаря рву возможность приближения неприятеля была почти совершенно исключена. Между Бургом и Комбетом линия, должно быть, поворачивала и спускалась при Монтелье вниз к озеру. С другой стороны, возможно, что Карл довольствовался прикрытием, которое представлял лес с засеками; но возможно также, что он укрепился со стороны Фрейбурга. Затем линия укреплений тянулась, вероятно, от Форе дю-Кро на некотором расстоянии к северу от (сожженной) деревни Мюнхенвилер к Пети Буа Доминг, а оттуда через ущелье вниз и к северо-западу по направлению к озеру.

Деревянный домик, служивший Карлу ставкой полководца, стоял на Гран Буа Доминг на высоте 531 м, откуда открывается широкий вид на далекие окрестности. Охват этой ливни укреплений был очень велик, но с того момента, как стало известно, что неприятель собирается при Гюмменене, а затем, что он стоит под Ульмицем, принимался во внимание фронт только с этой стороны.

В исследовании Ваттле, вообще превосходном, отмечу лишь следующие детали, требующие внесения коррективов.

На стр. 25 автор говорит, что защитники Муртена

вынудили Карла "упустить самый ценный момент для нападения на несобранных еще швейцарцев". "Несобранные швейцарцы" вряд ли предоставляли возможность такой атаки. Если бы Карлу в первые же дни удалось взять Муртен и он продолжал наступление, то швейцарцы временно отступили бы и предоставили бы герцогу решить, следует ли ему приступить к осаде Фрейбурга или Берна.

На стр. 68 говорится, что для позиции на Нильском поле на левом крыле прикрытием служили ров и лагерь Ромона, расположенный у северной части города; "в тылу, в качестве вторичной позиции, находился укрепленный лагерь". Лагерь Ромона едва ли может быть назван "прикрытием", так как он сам представлял часть позиции и мог подвергнуться нападению. Представление о том, что за высокой линией на Вильском поле находилась еще вторая линия непосредственно лагерных укреплений, я считаю фактически неверным. Об этом не говорится нигде, – даже в рассказах об этом сражении, где как-то, хотя бы только с отрицательной точки зрения, должно было бы быть упомянуто о попытке удержать это укрепление. Укрепления лагеря и представляют линию укреплений на вильском поле. Панигарола (сообщение от 12 июля, "Gingins" II, 248) прямо говорит герцог "e stato a vedere ьti questi monь circonstanti per fortificare questo campo interno" (осматривал эти окрестные горы, чтобы укрепить внутренний лагерь).

На стр. 74 говорится, что 22-го об атаке на Ромона не могло быть больше речи, так как герцог уже захватил позицию на Вильском поле. Но почему части, стоявшие у живой изгороди на Вильском поле,

должны были помешать союзникам атаковать при Монтелье корпус Ромона (через Бюкслен-Левенберг), – это остается непонятным.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НАНСИ[82]
5 января 1477 г.

В итоге победы при Муртене Ренэ, герцог Лотарингский, с помощью Нижней Лотарингии снова овладел своим герцогством, а после непродолжительной осады отвоевал и столицу. Карл пока еще оставался в Бургундии, занятый мыслями о дальнейшей войне со швейцарцами, когда полученные им из Лотарингии известия заставили его прежде всего отправиться туда. Эта область, которая отделяла его от Нидерландов, представлявших наибольшую часть его владений, была для него важнее всех остальных. Он собрал остатки своей муртенской армии, стянул подкрепления и осадил Нанси. Герцог Ренэ тотчас же вынужден был им к отступлению, так как неоплаченные наемники и союзники из Нижней Лотарингии занялись мародерством и отказались вступать в бой. Но опасение, что Карл снова утвердит свою власть в Лотарингии и оттуда нападет на Эльзас, побудило города оказать герцогу Ренэ денежную помощь, так что, когда он предложил швейцарцам ежемесячное жалованье

по 4, а затем по 4 S гульдена на каждого, они дали ему разрешение вербовать войско под наблюдением должностных лиц. Таким образом Ренэ собрал из лотарингцев, эльзасцев, австрийцев, французов и швейцарцев войско приблизительно в 20 000 человек, которому Карл мог противопоставить, пожалуй, самое большое 10 000 человек.

Карл не мог решиться на отказ от Нанси, который ввиду начавшегося голода был уже близок к сдаче, а продолжал осаду и с главными своими силами под самой южной частью города вступил в сражение с войском, предназначенным для снятия осады. Таким образом, он должен был оставить еще часть своих войск для прикрытия лагеря на случай вылазки и имел в тылу неприятельский город, который отрезал ему естественные пути к отступлению[83].

Возможно ли, что он не имел представления о подавляющем превосходстве приближающейся армии[84]? Или же он с необузданным упрямством решил осуществить высказанное им в гневе по поводу дурного поведения своих войск перед миланским посланником грозное обещание[85], что в следующий раз он построит их так, что они должны будут либо драться, либо умереть?

Этому же посланнику он говорил также, что в

следующий раз он в войне с швейцарцами даст приказ половине своих копий спешиться и одной большой колонной сражаться пешими. При этом он исчислял армию в 2 000 копий, а баталию пехоты – в 10 000 человек. В этом некоторые авторы хотели усмотреть запоздалое подражание швейцарцам[86], а Рюстов в своей "Истории пехоты" (т. I, стр. 186) по этому поводу отмечает, что из этого видно, что Карл ровно ничего не понял в местной природе швейцарской пехотной тактики. Ибо швейцарская колонна представляет собой колонну с холодным оружием, которая сильным натиском опрокидывает противника, и сопровождается только небольшим отрядом ведущих перестрелку лучников; копье в армии Карла состояло, якобы, из 3 арбалетчиков, 3 стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, 3 пикинеров и одного рыцаря[87], большинство копья составляли, следовательно, стрелки, которые ни в коем случае не в силах были устоять под натиском одной мощной сомкнутой колонны алебардщиков и пикинеров. Но упрек Карлу в том, что он все еще не сумел усвоить тактику швейцарцев, я считаю необоснованным; он вовсе не высказал намерения вполне подражать швейцарцам, но сказал лишь, что он пехоту свою построит в единую мощную колонну, потому что

так поступают швейцарцы[88]. Разница сравнительно с прежними его распоряжениями состоит лишь в том, что вместо боя по отдельным копьям, – причем различные роды войск могли оказывать друг другу взаимную поддержку, – теперь одна половина войска смыкается теснее, а рыцари спешиваются и, следовательно, теснее сливаются со стрелками и пикинерами.

Это – издавна знакомая нам картина. Карл не создал, да и не хотел создавать, чего-либо принципиально нового. Если бы сражения под Грансоном и Муртеном получили полное свое развитие, вместо того чтобы с самого же начала вследствие паники и внезапного нападения превратиться в хаос, то и там получились бы подобные результаты. Различие заключается лишь в том, что с самого начала благодаря спешиванию рыцарей и сплочению копий в одну массу костяк войска делался более прочным.

Свою малочисленную пехоту, построенную таким образом, Карл поставил на таком месте, где между р. Мертой – слева и лесом – справа, фронтом на юг, оставался неширокий проход; справа и слева от пехоты выстроилась конница. Из этого видно, что он, так же как и прежде, рассчитывал на то, чтобы огнем стрелков, в особенности же артиллерийским огнем, нанести

неприятелю тяжелый урон, возможно даже остановить его наступление и затем атакой рыцарей опрокинуть его. Фронт пехоты имел еще, кроме того прикрытие в виде ручья и отчасти густой живой изгороди.

Но союзники остерегались атаковать с фронта эту сильную позицию. Карл вероятно, ошибся в расчетах в отношении своего флангового прикрытия. Союзники образовали 3 колонны, из которых одна, составлявшая арьергард, только демонстрировала[89] в центре, в то время как колонна главных сил – с левой стороны и авангард – с правой одновременно произвели обходное движение обоих флангов бургундской армии. Переход произошел при сильной снежной метели, что весьма затрудняло, но вместе с тем и маскировало его; дорога через лес и полузамерзший ручей справа от бургундцев была для колонны главных сил весьма затруднительна и утомительна, но зато привела ее вместе с провожавшими ее отрядами конницы и стрелками к флангу противника. Смелая атака бургундских рыцарей на лотарингских вначале имела некоторый успех, но, в конце концов, была сломлена огнем стрелков и отрядом пикинеров.

Попытка навести на них бургундские пушки дала незначительный эффект. Колонна главных

сил, быстро продвигаясь вперед, смяла бургундцев.

С другой стороны подошла приблизительно столь же сильная колонна из авангарда. Идя в тесно сомкнутом строю вплотную вдоль реки, она осталась вне обстрела бургундских орудий. Снежная метель, вероятно, оказалась для нее еще более важным прикрытием, чем для колонны главных сил.

Едва только обе колонны с их огромным превосходством сил подступили к бургундской позиции, как, конечно, одержали верх и уничтожили большую часть неприятельского войска. Сам герцог Карл пал.

Обход и атака швейцарской колонны главных сил следующим образом описываются в "Chronique scandaleuse" Жана де Труа (Jean de Troyes, Collection Petitot, т. XIV, стр. 50); "Et si tost que lesdits Suisses se trouverent au dessus et au costй dudits duc de Bourgongne, tout a und coup se tournerent le visaige vers luy et son armee, et sans arrester, marcherent le plus impetueusement et orgueilleusement que jamais gens firent. Et a I'approucher pour joindre deschargerent leurs coulevrines a main, et a ladicte descharge qui n'estoit pas des generaulx des finances, tous les gens de pil dudit de Bourgongne se mirent en fuite".

Отсюда ясно, что представление писателя о ходе дела в общем правильно, но если бы у нас было только его свидетельство, то мы несомненно приписали бы

слишком большое значение действию кулеврин, и, может быть, Жан де Труа избрал гиперболический оборот для того, чтобы иметь возможность ввести игру слов ("dйcharge" (залп) стрелков отнюдь не есть "dйcharge" (квитанция) сборщиков податей).

Впрочем, и Коммин переоценивает швейцарских стрелков.

Глава VIII

ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

По моему плану, за пятой частью, заканчивающей средневековую эпоху военной истории выступлением швейцарской пехоты на окрестные равнины, должна была следовать еще шестая часть, где я хотел объединить ряд таких моментов общего характера, которые или не могли быть включены в последовательное историческое изложение, или же вытекают из этого изложения. Но этот том уже настолько разросся, что я изменил свое намерение. То, что я имел в виду еще сказать относительно истории оружия и строительства крепостей, в рамках этого труда вообще может быть обойдено молчанием.

По затронутому выше вопросу о том, сделалось ли около 1400 г. рыцарское вооружение временно снова более легким (что утверждает также Бутарик, стр. 286), я также еще не пришел к вполне определенному выводу. Главнейший момент – возникновение огнестрельного оружия – я переношу в следующий том. Но, как мы видели, существенного значения это оружие (хотя и употреблявшееся уже в течение 150 лет) до 1477 г.

еще не получило: рыцарство было побеждено не благодаря этому изобретению, как все еще продолжают говорить, а напротив, его осилили пехотинцы с холодным оружием, несмотря на то, что под конец оно (рыцарство) пыталось укрепить себя огнестрельным оружием[90]. Поэтому правильно будет рассматривать возникновение и характер огнестрельного оружия в том месте нашего труда, где по ходу события это новое оружие начинает приобретать решающее значение для ведения войны, а не только применяется, как до тех пор, наряду с луком и арбалетом и "Blide" и "Tribock" в качестве несколько иначе сконструированного, но подобно им действующего оружия.

Я опускаю и другие мелкие исследования, сопоставление засвидетельствованной и действительной численности армий, вновь и вновь повторяющиеся легенды и т.п. и коснусь только вопроса о военной теории в средневековье.

ТЕОРИЯ

Даже в классической древности военная теория, как мы видели, за исключением некоторых рассуждений Ксенофонта, была очень скудна. Тем менее мы можем требовать чего-либо

от средневековья, где сословие воинов было существенным образом разобщено от сословия носителей культуры – духовного.

Рабан Мавр (Rabanus Maurus), аббат из Фульды и архиепископ Майнцский (умер в 856 г.), посвятил королю Лотару II, внуку Людовика Благочестивого, трактат о душе с приложением, в котором указано было все заслуживающее подражания в римском военном деле. Бедствия, которые претерпевали отдельные части Каролингской империи от норманнов, вероятно, побудили искать способ спасения также и в литературе, а так как. образованный архиепископ происходил из знатного франкского, следовательно, военного рода, то в нем объединились необходимые для такого предприятия качества и познания. Он, разумеется, не мог сделать ничего другого, как составить извлечение из Вегеция, чей труд был в свое время написан по таким же точно побуждениям. Поскольку Рабан только воспроизводит Вегеция, он не говорит ничего нового, но его сочинение[91] становится интересным, если сопоставить, какие выдержки он сделал, что опустил и какие добавления ввел. Из того немногого, что Вегеций говорит по поводу римских строевых занятий, Рабан почерпнул

только одну фразу о том, что римляне соблюдали порядок и в пылу сражения следили за своими знаменами ("ordines seruare scirent et uexilla sua in permixtione bellica custodirent", гл. XIII). Главным образом воспроизведены замечания о физических качествах рекрут и о физических упражнениях во владении оружием. По поводу упражнений конницы архиепископ прямо добавляет, что это искусство процветает у франков (гл. XII). Но интереснее всего его замечание (гл. III) о том, что юноши, предназначенные для военной службы, должны с ранних лет воспитываться и закаляться для своей профессии и что это соблюдается и в переживаемый составителем период, особенно при дворах властителей. (Legebantur autem et assignabantur apud antiquos milites incipiente pubertate: quod et hodie seruatur, ut uidelicet pueri et adholescentes in domibus principum nutriantur, quantinus dura et aduersa tollerare discant, famesque et frigora caloresque solis sufferre).

Следующий средневековый теоретик, которого мы встречаем только спустя 450 лет, также является духовным лицом. Это – Эгидий Роман или Колумн (Aegidius Romanus или Columnus или a Columnis), родился в 1247 г., умер в 1316 г., итальянец по происхождению, августинский генерал, парижский профессор, архиепископ

Буржа и кардинал. Он написал для короля Филиппа Красивого, тогда еще наследника престола, книгу "De regimine principum", в которой трактуются также и военные вопросы[92]. Эгидий также в основном воспроизводит Вегеция и не в состоянии устранить или со знанием дела заменить то, что не отвечает условиям его времени. Следуя своему римскому образцу (I, гл. XXVI), он описывает (гл. XII) строевые занятия пехоты и конницы: они должны приучиться выстраиваться по рядам в линии, сдваиваться, образовывать четырехугольник, треугольник, круг и т.п., т.е. вещи; которые частично не существовали ни во времена Вегеция, ни в какое-либо другое время, а меньше всего в средние века[93].

Эгидий, однако, приумножает приукрашает "старинную теорию" замечательным утверждением, что треугольник нетрудно образовать: нужно только разрезать четырехугольник по диагонали и составить стороны четырехугольника. Даже для самого знаменитого мастера строевой службы старопрусской армии 1806 г., ген. фон Сальдерна, выполнение этого предписания представило бы трудности.

Эгидий, понятно, воспроизводит и 7

знаменитых боевых порядков Вегеция (III, 20) – круг, клин, подкову. Он пропускает только косой боевой порядок, "quadrengularis forma" (четырехугольная форма), он считает "magis inutilis" (менее полезной), очевидно потому, что это не имело такого красивого вида, как "щипцы" или "подкова".

Наш автор оказывается в некотором затруднении (гл. V), так как его авторитет, Вегеций, говорит, что наиболее пригодным для войны является rustica plebs (деревенский народ). Эгидий противопоставляет ему urbani (горожан) и nobiles (знатных) и, в конце концов, считает очень правильным, что для боя нужна не только мозолистая рука, но также "velle honorari ex pugna et erubescere turpem fugam... industria et prьdencia, sagacitas et versutia" (воинское честолюбие и стыд перед позорным бегством, изобретательность, предусмотрительность, мудрость и хитрость). Этими качествами обладают nobiles (знатные) и поэтому им, – особенно на конях, что помогает переносить физическое напряжение, – нужно вопреки Вегецию отдать предпочтение перед rusticis (деревенщиной). Средневековый ученый не доходит до той мысли, что между сражением по рыцарскому и по римскому способам имеется разница, и что именно поэтому его смущение и его

рефлексия могут служить нам благоприятным свидетельством.

В заключении приведем еще 12 пунктов, на которые, по Эгидию, нужно во время сражения обращать внимание, причем то здесь, то там проглядывает кое-что из средневековых понятий. Прежде всего от требует (гл. IX), чтобы полководец был sobrius, prudens, vigilans, industrius (трезв, предусмотрителен, бодр, изобретателен) и обращал внимание на:

1) число бойцов;

2) упражнения (exercitatio): "те, у которых руки непривычные колоть и члены не подготовлены упражнением к войне", никуда не годятся; при этом, следовательно, принимается в расчет только индивидуальное упражнение, а не коллективное, которое мы называем строевой подготовкой;

3) закалку в перенесении тягот;

4) мужество и duricies corporis (телесную крепость);

5) versutia et industria (хитрость и изобретательность);

6) vinlitas et audacia mentis (мужество и отважный дух);

Далее:

1) кто имеет большее число лучших лошадей;

2) лучших sagitarii (стрелков);

3) больше всего продовольствия;

4) поле сражения "qui sunt in altiori situ vel meliori ad pugnandum" (расположенное на более высоком месте, т.е. более удобном для боя);

5) солнце и ветер;

6) кто больше всего ожидает auxiliares (вспомогательные силы).

Как здесь, так и в дальнейшей главе (XIV), в которой автор еще раз возвращается к вопросу об условиях, когда удобно и выгодно принимать (давать) сражение, он, кроме замечания о том, что воевать лучше в порядке, чем в беспорядке, не дает никаких указаний. То, о чем мы охотнее всего послушали бы, – о вопросах взаимодействия разных родов войск, тяжелых и легких всадников, пеших копейщиков и стрелков, – об этом мы ничего не находим у Эгидия, хотя Вегеций кое-что об этом и говорит (вспомним, например, его замечание о том, что стрелы и пращи должны наносить урон противнику раньше, чем сблизятся боевые линии).

Примерно, в то же время король кастильский Альфонс Мудрый приказал составить свод законов (1260 г.), содержащий также и тактические уставные предписания[94], опять-таки позаимствованные у Вегеция. Как мало общего они имеют с действительным военным делом

своего времени, еще больше, чем заимствованные у древнего писателя, свидетельствует добавление по поводу формы полого четырехугольника. Его образуют, – говорит мудрый правитель, – для того чтобы король смог там укрыться и найти защиту. Это действительно напоминает то, что обычно приписывалось средневековым пешим кнехтам; но, – слышим мы дальше, – чтобы сами воины не могли бежать, им связывают ноги.

При этом понятно, – продолжает король Альфонс, – при победе нельзя преследовать противника, но эта неподвижность выражает презрение к врагу. Говорится ли это в шутку? Ни малейшим образом: все это излагается с полной серьезностью, а самое главное – два практика, ген. Келер (III, 2, 264) и подполковник Иенс[95] без всякого возражения включили этих связанных по ногам воинов в свои работы. Иенс прямо присоединяется к Дельпешу в том смысле, что здесь речь идет "не об одних лишь ученых подражаниях", а об изображении действительно принятых в XIII в. способах сражения. Здесь будто бы не только латинские обозначения всюду заменены кастильскими, "но угрозы наказания, заключающие закон, обязывают начальников к выполнению как дисциплинарных, так и тактических уставов, что безусловно имело

предпосылкой возможность выполнения их войсками". Поскольку не только в XIII в., но и во все времена для победы чрезвычайно важно, чтобы солдаты не дезертировали, то, быть может, и теперь следовало бы попробовать связать ноги солдатам, а для того, чтобы парни не смогли перерезать веревку, пожалуй лучше всего отобрать у них оружие: тогда противник сразу увидал бы, как сильно его презирают.

Мораль: будем снисходительны к ученым профессорам, которые пропускают сотни тысяч воинов Ксеркса через греческие ущелья, и при определении разницы между македонскими фалангитами и римскими легионерами приходят к несколько невероятным результатам.

Я не сомневаюсь, что тонкий знаток Вегеция, составивший военные уставы короля Альфонса, был невоенным человеком, а так же как и Рабан и Эгидий, – духовным лицом, и именно благодаря своему знакомству с классическими авторами поддался соблазну ввести в судебник приведенные выше размышления.

Следующий военный писатель средневековья – опять-таки не военный, а женщина – Христина де Пизан (Christine de Pisan)[96]. Она была (родилась в 1364 г.) дочерью итальянского врача и астролога при дворе французского короля.

Поэтому Христина имела аристократические связи, между прочим, при английском и бургундском дворах, и пользовалась большим уважением как ученая, писательница и поэтесса. В одном стихотворении незадолго до своей смерти она уже прославляла выступление Орлеанской девы. Среди ее многочисленных произведений находится также военно-исторический трактат под заглавием "Faits d'armes de chevalerie", написанный между 1404 и 1407 гг.[97]. Этот труд в основе своей также является обработкой древних писателей: наряду с Вегецием особенно Фронтина. Христина несколько больше разбирается в разнице времени, чем Эгидий и Альфонс, но все же она в состоянии написать (кн. 1, гл. XXIV), что древние обращали внимание на то, чтобы hommes d'armes при развертывании для боя не пугались крика, который испускали иногда gens de commune или воины, испытывающие страх, и поэтому руководили ими при помощи трубного сигнала.

Она хочет, чтобы юношество воспитывалось в военном духе, но делает разницу между дворянством и народом. Дворянство должно с детства упражняться во всех видах рыцарского искусства, простой же народ – только в метании камней и стрельбе из лука.

Свои рассуждения по поводу боевого порядка

(гл. XXIII) она начинает очень разумным замечанием о том, что ее время отличается от времени Вегеция в том отношении, что теперь больше воюют на коне, чем пешком. Но вместо того, чтобы ознакомить нас со своим временем, она, к сожалению, сообщает, что в этом пункте будет очень кратка, так как все это известно привычным к оружию людям.

Жан де Бюэйль (Jean de Bueil, умер в 1477 г.), поколением моложе Христины, был известным капитаном при Карле VII и уже в старости (между 1461 и 1466 гг.) частью составил, а частью помог составлению книги в форме романа, наподобие "Киропедии" ("Воспитания Кира"), которая должна была служить руководством военному воспитанию молодых дворян. Книга называется "Le Jouvencel" и может быть причислена как к исторической, так и к теоретической литературе[98], она представляет собой военные мемуары Бюэйля, но только под вымышленным именем (Амидас – король Карл VII). Действительными составителями были, по всей вероятности, трое из свиты капитана, которые, очевидно, и внесли в роман ученые украшения из древних авторов. "Le Jouvencel" должен был юного дворянина учить "слушаться, воевать и, в конце концов, приказывать"; это заставляет нас от

книги ожидать многого. И действительно, я нашел в ней кое-что интересное: например, указание о том, что князь должен треть своих расходов употреблять на разведывательную службу (en espie), и настоятельное предостережение с многочисленными примерами не атаковать в пешем строю, а выжидать атаки[99], систематическая обработка и сравнение с действительностью теоретических мыслей XV в. по поводу тактики и стратегии Jouvencel, Христины и некоторых более мелких сочинений могли бы послужить предметом специального исследования. Но по причинам, указанным выше, я счел возможным отказаться от этого. К тому же крупных результатов это не дало бы.

Совсем другой характер имеет военная книга под названием "Bellifortis", написанная в Богемии современником Христины де Пизан, франкским дворянином из Эйхштедта Конрадом Кьезером (Konrad Kyeser). Это книга чисто технического характера и состоит из многочисленных рисунков, снабженных объяснениями на латинском языке, большей частью в гекзаметрах. Подобные картины появились очень давно и восходят, быть может, частью к византийским образцам; в течение всего XV в. распространялись, продолжались и вновь изготовлялись такие

военные книги с картинами. Стимулом для подобной литературы послужило новое искусство пиротехники, но эта литература глубоко отвечает также духу времени. Иенс[100] превосходно охарактеризовал ее следующим образом: "Технические рисунки античных кодексов, особенно часто встречающиеся в византийских военных энциклопедиях, своеобразно соответствовали вкусам конца средневековья. Ведь это было время, когда при помощи рычагов и винтов надеялись постичь всевозможные тайны. Время, когда воображали, что все засовы, закрывающие доступ к сверхъестественной силе, можно отодвинуть, если только бородка употребляемого ключа достаточно замысловата. Непонятное не отвергалось, а тем старательнее оберегалось традицией, чем меньше могли постичь. Античные предания и собственные изобретения странным образом соединялись с астрономическими, мистическими и алхимическими элементами. Именно пиротехника создавала мост между этим таинственным знанием и житейской практикой, тем более что большая часть того времени была посвящена этой отчасти технике некромантов в военном деле. Пиротехника и оружейное ремесло были к концу XIV и к началу XV в. еще окружены

своеобразным нимбом, в свете которого, не свободном от таинственных побочных отблесков, пиротехники казались одним из самых почетных классов мудрецов вообще, а в частности – признанными носителями военной магии".

Решающее значение в этой характеристике имеет выражение, что непонятное не отвергалось, а старательно оберегалось в традиции. То, что прибавляли от себя, было, – как Иенс опять-таки очень метко говорит в другом месте (стр. 291), – смесью опыта и воображения, часто носящей наивный характер. Поэтому для истории военного искусства из этих многочисленных книг почти ничего нельзя почерпнуть, – и не только потому, что они касаются техники, которая как таковая не составляет предмета нашего труда, но и в силу того, что прочие случайные данные не заслуживают доверия. Уже говоря об античности, мы установили, как мало можно почерпнуть из теоретических сочинений, поскольку они невероятно противоречат действительности, вместо того чтобы ее отражать. Если приходится так говорить о древнем мире, который все же более воспитан в духе рационального мышления, то, тем более, это служение касается средневековья, для которого и без того непривычна критика. Эти технические сочинения

XV в. полны авантюрных подробностей, а потому им можно доверять только при наличии основания для такого доверия. Так, например, у Кьезера встречается боевая колесница с серпами, плавающие башмаки, кони, навьюченные пылающими поленьями, которые приводят противника в ужас, пушка, которая должна стрелять каменными ядрами диаметром в 1 S фута, но которая так непрочно сконструирована, что явно не может выдержать ни одного выстрела. К этой школе принадлежит и вышеупомянутый "moler und buchsenschiesser", который хочет атаковать противника клинообразно построенным вагенбургом и рекомендует в морской войне бросать в противника бочки с размягченной известью, чтобы ослепить его, или бочки с жидким мылом, чтобы сделать палубу скользкой. Здесь вы найдете и пушку, стреляющую за угол, по праву называемую "machina mirabilis" (чудесная машина).

Тактические предписания имеются главным образом в одном анонимном сочинении, приблизительно от 1450 г.[101], и в ненапечатанных сочинениях Филиппа фон Зельденека (Von Seideneck)[102] около 1480 г., но дух тот же, что и в рукописях с рисунками противоречащее действительности теоретизирование, из которого

трудно что-либо почерпнуть. В заслугу Зельденеку можно поставить уже то, что он, по крайней мере, не имеет ничего общего, как анонимный автор, с треугольным построением пехоты, которая своим острием должна врезываться в противника.

Наиболее значительным из этих трудов является книга итальянца Роберта Вальтурио (Roberte Valtuno), написанная около 1460 г. и 1472 г., – может быть, первая книга, напечатанная в Италии. В "Истории военной науки" Иенса имеются основательные рефераты по поводу всех этих сочинений, что избавляет от необходимости касаться их более подробно в данной связи.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТРУДЕ ГЕНЕРАЛА КЕЛЕРА

В этом томе я больше всего вынужден был полемизировать с большим трудом ген. Келера[103] и поэтому в заключение считаю необходимым дать о нем связный отчет.

Этот автор после 41 года практической работы в качестве артиллериста занялся изучением военной истории средневековья и с железным прилежанием овладел как огромным материалом первоисточников на разных языках, так и соответствующей литературой. Он знает требования исторического метода и в своем предисловии (а также в предисловии в т. 3, стр. XIV) развивает совершенно правильно тезисы и взгляды относительно значения и трактовки

военной истории, он особенно подчеркивает, что не только историк нуждается в особой подготовке для анализа военно-исторического события, но и военный ни в коем случае не может на основании одних только знаний современного военного дела правильно понимать минувшие эпохи военного искусства и судить о них; он приводит целый ряд достаточно уважаемых военных имен, которые приступили к такого рода задачам, не имея правильной исторической перспективы, и поэтому – по безусловно правильной оценке Келера – потерпели неудачу. Он не впадает также, – и в этом заключается его особенная заслуга, – в естественную ошибку – переоценку значения военной истории для солдата и даже прямо говорит (т. I, стр. XXI), что для практического образования молодых офицеров она ничего не дает.

Но как ни удачна комбинация военного опыта, большой эрудиции и энергичного порыва овладения предметом изнутри, – он все же не достиг того слияния всех этих качеств, являющегося предпосылкой научной плодовитости По поводу сражения при Кортенуова (I, 212) он переводит "cum ad rem ventum est neutrum eligerunt" (т.е. когда дошло до дела, они отвергли и то и другое) "что сражение должно было происходить при равных условиях, даже в отношении ветра", так что можно даже усомниться, понимает ли он вообще по-латыни. Здесь, однако, мы имеем только случайную невнимательность; впрочем, только очень редко встречается мелкая ошибка в переводе, которая с лихвой искупается тем, что тот же автор сумел бесспорным образом исправить текст одного латинского документа – Вейсенбургского

права министериалов (т. I, стр. 212, нем. изд.). Таким образом, он был отлично вооружен внешним аппаратом, но не обладал в достаточной степени ни силой критики, ни силой интуиции. У Вайца также не было никакой интуиции, но благодаря своей энергичной критике он дал многое. Иене имел, по существу, очень мало от обоих качеств – критики и интуиции, проявляя их, я бы сказал, только редко, но благодаря неутомимому усердию, легко обозримому расположению материала и блестящему изложению он создал столь радующие и полезные труды, как "Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance" или "Geschichte der Kriegswissenschaften".

Келер задался более высокой целью, но ввиду ограниченных сил потерпел неудачу в основном. Правда, в отношении некоторых деталей его оценка была правильной. Его замечания относительно стрельбы из лука (II, 367, III, предварительные замечания) превосходны; его описание местности Танненбергского сражения образцово; его взгляды на вооруженную свиту рыцарей имеют значение открытия; его резкая критика труда[104] Дельпеша обоснована, и можно было бы привести еще многое. Но достойное похвалы и ценное в его книге остается, к сожалению, в пределах такого рода деталей.

Уже самый план его работы ложен.

Келер говорит (т. I, стр. XXXIII), что труд его порожден "полным преобразованием военного дела, вызванным введением ленной системы, середина XI в., когда система достигла известного завершения, знаменует собой некоторый исторический рубеж".

Но к середине XI в. ровно ничего не было

завершено. Феодализм завершил создание военной организации в IX в., а процесс образования замкнутого военного сословия из возникшего воинства завершился в XII в., после того как в XI в. этот процесс зашел уже очень далеко.

Ложный исходный пункт дал повод к установлению самых невероятных связей. Оружие и военное дело германо-романских народов исходят, якобы, из Византии. "Рипуарская правда знает в качестве оружия только меч, копье и щит. Это было обычным для того времени византийским оружием" (III, 1, стр. IV; III, 1, стр. 8). " Положением своего военного искусства в XIII в. Запад обязан только 800-летнему соприкосновению с Византией" (III, стр. I). "Средневековье не только усвоило основы ведения боя римских легионов, подобно тому как они в Византии были перенесены на сражение конницы, но, прогрессируя, оно в основном создало методы сражения, которые господствуют и теперь" (III, 3, стр. 1).

Недостаток исторического инстинкта, проявляющийся в этих замечаниях, все время находится в странном противоречии с критическим методом, значение которого автор теоретически хорошо понимает.

В 1302 г. фламандцы, по словам Келера, на основании какого-то источника были построены в форме щита с острием, направленным вперед, причем отдельные бойцы были связаны друг с другом, благодаря чему нельзя было прорвать их ряды (III, 2, 261). И при Фалькирке он изображает шотландцев связанными друг с другом (III, 2, 264). При Никополе храбрые французские рыцари так испугались главной

массы турецкой армии, что не были даже в состоянии вытащить мечи (II, 650). Также и при Азинкуре французские рыцари погибают почти без сопротивления (II, 771).

В т. III, 2, 266, Келер описывает, как Ричард Львиное Сердце с 80 рыцарями и 400 арбалетчиками устоял против армии в 20 000 конных, под начальством самого Саладина. Бой продолжался с утра до 3 часов пополудни, когда Ричард сам перешел к нападению.

Вагенбург Келер рассматривает как прикрытие во время марша (III, 3, 384).

"Предшественники ландскнехтов не смогли создать свои организации, так как были истреблены после войны". Спрашивается, почему сильные люди, которые истребили "свободу" после войны, не вели войну без нее? Освещению вопроса не помогает и следующее признание: "в 1386 г. герцог Рупрехт младший приказал бросить в печь для обжигания кирпича и сжечь 60 человек из этих своевольных кнехтов" (Кенигсгофен, 845). "После епископских войн страсбуржцев в 1393 г. была устроена форменная охота на них" (Кенигсгофен, 691).

Генезис всех этих противоречий ясен и поучителен. Келер делает ту же ошибку, которую часто делают и наши филологи при трактовке древней истории: он слишком зависит от отдельных случайно сохранившихся, случайно носящих ту или иную окраску показаний историков. Но если бы дело ограничивалось только этим, то его книга все же давала бы хорошо упорядоченную и очень ценную регистрацию. Но так как он, – по его мнению критически, а на самом деле очень произвольно и

фантастически, – эти источники в то же время и толкует, то получается обычный в таких случаях результат.

По поверке с источниками в руках его изложений и анализов сражений, на которых должна быть построена всякая история военного искусства, мы должны их отвергнуть во всех случаях. Мы уже видели, что зачастую она представляет собой чистый продукт фантазии; нет смысла возвращаться к этому. Больше всего вреда он причинил тем, что новейшие швейцарские исследователи, опираясь на его авторитет, а также на Пенса, в противовес Рюстову и Бюркли снова приняли нелепое представление о боевом порядке в виде треугольника. Особенно В. Эксли (W. Oechsli) в своей статье, помещенной в "Schw. Monatsschrift fьr Offiziere aller Waffen" (1902 г.), пытался на основании источников выставить "острие" в виде треугольника. Поэтому я вновь кратко повторяю уже сказанное по этому поводу. Прежде всего нужно установить различие между пехотой и конницей. Конница вообще не может иметь глубокого боевого построения, по отношению к ним "острие" – не форма боя, а форма сближения и в качестве такового является просто надуманной тонкостью, не имеющей практической ценности, хотя и бывшей иногда в моде. Иначе обстоит дело с пехотой. Здесь глубокое построение имеет тот смысл, что задние ряды нажимают на передние, – у конницы это может не иметь места.

Если колонна имеет глубокое построение (и людской квадрат больше в глубину, чем в ширину, вследствие того, что расстояние от переднего воина больше, чем от соседа), то легко случается, что или

оба передних угла настолько отстают, или задний в пылу сражения напирает, или одновременно имеет место и то и другое, и, таким образом, четырехугольная колонна при столкновении действительно принимает форму, напоминающую треугольник. Это может случиться даже с линией – пример чего приводит Фридрих Великий в сражении при Фонтэне в 1745 г. ("Hist. de mon temps.", II, 355). То же сообщают и относительно английского каре в сражении при Бель-Альянсе; иногда, – правда, очень редко, – эта информация изображается средневековыми рассказами о сражениях как преднамеренная[105], а теоретики, начиная с Вегеция, с пониманием действительности которых мы познакомились, вновь и вновь возвращаются к представлению, что с таким острием можно, якобы, "рассечь" врага. Но это невозможно, потому что для рассечения неприятельской колонны воин, образующий острие треугольника, должен был сперва одолеть воина, с которым он сталкивался.

Этого он, однако не может даже в случае значительного превосходства над ним, так как во время боя его атакуют два соседа его противника, не имеющие никого непосредственно перед собой, а даже самый сильный человек не может устоять против троих. Даже в том случае, если в первом ряду треугольника стоит не один воин, а несколько, получилась бы та же картина: передние всегда были бы окружены. Только если острие клина достаточно широко, т.е. когда оно представляет собой не треугольник, а четырехугольник, то это неудобство так мало, что совсем пропадает (см. т. II, стр. 43 и 399 нем. изд.).

Слова "Spitz" и "cuneus" вовсе не могут служить доказательством треугольного построения. Слово "Spitz" в двуязычных документах просто переводится словом "acies", а "cuneus" уже у Ливия является обозначением фаланги и в древне-верхненемецких глоссах переводится словами "folcb" или "heriganoscaf" (как multitude), а немецком Вегеции Людвига Гогеиванга (отпечатано около 1475 г.) преведено "ain besamelte mengin der rittet"[106] и в боевых песнях встречаем выражение: "ordenten ihr Heer in spitz und ordnung wie ein mur".

На одном уровне с треугольным построением находится представление Келера о 3 линиях рыцарства. Подумать только: каждая их этих линий состоит в свою очередь, из "Клиньев ", т.е. колонн в 20–30 лошадей глубиной; и таковы не походные, а боевые построения! Единственные бойцы, которые при таком боевом порядке в состоянии пустить в ход свое оружие, это бойцы первой шеренги в первой линии; следовательно, одна шестидесятая или девяностая часть армии. И это у всадников, где задние ряды даже не в состоянии нажимать на передние, тесня их вперед, и где естественная слабость флангов еще гораздо больше, чем у пехоты Ничего нет удивительного в том, что автор с такого рода представлениями верит в построение испанцев, при котором солдаты были связаны между собой ногами.

Венцом этих откровений являются "круглые" фаланги германцев, о которых сообщает Цезарь, и в которых аллеманы, якобы, рубились под Страсбургом (III, 2, 233, 235; III, 3, 136).

И саксы в сражении при Унструте, в 1075 г., будто бы сомкнулись в круг, "который, впрочем, после

отважного сопротивления не выдержал повторных атак императорского войска" (III, 2, 257). Место, которое при этом цитируется, гласит у Ламберта, стр. 184: "Когда они, едва переведя дух от страха, внезапно остановились, то образовали весьма тесный круг, не ожидая сигнала, как это обычно у готовящихся вступить в бой" – здесь обрывается цитата у Келера; Ламберт же продолжает: "дают шпоры коням и во весь опор несутся на противников".

В конце концов, Келер не имеет права считать себя авторитетом в области история военного дела и не должен был позволять себе грубо и свысока третировать исследователей как Рюстов, Оман, Бюркли и Бальцер.

Глава IX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место дисциплинированных легионов древнего мира и средневековья заняла военная каста, основанная всецело на личном мужестве и личных качествах воина. Одновременно с исчезновением тактической единицы древнего мира исчезла также резкая грань и обособленность между отдельными родами войск. Квалифицированный единоборец сражается на коне или пешком в зависимости от обстоятельств и попеременно употребляет пики, меч и лук. Постепенно вновь образуемые в средние века роды войск возникли путем дифференциации. Венцом единоборства является, с одной стороны, закованный в тяжелые латы рыцарь на закованном в панцирь коне и, с другой – вследствие односторонности и беспомощности этого рода войск – различные вспомогательные роды войск, конные и пешие, которые, однако, играют только вспомогательную роль и не развиваются до способности действовать самостоятельно.

Особенно пешие копейщики не могут в отрытом поле соперничать с рыцарями: наскок

рыцарей, в случае нужды при содействии стрелков, рассеял бы их и лишил наступательной силы; одни стрелки также не могли выдержать рыцарской атаки в открытом поле.

Эти рыцари и эта пехота не представляют того, что мы называем кавалерией и пехотой. Несмотря на большую схожесть вооружения, они все же по духу, образу действий и по своему понятию в корне различны.

Остановимся сперва на пехоте с холодным оружием. Разница между баталий средневековых копейщиков и фалангой, легионом или когортой заключается в том, что баталия не образует тактической единицы, т.е. организма, в котором множество воинов сливается в одну единую волю. Только организованные подобным образом пешие бойцы могут действительно называться пехотой. Пробой для нее является бой с конницей в открытом поле.

При помощи вагенбурга гусситской пехоте удается одолеть рыцарские армии. Но это только эпизод. Вагенбург – слишком громоздкий инструмент, чтобы вполне удовлетворять требованиям войны. Сколько-нибудь длительных последствий гусситская военная организация не имела.

Настоящая пехота снова возникает только у

швейцарцев. В сражениях при Лаупене, Земпахе, Грансоне, Муртене и Нанси мы снова имеем дело с пехотой, напоминающей фалангу и легионы.

Сочетание ряда моментов способствует возникновению нового искусства и силы в этой части германских альпийских стран. Горная страна сама по себе очень благоприятна для сохранения первобытной военной силы. Распад герцогства Швабии и гибель герцогского рода Штауфенов, вымирание Церингенского дома – все это помогло возникновению бесчисленных маленьких областей, подчиненных непосредственно имперской власти. Эти области, как некогда маленькие греческие кантоны, в постоянной борьбе между собой напрягали и упражняли свою военную силу. К тому же горная природа издавна давала крестьянским и городским общинам возможность искусным использованием местности не уступать рыцарским армиям и побеждать их.

В этих войнах они создали подходящее оружие и соответствующие боевые формы, сперва метание камней и алебарду, затем длинную пику, выставленную вперед многими шеренгами, и этим могли отразить нападение рыцарей. Ученые долго спорили о времени возникновения длинных пик, оспаривая даже изобретение их швейцарцами: это,

мол, оружие не крестьянское, а городское. Вопрос не так легко разрешимый да и не столь важный. Длинные пики упоминаются уже в числе оружия древних германцев (Тацит, Анналы, II, 14; ср. т. II, стр. 41, нем. изд.), затем снова у квадов и сарматов (Аммиан, XVII, 12), у саксов (Видукинд, 1, 9; Космас IV, 27) и в Италии ("Annal Januenses", 1240)[107]. Одни из них во все времена должно быть выбирали длинные пики, дабы держать врага подальше от себя, другие – покороче, дабы лучше владеть ими. Слишком длинную, свыше 20 футов, пику носить неудобно (ср. т. I, стр. 435, нем. изд.), и она пригодна только для боя сомкнутой баталией (она не годится даже для охоты). Атаку тяжело вооруженных рыцарей можно отразить уже с помощью пики в 10 или 20 футов при условии, что баталия тесно сомкнута. Поэтому нет надобности полагать, что швейцарские крестьяне уже при Моргартене или до него употребляли длинную пику. Быть может, только когда эти бои повторились снова и швейцарцы поняли огромную важность отражения конницы, они стали в крайних шеренгах четырехугольной баталии выставлять воинов с возможно более длинными пиками. Опыт Лаупена, очевидно, способствовал возникновению мысли о том, что в будущем с удлиненными пиками можно будет

стать еще сильнее. Однако, ни из источников, ни из хода сражения не видно, что такие пики применялись при Земпахе, а недавно высказано было даже предположение, что к очень длинным пикам перешли только после бургундских войн (т. IV. стр. 14, нем. изд.).

Щит непригоден ни при алебарде, ни при длинной пике, так как для владения им необходимы обе руки.

Воины с алебардами не носят также и панциря. Их защитой является то, что они составляют внутренние шеренги и ряды четырехугольной баталии. Только после того как сомкнутая баталия, "овладев натиском", раскидав врага, рассыпается и начинает преследование, только тогда начинается работа алебардщиков. Последние не нуждаются в особом оборонительном оружии, так как подлинная боевая сила противника уже сломлена. Пикинеры же, образующие крайние ряды четырехугольной баталии для отражения атак рыцарей, имеют панцирь и шлем, защищающие не только от копья и меча рыцаря, но и от стрел, дротиков и пуль стрелков. Пика и панцирь так тесно связаны друг с другом, что когда в источниках говорится о броне (Harnisch), то пика даже не упоминается отдельно, а подразумевается сама собой[108].

Стрелки идут врассыпную подле баталии, а если их теснят, они вливаются в нее.

Чем больше сомкнута баталия, тем труднее коннице разбросать ее и тем сильнее ее натиск. Все же не советуется выстраивать все войско в одну баталию, так как такая баталия очень легко может попасть под двухстороннюю атаку, как это имело место со швейцарцами при Лаупене; в таком случае баталия становится беспомощной. Поэтому швейцарцы выработали следующий метод: вне зависимости от численности армии они строились в 3 большие, согласованно действующие баталии. Эти 3 баталии стояли не непосредственно рядом или одна за другой, а уступами, так что не мешали друг другу, и задняя баталия, вступавшая в бой несколько позже предыдущей, сохраняла некоторую свободу движений. Даже очень большая баталия в 10 000 человек, имея узкий фронт всего в 100 человек, располагала большой легкостью движений. Построение в 3 баталии можно с уверенностью доказать по источникам только начиная с XIV в.; при Моргартене и Земпахе в сражении ясно различимы только 2 баталии: одна, придерживавшаяся оборонительной тактики, и другая, совершавшая атаку во фланг. Не исключена, однако, возможность, что здесь

имелась и третья баталия, а так как она действительно выступает на сцену при Лаупене, то вообще мы можем предположить существование трех баталий еще в XIV в.

Владея соответствующим оружием, имея подходящую форму боевого построения и опытных руководителей, умевших использовать преимущества горной страны, крестьяне и горожане наполнялись духом уверенности, превратившей весь народ в воинов.

Еще и поныне швейцарский патриотизм не хочет расстаться со сказанием о Телле и Винкельриде и с представлением, будто их праотцы были невинным народом набожных пастухов, – народом, взявшим в руки оружие только для защиты своей свободы от чужих тиранов, сперва Габсбургов, а затем герцога Бургундского, направивших несчетные полчища против этого маленького народца. Благодаря этим ложным представлением уничтожается всякая возможность понимания событий. Правда, народное понимание может, очевидно, орудовать только такими картинами: это мы уже видели на примере с греками, которые также сумели прославить свои персидские войны только тем, что изобразили их как победу очень малого войска над бесчисленным противником. И в том и в

другом случае наука должна внести исправления в подобные представления, что вовсе не умаляет славы народных подвигов, а только перемещает их в другую сферу.

Швейцарские воины имеют тот же разбойничий, насильственный и жестокий характер, как и древние германцы. Швейцарские общины, – поскольку первый успех придал им самоуверенность, а снабжение в непосредственной близости от дома не представляло затруднений, – имели возможность против самой большой средневековой армии выставлять еще более внушительную армию; объясняется это тем, что рыцарские войска, даже включая кнехтов и наемников, по природе своей всегда были маленькими. Начиная от Моргартена и кончая Нанси, союзные армии всегда численно превосходили противников почти вдвое. Только благодаря этому они развернули всю свою колоссальную мощь; отдельные элементы, из которых складывалась эта мощь, максимально усиливали друг друга: в то время как повсюду в Европе профессиональными воинами становилась лишь очень малая часть народной массы, в швабских альпийских странах военный успех, практика, а также и сама природа придают всему войску профессиональный характер, а массы,

которых при таких условиях легко призвать под ружье, удваивают, в свою очередь, самонадеянность и уверенность в победе. К тому же государственное правление сознательно стремилось к тому, чтобы всех обуял страх перед швейцарцами.

В то время как европейские профессиональные воины, – как рыцари, так в наемники, – до известной степени щадили друг друга и, если убийство не было безусловно необходимо, довольствовались тем, что брали в плен, швейцарцы сразу же стали убивать каждого настигнутого врага; они категорически запретили брать пленных и убивали уже взятых. Даже во время междоусобных войн между самими союзниками (Старая Цюрихская война), когда жители лесных кантонов вместе с бернцами и другими кантонами захватили замок Грейфензее, они казнили (1444 г.) гарнизон цюрихцев, вынужденный сдаться "на немилость". Кровожадное убийство всех граждан мирного городка Штеффиса, хотя и вызвало некоторое порицание среди самих союзников, по существу представляло собой лишь обычное толкование принципа, что в бою никто не должен быть пощажен.

Если щадили "юных мальчиков", то источники

именуют это уже снисходительностью, а в первом общем военном уставе союзников – Земпахской грамоте, 1393 г., пришлось категорически предписать, чтобы, поскольку "благодаря женщине обновляется и размножается благополучие всех людей", никто не смел убивать, закалывать и насиловать жен и дочерей. Основной причиной военной жестокости швейцарцев была та опасность, которую грабеж и взятие в плен представляли для самих военных действий? Земпахская грамота была издана со ссылкой на то, что в бою можно было бы убить значительно больше врагов, если бы победители не слишком быстро бросались на добычу. Но так или иначе своим категорическим запрещением брать пленных они усилили страх в неприятельском лагере, и возможно, что паника, охватывавшая австрийский арьергард при Земпахе и бургундскую армию при Грансоне и Муртене, как только дело принимало – или даже казалось только, что принимает – неблагоприятный оборот, объясняется именно известным противникам обычаем швейцарцев не давать никакой пощады.

Когда Карл Смелый пошел против швейцарцев, то при выступлении из Нанси он обратился к своим капитанам с речью[109] о том,

что противник по своему обыкновению даст сражение у самой границы, в случае победы или нанесения ему даже самого незначительного поражения противник будет сломлен и его дело будет проиграно. Хотя выражения этой речи несколько утрированы, все же по своей идее она правильно выражает существо дела: храбрость швейцарцев основывалась на их успехе; успех вселял в них уверенность в победном исходе безудержного натиска, от которого рассыпались плохо спаянные отряды неприятельских армий, как бы ни была велика личная храбрость отдельных рыцарей или наемников.

Швейцарцев этой эпохи можно сравнить с древними германцами, а также с афинянами времен Перикла. По своей природе жители полуострова Аттики не были ни более храбрыми, ни более искусными мореплавателями, чем остальные греки. Но ход исторического развития и политика превратила все население в воинов на суше и на море, и это придало их мирной жизни основные черты военного профессионализма. Вот что заявил им их полководец Никий в своей речи перед сражением с сиракузцами. Сиракузцы представляют собой простое народное ополчение; они же являются отборными воинами, опытными в военном деле и понимающими войну[110].

Подобно этому и швейцарцы отличаются от остальных германцев не природными задатками, а различным историческим развитием и политическим воспитанием. Большинство габсбургских воинов было такими же швейцарцами, как и жители лесных кантонов. Победители Грансона и Муртена – в большинстве своем те самые люди, которые побеждены были при Моргартене, Лаупене и Земпахе: поскольку эти побежденные частью добровольно, частью по принуждению вступили в ряды победителей, они переняли также и их качества.

Четырехугольные баталии швейцарцев имели мужество, будучи пешим войском, вести наступательные действия против рыцарских армий и даже атаковать укрепленные позиции. Это представляет собой нечто совершенно новое с момента окончания древних времен и возникновения ленной военной организации. Еще в 1475 г. в начале бургундских войн союзная пехота при отступлении из Франш-Конте (Franche-Comtй) прикрылась от бургундских рыцарей тем, что построила вагенбург. В дальнейшем об этом никогда не было речи.

Снова появляется пехота, являющаяся не простым вспомогательным оружием рыцарей и осмеливающаяся биться с ними только при

наличии укреплений, а пехота, которая, вполне полагаясь на свою силу, вступает в любой бой с любым противником. Форма построения (четырехугольная баталия), оружие (длинная пика и алебарда), масса, представляющая собою народное ополчение, и военный дух, выкованный в продолжительных войнах, – все это действует сообща. Когда в 1444 г. Швейцарии грозило вторжение французских наемников – арманьяков, отряд швейцарцев численностью в 1 500 человек с беззаветным мужеством вступил с ними при Сен-Жакоб на р. Бирс близ Базеля (26 августа) в бой, окончившийся, правда, полным поражением швейцарцев, но проведенный с такой храбростью, что даже враги были в восхищении.

Все народы очень ценили швейцарских наемников и предъявляли большой спрос на них.

Победы над Карлом Смелым, хотя при этом большую роль играли случай и ошибки бургундского командования, до крайности подняли веру в боеспособность швейцарцев и усилили самонадеянность их самих. Союзники спускаются с гор и добиваются победы при Нанси уже не в качестве обычных наемников, а как своеобразная, совершенно новая военная сила. Эта победа при Нанси уже не единичный случай, как в свое время победа фламандцев при Куртрэ, нет –

это начало новой эпохи в истории военного искусства. Средневековье военной истории закончилось в самый день Муртенского сражения, когда в лице герцога Бургундского и его армии в принципе побеждено было средневековое военное дело, причем побеждено было не случайно, не в момент слабости и упадка, а наоборот – на наивысшей ступени совершенства, когда оно вдобавок было подкреплено изобретением огнестрельного оружия. Нужно полагать, что при лучшем полководце, чем герцог Карл, победа досталась бы швейцарцам с гораздо большим трудом, но нет сомнения, что и в этом случае швейцарцы, в конце концов, все равно победили бы; никакие стрелки с луками, арбалетами и кулевринами не были в силах выдержать натиск этих вооруженных пиками и алебардами громадных сплоченных баталий, искусно руководимых своими начальниками; никакое рыцарское войско не было в состоянии рассеять или остановить одновременно все 3 баталии путем атаки во фланг.

Одни стрелки не могут устоять против холодного оружия, а одни рыцари не имеют такого тактического руководства, которое смогло бы сломить баталии комбинированным маневром. Швейцарская пехота образует тактическую

единицу; у рыцарей, стрелков и копейщиков средневековья она отсутствует. Швейцарцы имеют не только оборонительную и наступательную силу, но и руководство. У фламандцев 100 годами ранее также были задатки к этому, но силы, как показало сражение при Розебеке, еще не хватало. Федерация горных кантонов путем постепенного прогресса в течение 150 лет развивала и укрепляла силы, которые теперь одержали окончательную победу и, выйдя за пределы гор, преобразовали военное дело всей Европы. Мы находимся здесь у такого же исходного пункта новых начинаний, как в свое время при Марафонском сражении. Как в персидских, так и в бургундских войнах пехота с холодным оружием победила армию рыцарей и стрелков. Эта победа должна была все изменить, так как военное дело каждой эпохи представляет собой нечто целое, и значительное изменение в каком-либо месте влияет и на все остальные части этого целого.

Мы признали, что естественным пополнением рыцарства в то время служила не пехота, а только пешие кнехты. Затем эти пешие кнехты стали пехотой и вскоре повсюду сделались таковой. Следовательно, и рыцарство должно было превратиться в кавалерию.

Примечания

1 Таково мнение Oechsli, Die Anfange der Schw. Eidgenossenschaft, стр. 121.

2 Oechsli, стр. 230; Durrer, Die Einheit Unterwaldens, "Jahrb, f. schweizer Gesch.", 1910, стр. 96, подтверждает предположение Эксли.

3 В 1252 г. их нанял аббат из Сен-Галлена, находившийся в раздоре с епископом из Констанцы. Oechsli, стр. 229.

4 Один из пленных монахов написал по этому поводу латинское стихотворение, представляющее большой интерес в культурно-историческом отношении: старый немецкий перевод этого стихотворения с пояснительными примечаниями издан Leo Wirth, "En Vorspiel der Morgartenschlacht", Aarau, 1909, стр. 114.

5 A. Nьscheler, Die Letzinen in der Schweiz, Mitteil d. antiquar. Gesellsch. in Zьrich, т. XVIII, вып. l, Zьrich 1872; относительно Нефельса см. Dдndliker. Gesch. d. Schweiz, I, 531, прим.

6 Об этом прямо говорит Витодуран.

7 Моргартен – гора к востоку от озера. Шорно находится в 1 100 м южнее озера, Саттель – еще несколько южнее, на перекрестке дорог от Шорно и от Альтматта.

8 Можно было бы задать вопрос, почему же швицы построили затем (в 1322 г.) летцину при Шорно, поскольку отсутствие ее в 1315 г. не могло заманить герцога на опасную дорогу? Ответ таков: ни в коем случае нельзя было рассчитывать застать еще раз врага врасплох на том же самом месте, и поэтому они огородились и с этой стороны.

9 Сообщение Витодурана о 20 000 не имеет, понятно, никакого значения.

10 Вернер Штауффахер предводительствовал швицами при нападении на Эйнзиделн в январе 1314 г. и, по свидетельству источников, после этого сражения был главой страны, Oechsli, стр. 352.

11 Эксли исчисляет, как мы уже видели, тогдашнее население Швица, примерно, в 18 000 душ; если их даже было на несколько тысяч меньше, все же нужно полагать, что в данном случае при крайней опасности были призваны все мужчины. Безусловно их было не меньше 3 000 человек. К этому нужно прибавить жителей Арта, Ури и, может быть, Уитервальдена. Однако, некоторое число нужно откинуть за счет гарнизона летцины Арта, а может быть и Бруннена, для отражения нападения с озера.

12 В позднейших рассказах авангард называется "изгнанником", и это послужило поводом к самым различным предположениям; здесь, однако, дело в одном непонятном слове. Это недоразумение выяснено Г. Герцогом в "Schweiz Monatshefte f. Offiziere aller Waffen", 1906.

13 Все сообщения, которые вообще имеются, напечатаны в виде удобной для пользования сводки у Th. v. Liebenau, Mitteilungen des historischen Vereins des Kantons Schwyz, вып. 3, 1884. Ценны для критики те примечания, которые Дэндликер дал в 4-м изд. своей "Истории Швейцарии" после того, как он свое первоначальное изложение переработал в духе и с

точки зрения Бюркли К своему первому труду "Die Entstehung der Schweizer Eidgenossenschaft und die Schlacht am Morgarten" (1891) Бюркли присоединил еще второй разбор под заглавием: "Ein Denkmal am Morgarten" в "Zuger Neujahrsblatt" (1895, Verlag von W. Anderwert). К этому разбору приложена хорошая специальная карта.

То, что за этим союзом, направленным против Берна, скрывалась Австрия, является недоказанным предположением, если бы династия Габсбургов действительно хотела нанести поражение Берну, то было бы очень глупо держаться в резерве, вместо того чтобы дать союзникам подкрепление, обеспечивающее победу. Я делаю это замечание для того, чтобы из тайной связи Австрии с противниками Берна не сделали вывода, будто и лесные кантоны, поскольку они были врагами Австрии, также были заинтересованы в войне.

В 1383 г. Ури и Унтервальден получили от Берна за оказанную в Кибургской войне военную помощь 4 445 фунтов.

Союзная грамота от 1353 г. предписывала, чтобы призванные Берном на помощь швейцарцы иди через Брюкинг до Нижних озер (Интерлакен) без вознаграждения, а с этого места каждый человек получал бы ежедневно по одному грошу.

v. Elgger, Kriegswesen und Kriegskunst der schweizerischen Eidgenossenschaft im XIV, XV и XVI Jahrh., Luzern 1873, стр. 40. Когда аппенцельские крестьяне, безусловно малоимущие, позвали в 1403 г. швейцарцев на помощь против своего аббата, они также должны были уплатить им (Dierauer, Gesch. d. Schweiz. Eidgenossenschaft, I, 400, прим. 2).

14 Kцhler, Ritterzeit, II, 605.

15 Тем более, что это подтверждается краткой записью того же времени в Chronica de Berno, изд. v. Studer в "Anhang zu Justingen", стр. 300.

16 Очень правильно отметил и Studer (Archiv d. histor. Vereins Bern, т. IV (1858–60), вып. 3), что, согласно сообщению того времени, подлинным противником Берна был Фрейбург; лишь в дальнейшем эта война в соответствии с тогдашними противоречиями превратилась в борьбу против знати.

Епископ Лозаннский, как свидетельствуют документы, также имел под Лаупеном войска, являясь союзником Фрейбурга. Studer, гл. I, стр. 27.

17 Rьstow в "Gesch. d. Inf.". т. I, стр. 152 полагает, что бернцы вовсе не имели дальнобойного оружия. Это в высшей степени невероятно и даже невозможна; во всяком случае этого нельзя заключить из того факта, что дальнобойное оружие в повествовании об этом сражении случайно не упоминается.

18 Солотурн выставил 18 шлемов; кроме того, на стороне бернцев сражался барон фон Вейсенбург. В сражении при Гутвиле (1340 г.) упоминается эскадрон, состоявший из одних бернцев, шедший вместе с "вольными" отрядами (Freischaren) впереди главных сил. Юстингер, стр. 97 и 99. Позже бернская конница получила особенно большое значение. Elgger, стр. 302.

19 Justinger, стр. 99.

20 Я изложил эту интерпретацию также моему коллеге Танглю (Tangl), который счел ее вполне приемлемой: как раз в поздней средневековой латыни часто случалось, что "unus" писался в качестве простого неопределенного члена немецкого языка.

21 Вьrkli, стр. 106, "Chronikon Helveticum", изд. Iselin. I. 359.

22 Что наступление герцога последует немедленно, стало швейцарцам известно, очевидно, уже за несколько дней, так как иначе их армия не смогла бы быть на месте уже в день его выступления. Вспомогательные войска кантонов, стоящие под Цюрихом, выступили оттуда самое позднее 7 июля. Это явствует из постановления Совета от 7 июля. Eidgen, Abschiede, т. I, стр. 72.

23 Ибо когда обе стороны сошлись в поле у города, часть бернцев, образовав круг и сплотившись, противостояла врагу с вытянутыми копьями. В то время как никто из неприятелей не решился напасть... один добрый рыцарь... устремился на них; встреченный копьями и растерзанный на куски, он нашел плачевную гибель.

24 Вьrkli, стр. 90; Lorenz, Deutschland Geschichtsquellen, стр. 46; Stцssel, стр. 47

25 Oeschsle в "Allg. D. Biogr.". 44, стр. 446.

26 Источники, без сомнения, очень скудны, а главный источник – Кеннгсгофен – сказочен и ненадежен. Christ. Friedr. Stдlin, Wьrttembergische Geschichte, III, 334; Paul Friedr. Stдlin, Gesch. Wьrttembergs, I, 569; g. v. d. Au, Zur Kritik Kцnigshofen, Tьbingen 1881; "Die Annaless Stuttgartenses", abgedr. in Wьrttemberg, Jahrb, 1849, не содержит ничего, имеющего значения.

27 800 копий и 2 000 пехотинцев – по Кенигсгофену; 700 пик конных и 1 100 пеших – по Констанцской хронике.

28 550 копий и 2 000 крестьян – по Кенигсгофену ("Stдdt. Chronik", IX, 839); 600 пик и 6 000 пеших – по Констанцской хронике; 1 100 пик и около 6 000 пеших – по Ульману Штромеру: 800 пик и 2 000 – по Юстингеру.

29 "Augsburger Chronik", I, 87 (ср. II, 40).

30 Rupp, Die Schlacht bei Dцffingen, "Forsch z. d. Gesch.", т. XIV, стр. 551, считает рассказ об измене Хеннебергера достоверным и в этой измене видит причину поражения. Но его доводы для меня неубедительны. Также и Ау, гл. I, отклоняет аргументацию Руппа.

31 Кенигсгофен говорит: "und wart der erste drug des Suites den Heeren anngewunnen"; тогда пришли свежие копья – "da wart zehant den Stddten der Drug wieder anngewunnen, das sь underlogent".

32 Em v. Rodt, Gesch d. Bernerischen Kriegswesens, 1831, I. I. Blumer, Staats-und Rechtsgeschichte dei schweizerischen Demokratien, 1848, K. v. Elgger. Kriegswesen und Kriegskunst der schweizerischen Eidgenossen im 14, 15 und 16 Jahrhundert, 1873, Joh. Hane, Zum Wehr und Kriegswesen in der Blьtezeit der alten Eidgenossenschaft, Zьrich, Schulthess Co, 1900, Herm. Escher, D. Schweizer. Fussvolk im 15 und im Anf. des 16 Iahrhunderts, erster Teil. "Neujahrsblatt der Zьricher Feuerwerksgesellschaft" 1905.

33 Blumer, I, 373.

34 Например, в 1444 г. Берн требует от Туна, чтобы он выставил 50 честных, добропорядочных кнехтов, "на присягу и честь которых можно положиться, без тех, которые бы несли за ними пику и броню". Так говорит Elgger, стр. 118, на основании "Schweizer Geschichtsforscher, VI, 354. Вместо "пики" (Spiesse) я бы прочел "пища"

(Speise).

В 1389 г. энтлебухцы поклялись в случае выступления Люцерна прийти ему на помощь с 600 вооруженными. Elgger, Kriegswesen, стр. 38. В странном противоречии с этим находится сообщение о том, что в 1513 г. Люцерн должен был выставить 1 300 человек, из них 150 – Энтлебух, сам Люцерн – только 100 и Виллисау – 300. Elgger, стр. 68.

Иногда по поводу раскладки возникали споры; например, в 1448 г. маленькая община Краттиген жаловалась, что из 7 человек, павших на долю селения, она должна выставить двоих, между тем как в ней не больше 20–21 дворов. Поэтому в 1499 г. и 1512 г. было предписано произвести перепись всех домов, – только тогда (!), замечаем мы, вспомнив, как давно древний Рим имел такую статистику.

35 Häne, стр. 23

36 Там же, стр. 24.

37 Rodt, I, стр. 6.

38 Протокол заседания Бернского совета от 22 июня 1476.

39 Escher, стр. 26, указывает, что в цюрихском государственном архиве имеется инструкция о построении боевой баталии. Из этой инструкции следует, что баталия имела по фронту 56 человек и в глубину – 20 человек. Таким образом, – это скорее фаланга, чем клин. В поздейшее время, когда вместо сплошного четырехугольника из людей перешли к размещению людей на четырехугольной площади, такое примерно соотношение встречается довольно часто. Но в отношении Цюрихской войны я не представляю себе, чтобы указанная Эшером инструкция практически применялась.

40 Häne, стр. 8, хочет из военных игр мальчиков и других признаков заключить, что строевые занятия действительно производились. Меня это не убедило; в частности, тот факт, что рыцарь однажды грозился, что он хочет так обучить ландскнехтов, чтобы один ландскнехт имел больше ценности, чем два швейцарца, не может служить доказательством того, что военные упражнения швейцарцев, которых он (Häne) имеет в виду, действительно имели тогда место.

41 Elgger, стр. 253.

42 Paulus, Jovius i. Jahre 1494.

43 Цитаты собраны Studer "Archiv d. Hjstor.-Vereins Bern", IV, вып. 4, стр. 36.

44 Земпахское послание 1394 r. Blumer, стр. 374, Kriegsordnung von 1468 und 1490. Rodt, Berner Kriegswesen, I, 250, 253; Elgger, стр. 215.

45 Rodt, Feldzьge Karls des Kьhnen, I. 331.

46 По воспроизведению у Häne, стр. 29.

47 По Тьring "Frickharts Twingherrenstreit", изд. Studer, "Quellen z. Schweizer Geschichte", т. I (1877), стр. 137.

48 Гл. I, стр. 145.

49 W. F. v. Мьlinen, Geschichte der schweizer Sцldner bis zur Errichtung der ersten stehenden Garde 1497, Берн 1887.

50 "Collect. Petitot, X", 245.

51 Короткое плохое копье.

52 "И уже пфальцская конница готова была отступать, если бы пехотинцы, выйдя из засады, не стали длинными копьями поражать коней баденцев". Gbellinus cit. Roder, Die Schlacht bei Seckenheim (Villingen, 1877). Главный источник здесь – поэма Михаила Богейма.

53 Правда, несколько раз, когда швейцарцы покидали свои горы, они также терпели поражения. Так, например, аппенцельцы в 1405 г. при Альтштеттене и в 1408 г. при Брегенце, урнцы в 1422 г. при Арбедо. Но это были лишь незначительные схватки. Об Арбедо см. Fr. Knorrek. Berl. Dissert., 1910.

54 Ddndliker, Gesch. d. Schweiz, стр. 609.

55 Nicolaus Rusch, городской летописец г. Базеля, указывает даже, что бургундцев было 10 000 конных и 8 000 пехоты. "Basler Chroniken" (1887), т. III, стр. 304.

56 Rodt, I, 304.

57 Согласно примечанию в Шиллинге (I, стр. 163) Тоблерса золотурнцы сообщили себе на родину о 1 635 трупах.

58 "Basler Chroniken", т. III. стр. 305.

59 Witte, Zeitschrift f. Gesch. d. Obberh., т. 75, стр. 394.

60 См. т. I, стр. 326. Dierauer, т. I, стр. 197, также признает число 70.

61 Witte, Zeitschr. f. Gescht. d. Oberrh., т. 49 (1895), стр. 217.

62 F. de Gingins-La-Saira, Dйpкches des ambassadeurs Milanais sur les campagnes de Charles le Hardi, de 1474 a 1477. Paris 1858.

63 Оливье де ля Марш, который в качестве приближенного герцога мог хорошо знать все его намерения, в своих мемуарах (в которых он, к сожалению, об этой войне дает очень скудные сведения) свидетельствует, что гарнизон Вомаркюса должен был служить только приманкой, чтобы вызвать швейцарцев на

наступление. Нельзя сказать, чтобы этот мотив был вполне понятен, так как герцог по ту сторону ущелья не мог больше рассчитывать найти такое выгодное поле сражения, какое представляла для него укрепленная позиция под Грансоном, а что для него легче, чем для швейцарцев, было в продолжении нескольких недель сохранить боевую готовность своего войска и выжидать. Нетерпение и недооценка сил противника, многими источниками приписываемые герцогу, как главные свойства его характера, в данном случае подтверждаются фактами.

64 Главным образом, из базельцев, численность которых указывается в 60 человек. Однако, наличие среди них и предводителя австрийских рыцарей, Германа фон Эптингера (письмо Мельтингера у Кнебеля), доказывает, что в этом сражения, по крайней мере частично, участвовали и эти австрийцы.

65 Это подчеркивает бургундский придворный историограф Молинэ.

66 Приведено в "St Gallens Anteil an den Burgunderkriegen", издано "Historisches Verein in St. Gallen", 1876.

67 В протоколе союзного совета от 15 мая ("Eidg. Abschr.", т. II, стр. 593) приводятся только 50 человек убитых ("by fьnfzig Mann tote"). Но в том же протоколе утверждается, что найдено было 1 500–1 600 убитых бургундцев и что у Карла было 60 000 одних только добрых рыцарей и еще большее число прочих войск. Таким образом, этот протокол заслуживает не слишком большого доверия. Швицы имели 70 раненых и 7 убитых (по Кнебелю они потеряли в целом 80 человек). Общее число раненых на основании счетов издержек на лечение исчисляется приблизительно в 700 человек, – таким образом. убитых было, вероятно, 50–70 человек.

Bernoulli, Baseler Neujahrsblatt, 1899, стр. 23 и Feldmann, Schlacht bei Granson, стр. 56, исчисляют потери всего в 50 убитых и 300–400 раненых.

68 Дэндликер в своей "Истории Швейцарии" (Ddndliker, Geschichte der Schweiz, т. II, стр. 224) объясняет это неиспользование швейцарцами своей победы под Грансоном исключительно военным недомыслием союзников. Он пишет "В торжестве по поводу своего исключительного успеха под Грансоном союзники в первое время совершенно перестали обращать внимание на

бургундцев; они считали свою задачу выполненной. Когда Берн, не предаваясь такому самообману и беспечности и считая положение вещей все еще серьезным, стал настаивать на продолжении войны, то большинство союзников решило разойтись по домам". Неужели люди с таким военным опытом, как цюрихцы со своем бургомистром Вальдманом и другие союзники, действительно не в состоянии были понять, когда Берн старался убедить их в том, что преследованием разбитой армии противника они бы вернее всего обеспечили себя от нового его нападения? Мы видим к чему, в конце концов, может привести ошибочная основная гипотеза. Дэндликер не желает признать, что в этой войне наступающей стороной были швейцарцы, но пытается объяснить ее (войну) требованиями известного рода самообороны: они-де считали, что им грозит нападение со стороны бургундского герцога. Если бы и помимо того из достоверных источников не было ясно видно, как бесконечно далеки были швейцарцы от мысли считать себя под угрозой бургундского могущества, то это доказано было бы их поведением после победы под Грансоном.

69 Мой подсчет бургундских сил при Муртене (максимум 20 000 человек) неоднократно подвергался критике швейцарских авторов, но без противопоставления ему чего-нибудь существенного. Дирауэр (Dierauer, стр. 211) доходит до цифры в 23 000–25 000 человек на том основании, что в последние дни перед сражением, якобы, подошли подкрепления; это, однако, не доказано. В моих исчислениях исправлению подлежат только примечания в "Персидских и бургундских войнах", стр. 153, где, по последнему критическому изданию Номина Мандро, т. I, стр. 363, число "18 000" все же означает "18 000 убитых", т.е. в обшей сложности – всех убитых, между тем как "prenant gages", т.е. воинов, по Номину убито было 8 000.

70 Панигарола, от 10 июня; см. Gingins, II стр. 242.

71 Панигарола, 13 июня; Gingins, т. II, стр.258.

Указания Панигаролы о том, что Карл укрепил свой лагерь, подтверждаются и иллюстрируются картинами из хроники Шиллинга (одна из них воспроизведена в "Сборнике документов" Оксенбейна) и в трактате полк. Мейстера, а также

боевой песней Поллера (напечатано у Оксенбейна, стр. 494). Эта песня гласит:

> Darumb verletzet er das her,
> von dem se uf nach siner beger,
> ein bach den liess er schwellen,
> er haget fast zu aller stund
> da lag der graf in von Remund,
> gross bцum die liess er fellen.
> Wer gesach grosser werk iemer
> geschechen in vierzechen tagen?

72 Панигарола – 12 июня, 13 июня.

73 16 июня герцог велел написать магистрату г. Дижона следующее: "avons йtй la nuyt passйe veilant et debout en intencion de marcher a toute notre armйe au devant de nos ennemis, prouchains de nous a deux petites lieues et lesquelz, comme l'on nous avait rapportй, s'estoient uniz et assemblez pour plus avant nous aprouchier et combattre et les actendons de heure a autre" (Ochsenbein, стр. 280). ("Прошлую ночь мы провели бодрствуя и настороже, готовые выступить всей армией навстречу неприятелю, находившемуся от нас на расстоянии менее чем в 2 мили, который, по полученным сведениям, собрал все свои силы и собирался подступить еще

ближе к нам и дать нам сражение. Мы ждем его с часу на час"). Wattellet (стр. 29 и дальше) относит это к намерению Карла выступить навстречу швейцарцам. Но тут явно имеется в виду принятие сражения у живой изгороди. Ваттле ошибочно дважды использовал здесь одно и то же сообщение – в отношении 16 и 19 июня. Равным образом я считаю неправильным то, как он излагает в прим. 85 сообщение Панигаролы от 18-го, по которому Карл имел в виду 19-го атаковать швейцарцев при Гюмминнене. Слова "dar la bataglia" (дать сражение) относятся к проектируемому штурму Муртена, как это понял в своем переводе уже Гингинс.

74 Оспаривали, в частности Ваттле (ср. ниже), что швейцарцы при Муртене, как обычно, образовали три баталии пехоты, но прямое указание Шиллинга по этому поводу не теряет достоверности от того, что некоторые источники говорят только о двух баталиях, менее же всего от того, что Панигарола видел только две баталии, или же от того, что при рассказе Шиллинга о сражениях в дальнейшем фигурирует только две баталии. Третьей просто не пришлось участвовать в самом сражении, а она лишь ворвалась вслед за двумя первыми в лагерь, после всего боевой

порядок был утрачен. Даже если бы мы имели свидетельства Шиллинга, было бы совершенно непонятно, почему как раз при таком крупном войске швейцарцы отказались от привычного деления на три баталии. Они не могли быть заранее уверены в том, не стоит ли вся бургундская армия в боевой готовности у частокола и не последует ли с какой-либо стороны фланговая контратака, отразить которую было бы уже затем задачей арьергарда.

75 То, что Гертер был главнокомандующим, вполне подтверждается двумя не зависящими друг от друга показаниями Кнебеля в Эттерлина. Молчание Шиллинга нельзя рассматривать, как это имело место, в качестве аргумента против этого. Само по себе это значения не имеет, так как в такой армии главнокомандующий не является полководцем, задача и заслуга которого – в стратегическом руководстве. Здесь решающей инстанцией был военный совет в целом; на обязанности Гертера лежало лишь проследить техническое выполнение решений совета. Явление это следует отметить только из-за аналогии к внутренним отношениям греческих кантонов во время персидских войн: как здесь, так и там крупное дело удается только при беспрестанном

подавлении чрезвычайно острых внутренних раздоров, отголоски которых повсюду дают себя чувствовать в источниках.

Вместе с Дэндликером (3-е изд., стр. 842) я склонен считать достоверным, что Вальдман был начальником баталии главных сил.

76 Сообщение от 8 июля. Гингинс, II, 345.

77 Edlibach, стр. 157.

78 "Базельские хроники", III, 26.

79 Шиллинг говорит, что после того, как взята была живая изгородь, "und wurden alle ordnungen von Stund zerbrochen" (с этого момента был нарушен всякий порядок). Издатели считают это показание неправдоподобным, или, может быть, это был тот же маневр, который в песне Лурлебат (сочиненной по поводу этого сражения и сохраненной нам тем же Шиллингом) обозначается как "die spitz die tat sich vornen auf"? Это несомненно так, только речь идет не о маневре, а лишь об естественной утрате сомкнутого порядка во время подобного штурма и после него.

80 Сообщения из летописи Швица, приведенные в "Anz. f. Schweiz. Gesch". (1895 г., стр. 160), едва ли имеют ценность.

81 Ochsenbein, Urkunden, стр. 339, 341.

82 Сражению при Нанси посвящены два специальных исследования: Rob. Schoeber, Erlanger Dissertation, 1891 и Max. Laux, Rostocker Dissert. 1895, изд. Sьssenguth, Берлин. У Ло (Laux) имеется порядочный план сражения и хороший обзор источников; он исправляет ряд ошибок своих предшесвенников, но и сам не обходится без промахов.

83 Laux (стр. 20) исчисляет силы Карла к концу июля в 4 000–5 000 человек, к чему прибавилась незначительные подкрепления. Он считает поэтому наиболее близким к истине донесение швейцарских разведчиков, которое сообщало союзникам, что у герцога имеется для боя только небольшая армия, приблизительно в 6 000 человек. Но надо полагать, что у герцога было все-таки больше, ибо если Ло (Laux) ссылается на то, что Панигарола не упоминает о каких-либо подкреплениях, против этою можно возразить, что тот оставил герцога уже при его вступлении в

Лотарингию и что последнее его сообщение датировано 19 октября. С этого времени до января герцог мог стянуть значительные подкрепления из Нидерландов.

Шебер (Schoeber) оценивает его силы, не давая подсчета, в собственном смысле в 7 000–8 000 человек.

Источники бургундской ориентации понижают эту цифру до 2 000 и даже 1 200 (Rodt, II, 392). Родт принимает цифру в 14 000, из коих 4 000 составляло прикрытие лагеря от возможных вылазок из Нанси, а 10 000 принимало участие в сражении. Но его исчисление основывается на показаниях самого герцога, намеренно преувеличенных. Ср. Laux, стр. 20, Mйmoires de Comines, йd. Mandrot, т. I, стр. 386.

В виде примера того, как мало значения можно придавать указаниям повествователей, – даже таких, которые, казалось бы, могли пользоваться самой верной информацией, – мы приведем Оливье де ли Марш. Он был гофмейстером герцога Бургундского и при Нанси попал в плен к лотарингцам, откуда за крупный выкуп был освобожден. Таким образом, он имел возможность получать сведения из того другого лагеря, его мемуары напечатаны были в "Coll. Petitot", т. IX и X. Он говорит о "bien douze mille combattans"

("добрых 12 000 комбаттантов") – вместо приблизительных 20 000, "et le duc de Bourgogne leur ala audevant: et pren sur ma conscience, quil na n'avait pas deux mille combattans" (во главе их стоял герцог Бургундский, и я по совести скажу, что у него было меньше 2 000 комбаттантов) – вместо 8 000–10 000.

84 По рассказу Коммина (извл. Мандро, стр. 386) ему, впрочем прямо указали на значительное превосходство сил Ренэ, но такого рода возникшие впоследствии рассказы имеют мало доказательной силы.

85 "Дйркches des Ambass. Milanais, изд. Gingins, т. II, стр. 349".

86 v. Rodt, Kriege Karls des Kьhnen, т. II, стр. 315.

87 Незначительные различия в толковании этого места роли не играли Ср. Schoeber, стр. 33, прим Jdhns, Handbuch d Gesch d. Kriegswesens, стр. 109. См. выше, стр. 295 и 297–298.

88 Место это дословно гласит "intendendo di questi 2 m (2 000) lanzmeterne mille a piedi quando si trovara con Svicerj, li quali habiano 14 (10?)

combattenti per uno, cive tri archieri, tri janti con lanze longhe e tri schiopeteri e balestrieri, che verinaro ad essere 10 m (10 000) combattenti in uno squadrone poiche Svicari li fonno cosi grossi. Li altri mille lanze a cavallo, con loro cinque milia archiere a cavallo, e lo resto, dil campo, in modo havera circa 30 m (30 000) combattenti" . Gingins, La Sarra, т. II, стр. 361.

89 В "vraye dйclaration"(Commines, Lenglet, т. III, стр. 492) говорится, что арьергард состоял только из 8 000 стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, которые "un jecte de boulle" выступали за колонной главных сил, чтобы служить ей тыловым прикрытием. Это я затрудняюсь себе представить. Для чего понадобилось, чтобы при переходе через лес за холодным оружием следовало такое большое число стрелков? Настоящей атаки, поскольку ее вообще можно было ожидать, они с этой стороны все равно не в состоянии были бы отбить. Лотарингская хроника (стр. 293) говорит об одном отряде, но, по-видимому, только из 100 человек, которому приказано было вступить в схватку с неприятелем и отвлечь его. Для этой цели настолько уместны были бы упомянутые выше 800 стрелков, что, быть может, есть основание принять ошибку или пропуск в "vraye dйclaration".

90 Относительно принципиальной стороны этого вопроса сравни статью "Ueber die Bedeutung der Erfindungen in der Geschichte" в моих "Historische u. polit Aufsatze", 1887.

91 Издано Дюммлером (Dьmmler) в "Zeitschrift fьr deutsches Altertum", т. XV, стр. 433 (1872).

92 Эта часть перепечатана также и у Hahn, Collective monumentorum, т. I, Braunschweig, 1724.

93 Alw. Schultz, Hцfisches Leben z. Ziet der Minnesdnger, II. 160, на основании этого высказывания полагает, что в средние века имели место строевые занятия. Как это было возможно, и ему самому представляется неясным (стр. 162), так как крестьянам запрещено было носить оружие.

94 Подлинный испанский текст этих уставных предписаний и перевод их помещен у Келера, т. III, 2, 230.

Некоторые ошибки перевода исправлены Эшером в "Neujahrsbl. der Zьricher Feuerwerkergesellschaft", 1905, стр. 44.

95 Geschichte der Knegswissenschaften, I, 121.

96 Friedrich Koch, Leben und Werke der Christine de Pizan, Leipz. Dissert, 1885, Verl. v. Ludw. Koch. Goslar.

97 Напечатано под названием "L'art de chevalerie selon Vйgиce", 1488.

98 Иенс в "Истории военной науки" пропустил это сочинение. Оно издано Favre и Lecestre, 2 тома Париж. 1887, 1889.

99 "Le Jouvencel", кн. I, гл. XVII, т. II, 63: "une bataile a piй ne doit point marcher, mais doit toujours attendre ses ennemis piй coy. Car quant ils marchent, ils ne sont pas tous d'une force, ils ne peuvent pas tenir ordonnance. Il ne fault que un buysson pour les dйpartir".

100 "Geschichte der Knegswissenschaften", I, 248.

101 Опубликовано Келером в "Anzeiger f.d Kunde d. deutschen Vorzeit", 1870.

102 Реферировано у Иенса, I, 323.

103 Die Entwickelung des Kriegswesens und Kriegfьhrung in der Ritterzeit von Mitte des 11. Iahrhunderts bis zu den Hussitenkriegen. Drei Teile in fьnf Bдnden, von G. Kцhler, Generalmajor a. D., 1886 – 1889.

104 Henri Delpech, La Tactique au XIII-me siиcle, Paris, 1886.

А. Молинье в подробной рецензии в "Revue historique", т. 36 (1888), стр. 185, также доказывает, что Дельпеш не знаком с самыми элементарными положениями исторической критики.

105 Сражение при Виспе, на которое ссылается Эксли, известно нам только по источнику, появившемуся через 80 лет после события; методически неправильно пользоваться явно легендарным рассказом как свидетельством только потому, что швейцарец XV в. представлял себе нечто подобное, говоря об "острие". Летописец, пишущий о столь отдаленных временах, достаточно часто, не задумываясь, вводит самые чудесные сказки. Очень недостаточным основанием для заключения о треугольном боевом порядке является то, что рыцарь барон фон Штейн из Швабии в стычке

при Рогаце 1446 г. "zuworderst" ехал во главе, пытался прорваться в ряды швейцарской колонны и был убит при этом. Возможно, что рыцарь был впереди товарищей и пытался проделать проход для своих, "так как конь и всадник покрыты были доспехами", но, разумеется, ему было по душе, если бы наряду с ним то же делали и другие, вместо того чтобы ради треугольного строя отставать на длину лошади. Неприятельский боевой порядок делят и ломают лучше всего тогда, когда врываются в ряды один или несколько, но по возможности большее число.

106 Lilienkron, II, 310.

107 M. G. SS. XVIII, 192. H. Escher, Das schweizerische Fussvolk, стр. 19, далее указывает (без ссылки на источник), что в 1202 г. в Италии различали "lanceae longae" и "lanceae de milite" и что в 1327 г, гражданам Турина приказано было иметь "пики в 18 футов". Келер, III, 1, 50, говорит, что рыцарская пика, первоначально не более 10 футов миной, в XIV в. была удлинена до 14 футов и стала столь тяжелой, что владеть ею пешком сделалось невозможным (III, 1, 85).

108 Бюркли полагает, что это и есть обозначение термина Stangharnisch. G. Escher, стр. 44, прим. к стр. 19, оспаривает его, но признает, что другого объяснения слова Stangharnisch еще не найдено. Бюркли безусловно неправильно утверждал, что под этим Stangharnisch следует понимать позднейшую длинную пику. Escher, Feuerwerksbl. 1907 (102), стр. 34, приходит к выводу, что под броней подразумевается такое оружие в виде шеста ... "как пика, так и алебарда".

109 Сообщение миланского посланника Панигаролы от 16 января 1476 г. (Gingins, Dйркches Milanaises, I, 266); "Non dubitaria secondo il costume loro, li presentariano la bataglia: ab la prima intrata che bisognava romperli; perche ogni picola sconfitta li desseno, de la prima restariano inviliti et perduti".

110 Т. I, стр. 135. нем. изд. Фукидид, VI, 68.

Том 4
НОВОЕ ВРЕМЯ

ОТ АВТОРА

Настоящий том "Истории военного искусства" появляется в свет в том самом году, в котором закончилась величайшая из всех войн. Уже в 1914 г. в отношении предварительных исследований он был почти завершен и в большей своей части обработан.

Но внешняя гроза, вместо того чтобы, как можно было предполагать, побудить меня к выполнению именно этой задачи – разработки этой темы, напротив – отвлекла меня, и я прервал работу с тем, чтобы в заключение довести ее до конца, не перекидывая моста между нею и современностью. Если я говорю в этой книге об условиях нашего времени, то разумею я под этим условия, предшествовавшие мировой войне, т.е. то время, когда я писал эти строки, иногда же условия того времени, когда мне лично пришлось познакомиться с военным делом (я был рядовым в 1867 г. и вышел в отставку в 1885 г. премьер-лейтенантом запаса).

Первоначально, правда, я подумывал о том, чтобы довести мой труд до войн за объединение Германии и изобразить дальнейшее развитие наполеоновской стратегии в стратегию Мольтке. Однако я отказался от этой мысли, ибо она неизбежно привела бы меня к проблемам мировой войны, которые еще не совсем созрели для научной обработки их в духе настоящего сочинения. Я не хочу этим сказать, что я вовсе не решался касаться современности, но явления нашего времени нельзя рассматривать в той систематической и законченной форме, какой требует сочинение, подобное ныне выпускаемому.

Поэтому мой труд обрывается на Наполеоне и его современниках. Продолжение же его до наших дней уже имеется, хотя и в иной форме. То, что я хотел и мог сказать о явлениях военной истории второй половины XIX столетия, в частности о стратегии Мольтке, и, наконец, о явлениях мировой войны, изложено мною в отдельных монографиях и в сборнике "Война и политика", 1914 – 1918 гг. (три тома), выпускаемом мною одновременно с этой книгой. Статьи о Мольтке помещены в сборнике "Воспоминания, монографии и речи", дополненном статьею о сочинении Кеммера "Развитие стратегической науки в XIX столетии", помещенной в "Прусском

ежегоднике", (1904, т. 115, стр. 347). Здесь в согласии с Шлихтингом я подробнее изложил и обосновал как технически, так и психологически новую мысль Мольтке о стратегическом наступлении по двум фронтам, мысль, которую фон Шлифен впоследствии развил в идею двустороннего охвата на основах моего анализа битвы при Каннах, а это служит переходом к тем моим стратегическим соображениям, которые я излагал в связи с событиями мировой войны.

По самой природе вещей, при рассмотрении явлений современности я имел возможность совершенно отодвинуть на второй план техническую сторону военного дела, тактики и вооружения не потому чтобы она в наше время имела меньше значения, чем в прежние времена, – наоборот, развитие техники шло ускоренным и усиленным темпом, – но потому, что по своему существу и значению роль ее настолько ясна, что дальнейшего исследования она не требует, к тому же имеется налицо богатая литература по этому предмету, так что я мог довольствоваться лишь установлением практических результатов. Я тем более мог ограничиться самым необходимым, что многоценный труд Макса Иенса "История военных наук" дает прекрасно систематизированный материал всякому

желающему более подробно ознакомиться с этим предметом.

Благодаря такому ограничению технической стороны, я, как надеюсь, имел тем большую возможность пластически разработать и выявить основную мысль моего сочинения – связь между государственным устройством, тактикой и стратегией – "Историю военного искусства в рамках политической истории", как гласит само заглавие. Взаимодействие тактики и стратегии, с одной стороны, и государственного устройства и политики – с другой, проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались. Настоящее сочинение написано не только ради военного искусства, но и ради всемирной истории. Если его будут читать военные, если оно натолкнет их на новые мысли, то это меня порадует и будет для меня великой честью, но написано оно историком для любителей истории. Я не стану возражать даже против того, если этот труд, трактующий о войне исключительно в рамках политической истории, все же зачислят в категорию сочинений по истории культуры. Ибо военное искусство – такое же искусство, как и живопись, зодчество или педагогика, а вся

культурная жизнь народов в высокой мере определяется их военной организацией, связанной, в свою очередь, с техникой войны, тактикой и стратегией.

Все находится во взаимодействии: дух эпохи проявляется в ее многообразных единичных явлениях, и познание каждого отдельного явления – в данном случае военного искусства – содействует познанию развития человечества в целом. Нет ни одной эпохи всемирной истории, которая в основе своей не была бы затронута выводами настоящего сочинения. Однако не без труда и даже не без борьбы удалось добиться признания мысли о возможности на этом пути чего-либо достигнуть. Даже Леопольд Ранке решительно это отверг, когда я однажды изложил ему мой план; факультет, в состав которого я теперь имею честь входить, затруднялся предоставить мне ученую степень, ибо военное дело не составляет предмета университетского преподавания; Теодор Моммзен, столь глубоко проникший в древнюю и особенно римскую историю, когда я поднес ему первый том моего сочинения, благодаря меня за это, заявил, что едва ли ему дозволит время прочитать эту книгу. А так как, с другой стороны, и Генеральный штаб был против меня, то всякий согласится, что борьба

мне предстояла нелегкая. Ни один из моих учеников, известный как таковой, не мог рассчитывать на место преподавателя в военной академии, а историки, убедившись в ценности результатов моих исследований, все же из осторожности избегали об этом громко заявлять. От других же вплоть до последнего времени мне даже не удалось добиться, как будет показано ниже, чтобы они хотя бы правильно передавали мою концепцию. Новым идеям приходится преодолевать не только упорное сопротивление традиционных взглядов, но и почти не поддающееся разъяснению неправильное понимание их.

Подобно тому как при выпуске первого тома моего сочинения я должен был в своем первом предисловии назвать творение Юлиуса Белоха "Население греко-римского мира" как труд, долженствовавший непременно предшествовать моей книге, так и теперь я не могу не назвать другое сочинение, которое представляет как необходимую предварительную работу, так и ценнейшее добавление к настоящему тому. Я говорю о книге Мартина Гобома "Возрождение военного искусства Макиавелли". Я имел возможность включить в свою работу выводы этого столь же ученого, сколь блестяще

написанного труда; доктор Гобом оказал мне и в дальнейшем неоценимую поддержку, подбирая необходимые материалы для продолжения моих исследований.

Далее я выражаю глубокую признательность доктору Зигфриду Метте, помогавшему мне при ведении корректуры и составлении алфавитного указателя к настоящему тому.

Ганс Дельбрюк

Берлин, Грюнвальд,
7 августа 1919 г.

Часть первая

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕХОТЫ В ЕВРОПЕ

Поразительная сила швейцарского воинства опиралась на массовое действие крупных сомкнутых колонн, в которых каждый отдельный солдат был полон уверенности в своих силах, питаемой двухсотлетней традицией непрерывных побед. Охватывавший весь народ воинственный дух давал возможность вести в бой толпу, а массовое построение, в свою очередь, одерживало перевес над любой индивидуальной доблестью прежних профессиональных воинов. В сражении под Нанси это массовое швейцарское воинство впервые вышло за пределы своих гор, которые до тех пор являлись столь сильными союзниками в их прежних боях. Уже в войне, решенной сражениями под Грансоном и Муртеном, швейцарцы сражались скорее в интересах французского короля, чем в интересах

собственной страны; в дальнейшем их военная сила начала работать далеко от родины на службе чужим интересам. Хотя бы поэтому этот небольшой осколок одного из германских племен стал оказывать существенное влияние на историю; но еще гораздо более значительным оказалось это влияние, когда и другие народы, убедившись в превосходстве швейцарской военной организации, начали ей подражать.

Уже давно наряду с тяжелой, одетой в латы кавалерией вступали в бой не только стрелки, но и вооруженные холодным оружием пехотинцы, оказывавшие рыцарям поддержку в бою. Шаг вперед, который надо было сделать, и реформа, которую надо было провести, заключались в том, чтобы значительно увеличить численность этих пехотинцев, служивших до сих пор лишь вспомогательным родом войск, и сплотить их в одну сомкнутую колонну. Полным успехом увенчалась эта реформа только у двух народов: у немцев и испанцев. Хотя мы и встречаем попытки к тому у французов и итальянцев, но полного развития у них эта реформа или вовсе не достигла, или достигла лишь позднее. Несомненно, это различие весьма знаменательно, и его придется подробнее рассмотреть в дальнейшем. Но, прежде всего, приступим к выяснению первого

положительного явления нового времени, которое имело в Германии.

НИДЕРЛАНДЦЫ И СРАЖЕНИЕ ПРИ ГИНЕГАТЕ[1]
7 августа 1479 г.

Первое сражение, в котором был применен швейцарский метод ведения боя нешвейцарцами, было сражение при Гинегате, в котором через 2 S года после битвы под Нанси эрцгерцог Максимилиан, зять Карла Смелого, одержал победу над французскими войсками; следовательно, как раз те самые бургундцы, которые на себе так сильно испытали превосходство швейцарских методов, первые с успехом попытались сами применить это тактическое искусство.

Максимилиан осаждал небольшую пограничную крепость Теруан, на выручку которой подходила с юга под начальством де Корда французская армия. С целью отбросить последнюю Максимилиан выступил ей навстречу. Французское войско состояло, по тогдашнему обыкновению, из рыцарей и стрелков; наряду со стрелками ордонансовых рот, распределенными по отдельным рыцарям, имелись также многочисленные стрелки-ополченцы (francs

archers). В обоих этих родах войск Максимилиан значительно уступал своему противнику; зато у него было не менее 11 000 пехотинцев, вооруженных холодным оружием – пиками и алебардами, которых ему привел Жан Дадизеел, гентский бальи и генерал-капитан Фландрии. Максимилиану было всего лишь 20 лет, и к тому же ему недоставало опытности и авторитета в стране, принадлежавшей его жене, а они были необходимы, чтобы создать здесь новую военную организацию. Но у него в войске был граф де Ромон, владения которого были расположены на берегу Невшательского озера, в ближайшем соседстве с Берном и Фрайбургом. Состоя на службе у бургундского герцога, граф де Ромон принимал участие в битвах против швейцарцев. Весьма неохотно выступал он против них в качестве врага. Никто лучше его не знал швейцарцев и в мирное время, и на войне. Вот этот-то швейцарский граф, согласно источникам, и построил фламандских солдат по швейцарской системе. Надо полагать, что он же и посоветовал своему новому государю собрать возможно большее количество таких пехотинцев. Надо сказать, что нигде в мире нельзя было найти лучшего материала для такого нового творчества, как именно в бургундских Нидерландах. Ведь

именно здесь уже раньше обнаружилась военная организация, совершенно однородная с швейцарской, – когда возмутившиеся фландрийские города разбили французское рыцарство в битве при Куртре (1302 г.). Под Розебеком (1382 г.) это воинство было снова разгромлено, ибо на фландрийской равнине в бою в рыцарством у него недоставало тех местных опорных пунктов, какие швейцарцам предоставляли их горы. Все же в этой стране сохранились в значительной мере и человеческий материал для военного строительства, и военный дух; ведь и войска Карла Смелого в значительной мере состояли из нидерландцев, а швейцарский пример дал ту форму, в которой с новым успехом мог проявиться этот воинственный дух.

В общем, бургундское войско превосходило французское на несколько тысяч человек, даже если причислить к последнему гарнизон Теруана в 4 000 человек, который во время сражения угрожал тылу бургундцев.

Оба войска построили свою кавалерию на флангах, а в центре – пехоту, которая состояла на одной стороне из стрелков и преимущественно из пикинеров на другой. Бургундские пикинеры были разделены на две крупные, глубокие колонны, одной из которых командовал граф

Энгельберт Нассауский, сражавшийся под начальством Карла Смелого под Нанси, а другой – граф де Ромон, а в ряды последней колонны стал вместе с группой дворян[2] сам Максимилиан с пикой в руках, вместо того чтобы по рыцарской традиции сражаться в строю рыцарей.

Максимилиан в своих мемуарах рассказывает, что прибыв молодым человеком в Нидерланды, он велел изготовить длинные пики и обучал владению этим оружием. Пехота, следовательно, вырабатывалась, так сказать, систематически: длинные пики, вступление в ее ряды дворян и учения. Стремление придать устойчивость и прочность колонне пехоты посредством включения в нее дворян, сражавшихся, конечно, в первых рядах, представляет прием, с которым мы не раз встречаемся в конце средних веков. Однако различие, и притом весьма существенное, заключается в том, что теперь дворяне сами берутся за длинную пику – оружие пехотного солдата, и не только сражаются в первых рядах пехоты, но сливаются с нею в одну целостную, тактическую единицу. "Самые благородные люди, – сообщает нам "Преславная хроника", – граф де Ромон и сам герцог (Максимилиан) стояли среди простых солдат и сражались пиками".

Де Корду удалось опрокинуть на своем правом

фланге бургундских рыцарей, прикрывавших отряд пехоты, и захватить поставленные там бургундские пушки. О бургундских довольно многочисленных стрелках вовсе не упоминается в описании битвы; по всей вероятности, уступая превосходству французских стрелков, они либо бежали, либо втиснулись в ряды колонн пикинеров.

Победа французских рыцарей дала возможность де Корду атаковать с фланга левую колонну бургундских пикинеров, предводимую герцогом Нассауским. Этим он заставил ее остановиться; эта колонна, будучи подвергнута обстрелу со стороны французских стрелков как с фронта, так и с фланга, при поддержке огня отнятой у бургундцев артиллерии, оказалась в крайне тяжелом положении, хотя большинство победоносных французских рыцарей бросилось преследовать бегущую бургундскую кавалерию, не приняв тем самым участия в завязавшемся бою пехоты.

Если бы ход сражения принял такой же оборот и на другом фланге, то бургундцы были бы разбиты. Однако здесь было сосредоточено большинство бургундского рыцарства; оно выдержало натиск французов и не допустило их до фланга своих пикинеров. Таким образом,

колонна де Ромона продолжала движение вперед и обратила в бегство французских стрелков, что разгрузило и освободило другую колонну от наседавших на нее французов; Это и решило исход сражения.

Мы не располагаем таким описанием этой битвы современниками, в котором дословно было бы сказано, что гинегатские пехотные колонны представляли воспроизведение швейцарской тактики. В частности, об этом не упоминается ни в одной из четырех реляций этого сражения, или составленных самим Максимилианом, или могущих быть ему приписанными. Как "то ни странно на первый взгляд, однако ведь нередко бывает, что современники не отдают себе отчета в моменте принципиального переворота, и лишь потомство познает все значение этого момента. Ведь в военной истории древности, например, мы видим, что о такой существенной реформе, как о введении линейного боевого порядка во время второй Пунической войны, в современных источниках мы вовсе не встречаем прямого упоминания. Тем не менее как там, так и здесь факт не подлежит ни малейшему сомнению. И Дадизеел, и Молине, и де Бют, и Базен сходятся на том, что фламандская пехота решила исход сражения. "Dux Maximilianus, – пишет де Бют, –

cum picariis fortiter instabat, ut equitatus Francorum qui ab utraque parte cum aliis suis obpugnare quaerebat eundem non posset in eum praevalere".[3] Еще более наглядную картину рисует Базен, говоря, что фламандская пехота своими длинными пиками отражала натиск неприятельской конницы. "Nam ipsi Flamingi pedites cum suis longis contis praeacutis ferramentis communitis, quos vulgo piken appellant, hostium equites, ne intra se se immitterent viriliter arcebant".[4]

Однако в этом случае не надо забывать, что победе способствовало то обстоятельство, что фланг по крайней мере одной из колонн копейщиков прикрывало рыцарство. Без этого фламандская пехота легко могла проиграть сражение, как то некогда и произошло в битве под Розебеком.

Доныне остается невыясненным, почему эта победа не повлекла за собою падения Теруана и почему Максимилиан отказался продолжать поход и распустил свое войско. Не будь победа подтверждена столькими надежными свидетельствами, пришлось бы в ней усомниться, судя по таким результатам сражения. Говорят, что фламандцы не хотели больше служить; по всей вероятности, здесь сыграл свою роль старый

антагонизм между государем и сословиями; нидерландцы боялись собственного властителя Максимилиана не менее чем французов и не хотели, чтобы он, пожав плоды своей победы, сделался слишком могущественным. Может быть, и казна Максимилиана была настолько пуста, что он не мог собрать необходимой суммы для выплаты жалования даже такому небольшому войску, какое было еще нужно для продолжения осады.

Поэтому с политической точки зрения битва при Гинегате не имела никакого значения; с военной же точки зрения она представляет собою поворотный пункт. Банды нидерландской пехоты, которые в следующем поколении играли такую значительную роль, по-видимому, имели своими родоначальниками победителей при Гинегате, а для французов их поражение послужило толчком для реформы их военной организации, реформы, отразившейся, пожалуй, и на Испании. Но прежде всего эта нидерландская пехота явилась предтечей ландскнехтов.

ЛАНДСКНЕХТЫ[5]

Победитель не пожал никаких плодов от победы при Гинегате, ибо он не сохранил своего

войска после победы; и вскоре Максимилиан, правивший страной сначала как супруг законной государыни, а после ее смерти – как опекун ее сына Филиппа оказался в открытой борьбе с сословиями. Чтобы устоять в ней, ему пришлось вместо городской милиции обзавестись другим войском.

Он стал набирать пехотинцев из всевозможных стран, даже из тех же Нидерландов, – с Рейна, из Верхней Германии, из Швейцарии. Вот этих-то солдат между 1482 и 1486 гг. и назвали ландскнехтами.

Почему именно их назвали ландскнехтами (provinciae servi, patriae ministri, compagnons du pays)?[6] Почему их не назвали пехотинцами (Fussknechte), наемниками (Soldknechte), солдатами (Kriegsknechte) или другим каким-либо комбинированным наименованием? Это название сохранялось приблизительно целое столетие, вплоть до Тридцатилетней войны; затем оно исчезло, ибо свободный, меняющий поле своей деятельности наемный солдат начинает вступать в более длительные, прочные отношения с каким-либо государством или полководцем, и по нему и стал получать свое наименование.

Много толкований было предложено для объяснения этого названия, которые все, однако,

не выдерживают критики. Оно не означает "воинов собственной страны", в противоположность швейцарцам, ибо они служили вместе с последними под одними знаменами и в одних и тех же отрядах. Оно не означает и "воинов равнины", в противоположность швейцарцам – воинам горной страны. Не означает оно и "солдат для защиты страны", "солдат, служащих стране". Оно не означает "солдат, выставленных не сословиями, а вербуемых по всей стране". Не означает оно и "солдат из одной и той же земли", т.е. "земляков". Слово это не является производным от немецкого слова Lanze, ибо оружие, которое носили ландскнехты, называлось Spiess или Pike (пикой).[7]

Слово Landknecht встречается в XV столетии как в верхнегерманском, так и в нижнегерманском наречии и означает полицейского, судебного пристава, судебного рассыльного, конного или пешего жандарма, выполняющего также военные функции.

Так, Иоганн фон Посилге рассказывает в своей хронике, написанной в 1417 г., что прусский замок Бассингайен был изменнически сдан польскому королю "несколькими ландскнехтами". Года, в которые это название получило в

Нидерландах свое специфическое значение, это – 1482 г. по 1486 г., когда Максимилиан был в мире с Францией, а воевал со своими сословиями, стремившимися отнять у него опеку над его малолетним сыном Филиппом. Сословия именно и хотели добиться роспуска наемных солдат, которых Максимилиан набирал все в возрастающем количестве и которые, желая получить свою плату, притесняли страну. К чему эти наемные солдаты? Ведь был мир! Вот поэтому-то Максимилиан и дал им, вероятно, это безобидное название "ландскнехтов", обозначавшее до тех пор не столько солдата, сколько полицейского.

Процесс развития привел Максимилиана к тому, что он дал своей пестрой ватаге наемников военное воспитание в тактических формах, созданных швейцарцами, следуя примеру коих, городские милиции Нидерландов уже одержали победу при Гинегате. Лучшим воспитательным средством было не то, или, по крайней мере, не главным образом то, что в наемные отряды было включено известное число швейцарцев, а то, что сам герцог взял в руки пику и побудил своих дворян войти в ряды пехотных солдат, дабы таким братанием поднять самосознание солдат и вдохнуть в них сохраненную рыцарской

традицией воинственность.

Впоследствии летописцы рассказывали, будто император Максимилиан учредил орден ландскнехтов; это означает, что на ландскнехтов в новых боевых строях, имевших определенную внешность, уже стали смотреть не как на вспомогательный род войска и что в них развился особый цеховой или корпоративный дух, который придал им характер чего-то нового, существенным образом отличного от прежних наемников.

Из первых, наиболее знаменитых предводителей ландскнехтов укажем на Мартина Шварца, который, будучи по происхождению нюрнбергским сапожником, был посвящен в рыцари за свою храбрость и объединил под своим начальством швабов и швейцарцев; его "веннером", или прапорщиком, был известный Ганс Кутлер, швейцарец из Берна.

Первое достоверное упоминание об этом новом явлении под этим новым наименованием, примененным в этом смысле, мы встречаем в протоколе заседания представителей швейцарской федерации в Цюрихе 1 октября 1486 г., на котором раздавались сетования на приемы вербовки одного швабского рыцаря, состоявшего на службе у Максимилиана, некоего Конрада Гэшуффа, который произносил обидные речи,

похваляясь, что он так обучит и снарядит швабских и других ландскнехтов, что любой из них будет стоить двух швейцарцев.

Из этого документа мы можем заключить, что осенью 1486 г. термин "ландскнехт" представлял уже определенно установившееся понятие, что ландскнехт подготовлялся обучением к своей профессии и что ландскнехт и швейцарец представлялись как нечто отличное друг от друга и даже друг другу противопоставлялись.

Еще 10 лет тому назад немецкого наемного солдата ни во что не ставили. Когда Рене Лотарингский захотел в 1476 г. снова завоевать свое герцогство при помощи верхнерейнских наемников, они не оправдали его расчетов и бежали при Понт-а-Мусоне от бургундцев. Пришлось обратиться к швейцарцам, и колонны под Нанси были составлены из швейцарцев и швабов вперемежку. Но швейцарцы настолько сознавали свое превосходство, что презрительно обходились с немцами и требовали во время этих походов почти всю добычу для себя одних.

Когда ландскнехты систематическим обучением были доведены до ступени боеспособности, внушавшей им уже известную уверенность в себе, швейцарцы отделились от их корпорации; с этой минуты учителя и ученики

начинают ревниво глядеть друг на друга, и между ними возникает антагонизм. Швейцарцы, гордясь традициями славных побед своего прошлого, хотят сохранить за собою первенство ни с кем не сравнимых воинов; а ландскнехтам их вожди говорят, что они могут сравняться с швейцарцами, и они сами начинают проникаться этим убеждением. Из Нидерландов сомкнутые банды отправляются в Англию, в Савойю. Под знаменами герцога Сигизмунда Тирольского, с Фридрихом Капеллером во главе, они одерживают победу над венецианскими кондотьерами в битве под Каллиано (10 августа 1487 г.). Сначала у Сигизмунда были и швейцарские наемники, но вместо того чтобы, как это прежде бывало, с пренебрежением глядеть на своих соратников, швейцарские командиры теперь сообщают на родину, что ландскнехты им грозят и что они даже боятся за свою жизнь.

Когда в 1488 г. имперское войско выступило против Нидерландов, чтобы помочь Максимилиану в его борьбе с сословиями, одно время захватившими его в плен, на сбор к Кёльну явился и отряд швейцарцев, однако их не захотели принять из-за ландскнехтов во избежание раздоров, и швейцарцы возвратились восвояси.

Два года спустя, в 1490 г., мы снова встречаем

швейцарцев и ландскнехтов под одними знаменами во время похода Максимилиана против венгерцев. Сент-галленский летописец Ватт сообщает: "В этом отряде среди ландскнехтов было много швейцарцев, между прочим, некоторые из наших сент-галленцев". Таким образом, им не раз пришлось служить вместе. Лишь после этого похода, во время которого был взят штурмом Штулвейссенбург, это новое явление, по-видимому, привлекло всеобщее внимание, так что летописец нашел нужным присоединить к термину "ландскнехт" несколько слов пояснения или истолкования.

В народной песне с определенной датой слово "ландскнехт" встречается в первый раз в 1495 г.: "В стране – не один ландскнехт..." [8]

Ландскнехты – это наемные солдаты, с какими мы познакомились еще в XI столетии. В XV веке мы встречаемся с различными для них наименованиями, как, например, "козлы" и "драбанты". Вся разница в том, что они уже не представляют индивидуальных воинов, но образуют сомкнутые тактические единицы и уже приучены к тому, чтобы обретать и осознавать свою силу именно в этой сомкнутости, в этой сплоченности. Внешней сплоченности соответствует и внутренняя – новый

корпоративный профессиональный дух. Тем, чем были для швейцарцев, служивших образцом, землячества и их военные традиции, тем для этих вольных наемных банд являлось военное воспитание, передававшееся от одного солдата к другому в самих бандах, раз они уже были сформированы.

В первый раз в мировой военной истории мы встречаем тактическую единицу в лице спартанской фаланги, по поводу которой, противопоставляя ее индивидуальному бойцу, Демарат говорит с похвалою царю Ксерксу, что спартанцы не храбрее других людей, но что сила их, собственно, заключается в том, что закон им повелевает, сохраняя свое место в ряду и шеренге, или победить, или умереть.

Хотя банды в Нижней Германии и организовывались постоянно, однако название ландскнехтов прочно установилось за верхнегерманцами, швабами и баварцами, видимо, по той причине, что, с одной стороны, близкая Швейцария представляла соблазнительный пример и влекла к военной профессии, а с другой – что именно здесь находились наследственные владения Максимилиана, а потому отсюда особенно охотно стекались под его знамена рекруты. Земляческие

подразделения и группировки были естественны, особенно вначале, и наиболее мощная группа – швабская – наложила на все свою характерную печать. Lanczknechti et Hollandrini – говорит в одном месте своей автобиографии Максимилиан и приравнивает в другом месте Lanczknechti к alti alimany (верхнегерманцам). И "голандрини" продолжали существовать; в 1494 г. они появляются в итальянских походах Карла VIII под названием "гельденерцев" наряду с швейцарцами и, по всей вероятности, погибли в битве при Павии в 1525 г. под названием "черной банды".

Из сетований швейцарцев на Конрада Гэшуффа мы могли заключить, что происходило форменное обучение ландскнехтов. Мы находим этому подтверждение в описании военного учения, организованного на рынке города Брюгге 30 января 1488 г. графом Фридрихом Цоллерном. Мы располагаем несколькими описаниями этого события, которые не вполне совпадают друг с другом, а именно относительно того, кого именно обучали. По одной версии, это были немецкие дворяне из свиты Максимилиана, по другой – немецкие пехотные солдаты, по третьей – нидерландцы, которых обучали немцы. Как бы то ни было, оружием этого отряда была длинная пика: "Вот раздается команда построить "улитку"

(faisons le limacon a la mode (d'Allemagne)[9], затем следует команда "Пики на перевес" ("Chacun avalle sa pique!"), причем раздается боевой клич "ста, ста!" Собравшимся на площади гражданам показалось, что кричат "сла, сла", и они в перепуге разбежались, ожидая нечаянного нападения".

Под "улиткой", несомненно, надо понимать какой-то правильный маневр, при помощи которого из походной колонны перестраивались в боевую колонну, и наоборот. Это, конечно, само собою не делается, и этому надо обучиться, что можно сделать различным образом[10]. Этот маневр ничего общего не имеет с более поздним маневром стрелков, тоже называемым "улиткой" (limacon, caracole).

Применение длинной пики не так просто, как это может казаться[11]. Швейцарец Мюллер-Гиклер, который упражнялся с пикой, пишет по этому поводу следующее: "...Самое неудобное было то, что древко при этом вибрирует. Сам я при фехтовании длинной пикой испытал, что попасть ею в намеченную цель невозможно вследствие того, что острие при сильном ударе очень дрожит и колеблется; особенно наблюдается это при сильном выпаде, когда используют всю длину пики и наносят удар вытянутой вперед правой рукой. Для того чтобы

нанести излюбленный удар – в шею или в живот – одетому в латы наемнику так, чтобы удар пришелся в промежуток между латами, требуется верный, наносимый после выжидания удобного случая, относительно медленный удар"[12].

Вместо длинной пики многие ландскнехты были вооружены огромными мечами, которые в бою приходилось держать обеими руками. Однако это оружие существенной роли не играло. По этому поводу Бегейм справедливо замечает[13], что этими мечами были вооружены единичные солдаты, обладавшие исключительной силой, предназначенные специально для охраны знамени, а впоследствии – командира полка.

Бой с применением этого оружия был систематически разработан; в действительности же парадеры-голиафы, носившие это оружие, имели не больше значения, чем исполины-тамбурмажоры наполеоновской армии.

Мы постоянно встречаем в источниках похвальные отзывы о порядке, в каком маршировали солдаты. Упоминают роты, построенные в 4, 5 и 8 рядов в ширину. Ни о чем подобном мы не находим упоминания в средневековых источниках.

Осенью 1495 г. 10 000 немцев выступили на помощь миланскому герцогу Лодовико Моро,

осаждавшему в Новаре герцога Орлеанского. Врач Алессандро Бенедетти оставил подробное описание одного парада, принятого герцогом близ Новары в присутствии его супруги. "Все взоры, – пишет он, – были устремлены при этом на фалангу немцев, представлявших квадратную колонну из 6 000 человек, под предводительством Георга Эберштейна (Волкенштейна), ехавшего на великолепном коне. По немецкому обычаю, из рядов этого отряда раздавался оглушительный бой множества барабанов, от которого готова была лопнуть барабанная перепонка в ушах. С одним лишь нагрудным панцирем шли они с небольшими промежутками между шеренгами. Передние ряды имели длинные пики, опущенные острием вперед, следующие несли пики острием вверх, за ними следовали воины, вооруженные алебардами и двуручными мечами; с ними шли знаменосцы, по знаку которых весь отряд двигался вправо, влево, назад, словно его везли на плоту. Далее шли аркебузиры, а справа и слева – вооруженные арбалетами. Поравнявшись с герцогиней Беатрисой, колонна по знаку перестроилась в клин (т.е. широкое построение превратилось в узкое или пространственный квадрат в квадрат людской), затем она разбилась на крылья; наконец, вся масса сделала

захождение, причем часть двигалась медленно, а часть – чрезвычайно быстро, так что один фланг обернулся вокруг другого, который оставался на месте, словно все они составляли одно тело"[14].

Наряду с обучением военному строю особое значение имело для подготовки ландскнехтов участие дворян. То и дело мы читаем в хрониках, что они с пикою в руке становятся в ряды пехоты. В одной стычке, под Бетюном, немцы потерпели поражение от французов (1486 г.). Герцог Адольф Гельдернский и граф Энгельберт Нассауский стали в ряды пехоты, говоря, что они хотят с нею жить и умереть; по словам летописца, "они пролили свою кровь, защищая пехотинцев" (pour la protection des piйtons).

Случай поясняет нам значение этого.

Когда император Максимилиан осаждал в 1509 г. Падую и ландскнехты должны были идти на штурм, они потребовали, чтобы в нем приняли участие и дворяне. Но на это Баярд сказал: "Неужели мы станем в ряды и пойдем навстречу опасности с сапожниками и портными?" А немецкие рыцари заявили, что они выступили в поход, чтобы сражаться в конном строю, а не для штурма. Это заставило императора снять осаду.

Первое крупное столкновение в бою между швейцарцами и ландскнехтами произошло во

время швабской войны в 1499 г. На этот раз победа еще осталась за старейшим швейцарским воинством, крепким воспоминаниями о старых успехах и долголетним опытом. Швабы терпят поражение под Гардом, под Брудергольцем, под Швадерловом, под Фрастенцом, на Кальвене, под Дорнохом. Несмотря на это, во время мирных переговоров Максимилиан выставляет самые притязательные условия, и по мирному договору швейцарцы почти никаких положительных выгод не получили и даже кое-что уступили. Правда, заключение мира ускорило то, что тем временем Людовик XII занял Милан.

ФРАНЦУЗЫ, ИСПАНЦЫ И ИТАЛЬЯНЦЫ

Военная организация Франции в XV веке опиралась на ордонансовые роты и на вольных стрелков. После того как последние так плохо показали себя при Гинегате, Людовик XI хотел переформировать их в пехоту по швейцарскому образцу. Он заменил у них луки длинными пиками и алебардами и собрал их, числом свыше 10 000 человек, для обучения в лагерь под Геденом в Пикардии, а на следующий год – под Пон-де-л'Арше, близ Руана.

"Король, – доносит на родину швейцарский

посланник[15] Мельхиор Русс, – приказал изготовить много длинных пик и алебард по немецкому образцу; если бы он мог изготовить и людей, которые умели бы обращаться с ними, то он уже больше никого не стал бы брать на службу". Позднее историки полагали, что на лагерь под Пон-де-л'Арше можно смотреть как на колыбель французской пехоты; там систематически обучали солдат, пригласив в качестве образцового отряда 6 000 швейцарцев. Учебный лагерь этот просуществовал целых три года, и швейцарцы целый год оставались в нем в качестве инструкторов. Однако более внимательное исследование рассеяло эту фантастическую картину[16].

На самом деле ни о какой муштре, ни о каком образцовом отряде швейцарцев документальных данных мы не имеем. Несомненно, король намеревался сделать то же самое, что сделал в это же время Максимилиан в Нидерландах. Действительно, нам доподлинно известно, что 1 500 рыцарей из ордонансовых рот были направлены в лагерь, дабы в случае надобности они могли сражаться и в пешем строю, что должно было бы называться вступлением в ряды пехоты. Однако такие реформы простым приказом нельзя провести.

Пехота, вышедшая из этого лагеря, никогда не могла сравняться с швейцарцами и ландскнехтами. Такой же отряд, как и на бельгийской границе, был сформирован на итальянской границе. Наряду с этими войсками, которые позднее были известны под названием "старых банд" Пикардии и Пьемонта, были и другие более или менее организованные наемные банды, называвшиеся "авантюрьерами", вооруженные частью холодным оружием, но главным образом служившие стрелками. Они однажды отличились под Генуей в 1507 г., когда Баярд и другие рыцари стали во главе и повели их на штурм. Отсюда Сюзан, историк французской армии, считает возможным повести начало французской пехоты. С тех пор появился обычай, чтобы молодые дворяне, не располагавшие средствами на снаряжение для конной службы, поступали в пехоту на повышенный оклад жалования. Таких молодых людей обозначали итальянским термином "lanze spezzate" (сломанные копья). Термин "lanspessades" сохранился во французской армии вплоть до середины XVIII столетия; им обозначали солдат первого класса, занимавших среднее положение между капралами и рядовыми. В так называемых мемуарах Виельвиля передается, что в каждой

роте было 12 таких ланспессадов; они были вооружены не аркебузами и не алебардами, а пиками.

Однако, несмотря на это социальное усиление, французские отряды пехоты, по сравнению со служившими по найму у их короля швейцарцами и ландскнехтами, всегда играли лишь второстепенную роль. Они выступают в больших сражениях, начиная с Равенны и кончая Павией; упоминают также о гасконцах и бургундцах; однако никто их не аттестует как безусловно надежное войско, и французские короли, начиная с Карла VII, пользовались во всех крупных сражениях преимущественно немецкой пехотой. В 1523 г. французский полководец Бониве отослал из Италии французских солдат домой, как только ему удалось получить на их место швейцарцев. Впервые в 1544 г. в сражении при Черезоле отряд гасконцев с успехом сражается по швейцарским методам.

Франциск I в 1533 г. сделал другую попытку создать национальную французскую пехоту милиционного типа, которой он дал горделивое название "легионов". При этом была даже сделана попытка создать тактические формы, представлявшие смешение фаланги, римских легионов и приемов современной войны. Из того,

что нам о них передают, можно заключить, что их построение представляло большую квадратную колонну, распадавшуюся чрезвычайно искусственным образом на мелкие отделения с небольшими интервалами. Притом решительно нельзя уяснить себе каких-либо задач, каких-либо функций этих маленьких отрядов; очевидно, мы имеем в данном случае дело с чисто теоретическим мудрствованием. Когда в 1543 г. 10 000 французских легионеров защищали Люксембург, они дезертировали толпами и сдали крепость имперцам. То же случилось и в Булоне в 1545 г.

Под 1557 г. мы читаем в мемуарах маршала Виельвиля, что эти легионеры – не воины; они бросили плуг лишь для того, чтобы за 4–5-месячную службу освободиться от налогов на основании удостоверения, зарегистрированного в местном окружном управлении.

В руководящих кругах Франции вполне сознавали, как невыносимо было вести французские войны при помощи иноземных войск, но приходили к заключению, что французский характер не приспособлен для службы в пехоте и что нанимая немцев, швейцарцев и итальянцев, не только получаешь хороших солдат, но отнимаешь их у неприятеля.

Около 1500 г. кавалерию во Франции называли "1'ordinaire de la guerre" (ординарное войско), а пехоту – "1'extraordinaire" (экстраординарное) потому, что в мирное время только первое имелось налицо[17].

Наименование "инфантерия" впервые появилось, по-видимому, в царствование Генриха III; около 1550 г. еще употребляли термин "фантерия" от итальянского слова "fante" – "малый", "слуга"[18].

Иначе, чем во Франции, протекал этот процесс в Испании. Уже в 1483 г. – следовательно, тотчас после того как Людовик XI создал лагерь в Пикардии и в то время когда еще шли бои вокруг Гренады, – король Фердинанд Арагонский как будто пригласил отряд швейцарцев, который должен был служить образцом для формирования подобной пехоты. Однако швейцарские источники ничего не говорят о таком отряде по ту сторону Пиреней, и исторические исследования до сих пор не дали нам никаких сведений о каком-либо новом формировании в последующие 20 лет.

Так как наряду с немцами одни лишь испанцы сумели в первое время создать годную для войны пехоту по образцу швейцарской, то военное дело в Испании в эту эпоху представляет особый интерес; поэтому доктор Карл Гаданк по моему почину и

при поддержке министерства народного просвещения предпринял поездку в эту страну для исследования по этому вопросу в архивах и литературе. Однако результаты его поездки оказались ничтожными и мало что прибавили к тому, что можно найти у Гобома. Правда, мы обладаем довольно богатыми литературными источниками по испано-французским походам в Нижней Италии – первое место занимает жизнеописание "великого полководца" ("Gran Capitan") Гонсало ди Кордовы, составленное Иовием, однако оно дает мало материалов по основному вопросу об организации тактической единицы в пехоте. Формирование милиции, утвержденное на одном заседании юнты в 1495 г. и неоднократно подтвержденное впоследствии, не дает никаких новых данных относительно характера нового военного искусства; и когда испанцы вступили в борьбу с французами за обладание Неаполитанским королевством и перевезли в Италию свои войска под начальством Гонсало ди Кордова (1495 г.), последние не могли противостоять швейцарцам, которых французы двинули против них. Ни по качеству вооружения, ни по прочности организации испанцы не могли равняться с швейцарцами и, несмотря на свое численное превосходство, обращались в бегство.

Однако Гонсало не считал по этой причине свое дело проигранным. Во время войны и посредством самой войны он обучил свои войска и при поддержке ландскнехтов одержал свой первый успех под Чериньолой в 1503 г. По-видимому, материал, из которого составлена была его армия, первоначально был очень плох. Она состояла не только из авантюристов и бродяг, которые вообще охотно следуют за барабаном вербовщика, но и из насильно забранных в войска людей. Однако ему помогло то, что они оказались на чужой стороне, далеко от родины; им не оставалось, ради собственных интересов, иного выхода, как держаться стойко своего знамени, и уже несколько лет спустя не подлежало сомнению, что испанская пехота не уступала в боеспособности ни швейцарцам, ни ландскнехтам. Это доказала битва под Равенной (1512 г.), хотя испанцы и потерпели в ней поражение от ландскнехтов, находившихся в союзе с французскими рыцарями. С этого момента в течение полутора столетий испанская пехота оправдывала свою превосходную боевую репутацию.

Мы кое-что знаем и о той принципиальной оппозиции, на которую наткнулась эта реформа. Некий Гонсало ди Айора, который одновременно

с Гонсало ди Кордова хотел организовать пехоту и обучить ее действиям в квадратных колоннах, подвергся насмешкам. Он в течение многих дней обучал своих солдат и просил короля отпустить ему лишнее количество вина и провианта, потребное для этих учений, в то же время для поднятия своего авторитета он ходатайствовал о назначении его полковником и об отдаче указаний капитанам, чтобы последние в точности исполняли его распоряжения. Этот вопрос обсуждался на многолюдном военном совете. Говорят, придворные долго по этому поводу потешались и острили. Но вот в 1506 г. супруг наследницы престола Филипп Красивый, сын Максимилиана, привел с собой в Испанию 3 000 ландскнехтов, и их пример сломил, вероятно, оппозицию окончательно.

Еще иначе, чем в Испании, сложились обстоятельства в Италии. В XIV и XV столетиях Италия была чрезвычайно воинственной страной. Эта эпоха породила великих кондотьеров, выработавших известную школу в военном искусстве. Различали по известным, хотя и не очень существенным отличительным расхождениям в стратегических принципах школу Сфорца и школу Браччио. Великие итальянские историки Макиавелли, Гюичиардини и Иовий

единодушны в утверждении, что кондотьеры вели войну, как игру, а не как серьезное, кровавое дело, с своекорыстным расчетом возможно дольше протянуть войну и выжать возможно большую плату из своих нанимателей; они не искали решительного боя, а избегали его; когда же дело доходило до сражения, то и солдаты, смотревшие друг на друга как на товарищей, щадили друг друга и не проливали крови.

Передают, что в битве при Аншари (1440 г.) погиб только один человек, да и тот не был убит, а утонул в болоте. Позднее писатели, характеризуя этот род ведения войны, высказывали мнение о том, что кондотьеры подняли войну до степени произведения искусства, а именно – искусства маневрирования. Однако проверка сообщений современников доказала, что в этой характеристике, хотя она и исходит от трех великих авторитетов, нет истины. Правда – только то, что кондотьеры вели войну не с той жестокостью, которую Макиавелли и его современники наблюдали у швейцарцев, которым было запрещено брать пленных и которые избивали всех мужчин в городах, взятых штурмом. Бой кондотьеров походил на бой рыцарей, которые также, если это не противоречило цели войны, допускали пощаду и

не только считали дозволенным выкуп пленных, но даже к этому стремились. Дальше этого не шли и кондотьеры, и их сражения нередко были чрезвычайно кровопролитны.[19]

Особенно высокой репутацией пользовались в течение всего XIV и XV столетий итальянские стрелки – генуэзцы и ломбардцы, игравшие значительную роль в армии Карла Смелого.

Войска кондотьеров, как вообще все средневековые войска, состояли по преимуществу из конницы. Это также являлось причиной, почему Макиавелли их ненавидел и презирал, ибо по примеру римлян он признавал в качестве решающего рода войск пехоту.

Когда же молва о славных делах швейцарцев и ландскнехтов распространилась и в Италии, нашлись вскоре проницательные военные, которые захотели перенести и в свою страну новую практику. Население Италии могло предоставить тогда гораздо лучший материал и в большем количестве, чем хотя бы Франция. Испанец, о котором мы упоминали выше, Гонсало ди Айора, изучил новое искусство в Милане, и знаменитая семья кондотьеров, три брата Вителли, владевшие в Романье небольшим княжеством Читта-ди-Кастелло, задались целью создать дотоле несуществовавшую итальянскую

пехоту (1496 г.). Они стали вербовать солдат среди собственных подданных, смешали рекрутов с опытными ветеранами, вооружили их пиками на один фут длиннее немецких и обучили их, как картинно повествует Иовий, "следовать за знаменем, маршировать в такт барабанного боя, направлять и поворачивать колонны, строиться "улиткой" и в конце концов поражать врага с большим искусством, сохраняя в точности порядок в своих рядах" ("Signa sequi, tympanorum certis pulsibus scienter obtemperare, convertee dirigereque acien, in cocleam decurrere et denique multa arte hostem ferire exacteque ordines servare"). Действительно, Вителоццо удалось разбить под Сориано 800 ландскнехтов, состоявших на службе у папы Александра VI, отрядом в 1 000 человек (28 января 1497 г.). Но создатели ненамного пережили свое творение. Камилло Вителли умер уже в 1497 г. в Неаполе, находясь на службе у французов; Паоло отрубили голову флорентийцы в 1499 г., а Вителоццо был задушен в 1503 г. по приказанию Цезаря Борджиа.

Сам Цезарь Борджиа взял в свои руки и продолжил дело, которое начали Вителли, и после его падения многие солдаты из Романьи нанялись на службу к венецианцам и оказались весьма пригодными. Однако попытки эти делались в

слишком небольшом масштабе, и за ними не стояла какая-либо могущественная политическая власть, которая могла бы их поддержать в период кризиса. Попытка Макиавелли организовать для Флорентийской республики отечественную боеспособную милицию была неудачна по своему замыслу и не увенчалась успехом. Казалось бы, что в наиболее благоприятных условиях находилась Венецианская республика, располагавшая многочисленным и преданным крестьянством. Но правительство опасалось военизировать собственных подданных и предпочитало производить вербовку за границей, а именно – в Романье. Эти отряды романьолов, которые могли бы сделаться родоначальниками национальной итальянской пехоты, были сперва разбиты швейцарцами под Ваилой (1509 г.), а затем и уничтожены испанцами и ландскнехтами под Ла-Моттой (1513 г.). С тех пор итальянская пехота, где бы она ни выступала, расценивалась столько же низко, если не ниже, сколько французская, хотя в одиночку итальянцы пользовались такой блестящей военной репутацией, что значительное число капитанов французских авантюрьеров были итальянцы.

После всего сказанного мы считаем возможным категорически утверждать, что если

французы и итальянцы и остались далеко позади немцев и испанцев в новом военном искусстве, то причину этого явления надо искать не в особенностях национального характера, ибо французы проявили впоследствии выдающиеся боевые способности, а итальянцы до исхода эпохи Ренессанса пользовались репутацией превосходных воинов. В данном случае это скорее результат обстоятельств и хода исторических событий. Немцам пошло на пользу то, что они с самого начала служили вместе с швейцарцами под знаменами Максимилиана. Сами швейцарцы таким путем стали родоначальниками ландскнехтов, на которых они впоследствии, отделившись от них, глядели не только как на своих соперников, но и как на злейших врагов. Несколько выдающихся людей под руководством самого Максимилиана, теоретически осознав всю важность задачи, разрешили ее при помощи обучения и упражнений; когда же было создано известное ядро ландскнехтов, преисполненных новым духом и верой в свои силы, когда выдвинулось собственными силами известное число капитанов и полковников, пользовавшихся общим уважением и доверием, институт ландскнехтов стал непрерывно развиваться и множиться собственной внутренней силой.

Почему мы ничего подобного не видим у французов, не раз спрашивали себя уже и современники; одни приписывали это нежеланию сделать народ боеспособным, дабы этим легче держать его в повиновении. Такова была точка зрения дворянства, повлиявшая на самого короля[20]. Однако этому противоречат постоянно повторявшиеся попытки создать национальную французскую пехоту. Но они успехом не увенчались, так как никогда не могли довести солдат до той боеспособности и до той уверенности в своих силах, которыми отличались швейцарцы и ландскнехты; понятно, что французские короли предпочитали иметь вместо малоценных войск полноценные. Причина неудачи французов заключается в отсутствии исходной точки – контакта с швейцарцами. Правда, сами французские короли имели у себя на службе швейцарцев, но невозможно было перемешать в одной колонне с швейцарцами французские роты, как это делали швабы и тирольцы. Швейцарцы служили образцом для французов только теоретически. Французскую пехоту надо было вырастить из новых семян. Но в применении потребной для этого работы и энергии не ощущалось необходимости, ибо под рукой всегда имелся удобный исход – добыть при

помощи вербовки первоклассных воинов из Швейцарии. Французским королям оказало громадную помощь именно то, что швейцарцы и ландскнехты враждовали между собой. Когда Людовик XII в 1509 г. поссорился с швейцарцами и они не дали ему солдат, он приказал вербовать ландскнехтов.

Совершенно иное положение было в Испании. Как только там усвоили себе значение нового военного искусства, крайняя необходимость заставила обучить ему собственных солдат. Где могли короли Арагонии и Кастилии (не говоря уже о географических затруднениях) достать столько денег, чтобы оплатить притязательных немецких наемников? Ведь к разработке источников благородных металлов в Америке только начали приступать. В отношении Италии надлежит отметить еще, как весьма существенное соображение, что образование более или менее постоянных войск, состоящих из пехоты, поставило бы республики и другие не слишком большие государства в крайне опасную зависимость от их вождей. Для королей крупных государств, которые сами являлись верховными вождями армии, эта опасность была не столь велика.

Глава II

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОРОХА И СТРЕЛЬБЫ

Лишь здесь я вставляю главу об огнестрельном оружии: хотя им к этому времени уже пользовались в течение полутораста лет и я неоднократно об этом упоминал, однако существенное значение оно приобрело лишь в ту эпоху, рассмотрением которой мы сейчас занимаемся.[21]

Во взглядах на вопрос об изобретении пороха еще недавно наблюдались значительные колебания, и исследования относительно места и времени его изобретения еще не завершены окончательно.

Несколько лет тому назад считалось бесспорно установленным, что греческий огонь, первые сведения о котором относятся к VII веку (при осаде Кизика в 678 г. н. э.), ничего общего не имеет с порохом – взрывчатым веществом, составленным из селитры, угля и серы, а представляет горючее вещество, заключающее в себе главным образом негашеную известь или какие-либо поджигающие вещества. А теперь

найден, опять-таки в византийских рукописях, рисунок, который надо отнести к X веку и который трудно иначе истолковать, как изображение взрыва пороха; произведенные в связи с этим многочисленные исследования описаний греческого огня снова приводят нас к заключению, что наиболее удачное и естественное истолкование – действие пороха[22]. Если толкование это правильно, то вот и старейшее, исторически доказанное применение пороха. Тем не менее имеются некоторые указания на то, что изобретение его имело место не здесь, а в Китае. Взрывчатое вещество – порох – получается, если в измельченном виде смешать приблизительно шесть частей селитры, одну часть угля и одну часть серы. Эта смесь представляет массу наподобие муки, очень быстро сгорающую, продукты горения которой в большей своей части газообразны и требуют для своего вмещения приблизительно в тысячу раз большее пространство, чем то, какое занимал порох. Следовательно, главная составная часть пороха – селитра. Однако последнюю редко можно найти в естественном виде в наших старых, культурных странах. Между тем в Монголии и в Китае она встречается весьма часто. Там, вероятно, давно уже заметили, насколько она повышает энергию

всякого горения, и легко могли прийти к изобретению пороха, подмешивая селитру к ранее известным поджигающим веществам. Далее, арабы называли селитру китайским снегом, а это также наводит на мысль, что правильное смешение трех составных элементов пороха впервые было открыто в Китае и оттуда уже перешло к арабам и восточным римлянам.

В Китае также дошли до применения пороха для военных целей, но не ранее как в XIII веке, следовательно, значительно позднее, чем греки начали его употреблять, и незадолго перед тем, как впервые упоминается на Западе об изготовлении пороха и огнестрельного оружия.

При обороне осажденного города Пиен-Кинга в 1232 г. пускали ракеты, метали железные ручные гранаты и закладывали мины. В 1259 г. пользовались порохом для того, чтобы метать из бамбуковых стволов зажигательные хлопья. Китайцы называли этот инструмент "пиками неистового огня"; в современной пиротехнике это приспособление известно под названием "римской свечи". Эта процедура приближается уже к стрельбе, ибо в данном случае мы имеем трубку, из которой силой взрыва выбрасываются снаряды на расстояние около 100 футов. Но так как задача ограничивается лишь зажиганием

воспламеняющихся предметов, то "пику неистового огня" нельзя назвать огнестрельным оружием; дальше этого китайцы не пошли в своем изобретении.

Первый правильно составленный рецепт пороха с тремя составными элементами в пропорции 6:1:1 находится в одной латинской рукописи, приписываемой некоему Марку Греку, которую надлежит отнести к середине XIII века. Несомненно, это – латинский перевод с греческого сочинения, трактующего о всевозможных пиротехнических устройствах. Прямо или косвенно из этого сочинения были почерпнуты и рецепты пороха, которые можно найти у Альберта Великого (1280 г.) и у Роджера Бэкона (1204 г.).

Однако все, что содержат эти сочинения о применении пороха, указывает на то, что тогда им еще не пользовались для стрельбы; это подтверждает и само заглавие книги Марка Грека – "Liber ignium ad comburendos hostes"[23].

То же мы находим и в несколько более поздних арабских сочинениях из Испании – Гасана Альрама (около 1290 г.), Юсуфа и Шемаэддин-Магомета, содержащих рецепты пороха и указания способов пользования им; согласно им, силой пороха надо пользоваться для сжигания неприятеля, а не для стрельбы по нему.

Особенно это относится к одному инструменту, называемому мадфаа, который, как то уже делали китайцы, силой пороха метал в неприятеля зажигательные вещества (а не снаряд или пулю)[24].

Таким образом, секрет изготовления пороха проник в западные страны из восточной Римской империи при посредстве переведенного на латинский язык греческого сочинения. Само название "римская свеча", обозначавшее инструмент, который китайцы называли "копьем неистового огня", дает основание предполагать, что вместе с рецептом пороха из восточной Римской империи к нам проникли и указания о способе применения этого нового вещества.

Мощное действие пороха алхимики объясняли жаром серы и холодом селитры, которые не могут друг с другом уживаться.

Заслуживает внимания то, что мы находим у Альрама описание инструмента, который можно назвать хотя и первобытной, но, по существу, совершенно разработанной самодвижущейся торпедой[25].

Следовательно, фактически торпеда была изобретена ранее, чем орудие или ружье, и это нам может служить иллюстрацией того, насколько трудно было дойти до изобретения

огнестрельного оружия даже после того, как уже имели порох[26].

Первый с исторической достоверностью установленный случай применения огнестрельного оружия в европейской войне имел место в 1331 г. в царствование императора Людовика Баварского на итальяно-немецкой границе в Фриули, во время нападения на город Чивидале двух рыцарей Крусперго и Шпилимберго. Мы читаем в хронике: "ponentes vasa", что по-немецки означает Вьchsen[27], "versus civitatem" и "extrinseci balistabant cum sclopo versus Terram et nihil nocuit"[28]. Sclopus, или sclopetum, по-итальянски schioppo (хлопающее, гремящее орудие, самопал), впоследствии означало ручное огнестрельное оружие в противоположность артиллерийскому орудию.

Через три года после этого боя под Чивидале хроника д'Эсте за 1334 г. сообщает, что маркграф (Феррарский) велел изготовить огромное количество различного рода орудий (praeparari fecit maximam quantitatem balistarum, sdopetorum, spingardarum). Означали ли спрингарды огнестрельное оружие того времени – установить нельзя, vasa и sclopeta, несомненно, означали таковые.

Третье по времени свидетельство об

огнестрельном оружии мы встречаем в счетах папского двора, которые стали известны лишь недавно[29].

Из них мы узнаем, что в 1340 г. при осаде Терни папские войска применяли в виде опыта гремящие трубы (Edificium de ferro quod vocatur "tromba marina", "tubarum marinarum seu bombardarum de ferro")[30], метавшие болты, а в 1350 г. во время осады замка Салуэроло – бомбарды, стрелявшие железными ядрами весом около 300 г.

Таким образом, при первых же упоминаниях о новом оружии мы находим в хрониках различные обозначения, из чего, по-видимому, можно заключить, что уже тогда употреблялись разные виды его, а следовательно, само изобретение его надлежит отнести к несколько более раннему времени.

Так как ни Альберт Великий, ни Роджер Бэкон, ни Альрама о нем еще ничего не знали, то изобретение это было, вероятно, сделано около 1300 г. или немногим позже.

Мы не имеем ни описания, ни изображения этого старейшего огнестрельного оружия. Правда, в одной роскошной английской рукописи[31], составленной приблизительно между 1325 и 1327 гг., имеется иллюстрация, несомненно

долженствующая изображать заряжаемое порохом орудие, следовательно несколько более раннее, чем то, которое применено было при осаде Чивидале. Сосуд, формой напоминающий большую пузатую бутыль, лежит на деревянной скамье, в горло бутыли воткнут чурбан, к которому прикреплена тяжелая стрела; человек, стоящий на почтительном расстоянии, подносит фитиль к затравке, которая виднеется на бутыли; инструмент направлен на запертые ворота замка. Как ни интересна эта картинка, все же нельзя допустить, чтобы она изображала когда-либо существовавшее огнестрельное орудие. Если бы бутыль была заряжена количеством пороха, соответствующим тяжести вложенного в качестве снаряда чурбана и дрота или даже крепости подлежащих разрушению ворот, а сама бутыль сделана была бы из достаточно прочного металла, то не только отдача разнесла бы вдребезги легкую деревянную скамью, на которой покоится бутыль, но и сам стрелок, как бы предусмотрительно он ни держался на известном расстоянии, едва ли уцелел бы. Поэтому нельзя не предполагать, что сам художник никогда не видал такого орудия, а лишь слыхал об удивительном новом изобретении и сконструировал свой рисунок по неясным описаниям. Как бы то ни было, рисунок

представляет интересное свидетельство о том, что и в ученых кругах говорили о применении силы пороха, с которой тогда ознакомились в западных странах. Однако мы не должны себе представлять действительную форму старейших орудий по этому изображению, но постараться произвести реконструкцию их по позднейшим, реалистическим изображениям[32] и по сохранившимся подлинным экземплярам.

Из них можно заключить с несомненностью, что древнейшее огнестрельное оружие было довольно мало и чрезвычайно коротко. Весьма рано появляются две основные формы: одна – в которой к стволу прикреплен довольно длинный стержень, который стрелок держит под мышкой или упирает в землю; другая – несколько более крупного калибра, где ствол прикреплен к балке, положенной на землю или вкопанной задним концом в землю.

Которая из этих двух известных нам древнейших форм является первичной, решительно высказаться нельзя. Однако, по-видимому, мы имеем возможность провести отсюда связующую линию к первоначальному применению пороха как огня для военных целей. Стержень, прикрепленный к стволу, напоминает стержень, который мы видим у мадфаа; а как на

прототип более хрупкого калибра можно предположительно указать на византийское военное орудие, изображение которого можно проследить до середины X века. Этот инструмент размером и формой напоминает большую пивную кружку с ручкой и затравкой наверху; из этого инструмента должны были пускать в лицо противнику струю огня в ту минуту, как его атаковали. И здесь, правда, можно сомневаться, имеем ли мы дело с оружием, когда-либо действительно применявшимся на практике, или с фантастически измышленным сооружением; в самом деле, так как огненная струя бьет на расстояние не более одного метра, то вооруженный этим инструментом подвергается сильной опасности, что его противник раньше до него доберется холодным оружием – мечом или копьем, чем он успеет дохнуть на него своим огнем, который к тому же в лучшем случае может внушить страх, особенного же вреда причинить не может[33].

Особенно затрудняло применение пороха то, что в селитре нередко бывает примесь других солей или же пыль. Такое ее засорение притягивает влагу, так что порох вскоре после его изготовления становится негодным. Для производства пригодного пороха необходимо

было знание действительного способа очистки или кристаллизации селитры, чего добивались еще в XIII веке, но окончательно достигли лишь впоследствии.

Как было показано выше, изобретение пороха еще не было равнозначно изобретению огнестрельного оружия, т. е., выражаясь общими понятиями, перевода взрывчатой силы пороха в силу ударную. Много столетий прошло с тех пор, как порох был известен; его даже в военном деле применяли раньше, чем появилось огнестрельное оружие. Каким же образом оно наконец было изобретено? В Византии существовала огнеметная кружка с затравкой, а у арабов в Испании – мадфаа; для того чтобы перейти от этих инструментов к огнестрельному оружию, недостаточно было наложить на заряд пороха металлический или каменный шар. Старейший вид пороха, подобный муке, загорается не сразу всей своей массой, для воспламенения его требуется несколько мгновений. Следовательно, снаряд, просто положенный на заряд пороха, не был бы выброшен полной силой взрыва, а медленно выкатился бы из орудия, а главная сила взрыва развилась бы в стволе лишь вслед за тем. Поэтому сущность изобретения, ведущего от пороха к стрельбе, заключается в изобретении

способа заряжания. Снаряд должен быть так плотно вдвинут в ствол, или, еще лучше, между снарядом и порохом должен быть помещен пыж, который так плотно закупоривал бы ствол, чтобы и пыж и снаряд могли быть выброшены из ствола лишь тогда, когда весь заряд пороха воспламенится и разовьет полную силу взрыва. Наибольший эффект получался тогда, когда между зарядом пороха и пыжом еще оставалось пустое пространство. Накопление силы, достигаемое посредством пыжа, создает и сильный грохот. А так как еще у византийцев упоминается о громе, производимом их греческим огнем, то надо полагать, что они уже давно открыли метод накладывания пыжа на заряд пороха[34].

Но и отсюда до огнестрельного оружия, обладающего пробивным действием, еще большое расстояние. Ведь сила взрыва действует не только вперед – на снаряд, но и во все стороны. Поэтому ствол должен был быть очень крепким и тяжелым, и, следовательно, его нельзя было держать непосредственно одной рукой, но, как было сказано выше, приходилось его прикреплять либо к стержню, дававшему возможность противодействовать отдаче силою всего своего тела, либо если калибр, а следовательно и заряд,

были слишком велики – прикреплять его каким-нибудь способом к земле. Поэтому ни византийская огневая кружка, ни арабская мадфаа не могли быть непосредственными предшественницами огнестрельного оружия – если вообще между ними существует какая-то преемственность. Из-за скудости источников здесь еще открыт широкий простор воображению. Возможно, например, что византийскую огневую кружку превратили в огнестрельное оружие тем, что вместо того чтобы держать ее в руках, ее прочно устанавливали на землю, забивая в нее пыж, и что из нее опять-таки сделали огнестрельное оружие, взяв за образец внешнюю форму мадфаа со стержнем. За эту гипотезу до некоторой степени говорит и то, что впервые с огнестрельным оружием мы встречаемся в Италии, которая поддерживала отношения как с Византией, так и с Испанией.

Где и кем было сконструировано первое огнестрельное оружие – покрыто мраком неизвестности; можно лишь примерно определить, что это произошло около 1300 г.; местом этого изобретения надлежит считать Верхнюю Италию; далее можно утвердительно сказать, что для изобретения огнестрельного оружия не только требовалось наличие пороха, но

и умение очищать селитру, прочный ствол с затравкой, заряжание пыжом и устройство ложа.

Несколькими годами позже, чем в Италии, появились первые известия о гремящих самопалах во Франции в 1339 г., в Англии – в 1338 г.[35], а в Испании – в 1342 г.; спустя еще несколько лет мы встречаем в Германии сведения о них: ранее всего в счетах города Аахена – в 1346 г., в Девентере в 1348 г., в Арнгейме – в 1354 г, в Голландии – в 1355 г., в Нюрнберге – в 1356 г., в Везеле – в 1361 г., в Эрфурте – в 1362 г., в Кёльне – в 1370 г., в Мейссене[36] – приблизительно в 1370 г., в Трире – в 1373 г. Древнейшее упоминание о самопале в Швейцарии мы имеем из Базеля в 1371 г.; пушкарское дело пришло "из-за Рейна"[37]. Первые военачальники, о которых источники гласят, что они применяли на войне огнестрельное оружие, были, как выше сказано, рыцари фон Крейцберг и фон Шпангенберг (1331 г.); хотя оба они были немцами, однако сравнительно позднее появление нового оружия в Германии опровергает легенду, что изобретение его принадлежит нашему отечеству. Не удалось также установить факта какого-либо существенного усовершенствования, которое подало бы повод образованию этой легенды[38].

Как мала была дистанция обстрела старейшего

огнестрельного оружия усматривается из инструкции относительно пользования им. Замок Биуль рыцаря Гуго де Кондильяка был вооружен в 1347 г. 22 самопалами; прислуги к ним полагалось по одному человеку на две штуки; видимо, они не были рассчитаны на то, чтобы во время боя их снова заряжали. Стрелок должен был лишь последовательно выстрелить из них. Но сперва полагалось стрелять из больших арбалетов, затем пускались в ход пращи и под конец стреляли из самопалов, которые, следовательно, били на наименьшее расстояние[39].

Предание, будто впервые орудия были применены в битве под Креси (1346 г.), представляет вымысел. Фруассар передает, что гентцы в сражении с брюггенцами пользовались 200 "рибодекенами", неясно описанными как какие-то тележки с небольшими пушками, из которых спереди торчала пика[40]. Вопрос – какова была сила их действия – остается открытым.

Чтобы иметь годный к употреблению порох, надо было, как мы с самого начала отметили, научиться очищать селитру. В этом деле постепенно совершенствовались и научились отличать хорошую селитру от плохой. Решающее же значение имело то, что научились изготовлять зернистый порох. Порох подмачивали и делали из

него небольшие катышки, которые затем сушили. Это давало то преимущество, что благодаря небольшим промежуткам между отдельными катышками воспламенение происходило гораздо быстрее. Кроме того, при перевозке пороха в виде мякоти нередко бывало, что от тряски отдельные его составные элементы частично снова разъединялись, в то время как в катышках они были связаны крепко. От катышков перешли к изготовлению зернистого пороха, продавливая сквозь сито порох, превращенный во влажную кашицу. Улучшением качества пороха путем изготовления зернистого пороха надлежит, вероятно, объяснить то, что промежуток между пыжом и снарядом исчезает и что начиная с XV столетия снаряд с пыжом или без него непосредственно накладывается на порох[41].

К этому времени как раз относятся поиски наилучшей пропорции смеси. В Германии в XIX столетии наилучшей почиталась смесь из 74 частей селитры, 10 частей серы и 16 частей угля (или также 74 : 12 : 13).

В XV столетии мы встречаем подобные же рецепты. Но наряду с ними и другие, с гораздо меньшим содержанием селитры, что опять-таки объясняется тем, что за слишком сильным порохом не гнались из-за слабости орудий,

которые в случае взрыва представляли серьезную опасность для прислуги.

При несовершенной очистке селитры суждения о действенности того или иного состава пороха были далеко не достоверны и действие пороха было неодинаково.

Первое литературное упоминание о новом оружии мы находим в произведении Петрарки, озаглавленном "De remediis utriusque fortunae" ("О средствах против превратностей судьбы"), которое он посвятил своему другу Аццо да Корреджио, но закончил лишь после смерти последнего. После того как Аццо продал д'Эсте свой город Парму, его постигли разные несчастья: болезнь, изгнание, смерть близких, измена и предательство друзей – сочинение это ищет источников утешения в несчастиях этого мира. В диалоге, в котором один из собеседников хвалится своими машинами и баллистами, его спрашивают с насмешкой, не обладает ли он и теми инструментами, которые с громом и пламенем метают медные желуди; еще недавно эта чума представляла такую редкость, что на нее глядели с величайшим изумлением; теперь же она так же распространена, как всякое другое оружие.

Келер, Иэнс, Фельдгаус и другие помещают это сочинение Петрарки между 1340 – 1347 гг.

Будь это так – пришлось бы признать, что Италия в отношении применения огнестрельного оружия опередила прочие страны еще гораздо больше, чем то можно заключить из других данных. Фактически, однако, сочинение это было закончено лишь в 1366 г.[42], когда огнестрельное оружие уже достаточно было распространено во всей Европе. Следовательно, рассуждения Петрарки не могут служить свидетельством об успехах, достигнутых огнестрельным оружием; тем не менее некоторые обороты речи у него заслуживают внимания, и нам небесполезно будет ознакомиться целиком с этим местом. Приводим подлинный текст:[43]

"Mirum nisi et glandes aeneas, quae flammis injectis horrisono tonitru iaciuntur. Non erat satis de coelo tonantis ira Dei immortalis, nisi homuncio (o crudelitas juncta superbiae) de terra etiam tonuisset: non imitabile fulmen (ut Maro ait) humana rabies imitata est, quod e nubibus mitti solet, ligneo quidem, sed tartareo mittitur instrumento, quod ab Archimede inventum quidam j putant... Erat haec pestis nuper rara, ut cum ingenti miraculo cerneretur; nunc ut rerum pessimarum dociles sunt animi; ita communis est, ut unum quodlibet genus armorum"[44].

Изобретение огнестрельного оружия, вероятно, было сделано около времени рождения

Петрарки или когда он подрос; однако об изобретателе его он ничего не знает и приписывает изобретение Архимеду. Из этого мы, можем заключить, что уже тогда его имя не было известно. Далее Петрарка называет этот инструмент "хотя и деревянным, но адским". Трудно понять, в каком смысле это сказано. Деревянным было только ложе, которое с его длинным, крайне массивным стержнем было, пожалуй, гораздо более громоздким, чем короткий железный ствол; однако на него нельзя было смотреть как на существенную часть инструмента. Мы стоим перед дилеммой: либо предположить, что Петрарка и не видал нового оружия и не имел о нем правильного представления, либо сказать, что он, будучи соблазнен антитезой "деревянного" и "адского", охарактеризовал его столь несоответствующим образом[45].

Третье, заслуживающее внимания выражение Петрарки, это – "адский". Этим задается как бы тон, который звучит далее через столетия, которым говорят Ариост и Лютер, осуждая жестокие орудия войны, и который слышится и доныне в речах пацифистов, сетующих на изобретение все новых смертоносных машин.

В наши дни в изобретении пороха видят один из важнейших технических успехов, достигнутых

человечеством, и даже тот, кто признает неверным и отвергает взгляд, что огнестрельное оружие победило рыцарство и феодализм и таким путем создало современную гражданственность и социальное равенство, не может не отвести последующему развитию техники огнестрельного оружия существенную роль в деле развития человечества; мы приобрели в силе пороха и примыкающих к нему в новейшее время взрывчатых веществ власть над природой и варварством, которая исключает возможность повторения такого разгрома, какому античный мир подвергся во время переселения народов. Однако современники мыслили об этом иначе.

В 1467 г. флорентийские изгнанники сражались недалеко от Имолы под предводительством Коллеони против Флоренции, войсками которой командовал Федерико Урбинский. Ввиду того что Коллеони пустил в ход полевые орудия в необычном количестве, Федерико запретил давать пощаду неприятелю. Паоло Вителли, который сам пользовался тяжелыми орудиями, велел отрубить руки и выколоть глаза пленным аркебузирам, ибо, как говорит Иовий, казалось недопустимым, чтобы благородные рыцари были безнаказанно повержены в прах худородными

пехотинцами[46].

В том же смысле высказывается и Фрёнсбергер: "Так не понадобится больше ни настоящего человека, ни храбрости, раз всевозможная хитрость, обман, предательство вместе с этими омерзительными орудиями получили такой перевес, что ни умение фехтовать, бороться, драться, ни оружие, ни вооружение, ни сила, ни искусство и храбрость уже ничего не могут, ничего не значат. Ибо часто случается, что храбрый герой бывает убит из пушки никуда не годным, отовсюду выгнанным малым, который не несмел бы в другое время с ним заговорить или даже взглянуть на него".

И Лютер заявил, что самопал и пушка – творения дьявола и ада. Того же взгляда держался и Себастьян Мюнстер. Фуггер, наоборот, говорит, что огнестрельное оружие подобно воде и огню, которые могут быть и полезны, и вредны.

Нередко передают, что пленных мастеров, изготовлявших огнестрельное оружие, сажали в жерла их собственных пушек и выстреливали ими.

КРУПНЫЕ ОРУДИЯ

Хотя и установлено с полной достоверностью, что первоначально были лишь маленькие

огнестрельные орудия[47], однако дифференциация началась довольно скоро; различалось изготовление ручных самопалов – предшественников ружей и более крупных орудий – предшественников пушек; последние очень быстро стали увеличиваться в размере.

Около 1370 г., опять-таки впервые на романской почве, соорудили гигантские бомбарды, предназначенные для пробивания брешей в стенах при помощи огромных каменных ядер.

Для этого недостаточно было просто увеличить размеры орудия, ибо при стволе в полметра диаметром нельзя было достигнуть столь необходимой, как мы видели, закупорки заряда пороха. Поэтому разделили орудие на две части: камеру с умеренным диаметром, которая прочно забивалась и закупоривалась чурбаном из мягкого дерева, и переднюю часть (Vorhaus), или ствол (Flug), в котором помещалось исполинское ядро, по возможности закреплявшееся паклей и глиной. Колоссальный размер каменных ядер обусловливался самим их материалом; они должны были действовать своею тяжестью, даже если им дана была умеренная начальная скорость; ядрам меньшего размера пришлось бы придать бóльшую скорость – но в таком случае они легко

сами разбивались бы вдребезги, ударяясь о стены, которые они должны были разрушить.

Камера представляла собой отдельную от ствола часть и соединялась с ним лишь для выстрела; пригонка их друг к другу производилась или при помощи лафета, или каким-либо затвором; такую камеру легче было заряжать, а орудие – перевозить; к тому же можно было заготовить несколько камер на одно дуло и тем достигнуть ускорения стрельбы. Однако такие орудия нельзя еще считать заряжающимися с казны.

В старейших орудиях этого рода для каменных снарядов передняя часть была еще так коротка, что ядро только-только в него входило и даже, пожалуй, несколько торчало из него вперед. Понемногу стали понимать, какие преимущества доставляет длинный ствол, и, сообразно с этим, его стали удлинять.

Когда такое орудие ставилось перед стенами города или замка, то для ограждения его и его прислуги от выстрелов осажденных перед орудием сооружался деревянный щит с амбразурой, замыкающейся ставней.

В 1388 г. город Нюрнберг отправил свое большое орудие, "Кримгильду", разрушить один замок; она весила приблизительно 56 центнеров,

стреляла ядрами весом в 5,5 центнера и перевозилась 12-ю лошадьми. В лафет-"люльку" (Die Wiege) орудия было впряжено 16 лошадей. Вместе с пушкой везли и щит на трех пароконных телегах. Четыре телеги, запряженные четверкой каждая, были нагружены 11-ю каменными ядрами. Для перевозки прочих принадлежностей, подъемных приспособлений, веревок, багажа пушечного мастера потребовались еще две четырехконные подводы. Прислуга из 8 человек в панцирях и железных шлемах ехала на подводе. Пушечный мастер, Грунвальд, ехал верхом. Поразительно малым может показаться запас пороха, который повезли для этого чудовищного орудия, – не более 1 S центнеров. Но так как предполагалось сделать только 11 выстрелов, то этого было достаточно – по 14 фунтов на выстрел. Для того чтобы выпустить эти 11 снарядов, наверно, потребовалось несколько дней.

Сохранившаяся до настоящего времени в Вене большая бомбарда – более 2 S м в длину; ее каменное ядро 80 см в диаметре весило около 12 центнеров. Сама бомбарда весом значительно превышает 200 центнеров; сооружена была она, вероятно, между 1430 и 1440 гг.

Еще немногим больше было орудие города Франкфурта, примененное в 1399 г. для

бомбардировки замка Танненберга в Гессене.

Дула древнейших пушек изготовлялись преимущественно из железа, которое выковывалось вокруг шипа; однако уже в XIV веке отливка из бронзы взяла верх. Старались достигнуть достаточной прочности при не слишком большом весе, для чего стенки ствола суживались к дулу. Внутренней поверхности дула придавали возможную гладкость и правильность при помощи последующего сверления и выглаживания напильником. Однако в конце XV века еще не могли добиться вполне цилиндрической формы ствола[48].

С ростом калибра орудий особенное значение получала задача – дать им прочную установку, парализовать отдачу и сделать их легко подвижными при перевозке и наводке. За одной попыткой следовала другая, за одним изобретением – новое, до тех пор, пока не выработали тип пригодного во всех отношениях лафета.

Уже лафеты Карла Смелого пользовались большой славой, но балансирующие цапфы появились лишь к моменту похода Карла VII в Италию в 1494 г., а шайбы для цапф, устранившие зазор в гнездах для цапф, мы встречаем лишь в орудиях Максимилиана. Вплоть до XVIII столетия

еще не всюду умели придавать цапфам надлежащую форму, необходимую для правильной и надежной установки дула на лафете[49]. Еще в 1540 г. инженер Бирингучио жаловался на то, что лафеты построены так неуклюже, что едва удается передвигать орудия, замедляющие благодаря этому движение войск.

Из крупных орудий стреляли не только ядрами, но и кучей небольших пуль и щебнем – прообразом картечи, а к концу XV столетия появились и бомбы[50].

Но важнейшее усовершенствование, которое надо было сделать, – это изготовить пригодный снаряд. Каменные ядра были недостаточно прочны; надетые на них крестообразно железные обручи, конечно, помогали мало. Но вот в XV столетии стало развиваться литье чугуна вследствие использования водяной силы, которая давала возможность устроить мехи достаточной мощности, чтобы расплавить железо до жидкого состояния. Говорят, что применение силы падения воды, которую лишь тогда человечество научилось использовать, имело для успехов техники не меньшее значение, чем паровая сила 300 лет спустя. Литье чугуна дало чугунные пушечные ядра. Когда именно они впервые были применены, остается невыясненным; достоверно

известно лишь то, что ими пользовались французы во время их первого, итальянского похода в 1494 г., особенно быстро разнося при их помощи в прах стены неприятельских городов[51].

Так как чугунные ядра не должны были быть особенно крупного калибра, то французы без труда могли перевозить с собою свои осадные орудия и в короткое время брать город за городом. Таким образом, лишь в это время, через пять поколений после первого появления огнестрельного оружия, благодаря побочному открытию – отливке чугунных ядер – мы видим действительно пригодные орудия[52].

Пушкарного дела мастера составляли своего рода цех и смотрели на свое искусство как на профессиональную тайну, передававшуюся либо в семье по наследству, либо через учеников. Поэтому, когда около 1420 г., следовательно, приблизительно через сто лет после нового изобретения, неизвестный мастер написал "Книгу огневого дела", содержавшую в себе изложение всей техники изготовления пороха, отливки орудий, заряжания их, наводки и стрельбы из них; эта книга, правда, была распространена в рукописи и переведена на французский язык, однако хранилась она в такой тайне, что лишь в

1529 г. была перепечатана. Больше полутора столетий эта книга, в дополненных по мере усовершенствования этого искусства копиях, оставалась основным руководством для артиллеристов, и, пожалуй, ее славой можно объяснить распространение легенды, будто порох был изобретен в Германии.

Охрана артиллерии почиталась в рассматриваемое нами время за особо почетную службу, но на самих артиллеристов еще смотрели не как на солдат, а как на техников[53].

Де Ля Ну (1568 г.) называет патроном этого цеха св. Антония[54]; впоследствии же место его заняла св. Варвара, которую призывали во время грозы.

Трудно сказать, как велика была сила действия старейших осадных орудий, т.е. больших, заряжавшихся каменными ядрами пушек, в последнем десятилетии XIV века и в начале XV столетия. В 1388 г. архиепископ Фридрих Кёльнский осаждал город Дортмунд и довел силу огня до того, что в один день он выпустил 33 снаряда, а за 14 дней всего выпустил их 283.

Передают, что при помощи бомбардировки были взяты Блаубейрен в 1390 г. и замок Элькерсгаузен в 1395 г.

Когда аппенцельцы, восставшие против своего

сюзерена, сент-галленского аббата, в 1401 г. осаждали замок Кланкс, они, говорят, взяли его, наконец, с помощью граждан Сент-галлена, подвезших артиллерию.

Когда в 1414 г. Фридрих Бранденбургский выступил в поход вместе со своими союзниками против Квицовов, последние уже успели тоже обзавестись орудиями. Фридрих, согласно данным его завещания, велел отлить для себя пушки из колоколов Мариинской церкви в Берлине; однако вопрос о том, сделал ли он это для вышеупомянутой экспедиции, или же позднее для войны с гуситами, остается открытым[55].

Он занял у ландграфа Тюрингенского его исполинскую пушку, которая, по легенде, называлась "ленивой Гретой". Это орудие было пущено в дело лишь против Фризака под Ратенау, а затем – против Плауэ под Бранденбургом; их защищали Дитрих и Ганс фон Квицовы; однако оба бежали раньше, чем дело дошло до крайности, после чего оба замка капитулировали. Нельзя предполагать, чтобы орудие при этом сыграло решающую роль, ибо для взятия замков достаточно было превосходства сил бургграфа, который действовал совместно со своими союзниками – архиепископом Магдебургским и герцогом Саксонским. Еще в 1437 г. курфюрст в

своем артиллерийском парке имел кроме пушек и баллисты.

В 1422 г. гуситы за 5 месяцев выпустили против богемской крепости Карлштейн почти 11 000 снарядов и все же были вынуждены отступить, не добившись своей цели.

В 1428 г. англичане бомбардировали Орлеан каменными ядрами весом от 120 до 164 фунтов, не повредив стен; при этом были разрушены только отдельные здания внутри города, а раненых и убитых не оказалось и 50-и человек.

В 1453 г. турки взяли Константинополь штурмом; при этом они пользовались техническими средствами, бывшими в ходу еще до изобретения огнестрельного оружия. Артиллерия нисколько не способствовала их успеху, хотя по городу и стреляла исполинская пушка каменными ядрами весом в 1 200 фунтов[56].

Рудольф Шнейдер установил, что система орудия, которым в древности достигали наибольшего действия, была утрачена во время великого переселения народов[57]. Это орудие было построено на силе скручивания, т.е. натяжения скрученных жил и волос животных. Эта сила очень велика, но конструкция орудия, действующего при его помощи, чрезвычайно

сложна, и когда варварство охватило военное дело, уже утратилась способность применять эту технику. Средневековье знало лишь арбалеты увеличенного размера и приводимые в действие рычагом орудия-баллисты. Шнейдер считает возможным утверждать, что если бы сохранились орудия, действующие при помощи скручивания, орудия, действующие порохом, может быть, никогда не появились бы, ибо ранние типы огнестрельных орудий, вплоть до 1600 г., по силе действия не могли бы состязаться с первыми.

Как ни логичным кажется такой ход мышления, он все же был недавно опровергнут открытием того факта, что одновременно с изобретением огнестрельных орудий вновь были изобретены и появились на свет античные орудия, действующие при помощи скручивания. Такое орудие применялось в 1324 г. во время обороны Меца, а в 1346 г. и позднее Иоганн Гюи из Меца строил такие инструменты[58] за чрезвычайно высокую плату для папы в Авиньоне. Как странно, однако, может заблуждаться дух изобретателя! Иоганн Гюи или его учитель из Меца, изучавший древних писателей, почерпнувший у них идею своей машины и воссоздавший ее, был, несомненно, гениальным человеком: он вновь изобрел орудие, которое, конечно, значительно

превосходило существовавшие в то время огнестрельные орудия. Но в то время как последние носили в себе зачатки будущего развития, первое, безусловно, этого не имело. Иоганн Гюи достиг бы практически гораздо большего, если бы он сумел научить своих современников отливать чугунные ядра.

Однако еще в 1740 г. Дюлак в своей "Новой теории механизма артиллерии" предлагал заменить орудия навесного огня (мортиры) метательными машинами древних, так как действие первых чрезвычайно ненадежно и неравномерно.

Как бы низко мы ни расценивали действие больших каменных ядер, все же его нельзя считать абсолютно ничтожным, ибо, в противном случае, не стали бы то и дело отливать все новые и новые гигантские пушки и не пользовались бы ими на войне. Если считать за действительное мерило соответственные изменения в методе обороны, в расположении и конструкции укреплений, то надо заметить, что такие изменения начинают наблюдаться со второй половины XV столетия[59].

Чрезвычайно разнообразны названия, которые давали разного рода орудиям без того, чтобы было возможно провести какую-либо

определенную границу между значениями этих названий. Кулеврина, означавшая во времена Карла Смелого ручное оружие, в XVI столетии означает орудие; дальше назову еще бомбарды (Bombarde), каменобойные орудия (Steinbьchse), чурбанную пушку (Klotzbьchse), главную пушку (Hauptbьchse), "девку" (Metze), мортиру (mцrser), "свинку" (tummler), мортирицу (Böller), гаубицу (Haufnitze), квартану (Karthaune), т.е. четвертную пушку, змею (Schlange), беду-змею (Notschlange), серпентину (Serpentine), сокола (Falke), фальконет (Falconet), ястреба (Sperber), таррас-пушку (Tarrasbьchse), "певицу" (Singerin), соловья (Nachtigal), птицелова (Vцgler), пеликана (Pelican), василиска (Basilisk), дракона (Drache), кречета (Saker), пушку (Kanone)[60].

Итальянцы и испанцы для запряжки орудий первоначально употребляли волов. Когда французы появились в 1494 г. в Италии, всех поразило, что они впрягли в свои пушки лошадей, и притом особенно крупной породы[61]. Подвижность, которой они через это достигали, была им очень полезна, но накладные расходы, вызываемые такой упряжкой, были, с другой стороны, очень велики. Когда в 1507 г. император Максимилиан выступил в поход, – так мы читаем в жизнеописании Баярда, – у него хватало

упряжки только на половину его артиллерии, так что когда первая ее половина была перевезена, упряжка возвращалась обратно, чтобы подвезти другую половину.

Несмотря на это, порою восхваляют артиллерию Максимилиана, в другом месте – швейцарцев[62], в третьем – французов[63].

Еще в начале XVI века роль артиллерии во время сражения была незначительна. Техника и искусство наводки стояли еще на слишком низком уровне. Наблюдались постоянные перелеты; густые колонны пехоты ложились на землю, если им приходилось стоять под огнем артиллерии, или старались до нее добежать настолько быстро, что орудия могли дать не больше одного выстрела[64]. Знаменитый начальник наемных дружин Тривульцио заявил поэтому в 1494 г., когда ему расхваливали артиллерию, привезенную с собою французами, что от нее почти нет никакого прока в сражении[65], а Макиавелли в своих Discorsi, написанных еще между 1513 и 1521 гг.[66], находил, что она больше нагоняет страх своим непривычным грохотом.

Того же взгляда держался и Монтень в восьмидесятых годах и выражал надежду, что "снова откажутся от этих бесполезных штук"[67]. Тем не менее, говорит Иовий в

жизнеописании Пескары[68], ни один мудрый полководец ни при каких обстоятельствах не выступит в бой без артиллерии, а Авила с похвалой отзывается о том, как ландграф Филипп и его офицеры искусно умели пользоваться артиллерией во время Шмалькальденской войны[69]; однажды они выпустили под Ингольштадтом в течение 9 часов 750 ядер, что в то время считалось ужасающей канонадой.

РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

По-видимому, огнестрельное оружие очень рано дифференцировалось на ручное, называвшееся в Германии Lotbьchsen (пулевые ружья), и орудия. Хотя ход развития этих двух видов и был различный, однако в нем встречаются аналогичные моменты. И в ручном оружии ствол удлинялся, а иногда либо разделялся на две части, либо в середине устраивался уступ, отделявший камеру от дула для того, чтобы при забивке деревянного пыжа последний не доходил вплотную до пороха, но оставалось бы пустое пространство для полного развития газов.

Воспламенение в крупных орудиях производилось тем, что втыкали в затравку раскаленный железный крюк; у ручного оружия

оно производилось тем, что прижимали зажженный фитиль к затравке, наполненной порохом. Пока затравка была наверху, она мешала прицеливанию, тем более что из нее при выстреле выбивалось пламя. Поэтому к одному ружью приставляли двух людей: одного для прицеливания, другого – для производства воспламенения по знаку первого. Позднее поместили затравку сбоку, устроили полку для затравочного пороха и изобрели курок, в зажиме которого помещался фитиль и который стрелок мог, не глядя, спустить рукою, пока он; целился. За фитильным курком, который стрелок прижимал вниз рукою, появился фитильный замок, который простым движением пальца спускал посредством пружины курок; замок этот был вроде того, который уже устраивался в арбалетах.

Заряжание было облегчено тем, что стрелок имел при себе небольшие деревянные трубки для пороха, из которых каждая заключала в себе заранее отмеренный заряд пороха для одного выстрела. Чтобы иметь эти патроны, как их можно назвать, всегда под рукой, стрелок носил их, числом 11, на перевязи через плечо. Кроме того, у него была сумка с пулями и пороховница для насыпки пороха на полку. Для этого

затравочного пороха, или, как его называли, зажигательного зелья, пользовались другим, более мелким сортом пороха, чем для заряда. К полке устроили крышку.

Манипулировали самыми старыми ружьями различным образом: упирали ложе в землю, клали его на сгиб руки или на локоть, упирали его в грудь или держали оружие двумя вытянутыми вперед руками.

Но все эти приемы не могли давать выстрела на далекое расстояние и притом верного, а когда для достижения такового стали удлинять ствол, то усилившаяся отдача вызвала новые неудобства. Дабы парализовать эту отдачу, под концом ствола устраивали железный крюк (начиная с 1419 г.)[70]. Ружья с такими крюками встречаются весьма часто, но так как они требуют прочного упора – стены или балки, то в открытом поле они почти не применимы. Даже когда стали сооружать особые сошки, то для боя в поле это мало помогало, ибо переноска сошек и всякое изменение стрелковой позиции были слишком затруднительны[71].

Более точная наводка сделалась возможной благодаря изобретению прицела и мушки. С 1430 г. стали организовываться состязания в стрельбе между горожанами. Однако тонкая

стрельба не играла крупной роли на войне, где ей препятствовало более или менее сильное волнение, овладевавшее стрелком во время боя; позднее, в XVIII столетии, тонкая стрельба сознательно подавлялась как помеха массовому огню и скорости стрельбы.

Преимущество нового оружия перед луком и арбалетом заключалось в его пробивной силе и в его дальнобойности. Во время стрелковых праздников в конце XV столетия стреляли из ружей не меньше как на 230–250 шагов, в то время как расстояние для арбалета не превышало 110–135 шагов[72]. Пользование нарезными стволами, которые тогда уже были изобретены, категорически воспрещалось. Из дальнейших указаний вытекает, что на состязаниях стреляли без упора, а не из ружей, зацепленных крюками.

Однако для того чтобы пробивать тяжелые рыцарские латы, пули аркебуз часто еще оказывались слишком слабыми. Поэтому сконструировали мушкет – ружье для пехоты, которое стреляло пулями весом в 4 лота (т.е. приблизительно вдвое тяжелее, чем пуля старого игольчатого ружья Дрейзе). А так как стрелок не мог им управлять одними руками, то его опирали на сошки. Дюбелле сообщает нам об одном изобретении в 1523 г., следовательно, после

сражения при Бикокке и перед сражением при Павии.

Сошки были настолько легки, что стрелок мог носить их вместе с мушкетом; воткнув в землю, их можно было поворачивать во все стороны.

Во время заряжания стрелок держал сошку на ремне, перекинутом через левую руку. Лишь постепенно прикладу стали придавать такую форму, что его можно было упереть в плечо.

Легкой аркебузой и тяжелым мушкетом пользовались одновременно в течение всего XVI столетия. При выковке ствола вокруг шипа внутренняя поверхность его должна была быть очень неровной, что, несомненно, препятствовало действию газов и меткости стрельбы. Путем тщательного сверления старались добиться вполне гладкой поверхности стволов. Уже тогда изобретены были двустволки, револьверные и органные орудия, имевшие некоторое сходство с современными митральезами и пулеметами. Пробовали также стрелять болтами.

Недостаточно надежное действие огнестрельного оружия внушило мысль использовать его в то же время и как оружие ударное. Стали изготовлять палицы, из которых можно было также и стрелять; делали их даже многоствольными[73].

Эти изобретения и конструктивные приспособления имеют ценность лишь как опыты и курьезы. Подлинное развитие идет по пути усовершенствования самого огнестрельного оружия как инструмента.

Уже на рейхстаге в Нюрнберге было принято решение относительно похода против гуситов: половина стрелков должна была быть вооруженной огнестрельным оружием, половина – арбалетами. Подобные постановления мы встречаем нередко. Еще в войсках Карла Смелого мы могли встретить наряду с лучниками и арбалетчиками и стрелков, вооруженных огнестрельным оружием. Только в 1507 г. Максимилиан исключил из вооружения арбалеты. К тому времени уже прошло около 200 лет с тех пор как было изобретено первое огнестрельное оружие. После того удлинили дуло, изобрели ложе с прикладом, пороховую полку к затравке с крышкой, фитильный замок, сошки, патроны, сверление дула. Однако послушаем, как современный знаток описывает манипуляцию с этим столь усовершенствованным ружьем[74].

"Томительно, сложно и в высшей степени опасно было обращение с огнестрельным оружием, снабженным фитильным замком. Прежде всего – зажигание фитиля кремнем,

огнивом, трутом и серой (если не было под рукой другого зажженного фитиля или лагерного костра); затем надо было позаботиться, чтобы оградить фитиль от сырости, нужна была осторожность, чтобы оградить себя, свою одежду и амуницию от тлеющего фитиля. Далее идет скучная процедура заряжания порохом из маленького патрона и пулей из сумки; наконец, насыпание пороха на полку, причем после того как она закрыта крышкой, требовались сильные легкие для того, чтобы сдуть лишний порох изо всех щелей замка из опасения, что он случайно может воспламениться. Если не надо было стрелять тотчас или вскоре после этого, то в большинстве случаев необходимо было замазать крышку полки для вящего ограждения пороха калом – операция несколько нечистоплотная; затем вправляли фитиль в отверстие курка, не слишком вытягивая его вперед, иначе он не попадет на полку, а также не слишком – назад, а то он может потухнуть; всаживать надо было фитиль не слишком плотно, ибо по мере сгорания его опять приходилось вытягивать, но и не слишком свободно, а то он легко мог проскользнуть сквозь зажим курка и потухнуть; в то же время – непрестанная забота, как бы горящие концы фитиля или искры от него не

попали в открытую пороховницу или на платье. В конце концов, войдите в положение этого несчастного человека с его фитильным оружием, которого сажают на лошадь в качестве драгуна и которому приходится проделывать все эти сложные манипуляции и в то же время управлять своим конем!"

Неудивительно, что Макиавелли в своей книге о военном искусстве не раз говорит об опасности аркебуз и полевых орудий, а иной раз отзывается о них пренебрежительно, а об аркебузах говорит, что они пригодны лишь для того, чтобы распугать мужиков, занявших какой-нибудь проход. В одном французском сочинении 1559 г. рекомендуется снова вернуться к арбалетам, ибо они прекрасно действуют против кавалерии во время дождя и при внезапных нападениях[75].

В частности, лук долго имел многочисленных приверженцев и защитников. Еще в 1590 г. имел место в Англии литературный спор о преимуществах лука и аркебузы. Сэр Джон Смайт стоял за лук: он стреляет более метко и быстро, с ним не попадешь впросак из-за отсыревшего пороха или фитиля; стрелять из лука можно большим числом шеренг, а стрелы пугают лошадей. На это возражал Барвик, что сырость так же плохо отражается на тетивах луков, как и

на порохе; что редко можно найти хороших стрелков из лука, ибо легче прицеливаться из аркебузы, чем из лука, и что вообще утомление весьма сильно отражается на боеспособности лучников, которые часто пускают стрелы слишком поспешно и не с полной силой. Может быть, лошади и больше пугаются стрел, зато людей пули больше устрашают.

На это возражал Смайт, что аркебузир, сделавший более 10-и выстрелов в час, уже не в состоянии попасть в цель[76].

В 1547 г. английский лук нанес поражение шотландцам под Пинкин-Клю; еще в 1616 г. в боях между Венецией и Австрией упоминаются лучники; в 1627 г. под Ла-Рошелем появились англичане, вооруженные луками; в 1730 г. в Мюльбергском лагере саксонские гусары были вооружены луками и стрелами; в Семилетнюю войну русские привели с собою калмыков, о которых в одном дневнике говорится: "Они вооружены луками и стрелами, из которых они стреляют невероятно далеко и метко, однако в сырую и ветреную погоду оружие это не очень опасно". В конце концов, генерал Фермер отправил большинство калмыков домой, так как они не подчинялись военной дисциплине, к тому же они боялись огня так же, как и казаки[77].

Даже еще в 1807 и 1813 гг. мы встречаем в русской армии калмыков, башкир и тунгусов, вооруженных луками и стрелами. Французский генерал Марбо рассказывает в своих мемуарах, что в Лейпцигском сражении он сам был ранен стрелой; хотя число таких конных лучников и было огромно и они реяли вокруг французов, как осиный рой, наполняя воздух целой тучей стрел, однако, насколько ему известно, лишь один француз был убит стрелою, и раны, причиняемые ими, весьма легкие. Это слабое действие плохо вязалось бы со сведениями, которые мы имеем из средних веков, если не принять во внимание, во-первых, того, что Марбо чрезвычайно преувеличивает число этих диких воинов в русской армии, а во-вторых, что они, естественно, держались на почтительном расстоянии от огнестрельного оружия[78].

Если французы[79] в 1495 г., швейцарцы[80] в 1499 г., ландскнехты Фрундсберга[81] в 1526 г. прикрывали свой арьергард во время марша от преследовавших их противников стрелками, то то же выполняли в аналогичных ситуациях и раньше лучники и арбалетчики.

В то время орудия в полевых боях представляли совершенно новое явление, орудиями в крепостной войне и ручным

огнестрельным оружием сперва пользовались лишь как добавлением к однородно действовавшим инструментам, и лишь постепенно они вытеснили последние окончательно. Тактическое применение ручного огнестрельного оружия поэтому вначале ничем не отличалось от применения прежнего метательного оружия. В сражениях, которые положили конец средневековой военной организации и начало новой эры в этой области, под Грансоном, Муртеном и Нанси новая сила, мы это еще раз подчеркиваем, была на стороне рыцарства: его сломило не огнестрельное оружие, а наоборот, оно потерпело поражение, несмотря на то что сумело использовать новую технику и вступить с нею в союз.

Первое, более крупное сражение, в котором мы наблюдаем существенное воздействие ручного огнестрельного оружия на его исход, произошло в начале 1503 г. в Нижней Италии между французами и испанцами; о нем нам рассказывает на основании, по-видимому, достоверных источников Иовий в своем жизнеописании Гонсало ди Кордова[82]. Французский полководец герцог Немурский пытается выманить Гонсало из его укрепленного опорного пункта Барлеты. Гонсало держался выжидательно, однако, когда

французы прошли мимо, он за ними последовал со своей легкой конницей, присоединив к ней отряд аркебузиров, прикрывавших ее с обоих флангов. Французские жандармы повернули обратно и обрушились на испанскую кавалерию, которая обратилась в притворное бегство, чем завлекла французов в промежуток между аркебузирами; последние открыли по французам энергичный огонь. Тут рыцари могли бы, конечно, обратиться на аркебузиров и затоптать их, но это они не успели сделать, так как испанская кавалерия, получив тем временем подкрепление, снова перешла в наступление. Таким образом, французы, потерпев большой урон, вынуждены были обратиться в бегство.

Вскоре после этого произошла битва под Черньолой (28 августа 1503 г.), где огнестрельное оружие в соединении с полевой фортификацией определило характер боя; и это явление последовательно все ярче и ярче выступает в одном сражении за другим.

ПИСТОЛЕТЫ

Уже со второй половины XIV столетия стали изготовлять огнестрельное оружие для кавалерии[83], а к концу XV века Камилло Вителли

сформировал отряд конных стрелков[84]. Но затем от них отказались, и еще в 1535 г., когда Карл V рассказывал Иовию о своем походе в Тунис, он добавил, что имеет намерение вновь создать отряд конных арбалетчиков. По-видимому, император тогда еще не находил вполне пригодного огнестрельного оружия для кавалерии. Несколько лет спустя мы, однако, узнаем от того же Иовия, что кавалерия императорского войска обладает пистолетами с колесным кремневым замком. Так, когда в сентябре 1543 г. Штулвейссенбург был вынужден капитулировать перед войсками султана Сулеймана, гарнизону был предоставлен свободный выход с сохранением всего имущества, и условие это турки действительно сдержали, за одним исключением: они отняли у отступающих войск их кремневые пистолеты, удивительная конструкция которых возбудила их любопытство и жадность. В следующем 1544 г. ими пользуются ландскнехты в пешем строю во время битвы под Черезолой[85], и сам Карл V рассказывает в своих мемуарах, какой вред нанесли французам "маленькие пистолеты", или "маленькие аркебузы", немецких всадников в бою под Шалоном[86]. Снова, во время Шмалькальденской войны, о них упоминает испанский историк Авила, характеризуя их как "аркебузу двух пядей

длины" или "маленькую аркебузу". Следовательно, название "пистолет" еще не вошло в употребление[87].

За 1547 г. мы имеем сведения из Франции, что конные стрелки, прежде, "до изобретения этой чертовщины, называемой пистолетами", имевшие луки, теперь уже снабжены этим новым оружием[88].

Колесный замок, сделавший пистолет пригодным для кавалеристов, построен был на том, что колесико с острыми зазубринами приводилось во вращательное движение посредством пружины и выбивало искру из кремня, воспламенявшую порох, насыпанный на полку. Однако на практике этот замок имел столько недостатков, что для пехоты фитильный замок был предпочтительнее[89].

В заключение приведем следующий отрывок из "Военной книжечки" цюрихского капитана Лафатера (1644 г.):

"Когда же солдат стреляет пулей железной или оловянной, залитой в сало, жеванной, или рубленной, или разрезанной на четыре части, то ему не должно даваться никакой пощады. Всякий, кто стреляет из нарезного ствола или французской фузеей, тем самым уже лишился права на пощаду, а также те, кто стреляет железными

четырехугольными, квадратными или иными картечинами, либо пулями с зазубринами, или носят волнистые шпаги, – повинны в смерти".

МУШКЕТЫ

Не так легко определить, в чем заключается принципиальное различие между аркебузой и мушкетом, и то, что выше по этому поводу сказано в тексте, подлежит некоторому сомнению. (Ср. Гобом. "Путеводитель по берлинскому цейггаузу", стр. 83). Мускетами (Muschettae) называет Марино Сануто уже в 1321 г. стрелы арбалета (Jдhns, Kriegswesen. "Военное дело", стр. 637; Schneider. Artillerie des Mittelalters, стр. 48). В Германии слово "мускет" появляется впервые лишь в 1587 г.[90]. Весной 1504 г., говорят, в Бордо отливались аркебузы с сошками, о которых до 1499 г. еще не упоминается.

Мартин Дюбелле (Мемуары, кн. И, парижское издание 1586 г., стр. 43) говорит в 1521 г., рассказывая об осаде Пармы имперцами: "Происходили славные стычки: с этой поры были изобретены аркебузы, из которых стреляли с сошек". Иовий в своем жизнеописании Пескары[91] сообщает: когда императорские

кирасиры (Kьrisser) приведены были в замешательство французскими "Piscarius... hispanos sclopettarios circiter octingentos subsidio mittit, qui repente circumfusi a tergo et a lateribus edita terribili pilarum procella ingentem equorum atque hominum numerum prosternunt... Hispani natura agiles, et levibus protecti armis, retro sese celeriter explicant, equorumque impetum tortuosis discursibus (aggirandosi intorno) eludunt: auctique numero uti erant cum longo usu, tum novis Piscarii praeceptis edocti, manipulatim (Ruscner: rottmeris) toto campo sine ordine diffunduntur. Erat id pugnae genus per se novum et inusitatum, sed in primis saevum et miserabile, quod magna rerum iniquitate praeoccupantibus sclopettariis, praeclare virtutis usus in equite penitus interiret: nec ullae vel fortissimae dextrae diu (ne alcuve braccia, anchor che fortissime giovano lungo tempo) proficerent, quin conferti a raris et paucis, plures et clarissimi saepe duces et equites inulta caede passim ab ignobili et gregario pedite sternerentur.

...Erat pugna omnium maxime funesta et magnopere iniqua Gallis equitibus: nam a circumfusis et expeditis Hispanis in omnem partem ad lethales ictus pilae plumbeae spargebantur; quae non jam tenuioribus (uti paulo ante erat solitum), sed gravioribus sclopettis, quos vocant arcabusios,

emissae non cataphractorum modo, sed duos saepe milites et binos equos transyerberabant: sic ut miserabili nobilium equitum strage, et morientium equorum cumulis constrati campi, et alarum virtuti simul officerent, si densato ordine irrumpere conarentur, et passim veluti objectis aggeribus, si cui decore vita potior foret, minime expeditum ad fugam iter praeberent"[92].

Когда в 1544 г. французы нанесли под Черезолой поражение испанцам, полководец последних, Дель Гуасто, вспомнил победу испанских стрелков под Павией. По словам Иовия, сам Дель Гуасто в беседе с ним сказал, что он думал, что теперь уж французских рыцарей нечего бояться.

Когда в 1542 г. итальянская пехота и конница безуспешно сражалась с янычарами под Будапештом, Иовий в своем рассказе добавляет: "Янычары очень проворно подтыкают назад с обеих сторон полы своих кафтанов и стреляют из более длинных самопалов" ("Janizeri summa agiliatate suspensa adutrunque latus anteriore tunica, peritissime longioribus sclopettibus utebantur") (Historia, кн. 42, т. l, стр. 517).

Глава III

ТАКТИКА КОЛОНН ПИКИНЕРОВ

Крупные пехотные колонны, вооруженные холодным оружием, формировались некогда швейцарцами, дабы в оборонительном бою отражать атаки рыцарей, а в наступательном бою сильным натиском опрокидывать и рыцарей, и стрелков. Распространение такой пехоты среди других народов выдвинуло новую задачу для таких пехотных колонн – не только сражаться с рыцарями и стрелками, но и друг с другом. И эта задача стала теперь уже не только новой задачей, но и главной.

Превосходство сомкнутой пехоты над старыми родами войск сделалось настолько очевидным, что ее пришлось сделать главным, основным родом войск, что она составляла массу и силу войска, в то время как другие рода войск отходили на второй план, и что ее победа или ее поражение решали исход боя. Макиавелли, изучая древний мир, узнал, что и у античных народов пехота, вооруженная холодным оружием, составляла ядро войска, поэтому он предсказывал и требовал обновления военного искусства по образцу древних.

Однако новые формы построения пехоты были в значительной мере отличны от античных.

У древних была фаланга, широкое построение, будь то с копьем, с пилумом или мечом; новейшая пехота строилась несколькими, в большинстве случаев – тремя квадратными колоннами с длинными пиками. Больше всего она походила на позднейшую македонскую фалангу, вооруженную сариссами, но различие между единым широким построением и тремя колоннами является существенным, основным. К этому вопросу мы еще вернемся.

Новая задача боя пехоты против пехоты, может быть, вызвала и известные изменения в существе самих квадратных колонн и их вооружении. В предыдущем томе при описании швейцарского военного дела, в согласии с традицией, я держался того взгляда, что длинная пика, т.е. пика 5 м длиной приблизительно, если ее еще и не было под Моргартеном и Земпахом, все же получила право гражданства в течение XV столетия, ибо это оружие, казалось, было так приспособлено для отражения рыцарства. Однако мы встречаем у Иовия, и притом всякий раз с известным подчеркиванием, сведения о том, что швейцарцы, когда они в 1494 г. вторглись в Италию из Франции, находясь на службе у

Карла VIII, были вооружены пиками в 10 футов длины. Рюстов толкует это сообщение так, будто швейцарцы, в приподнятом сознании своего превосходства, сократили длину своих пик на 10 футов, к тому же чересчур длинные пики были неудобны в походе.

Гобом высказывает противоположное мнение и полагает, что до тех пор швейцарцы вообще не имели более длинных пик и что настоящая длинная пика, т.е. удлиненная с 3 метров до 5, появилась лишь в результате боя пехотной колонны против пехотной же колонны. Ведь раньше швейцарцы в сомкнутом строю могли с успехом отражать рыцарей и трехметровыми пиками, а в одиночном бою эта пика была несравненно удобнее, чем чрезмерно длинная. Если все же это оружие было удлинено, то это надо приписать ландскнехтам, для которых такое удлинение пики представляло неоценимые преимущества в бою с швейцарцами, ибо таким образом они раньше своих противников могли нанести первый удар.

Таким образом, и швейцарцам пришлось по необходимости следовать этому примеру. Иллюстрированные манускрипты предоставляют нам известные данные о том, что швейцарцы манипулировали своими пиками несколько иначе,

чем ландскнехты.

Если так шел ход развития – чего, впрочем, я не решаюсь безусловно утверждать, – то мы здесь можем найти аналогию с историей развития македонской сариссы, которая ведь не с самого начала, а лишь в последних стадиях достигла длины 21 фута, о которой гласит историческая традиция.

Впрочем, вопрос о длине пики не имеет уже такого значения, ибо преимущество одной стороны – раньше нанести первый удар более длинной пикой – в свою очередь уравновешивается значительно большей сподручностью более короткой пики.

Испанцы при обучении своей пехоты с самого начала придавали главное значение ловкости отдельного бойца, поэтому они остановились на пике длиною лишь 14 футов, и в этом за ними последовали французы и итальянцы.

Гобом в настоящее время смотрит на развитие длинной пики следующим образом.

Сначала рыцари удлинили свои копья, чтобы доставать пеших пикинеров. Возможным оказалось это сделать лишь с введением в XV веке пластинчатых лат, ибо последние были снабжены крюком для закладывания копья, которое при чрезмерной его длине долго держать наперевес

было бы невозможно.

Затем эксперименты с удлинением пики начали производить ландскнехты.

Однако, когда в 1494 г. швейцарцы выступили в поход с Карлом VIII в Италию, эта опытная стадия еще не была закончена, следовательно, швейцарцы явились еще с десятифутовыми пиками. Лишь с этого момента началось действительное удлинение пики.

Если два таких отряда пехоты, вооруженных длинными пиками, сшибались между собою, то происходила ужасная давка. То и дело читаем мы в источниках о "нажиме" или "натиске", при помощи которого стараются сломить тяжестью своего напора глубокое построение противника. Под Бикоккой, где швейцарцы были разбиты, отмечают с известным ударением, что натиск (ибо солдат задержал сначала ров) был не особенно напористым. Под Черезолой капитан швейцарцев удерживает свою колонну, чтобы колонна противников-ландскнехтов несколько расстроилась при быстром движении вперед и не ударила бы на швейцарцев плотно сомкнутыми рядами, что и было достигнуто. Когда гасконцы в том же сражении ошиблись с ландскнехтами, рассказывает Монлюк, то столкновение было так сильно, что первая шеренга с обеих сторон

рухнула на землю (tous ceux des premiers rangs, soit du choc ou des coups, furent, portйs a terre). Конечно, это не следует понимать вполне дословно. Но когда дальше говорится, что победу одержали вторая и третья шеренги, ибо задние потеснили их вперед (car les derniers rangs les poussaient en avant), то такое описание соответствует всему тому, что про это передают другие источники.

Надо думать, что при таком натиске сзади, когда люди сжаты плечом к плечу, люди первых шеренг должны бы проткнуть друг друга пиками; отчасти так и бывало, но так как именно первые ряды носили крепкую броню, то нередко пики ломались, или поднимались острием в воздух, или же выскальзывали из рук солдат назад, несмотря на зарубки, которые имелись на древке, чтобы крепче их держать. Наконец, происходила давка, так что было почти невозможно пользоваться оружием.

С такой картиной боя мы не встречаемся в древности, ибо позднейшей македонской фаланге не приходилось сражаться с однородным противником[93].

Впрочем, и во времена ландскнехтов только что изображенная нами нормальная картина иногда носит и иной характер. В первую шеренгу

ставили несколько особенно хорошо вооруженных и испытанных бойцов, которые поражали врага двуручным мечом или алебардой. О самом Фрундсберге сообщают, что "в битве под Ла-Моттой (1513 г.) он стоял в первой шеренге, разил мечом и рубил, как дровосек, который валит дуб в лесу". Ставили также в первой или во второй шеренге стрелков, например под Черезолой. Под Равенной отборным испанским пехотинцам, опытным солдатам, было приказано подползти под пиками по земле и поражать ландскнехтов коротким испанским мечом.

Однако все эти подсобные приемы могли иметь лишь второстепенное значение. Ибо примешивая между копейщиками к передней шеренге слишком большое число или меченосцев, или алебардщиков, или стрелков, или солдат, вооруженных коротким оружием, расстраивали не столько неприятельские ряды, сколько собственный строй, ибо он, по существу, и был основан на колоссальной мощи тесно скученных пикинеров.

Мы располагаем записками, озаглавленными "Надежный советник и размышления старого испытанного и опытного воина", составленными, вероятно, к концу 1522 г. и принадлежащими перу чуть ли не самого Георга Фрундсберга. Автор

записок отвергает тот взгляд, что "построение должно быть глубоким (dick) и что давление сзади решает дело, ибо передние, которым приходится проделывать всю работу, не должны быть слишком стеснены; им надо предоставить простор для нанесения укола, иначе их втолкнули бы целой толпою в гроб".

"Надежный советник" рекомендует поэтому другое средство. Старый швейцарский строй, как его переняли ландскнехты, представляет "человеческий квадрат": столько же шеренг, сколько рядов, значит, гораздо более глубокий, чем широкий, во всяком случае во время наступления, ибо человек при движении занимает большее пространство в глубину, чем в ширину. "Надежный советник" поэтому требует, чтобы ширина фронта была в три раза больше, чем глубина, "ибо чем больше наш фронт превосходит в ширину фронт противника, тем шире нам удастся ударить последнему во фланг и охватить как тисками его более узкий строй. Этим наверняка наносится смертельный удар и выигрывается сражение", даже в том случае, когда противник сильнее, "ибо стоит добраться до его флангов, как он погиб". Выигрывают или проигрывают сражение первые пять или шесть шеренг, и чем больше людей благодаря широкому

построению "могут добраться до дела", тем работа их легче.

Для поддержания своего плана охвата "Надежный советник" пристегивает к своей главной ударной колонне еще несколько маленьких, которые должны вступать в стычки с противником и бить его во фланг.

Трудно себе представить что-нибудь более убедительное, чем рассуждение "Надежного советника", однако его ударная колонна главных сил все же чрезвычайно глубока и массивна (на 6 000 человек – 45 человек в глубину и 135 в ширину); все же почти до конца этого столетия и даже в начале следующего фактически придерживались принципа квадратного построения. Один теоретик за другим рекомендовали более тонкое построение, практика же продолжала держаться глубины; но, по крайней мере, перешли от "человеческого квадрата" к пространственному квадрату, что уже означало меньшую глубину при большей ширине построения[94]. Мы еще вернемся к этому предмету, когда подойдем к моменту появления этой перемены. Укажем здесь лишь основание, заставлявшее держаться старых форм: широкими построениями гораздо труднее управлять, в особенности при наступлении, чем узкими. Но

прежде всего установим с полной определенностью, что фактическое развертывание фронта не исходило из идеи – получить преимущество от более широкого построения, выражаясь терминами военной истории, посредством перехода от построения колонной или клином к построению фалангой[95].

Единственное изменение, происшедшее внутри самой тяжелой пехоты, заключается в том, что постепенно начинают отказываться от принятого у швейцарцев деления войска на три колонны. Когда войско шмалькальденцев построилось против Карла V на берегу Дуная, то его рассматривали как двойную армию, и ему противопоставили два отряда по три колонны в каждом, с кавалерией в промежутках, причем обе тройки стояли рядом. Уже в битве под Равенной (1512 г.) испанцы освободились от установленной схемы и в конце столетия перешли к большему, в зависимости от обстановки, числу колонн, сохраняя их квадратную форму. С этой более вольной трактовкой мы встречаемся и в войнах с гугенотами. Однако это увеличение числа колонн еще не означало принципиального внутреннего изменения тактики пехоты.

Глава IV

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАЕМНЫХ ВОЙСК [96]

В средние века военный начальник всегда являлся в то же время и организатором войска. Это можно сказать как о феодальном ополчении, так и о наемных дружинах; тот же порядок переходит и к наемным войскам XVI века вплоть до Тридцатилетней войны.

Верховный вождь дает – в большом масштабе нескольким полковникам, в менее значительном нескольким капитанам – деньги и поручение навербовать и содержать ландскнехтов или рейтаров; но часто эти полковники и капитаны являются и подрядчиками-предпринимателями в том смысле, что авансируют сразу или по мере развития действия все деньги либо часть их.

В очень широком масштабе какой-нибудь "генерал-подрядчик", вроде Валленштейна, берет на себя обязанность выставить армию; он же является и ее полководцем.

Полковник назначал своих капитанов, а эти последние – своих лейтенантов (loco-tenentes – заместителей), прапорщика, фельдфебеля[97], фурьера и ротмистров (отделенных), последних

нередко избирали сами солдаты.

Различное число рот (Fdhnlein), от 10 до 18, образуют полк (Regiment) (в собственном смысле – режим, правление), это выражение означает, что полковник установил свое командование, свою власть над ротами. В роте насчитывается до 400 человек и более. Сообразно с этим и численность полков была весьма различной. Как рота, так и полк – чисто административные, а не тактические единицы.

Тактической единицей, как мы видим, являлась колонна, квадратная колонна, называемая также батальоном.

О внутренней структуре средневековых наемных дружин нам мало что известно; по-видимому, они всецело зависели от неограниченной дисциплинарной власти начальника и силы его личности.

Позднее стали составлять полевой устав, старейшим примером какового является "лагерный устав" Барбароссы. Дабы обеспечить повиновение этим правилам, в швейцарской федерации начали с того, что присягой обязывали солдата к повиновению. Этому примеру стали подражать в Германии с конца XV столетия, когда возникли ландскнехты, и заставляли таким образом эту дикую орду, дабы держать ее в

порядке, при вступлении на службу обязаться присягой соблюдать полевой устав, все более и более детализировавшийся, – так называемую "Артикульную грамоту" (Artikelbrief). Автор "Надежного советника" (Фрундсберг) рекомендует приводить к присяге солдат последовательно, маленькими группами, – "ибо, – говорит он, – раз они, не приняв присяги, соберутся в один большой отряд, вы их не заставите присягнуть на исполнение этой артикульной грамоты, так как они тогда выдвинут вам тот режим, которым они хотят управляться и который им нравится, и вам придется подчиниться, а тогда уже сама жизнь ваша в опасности. Не имея возможности всегда держать солдат в повиновении силою, вы должны иметь возможность предъявить им те законы, соблюдать которые они поклялись". Содержание и форма этой свободной присяги на верность и на соблюдение полевого устава, естественно, были неодинаковы у различных военачальников, в различных странах и в разные времена. Основная идея заключалась в двустороннем договоре между наемными солдатами, с одной стороны, и военачальником или кондотьером – с другой. Солдаты клялись выполнить принятые на себя обязанности, которым соответствовали обещания, данные их нанимателем. Мало-помалу, с

превращением на время завербованных наемных дружин в постоянную армию, двусторонность стала исчезать, демократическое начало было упразднено и заменено односторонней дисциплинарной властью военачальника. Артикульные грамоты, из которых создались нынешние военные уставы, представляют документы громадного культурно-исторического и военно-исторического значения.

Из массы подробностей, дополненных и разъясненных данными, почерпнутыми из других источников, я выбрал несколько характерных черт.

Основоположным пунктом было то, что солдаты обязывались не образовывать "общины", т.е., говоря современным языком, они не имели права организовывать профессиональные союзы. Но они вправе заявлять претензии и приносить жалобы старшему капитану через своих товарищей, получавших двойной оклад, выбор которых был им предоставлен.

Чтобы подкрепить свои приказания, начальники, вероятно, при случае учиняли физическую расправу[98]. В остальном действует входящее в сферу дисциплинарной власти судебное производство. Еще со времени средних веков установилось правило, что судом ведает

"фельдмаршал", ибо войско состояло из всадников, а маршал ведал лошадьми и всем тем, что с ними было связано. На его месте появились старшина (Schultheiss) и профос из опытных старых воинов. Однако за фельдмаршалом долго еще оставалась функция – делить добычу[99].

Порядок производства военного суда тесно примыкает по существу и по форме к производству немецкого суда присяжных. Судебное производство было публичным.

Присяжные или заседавшие с ними офицеры должны были быть товарищами или старшими по службе обвиняемого.

Наряду с этим судом, в собственном смысле этого слова, существовал и так называемый суд рядового солдата с его разновидностью – "судом длинных пик". Этот суд мог функционировать лишь по распоряжению полковника и представлял демократический народный суд, а на практике превращался в грубый суд Линча. С установлением более прочной организации в войсках он исчезает.

В значительной степени отличалось право в кавалерии от права у пехотных солдат, так как кавалеристы развились из среды феодального рыцарства. Поэтому еще долго сохранялся обычай вербовать не единичного всадника, а

какого-нибудь дворянина с более или менее многочисленной свитой солдат, что, несомненно, отражалось на внутренней жизни конных частей. Артиллерия тоже пользовалась своими особыми вольностями.

Корпоративный дух, царивший в этом военном устройстве, добился в XVII веке того, что солдаты были совершенно изъяты из ведения общегражданских судов и даже по чисто гражданским преступлениям должны были отвечать только перед своим профессиональным судом.

Хозяйственное управление упрощалось тем, что каждый солдат сам должен был заботиться о своем вооружении, одежде и коне. Продовольствие войска было также в значительной мере предоставлено маркитантам и регулировалось таксой, устанавливаемой профосом.

Филипп Гессенский сам продавал своим наемным солдатам жизненные припасы и надеялся таким образом вернуть себе половину выплаченного им жалования; следовательно, он применял то, что в современной промышленности называется у немцев "trьcksystem"[100]. Если у самого Филиппа нечего было продавать, то он, чтобы не лишаться доходов, взимал с маркитантов

пошлину. Понятно, что для больших войсковых масс такая система продовольствия была недостаточна, и солдаты брали на месте то, что им было нужно. Такой порядок не только страшно истощал страну, но и в военном отношении создавал нестерпимые условия.

В дружественных и нейтральных странах Филипп и Иоганн-Фридрих Саксонский требовали от своих солдат, чтобы они брали только фураж и овес для лошадей, хлеб, овощи, сало, вяленое мясо и прочие съестные припасы, не трогали бы скота и домашней утвари, не взламывали бы шкафов, сундуков и ящиков.

Де Ля Ну пишет[101], что Колиньи озаботился тем, чтобы завести для своего войска искусных комиссаров и достаточный обоз. Когда ему приходилось организовывать войско, он обычно говорил: "Начнем создание этого чудовища с живота" ("Commencons a former ce monstre par le ventre"). На каждый эскадрон держали по одному хлебопеку, который, как только войско располагалось по квартирам, приступал к выпечке хлеба. Угрозой все предать огню население в районе квартирного расположения принуждалось поставлять все необходимое.

Месячное жалование (в XVI столетии для пехотного солдата – 4 гульдена) устанавливалось

военными артикулами. Часто, однако, возникали споры, как исчислять месяц: солдаты требовали, чтобы после каждого сражения или штурма города начинался новый отсчет месяца. Король Франциск I однажды оказался вынужденным держать солдат на службе не менее 10 месяцев и выдавать им накануне сражения жалование за один лишний месяц. Филипп Гессенский рекомендовал в своем завещании сыновьям вести лишь оборонительные войны, так как стало невозможным удовлетворять требования наемников[102].

В тексте присяги о повиновении категорически говорилось, что воины обязаны исполнять все приказания, "будь они благородные или неблагородные, будь они птицы крупного или мелкого полета"[103].

Не только отдельный солдат, но и каждое отделение, каждая рота обязывались исполнять приказания своего капитана или его заместителя.

При посылке в 1480 г. 6 000 наемников на службу французского короля швейцарский съезд постановил, что в войске должен быть мир и что "если кто нарушит мир, хотя бы словом, бранью или сквернословием, то капитаны должны иметь власть, в силу присяги, наказывать виновного, каждый в своей часта, либо телесным наказанием,

либо смертью. Кто же мир нарушит делом, тому отрубить голову, а кто во время мира убьет другого, того, как убийцу, колесовать".

В 1499 г. ландтаг швейцарской федерации издал постановление, что все солдаты обязаны повиновением каждому капитану[104].

Если взят город, военные артикулы категорически обязывают солдат вести преследование по приказанию полковника, даже если жалование еще им не выплачено. Гарнизоны обязываются выполнять саперные и строительные работы. Когда богемские войска в 1619 г. должны были строить укрепления, они отказались это делать и объявили, что это противно их чести, так как они еще не получили жалования.

Во время драк было строго запрещено призывать земляков; слишком часто случалось, что когда к двум дерущимся приходили на помощь их земляки, то между солдатами возникали форменные сражения. А к спорам всегда было достаточно поводов: провиант, добыча, женщины и особенно азартная игра, во время которой проигравший легко шел на обвинение партнера в шулерстве.

"Драка" (das Balgen), т.е. дуэль, не наказывалась безусловно как таковая, но так или иначе вводилась в известные рамки: в ней нельзя

было применять смертоносного оружия или же она могла происходить лишь на определенном месте и непременно утром.

Различные правила регулируют вопросы, связанные с добычей, но основной принцип – "кто что добыл, то и должно достаться ему, согласно роду войны и уставу". Взятые орудия и порох принадлежат старшему начальнику.

Средневековый воин был, как мы видели, квалифицированным солдатом; не только рыцарь, но и рядовой наемный солдат должен был отличаться ярко выраженной физической храбростью и телесной силой, чтобы быть пригодным на войне. То же требовалось и от ландскнехтов. Однако их действенность в основе своей зиждилась на их массе и сплоченности; эта сплоченность включала и отдельного человека, обладавшего первоначально недостаточными данными, воспитывала и превращала его общим всему целому духом в вполне пригодного воина. При той неуклюжей форме колонны, в которой велся бой, не требовалось трудных упражнений, длительного обучения, чтобы сделать из здорового, крепкого человека солдата. Достаточно было знать несколько приемов и получить простые навыки – сохранять свое место в строю. Раз были созданы кадры, нетрудно уже было

набирать большие массы таких наемных солдат. Массы давали решительный исход делу. Тот, кто вел на штурм самые большие колонны, должен был победить. Средние века были еще слишком слабы экономически, чтобы выставлять в поле такие массы, да от них не было бы и прока без образования из них тактических единиц. Таким образом, экономико-политическая предпосылка этого нового явления в военном деле – образование больших государств: Французского национального королевства, объединения Арагонии и Кастилии, объединения Габсбургских и Бургундских владений через брак Максимилиана с дочерью и наследницей Карла Смелого. Как велики и богаты ресурсами ни были эти новые государственные образования, однако в своих войнах они стремились превзойти друг друга и поэтому не только доходили до пределов своих ресурсов, но и переступали через них, ибо, как мы видели, увеличить число солдат было нетрудно, и лишь большое их число открывало путь к победе. Естественную границу численности войск должны были указывать пределы финансовых ресурсов государей, ведущих войну. Но если противник выходил за эти пределы в расчете на то, что такое напряжение сил должно дать ему победу и что победа пополнит его

дефицит по выплате жалования? Что тогда? Эта надежда с самого начала заставляла обе стороны выходить за пределы их ресурсов. Численность армий намного переросла нормальную численность средневековых войск не только в меру того, что теперь появились государи, которые могли их оплатить, но и гораздо выше того, что они могли оплатить. Ведь солдат можно было набрать достаточно за задаточные деньги и за посулы будущей оплаты. Что сдержать эти обещания едва ли удастся, знали наперед; даже в военных артикулах мы встречаем оговорку, что солдаты и при неаккуратной выплате им жалования не должны терять терпения и отказываться от дальнейшей службы. Фактически жалование очень часто и подолгу не выплачивалось. О стратегических последствиях этого недостатка мы еще будем говорить в дальнейшем. Здесь же речь идет о влиянии, которое он оказывал на внутренний характер института ландскнехтов. Несмотря на присягу, несмотря на наличие военных судов, старшин и профосов, внедрить в среду этих наемников действительную дисциплину было невозможно. Как могли они чувствовать себя связанными своей присягой, когда нанявший их военачальник не держал своих обещаний, которые он им дал?

Почти неразрывно связан с самим существом ландскнехтов военный бунт. Уже в 1490 г., когда они взяли Штулвейссенбург, они отказались продолжить кампанию из-за недоплаты Максимилианом им жалования, и это явление повторяется постоянно.

В 1516 г. ландскнехты взбунтовались под Миланом из-за того, что они получили меньшее жалование, чем швейцарцы. Максимилиан обратился к ним с речью, называя их "своими дорогими, верными, немецкими ландскнехтами", и, "...хотя его императорское величество и говорил такие и еще более прекрасные слова солдатам, все же они его не послушались", – говорит летописец.

То, что ландскнехту недоплачивали жалованием, он требовал, чтобы ему возместили добычей; как же мог начальник помешать ему в этом, раз он не имел возможности уплатить ему жалования? Последствием такого порядка было ужасающее опустошение страны и притеснение ее жителей там, где проходили войска. Совершенно неправильно представление, будто лишь позднейшее, выродившееся наемничество представляло подобные уродливые явления[105]. Неверно также, что только всякий сброд и преступники шли на призывный бой барабана вербовщика. Конечно, сбегалось много всякого

негодного элемента, но масса состояла из сыновей бюргеров и крестьян, часто из хороших семей; патриции и рыцари служили среди них на двойном окладе жалования. Но сила, когда ей не ставит пределов другая сила, в данном случае – дисциплина, нередко слишком скоро чувствует за собою право совершать дикие насилия. Даже относительно рыцарей, которые воспитанием и обычаями своего сословия удерживались в известных границах, нам приходится слышать не раз об актах разбоя и жестокости. Пехотинцы были в отдельных случаях еще свирепее и страшнее благодаря своей массе. В городе, взятом штурмом, им все было дозволено, и все женщины были представлены на их произвол. Кульминационным пунктом было, когда захваченные в плен горожане и крестьяне систематически подвергались пыткам, чтобы заставить их указать предполагаемые скрытые сокровища или чтобы принудить родственников уплатить выкуп. Нередко даже в тех случаях, когда главнокомандующий заключал капитуляцию с осажденным городом и торжественно обещал неприкосновенность жизни и имущества, солдаты не хотели выпустить из рук добычи, грабили и бесчинствовали в сдавшемся городе, как будто он был взят штурмом;

начальники не имели власти этому воспрепятствовать и наперед отказывались перечить этой дикой орде.

Хотя солдаты и обязывались присягой соблюдать артикул, предписывавший не сопротивляться профосу, когда он их будет арестовывать, и хотя у полковников и капитанов имелось по нескольку драбантов в качестве личных телохранителей, однако даже про таких полководцев, как Гонсало ди Кордова и Пескара, нам передают, что они не решались принимать мер против разбушевавшейся толпы, но приказывали хватать и вешать преступника ночью или же мстили впоследствии вожакам бунта.

Полковники и капитаны не могли оказывать воздействие на солдат своим моральным авторитетом, потому что прекрасно знали, как их офицеры не только сами были жадны до добычи, но и всячески старались обмануть своего нанимателя, содержа под знаменами меньше число солдат, чтобы положить в карман излишнее жалование. То же, вероятно, происходило и во время великого переселения народов и у арабов. В средние века, когда мы почти не слышим о численности войск и когда исход битвы решало качество бойцов, это зло не могло играть такой существенной роли. Но в наемных войсках XVI и

XVII столетий это представляет регулярно повторяющееся и доведенное до невероятных пределов явление. Лазарус Швенди называет обман на смотрах "пагубой немцев". На смотр выводили обозных мальчишек и даже женщин, переодетых в ландскнехтов и поставленных в строй для заполнения обусловленного числа солдат.

Иногда предписывалось отрезать носы этим "пассиволантам", чтобы, с одной стороны, наказать их за обман, а с другой стороны – сделать их негодными для его повторения.

Все беды, причиняемые распущенностью, усугублялись тем, что за каждой ротой ландскнехтов тащился ее обоз. Притязательный ландскнехт непременно хотел иметь при себе свою жену или, по крайней мере, мальчика для услуг. Впрочем, трудно было обойтись без этой поддержки в случае заболевания и ранения при недостатке лазаретов, а заболевания играли огромную роль в этих скученных массах с их дикой, распущенной жизнью, переходящей от излишеств к лишениям, при недостатках их размещения и крайне антисанитарных условиях, при отсутствии всякой медицинской помощи.

Против вспыхивающих эпидемий люди были бессильны. Богемская армия под Будвейсом зимой

1618 – 1619 гг. потеряла от заболеваний две трети своего состава, более 8 000 человек. У испанцев организовывались товарищества взаимной помощи на случай заболевания или ранения[106]. Главную же медицинскую помощь оказывали женщины, как законные супруги, так и проститутки.

Когда в 1567 г. герцог Альба шел походом из Италии во Фландрию, за его войском следовали 400 куртизанок верхами, "...красивые и нарядные, как принцессы", – говорит Брантом; другие описывают их нам как мегер, более злобных, чем мужчины. Как бы то ни было, такой обоз представлял большие затруднения для передвижения и продовольствия всех армий и усугублял бедствия, обрушившиеся на страну, через которую проходили. Некая рукописная военная книга следующим образом описывает нам этих солдатских женщин[107]:

"Надлежит отметить, что у римлян в походе не дозволялось брать с собою женщин ни лицам высокого ранга, ни лицам низкого ранга, что было бы крайне желательным и в наши времена, как у нашей нации, так и у валлонов. В том, что этим так страшно злоупотребляют у нас, виновны не одни простые солдаты, но и высоких рангов офицеры, да и сам государь. Впрочем, немецкие

женщины оказались весьма полезными нашим солдатам для ухода во время болезни и для переноски вещей, особенно в Венгрии. Редко из них встретишь такую, которая тащила бы на себе менее 50–60 фунтов. Тогда как сам солдат нагружен продовольствием и другими вещами, а на нее наваливает солому и дрова, не говоря о том, что многие из них несут вдобавок на спине пару или больше детей. Обычно, впрочем, она носит на себе для мужа сверх надетого на него платья 1 пару штанов, 1 пару чулок, 1 пару башмаков, да и для себя столько же чулок и башмаков, 1 куртку, 2 рубашки, 1 сковороду, 1 горшок, 1 или 2 тарелки, 1 простыню, 1 плащ, 1 палатку, 3 колышка. К тому же на стоянках она не получает дров для варки пищи и поэтому еще нагружается ими по дороге. А в довершение бремени она обычно еще ведет собачку на веревочке или несет ее на руках в плохую погоду".

Граф Иоганн Нассауский предлагал заменить жен маркитантами, врачами и санитарами: "холостые ребята должны образовывать товарищества, как испанцы, чтобы помогать друг другу во время болезни или иной беды".

Договором рейтаров с гугенотами в 1568 г. было обусловлено, что на каждые четыре или шесть всадников они должны были получить по

одной подводе. У ландскнехтов – на каждые 10 человек полагалось по одной повозке[108].

Дисциплина – дело не только карательной власти и наказаний, но и воспитания и привычки. Если препятствием выработке дисциплины служила уже неаккуратная выплата жалования, то чуть ли не в большей мере служило и то обстоятельство, что ландскнехта всегда брали на службу временно, на несколько месяцев или на продолжительность данного похода. Валльгаузен передает нам[109], как солдаты после увольнения, "как только знамя снято с древка и полк распущен", мстят строгим начальникам и тем их запугивают; "тут самый ничтожный, распущенный и пустой негодяй может вызвать на поединок своего капитана, своего лейтенанта, своего знаменосца, своего фельдфебеля, своего капрала, своего вагмейстера, своего квартирмейстера, самого профоса и его ассистентов, которые не смеют показаться. Мало того, он может им сказать: "Ну, брат, ты был моим начальником, теперь уж – нет! теперь ты ни на волос не лучше меня, теперь фунт волос (да и грубых волос, выдранных из места, где скверно пахнет) стоит то же, что фунт ваты. Ну-ка, выходи со мною на бой! Посмотрим, лучше ли ты мошенника или вора? Помнишь, как ты меня там-то и там-то смазал на

карауле, там-то и там-то угощал?"

Немецкие солдаты служили то у одного государя, то у другого, то императору, то французскому королю, то папе, Венецианской республике либо Нидерландам или Англии, а там – датскому королю и особенно часто королю шведскому. Наоборот, мы нередко встречаем поляков на службе немецких государей[110] и, конечно, венгерцев и кроатов на службе у императора. Наемный солдат идет к тому, кто ему платит; он не спрашивает, за что сражается. Правда, религия иногда оказывала известное влияние. Ландскнехты Фрундсберга были сторонниками Лютера; но главную роль при этом играла отрицательная, а не положительная сторона – ненависть к попам. Во время религиозных войн во Франции католики-швейцарцы помогали Карлу IX, а немецкие протестанты посылали подмогу своим единоверцам. Надо было полагать, что в Тридцатилетнюю войну войска должны бы стоять друг против друга, строго различаясь в конфессиональном отношении. Поначалу так и было, и немцев-католиков поддерживали испанцы и итальянцы, а протестантов – венгерцы, англичане и шотландцы.

Однако антагонизм внедрился в массы

недостаточно глубоко для того, чтобы исключен был переход из одного лагеря в другой. В особенности пленные весьма охотно поступали на службу к победителю. "Когда в 1594 г., – пишет граф Эбергарт Сольмс[111] своему двоюродному брату Иоганну Нассаускому, – Гронинген капитулировал, Мориц предоставил свободный выход гарнизону и из милости почтил и пожаловал им их 9 знамен. Когда они выходили, многие из них убежали от своих капитанов и стали под знамена победителя; если бы знамена сорвали с древков еще в городе, то, пожалуй, как они дали понять, перебежала бы половина". Когда в 1600 г. нидерландцы завоевали крепость Св. Андрея, почти весь гарнизон, 1 100 человек, перешел на службу Генеральных штатов[112].

После сражения при Брейтенфельде Густав Адольф писал домой, что он взял столько пленных, что пополнил ими все свои потери. В сражении при Лейпциге, в 1642 г., к концу боя имперская пехота оказалась окруженной в открытом поле и частью была перебита, "частью же попросила пардона и предложила поступить на службу, чем и сохранила себе жизнь. Затем они колоннами и ротами, частью даже со знаменами, продефилировали в таком порядке сначала по полю сражения, а затем к шведскому обозу,

словно они присягнули королеве и шведской короне. Так как полковник Даниэль, взятый с ними в плен, пользовался большим авторитетом среди этих солдат, то он отправился с ними к фельдмаршалу (Торстенсону). С разрешения последнего он сформировал почти целый новый полк, ибо прежний его полк был сильно разбит. Этот полк просуществовал долгое время и исправно нес службу в шведской армии"[113].

В 1647 г. император и Врангель стояли друг против друга на р. Эгер в двух укрепленных лагерях. Имперцы терпели нужду. "Много старых солдат перебежало к шведам, так что пехоту пришлось сторожить кавалеристам[114].

Когда швейцарцы в свое время противопоставили рыцарству свою военную организацию, жестокость войны усилилась до крайних пределов. Рыцари часто больше стремились к тому, чтобы взять противника в плен, чем его убить. Швейцарцы не только во время боя не давали спуску, но закалывали и избивали всех мужчин в городах, взятых приступом. Швейцарцы и ландскнехты также долгое время были врагами, не дававшими друг другу пощады. Постепенно, однако, стало проявляться некоторое смягчение нравов; стали различать "злую" и "добрую" войну и по этому

поводу заключали между собою конвенции, которые предусматривали выкуп пленных; так, выкупная плата устанавливалась, например, в размере месячного жалования; эти договоры устанавливали также пределы грабежам, убийствам и поджогам в стране. Со временем такая взаимная пощада стала даже опасной в военном отношении, так что Валленштейн однажды нашел нужным запретить принимать в плен без того, чтобы перед этим действительно произошел бой[115].

Однако мы нередко наблюдаем, как при взятии приступом крепости избивались целые неприятельские гарнизоны и что противная сторона платила при первом случае той же монетой.

Особое явление в этой военной организации представляет ландскнехт после его увольнения со службы. Редко он желает или может вернуться к какой-либо гражданской профессии: он ждет, пока его снова не призовут, или сам отправляется на поиски нового военного вождя. Покамест он добывает себе пропитание нищенством, воровством и грабежом. По не вполне достоверно истолкованному выражению, которое, может быть, просто означало "ожидать", это называлось "auf die Gart gehen" (идти на сторожку) и говорили

о "gardende Knechte" или "Garde Brьder". Конечно, они были жестоким бичом для страны. Уже в XII веке Барбаросса и Людовик VII французский, заключили между собой соглашение об их подавлении; в XV веке под названием "арманьяков" и "живодеров" (Schinder) они оставили по себе дурную память.

В январе 1546 г. Дания, Кёльн, курфюрст Саксонский, Мюнстер, Люнебург, Гессен, Мансфельд, Текленбург, Аугсбург, Гамбург, Гослар, Магдебург, Брауншвейг, Гильдесгейм, Ганновер объединились друг с другом, чтобы вместе со своими соседями принять меры против безработных (gardende) ландскнехтов.

Валльгаузен[116] прекрасно разъясняет, что народам дешевле обошлось бы, если бы солдат все время оставляли под знаменами и тем поддерживали бы порядок, чем то, что им предоставляли самим добывать себе пропитание таким путем. Но для этого требовалась правильная налоговая система, а налоговую систему, как мы увидим ниже, не так-то легко организовать.

Таким образом, дело дошло до уродливого промежуточного положения между безработицей ландскнехта и систематическим сбором налогов. Курфюрст Георг Вильгельм Бранденбургский

издал по этому поводу (5 мая 1620 г.) эдикт, который я привожу здесь дословно, как культурно-исторический документ, обладающий величайшим значением и отличающийся большой показательностью. Он гласит:

"Поелику ведомо нам, что мы приказали вербовать и принимать на службу известное число пехотных солдат и что при этом последние, особенно до того времени, которое назначено для смотра, бродят повсюду и обременяют бедных селян своими многими просьбами, дабы тому положена была известная мера и порядок, то сим повелеваем этим нашим солдатам накрепко, дабы они не бродили толпами более 10 человек, и притом без удостоверений своих капитанов и командиров, и удовлетворялись бы тем, что на отряд из десяти человек в каждом селе им будут давать три рейхсгрошена, или тридцать шесть пфеннигов, по предъявлении ими их удостоверений. Когда же они бродят в одиночку и им каждый крестьянин или хуторянин (Hьfner) подадут два пфеннига, а половинщик и огородник – по одному пфеннигу, то и этим они должны удовлетворяться и никого из-за этого не обижать; особенно же да не дерзнут они похищать кур или другое что; если же у одного или нескольких из них выйдет при этом неладно и их прогонят

побоями, то пусть не пеняют ни на кого, кроме как на себя самих.

Не хотим мы также, чтобы они взяли в обычай слишком часто или в слишком большом числе посещать одно какое-нибудь село и тем высасывали бы все соки из тамошней бедноты; как только они придут на село, они должны, как уже сказано, предъявить свои удостоверения, а так как нигде или почти нигде нельзя найти такого села, в котором не было бы ни одного грамотея, то надлежит записать имена тех, которые заходили, и день их прихода, а запись эту хранить.

Предоставляем выбору самих поселян, будут ли они каждый подавать безработному солдату положенные два или один пфенниг, или же они вместе соберут свои гроши и отдадут их своему помещику (Junker), чтобы тот их распределил между солдатами. В таком случае прибывающих солдат надо всякий раз отсылать к помещику. В тех селах, где помещик не проживает, деньги эти можно сдавать и сельскому старосте".

Таким образом, эдикт предусматривает и тот случай, когда безработный солдат вместо подаяния получит лупку. В действительности надо полагать, что когда один или несколько таких буйных молодцов со шпагой у бедра или с алебардой на плече входили на крестьянский

двор, да еще в отсутствие мужа, который работал в поле, то крестьянка рада была, когда, получив несколько грошей или курицу, они проходили дальше. Однако не будем смеяться над неловкостью или недомыслием наших предков: безработный наших дней, выброшенный на улицу, чтобы искать заработок, а тем временем питаться подаяниями, – явление, знакомое и нашим временам.

В журнале немецкого языковедения (Zeitschrift fьr deutsche Sprachkunde, 1912) Гельблинг сделал несколько весьма интересных сопоставлений тех иностранных военных терминов, которые проникли к нам еще до Тридцатилетней войны. Tross (обоз с франц.) появился еще в средние века. Proviant (провиант), или Profandt, Bastei (бастея) – еще в XV веке; Leutenant – лейтенант, Quartier – квартира, Furier – фурьер, Munition – огнестрельные припасы, marschiren – маршировать, Profoss (от лат. propositus – предложенный) – профос, Sdbel (со слав.) – сабля, с начала XVI века, Soldat (с итал.) – солдат, приблизительно с 1550 г., более распространено с 1600 г., General – генерал (сперва в соединении General-hauptmann – генерал-капитан и т. п.), Commiss – комиссар для снабжения солдат провиантом; Marketender (с итал.) – маркитант, с середины XVI века, Officier – офицер (сначала придворный служащий, с конца XVI века применяется и к военным должностным лицам), Disciplin – дисциплина, конец XVI века, Infanterie – инфантерия, или пехота, Front –

фронт (впервые у Валльгаузена), Armйe – армия, Kompagnie – рота, Kavallerie – кавалерия, Kanone – пушка, Garnison – гарнизон, Bagage – войсковой багаж (Paggagie), Exerzieren – строевое учение, около 1600 г. или в начале XVII века.

Глава V

ОТДЕЛЬНЫЕ СРАЖЕНИЯ

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРИНЬОЛЕ
28 апреля 1503 г.

Этот бой, происшедший между испанцами и французами в Нижней Италии, можно рассматривать как первый законченный образчик нового военного искусства со времени создания европейской пехоты. Я не намерен давать здесь подробного анализа этого сражения, отмечу лишь, что Фабрицио Колонна, принимавший в нем участие, сказал Иовию, что победу одержали не храбрость войск и не доблесть (valore) полководца (Гонсало), а небольшой вал и ров, который испанцы соорудили перед своим фронтом и заняли стрелками. Из этой-то позиции пехота и перешла позднее в наступление.

Препятствие на фронте – действие огня стрелков, атака или отказ от атаки этого прикрытия, оборона прикрытия или выход из него в контратаку – таковы основные черты, характеризующие отныне картину любого сражения. Гонсало ди Кордова был творцом

первичной формы; полководцы, впоследствии применявшие ее, все вышли из его школы[117].

СРАЖЕНИЕ ПРИ РАВЕННЕ [118]

На одной стороне стоит папа Юлий II в союзе с Венецией и Испанией, на другой – Людовик XII, король французский, который владел тогда Миланом. Испанцы продвигались из Неаполя с вице-королем Кардоною во главе; с севера со своих гор спускались швейцарцы, предоставившие себя в распоряжение папы (осень 1511 г.). Но так как нелегко было организовать совместные действия, особенно в плохую зимнюю погоду, то швейцарцы, может быть, не без участия французского золота, повернули вспять. При таких условиях перевес оказался на стороне французов. Они заставили союзников снять осаду с Болоньи, снова захватили Бресчию, попавшую было в руки венецианцев; с прибытием новых подкреплений, состоявших из французской пехоты, главнокомандующий Гастон де Фуа во исполнение приказания своего короля решил перейти в широко задуманное наступление, с тем чтобы при благоприятных обстоятельствах продвинуться до самого Рима.

Испанский полководец, напротив, стремился

оттянуть решение, ибо император, английский король и швейцарцы, по-видимому, были близки к тому, чтобы выступить на стороне испанцев. Когда французская армия, сопровождаемая продовольственным транспортом (Гюичиардини), в конце марта стала приближаться, Кардона занял позицию на восточном склоне Апеннин, которую противник не решился атаковать, несмотря на имевшийся у него перевес.

В то время как испанцы без труда добывали себе продовольствие из городов Эмилии, французы стали терпеть его недостаток. Тогда Гастон де Фуа направился к Равенне. В самую последнюю минуту испанцам удалось усилить ее гарнизон, и штурм, предпринятый французами, был отбит. Однако долго этот город не мог бы устоять против французской артиллерии; полевой армии надо было что-нибудь предпринять для его выручки. Испанцы продвинулись ближе и нашли на юго-востоке от Равенны позицию, которая, по мнению Фабрицио Колонны, начальника испанской кавалерии, отвечала всем требованиям; ее трудно было атаковать, доставлять продовольствие было легко и из нее можно было серьезно угрожать противнику, если бы он продолжал осаду, и в то же время препятствовать подвозу ему провианта.

Наварро, начальник испанской пехоты, считал другую позицию, на одну итальянскую милю ближе к неприятелю, более удачной, и Кардона приказал ее занять, несмотря на протесты Колонны и его заявления, что это неизбежно приведет к сражению[119].

Левый фланг опирался на реку Ронко, протекавшую по глубокой ложбине, по ту сторону которой стояли французы. Таким образом, до их подхода у испанцев оставалось время обеспечить фронт возведением укреплений. Наварро уже прославился устройством таких укреплений. Позади рва[120] был расставлен ряд повозок, из которых каждая была снабжена пикой, торчавшей в направлении неприятеля; между повозками были расставлены стрелки и полевые кулеврины (орудия). Позади этого укрепления построилась пехота с испанцами в первой линии; вторая линия образовывалась двумя квадратными колоннами итальянцев; влево от пехоты, близ крутого берега Ронко, поместилась тяжелая кавалерия, перед фронтом которой не было непрерывного искусственного препятствия; по всей вероятности, не хватило времени протянуть ров до берега реки; расстояние от берега реки и до конца рва определяют в 20 саженей.

На правом фланге стояла легкая кавалерия под

начальством молодого Пескары, мужа Виттории Колонны.

Источники не указывают на то, чтобы этот фланг также был бы примкнут к какому-либо местному препятствию. Однако итальянский топографический план показывает, что на расстоянии несколько больше километра от Ронко начинаются сырые, топкие луга, пересеченные канавами, следовательно почти непригодные для передвижения войск. Поэтому-то, вероятно, легкую конницу отделили от тяжелой и поставили на этот фланг. А так как к тому же линия фронта направлялась перпендикулярно к течению Ронко, с некоторым уклоном назад, то обход с этой стороны был тем более затруднен.

Численность французов достигала приблизительно 23 000 человек[121], в их числе был сильный отряд немецких ландскнехтов, 5 000–6 000 человек, под начальством Якоба фон Эмса. Испанцев было 16 000 человек, следовательно, они были почти наполовину слабее. Кроме того, французы почти вдвое превосходили их артиллерией: около 50 орудий против 24.

Вследствие естественной силы позиции испанцев, наращенной к тому же укреплениями, на французском военном совете обнаружилось

колебание, отважиться ли на атаку. Но так как при ином решении ничего другого не оставалось, как снять осаду и бесславно отступить, то юношески пылкий Гастон де Фуа решился в конце концов атаковать неприятеля и сумел изыскать средства вырвать у него все преимущества, которые ему доставляла его позиция.

Едва забрезжило утро, французское войско переправилось через Ронко, частью по мосту, частью вброд, и развернулось перед неприятельским фронтом.

Колонна предлагал вице-королю, ввиду близости неприятеля, выступить еще до рассвета и атаковать его во время переправы через реку. Мост был удален от испанских позиций на расстояние всего полкилометра. Однако испанский главнокомандующий решил держаться плана Наварро и ожидать неприятеля на неприступной оборонительной позиции.

Итак, французы развернулись прямо перед фронтом испанцев: справа – тяжелая кавалерия, слева – легкая, в центре – пехота. Центр, говорят, был несколько отодвинут назад, так что построение имело форму полумесяца; однако какая цель этим преследовалась, усмотреть нельзя, да и на ход боя это не оказало никакого влияния.

Ни с той, ни с другой стороны мы не

наблюдаем никаких следов трехколонной швейцарской тактики. Эта трехколонная тактика рассчитана на бурное наступление, по крайней мере, одной или двух, если не всех трех колонн. Испанцы же занимали чисто оборонительную позицию, да и французы после развертывания не двинулись сразу в атаку.

Произошло нечто совершенно новое. Правда, атакующая армия приблизилась на известное расстояние к неприятельскому фронту, но тут она пустила в ход свою артиллерию, а остальные войска действовали только прикрывая артиллерию.

Испанская артиллерия успешно отвечала французской, ибо хотя численно она и была гораздо слабее, но имела на своей стороне преимущество позиции. Однако на стороне французов был герцог Альфонс д'Эсте (Феррарский), который поставил своей особой задачей развитие нового оружия – артиллерии. Его цейхгаузы были полны орудий; благодаря присланному им контингенту, французы и были так сильны в этом роде войск, а прислуга была обучена превосходно. Герцог понял невыгоды позиции, а потому вывел часть орудий из-за фронта пехоты и поставил их на таком месте, вероятно на небольшом возвышении, откуда они

могли поражать испанцев с фланга[122]. Наварро приказал своей пехоте лечь на землю, чтобы избежать действия огня. Зато испанское рыцарство жестоко пострадало от перекрестного огня с фронта и с фланга. Современная кавалерия, несомненно, уклонилась бы от сильнейшего действия неприятельского огня, переменив место, использовав какую-нибудь неровность почвы. Но испанское рыцарство не было до такой степени в руках своих вождей, чтобы правильно выполнить подобного рода передвижения. Напротив того, как только орудийные снаряды начали попадать в их ряды, они стали требовать от своего начальника Колонны, чтобы последний вел их в атаку.

Потери, понесенные при этом, вероятно, численно вовсе не были так уж велики, ибо наиболее опытная артиллерийская прислуга могла тогда стрелять лишь крайне медленно и далеко не метко. Однако даже те немногие тяжелые ядра, которые пролетали через массу или ударяли в нее, разрывая на части и поражая отдельных всадников и коней, создавали впечатление невыносимости положения. Колонна послал Наварро и Пескаре предложение начать одновременное наступление по всему фронту. Естественно, что Наварро отклонил такое

предложение, ибо через это испанцы отказались бы от всех преимуществ столь тщательно выбранной оборонительной позиции. Это так ясно, что едва ли сам Колонна мог в этом отношении заблуждаться. Но вести оборонительный бой – дело нелегкое; для этого нужно, чтобы войска были всецело в руках полководца. Колонна же не был полным хозяином своих рыцарей. Они бросились в атаку на стоявших против них французских рыцарей, чтобы уйти от пушечных ядер. В бою, который развернулся, они были разбиты, тем более что французы могли привлечь еще резерв в 400 копий, который они оставили на мосту через Ронко, и направили его испанцам во фланг. На другом крыле, где стояла легкая кавалерия, разыгрались совершенно тождественные события; итало-испанская кавалерия Пескары атаковала неприятельские орудия и была разгромлена превосходящими силами противника. В центре Наварро сдержал свою пехоту; при безусловно рациональном командовании французская пехота тоже должна была бы удержаться от наступления до тех пор, пока кавалерия не одержала бы полную победу на флангах, чтобы затем совместно с нею пойти на штурм.

Но, по-видимому, испанская артиллерия

начала поражать неприятельскую пехоту на большем расстоянии, чем последняя того ожидала; тогда и ее уже нельзя было удержать, и она устремилась в атаку. Наварро велел своим солдатам подняться, задние колонны примкнули к первой линии, и все бросились на неприятеля, когда последний, уже расстроенный предшествовавшим залпом аркебуз, пытался перебраться через ров. Пикардийцы и гасконцы отступили под напором испанцев, но ландскнехты устояли, хотя испанцы, лучше вооруженные коротким оружием, наносили им тяжкий урон там, где им удавалось втиснуться между длинными пиками.

К решительному исходу привело то, что французская кавалерия тем временем одержала победу на обоих флангах и ударила в оба фланга итало-испанской пехоте. Отхлынувшие было пикардийцы и гасконцы снова перешли в наступление, атакованные со всех сторон значительно превосходящими силами войска Наварро были вынуждены в конце концов отступать. Однако, несмотря на все понесенные потери, они не дали себя рассеять и отошли в числе 3 000 сомкнутым строем по плотине вдоль Ронко. Их предводитель Наварро был взят в плен так же, как и Фабрицио Колонна и Пескара, оба

предводителя кавалерии. Но и Гастон де Фуа был убит, когда с отрядом рыцарей он попытался рассеять отступающую колонну главных сил испанских пикинеров.

Интересная сторона равеннского сражения заключается в той роли, которую сыграла артиллерия на стороне наступающего. Гастон де Фуа вполне сознательно пустил ее в ход сначала совершенно одну не только для того, чтобы разрыхлить к предстоящей атаке ряды рыцарей и пехотинцев, но и для того, чтобы при помощи огня выманить неприятеля из его прекрасной оборонительной позиции и побудить его перейти в наступление. О том, что это не было лишь случайным последствием, но сознательно намеченной целью, свидетельствует Гюичиардини, который вкладывает заявление об этом в уста Гастона в его обращении к войскам; особенно же это подтверждает флорентийский посол Пандолфини, который присутствовал в сражении с французской стороны. Макиавелли в своих Discorsi (Речи) (I, 206) говорит: "Неприятельский огонь выгнал испанцев из их окопов и заставил их дать бой". Принуждение имело место исключительно в отношении испанской конницы левого фланга.

Поэтому легко возникает вопрос, почему же ее

не отвели и не поручили прикрытие стоявших позади орудий отряду пехоты, которая, ложась на землю, могла бы до известной степени оградить себя от действия огня, как то сделало ядро испанской пехоты. Ответ на этот вопрос таков: дело в том, что рыцарство не так-то легко было увести назад с того места, где оно построилось.

Противоречащая намеченному плану атака испанского рыцарства загубила сначала атакующего, а затем – благодаря фланговой атаке французского рыцарства – сгубила пехоту, которая тем временем чуть было не одержала победы. Если бы испанская кавалерия выждала на своей позиции атаку французской кавалерии, то она смогла бы, вероятно, ее отразить, ибо промежуток между рвом, тянувшимся вдоль фронта, и берегом Ронко, по которому должна была пройти атакующая кавалерия, был лишь в 20 саженей (braccia) ширины (Пандолфини), а у Наварро был наготове отряд из 500 пикинеров на подмогу там, где это потребовалось бы, в данном случае – рыцарству, как только у них завязалась бы рукопашная с неприятельской конницей.

Как ни блестяща была победа под Равенной, французы не извлекли из нее никакой выгоды. Немецкие ландскнехты, принявшие столь существенное участие в одержании победы, были

отозваны из французского лагеря императорским мандатом и последовали этому повелению, за исключением каких-нибудь 800 человек, которые ни во что не ставили авторитет императора. Между тем швейцарцы, которые своим уходом в предшествующую зиму развязали руки французам для борьбы с испанцами, снова появились на театре войны. В качестве союзников папы и Венецианской республики и с согласия императора Максимилиана они в числе 18 000 человек прошли через Тироль и присоединились к венецианцам, благодаря чему образовалась такая могучая армия, что французы, не отважившись на новое сражение, покинули Италию. Прошло лишь два месяца после сражения при Равенне, как они отошли во Францию через Монт-Сенис, удержав за собой в Миланской области лишь несколько укрепленных замков. Правда, мы читаем у современников, что смерть их полководца, Гастона де Фуа, лишила французов всех плодов их победы.

Правильнее было бы сказать наоборот: что рыцарская смерть на поле брани оградила молодого французского принца от того, чтобы непосредственно за тем последовавшее стратегическое поражение оказалось бы связанным с его именем.

Я не представляю себе, чтобы он смог поступить существенно иначе и лучше, чем заместивший его Ла Палис. Перед абсолютным превосходством сил даже стратегический гений должен оказаться бессильным.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НОВАРЕ[123]

6 июня 1513 г.

Столь же быстро, как политическая конъюнктура вытеснила французе из Италии, несмотря на их победу при Равенне, столь же быстро она изменилась и снова открыла им двери в эту страну. Венецианцы перешли на их сторону, а политика Швейцарской федерации стала колеблющейся. В Италии появилась французская армия, снова имевшая в своем составе сильный контингент немецких ландскнехтов; она взяла Милан и осадила герцога Максимилиана Сфорца с его вспомогательным швейцарским отрядом в Новаре. Когда бедственное положение в этом городе, вызванное превосходным действием французских орудий, дошло до крайнего предела, с севера на выручку явилась швейцарская армия; французы решили отойти перед ней на восток, к своим венецианским союзникам. К вечеру прибыла в Новару, после чрезвычайно

форсированных маршей, только первая половина швейцарской армии; а снятие осады, увод орудий и весьма значительно обоза отняло много времени и труда, и французское войско в этот день отошло лишь на 4 километра от Новары и разбило свой лагерь перед городом Трекате в несколько болотистой, пересеченной канавами местности.

Эта непредусмотрительность не ускользнула от внимания швейцарских вождей. Ничто так не соответствовало их тактике, как внезапное нападение: со времен Моргартена они хорошо знали, какую силу получает стратегия, умеющая пользоваться внезапностью. Лишь вечером прибыв в Новару, уже ночью вожди собрались на военный совет и решили, не дожидаясь подхода второй половины армии, тотчас же начать наступление. До полуночи французы слышали, как швейцарцы шумели в городе, и подумали, что они пируют по случаю снятия осады с Новары. Передают, что Тривулцио, командовавший вместе с Ля Тремуйлем французской армией, сказал: "Теперь пьяницы отсыпаются после хмеля, мы можем спокойно лечь отдохнуть!"

Французы тащили с собою своего рода деревянную крепость из пригнанных друг к другу столбов и плах – изобретение графа де Ля Марка, немало затруднявшую движение их обоза, к тому

же не могшую принести особой пользы уже потому, что она была так мала, что могла вместить лишь часть армии. Однако в эту ночь французы чувствовали себя в безопасности и не расставили своей крепости.

Внезапно по лагерю разнеслась весть, что швейцарцы уже идут в атаку. Лишь несколько часов отдыха провели эти крепкие горцы после форсированного марша и попойки; до рассвета их созвали, и они "как пчелиный рой" высыпали через ворота и бреши, пробитые в стенах артиллерийским огнем, в открытое поле, "чтобы отыскать своих врагов и испытать с ними свое счастье".

Снова мы видим старый боевой порядок трех колонн, но обдуманно приноровленный к обстоятельствам. Колонна, шедшая с севера в обход правого фланга французов, имела сравнительно немногочисленную пехоту, но ее сопровождал герцог Максимилиан со своими итальянскими рыцарями; средняя колонна, направлявшаяся прямо на фронт лагеря, где стояла французская артиллерия, была тоже немногочисленна; ее задача заключалась не в том, чтобы идти непосредственно на штурм, а лишь в том, чтобы отвлечь внимание противника при поддержке нескольких орудий и произвести

демонстрацию. Главная же колонна должна была под прикрытием небольшой лесной заросли обойти французский лагерь с юга; этим она избегала опасного артиллерийского огня и всей своей тяжестью обрушилась на главные силы французского войска, колонну немецких ландскнехтов[124].

В отношении численности пехоты обе армии были приблизительно равны. Но у французов сверх того была их сильная артиллерия и не менее 1 100 человек тяжелой и 500 – легкой конницы. Правда, за швейцарцами, которые еще ни разу не терпели поражения, а такое сознание придает войскам изумительную силу, можно признать известное качественное превосходство над ландскнехтами и французской пехотой, однако и последние, особенно ландскнехты, обладали боевым опытом, самосознанием и боевыми качествами, и трудно допустить, чтобы в нормальном бою безумная отвага швейцарцев могла взять верх над огромным перевесом французов в кавалерии и орудиях. Но внезапность нападения уравнивала шансы обеих сторон. Правда, неожиданность не была настолько велика, как например при Муртене, и паники она не вызвала. Ландскнехты тотчас сомкнулись в свою ударную колонну, рыцари надели свои латы и сели

на коней, да и другие части войска заняли свои места, но недоставало рационального сотрудничества между отдельными частями. Лишь наполовину успевший вооружиться французский главнокомандующий Ля Тремуйль вскочил на коня, чтобы руководить боем; однако на самом деле никакого фактического руководства не было. Две относительно слабые швейцарские колонны отвлекли на себя сравнительно значительную часть неприятельских сил, без того, однако, чтобы французы, хотя бы в этом направлении, перешли в наступление и после одержанной победы обратились на левый фланг, где у ландскнехтов кипел главный бой.

Особенно бросается в глаза, как слабо действовало обычно столь храброе французское рыцарство. В конечном счете пало лишь 40 жандармов, и Гюичиардини бросает им прямо обвинение в трусости. Ввиду невероятности такого явления пытались найти объяснение в неблагоприятных условиях мягкой почвы; и это действительно могло оказать известное влияние. Но не могли же французы избрать для лагерной стоянки такое место, где по почвенным условиям их тяжелая конница вообще не могла, действовать. Из военной истории мы можем почерпнуть другое объяснение. Начиная с

персидских всадников при Марафоне и далее, во всех сражениях средневековья, мы всякий раз наталкивались на тот факт, что управлять рыцарством не представляется почти никакой возможности. Если в нормальном бою его направить на видимую, определенную цель, то оно даст все то, что от него только можно потребовать. Но стоит лишь появиться каким-либо неожиданным происшествиям, и оно тотчас распадается, ибо каждый отдельный рыцарь не привык ни смыкаться с другими, ни слушаться команды или сигналов, а умеет лишь действовать по собственному усмотрению; и ему никак не удается совокупно со своими товарищами действовать в надлежащий момент, на надлежащем месте, для достижения надлежащей цели. Одни, по внушению собственной отваги, атакуют в одном месте, другие – в другом, третьи хотят выждать, пока не подойдет подкрепление или пока не выяснится положение дел, а иные считают дело уже проигранным и не хотят жертвовать собою понапрасну. Ландскнехтам удалось-таки повернуть и перевести несколько орудий, так что они образовали новый фронт против шедших в обход швейцарцев. Их аркебузы также действовали успешно против неприятельской

массы. Если бы в эту минуту было направлено несколько сотен жандармов во фланг швейцарской ударной колонне в тот момент, когда она готова была вступить в рукопашный бой с ландскнехтами, то последние, несомненно, выдержали бы удар швейцарцев. Но хотя несколько рыцарей и ринулись отважно на колонну, они задержали ее так же мало, как и огонь орудий и аркебуз. Безудержным напором, поддержанные другими своими колоннами после того, как французские отряды в центре и на правом фланге были обращены в бегство и, потеряв голову, покинули поле сражения, швейцарцы одолели наконец ландскнехтов и истребили их почти поголовно, так как последние были отрезаны благодаря обходу их пути отступления, а пощады никому не давалось[125].

Французской пехоте так же, как и рыцарству, удалось спастись без особых потерь. Часть отступила в восточном направлении к Трекате, другая часть уклонилась на север и, обойдя с севера Новару, пошла на расположенный в юго-западном направлении город Верчелли, где к ней присоединился и первый отряд из-под Трекате со спасенной от гибели войсковой казной, обойдя швейцарцев с юга.

Лагерь побежденных вместе со всеми

орудиями сделался добычей швейцарцев. Но хотя, по словам герцога Максимилиана, бой длился лишь от двух до трех часов, все же победа обошлась швейцарцам дороже, чем какая-либо другая ранее ими одержанная. Потери их достигли, вероятно, 1 500 человек убитыми. В огне орудий и аркебуз и, наконец, в отчаянном сопротивлении сомкнутой колонны ландскнехтов выявились такие новые силы, с которыми швейцарцам еще не приходилось встречаться в их прежних боях.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛА-МОТТЕ (КРЕАЦЦО) 7 октября 1513 г.

Альвиано, венецианский полководец, атакует значительно превосходящими силами испано-германо-папское войско к северу от Виченцы. Он разбит потому, что посланный им для охвата фланга отряд тяжелой кавалерии застрял в болоте, и потому, что его итальянская пехота не выдержала натиска грозной испанской пехоты (под начальством Пескары) и немецких ландскнехтов (под начальством Фрундсберга)[126].

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАРИНЬЯНО
13 и 14 сентября 1515 г.

Швейцарцы, в развитие своей победы при Новаре, осенью того же года вторглись во Францию. Они заключили тесный союз с императором Максимилианом, подкрепившим их вторжение конницей и артиллерией. Одновременно и англичане вступили во Францию с севера, и французы потеряли сражение при Гинегате, так что в пылу разыгравшейся фантазии уже намечали Париж как конечную цель и место встречи армий союзников.

Когда имперско-швейцарское войско, вторгшись в Бургундию, появилось под Дижоном и город был близок к гибели от огня орудий, французы не видели иного исхода, как подчиниться требованиям швейцарцев. Ля Тремуйль, командовавший в городе, чтобы спасти его от штурма, заключил с швейцарцами договор, согласно которому французский король отказывался от Милана и обязывался уплатить 400 000 крон в возмещение военных расходов.

Однако договор не был выполнен. Швейцарцы, войско которых с каждым последующим походом становилось все более и более разнузданным и склонным к грабежу, не могли удержать своих солдат так долго перед

Дижоном в ожидании ратификации королем заключенного соглашения; а король, как только непосредственная опасность миновала, вздохнул с облегчением и заявил, что деньги он готов заплатить, но от своих притязаний на Милан отказываться не намерен.

Дело в том, что швейцарцы отобрали у французов Милан в 1513 г. в качестве наемников на службе герцога Максимилиана Сфорца. Но благодаря этому молодой герцог попал в полную зависимость от своих союзников. Он был вынужден не только уступить им несколько пограничных местностей и выплатить 200 000 дукатов, но и поставить себя и все свое герцогство под длительный протекторат федерации. Пусть они смотрят, писал он федеральному правительству, на него самого, на его землю и подданных как на свою собственность и возьмут под свое покровительство, как истинные отцы, его самого и его город Милан, а он, со своей стороны, будет относиться к ним, как добрый сын к своему отцу. Швейцарцы поняли это в буквальном смысле; они заняли укрепленные замки, потребовали ежегодной уплаты 40 000 дукатов и через своих резидентов указывали герцогу, как он должен управлять. Такие отношения можно, пожалуй, сравнить с отношениями французов к

теперешнему (1906 г.) Тунису и тунисскому бею, англичан – к Египту или германских федеративных племен к Римской империи в начале переселения народов. Таким образом, добиваясь с такой настойчивостью от французского короля отказа от Милана, швейцарцы боролись не за интересы Сфорца, а за свои собственные. Если бы это положение упрочилось, то Миланское герцогство (к которому принадлежала и Генуя) превратилось бы из страны, подчиненной Швейцарской федерации, в швейцарскую провинцию. Швейцария образовала бы, следовательно, государство от Боденского озера до Средиземного моря. Если бы можно было себе представить, что во главе объединенных кантонов стала бы владетельная династия, проводящая устойчивую, последовательную политику, как некогда во главе франкских племен стояли Меровинги, или вообще какое-нибудь твердое правительство, то военная федерация жителей Альп создала бы государство, расширение границ коего трудно было бы и предусмотреть. Однако слабо связанная федеральная организация кантонов не была в состоянии преследовать широких политических целей. Те самые условия, которые породили их крупную военную мощь, препятствовали им ее

использовать. Военная мощь франков зиждилась на их варварстве; они охотно подчинились Хлодвигу, который вел их по пути завоеваний и добычи. Предпосылкой военной мощи швейцарцев служило участие каждого в политической жизни; дерзкое самосознание, воодушевлявшее каждого солдата, придавало военным предприятиям федерации присущую ей неотразимую напористость. Это самосознание могло иметь место политически лишь в пределах маленьких кантонов, из которых каждый обладал полным суверенитетом и которые объединялись между собою от случая к случаю для достижения той или иной политической цели[127]. Однако взаимная зависть кантонов и воля массы, всегда устремленная на непосредственную выгоду, не позволили выдвинуть крупные задачи. Наполовину как наемники Франции, наполовину из-за завоевательных стремлений бернских аристократов, федерация некогда напала и сразила Карла Смелого. В результате самых блестящих побед Берну удалось удержать за собою лишь несколько ничтожных местечек и клочков земли, в то время как Франш-Конте и Во снова были возвращены за деньги, и опять-таки за деньги та же игра началась и вокруг Милана. Если раньше восточные кантоны не хотели делать

завоеваний для Берна, то на этот раз Берн и близлежащие кантоны, Фрейбург и Золотурн, не проявляли никакой склонности вступать в борьбу за обладание Миланом, от которого прок был одним лишь лесным кантонам.

Когда летом 1515 г. наследовавший Людовику XII Франциск I снова перешел через Альпы с большой армией, в рядах которой было не меньше 23 000 ландскнехтов, чтобы вновь овладеть Миланом, у него хватило политической мудрости на то, чтобы не только угрожать швейцарцам силою оружия, но соблазнять их в то же время и деньгами. Он, кроме обещанных в Дижоне 400 000 крон, предложил еще 300 000 и ежегодную пенсию, если швейцарцы согласятся передать ему Милан; герцога же Максимилиана он также хотел вознаградить герцогством Немур во Франции и пенсией.

Уже давно возникали среди швейцарцев внутренние раздоры по поводу их отношений с Францией. Ведь с Людовиком XI, Карлом VIII они всегда были в союзе. Затем по случайному недоразумению, главным образом благодаря чрезмерности притязаний швейцарцев, они рассорились с Людовиком XII; папа, стремившийся вытеснить французов из Италии, искусно раздул эту ссору и при посредстве

епископа Зиттенского, кардинала Шиннера, чрезвычайно энергичного дипломата-церковника, совершенно перетянул швейцарцев в противоположный лагерь. Однако франкофильская партия среди них продолжала существовать. Щедрыми подарками в ней поддерживалось воспоминание о старом союзе.

Уже сам поход на Дижон был проведен лишь при помощи народного движения, возбужденного против сторонников Франции, так называемых золотоедов, которых обвиняли в подкупности и измене. Взятками и угрозами, с которыми Франциск теперь обратился к совету швейцарских военачальников, ему наконец удалось оказать на него воздействие. За миллион крон в общей сложности федерация передала по Галлератскому миру (8 сентября 1515 г.) французскому королю Миланское герцогство со всеми зависящими от него областями и, кроме того, заключила с ним союз на все время его жизни и на 10 лет после его смерти при условии уплаты 2 000 франков в год каждому поселению. Бернцы со своими друзьями и валиссцы отправились домой. Между тем среди контингентов других кантонов поднялась буря негодования, и в лагере швейцарцев нашелся достаточно дерзкий интриган, чтобы, несмотря на заключение мира и уход значительной части

войска, все же попытаться стравить между собой обе противные стороны, дабы принудить швейцарцев путем их собственной победы к иной политике, чем та, которую решил вести совет. То был папский легат кардинал Шиннер, который разнуздал фурию войны.

Французское войско в общем насчитывало до 30 000 человек; современные источники указывают еще большую цифру. Пехота наряду с основным ядром ландскнехтов заключала в себе и французов; к этому надо добавить до 2 500 копий и 60 орудий тяжелой артиллерии. Швейцарцев, после ухода столь значительного контингента, оставалось едва 20 000 человек пехоты, подкрепленной совершенно ничтожным числом рыцарей – около 200 – и несколькими орудиями.

Федеральное войско стояло под Миланом, французское – приблизилось к нему с юга на расстояние не более двух миль. Вдруг по квартирной стоянке разнеслась молва, что под стенами города идет бой, что на швейцарцев напали французы. Шиннер уговорил командира герцогской гвардии унтервальденца Арнольда Винкельрида завязать стычку с передовым отрядом французов. Тотчас ринулись за ворота на выручку урийцы, люцернцы и воины других лесных кантонов, которые хотели удержать за

собою власть над Миланом и не хотели слышать о мире с французами. Хотя француза тотчас отступили, все же была послана в город весть, что бой продолжается. Тогда и прочие кантоны, хотя отход и был решен по настоянию главным образом Цюриха и Цуга, не сочли себя вправе покинуть товарищей и последовали за ними.

Лишь к солнечному закату наткнулись на лагерь французского авангарда, атаковали его, обратили в бегство и захватили несколько орудий. Однако король, расположившийся лагерем с главными силами несколько позади, уже поспешил со своими рыцарями на выручку; наступившая темнота положила конец бою. Оба войска расположились на ночлег так близко друг от друга, что в продолжение всей ночи происходили отдельные стычки. К утру Франциск справился со всеми беспорядками, вызванными внезапным нападением швейцарцев на его авангард, и построил весьма искусно свое войско позади нескольких рвов перемежающимися колоннами рыцарей и пикинеров, расставив между ними и впереди них орудия и стрелков, чтобы встретить атаку швейцарцев.

Швейцарцы, по своему обыкновению, построились тремя колоннами. Однако ни средняя, ни левая колонны не довели дела до

настоящей атаки. О левой колонне, несмотря на изобилие источников, мы вообще почти ничего не знаем; относительно же средней колонны, против которой стоял сам Франциск, нам совершенно ясно, что бой ограничился канонадой, перестрелкой и отдельными налетами. Вожди швейцарцев, которые командовали на этих участках, видимо, хотели выждать, как это имело место и при Новаре, успешных результатов обходного движения одной из двух остальных колонн, прежде чем штурмовать центр. Для короля Франциска с его численно подавляющей артиллерией, в свою очередь, не было никакого основания выходить из своей выгодной оборонительной позиции за наполненными водой рвами.

Действительную атаку швейцарцы повели своею правофланговой колонной; вначале она увенчалась некоторым успехом. Но у французов было, в общем, значительное превосходство сил, а немецкие ландскнехты давали отпор швейцарцам. По-видимому, когда Франциск заметил стесненное положение своего левого крыла, которым командовал его брат д'Алансон, он послал ему подмогу из центра, а под конец прибыл и авангард венецианского войска и пришел на помощь французам на этом фланге.

Итак, вся отчаянная храбрость швейцарцев оказалась напрасною. Кардинал, который накануне сел на коня в своей пурпуровой одежде и разъезжал повсюду, ободряя пламенными речами бойцов, еще в ночь, когда вечерний налет не дал решительного результата, понял, что сражение уже не может быть выиграно и советовал отступить. Когда же правый фланг швейцарцев начал отходить, все поняли, что и для центра нет надежды на успех, и все швейцарское войско начало отступать.

Если бы в это мгновение французский король, располагавший сильной кавалерией, отдал приказ преследовать неприятеля, то, вероятно, швейцарцам пришлось бы так же худо, как два года тому назад ландскнехтам под Новарой. Но Франциск вовсе не желал сражения. В отраженных атакующих он скорее видел будущих друзей, чем врагов настоящего мгновения. Если бы он велел перебить или перестрелять возможно большее число отступающих швейцарцев, он тем самым загубил бы своих будущих наемников и, пожалуй, пробудил бы в швейцарцах жажду мести, которая снова порвала бы так удачно завязавшиеся узы дружбы. Поэтому король запретил преследование, как то объясняли современники, из уважения к храбрости,

проявленной швейцарцами. Тем не менее потери последних были весьма значительны, ибо французские орудия даже там, где дело не дошло до рукопашного боя масс, оказали убийственное действие на густые колонны швейцарцев, и, наконец, во время отступления несколько отрядов оказались отрезанными, и один – был совершенно истреблен в загоревшемся доме.

Сражение при Мариньяно принадлежит к числу тех сражений, которые историческая традиция совершенно исказила. Постоянно повторяемая, переданная Гюичиардини, фраза маршала Тривулцио, что это была битва не людей, а гигантов, подлинна ли она или нет, во всяком случае, не вполне применима к этому сражению как к целому. Эта фраза вызывает представление о военном действии совершенно исключительного, неслыханного масштаба, между тем как, напротив, сражение при Мариньяно принадлежит к числу не доведенных до конца сражений. Политический момент в данном случае играл гораздо бóльшую роль, чем военный, так что в нашей "Истории военного искусства" мы могли бы даже обойти его молчанием, если бы не представлялось полезным опровергнуть ложную традицию более правильным изображением и в то же время представить этот яркий пример сражения,

искаженного политикой[128].

Это сражение – плод народных страстей, искусно использованных интриганом, – не имело никаких последствий. Король Франциск согласился на мир с швейцарцами на точно таких же условиях, как и раньше, с той лишь разницей, что швейцарцам было предоставлено оставить за собой часть пограничной Миланской области (как ныне проходит граница), за что они получили на 300 000 крон меньше денег. В военном отношении также незаметно, чтобы швейцарцы ощутили свое поражение как таковое, чтобы при их смелой манере действовать напролом они утратили свою безусловную самоуверенность. Это нам покажет следующее сражение при Бикокке.

Вылазки Швейцарского союза, направленные к развитию в великую державу, закончились в 1515 г. Правда, еще в 1536 г. Берн использовал удобный случай приобрести кантон Во. Но это было, так сказать, лишь запоздалым плодом Бургундской войны, и с 1515 г. уже ни разу дело не доходило до проведения Швейцарией какой-либо широкой политической программы. Военная мощь Швейцарской федерации более или менее поступила на жалование Франции и при этом постепенно спустилась с прежней недосягаемой высоты до уровня войск других

национальностей. Если бы швейцарцы захотели развиться до положения самостоятельной великой военной державы, им бы надо было не только обзавестись иным централизованным правительством, но и своевременно развить у себя два других рода войск – конницу и артиллерию. Ведь сила их зиждилась исключительно на пехоте: даже для осады Дижона императору Максимилиану пришлось взять на себя поставку орудий. Это превышало силы маленьких горных округов и городов[129].

Всемирно-историческое достижение швейцарцев ограничилось лишь созданием пехоты, которая послужила образцом для прочих стран. До Мариньяно она была непобедима, да и неудача, постигшая ее в этом сражении, была обусловлена чересчур исключительными обстоятельствами, чтобы она могла умалить ее славу.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БИКОККЕ[130]
27 апреля 1522 г.

Шесть лет спокойно владели французы Миланским герцогством. Затем Карл V, в лице которого как правнука Карла Смелого, внука императора Максимилиана и сына испанской

четы Фердинанда и Изабеллы сосредоточились все наследственные, враждебные французскому королевству тенденции, возобновил борьбу за господство в Северной Италии. Франциск набрал швейцарских наемников, но имперский главнокомандующий Просперо Колонна долго маневрировал около французской армии, не вступая в сражение, пока наконец казна Франциска не опустела, так что ему нечем было платить жалование швейцарцам, и последние вернулись восвояси. Тогда Колонна без сопротивления вступил в Милан, ибо французы возбудили против себя ненависть горожан, и последние открыли имперской армии ворота.

На следующий год французы снова появились с таким большим войском, что смогли предпринять осаду Милана. Пришедший на выручку имперский отряд в 6 000 ландскнехтов и 300 всадников побудил французов отойти от Милана и сосредоточиться на более скромном объекте – Павии. Но когда и эта осада не увенчалась успехом и подъем воды в Тичино стал затруднять доставку продовольствия, а попытка принудить имперское войско к сражению при помощи обходного движения тоже не удалась, дело снова дошло до того, что французское войско готово было растаять, ибо швейцарцы не хотели

оставаться долее. В обычае у них было, как только они выступят в поход, тотчас отыскать неприятеля, напасть на него, разбить и уйти с добычей и жалованием домой. Осаждать города и истощаться в маневрах и в занятии позиций – противоречило их натуре и их взглядам на военное дело, особенно же в тех случаях, когда само жалование не выплачивалось им аккуратно. Поэтому последнее передвижение французского войска, вероятно, мотивировалось тем, что они пошли до Монцы навстречу военной казне, которая должна была быть доставлена из Франции через Симплон. Когда же деньги все же не прибывали, то швейцарцев нельзя было успокоить никакими новыми обещаниями; они хотели или драться, или идти домой[131].

Французско-венецианское войско превосходило имперское раза в полтора или еще больше: около 32 000 против 20 000. Но Просперо Колонна, полководец императора, занимал почти неприступную позицию у охотничьего замка Бикокки: перед фронтом проходила рытвина, левый фланг был защищен болотом, правый – глубоким водяным рвом, на котором имелся только один узкий мостик. Его фронт, обращенный на север, протяжением около 600 метров, что как раз отвечало численности армии,

был занят орудиями и расставленными в четыре рада стрелками, оружие которых было только что усовершенствовано и которых научили стрелять шеренгами: после того как первая и вторая шеренги выпустят свои заряды, они должны были лечь на землю так, чтобы третья и четвертая шеренги могли стрелять через их головы. Позади стрелков построены были в глубоких колоннах ландскнехты под начальством Георга Фрундсберга и испанская пехота с Пескарою во главе. Далее позади стояла кавалерия, дабы воспротивиться возможному обходу с правого фланга через мост.

Эта позиция была гораздо сильнее той, которую некогда занимали испанцы под Равенной. Уловку – выманивать противника при помощи артиллерийского огня из его позиции, принудить его или к отступлению, или к атаке, что так блистательно удалось тогда, – в данном случае нельзя было повторить, так как едва ли у французов был существенный перевес в артиллерии, а испанская кавалерия, по которой под Равенной так успешно действовала артиллерия, на этот раз была расположена не на фронте, а во второй линии. С другой стороны, совершенно обойти позицию имперцев или атаковать ее с тыла отдельным отрядом было

чрезвычайно трудно, так как город Милан был расположен очень близко от позиции имперцев. Кроме того, когда замечено было приближение атакующих французов, Колонна побудил герцога Франческе Сфорца приказать ударить в набат и вывести вооруженных горожан в числе 6 000 для прикрытия тыла имперской армии.

В этих условиях командовавший французским войском Лотрек, естественно, предпочел бы избежать сражения и оперировать в том же духе, как и раньше, а именно осаждать и захватывать отдельные города герцогства в надежде когда-нибудь, во время контрманевров противника, найти случай использовать свое превосходство сил в сражении в открытом поле. Хотя за два месяца длительного похода благодаря бдительности и искусству противника ему и не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов, однако такая возможность не была окончательно исключена в будущем. Но нетерпение швейцарцев не дозволяло ему продолжать маневрирование. Сколько ни указывал им Лотрек на неприступность неприятельской позиции, самоуверенность и отвага их, по-видимому, ничуть не были подорваны опытом Мариньяно. Они напоминали французам, как они, уступая им в числе под

Новарой, все же их победили и теперь также намеревались разбить испанцев, которые хотя и превосходили французов хитростью и коварством, но никак не храбростью.

Таким образом, для Лотрека не оставалось ничего другого, как направить их в атаку на фронт имперцев. Для этого все 15 000 швейцарцев построились двумя колоннами, каждая по 100 человек по фронту и 75 человек в глубину; колонны сопровождались стрелками; третья же колонна, составленная преимущественно из кавалерии, получила задание – обойти правое крыло неприятеля и ударить на него через мост. Все вместе составляло около 18 000 человек. Венецианцы же и прочие войска, до 14 000, оставались в резерве. Что побудило Лотрека избрать такой план сражения – источники умалчивают. По-видимому, так как разбушевавшиеся швейцарцы, ссылавшиеся на свою непобедимость, требовали боя, то им и предоставили разгромить с налета неприятеля; возможно и то, что на фронте уже не оставалось места для третьей или четвертой штурмовой колонны. Наконец возможно, что при образовании резерва у Лотрека был и положительный замысел; он мог рассчитывать, что если швейцарцы своим бурным натиском все

же не одержат победы и будут отброшены, то неприятель перейдет в контратаку, и тогда представится случай напасть на него, расстроенного и вышедшего из-под защиты своей позиции, свежими войсками, и если швейцарцы снова обратятся на врага, то нанести ему удар значительно превосходящими силами.

В то время когда швейцарцы наступали, Лотрек пытался их задержать, чтобы по крайней мере его обходный отряд успел прибыть на место и вступить в дело. Однако швейцарцы, настроенные подозрительно уже потому, что вообще только они заставили Лотрека дать сражение, усмотрели в его уговорах – несколько задержаться – лишь последнюю попытку уклониться от сражения и стали требовать с диким криком сигнала к атаке; при этом дала себя знать подозрительность масс даже по отношению к собственному командному составу: капитаны, юнкера, пенсионеры, солдаты тройного оклада должны стать во главе, а не кричать из задних рядов. Так бушевала масса, продвигаясь сквозь град ядер и пуль из орудий и аркебуз, которые били почти без промаха в плотно сомкнутые ряды. Наконец, когда они дошли до рытвины, стрелки начали спасаться, и швейцарцы взбирались на противоположный крутой откос, около 3 футов

вышины, чтобы добраться до неприятельских пикинеров.

Ландскнехты и испанцы, как того требовала тактика, стояли не непосредственно на краю рытвины, но на некотором расстоянии позади, так что стрелки, когда до них добрались швейцарцы, легко могли отхлынуть мимо них в обе стороны. Тут-то и произошла сшибка, причем обороняющиеся, не ожидая натиска швейцарцев, пошли им навстречу в то мгновение, когда они начали показываться из лощины и хотели броситься вперед. С алебардой в руке сам Фрундсберг стоял в первой шеренге своих войск, которые опустились на колени, чтобы прочитать молитву. "Вперед, в добрый час, во имя Бога!" – воскликнул вождь и бросился с ними на неприятеля. Там во главе швейцарской колонны сельчан шел Арнольд Винкельрид из Унтервальдена, который семь лет тому назад разнуздал бой при Мариньяно и когда-то уже сражался в имперском войске бок о бок с Фрундсбергом. "А, старый товарищ! Вот где мы встретились! Ты должен умереть от моей руки!" – воскликнул он. "Это случится с тобой, с божьей помощью", – ответил Фрундсберг. Фрундсберг был ранен ударом пики в бедро. Винкельрид пал, пронзенный пиками ландскнехтов.

Швейцарцы были вынуждены отступить; они устали от длительного пробега; многие из них пали, сраженные огнем имперских орудий и стрелков; их боевой порядок расстроился при переходе через рытвину, и "напор не удался", как потом писали домой аппенцельцы. Задние шеренги, отделенные от передних дорогой, не могли оказывать давления на передних, на чем, собственно, и была построена вся тактика глубокой квадратной колонны.

В то же время попытка французского рыцарства ударить через мост в правый фланг была отражена имперцами.

Пескара, который со своими испанцами таким же образом, как и Фрундсберг с ландскнехтами, отбил атаку другой колонны швейцарцев-"горожан" (Stddter), наступавшей под предводительством Альбрехта фон Штейна, предложил теперь завершить победу и броситься в погоню за швейцарцами; однако Фрундсберг это отклонил: "На сегодня мы достаточно добыли славы", и главнокомандующий Колонна присоединился к его мнению.

Между тем швейцарцы, несмотря на понесенные ими тяжкие потери, отступили в порядке, а за ними, как мы знаем, стояло 14 000 человек, подстерегавших тот момент, когда

имперцы бросятся к ним навстречу в открытое поле. Но так как этого не произошло, то французам пришлось признать не только сражение, но и всю кампанию проигранной, так как швейцарцы ушли домой.

Впервые ландскнехты одержали победу над швейцарцами и немало этим гордились. Они распевали насмешливые песни насчет побежденных, на которые раздавались ответные песни, и в развитии этого песенного турнира различные сражения сливались между собою, так что в конце концов само сражение при Бикокке с сомкнутым строем ландскнехтов, пред которым погиб храбрый Арнольд Винкельрид, перенесено было за 136 лет перед этим и слилось с рыцарским сражением при Земпахе.

По самому скромному подсчету, швейцарцы потеряли под Бикоккой 3 000 человек убитыми, пожалуй не меньше, чем во всех их больших победах вместе взятых. "Однако потеря отваги превосходила их потери числом людей, – пишет Гюичиардини, – ибо можно с уверенностью сказать, что урон, который они понесли при Бикокке, настолько их ослабил, что много лет спустя они не проявляли уже прежнего своего мужества". Ведь их отвага покоилась на безусловной уверенности в своей непобедимости,

воспитывавшейся в них в течение двухсот лет, а теперь, как полагали, эта уверенность была подорвана. Однако история последующих войн не подтверждает этого суждения. Если значение швейцарцев и начинает несколько меркнуть, то зависело это не от того, как мы увидим в дальнейшем, что их собственная боеспособность ослабела, но от общего развития событий, все более и более сужавших арену, на которой могла бы проявляться сила швейцарцев.

Ранке дает следующую характеристику швейцарцев при Бикокке:

"В них жил без какого-либо высшего воодушевления дикий боевой пыл, который дерзко рассчитывал только на самого себя и считал, что ни в каком руководстве он не нуждается. Они знали, что они наемники, но каждый из них должен был, да и хотел исполнять свой долг; все их мысли были направлены на то, чтобы добиться решительного исхода в рукопашном бою, заработать дополнительное жалование за атаку и одолеть своих старых противников швабов и ландскнехтов".

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПАВИИ[132]
24 февраля 1525 г.

Несмотря на свое поражение под Бикоккой, французы продолжали вести борьбу за господство в Италии. Следуют две кампании, прошедшие в оживленных передвижениях, но без сражений, и закончившиеся тем, что имперское войско, продвинувшееся до самого Марселя, почти распалось, а Франциск, снова перешедший через Альпы, занял Милан (кроме цитадели) и осадил Павию.

Город защищали испанцы и ландскнехты, отразившие приступы французов; король в конце концов решился ограничиться блокадой города, чтобы взять его голодом. Тем временем подошли через Альпы вновь завербованные отряды ландскнехтов под начальством Фрундсберга и Макса Зиттиха фон Эмбса и двинулись с востока, объединившись с испанцами, с Пескарой во главе, для снятия осады с города. Со своей стороны, французы, которые осаждали Павию уже больше двух месяцев (с 24 ноября), использовали это время для того, чтобы укрепить свой лагерь с наружной стороны, так что он казался неприступным. Пескара придвинулся своими укреплениями так близко к лагерю, что местами

стрелки обеих сторон находились друг от друга на расстоянии не более 40 саженей; однако король считал свою позицию настолько крепкой, что находил излишним предпринимать какой-либо встречный маневр против подошедшей на выручку армии.

Он перевел свои главные силы на восточную сторону, где ему угрожало неприятельское войско, и считал, что он сможет одержать победу одной лишь выдержкой. Он тем более мог рассчитывать на успех, что в имперском войске царило полное безденежье, и ландскнехты угрожали уйти домой, если им наконец не выплатят жалования. Действительно, отдельные отряды их стали уходить. Наконец удалось убедить ландскнехтов подождать еще несколько дней, обещав им, что дело доведут до сражения. "Пошли мне Бог сто лет войны и ни одного дня сражения, – говорил Пескара, – но теперь нет другого выхода".

Осаждающая армия, как с наружного фронта, так и с фронта, обращенного к Павии, укрепилась совершенно неприступным образом; но ее северное крыло оказывалось у большого, окруженного кирпичной стеной охотничьего парка. Эта стена, казалось, служила совершенно достаточным прикрытием для этого крыла, если бы она охранялась надлежащим образом: раньше

чем стена могла быть разрушена и значительная часть пришедшего на выручку войска успела бы проникнуть через пролом, превосходящие силы французского войска могли бы оказаться на месте, чтобы вытеснить вторгшегося неприятеля.

Все для имперского войска зависело от того, удастся ли ему обмануть бдительность французов и проникнуть в парк значительными силами раньше, чем они соберутся для контратаки.

В ночь с 23 на 24 февраля отряд испанских саперов (рабочих-солдат – vastadores) был отправлен с таранами и другими подобными инструментами к северной стороне стены, довольно далеко отстоявшей от французского лагеря. Преднамеренно орудия не были пущены в ход для разрушения стены, дабы не привлечь их грохотом внимания французов. Ночь была бурная и безлунная, так что работу действительно удалось проделать так, что неприятель ее не заметил. Такой небрежности могло способствовать то, что вот уже три недели как армии стояли друг против друга; каждую ночь происходили мелкие стычки, и кое-какое движение не возбуждало подозрений, что за ним кроется какое-либо серьезное предприятие[133].

Когда вастадоры, проработав всю ночь, пробили в стене три большие бреши, вся армия

пришла в движение. Выступили еще в глубоком мраке и подошли к брешам когда уже рассвело. Если французы и заметили выступление имперцев из лагеря, то они могли его принять за начало отхода.

Имперцы устремились тремя колоннами в парк и развернулись. Впереди шли 3 000 стрелков, испанцев и ландскнехтов. За ними выступала кавалерия, а далее ландскнехты; последние шли позади, может быть, потому, что они составляли главную часть войск, и потому для них потребовалось больше всего времени, чтобы пройти через узкий пролом в стене.

Парк был расположен на волнистой луговине, пересеченной ручьем; здесь и там росли деревья и небольшие перелески; приблизительно посредине стояла ферма или небольшой охотничий дом Мирабелло. Имперцы уже проникли до этого места, когда французы преградили им дорогу. Сам король Франциск прискакал во главе своих жандармов, а французская артиллерия открыла огонь.

Имперцам, и без того не обладавшим сильной артиллерией, на этот раз не удалось ее вовсе выставить на позицию. Французы, у которых было не менее 53 орудий, стреляли удачно. Храбрая французская жандармерия особенно

успешно отбросила неприятельскую конницу, так что король Франциск заметил одному из сопровождавших его, что сегодняшний день сделает его хозяином Милана.

Однако первый успех скоро миновал. Испанские и немецкие стрелки, уже, вероятно, отчасти вооруженные новым оружием – мушкетами, бьющими далеко и метко и обладавшими значительной пробойной силой, поддержали свою кавалерию. Деревья, перелески и сам ручей составляли им прикрытие от французских жандармов, и огонь их свалил так много французских всадников, что имперская конница могла снова вернуться в бой. Тем временем стали подходить большие колонны пехоты. Французская артиллерия не смогла их задержать, и они ринулись на только что продвинувшуюся квадратную колонну французской армии – "черную банду", состоявшую из 5 000 нижнегерманских наемников.

В общем, оба войска располагали приблизительно одинаковым числом пехоты, около 20 000 человек, французы имели перевес в коннице и орудиях. Но внезапное появление имперского войска в предрассветных сумерках на совершенно неожиданном месте имело своим

последствием то, что в тот момент, когда оно уже совершенно построилось и стояло в середине парка, та часть французского войска, которая занимала южную часть лагеря, – швейцарцы, числом 8 000 человек, еще не оказались под рукой. Таким образом, обе колонны Фрундсберга и Эмбса, в числе 12 000, могли охватить "черную банду" с обеих сторон "как железными тисками" и разбить ее вдребезги; лишь когда остатки ее вместе с французскими всадниками отхлынули назад, появились швейцарцы. Но они тем менее могли изменить судьбу сражения, что в это мгновение и гарнизон Павии сделал вылазку и появился у них в тылу. В их отчаянном положении швейцарцы не смогли даже произвести сомкнутой атаки, на них обрушились со всех сторон, и они были частью перебиты превосходящими силами, как перед тем "черная банда", частью искали спасения в бегстве.

Арьергард французского войска под начальством герцога Алансонского, стоявший, вероятно, большей частью с другой стороны Павии, еще не вступал в бой, но герцог видел, что рассчитывать на успех невозможно и велел сломать мост, который французы перекинули на юге через Тичино.

Этим он спас себя и свои войска, но сгубил

остальных: одни потонули в реке, другие, как сам король Франциск и многие его рыцари, попали в плен. Победа, уничтожившая неприятельское войско, обошлась имперцам недорого: они, говорят, потеряли не более 500 человек убитыми, что вполне возможно, ибо благодаря внезапности своей фланговой атаки, в каждой отдельной фазе боя они всегда могли действовать значительно превосходящими силами.

Этим самым опровергается обвинение в недостатке энергии, выдвигаемое Гюичиардини против швейцарцев; фактически же они ничего сделать не могли.

СМОТР ВОЙСК БЛИЗ ВЕНЫ В 1532 г.

Наряду с анализом сражений заслуживает также нашего внимания смотр войск, сделанный Карлом V в 1532 г. близ Вены. Иовий, лично присутствовавший на нем в свите папского легата, оставил нам подробное описание его, для чего, по-видимому, он воспользовался официальным отчетом с чертежами. Войско, участвовавшее в смотре, согласно данным письма короля Фердинанда к своей сестре (от 2 октября), насчитывало 80 000 пехоты и 6 000 конницы. Шэртлин фон Буртенбах оценивает его в 65 000

пехоты и 11 000 конницы; Сепульведа и Иовий – в 120 000 человек, из них 30 000 всадников и 20 000 стрелков, причем, однако, в счет вошли и гарнизоны.

Заслуживает внимания расхождение в цифрах, сообщаемых свидетелями, каждый из которых заслуживает доверия; невероятной кажется цифра 30 000 для конницы.

Построение было таково: огромная масса пикинеров образовала три квадратных по рядам колонны, следовательно от 140 до 150 человек в ширину и глубину; в промежутках между этими колоннами с такой же глубиной построилась вся конница; а вся эта масса была окружена пятью шеренгами стрелков. Перед фронтом стояла артиллерия, а снаружи построилась легкая венгерская кавалерия. Как на причину такого построения Иовий указывает на то, что кавалерию не хотели подвергать нападению подавляющей своим численным превосходством турецкой кавалерии, которую он оценивает в 30 000 человек.

Рюстов понял дело так, что в данном случае мы имеем оборонительное построение, которое применялось в войнах против турок еще в течение 100 лет под названием "венгерского боевого порядка".

Я, со своей стороны, усматриваю в нем лишь парадное построение, не имеющее никакого тактического значения. Я не знаю ни одного сражения, в котором было бы применено подобное построение.

Все огромные призывы 1532 г. не дали никакого положительного результата, ибо Сулейман побоялся довести дело до сражения и отступил, а протестанты не хотели делать завоеваний для императора. Среди солдат поднялся бунт из-за плохого содержания и неаккуратной выплаты жалования, и вся армия распалась.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРЕЗОЛЕ[134]
14 апреля 1544 г.

Французы осаждают Кариньяно, расположенный на юг от Турина; имперское войско под начальством Дель Гуасто старается захватить такую позицию, которая заставила бы французов либо отказаться от осады, либо атаковать пришедшее на выручку войско при неблагоприятных условиях. Однако этот маневр, хотя он и подготовлен весьма тщательно, не удается, отчасти потому, что дождливая погода размыла дороги, и войска, обремененные своим

огромным обозом провианта, не могли поспеть вовремя к месту назначения.

Полный юношеской отваги вождь французов принц Ангиенский в предвидении попытки Дель Гуасто заставить его снять осаду, испросил и получил разрешение короля дать сражение. И вот, при приближении имперцев французы, на этот раз бдительные, снимаются в три часа утра со своего лагеря под Кариньяно и появляются на правом фланге неприятельских походных колонн, так что Дель Гуасто остается на выбор или отступить и тем самым предоставить Кариньяно его судьбе, или принять бой.

Силы у обеих сторон относительно равные. Дель Гуасто имеет численный перевес в пехоте, у принца Ангиенского – превосходство в коннице; под самый конец к нему присоединились еще около 100 французских дворян, которые, услыхав, что предстоит сражение, по древнерыцарскому обычаю поспешили принять в нем участие. Дель Гуасто, как он впоследствии рассказывал Иовию, полагал на основании опыта сражения при Павии, что мушкетеры одолеют рыцарей, а ландскнехты в конце доставят ему победу. Итак, он решил принять сражение, и обе армии развернулись в случайном районе, в том месте, где они пришли друг с другом в соприкосновение.

Однако обе армии стараются заручиться тактическими выгодами обороны и свалить друг на друга инициативу атаки. Поэтому сражение открывается рядом действий, совершенно напоминающих современные приемы боя – огневым боем артиллерии и пехоты, длящимся несколько часов. Стрелки ведут бой, передвигаясь взад и вперед, и когда попадают в затруднительное положение, то призывают на помощь конницу. Как только последняя появляется, стрелки в открытом поле, естественно, вынуждены отступить.

Наконец Дель Гуасто решается атаковать, может быть потому, что он больше не в состоянии выдерживать огонь французской артиллерии, а может быть в предположении, что тем самым он предупреждает атаку неприятеля.

Обе стороны по старому швейцарскому методу построили своих пикинеров тремя большими колоннами, которые бесхитростно стояли одна подле другой на равномерно-волнистом поле. Если швейцарцы в прежнее время строили свои три колонны уступами, то делали они это для того, чтобы в течение своей бурной атаки сохранять полную свободу движений. Здесь, где обе стороны выжидали атаки противника и каждая колонна была прикрыта с флангов

кавалерией, линейное построение получилось само собою.

При столкновении лучшая по составу колонна имперских пикинеров – авангард, образовавший теперь правое крыло, – составленная из испанцев и ландскнехтов, сталкивается с неприятельской колонной, хотя численно и превосходной, но недостаточно сплоченной, состоявшей из новонабранных швейцарцев (грюнерцев) и итальянцев, опрокидывает и преследует их, и даже атака французских жандармов не может ее задержать.

Зато в центре колонна свеженавербованных ландскнехтов натыкается на стоявшую против нее колонну особо испытанных на французской службе швейцарцев. Сдерживаемые своим начальником Фрёлихом, последние бросаются навстречу ландскнехтам лишь тогда, когда они, благодаря недостаточному боевому навыку и трудностям условий местности, пришли в некоторое расстройство и уже находились на близком расстоянии от фронта противника. Уже сами по себе эти швейцарцы, хотя и более слабые численностью, превосходили своих противников боеспособностью. А к тому же французские жандармы разбили сопровождавшую ландскнехтов легкую испанскую кавалерию, и,

наконец, третья французская колонна пикинеров, состоявшая из гасконцев, ударила ландскнехтам во фланг.

Это могло произойти лишь потому, что третья имперская пехотная колонна, которая должна была атаковать гасконцев, этого не сделала, а держалась в стороне. Эта колонна состояла из итальянцев, которые до сих пор еще ничем себя не проявили в области пехотной тактики; к тому же она была и малочисленна. Дель Гуасто полагался на то, что эта колонна была очень сильна стрелками, но последние должны были отступить перед неприятельской конницей; сопровождавшая же ее флорентийская кавалерия была также разбита французской жандармерией, и, таким образом, у гасконских пикинеров руки оказались развязанными, и, верно руководимые, они направили свой удар на решительный пункт. Источники расходятся относительно того, в какой именно момент гасконцы ударили на ландскнехтов: завершили ли они только их поражение, после того как их уже отразили швейцарцы, или и те и другие действовали совместно, или, наконец, собственно гасконцы проделали всю работу. Ввиду того, однако, что, по собственным показаниям швейцарцев, они потеряли всего лишь 40 человек убитыми, из

которых часть, наверно, можно отнести за счет предшествовавшего огневого боя, надо полагать, что столкновение с ландскнехтами не было особенно жестоким и что воздействие гасконцев уже сказалось при их приближении раньше, чем можно было пустить в ход оружие. Рассказ Монлюка, будто удар при сшибке был настолько силен, что первые шеренги с обеих сторон попадали на землю, не следует повторять как нечто реальное.

Первоначально одержавший победу правый фланг имперцев допустил коренную ошибку – напрямик преследовал дрогнувшие под их натиском части, вместо того чтобы сперва помочь одолеть главную колонну противника – швейцарцев; в последней фазе боя, когда он хотел вернуться на поле сражения, его атаковали со всех сторон и разгромили.

Все особенности этого сражения, по-видимому, определяются применением огнестрельного оружия; они заключаются как в результатах действия огнестрельного оружия, так и в ожиданиях, которых оно не оправдало. В то время как в предшествующих больших сражениях мы видим ясно обозначенную обороняющуюся сторону и не менее ясно обозначенную атакующую – здесь мы наблюдаем то явление, что

обе стороны почти до самого конца хотели сохранить за собою тактические преимущества обороны. В данном случае, очевидно, имелись в виду не одни выгоды, даваемые местностью, – ведь прежде швейцарцы с ними не считались, – но и преимущества, доставляемые дальнобойным оружием. Далее нам сообщают, что как у ландскнехтов, так и у гасконцев были поставлены во вторые шеренги стрелки, вооруженные аркебузами или пистолетами, которые должны были выпалить в массу противника непосредственно перед самим столкновением. Этим увесистость и сомкнутость колонны пикинеров несколько разрежается. Это как бы начало распада больших колонн; швейцарцы, хотя и не применяют этой новомодной уловки, все же остаются победителями. Но так как и против французского рыцарства в открытом поле огнестрельное оружие не устояло, то сражение при Черезоле показывает, что успех мушкетеров при Павии в значительной мере был обусловлен теми прикрытиями, какие предоставляли стрелкам условия местности парка. Большее влияние, чем ручное огнестрельное оружие, оказала на ход сражения, хотя и немногочисленная, артиллерия. Конечное решение все же еще дают крупные колонны пикинеров.

Потери имперцев убитыми и взятыми в плен были огромны, достигая приблизительно половины всего войска, из них 5 000 было убитых. Тем не менее реальное значение победы, достигнутой французами, оказалось ничтожным. Спустя некоторое время они взяли Кариньяно, далее, однако, они ничего более сделать не смогли, так как император Карл как раз готовился вторгнуться из Германии во Францию, и король Франциск отозвал часть войск из Италии, чтобы обороняться от него. Правда, если бы Дель Гуасто победил при Черезоле и, перейдя через Альпы, вторгся во Францию, французы оказались бы в чрезвычайно затруднительном положении. Однако и этого все же было бы недостаточно для полного сокрушения Франции.

Глава VI

МАКИАВЕЛЛИ

Новое военное искусство тотчас же породило и своего крупного теоретика. И в средние века не переставали читать Вегеция. Карл Смелый велел перевести для себя Вегеция и Ксенофонта, и переводы эти дошли до нас. Перевод же, сделанный для него Баском де Люсеном с Киропедии Ксенофонта, утерян во время бегства из-под Нанси[135].

Карл V изучал творения Цезаря самым внимательным образом и снабдил свой экземпляр этих сочинений множеством заметок на полях. По его инициативе была отправлена во Францию для установления местоположения лагерей Цезаря научная экспедиция, снявшая с них около 40 планов.

Но классическим военным писателем этой эпохи стал Никколо Макиавелли, о труде которого "Возрождение военного искусства" Мартин Гобом нам подарил сочинение – и основоположное, и в то же время исчерпывающее[136].

Макиавелли находился под глубоким впечатлением того обстоятельства, что во времена его молодости (он родился в 1469 г.) конница

была почти всецело господствующим родом войск, а теперь участь сражений начала решать пехота. Он связал это со своими изысканиями в области классической древности, убедившими его в том, что римляне некогда покорили весь мир своими легионами, и поставил себе задачу показать всему свету, и прежде всего своим соотечественникам, что хорошая пехота из граждан представляет идеал военной организации и что она призвана избавить Италию, а главное Флоренцию, от тех ужасных наемных банд, при помощи которых в его время вели войны. Его патриотизм, его конструктивный склад ума, его литературные изыскания и ясное понимание реальных явлений окружающего мира оказывали на него одновременное воздействие и побуждали его идти вперед, с одной стороны, к созданию теоретически продуманной системы, с другой – к организации флорентийской государственной милиции, в которой он думал возродить бытие древних римлян.

Должность канцлера, которую Макиавелли занимал во Флорентийской республике, не была руководящею, а скорее, как бы мы выразились на современном языке, высоким исполнительным постом. Занимая такую должность, Макиавелли силой своего красноречия и своего влияния

добился того, что в 1506 г. республика организовала у себя ландвер, ополчение, которое в конце концов было доведено до 20 000 человек.

Страна была разделена на округа; правительственные комиссары их объезжали, намечали людей, которые им казались подходящими, и вели им список. Каждый округ выставлял одну роту, во главу которой назначался опытный в военном деле капитан. Ополченцам выдавалось оружие – пика и нагрудный панцирь, а также форменная одежда – белый кафтан и брюки с одной белой и одной красной штаниной. Каждая рота имела свое знамя из материи различных цветов, но все они были украшены изображением флорентийского льва. При каждом капитане состояли: канцлер для несения административных и хозяйственных обязанностей, ведения списков и прочих канцелярских работ, прапорщик, известное число капралов и один или несколько барабанщиков, которые "барабанили на манер ультрамонтанов".

Время от времени по случаю праздника капитан собирал по отдельным поселкам людей, производил им смотр, один или при участии правительственного комиссара из столицы, и обучал их военным движениям "по образцу швейцарцев". Иногда в самой Флоренции

устраивались большие парады.

В мирное время ополченцы пользовались правом носить оружие и известными юридическими привилегиями; во время войны они получали (или должны были получать) такое же жалование, как наемные солдаты, т.е. 3 дуката в месяц. Капитаны получали регулярно жалование 12 дукатов в месяц или, взамен части его, выдачу натурой – даровую квартиру и фураж на одну лошадь.

Роты постепенно были доведены до значительной численности – 800 человек; следовательно, они стали слишком многочисленными для командования ими одним офицером, но расчет был построен на том, что в критическую минуту не более трети выступит в поход; в действительности их оказалось еще меньше – около 150 человек на роту.

На роту приходилось слишком много: 70% – вооруженных длинными пиками, до 10% были стрелками, остальные были вооружены легкими алебардами (ronca), рогатинами и другим холодным оружием. Строились большими квадратными колоннами, приучались маршировать под барабанный бой, до некоторой степени в ногу, сохранять свое место в строю, делать повороты направо и налево; эти движения,

как и обращение с оружием, так просты, что их нетрудно усвоить за немногие дни праздничных учений. Строевые учения и у швейцарцев и ландскнехтов не были более основательными. Единственное оружие, требовавшее известного умения и навыка, – огнестрельное – носили те, кто самостоятельно упражнялся в пользовании им и сам являлся его владельцем; при этом предоставлялось выбору самого ополченца носить арбалет или аркебузу.

Можно сказать, что организация флорентийской милиции отвечала всем разумным требованиям, какие к ней можно было бы предъявить. Однако далее идут еще другие постановления. Уже в первой памятной записке, в которой Макиавелли рекомендует флорентийцам устройство милиции, он ставит вопрос, не представляет ли создание такой вооруженной силы угрозу для самой республики. Конституция базировалась прежде всего на господстве города над сельскими местностями, которые представляли довольно обширную область с многими крестьянскими поселками и небольшими городами. Лишь небольшая часть этой области считалась безусловно надежной – так называемый контадо; большая же часть – distritto – была постепенно завоевана силой и в каждую минуту

могла отказать в повиновении городу. В городе господствовал весьма искусственно организованный средний класс с аристократической примесью. Во главе республики, правда, стоял пожизненно избранный гонфалоньер Содерини, но полномочия его были ничтожны. Правительственная власть, собственно, находилась в руках нескольких коллегий: коллегии 80-и, 10-и, 9-и и 8-и, состав которых всегда через несколько месяцев обновлялся, а функции нередко перекрещивались. Над всеми ними стояло собрание граждан, участвовать в котором могли те граждане, отец, дед или прадед которых когда-либо входил в состав одной из этих коллегий или мог быть в них избран.

Коренное различие между этой конституцией и государственным устройством Древнего Рима бросается в глаза. В Риме крестьянин пользовался теми правами, что и горожанин, и между городом и деревней не было противоречий. Магистратура там была полновластна. Аристократические роды обладали унаследованным, покоящимся на религии авторитетом; влияние их уравновешивало влияние демократической массы. Эта масса и составляла войско.

Наоборот, во Флоренции правительственный механизм был не сплочен, более того, расплывчат;

и при этом ему постоянно угрожали и снаружи и изнутри притязания изгнанного семейства Медичи. Поэтому все здесь было построено на взаимном недоверии и постоянном наблюдении друг за другом. Одной из коллегий – коллегии 9-и – была подчинена милиция в мирное время; но стоило возникнуть войне, как командование переходило к другой – коллегии 10-и. Это, мол, и представляло, по мнению Макиавелли, то преимущество, что солдаты милиции не знали, кто, собственно, их хозяин. Однако как могло правительство, само столь текучее, создать устойчивую военную организацию? Все, что было сделано, опиралось фактически на личность Макиавелли, который, будучи секретарем по назначению в различных коллегиях, создавал и представлял то персональное единство, благодаря которому различные инстанции действовали в одном направлении.

Но и он не мог иначе поступать, как искать средних путей между желанием республики иметь собственное войско и страхом республики быть поглощенной этим самым собственным ее войском.

Первое условие, необходимое для создания пригодной для дела милиции, – это создание возможно более тесной, органической связи

между капитаном и его ротой.

Люди должны питать доверие к своему командиру, командир должен знать своих людей. Но чего только не могли натворить капитаны, которые до такой степени приучили бы свою роту слушаться их приказаний! Во избежание этих опасностей было предписано ежегодно перемещать капитанов из одного округа в другой, дабы "их авторитет не мог укорениться".

Капитан вообще не должен был иметь действительной власти над своей ротой. Ополченец, не пожелавший выйти на учение, не нуждается ни в каком разрешении, достаточно ему было представить то или другое извинение. Капитан не имел непосредственной карательной власти, но мог лишь при открытом бунте временно арестовать виновного; карательная же власть была в руках комиссара и коллегии во Флоренции. Однажды капитаны получили такое циркулярное предложение: "Имея в виду небольшое вознаграждение, какое получают наши призванные за свои труды, и неудобства, которым они подвергаются при обучении в качестве милиционеров, мы желаем, чтобы с ними обращались гуманно и чтобы им делали замечания ласково, когда они по своей неопытности ошибаются во время учения. Мы

этого желаем в тех видах, дабы они тем охотнее и веселее продолжали эту работу, ибо, по выше приведенным основаниям, мы считаем это средство наиболее действительным для того, чтобы склонить их к послушанию и поддержать в них хорошее настроение и расположение к этой учебе. Ругать же их и раздражать, нам кажется, – это значит идти как раз к обратным результатам. Поэтому мы и увещеваем тебя обходиться с ними любовно и стараться поддерживать в них хорошее настроение; ты должен всемерно избегать всего того, что, по твоему мнению, может вызвать какое-либо осложнение (disordine)".

В то время как капитан был чужой человек, назначенный в данный округ центральной властью, прапорщик и капралы были уважаемые местные жители. Но мы не видим, чтобы им были поручены какие-либо военные функции, так что само руководство службой было всецело возложено на капитана.

У капитанов не было надлежащих органов для осуществления возложенной на них задачи; точно так же и у милиции в целом недоставало единого высшего командования. Сами капитаны прожужжали уши Макиавелли, требуя от него, чтобы он провел назначение полковника. За неделю до окончательного крушения ему

действительно удалось провести это назначение: 25 августа 1512 г. Джиакопо Савелли, заслуженный кондотьер конницы Флорентийской республики, был назначен верховным командующим, но он уже не мог спасти положение. Если бы он действительно смог это сделать, если бы он действительно успел дисциплинировать 20 000 ополченцев, то ему не трудно было бы повести свои роты против мешков золота тиранов города и своим солдатским сапогом растоптать бумажную "народную" конституцию при условии, что его раньше еще не успели бы отправить на тот свет (Гобом).

После того как была организована пешая милиция внушительных размеров, Макиавелли в конце 1510 г. провел создание и конной милиции.

Милиция Макиавелли просуществовала около 7 лет. Ее использовали для того, чтобы снова покорить Флоренции Пизу: отрезали подвоз продовольствия к городу и дважды в год уничтожали урожай на ее территории вплоть до самых городских стен. Эта система голодной блокады заставила наконец Пизу сдаться. Истинному же испытанию милиции пришлось подвергнуться впервые в 1512 г., когда образовалась большая лига для того, чтобы снова водворить семью Медичи во Флоренцию. Во главе

этой лиги стояли испанцы. То была та самая испанская пехота, которую разбили под Равенной; однако, несмотря на поражение, она своей несокрушимой сплоченностью спаслась от полного уничтожения. Когда эти испанцы вступили во флорентийские пределы, была созвана милиция. Легко можно было бросить 12 000 человек против 8 000 испанцев. Но с самого начала показалось невозможным риском – выступить в открытом поле против этой испытанной армии. Поэтому поместили гарнизоны во Флоренции и в городке Прато, в двух милях на север от столицы, которому прежде всего угрожали испанцы.

У Прато еще сохранились средневековые укрепления – высокая тонкая стена. Попытку осаждающих взобраться на стену по лестницам обороняющиеся отразили. Испанцы располагали не более как двумя осадными орудиями, из которых одно к тому же разорвалось. Единственной уцелевшей пушкой они пробили брешь, или, по выражению одного источника, скорее окно, чем брешь, – дыру в стене в четыре метра шириной и в два высотой. Осаждающие уже терпели крайние лишения из-за недостатка продовольствия. Продержись Прато еще два дня, и испанцам пришлось бы отступить, и, может

быть, во время отступления их войско развалилось бы. Вот эта-то крайняя нужда и принудила их отважиться штурмовать брешь. Брешь была мала и расположена настолько высоко, что к ней приходилось приставлять лестницы; к тому же ее можно было все время держать под огнем из-за расположенной позади нее стены. Но испанские аркебузиры подошли к самой стене и подвергли ее такому сильному обстрелу, что осажденные уже не решались выглядывать между зубцами стены, и, когда испанцы с несколькими прапорщиками во главе пошли на приступ, тосканские ополченцы обратились в бегство, и в полчаса город был взят.

Тогда произошла ужасающая резня; дело не ограничилось только убийствами, изнасилованиями и грабежами. Оставшиеся в живых пленные, после того как они сами отдали все, что имели, в течение трех недель подвергались пыткам, дабы вынудить у живущих в других местах родственников выкуп за них. Флорентийцы жаловались испанскому главнокомандующему Кардоне на неслыханно высокий выкуп, который требовали испанцы. Последний признал сам требования чрезмерными, но заявил, что он бессилен против своих солдат.

Падение Прато означало в то же время и конец Флорентийской республики. Она объявила свою

готовность снова принять к себе Медичи, и в короткое время последние снова захватили в свои руки бразды правления.

С республикой наступил конец и милиции.

Гарнизон Прато состоял не менее чем из 3 000 милиционеров и 1 000 вооруженных граждан; все они знали что их ожидает в случае взятия испанцами города. Как же могло случиться, что если не из воинственного духа и не из патриотизма, так хотя бы чтобы спасти себя самих от самой ужасной участи, они не нашли в себе столько мужества и силы, чтобы защитить брешь? Ведь все-таки они представляли нечто большее, чем простое гражданское ополчение; у них были капитаны с известным военным опытом, и все же до некоторой степени они были обучены обращению с оружием и строю. Здесь повторилось то же, что имело место при великом переселении народов, когда богатейшие провинции с миллионами жителей отдавались в жертву нескольким тысячам германцев почти без сопротивления; когда город за городом рушился, объятый пламенем, просто потому, что это тешило диких варваров.

Макиавелли изучал римское военное дело, но удивительно: решающего момента римской дисциплины он не приметил. Его

постановлениями, лишавшими капитанов карательной власти и не допускавшими укоренения их авторитета среди ополченцев, дисциплина была вовсе исключена. В высшей степени интересно исходя из этого установить, почему Рим мог сделаться великой мастерской, где выковывалась власть, а попытка Флоренции достигнуть того же потерпела такое плачевное крушение. Город Рим не господствовал над своим крестьянством, а составлял с ним единое целое; крестьяне вместе с горожанами выбирали в комициях должностных лиц. И в Риме господствовало, как и во Флоренции, известное подозрительное чувство по отношению к магистратам; и в Риме не было единства командования войском; последнее было разделено между двумя консулами. Но от консулов и вниз господствовала железная власть, авторитет империума, опирающийся на религию и на авгурство. Строевое учение центуриона, подкрепляемое виноградной лозой центуриона, придавало римским ополченцам ту твердость, с которой они противостояли галлам и кимврам и которой не хватило милиции Макиавелли при защите бреши в Прато.

У швейцарцев, ландскнехтов и испанцев тоже не имелось римской дисциплины. Но что все же

делало их неодолимыми в пылу сражения – это длительная привычка держаться друг за друга и, наконец, воспитанное в них рядом побед доверие друг к другу.

Макиавелли не сумел внушить своим ополченцам ни дисциплины, ни привитого войной воинского духа, и даже теоретически он не понял их ценности и значения. Но не будем его в этом укорять. В его представлении о народной армии заключалось провидение пророка. Создать такую народную армию в действительности было невозможно для Флорентийской республики в начале XVI столетия, ибо для этого недоставало необходимой базы в государственном устройстве; потребовались столетия для того, чтобы создать ту грубую и в то же время идеальную дисциплину, которая формует призванные народные массы в пригодные для войны части. Но поскольку Макиавелли связывал будущую пехоту с идеей римской государственности, он все же проявил верное ее предвидение.

Ближе, чем сам Макиавелли, подошли к цели два его предшественника, от которых он и заимствовал известные идеи: это – кондотьер Вителли и Цезарь Борджиа, создавшие каждый на территории своих владений некоторое смешение наемного войска и милиции, что несомненно было

гораздо лучше, чем чистая милиция флорентийца. Это можно объяснить тем, что ни Вителли, ни Борджиа были не идеалистами, а практиками – военными людьми; но прежде всего они были одновременно и полководцами и монархами на своей территории: им не приходилось бояться, как флорентийским буржуа из коллегии девяти или десяти, что, если их создание действительно удастся, оно в один прекрасный день сделается опасным для них самих; поэтому они не только сами искусственно не ослабляли военный авторитет, но вырабатывали его, как то вызывалось военными потребностями. Правда, и их создание было недолговечно, так как фундамент их собственного владычества не устоял против бурь тех времен.

Организация, созданная Макиавелли для тосканской милиции, отнюдь не была безупречна; в такой же мере не удалось ему и создание лишенной противоречий, недвусмысленной теории стратегии. И здесь можно про него сказать, что он увидел проблему своей эпохи, и в высказанном им заключается нечто пророческое; он оказался не в состоянии создать законченную систему мышления.

Переход от средневековья к новому времени характеризуется огромным увеличением средств

ведения войны. Вместо немногих пехотинцев средневековых армий, вооруженных холодным оружием, появляются мощные боевые колонны, а техника огнестрельного оружия растет с каждой минутой. Можно было бы предполагать, что такое усиление средств войны приведет в стратегии к усилению стремления к скорейшему разрешению вопросов войны посредством сражения; и действительно, мы привели ряд грандиознейших картин сражений, разыгравшихся одно за другим на протяжении короткого времени. В средние века если принципиально понятия тактики и стратегии все же не должны быть отброшены, то говорить о них можно лишь в единичных, исключительных обстоятельствах особого напряжения, да и то – с большими ограничениями. Рыцарь – чересчур индивидуальная личность, чтобы подчиняться управлению, а вооружение его слишком односторонне, так что понятие тактики в данном случае почти неприменимо, а без тактики, в свою очередь, не бывает и стратегии.

Новая пехота, с новым огнестрельным оружием крупного и мелкого калибра в соединении со старой тяжелой и легкой конницей допускает возможность множества комбинаций с изменением условий местности, возможностей атаки и обороны; этих комбинаций средневековье

не знало. Уж не вступаем ли мы в эпоху, когда полководец, как некогда Александр или Цезарь, прямо шел к намеченной цели, сокрушая на своем пути всякое сопротивление и не успокаиваясь до тех пор, пока не навяжет противнику свою волю?

Нет, дело обстоит не так. Уже в тех больших сражениях, к которым мы ближе присмотрелись, мы в заключение не раз отмечали, что победа разлеталась, как вспыхнувший фейерверк, не обусловливая существенных, длительных последствий. Всем этим сражениям присуще что-то удивительно случайное, неорганическое. Какую блестящую победу одержали французы при помощи ландскнехтов под Равенной (1512 г.), а не прошло и года, как они, не потерпев ни одного поражения, были вынуждены очистить Италию. Победа, имевшая самые крупные и длительные последствия, – победа имперцев при Павии, все же не была естественным, конечным плодом широко задуманного, хорошо проработанного стратегического плана, а являлась последним, крайним средством спасения в безнадежном, отчаянном положении; это отмечает сам Пескара: "Пошли мне Бог 100 лет войны и ни одного дня сражения, но здесь ничего другого не остается". Новые средства войны, повысив силу атаки, открыли и перед обороной новые возможности;

сверх того они заключали в себе известную слабость, которая могла внушить мнение о возможности и даже желательности одолеть неприятеля, не рискуя сражением. Огнестрельное оружие могло сделать непреодолимым какое-нибудь местное препятствие, а новые пехотные массы, именно благодаря своему массовому характеру, представляли нередко весьма незначительное орудие войны. Испокон веку численное превосходство являлось одним из важнейших факторов успеха. Однако в средние века оно не играло такой решающей роли, ибо все зависело от качества отдельного воина, а квалифицированных воинов можно было всегда получить лишь в ограниченном числе. Между тем швейцарцев и ландскнехтов, после того как они были сорганизованы, можно было легко численно наращивать массовым пополнением случайным сбродом, а теперь бой решался напором массы. Поэтому военачальники стремились заручиться массами не только в крайних пределах своих денежных средств, но и за этими пределами. Если и не имелось возможности заплатить наемным солдатам обусловленное жалование, все же можно было надеяться питать войну самой войной. Солдатам отводили добычу и предавали на разграбление целые города и области. Это

отражалось крайне пагубным образом на самом ведении войны, а также на стратегии. То солдаты, не получая своего жалования, нетерпеливо требуют сражения, то наоборот, они отказываются идти в атаку, пока им не заплатят. Но прежде всего нам приходится постоянно наблюдать, как полководец рассчитывает на то, что если он выдержит, то неприятельское войско само распадется, так как противник не в состоянии дольше ему платить. Эта мысль настолько соблазнительна, что она легко может побудить полководца не воспользоваться даже весьма благоприятным случаем дать сражение, и вся кампания превращается в чисто маневренную войну. Этим способом король Франциск чуть-чуть не одержал победу под Павией; однако само отчаяние, овладевшее по этому поводу противником, побудило его отважиться на крайнюю меру: он его атаковал и победил, несмотря на столь крепкую его позицию.

Для этого рода стратегии я отчеканил некогда название стратегии измора или двухполюсной стратегии, т.е. такой, при которой полководец выбирает от момента к моменту – добиваться ли ему намеченной цели путем сражения, или же – маневра, так что его решения непрерывно колеблются между обоими полюсами маневра и

сражения, склоняясь то к одному, то к другому.

Этой стратегии противопоставляется другая, которая направлена на то, чтобы атаковать неприятельские вооруженные силы, их сокрушить и подчинить побежденного воле победителя, – стратегия сокрушения. Нам еще придется подробно заняться этими двумя основными формами всякого стратегического действия. Вернемся теперь пока к Макиавелли.

Нередко мы встречаем у него тирады, провозглашающие принцип сокрушения неприятельских сил в открытом бою высшей целью военных действий. "Центр тяжести войны заключается в полевых сражениях; они составляют цель, ради которой создают армию". "Кто умеет искусно вступить в сражение с неприятелем, тому можно простить другие ошибки, допускаемые им в ведении войны". "Стиль стратегии римлян заключался прежде всего в том, что они вели, как говорят французы, войны кратко, но энергично (corte e grosso)". "Делать переходы, бить врага, становиться лагерем – вот три главные дела войны". "Не золото, как кричит вульгарное мнение, составляет нерв войны, а хорошие солдаты, ибо недостаточно золота для того, чтобы найти хороших солдат, а хорошие солдаты всегда найдут золото". "Когда

выиграешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца".

Эти и подобные им изречения логика Макиавелли вывела из понятия войны, которое он расчленил. Однако военная практика его времени отнюдь не представляла этой картины, да и у теоретика древности, Вегеция, он нашел совершенно иные принципы. Он никак не мог уклониться от этого воздействия, поэтому-то мы и встречаем у него, в противоположность вышеприведенным тезисам, и такое изречение: "Хороший полководец лишь тогда дает сражение, когда его к тому принуждает необходимость или когда представляется благоприятный случай". Находим мы у него и такое рассуждение, что не следует доводить неприятельское войско до отчаяния, а следует строить для него золотые мосты. Или еще и такое замечание, что римляне после одержанной победы вели преследование не при помощи легионов, а легкими войсками и кавалерией, ибо преследующий в беспорядке легко может снова выпустить из рук победу. "Лучше, – говорит он, – победить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше зависит от счастья, чем от храбрости".

Несмотря на огромные сражения, которые как раз произошли при жизни Макиавелли

(Аньяделло, Равенна, Новара, Креаццо, Мариньяно, Бикокка, Павия) (Макиавелли умер в 1527 г.), вся эта эпоха живет под влиянием идеи стратегии измора.

В одном военном дидактическом стихотворении, поднесенном императору Максимилиану в его молодости[137], говорится о сражении, что не следует стыдиться отойти на крепкую позицию, когда неприятель сильнее:

Не рискуй легкомысленно ни собой, ни своими людьми
из-за честолюбия или гнева;
Не забывай: что не случилось сегодня, может случиться
завтра.

Гюичиардини[138] восхваляет в Просперо Колонне, победителе при Бикокке, то, что от природы он был очень осторожен и вполне заслуживал быть прозванным Кунктатором (Медлительным); похвально в нем то, что он вел войну больше умом, чем мечом, и что он показал, как защищать государства, не подвергая себя случайностям решения оружием и счастью сражения, кроме как в случаях крайней необходимости.

В том же духе пишет и Иовий:[139]

"Когда урбинский герцог Франческо Мария сделался венецианским полководцем (1523 г.), он

умерил свою прежнюю пылкую жажду боя, как того обязательно требовали обстоятельства того времени и привычки мудрого сената, и перешел к спасительной осторожности, взвешивающей размеренности; он считал, что его долг скорее сдерживать своими проволочками могучие, непобедимые легионы чужих народов, чем вызывать их на бой. Ибо отцы-сенаторы, наученные в этом смысле безумной отвагой и поражением Альвиано (1509 и 1513 гг.), предпочитали иметь полководца, который более походил бы на Квинта Фабия, чем на Марка Клавдия Марцелла. Такой человек скорее справится с бурным противником, утомит его искусством тщательно укрепленных лагерей, внезапными налетами, недостатком подвоза и денег; и на него в то же время можно положиться, что генеральное сражение в открытом поле он даст, как только это потребуется".

Самый замечательный пример маневренной кампании того времени представляет, пожалуй, вторжение имперской армии в Южную Францию в 1524 г.

Душой экспедиции был коннетабль Бурбон, который номинально командовал имперской армией. Он хотел двинуться прямо на Лион, наметив этот город столицей своего будущего

королевства. Отважиться на сражение с Франциском I, который сосредоточивал свои войска под Авиньоном, было бы совершенно в его духе. Однако, когда они были в Эксе, действительно доверенное лицо императора, Пескара, игравший на деле решающую роль в войске, дал ему понять, что Карл хочет занять французскую гавань, подобную той, какой англичане обладают в Кале, чтобы она могла являться опорным пунктом для экспедиций против Франции. Для спешного укрепления Тулона, который уже был захвачен, недоставало денег. Бурбону пришлось покориться и приступить к осаде Марселя. Но когда после пяти недель удалось пробить большую брешь в стене и коннетабль добивался штурма, Пескара все еще находил это дело слишком рискованным. Гарнизон под командой римлянина Ренцо да Чери проявил решимость защищаться до последней крайности; позади бреши было воздвигнуто значительное временное укрепление. "Кто хочет поужинать в аду, – сказал Пескара, – пусть идет на штурм!" Тем временем король Франциск собрал большое войско на выручку осажденного города; однако он не атаковал армию, осаждавшую Марсель, а перешел через Альпы и вторгся в Италию. Тут и Бурбон повернул вспять, и обе

армии проделали грандиозный параллельный переход через горы. За два дня до французов прибыли имперцы в Милан; однако они понесли такие потери, что уже не решились продолжать борьбу в открытом поле и распределились по крепостям.

"Это огромное войско, которое несколько месяцев тому назад, казалось, должно было передать в руки императора господство над миром, вдруг исчезло с лица земли. Мессер Пасквино не без остроумия заметил в Риме, что в Альпах утеряно императорское войско, просьба нашедшему – вернуть за приличное вознаграждение" (Ранке).

Теперь французам предстояла задача овладеть крепостями. В то время как французы осаждали Павию, прибыло новое имперское войско из Германии, и узел развязался на том, что Пескара и Фрундсберг приняли решение атаковать осаждающих на их укрепленной позиции. Но это решение отнюдь не входило с самого начала в их план, а являлось лишь крайним средством выпутаться из безнадежного положения. Кампания, завершившаяся полным уничтожением французской армии и пленением самого короля Франциска, все же принадлежит по своему замыслу и по идеям полководцев к области

стратегии измора.

В творениях Макиавелли мы находим принципы стратегии сокрушения и стратегии измора, изложенными параллельно и непримиренными. Логический и эмпирический мыслители, заключавшиеся в нем, оба говорят свое слово, но они не сумели еще между собою столковаться. Целые столетия проблема эта продолжала оставаться в том же текучем состоянии. Мы вернемся к ней лишь тогда, когда будем говорить о Фридрихе Великом.

Наиболее подвержен критике Макиавелли, когда он выступает как очевидец военного дела своего времени. Казалось бы, что человек, столь остро наблюдательный, человек, который по личным склонностям и по занимаемому им положению должен был направлять свое внимание на военное дело, который неоднократно объездил Германию, Италию, Францию, да и практически занимался военным делом, казалось бы, что такой человек должен бы давать вполне достоверные сведения. Однако на деле это не так. Сообщаемые им цифровые данные весьма часто ошибочны, как то можно документально доказать. О швейцарцах он неправильно сообщает, будто они за тремя шеренгами копейщиков всегда ставили одну шеренгу алебардистов[140]. Хотя

Макиавелли и наблюдатель, но прежде всего он теоретик и доктринер. Все, что он слышит и видит, он тотчас же подгоняет под схемы своей теории, а если ему это не удается, то факты должны уступать перед теорией. Местами он проявляет поразительное отсутствие критики, когда он, например, не чуя беды, простосердечно повторяет слова какого-то француза, будто во Франции имеется 1 000 700 приходов и каждый, мол, приход должен поставить на службу королю одного вооруженного вольного стрелка. Но это лишь единичные ляпсусы; гораздо хуже обстоит дело с теми искажениями, которые происходят от его отвращения к наемничеству и от его странного, надуманного подразделения народов – на вооруженных и невооруженных.

Из древности мы знаем великого писателя, который, на мой взгляд, представляет известную аналогию с Макиавелли. Я говорю о Полибии. В нем также соединены высокое интеллектуальное развитие, из ряда вон выходящая наблюдательность с сильной склонностью к теоретическому построению. Тот, кто при прочтении трудов Гобома убедится в том, как часто и грубо ошибается Макиавелли в сообщаемых им сведениях о современном ему военном деле, будет относиться к Полибию,

пожалуй, еще с большей осторожностью, чем с той, которую уже начали с известного времени к нему проявлять.

Примечания

1 Руководящей монографией является *Ernst Richert*. Die Schlacht bei Guinegate. Berlin, 1907.

2 *Dadizeele*. Mйmoires // Ed. Kerwyn de Lettenhove, p. 19. Согласно Комину, их было 200 человек.

3 "Герцог Максимилиан со своими пикинерами храбро наступал, так что французское рыцарство, которое с остальными войсками старалось на него напасть с обеих сторон, не могло его одолеть".

4 "Ибо сами фландрийские пехотинцы своими длинными, с очень острыми железными наконечниками копьями, в просторечии называемыми пиками, мужественно отражали неприятельских всадников, препятствуя проникновению в их ряды".

5 Все предшествующие исследования относительно ландскнехтов оставлены далеко позади тем глубоким изучением предмета и той остроумной критикой, которые мы находим в образцовом произведении *Мартина Нелля* (*Martin*

Nell. Die Landsknechte, Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Berlin, 1914). Первая часть представляет берлинскую диссертацию. Подававший самые блестящие надежды и с юношеской верой глядевший в будущее автор этой книги пал на поле чести во Франции в 1914 г. *Эрбен* (*Erben*. Historische Zeitschrift. Bd 116. S. 48) сделал несколько возражений против выводов Нелля, вполне основательных, но сущность остается неизменною.

6 Слуги провинции, слуги отечества, земляки.

7 В первых семи документах, в которых встречается это название, как то установил Нелль, слово это дважды пишется "Lanzhnecht", в швейцарском протоколе 1486 г. мы читаем "Landtsknecht" и три раза "Lantknecht".

8 Lilienkron, II, 362, 20.

9 "Стройся улиткой на немецкий манер".

10 Подробнее см. *Гобом*. Возрождение военного искусства Макиавелли. Т. 2. Стр. 394, с прил., стр. 405. Объяснение Нелля меня не вполне удовлетворяет.

11 Гобом (т. 2, стр. 426, 427), опираясь на Иовия, высказывает взгляд, что швейцарская пика первоначально имела в длину 10 футов и постепенно удлинялась по мере того, как отрядам, вооруженным пиками, все чаще приходилось сражаться друг против друга, дойдя да 17–18 футов. На это *Нелль* (см. стр. 158 его книги) замечает, что такое удлинение пики должно было быть произведено в таком случае в 1483 г. По всей вероятности, для пик не было установлено нормальной длины, и последняя всегда была весьма различной.

12 "Этюд о длинной пике" ("Zeitschrift fьr historische Waffenkunde". 1908. Bd 4. S. 301).

13 *Bцheim*. Ibid. Bd 1. S. 62.

14 Цитируемое сочинение появилось в Венеции уже в 1494 г. Я пользуюсь текстом, перепечатанным в сборнике *Эккарда (Ekkard*. Corpus Historicum. 1612. Bd 2). Я не выдаю приведенный мною перевод за безусловно точный. Выражения, употребленные автором, хотя он и был очевидцем, не вполне ясны; итальянский перевод (Венеция, 1549 г.) мало способствует

разъяснению. *Иэнс* (т. 1, стр. 727) понял, что речь идет не о захождении, а о караколе. Поэтому привожу оригинальный текст: "Ab his phalanx una peditum Germanorum erat, quae omnium oculos in se convertebat, quadratae figurae, quae VI M peditum continebat, Georgio Petroplanensi Duce integerrimo, in equo eminente. In ea acie tympanorum multitudo audiebatur germanico more, quibus aures rumpebantur; hi pectore tantum armato incedebant per ordines primo a posteriore parvo intervallo. Primi longiores lanceas in humeris ferebant infesto mucrone sequentes lanceas erectiores portabant, post hos bipennibus et securibus armati; ab his signiferi erant ad quorum inclinationem agmen totum ac si una rate vaherentur, in dextrum, laevum, retro regrediuntur; a tergo pilularii dicti parvorum tormentorum; hos a laeva et sinistra scorpiorum Magistri sive manubalistarii sequuntur. Hi in conspectu Beatricis Ducis quadratum agmen uno signo in cuneum subito commutavere, paulo post in alas sese divisere; demum in rotundum altera tantum parte levi motu, altera cursim movebant, prima parte circumacta postrema immota ita ut unum corpus esse videretur".

15 Jahrbuch fьr Schweizer-Geschichte, Bd 6, S. 263. *Basin:* "Surrogavit enim in eorum locum alios pedites, quos appellabant halbardurios, qui similibus armis

induti ut franci sagittarii, loco arcuum contos longos ferratos, quos Flamingi piken apellant, aut latas quasdam secures secundum Alemanorum peditum ritum deferebant" ("Он набрал на их место других пехотинцев, которых стали называть алебардщиками; они, нося такие же латы, как и французские стрелки, были вооружены вместо луков длинными копьями с железными наконечниками, называемыми у фламандцев пиками, или же как бы широкими секирами, по обычаю немецких пехотинцев").

16 *Гобом*, т. 2, стр. 329, 345.

17 *Spont*. Revue des questions historiques. 1899. P. 60.

18 *Susane*. Histoire de l'infanterie francaise. Vol. 1. P. 14.

19 Основанное на первоисточниках подтверждение можно найти у Вилибальда Блока в его книге "Кондотьеры. Исследование относительно так называемых бескровных битв" (*Willibald Block*, Die Gondottieri. Studien ьber die sogenannten "unblutigen Schlachten". Berlin, 1913.

20 *Гобом*, т. 2, стр. 336.

21 Из объемистой литературы, посвященной изобретению пороха и старейшим видам огнестрельного оружия, я приведу:

Napoleon III. Du Passй et de l'Avenir de l'Artillerie. Это сочинение, написанное во время заключения Наполеона в Гаме, еще и теперь заслуживает внимания. Оно перепечатано в несколько сокращенном виде с пропуском примечаний и таблиц в собрании сочинений Наполеона III (Oeuvres de Napoleon III. 1856. Vol. 4) и переведено на немецкий язык лейтенантом (позднее генерал-лейтенантом) Г. Мюллером. (Берлин, 1856 г.).

Essenwein A. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Факсимильные воспроизведения старых оригинальных рисунков, миниатюр, гравюр на дереве и на меди, вместе с воспроизведением старинного оружия и моделей его. Издание Германского национального музея. Текст Эссенвейна. С 213 факсимильными иллюстрациями. 4-е изд., Лейпциг, 1872 – 1877 гг.

Thierbach M. Die Geschichtliche Entwicklung der Handfeuerwaffen. Dresden. 1886. App. 1898.

Kцhler G. Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegfьhrung in der Ritterzeit, Breslavl. 1887.

Bd 3. (Пожалуй, наиболее ценная часть широко задуманного сочинения).

Romocky S. J. von. Geschichte der Explosivstoffe, Berlin; Hannover. 1898. Bd 3. В высшей степени ценное произведение, особенно вследствие включения в него исправленного текста Марка Грека.

Jдhns M. Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen. Berlin, 1899.

Sixl P. Entwicklung und Gebrauch der Handfeuerwaffen // Zeitschrift fьr historische Waffenkunde. 1899; 1900. Bd l, 2.

Reimer P. Das Pulver und die ballidistische Anschauungen im XIV und XV Jahrhundert // Zeitschrift fьr historische Waffenkunde. 1899. Bd 1. S. 164, 165; Bd 4. S. 367.

Oscar Guttmann. Monumenta pulveris pyrii. London, 1906.

Karl Jakobs. Das Aufkommen der Feuerwaffen am Niederrheine bis zum Jahre 1400. Bonn, 1910. Превосходная книга, дающая гораздо больше того, что обещает заглавие.

Rudolf Schneider. Eine byzantinische Feuerwaffe // Zeitschrift fьr historische Waffenkunde. Bd 4. No 3. Как дополнение к предыдущей статье изыскание Р. Форрера (*Forrer R.* Archdologisches und Technisches zu der byzantinischen Feuerwaffe des

codex Vatic. 1605. S. XI Jahrh.) в выпуске IV того же журнала (1909 г.). Обе эти статьи содержат совершенно новый, не использованный Ромоцким материал.

Ценный обзор, основанный на собственных исследованиях, дает М. Фельдхаус (*M. Feldhaus, Ruhmesbld̀tter der Technik.* Leipzig. 1911.

За последнее время появился новый вклад с весьма ценными новыми откровеньями: *Rathgen, Schd̀fer.* Feuer- und Fern-waffen, beim pdpstlichen Heere im XIV Jahrhundert, выше цитирован. журнал, 1915, т. 7, вып. 1).

22 *Шнейдер, Форрер*, упомянутые выше статьи.

23 "Книга об огнях для опаления врагов".

24 Лучше и подробнее всех об этом говорит Ромоцкий в цитированном выше сочинении.

25 Ромоцкий, в той же книге, стр. 31.

26 Я считаю возможным совершенно не касаться в этой книге вопроса о том, известны ли были и в какой мере ружейный порох и огнестрельное оружие в древней Индии. По этому поводу отсылаю читателя к статье Густава Опперта

(Gustav Oppert) Zur Schiesspulverfrage im alten Indien // Mitteilungen zur Geschichte der Medizin und Naturwissenschaften. Bd 4. S. 421–437.

27 Buchse означает по-немецки шкатулку (вместилище) и ружье; vasa по-латыни – сосуды.

28 "Стоявшие снаружи стреляли из самопала по направлению к городу и к земле, и это не причиняло никакого вреда".

29 *Ратген, Шеффер*, упомянутые выше статьи.

30 Железное орудие, называемое "морской трубой", "морских труб или железных бомбард".

31 Рукопись эта называется "De officiis regum" ("О королевских службах"); она составлена Вальтером де Мильметом и может быть отнесена или к 1325 г., или к началу царствования Эдуарда III, то есть вскоре после 1327 г. Сама рукопись хранится в Оксфорде, рисунок у Гуттмана (фиг. 69) воспроизведен в "Журнале исторического оружеведения" ("Zeitschrift f. historische Waffenkunde") и крайне неотчетливо у Фельдгауза, (стр. 100). Я показывал оттиск, сделанный у Гуттмана, своему коллеге Танглю, и

он мне сказал, что по почерку решительно ничего нельзя заключить, рукопись может быть наверное отнесена к XIV столетию, но написана она теми роскошными каллиграфическими письменами, которые не носят никакого индивидуального характера, а потому более точной датировке не поддаются. Если же рукопись действительно составлена в указанные годы (1325 – 1327 гг.), то, несомненно, и рисунок должен быть отнесен к тому же времени. То, что снаряд с наконечником стрелы направлен на ворота замка, можно объяснить тем, что в данном случае мы имеем дело с чисто декоративной композицией, причем вовсе не имелось в виду изобразить попытку разбить массивные ворота. Стрельба болтами, а не шарами действительно практиковалась.

32 Наибольшее значение имеют два таких изображения в церкви упраздненного монастыря Св. Леонардо в Летчетто, близ Сиены, на которых изображена осада с пушкой и ручным самопалом *(Гуттман* в цит. соч., стр. 28). Согласно приходно-расходной книге, мастеру Павлу за них заплачено 16 ливров 12 грошей в июне 1343 г. Профессор Тангль пояснил мне, однако, что запись в книге сделана значительно позднее.

33 Ср. цит. ст. *Шнейдера и Форрера*.

34 Правда, *Ратген* и *Шеффер* отмечают, что в счетах папского двора мы не встречаем записей расходов на дерево для таких пыжей, хотя они во всем остальном отличаются чрезвычайной точностью; но ведь их можно было изготовлять и на месте.

35 Согласно Клефану *(Clephan*. A sketch of the history and evolution of the handgun. P. 35, 40) (юбилейное издание Тирбаха). В Англии впервые упоминается порох и различного рода орудия в 1338 г. в одном контракте на поставку.

36 Относительно Мейссена ср. ст. *Бармана* в юбилейном издании Тирбаха (стр. 67), согласно которому защитник Зальцдергельдена уже несколько лет перед этим с успехом применял свинцовый самопал.

37 *Dr. J. Hдne*. Ьeber дlteste Geschьtze in der Schweiz, mit einer Urkunde vom Jahre 1391. Anzeiger fur Schweizer. Altertumskunde. Zьrich. 1900. Bd 2. S. 215–222.

38 *Jacobs*, s. 136.

39 Fдvй, vol. 3, p. 80, 81 (по Келлеру).

40 Рибодекены первоначально представляли большие арбалеты, которые размещались на валах. В XV столетии этим именем нередко обозначают огнестрельные орудия. Главнейшие места, упоминающие о них, цитируются и перепечатаны у Кёллера (Kцller. Kriegsverfassung der Ritterzeit. Bd 3. S. 178, 279, 315.

41 О том, как изготовлялся порох катышками и что он действеннее, чем пороховая мякоть, мы находим сведения в одном из списков книги об огневом деле ("Feuerwerksbuch", 1429). *Кёстер* (стр. 836) и *Иэнс* (стр. 401) видят в этом катышковом порохе еще не зернистый порох, а лишь переходную к нему ступень. *Ромоцкий* (стр. 182) и *Клефан* (стр. 36) называют его просто зернистым. *Клефан* добавляет, что, тем не менее, пороховая мякоть еще долго употреблялась и что лишь в начале XVI столетия вошел в общее употребление порох зернистый. Как на причину этого, он, а также и Кёллер (т. 3, стр. 255) указывают, что взрыв зернистого пороха был настолько силен, что его не выдерживали слабые орудия. Не нахожу это объяснение вполне

убедительным, ибо ничто не мешало брать на заряд соответственно меньшее количество зернистого пороха.

42 *Кортинг (G. Kųrting*. Petrarka's Leben und Werke, S 542), говорит, что поэт работал над этим сочинением долгие годы и закончил его лишь в старости, по заслуживающему доверия преданию – 4 октября 1366 г. Аццо умер в 1362 г. Эта дата признается и *Карлом Фёрстером* в его книге "Полное собрание канцон Петрарки" (перевод, 2 изд., стр. XI). Сведения эти исходят от *Балделли* (Del Petrarka e delle sue opere. Florence, 1797; 2 nd ed. 1837). *Blanc* у Эрша и Грубера III (19, стр. 237) сообщает, что Петрарка начал писать это произведение в 1358 г. и закончил его в 1360 г.; в 1360 г. или в начале 1361 г. он поднес его дофину или французскому королю Карлу V, будучи послом во Франции; последний же велел перевести его на французский язык. При этом в подтверждение сказанного Блан ссылается также на Бальделли, который, однако, в своем 2-м издании называет 1366 г. как дату окончания сочинения.

43 Ed. Genevae apud Jacobum Stoer. 1645. S. 302.

44 "Что удивительно, если не медные желуди, которые метаются пламенным потоком с страшно звучащим громом. Недостаточно оказалось гнева бессмертного бога, гремящего с неба, и вот ничтожный человек (о, жестокость, соединенная с гордыней!) даже с земли загремел; не неподражаемой молнии (как говорит Виргилий), а человеческому неистовству подражает то, что обычно посылалось из облаков, ныне же некто посылает из деревянного, но адского инструмента, который, как некоторые полагают, был изобретен Архимедом... Прежде эта язва была редкостью, так что на нее смотрели как на чудо; ныне, когда души покорны худшим влечениям, она сделалась такой же обычной, как всякий иной род оружия".

45 *Иэнс* усматривает в "деревянном" косвенное свидетельство о происхождении от мадфаа. Мне это ничего не говорит.

46 *Iovius*. Elogia virorum bellica virtute illustrium. Basel, 1575. S. 184. Также *Guiciardini*. Historia d'Italia. Venezia, 1562. Vol. 4. P. 100.

47 *Jacobs*, S, 53.

48 *Napoleon III*. Etudes, p. 66.

49 *Baarmann*. Die Entwicklung der Geschьtzlafette bis zum Beginn des XVI Jahrhunderts und ihrer Beziehungen zu des Gewehrschaftes, S. 54. (Юбилейное издание Тирбаха). Весьма ценное исследование. Однако, я не могу согласиться с уклонами Эссенвейна и Гольке *(Essenwein, Gohlke*. Geschichte der Feuerwaffen). Еще *Ф. Гревениц* в своей книге "Gattamelata und Kolleoni und ihre Beziehungen zur Kunst" (Лейпциг, 1906, стр. 96) сообщает, что Колеони поставил свои орудия на лафеты, которые можно было перевозить, и сделался, таким образом, творцом полевой артиллерии в Италии.

50 Robertus Valturius, de re militari. Verona, 1482.. В части X этой книги помещен ряд изображений орудий; между прочим, есть и изображение бомб с горящей трубкой; впрочем, изображения эти – в значительной мере фантастические.

51 Во время своего быстрого марша из Рима в Неаполь в 1495 г. Карл VIII обстрелял город Монте-Фортино так, что его можно было взять штурмом *(Pilorgerie*. Campagne de 1494 – 1495, p. 174). То же случилось с Монте-ди-Сан-Джиованни (стр. 174). "Четыре

часа бомбардировки, – пишет в самый день штурма в своем письме *Карл VIII* (9/11, 1495), – за это время пробита была изрядная брешь" (там же, стр. 176). Монте-Фортино *Карл VIII* обозначает в своем письме от 11/II как "один из городов, славившихся в этой местности своею крепостью". Атаковал он этот город после полудня; не прошло и часу после первого выстрела, как штурм уже увенчался успехом (там же, стр. 177–178). В письме высокопоставленного военного из Неаполя от февраля 1495 г. мы читаем: "Артиллерия наша немногочисленна, зато мы нашли в этом городе изобильные запасы пороха, но у нас не хватает чугунных ядер, ибо здесь у них есть только каменные" (там же, стр. 197). В присутствии короля стреляют лучше: "Сегодня король пошел обедать с артиллерией, и пушкари так быстро работали, что в короткое время своим огнем разрушили башню" (там же, стр. 211, 13/III, 1495).

52 *Бек (Beck.* Geschichte des Eisens. Bd 1. S. 906) говорит, что чугунные ядра представляют первые образцы литья чугуна и восходят к более раннему времени, чем 1470 г., когда, как передают, Людовик XI купил секрет их отливки у немецкого еврея. На стр. 915 он даже восходит до начала XV столетия. Но в этом он, по-видимому, ошибается.

Там, где раньше упоминаются железные ядра, речь, вероятно, идет о кованых ядрах, как то признает и *Бек*, а появившиеся в конце XV века литые ядра рассматривались как новинка. *Иэнс* (т. 1, стр. 427) цитирует анонимную военную книгу 1450 г., в которой говорится, что каменные ядра имеют то преимущество перед железными или свинцовыми, что они дешевле. Однако высокая цена не могла иметь решающего значения, ибо хотя каменное ядро и было гораздо дешевле, зато тем дороже обходились изготовление, перевозка и обслуживание орудия. Рукописное руководство по огнестрельному делу, которое *Иэнс* (т. 2, стр. 405) относит к 1454 г., рекомендует покрывать железные ядра слоем свинца; это, конечно, может касаться лишь кованых ядер, которым этим способом придавали необходимую ровную, округленную поверхность, достигнуть которой путем ковки не так легко. Это может служить доказательством, что плавить железо тогда еще не умели. Нюрнбергский инвентарь 1462 г., упоминаемый *Иэнсом* (т. 1, стр. 472), не содержит железных ядер.

53 *Liebe*. Die sociale Wertung der Artillerie // Zeitschrift fьr historische Waffenkunde. Bd 2. S. 146.

54 De-la-Noue. Discours "Observations Militaires". 1587. P. 755.

55 *Sello*. Der Feldzug Burggraf Friedrichs im Februar, 1414 // Zeitschrift fьr Preussische Geschichte. 1882. Bd 19. S. 101.

56 Три последних примера заимствованы из статьи *Шнейдера*, помещенной в журнале "Neue Jahrbьcher fьr das klassische Alterthum", 1909, S. 139. Однако другие изображают действие гигантской турецкой пушки против Константинополя как весьма мощное. Ср. *Эссенвейн* (стр. 34) и *Якобс* (стр. 128, 129).

57 *Schneider R.* Anonymi de rebus bellicis liber. 1908. *Его же*, Anfang und Ende der Torsionsgeschьtze, в том же журнале за 1908 г. *Его же*, Artillerie des Mittelalters, 1910. Из сказанного в этих в остальном превосходных статьях я не соглашаюсь лишь с тем, что автор говорит об эпохе Каролингов. Капитулярии – не законы, а лишь распоряжения по единичным случаям, и нет никаких доказательств тому, чтобы во времена Карла Великого не было метательных орудий, действующих рычагом; поэтому ничто не препятствует тому, чтобы отнести цитированные

Шнейдером (стр. 24, 25) места из Павла Диакона и "Жизни Хлодвига" к таким орудиям; нет также никаких оснований (стр. 61) приписать их изобретение норманнам. Неправильным также считаю рассуждение автора (стр. 22) относительно неспособности "скары" сооружать такие орудия и их обслуживать.

58 *Ратген* и *Шеффер*, там же.

59 *Иэнс* (стр. 429). У *Бурггарта (Burchhardt*. Geschichte der Renaissance. § 108. S. 222) мы читаем, что Федерико Урбинский (1444 – 1482 гг.) ввел вместо высоких стен крепостей – низкие, которым орудия могли меньше причинить вреда. *Фон Штеттен (von Stetten*. Geschichte von Augsburg. Bd 1. S. 195, 196) говорит, что в то время как весьма энергичные работы по укреплению города во второй половине XV столетия еще заключались в поднятии городских стен, на переломе столетия произошел резкий поворот в противоположном направлении. Стены и башни сносят до известной высоты, возводят мощные земляные валы, рвы расчищают и обкладывают дерном, строят бастеи и равелины и т. д. Закон о крепостном районе становится все строже, и в 1542 г., несмотря на протест

духовенства, сносят даже церковь. Ср. для развития этой мысли *Гюичиардини*. История Италии. Венеция, 1562. Стр. 388, 425. Знаменательными событиями в истории осад являются взятие Отранто турками в 1480 г. и отобрание его у них в следующем году герцогом Альфонсом Калабрийским *(De-la-Noue*. 18 Discurs. 2 Paradoxe. 1587. P. 387). Я не буду распространяться относительно техники ни укрепления городов, ни нападения на них, а отсылаю своих читателей для дальнейших подробностей к книге *Иэнса (Jdhns M*. Geschichte d. Kriegswissenschaften). Методологический интерес представляет то, как преувеличенные сообщения о чем-нибудь новом и малоизвестном находят себе веру. Наполеон III в своей "Истории артиллерии" установил, что Карл VIII во время своего Итальянского похода в 1494 г. взял с собою 100 орудий среднего и 40 орудий крупного калибра. Между тем ряд писателей уверяют, будто у него было до 240 пушек и до 2 040 полевых орудий, другие же доводят это число до 6 000 орудий, отчасти благодаря ошибке при переписке, отчасти же приняв 6 000 вастардёров (саперов, рабочих), сопровождавших войско, за орудия.

60 Согласно "Источникам к истории огнестрельного оружия" (стр. 100), впервые мы встречаем слово "Kanone" (пушка) в испанской описи артиллерии Карла V.

61 *Guiciardini*. Historia d'Italia. Vol. 1. P. 24; *Jovius*. Historia, XV. 1515. Vol. 1. P. 298.

62 *Von Elger*. Kriegswesen und Kriegskunst der Schweizerischen Eidgenossen. Люцерн, 1873 г., стр. 139.

63 *Иовий*, кн. I, 1494 г. и кн. XV, перед Мариньяно.

64 Швейцарцы под Фрастенцом: *Stettler*, s. 342; у *Ранке*. Собр. соч., т. 34, стр. 115; *Valerius Anshelm*. Berner Chronik. Bern, 1826. Bd 2. S. 396; *Иовий*. Жизнь Гонсало. Венеция, 1581. С. 292. Под Черриньолой 1503 г. Также под Туриано 1497 г.: *Iovius*. Historia, IV. Под Мариньяно: *Иовий*, кн. XV; под Равенной, 1512 г.: *Иовий*. Жизнь Льва X, кн. 2; *Гюичиардини*. История Италии, кн. 11; *Reissner*. Leben Frundsbergs. Frankfurt, 1620. S. 41, 42. Под Новарой швейцарцы, как передают, стреляли из французских пушек, захватив их и повернув против неприятеля: *Флеранж*. Мемуары,

стр. 151. Венецианский посол *Квирини* пишет в конце 1507 г. о немецкой колонне: "...пехотинцы обычно, когда попадут под огонь артиллерии, сразу подымают вверх алебарды и длинные пики над своими головами и скрещивают их между собою, в то же самое время пригибаясь к земле, так что снаряды, пускаемые издалека, пролетают сверху или ударяют по алебардам и пикам, не нанося особенно вреда строю пехотинцев. Поэтому немцы делают колеса лафетов такими маленькими и низкими, что противник поражается снарядами, даже когда пригибается таким образом к земле; когда же строй пехоты должен вступать в бой, алебардщики и пикинеры держат алебарды и пики наперевес, а не на плече" (Relazioni degli Ambasiatori Venetiani Ed Aiberi, sйr. l, vol. 6, p. 1). *Ландни* в 1537 г. учил, что лучший прием против артиллерии – брать ее штурмом, чтобы ей не было времени дать второй залп, либо подходить к ней рассыпным строем так, чтобы она могла попасть лишь в немногих людей. "Верный Советник" рекомендует бросить на артиллерию 300 "бегунов" (Ldufer) с несколькими аркебузирами в их числе.

65 Nullo prope usui fore, *Jovius*. Historia, I. Venezia, 1553. Vol. 1. P. 30.

66 Кн. II, гл. 17. Ср. также рассказ де Комина, т. II, стр. 258. Э. Мондро.

67 Essais, vol. I.

68 Le vite de dicenove huomini illustri. Venezia, 1581. Vol. 3.

69 *Авила*. Шмалькальденская война. Венеция, 1548. Стр. 40.

70 *Сикель*, выше указ. соч., т. 2, стр. 167.

71 Название "гаковница" (Hakenbьchse) происходит от этого крюка (Haken) и сохранилось долго и на французском языке "haquebutte". При этом могло играть роль и созвучие со словом arquebuse (аркебуз). Однако *Иэнс* предполагает, что это название происходит от крючка, в котором был защемлен фитиль, и, пожалуй, за это предположение говорят основания внутреннего порядка. Изобретение этого крючка было гораздо большим достижением, чем устройство крюка для уничтожения отдачи. Ведь последний был применим лишь при заранее подготовленной обороне или при стрельбе в цель. Сошки не

давали упора против отдачи; даже трехногие козлы были для этого слишком неустойчивы.

72 *Sixl*. Zeitschrift f. hist. Waffenkunde. Bd 2. S. 334, 407, 409, на основании "Стрелковых писем" Цюриха, 1472 г.; Вюрцбурга, 1474 г., Эйхштадта, 1487 г., и др. В странном противоречии с этими данными находится замечание *Гюичиардини*, что под Павией 1525 г. окопы обеих сторон находились друг от друга на расстоянии 40 шагов (passi), а бастионы расположены были так близко один от другого, что аркебузиры обеих сторон могли бы обстреливать друг друга. Дистанции во время стрелковых состязаний подтверждены столь многими документальными свидетельствами, что в них сомневаться не приходится, однако, какие бы маленькие шаги мы ни принимали, все же трудно допустить, что на таком расстоянии могло быть много попаданий из тогдашних ружей.

73 *Forrer*. Zeitschrift fьr hist. Waffenkunde. Bd 4. S. 55.

74 Ibid. Bd 1. S. 316.

75 Institution de la discipline militaire au Royaume de France. Lion, 1559. Vol. 1. P. 46. По словам *Иовия*,

Карл V понес в Алжире большие потери благодаря тому, что дождь потушил все фитили. То же – у *Виельвиля* (Мйmoires. Vol. 3. Pt. 22).

76 Из Бадмингтонской книги об искусстве стрельбы из лука. *Charles Longman*. Archery book. London, 1894.

77 *Tielcke*. Beitrdge zur Kriegskunst und Geschichte des Krieges. 1756–1763. Bd 2. S. 22.

78 О поразительной меткости стрельбы из лука современных монголов рассказывает фон *Биндер* в журнале "Militdrisches Wochenblatt" (1905, No 8, s. 173); относительно достижений в этой области в средние века ср. *Жиральдуса Камбрензиса*, цитированного *Оманом* (Oman. History of the art of war, p. 559). Валисцы пронзили своими стрелами во время одной осады дубовую дверь четырех дюймов толщины; сам он видел в 1188 г. застрявшие в ней стрелы, которые, хак диковину, оставили в ней; из внутренней стороны двери как раз торчали железные наконечники. Одна стрела пробила рыцарю панцирную рубашку, ножную кольчугу, бедро, дерево седла и проникла еще глубоко в бок лошади.

79 *Commines*. Ed. Mandrot. Vol. 2. P. 296.

80 *Escher*. Neujahrsblat der Zьricher Feuerwerker. 1906. S. 23.

81 *Ranke*. Werke II, S. 269.

82 De vita magni Consalvi. Opere. 1578. Vol. 2. P. 243.

83 Согласно крайне тщательному и убедительному исследованию Форрера в "Zeitschrift fьr hist. Waffenkunde" (Bd 4. S. 57).

84 *Jovius*. Elogia virorum illustrium, bd 3.

85 *Мартин Дюбелле*. Мемуары. 1753. Т. 5. Стр. 35.

86 Ср. также у Мартина Дюбелле. Мемуары. 1753. Т. 10. Стр. 35.

87 Пистолет происходит от славянского (чешского) "пистала" – трубка, огневая трубка. В одном Бреславльском инвентаре от 1483 г. мы встречаем уже 235 "писдеалов". Это, судя по его количеству, огнестрельное оружие; какое именно –

установить нельзя. Источники, касающиеся огнестрельного оружия, изданы Германским музеем (Текст, Лейпциг, 1877, стр. 46, 112). С городом Пистойей это название ничего общего не имеет.

88 *Susane*. Histoire de la cavalerie francaise. Vol. 1. P. 48.

89 Согласно "Источникам к истории огнестрельного оружия" (стр. 118), мы встречаем пистолет на рисунке, датированном 1531 г.; другое изображение с кремневым замком "по профилям отдельных частей и по форме" можно приблизительно отнести ко второму десятилетию XVI столетия.

90 Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. S. 123.

91 *Paulus Jovius*. Vitae illustrium virorum. t. l, in opera, t. 2, p. 403, 405.

92 "Пескара послал на подмогу испанских аркебузиров числом приблизительно 800 человек, которые быстро, рассыпавшись кругом – с тыла и с флангов, – выпустив бурю снарядов, перебили множество лошадей и людей.

Испанцы, проворные от природы и защищенные легкими панцирями, быстро уклонялись назад, избегая извилистыми перебежками (кружась вокруг них) натиска коней; с увеличением же их числа, будучи давно к тому привычны, да и приучены к новым приемам Пескарою, они рассыпались по всему полю в беспорядке. Этот способ сражаться, новый и непривычный, но жестокий и плачевный с первого раза, погубил при посредстве аркебузиров славу доблестной конницы: ей не помогла ни мощная длань, ни сила, которой они давно пользовались, когда многие и славнейшие вожди и рыцари, избранные из среды редких и малочисленных, погибли неотомщенной смертью от руки бесславного стада пехотинцев.

...Бой был чрезвычайно пагубным и неравным для французских рыцарей. Ибо их осыпали рассеянные кругом испанцы смертоносными свинцовыми пулями, которые посылались не из менее крупных (какими раньше пользовались) ружей, а из более тяжелых, называемых аркебузами; они поражали не так, как арбалеты, а часто пронизывали двух воинов или двух коней сразу. Поле вскоре покрылось плачевными кучами поверженных благородных рыцарей и издыхающих коней, если они пытались ударить на

врага сомкнутым строем, если же кто предпочитал славе жизнь, его все же не спасло бегство".

93 Могла бы по этому поводу прийти на память битва при Селлазии, но дошедшие о ней до нас данные весьма недостоверны. Ср. т. I, 2, нем. изд., стр. 239 наст. тр.

94 И испанские теоретики из школы Альбы–Вальдес, Эгвилуз-Лехуза *(Иэнс*, т. 1, стр. 729, 730) высказываются за более тонкое построение пехоты; не только против "человеческого квадрата" и пространственного квадрата, но и за более тонкое построение, даже с отношением сторон 1 : 7; Вальдес ссылается на пример Альбы, который построил своих 1 200 пикинеров в три терции – 60 человек в ширину и 20 в глубину. *Мендоса* не дает положительных указаний, но упоминает лишь, что пользуются как более широкими, так и более глубокими построениями. Установлен пространственный квадрат с вдвое большим числом рядов, чем шеренг (Institution de la discipline militaire au royaume de France. Lion, 1559. P. 73).

95 Итальянец Джиовакино да Кониано, в сороковых годах XVI столетия состоявший в

должности "сержанте-маджиоре" в английских войсках, воевавших против Франции, начертил и описал целую серию из 32 разных боевых построений; говорят, их было еще больше. Прим. издателя в заключении этого сочинения, озаглавленного "Dell'ordinanze overo battaglic del capitan Giovacchino da Conjano" и напечатанного в кн. III сочинения "Della fortificatione della citta di Girolamo Maggi e Jacomo Castriotto" (Venezia, 1583 – 1584). Труд уже закончен в 1564 г. (Ср. *Maurice Cockle*. A Bibliography of English military books up to 1642 and of contemporary foreign works. London, 1900. P. 141, 200). Хотя несколько самохвальный вояка то и дело ссылается на то, что он на практике испытал свои построения перед лицом неприятеля, все же ему нельзя очень доверять: то, что сделали тогда английские войска перед г. Булонь, не произвело особого впечатления на общественное мнение. Любопытно, однако, что этот "сержанте-маджиоре" уже чертит весьма тонкие построения, обосновывая это тем, что он на собственном опыте испытал, насколько выгоднее "пустить сразу в дело как можно больше оружия на фронте".

96 Основные данные: тщательное, плодотворное исследование *Вильгельма Эрбена (Wilhelm Erben*. Ursprung und Entwicklung der deutschen Kriegsartikel) в юбилейном издании Теодора Зикеля "Mitteilungen d. Instituts fьr цstreichische Geschicts-Forschung", дополнительный том VI, 1900 г., с некоторыми добавлениями того же автора. Далее укажем на столь же превосходную книгу *Буркгарда фон Бонина (Burkhardt von Bonin*. Grundzьge der Rechtsverfassung in dem deutschen Heere zu Beginn der Neuzeit (bis 1600). Veimar, 1904). Весьма существенным и своим наглядным изложением могущим облегчить ориентировку в этом вопросе является книга *Вильгельма Бека* (Beck W. Die дltesten Artikelbriefe fьr das deutsche Fussfolk, 1908) и еще статья *Эрбена* в журнале "Historische Zeitschrift" (Bd 102. S. 368).

97 *Weibel* происходит от слова *weben* – ткань, и означает служащего, который быстро двигается, бегает взад и вперед. Фельдфебель первоначально назначался полковником на весь полк как распорядитель; должность его лишь постепенно превращается в ротную. "Артельные вейбели" (Gemeinweibel), которые, по многим данным, избирались солдатами для передачи их претензий

капитану, вызывают во мне некоторые сомнения. Ср. по этому поводу у *Бонина* (стр. 50) и фон *Эрбена* (стр. 14).

98 *Бонин* (стр. 170) приводит места артикула, согласно которым фельдфебель должен бить не кулаком или палкой, а древком своей алебарды. "Капитан и лейтенант должны в полку расправляться и дубиной", но "не без серьезных оснований".

99 *Бонин*, стр. 21.

100 *Georg Pdtel*. Die Organisation des Hessischen Heeres unter Philipp dem Grossmьtigen, 1897.

101 26 Discours. Observations Militaires. 1587. P. 750.

102 *Пэтель*, там же, стр. 231.

103 Саксонский военный артикул 1546 г., опубликованный в "Военном еженедельнике" за 1909 г., No 157, Г. Бербигом.

104 Постановления федерации. Т. III, 1599.

105 Когда в 1562 г. начались религиозные войны, вначале солдаты с той и с другой стороны вели себя весьма благонравно: у гугенотов не слышно было божбы и сквернословия, не было азартных игр, не было проституток, народ не мучили. Однако Колиньи тут же заявил де Ля Ну: "Это не продлится и двух месяцев", и оказался прав. Впрочем, сам Колиньи в таких случаях действовал сурово и приказывал вешать грабителей *(де Ля Ну*. Речь 26-я (Замечания). 1587. Стр. 681–686).

106 Об этих товариществах подробно говорит *де Ля Ну*. Речь 16-я. 1587. Стр. 352, 353.

107 *Иэнс*. т. 2, стр. 924.

108 *S. E. Gigon*. La troisoeme guerre de religion. Jarnac-Moncontour, 1568–1569, p. 376.

109 Военное искусство пехоты (Kriegskunst zu Fuss, s. 20, 21). *Прим. Дельбрюка*.

110 Например, Георг Люнебургский держал у себя на службе в 1636 г. не менее 1 200 поляков.

111 Archives Oranien-Nassau. Sйr. 2. Vol. 4. P. 275.

112 Ibid, p. 10.

113 *Chemnitz*. Der Schweedische Krieg, IV. Bd 2. S. 114.

114 *Пуфендорф*, 1688, т. 2, стр. 320. Очевидно, по Хемницу.

115 Такое соглашение о доброй войне (de honne guerre) было, например, заключено между Гонсало и Бриссаком в 1553 г. *Гарди (Hardy*. Histoire de la tactique francaise, p. 463) сообщает: "Hommes d'armes" (дворяне) и простые солдаты будут тотчас выпущены (soudain relachйs) после того, как они будут "devalisйs", то есть обезоружены и обобраны.

116 Военное искусство пехоты, стр. 16, 22; *Иэнс* (т. 2, стр. 1018).

117 *Гобом*, т. 2, стр. 518.

118 Это сражение подробно разобрано *Рюстовом* в его "Истории пехоты" *(Rьstow*. Geschichte der Infanterie), *Иэнсом* в его "Руководстве по истории военного дела" *(Idhns*. Handbuch einer Geschichte

des Kriegswesens) и у *Ранке* в "Истории романских и германских народов" *(Ranke*. Geschichte der Romanischen und Germanischen Vцlker); собр. соч., т. 33, стр. 275. Все эти описания, значительно расходясь между собою, подлежат существенным исправлениям. *Рюстов* чересчур исключительно придерживался *Гюичиардини; Ранке* и *Иэнс* опирались главным образом на *Кокциния*, который по сравнению с более достоверными источниками едва ли заслуживает внимания. Основоположное, построенное на источниках исследование мы имеем в берлинской диссертации *Эриха Зидерслебена* (1907 г., изд. Георга Наука). Основными диссертациями служат: письмо *Фабрицио Колонны*, командовавшего рыцарством со стороны испанцев (напечатано в "Дневниках" (Diarii) *Марина Сануто*. Венеция, 1886. Т. XIV. Стр. 176), и отчет флорентийского уполномоченного *Пандолфини*, который присутствовал при сражении во французской главной квартире *(Desjardins*. Nйgotiations diplomatiques de la France avec la Toscane. Paris, 1861. Vol. 2. P. 581).

119 Согласно письму *Колонны*.

120 Судя по итальянской топографической карте, ров этот, по-видимому, существует и доныне, хотя он не доходит так близко до Ронко, как то было в 1512 г. во время сражения, согласно нашим источникам.

121 Я считаю в том числе и те 400 копий, которые под начальством Ив д'Алегра стояли у моста через Ронко и позднее приняли участие в сражении.

122 Нельзя сказать, чтобы артиллерийский маневр был совершенно ясен, ибо нельзя допустить, чтобы, как то передает *Гюичиардини*, д'Эсте очутился совершенно на правом фланге неприятеля, а его орудия, конечно, не обладали такой дальнобойностью, чтобы поражать продольным огнем весь неприятельский фронт. Возможно, что новый непосредственный осмотр поля сражения мог бы выяснить это недоумение.

123 Это сражение проанализировано в двух весьма ценных брошюрах, появившихся непосредственно одна за другою: "Новара и Дижон. Кульминационная точка и момент упадка великодержавного значения Швейцарии в XVI столетии" (Novara und Dijon. Hцhepunct und Verfall der schweizerischen Grossmacht im XVI Jahrhundert)

д-ра фил. *Э. Гальярди*. Цюрих, 1907. Изд. бр. Лесман и К°; "Битва при Новаре" *Георга Фишера (Georg Fischer*. Die Schlacht bei Novara). Берлинская диссертация, 1908 г., изд. Георга Наука.

124 *Гальярди* и *Фишер* различно и даже противоречиво распределяют отдельные моменты сражения; ибо *Фишер* относит к правому флангу то, что по *Гальярди* происходило на левом. Я примыкаю к изложению *Фишера*. Однако, по словам *Фишера*, в северной колонне было только 1 000 человек, в центральной – 2 000, а в южной – 7 000; хотя я это и не считаю невозможным, все же не могу признать неоспоримо доказанным. Если швейцарцы были хорошо осведомлены о неприятеле и им было известно, что ландскнехтов можно было найти именно в южной части лагеря, но что местность здесь была мало пригодна для действий кавалерии, то сообразно с этим они могли сделать северную и центральную колонны слабыми, подкрепив первую из них кавалерией, а вторую артиллерией и возложив на них лишь демонстративные задачи, главный же удар поручить третьей колонне, составив ее из 7/10 всей своей пехоты. Однако таким тонкостям можно поверить лишь в тех случаях, когда они

непосредственно подтверждаются достоверными источниками. Поэтому, придерживаясь в общем версии *Фишера*, я выражаюсь осторожнее и сдержаннее и избегаю называть определенные цифры для обозначения силы отдельных частей армии.

125 Источники рассказывают о 400 швейцарских алебардщиках, которые сначала прогнали ландскнехтов, вооруженных аркебузами, а затем ударили во фланг главной их колонне. *Гальярди* (стр. 162) видит в них случайно отбившуюся колонну, *Фишер* (стр. 162) сознательно отряженный отряд; я предполагаю, что здесь речь идет о группе швейцарцев на фланге их колонны, протянувшемся за фронт ландскнехтов в момент рукопашного столкновения.

126 Это сражение образцово исследовано *Отто Гейнцем* в диссертации "От Новары до Ла-Мотты" *(Otto Haintz*. Von Novara bis La-Motte. Berlin, 1912).

127 Эти противоречия превосходно развиты у *Гальярди* (Новара и Дижон, стр. 327).

128 Хотя монография *Генриха Гаркензее* (Гётингенская диссертация, 1909 г.) продвинула исследование этого вопроса в отдельных направлениях, однако она еще не установила правильной тактической точки зрения на все сражение в целом. Необходимые поправки сами собою вытекают при сравнении с приведенным выше описанием. В особенности слишком много веры придает Гаркензее преувеличенным данным о численности французских войск. Рецензия *Гаданка* в "Немецкой литературной газете" (1910, No 26) слишком привязывается к частностям и несправедливо выдвигает против автора обвинение, что он не понял взаимной стратегической связи событий. Определяя численность французов в 30 000, он, по-видимому, прав. Прав он также, отстаивая версию, что гасконцы были снабжены большими, упиравшимися в землю щитами. Такими щитами (павезами) пользовались стрелки. Он ссылается на миниатюру, на которой изображены стрелки-арбалетчики с большими воткнутыми впереди щитами *(Hewet*. Ancient armour and weapons. Suppl. 3. P. 543).

129 Выше, в гл. II, мы привели цитату, в которой

как раз восхваляют швейцарскую артиллерию. Факты, однако, этому противоречат.

130 *Paul Kopitsch*. Die Schlacht bei Bicocca (Берлинская диссертация, 1909 г., изд. Эберинга).

131 По словам *Гюичиардини*, дело было так: они хотели идти домой, но, чтобы показать всему свету, что они уходят не от страха, они желали раньше разбить врага. Возможно, что в таком духе шли разговоры; но если бы была одержана победа, то швейцарцы, вероятно, остались бы, и таково было, в сущности, их действительное намерение.

132 Основоположной монографией является берлинская диссертация *Рейнгарта Тома* (1907 г.), исправившая многие ошибки в частностях, допущенных в прежних описаниях этого сражения, при помощи точного анализа источников. Некоторые добавления источников в рецензии на нее в No 8 "Немецкого литературного журнала" 1909 г. не представляют для нас существенного интереса.

133 Такую причину небрежности французов приводит сиенский посланник в своем донесении.

134 *Карл Шталвиц*. Берлинская диссертация, 1911 г. Рецензия на нее *Гаданка* в "Немецкой литературной газете", 1912, No 16.

135 *Гильом*, стр. 165.

136 *Э. Фютер* в рецензии на книгу *Гобома* признает за автором большую заслугу, однако находит много поводов для критических замечаний: он упрекает его в недостаточной методической выучке и в недостаточном знакомстве с военным делом и даже с итальянским языком. Я проверил все его возражения, сопоставил их с рукописной ответной критикой *Гобома* и пришел к заключению, что упреки, сделанные критиком, ложатся на него самого. Даже если бы все те частности, на которые он направил свою критику, были действительно ошибками автора, то все же они не имели бы никакого значения, если их сопоставить с той изумительной эрудицией и критической проницательностью, с которыми *Гобом* расчищает груды неправильных суждений, передававшихся по традиции, и воздвигает положительные, новые откровения; между тем при проверке оказалось, что из всех возражений и

исправлений *Фютера* ни одно, положительно ни одно, не обосновано. Не *Гобом* страдает недостаточным пониманием итальянского языка, а *Фютер* не понял различия между современным итальянским языком и словоупотреблением XVI столетия. Не *Гобом*, а *Фютер* сообщает неверные данные о военном деле того времени. Приведем лишь три примера: *Макиавелли* рекомендует, чтобы при выборе капралов милиции обращали внимание на то, чтобы они были угодны остальным призванным (scripti). *Фютер* не знаком ни с этим принципом, ни со словоупотреблением; он хочет найти смысл в этом указании, переводя "scripti" – "предписаниями", и провозглашает *Гобома* невеждой из-за его правильной передачи текста. *Макиавелли* рекрутирует свою милицию исключительно из крестьян подвластной Флоренции сельской местности, а не из горожан. *Фютер* же так поверхностно читал книгу Гобома, что он приписывает этим крестьянам образ мыслей и душевный склад "флорентийского купеческого государства".

В милиционную систему *Макиавелли* входило то, что Флоренция пыталась, хотя и не всегда успешно, воспрепятствовать своим подданным наниматься на военную службу в чужих краях; между тем как в Швейцарии и Германии это не

только было дозволено, но даже официально организовано местными властями. Это различие, весьма интересное, подробно и обоснованно выдвинутое Гобомом, Фютер настолько не понял, что вообразил себе, будто *Макиавелли* заимствовал у швейцарцев административную регламентацию такого найма на иностранную службу и пытается наставительным тоном исправить "ошибку" *Гобома*. И так – пункт за пунктом! Мне остается лишь пожалеть, что "Исторический журнал" в такой мере ввел своих читателей в заблуждение относительно этого фундаментального труда.

137 *Иэнс*, т. 1, стр. 336.

138 Historia d'Italia, IX. Venezia, 1562. P. 425.

139 *Iovius*. Elogia viror. bel. vict. illustr. Bazel, 1575. P. 323.

140 *Гобом*, т. 2, стр. 457, 464. Неверные цифровые данные относительно Мариньяно и Новары. Речи, II, 18. Также *Эшер* в кн. "Швейцарская пехота в XV и в начале XVI столетия" ("Neujahrsbldtter der Zьricher Feuerwerker", 1904 – 1907), ясно доказал, что

Макиавелли неверно описывает как вооружение, так и построение швейцарцев.

Часть вторая

ЭПОХА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Глава I

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РЫЦАРСТВА В КАВАЛЕРИЮ [1]

Мы нашли, что эволюция военного дела при переходе от средних веков к новому времени зиждется на создании пехоты: пешие воины сплотились в тактические единицы.

В течение XVI века аналогичный процесс происходил и с всадниками – рыцарство превращалось в кавалерию.

Различие этих двух понятий, как мы неоднократно говорили, заключается в том, что в основе рыцарства находится квалифицированный одиночный боец, в основе же кавалерии – тактические единицы, составленные из всадников. Хотя, несомненно, это различие наблюдается также у всадников, как и у пеших воинов, однако напряженность полярной противоположности между единицей и организмом в коннице не так велика. Внешнюю сплоченность в конной части

труднее установить и поддерживать, чем в пешей, и борьба один на один у всадников всегда практикуется в большем объеме, чем у пехотинцев, у которых за движением и давлением массы оно часто совершенно стушевывается. Поэтому мы и могли оставить открытым вопрос, смотреть ли на конницу Александра Великого как на рыцарство, или – как на кавалерию.

Изменение, которое мы прежде всего наблюдаем в переходную эпоху, – это более резко обозначающееся различие между отдельными родами оружия среди всадников. Основное построение в средние века заключалось в том, что рыцаря, как главного бойца, поддерживали легкие всадники и стрелки, и лишь в редких случаях мы видели, что отдельные рода войск оперировали сами по себе; а теперь мы гораздо чаще можем наблюдать, как каждый из трех родов войск объединяется сам по себе и сражается самостоятельно. В сражении при Равенне в 1512 г. сражались, например, с обеих сторон тяжелые всадники на одном фланге, а легкие – на другом.

У культурных народов не так-то легко было набрать более или менее значительное число хороших, боеспособных легких всадников. Первые – венецианцы – стали набирать с этой целью албанцев-стрaдиотов, которые потом

поступали на службу к тому или другому государю и в общем встречаются вплоть до середины XVI столетия.

Подобно страдиотам, гусары-венгерцы появились уже в XV столетии и в XVI веке все чаще и чаще упоминаются и восхваляются в немецких войнах[2]; они вооружены копьями и щитами.

Таким образом, ручательством за боевые качества тяжелой конницы являлось рыцарское достоинство всадников, а легкую конницу набирали из полуварварских народов, которые по своей дикости выявляли природный воинственный дух.

Стрелки от лука и самострела постепенно перешли к огнестрельному оружию – аркебузе в 2S–3 фута длины. Первый, кто организовал отряд конных аркебузиров, был, по-видимому, Камилло Вителли в 1496 г. У Валльгаузена и у других мы позднее находим изображения всадников, которые стреляют из аркебузы на полном карьере; трудно себе представить, чтобы они при этом попадали в цель.

Инструкция Дюбелле ("Военная дисциплина") от 1548 г.[3] различает 4 рода всадников: рыцари (hommes d'armes), легкие всадники (chevaux legers), страдиоты (estradiotes или ginйtires), аркебузиры

(harquebusiers). Не ранее достижения 17-летнего возраста мог человек поступить в конницу, добавляет автор, и только постепенно он повышается, переходя из одной категории в другую и служа в каждой из них от двух до трех лет. В той же последовательности требовались также все лучшие и лучшие лошади. Тяжелые, всадники (hommes d'armes) должны были оставаться на службе еще 3 или 4 года; после этого они могли отправляться в свое поместье, но всегда, должны были быть готовы последовать призыву.

Наряду с этим более резко проведенным различием между отдельными родами конницы мы встречаем также соединение в отдельные единицы рыцарей, стрелков и легковооруженных кнехтов (точно такое, какое было в старых ордонансовых ротах). По Дюбелле, в 1548 г. в одну единицу объединялись 100 жандармов, 100 легких всадников, 50 конных аркебузиров и 50 страдиотов и ставились под начальство одного капитана; когда французский король Генрих II в 1552 г. овладел Мецом, он устроил перед воротами этого города парад, который описал нам очевидец, некто Рабютен, в своем дневнике: "Жандармерия числом от 1 000 до 1 100 человек на рослых французских, испанских или турецких

лошадях, с ног до головы одетая в латы, имея снаряжение цветов своих капитанов, с копьем, шпагой и кинжалом или чеканом; за ними – их свита из стрелков и кнехтов, начальники в роскошном уборе, в золоченых чеканных панцирях, с перевязями, расшитыми золотом и серебром, стрелки с легкими пиками, с пистолетами в седельных кобурах, на легких доброезжих конях, все и вся такие блестящие, как только себе можно представить".

В следующем 1553 г. тот же Рабютен сообщает нам, что особых конных стрелковых рот не было сформировано, но что король приказал каждому командиру роты жандармов набрать еще соответственное число конных аркебузиров. Они оказались весьма полезными в тех случаях, когда рыцари попадали на неблагоприятную для них местность. В сражении, однако, их отделяли друг от друга и соединяли в отдельные части.

Эти описания, если заменить аркебузы и пистолеты арбалетами, могли бы относиться к XIII веку, так же как и к XVI. Из них нельзя заключить о какой-либо дальнейшей эволюции.

Более резко проведенное различие между конными родами войск являлось лишь следствием усилившейся потребности в легких всадниках, которые могли причинить больше вреда на марше

столь мощным родам войска, как пехота и артиллерия, путем нечаянных нападений и преследования, чем тяжеловесные рыцари. С увеличением их численности они смогли выступать и в сражениях более самостоятельно.

В противоположность наблюдаемому здесь более резкому проведению различия между отдельными видами конницы происходит другой процесс, а именно – процесс сближения рыцаря и его свиты в смысле более однородного их вооружения, причем кнехты, ожидающие посвящения в рыцари, и обыкновенные кнехты прочнее сплачиваются друг с другом в определенные формы. Эту эволюцию мы наблюдаем в войсках Карла V во время его последней войны с французским королем Франциском I (1543 – 1544 гг.).

Иовий передает, что в то время как имперцы штурмовали Дюрен, две немецкие пехотные колонны и две "квадратные колонны рыцарей" (quadrata equitum agmina) были построены для отражения войска, шедшего на выручку[4].

В другом месте[5] он отмечает медленный аллюр (вероятно, обусловленный сомкнутостью строя) немцев, а венецианский посланник Наваджеро докладывает своему правительству, что французы испугались ровного строя

атакующей немецкой конницы (cavalleria)[6].

В течение Шмалькальденской войны, три года спустя, это явление выступает еще отчетливее.

Венецианский посланник Мочениго, который сопровождал войска в эту войну, различает в имперской коннице два вида: жандармов и стрелков (archibusetti). Последние, пишет он, носят панцирь и вооружены легкими копьями и кремневыми пистолетами, они строятся тесными шеренгами и превосходно сохраняют порядок[7].

Испанский историк Авила, повествующий об этих событиях, сообщает, что имперские рейтары строились квадратными колоннами (эскадронами), которые имели в глубину лишь 17 шеренг. "Благодаря этому, – говорит он, – фронт их был очень широк и выявлял большее число людей, что представляло очень красивое зрелище. На мой взгляд, если местность позволяет – это наилучшее и наиболее надежное построение, ибо широко развернутый отряд нелегко поддается охвату, что нетрудно сделать с узким. С другой стороны, 17 шеренг в глубину совершенно достаточно для производства шока (golpo), и такой отряд может успешно бороться с другим. Пример тому можно было видеть в бою, который нидерландская тяжелая конница дала клевской

при Ситтарде в 1543 г.".

Указание, чтобы глубина достигала только 17 коней, подчеркивает, что раньше конница строилась еще глубже. В бою при Пилленрейте (1450 г.) мы видим, что рыцари со своими кнехтами при ширине фронта в 14 рядов имели в глубину 20 шеренг[8], а в одном теоретическом сочинении 1532 г.[9] рекомендовалось строить 6 000 всадников в 83 шеренги в глубину.

У средневековых всадников мы находили две основные формы построения: или рыцари строились в одну шеренгу, а за ними следовала их свита – кнехты и стрелки (поскольку их не выпускали вперед в качестве застрельщиков), или же строились глубокой колонной. Каким ни кажется фундаментальным такой контраст, на практике он не был таковым, ибо здесь мы имеем дело не с формой боя, а с формой подхода к неприятелю; в бою и глубокое построение само собою развертывалось в более широкое; при более значительных армиях построение рыцарей в одну шеренгу было вообще невыполнимо.

В ранее приведенном нами сочинении "Надежный советник и мысли старого, хорошо испытанного и опытного воина", написанном около 1522 г., автором которого является, пожалуй, не кто иной, как сам Фрундсберг[10],

рекомендуются "многочисленные колонны и широкие построения, дабы много людей могли поражать и сражаться и дабы атаковать противника спереди, сзади и с боков". Точно так же и прусский герцог Альбрехт, написавший большое сочинение о военном деле, "Военную книгу" (законченную в 1555 г.), требует в схожих выражениях "широкого фронта и много небольших колонн"[11].

Можно было бы полагать, что эти указания скорее являются провозвестниками образования кавалерии, чем все еще поразительно глубокие построения колонн Карла V в 17 шеренг. Однако это не так. Многочисленные мелкие колонны Фрундсберга и Альбрехта все еще относятся к категории рыцарских построений, к строям только для подхода к неприятелю, между тем как эскадроны в 17 шеренг глубиной содержат уже зародыш дальнейшего развития.

Глубина в 17 коней основана на расчете, приписываемом герцогу Альбе[12], что всадник в глубину занимает приблизительно втрое большее пространство, чем в ширину, и что, следовательно, ширина фронта в 100 рейтаров, построенных в 17 шеренг, будет вдвое шире, чем глубина всей колонны. Итак, от людского квадрата всадников (agmen quadratum), о котором

говорит Иовий, уже дошли до гораздо более мелкого построения, и этот строй тщательно сохраняют, как о том свидетельствуют единодушно все источники. Чтобы этого достигнуть, несомненно, пришлось проделать ряд строевых учений, как то давно уже практиковалось в пехоте. А когда на этих учениях уже достигли известной твердости и уверенности, то стали еще более уменьшать глубину. У Таванна[13] мы читаем о глубине в 10 коней, а де Ля Ну, по-видимому, смотрит на глубину в 6–7 коней как на нормальную[14]. С концом XVI века мы приближаемся, таким образом, к формам современной кавалерии[15]. Раз этого было достаточно, то почему же сразу не начали с такого мелкого нестроения? Вероятно, по той самой причине, по которой и пехота начала с очень глубоких колонн и лишь постепенно дошла в своем развитии до более мелких построений, а именно потому, что более глубокие массы легче сплачиваются. Лишь когда строевое учение и связанная с ним дисциплина достигают более высокой ступени, является возможным развертывать построения в ширину, не нарушая порядка. По этой-то причине исходной точкой развития приходится считать, с исторической точки зрения, семнадцатишеренговые эскадроны

Шмалькальденской войны, а не "многочисленные маленькие колонны" Фрундсберга.

В войсках немецких князей, которые выступили в Шмалькальденской войне против императора, еще фигурировал призванный вассал или завербованный дворянин со свитой разнородно вооруженных спутников[16], а Филипп Гессенский дорожил тем, чтобы иметь среди своих всадников возможно большее число дворян в качестве кирасиров (kьrisser). Однако простые наемные всадники, соответствовавшие тем, которые служили в войске императора, все же составляли большинство, и сохранившийся феодальный фон не мешал тому, чтобы и о шмалькальденских рейтарах отзывались с большой похвалой в смысле их боеспособности и порядка; особенно же ставилось им в заслугу то, что они так хорошо слушались сигналов, подаваемых трубою[17].

Все это казалось бы еще небольшим достижением, не дающим оснований к каким-либо дальнейшим заключениям, если бы мы встречались и в средние века с подобными заметками относительно тогдашней конницы. Однако дальнейший ход развития указывает на то, что мы в данном случае имеем дело с зародышами чего-то органически нового.

"Черные рейтары", как их уже называли во время Шмалькальденской войны, преемственно множились, как и дружины ландскнехтов.

Известные своими грабежами и склонностью к мятежу, они появляются в немецких войнах[18] под начальством то Альбрехта Алквиада, то Эммануила Филиберта Савойского, то Гюнтера Шварцбургского. Преемниками этих "черных рейтаров" опять-таки являются во время религиозных войн во Франции выступающие в том и другом лагере "немецкие рейтары", коротко именуемые французами "reotres", а у итальянцев "raitri"; на них следует смотреть как на прародителей европейской кавалерии в том же смысле, как в немецких швейцарцах видят прародителей европейской пехоты. То были немцы, которые образовали новый род войска, но не на немецкой почве. В то время Германия наслаждалась шестидесятилетним периодом мира, самым длинным, какой когда-либо ей было суждено переживать за всю мировую историю; между тем Франция испытывала тридцатилетнюю смуту гугенотских войн, и подобно тому как в первой половине столетия войны, которые вела Франция, в значительной степени велись пехотой швейцарцев и ландскнехтов, так теперь и на стороне протестантов, и на стороне католиков

сражаются преимущественно немецкие рейтары, вырабатывавшие здесь, на французской почве, новые методы кавалерийского боя.

По образцу этих рейтаров Испания также сорганизовала национальную конницу, получившую название "гереррyэлос", или "феррaруоли", по коротким плащам, которые она носила, и заменившую страдиотов, которыми пользовались до того времени[19].

В сражении на Моокерской равнине (1574 г.), сообщает испанский генерал Мендоса, являвшийся очевидцем, эскадроны рейтаров атаковали столь сомкнутой колонной, что нельзя было ничего видеть сквозь их шеренги[20].

И средние века знали подход к месту боя в густых, глубоких колоннах; но значение эскадронной организации заключалось в той степени прочности спайки, которую приобретали эти тактические единицы; эта прочность существенно усилилась, хотя и косвенным путем, благодаря введению вновь сконструированного оружия – пистолета. Еще в 50-х годах эти "черные рейтары" появлялись с пиками, но затем последние исчезают, и немецкие рейтары вооружены лишь пистолетом и шпагой, в то время как французские жандармы продолжали по-старому пользоваться копьем.

Кремневый пистолет, который применяли рейтары, называвшийся также "кулачник" (Fdustling), был очень длинен и тяжел; воспламенение заряда было очень ненадежное; замок очень скоро покрывался нагаром, и чистить его было чрезвычайно трудно, а кремень быстро снашивался. Зато огромное его преимущество заключалось в том, что им можно было управлять одной рукой; ненадежность замка старались восполнить тем, что вооружались несколькими пистолетами. Рейтары носили пистолеты не только в седельных кобурах, но и заткнутыми за голенища сапог[21].

Хотя стрельба с коня и не такое простое дело[22], все же для этого требовалось гораздо меньше навыка, чем для владения рыцарским копьем, да и пистольеру не надо было иметь такой сильной лошади, как рыцарю.

Валльгаузен называет копье оружием наступательным, а пистолет – только оборонительным. Такая характеристика будет понятна для нас, если мы вспомним, что копье имело от 18 до 21 фута в длину[23], пистолет же бил лишь на самую короткую дистанцию. Инструкции рекомендуют стрелять лишь тогда, когда это можно сделать почти в упор. Так как пробить панцирь не так легко, то надо стараться попасть

всаднику в бедро или же в голову, либо в лопатку лошади. Де Ля Ну говорит, что пистолет бьет только на расстоянии трех шагов.

В бою под Зиверсгаузеном в 1553 г. между Морицом Саксонским и Альбрехтом Алквиадом Бранденбургским, сам курфюрст сообщает в своем письме епископу Вюрцбургскому, написанном в самый день сражения[24], что рейтары обеих сторон сошлись так близко, что могли различать друг у друга белки глаз; тогда они разрядили свои пистолеты (sclopetos) и бросились в рукопашный бой; Шертелин фон Буртенбах в автобиографии говорит: "В этом сражении конные стрелки нанесли большой урон".

Для того чтобы пистолеты действовали с возможно большим эффектом" рейтары выработали собственный маневр, с которым мы уже познакомились у пехоты под названием "улитки" (limacon) и который у рейтаров большей частью назывался "караколе". В бою под Зиверсгаузеном его, по-видимому, еще не применяли; старейшее упоминание о нем мы встречаем 10 лет спустя в описании сражения под Дрё, 1562 г., в мемуарах маршала Таванна[25]. "С тех пор как при Карле V, – рассказывает он, – были изобретены пистолеты, немецкое дворянство, служившее до того в рядах

ландскнехтов, село на коней и образовало эти эскадроны в 15 или 16 шеренг глубиной. Эти-то эскадроны и ходили в атаку, но не делали прорыва. Первая шеренга поворачивает налево, открывая дорогу второй, которая, в свою очередь, стреляет и т. д., образуя "улитку", чтобы снова зарядить свои пистолеты", "В бою под Дрё, – добавляет автор, – рейтарам совершенно незачем было производить этот маневр, так как их глубоко построенным эскадронам приходилось иметь дело лишь с тонкой цепью французских рыцарей. Если бы французы научились строиться поэскадронно, они легко разбили бы рейтаров, ибо они не караколировали бы и не возвращались бы назад, а атаковали противника, задние же шеренги рейтаров состоят лишь из кнехтов".

Эти рейтары, говорят нам далее, были обучены Морицом Саксонским и, Альбрехтом Алквиадом Бранденбургским[26], а их шеф, ландграф Гессенский, как-то сказал, что "за плату идут в атаку один раз, за родину – два раза, за религию – три, а под Дрё за французских гугенотов рейтары ходили в атаку четыре раза".

Следующее упоминание о "караколе" я встречаю в описании сражения близ Монконтура в 1569 г., помещенном в "Истории гражданских войн", принадлежащем перу гугенота

Попелиньера и напечатанном некоторое время спустя в Кёльне[27]. Против описания Таванна в нем мы встречаем то небольшое различие, что, в зависимости от условий пространства, по его рассказу, "караколе" производилось то влево, то вправо, в то время как Таванн (ввиду того что рейтар стреляет правой рукой) упоминает лишь о заезде влево, заявляя, что это и есть единственный возможный способ выполнения ее[28].

Далее Попелиньер подчеркивает, что рейтары тщательно подбирали лучших людей для первых шеренг и что каждый выбывший из строя тотчас заменялся тем, кто стоял ему в затылок.

Еще в течение значительной части Тридцатилетней войны "караколе" играла известную роль. В руководствах по искусству строевого обучения, которые в это время разрослись в целую литературу, о ней говорят не так подробно, как того можно было бы ожидать, ибо невольно напрашивается предположение, что "караколе" должна была казаться очень красивой на учебном плацу, в серьезном же деле, как это часто бывает с искусственными эволюциями, она едва ли была выполнима[29]. Де Ля Ну замечает (18-я Речь), что одновременно с первыми шеренгами начинали обыкновенно стрелять и задние – а именно в воздух, "лишь бы греметь".

Поэтому я склонен предполагать, что значение пресловутой "караколе" приходится не столько искать в ее непосредственном, практическом применении, сколько в обучении ей, в дисциплине, которая вольно или невольно создается в процессе каждого регулярного упражнения.

Но вопрос дисциплинирования – как раз то самое, что нас интересует в этот момент развития, т.е. в момент перехода от рыцарства к кавалерии. Ротмистр, который довел свой эскадрон до того состояния, что он с точностью производит "караколе", очевидно, держит своих людей в руках и располагает действительно дисциплинированным отрядом. Ибо без большого старания и труда над каждым человеком, над каждой лошадью, без внимания и напряжения воли, без умения владеть оружием и навыка этого не добиться. Раз "караколе" с точно выполненным заездом и стрельбою – налицо, то налицо и тактическая единица, в которую вработался каждый рейтар как рядовой член ее, а глава и душа которой – вождь, ротмистр.

Узкие пределы практического применения "караколе" вытекают из следующих соображений.

Если караколирующий эскадрон натыкался на отряд конницы, который, со своей стороны, искал

боя холодным оружием и атаковывал караколирующих, тотчас должны были прерваться искусственные смены эшелонов, и бой переходил в общее столкновение, свалку (mĕlie). О подобном случае рассказывает и Попелиньер, а де Ля Ну, насмешливо отзываясь о таком способе вести бой, говорит, что он больше напоминает карусель, чем настоящую войну (18-я Речь).

Если караколирующий эскадрон сталкивался с пехотой в сомкнутом строю, то он мог ей действительно нанести существенный вред; это, например, случилось в сражении близ Дрё с швейцарской квадратной колонной. Но ведь и квадратную пехотную колонну, в свою очередь, сопровождают стрелки, которые своими гораздо более дальнобойными и меткими пулями значительно превосходят пистолеты, бьющие лишь на крайне близкую дистанцию, и всегда удерживали рейтаров на почтительном расстоянии. Это нам подтверждает убитый в 1588 г. герцог Генрих Гиз, который говорил Брантому: "Чтобы победить рейтаров, надо иметь порядочный отряд хороших мушкетеров и аркебузиров... вот тот соус, которым им отбивают аппетит". Так он и победил их в 1575 г. под Дормансом (недалеко от Шато-Тьерри), хотя у него и не было много пеших стрелков[30].

Наилучшее применение "караколе" имела тогда, когда рейтары проделывали ее с обеих сторон, и тогда успех, конечно, зависел от того, кто проделывал всего глаже и точнее этот маневр, следовательно – которая сторона была лучше обучена и вооружена наиболее надежными и содержимыми в должном порядке пистолетами.

Так как рейтар стрелял правой рукой, то караколе всего лучше было производить влево; поэтому Таванн и называет ошибкой ставить рейтаров на правом крыле, ибо в таком случае, караколируя влево, они расстраивают ряды войск, стоящих влево от них, в то время как на левом фланге они никого не задевают своей караколе.

Рейтары-пистольеры называются тоже кирасирами (kurisser[31]), и это слово, таким образом, меняет свое значение. Раньше оно обозначало рыцаря или солдата, вооруженного, как рыцарь; теперь кирасиром обозначают как раз легкого "рейтара", именно в противоположность тяжеловооруженному рыцарю на закованном в броню коне. Последних называют жандармами, и теперь армия строго подразделяется на жандармерию, кавалерию и пехоту[32].

Кирасиры в значительной доле тоже состояли из дворян, однако большинство их – наемные солдаты и частью прежняя свита,

сопровождавшая рыцаря, вооруженная панцирями, шлемами и пистолетами, включенная в тот же эскадрон, в котором дворяне и самые испытанные бойцы составляли первые шеренги и общее окаймление. Однако постепенно, путем спайки эскадрона различные его элементы выравнивались в одну однородную массу[33].

Однако долго еще вербовочная грамота, которую выдавал государь, нанимающий войско, капитану или полковнику для набора солдат, оставалась иной для пехоты, иной для кавалерии. В пехоте каждый человек отвечал только за себя; в кавалерии же долго сохранялся феодальный характер: нанимался рыцарь с известным числом свиты[34].

Подобно кирасирам формируются в эскадрон и караколируют конные аркебузиры, как мы уже видели то во время Шмалькальденской войны.

Как особый род войск мы встречаем в середине XVI века еще и драгун. Чтобы соединить преимущества огнестрельного оружия, которое ведь можно вполне использовать лишь на твердой почве, с быстротой коней, давали пехотинцам клепперов, малоценных, не пригодных для атаки лошадей, которых можно было потерять без особого сожаления[35].

Таким образом, драгуны по своей идее –

конные пехотинцы, и потому они носят до сих пор, хотя и превратились в кавалерию, пехотный шлем.

Резкого различия между отдельными родами оружия в кавалерии, конечно, нет, и в разное время те же наименования означают не всегда одно и то же, как мы могли убедиться на кирасирах[36].

Валльгаузен в "Военном искусстве конницы" говорит, что тяжелой конницей были кирасиры и копейщики; легкой – аркебузиры и драгуны. Копейщики могли бы, однако, быть одинаково и легкой и тяжелой конницей.

Первое более крупное сражение, в котором нам сообщают о победе пистольеров, произошло недалеко от Нанси, близ Сен-Венсена, 28 октября 1552 г. Немецкие рейтары под начальством Альбрехта Алквиада столкнулись с французскими всадниками герцога Омальского. Легкая конница и аркебузиры, а наконец также и жандармы, должны были отступить перед пистолетными пулями немецких рейтаров. Убито было много лошадей, а в рукопашном бою много знатных лиц было или убито, или взято в плен. Сам герцог Омальский, будучи несколько раз ранен из пистолетов, в конце концов, попал в плен[37].

В 1572 г. венецианский посол Контарини

доносит на родину, что французская жандармерия ухудшилась; в бою с рейтарами-пистольерами она сначала старалась улучшить свое положение, усилив свои латы до тех пор, пока ни лошади, ни люди уже не могли выдерживать их тяжести; затем значительная часть жандармов усвоила себе приемы противников. "Немецкие ландскнехты, – добавляет Контарини, – прежде столь прославленные, очень понизились качеством, репутация же рейтарской кавалерии растет с каждым днем"[38].

Пистолет как усовершенствование и новое применение огнестрельного оружия вызвал, так же как перед тем пушки и аркебузы, глубокое отвращение современников. Де Ля Ну называл их чертовщиной, а Таванн сетовал на то, что бой сделался гораздо более смертоносным. Прежде сражались 3–4 часа и из 500 человек не было десяти убитых. Теперь за час времени все кончается[39].

Несмотря на это, рейтарские эскадроны пистольеров не сразу заменили рыцарей с их вспомогательными воинами путем простого упразднения последних; оба метода боя долгое время боролись друг против друга на практике и в теории. Дело шло о двух антитезах, сплетенных одна с другою: с одной стороны, о бое глубокой

колонны эскадронов против построения в одну развернутую шеренгу, с другой – борьбы пистолета против копья. Писатели часто называют их для краткости французским и немецким методом боя[40].

В конце XVIII столетия распространился новый род всадников, вооруженных копьями, – уланы. Так как они носят основное оружие рыцарей – копье, то в них можно было бы видеть их потомков. Однако это не так. Они – польского происхождения. Ход событий привел к тому, что в течение нескольких поколений конница совершенно отказалась от пики и снова взялась за нее при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Теперь просмотрим важнейшие отзывы о переходе от рыцарских методов боя к кавалерийским, с которыми мы встречаемся как у повествователей гугенотских войн, так и в военно-теоретических сочинениях. Их разнообразие и противоречивость оставляют в нас яркое впечатление того, как нерешительно, ощупью, специалисты бродят вокруг этого вопроса.

Первый выдающийся человек, писавший о проблеме конного боя того времени, был *Гаспар де Со Таванн* (1505 – 1573), еще сражавшийся под

Павией с Франциском I в качестве его пажа, а в гугенотских войнах воевавший как маршал на стороне католиков. Сочинение "Школа истинного военачальника", изданное его племянником по устным сообщениям, а может быть, и по письменным заметкам маршала, почти ничего нам не дает. Значение имеют мемуары, составленные его сыном Жаном по отцовским записям; к сожалению, передавая ряд военных замечаний, перемежающихся с рассказом, он не указывает, что принадлежит его отцу, а что – ему лично. Так как отец умер в 1573 г., когда развитие шло полным ходом, то этот пробел особенно чувствителен.

Таванн сообщает, что рыцари заказывали себе все более и более тяжелые латы, чтобы защищать себя от пистолетных пуль. Но против тяжелых лат и копье бессильно: легкое разлетается в щепки, без всякого эффекта, а тяжелое – настолько опасно для его владельца, что он предпочтет его выпустить из рук, чем дать ему сломаться. Лишь на полном карьере, когда и лошадь и человек свежи и бодры, а грунт ровный, – копье дает желаемый эффект. Чрезмерно тяжелые латы делают того, кто их носит, неспособным к бою. Поэтому Таванн против копья и стоит за вооружение конницы пистолетами.

Согласно мемуарам, он первый в 1568 г. реформировал тактическое построение католической армии, организовал экскадроны пистольеров по примеру рейтаров и потребовал, чтобы жандармерия образовывала более крупные роты, чем до тех пор, – не в 30, а по 80–100 человек, – и вместо построения цепью приняла построение эскадронами. Лучшим эскадроном он признает эскадрон в 400 человек. Построение рейтаров представляет колонну в 1 500–2 000 лошадей, но ее победят 3 эскадрона по 400 лошадей в каждом. Слишком большая численность колонны порождает смятение, и до применения оружия доходит чересчур мало всадников. Рейтары строятся очень крупными колоннами, так как s их – простые мужики. Стоит прорваться сквозь первые две шеренги, и остальная масса уже не представляет опасности.[41]

"Первоначально, – говорит Таванн, – рейтары били французских жандармов благодаря своему построению эскадронами. Но как только последние переняли, в свою очередь, эскадронное построение, они стали побеждать рейтаров, атакуя их энергично в то время, как они караколировали"[42].

Следовательно, Таванн является сторонником

введения поэскадронного построения и пистолетов, но не караколе, требуя, чтобы атака вела к рукопашному бою и прорыву фронта неприятеля.

Тем не менее он признал копье излишним, и только его темперамент (sa vogue), как добавляет его племянник, заставил его допустить вооружение им одной шеренги на фронте и одного ряда на правом фланге.

Далее Тавани ставит вопрос, как лучше вступать в бой, приближаясь ли к неприятелю на рысях, или же выжидая его атаку стоя на месте.

Движение вперед, говорит он, придает и лошадям и людям больше порыва, но зато тем, кто не хочет вступать в свалку, оно дает большую возможность уклониться от нее. Поэтому лучше по крайней мере с молодыми или не вполне надежными солдатами ожидать неприятеля в стройном порядке или переходить на рысь и галоп, но не ранее как на расстоянии 20 шагов, ибо тогда трусы не смогут покинуть своего места, и капитаны их заставят быть храбрыми даже против их воли[43].

Неоднократно и многоречиво возвращается Таванн к высказанному им предупреждению против атак быстрым аллюром, ибо тогда остаются в строю лишь немногие храбрецы.

Капитан, который проскачет 15 шагов, не обращая внимания на своих солдат, рискует тем, что он атакует противника в единственном числе и похоронит себя среди неприятелей. Трусы задерживают лошадей на расстоянии 6 шагов от неприятеля. Если же двигаться шагам или мелкой рысью, их ловкий маневр будет расстроен, и задание шеренга будут на них напирать и подгонять вперед. Кто атакует на галопе – вступит в бой с немногими расстроенными солдатами; поэтому – продвигаться медленно, часто останавливаться – капитаны на фронте или на углах эскадрона окликают по имени своих солдат, вахмистры позади – подгоняют трусов (frappant les couards). Кто может положиться на своих людей, пусть переходит в галоп на расстоянии 15 шагов от неприятеля. Тот, кто атакует медленным аллюром и переходит на крупную рысь или короткий галоп лишь в 10 шагах от противника, ударит на него не один.

Как антитезу так наглядно изображенных Таванном преимуществ атаки плотно сомкнутым эскадроном передадим эпизод из сражения при Бикокке, который сообщает нам Рейснер в своем жизнеописании Фрундсберга; на нем мы убедимся, что Таванн вовсе не преувеличивал. "Один французский кирасир прорвался, уже после

окончания боя, в колонну, которой командовал Фрундсберг, вплоть до третьей шеренги, и, когда ландскнехты направили на него свои пики и хотели его заколоть, Фрундсберг закричал: "дайте ему жить". Когда через переводчика спросили у француза, почему он с такой дерзостью въехал в их ряды, он им отвечал, что он дворянин и что их было 70 человек, которые все поклялись погибнуть с ним, но отомстить за поражение. Он ни минуты не сомневался, что остальные шли и поспевали за ним".

Таванн неоднократно дает совет и кавалерии становиться за каким-нибудь местным препятствием, хотя бы за рвом, и ожидать, не трогаясь с места, атаки неприятеля.

Во многом сходятся рассуждения католического вождя Таванна с соображениями, высказываемыми капитаном из лагеря гугенотов де Ля Ну.

Де Ля Ну (род. в 1531 г.) потерял в одном сражении левую руку и заменил ее железной, почему солдаты и прозвали его "железной рукой". Во время своего пятилетнего (1580 – 1585 гг.) пребывания в плену у испанцев он написал свои прославленные 28 политических и военных речей, опубликованных в Базеле в 1587 г.

"Среди профессионалов – военных людей –

считается бесспорно установленным, – говорит он, – что отряд, вооруженный пиками, должен разбить отряд пистольеров. На этом сходятся испанцы, итальянцы и французы.

Немцы, однако, держатся по этому поводу другого мнения. В эскадроне жандармов, даже если он состоит из дворян, мало храбрых людей, и когда атака производится развернутой цепью, то скоро в ней образуются пустоты: даже если храбрецы, которые, как правило, составляют меньшинство, атакуют энергично, все же отстанут остальные, у которых нет никакой охоты сцепиться с неприятелем: у одного пошла кровь носом, у другого оборвалось стремя или лошадь потеряла подкову, словом, пройдя шагов 200, широкий фронт поредеет, и в нем появятся большие пробелы. Это придает неприятелю значительную бодрость. Часто из 100 всадников едва 25 действительно дорвутся до неприятельского фронта, а заметив, что их никто не поддерживает, они, переломив свои копья, нанесут два-три удара мечом и повернут назад, если их еще не успели сразить.

Поэтому преимущество рейтаров заключается в их сплоченности; они словно спаяны между собою (collйs les uns avec les autres). Опыт их научил, что сильный всегда побеждает слабого.

Даже когда их опрокидывают, они не рассыпаются. Когда же они проделывают свою караколе и подставляют фланг в 20 шагах от неприятеля, чтобы дать залп, заехать назад, зарядить свои пистолеты или достать другие, – тут их не раз бивали. Ибо пистолет ведь поражает только на расстоянии трех шагов, и чтобы опрокинуть отряд, его надо решительно атаковать.

Правильного строя надо держаться не только во время боя, но и в походе. Этого-то и недоставало французам; между тем немцы и в походе строго следили за тем, чтобы каждый оставался на своем месте"[44].

Если бы вздумали возражать, продолжает Таванн, что построение развернутым фронтом дает возможность зайти неприятельскому эскадрону во фланги, то этим мало что выиграешь, ибо в плотную колонну глубоко проникнуть нельзя.

Если же конных копейщиков построить более глубокой колонной, то пользоваться копьями смогут лишь первые шеренги; следующие за ними в общей свалке ничего со своими копьями не в состоянии сделать, и им ничего другого не остается, как бросить их и взяться за шпаги. Именно в рукопашном бою пистольер всего опаснее; в то время как копейщик может нанести

только один удар своим копьем, пистольер выпускает свои шесть-семь выстрелов, и эскадрон как бы весь в огне.

Из всего этого можно было бы подумать, что де Ля Ну просто-напросто хочет рекомендовать упразднение копья, обеспечить относительно глубоким построением приближение к неприятелю сомкнутым строем и достигнуть решительного исхода без караколе в рукопашном бою при помощи пистолета. Однако результат его повторных и растянутых рассуждений далеко не так ясен и прост. Как он ни подчеркивает, насколько действие пистолета страшнее действия копья, он все же восхваляет и последнее и категорически оговаривается, что он отнюдь не стоит за окончательный отказ от копья. "Особенно, – говорит он, – нельзя рекомендовать пистолет для французского дворянина, ибо он, наверно, возложил бы заряжение и уход за ним на своего слугу, а тогда пистолет будет давать осечку в решительную минуту".

То, что де Ля Ну говорит о тогдашних доспехах (15-я Речь), передадим в переводе Якоба Ратгебена, изданном в 1592 г.

"Французские дворяне, – говорит он, – часто впадают в крайности. Пример, который я хочу привести, касается того способа, каким они теперь

имеют обыкновение вооружаться и снаряжаться. Если, правда, у них и были основания сделать свои латы несколько более прочными и надежными, чем раньше, ввиду той опасности и силы, которую представляют пистолеты и пищали, то все же они настолько превзошли в этом отношении надлежащую меру, что большинство их нагружает себя вместо того, что можно бы назвать латами, целою наковальней. Благодаря этому вся красота одетого в броню и латы всадника превратилась в какое-то безобразное уродство. Ибо прежний шлем напоминает теперь железный котел. На левой руке надета железная перчатка (gantelet), покрывающая ее до самого локтя, на правой – такой плохой рукавчик (mougnon), что он ограждает только плечо. Обычно не носят набедренника (tassette). Вместо казакина (casaque) носят небольшую колоколообразную юбочку (un mandil) и не имеют ни копья, ни пики. Наши кирасиры и шеволежеры при короле Генрихе II были гораздо красивее и наряднее на вид; они носили шлемы (salade), наручники и набедренники (brassals et tassettes), казакины, копья и пики со значками (banderolles) на концах, и все это вооружение было таким легким и удобным, что всякий мог его носить без труда на теле, хотя бы 24 часа не снимая.

То вооружение, которое носят в настоящее время, так неудобно и тяжело, что у дворянина лет 35-и под этими латами болят плечи. Раньше мне пришлось видеть, как господин д'Эгильи и рыцарь Пюигрефье, два почтенных старика, целый день ездили впереди своих рот, одетые с ног до головы в латы, между тем как теперь ни один капитан, даже гораздо более молодой, не захочет, да и не сможет пробыть в таком виде и двух часов".

"Некоторые, – говорит де Ля Ну (15-я Речь), – выдвигают тот аргумент, что при развернутом строе все участвуют в бою, в эскадроне же не более одной шестой, а именно те, кто находится на фронте. Но ведь дело не в достижениях отдельного бойца, а в том, чтобы сокрушить противника, этого-то и достигает эскадрон: он прорывает неприятельский фронт там, где находится штандарт или капитан с самыми отборными людьми, и тогда все рассыпается. Ведь в эскадроне в первую шеренгу ставят храбрейших, и на вторую шеренгу еще хватит храбрецов. Тогда остальные, чувствуя себя под этой защитой, следуют за ними, ибо первые берут на себя всю опасность, а в случае победы слава выпадает на долю всех. Сто хорошо вооруженных и хорошо руководимых кнехтов, построенных эскадроном,

разбили бы сто дворян, построенных развернутым фронтом".

В двух особых случаях де Ля Ну хочет сохранить построение развернутой цепью, а именно, когда небольшой отряд сражается в одиночку и когда атакует пехоту и выделяют команды для атаки с разных сторон.

Блэз Монлюк, который из рядового бойца поднялся до звания маршала Франции (1577 г.), восхваляет в своих мемуарах (1569 г.) боевые качества рейтаров, которые не давали нападать на себя врасплох, содержали лошадей и оружие в хорошем состоянии и в бою были грозным войском; кроме огня и железа не видно было ничего, а последний конюх среди них снаряжен в бой и готовится сделаться настоящим воином.

Самым крупным испанским военным теоретиком того времени был *Бернардино Мендоса*, написавший историю войны в Нидерландах (1592 г.), его сочинение "Теория и практика войны" вышло в свет в 1595 г. и было неоднократно переведено на немецкий язык.

Относительно глубины эскадронного построения он не дает определенных указаний, но признает, что в зависимости от обстоятельств надлежит выбирать или более мелкое, или более глубокое построение; он требует, однако, чтобы

так или иначе не выходили за пределы отношения 1:3.

В вопросе о выборе между копьем и пистолетом Мендоса высказывается за копье: рота в 100–120 человек копейщиков может одолеть от 400 до 500 феррaруоли, если они их атакуют энергично и с нескольких сторон сразу. Впрочем, он добавляет, что копейщиков желательно подкрепить конными аркебузирами или пистольерами на их левом крыле. Если у пистольеров так много сторонников, то причина этого заключается в том, что для этого рода оружия требуется гораздо меньше упражнения, чем для копейщиков, а потому его гораздо легче комплектовать как в отношении конного, так и людского состава[45].

При описании сражения на Моокерской равнине (1574 г.)[46], в общем не совсем ясном, Мендоса заявляет, что эскадроны копейщиков не должны быть сильнее 100–120 человек и должны атаковать энергично, тогда в общей свалке пистолеты мало принесут пользы рейтарам.

Георг Баста, сын эпирского дворянина, родившийся в Италии (1550 г.), еще молодым человеком командовал полком арнаутов в войске Александра Фарнезе, сделался испанским генералом, командовал императорским войском

против турок и наряду с книгой "О главнокомандующем" ("Il maestro di Campo Generale") написал специальное сочинение о легкой кавалерии (1612 г.), неоднократно издававшееся в немецком переводе.

Подобно Таванну Баста хочет обеспечить сплоченность своих солдат не только их личным мужеством, но и строгостью. Он рекомендует, чтобы капитан, когда дело доходит до столкновения с неприятелем, ехал на два-три корпуса впереди своей роты, лейтенант же с обнаженным мечом – позади колонны, дабы "на месте убивать всякого, кто вздумает поступать не так, как должно".

Баста в особой заключительной главе взвешивает сравнительные преимущества кирасиров и копейщиков и высказывается за кирасиров. Копейщики нуждаются в превосходных лошадях, длительном обучении и в твердом грунте; лишь первые шеренги могут пустить в ход оружие, а потому их и надо разбивать на ряд мелких эскадронов, которые атакуют порознь.

Однако в чем превосходство кирасиров, понять нельзя. Автор неоднократно сам себе противоречит, и, в конце концов, у него даже не разберешь, о ком, собственно, он говорит – о

тяжелых ли рыцарях-копейщиках, или о легких, не одетых в броню всадниках, вооруженных пиками.

Эта неискусная аргументация Басты побудила знаменитейшего теоретика того времени, обервахмистра города Данцига *Иоганна Якоби фон Вальгаузена* выступить против него в книге "Военное искусство на коне" с резкой полемикой. Он высмеивает и вышучивает теории славного кавалера Басты, который 40 лет служил по кавалерии и сделался профессионалом, и решительно высказывается за копье. Оба автора сходятся на том, что копейщики должны атаковать небольшими отрядами, не глубже как в две шеренги, да и те с большим интервалом между ними. Вальгаузен говорит: "Копейщик производит надлежащий эффект при атаке малыми эскадронами, построенными не глубже как в две последовательные шеренги, да еще с интервалом между ними, и притом не плотно сомкнутым строем. Ибо если во время атаки у переднего споткнется или упадет лошадь, то следующему за ним товарищу он не повредит и не помешает, и, напротив, оправившись, он потом может снова присоединиться к строю своего эскадрона.

Кирасир же должен держаться в плотно

сомкнутом большом эскадроне и иметь сбоку и сзади других всадников; когда у него споткнется, упадет или будет ранена неприятелем лошадь, то, находясь в первой или второй шеренге, он не может подняться, даже если он сам не ранен, а его товарищи по ряду, следующие за ним, натыкаются на него и топчут его ногами своих лошадей. Таким образом, жизни кирасира грозит гораздо бóльшая опасность быть затоптанным лошадьми следующих за ним товарищей, чем та, которая угрожает ему от неприятеля. И вот, когда в одной из шеренг кто-нибудь из них упадет, то едущий за ним не может ни свернуть вбок, ни объехать его спереди или сзади, ибо его настигает следующий, который не видел и не знает, что произошло. Так что нередко здоровые, нетронутые люди и лошади падают друг на друга, топчут друг друга и гибнут, что причиняет огромный ущерб, так как вследствие этого эскадрон расстраивается и сам приходит в смятение благодаря собственному несчастному случаю, а не от действий неприятеля. Ведь это господин Баста сам тысячу раз испытал и видел точно так же, как и я имею перед глазами подобные примеры, которые мог бы описать. По этой причине, я полагаю, копейщик имеет большое преимущество и авантаж в этом отношении перед кирасиром".

"Отнимите у копейщика, – продолжает Валльгаузен, – его доброго коня и копье и дайте ему лошадь похуже, и вы получите кирасира; таким образом, последний – не что иное, как полукопейщик".

Дальше Валльгаузен доходит даже до утверждения, что вторая шеренга рейтаров вредит первой, ибо она мешает ей в случае неудачной атаки отойти вправо или влево. Поэтому, когда не хватает места, следует строить всех в одну шеренгу, а остальные должны следовать отступя на 20–30 шагов.

Во всей этой аргументации мы не видим ни с той ни с другой стороны какого-либо упоминания о караколе. Чтобы взвесить относительные достоинства и недостатки копья и пистолета при их сравнении, надо было бы принять во внимание и то обстоятельство, что копейщики действительно идут в атаку, в то время как пистольеры, собственно говоря, ведут лишь перестрелку. Поэтому последние должны были терпеть поражение при встрече с первыми. Но об этом умалчивает не только Баста, но и Валльгаузен, который и тут мог бы найти самый сильный аргумент в пользу своей точки зрения.

Впрочем, оба они были слабыми диалектиками и не понимали истинного хода

развития событий.

Когда Валльгаузен писал эти свои соображения (1616 г.), и даже еще тогда, когда Мендоса вступался за копья (1595 г.), фактически последние уже были упразднены.

Если Валльгаузен, несомненно, практически прав в своей аргументации, то тем более возникает вопрос, почему же все-таки копья были упразднены и исторически кирасиры одержали победу? Сам Валльгаузен вынужден сознаться, что великий мастер военного дела его времени, Мориц Оранский, упразднил копья, унаследованные им от его отца Вильгельма I, и на этот вопрос он ответа дать не может.

И вот, на этот раз мы снова встречаемся с нередким, впрочем, случаем, что выдающиеся практики при попытке теоретически охватить проблемы своего времени с этим не справляются: они не в состоянии объяснить теоретически и в порядке причинной связи известные явления, хотя они их и видят, и понимают. Баста гораздо ближе подходит к истинному смыслу явлений, когда он замечает, что к кирасиру предъявлялось гораздо меньше требований, чем к копейщику: от первого требовалось лишь, чтобы он мог носить оружие и ехал бы на лошади вместе со всей массой. На это Валльгаузен возражает. "На свете больше

мужиков, чем хорошо обученных наездников и рыцарей: ergo, мужики имеют преимущество перед рыцарями". Баста текстуально действительно сделал этот ошибочный вывод, но логически и исторически он бы пришел к правильному и меткому заключению, если бы сказал: копейщики, особенно если помимо копий они вооружены и пистолетами, в своем двухшеренговом построении небольшими эскадронами должны одолеть глубокие колонны кирасиров, предполагая численное равенство. Но копейщиков набирают из дворян или вообще из выдающихся хороших солдат, а таковых всегда немного. К кирасирам же – и к людям, и к лошадям – предъявляют настолько невысокие требования, что их всегда можно набрать гораздо большее количество, а потому благодаря их численному превосходству они одолеют копейщиков, несмотря на лучшее качества и лучшее построение последних.

Таким образом, борьба развернутой цепью и эскадроном, между копьем и пистолетом представляет не только техническую антитезу, но и спор двух исторических эпох. Во всяком случае, в легенде – будто огнестрельное оружие одолело средневековье – действительно есть крупица истины. Но пути исторического развития часто не

прямые, а идут извилинами и петлями. Прямой переход от рыцарства к кавалерии потребовал бы облегчения рыцарских доспехов, более быстрых коней и введения дисциплины. Вместо того мы видим, что подлинно рыцарский прием ведения боя – атака с копьем наперевес – совершенно изживается, и появляется метод, представляющий на первый взгляд прямую, полную противоположность кавалерийскому началу: глубокие колонны, продвигающиеся самым медленным аллюром, или даже ожидающие противника стоя на месте[47] и вместо холодного оружия работающие пистолетами. Но как бы все это ни было не по-кавалерийски, все же это был единственный путь добиться всего того, чего недоставало рыцарству и что непосредственно из него никак не могло бы выработаться: дисциплинированной тактической единицы.

С этого-то пункта бросим еще раз ретроспективный взгляд на средневековье, дабы убедиться, насколько не правы те, кто в рыцарстве хотел уже видеть кавалерию.

Из этого противопоставления нам станет совершенно ясно, почему кавалерия ведет свой род от абсолютно глубокого эскадрона. Чем колонны гуще, тем они неповоротливее в движениях, но зато и тем меньше требуется

искусства для их формирования. Чем больше прогрессирует искусство и дисциплина, тем постепенно снова построение становится мельче. Кавалерия не является позднейшей формой развития рыцарства, но новой формой, новым образованием, ставшим на место рыцарства.

Так как мы уже и в средние века встречались с глубокими построениями, которые сами собою получались там, где известное число рыцарей, каждый со своей свитой вооруженных кнехтов, собиралось на бой, то при желании можно установить переходные формы в гораздо более ранние эпохи, чем сделал это я в предшествующем изложении; однако около середины или в третью четверть XVI столетия происходит действительный переход, и на месте старого появляется нечто новое.

Прекрасно отражается изменившаяся эпоха в одном рассуждении об искусстве верховой езды, встречающемся в мемуарах Таванна, автором которого является, очевидно, Таванн-младший. "Все шесть родов вольтов, – говорит он, – как и прежде, необходимы для боя развернутой цепью с копьем и шпагой; но современному солдату это искусство не требуется; и солдата, и лошадь ведь надо обучить в три месяца, берейторское искусство служит лишь приманкой для людей и

совершенно бесполезно, кроме разве того случая, когда два кавалера вздумают драться верхом на дуэли. Ведь теперь и иезуиты изучают в три года то, на что прежде требовалось десять лет, а в будущем дойдут до еще более короткого срока".

Некоторое время эти две формы стоят друг против друга в резком антагонизме. Французы во время гугенотских войн еще сражаются как рыцари; однако обе стороны – и католики, и протестанты – привлекают немецких рейтаров в качестве вспомогательных войск, и эти-то немецкие рейтары на французской почве вырабатывают образ новой кавалерии. Для этого французские рыцари представляли чересчур неподатливый материал. Они были, по единогласному отзыву наших писателей, слишком горды, чтобы дать себя построить в эскадроны, ибо все они хотели стоять в первой шеренге, никого не хотели пропустить стать впереди себя и ненавидели пистолет. И дисциплина, и это оружие противоречат сущности рыцарства. Между тем простые наемники давали себя строить и стали одолевать своей массой рыцарей.

С формированием сомкнутых эскадронов, естественно, исчезает *смешанный бой*, сопровождающие рыцарей вооруженные пешие слуги. Последний пример этому, какой мне

приходит на ум, описан Иовием[48] в 1543 г. под Ландреси.

В последних сражениях гугенотских войн, при Кутрасе в 1587 г. и при Иври в 1590 г., новый род войска, как мы теперь можем выразиться, – кавалерия – настолько развился, что пехота, которая со времени появления швейцарцев играла первую роль, снова отходит на задний план. Генрих IV, король французский, вправе претендовать на славу, что он первый в качестве полководца правильно оценил и до конца использовал эту новую силу. Хотя под Кутрасом он в отношении кавалерии и был в меньшинстве, все же одержал победу, подкрепив своих рейтаров стрелками, удерживая свои сомкнутые эскадроны вместе и целесообразно вводя их в бой, в то время как на католической стороне дворяне еще сражались без управления, на рыцарский манер. Под Иври он проявил то же тактическое превосходство, к тому же повышенное преследованием на расстоянии нескольких миль.

Лет двести спустя еще раз произошел поединок между рыцарством и кавалерией. Когда французы под предводительством генерала Бонапарта в 1798 г. захотели завоевать Египет, в стране Нила господствовала военная каста – мамелюки. Они сражались на конях, носили

кольчугу и шлем, были вооружены карабином и парой пистолетов и имели каждый для подкрепления несколько слуг и запасных лошадей. Несмотря на их огнестрельное оружие, их можно обозначить как рыцарей, и Наполеон говорит, что двое их справятся с тремя французами, но что 100 французам нечего бояться 100 мамелюков, 300 французов сильнее такого же количества мамелюков, а 1 000 французов наверняка разобьют 1 500 мамелюков. Практической проверки этого утверждения, пожалуй, сделано не было, ибо французы не перевезли через море настоящей кавалерии, но такая характеристика из уст этого человека дает нам очень живое представление о различии между рыцарем – квалифицированным единичным бойцом, и тактической единицей – кавалерией.

О ГЕРМАНЕ ГУГО

Сочинение иезуита Германа Гуго "De militia equestri antiqua et nova libri quinque" ("О конном воинстве древнем и новом", пять книг, Антверпен, 1630 г.) представляет ученую, хорошо распланированную компиляцию.

К тому, что о нем говорит Иэнс (II, 1057, § 79), я кое-что добавлю, отчасти для того, чтобы показать, как редко даже современные авторы могут нам помочь правильно ориентироваться в явлениях.

Кн. III, гл. 4, стр. 184: Quirissarii seu corassari

(кирасиры) заменили lanciarii (копейщиков); hos solo ab his differunt, quod sclopo utantur pro lancea et gradario succussarioque equo pro expidito (и тем лишь отличаются от последних, что пользуются пистолетами вместо копий и лошадьми тряскими и идущими медленным аллюром вместо быстрых) gradarius, идущий шаг за шагом, succussarius, дающий толчки; приходит на мысль "deutscher Trab" (немецкая рысь). Т. IV, гл. 5, стр. 257: хотя Гуго раньше (т. III, гл. 44) и говорил, что кирасиры (пистольеры) заменили копейщиков, все же он отводит в своей теории значительную роль копейщикам. Он характеризует lanciarii (копейщиков) и arcabusarii (аркебузиров) как род войска, по преимуществу предназначенный для наступления, а кирасиров, наоборот, как пригодных для обороны. Относительно lanciarii (копейщиков) он выдвигает требование, чтобы в атаку шла лишь одна шеренга, в противном же случае они будут друг другу мешать, однако их можно строить и в восемь последовательных шеренг и пускать их в атаку одну за другою (стр. 258; не до четырех шеренг, как говорит Иэнс на стр. 1058).

Когда он дальше предлагает строить две шеренги quasi in quincuncem (как бы в шахматном порядке), следовательно, вторую против интервалов первой, то это является некоторым усовершенствованием атаки в одну линию. Для аркебузиров как форму ведения боя с пехотой он рекомендует караколе; он изображает на иллюстрациях рейтаров, как они, заскакивая назад, манипулируют шомполом. Впрочем, он различает караколе, направленную против фронта неприятельской пехотной колонны, от таковой, направленной против ее фланга. На иллюстрациях

караколе у него всегда направлена влево и атакует только правый фланг противника. Конные аркебузиры у него не караколируют против одинаково вооруженного противника, а стреляют прямо из фронта (стр. 268). Различные виды конного войска, по словам автора, комбинируются во всевозможные искусственные боевые построения, согласно указаниям других авторов.

В следующей главе (т. IV, гл. 6) Гуго пытается говорить о сочетании пехоты с кавалерией. Но здесь он делает компиляцию почти исключительно из античных писателей. В качестве единственного различия между древностью и современностью он указывает на то, что смешанный бой перестал применяться, и весьма о том сожалеет. "Очевидно, – говорит он, – утрата этого искусства обусловлена тем, что для смешанного боя требуется много искусства, которым обладали древние и которое современники утратили".

О ПОРАЖАЕМОСТИ КОПЬЕМ

Относительно поражаемости копьем интересные факты установил штаб-лекарь, доктор Фридрих Шэфер, в своей книге "Die Lanze" ("Копье, историческое и военно-хирургическое исследование". Отдельный оттиск из Архива клинической хирургии, т. 62, вып. 3). Немецкая пика (Lanze) весит 1,85 кг и имеет в длину 3,20 м; у нее длинное железное острие в 13 см.

Генерал Спарр и генерал де Брак говорили в одной французской комиссии, что пика в бою гораздо менее смертоносное оружие, чем прямая сабля (палаш).

Ранения, причиняемые ею, почти всегда легкие. Всадник, вооруженный пикой, не может изо всей силы нанести ею удар, иначе его самого вышибло бы из седла. Удары пикой не верны благодаря движениям лошади, и потому их легко парировать или уклониться от них.

Шэфер путем статистико-хирургического исследования пришел к такому выводу. Ткани человеческого тела раздвигаются перед проникающим в них острием копья, по кости оно скользит. Потому и раны, им наносимые, заживают легко и скоро. Противоположное предубеждение, будто колотые раны особенно опасны, совершенно ложно. Однако многое зависит от формы копья. Если острие его одновременно и режет своими краями, то колотая рана, нанесенная им, гораздо опаснее.

Глава II

УВЕЛИЧЕНИЕ ЧИСЛА СТРЕЛКОВ. ИЗОЩРЕНИЕ ПЕХОТНОЙ ТАКТИКИ

Швейцарская тактика после ее распространения по Европе замерла на достигнутом уровне. Метод атаки неприятеля тремя крупными колоннами, где бы он ни встречался, был основан на предпосылке, что если та или другая колонна и наткнется на непреодолимое с маху препятствие, все же при широко развернутом наступлении где-нибудь найдется место, в котором одной из колонн удастся прорваться и тем самым проложить дорогу и другим. Но если противник занимал такую позицию, которую невозможно было ни атаковать с фронта, ни обойти с одного из флангов, то и самая мужественная атака оказывалась бессильною. Это доказало сражение при Бикокке, а при Павии сами швейцарцы, как часть французского войска, укрылись на позиции, почитавшейся неприступною. Умножение и усовершенствование огнестрельного оружия со временем все более и более облегчало нахождение таких неприступных позиций. Со стратегическими моментами, приводившими к тому, чтобы все

реже и реже ставить все на карту одного большого сражения, мы познакомимся в дальнейшем. Но крупные колонны, вооруженные длинными пиками, проявляли все свое значение лишь в больших сражениях. Если же не представлялось возможным или полководец не считал желательным добиваться в сражении решительного исхода и война сводилась к взаимному истощению и мелким предприятиям, как-то: внезапным налетам, захвату замков, осадам и т.п., то огнестрельное оружие оказывалось нужнее и пригоднее, чем длинная пика. Наряду с использованием стрелков расширялось поле деятельности легких рейтаров.

Таким образом, естественный ход событий приводил к прогрессивному увеличению числа стрелков при одновременном последовательном усовершенствовании их оружия.

Одновременно рыцарство мало-помалу начинает превращаться в кавалерию.

В начале XVI века стрелки представляли приблизительно одну десятую часть пехоты, вооруженной холодным оружием. В 1526 г. у Фрундсберга они составляли одну восьмую. Об испанцах нам сообщают за 1524 г., что они были сильнее стрелками, чем швейцарцы, и лучше обучены пользованию этим оружием. В

Шмалькальденскую войну число стрелков возросло уже до одной трети, а Филипп Гессенский, созывая народное ополчение, уже требует половины. Доменико Моро в 1570 г. и Ландоно в 1578 г. определяют их число вполовину. Адр. Дуик в 1588 г. считает на 40 пеших пикинеров 60 стрелков, и так продолжается эта прогрессия и дальше[49].

Теоретики возражали против такого чрезмерного увеличения числа стрелков. Де Ля Ну (14-я Речь) считает нужным ограничить их число одной четвертью пехоты и платить пикинерам (corcelets-латникам) более высокое жалование. Монлюк говорит, что солдаты предпочитают стрелять, чем идти в рукопашную. Как бы то ни было, это движение было неудержимо. Доменико Моро, посвятивший в 1570 г. книгу Оттавио Фарнезе, так сказать, предупредил в ней события, снизив число пикинеров до одной трети и построив оба рода войск самостоятельными отделениями, одно подле другого в шесть шеренг каждое[50].

Стрелок древности и средневековья по самой природе – застрельщик. Дисциплинированные английские лучники и янычары уже дошли до массового огня, выходящего из рамок деятельности застрельщиков, однако

органического развития этого достижения не последовало; для этого действие лука было все же недостаточно сильно.

Также и новое огнестрельное оружие давало в течение значительного времени возможность лишь усилить застрельщическую деятельность. Как ни сильно было действие выстрела из аркебузы, а еще более из мушкета, когда он попадал в цель, – все же оно было недостаточно надежно и требовало слишком много времени для того, чтобы отдельный стрелок мог тягаться с рейтаром, алебардщиком или пикинером, если он не имел прикрытия. Но как создать себе такое прикрытие?

Ближайшее вспомогательное средство – это взаимная поддержка самих стрелков. Уже в 1477 г. Альбрехт Ахилл предписывал стрелкам в своей инструкции, составленной им по поводу похода против Ганса де Сагана, чтобы их колонны стреляли по очереди, дабы часть их всегда была готова стрелять. О том же как бы обычном приеме немцев доносит на родину венецианский посол в 1507 г.[51], а когда в 1516 г. кардинал Ксименес организовал в Испании милицию, было отдано распоряжение, чтобы по воскресеньям организовывалось учение "боевому порядку (ордонанце) и караколе"[52], т.е. такому порядку

стрельбы, при котором стрелок, выпустивший свой заряд, всегда отходит за других, чтобы зарядить свой мушкет, и так далее в круговом порядке.

В сражении при Мариньяно в 1515 г. стрелки короля, по словам Иовия[53] весьма успешно поддерживали против швейцарцев такой "улиточный" огонь из-за прикрытия. В 1532 г. испанцами и во время парада в Вене, и в 1551 г., по рассказу очевидца Рабютена, во время парада в присутствии герцога Неверского, губернатора Шампаньи, неоднократно выполнялась "улитка" (limacon).[54].

Однако огневой бой, проводимый и в таком порядке, был все же недостаточен для того, чтобы стрелки могли выступить в открытом поле против неприятельских рейтаров или хотя бы против пехоты, вооруженной холодным оружием.

Поддерживать в серьезном бою порядок огня в караколе было все-таки нелегкой задачей, и, как голос народа, мы слышим мнение стрелков: "Лишь бы гремело, это одно уже отпугнет неприятеля"; и вот задние шеренги, не выжидая пока они окажутся впереди и смогут хорошенько нацелиться, стреляли в воздух[55].

Пехота в сомкнутом строю, говорит де Ля Ну[56] может устоять против атакующей ее

конницы лишь при помощи пики: "...ибо аркебузиров без прикрытия нетрудно опрокинуть" ("car l'harquebuserie sans couverture se renverse aisйment"). Правда, встречаются отдельные случаи, когда стрелки очень смело выступают против конницы, например во время преследования французского войска Пескарою в 1524 г., когда Баярд пал, сраженный мушкетной пулей[57], или когда они сами отбивались от неприятельских рейтаров, как это однажды имело место во время Шмалькальденской войны, по рассказу Авилы[58].

Но это только исключительные случаи. Как правило, стрелкам необходимо было опираться на какой-нибудь другой род войск. Либо выступала конница и отражала неприятеля[59], либо стрелки укрывались под пиками главной ударной колонны, причем они или ее как бы окаймляли с самого начала, или служили привеском к флангам ее, как "крылья" или "рукава"[60], небольшими колоннами, долженствовавшими проделывать "улитку"; если же им не удавалось отбиться от неприятеля огнем, они скрывались за пикинерами[61].

В некотором противоречии с этим единодушным убеждением как среди практиков, так и среди теоретиков XVI века и вплоть даже до

первой половины XVII столетия, что огнестрельное оружие не может устоять самостоятельно, но нуждается в точке опоры и защите, стоит тот факт, что у турок не было пикинеров, а одни лишь всадники и стрелки-янычары, перешедшие от лука к мушкету. Тем не менее турки имеют такой перевес, что они завоевывают Венгрию и появляются в 1529 г. под стенами Вены. Однако в этот период, после того как они одержали без труда победу над венгерцами при Могаче в 1526 г., до большого решительного сражения дело ни разу не доходило[62].

Турки уклонялись от сражения, а императорские и имперские армии были слишком недолговечны, чтобы принудить их к нему. Войны протекали в осадах, штурмах замков, опустошениях страны. В течение почти столетия, с 1568 по 1664 гг., император и султан были в мире между собою, за исключением одной войны с 1593 по 1604 гг. С 1578 по 1639 гг., следовательно в самый разгар Тридцатилетней войны, турки увязли в ожесточенной борьбе с персами. Когда в 1664 г. начался новый период войн между турками и немцами, батальоны пикинеров уже были близки к окончательному исчезновению.

Возвратимся, однако, к XVI столетию и к проблеме отношения стрелков к пикинерам. Число стрелков, которые могли укрыться под пики большой колонны, естественно, чрезвычайно ограничено. Колонна, представляющая квадрат из 10 000 человек, имеет фронт всего в 100 человек, и если со всех четырех сторон под пики пристроятся по 2 шеренги с каждой стороны, то все же это составит лишь 800 человек, которые смогут найти укрытие. Испанские теоретики увеличивают число подползающих под пики до 5 шеренг; но и при таком расчете получается только 2 000 человек, причем придется преодолевать крупные затруднения. Имеются сообщения об одном бое, в котором мушкетеры после стрельбы устремились под пики, вследствие чего последние приподнялись кверху, и неприятельская конница получила возможность ворваться и перебить всю колонну[63].

Некоторый исход давало то обстоятельство, что колонны пикинеров стали строить в большем числе и меньшем размере. Уменьшение размера колонн естественно вытекало из необходимости разместить большее число стрелков по обводу колонн,, а также для того, чтобы представлять менее крупные мишени для артиллерии, размножившейся и усовершенствовавшейся к тому

времени[64]. Но и при таком построении тоже лишь ограниченное число стрелков находило прикрытие, и этот метод со временем давал все менее и менее удовлетворительные результаты.

Теоретики изобретали крестообразные построения, квадрат с пустым пространством внутри, восьмиугольники и т.п., все это – для прикрытия стрелков; однако на практике они, конечно, были вовсе неприменимы[65]. Боевым построением пехоты остается по-прежнему небольшое число квадратных колонн; возник вопрос, как располагать в отношении друг к другу эти колонны, названные испанцами "терциями"[66]. Уже относительно трех швейцарских колонн Макиавелли отмечал с похвалою как особую тонкость то, что они строятся не рядом и не одна за другой, а уступами. Это – доктринерская разрисовка, лишенная внутренней ценности: число, расположение и наступление швейцарских колонн зависели, безусловно, от конкретных обстоятельств и условий местности. Под Бикоккой вторая швейцарская колонна построилась непосредственно рядом с первой, так как не представлялось решительно никакой возможности для флангового движения (Ансгельм). Но при большом числе колонн, если они располагаются

на равнинной местности, чтобы двинуться навстречу неприятелю или ожидать его атаки, должен возникнуть вопрос, следует ли их строить попросту одну подле другой или как-нибудь иначе. Простое построение колонн рядом обеспечило бы одновременное действие всех сил; оно было бы близко к античной идее фаланги или легиона. Но, как мы знаем, равномерное продвижение такого фронта представляет огромные трудности; к тому же здесь приходится принимать во внимание, что квадратные колонны выполняли не только задачу атаки, но, что было крайне существенно, прикрывали многочисленных и действующих с далекого расстояния стрелков. Поэтому-то испанцы, которые в эту эпоху играли руководящую роль в тактике, признали целесообразным строить колонны на довольно значительном друг от друга расстоянии в шахматном порядке, в два или три ряда. Рассматривать эти ряды колонн как линии я считаю неправильным. Рюстов пользовался для обозначения такого построения термином "испанская бригада", которого, однако, нет в источниках; этот термин создан им самим. Находящиеся впереди колонны при их квадратной форме и значительной силе в состоянии принять всякий бой, но, понятно, они слишком слабы для

того, чтобы довести его до конца. Для этого должны подойти и находящиеся позади колонны, и это они могут выполнить с большим успехом, находясь позади, чем если бы они с самого начала стояли впереди; сзади они могут быть направлены на тот пункт, где их помощь всего нужнее, где их атака по характеру местности и по состоянию противника обещает наибольший успех. При этом различные колонны очень скоро оказываются на одном и том же фронте. Таким образом, построение в "испанскую бригаду" не представляет какую-либо форму, которая удерживается в продолжение боя, да и вообще не представляет что-либо существенное; оно просто означает, что каждая квадратная колонна должна по возможности передвигаться самостоятельно, приноравливаться к местности и обстоятельствам и помогать одна другой.

Дробление первоначальных гигантских колонн пехоты поставило вновь вопрос об относительной оценке пехоты и конницы. Прежние массивные колонны не только, обороняясь, отражали рыцарей, но и опрокидывали их, атакуя. Могли ли повторить то же такие колонны, как "терции"? Липсиус твердо отметил, что у римлян редко имели место случаи, когда пехота была бы рассеяна конницей; в его же время это

происходило неоднократно. Де Ля Ну считает господствующим мнение об осуществимости успешной атаки конницы на пехоту; ссылаясь, впрочем, на римлян, он приводит, между прочим, и два современных ему примера испанцев, чтобы доказать, что пехота в сомкнутом строю может удержаться против превосходной конницы. "Впрочем, – говорит он, – современную французскую пехоту до этого не следует доводить, так как она не имеет ни пик, ни дисциплины"[67].

Но рейтары все шире и шире пользовались огнестрельным оружием, а с другой стороны, пикинеры комбинировались со стрелками, пропорция которых все увеличивалась; отсюда вопрос о возможности отражения пехотой кавалерийской атаки утрачивал, как это уже понимал и Липсиус, свое практическое значение, или вернее – вопрос продолжал оставаться открытым, но принял иную форму.

Вместо рыцарей народилась кавалерия; явилась возможность тактического руководства последней. Наряду с задачей рассеивать пехоту и топтать ее своими конями выдвигается и другая – парализовать способность пехоты к движению, атакуя ее с двух сторон. Об этом мы еще поговорим в дальнейшем. Авила в своей "Истории

гугенотских войн" (т. XI, гл. 3) рассказывает по поводу сражения при Иври (1590 г.), что Генрих IV разделил свою кавалерию на небольшие эскадроны, дабы они могли атаковать ландскнехтов со всех сторон.

Глава III

МОРИЦ ОРАНСКИЙ

В течение первых двадцати лет открытой борьбы испанцы превосходили нидерландцев в военном отношении. Если Вильгельм Оранский и его братья набирали наемное войско, оно оказывалось разнузданным и его били в открытом поле, либо его приходилось снова распускать, так как не могли собрать денег на выплату ему жалования. Нидерландцы держались лишь тем, что укрепленные города запирали ворота перед испанцами, и если последние после тяжелой осады и овладевали многими из них и подвергали их ужасным карам, все же всеми овладеть им не удалось, и когда Альбе пришлось в заключение отступить перед маленьким городком Алькмаром, его, наконец, отозвали назад; и из сумятицы военных действий и переговоров, вмешательства Франции и вмешательства Англии возникло из восставших провинций объединение городов и областей, оказавшееся в состоянии выставить в поле регулярную армию. В 1585 г. после убийства Вильгельма Молчаливого осада Антверпена потребовала напряжения всех сил испанцев. Затем наступил 1588 г., когда они сосредоточивали все

свои силы на борьбу с Великой Армадой и с Англией. Непосредственно затем кризис во Франции, после убийства Генриха III и вступления на престол еретика Генриха IV, вызвал вмешательство испано-нидерландских войск в борьбу партий во Франции. Южная часть нидерландских областей осталась, в конце концов, в руках испанцев; но северные провинции упрочивались в своей независимости и нашли теперь в лице юного Морица, сына Вильгельма Молчаливого, вождя, который сумел отлить имевшиеся военные средства в новые формы и таким путем поднять их до новых достижений.

Читатель вспомнит, как Макиавелли стремился обновить военное дело своего времени восстановлением великих античных традиций. Это ему не удалось не только на практике, но и в теории. Но мы все же должны признать его гениальность; это явствует из того, что уже два поколения спустя после его смерти военные реформы заметным образом оказываются в непосредственной связи не только с древностью, но и с его мыслями и писаниями.

В 1575 г. Вильгельм Оранский в награду за героически выдержанную осаду учредил в городе Лейдене университет, в котором собрались великие филологи того времени; между прочими

находился и Юст Липсиус, выпустивший в 1589 г. в свет свое сочинение "Гражданская наука" ("Civilis doctrina"), пятая книга которого озаглавлена "О военной мудрости" ("De militari prudentia"); перейдя в 1595 г. в Лувен, Липсиус издал новую книгу "О Римском войске" ("De Militia Romana"). Оба эти сочинения носят чисто филологический характер, но все же автор, как ученик Макиавелли, не может удержаться, чтобы не бросить взгляд на современность, про которую, по его мнению, нельзя сказать, чтобы у нее была плохая дисциплина, а приходится сказать, что у нее вовсе нет ее. "Но тот, – продолжает он, – кто сумеет соединить римское военное искусство и современные войска, тот сможет покорить весь земной шар". "Рецептов дать мы не можем, но только стимул" (gustum dare potuimus, praecepta non potuimus), – добавляет Липсиус, и так оно и случилось[68].

1590 г., когда Мориц, бывший до тех пор только штатгальтером Голландии и Зеландии, сделался также штатгальтером и Гелдерна, Утрехта и Оберисселя, должен считаться переломным годом в истории пехоты.

Наряду с Морицем во главе объединенных Нидерландов стоял в качестве штатгальтера Фрисланда его двоюродный брат Вильгельм

Людвиг Нассауский, который, по-видимому, даже глубже Морица был захвачен идеей реформирования военного дела по образцу древних. Оказывая влияние друг на друга, оба родственных и связанных узами дружбы монарха принялись за дело. Их переписка и заметки их верных сотрудников, сохранившиеся до наших дней, дают нам возможность познакомиться с их работой[69].

Классический труд, на который принцы Оранские преимущественно ссылаются, это – "Тактика императора Льва", появившаяся в 1554 г. сначала в латинском, потом и в итальянском переводе, а затем, в 1612 г., была издана и на греческом языке в Лейдене Меурзием[70]. В XVIII столетии вышел сначала французский, а за ним и немецкий переводы, а принц де Линь назвал это сочинение бессмертным и ставил императора Льва на один уровень с Фридрихом Великим и выше Цезаря. По существу, это – несколько систематизированные извлечения из более древних писателей, особенно из Элиана, которого, впрочем, нидерландцы изучали в подлиннике и пользовались им.

Если мы теперь вспомним, как мало философы-теоретики древности были знакомы с практикой военного дела и, в особенности, что

основное изложение тактики римских манипул у Тита Ливия (VIII, 8) было построено на грубом непонимании этого безусловно невоенного историка, спутавшего до наших дней все представления, то легко возникает вопрос, возможно ли было вообще, чтобы военные люди конца XVI и начала XVII веков могли извлечь какие-либо практические и полезные указания из такой перевранной передачи? На деле это оказалось возможным. Правда, они не могли бы осуществить на практике дошедшие таким путем искусственные приемы. Однако, несмотря на все свои дефекты, эта традиция содержала все же крупные общие моменты истины; распознать их, использовать – вот в чем была задача, а Мориц и Вильгельм Людвиг оказались именно подходящими людьми. К тому же они обладали перед Макиавелли тем преимуществом, что им не приходилось создавать новой военной организации, да они к этому и не стремились, – но лишь развивать дальше уже существующую организацию, унаследованную ими. И с удивительной проницательностью они распознали в античной традиции именно то, что в их время могло быть использовано.

Решающее значение во внешности принадлежит обучению, а по существу –

дисциплине. Макиавелли некогда искал сущности античного воинства в вооруженном народном ополчении и пытался и надеялся сделать пригодным в военном отношении такое ополчение, обучив его мимоходом некоторым военным приемам. Оранцы, изучая древних писателей, учли то значение, какое имеет приобретенная длительным учением сплоченность для ценности войсковой части, и создали, опираясь на античную традицию, новую технику строевых учений. Если можно говорить о возрождении утраченного искусства, то именно в данном случае. Правда, уже швейцарцы при создании своих квадратных колонн должны были обучаться известному порядку, и Иовий нам сообщает, как они маршировали в такт барабана при их вступлении в Рим в 1494 г.; следовательно, они до известной степени старались идти в ногу.

Еще более правильным построением своих квадратных колонн дорожили, по-видимому, испанцы[71], а выполнение "улитки" как пехотой, так и кавалерией предполагает известное предварительное строевое обучение. Но ведь все это было крайне скудно и могло служить лишь для того, чтобы до известной степени поддерживать в войсках хотя бы кое-какой порядок. Поэтому когда рекрут усваивал основные движения, то

считалось, что дело сделано и дальнейшей работы не требуется. Ведь не знали иной формы построения, кроме квадратной колонны, а эта форма была чрезвычайно проста, пока принцы Оранские не начали формировать мелкие колонны и передвигать их самыми различными способами. Глубину колонн определяют большей частью в десять, но иногда и в пять и в шесть шеренг[72]. Как ни странно, нигде прямо не говорится, чтобы движения производились в ногу, за исключением команды "kranendans" ("танец аиста"?), которую можно объяснить только натянутой поступью аиста и, следовательно, перевести как "в ногу"[73].

Плоское построение колонн являлось изменением, чреватым важными последствиями. Уже из перехода от трех к большему числу колонн само собою получилось, что не все могли сразу наступать выровненным фронтом, а некоторые из них задерживались позади. Плоские колонны привели к тому, что систематически за первым их рядом направляли второй, а иногда и третий, таким путем создался настоящий линейный порядок. Если бы все колонны были развернуты на одном фронте, то его слишком легко было бы разорвать или прорвать; при недостаточной глубине проникшая в место прорыва колонна

могла бы легко смять и скатать всю боевую линию противника; этот мотив еще усиливается тем обстоятельством, что в строю находились и стрелки, число которых Мориц довел приблизительно до отношения двух к одному пикинеру[74]. Я нигде в источниках не нахожу прямого указания на то, чтобы именно забота о стрелках, которых в увеличенном количестве стало трудно размещать среди пикинеров, вызвала потребность в новом боевом порядке. Однако по общему положению дела можно заключить, что и этот мотив оказал по меньшей мере сильное влияние в этом направлении. Во всяком случае, одним из результатов принятия нового боевого порядка было то, что значительное число стрелков теперь получило возможность опираться на пикинеров. Стрелков, которые еще делились на мушкетеров и аркебузиров, ставят справа и слева от колонн копейщиков. Рюстов назвал такое построение нидерландской бригадой. Стрелки, ведя огонь, или караколировали на этих местах, рядом с пикинерами, или развертывались перед их фронтом, если тому благоприятствовали обстоятельства[75].

В случае же атаки рейтаров или пикинеров, непосредственно направленной на стрелков, последние укрывались за колонной пикинеров, а

пикинеры второй или третьей линии спешили заполнить образовавшуюся дыру и отразить неприятеля[76]. И с этой точки зрения необходимым является расчленение войск линиями в глубину.

Среди других производившихся упражнений имелся и такой маневр: войсковая часть рассыпалась и по сигналу барабана возможно быстро должна была снова строиться; это было легко выполнимо, так как каждый солдат знал свое место. Нидерландцы славились тем, что у них 2 000 человек могли построиться за полторы четверти часа, в то время как другим требовался целый час для того, чтобы построились 1 000 человек[77].

Наряду с пикинерами одно время пользовались алебардщиками и щитоносцами. Впрочем, мы на них не будем останавливаться, так как они скоро исчезают.

Самым существенным в новом построении, даже более важным, чем сам боевой порядок, является чрезвычайная подвижность каждой отдельной, вновь сформированной маленькой тактической единицы и та уверенность, с какой ее начальник держал ее в руках в самом пылу сражения и приводил ее в полном порядке на то место, где она требовалась в данную минуту, как

говорит Иоганн Нассауский: "...чтобы выручать друг друга, быстро поворачиваться и обращаться сейчас же на неприятеля, внезапно атаковать противника в двух-трех пунктах"[78].

Чем глубже мы вникаем в эти явления, тем яснее нам становится, что для того чтобы осуществлять в жизни новое искусство, требовалось нечто гораздо большее, чем простое опознание его, простое решение или приказание. "Вильгельм Людвиг, – так сообщает нам его биограф, – изучал все, что практиковалось у древних греков и римлян в области военного искусства, и не боялся ни труда, ни усилий, ни расходов". Его секретарь Рейд и полковник Корнпут помогали ему при изучении древних писателей и при проведении на практике имевшихся у них указаний. Сначала построения делались оловянными солдатиками на столе, и лишь затем обучали им настоящих солдат. Чтобы убедиться, какое вооружение лучше – длинными пиками без щитов или же римское с щитом и мечом, – Мориц организовал в 1595 г. опыт[79]. Командные слова переводились с греческого и латинского; во время учения солдаты обязаны были молчать, чтобы слышна была команда. Нашли у древних и ввели у себя правило, что в команде частное должно предшествовать общему

(не марш – бегом, а бегом – марш), ибо в противном случае нельзя ожидать четкости ее выполнения. Учения производились не только в гарнизонах, но и в лагере, в близком расстоянии от неприятеля, даже в дурную погоду[80]. Солдаты дезертировали, им становилось невмоготу от этого учения.

Старые вояки, также и граф Гогенлое, военный ментор принца Морица, высмеивали все эти уловки и глумились над ними: серьезный бой должен их развеять, как прах; однако оба принца Оранских не давали сбивать себя с толку. Зимою офицеры объезжали гарнизоны для инспекции службы. В 1590 г. они начали вводить новые порядки; мы имеем от 1594 г. длинное письмо Вильгельма Людвига к Морицу, в котором он отчитывается перед ним и сообщает сведения. Он советует строить колонны пикинеров не слишком плоскими, ибо они всегда должны быть способными устоять против атаки кавалерии; правильно, пишет об этом император Лев (глубина – 16 человек). Далее он отмечает главы из "Тактики" Льва, указания которых следует перенять[81], и в заключение дает список командных формул, составленных им по Элиану и введенных в практику. Таких команд, считая в том числе и некоторые еще не вполне

установленные, – около 50, и некоторые из них сохранились в современном командном языке. Новых команд, добавляет он, вводить не следует больше чем нужно, дабы облегчить солдатам заучивание их. Особенно важно, чтобы люди научились разбирать, что такое шеренги и ряды, соблюдать интервалы, а также строиться и маршировать тесно сомкнутым строем. Для этого они должны обучиться сдваивать как шеренги, так и ряды, поворачиваться направо и налево и заходить правым и левым плечом[82]. Далее идет многое другое, что я отчасти уже использовал выше. В заключение автор письма оговаривается, прося Морица, если ему захочется смеяться над его письмом, чтобы он это сделал "inter parietem ende amicos" ("между четырех стен, в кругу друзей")[83].

Мориц, по выражению Валльгаузена, был "специалистом по муштровке", но он со своим двоюродным братом не только создал новое искусство, но озаботился о выполнении одной необходимой предпосылки: аккуратной уплате жалования. С самого возникновения института ландскнехтов наиболее темным его пятном была выплата жалования.

"Пусть мне дадут, – говорит генерал Баста в своем трактате о коннице, – армию и весь

причитающийся ей комодитет – жалование, провиант и долю добычи, и, как бы она ни была испорчена, я берусь ее преобразовать и снова привести в порядок. И наоборот, я не могу обещать, да оно и невозможно, сохранить правильную, хорошую дисциплину даже в хорошей армии, если последняя будет лишена необходимого ей комодитета (довольствия)".

Мы видели, как даже стратегические решения находились в зависимости от возможности или невозможности уплатить солдатам обещанное им жалование. Никогда не удалось бы ввести в войсках тяжелую работу по муштре, представлявшуюся старым солдатам не только излишним делом, но и смешным ребячеством, если бы начальство было еще перед ними в долгу. Коммерческий ум Генеральных штатов был достаточно проницателен и сведущ для того, чтобы понять все значение аккуратной выплаты жалования, а процветавшие, несмотря на военную смуту, торговля и бережливость, присущие строгим кальвинистам, видевшим во всяком проявлении роскоши грех, давали к тому средства. Испанский король со всем американским золотом и серебром оказался не в состоянии должным образом разрешить тот огромный круг политических задач, которые он себе поставил.

После сражения на Моокерской равнине испанское войско, три года не получавшее жалования, отказалось повиноваться, выбрало себе главнокомандующего и самовольно расквартировалось в Антверпене, пока горожане не согласились уплатить ему 400 000 золотых крон. Солдаты получили недоплаченное им жалование частью наличными, частью натурой. Это повторялось несколько раз, сопровождаясь ужасающими зверствами и беспорядками. Часто проходили месяцы, прежде чем удавалось снова привести в повиновение войска. В 1572 г. во время "Антверпенского безумия" (furia) город был окончательно разграблен, частью сожжен, а жители перебиты массами. Это не могло не явиться помехой ведению войны.

Не так вели себя нидерландские войска. Генеральные штаты создали правильное денежное хозяйство, и это имело тем большее значение, что армия стоила очень дорого. Прежние роты ландскнехтов обычно насчитывали 400 или 300 человек; иногда они доходили и до 500. Мориц понизил численность роты и установил ее в 100 с небольшим человек, не уменьшая, однако, офицерского состава. Значение этой перемены Валльгаузен в своей книге "Военное искусство в пехоте" превосходно характеризует следующим

образом.

"Преславный военный герой, принц Мориц, содержит в каждой роте, численностью каждая нередко менее 100 человек[84], следующих начальников: капитана, лейтенанта, прапорщика, двух или трех сержантов, трех капралов, трех ландпассатов, одного оружейного, одного капрала – из благородных или ефрейторов, одного писца, одного профоса, около десяти младших ефрейторов, двух барабанщиков. Всему этому командному составу каждый месяц приходилось платить почти столько же, сколько всем солдатам целой роты. Таким образом, можно было бы сэкономить наполовину, если довести численность роты до 200 или 300 человек, а потому представляется нецелесообразным делать роты такими слабыми". "Однако знай, – продолжает он, – что высокородный принц не дорожил тем, чтобы иметь такие же сильные по численности полки и роты, какие приняты были в других местах; он принял решение, что с полком своих солдат, числом не более 1 000 человек, он может стать лицом к лицу против неприятельского полка в 3 000 человек; и всякий раз, как он в таком порядке атаковал противника, победа оставалась за ним; может показаться невероятным, чтобы трое сделали не больше, чем один; ведь можно

было бы избежать больших излишних расходов. Но чем меньше у тебя солдат и чем больше командного состава, тем лучше они обучены".

Старые капитаны ландскнехтов во главе своих рот являлись вождями и передовыми бойцами. Нидерландские же капитаны вместе с остальным помогавшим им командным составом были офицерами в том смысле, в каком мы их привыкли понимать теперь. Они не просто вели солдат, но сперва создавали и вырабатывали тех бойцов, которых затем вели в бой. Мориц Оранский возродил искусство обучения солдат и стал отцом подлинной военной дисциплины; тем самым он сделался и творцом офицерского корпуса, хотя свой специфически замкнутый характер последний приобрел позднее.

Новая, основанная на муштре дисциплина, которая должна была сообщить и действительно сообщила небольшим, неглубоко построенным тактическим единицам пикинеров и стрелков способность выдерживать столкновение со старыми квадратными колоннами, тотчас же придала нидерландским солдатам еще другую способность, которая непосредственно привела к более значительному в практическом отношении результату, чем усовершенствование тактических тонкостей. Это – возможность добиться от

солдата, чтобы он выполнял окопные работы, что, правда, кое-где имело место и раньше, теперь же было возведено в систему. И здесь оказал свое действие классический образец; с особым ударением указывал в своих сочинениях Липсиус на укрепление лагерей (castrametatio), да и сами римляне сознавали и высказывали, что победу над врагами им давали не только доблесть (virtus) и оружие (arma), но и труд (opus). Старые ландскнехты были слишком горды и самонадеянны, чтобы унизиться до работы лопатой. Нидерландские принцы, опираясь на выдачу достаточного жалования и на повышенную дисциплину, достигли того, что солдаты согласились выполнять и земляные работы. Представляя в 1589 г. Генеральным штатам свою программу, Вильгельм Людвиг в первую голову потребовал аккуратной выплаты жалования, причем тут же добавил, что при высоком окладе надо отучить солдат от их нежелания производить окопные работы. "Если это будет достигнуто, то получится страховка от опасностей, которые несет с собою война". "В укрепленном лагере,– продолжает он, – можно не быть вынужденным принять сражение, а построив такие лагеря на водных путях, можно сохранить подвоз снабжения. Таким же способом надо

блокировать крепости, – он называет Нимвеген, Граве, Венло, Рёрмонд, Девентер, Цютфен, – и брать их без боя, не рискуя превратностями судьбы. Ибо окопами можно так себя оградить, что герцогу Пармскому не придется мечтать о выручке. А если мы только овладеем городами по течению рек, тогда прочие недолго смогут продержаться за недостатком продовольствия"[85].

Мы можем привести противоположную иллюстрацию еще из Тридцатилетней войны. Когда богемская армия летом 1620 г. должна была укрепить свою позицию, солдаты нашли, что такое требование наносит ущерб их чести, отказались работать и потребовали выплаты недоданного им жалования[86].

Мориц перешел в наступление, взял Нимвеген и ряд более мелких городов при помощи внезапных налетов или бомбардировки, а Стейнвейк, Кёрворден, Гертруиденборг и наконец Гронинген (1594 г.) – настоящей осадой с траншеями и минами. Нам передают[87] о том, как Вильгельм лично днем и ночью присутствовал при производстве работ под Стейнвейком. Осажденные осыпали "рабочих" насмешками, что они из воинов унизились до положения мужиков и землекопов и вместо пики пользуются заступом.

Но ни эти слова, ни обстрел, ни вылазки не могли задержать продолжения работы.

Имеются указания[88], что Мориц перевозил за собою по водным путям палисадины; далее каждый солдат перетаскивал 2–3 палисадины, что позволяло Морицу очень быстро утверждаться в непосредственной близости от неприятеля.

Под Гертруиденборгом Мориц обеспечил себя циркум- и контрвалационными линиями, хотя работы здесь были чрезвычайно затруднены болотистой почвой. Мансвельд подошел на выручку с 9 000 войска, но он ничего не мог предпринять и был вынужден смотреть на то, как у него на глазах город капитулировал. А Вильгельм Людвиг, когда сдача состоялась, писал победителю[89]: "Эту осаду по справедливости можно назвать второй Алезией; она означает возрождение значительной доли античного военного искусства и военной науки, которые до сего времени мало ценились и осмеивались невеждами, которых даже величайшие современные полководцы не понимали или, по крайней мере, не применяли".

При взятии Делфзейла Мориц велел повесить двух солдат, одного – за то, что он украл шляпу, другого – за то, что он украл кинжал. Во время осады Гульста он велел расстрелять перед строем

одного солдата за ограбление женщины.

Одним поколением позднее (1620 г.), как доносил на родину венецианский посол Джироламо Тревизано из Нидерландов[90], Генеральные штаты содержали даже в мирное время 30 000 наличной пехоты и около 3 600 человек кавалерии; по его словам, выплата жалования никогда не задерживалась даже на один час, что бы там ни случилось, а это оказывает огромное влияние на дисциплину. "Прямо поразительно, – говорит он далее, – как города спорят между собою о размещении у них гарнизонов, а горожане – о помещении у них на квартиры солдат, так они рассчитывают от них нажиться. Если у кого есть лишняя комната с двумя кроватями, он может принять к себе квартирантами 6 солдат, ибо два из них всегда будут на службе. Горожанин не задумываясь оставляет наедине с солдатами жену и дочерей, что было бы рискованно во всяком другом месте".

Единственное сражение в открытом поле, которое дал Мориц при Нью-порте (2 июля 1600 г.), подробно, но не вполне удовлетворительно и исчерпывающе разобрано Рюстовом. Один из участников моего семинария, Курт Гёбель, предпринял специальное исследование по этому предмету. В конце октября

1914 г. он пал вблизи этого поля сражения под Диксмюде в бою за Родину.

РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ШЕРЕНГАМИ И ШИРИНА РЯДОВ КОЛОННЫ ПИКИНЕРОВ

Первые документальные данные по этому вопросу мы находим в донесении венецианского посла Квирини за 1507 г.: он определяет дистанцию между шеренгами в 1 S шага и при этом добавляет, что интервалы между людьми в шеренге были настолько малы, чтобы люди могли только не толкать друг друга при маршировке. "Шеренги, начиная с первой от фронта и кончая последней, отстоят друг от друга на расстоянии приблизительно полутора шагов, так что длинные пики задних не задевают пик передних, когда они маршируют в строю; а в шеренгах один солдат стоит на таком расстоянии от другого, чтобы все они могли маневрировать, не толкаясь друг о друга"[91].

Макиавелли в своей "Истории военного искусства" (1519 – 1520 гг.) сообщает данные, которые не вполне согласуются между собою. Прямых указаний о пространстве, отводимом отдельному солдату, у него вообще не имеется, но в третьей книге приведен расчет его боевого построения, выкладки из которого дают в результате 25 локтей (bracci) на батальон в 20 рядов по фронту; это составляет приблизительно 74 см, или 2 S фута, на человека. Между тем во второй книге у него говорится, что люди стоят плечо к плечу ("они сходятся вместе так, что они касаются друг друга боками"), а в своем

трактате о Германии[92] он говорит о швейцарцах: "...построение их таково, что, по их мнению, никто не может протиснуться в их колонну, из чего можно заключить, что на человека полагается пространство приблизительно в 1 S фута".

Дистанцию в ряду Макиавелли одинаково в нескольких местах своего сочинения (очевидно, по Вегецию, III, 14) принимает в два локтя (bracci), или 6 футов, которые во время боя на пиках сокращаются до 3 футов[93].

В сочинении неизвестного автора, может быть *Дюбелле-Ланжи*, появившемся впервые в Париже в 1535 г. и цитируемом большей частью под заглавием "Руководство по военному делу" ("Instruction sur le fait de guerre")[94], указывается, что солдату в шеренге нужно при маршировке 3 шага, в боевом построении – 2 шага, а во время боя – 1 шаг. А дистанция в ряду соответственно равна 4, 2 и 1 шагу. На основании этого указания Рюстов (I, 253) полагает, что солдату в шеренге отведено было лишь 1 S геометрических фута.

"Место, какое занимает каждый солдат (soldard) в ширину в обычном строю (en simple ordonance) равняется 3 шагам, в боевом построении (estant en bataille) – 2 шага, а когда он сражается – один шаг. Дистанция от одной шеренги (rang) до другой в походном строю равняется 4 шагам, в боевом построении – 2 шагам, а когда он сражается – одному шагу. Таким образом, 21 человек каждой банды занимает в боевом построении 42 шага по фронту, а 20 шеренг (rangs) – 40 шагов в глубину, в том числе и пространство, занимаемое каждым солдатом, которое равняется одному шагу. Из контекста явствует, что

автор под словом "rang" разумеет шеренгу.

Вскоре после вышеназванного сочинения во Франции повилось другое, также анонимное, "Установление (Institution) военной дисциплины во французском государстве"[95], определяющее пространство в шеренге в один локоть, а в глубину – приблизительно в 3 фута. Мы говорили, что солдат занимает приблизительно в ряде (en file) три фута, а в шеренге (en rang) – один локоть[96]. В другом месте (стр. 100) говорится: "Сжимать колонну (serrer le bataillon)... должно часто, когда приходится встречать (affronter) атаку неприятеля". Это место трудно истолковать иначе как в том смысле, что для устранения известного разжижения фронта, появляющегося во время передвижения, надо почаще командовать "стой!" для того, чтобы снова сомкнуть ряды.

Итальянец Тарталиа (1546 г.) и герцог Альбрехт Прусский в своем военном уставе (1552 г.) принимают интервалы в шеренге в 3 фута, а дистанцию в ряде 7 футов[97] несомненно по Вегецию.

Таванн (неизвестно наверное – отец или сын) указывает 3 шага по фронту и 7 – в ряде. Квадрат по пространству (carrй de terrain) и квадрат по рядам (carrй d'hommes) отличаются друг от друга тем, что по ряду должно быть 7 шагов между шеренгами, а по фронту достаточно трех между каждым солдатом, так что для построения колонны (bataillon), квадратной по пространству на 69 человек по фронту, надо лишь тридцать человек в ряде. Широкий фронт необходим для того, чтобы не быть окруженным, а чрезвычайная глубина колонн, которая получилась бы при квадрате по рядам, была бы бесполезной.

Вильгельм Людвиг Нассауский в письме к своему двоюродному брату Морицу (напечатано в "Дневнике Дуика", I, 717) указывает, что при "свободном построении (gestreckt stehen) на каждого пехотинца как по фронту, так и в глубину надо считать по 6 футов; но они могут стоять и маршировать также и по указаниям Элиана густым (densatie) и сомкнутым (constipatie) строем". "Item als sie gestreckt staen, ofte (oder) trecken sullen, dat die stande van ter sijden ende hinden af 6 voet sij. Item son sie densatie staen ofte trecken sullen als ook constipatie, dat sie praecepta Aeliani underholden". ("Когда они должны стоять или идти растянуто, расстояние должно быть по бокам и сзади по 6 футов. Когда же они густо стоят или идут сомкнуто, они должны соблюдать правило Элиана").

Далее сказано: "В боевом построении перед лицом противника обычная мера между каждым солдатом должна быть в три фута и семь футов в рядах; однако можно сомкнуть людей гораздо теснее как в шеренгах, гак и в рядах. Тогда они становятся вплотную один подле другого, но так, чтобы они все еще могли пользоваться своим оружием. Соответственная команда для такого построения – "тесно" (Dicht) или, если хотят добиться еще большей сомкнутости, чтобы как стена отразить атаку неприятельской кавалерии, – "тесно, тесно" (Dicht, dicht) или "явно тесно" (Heel dicht), т.е. как звучит команда на не немецкой стороне: "Сомкнись, сомкнись" (Serre, serre).

Когда опасность минует и хотят с большим удобством продвигаться дальше, приказывают шеренгам и рядам снова разомкнуться, взяв между собою известные интервалы и дистанции.

В "Инструкции" и в "Памятной записке"

ландграфа Гессенского, Морица[98], 1600 г., интервал между рядами определяется в 3 фута; при смыкании дистанций между шеренгами следует сходиться не ближе чем хватают шпаги или тесаки, а при смыкании интервалов между рядами – не ближе чем на свободное движение локтя.

В "Военной книге" *Диллиха* (1607 г., стр. 246, 277) пехотинцу отводится в шеренге пространство в 3 "башмака" (Schuhe) или пяди, а в ряде – 5 "башмаков". Во втором, переработанном издании 1647 г. автор в одном месте повторяет эти числа (ч. I, стр. 156), а в другом (ч. II, стр. 71) он вместо того устанавливает 4 "башмака" и 6 "башмаков".

Во время боя с ландскнехтами он предписывает (изд. 1907 г., стр. 290), чтобы не останавливались, как это надо делать в бою с конницей, но чтобы шли вперед *плотно сомкнутым строем* и держа пики так, чтобы задние концы их были бы несколько выше (hinten etwas hoch fasse).

Монтгомери ["Французское войско" (La Milice Francaise), 1610 г., стр. 80] пишет, что сержант-майор (sergant-major) имел палку в 3 фута длины, которой он обмерял фронт, с тем чтобы на каждого солдата приходилось 3 фута, а в ряде – 7 футов, т.е. 3 фута – впереди человека, 1 фут – на него самого и 3 фута – позади его. Колонна в 2 500 человек – 50 человек по фронту и 50 в глубину – будет, следовательно, иметь 150 футов ширины и 200 футов глубины. Очевидно, автор считает в действительности лишь 4 фута на каждого человека в ряде, ибо назначая по 7 футов, он всегда считает 3 фута вдвойне. Валльгаузен в своем переводе этого сочинения под заглавием "Militia Gallica" не заметил этого противоречия, а принял его

без всякой оговорки.

Биллон ("Принципы военного искусства", 1613 г., стр. 65 ориг. и стр. 184 нем. пер., II, гл. 11) строит колонну (Bataillon) в 200 человек – 20 человек по фронту и 10 человек в глубину – и рассчитывает, что если между рядами (entre les files) будет 6 футов расстояния, то фронт будет иметь 114 футов по фронту (т.е. 120 - 6 = 114). Несмотря на выражение "между рядами" (entre les files), в шести футах засчитано и пространство, занимаемое человеком. Однако 114 исчислено неправильно постольку, поскольку из 120 футов надо вычитать не 6, а всего лишь 4 S фута.

То же мы находим во втором сочинении того же автора, "Наставления по военному делу" ("Instructions Militaires", 1617 г., стр. 63, 64).

Дистанция в 6 футов, согласно Биллону, может быть уменьшена до 3 футов и до 1 фута, так что и фронт и глубина построения займут лишь одну шестую первоначального пространств. Это последнее построение применяют для того, чтобы "достигнуть шока против неприятеля" (pour chquer les ennemis), что немецкий перевод передает "атаковать неприятеля".

В другом месте (т. II, гл. 45) Биллон хочет сказать то же самое, но выражается настолько не ясно, что если бы мы должны были ограничиться этим его показанием, то нам пришлось бы остаться в недоумении.

Валльгаузен в своем "Военном искусстве в пехоте" (1615 г., стр. 79, ср. стр. 71) говорит, что в бою с пехотой стоят на расстоянии 1 S шагов и в рядах, и в шеренгах, в бою же с кавалерией – тесно сомкнутым строем. При маршировке и во время

учения интервалы бывают шире, и они могут быть различными.

В "Военных постановлениях" ("Corpus militare", 1617 г. стр. 55) тоже различается несколько родов интервалов, но довольно неясно, так что Рюстов вычитал оттуда только два рода интервалов, хотя на самом деле их должно было быть, очевидно, три: узкий, средний (behqrkich) и широкий. Средний – 2 шага в шеренгах и рядах, узкий – "когда шеренги и ряды, построенные по среднему порядку, стоят сомкнувшись" (wie behqrlich nachst zusammengeschlossen stahn). Широкий – в четыре шага или более.

В "Военной книжечке" ("Kriegsbьchlein") цюрихского капитана *Лафатера* (1644 г.) указано, что на смотрах солдат от солдата должен стоять и в шеренге и в ряде на расстоянии доброго шага. Тогда при дублировании или задние шеренги развертываются и становятся рядом с передними, или люди из задних шеренг вступают в интервалы передних, "в зависимости от того, есть ли у тебя для этого достаточно пространства и намерен ли ты вступить в бой с неприятелем", (стр. 87); далее (стр. 90) говорится: "Когда весь строй сомкнут" (что большей частью применяют против прорыва кавалерии) и т. д.

Герхард Мельдер (1658 г.), (Иэнс, II, 1149 г.) говорит, что "мушкетеру нужно располагать пространством в 3 фута в ширину и в 3 – в длину, а всаднику – 3 футами в ширину и 10 – в длину".

Бакгаузен, гессенский капитан-лейтенант ["Описание обычного строевого учения" (1664 г.)], отводит (стр. 2) пехотинцу во время учения 6 футов

интервала и предписывает для стычек, то есть для боя, выстраивание рядов так, чтобы из шести шеренг образовать три (стр. 26).

"Другие, – продолжает он, – отводят на человека два "башмака" (пяди) по фронту, что, впрочем, каждый может делать и устраивать по желанию и в зависимости от обстоятельств".

Когда атакуют неприятельскую артиллерию, он рекомендует сдваивать ряды так, чтобы образовывались широкие проходы между ними, через которые могли бы пролетать ядра, не причиняя вреда. Каждый ряд будет состоять из 12 человек в глубину. "Когда же рейтары собираются прорваться, надо заблаговременно запереть ворота и снова выстроить ряды".

Йоханнес Боксель (нидерландский капитан-лейтенант, "Нидерландское военное обучение", нем. пер., 1675 г., третья кн., стр. 6) пишет: "Солдаты стоят в шеренгах на расстоянии 6 "башмаков" (пядей), а в рядах – 3 "башмаков" друг от друга. Судя по рисункам, не подлежит сомнению, что интервал считается без самого человека, ибо даже после команды "сдвойте шеренги" люди стоят довольно широко.

Монтекукули (Сочинения, II, 224) предоставляет пехотинцу при сомкнутых рядах три шага по фронту и три в глубину; но непосредственно за этим у него сказано, что при сомкнутых рядах солдаты должны стоять насколько возможно теснее.

Тот, кто прочтет одно за другим эти показания, будет, прежде всего, удивлен тем, что о такой простой вещи, которая должна была быть заранее установлена на каждом плацу для учений, писатели, которые во

всяком случае должны почитаться за знатоков, могут выдвигать такие различные определения. Что в разные времена и в разных странах или школах обучения введены были различные меры – до известной степени возможно и допустимо, но по самой природе вещей границы вариантов должны бы быть более узкими, чем те, которые здесь перед нами обнаруживаются. Откуда же эти расхождения? Вопрос этот важнее, чем само дело; как бы то ни было, вопрос этот должен быть обследован как для получения ясного понятия о ландскнехтах, так и из-за аналогичного вопроса в античном военном деле. Опираясь на несколько неправильное изложение Полибия, пристегнули к ложному представлению о дистанциях в рядах и интервалах в шеренгах целую совершенно фантастическую систему античной тактики, и возникает вопрос, чтó в этом отношении можно вывести относительно эпохи ландскнехтов? Речь идет в данном случае о сходстве швейцарских и ландскнехтских колони с поздней македонской фалангой, которая пользовалась тем же самым оружием – длинной пикой.

Прежде всего, надлежит установить, что в двух из вышеприведенных показаний вкралась несомненная ошибка. Когда Таванн определяет интервалы и дистанции в три и семь шагов (pas), то не может подлежать сомнению, что имеются в виду не шаги, а футы (пади), а когда у Монтекукули говорится сначала, что солдат при сомкнутых рядах требует три шага по фронту и три – в глубину, а дальше, непосредственно за этим, что при сомкнутых рядах солдаты должны стоять возможно тесно, то ясно, что в первом случае допущена описка и вместо "сомкнутых"

должно стоять "разомкнутых". Это подтверждается на стр. 226, где фронт из 83 человек исчислен в 124 S шага. То же можно сказать и про стр. 350, 379 и 386, где на пехотинца считается по 1 S шага.

Далее следует отметить, что авторы порою весьма неясно выражаются и порою даже впадают в противоречия: вместо точных цифр они нередко дают лишь описания. К тому же "шаг", который нередко принимается за единицу измерения, представляет крайне неопределенное понятие. Да и фут, или "башмак" (пядь), не представляет всюду одну и ту же меру. Собственно, нормальным построением в боевом порядке, по-видимому, является 3 фута в шеренге, но иногда упоминается и о более тесном, и притом гораздо более тесном, построении – до одного локтя и даже до одного фута на человека, причем требуется, чтобы во время самого боя густота изменялась, особенно чтобы против конницы смыкались как можно плотнее. Твердо установленной схемы античных писателей – 6, 3 и 1 S фута – мы уже не встречаем нигде; даже когда Вильгельм Людвиг, ссылаясь на Элиана, прямо на это указывает, то, собственно, он этого не воспроизводит. Это тем более примечательно, что можно было бы сказать, что эта схема сама собою получается при выполнении одного перестроения, о котором упоминает уже Вильгельм Людвиг и которое в течение всего XVII столетия играло большую роль во всех руководствах по военному обучению, это – сдваивание, о котором мы упоминали выше, в цитате цюрихца Лафатера. Еще в строевом уставе Фридриха III Бранденбургского 1689 г.[99], непосредственно перед упразднением пикинеров, указания относительно сдваивания и

утраивания шеренг и рядов разработаны весьма подробно. Интервалы прямо не обозначены, но если положить в основание элементарный интервал в 6 футов, то при сдваивании и при утраивают мы приходим точно так же, как и греки, к 3 и 1 S футам.

Если, несмотря на это, в колоннах пикинеров нового времени мы не находим повторения твердой греческой схемы, то это, несомненно, зависит не от того, что в XVI и XVII веках строевое учение производилось менее точно, чем у греков.

Аналогия между позднейшей македонской фалангой и нашей квадратной колонной, правда, имеется налицо, однако она подлежит известным ограничениям. Хотя сарисса и длинная пика почти тождественны, однако тактика – различна. Напоминаю, что я отнюдь не считаю македонскую фалангу, как нам ее описывает Полибий, тождественною с фалангой Александра Великого. Очень длинная сарисса и крайне плотное построение представляют заключительную фазу продолжительной эволюции в этом направлении. Позднейшая македонская фаланга при ее широком фронте и тесной сомкнутости двигалась крайне медленно; ее принцип заключался в том, чтобы раздавить противника своей отыканной пиками массой. Фаланги Александра были еще много подвижнее. Но еще подвижнее были ударные колонны швейцарцев и ландскнехтов. Первичная тактика швейцарцев основана была на внезапной бурной атаке, по возможности врасплох; тогда как позднейшая македонская фаланга, собственно, могла функционировать нормально лишь на ровном поле; ударные колонны, особенно при их обходных

движениях, почти не боятся никаких местных препятствий. Их обычное построение поэтому не могло быть слишком тесным; но при известных условиях, особенно же когда им приходилось выдерживать атаку рыцарей или рейтаров, они смыкались воедино как можно теснее.

Это тесное смыкание сзади наперед производилось в серьезном бою чрезвычайно просто и естественно посредством надвижения задних шеренг; смыкание по фронту было уже не так просто; правда, что само собою делается известное скучивание к середине, подобно тому как то сообщается о римлянах при Каннах и как Макиавелли о том свидетельствует вообще, но в момент, когда приближается атака неприятеля, попытка сомкнуться таким путем могла бы смять все построение. Поэтому уплотнение фронта, надо полагать, выполнялось тем, что шеренги надвигались сзади, причем всякий раз, как между двумя солдатами одной из шеренг появлялся пробел, его заполнял солдат из задней шеренги. Впоследствии систематически упражнялись в таком вступлении из задней шеренги в менее плотную переднюю. Это и есть то сдваивание, о котором мы уже упоминали.

А у античных писателей, Вегеция и Элиана, мы встречаем упоминание о таком упражнении, выработавшемся, с чисто греческой логической последовательностью, в схему шести-, трех- и полуторафутового протяжения по фронту на человека. На практике в серьезную, решительную минуту это перестроение, конечно, не могло выполняться с такой безукоризненной четкостью. Солдаты при продвижении вперед не удерживают с такой точностью эти интервалы. Писатели нового времени,

которых мы просмотрели, были в полном, живом контакте с практикой и заимствовали непосредственно из нее свои указания, поскольку они не повторяли данные древних писателей. Они в меньшей мере, чем греки, – философы. Они не дают логической схемы, но оценивают то, что сами переживали и видели, причем оценивают они весьма различно, а иногда дают на себя влиять своей наклонности к теоретическим построениям. Как далеко практики могут расходиться между собою в подобных оценках, в этом мне самому пришлось недавно убедиться на собственном опыте, когда я опросил трех кавалерийских вахмистров относительно того, какое пространство в настоящее время (1909 г.) занимает лошадь по фронту. Ответы гласили: "один шаг", "добрый шаг", "полтора шага"; если принять во внимание, что они исходили от трех одинаково обученных и обладавших одинаковой опытностью людей, то расхождение покажется весьма существенным.

К этому я могу тут же добавить, что выше цитированный французский военный писатель Биллон, подполковник господина де Шаппа, считает (стр. 259), что при 10 шеренгах пики последней шеренги еще высовываются перед фронтом, в то время как Монтекукули (II, 579) требует, чтобы пикинеры строились не глубже чем шестью шеренгами, ибо пика не хватает дальше пятой шеренги.

Если после всех этих соображений мы еще раз мысленно сделаем общий обзор приведенных нами показаний, то мы придем к заключению, что пикинеры, как общий принцип, наступали довольно

разомкнутыми шеренгами с тремя футами пространства по фронту на человека, в бою же часто переходили к гораздо более сомкнутому пространству. Особенно это имело место в оборонительном бою при отражении кавалерийской атаки. Однако и при встречном бое двух квадратных колонн, когда атакующая колонна, наткнувшись на противника, задерживалась и все теснились вперед в самую первую шеренгу, то первоначальный пустой интервал в три фута исчезал, как не только нам о том сообщают некоторые из вышеприведенных писателей-теоретиков, но и как мы можем выявить из хода многих сражений; тогда старались, подобно македонской фаланге, раздавить противника тяжестью своей тесно сомкнутой массы. Такие картины дает нам Черинъола (1503 г.), Ваила (1509 г.), Равенна (1512 г.), Новара (1513 г.), где швейцарцам, в то время как они атакуют ландскнехтов, французские жандармы угрожают с фланга, и они ради одного этого должны тесно сомкнуться, Ла-Мотта (1513 г.) и еще Бикокка (1522 г.) и Павия (1525 г.), где колонна нижненемецких ландскнехтов – "черных" – была охвачена, как тисками, обеими колоннами Фрундсберга и Эмбса, и наконец Черезола (1544 г.). Если колонна смыкалась лишь в последнее мгновение и притом, пожалуй, не вполне равномерно, то она скоро и размыкалась в самом процессе боя, когда противник начинал сдавать, и постепенно переходили к преследованию. Здесь не следует схематизировать и идти слишком далеко по пути установления определенных мер, на что нас так легко соблазняет потребность в теоретическом построении. Как бы то ни было, чрезвычайное смыкание, по крайней мере, к

известному моменту, подтверждено с полной достоверностью хотя бы легендой о Равенне, будто ловкие испанцы вскакивали на головы ландскнехтов и сражались с ними сверху. Чтобы такая легенда могла сложиться, необходимо, чтобы и у рассказчиков, и у слушателей имелось налицо представление о сплоченной до крайнего предела массе.

Глава IV

ГУСТАВ АДОЛЬФ

Последователем военного искусства Морица Оранского был Густав Адольф, который не только воспринял и развил новую тактику, но и положил ее в основу стратегии широкого масштаба.

К концу средних веков едва не произошло объединение в одно государство Швеции, Дании и Норвегии подобно тому, как около того же времени объединились друг с другом Кастилия и Арагония. Но шведы воспротивились такому объединению и в борьбе за свою национальную независимость образовали военное государство невиданной дотоле силы. Страна, с включением Финляндии и Эстляндии, насчитывала тогда едва один миллион жителей (не более чем тогдашние курфюршества Саксонское и Бранденбургское вместе взятые), но и народ, и сословия, и король сомкнулись в одно неразрывное целое, в то время как в немецких странах, подчиненных как Габсбургам, так и Гогенцоллернам, вся дееспособность была парализована противоречиями, разделявшими государей и сословия, а простой народ прозябал в тупом безразличии. Королевская власть династии Вазы,

не имевшая своим источником феодальное наследственное право, а созданная народным избранием, носила совсем иной характер, чем власть немецких князей, и как королевская власть в Швеции отличалась от власти немецких государей, так и шведские сословия весьма существенно отличались от сословного представительства в остальной романо-германской Европе. Шведский рейхстаг был своего рода профессиональным представительством, не являющимся носителем чьих-либо прав, а созываемым королем по его усмотрению для его поддержки. С этой целью король созывал не только дворян, духовенство и бюргеров, но и крестьян, а наряду с ними также и представителей офицеров, судей, чиновников, горняков и других профессий[100]. Последние группы постепенно отпали, а представительство от офицеров объединилось с представительством от дворян, так что образовалось прочное представительство четырех сословий, которые сливались в одних стремлениях с королем и выражали единую волю по отношению к внешнему миру. Вступив в 17 лет (1611 г.) на престол, внук Густава Вазы Густав Адольф приобрел в борьбе с русскими и поляками Карелию, Ингерманландию и Лифляндию и довел численность своей армии до 70 000 человек, что в

отношении к народонаселению Швеции представляло больший процент, чем выставленный Пруссией в 1813 г.[101].

Надо полагать, что финансовые силы небогатой Швеции подверглись крайнему напряжению для того, чтобы содержать такое войско. Долго – это было бы невозможно, но война питает войну. Раз организованная армия содержалась и даже пополнялась из областей, которые она покоряла.

Национальное пополнение армии происходило не только путем добровольной вербовки: при посредстве духовенства составлялись посемейные списки по всей стране всех мужчин старше 15 лет, и производился набор по усмотрению местных властей. Таким образом, шведы были первым народом, который организовал у себя национальную армию. Швейцарцы представляли воинственное народное ополчение, но не армию. Ландскнехты носили специфически немецкий характер, но они ничем не были связаны с немецким государством. Французские банды были слишком ничтожны, чтобы их можно было назвать национальной армией. Испанцы уже больше приближались к этому понятию, в то время как нидерландцы, в свою очередь, представляли чистейший тип интернациональных

наемников. Между тем шведское войско представляет вполне сформированный военный организм, служащий для защиты, величия и славы отечества. Народ дает своих сынов в качестве солдат, а офицерский корпус образуется из местного дворянства. Правда, во время войны этот национальный характер не сохранялся полностью: завербовывалось и много чужеземцев, зачисляли в ряды также значительное число пленных и принимались на службу офицеры не шведского происхождения. Уже когда Густав Адольф отправлялся в Германию, в его войсках было много шотландцев, и чем дольше тянулась война в Германии, тем шведское войско постепенно все более онемечивалось по составу как солдат, так и офицеров.

Войско было дисциплинировано и обучено по нидерландскому образцу. В то время как "в Германии солдаты часто бродят, как стадо быков или свиней", Траупиц в своем "Военном искусстве по королевско-шведской методе" (1633 г.) поучает, что надлежит равняться по фронту и в глубину, и точно соблюдать интервалы. И он, и другие писатели описывают нам формы, которые вырабатывались и которые часто были настолько искусственны, что их в серьезном деле никак нельзя было бы применить; но сам факт, что ими

занимались, свидетельствует о том, что в ходу было чрезвычайно интенсивное строевое обучение.

Шотландец Монро описывает один шотландский полк, который сражался под начальством Густава Адольфа при Брейтенфельде и Люцене: "Целый полк, дисциплинированный как этот, представляет как бы *одно* тело, *одно* движение: уши слышат в одно и то же время команду, глаза поворачиваются одним движением, руки работают как одна рука".

Рюстов в своей "Истории пехоты" начертил чрезвычайно наглядную картину "шведского боевого порядка". Каждый полк состоит из пикинеров и мушкетеров; тактическое построение называется бригадой; она основана на плоском, в шесть шеренг глубиною, линейном построении, причем отрады пикинеров и мушкетеров чередуются между собою; проблема прикрытия мушкетеров пикинерами разрешается тем, что мушкетеры, при угрозе кавалерийской атаки, отступают за линию пикинеров, а образовавшиеся через это промежутки заполняются отрядами пикинеров, стоявших позади первой линии и образовывавших вторую линию.

Однако эта картина не подтверждается теми цитатами, которые приводит Рюстов, а другие

сообщения гласят о совершенно ином. Да и по существу представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы пред лицом надвигающейся неприятельской атаки мушкетеры успели отступить за шеренги пикинеров, стоящих рядом с ними, а выдвинутые из второй линии пикинеры смогли замкнуть разрывы фронта. Сверх того, мушкетеры второй линии оказываются настолько закрытыми первой линией, что они не могут использовать своего оружия, и не видно, как и где они могут быть вообще применены к делу.

Впрочем, я отказываюсь углубляться в возникающие при этом вопросы (ср. экскурс ниже), так как они носят чисто технический характер: вопрос военно-исторического и всемирно-исторического значения не ставится этим под какое-либо сомнение; он сводится к большому числу мушкетеров, какое мы уже видели в войсках Морица, связанному с усовершенствованием их оружия. Вес мушкетов настолько уменьшается, что можно обойтись уже без сошки. Это означает ускорение стрельбы. Все еще продолжают держаться того взгляда, что мушкетеры без пикинеров не могут противостоять кавалерийской атаке. Однако в противоречии с этим существуют уже полки, составленные из одних мушкетеров, и уже в 1630 г. Неймайер фон

Рамсла писал в своих "Воспоминаниях и правилах военного дела"[102]: "Длинные пики представляют скорее ослабляющий войну элемент, чем ее нерв. Ружья защищают пики"[103].

Один шотландец, участник сражения при Брейтенфельде подполковник Мёскамп, командовавший батальоном мушкетеров, следующим образом описывает пехотный бой[104]: "Сперва я велел стрелять из трех небольших орудий, которые я поставил перед собою, и не разрешил своим мушкетерам дать ни одного залпа, прежде чем мы не подошли на расстояние пистолетного выстрела к неприятелю; тогда я скомандовал залп трем первым шеренгам, а затем и трем следующим. После чего мы ворвались в их ряды, нанося им удары мушкетами и саблями.

"Неприятель, хотя мы уже вступили с ним в рукопашную, однако, дал два или три залпа из мушкетов. В начале нашей атаки четыре бойких эскадрона кирасиров, шедших впереди неприятельской пехоты, повели атаку на наши колонны пикинеров, они близко к ним подъезжали, давали по ним один или два пистолетных залпа и перестреляли всех шотландских знаменосцев, так что сразу рухнуло на землю столько знамен. Наши им здорово

отплатили. Один их храбрый командир, весь в красном с золотым шитьем, как раз оказался перед нами; мы видели, как он лупил собственных людей саблей по голове и по плечам, подгоняя их, так как они не хотели идти вперед. Этот господин протянул бой более чем на час, но когда он пал, мы видели, как их пики и значки попадали одни на другие, а все его люди бросились бежать, а мы их преследовали, пока ночь нас не разлучила".

Такое же картинное изображение пехотного боя находим мы в другом английском источнике, в биографии короля Якова II. Здесь мы читаем[105]: "Когда королевская армия (при Эджгиле, 1642 г.) подошла к неприятелю на расстояние мушкетного выстрела, пехота с обеих сторон открыла огонь. Королевские войска двинулись вперед, а бунтовщики остались на своих местах, так что они настолько сблизились, что некоторые батальоны могли наносить удары пиками, особенно гвардейский полк лорда Уиллугби и некоторые другие. Сам лорд Уиллугби убивает пикой одного офицера из полка лорда Эссекса и ранит другого. Раз пехота так горячо и близко сошлась, можно было ожидать, что одна из сторон обратится в бегство и рассеется; однако дело приняло иной оборот, ибо обе стороны, словно по обоюдному соглашению, отступили на

несколько шагов, плотно воткнули свои значки в землю и продолжали стрелять друг в друга вплоть до самой ночи; явление столь изумительное, что никто ему не поверил бы, если бы при этом не было столько свидетелей".

Даже после введения линейного построения пехоты огневой бой производился в первое время еще в форме караколе; линию мушкетеров разделяли на несколько групп, между которыми оставлялись проходы. После того как первая шеренга дала залп, она через проход отходила назад, чтобы зарядить свои мушкеты, в то время как вторая становилась на ее место, чтобы, в свою очередь, дать залп, и так далее. При продвижении вперед выворачивали, так сказать, караколе наизнанку: шеренга, давшая свой залп, оставалась на месте, а последующие выходили вперед. Дошли и до того, что стреляли за раз две шеренги и затем обе отходили назад. Чтобы проделывать это без длительных пауз, требовалась большая быстрота заряжания. Шотландцы при Брейтенфельде умножили свой шестишеренговый строй до трех шеренг путем сдваивания их; передняя шеренга становилась на колено и все три давали одновременные залпы. Так как нельзя предполагать, чтобы первоначальное построение было настолько широко, что можно было

непосредственно произвести сдваивание, то, надо полагать, было достаточно и пространства и времени, чтобы прежде разомкнуться[106].

Колонны пикинеров стали слишком небольшими, чтобы наносить свой старый, увесистый, сокрушительный удар. Но не только это. Разработка кавалерийской тактики отразилась и на них.

Теперь стало нетрудным для способных к маневрированию кавалерийских эскадронов зайти во фланг наступающей колонне пикинеров и атакой с двух сторон заставить ее остановиться. А тогда беззащитная колонна пикинеров подвергалась пистолетному обстрелу рейтаров. Таким образом, пикинеры опустились до роли вспомогательного рода войск при стрелках.

Густав Адольф не только умножил огнестрельное оружие в пехоте, но в такой же мере и артиллерию. Введена была новая система очень легких орудий, обтянутых кожей, а потому прозванных кожаными пушками. Когда они были сконструированы и как долго ими пользовались, не установлено в точности. Как бы то ни было, шведский король при Брейтенфельде располагал многочисленной легкой артиллерией[107].

Густав Адольф преобразовал и кавалерию. Мы видели, как образовывалась кавалерия в XVI

столетии, причем старые рыцарские элементы с их конными вооруженными слугами были сгруппированы в сплоченные единицы, а пистолет с караколирующей стрельбой стал применяться как главное оружие. Это упразднило само существо собственно кавалерийской атаки. Нидерландцы, уменьшившие глубину эскадронов до 5–6 шеренг, все же сохранили караколирующую стрельбу как боевой прием. И вот Густав Адольф предписал, чтобы кавалерия строилась только в три шеренги и в галоп атаковала бы неприятеля холодным оружием, причем только первые две шеренги имели право дать в упор по одному выстрелу. Валленштейн после сражения при Люцене также запретил караколирование[108].

Состояние дисциплины в армии Густава Адольфа и вообще в армиях, принимавших участие в Тридцатилетней войне, требует еще дальнейшего исследования. С одной стороны, бесспорно установлено, что войска жестоко утесняли страну и ее население, с другой – что чисто военная дисциплина была поставлена лучше и строже, чем у ландскнехтов. Это уже являлось естественным последствием постоянного пребывания солдат под знаменами, а полководцы, со своей стороны, принимали меры, чтобы

"подтянуть вожжи". О Густаве Адольфе сообщают, будто он изобрел наказание – прогонять сквозь строй (шпицрутены) для того, чтобы иметь возможность налагать тяжкие наказания, не теряя наказанного солдата. Телесное наказание, выполняемое палачом, лишало солдата чести, и товарищи уже не терпели его в своей среде. Прогоняя его сквозь строй, его наказывали сами товарищи, что не считалось бесчестием[109].

Подобно тому как в римском войске поклонение капитолийским богам шло рука об руку со строжайшим осуществлением карательной власти, так и Густав Адольф строил мораль своих войск не только на начальственной власти командиров, но и на развитии в своих войсках религиозного чувства. Его армия имела, как мы видели, национально-шведскую базу и еще в большей мере протестантско-лютеранское настроение. "После победы под Виттштоком, – подробно повествует нам англичанин-очевидец, – генерал Бауер велел совершать трехдневное благодарственное богослужение, заменив при этом звуки органа барабанным боем, игрою на флейтах и трубах, ружейными залпами и громом орудий"[110].

Чем были Канны для Ганнибала, тем было

сражение при Брейтенфельде для Густава Адольфа: победой искусства над безусловно имевшейся налицо высокой, но чересчур неуклюжей боеспособностью. Даже во многих отдельных моментах боя мы находим аналогию между Каннами и Брейтенфельдом. Ниже мы даем среди ряда сражений подробное описание этого решающего момента мировой истории, которое наглядно изобразит нам новое шведское и старое испанское военное искусство в их взаимном столкновении. Густавом Адольфом как стратегом мы займемся ниже в общем изложении последовательного хода развития стратегии.

В заключение приведем величественную характеристику шведского короля, переданную нам Филиппом Богуславом Хемницем. "Неоднократно проявлял он надлежащую заботу не только о королевском достоинстве и власти, но и о благе государства и подданных, каждого в отдельности и всех вместе; он с корнем вырывал все поводы к внутреннему возмущению и раздорам и удивительным образом соединял и связывал между собою две различные, да и почти противоположные вещи, а именно – свободу подданных и величие верховной власти".

"Далее, в военном деле насколько он превзошел в славных деяниях бывших до него

высоких военачальников, настолько же он затмил их в познании военного искусства и в учреждении доброго порядка: так что все его деяния надо приписать не слепому, голому счастью, но, после Божьего всемогущества, его превосходной доблести, высокому разуму и доброму руководству. С выгодой свести армию с неприятелем, без ущерба снова отвести ее от противника, с удобством расположиться в поле и быстро обеспечить армию укрепленным лагерем – все это он умел делать мастерски; едва ли кто мог бы его превзойти в укреплении какого-либо места или в "атакировании" его; никто лучше его не мог судить о враге, ориентироваться в неопределимых случайностях войны и экспромтом (aus dem Stegreif), наспех, сообразно с условиями времени или внешним обликом неприятеля, принимать полезные для дела решения; в организации сражения он не имел равного. Его принципом в отношении кавалерии было не допускать разных хитросплетений, не ведущих прямо к цели, заездов и караколе; он строил ее в три шеренги, прямо устремлял на неприятеля, ударял на него и позволял стрелять не более как двум первым шеренгам лишь на таком расстоянии, когда они различали белки глаз противника; после чего должны были браться за палаши, а последняя

шеренга должна была ударить на врага одними лишь палашами, приберегая оба пистолета (первые шеренги – только один пистолет) про запас для рукопашной схватки. Пехота была разделена в порядке на полки и роты, роты – на взводы и отделения, и каждое отделение имело своего старшего и младшего отделенного; каждый рядовой солдат и без указания офицера уже наперед знал, на каком месте он должен стоять и сражаться. А так как король нашел, что в глубоких колоннах, какие строили на старый лад, спереди стоящие мешали сражаться задним, а также что они несли большие потери от огня пушек, то строил он свою пехоту не больше как по шесть человек в глубину. Когда же дело доходило до боя, пехота сдваивала шеренги так, что уже стояло лишь по три человека в глубину. Благодаря этому неприятельские орудия оказывали меньшее действие, а оружием против неприятеля могли пользоваться как передние, так и задние: первая шеренга стреляла с колена, вторая – пригнувшись, а третья – стоя во весь рост, одни через плечи других. Он изобрел особый способ строить пехоту так, чтобы мушкетеров прикрывали пикинеры, а последних, в свою очередь, поддерживали первые; подобно тому как взводы поддерживали друг друга, так и каждая бригада, как небольшая

подвижная крепость, имела свои куртины и фланги, которые друг друга защищали и поддерживали перекрестным огнем. Так стояли и бригады в различных линиях и на достаточной дистанции друг от друга, рядом и одна за другою; с флангов же и с тыла они были ограждены рейтарами; а последние были перемешаны с откомандированными к ним мушкетерами, так что одни могли отступить за других, и одни – могли прийти на выручку к другим. Изобретение рогаток, хотя шведская армия таковых и не держала при себе в немецких войнах, дало королю большое преимущество над многочисленной и бешеной польской конницей. Кожаные орудия он с успехом использовал против поляков в Пруссии, а впоследствии ему пригодились во время немецкой войны короткие, легкие полковые пушки с широким дулом, из которых больше стреляли по неприятелю картечью и дробью, чем ядрами. Действие их особенно ощутили войска Тилли, разбитые под Лейпцигом, благодаря чувствительному урону, который эти орудия им нанесли".

"Вообще на войне он был героем не только в совете, но и на деле. При обсуждении – осторожный, в решении – быстрый; сердцем и мужеством – бесстрашный, в рукопашном бою –

отважный, всегда готовый и командовать и сражаться, и в облике своем – истинный образец не только высокопроницательного главнокомандующего, но и храброго бесстрашного солдата. Ему даже многие это ставили в укор; но упрекавшие его или не знали, или недостаточно обдумали, что его презрение ко всякой опасности и даже к самой смерти исходило от любви к отечеству; и если даже оно переходит всякие границы и, таким образом, превозмогает всякие человеческие недостатки и слабости, то все же является свойством великих героев, на которые никогда не может быть способна мелкая, подлая душа".

ШВЕДСКИЙ БОЕВОЙ ПОРЯДОК

Мы, казалось бы, хорошо осведомлены относительно шведской пехотной тактики. Помимо сведений, помещенных в "Европейском театре" ("Theatrum Europaeum") и у Хемница, мы располагаем двумя специальными сочинениями: "Шведское войско" ("Arma Suecica") Арланибэуса (1631 г.) и "Военное искусство по методу шведского короля" Траупица[111] (1633 г.) и 20 чертежей построений в сражениях 1630–1632 гг., исполненных собственноручно самим королем, опубликованных в "Архиве шведской военной истории", т. I (1854 г.). Однако в этих источниках нет согласованности.

По расчетам Рюстова, бригада состоит из 576

пикинеров и 432 мушкетеров. Между тем Траупиц говорит, что у шведов на 2/3 мушкетеров приходилось 1/3 пикинеров и полемизирует весьма пространно против тенденции численно уравнять оба рода войск, хотя он и на этот случай дает свои правила.

Это противоречие между изложением Рюстова и показаниями Траупица можно было бы примирить предположением, что при построении бригады часть мушкетеров не используется. Сам Рюстов это допускает. Тем не менее разница в числах слишком велика, чтобы она могла быть сглажена этим компромиссом.

Далее, впрочем, не согласуются также и чертежи. На чертежах самого короля перед главным фронтом бригады выдвинуты две колонны, одна за другой. То же изображение наблюдается и у бригад Горна в их первоначальном расположении на плане Брейтенфельдского сражения в "Европейском театре" ("Theatrum Europaeum"). Что означают эти колонны, пикинеры ли то, или мушкетеры? По этому поводу я еще не пришел к обоснованному заключению.

Траупиц делит роты (вместе с офицерами 156 человек) на три взвода (Squadronen) по 48 человек в каждом – 6 человек в глубину и 8 в ширину: в середине – взвод копейщиков, справа и слева – по взводу мушкетеров. Между взводами интервалы, ширина которых, правда, определяется лишь в "3 или 4 длинных локтя", но в которых, однако, на линии задней шеренги устанавливается по два орудия, что по пространству представляется почти невыполнимым. Но наличие самих орудий имеет большое значение.

При атаке кавалерии колонна пикинеров выдвигается вперед, но мушкетеры не укрываются за

ней, а лишь стоят на некотором расстоянии позади.

Все колонны, как одиночные, так и организованные из трех частей, в тексте "Европейского театра" ("Theatrum Europaeum") всегда обозначаются как "четыре значка пехоты". Разница между чертежом Густава Адольфа и "Theatrum Europaeum" заключается в том, что в последнем выдвинутые вперед колонны по фронту гораздо короче.

В первой линии совершенно ясно видно, что колонны составлены по всему фронту вполне равномерно из пикинеров, имеющих на обоих флангах стрелков. Так как колонны изображены весьма глубокими, то стрелки являются маскировкой (Umkleidung).

На чертежах короля интервалы между отдельными войсковыми частями изображены большей частью небольшими, местами же они и широки.

Первое построение для боя под Штеттином несколько напоминает построение богемцев при Белой горе. По-видимому, в основание положен известный общий образец. Но у Густава Адольфа кавалерия не распределена между пехотой, а стоит на флангах.

Траупиц (стр. 28–45) описал и начертил 5 (собственно говоря, 6) боевых порядков, которые рота должна уметь развернуть из нормального построения. Каждое рассчитано на определенный тактический случай; командиру надо только скомандовать: "Стройся, неприятель приближается своей пехотой, кавалерией, всеми своими силами и т.д.". Тогда младшие командиры отдают соответственные команды, чтобы принять заученное для данного

случая построение.

Отдельные эволюции детализированы с большой точностью: не только взводы, но и полувзводы перемещаются в отдельности.

Из описания шведской тактики (Arma Suecica) Арланибэуса 1631 г. единственно, что можно почерпнуть – это то, что все рода войск друг друга поддерживают, что построение стрелков – неглубокое, что их прикрывают как пикинеры, так и кавалерия.

Как преимущество такого боевого построения, восхваляют не столько его наступательную силу, как его неприступность.

Глава V

КРОМВЕЛЬ

Можно сомневаться, следует ли отводить в истории военного искусства особое место Кромвелю, так как нельзя утверждать, чтобы в цепи прогрессирующего развития этого искусства какое-либо звено носило его имя. Все же он настолько крупный военачальник, и армия его представляет настолько своеобразное и значительное явление, что обойти их молчанием не представляется целесообразным[112].

В средние века, как мы видели, Англия благодаря своей строго централизованной монархии создала весьма действенную военную организацию. В войнах Алой и Белой Розы эта военная организация, так сказать, сама себя истребила. Крупные роды кондотьеров друг друга уничтожили. Династия Тюдоров, положившая конец гражданской войне и воздвигшая почти неограниченный деспотизм, опиралась не на военную мощь, а на утонченную полицейскую организацию.

Уже имелся зародыш постоянной вербованной армии, предназначенной главным образом держать в повиновении ирландцев, но развиваться

она не могла, так как парламент, опасаясь дальнейшего укрепления деспотизма, не отпускал на нее денег.

Очень важно было бы прийти на помощь немецким протестантам во время Тридцатилетней войны. Но подобно тому как Елизавета, щадя чувствительность своих подданных к налоговому обложению, оказывала лишь слабую поддержку Нидерландам в их борьбе с Испанией, так и ее наследники не вмешивались в дела Германии, хотя именно в надежде на эту поддержку чехи и выбрали себе в короли курфюрста Пфальцского, зятя английского короля Якова. Однако Англия ограничилась посылкой нескольких вспомогательных отрядов, снаряженных на добровольно собранные деньги.

Для защиты страны и поддержания порядка существовала известная нам уже в средние века милиция (т. III, кн. 2, гл. 5). Каждое графство сообразно своим размерам формировало соответственную воинскую часть, организованную по-военному и снабженную командным составом. Оружие хранилось в специальных цейхгаузах; иногда производились учения; для таковых в каждый летний месяц выделялось по одному дню. Однако эту милицию звали "обученным войском" (trained bands) скорее потому, что она должна

была обучаться, чем потому, что она действительно обучалась. Ее боевая ценность была также ничтожна, как и боевая ценность ополчения многих немецких областей, в чем мы могли убедиться.

К тому же, по закону ими не только нельзя было пользоваться за пределами королевства, но, по возможности, даже и за пределами собственного графства. Прошло около полутораста лет, в течение которых Англия хотя и вела порой войны, но не могла похвалиться какими-либо боевыми достижениями. Правда, как и во Франции и Германии, и в английском дворянстве продолжали жить воинственные традиции отцов, но теперь уже нельзя было вести победоносных войн при помощи рыцарского ополчения, а если вербовали наемных солдат, то у них недоставало той традиции, которая придавала ценность немецким ландскнехтам. Будучи сильнейшей из всех протестантских стран, Англия не могла играть значительной роли за недостатком военной организации в европейской политике ни в течение гугенотских войн, ни в борьбе за независимость Нидерландов, ни в Тридцатилетней войне, в которой, наконец, руководящую роль взяла на себя Швеция, несмотря на незначительность своих

материальных сил.

Тот же недостаток военной организации, естественно, являлся господствующим фактором и в гражданскую войну. Как сторонники Карла I, собравшиеся вокруг него, так и ополчение парламента были недостаточно сплочены, несмотря на свое партийное усердие добиться крупных решительных успехов. С обеих сторон под оружием было от 60 до 70 тысяч человек, но, безусловно, большая часть войск была использована в качестве гарнизонов в городах и укрепленных замках, так что в решительных боях в открытом поле принимало участие не более 10 или 20 тысяч человек. С обеих сторон были офицеры и солдаты, ранее служившие в нидерландских или шведских войсках и принимавшие участие в сражениях Тридцатилетней войны. Формы, выработанные там, были теперь перенесены в Англию, но прошло несколько лет, прежде чем с ними сжились массы, так что сама война, как это имело место я в другие эпохи всемирной истории (например, во время гуситских и позднее французских революционных войн), породила подлинную армию.

Эта эволюция армии, замена рыхлых ополчений гражданской милиции и добровольцев

квалифицированной армией – по преимуществу дело рук Кромвеля, а всемирно-исторической личностью делает его то, что он сумел эту созданную им армию использовать тактически и вести стратегически. В качестве члена парламента он внес предложение, чтобы высшее командование милицией было передано из рук короля в руки парламента; когда из-за этого предложения возгорелась гражданская война, он, будучи 43 лет, допустил назначить себя ротмистром и сформировал в своем графстве эскадрон. Раньше он не был солдатом. Когда парламентское войско в первом более крупном столкновении при Эджгиле (23 октября 1642 г.) потерпело неудачу, он во время отступления сказал Гемпдену: "Ваши войска состоят большею частью из старых одряхлевших лакеев, кабатчиков и тому подобного сброда. Войска же противника – это сыновья дворян и знатные молодые люди. Неужели вы воображаете, что мужество таких низких малых, как ваши солдаты, когда-нибудь может потягаться с мужеством людей, у которых в сердце есть честь, отвага и решимость? Вы должны постараться набрать людей, преисполненных единым духом и, не примите за обиду то, что я вам скажу, – духом столь же высоким, как и дух дворянина". "Людей чести

должны победить люди религии, а где таковые имеются, я знаю", – добавил он. В другой раз он сказал: "Во главе стоят не те люди: голоса адвокатов больше значат в войне, чем голоса военных".

В этом духе сформировал он сперва свой эскадрон, а за ним и полк, и в 1645 г., следовательно, на четвертый год войны, было решено создать по этому образцу новую полевую армию. До тех пор, собственно, настоящей, целостной парламентской армии не существовало, а было несколько войсковых групп, содержавшихся отдельными графствами или несколькими объединившимися графствами. Наиболее сильное из этих объединений, состоявшее из нескольких восточных графств, уже примкнуло к Кромвелю и его графству и составило теперь ядро для "новой модели". Парламент обещал этой новой армии регулярную выплату жалования уже не от графства, а из государственной казны. Хотя численность этого войска не превосходила какие-нибудь 20 000 человек, однако наличного состава не хватало и для этих формирований, и общинным управлениям было предложено доставить необходимые пополнения путем набора.

До этого времени войска с той и с другой

стороны были приблизительно одинакового достоинства: в обоих лагерях были офицеры, раньше служившие у нидерландцев и у Густава Адольфа; и с той и с другой стороны офицерский корпус состоял из дворян. То, что в парламентской армии со временем и некоторые рядовые солдаты были произведены за отличие в офицеры, в общем, не составляло существенной разницы. Из 37 полковников и генералов и в новой армии 9 – были лорды, 21 – провинциальные дворяне и только 7 – буржуазного происхождения; лишь в позднейшие годы на места дворян, взявшихся за оружие из-за политических и религиозных убеждений, выдвинулись профессиональные военные. Поэтому разницу между обеими армиями не следует искать в противопоставлении аристократического и демократического начала. Названия "кавалеров" и "круглоголовых", толкуемые будто последние с пренебрежением отвергли локоны, красу тогдашней знати, вводят в заблуждение. Портреты предводителей и офицеров "круглоголовых", Кромвеля, например, и других, изображают их всех украшенными локонами. Только в начале гражданской войны пуритане выступали в поход с остриженными волосами, словно они выступали в поход, как

пишет один современник, лишь до той поры, пока у них снова не отрастут волосы.

В первые годы во главе революционных войск стояли выдающиеся члены парламента – графы Эссекс и Манчестер. Создавая новую армию, создали и новое верховное командование. Парламентские генералы вели войну все время в предвидении, что в конце концов все-таки придут к соглашению с королем. Граф Манчестер говорил: "Хотя бы мы девяносто девять раз победили короля, все же он – король, и его потомки тоже будут королями; но стоит королю нас победить хотя бы один только раз, и мы будем повешаны, а наши потомки обратятся в рабов". Теперь был издан закон "Акт самоотречения", согласно которому члены парламента больше не должны были занимать начальственных постов в армии. Ведение войны должно было, так сказать, быть отделено от политики. Парламент назначал верховного главнокомандующего, и на этот пост был избран генерал Томас Ферфакс. Последнему было предоставлено право со своей стороны назначать всех офицеров, полковников и капитанов, но еще с согласия парламента. Если бы Кромвель был заурядным человеком, это мероприятие окончательно закрыло бы ему все перспективы на будущее. Ибо, как член

парламента, он был бы вынужден сложить с себя свою должность в армии, в которой тем временем он дошел до звания генерал-лейтенанта. Но результат получился обратный. Авторитет Кромвеля среди войск был так велик, что к нему не, решились применить "Акт самоотречения", Ферфакс же был просто лишь солдат, натура аполитичная. То обстоятельство, что Кромвель оставался одновременно и в парламенте и в армии, дало ему такое влияние на Ферфакса, который на 12 лет был моложе его, что последний передал ему в руки фактическое руководство, хотя Кромвель и занимал лишь второе место.

Строительство армии нового образца было связано с окончательной утратой характера гражданского ополчения; она образовала строго дисциплинированную, чисто военную корпорацию. Основой же дисциплины служила религия. Не следует при этом упускать из виду, что армия по сравнению со всей массой населения была весьма мала. Она представляла корпорацию единомышленников, в одно и то же время – войско и секту. Ее не без основания сравнивали с крестоносцами и с рыцарским орденом. Поэтому английская революционная армия представляет нечто совсем иное, чем позднейшая французская революционная армия; не походит она также и на

немецких ландскнехтов. С первой – она имеет сходную черту сплоченности одною религиозно-политической идеей и в то же время отличается от нее тем, что она представляет не массовый набор, а отбор. С другой стороны, воинский дух новой армии сближал ее с ландскнехтами; но у ландскнехтов мы видели воинственность низшего порядка, животную храбрость, без каких-либо идейных устремлений, в то время как в армии индепендентов мы видим воинственный дух на службе идеи. Во французских гугенотских войнах дело не дошло до образования замкнутого войска вроде армии Кромвеля. Войска во время этих войн, то и дело прерывавшихся мирными договорами и перемириями, носили характер дворянских и буржуазных ополчений и банд наемных солдат.

Кавалерия в армии Кромвеля, так же как и в армиях конца Тридцатилетней войны, составляла от одной трети до половины всего ее состава. Большинство солдат имело собственных лошадей и собственное снаряжение. Они получали такое большое жалование, что могли жить как джентльмены, и между ними было много образованных людей, которые смотрели на свою службу как на хорошее положение.

"Наши солдаты, – говорил позднее старый

офицер-роялист офицеру-пуританцу, – были подвержены человеческим грехам: пьянству и распутству, а ваши – грехам сатанинским: духовной гордыне и духу возмущения".

Так как офицеры не избирались, а назначались, то принцип авторитета был строго обеспечен. "Когда я приказываю, каждый повинуется или немедленно увольняется, – писал однажды Кромвель, – я не терплю возражений от кого бы то ни было". "Одинаковая форменная одежда, – об этом в данном случае и шла речь, – необходима, ибо из-за различия в обмундировании нередко наши люди наносили удары своим"[113]. Авторитет строго поддерживался и на высших командных постах. Хотя командующий часто созывал на военный совет своих полковников, он не считал себя связанным их решением, а отдавал свои распоряжения по собственному усмотрению.

Военная дисциплина, опиравшаяся, по выражению Кромвеля, "на страстность и истинность веры", использовалась для того, чтобы путем учений и упражнений образовать из всадников крепкие, сомкнутые тактические единицы. Граф Эссекс в начале гражданской войны считал возможным отказаться от основательной муштровки милиции; лишь бы

солдаты понимали и знали самое необходимое. Кромвель, наоборот, требовал не только того, чтобы капитанами делали надежных людей, но чтобы им дали и время обучить своих солдат.

У конницы, служившей королю, тоже не было недостатка в храбрости, а в лице принца Руперта Пфальцского, сына "зимнего короля" и племянника короля Карла I, последний имел весьма ценного кавалерийского генерала, прошедшего школу Тридцатилетней войны. Эссекс одно время потерял надежду, что ему когда-либо удастся образовать кавалерию, равную королевской. Превосходство, которое наконец-таки достигли кромвелевские "железнобокие" (ironsides), основано было не только на их храбрости, но на дисциплине, дававшей возможность вождям тотчас после атаки снова их собрать.

Хёниг (II, 2, 435) установил, что во всех четырех кампаниях принца Руперта, до конца его кавалерийской карьеры под Нассби, постоянно повторяется та же ошибка: всадники после атаки не собираются снова, – и он делает из этого вывод, что принц Руперт не понимал всего значения этого требования. Но так ли это? Какой же это кавалерийский генерал, которого не научил бы неоднократно повторявшийся опыт тому, как

необходим сбор после атаки, как опасно беспорядочное преследование, или того хуже – погоня за добычей? Не могу я отказать в таком понимании принцу Руперту. Но ведь одного понимания мало. Это – вопрос военного воспитания; дело чрезвычайно трудное, требующее огромного морального напряжения, с которым пуритане, благодаря импульсу, который давали им их религиозные стремления, справились, а королевские – нет. Вот это-то различие между двумя кавалериями и решило исход сражений при Нассби и Марстон-Муре; правда, при Нассби, вопреки прежним взглядам, парламентское войско имело к тому же и большое численное превосходство[114].

От описания отдельных кампаний и сражений Кромвеля я могу отказаться: оригинально в нем было не столько то, как он вел свою армию, сколько описанный нами способ ее формирования. Впрочем, в дополнение отметим несколько интересных частностей, которые касаются всего военного дела той эпохи.

В момент возникновения гражданской войны пикинеры и мушкетеры стояли еще рядом. Твердо установленной схемы, как их надлежит размещать во взаимной связи, я в источниках не нашел. Неоднократно упоминается, что пикинеры

отразили кавалерийскую атаку или что сшибались между собою их батальоны. Как на континенте, так и здесь мушкет начинает одолевать лику. Нередко упоминается о том, как в рукопашном бою мушкетеры пользовались своим оружием как палицей. В качестве существенного момента постепенного продвижения на первое место мушкета Ферт указывает на большую способность мушкетеров к походным движениям, так как они не носили панцирь. В первые годы гражданской войны самые длинные дневные переходы не превышали 10–12 английских миль, наиболее форсированный переход достигал 13 миль, следовательно, все же меньше 20 км. Впоследствии, когда отказались от панцирей, дневные переходы стали удлиняться, но все же едва достигали 3 немецких миль, или около 23 км.

Окончательно англичане отказались от пик лишь в 1705 г.

В начале гражданской войны еще пользовались вилками для мушкетов, но в "армии нового образца" они уже были упразднены.

В первые годы гражданской войны перед каждым сражением объявлялся боевой признак отличия и боевой клич, дабы солдаты обоих лагерей могли друг друга отличать. Под Эджгилем парламентские войска носили

оранжевые перевязи, под Ньюбери – зеленые султаны на шляпах, при Марстон-Муре – кусок белой материи или лоскут белой бумаги на шляпе. Так как такой значок легко мог потеряться в свалке сражения, введен был и боевой клич, как например "С нами Бог" (подобно шведам при Брейтенфельде) или у противной стороны при Марстон-Муре: "Бог и король".

Еще во время войны Кромвель ввел однообразное обмундирование – красный мундир, который с тех пор оставался одеянием английских солдат в течение двух с половиной столетий.

У англичан было обыкновение идти в атаку с громкими криками; шотландцы же молча наступали на врага. Монро смеется над имперцами, кричавшими при атаке: "Са, са, са"; они-де наступают, как турки, словно криком можно испугать храбрых солдат. Датчане и шведы тоже наступали молча[115].

Поскольку своеобразный характер пуританской армии придавала ей ее религиозность, а дело Кромвеля заключалось в использовании этого религиозного духа для создания военных форм и осуществления военных предприятий, то нельзя умолчать и о том, как этот характер армии, в свою очередь, отражался на политике.

Военное командование сперва было в руках Ферфакса, а затем – заступившего на его место Кромвеля. Когда же военные вопросы принимали характер политических, то решение выносил совет офицеров, а когда в 1647 г. армия восстала против парламента, то и рядовые избирали "агитаторов" – солдатский совет, который должен был отстаивать их интересы. Парламент хотел дать стране пресвитерианскую церковную конституцию, которая обеспечила бы власть господствующих классов над страной при помощи церковной дисциплины[116].

Этому воспротивилась армия. В ней шевелилась, в противоположность аристократическому характеру традиционной парламентской конституции, демократическая идея. Духовному авторитету пресвитерианцев в такой же мере не хотели подчиняться, как и авторитету епископов, и отстаивали идею отделения церкви от государства, свободное образование сект, идею индепендентов. Наконец, выступил на сцену корпоративный дух армии как таковой; парламент хотел распустить армию после того, как она сделала то, что от нее требовалось – сразила короля. Полки же не хотели быть распущенными. Офицеры еще готовы были идти на какое-нибудь соглашение, но к этому нельзя

было склонить солдат; и в конце концов офицерам удалось удержать в своих руках войска только тем, что они приспособились к их тенденциям. Сам Кромвель поддался этому давлению. Воинская субординация была восстановлена, причем несколько вожаков были расстреляны по приговору военного суда. Однако воля армии была выполнена по всем пунктам: король был казнен, парламент сперва очищен, а затем и устранен. Когда этот ход событий был обеспечен, исчез и солдатский совет. Но многих из "агитаторов" мы затем встречаем в качестве офицеров. Правит армия, а ее глава Кромвель становится и главой государства. Как ни мала база, представляемая малочисленной армией, все же Кромвелю удалось до самой смерти удержаться в качестве властителя над тремя королевствами: Англией, Шотландией и Ирландией, так как он пользовался своей властью для проведения энергичной внешней политики и успешно отстаивал интересы страны против конкурентов – Нидерландов и исконного врага – испанцев. "Я могу вам сказать, чего я не хочу, но никак не могу сказать, чего я хочу; ибо я это буду знать лишь тогда, когда это станет необходимо", – фраза, приписываемая Кромвелю и могущая служить для него меткой самохарактеристикой.

Глава VI

ОТДЕЛЬНЫЕ СРАЖЕНИЯ

ЗИВЕРСГАУЗЕН
9 июля 1553 г.

С обеих сторон рейтары вооружены пистолетами; открывают огонь, когда сошлись на такое близкое расстояние, чтобы "можно было различить белки глаз". О караколировании еще нет и речи. Обе армии очень сильны. У Морица – от 7 000 до 8 000 рейтаров, у Альбрехта – немногим меньше. Все сведения крайне противоречивы. Возможно, что компетентным анализом источников еще удастся восстановить сколько-нибудь ясную картину боя.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕН-КАНТЕНЕ [117]
10 августа 1557 г.

Филипп II собрал армию не менее как в 53 000 человек с 70 орудиями и осаждал Сен-Кантен, который защищал Колиньи. Главная французская армия находится в Италии. Французы, пытавшиеся ввести в город подкрепление, разбиты превосходящими силами неприятеля,

причем испанцы обстреливают орудийным огнем французские пехотные колонны и рассеивают их кавалерийскими атаками. После этого Сен-Кантен пал. Но замечательно то, что Филипп не в состоянии использовать свой успех, так как он не может выплатить жалование своим войскам. Он вынужден их распустить в ноябре или разместить по гарнизонам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАВЕЛИНГЕНЕ
13 июля 1558 г.

После потери Сен-Кантена Генрих II вызвал свою армию из Италии и на этот раз имел на своей стороне превосходство сил, так как Филипп был вынужден распустить свои войска. Генрих взял Кале и опустошил Фландрию. Чрезмерное напряжение испанцев в предыдущем году несет за собою возмездие и парализует их силы. Однако по прошествии 6 месяцев обстоятельства меняются в обратную сторону. Французы раздробили свои войска и вторглись также в Люксембург, между тем испанцы под начальством графа Эгмонта атаковали их войско, осаждавшее Гравелинген между Кале и Дюнкерком, вдвое превосходящими силами и разбили его. И на этот раз кавалерия сыграла решающую роль.

С обеих сторон были немецкие ландскнехты,

которых обе стороны упрекали в вялости, может быть именно потому, что они, как ландскнехты, не хотели наносить друг другу слишком сильных ударов. Однако это не помогло ландскнехтам, служившим во французском войске; их перебили так же, как и прочих. Все войско, за исключением нескольких рейтаров, которым удалось спастись, было истреблено, важные господа попали в плен.

ГУГЕНОТСКИЕ ВОЙНЫ. СРАЖЕНИЕ ПРИ ДРЁ 19 декабря 1562 г.

Протестанты имеют значительный перевес в кавалерии, католики – в пехоте (швейцарцы, ландскнехты, испанцы и французы) и в артиллерии. Несколько пехотных колонн с той и с другой стороны рассеяны конницей, а "черные рейтары" гугенотов сильно напирают на швейцарцев, но в конце концов отражены[118].

Один французский батальон тоже успешно выдерживает атаки жандармов и рейтаров, выставив перед фронтом своих пикинеров три шеренги аркебузиров, которые удерживают кавалерию на почтительном расстоянии. Таким образом, католики одерживают, наконец, победу над протестантами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНКОНТУРЕ
3 октября 1569 г.

Католики имеют значительное численное превосходство в кавалерии и пехоте. Колиньи старается прикрыть местными препятствиями фронт, который католики обходят. Бунт ландскнехтов, требующих недоплаченное им жалование, задерживает отход гугенотов. Четырехтысячный батальон швейцарцев, прикрывший любопытным образом свои фланги повозками, отбивает атаки гугенотских рейтаров. После того как конницу гугенотов прогнали с поля сражения, католики атакуют со всех сторон батальон ландскнехтов и уничтожают его. Католики уверяют, что их потери не превышали 300–400 человек, а по донесению Пфиффера, швейцарцы потеряли всего 20 человек убитыми. Отсюда получается, что ландскнехты даже не сумели дорого продать свою жизнь[119].

БОЙ ПРИ КУТРАСЕ
20 октября 1587 г.

Первая победа Генриха IV. Не более шести-семи тысяч человек с той и с другой стороны. Приняли участие в бою, по-видимому, только рейтары и аркебузиры. Генрих построил

своих аркебузиров небольшими сомкнутыми колоннами между рейтарами и преподал им инструкцию стрелять по неприятельской коннице лишь тогда, когда она приблизится на 20 шагов.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ИВРИ
14 марта 1590 г.

Дошедшие до нас данные производят впечатление легенды. Нет еще особого критического исследования. Хотя налицо и имелись большие колонны пикинеров, но сражение разыгралось исключительно в боевых действиях рейтаров, аркебузиров и артиллерии.

После поражения конницы лигёров, Генрих велит подвезти орудия против неприятельской пехоты, после чего швейцарцы сдались, а ландскнехты и французы были истреблены.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕЛОЙ ГОРЕ [120]
8 ноября 1620 г.

Богемская война тянулась уже почти три года, но дело не доходило еще до решительного столкновения. У чехов был большой перевес сил: на их стороне были моравцы, силезцы и значительная часть австрийцев, на помощь к ним шли и венгерцы. Однако для того чтобы взять

Вену, при нерешительности их вождей, у них все же не хватало сил. Папа посылал деньги, Испания и Польша – войска, и герцог Макс Баварский, в качестве главы лиги, сам приближался с изрядной армией.

Тем не менее, до последней минуты можно было сомневаться, дойдет ли дело до решительного сражения. Баварский герцог настаивал на том, чтобы воспользоваться значительным численным превосходством объединенных войск императора и лиги и прямо идти на Прагу (из Верхней Австрии). Однако главнокомандующий императорской армии Бюкуа, который перед этим вел успешную маневренную и малую войну, высказывал сомнения относительно целесообразности такого рискованного предприятия в столь позднее время года. Он предпочел бы ограничиться вытеснением при помощи маневрирования неприятеля из Нижней Австрии. Но герцог Макс настаивал на том, что необходимо принудить противника к сражению и под Прагой решить участь и Австрии, и Моравии. Бюкуа уступил; однако мы увидим, что смелое предприятие могло легко окончиться и неудачей.

Чешское войско под начальством Христиана Ангальтского пыталось задержать продвижение

неприятеля, преграждая ему дорогу на выгодных, труднодоступных позициях. Союзная армия имела решимость продвигаться, обходя противника по дуге на север. Транспорт с провиантом мог за ней следовать из Баварии и в этом направлении, через перевалы Богемского Леса, и доставлялись благополучно. Лишь форсированным маршем удалось чехам, когда они заметили, что поход неприятеля действительно направляется на Прагу, снова преградить ему дорогу, заняв оборонительную позицию на Белой горе, в полумиле от Праги.

Позиция была чрезвычайно выгодная: справа она опиралась на окруженный стеною охотничий парк с укрепленным замком, слева шел довольно крутой обрыв, а с фронта протекал по болотистому лугу ручей Шарка, через который значительным силам можно было переправиться лишь по одному мосту.

Когда Тилли с достаточной дерзостью велел баварцам перейти по этому мосту и развернуться на том берегу перед фронтом неприятеля, на стороне чехов поняли, что настал момент напасть на баварцев и их разбить раньше, чем имперцы успеют переправиться через Шарку и придут к ним на помощь. Два полковника, Штубенфоль и Шлик, обратили внимание принца Христиана на

исключительно благоприятный случай, и он готов был последовать их совету, однако генерал граф Гогенлое возражал, указывая на то, что баварцы смогут удержать за собою при помощи мушкетеров деревню Реп, расположенную по ту сторону моста, до тех пор, пока главные силы не переправятся через ручей, и что, перейдя в наступление, чехи откажутся от выгод превосходной оборонительной позиции. Христиан сдался на эти доводы и отказался от действительно многообещающих шансов атаки еще не развернувшего свои силы противника, предпочтя дать чисто оборонительное сражение; может быть, он продолжал надеяться до последней минуты, настолько импонировать неприятелю крепостью своей позиции, что последний вообще не решится его атаковать. Если бы эта надежда сбылась, то кампания была бы, наверно, выиграна чехами и без сражения.

Действительно, Бюкуа находил, что построение неприятельского войска на занимаемой им возвышенности нельзя было в достаточной мере обозреть, что неизвестно, какие у него построены окопы; что легко попасть под огонь артиллерии и мушкетов, которого не выдержат войска, и что тогда, с узким дефиле в тылу, все может погибнуть. Поэтому он предпочел

бы обходом с юга заставить неприятеля покинуть свою позицию.

Но герцог Макс и Тилли, желавшие сражения, все же в конце концов взяли верх на военном совете, который был собран позади фронта уже развернутой армии. "Тот, кто хочет сразиться с врагом в открытом поле, – говорил впоследствии Тилли, – тот не может этого сделать иначе, как повернувшись к нему лицом и подвергая себя опасности его огня". Ведь было ясно, что обход едва ли мог быть выполнен, а отступление с раз уже занятого расположения было крайне опасно. Как численное, так и моральное превосходство было, несомненно, на стороне католической армии. Католики располагали приблизительно 28 000 человек[121] против 21 000 чехов, которых все время теснили до самых стен Праги, и еще в предыдущую ночь произвели очень удачное нечаянное нападение на венгерцев, которое у этой существенной части войска богемского короля, насчитывавшей до 5 000 человек, вызвало сильный упадок духа и отбило охоту к бою.

Еще в то время как в лагере противника заседал военный совет, чехи работали усердно над укреплением своей позиции. В течение самого марша принц Ангальтский, намечая позицию на Белой горе, распорядился, чтобы там соорудили

окопы. Он просил самого короля, который, опередив армию, поспешил в Прагу, чтобы тот озаботился выполнением этих работ. Однако в этом отношении сделано было очень мало, так как армия утратила шанцевый инструмент, который она везла с собою, а для получения 600 талеров, необходимых на заготовку лопат и заступов, надо было еще испросить согласия сословного правительства. При несколько большем рвении и чувстве долга на этом месте и располагая всего несколькими часами времени, можно было бы укрепить нагорную позицию настолько, что опасения Бюкуа вполне оправдались бы.

Но не только сооружение окопов недостаточно продвинулось вперед, но даже естественные выгоды местности остались неиспользованными. Правый фланг с его стеною парка и крутым подъемом был очень силен по самой природе. Его можно было бы занять более слабо, с тем, чтобы усилить левый фланг, расположенный на более пологом скате горы и потому более доступный, или собрать наготове резерв для контратаки. Между тем всю позицию заняли равномерно, построив войска в две линии чередующимися небольшими колоннами пехоты и кавалерии, с очень широкими интервалами между ними. 5 000 венгерской конницы должны были бы стоять

частью в резерве, частью на крайнем левом фланге. Однако они опасались этого участка, считая, что он особенно подвержен артиллерийскому огню неприятеля, и расположились исключительно как резерв в третьей линии, в самой глубине позиции. По-видимому, внезапное нападение, которому они подверглись в предшествующую ночь, сильно подорвало их мораль.

Уже иезуит Фицсаймон, участвовавший в сражении в свите Бюкуа и оставивший нам отчет о нем, подкрепляя свои соображения рядом ученых реминисценций, почерпнутых из Ливия, отметил, что построение чехов было недостаточно глубоким[122]. Действительно, общее расстояние от стены парка до ската на левом фланге равнялось приблизительно одной трети мили, а численность всей чешской армии не превышала 21 000 человек. Твердое, продуманное командование, которое держало бы войско в своих руках, могло бы выправить положение, повторяем, ослабив правый фланг у парка и сохранив сильный резерв, чтобы двинуть его туда, где это понадобится. Но Христиан Ангальтский не был полководцем такого размаха. Это уже проявилось в его колебаниях, атаковать ли ему баварцев, когда они еще стояли изолированными, или нет; но если бы

даже он сам был крупным, вполне уверенным в себе человеком, то все же он не располагал полной властью над подчиненными ему начальниками, а через них и над войсками.

Католическая армия не воспользовалась своим численным превосходством для охвата, который был вполне осуществим на левом фланге чехов, на участке, не занятом венгерцами; по-видимому, она заняла на обоих крыльях даже более короткий фронт, чем фронт противника. Тем глубже было ее построение. Как имперское войско, так и войско лиги построили свою пехоту каждое пятью большими квадратными колоннами в шахматном порядке, в две или три линии; рядом с пехотными колоннами и позади их была кавалерия, у имперцев построенная маленькими эскадронами, у лигистов – в более крупные колонны[123].

Артиллерия работала с обеих сторон в период развертывания, но, по-видимому, не причиняла особого урона. Католическая артиллерия стояла внизу и должна была стрелять вверх, а у чехов было всего 6 более крупных и несколько мелких орудий.

Хотя баварцы, как мы видели, построились первыми, однако атаку повели сперва имперцы, находившиеся на правом фланге. Баварцам приходилось взбираться по крутому подъему, но

не это, как думает Кребс, было причиной их позднего вступления в бой. Если бы они двинулись в наступление одновременно с имперцами, то крутой подъем мог бы задержать их вступление в бой не более, как на несколько минут; между тем большинство полков герцога, которому в первую голову принадлежит решение дать сражение, вообще не вступали в бой, ибо сражение было уже выиграно имперцами. Причину того, что сражение разыгралось как своего рода фланговое сражение, надо искать в известном компромиссе, заключенном в связи с имевшимися разногласиями, а именно – начать дело с попытки в виде перестрелки в широком масштабе, дабы убедиться, действительно ли позиция настолько сильна и укреплена, как то подозревали более боязливые. Естественно, эта перестрелка должна была начаться с правого крыла, где можно было легче обозреть местность, а так как она тотчас же развилась в сражение и быстро привела к решению, то оказалось, что развернувшейся прежде других и более всего стремившейся к бою части католической армии почти ничего не осталось делать.

Мысль, что решение дать сражение было еще не окончательным, может быть, также послужила основанием для принятия глубокого построения.

Не хотели сразу при первом же столкновении слишком много ставить на карту, желая сохранить сильные резервы.

Когда имперское войско, быстро поднявшись по пологому скату, приблизилось к левому крылу чехов, прежде всего навстречу им двинулись различные кавалерийские полки, которые, однако, после некоторых колебаний взад и вперед вынуждены были отступить перед превосходящими силами. Тогда двинулся Турнский пехотный полк, но, выпустив заряды из мушкетов на расстоянии 300–400 шагов, повернул назад и бежал. Главнокомандующий в своем донесении объясняет это поведение упадком духа войск, обусловленным предшествующими упущениями и неаккуратной выплатой жалования.

Но в сущности дела лежит и нечто иное. Мы видели, что у чехов боевой порядок был построен очень тонко; отдельные колонны были неглубоки и отдалены друг от друга большими интервалами. Такое построение дает большую свободу передвижений и совместных действий отдельных колонн в зависимости от обстоятельств. Но надо в этих преимуществах отдавать себе ясный отчет и уметь пользоваться ими. Иными словами, такое тонкое построение постулирует (требует) безусловно твердое и продуманное руководство

как со стороны высшего командования, так и со стороны начальников отдельных полков. В данном случае мы не видим и признака такого командования. Мы уже видели, что построение было совершенно схематически равномерное, без малейшего соображения с условиями местности. Теперь мы видим, что из полка Турна двинулась вперед лишь его часть, находившаяся в первой линии[124], и притом в такой момент, когда действовавшая рядом с нею кавалерия уже отступала. Ни вторая линия, ни стоявшие в третьей линии венгерцы не были двинуты одновременно вперед. Таким образом, первая линия Турнского полка при своем наступлении натолкнулась на значительно превосходящую ее числом пехоту и кавалерию. Не диво, что в этих условиях среди солдат сначала случилась заминка, а затем они бросились назад. Зачем вообще они двинулись вперед, вместо того чтобы сперва подпустить неприятеля в сферу своего огня, который надо было открыть с полной силой из своей первоначальной позиции с тем, чтобы затем вместе со стоявшей рядом кавалерией произвести контратаку? Весьма сомнительно, чтобы она увенчалась успехом, ввиду численного превосходства имперцев, так как за двумя передними пехотными колоннами следовали еще

три, а за ними еще кавалерийские эскадроны, но выдвигать изолированный пехотный полк, не использовав наперед выгоды оборонительной позиции и оборонительного огня, значит – требовать слишком многого от солдат; это не могло даже при величайшем мужестве принести ни малейшей пользы. Надо еще удивляться, что войска второй линии, между которыми была и остальная часть Турнского полка, не присоединились тотчас же к беглецам, а устояли на месте, в то время как первая линия бежала назад через интервалы.

Одному храброму отряду рейтаров под предводительством молодого, 21-летнего Христиана Ангальтского, сына главнокомандующего, удалось одержать неожиданный успех отважной атакой из второй линии. Первая линия имперцев во время наступления и первых боев с чешской кавалерией, конечно, пришла в некоторое расстройство. Когда же Христиан внезапно ворвался в нее, он опрокинул кавалерию, на которую наткнулся, также рассеял и частью изрубил одну квадратную колонну пехоты. За ним последовали и другие части войска, двинулись и венгерцы из третьей линии. Но массы неприятельских войск были чересчур велики. Тилли послал на помощь

рейтаров лиги, которые скоро осилили рейтаров Ангальта, а венгерцы и вовсе не ввязались в серьезную атаку.

Перед все далее и далее наступавшими католическими войсками, причем отличились и поляки, один чешский полк за другим обращался в бегство, или укрывался в охотничьем парке на правом крыле, где, атакованные со всех сторон, они вскоре погибли.

Сражение, начавшееся около полудня, продолжалось не более 1 S–2 часов. Значительной части баварских войск, стоявших на левом фланге, почти не пришлось вступить в бой.

Относительно построения обеих армий мы осведомлены не только из различных рассказов участников, но и из чертежей, приложенных к официальному баварскому отчету о кампании – "Журналу" (напечатанному в Мюнхене в 1621 г. у Рафаэля Садлера), и к отчетному докладу принца Христиана Ангальтского, представленному королю Фридриху (напечатанному в "Патриотическом архиве" за 1787 г.).

По "Журналу", пехота с обеих сторон была построена квадратными колоннами, с той лишь разницей, что у католиков колонны были со всех сторон (и сзади) окружены стрелками, тогда как у чехов стрелки частью окружали колонны, а

частью образовывали длинные растянутые крылья, примкнутые к колоннам пикинеров.

Кавалерия католиков обозначена построенной совершенно правильно, у лигистов более крупными эскадронами, чем у имперцев.

Согласно приложенным к отчету Христиана чертежам, чешские войска, как пехота, так и кавалерия, были построены неглубоко, но при этом не отмечено относительное размещение стрелков и копейщиков. Чертежи баварского "Журнала", изображающие построение чехов, можно отнести к области фантазии; они, видимо, кое-что слыхали о крыльях, составленных из стрелков, и сконструировали такое построение из головы, но при этом не знали о главном – о тонком построении, в чем мы сомневаться не можем, ввиду чертежей самого чешского главнокомандующего.

Но как могло Христиану прийти в голову оставить такие широкие интервалы между столь тонко построенными отдельными единицами? Чертеж производит такое впечатление, словно войско первоначально было построено в одну линию (за исключением венгерцев). А затем каждая вторая колонна была выдвинута на 300 футов вперед, так что интервалы первой линии точно соответствовали ширине фронтов тонких

колонн второй линии. При столкновении с неприятельским фронтом каждая отдельная колонна первой линии была бы, следовательно, тотчас же охвачена с обоих флангов, если бы вторая линия не поспешила броситься вперед, чтобы заполнить интервалы. Особенно пагубной оказалась бы для чешской пехоты, при подобном ее построении, неприятельская кавалерия. Объяснение этому надо искать в том, как это знал Христиан, что и у неприятеля не было сомкнутого фронта, а наступал он глубокими колоннами со значительными интервалами между ними. Таким образом, Христиан мог рассчитывать на то, что там, где все же угрожал охват фланга, вторая линия была достаточно близка, чтобы поспеть на помощь, и что широкие интервалы предоставляли наибольшую свободу движений каждой отдельной колонне.

Тем не менее естественно возникает вопрос, не явились ли широкие интервалы, изолировавшие отдельные войсковые части, одной из существенных причин поражения. Если бы чехи, вместо того чтобы разъединиться в две линии, были построены *в одну сомкнутую линию*, в таком построении выждали бы атаки, открыли бы возможно сильный огонь[125] и лишь в последнюю минуту, по возможности, одновременно повели

контратаку всей линией (ведь в качестве резерва во второй линии все же оставались еще венгерцы), то у них все-таки было бы больше шансов на победу. Не сыграла ли тут известную роль классическая реминисценция, злосчастный, доныне еще выплывающий призрак разделенного интервалами римского легиона (шахматный порядок Липсиуса, по Ливию, VIII, 8)? Как бы то ни было, в последующий период перешли к сомкнутым фронтам.

В памятной записке о непорядках, царивших в чешской армии, вероятно составленной самим Христианом Ангальтским ("Патриотический архив", т. VII, 1787 г., стр. 121), автор жалуется, что многие офицеры оказались не на высоте положения и пренебрежительно относились к нидерландскому методу ведения войны не понимая его. Если Христиан действительно так понимал нидерландский метод и так распорядился его применением, как нам передают и как то явствует из его собственных чертежей, то мы не можем уже так винить старых военных практиков, отрицавших этот метод. По-видимому, Христиану решительно недоставало всех качеств истинного полководца, и когда он жалуется, что у него слишком мало было полковников, так как генералы захватили все полковничьи места, то,

может быть, это и правда, но опять-таки этот дефект в конечном счете приходится отнести к недостаточному охвату всего дела главнокомандующим.

В этом сражении приняли участие удивительно большое число разных народностей. На стороне чехов сражались австрийцы, венгерцы и нидерландцы; на стороне католиков – немцы, испанцы, итальянцы, валлоны и поляки.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БРЕЙТЕНФЕЛЬДЕ [126]
17 сентября 1631 г.

Лишь по прошествии одного года и трех месяцев после высадки Густава Адольфа на померанском побережье дело дошло до решительного сражения в Саксонии между ним и полководцем лиги Тилли. Император в первое время не имел возможности противопоставить шведскому королю достаточные силы. Правда, вместе с лигой он располагал весьма значительными боевыми силами – не менее 150 000 человек, как подсчитал некий член шведского государственного совета, предостерегавший против опасностей предприятия, но они были рассеяны в целях защиты многочисленных крепостей, захваченных

в предшествующий период войны, да, кроме того, у императора завязалась борьба с Францией в Италии из-за герцогства Мантуи. А быстрому набору войск препятствовало то, что незадолго перед этим курфюрст и лига настояли перед императором, чтобы он уволил Валленштейна: два месяца спустя после вступления Густава Адольфа в пределы Германии, в сентябре, Валленштейн получил отставку.

Таким образом, у Густава Адольфа было достаточно времени для того, чтобы захватить одну за другою, нередко после упорного сопротивления, ряд померанских и мекленбургских крепостей и в то же время путем политических переговоров приобрести союзников в лице протестантских государей Германии. В феврале 1631 г. ему и Тилли впервые пришлось встретиться лицом к лицу близ Франкфурта-на-Одере, но ни тот, ни другой не искали сражения. Быстрым маневрированием взад и вперед Густаву Адольфу удалось сперва захватить на своем правом крыле Деммин, а затем на левом – Франкфурт и Ландсберг; Тилли не успел прийти к ним на выручку, но зато последнему удалось нанести большой удар – взять (20 мая) штурмом Магдебург, перешедший на сторону шведов. Тем не менее оба противника еще

не двигались прямо друг на друга. Тилли не думал, что он сможет заставить шведского короля принять сражение среди многочисленных крепостей, которыми последний уже овладел, и довольствовался подавлением движения, обнаружившегося в пользу шведов в Средней Германии. Лишь когда Тилли вступил в Саксонию и курфюрст Иоганн Георг со своими войсками примкнул к шведам, дело дошло до сражения в одной миле на север от Лейпцига.

Согласно исторической традиции, Густав Адольф и на этот раз был против того, чтобы добиваться решительного боя, и лишь уступил настояниям курфюрста, который не хотел, чтобы его страна превратилась в театр опустошительной маневренной войны. Если это правда, то такой взгляд великого шведского короля не служил бы к чести его стратегической проницательности. Особых подкреплений ждать он больше не мог, и нельзя усмотреть, какими диверсиями ему удалось бы выиграть еще что-либо существенное у Тилли. Наоборот, Тилли мог еще ожидать значительных подкреплений с юга, которые под начальством Альдрингера уже прибыли к Йене, следовательно, могли явиться через несколько дней. Тилли легко мог занять по ту сторону Эльстера позицию, которая до тех пор задержала бы

неприятеля[127]. Сам Тилли поэтому до известной степени колебался, но уверенность его привыкших к победам генералов и войск толкала его на сражение, которое, видимо, предлагал ему противник на открытой равнине под Лейпцигом. Что же могло побудить Густава Адольфа и на этот раз уклониться от сражения? Таким уклонением он только мог потерять Саксонию, а вместе с нею потерять все, выиграть же он ничего больше не мог. Если внимательно вчитаться в те выражения, в которых он сам сообщал на родину о решающем военном совете, состоявшемся в Дюбене 15 сентября, то можно убедиться, что в них не говорится, чтобы он действительно был против сражения, а был лишь приведен ряд доводов, которые говорят против сражения; другими словами: он не хотел, чтобы казалось, будто он сам настаивал на сражении, а ему желательно было спихнуть ответственность на курфюрста, который был в высшей степени заинтересован в том, чтобы его страна была ограждена от дальнейших опустошений. При этих условиях можно было рассчитывать на особенное рвение саксонцев в бою, а при неудачном исходе сражения сложить на них ответственность.

Шведско-саксонская армия в круглых цифрах исчисляется в 39 000 человек; армия императора и

лиги – в 36 000 человек; следовательно, первая была несколько сильнее; кроме того, численное превосходство в 2 000 человек приходилось на кавалерию (13 000 против 11 000), а против 75 орудий шведов католики располагали только 26 орудиями. Впрочем, Тилли мог рассчитывать, что численное превосходство Густава Адольфа уравновешивалось качеством его войск, с которыми не могли равняться 16 000 саксонцев, большей частью только что завербованных.

Тилли, выступая из Лейпцига, приказал своим войскам остановиться на равнине и построил их вправо от деревни Брейтенфельд, на небольшой возвышенности, перед которой на расстоянии около 2 километров протекал Лобербах. Этот ручей, в настоящее время совершенно ничтожный проток, тогда, по свидетельству современников, представлял известные препятствия для переправы. Ни естественных границ, ни точек опоры на флангах позиция не представляла ни справа, ни слева, да в этом и не было нужды при значительной глубине построения больших пехотных колонн-терций, которые в самих себе имели защиту своих флангов.

Союзная армия, по-видимому, уже издалека стала продвигаться по плоской равнине широким фронтом и уже на виду неприятельской позиции, в

то время как передовые войска между обеими боевыми линиями вели перестрелку, уклонилась вправо. Как причину такого движения вправо, и король и фельдмаршал Горн единогласно приводят в своих донесениях то объяснение, что таким путем они хотели выиграть у противника преимущества в отношении солнца и ветра. Однако мы этим не можем удовлетвориться. Правда, преимущество стоять за ветром и спиною к солнцу составляет один из "залежалых товаров" теоретиков еще со времен Вегеция, но уже Фрундсберг с пренебрежением относился к этому моменту. Фронт боевого порядка определяется другими, гораздо более важными моментами, а уклонять в сторону уже развернувшийся фронт – безусловно трудное предприятие. "Предпринимать во время боя значительное изменение в направлении фронта, – пишет Иоганн Нассауский[128], – чрезвычайно опасно; это – наполовину бегство и предоставляет противнику случай произвести атаку во фланг". Густав Адольф и сам категорически утверждает, что этот маневр не удался, ибо пришлось на виду у неприятеля произвести трудное передвижение, т.е. переправиться через Лобербах. Однако в результате этого уклонения вправо получилось то, что обе боевые линии не оказались вполне друг

против друга, и фронт союзников выдвинулся за левый фланг Тилли. Но помимо того что союзники геометрически грозили охватом, они еще более грозили левому флангу Тилли потенциально, ибо Тилли построил всю массу своей пехоты, за исключением Голштинского полка, не посередине фронта, а вправо от центра[129]; левее пехоты стояло 12 (11) полков кавалерии, а правее – только 6. Таким образом, Густав Адольф со всей шведской армией развернулся почти против одной только кавалерии, построенной, вероятно, очень неглубоко и с широкими интервалами, ибо длина всей боевой линии, как передают, тянулась на добрые полмили, так что на каждый шаг боевого порядка в среднем приходилось не больше чем по 5 человек. Между четырьмя глубокими массивными терциями пехоты, стоявшими в одну линию, также должны были быть большие интервалы.

Пожалуй, Тилли следовало бы перейти в наступление в то время, как союзники еще переправлялись через Лобербах (положение, схожее с положением Ангальта на Белой горе); однако он этого не сделал, вероятно, для того, чтобы дать возможность своей артиллерии обстрелять развертывавшегося противника. В этот

момент обнаружилось, что его левый фланг мог быть охвачен противником. Чтобы предотвратить это, Паппенгейм, командовавший на этом участке, двинулся влево и тем самым оторвал левое крыло, кавалерию и Голштинский полк от правого крыла. Во время попыток взаимного охвата здесь разгорелся бой; Паппенгейм настолько далеко обошел вокруг крыла противника, что вторая линия шведов смогла непосредственно двинуться против него[130].

Главные силы Тилли не могли наблюдать сложа руки за этим боем, к тому же в это время открыла огонь шведско-саксонская артиллерия, и, будучи гораздо многочисленнее имперской, она превосходила ее своей действительностью. Поэтому Тилли двинул и свой правый фланг, а именно всю массу своей пехоты. Он построил четыре ударных колонны, которые наступали рядом и совместно с кавалерией опрокинули саксонцев. Как последние могли бы им противостоять? Ведь имел место не только удар испытанных во многих боях ветеранов на новичков, но на стороне ветеранов находилось и подавляющее численное превосходство. Так как между паппенгеймовским и правым крылом, которым командовал сам Тилли, образовался значительный промежуток, то перед главными

силами шведской армии не находилось почти вовсе противника. Возможно также, что при уклонении вправо союзной армии шведы несколько отделились от саксонцев; это, может быть, и является причиной того, что шведские сообщения, дабы предотвратить какие-либо нарекания, усиленно подчеркивают, что своим сдвигом вправо они хотели отнять у противника преимущества в отношении солнца и ветра.

Вследствие уклонения влево паппенгеймовцев и разгрома саксонцев шведская армия оказалась обойденною одновременно с обоих флангов; один кавалерийский полк под командой Фюрстенберга даже обошел шведов с тыла. Так как около 15 000 саксонцев было сметено с поля сражения, то у Тилли оказался перевес сил, почти 36 000 человек против неполных 25 000. Но превосходное тактическое искусство шведов и более совершенное командование самого короля и его генералов свели это превосходство на нет.

Еще до разгрома саксонцев и завершения обхода шведов с этой стороны рейтары Паппенгейма были отражены. Шведская кавалерия, перемешанная с мушкетерами, показала себя, по сравнению с имперской, на высшей тактической ступени[131]. Шведы подпускали к себе неприятельскую кавалерию;

затем мушкетеры встречали ее залпом, и шведская кавалерия бросалась и опрокидывала их; рейтары Фюрстенберга, которые зашли шведам в тыл, были встречены повернувшими вокруг фронта войсками второй линии, разгромлены и уничтожены.

Однако решительное значение имело столкновение на левом фланге шведов, где четыре мощные колонны имперской пехоты находились теперь на участке, с которого они прогнали саксонцев. Могли ли устоять шведы, если бы эти массы, поддержанные своей кавалерией, повернувшись налево, атаковали их обнаженный фланг? Как только Густав Адольф заметил, что саксонцы покидают поле сражения, он образовал из двух пехотных бригад второй линии оборонительный фланг, притянул на помощь еще один кавалерийский полк с другого крыла и атаковал соединенными силами рейтаров и мушкетеров, как это было и на другом крыле, неприятельскую кавалерию, которая здесь насчитывала всего 6 полков, а за вычетом полка, зашедшего шведам в тыл, – только 5, разбил их и прогнал с поля сражения. Это произошло раньше, чем имперские пехотные терции успели после преследования саксонцев собраться, построиться и обратиться в новом направлении. Одна из терций

даже ушла настолько далеко, что среди поднявшейся страшной пыли не могла разобрать, что собственно происходит, и остановилась в бездействии, ожидая приказаний высшего начальства, и дальнейшего участия в сражении не принимала. Между тем три остальные терции, покинутые своей кавалерией, атакованные и угрожаемые с разных сторон шведскими рейтарами, оказались не в состоянии пустить в ход то, что составляло их действительную мощь – бурную атаку. Казалось бы, что при их огромной силе они могли бы, поддерживая друг друга, отогнать неприятельскую кавалерию и затем перейти в наступление. Но этого не произошло: по-видимому, шведские рейтары, спокойно и твердо руководимые, производили непрерывные и одновременные атаки с разных сторон, и терции были вынуждены держаться чисто оборонительно. Если я выше сказал, что Тилли охватил шведов с обеих сторон, то теперь нам приходится отказаться от этой формулировки: охват правого фланга был отбит раньше, чем возникла угроза охвата для левого фланга, а этот охват, в свою очередь, был парализован, так как шведы противопоставили ему наступление. Кавалерия, так сказать, остановила терции, а тут стали приближаться шведские мушкетеры и, главное,

шведская легкая артиллерия[132], выпустившая град своих снарядов в густые массы, где ни один выстрел не мог пропасть даром. Положение, опять-таки, имеет сходство с Каннами, с той разницей, что усугубленное действие метательного оружия в данном случае значительно облегчило шведам их истребительную работу над окруженным противником.

"Из семи пехотных бригад шведской армии только три бригады действительно сражались", – писал впоследствии Густав Адольф. Это, прежде всего, две бригады, сражавшиеся с терциями Тилли, к которым надо причислить еще пехоту, принимавшую участие в отражении Паппенгейма и в истреблении рейтаров Фюрстенберга.

Рейтары Паппенгейма, несмотря на свое значительное численное превосходство, может быть, 7 000 против 4 000, ничего не добились, так как шведская кавалерия опиралась на свою пехоту и пользовалась деятельной поддержкой мушкетеров. Собственно говоря, Паппенгейм не был окончательно разбит, он доносил, что, собрав своих людей, он все же не мог их снова повести в бой, и на другое утро "среди бела дня, на глазах у неприятеля, отступил". На другом крыле, наоборот, имперская кавалерия оказалась в меньшинстве против шведской, при которой

удержались и два саксонских полка – неполных 4 000 против по меньшей мере 5 000; при этом пехота, имеющая малое количество мушкетеров и еще не вполне оправившаяся для наступления, оказала лишь очень скромную помощь своей коннице. Таким образом, разные роды войск, не объединившиеся для совместных действий, были побеждены комбинированными действиями войск противника – сначала кавалерия, а затем и пехота.

Тилли, несколько раз раненный и с трудом спасшийся, отступил к Галле, пройдя, надо полагать, позади фронта шведов. Возможно, что он был с рейтарами Фюрстенберга, которые были изрублены в тылу у шведов. Паппенгейм и четвертая терция, которая не приняла участия во втором акте сражения, сперва отступили на Лейпциг и лишь на следующий день присоединились к Тилли. Так как последний еще располагал в северо-западной Германии значительными силами, то это эксцентрическое отступление и было заранее предусмотрено на случай плохого исхода сражения. Точно так же и саксонский курфюрст бежал не по дороге назад на Дюбен, а в сторону, на Эйленбург.

Взятая в плен пехота Тилли непосредственно перешла на службу к шведам, так что армия

последних после сражения оказалась сильнее, чем до него.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЮЦЕНЕ [133]
16 ноября 1632 г.

Валленштейн вторгся в Саксонию и занял Лейпциг. Густав Адольф пришел из Южной Германии, чтобы прогнать его оттуда. Силы Валленштейна настолько увеличились вследствие присоединения к нему Паппенгейма, прибывшего издалека, из Маастрихта, что Густав Адольф не мог отважиться сразу на него напасть; а подкрепление, на которое шведский король еще мог рассчитывать, люнебург-саксонский корпус под начальством герцога Георга, стоял по ту сторону Эльбы близ Торгау, так что Валленштейн находился между обеими неприятельскими армиями. Густав Адольф занял к северу от Наумбурга на реке Заале сильную позицию, которую он так укрепил, что Валленштейн, несмотря на свое численное превосходство, не решался его атаковать. Несколько дней обе армии стояли друг против друга и очень страдали от плохой ноябрьской погоды. Наконец Валленштейн решил разместить свои войска на зимние квартиры в саксонских городах; но как

только об этом узнал Густав Адольф, он перешел в наступление, в надежде или соединиться с герцогом Георгом, или разбить имперцев раньше, чем они снова успеют собраться вместе. Валленштейн велел легким войскам задерживать продвижение шведов и весьма искусно занял позицию, при которой он мог рассчитывать дать успешное оборонительное сражение. Она расположена была не прямо поперек пути наступления шведов, а подставляла последним свой правый фланг; но фланг этот, опиравшийся на городок Люцен и окруженный сырыми, труднопроходимыми лугами, был неприступен. Поэтому шведам, чтобы приблизиться к имперцам, приходилось описывать большую дугу и терять много времени, что не только дало возможность производить дальнейший сбор войск, но и усилить укрепление позиции усердным производством окопных работ; а позиция и без того была прикрыта с фронта сильными естественными препятствиями. Когда Густав Адольф уже в первый день своего наступления (15 ноября) узнал, что неприятель стоит неподалеку от него, он свернул в его направлении, чтобы атаковать его на следующее утро как можно раньше. Сам он располагал на месте 16 300 человек, из коих 5 100 – рейтаров при 60 орудиях,

в том числе и легких полковых пушках; Валленштейн мог пока противопоставить этим силам лишь 12 000 человек; из них 4 000 – рейтаров при 21 тяжелом и неустановленном числе легких орудий[134]. Однако туман, застилавший всякий обзор, задержал атаку шведов до 10 часов утра, а в полдень к имперцам присоединились еще 1 400 рейтаров и между 2 и 3 часами дня – 1 500 человек пехоты, так что в общем в сражении участвовало 14 000 человек против 16 300.

По старейшим описаниям Люценского сражения, имперцы сражались еще приблизительно в тех же тяжеловесных строях, как и войска Тили при Брейтенфельде. Это, однако, неверно. Валленштейн уже отказался от квадратной формы и строил пехоту 10 шеренгами в глубину. Он также ввел легкие полковые орудия и придал кавалерии стрелковые части. Тем не менее шведская армия все еще качественно превосходила армию противника; она была вооружена более легкими мушкетами, без сошек, строилась в глубину лишь шестью шеренгами и имела преимущества всякой старой армии над вновь сформированной.

Численное и качественное превосходство шведов в конечном счете одержало верх над

имперцами, несмотря на их сильную позицию. Правда, центр Валленштейна, состоявший из пехоты, не был разбит, но кавалерия была настолько расстроена, что Валленштейн не решился возобновить бой на следующий день, хотя прибытие 4 000 пехоты Паппенгейма, появившейся еще к вечеру в день сражения, когда уже стемнело, давало ему существенное численное превосходство. Приди эта пехота несколькими часами раньше, она легко могла бы обратить исход сражения в пользу имперцев; и не представляется невозможным, с чисто тактической точки зрения, что если бы Валленштейн возобновил бой на следующий день, он мог бы, по крайней мере, удержаться на своей позиции. За ночь и шведы несколько отошли назад. Но ведь шведы поджидали еще подхода со стороны Торгау люнебург-саксонского корпуса[135]; это-то и повлияло на решение Валленштейна признать игру проигранною и уступить Саксонию.

Многие находят необъяснимым, как мог Валленштейн, находясь поблизости от шведской армии, распустить свои войска на зимние квартиры. Но держать их в ноябре, в очень плохую погоду в лагере под открытым небом было невозможно; его наемники разбежались бы.

Ему приходилось либо располагаться на зимних квартирах, либо отдать Саксонию без боя и взвалить на плечи имперской земле, Богемии, содержание армии. Опасность внезапного нападения можно было предотвратить внимательным наблюдением; ведь неприятель тоже не был сосредоточен в одном месте. Наконец, сам Густав Адольф далеко не был уверен в успехе, и результат сражения все время находился под сомнением. Валленштейн проявил бы малодушие, если бы, избегая риска возможного сражения, сразу отдал бы противнику Саксонию и начал отступать в Богемию.

Весьма своеобразной представляется фланговая позиция, которую он избрал; правда, она, как мы видели, дала ему значительные тактические преимущества; однако в случае действительного поражения она отрезала ему путь отступления в Богемию, оставляя лишь свободными пути в северо-западную Германию. Крупный риск, на который он пошел, должен рассматриваться как акт великой стратегической смелости.

Еще более, чем о других сражениях, можно сказать о Люценском, что в нем в значительной мере господствовал случай. Ведь Густав Адольф намеревался атаковать имперцев еще на заре. Если

бы это удалось, то блестящая победа была ему обеспечена. Но туман задержал наступление шведов, а тем временем имперцы не только укрепили свою позицию, усердно работая, но к ним подошли и подкрепления, создавшие приблизительно численное равновесие. С другой стороны, 4 000 паппенгеймовской пехоты, которые дали бы Валленштейну перевес, настолько задержались, совершая переход из Галле (добрых 4 мили), что хотя они и были подняты по тревоге еще в предшествующую ночь, подоспели лишь с наступлением темноты, когда бой уже был окончен. Наконец, если победа и осталась за шведами, то триумф их был куплен дорогою ценой – смертью короля.

Главные силы саксонцев во время сражения находились под начальством Арнима в Силезии; против них оперировали два корпуса – Марадаса и Галласа. Другие значительные силы католиков находились в распоряжении баварского курфюрста. Хотя Люценское сражение и является генеральным сражением, однако в нем принимала участие лишь часть войск, и притом – весьма небольшая.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НЁРДЛИНГЕНЕ [136]
27 августа (6 сентября) 1634 г.

В 1634 г. после убийства Валленштейна имперско-баварская армия под командованием наследника престола короля Фердинанда, руководимая генералом графом Галласом, направилась в Баварию и осадила Регенсбург. Чтобы выручить город, Бернгард, продвигаясь из Верхнего Пфальца, соединился к югу от Дуная с Горном, приближавшимся со стороны Боденского озера; но, как это ни странно, первый оставил отряд для осады Форххайма, а второй – у Боденского озера и в Брайсгау; поэтому шедшая на выручку Регенсбурга армия оказалась слишком слабою для непосредственной атаки осаждающих и занялась осадой и взятием Фрайзинга, Мосбурга, Ландсхута; тем временем Регенсбург наконец пал.

После этого успеха имперская армия разделилась, и Фердинанд ушел в Богемию, которой угрожал шведский корпус и саксонцы; а баварско-лигистская армия, хотела выждать под Ингольштадтом прибытия большой испанской вспомогательной армии, шедшей через Тироль.

Бернгард и Горн, вместо того чтобы, как следовало ожидать, тут-то и ударить на баварцев,

дабы их разбить до прибытия испанцев, тоже разделились и расположили свои войска на отдых.

Когда саксонцы отступили из Богемии, Фердинанд получил возможность возвратиться обратно и, соединившись вновь с баварцами, взять Донаувёрт и обратить свои силы на осаду Нёрдлингена. Могли ли шведы дать католикам овладеть и этим важным протестантским городом?

Бернгард, который уже раньше настаивал на движении на выручку Регенсбурга, настаивал и теперь на том, чтобы дано было сражение, хотя он и не отрицал превосходства неприятельских сил; Горн противился этому, и дело так и не дошло до решения непосредственно атаковать осаждавших Нёрдлинген. Выждав подхода подкреплений в лагере под Бопфингеном, не далее как в 10 км от Нёрдлингена, было решено вплотную подойти к осаждавшим и занять позицию на дороге Ульм–Нёрдлинген, которая, с одной стороны, давала возможность шведам получать продовольствие из Вюртемберга, а с другой – отрезала имперцам путь такой доставки по дороге из Донаувёрта.

Предстоял марш длиною в добрых 2 мили по дуге от бопфингенской позиции, находившейся прямо на запад от Нёрдлингена на гребень

возвышенности Арнсберг, к юго-западу от этого города.

По-видимому, Бернгард, двигавшийся в голове, прошел несколько ближе к городу, чем того ожидал Горн, ибо лишь из такого непосредственного соседства можно было достигнуть намеченного давления на дорогу, по которой доставлялся провиант имперцам. Между тем путь, по которому приходилось двигаться из Бопфингена, пролегал через трудную теснину и лес, и раньше чем войска Горна, следовавшие за войсками Бернгарда, преодолели это препятствие, имперцы успели занять высоту Аллбух, которая входила в состав намеченной позиции союзников и должна была составлять ее правый фланг; во время боя за этот пункт наступила ночь. На другое утро Горн пытался всеми своими силами взять штурмом Аллбух, а Бернгард на своем левом крыле вел лишь затяжной бой[137]; но вся храбрость шведов разбивалась о большое численное превосходство противника. Ибо если союзники и притянули к себе большую часть отрядов, которые они раньше оставили под Форххаймом и в Южной Германии, то и к имперцам наконец присоединились давно ожидаемые испанские войска. Превосходство сил заключалось не менее как в 40 000 против

25 000[138].

Фельдмаршал Горн, убедившись, что ему не удастся взять Аллбух и затянуть бой до вечера, начал около полудня отступать под прикрытием кавалерийской атаки; Бернгард еще держался на своем холме. Но теперь имперцы и здесь перешли в наступление. Войскам Бернгарда также пришлось отойти, причем они скрестились с отступающими войсками Горна, ибо Ульмская дорога проходила позади левого крыла, а войска Горна так и не попали на предназначенную им позицию, но сражались, повернувшись спиной к этой дороге, следовательно, образуя ломаную линию с войсками Бернгарда. Вследствие совокупности этих неблагоприятных обстоятельств протестантская армия пришла в полное расстройство; пехота подверглась почти полному истреблению. Горн был взят в плен, Бернгарду удалось ускользнуть лишь с большим трудом.

Невольно приходишь к заключению, что Бернгард, придвинувшись так близко к неприятельскому лагерю, что его можно было обстреливать с холма орудийным огнем, сознательно добивался сражения и тем самым увлек своего колеблющегося товарища по командованию, против его воли, в решительные

действия, ибо он знал, что Нёрдлинген был уже доведен до крайности и готов был пасть с минуты на минуту. Если к этому добавить, что шведские полководцы, наверное, не знали о полном несоответствии сил, то, кажется, нет ничего, что противоречило бы такому предположению. В действительности же дело, вероятно, обстояло иначе. Если бы Бернгард так безусловно стремился к решительному тактическому исходу, он бы в самом начале кампании не раздробил так свои войска, и в то время когда Фердинанд находился еще в Богемии, он тоже должен был бы добиваться сражения. Если бы шведам удалось своим смелым фланговым маршем занять господствующую позицию на юго-западе от города или рано утром на следующий день захватить Аллбух, то нельзя было бы сказать с полной уверенностью, что дело дошло бы до сражения. Во всяком случае, Бернгард, который считал, что имперцы имеют численное превосходство, но не слишком значительное, вправе был предполагать, что они не решатся штурмовать такую сильную позицию, которая тогда была бы в руках шведов, но отступят и откажутся от осады Нёрдлингена. Лишь благодаря тому, что марш через теснину слишком затянулся и что шведы лишь частично достигли намеченной

Бернгардом позиции и за нее пришлось вести бой, дело дошло до сражения, которое мы по этой причине и не должны причислять к разряду преднамеренных, а должны относить к категории встречных[139].

Потери шведов исчисляются в 10 000–12 000 человек, свыше половины всей армии; пехота была почти полностью уничтожена. Католическая армия, как передают, потеряла не более 1 200–2 000 человек, и это вполне возможно, ибо сам штурм аллбухской позиции обошелся шведам дороже, чем их противникам, массовые же потери, в особенности пленными, они понесли лишь при отступлении.

Относительно действий отдельных родов войск и их взаимодействия, вообще относительно собственно тактической стороны, мы ничего не можем извлечь из имеющихся в нашем распоряжении источников. Существенным же и в высшей степени интересным – еще раз подчеркиваем – представляется стратегический момент, что сражения как такового ни та ни другая сторона не хотела и не подготовляла, но что оно развилось из боя за обладание высотою, то есть из-за выполнения маневра, который, если бы он удался, принудил бы католическую армию или отказаться от взятия Нёрдлингена, или

атаковать протестантов, занявших чрезвычайно выгодную позицию.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ВИТТШТОКЕ [140]
4 октября 1636 г.

Летом 1636 г. соединенные имперские и саксонские войска взяли после длительной осады Магдебург; шведская же армия, под начальством Баннера, стояла севернее Магдебурга, под Вербеном, не чувствуя себя достаточно сильной, чтобы выручить его.

Затем обе армии стали сближаться друг с другом, и с обеих сторон стали строить планы увеличения своих сил стягиванием войск с Везера или из Померании; но ни с той ни с другой стороны не замечалось определенного желания добиваться решительного сражения. Баннер замышляет вторжение в Саксонию, союзники стремятся оттеснить его при помощи маневра назад, чтобы захватить один за другим укрепленные города, еще остававшиеся в руках шведов. Наконец под Виттштоком, в Пригницком округе, дело дошло до сражения, причем Баннер, оттесненный перед этим маневрированием в самый Мекленбург, выполняет круговой обход неприятеля и атакует его с юга.

Если бы ход сражения был таким, каким его обычно описывают, то это сражение было бы одним из самых удивительных сражений всемирной истории.

Баннер, говорят, располагал немного больше чем 16 000 человек, в лучшем случае немного больше 17 000, в то время как силы противника достигали 22 000–23 000 человек и занимали позицию уже сильную благодаря природе и еще усовершенствованную искусственными сооружениями. Баннер, сознавая, что с фронта противник неодолим, разделил свою армию и обошел одновременно его оба крыла. Если при этом принять во внимание, что в отношении тактической подготовки между обеими армиями существенной разницы уже не было и что все сражение протекало с совершенно перевернутым фронтом, то по смелости замысла и по грандиозности триумфа его следовало бы поставить еще выше Канн. Ибо если Ганнибал и мог нарушить правило, что слабейшая сторона не должна производить одновременно обхода обоих флангов, то он был уверен в безусловном превосходстве своей кавалерии и имел все основания искать решительной битвы; а в данном случае совершенно не видно, на чем Баннер строил свою надежду на победу и почему ему

именно в эту минуту понадобилось во что бы то ни стало сражение, так как он имел полную возможность без особого риска маневрировать и дальше.

Преимущество, каким располагал Баннер, заключалось в том, что оба фланга неприятельского расположения не имели надлежащей опоры и могли быть обойдены не особенно кружным путем, а расположенные перед фронтом лесные заросли прикрывали движения шведов. Таким образом и случилось, что Баннер сначала со своим правым крылом, под командой Торстенсона, довольно неожиданно появился на левом фланге противника – саксонцев. Однако саксонцы устояли; они образовали новый фронт, и вскоре к ним подоспели на помощь имперцы, во главе со своим командующим фельдмаршалом Гацфельдом, с другого фланга; а шведы напрасно ожидали подхода своей другой обходной колонны и резервов, оставленных ими в центре под начальством Вицтума. Если бы численное соотношение было действительно таковым, как было указано выше, то соединенные войска саксонцев и имперцев должны были бы в два раза превосходить силы Торстенсона, и трудно было бы объяснить, как последний мог устоять против них в трехчасовом бою, склонявшемся то в ту, то в

другую сторону.

Понятными станут как замысел, так и проведение сражения, если мы примем, что шведы были, по крайней мере, численно равны союзникам, а может быть, и несколько сильнее. Баннер за последние недели подтянул к себе значительные подкрепления, а в последнюю минуту – и гарнизон Бранденбурга числом более 1 000 человек, которому саксонцы предоставили при капитуляции этого города свободный выход. Между тем 5 000 союзных войск, взявших под начальством генерала Клицинга Бранденбург, еще не успели присоединиться к главным силам. Пусть даже сообщение имперского главнокомандующего[141], будто он имел лишь 12 000 против 22 000 шведов, имевшее целью оправдать поражение, сильно уклоняется от истины; но некоторое численное превосходство шведов представляется по меньшей мере не невозможным.

Таким образом могло случиться, что правое крыло шведов, правда, не одержало победы, но смогло держаться, хотя оно постепенно привлекло на себя почти всю неприятельскую армию: когда же, наконец, при наступлении темноты другое крыло шведов появилось в тылу у союзников, последние не решились продолжать бой со своими

сильно перемешавшимися войсками и ночью приступили к отступлению, закончившемуся потерей орудий и разложением армии. По замечанию Монтекукули (Сочинения, II, 58), Баннер выиграл сражение при помощи "12 свежих эскадронов, которые появились под самый конец, когда солнце заходило и все силы имперцев уже были окончательно истощены".

Если Баннер и не одержал победу над численно превосходным неприятелем, все же слава его как полководца этим не умаляется. Он был далек от того, чтобы во что бы то ни стало добиваться решения в сражении. Когда же обстоятельства сложились так, что неприятель, преследуя второстепенные цели, ослабил свои силы и он почувствовал себя ему равным, он улавливает удобный момент, не страшится кругового обходного движения и перевернутого фронта, решается разделить шведскую армию, усмотрев, что препятствия перед фронтом, прикрывающие неприятеля, в то же время препятствуют наступательным действиям последнего – контратаке и, благодаря удачному исходу своего маневра, уверенно и твердо одерживает верх. Атака с фронта и с тыла, как она под конец сложилась для шведов, естественно представляет более мощную форму и при

равенстве сил. Единственный возможный выход для обороняющегося – не быть взятым таким образом в тиски, это – своевременный переход в контрнаступление, разгром одной части нападающих сил, пока другая еще не вступила в дело.

Этого имперцам не удалось достигнуть, и они в конечном итоге должны были проиграть сражение. В конце концов, их ошибка заключалась в том, что они сами увлеклись второстепенными целями – овладением Бранденбурга, – тогда как им следовало сосредоточить все свои силы и самим принудить противника к решительному бою. Правда, принятие смелых решений значительно затруднялось тем, что верховное командование было одновременно в руках курфюрста Иоганна Георга Саксонского и имперского фельдмаршала Гацфельда. Сверх того, пришлось праздно простоять четыре недели после взятия Магдебурга за недостатком провианта, зарядов и денег; войска, не получив жалования, не хотели выступать в поход.

В победе Фридриха Великого при Торгау мы встретимся с подобным же ведением сражения.

ИСЧИСЛЕНИЕ СИЛ

В основе исчисления сил союзной армии Шмидт кладет документ ("Armee liste"), который шведы, говорят, нашли перед сражением при Гавельберге у одного императорского интендантского чиновника (Proviantmeister). Но весьма сомнительно, чтобы этот документ был верен, так, например, не попали ли в него и части армии, находившиеся в отделе; поэтому и дальнейшие расчеты Шмидта, построенные на этом документе, легко могут быть выше действительной численности войска на несколько тысяч человек.

Шмидт опирает свой расчет, согласно которому шведы располагали 9 150 рейтарами и 7 288 пехотинцами, к которым, пожалуй, надо присоединить и 1 000 человек Бранденбургского гарнизона, на одном указании Хемница. Однако безусловная достоверность последнего – все же под вопросом. Хемниц определяет подошедший отряд Лесли в 4 000 человек, Гроциус же в письме к Бернгарду Веймарскому – в 7 000 (*Шмидт*, стр. 43).

Подкрепления из Померании Шмидт исчисляет, основываясь на данных Хемница, в 2 000 человек, а франкфуртская "Rel. sem. continuatio" – в 2 000 человек пехоты и в 24 эскадрона (compagnien) рейтаров. Ввиду некоторой неопределенности в выражениях Хемница, я склонен думать, что не исключена возможность, что последние данные и являются верными.

Монтекукули (Сочинения, II, 66) полагает, что Баннер под Виттштоком использовал ту выгоду, что неприятельская армия раздробила свои силы.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЯНКАУ
6 марта 1645 г.

Вполне исчерпывающим образом исследованное по первоисточникам Паулем Ганцером в "Известиях общества истории немцев в Богемии" (т. 43, 1905 г.), не представляет в отношении тактики ничего существенного для истории военного искусства. С обеих сторон – по 16 000 человек, у Гацфельда – на 1 000 рейтаров больше, у Торстенсона – перевес в артиллерии, 60 орудий против 26.

	Пехота	Кавалерия
Гацфельд	5 000	10 000
Торстенсон	6 000	9 000

Шведы одержали победу благодаря более совершенному и уверенному руководству. Имперцы сделали несколько ошибок; они приняли бой на местности, в общем, невыгодной для кавалерии. Генералы имперцев действовали по собственному произволу вразрез с намерениями главнокомандующего.

Для того чтобы сосредоточить эти 16 000 человек, сражавшихся под Янкау, саксонцы и баварцы должны были послать подмогу

императору. Баварцами командовал Иоганн фон Верт.

Торстенсон говорит, что он потерял под Янкау всего лишь 600 человек, в то время как потери, имперцев достигали более половины их состава, в том числе пленными 4 000; среди пленных был сам Гацфельд с пятью генералами; кроме того, 8 полковников и 14 подполковников. Один фельдмаршал, граф Гёц, два полковника и три подполковника были убиты. С обеих сторон дрались с величайшей храбростью.

Примечания

1 Труд *Георга Денисона* "Geschichte der Kavallerie seit den frьhesten Zeiten mit Betrachtungen ьber ihre Zukunft", нем. пер. Брикса, Берлин, 1879 г., не имеет никакого научно-исторического значения.

2 По поводу спора относительно объяснения этого названия смотри: *Mangold*. Jahresbericht der Geschichtswissenschaften. 1892. Bd 3. S. 247. Они чаще всего упоминаются в описании сражения при Мюльберге у Ранке (Соч., т. 6, стр. 44–246) и в описании Нюрнбергского участника войны *Иоахима Имгофа (Knaacke*. Beitrdge zur Geschichte Karls V. 1864. S. 46). Особенно часто о них упоминает *Авила (Avila*. Geschichte des Schmalkaldischen Krieges. S. 123). По словам Сюзана (т. 1, стр. 150), во Франции венгерская кавалерия существовала с 1635 г.; в 1693 г. был сформирован один гусарский полк.

3 По поводу этой книги ср. *Иэнс* (т. 1, стр. 498). *Хаузер (Hauser*. Les sources de l'historie Francaise. Bd 2. S. 25) отрицает авторство *Дюбелле* и, пожалуй, не без основания относит самое старое

издание этой книги к 1548 г. *(Иэнс* считает 1535 г.). Значительная часть содержания, но не цитированный здесь отрывок из т. I, гл. 8, заимствована у *Макиавелли*. Ср. *Gebelin*. Quid rei militaris doctrina renascentibus litteris antiquitatis debuerit. Bordo, 1881. P. 44.

4 *Иовий*, кн. 44, 1578, стр. 555.

5 *Иовий*, кн. 45, стр. 610.

6 Доклад венецианского посланника *Навaджеро* от июля 1546 г. у Альбери (сер. 1, т. I, стр. 314, 328). Он дает также описание вооружения этих всадников, причем еще не упоминается о пистолете, который, однако, они имели, согласно другим сообщениям *(Ранке*. Соч. т. 4. Стр. 223).

7 *Alois Mocenigo*. Relazione di Germania. 1548. Источники по истории Австрии (Fontes rerum Austriacarum. Вена, 1870. Т. 30. Стр. 120).

8 Т. 3, кн. 3, гл. 2, стр. 289.

9 *Иэнс*, т. 1, стр. 740.

10 Подробная выдержка у Иэнса *(Jdhns*. Geschichte des Kriegswesens. Bd 1. S. 474).

11 *Jdhns*. Geschichte des Kriegswesens. Bd 1. S. 521.

12 *Наполеон III* пишет в своем сочинении "Du passй et de l'avenir de l'artillerie" (Соч., т. 4, стр. 200): "Сент-Люк в своих военных заметках говорит, что герцог Альба, найдя, что эскадроны рейтаров слишком глубоки, захотел, чтобы у его эскадронов был вдвое бóльший фронт, чем глубина. Поэтому, исходя из предположения, что каждая лошадь занимает пространство в шесть футов на два, он рассчитывал, что эскадрон, состоящий из 1 700 лошадей при 17 шеренгах, займет прямоугольник в 102 фута на 204". По-видимому, сочинение *Сент-Люка* еще не напечатано.

13 Изд. Бюшона, стр. 122.

14 Об этом можно, по-видимому, заключить из 15-й Речи (1587, стр. 345), где автор исходит из предположения, что победоносный эскадрон непосредственно опрокидывает лишь 15–16 всадников, построенных цепью (Haag), то есть при

нормальной численности в 100 – шестую или седьмую часть. Ср. 17-ю Речь.

15 *Наполеон III* в том же сочинении говорит, что Генрих IV имел эскадроны в 300–500 лошадей, построенные в 5 шеренг. *Монгомери* требовал, чтобы жандармы строились в 10 шеренгах, а шеволежеры – в 7; Билон *(Billon*. Les principes de l'art militaire. 1613. S.254) настаивает на пятишеренговом построении, "чтобы лошади не напирали друг на друга".

16 *Georg Paetel*. Die Organisation des hessischen Heeres unter Philipp dem Grossmьtigen. 1897. S. 38, 40. Также у *Иовия (т*. 34, стр. 278) об испанских формированиях.

17 Согласно донесениям венецианского посла *Алоизо Мочениго*, сопровождавшего императора. "Источники по истории Австрии" ("Fontes rerum Austriacarum"), т. 30, стр. 120; "Venezianische Depeschen vom Kaiserhof", изд. Ист. комис. академии наук. Вена, 1889. т. 1, Стр. 668, 670–671.

18 Впервые упоминает о них *Авила* (Schmalkaldener Krieg. 1853. S. 58; Первое

изд. Венеция, 1548, л. 34). *Лацарус Швенди* называет в одном письме от 6 ноября 1552 г. всадников Альбрехта Алкивиада "черными рейтарами" *(Voigt*. Allbrecht AIcibiades. Bd 11. S. 8). В 1554 г. в имперском лагере под Намюром мы встречаем 1 500 "черных рейтаров", все со значками на пиках. Анонимный дневник 1554 – 1557 гг., издан Луисом Торфсом ("Campagnes de Charles Quint et de Philippe II". 1868. P. 23–24). В этом дневнике нередко повествуется об их бунтах. В 1554 г. упоминается на стороне императора об "отряде рейтаров" (un ost reitres) в 1 800–2 000 коней под командой графа Вольфрама фон Шварценбурга. *Рабютен*, Комментарии LIV, изд. Бюшона, 1836 г., стр. 620: "pour nous intimider s'estoient tous faits noirs, commes beaux diables" ("чтобы... нас застращать, они сделали себя совершенно черными, как настоящие черти"). Для кампании 1558 г. Генрих II на основании опыта предыдущего года (Сен-Кантен) велел набрать возможно больше рейтаров, ибо в предшествующем году наибольшее количество военных сил, коими запасся его противник (Филипп II) и которые, как полагали, дали последнему наибольший перевес над ним, были эти рейтары, которых с тех пор звали "черными панцирями", "эти рейтары,

будучи вооружены множеством пистолетов, огнестрельным оружием, жестоким и ужасным, словно изобретенным для того, чтобы поразить и расстроить французских жандармов. И потому, дабы тем самым ослабить своих противников и приучить и обучить французов пользоваться этим оружием, он захотел переманить их к себе на службу" *(Рабютен*. LIX, изд. Бюшона, 1836, стр. 738). Первые немецкие пистольеры (pistolliers) на французской службе появились, насколько я в том мог убедиться, в 1554 г. *(Рабютен*, стр. 605). *Сюзан* относит их появление к более раннему времени. В 1557 г. *Рабютен* (стр. 701) различает во французском войске жандармерию, кавалерию и рейтаров. Термин "рейтар" для кавалерии, применяемый, очевидно, сознательно для обозначения чего-то специфического, встречается у *Марино Каваллис (Marino Cavallis*. Relazione da Ferdinande Re de'Romani. 1543. Ser. 1. Vol. 3. P. 122).

19 Впервые о них упоминается без особой похвалы в донесении от 1559 г. Relation de *Michel Suriano*. Faite au retour de son Ambassade auprиs de Philippe II en 1559. *Gachard*. Relations des ambassadeurs vйnйtiens sur Charles Quint et Philippe II. 1856. P. 116. *Clonard* (Vol. 4. P. 155)

указывает как на первый источник, упоминавший о них, на ординанцу 1560 г.

20 Geschichte des niederlдndischen Krieges, bd 2, pt 11, 127.

21 *Мочениго* доносил дожу 4 сентября 1546 г.: "Конница императора очень боится неприятельской как из-за ее численности, так и из-за ее прекрасного конского состава и потому еще, что многие рейтары имеют по три малюсенькие кремневые аркебузы, одна – у луки седла, другая – сзади седла, а третья – в одном из сапог; так что императорские шеволежеры говорят, что в стычках они никогда не чувствуют себя в безопасности, ибо после выстрела из одной аркебузы рейтар берет в руку другую и часто, даже убегая, кладет третью себе на плечо и стреляет назад" (Venetianische Depeschen vom Kaiserhof. Vena, 1889. Bd 1. S. 670–671). То же доносит и *Федериго Бадоэро* (Relazione di Carlo V e di Philippo II, 1557. Ser. 1. Vol. 3. P. 189–190) о феррaруоли, которые были будто бы вооружены 4 или 5 пистолетами.

22 В воспоминаниях старого офицера (Фельетон в газете "Пост" от 21 мая 1890 г.) мы читаем: "В те

времена (1847 г.) еще стреляли в мишень с лошади: ужасный маневр, при котором очень мало лошадей стояло смирно. С величайшей осторожностью подавал унтер-офицер всаднику на коне пистолет, заряженный и с надетым пистоном. Тут надо было проделать на коне вольт, остановиться перед мишенью и выстрелить. Но как только лошадь чуяла, что у вас в руке пистолет, то тут она и начинала делать скачки и прыжки, так что и всадник, и лошадь, и окружающие подвергались величайшей опасности. Ну вот и случалось порой отстрелить у лошади ухо. У нашего добрейшего премьер-лейтенанта фон Б. была старая рыжая кобыла, прозванная Комодом, и когда он вел учение стрельбе, то все отделение по очереди взбиралось на Комод и каждый спокойно выпаливал свой выстрел. Теперь эту нелепость отменили и стреляют только спешившись; сигнальные выстрелы конных дозоров, конечно, не исключаются".

23 *Wallhausen*. Kriegskunst zu Pferde, S. 6.

24 *Menken*, Bd 2, S. 1427.

25 Изд. Бюшона, стр. 291. О Таванне см. ниже.

26 Об Альбрехте как вожде рейтаров я только что получил исследование *Р. Фридрихсдорфа* (Берлинская диссертация, 1919 г.), содержащее весьма ценный новый материал.

27 Во втором издании этого сочинения (Базель, 1572 г.) описание несколько более распространенное (кн. IX, л. 309), однако добавления не представляют для нас ничего существенного. Ланселот Вуазен сьёр де Ля Попелиньер, родом из Пуату, был студентом в Тулузе, когда пришло известие о кровавой бане в Внеси. Он тотчас стал во главе гугенотской роты студентов, сделался в конце концов инвалидом от полученной раны и затем предался литературной работе.

28 В описании сражений близ Иври (стр. 386). Так как Иври приходится лишь на 1590 г., то здесь уже говорит Таванн-младший.

29 *Вальгаузен* описывает упражнения с караколе, не употребляя этого выражения, в гл. 4 кн. 2 "Kriegskunst zu Pferde" (стр. 65). *Гриммельсгаузен* также описывает караколе в "Симплициссимусе" (изд. Гёдеке, 1897, т. 10, 11, стр. 36).

30 *Brantфme*. Ouevres. Ed. Lalanne. 1864. Vol. 4. P. 201; ср. Vol. 3. P. 376; Vol. 1. P. 339 340; он упоминает об этом примере в том же смысле и приводит как параллель бой под Ольно 1 ноября 1587 г.

31 Корень его – итальянское слово corazza, происходящее от corium – кожа.

32 Например, *Villars*. Memoirs, X. 1610. P. 901; к 1559 г., как то видно из документов, относящихся к этому году.

33 В XVI веке, пишет граф Сольмс *(Wьrdinger*, bd 2, p. 371), сначала правильно, но в результате все же ошибочно: "Если иметь в качестве рейтаров одних конюхов и мужиков, которые уворовали своих коней у повозок и плугов, то в походе не оберешься злых дел и дезертирства, а в сражении – бегства; и даже если они не убегут, а останутся, то все же у них недостаточно хороши люди и вооружение, да и нет обучения военному делу; они остаются теми же мужиками на крестьянских и обозных лошадях. Такого народа дворянин не должен приводить государю, который платит жалование, ибо тот полагается на число и не

подозревает, что он получил лишь распущенную, никуда не годную ораву; об этом должен подумать каждый человек, обладающий рыцарским достоинством, который хочет набрать для государя рейтаров, ибо это касается его чести и благополучия; ведь если в его эскадроне мужичий сброд и ему придется встретиться с настоящим, хорошим, исправно снаряженным отрядом, то что он тогда будет делать и как плохо он позаботился о своем государе за его золото?"

34 *Erben*. Mittheilungen des k. und k. Heeresmuseums. 1902 (Военные артикулы и т. д.).

35 *Сюзан (Susane*. Histoire de la cavalerie francaise. Vol. 1. P. 73) объясняет зарождение этого рода войск несколько иначе, чем мы; он не связывает его с огнестрельным оружием, но придает в этом случае главное значение быстроте передвижения, какую могла благодаря этому проявить во время отдельных экспедиций пехота, безразлично – копейщики или мушкетеры. Вследствие страха, который они внушали, они сами дали себе название драгун (от фр. "dragon" – дракон и драгун). Создал их на пьемонтском театре войны маркиз де Бриссак в период 1550 – 1560 гг. Согласно *Иовию* (кн. 44), уже Пьетро Строцци в

1543 г. посадил на лошадей 500 отборных стрелков (sclopetarii), дабы как можно скорее занять Гюиз. *Ludwico Melzo* (Regulae militari... della cavalleria, 1611) считает драгун конными стрелками *(Иэнс*, т. 11, стр. 1050). По Вальгаузену, часть их была вооружена пиками. *Баста* (кн. 1, гл. 8) держится того взгляда, что конный стрелок, карабинер, изобретен в Пьемонте; он, следовательно, отождествляет последнего с драгуном. *Гуго* причисляет к драгунам и солдат, вооруженных пиками, которые делают переходы верхом, а дерутся в пешем строю (Militia equ. 1630. Ser. 184. Vol. 3. P. 4). Относительно их построения в бою в середине копейщики, справа и слева – стрелки, лошади – сзади (ср.: Vol. 4. Pt 5. P. 271–272).

36 Когда, например, венецианец Сориано (Relazione di Francia. 1562. Sйr. 1. Vol. 4. P. 117) говорит о французском короле, что наряду со своим рыцарством он имеет иностранных феррaруоли и легкую кавалерию, причем последнюю составляют главным образом албанцы и итальянцы, то разница между ними лишь в том, что легкая кавалерия является более старым родом войск, сражающимся не столько сомкнуто, а феррaруоли спаиваются в сомкнутые эскадроны

и пользуются к этому времени (1552 г.), пожалуй, исключительно пистолетами.

37 *Rabutin*. Commentaires. Ed. Buchon. P. 572 (как очевидец).

38 *Aloise Contarini*. Relazione di Francia, Febraio. 1572. Sйr. 1. Vol. 4. P. 232–233.

39 *Ed. Buchon*. P. 202–203.

40 Французское построение – длинным фронтом и слабыми флангами, ибо каждый хочет стоять в первой шеренге; между тем фламандцы, умножая шеренги и углубляя колонну, делают ее более сильной и надежной. Relation de Michel Suriano, faite au retour de son Ambassade auprиs de Philippe II en 1559, напечатано у *Gachard*. Relation des ambassadeurs vйnitiens sur Charles Quint et Philippe II. Брюссель, 1856. P. 116. *Popeliniere*. Histoire des troubles. L. 9. 1572. P. 309. "Рейтары в бою применяют совершенно иной и отличный от французов метод".

41 "Самое плохое в прошлом это то, что они сражались цепью; отдельные полки шли в бой, разделенные пешими солдатами, артиллерией и

проч., так что им было неудобно при случае соединиться одним с другими, чтобы усилять друг друга по мере надобности. К тому же даже в чистом поле они неохотно присоединяются один к другому, разве если наместник короля окажется на месте и прикажет им это сделать, ибо каждый хочет проявить собственную храбрость, не принимая во внимание ни соседей, ни, так сказать, той горы неприятельских войск, которая готова на них обрушиться, ни страха отдельных солдат, которые, чувствуя свою слабость и опасаясь превосходства сил противника, стараются выбраться из строя, думая не столько о победе, сколько о сохранении жизни при встрече с такой колонной, в которой все люди идут сплоченно, чтобы напасть вчетвером на одного, оптом, как мы говорили выше".

"Желательно формировать роты по 80, 100 человек в каждой, составляя их из одних земляков, которые хорошо друг друга знают, что укрепит их спайку; роты должны объединяться в полки по 500 бойцов".

"Развернутая цепь конницы бесполезна; лучше всего – эскадроны в составе 400 человек; эскадроны в 1 500 и в 2 000 человек, какие бывают у рейтаров, одолели бы такой эскадрон, если бы они имели дело с одними этими 400

всадниками; но если иметь 1 200 человек, разбитых на 3 отряда, которые один за другим будут атаковать противника, то такие небольшие эскадроны будут иметь, на мой взгляд, все преимущества на своей стороне. Масса людей, собранных в кучу, производит лишь сумятицу, и из них сражается лишь четвертая часть. Такое множество солдат в одном эскадроне пригодно для рейтаров, потому что s из них лишь челядь. Первая атака против этих крупных масс приводит их в расстройство, особенно если она направлена во фланг; и если им удастся устоять против первой атаки первого эскадрона, то второй и третий, наверно, их одолеют и разгромят, атакуя из конца в конец и прорываясь насквозь: стоит прорвать первые две шеренги, и остальная масса уже не представляет опасности. У кого наибольшее число эскадронов, по 300–400 человек в каждом, тот и должен победить" *(Гаспар де Со-Таванн*. Мемуары, изд. Бюшона, 1836. Стр. 328, 329).

42 Подобную же аргументацию мы находим в одном венецианском донесении от 1596 г. Строй рейтаров разбить нетрудно копьями легкой конницы. Обычно рейтары, после того как отдельная шеренга проделала свой заезд, смыкали ряды, выжидали атаки, встречали копейщиков,

которые неслись на них, затем, раздвинув свой строй, пропускали их в него с тем, чтобы обработать их потом своими пистолетами и другим оружием. Но теперь копейщики уже не атакуют одним сомкнутым эскадроном, а, разбившись на несколько небольших взводов, атакуют рейтаров со всех сторон и разят их, и бьют, и пронизывают от края до края, разнося их строй без всякого труда *(Tommaseco Contarini*. Relazione di Germania. 1596. Relazione degli Ambasciatori Venetiani. Ed. Albйri. Sйr. 1. Vol. 6. P. 235).

43 "И в древности, и в наши времена спорили о том, лучше ли вступать в бой на рысях или же дожидаться приближения противника, стоя неподвижно на месте. По-видимому, движение вперед и галоп увеличивают силу и лошадей и людей для того, чтобы сокрушать эскадроны неприятеля; но в то же время это предоставляет гораздо больше возможностей тем, у кого нет охоты вмешиваться в драку, остановиться, подтянуть поводья и выпутаться из атаки; поэтому, когда капитан имеет дело с новыми солдатами или солдатами, на которых он может вполне положиться, надо полагать – лучше, если он заставит их ждать стоя на месте, в стройном

порядке, или двинет свой эскадрон рысью либо галопом лишь на расстоянии 20 шагов от противника, ибо тогда сразу можно будет увидеть, кто покидает строй, и трусы постыдятся выйти из строя и оставить свое место перед самой схваткой с неприятелем, когда их капитан тут же это может заметить и заставить их быть храбрыми хотя бы поневоле". *(Gaspard (Jean) de Saulx-Tavanne*. Memoirs. Ed. Buchon, 1836. P. 116).

44 Французский ордонанс 16 октября 1568 г. "Также приказано настрого, чтобы роты в каждом кавалерийском полку шли вместе в том порядке, в котором они должны быть в бою, дабы каждый привык держаться строя". Дальнейших указаний не дано (*H. Choppin*. Des Origines de la cavalerie Francaise. 1905. P. 22).

45 У итальянца *Давида* в его "Storia deille guerre civili di Francia" и у англичанина *Роджерса Уилльямса* ("Art of war: The difference between Launtiers and pistolers", 1590) мы находим совершенно схожие изображения и рассуждения. Они процитированы в книге *Фёрта (C. H. Firth*. Cromwell's army. P. 129).

46 Commentaires, XI, pt 11, 12. Ed. Lonmier-Guillaume, Vol. 2. P. 214–222.

47 *Мендоса* в своей "Истории Нидерландской войны", описывая сражение на Моокерской равнине, совершенно ясно говорит, что рейтары с испанской стороны выжидали атаки неприятельских эскадронов, стоя неподвижно на месте; правда, оттого-то они и были разбиты. Лишь контратака другого испанского кавалерийского отряда опрокинула гёзов.

48 *Jovius*. Historia, lib., 44. 1578. P. 560.

49 *Rьstow*. Geschihte der Infanterie. Bd 1. S. 242, 243, 349. *Jdhns*. Bd 1. S. 724, 726, 731. *Hobohm*, bd 2, s. 472. *Paetel*. Die Organisation des hessischen Heeres unter Pilipp dem Grossmьtigen. Филипп платил стрелкам лишний гульден в месяц против копейщиков и, тем не менее, не мог их набрать до половины своей пехоты.

50 *Jdhns*, bd l, s. 726.

51 Relazione di Vincenzo Quirini. 1507. (Rel. degl Amb. Venet. Eugen Albйri. Sйr. 1. Vol. 6. P. 21).

52 *Clonard Brix*, p. 57.

53 *Jovius*. XV. 1578. Basel. Vol. 1. P. 315.

54 Wahrhaftige Beschreibung des andern Zugs in Oesterreich wider den Тьrken. ...vergangenes 1532 Jahres thдtlich beschrieben. Und jetzt und allererst in diesem 1539 Jahr in Druck gefertigt... Neugedruckt in I. U. D. *Goebel*, Beitrдge zur Staatsgeschichte von Europa unter Kaiser Karl V. Lemgo 1767. S. 326. Дальнейшие подробности о караколе у *Гобома*, т. 2, стр. 394, 405–407, 468, 483, 508.

55 Цитата, приведенная у *Рюстова*, т. 1, стр. 264.

56 *De-la-Noue*. Discours 18, Paradoxe 2, p. 384.

57 *Иовий*. Жизнеописание Пескары. Le vite... и т. д. Венеция, 1581, стр. 213.

58 1 сентября 1546 г., *Авила*, нем. изд., стр. 30.

59 Рассказывают и о смешанном бое стрелков и рейтаров *(Рюстов*, стр. 314, по Монлюку), но это могли быть лишь единичные случаи, не имевшие дальнейшего развития.

60 *Иовий*, 1535 г., под Голетой: "две руки стрелков, называемые рукавами, что наподобие рогов..." (Duos sclopetariorum manus, quas manicas appellabant, quod cornuum instar.) (Кн. 34, 1578, стр. 392). В 1542 г., под Офеном, итальянская пехота Алессандро Вителли: "...они атакуют варваров, направив на них колонну пикинеров с выдвинутыми с обеих сторон стрелками наподобие рогов..." (Promoto hastatorum agmine et utrimque sclopettariis cornua expansis Barbaras invadunt) *(Jovius*. Hist. Vol. 42. P. 518).

61 *Рюстов*, как выше было указано (стр. 112), назвал это построение "венгерским боевым порядком"; он его сконструировал по описанию венского парада в 1532 г.; однако это лишь схема, лишенная всякого практического значения. Сам термин не соответствует источникам, точно так же как и название "испанская бригада". Валльгаузен не говорит о каком-то "венгерском боевом порядке", а лишь о "венгерском штате должностей" (Bestallung), следовательно, не о тактической, а об административной организации, а в своей книге "Военное искусство в пехоте" (кн. 1, гл. 6, стр. 110) тот же *Валльгаузен* говорит, что в Венгрии не знают никаких иных построений, кроме как квадратными колоннами.

Иэнс (т. 1, стр. 711) находит роковым то, что, следуя указаниям итальянца Тартальи, вместо того чтобы привешивать, как крылья, стрелков к колонне пикинеров, как то уже в 1480 г. рекомендовал Зельденек, усвоили прием ставить их во внешние ряды колонны. Мне кажется, что в этой критике упущено из виду главное. Правда, построение стрелков в виде крыльев представляло преимущество лучшей дисциплины огня, что давало известную защиту; но если атакующая конница, несмотря на это, все же приблизится, стрелкам некуда было укрыться, иначе как среди пикинеров или за ними.

62 Как пример того, насколько ненадежны отдельные, по-видимому, вполне заслуживающие доверия известия, может служить то, что *Иорга (Iorga*. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd 3. S. 295) рассказывает о поражении, нанесенном туркам в 1593 г.; "Янычары были истреблены новой западной кавалерией – тяжелыми, одетыми в железо рейтарами на закованных в латы конях и аркебузирами". В подтверждение приводится один польский и один турецкий источник. Итак, рассказчики слышали о "новой западной кавалерии", но не поняли, в чем заключалась новизна, и описывают нам ее наподобие старых

рыцарей. Если бы мы не знали правды из других источников, было бы невозможно открыть истину под этой замалевкой; это аналогично с перенесением подвига Винкельрида в рыцарское сражение. (То же в цит. соч., стр. 314).

63 Archives Orange Nassau. 1608. Sйr. 2. Vol. 2. P. 389.

64 Institution de la discipline au royaume de France. Lion, 1559. P. 96. Сам автор против уменьшенного размера колонн; он полагает, что так как в промежутках между колоннами стоят стрелки и рейтары, то для пушек есть, во всяком случае, цель. Надо постараться помешать производству второго выстрела при помощи стрелков-застрельщиков и рейтаров.

65 *Рюстов* весьма подробно рассмотрел все эти формы в своей "Истории пехоты". Я считаю излишним на них останавливаться, ибо в действительных сражениях мы с ними вовсе не встречаемся.

66 В какой мере "терция" представляла административную или тактическую единицу – вопрос, требующий дальнейшего исследования.

67 *Lipsius*. De militia Romana. V, 20, Opera, 1613. Vol. 2. P. 420; *de-la-Noue*. 18 Discours, 2 Paradoxe. 1587. P. 377, 378.

68 О военной библиотеке Морица Оранского см. *Carl Neumann*. Rembrandt. Vol. 1. P. 95.

69 Journal van *Anthonis Duyk*, advokaat-fiscal van den Rad van State (1591 – 1602). Издан по поручению военного департамента с введением и примечаниями *Людвига Мульдера*, капитана пехоты, три тома 1862 – 1866 гг. с'Гравенгаге и Арнгем. По должности своей *Дуик* был начальником военной канцелярии государственного совета и высшим судебным чином для войска *(Мульдер*. Введение, стр. LXXXVI). Он постоянно находился при войске и вел ежедневную запись всем событиям. Судя по его дневнику, он настолько близко был знаком с мыслями Морица, насколько это возможно лишь при непосредственных личных беседах: этот дневник можно рассматривать как наследство, оставленное Морицем последующим поколениям *(Gustav Roloff*. Moritz von Oranien und die Begrьndung des modernen Heeres. Preussische Jahrbьcher. 1903. Vol. 3).

70 *Иэнс*, т. l, стр. 869, 870.

71 Церемониальный марш в ногу рекомендует в 1521 г. делла Валле *(Jdhns*, vol. l, p. 472, 705), также Lodrono *(Jdhns*, vol. l, p. 724 и *Hobohm*, vol. 2, p. 407). В одном сообщении о сражении при Черезоле *Бернардо Спины*, опубликованном *Шталлвицем* в приложении к его статье об этом сражении (Берлинская диссертация, 1911 г., стр. 54), сообщается, что испанский полководец Дель Гуасто приказал непосредственно перед битвой произвести учение рекрутам. Про французскую гвардию также сообщают, что она производила строевые учения.

72 *Jdhns*, vol. l, p. 735.

73 *Dilich* (Kriegsbuch. 1607. S. 254) обсуждает способы, как на ходу поддерживать порядок. Между прочим, он рекомендует – маршируя, следить за тем, чтобы шли в ногу ровным шагом: "барабанщику бить в барабан в такт, под который солдат должен *танцевать"*.

74 В марте 1591 г. это соотношение было 1 : 0.47 *(Mulder*. Einleitung zu Duyk's Journal. 1862. Bd 1.

S. LI). Он получает эти цифры путем сводки неподдающихся проверке единичных случаев, заимствованных из документов.

75 По наброскам Иоганна Нассауского, перед фронтом солдат двойного оклада, то есть пикинеров, ставили две шеренги мушкетеров *(Plathner*. Graf Iohann von Nassau) (Берлинская диссертация, 1913 г., стр. 57).

76 *Dilich* (Kriegsbuch. 1607. S. 290) не вполне ясно говорит о том, что именно должно произойти в случае, вели рейтары или пикинеры атакуют фронт копейщиков и стрелков: должны ли последние отступить за копейщиков, или же укрыться в их рядах.

77 Stuttgarter Manuskript von 1612. *Jdhns*, vol. 2, p. 924. Иоганн Нассауский утверждает, что Мориц не допускал никаких изменений враз установленной схеме походного и боевого построения, чтобы каждый по одному лишь сигналу барабана или трубы мог сразу занять свое место *(Plathner*, s. 58).

78 *Plathner*, s. 57.

79 Письмо Сандолина к Липсиусу от 16 июля 1595 г. (цит. *Иэнсом*, т. 2, стр. 880). Герцог Генрих Роган сообщает позднее в одном сочинении (цит. *Иэнсом*, т. 2, стр. 951), будто Мориц убедился, что вооружение щитом лучше, но, не будучи полновластным хозяином, не мог провести своего взгляда на деле (ср. *Hobohm*, vol. 2, p. 452).

80 *Mulder*. Van Duyk's Tagebuch. Bd 1. S. 636, 637; с 9 августа по 26 октября 1595 г. То же за 1598 г. *Reyd*. Niederldndische Geschichte. 1626. Bd 15. S. 569. Об учениях, производившихся в гарнизонах, сообщает за тот же год из Гронингена брат Вильгельма-Людвига Иоганн Нассауский в своем письме к отцу (Archives Orange-Nassau. Ser. 2. Vol. 2. P. 403. *Wallhausen*. Kriegskunst zu Fuss, s. 23) бранит тех, которые говорят: "Что там за учение, когда дерутся с врагом, не приходится долго обучаться!"

81 Это гл. IV и VII и отдельный параграф 144 (обозначенный в письме ошибочно – л. 144) из гл. XVIII. В них рекомендуются три линии: "Has tres acies ad usum separatas, propinquitate conjunctas ad se mutuo adjuvandas idoneas esse perspiximus" ("Эти три линии, разделенные для пользования

ими, соединенные близостью расстояния и удобные, как мы видим, для взаимной поддержки"). Глубина этих линий определена у Льва в 10 человек. Удивительно, как при этом перемежается правильное понимание с ошибочным толкованием. Лев, довольно необдуманно перенес на кавалерию традицию, касавшуюся римской пехоты (основанную в конечном счете на Ливии, VIII, 8). Однако это так незаметно, что Вильгельм-Людвиг, очевидно не обратив внимания на ошибку Льва, мог снова все это перенести на пехоту.

82 Указания для одиночного обучения солдат заключаются в кн. *Jacob de Geyn*. Waffenhandlung von Rцren, Musqueten und Spiessen (Гаага, 1608 г.), посвященной Иоахиму Эрнсту, маркграфу Бранденбургскому. Книга эта украшена большими, великолепно исполненными гравюрами на меди. Новое издание вышло еще в 1640 г. Гравюры в труде "Военное искусство пехоты" Валльгаузена – иные; в самой стойке есть разница. Гейн различает стрелков и мушкетеров; для первых у него – 42 команды, а для вторых – 43. У мушкетеров на перевязи деревянные пороховницы, у стрелков их нет. Для пикинеров

установлена 21 команда, многие из них должны выполняться в 3 приема.

83 *Рюстов* (т. 1, стр. 345) характеризует реформы Морица в том смысле, что тактические формы были им упрощены до крайних пределов. Это представляет полную противоположность моему изложению, поскольку я вижу в новых формах новое достижение, которое вовсе не просто и добиться которого можно лишь упорной, тяжелой работой. Противоречие, однако, лишь кажущееся. *Рюстов* имеет в виду подробно рассмотренные им искусственные формы теоретиков, как например крестообразный боевой порядок и восьмиугольник, которые не что иное, как хитроумные измышления, никогда не игравшие никакой роли на практике. По сравнению с ними, конечно, нидерландская форма являлась упрощением; по сравнению же с человеческим квадратом или с пространственным квадратом, которые имели до тех пор практическое применение, нидерландский метод представлял не упрощение, но далеко идущее вперед уточнение, и лишь это объяснение выявляет в правильном освещении историческую эволюцию.

84 Иоганн Нассауский указывает как на норму 135 человек, из них 45 длинных пик, 74 мушкетеров и стрелков *(Plathner, s*. 40).

85 *Everardes Reidanus*. Belgarum aliarumque gentium annales. Leyden, 1633. Emmius, Guilelmus Ludovicus. 1621. S. 67. Ср. *Mulder*. Einleitung zu Duyks Journal. Vol. 1. S. XVI.

86 *Krebs*. Schlacht an dem Weissen Berge, s. 25, 26.

87 *Reyd*, p. 281.

88 *Billon*, p. 191.

89 *Морицу* (19 июня, 1593 г.) Archives Orange-Nassau. Ser. 2. Vol. 1. P. 24.

90 Напечатано в трудах исторического общества (Historisch Genootschap) в Утрехте. Нов. сер. 1883, No 87, стр. 442.

91 Ed. Albйri. Ser. l, vol. 6, p. 19.

92 Цит. у *Гобома*, т. 2, стр. 420.

93 *Hobohm*, vol. 2, p. 420.

94 Я пользовался изданием 1553 г., находящимся в библиотеке Эрлангенского университета, стр. 77.

95 Я пользуюсь экземпляром, хранящимся в Мюнхенской придворной и государственной библиотеке, стр. 103.

96 Того места в его книге, на которое ссылается анонимный автор, я не мог разыскать. "Rang" у него означает шеренгу, а "file" – ряд. Это видно из стр. 73–74, т. 2, гл. 6. *Кромайер, Гермес* (35, 228) приводит это место, как доказательство трехфутового интервала между рядами, потому что "file" он переводит "шеренга", а "rang" – "ряд". Это неверно. И у *Биллона* в "Наставлении по-военному делу" ("Institutions Militaires"), 1617 г., ряд называется "file", например, на стр. 25: "Их было бы в таком случае только 10 человек в глубину (de hauteur), что составляет полный ряд (f'ile), согласно построению принца Морица, и 50 человек по фронту, то есть в пять раз больше по фронту (en front), чем в ряду" (en file)".

97 *Jdhns*, bd l, s. 712.

98 *Jdhns*, bd 2, s. 889, 902.

99 Издание Эйкштедта 1837 г.

100 *Fahlbeck*. Preussische Jahrbьcher. Bd 133. S. 535.

101 По Дройзену (G. *Droysen*. Gustav Adolf. Bd 2. S. 85), король высадился в Померании с 13 000 чел., у него было в Штральзунде 6 000 чел., подкреплений пришло около 7 000 чел., в Пруссии набрано было 13 600 чел. В круглых цифрах – 40 000 чел. В Швеции, Финляндии, Пруссии и т.д. осталось 36 000. Вся его военная сила достигла 76 000, из которых 43 000 были набранные национальные войска.

102 *Jdhns*, vol. 2, p. 952.

103 Монтекукули в своей записи за 1673 г. (Сочинения, т. 2, стр. 672) не признает правильным прежнее соотношение 2/3 мушкетеров на 1/3 пикинеров. Чтобы в сражении прикрывать мушкетеров, требуется большее число пикинеров, ибо без последних первых опрокинет кавалерия; так, например, было под Ленсом, где

Конде победил герцога Лотарингского. При Брейтенфельде Голштинский полк держался благодаря своим пикам, пока его не сломила артиллерия. То же говорит он (т. 2, стр. 223): "Соотношение 2/3 к 1/3 лишь потому представляется приемлемым, что во многих случаях, помимо сражения, мушкетеры пригоднее пикинеров.

104 "The Swedish discipline" и у *Фёрта (Firth*. Cromwell's Army, p. 105).

105 По *Фёрту*, стр. 104.

106 *Firth*. Cromwell's Army, p. 98, по "Swedish Intelligenzer", bd l, s. 124).

107 О кожаных орудиях см. *Gohlke*. Zeitschrift fьr historische Waffenkunde. Bd 4. S. 392. *Feldhaus*, s. 121. Кожаные орудия (Leder-Stьcke) упоминаются также в стихотворном введении к "Kriegsbьchlein" цюрихца Лафатера, 1644 г.: "Они не привезены в Цюрих, а наоборот, от нас – туда".

108 Письмо к Альдрингеру от 2 января 1633 г. *(Fцrster*. Wallensteins Briefe). Указание *Дениельса* (Geschichte des Kriegswesens, bd 4, s. 12) будто уже

Генрих IV Французский требовал, чтобы эскадроны давали из своих пистолетов только один залп, а потом атаковали бы холодным оружием, должно быть основано на недоразумении; я об этом не нашел никакого следа в источниках; для этого недоставало еще объективных данных – более строгой дисциплины. О сражении при Иври, последнем крупном сражении Генриха IV, *Давила* утверждает категорически, что его эскадроны караколировали.

109 Это объяснение передал нам английский военный писатель *Тёрнер*, и оно имеет своим источником рассказы английских офицеров, служивших в войске Густава Адольфа. Заимствую цитату из Фёрта *(Firth*. Cromwell's Army, p. 289). Приведенные у *Маркса (Marcks*. Coligny, p. 56) и у *Гобома (Hobohm. Machiavelli*. Vol. 2. P. 373, 385) места, как бы подтверждающие более раннее появление шпицрутенов, особенно из книги Буше . *(Bauchet*. Preuves de l'histoire de l'illustre maison de Coligny. 1642. P. 457), основаны на неверном переводе; "пропускать через пики" (passer par les piques) есть упомянутый выше (стр. 52) "суд длинных пик". Правда, *La Curne de St. Palaye* (Dictionnaire de l'ancien langage francais, vol. 8),

толкует это выражение: бить древками пик. Я считаю это неверным; пики для этого были слишком длинны.

110 *Firth*. Cromwell's Army, p. 321.

111 Kriegskunst nach kцniglicher schwedischer Manier eine Compagny zu richten, in Regiment, Zug- und Schlachtordnung zu bringen, zum Ernst anzufьhren, zu gebrauchen und in esse wьrklich zu unterhalten. Durch *Laurentium a Traupizen*, Frankfurt am Mayn, 1633. Университетская библиотека в Геттингене. Как в предисловии, так и в заключении, обещается продолжение этого сочинения, в котором вместо роты должен был быть рассмотрен боевой порядок армии.

112 О Кромвеле как об организаторе войска, в роли которого он нас главным образом интересует, исчерпывающие сведения нам дает превосходная книга Фёрта *(Firth C. H*. Cromwell's Army. London, 1902). Пространное сочинение *Фрица Хёнига (Fritz Hoenig*. Oliver Cromwell. Berlin, 1887) далеко уступает вышеназванной книге. Ср. рецензию в "Historische Zeitschrift" (Bd 83, S. 482) и "Historical Review" (1889, vol. 19, p. 599). Выдающийся таланг *Хёнига* достиг своего

полного развития лишь в позднейших его сочинениях.

113 Согласно *Хёнигу* (II, 2, 269), приказ этот был отдан еще в 1643 г.

114 Согласно подсчету У. *Д. Росса*, сообщаемому в "Historische Zeitschrift" (1889, Bd 63, S. 484), парламентское войско насчитывало 13 500 человек, из них – 7 000 пехоты, а королевское – 8 000, наполовину – кавалерии, наполовину – пехоты. Ср. *Firth*, p. 111.

115 *Firth*, p. 101.

116 Ср. мою статью "Anglicanismus um Presbyterianismus" в "Historische politische Aufsdtze".

117 *H. von Koss*. Die Schlachten bei St. Quentin und Gravelingen (Берлинская диссертация 1914 г., изд. Э. Эберинга). Верен ли анализ Гравелингенского сражения в этом весьма почтенном в остальных отношениях труде, я не вполне убежден. Соображения, выдвинутые Эльканом в своей рецензии, помещенной в "Historische Zeitschrift" (Bd 116, S. 533), касается

лишь второстепенных подробностей, частью только опечаток. Точно так же и вопрос о вмешательстве английских кораблей, которое Косс не без основания подвергает сомнению, – не существенно в военно-историческом отношении, но требует, ввиду приведенных Эльканом и упущенных Коссом свидетельских показаний, дальнейшей проверки.

118 Швейцарское донесение о сражении у *Зегессера (Seegesser*. Ludwig Pfyffer und seine Zeit. Bd 1. S. 621).

119 Специальное исследование этого сражения – *Gigon*. La troisiйme guerre de religion. 1912. По словам *Жигона*, у гугенотов было 12 000 пехоты и 7 000 кавалерии, а у католиков 15 000 пехоты и 8 000 кавалерии. Другие исчисляют силы католиков еще выше. Согласно *Попелиньеру*, Колиньи применил метод перемешивания небольшими отрядами пехоты и кавалерии ("enlacer l'infanterie et la cavalerie"). Однако этого не видно из хода сражения.

120 Основоположная монография по этому сражению, написанная Кребсом (Берлин, 1879 г.; Брендель, 1875 г.), не дает нам ничего пригодного

с военной точки зрения. Некоторые подробности можно найти у *Рицлера* ("Доклады Мюнхенской академии. Отдел филологам". 1906, т. 33).

121 *Рицлер* (стр. 84), однако, полагает, что армия Лиги к тому времени насчитывала лишь 10 000 человек, потеряв от болезней в предшествующем походе 12 000–15 000 человек. "Венгерская лихорадка" свирепствовала тогда во всех лагерях.

122 Построение чехов, по словам *Ангальта*, не превышало 3 750 шагов в ширину, причем, по-видимому, и парк не принят в расчет. По чертежам же, помещенным у *Кребса*, вместе с парком получаются неполные 2 000 м, которые на том же масштабе исчислены, как это ни странно, в 5 000 футов. *Кребс* (стр. 171) определяет длину фронта в s часа. Во всяком случае, фронт для такой маленькой армии был слишком длинен.

123 Впоследствии Тилли ставил своему коллеге Бюкуа в укор, что он распылил свою кавалерию на эскадрончики (squadronelli).

124 Христиан в своем донесении пишет об одних турнских мушкетерах, словно в этом полку не было пикинеров.

125 Согласно *Гиндели* (т. 2, стр. 119), роты чешских полков состояли из 24 ефрейторов, 76 пикинеров и 200 мушкетеров.

126 Руководящее специальное исследование об этом сражении принадлежит перу *Вальтера Опица* (Лейпциг, А. Дейхерт, 1892 г.). Диссертация *Вангерина* (Галле, 1896 г.) представляет лишь обследование источников, не давшее существенных результатов.

127 *Опиц* (стр. 76) установил, что Тилли намеревался продвинуться от Лейпцига к Эльбе для того, чтобы овладеть переправой и привлечь к себе из Силезии маршала Тифенбаха. Поскольку последний к нему присоединился, то предполагалось отрядить Паппенгейма в Меклекбург, в тыл шведскому королю. Таков был его план, если бы неприятель снова уклонился от боя. Для самого сражения этот план имел лишь то значение, что он способствовал принятию решения не уходить за Эльстер в ожидании Альдрингера.

128 *Jdhns*. Geschichte der Kriegswissenschaften. Bd 1. S. 572.

129 *Опиц*, следуя за *Рюстовом*, строит пехоту Тилли в испанскую бригаду. Возможно, что в известный момент она и имела такое построение; источники об этом нам не передают, а тактически это, конечно, безразлично, ибо при продвижении вперед было бы невозможно, да и бесполезно, сохранить какую-либо определенную фигуру в расположении всех четырех колонн между собою. То, что вся армия Тилли была построена в одну линию, категорически указано в одном французском донесении и у Хемница *(Опиц*, стр. 92); *Монтекукули* также говорит, что Тилли потому главным образом потерпел поражение под Лейпцигом, что он построил всю армию одним прямоугольным фронтом без резервов. Противоречие между донесением фельдмаршала Горна, что пехота Тилли была построена в 4 батальона, и французским донесением, сообщающим о 14 батальонах *(Опиц*, стр. 93), можно устранить тем, что в числе этих последних считаются и кавалерийские колонны, сосчитанные как батальоны. И в кавалерии, так же как и в пехоте, несколько полков могли быть сведены в одну тактическую единицу.

130 *Опиц*, очевидно, изобразил шведский фронт слишком широким, а саксонский – слишком узким. Так как о протяжении фронта каждой из сторон донесения сообщают, что они протягивались на полумилю в ширину (извлечение Шрейбера от 8 сент. в кн. *Дройзен*. "Архив саксонской истории. Т. 7. Стр. 348), а правое крыло шведов выдавалось за крыло противника, то надо полагать, что и правое крыло имперцев выдавалось за неприятельское крыло саксонцев.

131 *Монтекукули* (Собр. соч. Т. 2. Стр. 579) видит главную причину победы шведов в том, что мушкетеры были расставлены между частями кавалерии. Кавалерия должна быть так построена, чтобы противнику приходилось сперва пройти зону ружейного огня, а кавалерия должна его атаковать в момент ослабленного состояния, вызванного ружейным огнем.

132 В непосредственных отчетах о сражении об этой деятельности артиллерии не упоминается, но мы читаем об этом у *Хемница* и *Монтекукули*. С этим согласуется и то, что Тилли о своих различных донесениях *(Droysen*. Archiv fьr Sdchsische Geschichte. Bd 7. S. 391, 392) усиленно

подчеркивает значительное превосходство неприятельской артиллерии.

133 *Kar Deuticke*. Die Schlacht bei Lьtzen (Гессенская диссертация, 1917 г.). Лишь благодаря этому превосходному труду, в котором с величайшей тщательностью при помощи Стокгольмской библиотеки собран и обработан рассеянный материал, особенно состоящий из писем, мы имеем в настоящее время верную и подлинную картину хода этого сражения.

134 Имел ли Валленштейн кроме 21 тяжелого орудия еще легкие пушки, источники определенно не утверждают. Мы лишь знаем из нескольких писем (Fontes rerum Austriacarum, Bd 65), что он заботился об изготовлении таковых.

135 Относительно силы этого корпуса мы, к сожалению, не осведомлены; едва ли он включал в себя более 6 000 человек. В день сражения он еще стоял в Торгау, и, следовательно, прибыть под Люцен он мог не ранее как через несколько дней. Густав Адольф указал ему маршрут через Ризу и Ошац, дабы миновать занятые имперцами города Эйленбург и Лейпциг.

136 Новейшие монографии об этом сражении, на которые опирается мое изложение, это прежде всего работа *Вальтера Штрука* "Штральзунд" (1893 г.), и наряду с нею – *Эриха Лео* (Галле, 1900 г.). Оба, однако, не проводят достаточно резкого различия между положительным решением – искать решительного сражения – и голым риском – случайно натолкнуться на него в ходе маневренной войны. Живое изображение этого сражения, какое нам дает полковник *Кайзер* в "Литературном приложении" к "Staatsanzeiger fьr Wьrtemberg" за 1897 г., также не уловило этого существенного пункта. Лишь позднее я познакомился со статьей *Карла Якоба (Karl Jakob*. Von Lьtzen nach Nцrdlingen, 1904), в которой автор пытается доказать, что Бернгард Веймарский напрасно возвеличивается, и что шведский фельдмаршал Горн как стратег заслуживает перед ним безусловного предпочтения. То, что Якоб говорит в пользу Горна, надо признать в существенных чертах правильным, однако в его отрицательном суждении о Бернгарде проявляется предвзятость и недостаточное изучение военной истории. В пунктах разногласия между *Лео* и *Штруком* Якоб совершенно правильно всюду становится на сторону *Штрука*.

137 *Якоб* упрекает Бернгарда в том, что он вообще вел наступление; его крыло могло бы занять чисто оборонительное положение, дабы в случае отступления прикрыть таковое свежими силами. Однако такой образ действия плохо бы аттестовал военный гений Бернгарда. Правда, так как сражение было проиграно, то поражение оказалось более ужасным, так как у Бернгарда не оказалось достаточно резервов для прикрытия отступления. Но если бы он ограничился выполнением в течение сражения чисто пассивной роли, то всякие шансы на победу вообще были бы исключены, ибо тогда неприятель имел бы возможность двинуть против Горна еще больше войск. По всей видимости, Бернгард вполне правильно понял свою роль: возможно больше занять на своем крыле неприятеля, не добиваясь, однако, здесь решительного исхода.

138 *Лео* (стр. 59) определяет католическую армию в 40 000–50 000 человек, из коих перед Нёрдлингеном оставлено было лишь небольшое число, шведскую армию – в 19 000–22 000 регулярных войск и 5 000–6 000 – вюртембергского ополчения; *М. Риттер* ("История Тридцатилетней войны", стр. 580) и

Якоб (стр. 109) говорят то же самое. К сожалению, нам не известно никаких подробностей о применении и поведении этой милиции в бою. Вероятно, она стояла на фланге Бернгарда, а потому в самом бою почти не участвовала и лишь при отступлении была охвачена и зарублена неприятелем. Даже в статье *Кайзера*, где об этом можно было бы скорее рассчитывать найти какие-нибудь указания, мы не встречаем ничего существенного по этому поводу.

139 *Лео* приводит несколько показаний (стр. 66, прим.) в подтверждение того, что Бернгард уже с самого начала, то есть уже на военном совете, решившись занять Арнсберг, хотел и предлагал дать сражение. Однако нельзя признать его показания безусловно достоверными, и весьма возможно, что некоторые слова принца, сказанные им вечером в походе или утром в день сражения, когда поднимался вопрос о том, следует ли пытаться взять силой позицию на Аллбухе, были перенесены в прения на военном совете.

140 *Rudolf Schmidt*. Die Schlachte bei Wittstock. Halle, 1876.

141 Письмо от 9 октября (следовательно, на пятый день после сражения) к фельдмаршалу графу Гёцу, командовавшему в Гессене. Напеч. у фон дер *Деккена*. (v. *d. Decken*, Herzog Georg von Braunschweig und Lьneburg. Bd 2. S. 277).

Часть третья
ЭПОХА ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С самого начала и государственные люди, и теоретики прекрасно понимали огромные невыгоды ведения войны исключительно при помощи временно принятых на службу наемных войск. Мы видели, что такой мыслитель, как Макиавелли, и такой политик, как король Франциск, делали попытки создать более совершенную военную организацию, но их попытки не увенчались успехом. Прогресс в этом отношении совершился способом, которого не предлагал ни один теоретик, не сконструировав ни один философ и никто не предвидел. Банды наемников не были заменены воинством какого-либо иного происхождения, но они изменили свой характер, оставаясь длительно под знаменами, и превратились в постоянные войска. Сперва – у испанцев, затем – у нидерландцев, в результате Тридцатилетней войны – во всех более крупных областях Германии, и наконец, у англичан – лишь при переходе от XVII к XVIII

столетию.

Карл V ко времени своего отречения от престола уже оставил после себя армию в 60 000 человек и 80 000 гарнизонных войск; эта практика в конечном результате превратилась в принцип. Огромные невыгоды роспуска войск по окончании кампании уже давно замечались; теперь стали выясняться и преимущества, даваемые содержанием постоянной вооруженной силы – не только в политическом отношении, но ив военном, – в смысле внутренней ценности войск.

Военное устройство всегда является фундаментальным пунктом народного бытия. Весь социально-политический строй Европы меняется с введением новой военной организации. Постоянная армия является предметом спора в борьбе государей с сословиями, в результате которой на европейском континенте все короли становятся самодержавными властителями, а в Англии – сперва министр Страффорд, а за ним и сам король Карл I взошли на эшафот. Старый вассалитет возрождается в образе дворянского офицерского корпуса. Сами же войска утрачивают злостный характер ландскнехтов, все строже и строже дисциплинируются, пополняются не только путем вербовки, но и путем набора, и на базе этого изменения своей основной структуры

меняют также и тактические формы.

Не так-то легко далось западным народам создание упорядоченного управления для мощного войскового организма. Кондотьер – это смешение воина и делового предпринимателя – сохранился через средние века вплоть до Тридцатилетней войны, ибо государство еще не обладало такими органами, которые могли бы заменить деятельность и дееспособность этих предпринимателей.

Государственная администрация являлась по сравнению с этими военными антрепренерами почти бессильной. Как ни были обширны страны, королевства, герцогства и графства, над которыми властвовал император Фердинанд II, все же он был не в состоянии набрать в них хотя бы такой военной силы, какую бездомный авантюрист граф Мансфельд то и дело выставлял в поле и собирал вокруг своей личности, а огромные богатства, коими оперировал Валленштейн, лишь в небольшой доле состояли из унаследованных или полученных в приданое владений, – они имели своим источником либо скупку имений, либо чеканку монеты, а этот источник рациональное и корректное государственное управление могло бы само для себя использовать. Дом Габсбургов с этим делом не справился. Такой человек, как

герцог Макс Баварский, добился того, что командовал собственным войском, не прибегая к посредничеству кондотьера. Понемногу с этой задачей стали справляться и другие крупные владетельные дома.

Предпосылкой или, скажем, побочным моментом крупного изменения характера армии явилось образование нового правительственного аппарата – чиновничества, задача которого – собирать налоги, требуемые содержанием армии, и забота об экономическом положении и общем благосостоянии и культуре, дабы развить до возможной степени платежеспособность страны.

Появляется государство как особый организм, отличный от властителя страны, управляющего территорией, принадлежащий его роду и отличный также от народа, являющегося для государства лишь объектом. Это разделение оказывает со своей стороны влияние на идею войны и на способ ее ведения. Гуго Гроций выдвинул принцип, что война есть дело одних солдат и что граждан она вовсе не касается.

Как первое государство, которое фактически в крупном масштабе стало держать на постоянной службе банды наемников, я назвал Испанию, которая даже в промежутках между ее войнами с Францией была вынуждена иметь вооруженные

силы в Нидерландах. Однако по своему внутреннему характеру это испанское войско долго еще оставалось бандой наемников. Впервые у его противника – Нидерландской армии, предводимой Морицом Оранским, развились, как мы видели, новые стороны военного дела, характерные для постоянной армии. В шведской армии Густава Адольфа это развитие поднялось на высшую ступень, хотя, впрочем, характер старых наемных банд еще не был вполне изжит. С окончанием Тридцатилетней войны завершается и этот этап развития, и у всех народов мы, приблизительно одинаково, наблюдаем появление дисциплинированной армии, содержимой и в мирное время, и регулярно оплачиваемой.

С этим явлением мы теперь познакомимся подробнее на двух наиболее выдающихся примерах – Франции и Пруссии[1].

Глава I

ФРАНЦИЯ

Прежде нередко указывали на ордонансовые роты как на начало постоянной армии во Франции. Однако ордонансовые роты представляются ничем иным, как высоко развитым, организованным установлением средневековья, которое, если хотят это видеть обязательно, в вооруженной свите государя и в гарнизонах замков уже имело постоянные войска.

То, что мы обозначаем термином "постоянные войска", имеет свои корни не в рыцарстве и его дружинах, а в появившейся в конце XV и начале XVI века новой пехоте. Однако Франция долго имела лишь ничтожную собственную пехоту. Карл VIII, Людовик XII, Франциск I, Генрих II вели свои войны преимущественно при помощи швейцарцев и ландскнехтов в соединении с французским рыцарством. Даже гражданские войны, которые во второй половине XVI столетия раздирают Францию, ведутся преимущественно при помощи швейцарских и немецких наемников. Не сами французы, а немецкие рейтары на французской почве выполняют дело постепенного превращения рыцарства в кавалерию. Гугенотские

войны не продвинули вперед национально-французскую военную организацию и даже отбросили ее несколько назад. Гражданская война опирается на сторонников, которых находит в стране каждая из двух борющихся партий и которые, более или менее по своему желанию, то пристают к ним, то отходят от них. Страстная партийность, составляющая необходимое условие для того, чтобы разгорелась гражданская война, и проявляющаяся с особой силой в войнах религиозных, вызвала совершенно особый, запоздалый расцвет рыцарства. Дворяне лично выступали в поход по собственному побуждению и служили без жалования. Они дрались храбро, но при этом обнаруживалась и оборотная сторона рыцарства: когда Александр Пармский в 1590 г. добился снятия осады с Парижа, он маневрировал избегая сражения. В результате армия Генриха VI, состоявшая в большинстве из добровольно служивших дворян, распалась ничего не сделав. Генрих тогда сказал, что в конечном счете всю разницу между ним и герцогом Пармским составляют деньги; обладай он лучшими денежными средствами, он бы так же сумел удержаться на театре военных действий со своей армией. Серебро из Потоси, замечает Ранке[2], имело непосредственное отношение к развитию в

Европе постоянных армий. Не подлежит сомнению, что драгоценные металлы, вывезенные из Америки, оказали существенную помощь испанцам. Однако дальнейший ход развития показал, что упорядоченное государственное управление и правильная податная система не только в такой же мере, но и гораздо лучше и в более сильной степени доставляют средства для регулярной оплаты войск. При этом, правда, надлежит сделать оговорку, что умножение благодаря открытию Америки количества благородных металлов в значительной степени облегчило переход от натурального хозяйства к денежному, ибо сбор налогов без развитого денежного хозяйства представляет значительные затруднения.

Во втором томе этого сочинения мы познакомились с тем, как крушение античного денежного хозяйства и катастрофическое возвращение Европы к натуральному хозяйству способствовало развалу римских легионов. Теперь мы наблюдаем обратное явление: с возрождением денежного хозяйства снова создаются дисциплинированные постоянные армии.

Гугенотские войны постоянно переплетались с внешними войнами. Лишь Вервенский мир 1598 г. между Францией и Испанией положил

конец этим смутам, и Генрих IV после заключения этого мира удержал под оружием лишь весьма небольшую армию. Большинство рейтарских рот были распущены, а личный состав остальных – сильно сокращен, приблизительно до 1 500 человек[3]. Согласно одному источнику[4], вся армия насчитывала лишь 6 757 человек, из коих большинство составляли рейтары. По другим источникам, кроме гвардии, сохранены были четыре сильных пехотных полка[5]; третьи насчитывали 100 рот, которые, впрочем, вместе могли составлять лишь несколько тысяч человек.

Ядро французской пехоты составляли пикардийские и пьемонтские "банды", теперь уже называвшиеся "старыми бандами", которые расценивались ниже швейцарцев и ландскнехтов, но которые все же сохранились и во время религиозных войн были преобразованы в полки. Толчок к этому дало то случайное обстоятельство, что оба "генерал-полковника" (colonels gйnйraux) пехоты Андело и Конде были гугенотами, и на их стороне оказалась часть "старых банд". Прямо сместить обоих генерал-полковников не решились, и Франсуа Гиз придал частям этих банд, оставшимся на стороне короля, особую организацию (1561 г., окончательно в 1569 г.)[6]. Таково начало французских пехотных

полков, постепенно размножившихся и просуществовавших до времени французской революции. Сюлли рисует следующую картину французского войска к исходу гражданской войны: "...произведен был насильственный набор в пехоту, и удержать солдат в строю удавалось лишь при помощи палки, тюрьмы и виселицы. Жалования они не получали и старались при всяком удобном случае дезертировать; профосы должны были их держать в лагерях как осажденных".

"Армия, – говорит другой французский писатель, – первоначально представляла как бы водный бассейн, в который спускали все нечистоты и отбросы социального организма"[7].

Когда в 1610 г. Генрих IV стал снова готовиться к войне с католической Испанией, из-за чего его и убил Равальяк, он, по-видимому, имел 13 полков пехоты. Сюлли составил на армию в 50 000 человек смету, в которой "год исчислялся в 10 месяцев", а расход определялся в 15 миллионов франков.

После убийства Генриха IV Франция снова погрузилась в бессилие внутренней смуты, из которой ее лишь постепенно поднял Ришелье. Ришелье добился вмешательства Франции в

Тридцатилетнюю войну против дома Габсбургов. Однако военная организация Франции, после того как она почти в течение 40 лет (1598 – 1635 гг.) не принимала серьезного участия ни в одной войне, была все еще весьма слаба. Еще в 1631 г. Ришелье заявлял, что у Франции было слишком мало людей, пригодных к ведению войны, а потому он предпочитал принимать участие в войне лишь политикой и деньгами, а не непосредственно[8].

В 1636 г., после того как протестанты в Германии понесли поражение при Нёрдлингене, могло случиться, что императорский генерал Галлас проник глубоко во Францию, а Иоганн фон Верт из Бельгии подошел к окрестностям Парижа. Ришелье обратился к патриотическому чувству французского народа, и мало-помалу стала, наконец, образовываться настоящая французская армия. Начали формировать новые французские полки и приняли нидерландский метод обучения. Тюренн, будучи родственником принцев Оранских, получил у них военное образование. Однако еще долгое время иностранцы составляли главную силу армии французского короля; в частности, у него служил герцог Бернгард Веймарский, а после смерти последнего король принял к себе на службу его армию; в 1638 г. на 36 французских полков приходилось 25

иностранных.

В 1640 г. Ришелье хвалился, что у Франции было под знаменами 150 000 пехоты и более 30 000 конницы. Однако, по последним французским исследованиям, эти цифры сильно преувеличены; по-видимому, общее число всех войск не достигало еще 100 000 человек[9]. Роты насчитывали часто лишь 15–20 человек, ибо капитаны после смотра давали им разбегаться, чтобы прикарманить себе их жалование.

Четыре года спустя Мазарини писал Тюренну, чтобы он набирал возможно больше немцев, так как среди французов количество дезертиров достигает двух третей[10]. Вербовали солдат в Ирландии, Шотландии, Швеции и Пруссии.

В 1670 г. общую численность армии определяют в 138 000 человек, из них иностранцев – 45 000, следовательно, более одной трети.

В 1789 г., в начале революции, французская армия насчитывала 79 французских и 23 иностранных полка, всего – 173 000 человек; какое число из них фактически было под знаменами и несло службу, остается открытым[11].

Как известно, первоначально полки представляли административную единицу,

комплекс меняющегося числа рот с меняющейся численностью таковых. Тактическими единицами являлись квадратные колонны или батальоны тоже различной, в зависимости от обстоятельств, численности и состава. В 1635 г. во Франции окончательно перешли к тому, чтобы превратить батальоны в подразделения полков; батальоны должны были иметь равную численность, но полк мог иметь большее или меньшее число батальонов.

Особую трудность представляло превращение старых ордонансовых рот в кавалерийские полки. Капитаны не хотели подчиняться новым порядкам. Смеялись над легкими лошадьми, которые не могли нести тяжеловооруженных рыцарей. Первые попытки ввести новую организацию в 1635 г. должны были быть оставлены после 7 месяцев, и снова была восстановлена самостоятельность прежних рот. Еще в 1638 и 1639 гг. были изданы приказы, которые под страхом смертной казни обязывали всадников не снимать своего оружия во время похода, на караулах и т.д.

Несмотря на все препятствия, новые военные порядки постепенно распространялись, и французское дворянство дало из своей среды таких полководцев, как Тюренн и Конде, которые

умели руководить новой военной организацией.

Кавалерия настолько окончательно отказалась от традиционных боевых приемов рыцарства, что Людовик XIV должен был издать в 1676 г. приказ, чтобы под страхом увольнения офицеры носили кирасы; в это время солдаты уже их не носили. Офицеры во время атаки составляли первую шеренгу эскадрона. После 1715 г. офицеры также сняли кирасы (за исключением генералов) и наравне с солдатами стали надевать кожаные колеты[12].

Действительным творцом новой военной организации был Мишель Ле Телье, занявший в 1643 г. должность военного министра и передавший ее в 1668 г. своему сыну Лувуа[13]. Даже Ришелье еще не удалось ввести действительный порядок в военной организации.

Венецианский посол Нанни доносит о французских солдатах еще в первые годы малолетства Людовика XIV, что они оборваны и босы, что кавалерия их снабжена плохими лошадьми, но что они, тем не менее, дерутся, как сумасшедшие.

Решающим пунктом является выплата жалования. Венецианский посол Анджело Корер доносит, что из 100 дукатов, которые тратит король, только 40 идут по прямому назначению,

60 – либо расточаются зря, либо разворовываются. Войска так плохо и нерегулярно оплачивались, что невозможно было держать их в порядке.

Ле Телье учредил разряд гражданских чиновников-интендантов, которых придавали военному командному составу.

Они подчинялись одному лишь старшему генералу; все остальные офицеры должны были им повиноваться. Они принимали участие в каждом военном совете, собираемом генералом, и имели голос в отношении всех решений по военным, дипломатическим и административным делам. Они должны были давать советы командующему. Финансы, крепости, снабжение провиантом и снаряжением, госпитали, военный суд – все это передано было в их руки.

Для контроля над выплатой жалования Ле Телье прежде всего распорядился, чтобы она производилась в присутствии интенданта или подчиненных ему чиновников, военного комиссара, соответственного командира и мэра (старосты, головы) или уважаемых местных жителей того города, где расквартированы были войска. Позднее был издан приказ, чтобы жалование выплачивал не капитан, а интендант или один из военных комиссаров, и чтобы эта

выплата уже не производилась непосредственно после смотра, а в определенные сроки, большей частью – помесячно.

В 1650 г., во время смуты, вызванной фрондой, Ле Телье пришлось снова уступить губернаторам сбор податей в их провинциях и содержание на них крепостей и гарнизонов. Но уже в 1652 г. он взял обратно эту уступку и окончательно установил чисто королевское управление.

Одновременно он провел распоряжение, чтобы его интенданты и их комиссары внезапно и в походе устраивали смотры для проверки наличности солдат; о каждом таком смотре они должны были посылать подробное донесение министру. Строптивых офицеров комиссары имели право арестовать и наложить секвестр на их имущество.

Конде, дю Плесси-Прален, Тюренн как командующие генералы нередко отдавали собственные деньги и даже столовое серебро, если не для того, чтобы удовлетворить полностью солдат, то хотя бы для того, чтобы не дать им умереть с голоду. Сам Ле Телье давал из собственных средств авансы, и даже скупой Мазарини делал то же самое.

До тех пор пока налоговая система еще не

начала аккуратно функционировать, Ле Телье ввел бумажные денежные знаки, которые выдавались солдату и по поступлении податей обменивались на звонкую монету. Финансы были в плохом состоянии не только при Ришелье, но и при Мазарини, который, правда, преумножил собственные богатства, но о государственных финансах мало заботился. Наконец, при Людовике XIV постепенно добились регулярной выплаты наличными деньгами.

Во время Тридцатилетней войны отдельные воинские части еще представляли из себя небольшие самостоятельные республики. Генерал-лейтенанты считались равноправными между собою и не хотели друг другу подчиняться. Ле Телье провел принцип военной иерархии. С особой осторожностью приходилось ему в этом случае поступать с веймарской армией, которая была организована несколько иначе, чем французская, и сохранила свой собственный дух.

Постепенно у высшего командного состава отняли право назначать офицеров, и вся судьба офицеров отныне стала зависеть от доброй воли короля. Главы и сыновья господствующих аристократических семейств продолжали в качестве полковников быть шефами полков; они делались таковыми нередко в самом юном

возрасте; но во главе их они становились лишь во время военных действий, а в остальное время большей частью проживали при дворе. Действительное командование находилось в руках подполковника, назначаемого королем из числа капитанов по собственному усмотрению; это был в большинстве случаев опытный, начавший с низов свою службу офицер.

Ле Телье отменил злоупотребление, заключавшееся в том, что одни и те же лица занимали по совместительству несколько должностей и получали содержание по ним, и старался добиться того, чтобы если не придворные полковники, то прочие офицеры фактически оставались при своих частях, а не веселились в Париже.

Он ограничил расходы высших офицеров и точно установил для каждого чина, сколько лошадей мог держать имевший этот чин офицер; пехотный капитан – не более четырех лошадей, лейтенант – не более трех, профос – не более двух.

Когда во Франции формировались "старые банды", немногие дворяне поступали в их ряды[14], а потому так же, как в Германии, начальственных постов достигали отличившиеся солдаты, независимо от их происхождения. Но уже в XVI столетии стали стремиться к тому,

чтобы офицерские должности занимали, по возможности, лица, принадлежавшие к традиционному воинскому званию – дворянству, так, например, этого требует гугенотский вождь де Ля Ну[15]. Когда же, со времен Ришелье и при Людовике XIV, постепенно стала формироваться большая постоянная армия, произошло замечательное раздвоение. Всему духу государства и правительства отвечал исключительно дворянский офицерский корпус. Но для этого новое поколение оказалось недостаточным. Старые дворянские роды были в значительной мере бедны или разорились и не могли доставить денежную доплату, необходимую для содержания офицера в соответствии с его общественным положением. Наоборот, среди высших слоев буржуазии и в семьях чиновников было много молодых людей, у которых была склонность к военной службе. Между тем дворянство пыталось сохранить свое положение, отграничивая себя от посторонних элементов, и претендовало на офицерские посты, как на свое законное наследие, а правительство руководствовалось стремлением по возможности щадить, сохранять и поощрять дворянство. Слияние в офицерском корпусе, не обостренное противоречиями, понемногу со временем сгладило бы обособленное почетное

положение дворянства. Но так как дворянство поставляло офицеров, а офицерский корпус ощущал себя дворянским, то среди народа выделялась обособленная сословная традиция с собственными нравами, особыми понятиями о чести и претензиями, которая благодаря своим связям с двором и приближенными короля установила свое прочное социальное господство. С другой стороны, пополнение офицерского корпуса из обособленного наследственного класса прочно закрепило между ним и солдатской массой пропасть, делившую армию на две принципиально различные составные части.

Это разделение проходит во всех армиях романо-германской Европы и перенесено было и в Россию Петром Великим. Это, собственно, и есть характерная черта этой эпохи, придающая ее армиям отпечаток, резко отличающий их как от римских легионов, так и от швейцарцев и ландскнехтов XVI века[16].

Особое обстоятельство способствовало укреплению тенденции сохранить за французским офицерским корпусом его дворянский характер.

Несмотря на то, что назначения исходили от короля, нередко офицеры продавали свои должности другим; а именно, старики, достигшие уже преклонного возраста и намеревавшиеся

удалиться на покой, этим способом старались получить известную прибавку к своей пенсии. Такую сделку со своим заместителем называли "конкордатом", и в этом случае иногда выплачивались довольно значительные суммы. Но при этом не всегда продвигались вперед наиболее способные, а ничто так не подрывает моральной основы всякой дисциплины, как продвижение несоответственных элементов на высшие командные посты[17]. Маршал Беллиль при Людовике XV безуспешно пытался искоренить это злоупотребление, а так как среди буржуазных семей, направлявших своих сыновей на военную службу, было больше достатка, чем в большинстве дворянских семей, то борьба против продажи должностей повела к реакции против лиц недворянского происхождения: раз не допускали буржуазию, то она не могла и оспаривать желанных мест у дворянства при помощи своего богатства. В течение всего этого периода вплоть до революции издаются все новые и новые эдикты, которые то открывают доступ буржуазии к офицерским постам, то его затрудняют, то совершенно его преграждают. В 1629 г. при Ришелье был издан эдикт, согласно которому солдат, отличившийся на войне, мог быть повышен до чина капитана и даже больше, если

он того окажется достойным. Каким либеральным ни кажется на первый взгляд этот эдикт, однако в основе его все же лежит тот взгляд, что офицерский корпус по своему существу – дворянский. Как в XVI веке Монлюк, так в XVII – Катина, будучи буржуазного происхождения, достигли высшей ступени военной иерархии. В общем, однако, положение было таково, что хотя число буржуазных офицеров-ротюрьеров (худородных) и было значительно, однако на высшие командные посты они попадали лишь в весьма редких случаях, а временами допущение их сопряжено было со столь строгими ограничениями, что оно было почти исключено. Главным средством предоставить буржуазии доступ в офицерский корпус являлось создание фиктивного дворянства: удостоверение, подписанное тремя или четырьмя дворянами о том, что аспирант является дворянином, было достаточно для допущения его; а такое удостоверение достать было не очень трудно. Еще незадолго до революции выпущен был поэтому эдикт (1781 г.), требующий доказательства дворянства четырех последовательных поколений по отцовской линии. Согласно этому эдикту, исключались из офицерского корпуса и сыновья недавно возведенных в дворянское достоинство

лиц, или же они могли удержаться лишь при помощи особливой протекции[18].

Офицерское сословие, как оно образовалось в течение XVII столетия, является, следовательно, дальнейшей формой развития наследственного военного сословия средних веков – рыцарства, изменившегося не только внешне, в смысле боевых приемов, но и внутренне, путем приспособления к строгим формам дисциплины и военной иерархии с производством по усмотрению верховного военачальника. В 1685 г. вышла книга "Поведение Марса" ("La conduite de Mars"), которая ставила себе задачей научить офицера его сословным обязанностям и правилам жизни и, по выражению Иэнса (11, 1255), представляет переход от дворянского кодекса чести к военно-служебному регламенту. Офицер должен повиноваться, но никогда не ронять своего достоинства и пользоваться каждым случаем сделать карьеру (faire fortune). И набожность, поучает книга, приносит выгоды.

Во французской армии, по сравнению с ее численным составом, число офицеров было поразительно велико. Согласно труду Генерального штаба о войнах Фридриха Великого (I, стр. 114), в 1740 г. на 11 рядовых уже приходилось по одному офицеру, а потому все

поручики были также вооружены ружьями. В Пруссии в это время один офицер приходился приблизительно на 29 рядовых; ко времени смерти Фридриха Великого один – на 37 человек; теперь же один офицер приходился приблизительно на 50 солдат. Если даже соотношение 1:11 основано на ошибке, то все же число офицеров по отношению к числу солдат было гораздо больше, чем в наше время[19].

Если никогда не удавалось воздвигнуть непроницаемую преграду для вступления буржуазных элементов в офицерский корпус, то и внутри самой армии оставался, хотя и узенький, мостик, который вел из мира рядовых в мир офицерского сословия. Между офицерами и унтер-офицерами стояли зауряд-офицеры (officiers de fortune), их можно приравнять, пожалуй, к старшим боцманам (Deckofficiere) или к фельдфебель-лейтенантам последнего времени. Они считались лишь унтер-офицерами, но нередко происходили из интеллигентных семей. При хорошей аттестации такой officier de fortune мог рассчитывать в среднем возрасте на производство в офицеры. Их знание службы и усердие имели особенно большое значение для спайки воинской части в кавалерии, где многие знатные господа не очень-то заботились о службе.

Из этих слоев армии вышел маршал Бернадот, впоследствии – шведский король. Он был сыном видного адвоката и сам являлся такой значительной, а впоследствии и импонирующей личностью, что уже молодым человеком должен был привлекать к себе внимание. Тем не менее, к моменту, когда вспыхнула революция, будучи в возрасте 26 лет и прослужив солдатом 10 лет[20], он еще не был лейтенантом и не имел, даже если бы, наконец, ему и пожаловали офицерские эполеты, почти никаких шансов продвинуться по службе дальше капитана.

Пополнение полков производилось путем вербовки, для чего уже в 1645 г. Ле Телье установил определенные вербовочные округа. В 1666 г. время, на которое заключался контракт (capitulation), было ограничено четырьмя годами, и капитанам было запрещено под страхом лишения чина насильно удерживать людей под знаменами дольше этого срока.

Время от времени все еще производился призыв рыцарства, arriireban: в 1674 г., в 1675, 1689, 1703 и даже в 1758 гг., во время Семилетней войны. Но это ополчение не успевало собраться, как его распускали из лагеря по домам, как совершенно непригодное, и это обратилось в известный прием обложения дворянства:

довольствовались вместо личной явки уплатой известной суммы в виде откупа. В 1639 г. подлежащий призыву дворянин вместо себя должен был поставить двух пехотных солдат.

Еще в 1661 г., при вступлении на престол Людовика XIV, во Франции не было установлено общей форменной одежды; лишь отдельные роты некоторых полков бывали одинаково обмундированы своими капитанами, хотя Ле Телье уже в сороковых годах распорядился изготавливать по образцам оружие и форменную одежду. Во время религиозных войн надевали для отличия цветные повязки, а также накидки наподобие капюшонов (casaque, hoqueton) различных цветов, менявшихся в зависимости от вождей или других обстоятельств.

В 1666 г. Ле Телье издал приказ, предписывавший одинаковый калибр для всех ружей: 20 пуль на 1 фунт.

Казарм было мало; солдаты располагались на квартирах горожан, и точные регламенты устанавливали взаимоотношения их с хозяевами квартир как при постоянном расквартировании, так и в походе. При Людовике XIV стали строить все больше и больше казарм.

С 1666 г. стали чаще собирать более крупные массы войск в учебные лагеря и с ними

производили не только учебные эволюции, но и двухсторонние маневры.

Для обеспечения войск продовольствием Ле Телье создал правильно организованные магазины, которые получили большое значение для стратегических операций. Ле Телье нередко сам принимал участие в походах, чтобы руководить снабжением армии и следить за ним. Нам еще придется вернуться к следствиям довольствования войск при помощи магазинов.

Уже Ришелье основал несколько лазаретов. Ле Телье отпустил им средства, как для того чтобы сохранить для армии солдат, так и из чувства человеколюбия. В XVIII веке французские войска слыли наиболее обеспеченными в этом отношении. Генерал-интендант дю Верне писал во время Семилетней войны главнокомандующему Клермону, что французы, пожалуй, являются единственной нацией, у которой имеются лазареты при армии, отчасти из человечности, отчасти потому, что у французов мало людей и их приходится беречь. Правда, продолжает он, лазареты здесь не так хороши, как в гарнизонах[21].

Особенным злом прежних наемных войск были их огромные обозы. Солдаты очень охотно брали с собою в поход своих жен, чтобы они

помогали им в отношении продовольствия, а в случае болезни или ранения – ухаживали за ними. С учреждением правильно организованных магазинов и полевых лазаретов эта помощь перестала быть необходимой для солдат, и им можно было запретить брать с собою жен; Ле Телье даже запретил солдатам жениться.

Но насколько еще и в этих постоянных армиях живо было миросозерцание наемнических банд, показывает то, что "рансонирование" – выкуп военнопленных – все еще имело место. Еще в 1647 г. между Францией и Испанией заключено было соглашение, установившее определенный тариф для выкупа: за полковника платили 400 франков, за рядового пехотинца – 7 S франков [22].

Ле Телье позаботился также и об инвалидах. Некоторые из них поручались монастырям, которые обязаны были их содержать; другие инвалиды, объединенные в роты, получали содержание за несение ими известной службы. Но они предпочитали дезертировать; отправлялись в Париж и жили нищенством. На граждан, подававших им милостыню, налагали штрафы, и грозили даже смертной казнью нищим. В 1674 г. Людовик XIV основал Дворец инвалидов (Нфtel des Invalides)[23].

Дело Мишеля Ле Телье было продолжено и

завершено, как мы уже говорили, его сыном Франсуа Мишелем, носившим титул маркиза де Лувуа; в 21 год, в 1662 г., он стал помощником своего отца, а через 6 лет заместил его в качестве военного министра.

Когда в 1668 г. Аахенский мир закончил деволюционную войну[24] и армию следовало бы сократить, он не распустил, как это делалось раньше, известное количество войсковых частей, но сократил личный состав каждого полка, сохранив полностью все штабы, так что путем укомплектования новобранцами уже существующих полков армия легко могла быть увеличена. Этим способом, собственно, и была впервые осуществлена подлинная идея постоянной армии. Дух каждой однажды сформированной воинской части таким образом передавался дальше; при этом не только выигрывалось время, необходимое для формирования совершенно новых воинских частей в случае возникновения войны, но эти старые полки обладали вескими качественными преимуществами старых воинских частей над новыми.

Чтобы иметь возможность использовать всю вооруженную силу для активных задач ведения войны, Лувуа учредил в 1688 г. милиционные

полки, на которые возлагалась задача несения гарнизонной службы. В то время как полевая армия была построена на добровольной вербовке, людей для милиционных полков должны были поставлять общины; следовательно, так или иначе производился набор. Однако вскоре стали пользоваться, время от времени, милиционными полками и в полевой войне, а в течение войны за Испанское наследство солдатами этих полков стали просто комплектовать постоянные полки.

Таким образом, и в отношении полевой армии, хотя и косвенным образом, в незначительных размерах и мягких формах, комплектование основывалось на наборе. Но еще задолго до этого, в 1677 г., Лувуа писал, что для дезертира не может служить извинением утверждение, что его забрали насильно; ибо если такому заявлению придавать значение, то никто не останется под знаменами, ибо почти не найдется человека, который не мог бы предъявить каких-либо возражений против своего завербования.

При Генрихе III, как и в Германии, как-то был издан декрет, чтобы резать носы "пассволантам" (подставным солдатам); но на действительных виновников, капитанов, посягнуть не решались. Теперь положение изменилось. Однако прошло много времени пока это злоупотребление не было

окончательно искоренено. Еще в 1676 г. при Лувуа указ отрезать носы был возобновлен.

Самой существенной заслугой Лувуа перед французской армией следует признать его административную деятельность, его неустанную, нередко грубую энергию и работоспособность, с которыми он проводил и осуществлял созданную его отцом систему, ломал всякое противодействие, искоренял злоупотребления и осуществлял всегда бдительный контроль. Там, где он усматривал промах или беспорядок, он лично появлялся и сам принимал соответственные меры. В этой деятельности его отчасти можно сравнивать с Фридрихом-Вильгельмом I.

Хорошо слаженный организм французской армии выдержал поражения войны за Испанское наследство и проявил свои достоинства даже еще в Семилетней войне. В 1760 г. Фердинанд Брауншвейгский сражался с французской армией, более сильной и не хуже организованной и снаряженной, чем она когда-либо появлялась по ту сторону Рейна при Людовике XIV. Силы французов тогда были не слабее 140 000 человек[25].

Глава II

БРАНДЕНБУРГ. ПРУССИЯ

По существу, немецкие государи еще более настоятельно нуждались в дееспособной военной организации, чем французский король, так как их средства им не позволяли, хотя бы в последнюю минуту, завербовать себе на службу крупные банды наемников, как то делали французские короли. Не было недостатка в радикальных и энергичных попытках создать в немецких странах новую военную организацию. При этом ее связывали частью с традицией обязанностей ленников, частью с никогда не приходившей в полное забвение всеобщей повинностью – защищать свою страну. Держали опытных в военном деле капитанов на постоянной пенсии (Warte-Geld), чтобы они, в случае нужды, стали во главе ленного ополчения или набора, произведенного среди горожан и крестьян. Более крупные области, как Бавария, Вюртемберг, Пфальц, Саксония, Пруссия, могли таким путем выставить довольно многочисленную, организованную милицию. Заслуживает быть особо отмеченным граф Иоганн Нассауский, брат Вильгельма Людвига, так успешно помогавший

Морицу Оранскому при создании им Нидерландского войска. Граф Иоганн, глубоко захваченный идеей новой военной организации, созданной его родственниками в Нидерландах, захотел перенести ее в Германию. Он видел надвигавшиеся тучи религиозной войны и советовал сословиям вооружаться, заменив наемных навербованных солдат местным ополчением. Но он пошел и дальше.

Успехи Морица Оранского настолько подняли престиж последнего, что в его лагерь стали стекаться питомцы Марса из всей протестантской Европы, чтобы быть посвященными там в тайны нового военного искусства.

Однако нидерландское военное искусство покоилось уже не на одном опыте, но и на теоретическом изучении и знании; поэтому Иоганн учредил в своей столице Зигене военное дворянское училище для молодых дворян и сыновей патрициев. Там преподавались инженерное искусство, фортификация, артиллерия, тактика, математика, латинский, французский и итальянский языки. В качестве директора училища он пригласил Иоганна Якоби фон Валльгаузена, о происхождении и жизни которого мы, к сожалению, знаем лишь то, что он побывал в Нидерландах, именовал себя

"уполномоченным оберст-вахтмейстером и капитаном достохвального города Данцига" и с 1614 по 1621 гг. выпустил в свет длинный ряд военно-теоретических сочинений. Эти его творения представляют месиво из действительных знаний и здравых суждений и в то же время, порою, из не подвергнутых критике фантастических измышлений[26]. Он, например, способен рекомендовать кавалерии, чтобы она для обороны образовывала круг или каре[27], а пехоте – строиться крестообразно или в виде восьмиугольника. Тем не менее его писания пользовались большим успехом и были также переведены на французский язык. Сам автор, как то можно заключить и из его писаний, был несолидной личностью, и его уволили по прошествии нескольких месяцев. Зигенское военное училище вскоре закрылось, а сам Иоганн умер в 1623 г., не создав ничего прочного[28].

Попытки организовать милицию также не увенчались успехом. Эти ополчения не могли устоять против профессиональных наемных солдат[29]. Пфальцская милиция спасовала, когда подошли испанцы; саксонская – обратилась в бегство при Брейтенфельде, о баварской – ее курфюрст Максимилиан писал, что "когда пришли шведы, пользование ею не дало никакого

эффекта, и расходы на нее оказались напрасными"[30]. Вюртембержцы принимали участие в сражении под Нёрдлингеном и, по-видимому, были там истреблены; к сожалению, мы не располагаем вовсе сведениями о том, как они сражались.

Хотя Бранденбургу благодаря стоявшему на очереди присоединению к нему Пруссии, Померании и земель в Вестфалии и на нижнем Рейне и приходилось вести политику, рассчитанную на более широкий масштаб, он вступил, однако, в Тридцатилетнюю войну еще менее подготовленным, чем другие упомянутые области Германии. Правда, как-то произвели подсчет числа военнообязанных по ленам (1 073 всадника) и распределили их на роты, но все это осталось только на бумаге, а когда берлинские бюргеры должны были в 1610 г. производить учебную стрельбу, они заявили, что такие упражнения слишком опасны, так как могут напугать беременных женщин[31]. Между тем ведение войны при помощи наемных войск означало, как писал в 1610 г. Бранденбургский канцлер, что "полувраг сидит у тебя в доме, а враг стоит у ворот"[32].

В Пруссии верховные советники представили в 1622 г. герцогу "План обороны", но

Георг-Вильгельм его отверг (19 февраля 1623 г.), "ибо опыт хорошо доказал, что из государственной организации, введенной в Курпфальце для спасения страны, – когда дело дошло до серьезной опасности и столкновения, ничего путного не вышло, вопреки ожиданию всех людей".[33]

С самых Гуситских войн и вплоть до Тридцатилетней войны, следовательно, более 200 лет, теория и практика военной организации находятся в противоречии. Теоретически все время орудуют ленной повинностью, городским ополчением и милицией, – на практике же войны ведутся при помощи наемных солдат.

В 1557 г. курфюрст Саксонский издал указ городу Деличу: "Строжайше повелеваем вам, со всеми своими согражданами быть в полной готовности, дабы вы и они по первому требованию незамедлительно могли присоединиться к войску". В 1583 г. последовал приказ: "...дабы нам послушные ленные графы, господа рыцари, горожане и прочие подданные и подвластные были и находились во всякое время в добром снаряжении и готовности к выступлению в поход". "Только при явных телесных недостатках (scheinliche Leibschaft) дозволяется заменять себя лицом того же сословия"[34].

Если бы мы только располагали такими капитуляриями из времен Карла Великого! Каких бы выводов не наделала бы из них история права и история государственного устройства! Каких бы только систем они не настроили на их основании! Но это – одни лишь пустые пышные слова без всякого реального содержания.

Небольшая гвардия, которую содержат государи в XVI столетии, именуется "дворцовой челядью" (Hofgesinde). У курфюрста Бранденбургского их было 200 человек с небольшим.

Когда надвигалась опасность, сословное представительство предоставляло на короткий срок навербовать небольшой отряд войск. Когда в 1626 г. Валленштейн и Мансфельд приближались к Бранденбургу, они заявили о своей готовности уважать нейтралитет его территории, если курфюрст фактически преградит доступ воюющим отрядам в свою страну. Но для этого у него не было солдат; правда, сословные представители отпустили средства на 3 000 человек, но – слишком поздно и притом всего на 3 месяца. Не нужно держать войск, заявили они, ведь по 100 лет платят большие и тяжелые налоги на них, а защиты для страны все же не получается.

Таким образом, войска обеих воюющих сторон

беспрепятственно проходили через страну, и уже в 1628 г. подсчитывали, что Валленштейн извлек из страны двести тонн золота; а за 2 тонны можно было бы выставить уже значительную военную силу[35].

Союз с Густавом Адольфом, правда, послужил поводом выставить несколько бранденбургских полков, но он главным образом обязывал курфюрста отпускать денежные субсидии.

Когда шесть лет спустя курфюрст перешел на сторону императора, план заключался в том, чтобы при помощи денежной поддержки со стороны последнего была выставлена довольно значительная бранденбургская армия, которая "была бы обязана службой его Римскому Императорскому Величеству, и, как его наместнику, Его Бранденбургской Светлости". Задача этой армии должна была заключаться в том, чтобы выгнать шведов из Померании, но уже в следующем году бранденбургский министр Шварценберг докладывает курфюрсту: "Ваша Курфюрстская Светлость обязались выставить 25 000 солдат, которых эта бедная страна должна была содержать к своему разорению. Около 5 000 человек явились на генеральный смотр (General Rendezvous) в присутствии Вашей Светлости и генерал-лейтенанта графа Галласа менее 5 недель

тому назад; теперь, как показывают сами офицеры Вашей Светлости, их едва имеется в строю налицо 2 000 конных и пеших".

Причиной такого положения, естественно, являлось то, что не могли собрать денег. Мы видели, как в эти годы дело обстояло даже в величайшем и богатейшем королевстве Европы – во Франции. Дающую хорошие результаты налоговую организацию не так легко создать, тем более что со стороны сословий оказывалось самое упорное противодействие. Не только они не хотели платить налогов, но и выдвигали из-за денежного вопроса вопрос конституционный. Когда прусские сословия отказали курфюрсту в средствах на набор солдат, необходимых будто бы для их защиты, Шварценберг писал: "...и большими дураками оказались бы они, если бы это допустили; во всяком случае, их не могло не обеспокоить, как бы курфюрст, придя с такими силами в Пруссию, не стал им предписывать законы (leges) и не получил возможности делать все, что ему вздумается". Так оно и произошло при сыне, а еще в большей мере при правнуке этого курфюрста, воздвигшем свой суверенитет как бронзовую скалу.

Историческая традиция гласит, будто Великий Курфюрст тотчас по вступлении на престол

освободил войска от двойственности их долга перед императором и перед курфюрстом и тем создал самостоятельное бранденбургское войско; действительным плодом всех страданий и мук Тридцатилетней войны было зарождение бранденбургско-прусской армии.

Однако это представление требует существенной поправки. Фридрих-Вильгельм взял скипетр в свои руки отнюдь не с твердым решением освободить государственную власть от участия в управлении сословий и добиться независимости при помощи образования постоянной, подчиненной одному курфюрсту армии. Наоборот, представителем монархической идеи был советник его отца, Шварценберг, и упрек, который современники делали Георгу-Вильгельму, заключался не в том, что он хотел слишком мало, но что он хотел слишком много. Еще в 1640 г. сословия просят Шварценберга "не обращаться с ними, как с бунтовщиками и рабами". Главный упрек, который ложится на этого министра, заключается в его безалаберном управлении делами. Сам он, когда в кассе появлялись деньги, прежде всего заботился о том, чтобы в первую очередь были удовлетворены его личные претензии, войскам же жалование не платилось, и они ходили в рубищах.

Новый хозяин, совершенно оглушенный громкими жалобами сословий на тираническое управление Шварценберга, не сразу распознал фокус болезни и сначала не имел иного желания, как покончить с преувеличенными планами своего отца, ради "кровавых слез страны" заключить перемирие с шведами, и если не совершенно распустить армию, то хотя бы сократить ее до небольших размеров. В конце концов в Бранденбурге оставалось 125 рейтаров и 2 150 человек пехоты, которые предназначались не для полевой службы, а лишь в качестве гарнизонов крепостей, а потому состояли исключительно из мушкетеров. Главным затруднением при таком сокращении была выплата недоданного жалования солдатам, для чего и стремились добыть средства путем крайне скупого расчета с полковниками, что, в свою очередь, вызывало конфликты. Маркграф Эрнст, родственник курфюрста, с великим трудом наскреб, наконец, 1 380 талеров, чтобы удовлетворить рейтаров. Также и организационные творения Шварценберга – Военная канцелярия и Военная касса, в которых, впрочем, служили весьма сомнительные личности[36], – были снова упразднены, и полковникам снова было предоставлено право назначать субалтерн-

офицеров. В написанном лет 30 спустя наставлении курфюрста своим сыновьям говорится: "...повседневно сожалею о том, что в начале своего правления, к великому ущербу, я дал себя уговорить и последовал против своей воли совету других – больше опираться на союзы, чем на собственные силы"[37].

Количество войск, которое сохранил курфюрст, все же было несколько больше желательного сословиям; однако они уже не составляли полевой армии и были по настоянию сословий размещены, помимо прежних гарнизонов, во вновь приобретенных городах – Колберге, Галберштадте и Миндене; состав их был даже меньше того, который имелся налицо в 1631 г. в момент появления Густава Адольфа.

Настоящую армию курфюрст Фридрих-Вильгельм образовал лишь через 15 лет после своего вступления на престол, когда он в 1655 г. был вынужден вмешаться во вновь возгоревшуюся войну между Швецией и Польшей, являвшуюся как бы отростком Тридцатилетней войны. В постоянной борьбе с сословиями он добился согласия, а частью обошелся и без него, собирать ежегодные налоги, установленные на более длительный период, вместо единовременных ассигнований (1653 г., "военная осьмина" на

шесть лет)[38]. В этом случае на помощь курфюрсту пришел имперский закон (1654 г.), обязывавший подданных "оказывать потребную помощь на снабжение гарнизонами и на содержание необходимых крепостей, городов и мест, снабженных гарнизонами"; не менее важным оказалось то обстоятельство, что самой упорной работой им введен был такой порядок в управлении, что имевшиеся налицо средства не расточались, а шли по своему назначению. Таким путем курфюрсту удалось в 1656 г. сформировать в Пруссии однородную армию в 14 000–18 000 человек, в содержании которой все области, объединенные в то время под его скипетром, принимали участие. С этой армией он присоединился, правда наполовину по принуждению, к шведам, предводимым Карлом X, и принял участие в сражении под Варшавой.

После Оливского мира (1660 г.) полевая армия снова была сокращена до 4 000 человек, не считая гарнизонных войск, но теперь уже окончательно укрепилась принципиальная мысль – содержать и в мирное время постоянную военную силу. До этого времени все мероприятия курфюрста все еще можно было понимать так, что только фактические или ожидаемые военные осложнения вызывали набор войск. Теперь же вопреки всему

противодействию сословий проводилась идея постоянной армии (miles perpetuus) по шведскому образцу, на который курфюрст категорически и ссылался[39], и когда Фридрих-Вильгельм умер, он оставил после себя прочно спаянную армию в 29 000 человек.

История отныне развивающейся бранденбургско-прусской армии является в то же самое время историей прусского государства.

Основу прусского управления составляло деление страны на округа (Kreise) с ландратами во главе. Ландрат – поместный дворянин, назначенный на эту должность государем по представлению крупных землевладельцев данного округа, съезжавшихся на окружное собрание; он регулировал отношения местного населения к расквартированным или проходящим по территории округа войскам, производил раскладку поставок на их содержание, распределял их по квартирам, наряжал подводы, собирал подати для выплаты жалования войскам или для уплаты контрибуции.

Следующей инстанцией над ландратами являлась военная палата, происшедшая из Верховного военного комиссариата; на ее обязанности лежало расписывать постоянные налоги и натуральные сборы и управлять ими,

распоряжаться возведением военных построек, магазинов и крепостей, выплачивать деньги войскам, поддерживать дороги и мосты. Фридрих-Вильгельм I соединил военные палаты с палатами, управлявшими королевскими доменами (1723 г.), и тем самым организовал доныне существующие областные управления (Bezirks-Regierungen).

Высшей инстанцией в военной организации, объединявшей в своем лице командные и административные функции, первоначально был фельдмаршал. Позднее административные функции "были отделены и поручены сначала одному лицу, а затем (в 1712 г.) коллегии – Генеральному комиссариату. Объединением последнего с управлением доменами, как то было сделано для средних инстанций, Фридрих-Вильгельм создал (в 1723 г.) Генеральную директорию. Из нее образовались не только военное министерство, но и большинство ныне существующих министерств, особенно же министерства финансов и внутренних дел. Таким образом, прусское центральное управление исторически – прямой потомок Интендантского управления армии[40].

Валленштейн некогда требовал от тех округов, где располагались его войска, чтобы они не

только доставляли войскам жилище и содержание, но чтобы они и выплачивали им жалование, и притом офицерам, особенно штаб-офицерам, – чрезвычайно высокое. То, что округа не вносили, войска собирали сами. Из взаимодействия гражданских властей и войсковых начальников выработалась своего рода система управления, обеспечивавшая удовлетворение требований войска и в то же время по возможности щадившая край, чтобы он не был доведен до полного истощения и чтобы хозяйственная жизнь в нем могла продолжаться. Теперь, в мирное время, управление (за исключением набора рекрутов) осталось в руках гражданских властей, которые собирали систематически налоги и развивали налоговую систему[41]. Для Бранденбурга особенное значение имело, как наиболее важная и продуктивная часть налоговой системы, всеобщее обложение предметов потребления – акциз, введенный в 1667 г. по образцу Голландии.

Однажды созданная, постоянная армия стала быстро расти, сперва под давлением потребности, вызванной войнами с Людовиком XIV, затем – осложнениями, сопряженными с Великой Северной войной, а в дальнейшем, по окончании последней, – под влиянием великодержавных устремлений Фридриха-Вильгельма I и, наконец,

завоевательной политики Фридриха Великого. Для этой цели приходилось добывать как людей, так и деньги.

Деньги притекали благодаря все более строго разработанной налоговой системе, более рациональному и интенсивному использованию доменов, хорошо поставленному контролю и, наконец, субсидиям, которые с 1688 г. морские державы охотно выплачивали немецким государям, поставлявшим войска в войнах с Людовиком XIV. Бранденбург с 1688 по 1697 гг. получил не менее 6 545 000 талеров субсидий – одну третью часть всех его военных расходов[42].

Среди обвинений, при помощи которых придворной камарилье удалось свалить превосходного министра Данкельманна, заключался и вопрос, почему же ощущаются денежные затруднения, тогда как субсидии ведь должны были бы обогатить курфюрста.

Больше забот, чем добывание денег, причинял теперь вопрос о добывании людей. Добровольной вербовки оказывалось уже недостаточно. Уже во время Тридцатилетней войны мы слышим о принудительном заборе на военную службу. Монтекукули (Сочинения, т. II, стр. 469) предлагал, чтобы "сирот, незаконнорожденных,

нищих и бедных, воспитывавшихся в приютах, отдавали в военно-воспитательные установления для подготовки их в солдаты наподобие янычар". На практике этого опыта, пожалуй, ни разу не проделали; такие кадетские корпуса для рядовых обошлись бы слишком дорого и дали бы слишком ничтожные результаты. Не нашлось поэтому другого пути, как ввести в систему насильственную вербовку.

Офицеры хватали подходящих людей где попало и принуждали их побоями записываться в рекруты. Или же поручалось местным властям поставлять в полки известное число людей из своего округа. Произвол оскорблял всякое чувство справедливости и наносил страшный вред стране. Естественными последствиями являлись злоупотребления и взяточничество. Офицеры и чиновники пользовались своим правом набирать рекрутов для вымогательства и снова отпускали набранных за взятку. "Офицеры, – говорится в одном мандате от 10 февраля 1710 г., – часто осмеливаются вести изрядную коммерцию с рядовыми, отпускать их за деньги или перепродавать их в другие полки и роты". Крестьяне переставали привозить в город свои продукты, опасаясь, что их там арестуют и передадут в руки вербовщиков. Молодые люди

толпами уходили за границу, чтобы избежать военной службы. Наместник Померании доносил в 1706 г., что подданных вконец разоряют приемы вербовки и прочие тяготы. В 1707 г. из Миндена доносили, что сельскохозяйственных рабочих уже нельзя достать, потому что вербовка разогнала всех молодых людей в соседние провинции. Регламент, изданный в 1708 г., предписывал, чтобы всех годных в строй людей, "которые не приносят никакой пользы обществу, хватали втихомолку и передавали в крепость", откуда комендант должен их передать офицерам-вербовщикам. Еще хуже стало положение при Фридрихе-Вильгельме I. Правда, вступление его на престол приблизительно совпало с окончанием войны с Францией, а сам король, кроме его кратковременного участия в Северной войне, не вел войн, сопряженных с крупными потерями, но потребность в людях, тем не менее, при нем возросла, так как он удвоил состав армии. Изо всех провинций сыпались жалобы на то, что вербовка гонит население из края и угрожает полным разрушением хозяйственной жизни. Жители оказывали вербовкам сопротивление силою, и генерал-аудитор сетовал на частые случаи кровопролития, происходившие при этом. Хотя король и издавал один за другим указы,

долженствовавшие урегулировать эти насилия, но так как сам же он рекомендовал захват и вербовку непослушных горожан и крестьян и таких слуг, "которые плохо исполняют свое дело", и толковал добровольность вербовки в том смысле, "чтобы при этом не допускались эксцессы либо чрезмерные насилия, которые возбуждали бы жалобы", то казалось, что "небольшие насилия" дозволены, и на практике оставалось все по-старому.

Между тем, хотя современники, да и сам создатель этой системы и не отдавали себе в этом ясного отчета, произошло принципиальное изменение в отношениях армии к своему верховному вождю, а через это и к государству, изменение, обусловившее в дальнейшем существенные последствия.

Наряду с постоянной армией, пополняемой вербовкой, король Фридрих I организовал в 1701 г. народную милицию, преемственно связанную со старой повинностью обороны страны, в которую зачисляли (enrollierte) горожан и крестьян. Фридрих-Вильгельм I упразднил эту милицию при самом своем вступлении на престол как слишком мало пригодную в военном отношении, но за принцип – повинность служить – он крепко держался и перенес его на

постоянную армию. От вольной вербовки под давлением необходимости перешли к насильственному набору, не сумев его обосновать ни этически, ни государственно-юридически. Теперь Фридрих-Вильгельм I в эдикте от 9 мая 1714 г. провозгласил, что молодые люди от рождения и по устроению и велению Господа Бога повинны и обязаны служить своим достоянием и кровью; "вечное блаженство – в руке Божьей, все же остальное в моих руках". Многие в этом готовы были усмотреть провозглашение великого принципа всеобщей воинской повинности. Но это – неверно. Это было лишь провозглашением принципа неограниченной власти государства, воплощенного в лице короля, над подданными – распоряжаться ими в зависимости от потребностей государства. Представление о том, что все граждане призваны сражаться за государство, совершенно отсутствовало, и никто не восстал бы против него с большей силой, чем сам Фридрих-Вильгельм I. На его взгляд, солдатская служба была профессией, как всякая другая профессия, иметь которую может лишь тот, кто ей обучен людьми, технически в ней воспитанными. Тот, кто был солдатом, должен был им оставаться по возможности всю жизнь. Если бы можно было получить в достаточном

числе добровольно завербованных, то Фридрих-Вильгельм I был бы совершенно удовлетворен. То, что он приказывал производить наборы и обязывал к службе своих подданных, было лишь сгущением того принципа, с которым мы встречаемся во Франции при Людовике XIV[43]. Но именно посредством повышения этого требования армия и народ оказывались вступившими в такие взаимоотношения, которых раньше не существовало; набор при Фридрихе-Вильгельме I на практике оказался предтечей провозглашенной 100 лет спустя всеобщей воинской повинности.

Посте того как уже раньше неоднократно издавались распоряжения, согласно которым каждому полку отводилась для вербовки определенная область, король издал в 1733 г. общий приказ в этом смысле, который под названием "Кантон-регламента" получил несколько легендарную известность[44]. Мысль, положенная в основание этого акта, так проста и как бы сама собою напрашивается, что можно удивляться тому, что с осуществлением ее мы встречаемся лишь на двадцатом году правления этого короля[45].

Основным принципом оставалась добровольная вербовка. Сам термин – вербовка –

был сохранен даже тогда, когда позднее речь шла о производстве совершенно правильных наборов; однако ограничение вербовочной деятельности капитанов определенным районом – не только полковым, но ротным участком, придало этой деятельности совершенно иной характер. Капитаны чаще всего были помещиками или родственниками помещиков и охотнее всего "вербовали" рекрутов в этих поместьях. Теперь эти не лишенные ценности патриархальные отношения были порваны, и область личного усердия в вербовке была сильно сужена. Толчком к этой важной по своим последствиям реформе послужило то, что опыт показал, что при свободной конкуренции в вербовке капитаны охотились за рекрутами на чужих участках и, стараясь перебить друг у друга рекрутов, вступали между собою в постоянные конфликты.

Главное преимущество нового порядка заключалось в том, что им был положен предел произволу каждого отдельного капитана – брать или не брать в солдаты годного человека. Далее, высшие классы и те слои населения, которые представлялись особенно полезными для хозяйственной жизни страны, были ограждены этим указом от вербовки. Дворянство, сыновья чиновников, сыновья бюргеров, обладавших

состоянием, превышающим 10 000 талеров, сыновья купцов, фабрикантов, управляющих, крестьяне, хозяйничавшие на собственных дворах, и их единственные сыновья, сыновья священников, если они, в свою очередь, изучали богословие, рабочие промышленных предприятий, поощряемых королем, сторонником меркантилизма, – все эти лица были освобождены от кантональной повинности. Эти льготы со временем были еще более расширены. Однако границы, которые они ставили, были во многом неопределенны или же оказывались шире, чем можно было предполагать; например, сыновья священников были освобождены лишь при условии, что они изучают богословие, следовательно, не студенты богословия вообще и не сыновья священников вообще. Город Берлин не составлял "вербовочного участка", тем не менее, офицерам было разрешено и здесь "вербовать время от времени холостых людей низкого происхождения, например сыновей портных, сапожников и тому подобных простолюдинов". Таким образом, все еще оставался достаточный простор для произвола, если бы известный внешний момент не поставил ему весьма определенных границ: это – увлечение людей того времени и особенно Фридриха-Вильгельма I

"рослыми детинами". Ни один солдат не должен был быть ниже 5 фунтов 6 дюймов. Через это значительное большинство молодых людей было наперед застраховано от вербовки. С другой стороны, при 10–11 дюймах роста человек, даже если он принадлежал к числу изъятых, с трудом мог спастись от вербовщиков. "Не расти, а то вербовщики тебя поймают", – говорили матери своим сыновьям, сильно тянувшимся кверху.

Так как высокий рост не представляет никакой гарантии, что человек окажется особенно храбрым, выносливым, здоровым или даже сильным, то на это надо смотреть как на простую причуду монарха. Исходным мотивом является не что иное, как любовь к видному, представительному; с тем же явлением мы уже встречались в легионах (т. II, стр. 168). Положительная сторона заключалась в том, что этим устанавливался объективный масштаб для набора, и произвол, возмущающий моральное чувство, был отодвинут на задний план. Человек требует, чтобы жизненные вопросы решала судьба, а не другой человек. По той же причине в XIX столетии введена была жеребьевка.

Капитаны вербовали мальчиков даже в 10-летнем возрасте, если они "обещали высокий рост" и казались им подходящими. Им было

позволено носить на шляпе особый султан, и они получали паспорт, ограждавший их от завербования другими капитанами. После Семилетней войны король издал новые приказы относительно набора, расширившие льготы и устранившие капитанов от вербовки, которая была передана комиссии, в которой участвовали представители гражданских властей вместе с представителями полков. Постановление, что брать можно только рослых людей, осталось в силе и даже привело к изданию особого законодательного распоряжения, чтобы двор крестьянина, у которого несколько сыновей, переходил к самому малорослому[46].

Наемные войска пополнялись подданными всевозможных государей, где только представлялся случай. Теперешняя вербовка, при помощи которой стали пополнять войска, не исключала приема иностранцев, наоборот, кантональное устройство было лишь вспомогательным средством, ибо заграничная вербовка и качественно и количественно не могла обойтись без этого дополнения. Чем больше удавалось заполучить иностранцев, тем, казалось, лучше обстояло дело, так как таким путем сберегали для страны рабочую силу. Подданный приносил больше пользы, когда он приобретал

иплатил подати, чем когда он служил. Фридрих Великий как-то (в 1742 г.) дал задание, чтобы 2/3 роты состояли из иностранцев и только 1/3 – из пруссаков[47].

Вербовали в немецких странах, совсем не державших войск или державших их очень мало, в особенности в имперских городах; усиленно производили вербовку в Польше и Швейцарии. Прусские вербовщики не брезговали никаким обманом, никакой хитростью, при случае прибегали и к силе, чтобы добыть для войска своего короля годных, рослых людей. Даже гвардейцы маленьких немецких князьков не были застрахованы от "вербовки" их для прусского короля. Значительный контингент составляли и дезертиры, которые покинули свои знамена по какой-либо причине, особенно же из страха предстоявшего им наказания, и не хотели либо не могли взяться за гражданскую работу. Из случайно сохранившегося списка за 1744 г. можно видеть, что в одной из рот полка Реттберг из 111 иностранцев 65, а в другой из 119–92 человека, "уже раньше служили другим государям", т.е. дезертировали. В течение своих войн Фридрих Великий постоянно производил вербовку для своей армии в соседних, даже вражеских странах, – в Мекленбурге, Саксонии, Ангальте, Тюрингии,

Богемии – и часто насильно заставлял вступать к себе на службу военнопленных. После капитуляции Пирны он ведь пытался перевести на прусскую службу рядовых всей саксонской армии, отпустив предварительно офицеров. Он даже оставил их в составе прежних батальонов и только дал им прусских офицеров. Правда, это кончилось плохо; некоторые из этих батальонов взбунтовались, перестреляли своих командиров и перешли на сторону австрийцев.

В 1780 г. король повелел, чтобы лица, осужденные за подпольную литературу и за подстрекательство подданных к мятежу, присуждались по отбытии наложенного на них наказания к службе в войсках.

При таком составе рекрутов немудрено, что число дезертиров было огромно. Мы почти не встречаем ни одного писания короля, касающегося военного дела, в котором он не касался бы вопроса о мерах против дезертирства. В мирное время последнее было облегчено тем, что в Пруссии, "этой стране границ", по выражению Вольтера, немного было городов, которые находились бы от границы на расстоянии более чем двух дней пути. Солдаты должны были караулить друг друга, а также крестьяне были обязаны под страхом тяжких наказаний

прегражддать дорогу дезертирам, ловить их и доставлять по назначению.

В инструкции короля Фридриха от 11 мая 1763 г. предписывается также офицерам изучать местность – можно подумать, с боевыми целями; но если сравнить это предположение с действительным содержанием инструкции, то сразу обнаруживается все различие не только в способе подготовки, но и в самом духе армий XVIII и XIX столетий.

Инструкция эта гласит:

"Поколику Его Королевское Величество изволили также усмотреть, что большинство офицеров в их гарнизонах предаются толикой лености и даже не ознакомились с окружающей их гарнизон местностью, что, однако, знать каждому офицеру весьма полезно на случай его пошлют в розыск за дезертиром, Его Королевское Величество повелеть соизволили командирам полков разрешать отпуска офицерам, примерно на один день, дабы они ознакомились с пересеченной местностью и точно изучали все теснины и узкие, пролегающие в выемках дороги и т.п., что должно иметь место во всех гарнизонах всякий раз, как полки меняют свои квартиры".

На войне, во время переходов и на лагерных стоянках всегда должно было помнить о мерах

предотвращения дезертирства, ночные переходы воспрещались; биваки не должны были располагаться вблизи леса; во время переходов по лесам гусары должны конвоировать пехоту. Французский посол Валори, сопровождавший Фридриха во время похода 1745 г., доносил, что из опасения дезертирства не решались высылать патрули на удаление свыше двух-трех сотен шагов[48]. Это опасение оказывало влияние даже на стратегические движения; в 1735 г. Фридрих-Вильгельм I отказался, по совету Леопольда фон Дессау, вести свои войска через весьма закрытый район близ реки Мозель потому, что она представляла удобные случаи для дезертирства[49].

Можно ли вообще давать и выигрывать сражения с набранными таким путем и так настроенными солдатами? Уже в Тридцатилетнюю войну военнопленные неоднократно примешивались к войскам. Этим наемникам было безразлично, за кого они дерутся; война была их профессией, их ремеслом, и они без какого-либо внутреннего сопротивления переходили с одной службы на другую. С насильно забранными солдатами XVIII века дело отчасти обстояло так же; значительное и все возрастающее вместе с размером армий, число их

вступало в ряды войск с таким глубоким внутренним отвращением, что в формах старых наемных банд они не могли бы явиться пригодным для армии материалом. Создание боеспособных воинских частей из насильственно завербованных людей стало возможным и может быть понято, лишь имея в виду эволюцию прежних банд наемников в формы постоянной армии с ее дисциплиной.

Строптивость ландскнехтов никогда не могла быть окончательно сломлена, ибо всегда наступал момент, когда армию распускали и права начальников аннулировались. Подчинение являлось лишь временным самоограничением, а не жизненной привычкой. Но когда полки приобрели устойчивый, постоянный характер, дисциплина получила совершенно новую основу. Уже в Тридцатилетнюю войну, при всей распущенности наемных банд в отношении внешнего мира – окружающего населения, все же внутри них наблюдалось сильно развитое господство начальственной иерархии и действительная дисциплина, порожденные неумолимыми законами самой войны, и эта дисциплина не только продолжала сохраняться в мирное время, но становилась все более и более суровой. Мы уже видели, как Мориц Оранский

снова, если можно так выразиться, открыл и разработал до степени подлинной техники искусство обучения солдат; а шведы переняли у него это искусство. Эта техника все более и более совершенствовалась и использовалась в целях окончательного утверждения авторитета офицеров и подчинения солдат воле начальства. Хождение в ногу, ружейные приемы, церемониальный марш, точность караульной службы, стрельба залпами, правила отдавания чести – все это являлось средством приучить волю солдата подчиняться воле начальника. Однако обучение воинской части требует большого труда и сильных средств. Сначала, как то уже отмечал в 1607 г. Дилих, надо было дать одиночное обучение каждому солдату, а затем уже обучать всю часть: взвод, роту, батальон и более крупные объединения. Первый строевой устав (Exercierreglement) в Германии составил ландграф Мориц Гессенский. Уже Валльгаузен ("Военное искусство в пехоте", стр. 70) наставляет: "...когда человеку сказано и раз и два как он должен становиться, а он все-таки этого не делает, то тут поможет добрая лупка; ибо кто не хочет усвоить себе этого без побоев, пусть усваивает через побои". Видимо, и тогда дело велось довольно сурово, ибо уже и Иоганн Нассауский находит необходимым отметить, как

дурное обыкновение, когда во время учения наказывают по усмотрению либо палкой, либо хлыстом: наказывать следует только командной тростью или "скипетром" (scepter); при этом, можно ожидать, будет меньше злоупотреблений[50].

Фридрих-Вильгельм I предписывает в своем регламенте 1726 г.: "Новобранец раньше двух недель не должен нести ни караульной службы, ни какой-либо другой; за это время его надо обучать, дабы он мог служить; и чтобы новобранец с самого начала не впал в уныние и страх, но приобрел любовь и охоту к службе, его следует учить добрым, ласковым словом, без брани и ругани; не следует также сразу налегать на новобранца с учением, а тем более – бить его или подвергать какому-либо дурному обращению, в особенности если он непонятлив или иностранец". Фридрих Великий однажды категорически писал[51]: "...во время учения никого нельзя ни бить, ни толкать, ни ругать... солдат обучается терпением и методичностью, но не побоями". Но дальше он продолжает: "...когда же солдат пускается в резонерство или не хочет делать что ему велят, или лукавит, тогда ему следует всыпать фухтелей, но в меру". Но в действительности, как явствует по всем данным, во время учения били

жестоко. Однако нет более ошибочного представления, чем утверждение, будто такая муштра была лишь бесполезной забавой. Капитан, который довел свою роту до того, что она была готова в каждый миг реагировать на его приказания движениями каждого своего члена, мог рассчитывать и на то, что по его команде она пойдет и в неприятельский огонь; при этом на точности движений рот построены были те тактические эволюции, которые давали победу полкам Фридриха.

В тактические единицы, крепко скованные дисциплиной и муштрой, можно было вливать и людей, не особенно отличающихся своей доброй волей; им приходилось слушаться команды офицера и проделывать все вместе с другими. Чем дисциплина становилась лучше и чем больше на нее можно было полагаться, тем меньше цены стали предавать доброй воле и другим моральным качествам рекрутов. Таким образом, различные свойства постоянной армии взвинчивали, так сказать, друг друга вверх: масса впитывала элементы, сами по себе не воинственные и враждебно настроенные; дисциплина делала их пригодными и давала возможность ставить в строй все большее количество таких элементов; но чем материал становился хуже, тем, в свою

очередь, нужнее для него являлась твердая форма – дисциплина, которая почти заставляла отдельную личность расплываться в тактической единице. Учение и муштра порождали дисциплину, а дисциплина давала возможность достигать четкости и виртуозности строевого учения, доводимых все дальше и дальше до крайних пределов и обращавших отдельного солдата в часть машины, которую можно было произвольно переставлять и обращаться с нею как с таковою. Даже те, кто первоначально были завербованы совершенно против их воли, хотя бы путем обмана или грубого насилия, часто привыкали к такому существованию и более или менее усваивали себе дух и честолюбие своей воинской части.

Всей строгости дисциплины был подчинен в прусской армии не только рядовой, но и офицер. Когда после сражения при Мольвице молодой король произвел различные реформы в армии, в частности – в кавалерии, он действовал с такой строгостью, что более 400 офицеров были принуждены подать в отставку[52].

Сам Фридрих свидетельствует, да и события подтверждают, что несмотря на все эти ненадежные и скверные элементы, все же и у простых рядовых его армии имелось сильное

представление о воинской чести. Он рисует свою армию в своих "Генеральных принципах" следующим образом: "Наши войска столь превосходны и ловки, что они строятся в боевой порядок в мгновение ока; они почти никогда не могут быть застигнуты врасплох неприятелем, так как их движения очень быстры и проворны. Если вы хотите вести огневой бой, то какие войска могут развить такой сильный огонь, как наши? Враги говорят, что чувствуешь себя как бы перед разверзшейся пастью ада, когда приходится стоять перед нашей пехотой. Если вы хотите, чтобы наша пехота повела атаку без выстрела, в штыки, то какая пехота лучше ее твердой поступью, не колеблясь, пойдет на противника? Где вы найдете большую выдержку в минуту величайшей опасности? А если нужно сделать захождение плечом, чтобы ударить неприятелю во фланг, то этот маневр выполняется мгновенно и завершается без малейшего труда".

"В стране, где военное сословие является первейшим, где цвет дворянства служит в армии, где офицеры – люди родовитые, где сами жители страны – сыновья ее горожан и сыновья ее крестьян – солдаты, можно быть уверенным, что при таком составе войск у него должно быть чувство чести. И надо сказать, что в них оно

сильно, ибо я сам видел, как офицеры предпочитали лечь на месте, чем отступить; не говоря уже о том, что даже рядовые не терпят в своей среде таких, которые проявляют известную слабость и которых в других армиях, конечно, не прогнали бы со службы. Видел я и тяжело раненных офицеров и солдат, которые, несмотря на это, не покинули своего поста и не захотели уйти, хотя бы для того, чтобы дать перевязать свои раны".

В наше время нам трудно отделаться от представления о солдате как о молодом человеке. В старой прусской армии приблизительно половина армии состояла из людей старше тридцати лет, немало солдат имели более 50, а некоторые – даже более 60 лет. Средний возраст унтер-офицеров можно определить в 44 года[53].

Рост постоянной армии в мирное время навел на мысль сократить часть расходов путем отпусков; при Фридрихе-Вильгельме I этот прием был разработан систематически и постепенно получил развитие. Не только отсылали домой местных жителей, но освобождали и иностранцев от службы в качестве фрейвахтеров (свободных от караульной службы); последние искали себе какое-нибудь гражданское занятие, так что

Фридрих-Вильгельм I в своем регламенте старается принять меры к тому, "чтобы они не забыли своего ремесла, остались солдатами и не превратились снова в крестьян или горожан". Лишь на период строевых учений, с апреля по июль, армия действительно была в сборе. В остальное время те, кто оставались под знаменами, были заняты преимущественно караульной службой[54].

Одну из существенных черт постоянных армий, сложившуюся во второй половине XVII века, составляет резкая грань между рядовыми и корпусом офицеров; мы уже познакомились с ней во французской армии. В Пруссии она была еще резче, чем во Франции, поскольку здесь офицеры из буржуазии встречались еще реже, чем там, а переходная ступень "officiers de fortune" (зауряд-офицеры) не существовала. Путь, которым это резкое разделение внутри вооруженной силы постепенно выработалось, требует еще дальнейших исследований[55].

Первоначально слово "офицер" охватывало более широкую категорию людей; в нее входили и унтер-офицеры и даже музыканты. Затем появляется разделение, заключающееся в том, что унтер-офицеры относятся к тому же социальному классу, как и рядовые, а над ними выделяется

офицерский корпус в современном смысле этого слова, почти исключительно состоящий из дворян.

Интересное указание на это явление мы находим в форме сетований в "Симплициссимусе". Автор рисует нам военную иерархию в виде дерева, на нижних ветвях которого сидят солдаты; над ними – унтер-офицеры ("Wamsklopfer" – прозвище унтер-офицеров: "выколачивающие куртки"), над ними ствол дерева имеет пространство совершенно гладкое и без ветвей, намазанное своеобразными ингредиентами и редкостными мылами злополучия так, чтобы ни один субъект, если он не дворянин, не мог по нему взобраться ни при помощи мужества, ни при помощи ловкости, ни при помощи знания, как бы он по нему, с Божьей помощью, ни карабкался. Над этой частью ствола сидели ротные командиры, из которых одни были молодые, другие уже в годах; молодых втащили их родичи, старые – частью сами туда забрались, либо при помощи "серебряной лестницы", именуемой взяткой, либо при помощи иных каких подмосток, которые счастье им подставило за счет других.

Этот процесс, повторяем, наблюдается во всех европейских странах, но, пожалуй, ни в одной стране он не оказался так резко выраженным, как в Пруссии. Фридрих-Вильгельм тотчас по

вступлении на престол приказал, "чтобы никого не производить в портупей-юнкера (ефрейтор, капрал, подпрапорщик) кроме дворян, и устранил по окончании войны за Испанское наследство всех офицеров из буржуазии[56]. Фридрих Великий при представлении ему молодых кандидатов на офицерский чин, когда он среди них замечал недворянина, собственноручно выгонял его из рядов своей клюкой. Лишь при выдающихся талантах он допускал буржуазию; например, он очень ценил генерала Вунша, сына вюртембергского пастора.

Немного менее строго, чем в пехоте и кавалерии, следили за этим в артиллерии и у гусар. Ведь на артиллеристов продолжали смотреть как на переходную ступень между техниками и солдатами, а гусары, в качестве легкой кавалерии, должны были являться, так сказать, войском, составленным из предприимчивых искателей приключений, которым, к тому же, принципиально отказывали в разрешении на вступление в брак. Гусар должен добывать себе свое счастье лезвием сабли, а не вступлением в брак, говорил Фридрих. И другим офицерам он давал необходимое разрешение лишь при условии, что невеста имела достаточное состояние и принадлежала так же, как и жених, к

дворянскому званию.

Юнкеров нередко принимали уже в возрасте 12–13 лет.

В 1806 г. из 131 офицера линейной пехоты, принадлежащих к буржуазии, 83 служили в гарнизонных батальонах, и только 48 – в полевых полках. Впрочем, так же, как во Франции, прибегали к помощи фиктивных приставок – признаков дворянского звания; рассказывали про услужливых канцелярских чиновников, умевших вписывать в документы, удостоверяющие личность, три решающие судьбу человека буквы: ф, о, н.

Первоначальные отношения между офицером и верховным вождем армии выражались, как и у ландскнехтов, в двустороннем договоре – капитуляции, как его называли. Еще Дерфлингер отказался однажды выступить в поход с великим курфюрстом по причине нарушения последним капитуляции. Низшие офицеры назначались на свои посты полковниками. Лишь постепенно такой порядок был заменен назначением офицеров самим верховным вождем.

Иерархическая лестница от фендриха и лейтенанта до фельдмаршала или, скажем, от рядового до фельдмаршала почти тождественна во всех европейских государствах. Мы здесь

находим испанские, французские, итальянские и немецкие элементы, перенятые одним народом у другого[57]. Самое курьезное превращение произошло со словом "маршал"; последнее по существу означает "конюх"; они было перенесено на различные гражданские функции, а во французской военной терминологии осталось за "кузнецом" и "вахмистром"; в то же время значение его поднялось до "главнокомандующего". Слово "фельдмаршал" появляется в XVI столетии, наряду с командирами пехотных полков, для обозначения кавалерийских полковников (при Зиверсгаузене у Альбрехта Алкивиада было три фельдмаршала), но так как первоначально кавалерия составляла все войско, то фельдмаршал появляется также в роли административного офицера или коменданта лагеря. У Монтекукули мы встречаем следующую иерархическую последовательность: генералиссимус, генерал-лейтенант, фельд-маршал, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, фельдмаршал-лейтенант.

Пруссия являлась случайно составившимся путем наследования государством, простиравшимся от польской, впоследствии русской, до голландской границы; отдельные ее области не были связаны между собой

какими-либо общими интересами и удерживались вместе исключительно династией. Династия создала чиновничество и создала армию, образовавшие в этом государстве единство. За отсутствием других крупных моментов только феодальное понятие рыцарской верности вассалов служило связующим звеном между офицерским корпусом и верховным вождем армии. Таким образом, офицерский корпус был преемственно связан с традициями старинного поместного дворянства, которое было гораздо более сильно представлено в марках и колониальных областях – Бранденбурге, Пруссии, Померании и Силезии, чем в старогерманских областях на запад от Эльбы. Фридрих постоянно возвращается в своих писаниях к тому, что бюргеры не годятся в офицеры, так как их мысли направлены не на вопросы чести, а на прибыток. Но он не только приписывал дворянину качества, делающие его пригодным для военной службы, но и требовал от него, чтобы он действительно служил; Фридрих-Вильгельм I приказывал насильственно забирать через конных стражников (Landreiter) из дворянских усадеб мальчиков, к великому огорчению родителей, и сдавать их на воспитание в кадетские корпуса. Многие родители, чтобы сохранить при себе своих сыновей, тщетно

пытались доказать, что они не принадлежат к прусскому дворянству. Король, однако, оставался при своем решении и приказывал передать родителям, что он хорошо позаботится об их детях[58]. Фридрих Великий применял тот же метод для набора юнкеров в Силезии.

Но образование, которое давалось в кадетских корпусах, едва выходило за пределы народной школы, и действительно образованные люди среди прусского офицерства были большой редкостью. Представление древних готских князей, что из того, кто научится бояться палки учителя, не выйдет храброго воина (т. I, кн. IV, гл. I), по-видимому, продолжало жить среди дворянства. Передают, что Леопольд фон Дессау не позволял учиться своему сыну Морицу, чтобы увидеть, что может дать чистая природа. Сам Фридрих искал общества французов. Неудивительно, что Беренхорст мог писать:[59] "...когда в 1741 г. вышел какой-то приказ о колоннах, господа офицеры спрашивали друг друга: "Что это за штука колуниге? Э, да что там! буду идти за тем, кто впереди; куда он пойдет, туда пойду и я". Вплоть до середины XIX столетия у нас встречались штаб-офицеры и генералы, говорившие на платдейтче, не умевшие справляться с дательным и винительным

падежами. Могу добавить к этому недурное собственное наблюдение. Когда в 1879 г. я намеревался отвезти в кадетский корпус своего воспитанника, одного молодого принца, и вел по этому поводу переговоры с начальником военно-учебных заведений, неким кавалерийским генералом, он меня успокоил: *"грамматике* я придаю особое значение".

Во время ландскнехтов и офицеры и солдаты были обязаны соблюдать один и тот же устав. Образование дворянского офицерского корпуса привело к созданию особых уставов. Вскоре после своего вступления на престол Фридрих-Вильгельм I издал новые военные артикулы для унтер-офицеров и рядовых (12 июля 1713 г.), а в 1726 г. он издал особый устав офицерской службы. "Офицер, – говорится в нем, – должен на службе беспрекословно повиноваться, кроме случаев, когда наносят оскорбление его чести". Фридрих Великий впоследствии истолковал это место в том смысле, что "пока служба офицера продолжается, он, несмотря на оскорбление, должен молчать; но как только служебное время совершенно закончилось, он вправе искать должное удовлетворение за нанесенное ему оскорбление".

Дворянский состав офицерского корпуса

является для короля ручательством за верность и доброкачественность войска. Офицерский корпус при помощи дисциплины должен был настолько держать в руках солдат, чтобы они, несмотря ни на какую опасность, следовали за офицерами, ибо солдат должен бояться своего офицера больше, чем неприятеля. Когда король остался недоволен поведением некоторых частей при Цорндорфе, он рекомендовал офицерам налечь на палки. Ведь и римский центурион управлял своей ротой при помощи виноградной лозы, а дисциплинированный при посредстве этого инструмента римский легион победил греков и варваров, Ганнибала и галлов и завоевал мир.

Ландскнехты в свое время имели право, о чем я раньше забыл упомянуть, выбирать себе старосту, или амбозата, который являлся их представителем перед офицерами в качестве "их всегдашнего ходатая, отца и опекуна". При своем избрании он обещал солдатам "всегда заступаться за них, как за своих сыновей, доводить до сведения начальства о нуждах, желаниях и недугах каждого из них". Он являлся также представителем их интересов в вопросах о жаловании, а солдаты обещали ему стоять за него все как один человек, даже в том случае, если, заступаясь за них, он скажет и "лишнее словцо" и

тем навлечет на себя немилость начальства. "Если из-за солдат что-нибудь получится с амбозатом, то же самое должна принять на себя вся рота". Уже перед Тридцатилетней войной Валльгаузен ратовал против этого института и требовал его упразднения. "Амбозат приносит роте больше вреда, чем пользы. Он лишь подстрекает солдат к бунту, а во время бунта является их адвокатом"[60]. Насколько теперь, в XVIII столетии, были далеки от таких установлений! Чем больше стали сознавать, что более дисциплинированная часть превосходит менее дисциплинированную, тем больше субъективное благополучие и права личности должны были отступить черед этим законом войны; и требование подчинения воле начальника не только сломило строптивый дух старинного ландскнехта, но и создало такой суровый механизм античеловеческих отношений, который находился в полном противоречии с идеями гуманности, порожденными тем же веком. Власть прусского офицера над его подчиненным была неограниченна; она не смягчалась хотя бы правом принесения жалоб. Единственное соображение, которое заставляло даже грубого, жестокого капитана соблюдать осторожность и умеренность, было то, что он не должен дурным обращением сделать солдата негодным к службе

или довести его до дезертирства, ибо тогда ему придется затратить деньги на вербовку нового солдата. В гвардии отпадал и этот момент, так как в ней расходы на рекрутирование несли не капитаны, а сам король. Однако Фридрих оказался вынужденным категорически высказаться в вышеупомянутой инструкции относительно гвардии, что при наложении наказаний надо соблюдать меру, а когда дают фухтеля, не должно говорить: "пускай он идет к черту! король должен будет дать другого в замену". Если офицер нанесет увечье солдату, он должен за него заплатить и, кроме того, быть посаженным в Шпандау. Капитаны должны бы больше заботиться о своих людях, но "они им ничего не стоят, а потому – им и горя мало".

С мыслью, что капитаны должны быть заинтересованы в сохранении своих людей, чтобы заботиться о них, мы встречаемся и у маршала Саксонского. В своих "Rkveries" ("Мечтаниях") он отвергает проект поставки рекрутов сословиями, ибо при этих условиях капитаны их заморят. Однако гонение сквозь строй нередко кончалось забиванием насмерть наказуемого.

Читатель мог заметить, что организация бранденбургско-прусской армии в значительной мере приближалась к французскому образцу. Ведь

то была эпоха, когда французская культура была культурой мировой; особенно же, немецкое образование совершенно находилось под обаянием французского. Бранденбургская армия получила к тому же новое пополнение в лице изгнанных из Франции гугенотов, нашедших у нас для себя новую родину. В 1688 г. из 1 030 бранденбургских офицеров по меньшей мере 300, следовательно, значительно более одной четверти, были французы, и когда курфюрст Фридрих III в 1689 г. сам командовал на Рейне, четыре из его двенадцати генералов были гугенотами. В язык армии перешли многие французские выражения.

Но если сравнить французскую и прусскую армии XVIII века, то при тождестве основных элементов найдутся и значительные черты различия.

Строевое учение у французов ограничивается упражнением в необходимых формах движения; у пруссаков учение производится изо дня в день, и служба непрерывно занимает как офицеров, так и солдат. Офицеры должны жить поблизости своих частей, чтобы в каждую минуту иметь возможность с ними выступить[61].

В Пруссии офицерский корпус гомогенен, во Франции наблюдается различие между офицерами из дворян и из буржуазии, а в особенности –

между дворянством придворным и провинциальным; мы видим там высокородных молодых полковых командиров и генералов, которые достигали своих постов, не пройдя строгой школы действительного офицерского воспитания. С одной стороны, это хорошо в том отношении, что дает возможность поставить людей с выдающимися способностями во главе войск еще в молодых годах. Но в конечном же счете здесь-то в значительной мере и следует искать источник той болезни, которая явилась причиной разложения армии под бурбонскими знаменами. Придворные генералы времен войны за Испанское наследство и Семилетней войны, которые переписывались с госпожой де Мэнтенон и госпожой де Помпадур о своих военных планах и вели друг против друга постоянные интриги, не обладали той военной решимостью, которая в конечном счете составляет основное качество полководца. У них не было недостатка в личной храбрости и усердии, но им не хватало того специфически военного душевного строя, который захватывает всего человека. Если мы будем анализировать, почему, несмотря на значительное численное превосходство, французские войска во время Семилетней войны не могли справиться с армиями трех небольших немецких государств –

Ганновера, Брауншвейга и Гессена, получивших лишь незначительное подкрепление от пруссаков и англичан, то всякий раз натолкнемся на ту же причину[62].

Как французская, так и прусская армия пополнялись в значительной мере иностранцами; но во Франции из них формировались отдельные полки; в Пруссии, правда, тоже по временам появлялись небольшие иностранные воинские части, как например гугеноты, босняки, венгерские гусары, польские уланы, но в главной массе иностранцы в качестве завербованных солдат распределялись по тем же самым полкам, как и набранные "кантонисты". В 1768 г. на 90 000 иностранцев в армии насчитывалось, по-видимому, всего 70 000 коренных пруссаков[63].

Большим преимуществом французской армии представляется то, что она в основной своей части имела национальный характер, но в военном отношении в XVIII веке это преимущество не давало себя знать, ибо в армии собирались как раз отбросы нации. Тем не менее это различие приобрело всемирно историческое значение. Национальный характер французской армии не обладал достаточной действенностью для того, чтобы придать ей особую силу, но он был

достаточно существен для того, чтобы не допустить в ней той строгости дисциплины, которая в прусской армии доходила до варварства. Французская армия не знала телесного наказания, тем менее – неограниченного права офицеров и унтер-офицеров пороть[64]. В Пруссии это явилось необходимым по причине массы тех дурных элементов, которые навязывались армии.

Когда после ряда повторных неудач и поражений Семилетней войны дисциплина во французской армии сильно расшаталась, военный министр Сен-Жермен попытался ее восстановить путем реформы по прусскому образцу и введения телесного наказания. У французов оказалось, однако, достаточно чувства собственного достоинства, чтобы этого не стерпеть; пришлось отказаться от этой попытки; но тогда уж дисциплина начала окончательно разваливаться, и этот процесс неудержимо развивался все дальше и дальше, причем весь народ вообще отвернулся от авторитета королевской власти и перешел к идее народного суверенитета. Великая французская революция, открывшая новую эпоху мировой истории, оказалась возможной потому, что армия покинула короля и примкнула к народному движению. Иностранные швейцарские полки остались верными королю, в то время как

французские – от него отпали. Все попытки остановить движение, произведенные и после начала общей войны, и восстановить порядок – сначала Лафайета, затем Дюмурье – разбились именно о противодействие армии, в которой национальная гордость пересилила привязанность к своему верховному вождю, ставшему в противоречие с национальным сознанием и мыслью. Благодаря тому что Пруссия не была национальным государством и не имела национальной армии, создание такого внутреннего противоречия в ней было невозможно. Погрешности прусской армии заключались совсем в другом, как это катастрофически обнаружилось в 1806 г.

Наконец, как еще одно различие между прусской и французской армиями, мы не должны обойти молчанием того обстоятельства, насколько военный контингент Пруссии по отношению к численности ее населения превосходил таковой во Франции.

Максимума своей боевой силы до революции Франция, по-видимому, достигла в последний год Семилетней войны, в 1761 г., когда в Германии она держала под знаменами 140 000 человек, а на родине и в колониях 150 000, а всего 290 000[65]. Это составляло приблизительно 1,2%

ее народонаселения. К моменту когда вспыхнула великая революция, армия насчитывала всего лишь 173 000 (79 французских и 23 иностранных) пехотных полков, то есть около 0,7% населения.

Прусская армия в декабре 1740 г. насчитывала почти 100 000 человек;[66] это на 2,24 миллиона населения Пруссии составляет 4,4%; ко времени кончины Фридриха войск было уже 200 000 человек, или 3,33% населения, из которых, однако, 10 месяцев в году не было под знаменами и половины (а именно 82 700 человек), и все же по отношению к народонаселению это составляло по сравнению с Францией вдвое больший контингент[67].

Глава III

СТРОЕВОЕ УЧЕНИЕ. ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В ТАКТИКЕ В XVIII СТОЛЕТИИ

В Тридцатилетнюю войну действовала пехота, составленная из перемежавшихся частей пикинеров и мушкетеров. Процесс стрельбы из мушкетов был слишком длителен, а огонь их недостаточно меток, и он не мог прикрыть отряд мушкетеров от кавалерийской атаки в открытом поле. Это прикрытие должны были взять на себя пикинеры. Однако уже Мендоса, ставивший пику выше всякого иного оружия, признается, что пикинерам редко приходится вступать между собою в бой в полевом сражении и что огнестрельное оружие играет главную роль. Таково было положение в конце XVI столетия и во время Тридцатилетней войны; в 1630 г. военный писатель Неймайер фон Рамсла говорит: "Длинные пики скорее представляют слабую сторону войны, чем ее нерв. Ружейные стволы крепят длинные пики".

О случаях, когда пехота пускала в дело пики и шпаги, сообщают как о чем-то необычайном[68],

например, о бое при Лейпциге в 1642 г. говорят, что "имперская пехота добралась даже до самых пик шведов". Гриммельгаузен в своем "Шпрингинсфельде" (изд. 1670 г.) острит: "Тот, кто убьет пикинера, которого он мог бы пощадить, проливает кровь неповинную; пикинер сам никому не причинит вреда, разве – кто сам напорется на его пику". Тем не менее пики сохраняются. Еще в 1653 г. Великий Курфюрст приказал[69], чтобы третья часть его пехоты в гарнизонах была вооружена пиками (т.е. обращена в полевые войска) и прилежно производила строевые учения с ними.

Еще в сражении при Энцгейме (1674 г.) пики сыграли известную роль: Тюренн велел построить против большой кавалерийской атаки немцев крупное каре пикинеров, причем мушкетеры отошли внутрь этого каре. Кавалерия не решилась его атаковать[70].

Однако к концу века европейские войска постепенно отказались от пик. Свиная щетина (Schweinsfedern) или рогатки (Spanische Reiter), при помощи которых в переходное время пехота еще должна была защищаться от кавалерии, не получили практического значения[71].

На место фитильного мушкета и пики, действующих рядом, появляется единое оружие,

кремневое ружье со штыком, что сразу придало постоянной армии совсем иной внешний вид по сравнению с прежними бандами наемников. Уже издавна зародилась мысль втыкать в дуло мушкета "шило", чтобы превратить его таким образом в пику[72]. Но решающим изобретением во второй половине XVII столетия явилась штыковая трубка, надеваемая на конец ружейного ствола, так что ружье одновременно могло служить и огнестрельным и холодным оружием. Однако такой штык еще очень мешал при заряжании ружья, и это новое техническое приспособление сделалось совершенно годным для употребления лишь через устройство штыковой шейки, дававшей возможность быстро заряжать ружье при приткнутом штыке.

Приблизительно в то же самое время фитильный замок был заменен кремневым[73], преимущества которого, в частности в дождливую погоду, ясны сами собою. Однако невыгоды не вполне надежного зажигания казались настолько существенными, что Ле Телье во французском уставе 1665 г. строго воспрещал пользоваться новым оружием. Найденные во время смотра ружья комиссия должна была немедленно ломать и заменять другими за счет капитанов. Поэтому сконструировано было оружие, в котором

одновременно имелся и фитильный, и кремневый замок, но скоро победило простое кремневое ружье.

Целый ряд мелких усовершенствований в устройстве полки, затравки и затвора полки, замена шомпола деревянного железным, усовершенствование колец, куда вставлялся шомпол[74] и приклада, особенно же применение бумажных патронов, все время улучшали оружие и придали ему уже в начале XVIII столетия ту форму, которую оно сохранило без существенных изменений на протяжении более столетия. Война за освобождение Германии велась почти тем же самым оружием, как и Семилетняя война.

Всерасширяющееся применение и усовершенствование огнестрельного оружия заставило пехоту еще во время Тридцатилетней войны постепенно снимать предохранительное вооружение – панцирь и железный шлем, что усилило подвижность войск.

Все более и более совершенствовавшееся в техническом отношении оружие могло быть использовано путем лучшего обучения солдат в постоянной армии с всевозрастающей интенсивностью. При шестишеренговом построении можно было пустить в действие все мушкеты лишь при посредстве караколе, что легко

могло привести войска в расстройство. Поэтому построение сделали более тонким, доведя его до четырех шеренг, и наконец, у пруссаков – до трех, причем первая шеренга становилась на колено, так что все наличные ружья могли сразу начать действовать[75]. Фридрих Великий стремился также сгустить строй таким путем, чтобы на четырех человек по фронту приходилось уже не четыре шага, а только три[76]. Путем постоянных упражнений при этом скорость огня доведена была до крайней степени. При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта в возможно скоро производимом, залп за залпом, массовом огне по команде. Если Фридрих еще и указывал, чтобы не слишком торопились с огнем – "человеку всегда надо сперва увидать, куда он стреляет", – то впоследствии было даже прямо запрещено целиться. Зато особенное значение придавали тому, чтобы залп выпаливался дружно и звучал как один выстрел. Предполагалось, что одновременное попадание такого большого количества пуль усилит деморализующее действие огня.

При Фонтенуа (1745 г.) французская и англо-ганноверская гвардия сошлись без единого

выстрела на расстоянии около 50 шагов. Офицеры с обеих сторон любезно предложили друг другу сделать первый выстрел. Англичане дали первыми залп, который оказался таким убийственным, что почти вся французская гвардия была истреблена, а оставшиеся в живых обратились в бегство.

Шарнхорст поучает в своей "Тактике" (§ 178), что беспорядочного огня, то есть одиночной стрельбы, надо старательно избегать. Стрелять следует только залпами. Ибо 10 человек, сраженные сразу, скорее заставят батальон отступить, чем 50, которые будут падать постепенно и в разных местах. Кроме того, солдаты израсходуют все свои патроны и сделают частыми выстрелами свои ружья непригодными: кремни затупятся, а патроны лишь с известным усилием можно будет вогнать в покрытые нагаром стволы. Наконец, офицеры при этом выпускают из рук своих солдат.

Залпы преимущественно давали или целым батальоном, или плутонгами (взводами). Построенный в три шеренги батальон делился на 8 плутонгов; плутонги стреляли поочередно, очень быстро один за другим – 1, 3, 5, 7, 2, 4, 6, 8, так что огонь все время перекатывался. Таким образом, огонь не оставлял для атакующей кавалерии никакой паузы, которой она могла бы

воспользоваться для того, чтобы ворваться в пехотный строй. Но такого идеала можно было достигнуть лишь на учебном плацу. По словам Ллойда, Фридрих сам говорил, что огонь плутонгами был бы наилучшим, если бы в действительности был выполним. Беренхорст[77] говорит, что только первый залп, пожалуй, дается по уставу или в лучшем случае два или три взвода выстрелят согласно правилам. "Затем начинается всеобщая пальба и обычный перекатный огонь, причем всякий, кто успел зарядить, тот и стреляет, ряды и шеренги перемешиваются, солдаты передней шеренги не успевают опуститься на одно колено, даже если бы они и желали это сделать, а офицеры с низших чинов до самых генералов ничего больше не могут поделать с массой, но вынуждены выжидать, двинется ли она в конечном счете вперед или назад". Эта картина носит отпечаток карикатурного преувеличения, вообще свойственного писаниям Беренхорста; все же одно в нем верно, что в серьезном деле в большей или меньшей степени утрачивалась четкость плацпарада[78]. Во время атаки пехота, поддерживая непрерывный огонь, должна была продвигаться вперед и под конец броситься в штыки на неприятеля. Однако до штыкового боя

дело почти никогда не доходило; в то мгновение, когда атакующая сторона действительно подходила вплотную, обороняющаяся сторона обычно отказывалась от сопротивления. Надо основательно внушить солдатам, писал как-то Фридрих, что в их собственных интересах – добраться вплотную до противника и что король дает им слово, что им нечего ждать в таком случае от неприятеля ответного штыкового удара[79].

Мы видим, как эта тактика вполне соответствует составу армии: рядовому ничего не остается делать самому, ему надо только слушаться: он идет, маршируя в ногу, имея справа – офицера, слева – офицера, сзади – замыкающего; по команде даются залпы, и, наконец, врываются в неприятельскую позицию, где уже не ожидается действительного боя. При такой тактике добрая воля солдата, если он только остается в руках у офицера, не играет особенной роли, и можно было рисковать подмешивать в строй чрезвычайно разношерстные элементы.

О той быстроте, с которой один залп следовал за другим, создались легендарные представления; так, например, генерал фон Бернгарди в труде "Современная война" (1912 г.) пишет, что прусская пехота в XVIII веке давала до 10 выстрелов в минуту. Но ведь это настолько

очевидная невозможность, что невольно возникает предположение, что автор разумеет в данном случае не отдельные выстрелы солдата, а залпы плутонгов, т.е. не один и тот же взвод выпускал 10 выстрелов в минуту, а батальон давал 10 плутонговых залпов в одну минуту. Однако, по преданию, действительно считают, что каждый единичный солдат мог выстрелить если не десять раз в минуту, то – восемь раз. В действительности во время Семилетней войны максимум скорости, которой достигали при залпах боевыми патронами по команде, был 2–3 выстрела в минуту, а позднее, в обрез, – 4.

Пехотное ружье било на незначительное расстояние, примерно на 300 шагов; на 400 шагов почти не было попаданий[80].

Наиболее трудную проблему представляло ведение огня при наступлении, что и в наше время, при рассыпном строе, остается также проблемой. Идеал заключался в том, чтобы при постоянном продвижении вперед попеременно останавливать плутонги и открывать ими огонь. Но это в серьезном деле было невыполнимо, ибо опыт показал, что раз воинская часть остановилась для того чтобы открыть огонь, ее трудно снова привести в движение, а в период между второй и третьей Силезскими войнами

составилось представление, что лучше всего вести пехоту в атаку без выстрела и применять огонь лишь для преследования или для обороны. При этом подготовка атаки огнем выпадала на долю легких батальонных орудий, которые следовали за пехотой, перетаскиваемые самой прислугой. Так как действенность ружейного огня не распространялась далее 300 шагов, а регулярный огонь должен был открываться лишь с 200 шагов, у австрийцев даже только в 100 шагах[81], то невольно напрашивается вопрос, раз уже подошли на такое близкое расстояние, не лучше ли сразу броситься в атаку, вместо того чтобы, открывая огонь, остановиться и образовать удобную мишень для неприятельского огня. Маршал Саксонский в своих "Мечтаниях" ("Rkveries"), вдохновивших Фридриха при написании им поэмы о военном искусстве, предлагал атаковать без стрельбы. Принц Мориц фон Дессау мечтал (1748 г.) о том, чтобы хоть раз в жизни получить приказ его королевского величества "атаковать неприятеля, не заряжая ружей". Действительно, в начале Семилетней войны Фридрих отдал приказ атаковать без выстрела, а в исследовании Военно-исторического отделения Большого Генерального штаба, и еще резче в "Militdr-Wochenblatt" (1900 г., No 40, столбец

1004), высказано было мнение, что этим произведен был самый коренной и притом гибельный переворот в боевых приемах немецкой пехоты, какой она когда-либо переживала; то было роковой ошибкой короля. Страшные дни под Прагой и при Колине засвидетельствовали это неопровержимым образом. Однако другой референт в том же журнале (No 94, столбец 2131) справедливо возражал[82], что ведь король, запрещая открывать огонь, вероятно, действовал с большим запросом, чтобы получить хотя бы что-нибудь; он хотел, по возможности, ограничить огонь, но имел в виду, что если иначе нельзя, то войска все равно будут стрелять. Уже под Лейтеном атака вновь велась со стрельбой, а в декабре 1758 г. король категорически отвергнул атаку без огневой подготовки. Следовательно, запрещение открывать огонь не являлось ниспровергающим основы изменением тактики, а скорее – экспериментированием над задачей, для которой не существовало ясного, рационального решения.

К этому можно добавить, что, согласно заслуживающему внимания преданию[83], несмотря на ураганный огонь пруссаков, потери, которые они наносили им противнику, были не больше тех, которые сами они несли от неприятельского огня.

Главные выгоды, полученные прусской армией из упражнений в стрельбе, имели такой же косвенный характер, как и выгоды от муштровки и строевых учений, и заключались в дисциплинированности, в привычке к строю и в сплоченности тактических единиц.

После того как от квадратных построений пехоты перешли к тонким строям, пришли к убеждению, что одна линия легко могла быть разорвана или прорвана; поэтому стали строить пехоту в две линии, одна за другою. Мы познакомились с линейным боевым порядком как с продуктом второй Пунической войны. Происхождение и развитие линейной тактики в древности и в новое время различны, однако смысл и цели этого порядка, несмотря на различие в вооружении, одни и те же. Правда, вторая линия не в состоянии пустить свое оружие в ход, но она находится под рукой, чтобы заполнить бреши в первой[84], подкрепить слабые места, выйти на фланг и в случае нужды отразить атаку с тыла. Чем тоньше стала первая линия при переходе к трехшеренговому строю, тем больше она нуждалась в таком усилении себя с тыла при помощи второй линии, за которой иногда, в зависимости от обстоятельств, следовала третья и четвертая. Вторая линия могла не являться такой

же непрерывной, как первая; между ее батальонами могли оставаться интервалы, а потому она могла быть несколько слабее по числу батальонов. Расстояние между линиями определяют различно, от 150 до 500 шагов[85].

Для того чтобы дать некоторую опору флангам, чрезвычайно чувствительным при таком построении, между этими двумя линиями ставили батальон, обращенный фронтом в направлении фланга, так что весь большой порядок уподоблялся продолговатому прямоугольнику.

Чем тоньше становились построения, тем более удлинялся фронт. Это чрезвычайно повышает действенность оружия, особенно если удастся охватить противника, но вызывает огромные трудности при маневрировании. Уже развертывание и выравнивание на гладком учебном плацу более или менее значительной массы войск – дело нелегкое; а для того чтобы двигать вперед развернутую линию в стройном и неразорванном виде и притом по неровной местности, нужны подготовленные в совершенстве начальники и основательно вымуштрованные войска. По словам Ллойда, для того чтобы продвинуться в стройном порядке на расстояние четверти часа ходьбы, требуется несколько часов, а Бойен, в своих воспоминаниях (I, 169), говорит,

что опыт его научил, что во время сражения лишь в редких случаях, а то, пожалуй, и никогда, не удастся передвинуть в порядке развернутый батальон, так как грохот сражения заглушает голос командира батальона. Гойер в своей "Истории военного искусства", вышедшей в 1797 г., пишет: "Так как нелегко направлять должным образом такую длинную линию, а заставить ее развернуться из одной колонны почти что невозможно, то эти две задачи стали предметом изучения самых искусных тактиков. Они старались показать, как надо продвигать армию вперед и назад в нескольких колоннах, а затем строить их в одну или две боевые линии. Такие маневры требовали невиданной раньше подвижности войск".

В прусской армии не только работали с неутомимым рвением над традиционными формами обучения, но и стремились к еще большему совершенству, быстроте, ловкости и искали новых, изощренных форм применения войсковых частей. Сам король, генералитет, брауншвейгские и английские принцы, состоявшие на прусской службе, и весь офицерский корпус были преисполнены одним стремлением. Самым достопримечательным продуктом этой творческой деятельности был

косой боевой порядок[86].

При переходе, в целях усиления действительности огня, от первоначального, глубокого построения пехоты к более тонкому – пехота приняла такой порядок, при котором не только было очень трудно, не расстраиваясь, передвигаться, но и понятия фланга и крыла стали приобретать всевозрастающее значение. При построении квадратом фронт и фланги одинаково сильны. При линейном же построении фланги становятся тем слабее, чем последнее тоньше, а чем оно длиннее, тем важнее становится различение крыльев. Возникает мысль добиваться решительного исхода не путем прямого наступления в лоб, а путем атаки, направленной либо на одно из крыльев, либо во фланг неприятеля.

Поэтому уже в Тридцатилетнюю войну мы наблюдаем, что армия, готовящаяся к оборонительному бою, пытается прикрыть свои фланги при помощи какого-нибудь естественного препятствия (в сражении на Белой горе, 1620 г.). Мы встречаемся также с попытками атаковать противника с фланга (Виттшток, 1636 г.)[87].

В войне за Испанское наследство мы уже наблюдаем сражения, решенные на одном из крыльев. Атака уже не велась по всему фронту

равномерно; задерживая уступом позади одно крыло, на котором развертывалось меньшее количество войск, стремились большими силами, сосредоточенными на другом крыле, разгромить, по возможности применяя охваты, противоположное неприятельское крыло. Гохштедтское сражение, по-видимому, было задумано уже по этой системе, но проведено оно во всяком случае не по ней. Сражения при Рамильи и под Турином построены на атаке одного крыла, что, впрочем, определялось не столько методом, сколько условиями местности. Зато сражение при Мальплаке всецело было построено на атаке крыла, хотя благодаря некоторым ошибкам оно осуществилось и не так.

В свою очередь, и теория занялась этой новой проблемой. Первоначальной исходной точкой служило ей изучение древности, и им она постоянно питалась. Вспомнили тут о косом боевом порядке Эпаминонда и разыскали у Вегеция следующее: "когда происходит столкновение обеих армий, оттягивают свое левое крыло от правого крыла противника настолько, чтобы оно находилось вне досягаемости метательного оружия. Наше правое крыло, которое должно быть составлено из отборных сил пехоты и кавалерии, атакует тем временем левое

крыло противника, вступает с ним в рукопашный бой и прорывает его, либо охватывает, чтобы иметь возможность ударить с тыла. Или же левым крылом выполняют то, что было здесь сказано про правое".

По-видимому, если не считать доктринерского построения герцога Альбрехта Прусского, первым теоретиком новейшего времени был Монтекукули. В своем сочинении "О военном искусстве", 1653 г. (издан на немецком языке в 1736 г.; Собр. соч., т. II, стр. 68) он преподает следующее правило: "Разместить отборные войска на обоих крыльях и начать бой на той стороне, где чувствуешь себя сильнее, слабейшая же часть должна удерживать неприятеля". То же мы встречаем у него и в других сочинениях (т. II, стр. 352).

Явно примыкая к этому взгляду, Кхевенхюллер (Khevenhьller) в своем сочинении, напечатанном в 1738 г. под заглавием "Kurtzer Begriff aller militdrischer Operationen" ("Краткая концепция всех военных операций"), пишет: "Ставить лучших солдат на крыльях; начинать бой на той стороне, на которой считаешь себя всего сильнее, а там, где чувствуешь себя слабым, атаковать противника позднее, а тем временем развлекать его стычками или борьбой за выгоды, даваемые местностью". Французский писатель

Фолар, из объемистого сочинения которого о Полибии Фридрих Великий велел сделать извлечение, в работе над которым он сам принимал участие, выпустил раньше своего основного труда книжку под названием "Новые открытия в области войны", в которой он весьма подробно (ч. II, гл. VII) анализирует сражения при Левктрах и Мантинее, выдвигая все преимущества косого боевого порядка и восхваляя гений Эпаминонда.

Еще большему, чем у Фолара, научился Фридрих у другого француза, Фёкьера, и немало почти дословно заимствовал из его трудов для своей инструкции. Но как раз у него, насколько я мог заметить, вопрос о косом боевом порядке не выдвигается. Когда Фридрих вступил на престол, мысль о косом боевом порядке уже имелась налицо и даже применялась на практике. Но теория его не была еще ни разработана, ни усвоена, а практика косого боевого порядка на первых шагах еще не дала ничего существенного. Тем не менее надо предполагать, что в среде мыслящих военных людей косой боевой порядок нередко являлся темой разговоров. Это было уже общераспространенное понятие. Как раз в это время старый маршал Пюисегюр (ум. в 1743 г.) вносил последние замечания в свой капитальный

труд "Военное искусство", к которому он приступил уже почти полстолетия перед тем и которое потом было издано его сыном в 1748 г. В этом сочинении вопрос о косом боевом порядке (ordre oblique) изложен ясно и с исчерпывающей полнотой. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Фридрих, писавший как-то про себя, что он прочитал приблизительно все, что когда-либо было написано по военной истории, уже носился с мыслью о косом боевом порядке, когда он начал свою первую войну. Мы замечаем, что уже под Мольвицом он усиливает правое крыло своей армии за счет левого, в особенности тяжелой артиллерией, а левое крыло, по его собственному выражению, он "уклоняет"[88].

Тем не менее сражением, решенным на одном крыле, это столкновение не стало, ибо, в конце концов, не правое крыло, которому оказано было предпочтение, привело к решительному исходу, а продвижение вперед левого крыла, понесшего очень мало потерь. Поэтому-то на косое наступление пруссаков под Мольвицом смотрели не как на образчик косого боевого порядка, а просто как на случайное явление. Я сам долго склонялся к такому взгляду, однако на основании исследований Германа и Кейбеля в конечном счете пришел к заключению, что правильным

является противоположный взгляд и что во всяком случае со времени сражения при Мольвице и в фридриховских диспозициях для сражений, и в удавшемся осуществлении таковых идея косого боевого порядка является господствующей.

В самом проведении этой мысли и заключалась личная творческая тактика сражений короля. Теоретические и практические положения, уже существовавшие и раньше, собственно говоря, еще не принесли никаких существенных плодов. Сама идея была проста и очень стара; трудно было осуществить ее.

Ибо сделать одно крыло сильнее другого – дело простое. Но когда противник это заметит, он или сделает то же самое, или атакует более слабое крыло наступающего. Полную действенность приобретает косой боевой порядок лишь тогда, когда удастся охватить своим наступательным крылом крыло противника. Но ведь и противник не станет добровольно подставлять свой фланг, а становится, по возможности, перпендикулярно линии наступления неприятеля. Таким образом, наступающему предстоит задача произвести крупное захождение или заворот на глазах у неприятеля. А это тем труднее выполнить, что развитие элементарной тактики выдвинуло требование: боевой фронт должен представлять

возможно непрерывную линию[89].

Пюисегюр говорит[90], что раньше ставили батальоны с известными интервалами в шахматном порядке, но благодаря этому было проиграно много крупных сражений, ибо каждый батальон, благодаря интервалам, подвергался обстрелу и атаке с фланга. Поэтому-то и стали уменьшать интервалы. Однако те боевые порядки, в которых батальоны и эскадроны располагаются без всяких интервалов, несомненно, являются наиболее сильными. Так повсюду и поступали в эпоху Фридриха. Этот-то непрерывный фронт вместе с кавалерией и артиллерией и надо было подвести к неприятелю в косом направлении, по возможности охватывая его[91].

Само по себе косое построение, естественно, не дает еще никакого преимущества. Последнее получается лишь оттого, что атакующее крыло является в то же самое время более сильным, а крыло, уклоняемое нами посредством его задержки, связывает более значительные силы противника. Таким образом, подход к неприятелю превосходящих сил в косом боевом порядке должен производиться не просто, а с такой быстротой, чтобы противник не мог принять никаких контрмер, и атака являлась бы внезапной. Кульминационной точки косой боевой порядок

достигает тогда, когда ему удается протянуться за фронт неприятеля – охватить его.

В сочинениях Большого Генерального штаба понятие косого боевого порядка ограничивается только пехотой и ее непрерывным фронтом. К этой мысли король пришел лишь в промежуток между второй и третьей Силезской войной. При таком понимании косой боевой порядок являлся бы лишь совершенно специфической разновидностью сражения, решаемого на одном крыле, и эта разновидность должна была бы иметь резкие отличия. С принципиальной точки зрения отвергать возможность такой терминологии не приходится. Однако такое резкое различение не вытекает из существа дела и неосуществимо, ибо фактически и исторически грани текучи и нельзя исключать из рассмотрения ни кавалерию, ни артиллерию[92]. Я склонен формулировать дело следующим образом: косой боевой порядок представляет такую форму сражения, решаемого на одном крыле, при которой вся боевая линия образует единый, возможно менее или даже вовсе не прерывающийся фронт. Со сражением, решаемым на одном крыле, оно имеет ту общую черту, что одно из крыльев выдвигается вперед, а другое задерживается, что атакующее крыло усиливается

и стремится, по возможности, охватить неприятельский фронт с фланга или даже с тыла. Эти признаки, следовательно, являются специфичными и для разновидности сражения, решаемого на одном крыле, – косого боевого порядка. Косой боевой порядок представляет разновидность сражения, решаемого на одном крыле, находящуюся в соответствии с требованиями элементарной тактики той эпохи, из условий которой косой порядок логически вытекает и развивается.

Усиление атакующего крыла может заключаться либо в усилении пехоты тем, что первой линии предпосылается еще передовая линия – "атака", как ее называли, или за нею следом ставится резерв, либо в усилении кавалерии или артиллерии.

Ведь мы уже говорили, что развертывание армии в линейный порядок "овсе не делается само собою, а представляет тактическое произведение искусства; тем более это можно сказать о развертывании косого построения. Сперва Фридрих просто приказывал, чтобы одно крыло двигалось быстрее другого. Этим, естественно, задача не решалась. При этом фронт должен был разрываться, а когда командиры батальонов пытались заполнить образовавшиеся разрывы,

фронт приходил в беспорядок. С неутомимым рвением работал Фридрих в течение десятилетия с 1746 по 1756 гг. и теоретически и практически над поисками подходящей формы для осуществления своей идеи[93]. Не менее восьми различных форм было им сконструировано и испробовано, прежде чем он выработал свое косое наступление. В конце концов, лучшею формой он признал наступление эшелонами.

Позднее, вплоть до 1806 г., с величайшим усердием разрабатывали и практиковали это наступление эшелонами, при котором батальоны вступают в бой не одновременно, а последовательно, уступами – один за другим; но при этом такой форме придавалось чрезвычайно преувеличенное значение. Ведь весь результат сводится лишь к тому, что следующие уступами батальоны оказываются на одной линии с первым перешедшим в наступление фланговым батальоном, на очень коротком друг от друга промежутке времени, измеряемом от батальона к батальону немногими минутами. Единственное сражение, в котором косой боевой порядок был осуществлен до некоторой степени поэшелонно в соответствии с этой идеей, это – сражение при Лейтене; но в данном случае решающим моментом было не эшелонное наступление, а тот

факт, что королю удалось незаметно подвести прусскую армию против левого крыла австрийцев. Он превратил подход к полю сражения одним флангом в подход всем фронтом, т.е. четыре колонны, в которых наступали пруссаки, из которых каждая состояла из части первой линии и соответственной части второй, с пятой колонной в качестве передовой линии, последовательно зашли повзводно левым плечом вперед и продефилировали добрые полмили вдоль неприятельского фронта, пока они не поровнялись с крайним левым крылом австрийцев. Здесь взводы, державшие все время надлежащую дистанцию между собою, зашли плечом и выстроились в линию[94]. Таким образом, считая и передовую линию, образовалось три линий, сзади которых в качестве четвертой – построились гусары; и в таком построении они атаковали австрийское крыло, не имея более широкого фронта и не охватывая его; но они превосходили его глубиною своих четырех линий, построенных одна за другою. То, что батальоны повели атаку не одновременно, а поэшелонно, существенного значения не имело, да и король в своем описании упоминает об этом обстоятельстве лишь мимоходом[95].

Косое положение, которое занял прусский

фронт в момент атаки по отношению к австрийскому, в известной мере было еще более скошено уступным наступлением батальонов. Но сокрушительным моментом является короткое, сосредоточенное развертывание, обращенное исключительно против левого крыла австрийцев, оставившее совершенно в покое правое крыло их растянутого почти на милю фронта. Таким образом, левое крыло австрийцев оказалось разбитым раньше, чем оно могло быть усилено подкреплениями с правого фланга. Пруссаки, хотя они и насчитывали только 40 000 человек против 60 000 человек с лишком, все же имели численный перевес в каждом отдельном моменте боя.

Существенным, следовательно, является не наступление уступами и даже не косое направление атаки, а тактическая выучка как таковая, искусство, дозволявшее вождю прусской армии провести ее в полном порядке вдоль неприятельского фронта, подвести ее к одному из крыльев его и даже, насколько это было возможно, обойти последнее с такой быстротой, что противник не успел, со своей стороны, опрокинуть этот маневр при помощи наступательного удара. И противоположной стороне не вполне чужды были подобные идеи. Сражение при Росбахе является прямой антитезой

сражения при Лейтене. Гильдбургсгаузен и Субиз пытались обойти прусскую армию; но пока они еще двигались, пруссаки уже развернулись, перешли в наступление, атаковали их походные колонны и простым нажимом опрокинули все, не понеся почти никаких потерь. Если бы австрийцы под Лейтеном, вместо того чтобы выжидать на своей оборонительной позиции, своевременно нанесли такой же наступательный удар дефилировавшим мимо них пруссакам, они, несомненно, выиграли бы сражение.

Пехотный бой со времени Тридцатилетней войны вплоть до войны за Испанское наследство нередко выливался в ряд разрозненных боев за населенные пункты, проводимых с большим упорством. Более строгая строевая муштра, все более и более усиливающееся подчеркивание тактической единицы изменили и характер самого боя.

Борьбы за местные предметы по возможности стали избегать, ибо она разваливает тактическую единицу. Фридрих категорически запрещал занимать солдатами дома. Очень верно характеризует генерал фон Гёпфнер в своей истории войны 1806 г. тактику фридриховой школы (стр. 480): "В ней все сводилось к тому, чтобы достигнуть решительного результата при

помощи первого удара. Наступали всей массой, выстроенной в линию, давали два-три батальонных залпа и атаковали в штыки. Чего нельзя было достигнуть этим путем, было недостижимо вообще. Великий король прекрасно сознавал всю сомнительность такого метода ведения боя, когда он так сразу бросал в бездну сражения все свои силы. Но против этого он не знал никакого лекарства, кроме атаки уступами, с задержкой одного крыла, при которой, хотя бы и на короткий миг, часть сил оставалась в его распоряжении. Однако средство это было отнюдь не радикальным, ибо если неприятель не был опрокинут с первого налета, оно вело через несколько минут к параллельному бою всеми силами".

Конечно, в данном случае нельзя провести резкую грань; ведь не всегда и при Фридрихе все решалось с первого удара, а развивались иногда и более длительные бои; все же, в общем, надо сказать, что, как это ни странно, но сражения, руководимые Евгением и Мальборо, более походят на наполеоновские, чем на сражения Фридриха Великого. Там и полководцы и войска чувствуют себя свободнее. Именно превосходно выработанная прусским плацпарадом механика всех боевых движений и действий приковывала к

этой механике и стесняла свободу боевых действий.

Пруссаки довели до высшей степени действенности линейную тактику, но этим они не только не уменьшили, но скорее увеличили ее естественные слабые стороны. Эти выровненные, стреляющие залпами батальоны приводила в расстройство малейшая неровность почвы; они не умели вести боя ни в лесу, ни в деревне. А это ощущалось тем чувствительнее, что австрийцы располагали весьма пригодной легкой пехотой в лице своих кроатов, которые как дети природы умели вести бой в рассыпном строю. Залповый огонь пруссаков не мог преодолеть огонь иррегулярных войск из-за прикрытий. Под Ловосицем и Колином они сыграли крупную роль и в большом сражении, а одной из причин того, что пруссаки одержали победу при Лейтене, пожалуй, являлось то обстоятельство, что в этом сражении кроаты, видимо, не участвовали.

В начале Семилетней войны король сформировал четыре "вольных" батальона в качестве легкой пехоты, под конец у него их уже было 26, но им было далеко до пандуров и кроатов. Мария Терезия располагала граничарами, этими полуварварами, жившими в условиях постоянной войны с турками,

своеобразным источником военной доблести, каковой недоставало прусскому королю. То и дело раздаются его жалобы на ущерб, наносимый ему в малой войне этими недисциплинированными отрядами, создававшими завесу и наблюдавшими за всеми его движениями. Что, собственно, дали прусские "вольные" батальоны, мы знаем по преданиям лишь урывками и не вполне достоверно. Хотя и рассказывают об отдельных удачных их поисках, все же сам король не был о них высокого мнения. Он как-то писал генералу Тауенцину (24 мая 1779 г.), что офицеры этих батальонов "по большей части распущенный плохой народ". На этот род войск он, так сказать, смотрел как на неизбежное зло; им было трудно достичь выдающихся результатов, так как сам Фридрих неправильно понимал сущность этого рода войск и не подготавливал их соответствующим их природе образом. Для того чтобы достичь сколько-нибудь существенных результатов в бою рассыпным строем, солдаты этих батальонов должны были обладать или прирожденными, естественными воинственными наклонностями, подобно кроатам, пандурам и казакам, или же значительным запасом доброй воли; последнюю нужно было бы систематически воспитывать для удовлетворения требований боя.

Но сама идея такой подготовки не вмещалась в круг понятий прусского офицерского корпуса. Столь крупный авторитет, как сам Фердинанд Брауншвейгский, высказывался об австрийских кроатах, что "они всегда прячутся за деревья, как воры и разбойники, и никогда не показываются в открытом поле, как то подобает храбрым солдатам"[96]. Мало чем отличался от него и взгляд короля. Неужели же он стал бы систематически воспитывать в своей армии подобный зловредный дух? И если такие войска являлись необходимостью, то создавалась безобразная пародия на них.

Состав прусских вольных батальонов был не только не лучше, но даже еще хуже батальонов линейных. Они не комплектовались прусскими уроженцами, а состояли из авантюристов, дезертиров, бродяг, отличавшихся от регулярной пехоты лишь тем, что им недоставало того, что составляло силу последних, а именно – дисциплины. Насильно завербованных людей можно было довести в вымуштрованной линейной пехоте до того, что они выполняли то, что от них требовали, но не только в стрелковом бою, где каждый солдат сам по собственному разумению и воле отыскивает себе прикрытие, наступает и дерется. Нельзя не удивляться тому, что

отдельные командиры, как Майер, Гишар, граф Гардт, все же умудрялись не без успеха вести в бой эти чуть ли не разбойничьи банды[97].

Наряду с "вольными" батальонами были сформированы и егерские роты для тех же целей, как и первые, но составленные в противоположность им из отборных, надежных людей – сыновей прусских лесничих, которые рассчитывали в будущем получить места по лесной части.

Развитие кавалерии мы проследили вплоть до Густава Адольфа, который отменил караколе, низвел пистолет до роли вспомогательного оружия и указал на шок в сомкнутом строю с палашом в руках как на принципиальный метод наступления. В этом направлении шло и дальнейшее развитие. Все дело сводилось к тому, чтобы произвести шок с полной сомкнутостью, атакуя возможно более быстро и издалека. Но это было чрезвычайно трудно. Для этого требовалось много упражнений. А эти упражнения, в свою очередь, сильно разбивали лошадей. Поэтому полковники, стремившиеся беречь свой конский материал, ограничивались атаками с короткого расстояния на рысях или курцгалопом в последний момент. Правда, принц Евгений предписывал производить атаку карьером,

однако ему этого не удалось добиться. Фридрих-Вильгельм I не понимал ничего в кавалерийском деле; и насколько показала себя в сражении при Мольвице вышколенная им пехота, настолько слабо проявила себя в этом сражении прусская кавалерия. Она была полностью опрокинута австрийской, – правда, более многочисленной – кавалерией и прогнана с поля сражения. Король Фридрих влил в нее новый дух. Уже в следующем году, при Хотузице, она показала себя совершенно иначе; за десятилетие, предшествовавшее Семилетней войне, ее боевые качества развивались все больше и больше. В то время как в 1748 г. Фридрих еще довольствовался атаками с дистанции в 700 шагов, в 1755 г. он уже требовал атаки с 1 800 шагов, причем последний участок должны были проходить на полном карьере. Он требовал от командиров, чтобы они никогда не допускали атаковать себя; они всегда должны были атаковать первыми. "Когда, таким образом, огромная сомкнутая стена с сильным порывом обрушивается на неприятеля, то ничто ей уже не может оказать сопротивления". Говорят, фон Зейдлиц однажды выразился так: "Кавалерия одерживает верх в бою не саблею, а хлыстом". Или: "При атаке – 6 лишних рядов, и сукин сын, кто позволит себя вытеснить назад!" Сомкнутая

тактическая единица настолько поглощала отдельного всадника, что король предпочитал, чтобы рукопашного боя, по возможности, не было вовсе; ибо, говорит он, в этом случае решает дело рядовой, а на него положиться нельзя. Поэтому эскадроны не только должны идти каждый сомкнутым строем, стремя к стремени, или даже колено к колену, но и не должно быть почти никаких интервалов между эскадронами первой линии; атака должна продолжаться за первую линию противника, гоня его перед собою, разгромить вторую – и лишь после этого второго успеха он считает допустимым рукопашный бой[98].

Австрийская кавалерия, по-видимому, еще во время Семилетней войны стреляла раньше, чем пустить в ход сабли[99].

Во Франции развитие было задержано тем, что до реорганизации кавалерии, произведенной герцогом Шуазелем (1761 – 1770 гг.), и лошади и снаряжение принадлежали капитанам, которые отнюдь не стремились изнашивать свое имущество. Здесь шаг и рысь были единственными аллюрами. Впервые граф Сен-Жермен добился в 1776 г. атаки полным карьером[100].

Об атаке карьером генерал фон Марвиц[101]

пишет: "Прорваться эта масса должна в любом случае. Возможно, что ее наполовину перестреляют, или что она попадет в рытвину, причем сотни из них сломают себе шею. Но остановиться, а тем более повернуть обратно, ей невозможно, ибо в этой сумятице, вихре и урагане, когда многие сотни лошадей мчатся вперед тесно сомкнутым клубком, самый лучший наездник уже не может владеть своей лошадью – они все прорвутся. Если даже один-другой сохранят власть над своими конями, то все же об остановке нечего и думать, ибо задний тотчас его сшибет и переедет через него. Поэтому не подлежит ни малейшему сомнению, что когда предпринимают такую атаку, то либо получится прорыв, либо полк уже больше не увидят".

Но что если две такие атаки сшибутся между собою?

Как выше мы говорили, действительные штыковые бои едва ли когда происходили, и случаев, чтобы два эскадрона сшиблись друг с другом, взаимно атакуя со всею силой и сомкнутостью, тоже ни разу не бывало, согласно исследованию генерала Веннингера[102]. Случись это, обе стороны разбились бы полностью.

То же пишет и генерал Пузыревский в "Исследовании боя" (Варшава, 1893 г.):

"Подлинной сшибки никогда не бывает: моральное воздействие одного из противников непременно опрокинет другого – немного раньше, немного позднее, хотя бы на расстоянии длины носа; раньше первого сабельного удара одна из сторон уже разбита и обращена в бегство. Произойди действительная ошибка, обе стороны были бы уничтожены. На практике победитель едва ли теряет хотя бы одного человека".

Когда атакуют пехоту, по словам генерала фон дер Марвица, картина получается совсем иная. Тот, кто когда-либо участвовал в кавалерийской атаке и скакал навстречу врагу, пишет он, уже, конечно, знает, что ни одна лошадь не проявляет скобой охоты проникнуть в надвигающуюся массу, и что все они готовы остановиться, закинуться и повернуть назад; чтобы атака не провалилась окончательно, каждый всадник должен стараться помешать своей лошади это сделать, следовательно, ее подогнать вперед. С этой целью французы шли в атаку тесно сомкнутым строем, но медленным аллюром.

Но эта боевая кавалерия была мало пригодна для столь важной разведочной службы и даже для преследования. Верно говорили о тогдашних вождях, что они не умели пользоваться кавалерией для разведки. Сам Фридрих,

проникнув в 1744 г. в южную Богемию, чувствовал себя как бы отрезанным, и, хотя он и располагал почти 20 000 кавалерии, он долгое время не мог узнать, где находится австрийская армия. То же случилось и в 1759 г. с армией графа Дона, которой было поручено вторгнуться в Познань и связать русских. Тогда не считали, по-видимому, возможным, говорится в труде Генерального штаба, выпустить из рук этот ценный, трудно заменимый род оружия, а если и высылали порою вперед отдельные разъезды на довольно далекое расстояние, то не принимали никаких мер, чтобы облегчить им своевременную доставку назад донесений.

Однако эта неумелость имеет свои более глубокие корни в том, что в составе кавалерии было много ненадежных людей, конечно, далеко не столько, сколько в пехоте, но все же слишком много, чтобы рассылать их разъездами по обширной территории. Как и в пехоте, весь дух учебной подготовки был направлен не на выработку действенности одиночного бойца, а на создание сплоченной тактической единицы; между тем разведочная служба требует подготовки каждого единичного солдата к самостоятельности и самодеятельности. Таким образом, высокая, но односторонняя

дееспособность кавалерии не столько была обусловлена неумелостью высших вождей, сколько являлась естественным последствием всей системы в целом.

Фридрих рано заметил этот недостаток; подобно тому, как он создал легкую пехоту, он и при кавалерии сформировал особый род войск, чтобы заполнить этот пробел. Это были гусары; их не причисляли к кавалерии. От отца Фридрих получил всего лишь 9 гусарских эскадронов; он довел число их до 80. Он смотрел на них, как на воинственных ребят, жадных до приключений, а также и до добычи, которые, пользуясь известной полусвободой, не будут подозрительными в отношении дезертирства, а потому ими даже можно будет пользоваться для охранения от дезертирства других воинских частей; но по этой самой причине они были слишком распущены для того дела, которого он требовал в сражении от своей кавалерии. Под Лейтеном они составляли позади пехоты четвертую линию. Особенно на них рассчитывали для преследования неприятеля.

Уже перед Семилетней войной подготовка гусар начала сравниваться с подготовкой остальных кавалерийских полков.

Более четвертой части полевой армии Фридриха состояло (в декабре 1755 г.) из

кавалерии (31 000 кавалеристов на 81 000 пехоты). В первой половине XVI столетия пехота в значительной мере преобладала; во второй половине, когда произошло преобразование рыцарства в кавалерию, последняя снова возросла, и в Тридцатилетнюю войну порою достигала половины армии и даже более. В постоянных армиях вновь увеличился более дешевый род войск – пехота; при Великом Курфюрсте кавалерия составляла всего лишь седьмую часть армии. Затем количество ее постепенно повышалось и достигло своего максимума при Фридрихе.

Подобно двум другим родам оружия, артиллерия точно также подвергалась все время дальнейшему усовершенствованию, и действие ее все более усиливалось. Нововведением явилось то, что Фридрих создал конную артиллерию. Мы не будем останавливаться на частностях в деле усовершенствования орудий, которого добивались то в направлении их облегчения и большей подвижности, то в направлении усиления их действия путем увеличения калибров и объединения орудий в батареи. Главное изменение в этом роде войска, а именно – огромное увеличение численности тяжелой артиллерии, было введено не пруссаками, а австрийцами,

искавшими и нашедшими в этом для себя защиту против наступательного духа пруссаков. Со вздохом пришлось Фридриху подчиниться необходимости и последовать по этому пути за австрийцами. Под Мольвицем австрийцы располагали 19 орудиями, т.е. по одному на каждую тысячу солдат, а пруссаки – 53, т.е. 2 S на 1 000 человек. Под Торгау у австрийцев было 360 орудий, или 7 с лишком на 1 000 человек, а у пруссаков 276, или 6 с лишком на 1 000.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СКОРОСТИ РУЖЕЙНОГО ОГНЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Основоположное исследование этого вопроса мы найдем в "Тактическом обучении" ("Kriegsgeschichtliche Einzelschriften", 28/30, 434). Но так как в нем не учтены многие важные показания, то необходимо кое-что добавить. Вопрос этот интересен не только по существу, но и с методологической точки зрения, ибо он дает возможность судить, как легко даже у знатоков по таким простым техническим вопросам составляются ложные представления и слагаются легенды, которые кажутся едва ли доступными оспариванию и которые все же не заслуживают доверия. Я имею в виду при этом и то безусловное доверие, которое принято оказывать утверждениям Полибия по военным вопросам.

Результат исследования в "Тактическом обучении" сводится к тому, что незадолго до Семилетней войны

искусный мушкетер, действуя не по команде, мог 4–5 раз в минуту зарядить свой мушкет, что плутонг мог по команде в две минуты дать 5 залпов, причем эта последняя норма повышалась чуть ли не до 3 залпов в минуту.

К этому в труде добавляется: "Надо при этом представить себе то множество приемов, которые в то время приходилось проделывать при заряжании: ружье – на правую сторону, курок – на предохранительный взвод, взять патрон, оборвать его, насыпать порох на полку, замкнуть ее, перебросить ружье на левую сторону (к ноге), не рассыпав пороха из открытого патрона, ввести патрон в дуло, высыпать начисто порох, вытащить шомпол, взять его в руку ближе к другому концу, воткнуть его в дуло, два раза с силой втолкнуть его, вложить шомпол на место и взять ружье на изготовку, т.е. в уровень с серединой корпуса, с тем, чтобы, в зависимости от последующей команды, приложиться или взять ружье на плечо, если не надо тотчас же стрелять. Каждому ясно, что проделать все это вместе с производством выстрела пять раз в минуту – невозможно".

Когда введены были цилиндрический шомпол и коническая затравка, то, по сообщению графа Гибера (1773 г.), на маневрах, следовательно холостыми патронами, удалось достичь нормы в 30 патронов за 8 S минут, т.е. 3 S выстрела в минуту. Цилиндрический шомпол, правда, обладал тем преимуществом, что его не надо было поворачивать, но, с другой стороны, как замечает и Гибер, у него были и крупные недостатки.

Устав 1779 г. требует, чтобы заряжанием и стрельбой порохом "ежедневно так долго

упражнялись с рекрутами, пока эти новички не научатся стрелять 4 раза в минуту".

По словам Беренхорста, требовалось "для заряжания и выстрела боевым патроном по меньшей мере 15 секунд", следовательно, в минуту не успевали дать полных четыре выстрела; "а холостыми патронами доходили до 6 выстрелов в минуту".

Добавлю, однако, к этому еще следующее показание:

Генерал-инспектор, генерал-лейтенант граф Ангальт во время своего пребывания в Бреславе в 1783 г. в приказе всем расквартированным в этом городе полкам (Архив Цербста) требовал, чтобы "солдат, хорошо вымуштрованный, давал в минуту 7 выстрелов и 6 раз зарядил холостыми патронами (с порохом, но без пули), а без патронов (т.е. выполняя только приемы) зарядил и выстрелил полные 8 раз".

Шарнхорст в своем руководстве ("Тактика", 1790, стр. 268) говорит, что по данным опыта воинская часть может дать новым ружьем от 5 до 6 выстрелов в минуту. Однако его собственный расчет по секундам дает лишь 5 выстрелов в минуту.

В его сочинении "О действии огнестрельного оружия", которое он выпустил в 1813 г., говорится (стр. 80), что при одном опыте, когда 10 пехотинцев выпустили один за другим 20 прицельных выстрелов, наибольшая скорость равнялась 7 S минутам, наименьшая – 13–14 минутам. А при другом опыте на 10 прицельных выстрелов потребовалось от 5 до 8 минут. Таким образом, в лучших случаях в минуту было сделано при первом опыте неполных 3 выстрела, а при втором опыте – только 2.

В чрезвычайно ценной книге

"Достопримечательные факты к характеристике прусской армии в правление великого короля Фридриха II. Из наследия прусского офицера" (фон Лоссова)(Глогау, 1826, стр. 25), говорится, что после изобретения воронкообразного затравочного шурупа достигли 6 выстрелов и 7 заряжаний в минуту. "Но так как при этом перестарались, то король Фридрих-Вильгельм II это снова отменил".

Декер (Decker. "Taktik der drei Waffen". 1883. S. 106) сообщает, что дошли до 7–8 выстрелов в минуту.

Гансауге (Gansauge. "Das brandenburg-preussische Kreigswesen". 1839. S. 132) говорит: "После Губертсбургского мира стали требовать от прусской пехоты, чтобы она давала по 4 выстрела в минуту".

Чтобы понять столь грубые противоречия в показаниях, необходимо различать между стрельбой единичного солдата и сомкнутой части, между достижениями отдельных, особо одаренных людей и средними достижениями; между стрельбой без команды и стрельбой целых частей по команде.

С точки зрения военной истории значение имеет, конечно, лишь стрельба боевыми патронами, которая протекает гораздо медленнее, чем стрельба патронами холостыми, так как в первом случае приходится еще загнать пулю. Далее следует выделить одиночную стрельбу. Дело идет о стрельбе целыми плутонгами, и притом боевыми патронами, будь то по команде или без нее.

При таких условиях отпадают некоторые из вышеприведенных свидетельств.

Бернхорст категорически говорит о 6 выстрелах лишь холостыми патронами.

Граф Ангальт также говорит лишь о холостых патронах.

Мы должны соответственно предположить, что и Лоссов, и Декер имеют в виду лишь холостые патроны.

Остается самое важное свидетельство Шарнхорста в его тактике, который, несомненно, говорит о стрельбе боевыми патронами и указывает на 5 выстрелов в минуту или даже от 5 до 6.

Свидетельству Шарнхорста противостоит показание Бернхорста, требующего для выстрела по меньшей мере 15 секунд, следовательно, в минуту – неполных 4 выстрела, и – Гансауге, свидетельствующего о 4 выстрелах. Бернхорст пишет как современник, Гансауге вступил в ряды армии в 1813 г., следовательно, мог опираться на рассказы живых очевидцев.

Спрашивается, могло ли действительно иметь такое значение изобретение конической затравки, сберегавшее время на насыпание пороха на полку, и цилиндрического шомпола, сберегавшего время на двукратное поворачивание его, чтобы поднять скорость огня с трех выстрелов (максимальная скорость ко времени Семилетней войны) до пяти?

Кто решится подвергнуть сомнению свидетельство Шарнхорста, если бы оно одно дошло до нас? Но против него – не только показания Бернхорста и Гансауге; в самом третьем издании его "Тактики", редактированном Гойером, первоначальное его показание низведено к словам: "4, максимум 5 выстрелов в минуту".

Когда Шарнхорст писал свое сочинение, он был поручиком ганноверской артиллерии. А потому я

невольно прихожу к предположению, что он был введен в заблуждение сообщением, имевшим в виду обычную учебную стрельбу.

Если, согласно его сочинению 1813 г., при еще более усовершенствованном ружье лучшие стрелки достигают 2 и не больше 3 неполных выстрелов в минуту, то надо иметь в виду, что здесь речь идет о прицельной стрельбе.

Как общий вывод можно сказать, что пруссаки вступили в Семилетнюю войну с умением выпускать от 2 S до 3 залпов в минуту без прицела; эта норма повысилась до 4 залпов после некоторых технических усовершенствований в ружье; она сохранилась до 1806 г.

Не только приходится отвергнуть показание о 10 или 8 выстрелах в минуту, но и утверждения *Козера* ("Фридрих Великий", III, 377), который останавливается на 5–6 выстрелах, и даже *Бронзарт фон Шеллендорф*, впоследствии военный министр, заходит слишком далеко в полемической статье "Ретроспективный взгляд на тактические ретроспективные взгляды" (1870 г.), когда он пишет (стр. 5): "Если мы отдадим себе ясный отчет в том, что шомпольные ружья не мешали пехоте великого короля давать в сомкнутом строю от 4 до 5 выстрелов в минуту, скорость огня, которую мы с нашим игольчатым ружьем превзошли лишь на немного, то трудно, конечно, обосновать радикальное преобразование тактики на появлении ружья, заряжающегося с казенной части".

Однако еще более грубая ошибка допущена в первом томе труда Генерального штаба о войнах Фридриха Великого, где говорится (стр. 140) о том

времени, когда удавалось выпускать лишь 2 S выстрела в минуту: "Таким образом, непрерывным упражнением удалось добиться того, что в минуту заряжали и стреляли до 5 раз, – достижение, в три раза превосходившее обычную норму и обеспечившее поэтому прусской пехоте неоспоримое преимущество".

Генерал Кемерер мне как-то рассказывал, что хорошая часть, вооруженная старыми ружьями, могла давать пять выстрелов в минуту, а один унтер-офицер, вернувшийся из стрелковой школы, вызывал всеобщее удивление тем, что он доходил до 7 выстрелов.

С ружьем Минье, которым прусская армия была вооружена незадолго перед этим, доходили только до 1 S выстрелов в минуту.

Глава IV

СТРАТЕГИЯ

Переход от стратегии средневековья к характеру мышления и к методам ведения войны нового времени разработан в сочинениях Макиавелли. Мы уже отметили, что новая форма развития начинается с возрождения тактической пехотной единицы, сражающейся холодным оружием. Лишь с этого момента появляется и стратегия в полном смысле этого слова[103].

Часто повторяемая фраза, что в средние века война была применением грубой силы, а с эпохи Возрождения она превратилась в науку, создает представления, которые, как неправильные во всех отношениях, должны быть отвергнуты. И в средние века война не была простым применением грубой силы, и после того наукой она не сделалась. Война всегда является искусством и никогда наукой сделаться не может. Отношение искусства к науке всегда может заключаться лишь в том, что искусство отдает ясный отчет в себе самом лишь путем теоретических, следовательно, научных размышлений; посредством последних оно приобретает большую способность вырабатывать своих мастеров. Мы видели, что на

тактику в ее прогрессивном развитии действительно оказывало влияние научное исследование, но, конечно, она из-за этого не обратилась в "науку". Можно ли повторить это и о стратегии, или в какой мере это возможно, – покажет дальнейший ход нашего исследования.

Уже в главе, посвященной Макиавелли, мы видели, что сущность стратегии приводит нас к центральной проблеме, проблеме двойственной формы стратегии, – стратегии сокрушения и стратегии измора; и эта проблема принудительно определяет все стратегическое мышление.

Первый естественный, основной закон всякой стратегии – сосредоточить свои силы, разыскать главные силы противника, их разбить и развивать преследованием победу до тех пор, пока побежденный не подчинится воле победителя и не примет его условий, вплоть до занятия всей неприятельской страны. Такой способ ведения войны имеет предпосылкой достаточное превосходство сил; но может быть случай, когда превосходство сил у одной стороны достаточно для того, чтобы одержать первую большую победу, и, тем не менее, оно недостаточно для того, чтобы занять всю территорию противника или хотя бы для того, чтобы осадить его столицу. Силы могут также находиться в таком равновесии,

что с самого начала можно ожидать лишь скромных успехов и что все надежды должны быть направлены не столько на то, чтобы сокрушить неприятеля, сколько на то, чтобы путем нанесения ему ударов и ущерба всякого рода довести его до такого упадка и утомления, что он, наконец, предпочтет принять условия победителя, который в этом случае должен, конечно, проявить известную умеренность. Это и есть система стратегии измора, великая проблема которой всегда сводится к вопросу, следует или нет стремиться к тактическому решению – сражению – с его опасностями и потерями, и окупят ли ожидаемые от победы выгоды риск нашей ставки? Если в одном случае главная задача полководца – употребить всю силу своего духа и всю свою энергию на то, чтобы добыть при развязке для своей армии возможно большие преимущества и довести свою победу до высшей точки, то в другом случае его соображения направляются на то, в каком месте и каким образом ему удастся особенно чувствительно ущемить неприятеля, оградив собственную армию, страну и народ от ущерба. Он будет задаваться рядом вопросов: осадить ли ему такую-то крепость, занять ли известную позицию, отрезать ли противнику подвоз провианта,

напасть ли на отделившуюся часть неприятельской армии, отвратить ли от неприятеля союзника, привлечь ли на собственную сторону союзника, и, главное, не представляется ли условий и удобного случая нанести поражение главным силам противника. Таким образом, сражение играет определенную роль и в стратегии сокрушения и в стратегии измора, но с той разницей, что в первой оно представляет единственное, все превосходящее, все прочее поглощающее средство, а во второй – лишь одно из средств, имеющихся на выбор наряду с другими. Возможность довести противника и без боя до того, что он примет условия, которых мы добиваемся, приводит в конечных своих последствиях к чисто маневренной стратегии, которая стремилась бы вести войну без кровопролития. Такая чисто маневренная стратегия представляет, однако, лишь диалектический плод фантазии, а не реальное явление в мировой военной истории. Если бы даже одна сторона и задалась целью – вести подобную войну, то она все-таки не будет знать, так же ли мыслит и противная сторона и останется ли она при этих мыслях. Поэтому призрак возможного решительного сражения всегда маячит на заднем плане даже у очень не

любящих кровопролития полководцев, и стратегию измора никоим образом нельзя рассматривать как чисто маневренную стратегию; на нее скорее приходится смотреть как на способ ведения войны, содержащий в себе внутреннее противоречив. Ее принцип – полярный или двухполюсный.

Уже в древности мы познакомились с антитезой стратегии сокрушения и стратегии измора; теперь вновь, с нарождением новой формы войны, сейчас же возникает и эта проблема. Когда швейцарцы спускались со своих гор в соседние области, у них, естественно, не было иного принципа, как возможно скорее разыскать неприятеля, его атаковать и разбить. Но именно этот принцип и мог быть обращен против них. Все знали, что они всегда стремятся поскорее попасть домой, да и их нанимателям нелегко было долгое время выплачивать им жалование. Поэтому, когда удавалось уклониться от их атаки и отсидеться на неприступной позиции, можно было надеяться выиграть кампанию без риска и без сражения. На это рассчитывал Ля Тремуйль, когда в 1513 г. он осаждал Новару и ему донесли, что на выручку осажденным приближается швейцарская: армия. Он мог бы пойти навстречу этой армии, дабы разбить ее раньше, чем она

успеет соединиться с гарнизоном Новары. Ля Тремуйль отверг эту мысль и отошел от города для того, чтобы путем маневрирования связать швейцарцев; однако они его догнали и разбили. Но скоро опыт показал, что такой победой далеко не всегда выигрывается война. Итак, целесообразно ли давать сражение? Мы видели, как сила мышления самого Макиавелли становилась в тупик перед этой проблемой и оказывалась не в состоянии ее разрешить. Логика его мышления приводила его к стратегии сокрушения; античная традиция, в лице Вегеция, рекомендовала стратегию измора. Как на практике, так и в теории последняя одержала верх. Наиболее сильное, непосредственное действие оказала победа имперцев при Павии. Взятый в плен король Франциск должен был принять по Мадридскому мирному договору самые тягостные условия. Однако по прошествии немногих лет, если не все, то существенные приобретения, доставленные этим миром победителю, снова были им утрачены, и можно было задать вопрос, окупилась ли в данном случае ставка.

Сражение при Павии в 1525 г. было последней крупной развязкой этой военной эпохи. Войны продолжались, но целые кампании протекали без

единого настоящего сражения, и когда таковое происходило, как например при Черезоле (1544 г.), то последствий оно не имело.

Для полководца, желающего избежать сражения, всегда нетрудно найти позицию, подступы к которой так затруднительны, что противник, даже при значительном численном превосходстве, предпочитает отказаться от такого дерзания. Естественные преимущества местности еще усиливаются полевыми укреплениями. Поэтому стратегическое наступление необязательно имеет своей кульминационной точкой сражение; часто оно истощается в простом выигрыше пространства, в оккупации области, которую можно использовать. Излюбленным объектом военных действий являлась осада и взятие какой-либо крепости, обладание которой уже дает возможность господствовать над целой областью и ставит противника перед задачей снова ее завоевать, если он хочет получить ее обратно при заключении мира. Все это получает тем большее распространение, чем более укрепляется в господствующем мнении сознание рискованности бросать вызов боевому счастью и чем менее оснований ожидать от противника, чтобы он силой атаковал мало-мальски крепкую позицию. Захватить такие позиции можно было

также с помощью удачного маневрирования, между тем как от непосредственного проигрыша сражения, если он не сопровождался в то же время значительными потерями земель и крепостей, неприятель мог сравнительно скоро оправиться. Ведь простая затяжка военных действий, заставляющая обе стороны нести крупные расходы, может скорее привести к намеченной цели войны, если одна из сторон раньше другой увидит дно своего кошелька и вследствие этого будет вынуждена пойти на уступки. "Ибо война, – писал в 1664 г. некий швейцарский военный писатель, – обладает большой дырой и широкой пастью, так что где конец деньгам, там и конец игре". Каждая война в сильной степени определяется экономическим моментом, ибо без снаряжения и продовольствия сражаться нельзя; войны же наемными армиями являются преимущественно войнами экономическими, ибо эти армии вообще не имеют никакой иной базы, кроме экономической. Поэтому от Макиавелли и до Фридриха мы постоянно слышим то же самое изречение: "войну выигрывает тот, у кого сохранился последний талер в кармане"[104].

Но уже Макиавелли перевернул эту фразу наизнанку, сказав, что "тот, у кого есть солдаты, может добыть себе и деньги". И то, и другое

изречение одинаково верно и неверно. Когда берут верх деньги, стратегия имеет тенденцию к маневрированию; когда же господство переходит к солдату, ее влечет к сражению. Здесь наблюдается та же самая полярность, которая дана в факте, что орудие, при помощи которого должна быть достигнута политическая цель – армия, само ставится на карту и при всех обстоятельствах подвергается более или менее тяжкому ущербу. В стратегии сокрушения считают возможным не обращать внимания на это расстройство и потери, ибо надеются, что победа даст полный успех и скорое окончание, и не страшатся возвратного удара. Но при стратегии измора необходимо самым тщательным образом учитывать свои убытки. Ибо если победа, и даже повторная победа, не приведет к окончанию войны, то возникает вопрос, не станет ли сама победа спорной из-за расходов на восстановление ущерба, понесенного армией для одержания победы. Поэтому верховные хозяйства вооруженной силы весьма часто увещевают полководцев не слишком дерзать и ставят высшей целью не положительный успех, а "сохранение вооруженных сил" (salvirung der Armada), как писал курфюрст Макс Баварский своему фельдмаршалу Мерси. Имперские министры

упрекали маркграфа Баденского, когда он отважно атаковал турок, что он легкомысленно жертвует войсками и что ему потребуются для каждой кампании новые армии. Особенно скаредным в отношении затрат своих войск было купеческое правительство Генеральных штатов; впрочем, и Фридрих в первой статье своих "Генеральных принципов", после описания великой ценности и удивительной боеспособности своей армии, говорит: "...с такими войсками можно было бы завоевать весь мир, если бы их победы не были для них столь же роковыми, как и для неприятеля".

Эти соображения имеют особливый вес в войнах, которые ведет коалиция, где победитель, понеся жертвы, в конце концов, пожалуй, бывает вынужден себе сказать, что выгоды-то достались не ему, а его союзникам; в особенности, может быть, потому, что победитель уже не располагает необходимыми силами, чтобы ограждать полностью собственные интересы.

Одним из важнейших вспомогательных средств этой двухполюсной стратегии являются полевые укрепления. Ведь уже Карл Смелый пытался прикрыть себя от швейцарцев под Муртеном и Нанси при помощи укреплений. Первое действительно современное сражение, при

Черинъоле (1503 г.) в Нижней Италии между французами и испанцами, разыгралось в борьбе за вал и ров, которые испанцы наспех соорудили перед своим фронтом. С этих пор, вплоть до падения старой монархии, полевые укрепления играли роль, и порою роль решающую. Во время гугенотских войн, когда снова появилась кавалерия, по словам де Ля Ну, каждую ночь окапывались, чтобы оградить себя на всякий случай от внезапного нападения. Густав Адольф также укреплял каждую лагерную стоянку, где его армия проводила более одной ночи. Нередко все дело зависело от того, удалось ли одной из сторон опередить на несколько часов другую и соорудить укрепления, штурмовать которые последняя уже не решалась. Сражение на Белой горе было проиграно, так как нужные лопаты не были своевременно доставлены из Праги. Даун оперировал против Фридриха не иначе как с лопатой в руках. Первоначально Фридрих был противником полевых укреплений, ибо его войска гарантировало от внезапных нападений их проворство, а сражение он всегда стремился вести наступательно, и укрепления ему могли являться только помехой. Порою он высказывается против них даже с известной страстностью[105] один из немногих вопросов, в которых он не только на

практике, но и принципиально расходился со своими современниками, – и если он все-таки указывает в своих "Генеральных принципах", что "мы укрепляем свой лагерь, как некогда древние римляне", то объясняет он это тем, что укрепления предназначались для воспрепятствования ночным предприятиям столь многочисленных у неприятеля легких войск, а также дезертирству. Для прикрытия тыла во время осады (циркумвалационная линия) король готов допустить сооружение "ретраншементов", но и в этом случае он считал лучшим двинуться навстречу идущему на выручку неприятелю. В крайнем случае, после проигранного сражения или против втрое превосходящих сил неприятеля приходится прибегать и к этому средству; таким образом, когда в 1761 г. русской и австрийской армиям наконец удалось соединиться против него в Силезии, он спасся при помощи Бунцельвицских окопов. Вероятно, в результате этого опыта он изменил свой взгляд и в своих писаниях после Семилетней войны уже принципиально высказывается за сооружение полевых укреплений[106].

Давать ли сражение, или не давать – при такой силе тактической обороны часто являлось вопросом, который решался не на месте, а на

родине правительством, хотя могли проходить дни и недели, пока запрос, донесение о положении дел и ответ могли быть доставлены туда и обратно. В 1544 г. герцог Энгиенский послал своего начальника штаба (Maotre de camp), Монлюка, из Верхней Италии в Париж к королю, чтобы испросить его разрешения дать сражение. Монлюку удалось добиться такого разрешения вопреки возражениям министров; герцог Энгиенский одержал победу при Черезоле, но победа не имела никаких последствий.

Подобные же переговоры велись во время Семилетней войны между Дауном и Веной, между русскими полководцами и Петербургом.

Типичным образчиком бессильной маневренной кампании считается кампания шмалькальденцев в 1546 г.; несомненно, что союзные протестантские государи, особенно вначале, когда у императора еще вовсе не было войск, действовали слишком робко[107]. Но уже Ранке сказал, что гневные слова Шертелина о ландграфе Филиппе – "он не хотел укусить лисицу; все броды и рвы были для него слишком глубоки, все болота слишком широки" – не следует всегда повторять. Раз уже сложились такие стратегические взгляды, какие, как мы видели, господствовали в эту эпоху, то крайне

трудно повести на крупное решительное дело армию, составленную из элементов с разнородными интересами, в которой командование не сосредоточено в одних руках. Император также, когда перевес сил оказался на его стороне, довольствовался маневрированием и в конечном счете победил не боем, а политикой, побудив герцога Морица вторгнуться в земли курфюрста Саксонского, после чего слабые союзные скрепы шмалькальденцев оказались недостаточными, чтобы удержать и сохранить объединенную армию для защиты Южной Германии. Историк этой войны, Авила, пишет по этому поводу:[108] "Императору ни разу не представлялось случая дать сражение при равных, не говоря уже при более благоприятных условиях. Однако даже при равных условиях сражения ему не следовало давать, ибо подобная победа всегда сопряжена с потерями, а ослабленная, хотя и победоносная армия не была бы в состоянии привести к повиновению Германию, особенно же города"[109].

Во время гугенотских войн происходили весьма кровопролитные сражения, однако стратегически они имели значение лишь стычек, ибо католическая партия, хотя и обладавшая значительным превосходством сил и

победоносная на полях сражения, все же не была достаточно сильна, чтобы закончить войну полным одолением противников путем захвата всех их укрепленных пунктов.

О такое же препятствие разбились и все усилия испанцев снова покорить восставшие Нидерланды.

Стратегия Тридцатилетней войны определялась крайне сложными и часто менявшимися политическими отношениями, многочисленными укрепленными городами и все еще численно слабыми по отношению к обширным пространствам армиями. Такой человек, как Густав Адольф, обладавший грандиозной дерзостью напасть из далекого, маленького королевства на императора, который только что поверг к своим ногам всю Германию, герой, обладавший таким авторитетом и инициативой, все же оказался вынужденным продвигаться лишь осторожно, ощупью, шаг за шагом. Клаузевиц называет его "ученым полководцем, преисполненным осторожных комбинаций". "Густав Адольф, – говорит он, – никоим образом не был отважным полководцем вторжения и битв; он предпочитал искусную, маневренную, систематическую войну".

Лишь по прошествии одного года и трех

месяцев после его высадки в Германии, дело дошло до решительного сражения при Брейтенфельде. Валленштейн, про "почти устрашающую энергию" которого Клаузевиц отзывается с похвалою, отмечая "граничащее со страхом преклонение перед ним всей его армии", не дал, однако, ни одного наступательного сражения. Торстенсон, наоборот, постоянно стремился к сражению, причем его стратегия принципиально не выходит, да и не могла выйти, за пределы стратегии измора. По множеству содержащихся в ней противоречий, Тридцатилетняя война чрезвычайно интересна в стратегическом отношении и представляет ряд частностей, которые еще недостаточно исследованы. Временами сила выставленных войсковых масс чрезвычайно велика; так, например, в 1627 г. император располагал 100 000 человек полностью, так же и в 1630 г. В конце 1631 г., когда снова вернулся к командованию Валленштейн, налицо было от 30 000 до 40 000 человек, а весной 1633 г. численность войск доходила до 102 000, из коих главная армия под Мюнстербергом насчитывала 43 000, к концу же кампании все еще в общем имелось 74 000[110].

Несмотря на это, действующие армии, вступающие в сражения, – малы. Соединенная

армия лиги и императора под Белой горой насчитывала около 28 000 человек; Густав Адольф вместе с саксонцами располагал под Брейтенфельдом 39 000, под Люценом – 16 300, в лагере под Нюрнбергом у Валленштейна было не 50 000–60 000 человек, как то часто указывают, а только 22 000[111]. Армии Торстенсона не превосходили 15 000–16 000 человек. Весьма значительная часть имевшихся войск расходовалась на гарнизоны бесчисленных укрепленных городов. Процент кавалерийских частей растет в полевых армиях, достигая половины и даже двух третей их. Под Янкау (1645 г.) имперцы насчитывали 10 000 рейтаров на 5 000 пехотинцев.

Театр военных действий то и дело переносится от Балтийского и Северного морей до Дуная и Боденского озера, от Вены, более того, от Семиградья до окрестностей Парижа. Оказываются осуществимыми самые длинные марши, ибо войска при их малочисленности могут содержаться за счет тех местностей, которые они пересекают, и как католики, так и протестанты всегда находят сторонников как на юге, так и на севере, предоставляющих им опорные пункты. Поэтому стратегический момент всегда в значительной мере определяется политическими

точками зрения, так что история военного искусства не в силах и не должна входить в рассмотрение частностей, за исключением необходимых для анализа отдельных, особенно выдающихся сражений.

С войнами Людовика XIV приближается новая эра для стратегии, характеризуемая всевозрастающим численным составом армий и вытекающей из этого проблемой их продовольствования. Средневековые армии были так малы, что либо можно было без особо значительных трудностей тащить за собою необходимые запасы, либо снабжение войск можно было черпать из местностей, через которые они проходили. И наоборот: из размера совершаемых походов и незначительности мероприятий в отношении снабжения войск мы должны заключать, что армии были весьма малы. С численным ростом войск мы все чаще и чаще слышим разговоры о снабжении их продовольствием[112]. В "Книге должностей" (Aemterbuch), или "Военном устройстве", сочинении, появившемся в тридцатых годах XVI столетия, очень распространенном и часто употребляемом[113], сказано: "...поколику провиант представляет очень большую и наиважнейшую вещь (Prinzipalstьck) на войне", после чего следует

тщательный перечень всего необходимого для продовольствия. Такой же перечень мы находим и в "Военной книге" герцога Альбрехта Прусского. Он говорит о войске в 90 801 бойцов и исчисляет на 5 дней 490 фур с хлебом, 383 – с салом, маслом, солью, горохом и крупой, 433 фуры со 100 бочонками вина и 1 000 бочками пива. К этому присоединяется овес на 45 664 лошади[114]. Некий нюрнбержец, принимавший участие в войне, Иоахим Имгоф, жалуется в письме из лагеря Карла V в 1543 г., что все так вздорожало, потому что солдаты прямо на улице грабят крестьян и горожан, желающих привезти что-нибудь на продажу в город; одно лишь мясо, говорит он, дешево, потому что скот отнимают силой[115]. Французская армия уже в 1515 г. возила с собою полевые хлебопекарные печи[116]. Герцог Максимилиан Баварский велел устроить в Богемии магазины для предпринятой им в 1620 г. кампании; он захватил в Линце 300 бочек муки в 70 000 мер (Metzen), для перевозки которых австрийцы должны были ему поставить 220 четырехконных подвод. Хемниц в своей "Истории Тридцатилетней войны" полон соображениями продовольствования в связи с военными операциями, и уже герцог Альбрехт отмечает значение, какое в этом деле имеют водные

пути.[117]

При Людовике XIV численность армий увеличилась втрое и даже вчетверо против Тридцатилетней войны. На первый взгляд, можно было бы предполагать, что более крупные армии должны давать возможность полководцам совершать более великие дела и господствовать над более обширными пространствами. Но если обе стороны растут в одинаковой пропорции, то наблюдается обратное явление. Более крупная армия тяжеловеснее не только вследствие громоздкости своих движений, но и потому, что она уже не может жить непосредственно, без особых мероприятий, за счет занимаемой ею территории – разве только если она очень быстро продвигается вперед и нуждается в организованном подвозе продовольствия. Эта потребность тем более обостряется, что с численным увеличением армии, как мы видели, в нее попадает много ненадежного элемента, который можно удержать под знаменами лишь при помощи дисциплины и надзора. Если предоставить таким войскам жить за счет страны, то они большей частью разбежались бы. По этой причине также регулярное снабжение армии из магазинов становится необходимым; между тем магазины налагают путы на движения войска. И

тогда следствие, в свою очередь, начинает оказывать влияние на причину: чем тяжеловеснее становятся движения армии, которая связана магазином, тем меньше она имеет возможности жить за счет страны и тем более она нуждается в помощи магазина.

По расчетам теоретиков, армия не может удаляться от своего магазина более чем на расстояние пяти переходов; посредине, в двух переходах от армии и в трех от магазина, должна находиться хлебопекарня. Выпеченный в полевых хлебопекарнях хлеб был съедобен лишь в течение девяти дней; таким образом, если обозы непрерывно циркулировали взад и вперед и если положить день на погрузку и дневку обоза, то войска могли получать свежий хлеб каждые пять дней, и оставалось еще в запасе некоторое время на непредвиденные задержки, что было крайне необходимо, ибо продолжительная дождливая погода могла сделать дороги непроездными для груженых подвод.

Вестфален следующим образом описывает положение в дождливую пору в 1758 г.: "Имея магазины и хлебопекарни под боком, армия начала испытывать нужду. Подводы с хлебом, чтобы пройти расстояние часа пути, затрачивали целые дни и ночи, да и то им приходилось по

дороге сваливать половину груза"[118].

В 1692 г. Люксембург не мог продвинуться в Бельгии до Энгиена, как он того хотел, и простоял три недели под Суаньи, так как у него не хватало подвод для того, чтобы доставлять продовольствие из Монса, где находился его магазин. Монс отстоит от Энгиена на расстоянии едва четырех миль, а от Суаньи – двух.

"Не я командую, – говорит Фридрих Великий (1745 г.), – а мука и фураж"; или в другой раз, обращаясь к маршалу Кейту (8 августа 1757 г.): "Я согласен с Гомером – хлеб делает солдата".

Одновременно с внешним ростом и внутренним изменением армий меняется и театр военных действий: срывают укрепления большинства городов и настолько укрепляют некоторые из них, что овладение ими становится возможным лишь после трудной, длительной осады. Экономия, полученная на гарнизонах, опять-таки пошла на усиление полевых армий[119].

Карл V еще имел возможность предпринимать несколько кампаний, которые приводили его из Италии, из Германии, из Нидерландов глубоко внутрь Франции. Но с тех пор как Людовик XIV при посредстве Вобана укрепил заново целый ряд пограничных городов, такие нашествия стали уже

невозможны. Подобным же образом Фридрих соорудил систему Силезских крепостей, чтобы обеспечить за собой эту вновь приобретенную им область.

Неоднократно, особенно во время командований Торстенсона, создавалась в Тридцатилетнюю войну обстановка, отчасти напоминавшая стратегическую обстановку из войн Фридриха Великого. Однако Торстенсон со своей пятнадцатитысячной армией продвигался гораздо дальше, чем впоследствии Фридрих. Сравнение это, впервые выдвинутое Гобомом в его пробной лекции в Берлинском университете[120], в высшей степени поучительно, и я к нему вернусь при исследовании стратегии Фридриха. Разница заключается не в том, отметим это тут же, что у Густава Адольфа или любого из его преемников, будь то Бернгардт Веймарский, Баннер, Торстенсон, Врангель или Карл Густав, было иное, чем у Фридриха, представление о сущности стратегии, особенно же о ценности и значении сражения в открытом поле; разница имеет единственным своим источником различие в условиях как политических, так и военных, различие в размерах, в характере и в самих боевых приемах армий.

Процесс развития заключался, таким образом,

не в том, что из эпохи преобладания маневрирования постепенно перешли к стратегии преобладания решительных сражений, но в том, что как теория, так и практика приближаются поочередно то к одному полюсу, то к другому.

В то время как до самого конца Тридцатилетней войны еще вели весьма ожесточенные бои, первые войны Людовика XIV являются чисто маневренными кампаниями. Единственное действительное сражение – при Сенеффе (1674 г.) – не было преднамеренным и осталось нерешенным, так как Конде не захотел рисковать армией и не продолжил бой. Помимо этого сражения, во время войны 1672 – 1679 гг. были только осады, марши и несколько отдельных боев.

В третьей войне Людовика (1688 – 1697 гг.) мы уже снова наблюдаем более сильное напряжение боевой энергии и разряды ее, однако единственное сражение, повлекшее за собою существенные последствия, было сражение на реке Бойне в Ирландии (1690 г.), в котором Вильгельм III одержал победу над Яковом II, что окончательно лишило Стюартов престола; а Флёрюс (1690 г.), Стеенкеркен (1692 г.), Неервинден (1693 г.), при значительной их кровопролитности, почти не оказали никакого

действия.

Как новое, ужасное средство войны, появляется систематическое опустошение целых пограничных областей Пфальца в 1689 г., чтобы затруднить неприятелю наступление на этом направлении и облегчить французам оборону крепостей, которые они намеревались удержать за собою, – Майнца и Филиппсбурга. Как ни жестока была эта мера, однако она все же не достигла намеченной цели, ибо немцы все-таки осадили и взяли обратно Майнц. В 1704 г. союзники намеревались проделать то же самое в Баварии и даже приступили к выполнению своего замысла. Принц Евгений писал: "Таким образом, я, в конце концов, не вижу иного средства, как разорить и опустошить всю Баварию и окружающие ее области окончательно (totaliter), для того чтобы на будущее время лишить неприятеля возможности продолжать (prosequieren) войну из Баварии или окружающих ее областей".

Затем идет война за Испанское наследство с ее грандиозными сражениями при Гохштедте (1704 г.), Турине (1706 г.), Рамильи (1706 г.), Уденарде (1708 г.), Мальплаке (1709 г.), результаты которых, однако, заключаются лишь в том, что французы оттесняются вновь в свои границы.

В то же самое время Карл XII пытается сокрушить своих противников все повторяющимися решительными ударами.

Во время войны за Польское наследство (1733 – 1735 гг.) напряжение боевой энергии незначительно, и война протекает без крупных решительных действий.

Тот факт, что решительные сражения, которые во время войны за Испанское наследство хотя порою и имели весьма ожесточенный характер, но представляли лишь редкое явление, а после Мальплаке уже вообще не имели места, сопоставляются со сражениями, все чаще и чаще повторяющимися со времени появления Фридриха Великого, и послужил поводом к обоснованию мнения, будто Фридриха Великого вообще не следует относить к представителям двухполюсной стратегии, а надлежит его рассматривать, так сказать, как инициатора и творца стратегии сокрушения, которая впоследствии была доведена Наполеоном до высшей точки. Это представление, как мы ниже докажем более подробно, совершенно ошибочно. Частые решительные сражения, которые характеризуют метод ведения войны Фридриха, имеют своей основной причиной не какой-либо новый принцип, но титанический склад характера

Фридриха, всегда стремившегося к великим решениям. Средство же, при помощи которого он надеялся добиться желанного решения и которое он для этой цели подготовил, это – косой боевой порядок. "С армией в 30 000 человек, – писал он, – можно победить 100 000, если взять их во фланг". Превосходящая все прочие армии Европы способность маневрировать и проворство пруссаков открывали королю возможность выполнять нужные фланговые движения, прежде чем неприятель мог защитить себя от них. Вот в этом и надо искать источник повышения тонуса традиционного военного искусства; оно и толкало короля к полюсу сражения и накладывало столь существенный отпечаток на картину Семилетней войны, отличавший ее не только от прежних кампаний, протекавших без сражений, но и от войн Густава Адольфа, Мальборо и Евгения. Тем не менее метод ведения войны Фридриха остается в границах стратегии измора и нередко толкает его назад, к полюсу маневрирования, в особенности тогда, когда противники в занятии позиций, возведении полевых укреплений и в усилении артиллерии нашли средства оградить себя от опасности внезапной фланговой атаки косым боевым порядком.

В ходе нашего изложения мы выявим и

остановимся на тех моментах, которые даже при наличии качественного, а иногда и количественного превосходства связывали короля и препятствовали ему развивать преследованием победу до принуждения противника к миру, т.е. перейти к стратегии сокрушения. Кое-что отметим теперь же.

Прежде всего укажем на чрезмерно высокий процент ненадежных элементов в его армии, который заставлял его всегда считаться с угрозой дезертирства. Его наиболее обширное дидактическое сочинение "Генеральные принципы войны" ("General-Prinzipien vom Kriege", 1748 г.) начинается с 14 правил о том, как бороться с дезертирством на войне: "Не должно становиться лагерем близ леса; во время походного движения через лес надлежит высылать по бокам пехоты гусарские разъезды; следует по возможности избегать ночных переходов; солдаты должны всегда в походе идти повзводно; при проходе через теснины, при входе и выходе их, должны быть поставлены офицеры, которые бы тотчас же снова строили войска".

Ночные атаки он запрещал самым решительным образом.

Безусловно не допускается распускать войска и рассылать их для реквизиций по стране. Лишь в

самых исключительных случаях, при быстрых маршах, Фридрих организовывал снабжение своих войск продовольствием через местных жителей. Переходы не должны были также быть слишком длинными и утомительными; иначе некоторые отставали, и такой пример мог оказаться заразительным.

С такой армией стратегическое преследование является совершенно невыполнимым. Даже непосредственное преследование сильно ограничивалось требованием поддержания порядка, являвшимся верховным законом. В диспозиции для сражения под Цорндорфом[121] категорически предписывается: "...хотя первая линия и не должна задерживаться на том рубеже, где был опрокинут неприятель, а продолжает далее наступать нормальным образом, предоставляя это второй линии", но в то же время категорически запрещается преследовать противника бегом, а надлежит "следовать за ним установленным шагом". Дальнейшее преследование принципиально производилось только отдельными отрядами, которые должны были сопровождать отступательный марш противника, висеть на его походных колоннах и отбивать у него подвозимые запасы. Но сперва производился сбор одержавшей победу армии.

Несомненно, такой полководец, как Фридрих, не мог не сознавать всего значения преследования после победы, и, особенно после Гогенфридберга и Лейтена, он старался его осуществить; однако после Гогенфридберга – совершенно безуспешно, а после Лейтена – с очень скромными результатами, хотя преследованием руководил Цитен.

Маршал Саксонский в своих "Мечтах" ("Rkveries") рискнул подняться до следующего парадокса: "...после победы все маневры хороши, за исключением благоразумных"; Фридрих же более реалистично рекомендовал осторожность именно в преследовании, ибо здесь особенно легко может последовать обратный удар[122]. "Никогда, – пишет он, – армия не бывает менее пригодной для боя, как тотчас после одержанной победы. Все решительно вне себя от радости, толпа в восторге, что избежала опасностей, которым она подвергалась, и ни у кого нет охоты снова подставлять им свой лоб".

Невозможность уничтожающего преследования в свою очередь оказывала влияние на решение – дать само сражение. Во всяком случае, риск был очень велик, потери болезненны, ожидаемые же выгоды, за невозможностью преследования, более или менее ограничены. Если

опасение внезапного поворота счастья доводило до совета строить для бегущего неприятеля золотой мост, то тем более становится ясным, что полководец нелегко приходил к такой оценке обстановки, из которой бы вытекало, что дать сражение – разумно. Когда Франциск I в 1536 г. одной выдержкой принудил Карла V, проникшего до Марселя, очистить Францию и отступить за Альпы, французы порицали короля, что он не причинил императору больше вреда при его отступлении. Впоследствии Иовий расспрашивал по этому поводу короля, и тот ему ответил, что он не вполне доверял своим ландскнехтам и придерживался принципа древних, что отступающему неприятелю не только следует построить мосты, но и позолотить их.

Фридриху чужды были такие соображения, но стратегическое наступление в условиях, в которых он находился, могло быть также только весьма коротким. Лишь однажды, и притом издалека, он демонстративно грозил неприятельской столице Вене, но как цель операции он ни разу ее не имел в виду. Прага (в 12 милях от проходов Рудных гор), Ольмюц (в 8 милях от границы Верхней Силезии) представляют действительные объекты, на которые он зарился. Уже проникновение до Брюнна, в 10 милях на юг от Ольмюца, казалось

великим предприятием, а если в 1744 г. он продвинулся на 15 миль за Прагу, до Будвейса, то он сам себе засчитывает это как ошибку.

Правда, французы во время войны за Австрийское наследство проникли в Австрию до Линца и Праги. Но их база была не во Франции, а в союзной им Баварии.

Раз стратегическое наступление лишь коротко и медленно, то из этого следует, что оно очень легко снова переходит или бывает вынуждено перейти в оборону. Наступление и оборона быстро сменяют друг друга и переходят одно в другую. Стратегическое наступление не в силах одним махом мощно и надолго овладеть положением[123].

Чуть ли не важнейшим следствием этого основного отношения является регулярно повторяющийся зимний отдых. Страдания, которые причиняет войскам зимний поход, чрезвычайно тяжелы. К потерям, вызываемым тягостными условиями и болезнями, присоединяются потери от повышенного дезертирства, когда ненадежные наемники усмотрят, что к ним начинают предъявлять чрезмерные требования. Если полководец рассчитывает, что в продолжение военных действий он достигнет конца – заключения мира,

то он открыто идет на эти потери. Если же он не может рассчитывать добиться мира, то он взвешивает, не окажутся ли эти потери больше, чем ожидаемые выгоды, а так как этот подсчет производят обе стороны, то военные действия понемногу замирают, и противники расходятся по зимним квартирам, причем главные силы обеих сторон несколько удаляются друг от друга и обеспечивают себя от внезапного нападения наблюдением и выставлением сторожевого охранения, а иногда даже заключают между собою договоры о ненападении в течение определенного срока. И сражение при Люцене, и сражение при Лейтене определялись мыслью о зимних квартирах. И Валленштейн, и Карл Лотарингский – оба полагали, что кампания на этот год уже закончилась, когда пришло известие, что неприятель приближается; тогда, не имея никакого собственного положительного плана сражения, заняли войсками оборонительную позицию (6 ноября и 5 декабря).

Не только до декабря, но даже до января, случалось, затягивали кампанию, чтобы добиться того или другого преимущества. Новая кампания нередко открывалась только в июне, когда можно было найти подножный корм для лошадей. Зимние походы, которые все же порою имели

место, должны рассматриваться как явления исключительные[124]. Зимним отдыхом пользовались для того, чтобы во всех отношениях восстановить армию, а именно, чтобы набрать, завербовать волей или неволей новых рекрутов (если находились в неприятельской стране, то и там) и вымуштровать их так, чтобы их можно было поставить в строй к началу будущей кампании. У полков не было особых запасных частей для подготовки пополнений; их функции возлагаются, так сказать, на зимний отдых, причем получалась та выгода, что можно было сразу выставить в поле всех боеспособных людей.

Во всякой войне огромную роль играет элемент, не поддающийся расчету – случай, а способность своей решительностью властвовать над этим темным элементом неизвестности составляет существеннейшее качество полководца. Особенную силу приобрел этот момент в эпоху Фридриха Великого, благодаря тому, что растянутые тонкие линии пехоты были чрезвычайно хрупки. Сражение могло быть решено в самый короткий срок, в одно мгновение. Не представлялось никакой возможности затягивая бой, выиграть время для подтягивания подкреплений, исправления ошибок или выхода из боя без существенных потерь[125].

В редких случаях местность бывает настолько открыта, чтобы полководец мог ее вполне обозреть; в ней могут скрываться препятствия – пруды, болота, скаты, – которые разорвут его диспозицию, разрушат построение войск и приведут к проигрышу сражения. Должен ли он поставить себя в зависимость от этих случайностей? Такое решение чрезвычайно трудно принять. Ниже я приведу тому несколько примеров.

Даже тогда, когда неприятель сделает ошибку или вообще представится благоприятный случай дать сражение, использовать такой случай было все же очень трудно в эпоху Фридриха, ибо сражения при линейной тактике требовали законченного, сомкнутого развертывания и потому не могли быть сразу, без приготовлений, импровизированы. Если Соор и Росбах являются сражениями импровизированными, то именно поэтому на них и следует смотреть как на особое доказательство гениальности царственного полководца и тактической выучки его войска.

Сделаем краткий обзор взглядов теоретиков, начиная с XVI и кончая XVIII столетием.

Дюбелле в 1535 г. советует полководцу никогда не отваживаться на сражение, если он не убежден совершенно, что преимущества на его

стороне. В противном случае, он должен выжидать.

Лазарус Швенди (род. в 1522 г., ум. в 1584 г.) рекомендует на войне играть наверняка и даже при хороших шансах не слишком рисковать. "Тот, кто может или заставить неприятеля голодать, или, имея силу на своей стороне, перетерпеть его, поступит неразумно, если он поставит свою ставку на сражение. Тот же, кто воюет с сильнейшим противником, с которым он долго тягаться не может, тот, наоборот, должен действовать наудачу и ставит свою ставку на сражение". "Тот, кто ограничивается обороною, может много проиграть и мало выиграть".

Испанец *Мендоса* поучает в 1595 г.: "Далее следует тщательно следить за тем, чтобы не сделать первого шага к сражению, разве к этому принудит крайняя необходимость, и чтобы не сразу ввести в дело все свои эскадроны; в противном случае, одержав победу, не очень-то придется ей радоваться, так как обошлась она дорого и потери были большие: но надо медленно, обдуманно и словно с тяжелым грузом на ногах подбираться к сражению".

Вильгельм Людвиг Оранский советует своему двоюродному брату Морицу в 1607 г.:[126] "Мы должны так вести свои дела, чтобы они не были

подвержены случайностям сражения"... "вступать в бой не иначе, как под давлением крайней необходимости". При этом он ссылается на Фабия Максима перед сражением при Каннах.

Дилих в "Военной книге" *(Dilich*. "Kriegsbuch", 1607 г.) предостерегает: "Никогда не подвергать себя без крайней нужды и без полной уверенности в успехе случайностям сражения как исходу неизвестному и сомнительному, ибо лучше ничего не завоевать, чем потерпеть урон и что-нибудь утратить". Он, однако, не хочет сказать, что совершенно не следует давать сражений; это было бы глупостью. "Но можно с успехом сражаться, сотворив молитву, в благоприятное время года, когда от сырого воздуха порох не делается сырым, когда враг утомлен, а сами мы свежи, или вообще, когда к тому представляется благоприятная обстановка".

Де Билльон в 1612 г. ("De fьrnehmsten Hauptstьcke der Kriegskust") рекомендует полководцу: "Никогда не вести своих солдат в сражение, не испытав несколько раз и не узнав их основательно перед этим, лучше пусть он, наступая и обходя неприятеля, утомит его, осилит и превозможет, чем доверится неверному счастью сражения, которое – столь опасное дело, что в него пускаться можно лишь под давлением

крайней необходимости и лишь после того, как солдаты будут приучены и закалены в стычках и опасностях, ибо сражение – своеобразная (sembliches?) игра, попадая в которую новички очень теряются (entsessen befinden).

"Конде де Бюкуа можно поставить в заслугу то, что он неохотно ведет своих солдат на бойню", – прославляет некий памфлет 1620 г.[127]

Неймайер фон Рамсла, весьма плодовитый военный писатель времен Тридцатилетней войны, ставит вопрос: когда же следует давать сражение, и перечисляет 55 оснований для этого. Между прочим, "когда убеждаются, что нет другого способа помочь делу".

Монтекукули (род. в 1609 г., ум. в 1681 г.) пишет: "Тот, кто полагает, что может не вступая в сражения одерживать успехи и завоевать что-либо значительное, тот сам себе противоречит или, по меньшей мере, высказывает такое курьезное мнение, что оно поневоле вызывает насмешку. Правда, я знаю, что знаменитей генерал Лазарус Швенди утверждал, что никогда не следует отваживаться на бой и что он продвигается, действуя лишь оборонительно и до известной степени воруя у противника свои успехи. (Так уж далеко Швенди не заходил в своей осторожности!) Но стоит войскам это заметить, как велик будет их

страх, как велика станет дерзость неприятеля! На худой случай необходимо быть готовым дать сражение и удержать за собою поле, на котором оно будет иметь место. Правда, никогда не следует легкомысленно и самонадеянно решаться на сражение, и еще менее – позволять себе его навязывать, но надо ловить удачный для него момент. Фабий Кунктатор отнюдь не бежал от сражения, но он хотел вступать в него лишь тогда, когда он имел обоснованные надежды на победу". А в другом месте (I, 328) мы у него читаем: "Тот, кто выигрывает сражение, не только выигрывает кампанию, но и большой кусок территории. Поэтому, лишь бы полководец сумел вступить в бой в хороших условиях, и ошибки, которые он раньше сделал в маневрировании, ему простятся; если же он погрешил против учения о сражениях, то, хотя бы он и в остальных подробностях проявил себя с хорошей стороны, все же не довести ему до конца войны с честью".

Тюренн однажды дал Конде совет: лучше наносить возможно больше вреда противнику в боях в открытом поле, чем осаждать и брать города.

Даниель Дефо в своем "Essay on projects" (1697 г.) утверждает, будто еще во время английской гражданской войны придерживались

правила: "Бей врага, где бы ты его ни встретил"; теперь же оно гласит: "Никогда не вступай в бой без очевидных преимуществ". Поэтому и войны затягиваются на долгое время, и в результате лучше всего выдерживает войну не тот, у кого самый длинный меч, а у кого самый тяжелый кошелек.

В журнале военных действий *маркграфа Людвига Баденского* за 1694 г. об одной операции сказано: "Его светлость твердо решил, в случае, если к тому будет охота у противника, вступить с ним в решительный бой. Таким образом, этим желанием дали понять неприятелю, что предпочитают решиться на бой, чем ввергнуть в пучину гибели и без того обессиленное отечество". Результатом были несколько рекогносцировок [128].

Фёкиер (род. в 1648 г., ум. в 1711 г.) написал "Военные достопримечательности" ("Militdrische Denkwьrdigkeiten"), которые Фридрих Великий ценил так высоко, что он велел их раздать своим офицерам для чтения и оглашать отрывки из них кадетам во время обеда. Его собственные военные писания нередко тесно примыкают к Фёкиеру. Последний пишет: "Поколику сражения являются главными действиями армии и нередко решают исход всей войны, а почти всегда – исход кампании, то таковые надлежит давать не иначе,

как когда требует того крайняя нужда и когда на то имеются важные причины. Основания к тому чтобы стремиться встретить врага и дать ему сражение следующие: когда его превосходят числом и качеством войск; когда среди неприятельских генералов царят разногласия, либо когда они преследуют разные интересы или малоспособны и проявляют неосмотрительность; когда надо выручить осажденную крепость; когда можно опасаться, что войско рассеится, если этого не предупредить достигнутым успехом; далее, когда неприятель ожидает подкреплений; когда уже достигнуты известные успехи и, наконец, когда надеются сразу покончить с войной одним сражением. Наоборот, следует избегать столкновения, если можно опасаться, что победа принесет меньше пользы, чем поражение ущерба; если не равняешься с неприятелем ни численностью, ни качеством войск; когда сам ожидаешь подмоги, когда неприятель занял выгодную позицию или когда имеешь основание надеяться, что, затягивая дело и избегая сражения, добьешься того, что неприятельская армия рассеится".

Испанский *маркиз де Санта-Круз* (род. в 1687 г., ум. в 1732 г.), написавший обширное военное сочинение ("Размышления"), говорит в

нем "о тех условиях, при которых следует искать сражения". Ни численное, ни качественное превосходство войск, полагает он, не являются верным средством против тех разнообразных случайностей, которые может вызвать поражение. "Нет ничего более неизвестного, чем исход сражения". "Не следует отваживаться на сражение, если позиция не является чрезвычайно выгодной, либо если вы не достаточно точно осведомлены о численности обеих армий".

Принц Евгений отзывался с одобрением об этом теоретике, а Фридрих причислял его к "классическим" авторам военной литературы.

Маршал Пюисегюр (род. в 1654 г., ум. в 1743 г.) в своем сочинении "Art de la guerre" (изданном его сыном в 1748 г.), которое высоко ценили за систематичность изложения, все же не обсуждает принципиально вопроса о том, когда следует давать сражение. Но для его взглядов характерно то, что он сопоставляет Тюренна как полководца с Цезарем и не замечает различия по существу между стратегией первого и второго.

Фолар (род. в 1669 г.) написал, а Фридрих включил в извлечение, которое он сделал, следующую мысль: "Величайшие античные и современные полководцы никогда не считали врагов, но лишь спрашивали, где они находятся,

чтобы пойти прямо на них и вступить с ними в бой"[129].

Граф Кхевенгюллер (род. в 1683 г., ум. в 1744 г.), австрийский фельдмаршал, написал "Краткую концепцию всех военных операций" ("Kurzer Begriff aller militdrischen Operationen"), в которой он развивает основания к тому, чтобы дать сражение или избегать его. "1. Надежды на победу. 2. Снятие осады с города. 3. Прийти на помощь корпусу, подвергающемуся атаке. 4. Из-за недостатка продовольствия или израсходования других необходимых предметов. 5. Чтобы не дать времени неприятелю получить подкрепление. 6. Использовать преимущество над противником, когда он в походе подставляет, например, свой фланг, при переходе его через теснины или когда он разделил свои силы и по иным каким причинам. Причины уклоняться от сражения: 1. Так как полученный от проигрыша сражения урон будет больше, чем та выгода, которую может дать победа. 2. Так как неприятель превосходит нас силами. 3. Так как не все наши силы в сборе. 4. Так как неприятель занимает выгодную позицию. NB. Неприятель нередко сам гибнет, благодаря недостаткам в том или другом или раздорам в генералитете". А в другом месте он пишет: "Когда полководец умеет заставлять

противника перемещаться и вертеться с одной позиции на другую, из одной лагерной стоянки в другую и когда он способен улавливать во всем благоприятный момент, чтобы разгромить его, тогда становится понятным, в чем заключается военное искусство".

Популярность стратегии измора особенно ясно выступает наружу в различных замечаниях Фридриха Великого. Они волнообразно протекают через всю его жизнь, приближаясь то к одному полюсу, то к другому.

Перед сражением при Гогенфридберге (1745 г.) он пишет, что должен дать сражение, так как у него не остается другого исхода.

В письме маршалу Саксонскому (3 октября 1746 г.) он признает свою вину, что благодаря своему слишком смелому продвижению вперед он проиграл кампанию 1744 г.; но, наученный горьким опытом, он этого впредь не повторит. "Фабий всегда может стать Ганнибалом; но я не думаю, чтобы Ганнибал мог следовать методу Фабия".

В "Генеральных принципах войны" (1748 г.) мы читаем в главе "Когда и где следует давать сражения": "...сражения решают судьбу государства; раз ведешь войну, то рано или поздно приходится доходить до решительных моментов,

или чтобы выпутаться из затруднительного положения, созданного войной, или чтобы поставить в него неприятеля, или чтобы покончить со спором, который иначе никогда не окончится".

"Благоразумный человек никогда не должен предпринимать ни одного шага, не имея к тому основательной побудительной причины; еще менее должен командующий армией давать когда-либо сражение, не преследуя тем какой-либо важной цели".

"Итак, мотивы, ради которых дают сражение, таковы: дабы принудить неприятеля снять осаду с принадлежащей вам крепости или прогнать его из какой-либо провинции, которой он завладел; далее – чтобы проникнуть в его собственную страну или чтобы осадить его крепость, или, наконец, чтобы сломить его упорство, если он не хочет заключать мира, или также чтобы наказать за сделанную им ошибку".

"Принуждают неприятеля к бою тем, что делают форсированный марш, через что заходят ему в тыл и отрезают его от того, что позади него, либо тем, что угрожают какому-либо городу, сохранением которого он очень дорожит. Но, проделывая со своей армией такого рода маневр, надлежит остерегаться и очень беречься, как бы

самому не попасть в такое же неудобное положение, заняв такую позицию, где противник, в свою очередь, может вас отрезать от ваших магазинов".

"Ко всем этим правилам я еще добавлю, что войны наши должны быть коротки и энергичны, ибо нам не годится затягивать дело, так как длительная война незаметно расшатывает нашу превосходную дисциплину и уменьшает народонаселение (depeuplieren) страны, истощая наши ресурсы... Словом, в делах, касающихся баталий, надлежит следовать правилу еврейского синедриона: лучше, мол, чтобы умер один человек, чем чтобы погиб весь народ".

В его "Военном искусстве" ("Art de guerre", около 1750 г.) мы читаем (X, 268):

> Без важных причин никогда не начинайте боя,
> В котором смерть пожинает столь страшную жатву.

В его сочинении "Мысли и общие правила, касающиеся войны" ("Pensйes et rigles gйnйrales pour la guerre"), написанном, вероятно, уже в предвидении надвигавшейся грозы, мы не находим прямого совета искать решительных сражений. Напротив, в статье о планах кампаний говорится, что хороший план кампании может решить исход войны благодаря тем

преимуществам, "которые вам дают либо ваши вооруженные силы, либо время, либо позиция, которой вы успеете раньше овладеть". "Хорошим планом кампании, – говорится дальше, – является тот, при котором мало чем рискуя, вы подвергаете неприятеля опасности все потерять".

В 1753 г. Фридрих велел изготовить для своих офицеров то извлечение из большого сочинения Фолара, о котором мы упоминали выше, и сам написал к нему введение, в котором сказано, что существует лишь немного классических сочинений, по которым можно было бы изучать военное искусство. "Цезарь в своих комментариях учит нас почти не большему, чем то, что мы наблюдаем в войнах панду ров; его поход в Британию мало чем отличается от такой войны, и современный генерал мог бы почерпнуть у него разве только построение его кавалерии при Фарсале". Это изречение звучит так бессмысленно, что сразу и не знаешь, как к нему подойти. Когда же попытаешься его понять, то распознаешь в нем реакцию ясного практического ума, не дающего себя связать путами легенд, против ложного доктринерства. Теоретики того времени, как мы видели раньше, хотели насильно втиснуть Цезаря в схему стратегии измора. Фридрих заметил, что этого сделать нельзя; он

чувствовал ошибку, но, естественно, источника ее найти не мог и реагировал на ту неловкость, которую в нем вызывало это сознание, своим сравнением с пандурами.

В написанных им осенью 1759 г. размышлениях о военном таланте и характере Карла XII мы читаем, что король во многих случаях мог бы обращаться поэкономнее с человеческой кровью. "Конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение; но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть, когда неприятель проявляет небрежность в расположении лагеря или в организации марша или когда решительным ударом его можно принудить согласиться на мир. Впрочем, твердо установлено, что большинство генералов, которые легко ввязываются в сражение, лишь потому прибегают к этому средству выпутаться из положения, в какое они попали, что не умеют найти другого исхода. Далеко не ставя им это в похвалу, мы скорее усматриваем в этом признаке отсутствие гениальности".

В своем предисловии к "Истории Семилетней войны" король называет метод Дауна "бесспорно хорошим" и тут же продолжает: "...генерал будет не прав, если он решится атаковать неприятеля,

занявшего горную позицию или расположившегося на пересеченной местности. Под давлением обстоятельств я иногда вынужден был прибегать к этому крайнему средству. Но когда ведешь войну с равными силами, можно достигнуть верных преимуществ хитростью и искусством, не подвергая себя столь великим опасностям. Накопляйте много мелких преимуществ, их сумма составит вам большой плюс. К тому же атака хорошо защищенной позиции – задача тяжелая; легко быть отброшенным и разбитым. Победы добьешься ценой потери пятнадцати-двадцати тысяч человек; а это пробивает серьезную брешь в армии. Рекруты, предполагая даже, что у вас их достаточно, заменяют численно, но не качественно тех солдат, которых вы потеряли. Ваша страна обезлюживается, обновляя армию; армия вырождается, и если война затягивается на долгий срок, то, в конце концов, вы оказываетесь во главе толпы плохо обученных, плохо дисциплинированных мужиков, с которыми вы едва осмеливаетесь показаться на глаза неприятелю. В тяжелом положении можно смело освободиться от правил, но одна лишь крайняя необходимость может нас заставить прибегнуть к отчаянным средствам подобно тому, как больным

лают рвотное, когда нет иного лекарства. Но, за исключением этого случая, по-моему, надлежит действовать впредь с большей осторожностью и руководясь лишь правильным расчетом, ибо на войне искуснее тот, кто меньше всего оставляет на произвол случая".

Те же мысли, но с еще большим подчеркиванием выгод маневренной стратегии, развивает король пять лет позднее в своем военном завещании (1768 г.) "Большая ошибка, – говорит он здесь, – полагать, что сражения в открытом поле не представляют такого же риска, как сражения на укрепленных позициях. Пушки наносят ужасные опустошения на равнине, и плохо то, что когда вы атакуете неприятеля, все его батареи уже расставлены и он может открыть по вашим войскам огонь, а вы еще только устанавливаете свои орудия; это – колоссальная разница". Следующую войну с австрийцами он повел бы следующим образом: "Я бы начал с того, что завоевал столько территории, сколько мне необходимо для доставки продовольствия; это мне позволило бы жить за счет неприятеля; захваченная территория должна позволить мне выбрать удобную местность для ведения военных действий; я поспешил бы укрепить свою оборонительную линию, прежде чем неприятель

успеет ко мне приблизиться. Я бы велел рекогносцировать местность во всех направлениях на такое удаление, на какое можно разослать партизанские отряды; я бы распорядился произвести топографические съемки всех тех участков, которые могли бы служить лагерными стоянками для неприятеля, а также снять планы всех дорог, которые к ним ведут. Таким путем я добыл бы себе сведения о местности, и мои карты указывали бы мне доступные и неприступные позиции, которые австрийцы намеревались бы занять. Я бы не стал стремиться завязывать общие бои, ибо позицию можно захватить лишь с большими потерями, да и преследование в гористой местности не дает решительных результатов; но свой лагерь я бы охранял надежным образом; я бы укрепил его как можно тщательнее и направил бы все свои замыслы на то, чтобы основательно бить все отдельные неприятельские отряды, ибо уничтожив какой-нибудь отделившийся от главных сил корпус, вы вносите смятение во всю его армию, а раздавить 15 000 человек гораздо легче, чем разбить 80 000; между тем рискуя меньшим, вы достигаете почти таких же результатов". Атаковать неприятеля на хорошей позиции почти то же, что стремиться вести мужиков с дубинами

против вооруженных солдат.

В своих "Проектах кампании" ("Projets de campagne") 1775 г. король пишет: "Никогда не давайте сражения с единственной целью победиту неприятеля, а давайте их лишь для проведения определенного плана, который без такой развязки не мог бы быть осуществлен".

Мы не встречаем у короля таких выражений, которые указывали бы на то, что он выходит из пределов полярности стратегии измора. Французский министр Шуазель, французский уполномоченный при австрийской главной квартире Монтазе, австрийский министр Кауниц и сам император Франц неоднократно высказывали принцип, что вся задача в том, чтобы сокрушить армию Фридриха (это можно бы счесть за уклон к стратегии сокрушения). Император Франц писал своему брату Карлу Лотарингскому (31 июля 1757 г.): "Мы не должны думать о завоевании страны, а лишь об уничтожения его армии, ибо стоит только ее привести к погибели, как земли сами попадут к нам в руки". У Фридриха таких выражений мы нигде не найдем. С другой стороны, генерал Ллойд и другие выдвигали в эту эпоху положение, будто можно вести военные операции с геометрической точностью и непрерывно воевать, ни разу не оказываясь в

необходимости дать сражение. Такой концепции мы тоже не встречаем у Фридриха. К полюсу сражения в своей стратегии он приближается, когда говорит, что войны Пруссии должны быть короткими и энергичными и что судьбу войны решают сражения; но, в свою очередь, он приближается к маневренному полюсу, когда, характеризуя свои сражения как отчаянное средство выйти из тяжелого положения, он повторяет фразу, что давать сражения есть признак неискусности, и вместо сражений рекомендует ориентироваться на захват отдельных отрядов.

Однако было бы грубой ошибкой видеть в этом раздвоении противоречие с самим собою. У Макиавелли, одновременно провозглашающего принципы стратегии сокрушения и стратегии измора, действительно, мы наблюдаем неразрешимое противоречие. Фридрих же совершенно ясно и бесспорно стоит на точке зрения стратегии измора, в существе которой заложено, что в зависимости от обстоятельств, а пожалуй, даже в зависимости от одного лишь настроения, то тот, то другой образ действия подчеркивается или применяется. Сам Фридрих неоднократно говорил, что он следует тем самым принципам, коих держались великие французские

полководцы – Тюренн, Конде, Катина, Люксембург или принц Евгений и Леопольд фон Дессау[130]; к этому перечню мы можем добавить всех полководцев и всех теоретиков, начиная с Вегеция, за исключением одного лишь Макиавелли, который все время находился в противоречии с самим собою.

Если искать теоретическое различие между Фридрихом и его современниками, то его можно найти в том, что Фридрих в зените своей военной деятельности, между 1757 – 1759 гг., больше приблизился к полюсу сражения, чем большинство других. Нельзя сказать – более, чем все. Ибо, как мы видели, в отдельных замечаниях многие шли даже дальше, чем он.

Но чистая теория была склонна давать предпочтение маневрированию. "Баталия, – говорит саксонский устав 1752 г., – важнейшая и опаснейшая военная операция. В открытой стране, лишенной крепостей, проигрыш ее может оказать такое решающее действие, что на нее редко можно отважиться и никогда ее нельзя рекомендовать. Венец искусства великого полководца – добиться конечной цели кампании хитроумным и уверенным маневрированием, не подвергая себя опасности".

В мае 1759 г., по наущению короля, принц

Генрих Прусский вторгся во Франконию и разрушил магазины имперской армии. При этом Рецов замечает, что этот успех "должен был быть ценнее для короля, чем выигранное сражение. Ибо после такового разбитый, но предприимчивый полководец может вновь собрать столько же сил и отомстить за понесенный им позор; между тем как после полной потери всех необходимых запасов сколько-нибудь значительная операция немыслима".

Тактика всех родов войск со времени Ренессанса до Фридриха Великого подвергалась целому ряду изменений, придававших ей от эпохи к эпохе совершенно новый облик. Плотные, глубокие квадратные колонны пехоты превратились в тонкие линии; грузные рыцари на могучих конях, стремившиеся вести бой наподобие турнира, превратились в сомкнутые кавалерийские эскадроны, идущие в атаку карьером; артиллерия по числу и действительности огня усилилась в сотни раз. Стратегия же за эти три столетия осталась в основных своих чертах тою же. Когда Гюичиардини нам повествует о том, как перед сражением под Равенной в 1512 г. испанский вице-король маневрировал, чтобы прикрыть города Романьи от французов и преградить

последним путь в Рим, какую роль при этом играло снабжение провиантом, как, наконец, дело дошло до сражения и как крупная победа, одержанная французами, в конечном счете не оказала никаких длительных последствий, – то все это с таким же успехом могло быть рассказано про любую кампанию XVII или XVIII столетия.

Для появления новой стратегии понадобилось, чтобы политический облик мира в целом подвергся глубокому, коренному изменению.

Глава V

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ СРАЖЕНИЯ

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГОХШТЕДТЕ[131]
13 августа 1704 г.

Превосходство сил Людовика XIV в начале войны за Испанское наследство было так велико, что он имел возможность выдвигать идею сокрушения, подобно Наполеону. В союзе с курфюрстом Баварским, Максом Эммануилом, можно было строить план соединения армий, наступающих через Италию и Германию, для прямого удара на Вену.

Однако противники в конечном результате получили перевес, так как Мальборо с англо-голландской армией двинулся против воли своего правительства к Дунаю.

Долгое время здесь маневрировали друг около друга. Правда, союзники нанесли баварцам тяжкий удар, взяв штурмом Шелленберг, что позволило им переправиться через Дунай, у Донаувёрта; однако добиться решительного сражения было тем труднее, что на обеих сторонах командование было не объединено: на

одной стороне – Мальборо и Людвиг Баденский, к которым еще присоединился с третьей армией Евгений Савойский; на другой стороне – курфюрст Макс Эммануил и французский маршал Марсен, к которым еще примкнул Таллар с третьей армией.

Когда франко-баварские войска заняли неприступную позицию под Аугсбургом, союзникам, несмотря на их значительное численное превосходство, ничего другого не оставалось, как систематически опустошать баварские области, дабы понудить бедственным состоянием населения курфюрста пойти на соглашение.

Но так как курфюрст продолжал стойко держаться, то казалось, что дело клонится к тому, что армия Мальборо должна быть наконец отозвана на свой собственный театр. Но, чтобы все же еще что-нибудь сделать, было решено осадить Ингольштадт особо выделенным корпусом. Когда же франко-баварцы произвели контрдвижение, Евгений и Мальборо решили использовать этот момент и атаковать их на их новой позиции прежде, чем они успеют укрепить ее. "Плохое состояние наших дел, – писал Мальборо, – понуждает нас принять такое смелое, чтобы не сказать отчаянное, решение".

Сущность стратегии измора ярко выступает наружу в этой фразе, тем более что союзникам достаточно было бы притянуть к себе предназначенный для осады Ингольштадта корпус в 14 000 человек, чтобы располагать значительным превосходством сил (62 000 против 47 000). Полагали, что они отказались от этих 14 000 человек только ради того, чтобы избавиться от командовавшего ими Людвига Баденского, с которым два остальных полководца плохо уживались. Эта мотивировка, весьма спорная сама по себе, опровергается тем, что сначала для командования осадным корпусом намечался Евгений. В эту эпоху мы еще встретим не один пример того, как значительные отряды, выделенные для второстепенных целей, устранялись от участия в решительном сражении.

Союзные полководцы одержали победу лишь при незначительном численном превосходстве сил, главным образом благодаря лучшему командованию. Франко-баварцы были застигнуты наступлением врасплох и еще не успели закончить своих полевых укреплений. Позиция их была не лишена известных выгод. Евгению не удалось продвинуться против неприятельского левого северного крыла, которое он должен был охватить, и, когда первые его атаки были

отражены, энергичная контратака и переход в наступление имели бы значительные шансы на успех. Ведь еще с Марафона мы знаем, что нет более сильной формы боя, как оборона, переходящая в надлежащий момент в наступление. Но для этого нужен великий полководец. Французский маршал Таллар, командовавший на решительном участке – в центре, не только не был таковым, но и не мог распоряжаться войсками своих коллег, которые должны были принять участие в наступлении. Все сражение было рассчитано ими лишь на одну пассивную оборону, для чего деревни Блиндхейм (Бленхейм) и Оберглаухейм были заняты так сильно, что для наступления не оставалось никаких резервов[132].

При этих обстоятельствах хладнокровному, проницательному Мальборо удалось после первых отбитых атак произвести перегруппировку войск, прорваться со значительно превосходящими силами между обеими деревнями и разгромить неприятельский центр; после этого войскам, занимавшим эти деревни, он стал угрожать и с тыла и мог их оттуда атаковать; гарнизон Блиндхейма в результате капитулировал. Заслуживает внимания, что как под Шелленбергом, так и под Гохштедтом атака

последовала в то время, когда обороняющаяся сторона еще была занята сооружением полевых укреплений.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТУРИНЕ [133]
7 сентября 1706 г.

Французы осаждают Турин и прикрывают осаду армией, выдвинутой вплоть до реки Эч и озера Гарда. Принц Евгений собирает несколько более сильную армию, обходит французов, маневрированием заставляет их податься назад и форсированными маршами (260 километров за 16 дней, при частых контактах с неприятелем) идет по южному берегу По на Турин. Герцог Моденский снабжает его некоторым количеством провианта. Одновременно с ним к Турину прибыли под начальством герцога Орлеанского и французы, которые должны были его отразить еще на Эче, и теперь обе армии приблизительно равны: около 40 000 человек в каждой.

Французы при этих условиях чувствуют себя недостаточно сильными для того, чтобы двинуться навстречу пришедшей на выручку армии и атаковать ее, одновременно продолжая осаждать Турин. Они стараются прикрыть себя от пришедшего на выручку войска при помощи

полевых укреплений – циркумвалационной линии.

Армия Евгения, продвигаясь с юга, обошла кругом блокирующую город армию и дошла до того участка на северо-западной стороне, где циркумвалационную линию только что начали сооружать, но закончить ее еще не успели. На этот-то участок между двумя притоками реки По – Дорой и Стурой – было направлено наступление 30 000 человек. Обороняли этот участок только 12 000–13 000 человек. Шестью последовательными линиями[134] тремя пехотными и тремя кавалерийскими – повели союзники атаку, и, наконец, прорвались, когда они открыли, что правый фланг французов можно было обойти по мелкому руслу Стуры и охватить его с тыла. Тут весь фронт был опрокинут фланговым ударом; вылазка туринского гарнизона, в свою очередь, ударила неприятелю в тыл и отрезала путь бегущим.

Разбиты были только войска герцога Орлеанского, но когда беглецы хлынули к осаждавшим город войскам, которыми командовал Ля Фёлльяд, то последние, охваченные паникой, побросав большую часть орудий, отступили во Францию, утратив всякую боеспособность.

Если бы Ля Фёлльяд поддержал герцога

Орлеанского хотя бы с помощью 6 000 человек из своего осадного корпуса так, чтобы последний мог образовать резерв, едва ли австрийская атака увенчалась бы успехом. Между тем Ля Фёлльяд не верил, что неприятель действительно решился атаковать укрепленную линию, а предполагал, что он только маневрирует, чтобы отрезать осаждающим подвоз провианта; к тому же он ожидал в ближайшее время падения крепости, которое составило бы его личную заслугу, и не хотел ни на одном пункте ослабить осаду. Со своей стороны, маршал Марсен, советник молодого герцога Орлеанского, не решался энергично выступить против Ля Фёлльяда, который был зятем Шамильяра, военного министра и министра финансов, и мог ему повредить при дворе. Таким образом, французы проиграли сражение благодаря недостатку единства и предусмотрительности командования, еще большему, чем в сражении при Гохштедте. Наоборот, на другой стороне оба полководца, принц Евгений и его двоюродный брат герцог Савойский, действовали в образцовом согласии. Принц Евгений, свободный от каких-либо эгоистических побуждений, даже запретил, чтобы в донесении о победе упоминалось его имя.

Из этого поражения французов теоретики

вывели заключение, что принципиально ошибочно пытаться прикрывать осаду от подошедшей на выручку армии циркумвалационной линией. Точное исследование событий показывает, что такой вывод неправилен, ибо циркумвалационная линия не была непосредственно взята штурмом, но была обойдена. Все мужество пруссаков под командой Леопольда фон Дессау оказалось бы, вероятно, бессильным без этого обхода. При хорошем руководстве и осуществлении оборона циркумвалационной линии могла бы быть проведена с таким же успехом, как некогда под Алезией, а решение двух савойских кузенов – отважиться на атаку укреплений, имея совершенно перевернутый фронт, – нельзя не признать как акт величайшей стратегической смелости, истинного вызова судьбе.

1708 год

Победа Мальборо при Рамильи в 1706 г., довершенная им грандиозным преследованием, отдала Бельгию в руки морских держав. Однако в 1707 г. дальнейших изменений не произошло, и в 1708 г. французы при помощи жителей, озлобленных управлением голландцев, снова захватили Брюгге и Гент. Даже победа под

Уденардом (11 июля 1708 г.), одержанная при помощи счастливого налета Мальборо[135], не внесла существенных перемен. Хотя английский полководец предложил вторгнуться внутрь Франции, что даже было истолковано как намерение повести наступление на Париж, но сам Евгений высказался против такого плана, а голландцев склонить к нему никогда бы не удалось, а Мальборо в письме своему другу, лорду Годольфину, в котором он пишет об этом (26 июля)[136], рисует всю безнадежность похода на Париж: "...жители укрылись бы со своим имуществом в укрепленные города, пришлось бы идти по пустыне между размещенными в шахматном порядке рядами крепостей. Если бы мне только удалось выманить неприятельское войско на драку!" Главная выгода от победы при Уденарде заключалась в моральном потрясении неприятельской армии.

Таким образом, несмотря на понесенное ими поражение, французы сохранили за собою Фландрию и удержались в Брюгге и Генте, а союзники, не имея возможности атаковать французов на их укрепленной позиции, решили осадить Лилль, т.е. оставили у себя в тылу главную армию французов. До глубокой зимы тянулась осада города, а после взятия города –

еще его цитадели. Огромная французская армия стала приближаться; она обошла вокруг осаждавших, отыскивая место для атаки, но в конце концов убедилась в неприступности окопов, за которыми укрылись осаждающие, – их циркумвалационной линии. Попытки перехватить подвоз, чтобы принудить противника снять осаду, также не удались, и когда пал Лилль, то союзники вновь вернули себе Фландрию с Гентом и Брюгге.

Тон всей кампании задает именно успешно проведенная осада, а не предшествовавшее ей сражение в открытом поле, которое совершенно неправильно оценивают, когда подчеркивают, что оно имело место с перевернутым фронтом и, следовательно, рассчитано было на безусловно решительный исход. Хотя Мальборо и остался несомненно победителем, хотя к тому же подходила и армия принца Евгения и была уже близко, хотя сам он охотно дал бы новое сражение, все же Мальборо ни на этот раз, ни позднее не чувствовал себя способным во что бы то ни стало добиваться решения и использовать достигнутый тактический успех для полного уничтожения неприятельской армии. В данном случае мы имеем дело с кампанией стратегии измора большого масштаба при величайшем напряжении сил обеих сторон. Снова союзники

выиграли ее благодаря командованию – согласие, царившее между Мальборо и Евгением, с одной стороны, и разногласие французских командующих – с другой: наследник престола, молодой герцог Бургундский, к которому был приставлен маршал Вандом, и в дополнение к ним еще третий самостоятельный вождь – герцог Бервик. При этих условиях постоянно приходилось испрашивать указаний короля, который даже требовал, чтобы "не принималось никакого важного решения без его приказа". При таком управлении, конечно, развитие событий могло быть только очень медленным, что в свою очередь почти совершенно исключало возможность вызывать крупные решительные действия, а союзникам дало возможность вести осаду, несмотря на близость подстерегающей их главной неприятельской армии. Решают здесь не сражения, а позиции и полевые укрепления, без того чтобы дело дошло до боя.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАЛЬПЛАКЕ [137]
11 сентября 1709 г.

Лилль был пограничным городом, лишь в последние 40 лет вошедшим в состав Франции. Однако после его утраты Франция была настолько

истощена, что Людовик готов был не только отказаться от самой цели войны, великой испанской монархии для своего внука, но даже и от Эльзаса.

Но союзники предъявляли к нему требования, настолько затрагивавшие его честь, что он решился продолжать борьбу и выставил на театре войны еще более сильную армию, чем в предшествовавшую весну. Стратегическое задание для этой армии не могло быть иным, как продолжать тянуть оборонительную войну, а союзники, со своей стороны, не ставили себе никакой другой задачи, кроме взятия других пограничных крепостей подобно тому, как они в минувшем году взяли Лилль. Они сперва овладели Турне, а затем обратились против Монса; обе эти крепости, входя в состав Бельгии, находились еще во владении Людовика. Маршал Виллар, ставший во главе французской армии, не имел возможности воспрепятствовать падению Турне; когда же союзники обратились против Монса, он поспешно двинулся вперед и имел возможность атаковать Мальборо в то время, когда Евгений, стоя на другой стороне крепости, был слишком далеко, чтобы оказать ему непосредственную помощь. Но, конечно, Виллар не был так точно осведомлен о делах в лагере противника;

Мальборо имел дерзость даже подойти к нему немного навстречу: неужели можно было поставить на карту последнюю армию Франции? Это совершенно противоречило бы мыслям и намерениям короля. Поэтому Виллар удовлетворился тем, что занял у деревни Мальплаке позицию, которая была настолько близка к крепости, что союзникам сперва чадо было его из нее выбить, чтобы продолжать осаду. Позицию, саму по себе не очень благоприятную, стали спешно укреплять, и союзники дали французам для этого целых два дня, дабы стянуть все силы, которыми они располагали для решительного боя. В конечном счете у них и оказался перевес – 110 000 человек против 95 000 французов.

Сражение было задумано как столкновение, долженствующее быть решенным на одном крыле; значительно превосходящими силами предполагалось атаковать и охватить левое крыло французов, в то время как в центре и на правом крыле меньшими силами должен был вестись затяжной бой. Передают, что накануне после полудня несколько союзных генералов, между прочим и прусский кронпринц (Фридрих-Вильгельм I), завели разговор с французскими генералами, длившийся более часа,

что будто бы дало им возможность разведать французские укрепления. Едва ли можно предполагать, что они при этом высмотрели что-либо важное, но сама встреча и беседа перед фронтом развертывающихся для сражения армий характерны для воинского духа той эпохи: сама война и сражения представлялись своего рода потенцированным турниром.

Задуманный план сражения провести не удалось. Французская позиция представляла промежуток в три километра между двумя лесами. Леса перед фронтом и на флангах мешали наступлению атакующей стороны, но и маскировали ее. Союзники направили через северо-западный лесной участок сильную обходную колонну, которой, однако, не пришлось действовать. По-видимому, она сбилась в лесу с дороги и могла принять участие лишь в конце сражения в качестве подкрепления для этого крыла. Таким образом, атака, направленная на этот левый фланг французов, не могла развиться против сильных укреплений, воздвигнутых ими; когда же командовавший на левом крыле союзников принц Оранский увлекся и вместо того чтобы вести затяжной бой повел энергичное наступление своими ничтожными силами, он был так отражен, что во власти французов было

окончательно его опрокинуть путем контратаки. Но те самые укрепления, которые представляли столько преимуществ для обороны, мешали переходу в атаку, и храбрый маршал Буфлер, командовавший здесь, не решился на такой переход в наступление в сражении, задуманном как чисто оборонительное. Таким образом, союзникам в конце концов все же удалось понемногу оттеснить французов, так что они все-таки оставили поле сражения.

Однако, непрерывно штурмуя французские окопы, союзники потеряли не менее 30 000 человек убитыми и ранеными, а французы, потерявшие не более 12 000 человек, отошли от поля сражения на расстояние не более одной мили и заняли там новую позицию. Они уже не могли помешать осаде и падению Монса, но ценой этой утраты они протянули войну на целый год и к концу года находились в лучшем положении, чем в начале его. Мальплаке с тактической точки зрения было несомненной победой союзников; стратегически же, как, по-моему, было верно замечено, если рассматривать всю кампанию в целом, победителями остались французы. В этом имеется внутреннее противоречие, но жизнь вообще полна противоречий, а стратегия измора – в особенности.

1710–1713 годы

Мальплаке – последнее большое сражение в войне за Испанское наследство. Война тянулась еще четыре года; в это время осаждали и брали небольшие пограничные крепости, причем сперва перевес был на стороне союзников, затем, когда англичане и голландцы отделились от императора и заключили сепаратный мир, перевес оказался уже на стороне французов. Под конец они даже снова переправились через Рейн, осадили и взяли Фрейбург, чему Евгений не мог помешать.

1741 год[138]

Фридрих, неожиданно вторгшись в Силезию, овладел ею и стоял на верхне-силезской границе, когда австрийцы под начальством Нейпперга с неслыханной дерзостью появились среди пруссаков, пройдя по ненаблюдаемой дороге; опираясь на находившиеся еще в их руках крепости Нейссе и Бриг, они преградили путь отступления главным силам под начальством самого короля.

У Фридриха, как он впоследствии писал Леопольду фон Дессау, не оставалось иного средства, как атаковать неприятеля. Пехоты у

пруссаков было вдвое (18 000 против 9 800), а артиллерии почти втрое больше (53 орудия против 19), кавалерия же их была значительно слабее (4 600 против 6 800)[139].

Вследствие такого превосходства в кавалерии исход сражения при Мольвице (10 апреля) некоторое время был сомнителен; австрийская конница смела с поля сражения прусскую, и "...старые офицеры, – как пишет Фридрих в своих воспоминаниях, – предвидели приближение момента, когда оставшийся отряд принужден будет сдаться, расстреляв имевшиеся патроны". Чтобы спасти по крайней мере короля, фельдмаршал Шверин уговорил его покинуть поле сражения, попытаться объехать по дуге австрийский фронт и пробраться к прусским войскам, которые стояли далее на север – в Силезии. Когда же король, по-видимому, сильно взволнованный, удалился, Шверину удалось снова двинуть в наступление пехоту и артиллерию, и австрийцы были вынуждены отступить перед превосходством их непрерывного перекатного огня. Хотя австрийская кавалерия и разбила прусскую, но при этом она сама пришла в слишком большое расстройство, чтобы пойти в атаку против сохранившей твердый порядок прусской пехоты.

То обстоятельство, что правое крыло пруссаков было выдвинуто впереди левого, по-видимому, не оказало влияния на ход сражения. Несмотря на понесенное им поражение, Нейпперг освободил Верхнюю Силезию от пруссаков и продержался там в течение всего лета, опираясь на крепость Нейссе, а Фридрих, несмотря на то что превосходство его сил дошло до 60 000 человек против 25 000, не решился еще раз его атаковать; но Фридриху не удалось и путем маневрирования вытеснить противника из его укрепленной позиции; поэтому он попытался расширить политические рамки войны: он поднял против Марии Терезии французов, а как только последние прибыли, он заключил с Нейппергом тайное словесное перемирие в Клейн-Шнеллендорфе, согласно которому после 14-дневной притворной осады ему была сдана крепость Нейссе и обещала была Нижняя и Средняя Силезия[140].

В труде Генерального штаба действия Нейпперга подвергаются весьма строгой критике, а Фридриху расточаются похвалы за то, что он однажды сделал переход в четыре мили и с самого начала построил свои операции на намерении добиться решительного сражения. Нейпперга укоряют в том, что он всецело придерживался

рамок старой школы. Очевидно, эта критика находится под сильным влиянием прусского патриотизма. По правде сказать, Нейпперг со своими слабыми силами сделал все в пределах человеческой возможности.

Нельзя не удивляться, как удалось Нейппергу выйти под Мольвицем на путь отступления пруссаков. Фридриху удалось уже выскользнуть из охваченного района, когда (9 апреля у сел. Погарел) он назначил дневку; Нейпперг воспользовался этим днем, чтобы пройти до Мольвица и снова преградить дорогу пруссакам. Как на причину своей остановки, король в письме к Дессау и в своих воспоминаниях ссылается на то, что в сырую, снежную погоду он не рассчитывал на возможность использовать свою пехоту, т.е. огнестрельное оружие. По счастью, на следующий день погода была ясная и солнечная, и мы видим, что действительно огонь пехоты сыграл решающую роль. В труде Генерального штаба все эти обстоятельства, в особенности марши, изложены неправильно.

1742 год

Если бы пруссаки при своем значительном численном превосходстве разгромили армию

Нейпперга в Силезии и затем предприняли марш на Вену, к ним, вероятно, присоединились бы и французы, и Вена была бы взята. Но так как пруссаки держались сдержанно, то силы французов были слишком слабы для такой операции; тем не менее, они двинулись на Прагу и взяли ее. Тогда и Фридрих, нарушив Клейн-Шнеллендорфское соглашение, снова двинулся вперед. Казалось, близился раздел Австрии. Богемия должна была достаться Баварии, а Моравия – Саксонии. Французский маршал Брольи составил грандиозный план, согласно которому австрийская армия, стоявшая между Табором и Будвейсом, должна была подвергнуться одновременной атаке со всех сторон. Однако Фридрих уклонился от этого, произвел лишь движение в направлении Моравии, где не было неприятельских войск, и открыл тайные переговоры с Австрией, так как он вовсе не желал способствовать тому, чтобы это государство распалось и вместо него увеличилась Саксония[141], а Франция зазналась бы. Этот зимний поход представляет тот стратегический интерес, что на нем мы убеждаемся, что современник Фридриха действительно был способен при наличии благоприятных обстоятельств задумать и предложить план в духе

стратегии сокрушения, что именно Фридрих его по политическим соображениям отклонил.

Сражение при Хотузице (17 мая 1742 г.) развивается при тех условиях, что австрийцы пытаются произвести внезапное нападение на маневрирующую взад и вперед прусскую армию, и в результате – отражены[142].

Тогда Мария Терезия, чтобы отвлечь Фридриха от французов, решается, сверх обещанного по Клейн-Шнеллендорфскому соглашению, уступить ему и Верхнюю Силезию.

1744 год

После того как Пруссия снова отделилась от коалиции, а англичане пришли на помощь австрийцам, французы были прогнаны за Рейн, и казалось, что им придется даже вновь отказаться от Эльзаса. Тогда прусский король в третий раз взялся за оружие, захватил Прагу и проник даже в Южную Богемию. Австрийцы должны были уйти из Эльзаса, но они не атаковали пруссаков непосредственно, а появились на севере от них и перерезали их коммуникационную линию. Со своей стороны, Фридрих не был в состоянии разрубить узел сражением. Правда, у него было почти 20 000 человек кавалерии, но пройти по

стране мелкими партиями и разведать местоположение неприятеля эта кавалерия не была способна. Фридрих долгое время оставался без всяких сведений, и когда, наконец, перед ним оказался неприятель, его позиция показалась ему чересчур выгодной, чтобы ее атаковать. Он вернулся в Силезию, потеряв свой провиантский обоз, очистил, бросив тяжелые орудия, также и Прагу; при отступлении его армия едва не развалилась. Солдаты дезертировали толпами. Без единого сражения, почти даже без более или менее серьезного боя, Траун одержал блестящую победу. И Фридрих взял за правило – никогда не вторгаться так глубоко в неприятельскую страну.

Труд Генерального штаба и особенно доклад майора фон Рёслера ("Mil. Wochenbl.", 1891, Nachtr. Bd 3) придают большое значение планам наступления короля 1741 – 1744 гг., которые преисполнены духом стратегии сокрушения. Верно то, что в эти годы король теоретически ближе всего подходил к полюсу сражения, т.е., если угодно, к стратегии сокрушения. Однако очень многого ему все же недоставало. Нигде неприятельская армия у него не указывалась как специфический объект наступательных действий. Лишь в совершенно неопределенной форме, без малейшей попытки хотя бы подойти к

исполнению, появляется план наступления на Вену. В 1744 г., когда намечалось соединение всех союзников и победа над австрийцами в Южной Богемии, далее все же следует не немедленное движение на неприятельскую столицу, стоявшую всего лишь на удалении 20 миль, а зимние квартиры; возобновление же похода на Вену откладывается до будущего года. При всем этом весьма вероятно, что Фридрих не так уж серьезно останавливался на этих широких замыслах, так как он не имел никакого намерения развалить Австрию и в действительности уклонялся от крупных, решительных действий даже тогда, когда их ему предлагали французы.

Неверное понимание стратегии Фридриха, положенное в основание труда Генерального штаба, естественно, порождает в частностях новые ошибки. То и дело приходится извращать или вуалировать факты; наконец, логическая последовательность приводит к тому, что намечавшееся прославление превращается в порицание, ибо не хватает уже уловок для того, чтобы подогнать Фридриха под предвзятую схему. В отношении кампании 1744 г. это прекрасно изложено Максом Лейцке (Max Leitzke. Neue Beitrdge zur Geschichte der preussischen Politik und Kriegsfьnrung i. J. 1744, Гейдельбергская

диссертация, 1898 г.); автор защищает короля от обвинений, выдвинутых против него в труде Генерального штаба.

1745 год

Если бы австрийцы использовали свой успех 1744 года и продолжили военные действия в течение зимы, то трудно себе представить, как бы Пруссия могла спастись. Но зимняя кампания превосходила моральные силы и материальные возможности австрийцев, и Фридрих выиграл время для восстановления своей армии и использовал его с неутомимой энергией. На этот раз он предоставил неприятелю стратегическую инициативу и решил смыть позор маневренного поражения, понесенного им в предыдущем году, победоносным сражением. Его верный министр Подевильс настойчиво уговаривал его не вверять судьбу государства неверному исходу одного сражения. Однако король ему заявил, что другого выхода для него нет; сражение, мол, то же, что рвотное для больного. Он мог предполагать, что австрийцы с наступлением весны попытаются вторгнуться в Силезию, и при этих условиях он рассчитывал использовать те выгоды, какие ему доставляли пограничные горы. Вместо того чтобы

пытаться запереть отдельные горные проходы (напоминаю при этом то, что я еще в первом томе говорил, по поводу Фермопил, относительно замыкания горных проходов), он решил оставить проходы открытыми и встретить австрийцев в Силезии. За горами же он установил тщательное наблюдение и принял подготовительные меры на всех путях, по которым могли пойти австрийцы. Все дороги и мосты были осмотрены, а войска распределены так, чтобы они могли в самый скорый срок сосредоточиться у выхода того горного прохода, из которого появилась бы соединенная австро-саксонская армия.

В свое время австрийцы пытались под Хотузицем застигнуть пруссаков врасплох, совершив ночной марш. Попытка их успехом не увенчалась, так как они недооценили всех трудностей развертывания армии на ночном марше. Лишь около 8 часов утра начали они атаку, а к этому времени пруссаки уже давно заметили их приближение, оказались на месте, и отряд под начальством самого короля, который только что был затребован назад с довольно значительного удаления, оказался настолько близко, что еще успел вступить в бой и решить исход сражения в пользу пруссаков. Между тем Фридрих принял заранее такие меры под

Гогенфридбергом (4 июня), что уже в 4 часа утра он имел возможность атаковать левое крыло неприятельской армии. К 9 часам утра сражение было в основном закончено, и неприятель отступал уже по всему фронту через горы.

Успех был полный и обусловливался всецело блестящим руководством царственного полководца. Стратегическая идея, тщательная подготовка, решительность в выполнении – все оказалось на высоте положения. Лишь со времени этой победы слагается репутация Фридриха как полководца. При Мольвице победы еще добился за него Шверин; под Хотузицем он прекрасно руководил действиями своих войск, но это еще не так бросалось в глаза, да и вообще австрийцы оспаривали свое поражение. 1744 год закончился полной неудачей. Между тем Гогенфридберг озарил его сиянием славы, которое отныне уже не должно было померкнуть. При этом нельзя сказать, чтобы королю облегчили триумф какие-либо особые промахи со стороны противника. Правда, чтобы оградить себя от нечаянной атаки, австрийцам следовало бы еще с вечера своего прибытия занять некоторые высоты и захватить в свои руки переправы через Стригауский проток. Но австрийцы спустились с гор и прибыли на место бивака лишь с

наступлением темноты и едва успели ознакомиться с окружающей местностью. Пожалуй, можно было ускорить переход через горы; но ведь сперва надо было оглядеться, не стоят ли пруссаки у самого подножия гор, чтобы отдельные части армии не попали прямо в объятия неприятеля. А если бы решили провести ночь в горах, с тем чтобы на следующий день более коротким переходом заблаговременно спуститься на равнину, то опасность была бы тем больше, что пруссаки, от которых начало движения не могло укрыться, тотчас же атаковали бы войска при выходе их из ущелья. Мысль, что пруссаки уже на следующее утро до восхода солнца окажутся со всеми своими силами на месте и смогут сразу перейти в наступление, едва ли могла прийти в голову австрийскому полководцу Карлу Лотарингскому. Именно в создании этой неожиданности и сказались в действиях прусского короля его гениальность и творчество. Как принято превозносить инициативу в стратегии! Сражение при Гогенфридберге показывает нам, насколько все подобные принципы имеют чисто относительное значение; Фридрих одержал стратегическую победу именно потому, что он переложил на плечи противника инициативу и предоставил ему повести стратегическое

наступление, а что это он сделал не из недостатка в нем наступательной энергии, а из мудрого расчета, доказывает нам само выполнение операции.

Три перехода сделал Фридрих по следам отступающего неприятеля. И на этом снова наступила остановка военных действий. Австрийцы заняли выгодную обеспеченную позицию за реками Эльба и Адлер, а пруссаки простояли лагерем целое лето, почти 4 месяца, против них, и дело не дошло до сколько-нибудь значительного боевого столкновения. Мы видим, как в конечном счете ничтожны были, при тогдашних условиях, материальные плоды даже такого крупного тактического успеха, каким являлся для той эпохи Гогенфридберг. Фридрих уже к моменту этого сражения располагал не меньшими силами, чем объединенные австрийцы и саксонцы (в круглых цифрах 60 000 человек); потеряв 4 800 солдат, он нанес им урон в 14 000–16 000 человек и 80 орудий и, следовательно, стал уже значительно сильнее противника. Если бы он был приверженцем стратегии сокрушения, он непрерывно проследил бы уже потрясенного неприятеля и постарался бы его снова атаковать как можно скорее. Так как австрийцы потеряли 2/3 своей артиллерии и

располагали теперь лишь 41 орудием против 192 у пруссаков, то для современного критика даже атака адлер-эльбинской позиции показалась бы возможной, а если нет, то эту позицию можно было бы обойти. Однако король был далек от этой мысли, в особенности потому, что в предшествующем году уже изведал на опыте, как опасно для армии, подобной его, глубоко вторгаться в неприятельскую страну и отрываться от собственной базы снабжения. Его интендант фон дер Гольц настоятельно предостерегал его даже, чтобы он вовсе не переходил через горы и вообще не продвигался вперед по богемской территории, так как он не мог доставлять вслед ему припасы на крестьянских подводах[143].

Прошло не слишком много времени, и стратегическая инициатива снова перешла к австрийцам. Фридрих должен был ослабить свои силы отсылкой части войск в Верхнюю Силезию и Марку, которым угрожали саксонцы. Австрийцы же вновь усилились. Их легкие войска с успехом препятствовали фуражировкам пруссаков. В сентябре Фридрих отходит назад к Судетским проходам, но раньше, чем он успел отступить, принц Карл сделал еще одну попытку разбить его наголову. Пруссаки численностью всего лишь в 22 000 человек стояли в лагере у Соора между

обоими проходами – Траутенау и Находом; австро-саксонская армия в 39 000 человек имела над ними значительный перевес.

Принц Карл составил план внезапного нападения на пруссаков в том стиле, как это имело место под Хотузицем и Гогенфридбергом. Осторожно к ним приблизились и попытались еще ночью развернуться перед их лагерем. Утром, около 5 часов (30 сентября), король получил первое донесение. Но, как всегда, он уже был на ногах, и все его генералы были в сборе вокруг него, чтобы получить от него приказания на день. Он тотчас понял, что отступление уже невозможно, так как в распоряжении пруссаков были только узкие дороги, пролегающие среди лесов и скал, а главная дорога на Траутенау уже была в сфере действий австрийцев. Спасение могло дать лишь наступление. Тут же на месте отдан был приказ о развертывании со сдвигом к правому флангу, чтобы этим крылом, построенным в две линии, атаковать, в то время как левый фланг, построенный лишь в одну линию, пока что должен был в бой не ввязываться. Со всей той быстротой, которую делала возможной прусская дисциплина, были приведены в исполнение приказания короля.

Если бы австрийцы со своей стороны перешли

в это мгновение в наступление всеми своими превосходящими силами, то едва ли прусской армии удалось бы удержаться. Беренхорст писал впоследствии: "...пруссаки победили назло искусству", на что Шарнхорст возразил: "...они победили во славу искусству". Принц Карл, хотя и стремился произвести внезапное нападение на пруссаков в их лагере, но не намеревался их непосредственно атаковать, предполагая, что они будут поспешно отступать и что во время этого отступления ему представится случай их уничтожить. Уже легкие войска австрийцев оказались на противоположной стороне прусского лагеря, ворвались в него и начали его грабить, причем добычей их стал и весь личный багаж короля; а последний в это время вводил свои войска в бой. Эта-то безусловная решимость вступить в бой и доставила пруссакам победу, в то время как осторожность австрийского полководца привела его к потере сражения[144].

Так как сами австрийцы только еще развертывались и сначала хотели выждать, какое действие окажет их внезапное появление, то они дали возможность развиться наступлению пруссаков; австрийская кавалерия, стоявшая тесно сомкнувшись на возвышенности, даже позволила прусской кавалерии себя атаковать, стоя на месте,

вместо того чтобы двинуться ей навстречу. Пруссаки ее опрокинули, и продолжавшееся наступление их со стороны этого крыла поддержало их атаку с фронта; австрийский центр также оказался разбитым, а правое крыло начало отступать.

Подобно Гогенфридбергу, Соор является делом руководства, решимости и дисциплины; стратегический успех при Сооре оказался еще более ничтожным, чем под Гогенфридбергом. Обе победы означали спасение от крайней беды и опасности, и больше ничего. Здесь мы наблюдаем совершенно удивительное и невообразимое, с точки зрения стратегии сокрушения, зрелище; победитель, после того как он, чести ради, пробыл еще несколько дней на поле сражения, начинает отступать. Фридрих ушел в Силезию, а австрийцы, после своей неудачи, вернулись в лагерь, который они занимали до нее.

Это их даже не отпугнуло от того, чтобы спустя несколько недель снова предпринять крупную попытку перехода в наступление. Саксонцы предложили им вместе с ними провести операцию против Бранденбурга через Лузацию, а Берлин находился от тогдашней саксонской границы на расстоянии лишь трех переходов. Фридрих перехватил это движение фланговым

ударом из Силезии в Лузацию (21 ноября) и приказал старику Дессау, стоявшему под Галле с прикрывающей армией, двинуться теперь со своей стороны на саксонцев.

Таким образом, сложилось крайне удивительная стратегическая ситуация. Принц Карл с австрийской армией спешит из северного угла Богемии на помощь саксонцам. Прусский король стоит на северном берегу Эльбы, вблизи Дрездена, но он не идет через Лейпциг на соединение с приближающимся Дессау, а посылает ему на помощь только 8 500 человек под командой генерала Левальда через Мейссен. Сам он считал нужным сохранять связь своих главных сил с Силезией и прикрывать магазины и дорогу на Берлин. Когда же Леопольд фон Дессау атаковал саксонцев впереди Дрездена при Кессельдорфе (15 декабря), австрийцы уже были непосредственно за ними. Через несколько часов могло бы произойти соединение обеих армий, и тогда Дессау грозила бы неминуемая гибель. Фридрих осыпал его жесточайшими упреками, и они до сих пор повторяются в новейших сочинениях, почему, мол, он не продвигался быстрее и сделал крюк на своем пути через Торгау. Однако точная проверка данных показала, что старый фельдмаршал все время действовал в

согласии с обстановкой и полученными им инструкциями и что расхождение между его пониманием обстановки и пониманием короля вызвано было исключительно дальностью расстояний, медленностью сообщений и сложностью создавшегося положения[145]. То, что при совместных действиях с разных сторон создаются трения, – явление неизбежное. Фридрих мог избежать опасности, если бы, в предвидении верной победы, он отказался на несколько дней от обеспечения сообщений и задач по прикрытию провинций и не ограничился бы посылкой корпуса Левальда, а повел бы всю свою армию у Мейссена через Эльбу на соединение с войсками Дессау. Если бы Дессау был разбит (а у него были только-только равные силы с противником), Фридрих, как он впоследствии писал в своих воспоминаниях, тотчас возобновил бы сражение, поставив разбитые батальоны во второй линии. В данном случае приходится признать, что Фридрих проявил себя не только как приверженец стратегии измора, но и как полководец, связанный в своих действиях ее принципами. Если возможно было впоследствии соединить обе армии, то это показывает, что значение второстепенных мотивов, препятствовавших такому соединению перед

сражением, им переоценивалось. Исход сражения был на лезвие ножа. Будь оно проиграно, критика не пощадила бы короля Фридриха и не должна была бы его щадить. Сам он достаточно часто высказывал принцип, что для сражения надлежит стягивать все находящиеся под рукою силы. Тем не менее, сам он не только в данном случае, но, как мы дальше увидим, и впоследствии действовал наперекор этому принципу, и не только он: то же мы слышали и о Евгении, и о Мальборо под Гохштедтом. Ведь дело именно в том и заключается, – какие силы считают небезусловно необходимыми в другом месте, чтобы привлечь их к участию в сражении. Эти основания совершенно иначе расцениваются полководцами двухполюсной стратегии, чем полководцами стратегии однополюсной. Этим-то и объясняется поведение Фридриха при Кессельдорфе[146]. Переоценил ли он в данном индивидуальном случае основания для удержания своей армии, является вопросом второстепенного интереса.

ФРИДРИХ И ТОРСТЕНСОН

Сравним только что очерченные кампании Фридриха с некоторыми кампаниями

Торстенсона[147].

Торстенсон, приняв командование над шведской армией в Старой Марке, внезапно выступил в поход (1642 г.), прошел через Силезию до Моравии, завоевал Глогау и Ольмюц, занял эти крепости гарнизонами, снова отошел назад и разбил имперскую армию под Лейпцигом (2 ноября 1642 г.).

В следующем году он снова предпринял поход в Моравию, вернулся, не добившись сражения, и, согласно распоряжению своего правительства, отправился сокрушать Данию. Имперцы, под начальством Галласа, последовали за ним до самой Голштинии. Торстенсон, маневрируя, оттеснил их снова назад и вторгся в Богемию с намерением остановиться (eine Post zu fassen) на Дунае, а затем снова пробиться к своей базе (zu seiner Correspondenz-Linie zurьcke zu arbeiten). Имперцы собрали все свои войска; к ним примкнули и саксонцы, и баварцы, последние – под командой Иоганна фон Вёрта, и дело дошло до сражения при Янкау (6 марта 1645 г.). Силы с обеих сторон были приблизительно равны: имперцы, под начальством Гацфельда, насчитывали 5 000 пехоты, 10 000 кавалерии при 26 орудиях; шведы – 6 000 пехоты, 9 000 кавалерии и 60 орудий. С обеих сторон дрались с

величайшей храбростью. Шведы одержали победу благодаря продуманному, уверенному командованию, а имперцы приняли сражение на местности, неблагоприятной для того рода оружия, в котором у них был перевес, – для кавалерии, и некоторые их генералы по собственному усмотрению действовали наперекор распоряжениям главнокомандующего[148].

Торстенсон подошел к самым воротам Вены, взял предмостное укрепление, Волчьи Шанцы, и обе крепости Корннейбург и Кремс на Дунае. Но для того чтобы взять саму Вену, он с своими 15 000 человек был слишком слаб; также и четырехмесячная осада Брюнна не привела к желанному результату. Кремс оставался в руках шведов несколько месяцев, Корннейбург – полтора года, а Ольмюц – до конца войны. Таким образом, Торстенсон достиг своей цели "задеть императора за живое" (dem Kaiser recht ins Herz zu greifen), но для того чтобы непосредственно принудить его к заключению мира, этого оказалось все-таки недостаточно. Торстенсон так же, как и Фридрих, сознавал себя лучшим бойцом и стремился к решению борьбы сражением, но так же, как и Фридрих, после сражения оказывался не в состоянии развить его результаты так, чтобы оно привело к окончанию войны. Оба они умеют

действовать лишь по принципам стратегии измора; Торстенсон при этом заходит дальше, чем Фридрих; последний, однако, скорее достигает цели. Чем же это объяснить?

Мы уже видели, что армия Торстенсона была гораздо подвижнее армии Фридриха как по причине своей небольшой численности, так и благодаря составу, в котором преобладала кавалерия. Однако была еще другая причина, почему Торстенсон мог оперировать и продвигаться смелее, чем Фридрих. Последний сознавал, что если его армия будет уничтожена, погибнет и его государство. Вот почему в 1741 г. он не навязал сражения противнику, отсиживавшемуся на крепкой позиции, в 1742 г. – давал сражение лишь в целях обороны, в 1744 г. – решился продвинуться только до Будвейса и снова очистил Богемию без боя, в 1745 г. – несмотря на одержанную победу при Гогенфридберге, остановился, сделав три перехода. Торстенсон отважился дать сражение в сердце Богемии и продвинуться до самого Дуная, ибо в крайнем случае он рисковал своей армией, а не государством. Такие соображения были еще у шведского сената, когда Густав Адольф отправлялся за море, что потерянная в Германии армия не может существенным образом ослабить

обороноспособность Швеции, ибо у последней еще остаются в запасе 30 больших кораблей и народная милиция[149]; о таких же соображениях сообщает и Хемниц перед сражением при Брейтенфельде:[150] "Монархия – так далеко, к тому же за морем, что она не подвергается большому риску и ей нечего бояться какого-либо особого несчастия". Более скорое достижение успеха Фридриха поэтому не может быть объяснено одними его военными достижениями; надо учесть его политические успехи. Мария Терезия была готова уступить ему после полутора лет борьбы большую, богатую провинцию, чтобы получить возможность защищаться от других более сильных противников. Вот где – в соединении политики со стратегией – надо искать разгадку Фридриха в эпоху первых Силезских войн. Когда говорят, что политика и стратегия Фридриха в то время характеризуется тенденцией – отнюдь не затяжная война, короткие, сильные удары, и затем при первой возможности выгодный мир, – то эта фраза скорее выражает благое пожелание короля, чем обрисовывает его образ действия. Где те короткие, сильные удары, которые он будто бы наносил?

Под Мольвицем он должен был дать сражение потому, что он был отрезан; под Хотузицем он сам

подвергся атаке; под Соором его снова атаковали; одни лишь Гогенфридберг и Кессельдорф представляют такие короткие и сильные удары. Мир, заключенный после 1745 г., отнюдь не был выгодным миром, а лишь закрепил фактическое обладание. И для правильной оценки Фридриха как стратега необходимо не упускать из виду, что основная идея, с которой он начинает свою великую карьеру, – идея политическая, а его смелая и в то же время осторожная стратега" служит ему лишь вспомогательным средством для ее осуществления.

ТЮРЕНН

Одновременно с Торстенсоном командовал в Тридцатилетней войне француз Тюренн. О нем нельзя не упомянуть в истории военного искусства, ибо, согласно традиции, он слывет тем полководцем, который первым стал придавать решающее значение снабжению и охотнее отказался бы от сулящего выгоду предприятия, чем подверг бы опасности этот фактор. Поэтому он более или менее считается создателем, хотя и искусной и деятельной, но избегающей кровопролития маневренной стратегии; при этом охотно цитируют сказанные по отношению к нему

слова Клаузевица (IX, 193), что его искусство, безусловно, было лишь искусством его эпохи, а в обстановке наших войн производило бы впечатление салонной шпаги придворного кавалера среди рыцарских мечей. Хотя эта характеристика и это сравнение представляются столько же верными, сколько разительными, однако они легко могут ввести в заблуждение. Тюренн, сын принцессы Оранского дома, вышел из нидерландской школы, где регулярное снабжение солдат составляло одно из священнейших правил ведения войны. Следовательно, он лишь усвоил это правило. Впрочем, возможно, что среди полководцев Тридцатилетней войны он придавал большее значение снабжению армии, чем прочие его современники. Когда в 1744 г. он принудил генерала Мерси отступить от Фрейбурга, а энергичное преследование открывало перспективы на значительный успех, он от него отказался, мотивируя свое решение в своих мемуарах следующим образом: "Так как вся пехота, которой мы располагали, привыкла получать печеный хлеб, а не выпекать его самой, как то делали старые войска, долго служившие в Германии, то нельзя было последовать за неприятелем в Вюртемберг, в особенности

потому, что там мы не нашли бы приготовленных магазинов. Поэтому-то и решено было не удаляться от Рейна".

И в других местах его мемуаров можно то и дело встретить подчеркнутую заботливость о продовольствии, например при снятии осады с Арраса в 1654 г.

Деятельность Тюренна как полководца можно разделить на два периода: первый – от последних лет Тридцатилетней войны и войн Фронды до Пиренейского мира 1659 г.; второй – до его смерти в 1675 г., охватывающий первые войны при самодержавном правлении Людовика XIV. Для второго периода, когда армии достигали двойной и даже тройной численности по сравнению с армиями первого периода, забота о продовольствии войск, как мы уже видели, составляла общераспространенный, господствующий принцип; она осталась таковой же при Фридрихе Великом. Следовательно, чтобы остаться в рамках сравнения Клаузевица, боевой меч в руках всех полководцев той эпохи превратился в салонную шпагу, однако достаточно острую и режущую, чтобы быть опасным оружием в руках искусного и смелого бойца; Тюренн также умел пользоваться этой шпагой смертоносно и с изрядным успехом.

Такого сражения, как сражение, данное Баннером при Виттштоке, или таких походов и сражений, как у Торстенсона, за ним не числится; однако он вытеснил маневрированием Великого Курфюрста из Эльзаса подобно тому, как Траун вытеснил Фридриха Великого в 1744 г. из Богемии, когда он терпел поражение, он тотчас, подобно Фридриху, занимал вызывающее, дерзкое положение, так что неприятель не отваживался снова к нему подступиться (в 1652 г., во время войны Фронды, под Орлеаном). О значении сражения он при случае (в 1646 году) говорил, что существенный плод сражения заключается в том, что овладевают известной областью и тем самым увеличивают свои силы, в то время как неприятель становится слабее. Таким образом, в истории стратегии и в истории великих полководцев Тюренн занимает действительно весьма значительное, индивидуальное положение, однако на него нельзя смотреть как на типичного представителя особого метода; отнюдь нельзя его также противопоставлять как антитезу Фридриху Великому, который ведь и сам никогда не утверждал, что он отличается по своим принципам от великих французских маршалов.

КАРЛ XII

По поводу Карла XII я намерен дать впоследствии особое исследование; здесь же я ограничусь несколькими указаниями относительно того, в каком направлении это исследование должно углубиться. Карл XII со стратегической точки зрения принадлежит еще к эпохе Тридцатилетней войны, поскольку армии, которыми он командовал, – очень малы и отличаются значительным преобладанием кавалерии, вследствие чего эти армии чрезвычайно свободно передвигаются по обширным пространствам, а мотивы этих передвижений покоятся скорее на политических, чем на стратегических соображениях. В 1707 г., когда Карл покинул Саксонию и находился на высшей точке своего могущества, его армия насчитывала 16 200 человек пехоты и 20 700 человек кавалерии (включая драгун). Под Полтавой у него было всего 16 500 бойцов, из коих 12 500 – были введены в бой. Но в противоположность Тридцатилетней войне, против короля стояли не равноценные качественно, даже очень уступающие по качеству, но численно значительно превосходящие войска. Русская армия находилась еще в процессе

формирования и страдала от антагонизма между русской солдатской массой и офицерством, приглашенным в существенной его части из-за границы. Польская коронная армия представляла недисциплинированное, средневековое ополчение. О саксонцах сам генерал Шуленбург доносил своему королю, что они теряют всякое присутствие духа при одном виде шведов[151].

Если принять во внимание это качественное различие войск, а также обширность театра военных действий и условия его культуры, путей сообщения и климата, то станет ясно, что здесь мы имеем дело с совершенно иными масштабами, чем будь то в Тридцатилетнюю войну, будь то в войнах Людовика XIV или Фридриха Великого. Отпрыск династии Виттельсбахов на северном престоле несомненно был не только одним из величайших героев мировой истории, но и крупным генералом, который в сражении правильно руководил своими войсками, вливал в них дух и внушал им безусловное доверие. Но для того чтобы поставить его как стратега на одну доску с Густавом Адольфом, Фридрихом и Наполеоном, у него чего-то недоставало – недостаток, который не исчерпывается эпитетами упрямец, авантюрист. Задача заключается в том, чтобы распознать и установить взаимодействие

между объективными условиями и характером действующего лица. При этом необходимо принять во внимание как отмеченное различие между армиями противников, так и политическое положение шведского государства. Эта великая держава, охватывавшая своими владениями все Балтийское море и обладавшая также значительной территорией на Немецком (Северном) море, все же настолько была лишена определенной политической ориентации, что престарелый канцлер Оксенстиерна (1702 г.) решился посоветовать своему королю заключить мир с польско-саксонским королем Августом, а затем отдавать свои войска внаём иностранным государям, что принесет ему великую славу. Но ведь этим закончился исторический путь и величайшего швейцарского воинства.

1756 год

В Семилетнюю войну Фридрих находится в зените своей силы и достижений. Его стратегические принципы остались неизменными.

Вступил он в войну с сознанием безусловного превосходства. За десятилетний период мира он увеличил и улучшил свою армию в значительно большей степени, чем его противники. Постройка

его крепостей в Силезии была закончена. В его государственной казне лежало 16 миллионов талеров наличными, и он рассчитывал немедленно оккупировать и присоединить к Пруссии богатое курфюршество Саксонское с его ресурсами. Оба владения имели ежегодное превышение поступлений над расходами в 7 S миллионов талеров, между тем как издержки на одну кампанию Фридрих оценивал не выше 5 миллионов талеров. В отношении политики король рассчитывал, что Франция, памятуя о старом соперничестве между домами Габсбургов и Бурбонов, окажет Австрии лишь умеренную поддержку, да и в финансовом отношении не будет в состоянии проявить особую деятельность. Россию он рассчитывал удержать при посредстве Англии, и, даже если бы это и не удалось, он думал, что русские в военном отношении не могут дать многого и что даже Австрия и Россия вместе взятые не могут сравняться с ним, ибо в отношении финансов они слишком слабы. Если даже император Франц, памятуя о своем титуле короля Иерусалимского, даст своей супруге из личных средств известный аванс, то и этого хватит ненадолго.

Обстоятельства (в представлении короля) складывались настолько благоприятно, что могли

возникнуть сомнения, не настала ли для него пора перейти к принципам стратегии сокрушения. Прусские полки могли быть мобилизованы в течение 6 дней; саксонские войска можно было захватить и уничтожить раньше, чем они успеют собраться; австрийцы почти совсем еще не приступили к подготовке и должны были еще заполнить пробелы мирной организации своих войск. Фридрих имел возможность уже в конце июля 1756 г., когда политическое положение созрело, вторгнуться в Богемию с подавляюще превосходящими силами, и трудно себе представить, как бы австрийцы могли оказать ему на его пути к Вене сопротивление, которое он оказался бы не в силах преодолеть.

Однако мы нигде не находим ни малейших указаний на то, чтобы Фридрих хотя бы остановился на подобных мыслях. Сперва он отсрочил свое наступление на четыре недели, ввиду угрозы французов немедленно выступить против него. Этим он дал возможность, с одной стороны, австрийцам приготовиться к войне, с другой – саксонцам сосредоточить свои войска в укрепленном Пирнском лагере. Но Фридрих рассчитывал, что если он откроет военные действия лишь в конце августа, то французы уже не выступят в поход в этом году, и сознательно

пошел на эти невыгоды, тем более что он и без этого не предполагал предпринять сокрушительный поход, а хотел лишь оккупировать Саксонию и часть Северной Богемии. В противном случае эта угроза французов, естественно, должна была бы его побудить не откладывать кампанию, а по возможности ее ускорить, дабы покончить с Австрией раньше, чем французы успеют пройти длинный путь до реки Заалы. Здесь как раз был бы уместен принцип – "короткие, сильные удары и затем возможно скорый, выгодный мир" (как то и произошло 110 лет спустя). Но Фридрих держался совершенно иного образа мыслей. Его требование, чтобы войны Пруссии велись коротко и энергично, надо понимать не в современном смысле, но по отношению к войнам предшествовавшей эпохи, которые длились десять, двадцать, тридцать лет.

Фридрих на этот год удовлетворился тем, что взял в Пирне саксонскую армию (18 000 человек) в плен и овладел Саксонией; он не только отказался от решительного сражения с австрийцами, но даже вновь очистил Богемию. Уже в течение этой первой кампании он мог убедиться, что война окажется более трудной, чем он себе ее представлял. Под Лобозицем

(1 октября), в результате неудачной кавалерийской атаки, предпринятой вопреки распоряжению короля, пруссаки, собственно, потерпели поражение, и король уже покинул поле сражения, когда его снова пригласили вернуться, так как пруссаки после упорного боя отняли у легких австрийских войск передовую позицию, которую прусские генералы приняли за главную, и вообразили себе, что сражение ими выиграно. На самом деле победа вовсе не была одержана; главная позиция австрийцев едва была затронута, и их армия вполне могла померяться с прусской; однако перевес все же остался на стороне пруссаков, ибо Броун не понял своего преимущества и не продолжил бой. План его заключался не в том, чтобы дать сражение пруссакам, а в том, чтобы внезапным приближением по другому берегу Эльбы, следовательно маневром, помочь саксонцам вырваться из окружения, что, однако, не удалось[152].

Нельзя сказать, чтобы после капитуляции саксонцев (16 октября) для Фридриха было уже слишком поздно по времени года повести сокрушительный поход против Австрии. Он все еще располагал значительным численными превосходством – по меньшей мере 100 000

человек против 80 000. Но это – чисто доктринерское соображение. Фридрих об этом и не помышлял, а внутренняя структура его армии не допускала такой стратегии.

1757 год

За зиму и весну 1757 г. образовалась против дерзкой Пруссии та грозная коалиция трех великих военных держав – Австрии, России и Франции, – которая, несмотря на ее длительную подготовку, не ожидалась Фридрихом в той форме, какую она приняла, и которая достигла своей полной зрелости лишь после ее выступления.

Первая мысль Фридриха – держаться оборонительного образа действий: пожертвовать Силезией, поскольку она не полностью прикрывалась прекрасно сооруженными крепостями, и стянуть главные силы своей армии в Саксонию, чтобы в зависимости от обстоятельств обрушиться на голову австрийцев или французов, когда и где бы они ни приблизились к нему. Итак, он предполагал предоставить, как и перед Гогенфридбергом, инициативу противникам. Но тут Винтерфельд предложил ему самому взять в свои руки

инициативу, уже в апреле вторгуться в Богемию и разбить австрийцев раньше, чем успеют подойти французы. Король возражал. Ведь австрийцы, располагавшие приблизительно такими же силами, как и пруссаки, были, подобно последним, сосредоточены в четырех группах на границе Силезии и Саксонии. Трудно было бы для пруссаков в это время года, когда ничего ни для людей, ни для лошадей еще нельзя было найти на полях, тащить за собою обозы с необходимым продовольствием и фуражом. Если же натолкнуться на одну из австрийских армий, в особенности на ту, которой командовал Броун и которая была расквартирована против Рудных гор по нижнему течению Эгера, заняв укрепленную позицию, и король, подойдя к ней из-под Дрездена, оказался бы вынужденным отойти за недостатком продовольствия, то и все остальные колонны подверглись бы серьезной опасности и все предприятие потерпело бы неудачу. Поэтому Фридрих внес некоторые улучшения в план Винтерфельда в том смысле, что Шверин, оттеснив своего противника в сторону, должен был так продвигаться из Силезии (через Юнг-Бунцлау), чтобы угрожать корпусу Броуна с тыла, заставить его маневрированием покинуть свои крепкие позиции и расчистить, таким

образом, дорогу королю.

При этом открывались также перспективы захвата австрийских магазинов; можно было глубже проникнуть в страну и еще найти случай нанести поражение той или другой австрийской армии.

План этот увенчался блестящим успехом, однако не так, как он был задуман. Шверин достиг Юнг-Бунцлау, и ему посчастливилось поспеть вовремя, чтобы воспрепятствовать уничтожению австрийских магазинов в этом городе. Без этого счастливого случая он попал бы в крайне затруднительное положение. Тем не менее, дальше продвинуться в указанном ему направлении, на Лейтмериц или на Мельник, он не мог, ибо австрийцы угрожали ему с другой стороны, а отказаться от захваченных в Юнг-Бунцлау магазинов он не мог[153].

Таким образом, план короля оказался невыполненным, да к тому же и ненужным, так как Броун, застигнутый совершенно врасплох внезапным наступлением неприятеля, очистил крепкие позиции на Пашкове Поле и за Эгером и отступил к Праге.

Таким образом, четыре продвигавшиеся с разных сторон прусские колонны могли соединиться под Прагой, не подвергаясь

поодиночке атаке соединенных сил австрийцев. Наоборот, из четырех групп австрийских войск под Прагой оказались в сборе только три, в то время как пруссакам удалось сосредоточить здесь все свои силы.

Здесь австрийцы решили далее не отступать, а принять сражение восточнее Праги; они были атакованы, разбиты и окружены в Праге (6 мая). Но ранее чем их удалось принудить к сдаче, подошла на выручку другая армия, отрезала пруссакам подвоз продовольствия из Силезии и тем принудила их принять в невозможных условиях сражение под Колином (18 июня), окончившееся поражением пруссаков.

Если мы обратим внимание на ту решительность, с которой Фридрих Великий стремится в эту кампанию к сражению, и на его конечную идею – путем окружения совершенно уничтожить неприятельскую армию, то мы испытываем искушение признать, что в эту кампанию король перешел на начала стратегии сокрушения. Но какой бы грандиозной ни представлялась эта концепция, все же при более внимательном рассмотрении мы убеждаемся, что таким пониманием мы не возвеличиваем короля, а принижаем его и погрешаем как против его величия как полководца, так и против истины.

Если бы Фридрих преследовал идею сокрушения, его бы справедливо можно было упрекнуть в том, что он обратился к ней лишь тогда, когда было уже слишком поздно. В первый год войны, возможно, он достиг бы на этом пути намеченной цели, так как австрийцы еще не успели подготовиться; в 1757 г., как то подтвердил и сам исход, превосходство сил у пруссаков было уже недостаточным.

Далее нам пришлось бы признать, что король вовсе не отдавал себе отчета в существе и размахе собственного плана. Незадолго до того как приступить к операциям, он делится им со своим союзником, английским королем, и с фельдмаршалом Левальдом (10 и 16 апреля), командовавшим в Восточной Пруссии, и при этом он ни словом не упоминает о решительном сражении, но говорит лишь о магазинах, которые он хочет захватить у австрийцев; через это он надеется их чуть ли не вытеснить из Богемии, или, как он пишет в других письмах, прогнать их за Бераун, т.е. немного южнее Праги. Все это ему рисуется налетом (Coup), который он надеется завершить до 10 мая, чтобы затем обратиться против французов либо против русских.

В-третьих, если бы Фридрих мыслил иначе и мечтал сокрушить Австрию одним ударом, он

совершил бы крупную ошибку в оценке сил той и другой стороны. Ибо даже если бы он одержал победу под Колином и взял в плен запертую в Праге армию, все же неизвестно, принудил ли бы он этим мужественную Марию Терезию к миру[154].

Следовательно, кампанию 1757 г. следует понимать точно так же, как и все прочие кампании Фридриха Великого, с точки зрения стратегии измора, но, имея в виду, что в ней Фридрих ближе всего подошел к полюсу сражений, а, следовательно, и к стратегии сокрушения. В его взглядах не произошло никакого принципиального переворота, и он отнюдь не кинулся вдруг из одной крайности в другую. Упрек, который ему делали, что его первоначальный план кампании был так "малодушен", что его трудно даже объяснить, столь же необоснован, как и противоположный, – которым после Колина высмеивал его брат Генрих: "Фаэтон упал". Как мы видели, первоначальный план Фридриха заключался в том, чтобы дать своим противникам приблизиться к нему, дабы атаковать их поочередно. Этот план был обострен тем, что на ближайшего противника, австрийцев, повели сами наступление, причем этот последний план получил

новое обострение тем обстоятельством, что сражение под Прагой привело совершенно неожиданно к окружению главных австрийских сил в крепости, так что открылась возможность взять в плен всю эту армию.

Еще утром в день сражения Фридрих ни о чем подобном не помышлял, так как австрийцы, опираясь левым крылом на Прагу, стояли фронтом на север, так что в случае поражения им естественно было направить свой путь мимо Праги, на юг. При значительном превосходстве сил, коими располагал Фридрих, он оставил третью часть своей армии под командой Кейта на западной стороне Праги, чтобы отрезать путь отступления австрийцам в западном направлении через город, и, кроме того, он приказал принцу Морицу с 3 батальонами и 30 эскадронами переправиться через Молдову, чтобы еще атаковать австрийцев во время их отступления[155].

Это предприятие не увенчалось успехом, ибо не хватило понтонов для переправы, но сам Фридрих придавал ему так мало значения, что в своих мемуарах он даже вовсе и не упоминает об этом отданном им распоряжении. Так как предполагаемый путь отступления был удален от Молдовы еще на целую милю, то Мориц,

вероятно, и не мог бы произвести со своими 4 000 человек какого-либо решающего действия. Во всяком случае, такое распоряжение Фридриха служит доказательством тому, насколько он стремился усилить до высшей меры результаты ожидаемой победы; этим он приближается к стратегии сокрушения. Однако вся картина боя изменилась, так как фронт австрийцев оказался неуязвимым с севера, и пруссаки продвинулись мимо него, дабы атаковать их с востока.

Сообразно с этим, австрийцы заняли новый фронт и таким образом стали тылом к городу и в конце концов были в него отброшены. Лишь на следующий день пруссаки это заметили к великому своему удивлению, и только тогда поняли, какого огромного успеха они достигли своей победой. Тут только и возникла мысль взять в плен всю австрийскую армию посредством голодной блокады. Тем не менее, король остается в рамках стратегии измора, ибо даже в случае удачи он не замышляет идти на Вену, добиться мира и обратиться со всеми силами против французов, но исходит из предположения, что войну против Австрии придется вести дальше, и намеревается отрядить против французов только 30 000 человек.

Но вся кажущаяся огромной удача окружения

неприятельской армии на самом деле, как выражается Клаузевиц, была лишь коварной ловушкой судьбы. Позднее сам Фридрих в записке объяснял всю неудачу своего плана кампании тем, "что победа под Прагой, одержанная исключительно усилиями войска, отбросила всю армию принца Карла в Прагу, что сделало осаду города невозможною". Поэтому только при полном непонимании образа мышления Фридриха можно полагать, что он с самого начала намечал такое окружение и с этой именно целью оставил на западной стороне города корпус Кейта. Подлинное и первоначальное задание этого корпуса, напротив, вполне согласовалось с принципами короля остаться во время сражения при Кессельдорфе на северной стороне Эльбы. Подобно тому как он тогда хотел прикрывать дороги и сообщения с Берлином и Силезией, так теперь Кейт должен был прикрывать сообщения с Саксонией, а раз он уже стоял на том берегу, то ему и было поручено воспрепятствовать отходу австрийцев в этом направлении и отрядить принца Морица через Молдову на предполагаемый путь отступления австрийцев[156].

Следовательно, кампания не была проведена согласно заранее составленному плану. Основная

идея, что Шверин должен маневрированием вытеснить Броуна из его позиции на реке Эгер, угрожая его флангу, оказалось

даже невыполнимой. Тем не менее в конечном счете успех был достигнут благодаря достоинствам плана и искусной стратегии, а не благодаря одной счастливой случайности. Смелое продвижение вперед и внезапность его оказались настолько действенными, что моральные силы неприятельских вождей не выдержали, и дорога пруссакам была открыта без сопротивления. Довольно непоследовательно австрийцы остановились затем под Прагой и предоставили противнику столь желанный случай нанести удар.

Логическая последовательность мышления оградила царственного полководца от всей той фантастики в его планах, какую ему стараются навязать новейшие критики. Если он в конечном счете и попытался ухватить недостижимое и при этом потерпел крушение, то потомство это не поставило ему в укор, ибо сказано: "я люблю того, кто жаждет невозможного". Как мог он быть тем героем, который всегда бросал вызов судьбе и никогда не клонил головы под ударами несчастья, если бы он отверг из осторожности тот неоцененный дар, который судьба с улыбкой ему подносила?

Но ведь и сражение при Колине он дал не для того, чтобы "обескуражить осажденных в Праге", и не потому, что он принципиально искал сражения, но потому, что Даун так близко к нему придвинулся, что он уже не мог одновременно прикрывать и осаду, и расположенные по дороге в Силезию магазины (в Брандисе и Нимбурке). Все коренное различие между стратегией Фридриха и другой проявляется в том факте, что король еще тогда, когда выступал из-под Праги против Дауна, имел желание и составлял план – не атаковать австрийцев, а оттеснить их при помощи маневрирования. Фридрих, согласно одной крайне удачной формулировке Отто Германа, почитал необходимым извиняться но поводу поведенного им под Колином наступления; всякий другой полководец должен был бы извиняться, если бы он этого не сделал. Не имея возможности обойтись без своих магазинов, король не мог, как указывали Наполеон и Клаузевиц, подпустить к себе Дауна еще ближе, дабы получить для сражения подкрепление от осаждавшей Прагу армии. У него не оставалось иного исхода, как атаковать Дауна на той позиции, какую последний занял, или снять блокаду Праги; находясь в этой крайности, Фридрих и решил отважиться на большее и атаковать Дауна.

Впрочем, сражение под Колином было проиграно не благодаря той или иной отдельной ошибке, а потому, что оно вообще не могло быть выиграно, как мы видим теперь, имея возможность обозреть в целом положение вещей. Даун располагал 54 000 человек против 33 000; австрийцы занимали такую выгодную позицию, что не только к ней трудно было подступиться, но из нее можно было издалека наблюдать за всяким движением наступающего. Под Соором Фридрих разбил значительно превосходящие силы (22 000 против 39 000), позднее это удалось ему под Лейтеном (40 000 против 60 000); но у Соора атака пруссаков и вообще, и в частности на том участке, где она была произведена, явилась совершенно неожиданной, и австрийское командование не приняло своевременных контрмер. Оно имело возможность это сделать под Колином и не упустило ее, хотя и осуществило контрмеры только в последнюю минуту; таким образом, поражение пруссаков было неизбежно, а само представление Фридриха, что у него не хватило только четырех батальонов, чтобы одержать победу, надо рассматривать как самообман и следует отвергнуть[157].

После тоге как пруссаки очистили Богемию, Фридрих вернулся к своей первоначальной идее,

сложившейся у него еще зимою, – атаковать противников только тогда, когда они к нему приблизятся. Не может подлежать никакому сомнению, что он лучше выдержал бы эту тяжелую войну, останься он с самого начала на почве этой идеи, ибо успех его стратегического наступления был утрачен, а потери, понесенные под Прагой и Колином, если не количественно, то качественно были незаменимы. Следовательно, современная критика со своим обвинительным приговором первоначальному проекту и восторгом по отношению фактически осуществленного плана как будто совершенно не права. Однако дело не так просто, как кажется на первый взгляд. Правда, совершенно ошибочно – квалифицировать первый проект как "малодушный". Ведь в конце концов и этот проект упирается в мысль о тактическом наступлении, и стратегическое наступление, как мы видели, было лишь обострением уже имевшейся идеи. Если материальный успех вторжения в Богемию и был утрачен, то все же сохранились неоценимые моральные выгоды – чрезвычайное уважение, священный трепет неприятельского командования пред теми решениями, которых можно было ожидать от прусского короля. Само поражение под Колином также не подорвало престижа

Фридриха даже в глазах его победителя, фельдмаршала Дауна. В действительности, Фридрих только вырос под влиянием этого поражения: вместо того чтобы прийти в уныние от неудачи, он только укрепился в мысли, что одного маневрирования недостаточно и что ему надо стараться одолеть своих врагов в сражениях.

Поэтому он двинулся прямо на французов и нанес им поражение при Росбахе, недалеко от Заалы, а затем – на австрийцев, и разбил их под Лейтеном в Нижней Силезии. Под Росбахом ему удалось нанести удар вдвое большим силам, когда после долгих и тщетных стараний Фридриха найти удобный случай для атаки Субиза и Гильдбургсгаузена наконец решились, со своей стороны, перейти в наступление. При этом они только что приступили к обходу прусской армии, когда пруссаки, внезапно снявшись со своего бивака, ударили по находившемуся на фланговом марше неприятелю. Раньше чем французы и имперские войска смогли правильно развернуться, они уже были опрокинуты.

Под Лейтеном (40 000 пруссаков против 60 000 или 66 000 австрийцев) пруссакам удалось совершенно незаметно пробраться если не во фланг, то все же к левому флангу уже совершенно развернутых австрийцев. Фридрих построил свою

армию в четыре линии в глубину; следовательно, он имел очень короткий фронт, в то время как австрийское построение, для того чтобы иметь опорные пункты и справа и слева, растянулось на целую милю в длину. Таким образом, на участке атаки численный перевес был у пруссаков, и они разбили левое крыло австрийцев раньше, чем правое успело подойти к месту боя. Австрийцев загубила идея обороны. Пока король был занят французами, они разбили под Бреславлем герцога Бевернского, захватили этот укрепленный город и овладели крепостью Швейдниц. Тут, вместо того чтобы при превосходстве их сил продолжать войну и зимою и довести дело до решительного конца, они собрались идти на зимние квартиры, а когда король приблизился, им показалось достаточным, если они преградят ему дорогу, заняв подходящую оборонительную позицию. Что он отважится их атаковать на этой позиции (5 декабря), им не приходило даже в голову; они предполагали, что он отойдет, и были бы довольны таким результатом[158].

Таким образом, обстановка имеет известное сходство с той, которая сложилась перед сражением у Соора. И там австрийцы рассчитывали достигнуть успеха одним лишь развертыванием своих войск и думали либо

совсем обойтись без боя, либо вступить в него позднее. Это и дало более решительному противнику возможность овладеть тактическим преимуществом фланговой атаки и тем уравновесить преимущество численного превосходства противника и даже обратить это преимущество противника в его ущерб. Решимость победила инертность. Если бы австрийцы ударили под Лейтеном на пруссаков, в то время как последние выполняли свое фланговое движение, подобно тому, как Фридрих ударил на французов под Росбахом, то едва ли при их численном превосходстве победа ускользнула из их рук. Теоретически они это понимали. Еще весной 1757 г. император Франц дал главнокомандующему, своему брату Карлу, перед его отправлением в армию этот совет[159]. Но у исполнителя не хватило решимости. И под Прагой австрийцы предоставили пруссакам возможность выполнить свое фланговое движение, не ударив на них в это время. Упустили они подобный же случай под Колином; но там маневр пруссаков все-таки не удался, так как австрийцы вовремя заметили их фланговый марш и смогли при своем значительном численном превосходстве противопоставить ему удлинение своего фронта.

Опять-таки решающим моментом под

Лейтеном оказалось управление, но прусская дисциплина предоставляла в его распоряжение соответственное орудие – воинские части, их порядок, проворство, тактическую сноровку, обеспечивавшие точное и четкое выполнение каждого приказа. Королю Фридриху оказалось возможным двинуться сперва в направлении неприятельского центра четырьмя колоннами, построенными одна подле другой, и лишь когда он уже подошел совсем близко, решать – направиться ли ему против левого, или против правого неприятельского крыла. Затем захождение и развертывание последовали с такой быстротой, что австрийцы были атакованы раньше, чем они успели хорошенько отдать себе отчет в создавшемся положении. Ни одна армия того времени, кроме прусской, не могла бы этого выполнить.

Мы повторяем и подчеркиваем, что Фридриха от его противников отличала не теория, а одно лишь выполнение. Насколько у противников Фридриха не было недостатка в теоретическом понимании ценности выигранного сражения, показывает и русская стратегия этого года.

Конференция в Петербурге дала Апраксину инструкцию следующего содержания: "Мы ни во что не ставим занятие не только Пруссии, но и

других более отдаленных областей, если только удастся Левальду уйти из нее (из Восточной Пруссии) и соединиться с королем". Следовательно, задача Апраксина – разбить Левальда. Согласно этому, иррегулярным русским войскам под начальством генерала Сибильского было поручено обходить и задерживать пруссаков, пока не подойдет армия и не разобьет их[160].

1758 год (Ольмюц)

К кампании 1758 г. Фридрих приступил с совершенно такой же основной идеей, как и к кампании предыдущего года. Тогда он вторгся в Богемию для того, чтобы нанести австрийцам возможно более тяжелый удар, раньше, чем появятся французы. Со стороны последних ему теперь непосредственно уже ничто не угрожало. Ободренные Росбахом, англичане теперь выставили армию в Германии, и можно было ожидать, что она будет парализовать действия французов. Зато русские в последнее время подошли на угрожающе близкое расстояние. Пока прусские войска занимались шведами, русские заняли в течение зимы без всякого сопротивления Восточную Пруссию, и надо было предполагать, что к середине лета они появятся где-нибудь на

Одере. Поэтому идея Фридриха заключалась в том, чтобы так или иначе удержать австрийцев на таком расстоянии, чтобы они не могли соединиться с русскими, и он сохранил бы достаточный простор для того, чтобы, как только последние покажутся на лишенной укрытий равнине в досягаемой близости от него, их разбить, при невозможности для австрийцев им прийти на помощь.

Снова, по примеру прошлого года, вторгнуться в Богемию было невозможно. В данное время главные силы пруссаков находились в Силезии, чтобы, прежде всего, снова отнять у неприятеля последний кусок его прошлогодней добычи – крепость Швейдниц. Непосредственно перед прусскими главными силами, позади горных проходов Скалицы, стояли австрийцы, занимая крепкую, заранее подготовленную позицию. Если бы Фридрих захотел перейти в Лузацию или даже в Саксонию, австрийцы бы это заметили и снова загородили бы ему дорогу, заняв хорошую позицию. Тогда Фридриху и пришла мысль вместо Богемии двинуться через Верхнюю Силезию в Моравию и осадить Ольмюц. Неоднократно король развивал ту мысль, что в войне с Австрией для него выгоднее вторгаться в Моравию, чем в Богемию[161]. Но к кампании

1758 г. все эти соображения никакого отношения не имеют; менее всего можно приписать Фридриху желание пойти со своей слабой армией на Вену. Вместо 150 000 человек, которыми он располагал в предыдущем году, его полевая армия насчитывала теперь лишь 120 000[162]. В прошлом году, если бы ему удалось взять Прагу, он пытался бы овладеть Северной Моравией; подобно этому, и теперь ему представлялось, что стоит ему только взять Ольмюц и оттянуть этим главные силы австрийцев из Богемии, как его брату Генриху, стоявшему в Саксонии во главе 22 000 человек, может быть, удастся овладеть Прагой.

Следовательно, как в том, так и в другом году стратегическая идея заключалась не в операции, направленной против неприятельской столицы, а в оккупации ближайших к границе прусских районов и крепостей. Теперь Богемия была слишком хорошо защищена. А потому пруссаки вторглись в такую австрийскую провинцию, границы которой были почти беззащитны и где они вначале вовсе не встретили неприятеля; последнему предоставлялось, таким образом, на выбор либо подойти и атаковать, либо иным каким способом принять сражение. Решающим в данном случае был не географический момент выбора между Богемией и Моравией, а момент

внезапности. Вторжение Фридриха в Моравию являлось маневром, который заставлял противника покинуть свою прекрасно выбранную позицию у Скалицы; Фридрих рассчитывал, что ему представится случай – либо добиться сражения при выгодных для него условиях, либо и без него, взятием Ольмюца, связать (amuser) австрийцев на то время, пока он сам с главными своими силами не успеет обратиться против русских и не разобьет их.

В 1757 г. Прага была только блокирована, но не осаждена, так как крупные силы, находившиеся в городе, делали невозможным открытие траншейных работ; что же теперь касалось Ольмюца, то Фридрих рассчитывал овладеть им формальной осадой.

Этот план представлялся совершенно аналогичным прошлогоднему и лишь с глубокой продуманностью был приспособлен к изменившимся обстоятельствам; в соответствии с этим он, аналогично прошлогоднему плану, потерпел в конечном результате такое же крушение, только в несколько измененных обстоятельствами формах.

Так же, как и в прошлом году, первый акт, акт внезапности, увенчался успехом. Как у пруссаков, так и у австрийцев было много забот, чтобы

исправить тот ущерб, который нанесло их армии сражение при Лейтене. Обе армии не успели еще закончить своих вооружений, когда Фридрих, овладев Швейдницем, внезапно выступил оттуда 19 апреля и 4 мая появился перед Ольмюцем, не встретив на пути ни малейшего сопротивления. Но чтобы достигнуть такой внезапности, прусская армия должна была отказаться от того, чтобы сразу захватить с собою тяжелый осадный парк, и даже не успела его полностью подготовить. Лишь по прошествии двух недель с лишком (22 мая), когда Фуке подвез тяжелые орудия и снаряды, можно было приступить к осаде, а тем временем армия оставалась совершенно праздной, ибо Даун, далекий от мысли броситься в бой для спасения Ольмюца, продвинулся из лагеря у Скалицы только до границы Моравии и там занял (5 мая) сильную позицию под Лейтомышлем, Хотя от Ольмюца до Лейтомышля всего лишь 10 миль, следовательно только 2–3 перехода от первоначального расположения Фридриха, однако король и не помышлял, да и не мог двинуться на Лейтомышль, чтобы там атаковать и разбить австрийцев, что для современной армии являлось бы естественным и даже обязательным. Позиция Дауна для прусской тактики была, по-видимому, очень трудно уязвима, и к тому же Даун имел

полную возможность, если бы позиция показалась ему недостаточно надежной, отступить и тем отвлечь пруссаков от их первоначальной цели – Ольмюца, где они должны были дожидаться прибытия своего осадного парка.

Таким образом, Фридрих был вынужден попытаться довести осаду до конца, хотя совсем под боком у него стояла неразбитая неприятельская армия.

Это предприятие потерпело неудачу. Утверждают, что при закладке осадных работ были допущены некоторые ошибки. Возможно, что это так и было, но слишком большого значения этому придавать не следует. Ведь не бывает ни одного крупного военного действия, при котором не случались бы подобные трения. Решающим моментом являлась австрийская армия. Фридрих не имел возможности сразу захватить с собою необходимые для проведения осады запасы продовольствия и снарядов. Темпельгоф сделал подсчет, согласно которому только для одного осадного парка с запасом снарядов, необходимым для поддержания огня в течение 30 дней, потребовалось бы 26 580 лошадей. К этому надо еще добавить конский состав, потребный для доставки продовольствия. Собрать такую массу лошадей не было никакой

возможности, и подвоз должен был производиться последовательно; а австрийская армия стояла совсем близко, и ее отряды со всех сторон кишели около пруссаков.

У самого Фридриха сложилось представление, что снять осаду (1 июля) его принудил захват австрийцами у Домштадля, в 3 милях севернее Ольмюца, большого транспорта с продовольствием и снарядами. В действительности же фельдмаршалу Дауну в то время уже удалось проделать другой маневр, о котором король еще ничего не знал, но который должен был воспрепятствовать взятию Ольмюца, даже если бы этот большой транспорт и прибыл благополучно. Дело в том, что как только началась действительная осада, Даун, смирно просидев 17 дней у Лейтомышля, продвинулся ближе и расположился в расстоянии одного перехода от Ольмюца, сперва восточнее у Гевича, затем южнее у Добромилича и Вейшовица, на тщательно выбранных позициях, которых король не мог бы атаковать своими слабыми силами. В тот же день, когда прусский транспорт был уничтожен под Домштадлем, Даун, совершенно неожиданно, ночным форсированным маршем (больше 6 миль в 4 часа), перехватил у короля левый, восточный берег Мархa, реки, на которой

стоит город Ольмюц. На этом берегу крепость с самого начала была лишь слабо обложена пруссаками; в момент, когда появилась австрийская армия, пруссаки были принуждены совершенно очистить этот берег реки, и они даже сломали позади себя мосты[163]. Даун стоял перед крепостью и в каждое мгновение мог настолько усилить ее гарнизон, что штурм был бы совершенно невозможен. Но раньше чем об этом узнал Фридрих, он уже отдал приказ об отступлении и уже начал отходить вследствие несчастья с транспортом под Домштадлем.

Согласно современным стратегическим воззрениям, ничто как будто не мешало Фридриху переправиться со всеми своими силами в каком-нибудь месте через Марх и атаковать Дауна. Ведь где-нибудь он мог бы его настигнуть на такой позиции, где ему было бы возможно двинуть в атаку свои батальоны и эскадроны. Но мы не встречаем указаний на то, чтобы такая мысль даже приходила в голову Фридриху. Выгода, какую при создавшемся положении могла ему принести победа, уже не находилась в соответствии ни с опасностью поражения, ни с размером потерь, которых при этом надо было ожидать. Ибо после утраты большого транспорта, даже в случае победы, нечего было и думать ни об

осаде, ни вообще о продолжении кампании в Моравии.

Таким образом, надо отдать справедливость Дауну, что он почти без кровопролития, одним искусством своих маршей и выбором позиций нанес поражение Фридриху.

Он не дал прусскому королю ни удобного случая дать сражение, ни возможности продолжать осаду.

Но эти-то самые свойства, это искусство осторожного маневрирования, при помощи которых австриец одолел прусского короля, помешали ему извлечь теперь из своей победы все те выгоды, какие судьба ему словно протягивала щедрой рукой.

Фридрих направил свое отступление через Богемию на Кениггрэц. Он и не подозревал, на каком близком от него расстоянии уже находился Даун на другом берегу Марха, и решился разделить свою армию на две части с тем, чтобы самому идти с одной частью впереди, дабы отбрасывать подвернувшиеся австрийские отряды и расчищать дорогу фельдмаршалу Кейту, руководившему осадой и следовавшему теперь с огромным обозом.

Теперь, когда мы можем обозреть обстановку в целом, представляется почти необъяснимым, как

Даун мог упустить подобный случай и не обрушился со всеми своими силами на этот прусский корпус, который за 7 дней прошел лишь 8 миль (расстояние по прямой линии до Цвитау) и для которого мелкие австрийские отряды являлись серьезной угрозой. В этом случае нельзя себе представить, как бы пруссаки могли избежать тяжелого поражения. Король опередил Кейта на целый переход и не мог бы ему прийти на помощь.

Как велик был страх у пруссаков перед возможностью удара австрийцев в тыл, свидетельствует ходивший в прусской армии рассказ: комендант Ольмюца, генерал Маршал, когда ему предложили преследовать отступающих, будто бы сказал: "Они уже достаточно натерпелись несчастий; пусть себе уходят с миром"[164].

Но война – дело риска, а Даун как раз стремился к искусству – выигрывать не рискуя. Только что это искусство принесло ему блестящий успех. Ведь и в предыдущем году, имея огромное превосходство сил, он не рискнул для снятия осады с Праги атаковать пруссаков, но лишь так близко к ним пододвинулся, что отрезал им подвоз продовольствия и тем соблазнил их атаковать и навлечь на себя жестокое поражение

под Колином. На этот раз дело обошлось совершенно без сражения. Неужели же ему снова все ставить на карту, рискуя тем, что пруссаки, своевременно предуведомленные, пойдут к нему навстречу соединенными силами, или что король, от которого ведь можно было всего ожидать, как только заметит, что австрийцы продвигаются вперед, повернет назад и перейдет в наступление раньше, чем будет найдена столь желанная прекрасная позиция? Ведь Даун не знал точно, с какой не то смелостью – не то легкомыслием прусский король разделил свои войска. Ученику современной стратегии поведение Дауна кажется поведением "старого колпака": если бы он хоть сколько-нибудь обладал качествами великого полководца, то и по принципам тогдашней стратегии он должен был бы понять, что настала, наконец, минута, когда нужно отважиться на нечто большее, когда, пожалуй, надо пойти ва-банк, чтобы нанести решительное поражение пруссакам. Но ведь в этом и заключается сущность двухполюсной стратегии – в который раз мы это повторяем, – что она в зависимости от момента требует то маневрирования и осторожности, то сражения и отваги. Только действительно великий человек в состоянии внезапно переходить от одного принципа к

другому, и горе Дауну, если бы, не владея в одинаковой мере обоими принципами, он имел склонность односторонне идти напролом! Здесь, при отступлении из-под Ольмюца, это привело бы его к блестящей победе, но 4 или 6 недель ранее он, без своей испытанной осторожности, перешел бы для спасения Ольмюца в наступление против пруссаков; другими словами, он сделал бы как раз то, чего желал Фридрих, и, по всей вероятности, накликал бы на себя поражение. Чтобы правильно судить о полководце, нельзя рассматривать то или другое его действие изолированным, но надо взглянуть, как отражается его характер во всей последовательной совокупности явлений, и ставить ему в плюс его качества, которые в одном случае сказались отрицательно, но в другом – дали желательные результаты.

Так как австрийцы не преследовали пруссаков, то последние прибыли беспрепятственно в Кениггрэц, и – странное совпадение – пруссаки расположились приблизительно на той же позиции, которую три месяца перед тем занимали австрийцы. Теперь, отправив свои обозы через горы в Силезию, Фридрих охотно втянул бы Дауна в сражение, но австрийцы все время устраивались на позициях, на атаку которых Фридрих не мог отважиться. Мария Терезия

писала своему фельдмаршалу, что он теперь может рискнуть вступить в сражение, хотя бы с опасностью поражения, ибо пруссаки теперь обратятся против русских, и надо попытаться их перед этим ослабить. Изумительные, в своем роде величественные слова: Мария Терезия готова понести, может быть, очень большой урон, лишь бы нанести некоторый ущерб своему противнику и тем облегчить задачу союзнику! Казалось, тут можно было бы ожидать столкновения, так как и Фридрих желал сражения и готов был рисковать серьезными потерями, чтобы иметь возможность снять с австрийского фронта возможно больше войск и повести их против русских. Но писать героические письма из Вены легче, чем перед лицом неприятеля принимать героические решения, и недаром императрица прославляла Дауна, как Фабия, который промедлением спасает отечество, и приказала отчеканить на медали в его честь: cunctando vincere perge ("продолжай побеждать промедлением"). Правда, получив письмо своей повелительницы, Даун поспешил вперед и осмотрел позицию пруссаков, но в результате он нашел ее крепкою, а самому выйти в открытое поле и вызвать на бой пруссаков он не счел за благо. Точно так же и Фридриху случай не казался достаточно благоприятным, и после того

как обе армии проманеврировали вокруг друг друга еще в течение четырех недель между Кениггрэцом и Находом, Фридрих отступил и покинул Богемию, чтобы обратиться против русских.

Когда под Кениггрэцом стало туго с продовольствием (австрийцы при приближении пруссаков сожгли остатки своих запасов в магазине у Лейтомышля), король приказал самим солдатам приступить к уборке хлебов, обмолачивать и веять зерно и сдавать его в хлебопекарни. Каждый полк должен был поставлять известное количество мер[165].

Эта богемско-моравская кампания закончилась для Фридриха несомненным стратегическим поражением, и среди его собственных офицеров, пишет Архенгольц, на все Ольмюцское предприятие смотрели как на ошибку. Не правильнее ли поступил бы Фридрих, если бы он спокойно оставался с главными своими силами в Лузации или Нижней Силезии и выжидал бы, пока либо австрийцы, либо русские не подошли к нему на открытую местность достаточно близко, чтобы он мог расправиться с ними? Не так ли он намечал себе первоначальный план действий весной 1757 г.?

Раз кампания закончилась неудачно, то не

трудно было и раньше и теперь задним числом заявлять, что лучше, мол, было бы ее вовсе не предпринимать. Хотя бесполезные затраты и понесенные потери и не были уж так значительны[166], а моральный ущерб, понесенный пруссаками снятием осады с Ольмюца, был уравновешен впечатлением от столь блестяще проведенного отступления, все же можно было бы не понести никаких потерь при оборонительном образе действий, и Фридрих располагал бы несколько большими силами под Цорндорфом. Поэтому правы те, кто говорит, что лучше было, если бы Фридрих не предпринимал моравской экспедиции.

Таковы объективные соображения; но стратегия никогда не может быть разгадана объективными расчетами. Субъективность полководца имеет свои права. Мы поставили Дауну плюс, когда он не использовал отступления пруссаков, что он был именно Дауном; теперь мы должны то же самое сделать и для Фридриха, только наоборот. Фридрих не был бы Фридрихом, если бы после победы при Лейтене он смирно просидел до июля следующего года, выжидая, не подойдет ли к нему неприятель. Во вторжении в Моравию он усмотрел шанс одержать успех, а в таком случае для него было невозможно оставить

этот шанс неиспользованным. В одном заключении венского Гофкригсрата[167] мы читаем, что прусский король "в конце концов заставит Дауна, какие бы позиции тот ни занимал, принять баталию своим маневрированием, в котором, как известно, он всегда превосходит нас". Должен ли был Фридрих с самого начала признать, что Даун не даст себя вовлечь в сражение и что последнему удастся отрезать осаждающим подвоз продовольствия и снарядов, несмотря на то, что Ольмюц отстоял от прусской границы всего на 8 миль? Ведь могло же выйти и по-другому, и представление о прусском короле как о человеке, который сумеет использовать всякую возможность, это представление в конце концов и было тем моментом, который удерживал неприятеля, как бы он ни превосходил его численно, от того, чтобы решительно на него надвинуться. Как раз в это время Лаудон писал своему приятелю, что для прусского короля нет почти ничего на свете невозможного[168]. Как о Дауне мы сказали, что это тот же самый Даун, оттеснивший, так удачно маневрируя, Фридриха от Ольмюца, который затем не сумел использовать почти отчаянное положение короля при его отступлении из-под Ольмюца, так и Фридрих был тем самым Фридрихом, который,

несмотря на ничтожные шансы, предпринял моравскую кампанию и именно своей предприимчивостью и отвагой настолько импонировал противнику, что когда кампания закончилась неудачей, он вышел из нее, почти не потерпев урона.

Сражение при Цорндорфе (25 августа 1758 г.) также не привело к тому решительному исходу, которого желал Фридрих. Русские удержались на своих позициях, а затем отступили вдоль прусского фронта, причем Фридрих не решился вновь их атаковать, хотя они и очистили территорию Новой Марки, но осадили Кольберг. Того же результата король мог бы достигнуть, следуя совету генерала Рюитса: вместо того чтобы атаковать русских, овладеть их обозом и запасами, которые были отделены от армии. После сражения соответственная попытка была им сделана; возражая против других предложений, Фридрих сказал: "Это лучше всякой баталии", но попытка эта не увенчалась успехом.

Выигрыш от Цорндорфского сражения опять-таки получился не материальный, а моральный: воля противников парализовалась постоянным страхом подвергнуться атаке.

Но когда Фридрих чересчур на это положился, то Даун наконец собрался с духом, внезапно напал

на него в его легкомысленно выбранном лагере под Гохкирхом (14 октября 1758 г.) и нанес ему тяжелое поражение. В свою очередь, Фридрих загладил это поражение – но не новым победоносным боем, а рядом быстрых, искусных маршей, которые помешали австрийцам развить и упрочить достигнутые ими успехи путем захвата крепостей в Силезии и Саксонии.

1759 год

С четвертым годом войны устанавливается перемена в стратегии Фридриха, поскольку он теперь решается держаться принципа стратегической обороны в той форме, какую он наметил еще в 1757 г. Теперь он решил держаться в границах своих владений (включая сюда и Саксонию) и предоставить противникам приблизиться к нему. Ведь две крупные наступательные операции 1757 и 1758 гг. потерпели неудачу под Прагой и Ольмюцем; последовавшая же за ними оборона удалась. Сам он, объясняя это, указывает в памятной записке, составленной им в конце 1758 г., на усовершенствование искусства обороны у австрийцев. В области обороны они сделались мастерами в отношении искусного устройства

лагерей, тактики маршей и артиллерийского огня. Прислонив оба крыла к опорным пунктам, окруженные и поддерживаемые бесконечным количеством пушек, они нормально располагались в три линии: первая – с пологим скатом впереди, так что огонь ее действует особенно настильно, вторая – на вершине, так укрепленная, что здесь и должен разыграться самый ожесточенный бой; на этой линии пехота перемешана с кавалерией; последняя при первых признаках колебания в рядах наступающего противника тотчас бросится вперед и врубится в его ряды; третья линия предназначена для усиления того участка, на который противник направляет свои главные силы. Фланги, как цитадель, уставлены пушками. Кавалерийские атаки, которыми еще недавно, как правило, начинались сражения, оказываются теперь против таких позиций и таких артиллерийских масс невыполнимыми; поэтому от пользования кавалерией при завязке боя приходится отказаться; вводить ее в бой можно лишь в последнюю решительную минуту для преследования.

Надежды Фридриха теперь покоились на том, что австрийцы в своем стремлении отвоевать Силезию соблазнятся наконец спуститься на равнину и там доставят ему желанный случай к

переходу в наступление. Но Даун для этого был слишком осторожен, и Фридрих наконец оставил его и попытался нанести русским удар в Новой Марке. Три раза возобновлял он эту попытку: под Цорндорфом (25 августа 1758 г.), под Кайем (23 июля 1759 г.) и под Кунерсдорфом (12 августа 1759 г.). Уже под Цорндорфом в 1758 г. успех оказался недостаточным; под Кайем и под Кунерсдорфом на следующий год пруссаки потерпели полное поражение.

КУНЕРСДОРФ [169]
12 августа 1759 г.

Русские стояли с Лаудоном перед воротами Франкфурта на правом берегу Одера. Фридрих, следуя с юга, проследовал мимо них, переправился к северу от них через Одер; но, так как с севера русских прикрывала болотистая низина, он продолжил обход и повел на них охватывающее наступление с юго-востока.

Его атака, организованная как чисто фланговая, оказалась на первых порах весьма действенною, и можно было подумать, что ей удастся смести весь боевой фронт русских. Однако в конечном счете она потерпела крушение, ибо русский фронт был настолько прикрыт и с юга

несколькими прудами и ручьями, что пруссаки могли атаковать лишь на чрезвычайно узком пространстве, а главное, их кавалерия, насчитывавшая до 13 000 сабель, не могла быть использована в полной мере. Дабы не нарушить единства боевого порядка, король не захотел направить свое левое крыло в обход этих фронтальных препятствий; благодаря этому русские имели возможность притягивать к месту боя все новые и новые войска из той половины их боевого фронта, которая не была вовсе атакована. Эти-то войска в конце концов одержали верх над пруссаками своим численным превосходством. Клаузевиц (т. X, стр. 99) по этому поводу высказался следующим образом: "можно сказать, что король сам попал в петлю собственной системы косого боевого порядка", что подтверждает и труд Генерального штаба.

Под Кунерсдорфом фланговая атака получила еще более резкое выражение, чем под Лейтеном, поскольку пруссаки полностью охватывали восточное крыло русских. Численные соотношения в обоих сражениях были приблизительно одинаковыми. Различия в обстоятельствах, которые под Лейтеном доставили пруссакам победу, а под Кунерсдорфом поражение, заключались, во-первых, в

значительной растянутости австрийского фронта под Лейтеном, задержавшей переброску подкреплений от неподвергавшихся атаке частей фронта к атакованному крылу, во-вторых, в значительно более благоприятной для обороны местности, на которой располагались русские у Кунерсдорфа как внутри их расположения (Кугрунд), так и впереди их фронта, в-третьих, в укреплениях и засеках, которые были сооружены русскими, уже восемь дней занимавшими эту позицию, в-четвертых, в том обстоятельстве, что благодаря преградам перед фронтом, русский центр не подвергался атаке, что и облегчило русским переброску подкреплений на атакованный фланг.

Нередко Фридриха упрекали (в особенности Наполеон), что он, готовясь к решительному сражению под Кунерсдорфом, не усилил своей армии. Труд Генерального штаба (X, 84) весьма правильно излагает причины, почему он этого не сделал, но при этом вуалирует самое главное, а именно, что эти причины можно признать вполне достаточными лишь при предпосылке, что Фридрих действовал и должен был действовать согласно принципам стратегии измора. Если бы Фридрих мог пойти на то, чтобы предоставить временно Саксонию своей судьбе, то он еще под

Кайем мог послать войска принца Генриха на помощь Веделю, а если бы он захотел рискнуть еще и куском Силезии, то он мог бы притянуть к себе войска Фуке к Шмотзейфену и усилить на это количество войск свою армию для решительного сражения при Кунерсдорфе. И, во всяком случае, нельзя согласиться с тем, что говорится в книге Генерального штаба, что Фридрих не мог пойти на то, чтобы Даун "с большей частью своей армии последовал за ним по пятам". Следовало бы эту фразу как раз вывернуть наизнанку. Если бы Даун последовал непосредственно за Фридрихом, ему бы пришлось покинуть свою укрепленную позицию и, наконец, предоставить Фридриху долгожданный случай атаковать его в открытом поле. Русские не могли бы помочь; ведь они еще стояли по ту сторону Одера. Тогда нам представилась бы картина, подобная Наполеону в 1815 г., когда он одной и той же армией задумал на протяжении двух дней разбить сначала пруссаков, а затем – англичан. Однако Фридрих не рассчитывал, чтобы его войска справились с такой задачей, С той же точки зрения надо оценивать и события, предшествовавшие Цорндорфу.

СПАСЕНИЕ ПРУССИИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

Семилетнюю войну всегда рассматривают почти исключительно с точки зрения действий и стратегии короля Фридриха. Однако можно сказать как раз наоборот, что основная проблема этой войны заключается в следующем: как могло случиться, что Фридрих потерпел поражение при Кунерсдорфе? От этого вопроса не отделаешься ответом, что его спасли неспособность и несогласия – "divine bnerie" (божественно ослиная глупость) – его противников. Столь неспособными людьми ни Салтыков, ни Даун отнюдь не были; они должны были иметь основания для своего поведения, и задача в том-то и заключается, чтобы понять эти основания.

Король Фридрих ожидал – а по нашим современным понятиям это бы само собой разумелось, – что противники, соединившись, будут его преследовать после победы, атакуют и уничтожат его армию, возьмут Берлин и тем положат конец войне. Этого требовал и венский Гофкригсрат. Дауну было предписано, чтобы он пристально следил за разбитой армией и не выпускал ее из рук, "а со всей энергией устремился на нее и полностью ее уничтожил".

Несмотря на тяжелое поражение, понесенное

пруссаками, выполнить это задание все же было совсем не так уж легко и просто. В этом случае свидетельство Фридриха не является безусловно решающим. Хотя он действительно и думал, что все пропало, хотел отказаться от престола и передал верховное командование генералу Финку, но из этого следует лишь, что он обладал гораздо более впечатлительным характером, чем, например, Наполеон; субъективные впечатления оглушенного страшным ударом человека не могут служить объективным масштабом для суждения об обстановке и о мероприятиях противников.

На поле сражения под Кунерсдорфом прусская армия насчитывала около 50 000 человек, и если к вечеру этого дня у короля оставалось всего лишь 10 000 человек, то все же спаслась большая половина войска, и действительные потери ограничивались 19 000 человек и артиллерией. Кроме этих войск, у короля имелись еще две армии под начальством принца Генриха и Фуке, а также рассеянные кое-где мелкие отряды: всего около 70 000 человек. Следовательно, несмотря на понесенное им страшное поражение и тяжелые потери, у него было под ружьем еще очень сильное войско, вполне способное сражаться и маневрировать. Непосредственное преследование после сражения не имело места, и рассеявшиеся

войска снова собрались в ближайшие дни в шести милях от поля сражения у Фюрстенвальде. В этом нет ничего удивительного, так как мы знаем, что преследование во все времена было делом очень трудным, в те времена мало практиковалось и пруссаками, а русские и австрийцы сами понесли очень тяжелые потери под Кунерсдорфом[170] (17 000 человек).

Если бы по прошествии известного времени военные действия возобновились, то пришлось бы атаковать короля в занятых им позициях за рекой Шпрее, причем в тылу у себя союзники имели бы армию принца Генриха в Лузации. Несомненно, что это было вполне выполнимо при значительном превосходстве сил русско-австрийских армий, но лишь при условии, чтобы главнокомандующие действовали единодушно и решительно. Такое сотрудничество в союзных армиях, как показывает опыт, достигается с трудом: не только полководцы имеют разные взгляды, но за этими взглядами кроются и различные, весьма крупные интересы. Для русских война с прусским королем являлась исключительно кабинетной войной; форсировать ее ценою безграничных опасностей и потерь их не побуждало никакое внутреннее влечение. Им не хотелось жертвовать собою ради австрийцев. А

наступательное сражение против короля Фридриха всегда было сопряжено с крупным риском.

Салтыков высказал курьезную мысль – он ничем больше рисковать не намерен (Труд Ген. штаба, XI, 82) или даже – он больше не хочет иметь никакого дела с неприятелем (там же, X, 305). Русские были так истощены своими двумя победами при Кайе и при Кунерсдорфе, что у них уже не оставалось моральных сил на крупные действия, а без их сотрудничества, хотя австрийцы и одни имели численный перевес, но все же они были недостаточно сильны, чтобы немедленный переход к наступательным операциям им не казался крайне опасным начинанием. Даун остался верен своему характеру и своим принципам, когда он сразу же отверг идею завершить войну несколькими быстрыми, мощными ударами. Правда, неоднократно обсуждался вопрос, атаковать ли принца Генриха либо короля, или же идти на Берлин, но от всех подобных дерзаний в конце концов отказались. Даже занятие Берлина, заявил австрийский полководец, не принесет существенной выгоды, так как в истощенной Марке нельзя будет расположиться на зимних квартирах. Таким образом, оба полководца сошлись на том, чтобы

сперва подождать, пока имперская армия не займет очищенную пруссаками Саксонию и возьмет Дрезден (что и удалось выполнить), и потом пожать плоды великой победы, расположившись на зимних квартирах в Силезии.

Идея использовать победу под Кунерсдорфом до полного сокрушения Пруссии представляет известный параллелизм с идеей, что король Фридрих должен был бы привлечь для атаки русских армию принца Генриха. Ни та, ни другая идея не укладывались в рамки условий и мышления той эпохи. Тот, кто не ставит последнего требования Фридриху, не вправе требовать первого от Дауна. Тот и другой не совершили какой-либо бессмыслицы, но действовали в полном согласии со своими принципами, с которыми мы уже могли познакомиться. Под Кунерсдорфом потерпела поражение не вся прусская армия, а лишь половина ее. Если теперь удалось бы использовать победу в том направлении, что союзники удержали бы в своих руках Саксонию и Силезию, то они этим самым уже достигали бы огромных результатов и могли предполагать, что следующая кампания поставит Пруссию на колени.

Этот план не удалось выполнить потому, что между союзниками не было согласия, а король

Фридрих так смело и энергично использовал оставшиеся у него силы, что его противники должны были вернуться на старые зимние квартиры, которые они занимали и в предыдущем году, за исключением Дрездена, который они удержали в своих руках. Современные теоретики, совершенно не понимающие сущности двухполюсной стратегии, обычно с глубоким пренебрежением говорят о маневрировании. Пусть они внимательно познакомятся с тем, как Пруссия была спасена при помощи маневрирования, один раз – после поражения при Гохкирхе и другой – после поражения при Кунерсдорфе. Когда через три недели после сражения дело действительно зашло так далеко, что австрийцы и русские решили пойти на остатки армии Фридриха и на Берлин, то принц Генрих не атаковал их с юга в тыл, а наоборот, еще более удалился от неприятеля, направившись дальше на юг, дабы броситься на его коммуникационную линию и захватить его магазины. Даун тотчас повернул вспять, отказавшись от задуманного похода на Берлин, и снова русские и австрийцы разошлись, отойдя далеко друг от друга.

Когда же приступили к выполнению плана относительно Силезии, главная австрийская армия была в Саксонии. Для того чтобы оставаться в

Силезии, русским необходимо было по крайней мере овладеть Глогау; но раньше чем они успели появиться перед этой крепостью, король их опередил форсированными маршами и занял такую позицию, что им понадобилось бы его атаковать и отбросить, прежде чем приступить к осаде. Несмотря на значительное превосходство своих сил (Лаудон все еще оставался с ними), русские не склонны были дать наступательное сражение, тем более что на сам план занятия Силезии они согласились неохотно. Силезия была, по их мнению, слишком отдалена от их базы на нижнем течении Вислы и в Восточной Пруссии.

Австрийцам хотелось их сюда привлечь не столько потому, что они желали приобрести эту провинцию при заключении мира, сколько потому, что для их военных операций она, будучи наиболее близкой, представляла больше всего удобств и обеспечивала им ничем не угрожаемую коммуникационную линию. Между тем русские считали чрезмерным требовать от них такого движения, которое не только удаляло их от базы, но и подвергало их опасности фланговой атаки со стороны Марки и со стороны Померании; даже Восточную Пруссию они, по их словам, могли утратить, уйдя так далеко[171]. Таким образом, Салтыков с самого начала относился несерьезно к

предложению австрийцев осадить Глогау, и если бы Фридрих не допустил неосторожности послать Финка австрийцам в тыл, что закончилось капитуляцией последнего при Максене, то поражение при Кунерсдорфе прошло бы почти бесследно[172].

Серьезно проверяя свою деятельность, король осенью 1759 г. поставил перед собою вопрос, не сбился ли он с правильного пути под влиянием своей склонности к решительным сражениям. Он задумался над судьбою Карла XII и записал соображения о том, что король во многих случаях мог бы побережливее относиться к человеческой крови. "Конечно, бывают положения, когда приходится давать сражение; но идти на это надо лишь тогда, когда неприятель, будь то на стоянке, будь то в походе, проявляет небрежность или когда решительным ударом его можно принудить к миру. Впрочем, бесспорно установлено, что большинство генералов, которые легко вступают в бой, лишь потому прибегают к этому исходу, что они не умеют ничего другого предпринять. Далеко не ставя им этого в заслугу, скорее усматриваем в этом признак недостатка гениальности". Храбрость – ничто без ума, и в конечном итоге расчетливый ум одерживает победу над дерзкой отвагой.

Поэтому Фридрих с этого времени уклонялся от сражений с русскими даже тогда, когда к тому представлялся чрезвычайно благоприятный случай. С тех пор он лишь настойчиво и упорно старался уловить промах австрийцев, но в последующие пять лет войны он дал лишь одно действительно генеральное сражение – под Торгау. Перед этим, в сражении под Лигницем, инициатива исходила не от него, а от противника.

1760 год
ЛИГНИЦ. ТОРГАУ

Под давлением венского правительства и по приказу своей императрицы Даун теперь действительно решился атаковать прусскую армию. Австрийцы вступили в Нижнюю Силезию с одной стороны, русские – с другой, и их отделял только Одер.

У Фридриха имелось уже только 30 000 человек; у австрийцев – 90 000; 74 000 русских сдерживал своими 37 000 принц Генрих. Фридрих считал, что он слишком слаб, чтобы дать сражение; он хотел ограничиться одним маневрированием, прикрывая Бреславль и Швейдниц от осады, чтобы таким образом протянуть время до конца лета. Наступательный план австрийцев принес ему избавление.

Подгоняемый из Вены, Даун составил план не только наступательного сражения, но сражения на полное уничтожение неприятеля.

Австрийские корпуса должны были двинуться одновременно с трех сторон, ночным переходом окружить армию короля и ее раздавить. Но так как прусские войска со своей стороны совершали ночной марш, то они повстречались с одним из этих корпусов в 24 000 человек, которым командовал Лаудон, опрокинули его еще на заре, раньше чем главные силы австрийцев успели подойти, а последние, прибыв на место, уже не решились продолжить и довести до конца задуманное предприятие. Из этого мы видим, насколько неправилен взгляд, будто Дауну мысль о сражении на полное сокрушение противника была вообще чужда. Принять такое решение было не трудно, но Дауну лучше, чем его насмешливым критикам, было известно, как трудно было его выполнить, имея своим противником прусского короля.

Успех, достигнутый Фридрихом под Лигницем, спас его из того крайне тяжелого положения, в котором он находился в данную минуту, и вот к концу года он снова сделал попытку бросить вызов судьбе могучим ударом и атаковал Дауна на его позиции под Торгау

(3 ноября 1760 г.). Ему во что бы то ни стало было необходимо снова вырвать из рук противника Саксонию. Как бы извиняясь, говорит он в своих мемуарах, что ему снова пришлось вверить судьбу Пруссии боевому счастью потому, что ему не удалось маневрированием заставить Дауна бросить его позицию под Торгау. Дорого обошлась ему эта победа, а достигнутый ею результат оказался весьма умеренным: австрийцы отошли на расстояние лишь трех переходов и удержали за собою Дрезден.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ КОСОГО БОЕВОГО ПОРЯДКА

Косой боевой порядок можно рассматривать как одну из разновидностей сражения, решаемого на одном из крыльев, а именно – как таковое сражение при условии единого, неразрывного боевого фронта, соответствовавшего требованиям элементарной тактики тогдашней эпохи. Лишь единственный раз этот прием удался, или, правильнее говоря, его оказалось достаточно для достижения успеха под Лейтеном. После Лейтена Фридрих дал лишь три больших сражения: два – против русских (Цорндорф 1758 г., Кунерсдорф 1759 г.) и одно – против австрийцев (Торгау 1760 г.) Развитие этой формы боя со времени

Лейтена заключалось в том, что теперь король марширует вдоль неприятельского фронта не только до тех пор, пока ему не удается охватить одно из крыльев противника, но пока он совершенно его не обойдет так, чтобы можно было его атаковать с тыла, если бы противник, со своей стороны, не произвел соответственного поворота. Но так как последний таковой выполнял, то цель этого маневра не достигалась, и все по существу сводилось к фронтальному сражению. Под Цорндорфом обе армии повернулись, таким образом, одна вокруг другой два раза.

Под Кунерсдорфом русское крыло – можно сомневаться, как его правильнее называть: правым или левым – было охвачено полностью, но так как король продолжал упорно держаться принципа, что фронт должен быть цельным, то значительная часть русской армии не подверглась атаке, так что атакованный участок мог все время получать оттуда подкрепления, и наступательная энергия пруссаков наконец ослабла.

Под Торгау Фридрих применил совершенно новый метод, который, однако, опять-таки можно назвать дальнейшей формой развития сражения, решенного на одном из крыльев. На этот раз он отказался от цельности фронта, разделил свою

армию на две части и повел часть, назначенную для охвата, вокруг правого, северного, крыла австрийцев и описал около него полукруг, с тем, чтобы одновременно атаковать австрийцев и спереди, и сзади. Трудность этого приема заключалась в том, что никаким способом не было возможности обеспечить одновременность обеих атак. Нельзя было ни назначить заранее точный час, ибо невозможно было наверняка рассчитать время, какое потребует обходное движение, ни положиться на сигналы, которые зависят от ветра и погоды. Внешней колонне короля надо было пройти не менее 4 миль, причем дорога шла лесом. Король атаковал слишком ли рано, запоздал ли Цитен со своей атакой, как бы то ни было – их наступление не совпало[173]. Тем не менее сражение было выиграно, так как значительная часть австрийцев, под командой Ласси, в неуверенности куда Цитен направит свою атаку, осталась на левом крыле и не поддержала правое крыло. Уже сильно расстроенные боем с силами короля, австрийцы оказались не в состоянии отразить атаку Цитена с другой стороны.

Совершенно подобным образом за два года до этого (23 июня 1758 г.), под Крефельдом, Фердинанд Брауншвейгский атаковал французов

тремя далеко друг от друга стоявшими корпусами, из коих один зашел противнику в тыл. Несмотря на свое значительное численное превосходство, французский командующий, князь Клермон, не решился атаковать один из этих изолированных корпусов противника и распорядился отступить даже раньше, чем его главные силы вступили в серьезный бой[174].

Наполеон подверг очень резкой критике разделение атакующей армии как под Крефельдом, так и под Торгау: это, мол, противоречит всем правилам военного искусства. Ведь изолированные корпуса могли быть разбиты. По мнению Наполеона, Торгау – единственное сражение, в котором Фридрих не проявил ни малейшего таланта.

Как видит читатель, мы пришли как раз к противоположному суждению и усматриваем в разделении атаки проявление творческого духа, которому удается поднять на последнюю, высшую ступень традиционную форму, уже утратившую свою действенность. Критика Наполеона не считается с различием тактики в разные эпохи. Конечно, не исключена была возможность, чтобы Даун приказал атаковать Цитен под Торгау в то время, как король еще выполнял свое обходное движение. Но вероятность того, что Даун так

быстро примет это решение, была не настолько велика, чтобы Фридрих не мог позволить себе пойти на этот риск.

1761 – 1762 годы

Несмотря на свои победы под Лигницем и Торгау, Фридрих в 1761 г. находился в худшем положении, чем после Кунерсдорфа и Максена.

Он уже не может давать сражений, укрывает свою армию за полевыми укреплениями (Бунцельвиц) и одну за другой теряет свои крепости – Глац, Швейдниц, Кольберг.

Правда, и австрийцы настолько истощили свои силы, что Мария Терезия решается сократить численность своей армии (в декабре 1761 г.), которую она уже дольше не в состоянии ни содержать, ни оплачивать. Каждый полк должен был распустить по две роты; офицеры увольнялись с половинным окладом, поскольку они не находили свободных вакансий в других ротах[175]. Несмотря на это, все еще рассчитывали выиграть войну, когда смерть царицы Елизаветы (5 января 1762 г.) коренным образом изменила обстановку. Русские не только порвали союз с австрийцами, но перешли на сторону пруссаков.

Благодаря переходу русских на сторону

Фридриха численный перевес оказался на его стороне. Однако решительного сражения он уже не стал добиваться, а с самого начала направил кампанию на маневренные успехи. Но к концу 1761 г. австрийцам еще удалось овладеть крепостью Швейдниц и, опираясь на нее, занять зимние квартиры в Силезии. Пруссаки же были оттеснены до самого Бреславля. Вместо того чтобы сосредоточиться на том, чтобы всеми силами атаковать австрийцев, по возможности еще по ту сторону гор, король ослабил себя, отправив крупный отряд (16 000 человек) в Верхнюю Силезию, и оттеснил Дауна при помощи обходных движений за Швейдниц[176].

Из этой-то позиции Фридрих старался его выдворить, сперва при помощи атаки отряда на левом фланге австрийцев, но здесь он был отражен; затем он с той же целью несколько севернее, через Траутенау, вторгся в Богемию, где велел произвести сбор контрибуции. Но Даун не дал себя сбить с толку: он своевременно прикрыл свои магазины у Браунау и остался у Швейдница. Вторжение в Богемию легко могло закончиться неудачей вроде Максенской.

Поэтому Фридрих снова отступил из Богемии и показал, что, ограничиваясь маневрированием, он это вовсе не делает из слабости или

нерешительности.

Он приказал войскам под командой Вида, дотоле маневрировавшим против левого крыла австрийцев, сделать три ночных перехода подряд; он провел их вокруг Швейдница против правого крыла австрийцев и внезапно атаковал здесь их отряды у Буркерсдорфа и Лейтмансдорфа, выделенные на расстоянии полумили от главных сил, чтобы прикрывать фланг. Неожиданное нападение увенчалось успехом, хотя его пришлось осуществлять на крайне пересеченной местности; теперь уже Даун оказался вынужденным отойти в горы настолько, что пруссаки могли, наконец, приступить к осаде Швейдница. Так как осада затянулась до 9 октября, то на этом и закончилась кампания. Фридрих в этом случае отнюдь не изменил себе, но, по условиям данного момента, он считал возможным отказаться от опасного и дорогого средства – сражения. Цель, ради которой он шесть лет тому назад предпринял войну, – приобретение Саксонии – была теперь недостижима ни при каких обстоятельствах. Разговор шел о том, чтобы добиться status quo ante (довоенного положения), а на это можно было рассчитывать и без новых сражений. Правда, победа ускорила бы развязку, но, опираясь на полученный опыт, Фридрих теперь уже настолько

приблизился к маневренному полюсу своей стратегии, что при сложившихся обстоятельствах он предпочел уклоняться от сражений. Теперь он уже отказался от своей формулы, что войны Пруссии "должны быть короткими, энергичными".

1778 год

Пруссаки вторглись в Богемию почти по тем самым путям, по которым они вступили в нее 88 лет спустя, в 1866 г.: Фридрих – из Силезии через Находский проход, принц Генрих – с севера, из Лузации. В 1866 г. это концентрированное наступление привело к решительному сражению под Кениггрэцем; в 1778 г. австрийцы заставили пруссаков остановиться, заняв позиции, расположенные за верхним течением Эльбы и за Изером. Был момент и в 1866 г., когда австрийцы занимали эти позиции. Все глубокое различие в эпохах и в изменившейся за это время стратегии сказывается в полной противоположности результатов. В 1866 г. пруссакам удалось добиться решительного сражения, которое и привело к окончанию войны. Все бои, в общем, потребовали семь дней. В 1778 г. обе стороны простояли, наблюдая друг друга и совершая лишь

незначительные передвижения, а по прошествии четверти года пруссаки пошли обратно за пограничные богемские горы и прозвали эту кампанию "картофельной войной", ибо вся она складывалась вокруг копки этого впервые посаженного овоща. Силы с обеих сторон, как и в 1866 г., численно были приблизительно равны.

Образ царственного полководца, как он запечатлелся в памяти потомства, естественно слагается из впечатлений от тех кампаний, в которых он должен был бороться против подавляющего численного превосходства неприятельских сил, выдерживал их натиск и в конце концов справился с ними. Чтобы понять его стратегию, надо, естественно, рассмотреть и те его кампании, в которых он выступал или с равными, или с превосходящими силами. Таковых большинство. Из 12 кампаний четыре – 1741, 1742, 1756 и 1762 гг. – он вел с безусловно превосходящими силами; в трех с половиной кампаниях – 1744, 1745 и первой половине 1757 г. – можно признать силы обеих сторон приблизительно равными; в остальных четырех с половиной кампаниях – второй половины 1757 г., 1758, 1759, 1760 и 1761 гг. – превосходство сил было на стороне его противников.

Глава VI

ФРИДРИХ КАК СТРАТЕГ

Тактика за период с эпохи Возрождения до Фридриха Великого изменилась глубочайшим образом, в самом своем корне; но основы стратегии остались теми же самыми. Густые, глубокие пехотные колонны превратились в вытянутые в струнку тонкие линии, пикинеры и алебардщики стали мушкетерами; сражающиеся в одиночку рыцари были заменены сомкнутыми эскадронами; вместо немногих тяжеловесных, неуклюжих пушек мы видим бесчисленные батареи, но искусство полководца через все эти века являет нам один и тот же лик. Снова и снова мы наблюдаем одинаковым образом создающиеся положения и одинаково мотивированные решения. В редких случаях обе стороны идут непосредственно навстречу друг другу, чтобы добиться решения. Иногда обе стороны или же лишь та сторона, которая чувствует себя слабейшею, занимают неприступные позиции. Сражения возникают из-за того, что одной стороне кажется, будто ей представился особо благоприятный случай, например, что она может атаковать противника раньше, чем он успеет

укрепиться (Белая гора в 1620 г., Гохштедт в 1704 г.), либо в связи с осадой крепости. Сражения под Равенной 1512 г., под Нёрдлингеном 1634 г., при Мальплаке 1709 г. возникли при совершенно одинаковых условиях: сильнейшая сторона намеревается осадить город, другая же сторона пытается этому воспрепятствовать занятием выгодной позиции поблизости, причем последняя подвергается атаке. Колин отличается от вышеперечисленных сражений лишь тем, что осаждающий идет несколько навстречу армии, пришедшей на выручку крепости. Иногда наблюдается обратное явление: пришедшая на выручку армия атакует осаждающую армию, хотя и более сильную, но связанную осадой: Павия 1525 г., Турин 1706 г. Значительная часть Семилетней войны вертится вокруг осады или прикрытия крепостей: Прага, Ольмюц, Дрезден, Швейдниц, Бреславль, Кюстрин, Нейссе, Глац, Козель, Кольберг, Глогау; то же самое имеет место и в войнах между Карлом V и Франциском I, и в Тридцатилетнюю войну, и в войнах Людовика XIV. Решение Густава Адольфа дать сражение при Брейтенфельде и при Люцене возникло из тех же самых мотивов, как и решение Фридриха относительно сражений при Лейтене или Торгау.

В каждом периоде, в каждой кампании, у каждого полководца наблюдаются при этом индивидуальные черты, заслуживающие особого внимания. Густав Адольф атакует Валленштейна под Люценом потому, что он не хочет, чтобы последний зимовал в Саксонии, Фридрих атакует австрийцев под Лейтеном и под Торгау, чтобы не дать им перезимовать в первом случае в Силезии, во втором – в Саксонии. В этом обстановка представляет сходство, но есть и существенное различие, поскольку для Фридриха риск в обоих случаях был несравненно больший, чем для шведского короля. Опять-таки широкий размах и подвижность Торстенсона придают его стратегии совершенно своеобразную окраску, однако, основные черты ее не иные, чем у Густава Адольфа. Даже в истории одного и того же полководца мы встречаемся с поразительными параллелями: и Евгений, и Фридрих дали свои последние крупные сражения, отличавшиеся большим кровопролитием и весьма умеренными стратегическими достижениями, – первый при Мальплаке, второй под Торгау, и с тех пор вели кампании, в которых они уже не стремятся к решительным сражениям. Мальплаке было тем, что принято со времен глубокой древности называть пирровой победой, немногим больше

была и победа при Торгау. Поэтому с точки зрения всемирной истории войн следует ставить вопрос не столько о том, почему Фридрих после 1760 г. так приблизился к маневренному полюсу, сколько о том, как, после опыта своих предшественников – великих полководцев, мог он снова предаться страсти, увлекшей его к полюсу сражений.

Мы видели, что тяготение гениального удальца (Wagehals) к решительным сражениям объясняется и в стратегическом отношении новыми перспективами, открывшими высокие качества прусских войск, и тактическая их сноровка, которая в конечном счете дала идею косого боевого порядка и внушила мысль об ее осуществимости.

Если непосредственные результаты даже самых крупных тактических решений оказываются всегда ограниченными и от них нельзя ожидать, чтобы они сами по себе привели к миру, то второстепенные ценности приобретают такое значение, что полководец отнюдь не может ими пренебрегать и даже вправе ради них отвлекать часть своих сил от главного, решающего тактического действия. Во время Тридцатилетней войны значительно большая часть наличных войск была поглощена

гарнизонами бесчисленного множества укрепленных городов. В сражениях участвуют сравнительно небольшие армии. У Евгения и Мальборо так же, как и у Фридриха, мы встречаемся со случаями, когда в решительном сражении у них не хватает войск, которые, говоря теоретически, могли бы быть налицо. Фридрих в своих "Генеральных принципах" 1748 г. выдвигает следующее основное положение: "Когда одновременно подвергаешься атаке нескольких противников, надо принести в жертву неприятелю какую-нибудь провинцию, а тем временем всеми своими силами наброситься на других противников, заставить их принять сражение и напрячь все свои силы, чтобы их разгромить, после чего надлежит отправить часть войск и против первого противника". Однако когда описанный случай действительно наступил в 1756 г., Фридрих все-таки не решился пожертвовать провинцией, а потому и не сосредоточил все свои силы. Сверх того, он все же добавляет в своих "Генеральных принципах": "Этот способ ведения войны разрушает армию изнурительными переходами, которые ей приходится проделывать, и если такие войны затягиваются, то все же в конечном счете они приходят к несчастливому концу". Поэтому он

всегда лишь относительно применял этот принцип "действий по внутренним операционным линиям", как он был назван позднее теоретиками. Ибо как ни высоко он ценил решительное сражение, он все же сознавал, что до действительного сокрушения неприятеля он поднять его не может и что поэтому для продолжения войны прикрытие провинций и в отдельных случаях даже магазинов имеет не меньшее значение. Поэтому, когда позднее в теоретическом рассуждении он снова возвращается к вопросу о сосредоточении всех своих сил на одном пункте, последнее является для него лишь крайней мерой, продиктованной отчаянием, чтобы с честью умереть.

Когда зимой 1761 – 1762 гг. бедственное его положение достигло высшего предела и, казалось, ниоткуда больше нельзя было ожидать помощи, он указывал, за несколько дней до получения известия о кончине царицы (9 января 1762 г.), своему брату принцу Генриху на этот исход, на что Генрих возразил, что, сосредоточивая в одном месте все свои силы, придется, во всяком случае в других местах, отдать неприятелю провинции и магазины.

Таких же мыслей держался и сам: король, когда, вопреки своему принципу – располагать возможно большими силами в сражении, он все

же постоянно давал сражение лишь частью своих сил, так как он расходовал остальные войска на прикрытие. Под Кессельдорфом, под Прагой, под Цорндорфом и Кунерсдорфом он мог бы располагать на поле сражения большими силами, если бы его не связывали соображения прикрытия. Уже в то время когда он осаждал Ольмюц, русские дошли до самого Одера и угрожали Берлину; принц Генрих хотел двинуть свои войска из Саксонии на соединение с графом Дона и дать сражение русским, чтобы освободить от них Марку. Однако прикрытие Саксонии представлялось королю слишком важным делом, и этот план не был осуществлен. То обстоятельство, что мы постоянно наблюдаем это явление, показывает нам, что мы имеем дело не со случайными ошибками, а с принципами. От систематического сосредоточения всех сил отказывались охотнее, потому что управлять более крупными массами труднее. Заставить, равняясь, продвигаться вперед 20–30 батальонов, развернутых в ряд, было безмерно трудным делом[177]. Вместо стремления к возможно большему увеличению сил, то и дело возникает мысль, не следует ли установить предельный максимум, не явится ли большая масса войск обузой и помехой, от которых лучше было бы

избавиться. Подсчитывали, какая численность всего выгоднее; следовательно, пытались сконструировать нормальную армию. Уже Макиавелли утверждал, что наилучшей является армия в 20 000–30 000 человек. Подобной армией можно занять такие позиции, на которых вас нельзя будет принудить к сражению, и таким путем взять измором более крупную армию[178], которую нельзя содержать продолжительное время. Тюренн предпочитал командовать немногочисленными армиями, максимум в 20 000–30 000 человек, половину которых составляла кавалерия[179]. Монтекукули также не хотел иметь больше 30 000 человек. "Бой ведется скорее духом, чем телом, – писал он, – а потому большая численность не всегда полезна". Слишком большие армии бесполезны[180]. Впоследствии эту цифру несколько увеличили. Маршал Саксонский определяет максимум в 40 000 человек. Флемминг в своем сочинении "Der vollkommene Teutsche Soldat" (1726 г.) пишет (стр. 260): "Армия в 40 000–50 000 решительных и хорошо дисциплинированных солдат способна предпринять все что угодно, она даже может без чрезмерной самонадеянности взять на себя завоевание целого мира. Все, что превосходит это число, является излишним и вызывает лишь

всяческие неудобства и беспорядки". Гибер, полстолетия позднее, дошел до 70 000[181]. Еще во времена Наполеона Моро говорил о 40 000 человек как о норме, а маршал Сен-Сир заявлял, что руководство более чем 100 000 воинами превышает человеческие способности[182].

Мысль о нормальном размере армии представляет прямую антитезу принципу возможно большего сосредоточения всех сил для сражения.

Что же дает победу в сражениях, если не превосходство сил, при предположении, что боевые качества и храбрость приблизительно равны у обеих сторон?

Клаузевиц позднее отчеканил следующее положение: "Наилучшая стратегия это – быть возможно сильнее, во-первых – вообще, а во-вторых – на решающем пункте". Мыслителю старой школы эта истина представлялась настолько не разумеющейся сама собою, что Дитрих фон Бюлов счел необходимым особо обосновать преимущества численного превосходства: оно вызывается необходимостью не дать себя охватить с флангов. "Когда располагаешь численным перевесом над противником и умеешь должным образом его использовать, то ему уже не помогут ни

большая сноровка, ни большая храбрость его солдат"[183].

Подобно тому, как каждый орган прусского военного государства по лучшей подготовке и более интенсивной напряженности превосходил соответственный орган австрийского государства, точно так же и стратегия Фридриха превосходила стратегию Дауна. Прусские войска маневрируют с большим искусством, скорость стрельбы прусской пехоты больше, шок прусской кавалерийской атаки сильнее, артиллерия у пруссаков подвижнее, управление надежнее и позволяет довести пятипереходную систему до семи- и даже девятипереходной системы: все это король-полководец, над которым нет высшего авторитета, нет Гофкригсрата, перед которым он нес бы ответственность, претворяет в эту жизнь бесконечно превосходную своей смелостью и эластичностью стратегию.

Мы уже видели, какие чудеса может совершить командование. Но в то же время мы то и дело наблюдали, какую существенную роль играет случай, совершенно слепая удача; и это значение случайности постепенно нарастало в эпоху, которую мы обозревали, а ко времени Фридриха достигло высшей степени. Теодор фон Бернгарди в своем сочинении "Friedrich der Grosse

als Feldherr" ("Фридрих Великий как полководец") высмеивает современников Фридриха, которые рассматривали исход сражения как продукт случая. В этой концепции он усматривает характерное различие межу королем и не только его противниками, но и его сподвижниками, принцем Генрихом и принцем Фердинандом Брауншвейгским. Но при этом он упускает из виду, что сам Фридрих, подобно прочим полководцам – его современникам, очень часто, добиваясь сражения, называет его вызовом, брошенным судьбе[184], особенно же упустил он из виду, что в условиях XVIII столетия случай действительно играл значительно большую роль в исходе сражения, чем в какую-либо иную предшествующую или последующую военную эпоху.

Дабы использовать действие огня, линии пехоты стали делать очень тонкими и поэтому длинными. Но такие тонкие и длинные линии были чрезвычайно хрупкими; их легко могла разорвать и привести в расстройство всякая пересеченность местности: овраги, болота, канавы, пруды, лесные заросли. Кроме того, они были крайне чувствительны на флангах. Чем построение глубже, тем легче передвигаются войска и тем легче для них обороняться также и

на флангах. Чем построение войск тоньше, тем действие их огня сильнее, но зато тем труднее для них делать передвижения как вперед, так и в сторону.

Исход сражения, следовательно, зависел в большинстве случаев от того, удалось ли наступающему выиграть фланг противника и довести до него свои линии сколько-нибудь нерасстроенными; далее, надо было, чтобы атака являлась по возможности неожиданной, ибо в противном случае неприятель мог успеть образовать новый фронт.

Насколько все это удастся выполнить, в значительной мере зависело от условий местности, которых полководец наперед не знал, да и не мог сразу охватить; а когда прибегали к покрову ночи, то войскам было трудно ориентироваться в темноте.

Качественное превосходство пруссаков над их противниками не в малой степени опиралось на то, что благодаря своему более интенсивному обучению и более высокой дисциплине, они легче могли справляться с этими затруднениями. Поэтому-то Фридрих и решился выдвинуть положение, что если фланговый маневр удался, то 30 000 человек могут вести бой против 100 000; фактически ему и удалось при Сооре и Лейтене

опрокинуть таким способом значительно превосходящие его силы.

Но рассчитать заранее сколько встретится благоприятных и неблагоприятных условий, было невозможно.

Австрийцы лишь потому потерпели неудачу при *Хотузице*, что они слишком долго задержались на выполнении своего ночного марша. Пруссакам ночной марш, приведший их к *Гогенфридбергу*, удался.

Чисто счастливой случайностью явилось для пруссаков то, что под *Кессельдорфом* они атаковали саксонцев до прибытия австрийцев.

Под *Ловозицем* австрийцы, собственно говоря, выиграли сражение, и победа осталась за пруссаками лишь потому, что Броун, не заметив и не доведя до конца своего успеха, ночью отступил.

Под *Прагой* Даун двигался со своей армией на соединение с главными силами. Передовые отрады корпуса Пуебла во время сражения уже подошли к месту боя в тылу у пруссаков на расстояние полутора миль. В корпусе было до 9 000 человек, и он смог бы решить колеблющийся исход боя не к выгоде пруссаков.

Под *Лейтеном* цепь холмов дала возможность пруссакам скрыть обход левого крыла австрийцев, а под *Колином* это оказалось невозможным.

Под *Цорндорфом* отдельный корпус русских в 13 000 человек находился на расстоянии двух переходов от поля сражения и легко мог соединиться с главными силами русских.

Под *Кайем* пруссаки могли бы победить, если бы колонна под командой генерала фон Каница, которая широкой дугой должна была обойти русских с юга, смогла бы переправиться через речку Эйзенмюленфлис.

Под *Кунерсдорфом* королю вполне удалось подвести свою армию во фланг русским, но это преимущество было утрачено, так как местность представляла затруднения для атаки, которых король не предусмотрел, отчасти и не мог предусмотреть заранее.

Под *Торгау* все зависело от совокупного действия двух совершенно отделенных друг от друга частей армии: одной – под командой короля, другой – Цитена; лишь в самую последнюю минуту начало осуществляться совместное действие.

Остановимся здесь, дабы уяснить себе специфическое величие прусского короля. Когда генерал Леопольд фон Герлах прочитал "Историю Пруссии" Ранке, он записал в своем дневнике за 1852 г. (I, 791): "Часто стратегия Фридриха поражает своей слабостью, но имеет и очень

блестящие моменты". То, что Герлаху представлялось изумительной слабостью, составляет существо стратегии измора, понимание которой для солдата XIX столетия было утрачено. Тот, кто не умеет смотреть на короля с этой основной точки зрения, фактически не может уклониться от того, чтобы не произнести над ним обвинительный приговор. В совершенный тупик попадают те, кто считает Фридриха принципиальным сторонником стратегии сокрушения; для них будничный Фридрих, за исключением немногих редких моментов, должен рисоваться слабым человеком, не решающимся ни продумать, ни осуществить собственных принципов. Лишь тот в полной мере может познать все величие Фридриха, кто в нем видит представителя стратегии измора. В оценке значения сражения, как мы видели, между ним и его современниками нет никакой разницы. Он, безусловно, всю жизнь держался взглядов стратегии измора, но в зените своей военной карьеры настолько приблизился к полюсу сражений, что могло создаться представление, будто он является приверженцем стратегии сокрушения и предтечей Наполеона. Этим думали его окружить особым ореолом славы, на самом деле этим дают ему чрезвычайно невыгодное

освещение. Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы известные предпосылки, которые не имелись налицо ни в структуре его государства, ни в структуре его армии; на каждом шагу Фридрих поневоле отстает от требований стратегии сокрушения. К нему прилагают масштаб, который совершенно к нему не подходит и который даже в самые великие моменты его жизни рисует его мелочным и ограниченным, а позднейшие его годы должны быть изображены как отказ от самого себя. Поставленный же в надлежащую рамку и на подлинную почву стратегии измора, он являет нам живой образ небывалого величия. В самом существе стратегии измора заложен, как мы видели, неустранимый момент субъективности; я считаю себя вправе утверждать, что стратегия Фридриха была субъективнее стратегии какого-либо другого полководца всемирной истории. Он то и дело запрещал своим генералам собирать военный совет; когда он передал генералу Дона командование армией против русских, он подтвердил этот запрет даже под страхом смертной казни (письмо от 2 августа 1758 г.). В военном совете, думал он, всегда одерживает верх более робкая сторона. А он требовал, чтобы делали ставку даже на

неизвестность. Такое решение всегда будет носить личную окраску и оно должно быть субъективным. Военный совет всегда слишком робок, так как он объективен.

Если допустимо здесь сравнение с изобразительным искусством, то мы позволим себе напомнить, что XVII и XVIII вв. были эпохой барокко и рококо, в которых фантазии дозволяется работать во всей ее необузданной субъективности, в то время как классическое искусство держится объективных форм. Это не дает права назвать Фридриха героем в стиле рококо, ибо такой эпитет связан с представлением об известной вычурности и художественной мелочности, совершенно неуместных в данном случае. Скорее, такое определение подходило бы к французским полководцам времен Семилетней войны. В отношении Фридриха это сравнение указывает лишь на полное отсутствие схематизма, характерное для его деятельности как полководца. Его решения определяет не естественная необходимость, а исключительно свободная личная воля. Вместо широкого вторжения с разных сторон в Богемию он мог бы в 1757 г. держаться и оборонительного образа действий, предоставляя инициативу противнику. Он не раз мог бы перейти в наступление, когда он этого не

делал[185], и мог бы отказаться от наступления под Ловозицем, Цорндорфом, Кайем и Кунерсдорфом. Формально, правда, то же самое можно сказать о решениях Наполеона, но фактически последние определялись внутренним законом, который с логической необходимостью ведет к цели. Чем сильнее влияет субъективный момент на обдумывание, предшествующее решению, тем бремя ответственности тяжелее, тем труднее бывает принять решение. Сам герой ощущает свое решение не как результат рациональной комбинации, а, как выше было сказано, как вызов судьбе, случаю. Нередко исход столкновения складывается против него. Но если он проявил величие своего характера в дерзости принятого им решения, то ему еще более пришлось его проявлять в той стойкости, с которой он противостоит несчастью.

Если сравнить Фридриха с его непосредственным предшественником, принцем Евгением, то полководческий путь прусского короля гораздо более изобилует превратностями судьбы; у принца Евгения мы наблюдаем известную упорную последовательность развития, обостряющуюся за целые годы лишь к самым крупным моментам его карьеры; а у Фридриха мы видим иной раз четыре больших сражения в

течение одного года: Прага, Колин, Росбах, Лейтен, с чередующимися победами и поражениями; перенесение последних заслуживает еще большей славы, чем сами победы. Нет сомнения, что попытка взять в плен в Праге всю австрийскую армию вела к перенапряжению сил и что атака вдвое сильнейшей австрийской армии на ее превосходной позиции под Колином являлась актом безумной отваги. Однако и победы и поражения такого рода имели моральное значение, выходившее далеко за пределы непосредственных военных результатов и почти от них не зависящее. Это – то огромное уважение, которое Фридрих внушил неприятельским полководцам. Почему они так редко пользовались теми благоприятными случаями, которые Фридрих неоднократно им предоставлял? Они на это не решались. Они ждали от него решительно всего. Если вообще двухполюсной стратегии присуще, что к крупным решениям приступают лишь с большой осторожностью, то эта осторожность у главного противника Фридриха, Дауна, доведена была до боязливости, когда он знал, что против него стоит сам король. Война – не шахматная игра; война – это борьба в такой же мере физических сил, как сил моральных и

интеллектуальных. Если проследить даже кампании Фердинанда Брауншвейгского против французов, то замечается, насколько этот ученик фридриховой школы превосходит своих противников одним уже высоким стратегическим мужеством, смело идущим на риск, от которого противник уклоняется. В 1759 г. Фердинанд имел 67 000 против 100 000; в 1762 г. – 82 000 против 140 000, и все же он устоял. Сражения – менее значительны и не столь кровопролитны, в остальном же наблюдаемые здесь контрасты совершенно те же, что и на главном театре войны, где Фридрих вел борьбу с австрийцами и русскими. Его современники с его братом принцем Генрихом во главе порицали короля, нередко в самой резкой форме, укоряя его в том, что он понапрасну проливает кровь: его военное искусство состоит в том, чтобы все время драться. Французский полковник Гибер пытался доказать (1772 г.), что он одерживал победу не своими сражениями, а своими маршами[186]. Новейшие же писатели, наоборот, видели доказательство его гениальности в том, что он, и притом – он один из всех своих современников, правильно понял существо сражения и обращался к нему на деле. В конечном счете король признал правоту своих современников, критиковавших его: он

провозгласил своего брата Генриха единственным полководцем, не совершившим ни одной ошибки; в последних своих кампаниях он отказался от принципа сражений и в своей "Истории Семилетней войны" признал метод Дауна правильным. И действительно, мы видим, что в Семилетнюю войну решение определялось не исходом сражений. Если бы Фридрих не дал сражений ни под Прагой, ни затем под Колином, не дал также ни Цорндорфского, ни Кунерсдорфского сражений, он бы легче и успешнее выдержал войну. Но это – чересчур формальное замечание. Нет спору, что избежать этих сражений было возможно, что источником их была не внутренняя, фактическая необходимость, а личное соизволение и субъективный характер полководца. Но ведь необходимы были сражения при Росбахе и Лейтене, но для полководца, дерзнувшего вступить в эти сражения, и Прага, Колин, Цорндорф, и Кунерсдорф являлись также необходимостью, правда, лишь внутренней, субъективной. "Фаэтон низвергнулся", – глумился принц Генрих после поражения под Колином. Сравнение было бы верным, если бы в этой катастрофе Пруссия действительно "пошла ко дну" и король не нашел в себе силы снова

воспрянуть. Но, обладая этой силой, он не только мог дерзнуть взяться за управление солнечной колесницей, но и должен был это сделать. Он не был бы самим собою, если бы он не пытался подчинить себе судьбу. Практически это было бы выгоднее, но для него вступить в Семилетнюю войну с той скромной программой стратегической обороны, какую он стал проводить с 1759 г., было внутренне невозможно. Ведь и в 1757 г. он ее первоначально выдвигал, но, когда Винтерфельд указал ему на блестящую возможность успешного наступления, он уже не мог, он не смел уклоняться от роковых чар такой перспективы. С этой-то точки зрения надлежит понимать не только его самого, но и противоречивые о нем суждения. Наивная толпа его современников, которая видела лишь его геройские деяния, его боготворила; критики-специалисты его времени выносили ему обвинительный приговор; последующие военные историки чувствовали нелепость такого приговора, но произнесли свое оправдание по неправильной категории и тем самым запутались в неразрешимых внутренних противоречиях.

В своем введении к "Истории Семилетней войны" Фридрих пишет, что порою нужда заставляла его искать решения в сражении. Теодор Бернгарди учит наоборот: он утверждает, что

нужда заставила короля отказаться от сражений. Можно ли встретить что-либо более курьезное, как то, что столетие спустя стратегию Фридриха в прусском Генеральном штабе уже не понимали и что приступили к изданию обширного, основанного на первоисточниках труда о его войнах, – причем когда работа по составлению этого сочинения уже значительно продвинулась, когда уже было выпущено много томов, пришли к открытию, что в основу положена ложная точка зрения? Как это ни курьезно, однако это – не только факт, но и явление не столь уж противоестественное. Между историческим анализом и практикой какого-либо искусства такое расхождение легко возникает.

Ведь историческое углубление, как оно ни ценно для практика, имеет и свои опасные стороны, ибо оно выявляет нечто, обладающее лишь относительной ценностью, многое такое, что практик превращает и должен превращать в абсолютный закон, чтобы требовать для действия полной уверенности и твердости взглядов. Лишь очень сильные умы способны совмещать и то и другое; и я закончу эту главу рассказом о том, как фельдмаршал Блументаль, несомненно принадлежавший к самым решительным сторонникам стратегии сокрушения (ведь в

1870 г. он настаивал на том, чтобы одновременно с блокадой Парижа было поведено обширное наступление внутрь Франции), однажды высказал мне свое согласие с моей концепцией стратегии Фридриха; при этом он добавил, что, может быть, настанет время, когда к ней снова вернутся.

К ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Открытием того факта, что существуют две различные основные формы стратегии, мы в действительности обязаны Клаузевицу.

Это открытие находится в написанном им в 1827 г., следовательно, не слишком задолго до его смерти, "сообщении" (Nachricht), предпосланном им его труду "О войне", а также в некоторых намеках в седьмой книге этого сочинения; проработку которого он сам не считал еще законченною. Так как Клаузевиц не успел, как он намеревался, переработать свое сочинение под углом зрения существования двойственного вида войны и так как он не нашел себе непосредственного преемника, который развил бы далее ход его мысли, ни в рядах армии, ни среди ученых, то открытие им двойственного хода войны оказалось утраченным уже в следующем поколении, и составилось представление, будто существует только один истинный способ ведения войны и что отклонения, с которыми мы встречаемся а военной истории, надо рассматривать не как явления, вызванные и обоснованные историческими условиями, а как нечто, вытекающее из недостатка

понимания, как заблуждение, как доктринерский предрассудок. Когда предварительные изыскания в биографии Гнейзенау привели меня к этой проблеме, я скоро убедился в ошибочности этой точки зрения, и мне нетрудно было, исследуя исторический облик Клаузевица как философа войны, построить при помощи наличных исторических фактов ряд соображений в том направлении, как это несомненно сам Клаузевиц имел в виду[187]. Не как новое открытие, и не с мыслью, что я этим сообщаю что-нибудь неизвестное современному мне поколению, а лишь полагая, что я повторяю всем известную историческую истину, я высказывал эту мысль в одной рецензии в 1873 г., упрекая автора в неведении этой истины.

Однако моя концепция была отвергнута; первым выступил против меня Кольмар фон дер Гольц, впоследствии – генерал-фельдмаршал, причем выяснилось, что 2 нахожусь в таком грубом противоречии с господствующим мнением, что меня даже не понимают. По поводу этой проблемы возникла целая литература, но главная борьба, которую мне пришлось выдержать, заключалась не столько в защите моей концепции, сколько в отражении целого ряда неискоренимых недоразумений. В центре спора, естественно, была стратегия Фридриха Великого, о котором составилось представление, что на него следует смотреть как на предтечу Наполеона в отношении открытия истинных принципов стратегии, между тем как я его изображал как представителя стратегии измора, который велик не открытием новых принципов, но силой своего характера и величием своей личности. Непонимание

того, что я хотел сказать, зашло так далеко, что один видный военный писатель, генерал фон Богуславский, совершенно чистосердечно цитировал в своей рецензии "без всякого сражения" там, где у меня написано "при помощи сражения". Особенно же не хотели мне поверить, что моя концепция является и должна являться реабилитацией Фридриха; в ней видели злостное желание "ощипать лавровый венок великого короля". Раздраженный таким обидным непониманием, я взялся за оружие пародии и доказал в "Стратегии Перикла", что если исходить из принципов стратегии сокрушения, то, якобы, великий полководец Фридрих окажется стратегическим путаником, в результате чего мне пришлось пережить тяжелую минуту, когда прусскому министру народного просвещения в верхней палате был брошен укор, что он сделал профессором человека, обозвавшего Фридриха Великого стратегическим путаником.

Корнем всех недоразумений являлся термин "стратегия измора". Я отчеканил эту формулировку как антитезу к термину Клаузевица "стратегия сокрушения", но должен сознаться, что это выражение отличается тем недостатком, что оно порождает неправильное представление о чистой маневренной стратегии. Но до сих пор мне не удалось подыскать более удачного выражения, ибо выражение "двухполюсная стратегия", которым я тогда стал пользоваться во избежание этого неправильного понимания, во многих отношениях является спорным и не получило права гражданства.

Долгое время я находился в полном одиночестве с моей концепцией. Корифеи исторической науки того

времени – Дройзен, Зибель и Трейчке – были заодно с фельдмаршалом Мольтке и историческим отделением Большого Генерального штаба, которое приступило с 1890 г. к изданию широко задуманного, построенного на первоисточниках труда "Войны Фридриха Великого", и отвергли мой взгляд, а тот ученый, которому приписывали наиболее глубокое понимание военного дела, написал двухтомное сочинение "Фридрих Великий как полководец" ("Fridrich der Grosse als Feldherr", 1881 г.) в опровержение моих взглядов, на которые смотрели, как на ересь и притом, по неоднократно высказанному "Крестовой газетой" мнению, как на опасную и вредную ересь. В "Preussische Jahrbьcher" Альфред Дове категорически присоединился к мнению Бернгарди.

Иэнс в третьем томе своей "Geschichte der Kriegswissenschaften", 1891 г., проводил в общем тот же взгляд на стратегию Фридриха Великого, как и я; он категорически отвергал представление Теодора фон Бернгарди, будто Фридрих имел иную, более глубокую концепцию о существе стратегии, и особенно о сражении, и установил (стр. 2029), что король сделался великим не благодаря своей стратегической теории, а вопреки ей; он не мог окончательно освободиться от традиционных пережитков и заключил компромисс между этими доктринами и своим темпераментом. Связь между политико-социальными условиями старой монархии, структурой армии и стратегией он рисует совершенно так же, как и я. Разница между ними заключается лишь в том, что Иэнс порою подбирает для короля слишком невыгодные для него выражения, выводит из неосуществимых планов периода второй Силезской

войны такие заключения, которые я признаю необоснованными, а потому считает начало Семилетней войны не кульминационным пунктом Фридриха, а уже моментом отказа его от себя самого (стр. 2027).

Таким образом, Иэнс, так сказать, заходит дальше, чем я. Однако он так мало это осознавал, что, рецензируя мою концепцию, он воображал, что занял примиряющую позицию между мною и моими противниками. Когда же Густав Роллоф в статье, напечатанной в приложении к "Augsburger Allgemeine Zeitung" (1893 г., No 16), доказал, что наши взгляды во всех существенных пунктах сходятся и что Иэнс даже пользуется теми же самыми терминами, что и я. Иэнс однажды в разговоре со мной объяснил это недоразумение тем, что он, как и все остальные, разделял ошибочное представление, будто я хочу изобразить Фридриха как простого, так называемого методика, поэтому, хотя он бессознательно и перенял отчасти мою терминологию, все же ощущал себя в противоречии со мною. Но так как в своей "Истории военных наук" он уже высказался раз против моей концепции, то в научных кругах так и осталось сомнение по этому поводу.

Еще вреднее для правильного понимания оказалась позиция, занятая специалистом-знатоком той эпохи Рейнгольдом Козером.

Фактически его учение совпадает с моим – в частности, что Фридрих не мог применять стратегии сокрушения, – и весьма схоже со мной описывает он объективные и субъективные причины, побуждавшие Фридриха искать решения в сражениях. Однако он стремится установить различие между стратегией

Фридриха и стратегией его противников, причем лишь последнюю он признает за стратегию измора, так как они принципиально стремились избегать риска сражений, между тем как Фридрих частым применением сражения стремился хотя и не сокрушить неприятеля, но лишить его мужества и устрашить. Против такой формулировки можно было бы и не возражать, если бы она обрисовывала только практику той и другой стороны. Между тем Козер констатирует, так сказать, три (или даже четыре) различные теоретические основные формы стратегии: стратегию сокрушения, стратегию Фридриха Великого и стратегию измора. Это прежде всего вносит ту путаницу, что, заимствуя у меня термин "стратегия измора" (ermattunge Strategie), он пользуется им в ином смысле – как "слабая, тусклая стратегия" (matte Strategie), не доводя в должной мере до сознания читателя это отклонение от первичного, основного смысла этого термина. Между тем на фактах нетрудно убедиться, что козеровское тройное подразделение не отвечает историческим фактам. То, что он филологически допустимо определяет как стратегию измора, а именно – чистую маневренную стратегию, представляет метод, который в действительности никогда не встречается в истории войн, и если бы где-либо и можно было найти пример такого метода, то уж во всяком случае не у противников, с которыми Фридриху пришлось бороться. Ни один из них, как то изображает Козер, принципиально не избегал сражения. Напротив, скорее они имели его в виду и добивались во всех тех случаях, когда они считали его уместным.

Под Мольвицем австрийцы заставили Фридриха

дать сражение, став на пути отступления пруссаков; под Хотузицем, Бреславлем и Гохкирхом наступление вели они; под Соором они всемерно готовились это сделать; под Лигницем они приняли все меры к тому, чтобы дать сражение с целью полного уничтожения противника. Такой же план был составлен перед Росбахом. Императрица Мария Терезия с императором Францем точно так же, как и русский совет министров, то и дело настаивали на том, чтобы дано было сражение, и указывали на прусскую армию как на действительный объект военных действий, а не на какое-либо приобретение территории. Следовательно, не усматривается какого-либо принципиального различия между Фридрихом и его сторонниками. Да и как мог бы в таком случае Фридрих назвать метод Дауна правильным? Если бы в методе Фридриха, в отличие от метода его противников, преобладал безусловно принцип решения при помощи сражения, то в кампаниях 1762 и 1778 гг., а также в том факте, что после Лейтена он за пять лет только один раз предпринял наступление против австрийцев в широком масштабе, он тем самым отрекся бы от самого себя и проявил бы нерешительность и непоследовательное колебание то в ту, то в другую сторону.

Правильной оценки Фридриха можно достигнуть лишь при условии, что различие между ним и его противниками будут искать не в иной теории и не в иных принципах, а в силе его личности, в решимости, в быстроте взгляда, в плодотворности ума, в твердости воли. От этого-то различия все и зависело, а так как Козер в этом случае не дошел до ясного и определенного понимания, то, несмотря на

фактически правильную ориентацию его сочинения, проблема осталась окутанной известным туманом.

Отто Гинце в своем труде "Гогенцоллерны и их деяния" (Otto Hinze. Die Hohenzollern und ihr Werk), появившемся в 1915 г., выражается следующим образом (стр. 357): "Фридрих всегда предпочитал искать решения в сражении, в противоположность методикам старой школы, которые отдавали преимущество маневрированию". Против этого, пожалуй, в общем не стоило бы возражать, но с научной точки зрения такая формулировка не точна или же прямо не верна. Ни противникам Фридриха не дано меткой, исчерпывающей характеристики в определении их как "методиков старой школы", ни сам Фридрих не предпочел "всегда" искать решения в сражении – даже в 1756 г., не говоря уже о 1742, 1761, 1762 и 1778 гг.. Там, где он к этому стремился, это его стремление часто не было достаточно сильным, чтобы добиться такого решения, как например в 1744 г., или же когда он давал сражение, он сам на него смотрел как на средство отчаяния, своего рода "рвотное", и прибегал он к нему потому, что иного выхода для него не было, например в 1741, 1745 и 1760 гг.

В то время как историки все еще колебались в нерешительности, а труд о войнах Фридриха Великого в дальнейших своих томах продолжал идти, хотя и с некоторыми смягчениями, по раз намеченному пути, в самом историческом отделе Большого Генерального штаба появилось новое течение, которое и одержало верх. В 1899 г. в "Военно-исторических монографиях" (Kriegsgeschichtliche Einzelschriften, bd 27) появилась монография под заглавием "Взгляды Фридриха Великого на войну в их развитии с 1745 до 1756 года"

("Friedrichs des Grossen Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwickelung von 1745 bis 1756"); автор ее почти без оговорок стал на мою точку зрения. Здесь устанавливается, что Фридрих сознательно и определенно отказался вступить на путь, подобный тому, по которому пятьдесят лет позднее должен был пойти Наполеон (стр. 375). То, что я назвал полярностью в стратегических взглядах Фридриха, перефразируется так: взгляды короля были нередко в состоянии коллизии между собою (стр. 374). Также и взгляд, который еще отстаивал Иэнс, что Фридрих при первых своих выступлениях в юношеском увлечении порвал с традиционными взглядами, категорически отвергается автором. Еще после 1746 г. король всецело стоял на точке зрения традиционной теории, которая с недоверием смотрела на сражение (стр. 267). Но тогда как в этом труде нашло себе выражение правильное понимание, большое сочинение о войнах Фридриха Великого продолжало выходить в прежнем духе, и то и дело появлялись отдельные работы сотрудников Большого Генерального штаба, которые пытались доказать право собственности Фридриха на принципы Наполеона.

Из полемической литературы по этому вопросу отмечу:

Von Taysen. Das militdrische Testament Friedrich's des Grossen // Miszellaneen zur Geschichte Friedrichs des Grossen. 1878.

Delbrьk. Рецензия на это сочинение в Zeitschrift fьr Preussische Geschichte. Bd 15. S. 2117.

Colmar von der Colz. Zeitschrift fьr Preussische Geschichte. Bd 16. 1879, с моим возражением.

Theodor von Bernhardt. Friedrich der Grosse als Feldherr. 1881. Bd 2.

Delbrьk. Рецензия на это сочинение в "Zeitschrift fьr Preussische Geschichte". Bd 17. S. 541.

Von Taysen. Zur Beurtheilung des 7-jдhrigen Krieges. 1892.

Von Caemmerer. Friedrich's des Grossen Feldzugsplan fьr das Jahr 1754, 1883. Последние два сочинения рецензированы мною в "Historische Zeitschrift". Bd 52. S. 155.

Von Malachowsky (Major). Die metodische Kriegsfьhrung Friedrich des Grossen в "Grenzboten". 1884. No 31. Мой ответ в "Preussische Jahrbьcher". Bd 54. S. 195.

Delbrьk. Ueber die Verschiedenheit der Strategie Friedrich's und Napoleon's // Historischen und politischen Aufsдtze. 1887.

Delbrьk. Die Strategie des Perikles, erlдutert durch die Strategie Friedrichs des Grossen. 1890.

Mдx Jдhns. Geschichte der Kriegswissenschaften. 1891. Bd 3.

Von Rцssler (Major). Die Angriffsplдne Friedrichs in den beiden ersten schlesischen Kriegen // Militдrisches Wochenblatt, 1891.

Friedrich von *Berhardi*. Delbrьck, Friedrich der Grosse und Clausewitz. 1892.

Deibrьk. Friedrich, Napoleon, Moltke. 1892.

Dalhoff-Nielsen (dдnischer Hauptmann). Jahrbьcher fьr deutsche Armee und Marine. 1902. Bd 2.

Von Boguslawsky (General-leutenant). Die Strategie in verschiedener Beleuchtung // National Zeitung, 1892. No 169, 175.

Gustaw Roloff. Augsburger Allgemeine Zeitung.

1892. Nachtr. No 16.

Fr. von Bernliardi. Augsburger Allgemeine *Zeitung*. 1892. Nachtr. No 65.

Richard Schmidt. Gцttingener Gel. Anzeiger. 1892. No 23.

R. Koser. Kцnig Friedrich der Grosse. 1893, Bd 1. 1903, Bd 2.

Grosser Generalstab, Abtheilung fьr Kriegsgeschichte. Friedrich der Grosse. Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwickelung von 1745 bis 1756. Kriegsgeschictiliche Einzelseshriften. 1899. Bd 27.

E. Daniels. National Zeitung 28/XII, 1898, 8/1, 1899. Полемика с Богуславским и Иэнсом.

Koser. Die preussische Kriegsfьhrung im siebenjдhrigen Kriege // Historische Zeitschrift. Bd 92, S. 239; Bd 93, S. 71. Мои ответы, т. 93, стр. 66, 449.

Von Caemmerer. Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert. Моя рецензия в "Preussische Jahrbьcher". Bd 115. S. 347.

Fritz Hцniq (Hauptmann). Deutsche Heeres-Zeitung, 1892. No 18, 19, 22.

Примечания

1 О возникновении и образовании австрийской армии см. "Историю Императорско-королевской вооруженной силы с 1618 г. до конца XIX столетия" (Geschichte der K. und K. Wehrmacht von 1618 bis Ende des XIX Jahrhunderts). Изд. Управления Императорского королевского военного архива.

2 Franzцsische Geschihte, Bd 1, S. 369.

3 *Susane*. Histoire de la cavalerie francaise. Vol. 1. P. 82.

4 Feldzьge des Prinzen Eugen, Bd l, S. 507.

5 *Susane*. Histoire de l'Infanterie. Vol. 1. P. 76.

6 Образцом, может быть, послужили сформированные в 1544 г. испанские терции, отношение которых к "Колумеллам" не вполне ясно.

7 *Mention*. L'armйe de l'ancien rйgime 1900.

8 *Ritter*. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation. Bd 3. S. 518.

9 *Andrй*. Le Tellier, p. 26.

10 Ibid, p. 217.

11 Согласно Сюзану (изд. 1876 г., стр. 312), пехоты в строю было не больше 125 000 человек.

12 *Susane*. Histoire de la cavalerie francaise, p. 136, 154.

13 Michel le Tellier et l'organisation de l'armйe monarchique par *Louis Andrй*. Paris Fйlix Alkan. 1906. Обширное, основанное на документах сочинение. Порою наблюдается тенденция слишком навязчиво выдвигать на первый план заслуги Ле Телье. В 1900 г. французское военное министерство издало сочинение: "Historique des corps de trouppe de l'armйe francaise (1569 – 1900)". В введении – обзор соответственной литературы, начиная с сочинения *Даниэля* 1721 г. Книга содержит обозрение в форме таблиц всех отдельных войсковых частей с 1569 г., без исследования источников, перечень командиров и

сражений, в которых части принимали участие, и т. п.

14 *Susane*, p. 100. Еще де Ля Ну объясняет превосходство испанской пехоты над французской тем, что у испанцев служило в пехоте много дворян *(Jdhns, p.* 564; *Jovius*, 1538, vol. 37; 1578, p. 364, 366) и передает нам курьезный рассказ, как у испанцев командиры менялись еженедельно по жребию.

15 De la *Noue*. Discours XIV. 1587, p. 338.

16 Первый след принципиального различия между офицерами и унтер-офицерами я нахожу в одном замечании *де Ля Ну* (13 Discours. 1587, p. 327). Здесь он хвалит испанцев за то, что они слушаются приказаний простых сержантов, а т е м б о л е е офицеров.

17 Хоер (*I. G. Hoyer*. Geschichte der Kriegskunst, S. 188), у которого еще сохранилась живая традиция, видит основную причину плохой дисциплины во французском войске XVIII столетия в продаже офицерских должностей. Однако такие явления не следует рассматривать изолированно, а затем использовать их,

рассматривая как причину. И в английской армии господствовала система продажи офицерских должностей, однако же не только в ней сохранилась дисциплина, но эта ненормальность принесла ей ту выгоду, что выдающийся человек, если он при этом обладал и богатством, мог попасть на высший командный пост еще в очень юные годы. Таким путем Веллингтон достиг чина подполковника в 23 года.

18 Весьма обстоятельно обработан вопрос о положении офицеров из дворян и из буржуазии во французской армии в кн.: *Louis Tuetey*. Les officiers sous l'ancien rйgime, nobles et roturiers. Paris, 1908.

19 Пюисегюр *(Puysйgur*, chapter 6, p. 50) считает одного офицера на 16–17 солдат, в другом месте (p. 103) – на 25 человек. Сикар *(Sicard*. Hictoire des institutions militaires des Francais. Vol. 2. P. 229) считает 1 офицера на 12–13 человек (79 050:6 553); p. 244 – на 19–20 человек (685:35) в пехотном батальоне. Сюзан *(Susane*. Histoire de l'infanterie francaise. Vol. 1. P. 278) – на 15 человек (685: 35). Беренхорст *(Berenhorst*. Betrachtungen. Bd 1. S. 6) – на 18 человек (900 : 50) один офицер. *Сюзан* добавляет к своему указанию, что в 1718 г.

нашли это число чрезмерным, а потому сократили число рот; но в 1734 г. число их снова было увеличено. Хоер *(Hoyer*. Geschichte der Kriegskunst. Bd 2. S. 505) говорит, что реформа военного министра Сен-Жермена установила численность роты в 125 человек, из них 7–8 офицеров. Согласно Шюке, число всех французских офицеров в 1789 г. достигло 9 000 человек. Также и в Австрии во времена принца Евгения число офицеров было очень велико. Монтекукули требовал 33 офицера на 1 500 солдат. В Пруссии к декабрю 1740 г. было 3 116 офицеров на 100 000 человек, а в 1874 г. – 5 300 офицеров приблизительно на 200 000 человек. Полк Тюна насчитывал в 1784 г. 52 офицера на 2186 человек унтер-офицеров и рядовых, в том числе и 40 запасных, следовательно, один офицер на 42 солдата ("Militdr. Wochenblatt". 1909 г., столбец 3768).

20 Данные о времени поступления на службу Бернадотта не вполне совпадают у обоих его биографов: *Sarrans-Jeune, Kldber*.

21 *Daniels*. Preussische Jahrbьcher. Bd 79. S. 523.

22 *Hoyer*. Geschichte der Kriegskunst. Bd 2. S. 199. Согласно *Hucy (Nys*. Le droit international. Vol. 3. P. 512), первый договор о "районировании" (выкупе) был заключен в 1550 г. между Морицем Саксонским и городом Магдебургом. Выкуп не должен был превышать месячного оклада жалования. *Heffer-Geffken* (Vqlkerrecht § 142) указывает как на старейший картель об обмене военнопленными и о выкупе их на договор, заключенный между Францией и Голландией в 1673 г. *Pradier-Fodŭrŭ* (Traitŭ de droit international public. Vol. 7. P. 45) приводит еще другие подобные договоры. Как высшую норму выкупа, иногда назначали жалование за четыре года.

23 Первое обещание оказать призрение, которое, насколько я припоминаю, мне пришлось прочитать, помещено в Штральзундском договоре о найме солдат от 1510 г. *(Beck*. Artikelsbriefe, s. 118), где обещается призрение раненых и инвалидов.

24 В Нидерландах господствовало деволюционное право, по которому только дети от первого брака наследовали недвижимое имущество родителей, имевшееся уже при заключении первого брака. Придравшись к этому праву, Людовик XIV,

женатый на дочери испанского короля от первого брака, предъявил требование на Нидерланды, когда на испанский престол вступил Карл II, родившийся от второго брака. Отсюда война 1667 – 1686 гг. и получила свое начало.

25 *Daniels*. Ferdinand von Braunschweig // Preussische Jarbьcher. Bd 80. S. 509; Bd 79. S. 287.

26 Нидерландец *Ле Гон (Hondius)* писал об Валльгаузене *(Иэнс*, т. 2, стр. 1039): "Валльгаузен написал большую книгу об экзерциях полка, с которыми мы не встречались ни в одном государстве и которые будто бы применяются у принцев Оранских; будучи лишь одной фантазией, которую записывают на бумагу, они не могут быть проделаны ни одним офицером, командующим солдатами, их нельзя даже встретить у писателей, уверяющих, будто Икар захотел так высоко полететь, что он свалился сверху, и стремящихся перенести такие фигуры на бумагу, чтобы их почитали за великих мудрецов (?)". Француз Барден отзывается о "Военном искусстве пехоты" как о "неудобочитаемом пустом наборе слов (fatsas), из которого ничего нельзя извлечь" *(Иэнс*, т. 2, стр. 1042).

27 В защиту его можно сказать, что и такой солдат, как Монтекукули, писал подобные же вещи: "Если хотят построить отряд конных копейщиков не для атаки, а для обороны, то ему можно придать квадратную форму, образующую фронт в каждую из четырех сторон". Там же рекомендуется круглое или сферическое построение (Сочинения, т. 1, стр. 352).

28 *L. Plathner*. Graf lohann von Nassau und die erste Kriegsschule (Берлинская диссертация, 1913 г.).

29 Граф Рейнгард Зольмс составил около 1519 г. военную энциклопедию, которую *Иэнс* (т. 1, стр. 510) называет "Военное управление" (Kriegsregierung); он решительно отвергает в ней идею милиции, ибо люди, составляющие ее, в момент опасности разбегаются. Лазарус Швенди стоял за нее (там же, стр. 539). Генерал фон Клитцинг представил герцогу Брауншвейг-Люнебургскому доклад о том, что, по его опыту, милиция не может противостоять навербованным войскам; он рекомендует перемешивать между собою навербованных солдат с взятыми по набору *(Von der Decken*. Herzog von Braunschweig-Lьneburg. Bd 2. S. 189).

30 Лишь однажды, и притом для второстепенной цели, ландвер удалось использовать; когда герцог в 1620 г. вступил в Богемию, он им прикрыл свою страну от Союза *(Krebs*. Schlacht am Weissen Berge, S. 32).

31 Когда аугсбургский бургомистр хотел принудить всех граждан приобрести оружие для ежедневных упражнений, весь город возмутился такой мерой и заявил, что это бессмыслица, напрасная трата времени и денег, так как той же цели, при огромном значении аугсбургской промышленности, можно достигнуть и лучше и дешевле при помощи наемных войск *(Schmoller*. "Tьb. Zeitschrift". Bd 16. S. 486).

32 *Jany*. Die Anfdnge der alten Armee, S. 2.

33 *Jany. I, 10. Krollmann*. Das Defensionswerk im Kцnigreich Preussen, 1909.

34 *Meynert*. Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassung in Europa. Bd 2. S. 99.

35 В июне 1625 г. исчислили стоимость поставок, выжатых расквартированными в Гессене в 1623 г. лигистскими войсками из населения одних лишь

городов и сел, принадлежавших ландграфу, а не дворянам, не считая грабежей и разрушений, в 3 318 000 рейхсталеров – сумма, в десять раз с лишком превосходящая ту, которую три года назад сословные представители отпустили ландграфу, но которой не хватило для защиты страны (*M. Ritter*. Deutsche Geschichte. Bd 3. S. 260). *Гиндели* определяет общую сумму контрибуций, собранных Валленштейном за первый период его командования, в 200–210 миллионов талеров. Один только город Галле показал, что с сентября 1625 по сентябрь 1627 г. он заплатил 430 274 гульдена.

36 *Von Bonin*. Der Kurbrandenburgische Kriegsrath, 1630 – 1641 // Brandenb.-preussische Forschungen. 1913. S. 51, 52.

37 Историки еще не вполне согласились между собою относительно сущности и характера сокращения армии 1641 г. и ее состава до 1656 г. Представление Дройзена, будто бы в 1641 году дело шло главным образом о расторжении двойного обязательства по отношению к императору, с одной стороны, и курфюрсту – с другой, и что юный государь одновременно сломил противодействие и сословий и

полковников, дабы отныне создать единую армию, подчиненную одному лишь курфюрсту, в настоящее время всеми оставлено. *Meinardus*. Protokolle und Relationen des "Brandenburgischen Geheimen Rats". Введение к I и II томам. Статья "Schwarzenberg" в "Allgemeine Deutsche Biographie". Статья в "Preussische Jahrbьcher", т. 86. *von Schrцtter*. Brandenburg-preussische Heeresverfassung unter dem Grossen Kurfьrsten. 1892. *Brake*. Die Reduction des Brandenburg-preussischen Heeres im Sommer 1641 (Боннская диссертация, 1898 г.) Кроме того, *Meinardus*. Historische Zeitschrift, 81, 556; 82, 370. *Jany*. Die Anfдnge der alten Armee. Urkundliche Beitrдge sur Geschichte des Preussischen Heeres, вып. 1. 1901 r.

38 *Ferd. Hirsch*. Die Armee d. Gr. Kurfьrsten // Hist. Zeitschrift. 1885. Vol. 531.

39 Это важное наблюдение сделано фон *Бониом* в "Archiv fьr Militдrrecht", 1911, S. 262.

40 Ср. статью "Der preussische Landrat" в моем сборнике "Historische und politische Aufsдtze", где я развиваю различия между прусской, английской и французской системами управления.

41 *Ritter*. Das kontributionssystem Wallensteins // Hist. Zeitschrift. Vol. 90. S. 193. Уже Ранке подметил у великого кондотьера черту "владетельного государя" в его системе военного управления, направленной на то, чтобы горожане и крестьяне при всех поборах, производимых с них, могли бы хоть кое-как существовать.

42 *V. Schrцtter*. Die Ergdnzung des preussischen Heeres unter dem ersten Kцnige // Brandenburg-Preussische Forschungen. 1910. S. 413.

43 Как на аналогию перерождения старой повинности "обороны страны" (Landes-Defension) в постоянную армию укажем на переговоры, имевшие место в 1639 г. между императором и нижнее-австрийскими сословными представителями. Последние хотели установить принцип, что повинность обороны страны может быть применена лишь внутри границ данной области. Император же требовал, чтобы было поставлено по одному человеку от каждых 20 человек и предложил обсудить вопрос, "больше ли будет пользы, если собрать этих людей в особый отряд или если они будут распределены по старым

полкам для пополнения их" *(Meynert*. Geschichte des Kriegswesens. Bd 3. S. 10).

44 Основным исследованием является: *Max Lehmann*. Werbung, Wehrpflicht u. Beurlaubung im Heere Friedrich-Wilhelms I // Historische Zeitschrift. 1891. Vol. 67. Весьма наглядную, слово за словом документально обоснованную картину структуры прусского войска в XVIII столетии дает сочинение Детте *(Erwin Dette*. Feiedrich der Grosse und sein Heer. Gettingen, 1915). Некоторые характерные замечания я заимствовал дословно из этой прекрасной книги.

45 Это тем примечательнее, что, согласно Шрёттеру (цит. соч., стр. 466), ко времени смерти Фридриха I уже существовала система набора с правильными списками, с освобождением владельцев-собственников (Possessionierten), совершенно схожая с той, какую создал Кантон-Регламент. По-видимому, насильнической натуре Фридриха-Вильгельма I полный произвол, господствовавший при наборах, производимых офицерами, был как раз по нутру.

46 *Courbiur*. Geschichte der Brandenburg-preussischen Heeresrverfassung, S. 119. Если здесь

говорится (s. 120) о людях от 3 и ниже 3 дюймов, то мне кажется, что это описка; так как самой низкой мерой, до которой опускались при полном недостатке в людях, как например в последние годы Семилетней войны, было 5 футов 5 дюймов = 1.7 метра. Ср. *Grьnhagen*. Schlesien unter Friedrich dem Grossen. Vol. 1. S. 405. *Reimann*. Geschichte des preussischen Staates. Vol. 1. S. 164, из которых видно, что даже для гарнизонных полков не спускались ниже 5 ф. 3 д. Согласно труду Козера *(Koser*. Friedrich der Gr. Bd 1. S. 538), Фридрих Великий требовал для старейших полков в первой шеренге – 5 ф. 8 д., во второй шеренге 5 ф. 6 дюймов, а для молодых полков – 5 ф. 7 д. и 5 ф. 5 д.

47 В одном отчете управления Кур-Марки за 1811 г. говорится: "В прежние времена требовалось столь небольшое пополнение убыли из местных жителей, что можно было забирать лишь таких субъектов, без которых совершенно свободно можно было обойтись, причем выбор их производился гражданскими властями".

48 Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte, S. 308.

49 *Ranke*. Werke. Bd 27. S. 230.

50 *Jdhns*, Bd 2, S. 974.

51 Перепечатано в "Taktische Schulung", стр. 687.

52 *Von Osten Sacken*. Preussens Heer von seinen Anfdngen bis zur Gegenwart. 1911. Bd 1. S. 173.

53 Цифры эти вычислены по данным полка, который в 1784 г. именовался Тюна, а в 1896 г. – Винниг. *Ollech*. Leben Reihers // Militdrisches Wochenblatt. 1859. S. 11. *Kunhardt* von *Schmidt*. Ibid. 1909. Совершенно верно полагает последний, что при однородности состава армии такой список дает картину не только единичной воинской части, но и всей пехоты того времени. Такие же соотношения возрастов были уже в 1704 г. *(Шрёттер*. Цит. соч., стр. 453).

54 *M. Lehmann*, s. 278.

55 Уже *Баста* (кн. 1, гл. 6), следовательно, задолго до Тридцатилетней войны, жалуется на то, что начали раздавать капитанские должности только знатным людям, хотя бы они даже были совершенно неопытны, так что ни один рядовой

не мог надеяться подняться вверх, разве в виде редкого исключения. Согласно Лове *(Lųwe*. Organisation des Wallensteinschen Heeres, S. 86), во время Тридцатилетней войны генералы и полковники были большей частью из дворян, а между субалтерн-офицерами еще встречались бывшие рядовые солдаты. Дройзен *(G. Droysen*. Beitrdge zur Geschichte des Militdrwesens im 30-jdrigen Kriege // Zeitschrift fьr Kulturgeschichte. 1875. Bd 4) сильно подчеркивает, в противоположность Гансауге, что в то время не существовало особого корпуса офицеров.

56 *Schrųtter*. Br.-preussische Forschungen. Bd. 27.

57 Весьма поучительный разбор военных чинов дает *Рихард М. Мейер (Meyer R*. Die Militdrischen Titel // Zeitschrift fьr deutsche Wortforschung. 1910. Bd 12. S. 145). Устав Фридриха-Вильгельма 1726 г. имеет много сходства с испанским уставом. *Иэнс* (т. 2, стр. 1577), полагает, что последний послужил для первого непосредственным источником. *Эрбен (Erben*. Mittheilungen des K. und K. Heeresmuseums. 1902. Bd 1), по-видимому, не согласен с этим взглядом. Я не решаюсь высказаться определенно по этому вопросу.

58 *Smoller*. Historische Zeitschrift. Bd 30. S. 61.

59 Betrachtungen ьber die Kriegskunst, *S*. 13.

60 *C. Droysen*. Beitrdge sur Geschichte des Militdrwesens wdhrend der Epoche der 30-jdhrigen Krieges // Zeitschrift fьr deutsche Kulturgeschichte. 1875. S. 592.

61 Донесения посла Валори от 1874 г., опубликованные у Козера *(Koser*. Brandenburg -Preussische Forschungen. 1894. Bd 7. S. 299). Валори настолько подчеркивает маршировку в ногу пруссаков, что можно усомниться в том, что французы были посвящены в это искусство.

62 *Daniels*. Ferdinand von Braunschweig, Jahrbьcher, bd 77–82.

63 Согласно так называемому военному завещанию Фридриха, в 1780 г. было 110 000 пруссаков на 80 000 иностранцев; цифры эти не вполне достоверны, ибо местные жители, не происходившие из кантона данного полка, сосчитаны в данном случае как иностранцы.

64 В сочинении *Валльгаузена* "Французское войско" *(Wallhausen*. Militia, Gallica), представляющем перевод книги Монтгомери (стр. 44), точно указаны пределы карательной власти, предоставленной каждой командной должности. Полковник имеет право ударить шпагой и даже убить хотя бы офицера, также и сержант-майор, но бить последний может лишь своей тростью, то есть палкой, которой он отмеряет ряды и шеренги, и в этом ни для кого не должно быть обиды. Капитан может наносить удар лишь шпагой плашмя. Также и лейтенанты и сержанты – на походе и в траншеях; на квартирах же они могут это делать только по отношению к своим непосредственным подчиненным. Подпрапорщики (Fdhnrich) пользовались этим правом лишь при исполнении ими должности лейтенанта или капитана. Сержанты (здесь противоречие с предыдущим) – лишь в походе, во время сражения, в карауле, в траншеях могли бить древком своей алебарды, но не шпагой, если солдат покинул пост; на квартирах либо по другой какой причине они бить не могли.

65 *Daniels*. Preussische Jahrbьcher. Bd 82. S. 270.

66 По исчислениям труда Генерального штаба. Это, следовательно, было к моменту, когда Фридрих начал войну. Ранке (т. 3, стр. 148) цитирует памятную записку, согласно которой Фридрих-Вильгельм I оставил своему сыну 83 484 человека, в том числе 72 000 человек полевых войск; другие источники определяют численность армии до 89 000 человек. Согласно Шреттеру, прусская армия ко 2 января 1705 г., когда она значительно усилились благодаря субсидиям морских держав, уже достигла 47 031, а вместе с милицией – 67 000 человек, то есть почти 4% населения.

67 "Preussische Jahrbьcher", Bd 142, 5. 300.

68 *Rьstow*. Geschichte der Infanterie. Bd 11. S. 42–50.

69 *Jany*, S. 108.

70 *Pastenacci*. Schlacht bei Enzheim.

71 Саксонская пехота пыталась, но безуспешно, оградиться при помощи рогаток от шведов в сражениях при Клиссове (1702 г.) и при Фрауштадте (1706 г.).

72 Согласно Вюрдингеру *(Wьrdinger*. Kriegsgeschichte von Bayern. Bd 2. S. 349), такая пика-шило (Ahlspiess) занесена в реестр Пассаусского цейхгауза за 1488 г.

73 По источникам, приводимым у Фёрта *(Firth*. Cromwell's Army, p. 87), немецкие крестьяне уже в начале XVII столетия пользовались легким охотничьим ружьем с кремневым замком. В 1626 г. этим оружием крестьяне окончательно добили те имперские полки, которых разбил Христиан Брауншвейгский.

74 Я здесь сообщу ряд дат постепенно введенных усовершенствований в огнестрельном оружии, не ручаясь, впрочем, за полную точность указаний относительно отдельных годов. Из них мы можем себе, во всяком случае, составить представление о том, как медленно и постепенно протекало это развитие. В литературе на первом месте стоят работы Тирбаха *(Thierbach*. Zeitschrift fьr historische Waffenkunde, Bd 2, 3).

Вторая половина XVI столетия – бумажные патроны для рейтаров; 1608 г. – заряжание в 95 приемов; 1653 г. – бумажные патроны сначала без пули. *Шпак* в юбилейном сочинении в честь

Тирбаха доказывает, что лишь в 1655 г. были розданы полкам мушкеты без сошек. 1670 г. – введение бумажных патронов в бранденбургской пехоте. 1648 г. – в Австрии введены кремневые ружья. 1688 г. – Вобан, по-видимому, изобрел штыковую трубку. 1690 г. – введение бумажных патронов во Франции *(Иэнс*, т. 2, стр. 1236). 1698 г. – Леопольд фон Дессау вводит в своем полку железные шомполы. 1699 г. – штык с шейкой. 1703 г. – окончательное упразднение пик во французской пехоте. 1708 г. – то же у нидерландцев, согласно *Coxe*. Leben Marlboroughs. Bd 4. S. 303. С 1818 г. – железный шомпол вводится во всей прусской пехоте. 1721 г. – упразднение пики в русской армии, 1733 г. – заряжание ружей с приткнутым штыком в прусской армии. *(Иэнс*, т. 3, стр. 2498). В 1744 г. (или уже в 1742 г.) – введен железный шомпол в Австрии. 1745 г. – железный шомпол во Франции. Мюллер (*J. C. Mьller*. Der wohl exercierte Preussische Soldat), служивший вольным-фендрихом и бывшего гражданином города Шафгаузена (1759 г.), утверждал (стр. 18), что Фридрих незадолго до нынешней кампании приказал переменить все ружейные ложа, притом устроить верхнее кольцо для шомпола в форме воронки, чтобы его можно было вернее вставлять

на место. Он также сообщает, что приемы, какие он предписывает, не могут быть выполнены при деревянном шомполе. 1733 г. – в Пруссии конический шомпол заменен цилиндрическим.

При опытах, произведенных по распоряжению Наполеона в 1811 г., по словам Тирбаха, каждый седьмой выстрел давал осечку, а согласно труду Шмидта *(Schmidt*. Handfeuerwaffe, s. 38), на 100 выстрелов 20 осечек и 10 случаев, когда кремень не давал зажигания. Опыты же, организованные в 1829 г. французским правительством с тем же самым кремневым ружьем, давали лишь одну осечку на 15 выстрелов.

75 Основоположным сочинением по этому вопросу является "Die tactische Schulung der Preussischen Armee dureh Kцnig Friedrich den Grossen wdhrend der Friedenszeit 1745 bis 1756" в "Kriegsgeschichtliche Einzelschriften". Изд. Большого Генерального штаба, 1900 г., вып. 28/30.

76 "Taktiche Schulung", S. 633.

77 *Berenhorst*. Betrachtungen ьber die Kriegskunst, ьber ihre Fortschritte, ihre Widersprьche und ihre Zuverldssigkeit. 1797. S. 239–240.

78 "Taktische Schulung", S. 665.

79 Принц де Линь пишет, что ему раз в жизни за все время проделанных им многочисленных походов пришлось в бою под Мойсом (в 1757 г.) слышать лязг штыков, ударявшихся друг о друга. Беренхорст утверждает, что в военной истории мы не встретим достоверного примера, когда бы скрестили оружие с той и другой стороны, отбивали и наносили удары. Император Вильгельм I также не придавал значения штыковому бою при обучении солдат, так как фехтование на штыках не имеет практической ценности.

80 *Шарнхорст* (т. 3, стр. 273) говорит, что в результате многочисленных опытов установлено, что при стрельбе по строю кавалерии из 1 000 выстрелов на расстоянии 100 шагов получается 403 попадания, на 300–149 попаданий, на 400 шагов – все же еще 65. У плутонга, обученного прицеливанию, на дальних дистанциях число попаданий увеличивается почти вдвое. Таким образом, на дистанции в 400 шагов "действенность огня почти не играет никакой роли". Естественно, что против пехоты действие

оказывалось значительно слабее. О подробностях см. "Taktische Schulung", s. 431. У *Фёрта (Firrth*. Cromwell's army, p. 89) дальность боя мушкета XVI и XVII столетий, согласно нескольким достоверным показаниям, определяется в 600 шагов, и вполне возможно, что мушкет бил дальше, чем ружье XVIII столетия.

81 Австрийский устав 1759 г. *(Иэнс*, стр. 2035).

82 В согласии с автором "Taktische Schulung", стр. 446.

83 Изд. Генерального штаба ("Kriegsgeschichtliche Einzelschriften". Vol. 27. S. 380).

84 Диспозиция сражения при Цорндорфе (Militdrischer Nachlass des Grafen Henkel. Bd 2. S. 79). "На фланге, который должен атаковать, должно быть 3 линии. Если батальон первой линии окажется разгромленным или отброшенным (ruiniert oder repoussiert), то батальон из второй линии, стоящий позади его, должен тотчас же вступить в первую линию, а из третьей – должен быть двинут батальон на его место во вторую; тогда разгромленный и

отброшенный батальон должен опять построиться в порядке и наступать вместе с другими.

85 *Montecucculi*. Schriften. Bd 2. S. 350. Австрийский устав полевой службы 1759 г. указывает 500 шагов *(Иэнс*, т. 36 стр. 2035). Устав для королевской прусской пехоты 1726 г. в XX титуле статьи I определяет дистанцию, "чтобы ни одна ружейная пуля не могла попасть".

86 Труд Генерального штаба и обе монографии 27 и 28/30 дают по этому вопросу весьма ценный новый материал, но в конечном счете они зашли в тупик слишком узкого истолкования косого боевого порядка. Это толкование опровергнуто подполковником фон Шнакенбургом в "Jahrbьcher fьr Armee und Marine" (1900. Vol. 116). Основы правильного понимания его нашел уже Отто Герман в "Brandenburg-preussische Forschungen" (1892. Bd 5. S. 459), и вся проблема в настоящее время окончательно разъяснена в исчерпывающем в отношении критического разбора источников и образцовом по стройности мышления исследовании Рудольфа Кейбеля в "Brandenburg-preussische Forschungen" (1901. Bd 14. S. 95). Последняя попытка защитить концепцию Генерального штаба, сделанная Яни

на страницах "Hohenzollern Jahrbuch за 1911 г., опровергнута О. Германом в "Brandenb.-preussische Forschungen" (1914. Bd 27. S. 555).

87 *Монтекукули* (т. 2, стр. 581) указывает как на примеры сражений, решенных на одном из крыльев, на сражения при Ньюпорте, Брейтенфелье и Альтергейме. Брейтенфельдское сражение фактически относится к этой же форме сражений, однако замысел его был не таков.

88 Для подробностей см. у *Германа* в цит. выше соч., стр. 446.

89 Клаузевиц *(Clausewitz* (Siebenjdhriger Krieg), Werke. Bd 10. S. 56) пишет: "Согласно господствовавшим в то время предрассудкам и порядкам, 40 000–50 000 человек не могли атаковать иначе, как предварительно построившись в непрерывный боевой порядок". Укор, звучащий в слове "предрассудки", представляется мне незаслуженным: это было неизбежным последствием самой природы вещей, ибо линии представляли настолько тонкую нить, что неизбежно было стремиться к их непрерывности; всякий интервал являлся бы

чрезвычайно опасным пунктом, в котором неприятель мог бы прорваться.

90 По *Иэнсу* (т. 2, стр. 1521).

91 Сам *Фридрих*, в своих "Генеральных принципах" (ст. XXI, No 7) дает следующее описание своего косого боевого порядка: "одно крыло уклоняют от неприятеля (man refusiert dem Feind einen Flьgel) и усиливают то, которое должно атаковать, на этом крыле направляют все свои усилия на одно крыло противника, которое охватывают с фланга; армия в 100 000 человек, взятая во фланг, может быть разбита 30 000 человек, ибо в этом случае дело решается весьма скоро".

92 Непрерывную линию пехоты король также отнюдь не рассматривал как обязательную схему, он эмансипировался от этой схемы в зависимости от обстоятельств. Это доказал на примере сражений под Прагой и при Колине *Герман (German*. Brandenburg-Preussische Forsch., Bd 26. S. 499, 513).

93 Наблюдение и исследование этой работы во всех ее подробностях и ввело в заблуждение

Генеральный штаб, склонив его отнести к этому десятилетию время введения косого боевого порядка и ограничить это понятие непрерывным фронтом пехоты. Впрочем, в трудах самого Генерального штаба это ограничение не выдерживается с безусловной строгостью, что запутывает клубок внутренних противоречий, противоречий с королем Фридрихом и противоречий с личным трудом самого главы исторического отделения Генерального штаба фон Тайзена.

94 Темпельгоф описывает это наступательное движение следующим образом: "Трудно себе представить более красивое зрелище. Головы колонн все время находились на одном уровне и на надлежащем для формирования расстоянии друг от друга; колонны соблюдали дистанции с такой точностью, словно все это происходило на смотру".

95 Как на основание эшелонной атаки он указывает на то обстоятельство, что благодаря такому порядку не потребовалось особого распоряжения левому крылу для вступления его в бой. Расстояние между отдельными батальонами равнялось 50 шагам, следовательно, менее одной

минуты ходьбы; передовая часть правого крыла опередила конец левого на 1 000 шагов, то есть не более как на 10–15 минут ходьбы. Что не эшелоны доставили Фридриху победу, признал уже Дитрих Бюлов *(Иэнс*, т. 3, стр. 139). Майор *Иохим (Jochim*. Das Militdrische Testament des Grossen Kцnigs. 1914. Vol. 7) утверждает в противоположность взгляду, высказанному в труде Генерального штаба (стр. 26), что эшелоны (уступы) делались силой не в один батальон, а в бригаду (5 батальонов). Вообще он смотрит на косой боевой порядок не как на построение боя, а как на построение для передвижения, и решительно отвергает традиционную переоценку его значения. На его взгляд, косой боевой порядок представляет лишь "прибежище на крайний случай совершенно открытой равнины". Согласно диспозиции к Цорндорфскому сражению, отпечатанной у графа *Генкеля* фон *Доннерсмарка* в его Militdrische Nachlass (Bd 2. S. 76), эшелоны (уступы) повсюду делаются силой в два батальона.

96 Письмо от 8 августа 1745 г. ("Generalstabswerk. Kriege Friedrichs des Grossen". Bd 1. S. 24.

97 *Kurt Schmidt*. Die Thdtigkeit der Preussischen Freibataillone in den beiden ersten Feldzьgen des

Siebenjdhrigen Krieges (Берлинская диссертация, 1911 г.). *Erwin Dette*. цит. соч., стр. 78, 79. Об успехах, достигнутых Гардтом, см. труд Ген. штаба (т. 10, стр. 124).

98 "Militdrisches Wochenblatt". 1895, No 62, ст. 1602; 1899. No 73, ст. 1832. Французский посол Валори пишет в своем отчете за 1748 г. о прусской кавалерии ко времени смерти Фридриха-Вильгельма I ("Brand, preus. Forsch." Bd 7. S. 308): "Лошади, приученные к огню, и кавалеристы, слезающие с лошади, бросившие ей на шею поводья и выстраивающиеся впереди эскадрона, чтобы открыть огонь плутонгами или батальонами, наподобие пехоты, причем лошади даже не шелохнутся, стоя на месте. Я видел, как целые полуэскадроны, пришпоривая, сдваивали ряды".

99 *Von Kanitz*. Nachrichten und Betrachtungen ьber die Schiksale der Reiterei, s. 7.

100 *Debriere et Sautai*. Organisation et tactique des trois armes.

101 *General* v. *Marwitz*. Schriften. Bd 2. S. 126.

102 "Kavalleristische Monatshefte". 1908. S. 908. *Wenninger*. Ueber Verlauf und Ergebniss von Reiterzusammenstцssen.

103 Следует отметить, что тотчас с наступлением новой эры в стратегии появляется и применение вспомогательного средства, которое со временем приобретает все большее и большее значение: пользование картами. *Иовий* повествует, что перед битвой при Мариньяно (1515 г.) в Миланском замке перед швейцарскими вождями развернули пергаментные листы, на которых были начертаны длина дорог и местность, "дабы простого ума люди (agreste ingenio homines) могли легче понять предметы, о которых шло обсуждение". Любопытно, что этим способом хотели прийти на помощь как раз мужичьему невежеству.

104 "У кого последний кусок хлеба и последний экю, тот и победитель" *(Gaspard (Jean) de Saulx-Tavannes*. Мйmoirs. 1836).

Мендоса (стр. 11): "Поэтому-то обычно говорят, что победа – за последней кроной или последним пфеннигом".

Когда Фридрих хотел начать войну в 1756 г., он подсчитал, что каждая кампания ему обойдется в 5 миллионов талеров и что Пруссия с завоеванною

Саксонией могут вынести этот расход. Однако расходы поднялись до 15 миллионов в год, и ему пришлось добиваться английских субсидий. Мария Терезия вела войну главным образом на французские субсидии. Но в 1761 г. она настолько исчерпала все свои ресурсы, что в виде экономии она еще в течение продолжавшейся войны сократила свою армию и распустила часть войск.

105 Отдельные места из "Friedrich's des Grossen Anschauungen vom Krieg", Bd 27; "Krieesgeschichtliche Einzelschriften", *S*. 268.

106 *Jochim*. Das militdrische Testament des Grossen Kцnigs. Приложение к "Militdrisches Wochenblatt". 1914. S. 269, 278.

107 *Lenz*. Historische Zeitschrift. Bd 49. S. 459.

108 "Schmalkaldener Krieg". 1853. S. 90.

109 Еще до начала Шмалькальденской войны венецианский посол доносил, что император сражений давать не будет. При этом он замечает: "...у лютеран нет полководцев... немцы одни пригодны лишь для решительного сражения, которого император будет избегать; он будет

стремиться и пытаться при помощи легкой кавалерии и итальянской пехоты (обученной всяким военным приемам) вытеснять их с их позиций, утомлять и понемногу уничтожать их армию". *(Бернардо Наваджеро*. Донесение из Германии за июль, 1546 г. Сер. 1 Т. 1. Стр. 362).

110 *Victor Lųwe*. Die Organisation und Verwaltung der Wallensteinschen Heere. 1895. Реценция *Шрёттера* в "Schmollers Jahrbuch" (1895. Bd 19. S. 327). *Konze*. Die Stdrke u. s. w. der Wallensteinschen Arme im Jahre 1633 (Боннская диссертация 1905 г.). Гёнигер *(Hųniger*. Die Armeen des 30-jdhrigen Krieges. "Militdrisches Wochenblatt". 1914. Bd 7) утверждает, что в кульминационный момент войны, когда Густав Адольф и Валленштейн стояли друг против друга, с обеих сторон было всего 260 000–280 000 человек под знаменами. Это, можно сказать, цифры несколько преувеличенные. Гёнигер исчисляет слишком высоко армии, стоявшие под Нюрнбергом.

111 Согласно *Deuticke*. Schlacht bei Lьtzen, S. 52.

112 Относительно обозов и снабжения

швейцарцев см. *Elgger*. Kriegswesen der Schweizer, s. 117, 118.

113 *Иэнс*, стр. 502, 505.

114 *Иэнс*, стр. 521.

115 *Knaake*. Beitrdge zur Geschichte Kaiser Karl's V. 1864. S. 11.

116 *Spont*. Revue des questions d'histoire. 1899. Bd 22. S. 63.

117 *Rudolf Schmidt*. Schlacht bei Wittstock, S. 49; письмо фельдмаршала Гацфельда; стр. 57.

118 *Daniels*. Preussische Jahrbьcher. Bd 78. S. 481. Кумберленд, когда в 1757 г. его нуждавшаяся в продовольствии армия начала заниматься мародерством, приказал, чтобы великий профос вешал без дальнейших процедур всякого пойманного на месте преступления. Профоса сопровождал во время объездов священник, дабы преподать последнее утешение бедным грешникам прежде, чем они отправятся в ад *(Daniels*. Preussische Jahrbьcher. Bd 77. S. 478).

119 *Монтекукули* (Сочинения, т. 2, стр. 122) сообщает, то в 1648 г. шведы занимали в Силезии девять крепостей. Они захватили их без малейшего труда, так как в них не было гарнизона, а затем они перестроили старые незначительные укрепления. Поэтому *Монтекукули* рекомендует снести все старинные неудовлетворительные укрепления и иметь лишь немногое действительно хорошие крепости, остальные же города оставить открытыми. Численность гарнизона *Монтекукули* определяет всего в 100–500 человек, только в Праге должно быть 1 500 человек. На стр. 135 он поясняет, какой вред принесли испанцам многочисленные крепости в Нидерландах, так как они не имели возможности все их занять достаточными гарнизонами и снабдить необходимыми запасами; для нидерландцев же они оказались полезными, так как эти крепости являлись сильными уже вследствие условий местности, а жители их могли выставить достаточное число защитников.

120 Напечатанной в "Preussische Jahrbьcher" (1913. Bd 153. S. 423).

121 Henkel's militdrischer Nachlass. Bd 11. S. 79.

122 Это прекрасно изображено в "Kreegsgeschichtliche Einzelschriften" (Bd 27. S. 364). Полковник Маренвиль сообщает 23 декабря 1757 г. о тактике Фридриха: "...он не развивает достигнутых им успехов. Когда он выигрывает сражение, он почти всегда ограничивается обладанием поля сражения" *(Stuhr*. Forschungen und Erlduterungen zur Geschichte des 7-jdhrigen Krieges. Bd 1. S. 387).

123 Это тоже прекрасно доказано в "Kriegsgeschichtliche Einzelschriften" (Bd 27. S. 353).

124 Для подробностей о зимних квартирах или зимних кампаниях Фридриха см. "Генеральные принципы", ст. 27, 28.

125 В этом, как мы видели из вышецитированного (стр. 263) места из Гёпфнера, также заключалось одно из оснований для применения косого боевого порядка.

126 Archives. Oranien-Nassau. Vol. 2. Ser. 11. P. 378.

127 Цит. *Кребсом* в его сочинении "Schlacht am Weissen Berge", S. 12.

128 Die Feldzьge des Prinzen Eugen. Bd 1. S. 587.

129 Согласно цитате, помещенной в "Военно-исторических монографиях" (вып. 37, стр. 385).

130 Письмо к Людовику XV от 12 июля 1744 г. Письмо к принцу Прусскому при посылке ему "Генеральных принципов".

131 Во все предшествующие описания этой кампании, а также сражений, внесены весьма существенные исправления тщательным, снабженным глубокой критикой источников исследованием *Рудольфа Израэля (Rudolf Israel*. Der Feldzug von 1704 in Sьddeutschland. 1913).

132 Таллар, правда, намеревался, как только союзники перейдут через протекавшую перед его фронтом речку Небель, атаковать их, и действительно, в течение сражения произвел несколько наступательных движений. Однако, судя по группировке его войск, именно по чрезмерному занятию Блиндхайма и отсутствию

резервов можно все же признать, что все сражение было построено на обороне.

133 Впервые это сражение было окончательно выяснено *Георгом Шмоллером (Georg Schmoller*. Der Feldzug von 1706 in Italien. 1909).

134 *Шмоллер*, стр. 35, 36. "Гусары впереди двух других кавалерийских линий".

135 *Franz Mьhlhoƒ*. Die Genesis der Schlacht bei Oudenarde (Берлинская диссертация, 1914 г.).

136 *Coxe*. Leben und Briefwechsel Marlboroughs.

137 Это сражение превосходно разработано в диссертации, поданной в Берлинский университет *Вальтером Швердтфегером* в 1912 г. Особенно надлежит обратить внимание на то, что картина этого сражения, данная *Рюстовом* в его "Истории пехоты", во многих важных пунктах исправлена и дополнена этим исследованием. Также и труд Сатаи *(Sautai*. Bataille de Malplaquet, 1906) еще раньше опроверг *Рюстова*.

138 Войны Фридриха Великого за последнее время подробно разработаны прусским и

австрийским Генеральными штабами. Прусское сочинение страдает неправильной основной концепцией стратегии той эпохи, что дало неверное освещение и многим подробностям.

Произведения обоих Генеральных штабов сравнил между собою *Отто Герман* в превосходной статье, напечатанной в "Jahrbьcher fьr Armee und Marine" (январский выпуск 1906 г.).

139 В труде прусского Ген. штаба (стр. 392) говорится, что силы обеих сторон в сражении "мало чем отличались одни от других". Но прусскую пехоту он исчисляет на 1 200 человек меньше действительности, а численность австрийской кавалерии преувеличивает на 1 800 человек. Кроме того, здесь совершенно не принято во внимание, что пруссаки еще имели в тылу у австрийцев 1 400 человек кавалерии, стоявших под Олау, на вмешательство которых рассчитывали, а кроме того, еще оставался отряд в 8 батальонов и 6 эскадронов, а также 5 эскадронов, приближавшихся из Пруссии.

140 В введении ко второму тому книги Генерального штаба недостаточное использование пруссаками их победы ретроспективно объясняется "все же тяжелыми потерями,

понесенными войсками, которые глубоко потрясали впечатлительную душу полководца", и другими подобными причинами; при этом не упоминается о значительном численном превосходстве пруссаков.

141 Насколько эта точка зрения была важна для Фридриха, изображено у *Зентфнера (Sentfner*. Sachsen und Preussen in Jahr 1741) (Берлинская диссертация).

142 Монография *Пауля Мюллера* (Берлинская диссертация, 1905 г.). Согласно труду австрийского Генерального штаба (т. 3, стр. 670), Фридрих не довел своего успеха до полной победы, так как он хотел щадить Австрию по политическим соображениям. Это было бы полной противоположностью той стратегии, которую обычно приписывают Фридриху; но такое толкование, мне кажется, заходит слишком далеко, подводя политические мотивы под тактическое действие. Достаточно того, что стратегическая победа дальше не развилась. С трудом Генерального штаба надлежит сопоставить в значительной степени расходящееся с ним изложение *Козера (Koser*. Friedrich der Grosse) и *Блейха (Bleich*. Der Mdhrische Feldzung

1741 – 1742) (Роштокская диссертация, 1901). В отношении изложения фактов я согласен с *Козером*, но совершенно расхожусь с его стратегической оценкой. *Блейх* также не стоит еще на правильной точке зрения.

143 В описание сражения в труде Генерального штаба вносит ряд многочисленных поправок, в том числе и по вопросу о численном состава войск, обширная монография *Рудольфа Кейбеля* (1899 г.). Упрек в недостаточно энергичном преследовании, которое мы читаем в книге Генерального штаба, устранен *Оскаром Шульцем (Oskar Schulz*, Der Feldzug Friedrichs nach der Schlacht bei Hohenfriedberg bis zum Vorabend der Schlacht bei Soor) (Гейдельбергская диссертация, 1901 г.).

144 В этой фразе заключается ключ к пониманию сражения при Cooре, которого недостает труду Ген. штаба, хотя уже *Клаузевиц* правильно его установил (т. 10, стр. 30). *Hans Stabenow*. Die Schlacht bei Soor (Берлинская диссертация, 1901 г.).

145 Это убедительно и подробно доказано *Гансом Каниа (Hans Kania*. Das Verhalten des Fьrsten

Leopold vor der Schlacht bei Kesselsdorf) (Берлинская диссертация, 1901 г.).

146 *Iwan Iowanowitsch*. Warum hat Friedrieh d. Gr. an der Schlacht bei Kesselsderf nicht teilgenommen? (Берлинская диссертация, 1901 г.).

147 *Hobohm*. Torstenson als Vorgdnger Friedrichs des Grossen im Kampf gegen Oesterreich. Bd 153. S. 423, 424.

148 Монография *Павла Ганцера* ("Mittheilungen des Vereins d. Gerschichte d. Deutschen in Bцhmen". 1905. Bd 43).

149 *Clausewitz*. Werke. Bd 9. S. 6.

150 *Hobohm*, p. 436.

151 *Sarauw*. Die Feldzьge Karls XII. 1881. S. 19.

152 *Franz Quandl*. Schlacht bei Lobositz (Берлинская диссертация, 1909 г.). Труд Ген. штаба опять-таки неверно рисует события.

153 *Karl Grawe*. Die Entwickelung des prenssischen Feldzugsplanes im Fruhjahr 1757 (Берлинская

диссертация, 1903 г.). В этом труде, который в остальном верно раскрывает ход событий, допущена ошибка автором, указывающим на Лейтмериц как на единственную цель похода, намеченную приказом короля от 3 апреля Шверингу, между тем как в нем назван и Мельник, а в приказе от 17 апреля – и Рёйдниц.

154 Это прекрасно доказал уже и *Кеммерер (Kdemmerer*. Friedriche des Grossen Feldzugsplan fьr das Jahr 1757. 1883), который, впрочем, оспаривает мою точку зрения.

155 *Jany*. Urkundliche Beitrdge u. Forschungen zur Geschichte des preussischen Heeres. 1901. Bd 3. S. 35.

156 Противоположное толкование главным образом защищает Alb. Naudй, аргументы которого я подробно опроверг в "Preussische Jahrbьcher" (1898. Bd 73. S. 151; Bd 74. S. 570). Ср. по этому поводу статью *Густава Ролоффа (Gustav Roloff*. Deutsche Heereszeitung. 1894. No 42, 53).

157 Выяснение всех этих обстоятельств составляет заслугу *Дитриха Гослиха. (Dietrich Coslich*. Die

Schlacht bei Kollin) (Берлинская диссертация, 1911 г.). Ср. рецензию на нее в "Deutsche Literarische Zeitung" от 1 мая 1915 г., No 18. Далее "Jahrbьcher fьr Armee u. Marine" (март 1912 г., стр. 336). Если рецензент *Яни* насмешливо изображает заботу Фридриха о своих магазинах как страх перед "потерей мешков с мукой", которая не может быть поставлена на одну доску с потерей сражения, то он недооценивает одну из основных черт прусского военного устройства и стратегии Фридриха Великого. Для Наполеона предложение – не давать сражения при Колине, а подпустить Дауна еще ближе, было совершенно просто и естественно. Крайне характерно для Фридриха, что он с самого начала отверг эту идею в заботе о снабжении своей армии. Эта мысль прекрасно развита у *Гослиха* и совершенно осталась не понятою *Яни. С* тех пор появилось австрийское описание сражения фон *Гёна* (Вена, 1914 г.), подтверждающее выводы, сделанные *Гослихом*, и добавляющее к ним много новых, интересных данных. Превосходно ориентирующую критическую статью об этом труде дал *Отто Герман* в "Brandenburgpreussische Forschungen" (1913. Bd 16. S. 145).

158 *Gerber*. Die Schlacht bei Leuten. Berlin, 1901. Автор дает правильное толкование. Труд Генерального штаба часто попадает мимо.

159 *Arneth*, Bd 5, S. 172.

160 *Масловский*. Семилетняя война *(Maslowsky*. Der siebenjdhrige Krieg nach Russischer Darstellung, S. 175, 180).

161 Соображения, которые Фридрих выдвигает в своих "Генеральных принципах" (General-Prinzipien), что для него в общем выгоднее наступать в Моравию, чем в Богемию, исходят из предпосылки, что Саксония не находится в его руках. Это прекрасно разъяснено в исследовании *Отто Германа* u "Jahrbьcher fьr Armee und Marine", вып. 121. Также и труд Генерального штаба в томе, посвященном 1759 г., отказался от мысли, которую он проводил в первых томах. Аргументы, приводимые в этом томе, прекрасно дополняет статья *О. Германа*, помещенная в "Historische Vierteljahr-Schrift" за 1912 г., вып. 1. Позднее король признал вторжение в Моравию особенно для себя выгодным при условии, что он владеет Саксонией. Принципиального значения, конечно, такие

соображения не имеют; они представляют географический и топографический анализ, каковой всякая стратегия во все времена производила и должна производить. В частности, мысль, что из Моравии можно серьезнее угрожать Вене, чем из Богемии, не является соображением стратегии сокрушения, а скорее – стратегии измора, ибо первая задается целью не угрожать неприятельской столице, а ее взять.

162 Когда Фридрих стоял в Моравии, он там имел 55 000 человек, в Силезии – около 17 000, в Саксонии – 22 000, под командой графа Дона – 22 000 и сверх того несколько тысяч больных. Следовательно, обычно делаемое указание, будто он был почти так же силен, как и в 1757 г., – неверно.

163 Труд Генерального штаба два раза говорит об этом отступлении. На стр. 92 пруссаки отступают при приближении Дауна; на стр. 166 их отзывают потому, что король решил снять осаду.

164 *Retzow*, Bd 1 , S. 293.

165 Ненапечатанные сведения (Ungedruckte Nachrichten. Bd 2. S. 367). Заслуга *Бернгарди*, (т. 2,

стр. 243), что он обратил внимание на это своеобразное сообщение, почерпнутое из дневника субалтерн-офицера. Но когда он добавляет "с методом реквизиций никто толком знаком не был", – то он не отдает должного изобретательности и сообразительности Фридриха и его офицеров.

166 *Рецов* (стр. 294), правда, категорически заявляет, что "потери людьми, орудиями, снарядами и продовольствием были значительны", но надо, с другой стороны, принять во внимание, что Фридрих для содержания своей армии черпал много из неприятельской страны. В Богемии даже собиралась контрибуция (Ungedr. Nachrichten. Bd 2, S. 367).

167 Труд Генерального штаба, т. 7, стр. 232.

168 *Arneth*, Bd 5, S. 388.

169 Новейшее исследование, опирающееся на труд Генерального штаба, опубликовано *Лаубертом* в "Brandenburg-preissische Forshungen" (1913. Bd 13. S. 91).

170 Труд Генерального штаба исчисляет объединенные силы русских и австрийцев, участвовавшие в сражении, в 79 000 человек, *Козер* – только в 68 000–69 000, из них 16 000 иррегулярных. По данным Генерального штаба, у Фридриха было 49 900 человек, причем сюда включаются и войска, прикрывавшие мосты и занимавшие Франкфурт, – около 7 000. Указание *Козера* (т. 2, стр. 25), согласно которому при переправе через Одер насчитано было 53 121 человек, противоречит данным, помещенным на стр. 37, где значится только 49 000. Источник этой ошибки обнаружен еще *Лаубертом* (Schlacht bei Kunersdorf, S. 52).

171 У *Масловского* в кн. "Семилетняя война с русской точки зрения" ("Der siebenjdhrige Krieg nach russischer Darstellung,") мы то и дело встречаемся с этими доводами.

172 *Клаузевиц* находит, что неосторожность эта была так велика, что "ее едва можно было объяснить и тем менее – оправдать". Объяснение найдено и изложено в исследовании *Людвига Моливо (Ludwig Moliwo)*, Марбургская диссертация, 1893 г. Оно заключается в столь характерном для того времени понятии

"неприступная позиция". Король был уверен, что австрийцы собираются оставить Саксонию, и не допускал мысли, чтобы они перешли в наступление. Однако Даун заметил свое преимущество, собрался с духом, атаковал и одолел Финка подавляющим превосходством своих сил, и это ему удалось тем легче, что к войскам Финка было примешано значительное число пленных русских и насильно завербованных саксонцев.

173 *Герман* опубликовал в "Brandenburg-preussische Forschungen" (1889. Bd 2. S. 263) письмо *Гауди* к принцу Генриху от 11 декабря 1760 года, в котором тот пишет, что "злосчастные орудийные выстрелы" были причиной преждевременной атаки. Кавалерия и артиллерия тоже не оказались на месте.

174 *Daniels*. Preussische Jahrbьcher. Bd 78. S. 137.

175 *Arneth*, bd 6, s. 259.

176 30 июня русский корпус под командой Чернышева соединился с пруссаками, и 1 июня началось наступление соединенных армий. Только 18 июля пришло известие о низложении царя

Петра. За это время Фридрих успел бы дать сражение со значительным превосходством сил, если бы он к этому стремился. Однако он имел в виду дать сражение лишь в случае, если австрийцы окажутся вынужденными выделить часть своей армии против турок.

177 Это очень наглядно изображает генерал фон *Кемерер* (Kremer. Wehr und Waffen. Bd 2. S. 101).

178 Когда Trewe Rath *(Фрундсберг)* требует для борьбы с сильным неприятелем 10 000 пехоты, 1 500 всадников и изрядное количество полевых орудий, то и здесь имеется уже отголосок идеи нормальной армии.

179 *Susane*. Histoire de l'infanterie francaise. Vol. 1. P. 106.

180 *Монтекукули*. Gesammelte Schriften. Bd 1. S. 327, 364.

181 *Guibert*. Essai gйnйral de Tactique. 1772, Vol. 2. P. 41.

182 *Idhns*, Bd 3., S. 28.

183 *Bьlow*. Geist des neueren Kriegssystems, S. 209.

184 В "Генеральных принципах" (1784 г.) в статье о планах кампании (Rйflexions sur la tactique. 1758. Oeuvres XXVIII, p. 155). В письмах к принцу Генриху от 8 марта 1760 г., 15 ноября 1760 г., 21 апреля 1761 г., 24 мая 1761 г., 15 июня 1761 г. Во введении к истории Семилетней войны. В том же духе писал и Мальборо после своей победы при Уденарде своему другу Годольфину, что если бы того не требовали безусловно обстоятельства, он избежал бы подвергаться опасному риску сражения (*Coxe*. Marlborough, Life and Leiters).

185 Например, 15 и 16 августа 1761 г., когда он имел возможность атаковать русский корпус значительно превосходными силами. *Бернгарди* (Berngardi. Friedrich der Grosse als Feldherr. Bd 2. S. 358, 359) весьма наглядно очерчивает сложившуюся обстановку и видит объяснение в своего рода прихоти короля, которую он втемяшил себе в голову, – вступить в открытый бой не с русскими, а непременно с австрийцами.

186 *Guibert*. Essai gйnйral de tactique. Vol. l, p. XXXIII: "Всюду, где прусский король имел

возможность маневрировать, он достигал успеха. Но почти всякий раз, как он был вынужден дать сражение, он терпел поражение: факт, свидетельствующий о превосходстве его войск в отношении тактики, если такого превосходства в мужестве у них и не было".

187 Как предуказание можно, пожалуй, отметить одно замечание *Бойена* в его труде "Beitrdge zur Kenntniss des Generals von Schanihorst", где мы читаем (стр. 20): "В маневренных войнах искусные передвижения дают возможность либо избегать сражений, либо вызывать их лишь при особо благоприятных условиях (система Фридриха Великого)".

Часть четвертая
ЭПОХА НАРОДНЫХ АРМИЙ

Глава I
РЕВОЛЮЦИЯ И НАШЕСТВИЕ

По окончании Семилетней войны политические организмы (politischen Gebilde) Европы впали в своего рода оцепенение. Колоссальная борьба этих семи лет закончилась, не внеся ни территориальных изменений в Европе, ни перемещений в соотношении сил. Державы, поняв, что они не могут нанести друг другу существенного ущерба, стали пытаться прийти к взаимному соглашению, не прибегая к решениям силой оружия. Первый раздел Польши, отторгнувший от нее Западную Пруссию, Галицию и обширные восточные области, был произведен путем дипломатических переговоров. То же самое, что характеризует политику того времени, наблюдается и в стратегии, и в военном деле вообще. Мы видели, как уже в Семилетнюю войну Фридрих все более и более стал приближаться к маневренному полюсу. В течение

двух последних кампаний 1761 и 1762 гг., а также во время войны за Баварское наследство 1778 г. он уже не дал ни одного сражения: в 1762 г. – несмотря на свое численное превосходство, в 1778 г. – несмотря на приблизительное равенство его сил с силами противника. Теория шла по тому же пути. Думали, что возможно совершенно отказаться от решения при помощи сражения, и выработали чистую маневренную методику, которую и раньше кое-кто рекомендовал.

Фэш в "Правилах и принципах военного искусства" 1771 г. (*Fɔsch*. Regeln und Grundsdtze der Kriegskunst, I, 213) цитирует Тюрпена де Криссе: "Полководец никогда не должен ни допускать, чтобы его принудили к сражению, ни давать такового без особой нужды. Но если он решается дать сражение, он должен стремиться скорее щадить человеческую кровь, чем ее проливать".

Саксонский капитан Тильке[1] поучает, что не только нравы облагораживаются наукой, но и "что по мере того как тактика будет достигать все большей и большей высоты и совершенства, а офицеры приобретут в ней глубокое понимание и силу, все реже и реже будут иметь место сражения, да и сами войны".

Англичанин генерал Ллойд, служивший во

французских, прусских, австрийских и русских войсках и составивший первое всеобъемлющее, прагматическое описание Семилетней войны, пишет (1780 г.): "Умные всегда скорее положат в основу своих мероприятий эти предметы (знание местности, науку о выборе позиций, об устройстве лагерей, о маршах), чем вверят свое дело случайности исхода сражения. Тот, кто знает толк в этих делах, может руководить военными действиями с геометрической точностью и постоянно вести войну, никогда не оказываясь вынужденным дать сражение"[2].

Ллойд отнюдь не был незаслуживающим никакого внимания, незначительным человеком. Так, например, он отлично доказывает (I, 320), что единственная разумная цель всякого маневрирования заключается в том, чтобы на *одном* каком-нибудь пункте ввести в бой больше людей, чем противник.

Также и блещущий богатством мысли французский военный писатель граф Гибер, написавший весьма распространенное сочинение по тактике и радушно принятый королем Фридрихом, дозволившим ему в 1773 г. присутствовать на прусских маневрах, говорят, писал в 1789 г. (сам я этого места у него не нашел), что эра больших войн закончилась и что

больших сражений мы больше не увидим.

Так как войну предполагалось вести при помощи маневрирования, то стали искать принципы, правила и рецепты этого искусства. Стали изучать географию, чтобы установить, где можно найти позиции, с одной стороны мало доступные для неприятеля, с другой – удобные для подвоза всего необходимого для своей армии. Особо выгодные в этом отношении позиции или крепости называли "ключами" страны. Установили, что реки или горы образуют внутри страны "рубежи", у которых оперирующая армия должна сосредоточиться, прежде чем переходить через них. Формы и правила тактики и крепостной войны перенесли на стратегию. Области рассматривались как бастионы и куртины крепости, и, например, формула, что войска должны остерегаться, как бы в бою их не атаковали с тыла, переносилась и на стратегию, где, при известных условиях, это как раз бывает наоборот, а именно, если представляется возможность разбить противника с одной стороны раньше, чем он успеет подойти с другой стороны и принять участие в сражении; тогда как в тактике наступление в тыл дает себя знать непосредственно и действует на такое расстояние, на какое пушки и ружья могут поражать. Так как в

течение боя выгодно занимать более возвышенную позицию, чем противник[3], то из этого вывели стратегический принцип, что обладание водоразделами имеет решающее значение. Область, из которой армия черпает свое снабжение, назвали базой и пытались установить, в каком отношении должны находиться операции к этой базе. Простая, очевидная истина, что чем армия находится ближе к своей базе, тем легче бывает снабжать ее, облекалась в ученые, математические формы. Линия, которая ведет от базы через расположение нашей армии к неприятельской, была названа "операционной линией"; если соединить передовую часть оперирующей армии с конечными пунктами его базы, которая мыслилась в виде линии, то получается треугольник; совершенно произвольно, но весьма многозначительно звучало поучение, что удаление армии от ее базы не должно превосходить расстояние, которое образуется, когда угол в вершине такого треугольника равняется 60° (т.е. угол этот не должен быть острее).

"История военного искусства" Иоганна Готфрида Гойера (1797 г.) – весьма ценный исторический труд – характеризует мышление того времени тем, что в одном энциклопедическом

издании "Истории искусств и науки" этот труд помещен как подотдел "Математики". Военное искусство понималось как практическое применение известных, теоретически установленных, математических знаков.

Последним представителем этого направления был Дитрих Генрих фон Бюлов, брат Денневица фон Бюлова, бывшего впоследствии генералом. Он развил сущность маневренной стратегии до последнего ее логического заключения, утверждая, что объектом операций является не неприятельская армия, а ее магазины. "Ибо магазины представляют сердце, поразив которое уничтожают коллективный человеческий организм – армию". При помощи стратегического маневрирования на флангах и в тылу противника можно свести к нулю каждую победу, которую оно держит при помощи оружия. А так как в пехотном бою ведут только огневой бой и решающим моментом является линия огня, то моральные и физические качества не имеют больше значения. "Ибо и ребенок может застрелить великана".

Какими бы абсурдными не представляются последние фразы, однако надо всегда иметь в виду, что основное понятие – чистая маневренная стратегия – было фактически продуктом предшествовавшей военной эпохи и что эти

писатели-систематики все же явились творцами некоторых понятий, как например "операционная линия" и "база", которые оказались весьма практически пригодными и были сохранены военными теоретиками[4].

Сделавшееся бездушным, военное дело, истолкователями которого явились эти писатели, породило и таких генералов, как Зальдерн, который пространно рассуждает о том, лучше ли пехоте делать 75 или 76 шагов в минуту, или же как Тауенцин, который в самый разгар революционных войн, в 1793 г., отдал следующий приказ: "Коса должна сзади доходить до поясницы, а шпага – быть подтянута выше бедра; две букли (Hammelspfoten) и туппе из завитых волос (in der Frisur)".

По мнению Гойера[5], за время революционных войн прусские войска усовершенствовались в том отношении, что от построения в три шеренги перешли к более тонкому построению в две шеренги, но за эти три года этой войны, хотя они и участвовали в нескольких боях, однако не дали ни одного настоящего сражения. Как мало помышляли о приближающемся шквале нового времени, в достаточной мере явствует из того, что даже тогда, когда он уже разразился, появилось несколько из выше цитированных сочинений,

например: "История военного искусства" Гойера (*Hoyer*. Geschichte der Kriegskunst, 1797) и "Дух новейшей военной системы" Бюлова (Von *Bьlov*. Geist des neueren Kriegssystems, 1799).

Всего три года прошло с тех пор, как скончался великий прусский король, когда во Франции вспыхнуло огромное внутреннее движение, которое должно было постепенно втянуть в свой водоворот всю Европу. Победу революции решило отпадение армии, ее переход от короля на сторону республики, а эта победа революции, в свою очередь, не только внесла коренное изменение в характер армии, но и в тактику, а в заключение – коренным образом изменила стратегию и породила новую эпоху в истории военного искусства.

Повторные поражения, понесенные французской армией во время войны за Испанское наследство, не расшатали все же существенным образом ее структуры, и в царствование Людовика XV Франция еще добилась крупного внешнего успеха – присоединения Лотарингии. После этого она еще два раза пыталась произвести мощный натиск, добиваясь одновременно овладеть гегемонией в Европе и оспаривать у Англии колониальное господство в Индии и Америке, в первый раз – в союзе с Пруссией, во

второй раз, в Семилетнюю войну, – с Австрией, и оба раза – безуспешно. Армия у нее была многочисленна и хорошо снаряжена; вожди ее не были лишены личной храбрости и умелости. Но принимать действительно крупные решения, каких требует стратегия, придворные генералы, командовавшие французскими армиями в Семилетнюю войну, не были способны. Я полагаю, что изучение кампаний Семилетней войны на западном театре военных действий составляет прекрасную подготовку для изучения генезиса французской революции[6].

Я не хочу сказать, что здесь проявились какие-либо чудовищные злоупотребления или нарушения долга со стороны правящего класса и руководящих личностей; и двор, и генералы, как ни замкнуто дворянским был их образ мыслей, оказались достаточно свободными от предрассудков, чтобы вверить важную должность генерал-интенданта армии чиновнику, принадлежавшему к буржуазии; то был дю Верней, сын кабатчика; хотя он и вызывал много нареканий, однако несомненно сделал многое. Но во главе армии стояли преимущественно мелкие души, и надлежащему ее ведению сильно препятствовали личные интриги.

Повторные неудачи и поражения, понесенные

французскими полководцами, разложили моральную основу армии, ее дисциплину. Ведь французская армия никогда не была дисциплинированна в том смысле и в том роде, как прусская. Во Франции ничего не знали о строгости и точности прусской муштры, о бесконечном труде, который затрачивался изо дня в день на это искусство. Французской дисциплины хватало как раз на то, чтобы поддерживать внешний порядок в войсках и вести их в бой. Когда же вернулись домой с Семилетней войны с малой славой, но с большим запасом самоосмеяния и критики, от военного авторитета мало что уцелело. Военный министр Сен-Жермен попытался произвести сильный нажим в целях восстановления военной дисциплины; он ввел взамен ареста, по прусскому образу фухтеля, удары обнаженным клинком плашмя. Однако эта мера встретила отпор как со стороны офицерства, так и со стороны рядовых. Как ни плохи были элементы, которыми преимущественно комплектовалась армия, все же солдаты не могли мириться с телесными наказаниями, а офицеры уклонялись от применения этой карательной меры, которая им претила. Ибо гуманитарный дух, которым была насыщена французская литература той эпохи, охватил и французское

дворянство, а дисциплина ослабела не только в отношении рядовых, но и в самом офицерском корпусе. Строгость, которую желали снова ввести, должна была бы проводиться сверху вниз, как это было в Пруссии; надо было подтянуть офицерство с не меньшей суровостью, чем рядовых. А этого нельзя было достигнуть путем министерских распоряжений и ссылок на пример славной прусской армии.

Сен-Жермен в 1758 г. писал генерал-интенданту дю Вернею: "Субординация – это те узы, которые связывают людей между собою и которые создают гармонию общества; там, где больше нет субординации, все приходит в замешательство, а затем очень скоро наступает хаос и всеобщее крушение". Но если, несомненно, дисциплина создает мощь, то и для создания дисциплины нужна мощь. Этой мощи уже не было у королевской власти Бурбонов, а неудавшаяся попытка Сен-Жермена ввести более суровую дисциплину в войска принесла только вред; дух противления лишь усилился и получил новое поощрение. Правда, самодержавие Людовика XIV сломило упрямый дух противления феодального дворянства, однако не искоренило его окончательно. С понижением авторитета королевской власти, нередко оспаривавшегося,

снова возродилась и эта оппозиция, которая пошла рука об руку с демократией и вовлекла в оппозиционное движение и офицерский корпус. Таким образом и случилось, что в 1789 г. королевская власть не располагала армией для подавления народного движения, и общественная власть перешла в руки Национального собрания, давшего государству новую конституцию.

Согласно ей, армия должна была по-прежнему оставаться наемным войском. Воинская повинность, как деспотический институт, была отвергнута почти единогласно. Так как конституция была построена на принципе разделения властей, то распоряжение армией должно было, как и раньше, оставаться в руках короля, как власти исполнительной. Этого требовала доктрина, но, как это часто бывает, доктрина не отвечала требованиям жизни. Начали утверждать, что король в качестве главы армии представлял бы серьезную опасность для новой свободы, и потому ввели всевозможные ограничения для его исполнительной власти. Ему предоставлено было назначать лишь часть офицерского состава; остальные вакансии должны были замещаться по сложной системе старшинства и выборов. В округе, радиусом в 8 миль от места пребывания Национального

собрания, король не имел права держать никаких войск, кроме своей гвардии численностью не более 1 800 человек. Иностранные полки должны были быть распущены. Наряду с постоянной армией должна была быть сформирована другая вооруженная сила – милиция, получившая название "национальной гвардии", которой должны были распоряжаться не король, а избранные народом бургомистры. Эта "национальная гвардия" представляла огромную массу людей, ибо все основные избиратели должны были входить в ее состав.

Несмотря на это, в случае реакции в общественном мнении, король, вероятно, снова захватил бы в свои руки бразды правления, если бы внутреннее движение не осложнилось в это время внешней войной.

При всех своих и политических, и национальных перегородках Европа все же представляет слишком большое единство, чтобы такое движение как французская революция не оказало сильнейшего действия и по ту сторону границ Франции. Правда, неверно – будто короли объединились, чтобы задушить молодую свободу, зародившуюся во Франции; однако они все же пытались путем угроз оказать известное давление, покровительствовали эмигрантам, собиравшимся

большими массами на границе, и отказывались входить в полюбовное соглашение относительно еще сохранившихся в Эльзасе феодальных прав немецких князей. Все это дало повод французским демократам, со своей стороны, объявить императору Францу войну, которая, как они надеялись, не только придаст им моральную силу, но и доставит Франции старинный объект ее национального честолюбия – аннексию Бельгии. Между тем Австрия получила помощь от Пруссии, отказавшейся от политики Фридриха и теперь, в согласии с Австрией и в антагонизме с социальным переворотом, происшедшим во Франции, считавшей возможным выступить на новый путь, который должен был привести ее к могуществу и завоеваниям.

Французская армия под влиянием революции разложилась настолько, что оказалась почти небоеспособной. Офицерство, само еще фрондировавшееся в начале революционного движения, с дальнейшим развитием его совершенно потеряло почву под ногами. Большинство, которое не могло примириться с новыми идеями и условиями жизни, покинуло армию и эмигрировало.

Была произведена попытка вторгнуться в Бельгию, которая оставалась почти беззащитной;

но при первом появлении противника французы рассеялись, начали кричать об измене и поубивали своих офицеров. Прошло более четверти года без военных действий, прежде чем подошла настоящая австрийская армия и пруссаки.

Тем временем французская армия несколько усилилась путем вербовки добровольцев из национальной гвардии, но большинство сформированных из них батальонов оказались непригодными. Тем не менее, французы кое-как держались. Прусская армия под начальством герцога Брауншвейгского с вспомогательными отрядами насчитывала 82 000 человек. Австрийцы, только что закончившие войну с Турцией, все еще располагали лишь крайне небольшими силами в Бельгии, приблизительно – 40 000 человек. Тем не менее, вторжение в пределы Франции было предпринято в предположении, что основная масса населения Франции настроена монархически и будет приветствовать немецкие войска как своих избавителей. В этом отношении последовало полное разочарование. После того как пруссаки взяли Лонгви и Верден, командующий французской армией Дюмурье занял за Аргонами оборонительную позицию и остался на ней и после того, как пруссаки полностью ее обошли. У

него было 60 000 человек; пруссаки же располагали в первый день 30 000, а во второй – 46 000. Остальные войска были употреблены для заслонов против еще не взятых, расположенных сзади французских крепостей (Седана, Диденгофена, Меца). Вопрос сводился к тому, могли ли пруссаки в таких условиях отважиться на сражение с перевернутым фронтом. В случае поражения они подвергались угрозе полного уничтожения. Но даже в случае победы они едва ли смогли бы пройти до Парижа при враждебном настроении населения. Правда, французские войска неспособны были к наступательным действиям, однако на их стороне было численное превосходство и они обладали многочисленной артиллерией. Правильно оценивая свое положение и с решимостью, заслуживающей всяческой похвалы, Дюмурье ограничился обороной и удержал свою позицию. После канонады, выбившей из строя с обеих сторон не более 200 человек (20 сентября 1792 г.), пруссаки решили отказаться от атаки и наконец начали отступление.

Предпринял бы Фридрих атаку под Вальми? Вспоминая безумную отвагу его атак при Колине, Лейтене, Цорндорфе, Кунерсдорфе, Торгау, мы склонны дать утвердительный ответ на этот

вопрос. Но если, с другой стороны, мы примем в соображение, что Фридрих всегда предостерегал от слишком глубокого вторжения в неприятельскую страну (Pointe) – ведь уже его продвижение в Богемии до Будвейса представлялось ему таким "вклиниванием" – и наконец, что он никогда не помышлял о серьезной угрозе Вене, то мы готовы усомниться и перенести решение этого вопроса в область субъективной природы полководца; а здесь всякое гадание останется необоснованным.

Можно вопрос перевернуть и в обратную сторону: такое решение или, вернее, отказ от решения, не являлся ли претворением теории в практику, осуществлением ведения войны без кровопролития? Возможно, что психологически эти представления сыграли свою роль, однако на эту роль нельзя смотреть как на решающую. Решающим моментом было открытие, что натолкнулись на гораздо более сильное сопротивление, чем то, которое ожидали встретить; что помощь со стороны населения Франции, на которую рассчитывали, не оказалась налицо, и что для такого огромного предприятия, как поход на Париж, в котором сам Фридрих усомнился бы, силы были далеко недостаточны.

Вторжение во Францию потерпело крушение.

Оно было отражено не силами революции, не вооруженным народным ополчением, но по-существу остатками прежнего королевского военного государства, и притом материальными остатками – крепостями и артиллерией. Хотя это старое военное государство и было приведено в большое расстройство и ослаблено революцией, и хотя этот ущерб далеко не был восполнен небольшим числом волонтеров и батальонами федератов, но и прусско-австрийское наступление было гораздо слабее того, например, которое некогда предпринимали объединенными силами Евгений и Мальборо; таким образом, стратегический результат кампании 1792 г. был естественным подытоживанием сил обеих сторон, которое не дает поводов к особым критическим оговоркам или персональным обвинениям.

Глава II

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ АРМИИ

Лишь после отражения нашествия постепенно начала формироваться во Франции новая военная организация на основе политических идей и условий.

Прежде всего усилили традиционную наемную армию батальонами добровольцев. При отражении нашествия они еще не оказали существенной помощи. Но когда после ухода пруссаков Дюмурье обратился против австрийцев в Бельгии, он получил благодаря этим добровольцам такое существенное подкрепление, что имел возможность атаковать при Жемаппе близ Монса австрийский корпус, едва насчитывавший 14 000 человек, втрое превосходящими силами, опиравшимися на могучую артиллерию (6 ноября 1792 г.). Тем не менее, французы пошли в огонь весьма робко и сначала были отражены австрийцами, но перевес сил на стороне французов был слишком велик для того, чтобы австрийцы могли использовать свой успех. Они очистили поле сражения и, в конце концов, были принуждены отдать французам всю Бельгию[7].

После четырех месяцев наступила реакция. Французы были разбиты австрийцами под Неервинденом (18 марта 1793 г.) и прогнаны за границу. Но как раз к этому времени Конвент постановил (24 февраля) перейти от добровольной вербовки к принудительному набору и на первый раз призвал 300 000 человек. Их должны были поставить коммуны или по назначению, или по жребию. Следовательно, новый закон уже в значительной мере приближался к всеобщей воинской повинности, но у большинства французского народа он встретил сильное противодействие и был отвергнут им. В момент казни короля Вандея еще оставалась спокойной, но когда стали заставлять крестьянских сыновей драться за враждебную церкви республику, тут уже поднялась вся деревня, а за нею и большие провинциальные города – Лион, Марсель, Бордо и более 60 департаментов из всех 83. Только бассейн Сены с Парижем и области, служившие театром войны, оставались послушными Конвенту. В то время как на границе Франции угрожали австрийские, английские, прусские, пьемонтские и испанские войска, внутри кипела гражданская война, которая велась с ужасающей жестокостью. Однако против внешних врагов республика держалась благодаря их раздорам и

победила внутри, потому что за нее стояла демократизированная армия с батальонами добровольцев, сформированными в 1791 и 1792 гг. После широкого рекрутского набора, проведенного весной, оказалось возможным отдать приказ о всеобщей воинской повинности, levйe en masse (23 августа 1793 г.). Призваны были все холостые молодые люди, годные в строй в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, без права заместительства. К 1 январю 1794 г. армия хотя и не была доведена до 1 00 0000 человек, как гласит предание, но, по расчетам герцога Омальского, все же достигла 770 000, из коих против внешнего врага стояло под ружьем около полумиллиона человек[8].

Это дало французам огромный перевес сил над наемными войсками старых держав, а потому им удалось достигнуть успеха при Гондшоттене (8 сентября 1793 г.) с 50 000 против 15 000 и при Ватиньи с 45 000 против 18 000. Действительное превосходство они, однако, еще не получили, так как террористическое правительство было не способно дать твердое устройство этой огромной массе людей. Из 9 000 офицеров старой армии две трети, около 6 000 человек, ушли с военной службы; из старых генералов оставалось только три: Кюстин, Богарне и Бирон, которые все были

гильотинированы. Таким образом, надо было снизу сформировать новый офицерский корпус. Особенно препятствовало то обстоятельство, что Конвент еще в течение продолжительного времени относился подозрительно к бывшей королевской армии и потому не хотел отказаться от самостоятельных батальонов добровольцев. Когда генерал Кюстин, завоеватель Майнца, приказом по армии пригрозил расстреливать беглецов, бунтовщиков и подстрекателей, военный министр Бушотт выразил ему порицание, так как свободный человек должен добиваться повиновения своим приказом со стороны своих братьев не страхом, а приобретая их доверие. На это Кюстин отвечал, что он слишком хороший республиканец, чтобы смотреть на дурака, будь он даже министром, как на Господа Бога. После этого Кюстина гильотинировали. Депутат Конвента Карно, бывший капитан, будучи назначен Комитетом общественного спасения на должность военного министра, провел слияние добровольческих батальонов со старыми линейными полками, воссоздал пригодный офицерский корпус и, до известной степени, положил предел беспорядкам, расточительности и хищениям. Совершенно непригодные элементы сами собою устранились, и, так сказать, сама

война на третий год (1794 г.) выработала для французов новое военное устройство. В переходный период мы встречаем бок о бок совершенно противоположные качества и явления. Генерал Эли доносит как-то, что новые батальоны пошли в бой с кличами "да здравствует республика", "да здравствует гора", "пойдет!" (ca ira)[9], но при свисте первых пуль прежний клич сменился возгласами "мы пропали", а когда неприятель перешел в наступление – "спасайся, кто может!". Карно, приняв должность министра, оказался вынужденным уволить 23 000 офицеров, так как большинство оставшихся под знаменами хотели быть не рядовыми, а офицерами. Наоборот, в более скромных операциях, там, где как раз во главе стояли пригодные люди, революционные войска хорошо дрались уже в 1793 г., как например, при осаде Тулона, где при отличном командующем осадным корпусом, генерале Дюгомье, состоял в качестве комиссара Конвента циничный, но храбрый Баррас, а начальником артиллерии – лейтенант Бонапарте[10].

Совершенно однородные картины можно было наблюдать и в Вандее, и притом – с той и с другой стороны, как в лагере восставших крестьян, так и в лагере республиканской

национальной гвардии. По превосходной книге генерала фон Богуславского об этой войне (Берлин, 1894 г.) можно всесторонне и вполне достоверно ознакомиться с тем, что эти народные ополчения дали и чего они дать не могли.

Чем дольше длилась война, тем больше изживались слабые стороны, и снова стали выкристаллизовываться более прочные военные формы, в которых, однако, дух революции продолжал жить. Саксонский лейтенант, впоследствии генерал Тильман, писал еще с театра революционной войны на родину (1796 г.): "Мы приближаемся к моменту, когда великий народ, с которым мы ведем войну, будет нам предписывать законы и заставит заключить мир; нельзя не восторгаться этим народом; вчера я взял в плен гусарского офицера, поведение которого было так благородно, что можно прийти в отчаяние, не встречая таковых у нас[11]. В докладной записке 1808 г. он же свидетельствует, что "немецкий солдат религиознее, чем французский, но французский нравственнее, поскольку принцип чести оказывает на него неизмеримо большее влияние, чем на немецкого".

Демократизация армии, введенная новым военным устройством, принесла с собою особое преимущество, понизив претензии офицерства.

Можно было существенным образом сократить обозы, ибо теперь офицерам дозволялось возить за собой лишь крайне необходимые предметы. Пожалуй, предание и преувеличивает рассказы о тех предметах комфорта, какие офицеры старой армии, вплоть до лейтенантов, таскали за собою в поход, все же вполне естественно, что при сближении офицеров с рядовыми первые оказались вынужденными не слишком выделяться перед последними своей роскошью. В Пруссии каждый лейтенант имел одну верховую и одну вьючную лошадь[12], капитаны имели от трех до пяти вьючных лошадей, и целые вереницы фур и телег обычно тянулись за войсками сверх уставных норм. Французские офицеры, говорили в Пруссии, конечно, не нуждаются в таком снаряжении, так как ведь они по социальному положению не более как унтер-офицеры; прусские же офицеры – дворяне, и если бы их приравняли к рядовым, они бы чувствовали себя оскорбленными, униженными и низведенными ниже своего общественного положения[13].

Не одни офицеры, но и рядовые должны были подвергаться на службе Отечеству лишениям, которых не захотели бы переносить наемные солдаты старого времени. Палатки были отменены, и солдаты стали бивакировать под

открытым небом, в то время как за каждым прусским пехотным полком следовало не менее 60 вьючных лошадей, нагруженных палатками[14].

Новая военная организация породила и новую тактику.

Войска XVIII столетия состояли почти повсеместно, лишь с немногими отклонениями, из профессиональных солдат: из офицерства, жившего в рыцарских представлениях чести и верности, и из рядовых, которые рассматривались как более или менее индифферентные. Дисциплина сковывала их в сплоченные тактические единицы, и чем эти построения бывали сплоченнее, тем выше их ценили. Совершеннейший тип представляла выступавшая в три шеренги, стрелявшая залпами линия. Новейшие республиканские войска уже не представляют наемников на службе монарха, они преисполнены собственными идеями, новым мировоззрением, новыми понятиями о свободе и равенстве, о защите отечества. Эти идеи нисколько не утратили своей силы, когда первоначальный принцип добровольности был заменен законом установленной воинской повинности; в результате получился солдатский материал, который, коренным образом отличаясь от прежних наемников, открывал возможность

для привития ему выдающихся воинских качеств. При этом не следует упускать из виду, что во французских национальных полках и до революции уже жило известное национальное чувство, правда, в военном отношении еще не действенное, а во время революции даже способствовавшее разрушению дисциплины, а с нею вместе и разложению старой армии; но оно претворилось в новый дух и облегчило переход. То же произошло с новой тактикой[15].

Естественно, что сначала республиканские армии попытались действовать в старых, традиционных формах. Но удовлетворить их требованиям они не могли. Для наступления линиями и пальбы залпами им недоставало дисциплины и муштры. Не имея возможности сохранять порядок и маневрировать при построении солдат в тонких линиях, их сомкнули в глубокие колонны, и придали этим колоннам огневую силу, рассыпав впереди и по бокам отборных солдат, или целые части в качестве стрелков (Schtzen), или застрельщиков (Tirailleirs).

Этот прием ведения боя не представлял что-нибудь совершенно новое. Не только кроаты и пандуры в эпоху фридриховых войн с большим успехом применяли стрелковый бой, но и

пруссаки с той же целью сформировали вольные батальоны. Французы, со своей стороны, уже во время войны за Австрийское наследство придали своим линейным пехотным полкам отдельные роты легкой пехоты. Но все эти формирования были предназначены не столько для поддержки линейной пехоты в бою, сколько для выполнения второстепенных военных заданий – разведки, патрулирования, фуражировки, для чего линейная пехота была мало приспособлена. Опыт войны за независимость Соединенных Штатов, где народное ополчение справилось с регулярными наемными войсками, состоявшими на английском жаловании, несколько продвинул это дело вперед. Сформированы были особые батальоны легкой пехоты – фузильеры (наряду с мушкетерами), и каждой роте придали известное число стрелков, вооруженных нарезными ружьями. Нарезное ружье, винтовка, изобретенная еще в XV столетии, обладает преимуществом мягкости выстрела; гладкоствольное же – быстроты заряжения; разница между ними приблизительно аналогичная той, какая существовала между луком и арбалетом. Однако многие теоретики отдавали предпочтение преимуществу быстрого заряжания; ибо, говорили они, в пылу сражения не приходится целиться с большой точностью, а в

массе несколько выпущенных из ружей лишь примерно нацеленных выстрелов имеют большую действенность, чем одиночные выстрелы из винтовок, хотя бы и с порядочным прицелом.

За застрельщиками французских революционных армий следовали, как резерв для конечного, решительного удара, колонны. Как стрелковый бой, так и тактика колонн революционных войн имела свои прецеденты, но в то время как первый возник из практики, вторую породила теория. Развитие тактики пехоты привело к тому, что, в целях усиления действия огня, построение делалось все более тонким. Однако тонкая линия должна была не ограничиваться одной стрельбой, но и наносить удар. При затруднительности стрельбы на ходу пруссаки одно время хотели при атаке наносить удар без выстрела. От этого, впрочем, скоро отказались, но появились теоретики, и в частности француз Фолар, которые указывали на то, что удар более глубокой колонны окажет совсем иное действие, чем удар тонкой линии. Колонна безусловно должна прорвать тонкую линию и разорвать ее на части. Поговаривали даже о том, чтобы заменить ружье со штыком пикой. Граф Липпе, учитель Шарнхорста, на службе которого последний находился, был поборником этой идеи,

и молодой Шарнхорст с ним соглашался (1784 г.)[16]. Передают также об одних французских маневрах, состоявшихся в 1778 г. под руководством герцога Брольи, одного из талантливейших французских генералов того времени, на которых соединение подготовительного огневого боя с заключительной атакой колоннами предуказало новый боевой прием[17]; даже в Семилетнюю войну, в сражении при Бергене, Брольи вводил в бой свою пехоту таким образом. В течение всего промежутка времени, отделяющего Семилетнюю войну от войн революционных, преимущества линии и колонны служили темой теоретических дебатов, и хотя в общем за сторонниками линии остался перевес, тем не менее французский строевой устав 1791 г., следовательно, изданный уже во время революции, но еще не затронутый ее духом, наряду с линейным

построением предусматривал несколько построений колоннами, между прочим, батальонную колонну из середины. Сам устав не выводит их этого никаких дальнейших заключений; он всецело выдержан в духе линейной тактики. Представляется, что колонны включены чисто внешним образом, но не введены органически в систему пехотного боя[18]. Но теперь

практика революционных войн отвергла то, что ей не подходило – длинные выровненные линии – и воспользовалась построением колоннами, которое даже без чрезмерной мучительной точности в построении все же было пригодно, сочетав его, правда, с уже заранее известным, но получившим теперь сильное развитие стрелковым боем. Колонны не только обладали преимуществом более сильного удара, но и могли с гораздо большей легкостью передвигаться по неровной местности, чем линии, и легко находили прикрытие, укрывавшее их от взоров и орудийного огня противника.

Новый метод ведения боя можно было бы характеризовать так, что старая тактика линейной и легкой пехоты слились, получив добавление в виде заимствованной у теории колонны. Но это вызвало бы побочное представление, будто мы имеем дело с сознательным новым изобретением, что на самом деле неверно. Ни в одном дошедшем до нас источнике мне не попадалось указаний на то, чтобы существовало в сознании представление о создании или желании создать что-то новое, лучшее, как то было в отношении государственного строя, а просто пользовались из числа традиционных форм теми, которые можно было применить, отказавшись от тех, которые

были непригодны. Таким образом, возникла совершенно новая форма боя, в которой, однако, каждый отдельный момент преемственно связан с чем-то традиционным, имевшимся в наличности[19].

Даже тогда, когда дисциплина была восстановлена и армия снова получила более твердые формы, не было введено нового систематизированного порядка. Наполеон не дал нового строения устава, и французская армия вплоть до 1831 г. продолжала обучаться по уставу 1791 г. Следовательно, в области тактики не только революция непосредственно была связана с традицией, но и в дальнейшем развитии вновь воспринимались такие традиционные моменты, которые успели уже утратиться. Особенно это относится к дисциплине. Генералы, сделавшие карьеру во время революции, были почти все (за исключением главным образом Моро) уже до революции солдатами, большей частью – молодыми лейтенантами, как например Бонапарт, и убеждение, что плодом муштры является дисциплина и что боеспособность войска покоится на дисциплине, сохранилось в их умах сквозь все смуты и беды революции. Как только новые генералы снова взяли в свои руки армию, они усердно и строго стали работать в этом

направлении. Тотчас после заключения мира 1797 г. Наполеон отдал приказ, чтобы офицеры изучали уставы, чтобы по утрам производилось одиночное учение, по вечерам – батальонное, а два раза в неделю – полковое. Сам он лично усердно производил инспекторские смотры, "как настоящий, казарменный фронтовик" (Kasernen-Troupier)[20]. Как только он овладел властью, он разрешил зачислять рекрутов в полки не раньше, чем они будут внешне вымуштрованы, и притом приучены внутренне к военным порядкам[21].

Оригинальное свидетельство о том, как в новой французской армии происходило смешение новизны и старины, милитаризма и национального духа, представляет приказ Наполеона о постановке в строй негров. Когда в Египте, отрезанный от родины, он увидел, как его армия постепенно тает, он написал генералу Дезэ (Dezaix) 22 июня 1799 года: "Гражданин генерал! я хотел бы купить от 2 000 до 3 000 негров в возрасте от 16 и старше и зачислить их приблизительно по 100 человек в каждый батальон".

До тех пор пока стрелковый бой оставался приемом, необходимости, все время угрожала опасность, что его разовьют слишком широко и

что у командующих не останется достаточно войск для производства конечного удара. Поэтому, когда снова водворился известный порядок, стали снова ограничивать стрелковый бой. Стали применять одновременно и попеременно, в зависимости от потребности, стрелковый бой, линейное построение и колонны. По этой причине коренное противоречие между старой и новой тактикой не так бросалось в глаза внешнему наблюдателю, как можно было бы полагать, и современники, в частности сами французы, едва отдавали себе отчет в происшедшей на их глазах перемене; при этом из многих показаний усматривается, как мало думали о систематической разработке новых форм. Для стрелкового боя, естественно, необходимо обучение солдата стрельбе; но в этом направлении делалось так мало, что начальник штаба Бонапарта Бертье, еще в 1800 г., за несколько дней до выступления в поход через Большой Сен-Бернар должен был издать приказ: "С завтрашнего дня надлежит заставлять всех новобранцев ежедневно делать несколько выстрелов; их следует обучить тому, как прикладывать ружье, чтобы нацелиться, и как, наконец, надо заряжать ружье". В том же году вышла в Германии уже упомянутая нами

превосходная книга Гойера "Geschichte der Kriegskunst". В ней автор ставит вопрос: "Приобрело ли что-либо, в смысле своего развития, военное искусство за эту войну (с 1792 г.)?" На этот вопрос, полагает автор, невозможно ответить безоговорочно ни да, ни нет. Далее идет перечисление: более разностороннее использование артиллерии, удачное применение стрелков в горной войне, применение воздушных шаров для рекогносцировки: "На основании всего этого можно, правда, утверждать, что военное искусство развилось за эту войну, как, впрочем, за всякую войну вообще, но что коренному перевороту тактика не подверглась". В одном месте (II, 958) он говорит о стрелковом бое в Вандее. Колонны представляются ему просто беспорядочными толпами, что с внешней точки зрения и верно. "Ни в одну войну, – говорит он (стр. 1017), – не было так часто применено искусство полевой фортификации, как в настоящую". Опять в другом месте (т. I, Предисловие) он говорит об усовершенствованиях ружья, о более сильно действующем порохе, об изобретенном оптическом телеграфе. Наконец (стр. 886), он говорит, что победы одерживали те революционные генералы, которые разыскали выбранные прежними французскими генералами в

пограничных местностях и зарисованные в военном министерстве позиции и которые умели читать карты и ими пользоваться.

Мы, обозревающие эволюцию в ее последовательном ходе, видим военно-историческое значение революционных войн не в усовершенствовании пороха и ружей; происшедшие за это время изменения в этом отношении представляются нам столь ничтожными, что мы даже говорим, что войны Фридриха и Наполеона велись одними и теми же ружьями. А то, что тогда достигалось при помощи наблюдения с воздушного шара, представляется нам не больше как курьезом. Никто из нас не видит в применении полевых окопов существенного признака революционных войн и не приписывает победы революционных генералов тому, что они сумели высмотреть на картах позиции, открытые прежними французскими генералами. Единственным решающим для нас моментом является новая организация армии, сперва породившая новую тактику, из которой затем должна была расцвести и новая стратегия. Гойер, этот умный, образованный наблюдатель-специалист, усматривает новую тактику лишь в горной войне и в Вандее, а о новой стратегии он даже не

подозревает.

Когда начала приближаться война с коалицией, французы предложили пост главнокомандующего герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, тому самому, который затем командовал против них во главе армии коалиции и был разбит в 1806 г. под Ауэрштедтом. Фридрих Великий так высоко ценил храброго принца и осыпал его такими похвалами, что его почитали за величайшего из оставшихся в живых полководцев. Так некогда готы предложили полководцу своих противников, Велизарию, корону[22], и подобно тому, как этот наивный план готов служит нам доказательством, что их военное дело было совершенно чуждо всякой политической мысли, так можно использовать и эту идею французов, как свидетельство того, что они даже не подозревали, что их революция готова была открыть совершенно новую эпоху в военном деле.

При новой форме боя потери были гораздо меньшие, чем при линейной тактике, когда сомкнутые части попадали в сферу картечного огня или когда они взаимно осыпали друг друга своими залпами. Это уже было отмечено современниками. Шарнхорст, рецензируя в 1802 г. одну французскую книгу, доказывал[23], что во

время революционных войн было мало убитых среди старших генералов. Совершенно иное видим мы в прусской армии во время Семилетней войны. В первые же годы эта весьма небольшая армия потеряла обоих своих фельдмаршалов Шверина и Кейта, кроме того, еще Винтерфельда и других наиболее известных и старейших генералов. Но и в каждом отдельном сражении этой войны (например, под Прагой, Цорндорфом, Кунерсдорфом, Торгау) пало больше людей, чем в течение целой кампании революционной войны (т.е. больше чем в 4–10 сражениях), не исключая даже итальянской кампании Бонапарта.

Также в 1813 г., насколько я припоминаю, сам Шарнхорст был единственным прусским генералом, который был убит. В общем же в течение наполеоновских войн потери снова очень возросли[24].

Старые державы видели в новых боевых приемах французов не что иное, как вырождение, сознательно их отвергали. Австрийский фельдмаршал-лейтенант и генерал-квартирмейстер Мак составил в октябре 1796 г., следовательно, тогда, когда Бонапарт одержал свои победы в Италии, а Журдан и Моро оказались вынужденными снова отступить из Германии, – памятную записку, в которой он

излагает преимущества старых форм боя. Во Фландрии, где сильно пересеченная местность не дает возможности вести атаку сомкнутым строем, австрийская армия тоже приучилась к наступлению рассыпным строем. Даже без особого распоряжения пехотная атака вырождается в него, как только в пылу сражения исчезает первоначальный порядок. "Однако против этого злоупотребления следует бороться, ибо оно ослабляет напор атаки, может при неожиданном сопротивлении неприятеля вырывать из рук первоначально достигнутый успех, а в случае появления некоторого количества неприятельской кавалерии приводит к неизбежной гибели рассеянных, опьяненных победой войск... Регулярную, выровненную, стойкую пехоту, когда она храбро наступает сомкнутым строем полным шагом (in gestreckten Schritten) под прикрытием огня своей артиллерии не могут задержать рассыпавшиеся застрельщики; поэтому она не должна уделять внимания последним и не должна задерживаться ни ведением стрелкового боя, ни открытием огня частями, а должна поскорее добраться и взять за горло противника, все время поддерживая самый строгий порядок в своем построении... этот метод поистине более всего сберегает людей; вся эта

пальба и выделение застрельщиков влекут за собою потери и не приводят к решительному исходу".

Таких же взглядов, естественно, держались и в Пруссии. Весьма наглядно отражен подобный ход мышления в одной памятной записке, вероятно, от 1800 г., которую генерал фон Франзекки опубликовал в одном этюде о генерале Гнейзенау в 1856 г. (Приложение к "Militdrisches Wochenblatt", стр. 63). В ней мы читаем: "Стрелковый бой из всех форм боя – самая естественная, т.е. она более всего отвечает вложенному в нас инстинкту самосохранения; из этого, однако, вовсе не следует, чтобы она была наиболее целесообразной, как некоторые пытаются это доказать. Ведь сама война противоречит человеческой природе; стараться привести ее в согласие с последней значит сделать ее невоинственною, а это, во всяком случае, не может быть задачей военного искусства. Кто-то совершенно правильно однажды заметил: перестрелка питает в человеке природного подлеца, который, говоря откровенно, сидит в каждом из нас, а его-то подавить мы и должны стараться. Тут мы слышим, как против нас подымается целая сумятица голосов. "Подвиги французской армии! – кричат нам, – отвага их

стрелков, их атаки сомкнутыми колоннами в итальянских сражениях! Разве все это не доказывает противное?" На это мы совершенно спокойно отвечаем: для нас – нет. Как бы мы ни уважали опыт, мы все же слишком мало придаем значения подобным общим цитатам, чтобы наш здравый рассудок капитулировал перед ними. Он же нас учит тому, что человек, привыкший всегда пользоваться каким-либо прикрытием от опасности, превратится в труса, когда он лишится этого прикрытия и окажется вынужденным пойти навстречу опасности. Попытаемся распутать сумятицу этих голосов, чтобы узнать, что мы можем на них ответить. Тем, кто бросает нам в лицо подвиги французов, мы напомним, что в кампанию 1893 г., так же, как и в кампанию 1894 г., в кампанию 1899 г., так же, как и в кампанию 1800 г., французы с одинаковым успехом проделали со своим стрелковым боем как наступление, так и отступление, и что, вторгаясь в Швабию и убегая из нее, они применяли один и тот же стрелковый бой. Приходится поневоле говорить эти общие слова, когда видишь, что люди не продумывают или не хотят продумать эти факты. Относительно отваги французских стрелков, если то действительно была отвага, мы заметим следующее. Каждому роду опасности

соответствует особый род мужества. Голландец не может понять, как можно вверить свои кости необузданному нраву дикого коня; зато он совершенно спокойно плавает по бурным волнам океана. Человек, приученный стоять в строю, уж конечно не способен с такой дерзостью прокрасться к самым пушкам крепости, как французский стрелок; он особенно будет бояться опасности быть взятым в плен или зарубленным, либо затоптанным кавалерией; наоборот, стрелок, лишенный привычной защиты своих изгородей, канав, ям и т. п., решит, что ему ничего другого не остается делать, как удрать к этим прикрытиям и искать там защиту.

Однако такой недостаток мужества, происходящий от незнакомства той и другой стороны с известного рода опасностью, еще не доказывает того, что мы утверждали выше, что стрелковый бой вообще ослабляет мужество или, вернее, презрение к опасности. Если стрелок становится все более и более отважным, то это происходит оттого, что он начинает понимать, что опасность не так уж велика, как он себе ее воображал, и потому, что с каждым днем он сам становится все хитрее и изобретательнее на разные уловки и приемы. Следовательно, в нем растет не презрение к опасности, а он лишь учится

с ней бороться. Там, где он этого не может делать, где он ей может противопоставить одно лишь презрение, там-то и обнаружится, что он воспитал и взрастил в себе естественного подлеца.

Что же, наконец, касается сражений в Италии, в которых французы, столь вразрез только что сделанным нами выводам, с чрезвычайным презрением к опасности шли без какого-либо прикрытия навстречу смерти сомкнутыми атаками, то на это мы можем сказать следующее:

Во-первых, мы слишком мало знаем об этих опасностях, чтобы сказать, какую степень мужества и храбрости проявили в данном случае французы и какое сопротивление при этом приходилось им преодолевать. Все описания этих боев изобилуют пышными тирадами и крайне бедны подробностями. В общем, о мужестве, проявленном в бою той и другой стороной, приходится судить по числу убитых и раненых, а в этом отношении, судя по хорошо всем известным результатам, революционные войны ни в какой мере не приходится сравнивать с Семилетней войной. Во-вторых, мы в данном случае говорим не о той необузданной храбрости, одушевляющей людей во время свалки как бы некоей страстью и являющейся природным свойством французов, так как они живее, чем другие национальности, но о

холодном презрении к смертельной опасности, сохраняющем в длительном бою порядок и выдержку, которое мы находим доведенным до высшей степени в старых испанских бандах в сражении при Рокруа и в прусской армии, воспитанной в духе Леопольда (Дессау), под Мольвицем. Поэтому наш вывод остался непоколебимым".

"Стрелок, благодаря навыкам своих боевых приемов, теряет мужество, необходимое для боя, в сомкнутом строю. *Из этого следует, что линейная пехота никогда не должна вести стрелкового боя рассыпанным строем, если она не желает утратить часть своей боеспособности как линейной пехоты*.

Те, кто желает вести стрелковый бой, утверждают, будто на пересеченной местности иначе как рассыпанным строем сражаться нельзя. В основе этого утверждения лежит коренная ошибка.

Когда с батальоном, который никогда не действовал в рассыпном строю, но рабски сохраняет свои ряды, приходится проходить через лесную заросль, как бы густа последняя ни была, чтобы нанести удар неприятелю, то, конечно, маршировать стройными шеренгами и рядами – невозможно, а приходится несколько

разомкнуться и двигаться людям поодиночке".

"Но разве это называется рассыпным строем? Отнюдь нет! Имеют ли намерение в этот момент вести стрелковый бой? Еще менее! Утрачивается ли в этом случае существо сомкнутой атаки? Тоже нет! Хотят ударить на противника и его опрокинуть, как то, собственно, имеет место при всяких атаках. Батальон, атакующий по самой ровной местности батарею, не сохранит же в самом деле до последней минуты свое построение по шеренгам и рядам, и все же дух сомкнутой атаки сохраняется".

"Раз линейная пехота не должна вести стрелкового боя, то и в мирное время ее нечего и не должно ему обучать по той причине, что и на войне его не следует дозволять и там, где в частности его можно бы почитать и безвредным".

"Не диво, если французские стрелки, сотнями тысяч нахлынувшие из недр своей страны, отбросили наши старые принципы. Однако, если и можно до известной степени испугаться такого явления и потерять голову, надо все же прийти в себя, если заслуживаешь имени мужчины".

После понесенных ими поражений старые державы, наконец, прозрели и усвоили себе новые боевые приемы французов. Ведь зачатки их у них уже были в лице легкой пехоты и распределенных

по ротам стрелков, вооруженных винтовками; тут произошло дальнейшее развитие, естественно, путем пересмотра уставов – сначала у австрийцев в 1806 г., затем – у пруссаков в 1809 и 1812 гг. Если бы случайно сохранились одни только прусский и французский строевые уставы, можно было бы воображать, что у нас в руках имеется документальное доказательство того, что тактика боя в рассыпном строю изобретена пруссаками в 1812 г.; и этому тем охотнее поверили бы, если бы кто-нибудь разузнал, что еще в 1770 г. Фридрих Великий в своем труде "Элементы костраметрии и тактики" (Elements de castrametrie et de tactique) предписывал, чтобы при тактике впереди первых уступов линии шла стрелковая цепь из вольных батальонов, и что незадолго до своей кончины великий король приказал сформировать батальоны легкой пехоты. В действительности эти вольные батальоны предназначены были не для положительных действий, а лишь для того, чтобы привлекать на себя неприятельский огонь, а с легкой пехотой мы познакомились не как с преобразованной пехотой, а как с вспомогательным родом войск. Для того чтобы создать новую тактику, потребовалось создание нового государства. Случайно сохранившиеся отдельные сообщения можно лишь тогда признать

за достоверные и видеть в них правильное отображение действительности, когда можно установить, что они совпадают фактически с общим направлением развития.

В области истории военного искусства этот метод критики имеет особое значение. Как обмануты были историки пресловутым указанием Ливия (Livius, VIII, 6) будто римляне еще в древнейшие времена умели маневрировать и вести бой очень небольшими тактическими единицами, или теми случайно сохранившимися капитуляриями последних лет царствования Карла Великого, из которых, казалось, нельзя было не заключить, что ленная система была введена в то время! И наоборот, можно сослаться на подобные аналоги и в отрицательном смысле. Глубокое, коренное изменение, которому подверглась античная тактика, заключалось в переходе от массового напора фаланги к линейному порядку во время второй Пунической войны. Но Полибий, современник Сципионов, так же мало нам об этом рассказывает, как и Гойер, современник Бонапарта, – о превращении линейной тактики в тактику рассыпного строя, хотя и того и другого мы должны признать за обладавших специальным образованием наблюдателей высшего порядка. Мы не располагаем также документальными

повествованиями о возникновении ленной системы. Не лучше обстоит дело с вопросом об исчезновении римских легионов в третьем веке императорского периода. Какой коренной переворот эти изменения ни вносили бы, все же они протекают в порядке постепенных переходов, которые скрывают их от глаз современников, а случайности фрагментарного сохранения преданий или недоразумение несведущего рассказчика (вроде Ливия) вызывают путаницу, разобраться в которой критике удается лишь после работы нескольких поколений.

Как мы выяснили в начале настоящего труда, все военное искусство движется между двумя полюсами, или основными силами, – храбростью и боеспособностью индивида и сплоченностью и стойкостью тактической единицы. Две крайности – это, с одной стороны, рыцарь, почти всецело направленный на личные достижения, и стреляющий залпами батальон пехоты Фридриха Великого, где каждый до такой степени пригнан как часть к машине, что даже противящиеся элементы могут быть использованы. Регулированный и руководимый сверху стрелковый бой имеет своей задачей соединить выгоды тактической единицы с выгодами доброй воли отдельного индивида. Предпосылкой для

такого изменения является, следовательно, солдатский материал, от которого ожидается, что он обладает доброй волей. Такая добрая воля была у тех старых наемников, которые добровольно шли к вербовщикам. Но составленные таким образом армии могли быть только малочисленными. Увеличение размера армий повлекло за собою и ухудшение материала. Новая идея защиты отечества принесла с собою не только новое численное увеличение, но и такое усиление доброй воли в этой массе, что на основе ее могла развиться и новая тактика.

В *артиллерии* значительные улучшения в конструкцию орудий внес Грибоваль еще в последние годы старой монархии. Постепенно открыли, где можно сэкономить на металле и весе орудий без ущерба для прочности их. До тех пор тяжелые орудия вывозились перед началом сражения на предназначенные им места, и, раз установленные, они обычно уже не меняли своей позиции. Поэтому могли обходиться тем, что их перевозили крестьяне. Продвигающиеся же вперед войска сопровождали совсем легкие батальонные орудия, которые везла на себе пехота. Грибоваль настолько уменьшил вес полевых орудий, что на поле сражения их перевозить могли сами солдаты, снабженные с

этой целью кожаными лямками. Революция ввела конную артиллерию по образцу прусской. Наполеон, немедленно по вступлении его в командование, внес улучшение: он милитаризировал ездовых. Крестьяне, перевозившие раньше орудия, как только они попадали в сферу неприятельского огня, обнаруживали чрезмерную склонность уходить, уводя с собою лошадей. С методически обученным персоналом и лошадьми артиллерия теперь уже могла следовать за пехотой на поле сражения, а потому легкие орудия, перетаскиваемые солдатами, были отменены. Если значение артиллерии, благодаря ее большей подвижности, через это увеличилось, то она, как и кавалерия, утратила долю своего значения, потому что численный рост армии коснулся исключительно пехоты. В то время как под конец Фридрих Великий возил за своей армией по 7 орудий на каждую 1000 человек пехоты, во время революционных войн эта пропорция снизилась до двух орудий и даже до одного орудия на 1 000 человек с тем, чтобы снова несколько подняться во времена империи. Под Ваграмом у Наполеона было немного больше 2 орудий на 1 000 человек (395 на 180 000), в 1812 г. – приблизительно три[25]. Большая подвижность этой артиллерии

дала возможность выдвинуть новый тактический принцип ее применения. Сосредоточивали действие огня на определенный пункт, который, таким образом, подготавливали для прорыва пехоты. Такой результат достигался с тем большей легкостью, когда это удавалось выполнить неожиданно для неприятеля. Однако и эта идея возникла во французской армии уже до революции[26].

В старых армиях самой крупной постоянной единицей был полк, и для каждого сражения устанавливался особый "ордр де батайль", которым между генералами распределялось командование линиями или частями линий. Стрелковый бой, рассчитанный на большую продолжительность и требовавший взаимной поддержки разных родов войск, сделал желательным более постоянное объединение войсковых частей. Поэтому французы создали сначала дивизии, а позднее – и армейские корпуса. На первый взгляд это представляется чисто внешним распорядком, но в то же время такое объединение является выразителем совсем иного духа в способе ведения боя. Сражение эпохи Фридриха Великого было построено на организованном самим полководцем едином решительном ударе, который должен был

приводить, да и неизбежно приводил, к быстрому исходу. Теперь сражение стало распадаться на отдельные, а может быть, даже на многие отдельные акты, в которых дивизионный или корпусный командир располагал по собственному усмотрению различными родами войск, – своими стрелками, своей сомкнутой пехотой, своей подвижной артиллерией, а полководец только с развитием боя и в зависимости от обстоятельств принимал решение относительно удара, который должен бы дать конечный результат.

Хотя от линейного построения не отказались окончательно, однако оно отошло на второй план. Вместо него все большее и большее значение для хода сражения стало приобретать сохранение и использование резерва. Сражение уже не строилось на решении первым ударом, но сперва завязывалось, питалось из глубины, затягивалось или усиливалось. "Сражения выигрываются только тем, что в критический момент подкрепляют боевую линию", – писал маршал Сен-Сир[27].

Различия между сражением Фридриха и сражением Наполеона можно представить схематически приблизительно в следующем сопоставлении, если не слишком уточнять смысл отдельных выражений:

Фридрих	*Наполеон*
Армия составляет единое целостное тело.	Армия распадается на корпуса и дивизии.
Начальники линий или их частей не исполняют иных функций, как только передают приказы полководца и, следуя верхом впереди своих частей, показывают войскам пример неустрашимости.	Посредствующие командиры выполняют самостоятельные задачи и имеют возможность применять на деле свой боевой опыт и компетентное суждение.
Полководец распоряжается развертыванием войск и наступлением согласно определенной идее.	Полководец начинает сражение не по всему фронту и от момента к моменту решает, где и как он его разовьет и доведет до решительного исхода. (on s'engage partout et aprиs on voit – всюду завязывают бой а затем – будет видно).
Никаких либо крайне ничтожные резервы.	Очень мощные резервы.
Первый удар – самый сильный.	Последний удар – наиболее сильный.
Случай играет огромную роль.	Случай сохраняет свою власть, но уступает первенство численному превосходству и лучшему командованию.

Подобно тому, как полководец разлагает сражение на отдельные акты, руководство которыми он передает подчиненным ему генералам, так точно он слагает с себя заботу о подробностях походного движения. Жомини рассказывает про Наполеона, будто он намечал по карте передвижение корпусов при помощи циркуля, открытого на дистанцию 7–8-часового перехода по воздушной линии. Во время похода от Булони к Дунаю в 1805 г. было пройдено 100 миль, следовательно, 2 S мили по воздушной линии в сутки.

Подобно стрелковому бою, новое военное устройство придало французской армии второе, весьма существенное качество. Старые армии зиждились на правильном снабжении из магазинов; армия всегда должна была везти с собою запасов на 18 дней: трехдневную порцию хлеба нес на себе сам солдат, на 6 дней – везла хлебная фура, имевшаяся по расчету на каждую роту, на 9 дней – мука перевозилось на мучных фурах интендантского обоза[28]. Без такой заботливой предусмотрительности невозможно было бы поддерживать строгую дисциплину. Чем тоньше армии вырабатывали в течение XVIII столетия свой своеобразный характер, тем больше придавали значения тому, чтобы интендантство

хорошо и регулярно снабжало продовольствием солдата. На этом сходились и непосредственные потребности дисциплины и господствовавший государственный строй. Война была делом начальства, а не подданных; последние, если не оказывались непосредственно на поле сражения, не должны были даже замечать, что идет война. Строжайшим образом предписано было солдату на походе и на биваках щадить страну и население. Французы перестали считаться с этим. У них война была делом всего народа, жертвовавшего своею кровью, и армия имела право брать из страны все то, что ей было нужно. Когда магазинное довольствие оказывалось несостоятельным, солдаты брали у населения все необходимое там, где они находились. Такие реквизиции легко переходили в грабеж; они расшатывали связность частей и способствовали развитию столь заразительного начала – мародерства. Если бы Фридрих Великий допустил это в своих войсках, ему грозило бы быстрое таяние его армии ввиду дезертирования. Лишь в редких, совершенно исключительных случаях крайней нужды он допускал довольствование солдат хозяевами отведенных им квартир. И французские революционные армии сначала очень страдали от дезертирства, но это дезертирство

ничем не было связано с системой снабжения войск продовольствием, к тому же для борьбы с ним не существовало никакого дисциплинарного надзора. Но после того, как ненадежные элементы исчезали, все же под знаменами оставалась весьма значительная часть людей, следовавших за ними по собственному влечению; правда, по своей недисциплинированности они напоминали банды эпохи Тридцатилетней войны.

Генерал Лагарп доносил в 1796 г. главнокомандующему Бонапарту, что его войска хуже вандалов; два командира бригад подали в один и тот же день в отставку, и сам Бонапарт писал Директории, что он стыдится иметь под своим начальством такую шайку разбойников. При восторженных кликах народа вступили в Милан французы, которые вроде бы должны были принести народам свободу; неделю спустя, доведенный дурным обращением до отчаяния, народ поднял против них возмущение, но был укрощен расстрелами. То же, что и Бонапарт из Италии, доносит Моро из Германии (17 июля 1796 г.): "Я делаю, что могу для пресечения грабежей, но солдаты уже два месяца как не получают жалования, а транспорты с провиантом не могут поспеть за нашими быстрыми переходами; крестьяне разбегаются, а солдаты

грабят опустелые дома". То же пишет и Журдан (23 июля): "Солдаты очень дурно обращаются с населением страны: я краснею стоять во главе армии, которая ведет себя столь недостойным образом. Когда офицеры пытаются воспротивиться солдатам, им угрожают, в них даже стреляли". Со временем генералам все же удалось снова забрать в свои руки вожжи дисциплины. Уже в вышеприведенном письме Журдан доносит, что доведенные до крайности жители берутся за оружие и что скоро без конвоя нельзя будет ездить по коммуникационной линии. Бывали случаи, когда войска, после победоносного боя, рассеивались за реквизицией и добычей, и на них нападали и разбивали их. С восстановлением порядка как в области тактики, так и в деле снабжения французской армии снова были введены старые испытанные формы, и только в крайних случаях солдату приходилось прибегать к неупорядоченному самоснабжению. Однако, несмотря на столь значительное увеличение французской армии, продовольственный ее обоз был гораздо меньше, чем в прежние времена. Если к этому прибавить сокращение офицерского багажа и упразднение палаток, то исчисление Рюстова представляется правдоподобным, когда он говорит, что весь обоз

французской пехоты в 1806 г. составлял лишь одну восьмую или одну девятую обоза прусской пехоты[29].

Однажды Фридрих писал фельдмаршалу Кейту (11 августа 1757 г.) о транспорте с провиантом, которого он ожидал: "...на него я возлагаю последнюю надежду государства". В устах Наполеона такая фраза была бы невозможна.

Насколько мне известно, ни один современный писатель не упоминает о том, как распространение во второй половине XVIII столетия обработки картофеля облегчило непосредственное довольствие армии местными средствами. В эпоху Семилетней войны картофель еще не играл никакой роли. Двадцать лет спустя война за Баварское наследство уже получила шуточное название. В осеннюю кампанию 1813 г. картофель, несомненно, сыграл большую роль[30].

Как ни превосходен был порядок, в который Наполеон привел свою армию, все же в области продовольствования время от времени старые язвы снова открывались, и едва только здесь проявлялся в чем-нибудь недостаток, как снова возрождалось все зло разложения и упадка дисциплины[31].

Наполеон в то же самое время завершает Революцию. Он захватывает верховную власть не в силу принадлежащего ему права, но как избранник народа; путем плебисцита французский народ почти единогласно провозгласил его сначала консулом, а потом – императором. Поэтому, несмотря на восстановление монархии, армия сохранила существенные черты характера, впервые выработавшиеся в ней при Республике. Различие между офицерством и рядовыми уже не носило сословного характера, а лишь характер различия между большим или меньшим образованием, большей или меньшей степенью пригодности, причем лишним связующим звеном служило еще то обстоятельство, что совершенно необразованные рядовые при выдающихся боевых качествах могли дослужиться до капитана, а при особых отличиях – и до высших командных постов. Каждый солдат, как тогда говорили, носил в своем ранце маршальский жезл. Правда, это не следует понимать в том смысле, будто великие наполеоновские маршалы вышли из народных низов; подавляющее большинство из них, подобно самому Наполеону, уже до революции были военными по профессии, и их выдающиеся достижения не в малой мере основаны были на том, что революция, освобожденная от всяких

традиций, привела их на руководящие посты еще в таком возрасте, когда юношеские силы в соединении с юношеским честолюбием и отвагой давали им возможность выполнять неслыханные подвиги. Самому Наполеону было 27 лет, когда он принял на себя командование итальянской армией, а большинство его маршалов были не старше или только немногим старше его.

Всеобщая воинская повинность для пяти возрастов, от 20 до 25 лет, была еще раз провозглашена как принцип в 1798 г., но в 1800 г. несколько ограничена установлением заместительства. И до этого она на практике не применялась постольку, поскольку молодые люди массами уклонялись от воинской повинности, или даже вступив в ряды армии, снова самовольно возвращались домой. Административная организация была недостаточно сильна и неподготовлена для того, чтобы этому воспрепятствовать; право заместительства раз уже было допущено и затем отменено. Введенный законами 1798 и 1800 гг. рекрутский набор с правом заместительства представляет по своей природе весьма растяжимую систему, фактически применявшуюся с большей мягкостью. В то время как каждый возраст насчитывал по крайней мере 190 000 годных к службе молодых людей,

Наполеон набирал ежегодно за 1801 – 1804 гг. всего лишь по 30 000 человек для полевой армии и по 30 000 человек для резерва; последние должны были обучаться только 15 дней в году и по одному воскресенью в месяц. По достижении 25-летнего возраста солдат подлежал увольнению.

С 1806 г. наборы стали все более и более повышаться, а правило относительно увольнения в 25-летнем возрасте ввиду перманентного состояния войны, вероятно, уже не выполнялось. Положительных указаний мы по этому поводу не имеем; не располагаем мы также точными данными о том, каких размеров достигли действительно (а не по публикациям) наборы с 1812 по 1814 год. Достоверно известно лишь то, что даже в период до 1805 г. весьма не строго проводившийся рекрутский набор встречал упорное сопротивление и мог осуществляться лишь путем применения силы. Рекрутов, уклонявшихся от набора, называли "rйfractaires", выслеживали их повсюду при помощи специальных жандармских команд, отводили их связанными в полки или утесняли их родителей и родственников постоями, либо, наконец, возлагали ответственность на их общины[32].

Таким образом, от идеального принципа всеобщей воинской повинности, как он был

провозглашен революцией, очень сильно отошли. Пожалуй, можно бы сказать, что новый рекрутский набор представлял не что иное, как восстановление системы старой монархии: заместители, продолжавшие служить сверхсрочно (als Kapitulanten), составляли особый вид профессионалов-наемников, а ведь наряду с этим и Людовики производили наборы. Еще более сходится эта система с прусской военной организацией, в которой набор по кантонам играл существенную роль и поставлял половину состава всей армии. Тем не менее, хотя и частично, но многое перешло из республиканской армии в наполеоновскую, не только в отношении иного духа офицерского корпуса, иных отношений между офицерством и солдатской массой, но и в отношении существа и духа самих солдат. По самому своему происхождению они не были наемниками, но сынами и защитниками французского отечества, даже тогда, когда они становились ими против своей воли. Но это – различия лишь относительные, а не абсолютные, ведь и в старой французской армии уже жил национальный дух; но подъем его теперь был настолько велик, что, противопоставляя оба типа армии, различие между ними можно и должно обозначить как родовое.

При сравнении с Пруссией, правда, можно сказать, что на основе кантон-регламента в последней набор производился так же строго, если не строже, чем во Франции, но во Франции он давал совсем иные массы людей, ибо Франция насчитывала в пять раз большее число жителей, чем Пруссия, а прусские кантонисты, хотя у них и была большая преданность королю и государству, все же, конечно, лишены были действительной силы идеи отечества, ибо Пруссия была лишь случайным, динамическим государством, а не государством национальным. Наконец, надо иметь в виду, что даже если местные жители в Пруссии и составляли половину или даже более половины армии, то именно они оставались под знаменами лишь короткое время, между тем как иностранцы служили подолгу и накладывали на целое печать своего духа, т.е. более или менее честного военно-профессионального духа, а не духа защиты Отечества.

Лучше всего можно себе представить это различие, если сравнить уже приведенные нами выше предписания Фридриха в его знаменательном наставлении о способах предотвращения дезертирства с приказом по армии, с которым Наполеон перед Аустерлицким сражением обратился к своим войскам. Фридрих

поучает: "Существенный долг каждого генерала предотвращать случаи дезертирства. Это можно сделать следующим путем: надо избегать становиться лагерем близ леса; надо приказывать почаще навещать ребят в палатках; вокруг лагеря надлежит наряжать гусарские патрули; на ночь следует расставлять посты егерей по ржи, а к вечеру удваивать полевые посты кавалерией; нельзя позволять солдатам разгуливать, офицеры обязаны вести их строем, когда идут за соломой или водой; мародерство должно караться весьма строго; в походе часовые в деревнях должны быть сняты не раньше, чем вся армия будет под ружьем; ночных маршей не следует делать; строго запрещать солдатам покидать свои взводы при походе; с должны следовать гусарские патрули, когда пехота проходит через лес; надо внимательно смотреть за тем, чтобы войска не терпели недостатка в необходимом: будь то в хлебе, мясе, водке, соломе и проч.".

А вот что гласит приказ Наполеона от 24 ноября 1805 г.: "Временно армия остается на отдыхе. Начальники отдельных частей должны озаботиться составлением списков мародеров, отставших без уважительной причины; они должны рекомендовать солдатам внушить виновным, чтобы они устыдились своего

поступка, ибо во французской армии тягчайшее наказание за неприятие участия в опасностях и победах – это позор, которым виновных покрывают их собственные товарищи. Если найдутся солдаты, которые окажутся в таком положении, то император не сомневается, что они с готовностью соберутся и станут под свои знамена".

Своеобразный обычай старых наемных войск – отпускать за денежный выкуп военнопленных (рансонирование) – был запрещен уже декретами Национального собрания (19 сентября 1792 г. и 25 мая 1793 г.).

В 1812 и 1813 гг., когда Наполеон был вынужден все более и более повышать рекрутские наборы, ему также пришлось сильно страдать от дезертирства. Можно даже сказать, что кампании 1812 и 1813 гг. он проиграл из-за дезертирства. Ибо благодаря утечке в войсках уже во время наступления, он прибыл в Москву с такими слабыми силами, что продолжать войну он уже не мог, и если в осеннюю кампанию 1813 г. он вступил с войском, мало чем уступавшим численно союзникам, а два месяца спустя, под Лейпцигом, у него было почти наполовину меньше войск, чем у его противников, то это обусловлено было многими причинами, но в

особенности неслыханно большим процентом дезертиров на стороне французов.

Армия Фридриха в течение Семилетней войны также постепенно ухудшалась, и мы видели, как король пытался восполнить недостаток пехоты увеличением своей артиллерии. У Наполеона, как мы отметили выше, наблюдается то же самое, хотя и не в одинаковой мере. У Фридриха это внутреннее изменение в армии привело к изменению его стратегии, у Наполеона, как мы увидим, – нет.

Короче говоря, военное дело, как оно было создано во время революции и самой революцией, отличается от такового в старой монархии в трех отношениях: армия – гораздо больше, она сражается рассыпным строем, снабжается при помощи реквизиций. Об этих трех военных свойствах, коими новое военное дело поднялось над военным делом прошлой эпохи, надо, однако, в заключение заметить, что не все они проявились одновременно и в одинаковой мере. Так, большой численный состав появился вначале при массовом призыве (levйe en masse), а затем временно снизился, так что в первые свои кампании войска Наполеона только-только равнялись по численности войскам своих противников.

ГЕНЕРАЛЫ РЕСПУБЛИКИ И МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

Дюмурье, род. в 1739 г.; офицер уже в Семилетнюю войну.

Келлерман, род. в 1735 г.; офицер в Семилетнюю войну.

Серван, род в 1742 г.; штаб-офицер к началу революции.

Карно, род. в 1753 г.; инженерный капитан к началу революции.

Гушар, род. в 1740 г.; драгунский ротмистр к началу революции.

Гош, род. в 1768 г.; в 1784 г. солдат гвардии, в 1792 г. лейтенант.

Марсо, род. в 1769 г.; в 1785 г. солдат, в 1789 г. сержант, в 1792 г. командир батальона волонтеров.

Моро, род. в 1763 г.; юрист, в 1793 г. командир батальона волонтеров.

Журдан, род. в 1762 г.; в 1778 г. солдат, был со своим полком в Америке в 1784 г. Затем некоторое время был разносчиком; в 1791 г. командир батальонов волонтеров.

Пишегрю, род. в 1761 г.; учитель математики, в 1783 г. солдат, к началу революции зауряд-офицер.

Шерер, род. в 1747 г.; офицер австрийской и голландской службы, в 1791 г. капитан французской армии.

Клебер, род. в 1753 г.; архитектор, некоторое время австрийский лейтенант, в 1792 г. офицер батальона волонтеров.

Серрюрие, род. в 1742 г.; зауряд-офицер, капитан с началом революции.

Бертье, род. в 1753 г.; к началу революции офицер Генерального штаба.

Монсей, род. в 1754 г.; в 1779 г. подпоручик, в 1789 г. лейтенант.

Периньон, род. в 1754 г.; в 1784 г. подпоручик.

Лефевр, род. в 1755 г.; в 1770 г. солдат, в 1782 г. сержант, в 1789 г. лейтенант национальной гвардии.

Массена, род. в 1756 г.; к началу революции зауряд-офицер.

Ожеро, род. в 1757 г.; в 1774 г. солдат, в 1776 г. дезертировал, сделался учителем фехтования в Пруссии, вернулся во Францию, когда вспыхнула революция, и делается зауряд-офицером в немецком легионе.

Бернадотт, род. в 1763 г.; 1779 г. солдат, к началу революции зауряд-офицер.

Брюн, род. в 1763 г.; юрист, в 1791 г. волонтер.

Гувион Сен-Сир, род. в 1764 г.; живописец, 1792 г. волонтер.

Виктор, род. в 1764 г.; в 1781 г. солдат.

Макдональд, род. в 1765 г.; в 1784 г. лейтенант.

Груши, род. в 1766 г.; в 1781 г. лейтенант.

Удино, род. в 1767 г.; в 1784 г. солдат.

Мюрат, род. в 1767 г.; в 1787 г. солдат.

Бессьер, род. в 1768 г.; в 1792 г. солдат, в 1793 г. подпоручик.

Мортье, род. в 1768 г.; сын депутата Национального собрания, в 1791 г. волонтер и тотчас же выбран капитаном.

Дезэ, род. в 1768 г.; в 1783 г. подпоручик.

Ней, род. в 1769 г.; в 1788 г. солдат.

Сульт, род. в 1769 г.; в 1785 г. солдат, к началу революции унтер-офицер.

Ланн, род. в 1769 г.; сын конюха, маляр, в 1792 г. волонтер.

Бонапарт, род. в 1769 г.; в 1785 г. лейтенант.

Сюше, род. в 1770 г.; в 1792 г. солдат.

Даву, род. в 1770 г.; учился в военном училище, в 1788 г. лейтенант.

Мармон, род. в 1774 г.; в 1790 г. подпоручик.

Итак, *офицерами* старой армии были (кроме Лафайета, Кюстина, Бирона и Богарне): Дюмурье, Келлерман, Серван, Карно, Гушар, Бертье, Моисей, Груши, Дезэ, Макдональд, Бонапарт, Периньон, Даву, Мармон.

Зауряд-офицерами были: Пишегрю, Бернадотт, Массена, Серрюрие.

Могли рассчитывать быть зауряд-офицерами: Ожеро, Сульт, Ней, Мюрат, Виктор, Удино.

Офицеры иностранной службы: Шерер, Клебер.

Остались бы рядовыми или в лучшем случае дослужились бы до унтер-офицеров в старой армии: Журдан, Гош, Марсо, Лефевр, Ланн.

Штатские с высшим образованием, которые вступили в армию лишь с началом революции: Моро, Брюн, Мортье, Бессьер, Сюше, Гувион Сен-Сир.

Глава III

СТРАТЕГИЯ НАПОЛЕОНА[33]

Естественный, основной закон стратегии, повторяем это еще раз, – сосредоточить свои силы, отыскать главные силы неприятеля, их разбить и преследовать после победы до тех пор, пока побежденный неприятель не подчинится воле победителя и не примет его условий; в крайнем случае, преследовать вплоть до занятия всей неприятельской страны. "Уничтожение неприятельских вооруженных сил из всех целей, какие можно преследовать на войне, является первенствующей над всем" (Клаузевиц). Итак, не какой-нибудь географический пункт, не область, не город, позиция или магазин, а именно вооруженные силы противника являются объектом наступления. Раз при помощи крупного тактического решающего действия удалось настолько разрушить физически и морально неприятельские вооруженные силы, что они уже больше сражаться не могут, то победитель развивает свою победу до тех пределов, до каких он это считает нужным для своей политической цели.

Армии старой монархии были слишком малы,

слишком беспомощны и неповоротливы в своей тактике, слишком ненадежны по своему составу, чтобы проводить эти принципы своей стратегии. Они задерживались перед позициями, неприступными для их тактики; а обойти их они не могли, потому что должны были тащить за собою все свое продовольствие. Они могли проникать только не слишком глубоко в неприятельскую страну, так как не могли прикрывать обширных районов, и были вынуждены во что бы то ни стало обеспечивать сообщение со своей базой.

Наполеон чувствует себя свободным от этих пут. Он сразу делает ставку на тактическое решение, которое должно вывести из игры неприятельскую полевую армию, и затем преследует свою победу до тех пор, пока противник не подчинится его условиям. Из этого высшего принципа вытекают последствия, которые охватывают все – от планов кампаний и до отдельных военных мероприятий. Так как все с самого начала направлено на сокрушительный решающий акт, то все остальные цели и соображения подчиняются этой главной цели, и самый план кампании отличается известной естественной простотой. Стратегия измора построена на отдельных предприятиях, которые

могут получить тот или иной размах. В начале Семилетней войны Фридрих колебался между разнообразнейшими и даже противоречивыми планами. Чем предприимчивее, чем активнее полководец, тем больше возможностей открывалось его фантазии и тем субъективнее были его решения. Планы кампании Наполеона носят в себе известную внутреннюю, объективную необходимость. Раз их познаешь и себе уяснишь, то начинаешь ощущать, что они иными и быть не могли, что творческий акт стратегического гения заключался лишь в том, что он открыл то самое, что повелевала природа вещей. Стиль ампир, о котором говорит историк искусства, с его классицизмом, с его прямолинейной простотой можно сравнить с военным искусством той эпохи.

Постараемся сделать общий обзор тех положительных последствий, которые непосредственно вытекают из противоположности этих основных принципов. Нам нет надобности развивать их диалектически: мы можем распознать их на деяниях двух великих мастеров, Наполеона и Фридриха.

Наполеон в своих концепциях кампаний всегда устремлял взор на неприятельскую армию и ставил себе единственной задачей не только ее атаковать, но и по возможности уничтожить.

Фридрих также выдвигал принцип: "Кто хочет сохранить все, не сохранит ничего. Следовательно, самый существенный предмет, на котором надлежит сосредоточиться, – это неприятельская армия". Однако мы видели, что для Фридриха этот принцип имел лишь относительное значение, что он то и дело, и притом весьма сильно, от него отклонялся. Для Наполеона же он имел значение абсолютное. Наполеон, когда он имел дело с несколькими противниками, мог с ними покончить со всеми поодиночке – одним за другим. В 1805 г. он разбил австрийцев (под Ульмом); затем – русских с остатками австрийцев (под Аустерлицем) раньше, чем пруссаки успели вмешаться. В 1806 г. он опять-таки наносит поражение пруссакам раньше, чем подоспели русские (Йена), и в 1807 г. он бьет русских раньше, чем австрийцы снова собрались с силами.

Совсем иначе действовал Фридрих в начале Семилетней войны. Уже в июле 1756 г. обстановка совершенно созрела: австрийцы еще не вполне подготовлены, русские и французы – далеко. Однако вместо того чтобы, по возможности, поспешить нанести удар, Фридрих искусственно затянул начало кампании до конца августа. Будь он стратегом сокрушения, т.е. если

бы средства, коими он располагал, дозволяли ему быть таковым, мы бы были вынуждены увидеть в этом его поведении величайшую ошибку всей его военной карьеры. Но так как план полного сокрушения Австрии даже при самых благоприятных условиях был для него исключен, то надо признать, что он действовал правильно, ограничившись на этот год оккупацией Саксонии и приступив к ней так поздно, что французы уже не сочли удобным помешать ему в этом.

Мы видим, как действуют те, кто пытается для вящего прославления Фридриха доказать, будто в следующем году он действительно возымел намерение сокрушить Австрию (сражение под Прагой, осада Праги). Если бы такой план был действительно выполним в 1757 г., то насколько легче было бы его осуществить в 1756 г.! Ясными и последовательными представляются действия Фридриха только на почве стратегии измора. А если это так, то наоборот, мы можем использовать эту завязку Семилетней войны в ее коренном противоречии с действиями Наполеона в 1805 и 1806 гг. как самое блестящее и богатое выводами доказательство естественной противоположности между сущностью и принципами обоих видов стратегии, которые устанавливаются исторически.

Пойдем дальше по тому же пути.

В стратегии измора на первом плане стоят осады крепостей, меры воспрепятствования им, освобождение от осад, – у Фридриха, правда, в меньшей мере, чем у его противников, но все же в значительной степени. Наполеон во всех своих кампаниях (если не говорить о побочных предприятиях) осаждал лишь две крепости: Мантую в 1796 г. и Данциг в 1807 г. Да и на эти две осады он решается лишь потому, что со своими наличными силами он временно оказывается не в состоянии продолжать и двигать вперед войну в открытом поле против неприятельской полевой армии. При стратегии сокрушения осаждают лишь то, чего в конечном счете нельзя не осаждать, хотя бы, например, самую неприятельскую столицу, как Париж в 1870 г., или крепость, если в ней окажется запертою целая неприятельская армия, как Мец в 1870 г., или же если речь идет о мелких, побочных действиях. Для Фридриха же взятие крепости вроде Нейссе (1741 г.), Праги, Ольмюца, Швейдница (1762 г.) нередко составляет самую задачу кампании.

Фридрих категорически учил: "Если вы окажетесь в стране, в которой много крепостей, то не оставляйте ни одной из них в тылу у себя, но возьмите их все; при этих условиях вы будете

методически продвигаться вперед и вам не придется беспокоиться за свой тыл[34].

Если бы союзники вздумали придерживаться этого принципа Фридриха в 1814 г. при своем вторжении во Францию, они бы никогда не одолели Наполеона.

Фридрих сооружал каналы; он пользовался водными путями не только для торговых сношений, но и для доставки продовольствия для своих войск; Наполеон строил шоссейные дороги: он вел войны прежде всего мартами.

Для Фридриха сражение, согласно часто повторяемому им выражению, представляет "рвотное", которое дают больному. "Мне ничего другого не оставалось", – неоднократно пишет он, когда он хочет оправдать принятое им: решение – дать сражение[35]. Оно представляется ему вопросом, обращенным к судьбе, вызовом, брошенным случаю, который решит исход неучтимым наперед способом. Наполеон же заявлял, что его принцип – никогда не решаться на сражение, не имея 70% шансов на победу на своей стороне[36]. Если бы Фридрих держался этого принципа, то он едва ли мог дать хотя бы одно сражение. Но это вызывается не различием в степени отваги обоих полководцев, о которой вообще не может быть и речи, а различием в

системе: если бы стратегия сокрушения смотрела на сражение как на решение, зависящее от случая, то и вся война оказалась бы делом случайности, ибо исход ее зависит от сражения. В стратегии же измора сражение является одним моментом из многих, и решение, которое оно приносит, может быть снова уравновешено. Фридрих, взвешивая шансы одного сражения, писал однажды: "Даже если бы оно было проиграно, наши обстоятельства от этого не ухудшились бы против их настоящего положения"[37]. В устах Наполеона такая фраза была бы непонятна и невозможна. На его взгляд выигранное или проигранное сражение, при каких бы то ни было положениях, коренным образом меняет обстановку. Пруссия могла залечить рану, нанесенную ей под Кунерсдорфом, Йену же – нет. Мы видели, как принцип, неоднократно провозглашенный Фридрихом, что для сражения следует привлекать все находящиеся в распоряжении силы, в значительной мере ограничивался им при практическом применении. Наполеон же проводил его действительно до конца, хотя, конечно, и это не следует понимать в абсолютном смысле[38]. Он пишет Мармону (15 ноября 1805 г.): "Мне приписывают несколько большую долю таланта, чем другим, а все же, чтобы дать сражение неприятелю, которого я

привык побеждать, я никогда не считаю, чтобы у меня было слишком много войск; я стягиваю к себе все то, что я могу собрать".

Фридрих держался правила составлять возможно более широкий план кампании, про который он сам себе заранее говорил, что его проект при выполнении съежится. Этот принцип он постоянно повторяет: "Широко задуманные планы кампании, – читаем мы в его политическом завещании 1768 г., – без всякого сомнения самые лучшие, ибо при их выполнении сразу замечаешь, что может оказаться невыполнимым, и, ограничиваясь выполнимым, продвигаешься дальше вперед, чем при маленьком проекте, который никогда ни к чему великому привести не может". "Такие широкие планы не всегда увенчиваются успехом; зато, если их удастся осуществить, то они решают исход войны". "Составьте четыре таких проекта, и если хотя бы один из них удастся осуществить, то вы вознаграждены за все ваши труды"[39]. Таким образом, если сравнить его первоначальные проекты с последующим их выполнением, то получается впечатление, словно его способность к действию – не на высоте его стратегических идей. Не может быть более грубой ошибки! Он вполне сознательно наперед составлял планы,

выходившие за пределы возможного, с тем, чтобы в дальнейшем ни при каких обстоятельствах не оказаться ниже уровня возможного. Суровые факты ставили ему границы, он знал, что это так будет, и этого-то и хотел. Поэтому его стратегические идеи могут быть достойно оценены лишь при этой оговорке.

С Наполеоном дело обстоит иначе. Его планы не съеживались при их выполнении, но скорее разрастались. Он сам о себе говорил: "Нет более малодушного человека, чем я, когда я составляю план кампании; я в преувеличенном виде представляю себе все опасности, и все обстоятельства рисуются мне в таких мрачных красках, как это только возможно; я нахожусь в болезненном возбуждении. Это, впрочем, не мешает мне казаться окружающим бодрым и веселым. Но раз я принял решение, я забываю все и думаю лишь об одном – что может способствовать удаче".

В сражении Фридриха Великого все рассчитано на связанное воедино действие: первый же натиск должен принести с собою и решительный исход; а Наполеон нередко вступает в бой без определенного плана сражения, иногда даже без определенного представления о позиции, занимаемой противником. "Завязывается бой, –

говорит он, – а там будет видно, что надо делать". Поэтому весьма значительная часть армии должна оставаться в резерве, дабы им добиться решительного исхода на пункте, который укажет полководец. В первую голову это различие между сражениями Фридриха и сражениями Наполеона надо отнести к различию в тактике, различию между линейным построением и стрелковым боем. Однако это различие связано и со стратегией. Наполеоновское сражение вырастает органически из предшествующих операций и нередко является неожиданным. Сражение Фридриха исходит из более или менее подготовленного субъективного решения, следовательно, обходится без длительной завязки и стремится к решительному исходу – чем скорее, тем лучше.

Фридрих всю жизнь возился с взвешиванием стратегических принципов, вспомогательных средств и планов. Наполеон говорил: "Я знаю только три вещи на войне: делать десять лье в день, сражаться и затем отдыхать.

Сказанное нами об отдельном сражении, что Наполеон давал ему развертываться без предвзятой идеи, относится также и к его стратегии. Сам он говорил, что у него никогда не было заранее составленного плана кампании. Это не противоречит вышеприведенным его словам,

что при разработке своих планов он всегда был полон тревоги. Нередко цитируемое изречение Мольтке гласит: "Ни один оперативный план не может с известной уверенностью охватить события дальше первого столкновения с главными силами противника. Лишь профан может воображать, что в ходе кампании он видит последовательное проведение заранее принятой, продуманной во всех подробностях и выдержанной до конца первоначальной мысли". В этом смысле и Наполеон говорит, что у него никогда не было плана кампании. Тем не менее для развертывания и во время развертывания его войск у него, конечно, была весьма определенная идея, и он тщательно взвешивал все возможности, которые при этом открывались, не останавливаясь, однако, заранее на той или другой из них. В стратегии измора мы постоянно встречаемся с планами кампании, заранее и издалека составленными, у Фридриха, пожалуй, не в такой мере, как у его современников, но, естественно, – также и у него.

И Наполеон не был достаточно силен для того, чтобы доводить сокрушение своих противников до той степени, до которой его доводил, например, Александр Великий, овладевший всей Персией. Даже пруссаки продолжали бы бороться

в 1807 г., если бы и русские на это были готовы. Наполеон доводит свои войны до конца не одними лишь победами, а, в конечном счете, и политикой. Поэтому можно было бы сказать, что разница между ним и его предшественниками была лишь относительная. Однако мы видели, что на практике различия были основными и что Наполеон фактически действовал по принципам, логически вытекающим из стратегии сокрушения, не иначе, чем Александр Великий. Он мог так поступать, будучи уверен или считая себя вправе быть уверенным, что если в конечном счете чего-нибудь и не будет хватать до полного сокрушения противника, если он, так сказать, выдохнется, то он сумеет восполнить недостающее политикой. Да, пожалуй, мы вправе сказать, что в этом и заключается его историческое величие. В глубине своей природы Наполеон был еще более государственным человеком, чем солдатом. Ни в молодости, ни позднее он не изучал ни истории, ни теории военного дела. Все мыслящие военные того времени заняты были вопросом, не следует ли от тонких линий снова вернуться к глубоким колоннам; у лейтенанта Бонапарта мы не встречаем и следа таких размышлений. Фридрих читал решительно все, что содержала старая и новейшая литература по военному делу и военной

истории. Правда, и Наполеон нередко указывал, что солдат должен изучать деяния великих полководцев, дабы у них учиться – при этом он называет Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Евгения, Фридриха, – но сам он, кроме Цезаря, в сущности знаком был лишь с крайне невоенными биографиями Плутарха и охотнее читал политические и морально-философские сочинения. Нет ничего более характерного для него, как его поведение в начале революционной войны. Он был французским лейтенантом; будь его наиболее сильная склонность военная, он должен был бы стремиться на фронт со своим полком, тем более что он был горячим сторонником новых идей. Между тем весь первый год молодой офицер уклонялся от участия в войне, а носился с несколько авантюристическими планами корсиканской политики. Лишь после крушения их он отправился в армию. Самый первый план большой кампании, составленный им в 1796 г., после того как он был назначен командующим армией в Италии, был построен под политическим углом зрения, на отторжении Сардинии от Австрии, а завершил он в конце концов борьбу с Австрией в 1797 г. тем, что, подступив уже к самой Вене, он не ограничился тем, что заставил

побежденных уступить известные области (Бельгию и Милан), но и посулил им крупное приобретение (Венецию). То же мы наблюдаем и в его последующих войнах; при всей необузданности его фантазии он все же обладает глазомером при определении границ своих сил. Покинуло ли его с 1812 года его благоразумие, переставшее сдерживать его в известных границах, или неизбежная внутренняя необходимость вывела его за эти границы, – этот вопрос мы оставляем пока открытым. Сейчас мы остановимся лишь на том, что его обстоятельства делали для него возможным то, что для Густава Адольфа, полководцев Людовика XIV, принца Евгения и Фридриха Великого было недоступно: строить планы своих кампаний не на одном изморе, но и на сокрушении противника, с тем, чтобы завершить свое дело средствами политики.

Если бы кто вздумал заключить, что новая стратегия выросла на почве новых отношений, как их естественный продукт, сама собою, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности вылепил фактически новое явление из данного ему материала. Именно на этих моментах истории с особенной ясностью убеждаешься в том, что мировая история отнюдь не представляет естественно-исторический

процесс, как то думают материалисты. В этом убеждаешься, когда сравниваешь первые кампании, в которых новая стратегия претворяется в действие, кампании генерала Бонапарта с кампаниями наиболее крупного из его коллег, генерала Моро.

После того как 1795 г. прошел, не принеся с собою крупных решающих действий, а Пруссия вышла из коалиции, заключив Базельский мир, французы выставили весною 1796 г. три армии: одну под начальством Бонапарта в Италии, другую под начальством Моро на верхнем течении Рейна и третью под начальством Журдана на среднем течении Рейна до Дюссельдорфа. При помощи английских субсидий австрийцам и их более мелким союзникам удалось противопоставить французам армии, не только не уступавшие им числом, но даже несколько превосходившие их. С обеих сторон войска, с расчетом на прикрытие областей, были распределены на длинном фронте. Бонапарт, войска которого частью стояли в Альпах, частью растянулись вдоль Ривьеры, почти до самой Генуи, стянул свои главные силы к крайнему правому флангу на Ривьере, так что он оставил свою коммуникационную линию с Францией лишь слабо прикрытою. Обе стороны двинулись

друг другу навстречу, через горные проходы Апеннин; но хотя французы в общем и были слабее своих противников на несколько тысяч человек, однако благодаря распределению своих войск они имели численное превосходство над ними в каждом отдельном бою, разбили их среднюю колонну, через нее прорвались между австрийской и сардинской армиями[40] и окончательно взяли верх, причем и генерал предоставил сардинскому королю перемирие на выгодных условиях. После этого он погнал австрийцев назад до самой Мантуи, окружил здесь остатки их армии и осадил этот город. Четыре раза спускались австрийцы с Альп, чтобы снять осаду с Мантуи. Всякий раз французы их били; причем один раз Бонапарт отказался от окружения крепости, пожертвовав своей тяжелой артиллерией, дабы воспользоваться своим превосходством в сражении в открытом поле.

После победы, во время переговоров относительно Леобенского перемирия, он сказал австрийским генералам: "В Европе немало хороших генералов, но они видят сразу слишком много вещей. Я вижу только одно – массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними".

Несколько позднее, в Милане, он высказался следующим образом: "Сущность стратегии заключается в том, чтобы с более слабой армией всегда иметь больше сил, чем противник на том пункте, на котором ты атакуешь или на котором атакуют тебя". Наконец, на острове Св. Елены: "Во время революционной войны держались неправильной системы раздроблять свои силы, высылать колонны направо и колонны налево, что является грубой ошибкой. Именно противоположная система была тем, что доставило мне так много побед. Ибо накануне сражения, вместо того чтобы рассыпать свои дивизии в разные стороны, я их стягивал все к тому пункту, который я хотел одолеть. Там и была сосредоточена моя армия и легко опрокидывала то, что ей противостояло и было, естественно, более слабым"[41].

Фактически, и для Моро, и для Журдана было бы вполне уместно оперировать и в Германии таким же образом, как Бонапарт оперировал в Италии. Австрийцы под начальством эрцгерцога Карла стояли распределенными по фронту, тянувшемуся от Базеля до Зиги. Силы, после того как один корпус под командой Бурмзера был отправлен в Италию в связи с победами Бонапарта, были равны. Французы, сосредоточив

свои войска, имели возможность поодиночке атаковать и разбить австрийские корпуса. Намечались действительно сильные удары; но подлинную цель видели не в уничтожении неприятельских вооруженных сил, а в захвате территории. При незначительных боевых столкновениях оба французских генерала при помощи маневрирования оттеснили эрцгерцога до самой Баварии. Моро достиг р. Изар. Тем временем эрцгерцог с главными силами обратился против Журдана, нанес ему чувствительный удар под Вюрцбургом и оттеснил его к самому Рейну. На Изаре Моро имел вдвое больше сил, чем его противник, тем не менее, и он стал отступать, да и в дальнейшем не сумел использовать своего превосходства, и по прошествии четырех месяцев оба противника стояли приблизительно на тех же позициях, как и в начале военных действий. Тем не менее, общественное мнение поставило Моро в заслугу его благополучное отступление без потерь через Адскую долину (Hцllenthal), почтя это за великое стратегическое достижение.

План кампании французов с одновременным развертыванием трех армий – Бонапарта, Моро и Журдана – исходил от военного министра Карно; в этом плане пытались усматривать некую стратегическую концепцию высшего порядка,

исходя из предположения, что Карно намеревался направить все три армии концентрически на Вену. Бесспорно, Карно имел в виду совместные действия армий итальянского и немецкого театров войны, но не в том смысле, чтобы все три армии, из которых каждая опиралась на особую базу, в своем продвижении в заключение сошлись на одном поле сражения для сокрушения неприятельских вооруженных сил; цель, которую он ставил в действительности, заключалась в том, чтобы они друг друга поддерживали, угрожая флангам противника, теснили его при помощи маневрирования и захватили возможно большую территорию.

Этот план можно до известной степени сравнить с вторжением Фридриха в Богемию в 1757 г. Подобно тому как Фридрих видел сущность своего плана в том, что он "почти что выгонит неприятеля из Богемии"[42], нанеся ему при этом по возможности и удары, так и Карно в своих письмах к генералам рисовал им картины того, как они будут обходить фланги противника и захватывать его магазины; одновременно они должны были вести энергичное наступление и не прекращать преследования неприятеля до тех пор, пока они его окончательно не разобьют и не приведут в полное расстройство.

Эта инструкция может служить прописью двухполюсной стратегии. Однако разница между 1757 и 1796 гг. заключалась в том, что, когда к тому представился случай, Фридрих усилил боевую тенденцию, доведя ее до грандиозного сражения под Прагой и, наконец, до идеи захвата в плен всей неприятельской армии в Праге, в то время как Моро, ограничившись весьма умеренными боевыми столкновениями, так и завяз в идее маневрирования и не сумел над нею подняться даже тогда, когда отпадение от Австрии немецких имперских государей весьма существенно ослабило боевые силы последней, предоставив французам несомненный, существенный численный перевес над ней.

Совершенно такую же картину представляет и изучение двойной кампании 1800 г. В 1799 г. австрийцы с помощью русских прогнали французов из Италии, в то время как Бонапарт находился в Египте. Сделавшись первым консулом, Бонапарт сначала вознамерился руководить кампанией в Германии. Он хотел присоединить к войскам Моро резервную армию, формировавшуюся им в Дижоне, атаковать охватывающим движением из Швейцарии австрийцев, по возможности уничтожить их армию и затем направиться на Вену. План

оказался невыполнимым, так как Моро не хотел командовать под начальством первого консула, а последнему приходилось считаться со следующим за ним по репутации и старшинству генералом. Политически опасным было бы для него, если бы обиженный Моро подал в отставку.

Поэтому Бонапарт решился направить резервную армию не в Германию, а через Швейцарию – в Италию. Он спустился восточнее Женевского озера с Альп, притянул к себе через Сан-Готард еще один вспомогательный корпус от Моро и с этими силами появился, к великому изумлению австрийцев, у них в тылу. С величайшей дерзостью он распределил свои дивизии так, чтобы иметь возможность преградить им путь, по какой бы дороге они ни попытались отступить, но все же держал свои отдельные дивизии на таком близком расстоянии друг от друга, что они могли оказать друг другу взаимную поддержку. Когда произошло неожиданное столкновение у деревни Маренго (14 июня 1800 г.), то австрийцы, располагавшие приблизительно 30 000 против только 20 000 французов, начали одерживать верх. Немногого недоставало до того, чтобы сражение кончилось полным поражением французов. Однако подошедшая, по распоряжению Бонапарта,

дивизия Дезэ (еще 6 000 человек) и кавалерийская атака, поведенная генералом Келлерманом по собственной инициативе, наклонили чашу весов в обратную сторону. Престарелый австрийский командующий Мелас уже покинул поле сражения, и австрийцы перешли в довольно беспорядочное наступление, когда произошла неожиданная контратака. Таким образом, французы одержали победу, несмотря на численное превосходство противника, благодаря прекрасным качествам своих солдат и юношеской энергии своих генералов. Так как сражение было дано с перевернутыми фронтами, то австрийцы решили, что у них нет пути отступления, и Бонапарт овладел всей Верхней Италией до Минчио, предоставив Меласу свободно отступить под условием эвакуации этой области.

В Германии Моро достиг подобного же успеха, прогнав, правда, очень медленно, австрийцев за Инн. Разница заключалась в том, что Германия была главным театром войны, в то время как Италия представляла лишь второстепенный театр военных действий, и что Бонапарт с малыми силами, благодаря неслыханной отваге своего вождения добился тех же успехов, каких добился Моро без особого риска своей методичностью. Сравнение,

сделанное нами, не изменяется от того, что Моро в заключение одержал еще (по окончании срока перемирия) победу под Гогенлинденом (3 декабря 1800 г.). Ибо последняя победа не была плодом заранее продуманной стратегии, а как верно выразился Наполеон, "удачная встреча", правда, – крупного масштаба[43]. Успех выпал на долю французов опять таки благодаря качественному превосходству войск и решительности юного генерала Ришпанса.

Еще в 1813 г., когда Моро, приглашенный союзниками для дачи стратегических советов, обсуждал с Бернадоттом положение северной армии, он настоятельно советовал не переходить в наступление согласно Трахтенберговскому плану, так как его операционная линия не имела достаточной опоры[44].

Если сравнить Моро с Фридрихом и Дауном, то можно убедиться, какие значительные различия могут быть и при одинаковых основных взглядах. Таких решающих исходов, каких Фридрих добивался своими крупными сражениями, мы ни разу не встречаем в боевой практике Моро. Однако в то же время он никогда не удалялся настолько от полюса сражений, как король – в последние годы. С Дауном его также нельзя поставить на одну доску, ибо последнего

французский генерал решительно превосходил энергией и подвижностью. Самый юношеский состав его армии придавал Моро такой огонь и импульс, которых традиционный австрийский уклон был совершенно лишен.

Было бы грубой ошибкой пренебрежительно судить о Моро потому, что он был стратегом измора. Чтобы не быть таковым, ему надо было бы быть именно Наполеоном. Ему надо было бы обладать не только безошибочной верностью суждения, ко и тем, ни с чем не сравнимым, соединением отваги и осторожности, пылкой фантазии и самого холодного расчета, героизма и политического искусства, которое является отличительным признаком стратегии Наполеона. Не быть Наполеоном – еще не укор. Не для того, чтобы измерить этих двух людей друг с другом, привели мы это сравнение, а для того, чтобы ясно доказать, что мировая история строится не только из отношений и обстоятельств, но что личности по меньшей мере составляют один из многих элементов, деятельно в ней участвующих. Не одна французская революция создала современную стратегию сокрушения и заменила ею стратегию измора: творцом ее средствами, предоставленными ему революцией, был Наполеон[45]. Да он это и сам сознавал. "Только

вульгарное честолюбие, – говорил он, – может пользоваться теми средствами, к коим прибегали Людовик XIV и Фридрих II". Так пишет маршал Сен-Сир в своих мемуарах; он готов порицать Наполеона за то, что последний пренебрегал правилами, которые все признавали хорошими, и полагал, что они пригодны лишь для посредственных умов.

Современники не могли еще установить различия в существе достижений Моро и Бонапарта, Правда, говорили о какой-то итальянской и какой-то немецкой "школе" стратегии, там – Бонапарт, здесь – Моро, однако не могли еще распознать ни истинной природы противоречия между ними, ни абсолютного превосходства одной "школы", т.е. личности, перед другой[46]. Бонапарт взялся произвести государственный переворот и сделался хозяином Франции, но был ли он действительно человеком, призванным на то судьбою, и единственным призванным, это далеко еще не представлялось современникам как нечто наперед доказанное, и это сомнение привело к эпилогу кампании, ознаменовавшейся сражением при Маренго; последний дает нам повод с точки зрения военной истории сделать к ее описанию некоторое добавление.

Когда в 1804 г. Наполеон заставил себя избрать и короновать императором, он ведь еще находился лишь в преддверии своего величия, своих деяний и своей славы. Его фантастический поход в Египет закончился неудачей, и можно было задавать себе вопрос, хорошо ли он поступил, покинув там в трудном положении свои войска. Его успехи 1796 и 1800 гг. были блестящи, но Моро стоял рядом с ним, а злые языки шипели, что победой при Маренго Франция обязана, в сущности, не столько ему, сколько павшему в этом сражении генералу Дезэ. В противовес этому мнению император приказал составить официальный отчет об этой кампании, который он сам исправлял и который должен был быть переработан согласно этим исправлениям, с грубым насилованием истины, в том смысле, будто полководец все наперед знал и наперед рассчитал; временное отступление французов и критические моменты сражения должны были быть опущены. Для историка-критика эти, скажем открыто, подлоги не увеличивают, а умаляют славу полководца. Ибо не бывает великого стратегического действия, которое не заключало бы в себе и великого риска, а, следовательно – и критических моментов, и заслуга всеобъемлющего и безусловно правильного предварительного

расчета или фикция, или случайность, так как такой предварительный расчет всегда возможен лишь в ограниченных пределах.

Неужели же Наполеон настолько не сознавал существа своих деяний либо был настолько одурачен собственным тщеславием, что позволил сделать из себя такое чучело? Нет, он прекрасно понимал то, что он делал. Он знал, что истинное величие – недоступно пониманию народа. Точно так же, как народ всегда охотнее всего рисует себе храбрость в виде победы малочисленного войска над многочисленным, так он видит вернейшее доказательство искусства полководца в том, когда ему докажут, что великий человек все совершенно точно наперед рассчитал и знал. Что стратегия представляет движение в непроницаемом для взора элементе и что существеннейшее качество полководца – отвага, умение рисковать, – это открытие, сделанное впервые Клаузевицем и введенное им в военную науку. Допусти Наполеон признание того, что он едва не проиграл сражения или даже что он фактически его уже проиграл, когда поздно вечером подоспел Дезэ, французский народ не восторгался бы его смелостью, а порицал бы за легкомысленное распыление своих сил, за спасение лишь благодаря счастливой случайности. Ведь и афиняне не иначе умели изображать своим

детям величие Фемистокла, как рассказывая им о его коварном, тайном послании, которым он соблазнил персидского царя повести атаку при Саламине.

Одновременно с генералом Бонапартом выступил на мировой сцене в роли полководца и эрцгерцог Карл, бывший еще на два года моложе его (род. в 1771 г.). Эрцгерцог обладал склонностью к теоретическим умозрениям, и еще в молодом возрасте, наряду со шпагой работая и пером, он написал многочисленные сочинения. Стратегически он, безусловно, стоит на почве стратегии измора. Пусть он, подобно Фридриху, провозглашает, что необходимо употребить все усилия, дабы война длилась как можно меньше, и что цели войны можно добиться, лишь нанося решительные удары, он в то же время ограничивает это положение тем, что учит. "В каждой стране есть стратегические пункты, имеющие решающее для нее значение, ибо, обладая ими, овладеваешь ключами данной страны и ее ресурсами". И далее: "Решающее значение стратегических линий обязывает не уступать никакому соблазну, хотя бы и величайшим тактическим выгодам, и не предпринимать никакого движения, которым так далеко или в таком направлении уклонишься от

этих линий, что они могут сделаться добычей неприятеля". Или еще: "Важнейшие тактические мероприятия редко приносят длительные выгоды, раз они принимаются в пунктах или в направлениях, не являющихся стратегическими"[47].

Для стратегии измора эти положения являются вполне закономерными и целесообразными. В ней действительно много зависело не только от того, что сражение было выиграно, но и от того, где оно было выиграно, ибо победа, которую нельзя преследовать далее, имеет лишь преходящую ценность, а развитию ее преследованием часто положены весьма тесные границы. Мы ведь видели, как Фридрих после весьма блестящей победы при Сооре даже отступил. В стратегии сокрушения победа не находится в зависимости от того "пункта", на котором она одержана, или от той "стратегической линии", по которой продвигаются, а полководец исходит из предположения, что вместе с победой он берет в свои руки и стратегические пункты и определяет стратегические линии. Именно тем, что Наполеон бросил на произвол судьбы свою стратегическую линию, он и мог, как мы то сейчас увидим, взять в тыл пруссаков под Йеной и Ауерштедтом, и не только их победил, но и сокрушил[48].

Наполеоновская стратегия свободна от всякого схематизма. Однако одна основная форма так часто повторяется у Наполеона, что она заслуживает быть особо отмеченною. При развертывании своей армии он надвигает все свои силы на одно крыло или во фланг противника, пытается его охватить, оттеснить от его базы и этим, по возможности, окончательно его сокрушить. Таков был его план еще весной 1800 г., когда он, совместно с Моро, хотел повести наступление против австрийцев в Южной Германии со стороны Швейцарии. Так же он действовал и в 1805 г., когда атаковал австрийцев на Дунае, охватывая их с севера и приказав с этой целью Бернадотту выступить из Ганновера через Ансбахскую территорию. Тот же прием он применил и в следующем году, когда атаковал пруссаков в Тюрингии не со стороны Рейна, а от верхнего течения Майна; он настолько полно их обошел, что в сражениях под Йеной и Ауерштедтом бой происходил с перевернутым фронтом: пруссаки дрались лицом к Берлину, французы – повернувшись к нему тылом. Если бы французы в этом положении потерпели поражение, то у них отступление произошло бы в еще худших условиях, чем отступление пруссаков; оттесненные к Рудным горам и к австрийской

границе, они могли подвергнуться полному истреблению. Но уверенный в победе Наполеон рискнул этим и получил возможность совершенно уничтожить прусскую армию, оттесненную при отступлении от ее базы.

Говорят, что прусский генерал фон Граверт верно предсказал операцию Наполеона, но истолковал ее в том смысле, что "неприятель обойдет наш левый фланг и отрежет нас от Эльбы, то есть от всех наших источников снабжения и пополнения, от Одера, от Силезии"[49].

Не может быть лучшей характеристики различия между старой и новой стратегией, чем сравнение этого толкования с истинным намерением Наполеона. Граверт понял все совершенно верно с точки зрения стратегии Фридриха. Наполеон же совсем не дорожил этим "отрезыванием" от "источников снабжения", что заставило бы прусскую армию, маневрируя, отступить и передало бы в его руки известную территорию; он занял линию отступления пруссаков, чтобы переловить их самих.

К той же категории относится и план осенней кампании Наполеона в 1813 г. Он хотел первоначально держаться оборонительно по отношению к богемской и силезской армиям, пока северная армия Бернадотта не будет разбита и вся

страна до Данцига не окажется в его руках. Тогда-то должно было начаться большое наступление с севера на юг, которое должно было оттеснить русских от их сообщений с родиной. План этот потерпел крушение, так как северная армия, руководимая Бернадоттом, осторожно, но обдуманно отбросила французские войска под Грос-Бээреном и Денневицем.

Лишь с возобновлением общей войны в 1805 г. Наполеон достигает вершины не только своей славы и величия, но и своей стратегии. Беспорядки, вызванные революцией, преодолены; большие массы, патриотический дух, новая тактика – все это вводится в рамки дисциплины; император Наполеон имеет возможность без помехи со стороны других сил и влияний выполнять то, что он признал правильным.

Истинный секрет великого полководца заключается именно в соединении отваги и осторожности. Мы наблюдаем это и у Александра, когда он, прежде чем предпринять свой поход во внутренние области Персии, сперва обеспечивает свой тыл завоеванием Тира и Египта и значительно усиливает свою армию. Мы встречаемся с этим соединением и у Ганнибала, когда вместо осады Рима он ставит себе целью отторгнуть от столицы ее итальянских союзников.

Мы находим его у Сципиона, когда он, хотя и ставит все на карту большого, решительного сражения без возможности отступления, но сперва притягивает к себе подкрепления в лице Массиниссы. Мы видим его у Цезаря, который сначала решается обратиться против армии без полководца, а затем – против полководца без армии. Мы наблюдали это соединение и у Густава Адольфа, и у Фридриха Великого. То же мы видим и у Наполеона. Как ни дерзновенно он бросает то и дело свои вызовы судьбе, все же отнюдь не устремляется без оглядки в беспредельное, но отлично знает, где он должен остановиться, переходит от наступления к обороне, предоставляет неприятелю выбор атаковать или нет и одновременно старается дополнить свою победу политикой.

Прекраснейшим образцом такого образа действий является Аустерлицкая кампания. Наполеон сокрушил одну австрийскую армию под Ульмом, занял Вену и проник в Моравию под самый Ольмюц, где главные силы русских преградили ему дорогу. Дать на таком крайнем пункте (Pointe) наступательное сражение кажется Наполеону чересчур рискованным, к тому же неприятель несколько превосходит его численностью войск. Он завязывает переговоры, а

при приближении неприятеля занимает позицию для оборонительного сражения. 2 декабря 1805 г. он его выигрывает благодаря тому, что, верно уловив минуту, он из оборонительного положения наносит наступательный удар. Чтобы охватить Наполеона, противники сильно растянулись, вследствие чего у них оказался очень неглубокий центр без подлинного резерва. Тут-то и надо было сделать прорыв. "Сколько времени вам потребуется, чтобы взять эту возвышенность (Праценские высоты)?" – спросил император стоявшего около него маршала Сульта. – "20 минут". "В таком случае подождем еще четверть часа". Верно уловить эти четверть часа – вот от чего зависело все дело.

Из всех форм боя оборонительно-наступальное сражение – самая действительная. И оборона, и наступление имеют свои сильные и слабые стороны. Главная выгода обороны заключается в возможности выбрать поле сражения и вполне использовать условия местности и действие огнестрельного оружия. Главное преимущество наступления – это моральный подъем, вызываемый атакой, возможность выбора того пункта, на который она будет направлена, и достижение положительного результата. Оборона дает всегда сначала лишь негативный результат.

Поэтому оборонительные сражения в чистом виде редко заканчиваются победой (Креси 1346 г., Омдурман 1878 г.). Но высшее достижение получается, когда полководец в верно выбранное мгновение и на надлежащем пункте от удачной обороны переходит к контратаке. С классическим примером оборонительно-наступательного сражения мы познакомились на примере Марафона. Современным воспроизведением его может служить Аустерлиц. Это сражение важно для нас как по своему замыслу, так и по своему выполнению, ибо оно показывает нам полководца во всей силе его самообладания: здесь мы видим, как этот человек, при всей своей дерзновенности, отнюдь не отказывался от рассудительности. Его осторожность доходила даже до того, что, когда ему донесли о приближении неприятеля, он отдал Талейрану, ведшему переговоры в Вене, приказание заключить мир на умеренных условиях. Хотя он и рассчитывал с полной уверенностью на победу, все же хотел на случай поражения обеспечить себя дипломатическим путем.

К наиболее рискованным предприятиям его военной карьеры принадлежит переправа через Дунай, приведшая к сражению под Асперном (21 и 22 мая 1809 г.). Совсем близко к месту

переправы стоял на северном берегу Дуная эрцгерцог Карл со всей австрийской армией численностью более 100 000 человек. Французам предстояло переправиться через эту могучую реку по единственному импровизированному мосту. Мост разорвался в первый раз, когда перебралось лишь 22 500 человек, а во второй раз – на другой день в 8 часов утра, когда на том берегу уже было около 60 000 человек. Тем не менее, несмотря на четверное превосходство сил в первый день и более чем полуторное – во второй, австрийцам не удалось сбросить французов в реку. У эрцгерцога Карла еще оставались резервы, но он не решился их пустить в ход. Здесь особенно ярко обнаружилось все различие между ним и Наполеоном. Для Фридриха Великого еще, собственно, не существовало вопроса о применении резервов, ибо он хотел все завершать первым ударом, а потому придавал ему всю, какую только мог, силу, не оставляя сколько-нибудь значительных резервов. С новой тактикой австрийцам пришлось усвоить и принцип сохранения резервов, но подобно тому, как эрцгерцогу не хватало силы духа, чтобы подняться до уровня стратегии сокрушения, так у него не было и правильного представления о существе и способе применения резервов. Он

выдвинул основной принцип: "Резервы должны лишь тогда быть двинуты в бой, когда участие их, несомненно, приведет к решительному исходу... Их, правда, можно кое-когда вводить в бой, если требуется произвести последний натиск для завершения победы, но вообще их главное назначение – служить для обеспечения и прикрытия отступления"[50].

Даже согласно этому принципу, как он ни слаб, Карлу следовало под Асперном бросить в бой решительно все свои силы, чтобы добиться возможно полной победы. Более благоприятного случая нельзя было ждать. Но у эрцгерцога для этого не хватало размаха. Ведь он все еще был по уши погружен в представления стратегии измора, которые не придавали победе особенного значения. Лишь такой герой, как Фридрих Великий, мог среди подобных представлений все же подыматься до таких грандиозных вызовов судьбе, о которых нам свидетельствуют его сражения. Эрцгерцог Карл был слишком малодушен, чтобы схватить тот дар, который фортуна с улыбкой ему преподносила под Асперном. Он все оглядывался назад, подобно тому, как с бессознательной жестокой иронией изображен на конной статуе своего памятника в Вене. Французская пехота защищала обе деревни,

Асперн и Эсслинген, а их малочисленная кавалерия удерживала за собою промежутки между ними, производя одну за другою отважные атаки. Сам Наполеон, подвергая себя страшной опасности, разъезжал под огнем между рядами своих войск, чтобы поддержать их мужество. Наконец, австрийцы принудили своих противников отступить на остров близ северного берега Дуная, но эрцгерцог Карл не посмел их там атаковать или вообще использовать иным каким-либо образом свой успех[51].

Шесть недель спустя Наполеон настолько увеличил свои силы, что уже мог возобновить свою попытку, которая на этот раз увенчалась успехом; сражение состоялось при Ваграме 6 июля 1809 г. Наполеон выиграл это сражение благодаря своему значительному численному превосходству и охвату левого фланга австрийцев. Те большие массы артиллерии и пехоты, которые он сосредоточил в центре, не привели к решительному исходу, как то принято было думать. Совершенно неосновательно расточают эрцгерцогу Карлу похвалы за то, что он атаковал левое крыло французов с фланга отдельной частью армии; это представляется как бы предвосхищением руководства сражением Мольтке. Сходство в данном случае – чисто

внешнее. Атака была слишком слаба для того, чтобы оказать решительное воздействие, и эрцгерцог Карл, хотя и обладавший достаточным временем, чтобы подготовиться к новой попытке французов переправиться через Дунай, вообще не имел никакого продуманного плана сражения и колебался в нерешительности между мыслями о наступательном и оборонительном образе действий[52].

Самую главную проблему наполеоновской стратегии представляет кампания 1812 г. Наполеон разбил русских под Бородином, взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию. То же случилось бы и с Фридрихом, если бы он вздумал отважиться на взятие Вены. Даже при тех силах, коими располагал Наполеон, стратегия сокрушения имеет свои пределы: не лучше ли поступил Наполеон, если бы в 1812 г. он обратился к стратегии измора и повел войну по методу Фридриха? Клаузевиц на этот вопрос дал весьма обоснованный отрицательный ответ и доказал, что наибольшие шансы выиграть эту войну французский император все же имел, ведя ее тем методом, который до тех пор ему всегда гарантировал победу. Впрочем, при существовавшем тогда распределении сил он не

мог бы победить ни при помощи стратегии измора, ни при помощи стратегии сокрушения. Согласно последним изысканиям, он располагал против России 650 000 человек под ружьем, включая сюда и гарнизоны. Через границу перешло 612 00 человек, из них большая половина – не менее 350 000 человек – приходилась на главную армию в центре. Когда же он прибыл в Москву, в его распоряжении оставалось только 100 000 человек. Уже в течение первых двух недель после переправы через Неман он потерял 135 000 человек почти без боя, благодаря одному лишь дезертирству, плохому продовольствию и болезням. Французская половина войска состояла по большей части из совсем молодых людей, призванных в войска лишь в 1811 г., в их числе – много уклонявшихся, которых обучали военному делу на голландских островах, откуда они не могли дезертировать. Однако это воспитание при продвижении через пустынные русские области не выдержало испытания. Снабжение из магазинов функционировало не вполне удовлетворительно; по своему обыкновению, Наполеон не уделил этому делу достаточного внимания и не принял в расчет, что русские земли не могли дать ему тех средств, которые ему давали Италия и Германия[53]. Таким образом, он проиграл войну

благодаря дезертирству и недостаткам снабжения, а отнюдь не благодаря русской зиме, которая понемногу истребила лишь остатки его армии ив 1812 г. наступила позднее и была значительно менее суровой, чем в другие годы. Если бы Наполеон прибыл в Москву не со 100 000, а с 200 000 человек, ему все же удалось бы удержаться в оккупированных областях, и царь, в конце концов, принял бы его условия.

Кампанию Наполеона 1812 г. можно сравнить с вторжением Фридриха в Богемию в 1744 г., когда последний, не проиграв ни одного сражения, был вынужден одним лишь действием противника на его коммуникационную линию эвакуироваться, потеряв при этом значительную часть своей армии. Сам он признавал за ошибку это вторжение (Pointe) в неприятельскую страну, но он имел возможность еще за зиму вновь устроить свою армию и сражением при Гогенфридберге восстановил нарушенное было равновесие. Как бы то ни было, Фридрих намеревался и при этом вторжении провести кампанию в духе стратегии измора, а потому его поражение было не неизгладимым, между тем как Наполеон стремился к гораздо большему – к окончательному, решительному исходу, а так как этого ему не удалось достигнуть, то и реакция

оказалась гораздо более тягостной. Она ведь заключалась не в одной потере армии, но, что очень существенно, в том, что оба его союзника поневоле, Пруссия и Австрия, теперь нашли в себе мужество от него отказаться.

Таким образом, ошибка, погубившая Наполеона, заключалась не столько в том, что он переоценил силу внутренней, моральной спайки французского народа в своей империи. Правда, значительная часть французского народа с благоговением к благодарностью держалась за него или же была увлечена и ослеплена его славой; однако у немалой части эти чувства либо были неглубоки, либо совершенно противоположного свойства. За него не хотели сражаться, и люди, забранные насильно в войска, дезертировали. Правда, в 1813 г. еще раз удалось выставить в поле огромную армию, но и она в крайне тяжелых условиях осенней кампании была разрушена в значительной доле не столько неприятелем, сколько дезертирством. Как это ни странно, но, собственно говоря, мы не имеем сведений о том, что стало с дезертирами 1812 г. Надо полагать, что значительная их часть добралась до Германии и вернулась во Францию, а в 1813 г. снова была забрана в войска. Но так как каких-либо данных по этому поводу не сохранилось, то и нельзя

сделать подсчета, каково именно действительное количество рекрутов, поставленных императору Францией в эти годы.

Кампания 1814 г., как то показали более глубокие исследования, всецело протекала под влиянием политических мотивов, но для "Истории военного искусства" она представляет тот интерес, что эти политические мотивы умели облекаться в одежду правил старой стратегии. Одна партия, возглавляемая Меттернихом, стремилась к соглашению с Наполеоном и хотела, в случае если таковое не состоится, реставрации Бурбонов, другая партия хотела низвержения Наполеона, а император Александр желал на его место посадить Бернадотта. Дабы не сражаться за враждебные им цели, австрийцы отказывались от продвижения вперед и сознательно либо бессознательно маскировали эту сдержанность стратегическими соображениями. Они ссылались на то, что ни Евгений, ни Мальборо, которые ведь тоже были великими полководцами, никогда не вели операций против Парижа. Прусский король не хотел даже продолжать преследования за Рейн: Рейн представляет рубеж, и на таковом всегда, мол, следует задержаться и сперва собрать свои силы, а его генерал-адъютант Кнезебек хотел расположиться на Лангрском плоскогорье, потому

что там – водораздел Франции и, следовательно, с этого пункта господствуешь над Францией.

В кампанию 1815 г. противоречие между двумя методами стратегии еще играет известную роль. Веллингтон, который, несомненно, был выдающимся генералом, все еще жил в представлениях стратегии измора. Объединенные армии союзников в Бельгии почти вдвое превосходили силы Наполеона (220 000 человек, правда, частью состоявшие из войск более низкого качества, против 128 000 превосходных солдат). Все же император был очень близок к победе, так как Веллингтон, все время озабоченный вопросами прикрытия географических ценностей, недостаточно своевременно сосредоточил свои войска для сражения, а потому опоздал к бою под Линьи, а момент сражения при Белль-Аллиансе, оставил целый корпус в 18 000 человек стоять в двух милях в стороне от поля сражения. Справедливо сравнивали такое раздробление сил с образом действий Фридриха, когда он во время сражения под Прагой оставил корпус Кейта стоять по другую сторону города. Но то, что в эпоху фридриховой стратегии если и не было обязательным, то во всяком случае являлось естественным, в эпоху Наполеона представляло тяжкий промах. Он был заглажен тем, что

Гнейзенау, руководимый, наоборот, исключительно мыслью о боевом решении, отказался от непосредственных сообщений с родиной разбитой под Линьи прусской армии и направил ее отступление на Вавр, поблизости англичан, так что пруссаки имели возможность подоспеть к ним на помощь на следующий день[54]. Конечная победа потопила все ошибки Веллингтона в таком сиянии славы, что на них почти не обратили внимания. Но с точки зрения военной истории их необходимо особенно подчеркнуть, не как ошибки, но как доказательство могущества и вредоносности ложных теорий. Четырехдневную кампанию 1815 г. можно рассматривать как столкновение двух противоположных методов стратегии в их самом полном и выпуклом выражении. Когда эрцгерцога Карла одолевал Наполеон, то это была победа гения над пустой головой и слабым характером. Но когда Веллингтон проявил такое глубокое непонимание и при помощи маневрирования не взял Брюссель, почему он и не стянул своевременно свои войска, то у такого значительного человека и превосходного солдата, каким был Веллингтон, это можно объяснить, лишь когда ясно себе представишь, насколько он еще был в плену старых стратегических

воззрений.

Если бы Веллингтон воевал только в Испании и закончил свою карьеру в 1814 г., то против него нечего было бы возразить, кроме как то, что он не подвергался высшему испытанию, а из его характера можно было бы строить предположения о том, как бы он проявил себя в нем. Но вот в 1815 г. он подвергся этому экзамену и как тактик выдержал его блестяще, но как стратег – срезался. Он разрешил лишь оборонительную часть задачи и применил испанские методы там, где они уже были неуместны.

О ПРОТИВОРЕЧИИ СТРАТЕГИИ ИЗМОРА И СТРАТЕГИИ СОКРУШЕНИЯ

В то время как я перечитывал корректуру вышеизложенного, я познакомился со статьей Отто Гинце (*Otto Hinze*. Friedrich der Grosse nach dem siebenjahrigen Kriege und das Politische Testament von 1768 (Forschungen zur Brandenburgpreussischen Geschichte, bd 32), из которой я заключил, что, несмотря на появление 27-го выпуска монографий Генерального штаба, время недоразумений по вопросу о стратегии Фридриха еще не миновало. Я привожу здесь отрывок из статьи Гинце дословно, дабы еще раз с возможной ясностью и полнотой выявить все те пункты, где мысль сбивается с правильного пути или где заблуждение особенно ярко выступает наружу. В скором времени будет опубликовано само "Политическое завещание" в качестве приложения к

политической переписке короля; профессор Гинце любезно предоставил в мое распоряжение корректурные листы, так что я имею возможность присоединить сюда и самый текст соответственных мест. Изложение самого Гинце гласит:

"Король имеет в виду только оборонительную войну против Австрии и тех или других ее союзников; но он держится того взгляда, что не следует начинать эту войну стратегической обороной, а надо сразу пустить в ход действенное наступление, конечной целью которого должна быть неприятельская столица. Это его стратегическая идея-норма, которую уже А. Ноде совершенно правильно уяснил по переговорам относительно плана кампании 1757 года: "...надлежит с главной армией вторгнуться в Моравию и тотчас отправить вдоль течения Мархи летучие отряды до окрестностей Вены – это самое уязвимое место австрийцев; угрозой Вене их скорее всего можно принудить к миру. Разумеется, одновременно необходимо повести наступление и в Богемии; все остальное должно быть поставлено в зависимость от обстоятельств". Эту идею король уже имел в 1757 г.; тогда, под влиянием советов Шверина и Винтерфельда, он ее заменил концентрическим вторжением в Богемию, для того чтобы дать решительное сражение под Прагой. В 1758 г. он снова к ней вернулся; но упорное сопротивление, оказанное ему Ольмюцем, и захват австрийцами большого транспорта разрушили тогда этот план. Однако эта идея прочно засела в голове короля, и здесь она снова появляется как стратегический план-норма, рекомендуемый наследнику. Сам Фридрих, пытался действовать согласно ему в войну за Баварское

наследство в 1778 г., но препятствия, которые чинил командовавший в Богемии принц Генрих, желавший удержать поблизости от себя главную армию для прикрытия своего фланга, и на этот раз помешали его выполнению.

И по отношению к России Фридрих предполагал при известных обстоятельствах не придерживаться исключительно стратегической обороны, причем, однако, предпосылкой наступления являлась поддержка не только Австрии, но и Англии. При этом он помышляет о походе на Петербург вдоль побережья Балтийского моря; снабжение армии должен был обеспечивать флот, сопровождающий вдоль берега продвижение армии. Откуда возьмется этот флот – не указано: видимо, надо думать о поддержке со стороны союзной морской державы; ибо в политическом завещании 1768 г. Фридрих высказывается еще решительнее, чем в 1752 г., против постройки Пруссией собственного военного флота.

Мы видим, что смелость и грандиозность стратегических проектов короля не уменьшились после войны, но скорее увеличились. В главе об основных принципах войны король отдает предпочтение широким проектам стратегии сокрушения перед мелочными планами стратегии измора. Способ, каким он здесь излагает общую идею кампании 1757 г., указывает на широкую, почти по-современному звучащую тенденцию, которую в споре о стратегических принципах короля не всегда достаточно учитывали. Здесь нельзя применять обыкновенный метод критики, при котором за позднейшими, ретроспективными рассуждениями мемуарного типа признается большая сила, чем за

свидетельствами, современными событиям, сопровождающим самое действие, которое часто сохраняется лишь в форме отрывочных указаний, переговоров и т.д. Эти отдельные указания и приказы получают свою подлинную связанность и надлежащий фон лишь через эти, позднее оглашенные, общие идеи. Выполнение большей частью остается позади замысла. Вопрос заключается в том, способны ли вообще данная эпоха и данный человек на концепцию в стиле стратегии сокрушения, и в отношении Фридриха на этот вопрос следует, безусловно, ответить утвердительно. Правда, средства для ведения войны, коими он располагал, и общие обстоятельства, обусловливавшие военные действия, как, например, способ обработки почвы, состояние дорог, возможности снабжения, были в то время таковы, что они ставили выполнению подобных планов большие затруднения, чем во времена Наполеона или Мольтке. Это в достаточной мере испытал сам Фридрих, вследствие чего и сама стратегия Фридриха сохранила тот колеблющийся характер, который снова приближает ее к старой, методической, маневренной стратегии. Основой всех его операций прежде всего является снабжение армии продовольствием из магазинов. И он наперед предвидел, что в будущем в отношении австрийцев придется мириться с ведением позиционной войны (guerre de postes). Кампания 1778 г. подтвердила это предсказание".

Что смелость и широкий размах стратегических проектов короля не уменьшились после Семилетней войны – с этим согласиться можно; предположение что они даже усилились, вероятно, основано на его

идее похода на Петербург, и действительно, такой план, кажется, превосходит все то, что король раньше когда-либо имел в виду. Ведь даже Вене Фридрих ни разу серьезно не угрожал, а Петербург – нечто совершенно другого порядка. Объяснение надо искать во флоте, который должен был сопровождать армию, а комментарий надо искать в его "Размышлениях о военном таланте Карла XII". Здесь Фридрих подробно излагает, как шведский король в том именно и погрешил, что вместо того чтобы пойти на Петербург, пошел на Смоленск, в направлении Москвы. Тем самым он отрешился от своих сообщений, от возможности снабжать и пополнять свою армию, от своей, как мы теперь выражаемся, базы. Следовательно, строя предположение о возможной войне с Россией в союзе с Австрией и одной из морских держав, он вращался в сфере прежнего хода своих мыслей, намечая поход на Петербург. Тем, что он при этом заставлял флот сопровождать свою армию во время этого похода, он, так сказать, тянул свою базу за собою. Другого способа победить русских или принудить их к миру не существовало. Раз фантазия принималась за организацию войны обширной коалиции против России, то такой человек, как Фридрих, должен был на основании своих стратегических взглядов отвергнуть поход в глубь России; оставалась, следовательно, одна цель – Петербург, и то – при условии флота, сопровождающего армию.

Ошибка, которую делает Гинце в своем исследовании, заключена в его фразе: "Король отдает предпочтение широким проектам стратегии сокрушения перед мелочными планами стратегии

измора". Это сопоставление доказывает, что автор неправильно разумеет оба понятия – "стратегия сокрушения" и "стратегия измора". Что Фридрих отдавал предпочтение широким проектам перед мелочными планами – известно всем, и этого он держался всю жизнь. "При исполнении, – говорил он, – планы и без того съеживаются, а когда удается осуществить действительно больший план, то тогда – дело выиграно". Но разве из-за этого широкие планы непременно являются стратегией сокрушения? Разве и в стратегии измора не бывает также широких проектов? Если широкие планы делают полководца стратегом сокрушения, то и Густав Адольф, и Мальборо, и Евгений были стратегами сокрушения; поход Густава Адольфа до самого Мюнхена, поход Мальборо из Нидерландов к Дунаю в 1704 г. (сражение при Гохштедте), поход Евгения от Эча, вдоль южного берега По до Турции в 1706 г. не менее широко задуманы, чем что-либо когда бы то ни было предпринятое Фридрихом. Следовательно, если решающим моментом является широкий размах, то различие между сокрушением и измором не что иное, как различие между великим и ничтожным полководцем. Лишь тот исследователь правильно понял это различие, кто осознал, что задача стратега измора не менее значительна, а по своей двухсторонности – порою субъективно труднее, чем задача стратега сокрушения. Следовательно, различие не лежит в большей или меньшей широте замысла.

Для того чтобы убедиться, принадлежат ли цитированные Гинце "широкие проекты" Фридриха к стратегии сокрушения, нам следует проверить их по существу. Гинце говорит, что король рекомендовал в

своем завещании "предпринять наступательные действия, целью которых была бы неприятельская столица". Это звучит как сокрушение. Но вот в следующей фразе говорится лишь об отправке "летучих отрядов до окрестностей Вены". Ясно, что о "сокрушении" уже не может быть и речи. Не говоря уже о том, что Вена расположена на южном берегу Дуная, что даже не армия, а только летучие отряды должны были приблизиться к Вене, что, следовательно, о действительной угрозе столице не было и речи, надо иметь в виду и то, что в этом самом политическом завещании указаны те пространно изложенные соображения, по которым король не советует давать сражения не только в гористых местностях, но даже и на равнине. Следовательно, король желает продвинуться к окрестностям Вены, но не давать сражения[55]. Если кампания на сокрушение такова, то, очевидно, мы под словом "сокрушение" разумеем совершенно разные вещи. Для применения понятия "сокрушение" в моем смысле надлежало бы, чтобы Фридрих написал: "Мы не довольствуемся угрозой Вене, но переправляемся через Дунай и берем ее; австрийскую армию, которая пытается прикрывать столицу, мы атакуем и разбиваем".

Что план Фридриха – одолеть Австрию при помощи Операции, направленной против Вены через Моравию, принадлежит к категории правильно понятой стратегии измора, косвенно доказывает то, что, по примеру Ноде и Козера, Гинце называет его стратегической "идеей-нормой" Фридриха. Можно возражать против этого обозначения, но ясно, что "идея-норма" могла возникнуть и развиться лишь на почве стратегии измора. Объект, который стратегия

сокрушения всегда имеет в виду, – это армия противника: ее надо разыскать и разбить. Поэтому тот, кто составляет план стратегии сокрушения, задается прежде всего вопросом: где приблизительно находится неприятельская армия? У Фридриха же вопрос – географический: которая из двух провинций представляет наиболее благоприятные и выгодные условия для вторжения и ведения войны? "Идея-норма" у Фридриха заключается в том, что он уяснил, что вторжение в Моравию представляет известные преимущества перед вторжением в Богемию. Для такого простого обыденного соображения нельзя чеканить столь многозначительное название, как "идея-норма"; последнее звучит, словно за ним кроется нечто большее, чем то, что оно действительно содержит. Да к тому же Фридрих гораздо чаще вторгался в Богемию, чем в Моравию[56].

Заглянем и мы теперь в подлинный текст того пассажа в "Политическом завещании", который Гинце кладет в основание своих рассуждений. Приводим его дословно.

"Всякий раз как нам придется обнажить мечи один против другого, надо всегда начинать с того, чтобы оккупировать Саксонию, а оттуда направить корпус в Богемию вдоль Эльбы. В Силезии надо иметь еще большую армию, которая, оставив отряды в Ландсхуте и в Глацском графстве, проникла бы в Моравию со стороны Гульчина. Если у нас будут союзники, которые будут действовать в согласии с нами, мы сможем отбросить австрийцев во вторую кампанию за Дунай. Желательно было бы, чтобы турки

одновременно действовали в Венгрии или чтобы экспедиционный корпус русских в 30 000 человек вторгся до Дуная, между Прессбургом и Буда-Пештом. Этим способом можно было бы овладеть Богемией, дабы затем обменять ее на курфюршество, более близкое к нашим границам".

Таким образом, хотя король и исходит из предположения союза с русскими и турками, он думает проникнуть до Дуная, – но лишь во вторую кампанию. И это называется стратегией сокрушения? В этом отношении Мольтке в июле 1866 г. преподал нам несколько другой урок. Он не повел одну часть армии в Богемию, а другую – в Моравию, но постарался при первой возможности соединить все части для решительного сражения, и не довел пруссаков первый год до Дуная, чтобы затем развести их на зимние квартиры и продолжать войну в следующем году: он поставил все на карту, чтобы одним духом продолжать войну до тех пор, пока противник не примет наших условий мира. Вот какова действительная стратегия сокрушения!

Правильнее, чем Гинце, на мой взгляд, судит Иэнс, который о плане, разработанном королем почти тожественно в 1775 и 1778 гг., говорит (*Jahns*. Geschichte der Kriegswissenschaften III, 2015), что эти планы, собственно говоря, сводятся к простым демонстрациям.

Нельзя не удивляться тому, что Фридрих мог воображать, что ему удастся таким ведением войны вынудить у дома Габсбургов уступку Богемии, с тем, чтобы потом обменять ее на Саксонию. Но не менее удивительно и то, что Гинце держится того представления, будто Фридрих задумал политически,

как оборонительную, – такую войну, при которой на стороне Пруссии были бы Турция и Россия и которая в результате должна была принести ему Саксонию.

В этом, правда, нет прямого противоречия, а все же это растягивает физиономию Фридриха в противоположные стороны, когда он одновременно должен играть роль безобидного политика, ведущего одни лишь оборонительные войны, и роль фантастического стратега, который берется со своими крайне ограниченными средствами сокрушить чрезвычайно могучего противника.

В частности, я считаю нужным указать еще на следующую ошибку в изложении Гинце.

В 1757 г. первоначально у Фридриха не было намерения вторгаться в Моравию, и он не дал Шверину и Винтерфельду уговорить себя отказаться от этого предприятия; на самом деле его первоначальная идея была – занять оборонительную позицию в Саксонии, и лишь после того, как он в течение этой обороны разобьет австрийцев тактическим наступлением, он хотел в полном согласии с этими обоими генералами двинуться в саму Моравию.

Да и в 1757 г. Фридрих вступил в пределы Богемии отнюдь не с целью "дать решительное сражение под Прагой". Правда, в своем "Завещании" 1768 г. он изображает это так; и я охотно готов согласиться с тем, что такого рода ретроспективными экскурсами, носящими характер мемуаров, не следует пренебрегать наряду со свидетельствами, сопровождавшими сами действия. Но в данном случае это описание, носящее мемуарный характер, не является дополнением, а стоит в полном

противоречии с документальными показаниями и даже не вполне сходится с подлинными, написанными пять лет перед этим и посвященными этому времени, мемуарами – историей Семилетней войны. Следовательно, это показание 1768 г., конечно, нельзя признать за полновесное доказательство.

Я не могу также оставить без возражения того утверждения, будто захват в 1758 г. большого транспорта разрушил план короля. Ведь одновременно с захватом этого транспорта Дауну уже удалось освободить от осады Ольмюц с восточной стороны, так что это само по себе вызвало бы крушение плана Фридриха, даже если бы транспорт благополучно дошел по назначения.

Наконец, что касается кампании 1778 г., то не одно личное сопротивление принца Генриха, а сама природа вещей помешала армии короля удалиться в Моравию, в то время как другая ее половина находилась в Богемии.

Далее мы читаем у Гинце: "Вопрос заключается в том, способны ли вообще данная эпоха и данный человек на концепцию в смысле стратегии сокрушения, и в отношении Фридриха на этот вопрос следует, безусловно, ответить утвердительно". Разумеется, нельзя этого не сделать, если понимать стратегию сокрушения так, как ее понимает Гинце. Но, как мы достаточно показали выше, то же надо, в таком случае, сказать относительно императора Франца, русского совета министров, фельдмаршала Дауна и генерала Субиза. Ведь "концепции" охвата пруссаков Субизом при Росбахе, полного окружения и уничтожения их Дауном под Лигницем были не хуже чего бы то ни было, когда-либо выполненного

Фридрихом. Но если Гинце уклоняется признать на этом основании Дауна и Субиза стратегами сокрушения, то он тем самым признает, что он неправильно применяет это понятие и к Фридриху.

Еще более признается он в том, когда дальше говорит: "Правда, средства для ведения войны, коими он располагал, и общие обстоятельства, обусловливающие военные действия, как, например, способ обработки почвы, состояние дорог, возможности снабжения, были в то время таковы, что они ставили выполнению подобных проектов большие затруднения, чем во времена Наполеона и Мольтке. Это в достаточной мере Фридрих испытал на собственном опыте, потому и сама стратегия Фридриха сохранила тот колеблющийся характер, который снова приближает ее к старой методической, маневренной стратегии".

Если не обращать внимания на оттенок порицания, заключающийся в выражении "колеблющийся характер", то можно бы сказать, что Гинце совершенно правильно и в полном согласии со мной причисляет Фридриха к категории двухполюсной стратегии измора. Почему же он перед этим называет его стратегом сокрушения? Нельзя допустить мысли, чтобы такой ученый, как Гинце, мог сам так прямо противоречить. Объяснение заключается просто в том, что он употребляет термины "стратегия сокрушения" и "стратегия измора" в совершенно ином смысле, чем я, когда я установил эту терминологию и пользуюсь ею. При этом условии понятно, что должно нагромождаться одно недоразумение за другим. То же произошло и с Козером, который также пользовался моей терминологией, не уяснив ни себе, ни читателю,

что он вкладывает в эти слова совсем иное содержание, чем я.

Тот, кто под стратегией измора разумеет ведение войны без силы и размаха, а под стратегией сокрушения – ведение войны гениальное и смелое, – тот, естественно, будет страшно изумлен, что я причисляю Фридриха к стратегам измора.

Особенно же приходится возражать против последних положений, высказанных Гинце: ибо причины, не дозволявшие Фридриху быть стратегом сокрушения, указаны крайне неполно, и как раз главных-то у него и недостает. Прогресс в "обработке земли, состоянии дорог, в возможности снабжения армии" не был уже так велик за те 18 лет, которые отделяют последнюю кампанию Фридриха от первой кампании Наполеона, чтобы этот прогресс открыл возможность для применения совершенно иной стратегии. Да ведь и сам Гинце говорит только о "больших затруднениях (для Фридриха), чем во времена Наполеона". Если бы дело шло только о "больших затруднениях", то можно бы на это сказать, что для того и существуют затруднения, чтобы их преодолевать, и в таком случае в словах Гинце можно было бы прочесть новый упрек в отношении к Фридриху. На самом деле речь идет вовсе не о "затруднениях", а о возможности. Уяснить себе, в чем именно заключалась эта невозможность, эти непреодолимые препятствия, в этом и заключается задача, разрешить которую необходимо для того, чтобы оценить Фридриха по достоинству; а так как Гинце этого не сделал, мы снова встречаемся с тем результатом, что автор в своем желании особенно прославить Фридриха характеризуя его как стратега

сокрушения, настолько его умаляет теми оговорками, которые он вынужден добавить, что представление о нем совершенно искажается. Мне снова приходит на мысль моя пародия, в которой я доказал, что Фридрих обращается в "стратегическую тупицу", как только захотят на него смотреть как на стратега сокрушения. Фридрих уже сам, собственно говоря, оградил себя от такого предположения, когда он, издеваясь над Вольтером, говорит, что последний закончил курс военных наук только у Гомера и Виргиния; между тем Вольтер восхваляет Карла XII за то, что последний (согласно принципу стратегии сокрушения) безостановочно преследовал бегущих русских и спешил от одного сражения к другому.

Глава IV

ШАРНХОРСТ, ГНЕЙЗЕНАУ, КЛАУЗЕВИЦ

Фридриховская военная организация впервые столкнулась с новой французской при Вальми, продолжала затем борьбу еще два года, 1793 и 1794, и за это время все еще проявляла свое качественное превосходство над последней. Из политических соображений, не потерпев, однако, военного поражения, Пруссия, по Базельскому миру, весной 1795 г. прекратила свое участие в войне. Когда одиннадцать лет спустя она снова скрестила оружие с французами, последние уже развернулись в наполеоновских солдат, и тут Пруссия рухнула при первом же столкновении с ними. Это явление не исчерпывается словами королевы Луизы, что Пруссия заснула на лаврах Фридриха Великого. Как пруссаки ни гордились унаследованной славой, все же критика и стремление к реформам были у них очень живы, и уже до кризиса старина и новизна стояли в открытой борьбе между собою. Еще раньше, чем в самой Франции осознали хорошенько собственное творчество в области тактики, 10 июля 1794 г. Шарнхорст, бывший тогда майором ганноверской

службы, занес в свой дневник следующую запись: "Современная французская война в некоторых отношениях потрясает до основания установленную в настоящее время систему тактики", а затем, в конце столетия, он написал несколько трактатов, в которых исходил из следующего положения (1797 г.): французские стрелки решили большую часть боев этой войны; эта истина не подлежит сомнению; с этим положением он связывал свои предложения относительно эволюции тактики, еще господствовавшей в то время в немецких войсках[57].

Он хотел органически соединить между собою старое и новое. Отказаться от линейного построения, а тем более рассыпать всю пехоту стрелковой цепью, казалось ему ошибкой; но он предлагал использовать для стрелкового боя третью шеренгу[58].

Для стрельбы залпами и без того третью шеренгу почти нельзя было использовать, и в течение революционной войны фактически уже перешли к построению в две шеренги. Однако введение этого строя как общего правила давало не поддающиеся управлению, по своей растянутости, и опасные, по своей тонкости, линии. Рассыпав же стрелковой цепью треть

пехоты, причем для этого брали не первую, а третью шеренгу, сохраняли старый, хорошо выровненный и крепко спаянный фронт и могли выявить все его преимущества; стрелки же, развертывавшиеся впереди, из-за крыльев батальонов, усиливали действие огня гораздо интенсивнее, чем если бы они оставались в третьей шеренге линейного фронта; при этом они могли в случае нужды снова занять свои места для уплотнения фронта.

Сохранение плотно-сомкнутого фронта для огня залпами и в заключение для атаки, казалось Шарнхорсту настолько важным, что он даже не хотел и слышать об обучении стрелковому бою солдат двух первых шеренг.

Однако и после того как Шарнхорст перешел на прусскую службу (1801 г.), его идеи все же не могли проложить себе дорогу. Правда, генерал князь Гогенлое ввел (1803 г.) стрелковый бой третьих шеренг в тех самых силезских полках, которыми он затем командовал под Йеной. Но в том же году фельдмаршал фон Моллендорф издал в Берлине приказ, коим он прямо запрещал целиться во время стрельбы – солдаты должны были "держать голову прямо, стрелять горизонтально, перед собою"[59].

Таким образом, старина и новизна еще до

1806 г. вступили между собою в борьбу в Пруссии; но во всем наиболее существенном старые порядки сохранились непоколебимыми, и по своей структуре армия по-прежнему оставались старой фридриховой армией. Как таковая, она не была хуже и даже лучше, чем во времена Фридриха. Дисциплина в ней оставалась незыблемой, офицерство было храбро; но дух от нее отлетел; высший командный состав был жалким, противник был гигантом, а потому она являлась обреченной. В других моих трудах я подробно говорил об этом времени и об этих событиях, о катастрофе, постигшей Пруссию, о ее воссоздании и конечной победе и не хочу здесь повторяться[60].

В результате Пруссия усвоила себе идеи французской революции, восторжествовавшей над ней, при их помощи омолодилась, в области военного дела их даже превзошла и разработала как практически, так и теоретически до конечных их последствий.

Надлежит здесь же отметить, что и Австрия после поражения 1805 г, реформировала старую тактику под руководством эрцгерцога Карла и искусно сочетала рассыпной строй и колонны с линейным порядком, поскольку это было возможно в армии, не обладавшей национальной

основой[61].

Я уже приводил аргументацию генерала Мака, которой он доказывал необходимость отвергнуть рассыпной строй. Поразительным свидетельством тому, насколько иным был дух старой военной педагогики и как трудно было найти переход к новому духу, может служить доклад фельдмаршала-лейтенанта Вукассовича Гофкригсрату (1803 г.): "Во время турецкой войны у плотины Безания приказали половине людей одной воинской части взять ружья на руку, но так как солдат не научили, как им дальше пользоваться штыками, то они и продолжали стоять, как истуканы. Этим воспользовались турки, бросились с обнаженными ятаганами ниже уровня штыков и тотчас принялись рубить солдатам ноги, поэтому пришлось потом обучать солдат колоть штыком по команде "коли"[62].

Русские еще следовали лозунгу Суворова: "пуля – дура, а штык – молодец". Еще в 1813 г. в русской армии только егерские полки вели стрелковый бой; остальная пехота совсем не имела одиночной подготовки для рассыпного строя[63].

В Пруссии Шарнхорст, в должности военного министра, превратил старую наемническую армию в национальное войско: он отменил

вербовку иностранцев и осуществил всеобщую воинскую повинность, от которой французы снова отказались. Эта идея была встречена таким сопротивлением, что провести и осуществить ее удалось не в период подготовки, а лишь в самый момент всеобщего подъема (9 февраля 1813 г.). Сперва общая воинская повинность была провозглашена лишь на время войны, но в 1814 г. ученик и преемник Шарнхорста, Бойен, снова – и на этот раз окончательно – добивался ее введения[64].

Правда, как мы видели, у французов действия в рассыпном строю приобрели огромное значение, но они оставались как бы дикорастущим растением. В Пруссии же, а еще ранее в Австрии, рассыпной строй культивировался систематически уставом, составленным на основах, выдвинутых в военной литературе Шарнхорстом еще в 1797 г. Как и раньше, основной формой осталось трехшеренговое линейное построение с его залповым огнем, сметающим все перед фронтом. Но третья шеренга должна была рассыпаться перед фронтом для стрелкового боя, а в случае надобности (в этом Шарнхорст пошел дальше своего первоначального предложения 1797 года) мог быть рассыпан весь батальон[65].

Развернутый в линию батальон не должен был

ограничиваться тем, чтобы стрелять залпами, но он должен был также уметь во время атаки использовать ударную силу массивного построения.

Для достижения этого Шарнхорст сконструировал, также по французскому образцу, "колонну из середины", имевшую по фронту два взвода, а в глубину – четыре взвода. С величайшей быстротой батальон мог развернуться из этой колонны в линию или из линии свернуться в колонну, ибо находящиеся справа и слева взводы могли одновременно становиться позади средних.

Колонна из середины (так как батальон состоял из 4 рот или 8 взводов) имела в глубину 12 человек, а если стрелки были рассыпаны, то – 8 человек. Это – нормальная глубина греческой фаланги, следовательно, по древним понятиям, – все еще линейное построение, но по сравнению с трехшеренговым построением, до которого дошли в XVIII столетии, – уже колонна.

Как Шарнхорст перенес французскую организационную идею в Пруссию и одновременно обновил ее, так и Гнейзенау, который уже помогал Шарнхорсту при его реформе армии, был тем из партнеров Наполеона, который полностью воспринял стратегию последнего, так что он получил возможность

поразить этого гиганта его собственным мечом. Главная задача союзников в течение осенней кампании 1813 г. заключалась в том, чтобы соединить на одном поле сражения все свои армии, стоявшие полукругом около Наполеона в Бранденбурге, Силезии и Богемии, не предоставив при этом противнику на его центральной позиции случая наброситься и разбить их поодиночке. Это было достигнуто тем, что когда Наполеон захотел атаковать силезскую армию, после ее переправы через Эльбу у Вартенбурга (3-го октября), последняя отступила не за Эльбу, а бросив свои сообщения на произвол судьбы, обошла вокруг Наполеона с тем, чтобы на Заале соединиться с армией Шварценберга. Этим маневром Наполеон оказался отрезанным от Франции и мог быть окружен и уничтожен превосходящими силами союзников. В этом смысле начальник генерального штаба Шварценберга, Радецкий, уже наметил диспозицию, которую до настоящего времени нелепо истолковывают и искажают, словно весь смысл ее заключался не в том, чтобы уничтожить французскую армию, а в том, чтобы принудить ее, в духе старой стратегии, путем маневрирования к отступлению. Гениальный план Радецкого пошел насмарку вследствие вмешательства императора Александра, по

проискам его военного советника генерала фон Толля. Армии союзников вновь разошлись в разные стороны и тем самым предоставили французам свободный путь отступления на запад[66].

Аналогичным по смелости замысла маршу от Эльбы к Заале в 1813 г. является движение от Линьи через Вавр к Ватерлоо в 1815 г[67].

Оба эти маневра оказались тем более действенными, что Наполеон их не учитывал, а потому строил свои операции на ошибочном основании: в 1813 г. он ударил по воздуху, а в 1815 г. – не вызвал своевременно корпуса Груши. "Эти скоты кое-чему-таки научились!" – воскликнул он.

Для завершения крупного явления в реальном мире необходима и теория. Как это ни странно, тот теоретический мыслитель, который сумел охватить в теоретическую концепцию стратегические действия Наполеона, тоже принадлежал к прусской армии: то был Клаузевиц, ученик Шарнхорста и друг Гнейзенау. Как эти три мужа группируются один подле другого, прекрасно выражено в письме Гнейзенау к Клаузевицу по случаю перенесения праха Шарнхорста из Праги, где он умер, на кладбище Инвалидов в Берлине: "Вы были его Иоанном, а я

– лишь его Петром, хотя я никогда от него не отрекался, как отрекся Петр от своего учителя".

Уже раньше, чем Клаузевиц, швейцарец Жомини пытался анализировать военное искусство Наполеона. Он был одаренным, начитанным и очень плодовитым писателем: он хорошо понял и изложил основной момент наполеоновской стратегии – его стремление к решению войны сражением (уже в 1805 г.), – однако в подлинное существо наполеоновских действий и стратегии вообще он не проник. Для этого надо было обладать той склонностью к философскому углублению, которая со времен Канта и Гегеля заполняла жизнь Германии и пробудила в прусском офицере истолкователя того бога войны, деяния которого опрокинули старый мир и принудили человечество построить новый. Жомини пытался найти существо стратегии в операционных линиях и производил изыскания относительно преимуществ внутренних и внешних операционных линий. Клаузевиц понял, что "база" и "операционная линия" и все прочее, что сюда относится, хотя и являются весьма пригодными для взаимного понимания и уяснения себе обстановки формулировками концепций, но что выводить из них правила для составления планов и принятия решений – нельзя, ибо на войне

элементы действования – все неопределенны и носят относительный характер. Поэтому стратегическое действие не может быть доктринерским по своей природе, а исходит из глубин данного характера. Война же представляет часть политики, а потому стратегию нельзя рассматривать изолированно, а всегда лишь в связи с политикой. Тот, кто жалуется на вмешательство политики в военные дела, говорит нечто противоречащее логике и на самом деле хочет сказать, что политика, которая в данном случае вмешивается в войну, ему представляется не правильной. Правильная политика – если только политик не делает ошибок мышления в военном отношении – и стратегии может дать только правильное руководство. В наиболее напряженный, решающий момент невозможно отделить политику от стратегии, а всемирно-историческое действие великого стратега исходит из его личности. Умеренный план военных действий Фридриха в начале Семилетней войны и усиление его в последующем году безусловно определялись политическими моментами: оглядкой на союзников императрицы; а перейти в наступление под Лейтеном он решился не потому, что он рассчитывал разбить австрийцев наверняка своим косым боевым

порядком, а потому, что приучил себя к мысли погибнуть с честью. Превосходство, поднявшее генерала Бонапарта превыше других храбрых и блестящих солдат революционной армии, имело своим источником не только его выдающиеся военные качества, но в такой же мере его понимание политики. Ибо только политическое разумение дало ему возможность выполнять его широкие стратегические идеи, ибо он имел в виду завершить политически свои военные успехи раньше, чем реакция разрушит их. Если Наполеон в день сражения при Ватерлоо не принял в расчет возможности нового появления пруссаков, то это следует, рассуждая отвлеченно, зачесть ему как трудно объяснимый промах. Но в этом и заключается его героизм. Рассчитывай он заранее на прибытие пруссаков, он бы вовсе не мог бы вступить в бой против подавляющего превосходства сил и кончил бы так; же, как кончил Базен в 1870 г.; последний с самого начала отчаивался в успехе и в результате без решающего сражения вынужден был капитулировать. И Наполеон никак не мог выиграть кампании против подавляющего численного превосходства и таких двух полководцев, как Веллингтон и Гнейзенау. Но то, что он был совсем близок к победе и в конце концов был побежден не

позорно, но со славой, озарило его самого немеркнущим блеском, а для его народа создало источник моральной силы, из которого он непрерывно черпает все новую и новую живую воду.

За эпоху от Ренессанса до конца старой монархии перед нашим взором проходит бесконечная вереница великих воинов и полководцев. Но в первую половину этой эпохи мы не захотим еще приложить ни к кому из них названия "великого стратега"; сами размеры военных событий, несмотря на грандиозные сражения, с которыми мы встречаемся, недостаточно велики, или, лучше выражаясь, военный элемент в общей связи событий скорее вращается в сфере единичных военных подвигов на политическом фоне, чем в том единстве политики и военного действия, которое и составляет существо стратегии.

Великие стратеги, в полном значении этого слова, появляются лишь начиная с Густава Адольфа. В Валленштейне государственный человек и организатор играют большую роль, чем, собственно, стратег. Великие полководцы из школы Густава Адольфа – Кромвель, ряд выдающихся маршалов царствования Людовика XIV – в памяти потомства останутся в тени

перед Евгением Савойским и Мальборо. Кульминационную точку и завершение находит себе эта эпоха во Фридрихе Великом. Долгое время старались отвести последнему особое место тем, что его характеризовали как предтечу Наполеона. Эту формулировку мы признали неправильною и, как таковую, отвергли. Фридрих был не предтечей, а завершителем. Лишь благодаря Клаузевицу, философски углубившему понятие стратегии в ее связи с политикой и психологически проанализировавшему существо стратегического действия, раскрылось полное понимание равенства и, в то же время, различия обоих богатырей военного искусства. Сам Клаузевиц уже распознал этот конечный вывод хода своего мышления, но не успел его разработать. В одной приписке, сделанной им 10 июля 1827 г. и напечатанной в начале оставшегося после него творения "О войне", он высказывает намерение еще раз переработать это сочинение с той точки зрения, что существуют два вида войны: а именно, тот, "где задача ее – сокрушение неприятеля", и другой – "где желают лишь завоевать несколько пограничных провинций". Необходимо всюду проводить различие между "вполне отличной природой" этих двух стремлений. Ранее чем Клаузевиц успел

выполнить эту работу, он скончался в 1831 г. Заполнить оставленный им пробел было одной из задач настоящего труда.

Появлением после смерти Клаузевица его сочинений (1831 г.) заключается наполеоновский период истории военного искусства. Они служат переходом к новому периоду, поскольку Мольтке воспитал свое мышление на трудах Клаузевица. Эта новая эпоха, в ее содержании, определяется новой техникой не только в отношении оружия, но и в отношении способов передвижения и всех вспомогательных средств нашей жизни, начиная от железных дорог и телеграфа и кончая продуктами питания, которые в течение XIX столетия умножились в таком бесконечном изобилии.

До этого пункта я и хотел довести настоящий мой труд. Последующее – феноменальный рост Пруссии и ее конечное крушение; пусть займутся им другие.

Примечания

1 *Tielke*. Beitrdge zur Kriegskunst. Bd 2 (Предисловие).

2 Des H. General von *Lloyds* Abhandlungen ьber die Allgemeinen Grundsдtze der Kriegskunst. S. 18.

3 *Фридрих* писал Фуке (1758 г.): "Пушечный и ружейный огонь не оказывает никакого действия при стрельбе снизу вверх, и вести огневой бой с противником снизу – все равно, что драться палкой против оружия; это – невозможно".

4 Положения, определяющие взгляды Бюлова, сведены *Кеммерером* в его сочинении "Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert", 1904, причем, однако, им не обращено достаточного внимания на то, что многие положения Бюлова, не выдерживающие критики, в значительной мере сходятся с тем, что можно найти в трудах Фридриха Великого.

5 *Hoyer*. Geschichte der Kriegskunst. Bd 2. S. 949.

6 *E. Daniels*. Ferdinand von Braunschweig // "Preussische Jahrbьcher". Bd 77–80, 82.

7 *Де ля Жонквере (De la Jongquiure*. La bataille de Jemappes. Paris, 1902. P. 124) определяет силы австрийцев в 16 000 человек, а на стр. 143 – едва-едва в 14 000; силы Дюмурье (стр. 146) вместе с корпусом Гарвиля, оказавшим ему большое содействие, в – 40 000–42 000 человек.

8 Результаты февральского рекрутского набора исчисляются в 180 000 человек, а поголовный призыв (levйe en masse) в августе – 425 000–450 000 человек *(Kuhl*. Bonapartes erster Feldzug, s. 32, 33).

9 Ca ira – припев революционной песни.

10 Согласно вполне достоверному в общем описанию Г. Дюрюи, приложенному к мемуарам *Барраса*.

11 Другие свидетели, правда, совершенно наоборот отзываются о французском офицерстве, например фон дер *Марвиц* (von der *Marviz*. Lebens-beschseibung. Bd 1. S. 459).

12 Согласно "Kriege Friedrich's des Grossen" Большого Генерального штаба (т. I, прил. No 2, стр. 38) этот порядок существовал уже в 1740 г.

13 *Lehmann*. Scharnhorst. Bd 2. S. 147.

14 Приложение к "Militdrisches Wochenblatt", 1901, S. 436.

15 Это с полным правом усиленно подчеркивает *Кеммерер (Caemmerer*. Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert. 1904).

16 *Klippel*. Leben Scharnhorst's. Bd 1. S. 44. Принципиально высказанное в данном случае согласие на практике было, однако, весьма ограниченным: *Lehmann*. Scharnhorst. Bd 1. S. 51.

17 *Jdhns*. Bd 3. S. 2588.

18 Так, несомненно верно отмечает *Kuhl*, стр. 43.

19 Особенно ценного свидетеля мы имеем в лице *Дюгема* (Duhesme), который с самого начала проделал все революционные войны и в 1814 г., будучи генерал-лейтенантом, издал книгу "Essai

sur l'infanterie rigure", начав ее писать еще в 1805 г. Он свидетельствует, что стрелковый бой был введен лишь по нужде, и говорит (стр. 114), что в 1793 году вся французская пехота усвоила себе боевые приемы легкой пехоты; это – не вполне верно, поскольку в новый способ ведения боя входил не только рассыпной строй, но и следующие за ним ударные колонны, которые не принадлежат к боевым приемам легкой пехоты.

20 Цитата заимствована у *Kuhl'a*, стр. 44.

21 Относительно других отраслей военной деятельности Наполеона весьма нагляден и документально обоснован труд *Германа Гирля (Hermann Giehrl*. Der Feldherr Napoleon als Organisator. Berlin, 1911). Обзор его организации связи и сношений, его способов работать и отдавать приказы.

22 Том 2, стр. 360.

23 Перепечатано: *Klippel*, т. 3, стр. 40.

24 В одном подробном исследовании *(Gustav Rolloff*. Der Menschenverbrauch in den Hauptschlachten der letzten Jahrhunderte //

Preussische Jahrbьcher. 1893. Bd 72. S. 105) автор установил волнообразные подъемы и снижения цифр потерь, начиная с XVII столетия, причем совместно и одна против другой действовали различные причины (оружие, тактика, стратегия).

25 *Фрейтаг-Лорингoвен (Freytag-Loringhoven*. Die Heerfьhrung Napoleons, S. 43) насчитывает для 1809 г. "немногим больше 1 S орудий на 1 000 человек, а для 1812 г. – 3 S".

26 *Кеммерер (Caemmerer*. Gesch Fichte der strategischen Wissenschaften, S. 14) цитирует по: *Colin*. L'йducation militaire de Napoleon.

27 Мастерский обзор контрастов между способами ведения сражений Фридрихом и Наполеоном дает фон *Кеммерер. (Caemmerer*. Wehr und Waffen, s. 100–108).

28 *Lehmann*. Scharnhorst. Bd 2. S. 149.

29 *Von Rьstow*. Geschichte der Infanterie. Bd 2. S. 296.

30 Ср. обращение Гнейзенау к Йорку в вечер сражения при Кацбахе *(Delbrьck*. Leben

Gneisenau's. Bd 1. S. 342). Наполеон 24 октября 1805 г. писал из Аугсбурга генерал-интенданту армии Пети, что ему по необходимости приходилось оперировать без магазинов но, несмотря на благоприятное время года и непрерывные победы, солдаты очень страдали "в сезон, когда не бывает картофеля в поле, так что, если бы армия потерпела некоторые неудачи, отсутствие магазинов привело бы нас к величайшим бедам".

31 Лористон писал начальнику штаба 25 мая 1813 г.: "Я должен привлечь внимание Вашей Светлости к положению войск в походе. Прекращение выдачи пайков в течение нескольких дней развивает в солдатах готовность идти на все, чтобы добыть себе продовольствие. Отсталых гораздо меньше, чем уходящих вперед, едва только покажется на пути какой-нибудь город или деревня. Генералы прилагают все меры для прекращения этого беспорядка; но малочисленность офицерского состава парализует все применяемые меры, тем более что сами офицеры ищут для себя продукты". *(Rousset*. La grande armйe de 1813).

Связь между дисциплиной и регулярным снабжением продовольствием ярко выражена в

приказе по корпусу Блюхера (написанном Гнейзенау) от 8 мая 1813 г.: "Для поддержания дисциплины мы должны убедить солдата, что к удовлетворению его нужд мы принимаем все зависящие от нас меры, но в то же время строго соблюдать экономию". Далее мы читаем: "...дабы солдат окончательно мог убедиться в заботливости своих начальников..." (Leben Reihers. "Militdrisches Wochenblatt". 1861. S. 84).

32 Von *Lettow Vorbeck*. Die Franzqsische Konscription unter Napoleon I // Militdrisches Wochenblatt. 1892. Bd 3.

33 *Graf York*. "Napoleon als Feldherr". Это очень поучительная и распространенная книга, и я кое-что из нее позаимствовал; однако во многом весьма существенном с автором ее согласиться нельзя. К сожалению, автор более примыкает к Жомини, чем к Клаузевицу; можно подумать, что здесь вновь находит себе проявление старый антагонизм между Гнейзенау и Йорком: словно внук генерала Йорка не хочет признавать друга и ученика Гнейзенау – Клаузевица. Местами автор обнаруживает недостаточное изучение источников, особенно нельзя согласиться с его взглядом, будто сила гения Наполеона стала

ослабевать с 1809 г. и будто он сам себе изменил. Главный довод, на который он ссылается в подтверждение своего взгляда (II, 95, письмо к Кларку от 21 августа 1809 г.), основан на неправильном переводе. Наполеон не говорит, что лишь тогда можно давать сражение, "когда больше нельзя рассчитывать а новый поворот счастья", а наоборот, что сражения не следует давать, покуда еще есть надежда, что шансы на успех могут измениться к лучшему (ср. стр. 415, примеч.).

34 "Pensйes et rиgles gйnйrales pour la guerre" (1755); статья, озаглавленная "Projets de campagne".

35 Ср. выше, стр. 360; далее письмо к Винтерфельду, 5 августа 1757 г.: "Я хочу пройти между Рейхенбахом и Бернштедтелем, чтобы направить внимание неприятеля (Jalousie zu geben) на Гёрлиц; если это удастся – хорошо, если же он не захочет уйти от Циттау, то я окажусь вынужденным его атаковать, где бы я его ни нашел: другого выхода я не вижу".

36 Письмо к военному министру Кларку, 21 августа 1809 г.: "...что сражений не следует

давать, если нельзя рассчитывать на 70 шансов успеха из 100, то даже не следует давать сражения иначе как тогда, когда уже нельзя рассчитывать на увеличение своих шансов, ибо по самой природе – исход сражения всегда сомнителен; но раз решено его дать, то надо либо победить, либо погибнуть".

37 Письмо к принцу Генриху, 8 марта 1760 г.

38 Все те случай, когда Наполеон высказывался за сосредоточение всех войск перед сражением, сведены в превосходном исследовании *Балка (Balk*. Napoleonische Schlachtenanlage und Schlachtenleitung // Militdrisches Wochenblatt". 1901. Bd 2).

39 *Фридрих Великий*. (Oeuvres XXIX, 70, 78, 91, 143. Rйflexions sur les projets de campagne, 1775. Exposй sur le gouvernement prussien, 1776. Rйflexions sur les mesures a prendre au cas d'une guerre nouvelle avec les Autrichiens, 1779).

40 Для подробностей этой кампании отсылаем читателя к берлинской диссертации 1901 г. *Экштоффа (Frich Eckstoff*. Studien zur ersten Phase des Feldzuges von 1796 in Italien), в которой автор опровергает совершенно неправильное описание

этих событий у *Жомини* и у графа *Йорка* и вносит исправление ошибки, допущенной *Клаузевицем*.

41 Эти три цитаты заимствованы мною из книги: *Kuhl*. Bonapartes erster Feldzug 1796. Berlin, 1902. S. 319.

42 Письмо к фельдмаршалу Левальду от 16 апреля 1757 г.

43 Французские историки, например Мартен и Тьер, считают суждение Наполеона внушенным его самовлюбленностью, не признававшей никого рядом с собою. Возможно, что в этой несколько пренебрежительной формулировке звучал отголосок и такого чувства. Но что Моро в отличие от Наполеона был человеком "методы", признается и его почитателями и, пожалуй, даже подчеркивается ими, например, в одном исследовании Парижского военного архива (Depфt de la guerre) от 1829 г. Цит.: *Lort* de *Serignan*, S. 212.

44 *Wiehr*. Napoleon und Bernadotte im Herbstfeldzug, 1813. S. 61.

45 Впервые правильно разработано сравнение стратегии Моро и стратегии Наполеона в двух диссертациях *Эггеркинга* и *Memme (Theodor Eggerking*. Moreau als Feldherr in den Feldzьgen 1796 und 1799. Berlin, 1914. *Siegfried Mette*. Napoleon und Moreau in ihren Phdnen fьr den Feldzug von 1800. Berlin, 1915) Книга *Германа (Alfred Herrmann*. Marengo. 1903) интересна, но порою перегружена критическими указаниями; она усматривает ошибки в распоряжениях Наполеона как раз там, где особенно проявляется его величие. Ср. по этому поводу рецензию *Э. Даниэльса* ("Preussische Jahrbьcher", Bd 116, S. 347). Правильное понимание этой кампании, к тому же превосходно обоснованное на источниках, мы находим в книге майора де *Кюньяка (de Cugnac*. La campagne de Marengo. Paris, 1904. Рецензия на нее – von *Caemmerer*. Militdr. Liter. Zeitschr., 1905. No 2, ст. 86). О роли Моро в 1613 г. мы узнаем из его беседы с Бернадоттом в "Recueil des ordres de Charles Jean, Prince royal de Suede". Stockholm, 1838. Особым влиянием он тогда не пользовался.

46 Также и в книге *Lort de Sŭrignan*. Napolйon et les grands gйnйraux de la Rйvolution et de l'Empire. Paris, 1914, при правильной в общем ориентации

сама сущность проблемы еще не уловлена. Автор признает одного лишь Даву за ученика Наполеона в полной мере. На Лекурба, Дезе и Сен-Сира он смотрит как на учеников Моро. Я решительно возражаю против распространения утверждения, повторяемого и Серинианом, будто Наполеон вырабатывал не учеников, а одних лишь послушных ему исполнителей.

47 Эти цитаты заимствованы из книги эрцгерцога "Grundsdtze der Strategie", 1813.

48 Теория и сочинения эрцгерцога *Карла* прекрасно разобраны *Омменом (Heinrich Ommen*. Die Kriegfьhrung des Erzherzogs Karl. Berlin, 1900). В этом труде также поучительно рассмотрены устройство войск, тактика, снабжение и проч. Однако в отношении стратегии Оммен допустил ошибку. Он понимает старую стратегию как чисто маневренную, каковой ведь она бывала лишь там, где она приходила в состояние окостенения, вследствие чего он изображает эрцгерцога Карла как бы в противоречии с нею (стр. 13), последнего фактически не было. Ср. *W. Krauss*. Die Strategie des Erzherzogs Karl. 1796 (Берлинская диссертация 1913 г.)

49 *Rьhle von Lilienstern*. Bericht eines Augenzeugen vom Feldzug des Fьrsten von Hohenlohe. 1807. Bd 1. S. 63.

50 Ср. мою статью "Erzherzog Karl" в "Erinnerungen", стр. 590. Кроме того, "Kriegsgeschichtliche Einzelschriften", вып. 27, стр. 380, где цитируются более старые теоретики, учение которых воспринял эрцгерцог.

51 *August Menge*. Die Schlacht bei Aspern. Berlin, 1900. *Holtzheimer*. Schlacht bei Wagram (Берлинская диссертация 1904 г.) Граф *Йорк* в своей книге "Napoleon als Feldherr" (Bd 2. S. 247) следующим образом сопоставляет Наполеона с Фридрихом и эрцгерцогом Карлом: "Если стратегия Наполеона отличается грандиозностью замыслов и смелостью исполнения, которых я в равной мере не нахожу ни в стратегии Фридриха, ни в стратегии эрцгерцога Карла, зато в поступках последних не наблюдается и того падения с первоначальной высоты (как у Наполеона), они остаются верны своему образу действий, хотя последний у них никогда и не достигал того полного величия военного гения, как у Наполеона". Такого рода сравнение мы, безусловно, должны отвергнуть со всех точек

зрения. Ни Наполеон не спускался со своей высоты, ни эрцгерцога Карла никоим образом нельзя ставить на одну доску с Фридрихом; не следует также при проведении сравнения между Наполеоном и Фридрихом игнорировать различие двух эпох; да и перемена в самом Фридрихе не должна упускаться из виду. Если измерять величие полководца лишь по "грандиозности его замыслов и смелости их исполнения", то, как раз пришлось бы признать, что именно Фридрих и "спустился с прежней своей высоты".

52 Однажды Наполеон в связи с этим сражением изложил одному австрийскому офицеру различие между его способом давать сражение и австрийским (напечатано, между прочим, в "Трилогии" *Кнезебека (Knesebeck*. Trilogie) и у *Ранке (Ranke*. Werke. Bd 48. S. 125); последний находит, что это представляет обобщенное описание второго дня сражения под Ваграмом. "У вас принято наступать небольшими корпусами, связанными в одно целое вашим планом сражения; вы составляете свою диспозицию накануне сражения в то время, когда вам еще неизвестен маневр противника. В этих условиях вы можете принять в расчет только условия местности. Я же не развертываюсь до боя; в ночь,

предшествующую сражению, я осторожно держу свои войска сосредоточенными вместе. При первых лучах солнца я произвожу рекогносцировку расположения неприятельских сил. Как только я получу сведения о его движениях, я составляю свою диспозицию, но последняя ориентируется более на противника, чем на местность". Не скажу, чтобы в данном случае Наполеон верно отметил разницу между французами и австрийцами; он скорее изображает различие между оборонительным и наступательным сражением. Вот почему это описание вполне подходит к сражению при Ваграме. Под Аустерлицем ведь и Наполеон составил накануне свой план сражения и построил свои войска в соответствии с условиями местности. Если там у противной стороны не оказалось полководца, который мог бы в самое утро сражения непосредственно распорядиться подходом войск и наступлением, а подробную диспозицию издавал Генеральный штаб, то все же нельзя сказать, что именно в этом заключается существенное и решительное различие в порядках той и другой стороны.

53 11 октября 1805 г. по поручению Наполеона Бертье писал Мармону: "Во всех письмах, которые

генерал Мармон мне пишет, он только и говорит что о снабжении продовольствием. Повторяю, что в маневренных войнах, сопряженных с вторжением в неприятельские государства, которые ведет император, не бывает магазинов; дело командира корпуса добывать своим солдатам продовольственные средства в самой стране, через которую они проходят". 8 июля 1812 г. – Понятовскому: "Его величество крайне недоволен тем, что Вы говорите о плате и о хлебе тогда, когда дело заключается в том, чтобы преследовать неприятеля".

54 Картина, нарисованная в моем сочинении "Gneisenau", дополнена моей статьей "General Wolseley. Wellington und Gnelsenau", помещенной в сборнике "Erinnerungen, Aufsdtze und Reden".

55 См. в моем сборнике "Historische und politische Aufsdtze", стр. 273, стр. 269 и след. статью "Ьeber die Verschiedenheit" и т. д. и "Friedrich, Napoleon, Moltke", стр. 45, где проводится та мысль, что даже в том случае, когда имеют в виду дать сражение, как то фактически и имело место в 1778 г., это не меняет основного характера плана войны. Ведь и стратегия измора дает сражение.

56 *Козер (Koser*. Friedrich der Grosse. Bd 2. S. 400) объясняет это в одном месте так: "По теории Фридриха, жребий между Пруссией и Австрией должен был когда-нибудь быть брошен в Моравии". Аналогично на стр. 457. В другом месте (стр. 585) мы читаем обратное: "Взятием Праги противнику должен был быть нанесен удар "обухом по голове", от которого он не мог бы оправиться". Ошибка заключается в том, что вопросу "Богемия или Моравия?" придается решающее значение. Значение же это различно в зависимости от обстоятельств. Порою одна провинция, порою другая, как то показала сама практика, представляет больше выгод для того, чтобы добиваться решения. Теоретически поход в Моравию представлял некоторые преимущества; однако они не были так велики, чтобы помешать Фридриху иногда предпочитать вторжение в Богемию.

57 *Lehmann*. Scharnhorst. Bd 1. S. 254.

58 Эту мысль – употребить третью шеренгу для стрелкового боя – пожалуй, впервые высказал принц Фердинанд Брауншвейгский, согласно приложению к труду Лемана о Шарнхорсте *(Lehmann*. Scharnhosrt. Bd 1. S. 543) в январе

1761 г. он приказал одному генералу вооружить третью шеренгу легкой ганноверской пехоты нарезными ружьями.

59 Urkundliche Beitrdge zur Geschichte des preussischen Heeres. Bd 5. *Jany*. Die Gefechtsausbildung der preussischen Infanterie von 1806. 1903. Приказ Моллендорфа гласит: "Солдатам надо лучше показывать приемы стрельбы, чтобы они не прислоняли головы, как они до сих пор это делают, к прикладу и не целились, а, прижав приклад к плечу и подняв голову прямо, стреляли, таким образом, горизонтально; его величество на смотрах в текущем году об этом напоминал и повелеть соизволил". А в 1807 г. Реорганизационная комиссия предложила "ввести более изогнутые приклады, которые бы давали возможность целиться" *(Scherbening*. Die Reorganisation der preussischem Armee).

60 *Delbrьck*. Leben Gleisenaus. 1907. Этот труд дополняется статьей "Neues ьber, 1813" в "Preussische Jahrbьcher" (1914. Bd 157, No 6). Его же "General von Klausewitz" и "Der preussische Officierstand". Обе статьи напечатаны в сборнике "Historische und politische Aufsдtze", 1907.

Рецензия на книгу Lehmann. "Stein" в "Preussische Jahrbьcher" (1908. Bd 134). Статья "Von Armin bis Scharnhorst" в сборнике "In Wehr und Waffen", изданном Кеммерером и фон Арденном.

61 Это прекрасно изложено в книге *Оммена (Ommen*. Die Kriegsfьhrung des Erzherzogs Karl).

62 То же сообщает и *Валори* о прусской кавалерии в 1742 г. ("Brandenburg-Preussischer Forschungen". Bd 7. S. 310). Выдающийся прусский офицер ему рассказывал, что в сражении при Хотузице, когда сомкнутые прусские эскадроны доскакали до неприятеля, солдатам пришлось кричать, что они должны рубить. Сам Фридрих рассказывал о том же графу Жизору *(Rousset*. Le comte de Gisors, s. 105).

63 *Mьffling*. Mein Leben, S. 31.

64 *Friedrich Meinecke*. Leben Boyens.

65 Инструкции датированы 1809 годом; в 1812 г. они были сведены в строевой устав. Как пережиток различия между линейной и легкой пехотой устав сохранял еще различие между мушкетерскими (или гренадерскими) и

фузилерными (стрелковыми) батальонами, но об этом распространяться не приходится, так как практического значения это разделение не имело.

66 Ни одна книга не дала так много и в то же время не породила столько заблуждений относительно истории освободительных войн, как обработанные Бернгарди воспоминания Толля *(Theodor von Bernhardi*. Denkwьrdigkeiten aus dem Leben des kaiserlichen russischen General's der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll). Книга написана увлекательно, автор компетентный военный критик; оставшиеся после Толля бумаги предоставили в его руки драгоценнейший материал – не диво, что суждения *Бернгарди* пользовались долгое время чуть ли не каноническим авторитетом. Я также долгое время находился под обаянием этого авторитета, и лишь с трудом, после отдельных исследований одного пункта за другим, я научился преодолевать его пристрастные предубеждения.

67 Критики пытались подкопаться и под этот подвиг. Превосходное опровержение им, помимо моего "Gneisenau", можно найти у *Кеммерера (Cammerer*. Die Befreiungskriege. Ein strategischer Ueberblik. 1907).